



Санкт-Петербургский государственный университет
Социологическое общество им. М.М. Ковалевского
Социологический институт Российской академии наук

Материалы

Всероссийской научной конференции
XI КОВАЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**Глобальные социальные
трансформации XX – начала XXI вв.
(к 100-летию Русской революции)**

9-11 ноября 2017 года



г. Санкт-Петербург
Ул. Смольного д. 1/3, подъезд 9



ББК 60.5
УДК 316
Г54

Редакционная коллегия:

Н.Г. Скворцов
А.О. Бороноев
Ю.В. Веселов
А.Н. Сошнев
А.А. Козлов
А.В. Резаев
В.И. Дудина
С.Д. Савин
В.Н. Келасьев
В.В. Козловский
А.И. Куропятник
Ю.В. Асочаков
Д.В. Иванов
Н.А. Пруель
А.А. Флягин

Г54 Глобальные социальные трансформации XX – начала XXI вв. (к 100-летию Русской революции) / Материалы научной конференции XI Ковалевские чтения 9-11 ноября 2017 года. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2017. – 1568 с.

ISBN 978-5-98620-274-7

© Ю.В. Асочаков, 2017

© Коллектив авторов, 2017

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10
www.skifia-print.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оглавление	3
Секция 1: Социальные изменения и социальная теория.....	39
Асочаков Ю.В. (Санкт-Петербург) Проект будущего в социологической теории.....	39
Богомяглова Е.С. (Санкт-Петербург) Новые идентичности и социальный активизм в условиях развития биотехнологий.....	41
Бочкарева В.И. (Санкт-Петербург) Отечественные социологи в эмиграции после революции 1917 г.	43
Бразевич С.С. (Санкт-Петербург) Историческая социология революционного насилия: революционные трибуналы как репрессивно карательные органы в Советской России в послереволюционные годы	44
Буланова М.Б. (Москва) Социология революции П. Сорокина: опыт современного осмысления	46
Быков В.П. (Санкт-Петербург) Теория пролетарской революции К.Маркса в столкновении с реальностью	48
Васильева Л.Н. (Москва) Социальная рента и социология революции.....	52
Вершинина И.А. (Новосибирск) Будущее мегаполисов: от глобальных городов Саскии Сассен к новой «коннектографии» Парага Ханна	55
Веселова Л.С., Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А. (Санкт-Петербург) Китайская социология на этапе становления	56
Волконская А.А. (Москва) Н.А. Бердяев: критика социологического понимания смысла истории	58
Гнатюк О.Л. (Санкт-Петербург) «Большевистский переворот есть социальная и политическая реакция эгалитарных низов против многовековой социальной и политической европеизации России»: П.Струве об Октябрьской 1917 г. революции	60
Голиков А.С. (Харьков, Украина) Оси упорядочивания знания о порядке социального: к постановке проблемы	62
Демидова О.Л. (Самара) Советская модель всеобщего труда	64
Егоров Р.К. (Санкт-Петербург) Трансформация роли времени в обществе на примере работы "Текущая современность" Зигмунта Баумана	66
Еремин В.В. (Москва) Психологические теории революций П.А. Сорокина, Дж. Дейвиса и Т. Гарра	68
Злотникова Л.М. (Гомель, Республика Беларусь) Этико – экономические противоречия потребления – новый предмет социологии.....	70
Иванов О.И. (Санкт-Петербург) Социальное пространство России как объект историко-социологического исследования.....	71
Игнатьева О.А. (Санкт-Петербург) Системный анализ в социологии революции на примере концепции Ч.Джонсона	74
Карасев Д.Ю. (Москва) Как теория относительной депривации мешает нам понять революцию 1917 г.	76

Каримова Л.К. (Казань) Динамика демографических характеристик населения российской провинции по данным переписей населения (на примере ТАССР и РТ)	78
Карнаух В.К. (Санкт-Петербург) Темпоральные трансформации	80
Катаев Д.В. (Липецк) Эмерджентность социальных изменений в перспективе веберовской социологии.....	83
Кисленко И.Ю. (Москва) Арены как основные пространства реализации социального неравенства в социологии Й. Терборна	85
Козырева Л.Д. (Санкт-Петербург) Внезапная смерть социализма и надежды на лучшее будущее постсоветской России	86
Колокольцев М.Г. (Барнаул) Народническая социология революции.....	88
Коренькова М.М. (Нижний Новгород) Влияние современных технологий на семью	89
Корнеева И.И. (Москва) Политическое сознание и политическое участие в условиях информационного общества	90
Корнеева И.И. (Москва) Политическое массовое сознание в условиях информационного общества.....	92
Костюкевич С.В. (Минск, Республика Беларусь) Глобальные трансформации в сфере высшего образования в 20 веке: влияние русской революции	95
Кранзеева Е.А. (Кемерово) Политическое сознание женщин: динамика изменений в эволюционных переходах.....	96
Красина Я.С. (Москва) Прекаризация как процесс социально-культурных изменений в российском обществе.....	98
Крокинская О.К. (Санкт-Петербург) Modernity и «недомодерн».....	99
Куклин Г.А. (Санкт-Петербург) Структура рефлексивного анализа как репрезентация исторических изменений социологической науки.....	101
Курилович Н.В. (Минск, Республика Беларусь) Теорема революции Питирима Сорокина	103
Лебедева Л.Г. (Самара) Социальная справедливость и межэтническая толерантность в дискурсе взаимоотношений поколений.....	105
Левченко И.Е. (Екатеринбург) Предыстория социологии революции	107
Ломоносова М.В. (Санкт-Петербург) Революция как фактор социальной справедливости в научном наследии Питирима Сорокина: от "Социологии революции" (1925) к "Американской сексуальной революции" (1956)».	108
Лузина Т.И., Орнатская Л.А. (Санкт-Петербург) Революция как конец «русских иллюзий»? Опыт осмысления идейных истоков революции в работах Н. Бердяева 1917-1918 гг.	109
Малахов Н.Е. (Уфа) Исследование глобальных мега- трендов как преемственность концепций технологического детерминизма	111
Маликова Н.Р. (Москва) Революционное решение «национального вопроса «этатизация этничности	112
Мартыненко Т.С. (Москва) Конструирование образа будущего в современной теоретической социологии.....	114
Матвеева Н.Ю. (Москва) Проблема социальных иллюзий в творчестве К.Д. Кавелина	116
Мельников М.В. (Новосибирск) Антиномия частного и общественного в теории больших циклов и её применение для изучения "левых" и "правых" революций XX века.....	118

Михайлова Т.П. (Москва) Питирим Сорокин, сторонник концептуальной эволюции, о неизбежности социальных революций	120
Михашин О.Н. (Санкт-Петербург) Институционализация социального обслуживания.....	123
Михеева В.В., Чупров В.И. (Москва) Проблема доверия в социологических исследованиях.....	125
Муханова М.Н. (Москва) Занятость сельского населения в структурах неформального сектора	127
Неделевская И. (Гродно, Республика Беларусь) Методологические подходы к исследованию социальной революции: к вопросу о систематизации	129
Николенко Н.А., Байша Н.С. (Волгоград) Экологические проблемы современности: обзор научных публикаций.....	131
Перова А.Е. (Москва) «Новый» катастрофизм и сценарии будущего в социологии Дж. Урри..	134
Петров Е.А. (Челябинск) Социалистический образ жизни	135
Плетнев А.В. (Санкт-Петербург) Инструментальный либерализм в ценностном пространстве России: революция которой не было.....	137
Подковырова Е.Д. (Санкт-Петербург) Город в классической социологической теории	138
Подорова-Аникина О.Н. (Ухта) Социальное развитие и политическая модернизация в центре исследования	140
Подъячев К.В. (Москва) О методологических проблемах исследования российских локальных сообществ: теоретические концепты и гносеологические парадигмы	142
Пресняков И.В. (Москва) Грядущее развитое индустриальное общество в России	144
Приходько Ф.С. (Горки, Республика Беларусь) Синтез формационного и цивилизационного подходов как интегральная парадигма анализа социально-исторического процесса	147
Прончев К.Г. (Москва) Идея естественного права в воззрениях представителей отечественной субъективной социологии	148
Свищёва А.Н. (Москва) Концептуализация относительной депривации в социологических теориях революции	150
Сергеев В.С. (Санкт-Петербург) Проблематика онтологии в социологической теории как гарант ее актуальности	153
Сикевич З.В. (Санкт-Петербург) Советская национальная политика как фактор распада СССР	155
Синютин М.В. (Санкт-Петербург) Три русские революции в судьбе и взглядах Николая Андреева.	156
Смирнов П.И. (Санкт-Петербург) События октября 1917: политическая революция и социальная контрреволюция?	158
Сорокин Н.С. (Санкт-Петербург) Социальные институты и их изменение: теоретико-социологические аспекты.....	160
Старовойтова С. (Санкт-Петербург) Основные особенности «бихевиористской революции» в ТМО.....	162
Стрельникова Т.В., Овсянников В.Г., Чудаев М.Е. (Санкт-Петербург) Прикладная социология как реформаторская дисциплина	162
Титаренко Л.Г. (Минск, Республика Беларусь) Будущее теоретической социологии – междисциплинарность или экспертное знание?	167

Ткачук И.С., Бортников Н.А., Богданов Д.В. (Санкт-Петербург) Постмодерн как новый этап российской истории	168
Туницкая Ю. (Санкт-Петербург) Понятие власти: насилие или обмен	170
Федорова С.А. (Санкт-Петербург) Социология мобильностей Дж.Урри как вариативная модуляция современных теорий социальных изменений	171
Фетисов В.Я. (Санкт-Петербург) Русская революция 1917 года: взгляд сквозь призму социологии.....	173
Филимончик С.Н. (Петрозаводск) Новая экономическая политика в Карелии	176
Фирсанов Д.Ю. (Москва) Концептуальная эволюция демографических теорий революционных процессов.	177
Шляпников В.В. (Санкт-Петербург) Социальная теория антиглобализма	179
Секция 2: Траектория политического развития России (1917-2017).....	181
Абрамова М. (Новосибирск) Идея единства народов в советский и постсоветский периоды	181
Анисимов Д.И. (Санкт-Петербург) Недоверие политическим институтам как фактор социальной напряженности	183
Артемова М.В. (Санкт-Петербург) Динамика факторов политического участия российской молодежи.....	184
Астахов А.М. (Ростов-на-Дону) Образ России в печатных СМИ Украины (2009-2013 гг.).....	186
Барбарук Ю.В. (Магадан) К постановке вопроса о возможности исследования терроризма	188
Батаева Е.В., Полякова Ю.А. (Харьков, Украина) Гендерный анализ мотив-кода достижения в российской телерекламе	189
Батина О.Э. (Тольятти) Комплексное компаративистское исследование уровня национальной дистанции.....	190
Бодрова Ю.В. (Новосибирск) Социальная и информационная природа терроризма	192
Васильев М.В. (Псков) «Мягкая сила» как компонент гибридной войны	194
Гайшун А.Н. (Бобруйск, Республика Беларусь) "Цветные революции": условия и движущие силы современного политического конфликта	196
Гребенщиков И.В. (Санкт-Петербург) Индукция бюрократического дискурса об экстремизме.....	198
Грошева И.А., Грошев И.Л. (Тюмень) Гендерная политика в Тюменской области (1918-1930 гг.)	200
Гуков П.С. (Санкт-Петербург) Комиксы как рупор идеологической пропаганды, или с чего лучше начать изучать комиксы.....	202
Гуленок П.А. (Санкт-Петербург) Правовая культура студентов в области авторского права (по результатам пилотажного исследования)	204
Гурьянова Д.И. (Тольятти) «Экстремистские тексты»: проблема экспертизы	206
Деев С.Ю. (Элиста) Революция 1917 г. и создание «социалистического гражданина».....	208
Елисеев С.М. (Санкт-Петербург) Революция и легитимность нового порядка	212
Ефанова Е.В., Ушаков В.О. (Волгоград) «Единая Россия» как субъект принятия политических решений (на примере Волгоградской области).....	214
Желнина Е.В. (Тольятти) Граждане России о террористической деятельности.....	215

Ильинов В.А. (Санкт-Петербург) Революция 1917 г. в жизни и научном творчестве Питирима Сорокина.....	217
Кажанов О.А. (Смоленск) Выборы в Учредительное Собрание: отечественные электоральные исследования начала XX века.....	219
Каневский П.С. (Москва) Роль интеллигенции в советской и постсоветской политической жизни.....	221
Карлов В.В. (Санкт-Петербург) Политический экстремизм и терроризм в современном мире: причины и следствия.....	222
Ковалев В.В. (Ростов-на-Дону) Альтернативы исторического развития России в 1917-2017 годах.....	224
Ковтун Е.А. (Санкт-Петербург) Революция 1917 г. и изменения социально-политического восприятия коррупции.....	226
Кондорский Б.М. (Донецк, Украина) Концепция революционного периода как основа для осмысления основных предпосылок революционных событий в России в начале XX века.....	228
Короева В.А. (Санкт-Петербург) Сеть экологических эконоНКО в России: история и современность.....	229
Косоруков А.В. (Москва) Влияние информационного терроризма на молодежь, через социальные сети.....	231
Крутилин Д.С. (Москва) Феномен «цветных революций»: технологии и социальные последствия.....	233
Куклин Г.А. (Санкт-Петербург) О будущем Русской Революции 1917 года в культуре Санкт-Петербурга.....	234
Кутейников А.Е. (Санкт-Петербург) СССР в Лиге Наций: внесистемный игрок или элемент организационной среды?.....	236
Леонов А.К., Власенко Е.П. (Благовещенск) Отношение студенческой молодежи к терроризму и экстремизму.....	238
Лутошкина С.Ю., Павлюченко М.В. (Москва) Революция Питирима Сорокина.....	240
Малинина К.О. (Архангельск) Советский период развития предпринимательства.....	242
Мамедов А.К. (Москва) Ближний Восток: цивилизационный разрыв или революция.....	244
Мельников Е.Г. (Санкт-Петербург) «Вехи», марксизм и социальный феномен интеллигенции.....	246
Милецкий В.П., Черезов Д.Н. (Санкт-Петербург) «Ключевые тренды социодинамики политических коммуникаций в современной России».....	248
Пищикова М.В. (Санкт-Петербург) Социально-ориентированные международные аспекты деятельности неправительственных организаций в России: проблемы и противоречия взаимодействия с государством.....	250
Подорова-Аникина О.Н. (Ухта) Политические коммуникации и их социальная динамика: сущность, структура, тренды.....	252
Подъячев К.В. (Москва) Столетие Великой русской революции как основание переосмысления исторического опыта XX века: взгляд социолога.....	254
Просвирина А.И., Скрипак Д.М. (Москва) Политический экстремизм: теневая сторона глобализации.....	256
Ракачев В.Н. (Краснодар) Гендерная революция: советская семья в 1920–1930-е гг.....	257

Рогачев И.В. (Архангельск) Революция 1917 года в России уроки для современности	259
Романенко М.В. (Москва) Великий Октябрь: факторы победы	261
Савельева А.А. (Санкт-Петербург) Роль революции 1917 года в истории развития женской периодической печати	263
Савин С.Д. (Санкт-Петербург) Историческое сознание как объект политического манипулирования в российском обществе	265
Сеняткина А.Н. (Тольятти) Имидж политического лидера как результат политических провокаций в российских СМИ	266
Сидоров И.В. (Тольятти) Национализм как причина и следствие межэтнических конфликтов.	268
Солдатов А.В., Солдатов А.А. (Санкт-Петербург) Трансформация российской избирательной системы и особенности избирательных комиссий в Санкт-Петербурге.....	270
Соловьева А.И. (Москва) Основные методы коммуникации власти и граждан	271
Старосоцкая Е.В. (Горки, Республика Беларусь) Интеллигенция и советская власть: проблемы взаимоотношений.....	274
Сушко В.А. (Москва) Террористическая угроза и состояние защищенности в восприятии населения России	276
Трофимова И.Н. (Москва) Октябрь 1917-го в памяти россиян: основные уроки.....	278
Тульчинский Г.Л. (Санкт-Петербург) Парадоксальность затянувшейся революции: инверсии российской модернизации.....	280
Туманова О.И. (Тверь) Экстремизм как тренд политического пространства	282
Федорова Т.Н., Петрушенко Т.К. (Санкт-Петербург) Февральская и Октябрьская революции сквозь призму сознания поэта. Александр Блок и русская революция.	283
Фурцева В.Ю., Саушкин А.А. (Москва) Место и роль средств массовой коммуникации в развязывании цветных революций	285
Черевкова А.И. (Ростов-на-Дону) Концептуально-правовые основы борьбы с терроризмом на международном и национальном уровнях.....	286
Чурина Р.С. (Санкт-Петербург) Социальная природа и детерминанты международного терроризма	288
Шевцов А.В. (Санкт-Петербург) «Не так сталося як гадалося»: Социально-политическая развилка Революции достоинства	290
Щебланова В.В. (Саратов) Социально-экономические причины современных террористических действий	292
Щербина А.В. (Санкт-Петербург) Парадигмальное значение опыта СССР в глобальных социальных трансформациях XX в.	294
Яколенко А.Д. (Санкт-Петербург) Институциональная основа функционирования институтов конфликто разрешения в России	295
Секция 3: Человек в эпоху глобальных общественных перемен	297
Адамьянц Т.З. (Москва) Современный человек в свете масштабных технократических и информационно-коммуникативных изменений.....	297
Александрова М.А. (Волгоград) Человек в изменяющемся обществе: восприятие посмертного донорства (социологический анализ).....	299

Архипова О.В., Тавровский А.В. (Санкт-Петербург) Дискурсивное конструирование онлайн-петиций на базе российского сегмента платформы change.org	301
Бурак Т.В. (Минск, Республика Беларусь) Интерпретация социальной реальности в публичной виртуальной коммуникации: анализ фотографий туристического интернет-форума.....	303
Василькова В.В. (Санкт-Петербург) Университеты в обществе знания: глобальные концептуальные инновации и реальные практики XXI в.	305
Ведерников А.А., Певная М.В. (Невьянск) Теория социального действия М. Вебера как основа понимания феномена военного волонтерства (добровольчества).....	306
Власова И.В. (Санкт-Петербург) Историческое знание в эпоху социокультурного плюрализма	308
Волкова А.Е. (Санкт-Петербург) Развитие художественной литературы во время революции 1917 года	310
Голованова О.В., Солдатов А.А., Романова В.А. (Санкт-Петербург) Проблема формирования отечественной модели толерантности.....	313
Гольбрайх В. (Санкт-Петербург) Экологический активизм: новые формы политического участия	315
Дивисенко К.С. (Санкт-Петербург) Проблема изучения субъективной оценки людьми качества собственной жизни в биографическом исследовании	317
Дроздов И.И., Шершнёва Т.В. (Минск, Республика Беларусь) виртуальное пространство как фактор возникновения аддиктивного поведения в условиях современной окружающей среды	319
Дроздова А.А. (Санкт-Петербург) Переходные формы гостеприимства: опыт взаимодействия в плацкартном вагоне и виртуальной сети	321
Евсеев В.В. (Санкт-Петербург) Использование спорта в создании среды здоровьесбережения человека.....	323
Иванкова А.А. (Орёл) Интернет как механизм влияния на общественное мнение: социальный портрет его аудитории	325
Иванова Т.Н. (Тольятти) Применение экосистемного подхода в развитии региона как главный показатель интеграции человека-экологии-экономики-производства.....	327
Ильин В.И. (Санкт-Петербург) Обыватель в экзистенциальном кризисе	327
Каманина А.Г. (Санкт-Петербург) Культурные классы и политическая поляризация (на примере США).....	330
Карцева Л.В. (Казань) Россиянин – человек асемейный?	332
Клейменов М.В. (Екатеринбург) Партнерские ориентации в системе взаимодействия медицинского персонала и пациентов на селе	334
Кобяк О.В., Андрос И.А. (Минск, Республика Беларусь) Модель мотивации иностранных туристов к приезду в г. Минск в контексте теории социального действия Макса Вебера	335
Линде А.Н. (Москва) Обоснование сохранения человеческой личности в социально-политической мысли Ю. Хабермаса.....	337
Маркеева А.В. (Москва) Сетевые сообщества как агенты социальных изменений: спонтанность vs управляемость	340
Мельник В.В. (Тюмень) Научно-технологические революции, инновационная активность и конкурентноспособность молодежи в регионе	341

Меньшикова Г.А., Евстратчик С.В. (Санкт-Петербург) Дополнительное профессиональное образование – актуализация индивидуальной востребованности vs институциональная оценка развитости российской системы	344
Мураткова Ю.И. (Санкт-Петербург) Теоретические основания флексибилизации труда.....	347
Надпорожский И.А. (Санкт-Петербург) Воздействие блокчейн-революции на жизнь человека	350
Орлова И.Б. (Москва) Социально-этическая экспертиза новейших разработок в области биотехнологий	352
Павлова Е.Г. (Минск, Республика Беларусь) Идеологическая рамка смысло-жизненных ориентиров современной личности	354
Петровская Ю.А. (Петрозаводск) Инновационная личность XXI века: необходимость теоретического осмысления сущностных характеристик	356
Подлесная М.А. (Москва) Трансформация религиозности как исследовательская категория в социологии.....	358
Поздеева Е.Г., Евсеева Л.И. (Санкт-Петербург) Социальный и личностный потенциал модернизирующегося общества	360
Попова И.П. (Москва) Профессиональное развитие и профессиональные ассоциации в сфере науки и технологий: взаимодействие, возможности, ограничения.....	364
Посохова Н.В., Миронова М.В., Гричаникова И.А. (Белгород) Доступность и качество услуг в сфере культуры и искусств.....	365
Привалов И.В. (Нижний Новгород) Выделение групп оптимистов и пессимистов на основе социального самочувствия	367
Прокопчук Т. (Курск) Ценностный анализ: Россия vs регион, прошлое vs современность.	369
Рахманова Ю.В. (Санкт-Петербург) Прокрастинация в обществе мгновенного вознаграждения	371
Ренёва Д.А. (Екатеринбург) Социокультурный анализ персонала театра.....	373
Руднев В.В. (Москва) Брекзит и неопределенности 21-го века.....	374
Салистая Г.С. (Москва) Потребители индустрии красоты в эпоху технологических революций.	376
Соловьева С.Н. (Анапа) Повседневная жизнь провинциального студенчества в эпоху социальных перемен	378
Стеценко А.И. (Воронеж) Удовлетворенность преподавателей российского университета своей работой и ролевая самооценка.....	380
Струкова М. (Курск) Художественная среда Курской Губернии накануне революции.	381
Суслова Т.И. (Томск) Нравственные проблемы человечества в эпоху торжества технонауки ..	384
Тормошева В.С. (Владимир) Аудитория постмодерна: фокус на неконвенциональных формах политического участия	388
Тульпе И.А. (Санкт-Петербург) Революция, религия, культура (актуальные проблемы сегодняшней России в публицистике Н. А.Бердяева 1917-1918 гг.).....	390
Федосова Н.А. (Санкт-Петербург) «Консервативная революция» как феномен идейных направлений первой половины 20 века. О. Шпенглер, А.М. ван ден Брук, К. Шмитт	392
Шахова И.А., Петраш М.А. (Благовещенск) Трансформация героического в переломный период истории XX – начала XXI вв.	394

Шеболкина Е.П. (Ухта) Социальная мобильность П.А. Сорокина: «долгий путь» от практики – к теории (метафорическое осмысление роли семьи, традиционной культуры, революции в становлении личности и взглядов ученого).....	395
Шершнёва Т.В. (Минск, Республика Беларусь) Парадокс социальной изоляции при виртуальном общении	397
Шибков Ю.И. (Москва) Моделирование имиджа сотрудников прокуратуры и следствия в условиях социальных переворотов.....	399
Шляхова Р.А. (Москва) Социальные сети как один из инструментов политического влияния в выборах в США в 2016 году.	401
Секция 4: Культура и культурные изменения в условиях социальных революций.....	403
She Lin (Санкт-Петербург) Изменения в китайских семьях вследствие планирования рождаемости	403
Абросимова Н.В. (Санкт-Петербург) К теме изучения предпочтений форм и методов обучения истории у школьников и студентов (по результатам прикладного обследования)	405
Акулич М.М., Ильина И.В. (Тюмень) Моральная социализация в предреволюционной России	406
Арутюнова Е.М. (Москва) Этнические языки как символы культуры: трансформация в социальном контексте.....	408
Балич Н.Л. (Минск, Республика Беларусь) Религиозная идентичность населения Беларуси	410
Батаева Е.В., Попова О.А. (Харьков, Украина) Пространственная мобильность как показатель социального капитала вынужденных мигрантов	414
Ваневская П.Н. (Санкт-Петербург) Индия в Санкт-Петербурге: ретроспектива и анализ	416
Варданян А.А. (Волгоград) Религиозная идентичность и религиозные практики населения г. Волгограда (социологический анализ).....	417
Галец Д.И. (Волгоград) Локальная идентичность в моногороде в условиях трансформации общества.....	419
Герасимова М.М. (Санкт-Петербург) Репрезентация детства в печатной визуальной культуре периода Гражданской войны 1918-1923 гг. в России.	421
Глотов М.Б. (Санкт-Петербург) Художественная самодеятельность в первые годы после революции 1917 года	422
Горбунов Н.М. (Тольятти) Социальная идентичность в логике современных изменений.....	424
Грищенко Е.В. (Москва) Национально-культурная идентичность: отголоски русской революции.....	426
Губарев И.В. (Ростов-на-Дону) Греческая диаспора Юга России на рубеже XX-XXI вв.: становление и этнодемографическая ситуация.	428
Гумерова Ж.А. (Томск) Г.П. Федотов о национальном сознании в условиях революции	430
Дегтярев А.К. (Ростов-на-Дону) Этнократия и национал-уклонизм: смысловые константы	432
Денисова Г.С. (Ростов-на-Дону) Специфика национальной идентичности молодежи в регионах Юга России	433
Дергунова Н.В. (Ульяновск) Динамика изменений культурных основ идентичности провинциальной студенческой молодежи	436

Долгова А.В. (Москва) Облик пермского крестьянина в условиях противостояния власти в годы Гражданской войны в Пермской губернии.....	437
Елисеев С.М. (Санкт-Петербург) Российская политическая культура: устойчивость и традиции	439
Зарубина Н.Н., Носкова А.В., Темницкий А.Л. (Москва) Культура доверия к социальной науке и ее трансформация под влиянием социальных преобразований.....	442
Ильин В.И. (Санкт-Петербург) Социальный серфинг как образ жизни текучей современности	444
Кашпар В.И. (Гродно, Республика Беларусь) DIY-культуры на постсоветском пространстве: практики самоорганизации	446
Клинецкая Н.В. (Санкт-Петербург) Последствия революционных изменений.....	448
Крикунова Ю.А. (Тольятти) Рок-музыка как культурная модель революции.....	450
Кузнецова Д.А., Ваневская П.Н., Егоров Р.К. (Санкт-Петербург) Социальное аргентинское танго как «третье место»: первичный анализ эмпирических данных в контексте гендерной идентичности	452
Куропятник А.И. (Санкт-Петербург) Культура в условиях социальных изменений	454
Локосов В.В. (Москва) Евразийская идентичность постсоветской России и социокультурная безопасность	454
Лубский А.В., Войтенко В.П. (Ростов-на-Дону) Цивилизационные модели общероссийской идентичности	456
Максимова С.Г., Горбунова А.А., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. (Барнаул) Модели проявления этнической идентичности в приграничных регионах России: культурные аспекты	458
Манюхина В.А. (Волгоград) Религиозная идентичность современной студенческой молодежи в условиях трансформации общества	460
Мартьянова Н.А. (Санкт-Петербург) Визуальный образ профессионала: историко-социологический обзор.....	462
Мутыхляева П.С. (Санкт-Петербург) Формирование идентичности в пространстве современного фестиваля (на примере музыкальных фестивалей г. Санкт-Петербург).....	463
Немова О.А., Пакина Т.А. (Нижний Новгород) Прошлое и настоящее в представлениях нижегородцев	465
Панич Н.А. (Москва) Социальные изменения в эпоху революции: взгляд русской интеллигенции (по материалам эпистолярного наследия Е.Д. Прокопович-Кусковой).....	469
Панфилова Ю.С. (Ростов-на-Дону) Роль семьи в межпоколенной трансмиссии этнокультурной идентичности	471
Попов Е.В. (Москва) Критический анализ националистического дискурса	473
Ракачева А.В. (Санкт-Петербург) Друзья, враги, соседи – турки в представлениях российской молодежи.....	475
Ребров С.А. (Санкт-Петербург) Октябрьская революция в контексте трансформаций символической политики: отечественный опыт.	477
Самсонова Т.Н. (Москва) Какие уроки можно извлечь из опыта формирования национально-государственной идентичности в СССР?	479

Сергеева О.В. (Санкт-Петербург) Моделирование картины мира языком плаката: сравнение «красных» и «белых» плакатов эпохи гражданской войны в России	481
Скрябина К.Ю. (Екатеринбург) Стереотипы о русских в общественном мнении горожан: на примере г. Екатеринбург	482
Тезич Мустафа Джан (Анкара, Турция) Скифы и Шумеры как изобретение перенниализма - между прошлым и настоящим на примерах Бурятии и Тувы.....	487
Тимофеева Е.В. (Санкт-Петербург) Французская нация: контексты культурных изменений	489
Трофимов С.В. (Москва) Революция потребления и гиперреальные религии	490
Целищева В.Г. (Санкт-Петербург) От традиции к модернизации... и обратно?	492
Секция 5: Траектории социальной трансформации в бывших социалистических странах .494	
Авакян А.А. (Санкт-Петербург) Конкурентоспособность: конструирование требований работодателями к выпускникам вузов	494
Андреевкова А.В., Андреевкова Н.В. (Москва) Межстрановый анализ факторов, влияющих на удовлетворенность жизнью в России и в Европе.....	496
Андрос И.А. (Минск, Республика Беларусь) Потенциал предприимчивости в оценках студенческой молодежи (на примере студентов БНТУ, г. Минск)	498
Антоненко В.И. (Монино) Роль образования в историческом развитии социума	500
Артамонова О.Е. (Великий Новгород) Патриотизм как основа формирования новых идентичностей	503
Батаева Е.В. (Харьков, Украина) Реактивные vs активные практики в современной системе высшего образования в постсоветских странах	504
Блынская Т.А., Малинина К.О. (Архангельск) Социокультурный потенциал развития образования и науки Российского общества (на примере г. Архангельска)	506
Васильев В.П. (Москва) Трансформационные реформы высшего образования	508
Верещагина А.В. (Ростов-на-Дону) Ресурсный потенциал гражданского патриотизма и перспективы его формирования на Юге России	510
Галиндабаева В.В. (Санкт-Петербург) Социально-экономическая адаптация жителей «нахаловок» Улан-Удэ: гендерный аспект	512
Головнёва А.В., Чернышева Л.А. (Амстердам, Нидерланды) Формирование новых городских гражданств в практиках пользования инфраструктурами	513
Гурарий А.Д. (Екатеринбург) Модернизация подходов к реализации гуманитарного образования в вузах как необходимое условие подготовки конкурентоспособных специалистов	515
Десенко Д.С. (Харьков, Украина) Теоретическая интерпретация инструментов включения / исключения в современном мире	517
Довейко А.Б., Зайцева У.А. (Воронеж) Особенности и проблемы современного процесса адаптации мигрантов	519
Журавлев Н.Ю. (Сыктывкар) Миграционные установки и жизненная стратегия молодежи.....	524
Задорин И.В., Мацкевич М.Г. (Москва) Общественное восприятие возможных изменений в уголовном правосудии: результаты социально-психологического эксперимента	526
Задорин И.В., Немировская А.В. (Москва) Российский фронтир: гражданская идентичность на передовом рубеже страны	528

Заславская М.И. (Ереван, Армения) О проблеме социального отчуждения студентов в сфере высшего образования в свете современных трансформаций.....	529
Зеленев И.А., Прохода В.А. (Москва) Межличностное доверие как индикатор социального капитала в европейских странах.....	532
Истомина К.В., Ковалёв А.Г. (Москва) Моделирование социального управления качеством высшего военного образования в условиях модернизации российского общества	534
Кардинская С.В. (Санкт-Петербург) Отношение студенческой молодежи Санкт-Петербурга к мигрантам (на примере фокус-групп со студентами СПбГУПТД).....	535
Князева Е.В. (Одесса, Украина) Кризис идентичности в современной Украине: основные причины возникновения	537
Колесникова Е.Ю. (Ростов-на-Дону) Процессы информатизации в современном университете: технократическое и социокультурное измерение	539
Костина Н.Б., Дуран Т.В. (Екатеринбург) Институциональные изменения высшего образования: методология анализа	541
Кузьменко Т.В. (Минск, Республика Беларусь) Ориентации населения на предпринимательскую деятельность как фактор развития частного сектора экономики	543
Кузьмич И.Н. (Минск, Республика Беларусь) Закономерности трансформационных процессов в контексте постсоветской реальности	544
Литинская Е.Ю., Матюшина Ю.Б. (Воронеж) Социальные сети как ресурс социальной адаптации работающих бедных	546
Лыткина Т. (Сыктывкар) Три тезиса о специфике формирования жизненных стратегий населения севера России в условиях неолиберальной трансформации	548
Макарова С.П. (Череповец) Значение профессионально важных качеств для социальной успешности личности	549
Малмыгин А.С. (Минск, Республика Беларусь) Трансформационное развитие современного белорусского общества: динамика и направленность	551
Мартынова Т.М. (Тула) Выпускники российских вузов и рынок труда.....	552
Махиянова А.В. (Казань) Средний класс, бедность и нищета: к вопросу о сходствах и различиях в социально-экономическом портрете	554
Микиденко Н.Л. (Новосибирск) Профессиональные компетенции и валидация неформального образования.....	556
Морева Ю.Е. (Барнаул) Инновационные технологии социальной реабилитации детей с расстройствами аутистического спектра	559
Морозов И.С. (Санкт-Петербург) Репрезентация пожилого возраста в печатных СМИ: сравнительный анализ	561
Мосиенко О.С. (Ростов-на-Дону) Специфика миграции в постсоветской России	564
Москалева С.М. (Санкт-Петербург) Структурные особенности взаимодействия гражданских групп по улучшению качества городской среды в Санкт-Петербурге с городскими властями, бизнесом и горожанами.....	566
Москалева С.М. (Санкт-Петербург) Создание велосипедной инфраструктуры в Санкт-Петербурге: тактики и контроль низовых групп.....	569

Муфтахова А.Н. (Санкт-Петербург) Риски «румынизации» жилищной сферы Российской Федерации.....	572
Мыльникова А.С. (Санкт-Петербург) Влияние социального капитала на здоровье населения в бывших республиках Южного Кавказа	573
Ни М.Л. (Санкт-Петербург) Этническая идентификация российских корейцев в контексте выстраивания транснациональных пространств	577
Новоселова Е.Н. (Москва) Четверть века спустя: миграционная ситуация в Москве после распада СССР	578
Обрывалина О.А. (Москва) Факторы и перспективы динамики сегмента электронного обучения в современных университетах	580
Омар А.А. (Барнаул) Специфика курсов повышения квалификации, как формы дополнительного платного образования	582
Павлова А.В. (Москва) Проблемы трудовой миграции населения на постсоветском пространстве	583
Панкратова Е.В. (Иваново) Удовлетворенность культурно-досуговой сферой региона как показатель качества жизни населения: территориальный аспект	585
Пасовец Ю.М. (Курск) К вопросу о характеристиках транзитивного общества	587
Пацукевич О.В. (Горки, Республика Беларусь) Белорусские вузы и международные рейтинги: проблемы участия	589
Подергина Е.Е., Ваторопин А.С. (Екатеринбург) Трансформация паломнических практик в современных условиях: социальное измерение	591
Приколота М.Д. (Санкт-Петербург) Государственная политика в отношении Русской православной церкви с 2012 года	592
Пугач В.Ф. (Москва) Обучение молодежи из стран Балтии в вузах России: особенности динамики на рубеже веков	594
Рубец С.Г. (Горки, Республика Беларусь) Мировоззренческие ориентиры гуманистической педагогики.....	597
Савинов Л.И. (Саранск) Основные тенденции изменений в системе высшего образования России	599
Сакаев В.Т. (Казань) Миграционные процессы в Республике Татарстан во второй половине XX – начале XXI вв.	601
Степанов А.М. (Санкт-Петербург) Транснациональная миграция в условиях развития цифровых технологий	602
Сытых О.Л., Синцова Л.К. (Барнаул) Актуальные социальные проблемы многоуровневого образования в современной России.....	603
Тимченко Н., Миронова С.В. (Барнаул) Иностранцы студенты в медицинском образовательном пространстве: конкуренция и ответственность	604
Титаренко Л.Г. (Минск, Республика Беларусь) Динамика и траектории изменений в системе высшего образования Беларуси	606
Тишина Е.В. (Екатеринбург) Трансформация среднего профессионального образования в современных условиях	610

Трегубова Н.Д. (Санкт-Петербург) Постсоветские социальные трансформации в русскоязычных научных публикациях (по материалам контент-анализа статей в научных журналах)	612
Тхакахов В.Х. (Санкт-Петербург) Великая русская революция: жилищный передел	614
Файзуллин Ф.С. (Уфа) Социальное неравенство и социальная справедливость в межнациональных отношениях	615
Федотова В.А. (Пермь) Новые формы солидарности в системе трудовых отношений современной организации	617
Фомичева Т.В. (Москва) Траектории изменений в современном социологическом образовании	619
Хилажева Г.Ф. (Уфа) Процессы международной миграции в Республике Башкортостан	620
Хорошилова А.В. (Курск) Инновационный потенциал малых предприятий регионов Центрального Черноземья	622
Чернышова А.Г., Лапшинова К.В. (Королёв) Этические основы российского предпринимательства	624
Черняева Г.В. (Москва) Современные программы и траектории изменений вузовского российского химического образования	626
Чикарова Г.И. (Ростов-на-Дону) Особенности становления профессиональной идентичности молодых учителей в условиях социальной нестабильности	628
Шагиахметова А.Х. (Казань) Влияние финансово-экономического кризиса на домохозяйства различных этнических групп	630
Шаповалов Р.О., Звездочкин А.А. (Санкт-Петербург) Трансформация публичного пространства в постсоветских городах	632
Шуклина Е.А. (Екатеринбург) Сетевой университет в образовательном пространстве региона	635
Щеклачева Т.В. (Новосибирск) Перспективы реализации программ адаптации и интеграции мигрантов в РФ	637
Юсупова И.Н. (Москва) Образ жизни терского казачества в контексте революционных событий (на примере романа А. Губина «Молоко волчицы»)	638
Ярошенко С.С. (Санкт-Петербург) Кейс-стади как стратегия исследования постсоциалистической трансформации	641
Секция 6: Революция данных в социологии: методология и практика	643
Артамонова А.В. (Лиссабон, Португалия) Data mining: извлечение информации о поведении населения из дат наступления событий жизненного пути (на примере семьеобразующего поведения)	643
Асачева А.В. (Орёл) Роль онлайн-исследований в социологии общественного мнения	645
Басимов М.М. (Москва) “Корреляционное” соглашательство в социологии как методология лженауки	647
Басимов М.М. (Москва) Интервальные и номинальные переменные в единой задаче изучения связей	651
Белкина В.А. (Курск) Медицинские социальные сети: социологический анализ	654
Быков И.А. (Санкт-Петербург) О проблемах использования метода сетевого анализа в России	656
Ведерникова М.И. (Москва) Влияние гибридной войны на современный политический PR	657

Глотов С.Е., Андреева Л.А. (Тольятти) Роль автомобиля в жизни современного человека	659
Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Третьякова И.В. (Москва) Возможности Big Data при проведении социологических исследований.....	661
Горшкова Д.А. (Москва) Data mining, text mining, opinion mining в социологии.	663
Григорьев В.Е., Разумова Д.Б., Кнорре А.В. (Санкт-Петербург) Использование данных социальной сети для оценки уровня религиозности.....	664
Денисова Н.Ф. (Минск, Республика Беларусь) Транспарентность баз данных и когортный анализ как способы повышения качества моделирования на примере исследования биографического пути одаренной молодежи в Республике Беларусь.....	666
Евсикова Е.В. (Санкт-Петербург) Ученые в ResearchGate: сравнительный анализ по странам и дисциплинам.....	668
Ефимов А.М. (Санкт-Петербург) Текстовые ролевые онлайн-игры в социальных медиа: методы и практики социологического исследования.....	670
Ефимов Е.Г. (Волгоград) «Киберэтнография» как подход к исследованию конструирования идентичности в социальных интернет-сетях.....	671
Знатнова А.А., Меньшикова И.А. (Барнаул) Плагиат в научно-исследовательской работе студента: этическая проблема (на материалах Алтайского края)	673
Игумова И.А. (Волгоград) Основные проблемы этики в цифровую эпоху.....	675
Ковалева Г.А., Мехова А.А. (Череповец) Показатели компьютерной зависимости: возможности применения в социальной практике	676
Логиновских У.Е. (Екатеринбург) Анализ отношения к женщине-политику в РФ по результатам CAWI- опроса	679
Любимова А.И. (Санкт-Петербург) Опыт использования пространственного кластерного анализа для обработки результатов опроса по ВИЧ – инфекции	680
Машнина А.М. (Волгоград) Электронные сми и их роль в подготовке к чемпионату мира по футболу FIFA 2018 (по данным контент-анализа).....	682
Меньшикова А.А. (Санкт-Петербург) Профессионализация Data Science.....	684
Морозова В.О., Юрова Е.А. (Санкт-Петербург) Роль музыки в конструировании социальной идентичности в виртуальном пространстве (на примере социальной сети «ВКонтакте»).....	686
Петрова Е.В., Терещенко К.Д. (Тольятти) Ключевые компоненты медиапотребления в России: эмпирический опыт исследования.....	688
Петрова Н.Г., Стрижакова Л.Н. (Санкт-Петербург) Информированность родителей о возможностях абилитации детей (по результатам онлайн-исследования)	690
Покровская Н.Н. (Санкт-Петербург) Мастерчейн и биг дата как необходимые, но недостаточные инструменты социологического анализа и социального управления	692
Разина А.К. (Москва) Трансформация метода включенное наблюдение в контексте изучения современных сообществ (На примере концертного сообщества)	693
Рахманова Ю.В. (Санкт-Петербург) Профессиональный этос социолога при работе в сети интернет	695
Ренёва Д.А. (Екатеринбург) Социальные медиа театра: социологический анализ	696
Сибирев В.А. (Санкт-Петербург) Data Mining мониторинга социальных сетей.....	698

Сизова И.Л., Хусяинов Т.М. (Санкт-Петербург) Практики самоактивизации в поиске работы в профессиональных сообществах социальной сети “В Контакте”	699
Тараненко А.С. (Санкт-Петербург) Влияние материального вознаграждения участникам социологического онлайн-исследования на его качество	701
Фирсуткина М.С. (Москва) Актуальность изучения влияния социальных медиа на потребительские практики населения	703
Фобьянчук А.А. (Москва) Социологические онлайн–исследования в системе здравоохранения, на примере ГБУ города Москвы «ССиНМП имени А.С. Пучкова».	704
Юдина Д.И. (Санкт-Петербург) Измерение массовой культуры при помощи открытых данных национального корпуса русского языка (на примере российской поп-музыки).....	706
Ярмак О.В., Дерюгин П.П., Сивоконь М.В. (Севастополь) Онлайн-исследования корпоративных ценностей: достоинства и трудности	706
Секция 7: Социальные трансформации и информационное пространство: взаимодействие и результаты.....	708
Ардельянова Я.А. (Москва) Влияние современных М2М технологий на трансформацию социальных процессов.....	708
Баланцева Е.М. (Волгоград) Возможности внедрения геймификационных структур в качестве стимулирующих элементов.....	709
Баруздин И.А. (Санкт-Петербург) Методики диагностики и моделирования ценностей в корпоративной культуре.....	711
Басимов М.М. (Москва) Социально-политические оценки в нелинейной сложной реальности	713
Беда А.Н. (Иваново) Трансформация представлений о счастье в социологии	716
Бобылева Н.Ю., Проказина Н.В. (Орёл) Динамика российско-германских отношений в СМИ.	718
Борисова О.В. (Санкт-Петербург) Манипуляции общественным сознанием через интернет и социальные сети	720
Бугаева М.М., Шубина Т.Ф. (Архангельск) Готовности педагогов высшей школы к инновационным изменениям в трудовой деятельности. (На примере Северного Арктического федерального университета им. М.В. Ломоносова)	722
Буланова М.А. (Воскресенск) Влияние информационных технологий на трансформацию процесса потребления.....	724
Бурмыкина О.Н. (Санкт-Петербург) Проблемы измерения социальных трансформаций (на примере семьи и межпоколенных отношений).....	726
Буровцева Е.С. (Ульяновск) Роль интернета в развитии социальных связей между политическими партиями и населением	728
Васильева Л.Н., Васильев В.В. (Москва) Системообразующая роль техно-коммуникативных факторов в социальных процессах	729
Видясова Л.А. (Санкт-Петербург) Исследование сплоченности пользователей старшего возраста: на примере онлайн сообществ ВКонтакте	731
Воронкова О.А. (Москва) Перспективы трансформации публичной сферы в России.....	733
Вялых Н.А. (Ростов-на-Дону) Модели поведения потребителей медицинской помощи в контексте трансформации здравоохранения России	736

Гавриленко О.В. (Москва) Четвертая промышленно-технологическая революция как фактор трансформации сферы занятости и вызов системе образования.....	738
Добринская Д.Е. (Москва) Киберпространство и новая социологическая парадигма.....	740
Евсеев Е.А. (Санкт-Петербург) Технологии Big Data в государственном управлении	743
Елисеева С.Ю. (Пермь) Социальные связи в структуре виртуального социального капитала ...	744
Жирина М.В. (Москва) Социальный инфантилизм: стратегия жизни в информационном обществе.....	746
Зиновьева Н.А. (Санкт-Петербург) Практика многопользовательских онлайн-игр как фактор революции «дополненной реальности»	748
Игнатъев В.И. (Новосибирск) Социально-антропологические последствия информационного взрыва.....	751
Инякова О.Г. (Тольятти) Современные тенденции рецензирования в СМИ	752
Киселёва Н.И. (Москва) Кластеризация как вектор формирования солидарности общества и бизнеса.....	754
Ковалевская Е.В. (Москва) Информационные технологии и социальные трансформации в информационном обществе.....	756
Когтева У.А. (Королёв) Теоретические подходы к определению понятий «новые медиа» и «образовательное медиапространство» в контексте современного российского образования...	758
Комарова А.Н. (Курск) Формирование социального здоровья в условиях киберсоциального пространства	760
Корунова В.О., Прыгунова М.И. (Казань) СМИ как агент массового экологического информирования в текущих реалиях российской действительности	762
Лизунков М. (Санкт-Петербург) Власть сети в информационном обществе.....	764
Манцева Е.Р. (Москва) Трансформация статуса «экспертного знания» в информационном пространстве современного общества конца XX-начала XXI века.	765
Мотина А.В. (Барнаул) Профессиональные стереотипы как одна из разновидностей социальной информации	767
Мясоедов А.И. (Москва) Информационная модель в системе социальных трансформаций	769
Николаенко Г.А. (Санкт-Петербург) Параллельная наука: о множественности статусов учёного в современных реалиях.....	770
Писарева Д. (Ростов-на-Дону) Информационные технологии и их влияние на общество.....	772
Плющ А.Н. (Киев, Украина) Субъекты социальных трансформаций в информационном обществе.....	773
Подорова-Аникина О.Н. (Ухта) Политическое коммуникативное пространство и современная система средств массовой информации.....	777
Савченко А.С., Ноянзина О.Е. (Барнаул) Информационная политика органов государственной власти субъектов Российской Федерации.....	779
Садомская В.С. (Волгоград) От персонализации до деперсонализации: значения и оказываемое влияние на развитие общества.	782
Сибирев В.В., Сибирев В.А. (Санкт-Петербург) Новая реальность развития образования в условиях цифровой революции	783

Симонян А.В. (Тольятти) Влияние религиозных ценностей на информационное потребление верующих в современном обществе.....	786
Слепова О.М. (Ульяновск) Функциональные трансформации публичной библиотеки как социального института в современном информационном пространстве	787
Соболев Н.В. (Новосибирск) Трансформирование информационной культуры студентов как часть образовательного процесса в ВУЗе в условиях информационного общества	788
Солодовник Д.А. (Ростов-на-Дону) PR-дискурс в формировании гастрономического имиджа Ростовской области	790
Сошнев А.Н. (Санкт-Петербург) Социальные реалии цифрового общества в Российской Федерации.....	793
Тер-Никогосова Н.А. (Тольятти) Освоение интернет-ресурсов: полезное новшество или новая зависимость?.....	795
Фурцева В.Ю. (Москва) WikiLeaks как канал формирования общественного мнения.....	797
Холманова А.И. (Тула) Социальная адаптация современной молодежи в условиях трансформации коммуникативной среды.....	799
Шаронов Д.И. (Москва) "Эксцентрицизм" и генезис символических медиа	801
Шаронова А.А. (Москва) Экологические измерения социального мира: конкуренция и коммуникативный контроль.	803
Шершнёва Т.В., Юневич Н.Г. (Минск, Республика Беларусь) Особенности информационной культуры современной молодежи	805
Секция 8: Трансформация социальной политики в XX-XXI веках.....	807
Абросимова А.С. (Волгоград) Некоммерческие организации и благотворительность в Волгоградской области: проблема доверия населения.....	807
Аллахвердова О.В. (Санкт-Петербург) Жалобы клиентов как фактор управления качеством социальных услуг	809
Альдашева А.Б. (Барнаул) Сопровождаемое проживание как механизм социальной интеграции людей с тяжелыми формами инвалидности	810
Амирханян А.Г. (Санкт-Петербург) Проблемы международной миграции на Дальнем Востоке	813
Анисина Е.А. (Рязань) Благотворительность - маркер социального статуса предпринимателя	814
Антонович И.В. (Барнаул) Анализ организации социальной работы с детьми с ОВЗ в государственных учреждениях социального обслуживания населения г. Барнауле.....	816
Бабушкина Е.В. (Барнаул) Социокультурная реабилитация в процессе адаптации молодых людей с особыми потребностями на примере Алтайского края: роль, оценка экспертов и перспективы.....	819
Белоногов Ю.Г. (Пермь) Трансформация социальной политики советского государства в отношении нарушителей трудовой (производственной) дисциплины в период индустриализации	821
Бистяйкина Д.А., Панькова Е.Г. (Саранск) Социальная работа с несовершеннолетними как направление социальной политики в региональном социуме	823
Бистяйкина Д.А. (Саранск) Деятельность субъектов социальной работы с ветеранами войны на региональном уровне (на примере Мордовского регионального отделения Всероссийской	

общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооружённых Сил и правоохранительных органов вх.....	825
Божичко П.Ф., Крайнова О.С. (Санкт-Петербург) Аудиовизуальные технологии как фактор формирования социальной компетентности подростков и молодежи (на примере организации ИМКА Санкт-Петербург).....	827
Бородкина О.И., Иванова М.М. (Санкт-Петербург) Социальные риски молодежной международной трудовой миграции (по данным исследования в Москве).....	829
Бурганова Л.А., Исхакова Э.И. (Казань) Коммуникация рисков как условие эффективного управления ими.....	831
Буянова А.Е. (Барнаул) Социальное обеспечение ветеранов боевых действий в Алтайском крае.....	834
Васильева Г.М. (Новосибирск) Универсальные ценности и "международная повестка дня".....	836
Гилязова О.С. (Екатеринбург) Социальная поддержка населения: практика реализации в контексте проблемы межведомственного взаимодействия органов власти (на примере получения субсидий и компенсаций на оплату жилищно-коммунальных услуг).....	837
Григорьева И.А. (Санкт-Петербург) Между универсализмом и адресностью. 100 лет поисков своего пути.....	840
Дарган А.А. (Ставрополь) От объекта помощи к субъекту действия: человек с инвалидностью в эпоху глобальных социальных перемен.....	842
Демакова К.В. (Москва) Региональные государственные услуги для пожилых: к вопросу оптимизации.....	843
Деханова Н.Г. (Москва) Проблемы реализации универсальной и селективной моделей социальной политики.....	845
Дроздова Ю.А. (Волгоград) Миграционные риски: от идентификации к управлению (на материалах гранта РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ»).....	847
Желнина Е.В. (Тольятти) Функции социального партнерства в решении проблем эколого-социальной без-опасности: региональный аспект.....	849
Зенина О.М. (Белгород) Тенденция инклюзивного образования в современной России.....	851
Зыбина Н.Ю. (Санкт-Петербург) Социальная работа с выпускниками профессиональных учебных заведений по подготовке их к активной трудовой деятельности.....	853
Иванова Е.И. (Москва) Последствия социальной политики в современном российском селе: от структурных противоречий к солидарности поколений.....	855
Игнатенко А.В., Сиротина Т.В. (Барнаул) Развитие инклюзивного образования в Алтайском крае.....	858
Кареев Д.В. (Иваново) Проблема наркотизации в общественном мнении населения (на примере жителей Ивановской области).....	860
Квасова А.А. (Воронеж) Проблема безопасности дорожного движения в современной России.....	863
Кветень Е.О. (Санкт-Петербург) Благотворительность в дореволюционной и современной России.....	864
Келасьев В.Н., Первова И.Л. (Санкт-Петербург) Социальная память как компонент социальной компетентности.....	866

Кирилина Т.Ю. (Королёв) Социальные тревоги и социальные опасения россиян: динамика и основные параметры	867
Ковалькова Н.А. (Санкт-Петербург) Благотворительность в дореволюционной и современной России: исторические предпосылки и перспективы развития.....	870
Когтева Е.В. (Королёв) Роль благотворительности в формировании корпоративной культуры (на примере предприятий РКО)	872
Колосова Г.В. (Санкт-Петербург) Проектный подход как инновационная социальная технология	873
Константинова Л.В. (Саратов) Трансформация стратегических ориентиров социальной политики в постсоветский период: круг патернализма	876
Корнилова М.В. (Архангельск) История благотворительности в Архангельске.....	878
Королева К.Ю., Мазикина С.Г. (Белгород) Организация социально-реабилитационной поддержки детей с ограниченными возможностями здоровья на муниципальном уровне: межведомственное взаимодействие	881
Котова В.А. (Белгород) Проблемы развития благотворительности в современной России.....	883
Крайнова О.С. (Санкт-Петербург) Социальная компетентность как фактор развития преемственности в молодежной среде (на примере отряда добровольцев ИМКА).	885
Кузнецов А.Ю. (Екатеринбург) Генезис "революции крушения прогресса" в современной России.....	886
Кузьминых Л.Ю. (Тольятти) Социальная стабильность в условиях модернизации	888
Кученкова А.В. (Москва) Социальная поддержка населения в условиях прекаризации занятости	891
Лесина Л.А. (Екатеринбург) Отношение студентов к наркомании и девиации: опыт мониторингового исследования.....	892
Лихачева В.В. (Санкт-Петербург) Устойчивость подростков к социальным рискам: показатели и факторы развития	894
Логунова М.Р. (Тула) Социальное волонтерство и благотворительность: сходства и различия	896
Лузянина Е.Г. (Санкт-Петербург) Решает ли институт патента проблемы международных трудовых мигрантов?.....	897
Любимова А.И., Захарова Ю.П. (Санкт-Петербург) Особенности оценки социально опасного положения семьи специалистами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.....	900
Майорова-Щеглова С.Н. (Москва) Эйджизм и эдалтизм: старые явления, новые термины.....	901
Малая А.Д. (Волгоград) Траектория развития благотворительных мероприятий в региональной общественной организации: от идеи до воплощения (на примере ВРОО «Академия успеха») .	903
Мальшев А.Г. (Санкт-Петербург) Формирование инфраструктуры поддержки ответственного отцовства.....	905
Мицких Д.А. (Барнаул) Благотворительность в истории России с XIX века до современности	906
Непряхина М.В. (Санкт-Петербург) Национально-культурные объединения как регулятор межэтнических отношений в условиях мегаполиса	908
Нехаев И.И. (Санкт-Петербург) Новые возможности социального контроля девиантности через создание социально-реабилитационных центров для детей и подростков	910

Новикова С.С. (Москва) Взаимовлияние демографической динамики в России и новаций в социальной сфере	912
Панин Н.С. (Волгоград) Благотворительность в России: переломный момент и современность	914
Панкова Н.М., Беляева В.С. (Москва) Благотворительность в России на современном этапе ...	915
Панкратова Л.С. (Санкт-Петербург) Международная молодежная миграция в Волгоградской области: перспективы и риски	917
Парфенова О. (Санкт-Петербург) Досуговый клуб для пожилых граждан как инструмент социальной интеграции	918
Первова И.Л., Келасьев В.Н. (Санкт-Петербург) Система социального обслуживания населения в условиях неолиберализма.....	921
Петухова И.С. (Санкт-Петербург) К вопросу о социальной эксклюзии пожилых	922
Пешкова Н.А. (Барнаул) Рынок платных медицинских услуг как социальное явление и предмет научного исследования.....	924
Платонова Ю.Ю. (Санкт-Петербург) Социальное предпринимательство как инновационное направление поддержки населения	925
Попова Е.А. (Санкт-Петербург) Иммигранты в системе услуг здравоохранения в России	927
Провоторова Ю.Н. (Петрозаводск) Анализ региональной системы оказания социальных услуг в республике Карелия	928
Протопопова К.С. (Барнаул) Арт-терапия как новая форма работы с ВИЧ-инфицированными.	930
Пунгина А.П. (Санкт-Петербург) Социальное предпринимательство в РФ: инновационное решение социальных проблем	931
Разина А.К. (Москва) Теоретическое осмысление понятия «социальной инклюзия»	933
Рафикова К.Ф. (Москва) Качество жизни как фактор формирования политического абсентеизма	935
Рахматуллина З.Б., Кильсенбаев Э.Р. (Уфа) Некоторые аспекты благотворительной деятельности в России	936
Резникова Е.С., Полтавская М.Б. (Волгоград) Особенности развития социального предпринимательства на примере Южного федерального округа России.....	938
Реутова М.Н. (Белгород) Благотворительность как форма реципрокности	940
Ровбель С.В., Куценко В.В. (Новосибирск) Социальные условия занятости населения старше трудоспособного возраста	942
Рогова А.М. (Санкт-Петербург) Социальное обслуживание сельской семьи: проблемы, тенденции, перспективы.	944
Романенко В.В. (Санкт-Петербург) Социальный контроль проституции в контексте международной миграции	946
Руденкин Д.В. (Екатеринбург) Вандализм в понимании российской молодежи: портрет основных стереотипов (Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01278)).....	948
Савченко И.А. (Москва) Проблемы взаимодействия социально ориентированных НКО с государственными органами управления в сфере социальной защиты в г. Москве	950

Самойлова В.А., Безрукова О.Н. (Санкт-Петербург) Структура факторов социальной поддержки межэтнических семей	952
Сербина О.А. (Санкт-Петербург) Значение исторической преемственности для развития современной российской благотворительности.....	954
Сиротин В.А. (Волгоград) Социологический анализ проблем социальной адаптации инвалидов по зрению: возможности использования метода глубинного интервью	955
Сиушкина Н.В. (Петрозаводск) Роль практик межпоколенного взаимодействия в профилактике социального сиротства граждан пожилого возраста	957
Славнова В.К. (Барнаул) Формирование и эволюция системы защиты детства в условиях социальных изменений на разных этапах развития общества.....	959
Смирнова А.Н. (Санкт-Петербург) Трансформация института семьи и факторы риска семейного неблагополучия	961
Соловьев А.К. (Москва) трансформация пенсионной системы в XXI в.	964
Соловьев А.К. (Москва) Российские пенсионеры в эпоху социальных трансформаций и экономических революций.....	965
Соловьева Т.В., Бистяйкина Д.А. (Саранск) Исследование результативности системного подхода в социальной работе с лицами пожилого возраста	967
Сюй Вей (Шанхай, Китай) Особенности государственной политики занятости в современном Китае (на примере выпускников вузов)	969
Тимошенко А.А. (Тула) Благотворительность как институт социальной политики	972
Трунова А.И. (Санкт-Петербург) Формирование резильентности у подростков из приемных семей: к постановке проблемы	974
Харламова А.В. (Санкт-Петербург) Молодежное предпринимательство в социальной сфере...975	
Холоденко Ю.А. (Москва) Социальные проблемы постиндустриализма	977
Черепанова М.И. (Барнаул) Сибирский федеральный округ: суицидальный риск и инновационные формы поддержки населения.	979
Чернова К.И. (Самара) Партия "Черные пантеры" и проблемы расовой дискриминации в США	981
Шендриковская А.В. (Санкт-Петербург) Социальные проблемы международной трудовой миграции в Приволжском федеральном округе.....	984
Шильниковская А.В. (Москва) Доступ к образовательным услугам как фактор качества жизни населения	986
Шипунова Т.В. (Санкт-Петербург) Трансформация представлений о социальном контроле девиантности	988
Шунк Е.П., Очаковская Е.С. (Барнаул) Иппотерапия как инновационный метод социальной реабилитации	990
Щербаков Н.Ю., Диканова Т.А. (Санкт-Петербург) Организация школьной социокультурной среды в период кризиса идентичности: гендерные аспекты.....	991
Щербинина А. (Барнаул) Роль информационных технологий в практике социальной работы ..993	
Юшкова Э.Ю. (Санкт-Петербург) Практики инклюзии слепых и слабовидящих в современном обществе через городскую среду на примере Санкт-Петербурга и Гента.....	995

Яковлева И.И., Колесникова А.А. (Иваново) Детская интеллектуальная одаренность как объект социальной политики.....998

Секция 9: Молодежь в эпоху глобальных трансформаций и революций.....1000

Акимова А.В. (Санкт-Петербург) Современные тенденции молодежной безработицы..... 1000

Афанасьева А.С. (Санкт-Петербург) Факторы лидерства в молодежной среде 1001

Бабанина Е.А., Пчелёнок С.Ю., Рылькова Т.В. (Тула) Молодежная политика в городе глазами тульской молодежи 1003

Басимов М.М. (Москва) Проблема “корреляционного” соглашательства на примере политических предпочтений молодежи 1005

Безруков А.В. (Пермь) Трансформация ценностного компонента самоопределения современной молодёжи..... 1008

Белокреницкая П.А. (Санкт-Петербург) Качество образования сквозь канву России..... 1010

Бирюкова А.В. (Санкт-Петербург) Осмысление итогов революции и взгляд студенческой молодежи на возможность совершения революции в современной России 1011

Богунова Е.С. (Краснодар) Повседневная жизнь российской молодежи периода перестройки (анализ биографических интервью современников) 1013

Букаринова Н.А. (Санкт-Петербург) Маркирование молодёжью города в категориях социального успеха: позиция Омска в структуре социально-территориального неравенства (глубинные интервью) 1017

Васенина И.В. (Москва) Молодежный экстремизм: особенности и причины..... 1019

Васильченко Д.Д. (Курск) Влияние различных кинематографических жанров на социальное настроение современной молодежи 1021

Велиева С.В. (Чебоксары) Педагогические технологии формирования профессионально-личностных компетенций у будущих психологов..... 1023

Вершинина М.А. (Москва) Нонконформизм среди студенческой молодежи: социальные факторы 1025

Волощенко А.М. (Санкт-Петербург) Влияние глобализации на современную российскую молодежь 1027

Гаджиева С.С. (Волгоград) Влияние потребительских установок на формирование ценностных ориентаций молодежи..... 1028

Ганбат Оюунтуя (Улан-Батор, Монголия) Миротворческая деятельность как фактор становления личности военнослужащего (на примере монгольских военнослужащих)..... 1030

Гара В.В. (Минск, Республика Беларусь) Трансформация ценностных ориентаций молодежи 1032

Головацкий Е.В., Кранзеева Е.А., Орлова А.В. (Кемерово) Мобилизационные возможности молодежи на региональном уровне 1034

Голубева К.А. (Москва) Финансовая культура молодёжи в условиях глобализации экономики 1036

Горбачева Н.Б. (Тольятти) О факторах влияния на профессиональный выбор молодежи в аспекте социо-эколого-экономического развития Самарского региона..... 1037

Горьковая О.П., Маткина В.С. (Санкт-Петербург) Академическая мобильность студентов как проявление глобализации (на примере факультета социологии СПбГУ) 1039

Громова Н.С. (Екатеринбург) Роли молодежи в процессе репрезентации экстремистского дискурса	1041
Грошева Л.И. (Тюмень) Специфика конкурентоспособности малого молодёжного бизнеса в условиях глобализации: взгляд гражданской и военной молодёжи.....	1043
Даниленко Т., Смольникова Л.В. (Томск) Формирование необходимых языковых знаний и навыков у студентов, способствующих повышению уровня социально-академической мобильности молодежи	1044
Данилова Е. (Ольденбург/Минск, Германия/Беларусь) Социокультурная идентичность молодежи Беларуси в контексте выбора между Востоком и Западом.....	1046
Данилова Е.А. (Москва) Индивидуальная образовательная траектория в системе высшего образования.....	1048
Демиденко А.С. (Ростов-на-Дону) Городская молодежь в России: факторы инфантилизации	1050
Дмитриенко О.В. (Челябинск) О роли удовольствий в жизни современных студентов: философско-социологический аспект	1051
Евлаев А.Н. (Москва) Воздействие молодежи на политический процесс в России.....	1054
Евстифеев Р.В. (Владимир) Российская молодежь в пространстве современной политики: проблемы и задачи государственного электорального менеджмента.....	1055
Жакупова А.А. (Санкт-Петербург) Отражение процесса глобализации в сознании российской молодежи: социологический анализ.....	1057
Зайдельман О., Рахматуллина З.Б. (Уфа) Роль социальной рекламы в процессе формирования ценностных ориентаций молодежи.	1059
Захарова Е.М. (Санкт-Петербург) Динамика патриотичности молодежи в начале XXI века ...	1060
Злотников А.А. (Гомель, Республика Беларусь) Восприятие коррупции в молодежной среде	1061
Зубрицкая Н.В. (Санкт-Петербург) Факторы формирования лидерских качеств курсантов высших военных учебных заведений.....	1063
Каминский Д.В. (Москва) Роль молодежи в период коренного изменения Российского государства и общества	1065
Карпова Е.Н. (Москва) Глобализация и ее отражение в сознании современной российской молодежи.....	1067
Касаркина Е.Н. (Саранск) Влияние учебной и воспитательной деятельности в школе-интернате на социализацию воспитанников.....	1069
Кемалова Л.И. (Керчь) Социальная субъектность молодежи: проблема становления	1071
Кишенков Г.А. (Тюмень) Потребительская культура молодёжи как тренд эпохи глобализации	1073
Клочкова А.В. (Москва) Общесоциальные ценности и жизненные ориентиры молодежи эпохи глобализации.	1075
Ковалева Г.А. (Череповец) Нехимические зависимости у подростков: некоторые результаты исследования	1077
Ковалёва М.С. (Краснодар) Сфера интересов и конфликтный потенциал несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних Краснодарского края.....	1079
Козлов А.А. (Санкт-Петербург) Молодежь о революции столетней давности	1081

Комышников Е.А. (Барнаул) Роль межпоколенческого семейного взаимодействия в формировании системы ценностей молодёжи	1082
Корчагина М.В. (Челябинск) Рост депрессивных расстройств у студентов медицинского университета как следствие ослабления социальных связей.....	1084
Корчагина Т.П. (Москва) История России глазами студентов-юристов.	1086
Костенко В.В. (Орёл) Протестные действия молодежных общественных организаций в эпоху глобализации общества	1087
Костина Н.Б., Гафиятуллина К.Р. (Екатеринбург) Студенческая молодежь о религии и ее месте в повседневной жизни (на примере Урала и Западной Сибири)	1089
Краснов А.Ю. (Москва) Престиж профессии в представлениях современной российской молодежи.....	1091
Крокинская О.К. (Санкт-Петербург) Только один университет. Новое «открытие» молодежи как социального субъекта	1092
Куда М.П. (Волгоград) Глобализация и новая телесность: Изменение функций татуировки в молодежной среде	1094
Кулинич А.И. (Санкт-Петербург) Трансформация занятости и безработицы молодежи: в России и СССР	1096
Кулько Е.И. (Горки, Республика Беларусь) Знаковые ориентиры современного образования	1098
Кунилова К.Д. (Курск) Процессы макдональдизации в современной России: проявления и особенности	1100
Кутыкова И.В. (Санкт-Петербург) Историческая культура и «я»: проблема эпохи перелома в сознании молодежи первого постсоветского поколения	1101
Лещинская С.Н. (Сочи) Трансформация ценностно-нормативных ориентаций современной молодежи Юга России	1103
Липатова М.Е. (Москва) Образование в системе ценностей молодёжи в условиях глобализации	1105
Лукичева Л.Ю. (Ульяновск) Современная российская молодежь за рубежом: особенности сохранения этнокультурной идентичности в эпоху глобализации	1107
Магомедова Э.Ш. (Волгоград) Ценностные ориентации молодых руководителей бизнес-организаций в условиях глобальной трансформации современного российского общества....	1108
Мальшко Я.О., Струкова К.С. (Москва) Мотивация курских студентов для занятий волонтерской деятельностью	1110
Мальчёнкова А.Е. (Санкт-Петербург) Преступления и правонарушения несовершеннолетних учащихся в условиях современного российского города на примере Санкт-Петербурга	1111
Медовская Т.Л. (Москва) Молодежь в нетрадиционных религиозных организациях	1113
Милюкова И.А., Баранова Е.М. (Петрозаводск) Что привлекает молодых россиян в получении образования зарубежом?	1115
Милюкова И.А. (Петрозаводск) Будущая работа в представлениях выпускников ПетрГУ: ожидания и реальность	1117
Мирзоев Э.Д. (Тольятти) Удовлетворенность иностранных студентов условиями обучения в российском университете.....	1120

Мирзоян Л.Г. (Курск) Влияние глобализации на формирование ценностей современной российской молодёжи.....	1122
Мищенко А.С. (Санкт-Петербург) Профессиональная культура учащихся лицеев и колледжей производственно-технического профиля в условиях модернизации российского общества....	1124
Мосякина Д.В., Липова А.В., Лунёва А.С., Курганова А.А. (Москва) Патриотизм как фактор влияния на политическое поведение современной молодёжи.....	1126
Мохоров Г.А., Урсу И.С., Шакарян Я.Э. (Санкт-Петербург) Опыт социологического исследования ценностных ориентаций учащейся молодёжи.....	1128
Мошевитина Т.Ю. (Екатеринбург) Пенсионные стратегии молодёжи в эпоху трансформации пенсионной системы.....	1130
Нечай Е.А., Абрамова С.Б. (Екатеринбург) Деформация жизненных ориентаций молодёжи на фоне информационного терроризма.....	1132
Николаева М.В. (Краснодар) Молодёжь в эпоху глобальных трансформаций и революций ...	1134
Новикова Г.А., Старых Н.П. (Орёл) Тенденции кинематографических предпочтений молодёжной аудитории в условиях глобализации (на примере г. Орла).....	1136
Одерова Т.А., Смольникова Л.В. (Томск) Социальные страхи молодёжи в условиях современного общества.....	1138
Омельницкая Н.В. (Королёв) Высшее образование как фактор нравственной социализации молодёжи.....	1139
Орех Е.А., Бойцова О.Ю. (Санкт-Петербург) Большевики в детских рисунках 1917-18 гг.: рецепция визуальной пропаганды и политическая социализация.....	1142
Ореховская Н.А. (Москва) Глобализация и молодёжь: вызовы и пути преодоления.....	1144
Осипова М.Р. (Санкт-Петербург) Взаимосвязь культурной глобализации и распространения идеологии self-made в молодёжной среде.....	1149
Павлова А.Д., Величко Г.А. (Санкт-Петербург) Молодёжь как объект манипулятивных технологий.....	1151
Певзнер К.П. (Санкт-Петербург) Ориентационный потенциал сериалов как продуктов глобализации (на примере студентов в г. Санкт-Петербурге).....	1153
Перевозчиков М.С., Ровская А.Е. (Санкт-Петербург) Тихая революция: молодёжное протестное движение в Чили.....	1155
Перешивайлова С.А., Смольникова Л.В. (Томск) Программа развития профессионально-значимых качеств личности специалиста по работе с молодёжью.....	1156
Петрова В.А. (Москва) Глобализация и ее отражение в сознании современной российской молодёжи.....	1160
Петрова И.В., Петров А.А. (Санкт-Петербург) Высшее образование. Самоуправление. Студенты.....	1162
Петрова И.В., Петров А.А. (Санкт-Петербург) Высшее образование. Самоуправление. Студенты.....	1164
Полякова О.В. (Ростов-на-Дону) Глобализация и проблемы становления социальной идентичности у молодёжи в современной России.....	1166
Попова М. (Санкт-Петербург) "Красный май" во Франции 1968 года: причины и предпосылки.....	1168

Поспелова Т.Г. (Санкт-Петербург) Автобиографическая рефлексия и мировоззренческое самоопределение молодежи в контексте оценки исторических событий	1170
Прохода В.А. (Москва) Установки по отношению к мигрантам российской и европейской молодежи.....	1172
Прудникова В.С. (Санкт-Петербург) Модификация тела как тренд молодежной моды	1174
Ракачева Я.В. (Краснодар) Патриотизм в представлениях современной молодежи.....	1176
Рассадина Д.О. (Москва) Проблемы трудоустройства современных российских студентов и пути их решения.....	1178
Романенко М.В., Солодовник Л.В. (Ростов-на-Дону) Проблема эскалации радикализма и экстремизма российской молодежи в сети Интернет	1179
Сазонова А.Л. (Москва) К проблеме реализации российской молодёжью своего социального потенциала в контексте глобализационных и трансформационных процессов	1182
Салахутдинова Р.Х., Салахутдинов А.А. (Санкт-Петербург) Состояние и вызовы современной молодежной политики.	1183
Седова В.Л. (Волгоград) Распад СССР в оценке современной молодежи и молодежи периода «перестройки»: сравнительный анализ	1186
Серебров Д.М. (Санкт-Петербург) Сельскохозяйственное производство как форма развития социального института семьи в современной России: к постановке проблемы	1188
Симагина К.О. (Екатеринбург) Подростковый экстремизм: причины и следствия ПОДРОСТКОВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ ПОДРОСТКОВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ ПОДРОСТКОВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ	1190
Сиротина Т.В., Пугачев М.Д. (Барнаул) Молодежный проект «Цветная планета» для детей и молодежи с инвалидностью: опыт интеграции	1192
Соловей А.П. (Минск, Республика Беларусь) Факторы реализации карьеры молодой женщины ученого в академической науке	1194
Стебунова А.В. (Барнаул) Мотивация студенческой молодежи к добровольческой деятельности	1196
Сторожева С.П., Микиденко Н.Л. (Новосибирск) Визуализация этничности средствами мультипликации и диалог культур	1198
Сушко В.А. (Москва) Феномен волонтерства как стихийного проявления солидарности среди современной молодежи	1200
Сушко П.Е., Барсегян В.М., Перфильев Ю.С. (Москва) Карьерная мобильность в политической сфере в представлениях современной российской молодежи	1202
Тамразян Н.А. (Барнаул) Молодежное добровольчество как фактор устойчивого развития современного российского общества на примере участия в социальных проектах	1204
Терентьев К.Ю., Кулешова А.В. (Петрозаводск) Ориентация молодежи на профессию как мотив поступления в вуз.....	1206
Томалинцев В.Н. (Санкт-Петербург) Современный экстремизм: тенденции развития и пути их предупреждения	1207
Торопенко Д.А. (Санкт-Петербург) Вовлечённость выпускников средних школ в культурную жизнь современного города	1212

Фадеев П.В. (Москва) Восприятие молодыми российскими рабочими своего социального положения	1214
Федорова А.А. (Санкт-Петербург) Этно-национальные ориентиры молодежи в условиях современных социальных сдвигов: региональный контекст	1217
Фитисов К.В. (Петрозаводск) Традиционные и инновационные технологии профилактики девиантного поведения молодежи (на примере г. Петрозаводска)	1218
Фролова Е. (Санкт-Петербург) Феномен селфи: прогресс нарциссизма	1220
Цыплакова О.Г. (Санкт-Петербург) Маргинализация молодежи в ситуации социальной эксклюзии как средство снижения ее протестного потенциала	1222
Черкашов Е.М. (Тюмень) Современное глобализированное общество как взаимодействие конкурентных полей и формирование конкурентоспособности молодежи	1223
Шепелева С.А. (Санкт-Петербург) Миллениалы - поколение нового тысячелетия	1225
Ягафарова Д.Г. (Уфа) Теория поколений в региональном контексте: ментальность и ценностные ориентиры поколения Y	1227
Яримака С.К., Николаева М.Е., Сорокина Н.Д. (Москва) Отношение молодежи к революции 1917 г.	1229
Секция 10: Основные тенденции социального управления в современном мире	1232
Абраева А.А. (Ишим) Местное самоуправление сельских поселений: проблемы и некоторые пути их решения	1232
Аракелян А.А., Моисеева Е.О. (Москва) Кинофильм «Матильда»: удачная PR-компания или новая форма социального протеста. Социологический анализ.	1233
Баженов А.М. (Тула) Местное самоуправление как институт формирующегося гражданского общества современной России	1235
Батраева Г.В. (Тольятти) Особенности инновационного развития монопрофильных городов	1236
Бахтин Е.Л. (Екатеринбург) Проблемы развития малого и среднего предпринимательства на муниципальном уровне и пути их решения	1238
Борисов А.Ф., Трофимова Т.А. (Санкт-Петербург) Трансформация социальной сферы как функция социального управления	1240
Будникова Н.С. (Улан-Удэ) Роль связей с общественностью в государственном управлении современной России	1242
Васильева Е.А. (Якутск) Ценностная трансформация государственного управления в условиях реорганизации (на примере Республики Саха (Якутия))	1244
Волков Ю.Г. (Ростов-на-Дону) Оценка управленцами регионального и муниципального уровней и лидерами национально-культурных автономий Юга России имплементации зарубежных (США и ФРГ) моделей национальной интеграции, ценностной политики и институциональных практик в сфере межэтнических о	1246
Волкова М.А. (Санкт-Петербург) Формирование лояльности персонала: новый подход к управлению человеческими ресурсами в современных организациях	1248
Волчкова Л.Т. (Санкт-Петербург) Стратегическое планирование – прочная тенденция современного социального управления	1251
Глотов С.Е., Андреева Л.А. (Тольятти) Формирование потребностей автовладельцев	1253

Гоголева Е.Н. (Тула) Проблемы развития самоуправленческой деятельности в современной России.....	1255
Гонашвили А.С. (Санкт-Петербург) История классических туров: на основании анализа книги «Классическое наследие»	1257
Горелова И.В. (Волгоград) И все –таки она существует: к вопросу о русской модели управления	1258
Денисова Г.С. (Ростов-на-Дону) Роль муниципалитетов в разрешении межэтнических проблем в сельских районах Юга России.	1260
Долгих У.О. (Санкт-Петербург) Good governance-альтернативный путь государственного управления	1262
Ехлакова К.А., Самбур С.В. (Санкт-Петербург) Корпоративное управление в России в условиях транзитивной экономики.....	1263
Желнин О.И., Желнина Е.В. (Тольятти) Техногенное влияние инноваций в промышленности на окружающую среду.....	1265
Катаева (Свента Ярвик) В.И. (Москва) Актуальные механизмы социального управления в современной России.....	1267
Килимова Л.В. (Курск) Социальная активность личности в контексте местного самоуправления	1269
Когай Е.А., Кубикова Н.В. (Курск) Потенциал малого и среднего бизнеса как агента социальных изменений	1271
Колдушко А.А. (Пермь) Генезис номенклатурной системы в начале 1920-х гг.: региональный аспект (на примере Пермской губернии).....	1274
Колесниченко М.Н. (Волгоград) Проблемы управления современным рынком труда	1275
Коллерова Е.А. (Волгоград) Законотворческая власть в системе местного самоуправления: проблемы и перспективы развития	1277
Коробова О.О. (Иваново) Государственное управление в области культуры: региональный аспект.....	1279
Кузеванова А.Л., Савельева М.Ю. (Волгоград) Управление корпоративным имидем медицинских организаций: проблемы и перспективы (опыт социологического анализа)	1282
Кузнецов И.Е. (Санкт-Петербург) Аспекты корпоративного управления в современной российской экономике.	1284
Кузнецова П.Ю. (Пермь) Теоретические основы административной реформы в РФ: анализ проблем доступности государственных услуг	1286
Лаврова З.И., Шишкина Е.В. (Санкт-Петербург) Социальный аспект использования должностных инструкций и моделей профессиональных компетенций в процессе социального управления в компании	1287
Лапина С.В. (Минск, Республика Беларусь) Метагендерный тренд в структуре демографической культуры современного общества как управляемой основе устойчивого развития.....	1289
Лешуков Я.Д. (Тюмень) Манипулирование информационными потоками как условие стимулирования развития революционных настроений	1291
Ловдин Е.Н. (Архангельск) современного состояния муниципальных образований Арктической зоны Российской Федерации, их проблемы и пути их решений на примере муниципального образования «Сельское поселение Соловецкое»	1293

Логинова И.В. (Казань) Реформирование системы государственного управления в эпоху четвертой промышленной революции	1295
Мёдова К.В. (Ишим) Местное самоуправление в Тюменской области: современное состояние и проблемы развития.....	1296
Меньшикова И.А., Знатнова А.А. (Барнаул) Стандарт развития конкуренции как инструмент создания благоприятной предпринимательской среды в условиях социального управления (на примере Алтайского края).....	1298
Миллер Н.В., Давиденко Л.М. (Омск) Управление технологической интеграцией в транзитивной экономике: социально-экономические барьеры, налоговые аспекты.....	1299
Миронова А.А. (Москва) Потенциал использования стратегического планирования в системе социального управления крупным городом	1301
Музафарова Х.Ю. (Тольятти) Совершенствование туристической инфраструктуры России...	1303
Музафарова Х.Ю. (Тольятти) Развитие туризма в Тольятти	1305
Музыкантова А.С. (Москва) Местное самоуправление на современном этапе	1306
Нарожная Д.А. (Москва) Экономические предпосылки деструктивной мотивации персонала	1308
Островская А.А. (Минск, Республика Беларусь) Социально-управленческий механизм в процессе оптимизации образовательного пространства учреждения образования	1310
Павлова Т.С., Левина Е.А. (Москва) Основные модели государственного управления в современном мире.....	1312
Панин Н.С. (Волгоград) Местное самоуправление: современное состояние и проблемы развития	1314
Панина О.И. (Королёв) Особенности управления мотивацией персонала на предприятиях ракетно-космической отрасли.....	1315
Пациорковский В.В. (Москва) Укрепление самоорганизации и саморегулирования местной жизни	1317
Петрова А.И. (Санкт-Петербург) Цветовая символика в "цветных революциях": история и современность	1319
Петрова И.В. (Санкт-Петербург) Драйв-группа как ресурс корпоративного управления.....	1321
Ребро Д.Д. (Волгоград) Нематериальное стимулирование государственных служащих на примере Федерального казначейства Волгоградской области	1323
Резанова Е.В. (Минск, Республика Беларусь) Система категорий социального капитала предпринимателей.....	1325
Репкина О.Б. (Москва) Плановое управление в современных условиях хозяйствования	1327
Реутов Е.В. (Белгород) Готовность граждан к самоорганизации: экспертная оценка	1329
Сало Е.П. (Москва) Проблемы формирования правового поля для деятельности практиков народной медицины	1331
Седов О.А., Грошева Л.И. (Тюмень) Тайм-менеджмент как революция для избранных в молодёжной среде	1333
Селиверстова Н.И. (Оренбург) Управление городской средой как элемент социально-экономического развития территории.....	1335
Селиверстова Н.И. (Оренбург) Социальный вектор как реальность государственной модели управления	1337

Семашко Л.М., Скотт Б. (Санкт-Петербург) Сферы: ООН гармонии вместо ООН войны. Социокибернетическая модель глобального гармоничного управления сферонами (СМГГУС)	1340
Симонян А.В. (Тольятти) Восприятие населением современной жизни в тольятти	1343
Синельников Е.С. (Барнаул) Факторы развития социального предпринимательства в России	1345
Соловьев А.К. (Москва) проблемы государственного регулирования уровня пенсий	1347
Таранова О.А. (Санкт-Петербург) Централизованное планирование и общественная собственность в СССР: противоречие индивидуального и общественного	1349
Тепляков Д.А. (Омск) Концепция планового социалистического сотрудничества Богданова А.А.	1350
Тер-Никогосова Н.А. (Тольятти) Российские профсоюзы как субъекты социального партнёрства	1352
Ткалич М.А. (Королёв) Основные задачи и перспективы планирования социальных процессов на предприятии	1354
Ткач С. (Санкт-Петербург) Дифференциация нормативных актов, регулирующих этические нормы на разных уровнях организации правоотношений работников высшей школы	1355
Турьянский А.А. (Белгород) Технология формирования имиджа руководителя муниципального образования	1356
Уразгалиев В.Ш. (Санкт-Петербург) Статистические аспекты планового управления (на примере формирования системы экономической безопасности)	1358
Устименко Е.М. (Санкт-Петербург) Управление социальным капиталом как система управления здоровьем на рабочем месте	1360
Хатестова Е.А. (Тюмень) Социальное управление финансовым поведением населения в современных условиях	1361
Хмелев А.В., Хмелева И.В. (Новосибирск) Методология интервьюирования как инструмент создания и управление имиджем компании	1363
Чумак Н.А. (Волгоград) Стратегическое управление в медицинских организациях: постановка проблемы	1365
Шашуров С.Е. (Казань) Модели государственного управления: Россия и зарубежный опыт	1366
Шишова Л.С. (Москва) Актуальные вопросы корпоративного управления в транзитивной экономике	1369
Шишова Л.С., Подгорнова Е.С. (Москва) Глобализация и корпоративное управление в транзитивной экономике	1371
Шумилина Е.А. (Санкт-Петербург) Актуальные проблемы местного самоуправления в субъектах РФ	1374
Шухно Е.В. (Минск, Республика Беларусь) Ретроспектива разработки понятия социальной организации в социологическом дискурсе	1376
Щербакова Л.И. (Новочеркасск) Социальные технологии управления малым предпринимательством в российских регионах	1378
Секция 11: Новая социальная реальность: равноправие и гендерный порядок в России 100 лет спустя (1917-2017)	1380
Агафонова В.В. (Москва) Личностная интерпретация половозрастных ролей в рамках социокультурного контекста: роль института семьи	1380

Антипова А.А. (Саранск) Системный подход в изучении трансформации семейных отношений в социокультуре современной России	1382
Антонов А.И. (Москва) Антисемейный образ жизни и особенности семейно-демографической политики.....	1384
Батуренко С.А. (Москва) Влияние марксистского феминизма на социальные изменения российского общества начала XX века	1386
Бетева А.Е. (Москва) Трансформация института родительства в современной России.....	1388
Бондарева В.Э. (Волгоград) Мать - одиночка как социальное явление.....	1390
Велиева С.В. (Чебоксары) Гендерные особенности социально-психологической адаптации детей 2-3 лет с ослабленным зрением	1391
Верещагина А.В. (Ростов-на-Дону) Российская семья в условиях глобальных изменений: смена парадигмальных оснований и их социологическая интерпретация	1394
Вильданова С.М. (Казань) К вопросу о феномене отцовств-одиночек.	1396
Галькевич К.В. (Санкт-Петербург) Гендерные ресурсы как важнейшая часть социального потенциала государственной политики в кризисных и посткризисных условиях развития мирового сообщества.....	1398
Горфин В.Л. (Москва) Семья военнослужащего в современном российском обществе	1400
Грешнова А.Ю. (Волгоград) Самореализация женщин в декретном отпуске	1404
Грудина Т.Н. (Москва) Российская семья: сто лет спустя	1405
Демкина Е.С., Павлова А.Н. (Москва) Кризис современной семьи: взгляд через столетие (по работам П. Сорокина).....	1407
Домасевич И.В. (Минск, Республика Беларусь) Гендерный порядок в Беларуси: традиции и новации.....	1409
Дорошенко М.Ю. (Белгород) Гендерная стратификация занятости в России.	1414
Дыжова А.А. (Могилев, Республика Беларусь) Гендерные особенности формирования правового сознания в молодежной среде.....	1416
Евстифеева Г.Г. (Владимир) Социальная справедливость и гендерное неравенство в современной России.....	1418
Егорова Н.Ю. (Нижний Новгород) Ценность семьи и семейные ценности: старое и новое	1420
Загребин В.В. (Ярославль) Гендерные стереотипы и восприятие политического курса: социологический дискурс.....	1422
Ивашкина А.О. (Волгоград) Аборт глазами женщин и мужчин: сравнительный социологический анализ	1425
Исаева О.В. (Санкт-Петербург) Трансформация семейных ценностей у молодежи.....	1426
Кадничанская М.И., Галкина Е.П. (Ульяновск) Институт семьи и брака в современном обществе: трансформация или кризис?.....	1428
Камнева А.В. (Санкт-Петербург) Гендер в IT: Положение женщин-разработчиков на отечественном рынке труда.	1430
Карасева А.С. (Саранск) Основы процесса сопровождения приемной семьи в современной России и Республике Мордовия: технологии, методы, методики.....	1432

Карпова В.М. (Москва) Динамика репродуктивных установок супругов в 1978-2016 гг (по материалам опросов супружеских пар).....	1434
Касаркина Е.Н. (Саранск) Роль семьи в оказании помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы	1436
Кашина М.А. (Санкт-Петербург) Гендерный ресурс государственной политики и управления: понятие и характер использования.....	1439
Кеммет Е.В. (Екатеринбург) Изменение положения женщин на рынке труда	1441
Кикоть А.С. (Москва) Молодая семья в России: специфика адаптации в полиэтничном социуме	1443
Клименко Н.С. (Красноярск) Сознательная женская бездетность («чайлдфри») как социальный и культурный вызов российской гендерной традиции	1445
Козина Ю.К. (Волжский) Суррогатное материнство в зеркале общественного мнения	1447
Козырева М.Ю. (Санкт-Петербург) Расторжение брака в Советский период в контексте трансформации семейной политики.....	1449
Коновалова Е.И. (Курск) Гендерные особенности поведения потребителей	1450
Костина А.А. (Санкт-Петербург) Проблема политического представительства женщин в современной России.....	1452
Ларионова И.В., Глухова Е.И. (Казань) Положение женщины в современном российском обществе.....	1454
Лебедева А.В. (Саранск) Практика социальной работы с жертвами семейного насилия в РФ.1455	
Ледяйкин Е.Е. (Саранск) Трансформационные процессы, происходящие в современной эрзянской семье	1458
Лесина Л.А. (Екатеринбург) Социальный конструкт семьи в трансформирующемся обществе: ориентиры студенческой молодежи.....	1459
Ляликова С.В. (Москва) Динамика репродуктивных установок населения по результатам социолого-демографических исследований 1978-2016гг.....	1461
Мартынова Ю.А. (Уфа) Влияние рекламы на формирование моделей полоролевого поведения в семье	1463
Матвеева М.Е. (Санкт-Петербург) Взаимосвязь типа семейных отношений молодых семей с местом их проживания.....	1465
Медведева Е.И., Крошилин С.В. (Москва) Экономические проблемы российской семьи.....	1466
Мясоедов А.И. (Москва) Проблема гендерного неравенства в органах законодательной власти	1468
Никитина Д.О. (Санкт-Петербург) Образ современной российской семьи	1470
Павлова А.В. (Санкт-Петербург) Неполная семья и ответственное родительство	1471
Пермякова Т.В., Куимов В.С. (Екатеринбург) Отцовство в контексте гендерной политики	1473
Прохоров А.И. (Москва) Российская семья в меняющемся мире	1475
Рассади́на Д.С. (Москва) Влияние гендерной ассиметрии на представление молодежи в политике и экономике.....	1477
Ротарь Е.М. (Курск) Эволюция образов женщины от революции 1917 года до наших дней ...	1480

Савинов Л.И. (Саранск) Некоторые социокультурные вопросы гендерной асимметрии российского общества.....	1482
Саляхиева Л.М. (Казань) Чайлдфри как объект социологического изучения: этапы и проблемы	1484
Сарапульцева А.В. (Екатеринбург) Динамика развития семейно-брачных ценностных ориентаций и моделей семьи в России 1917 – 2017 гг.	1486
Селезнева Л.М. (Москва) Гендерные особенности старения населения	1488
Со Сын Хюн (Сеул, Республика Корея) Проблематика семьи в России в контексте неотрадиционализма	1489
Столяров Д.В. (Минск, Республика Беларусь) Социальные роли мужчины женщины в контексте проблемы гендерного равенства.....	1491
Тимофеева О.С. (Волгоград) Брачный договор в восприятии молодёжи: социологический анализ	1493
Ушакова В.Г. (Санкт-Петербург) Гендерная политика в России: советский опыт и современные вызовы.....	1494
Фахрисламова Р. (Москва) Исследование соотношения желаемой и ожидаемой бездетности по результатам Микрореписи населения 2015 года.....	1498
Цветаева Н.Н. (Санкт-Петербург) Биографический метод в исследовании особенностей процесса демографической модернизации российской семьи.....	1500
Черепанова М.И., Гоношилова Т.О. (Барнаул) Институт отцовства в оценках студенческой молодежи Алтайского края.	1501
Чуракова О.В. (Архангельск) Судьбы российских «равноправов» и «культурниц» в период социального кризиса 1917-1922 гг.	1503
Чухина А.В. (Архангельск) Люди с инвалидностью как актуальные акторы современной политической и общественной жизни (по итогам социологического исследования в Архангельской области).....	1505
Шалькевич Н.И. (Иркутск) Социальное консультирование как технология работы с семьями, находящимися в трудной жизненной ситуации	1507
Шапкина А.Н. (Санкт-Петербург) Гендерная политика в России - советский опыт и современные вызовы.....	1509
Шевченко И.О. (Москва) Тенденции развития отцовства в России	1510
Яровая В.Е. (Владивосток) Возникновение детского магазина как показатель трансформации современной семьи.....	1512
Секция 12: Революция в питании: трансформация социальных практик питания в России	1514
Алексеева Т.Ю. (Москва) Типы и факторы повседневных практик питания населения России	1514
Антропов Ю.М. (Тюмень) Единство и дивергенция пищевой культуры у молодёжи и населения старших возрастных категорий.....	1518
Барбарук А.В. (Магадан) Вегетарианцы и мясоеды сквозь призму конфликта поколений.	1520
Борискина М.В., Набокин И.И. (Санкт-Петербург) Модные практики питания: причины и тенденции.....	1521

Верецкая А.И., Валуйских А.О. (Воронеж) Особенности структуры питания жителей современного города.....	1522
Веселов Ю.В. (Санкт-Петербург) Революции в питании: продукты, технологии и здоровье населения	1525
Волкова Т.И. (Челябинск) Недостаток йода в питании студентов как основной фактор снижения их физической и умственной активности	1525
Гурьянова Д.И. (Тольятти) Социальная практика питания: молодежь в начале 21 века	1528
Ерицян К.Ю., Одинокова В.А., Колпакова О.И. (Санкт-Петербург) Энергетические напитки: нормативный пищевой продукт или повод для беспокойства?.....	1530
Карапетян Р.В. (Санкт-Петербург) Практики питания мужчин Санкт-Петербурга и их жизнь: сравнительный анализ	1532
Карапетян С.-А.Р. (Санкт-Петербург) Роль музыки в практиках питания.....	1534
Курская В.А. (Москва) Распространение кулинарных традиций других стран как форма культурной экспансии (по материалам анализа рынка кулинарных книг в России).....	1536
Ларионова И.В., Антонова В.П. (Казань) Фастфуд - удобство или вред?	1538
Лебединцева Л.А. (Санкт-Петербург) Питание российских женщин и не только: ликбез продолжается?	1539
Лукьянчикова Д.С., Нишнианидзе О.О. (Курск) Тенденции питания в России сегодня: фастфуд.	1541
Мицких Д.А. (Барнаул) Социальные факторы трансформации рынка общественного питания в России.....	1543
Никифорова О.А., Тимофеева А.В. (Санкт-Петербург) Социальное пространство питания: запросы молодежи.....	1544
Павлова А.В. (Фрязино) Продовольственная безопасность России	1546
Пугачев М. (Барнаул) Фастфуд выстрел ли это в голову?	1548
Рахманов А.Б. (Москва) Факторы влиятельности национальных кухонь в глобальном кулинарном пространстве	1549
Рахматуллина З.Б., Королева Н.Л. (Уфа) Модели питания: вчера и сегодня	1551
Смелова А.А. (Санкт-Петербург) Дискуссии о практиках питания детей в современных индустриальных обществах	1552
Таранова О.А. (Санкт-Петербург) "Здоровая пища" в СССР. Трансформация советских практик здорового и правильного питания	1556
Тевари С. (Канпур, Индия) Struggling my way out with vegetarian dietary practices: an Indian introspect at St Petersburg.....	1557
Темкина В. (Санкт-Петербург) "Третьи места" в культуре питания: феномен кофеен Starbucks	1559
Тищенко А.А. (Санкт-Петербург) Фастфуд в современной России	1561
Урожаева Т.П. (Иркутск) Изменение структуры питания городского населения Восточной Сибири в 1990-2000 гг. (на примере Иркутской области и Красноярского края)	1562
Цзинь Цзюнькай (Санкт-Петербург) Революция в питании: Две тенденции глобализации питания.....	1565

Юзбашян Ж.В., Сергеева Ю.О. (Волгоград) Потребление фастфуда как современная тенденция питания в России.....	1567
--	------

СЕКЦИЯ 1: СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ

ПРОЕКТ БУДУЩЕГО В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Асочаков Ю.В. (Санкт-Петербург)

Задачей социальной науки является не столько решение теоретических и методологических проблем и поиск универсальной научной истины, сколько формирование проекта изменения социального мира. Социология нацелена на лучшее общество не только в своих макросоциологических теориях, концепциях социальных изменений, но даже в текущем анализе локальных сообществ и повседневных событий. Черты социальной утопии проступают в концепциях постиндустриального общества, в анализе некоммерческих организаций как “очагов” гражданского общества, в исследованиях урбанистами конфликтов из-за парковок и детских площадок. Несмотря на разнообразие масштабов социальных утопий и идеологических ориентаций исследователей, социологи образуют в общем единое эпистемическое сообщество. Рамки концептуальных и инструментальных проблем, формулируемых и решаемых ими, задаются явно или подспудно проектами общества, сочетающего индивидуальную свободу и социальное равенство. Предлагаемые современными социологами представления о совместной жизни людей как взаимодействиях акторов, intersubъективном конструировании социальной реальности, дискурсивных практиках, общезначимом нормативном порядке, функционировании структур, переплетении сетей и потоков возможны только на основе идей свободы и равенства. Без идей свободы самовыражения и равенства высказываний невозможны такие методы сбора данных, как анкетирование, интервью, контент-анализ и набирающие популярность техники Big Data. Подавляющее большинство социологических исследований проводятся как описание и объяснение настоящего – социальных явлений, наблюдаемых в режиме “здесь и сейчас”. На будущее как предмет изучения традиционно претендует футурология. Социология с ней в этом отношении практически не конкурирует – предметом социологии является не столько судьба человечества, сколько социальное будущее: актуальные в долгосрочной перспективе социальные структуры и способы социального взаимодействия. Существующие в социологии типы теоретизирования открывают разные перспективы его исследования. Одни парадигмы предполагают отношение к наблюдаемому настоящему как к моменту накануне будущего, модели которого становятся доминирующим предметом и противопоставляются объекту – существующему обществу. Другие парадигмы сводят исследование к систематизации и интерпретации объекта, делая констатации о наблюдаемом настоящем вневременными универсалиями, в которых социальное будущее присутствует в редуцированной форме теоретических идеализаций взаимодействий и структур. Есть и парадигмы третьего рода, представляющие наблюдаемое настоящее как исследовательский материал, из состояний и изменений которого выводятся перспективы социального будущего. Эти три подхода, характеризующиеся разным соотношением настоящего как очевидного объекта и будущего как не всегда отрефлектированного предмета, последовательно доминировали на этапах эволюции теоретической социологии. Первый подход доминировал на этапах эволюции социологии XIX – начало XX в., когда главной задачей исследователей считались сначала открытие универсального закона общественного развития, а затем типология универсальных форм социальной жизни. В работах Конта, Маркса, Энгельса, Милля, Спенсера социальные явления встроены в прогрессистские эволюционистские модели единой траектории движения к будущему обществу. Созданные полтора столетия назад социалистические и либеральные ожидания идеального индустриального общества как “свободной и равной ассоциации производителей” стали итогом позитивистского и материалистического проектов, хотя их специфику авторы полагали в строго научном анализе объективной реальности. Масштабные утопии основоположников науки об обществе и их концепции законов развития в классический период истории социологии уступили место иному типу теоретизирования. Э. Дюркгейм и М. Вебер больше стремились определить и структурировать предмет социологии. Однако в созданных классиками социологии типологиях социальности отчетливо видна ориентация на социальное будущее. Тенденции перехода от механической солидарности к органической, от традиционного действия к рациональному явно определяют в их представлении долгосрочные перспективы социальной реальности. Оба типа теоретизирования – открытие закона развития и типология социального – объект критики

историцизма К. Поппером. Скептическое отношение к существованию исторических тенденций и универсальных законов развития общества стало доминировать в научном сообществе во второй половине прошлого века. Критика историцизма выражала стремление большинства социологического сообщества придерживаться строгих стандартов научной объективности, предполагая концентрацию на фиксации наблюдаемого настоящего и избегание масштабных утверждений о будущем. Однако критика историцизма, вопреки целям Поппера, не доказывает принципиальную невозможность создания научной теории развития общества и результативного исследования социального будущего. Дефекты утопий, построенных на основе веры в закономерный ход истории, больше связаны с тем, что несбыточный образ будущего выводился авторами из априорных философских и этических доктрин, не из анализа собственно социальных процессов. Поэтому периодически возникают и увлекают часть научного сообщества новые модели универсальных законов развития и новые доктринальные утопии. Теория постиндустриального общества Д. Белла воспроизводит детерминистскую и стадийную логику классических теорий развития и предрекает скорое возникновение общества свободных и равных создателей знания. Возобладавший в середине XX в. новый подход к социологии как науке, избегающей историцистских доктрин, предопределил отношение к наследию классической социологии. В нём главным видится не сходство дюркгеймианской и веберовской схем сдвига от традиционного общества к современному, а расхождения между классиками в вопросе о природе объекта изучения: надындивидуальная реальность социальных структур или предшествующая структурам реальность индивидуальных действий. Структурные и агентные парадигмы сместили исследовательский фокус на наблюдаемое настоящее. Оно представляется либо как функционирование социальной системы и составляющих ее структур, либо как создание и поддержание социальной реальности взаимодействиями агентов. В рамках того типа теоретизирования, суть которого в систематизации объекта и объяснении сложившегося социального порядка функциональностью его структурных компонентов, будущее может быть лишь продолжением социальных процессов в настоящем. Структурный функционализм, достигший совершенства в теоретических работах Т. Парсонса и его последователей, породил модели социальной системы в состоянии полной интегрированности и устойчивого равновесия. Будущее здесь представлено лишь как результат экстраполяции настоящего. Линейный рост при сохранении базовых характеристик – единственная перспектива модели, где только две формы социальной динамики: функциональная дифференциация и структурная интеграция. Созданная на основе теории Парсонса концепция модернизации оказалась хорошей ретроспективной моделью социальной динамики, но не способной показать перспективу социальных изменений. Сфокусированное на наблюдаемом настоящем структурно-функционалистское теоретизирование рано или поздно испытывает “шок будущего”, когда предполагаемый линейный рост прерывается непредвиденными тенденциями. “Бунт” постмодернистской культуры в обществе изобилия западного типа, антимодернистский фундаментализм, начало которому положила “исламская революция” в Иране, глобализация и техногенные катастрофы заставили теоретиков систем и структур искать новые пути исследования будущего. Социальное будущее как предмет изучения вернулось в макросоциологию в последние два десятилетия XX в. как концептуализация рисков, неопределенностей, хаоса и бифуркаций (У. Бек). Эффект консервативного, даже апологетического описания общества структурным функционализмом вызван не столько политическими или этическими установками его теоретиков, сколько тем, что в качестве средств описания наблюдаемого настоящего использовались принимаемые за вневременные универсалии идеально-типические конструкции. Идеализации структур у Парсонса были, буквально по Веберу, теоретическими утопиями, выражающими интерес эпохи. Таким образом, социальное будущее неявно остается предметом даже в теориях, нацеленных на анализ только настоящего, но оперирующих понятиями, которые являются редуцированными образами ожидаемого лучшего общества (где каждый элемент полезен и на своем месте), чем обобщениями данных о существующей реальности.

Третий подход в социологии представлен версиями критической теории. Первоначальная концепция такой теории, выдвинутая в 1930-х гг. теоретиками Франкфуртской школы, была неомарксистской рефлексией “конформизма” традиционной теории, ориентированной на согласование своих установок с существующим положением дел (фактами) и на позитивную оценку равновесия социальной системы. Замкнутой в настоящем социологии противопоставлялась теория, ориентированная на отрицание, то есть раскрытие “неистинности”, относительности настоящего и на утопию как выведение модели лучшего общества из эмпирически фиксируемых

тенденций (Г.Маркузе). Социальное будущее, таким образом, становится определяющим предметом исследования. Сходное соотношение объекта и предмета исследования видим в 1960-х гг. в социальном акционализме (А. Турен) и постмодернистской теории (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ф. Гваттари). В этих теориях релятивизация объективной реальности господствующих институтов и паттернов неизбежно приводит к идеям сопротивления их власти и к попыткам концептуализации альтернативных форм социальной жизни, к поддержке антисистемных проектов и движений. Вторую половину XX в. неомарксистская и постмарксистская альтернативы социологическому мейнстриму оставались для большинства научного сообщества экстравагантными инициативами, далекими от объективного изучения существующего положения дел, фактичности настоящего. Но в начале XXI в. стала заметна новая тенденция: социология стремится “назад в будущее”. Выражением этого стремления стала тема форума Международной социологической ассоциации “Будущее, которого мы хотим: глобальная социология и борьба за лучший мир” в Вене в июле 201. Эта же логика исследования как социального активизма, открывающего перспективу лучше-го будущего, положена в основу движения за “публичную социологию”, инициированного М. Буравым. Другим выражением “поворота” к будущему является теоретизирование, нацеленное на преодоление рамок, заданных дилеммой “структуры или действия”. В поисках решающей метафоры для обобщения актуальных социальных изменений и для концептуального обновления социологии теоретики обращаются к понятиям “сеть”, “поток”, “текучесть”, “мобильность”. Новые метафоры ориентируют социологию не на позитивистское видение объективности как “вещей”, то есть фиксированных целостностей, но на исследование рассеянной и темпоральной объективности. Обобщая названные тренды и движения в социологии начала века, можно сделать вывод, что лидеры международного социологического сообщества пытаются задать новую исследовательскую повестку, в которой социальное будущее, социальные изменения, социальный активизм и перспектива лучшего общества становятся ключевым предметом.

НОВЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЙ АКТИВИЗМ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ БИОТЕХНОЛОГИЙ

Богомягкова Е.С. (Санкт-Петербург)

В 2017 году мировая общественность отмечает 100-летие Великой русской революции. Не остается в стороне и социологическое сообщество. Данный юбилей – это повод не только критически взглянуть на события уходящего века, но и обратиться к будущему современных обществ. Ученые [1; 4] справедливо отмечают, что проблема будущего становится одной из центральных в повестке дня современной социологии.

Прогнозирование на основе эмпирически наблюдаемых индикаторов в настоящем оказывается преобладающей формой рассуждений, а образ будущего формулируется на основе экстраполяции выявленных тенденций. Принято говорить о рисках усиления и углубления глобального социально-экономического неравенства, либеральной или социалистической перспективе развития современных форм капитализма, угрозе экологической безопасности, распространении новых и традиционных религиозных идеологий. Осмысление актуальных социальных тенденций ведется в рамках теорий глобального, потокового, сетевого, информационного общества. Однако, очарованные распространением информационных технологий, сконцентрированные на экологической проблематике, социологи оставили без внимания еще один тренд в развитии современного общества – колоссальное, не имеющее аналогов в истории, развитие биомедицинского знания и биотехнологий. Не случайно XXI век называют «веком биологии» или «молекулярным веком». Теперь «множественность существующих представлений о будущем связана с той неопределенностью этого будущего, которая обусловлена «сложностным» характером ставших видимыми зависимостей между социальными институтами и генетическим фундаментом человеческого тела» [2, с. 128]. Указанная проблематика широко представлена в поле философии, в том числе в рамках таких исследовательских направлений, как *human enhancement*, угрозы гуманизму, трансформация научной этики, формирование биоэтики, риски и вызовы будущему человечеству, и т.д.

В то же время, открытия в биологии, медицине и генетике оказывают существенное влияние на социальные институты и идентичности, социальные отношения и практики. Социологи уже не могут не замечать это воздействие и вынуждены совершить некоторый «поворот к

биологии». Здесь мы кратко остановимся на рассмотрении новых форм активизма и социальной идентичности, в основании которых лежит новое биомедицинское знание.

Кризис традиционных идентичностей (класс, гендер, этничность) и рост рефлексивности являются одними из ключевых характеристик современности. В результате можно наблюдать увеличение числа социальных групп и общностей, основанных на различных особенностях и имеющих транснациональный характер. Характерным трендом здесь является рост активности религиозных объединений [3]. В то же время, в условиях современных открытий в биомедицине основания социальности и солидарности ищутся в биологическом и генетическом фундаменте, который благодаря специфической научной логике, воспринимается как конечный и более надежный по сравнению с другими вариантами. Для описания новых форм идентичности и социального активизма в понятийном аппарате современной науки используются такие категории, как биологическое [6] и генетическое [5] гражданство. Здоровье человека, его физиологическое благополучие становятся не просто биологической данностью, но и полем выбора, ответственности, прав и обязанностей, а социальные сообщества и формы публичной активности базируются на биологических реальностях, общих для определенных индивидов или групп, — физиологических особенностях, общих генах и т.д. В качестве примера можно указать на различные группы пациентов и их родственников — людей с синдромом Дауна, онкологических больных, пациентов, страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями, бесплодные пары и т.д. Эти группы являются примером новых форм социальности и групповой сплоченности. Зачастую объединение и поиск «единомышленников» происходят в сети Интернет (особенно, когда речь идет о специфических малочисленных группах с редкими заболеваниями) — формируется дигитальная биосоциальность (digital biosociality).

Сегодня сложилось две формы социального активизма в защиту лиц с ограниченными возможностями, которые по-разному используют современные открытия биологии и медицины: социальная модель и биологическая модель. Первая поддерживает взгляд на инвалидность не как на болезнь, а как на результат социальной дискриминации и исключения, вторая использует специализированное медицинское знание для формирования собственной идентичности и коллективных действий на основе общих биологических и физиологических характеристик. Представления о генетических реальностях и рисках обсуждаются, оспариваются и конструируются в процессе взаимодействия активистов общественных движений, групп пациентов с институтами государственной власти, научным сообществом, медицинскими организациями. В ходе таких контактов поднимаются не только вопросы преодоления дискриминации, но и выдвигаются требования проведения дальнейших исследований, разработки более эффективных лекарств, обеспечения экономической поддержки уязвимым группам.

Биологизируется не только инвалидность, но и некоторые поведенческие практики — например, стеснительность, нетрадиционная сексуальная ориентация, склонность к переяданию, и т.д. Представители подобных сообществ различными способами используют открытия «рискованных» генов (suspicious genes) — генов, которые современная наука рассматривает как детерминанты некоторых видов заболеваний и поведения. У одних научные аргументы снимают чувство вины, избавляют их от ощущения социального стыда за тот или иной индивидуальный стиль жизни или особенности поведения, другими научные новации воспринимаются как опасность распространения селективных практик для предотвращения рождения людей с данными особенностями в будущем.

Таким образом, биосоциальность, биологизация и даже генетизация идентичностей могут трактоваться как маркер социальных изменений, а биологическое и генетическое гражданство — как индикатор новых форм социальности и активизма и новых отношений между социальными акторами, медицинским знанием и экспертным сообществом. Хотя во многих случаях требования подобных сообществ имеют положительные последствия для ранее маргинализированных или исключенных лиц или групп, тем не менее в результате биологизации или генетизации социальных идентичностей возникают новые формы неравенства, стигматизации и символического исключения. Значительный научный интерес здесь представляет изучение процесса образования новых идентичностей, их легитимации и конвертации в символический, экономический, политический капитал.

1. Иванов Д. В., Асочаков Ю. В. Социальное будущее в перспективе диалектической теории // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 3 – 12.

2. Киященко Л.П., Гребенищикова Е.Г. Молекулярный век — «окраина вечности»? // Человек. 2014. №3. С. 127 – 137.

3. Островская Е. А. Множественные современности ортодоксального еврейства Санкт-Петербурга // *Социологические исследования*. 2017. № 5. С. 93 – 102.
4. Романовский Н.В. Будущее как проблема современной социологии // *Социологические исследования*. 2015. №11. С. 13 – 22.
5. Kerr A. *Genetics and Citizenship* // *Society*. 2003. N 40(6). P. 44–50.
6. Rose N. *The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power and Subjectivity in the Twenty-First Century*. Princeton: Princeton Univ. Press, 2007.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ СОЦИОЛОГИ В ЭМИГРАЦИИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Бочкарева В.И. (Санкт-Петербург)

Эмиграция как социальное явление означает выезд из своей страны в другие страны на работу, постоянное место жительства (на более или менее длительный срок) по политическим, экономическим, религиозным и другим причинам. Эмиграция отечественных социологов была, как правило, вызвана конфликтом с властью. В XIX в. она скорее была постоянной и временной, добровольной и вынужденной (Л.И. Мечников, П.Л. Лавров, Б.А. Кистяковский), а после революции 1917 г. – вынужденной и принудительной. Процесс эмиграции в биографиях социологов имеет свою специфику.

Так, П.И.Новгородцев (1866-1924) – известный в России и за границей профессор права («юрист-социолог»), политический деятель, член партии кадетов, в 1918 г., избегая ареста, перебрался в расположение белых армий (А.И. Деникина, П.Н. Врангеля). Во время Крымской эвакуации в сентябре 1920 г. выехал из Севастополя сначала в Берлин, а в конце 1920 г. – в Прагу.

Н.С. Тимашев (1886-1970) с 1918 по 1921 г. - профессор кафедры общей теории права и декан экономического отделения Петроградского Политехнического института. В августе 1921 г. получил в институте предупреждение об угрозе ареста по «делу В.Н. Таганцева», и, не заходя домой, перешел на нелегальное положение и бежал из России через Финляндию в Европу. Сфальсифицированное дело «Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева» – одно из первых после революции 1917 г., по которому расстрелу подверглись представители научной и творческой интеллигенции. В Европе Тимашев сначала находился в Берлине, затем в Праге и в Париже. В 1936 г. уехал в США в Гарвардский университет по приглашению П. Сорокина.

Г.Д. Гурвич (1894-1965), друг Сорокина и Тимашева, окончил юридический факультета Петроградского университета в 1917 г. (куда переведен из Юрьевского университета) и оставлен на факультете для приготовления к профессорскому званию в качестве приват-доцента. Из-за неприятия октябрьской революции эмигрировал в 1920 г. в Европу (Берлин, Прага, Париж, где занимался преподавательской, научно-исследовательской и издательской деятельностью). В 1928 г. принял французское гражданство. В 1940 г. после поражения Франции в войне он уехал в Нью-Йорк, где возглавил Французский институт социологии, а в Гарвардском университете читал курс по социологии знания. Во Францию вернулся в 1945 г.

П.Б.Струве (1870-1944) с 1906 по 1917 г. – профессор Санкт-Петербургского политехнического института, в мае 1917 г. был избран академиком РАН (исключен большевиками в 1928 г.). К большевистской революции относился отрицательно. Принимал участие в формировании Добровольческой армии совместно с П.Н. Милоковым. В феврале 1918 г. ему пришлось покинуть армию и пробираться в Москву, где он жил на нелегальном положении. Принимал участие в создании антибольшевистской организации «Национальный центр». После покушения на Ленина и начала «красного террора» покинул Москву, а в ноябре 1918 г. нелегально перешел финскую границу и уехал в Париж. В РСФСР был приговорен к расстрелу. В октябре 1919 г. вернулся в Россию и вошел в члены Особого совещания при генерале А.И. Деникине. После поражения Деникина выехал в Константинополь и вошел в состав правительства генерала П.Н. Врангеля (начальником управления иностранных дел). Эвакуация войск из Крыма застала его в дипломатической командировке.

П.А. Сорокин (1889-1968) разработал план своего спасения в «царстве смерти». В этом ему оказал помощь И.М. Шумилов, председатель Северо-Двинского губисполкома, муж Екатерины Покровской (родственницы Сорокина). В доме Покровских Сорокин хранил запас золота, который пошел на подкуп сотрудников ЧК и Исправдома, чтобы те не пустили его «в расход». В газете «Крестьянские и рабочие думы» 29 октября 1918 г. было напечатано письмо Сорокина о его выходе из партии эсеров, отказе от «всякой политической деятельности» и возвращении к чисто научной работе. 30 октября он был арестован как «белогвардеец и личный секретарь Керенского».

Далее все пошло по цепочке. Шумилов позвонил М.К. Ветошкину (Председателю Вологодского губисполкома), тот - Ш.З.Элиаве (Продкомиссару Вологодского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов), Элиава связался с Г.Л. Пятаковым и Л.М. Караханом, занимавшим должности в правительстве РСФСР. Ветошкин, Элиава, Пятаков и Карахан были дружны с Сорокиным в студенческие годы (Элиаве, Пятаков и Карахан расстреляны в 1937 г.). Пятаков и Карахан ознакомили Ленина с «отречением» известного эсера и тот использовал письмо для привлечения на сторону большевиков противников нового режима. Для этого письмо «небезызвестного» Сорокина было перепечатано в «Правде» 20 ноября 1918 г., а 21 ноября в этой газете опубликована статья Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина».

В 1922 г. в журнале «Экономист» (№ 1) была помещена статья Сорокина «Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную формацию». В том же году в журнале «Под знаменем марксизма» Ленин опубликовал статью «О значении воинствующего материализма», в которой писал, что ему прислали этот журнал, где в якобы «социологическом исследовании» Сорокина «О влиянии войны» даны многочисленные ссылки на труды автора и его «многочисленных заграничных учителей» в угоду реакции и буржуазии. В июне 1922 г. «Экономист» был закрыт.

Выслали Сорокина из Москвы, где его меньше знали и где Карахан помог ему достать паспорт и разрешение на выезд, за что получил «головомойку» на заседании Совнаркома. С Московского вокзала 23 сентября 1922 г. первая группа высланных с Сорокиным была отправлена поездом через Ригу в Берлин.

Особое место в эмиграции русских ученых занимает их высылка из России в 1922 г. Эта высылка должна была стать для международной общественности демонстрацией «гуманизма по-большевистски». Среди высланных после тюремных и домашних арестов наибольшее число составляли представители гуманитарных профессий, известные в России и за рубежом. Московская группа была представлена Н.А. Бердяевым, С.Л. Франком, И.И. Ильиным, Ф.А. Степуном. Из Петрограда выслали философов Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского, юриста А.А. Боголепова, экономистов, журналистов, студентов.

В эмиграции деятельность отечественных социологов (преподавательская, научная, издательская) начиналась в Берлине, который называли «столицей русского Зарубежья». С 1920 г. в Берлине была создана Русская академическая группа с целью собрать преподавателей вузов для общения русских ученых, защиты их правовых, научных, профессиональных интересов, чтения лекций по отдельным отраслям научного знания и содействия проживанию в Германии. Гурвич читал там курс «Об идее неотъемлемого права лиц». В 1922 г. в Берлине заработал Русский научный институт для оказания помощи русской молодежи в получении высшего образования. Ректором института был избран В.И. Ясинский, проректором – С.Л. Франк. К преподаванию были привлечены Струве, Гессен и Гурвич.

Русский юридический факультет был создан в Праге в 1922 г. по инициативе Новгородцева, который был его деканом до 1924 г. Инициатива создания факультета была поддержана МИД Чехословакии, а Карлов университет оказывал поддержку в его работе. Кроме Новгородцева на факультете преподавали А.А. Чупров, Струве, Тимашев, Е.В. Спекторский, Н.О. Лосский и др.

В заключение следует отметить, что тема эмиграции российских социологов является такой многогранной, что может быть предметом специального исследования. Она имеет не только иллюстративный, биографический характер, но помогает лучше понять содержание процесса становления и развития отечественной социологии.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАСИЛИЯ: РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ТРИБУНАЛЫ КАК РЕПРЕССИВНО КАРАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ГОДЫ

Бразевич С.С. (Санкт-Петербург)

Революционные трибуналы были созданы в соответствии с декретом Совета Народных Комиссаров (СНК) "О суде" № 1 от 22 ноября 1917 г. взамен существовавшей до этого времени системы судебных учреждений. Они были учреждены с учетом революционных исторических традиций и накопленного практического опыта для борьбы с противниками коммунистического режима и преступностью. В своих решениях и выборе меры наказания ревтрибуналы

руководствовались не оставшимися в действии законами, а "обстоятельствами дела и велениями революционной совести".

Статистическое отделение Народного Комиссариата Юстиции в начале ноября 1918 г. разослало анкетный лист, утвержденный на I Всероссийском съезде председателей революционных трибуналов, в 41 революционный трибунал по списку, составленному Кассационным отделом ВЦИК. Этот анкетный лист в целом ряде вопросов касался как организации, состава, порядка образования революционных трибуналов, так и самой их деятельности. Ответы были получены лишь из 32 революционных трибуналов и не на все вопросы анкеты. Но, несмотря на это, для характеристики деятельности революционных трибуналов за прошедший год после Октябрьской революции, полученный материал представляет научную ценность [1].

Анкетирование дало интересный материал об организации революционных трибуналов, следственных комиссий, коллегий обвинителей. Состав революционных трибуналов почти везде был одинаков, в него входили: председатель, его заместитель, секретарь и шесть очередных народных заседателей. В большинстве случаев состав революционных трибуналов избирался губисполкомами. Это было определенным отходом от декрета о суде № 1, где в статье 3 говорилось, что учреждаются рабочие и крестьянские революционные трибуналы в составе одного председателя и шести очередных заместителей, избираемых губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [2], а также нарушением Инструкции революционным трибуналам от 19 декабря 1917 г., предусматривавшей избрание революционного трибунала Советами рабочих и крестьянских депутатов в составе постоянного председателя, двух постоянных заместителей, одного постоянного секретаря, двух его заместителей и сорока заседателей [3]. Порядок выдвижения кандидатов был весьма разнообразным. В ряде случаев они выдвигались губернскими комитетами Коммунистической партии (например, в Тульский и Тамбовский революционные трибуналы), в других - это делалось по соглашению с фабрично-заводскими комитетами (например, в Тверской и Рыбинский революционные трибуналы), в третьих - отделами юстиции, волостными Советами (в Великоустюжский революционный трибунал). В одних революционных трибуналах председатель, заместитель, народные заседатели избирались на неопределенный срок с правом отзыва в любое время (Вологодский, Рязанский трибуналы), в других - на 3 месяца (Елецкий, Калужский, Кронштадтский), в третьих - на 1 месяц (Рыбинский, Курский, Смоленский). В ряде трибуналов (Тульский, Тамбовский, Иваново-Вознесенский, Псковский, Невельский) заседателей избирали на каждую сессию трибунала. Инструкция же от 19 декабря 1917 г. предусматривала избрание председателя, его заместителей, секретаря и двух его заместителей сроком на три месяца Советами, но они же могли быть отозваны Советами и до истечения срока. Заседатели по этой инструкции избирались Советами в количестве сорока человек. Исполнительные комитеты Советов избирали заседателей из этого общего списка путем жеребьевки на один месяц, причем составляли очередной список в количестве шести очередных и одного-двух запасных заседателей на каждую сессию. Сессия очередного состава революционного трибунала должна была продолжаться не более одной недели.

Следственные комиссии существовали при всех революционных трибуналах, кроме Великоустюжского и Кронштадтского. Создавались эти комиссии по-разному. По Инструкции от 19 декабря 1917 г. следственные комиссии создавались уже не при Советах, а при революционных трибуналах в составе шести человек. Избирались они Советами.

Коллегии обвинителей существовали во всех революционных трибуналах, кроме четырех - Вологодского, Иваново-Вознесенского, Рыбинского и Невельского. В соответствии с декретом СНК "О революционных трибуналах" [4] от 4 мая 1918 г. коллегия обвинителей учреждалась при каждом революционном трибунале в составе не менее трех лиц, избираемых местными Советами непосредственно или по представлению революционного трибунала или Народного комиссариата юстиции.

Представляет интерес персональный состав революционных трибуналов. По сведениям, поступившим из 29 революционных трибуналов, в их составе в качестве председателей, заместителей председателей и секретарей не было ни одной женщины. Возрастной их состав был следующим: в большинстве старше 25 лет, лишь в 5 революционных трибуналах председатели были моложе 25 лет, заместители - в 6, секретари - в 13. По образовательному уровню картина была следующей: в 5 революционных трибуналах председатели были с высшим образованием, в 10 - со средним; в 2 революционных трибуналах заместители председателей были с высшим

образованием, в 3 - со средним; секретари - в 1 революционном трибунале с высшим образованием, в 10 - со средним. Такой образовательный уровень работников революционных трибуналов объяснялся в значительной степени негативным отношением части интеллигенции к Советской власти и социальным составом революционных трибуналов. По социальному составу председатели, заместители и секретари революционных трибуналов были в большинстве рабочими. Председателями и заместителями председателей революционных трибуналов в основном были коммунисты. Так, из 27 революционных трибуналов только в 4 председатели не были коммунистами, заместитель председателя только в одном не был коммунистом. В 26 трибуналах картина в отношении партийного состава секретарей была следующей: в 14 трибуналах ими являлись коммунисты. В работе 27 революционных трибуналов участвовало 1358 заседателей, в большинстве своем старше 25 лет. Лишь в 7 революционных трибуналах заседатели были моложе 25 лет. Образовательный уровень заседателей был невысок, преобладали лица с низшим образованием, но в 7 революционных трибуналах были заседатели со средним и даже высшим образованием (Курский и Орловский). Заседателями в основном были мужчины - 1314 из 1358, женщин было 3% всех заседателей. По социальному положению из 865 заседателей рабочих было 498, служащих - 52, советских работников - 315. Значительное количество советских работников являлись по своему социальному положению или рабочими или служащими. В качестве заседателей привлекались лица, тесно связанные с Советской властью.

Такой партийный, социальный, возрастной состав революционных трибуналов в целом обеспечивал правильную уголовную политику Советского государства в борьбе с наиболее опасными преступлениями и, прежде всего, с контрреволюционными.

1. Берман Ю. О революционных трибуналах // Пролетарская революция и право. 1919. № 1 (11). С.47-78.
2. Свод Установлений РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.
3. Свод Установлений РСФСР. 1917. № 12. Ст. 170.
3. Свод Установлений РСФСР. 1918. № 35. Ст. 471.

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ П. СОРОКИНА: ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Буланова М.Б. (Москва)

Работа П. Сорокина «Социология революции» была написана в 1922-1923 гг., однако ее положения не потеряли актуальности для современной социологии.

Уже во введении автор делает поразительное признание, относящееся к самому феномену революции: «Кто может сказать, как широко разольется пожар революции? Кто вполне уверен в том, что если не сегодня, то завтра ее ураган не снесет и его дом? Ignoramus [не знаем]. Но зато мы можем знать, что она такое?» [1, 22]. П. Сорокин призывает нас изучать этот феномен, а не предсказывать его.

Мир к настоящему времени пережил много революций, сегодня мы отмечаем столетие октябрьской революции 1917 г. в России, историками по поводу ее причин, хода и последствий написано немало книг. Однако только социологу было под силу поставить вопрос не о причинах конкретной революции 1917 г., а о причинах «революции вообще», и только великий социолог мог сделать вывод, что иной ответ не возможен, кроме как «что люди сами хотят всего этого». А значит «пока люди таковы, каковы они есть, катастрофы (в том числе и революции. – М.Б.) остаются великими воспитателями человечества».

Прежде всего, для П. Сорокина было совершенно ясно, что «подлинная природа Революции совсем не похожа на те романтически-иллюзионистические представления о ней, которые столь часто складываются у безусловных ее апологетов» [1,33].

С явлением романтизации революции со стороны радикально настроенной интеллигенции он столкнулся лично, приехав в 1924 г. в университеты Висконсина и Иллинойса (США) для чтения лекций о России. Сам П. Сорокин этот недружественный прием объяснил так: «Поскольку в лекциях я особенно упирал на деструктивность, жестокость и зверства пяти первых лет коммунистической революции, это вызвало у них протест по отношению ко мне и моим лекциям. Эта оппозиция мне длилась несколько лет и проявлялась в различных попытках дискредитировать не только мои лекции и работы по русской революции, но и саму мою научную деятельность и публикации по другим проблемам» [3, 165-166]. Только вмешательство и поддержка известных

американских социологов Ч. Элвуда, Ч. Кули, Э. Росса, Ф. Гиддингса спасли ученого от обвинения в научной некомпетентности и политической нелояльности.

Публикация на английском языке в США труда «Социология революции» в 1925 г. в какой-то степени была его научной реабилитацией. В этой книге он убедительно, ссылаясь на факты, доказал, что ненависть, сумасшедшая борьба, зверства сопутствуют любой великой революции. Раскрывая сценарий революции, ученый замечал, что на первой фазе ей сопутствует агрессия. Агрессия находит свое выражение, как в революционных действиях, так и в криминализации общества: «Революция – фактор не только криминализирующий, но эссенция и квинтэссенция самой кровавой и жестокой преступности». Как отмечал П. Сорокин, преступления в революционной России приобретали «легальные формы» и огромная часть уголовных преступников вошла в ряды чекистов. Вторая стадия революции сопровождается возрастающим страхом, поскольку «прививка тормозов» - условных рефлексов, позволяющих человеку контролировать свое поведение в соответствии с социальными нормами, осуществляется радикальными мерами: «Кто не слушается власти – тому смертная казнь. Кто не работает – тот не ест. Кто крадет – расплачивается жизнью или тягчайшим наказанием. Кто плохо исполняет свои обязанности – изгоняется. Кто убивает – того самого убивают без пощады». В страхе человек перестает принадлежать себе, движимый стремлением – устранить угрозу и избежать опасности. Общий вывод, который делает социолог: «Общество, не умеющее жить, не способное своевременно производить целесообразные реформы и бросающееся в объятия революции, платит за эти грехи вымиранием значительной части своих членов». [1]. Такой социологический сценарий революции уничтожал ее «романтический» образ.

«Революция — это прежде всего определенное изменение поведения членов общества, с одной стороны; их психики и идеологии, убеждений и верований, морали и оценок, — с другой» [1, 32].

И этот вывод был доказан собственной биографией социолога. Так, он писал в своей автобиографии: «Революция 1917 года разбила вдребезги мои взгляды на мир, вместе с характерными для них позитивистской философией и социологией, утилитарной системой ценностей, концепцией исторического прогресса, как прогрессивных изменений, эволюции к лучшему обществу, культуре, человеку. Вместо развития просвещенной, нравственно благородной, эстетически утонченной и творческой гуманности война и революция разбудили в человеке зверя и вывели на арену истории, наряду с благородным мудрым и созидательным меньшинством, гигантское число иррациональных человекоподобных животных, слепо убивающих друг друга, разрушающих все великие ценности, ниспровергающих бессмертные достижения человеческого гения и поклоняющихся вульгарности в ее худших формах». Короткий, но поучительный опыт участия в революции потребовал пересмотра взглядов: «В это время я испытал на себе и видел слишком много ненависти, лицемерия, слепоты, зверств и массовых убийств, чтобы сохранить в неприкосновенности восторженное и бодрое мироощущение, и именно эти исторические обстоятельства... начали процесс переоценки моих ценностей, перестройки моих взглядов и изменения меня как личности» [3, 166-167].

Итак, по мнению П. Сорокина, революции – одно из социальных бедствий, включающих также войны, голод и эпидемии [2, 147]. А в любом социальном бедствии происходит поляризация общества: люди разделяются на «святых» и «грешников», на тех, кто бескорыстно и самоотверженно приносят себя в жертву, и тех, кто на этом бедствии наживается. Причину этого парадокса нужно искать «в противоположных стимулах, порождаемых революционными переворотами», когда проявлениям «аморальности и антисоциальности противостоят благородство и духовность» [2, 146].

Для социолога особенно важны образцы благородного поведения участников революции, про которых он пишет: «Другие, потрясенные страданиями ближних, становятся общественными деятелями и благодетелями человечества, отдающими все свои силы на то, чтобы смягчить существующее зло и облегчить страдания людей, независимо от партийной и классовой принадлежности тех, кого они хотят облагодетельствовать». Этот выбор гуманизма и альтруизма легче сделать в отношении близких: «Еще чаще героические и альтруистические поступки совершаются в пользу родственников или друзей, которым угрожает арест, казнь, изгнание, страдание от тех или иных лишений – поступки, для совершения которых требуется бескорыстное пожертвование личным имуществом, а иногда и самой жизнью». Вместе с тем, этот выбор волен совершить каждый, меняя свой внутренний мир: «Бывает так, что некоторые члены прежде привилегированных классов, осознав несправедливость дореволюционного порядка, меняют свои

взгляды и вырабатывают в своей душе более высокие нравственные и религиозные идеалы» [2, 146-147].

Если такой выбор совершается в душах большинства людей, есть реальная возможность не только преодолеть социальные бедствия, но и впредь не допустить их: «Люди с трансцендентальной системой ценностей и глубоким чувством нравственного долга обладают ценностями, которых не может у них отнять ни один человек и никакая катастрофа. При всех обстоятельствах они сохраняют мир в душе, чувство собственного достоинства и чувство долга. Обладая такими качествами, они способны вынести любое испытание, каким бы тяжелым оно ни было» [2, 243].

Поэтому рецепт избавления человечества прост: «Если обретены ценности Царства Божьего, тогда великие бедствия перестанут быть необходимыми и потеряют смысл в человеческой истории» [2,244].

Поразительно актуально звучат следующие предостережения П.А. Сорокина: «Ни один из существующих рецептов, как избежать международных военных конфликтов и гражданских войн или других форм кровавых межчеловеческих усобиц, не может не только уничтожить, но даже заметно уменьшить эти конфликты. Под такими популярными рецептами я подразумеваю прежде всего уничтожение войн и конфликтов политическими средствами, особенно вследствие демократических политических преобразований. Даже если завтра весь мир станет демократическим, все равно войны и кровавые стычки не исчезнут, поскольку демократии оказываются не менее воинственными и неуживчивыми с соседями, чем автократические режимы» [3, 195].

То же самое относится и к образованию, продолжает ученый: «Завтра все взрослые в мире могут стать докторами наук, и все рано войны будут продолжаться» [3, 196]. Самый образованный XX в. является самым кровавым из всех предшествующих двадцати пяти веков греко-римской и европейской истории.

Потомкам великого ученого предстоит воплотить в жизнь это завещание П.А. Сорокина, усвоив следующий урок: «Без значительного увеличения бескорыстной, созидательной любви во внешне проявляемом поведении, межличностных и межгрупповых взаимоотношениях, в общественных институтах и культуре в целом, прочный мир и гармония между людьми невозможны» [Там же].

1. Сорокин П.А. Социология революции. – М.: РОССПЭН, 2005.
2. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий. Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. – Санкт-Петербург: Изд. дом «Мирь», 2012.
3. Сорокин П.А. Дальняя дорога. Автобиография. – М.: «ТЕРРА», 1992.

ТЕОРИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ К.МАРКСА В СТОЛКНОВЕНИИ С РЕАЛЬНОСТЬЮ

Быков В.П. (Санкт-Петербург)

*Нельзя ценить человека больше, чем истину.
Платон*

Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — вовсе не вопрос теории, а практический вопрос. В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления.

Маркс

Рассматривается теория пролетарской революции, созданная Марксом как практическое руководство к действию. Это обстоятельство не дало автору возможности увидеть пролетарскую революцию как целое, со всеми её (основными) особенностями и отдалёнными перспективами.

Ключевые слова: пролетарская революция, капиталисты и пролетарии, диктатура пролетариата, революционное насилие, первая фаза коммунизма.

В полушутливой анкете, однажды предложенной ему дочерью, К.Маркс на вопрос, каков его любимый девиз, ответил: "Подвергай всё сомнению". Анализ работ Маркса, жизненного пути

этого человека приводит, однако, к выводу о том, что в действительности ему гораздо ближе был тезис, сформулированный в своё время Конфуцием: "Знающий не сомневается, человечный не тревожится, смелый не боится" [1; 32]. В правильности теории пролетарской революции, как и вообще выработанного им, совместно с Ф.Энгельсом, "диалектико-материалистического мировоззрения", Маркс никогда не сомневался. И, думается, причина этого во многом заключалась в его натуре, натуре человека, обладавшего колоссальной энергетикой, чрезвычайно деятельного, волевого, амбициозного и потому весьма авторитарного (эту особенность характера Маркса отмечали многие его лично знавшие люди). Занятий только наукой ему было недостаточно, чтобы жить полной жизнью. Он хотел большего: вполне практически, в отличие от прежних философов, революционным образом "изменить мир" [2; 7].

Ещё Платон писал о том, что важнейшим качеством философа, отличающего его от всех прочих людей (а Маркс, как известно, защитив диссертацию на тему "Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура", получил в Йенском университете степень доктора философии), должно быть, - наряду с мужественным стремлением к истине и способностью охватывать мыслью бытие как целое, - способность рассуждать, рассудительность. Эта способность, полагал Платон, дана очень немногим людям, людям уравновешенным, властвующим над своими чувствами [3; 264-270, 284]. Маркс же, как натура увлекающаяся, находился под влиянием чрезвычайно сильных эмоций. При этом, конечно, было бы ошибкой забывать, что эпоха, в которой он жил, эпоха "первоначального накопления капитала", а, точнее, - эпоха становления рыночного хозяйства в Западной Европе и Северной Америке, весьма способствовала острому переживанию действительности многими жившими в то время "наблюдателями". Далеко не один лишь Маркс попал под давление происходивших событий. Таких людей было множество. Но, как говорится, "холодный ум ещё никто не отменял". Наличие его демонстрировали многие мыслители, - например, как представляется, Аристотель, А.Смит, Ш.Монтескье и др.

В той же анкете на вопрос о том, что для него есть счастье, Маркс, как известно, ответил: "Борьба" [4]. Соответственно этой своей установке он рассматривал общественную науку как руководство к действию, как орудие, которое, будучи изготовлено, следует немедленно применить в борьбе с "капиталистами" и вообще - "эксплуататорами". И, как представляется, именно направленность его теории на достижение возможно более быстрых результатов в процессе "революционной", "практически-критической" деятельности сделала Маркса существенным образом пристрастным в научных изысканиях.

Будучи однажды сформированной, эта теория Маркса, теория практического деятеля, поставившего своей целью уничтожение общественного строя, основанного на частной собственности, и создание нового, справедливого, общества, общества граждан, сообща владеющих средствами производства, эта позиция требовала от него "очернения", дискредитации в глазах "народных масс" "капиталистов" и "капитализма" и, напротив, - идеализации "пролетариев" и "коммунизма".

"Фигуры капиталиста и земельного собственника, - прямо признавался Маркс, - я рисую далеко не в розовом свете" [5; 10]. Движимый ненавистью к "миру эксплуатации человека человеком", он приходил к выводу, что "капиталисты" представляют собой лишь олицетворение экономической категории, т.е. "капитала" [5, 10], и, как таковые, они - субъекты истории, лишённые, по существу, каких-либо человеческих устремлений, кроме одного, - стремления, в конкурентной борьбе, к бесконечному накоплению богатств. В противоположность классу капиталистов, озабоченных лишь получением прибыли и эксплуатацией наёмных работников, пролетарии, по его логике, хоть и представляют собой класс людей, в котором "практически закончено отвлечение от всего человеческого, даже от видимости человеческого" [6; С.40], однако именно этот класс, класс людей дисциплинированных, сплывающихся и просвещающихся как в процессе производства, так и в процессе борьбы с предпринимателями, устремлён в коммунистическое будущее. Именно этот класс и только он, увлекая за собой массу колеблющихся из среднего сословия и вообще всех тех, кому грозит "пауперизация", способен, по Марксу, преобразовать общество наживы и угнетения одного класса другим классом в ассоциацию, где "условием развития каждого является условие свободного развития всех" [7; 447].

Сегодня, в XXI в., "Манифест Коммунистической партии" многими (и, как представляется, вполне основательно) воспринимается уже не столько в качестве результата скрупулёзного научного исследования человеческого социума - особенно на его индустриальной, и кризисной, стадии, сколько в качестве документа, свидетельствующего о стремлении двух радикально

настроенных молодых людей "одним махом" переустроить общественный порядок, складывавшийся столетиями, предложить миру тот образ будущего, который им самим, однако, был ещё во многом неясен.

Можно констатировать, что вплоть до последних дней жизни Маркс был верен тезисам, изложенным в "Манифесте Коммунистической партии". Он полагал, что без насильственной революции переход к коммунизму, практически, невозможен, что спасение трудящихся от нищеты, пауперизма и окончательной деградации, достижение свободы и равенства может быть достигнуто, скорее, путём "насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя", в том числе - "буржуазного парламентаризма" [6; 459]. Он, как и в молодости, полагал, что установление диктатуры пролетариата необходимо для того, чтобы "уничтожить частную собственность", "превратить собственность в капитал, принадлежащий всем членам общества" [7; 440]. В частности, "Капитале", в основном труде, посвящённом исследованию законов развития капитализма, Маркс ещё раз, и прямо, подчеркнул, что "насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым" [5; 761]. Ту точку зрения, что (насильственные) "революции – локомотивы истории" [8; 86], он не покинул никогда. Практика показала, что "локомотивом истории", является, в общем и целом, повседневный, в самых разных его формах, труд миллиардов людей, что революция, поистине, есть "болезнь общества", которая отнюдь не всегда оканчивается "выздоровлением". В том, что "большевистская революция" в России есть результат болезни общества и сама по себе - тяжелая его болезнь, были убеждены, например, Н.А.Бердяев, А.И.Ильин, видевшие эту революцию собственными глазами. И с ними сегодня невозможно, как представляется, во многом не согласиться.

У Маркса мы не находим логически и содержательно завершённой концепции коммунистического общества. Даже в работе "Критика Готской программы" (1875 г.), целиком посвящённой проблеме коммунистического общества на его первой фазе, Маркс не рассмотрел самого главного вопроса, а именно вопроса о сущности экономического и политического устройства социалистического (как его позже стали называть) общества. Его общие рассуждения о принципе: "От каждого по способностям, каждому – по труду" не решали и не решают, как впоследствии показала практика, ключевого "момента": как должно быть, конкретно, устроено общество для реализации этого принципа? А ведь здесь, в "деталях", и "кроется" тот самый "чёрт", который готов "выскочить" в нужный ему момент!

Как известно, русский социалист-анархист М.А.Бакунин одним из первых выступил против учения Маркса о пролетарской революции, обвинив его создателя в стремлении к бонапартизму, к личной диктатуре. Согласно Бакунину, те ученые, которые утверждают, что лишь им одним, якобы, ведомы пути дальнейшего развития общества и которые придут к власти в результате революционного переворота, эти учёные со временем неизбежно превратятся в касту жестоких и надменных угнетателей народной массы [9; 125-187].

Прав ли Бакунин? Думается, в чём-то – да. В самом деле, в "Манифесте Коммунистической партии" Маркс и Энгельс прямо заявили, что они лучше всех знают, как и почему необходимо кардинальным образом перестроить современное общество. "Коммунисты, - писали они, - отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, в борьбе пролетариев различных наций они выделяют и отстаивают общие, не зависящие от национальности интересы всего пролетариата; с другой стороны, тем, что на различных ступенях развития, через которые проходит борьба пролетариата с буржуазией, они всегда являются представителями интересов движения в целом" [7; 437].

Возникают вопросы. Во-первых: не попахивает ли претензия авторов "Манифеста" (ещё совсем не знакомых миру молодых людей!) на лидерство в рабочем движении самозванством и, если присмотреться, желанием безраздельно доминировать в нем? В самом деле: а судьи здесь – кто? В свое время Аристотель справедливо указывал, что никто не может быть судьёй в собственном деле. То, что кто-то объявляет себя авангардом того или иного движения, отнюдь не всегда, как показывает практика, означает, что он действительно таковым является. Но у Маркса и Энгельса не было ни тени сомнения в их правоте и в их миссии. Действительно, разве могут революционеры, имеющие такое "преимущество перед остальной массой пролетариата", как "понимание условий, хода и общих результатов пролетарского движения" [7; 437], в чем-то ошибаться?! Принятая ими как единственно верная установка на скорейшее уничтожение "строения эксплуатации и деспотизма" требовала устранить всякую оппозицию и всякие сомнения. И они были устранены, - и в теории, и, конце концов, - на практике.

В противоположность Марксу, его, Бакунина, идеал был иной, а именно - "образование народной федерации, основанной на освобождённом труде и на коллективной собственности, наперекор всем национальным различиям и государственным границам" [9; 303, 310, 312]. Конечно, идеал нового общественного строя, предлагавшийся Бакуниным, не может не вызывать, если исходить из учета основных тенденций движения человечества во времени и пространстве (особенно в наше время, время, подчас кровавых, столкновений государств, наций, племён, представителей разных конфессий и т.д.), множества возражений. Очевидно, что общество без наций и национальных государств, в обозримом будущем, есть утопия, по поводу которой можно сказать, что "благими намерениями вымощена дорога в ад". Но вот насчет вполне возможной диктатуры "ученых", полученных и прочих деятелей Бакунин оказался совершенно прав. События, произошедшие в России в 1917 г. и позже, продемонстрировали, что диктатура пролетариата, построенная по марксовым лекалам, с неумолимостью природного закона вырождается всегда в более или менее жестокую диктатуру сначала партии, а затем и вождя, - со всеми вытекающими отсюда последствиями. За претензии марксистов на монопольное обладание истиной народ России (если ограничиться здесь историей нашей страны) заплатил в 1917 г. и десятилетиями позже поистине ужасную цену. Но это уже - тема отдельного разговора.

Отсутствие подлинного интереса Маркса к вопросу о возможных извращениях в ходе пролетарской революции тем более не может быть до конца оправдано ещё и по той причине, что он внимательно изучал и опыт Великой Французской революции, и опыт Парижской Коммуны и видел, как движется революция "к её крайним формам", видел, как "во всякой революции наряду с её истинными представителями выдвигаются люди другого покроя" [10; 339. 11; 392], Т.е. Маркс отмечал тот факт, что часто "революция пожирает своих детей" (выражение, приписываемое Робеспьеру перед его казнью на гильотине), но что конкретно противопоставить этому процессу, он не знал и не хотел знать, поскольку требование немедленного сокрушения капиталистического общества заглушало в нём слабые требования отдалённого будущего.

Во-вторых, если кому-то кажется, что он представляет "интересы движения в целом", то не должен ли он более детально вникнуть в проблему организации того общества, к построению которого призывает? Не получится ли тут как в той русской сказке: "Пойди туда, не знаю, куда; принеси то, не знаю, что"? Учитывая происшедшее в России, а затем в СССР в XX в., следует признать, что у Маркса не было в достаточной мере глубоко разработанной концепции революционных преобразований капиталистического общества, вполне практической концепции социализма, что он действовал, скорее, по принципу, сформулированному в своё время Наполеоном: "Главное - ввязаться в бой, а дальше видно будет". (Кстати, если вместо "а дальше", здесь поставить русское "авось"....?! Не с этим ли "авосем" Наполеон вторгся в Россию в 1812 г.?! Если бы он знал, что такое русская зима, русские леса и болота, русские дороги, наконец, патриотизм русского народа!)

Этот прискорбный факт отсутствия действительно "работающей" теории, как известно, признал вскоре после завоевания власти большевиками, - а особенно после ряда народных восстаний (антоновское в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг., кронштадтское в 1921 г. и т.д.) - В.И. Ленин. Правда, это отсутствие он попытался объяснить новизной и спецификой возникновения социализма. По его логике, капитализм родился в недрах капитализма и постепенно вызрел в господствующую социально-экономическую формацию. Не так дело обстоит с социализмом. Последний вырастает как полное отрицание капитализма, и поэтому его надо строить, буквально, с фундамента. "Дать характеристику социализма мы не можем; каков социализм будет, когда достигнет готовых форм, - мы не знаем, этого сказать не можем", - говорил он на Седьмом чрезвычайном съезде РКП (б) [12; 65]. Но разве это не признание того, что марксизм здесь дал "осечку"?! Особенно наглядно негодность учения Маркса для практики показало признание Лениным необходимости новой экономической политики (НЭПа), а также "перестройка" в СССР, закончившаяся признанием необходимости существования всех форм собственности, включая частную.

В заключение можно констатировать, ещё раз, что Маркс, конечно, гений. Его труды, его пламенный темперамент и сегодня поднимают массы людей по всему земному шару на борьбу "за лучший мир, за святую свободу". Однако Маркс, как представляется, ошибался, как минимум, в следующих случаях:

- когда он слишком много надежд возлагал на "революционное насилие", на диктатуру "штурмующего небо" класса, абстрагировавшись от тех опасностей, которые влечёт за собой такая диктатура. Сегодня мы можем сказать, что радикализм Маркса, его упоение насилием на практике

вовлекало и вовлекает в борьбу "за светлое будущее" людей самого разного, вплоть до криминального, толка, которые нередко занимают очень высокие посты в партийной и государственной иерархии. Да и сами убеждённые "борцы за народное счастье" так привыкают подавлять своих классовых противников и их "попугчиков", что становятся, - если применять, в конце концов, критерии права, - самыми настоящими преступниками;

- когда он видел основной источник общественных зол в частной собственности, а устранение этого зла – в "экспроприации экспроприаторов" [11; 346. 5; 773]. Автор "Капитала", этого глубокого, громадного по объёму и значению, труда, фатальным образом проигнорировал роль индивидуального капитала и индивидуальной инициативы в экономике как таковой, не принял во внимание того обстоятельства, что без конкуренции и ответственности производителя за номенклатуру и качество продукции любая экономика (а затем и страна) деградирует и, в конечном итоге, гибнет. Практика при этом показала, что: а) любой капитал надо держать "в узде", не позволять ему развиваться стихийно и впоследствии угнетать общество; что: б) эту задачу может решить лишь просвещённое и политически активное гражданское общество, и прежде всего, - средний класс (и здесь мы, думается, должны вспомнить рассуждения Аристотеля о "среднем сословии" и поблагодарить его);

- когда он рассчитывал на то, что в результате ряда революционных исторических процессов люди "совершенно" изменят себя и обстоятельства [11; 347] и научатся работать без каких-либо норм права, без принуждения со стороны общества и государства (функцией которого будет лишь управление экономическими процессами);

- когда он надеялся на полное уничтожение классовых различий. Последние навсегда, как свидетельствует история, уничтожить невозможно. В лучшем случае, их можно минимизировать.

1. Конфуций. Уроки мудрости: Сочинения. - М., Эксмо; Харьков: Фолио, 2007.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3.
3. Платон. Сочинения в четырех томах. Т.3. - М., 1994.
4. Думается, мы здесь можем заметить случай явного противоречия: наука (например, психология), практика убедительно говорят (тем, кто вслушивается в их "голоса") о том, что сомневающийся человек в меньшей степени способен на борьбу, чем тот, кто лишён сомнений. Его удел, скорее, - рефлексия, раздумья, нежели действие.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.2.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.7.
9. Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. - М., Изд. "Правда", 1989.
10. Впоследствии, как известно, эту идею, идею перерождения вождей в бюрократов, развили Г.Моска, В.Парето, Р.Мишель и др., - конечно, "забыв" при этом упомянуть об их предшественнике, о Бакунине. Кстати сказать, подобные "куништюки" часто случались и случаются на "Западе". Очень яркий пример здесь, как представляется, - казус О.Шпенглера. Анализ работы Шпенглера "Закат Европы" показывает, что автор сего многостраничного опуса ни словом не упомянул о труде Н.Я.Данилевского "Россия и Европа", но без зазрения совести включил в свой текст, без ссылок на автора, множество его страниц.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.8.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕНТА И СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Васильева Л.Н. (Москва)

При всей неповторимости и уникальности событий исторический процесс можно представить как множество повторяющихся элементов – схожие результаты являются следствием схожих причин. В ходе любой революции можно выделить следующие фундаментальные процессы: это смена идеологии, верований и ценностей; изменение в составе населения, его воспроизводства и процессов отбора; деформация всей социальной структуры общества; смена политического режима; определенные экономические изменения.

Революции без насилия («бархатные революции» в странах Восточной Европы), произошедшие в XX веке, усложнили анализ, поскольку насилие считалось до этого их неотъемлемым элементом. Революция может дать жизнеспособный или нежизнеспособный ответ на угнетение, но в любом случае в ценностном аспекте он подразумевает априорную

справедливость борьбы. Насильственная смена режима резко увеличивает могущество и права новой государственной власти. Например, Алексис де Токвиль отмечал, что Французская революция создала «всесильную центральную власть», воссозданную на обломках старых общественных структур. Причем, обнаруживается тот интересный аспект, что традиционно интерпретации истории создаются сверху, пишутся победителями и воспроизводятся властвующими для «низов». Идеология и мотивация приобретают квазирелигиозный характер, возможная альтернатива событий дискредитируется. Революция устанавливает новый авторитет как источник права и легитимности власти.

Выделить субъект структурирования новой власти иногда очень непросто. Например, в результате «бархатных революций» бывшая партийная номенклатура не только не рассталась с властью окончательно, но и конвертировала ее во владение собственностью. Глубокой трансформацией, которую можно назвать и революцией, является распространение новых производительных систем индустриального и постиндустриального типа, установление основных моделей общественных институтов.

Возможности символической политики часто недооценивают, хотя она определяет, защищает и расширяет интерпретацию прошлого и настоящего, заставляя людей определенным образом воспринимать их роль в формировании и протекании новых политических и социальных процессов. На основании этого складывается групповая идентичность, которая определяет, сумеют ли люди организовать и как, какую цель они выберут для своих действий. Отсюда проистекает колоссальная роль политического лидерства в переломные моменты истории.

Власть становится выше любых нравственных и юридических оценок, она «неподсудна» по определению, поскольку руководствуется «государственными интересами», которые выше интересов человека и общества, морали и права. Легитимность государства опирается на идеологическую ортодоксию, не допускающую никакого торга, подрывающего веру. Концепция политики становится вполне религиозной, исключая всякие компромиссы. Идеологией становятся утопии, но нас в этом процессе интересует экономическая составляющая.

При любых фундаментальных социальных движениях, которые при всей теоретической разногласии можно назвать «революциями», присутствует определенная экономическая составляющая, которую мы определяем как трансформацию социальной ренты. Социальная рента – это присвоение труда другого, социальное паразитирование, когда такую возможность дает статус, подтверждаемый силой государства. Любая революция – это, кроме прочих составляющих, в том числе, преобразование форм взимания социальной ренты. Революция открывает доступ к этому процессу новых групп, которые ищут (и находят) новые формы дохода посредством отъема создаваемой прибавочной стоимости у непосредственных производителей товаров и услуг. Создается среда, предоставляющая особые выгоды «социальным рантье» по сравнению с экономическими агентами, действующими в других условиях.

Социальная рента – это реализация в экономической сфере результатов отбора социальных институтов, приспособляющих паразитизм к естественной ограниченности природных и человеческих ресурсов. Каждое общество создает разного рода страты в соответствии с наличием привилегий (права на получение социальной ренты): аристократия и рабы, классы и касты, права собственников и бесправие неимущих. Социальная рента существует при любом экономическом строе, но опирается на разный ресурсный потенциал, как внутренний, так и внешний. К внутренним ресурсам относятся пределы увеличения эксплуатации и самоэксплуатации производителей и тягостности работы применительно к мере удовлетворения общественных потребностей. К внешним ресурсам относится ограниченность природной среды и соперничество с другими социальными системами.

Установлением законов и обычаями, которые затем обладают авторитетом и инерцией, государство обеспечивает определенным слоям долю продукта общественного производства. То есть государством устанавливается в явной или скрытой форме действительная или возможная доля потребления. Непосредственными производителями разнообразных благ при таком установлении может потребляться только самое необходимое для поддержания жизни. В этом случае активами выступают ресурсы, не связанные с непосредственным производством.

Здесь на первое место выходит контроль над процессами распределения и перераспределения произведенного продукта. Возрастание роли несовершенной конкуренции приводит к трансформации экономического пространства: оно становится неоднородным, а некоторые хозяйствующие субъекты получают возможность формировать свое властное экономическое пространство, пристрастие к силовому присвоению продуктов чужого труда.

Социальные классы, которые раньше идентифицировались с «предложением» и «спросом» на рынке труда, земли, капитала, можно идентифицировать и в зависимости от доступа к такому ресурсу, как возможность получения социальной ренты. Экономические системы, где социальная рента институционализируется, а ее получатели являются правящим классом, или приходят к кризисам, заканчивающимися революциями, или должны расширяться, захватывая новые ресурсы. Эволюционный отбор социально-экономических институтов происходит тремя путями. Первый, фундаментальный – метод «проб и ошибок» при процессах самоорганизации; второй – структурные реформы, инициированные «сверху»; третий – революции, когда «низы» добиваются таких прав, которые «верхи» не уступили бы по доброй воле.

Но с «верхами» и «низями» все понятно только на первый взгляд. Это удобное упрощение на основании марксистского классового подхода оставляет необъясненными многие вещи, логику выбора в социальном действии, когда сплоченная группа как коллектив личностей и исторических деятелей, имеющих собственные цели, внезапно появляется в определенных экономических условиях. Другими словами, обладание собственностью может в реальном социальном пространстве не приносить ту прибыль и тот статус, на которые рассчитывает собственник, и тогда он будет считать свое положение неудовлетворительным. Например, дворянин – это не просто тот, кто известен, знаменит, но тот, кто узнаваем и признаваем всеми. По сравнению с ним буржуа, владеющий в разы большей собственностью, в социальном пространстве может занимать намного низшую позицию. На этом основании потребление, функционирующее как различительный знак, обозначает иерархию, устанавливаемую между различными видами капитала. Ученые, исследовавшие классические европейские революции, подчеркивали, что неудовлетворенность была широко распространена не только среди простых людей, но и среди больших сегментов высших и средних классов.

Социальная рента преобразуется через потребление ее обладателей в отличительный статусный признак, обозначающий высокую позицию в социальной иерархии. Если она начинает извлекаться из факторов, не способствующих приращению общественного продукта, то производительная деятельность замещается поиском, присвоением и удержанием ренты (для приобретения высокого социального статуса), что ведет не только к растрате ресурсов, но и трансформации мотивации. Паразитизм социальных рантье становится очевидным и раздражающим, – причем, не только низшие страты, но и представителей граничащих с высшими страт. Происходит та первичная деформация всей социальной структуры общества, которая в случае продолжения тенденции ведет назреванию революционной ситуации.

1. Конфуций. Уроки мудрости. Сочинения. - М., Эксмо; Харьков: Фолио, 2007.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3.
3. Платон. Сочинения в четырех томах. Т.3. - М., 1994.
4. Думается, мы здесь можем констатировать случай явного противоречия: наука (например, психология) и практика убедительно говорят (тем, кто вслушивается в их "голоса"), что сомневающийся человек в меньшей степени способен на борьбу, нежели тот, кто лишён сомнений. Его удел, скорее, - рефлексия, раздумья, нежели практическое действие. Правда, можно видеть (и о чём уже шла речь выше в связи с пониманием сущности философа и философии Платоном), что гармоничные натуры могут, соединяя и комбинируя волевым усилием противоположности, разрешать это противоречие, История показала, что Марксу сделать это в процессе разработки теории пролетарской революции (по крайней мере, вполне) не удалось. Он слишком был вовлечён в "борьбу" и слишком был увлечён ею.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.2.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.7.
9. Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. - М., Изд. "Правда", 1989. Впоследствии, как известно, эту идею, идею перерождения вождей рабочего класса в бюрократов, неотличимых по их позиции, манерам и т.д. от представителей буржуазии, развили Г.Моска, В.Парето, Р.Михельс и др., - конечно, "забыв" при этом упомянуть об их предшественнике, о Бакунине. Кстати сказать, подобные "кунистюки" часто случались и случаются на "Западе". Очень яркий пример здесь, как представляется, - казус О.Шпенглера. Анализ работы Шпенглера "Закат Европы" показывает, что автор этого многостраничного опуса ни словом не упомянул о труде Н.Я.Данилевского "Россия и Европа", но без зазрения совести включил в свой текст, без ссылок на автора, множество его страниц.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.8.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.17.

БУДУЩЕЕ МЕГАПОЛИСОВ: ОТ ГЛОБАЛЬНЫХ ГОРОДОВ САСКИИ САССЕН К НОВОЙ «КОННЕКТОГРАФИИ» ПАРАГА ХАННЫ

Вершинина И.А. (Новосибирск)

Мы живем в мире стремительных социальных изменений, и их скорость продолжает расти. Э. Тоффлер еще в 1970 году в своей известной работе «Шок будущего» предупреждал нас о том, что «грохочущий поток перемен, поток настолько мощный в настоящее время, что он опрокидывает институты, производит сдвиг ценностей и высушивает наши корни» кардинально меняет нашу жизнь [1, 15]. Одна из сфер быстрых изменений – процесс урбанизации, который меняет карту мира.

Появление городов с численностью более 10 миллионов человек – относительно недавнее явление. В 1950 году было всего два подобных мегаполиса – Токио и Нью-Йорк; в 1975 году к ним присоединилась столица Мексики; в 1990 году таких городов было уже 10, в 2014 году – 28, прогнозируется, что к 2030 году их уже будет более 40 [7, 90, 93]. Тем не менее, даже эксперты ООН иногда недооценивают скорость изменений. В 2007 году прогнозировали, что к 2025 году в мире будет 27 агломераций с численностью населения более 10 миллионов человек [5]. Однако после того, как в 2010 году во многих странах мира прошли переписи населения, в 2011 году эти цифры были пересмотрены в очередном докладе ООН, так как даже за эти четыре года появились четыре новых мегаполиса – Париж (Франция), Лагос (Нигерия), Гуанчжоу (Китай) и Шэньчжэнь (Китай). Интересно, что по данным на 2011 год, численность населения Парижа и Шэньчжэня превысила те цифры, которые прогнозировались на 2025 год в 2007 году [6, 6].

На города приходится более 80% мирового ВВП [8, 27], они стали мощнейшими экономическими центрами. В 1991 году Саския Сассен в работе «Глобальный город» выдвинула и обосновала тезис, что мировая экономика остро нуждается в конкретных территориальных единицах [3]. Этот тезис противоречил широко распространенным к тому времени представлениям о том, что мировая экономика преодолела территориальные ограничения и привязанности. В 1980-е годы распространение новых коммуникационных технологий привело к тому, что возникают сомнения, относительно того, что именно города будут продолжать оставаться экономическими центрами [4, 103]. С. Сассен фиксирует новую экономическую логику, которая начала формироваться в рамках еще активной и динамичной старой экономики.

Новые процессы были не для всех очевидны, однако, в XXI веке они стали намного более явными, поэтому С. Сассен по-прежнему продолжает развивать идеи, сформулированные в 1991 году в «Глобальном городе». Корпорации просят льготы и привилегии, так как имеют ложное представление, что, если они их не получают, то легко покинут город. Однако С. Сассен считает, что разделение труда между ключевыми финансовыми центрами привело к тому, что они далеко не всегда являются взаимозаменяемыми, то есть конкуренция между ними меньше, чем кажется на первый взгляд. Угроза корпораций покинуть город в случае неполучения льгот или привилегий, по ее мнению, не более чем бравада. Город нужен корпорациям не менее чем они ему.

С. Сассен отмечает любопытный факт: самые сильные, богатые и использующие информационные технологии экономические субъекты в эпоху глобализации, возможно, более чем когда-либо раньше нуждаются в «центральных местах» (central places) [4, 97], которыми стали глобальные города. Крупные корпорации могут заниматься производством в любом месте, однако, они также нуждаются в доступе к целому комплексу новых сложных специализированных услуг, которые как раз и предлагают глобальные города. Глобальные города – это своего рода пограничные пространства, которые позволяют глобальным корпоративным субъектам интегрироваться в национальную экономику [4, 98].

Увеличение объема инвестиций в глобальные города способствуют переходу от преимущественно частной собственности к корпоративной. Огромные офисные здания, торговые центры и жилые комплексы вытесняют маленькие улицы, общественные пространства и здания меньшего размера. В глобальных городах в настоящее время все меньше и меньше возможностей для жителей, чтобы собраться вместе, образовав сообщество. Корпорации приобретают новые права, а граждане их теряют. С. Сассен призывает местные сообщества воспротивиться этому и вернуть себе глобальные города.

Идеи С. Сассен начинают развивать и другие авторы. Например, политолог Параг Ханна говорит о растущей связи между городами вследствие развития разного рода сетей: транспортных, энергических, коммуникационных и т. д. [2] Он утверждает, что современный мир эволюционирует от географии к «коннектографии», которая сильно напоминает глобальную урбанистическую систему С. Сассен. Однако П. Ханна предлагает все-таки свое видение будущего, к которому мы стремительно движемся. Это будущее меньше зависит от стран, чем от связности. Степень включенности в развивающуюся глобальную сетевую цивилизацию определяют место на новой формирующейся карте мира. Оказывается, что мегаполисы конкурируют за связность больше, чем за разделенность, то есть любого рода границы.

По мнению П. Ханны, мы становимся свидетелями перехода от традиционной географии – политической – к новой географии, которую он называет «коннектографией», поскольку в ее основе находится функциональная связность, ставшая важнее границ [2, 19]. Формирование глобальной сетевой цивилизации предполагает переход от глобализации к гиперглобализации [2, 35] и становление *Rex Urbanica* [2, 391], в котором именно города становятся главными игроками на мировой арене. П. Ханна рисует карту будущего мира без границ, поскольку считает любые преграды источниками конфликтов. Он предлагает строить новый мир, в котором людей объединяет значительно больше, чем разъединяет.

1. Тоффлер Э. *Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер.* — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
2. Khanna P. *Connectography: Mapping the Future of Global Civilization.* New York: Random House, 2016.
3. Sassen S. *The Global City: New York, London, Tokyo.* Princeton, Oxford: Princeton University Press, 2001.
4. Sassen S. *The Global City: Enabling Economic Intermediation and Bearing Its Costs // City & Community.* Vol. 15. № 2. June 2016.
5. *World Urbanization Prospects: The 2007 Revision //* http://www.un.org/esa/population/publications/wup2007/2007WUP_Highlights_web.pdf (accessed: 23.10.2016).
6. *World Urbanization Prospects: The 2011 Revision.* New York: United Nations, 2012.
7. *World Urbanization Prospects: The 2014 Revision.* New York: United Nations, 2015.
8. *World's Cities in 2016.* URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/urbanization/the_worlds_cities_in_2016_data_booklet.pdf (accessed: 30.09.2017).

КИТАЙСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ

Веселова Л.С., Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А. (Санкт-Петербург)

История возникновения социологии в Китае представляет определенный интерес, поскольку здесь кроются ответы на многие вопросы, позволяющие глубже понимать нынешнее состояние китайской социологии.

Возникновение социологической науки в Китае происходило в период глубокого экономического и политического кризиса, вызванного поражением Китая в китайско-японской и Опиумной войнах в конце 19 столетия. Социология рассматривалась прогрессивными китайскими общественными и политическими деятелями прагматически, как средство выхода из сложной ситуации, складывающейся как внутри страны, так и на ее рубежах. Массовое недовольство существующими порядками, многочисленные крестьянские бунты и восстания дестабилизировали и ослабляли китайское государство изнутри. А политическая и техническая отсталость превращала Китай в объект непрерывной агрессии со стороны сильной и прогрессивной Японии.

По этим причинам научная общественность Китая пыталась найти выход из складывавшейся кризисной ситуации в том числе посредством осмысления роли и важности распространения научного понимания сути происходящих общественных процессов, как средства спасения отечества. Исследователи истории становления социологической науки в Китае (Пан Давэй, Цыбикова Б.Ц., Основа Н.Г и др.) подчеркивают важную особенность этого этапа в становлении китайской социологической науки: подавляющее большинство тех ученых, кто стоит у истоков китайской социологической науки получили лучшее образование за пределами Китая. При этом они делились «на две группы: восточную — тех, кто прошел обучение в Японии, где интерес к научной социологии зародился несколько раньше, и западную — тех, кто обучался в Европе и в США» [1, С. 50].

Пример Японии, где внимание к социологии уже было весьма существенным, сыграл важную роль в становлении китайской социологии. Прогрессивные китайские политические деятели и ученые считали, что усиление Японии как государства было следствием принятия западных моделей управления общества, и опыт использования этих модели целесообразно перенести на китайскую почву.

Среди тех, кто обучался в зарубежных университетах были Чжан Бинлинь (1869–1936, он же Чжан Тайянь) — историк и философ, один из первых популяризаторов социологии в Китае, Лян Цичао (梁启超) (1873-1929 гг.) - общественный деятель, философ и ученый, выдающийся китайский учёный Янь Фу (1853(4)–1921) и др. По оценкам исследователей, самым важным вкладом этих ученых в дело становления китайской социологии было осуществление переводов и знакомство китайской научной среды с идеями Г.Спенсера, Кисимото Ноукенбу, работами американских и японских социологов. Сложность перенесения идей американских и японских социологов на почву китайских представлений об общественной жизни заключалась в том, что в процессе работы над социологическими трактатами происходил двойной перевод терминологии, однако это было приемлемо для науки начала XX века [2, p. 500].

Профессор Пан Давэй - директор центра по изучению России Шанхайской академии общественных наук в своей статье «К истории социологии в Китае» показывает, что понимание собственно социологии как науки в среде китайских ученых складывалось не сразу и не однозначно [3, с. 130]. Он пишет: «Термин "социология" поначалу был переведен на китайский язык как "учение о группах" людей». Именно в таком варианте он впервые встречается в статье Лян Цичао (1895 г.) и только позже в китайской социологии начинают использовать термин «общество» по образцу японского слова “шэхуй” (общество, 1902 г.) С этого же периода китайские ученые начинают применять и термин социология (опять-таки по аналогии с японским вариантом “шэхуйсюе”) в современной трактовке. Автором такого понимания социологии выступил упоминавшийся ранее Чжан Бинлинь [4, с. 51].

Следует также подчеркнуть, что начальный период становления китайской социологии был сопряжен не только с кризисным состоянием общества, но и с тем обстоятельством, что практически все активные и прогрессивные ученые подвергались гонениям и преследованиям. Примером этого может быть судьба Лян Цичао о котором уже шла речь выше. Лян Цичао вместе с другим известным китайским реформатором Кан Ювэем активно участвовали в создании «Общества защиты государства» (保国会). В 1898 г., в период «ста дней реформ», он стал одним из лидеров партии реформаторов, которые боролись за проведение реформ в императорском Китае. Партия была разгромлена, а многие ее члены осуждены и казнены. Лян Цичао смог избежать казни, уехав в Японию, где стал работать главным редактором таких социально-политических журналов как «Общественное мнение» и «Обновление народа» [5, с 134].

В своих работах Лян Цичао под воздействием идей западных учений рубежа XIX–XX вв. пытался переосмыслить конфуцианство, адаптировать основные понятия западной социологической мысли в традиционной китайской системе понимания социального. Лян Цичао находился под влиянием идей Бокля, Монтескье и Руссо и разделял их идеи о духе «гражданина страны», пропагандировал новые ценности независимости, личной свободы, веру в себя и т.д. Он считал, что современное общество может быть создано только людьми свободными от предрассудков, которые верят в себя и не боятся бороться с традиционными устоями китайского общества. Лян Цичао считал основной причиной доминирования и возвышения Запада, способность людей действовать активно и независимо, отстаивать свои интересы. В то же время вследствие поражения Китая в Опиумных войнах, Лян Цичао начинает пересматривать свои взгляды, приходя к выводу, что в Китае, где долгое время господствует монархия, невозможно говорить о быстром переходе к демократии и активизации борьбы за личную свободу. В последствии оптимизм восприятия либеральных идей Лян Цичао угас, и он перешел от увлеченности западными теориями к консерватизму, который больше соответствовал текущей ситуации в Китае [6, с. 216-217].

Способность к восприятию новых и оригинальных идей и их адаптации на китайскую почву были изначально присущи китайской социологии. И эта особенность остается характерной для современного этапа развития социологии в Китае. Вот что по этому поводу отмечают Чжаося Е. и Петров А.В. относительно экономической социологии: «Несмотря на свою молодость, экономическая социология в КНР, адаптируя зарубежные теории, модели, концепции к объяснению особенностей китайского общества и экономики, ориентирована на создание собственного, специфического взгляда на проблемы и перспективы социально-экономического

развития. Наглядным подтверждением тому служат результаты осуществленных китайскими специалистами теоретических и прикладных экономико-социологических исследований по разным направлениям и значительное число публикаций в различных, в том числе специализированных, изданиях» [7, с. 37].

1. *The Cambridge History of Science: The Modern Social Sciences*//ed. by Roy Porter, T. M. Porter, D. Ross. Cambridge University Press, 2003. Vol. 7. p.500.
2. Пан Давэй. К истории социологии в Китае // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 130.
3. Вэньгуань Линь. Избранные сочинения Лян Цичао. Сычуаньское литературное издательство, 2009. С. 134. (пер. с китайского)
4. Осипова Н.Г. Социология в странах Азии, Африки И Латинской Америки: ключевые фигуры. Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 50.
5. Вэньгуань Линь. Избранные сочинения Лян Цичао. Сычуань. Сычуаньское литературное издательство, 2009.(пер. с китайского)
6. Виноградов А.В., Ларин А.Г., Ломанов А.В., Мамаева Н.Л., Островский А.В., Портяков В.Я., Смирнов Д.А., Титаренко М.Л., Торопцев С.А., Турчак Т.М. Основные направления и проблемы российского китаеведения / Российское китаеведение: история, современное состояние и перспективы развития/ Отв. редактор Н.Л. Мамаева. Москва: Памятники исторической мысли. – 2014.
7. Чжаося Е, Петров А.В. Экономическая социология в Китае // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 1. С.37.

Н.А. БЕРДЯЕВ: КРИТИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ СМЫСЛА ИСТОРИИ

Волконская А.А. (Москва)

В русской до- и после революционной религиозно-философской и идеалистической социологической мысли красной нитью проходила идея нарастания зла в мире, ставилась задача переоценки ценностей, спасения человека от жестокости и бесчеловечности, метафизической укоренённости и связи его с Богом. Отечественный мыслитель Н.А. Бердяев, рассматривая сущность и содержание социологической науки, неоднократно упоминал, что социологии присущ характер отвлечённого, абстрактного знания. Заменяв веру в Бога верой в заложенную ещё Контом идею, будто суть всей человеческой истории заключается в достижении определённой конечной стадии, которая будет ознаменована приходом общества к некоему идеальному состоянию равенства и гармонии, социология тем самым, сделала из человека лишь инструмент для достижения поставленной цели. Бердяев констатирует: «Социальность ваша, общественность ваша есть абстракция из абстракций. Социологическое мирозерцание О. Конта и К. Маркса – абстрактное мирозерцание» [1; 48]. Отсутствие религии, как смыслообразующего звена бытия человека, объясняющего для чего и зачем существует каждый конкретный индивид в данную ему историческую эпоху, компенсируется идеологами прогресса и революций задачей построить «светлое» будущее. Однако Бердяев указывает, что пребывание в абстракции, в ожидании того, что возможно никогда не случится, а если и произойдёт, то даже не с ныне живущими, а скорее всего с последующими поколениями, приводит к полному отсутствию смысла человеческого существования как такового. Личность, таким образом, сама по себе не имеет никакого значения. Её ценность будет определяться лишь вкладом в достижение желаемого конечного результата бытия, и то, только в том случае, если он когда-либо осуществится. Русский философ справедливо утверждает, что «...человек перестал даже сознавать, существует ли он реально, есть ли он нечто в мире, некоторое бытие в себе, потерял самоощущение личности» [2; 124]. Такое положение вещей, способствует порождению в сознании индивида чувств отчуждённости и потерянности, связанные с непониманием своего места ни в социуме, ни в контексте мировой истории.

Бердяев задаёт сторонникам прогрессистских утопий вопрос: «Скажите, положив руку на сердце, забыв на мгновение о социальной борьбе и социальных изобличениях, скажите перед собой, перед своей глубиной, перед высшей правдой, что для вас подлинно есть? Всё давно уже превратилось у вас в призрак и мираж, в быстротечную и обманчивую игру человеческих страстей и интересов» [1; 48]. Остаётся непонятным какие фундаментальные принципы и ценности подкрепляют уверенность социологического знания в то, что неминуемо наступит блаженный конец, если исторический опыт свидетельствует о том, что финал этого будущего может прийти, ещё даже не достигнув его? Так, например, события 90-х годов прошлого века в отечественной

истории являются ярким свидетельством того, что траектория пути прогресса может измениться в один момент, а в качестве смыслообразующих начал могут по ходу постулироваться абсолютно противоположные изначальным целям общества идеи. Провозглашаемый на XXII съезде КПСС лозунг: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!», подразумевающий, что главной задачей данного поколения должно стать построение этого коммунизма для современных им детей и внуков советских «строителей» будущего, стал лишь поводом: для кого – насмешек, а для кого и разочарованием и крушением идеи. Парадокс заключается в том, что советским людям неоднократно обещали, что их дети будут жить гораздо лучше, чем они. Однако сегодня всё чаще ведутся разговоры о том, что состояние социума XXI века, не идёт ни в какое сравнение с качеством и насыщенностью жизни советского периода. Всё, к чему стремились, во что верили и на что надеялись граждане СССР, рухнуло в один момент, сменившись полной безыдейностью и отсутствием какой-либо значимой цели. Внезапно люди проснулись в совершенно другой стране, где уже действуют абсолютно другие законы функционирования общества, не имеющие ничего общего с тем типом жизни, к которому граждане привыкли, которые в них внедрялись десятилетиями и в непоколебимость которого они верили.

Социология долгое время описывала всю историю человечества через отрицание самой этой истории. Пренебрежение прошлым, поскольку оно есть некое несовершенное и, к счастью, преодоленное состояние, ненависть к настоящему, которое отдаляет человека от желанного будущего, отрывает индивида от реальности. Получается, что человек и общество находятся как бы вне всех трёх модусов времени, и тем не менее находятся под полной властью времени. Торжество временного над вечным обрекает идею утопического общего блага на вырождение, что и произошло с большинством подобных теорий, а затем и на практике у нас в стране. Недовольство настоящим породило у позитивной науки склонность к описанию общественных явлений через оценку их соответствия идеальному шаблону, тому «как должно быть». Вся предыдущая история, накопленный поколениями опыт воспринимается представителями социологического знания только как промежуточный, подготовительный этап на пути к их главной цели. Даже появившиеся во второй половине XX века различные западные постмодернистские социологические теории и концепции постиндустриального общества (З. Бауман, Д. Белл, Ж. Бодрийяр, А. Турен, Ж.-Ф. Лиотар и др.) свидетельствуют о вытеснении человека машиной, знанием, информацией, компьютером, в общем и целом – материальной сферой, что только подтверждает тот факт, что социологическая абстракция земного рая не приводит к нему социум, а даже наоборот, – направляет его в сторону, предсказанного ещё Вл. Соловьёвым, к «царству Антихриста». Позитивная социология стала наукой не обобщения, а разобщения. Перед обществом должна стоять общечеловеческая задача, имеющая не сиюминутное значение и не научный интерес узкого круга лиц, – она должна быть сформулирована не в многочисленных вариациях, кардинально разнящихся между собой, а быть единой, ставящей в центр своего предмета человека, который сам по себе уже есть ценность и имеет значение для истории. Попытка объяснить главное – что есть общество и индивиды его образующие, без определяющей, онтологической сущности, способствующей единству социума, которая, по мысли Бердяева, может быть только религиозной, привело к тому, что социология так и не смогла дать ясного объяснения тому, что является главной целью мирового процесса, а лишь смогла фиксировать, оправдывать и обосновывать причины, как теперь кажется, неизбежного разложения общества.

1. Бердяев Н.А. *Философия неравенства (Письмо к недругам по социальной философии)* // Бердяев Н.А. *Философия неравенства / Составитель и отв.ред. О.А. Платонов.* – М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 19-303.

2. Бердяев Н.А. *Философия свободы* // Бердяев Н.А. *Философия свободы. Смысл творчества.* – М.: Издательство «Правда», 1989. С. 12-253.

«БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ ЕСТЬ СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАКЦИЯ ЭГАЛИТАРНЫХ НИЗОВ ПРОТИВ МНОГОВЕКОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЕВРОПЕИЗАЦИИ РОССИИ»: П.СТРУВЕ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ 1917 Г. РЕВОЛЮЦИИ

Гнатюк О.Л. (Санкт-Петербург)

Аннотация. Обобщены оценка П.Б. Струве причин и итогов Октябрьской революции 1917 г., которую в рамках парадигмы консервативного либерализма он рассматривал как антилиберальную «почвенную» контрреволюция против длительного процесса «европеизации» России. В отличие от «левой» и консервативной школ интерпретации Октябрьской революции, ее истоки и причины коренятся в основных реалиях и процессах русской политической истории, в «двуликости русской государственности и общественности, один лик которых обращен к свободе, а другой — к принуждению», а также в заимствованных русской радикальной интеллигенцией революционно-максималистских западных идей социализма для отсталой России. Всемирно-историческое значение русской революции состоит в том, что она есть не только эпизод мировой войны, но и первый в мировой истории случай торжества классово-идеи национальной идеи.

П.Б.Струве (1870-1944), политико-философские взгляды которого эволюционировали от критического марксизма к консервативному либерализму, как и большинство русских мыслителей начала XX в. (за исключением «сменовеховца» Н.В.Устрялова), как и авторы сборников «Вехи» и «Из глубины» враждебно воспринял Октябрьскую революцию и большевизм. Все версии русского консервативного либерализма - «охранительный» либерализм Б.Н.Чичерина, национально-консервативный либерализм П.Б.Струве, «соборный» либерализм С.Л.Франка, «христианский либерализм» С.Н.Булгакова, концепты Н.П.Полторацкого, Н.С.Тимашева, Н.И.Ульянова - в качестве альтернативы реакционному консерватизму, радикальному марксизму и западному экономическому и политическому либерализму представляли собой синтез универсального (правового идеала либеральных ценностей европейской философии, утверждение свобод и прав личности) и локального, почвенного, «прикрепление» идеи охранения, константной идеи-содержания, к правам каждой личности.

Его осмысление причин и итогов Октября 1917 г. в рамках парадигмы консервативного либерализма актуально для теории революции в истории русской социологии. Прослеживается преемственность с его анализом революции 1905 г., с критикой революционно-максималистских стремлений русской радикальной интеллигенции, ее «отщепенства», оторванности от государства и религии, отсутствия у нее государственно-идеологического сознания. По его мнению, после февральских событий ни бессилие Временного Правительства, ни усиление большевиков не были неизбежными; спасти Россию от Октябрьской катастрофы можно было бы, если бы Корнилов и Керенский объединились в борьбе против крайне левых сил [1, 114, 118, 203]. Будучи сторонником философско-социологической методологии «основного дуализма» и противником разрушения культурных основ социума, он рассматривал социальную революцию как антиисторический «акт», прерывающий естественноисторический процесс, за которым неизбежно последует эпоха реакции. По отношению к событиям осени 1917 г. он отказывался употреблять термин «революция», считая, что совершилась антилиберальная «почвенная» контрреволюция против длительного процесса «европеизации», утверждения в России свободы и собственности. «Историческую характеристику русской революции» он определяет как «реакцию под личиной революции». В 1917 г. разрушающие, разлагающие силы сломали, изуродовали вековую русскую культуру, пытались выкорчевать ее главнейшие политические, социальные, духовные достижения. Большевицкая революция отбросила Россию в XVI и XVII век» [2,127]. При рассмотрении событий 1917 г. независимо от предшествующей эпохи, им «нельзя дать почетного титула революции. Это солдатский бунт, принятый интеллигенцией страны за революцию, в надежде превратить бунт в революцию. Надежда эта не оправдалась, и бунт превратился в грандиозный и позорный всероссийский погром. Весь этот якобы «социалистический» бунт есть отрицание собственности и порядка. Если всероссийский погром 1917 г. угодно называть революцией, то я скажу, что в самом ядре ее, гнездилась зараза контрреволюции» [3, 57–59]. У него была отличная от двух исторических школ интерпретации Октябрьской революции: «левой», представители которой считали ее повторением Французской революции XVIII в., и консервативной, характеризующей ее как катастрофу, вызванную воздействием инородных факторов, извне привнесенных в Россию [4, 168–169]. П.Струве полагал, что истоки, смысл и причины русской революции коренятся в основных реалиях русской политической истории: в антиномии «власти и свободы»; в «неучастии в государственной жизни и власти народа»; в «двуликости русской

государственности и общественности», один лик которых «обращен к свободе, а другой — к принуждению». В отсутствии «права и прав, факта и идеи собственности — опоры человеческого правосознания». В запоздалости личного освобождения крестьян и политической реформы, которую можно было бы осуществить в 1730 г., если бы Анна Иоанновна не «порвала кондиции верховников, содержавших зачатки конституционного строя для России» [5, 114-115; 6, 463-463].

Он отмечает различия русской и Французской революций: в России не существовало ни партикуляризма, т.е. раздробленности права и администрации, ни «средних, либеральных, умеренных идей», ни идей умеренного постепенного социализма». Русская революция есть «выражение десятилетиями подготавливавшегося внутреннего кризиса идей. Объективным социологическим констатированием» является то, что ее духом «отнюдь не является религиозный дух Пушкина, Гоголя, славянофилов, Достоевского, Леонтьева, В.Соловьева, Розанова: генеалогия ее духа связана с идеями Запада». Неприемлемость заимствованных западных идей социализма для отсталой России, где даже не сформировался настоящий феодальный строй (с его институтом частной собственности), беспочвенные максималистские социалистические идеи, поверхностно усвоенные народом, отсутствие «средних», умеренно-либерально-консервативных идей, привели к «самой радикальной в мировой истории внешней революции» [5, 110–115].

Тотальная разрушительность большевистской революции открыла в России невиданную в истории экономическую и культурную реакцию. Это «катастрофа, государственное самоубийство государственного народа»; это «наверное, самое истребительное событие в мировой истории» [7, 29–30]. Его обобщающий вывод о причинах и итогах Октября 1917 г. следующий: «начавшийся в XVII в. процесс европеизации России завершается мировой войной и внутри- и внешнеполитическим крушением 1917 г., когда «под идеологическим покровом западного социализма и безбожия, в новых формах партийно-политического владычества совершается возврат в области политической к резкой форме Московской деспотии, которая временно воплотилась в фигуре И.Грозного. Большевистский переворот и большевистское владычество есть социальная и политическая реакция эгалитарных низов против многовековой социальной и политической европеизации России» [8, 19, 7].

Русская революция потому имеет всемирно-историческое значение, что она есть практическое опровержение эгалитарного социализма, отрицающего два основных начала, на которых зиждется всякое развивающееся общество: «идеи ответственности лица за свое поведение и идеи расценки людей по их личной годности, в частности по их экономической годности, хозяйственной санкцией которых является институт частной собственности». Революция 1917 г. есть не только крушение российского государства, но и «эпизод мировой войны: так как преодоление революции еще не завершилось, то для нас мировая война еще не кончилась» [9, 15-18]. Всемирно-историческое значение русской революции состоит и в том, что она «есть первый в мировой истории случай торжества интернационализма и классовой идеи над национализмом и национальной идеей».

1. Гнатюк О.Л. П.Б.Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998.
2. Струве П. Три малоизвестные работы // Публ. и вступ. ст. И.Е.Задорожнюка // Социс, 1998. №4.
3. Струве П. В чем революция и контрреволюция? Несколько замечаний по поводу ст. И.О.Левина // Русская Мысль. 1917. Кн. XI-XII. Ч.2., ноябрь-декабрь.
4. Пайнс Р. П.Струве о русской революции // Вестник РХД, 1978. № 126. III.
5. Струве П. Россия // Русская Мысль. 1922. Кн. III, март.
6. Струве П. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сб. статей о русской революции // Вехи. Из глубины. М., 1991.
7. Струве П. Размышления о русской революции (Публичная лекция, прочитанная в ноябре в Ростове-на-Дону) // Русская Мысль. 1921. Кн. I-II, январь-февраль.
8. Струве П. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952.
9. Струве П. Размышления о русской революции. София, 1921.

ОСИ УПОРЯДОЧИВАНИЯ ЗНАНИЯ О ПОРЯДКЕ СОЦИАЛЬНОГО: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Голиков А.С. (Харьков, Украина)

Социология в течение длительного времени воспринимала знание продуцентов и фабрикантов порядка социального исключительно как феноменологически, неаналитически, нетипологически, дескриптивно описываемый универсум. Одну из немногих ранних попыток типологизации этого универсума предпринимает А. Шюц [1], что свелось исключительно к выделению «универсумом смыслов».

К концу XX – началу XXI веков такие попытки участились: в частности, попытку вычленения различных «кодов подсистем» предпринимает Н. Луман [2], что не было социолого-знаниевой попыткой, однако продемонстрировало, что внутренняя конституция и внешняя репрезентация знания в разных областях человеческой жизни и социальной практики могут и должны различаться. С постбурдьевиистского фланга теоретизирования это осуществляют Л. Болтански и Л. Тевено [3], которые выделили знаниевые суперконгломераты и назвали их «градами справедливости» и «порядками величия», сосредоточив при этом внимание не на знании, а на системных эффектах и проявлениях знания, на его порядковых репрезентациях.

Именно поэтому мы ставим отдельный вопрос о способах не только повседневного, но и научного, социологического упорядочивания (то есть – прежде всего упорядочивания типологизирующего) всего универсума знания людей о социальном, знаниевых репрезентаций порядков и т.д. Именно это и является целью данной работы.

К этому примыкает огромное разнообразие тематик и исследований вплоть до ставшей маргинальной сугубо социально-философской идеи «аттракторов» как «гуманитарных инвариант, целерациональных абсолютов, фундаментальных ценностей, движущих поведением индивида» [4, с. 31], среди которых выделялись социально-целевые, социально-инструментальные, персонально-инструментальные, персонально-целевые и общечеловеческие аттракторы.

На самом деле исходные позиции для типологизации осей знания можно увидеть ещё в противопоставлении типов порядков социального и специфичных им форм знания у Г. Спенсера (военное и индустриальное общество), Ф. Тённиса (*Gemeinschaft* и *Gesellschaft*), Э. Дюркгейма (органическая и механическая солидарность). В XX веке эта дискуссия была продолжена номиналистами и реалистами, индивидуалистами и коммунитаристами, и вращается она вокруг одной и той же оси легко заметных полярностей – а именно системности и единичности. Уже в XX веке было показано, что предельная позиция единичности неизбежно подводит к критически невозможной коммуникации – именно в силу общей (*communalis*) природы коммуникации. При этом формы социального знания могут быть упорядочены по оси «системное – единичное» не дихотомически, а континуально: ценность как форма знания куда более системна (не-единична) по своей онтологии чем идеологема, однако куда более единична по практикованию (идеологема обретает при практиковании вполне системные, коллективные репрезентации).

Другим примером оси упорядочения может быть ось насилия и ненасилия. Порядки социального по-разному соотносятся с идеей насилия – более того, сама идея ненасилия, как показывают исследователи, является сугубо исторической, контекстуальной [5; 6]. В современном и постсовременном обществе возникают объёмные ниши ненасильственного взаимодействия, конститутивно ненасильственного знания о социальном (или знания, в котором идея насилия принципиально исключена, не может быть даже помыслена), хотя социологическое внимание к «естественности» насилия в любых иерархиях и порядках заставляет отнестись к этой мысли с известной долей подозрения.

Итак, сейчас эпистемологически самоочевидным является, что «социальное следует рассматривать как многоуровневую действительность, существующую во множестве форм и проявлений, в т.ч. идеального и реального, естественного (спонтанного) и искусственного (рационально организованного), объективного и субъективного (болд наш – А.Г.) и т.д.» [7, с. 476]. Именно здесь плохо применимыми оказываются как веберовские категории вроде категории смысла (в силу монополизирующей интенции этой категории), так и интеракционистские категории (например, «фрейм» оказывается чрезмерно структуралистским и механическим; «определение ситуации» – наоборот, чрезмерно шатким и текучим). Человек в своей жизни сталкивается с немалым количеством внешне социальных действий и аспектов, которые при этом не требуют специфичной работы над порядком социального, с применением

инструментария знания о порядке социального. Эти знания могут выглядеть как социальные, могут ретранслироваться социально (это касается любого знания, которое мы вслед за Ю. Хабермасом [8] можем назвать техническим), однако их осуществление не включает актора в социальную ткань порядка. Именно так из ткани социального выделяются порядки политического или экономического, технического или физиологического.

Социальное как исторически конкретный способ совместности осуществляется не только в практиках, не только в коммуникациях, но и в вещах, и в знаках. Иначе говоря, социальное осуществляется в соотнесённости как минимум с четырьмя типами субстрата социального – практики, коммуникации, вещи, знаки. Акторы в социальном вырабатывают длительно существующие знаниевые конгломераты и агрегаты в отношении любого из этих субстратов, и даже близко связанные субстраты востребуют специфичных только им знаниевых конгломератов и агрегатов. Так, очевидно, что «смысл» отражает исключительно знаниевую природу «практик» и «коммуникаций», тогда как «значение», будучи близким по содержанию, - тем не менее, относится к «знакам» и «вещам».

Именно и лишь в отношении этих субстратов определяются и определены такие измерения, как присутствие, ограниченность, вмещение, простираие (или протяжённость, активность, субъектность).

Так, проблема, которую описывает Е. Мурадян в различении индивидуализма и изоляции, - а именно что «є декілька особливостей соціальної ізоляції, які властиві і соціальному індивідуалізму. Перша особливість – байдужість до комунікації... Це не означає повної відмови від комунікації, але означає її добровільне обмеження. Друга особливість – байдужість до логіки... Соціальні індивідуалісти... часто роблять те, що вони хочуть зробити. Те, що інші люди думають про них, їх не хвилює. Третя особливість – політичний індивідуалізм, тобто ізоляція від представників офіційної влади» [9, с. 257]. Эта проблема разрешается именно обращением внимания на разные весомости субстратов социального в знаниевых агрегатах индивидуализма и изоляции, где в первом оказывается больше «весомость» практического субстрата, а во втором – вещного и коммуникативного.

Точно так же разрешается и дилемма, поставленная ещё политическими философами (начиная от Аристотеля и заканчивая Т. Гоббсом) – дилемма общины и политического союза. Государство, политический союз, партия и т.п. превращают вещи (а зачастую и знаки) в сугубый объект взаимодействия, «рафинируя» свою ткань до состояния почти полностью состоящей из коммуникативного (в большей степени) и практического (в меньшей степени) субстрата. В этой же парадигме хорошо объясняется «парадокс слабых связей» (М. Грановеттер), обнаруженный эмпирически в конце XX века, но прозорливо описанный ещё А. Смитом, который в книге первой «Исследования о природе и причинах богатства народов» показывает, что дружба в жизни общественного человека в цивилизованном обществе менее значима, чем обмен, основанный на эгоизме [10, р. 21].

Помимо всего прочего, такой взгляд на социальное позволяет уйти от радикального критицизма, когда в любой социальной мы вынуждены подозревать результаты реификации, натурализации и легитимации. Даже Г. Зиммель за символами, институтами, законами, коллективностями видел «всеобщее», возвышенное над «индивидуальным» и удалённое так, что оно кажется самостоятельным, объективным и антагонистичным к индивидуальному [11]. Но, подчеркнём, при этом вещи, коммуникации, знаки существуют лишь как субстраты социального, из которого прикосновение читателя или пешехода, интерпретатора или законодателя вытаскивает «живое социальное» - то, что Э. Дюркгейм и Г. Гарфинкель назвали «повседневным, бессмертным обществом» [12].

В выделенных нами субстратах социального есть два, которые мы (вслед за М. Вебером) обозначаем как необходимые, и два, которые необходимыми не являются. Необходимыми субстратами являются практика и коммуникация, тогда как знаковый и вещный субстрат не является необходимым. Иначе говоря, коммуникация и практика присутствует в любом социальном, тогда как знак и вещь могут и отсутствовать.

Таким образом, мы фактически осуществили три с половиной десятка лет тому то, что Р. Коллинз назвал «стратегией микрообоснования макросоциологии» [13]. Показательно, кстати, что сам Коллинз квантом социального считал краткосрочные «когнитивно-эмоциональные процессы» внутри одного человека (то, что мы обозначили как «суждение» или «производство суждения»). При этом наша модель мало того, что аналитически более перспективна, так ещё и больше, с нашей точки зрения, соответствует ситуации «рефлексивной модернизации» [14], поставившей

перед человеком многие, доселе неизвестные ему, идентификационные, ценностные, когнитивные проблемы. В таком случае любой знаниевый агрегат, независимо от образности, яркости, используемых средств трансляции, становится практически, коммуникативно, вещно, знаково фундированным, и, соответственно, субъективно влиятельным и репрезентированным.

1. Шюц А. *Избранное: Мир, светящийся смыслом* / Пер. с нем. и англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 1056 с.
2. Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории*. — СПб: «Наука», 2007. — 644 с.
3. Болтански Л., Тевено Л. *Социология критической способности* // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2000. — Т. 3. - № 3. — с. 66-83
4. В.В. Ильин *Социология как фундаментальная наука* // Социологические исследования. - 1994. - № 3. - с. 29-35
5. Судакова В.Н. *Ненасильственные взаимодействия: анализ противоречий концептуальных интерпретаций* // Проблемы розвитку соціологічної теорії ... / КНУ імені Т. Шевченка. - К.: Логос, 2010. - 440 с., с. 73-78;
6. Норберт Элиас. *О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования*. М.; СПб, 2001. — 382 с.
7. Резник Ю.М. *Послесловие к дискуссии (вместо заключения). Заключительная дискуссия «Социальная реальность: поиски смысла»* // Вопросы социальной теории. — 2008. - № 2. — с. 475-494.
8. Хабермас, Ю. *К логике социальных наук. Теория коммуникативного действия* / Ю. Хабермас // Современная западная теоретическая социология : реферат. сб. Вып. 1. - М. : ИНИОН РАН, 1991. - С. 29-56.
9. Мурадян О.С. *Соціальний та економічний індивідуалізм: теоретичний та емпіричний виміри розгляду* // Проблемы розвитку соціологічної теорії ... / КНУ імені Т. Шевченка. - К.: Логос, 2010. - 440 с., с. 254-259
10. *The Works of Adam Smith. In five volumes. Vol. II. London, 1812.*
11. Зиммель Г. *Избранное. Том второй. Созерцание жизни*. - М.: "Юрист", 1996. - 596 с.
12. Garfinkel H. *Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism/ Edited and Introduced by A. W. Rawls. Lamham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2002*
13. Collins R. *On the Microfoundations of Macrosociology* // *American Journal of Sociology*. 1982. Vol. 86 (5). P. 984-1013
14. Бек У. *Общество риска: На пути к другому модерну* / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. - 383 с.

СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ ВСЕОБЩЕГО ТРУДА

Демидова О.Л. (Самара)

В год столетнего юбилея Октябрьской революции в России неплохо вспомнить историю. Ведь как бы ни ругали советскую систему власти, отдельные положения социализма могли использоваться в современном мире для решения многих острых государственных проблем, например всеобщая трудовая повинность.

Ильяхов А.А. пишет, что одной из важнейших идей большевистской революции 1917 г. была идея обеспечения свободы труда, то есть прекращение эксплуатации человека человеком и обязанность трудиться для всех членов общества.[3, С. 182] Труд был объявлен и правом, и обязанностью.

В настоящее время Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепила принцип свободы труда вместо права на труд, что в научных кругах породило мнения об отсутствии в российском законодательстве такого права. Однако право на труд продекларировано в различных нормах международного права является одним из важнейших общепризнанных прав и свобод человека и подлежит непосредственному применению. Стоит отметить, что несмотря на отсутствие законодательного закрепления обязанности трудиться, стороны могут договориться о необходимости отработать в организации или на предприятии за полное возмещение затрат на обучение (по целевому договору с Министерством образования и науки и др.).

Политика Советской власти в сфере организации труда имела двуединую задачу: 1) обеспечить всех работой (борьба с безработицей) и 2) заставить работать всех. Борьба с безработицей была особенно активной в 1918 г., и к началу 1919 г. безработица в значительной мере рассосалась. [3, С. 182]

В наше время проблема безработицы существует. По статистике в службах занятости населения по всей стране зарегистрированы тысячи безработных и вакансий. Вместе с тем, не все

нуждающиеся в работе обращаются к услугам служб занятости, в них отмечается только численность официально зарегистрированных безработных. Также особого внимания заслуживает широко распространенная скрытая занятость, при которой работники не по своему желанию трудятся в режиме неполной занятости, пользуются отпусками по инициативе администрации без сохранения или с частичным сохранением заработной платы. Подобная неполная видимая занятость преуменьшает действительное число безработных граждан.

Согласно оценкам представителей Росстата, каждый пятый работающий россиянин в 2013 г., был занят в теневой экономике. Всего в теневой экономике трудились 14,1 млн. чел., или 19% трудоспособного населения. Более того, в течение последующего года в теневую экономику ушли еще 500 тыс. чел. Как утверждают эксперты, в 2015 г. в теневой экономике работает уже 15 млн. чел. [4, С. 28] Введение обязательной трудовой повинности в итоге привело бы к краху теневой экономики, ведь каждому пришлось бы раскрывать свое действительное место работы под страхом уголовного преследования, работать нелегально никто бы не захотел. Налоги бы уплачивались правильно и точно, ведь налоговые инспекции контролировали бы не только работодателей как сейчас, но и работников, которые должны были уплачивать подоходный налог.

Трудовая повинность в Советской России сочетала в себе, как условия неизбежности в условиях большой, длительной войны, так и доктринальные установки правящей партии. Целью было достижение "высшей технической базы", прогресса. Страна, разрушенная после первой мировой и гражданской войн, с отсталой экономикой, в годы НЭПа смогла «укрепить» рубль так, что золотой червонец считался самой стабильной валютой в мире. Страна, которая внесла большой вклад в победу во Второй Мировой войне, оставшись в руинах, начала заново отстраивать заводы, школы, больницы. По оценкам зарубежных исследователей страна тогда могла восстановиться за 15-20 лет, а восстановилась за 5-7 лет. Благодаря введению всеобщей трудовой повинности в России, мы смогли бы обеспечить стабильность экономики и импортзамещение, повысить производительность сельского хозяйства, промышленности и иных отраслей экономики.

В плане трудовой мотивации наша экономика находится на стадии решения задачи, которая в западном обществе в целом уже решена. В США рабство было отменено только в 70-е годы прошлого столетия, экономика, достигнув высокого уровня производительности труда, обеспечила своим работникам достаточно высокий уровень удовлетворения их важнейших материальных потребностей и тем самым создала условия для относительной независимости работников от экономических характеристик их существования. Поэтому в настоящее время основные мотиваторы труда западного работника начинают перемещаться из экономической области в психологическую и социальную. В выборе и сохранении рабочего места там начинают преобладать интересы содержания и процесса труда, общественной значимости работы и т. п. факторы.[5]

Установление трудовой повинности стимулировало бы стремление у молодого поколения получить хорошее образование, чтобы не работать физическим трудом, а быть занятым умственной профессией. Отсутствие работы дает много свободного времени, в итоге большое распитие алкогольных напитков, курящих и наркоманов. Председатель Следственного комитета города Иркутска Бунёв А.Ю. на одном из совещаний заявил, что спиртное и проблема безработицы являются основными факторами, влияющими на благосостояние жителей Сибири. [1] Данные проблемы непосредственным образом влияют на возрастание уровня преступности. Так, у человека нет цели, как минимум желания карьерного роста, безработный скорее ищет способы выжить, украсть и обогатиться. Согласно поговорке человек быстро привыкает не работать, как следствие он начинает лениться, когда его принимают на работу, ему сложно приспособиться к новым условиям.

Кроме того, как известно, людям с судимостью сложно найти работу, их просто нигде не берут, что приводит к совершению ими новых преступлений, а так была бы для них гарантия работы.

Труд полезен, развивает мозг. Трудотерапия используется при лечении людей, страдающих психическими расстройствами, как следствие среди неработающих было бы меньше психически нездоровых людей.

В библиотеке InLiberty есть статья «К черту работу. Нужна ли обществу занятость населения?», автор Джеймс Ливингстон, профессор истории из Рутгерского университета в Нью-Джерси (США) и автор книги «No More Work». [2] Он утверждает, что можно не работать и жить только на пособия, что, на мой взгляд, невозможно в российских реалиях. Наиболее высокие

социальные гарантии родителям при рождении ребенка устанавливаются законодательством в отношении трудоустроенных родителей, подлежащих обязательному социальному страхованию на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Да и само пособие небольшое - всего 40 % от зарплаты, а женщина как известно получает меньше чем мужчина, примерно 60-80% его заработка. Материнским капиталом государство покрывает лишь часть расходов, связанных с содержанием ребенка.

Вместе с тем, действительно в век информационных технологий, развития сети Интернет и коммуникаций появилась возможность дистанционной работы на дому: для операторов косметических, банковских, телефонных, юридических и иных организаций. Нужно лишь иметь дома интернет, ноутбук, телефон и наушники, в итоге можно проводить много времени дома с родными и при этом работать и получать деньги. Также и развивается возможность работы фрилансером, дома самостоятельно устанавливая режим и объем работы. С установлением всеобщей трудовой повинности фриланс-работа перешла бы в легальную, с учетом стажа, необходимого для получения другой работы, пособий и пенсий и т.п.

Уважительными причинами неисполнения трудовой повинности считалось бы обучение, болезнь, беременность, уход за детьми, но и такие граждане могли тоже работать, за ними оставалось право на труд.

Таким образом, существуют предпосылки введения всеобщей трудовой повинности в Российской Федерации с учетом опыта советской системы всеобщего труда.

1. *Безработица и алкоголь — основные причины преступности в сибире.* – *Новости.* - URL: <http://stopalkogolizm.ru/bezrobotica-i-alkogolizm-osnovnye-prichiny-prestupnosti-v-sibiri/> (проверено 31.08.2017)
2. *Джеймс Ливингстон К черту работу. Нужна ли обществу занятость населения?.* - URL: <http://www.inliberty.ru/library/714-K-chertu-rabotu-Nuzhna-li-obshchestvu-zanyatost-naseleniya-2> (проверено 31.08.2017)
3. *Ильяхов А. А. Советская модель всеобщего труда в 1918–1922 г.г. //Рабочие в России: исторический опыт и современное положение.* - М.: Едиториал УРСС. – 2004. – С. 182 – 199. - URL: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Article/workers/iliukhov.pdf> (проверено 31.08.2017)
4. *Мацкевич И.М. Причины экономической преступности: учебное пособие.* М.: Проспект, 2017. - URL: https://na.mvd.pf/upload/site128/document_file/Prichiny_ekonomicheskoy_prestupnosti.pdf (проверено 31.08.2017)
5. *Прошкин Б. Г. Принуждение как метод трудовой мотивации //Управление персоналом.* – 2008. – №. 11. – С. 42 - 47. - URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1623> (проверено 31.08.2017)

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ ВРЕМЕНИ В ОБЩЕСТВЕ НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ "ТЕКУЧАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ" ЗИГМУНТА БАУМАНА

Егоров Р.К. (Санкт-Петербург)

Аннотация: Автором рассматриваются основные идеи, направленные на раскрытие становления и трансформации понятия «время», представленные в работе Зигмунта Баумана «Текучая современность».

В работе «Текучая современность» (1999) британский социолог польского происхождения Зигмунт Бауман раскрывает собственный подход к пониманию и структурированию категории «время». Автор проводит попытку раскрыть историю становления времени. Он выделяет три этапа времени в мировой истории: время как неотъемлемая часть пространства, время, отделившееся от пространства и современная роль времени в обществе. Если назвать их более ёмко, то результатом этих обобщений стали следующие категории: «предыстория времени», «тяжелая современность» и «текучая современность».

Что люди прошлого представляли под временем и пространством? Ответ на этот вопрос строился на понимании повседневных практик. Если бы мы спросили их об этом, возможно, они бы сказали, что пространство – это расстояние, которое необходимо пройти, а время- то, что нам необходимо, чтобы это расстояние преодолеть. Это определение было не просто пригодным для жизни, но и достаточно точным, поскольку именно «пользователи», то есть люди и прирученные животные, тратили силы и устанавливали пределы их использования. Люди были равны в своих возможностях перемещаться. И бедные люди, и короли путешествовали примерно с одинаковой

скоростью, разница было только в комфорте. В этом случае можно утверждать, что привязка времени к «пользователю» делала людей равными.

Что же стало причиной появления идей об отделении времени от пространства и предпосылкой повышения важности различий в возможностях передвижения между людьми и стимулом для их развития? Бауман небезосновательно считает, что этим стало изобретение транспортных средств, объективно двигающихся быстрее людей и лошадей, а также обладающими почти нескончаемым потенциалом к ускорению и совершенствованию. Это позволяло преодолевать те же расстояние гораздо быстрее. За этим последовал разрыв времени и пространства. «Время превратилось в проблему *hand wake*, которое люди могли изобрести, создать, получить, использовать и контролировать, перестав быть проблемой безнадежно неэластичного «пользовательского обеспечения», зависящего от печально известных своих капризов и причудами сил ветра или воды и безразличного к действиям людей; кроме того, время стало фактором, независимым от инертных и неизменных измерений пространств земли или морей. Время теперь отличалось от пространства, потому что его можно было изменять и им можно было управлять, чего нельзя сделать с пространством; время превратилось в фактор разрушения, заняв позицию активного партнера в браке между пространством и временем» [2, с. 121-122]. Время стало жизненно важным ресурсом и средством к завоеванию и контролю пространства. У части людей появилась возможность преодолевать расстояния намного быстрее, чем другие, что позволяло занимать большую территорию. Бауман предлагает считать точкой отсчета начала современности именно момент освобождение времени от пространства и противопоставление времени пространству в качестве инструмента его завоевания. Новую эпоху он назвал тяжелой современностью с основной идеей тотальной пространственной и территориальной экспансии. Прогресс означал увеличение размера и захват новых территорий, а «эффективным» считалось количество ресурсов, собранных в одном месте.

Необходимость быстрой экспансии территорий и их последующего удержания и контроля создали потребность в двух кардинально разных видах времени: гибком времени, обладающем способностью сжиматься и «пожирать пространство», и жестком, однородном время, которое можно контролировать посредством нивелирования его внутреннего динамизма. «Сведенное к стандартам время привязывало труд к земле, в то время как массивность фабричных зданий, тяжесть машин и, последнее по порядку, но не по значению, перманентно связанный труд «скрепляли» капитал. Ни капитал, ни труд не стремились и не были способны двигаться. Замороженное время фабричного распорядка вместе с кирпичами и строительным раствором фабричных стен делали капитал неподвижным так же эффективно, как он связывал используемый им труд» [2, с. 126].

Кардинальные изменения в роли времени возникли с появлением нового вида капитализма, основанном на «программном обеспечении» и «легкой современности». В новом подходе, по идее Баумана, не было место для пространства по причине «уничтожения» самого времени. Теперь любое расстояние могло быть преодолено за «нулевое время», а разница между «далеко» и «близко» исчезла. Отсюда возникает идея о ненужности пространства как такого. Если раньше время было средством, требующим разумного использования, дабы получить наибольшую выгоду, то теперь чрезмерная эффективность времени сводит на нет разницу в ценности всех объектов в качестве потенциальных целей. Зачем стремиться и контролировать место, если ты можешь добраться до него, когда угодно? А если есть возможность посещать это место в любое время, то нет причин делать это часто.

Однако человечество до сих пор не достигло мгновенного перемещения, а без этого нет и отсутствия пространства и абсолютной гибкости человеческой деятельности. Тем не менее, стремление к мгновенности – явная тенденция в развитии технологий. Более того, это стало недостижимым идеалом для общества. Так новой мерой неравенства стал доступ к «мгновенности». Люди, способные выбирать свое местоположение и скорость перемещения доминируют над людьми, не обладающими такими возможностями. И это не единственный критерий в определении нового типа времени.

Следующий принцип заключается в сравнении подходов к взаимным обязательствам. Если в «тяжелой современности» основой были взаимные обязательства, то современность – это эпоха разъединения, неуловимости и отсутствия ответственности за деятельность. Ныне мы наблюдаем отстранение капитала от затратного бремени на управление, а также уменьшение значимости больших и неуклюжих образований в связи с дематериализацией человеческого труда в сферах,

приносящих наибольший доход для капитала. В связи с этим капитал сам становится экстерриториальным, изменчивым и непостоянным.

Как же идеи о мгновенности современной реальности могут повлиять на тенденции развития общества? Бауман в своей работе акцентирует внимание на понимании и видоизменении концепции бессмертия в культуре. Для иллюстрации данной идеи он привел высказывание персонажа, сыгранного Вуди Алленом: «Я не хочу достичь бессмертия с помощью своих дел, я хочу достичь бессмертия, не умирая» [2, с. 135]. Отсюда можно вывести стремление персонажа к сиюминутному, мгновенному. Мгновенность делает каждый момент кажущимся бесконечно вместительным; а бесконечная вместимость означает, что нет никаких пределов тому, что можно выжать из любого момента, каким бы кратким и «мимолетным» он ни был.

1. Бауман З. *Образ изменчивого мира*. // *Высшее образование сегодня*. 2011. № 7. С. 9-16.
2. Бауман З. *Текущая современность*. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
3. Иноземцев В. *Зигмунт Бауман и его «индивидуализированное общество»*. // *Высшее образование в России*. 2004. № 1. С. 142-145.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИЙ П.А. СОРОКИНА, ДЖ. ДЕЙВИСА И Т. ГАРРА

Еремин В.В. (Москва)

Данная работа содержит в себе реферативное изложение основных концепций революций, относящихся к психологическому направлению. Мы рассмотрим концептуальную эволюцию теорий революций психологического направления и сосредоточим внимание на исследованиях П.А. Сорокина [1], Дж. Дейвиса [4] и Т. Гарра [5].

Одна из первых психологических концепций революции была выработана русско-американским ученым-социологом П.А. Сорокиным. Нас интересуют, в основном, причины, по которым люди способны подняться на восстание против власти. Поэтому сделаем акцент в исследовании именно на них (это касается не только П.А. Сорокина, но и всех исследуемых авторов). В книге «Социология революций» П.А. Сорокин отмечает, что причины революций необходимо искать в деформации поведения индивидов. Изменение поведения отдельных членов общества ведет к изменению общественного поведения, и, следовательно, состояния общества. Ученый описывает основную причину революции следующим образом: «Каковы бы конкретно ни были условия, из которых слагается общая, основная и вечная причина революций, она всегда состоит в росте «ущемления» главных инстинктов у значительной части общества, в невозможности их минимально-необходимого удовлетворения, чем бы и кем бы такой рост «ущемления» ни вызывался» [1, с. 320]. Иными словами, к революции приводит ущемление властью каких-либо потребностей людей или их инстинктов. Среди таких потребностей и инстинктов П.А. Сорокин выделяет следующие: потребность в питании; инстинкты индивидуального и группового самосохранения; потребности в жилище, одежде; половые инстинкты; инстинкт обладания собственностью; чувство собственного достоинства и т.д. Конкретизируем данную проблему. Потребность в питании ущемляется тогда, когда в государстве наступает голод; инстинкт самосохранения особенно задевается в периоды массовых репрессий или войн; потребности в жилище, одежде и обладании собственностью не удовлетворяются, если большая часть населения пребывает в бедности; чувство собственного достоинства людей унижается в результате наказания невиновных в поражениях, и поощрения непричастных к победам. П.А. Сорокин замечает, что революция может произойти либо в тот момент, когда ущемляются наиболее важные инстинкты, либо тогда, когда ущемляются инстинкты многих групп: «Для наступления революции необходимо или исключительно сильное «ущемление» самых важных инстинктов, или ущемление целого ряда последних. Конкретные исторические революции почти всегда представляют собою второй случай» [там же, с. 320-322]. П.А. Сорокин отмечает, что потребности небольших групп людей всегда остаются неудовлетворенными. Как следствие, происходят преступления. Однако для того, чтобы произошла революция, ущемление должно иметь массовый характер. Ученый делает важную ремарку – ущемление инстинктов не обязательно должно быть абсолютным. То есть, совсем не обязательно, чтобы рабочий годами не получал зарплату. Ущемление может ощущаться людьми в результате их сравнения себя с другими людьми или же с самим собой в прошлом. При этом, П.А. Сорокин отмечает, что

революция будет подавлена при наличии силовых структур, отвечающих за порядок в обществе. Исходя из всего вышеперечисленного ученый делает следующий вывод о причинах революций, ими являются: «1) рост ущемления главных инстинктов, 2) массовый характер этого ущемления, 3) бессилие групп порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением; возросшее давление ущемленных рефлексов — таковы необходимые и достаточные условия наступления революций» [там же, с. 323].

Мы можем заметить, что концепция П.А. Сорокина описывает не только психологические причины революций, хотя она и отводит им главную роль. Так, Э.Э. Шульц отмечает, что при суммировании положений всех концепций революции, мы можем выделить 4 определяющих момента, относящихся к описанию причин революций: личностный фактор; экономика; состояние массовой психологии; социальные причины. Автор говорит о том, что «Социология революции» П.А. Сорокина затронула 3 аспекта из 4-х, за исключением экономики [2, с. 58]. Мы также считаем, что нельзя называть концепцию П.А. Сорокина чисто психологической. На наш взгляд, правильнее было бы назвать ее структурно-психологической теорией. Это связано с тем, что ученый не раз говорит о том, что бунт населения становится революцией лишь тогда, когда у режима нет сил восстановить порядок – а это уже структурный кризис системы. Однако, стоит заметить, что Дж. Голдстоун относит теорию П.А. Сорокина к социально-психологическим теориям революций «первого поколения» [3].

Следует также рассмотреть теорию революции Дж. Дейвиса. На его рассуждения сильное влияние оказала социально-психологическая теория «фрустрация-агрессия». Он полагает, что люди высказывают недовольство в тот момент, когда в стране после продолжительного экономического роста наблюдается резкий спад. Как следствие, люди не чувствуют уверенности в будущем и опасаются обесценивания экономических благ, которыми они обладают [4].

Т. Гарр дал развитие теориям П.А. Сорокина и Дж. Дейвиса. Он говорит о том, что недовольство людей вызывает фрустрация их потребностей (это замечал и П.А. Сорокин). Однако, Т. Гарр делает особый акцент на ущемлении социальных потребностей человека, а не биологических. Ученый критически отмечает, что такой подход все равно не дает возможности ответить на вопрос – почему представители одних групп бунтуют, а другие сносят тяготы молча. Т. Гарр говорит о том, что ключ к решению данной проблемы заключается в явлении относительной депривации – «воспринимаемое индивидами расхождение между ценностными ожиданиями и ценностными возможностями» [5, с. 41]. Русский социолог Д.Ю. Карасев, описывая концепцию Т. Гарра акцентирует внимание на нескольких видах относительной депривации. Он пишет, что относительная депривация возникает в результате: «Во-первых, снижения реальных возможностей на фоне возрастания ожиданий; во-вторых, снижения возможностей на фоне сохранения ожиданий на прежнем уровне; в-третьих, возрастания ожиданий в условиях стабильности реальных возможностей достижения этих ожиданий». Д.Ю. Карасев отмечает, что теория Т. Гарра показывает, почему люди терпят ухудшение своей жизни по сравнению с прошлым, однако не терпят не удовлетворения своих ожиданий касательно будущего [6, с. 73]. Русский социолог составляет цепочку революции по Т. Гарру – изначально происходит относительная депривация потребностей масс и элит, которая ведет к возникновению беспорядков; далее революционный лагерь усиливается и количество его ресурсов достигает паритета с количеством ресурсов, находящихся в руках у власти. Как следствие, в государстве происходит революция [там же, с. 75].

Таким образом, мы можем проследить концептуальную эволюцию теорий революции психологического направления. Теория Т. Гарра, вышедшая по времени позже, чем теории П.А. Сорокина и Дж. Дейвиса сочетает в себе элементы данных концепций и систематизирует проводимые исследования. Как заметил Э.Э. Шульц, книга Т. Гарра стала «итоговой работой» в психологическом направлении исследования революций для всего XX века [2, с. 57].

1. Сорокин П.А. Социология революций М.: РОССПЭН, 2005. - 704 с.
2. Шульц Э.Э. «Социология революции» П. Сорокина: истоки и влияние. // ОБЩЕСТВО. СРЕДА. РАЗВИТИЕ. – 2014. - № 1. – 55-59 с.
3. Goldstone J.A. Theories of Revolution: The Third Generation // World Politics, 1980. Vol. 32. No 3. PP. 425-453
4. Davies J.C. Toward a Theory of Revolution // American Sociological Review, 1962. Vol. 27. № 1. PP. 5-19.
5. Гарр Т.П. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005. - 461 с.

ЭТИКО – ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ – НОВЫЙ ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИИ

Злотникова Л.М. (Гомель, Республика Беларусь)

Формирование экономики на принципах расширения потребления сопровождается появлением новых социально-культурных явлений. Их фундаментальную основу составляют: во-первых, полный отказ от традиционных морально-нравственных норм и принципов потребительского поведения, во-вторых, по-прежнему господствует узкая специализация исследовательских интересов между экономической и гуманитарными науками, в-третьих, экономическая практика нацелена на производство товаров и услуг, приносящих сиюминутную отдачу. Это привело к тому, что этические отношения все чаще оказывают решающее воздействие на моральное поведение человека, отношение к структуре и формам потребления. Оно в свою очередь устанавливает иерархию производственных и поведенческих ценностей.

Праздность потребления в условиях ограниченных временных и материальных ресурсов сопровождается радикальным снижением экономической эффективности. Провозглашенные государством цели на расширение производства, увеличение темпов роста экономики постоянно сталкиваются с комплексом этико-экономических противоречий. Сложное производство объективно требует от работника высочайшей дисциплины, организованности, ответственности, максимального внимания и т.д. В тоже время диверсификация культуры праздного досуга уменьшает эмпирические возможности человека к плодотворному труду. Производители развлечений, эксплуатирующие примитивные эмоции человека, получают огромные доходы, часто выступают субъектами формирования девиантного поведения, вредных привычек, снижения социальной ответственности. Производство вынуждено использовать снижающийся человеческий потенциал.

Социальная ответственность в течение многих столетий находилась под пристальным вниманием ближайшего к производителю окружения. Выше названные социальные качества человека были своеобразным продолжением отношений потребитель-производитель. Узкая специализация и дифференциация производства, с одной стороны позволили увеличивать объемы производства, сократить время на освоение новых товаров, а с другой – усилили требования к этическим нормам и принципам поведения человека. Принципиальным противоречием современного этапа развития экономики является системная зависимость производителя и потребителя. Общепринятая методология изучения экономических процессов, широко используя метод абстракции, разделяет производителя и потребителя на отдельные субъекты. В реальности – это один человек. Морально-нравственный облик, отношения не только между людьми, но и к самому себе определяют конечный результат любого вида деятельности. Социальная и экономическая психология переполнены примерами негативного влияния низких личностных оценок человека на отношение к производственной и общественной роли. Равнодушие, безразличие к происходящему давно определены величайшим злом.

Бесспорно, что в условиях пропаганды «потребления без границ» архисложно разделить этические ценности и экономические действия. Усиливаются противоречия между этическими принципами и целями практической экономики процессами глобализации. Теоретически современное развитие мировой экономики может быть эффективным только в условиях жесткой унификации общественных и производственных процессов. В тоже время этический мир представлен огромным разнообразием моральных норм, механизмов его реализации, поведенческих ценностей. Стремление к этической экономике в условиях глобализации наталкивается на мощное сопротивление диверсификации накопления. Эмпирическая этика нацеливает человека на достижение определенного идеала. В трактовке аристотелевской философии все, что делает человек, всегда должно быть сделано хорошо. Современная производственная деятельность базируется на получении сиюминутной выгоды, увеличении объемов производства любой ценой. Образно говоря, производитель в условиях господства экономики потребления, все больше и больше внимания обращает на сокращение издержек,

уменьшение сроков пользования товарами. Частная смена потребительской корзины в условиях глобализации – это своеобразная визитная карточка современности.

Массовое производство, принципы его организации гипотетически оказывают латентное влияние на этическое поведение. Хорошее, плохое, важное, прекрасное – эти и другие понятия не появляются сами по себе. Во многих случаях они отражают отношения, которые складываются в общественном производстве. Трудность определения экономических механизмов влияния на содержание вышеназванных понятий заключается в том, что в настоящее время (по разным причинам) сложно вычленить общее и особенное в этике и экономике хорошего. С этической точки зрения недопустима замена одних компонентов товара другими. Средства массовой информации переполнены фактами изменения структуры не только продуктов питания, но и промышленных товаров. Использование контрафактных деталей в различных транспортных средствах, к сожалению, приводят к авариям, потерям человеческих жизней. Экономически данное отношение оценивается как «снижение издержек», а значит хорошее поведение производителя.

Перед учеными гуманитарного и экономического направления в настоящее время стоит огромная задача по поиску эмпирически действенных механизмов разрешения противоречия между социально-философским и социально-экономическим содержанием жизненно важных поведенческих принципов. На первом этапе (сложно, но необходимо признать), что мир оказался в ситуации, когда теоретическая и экономическая эффективность неизбежно влечет за собой огромные цивилизационные потери. Ведь именно стремление к росту материального богатства сопровождается делением людей, их взглядов на жизнь, этических и религиозных принципов на первого и второго сорта. Этическая компонента жизнедеятельности человека – это интегральная система, включающая все аспекты нравственного, благородного, полезного, прекрасного и т.д. Любое индивидуальное, производственное, государственное и межгосударственное решение может быть принято к исполнению, если пройдет испытание на соответствие этическим нормам и принципам. Проще говоря, будет получен ответ на вопрос о его соответствии человеческой морали и справедливости.

В настоящее время наиболее острый характер приобрела проблема этичности частной собственности. Спустя 25 лет реформ большинство общества осознано, что экономическая эффективность частной собственности базируется на получении сиюминутной выгоды. Человек в условиях господства частной собственности настойчиво превращается в простое орудие производства. Собственник заинтересован только в приумножении собственного богатства, его не волнует достоинство человека. А ценность жизни он рассматривает только с позиций способности принести дополнительный доход «сегодня и сейчас». В заключение хотелось обратить внимание на тот факт, что, к сожалению, государственная экономическая политика оказалась в полном подчинении интересов частной собственности. И как следствие, человеческая жизнь и вся система общественных благ, ее формирующих и обеспечивающих социализацию человека, приравнены к частным благам.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.

Иванов О.И. (Санкт-Петербург)

Понятие «пространство» в современном общественном сознании пользуется большой популярностью, его широко используют представители многих научных дисциплин, но, как правило, в большинстве публикаций – это дань моде, словоупотребление без какой-либо обоснованной содержательной нагрузки. И одна из причин поверхностного толкования того или иного пространства (экономического, политического, образовательного и других) отсутствие предварительного определения его онтологии, то есть форм его существования.

При определении и трактовке социального пространства мы будем исходить из основных положений его общей теории, развитой такими авторами как Сорокин П., Бурдьё П., Кастельс И., Урри Дж. Для нас социальное пространство – ансамбль социальных позиций, особенности и содержание которых обусловлены исторически сложившимся общественным разделением труда, социальные дистанции между ними, взаимное расположение индивидуальных и коллективных субъектов общественной жизнедеятельности на этих объективно существующих позициях

относительно друг друга в зависимости от удельного веса их экономического и других капиталов, а также от уровня развития их человеческих потенциалов.

В составе социального пространства мы выделяем: социальные поля и связи между ними; объективно существующие места-позиции для социальных акторов и связи между местами-позициями; реальных, действующих в данное время социальных акторов с присущими им потребностями, интересами и правами, а также отношения между акторами; институционализированные нормы-правила взаимодействия акторов в социальном пространстве и его полях; реальные паттерны поведения и мышления социальных акторов; публичные арены (в том числе арены интернет пространства), места, где возможен и проводится публичный дискурс между социальными акторами (публичные арены могут существовать как внутри одного поля, так и вне его, существовать над всеми полями) [1, С.18 – 53]; ресурсы (материальные, финансовые, организационные, культурные, духовные и т. п.) объективных мест-позиций; потоки (людей, социальных групп, материалов, финансов, информации, идей, образов, паттернов стандартизированных индивидуальных и коллективных действий, паттернов поведения и мышления социальных акторов; паттернов публичной оценки поведения и мышления, паттернов потребления культурных ценностей) [2]; скейпы – сети действующих лиц и организаций, образующих различные взаимосвязанные узлы, по которым могут осуществляться те или иные потоки [понятие скейпы предложено [3]].

На основе выбранной и обоснованной онтологии социального пространства можно приступить к изучению его трансформации в социальном времени.

С нашей точки зрения, трансформация социального пространства – преобразование его основных свойств (протяженности, сжатости, организации, дезорганизации, интеграции, дезинтеграции и др.) на основе изменения его компонент и связей между ними, а также связей социального пространства с природной средой. Трансформация социального пространства – процесс, включающий объективные и субъективные компоненты. Он может и, как правило, происходит спонтанно, но ему в необходимых случаях стараются придать управляемый характер.

История свидетельствует, что социальное пространство подвержено изменению. Это подтверждает и происходившая в минувшее столетие в России трансформация практически всех его социальных полей. Особенностью этих трансформаций социальных полей было то, что они проводились активными общественными группами, движущей силой которых были их материальные интересы.

Сегодня в российской научной литературе имеется немало публикаций, посвященных изучению современного состояния экономического, политического, образовательного, культурного и других пространств или социальных полей. Но мало работ, в которых рассматривается проблематика их эволюции в историческом времени. Настало время приступить к историко-социологическому исследованию социального пространства. Целесообразно при этом исходить из следующих утверждений: социальное пространство существует объективно; оно постоянно изменяется; его изменения обусловлены сложным взаимодействием объективных и субъективных факторов. Исторический подход требует изучать социальное пространство посредством воспроизведения его причинно-обусловленного и закономерного становления и изменения. К историческому подходу необходимо обращаться, когда существует потребность объяснить наличие свойств, присущих данному явлению в данное время, для понимания прошлого через настоящее.

Сегодня социальное пространство России трансформируют три основные общественные силы: федеральные и региональные органы власти, и «рынок» в лице его главных представителей-собственников. Какая из этих трех сил заинтересована в преобразовании социального пространства России и способна это осуществлять в интересах ее поступательного развития и в интересах ее населения? Приходится признать, что пока ни одна из упомянутых общественных сил в полной мере не справляется с преобразованием социального пространства России в интересах ее поступательного развития и в интересах ее населения. Нередко перемены в социальном пространстве России и его полях производились и производятся в корыстных интересах влиятельных общественных групп и отдельных индивидов. Выбор объектов и определение целей трансформации зависел и зависит от интересов каждой из трех основных общественных сил, участвующих в процессах трансформации (федеральные, региональные органы власти, «рынок» в лице его главных представителей-собственников).

Созданные в России за чрезвычайно короткий период социального времени социальные поля сегодня уже не так просто изменить. Тем не менее, возможности перемен в каждом поле и в

отношениях между ними существуют. Больше того, такие перемены необходимы. Их можно и нужно произвести на основе как «оперативного», так и «стратегического» управления трансформацией социального пространства.

Понятие «пространство» в современном общественном сознании пользуется большой популярностью, его широко используют представители многих научных дисциплин, но, как правило, в большинстве публикаций - это дань моде, словоупотребление без какой-либо обоснованной содержательной нагрузки. И одна из причин поверхностного толкования того или иного пространства (экономического, политического, образовательного и других) отсутствие предварительного определения его онтологии, то есть форм его существования.

При определении и трактовке социального пространства мы будем исходить из основных положений его общей теории, развитой такими авторами как Сорокин П., Бурдьё П., Кастельс И., Урри Дж. Для нас социальное пространство - ансамбль социальных позиций, особенности и содержание которых обусловлены исторически сложившимся общественным разделением труда, социальные дистанции между ними, взаимное расположение индивидуальных и коллективных субъектов общественной жизнедеятельности на этих объективно существующих позициях относительно друг друга в зависимости от удельного веса их экономического и других капиталов, а также от уровня развития их человеческих потенциалов.

В составе социального пространства мы выделяем: социальные поля и связи между ними; объективно существующие места-позиции для социальных акторов и связи между местами-позициями; реальных, действующих в данное время социальных акторов с присущими им потребностями, интересами и правами, а также отношения между акторами; институционализированные нормы-правила взаимодействия акторов в социальном пространстве и его полях; реальные паттерны поведения и мышления социальных акторов; публичные арены (в том числе арены интернет пространства), места, где возможен и проводится публичный дискурс между социальными акторами (публичные арены могут существовать как внутри одного поля, так и вне его, существовать над всеми полями) [1, С.18 – 53]; ресурсы (материальные, финансовые, организационные, культурные, духовные и т. п.) объективных мест-позиций; потоки (людей, социальных групп, материалов, финансов, информации, идей, образов, паттернов стандартизированных индивидуальных и коллективных действий, паттернов поведения и мышления социальных акторов; паттернов публичной оценки поведения и мышления, паттернов потребления культурных ценностей) [2]; скейпы – сети действующих лиц и организаций, образующих различные взаимосвязанные узлы, по которым могут осуществляться те или иные потоки [понятие скейпы предложено [3]].

На основе выбранной и обоснованной онтологии социального пространства можно приступить к изучению его трансформации в социальном времени.

С нашей точки зрения, трансформация социального пространства – преобразование его основных свойств (протяженности, сжатости, организации, дезорганизации, интеграции, дезинтеграции и др.) на основе изменения его компонент и связей между ними, а также связей социального пространства с природной средой. Трансформация социального пространства - процесс, включающий объективные и субъективные компоненты. Он может и, как правило, происходит спонтанно, но ему в необходимых случаях стараются придать управляемый характер.

История свидетельствует, что социальное пространство подвержено изменению. Это подтверждает и происшедшая в минувшее столетие в России трансформация практически всех его социальных полей. Особенностью этих трансформаций социальных полей было то, что они проводились активными общественными группами, движущей силой которых были их материальные интересы.

Сегодня в российской научной литературе имеется немало публикаций, посвященных изучению современного состояния экономического, политического, образовательного, культурного и других пространств или социальных полей. Но мало работ, в которых рассматривается проблематика их эволюции в историческом времени. Настало время приступить к историко-социологическому исследованию социального пространства. Целесообразно при этом исходить из следующих утверждений: социальное пространство существует объективно; оно постоянно изменяется; его изменения обусловлены сложным взаимодействием объективных и субъективных факторов. Исторический подход требует изучать социальное пространство посредством воспроизведения его причинно-обусловленного и закономерного становления и изменения. К историческому подходу необходимо обращаться, когда существует потребность

объяснить наличие свойств, присущих данному явлению в данное время, для понимания прошлого через настоящее.

Сегодня социальное пространство России трансформируют три основные общественные силы: федеральные и региональные органы власти, и «рынок» в лице его главных представителей-собственников. Какая из этих трех сил заинтересована в преобразовании социального пространства России и способна это осуществлять в интересах ее поступательного развития и в интересах ее населения? Приходится признать, что пока ни одна из упомянутых общественных сил в полной мере не справляется с преобразованием социального пространства России в интересах ее поступательного развития и в интересах ее населения. Нередко перемены в социальном пространстве России и его полях производились и производятся в корыстных интересах влиятельных общественных групп и отдельных индивидов. Выбор объектов и определение целей трансформации зависел и зависит от интересов каждой из трех основных общественных сил, участвующих в процессах трансформации (федеральные, региональные органы власти, «рынок» в лице его главных представителей-собственников).

Созданные в России за чрезвычайно короткий период социального времени социальные поля сегодня уже не так просто изменить. Тем не менее, возможности перемен в каждом поле и в отношениях между ними существуют. Больше того, такие перемены необходимы. Их можно и нужно произвести на основе как «оперативного», так и «стратегического» управления трансформацией социального пространства.

1. Хилгартнер Стивен, Боск Чарльз Л. (2000). Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен// Средства массовой коммуникации и социальные проблемы. Хрестоматия. Составитель Н.Г. Ясавеев. Изд-во Казанского Университета, С. 18 – 53.

2. Кастельс И. (2004). М. Социальная теория пространства и теория пространства потоков// Информационное общество: экономика, власть, культура. Том II. Хрестоматия. Новосибирск.

3. Урри Дж. (2012). Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия. М.: ГУ-ВШЭ, С.52.

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ В СОЦИОЛОГИИ РЕВОЛЮЦИИ НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИИ Ч.ДЖОНСОНА

Игнатьева О.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация. В данной статье рассматривается системная теория революции, разработанная американским социологом Чалмерсом Джонсоном в второй половине XX века. Это одна из ярких работ, позволяющая совместить как системный, так и процессуальный аспекты феномена революции. Сложность методологии американского социолога, многоуровневость подхода и масштаб использованного исторического материала делает его одним из ведущих теоретиков социологии революции. Данная статья ставит перед собой цель популяризации идей Чалмерса Джонсона в российском научном сообществе, и представляет собой краткое изложение основных положений его теории.

Попытки концептуализации феномена социальной революции существовали задолго до выхода в свет книги П.Сорокина «Социология революции». Социология революции оказалась плодотворным направлением исследования, и уже к середине XX века появилось значительное количество работ по данной тематике особенно в американской социологической мысли. В данной статье мы приведем два способа классификации существующих теорий революции. Первый, предложенный американским социологом и политологом Т.Скочпол [3], подразделяет ныне существующие концепции революции на психологические (Т.Гарр), системные (Ч.Джонсон) и теории политического конфликта (Ч.Тилли). Второй способ, предложенный Ч.Джонсоном, выделяет четыре группы концепций социальной революции: акторно-ориентированные (Т.Гарр, Дж.Дэвис), структурные (С.Хангтингтон, У.Мур, Т.Скочпол), интегративные (К.Бринтон, Н.Смелзер, Р.Даль) и процессуальные (Ч.Джонсон).

В данной статье рассматривается концепция Чалмерса Джонсона, сформулированная на основе анализа его работ «Крестьянский национализм и коммунистическая власть. Происхождение революции в Китае (1937-1945)», «Революция и социальная система» (1964), «Революционные изменения» (1968). Сам социолог относит свою теорию к разряду процессуальных, так как наряду с системным анализом феномена, используемом в интегративных теориях, добавляет анализ случайного фактора. Однако, учитывая тот факт, что концепция Ч.Джонсона представляет собой многоуровневый анализ феномена революции (от

психологического до структурного и даже цивилизационного), то можно согласиться с Т.Скочпол, которая причисляет данную теорию к системным.

Предпосылками рассматриваемой концепции революции служат работы Т.Парсонса, А.де Токвиля, Дж.Дэвиса, Т.Гоббса. Исследование феномена революции опосредовано следующим алгоритмом анализа: изучение ценностно-скоординированной системы общества переходит в исследование его десинхронизации, которая в свою очередь ведет революционным изменениям, которые в зависимости от уровня их протекания, могут быть сравнимы с аналогичными, произошедшими в других странах. «Изучение общества и революции в каком-то смысле, аналогично изучению физиологии и патологии, изучение условий болезни организмов связано со знанием условий здоровья. Потому построение теории функционального общества с необходимостью должно предшествовать теории революции [5, Р. 1]. Вслед за Э.Хоффером [4] Джонсон полагает, что источником революционных изменений служат изменения в настроениях масс, что сопровождается разочарованием, раздражением и ненавистью, перерастающими в протестные действия. В целом, Чалмерс Джонсон выделяет четыре типа изменения источников социальных изменений: экзогенные изменения ценностей (рост внешних референтных групп), эндогенные изменения ценностей (религиозные инновации), экзогенные изменения внешней среды (иностранные завоевания) и экзогенное изменение среды (технические инновации).

В отличие от своих предшественников, фокусирувавшихся на том или ином аспекте изучаемого феномена. Ч.Джонсон старается дать более полное определение социальной революции. Революция, по Джонсону, – это вид социального изменения, которое основано на использовании насилия и описывает поведение, направленное на социальное изменение системы [1, С.27]. Следовательно, не каждое социальное изменение, является революционным – есть консервативные изменения в политике (например, избирательная реформа в Англии 1832 года) или в составе элиты, которая допускает кооптацию лидеров протестующих масс в свои ряды. Последний вариант преодоления революционных настроений масс нежелателен, так как в долгосрочной перспективе он ведет к разбалансировке ценностно-скоординированной системы. Джонсон выделяет психологические и структурные детерминанты десинхронизации общества. Ценностно-разбалансированная система с необходимостью влечет за собой революционные изменения, в основе которых лежат как структурные причины («дефляция власти»), так и социально-культурные («потеря легитимности»).

Опираясь на концепцию социального действия М.Вебера, лежащую в основе структурно-функционального анализа, Джонсон понимает революционное насилие как антисоциальное действие. «Насилие – это также поведение, на которое другие не способны ориентироваться, или поведение, сознательно направленное на предотвращение ориентации и развитие стабильных ожиданий» [5, Р. 8-9]. Американский социолог выделяет три уровня насильственных изменений. Самый нижний уровень – это уровень «правительства». На этом уровне социальные изменения производятся простой заменой одного правящего лица на другое в результате восстания. Следующий уровень – это уровень режима (демократия, диктатура, олигархия). Замена одного режима на другой осуществляется посредством идеологического бунта или обычной революции. И, наконец, самый высокий уровень, на которые направлены насильственные изменения, – это уровень сообщества, т.е. революции ведут к изменению общественного устройства не только в данной конкретной стране, но и в некоторых других странах. Примером таких революций может служить Великая буржуазная революция во Франции и Великая социалистическая революция в России [2].

В концепции Ч.Джонсона можно выделить следующие основные элементы – это структурные компоненты революции, систему ценностей и норм, содержащихся в культурной подсистеме и случайные действия и взаимодействия революционных деятелей. Исследователь говорит о случайности революционного процесса, что противоречит тезису Гарвардской школы социологии о необходимости изучения объективных структурных условий и результатов революции. В данной теории революционный процесс рассматривается на трех уровнях: уровень структурных искажений (наличие синхронизации между ценностями и набором ролей для адаптации индивида к социальной среде), уровень рационального выбора (затрагивает уровень лидеров протестного движения и содержит категорию случайности) и уровень тактик и стратегий революции, к которому относится уровень революционного насилия. Возможность противостоять вооруженным действиям правительства или привлечь их на свою сторону является решающим фактором в победе революции. Степень приверженности вооруженных сил легитимным властям зависит от того, входят ли военные чины в состав правящей элиты, регулярная ли это армия, есть

ли у нее связи с народными массами, боеспособности, а также наличия раскола в элите, который мешает вовремя применить ей аппарат принуждения. Ч.Джонсон приходит к выводу, что состоятельность революционного восстания зависит от установок вооруженных сил и от состоятельности передаваемой идеологии.

Таким образом, в отличие от своих предшественников и современников, Чалмерс Джонсон проводит системный анализ революции, рассматривая данный феномен как в статике (уровень социальной системы), так и в динамике (революция как процесс). При чем уровень статике предполагает переход от микроуровня, т.е. от биографии революционных лидеров и психологии поведения их последователей, до макроуровня, т.е. уровня социальной системы и ее ценностно-ролевой сбалансированности. Такая схема анализа позволяет исследователю наделить понятие «революции» не только наличием в нем социального изменения, но и антисоциальным действием, основанном на насилии. Переход от одного уровня анализа на другой ограничивается требованием рассматривать революцию в контексте существующей социальной системы, а сравнительный анализ социальных систем проводить в соответствии с тем уровнем революционных изменений, на котором они происходят (правительство, режим, сообщество).

1. Карасев Д.Ю. Теория революции Чалмерса Джонсона // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-revoljutsii-chalmersa-dzhonsona> (дата обращения: 20.09.2017)
2. Мартынов М.Ю. Модернизация и революция // Социологические исследования. 2015. № 7. С. 133-139.
3. Скочпол Т. Государства и социальные революции // Масловский М.В. Социология политики: классические и современные теории. Учебное пособие. М.: Новый учебник, 2004. С.103-108. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/lib/skocpol.htm> (дата обращения: 20.09.2017)
4. Hoffer E. *The Ordeal of Change*. N.Y.: Harper Colophon Books, 1964
5. Johnson Ch. *Revolutionary change*. L.: University of London Press, 1968

КАК ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ МЕШАЕТ НАМ ПОНЯТЬ РЕВОЛЮЦИЮ 1917 Г.

Карасев Д.Ю. (Москва)

Глубокое и всестороннее осмысление значимых исторических событий и процессов невозможно без эксплицитного обращения к соответствующим теориям из различных социально-гуманитарных наук. Одни историки предпочитают этого не делать, другие напротив, обращаются к теориям, занимаются их проверкой или опровержением, а иногда и теоретическими обобщениями. При всех достоинствах последние не застрахованы от выбора не самых подходящих теорий (особенно если эти теории близки тому, что представляется выбирающему здравым смыслом, или его до-теоретическим убеждениям). Дело в том, что выбираемые теории подспудно несут в себе нагрузку теоретико-методологических дискуссий специфических для той области научного знания, в которой они разработаны и из которой заимствуются. Выбирающий для своих целей историк может не подозревать об этом или не иметь желания вникать во все эти абстрактные для него дискуссии. Сказанное особенно верно применительно к проблеме выбора социологических теорий социальных революции для изучения и понимания революции 1917 г.

Хорошей иллюстрацией этого является статья «Почему люди бунтуют: Русская революция 1917 года в контексте современных теорий революции» [3]. В ней известный историк и исторический социолог Б.Н. Миронов отстаивает идею о релевантности для объяснения революции 1917 г. теории относительной депривации, синтезированной В.А. Мау и И.В. Стародубровской [5] с другими теориями революции в так называемую «институциональную концепцию» революции 1917 г. Этот вывод подкрепляется социально-экономической статистикой дореволюционной России (приведенной скорее для фальсификации других рассматриваемых теорий), а также историческим нарративом. В итоге обращение Миронова к теории относительной депривации, можно приписать не столько ее достоинствам, сколько общим убеждениям историка относительно траектории социально-экономического развития России в конце XIX – начале XX в., согласно которым Россия следовала тому же самому пути, что и Запад, хотя и с некоторыми опозданиями, и революция произошла по причине чрезмерно быстрого, хотя и частичного развития, а не кризиса. Мау и Стародубровская также утверждают, что причиной революции 1917

г. было то, что развитие политических и социальных институтов, а также психологических установок отставало за ускоренным развитием экономики. Экономический рост подрывал социальные структуры и вызывал фрагментацию, которая в свою очередь ослабляла государство, но также нужна была революция обманутых ожиданий в духе Дж. Дэвиса [8].

Обратимся к подводной части айсберга использования теории относительной депривации для объяснения революции 1917 г. Во-первых, выбор в пользу теории относительной депривации игнорирует ход теоретической эволюции в через взаимную критику теории. Напрямую из критики теорий относительной депривации [14] развился подхода «соревновательной политики» («contention politics») [15]. Суть критики заключалась в том, что поскольку рост ожиданий крайне сложно измерить, поскольку отсутствию неоспоримые исторические свидетельства депривации как коллективного психологического состояния, то вместо них используются косвенные политические и экономические показатели, например, сокращение уровня реальной зарплаты, количество и интенсивность (человеко-дни) забастовок или совокупные индексы [9,13]. Но как выявил Тилли [13] количество участников забастовок, их форма и характер требований объяснялись не столько ростом ожиданиями и их интенсивностью их депривации, сколько ростом способности к коллективной организации и факторами политической среды (реакцией режима).

Или же можно предположить, как это по-видимому делает Миронов, что рост ожиданий был просто функцией от роста экономики, а обманутые ожидания возникали в результате ее резких просадок. Однако как показывает Тилли, долгое время экономический рост не коим образом не приводил к росту ожиданий широких масс, их основной формой коллективной организации оставались общинные организации, и наиболее распространенной формой их коллективного действия была оборона и защита коллективных ресурсов от поборов со стороны возникавших больших и централизованных организаций (прежде всего государства). Для революционного сценария, напротив, требовались широкие ассоциативные организации, «проактивное коллективное действие» с требованиями ресурсов или прав, которыми коллективный актер никогда раньше не обладал. Выдвижение подобного рода требований и борьба за них предполагали долгий процесс организации актора, мобилизацию его коллективных ресурсов и роста коллективного сознания, а не просто сиюминутную депривацию.

В терминах революции 1917 г. это означает объяснить как кулачные бои на льду замерзшей Москва реки металлургов заводов Гужона с рабочими соседней текстильной фабрики в 1870-е гг. [11] (соревновательное коллективное действие очень напоминающие традиционные крестьянские драки выходцев из разных сел) превратилось в относительно организованную борьбу с управляющими заводов, митинги и подачу петиций, как во время 1905 г. [10] (ярчайший пример оборонительного коллективного действия) в наступательное коллективное действие 1917 г. в форме рабочего контроля на предприятиях и политической борьбы под лозунгом «вся власть советам» [12]. В отличие от Дэвиса и Гарра, Тилли [15] полагает что коллективное действие редко начинается как насильственное, оно, напротив становится таким в результате насильственной реакции со стороны обороняющегося режима (например, июльский кризис 1917 г.).

Скочпол [4] принимает критику этих идей относительной депривации, разработанную теоретиками политического конфликта. К тому же теория относительной депривации не может объяснить почему в России революция произошла в 1917, а в 1905 потерпела поражение, без ad hoc объяснения, касающегося роли поражения в Первой мировой.

Во-вторых, острейшей теоретической проблемой теории относительной депривации является то, что она допускает ошибку «центрального объединения» («central conflation») в терминах М. Арчер [7]. В терминах Тилли это означает смешение двух родов различных объяснений коллективного действия и революции - «каузальных» и «целевых» [15]. У Гарра [1] это выражается в классификации типов относительной депривации, но на практике означает патовую ситуацию отсутствия возможности установить, является ли ее причиной снижение реальных возможностей (экономики) или чрезмерный рост ожиданий, или и то, и другое? Иными словами это означает смешение долгосрочных и краткосрочных факторов революции, таких как экономический рост, состояние политических и социальных институтов, с одной стороны, и краткосрочные желания, опыт и идентичности акторов, случайные события или действия – с другой.

В-третьих, объединение теории относительной депривации с т.н. «институциональной теорией» имеет под собой и теоретические основания, о которых вряд ли подозревает Миронов. Как демонстрирует Тилли [15], обе эти теоретические ветки представляют собой развитие традиции Дюркгейма (а именно его теории аномии). В своих работах Дюркгейм [2] изображает

общество модерна испытывающим постоянное напряжение от непрерывной борьбы между силами дезинтеграции (в особенности быстрой дифференциации, разделения труда) и силами интеграции (в особенности приверженность старым, новым или обновленным коллективным верованиям). Само по себе разделение труда также способно вызывать органическую солидарность, однако, когда оно чрезмерно ускоряется и не подкрепляется обновленными верованиями, наступает аномия. Хантингтон [6] обновляет аргумент Дюркгейма: революции происходят в странах добровольно или вынужденно вступивших на путь модернизации, но не завершивших его. Причиной роста политического насилия становятся быстрые социально-экономические изменения, сопровождающиеся ростом политического сознания и быстрой мобилизацией новых групп в сочетании с недостаточно быстрым развитием политических институтов, неспособных ассимилировать и инкорпорировать их. (Теории Дэвиса и Гарра по-сути развивают тот же аргумент о несоответствии в темпах). Как очевидно «институциональная концепция» Мау и Стародубровской едва ли прибавляет что-то новое к концепции Хантингтона, за исключением акцента на современном экономическом росте среди прочих процессов модернизации.

1. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
3. Миронов Б.Н. Почему люди бунтуют: Русская революция 1917 года в контексте современных теорий революции // «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы Международной научной конференции. М.: Совпадение, 2012. С.15-39.
4. Скочпол Т. Государства и социальные революции: сравнительный анализ Франции, России и Китая. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
5. Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001.
6. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.
7. Archer M.S. *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
8. Davies J.C. *Toward a Theory of Revolution* // *American Sociological Review*. 1962. Vol. 27. № 1. PP. 5-19.
9. Gurr T.R. *A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices* // *American Political Science Review*. 1968. № 27. PP. 1104-1124.
10. Haimson L.H., Petruska R. *Two Strike Waves in Imperial Russia, 1905-1907, 1912-1914* // *Strikes, War, and Revolution: Comparative Studies and Quantitative Analyses of Strike Waves in Six Major Industrial Countries in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries*. Ed. by L. Haimson and C. Tilly. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. PP. 101-166.
11. Koenker D. *Collective Action and Collective Violence in the Russian Labor Movement* // *Slavic Review*. 1982. Vol. 41, № 3. PP. 443-448.
12. Koenker D., Rosenberg W.G. *Strikers in Revolution: Russia, 1917* // *Strikes, War, and Revolution: Comparative Studies and Quantitative Analyses of Strike Waves in Six Major Industrial Countries in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries*. Ed. by L. Haimson and C. Tilly. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. PP. 167-196.
13. Snyder D., Tilly C. *Hardship and Collective Violence in France, 1830 to 1960* // *American Sociological Review*. 1972. Vol. 37. № 5. PP. 520-532.
14. Snyder D., Tilly C. *On Debating and Falsifying Theories of Collective Violence* // *American Sociological Review*, 1974. Vol. 39. № 4. PP. 610-613.
15. Tilly C. *From Mobilization to Revolution*. N.Y.: Random House, 1978.

ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТАССР И РТ)

Каримова Л.К. (Казань)

Изучение демографических и социальных характеристик населения российского общества традиционно - одна из наиболее актуальных и разрабатываемых тем в отечественной историографии, являющаяся базисом для изучения различных вопросов социально-экономического, общественно-политического и культурного развития России в целом. [1] Велико внимание и к специфике динамики демографических характеристик отдельных регионов, в частности ТАССР и РТ, как локальных элементов сложного взаимодействия общероссийских демографических процессов и тенденций. [2]

Данные советских и российских переписей населения позволяют проследить траекторию изменения основных демографических характеристик как российского населения в целом, так и населения Татарской АССР и Республики Татарстан. В качестве основных демографических характеристик в исследовании выделены численность городского и сельского населения республики и его половая структура.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. численность населения в ТАССР составила 2594032 чел. (1204763 муж. (46%) и 1389269 жен.(54%)), из них в городах проживало 280527 чел, или 11% от всего населения (131152 муж. (47%) и 149375 жен.(53 %)), а в сельской местности – 2313505 чел, или 89% (1073611 муж. (46%) и 1239894 жен.(54%)). [3]

Всесоюзная перепись населения 1939 г. зафиксировала в республике уже 2915277 чел. (1359735 муж. (47%) и 1555542 жен. (53%)), из которых 614293 чел. проживали в городах, или 21% от всего населения (293536 муж. (48%) и 320757 жен. (52%)), а в сельской местности – 2300984 чел., или 79% (1066199 муж. (46%) и 1234785 жен. (54%)). [4]

Согласно Всесоюзной переписи 1959 г. численность населения ТАССР составила 2850417 чел. (1244658 муж. (44%) и 1605759 жен. (56%)), из которых 1195749 чел., или 42% от всего населения (529082 муж. (44%) и 666667 жен. (56%)) проживали в городах, 1654668, или 58% (715576 муж. (43%) и 939092 жен. (57%)) – в сельской местности. [5]

В 1970 году по данным Всесоюзной переписи населения в ТАССР насчитывалось уже 3131238 чел. (1404508 муж. (45%) и 1726730 жен. (55%)). Из них на долю городского населения приходилось 1613955 чел., или 52% от всего населения (732570 муж. (45%) и 881385 жен. (55%)), а на долю сельского – 1517283 чел., или 48% от всего населения (671938 муж. (44%) и 845345 жен. (56%)). [6]

Спустя 9 лет очередная Всесоюзная перепись населения зафиксировала в ТАССР 3435644 чел. (1571580 муж. (46%) и 1864064 жен. (54%)), большую часть из которых составляли горожане – 2172135 чел., или 63% от всего населения (996958 муж. (46%) и 1175177 жен. (54%)). На долю сельского населения приходилось 1263509 чел., или 37% (574622 муж. (46%) и 688887 жен. (54%)).[7]

Следующая Всесоюзная перепись населения в 1989 г. насчитала уже 3637809 жителей республики (1689185 муж. (46%) и 1948624 жен. (54%)). Сохранялся перевес городского населения – 2656588 чел., или 73% от всего населения (1239170 муж. (47%) и 1417418 жен. (53%)) – над сельским – 981221 чел., или 27% (450015 муж. (46%) и 531206 жен. (54%)). [8]

Данные Всероссийской переписи населения 2002 г. говорят о 3779265 чел. (1749050 муж. (46%) и 2030215 жен. (54%)), проживавших в Республике Татарстан. В городах насчитывалось 2790661 чел., или 74% от всего населения (1279365 муж. (46%) и 1511296 жен. (54%)), в сельской местности – 988604 чел., или 26% (469685 муж. (48%) и 518919 жен. (52%)). [9]

Последняя Всероссийская перепись, проведенная в 2010 г. зафиксировала 3786488 жителей в РТ (1748443 муж. (46%) и 2038045 жен. (54%)), из которых горожанами были 2853661 чел., или 75% от всего населения (1302121 муж. (46%) и 1551540 жен. (54%)), а к сельской местности относились 932827 чел., или 25% (446322 муж. (48%) и 486505 жен. (52%)). [10]

Таким образом, по данным переписей прослеживается явная тенденция к росту численности населения республики (за исключением периода между Всесоюзными переписями 1939 и 1959 гг., когда отмечается падение численности (на 64860 чел.) за счет мужского населения, характеризующее продолжающиеся сказываться последствия потерь во время репрессий, Второй мировой и Великой Отечественной войн). Среди мужского населения падение численности отмечается не только в 1939-1959 гг. (на 115077 чел.), но и в период с 2002 по 2010 гг. (на 607 чел.), что может объясняться ... При этом в городах на протяжении всего рассматриваемого периода наблюдается рост количества и мужчин, и женщин.

Процессы урбанизации, политика властей на развитие промышленности, городской инфраструктуры, превращение крупных сельских населенных пунктов в города привели к стремительному росту городского населения (с 11% от всего населения республики в 1926 г. до 75% - в 2010 г.) и снижению численности жителей сельской местности (с 89% в 1926 г. до 25% в 2010 г.). Несмотря на разные темпы динамики численности населения в городах, сельской местности и республики в целом, сохранялось преобладание женского населения над мужским (в республике на 6-10%, в городах и сельской местности на 4-12%), а соотношение между полами оставалось практически на одном и том же уровне. Изменение местожительства населения, особенно активно проводившееся в советские годы, вело к постепенному изменению его

менталитета, что оказывало существенное влияние на социальные, политические, культурные и другие процессы в республике.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта №17-11-16005/17 ОГОН.

1. Писарев И.Ю. *Народонаселение СССР: (Социально-экономический очерк)*. – М., 1962. – 190 с.; Васильева Э.К. *Социально-экономическая структура населения СССР. Статистико-демографический анализ*. – М., 1978. – 207 с.; Жиромская В.Б. *Советский город в 1921-1925 гг.: Проблемы социальной структуры*. – М., 1988. – 166 с.; Борисов В.А., Синельников А.Б. *Брачность и рождаемость в России: демографический анализ*. – М., 1996. – 119 с.; Переведенцев В.И. *Демографические перспективы России // СОЦИС*. – 2007. – № 12. – С. 58-69 и др.
2. Давыдов Д.В. *Крестьянство ТАССР в условиях НЭПА: историко-демографическая характеристика*. – Казань, 2010. – 227 с.; Каримова Л.К. *Половозрастная структура населения ТАССР по материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г.* // *Наука нового времени: от идеи к результату: сб-к научных статей по итогам международной научн.-практической конф.* – Санкт-Петербург, 2017. – С.29-31; Кривоножкина Е.Г., Ханипова И.И. *Сельское население Татарской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937-1945 гг.)*. – Казань, 2011. – 461 с.; Сакаев В.Т., Телишев В.Ф. *Городское население Татарстана в годы Великой Отечественной войны: историко-демографические и политико-демографические аспекты*. – Казань, 2015. – 228 с. и др.
3. *Всесоюзная перепись населения 1926 года*. – М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928. Т.9. С. 2-13. Том 17. Стр. 2-3.
4. *Всесоюзная перепись населения 1939 года. Численность наличного населения СССР по союзным республикам, краям, областям и автономным республикам [Электронный ресурс]*. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_1.php (дата обращения: 10.10.2017).
5. *Численность населения СССР по переписи на 15 января 1959 г. по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа, районным центрам и крупным сельским населенным местам (по административно-территориальному делению на 1 января 1960 г.)*. – М., 1960. – 523 с.
6. *Численность наличного населения городов, поселков городского типа, районов и районных центров СССР по данным переписи на 15 января 1970 года по республикам, краям и областям [Электронный ресурс]*. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg1.php (дата обращения: 10.10.2017).
7. *Всесоюзная перепись населения 1979 г. Численность наличного населения РСФСР, автономных республик, автономных областей и округов, краев, областей, районов, городских поселений, сел-райцентров и сельских поселений с населением свыше 5000 человек [Электронный ресурс]*. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg1.php (дата обращения: 10.10.2017).
8. *Всесоюзная перепись населения 1989 г. ТОМ 1. Часть 1. Таблица 3. Численность наличного населения союзных и автономных республик, автономных областей и округов, краев, областей, районов, городских поселений и сел-райцентров [Электронный ресурс]*. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 10.10.2017).
9. *Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность населения России и ее территориальных единиц по полу [Электронный ресурс]*. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg1.php (дата обращения: 10.10.2017).
10. *Всероссийская перепись населения 2010 года. Численность населения России, субъектов Российской Федерации, городов и районов [Электронный ресурс]*. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus10_reg1.php (дата обращения: 10.10.2017).

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Карнаух В.К. (Санкт-Петербург)

Аннотация.

В статье рассматриваются социальные изменения исходя из категории времени, связанного с человеческой деятельностью. Вводятся такие понятия, как темпоральная революция и исторический тип темпоральности, представляющие собой ключевые понятия темпоральной антропологии.

Рассмотрение социальных изменений сквозь призму времени, связанного с человеческой деятельностью, может стать, на наш взгляд, предметом нового направления исследований —

темпоральной антропологии. В качестве ключевых понятий данного направления следует рассматривать понятия темпоральной революции и исторического типа темпоральности.

Термин "темпоральный" в данном случае выражает особенности развития гражданского общества. При этом слово "темпоральный" характеризует земное, мирское время в его оппозиции к священному времени, к вечности. На основе данного термина образуется понятие "темпоральность", означающее временную сущность явлений, порожденную динамикой их собственного движения.

Темпоральные революции выражают радикальные сдвиги в социальном времени, в результате которых происходит изменение исторических типов темпоральности. Исторический тип темпоральности представляет темпоральную матрицу, которую следует рассматривать с онтологических, гносеологических и аксиологических позиций. В онтологическом аспекте тип темпоральности характеризуется соответствующим масштабом времени, ритмом, темпом перемен, формами синхронизации человеческой деятельности; в гносеологическом — определенными измерительными устройствами времени и соответствующими единицами измерения; в аксиологическом — характерными ценностными временными ориентациями.

Главная причина темпоральных революций состоит, на наш взгляд, в смене основополагающих форм трудовой деятельности в обществе. Именно темпоральные рубежи, разделяющие периоды господства охотничье-собирающей деятельности, сельскохозяйственного труда, индустриальной и информационной деятельности, соответствуют революциям во времени.

Первая темпоральная революция произошла при переходе от первобытного общества к цивилизации. В возникшей цивилизации основными формами человеческой деятельности были сельскохозяйственный труд и ремесло. Причем сельским хозяйством было занято подавляющее большинство населения.

Распространение сельскохозяйственного труда сопровождалось радикальным изменением масштаба времени. Если в первобытном обществе производственный цикл охотника был ограничен рамками рабочего дня, то продолжительность цикла аграрных работ возросла до одного года. В отличие от охоты аграрный труд не требовал от человека импульсивных, взрывных напряжений всех его физических и духовных сил. Напротив, земледелие нуждалось в регулярном приложении усилий, их равномерном распределении во времени.

Многие работы требовали синхронизации производимых усилий, обеспечения единого трудового ритма. Единый трудовой ритм дал возможность объединить разрозненные трудовые усилия, соединить всех работающих в одно энергично действующее рабочее тело и тем самым увеличить продуктивность труда.

В первобытном обществе время определялось исключительно по отношению к естественным явлениям природы. С переходом к цивилизации необходимость измерять большие промежутки времени привела к появлению принципиально новой системы счисления времени, какой стали астрономические календари.

Календарь использовался не только для измерения времени. Он служил важным инструментом социального контроля, регулирующим продолжительность, ритм, темп общественной жизни, а также координирующим и синхронизирующим разделенную в пространстве групповую деятельность.

Аграрную цивилизацию отличал неторопливый, размеренный ход общественной жизни. Здесь не было необходимости в том, чтобы беречь и ценить время, производить точные его измерения или использовать малые единицы времени. Основной единицей времени здесь оставался день, который делился на такие неопределенные части, как утро, полдень и вечер.

Главной темпоральной ценностью для человека в традиционном обществе выступало прошлое.

Вторая темпоральная революция ознаменовала переход к промышленному труду и привела к утверждению нового механического типа темпоральности. В промышленности как новой форме бытия "родовых сущностных сил" основной создающей силой стала уже не природа, а сам человек, который искусственно воспроизводит определенный процесс и целесообразно направляет его.

В отличие от ремесленной и сельскохозяйственной форм деятельности, где работники сами регулировали темп собственной активности, в новой фабричной системе производства машина диктовала и навязывала свой темп функционирования человеку.

Высокая взаимообусловленность участников производственного процесса потребовала намного более совершенной синхронизации их трудовых усилий. На смену прежней органической пришла новая механическая синхронизация труда.

Вторая революция в характере течения времени была отмечена распространением таких темпоральных новаций, как механические часы и расписание. С введением расписания начинает утверждаться новая темпоральная организация, при которой выполнение установленных видов деятельности в строго предписанное время задает определенный ритм социальной жизни.

Часы дали возможность обеспечить лучшее соответствие служебных обязанностей с ежедневным расписанием. Они позволили с большей точностью измерять время и стандартизировать единицы его длительности. С установлением общей единицы времени появилась возможность составлять расписание последовательности видов деятельности с более высокой точностью и синхронизировать групповые усилия с гораздо большей надежностью.

Взамен прежних неопределенных интервалов суточного времени индустриальное производство потребовало введения таких точных стандартных единиц, как часы и минуты. На смену прежней циклической модели времени пришла новая линейная модель.

Основными темпоральными ценностями индустриальной цивилизации стали эффективность, пунктуальность, дисциплинированность, высокая скорость передвижения и ориентация на настоящее. Причем эффективность занимает среди них ведущее место. Эффективность явилась результатом трех главных новаций: разделения труда, организации массового производства и использования принципов научного управления обществом.

Третья темпоральная революция связана с переходом от индустриальной к постиндустриальной цивилизации. Характерной темпоральной особенностью новой цивилизации становится комбинация гибкого рабочего графика, неполной рабочей недели и выполнения ночных работ. Эти новации устраняют прежнюю жесткую пунктуальность. Теперь все больше людей работает за пределами фиксированного расписания, а общество функционирует круглосуточно.

Новое общество не только отрицает прежнюю механическую синхронизацию, но и задает более высокий темп жизни, чем прежде. Основа и мера человеческого бытия определяется уже не минутами, а секундами.

Главным времяорганизующим инструментом в новом обществе становится компьютерная программа. В отличие от расписания она дает возможность не только планировать будущий ход событий, но и точно, без непосредственного участия человека осуществить их. Кроме того, осуществление компьютерных программ мало зависит от субъективной памяти человека. Тот, кто использует такие программы полагается главным образом на информацию, хранимую в памяти компьютера, а не на свой прошлый опыт. Наконец, компьютерные программы выступают важным средством социального контроля, превосходящим по своим возможностям не только календарь, но и расписание. Компьютерные программы задают новый, весьма противоречивый уровень социальной детерминации. С одной стороны, они автоматизируют развертывание будущих событий, а с другой, обрекают многих людей на пассивное существование, при котором они вынуждены жить в пределах узких границ запрограммированных сценариев.

Прошлое в компьютере фиксируется не в виде линейной или хронологической последовательности. Компьютерное прошлое выступает в виде безвременных сведений, обретающих каждый раз новое значение как только они переносятся в новые компьютерные программы. Время в компьютерном мире оказывается скорее ассоциативным, чем линейным. Причем, если линейное время связано с историческим сознанием, то компьютерное время относится к психологическому сознанию.

С переходом к постиндустриальной цивилизации изменяются ценностные временные ориентации. Если в традиционном обществе высшую ценность составляло прошлое, в индустриальном – настоящее, то с наступлением постиндустриального общества главной ценностью становится будущее.

ЭМЕРДЖЕНТНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ПЕРСПЕКТИВЕ ВЕБЕРОВСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Катаев Д.В. (Липецк)

Веберовская идея о принципиальной вариативности и вытекающей историчности смысла действующего индивида обуславливает определение его подхода к социальным изменениям как культур-социологии [1, 80]. Селективность смысла обусловлена ценностями культуры и эпохи, которые и являются предметом причинного объяснения в идеально-типовых конструкциях.

Из этого замечания можно вывести две методологические возможности для рассмотрения эмерджентности и социального изменения.

1) Социальные изменения могут быть обусловлены внешними причинами, когда в определенных ситуациях действия индивидов являются причиной изменения обстоятельств и действуют в соответствии с измененными условиями (атомистический индивидуализм), то есть на макроуровне изменений социальных институтов (сфер).

2) Социальные изменения могут быть обусловлены внутренними причинами, когда происходит мотивационное изменение внутренней структуры личности под воздействием харизматического лидера, побуждающее акторов действовать иным образом на уровне микроизменений этических представлений.

Веберовские работы, посвященные исследованию взаимосвязи возникновения, становления и развития капитализма с культурными особенностями Западной Европы, можно условно разделить на три фазы: 1) первая фаза охватывает период до 1898/1899, когда Вебер серьезно болеет и восстанавливается до 1902 г.; 2) вторая фаза 1902/1903 – до конца опровержения критик исследований протестантизма, т.е. до 1900 г.; 3) третья фаза с 1910 г. до его смерти.

Особенности генезиса, становления и развития западноевропейской культуры и ее взаимосвязь с современным капитализмом особенно отчетливо прослеживается на втором этапе творчества, когда собственно и были написаны произведения, посвященные протестантизму и капитализму, а также на третьем этапе, когда были осуществлены два больших проекта это – «Хозяйство и общество», «Собрание сочинений по социологии религии», а также «Собрание сочинений по социальной и экономической истории».

В работе «Протестантская этика и дух капитализма» Макс Вебер выдвигает тезис: «Современный капиталистический хозяйственный строй – это чудовищный космос, в который каждый отдельный человек ввергнут с момента своего рождения и границы которого остаются, во всяком случае, для него как отдельного индивида, раз навсегда данными и неизменными. Индивид в той мере, в какой он входит в сложное переплетение рыночных отношений, вынужден подчиняться нормам капиталистического хозяйственного поведения: фабрикант, в течение долгого времени нарушающий эти нормы, экономически устраняется столь же неизбежно, как и рабочий, которого просто выбрасывают на улицу, если он не сумел или не захотел приспособиться к ним» [2, 76].

С появлением этого произведения М. Вебер ввязался не только в длительные научные контroversы, но и был вынужден искать объяснение в своей исследовательской программе единства возникновения и развития современного капитализма и современной материальной и духовной культуры. Из трех известных вопросов, поставленных Иммануилом Кантом – Что мы можем знать? Что мы должны делать? На что мы можем рассчитывать? – Вебер занимался в первую очередь первым.

Однако нас интересует, как это сформулировано в предисловии к «Общему собранию сочинений по социологии религии», взаимосвязь судьбоносной власти современного капитализма и культуры [3, 4]. Это в первую очередь соотносится с интеграцией микро- и макрокомпонент. Он указывает при этом на макроуровне на особую (внешнюю) форму управления, организации формально свободного труда, а также на микроуровне на особый (внутренний) образ жизни внутримирской аскезы. Образ жизни внутримирской аскезы является не только лишь наставлением, но и стилем жизни, основанным на этических обязанностях. Подчеркивается особый носитель – бюргерство, чья история тесно связана с историей западноевропейских городов, до того момента как это бюргерство трансформируется в буржуазию. И в этом заключается коренное отличие от Востока, Индии и Китая.

В своих исследованиях протестантизма он делает вывод о революции, соответственно, трансформации на микроуровне изнутри, которая в его глазах является необходимым

историческим условием для возникновения и развития современного капитализма и связанным с ним рационализмом, «разволшебствлением мира и волей власти над ним»[4, 56]. Данная трансформация не происходит сама по себе и не является функциональным следствием институциональных изменений разного вида. М. Вебер использует модель интеграции микро- и макроуровней (этическая, мотивационная компонента и институциональная трансформация) по аналогии с базисом и надстройкой как в материалистическом, экономическом, так и в идеалистическом понимании диалектики.

Поэтому в «Собрании сочинений по социологии религии» он пишет о том, что в исследованиях протестантизма он рассматривал только одну сторону каузальной связи возникновения и развития современного капитализма и что в дальнейших исследованиях также и другие стороны должны быть конкретизированы и детализированы. Следовательно, позднее, когда Макс Вебер проводил исследования этики мировых религий, он не видел причины в модификации или опровержении тезиса протестантизма. Он утверждает в продолжение своих исследований экономической этики мировых религий, что «не изменил, не вычеркнул или переформулировал в переиздании ни одного предложения или абзаца, которые содержат существенные положения в отношении протестантской этики» [5, 18].

Эволюция этических компонент, как она показана в «Протестантской этике и духе капитализма» и социологии религии представляет собой универсально-историческую перспективу веберовской социологии. На данном аналитическом уровне основой является тезис о «соответствии» субъективных компетенций действий и объективных структур действия. Развитие компетенций действия (этических компонент) субъекта является отправной точкой для развития структур символического универсума, в рамках которого и происходит эволюция этических представлений [6, 59-77].

Вебер подчеркивает особую роль иудейской и христианской традиции с идеей персонального, этического Бога для образования особого типа монотеистической этики, преодолевающей онтологический, спиритуалистический и этический дуализм (буддистское и индуистское учения о карме), выраженный в одновременном сосуществовании абстрактной этики и этики принципов. Образование абстрактной этики принципов возможно лишь тогда, когда идея спасения, универсалистский монотеизм и этический дуализм связаны между собой. Идея персонального Бога с абсолютной неизменностью, всемогуществом, всеведением и т.д. фундаментально отличается от спиритуализма, где Боги – это «светлые Боги», а для последователей кармы персональные божества отступают перед лицом «сверхбожественного вечного порядка мира». В этом Вебер видит особенность иудейско-христианской традиции по сравнению с восточной и азиатской: в ней с самого начала образовывалась направленность на «этическую целостную личность».

Главной причиной коренных изменений, преобразований в обществе, инноваций Вебер видит в культурных феноменах. М.Р. Лепсиус характеризует эти феномены следующим образом: «Веберовский социологический подход подчеркивает значение «встроенных» конфликтов для социального поведения индивидов, противоречий в организационных формах координации действия и для изменения ценностных представлений»[7, 69]. Ценности, ценностные сферы, ценностные идеи, социальные порядки, институты, нормы и критерии рациональности имеют влияние на действия индивидов как макрофеномены. Их влияние как макрофеноменов может быть совместимым или противоречить друг другу.

Таким образом, эволюция этических компонент на микроуровне детерминирует структурные компоненты и структурные принципы социальных порядков (сфер) на макроуровне, в которых происходит дифференциация на специфические типы этик. Пуританизм, как только он становится ортодоксией конкретного социального порядка (сферы), представляет собой уже не просто религиозную этику, но проникает уже в экономическую этику, политическую этику и в сферу социализации. Интеграция данных специфических типов этик проходит не бесппроблемно. Они воспроизводят собственные ценности и «собственное право».

1. Давыдов, Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: Актуальные проблемы веберовского социологического учения / Ю.Н. Давыдов. – М.: Мартис, 1998.
2. Вебер, М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.
3. Weber, M. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie* / M. Weber. – Tübingen: Mohr, 1978.

4. Патрушев, А. И. *Расколдованный мир Макса Вебера / А.И. Патрушев.* – М, 1992.
5. Weber, M. *Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie / M. Weber.* – Tübingen, 1978.
6. Schluchter, W. *Die Entwicklung des okzidentalen Rationalismus. Eine Analyse von M. Webers Gesellschaftsgeschichte / W. Schluchter.* – Tübingen: Mohr, 1979.
7. Lepsius, M.R. *Max Weber (1864-1920). Begründer der modernen Sozialwissenschaften / M.R. Lepsius // U. Leutheusser, H. Nöth (Hrsg.) München leuchtet für die Wissenschaft. Berühmte Forscher und Gelehrte.* – München: alitera Verlag, 2007.

АРЕНЫ КАК ОСНОВНЫЕ ПРОСТРАНСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА В СОЦИОЛОГИИ Й. ТЕРБОРНА

Кисленко И.Ю. (Москва)

Теория социального неравенства Й. Терборна представлена в качестве триединого механизма, который включает в себя: виды (измерения) социального неравенства (витальное, экзистенциальное, материальное), механизмы неравенства (дистанцирование, исключение, эксплуатация, иерархизация) и равенства (компенсация, включение, перераспределение, организационное и институциональное сглаживание), а также арены как основные пространства реализации социального неравенства. Именно этим пространствам будет посвящена данная работа.

Для начала надо отметить, что каждому измерению социального неравенства соответствуют определенные пространства реализации, которые Терборн называет аренами (arenas).

При этом он подчеркивает, что смысл этой социологической метафоры идентичен смыслу таких понятий как поля в социологии

П. Бурдье и подсистемы в социологии Н. Лумана [1, 2]. Однако, на этом объяснения сходства в его работах заканчиваются. Возникает вопрос: зачем ему понадобилось вводить понятие «арены» для представления пространства реализации социальных неравенств? Для поиска ответа на этот вопрос следует обратиться к работам Й. Терборна и попытаться найти его там.

Для начала, следует определить непосредственно арены, какими они бывают, для чего служат, какими специфическими особенностями они наделены и к каким измерениям их стоит отнести.

Следует помнить, что именно виды (измерения) неравенства проявляются в пространствах реализации, в обратную сторону это не только не работает, но и не имеет смысла. Именно поэтому рассмотрение арен будет проводиться в тесной связи с измерениями неравенств, и более того непосредственно через них.

Итак, витальное неравенство в качестве своей арены чаще всего избирает пространство личностных отношений (personal-life world) [3]. Несмотря на такое, на первый взгляд, ограниченное поле реализации, такое пространство трактуется Терборном много шире и включает в себя также работу и местообитание индивида (habitat). Это делает данную арену не такой уж ограниченной: исходя из описания, витальное неравенство может проявляться во многих пространствах, начиная от наиболее приватных сфер, таких как семья и заканчивая не самым личным пространством рабочего взаимодействия.

В качестве основной арены (пространства) реализации экзистенциальное неравенство Терборн определяет пространство взрослого социального взаимодействия (adult social interaction) [Там же].

Данная арена представляется весьма обширной, так как подобное взаимодействие можно встретить практически в любом месте. Специфической особенностью ее является детерминированность культурной системой и семейной социализацией, так как именно, благодаря им, в основном, и происходит реализация экзистенциального неравенства на этой арене.

Материальное неравенство, в свою очередь, проявляется на такой арене как пространство рабочих отношений и собственности (areas of property and employment) [Там же]. Из всех трех арен для проявления видов (измерений) неравенств данная арена, на первый взгляд, является наиболее ограниченной и специфически направленной, так как имеет связь только с указанными характеристиками (работа и собственность).

Но если взглянуть немного шире, то можно обнаружить, что подобные отношения, в частности (а денежные отношения, в общем и целом) пронизывают многие пространства социальных взаимоотношений в той или иной степени, поэтому и эта арена имеет право на существование в том виде, в каком она сейчас и представлена.

Касательно природы происхождения понятия и социологической метафоры «арены», можно сделать предположение, что, данный термин был введен для интерпретации реализации социального неравенства на микроуровне – в качестве специфических, наделенных особыми свойствами пространств, которые имеют привязку (однако, не жесткую) к определенным видам (измерениям) социального неравенства.

Подводя итог, следует отметить, что в данной работе были рассмотрены основные пространства реализации социальных неравенств на микроуровне (арены), были продемонстрированы основные аспекты их взаимодействия и переплетения с основными видами (измерениями) социального неравенства в социологии Й. Терборна.

1. Бурдые, П. *Социальное пространство: поля и практика [Текст] / П. Бурдые. – М.: Издательство «Алетейя», 2008.*
2. Луман, Н. *Общество общества (в 5 томах) [Текст] / Н. Луман. – М.: Издательство «Логос». – 2010.*
3. Therborn, G. *Meaning, Mechanisms, Patterns, and Forces: An Introduction // Inequalities of the World: New Theoretical Frameworks, Multiple Empirical Approaches. London: Verso, 2006.*

ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ СОЦИАЛИЗМА И НАДЕЖДЫ НА ЛУЧШЕЕ БУДУЩЕЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Козырева Л.Д. (Санкт-Петербург)

Завершение социалистического этапа истории России, а затем и крах мировой системы социализма многие исследователи сравнивают с внезапной смертью. Так, К.Джовитт заметил, что внезапное «исчезновение ленинских режимов» — крайне необычное явление в социальной истории, аналогии которому можно найти только в истории биологической: оно сравнимо по редкости с какой-нибудь колоссальной биологической катастрофой вроде вымирания динозавров [6].

Что же обусловило этот эффект внезапности? Во-первых, скорость процессов распада казалось бы прочной системы. Действительно, период в 2-3 десятилетия с момента появления признаков кризиса до момента распада с точки зрения мировой истории – срок мизерный, на уровне «статистической погрешности».

Во-вторых, симптомы приближающейся гибели системы были не так очевидны даже весьма авторитетным аналитикам. Так, В.Шляпентох, анализируя возможные детерминанты гибели советской системы, отмечает, что ни одна из них не могла привести к «летальному исходу»: ни слабость советской политической системы, ни этнические конфликты и сепаратизм национальных окраин; ни неэффективность экономики; ни недовольство населения низким качеством жизни; ни угроза массовых беспорядков; ни стремление номенклатуры приватизировать государственную собственность; ни разрушительные действия диссидентов; ни угроза иностранной интервенции – ничто в это время не могло погубить социализм. [5, с.115-124].

Пытаясь найти причину стремительного краха социализма, многие исследователи указывают на «генетический порок» - тоталитаризм, чреватый саморазрушительными тенденциями, непримиримыми противоречиями, которые, в конечном счете, и привели к гибели системы. Однако история советского тоталитаризма не подтверждает данный факт. Осмелимся предположить, что «советский тоталитаризм» был еще недостаточно зрелым, чтобы противоречия могли его разрушить. Об этом свидетельствует практика и история исследования тоталитаризма.

Изучение тоталитаризма как социально-политического феномена начинается в 20-гг. прошлого века как попытка понять сущность данного явления, обобщить его черты, исследуя фашистское движение в Италии и установление нового порядка Муссолини. Анализ тоталитаризма основывался на критике идей Дж.Джентиле - главного идеолога фашизма, понимавшего тоталитаризм как средство масштабной перестройки социальной жизни методами насилия и бескомпромиссной нетерпимости по отношению к врагам.

В 50-е годы появляются первые классические работы, посвященные анализу тоталитаризма: «Истоки тоталитаризма» Х.Аренд (1951) и «Тоталитарные диктатуры и автократия» К.Фридриха и З.Бжезинского (1956). В последней работе раскрывается сущность «тоталитарного синдрома», его характерные черты. В этих классических работах, а также трудах последователей классиков тоталитаризма насчитывалось до 20 черт, показывающих особенности данного режима.

Современные исследования тоталитаризма указывают на такую его важнейшую черту, как особый характер взаимоотношений гражданского общества и государства, выражающийся в тотальном вмешательстве последнего во все стороны социальной жизни (под предлогом обеспечения безопасности личности).[4, с.92]. Совершенно очевидно, что такой черты советский тоталитаризм вовсе не имел по простой причине - отсутствия гражданского общества.

Как отмечают исследователи тоталитаризма, наиболее важным методологическим нововведением современного этапа тоталитарных исследований является растущее сознание необходимости выделять две фазы в эволюции тоталитарных систем: строительства (system-building) и стабильного функционирования этой системы (systemmaintenance). Это достаточно традиционное требование социального анализа до сих пор последовательно не применялось к исследованию тоталитарных режимов по очевидным причинам. Нацифашистские режимы так и не вышли из первой фазы и, потерпев поражение во Второй мировой войне, были разрушены. В случае же советской системы, никто не ожидал ее мгновенной дезинтеграции [1, с.49].

На наш взгляд, неожиданность и мгновенность дезинтеграции обусловлена фактом незавершенности второй фазы генезиса тоталитаризма.

Особое место в анамнезе болезни и внезапной смерти социализма занимает советская перестройка. Замышлявшаяся ее отцами как окончательный разрыв с тоталитаризмом, перестройка не выполнила своей исторической задачи. Первая ее программа – программа реформирования экономики через ускорение провалилась, вызвав значительное ухудшение экономического положения населения (сокращения на производстве, рост невыплат заработной платы, невиданные ранее забастовки и т.д.). Также потерпела крах и вторая ее программа – демократизации и гласности, подняв «пену» национализма и шовинизма в национальных республиках и стимулируя их стремление к сепаратизму.

Среди внешних факторов, способствующих внезапности краха советской системы, исследователи называют общую ситуацию в мире, которая в значительной мере порождена тем вариантом либерализма, который глобально господствовал в мире последние тридцать лет. И который разрушил социальную и политическую структуру многих государств и скомпрометировал все идеологии не только в России, но и во всем мире [2, с.62].

Что же стало последним толчком, который привел к гибели, казалось бы, еще прочной советской системы? Отвечая на данный вопрос, мы вынуждены констатировать, что это чудовищные ошибки в процессе реформирования системы и управления этим процессом. Таким образом, больной скоростно скончался не столько от болезни, а от «лекарств и процедур», с помощью которых его пытались вылечить.

Тем не менее: «король умер, да здравствует король!». Прогноз довольно-таки оптимистичен. К примеру, В.Шляпентох утверждает, что постсоветская Россия – совершенно новое общество в истории России и даже человечества, каковы бы ни были его связи с предшествующими периодами в истории этой страны [5, с. 117]. Р.Роуз, отвечая на вопрос, становится ли Россия «нормальным обществом», видит тенденции постепенного процесса «нормализации». Он подчеркивает, что возрастание ожиданий, что российское общество достигнет «нормального» состояния в будущем, происходит под влиянием причин двух типов: реального улучшения повседневной жизни и понижающей адаптации, что подразумевает замещение идеальных представлений о «нормальной» жизни стандартами, характерными для современной России [3, с. 15].

1. Заславский В. *Постсоветский этап изучения тоталитаризма: новые направления и методологические тенденции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 1. (57). С. 45-53.*
2. Механик А. *На заметку социологам // Эксперт. 2017. № 3. С 60-62.*
3. Роуз Р. *Становится ли Россия «нормальным обществом»? // Вестник общественного мнения. 2008. № 2. (94). С.8-15.*
4. Шанин А.А. *Новый тоталитаризм (Обзор классических трактовок тоталитаризма с позиции современности) // Вестник Волгоградского*

НАРОДНИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ

Колокольцев М.Г. (Барнаул)

В точке бифуркации социальных изменений российского общества, каковой, например, стал 1917 г., не раз выступало альтернативой народническое движение, сформировавшееся ещё в 1860-е гг. и которое так и не смогло осуществиться на исторической развилке. Хотя некоторые постулаты народнической идеологии принимались на вооружение, народнические идеи остаются нереализованными, представляя перспективу развития российского общества.

Политическая власть институционализировалась на определенном этапе социальной истории в процессе образования государственных органов власти. Политическая власть, перераспределяемая в жестко централизованном государстве, приводит, по убеждению социологов-народников, к реализации политической воли нового меньшинства, которое в свою очередь узурпирует право легитимно применять насилие по отношению к человеку и обществу. Революция не способна эффективно привести к позитивному результату, так как политический захват власти не приводит к социальной революции. Конкуренция политических партий и социальных классов в обретении политической власти, порождает социальные и политические конфликты, которые могут быть разрешены слиянием государственной политической власти и развитого гражданского общества. Трансформация политической власти вновь приводит к самоорганизации и к самоуправлению общества. Источником и ресурсом легитимации политической власти является политическая культура народа.

Отчуждение человека, социального слоя, социальной общности, народа от государственных органов власти и политики государства, вследствие распространения сверху неукорененных в социокультурной почве инородных социальных ценностей и норм, которые не регулируют объективно социальные отношения, противоречат социальной природе общества и отнимают жизненные силы человека и общества. Отчуждение выражается в жесткой централизации власти, в бюрократизации общественных институтов, в превращении организации в закрытое сообщество, в подавлении коллективными ценностями и нормами индивидуальных, в распространении коррупции, в размывании или отсутствии социального контроля, в увеличении видов и количества девиаций. Отчуждение проявляется в протестном поведении человека, в миграции социальной группы в отдаленные от центра регионы, в распространении конформизма, лицемерия и двойных стандартов, социальной апатии и безынициативности.

Государство как социальный институт, пришли к выводу социологи-народники, должен регулировать и координировать социальные отношения всех социальных субъектов на основе децентрализации и делегирования властных полномочий снизу вверх, объединяя и реализуя интересы и потребности всех и каждого. Государство выступит посредником социальных отношений, фактором роста общественной солидарности. Государство есть совокупность всех социальных слоев, которое стремится к осуществлению общего дела через достижение общего блага. Государство трансформируется в органическую часть социума, гражданского общества, так как политические изменения в государственных органах власти не приводят к прогрессивным социальным изменениям в обществе. Политическая форма не имеет значения, если государство основано на самореализации жизненных сил человека и общества, которые проходят догосударственную, государственную и всечеловеческую, мировую стадии развития.

Национальное государство объединит интересы государства и народа и их представления о будущем развитии общества на основе самобытной социально-исторической специфике социокультурной почвы. Государство, достигая гармонии, единства и солидарности личности, социальных групп, нации, должно быть основано на национальном единстве и согласии всех равноправных суверенных политических субъектов, получивших самостоятельность, свободу и определивших самобытность своей социокультурной почвы. Национальное государство преодолевает социальное отчуждение между политической элитой, обществом и человеком, между регионами и центром.

Народ объединяет все социальные субъекты в гражданском обществе, не на основе созданной политической доктрины, а на основе самобытной социокультурной почвы и самооценности каждой личности, способной к индивидуальному постоянному самосовершенствованию. Социальная дифференциация сменяется интеграцией, консолидацией всех и каждого. Воля большинства или воля меньшинства ещё не представляют волю народа. Самоорганизация и самоуправление народа заменяют политические способы управления. Обыденное сознание и жизненные силы народа являются источником права. Сформировавшийся институт общественного мнения выступает связующим звеном в отношениях народа и политических институтов общества.

Базовым элементом социальной структуры на определенном этапе социальной истории общества являлась община. Западноевропейское общество, утратив общинное устройство, переживало, по мнению русских социологов-народников, социальные проблемы, которые могут быть разрешены заимствованием основных принципов общинного самоуправления в России. Община обладает рядом таких положительных черт, как взаимопомощь, социальное равенство и поддержка, социальное обеспечение, самоуправление. Община препятствовала процессу расслоения крестьянского сословия. Русская община должна стать основой объединения и развития российского общества. Община аккумулировала жизненные силы общества.

Община стала тормозом модернизации общества в начале XX в., так как круговая порука и подавление личности препятствовали развитию инновационных ценностей и норм. Должен произойти, по мнению социологов-народников, переход от традиционной общинной системы, которая подавляла личность, к новой, модернизированной общине – корпорации нации. Социальная организация в результате социальных изменений будет представлять собой федерацию общин. Трансформированная община станет основой развития России в будущем.

Личность, человек есть верховная цель исторического прогресса, без человека нет гражданина. Свобода воли, предоставляемая личности, способствует развитию нравственности человека. Реализация и самоорганизация индивидуальных интересов и потребностей каждой личности являются основой организации общества на основе взаимопомощи, а не конкуренции и борьбы. Индивидуальность и суверенность каждой личности являются условием и основой солидарности всех. Образование, просвещение личности выступает главным средством в достижении общего блага. Инициатива каждой личности, их солидарность и ассоциация представляют социальную революцию, ведущую к построению новой социальной системы. Личность – базис социальной системы, социальный атом социального организма, состоящий из индивидуальных социально-исторических, психических и физиологических характеристик человека и представляющий главную ценность и цель развития общества.

Процесс социальной трансформации российского общества актуализирует народническую социологию революции. Социология народников, сформулированная в XIX в., представляет закономерный результат развития общества на современном этапе. Народническая социология содержит идеи эффективного переустройства общества постмодерна.

1. Бакунин М.А. *Философия. Социология. Политика*. М.: Правда, 1989. 621с.
2. Ковалевский М. М. *Избранные труды. В 2-х частях*. М.: РОССПЭН, 2010.
3. Колокольцев М.Г. *Социальная концепция трансформации российского общества в теории ранних народников: идеология и движение*. М.: Изд-во «Русаки», 2013. 204 с.
4. Сорокин П.А. *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Политиздат, 1992. 542 с.

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА СЕМЬЮ

Коренькова М.М. (Нижний Новгород)

Неотъемлемым атрибутом сегодняшней семейной жизни являются средства современной технологии: смартфоны, планшетные компьютеры и ноутбуки, плееры, наушники и звуковые усилители – проводные и беспроводные, часы с функцией приема сообщений и другие. Несомненно, упомянутые выше «девайсы», умноженные на количество членов семьи, существенно меняют время и качество внутрисемейного взаимодействия.

С одной стороны, технологии создают ряд преимуществ. Среди них возможность связи с родственниками, находящимися за рамками нуклеарной семьи. Скайп, мессенджер обеспечивают общение с близкими людьми и формируют чувство социальной защищенности благодаря осознанию принадлежности к более широкому родственному кругу и родственной поддержки.

Другим преимуществом, заслужившим широкое признание, является доступ к информации в короткое время. Это и поиск необходимых контактов, продуктов и услуг, а также рекомендаций по широкому спектру вопросов. Еще одним преимуществом является возможность для родителей быть на связи с детьми, знать, где они находятся. С помощью специальных программ, например, родители могут узнать, что ребенок вошел или вышел из школы, благодаря сигналу, посылаемому на телефон родителя при контакте пропуска с турникетом. Большим успехом у родителей пользуется электронный дневник, где отражается школьная успеваемость и посещаемость ребенка.

Однако существует ряд негативных влияний технологий на семейную жизнь. Одним из негативных аспектов воздействия технологий на семейную жизнь является размывание границ между свободным (семейным) временем и рабочим, так как, оставаясь на связи с работодателем и коллегами в течение 24 часов, супруги и родители продолжают находиться в «рабочем» режиме даже после официального окончания рабочего дня. Кроме того, все больше людей не выключают или редко выключают свои мобильные телефоны, находясь в режиме «постоянной мобильной доступности» (Rainie and Zickhur, 2015). Этот и другие факторы, такие как пролистывание лент социальных сетей: Фейсбука, Вконтакте, Одноклассников, прием и отправка сообщений во время семейных обедов, досуга, просмотра фильмов и даже во время общения между супругами в режиме реального времени, как бы помещает членов семьи в своего рода «виртуальный кокон».

Прежде всего, это влияет на количество времени, проведенного родителями с детьми и супругами друг с другом. Время игры с маленькими детьми является важным этапом в формировании личности ребенка (Михайленко, Короткова, 2015.). Если папа (или мама) постоянно прерываются на звонки, сообщения или просмотр уведомлений, то вид игровой деятельности не достигает своей цели и даже может привести к ухудшению поведения ребенка (Radesky et al., 2014).

Кроме того, зависимость от реакции интернет-сообщества на статусы, фотографии и комментарии, создает определенный эмоциональный фон, провоцирует смену настроения и даже депрессию. Заложниками такого рода реакций становится, прежде всего, семья.

Совмещение живого и виртуального общения создает синдром «полуприсутствия», что неизбежно ведет к потере эмоциональных и духовных связей между членами семьи.

1. Михайленко Н.Я., Короткова Н.А. *Как играть с ребенком. 4-е изд. М.: Линка-Пресс, 2015.*
2. J.S. Radesky, C.J. Kistin, B. Zuckerman, K. Nitzberg, J. Gross, M. Kaplan-Sanoff. *Patterns of mobile device use by caregivers and children during meals in fast food restaurants. Pediatrics, 133, 2014.*
3. L. Rainie, K. Zickhur. *Americans' view of mobile etiquette. Pew Research Center, 2015. Retrieved from <http://www.pewinternet.org/2015/08/26/americans-views-on-mobile-etiquette>*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Корнеева И.И. (Москва)

Социальные изменения в политической сфере в начале XXI века выразились в появлении новых форм опосредованной коммуникации в результате внедрения Интернета и появления коммуникативных платформ нового типа - социальных сетей, виртуальных сообществ и форумов. Произошла взрывная интенсификация количества коммуникационных актов и, что важно, сформировались новые способы взаимодействия в рамках новейших коммуникационных систем. Последствием стало изменение набора тех факторов, которые формируют массовое политическое сознание и влияют на восприятие человеком и массами политических реалий.

В отечественной и зарубежной социологии еще не сформировался теоретический базис для осмысления феномена политического массового сознания, нет единой точки зрения на концептуальную форму этого явления, часто объединяемого с понятием «общественное мнение». До сих пор ни в зарубежной, ни в отечественной социологии не предпринимались попытки объяснить, в чем заключается смысловое различие между этими терминами. Отечественная социальная теория концентрировалась, в основном, вокруг попыток исследования классового политического сознания (Б.А. Грушин, Г.Г. Дилигенский, А.К. Уледов и др.). Зарубежные исследователи обращали свой научный интерес к явлениям толпы, массы (Г. Лебон, У. Липпман,

Г. Тард и др.), влиянию на процесс политического восприятия таких средств массовой коммуникации, как печатная пресса, радио, телевидение (М. Маклюэн) во второй половине XX века. Однако мир изменился с распространением Интернета, и вместе с ним изменились и условия формирования массового политического сознания. Нас интересует, существовало ли явление массового сознания всегда или это следствие глобализации и социальных изменений под влиянием информационно – коммуникационной революции? Какие новые условия сформировались в XXI веке для выработки коллективного политического сознания? Являются ли социальные сети тем фактором, который существенно повлиял на изменения в политическом массовом сознании?

Политическое сознание – это система знаний, взглядов, убеждений и установок относительно политической реальности, которое, с одной стороны, формируется под влиянием внешней политической среды, а с другой – влияет на нее путем мнений и действий в политической жизни. Таким образом, форма политического сознания составляет вторую среду политического бытия человека наряду с фактами политической реальности, имеющую субъективную сущность.

Массовое политическое сознание формируется в процессе восприятия большими социальными группами политической информации (перцепции политических образов, символов, событий, оценочных суждений). Понятие политической перцепции включено в социологический научный дискурс благодаря трудам американского ученого Дж. Брунера в 1947 году. Тогда же было выяснено и доказано, что особенностью социальной перцепции человека является восприятие им действительности в упрощенных формулах – обобщенных образцах и стандартных шаблонах. Поэтому в процессе массовой политической коммуникации так высока роль символов и знаков, обобщенных образов и «брендов». Они упрощают взаимодействие на всех уровнях политического общения – как между элитами и массами, так и внутри каждой из этих групп.

Механизмы влияния на массы в политике были известны с древности: они были основаны на простейших потребностях и инстинктах человека – понятии справедливости и блага, необходимости в чувстве защищенности и игре на экзистенциальных потребностях. В качестве агентов политической социализации масс выступали авторитетные личности, социальные сообщества и институты, в XX веке огромную роль в социализации стали играть средства массовых коммуникаций. Однако современность XXI века дала политикам и гражданам еще больше – в социальных сетях происходит становление новых форм политического участия и гражданской активности молодежи и людей среднего возраста. Так, стали популярными формы электронного сбора подписей в пользу или против того или иного политического решения органов государственной власти, так называемые «петиции в сети». Удобство и скорость исполнения политического акта волеизъявления делает эти формы широко распространенными. Активно распространяются формы электронного голосования с мобильного телефона в процессе трансляции политических дебатов на телевидении или даже на радио. Однако встает вопрос: является ли такая форма политического участия полностью осознанной и ценностно – и целерациональной или это простое традиционное или аффективное (по М. Веберу) действие, которое не требует от субъекта ни ответственности, ни приложения сил, ни даже полного осмысления?

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, надо обратиться к разработанным Р. Мертоном типологиям восприятия индивидами действий, в которые они вовлечены. Так, можно выделить «явные» действия, которые осознаются людьми по своим целям и последствиям, легко просчитываются индивидами и достаточно для них предсказуемы; «скрытые» (латентные) по своим целям и последствиям, потому осознаваемые как аффективные, иррациональные; и третий тип – внешне «явные» (рациональные) по целям, но «скрытые» по последствиям, трудно просчитываемые и часто приводящие к противоположному от ожидаемого эффекту.

Какой же тип действия преобладает в политическом участии граждан в сети? Ответ на этот вопрос будет опровергать ранее предложенную гипотезу о роли значимой роли социальных сетей в формировании политического сознания масс и инициирования политического действия. Как показало проведенное в январе – феврале 2017 года социологическое исследование факторов формирования политического сознания молодежи г. Москвы, социальные сети играют несущественную роль в политической социализации молодого поколения, они не влияют на уровень активности московской молодежи. Те акты политического действия, которые предпринимают молодые люди в сети, как правило, носят характер действий второго и третьего типа, то есть не являются чем то существенно важным для них.

Социальные сети, такие, как «ВКонтакте», «Твиттер», «Фейсбук» являются скорее площадкой для самопрезентации политических активистов и механизмом манипуляции политическим сознанием тех масс, которые уже были вовлечены в политическую сферу через контакты в реальной жизни – через круг знакомых, друзей, коллег и т.д.

Через социальные сети можно охватить широкую аудиторию без привязки к территориальному признаку и успешно координировать проведение протестных акций. Хорошо известны случаи массовой агитации и вербовки экстремистскими и террористическими организациями молодежи в ходе гражданских войн и революций в так называемую «Арабскую весну» в странах Ближнего Востока и Северной Африки, а также в ходе Майдана в Украине. Однако, какая активная роль социальных сетей проявляется только в случае негативно настроенных, искусственно организуемых и экономически подкрепляемых политических протестных движений. В случае нейтрально окрашенной политической активности и самого процесса политической социализации масс, как показало исследование, социальные сети не являются первостепенным агентом влияния.

Таким образом, социальные сети и виртуальные площадки как новые явления XXI века являются активным фактором формирования политического массового сознания и могут сподвигать социальные группы на организованные политические действия. Однако в процессе социализации они выступают в роли вторичного агента.

Отвечая же на вопросы, поставленные в начале статьи о том, является ли политическое массовое сознание современных больших социальных групп чем то качественно новым, что формируется под влиянием новаторских коммуникационных технологий, таких как, например, социальные сети, стоит, на наш взгляд, сделать отрицательный вывод. Глобализация породила феномен тесной взаимосвязи в экономиках, культурных и политических стандартах, однако не смогла сыграть существенной роли в трансформации политического сознания масс. Политическое сознание и механизм восприятия политического, выражаемая в образах, символах, героях времен и народов осталось в статусе коллективного бессознательного, пользуясь терминологией К.Г. Юнга. Историческая память народа трудно подвергается быстрым изменениям под влиянием столь незначительных еще по временной протяженности факторов, как недавно сформированное виртуальное политическое поле.

1. Грушин Б.А. *Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования.*— М.: Политиздат, 1987.
2. Дилгенский Г. Г. «Общество потребления» и классовое сознание пролетариата // *Мировая экономика и международные отношения*, 1965, № 7.
3. Лебон Г. *Психология народов и масс* // пер. с фр. СПб, 1896.
4. Липпман У. *Общественное мнение* / Пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
5. Овчинников Г. И. *Массовое сознание как объект социологического анализа.* М., 1974.
6. Судас Л. Г. *Массовое сознание и некоторые проблемы управления его формированием в условиях развитого социализма.* М., 1978.
7. Уледов А. К. *Структура общественного сознания.* М., 1968.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Корнеева И.И. (Москва)

Аннотация.

В данной статье рассматривается феномен политического массового сознания, который испытывает на себе влияние становления общества нового информационного типа. Виртуальные площадки и социальные сети являются значимым фактором в процессе формирования политического поведения масс, однако как агенты политической социализации они опосредованы и вторичны.

Социальные изменения в политической сфере в начале XXI века выразились в появлении новых форм опосредованной коммуникации в результате внедрения Интернета и появления коммуникативных платформ нового типа - социальных сетей, виртуальных сообществ и форумов. Произошла взрывная интенсификация количества коммуникационных актов и, что важно, сформировались новые способы взаимодействия в рамках новейших коммуникационных систем.

Последствием стало изменение набора тех факторов, которые формируют массовое политическое сознание и влияют на восприятие человеком и массами политических реалий.

В отечественной и зарубежной социологии еще не сформировался теоретический базис для осмысления феномена политического массового сознания, нет единой точки зрения на концептуальную форму этого явления, часто объединяемого с понятием «общественное мнение». До сих пор ни в зарубежной, ни в отечественной социологии не предпринимались попытки объяснить, в чем заключается смысловое различие между этими терминами. Отечественная социальная теория концентрировалась, в основном, вокруг попыток исследования классового политического сознания (Б.А. Грушин [1], Г.Г. Дилигенский [2], А.К. Уледов [8] и др.). Зарубежные исследователи обращали свой научный интерес к явлениям толпы, массы (Г. Лебон [4], У. Липпман [4], Г. Тард [7] и др.), влиянию на процесс политического восприятия таких средств массовой коммуникации, как печатная пресса, радио, телевидение (М. Маклюэн [9]) во второй половине XX века. Однако мир изменился с распространением Интернета, и вместе с ним изменились и условия формирования массового политического сознания. Нас интересует, существовало ли явление массового сознания всегда или это следствие глобализации и социальных изменений под влиянием информационно – коммуникационной революции? Какие новые условия сформировались в XXI веке для выработки коллективного политического сознания? Являются ли социальные сети тем фактором, который существенно повлиял на изменения в политическом массовом сознании?

Политическое сознание – это система знаний, взглядов, убеждений и установок относительно политической реальности, которое, с одной стороны, формируется под влиянием внешней политической среды, а с другой – влияет на нее путем мнений и действий в политической жизни. Таким образом, форма политического сознания составляет вторую среду политического бытия человека наряду с фактами политической реальности, имеющую субъективную сущность.

Массовое политическое сознание формируется в процессе восприятия большими социальными группами политической информации (перцепции политических образов, символов, событий, оценочных суждений). Понятие политической перцепции включено в социологический научный дискурс благодаря трудам американского ученого Дж. Брунера в 1947 году. Тогда же было выяснено и доказано, что особенностью социальной перцепции человека является восприятие им действительности в упрощенных формулах – обобщенных образцах и стандартных шаблонах. Поэтому в процессе массовой политической коммуникации так высока роль символов и знаков, обобщенных образов и «брендов». Они упрощают взаимодействие на всех уровнях политического общения – как между элитами и массами, так и внутри каждой из этих групп.

Механизмы влияния на массы в политике были известны с древности: они были основаны на простейших потребностях и инстинктах человека – понятии справедливости и блага, необходимости в чувстве защищенности и игре на экзистенциальных потребностях. В качестве агентов политической социализации масс выступали авторитетные личности, социальные сообщества и институты, в XX веке огромную роль в социализации стали играть средства массовых коммуникаций. Однако современность XXI века дала политикам и гражданам еще больше – в социальных сетях происходит становление новых форм политического участия и гражданской активности молодежи и людей среднего возраста. Так, стали популярными формы электронного сбора подписей в пользу или против того или иного политического решения органов государственной власти, так называемые «петиции в сети». Удобство и скорость исполнения политического акта волеизъявления делает эти формы широко распространенными. Активно распространяются формы электронного голосования с мобильного телефона в процессе трансляции политических дебатов на телевидении или даже на радио. Однако встает вопрос: является ли такая форма политического участия полностью осознанной и ценностно – и целерациональной или это простое традиционное или аффективное (по М. Веберу) действие, которое не требует от субъекта ни ответственности, ни приложения сил, ни даже полного осмысления?

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, надо обратиться к разработанным Р. Мертоном типологиям восприятия индивидами действий, в которые они вовлечены. Так, можно выделить «явные» действия, которые осознаются людьми по своим целям и последствиям, легко просчитываются индивидами и достаточно для них предсказуемы; «скрытые» (латентные) по своим целям и последствиям, потому осознаваемые как аффективные, иррациональные; и третий тип – внешне «явные» (рациональные) по целям, но «скрытые» по последствиям, трудно просчитываемые и часто приводящие к противоположному от ожидаемого эффекту.

Какой же тип действия преобладает в политическом участии граждан в сети? Ответ на этот вопрос будет опровергать ранее предложенную гипотезу о роли значимой роли социальных сетей в формировании политического сознания масс и инициировании политического действия. Как показало проведенное в январе – феврале 2017 года социологическое исследование факторов формирования политического сознания молодежи г. Москвы, социальные сети играют несущественную роль в политической социализации молодого поколения, они не влияют на уровень активности московской молодежи. Те акты политического действия, которые предпринимают молодые люди в сети, как правило, носят характер действий второго и третьего типа, то есть не являются чем то существенно важным для них.

Социальные сети, такие, как «Вконтакте», «Твиттер», «Фейсбук» являются скорее площадкой для самопрезентации политических активистов и механизмом манипуляции политическим сознанием тех масс, которые уже были вовлечены в политическую сферу через контакты в реальной жизни – через круг знакомых, друзей, коллег и т.д.

Через социальные сети можно охватить широкую аудиторию без привязки к территориальному признаку и успешно координировать проведение протестных акций. Хорошо известны случаи массовой агитации и вербовки экстремистскими и террористическими организациями молодежи в ходе гражданских войн и революций в так называемую «Арабскую весну» в странах Ближнего Востока и Северной Африки, а также в ходе Майдана в Украине. Однако, какая активная роль социальных сетей проявляется только в случае негативно настроенных, искусственно организуемых и экономически подкрепляемых политических протестных движений. В случае нейтрально окрашенной политической активности и самого процесса политической социализации масс, как показало исследование, социальные сети не являются первостепенным агентом влияния.

Таким образом, социальные сети и виртуальные площадки как новые явления XXI века являются активным фактором формирования политического массового сознания и могут сподвигать социальные группы на организованные политические действия. Однако в процессе социализации они выступают в роли вторичного агента.

Отвечая же на вопросы, поставленные в начале статьи о том, является ли политическое массовое сознание современных больших социальных групп чем то качественно новым, что формируется под влиянием новаторских коммуникационных технологий, таких как, например, социальные сети, стоит, на наш взгляд, сделать отрицательный вывод. Глобализация породила феномен тесной взаимосвязи в экономиках, культурных и политических стандартах, однако не смогла выиграть существенной роли в трансформации политического сознания масс. Политическое сознание и механизм восприятия политического, выражаемая в образах, символах, героях времен и народов осталось в статусе коллективного бессознательного, пользуясь терминологией К.Г. Юнга. Историческая память народа трудно подвергается быстрым изменениям под влиянием столь незначительных еще по временной протяженности факторов, как недавно сформированное виртуальное политическое поле.

1. Грушин Б.А. *Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования.*— М.: Политиздат, 1987.
2. Дилигенский Г. Г. «Общество потребления» и классовое сознание пролетариата // *Мировая экономика и международные отношения*, 1965, № 7.
3. Лебон Г. *Психология народов и масс* // пер. с фр. СПб, 1896.
4. Липпман У. *Общественное мнение* / Пер. с англ. Т. В. Барчунова, под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.
5. Овчинников Г. И. *Массовое сознание как объект социологического анализа.* М., 1974.
6. Судас Л. Г. *Массовое сознание и некоторые проблемы управления его формированием в условиях развитого социализма.* М., 1978.
7. *Общественное мнение и толпа = (L'opinion et la foule)* / Г. Тард; Пер. с фр. под ред. П. С. Когана. — М.: т-во тип. А. И. Мамонтова, 1902.
8. Уледов А. К. *Структура общественного сознания.* М., 1968.
9. *Marchand P. Marshall McLuhan: The Medium and the Messenger.* N. Y., 1989.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В 20 ВЕКЕ: ВЛИЯНИЕ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Костюкевич С.В. (Минск, Республика Беларусь)

Соглашаясь с К.Марксом, что классовая борьба может быть локомотивом исторических изменений, тем не менее, отметим, что в 20 веке главным фактором глобальных перемен была не классовая борьба, а борьба за лидерство между советским блоком и западным. Именно эта борьба сделала историю 20 века.

Так, эта борьба определила появление в 20 веке таких глобальных инноваций в сфере высшего образования, как массовизация, профессионализация, а затем маркетизация высшего образования. Первые две запустил СССР, и с некоторой долей упрощения, можно сказать, что причиной была необходимость обеспечить индустриализацию в сжатые сроки; последнюю запустили западные страны в конце 20 столетия как выход из тупика финансовой необеспеченности процесса массовизации высшего образования.

Эксперимент по массовизации и профессионализации высшего образования, который начал СССР, затем повторили многие западные страны (высшее образование в которых до середины 20 века было элитарным). Закономерно задать вопрос: почему советский эксперимент был повторен? Есть основание считать, что это случилось в силу того, что, первоначально, индустриальное развитие СССР впечатляло и, соответственно, его эксперименты копировали (и не только в образовании), поскольку экономический Запад не желал допустить того, чтобы СССР превзошел его в технологическом лидерстве и материальном благосостоянии (ключевые вещи для капиталистической системы).

Существует мнение, что главной целью большевиков, которые хотели кардинально трансформировать российское общество, было обеспечить быстрый переход к индустриальному обществу. Однако строительство фабрик и заводов форсированным темпом не было самоцелью для большевиков: они не вдохновлялись идеей индустриального общества. Они вдохновлялись идеей мировой революции по Марксу. Русские большевики были марксистами и профессиональными революционерами и не прочь были возглавить мировую коммунистическую революцию. Но чтобы обеспечить себе лидерство в мировом коммунистическом движении, им нужен был быстрый переход к индустриальному обществу в СССР, поскольку приходилось учитывать марксистский тезис о коммунизме как о стадии развития промышленно развитой страны с многочисленным рабочим классом. Дело в том, что в отличие от многих европейских стран, пролетариев которых призывал объединиться К.Маркс, российская царская империя оставалась в основном крестьянской страной, а, значит, она не могла претендовать на лидерство в мировом пролетарском союзе промышленных государств. Именно претензия на лидерство и желание возглавить мировую коммунистическую революцию подтолкнули большевиков проводить ускоренную индустриализацию.

Ради справедливости следует отметить, что большевики были успешны и выполнили государственную программу индустриализации страны, которая включала следующие задачи: обеспечение военно-технической мощи и ликвидацию бедности. И военно-техническая мощь была создана, так что весь мир стал бояться советской империи, и бедность была ликвидирована, так что многие в мире стали думать, а не является ли советская система правильной. Однако наибольшее впечатление произвели технологические успехи Советского Союза в освоении космоса.

После успехов Советского Союза в области космических технологий западные специалисты изучали советское высшее образование и сделали заключение, что преимуществами советского высшего образования являются: 1) массовость, 2) государственное финансирование, 3) профессионализация. Не желая уступать советской стране технологическое лидерство, западные страны также запустили процессы массовизации и профессионализации. Первоначально они также обеспечивали государственное финансирование своим вузам, но спустя примерно два десятилетия западные страны осознали, что государственное финансирование сектора высшего образования при наличии массовости вузов – это тяжелое бремя для бюджета. В этой ситуации политика маркетизации оказалась выходом из тупика финансовой необеспеченности: вузы стали брать плату за обучение. Идеологически, это было поддержано лозунгом о том, что образование – это тоже товар. Подобный ход событий был естественным для западного буржуазного мира.

Советский Союз стремился быть лидером и продвигал свои идеи: так, например, он показал, что система образования в состоянии и сама кардинально изменяться, и изменять общество; что массовый и тотально профессионализированный сектор высшего образования может значительно повысить образовательный уровень населения и способствовать построению индустриального общества в очень короткие сроки. Тем не менее, в конечном итоге, постсоветские страны предпочли уступить лидерство в формулировке новых идей для развития и выбрали политику маркетизации, которая была продуктом западного мира.

СССР был парадоксальной страной в значительной степени: с одной стороны, советскому правительству нужно было много денег на развитие науки и техники (главным образом военной), с другой стороны, в Советском Союзе не придавали большого значения деньгам, прибыли, личному обогащению и конкурентоспособности. В итоге, советская физика и военно-космические технологии были превосходными, но советская экономика в целом была слабой. Огромные военные расходы и снижение цены на нефть в поздний период существования Советского Союза усугубили ситуацию, и, в конечном итоге, после распада СССР бывшие советские страны предпочли отказаться от идей коммунизма (когда многие вещи декларировались как бесплатные). Для сектора высшего образования это означало частичный отказ от бесплатности и переход к политике маркетизации. Есть основание считать, что выбор политики маркетизации сферы образования в бывших советских странах был обусловлен скорее финансовыми проблемами, чем идеологическим предпочтением в пользу всего платного (как это было на Западе).

Общеизвестно, что в СССР сокращались расходы бюджета на образование. Это приводило к снижению качества образования. Поскольку в Советском Союзе было не принято публично обсуждать острые вопросы, то о связи массового высшего образования с такими проблемами, как недостаток финансирования и снижение качества, впервые заговорили на Западе после того, как западные страны, повторив эксперимент СССР, осуществили массовизацию высшего образования. В 80-ые годы прошлого столетия, уже имея опыт массового высшего образования, западные специалисты обозначили проблемы финансирования и качества в качестве ключевых проблем университетского образования.

Вероятно, следует предположить, что последствия массовизации высшего образования отбили охоту у западных политиков копировать опыт СССР. Более того, есть основание считать, что приход к власти таких западных лидеров как Р. Рейган и М. Тетчэр показал, что в западных странах уже не казались привлекательными идеи, которые продвигал Советский Союз. С приходом Рейгана и Тетчэр поддержку получили именно капиталистические ценности (рыночный подход, прибыль, личное обогащение), которые, как считалось, помогают строить сильную экономику, поскольку, как было осознано, слабая экономика не может быть гарантом социальных экспериментов. Применительно к сфере образования реванш капиталистической идеологии означал выбор политики маркетизации.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ЖЕНЩИН: ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ В ЭВОЛЮЦИОННЫХ ПЕРЕХОДАХ

Кранзеева Е.А. (Кемерово)

Аннотация. В статье автор рассматривает политическое сознание женщин как самостоятельный объект социологического анализа, обозначая эволюционные этапы его изменения. Измерителями эволюционных переходов обозначены: (1) появление и осознание собственных интересов женщин, как социальной группы, и выход в публичную сферу для их реализации; (2) информированность женщин о состоянии социально-политических взаимодействий; (3) начало систематической политической деятельности женщин; (4) представительство женщинами социально значимых интересов общества.

Эволюция социального статуса женщины тесно связана с эволюцией её политического сознания. Отправной точкой в возникновении размежевания в политическом сознании нужно считать появление специфически женского интереса, востребованного обществом через институт политики.

Со стороны женщин это еще не прямая включенность в сферу жизни, где стержнем отношений является возможность принимать решения. Исторически это еще непосредственная заинтересованность в собственно женских проблемах, требующих внимания общества, лоббистских, посреднических усилий. Оформление политического сознания происходит на микроуровне означая выход в публичную сферу для решения практических вопросов

связанных с семейными ролями, обустройством локализованных территорий, изменением социального статуса женщин. В определенной мере это становится поворотным моментом в установлении гендерного равновесия мужчин и женщин на более высоких уровнях общественной жизни. Но до адаптации сознания женщин к политическим реалиям, расстановке сил в сфере политического проходит эволюционный лаг, в границах которого появляется заинтересованность в политике, восприимчивость к идеям, настроениям, новым взглядам на привычный политический уклад жизни и т. д.

Появление новых коммуникативных каналов, трансляторов и ретрансляторов, депозитариев политических событий и фактов жизни, профессиональных аналитиков – толкователей политических процессов создает условия, стимулирующие информированность женщин о состоянии специфической сферы политики, характере социально окрашенных взаимодействий в пространстве института политики. Информационная составляющая политической жизни общества усиливает заинтересованность женщин в политических, а не силовых или непосредственно бытовых решениях острых проблем жизни [3]. Однако при отсутствии каналов, можем наблюдать решительность в политических действиях женщин (активное участие в митингах, голодовки и пр.).

Следующим поворотным моментом в поступательном наращивании в сознании женщин интереса к политике можно считать осознание необходимости участия и соучастия в политической деятельности. В этом эволюционном лаге, имеющем социально измеряемую дистанцию между мужчинами и женщинами, ограничителями изменений можно назвать отход от скрытых, неформальных практик [1] или улично-охлакратического соучастия в политических акциях к открытому и организованному выступлению в публичной политике. Начало систематической политической деятельности женщин, пусть и в одиночном исполнении, создает образцы для подражания, демонстрирует изменения в политическом сознании женщин.

Еще не пройден тот исторический шаг, после которого гендерное равенство в политике дойдет до такого практически измеряемого предела, как, например, в европейских странах, где стал господствовать принцип участия в высших структурах власти «50 на 50» (по соотношению в составе органа мужчин и женщин) [2]. Наш российский опыт не принимает безоговорочно такого механического гендерного распределения ради формализованного гендерного равенства полов во имя социального пола.

Современный эволюционный лаг политического сознания женщин выходит за пределы гендерного равенства. Изменения политического сознания женщин связаны с необходимостью соединения собственно женских интересов с общими социально значимыми интересами общества, государства, социальных общностей и групп. Участие женщин в деятельности общественных и политических организаций, органов власти побуждает общество к осмыслению идей, взглядов, позиции и диспозиций женщин, кристаллизует интересы и притязания в публичной политике. Политическое сознание женщин уже не ограничивается только собственно женскими проблемами, оно мобилизуется на решение практически востребованных задач.

Социально выраженная в политике активность женщин в начале пробуждения их политического сознания относилась к исключительным явлениям, т. к. такое поведение нарушало сложившийся порядок, предполагающий пассивность, послушание, молчаливость женщин за пределами семейно-бытовых ролей. Участие женщин в политическом движении считалось противоречащим их роли в обществе. Политическая деятельность женщин начинает осуществляться в системе определенных общественных отношений, имманентных тому или иному общественному строю. Политическое сознание женщин не лишено и проявлений кризисности [4, 5].

Сегодня требуется не только переосмысление новых социальных практик участия женщин в публичной политике и принятии государственных решений, но и некое новое социологическое прочтение факторного воздействия этих социальных практик на изменения политического сознания женщин. В частности, внимание может быть направлено на разные уровни функционирования сознания: социетальный (всего общества), мезоуровень (например, социально-поселенческий в регионе), а также на микроуровень, характерный для локализованных территорий и микрообъединений людей. Кроме того, в социологии крайне слабо изучено обратное воздействие политического сознания женщин на гендерные процессы и взаимодействия. Аспект политизации социальных интересов и перевода их через активистскую культуру женщин в публичную политику также не является достаточно освещенным в социологии. Научная проблема состоит в обосновании эволюции политического сознания женщин, социальных признаков

взаимосвязи сознания и поведения с учетом конкретных реалий политической жизни общества, типологических характеристик изменений сознания женщин.

1. Бурдые, П. *Социология политики* / пер. с фр. Н. А. Шматко / сост., общ.ред. и предисл. Н. А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993.
2. *Гендерная реконструкция политических систем: сб. трудов.* / под ред. Н.М. Степановой, М.М. Кириченко, Е.В. Кочкиной. – СПб.: ИСПГ Алетейя, 2003.
3. *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период (сборник научных статей).* – СПб.: Центр независимых социальных исследований, 1996.
4. Кранзеева Е.А. *Политическое сознание женщин: предвестники кризисного состояния в позднесоветский период* /Е. А. Кранзеева // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2017. – № 2(8). – С. 37-45.
5. Тощенко, Ж. Т. *Метаморфозы общественного сознания: методологические основы социологического анализа* / Ж. Т. Тощенко // СОЦИС. – 2001. – № 6. – С. 3-15.

ПРЕКАРИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Красина Я.С. (Москва)

Находясь в постоянном движении, общество претерпевает социальные изменения, связанные с переходом социальных явлений, их элементов и структур, связей, взаимодействий и отношений из одного состояния в другое, с возникновением или исчезновением того или иного явления, его элемента и т.д.

В обыденном сознании понятия «изменение» и «развитие» чаще всего отождествляются, в связи с чем любое изменение в обществе рассматривается как его развитие. В этом случае развитие общества понимается в широком смысле, т.е. как его движение, изменение. Но поскольку, как уже отмечалось выше, происходящие в обществе изменения могут носить и действительно носят качественно различный характер, постольку это должно найти отражение в понятийном аппарате. В связи с этим, строго говоря, понятия «движение», «изменение» должны рассматриваться как более широкие по сравнению с понятием «развитие». Социальное изменение может привести к развитию общества и его структурных элементов, а может и не привести.

В последние десятилетия в результате проводимых в стране демократических и рыночных преобразований произошли значительные изменения в социальной стратификации российского общества.

1. Коренным образом изменился сам характер стратификационной системы. Если в советском обществе преобладала этакратическая система, построенная на властных иерархиях и формальных рангах, то в современном российском обществе формирование стратификационной системы происходит на экономической основе, когда главными критериями становятся уровень доходов, владение собственностью и возможность осуществлять самостоятельную хозяйственную деятельность.

2. Сложился многочисленный предпринимательский слой, высшие представители которого составляют значительную часть хозяйственно-экономической элиты, а в ряде случаев даже входят в политическую элиту страны. Независимо от качественных оценок этого слоя, ясно одно: переход к рыночной экономике породил новые социальные группы, не только обладающие экономической свободой, но и претендующие на самые высокие места в общественной иерархии.

3. Заметно изменилась социально-профессиональная стратификационная структура в связи с появлением в ходе реформ новых престижных, высокооплачиваемых профессий и видов деятельности (предпринимательской, коммерческой, финансово-банковской, управленческой, юридической и др.).

4. Наметилось полярное расслоение общества, вызванное резкой дифференциацией доходов населения. Так, если незадолго до распада Советского Союза децильный коэффициент равнялся пяти, то в 1997 г. он повысился до двенадцати, а в настоящее время — до двадцати пяти.

5. Несмотря на существующую социальную полярность общества, начинает формироваться средний слой, основу которого составляют высокообразованные, инициативные, предприимчивые социальные категории (бизнесмены, менеджеры, представители аппарата государственного управления среднего звена, лица интеллектуальных профессий, фермеры, высококвалифицированные рабочие и служащие). Средний класс определяет стабильность

общества и одновременно обеспечивает его динамичное развитие. В современном российском обществе, считающемся переходным, а потому нестабильным, доля среднего класса не очень высока и, по разным оценкам, составляет 12-25%. Но есть надежда, что по мере осуществления экономических реформ и демократического развития общества удельный вес среднего класса в перспективе будет возрастать.

Одним из новых явлений в социальной структуре общества является прекариат, на который стали обращать внимание исследователи как за рубежом, так и в нашей стране только в конце XX - начале XXI вв.

Прежде всего, следует сказать, что понятие прекариат образовано от двух слов (от лат. *precarium* — неустойчивый, нестабильный, негарантированный) и слова «пролетариат», который в свое время представлял класс, отчужденный от результатов труда и подвергающийся эксплуатации в интересах господствующего класса — буржуазии.

Прекариат не имеет отчетливого видения своего будущего, не уверен в обеспеченности своей жизни и гарантированности спокойной старости после завершения трудовой занятости. В этой ситуации изменяется отношение к труду, к служебным обязанностям. Стремясь сохранить свои рабочие места, часть работников для того, чтобы удержаться на плаву, трудятся на износ, стараясь доказать работодателям свою незаменимость, свою значимость и пользу, свою приверженность порученному делу, что нередко из-за перегрузок приводит к профессиональным заболеваниям, потере здоровья и истощению моральных и физических сил человека. Многие социальные группы, входящие в прекариат, вследствие неустойчивости, неопределенности своих гражданских позиций обладают размытым деформированным сознанием, что проявляется в самых различных действиях — от анонимного поведения до деструктивной деятельности, связанной с криминальным, деликентным поведением. Происходит и духовно-нравственная деградация личности, потеря идеалов, веры в справедливость и правильное устройство мира. Такая неуверенность в своей нынешней и будущей жизни сказывается и на такой важной социальной проблеме, как вступление в брак и намерение иметь детей. В силу неустойчивости жизненных позиций решение этого вопроса откладывается на «потом», когда будет достигнута хотя бы относительно гарантированная занятость.

Прекариат в значительной степени испытывает неуверенность в своем нынешнем и будущем положении. Отсюда страх, неверие, разочарование и отрицание официальных структур. Многие ощущают себя жертвой обстоятельств, на которые они никак не могут повлиять. Именно такое состояние приводит к росту самоубийств, по численности которых Россия занимает одно из лидирующих мест в мире. По мнению экспертов, социальные причины начинают преобладать над медицинскими. Самоубийства все чаще связывают с возросшим уровнем тревоги, наступающим кризисом, когда люди не видят выхода из жизненного, экономического или финансового тупика. А эти причины касаются не андеркласса, члены которого обычно мирятся с такой ситуацией, а именно прекариата, который активно ищет пути стабилизации своего социально-экономического положения. Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что мы имеем дело с принципиально новым социальным образованием — прекариатом, который в настоящее время еще в немалой степени несет черты протокласса. Составляющие его социальные группы не выработали чувство солидарности, слабо или совсем не организованы, вместо объединяющих имеют пока лишь смутно осознаваемые политическую программу и соответствующую идеологию. Он уже стал устойчивым социально-классовым образованием, которое объединяет огромные массы людей и закрепляет их в статусе постоянной временности социального положения и отчетливого понимания ущербности и ограниченности в реализации своих возможностей и способностей. По мере осознания этих обстоятельств прекариат имеет тенденцию превращения в потенциально опасное образование — будущий класс, от сознания и поведения которого будет зависеть судьба страны.

MODERNITY И «НЕДОМОДЕРН»

Крокинская О.К. (Санкт-Петербург)

1. Советское общество несомненно являлось индустриальным не только по факту принадлежности к обществам промышленно развитых стран, но и в терминологическом смысле, то есть имело много признаков социологического *modernity* в социальном устройстве. Как и положено обществам Современности, в классический период СССР улучшалось потребление, росло материальное благосостояние, обеспечивалось массовое образование. Жизнь была проста и

понятна, чему способствовала четкая и глубоко усвоенная социокультурная и политическая идентичность, а уж «онтологическое доверие» (Э.Гидденс [1, с.211-218]) и уверенность в будущем, – то есть доверие институтам общества, ведущее к социальной стабильности и принятию норм, – были, может быть, как нигде в мире, высокими.

Но советский модерн – это модерн неполный, в нем отсутствует ряд важнейших признаков, которые являются системообразующими для обществ Современности. Например, по уровню «высвобождения» значительной части социальных отношений от локальных контекстов взаимодействия (главным образом, от общины и традиционной культуры) и их реструктуризации на неограниченных промежутках пространства-времени [1, с. 135-145]. Этот ключевой момент в социальных изменениях эпохи индустриализации наблюдали и фиксировали многие выдающиеся социальные мыслители: К.Маркс (отчуждение, отрыв «от природных связей ограниченного человеческого конгломерата»), Ф.Теннис (гемайншафт VS гезельшафт), Э.Дюркгейм (механическая солидарность VS органическая солидарность), Э.Мейо (система статусов VS система контрактов).

Эти наблюдения помогали видеть, что новое качество социального мира не сводится к «физическим» локальным взаимодействиям, а распространяется и осуществляется в принципиально безграничном открытом пространстве-времени. Таким пространством в обществе модерна становятся история и цивилизация. В любой человеческой деятельности – в науке, технике, культуре, организации производства – сложными конфигурациями кооперированного труда связываются люди в разных концах света. Здесь происходит становление, в конечном счете, глобальных отношений «гезельшафт»; функциональные, институциональные системы отделяются от общинности и «свойскости», которые теперь локализуются, в основном, в непроизводственной и неинституциональной сферах (семья, соседские и дружеские группы). При этом гезельшафт не распыляет людей, но соединяет их по-другому. Он является не столько общим состоянием, как гемайншафт, сколько общим делом, и в этом общем деле «своими» становятся не семья, родственники и соседи, а «команда» – коллектив, корпорация.

3. В этом очень существенное различие классической modernity и советской системы отношений. Для обществ модерна «семья отдельно, работа отдельно», для советского общества «семья» – это не только родственники, но часто совсем не родственники. Личный характер семейных отношений и символика семьи распространяются на любой включающий индивида коллектив, в том числе, производственный, и на всю страну. Школа – «второй дом», учительница – «вторая мать»; любимый советский кинофильм об ответственности каждого работника перед общим делом, коллективом и страной называется «Большая семья». Этот тип отношений закреплен идеологически. Даже в официальном социально-политическом дискурсе общество и государство моделируются по семейному типу: «семья народов», «отец народов», русский народ для других народов страны – «старший брат», в государстве живут «в дружбе» между собой «республики-сестры» и т.д. На месте «современного» общества фактически располагается гигантская община.

4. В то время, как через «гезельшафт» идут важнейшие процессы модернизации общества, – складывание институциональных и массовых практик рациональности, рефлексивности и прозрачности всех систем, открытости изменениям, социальной активности, – в системе советского общества эти признаки социального устройства «современности», потенциал которых в XX веке только нарастает, оказываются во многом купированы. А это: целеполагающий автономный индивид в пространстве институциональной свободы; возможность свободной интерпретации фактов, их рационального, критического анализа; рефлексивное отношение к действительности, индивидуализация, либерализация и демократизация социальной и частной жизни; трансформация интимности и гендерное осмысление общества

5. Акцентированная рациональность, рефлексивность, артикуляция частного человека как субъекта социальных процессов имеют глобальное значение для форм социальности всего человечества, потому что являются эволюционным достижением модерна, его вкладом в копилку цивилизационного развития. Свойственная ему супер-рациональность – эффект флуктуации в целом действенного, полезного признака, и в этом смысле, неправомерное упрощение человеческой природы – позже начинает подвергаться сомнению. Недаром весь XX век прошел под знаком напоминаний о бессознательном. И это тоже эволюционно значимый шаг, потому что к этому моменту рациональность уже оставила в культуре свои «наработки», свой массовый социальный «продукт». А именно: позволила укорениться и войти в число само собой разумеющихся инструментов социальной жизни таким характеристикам социальности, с

которыми вряд ли захотят расставаться люди, как наука, законы, правосудие, точность, эффективность и качество работы, качество и ценность труда, ценность человеческой жизни, индивидуальности и т.д.

Вот почему отсутствие или слабость этих качеств в советском типе социальности не позволяют считать его полностью сформированным в смысле модерна. Большинство из них не только не стали результатом социального развития советского общества как индустриального и современного, но оказались вывернутыми наизнанку, создав тем самым глубочайшие противоречия в базовых, структурных основах общества как такового.

6. Воронку истории революция открыла не только вперед, но и назад. Оказалось, что она – как способ разрушения строя, не способного адаптироваться к нараставшей тогда «современности» – двусторонне действующий клапан. В образовавшемся крошечном пространстве структур и иерархий она нашла опору в первичных формах социальности, лишь поменяв скрепляющий раствор – с ритуально организованной традицией социоприродного гомеостаза на столь же ритуально организованную традицию идейно-политического единства. Заменяв одну мифологизированную идеологию – другой.

Было восстановлено реальное существование общины и обеспечено ее более широкое социальное присутствие, т.к. соответствующая конфигурация отношений распространялась теперь и на сельскую, и на городскую цивилизацию. Новый строй поднял из праха, казалось бы, исторически ушедшие социальные формы феодализма и даже рабства: внеэкономическое принуждение в производственной и сельскохозяйственной деятельности, почти крепостную личную зависимость колхозников, а также в, полном смысле слова, рабство в системе «рентабельности» бесплатного труда и бесплатных жизней миллионов заключенных Гулага. Разрушался доброкачественный гемайншафт, призванный обеспечивать микроуровни социальной солидарности: неугодные уничтожались целыми семьями, друзей принуждали к доносам, доносчики были чуть ли не в каждом служебном, спортивном, творческом коллективе. «Онтологическим» в этом обществе было уже не доверие, а подозрение.

Мы построили «недомодерн», потому что не изжили социальную архаику. В наши дни злокачественный гемайншафт – деградация надличностных институциональных систем, персонализация власти, принятие решений на уровне клановых интересов, кадровая политика личной лояльности вместо критериев меритократии, выработанных отношениями гезельшафт – иными словами, недоразвитость институтов модернити, а также недореформы постсоветского транзита снова с огромной силой тянут страну назад.

1. Гидденс Э. *Последствия современности*. Пер. с англ. – М.: "Праксис", 2011.

СТРУКТУРА РЕФЛЕКСИВНОГО АНАЛИЗА КАК РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Куклин Г.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация: в докладе показано, как исторические этапы развития рефлексивного анализа в социологии отражают историю развития социальной теории, ее проблематики и общих философских позиций. Дается прогноз относительно развития социологии будущего в свете возможностей христианской философской парадигмы.

Рефлексивный анализ в истории социологии развивался, условно проходя последовательно три фазы: метасоциологию, социологическую рефлексивность, критику социальной критики [1]. Появление концепции метасоциологии в середине XX века в США органично соответствует идеалам естественнонаучного знания. Современный возврат к употреблению этого термина скорее связан со стилистикой, нежели с содержанием: сегодня под метасоциологией понимают всю совокупность исследований социологией самой себя [2]. Идея рефлексивной социологии, и связанная с ней идея социологической рефлексивности [3] отражает переход интереса социальной теории к микросоциологии, моделям двойной герменевтики. Здесь все еще присутствует идея чистого знания, но она критически снабжена представлением о заинтересованном субъекте [4]. Наконец, в рамках критической социальной теории возникает свой рефлексивный анализ, который уже не убежден в возможности познания объективной социальной реальности, а предполагает скорее открытое политическое позиционирование самого ученого [5]. Эти дискурсивные традиции до сих пор сегодня сосуществуют, хотя вернее было бы говорить об их последовательной смене.

Обращая внимание на интеллектуальный характер этих движений, можно заметить, что они совпадают во многом с известной схемой развития науки как таковой. Метасоциология соответствует классической науке со свойственной ей корреспондентной теорией истины, рефлексивность совпадает с неклассической наукой с включением в структуру реальности фактора наблюдателя. Критика критики соответствует постнеклассической науке, которая по сути возвращается к доновременному широкому представлению о науке как о мудрости. Такая наука отдает себе отчет в своей онтологической неочевидности и стремится максимально прояснить собственные цели и действия. В этом смысле эта наука становится онтологически равной религиозным учениям, метафизическим построениям и другим попыткам объяснения мироустройства. К примеру, в социологии образцовой работой такого жанра является теория графов Болтански и Тевено [6].

Социология как наука, сильно связанная в своих теоретических построениях с философией, проходя этапы осознания самой себя, во многом отражает параллельное осознание себя и философией, и наукой в лице философии науки и разного рода исследований.

Если говорить о философии, три фазы развития рефлексивного анализа в социологии некоторым образом отражают и другую известную схему. Так, метасоциология укладывается в логику философии модерна, связанную с апологией разума и верой в возможности искусственного создания рационального общежития. Рефлексивная социология исторически соответствует философии постмодерна, а по содержанию является попыткой, аналогично философии Хабермаса, реанимировать проект модерна, используя новые социологические открытия. Сама философия обращается к социологии в поисках новых оснований рациональности и субъектности и становится скорее социальной философией [7]. Прежде всего здесь следует упомянуть работы П. Бурдьё, а также его современного исследователя Г. Юдина [8]. Общество в данных подходах становится инстанцией легитимации индивидуальной субъектности. В работах по критике социальной критики впервые совершаются робкие попытки преодоления постмодерна альтернативным возврату к новому модерну путем. К примеру, в феминистских теориях проводится мысль о возможном сосуществовании различных, несводимых, онтологий [5]. На этом же пути находится Б. Латур с его идеей отношения всерьез к любому суждению о реальности [9].

Идея модерна, постмодерна и постпостмодерна как отражение реальной судьбы философской мысли XX века вряд ли удачна. Скорее стоит говорить о классической метафизике, вершину которой знаменует феноменология Гуссерля, и времени, когда философия распалась на несколько отдельных интеллектуальных областей. Центральную из них образует ядро из учений нескольких гениальных авторов – Витгенштейна, Хайдеггера, структуралистов, Делеза, Фуко. Это время расширения скептического парадокса, критики категориального мышления, критики классической концепции субъекта, категорий «Я» и «человека», мощного обращения к онтологии языка. Это период новой самокритики философии, которая камнями на камне не оставила от классической метафизики, но при этом подготовила почву для соревнования частных онтологий будущего. Речь идет, с одной стороны, о философии, тотально захваченной наукой в ее латуровском смысле записи связей всего со всем, и, как следствие, онтологической безответственности. А с другой стороны, это, скорее всего, будет новая христианская философия, связанная с пониманием сущего мира как чуда и онтологической ответственности каждого. При кажущейся нейтральности, философия Латура является способом создания новой тотальности естественного порядка. Можно надеяться, что христианская философия станет новой единой философской парадигмой, так как это единственная инстанция, которая может сохранить сущностные различия при утверждении единого начала и сохранении осмысленности индивидуальной жизни.

Аналогично философии, в XX века сама наука пытается осознать себя и проходит в этом движении определенные этапы. Так философия науки середины века является скорее вспомогательной дисциплиной. А вот уже история науки становится настоящим вызовом для адептов классического сциентизма. Далее наступает черед социологии науки и, наконец, современных исследований науки и техники. В модели Латура провидится будущее объединение всех наук. Общей наукой станет социология, как наука о связях всего со всем. Можно предположить, что при этом наука будущего перестанет претендовать на онтологическую гегемонию и станет, как и должно быть, ремеслом по совершенствованию нашего мира. Вопрос о будущем социологии необязательно связан с будущим науки, так как социология является наукой лишь отчасти. Социология – это прежде всего инстанция обобщения и различения. Поэтому возможно, что в свете христианской философской парадигмы речь может пойти о замене

онтологического принципа общего нравственным принципом, о критике обобщений или о создании прекрасных проектов будущего.

1. Куклин Г. А. Структура рефлексивного анализа в истории социологии // *Клио*. 2015. № 10. С. 9-14
2. Ритцер Дж. *Современные социологические теории* // Ритцер Дж. *Современные социологические теории*. СПб.: Питер, 2000.
3. Lynch M. *Against Reflexivity as an Academic Virtue and Source of Privileged Knowledge* // *Theory, Culture & Society*. № 17(3). 2000. P. 26-54.
4. Bourdieu P. Wacquant L. J. D. *An invitation to reflexive sociology*. Chicago, Cambridge, Polity Press, 1992.
5. Филипс Л., Йоргенсен М. *Дискурс-анализ: теория и метод*. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.
6. Болтански Л., Тевено Л. *Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов*. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
7. Фурс В. Н. *Социальная философия в непопулярном изложении*. Вильнюс: ЕГУ, 2006.
8. Юдин Г. Б. *Объективация и объективность в эпистемологии П. Бурдьё [Вводная статья к переводу]* // *Социологический журнал*. 2011. № 2. С. 5-20.
9. Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
1. Куклин Г. А. Структура рефлексивного анализа в истории социологии // *Клио*. 2015. № 10. С. 9-14
2. Ритцер Дж. *Современные социологические теории* // Ритцер Дж. *Современные социологические теории*. СПб.: Питер, 2000.
3. Lynch M. *Against Reflexivity as an Academic Virtue and Source of Privileged Knowledge* // *Theory, Culture & Society*. № 17(3). 2000. P. 26-54.
4. Bourdieu P. Wacquant L. J. D. *An invitation to reflexive sociology*. Chicago, Cambridge, Polity Press, 1992.
5. Филипс Л., Йоргенсен М. *Дискурс-анализ: теория и метод*. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.
6. Болтански Л., Тевено Л. *Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов*. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
7. Фурс В. Н. *Социальная философия в непопулярном изложении*. Вильнюс: ЕГУ, 2006.
8. Юдин Г. Б. *Объективация и объективность в эпистемологии П. Бурдьё [Вводная статья к переводу]* // *Социологический журнал*. 2011. № 2. С. 5-20.
9. Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

ТЕОРЕМА РЕВОЛЮЦИИ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Курилович Н.В. (Минск, Республика Беларусь)

Питирима Александровича Сорокина (1889-1968) справедливо относят к числу классиков мировой социологической науки. Будучи непосредственным участником революционных событий 1917 года в России, он знал о них не понаслышке. Как социолог, он не мог не задаться вопросом о том, какова природа такого сложного социального феномена как революция. Результатом поисков ответа учёного на этот вопрос стала его работа под названием «Социология революции», изданная в США в 1925 году.

Эта работа занимает в творческом наследии П.А. Сорокина особое место уже в силу того, что рукопись монографии, к написанию которой он приступил ещё в 1922 году, была полностью подготовлена в 1923 году во время непродолжительного пребывания её автора в Чехословакии, т.е. фактически сразу после принудительной высылки учёного из Советской России. По сути дела, книга стала своеобразным подведением итогов российского периода творчества социолога и началом американского периода его жизни.

Обращаясь к богатому историческому материалу, статистическим данным, достижениям в области научного знания и собственным наблюдениям очевидца российских событий 1917-1922 гг., социолог формулирует свою теорему революции, которую, образно говоря, виртуозно доказывает в тексте работы. Цель рассматриваемой нами монографии её автор сформулировал следующим образом: «Не порицание или похвала, не апофеоз или оплёвывание революции являются целью данной работы, а изучение революции такой, какова она есть на самом деле» [1, с. 33].

В интересующей нас книге внимание учёного сфокусировано на социальной природе революции, которую он раскрывает, обобщая и анализируя опыт революционных событий разных стран и разных эпох. Так, П.А. Сорокин вычленяет типичные для всех революций характеристики, осуществляя социологический анализ многочисленных революционных потрясений в истории человечества: Египетской революции 1600-2000 гг. до н.э., греческих революций VII-II вв. до н.э., римских революций, Чешской революции XV в., Английской революции XVII в., французских революций 1789, 1848 и 1871 гг., Германской революции 1848 г., русских революций, в том числе 1905 и 1917 гг., и др.

В структуре работы «Социология революции» её автор выделяет шесть очерков, в которых последовательно, всесторонне, нередко эмоционально, но, главное, с позиций социологической науки репрезентируются итоги наблюдения и изучения явлений, типичных для революций. Так, в первом очерке книги учёный фокусируется на анализе деформации поведения людей в революционные эпохи, при этом он выделяет две неразрывно связанных друг с другом стадии революции. Второй очерк посвящён рассмотрению последствий влияния революций на демографические процессы (рождаемость, смертность, брачность) и состав населения. Анализ трансформации социальной структуры общества в периоды революций нашёл своё отражение в третьем очерке работы П.А. Сорокина. Четвёртый очерк содержит выводы учёного об изменениях социальных процессов в области управления, экономики и духовной жизни общества, охваченного революционной стихией. Иллюзии революции, под которыми имеются в виду сильнейшие контрасты между лозунгами революции и их реальным воплощением в жизнь, раскрываются автором монографии в её пятом очерке, представляющем собой, как отмечает во введении книги сам П.А. Сорокин, «философию революции». И, наконец, причины революции подробно анализируются социологом в очерке под номером шесть. В общих чертах таково содержание работы «Социология революции».

Теоретической основой социологического анализа революции стала антропологическая концепция Сорокина, согласно которой в человеческой природе есть как генетически унаследованные безусловные рефлексy (их принято называть инстинктами), так и сформированные под влиянием социальной среды условные рефлексy (их принято называть формами общественного поведения и морали). Первые, по мнению П.А. Сорокина, объективно сильнее вторых. Продолжая эту линию рассуждения, социолог приходит к выводу, что именно во времена революции, которую можно трактовать как особую разновидность массового поведения, мы наблюдаем «ущемление» безусловных рефлексов значительной части членов общества.

К числу необходимых и достаточных условий наступления революций социолог относит три фактора: «1) рост ущемления главных инстинктов, 2) массовый характер этого ущемления, 3) бессилие групп порядка уравновесить пропорционально усиленным торможением возросшее давление ущемленных рефлексов» [1, с. 323]. Таковы, по мнению П.А. Сорокина, основные причины любой конкретной исторической революции.

Революция 1917 года, по мнению социолога, была вызвана «сильнейшим ущемлением» практически у всех социальных групп целого ряда безусловных рефлексов. В их числе, помимо пищевых инстинктов, П.А. Сорокин называет инстинкты индивидуального и группового самосохранения (ущемление которых было обусловлено неудачами войны и лишениями миллионов мобилизованных солдат); инстинкты свободы (ущемление которых было вызвано введением с 1914 года военных положений, военной цензуры и военных судов); инстинкты собственности (ущемление которых было связано с обнищанием из-за войны большинства населения страны и обогащением небольшой группы лиц, нажившихся на войне) и половые инстинкты (ущемление которых произошло под воздействием аморального образа жизни «верхов» и так называемого «распутинства») [1, с. 385-386].

Итак, социолог был убеждён, что ущемление важнейших инстинктов у значительной части населения страны на фоне «импотентности» царской власти предопределило неизбежность революционной стихии в России.

В результате «ущемления» важных инстинктов, как считает П.А. Сорокин, происходит «отмирание» условных рефлексов, которые ранее тормозили безусловные импульсы. Это, в свою очередь, приводит к «биологизации» поведения индивидов, или - в терминологии социолога - к «массовой революционной деформации поведения». Помимо деформации поведения масс, революции, особенно кровавые и длительные, активно изменяют «биологический» состав населения, влияя на процессы рождаемости, брачности и смертности. При этом революции убивают «лучших», способствуя выживанию «худших» по своим свойствам членам общества.

Интересны выводы социолога о двух стадиях революции. Если лейтмотивом первой стадии любой революции становится желание «безудержной свободы», то лейтмотивом второй стадии, трактуемой П.А. Сорокиным как стадия «реакции» или «контрреволюции», выступает желание «порядка во что бы то ни стало». Если на первой стадии революции очерняются старый режим и старая аристократия, то на второй её стадии, наоборот, в обществе наблюдается рост симпатии к дореволюционному режиму и аристократии. Если на первой стадии революции происходит активное «отмирание» условных рефлексов, то на второй стадии приходит время их активного «возрождения» путём применения жестоких стимулов, по сути дела, террора. Именно вторую стадию революции (так называемый «красный террор»), по мнению учёного, можно было наблюдать в России в 1922-1923 гг. В качестве основных причин наступления второй стадии революции социолог называет «дальнейшее ущемление инстинктов и истощение энергии масс» [1, с. 410].

Учёный подчёркивал, что в большинстве своём революции вызывают очень негативные изменения в политической, экономической и духовной жизни общества. Например, революционные времена никогда не дают людям обещанной свободы. По сути дела, все изменения в политической сфере сводятся к установлению ещё большего деспотизма новых диктаторов-революционеров и крайнему бесправию всего населения.

Таким образом, призывая к проведению необходимых социуму реформ, П.А. Сорокин выступал убеждённым противником любых насильственных революционных преобразований общественной жизни. Ссылаясь на данные уголовной статистики и многочисленные свидетельства историков разных эпох, социолог убедительно доказывает, что «революция не только фактор криминализирующий, но эссенция и квинтэссенция самой кровавой и жестокой преступности» [1, с. 142]. Рост убийств, зверств и пыток, ложь и цинизм – таково краткое описание всех известных человечеству революций. Это ёмкое резюме и есть тот справедливый приговор, который современник и непосредственный очевидец событий 1917 года вынес не только одной из самых великих по своей глубине и размаху революций в мире, но и всем революциям в целом.

1. Сорокин, П.А. Социология революции. М. : РОССПЭН, 2005. 702 [1] с.

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ДИСКУРСЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПОКОЛЕНИЙ

Лебедева Л.Г. (Самара)

Социологические исследования свидетельствуют, что для разных поколений россиян одной из самых важных жизненных проблем была и остаётся проблема социальной справедливости [5, 17]. И в сознании молодого поколения справедливость также является наиболее значимой ценностью [6, 9-10]. Вместе с этим, социальная справедливость является не только определённым приоритетом и ценностью в жизни человека и общества, но и важным социальным фактором, вызывающим многообразные социальные последствия. Среди актуальных последствий можно выделить, прежде всего, следующие:

□ от наличия или отсутствия социальной справедливости зависит уровень социального самочувствия людей разных поколений;

□ от степени реализации социальной справедливости в жизни общества зависит уровень межэтнической толерантности, особенно, в многонациональных регионах.

В свою очередь, распространение и укоренение социальной справедливости не только имеет те или иные социальные последствия, но и зависит от многих конкретных условий в обществе. То есть, причины и последствия социальной справедливости находится не в односторонней, а в диалектической взаимосвязи друг с другом.

Прежде всего, проблема социальной справедливости, по сути, тесно переплетается с проблемой качества жизни. При этом можно утверждать, что именно общество, обеспечивающее социальную справедливость, способно обеспечить и достойное человека (и общества в целом) качество жизни людей – не отдельных групп, а практически всего населения. В таком понимании качество жизни характеризуется (измеряется) не одним каким-то показателем, а группой показателей в их взаимодополнении. Это, например, - валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения, индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) в сочетании с коэффициентом Джини (показывающим степень неравномерности распределения общественного богатства по группам населения от богатых до бедных) и другие показатели. Вдобавок к этому, существуют

высокие уровни неравенства между регионами, а это – выход и на проблему межэтнических отношений.

С сожалением приходится признать далеко не благополучную ситуацию в России по всем указанным показателям качества жизни населения в сравнении с передовыми странами. Вместе с тем, с начала 2000-х был достигнут важный прогресс в этом отношении, притом в условиях влияния двух мировых экономических кризисов и определённых санкций со стороны многих западных стран во главе с США против России. Но серьёзные проблемы существуют и требуют своего внимания. Так, например, индекс неравенства в распределении доходов (децильный коэффициент) в России продолжает длительное время оставаться на «запредельно» высоком уровне: в 2000-м году этот индекс был равен 13,9, в 2007-м – 16,7, в 2016 году – 15,7 [3].

Мы согласны с тезисом, что «состояние социальной и стратификационной структуры общества является показателем действенности в обществе социальной справедливости» [1, 55]. И вынуждены признать, что этот показатель в России пока на весьма невысоком уровне. В связи с этим объективно возникают вопросы о соответствующей социальной политике в целом и отдельных специальных направлениях социальной политики, прежде всего, - социальной политики в отношении молодёжи (молодых поколений) и социальной политики в отношении пожилых (старших поколений), учитывающих специфические проблемы и потребности отдельных групп и слоёв населения. Вопрос также и о необходимой справедливой региональной политике в стране.

Важной стороной социальной справедливости, на наш взгляд, следует признать также интернационализм в сознании и поведении сограждан. Благодаря традиции интернационализма в российском обществе (традиции, имеющей многовековую историю, особенно яркую - в советский период) стало возможным не только толерантное межэтническое сосуществование, но и равноправное сотрудничество людей разных наций и этносов из разных поколений. Несомненно, справедливо в связи с этим замечание И.М. Кузнецова, что любой отход от традиции интернационализма (например, под влиянием пересмотра ценностных ориентиров в условиях социальной трансформации), способствовал бы росту межэтнической нетерпимости [4, 53].

В условиях обострения той или иной социальной несправедливости (или проблемы, представленной в СМИ, например, или в социальных сетях) «ситуативно» могут возникать определённые общности не только с положительной и конструктивной направленностью в интересах общества, но и с какой-то иной направленностью. Это тоже следует не забывать при определении и проведении той или иной социальной политики – не забывать про проблему, про требование, про ценность социальной справедливости.

Перспективы утверждения социальной справедливости в российских условиях мы можем связывать, прежде всего, с утверждением «социального государства» – как формы «возможно более справедливого общества» для всех поколений россиян. В качестве основных тенденций (и, одновременно, проблем) на пути к социальному государству мы можем выделить: усиление научных основ социального управления в российском обществе; обеспечение реального благосостояния не только «избранных», а действительно всего общества; последовательность в осуществлении принципа социальной справедливости, как одного из базовых принципов подлинно социального государства, как справедливого государства, заботящегося о благосостоянии всех [2, 43].

Именно благодаря реализации принципа социальной справедливости на базе формирования и утверждения современного социального государства в России возможно гармоничное развитие межэтнических и межпоколенческих отношений.

1. Аргунова В.Н. Трансформация социальной справедливости в России: от советского периода к современному // Десятые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 13–15 ноября 2015 года. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. - 2248 с. - С. 54-56.
2. Дудин Г.А. Тенденции и проблемы социального управления на пути к социальному государству // Проблемы развития предприятий: теория и практика: материалы 14-й Междунар. науч.-практ. конф., 12-13 нояб. 2015 г.: в 3 ч. Ч. 3. Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2015. С. 42-44. – С. 43.
3. Индикаторы достойного труда [Электронный ресурс] // Рынок труда, занятость и заработная плата / Федер. служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/
4. Кузнецов И.М. Ценностные ориентиры и социально-политические установки россиян // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 47-55. – С. 54.

ПРЕДЫСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ РЕВОЛЮЦИИ

Левченко И.Е. (Екатеринбург)

Тезисы посвящены социально-философским истокам социологии революции. Анализ сочинений Т. Гоббса и Д. Локка показал, что их изыскания, посвященные социально-политическим конфликтам и средствам их предотвращения и урегулирования, способствовали формированию теоретических основ социологического анализа социальных изменений – смут, мятежей, гражданских войн и революций.

The thesis examines the social and philosophical roots of sociology of the revolution. Analysis of the works of T. Hobbes and D. Locke showed that their findings on the socio-political conflicts and means of their prevention and regulation, contributed to the formation of the foundations of sociological analysis of social changes – unrest, rebellions, civil wars and revolutions.

Новое время на Западе ознаменовалось серией острых социальных конфликтов, экономических преобразований, войн и революций. На подмостках мировой сцены появилось огромное число деятельных людей, ищущих своего места под солнцем и борющихся за него. Они готовы были отбросить и уничтожить устаревшие формы жизни. Все это послужило пищей для размышлений социальных философов – свидетелей и участников социально-исторических процессов эпохи.

Биография Томаса Гоббса (1588-1679) включает множество событий, среди которых были: бегство от революции, пребывание в эмиграции, пересмотр роялистских взглядов, возвращение в кромвелевскую Англию, наблюдения за ходом Славной революции.

Опыт осмысления антимонархической революции нашел отражение в его знаменитом произведении «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651).

Соединяя рационализм и сенсуализм, он ставил «на первое место общую склонность всего человеческого рода вечное и беспреостанное желание все большей и большей власти, желание, прекращающееся лишь со смертью» [1].

По его мнению, гражданское повиновение проистекает «из-за любви к покою, из-за боязни смерти или увечья». Как и Н. Макиавелли, он считал, что «бедные и смелые люди, недовольные своим положением, точно так же, как все, добивающиеся военного командования, склонны создавать поводы к войне и возбуждать смуту и мятеж» [1].

Суть воззрений Гоббса выражена в формуле «гражданский мир - здоровье, смута - болезнь, и гражданская война – смерть» [1]. В ней со всей очевидностью прослеживается механицизм взаимного притяжения и отталкивания.

Философ справедливо настаивал на необходимости «изучения и большего понимания» различий в действиях толпы, группы и индивида при совершении убийств, приводя исторические примеры гибели Катилины и Цезаря.

Гоббсу удалось раскрыть содержание мотивации деяний честолюбцев: «И хотя после смерти нет ощущения хвалы, воздаваемой нам на земле, ибо эти радости или поглощаются неизреченными радостями рая, или гаснут в страшных муках ада, тем не менее такая слава не тщетна, ибо люди испытывают удовольствие в настоящем от предвидения этой славы и от ее благодетельных последствий для их потомства» [1].

Мыслитель одним из первых проанализировал феномен дуэлей: «...наступит время, когда честь воздаваться будет тем, кто отказывается от дуэлей, и бесчестье - тем, кто делает вызов. Ибо дуэли также нередко представляют собой проявление мужества, а основанием мужества всегда является сила и ловкость, т. е. могущество. Однако в большинстве случаев дуэли есть результат необдуманной речи и боязни бесчестья у одного или у обоих дуэлянтов. Впутавшись необдуманно в конфликт, они вынуждены вступить в борьбу, чтобы избежать бесчестья» [1].

Родоначальник теории общественного договора объяснял его возникновение тем, что «люди равны от природы. Более слабый имеет достаточно силы, чтобы путем тайных махинаций или союза с другими, кому грозит та же опасность, убить более сильного. Из-за равенства проистекает взаимное недоверие». Отечественные исследователи (Б. В. Мееровский, А. Ф.

Филиппов, П. А. Цыганков и др.) подчеркивают, что Гоббс нашел решение проблемы в лице Левиафана: лишь государство, в пользу которого граждане отказываются от части своих прав, держит их в страхе и тем умиротворяет «войну всех против всех и каждого против каждого».

Жизненный опыт Джона Локка (1632-1704) был также разнообразен, как и у Т. Гоббса, – активное участие в политике, правительственная служба, годы эмиграции, репатриация, плодотворная научная деятельность и др. Но в отличие от своего старшего современника, он, будучи представителем эмпиризма и либерализма, считал естественным состоянием общества свободу и равенство людей, живущих своим трудом.

В «Послании о веротерпимости» (1667) он декларировал: «Гражданскими благами я называю жизнь, свободу, телесное здоровье и отсутствие физических страданий, владение внешними вещами, такими, как земли, деньги, утварь и т. д.» [2, 94].

Д. Локк последовательно отстаивал принципы веротерпимости и свободы совести, обличая тех кто, «из человеколюбия и заботы о спасении души лишают людей их имущества, истязают их тела, гноят в тюрьмах, заковывают в цепи, отнимают, наконец, самое жизнь и все это — чтобы обратить их в правую веру» [2, 92].

Исходя из того, что «любая церковь для себя ортодоксальная, для других — заблуждающаяся, или еретическая, в споре об истинности догматов, о верности обрядов обе церкви имеют равные основания» [2, 101], он утверждал: «Отлучение не лишает и не может лишить отлученного ни одного из гражданских благ. Сила отлучения сводится единственно к тому, что неизбежно прекращается и единение в некоторых вещах, которые сообщество предоставляет своим членам и на которые не распространяется гражданское право» [2, 101].

С его точки зрения, «люди становятся мятежными оттого, что с ними плохо обращаются. Уничтожь несправедливые правовые различия, исправь законы, отмени смертную казнь, и все станет спокойным, когда не станет никакой дискриминации граждан по религиозным причинам» [2, 128].

Для правового государства обязательным является защита своих граждан. В связи с этим Д. Локк указывал: «Мятежники, бандиты, убийцы, разбойники, грабители, развратники, клеветники, негодяи и им подобные должны подвергаться осуждению и наказанию, к какой бы церкви, придворной или нет, они ни принадлежали» [2, 129].

Развивая данный подход, Локк в сочинении «Два трактата о правлении» (1689) приходит к прямо противоположному выводу, чем Гоббс: «...поскольку все люди равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого» [2, 265].

Отдавая приоритет либеральным ценностям, Локк подчеркивал: «...человек, не обладая властью над собственной жизнью, не может посредством договора или собственного согласия отдать себя в рабство кому-либо или поставить себя под абсолютную, деспотичную власть другого, чтобы тот лишил его жизни, когда ему это будет угодно» [2, 275].

Своей теорией договорного происхождения государства и естественного права Локк оказал значительное влияние на французских просветителей и классиков немецкой философии.

Таким образом, изыскания Т. Гоббса и Д. Локка, посвященные социально-политическим конфликтам и средствам их предотвращения и урегулирования, способствовали формированию теоретических основ социологического анализа социальных изменений – смут, мятежей, гражданских войн и революций.

1. Гоббс Т. *Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского* [Электронный ресурс]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (дата обращения: 20.04.2017).
2. Локк Д. *Соч.: В 3 т.: Пер. с англ. и лат. Т. 3. М.: Мысль, 1988. 670 с.*

РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ ПИТИРИМА СОРОКИНА: ОТ "СОЦИОЛОГИИ РЕВОЛЮЦИИ" (1925) К "АМЕРИКАНСКОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ" (1956)».

Ломоносова М.В. (Санкт-Петербург)

Проблемы социальной справедливости и сама «справедливость», как экзистенциальная ценность, в начале 21 века как на уровне отдельных государств и обществ, так и на уровне

глобальной мировой политики являются предметом острых дискуссий и противоречий. Лидеры радикальных социальных и религиозных течений во имя достижения «справедливости» призывают к революциям и реализуют на практике тактику террора. Но наряду с революциями, одним из основных регуляторов социальной справедливости являются реформы. Как социолог, Питирим Сорокин пытается найти ответ на один из краеугольных вопросов социальных наук: возможно ли достижение социальной справедливости методами реформ или только один путь является единственно верным – революционный?

Анализ современной литературы начала 21 века, написанной как апологетами, так и критиками «цветных» квазиреволюций, предполагающих, что можно искусственно создать народное недовольство при помощи хорошо выстроенной антиправительственной пропаганды и управляемых акций неповиновения, убедительно показывает, что её авторам явно не достаёт того объективного анализа, который был проделан Питиримом Сорокиным без малого сто лет назад в своей работе «Социология революции» (1925).

«Русская революция как гигантский успех и чудовищный провал», аргументы этого утверждения ученого представлены им самим на страницах «Листков из русского дневника». «...Мне неловко становится, когда я слышу мнения многих, усматривающих в революции лучшее средство борьбы с нищетой, неравенством, эксплуатацией и другими социальными бедствиями. Такой рецепт столь же разумен, как совет гасить пожар керосином» - к этому выводу пришел Питирим Сорокин на страницах своей «Социологии революции» - социолог, вовлеченный в водоворот революционных потрясений российского общества начала 20 века.

Позднее, в своих фундаментальных работах: «Социальная мобильность» (1927), «Социальная и культурная динамика» (1937 – 1939) и «Американская сексуальная революция» (1956) Питирим Сорокин вновь обращается к теме революции и многие его эмпирические выводы относительно причин, функциональных и процессуальных характеристик революции не потеряли своей актуальности в качестве объяснительных моделей для анализа современных политических и социальных изменений

Кроме этого, глобальные вызовы 21 века в области науки и геополитики, стремительно вовлекают всех и каждого в стремительный водоворот трансформаций и потрясений, поэтому работы Питирима Сорокина в рамках социологии революции приобретают особую актуальность, так как он, изучая огромный массив эмпирических данных и исторических фактов, убедительно доказал, что человек и его поведение не сильно изменились со времен античности, меняется лишь форма, но не содержание.

РЕВОЛЮЦИЯ КАК КОНЕЦ «РУССКИХ ИЛЛЮЗИЙ»? ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ИДЕЙНЫХ ИСТОКОВ РЕВОЛЮЦИИ В РАБОТАХ Н. БЕРДЯЕВА 1917-1918 ГГ.

Лузина Т.И., Орнатская Л.А. (Санкт-Петербург)

1. В работах Н.А. Бердяева (1874-1948) – статьях, опубликованных в 1917-18 гг. в различных периодических изданиях («Накануне», «Народоправство», «Русская мысль», «Русская свобода»), представлена непосредственная реакция автора на события Февральской и Октябрьской революций. Это по существу публицистика, здесь отсутствует серьезная аналитика, они чрезвычайно эмоциональны: Бердяев повторяет идеи, высказанные ранее, например, в «Вехах», но в предельно заостренной полемической форме. Общий пафос – отрицание не только практики этих революций, но и самой ее идеи в той форме, в которой она была взлелеяна интеллигентской русской мыслью. Автор декларирует, что «русские иллюзии» в конечном счете привели к революции. Статьи показательны тем, что явились демонстрацией бессилия «русских иллюзий» самого автора; осуждая «социологическую расстановку» при исследовании глубинных процессов развития России, (в частности, игнорируя проблему социального расслоения), Бердяев предлагает «истину», которая сама иллюзорна, поскольку исходит из абстрактных метафизических оснований, приправленных мистическими прозрениями и упованиями. Критикуя безответственность русской мысли он демонстрирует собственную безответственность: ему не за что отвечать, поскольку его мысль относительно русской истории изначально не предполагает никакого социального действия.

2. Мысль о том, что причину социально-политических потрясений следует искать в «преступных» идеях не нова. На заре Нового времени она была сформулирована еще Т. Гоббсом, утверждавшим абсолютное право государства, т.е. верховной власти на формирование мнений,

обеспечивающих необходимые условия достойного человеческого существования и прежде всего – гражданский мир. Гоббс не знал еще термина «революция», но хорошо знал и испытал на своем опыте тяготы бескомпромиссных гражданских войн. Свои работы Гоббс считал трудами по философии духа и как рационалист полагал, что все, в том числе и касающееся проявлений духовной жизни, можно объяснить. В работе о гражданине он формулирует 13 внутренних причин («болезней духа», «расстройств духа»), угрожающих существованию государства, и 19 обязанностей отправляющих власть для их устранения. Одни причины («мятежные мнения») предрасполагают умы к мятежам, другие возбуждают и приводят в действие уже расположенные (к последним он относит «требование денег», вызванное бедностью. Бедность, считает он, больше всего способствует волнению людских умов). Среди располагающих «мятежных мнений» на первый план Гоббс выдвигает ложные учения, например, учение о том, что различие добра и зла – дело отдельных людей, тогда как это дело законов: что законно, то и есть благо. Задача правителей, считает он, состоит в том, чтобы внести истинное и правильно обоснованное гражданское учение в общественных академиях. [2, с.158-159]

Классический спор о роли идей в истории начался в XVIII веке. Он приобрел характер вопроса о действенности идей философов Просвещения и был спровоцирован критикой последних и обвинениями их в бесчинствах французской революции и наполеоновских войн, как и вообще в самой затее революции (Эдмунд Берк, Тэн, Жозеф де Местр). Гоббс, как известно, исходил из идеи «злой» природы человека и полагал, что мятежные учения поощряют «злое» в любом человеке, хотя уже различал толпу и народ. Критики идей Просвещения обвиняли просветителей в том, что своим отрицанием устоев они подточили старый мир и создали вакуум, куда ворвались страсти и пороки простых людей, которыми просветители, поглощенные конструированием прав абстрактного человека, мыслившегося изначально добрым, совершенно пренебрегали.

Вопрос о «преступлении» идеи не закрыт. Более того, в отдельные периоды истории XX и XXI веков – периоды социокультурных переломов и смут – он приобретает особую актуальность. Россия здесь не исключение.

3. Какие враждебные идеи («иллюзии») разоблачает Бердяев в статьях 1917-18 гг.? Он исходит из «злой», «демонической» природы человека и идя вслед за Ж. де Местром обвиняет русскую интеллигенцию в том, что она идейно потакала темным сторонам русской души. Освобождение от зла, по его мнению, дело не внешнего, а внутреннего преобразования, это религиозно-духовное восхождение. Это дело истории, дело многих поколений. Бердяев – певец аристократии духа и с позиций духовного аристократизма он критикует весь тот комплекс идей, который определял в России духовную атмосферу конца XIX–начала XX в.

Прежде всего виновато славянофильство и народничество. Они создали культ народа. Но народу нельзя поклоняться, нельзя ждать от него правды. Бердяев выступает даже против самого понятия народ, противопоставляя его нации: народ – неформальное, анархистское, стихийное начало, а нация – органическое единство. Положительные идеи о русском народе ложны. Для спасения России надо каленым железом выжечь из русской души толстовскую мораль. Русские добродетели опаснее пороков. Наблюдения за ходом революции все больше укрепляло Бердяева в отрицательных оценках русской души. Другое направление критики – либерализм. Бердяев выступает против идеи естественного права (доброй природы человека), из которой вырос либерализм. Либеральная мысль – довольно поверхностное просветительство и позитивизм, который разлагает духовную жизнь и подрывает веру в духовную реальность. Демократия заключает в себе большие опасности, если не подчинена никаким высшим идеалам. К тому же либерализм лишен патриотизма. «Бескрылый русский либерализм» критикуется и за отношение к государству, он «перестал видеть в государстве объективные и духовные начала». Бердяев утверждает мистичность государства, религиозность власти, хотя выступает против теократического государства. Особый священный смысл он видит в империализме: в нем есть напряжение человеческой воли, воли народов.

Особое место занимает в статьях критика социалистических идей. Социализм, считает Бердяев, очень сложное явление, поскольку правда в нем перемешана с ложью, ибо зло является в нем в обличье добра; злая сила действует здесь во имя блага человечества, высоких, справедливых и прекрасных целей, во имя равенства и братства, во имя всеобщего счастья и благополучия. Но это антихристов дух, который во имя всего этого «хотел бы истребить все возвышающееся, все качественное, все ценное, всякую свободу, всякую индивидуальность» [1, с. 33]. Большеизм – это социализм, доведенный до религиозного исступления. Но религия социализма во всем противоположна религии Христа. Социализм большевиков пытается основать царство мира сего,

подменяющего царство Бога. Большевизм – это дух хамизма, который утверждает низкое происхождение человека. Бердяев критикует идею интернационала, она расслабляет дух русского человека. Конкретная личность выявляется лишь в нации. В связи с этим обращает внимание на «дух германизма», поработивший русский народ. Однако, говорит он, у немцев в мировой борьбе есть своя идея, но есть ли таковая у русских?

Можно понять «забывчивость» Бердяева, понявшего в эмиграции, что не все его идеи могут понравиться здесь. Значительно полеевший Запад охотно принял бердяевскую версию несостоятельности русского человека, славянофильства и русского большевизма, но оценки либерализма и социализма, национальную идею ему пришлось смягчить, а восхваление империализма с его особой волей и вовсе снять.

4. Вывод Бердяева категоричен: для политического возрождения России «необходимо духовное возрождение русской личности, перерождение русской души» [1, с. 250]. «Мы по горькому и страдальческому опыту знаем, какие духовные начала привели Россию к гибели... спасти ее могут лишь начала противоположные, лишь иной дух». [1, с. 250] Бердяев полагал, что революция отрезвит русскую мысль. Враждебные русской душе идеи погибнут, доказав свою бесперспективность. В этом он видел положительную сторону русских революций. Пророчество не сбылось. Как показала практика XX и XXI вв., иллюзии, пусть в обновленном виде, по-прежнему пытаются подчинить себе ход исторического развития России. И главное – по-прежнему сохраняется духовный раскол, который русская интеллигентская мысль рассчитывает ликвидировать не за счет диалога, а за счет ликвидации враждебных идей.

1. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции (статьи 1917-18 г.). *Философия неравенства.* YMCA-PRESS. Paris, 1990.

2. Гоббс Т. *Философские основания учения о гражданине.* – Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001.

ИССЛЕДОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ МЕГА- ТРЕНДОВ КАК ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ КОНЦЕПЦИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА

Малахов Н.Е. (Уфа)

АННОТАЦИЯ

Отмеченные ещё представителями социально-футурологической школы две во многом противоположные чередующиеся тенденции массивизации и демассивизации в социальных процессах в основных чертах уже включали в себя мегатренды современности описанные Джоном Нейсбиттом. Что позволяло ещё с 70-х годов XX века объяснять настоящие и прогнозировать будущие социальные изменения.

Нетрудно заметить, что целый ряд мегатрендов Джона Нейсбитта [1] логически вытекают из концепций школы технологических детерминистов [2]. Так в мегатрендах таких как «глобализация» и усиление социальной роли информационного «сетевое пространство» явно просматривается тенденция массивизации, а в таких мегатрендах как «регионализация», усиление «негосударственных факторов» (структур), «кризис глобального лидерства», а также возможно из «универсализации миграционных потоков», можно заметить общую социальную тенденцию демассивизации. И действительно с конца XIX века отмечается всплеск урбанизации; концентрация монополистического капитала в экономике; строительство небоскрёбов, огромных судов-монстров, создание производственных конвейеров и энергетических централей в технологической сфере; укрепление колониальных империй, формирование массовых армий и партий, а также и массовые репрессии в административно-политической сфере. И, наконец, массовых идеологических течений (например, марксизма).

Однако, уже со 2-й половины XX века появляются гибкие автоматизированные производства, позволяющие диверсифицировать продукцию производств, многоцелевое оборудование; люди на Западе переселяются в особняки пригородов; возрастает роль малого и среднего бизнеса. Колониальные империи распадаются, вместо массовых армий всё чаще используются частные военные компании, вместо войсковых масштабных действий применяются операции секретных спецслужб, вместо МБР - гиперзвуковые манёвренные «Калибры», запускаемые с небольших судов. В идеологии засилье плюрализма (и т. д. и т. п.).

Вместо мировых революций - «цветные»-региональные государственные перевороты, спровоцированные спецслужбами и гражданские войны. Пассионарность масс сместилась из регионов стран прогрессивной и циклической цивилизации в регионы, сохранившие пережитки и

рецидивы родоплеменного раздробленного социума (как бы «вооружённой демократии») типа Кавказских республик, Арабского мира, украинского «казачества», во многом ещё живущего по понятиям, а не по закону. А в регионах, где социальные революции уже прокатились относительно недавно в эпоху массивификации, таких как СССР и «страны народной демократии» в соответствии с трендом демассивификации, произошёл закономерный процесс, известный как после революционная реставрация (или контрреволюция, как кому больше нравится). Подобное в истории после революционных эпох Буржуазных антимонархических революций в Европе уже бывало, когда воскрешали династии Стюартов и Бурбонов в Англии и Франции, как частичные пережитки прежних отношений. Так и в СССР и других странах социализма пришлось реанимировать прежнюю частную собственность на средства производства, чтобы вписаться в мировую рыночную экономику. Демассивификация при этом проявилась в распаде военно-политического блока Варшавского договора и распаде СССР. Согласно демассивификации подобное будущее должно ожидать НАТО, Евросоюз, а возможно и государств ускоренного социально-экономического развития, в которых наиболее успешные регионы (типа Каталонии, Венеции, Баварии, Техаса и т. п.) не хотят «кормить» целую нацию. Нечто подобное уже происходило в бывших республиках СССР, где промышленно более развитые или богатые регионы (например, Приднестровье, Донбасс, Абхазия и т. п., а также с парадом суверенитетов некоторых субъектов РФ) заявили о своих особых правах на большую независимость от центров.

Однако согласно теории Технологических детерминистов вскоре разделяющую демассивификацию должен сменить тренд обновлённой массивификации, возможно уже в течении XXI века. А это значит, что у нашей Родины традиционной циклической цивилизации имеется свой исторический шанс обновлённого витка развития. Россия сосредотачивается, чтобы отойти от идеалистических утопических социальных моделей.

1. *Нейсбитт Дж. Мегатренды, 1982.*
2. *Философский словарь под редакцией И.Т. Фролова, 1987, с. 482*

РЕВОЛЮЦИОННОЕ РЕШЕНИЕ «НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА «ЭТАТИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ

Маликова Н.Р. (Москва)

Столетие Октябрьской революции - повод для социологического переосмысления социальных последствий тех тектонических трансформаций, произошедших во всех сферах жизнедеятельности полиэтничного российского общества. Методологическим ключом могут послужить концептуальные идеи П. А. Сорокина: «Отношение к революции чрезвычайно субъективно. Поэтому исследователь должен быть сугубо объективным. Абсолютно это не достижимо, но в меру сил должно быть выполнено». Он полагал, что, Революция — это прежде всего определенное изменение поведения членов общества, с одной стороны; их психики и идеологии, убеждений и верований, морали и оценок, — с другой, это изменение биологического состава населения, характера селекции, процессов рождаемости, смертности и брачности, означает деформацию морфологической структуры социального агрегата, знаменует изменение основных социальных процессов...[Сорокин, 1923: 32-33]

Обратимся к революционному решению «национального вопроса», обусловившего оформление национально-государственного устройства нашей страны. «Декларация прав народов России» от 2 (15) ноября 1917 года, один из первых декретов советской власти провозгласила Равенство и Суверенность народов России, отмену всех национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России. Ленинская программа революционного решения «национального вопроса» парадоксально предусматривала решение двуединой задачи: 1) ликвидации национального гнета во всех формах, предоставление народам полнейшего равноправия, свободного самоопределения (вплоть до отделения и образования самостоятельного государства); 2) добиваться сплочения революционных сил трудящихся различных наций в единых классовых организациях. При этом надо идеологически действовать на два фронта - против великодержавного шовинизма и против местного буржуазного национализма, сосредоточивая огонь в первую очередь против великодержавного шовинизма.

Что дало народам революционное реформирование, сопровождавшееся привнесением в массовое сознание идеи этатизации (огосударствления) этничности? Для большевиков, коммунистов - интернационалистов, изначально это не было целью, скорее вынужденным компромиссом, своего рода платой за участие населения национальных окраин в революции и гражданской войне на стороне большевиков. Идеи этатизации этничности были особо популярны в Грузии, на Украине. Идеи пантюркизма, политического объединения тюркоязычных народов пропагандировал Султан Галиев, несмотря на этническо-мозаичное расселение их в Поволжье и на Урале. Начиная с 20-х годов, спорадические проявления этнополитической напряженности сопровождали становление новой федеративной формы советской государственности. Вследствие этого, был создан Наркомнац, для решения задач по преодолению напряженности в межэтнических отношениях, тяги к сепаратизму этнократических элит. Необходимость хозяйственного и военно-политического объединения, привела к необходимости частичной деэтатизации этнического принципа и созданию надэтнополитического образования - Закавказской Федерации (1922—1937). Этот период объединения ресурсного потенциала способствовал не только скорейшему урегулированию и минимизации последствий целого ряда этнополитических конфликтов, но и был временем наиболее интенсивного роста социально-экономических показателей. Однако, в противовес этой позитивной тенденции укреплялись позиции лоббирования идеи коренизации, замещения руководящих кадров в республиках представителями титульных этносов. Показательно, что на Украине был даже выпущен декрет (1928), согласно которому представители советско-партийной номенклатуры под угрозой увольнения должны были сдавать экзамен по украинскому языку. Подобные уроки прошлого, правоприменительные практики этнокультурной и этносоциальной дискриминации, противоречащие демократическим и либеральным идеям, порождали тогда и сегодня, вновь стимулируют социальные протесты со стороны этнических меньшинств, воспринимающих подобные акты как усиление тоталитарного давления.

После распада СССР, на актуализацию этнополитических проблем в России, как и на всем постсоветском пространстве СНГ, оказывали влияние противоречивые факторы: апелляции, либо к наследию «советской национальной политики», либо к лозунгам «национального возрождения». Сталкивались носители политико-идеологических доктрин: 1) приоритета прав человека и равенства граждан перед законом и 2) сторонники приоритетности этно-групповых прав народов.

Остается актуальным вопрос, как долго сохранится в XXI веке, доставшийся по наследству с советской поры, иерархический принцип этатизации (огосударствления) этнических отношений? В. А. Тишков, директор ИЭА РАН, эксминистр РФ по делам национальностей (1992) призвал пересмотреть понятие нации в пользу гражданского, а не этнического содержания. Диссонансом прозвучало в то же время, предложение первого Президента РФ Б.Н.Ельцина «Берите суверенитета сколько хотите!». Оно было воспринято этнократическими элитами, напротив, как разрешение курса на максимальную реализацию этатизации этничности. На местах практиковалось издание правовых актов по предметам исключительного ведения Российской Федерации, зачастую искажался смысл федеральных законов. Этнополитический контекст многих нормативных актов грубо нарушал избирательные права граждан, длительным было противостояние Конституционному суду.

Обозначились два полярных подхода: 1) за сохранение существующей системы этнократического федерализма, при этом утверждалось, что уход от него не будет понят народами и грозит усилением межэтнической напряженности и сепаратизма; 2) второй вариант - исходил из сущностного понимания федерализма как системы политических отношений между территориями. Замещение объективного анализа, решения реальных социально-этнических проблем политическими обвинениями в стремлении к унитаризму, надолго затормозило возможность публичного обсуждения перспектив перехода к более демократической форме государственного устройства.

Как известно, договорная федерация – это редкая и временная форма федерализма. Уроки социально-политической истории Югославии, СССР заставляли вновь и вновь задуматься о главном, необходимости поддержания стабильности российской государственности и социально-политической интеграции в интересах всего российского общества. Однако, попытки совместить принципы демократии и федерализма с этнонационализмом так и не привели к подлинному реформированию довольно громоздкой и эклектичной модели государственного устройства.

В современной России сохраняются базовые основания потенциала дезинтеграции национально-государственного устройства, вследствие: а) двойственного характера правовой

основы федерализма; б) неравноправия субъектов РФ «de facto»; в) продолжения политики преференций республикам, дисбаланса социально-экономического развития регионов, их разделения на «доноров» и «реципиентов». Из первой Конституции РФ можно было вывести два взаимоисключающих понимания того, что собой представляет российское общество: гражданская полиэтничная нация – россияне, имеющая общенациональные интересы или сумма «этнонаций», имеющих свои особые автономные групповые, «этно/национальные» права и интересы». С трудом была осознана необходимость переформатирования федеративных отношений, приоритетности утверждения доктрины интегрирующего смысла общероссийской государственности, пропаганды идеи единой многонациональной гражданской общности – «россияне». Это нашло отражение в Посланиях Президента В.В. Путина. Однако потенциальные «риски» российской государственности, обусловленные этнополитическим федерализмом, не исчезли, вследствие того, что мы наблюдаем мозаичный набор культурных моделей, парадоксальных социально – культурных феноменов, наряду с отсутствием единых принципов рационализации федеративного устройства.

В условиях глобализации, доступности Интернет-ресурсов отмечен рост рисков манипуляции этнокультурным контентом Масс-медиа пространства. К сожалению, усилиями этнонациональной элиты осуществляется блокирование каналов информационного контента демократических, либеральных ценностных ориентаций, репрезентации событий повседневности и исторического прошлого. Социологи фиксируют снижение роли СМИ в интенсивности формирования многоуровневой позитивной идентичности (этнической, конфессиональной, национальной, /государственно-гражданской), потенциала межэтнической, культурной, политической интеграции россиян. Под влиянием электронных СМИ (ТВ/Интернет) сохраняется высокий уровень этно/ксенофобии, растет скепсис в отношении перспектив международных отношений. Этнополитическая индокринация осуществляется посредством трансляции селективно конструируемых фреймов исторической памяти, как схем оценки исторического, политического, культурного наследия, зависимости от пройденного пути, идеологической матрицы консерватизма, демократии, либерализма, распространения манипулятивной этнопровокационной информации, что обусловило фиксируемые социально-статусные, межпоколенные, региональные различия потенциала межэтнической интеграции. С ростом этнофобии, возведением символических этнокультурных различий, сохранением этатизации этничности минимизируется Vs. потенциал модернизации, демократизации, ценности ориентации на достижение социально-политической интеграции, «единства в культурном многообразии»

1. Маликова Н.Р. Социальное измерение глобализации. М.: РГГУ, 2012.

2. Сорокин П.А. — «Социология революции» (Прага, 1923)- М., Изд-ство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004

КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Мартыненко Т.С. (Москва)

Каждое общество стремится создать идеализированную картину будущего, на которую будут направлены мысли и энергия людей. Обращение к истории социологической науки демонстрирует ее тесную увязку с практикой социального управления и конструированием образа будущего. На протяжении XIX в. образ будущего был неотъемлемой частью социологической теории. Соответствующие идеализированные представления об обществе были разработаны К. Марксом, О. Контом, Э. Дюркгеймом и др. Тем не менее, сегодня все чаще возникает вопрос о роли социологии в обществе. Позиции социологов по этому вопросу варьируются от строгой отстраненности от изучаемого общества до непосредственного и сознательного конструирования различных социальных систем, обладающих определенными свойствами (от отдельных организаций до городов и т.п.). В связи с этим цель статьи – рассмотреть в исторической перспективе особенности связи социологии и утопии, выявив специфику современного периода.

Разным типам общества соответствуют собственные представления об идеальном будущем. Апогеем представлений человека о том месте, которого не существует, являются технологические утопии конца XIX – начала XX в. Технологическая утопия является взглядом в будущее из индустриального общества. Долгое время мечты людей были направлены на мир, в котором машины заменят человеческий труд, появится общество без угнетения, общество

изобилия и досуга. Американская почва стала самой плодородной для появления подобного рода идей. Люди активно покоряли природу. Открытия и изобретения того времени казались настолько значительными и могущественными, что ученые и инженеры считали, что смогут сделать города зелеными, сократить разрыв между классами, принести мир и гармонию. Устаревший взгляд на небесный рай был заменен на мечту о рае земном. В это время вышел ряд важнейших работ, в которых описывалось общество будущего: Эдвард Беллами «Взгляд назад: 2000-1887» [6], Ф. Клаф «Золотой век» [7], Дж. Ховард «The Milltillionaire» [8;9], Ч. Вулридж «Совершенствование Земли» [13] и др. Ученые того времени верили, что более эффективные машины и более эффективное использование времени будет главенствовать в будущем.

Инженеры становятся главными действующими лицами общества: про них пишутся книги, снимаются фильмы, каждый ребенок хочет стать инженером. «Новый Моисей должен быть не человеком от Бога, но человеком от науки» [11]. Г. Гувер становится первым президентом-инженером. Идея Т. Веблена о почти диктаторском правлении инженеров фактически получает свое распространение [12]. Движение технократов захватило США в 1932 г. Но успех был коротким, так как их движение было приостановлено приходом к власти А. Гитлера, который также делал большой акцент на развитие науки и технологий. Вторым ударом по этому движению был проект «Манхеттен» и атомная бомбардировка японских городов.

В 50-60-е годы XX в. технологический взгляд был переосмыслен после запуска первого советского искусственного спутника Земли и первого полета в космос. Молодые люди по всему миру начали мечтать о карьере космонавта или исследователя.

Таким образом, для общества утопия представляет собой ориентир дальнейшего развития. Еще Н.А. Бердяев подчеркивал особую роль утопий в качестве движущей силы общества [1]. Различные варианты утопий формировали альтернативы. Формулирование объединяющей цели способствовало движению в приемлемом направлении. Утопия должна была формировать желание лучшего, большего и обычно в ином направлении чем то, в котором развивалось общество.

После 60-70-х гг. XX в. рост интереса общественности к проблемам экологии заставил общество отказаться от технологических утопий. В то же время радикальные общественные изменения сформировали в социологии представление о необходимости анализа текущей ситуации. Вместо образа будущего социология обратилась к истории, пытаясь выявить механизмы и факторы общественных трансформаций. С этого момента из большей части социологических теорий изымается прогностический компонент. Постмодернистская риторика, связанная в том числе с «концом истории» и других общепринятых характеристик общества (например, труда, детства) способствовала этому.

Современная культура начала XXI в. насыщена утопизмом. Явными и латентными чертами утопического мышления современная культура пронизана через различные фантастические произведения, наполненные волшебством, магией и уникальными способностями главных героев. Тем не менее, антиутопии наиболее свойственны современному обществу.

В отношении между утопиями и социологией существует несколько перспектив. Наиболее приемлемые научным сообществом отношения заключаются в социологическом анализе утопий как социального феномена, предполагающем выявление исторической и культурной относительности идеализированного образа.

При все многообразии трактовок и взглядов на утопию социологию могут интересовать только те, которые ориентированы в будущее. В отличие от культуры, в которой утопия реализуема и как образ прошлого и вневременного общества (например, Атлантида или другие места, обладающие идеализированными характеристиками), и как образ будущего (наиболее часто встречающиеся произведения в разделе фантастика относятся к середине XXI в. или более позднему времени), в социологии утопия – это всегда выражение стремления к лучшему способу организации жизни.

Кризис социологии второй половины XX в., скорость социальных трансформаций и преобразований заставили социологов настороженно относиться к прогнозированию и тем более конструированию образа будущего. Но сегодня ученые все чаще подчеркивают необходимость конструирования этого образа. Так, по мнению З. Баумана, роль социологии заключается в формировании альтернативных представлений об общественном устройстве. «Социология была рождена стремлением общества эпохи модерна сделать это общество лучше» [5, р. 160]. Конструирование образа будущего является неотъемлемым элементом теории революции Дж. Форана [3]. Э.О. Райт предлагает использовать утопии в качестве инструмента социологии [2].

Включение прогностической функции в социологические исследования наиболее явно проявляет себя в изучении социального неравенства [4] и других социальных проблем, поскольку в сравнении с другими сферами изучения социологии содержит в себе ценности, соответствующие определенному образу общества. В связи с этим современный британский специалист в области изучения социальной эксклюзии и проблемы бедности Р. Левитас предлагает ученым относиться к утопиям более серьезно [10]. Как отмечает автор, еще в 1914 г. Герберт Уэллс писал, что «создание утопий – и их исчерпывающая критика – это правильный и отличительный метод социологии» [10].

Таким образом, обращение социологии к утопии не будет подрывать статус науки, но позволит формировать возможные альтернативы общественного развития, особенно необходимые в условиях значительной трансформации обществ. Поскольку не может быть и единой утопии, подходящей для всех, социология способна производить множество вариантов, что позволит создавать возможность для коллективного их обсуждения. Утопия не должна быть целью социологии, но может быть эффективным методом изучения общества. Особенностью современных утопий должен быть их глобальный характер, фиксирующий взаимозависимость человечества и позволяющий конструировать образы общего устойчивого будущего.

1. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. Москва: АСТ, 2006.
2. Добринская Д.Е. «Реальные утопии» в социологической теории Э.О. Райта // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. №4. Р. 44–59.
3. Карасев Д.Ю. Теория революций Джона Форана // Вестник Московского университета. Серия 18 Социология и политология. 2013. № 3. Р. 193–205.
4. Мартыненко Т.С. Глобальное неравенство как фактор нестабильности современного общества // V Всероссийский социологический конгресс «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость». Екатеринбург: Изд.-полигр. центр УрФУ, 2016. Р. 514–522.
5. Bauman Z. *Collateral damage. Social Inequalities in a Global Age*. Cambridge, Malden: Polity Press, 2011.
6. Bellamy E. *Looking Backward: 2000-1887*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1967.
7. Clough F.M. *The golden age or, The depth of time*. Boston: Roxburgh, 1923.
8. Howard A. *The Milltillionaire*. Boston, 1895.
9. Howard P. *Technology and Utopia*. Washington: American Historical Association, 2006.
10. Levitas R. *The Imaginary Reconstitution of Society or Why Sociologists and other should take utopia more seriously*. URL: <https://www.bris.ac.uk/spais/files/inaugural.pdf> (accessed: 01.12.2016).
11. Lippmann W. *A Preface to Morals*. New York: Macmillan, 1929.
12. Veblen T. *The Engineers and the Price System*. New York: B.W.Huebsch, 1921.
13. Wooldridge C. W. *Perfecting the Earth: A Piece of Possible History*. Cleveland: Utopia, 1902.

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНЫХ ИЛЛЮЗИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ К.Д. КАВЕЛИНА

Матвеева Н.Ю. (Москва)

Современное общество характеризуется сосуществованием и борьбой множества социальных идей. Эта черта явственно заявила о себе уже в XIX столетии, постепенно сформировавшись в нынешнем виде, как характеристики смыслового пространства современных обществ. Социологический анализ этих идей, их сущности, логической структуры, источников и следствий является одной из центральных задач теоретической социологии. Но не все идеи равноценны с точки зрения их воздействия на развитие общества или его институтов. Некоторые русские мыслители классического периода подняли вопрос о наличии идей особого рода - социальных иллюзий. Среди них особая роль принадлежит Константину Дмитриевичу Кавелину, который был не только современником и наблюдателем, но и активным участником «великих реформ» Александра II. Он пришел к этому понятию, исследуя реальные социальные процессы и сопровождающие их смысловые конструкции. Его исследования помогают лучше понять причины событий, последовавших в скором времени после опубликования его научных разработок, - событий русской революции 1917 года, а также хода их развития на протяжении последующих лет Советской власти.

Ученый предложил блестящий анализ социальной ситуации в России, непосредственно предшествовавшей убийству террористами царя - реформатора. Согласно его выводам, в развитии российского общества большую роль сыграли именно иллюзорные представления. Ученый рассматривал принципы и характер социальных отношений между верховной властью (монархом), исполнительной властью (административной системой) и народом. По его мнению, изначальная проблема этих отношений состояла в том, что административная система России была скопирована с политических учреждений европейских стран, что не было оправдано ни историческими традициями, ни теоретическими принципами. Но сама идея о том, что России необходима администрация, выстроенная по европейским образцам, возникла под воздействием политических «миражей» – иллюзий, ложных целей и убеждений. Главное из этих убеждений состояло в том, что административная власть выступает представителем верховной власти, инструментом реализации государственных решений монарха. На самом деле, отмечал Кавелин, внутри административной машины возникают собственные интересы и мотивы деятельности ее представителей, ничего общего не имеющие ни с интересами общества, ни с интересами монархической власти. Чиновничество воспринимается как исполнитель высшей воли государства, хотя на самом деле оно живет собственной жизнью в соответствии с внутренним порядком административной системы. Все это неизбежно приводит к негативным политическим последствиям.

Представление об администрации как прямом орудии правительства, обладающего только исполнительной властью, отделенной от законодательной и судебной, порождает реальное отчуждение царя от народа, полагал ученый. Это отчуждение возникает в результате действий самой административной машины. Оно рождает иллюзию противоположности интересов народа и высшей власти, чего на самом деле в России не существует; царь не доверяет народу, пытаясь опереться в своем недоверии на администрацию; народ не доверяет царю и видит в нем виновника всех действий администрации. По сути же, административная система заслонила и оттеснила царскую власть на второй план именем самой этой власти. Все это приводит к печальным последствиям в стране, где на самом деле нет противоречий интересов сословий, власти и народа. Таким образом, не реальные конфликты, а вера в политические миражи и иллюзии создала в России трагическую ситуацию разлада в общественной жизни. «У народа мало-по-малу искусственно вымучивается нелюбовь к законной власти, раздражение и политические страсти, которые не способны создать прочных государственных форм, но исподволь расшатывают власть и готовят перевороты», - писал Кавелин [2, 512].

Ученый считал необходимым условием успешного развития Российского государства правильную оценку особенностей и условий его существования. По его мнению, для отечественной политики характерен уход от реального положения в обществе к иллюзиям, основанным на абстрактных идеях или примерах чуждого для нас развития других стран и народов. Именно отрыв от реальности делает невозможным правильную постановку задач национальной политики. Только осознание фактического положения дел и условий социальной жизни может обеспечить понимание настоящих интересов и задач государства, указывал ученый. «Разброд мыслей, отсутствие целей в жизни, умственная и нравственная дряблость, и их всегдашние спутники – страсть к наживе и растление, парализующие в зародыше все лучшие и благороднейшие стремления, овладели нами, давят нас только потому, что мы не видим и не понимаем нашей задачи, не знаем, на чем сосредоточиться, около чего сгруппироваться, в чем искать национальных интересов. Стоит понять, в чем они заключаются, и наши силы перестанут бродить наугад, рассеиваться в тщетных попытках. Направленные к одной цели и задаче, они оживут, осмыслятся и сольются в одно стройное целое», - писал Кавелин [1, 418]. Он понимал, что наука должна играть решающую роль в изучении реальных условий жизни общества и постановке на этой основе задач государственного развития. Работа в этом направлении не может быть простой и быстрой, – она требует глубоких научных исследований и постепенной практической работы политиков, результаты которой могут проявиться в достаточно отдаленном будущем. Он предостерегал не только от увлечения иллюзорными, не основанными на реальности, идеями, но и от желания получить быстрые результаты на практике.

На основе его работ можно сделать ряд выводов. Социальные иллюзии, или миражи, могут развиваться под воздействием причин, связанных с неудовлетворенностью людей их жизнью, личной или общественной. Общество или группа находит в этих идеях отклик на какие-либо смутно или явно осознаваемые намерения и желания, например, освобождения личности или равенства. Постепенно могут сформироваться достаточно устойчивые коллективные

представления, создающие обманчивые конструкции социальных причин и следствий. Подменяя понятия, они ведут общество ложным путём, приводящим его в тупики и кризисы. Возникает ситуация, при которой трактовка социальных явлений людьми имеет лишь видимость рационально осмысленных идей. В действительности же, эти идеи не соответствуют логике социальных фактов, логике реальных причин и следствий. Общественная жизнь продолжает развиваться своим путём, на котором определённые причины порождают определённые следствия, в то время как участники социальной жизни вмешиваются в неё на основе иллюзорных представлений и целей. Логика социальных действий, таким образом, утрачивает реальную социальную основу.

1. Кавелин К.Д. *Крестьянский вопрос* // Кавелин К.Д. *Собр. соч. В 4-х тт.* – Спб.: Глаголев. – 1897. – т. 2. Публицистика.
2. Кавелин К.Д. *Политические призраки* // Кавелин К.Д. *Собр. соч. В 4-х тт.* – Спб.: Глаголев. – 1897. – т. 2. Публицистика.

АНТИНОМИЯ ЧАСТНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО В ТЕОРИИ БОЛЬШИХ ЦИКЛОВ И ЕЁ ПРИМЕНЕНИЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ "ЛЕВЫХ" И "ПРАВЫХ" РЕВОЛЮЦИЙ XX ВЕКА

Мельников М.В. (Новосибирск)

Аннотация. Работа посвящена применению теории больших циклов для объяснения предпосылок, содержания и исторического значения социалистической революции в России в 1917 году и прорывной революции 1980-90-х годов, начатой правительствами Р. Рейгана и М. Тэтчер. Идеино-концептуальные истоки авторского подхода связаны, в основном, с работами Н. Д. Кондратьева, И. Валлерстайна, А. О. Хиримана, К. Поляны. Автор поддерживает циклическую концепцию социодинамических изменений, проявлением которых являются революции и происходящие благодаря им изменения в управлении благами и ресурсами общества. И обращает внимание, что инициатором национализации может являться не только государство, интересы которого могут отличаться от общественных интересов, но и национальная, патриотически и «пробобщественно» настроенная контрэлита.

Изучение долговременных и глубоких изменений в человеческих обществах является увлекательным, но и очень трудным направлением научного поиска в социологии. Одна из возможно успешных перспектив в этой области может быть связана с изучением проявления в жизни общества т.н. больших циклов. Интерес к изучению циклических изменений в объекте существует в разных науках. Циклами, если вести речь об объектах, изучаемых социальными науками, называют повторяющиеся или возвращающиеся социальные процессы, в которых последовательность событий сопровождается подобной последовательностью по завершении. В качестве проявлений циклической модели воспринимаются многочисленные социальные процессы, например, цикл жизни, или социальные процессы, соотносимые с природно-сезонными изменениями в среде обитания социальной общности. Н. Д. Кондратьев считал исследование вопроса о больших циклах в динамике капиталистического хозяйства чрезвычайно затруднительным. Но эти затруднения связаны, скорее, не с выбором единиц наблюдения (расширение и стагнация), а с тем, что это исследование предполагает очень продолжительный период самого наблюдения и отсутствие полных данных об объекте [1, с. 29]. И. Валлерстайн применил подход Кондратьева к изучению мир-экономики Мир-системы Модерна и циклов гегемонов и сделал вывод о том, что циклические ритмы исторической системы создают подвижное равновесие, преобразующееся в долговременные тренды вверх ее кривых [2, с. 34]. С определенными проявлениями больших циклов позволительно связывать и две грандиозные революции прошлого века – Русскую 1917 года и рейгановскую 1980-х годов. Предпосылки, содержание и историческое значение этих революций могут быть прояснены посредством использования антиномии частного и общественного. Ю. А. Замошкин конкретизировал ее для изучения «развития тенденций, для реализации потребностей, которые антиномичны, то есть находятся в отношении противоречия, но в равной степени неуничтожимы, цивилизационно значимы и притом свободны наиболее полно и с пользой для развития цивилизации реализовываться лишь в единстве». Примером неуничтожимой антиномии Замошкин рассматривал отношения между частным и общественным, или государственным интересом [3, с. 14]. А. Хиршман предпринял интересную попытку изучить периодические колебания, постоянные изменения или повороты жителей современных обществ то к поглощенности своими частными делами и экономическими интересами, включая интерес к потреблению, то к пробуждению у них интереса к делам общественным, коллективным действиям во имя общественной, а не личной

пользы [4, с. 8]. Хиршман подчеркивал, что колебания интенсивности преследования гражданами частных интересов и фактическое их участие в действиях во имя общественных интересов зависят от изменения экономических условий, деятельности правительства, личного развития и многих других факторов. В случае репрессивного подавления авторитарными режимами общественных интересов и активности происходит почти полная приватизация интересов [5]. Об этом же писала и Х. Арндт. Сопричастность людей друг другу - в сознании и действии, в символах и чувствах катастрофически распадается в тоталитарных обществах, когда властители радикально изолируют подданных друг от друга, так что никто уже не может сойтись и договориться друг с другом. Или, наоборот, в массовых обществах и в ситуациях массовых истерий, когда все люди начинают вести себя так, словно они члены одного огромного тела, механизма, громадной единоклюнной внутри себя семьи. «В обоих случаях мы имеем дело с радикальными феноменами приватизации, т.е., с состояниями, в которых никто уже не может видеть и слышать другого или быть увиденным и услышанным» [6, с. 76]. Возвращаясь к антиномии частного и общественного и её применение к изучению интересов, обратим внимание на слова Ш. Эйзенштадта и В. Шлюхтера: «В конечном счете, понятие частных интересов как чего-то отличного от интересов публичных (и особенно идея того, что частные интересы должны служить основанием при формулировании этих публичных интересов) является чисто европейским. Оно связано как со специфической правовой традицией, которая наделяет индивидов личными правами, так и особой экономической традицией, исходящей из рационального эгоистического интереса, а кроме того, ещё и институциональной традицией отделения гражданского общества от государства» [7, с. 221]. По поводу этого вывода выскажемся следующим образом. Сосредоточенность на преследовании и на защите частных интересов не может и не должна быть направлена против общественных и публичных интересов, особенно, если частные интересы сводятся, главным образом, к частной собственности и доказательствам прав на владение ею. С одной стороны, становление института собственности является одной из самых очевидных форм выражения дифференциации частного (приватного) и общественного (публичного) начал. Его развитие шло одновременно с развитием института государства. «В отсутствие государства большинство исторически существовавших обществ было не в состоянии провести четкое разграничение между властью и собственностью в их различных формах» [8, с. 73]. С другой стороны, хотя мы живём в мире и в обществе, где частная собственность ценится весьма высоко и рассматривается как один из столпов общественного порядка, надо согласиться со словами Э. Фромма: «Хотя предполагается, что частная собственность является естественной и универсальной категорией, история и предистория человечества, и в особенности история неевропейских культур, где экономика не играла главенствующей роли в жизни человека, свидетельствует о том, что на самом деле она скорее исключение, чем правило» [9, с. 75]. Х. Арндт отметила, что социум возникает в сфере публичного впервые в образе организации владельцев, владение собственностью подчиняет себе публичность в форме интереса имущих классов. Главным требованием собственников было не соразмерное их богатству право голоса в публичных вопросах, но снятие с себя в целях приобретения ещё большего богатства всякой ответственности публично-политической природы. О проявлении такого рода мотивации позволительно говорить применительно к т.н. рейгановской революции 1980-х годов. Реформы, проведенные Рейганом, Тэтчер, их преемниками и поклонниками, способствовали существенному ослаблению общественно-договорных отношений, росту социального неравенства и снижению социальной солидарности. Реформы Тэтчер, приведшие к увеличению безработицы и сокращению государственных пособий, стали причиной преждевременной смерти многих британских граждан и ухудшения благосостояния населения. Ежегодно жертвами политики Тэтчер становились 2,5 тысячи человек [10]. Даже такой защитник неолиберализма и политики Тэтчер как Д. Бриттан вынужден был отметить: «К сожалению, свидетельства последних лет заставляют сделать вывод, что в эпоху Тэтчер беднейший проиграл и в абсолютном, и в относительном смысле» [11, с. 282]. О возможности рассмотрения курса Рейгана и Тэтчер на приватизацию всего и вся, фактически, на приватизацию общества, как о проявлении периода в большом цикле пишет А. Каллиникос. Обращаясь к наследию К. Поланьи, он отметил: «Поланьи даёт нам полезную возможность взглянуть на современный неолиберализм в исторической перспективе: политические попытки перестроить общество, в соответствии с логикой, установленной «Вашингтонским консенсусом», поразительно напоминают попытки викторианских либералов подготовить британское общество к *laissez faire*» [12, с. 128]. Другие авторы пишут о цикличности процессов приватизации и национализации. Р. Чанг, К. Эвиа и Н. Лоайза изучили приватизацию и национализацию как циклические, повторяющиеся процессы,

взяв в качестве конкретных примеров страны, богатые сырьевыми ресурсами: Боливию, Венесуэлу и Замбию. Ими был сделан вывод о том, что национализация и приватизация суть повторяющиеся процессы, часто приходящие как волны, охватывающиеся сразу несколько стран мира [13]. К такому же заключению приходят А. Г. Нассер [14], М. Ю. Малкина [15, с. 119], Р. С. Гринберг и А. Я. Рубинштейн [16, с. 219]. Особенностью представленной в нашем докладе точки зрения является то, что инициатором процессов, характеризующихся как национализация, может являться не только государство, интересы которого могут существенно отличаться от общественных интересов. Таким инициатором может выступать национальная, патриотически и «прообщественно» настроенная контрэлита. Представителями такой контрэлиты позволительно называть людей, пришедших к власти в России в результате октябрьской революции 1917 года. Но успешному завоеванию и удержанию ими государственной власти во многом способствовало то, что в российском обществе начала прошлого века существенно выросли интересы к общественным делам и коллективным действиям во имя общественной пользы, справедливости и блага.

Текст подготовлен при поддержке РФФИ. № 16-03-00348.

Список литературы

1. Кондратьев Н. Д. *Избранные произведения*. М.: Экономика, 1993. – 543 с.
2. *Есть ли будущее у капитализма? Сб. статей И. Валлерстайна, Р. Коллинза, М. Манна, Г. Дерлугьяна, К. Калхуна*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 320 с.
3. Замошкин Ю.А. *Частная жизнь, частный интерес, частная собственность // Вопросы философии*. 1991. - № 1. – С.3-15.
4. Hirschman A. O. *Shifting Involvements: Private Interests and Public Action*. Princeton, 1982. – 168 p.
5. Хиришман А. О. *Интересы*. [Электронный ресурс] URL: <http://seinst.ru/page563/> (дата обращения: 08.10.2017).
6. Арндт Х. *Vita activa, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
7. Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В. *Путь к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис*. 2007. - № 2 (10). – С. 212 – 226.
8. Кревельд М. ван. *Расцвет и упадок государства*. М.: ИРИСЭН, 2006. – 544 с.
9. Фромм Э. *Иметь или быть?* М.: Прогресс, 1990. – 336 с.
10. *Ученые подсчитали число умерших из-за реформ Тэтчер [Электронный ресурс]* URL: <https://lenta.ru/news/2014/02/12/policies/> (дата обращения: 08.10.2017).
11. Бриттан Д. *Капитализм с человеческим лицом*. СПб.: Экономическая школа, 1998. – 399 с.
12. Каллиникос А. *Антикапиталистический манифест*. М.: Праксис, 2005. – 192 с.
13. Chang R., Hevia C., Loayza N. *Privatization and nationalization Cycles*. [Электронный ресурс] URL: <http://siteresources.worldbank.org/EXTLACOFFICEOFCE/Resources/870892-1253047679843/HeviaLoayzaPPT.pdf> (дата обращения: 08.10.2017).
14. Nasser A.G. *The tendency to Privatize // Monthly Review*. March 2003. Volume 54. Number 10. P.22-37
15. *Постсоветский институционализм – 2006: Власть и бизнес. Монография / Под ред. Р.М.Нуреева*. Ростов-на-Д.: Наука – Пресс, 2006. – 512 с.
16. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. *Основания смешанной экономики. Экономическая социодинамика*. М.: Институт экономики РАН, 2008. - 482 с.

ПИТИРИМ СОРОКИН, СТОРОННИК КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ, О НЕИЗБЕЖНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

Михайлова Т.П. (Москва)

В двадцать первом веке актуальными являются социально-правовые, философские, политические, культурные, альтруистические и другие идеи Питирима Александровича Сорокина - социального мыслителя, рубежа веков XIX-XX в., современника таких крупных отечественных социологов, как М.М.Ковалевский, Л.И. Петражицкий, Н.И. Кареев, Е.В.Де Роберти. Отмечая юбилей революций в России, необходимо определить, что полезнее для России: развитие эволюционное или революционное? Почему появляются причины социальных революций, как их избежать и другие вопросы, на которые нам поможет ответить творчество П.А.Сорокина.

“Как только общество, - пишет он, начинает приближаться к точке перенапряжения, начинается революционная уравнительная, социалистическая и коммунистическая “лихорадка”, заражающая все большие и большие массы людей, вызывающая все усиливающееся возмущение

народа, затем исполнится “операция или путем революционным, или реформаторским совершается. Таков, вечно повторяющийся цикл истории [1.с.331-332]. П.А.Сорокин выделяет в истории проблему борьбы классов. Антагонизм и борьба классов, наполняющая “своим шумом и грохотом последние века”, в основном, на его взгляд, носит характер стихийного движения. “На историческом поле битвы редко борются только класс с классом... Борьба идет одновременно между слоями одной группировки друг с другом и между слоями различных группировок”, ибо класс не монолитен, а стратифицирован. Сколько же всего современных классов? По Сорокину, ответ будет, относительным и опираться будет на исследовательские цели. Можно выделить два - три основных, можно большее количество и затем делить их на подклассы, роды и виды [2.с.304] Главное еще и в том, что классы, классовые слои с которыми должны считаться и исследователи и политики.

П.Сорокин, выявляя проблемы классовых групп, очень точно и вместе с тем образно описывает симптомы и сам процесс социальной революции. “Непосредственной предпосылкой всякой революции, - считает он, - всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения, а также невозможность даже минимального их удовлетворения [1.с.272] (голод, личная незащищенность, бесправие, национальное и религиозное подавление и т.д.) При чем и сила “подавления” наиболее значительных инстинктов, и их совокупное число влияют на характер продуцируемого взрыва” [1.с.233]

Таким образом, для революции необходимо:

- 1) растущее подавление базовых инстинктов;
- 2) их всеобщий характер;
- 3) бессилие групп порядка [1..с.274]

Все, выше указанное, напоминает известное описание революционной ситуации.

“Всякая революция, - пишет он здесь, - описывая полный цикл своего развития, проходит три типичных фазы. Первая фаза, как правило, быстротечна. Она отмечена радостью по поводу освобождению от гнета старого режима и великими надеждами на реформы, которые обещают все революции. Эту первоначальную стадию можно назвать лучезарной: ее власть гуманна и великодушна, действия мягки, нерешительны и довольно бессильны. В человек начинает просыпаться “звериное начало”. Эта короткая увертюра начинает сменяться обычно второй, разрушительной фразой. Революция превращается теперь в неистовый ураган, который разрушает все без разбору на своем пути. Он безжалостно выкорчевывает не только устаревшие, но и полнокровные институты, которые он разрушает наравне с мертвыми или отжившими свое ценностями; он убивает не только паразитарную старорежимную властвующую элиту, но также и множество творческих личностей и групп. На этой стадии революционная власть безжалостна, тиранична и кровожадна. Ее действия в основном разрушительны, ее методы - насилие и террор. Если ураганная фаза не разрушит нацию до основания, революция постепенно перерастает в третью, конструктивную фазу. Все контрреволюционные силы уничтожены, начинается строительство нового порядка, новой культуры, нового человека. Этот новый порядок создается не только на основе революционных идеалов, но предусматривает и реставрацию наиболее жизненных дореволюционных институтов, ценностей и тех особенностей быта, которые на время были разрушены во второй фазе революции и которые оживают и восстанавливаются независимо от желаний революционной власти.

Таким образом, послереволюционный порядок обычно представляет собой смешение новых порядков и нового образа жизни со старыми, жизненными и продуктивными порядками дореволюционного времени. Примерно с конца 20-х годов начался переход русской революции к этой продуктивной фазе, которая в настоящее время достигла своего полного развития” [3.]

Казалось бы, П.Сорокин убежден в закономерности социальных революций, поскольку они приводят к смене системы социальной дифференциации, и именно это и составляет их сущность; он убедительно показал, что социальные революции непосредственно провоцируются самой системой (подавление базовых инстинктов), и чем сильнее это подавление, тем сильнее оказывается разрушительный взрыв. По Сорокину “...революция суть худший способ улучшения материальных и духовных условий жизни масс... которые в своем пароксизме надеются раз и навсегда революционным путем покончить со своей нищетой”[1.с.273] Более того, как он считает, “акт этого (свержение режима - В.Г.) по сути, тождествен тем, которые совершаются индивидами, то есть преступлением, но став универсальным он именуется высокопарно - революция”[1.с.273]. Но где же выход? П.Сорокин был глубоко убежден в том, что все возникающие в обществе проблемы следует решать на основе разумного управления, сознательного разрешения

сознательных противоречий и предоставления каждому человеку возможностей для творческого самовыражения. Он был противником всяких социальных потрясений, в том числе революции, выступал за нормальный, как он писал, эволюционный путь развития. В своем труде “Социология революции” он утверждал, что более или менее благополучное развитие общества, разрушающей его революции наступает благодаря его “возврату к своим ценностям, прошлым инстинктам и традициям, созидательному труду, сотрудничеству, взаимопомощи и единению всех его членов и социальных групп [2.с.269-280,294] П.Сорокин указывает его - реформы, вот способ перехода от одной социальной системы к другой. В другое время этот тезис не выражал бы особого интереса, но поскольку мы сами являемся свидетелями реформ, а демократия требует реформы. В основе реформы лежит гражданское согласие людей. Нельзя проводить реформу в интересах одной (тем более малой) части общества за счет другой. Реформа вырождается в диктатуру и насилие над обществом обретает антидемократическую направленность, если осуществляется вопреки готовности к способности большинства населения принять ее. Вот как Питирим Сорокин определяет особенности реформы в противоположность революции.

1. Реформы не должны потерять человеческую природу и противоречить ее базовым инстинктам. Русский революционный эксперимент, как впрочем, и многие другие революции дают нам примеры обратного.

2. Традиционное научное исследование конкретных социальных условий должно предшествовать любой практической реанимации их реформирования. Большинство революционных реконструкций не следовало этому правилу.

3. Каждый реконструктивный эксперимент вначале следует тестировать на малом социальном масштабе. И лишь если он продемонстрирует позитивные результаты, масштабы реформ могут быть увеличены. Революция игнорирует этот канон.

4. Реформы должны проводиться в жизнь правовыми и конституционными средствами. Революции же презируют эти ограничения [1.с.271].

Нынешняя реформа не соответствует ни одному из этих условий. Она сразу же стала осуществляться в масштабе всей страны, вопреки традициям, привычкам, “базовым инстинктам” народов России; без какого-либо ее предварительного научного обоснования и часто с нарушением законов и норм действующей Конституции. Не реформу приспособили под Конституцию, Конституцию под реформу. Реформа важнее Конституции - так можно определить позицию радикальных реформаторов. Но и тогда реформу лучше назвать революцией, а ее творцов и исполнителей новым поколением русских революционеров.

Вместе с тем, применительно к локальным социальным изменениям типа реформы образования или здравоохранения и других тому подобных регулируемых процессов данные рекомендации обязательны для исполнения. Например, П.Сорокин уделял большое внимание образованию широких народных масс как равномерному распределению знания и образования во всех слоях общества. Актуальное значение по сей день имеет проект реформы народного просвещения, предложенной Сорокиным, цель его состояла в ускорении процесса обучения населения. Предполагалось введение “новой социальной педагогики” основанной на принципе самоопределения учащихся и отмене традиционных систем кар и наград [4.]

Задача возрождения России бесконечно трудная и тяжелая...”Первое, что вы должны взять с собой в дорогу это знания, это чистую науку, обязательную для всех”[5 с.410].

А во-вторых, необходимо чтобы хорошо работал механизм социального контроля.

Социальное управление является сложным процессом, механизм которого связан с основной структурой общества, с отдельными элементами макро - и микроструктуры, историческим развитием, экономическими условиями и культурной жизнью, определяющими однородность или различие стереотипов образа жизни. Чем больше и многообразнее формы связи, с помощью которых человек соединяется с обществом, тем более дифференцированно может действовать этот механизм, особенно, если основная тенденция историко-экономического и культурного развития благоприятствует формированию духовно богатой личности. Таким образом, правильное социальное управление обществом будет способствовать эволюционному развитию нашей страны

1 Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.,1992..

2.Сорокин П.А. Система социологии. Т. 2.,

3.Sorokin P.A. A long Journey. New Haven, 1963.

4.Сорокин П.А. Преступление и кара подвиг и награда. П., 1914.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

Михакин О.Н. (Санкт-Петербург)

Современное российское общество может характеризоваться как тип общества, в котором преобладают рыночные отношения. За последние 25 лет в России происходила и происходит перестройка всех сфер жизни общества в соответствии с требованиями рыночной системы и современными вызовами, рисками, тенденциями общемирового развития. Этот период может быть охарактеризован большими изменениями, как в социальной структуре общества, так и в процессах и социальных институтах которые присущи современной России.

Многие исследователи сходятся во мнении, что одной из тенденций современного мира является «старение» населения планеты. Эта тенденция свойственна и нашей стране. По данным Росстата, в Российской Федерации, на 2013 год население страны в возрасте старше 65 лет составляло 13% от общей численности населения. По прогнозу Росстата к началу 2021 года, доля граждан трудоспособного возраста в общей численности населения увеличится до 27% (до 39,4 млн. человек) в возрасте старше 65 лет.

Подобные трансформационные изменения общественной структуры российского общества, в совокупности с социально-экономической ситуацией привели к деформации и, как следствие, к необходимости изменения системы ранее сложившихся институтов поддержки пожилого населения.

Одним из ведущих институтов современности, регулирующий общественные отношения в вопросе старения населения, является институт социального обслуживания. Существовая как инструмент управления, организации и помощи определенным социальным группам, институт социального обслуживания претерпевает трансформационные, в том числе институциональные изменения, вызванные изменением его роли и места в современном российском обществе.

Институт социального обслуживания способен выполнять свое предназначение за счет упорядочивания, стандартизации и формализации общественной деятельности, связей и отношений, который определяется как процесс формирования социального института или институционализации.

Процесс институционализации включает в себя ряд компонентов, в рамках которых можно говорить о формировании или трансформации социального института, к ним относятся структурно-организационная сторона социального института, а также совокупность образцов поведения, ролей, статусов, норм и ценностей, присущих определенным структурам и процессам.

Систему социального обслуживания можно охарактеризовать как динамичную систему, которой присущи эволюции социальных форм, сменяемости структур и систем, обусловленной естественными, географически-климатическими условиями, экономическими факторами и духовными усилиями самих человеческих субъектов.

Динамика системы может прослеживаться в истории развития социального обслуживания в России:

1. Постсоветская система социального обслуживания, действовавшая в России с 1991 по 1995 гг., исходящая из идей патернализма, система социального обеспечения позволила охватить почти все население страны социальными гарантиями и льготами. Пожилые люди представлены в качестве людей находящихся в трудной жизненной ситуации, происходящая стигматизация закрепляет за пожилыми негативные ярлыки.

2. Система социального обслуживания, сложившаяся после принятия федерального закона о социальном обслуживании 1995 года, позволившая сформировать классическую систему социального обслуживания, которую, в большинстве своем составляли государственные учреждения, основной задачей которых было поддержка наиболее социально-уязвимых категорий населения. Пожилые люди представлены в качестве людей, находящихся в трудной жизненной ситуации, происходящая стигматизация закрепляет за пожилыми негативные ярлыки. Социальная группа пожилых людей рассматривается как однородная, без особых признаков дифференциации (исключение – возраст, пол, доход).

3. Современная система социального обслуживания населения, легитимизированная федеральным законом № 442 от 28.12.2013 «Об основах социального обслуживания граждан в

Российской Федерации» изменяет подходы к определениям не только основных видов деятельности, но и к людям, потребности которых она призвана удовлетворять. Отличительной чертой является коммерциализация социального обслуживания, пропагандируется переход от патернализма к системе адресной социальной помощи и нематериальной поддержке клиентов социальных служб. В обществе формируются новые представления о пожилых людях, как дифференцированной и стратифицированной группе.

Эволюция системы социального обслуживания является следствием динамики развития общества и общественных отношений. Изменения общественной структуры, начавшееся после распада советского союза, привели к появлению стратификационных процессов внутри общества. В 90-е годы около половины населения пребывает в малообеспеченности, но степень их депривированности при этом различна: если часть их находится в состоянии многомерной депривации, то вторая, более благополучная их часть живёт примерно так, как жили бедные «советского образца». Снижение экономического благосостояния общества, на фоне процессов старения населения в 90-е годы прошлого века подкрепляло необходимость количественного развития системы социального обслуживания.

На фоне массового появления социальных программ различных уровней реализации и финансирования (Старшее поколение, Доступная среда), государство активно внедряет новые стандарты социального обслуживания, поощряет развитие технологий в этой сфере. Подобную тенденцию можно охарактеризовать как переход к качественной модели социального обслуживания, но все еще базирующейся на принципах патернализма.

На сегодняшний день институт социального обслуживания представлен в виде совокупности государственных и негосударственных поставщиков социальных услуг, основной задачей которой является не только оказание поддержки социально-уязвимым категориям населения, но и помощи всем категориям населения, в том числе пожилым людям.

Роль современного института социального обслуживания трансформируется совместно с обществом, которому оно служит. Многие исследователи могут описать трансформацию целей и задач новой системы, как переход к адресной социальной помощи, представляющий не только надомное социальное обслуживание но и формирование такой системы помощи, которая минимизирует последствия от смены социального статуса, перехода из одной возрастной группы в другую. Подобные тенденции были рассмотрены М.Э. Елютиной, которая рассматривает следующие содержание помощи пожилым :

1. Вовлеченность «института» социального обслуживания в ситуацию предоставления помощи (повседневная, регулярная забота о пожилых);
2. Структура ситуации помощи (микросоциальная среда – семья, родственники, одиноко проживающие пожилые);
3. Методы и технологии работы;
4. Ценностно-нормативные рамки (ресурсы участников взаимодействия – «получатель» – «поставщик»);
5. Проблемы профессионалов или уровень компетенции;
6. Автономизация ухода, как способность к самостоятельному обслуживанию через актуализацию индивидуальных характеристик каждого человека.

Таким образом, можно предположить, что современная система социального обслуживания, декларирует переход от количественного представления социального обслуживания к качественным формам взаимодействия между его институтами и обществом, которые могут быть представлены не только в виде классических форм социального обслуживания, но и расширении спектра платных социальных услуг в организациях, осуществляющих социальное обслуживание.

Устойчивый переход к рыночной системе, глобализация, формирование нового поколения пожилых людей, позволяет переосмыслить сущность и цели системы социального обслуживания как социального института. Отсутствие статичности общественных отношений, дает возможность предположить, что в системе социального обслуживания будут происходить дальнейшие изменения, направленные не только на качественную поддержку социально-уязвимых слоев населения, но и на развитие потенциала пожилых людей к независимой жизни, возможность его реализации в процессе социально-экономических изменений в России, а также формированию актуальных представлений общества о социальной группе пожилых людей.

1. Федеральная служба государственной статистики / Статистика населения 2013-2017.
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/
(16.02.2017);
2. ФЗ 442 от 28.12.2013 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» / Российская газета. 2014 (20.01.2017);
3. Бачинин В.А., Сандулов Ю.А. История западной социологии: Учебник. СПб.: Издательство «Лань», 2002, с. 167;
4. Елютина М.Э., Ситуации помощи пожилым людям: социологический анализ. Изд.: Вестник ТГУ, В. 1, 2010;
5. Тихонова Н.Е., Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф: Ин-т социологии РАН, 2014 с. 362;
6. Кастарная А.А., История становления и развития социального обслуживания в России. // Ученые записки Забайкальского университета. Серия: Философия, социология, культурология и социальная работа. Изд.: Забайкальский ун-т. 2010.

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ.

Михеева В.В., Чупров В.И. (Москва)

Проблема доверия является предметом исследования многих ученых, которые представляют различные научные направления.

В рамках социологии интерпретация понятия доверия исторически основана на теоретических положениях теории аномии, принадлежащей основателю французской социологической школы Э. Дюркгейму, а также теории рационализации, автором которой является еще один основатель социологии – М. Вебер, теории структурного функционализма в лице ее основателей Т. Парсонса и Р. Мертона.

Социология второй половины XX – начала XXI века привнесла новые варианты возможных разносторонних интерпретаций этого понятия. Такие известные ученые, как польский социолог П. Штомпка и американский философ Ф. Фукуяма активно изучают проблему взаимосвязи доверия и глобализации. Среди ученых постсоветского пространства мы можем отметить труды В.И. Чупрова, Ю. Левады, Ю. Веселова, М. Горшкова, А. Здравомыслова, Ж. Тощенко, Т. Стеценко, А. Бова, Т. Кричевской, Г. Андрущенко и других.

Австро-американский философ и социолог Альфред Шюц еще с университетских лет находился под влиянием теории Вебера. В своей первой крупной работе «Феноменология социального мира» (1932) выдвинул собственную концепцию понимающей социологии, пытаясь соединить теорию социального действия М. Вебера с феноменологическим методом своего учителя – Э. Гуссерля. Таким образом он пытался решить применительно к сфере социального знания поставленную Гуссерлем задачу — восстановить связь абстрактных научных понятий с «жизненным миром», миром повседневности, непосредственности знания и деятельности. По отношению к этому миру вырабатывается особая, т. е. естественная установка, которая означает наивную точку зрения находящегося в конкретной ситуации человека, принимающего окружающий мир на веру, не требуя доказательств. Это «круг уверенностей», к которым относятся с давно сложившимся доверием [1, С. 215–219].

Таким образом, базовым для феноменологии Шюца является понятие «жизненный мир», рассматриваемый ученым как мир человеческого опыта, в котором Шюц видит основу для поиска смыслов. «Осознавая смысл собственных действий, направленных на познание объектов реальности, - пишет Шюц, - мы предполагаем, что и другие действуют целенаправленно, а не бессмысленно» [2, С. 537]. То есть, предъявляя требования к другим людям, мы вправе ожидать аналогичных требований к себе. Поэтому понимание смысла, в том числе и социального, раскрывается в повседневном взаимодействии с другими людьми. Осмысливая взаимные требования, предъявляемые друг к другу в процессе взаимодействий, люди идентифицируют себя с другими, в результате чего доверие приобретает обобщенную форму. Иначе говоря, обобщенное доверие становится для индивида частью социальной реальности. Следовательно, обобщенное доверие – это не абстракция, не отрицание связи доверия с объектом, а представление доверия в связи с доминирующими характеристиками объекта, с его интегральным образом.

Доверие в субъективной форме возникает в непосредственном взаимодействии с партнером (лицом к лицу) и отражается в сознании в виде таких его качеств, как открытость, надежность, предсказуемость. Закрепляясь в социальных практиках, эти характеристики доверия приобретают форму установки, предопределяющей направленность социальных взаимодействий в

соответствии с ожиданиями. Ожидание взаимности от партнера становится возможным, если интерактивные отношения осуществляются в соответствии с общими правилами. Накопленные в повседневном опыте, они объективируются в форме обобщенного доверия, представление о котором формируется во взаимодействии с Другими. Уверенность индивида, что его знания о реальном объекте адекватно разделяются ближайшим окружением («домашней группой» по Шюцу), придает доверию устойчивый характер. А сама реальность воспринимается как объективная, в которой обобщенное доверие выполняет нормативную функцию.

Данный подход напрямую базируется на теоретической концепции Э. Гуссерля - феноменологической редукции, заключающейся «в сведении предмета феноменологии до актов «чистого сознания»[3], т.е. в изучении сущности сознания, «очищенного» от навязанных ему схем, догм, шаблонных способов мышления. Целью феноменологической редукции является выявление и описание поля непосредственной смысловой сопряженности сознания и предмета. С точки зрения Гуссерля, любой предмет должен быть схвачен только как коррелят сознания (свойство интенциональности) в форме феноменологической установки сознания, основанной на собственном опыте (феноменологическом опыте) субъекта социальных взаимодействий. Иначе говоря, доверие Другому возможно лишь в результате осознания его качеств, редуцирования их в соответствии с собственными ожиданиями. В процессе осознания доверие становится реальностью.

С теоретических позиций феноменологической социологии А. Шюца становится возможной интерпретация доверие как феномена социальной реальности. В данной парадигме феноменом может истолковываться любое явление, если в нем проявляется «природа являемой вещи». Значит, феномен близок к понятию «сущность». В нем выражается осознание индивидом на основе внутреннего опыта сущность явления в чистом виде. То есть, по выражению Шюца, стремление увидеть в вещи – вещь, в другом – другого. Применительно к доверию можно сказать, что исследуются его сущностные характеристики как феномена социальной реальности.

По определению А. Шюца, под термином «социальная реальность» понимается «вся совокупность объектов и событий в социокультурном мире как объекте обыденного сознания людей, живущих своей повседневной жизнью среди себе подобных и связанных с ними разнообразными отношениями интеракций» [2, С.485]. Доверие занимает определенное место в этой совокупности объектов и событий, играя в ней собственную роль. В процессе обмена знаниями, представления о различных объектах социальной реальности могут не совпадать с ожидаемыми. Обобщенное доверие в этой ситуации переходит в состояние недоверия, утрачивая свою нормативную роль. Эта роль переходит к недоверию. Следовательно, знания могут влиять на формирование как доверия, так и недоверия. Это зависит от того, какой смысл приобретают знания о партнере взаимодействий, будь то личность, группа или институт. Знания могут не одинаково интерпретироваться в разных социальных группах, что также отражается в ожиданиях их представителей. Отсюда следует вывод о социальной обусловленности не только обобщенного доверия, но и недоверия.

Чувственного восприятия Другого недостаточно для того, чтобы доверять или не доверять ему. Чувственный опыт, проявляется в результате упорядочения (типизации по Шюцу) собственных представлений о нем, отражающих его типичные характеристики. На основе типизаций люди доверяют окружающим, будучи уверенными, что их ожидания оправдаются, поскольку большинство из них обладает аналогичными чертами.

Во взаимодействии с другими постепенно накапливаются знания, которые Шюц называл знанием здравого смысла. Оно состоит из «конструктов первого порядка» (идеальных типов) – обыденных интерпретаций социальных реалий. В качестве таких реалий выступают наиболее очевидные черты, определяющие доверие партнерам взаимодействий – открытость, принадлежность к определенному кругу.

Подобным образом, только с обратным знаком, происходит типизация недоверия. Здесь также в качестве реалий выступают типичные черты, принятые в данной социальной среде, как заслуживающие недоверия.

Данный этап познания реальности представляет собой, по Шюцу, «низший, элементарный уровень конституирования значений в потоке опыта», когда доверие или недоверие рассматриваются в контексте единичного акта рефлексии, отражающего элементарность переживания и направленной на него интенции. В результате возникает, по Шюцу, «субъективный смысл» доверия. «Субъективный смысл непосредственного переживания, пишет он, - есть ни больше, ни меньше, как самоинтерпретация этого переживания с точки зрения нового переживания» [4]. На основе дальнейших интерпретаций и систематизаций этих «низших»

конструктов формируются более высокие уровни познания Другого как объекта реальности, являющиеся основаниями для доверия или недоверия.

Таким образом, превращение доверия в феномен реальности происходит в результате интерпретации и самоинтерпретации переживаний, возникающих в рефлексивной форме взаимодействий. Интерпретация основана на знании партнера взаимодействий, осознании последствий его действий и поступков, а также смыслов и значений, исходящих от социальных институтов. При этом познание сопровождается осознанием приобретенного знания, и выглядит как знание о знании, трансформируясь в понимание. Следовательно, в процессе интерпретации возникает уверенность в достоверности собственных знаний. На практике это проявляется в уверенности в адекватности знаний о партнере, будь то личность или организация, т.е. в понимании их истинных намерений. Тогда и возникает доверие к ним как к значимым объектам существующей реальности. Подход А. Шюца позволяет не только определить социологическую сущность доверия, но и раскрыть механизм саморегуляции доверия в социальных взаимодействиях.

1. *История социологии: Учеб. пособие / Елсуков А. Н., Бабосов Е. М., Грицанов А. А. и др. / Под общ. ред. А.Н.Елсукова и др. Минск: Выш. шк., 1993. С. 319.*
2. *Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках. //Американская социологическая мысль. М., 1994. –С.481-496.*
3. *Гуссерль Э. Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. М.: ДИК. 1999. С 31-33; Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь. М.: «Астрель» - «Аст»-«Транзиткнига» 2004. С. 345.*
4. *Schutz A. The Phenomenology of the Social World. London, 1972, p. 78.*

ЗАНЯТОСТЬ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СТРУКТУРАХ НЕФОРМАЛЬНОГО СЕКТОРА

Муханова М.Н. (Москва)

Экономическая стагнация 2013 г. и резкие социально-экономические изменения, произошедшие в стране во второй половине 2014 г., кризис в 2015 г. актуализировали проблему неформальной занятости в сельском хозяйстве и в целом в АПК. Важными представляются оценки масштабов, состава, особенностей неформального сектора в АПК и перспективы развития занятости селян на сельском рынке труда [1].

В рамках методологии Международной организации труда (МОТ) неформальный сектор и неформальная занятость как категории — не синонимы. Каждый из них несет свою смысловую и содержательную нагрузку [1].

В России занятые в неформальном секторе определяются как «лица, которые в течение обследуемого периода были заняты, по меньшей мере, в одной из производственных единиц неформального сектора независимо от статуса занятости и от того, являлась ли данная работа для них основной или дополнительной. Критерием определения единиц неформального сектора принято отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица» [2, с. 90].

Анализ занятости сельского населения в неформальном секторе основан на данных Росстата «Комплексное наблюдение условий жизни населения» — обследование домохозяйств и проживающих в них членов, проведенного в 2011 и 2014 гг. во всех субъектах РФ. В 2014 г. сельская выборка была увеличена и составила 34596 селян, проживающих в 17820 сельских домохозяйствах в девяти Федеральных округах, в том числе Крымском ФО.

Значимость исследования состоит в том, что оно показывает специфичность момента трансформации российского села, когда уходят традиционные формы хозяйствования, исчезают привычные контуры социальной структуры и вместе с ними крестьянский дух и образ жизни. Это и определяет основные гипотезы исследования.

Концентрация и уровень занятости сельского населения в производственных отраслях — главные характеристики и основа изменения в социальной структуре села. Внутри нее наблюдаются существенные различия между социальными группами (образование, условия найма, профессиональная занятость, доходы), детерминированную социально-экономическими издержками развития АПК и экономики в целом. Во-первых, на образование неформального сектора также влияют поселенческая инфраструктура, уровень региональной безработицы, миграционные потоки и др.

Во-вторых, трансформация социальной структуры, возникновение новых форм на рынке труда обусловили непостоянство, нелинейный характер не только занятости, но и повседневной жизни крестьян, что вызвало значимые социокультурные и ценностные изменения в их ментальности и образе жизни.

Судя по распределению работающих селян в структуре неформального сектора и оценке основного места работы по качественным характеристикам, в 2014 г. 70% занятых составляли наемные работники. Самой крупной из них является структура по найму у физических лиц индивидуальных предпринимателей, ее доля по сравнению с предыдущим периодом, существенно выросла.

По сравнению с 2011 г., значительно сократилась численность занятых в структуре на предприятиях индивидуального предпринимателя, семейном предприятии. Внутри этой группы большинство занятых (77,5%) работают в качестве наемных работников за зарплату и вознаграждение. В фермерском хозяйстве доля наемных работников составила 75%, в сфере предпринимательской деятельности без образования юридического лица — 28%.

Сопоставление показателей занятости по условиям найма демонстрирует, что в формальном секторе практически каждый работник принят на постоянную работу (92,0%), а в неформальном секторе — только каждый второй (48,6%). На основе устной договоренности без оформления гражданско-правового договора работали более трети работников неформального сектора (36%), в формальном — лишь единицы. Если рассматривать условия найма по профессиональной структуре, то большинство в неформальном секторе работает на основе устной договоренности, без оформления, а значит без каких-либо социальных гарантий — квалифицированные (41,5%), неквалифицированные рабочие (38%) и работники сферы обслуживания (16%).

Таким образом, работники неформального сектора являются наиболее уязвимой социальной группой с точки зрения соблюдения их трудовых прав. Основная причина состоит в том, что работодатель обязан выплатить налог не только за себя, то есть с доходов предпринимательской деятельности, но и на каждого работника – единый социальный налог, ставка, которого составляет 35,6%. Большинству предпринимателей недоступны кредиты и различные ресурсы, что не позволяет им соблюдать нормы трудового законодательства, тем более в условиях российского села. Подтверждением тому является следующий факт: Роструд в 2015 г. по РФ выявил 3,87 млн. человек, состоящих в нелегальных трудовых отношениях с работодателями [3].

Большинство работающих в структурах неформального сектора (от 58% до 70,5%) работают не по специальности. В формальном секторе таких насчитывается половина (48%). Фермеры (91,5%) или работники по найму у физических индивидуальных предпринимателей (86,5%) не получали специальной профессиональной подготовки для выполнения нынешней работы. Только половина работающих в неформальном секторе имеют навыки или квалификацию для выполнения более сложной работы.

Среди работников неформального сектора только каждый десятый (10,7%) имеет высшее образование, что в два раза ниже, чем в формальном секторе (24,0%). Каждый третий из них имеет начальное профессиональное образование, каждый четвертый — среднее общее или среднее профессиональное образование, что обуславливают условия работы с значительным уровнем уязвимости и безопасности. Поэтому в неформальном секторе большинство работающих характеризуют свою работу как тяжелую и средней тяжести (76%), более половины (55%) — как опасную, связанную с нервным напряжением и воздействием вредных производственных факторов. Четверть работников неформального сектора ищут подходящую работу с хорошей зарплатой, на полное время работы 35 часов в неделю. При этом понимают, что найти такую работу будет сложно.

Межсекторное сопоставление возрастных показателей занятых значительных различий не обнаруживает. Доля молодежи (16–29 лет) больше в неформальном (19,5%), чем в формальном секторе (15%). В равных долях каждый второй занятый в двух секторах наблюдается в средней возрастной категории (30–49 лет). Зато показатели селян старшей возрастной группы (50 лет и более) больше в формальном секторе (35,8%), чем в неформальном (29,2%).

Более половины занятых в неформальном секторе — мужчины (64%). В формальном секторе они составляют 48%. Женщины в основном работают в бюджетных организациях - в образовании, здравоохранении, этим и объясняется их высокий уровень занятости в формальном секторе — 52%.

Анализ данных показывает, что специфика сельского рынка труда такова, что треть работников неформального сектора работает с временным пребыванием в другом населенном пункте.

Основная часть работников неформального сектора представляется депривированной категорией сельского населения, для которых занятость является средством выживания. Занимаемое ими положение в социальной структуре является не только объективным, но и вполне добровольным.

1. Муханова М.Н. Структура занятости сельского населения в неформальном секторе // Социологический журнал, 2017, Том 23. №2. С.74-95
2. Занятость в неформальном секторе // Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований). 2014. Стат.сборник. М.: Росстат, 2014. — 143 с.
3. Роструд отчитался о расчистке теневого рынка труда Официальный сайт [электронный ресурс]. Дата обращения 17.10.2016. URL: .

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ: К ВОПРОСУ О СИСТЕМАТИЗАЦИИ

Неделевская И. (Гродно, Республика Беларусь)

В связи с тем, что проблема революции привлекает внимание исследователей из различных областей (истории, социологии, философии, политологии), в социальных науках сложилось огромное количество теорий революции, которые выдвигают необходимость их систематизации для более глубокой разработки проблемы революции как формы социального изменения.

Несмотря на то, что теории революции наиболее активно начинают разрабатываться с XVIII века, что связано с революционными событиями того времени, проблема революции нашла своё отражение на самых ранних этапах социальной философии (Платон, Аристотель). Однако лишь в эпоху Просвещения социальная революция становится предметом научного изучения [2, с. 16].

Социологическая традиция исследования социальной революции связана с такими именами как К. Маркс, А. Токвиль, Г. Лебон, Г. Моска, В. Парето, П.А. Сорокин, Х. Фрайер [3, с. 5].

Последующее развитие теории революции К. Маркса определило появление целой научной парадигмы и отдельного методологического подхода в исследовании революций. При этом развитие теории Маркса получило не только в работах марксистов (В.Г. Плеханова, В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, Р. Люксембург, Д. Лукач, А. Грамши), но и в европейской социальной истории: французской школы «Анналов», ревизионистов (Л. Февр, Ф. Бродель, Ж. Лефевр, А. Собуль, Ф. Фюре и др.), а также «группы историков коммунистической партии Великобритании» (К. Хилл, Э. Хобсбаум, Э.П. Томпсон и др.) [3, с. 5-6].

Некоторые исследователи (А.И. Кравченко, В.Ф. Анурин, Г.А. Завалько) отмечают, что как по разработанности, так и по степени влияния в социологии долгое время доминировали марксистские концепции социальной революции и делят все теории революции на марксистские и немарксистские.

Немарксистские теории революции появляются во второй половине XIX – начале XX вв. и связаны с такими именами как О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Б. Адамс, Г. Лебон и др.

Авторы предлагают различные классификации данных теорий: некоторые выделяют «поведенческие» (П. Сорокин), психологические (Дж. Дэвис, Т. Гарр), структурные (Т. Скокпол) и политические (Ч. Тилли) концепции; другие – политико-правовые (К. Бринтон, Х. Арндт, Ч. Тилли), психологические (Г. Лебон, П. Сорокин, Дж. Дэвис) и социально-структурные (Ч. Джонсон, Б. Мур, Т. Скокпол)» [2, с. 45]. Основное положение немарксистских теорий заключается в том, что причина революции выводится из поведения людей или из потребностей управления людьми, а не из закономерности развития общества [2, с. 45].

Американский исследователь М. Хагопьян выделяет два типа теорий революции: мотивационные теории, которые учитывают либо только явные функции, либо только латентные, и функциональные теории, которые учитывают оба её аспекта в равной мере [4, с. 250]. Наряду с данными типами теорий революции В.И. Добренев и А.И. Кравченко предлагают выделять

дополнительно ещё два типа: стратификационные теории и теории культурного лага [4, с. 254]. Согласно первым, революция выступает в качестве средства изменения своего положения в стратификации определённого класса, когда неревOLUTIONные методы исчерпаны. Теории культурного лага базируются на том положении, что различные подсистемы общества развиваются несинхронно, в связи с чем и возникают условия для развития революции [4, с. 254-256].

Анализируя историю развития социологических теорий революции, некоторые исследователи приходят к выводу о том, что в качестве их предмета выступают процессы модернизации, а революция рассматривается как следствие кризиса, который возникает в процессе политической и культурной модернизации общества [3, с. 11].

В связи с этим выделяют:

1) Классические теории революции домодерновых обществ, связанные с трансформацией этих обществ в современные (теории К. Маркса, В.И. Ленина, П.А. Сорокина) [3, с. 12].

2) Сравнительно-исторические теории революций «первого модерна», которые связаны со становлением европейского модерна (Б. Мур, Т. Скокпол, Ч. Тилли, Ш. Эйзенштадт, Дж. Голдстоун) [3, с. 12].

3) Теории революций «догоняющей модернизации», предметом которых выступают революции XX в. в неевропейских странах (Т. Гарр, Э. Вольф, Дж. Пейдж, Ч. Джонсон и С. Хантингтон и др.) [3, с. 12].

4) Теории революций «второго модерна» направлены на изучение специфики нового типа революции, который обуславливается развитием информационно-коммуникативных технологий и глобализации. Данные теории подвержены влиянию различных социологических, постиндустриальных и информационных дискурсов (Г. Маркузе, Ж. Бодрийяр, С. Жижек, Дж. Холлоуэй, А. Турен, М. Кастельс, О. Тоффлер, Г. Рейнгольд) [3, с. 12].

Довольно популярной классификацией теорий революции, как замечает российский исследователь Э.Э. Шульц, является классификация, предложенная американским исследователем Дж. Голдстоуном [5, с. 169]. Дж. Голдстоун делит теории революций на так называемые «четыре поколения» не только по временному критерию, но и по методологическим принципам. Стоит отметить, что методологический критерий имеет приоритет, в связи с чем в систематизации возникают некоторые смещения в хронологическом порядке. Так, например, некоторых представителей поколения 60-х отнесли в группу 20-30-х годов [5, с. 169].

К первому поколению относят теории «естественной истории революции» 1920-30-х годов (Л. Эдвардс, К. Бринтон, У. Пэтти). Они связаны с историческим подходом и философско-исторической интерпретацией. Второе поколение связано с модернизационной теорией и структурно-функциональным анализом и относится примерно к 1960-м годам (Т. Гарр, Ч. Джонсон, С. Хантингтон, Ч. Тилли, П.А. Сорокин). Третье поколение теорий основано на государственно-центричной модели и также относится к 1960-70-м годам (Г. Экштейн, Э. Обершаль, Э. Муллер, Б. Салерт, Т. Скокпол) [5, с. 169].

Теории четвертого поколения, по заявлению Дж. Голдстоуна, ещё не созданы, однако их контуры и задачи уже вполне очерчены: «Стабильность режима в ней будет рассматриваться как неочевидное состояние и существенное внимание будет уделено условиям существования режимов в течение длительного времени; важное место займут вопросы идентичности и идеологии, гендерных проблем, связей и лидерства; революционные процессы и последствия будут рассматриваться как итог взаимодействия многочисленных сил. Что еще более важно, не исключено, что в теориях четвертого поколения будут сочетаться результаты ситуационных исследований, модели рационального выбора и анализ количественных данных, а обобщение этих теорий позволит охватить такие ситуации и события, о которых даже не упоминалось в теориях революции прошлых поколений» [1, с. 103].

Говоря о проблеме систематизации теорий революции, стоит отметить, что проблема определения социальной революции остается нерешенной до сих пор. Более того, в связи с многообразием социально-политических событий второй половины XX в., современные исследователи склонны трактовать понятие революции довольно широко и исследовать совокупность политических явлений, сопровождающихся схожей логикой их развития. Это, с одной стороны, дает методологическую базу для исследования различных форм социально-политических процессов, но с другой стороны, затрудняет исследование специфики процессов именно революционного характера.

1. Голдстоун, Дж. К теории революции четвертого поколения / Дж.Голдстоун // *Логос*. – 2006. - №5 (56). – С. 58 – 103.
2. Завалько, Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции / Г. А. Завалько. – М.: КомКнига, 2005. – 320 с.
3. Карасев, Д.Ю. Современные зарубежные теории социальных революций: социологический анализ: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.01 / Д.Ю. Карасев. – Москва, 2015. – 195 л.
4. *Фундаментальная социология: в 15 т. / сост.: В.И. Добренъков, А.И. Кравченко*. – М.: ИНФРА-М, 2005. – Т. 6. – 1074 с.
5. Шульц, Э.Э. Теория революции: к истории изучения, систематизации и современному состоянию / Э.Э. Шульц // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*. – 2015. – №1. – С. 167 – 172.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ: ОБЗОР НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Николенко Н.А., Байша Н.С. (Волгоград)

Статья посвящена анализу освещения актуальных социально-экологических проблем российского общества в научной литературе. В рамках обзора содержания публикаций в журнале «Социологические исследования» за 2012-2016 гг. делается акцент на выявлении основных тематических разделов по указанной теме в научных исследовательских работах представителей отечественной социологии; определяется современная экологическая ситуация в российском обществе как рискогенная.

Динамичное развитие рискованных ситуаций чаще всего наблюдается в процессе социальных изменений, связанных, в том числе, с развитием инновационных технологий, с использованием устаревших технологических методов и пр. Это сопровождается созданием рискованных ситуаций в окружающей природной среде, которые оказывают воздействие на повседневные практики и качество жизни различных слоев населения.

Современные экологические риски можно представить в двух видах: «внешние» и «внутренние». Согласно учению Э. Гидденса, «внешние» риски вызваны причинами, которые возникают «сами по себе» и не являются результатом деятельности индивида (к ним следует отнести природные катаклизмы, такие как: извержения вулканов, землетрясения, пожары, наводнения, ураганы) [1]. Примером может служить ураган «Ирма», который в 2017г. обрушился на Карибские острова и ряд американских штатов Восточного побережья, вызвал огромные разрушения и гибель людей. Следует подчеркнуть, что возникновение «внешних» стихийных рискованных ситуаций трудно, но возможно и необходимо предвидеть в целях предотвращения пагубных последствий. Например, на территории Российской Федерации за последние годы часто возникают лесные пожары в силу особенностей климатических условий (так, с начала 2017 года в Челябинской, Ростовской, Волгоградской и других областях РФ было зафиксировано 10 475 лесных пожаров общей площадью 4 632 358 гектаров [3]). От стихийных бедствий, наносящих огромный урон экологии, экономическому развитию регионов и страны в целом, никто не застрахован. Однако противостоять «внешним» рискам в определенной степени возможно посредством рациональной деятельности человека, направленной на создание мер безопасности и контроля за состоянием окружающей природной среды. К сожалению, на практике так происходит не всегда, что провоцирует возникновение рисков другого порядка - «внутренних».

Как отмечает Э. Гидденс, причинами возникновения «внутренних» (рукотворных) видов риска являются недооценка необходимости постоянной защиты окружающей среды, экологическая неграмотность большинства членов общества, безответственное отношение к последствиям трудовой деятельности индивидов и, как следствие, формирование у них определенных моделей поведения, оказывающих негативное влияние на состояние экосистемы. Кроме того, детерминантом природных катастроф, по сравнению с «внешними», чаще выступают «внутренние» риски. К примеру, недостаточно развитая индустрия утилизации и переработки сырья (бытовых отходов и отходов жизнедеятельности) в российских регионах способствует ухудшению и загрязнению окружающей среды. Но поскольку экономическая составляющая является доминирующей во всех областях общественной деятельности, проблемы экологии рассматриваются скорее в ракурсе потенциальных рисков, отдаленных во времени и пространстве. То есть зачастую цели и задачи производственной и иной деятельности основаны на

удовлетворении сиюминутных потребностей, при этом на последствия результатов деятельности внимание не обращается.

Однако, справедливости ради необходимо отметить, что определенная часть социума проявляет беспокойство за будущее состояние окружающей человека природной среды, озабочена социально-экологическими проблемами и организует собственные повседневные практики с целью снижения опасностей «внутренних» и «внешних» рисков, оказывающих влияние на здоровье людей. Такие организации, как «Межправительственная группа экспертов по изменению климата» (МГЭИК), «Greenpeace», «Фонд дикой природы» (WWF), Международная ассоциация «Зелёный крест» могут являться примером активной деятельности по защите окружающей среды. Более того, стали появляться организации, нацеленные на выпуск экологически чистых продуктов, оказывающие влияние на формирование потребительского поведения населения на рынке товаров и услуг (например, ассоциация компаний «Lifestyles of Health and Sustainability» и др.). Необходимо также отметить и деятельность общественных добровольческих движений, как на федеральном, так и на региональном уровнях («Всероссийское общество охраны природы» (ВООП), «Российский Зеленый крест» и др.), в рамках которых проходят различные экологические акции, способствующие формированию и развитию экоориентированного сознания населения.

Учитывая тот факт, что экологические риски стали социальной реальностью современного мира (и российского общества, в частности) и экологическая ситуация, в большинстве случаев, зависит от уровня экологического сознания, экокультуры индивидов, их практической деятельности, было бы уместно предположить, что освещению экологических проблем в СМИ, а также в научных изданиях должно уделяться пристальное внимание наряду с экономическими, политическими и иными социальными проблемами. Основываясь на данном предположении, авторами данной статьи был проведен анализ публикаций по экологической тематике в издаваемом ежемесячно журнале «Социологические исследования» за 2012-2016 гг. В процессе обзора научных публикаций было выявлено следующее:

1. В 2012 г. в рамках указанной тематики было опубликовано 4 статьи, что составило 1,9% (36 страниц) от площади всего печатного пространства за год (100% - 1860 стр.). Публикации затрагивали вопросы развития экологической культуры (акцент делался на сравнение моделей экологического сознания российского и американского студенчества), здоровья населения, а также проблемы формирования и функционирования экологических движений, эко-НКО в России.

Подчеркивая актуальность экологических проблем, российский социолог, ведущий специалист в области экосоциологии и рискологии О.Н. Яницкий предложил рассматривать их в рамках междисциплинарного подхода и акцентировать внимание социологов на них, поскольку «природные аномалии и техногенные катастрофы до сих пор исключены из мейнстрима российской и мировой социологии» [6, С. 68].

2. Оценивая социально-экологический интерес авторов научных публикаций за 2013 год, следует отметить, что экологические проблемы практически не затрагиваются. Исключение составляют лишь две работы: Н.В. Зайцевой, Н.А. Лебедевой-Несевря «Риски для здоровья в контексте социологического анализа» [2] и О.Н. Яницкого «Социальные движения в современном обществе: вопросы теории» [7]. Авторами первой работы также обосновывалась необходимость междисциплинарного подхода в изучении экологических проблем здоровья населения, которые неразрывно связаны с состоянием техногенного и социально-экономического развития общества, с загрязнением окружающей среды. Во второй работе рассматривались проблемы изменения климата, загрязнения территорий, вследствие ошибочных политических решений и возникающих в этой связи новых рисков, конструирующихся или являющихся результатом ошибочных решений. По мнению автора, «ситуация общества всеобщего риска превращает среду обитания в источник опасностей для здоровья и жизни человека и угрожает основам рационального поведения общества и индивида, равно как науке и демократии» [7, С.50].

В целом, в 2013 г. социально-экологическая проблематика занимает около 0,85% (16 стр.) от площади всего печатного пространства в журнале за год (100% - 1872 стр.).

3. В 2014-2015 гг. авторы научных публикаций акцентируют свое внимание на проблемах:

а) законодательства, связанных с усилением контроля за деятельностью индивидов, разрушающих экосистему;

б) формирования экологической культуры; анализе путей и средств развития экологического знания; выявлении приоритетных экологических ценностей и сопоставление их с типами поведения в повседневной жизни индивидов;

в) качества жизни населения в контексте состояния экосистемы городского пространства (в котором имеется недостаточное количество рекреационных и лесопарковых зон и т.д.); информированности граждан о состоянии экологической ситуации в стране и в местах непосредственного проживания;

г) изучения техногенных аномалий и катастроф, «так как, с одной стороны, они раскрывают действительные связи между акторами различного профиля и уровня, а с другой, демонстрируют формы поведения и социального порядка, возникающие вследствие этих аномалий и катастроф» [5, С.12].

Однако, в целом, сопоставление количества статей экологической направленности в журнале «Социологические исследования» за указанный двухлетний период с количеством статей, затрагивающих другие аспекты общественного бытия (экономики, миграции, государственного управления, образования, массовой коммуникации и т.д.), показало, что экологическим проблемам было уделено значительно меньше внимания. Научные статьи, посвященные социально-экологической тематике, составили всего лишь 1,16% (47 стр.) от площади всего печатного пространства журнала за два года (100% - 4032 стр.).

4. Наибольшее количество работ по вышеупомянутой тематике, по сравнению с предыдущими годами, пришлось на 2016 год - 6 публикаций (в 2012 г. - 4 публикации; в 2013 г. - 2 публикации; в 2014 г. - 2 публикации; в 2015 г. - 4 публикации). В определенной степени, на наш взгляд, это было обусловлено ухудшением экологической ситуации в стране (в 2016 г. произошло возгорание азотной кислоты на химзаводе в г.Красноуральске, разлив нефтепродуктов в Черном море, задымление г.Владивостока и др. [4]). Поэтому в публикациях затрагивались вопросы глобальных климатических изменений; развитие общественных движений по защите окружающей среды и животных, в частности. И, тем не менее, проблемам экологии было уделено приблизительно 1,79% (38 стр.) от площади всего печатного пространства за год (100% - 2112 стр.).

Резюмируя вышесказанное, отметим, что за пять лет (с 2012 по 2016 гг.) было опубликовано 18 статей, которые охватили лишь определенный спектр существующих экологических проблем. Были раскрыты вопросы изучения социально-экологических рисков ситуаций (11 публикаций), формирования экокультуры (3 публикации), а также здоровья населения, в контексте сложившихся экоситуаций (4 публикации). В целом, общий объем указанных 18 статей составил 1,25% от общей площади печатного пространства (100% - 1140 публикаций).

Особым образом следует отметить, что значительный вклад в освещение социально-экологической проблематики внес О.Н. Яницкий (6 статей из 18), чьи работы публиковались ежегодно.

В текущем «году экологии» ситуация с публикациями в журнале «Социологические исследования» пока не изменилась. За прошедшие 9 месяцев в 2017 г. было опубликовано всего 2 работы экологической направленности, посвященные изучению экологической культуры, эколого-информационной политики, угроз природно-экологической безопасности), которые составили 1,14% (18 стр.) от площади всего печатного пространства за указанный период (100% - 1575 стр.).

В то же время, нельзя не отметить, что экологические проблемы находят свое отражение в научных изданиях разной направленности. Однако, на наш взгляд, представителям социологического сообщества стоит активизировать свою деятельность по изучению социально-экологических проблем современного российского общества и чаще знакомить общественность с ее результатами, используя возможности авторитетных специализированных научных журналов, каким и является журнал «Социологические исследования».

1. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // *Thesis*. – 1994. – Вып. 5. – С. 107–143.

2. Зайцева, Н.В., Лебедева-Несевря, Н.А. Риски для здоровья в контексте социологического анализа / Н.В. Зайцева, Н.А. Лебедева-Несевря // *Социологические исследования*. – 2013. – №9. – С. 137-143.

3. Лесные пожары - 2017. Как в России скрывают правду о масштабах бедствия. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://openrussia.org/notes/713584/> – Время доступа: 03.10.17. – Загл. с экрана.

4. Экологические катастрофы России. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ecportal.info/ekologicheskie-katastrofy-rossii/> – Время доступа: 08.10.17. – Загл. с экрана.

5. Яницкий, О.Н. К вопросу о концепции экосоциального знания / О.Н. Яницкий // Социологические исследования. – 2014. – № 4. – С. 3-13.
6. Яницкий, О.Н. «Пасынки» социологии: природные аномалии и катастрофы / О.Н. Яницкий // Социологические исследования. – 2012. – № 1. – С. 67-77.
7. Яницкий, О.Н. Социальные движения в современном обществе: вопросы теории / О.Н. Яницкий // Социологические исследования. – 2013. – №3. – С. 50-60.

«НОВЫЙ» КАТАСТРОФИЗМ И СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО В СОЦИОЛОГИИ ДЖ. УРРИ

Перова А.Е. (Москва)

В современном мире проблемы экологической сферы встанут на первый план: глобальное потепление, вызывающее таяние льдов и повышение уровня океанов, сокращение биоразнообразия Земли, ее опустынивание, неограниченное потребление природных ресурсов наряду с загрязнением воды, почв, воздуха – все эти и многие другие вопросы, поставленные перед человечеством, требуют решения.

Английский социолог Дж. Урри, разрабатывая теоретическую базу для «поворота» социологии к этим проблемам, выдвинул термин «неокатастрофизм». «Новый» катастрофизм – термин, созданный для анализа будущих обществ, в которых катастрофа станет привычной нормой. Она будет крыться «в зародыше» самого общества, которое больше не сможет служить гарантом общественного порядка, роста благосостояния, заложенных в индустриальном обществе из-за растущего числа непредвиденных и неконтролируемых катастроф [2, 36–47]. К этому привела бесконечная потребительская гонка, жажда наживы и отсутствие ограничений при использовании ресурсов планеты.

Дж. Урри подчеркивает, что климатические изменения в эпоху антропоцена, с XIX в., когда человечество стало играть значительную роль в экологической системе Земли, резко увеличили возможность катастроф в наши дни. Экспоненциальный рост населения в условиях вырубки лесов, этих «легких планеты», окисления океана, проблемы мусора и общего загрязнения окружающей среды – эти и многие другие проблемы делают более хрупкой устойчивость и целостность, стабильность экологии, ее способность к самовосстановлению, а значит, и предупреждению, «гашению» крупных катаклизмов. В этот ряд можно добавить и проблемы, связанные с энергетикой: будущая, неминуемая нехватка нефти и газа, опасности, связанные с атомной энергетикой, явная недостаточность современных «зеленых» источников энергии, таких как приливные, ветряные и солнечные электростанции. Возрастает и важность вопроса продовольственной безопасности и наличия питьевой воды, все это в условиях ухудшения качества воздуха и роста температур. Рост цен, нехватка сырья и земель, подвигающая «богатый Север» скупать ресурсы «бедного Юга» также способствует нестабильности, уже самого общества, порождая протестные движения и общие настроения недовольства и беспокойства.

В целом, «новые» катастрофы можно определить следующим образом. Это широкомасштабные катастрофы с растянутым во времени социально-экологическим метаболизмом, антропогенной причинностью и большими негативными последствиями не только для мировой окружающей среды, но и для глобального социума за счет круглосуточного освещения СМИ.

Можно выделить несколько направлений «нового» катастрофизма. Первый вектор – изменения климата. Сюда относятся не только глобальное потепление и окисление океана, но и экстремальные погодные условия, такие как ледяные дожди, ураганы и наводнения. Второй – антропогенные изменения лица планеты, к которым можно отнести климатическую миграцию, истощение ресурсов планеты, «мертвые» почвы и воды, пищевую и питьевую безопасность, загрязнение всех сфер жизни. И наконец, третий вектор – высококомобильные заболевания, куда входят не только мутирующие и постоянно развивающиеся бактерии и вирусы, их рост сопротивляемости лекарствам в ситуации с развитием скоростного транспорта и массовых, глобальных транспортировок людей и туризма.

Дж. Урри, помимо выдвижения идей нового катастрофизма, занимался построением сценариев будущего мира с учетом оскудения ресурсов [3, 274–275].

«Региональная военная диктатура» – сценарий, возможный при «варварском» подходе к климатическим изменениям, участившимся случаям наводнений и непредвиденных погодных катаклизмов. Он предполагает уничтожение многих существующих «цивилизующих» практик экономической и социальной жизни и драматический коллапс мобильности и относящихся к ней

достижений социальной жизни последних десятилетий. В качестве примера, способного обрисовать масштабы бедствия, социолог приводит наводнение в Новом Орлеане, подвергшемся удару урагана Катрина в 2005 г.

Второй сценарий, «цифровой паноптикум», кому-то может показаться относительно более привлекательным, однако он смахивает на Оруэллианский мир цифрового Большого Брата. В нем для контроля над выхлопными газами, наносящими вред экологии, будет представлена система слежки и наблюдения – экстенсивная и интенсивная «дигитализация» человека, вносящая значительные изменения в его жизнь. В таком обществе мобильность будет покупаться ценой частной жизни, а выбросы парниковых газов влиять на положение и статус человека в обществе.

Кроме того, Дж. Урри рассматривал и катастрофизм обществ будущего с точки зрения теории «коллапса». Он вызван не только ростом температур и снижением запасов нефти, но и естественным направлением развития любого общества, зафиксированным во втором законе термодинамики: динамичные физические и социальные системы двигаются к энтропии или беспорядку [4, 225–231]. В первую очередь, это коллапс современных Западных обществ или глобальной цивилизации, которым ничего не остается, кроме как следовать пути развития таких цивилизаций, как Майя, например. Они тоже, в конечном счете, пострадали от проблем окружающей среды (в их числе рост населения, растущее воздействие на природу, превышение норм охоты и рыболовства, проблемы управления водными ресурсами, истощение почв и проч.). Урри говорит о том, что «различные катастрофы оставят население мира беднее, менее мобильными, более голодными и склонными к борьбе за все более истощающиеся ресурсы» [4, 228]. Примечательно, что смена социальных систем, их развал происходит резко, нет периода трансформации, и коллапс характеризуют «скорость и жестокость» [1].

В заключение можно сказать, «новый» катастрофизм – это явление сегодняшнего дня, еще малоизученное, но представляющее собой поле для исследований социологов и построения моделей жизни в мире, насыщенном катастрофами.

1. *Pearce F. With speed and violence. Boston, MA: Beacon Press, 2007.*
2. *Urry J. Climate Change and Society. Malden: Polity Press, 2011.*
3. *Urry J. Climate change, travel and complex futures // The British Journal of Sociology, Vol. 59 (2). Pp. 261–279*
4. *Urry J. Societies beyond oil: oil dregs and social futures. London: Zed Books, 2013.*

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Петров Е.А. (Челябинск)

«Социалистический образ жизни» - явление советского периода, активно изучавшееся современниками. В постсоветское время не было издано ни одной работы, посвященной этому феномену. Клише советской пропаганды отменялись, как априори несостоятельные. Спустя годы идеологической борьбы, в новой экономической и политической реальности, необходимо установить, чем же на самом деле был этот особенный образ жизни советских людей, имел ли он какие-либо преимущества в действительности или только в советской пропаганде.

Говоря о социалистическом образе жизни, необходимо ответить на два вопроса. Во-первых, что означает данное понятие. Во-вторых, когда оно было введено в научный оборот. Словарь научного коммунизма дает следующее определение: «Социалистический образ жизни – присущие социализму формы жизнедеятельности людей, определяющиеся условиями их жизни. О. ж. с. прямо противоположен буржуазному образу жизни, что обусловлено прежде всего коренным различием их экономических основ. Частная собственность на средства производства порождает эксплуатацию человека человеком, разделение общества на антагонистические классы, ведущие различный образ жизни, разобщает людей, а в условиях капитализма создает между ними жесточайшую конкуренцию. Общественная социалистическая собственность объединяет людей отношениями товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи, исключает социальные антагонизмы и конкуренцию между людьми...» [10, с. 191]. Можно увидеть, что определение не раскрывает содержания явления, а оперирует его признаками, указывая на отличие социалистического образа жизни от капиталистического. В научной литературе «застойного» времени прямо указывается на

это: «Одна из основных проблем социологического анализа образа жизни, как в теории, так и при проведении социологических исследований – качественные отличия социалистического

образа жизни от образа жизни буржуазного, определяемые различиями общественно-экономических формаций» [6, с. 44]. Стоит обратить внимание на подчеркивание различий между буржуазным и социалистическим образом жизни. При этом определение термина вновь дается через признаки: «Сущность социалистического образа жизни на уровне общества в целом проявляется в совокупности черт и основополагающих принципов социально-политического строя, включающих в себя равноправие и социальную справедливость, коллективизм, гуманизм, патриотизм и интернационализм, преданность идеалам коммунизма и уверенность в будущем, трудовую и общественно-политическую активность» [6, с. 44]. Нет четкого определения социалистического образа жизни и у классиков марксизма-ленинизма. В работах Маркса и Энгельса такое сочетание слов не употребляется. Вместо него используется словосочетание «образ жизни». Цитата, содержащая данный термин, часто приводится в трудах посвященных социалистическому образу жизни: «...способ производства надо рассматривать не только с той стороны, что он является воспроизводством физического существования индивидов. В еще большей степени, это – определенный способ деятельности данных индивидов, определенный вид их жизнедеятельности, их определенный образ жизни. Какова жизнедеятельность индивидов, таковы и они сами» [7, с. 19].

Ленин в своих трудах также не употреблял термин «социалистический образ жизни». Но в его работах, вслед за Марксом появляется схожий по смыслу термин «Манеры жизни»: «У каждого общественного слоя свои «манеры жизни», свои привычки, свои склонности» [5, с. 342]. Эта цитата также перекочевала во многие позднейшие исследования. Как можно убедиться, классики не использовали термин «социалистический образ жизни», но указывали на то, что образ жизни формирует способ производства. Можно сделать вывод, что подобным предположением корифеи марксизма дали почву появлению термина «образ жизни социалистический». Именно такой ход мыслей изложен в предназначенных для университетов и школ научного атеизма «Беседах о природе, обществе и человеке» [1, с. 152].

В подтверждение этой точки зрения можно добавить, что термин «социалистический образ жизни» не появлялся в науке вплоть до 1960-х гг. т.е. до времени, когда было объявлено о построении «развитого социализма». Можно предположить, что идеологи, опираясь на фразы классиков об образе жизни, сделали вывод об его связи с производительными силами в виде логической схемы: раз у нас особый социалистический способ производства, значит у нас и образ жизни особый. Косвенным подтверждением данной гипотезы становится количество публикаций, посвященных социалистическому образу жизни. Если до 1960-х годов (до появления теории «развитого социализма») их не существовало, то на период с 1970 по 1991 гг. приходятся все научные публикации, содержащие данное сочетание слов. Обобщая все выше сказанное, можно сделать вывод, что однозначного определения того, что такое социалистический образ жизни не существовало.

Сам термин возник из постулата классиков марксизма об образе жизни, и о том, что его формирует способ производства. Впервые термин был употреблен генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым в речи на митинге советско-венгерской дружбы в кремлевском дворце съездов 3 июля 1968 года [2, с. 250], всего через семь месяцев после заявления о построении в СССР развитого социалистического общества [2, с. 92]. На основе перечисленных фактов можно сделать вывод, что появление термина «социалистический образ жизни» связано с концепцией «развитого социализма» и вытекает из постулата об особом способе производства. Такой всплеск идеологической работы связан, по мнению А. Нуритдинова, с обострением в 1960-е годы идеологической борьбы между двумя общественно-идеологическими системами и тем, что буржуазная идеология активно стала использовать вопросы образа жизни и прав человека в борьбе против теории и практики коммунизма [8, с. 4]. Это, однако, не добавило идеологам понимания сути самого явления, что подтверждается многочисленными определениями через признаки.

То, что социалистический образ жизни обусловлен способом производства, подтверждает О.С. Галущенко в своей кандидатской диссертации [3, с. 22]. Вместе с этим он указывает на то, что проблема социалистического образа жизни еще не достаточно разработана в советской науке. Слабую теоретическую разработанность вопроса, по всей видимости, осознавала и партия. В 1980 году был опубликован проект ЦК КПСС: «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981–1985 годы и до 1990 года», в котором одной из главных задач общественных наук определено исследование проблем социалистического образа жизни [9]. Нужно сказать, что этот проект возымел определенный успех. Большинство диссертаций,

посвященных социалистическому образу жизни приходится именно на первую половину 1980-х годов. Многие из них прямо ссылаются на проект ЦК[4, с. 9].

Подводя итог, можно сказать что, несмотря на изыскания советских историков, тема социалистического образа жизни до сих пор остается нераскрытой. С самого начала ставший идеологическим клише, термин так и не был до конца однозначно интерпретирован в научной литературе.

1. *Беседы о природе, обществе и человеке / Бабосов Е. М., Винокуров А. П., Водопьянов И. И. и др.; Редкол.: Е. М. Бабосов и др. - 3-е изд., перераб. и доп. - Минск : Беларусь, 1983. - 303 с.*
2. *Брежнев Л.И. Ленинским курсом : Речи и статьи / Л. И. Брежнев. - М. : Прогресс. - Т. 2. 1967-1970. - М. : Прогресс, 1981. - 736 с.*
3. *Галушенко О.С. Формирование социалистического образа жизни в переходный период от капитализма к социализму. Проблема трудовой сферы (на материалах Молдавской АССР) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Москва : 1984. - 253 с. , ил;*
4. *Гордиевский А.А. Роль социальной политики КПСС в совершенствовании социалистического образа жизни : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.02 Москва 1980. - 163 с. , ил;*
5. *Ленин В.И. Полное собрание сочинений, 5-е изд., т. 25 (Март — июль 1914) / В.И. Ленин. М.: Издательство политической литературы, 1969. — 647 с.*
6. *М.Н. Руткевич и др. Рабочая книга социолога. / Г. Осипов, М. Руткевич, В. Андреев и др.]; АН СССР, Ин-т социол. исслед. - М. : Прогресс, 1983. - 477 с.*
7. *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 3./ под ред. Я. Б. Турчинса. М.: Государственное издание политической литературы , 1955. - 625 с.*
8. *Нуридинов Алиджон Противоречия социалистического образа жизни и пути их разрешения : (Методологический аспект). Автореферат диссертации кандидата философских наук : 09.00.01 Ташк. гос. ун-т им. В. И. Ленина Ташкент, 1990. - 21 с.*
9. *Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981–1985 годы и до 1990 года . Постановление ЦК КПСС от 2 декабря 1980 года. - Правда. 1980, 2 декабря.*
10. *Социалистический образ жизни// Научный коммунизм: Словарь. Александров В.В., Амвросов А.А., \ Ануфриев Е.А. и др.; Под ред. А.М. Румянцева. М., 1983. - 352 с.*

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В ЦЕННОСТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ: РЕВОЛЮЦИЯ КОТОРОЙ НЕ БЫЛО.

Плетнев А.В. (Санкт-Петербург)

Конец XX века, как и его начало, ознаменовался радикальными ценностями преобразованиями. В данном исследовании мы проанализируем динамику ценностей в России на протяжении XX века. В начале XX века Российская экономика характеризовалась бурным экономическим ростом. Развитие экономики требовало от людей самостоятельности и предпринимательской инициативы. Существенным препятствием, сдерживающим экономический рост, являлось преобладание ценностей коллективизма и патернализма, характерных для сельской общины. Сформировавшаяся индустриальная экономика требовала от людей поведения основанного на ценностях либерализма и индивидуализма. Патерналистические же ценности, которые в прежние времена помогали людям выжить, в новых условиях приводили к безынициативности и слабому экономическому росту. Российское общество и Российская экономика объективно нуждались в буржуазной революции аналогичной тем, которые произошли в Европе. Эти Революции постепенно привели бы к формированию демократической власти и рыночной экономики.

Основываясь на европейском опыте попробуем предположить, каким образом развивалась бы российское общество в этом случае. После буржуазной революции общество оказалось бы разделена на три основные группы, которые являлись бы приверженцами определенных ценностей. Первую группу составили бы либералы аналогичные западным. Вторую группу сформировали бы консерваторы, которые выступали бы за умеренные изменения, учитывающие национальные традиции и специфику. Третью группу сформировали бы коллективистски и патриотически настроенные националисты монархического и религиозного толка.

Однако на практике произошло нечто противоположное. Произошла социалистическая революция в результате которой возникли ценности государственного патернализма и коллективизма, сменившие патернализм и коллективизм сельской общины. Вместо объективно

необходимой ценностной революции победила ценностная реакция. Как уже было сказано ранее, преобладание в обществе ценности патернализма и коллективизма вредит экономике. В этом мы успели убедиться в конце 20 века период перестройки и радикальных рыночных реформ.

Современное российское общество кардинально отличается от любого европейского общества тем, что в нем либерализм представлен в виде искаженной идеологической доктрины, ни не в виде инструментальной ценности, практически реализуемой в политике и экономике. Слово «либеральный» по сути стало аналогом слова западный, обозначая определенную политическую ориентацию. Оно никак не связано с инструментальными ценностями либерализма (политической демократией, свободой предпринимательства, ограничением вмешательства государства в экономику, свободными СМИ и пр.).

На сегодняшний день инструментальные ценности либерализма вошли во все идеологические платформы всех партий в развитых странах. Их используют политики консервативного, социалистического, националистического толка. Особенно это очевидно при анализе конвергенции между современным неоконсерватизмом и неолиберализмом.

Современная Россия во многом сталкивается с теми же вызовами, с которыми она имела дело в начале XX века. Тогда российское общество не сумело осознать высокой ценности инструментального либерализма и это привело к отставанию в экономическом и социально-политическом развитии, распаду СССР.

В настоящий момент настало время переосмыслить уроки истории и оценить роль инструментальных либеральных ценностей в общественном и экономическом развитии.

1. *Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет. Под ред. Королева И.С. М.: 2003. — 604 с.*
2. *Смирнов П.И. Слово о России: Беседы о российской цивилизации. — СПб.: Химиздат. 2004. — 324 с.*
3. *Miller P. D. American Power and Liberal Order. Georgetown University Press, Washington, 2016. - 336 p.*
4. *Roth M. S. Beyond the University. Why Liberal Education Matters. Yale University Press. 2015. — 248 p.*

ГОРОД В КЛАССИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Подковырова Е.Д. (Санкт-Петербург)

Аннотация: Статья посвящена становлению и развитию социологии города за период с начала XX и до XXI в. Актуальность выбранной темы обусловлена активным ростом городов в последние десятилетия и необходимостью преобразования городских пространств. Интерес к социологическому изучению города появился в первой половине XIX в. из-за растущего социального неравенства между социальными слоями городского населения. В настоящее время социологические исследования в области строительства, архитектуры и градостроения набирают все большую популярность и на европейском континенте. Таким образом, за прошедшее столетие значительно расширился диапазон социологических исследований города получивший в совокупности наименование – урбанистика. Применение разных подходов как отдельно, так и в комплексе дает большие возможности для социологических исследований городского образа жизни и определения перспектив развития городов в текущем столетии.

Термин «социология города» может легко ввести в заблуждение — будто бы речь идет о еще одном продукте социологической экспансии XX века вроде «социологии искусства», «социологии науки» или «социологии эмоций». Задача исследователей городской жизни состоит не только в том, чтобы вписать объект под названием «город» в длинную череду уже захваченных и описанных социологическим языком объектов внешнего мира. Социология города заметно выделяется из ряда подобных субдисциплинарных областей — прежде всего тем, что сама социология как наука формировалась в ответ на вызовы стремительной индустриальной урбанизации XIX века. Интерес и необходимость изучения европейских городов был вызван изменениями количественных и качественных характеристик городов: увеличением их количества и количества городского населения, гетерогенностью жителей, усилением разнообразной дифференциацией горожан, поляризацией экономического положения, пауперизацией, разрушение прежних традиционных устоев регулирования совместной жизни и отсутствием новых моделей взаимодействия в изменившихся условиях, увеличением количества социальных проблем, связанных с социальной уязвимостью и незащищенностью горожан, бездомностью и безработицей, одиночеством, ростом преступности, возникновением и ростом классовой борьбы. Игнорирование данных противоречий угрожало дестабилизации и разрушению европейских

государств. Поэтому возникновение социологии как науки, ее институционализация происходила на фоне бурного образования и роста городов, распространения городского образа жизни, зарождения и разрастания сугубо городских социальных проблем, откликом на решение которых и должно было стать социологическое знание. И практически вся классическая социология — это социология города [1].

Фердинанд Теннис использует выражение «горожанин» («житель большого города») чуть ли не как ругательство. Теннис разделил две формы солидарности: общину (Gemeinschaft) и общество (Gesellschaft). Община отсылает к свойству «иметь что-то общее». Это органическая, сущностная, примордиальная, нерелективная связь между людьми, которая возможна в семье или крестьянской общине. Напротив, общество (в значении «бывать в чем-то обществе») отсылает к общению. Это избирательная, рациональная, релективная социальная связь, в основе которой лежит взаимовыгодный обмен и которая достигает своего апогея в больших городах. Рост городов — это победа расчета над чувством, обмена над родством, Гоббса над Аристотелем. Так задается очень важная для всей последующей социологии антиномия: с одной стороны — деревня, сообщество и традиция, с другой — город, общество и рациональность.

Еще один классик — Георг Зиммель — придал теме городской жизни особое антропологическое измерение, представив жителя большого города в образе невротика: «Психологическая основа, на которой выступает индивидуальность большого города, — это повышенная нервность жизни, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений». В городах чувства и реакции людей притупляются: абстрактное преобладает над конкретным, типичное — над индивидуальным, анонимное — над личным. А потому зиммелевские городские невротики ничем не напоминают симпатичных персонажей Вуди Аллена — они расчетливы, циничны и жестоки: «Большие города были издавна центрами денежного хозяйства, так как разнообразие и сосредоточение в них обмена придало орудию обмена такое значение, какого оно едва ли достигло бы в деревне при скудости ее обменных отношений. Но денежное хозяйство и преобладание рассудочности стоят в теснейшей связи между собой. Им обоим свойственно конкретное деловое отношение к людям и вещам, при котором нередко формальная справедливость сочетается с беспощадной жестокостью». На этой же хозяйственной стороне городской социальности сфокусировался и Макс Вебер, посвятивший отдельное исследование средневековым городам как центрам обмена.

Многим из тех, кто пытался купить или снять квартиру в Москве, хорошо известен феномен Юго-Западного округа. Не выделяющийся существенно ни по качеству жилого фонда, ни по транспортной доступности кластер районов, он заметно выделяется по стоимости жилья. Для Москвы, где цена квартиры напрямую зависит от расстояния до центра, это почти пространственная аномалия.

Географ мог бы объяснить эту аномалию указанием на специфику ландшафта или розу ветров, на экологические условия (на юго-востоке — заводы, на юго-западе — университеты) или структуру расселения нелегальных мигрантов. Социолог Ольга Трущенко находит нетривиальное объяснение феномена ЮЗАО в духе Пьера Бурдьё: «Средневековое социальное разделение города на западную и восточную часть, по всей видимости, положило начало одной из особенностей столичной сегрегации. На протяжении дальнейшей истории тенденция к социальному противостоянию запада и востока Москвы выражала в пространственных формах дистанцию и противоположность между властвующими и простонародными слоями общества. Изначальная социальная противоположность запада востоку, Кремля Китай-городу, по мере роста Москвы повторила себя в полукольце Белого города». Таким образом, чуть ли не с момента основания города знать селилась «к западу», а чернь — «к востоку» от центра. По мере роста Москвы к социальному противостоянию по линии «запад — восток» добавилась сегрегация «центр — периферия». Однако юго-западные окраины по престижности почти не уступают центру — сохраняется символическая ценность западного направления.

Город — неважно, Москва, Париж или Прага — это результат столкновения, борьбы, присвоения и вытеснения. Иными словами, это отпечаток социального пространства в пространстве физическом.

1. Бесчасная А.А. Исследования социальных проблем города как истоки возникновения социологии // Город в зеркале наук - 2015: материалы всерос.науч.-практ. конф. СПбГАСУ. СПб., 2015. – 212с. С. 155-158.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В ЦЕНТРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Подорова-Аникина О.Н. (Ухта)

В статье автор определяет ключевые направления социологических исследований в сфере взаимодействия власти и общества, определяет роль мониторинга в процессах изучения социальной динамики политических коммуникаций.

Политическое развитие и социальная структура – те направления в теоретико-прикладном анализе, на которые устремлено особое внимание любого государства в современных условиях. Противоречия развития и совершенно новое состояние социальных институтов и процессов в мире стоят в центре внимания исследователей, в том числе в современной России.

Неразрывная связь традиционно характеризует взаимодействие общества и власти. Перевес влияния источника и получателя в коммуникативном акте, модель коммуникации в каждый конкретный период истории меняется. В современном мире во весь рост встает вопрос социального управления и роли системы СМИ в этом процессе.

Особое внимание в современном государстве уделяют социально-политическим исследованиям. В свете актуализации вопросов применения рекламных и PR-технологий в ходе электоральных кампаний исследования проводятся уже давно не только на федеральном, но и на региональном уровнях.

При анализе практики таких известных институтов изучения общественного мнения, как ФОМ и ВЦИОМ, особо стоит отметить то, что на общенациональном уровне исследования проводятся регулярно, по особо актуальным вопросам – еженедельно. Актуальны здесь:

- оценка настроений аудитории и своевременное выявление общественного мнения по вопросам как внутренней, так и внешней политики государства;
- диагностика социальной динамики и самочувствия граждан, оперативное выявление степени его определяющего влияния на настроения гражданского общества;
- исследование, оценка изменений реакции населения на реформы, особо значимые политические события;
- изучение и прогнозирование путей формирования идеологических ценностей в социуме;
- социальная оценка результатов работы над конкретными проектами и деятельности в целом различных органов власти и политических институтов.

Исследования в регионах проводятся в тех ситуациях, когда важно получить оперативную информацию о социально-политической ситуации в отдельном административном образовании для принятия управленческих решений в различных областях жизнедеятельности общества. Актуальны в регионах:

- оценка уровня удовлетворенности/недовольства властью жителями субъекта федерации;
- оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления в регионе;
- социологический мониторинг ситуации в муниципалитете.

В преддверии выборов во главу угла встанут вопросы поддержки и электорального выбора [1, 76].

Тематика актуальных опросов представляет особый интерес, так как отражает непосредственно социальную динамику. Один из последних опросов ФОМ посвящен поиску ответа на вопрос в социальном сознании [2]: «Отношение к выборам – 2016. Важное или неважное событие – выборы? И как оцениваются их итоги?» (октябрь 2016 г.). Или «Политические взгляды и протестный потенциал молодежи. Как россияне оценивают действия властей?» (октябрь 2016 г.).

ВЦИОМ уделяет важное внимание политическим вопросам в современных условиях [3]. Функционирует проект «Изучение передовых технологий электорального прогнозирования». Особое внимание исследователи уделяют технологиям прогнозирования результатов волеизъявления граждан.

Как отмечают многие исследователи, стоит помнить, что практика анализа мнения общественности в США имеет более длинную историю, нежели в России: там накоплен колоссальный опыт в области составления электоральных прогнозов, а во всем, что касается опросных методик, США считаются настоящими «законодателями мод». Изучение американского опыта применения прогнозных методик, а также установление рабочих контактов, может стать

точкой прорыва для развития в стране исследовательских подходов. Этому направлению посвящена немалая часть исследований, проводимых в рамках работы ВЦИОМ.

Обобщая сказанное, определим, что в центре исследования мониторингового наблюдения в нашем случае стоит динамично функционирующая совокупность социальных отношений определенного качества и содержания, возникающих между взаимодействующими субъектами социально-политического коммуникативного поля. Его пространство опоясывает различные уровни структурной организации управления общественной жизнью субъектов, позволяет обеспечить комплексный подход к формированию методического инструментария социально-политического мониторинга.

Таким образом определенное предметное поле видится информативным и вполне универсальным для обеспечения эффективного контроля и прогноза динамики процесса социально-политического управления. Такой подход обеспечивает целостное отражение всей совокупности элементов и конкретных ситуаций, под воздействием которых разворачиваются политико-коммуникативные взаимодействия в обществе, требующие принятия определенных и актуальных мер [4, 107].

Можно выделить основные функции социального мониторинга в политической сфере для детального анализа:

1. диагностическую, которая непосредственно связана с выявлением уровня эффективности функционирования социально-политических процессов и явлений, управления ими.

2. прогностическую, которая связана с предвидением хода социально-политических процессов, преобразованием их объектов, структуры, изменением общественно-политических взаимодействий отношений.

3. планирования, которая предполагает разработку и внедрение проектов социально-политического развития.

Что касается информационных блоков, на которые логично можно разделить анализируемые в ходе социально-политического мониторинга пространства, то это ключевые направления: социально-трудовых, социально-политических, социально-потребительских, социокультурных отношений и социально-психологического самочувствия.

Сам мониторинг предполагает сбор информации, оценку и прогноз по стабильной и объективной системе показателей. Стандартность информационного набора обеспечивает удобство поиска и фиксации и придает социальному мониторингу свойства информационного процесса. Система показателей постоянно развивается, совершенствоваться не только на протяжении всего исследования, но и сразу после. Наиболее значимая часть показателей должна оставаться в течение сравнительно длительного времени неизменной, хотя каждый раз мы можем, при изменении внешних условий или наших установок, вводить новые. Допустимо дополнить исследовательский поиск новыми методами сбора информации, а также вариантами подачи материала.

Формирование системы сбора и обработки эмпирических показателей является наиболее ответственным этапом разработки мониторинга, поскольку он является информационным источником для принятия решений. Ошибки неизбежно отразятся на прогнозном моделировании. Крайне важно приведение всех показателей в удобные для измерения, анализа и оценки формы, объединяющие как количественные, так и качественные данные.

Подводя некоторый итог, стоит отметить следующее. Именно социологические опросы позволяют вычленять немаловажные условия социальной динамики политических коммуникаций в современной России, проводить оценку роли СМИ в этих процессах.

Как любое социологическое исследование, мониторинг социально-политической среды ставит перед исследователями проблему обеспечения достоверности и надежности получаемой информации. Принципиальным в ходе подготовки к проведению исследования является вопрос о периодичности опросов, проводимых в рамках мониторинга. Сроки каждый раз могут устанавливаться в зависимости от специфики региональных условий и конкретного текущего момента. Причем частота замеров может быть различной для каждого из блоков наблюдаемых показателей социальной сферы. Необходим углубленный сравнительный анализ, сопоставление опыта стран, имеющих уже определенный опыт демократизации, и передовых институтов, занимающихся изучением социальной динамики, общественных настроений и движений.

1. Подорова-Аникина О. Н. Коми региональное измерение социодинамики политических коммуникаций современной России: монография / О. Н. Подорова-Аникина, В. П. Милецкий. – Ухта: УГТУ, 2013. – 166 с.
2. Фонд Общественное Мнение (ФОМ), официальный сайт. – URL: <http://fom.ru> (дата обращения: 02.11.2016).
3. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. – URL: <http://wciom.ru> (дата обращения: 01.11.2016).
4. Милецкий В. П. Современное российское общество в контексте российской модернизации // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 8. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю. С. Пивоваров. – М., 2013. – Ч. 1. – С. 105-108.

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ИССЛЕДОВАНИЯ РОССИЙСКИХ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТЫ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ

Подъячев К.В. (Москва)

К большому сожалению, в отечественной социологии (и вообще в социально-гуманитарных науках) сегодня уделяется недостаточно внимания методологическим проблемам. А ведь это имеет особое значение, поскольку до настоящего времени существуют серьёзные терминологические расхождения и отсутствуют аксиоматические положения по целому ряду направлений познания. То, что К. Ясперс называл «скандалом в философии» [5, 416] вполне может быть отнесено и к социальным наукам, можно говорить и о «скандале в социологии».

Но формат доклада не предполагает обсуждение всего комплекса вопросов, и потому мы сосредоточимся лишь на одном аспекте. Мы видим проблему в несоответствии вроде бы научно обоснованной модели российского социума и наблюдаемых (например, в ходе региональных исследований) его проявлений.

Так, если изучать Россию с позиций наиболее популярных концептов, применяя к ней, такие конструкты как «демократия», «модернизация», «гражданское общество» [7, 77 - 85], легко получить выводы о том, что страна «отсталая», государство в ней «авторитарное», институты «архаичны» и т.п. Но оставаясь в рамках такой исследовательской методологии, абсолютно невозможно объяснить, каким же образом Россия смогла сохранить себя на протяжении стольких веков и возродиться после социальных катастроф (1610, 1917, 1991)? Ответ «государство решало все проблемы за счёт народа» никак нельзя признать удовлетворительным, поскольку тогда остаётся непонятным, почему же этот народ не вымер, а не только сохранился, но продолжал развиваться и достиг выдающихся, подчас беспрецедентных успехов. А пока такое объяснение – убедительное, теоретически и эмпирически обоснованное, не получено, говорить о хоть сколько-нибудь успешном развитии социально-гуманитарного знания в стране, на наш взгляд, не приходится.

Ещё более ярко эта проблема проявляется в исследованиях локальных сообществ. Применение там количественных методов и различных версий институционализма приводит как бы к научному оправданию распространённых медийных стереотипов (повальное пьянство, антисанитария, отсталость, отсутствие институтов, патернализм населения и т.п.). Но непосредственно проводимые на местах исследования опровергают подобные взгляды. Простого наблюдения бывает достаточно, чтобы убедиться в этом [2, 38].

Если исследования, выполненные с соблюдением принципа методологической строгости приводят к выводам, очевидно вступающим в противоречие с реальностью, то это однозначно указывает на ограниченность используемой методологии.

Автор твёрдо убеждён, что «национальная социология», споры о которой идут уже давно [6; 11], сегодня остро нужна стране. Но нужна не для удовлетворения чувства национальной гордости, а для лучшего познания специфических российских феноменов, не понимая сути которых мы, как исследователи, будем ошибаться снова и снова, а вслед за нами ошибаться будут и те, кто принимает управленческие решения. Кроме того, и мировая социология станет гораздо богаче, если пополнится новыми теориями, основанными на анализе других, незападных, обществ.

Выдающийся современный учёный П. Штомпка, выступал против деструктивной, по его мнению, тенденции к обособлению социологических научных школ в различных странах. Он писал: «Я за “одну социологию для многих социальных миров”» [8, 39]. Мы абсолютно согласны с уважаемым нами исследователем, но твёрдо убеждены, что такая «социология для многих миров»

возможна лишь в перспективе, когда мировая социальная наука вберёт в себя многочисленные «национальные школы», как оформившиеся, так и только зарождающиеся. Мы полагаем, что универсальная социология, основанная исключительно на анализе социального опыта Франции, Германии и США, пользующаяся методологическими инструментами, созданными для изучения именно этих обществ, невозможна. Такая социология будет упускать из поля зрения многие важные элементы реальности, и, как следствие, приходиться к ошибочным выводам.

Таким образом, нам необходим «инструментарий, с помощью которого можно уловить особенные свойства российской традиции и российского модерна» [1, 22].

Личный опыт автора говорит, что при изучении российских локальных сообществ применение качественных методов, причём не только интервьюирования респондентов, но и различных инструментов «третьей социологии» [9], сочетания их с элементами интуитивного знания. Интуитивный элемент, на наш взгляд, имеет большое значение, хотя многими исследователями он и отвергается как ненаучный. Действительно, интуитивное знание имеет тот недостаток, что оно с большим трудом поддаётся верификации и адекватной трансляции. Тем не менее, мы полагаем, что в нашем случае оно необходимо. Да, сегодня благодаря широкому распространению веб-технологий информацию (в том числе визуальную) о различных регионах можно получать, не отходя от монитора. Но при этом никакие фотографии и даже видеоматериалы не могут передать главного: атмосферу жизни, непосредственное ощущение той среды, в которой разворачивается жизнедеятельность наших респондентов. Что же касается СМИ и блогосферы, то они полны взаимоисключающей информации, верифицировать которую, не проведя непосредственного наблюдения, невозможно.

Соотнеся сказанное выше с описанными Ж.Т. Тощенко методологическими парадигмами в социологии [7, 16 - 37], можно видеть, что предлагаемый нами исследовательский инструментарий находится в рамках социологического конструктивизма, который «анализирует и интерпретирует социальную реальность, социальную жизнь и соответственно жизненный мир во всём их многообразии» [7, 32].

А если шагнуть ещё дальше – в область гносеологии, мы увидим, что все «конструктивистские» концепты так или иначе пытаются преодолеть ограничения аналитической гносеологии, зародившейся в античности [3] и окончательно возобладавшей в западноевропейской мысли, вероятно, со времени Декарта и Бэкона.

Она основана на предположении, что всё сущее, недоступное для человеческого познания, может быть мысленно расчленено на более простые сущности, которые возможно осмыслить силами интеллекта.

В противовес ей холистическая гносеология предполагает целостное познание предмета (пусть и не детализированное), в котором важное значение играет интуитивный элемент. Противостояние их прослеживается во всей известной нам истории познания и мышления. И до сего дня есть все основания говорить о «серьёзном методологическом кризисе современного социального знания, не способного дезавуировать наиболее яркие и устрашающие эффекты господства режима социальной онтологии Нового времени» [4, 7], каковая и была вызвана к жизни тотальным торжеством аналитической гносеологии.

Без сомнения, академическая наука как таковая невозможна без анализа, логики, рассуждения – т.е. аналитической гносеологии. Но, как мы пытались показать на примере одного исследовательского «участка», без внедрения некоторых элементов гносеологии холистической, дальнейшее развитие социальных наук становится весьма проблематичным. Надо заметить, что именно отечественные учёные первыми в новейшей истории (ещё в 1970-х) обратили на это внимание [10]. И для успешного развития отечественных социальных наук необходимо уделить внимание проблематике, обрисовать которую лишь в минимальном приближении мы попытались в данном докладе.

1. Аксёнова О.В. *Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации*. М.: ИС РАН, 2016. 304 с.
2. *Актуализированные ценности современного российского общества*. 2015. Отв. ред. И. А. Халий. М.: ИС РАН. 273 с. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Act_zenosti_sovr_obschestva.pdf [дата посещения 6.10.17].
3. Аристотель. *Политика I, I, 3 (любое издание)*.
4. *Вызовы современности: социальное знание и ценностные императивы*. Под ред. Э.Ю. Майковой. Тверь: ТвГТУ, 2016 - 159 с.

5. *Краткая философская энциклопедия. Сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Корablёва, В.А. Лутченко. М.: Прогресс, 1994. 576 с.*
6. *Радаев В.В. Возможна ли позитивная программа для российской социологии? // Вехи российской социологии: 1950 – 2000е годы / отв. ред. Ж.Т. Тоценко, Н.В. Романовский. СПб.: Алетейя, 2010. 664 с. С. 507 – 521.*
7. *Тоценко Ж.Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с.*
8. *Штомпка П. «Позитивистский» манифест // Социологические исследования. 2015. №2. С. 38 – 40.*
9. *Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь: новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 3 – 11.*
10. *Шубкин В.Н. Пределы // Новый мир. 1978, № 2, С.187 - 217.*
11. *Ядов В.А. Каким мне видится будущее социологии // Социологические исследования. 2012. №4. С. 5 – 7.*

ГРЯДУЩЕЕ РАЗВИТОЕ ИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ

Пресняков И.В. (Москва)

Критическая школа в социологии, представленная теоретиками Франкфуртской школы, является, на наш взгляд, актуальной для современных российских реалий. Особенно - в контексте процессов модернизации, которые предстоит осуществить нашей стране.

Объектом исследования франкфуртской школы стало так называемое «технологическое» [9] или «развитое индустриальное общество» [6]. Целью такого общества является улучшение условий человеческого существования. Поэтому оно стремится быть экономически стабильным и удовлетворять большинство потребностей человека. Характеризуется оно и развитием демократических процедур в политике. В итоге, все это приводит к возможности научно-технического рывка, который утверждает то, что Герберт Маркузе назвал «развитой индустриальной цивилизацией», под которой он понимал «царство комфортабельной, мирной, умеренной, демократической несвободы...» [6]. Критике подвергаются не только базисные проявления общества, но и его основа – разум, знание и наука, которые рационализируются. Рационализируется жизнь человека: она бюрократизируется, строится по расписаниям, направлена на формирование, в первую очередь, деловых качеств. В итоге, возникает следующая проблема: разум и знание не используются для критического осмысления существующей реальности, социальная наука выполняет идеологическую функцию, защищая существующий строй. Утверждается то, что Юрген Хабермас назвал «системой» - совокупность связанных политических и экономических механизмов, выступающих в двух формах – власти и деньгах. «Система» подавляет «жизненный мир» - «сеть общих и разделяемых всеми значений, которые индивиды выводят для построения идентичностей, обсуждения ситуационных дефиниций или для достижения социальной солидарности» [7]. Общество с репрессированным «жизненным миром» теряет интеграцию, продолжая работать по инерции, как механизм, подпитываемый научным знанием.

Заметим, что на практике такое общество соответствовало США и Европе 50-70 гг. XX века. Интересовались немецкие социологи и Советским Союзом. Мы солидарны с ними и считаем экономическую, политическую и духовную стороны жизни СССР своеобразным результатом давления «проекта Просвещения» на традиционную Россию, какой она являлась в начале XX века.

Мы полагаем, что духовное наполнение советского строя представляло собой один из вариантов прочтения марксизма и стало результатом «прохождения» оригинального текста Маркса сквозь институционально-культурную матрицу России. Важно помнить, что марксизм – это, в первую очередь, одно из направлений Западной мысли, ни одно из которых, как показывает практика, не уживается с социокультурными условиями нашей страны. В этой связи, Советскому Союзу, как отмечал А. С. Панарин, не удалось построить «собственной цивилизационной программы» [10].

Это порождало определенные перекосы советского общества в хозяйственном планировании, партийно-государственном строительстве и повседневном оформлении собственного «жизненного мира». Вместе с этим, мы не хотим упростить представление об историческом и культурном своеобразии СССР.

Советский Союз начал первую «форсированную индустриализацию» в конце 30-х гг XX века. Странники «генетического» подхода к модернизации выступали за немедленное решение продовольственной проблемы, увеличение выпуска товаров народного потребления и за общее

повышение благосостояния населения. Однако высшее руководство выбрало путь модернизации тяжелых отраслей промышленности и товаров промышленного назначения в сферах машиностроения, авиастроения, металлургии и добычи нефти - всего того, что в краткосрочной перспективе не давало населению увеличения потребительского достатка и не могло стать основой для «общества всеобщего благосостояния». Не построила его и вторая модернизация 1945 года. Она была направлена на восстановление производственной базы европейской части России, наиболее подорванной во время войны. Вместе с этим, именно в Советском Союзе все же были наиболее реализованы программы социальной поддержки, страхования, пенсий и т.д.

Мы считаем, что, если бы не тяжелейшие события XX века, а также цивилизационные перекосы, упомянутые выше, то СССР мог бы, последовательно осуществляя ряд модернизаций, достигнуть всеобщего благосостояния населения и достичь развитого индустриализма. Особенно с учетом того, что индустриальная фаза реально была достигнута.

Чтобы посмотреть на указанные процессы с точки зрения экономики, обратимся к понятию «технологический уклад» (далее - ТУ), предложенному отечественными экономистами Д. С. Львовым и С. Ю. Глазьевым. ТУ – это «совокупность технологий, характерных для определенного уровня развития производства» [4]. Начиная с 30-х гг. XX века, США, СССР и развитые страны Европы вошли в 4-й ТУ, основными технологиями которого стали автомобилестроение, самолетостроение и нефтехимия, а основными ресурсами – уголь, нефть, газ и атомная энергия. Социокультурной характеристикой этого ТУ является ситуация модерна, которая характеризуется рационализацией отношений между человеком и природой. То есть индустриальное общество – это еще модерн. Конец 4-го ТУ приходится на начало 70-х гг XX столетия. Именно в это время на Западе достигло пика развитое индустриальное общество, которое одновременно стало переходом для США, стран Европейского союза, стран Юго-Восточной Азии в 5-й ТУ. Его технологиями являются микроэлектроника, информатика, биотехнологии, геновая инженерия, новые виды энергии и материалов, спутниковая связь, а основными ресурсами остаются нефть, газ и атом. Именно в 5-ом ТУ, конец которого наблюдается уже сегодня, формируется новая для Западного мира социокультурная ситуация – постмодерн, определяемая как «эпоха, характеризующаяся резким ростом культурного и социального многообразия, возрастанием многовариантности прогресса, отказом от массового социального действия, замещением материальных ориентиров культурными и др.» [13]. Таким образом, можно предположить, что именно развитое индустриальное общество стало переходным моментом существования Западного модерна, который впоследствии окончательно утвердил движение Запада в постмодерн.

Россия, по мнению ряда отечественных ученых, упустила свой 5-й ТУ. В нашей стране «доля технологий 5-го ТУ составляет примерно 10%, 4-го – свыше 50%, 3-го – около 30%» [3]. Сегодня перед Россией поставлена задача: снова «форсировать модернизацию», восполнить то, что стало упущенным в 5-м ТУ или сразу войти в 6-й. Однако прогнозы не самые благополучные. Удельный вес наукоемкой продукции в современной структуре отечественного экспорта не превышает 0,3%, доля России на рынке нанотехнологий составляет 0,04% [14].

Вместе с этим, мы смотрим на данные процессы не так пессимистично. России, отброшенной в 90-е годы далеко назад, сегодня только предстоит строить свое «развитое индустриальное общество». Таким образом, перед страной стоит важная задача, которая одновременно является хорошей возможностью: задержаться в модерне, построить национальное «общество всеобщего благосостояния», избежав его основных противоречий, а также осуществить «модернизацию без вестернизации» [12]. Важно понимать, что постмодерн есть не только то, что приходит извне, но и то, что легитимизируется изнутри. Поэтому подобно Юргену Хабермасу мы поддерживаем «неоконченный проект модерна» [11].

Отечественной социальной науке следует уделить внимание тем теориям, которые проанализировали реальные противоречия «развитого индустриализма». Необходимо также на феноменологическом уровне мобилизовать интерес общества к собственной истории, традиции, национальному правосознанию и культуре. Уже сегодня нужно думать о том, как российскому обществу бороться за собственный «жизненный мир», выстраивать структуру своего «коммуникативного действия», формировать национально ориентированную «публичную сферу», осуществлять «эмансипированный политический дискурс» и т.д.

При этом мы не «отбрасываем прогресс как идею», не считаем, что «все древнее обретает для нас ценность и убедительность уже потому, что оно древнее» [2]. Мы также не придерживаемся радикальной риторики, которая была характерна для движения Контркультуры 60-70х гг. и которая, важно отметить, сделала немалый вклад в дело постмодерна. Не должно

произойти, чтобы повышение благосостояния жизни людей, привело к массовому гедонизму, к росту числа «интеллектуалов», ищущих основанного на материальном достатке свободного «самовыражения и самоопределения в измененных формах сознания, культурном бунте и практически неограниченной личной свободе» [1].

Мы верим в силу знания и разума. Мы согласны со словами Г.В. Осипова о необходимости «перехода к новой системе управления обществом, предполагающей отказ от традиционного метода проб и ошибок и принятие социально значимых государственных решений на основе всестороннего научного анализа и точных математически выверенных расчетов» [8]. Но если такой анализ будет исключительно инструментальным и техническим, то Россия рискует испытать на себе противоречия, о которых писали представители Франкфуртской школы. Российская социальная наука как локомотив предстоящей модернизации должна основываться на национальной интеллектуальной традиции. Как показывает практика, копирование западных теорий не сможет привести к необходимому для модернизации приросту знания. Этот прирост, по мнению А.Н. Малинкина, должен быть «укоренен в отечественные национально-культурные и социальные реалии, ...должен возникнуть как ответ на потребности и вызовы российского общества». Укорененность, в свою очередь, «предполагает культурно-историческую преемственность» [5].

В завершении, говоря о внимании ученых к строительству грядущего развитого индустриального, а то и постиндустриального общества, мы бы хотели привести слова А.С. Панарина, который говорил, что «тайна истинного постиндустриализма - в сохранении "архаической" пассионарности морально-религиозного типа. Без такого архаизма современность рискует соскользнуть в варварство и даже дикость» [10].

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования/ Дэниэл Бэлл; пер. с англ. В.Л. Иноземцев. - М.: Academia, 2004. - 944 с.
2. Дугин А.Г. Четвертая политическая теория/ Александр Гельевич Дугин. - М.: Академический проект, 2009. - 351 с.
3. Каблов Е.Н. Курсом в 6-ой технологический уклад/Евгений Николаевич Каблов. - Журнал «NanoWeek», №99, 2010 г.
4. Львов Д.С., Глазьев С.Ю. Теоретические и прикладные аспекты управления НТП/Дмитрий Семенович Львов, Сергей Юрьевич Глазьев. - Журнал «Экономика и математические методы», 1985, №1.
5. Малинкин А.Н. Полипарадигмальный подход и интеллектуальная ситуация в российской социологии/ Александр Николаевич Малинкин. - Журнал «Социологические исследования», 2006, №1, с.114-123.
6. Маркузе Г. Одномерный человек/Герберт Маркузе; пер. с англ. А.А.Юдина. - М.: АСТ Москва, 2009. - 331 с. - (Философия, Психология).
7. Орлова И.Б., Шумилина Т.И. Современные социологические теории: Э. Гидденс, П. Бурдьё, Ю. Хабермас, часть 2./Ирина Борисовна Орлова, Шумилина Тамара Ивановна. - Журнал «Наука. Культура. Общество», 2010, №3, с.102-115.
8. Осипов Г. В. О повышении роли научного знания в системе государственного управления российским обществом/Геннадий Васильевич Осипов. - Официальный сайт ИСПИ РАН. Режим доступа: <http://isprras.ru/>
9. Осипов Г.В., Степашин С.В. Экономика и социология знания/Осипов Геннадий Васильевич, Степашин Сергей Вадимович. - М.: Наука, 2009. - 206 с.
10. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире/ Александр Сергеевич Панарин. - М.: Алгоритм, 2002. - 496 с.
11. Хабермас Ю. Модерн - незавершенный проект/Юрген Хабермас. - Журнал «Вопросы философии», 1992. №4
12. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций/Самюэл Хантингтон; пер. с англ. Ю.Ф. Новиков. - М.: АСТ, 2007. - 571 с. - (Philosophy)
13. Новая философская энциклопедия: в 4 т. (2-е изд., испр. И допол.)/ Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. Фонд; Предс. Научно-ред. Совета В.С. Степин. - М.: Мысль, 2010.
14. Данные предоставлены порталом Global Industry Analysts. - Режим доступа: https://www.b17.ru/article/fenomen_resentimenta/ (25.09.2017)

СИНТЕЗ ФОРМАЦИОННОГО И ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДОВ КАК ИНТЕГРАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Приходько Ф.С. (Горки, Республика Беларусь)

Аннотация: В статье анализируются как достоинства, так и недостатки каждого из подходов. Обосновывается тезис, что только их сочетание будет способствовать более глубокому пониманию социально-исторического процесса.

Концепция общественно-экономических формаций долгое время была в центре внимания отечественных ученых – социальных философов, историков, социологов, экономистов. Введение категории общественно-экономической формации в научный оборот имело большое научное значение. Огромный и разнообразный исторический материал, накопленный за многовековую историю, требовал упорядочивания и систематизации. Исторические исследования, в основном лишь фиксирующие факты и события, требовалось поставить на твердую методологическую базу. Теоретически осмысливая фактический материал, необходимо было выделить и зафиксировать в научных понятиях всеобщее и повторяющегося в явлениях мировой истории, применить к анализу исторического процесса общенаучный критерий объективности. Общеизвестным достоинством формационного подхода является системное рассмотрение общества, видение его как сверхсложной системы, организующейся вокруг определенных принципов.

Разработка цивилизационного подхода и выдвижение его в центр общественной мысли как на Западе, так и в нашей стране было обусловлено объективными причинами. В середине XX в. произошли серьезные изменения в мире в связи с деколонизацией стран Азии, Африки и Латинской Америки. Вновь актуализировалась в общественном сознании многих стран тема «Запад – Восток». В 50-е гг. XX в. западными учеными была создана европоцентристская по своей сути концепция догоняющей, т.е. капиталистической модернизации. Доказывалось, что важнейшим условием развития этих стран является утверждение в них западноевропейских и американских ценностей, моделей экономических отношений и политических институтов.

Так, в 60 – 70 годах в большинстве освободившихся афро-азиатских стран сознательно и целенаправленно стали формироваться политические и социально-экономические системы по западному образцу. Реализовывалась популярная на Западе социально-политическая концепция, изображавшая демократический политический процесс как свободную игру политических сил – партий, общественных организаций, группы давления и пр. В действительности, многопартийность, западные правила политической игры противоречили экономическим и социокультурным реалиям и историческим традициям освободившихся стран. Так, создание политических партий, других общественных объединений, как правило, по этническому признаку, привело в этих государствах к резкому обострению межэтнических, социально-классовых и иные противоречий, приведшие во многих случаях к кровопролитию.

Не лучшими были и результаты подражания так называемыми странами социалистической ориентации той модели социально-экономического и политического устройства, которая существовала в СССР и у его союзников.

В 60-е гг. неудачи как теории капиталистической модернизации, так и модели некапиталистического пути развития в странах Азии, Африки, Латинской Америки, предложенной советскими учеными и идеологами, исходя из опыта Советского Союза, вызвали оживленные дискуссии среди политиков и в научном сообществе. Учение о формации как этапе однолинейного развития оказалось в кризисной ситуации. Явственно обнаружились слабые стороны формационного учения. Европоцентристский характер предложенной Марксом модели истории не выдержал проверки практикой. Попытки осмысления неевропейской истории только в терминах и на основе формационного подхода потерпели крах. Многие народы не проходили в своем развитии через все и даже через большинство формаций. Еще одной проблемой формационного подхода является взгляд на материальное производство как на единственную детерминанту общественного развития. В действительности же большинство процессов политического, духовного, идейного, культурного порядка не могут быть без искажений и упрощений объяснены с чисто экономических позиций. Последовательное применение формационного подхода недооценивает значение человеческого фактора, человеческую

деятельность; недостаточное внимание уделяется своеобразию, уникальности, неповторимости отдельных обществ и народов.

К концу 70-х гг. в центре внимания ученых оказывается собственно цивилизационная проблематика. Сторонники цивилизационного подхода видят его преимущества в том, что он дает возможность глубоко изучать историю конкретных обществ и народов во всем их многообразии и специфике, ориентирует на изучение тех сторон общественной жизни, которые обычно недооценивают сторонники формационного подхода (ценности, национальные особенности, духовная жизнь, психология и др.), ставит в центр исследования человеческую деятельность и человека.

С начала перестройки во взглядах многих сторонников цивилизационного подхода стало обнаруживаться всё более негативное отношение к формационной теории. Трактровка цивилизационного подхода как методологии социально-философского и исторического познания очень быстро перешла от признания этого подхода к противопоставлению формационному.

Однако вскоре появилось немало публикаций как у нас, так и за рубежом, в которых выявляются противоречия и неувязки также и в цивилизационном подходе: при своем последовательном применении ведёт к тому, что становится невозможным взгляд на всемирную историю как единый процесс исторического развития человечества в целом;; затрудняет возможности исследования закономерностей исторического развития человеческого общества. Цивилизационный подход сам по себе не может объяснить причины и механизм перехода от одной ступени цивилизации к другой.

В обществоведении начало формироваться представление, имеющее важное методологическое значение, что нельзя дать исчерпывающее теоретическое объяснение действительности в рамках одного научного подхода – будь это формационный или цивилизационный метод изображения социально-исторического процесса и анализа актуальной реальности. Только оба этих подхода в своей совокупности позволяют глубже и всесторонне понять всю сложность исторической динамики социума. Трудно объяснить механизм реализации формационной логики в историческом процессе без обращения к цивилизационным проблемам, как и невозможно обратное, т.е. творческое развитие теории формаций без обобщения конкретного опыта функционирования локальных цивилизаций.

Многолинейность современного этапа исторического развития человечества не отменяет логическую природу формационного учения К. Маркса, но раскрывает новый, более сложный механизм реализации логики истории, когда многолинейность складывается в главном из линий, путей развития сложившихся государств-цивилизаций [1, с. 43-44].

Таким образом, аргументы и контраргументы, выдвигаемые сторонниками формационного и цивилизационного подходов, убедительно доказывают, что достоинства того и другого подхода носят взаимодополняющий характер, ибо именно их сочетание будет способствовать более глубокому и всестороннему пониманию социальной динамики общества.

1. Шевченко, В.Н. Цивилизационный подход под огнем критики // Вопросы философии. – 2016. – № 2. – С. 33–44.

ИДЕЯ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА В ВОЗЗРЕНИЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СУБЪЕКТИВНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Прончев К.Г. (Москва)

Конец XIX - начало XX века характеризуется значительными трансформациями в области теоретических социально-философских наук. Так, на стыке ряда обществоведческих наук вновь активизируются рассуждения на тему естественного права.

Одним из авторов концепции естественного права был Гуго Гроций. Он определял естественное право как предписание здравого разума, коим то или иное действие, в зависимости от его соотношения или противоречия самой разумной природе, признается либо морально позорным, либо морально необходимым. [1, С. 45]

Идея естественного права получила распространения в трудах различных ученых. Так, в Европе этой проблемой занимались: Г. Лейбниц и Х. Вольф, Дж. Мильтон и Дж. Локк. В России изучением данной идеи также занимались различные представители социально-философской

мысли: Б.Н Чичерин, П.И Новгородцев, Е.Н Трубецкой, В.С. Соловьев, Н.А Бердяев. Идея естественного права, безусловно, была не чужда русской обществоведческой мысли.

Не обошли вниманием данную проблему и представители русской субъективной школы. Эта школа имела ключевое влияние в русской социологии. С этим течением связаны такие личности, как П.Л Лавров, Н.К Михайловский, С.Н Южаков, Н.И Кареев. Фактически, её зарождение и определило становление социологии в России. Субъективная школа формировалась под влиянием философов позитивистов, но их работы подвергались критике, вносились поправки и дополнения. Отличительной чертой субъективного метода является сознательное внесение в исследование нравственного элемента, то есть в расчет, при анализе какого бы то ни было общественного явления берется нравственные установки исследователя. Отличительной чертой субъективной школы был антропоцентризм. Изучение личности и её взаимодействия с другими личностями позволяло, как они считали, прийти к полноценному пониманию общественного устройства. Так, Н.К Михайловский в своей работе "Герои и толпа" определили личность как ведущий субъект развития истории. [4]

Представители субъективной школы в своих трудах обращались к вопросам из области юриспруденции, в том числе к вопросу о естественном праве. Так, Николай Иванович Кареев отмечает повышенный, в последнее время интерес к этой тематике. Он говорит, что в отечественной литературе, с одной стороны, присутствуют личности, отстаивающие идею "Возрождения естественного права", среди которых: П.И Новгородцев, Л.И Петражицкий; с другой стороны располагаются представители социальной мысли, отрицающие данную концепцию. Среди таких рассматривается, прежде всего, М.М Ковалевский. Столкновение сторонников и противников идеи естественного права Кареев сравнивает с противоборством субъективистов и объективистов, сторонников и противников метафизики, представителей различных течений в социологической науке: "С понятием и самим термином "естественное право" соединено столько весьма определенных представлений, совершенно отживших свое время, что возникает весьма понятное опасение, как бы с возрождением естественного права не возродились и давно похороненные начала философской юриспруденции. Во всяком случае едва ли попытка воскресить эту доктрину встретит сочувствие среди тех наших юристов, которые в то же время являются и социологами" [2, С. 2] - отмечает социолог.

Сам Кареев подвергает критике представителей обоих направлений. Он видит необходимость реформирования традиционных представлений об "естественном праве", требует пересмотра роли социологической и исторической науки в данном вопросе. Он видит тесную связь между представителями школы возрожденного естественного права с представителями субъективной социологии. [3, С. 1] С другой стороны, он призывает критиков идеи к пересмотру основ своих воззрений в связи с трансформацией общественной жизни и социальных процессов. "Идеальное право, необходимость которого проповедают реформаторы юриспруденции, не может называться ни естественным, ни даже правом, поскольку оно не есть еще одною из объективно наблюдаемых форм правовых отношений общества и поскольку слово "естественный" уже утратило свой прежний смысл. Но, с другой стороны, мне кажутся неправыми и социологи, закрывающие глаза на те глубокие изменения в направлении научного реализма, которые внесены возродителями естественного права в его понимании" [2, С. 14] - отмечает Кареев. Он говорит о необходимости возвращения к этой проблеме с использованием более точного анализа.

С.Н Южаков связывает идею естественного права прежде всего с личностью Жан-Жака Руссо. "Все защитники естественного права против права исторического исходили и исходят из цикла тех идей, которые, конечно, высказывались и до Руссо, но которым этот мыслитель придал форму и в которые вложил содержание" [7, С. 6] - отмечает социолог. Естественное право Кареев определял как одинаковое и равное для всех, стоящее над интересами общественными, религиозными и национальными.

С идеей естественного права сравнимо так же учение Н.К Михайловского, который оперировал понятиями правда - истина и правда - справедливость. "Человек пытается изменить действительность в соответствии со своими целями и идеалами. Такая деятельность человека подлежит нравственной оценке. Категории нравственности, однако» субъективны, и поэтому в социологии следует пользоваться не только объективным методом, но и субъективным (причем последнее слово принадлежит субъективному методу)" [5, С. 164] - пишет социолог.

Такой интерес представителей социологической мысли к идее естественного права, фактически находящейся в области метафизики, вызывал разную реакцию в научных кругах. Так,

знаменитый русский философ, ведущий представитель школы возрождения естественного права П.И. Новгородцев критиковал стремление мыслителей подвергать анализу естественное право с точки зрения социологии, так как это выходит за пределы объекта их исследования. фактически, это превышение их компетенции. "Их ошибка, теперь уже неоспоримо разъясненная критикой состояла в том, что вместо строгого разграничения этического элемента от научного они допускали их сочетание. Отсюда проистекла неудачная концепция субъективной социологии и удивительная по своей философской несостоятельности идея субъективного метода" [6, С. 265] - отмечает философ.

Критика П.И. Новгородцевым воззрений субъективной школы фактически подрывает её основы. Стремясь отстоять позитивную направленность социологической науки, представители субъективной школы вводят в неё субъективный элемент, основанный на отрицании традиционных понятий о "естественном ходе развития вещей" и возвышении роли личности в истории. Уже ходе полемики Н.И. Кареев говорит, что сторонники субъективного метода вовсе не признают категорию общественного идеала за предмет социологической науки. [3, С. 3]

В целом, подход субъективной школы к изучению правовых основ представляет нам обширный материал для критического анализа основных её воззрений. Представители субъективной школы отводили ключевое значения понятиям личности и нравственности, что расходилось с основными идеями классической социологии. Такое стремление представителей социологической мысли встречало целый ряд негативных отзывов.

1. Гроций Г. *О праве войны и мира* / Г. Гроций. – М., 1957.
2. Кареев Н.И. *Нужно ли возрождение естественного права* / *Русское Богатство*, 1902. № 4
3. Кареев Н.И. *Нужно ли возрождение естественного права* / *Русское Богатство*, 1902. № 10
4. Михайловский Н.К. *Герои и толпа: Избр. труды по социологии: В 2 т.* / Козловский В.В. (отв. ред.). СПб.: Алетейя, 1998. – (Российская социология). Т. 2.
5. Н. К. Михайловский. *Полное собрание сочинений, т. I, стр. 164.*
6. Новгородцев П.И. *Нравственный идеализм в философии права (К вопросу о возрождении естественного права)* // *Проблемы идеализма: Сб. статей. М.: Изд-е Моск. психолог, общества, Б.г. 1902. - С. 236-294.*
7. Южаков, С.Н. *Жан-Жак Руссо: Его жизнь и литературная деятельность* / С.Н. Южаков. - СПб.: Тип. т-ва «Общая польза», 1894. - 79 с. - (Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова).

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЯХ РЕВОЛЮЦИИ

Свищёва А.Н. (Москва)

Аннотация. Доклад посвящен рассмотрению двух подходов к объяснению относительной депривации и коллективного протестного поведения (теории фрустрации-агрессии и статусной несогласованности) на основе трудов Т. Гарр и Дж. Урри, соответственно. Сделан вывод о связи данных теорий с дальнейшим исследованием относительной депривации.

В рамках социологических теорий революции существует два подхода к объяснению связи относительной депривации и коллективного протестного поведения: теории фрустрации-агрессии и статусной несогласованности.

В первой теории, оставшейся практически неизменной на всем периоде своего существования [11, 21, 22, 6, 7], обосновывалось, что агрессия является неизбежным результатом препятствия на пути достижения цели, являясь врожденной на него реакцией. Все другие ответы являются лишь подавлением данной реакции в результате социального научения. Агрессия является самоудовлетворяющим последствием, а мотивация применения насилия для достижения цели не является автономной.

Данную теорию в своих исследованиях связи относительной депривации и революции в неявном виде использовали Дж. Дэвис, Д. Лернер, И. и Р. Фейерабенды [9, 10, 20, 12], но наиболее полно её отразил в своей работе Т. Гарр [1].

Т. Гарр рассматривал относительную депривацию и фрустрацию как синонимы и чтобы показать прямую связь между фрустрацией и агрессией даже отошел от принятого в социологии её понимания как расхождения между ожиданиями и достижениями индивида, сведя её к

расхождению между ожиданиями индивида и легитимными возможностями их достижения (т.е. выведя за рамки последствий относительной депривации все уместные в обществе модели по её преодолению). Относительная депривация исследовалась им в двух аспектах: динамическом и статическом.

С точки зрения первого, Т. Гарром, а также Д. Моррисоном, Дж. Дэвисом [1, 23, 9, 10] были разработаны модели относительной депривации: убывающая, устремленная, прогрессивная, характеризующиеся разным сочетанием траекторий ожиданий и достижений, влияющим на увеличение между ними разрыва, а, значит, и остроты воспринимаемой несправедливости.

С точки зрения второго, Т. Гарр выделяет структурные и психологические факторы, влияющие на интенсивность относительной депривации, её политизации, а также факторы её реализации в политическом насилии.

Несомненным достоинством данной модели явилось то, что она содержала в себе посылки будущих теорий политического протеста: теории фреймов политического действия (влияние лозунгов, содержания СМИ на формирование утилитарного и нормативного оправдания насилия, способствующих политизации относительной депривации), теории анализа социальных сетей и реляционной социологии (важность сплоченности и сложности организации протестующих для противостояния с властью). Также анализ Т. Гарром типов ценностей, в связи с которыми возникает относительная депривация, позволял расширить область её проявления (потребность в устойчивых идентичности, убеждениях, нормах)

Широко критикуемым недостатком данной теории явилась отсутствие разграничения между индивидуальной и групповой относительной депривациями, что привело к нивелированию роли коллективной идентичности при ответе группы на неудовлетворённость политическим насилием (что позже признал и сам Т. Гарр) [15], а также отсутствие механизма связи между структурными и психологическими факторами интенсивности относительной депривации, что привело к ложному заключению, что модели относительной депривации, выделенные данными исследователями, с необходимостью приводят к относительной депривации.

Теория статусной несогласованности/неконгруэнтности прошла более сложный путь своего становления: от исследования её как чисто объективного феномена (объективно наблюдаемая несогласованность уровней различных статусов) [19, 17, 3, 26], до понимания важности её субъективного восприятия в связи с осознанием условий, в которых объективная статусная несогласованность не переходит в субъективную [24, 2, 8, 25] до, наконец, его нормативного понимания (нормы соотношения статусных вкладов и вознаграждений индивидов, уместные для данной конкретной ситуации и связанные с референтными группами индивида) [14, 31, 32, 27]. Последнее определение ближе всего подошло к теории дистрибутивной справедливости, в которой развитие концепции статусной несогласованности достигло наибольшей полноты [4, 5, 28, 29].

Данный подход к определению статусной несогласованности наиболее полное отражение получил в работе Дж. Урри [30; см. также 18, 16], сосредоточившего свое внимание на одном из типов статусной несогласованности, который условно можно определить как несогласованность инвестиций (статусных вкладов).

Согласно Дж. Урри, социальные или структурные изменения могут привести к тому, что у индивидов, обладавших ранее определённым уровнем инвестиций и получавших в связи с ними соответствующий уровень вознаграждений, радикально меняется соотношение данных инвестиций (например, доступ афроамериканцев к высшему образованию). В связи с этим, нормы прошлых сравнительных референтных групп, связывавших определенные статусы и вознаграждения, перестают отражать реалии: новое соотношение инвестиций требует других вознаграждений. Это нарушает конвенциональные сравнения индивидов в рамках повседневного мира и приводит к структурным, то есть межгрупповым сравнениям, которые другой группой не признаются легитимными. Таким образом, происходящий конфликт норм справедливости способствует кризису идентичности (разрыву самоконцепций индивида, связанных с его социальными позициями) и может при определенных условиях привести к отстаиванию новых норм справедливости (или конгруэнтности), то есть формированию революционной ситуации как последствием интенсификации групповой относительной депривации.

На её интенсификацию влияет тип атрибуции вины за относительную депривацию: я, судьба, другой человек, группа (по возрастанию от «я» до «группа»). Структурные сравнения способствуют атрибуции вины на другого человека, однако в той мере, в какой межгрупповые взаимодействия статусно-несогласованных часты (т.е. не носят исключительно характер

отдельных индивидов) и неперсональны (т.е. не являются близкими и доверительными), атрибуция переносится на группу в целом. Дальнейшей же эскалации недовольства способствует теория (роль интеллектуальных лидеров революции) и практика несогласия (совместное участие группы в организациях, движениях), которые, формируя коллективную идентичность, способствуют обобщению относительной депривации до группового уровня. При этом общий уровень мобильности в относительно депривированной группе (коллективный фактор) и вера в возможность мобильности (индивидуальный фактор) способствуют смягчению относительной депривации.

Теории Т. Гарра и Дж. Урри внесли существенный вклад в развитие теорий революции и относительной депривации. Однако хотя обе они обладают как достоинствами, так и теоретическими пробелами, теория Дж. Урри лучше встроилась в традицию изучения относительной депривации, изначальная концепция которой основывалась на теории референтных групп, а последующее развитие было тесно связано с исследованием коллективной идентичности.

1. *Garr T. P. Почему люди бунтуют / пер. В. Ф. Анурина. СПб., 2005.*
2. *Baer L. et al. The consequences of objective and subjective status inconsistency // The Sociological Quarterly. 1976, № 3. P. 389 – 400.*
3. *Benoit-Smullyan E. Status, status types, and status interrelation // American Sociological Review. 1944. № 2. P. 151 – 161.*
4. *Berger J. Structural aspects of distributive justice: a status value formulation // Sociological theories in progress / Ed. by J. Berger, M. Zelditch, B. Anderson. Boston, 1972. P. 119 – 146.*
5. *Berger J. The Formation of reward expectations in status situations // Equity theory. Psychological and sociological perspectives / Ed. by D. Messick, K. Cook. N.Y., 1983. P. 127 – 168.*
6. *Berkowitz L. Frustration-aggression hypothesis: examination and reformulation // Psychological Bulletin. 1989. № 1. P. 59 – 73.*
7. *Berkowitz L. The concept of aggressive drive: some additional considerations // Advances in Experimental Psychology / Ed. by L. Berkowitz. New York, 1965.*
8. *Blocker T., Riedesel P. The Nonconsequences of objective and subjective status inconsistency: Requiem for a Moribund Concept // The Sociological Quarterly. 1978, № 2. P. 332 – 339.*
9. *Davies J. Toward a theory of revolution // American Sociological Review. 1962. № 27. P. 5 – 19.*
10. *Davies J. When men revolt and why. New York, 1970.*
11. *Dollard J. et al. Frustration and aggression. New Haven, 1939.*
12. *Feierabend I., Feierabend, R. et al. Social and political violence // Violence in America / Ed. by H. Graham, T. Gurr. Washington, D.C., 1969.*
13. *Geschwender J. Continuities in theories of status consistency and cognitive dissonance // Social Forces. 1967, № 2. P. 160 – 171.*
14. *Goffman I. Status consistency and preference for change in power distribution // American Sociological Review. 1957, № 3. P. 275 – 281.*
15. *Gurr T. Why Men Rebel Redux: How Valid are its Arguments 40 years On? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.e-ir.info/2011/11/17/why-men-rebel-redux-how-valid-are-its-arguments-40-years-on/>*
16. *Hoffer E. The ordeal of change. N.Y., 1964.*
17. *Homans G. Social behavior: its elementary forms. N.Y., 1961.*
18. *Johnson C. Revolutionary change. Boston, 1966.*
19. *Lenski G. Status crystallization: a non-vertical dimension of social status // American Sociological Review. 1954. № 4. P. 405 – 413.*
20. *Lerner D. Toward a communication theory of modernization: a set of considerations // Communications and Political Development / Ed. by L. Pyeted.. Princeton, Princeton, 1963.*
21. *Maier N. Frustration: The study of behavior without a goal. New York, 1949.*
22. *Miller et al. Symposium on the frustration-aggression hypothesis // Psychological Review. 1941. № 48. P. 337 – 366.*
23. *Morrison D. Some notes toward theory on relative deprivation, social movements, and social change // Processes and phenomena of social change / Ed. by G. Zaltman. N.Y., 1973.*
24. *Nelson E. Status Inconsistency: its objective and subjective components // The Sociological Quarterly. 1973, № 1. P. 3-18.*
25. *Runciman W., Bagley C. Status consistency, relative deprivation, and attitudes to immigrants // Sociology. 1969. № 3. P. 359 – 375.*
26. *Rush G. Status consistency and right-wing extremism // American Sociological Review. 1967. № 1. P. 86 – 92.*
27. *Sampson E. Status congruence and cognitive consistency // Sociometry. 1963, № 2. P. 146 – 162.*

28. Tomblon K. *Distributive justice: typology and propositions* // *Human Relations*. 1977. № 1. P. 1 – 24.
29. Tomblon K. *Reversal in preferences to two types of injustice situations: a methodological contribution to equity theory* // *Human Relations*. 1982. № 11. P. 991 – 1014.
30. Urry J. *Reference groups and the theory of revolution*. Lancaster, 1973.
31. Wuggenig U. *A Dying Theory? A Critical Assessment of Some Aspects of Status Inconsistency Research, 1950-1983* // *Status Inconsistency in Modern Societies* / Ed. by Strasser H., Hodgee R. Duisburg, 1986.
32. Zimmermann E. *"Bringing common sense back in": Some neglected assumptions in status inconsistency theory and research* // *Archives Europeennes de Sociologie*. 1978. № 12. P. 53 – 73.

ПРОБЛЕМАТИКА ОНТОЛОГИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ КАК ГАРАНТ ЕЕ АКТУАЛЬНОСТИ

Сергеев В.С. (Санкт-Петербург)

В XXI веке социология столкнулась с очередным вызовом. Этот вызов – будущее. В какой степени современная социологическая теория готова к изучению новых социальных явлений, появление которых опережает темпы ее развития? Готовят ли новых специалистов-социологов в соответствующих учебных заведениях к тому, что в настоящее время социальная реальность не просто «стремительно изменяется» и необходимо ее «схватить» в своем исследовании, а к тому, что ее хорошо было бы еще и «удержать»?

Классическая теоретическая стратегия в социологии представляет собой использование подходящей для изучения социальной реальности теории до тех пор, пока она позволяет корректно его выполнять. После того, как очередной виток общественного развития делает конкретную теорию неэффективной, в сообществе начинается поиск новой теории (теорий), которые ученые могли бы использовать. Эта участь постигла многие качественные и детально проработанные теории, такие как теория К. Маркса, теория Т. Парсонса и другие. Основная претензия социологов здесь состоит в том, что данные теории «устарели». Но что именно в них устарело? Терминология? Описание причинно-следственных связей? Может быть, их выводы о социальной реальности? В широком смысле – да. Но если мы взглянем на ситуацию под другим углом, то обнаружим, что данные теории были сосредоточены на описании и объяснении конкретных социально-экономических событий. Безусловно, это была их сильная сторона, благодаря которым они стали столь распространены и получили признание среди широко круга специалистов. Но это же оказалось и их слабой стороной, которая ограничила «жизненный путь» данных теории и заперла их в определенном историческом контексте. Конечно, это большая утрата для научного сообщества, что мы не можем в полной мере использовать инструментарий «больших теорий» прошлого. С другой стороны, эти примеры дают нам необходимое знание о том, как избежать подобного исхода в будущем.

Последние несколько десятилетий социологическая теория находится в перманентном состоянии ожидания. Ожидания того, что что-то с ней произойдет. Сперва может показаться, что такая характеристика социологической теории содержит лишь негативные коннотации. Однако, это не совсем так. Описанное состояние позволило социологической теории преодолеть последствия второго социологического кризиса XX века и заложить основу для своего развития. Будучи в таком состоянии, своего рода спячке, социологическая теория, в свою очередь, пополнилась множеством качественных теорий, как бы предлагая ученым выбор для того, чтобы они взяли одну и «что-то произошло». Но ученые не торопились делать свой выбор, если мы говорим о выборе академического сообщества. Различные группы ученых, придерживающиеся тех или иных взглядов на то, как следует изучать социальную реальность, имели четкое представление о том, в какую сторону следует двигаться социологии. Но фактическая ситуация внутри академического сообщества напоминала, скорее, иллюстрацию из известной басни И. А. Крылова про воз, где воз – это социология. Порой казалось, что происходит движение – и оно действительно происходило – но ненадолго. Надо отметить, что такое состояние не мешало социологам изучать социальную реальность 80х, 90х, 00х годов. Напротив, разнообразие теоретических предложений превышало спрос. А когда предложение превышает спрос, цена, как известно, падает. Так и многие теоретические разработки быстро превращались из новаторских в никому не нужные (Э. Гидденс, Н. Луман, Б. Латур и др.). На смену принципа «большой теории»

как интегрирующего элемента академического сообщества пришел принцип мультипарадигмальности.

Описанное выше состояние социологии не могло длиться вечно. В XXI веке ученые обнаружили, что сформировавшаяся практика все в меньшей и меньшей степени позволяет корректно описывать и объяснять новые социальные процессы. Получилось, что не «большая теория» устарела, а целый наукообразующий принцип. Те, кто раньше других выявил данную тенденцию, занялись анализом ситуации и поиском решений. Ими оказалась группа британских философов, которую неофициально возглавлял Р. Бхаскар. Его основная идея заключалась в том, что для развития социальных наук необходимо преодолеть распространившееся сведение онтологии к эпистемологии. Использование онтологии, в основе которой лежит чувственный опыт, по Р. Бхаскару, не корректно, поскольку существуют не только явления (в том числе социальные), суть которых мы устанавливаем эмпирически, но и такие, суть которых мы устанавливаем через практику умопостижения. Более того, эта практика в большинстве случаев (если не во всех) предшествует эмпирическому исследованию. Таким образом, социальному исследователю необходимо аналитически разводить онтологию и эпистемологию, при этом отдавая первичную роль онтологии. Свою идею он развил в подходе, который называется трансцендентальный реализм. А для объединения теорий под крылом некоторого направления, было предложено название критический реализм. В социологии наиболее известным представителем данного направления является М. Арчер со своей теорией социального морфогенеза. В контексте обозначенной темы хотелось бы остановиться на том, какие именно преимущества дает исследователю современного общества и будущему исследователю будущего общества эта теория и направление критического реализма в целом. Во-первых, это ориентация на поддержание основных положений критического реализма в качестве неизменных основ данной социологической теории. Это касается и несведения онтологии к эпистемологии, и аналитическое разведение социальной структуры и агентности, и ввод такого концепта как эмерджентность. Последний позволяет социальному исследователю фиксировать социальные изменения в рамках одного теоретического языка. Подробнее об этом в следующем пункте. Во-вторых, это возможность адаптироваться под актуальные социальные изменения благодаря способности такой теории меняться вместе с обществом. Если раньше одна теория фиксировала социальную реальность в одном исторически-временном отрезке, другая – когда первая переставала быть актуальной – фиксировала в другом исторически-временном отрезке, то сейчас мы можем в рамках одной теории исследовать общество на протяжении продолжительного времени без риска того, что теория устареет.

Подводя некоторый итог, хотелось бы обобщить все вышесказанное. Стабилизационное состояние социологической теории позволило распространиться новому наукообразующему принципу – мультипарадигмальности. Однако этот принцип не только не решил, но и обострил одну из основных проблем социологии – недолговечность социологических теорий. В то же время он спровоцировал поиск решения этой проблемы. И оно было найдено в виде возврата к аналитическому разделению онтологии и эпистемологии. Это решение получило свое развитие в виде теории социального морфогенеза М. Арчер, которая направлена не только на изучение социальной реальности, но и на собственное изменение вместе с изучаемым обществом для поддержания собственной актуальности.

1. Гоулднер, А. *Наступающий кризис западной социологии*. – СПб: Наука, 2003
2. Archer, M. *Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988
3. Archer, M. *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995
4. Bhaskar, R. *A Realist Theory of Science*. – New York: Routledge, 2008
5. Giddens, A. *New Rules of Sociological Method*. – Stanford: Stanford University Press, 1993
6. Giddens, A. *The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration*. – Cambridge: Polity Press, 1984

СОВЕТСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР РАСПАДА СССР

Сикевич З.В. (Санкт-Петербург)

Аннотация. Доклад посвящен противоречиям советской национальной политики, которая рассматривается в контексте распада СССР. Особое внимание уделяется противоположности двух идеологических принципов, лежащих в его основе – формированию советского народа и строительству государства на национально-территориальной основе. Кроме этого, обсуждается условность и идеологическая обоснованность границ союзных республик, сохранившаяся и после дезинтеграции СССР в виде границ независимых государств. Объясняется, каким образом советская национальная политика фактически обусловила возникновение этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве. Отдельно рассматривается Украина как искусственный конструкт советской национальной политики.

Потенция распада Союзного государства, на наш взгляд, была заложена в его фундамент с момента его возникновения, а реформы конца 80-х гг. лишь подытожили его дезинтеграцию. Эта исходная посылка правомерна, если иметь в виду две противоположные тенденции, заложенные, с одной стороны, в идеологическом обеспечении режима, с другой, - в национальной политике советского периода.

С одной стороны, целенаправленное формирование советского народа, общности, по определению надэтнической, нивелировало национальную специфику отдельных народов СССР. В массовом сознании на протяжении нескольких поколений утверждалась, причем посредством институционального воздействия, дихотомия "мы" - "они" на государственно - идеологической основе ("мы - советские люди", "они - не советские").

С другой стороны, Декларация прав народов России от 2 ноября 1917 года провозгласила равенство и суверенность российских народов, их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и создания самостоятельного государства, отмену национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие населяющих страну национальных меньшинств и этнографических групп. Именно эта Декларация заложила будущие основы советского федерализма на принципах приоритета национальности. Нечеткость формулировок, дающих возможность разночтения, остались, к сожалению, главной чертой абсолютно всех документов, касающихся "национального вопроса" в СССР, вплоть до его распада. Именно эта "расплывчатость", в частности, права наций на самоопределение, впоследствии послужила основанием выдвижения сепаратистских требований со стороны национальных движений в союзных республиках, послужила толчком для перехода ряда скрытых межэтнических конфликтов из латентного состояния в «горячее».

Условность границ между союзными республиками, а еще чаще их идеологическая обоснованность характерный признак советской национальной политики.

Пример тому – Украина. В 1918 году Донбасс, Харьков и Днепропетровск объявили о создании Донецко - Криворожской Советской республики и попросили принять их в состав РСФСР. Ленин выступил – «против», так как без Донбасса Украина осталась бы аграрной республикой с минимальной долей «рабочего класса». Кроме этого, включение в состав УССР части современной Донецкой области было обусловлено и политикой «разказачивания», когда территорию бывшего Войска Донского во избежание антисоветских волнений было решено разделить между УССР и РСФСР (Ростовская область). Так, в марте 1919 года, еще до официального провозглашения СССР, рождается Советская Украина, наделенная во имя успеха предстоящей индустриализации не только Донбассом, но и Новороссией (промышленными Одесской, Херсонской и Николаевской областями), а в 1954 г. в ознаменование 300-летия «воссоединения Украины с Россией», еще и Крымом, что мотивировалось общностью экономики и территориальной близостью.

Примеры можно было бы продолжить. В частности, карабахский конфликт был заложен «провоцирующими» границами между Арменией и Азербайджаном. В период образования СССР на территории Нагорного Карабаха численно доминировали этнические армяне, тем не менее этот регион на правах автономной области был включен в состав АзССР по чисто идеологическим соображениям (в Азербайджане у власти уже укрепились местные большевики, в то время как в Армении поддержкой населения пользовалась националистическая партия «Дашнактян»). Можно ли удивляться, что в течение 70 лет карабахские армяне так и не примирились со своим положением и в период «перестройки» предприняли вооруженную попытку уйти из-под власти Баку?

Последняя советская Конституция 1977 года, включавшая 15 союзных республик, 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 национальных округов, воспроизвела все недостатки предыдущих - 1924 и 1936 гг.:

- во-первых, при формальном признании равенства народы ранжировались по уровню суверенитета, ибо объем властных полномочий союзной республики был несопоставим с правами автономной республики, не говоря уже об автономных областях и округах. Таким образом, искусственно была сформирована этнополитическая иерархия.
- во-вторых, включенный в Основной закон тезис об ограниченности суверенитета союзных республик по сути своей сводил "на нет" все декларации касательно права на самоопределение, вплоть до отделения;
- в-третьих, само право выхода из СССР лишь декларировалось, однако его условия никак не фиксировались, что косвенно указывало на абсолютную эфемерность любой попытки суверенизации.

Основной просчет решения «национального вопроса» в СССР состоит в том, что унитарную Российскую империю нельзя было «нарезать» по этническому принципу, игнорируя смешанный характер расселения народов.

Кроме этого, несовершенство системы проявилось и в том, что по данным переписи 1989 года около 64 миллионов человек проживали вне территориальных образований своего народа, а 6 миллионов человек вообще оказались лишены всякой автономии (в частности, советские немцы, греки, корейцы) и, таким образом, становились как бы народами «второго сорта».

Мононациональные образования создавались на территориях со исторически смешанным типом расселения этнических групп, причем их соотношение в составе населения того или иного образования не позволяло определить, кто собственно является национальным большинством, а кто - меньшинством, - титульное население региона или представители других этнических групп.

Все открытые или до поры локальные конфликты фактически обусловлены национально-территориальным устройством СССР, которое сохранилось и после его распада. Ведь границы между вновь образованными государствами механически воспроизвели границы союзных республик.

Таким образом, одним из важнейших факторов, постепенно разрушавшим целостность Союзного государства, стала национальная политика, которая должна быть не только одним из приоритетов государственного строительства, но и носить целостный опережающий события характер, учитывать специфику национального самосознания народов, населяющих это государство, их историческую память. Между тем, национальная политика в СССР даже с началом перестройки, в целом не соответствовала ни одному из названных критериев: те или иные действия следовали, причем с опозданием, за событиями, а не предвосхищали их, взаимно противоречили друг другу исходили из представлений о некоем усредненном советском человеке, лишенного и национальных чувств, и национальных предрассудков, и исторической памяти..

Важно, чтобы все эти ошибки, которые допустила советская власть, осознавались и успешно преодолевались в национальной политике Российской Федерации. Формирование российского народа как суверенного согражданства не должно превратиться в попытку реанимации очередного советского человека только без идеологической «начинки».

ТРИ РУССКИЕ РЕВОЛЮЦИИ В СУДЬБЕ И ВЗГЛЯДАХ НИКОЛАЯ АНДРЕЕВА.

Синютин М.В. (Санкт-Петербург)

Социология и революция оказались туго связаны в хитросплетениях отечественной истории. В судьбах социологов первой четверти XX века ничто не оставило более неизгладимого следа. Русские революции 1905 и 1917 годов стали ярчайшими событиями в жизни одного из основателей советской социологии Николая Андреева (1876-1954). Краеугольные камни его научного мировоззрения были заложены в русской социал-демократической среде периода первой русской революции. В круг его общения входили крупнейшие деятели отечественной социал-демократии той поры: Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, А.В. Луначарский, В.Д. Бонч-Бруевич, М.С. Ольминский. С другой стороны, его ум был охвачен познавательным потенциалом социологии. Под впечатлением социологической теории Г. Спенсера Николай Андреев отправился на учебу в Европу в Гейдельбергский университет. Дополнив знания о позитивизме представлениями о модном тогда в Германии неокантианском течении социологии, он всё же сохранил убеждение в

преимущества материалистического понимания истории. По-видимому, важную роль в этом сыграло влияние взглядов Г. Плеханова. Авторитетность Г. Плеханова для Николая Андреева подтверждается близостью их политических взглядов на революционное движение в России. Ни марксистское мировоззрение, ни политические идеалы Николая Андреева ни мешали его активной деятельности в русском социологическом сообществе. Он был лично знаком с И.П. Павловым, П.Н. Милоковым, П.А. Сорокиным, Л.И. Петражицким, М.И. Туган-Барановским, Н.И. Кареевым, и др. ведущими учеными того периода. Вместе с К.М. Тахтаревым он участвовал в первом углубленном обследовании населения столичного города Санкт-Петербурга. Вполне возможно, что именно Николай Андреев был наиболее последовательным сторонником марксизма среди членов Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского.

Важной вехой биографии Николая Андреева стала острая дискуссия в отечественной прессе с В.И. Лениным в период 1911-1912 годов. В ней выражался процесс осмысления отечественным революционным движением результатов первой русской революции и поиск путей к будущей новой революции. На переднем плане оказались вопросы политической стратегии, отношения социал-демократии к Государственной Думе, к правительству, а особенно, вопросы отношения к другим партиям и классам, а также к роли и целям пролетариата в буржуазной революции. Именно в этой полемике в адрес Николая Андреева прозвучит фраза об объективизме, термин, который будет использован в конце 1940-х годов, в ситуации принудительного ухода Николая Андреева из Университета. В этой журнальной полемике проявились разногласия относительно понимания степени самостоятельности рабочего класса и представляющих его интересы партий в конкретных условиях России тех лет. Именно оценка Николаем Андреевым тенденций развития революционного движения в 1917 году привела его к скорому окончательному уходу их партии и политической деятельности.

Парадоксально, но у Николая Андреева, несмотря на «расхождение с политической линией партии», послереволюционная судьба сложилась таким образом, что более трёх десятилетий ему довелось заниматься преподаванием общественных дисциплин в советской образовательной системе. Он встал в первые ряды тех ученых, кто взял на себя груз создания советской социологии, совершенно нового явления в истории социологической мысли. Убежденность в преимуществах материалистического понимания истории перед всеми существовавшими тогда подходами вкупе с ораторским мастерством и бесценным научным опытом делали Николая Андреева востребованным преподавателем. Опыт осмысления революционных процессов стал важнейшим звеном, благодаря которому в творчестве Николая Андреева соединилась дореволюционная и советская социологические традиции.

Советская карьера Николая Андреева в высших учебных заведениях не была простой и гладкой. Он стал участником частых институциональных и организационных изменений, работал в различных вузах Ленинграда. Хотя материалы для диссертации он начал готовить еще в Гейдельбергском университете, защита состоялась только в год его семидесятилетия. Показательно, что вопреки сложившимся штампам относительно характера трудов тех лет, в тексте диссертации фактически отсутствовали какие-либо посылы соотнесения высказываемых мыслей с цитатами партийных авторитетов. Кроме того, даже в названии диссертации звучало слово «социология». Идеи этого важнейшего труда его жизни были выношены многолетними раздумьями над основными социологическими вопросами и событиями отечественной истории первой половины XX столетия. Наконец, важно подчеркнуть, что если в 1910-1920-е годы Николай Андреев публиковал много разнообразных печатных работ, то для периода 1930-1940-х годов диссертационное исследование, ранее представленное в монографии «К вопросу о понимании закономерности в истории: Социологический Этюд» (1925) оказалось единственной его большой работой. В эти годы более востребованными в советской высшей школе оказались его лекционные курсы по истории социологии и философии.

Наконец, нельзя не связать революционные процессы в России с особенно интересовавшим Николая Андреева земельным вопросом. Хотя публикации по этой теме он сделал мало, однако дневники и рукописи говорят о серьезной умственной работе по этой теме. Если понимать насколько революции изменили поземельные отношения в нашей стране, то становится ясным что данный вопрос не нашел полного завершения в публикациях Николая Андреева. Интереснейшие идеи уходили «в стол» и не становились общественным достоянием. Это лучше всего иллюстрирует противоречивость воздействия революционных процессов в нашей стране на творчество ученого.

1. Андреев Н. Н. *Царь и народ: О событиях 9 января 1905.* - Женева: Вперед, 1905.
2. Андреев Н. Н. *Как произошла русская революция и к чему она придет.* - Москва: Отд. изд-ва и кн. скл. Моск. сов. раб. деп., 1917.
3. Андреев Н. Н. *Земельный вопрос.* - Петроград: Книга, 1917.
4. Андреев Н. Н. *К вопросу об отношении между историей и социологией.* Диссертация. - Ленинград, 1946.
5. Андреев Н. Н. *К вопросу о понимании закономерности в истории: Социологический этюд.* - Ленинград: Книга, 1925.
6. Синютин М. В. *Социолог номер один: К 140-летию Н.Н. Андреева,* // Журнал социологии и социальной антропологии, №3, 2016, сс. 32-49.

СОБЫТИЯ ОКТЯБРЯ 1917: ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ?

Смирнов П.И. (Санкт-Петербург)

Относительно событий «десяти дней» октября 1917 года, «которые потрясли мир» нет согласия среди российских обществоведов. Одна из важнейших причин, препятствующих пониманию этих событий, отсутствие адекватных теоретических средств их осмысления. Марксистская схема эволюции, содержащая понятия «капитализм» и «социализм», не вполне пригодна для их анализа. Лучше понять смысл упомянутых событий можно на основе схемы эволюции общества, в которой эволюция прослеживается по изменению положения человека в обществе.

Предлагаемая схема включает в себя идеальные типы дикости, варварства, двух разновидностей цивилизации (служебно-домашней и рыночной), а также идеальные типы цивилизованного сообщества и напряженной цивилизации [5;6].

Цивилизованное сообщество, возникшее в России на основе православия и русского языка, с целью самосохранения от угрозы с Востока и с Запада сформировало общество с чертами служебно-домашней цивилизации (далее СДЦ). Сходство обществ в России и СССР с идеальным типом СДЦ выявляется при рассмотрении их важнейших признаков и свойств.

Для них характерно доминирование ценности «общество» над ценностью личность, коллективной служебной деятельности, домашнего хозяйства, функционирование которого направлено на «удовлетворение собственных потребностей, будут ли то потребности государства, личности или союза потребителей» [1, с.8].

Постоянная внешняя опасность с Запада и Востока – главная причина, толкнувшая Московскую Русь на путь СДЦ. Борьба на два фронта вынуждала московских государей концентрировать в своих руках всю силу русской земли [3, с.496-497; 8, с.157-158].

Обе угрозы (с Запада и Востока) были смертельно опасными для существования русского народа, отличаясь механизмом воздействия. Под влиянием Запада ему грозила смена национальной идентичности посредством смены религии, изменений в языке и бытовой культуре. Угроза с Востока грозила его физическому существованию. За четыре века после татар в турецкий плен было уведено от 3 до 5 миллионов человек, т.е. была уведена в плен масса, почти равная всему населению страны в середине XVI века [7, с.404].

Поскольку безопасность России могла быть гарантирована только воинской повинностью, другие сословия тоже были обязаны выполнять определенные повинности в пользу государства [3, с.421-422].

В советский период внешняя опасность также была важной причиной, толкавшей развитие страны в русле СДЦ. Но важной причиной можно считать и вековые традиции существования в России общества с чертами СДЦ.

Перечни высших ценностей в царской России и СССР аналогичны. Общей ценностью в них является ценность «общество», а ценностям «вера» и «царь» соответствуют ценности «личность вождя» и «марксистская идеология». Наличие и сходство упомянутых ценностей в царской России и СССР обусловлено функциями, которые они выполняли в цивилизованных сообществах, выступающих предпосылками обоих обществ.

Религия и коммунистическая идеология (каждая на свой лад) обеспечивали духовное единство сообщества (и общества), укрепляли волю, учили нравственности, приносили утешение.

Ценность «государь» ли «вождь» необходима в реальных обществах с чертами СДЦ, ибо ее носители выполняют три важнейшие функции: функцию высшего эксперта, определяющего

заслуги каждого, функцию главного хозяйственного управленца, функцию быстрого принятия решений

Известные общественеды единодушно отмечают определяющую роль служебной деятельности в жизни российского общества [2, с.288; 3, с.423; 4, с. 22].

В советском обществе служебная деятельность приобрела гипертрофические размеры, вторгшись в сферы деятельности (материальное производство, включая сельское хозяйство, и торговля), которые традиционно строятся на базе эгодеятельности (деятельности деятеля для себя).

Признаки домашнего типа хозяйства в России и СССР хорошо заметны во все время существования страны.

Главный из них – производство для внутреннего потребления – не абсолютен. Связь с мировым рынком в России существовала всегда. Но в Московском княжестве, в Российской империи, а позднее в СССР торговля на внешнем рынке была в решающей степени направлена на удовлетворение внутренних потребностей страны.

Дополнительными признаками домашности народного хозяйства царской России и СССР являются государственная монополия во внешней и внутренней торговле, централизованное планирование, наличие государственных предприятий, что хорошо согласуется с историческими данными.

Общество с признаками СДЦ имеет тенденцию перерождения в напряженную цивилизацию, когда высший правящий слой «забывает» о своих обязанностях, сохраняя свои привилегии. В результате оно теряет управляемость, наступают периоды «застоя» или аномии (смуты, революции). Для возвращения обществу управляемости требуется смена правящего слоя, что в России происходило неоднократно.

После «Великой Смуты» боярская знать, начавшая ее, была заменена дворянством. Дворянство, к царствованию Александра I освободившее себя от государственных обязанностей, было заменено реформами Сперанского служилой бюрократией. Бюрократия, которая к концу XIX века открыто и принципиально принесла в жертву личным и семейным интересам дело государства [9, с.132-141], была заменена Советами. Но власть в стране постепенно перехватила партийно-государственная номенклатура, которая деградировала еще быстрее, чем любой российский правящий класс до нее. Страна потеряла управляемость, и, пережив катастрофические последствия «перестройки» и «радикальных реформ», завершила Февральскую революцию 1917 года, втянувшись в русло рыночной цивилизации, не имеющей ныне длительной перспективы существования.

Сходство ведущих признаков обществ в России и СССР показывает, что страна не вступила на новый, ранее неизведанный путь, а вернулась к прежнему, несколько измененному, социальному устройству. Большевицкая революция явилась контрреволюцией по отношению к Февральской революции, призванной двинуть страну к рыночной цивилизации. Но в политическом смысле события Октября были революцией, поскольку к управлению страной, через Советы, пришел народ. К сожалению, ненадолго.

1. Вебер М. *История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории.* – Пг.: Наука и школа. 1923. 240 с.
2. Гумилев Л.Н. *От Руси к России.* – М.: Экспресс, 1992. 335 с.
3. Данилевский Н.Я. *Россия и Европа.* – СПб.: Изд.: «Глаголь»; Изд.: СПбГУ, 1995. 552 с.
4. Медушевский А.Н. *Общество и государство в русском историческом процессе / Вестник Московск. ун-та. Сер. 12. 1993. № 1. С. 15-30.*
5. Смирнов П.И. *О социологическом моделировании общественной эволюции // Социологические исследования. 2004. № 8. С.12-22.*
6. Смирнов П.И. *Цивилизованное сообщество и напряженная цивилизация: идеальные типы в схеме эволюции общества / Теоретический журнал Credo new. 2013. № 1. С.46-62.*
7. Солоневич И.Л. *Народная монархия.* – Минск: Лучи Софии, 1998. 504 с.
8. Тойнби А. Дж. *Цивилизация перед судом истории.* – М.: Прогресс-Культура – СПб.: Ювента, 1995. 471 [1] с.
9. Федотов Г.П. *Судьба и грехи России (избранные статьи по философии русской истории и культуры). В 2-х т.* – СПб.: София, 1991. Т.1. 352 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ИХ ИЗМЕНЕНИЕ: ТЕОРЕТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Сорокин Н.С. (Санкт-Петербург)

По справедливому утверждению ряда исследователей, категория социальных институтов является одной из базовых в социологии, и институциональный анализ начинается еще с О. Конта. Конт разделил социологию на два раздела: социальная статика и социальная динамика. Социальная статика предполагала изучение различных структур, институтов, которые рассматривались как стабильные и функционально взаимосвязанные [1, с. 123–124; 2, с. 4].

Г. Спенсер определял общество как социальный организм, в котором социальные институты выступают в качестве его органов, выполняющих определенную функцию и способствующих поддержанию целостности организма. Изменение институтов происходит в ходе эволюции общества, под которой понимается переход от менее сложных форм к более сложным [3, с. 103]. Слабыми сторонами концепции Спенсера являются отсутствие признания большей сложности общества, по сравнению с природой и учета роли субъективного фактора в изменении институтов.

Э. Дюркгейм учитывает особый характер социальной реальности. Он определяет социологию как науку об институтах, их генезисе и функционировании. Социальные институты Дюркгейм рассматривает как совокупность социальных фактов. Данный ученый использует два аспекта определения социального факта: во-первых, это некая надиндивидуальная реальность, существующая независимо от индивида; во-вторых, это всякий способ действия, способный оказывать на индивида внешнее принуждение. Социальные факты рассматриваются в широком смысле слова. Ими могут быть язык; традиции; культурные нормы; мода; определенные течения общественного мнения и даже установленная в стране монета. Однако базовыми признаками социального факта являются внешняя индивиду принудительная сила и скрытость, означающая, что социальные факты обнаруживаются через отклонение от них. Ученый приводит следующие примеры: мы можем говорить с соотечественниками не на своем языке; расплачиваться другой монетой; отклоняться от моды, и тогда быстро заметим определенные санкции со стороны общества, обнаружив таким образом социальный факт [4]. В то же время, Дюркгейм не допускал возможности трансформации социальных фактов в результате действий людей.

Иной подход к анализу социальных институтов, принципиально отличающийся от рассмотренных выше подходов, представлен П. Бергером и Т. Лукманом. По мнению данных мыслителей, институты возникают в ходе исторического процесса посредством хабитуализации (опривычивания) действий. Человек сталкивается с разными ситуациями и действиями других людей, которые он постепенно типизирует и таким образом накапливает опыт. Попадая в определенную ситуацию в дальнейшем, он начинает относить ее к привычному типу, в котором уже имеется определенный алгоритм социального действия. В основе социального порядка лежит способность к типизации разных действий и ситуаций. Институционализация происходит на основе взаимной типизации. Главное значение институтов заключается в том, что они контролируют поведение людей, делают его взаимно предсказуемым [5, с. 37–41]. Данные ученые считают, что объективность социального мира сконструирована самими людьми, институты представляют собой результат объективированной деятельности людей, они создаются и поддерживаются только во взаимодействии людей [5, с. 42].

Ряд идей Д. Норта и Э. Гидденса также заслуживают внимания, ибо позволяют сбалансировать объективное влияние институтов с возможностями человеческой деятельности в изменении данного влияния. В своей работе Норт определил социальные институты как правила, механизмы, обеспечивающие их соблюдение и нормы поведения, которые снижают неопределенность в повторяющихся взаимодействиях людей. Данный ученый обратил внимание, что люди могут не подчиняться сложившимся правилам, важным условием подчинения является вера людей в справедливость и незыблемость этих правил. Институциональные структуры, обеспечивающие соблюдение правил, а также ценности и идеалы, влияющие на нормы поведения, различаются во времени и пространстве. Приводится пример, что многие латиноамериканские государства построили свою Конституцию по образцу США, однако практическая реализация Конституции там сильно отличается от США [6, с. 73–75].

Э. Гидденс рассматривает социальные институты как основные образцы деятельности, которым следует большинство членов общности, локализованной в определенном пространстве и

времени. Гидденс пытается преодолеть разрыв между социальным действием и социальной структурой, рассматривает институты как объективно существующие, но известные людям, которые своими разумными действиями воспроизводят данные институты. Под деятельностью понимается способность к преобразованию структур и институтов [7, с. 56].

Рассмотрим ряд современных подходов. Д.П. Гавра, Н. Смелзер, Н. Комаров понимают социальный институт в двух аспектах:

1. Социальный институт как совокупность социальных норм, ролей и статусов, созданных для удовлетворения человеческих потребностей и регулирующих поведение человека;

2. Социальный институт как созданное людьми социальное образование для эффективного использования ресурсов общества с целью удовлетворения человеческих потребностей [1, с. 128—132]. Таким образом, согласно данному определению, главное предназначение институтов состоит в удовлетворении человеческих потребностей.

По мнению Т.И. Заславской, наиболее перспективным для исследования является следующее определение социального института: «Институт — это устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности» [8, с. 150]. В структуре социального института автор выделяет четыре элемента: формальные административно-правовые нормы; неформальные социокультурные нормы; механизмы административно-правового контроля выполнения формальных норм и механизмы общественного контроля выполнения, как формальных, так и неформальных норм [8, с. 112—113]. В данном подходе учитываются не только формальные, но и неформальные институты. Также в качестве важной составляющей института выделены механизмы соблюдения институциональных правил, принципов, норм, установок.

С точки зрения О.В. Козыревой, социальный институт является частью общества как системы и под ним понимается «открытая социальная система, элементом и носителем свойств которой является социальный актор, которая нацелена на реализацию определенной общественной потребности, включает комплекс формальных и неформальных норм, ценностей, статусов и ролей, выраженных в конкретных нормативных, идеальных и организационных социальных структурах и относительно устойчивых социальных практиках» [9, с. 220]. Данное определение также учитывает, что социальные институты могут изменяться действиями самих людей.

Сформулируем положение, основанное на нашем обобщении и дополнении всех рассмотренных подходов. Социальный институт следует рассматривать как элемент социальной структуры разных уровней общества, включающий в себя систему формальных и неформальных правил социальных взаимодействий и механизмов, обеспечивающих их соблюдение. Формальные и неформальные правила социального взаимодействия влияют на поведение людей, но при этом могут изменяться в результате человеческой деятельности.

1. Гавра Д.П. Социальные институты // *Социально-политический журнал*. — 1998. — №2. — С. 123—132.

2. Ядов В.А. Социальные институты // *Человек. Сообщество. Управление*. — 2006. — №1. — С. 4—13.

3. Ясавеев И. «Социальная проблема» в социологическом лексиконе // *Социальная реальность*. — 2006. — №6. — С. 101—117. URL: <http://old.mgimo.ru/library/list/index.shtml> (дата обращения 30.09.2017).

4. Дюркгейм Э. Метод социологии. URL: <http://socioline.ru/pages/e-dyurkgejm-metod-sotsiologii> (дата обращения 06.10.2017).

5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

6. Норт Д. Институты и экономический рост. Историческое введение // *THESIS*. — 1993. — Вып. 2. — С. 69—91.

7. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М.: Академический Проект, 2003. 528 с.

8. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. 400 с.

9. Козырева О.В. Феномен социального института и его теоретическое определение // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. — 2015. — №6. — С. 214—223.

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ «БИХЕВИОРИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В ТМО

Старовойтова С. (Санкт-Петербург)

В основе бихевиористского анализа лежит позитивистский подход, основывающийся на послышке о единообразии, повторяемости и исчислимости элементов, составляющих политические феномены. Данный тип анализа утвердился изначально в гуманитарных и социальных науках США, а затем и в других государствах Запада в ходе бихевиористской или бихевиоральной революции, которая происходила в странах в 1950-е годы.

Основные особенности «бихевиористской революции» в теории международных отношений заключаются в том, что благодаря ей появляется новый взгляд, который в своей основе применяет четыре основных принципа. Первый принцип – принцип эмпиризма, смысл которого заключается в исследовании международных отношений посредством эмпирического анализа реального международного положения. Вторым принципом выступают идеи об индуктивности. Индуктивность, в данном случае, служит в качестве формы обобщения эмпирических данных и способствует выдвиганию четкой гипотезы, поиску зависимых и независимых качеств, которые оказывают влияние на поведение того или иного актора. Следующий принцип – принцип объективизма. Данный принцип подразумевает восприятие процессов международных отношений, не зависящих от человеческой воли или стремления. Данные процессы вытекают из реальности отношений между людьми в контексте их жизнедеятельности. Последним принципом является то, что все процессы, происходящие в международных отношениях, должны рассматриваться в контексте системности, а именно, необходимо учитывать взаимозависимость элементов международных отношений.

Все теории бихевиоризма, в зависимости от исходной гипотезы, можно разделить на три группы: системные теории, теории связи и факторные теории («теории поля»). Если говорить о методологии, используемой в идеях данного подхода, то можно выделить некоторые основные позиции, а именно: во-первых, закономерный характер международных явлений, который проявляется в циклическом поведении государств. Во-вторых, представители данного подхода используют эмпирические обобщения и исходят из строгости, точности и верифицированности факторов и сведений, которые должны строиться на максимально возможном использовании числовых данных. Следующим важным элементом данной теории является его моральная сторона, так как международные отношения не всегда строятся на этико-моральных качествах. Поэтому, для объективного и релевантного понимания международных отношений, наука должна исследовать все формы этих отношений, даже если они являются этически недопустимыми. Следующим важным элементом данной теории являются позиции. Научные данные должны быть первичны по отношению к применению государственных решений и поведению. И наконец, завершающим элементом является взаимосвязь всех международных явлений с социальными предпосылками.

Таким образом, «бихевиористская революция» оказала большое влияние на развитие теории международных отношений. Данная теория и применяемый ею системный анализ способствует исследованию политических феноменов во всей их сложности и взаимопереплетенности, учитывая как социальные основания политики, так и обратное влияние последней на социальную реальность.

1. Барановская Т. А. Обзор зарубежных теорий обучения. Исторический очерк / Т. А. Барановская // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 11. – С. 216-222.

2. Головачева И. В. Свобода, стимул, реакция (бихевиоризм в утопиях О. Хаксли и Б. Ф. Скиннера) / И. В. Головачёва // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 57. – С. 145-150.

ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ КАК РЕФОРМАТОРСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

Стрельникова Т.В., Овсянников В.Г., Чудаев М.Е. (Санкт-Петербург)

Аннотация: В данной работе авторы обосновывают принципиальную возможность выделения такой специальной отрасли социологической науки - прикладная социология как реформаторская дисциплина, что связано, прежде всего, с приложением социологических законов и принципов к частным социальным проблемам с целью их практического разрешения. Авторское понимание прикладной социологии предполагает разработку и использование новых методов и средств решения социальных проблем, которые должны соответствовать (быть сравнимыми)

сложности современной ситуации, быть ориентированными на «работу» (научную и практическую) в условиях высокой степени неопределенности реформирования российского общества. Эти новые задачи предполагают использование специальных методов и средств интенсивного обучения и группового образования развития человека и проведения социальных реформ.

В условиях быстрой трансформации российского общества, когда сложный и противоречивый характер современной реальности, в которой мы живем, появление многообразных и глобальных проблем человеческих цивилизаций не имеющего адекватного решения, особенно требуется изменение содержания и логики прикладной социологии. Необходимость решения практических задач в реализации социальных реформ в российском обществе также создало настоятельную потребность в формировании научно обоснованной социальной политики, разработке национальных проектов и соответствующей социологической экспертизы «старых» и «новых» социальных потребностей и приоритетов конкретных социальных групп населения в различных регионах страны.

На наш взгляд, прикладная социология или социальная политика, как еще считал выдающийся русский и американский социолог П. Сорокин, - это дисциплина, которая, опираясь на законы, сформулированные теоретической социологией, дает возможность обществу управлять социальными силами, утилизировать их согласно поставленным целям указывать точные средства для борьбы с социально-психическими болезнями, для рациональных реформ во всех областях общественной жизни (в экономической, политической, правовой, религиозной, научной, педагогической и т.д.) [1, 40-41] Причем любой практической реализации реформ в отличие от революции должно предшествовать тщательное научное исследование конкретных социальных условий и причин жизнедеятельности населения. Каждый реконструктивный эксперимент вначале следует проводить на малом социальном масштабе, и лишь если он продемонстрирует позитивные результаты, масштабы реформ могут быть увеличены. Реформы не должны попирают человеческую природу, противоречить ее базовым инстинктам и проводиться в жизнь антиправовыми и антиконституционными средствами. [2, 205-206] В этом случае вместо дилетантского «реформирования» перед нами появляется серьезная рациональная социальная политика реформирования общества. Конечно, любое социальное реформирование разрабатывается в интересах определенных социальных групп, но осуществляется тем более успешно, чем больше людей в нем практически участвует.

Практическое создание такой непосредственной жизненной среды, которая способствовала воспроизводству нужных сегодня России человеческих качеств, требует не столько дополнительных материальных и финансовых ресурсов (это особый разговор), сколько изменений в общественном сознании и психологии рядовых граждан и руководителей. Необходимо скорейшее преодоление диктата односторонних экономических решений. С точки зрения прикладной социологии главное, ведущее звено в общественном реформировании связано с задачами создания реальных условий для целостных практических действий целостной личности конкретного работника. Однако при этом следует помнить, что развитие системы товарно-денежных отношений и соответствующего разделения труда ведет к «разделению» индивида, отчуждению его от результатов труда, а, в конечном счете, и к самоотчуждению, и к обеднению его деятельности. Именно товарное производство есть источник глобальных проблем современности, когда само существование человека и природы становится проблематичным. Решение данных проблем без «снятия» духа свободного, частного предпринимательства невозможно. Конечно, переход к новому экономическому укладу, к инновационному типу воспроизводства предполагает полное раскрепощение предпринимательства, с одной стороны, но с другой – его обобществление и сращивание с мировой культурой.

В этом отношении нам ближе определение прикладной социологии, сложившееся в американской социологической традиции, где считается, что прикладная социологии – это дедуктивная фаза научной социологии. Это аккуратное и точное использование социологических обобщений для решения социальных проблем. Это приложения социологических законов и принципов к частным ситуациям. Прикладная социология может быть инструментом либо для социальных реформ, либо для социальной инженерии. [3, 302] Таким образом, мы считаем, что прикладная социология как реформаторская дисциплина – научная отрасль, дедуктивная фаза, функция социологической науки, связанная с применением социологических законов и принципов к конкретным социальным проблемам с целью их практического разрешения.

Тогда, по степени приближенности к практике можно выделить следующие две группы методов прикладной социологии как реформаторской дисциплины:

1. Методы, сопровождающие планомерную практическую деятельность людей (социальное прогнозирование, социальное проектирование, социальное программирование, организация внедрения и использования социальных технологий) как основа социальной политики и управления государством.

2. Методы оптимизации самой практической деятельности людей (аналитические, эвристические, проективные, игровые и инновационные) как основа для обучения решению социальных проблем в непосредственной жизненной ситуации и планированию жизни и карьеры человека (или социоинженерные методы).

Освоение прикладной социологией этих новых для нее методов становится все более актуальным. Помимо получения новой информации о происходящих событиях и прогнозировании будущих, социологи принимают участие в организации переговоров, разрешении конфликтных ситуаций, разработке социальных проектов и программ, создании («выращивании») новых команд и коллективов. Эти новые задачи предполагают использование, наряду с методами исследования, специальных методов и средств интенсивного обучения и группообразования в развитии человека и реформировании российского общества. [4]

Содержание и методы прикладной социологии, в свою очередь, реализуется в ряде ее функций:

1. Информационно-диагностическая функция, предполагающая на основе сбора оперативной социологической информации установление причинно-следственных связей в изучаемых социальных объектах, обнаружение «болевых точек», «узких мест» и первоочередных социальных проблем, требующих решения;

2. Планово-прогностическая функция, связанная с научной организацией практической деятельности, обследуемого социального объекта на основе нормативных социальных показателей существующего и прогнозируемого уровня достижения социальных целей. Причем прогноз предполагает, по меньшей мере, сравнение двух социальных объектов в пространстве и времени;

3. Социоинженерная функция, направленная на практическое решение социальных проблем, разработку и внедрение социальных программ и технологий самими участниками обследуемой ситуации;

4. Контрольно-корректирующая функция, связанная с внесением коррективов (в случае отклонения от плана решения социальной проблемы) или постоянным контролем за ходом осуществления практических инноваций;

5. Функция социологического просвещения (пропаганды, рекламы, связи с общественностью), направленная на постоянное переобучение руководителей и специалистов, информирование обследуемых и широкой общественности о ходе реализации социальных реформ, проектов и технологий.

В рамках такого понимания функций прикладной социологии ее основная задача связывается с деятельностью по обоснованию, планированию и реализации социальных реформ и проектов сознательных изменений социальных систем разных типов и уровней. Система непосредственного жизнеобеспечения общества должна способствовать сохранению и воспроизводству человека как экологической единицы и как личности, обеспечивать его физическое, психическое и социальное здоровье, с одной стороны, и его значительной нравственной, социальной и творческий потенциал - с другой. От состояния этой системы зависят все издержки и выигрыши людей по всем направлениям реализации социальных реформ. [5, 31]

Надо признать, что сегодняшний методологический арсенал прикладной социологии и разрабатываемых на его основе методов и средств социального реформирования настоятельно требует пристального внимания и серьезной поддержки со стороны российского правительства руководителей и общественных деятелей, ученых и практиков. Речь идет о целенаправленной повсеместной и систематической подготовке социальных инженеров и социальных технологов – профессионалов, способных эффективно решать стоящие перед российским обществом социальные практические проблемы.

Аннотация: В данной работе авторы обосновывают принципиальную возможность выделения такой специальной отрасли социологической науки - прикладная социология как реформаторская дисциплина, что связано, прежде всего, с приложением социологических законов и принципов к частным социальным проблемам с целью их практического разрешения. Авторское понимание прикладной социологии предполагает разработку и использование новых методов и средств решения социальных проблем, которые должны соответствовать (быть сравнимыми) сложности современной ситуации, быть ориентированными на «работу» (научную и

практическую) в условиях высокой степени неопределенности реформирования российского общества. Эти новые задачи предполагают использование специальных методов и средств интенсивного обучения и группообразования развития человека и проведения социальных реформ.

В условиях быстрой трансформации российского общества, когда сложный и противоречивый характер современной реальности, в которой мы живем, появление многообразных и глобальных проблем человеческих цивилизаций не имеющего адекватного решения, особенно требуется изменение содержания и логики прикладной социологии. Необходимость решения практических задач в реализации социальных реформ в российском обществе также создало настоятельную потребность в формировании научно обоснованной социальной политики, разработке национальных проектов и соответствующей социологической экспертизы «старых» и «новых» социальных потребностей и приоритетов конкретных социальных групп населения в различных регионах страны.

На наш взгляд, прикладная социология или социальная политика, как еще считал выдающийся русский и американский социолог П. Сорокин, - это дисциплина, которая, опираясь на законы, сформулированные теоретической социологией, дает возможность обществу управлять социальными силами, утилизировать их согласно поставленным целям указывать точные средства для борьбы с социально-психическими болезнями, для рациональных реформ во всех областях общественной жизни (в экономической, политической, правовой, религиозной, научной, педагогической и т.д.) [1, 40-41] Причем любой практической реализации реформ в отличие от революции должно предшествовать тщательное научное исследование конкретных социальных условий и причин жизнедеятельности населения. Каждый реконструктивный эксперимент вначале следует проводить на малом социальном масштабе, и лишь если он продемонстрирует позитивные результаты, масштабы реформ могут быть увеличены. Реформы не должны попирают человеческую природу, противоречить ее базовым инстинктам и проводиться в жизнь антиправовыми и антиконституционными средствами. [2, 205-206] В этом случае вместо дилетантского «реформирования» перед нами появляется серьезная рациональная социальная политика реформирования общества. Конечно, любое социальное реформирование разрабатывается в интересах определенных социальных групп, но осуществляется тем более успешно, чем больше людей в нем практически участвует.

Практическое создание такой непосредственной жизненной среды, которая способствовала воспроизводству нужных сегодня России человеческих качеств, требует не столько дополнительных материальных и финансовых ресурсов (это особый разговор), сколько изменений в общественном сознании и психологии рядовых граждан и руководителей. Необходимо скорейшее преодоление диктата односторонних экономических решений. С точки зрения прикладной социологии главное, ведущее звено в общественном реформировании связано с задачами создания реальных условий для целостных практических действий целостной личности конкретного работника. Однако при этом следует помнить, что развитие системы товарно-денежных отношений и соответствующего разделения труда ведет к «разделению» индивида, отчуждению его от результатов труда, а, в конечном счете, и к самоотчуждению, и к обеднению его деятельности. Именно товарное производство есть источник глобальных проблем современности, когда само существование человека и природы становится проблематичным. Решение данных проблем без «снятия» духа свободного, частного предпринимательства невозможно. Конечно, переход к новому экономическому укладу, к инновационному типу воспроизводства предполагает полное раскрепощение предпринимательства, с одной стороны, но с другой – его обобществление и сращивание с мировой культурой.

В этом отношении нам ближе определение прикладной социологии, сложившееся в американской социологической традиции, где считается, что прикладная социологии – это дедуктивная фаза научной социологии. Это аккуратное и точное использование социологических обобщений для решения социальных проблем. Это приложения социологических законов и принципов к частным ситуациям. Прикладная социология может быть инструментом либо для социальных реформ, либо для социальной инженерии. [3, 302] Таким образом, мы считаем, что прикладная социология как реформаторская дисциплина – научная отрасль, дедуктивная фаза, функция социологической науки, связанная с применением социологических законов и принципов к конкретным социальным проблемам с целью их практического разрешения.

Тогда, по степени приближенности к практике можно выделить следующие две группы методов прикладной социологии как реформаторской дисциплины:

1. Методы, сопровождающие планомерную практическую деятельность людей (социальное прогнозирование, социальное проектирование, социальное программирование, организация внедрения и использования социальных технологий) как основа социальной политики и управления государством.

2. Методы оптимизации самой практической деятельности людей (аналитические, эвристические, проективные, игровые и инновационные) как основа для обучения решению социальных проблем в непосредственной жизненной ситуации и планированию жизни и карьеры человека (или социоинженерные методы).

Освоение прикладной социологией этих новых для нее методов становится все более актуальным. Помимо получения новой информации о происходящих событиях и прогнозировании будущих, социологи принимают участие в организации переговоров, разрешении конфликтных ситуаций, разработке социальных проектов и программ, создании («выращивании») новых команд и коллективов. Эти новые задачи предполагают использование, наряду с методами исследования, специальных методов и средств интенсивного обучения и группообразования в развитии человека и реформировании российского общества. [4]

Содержание и методы прикладной социологии, в свою очередь, реализуется в ряде ее функций:

1. Информационно-диагностическая функция, предполагающая на основе сбора оперативной социологической информации установление причинно-следственных связей в изучаемых социальных объектах, обнаружение «болевых точек», «узких мест» и первоочередных социальных проблем, требующих решения;

2. Планово-прогностическая функция, связанная с научной организацией практической деятельности, обследуемого социального объекта на основе нормативных социальных показателей существующего и прогнозируемого уровня достижения социальных целей. Причем прогноз предполагает, по меньшей мере, сравнение двух социальных объектов в пространстве и времени;

3. Социоинженерная функция, направленная на практическое решение социальных проблем, разработку и внедрение социальных программ и технологий самими участниками обследуемой ситуации;

4. Контрольно-корректирующая функция, связанная с внесением коррективов (в случае отклонения от плана решения социальной проблемы) или постоянным контролем за ходом осуществления практических инноваций;

5. Функция социологического просвещения (пропаганды, рекламы, связи с общественностью), направленная на постоянное переобучение руководителей и специалистов, информирование обследуемых и широкой общественности о ходе реализации социальных реформ, проектов и технологий.

В рамках такого понимания функций прикладной социологии ее основная задача связывается с деятельностью по обоснованию, планированию и реализации социальных реформ и проектов сознательных изменений социальных систем разных типов и уровней. Система непосредственного жизнеобеспечения общества должна способствовать сохранению и воспроизводству человека как экологической единицы и как личности, обеспечивать его физическое, психическое и социальное здоровье, с одной стороны, и его значительной нравственной, социальной и творческой потенциал - с другой. От состояния этой системы зависят все издержки и выигрыши людей по всем направлениям реализации социальных реформ. [5, 31]

Надо признать, что сегодняшний методологический арсенал прикладной социологии и разрабатываемых на его основе методов и средств социального реформирования настоятельно требует пристального внимания и серьезной поддержки со стороны российского правительства руководителей и общественных деятелей, ученых и практиков. Речь идет о целенаправленной повсеместной и систематической подготовке социальных инженеров и социальных технологов – профессионалов, способных эффективно решать стоящие перед российским обществом социальные практические проблемы.

1. Сорокин П. Система социологии. Сыктывкар. Т.1. 1991. - С. 40-41

2. Сорокин П. Социология революции // Человек. Цивилизация. Общество. М.: 1992. - С. 205-206

3. Dictionary of sociology / Edited by Henry Pratt Fairchild. New Jersey. 1976. - P. 302.

4. Прикладная социология: социальное моделирование и программирование / отв. ред. В.Г. Овсянников. СПб.: Изд-во С. - Петерб. Ун-та, 2008. – 173 с.

5. Прогнозное социальное проектирование / отв. Ред. Т.М. Дридзе. М., 1989. - С. 31.

БУДУЩЕЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ – МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ ИЛИ ЭКСПЕРТНОЕ ЗНАНИЕ?

Титаренко Л.Г. (Минск, Республика Беларусь)

Аннотация

Рассматриваются некоторые классические подходы теоретической социологии, позволяющие проследить ее развитие как междисциплинарной науки. Этот тренд получил развитие в ряде работ современных западных социологов. Второй возможный тренд будущего развития социологии – «поворот» от научного социологического знания к экспертному.

В современных социальных науках приоритеты по-прежнему отданы экономике. Роль социологии гораздо скромнее: сделанные социологами прогнозы будущего игнорируются мировым сообществом, а экономические всячески превозносятся [6]. Интерес интеллектуального сообщества к социальным наукам упал по сравнению с ее «золотым веком» 1960-70 гг. Ведутся постоянные дискуссии о том, как изменится роль теоретической социологии в ближайшем будущем.

Ряд западных ученых видит возможный выход из критического состояния социальных наук в возврате к синкретизму социальных наук – идее, которую в 1840-е гг. разрабатывал Маркс. Классики социологии всегда подчеркивали связь социологии с другими социальными науками. Вебер работал, выражаясь современным языком, в рамках междисциплинарного подхода, он обсуждал свои статьи с историками, философами, теологами, считая это крайне необходимым [5]. Практически все труды Вебера можно отнести и к социологии, и к экономике, и к политической науке, и к истории. Немецкая классическая социология находилась под сильным влиянием немецкой философии, что, несомненно, способствовало появлению в ней плеяды блестящих теоретиков в XX в.: Адорно, Хабермас, Дарендорф. Наследие социологов сегодня широко используется в других социальных науках: Вебер «стал частью канона политической теории», как указывает С. Тернер [7, 559].

Сегодня актуальна позиция Дюркгейма, который рассматривал историю и социологию как две ветви одной науки об обществе, призывал к тесному союзу социологии и истории, необходимому для понимания любого феномена в социологии. Данная мысль отражена в трактовке Дюркгеймом метода социологии, в его подходах к религии, морали, образованию, разделению труд и т.п. История и здесь рассматривалась не как конкретная концепция, а как историческое измерение всякого феномена. Современные исследователи Дюркгейма считают, что наряду с историей он широко использовал этнологический фон для своих трудов [1, 155]. В целом, социология отделилась от философии во Франции лишь в 1950-е гг., а в Великобритании еще позже [7, 551]. В США это разделение связано с Чикагской школой, однако исследователи отмечают междисциплинарность социологических исследований вплоть до времен Второй мировой войны [4, 1003].

Возврат к «классике» и междисциплинарности, как свидетельствуют работы Р. Коллинза, А.Гоулднера, Л.Козера, К.Гирца, позднее – Р.Белла и Дж.Александера. имел место в 1980-е гг. Когда же на Западе резко возросла популярность исследований гендера, практически все эти исследования изначально были интер- и междисциплинарными [3].

Рассмотрение социологии в рамках будущего социальных наук стало трендом для многих современных западных авторов. Даже при таком «повороте» будущее социологии не представляется особо перспективным, по крайней мере, в ближайшее время. По мнению С.Тернера, социальные науки вообще утратили амбиции считаться «наукой»: теперь принято говорить о том, что они занимаются «экспертизой», т.е. представлять будущее социологии как экспертизы [8, 187]. Данный поворот Тернер считает фундаментальной «сменой вех», связанной с тем, что некоторые методы социальных наук получили признание и широко используются на практике в экспертных целях: в социальной политике, СМИ, публичной сфере. Речь идет о социологии и антропологии, хотя аналогичные тенденции Тернер отмечает в развитии психологии и других социальных дисциплин. Важным моментом, ограничивающим будущее социальных наук, является необходимость «предоставить экспертное знание, которое является релевантным для важных социальных проблем или отвечает потребностям людей» [8, 189]. Разница между «научным знанием» и «экспертным знанием» становится понятной, если вспомнить публичную социологию Буравого [2]: экспертное знание используется в публичных дебатах и политических дискуссиях, тогда как научное знание нейтрально к ценностям. Как утверждает С. Тернер,

экспертное знание невозможно без научного знания, однако сегодня последнее считается чем-то необязательным. Поэтому модели научного знания, выработанные философией и теоретической социологией, отбрасываются: экспертное знание предлагает свои собственные модели, в которых оно представлено как «воплощение знания» в разных вариантах практики, в т.ч. исключая научное знание.

Иными словами, социальные науки пока не смогли предложить теоретические основания для глубокого понимания экспертного знания, часто ограничиваясь его трактовкой как устойчивых методов и техник, на основании которых, при определенном опыте, можно выводить новые факты [8, 189]. В качестве примера Тернер приводит технику эконометрии, которая успешно используется с 1892 г. Экспертное знание – это определенная техника, приложимая к фактическому материалу, результатом применения которой может быть правдоподобное знание, часто выведенное математически, путем статистических корреляций, или даже интуитивно. Такого типа экспертный анализ иллюстрирует, по мнению Тернера, почему Макс Вебер говорил о «вечной молодости социальных наук», т.е. о том, что они не могут достичь такой же точности и зрелости в своем анализе, как это принято в науках естественных [8, 191]. Этот тип анализа адресован управленцам, чиновникам, широкой публике: он понятен и доступен им, а его результаты (даже неточные) приемлемы, т.к. они (результаты) позволяют сравнивать исследуемый «случай» с «нормами» или сходными ситуациями в других странах, по другим проблемам. Существенное различие между наукой и экспертизой состоит еще в том, что экспертиза всегда привязана к определенному времени и использует только те знания, которые доступны в данный момент. Прделанная экспертиза неприложима, в отличие от научного знания, к другому историческому месту и времени. На основе даже многих экспертиз невозможно развить теорию среднего уровня: экспертизы остаются «отдельными случаями». Так, американские экспертные оценки терроризма, сделанные в XX в. на основе допущения, что его причина – ислам, не выдержали проверки временем в XXI в., когда появились новые факты и более точные знания о причинах, вызывающих в мусульманской среде терроризм [8, 196].

В XX в. социология, пытавшаяся вывести общие законы развития общества, сходные с теми, которые известны в естественных науках, потерпела фиаско. Тем самым она продемонстрировала, что социальные науки не могут копировать или имитировать естественные науки, и что многие их собственные понятия взяты из философии, т.е. из совершенно иной области знаний. Этот факт подтверждает, что будущее социальных наук как экспертного знания будет радикально отличаться от предшествующего развития социологии и других социальных наук. Если социальным наукам удастся соединить экспертизу с механизмами, разработанными в естественных науках, тогда их будущее может быть многообещающим.

1. Bellah R. *Durkheim and history* // R. Nisbet (ed.) *Emile Durkheim*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1965. P 153-176.
2. Burawoy M. *For Public Sociology* // *American Sociological Review*. 2005. Vol. 70. № 2. P.4-28.
3. Butler J. *Reanimating the Social* // N. Gane (ed.) *The Future of Social Theory*. London: Continuum, 2004. P. 47-76.
4. Camic C. *Three Departments if search of a Discipline: Localism and Interdisciplinary Interaction in American Sociology, 1890-1940* // *Social Research*. 1995. Vol. 62. № 4. P. 1003-1033.
5. Eliaeson S. *Max Weber's methodologies: Interpretation and Critique*. Cambridge: Polity, 2002.
6. Piketty T. *Capital in the Twenty-First Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014.
7. Turner S. *The Future of Social Theory* // B. Turner (ed.) *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Oxford, UK: Wiley-Blackwell, 2009. P. 551-566.
8. Turner S. *What can we say about the future of social science?* // *Anthropological Theory*. 2013. Vol. 13. № 3. P. 187-200.

ПОСТМОДЕРН КАК НОВЫЙ ЭТАП РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Ткачук И.С., Бортников Н.А., Богданов Д.В. (Санкт-Петербург)

Двадцатое столетие ознаменовало собой кризис культурно-исторического состояния эпохи Нового времени, традиционно именуемого модерном. Этот кризис был обусловлен делегитимацией таких концептуальных для модерна ценностей как рационализм, прагматизм,

исторический прогресс и т.п. Под делегитимацией мы понимаем утрату людьми веры в универсальность и априорность некоторых концептов, являвшихся прежде предельными основаниями их бытия. Модерн как культурно-историческое состояние определенного общества не может существовать, не опираясь на ряд, исторически присущих ему, парадигм. Утрачивая эти опоры, модернистский социум погружается в состояние постмодерна. Также, этот временной промежуток иногда называется «межцивилизационной эпохой», т.к., в лучшем случае, этот период завершается формированием новой культурно-исторической цивилизации [Козловский П. Культура постмодерна].

В каждую эпоху существует свой особый дискурс, т.е. формальная система знаков, объединяющая людей в некую социальную целостность. Весь процесс социализации индивида направлен на его подчинение диктуемым этой целостностью стандартам. Следовательно, на этот процесс можно влиять через воспитание и образование новых поколений, т.к. навязываемый им тип дискурса впитывается большинством представителей конкретного поколения, превращаясь, в процессе межличностных интеракций, в господствующий тип рациональностей. Рациональностей много – они имеются у каждой социальной группы, но среди них есть одна господствующая рациональность, которая обеспечивает социальную целостность и социальное воспроизводство конкретной совокупности индивидов. Совокупность подобных дискурсивных практик складывается в метанарратив, т.е., следуя классическому определению Ж. Ф. Лиотара, «рассказ, который сам себя рассказывает» [Лиотар Ж.Ф. Состояние Постмодерна]. Благодаря таким нарративам, у народа появляется миф о великом прошлом (или будущем); тогда то, что помещается между прошлым и будущим воспринимается им как легитимное.

Когда же начинается процесс верификации (связанный, например, со сменой политической конъюнктуры) - выясняется, что господствовавший на протяжении десятилетий пропагандистский патриотический дискурс в большей степени основывается на фантазиях непосредственных пропагандистов, нежели на исторической действительности – тогда прошлое теряет легитимность и перестает обосновывать политическую практику, на которую опирается. Никто больше ни во что не верит, начинается бунт против метанарративов - состояние постмодерна. Возникает ситуация полной дезориентации и утраты идеалов. Происходит делегитимация существующей политической реальности ввиду утраты опоры на метанарративы, как и самих метанарративов, на что, в контексте западной цивилизации и событий 1968 года, обращали внимание еще Ж. Делез и Ф. Гваттари, говоря об утрате веры в метанарратив об историческом прогрессе [Делез Ж. Различие и повторение].

Итак, потеря метанарративов говорит о том, что исчезает тот общий дискурс, который скреплял бы общество на основании единых парадигм мировосприятия. Социум без метанарративов теряет свою стабильность, нарушается его целостность, и встает вопрос о его дальнейшем существовании.

Люди, живущие в таком состоянии, не желают принимать участие в общественной жизни, проявлять гражданскую активность. В дискурсе отсутствуют такие жизненные ценности и установки, которые бы отвечали за формирование мотивации гражданского участия, к которым можно отнести, небезразличное отношение к социальным реалиям, осознание социальной ответственности и стремление к коллективному взаимодействию для решения проблем.

По нашему мнению, именно в таких условиях существует современная Россия. В российском обществе были потеряны метанарративы, что вылилось в состояние постмодерна. Для того, чтобы подтвердить нашу гипотезу о нахождении современного российского общества на этапе постмодерна, мы обратимся к социологическим опросам ВЦИОМа.

По данным ВЦИОМа такие качества, как активность и инициативность важны для 39% опрошенных. Однако, только 26% респондентов, приписывают себе обладание данными качествами, т.е. только одна четвертая может идентифицировать себя как инициативных граждан. Сравнительно невысокой можно считать и рейтинговую позицию такого качества как «неравнодушие»: из двадцати возможных мест оно занимает одиннадцатое место в списке наиболее ценимых качеств.

В том же списке востребованных россиянами качеств можно найти свидетельство о слабой мотивации к деятельности, направленной на решение общих проблем, о невысоком уровне ответственности за то, что происходит в стране. Действительно, мы видим, что только 18% респондентов находят важным, проявление индивидом интереса к решению общих проблем, причем лично в себе это качество обнаруживают 13%. Еще ниже актуальность такого качества,

как ответственность за происходящее в стране (13%), а его распространенность оказалась самой низкой среди всех рассматриваемых качеств (лишь 3%).

Как мы видим, такой важный элемент, как направленность на решение не просто «общих дел», а вопросов, которые затрагивают всю страну, является очень важным, особенно, когда общество находится в поиске ценностей и установок, которые могли бы скрепить его. Это именно тот цемент, который бы позволил консолидировать общество, не прибегая к насильственному «втягиванию» в общее дело. Понимание и принятие общественных задач способствовало бы созданию новых метанарративов. Однако, как мы видим, такое качество, как ответственность за судьбу страны, находится на двадцатой позиции из двадцати возможных.

Подавляющее большинство граждан Российской Федерации, а точнее 80% опрошенных, твердо убеждены в том, что «в делах страны ничего не зависит от простых граждан». Отсюда вытекают установки на то, что изменения в социуме должны инициироваться «сверху» и под чутким руководством властей (65% респондентов); обратного же мнения придерживаются лишь 35% опрошенных.

Этот гражданский пессимизм свойственен в том числе и тем группам населения, которые должны стать социальным локомотивом перемен в российском обществе – молодежи. Будучи настроенными на перемены (6%) и на активную борьбу за воплощение в жизнь своих целей, борьбу за них (68%) в отношении возможности проведения реформ «снизу» и особенно влияния простых граждан на дела страны они теряют свой оптимизм – таковых среди них меньшинство. [Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Готово ли российское общество к модернизации?].

Подытоживая, следует выявить опасные тенденции последствий утраты метанарративов для россиян и предложить возможный выход из делегитимированного состояния посредством конструирования нового метанарратива, соответствующего контексту эпохи.

Говоря о следствиях, следует обратить внимание на опасную для нарождающегося гражданского общества тенденцию замыкаться в собственном мире, игнорируя влияние макропроцессов на микро-уровень. Стоит упомянуть также о свойственном российской ментальности правовом нигилизме и подданнической политической культуре, ориентированной на пассивное участие в политике. В совокупности, все эти положения могут привести к неприглядной долговременной перспективе, не обещающей России ни уменьшения социальной поляризации, ни экономического развития.

В качестве предполагаемого альтернативного пути развития авторам представляется целесообразным выбрать нарративы права и законности – благодаря правовому воспитанию граждан с одной стороны и государственному содействию установления ни «диктатуры закона», действующей в интересах власти имущих, а правового государства, работающего в интересах всего общества.

1) Горшков М.К., Тихонова Н.Е. Готово ли российское общество к модернизации? // *Общество и экономика*. 2010. № 5. С. 105-172.

2) Делез Ж. *Различие и повторение* - СПб.: Петрополис, 1998.

3) Козловский П. *Культура постмодерна (Философия на пороге нового тысячелетия)* – Москва.: Республика, 1997.

4) Лиотар Ж.Ф. *Состояние Постмодерна* – СПб.: Алетейя, 1998.

ПОНЯТИЕ ВЛАСТИ: НАСИЛИЕ ИЛИ ОБМЕН

Туницкая Ю. (Санкт-Петербург)

Власть – понятие неоднозначное и достаточно сложное. Ей трудно дать какое-либо конкретное определение, так как властные отношения разнообразны. Понятию власти уделяли внимание такие ученые, как М Вебер, Х. Лассуэл, Р. Даль, Й. Гальтунг, Т. Парсонс, М. Фуко, Н. Луман и другие. Но в общем смысле, власть-это подчинение одного человека воли другого.

Власть проявляется по разному: через принуждение и насилие, поощрения и наказание, контроль и управление, сотрудничество и соперничество. Она может иметь как негативный характер, так и позитивный. То есть, власть нельзя сводить только лишь к функции насилия, как это делают, например, М. Вебер и Й. Гальтунг, определяя власть, как асимметричные социальные отношения между индивидами. Власть может иметь и обменный характер. Об этом писали Т. Парсонс и Н. Луман, рассматривающие власть только как коллективную, непременно легитимную и отличающуюся от силы и принуждения, но власть может быть как легитимной, таки и

нелегитимной, она возникает в любых социальных отношениях. Она может выражаться в виде побуждения или убеждения, то есть распространяется на все формы контроля субъекта над объектом, а также быт манипуляцией.

В общем смысле, власть ограничивается только отношениями, где субъект может оказать воздействие на объект в соответствии со своими целями и интересами. Это не сводится только ко всем предвиденным и желательным последствиям власти, то есть подчинения объекта субъекту. Кроме того, осуществление и обладание властью подразумевает, что субъект может достигнуть своей цели путем воздействия на поведение или сознание объекта. То есть, власть – это способность и возможность субъекта гарантировать подчинение объекта согласно своим намерениям.

Власть не стоит подразумевать лишь как насильственную или негативную, направленную против интереса объекта. Отрицательные результаты реализации власти могут быть обусловлены самыми различными обстоятельствами. Конечно, это прежде всего связано с целями самого субъекта и средствами, которыми он обладает для осуществления власти, но не с властью как таковой. Власть – это не неизбежное зло, а способность реализовать те или иные социальные отношения и управлять поведением.

Если говорить о современном обществе, то мне кажется, в мире доминирует насильственная власть, но с элементами обмена. Например, мы сами выбираем, кто будет управлять нами. Это, как говорил Т. Парсонс некое «инвестирование» доверия в тех, кто будет нами править. Но в итоге, мы получаем, что над нами господствуют и не всегда, учитывая наши пожелания. Повышение государством налогов или урезание прожиточного минимума – это своего рода конфликт действия вопреки интересам людей. Чтобы не говорили Н. Луман и Т. Парсонс, власть никогда не будет лишь обменом или коммуникацией, она всегда будет содержать угрозу насилия.

1. Вебер М. *Политические работы (1895 – 1919)* / Пер. с нем. Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2003. – С. 107 – 213
2. Гальтунг Й. *Десять тенденций, меняющих мир* / Й. Гальтунг // «Россия в глобальной политике». – 2011, № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Desyat-tendencii-menyayuschikh-mir-15276>
3. Парсонс Т. *Система современных обществ* / Т. Парсонс // Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. Под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 5 – 98, 207 – 265.
4. Луман Н. *Власть* / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.

СОЦИОЛОГИЯ МОБИЛЬНОСТЕЙ ДЖ.УРРИ КАК ВАРИАТИВНАЯ МОДУЛЯЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕОРИЙ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Федорова С.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация: в статье представлена социология мобильностей Дж. Урри как одна из возможных вариативных модуляций современных теорий социальных изменений. Акцент сделан на рассмотрении методологии, применяемой Урри для анализа комплексных мобильных систем, а также на аналитике итеративного структурного принципа, лежащего в основе современных социальных изменений. В заключение кратко обозначены проблемные области социологии мобильностей, не вошедшие в основной текст статьи.

Современные теории социальных изменений все чаще претендуют на статус актуальных онтологий, нежели представляют собой корпус автономных теоретических и методологических модулей, специально разрабатываемых с целью адекватного отражения и анализа существующих и возникающих социальных явлений. Такого рода научные претензии небезосновательны, но являются следствием смещения современных теоретических дискурсов, анализирующих социальные изменения, в интенсивные зоны событийности, традиционно именуемые в философии областью множественного. Указанные зоны лежат вне пределов традиционных областей, в которых происходит оформление законов и механизмов причинно-следственных связей, которые устанавливают отношения последовательной и ясной временной обусловленности между процессами и явлениями, причинами и результатами. Принципиально не сводимая к единству автономная область множественного задает актуальные проблемные поля, связанные с переосмыслением понятия социального, которое теперь мыслится в терминах отношений, глобальных мобильных систем, движений-гибридов, ассоциаций и др. Исследователь вписывается в изучаемую им реальность как ее неотъемлемый компонент. Анализируя эту реальность, он

одновременно необратимо преобразует и трансформирует ее и изменяется сам. Таким образом, процесс исследования превращается в процесс реорганизации и трансформации изучаемой действительности, вовлекающий в радикальные преобразования и самого исследователя.

Социология мобильностей Дж.Урри [Урри, 2012а, 2012б] задает основные траектории, в соответствии с которыми происходит радикализация теоретического и методологического аппарата современных теорий социальных изменений, предпринимаемая с целью описания и анализа социальных трансформаций, происходящих в конце 20 – начале 21 веков, а также адекватной концептуализации таких сложноорганизованных объектов, как глобальные мобильные системы.

В качестве релевантного теоретического подхода для изучения глобальных мобильных систем Дж.Урри рассматривает несколько самостоятельных постнеклассических теорий, объединяя их в единую парадигму. Это теория хаоса, нелинейная теория и теория комплексности [Урри, 2003]. Все перечисленные естественнонаучные теории исследуют мир как системно организованные явления, включающие в себя социальное и физическое как вариативную совокупность. Понимание современного мира как самоорганизующейся системы взаимозависимостей, охватывающей как физические, так и социальные процессы, позволяет Урри обосновать возможность использования категориального аппарата постнеклассической научной парадигмы в области социальных наук. В частности, он ссылается на то, что социальные науки имеют дело с гибридами физических и социальных отношений: "...большинство значимых явлений, с которыми так называемые социальные науки сейчас имеют дело, являются фактически гибридами физических и социальных отношений, с неожиданным набором физического или социального" [Урри, 2003: 17].

Теория комплексности рассматривает мир как сложную, самоорганизующуюся систему взаимозависимостей, одновременно существующую и разворачивающуюся на разных пространственно-временных уровнях. Применение комплексного подхода к анализу глобальных мобильных систем позволяет Урри выявить наличие внутри них сложной уровневой соотношенности глобального и локального. Описание динамичного процесса уровневой соотношенности или стыковки становится возможным через прояснение действия итеративного принципа, актуализирующегося в зонах взаимодействующих локальностей и выводящего эти локальности на уровень глобальных мобильных волн или потоков.

Воспользуемся для аналитики принципа действия итеративной структуры социологии мобильностей Дж.Урри, концептуальным аппаратом философии Ж.Делеза. В своей работе "Складка. Лейбниц и барокко" [Делез, 1997] Делез детально анализирует процесс перехода от малых, незаметных для сознания перцепций, к молярному перцептивному уровню, на котором эти малые перцепции трансформируются в новое осознанное качество. Означенный новый уровень описывается Делезом в терминах дифференциальных отношений. Попробуем раскрыть механизм данного процесса и объяснить, почему мы сочли возможным использовать его для объяснения действия итеративного структурирующего принципа в теории Дж.Урри. Когда Делез говорит о малых перцепциях, он указывает на то, что они, во-первых, имеют гетерогенную природу, а, во-вторых, не доступны сознанию и существуют в форме аффектов, нечетких ритмов, смутных ощущений или чувственных качеств. Несмотря на то, что молярный перцептивный уровень имеет отличную от микроперцепций природу, его возникновение возможно только при постепенных переходах и малых трансформациях, происходящих именно на микроуровне. Важно отметить, что итог малых трансформаций представлен не в виде единства последовательно осуществляющихся интеграций множественных микроперцепций, но в виде сложно организованного макроуровня дифференциальных отношений, имеющих принципиально новые свойства. Переход от микрозон к макроуровням осуществляется посредством резкого и внезапного скачка, меняющего природу системы. Акцентируем наше внимание на том, что сущностная природа связывающего механизма микроперцепций состоит в итеративных трансформациях ощущений и аффектов, а не в рекурсивном их воспроизведении, как можно было бы предположить, исходя из положений интегративных концепций. Приведем в качестве иллюстрации к изложенным выше теоретическим положениям один из многочисленных примеров, использованных Делезом в его тексте: "Возьмем зеленый цвет: разумеется, можно заметить синий и желтый, но если их перцепция исчезает, становясь все меньше, то они вступают в дифференциальное отношение (db/dj) , определяющее зеленый цвет. И ничто не препятствует тому, чтобы желтый или голубой цвета, каждый сам по себе, не были уже обусловлены либо двумя ускользающими от нашего восприятия цветами, либо двумя степенями светотени: $dy/dx = j$ " [Делез, 1997].

Не трудно заметить сходство дифференциального регистра с глобальным измерением мобильных комплексных систем, а уровень микроперцепций с уровнем локально осуществляющихся ситуационных действий индивидуальных или коллективных акторов. Еще раз повторимся, что динамическая связность локальных действий и глобальных последствий внутри сложноорганизованной системы становится возможной благодаря структурирующему принципу итерации. Развиваясь в среде нестабильных и необратимых взаимоотношений, проходя через миллиарды итераций, глобальное и локальное необратимо трансформируются в потоке времени. Сложный характер структурно-действенных трансформаций объясняется возникающим эмерджентным свойством системы, которое она приобретает, многократно перестраивая себя в ходе резонирующих итерационных процессов, исходящих из локальных уровней. Нелинейные эмерджентные свойства производятся гибридными процессуальностями, представляющими собой сложное переплетение социального и природного, глобального и локального. Возникновение эмерджентного эффекта системы предопределено, но не обусловлено агентами, действующими итеративно на местных уровнях в условиях ограниченной информационной осведомленности о происходящих событиях. Не имея общей картины происходящего, локальные действия агентов, передаваясь, транспортируясь, связываясь, независимо от них самих, производят в результате эмерджентный эффект совсем в другом месте системы. Вновь возникающая эмерджентная целостность системы обладает необратимостью во времени, а ее процессуальная интенсивность возрастает посредством реализующейся положительной обратной связи, многократно усиливающей внутреннюю мощь системы.

В заключение обозначим не вошедшие в основной текст статьи проблемные области теоретического анализа социальных изменений, затрагиваемые социологией мобильностей Дж.Урри. Это, во-первых, аналитика вариативных онтологических режимов существования глобальных мобильных систем. Во-вторых, описание проблемных зон стыковки комплексных мобильных систем и движений-гибридов, а также аналитика их сущностной. В-третьих, презентация проблем контроля и мониторинга передвижений в неоднородных средах комплексных глобальных систем.

1. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко / Общ. ред. и послесл. В.А. Подороги; пер. с франц. Б.М.Скуратова. М.: Логос, 1997, 262 с.
2. Урри Дж. Мобильности [Текст] / Пер. с англ. А.В.Лазарева. М.: Практис, 2012а, 576 с.
3. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия [Текст] / Пер. с англ. Д.Кралечкина.- М., 2012б, 336 с.
4. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge: Polity Press, 2003, 172 p.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИИ

Фетисов В.Я. (Санкт-Петербург)

Дается определенная трактовка социологии и с ее позиций показывается эвристичность анализа русской революции. Выдвигается положение о том, что в ходе революционных преобразований идет сложный процесс становления нового типа деятельности общества, который впоследствии был деформирован.

В современной социологии существует множество проблем, свидетельствующих по мнению одних о ее кризисе, по утверждению других – о том, что она находится в преднаучном состоянии. Основание для таких оценок – неопределенность и противоречивость трактовок ее предмета, методов исследований, содержания как системы знаний, гносеологических и социальных функций. Отсюда вытекает ее низкая объяснительная, критическая и прогностическая способность, крайне слабая востребованность со стороны государства и общества, увядание в качестве учебной дисциплины в системе высшего образования.

Одна из важнейших задач социологии – раскрытие, во-первых, специфики каждого из указанных выше звеньев и, во-вторых, их взаимодействия и единства. Этот метатеоретический уровень рефлексии необходим для решения других, частных проблем и, следовательно, для выведения социологии в целом из кризисного состояния. Особое место в нем принадлежит очерчиванию предмета науки, определяющего во многом особенности всех других ее сторон. Существуют разные его трактовки, но они, как правило, ведут к фрагментации и атомизации знаний, бессильны в конструировании их как системы, оборачиваются господством

социологического номинализма и методологического индивидуализма... И сегодня не потеряла своего значения высказанная более полувека назад мысль Р.Мертон о том, что многие социологи занимаются изучением тривиальных проблем, в то время, как все, что касается действительно значимых проблем общества, остается неизученным. Одна из причин такой ориентации, как представляется, - непроясненность специфики данной науки.

Особенность социологии, по нашему мнению, состоит в том, что она рассматривает процесс становления общества и составляющих его единиц вплоть до индивидов как социальные образования и субъекты исторически определенной деятельности, соответствующие ей отношения, формы общения и поведения. В центре ее внимания - деятельность, соединяющая общности как субъекты с объективными обстоятельствами, созданными предшествующими поколениями. С одной стороны она обусловлена ими, с другой, - направлена на их преобразование в соответствии с изменяющимися потребностями и интересами, ценностями и целями людей. Социология неслучайно появилась в XIX веке, когда на арену истории вышли новые силы, рационально осознающие свои интересы и активно действующие в соответствии с ними. Поэтому нельзя согласиться с позицией, согласно которой история данной науки начинается с античности [1]. Каждая наука появляется и развивается по мере зрелости соответствующей реальной сферы, о чем свидетельствуют генезис и эволюция политической экономии, политологии и ряда других наук.

Тема деятельности в той или иной форме «красной нитью» проходит через сочинения многих теоретиков. Маркс характеризовал историю как деятельность преследующих свои цели людей. Вебер выдвинул концепцию идеальных типов действий, показав, что в историческом плане общество движется от традиционной к ценностно-рациональной и далее к целерациональной деятельности. Значительное внимание социальному действию уделял Парсонс. В последнее время широкое распространение получила представленная разными авторами деятельностно-активистская трактовка социума. Сущность современной социологии заключается именно в том, что она представляет собой теорию становления исторически новых типов деятельности общества, соответствующих им отношений, форм общения и поведения. Естественно, что содержание данной науки шире и разнообразнее, но без понимания ее сути получаемые эмпирическими методами знания нельзя вывести за пределы дескриптивности, превратить их в систему, являющуюся атрибутом любой науки. Понимаемая таким образом социология органично включает в орбиту своего исследования революции и реформы, поскольку они есть прежде всего деятельность различных классов и слоев, партий и вождей, обусловленная их интересами, ценностями и целями. Поэтому без социологического анализа представление о данных явлениях будет односторонним, неполным, абстрактным.

В ходе Русской революции 1917 г. происходит процесс формирования нового типа деятельности общества. Каждый исторический тип есть способ разрешения возникающих в социуме проблем, ответ на вызовы времени. Он детерминирован рядом факторов: состоянием производства и социальной структуры общества, степенью развития его основных образований как социальных субъектов, зрелостью политической элиты и т.д. И тем не менее, можно говорить о типе деятельности как относительно самостоятельном по отношению к ним явлении.

Становление нового типа деятельности – сложный и противоречивый процесс. В общем виде он может быть рассмотрен как движение от абстрактного к конкретному – от деятельности определенных, «продвинутых» в социальном, теоретическом и организационном плане политических партий к деятельности государства, а от него к обществу в целом. Одна из существенных его черт, зримо заявившая о себе в конце XIX – начале XX вв., – заметный сдвиг от стихийности к рациональности. Причем, последняя принимает все более социальный характер, приобретает ориентацию на реализацию интересов все более широких слоев. В данном плане уже на рубеже XIX – XX вв. обнаружилось принципиальное различие между буржуазными и мелкобуржуазными партиями, с одной стороны, и социал-демократической партией (РСДРП), - с другой. Однако вскоре проявились разногласия и внутри последней, приведшие к ее расколу на большевиков и меньшевиков. Последний общий съезд состоялся в 1907 году, затем их пути окончательно разошлись. Меньшевики выдвинули идею «широкой коалиции», сотрудничества с оппозиционными буржуазными кругами. Большевики отвергли эту концепцию, призывая к радикальным мерам, к реализации курса на социалистическую революцию. Линия меньшевиков получила обоснование в работах Г.В. Плеханова, который считал, что «...русская история еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма» [2].

Плеханов являл собой пример крупного мыслителя, верного сторонника и проводника марксизма. Ленин же был не только теоретиком, но и практиком.

Он органично сочетал в себе черты революционера, политика и теоретика, что позволяло ему глубже видеть реальные проблемы и соединять их решение с перспективными целями. Нельзя не согласиться с историком А.С. Божичем, который характеризует «большевизм», созданный Лениным, «как уникальное явление синтеза революционной мысли и революционной практики, опосредованное личностью В.И. Ленина, а потому все время меняющееся, вернее, адаптирующееся к изменяющейся реальности России начала XX века» [3, с. 6]. Как пишет автор, попытки превратить «большевизм» в явление мирового порядка были обречены, но тем не менее он оказал громадное влияние на российскую и мировую историю. Все грани и аспекты этого влияния до сих пор объективно (т.е. с научных позиций) не изучены [3, с. 7].

Нацеленность на революционные действия у В.И. Ленина соотносится с потребностями, интересами и настроениями широких масс, с особенностями конкретной обстановки в обществе, что нашло отражение в его теории революционной ситуации.

После гражданской войны В.И. Ленин вновь обращается к своим оппонентам – сторонникам пассивного ожидания нужной для революции зрелости общества. Он критикует их за педантизм, рабское подражание прошлому, европейским образцам. Они, по его мнению, не поняли главного в марксизме – его революционной диалектики. По существу речь шла об отрицании ими социального творчества масс. В.И. Ленин далее констатирует: сторонники II Интернационала не могут себе представить, что народ под влиянием безвыходности своего положения мог броситься на такую борьбу, которая открывает хоть какие-либо шансы на изменение к лучшему условий его существования. Признавая неразвитость России, он заявляет о том, что мы взяли власть и с ее помощью будем догонять другие народы [4, с. 36-39].

Способность В.И. Ленина как вождя к социальному творчеству спустя двадцать лет после Октябрьской революции довольно точно, на наш взгляд, охарактеризовал Н. Бердяев. Отмечая верность Ленина марксизму, Бердяев подчеркивает, что он был русский и делал революцию в России как особой стране. Он обладал исключительной чуткостью к исторической ситуации. Ленин почувствовал, что его час настал благодаря войне, перешедшей в разложение старого строя. Нужно было сделать пролетарскую революцию в крестьянской стране. И он почувствовал себя свободным от всякого марксистского доктринерства, с которым ему надоели марксисты-меньшевики [5, с. 144]. Российский историк А. Шубин, отвечая на вопрос о том, дал ли Ленин массам перспективу более привлекательную, чем просто бунт, подчеркнул, что он направлял их энергию в более рациональные формы, концентрировал и тем самым усиливал ее [6, с. 24].

После революции и гражданской войны внимание В.И. Ленина сосредоточено на актуальных задачах, решение которых должно привести, во-первых, к нормализации жизни общества, к возрождению нарушенных ее основ, и, во-вторых, способствовать продвижению к новому социальному строю.

Речь идет о НЭПе, кооперировании крестьянства, посредством которого оно приобщается к деятельности всего общества, об оптимизации отношений между классами и нациями, создании материально-технической основы нового строя, о единстве партии и укреплении ее связей с массами...

Можно утверждать, что разработанные В.И. Лениным меры по существу были направлены на формирование нового типа деятельности общества, основными чертами которого являются: постановка и сочетание стратегических и тактических задач в соответствии с потребностями и интересами большинства, привлечение к их сознательной реализации все более широких слоев населения, создание для ее развертывания необходимых предпосылок, условий и средств, высокая зрелость политического руководства...

Новая форма жизнедеятельности общества в последующий период по объективным и субъективным причинам была существенно деформирована и искажена. Тем не менее, она показала свою эффективность. Ее достоинства проявились в интенсивной модернизации страны, в культурной революции, в победе над фашистской Германией, в покорении атомной энергии и освоении космоса, в доступности образования и здравоохранения, в социальной мобильности... Эти достижения несопоставимы с теми, которые имели место в царской России и которые могли быть, если бы ее эволюция протекала в прежнем русле.

Новый вид жизнедеятельности общества, истоки которого находятся в событиях столетней давности, помогает понять тенденции современности, дает возможность более конкретно оценить

многие процессы в мире, в том числе реформирование России и Китая, конвергентные явления, происходящие во многих странах.

1. *История теоретической социологии. В 5 томах. Т.1 От Платона до Канта.* – М.: Наука, 1995 -270 с.
2. Плеханов Г.В. *Логика ошибки.* URL: <http://libelli.ru/works/gvp.htm>.
3. Божич А.С. *Большевизм. Шахматная игра с Историей.* – М., 2009. – 512 с.
4. Ленин В.И. *Последние письма и статьи.* М., Политиздат, 1971.
5. Бердяев Н. *Истоки и смысл русского коммунизма.* – СПб, 2016. – 224 с.
6. Шубин А. *Ленин верил в коммунизм, который обещал.* \ \ Историк, 2017, № 4.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В КАРЕЛИИ

Филимончик С.Н. (Петрозаводск)

Аннотация В данной работе охарактеризована реализация нэповских экономических реформ в Карелии. Отмечено значение особых бюджетных прав республики, выявлена динамика развития лесной, горной, бумажной промышленности, капитального строительства и транспорта, показана роль Соловецкого лагеря особого назначения в промышленном развитии края.

Экономическая политика федеральной и республиканской власти в приграничной Карелии, прежде отстававшей в промышленном развитии от центральных районов страны, в годы нэпа оказалась в целом успешной. Стратегию развития хозяйственной жизни определял федеральный центр, крайне заинтересованный в расширении экспорта северного леса в Европу. В конце нэпа в Карелии заготавливалось более 4 млн. куб. м древесины, республиканский трест «Кареллес» занимал второе место в СССР по количеству экспортируемой древесины. Основным рынком сбыта лесных материалов оставалась Великобритания.

Часть территории Карелии была выведена из-под ведения органов власти автономии и передана для экономического освоения и заселения Транспортно-промышленному колонизационному комбинату Мурманской железной дороги, подчинявшемуся Наркомату путей сообщения РСФСР. Таким путем предполагалось решить проблему технического оснащения стратегически важной для государства магистрали. На долю комбината приходилось около трети объема лесозаготовок в республике. Комбинат построил и оснастил новейшим оборудованием 4 лесопильных завода, открыл первый в крае рыбоконсервный завод, оплачивал научные экспедиции в Хибины, во время которых были открыты месторождения апатитов.

В условиях политического и экономического кризиса начала 1920-х гг. республиканские органы управления получили достаточно широкие полномочия. Единственная из автономий России Карельская АССР имела ряд бюджетных преимуществ: налоги, доходы от государственных имуществ, акцизов и таможенных сборов включались в республиканский бюджет. В регионе накапливался ценный опыт финансового регулирования и экономического прогнозирования.

В условиях севера ведущая роль в промышленности сохранилась за крупными государственными предприятиями. Они были объединены в тресты, от которых требовали работу на рыночной основе. В государственной промышленности применялся механизм акционирования. В период нэпа в Карелии началось крупное промышленное строительство. В январе 1929 г. вступила в строй первая очередь Кондопожской ГЭС мощностью 5,5 тыс. кВт. Оборудование для неё закупили в Швеции. Пуск Кондопожской бумажной фабрики в июне 1929 г. означал рождение в Карелии новой отрасли промышленности – целлюлозно-бумажной. На фабрике была установлена купленная в Германии бумагоделательная машина мощностью 25 тыс. т газетной бумаги в год. Началось развитие горной промышленности. На севере Карелии велись работы по добыче полевого шпата, кварца, слюды. В Шелтозерской волости были организованы разработки кварцита и диабаз. Развернулась техническая реконструкция лесопильного производства, появились первые крупные подрядные строительные организации. Широкое развитие кустарного производства способствовало удовлетворению повседневных потребностей, повышению уровня жизни северян, созданию новых рабочих мест. При государственной поддержке набирали вес многообразные формы кооперации. Частная промышленность в Карелии заметного развития в годы нэпа не получила.

В экономике активно использовались рыночные механизмы. С 1923 г. был восстановлен платный отпуск леса на корню, и попенная плата стала составлять главную статью доходов в

лесной отрасли. Для воздействия на хозяйствующие субъекты широко использовались налоговые методы, кредитная система, ценообразование. В то же время сохранялось административное вмешательство в текущую хозяйственную деятельность. Строго соблюдался классовый подход к субъектам торговли и налогообложения. В целях обеспечения социально-политической стабильности и социальных гарантий рабочего класса проводился курс на твердые цены.

Негативно сказывался на хозяйственном освоении края недостаток инвестиций, техники, слабость инфраструктуры, особенно бездорожье. Острая нехватка имеющих должное профессиональное образование инженеров и техников, опытных организаторов производства, квалифицированных рабочих вела к высокому проценту брака, являлась одной из главных причин плохой организации труда на многих предприятиях.

Главным занятием большинства населения оставалось сельское хозяйство, лесной и рыбный промыслы. К концу нэпа наметились тенденции к качественному улучшению сельского хозяйства: активизировалось землеустройство, оживилась кооперация. Замена продразверстки продналогом способствовала вовлечению крестьян в рынок. Однако удельный вес хозяйств с устойчивыми рыночными доходами был незначителен. Сельское хозяйство Карелии сохраняло натурально-потребительский характер.

Существенно сдерживала хозяйственное освоение северных территорий России их малонаселенность. Определенный опыт миграционной политики, основанной на экономической заинтересованности переселенцев, накапливался правительством КАССР и руководством МЖД. В то же время с 1920-х гг. большевики вернулись к практике использования принудительных миграций на север, хотя еще в середине XIX в. ссылка как колонизационный фактор была признана в России неэффективной. В 1923 г. на Соловках был создан лагерь особого назначения, в котором находилось от 3 тыс. (1924 г.) до 60 тыс. заключенных (1930 г.). В лагере были созданы птицеферма, питомник чернобурых лисиц, песцов и соболей, ферма для выращивания свиней и крупного рогатого скота, конский завод. С целью выведения особо устойчивых культурных растений в северных условиях была создана сельскохозяйственная опытная станция. Работали кожевенный завод и предприятие по торфоразработке. С 1925 г. УСЛОН начал разворачивать хозяйственную деятельность на материке, арендуя лесозаготовительные участки, предлагая рабочую силу другим организациям с целью получения прибыли. Вектор Соловецких начинаний при их внешней рациональности был направлен к насаждению на севере, не знавшем крепостничества, традиционной политики жесткой регламентации и насилия в экономике, при этом недооценивалась важность для эффективного труда таких черт работников как самостоятельность, инициативность, ответственность.

Нэп позволил выйти из затяжного экономического кризиса, в основном восстановить довоенный уровень производства. Противоречия нэпа свидетельствовали об ограниченности потенциала реформ начала 1920-х гг. и необходимости их продуманного углубления. Однако руководство страны наличие противоречий расценило как свидетельство истощенности нэповской модели развития и начало форсировано сворачивать рыночные отношения.

История Карелии с древнейших времен до наших дней. – Петрозаводск: Периодика, 2001. – 943 с.

История строительства в Карелии. – Петрозаводск: ПетроПресс, 2007. – 206 с.

История экономики Карелии. В трех книгах. Книга II. Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.) – Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. – 244 с.

Филлимончик С. Н. Процессы модернизации на Европейском Севере России в 1920–1930-х гг.: социально-экономические аспекты // Отечественная история. 2009. № 3. С. 185–194.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ.

Фирсанов Д.Ю. (Москва)

Мир сложно назвать статичным в связи с его подверженностью различным трансформациям в социальной, политической и культурной сферах, которые влияют на стабильность и равновесие общества. Если переместиться на уровень государств, мы можем заметить, что их устойчивость напрямую зависит от нескольких характеристик, и одна из них – это численность и обеспеченность населения ресурсами. Здесь мы вплотную подходим к цели

данной работы – проанализировать развитие революционных концепций, связанных с демографическими изменениями. За основу будут взяты теории трех авторов – Роберта Томаса Мальтуса, Джека Голдстоуна и Сергея Александровича Нефедова.

Конец XVIII столетия, во многом ознаменовавшийся ростом влияния рационалистических теорий в науке, также обозначился формированием демографии как самостоятельной науки, занимающейся изучением статистики изменений, происходящих с населением и его количеством, а также причин, которые приводили к этим изменениям. Большую роль в этой сфере сыграл Роберт Томас Мальтус – английский ученый и экономист. В своем труде «Опыт закона о народонаселении» он сформировал основные принципы зависимости «количество населения – количество ресурсов», которые впоследствии стали называть «мальтузианским циклом» или «циклом нищеты». По его мнению, население при достаточном количестве ресурсов и территории растет в геометрической прогрессии: то есть в экспоненциальной зависимости. У этой экспоненты есть определенный «потолок», в котором кривая встречается с кривой роста ресурсов. Эта встреча происходит неслучайно: все дело в том, что количество ресурсов растет в арифметической прогрессии, несмотря на усилия человека по увеличению темпов роста экономики и производства. После того, как численность населения начинает превышать количество ресурсов, добываемых этим самым населением, государство попадает в «мальтузианскую ловушку» – ситуацию, при которой людям уже не хватает продуктов питания. За этим следует массовый голод, эпидемии и войны. Весь этот комплекс происшествий ставит государство в критическое положение, влекущее за собой социальную нестабильность, которая может привести к острому недовольству текущим политическим режимом и борьбе против него, а в особых случаях – к революции [1].

Из-за всего этого демографический рост замедляется, а затем сменяется на убыль. Результатом данных процессов, которые могут продолжаться в течение нескольких поколений, численность населения вновь возвращается в норму, соответствующую количеству произведенной продукции. После этого она снова начинает возрастать, подбираясь к ситуации «мальтузианской ловушки»: цикл запускается еще раз.

Впоследствии, с развитием американской школы изучения и анализа революционных процессов, демография также учитывалась, наряду с психологическим и политическим аспектами. Ярким примером этого служит научная деятельность Джека Голдстоуна, который в своей концепции демографически-структурных циклов ввел термин устойчивого и неустойчивого состояний государства. В том случае, когда государство находится в состоянии устойчивого равновесия, его положение сравнимо с положением шара, находящегося в глубокой впадине или расщелине: любое воздействие или толчок извне двигает шар, но в конечном итоге он скатывается по стенкам обратно. Если же равновесие нестабильно, шар находится на вершине горы. Если на него не оказывается никакого влияния, он продолжает стоять, но в случае толчка или раскачивания, он падает вниз, к революции [2, с. 32]. Также Джек Голдстоун учел основной минус неомальтузианства – однородное восприятие народа и экономики. В своей теории он произвел разделение государства на трех основных игроков: народ, элиту и государственные структуры:

Народ – играет роль государственного снабженца, который в состоянии устойчивого равновесия нормально функционирует, но в обратной ситуации – протестует против существующего строя.

Элита – также снабжает государство, но уже потенциальными политическими кадрами. В случае демографического роста и увеличения дохода от земли сначала начинается рост благосостояния элит, затем их расслоение, ведущее к обострению борьбы за высшие государственные посты.

Государственные структуры – исполнение функций контроля над остальными акторами и их защита как на внутреннем, так и на международном уровнях [3, с. 33].

Основная причина достижения государством состояния неустойчивого равновесия – слишком быстрый демографический рост, не соответствующий ресурсной обеспеченности главных слоев населения. Аналогом «мальтузианской катастрофы» у Голдстоуна является «брейкдаун» – ситуация, при которой народ начинает свои выступления против существующего политического режима, или элита, ведя борьбу за сокращающееся количество мест в высших эшелонах власти, дестабилизирует работу государственного аппарата. Брейкдаун может завершиться как революцией, так и восстановлением своих позиций государством и преодолением социальной нестабильности.

Данная работа стала широко известной по всему миру, что позволило ей приобрести множество сторонников, один из которых – Сергей Александрович Нефедов. В своей работе он

придерживается концепции Джека Голдстоуна о цикличной природе развития государств, связанной с демографическими тенденциями. Нефедовым проведено более четкое разделение этапов демографического цикла на различные стадии, которые имеют свои характеристики:

1. Фаза роста. Характеризуется высокой политической и экономической стабильностью государства, связанной прежде всего с достаточным количеством земли для сельского хозяйства и низкой стоимостью земельной ренты.

2. Фаза сжатия. Предкризисная ситуация, описываемая в данной стадии, отличается малоземельем, снижением уровня реальной заработной платы и ростом конкуренции в элитарных кругах.

3. Фаза экосоциального кризиса. Связана с понятием «брейкдауна» по Голдстоуну: нестабильность государственной структуры, гражданские восстания и массовый голод. На данном этапе высока вероятность революции и смены политического режима [4, с. 103-106].

Концепции, объясняющие революции через демографические изменения, происходящие в обществе, на протяжении истории пользовались большой популярностью и развивались. Если в самом начале своего «пути» они представляли собой достаточно обобщенные теории, связанные только с количественным составом населения, то в последнее время они начинают учитывать и различные силы, действующие как в самом государстве, так и вне его национальных границ и компетенций.

1. Мальтус Т. *Опыт о законе народонаселения*, Петрозаводск: Петроком, 1993 (*Шедевры мировой экономической мысли*. Т. 4). – 136 с.
2. Голдстоун Дж. *Революции. Очень краткое введение [пер. с англ. А. Яковлева]*. – М.: Издательство Института Гайдара, 2017. – 200 с.
3. Голдстоун Дж. *Революции. Очень краткое введение [пер. с англ. А. Яковлева]*. – М.: Издательство Института Гайдара, 2017. – 200 с.
4. Нефедов С. А. *Концепция демографических циклов*. – Екатеринбург: Издательство УГГУ, 2007. – 141 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ АНТИГЛОБАЛИЗМА

Шляпников В.В. (Санкт-Петербург)

Антиглобализм представляет собой идеологию и практику социально-политического движения, важной составляющей которого является отказ Западу в праве считать своей исключительной прерогативой конструирование нового мироустройства. Участники антиглобалистского движения выступают не против глобализации как таковой, а против ее конкретной модели – глобализма, предполагающей создание общества, управляемого по единым правилам из мирового центра. Проблема глобализма и антиглобализма служит предметом дискуссий среди политиков, философов, ученых, подходы и оценки которых существенно отличаются друг от друга. Рассмотрим основные концепции социальной теории антиглобализма.

«Доклад Лугано о сохранении капитализма в XXI веке» [1], опубликованный вице-президентом французской ассоциации АТТАС Сюзан Джордж, сразу же стал сенсацией.

Это комплексное исследование подробно доказывает, что капиталистическая система во всем хороша, а ее перспективы выглядят блестяще. Единственное, что мешает успешному функционированию нынешней, практически безупречной системы, – это люди, но не все, а так называемые «медленные люди» или неудачники, которые, впрочем, составляют большую часть человечества.

По мнению С. Джордж, «транснациональный капитализм не может остановиться. С ТНК и свободными финансовыми потоками он достиг чего-то вроде злокачественной стадии развития, и теперь он будет продолжать пожирать и истреблять человеческие и природные ресурсы, даже губя при этом само тело – нашу планету, на которой он паразитирует» [1, с. 275]. «Мы стоим лицом к лицу с исключительно могущественными, непрозрачными, никому не подотчетными ТНК, а также с глобальными структурами управления, которые они создают для обслуживания собственных интересов» [1, с. 276]. С. Джордж называет это «транснациональной тиранией».

Какие же способы борьбы с этой «тиранией» предлагает С. Джордж? Она призывает к объединению всех, «кто готов сопротивляться всеми средствами, какие у них есть в распоряжении, и кто готов бороться за новую политику и за другой мир – не идеальный, но другой» [1, с. 275]; она призывает «найти способы, чтобы остановить людей, которые не останавливаются ни перед чем» [1, с. 275]; она призывает людей объединяться в

«транснациональные союзы» для борьбы с «транснациональной тиранией» и предупреждает, что «бремя, которое «мы» должны взвалить на свои плечи..., есть не больше и не меньше, как изобретение международной демократии» [1, с. 276]. Выбор есть у всех и С. Джордж призывает выбрать мир, в котором «социальное или экономическое неравенство организовано таким образом, что оно служит наибольшему благу наименее привилегированных» [1, с. 284].

Книга Наоми Кляйн «NO LOGO. Люди против брэндов» [2] - одна из самых популярных книг на политические и социальные темы. Некоторые сравнивают ее с «Капиталом» Маркса, подразумевая, что автор сформулировала и подытожила взгляды нового поколения радикально настроенной молодежи. Этот манифест антиглобализма был воспринят многими, прежде всего молодыми людьми, как настольная книга.

В центре этой книги – протест против тех форм корпоративного монополизма, которыми обернулся капитализм конца XX – начала XXI вв. Протест этот в книге обращен против циничной эксплуатации западными транснациональными корпорациями стран «третьего мира». Кроме того, Н. Кляйн на ряде ярких примеров показывает, как логотип или символ того или иного товара или фирмы, или торговой марки, превращается в универсальный язык, понятный всем на свете, как такой символ используется для безжалостной манипуляции сознанием миллионов потребителей.

Альтернативу Н. Кляйн видит в следующем: «Когда централизация власти и дистанцированное принятие решений начинают восприниматься как общий враг, то одновременно появляется и согласие в том, что альтернативы этому возможны и что строить их следует на основе демократии с участием масс на местном уровне – будь то профсоюзы, объединения совместно проживающих людей, городские правительства, фермы, деревни, самоуправление в рамках отдельных народностей и коренного населения. Общий лейтмотив – всеобъемлющая приверженность принципам самоопределения и поддержки многообразия – многообразия культурного, экологического и даже политического... Похоже, что естественным путем зарождается не движение за единое глобальное правительство, а видение все более тесно связанной международной сети настоящих местных инициатив, каждая из которых строится на отвоєванных общественных пространствах и, благодаря участию масс в демократическом процессе, делается более подотчетной обществу, чем и корпорации, и государственные учреждения. Если у этого движения и есть идеология, то это демократия, осуществляемая не только на избирательных участках, но вплетенная в ткань всей нашей жизни» [2, с. 559].

В другой книге Н. Кляйн «Заборы и окна: Хроники антиглобализационного движения» [3] собраны репортажи, статьи и выступления, в которых она рассказывает о развитии этого движения. Она настаивает на необходимости создания политического дискурса, не боящегося многообразия и не стремящегося подогнать любое политическое движение под единую модель: «Неолиберальная экономика на всех уровнях склоняется к централизации, консолидации, гомогенизации. Это война против многообразия. Чтобы противостоять ей, нам нужно движение, которое бы поощряло и яростно защищало право на многообразие: культурное, экологическое, сельскохозяйственное – и, да, политическое тоже, на разные способы заниматься политикой. Цель – добиться не лучших, но удаленных правил и правителей, а своей, близкой демократии на местах» [3, с. 293-294].

Книга «Империя» [4], являющаяся совместной работой американского литературоведа Майкла Хардта и известного итальянского политического философа Антонио Негри, представляет собой всеобъемлющий анализ нового мирового порядка глобализации. По мнению авторов, наилучшим инструментом для его понимания является понятие «Империи», означающее универсальный порядок, не знающий границ и пределов. Анализируя механизмы эксплуатации и контроля, управляющие сегодняшним миром, авторы стремятся предложить альтернативную парадигму политического мышления, которая могла бы стать основой подлинно демократического глобального общества.

Одним из важнейших признаков становления Империи М. Хардт и А. Негри считают «слабеющий суверенитет национальных государств и их возрастающую неспособность к регулированию экономических и культурных обменов» [4, с. 12]. Их основная гипотеза состоит в том, «что суверенитет принял новую форму, образованную рядом национальных и наднациональных органов, объединенных единой логикой управления. Эта новая глобальная форма суверенитета и является тем, что мы называем Империей» [4, с. 11-12].

Глава книги «Массы против Империи» посвящена поиску ответов на вопрос: как массы могут стать политическим субъектом в условиях Империи, как действия масс могут стать политическими? «Единственный ответ, который мы можем дать, - пишут М. Хардт и А. Негри, -

действие масс становится политическим прежде всего в том случае, когда оно непосредственно и осознанно направлено против ключевых репрессивных операций Империи. Это вопрос распознавания возможных действий и сопротивления им, чтобы не позволить Империи устанавливать свой порядок снова и снова; это вопрос пересечения и разрушения барьеров и разделительных линий, навязанных новой коллективной рабочей силе; это вопрос собирания воедино опыта сопротивления, чтобы обратить его против нервных центров имперского господства» [4, с. 368].

Какие же специфические и конкретные практики могли бы дать жизнь этому политическому проекту? М. Хардт и А. Негри называют следующие:

- глобальное гражданство – первый элемент политической программы глобальных масс, первое политическое требование. «Всеобщее право контролировать собственное перемещение – есть, в конечном счете, требование массами глобального гражданства» [4, с. 369];

- социальная заработная плата и гарантированный доход для всех – второе программное политическое требование масс. «Поскольку гражданство распространяется на всех, то этот гарантированный доход следует считать гражданским доходом, который причитается каждому как члену общества» [4, с. 371];

- право на репроприацию – третье политическое требование масс. «Право на репроприацию – это прежде всего право на обретение заново средств производства... Право на репроприацию – это, по сути, право масс самостоятельно себя контролировать и производить» [4, с. 374].

Таким образом, идеологи антиглобализма считают, что глобализация в ее нынешней форме не способствует повышению устойчивости международных отношений. Напротив, она оказалась своеобразным катализатором социально-политической напряженности и конфликтов на нашей планете. Поляризация богатства и бедности, борьба за рынки, за доступ к энергетическим и иным природным ресурсам, информационная и культурная экспансия Запада, воспринимаемая другими народами как угроза их культурной и цивилизационной идентичности, - все это служит питательной почвой для национального и религиозного фундаментализма и экстремизма, для этнического сепаратизма, ксенофобии и терроризма.

Антиглобалисты стремятся отыскать и реализовать альтернативу нынешней глобализации, стоят за иной тип мировых отношений. Неслучайно ключевыми лозунгами этого движения стали: «Мир не товар!» и «Другой мир возможен!».

Очевидно, что в настоящий момент мировое сообщество находится на очень ответственном рубеже. От выбора, который сделают политики, зависит будущее мира в ближайшие десятилетия. Поэтому крайне важным является осмысление социальной природы и политических приоритетов глобализации, а также идей и принципов, определяющих направления мирового развития.

1. Джордж С. Доклад Лугано о сохранении капитализма в XXI веке / Пер. с англ. Д. Жутаева. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. 304 с.

2. Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брэндов. М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2005. 624 с.

3. Кляйн Н. Заборы и окна: Хроники антиглобализационного движения / Пер. с англ. М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2005. 304 с.

4. Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Праксис, 2004. 440 с.

СЕКЦИЯ 2: ТРАЕКТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ (1917-2017)

ИДЕЯ ЕДИНСТВА НАРОДОВ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Абрамова М. (Новосибирск)

Аннотация. На примере понимания идеи единства народов в советский и постсоветский периоды представлена трансформация политических установок в России от политики интернационализма к поликультурному и мультикультурному обществам.

Политика разобщения народов в России, основанная на усилении внимания к этническому фактору, осуществляющаяся со второй половины 80-х гг. XX века, является в какой-то мере резонансом стремления к суверенитету отдельных национальных республик. Тем не менее отметим, что парад суверенитетов в стране начался не с национальных республик, а с провозглашения права свободного выхода из состава СССР РСФСР на Съезде народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 года. Пример «старшего брата» оказался весьма заразительным и подтолкнул к жизни долгое время развивавшиеся в национальных республиках глубинные процессы, в том числе и под влиянием успешной реализации политики «коренизации». Отдаленным результатом которой стала сформированная, независимая политическая элита, получившая прекрасное образование и прошедшая суровую закалку партийной школой. Именно она, объединив силы с интеллигенцией, на волне наполнения новыми смыслами федерации и усиления тенденций по децентрализации власти в стране, идеологически обосновала концепции суверенитетов республик, отражавших не столько интересы народа, сколько политические и экономические права элит на ресурсы.

Обострение экономических, социальных и политических противоречий вывело на поверхность противоречия национальные и этнические, проявившиеся в развитии сепаратистских настроений, усилении территориальных претензий, попытках одностороннего толкования исторического опыта взаимоотношений наций и народностей, осуждении межнациональных браков, разработке образовательных программ, акцентировавших внимание на изучении культуры и истории отдельных регионов и этнических групп др.

Массированное зомбирование сознания молодежи многочисленными фильмами, развенчивающих мифы о подвигах героев времен Отечественной войны, акцентирующих внимание на репрессиях сталинского режима уже к концу XX в. сформировали в России новое поколение людей, почитающих западные ценности и ненавидящих «совковое» прошлое, которое тем не менее было пронизано идеей интернационального воспитания. Таким образом, косвенно отвергалась и сама идея единства народов в России.

Переориентация на западные ценности обусловила в России инверсию базовых принципов социальной организации общества и дезадаптировала все слои населения. По сути, как молодое поколение, не помнящее уже советское прошлое, так и пожилое, дезадаптированное потерей идеалов, ради которых оно прошло через многие лишения, стремительно отказывались от идеологии советского прошлого и проникались идеями о пользе этнонационализма, который лег в основу новой идеологии суверенизации.

Таким образом, Россия в конце XX века фактически повторила практику осуществления модели мультикультурализма Западной Европы, основанной на идее нации не как этносоциокультурной общности, а как поликультурной с оппозицией титульной и «других» этносоциальных групп и получила аналогичный результат – атомизацию страны.

Но под натиском глобализации, размывающей этнические границы, унифицирующей национально-традиционное катком мировых стандартов и распространения сети интернет, получившие государственность локальные сообщества вновь вспомнили о ценности единства и сплочения, важности существования «объективного» основания национальной культуры (от понятия «нация»), оказывающего универсализирующее воздействие на жизнь социума, которое могло бы являться цементирующим ядром, консолидирующим различные этнические группы в стране. К концу 90-х гг. XX в. стали появляться работы в области политологии, этносоциологии, педагогики уже не отличающиеся стремлением к кардинальным изменениям и резкой критикой советского прошлого. Они вполне взвешенно и системно представляли компромиссную политику большевиков в национальном вопросе, их достаточно гибкую позицию по отношению к национальным и даже националистическим движениям, решению кадрового вопроса с привлечением на службу и получением образования представителей этнических групп.

Видя результаты парада суверенитета, многие идеологи возврата к этническому, спустя десятилетия, в начале XXI в., вновь обращаются к прогрессивной идее интеграции и возврату фактически к политике интернационализма (или мультикультурализма).

Важно отметить, что попытки интерпретации мультикультурализма как интеграционной стратегии, которая предполагает «открытость для иноэтнических мигрантов и создание условий для их интеграции» [1, с.71], представляется нам неточно отражающей российскую модель, которая в первую очередь была ориентирована на интеграцию народов, исконно проживающих на территории страны. Мы полагаем, что подобные интерпретации скорее обусловлены понимаем

мультикультурализма в контексте западной либеральной модели, созданной национальными государствами как стратегии интеграции мигрантов из их бывших колоний.

В отношении политики организации внешнего взаимодействия российская модель мультикультурализма близка к индийской, философию которой очень четко сформулировал Махатма Ганди, сказав, что он мечтает, чтобы «ветер культуры всех стран как можно свободнее веял у моего дома. Но я не хочу, чтобы он сбил меня с ног» [2]. Таким образом, он предсказывал крах государствам и цивилизациям, в которых не будет стремления к единству народов: «Цивилизация, вероятно, уничтожит себя, если она не откажется от империалистических, стяжательских тенденций и не будет основываться на мирном сотрудничестве свободных наций и на поддержании достоинства человека» [2, с. 17].

С 2000-х гг. в России начался новый период политической истории, который характеризуется перераспределением баланса политических сил в сторону федерального центра. Совершенствуются правовая база и правоприменительная практика в сочетании с внедрением мультикультурных принципов в деятельности государственных структур, непосредственно взаимодействующих с населением. В результате произошло отделение принципов этнического самоутверждения от вопросов государственного строительства, что в целом будет способствовать укреплению общероссийской государственной идентичности.

Таким образом, акценты с формирования этнической самоидентификации индивида смещаются в сторону гражданского воспитания, и сохранение его этнокультурной самобытности перестает подменять процесс государственного строительства. В этом и проявляется специфичность российской модели мультикультурализма, базирующейся на диалогической рациональности признания права индивида быть иным в ответ на соблюдение им условий существования в государстве и принятия коллективной идентичности.

1. Щедрина О. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России? // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 67-75.
2. Горев А. Махатма Ганди. Изд-е второе, переработанное и дополненное. М.: «Международные отношения», 1989. 376 с.

НЕДОВЕРИЕ ПОЛИТИЧЕСКИМ ИНСТИТУТАМ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

Анисимов Д.И. (Санкт-Петербург)

Социальная напряжённость является одним из индикаторов социального конфликта. Изучение причин возникновения и последствий этого явления имеет большое значение для предупреждения, урегулирования и разрешения социальных конфликтов. Сфера политики в силу своей обширности и значимости влияет на уровень социальной напряжённости в обществе.

Выявление причин и измерение уровня социальной напряженности возможно при помощи анализа эмпирических данных. Для эмпирического исследования социальной напряженности важно выделить её основные показатели. Широкие возможности для эмпирического исследования социальной напряжённости открывает Европейское социальное исследование (European Social Survey – ESS). Это многолетнее сравнительное исследование изменения установок, взглядов, ценностей и поведения населения Европы. Опросы проходят каждые 2 года с 2002 года и охватывают более 30 европейских стран. С 2006 года в проекте участвует Россия.

Показатели, с помощью которых определяют, исследуют и прогнозируют социальную напряжённость, отличаются в зависимости от методов исследования, хотя и обладают некоторой универсальностью. Поскольку социальная напряжённость — это, прежде всего, состояние неудовлетворенности и фрустрации, испытываемое значительной частью общества и связанное с социальными процессами, то такие показатели как оценка условий жизни, отношение к иммигрантам, являются определяющими.

К политическим причинам социальной напряженности, которые возможно изучать на основе данных Европейского социального исследования, можно отнести: недоверие политическим и гражданским институтам. Этот фактор тесно связан с ростом неудовлетворенности условиями жизни, падением межличностного доверия в обществе, негативным отношением к иммигрантам – важными показателями социальной напряженности.

Недоверие людей политическим институтам является фактором социальной напряжённости, поскольку от этих институтов зависит многое, в том числе уровень жизни, работа

системы здравоохранения, образования и состояние социальной сферы в целом. Если власть не способна выполнять запросы общества и поддерживать вышеперечисленные сферы на уровне, удовлетворяющем большинство, то формируется недоверие к власти. Недоверие политическим институтам взаимосвязано с негативной оценкой уровня жизни. Также важным является неспособность власти решать стоящие перед обществом задачи, обеспечивающие удовлетворение потребностей населения. Недоверие к власти сопровождается негативным отношением к иммигрантам, поскольку многие коренные жители страны считают, что иммигранты оказывают негативное влияние на состояние различных сфер жизни. Анализ данных Европейского социального исследования свидетельствует о том, что респонденты, не доверяющие политическим институтам, в большей степени, чем респонденты, доверяющие им, склонны испытывать большую неудовлетворенность условиями своей жизни в целом, состоянием экономики, систем здравоохранения и системы образования в стране, негативно оценивать влияние иммигрантов на состояние экономики и культуры страны, а также на качество жизни в стране.

ДИНАМИКА ФАКТОРОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Артемова М.В. (Санкт-Петербург)

7 ноября 2017 года отмечается 100-летие Октябрьской революции – крупнейшего политического события XX века, повлиявшего на дальнейший ход всемирной истории. Активным участником политических событий России в 1917 году была молодежь. Еще в XIX веке молодое поколение сыграло значительную роль в становлении новых общественно-политических движений. Молодые люди влияли на ход политических событий, например, участвуя в восстании декабристов 1825 г. К концу XIX века революционное движение зарождалось в среде студентов - народников, в первых университетских марксистских кружках. Современная российская молодежь также не остается в стороне от участия в общественно-политической жизни страны, выраженной, в том числе, и в протестных формах политического поведения.

Молодежь можно определить как социально-демографическую группу, выделяемую на основе возрастных особенностей, социального положения и характеризующуюся специфическими интересами и ценностями. Эта группа включает лиц в возрасте от 14 до 30 лет [1]. На начало 2017 года в Российской Федерации проживают 26,4 миллиона граждан в возрасте от 15 до 30 лет [6].

Потребность в изучении политической активности молодежи обусловлена тем, что молодое поколение играет значимую роль в преобразованиях, которые происходят в современном российском обществе. Политическая активность рассматривается с нескольких позиций: интерес к политике, декларируемая политическая активность, протестная активность. [3]. К объективным факторам, определяющим политическую активность молодежи, относятся возрастные особенности, неустойчивое материальное положение, тип политического режима, социально-экономическое развитие. К субъективным факторам – степень доверия к институтам государственной власти, удовлетворенность своей жизнью, наличие или отсутствие интереса к политике. Политическая активность может быть двух видов: участие в политической деятельности (членство в партии, политическая карьера) и участие в политическом процессе (явка на выборы, осознанное голосование). Большинство специалистов, анализируя электоральное поведение молодежи, выделяют четыре его типа: 1) Традиционный. Мотивы политической активности: стремление быть «как все». 2) Протестный. Мотивы: недовольство сложившейся ситуацией, юношеский максимализм. 3) Рациональный. Характеризуется желанием изменить ситуацию к лучшему. 4) Апатичный. Политически пассивен [2].

В выборах, прошедших 10 сентября 2017 года, активное участие приняли молодые политики. По сообщению главы Центризбиркома России Эллы Памфиловой, молодежь составила около трети кандидатов, баллотирующихся на региональные выборы всех уровней. В то же время, в Госдуме седьмого созыва, выборы в которую состоялись 18 сентября 2016 г., молодежи было примерно в четыре раза меньше, чем в предыдущем созыве. По итогам выборов в Госдуме появился самый юный депутат в ее истории - это 21-летний студент МПГУ Василий Власов, состоящий во фракции ЛДПР. В Госдуму РФ седьмого созыва избрано 3 парламентария моложе 30 лет, что составляет 0,7% состава. Для сравнения, в Государственной думе Российской империи I созыва (1906 г.) 7% депутатов были моложе 30 лет.

В настоящее время в стране действует множество молодежных организаций, а большинство партий имеют собственные «молодежные крылья», в результате чего у некоторых наблюдателей возникло представление о значительной политизации российской молодежи. Однако результаты социологических исследований этого не подтверждают. Политической и гражданской активность молодежи сравнительно невысокая. В последние годы у молодежи отмечаются низкие показатели участия в выборах и слабый интерес к политике в целом. Но в то же время, среди студентов увеличивается уровень участия в митингах и демонстрациях, деятельности общественных организаций, политических партий и профсоюзов [8]. Участие молодежи в таких организациях зачастую носит мобилизационный характер.

Общий уровень политического и общественного участия, судя по исследованиям, не растет, но меняется качество участия. Оно становится более социально мотивируемым. Судя по данным мониторинговых исследований ВЦИОМ, почти 48% опрошенных участвовали в общественной жизни, преследуя не свои личные интересы, а руководствуясь ценностями общего блага. Сегодня наблюдается рост интереса к волонтерству, движениям, действующим на принципах добровольности и альтруизма [7]. Для молодого поколения сейчас частная собственность, свобода информации, жизнь без тоталитарной идеологии, многопартийность воспринимаются как норма. И переход этого поколения к политической активности мотивирован стремлением к большему, чем то, что оно уже имеет, – к действительной демократии, основанной на честных и реально альтернативных выборах власти. Активизация молодежи обусловлена многими причинами, в том числе естественной сменой поколений. Также сказываются и другие, прежде всего, социальные факторы. Одна из причин, выводящая внешне благополучную молодежь на улицы российских городов, – перспектива многолетнего застоя с ограничением возможностей личностной самореализации [4].

По государственному заданию СПбГУ на 2014 – 2016 гг. было проведено всероссийское исследование «Мониторинг развития молодежных объединений в Российской Федерации». Важный компонент политических взглядов молодых людей – их представление об идеальной модели государства. Респондентам предлагались пять моделей: 1) либеральная: государство контролирует исполнение законов и минимально вмешивается в экономические отношения в стране, но при этом люди сами заботятся о себе и отвечают за свою жизнь; 2) консервативная: государство ориентируется на поддержание традиций и стабильности, но доходы людей очень резко отличаются; 3) социал-демократическая: государство предлагает гражданам программы социальной поддержки, но при этом требует уплаты высоких налогов – до 50% от дохода; 4) коммунистическая: в государстве нет частной собственности и резкого имущественного расслоения, но существует жесткий идеологический контроль; 5) националистическая: государство боится все соседи и жизнь в нем строится на принципе доминирования одной нации – остальные ограничены в правах. Либеральную модель выбрали 19,2% молодых респондентов, консервативную модель – 9,7%, социал-демократическую – 12,7%, коммунистическую – 8,4%, националистическую – 4,4%. Каждый пятый индифферентно относится к принципам идеологического устройства страны, в которой он живет: 3,8% респондентов говорили, что для них это не имеет никакого значения, 14,5% никогда об этом не думали. Ответы на вопрос «Какая партия наиболее отражает Ваши интересы?» свидетельствуют об очень невысоком уровне партийной идентификации молодежи. 4,4% опрошенных признались, что не знают никаких политических партий; 20% заявили, что такой партии просто не существует; 14,9% затруднились с ответом – таким образом, у почти 40% молодых респондентов отсутствует партийная идентичность. Лидером остается «Единая Россия» – 43,4% респондентов считают, что она наилучшим образом выражает их взгляды. ЛДПР считают «своей партией» 9,3%, КПРФ – 3,9%, «Справедливую Россию» – 1,8%. На уровне статистической погрешности находятся показатели «Яблока» (0,7%) и «Гражданской платформы» (0,9%); еще 0,3% молодых респондентов назвали другие партии. К началу 2016 г. 76,8% респондентов были готовы обращаться в органы власти и общественные организации, 37,8% – участвовать в забастовках, митингах и демонстрациях, причем 14,4% считали для себя допустимым участие в несанкционированных протестных мероприятиях. Участие в выборах приемлемо практически для трех четвертей опрошенных (73%); больше трети респондентов (44,8%) считают вполне нормальным использование личных связей и вознаграждения для решения собственных проблем; 31,3% говорят о потенциальной готовности участвовать в работе партий и общественных организаций [5].

Таким образом, несмотря на то, что большая часть современных молодых людей политически инертна, потенциал участия российской молодежи в политике достаточно высокий.

Молодежь заинтересована в построении правового демократического государства. Молодое поколение способно повысить уровень развития государства и общества в целом.

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403р URL: <http://rulaws.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-29.11.2014-N-2403-r/> (дата обращения 05.09.2017).

2. *Беликова Е.А. Политическое участие молодежи: анализ проблем политической активности // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 1 С. 57–61.*

3. *Ницевич В. Ф., Игнатова Т. В. Основные формы политической активности российской молодежи // Среднерусский вестник общественных наук. 2013. № 4. С. 61–67.*

4. *Петухов В. В. Гражданская активность как альтернатива антидемократическому тренду российской политики. // Полис. Политические исследования. 2013. № 5. С. 87-99*

5. *Попова О.В. Особенности политического сознания современной российской молодежи // Политическая наука. 2017. № 1. С. 138-162.*

6. *Демография на 1 августа 2017 года URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/. (дата обращения 05.09.2017).*

7. *Добровольчество в России: потенциал участия молодежи. Пресс-выпуск №1785. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111713> (дата обращения 12.09.2017).*

8. *Молодежь новой России: ценностные приоритеты. Институт социологии РАН URL: <http://lib.convdocs.org/docs/index-107051.html>. (дата обращения 12.09.2017).*

ОБРАЗ РОССИИ В ПЕЧАТНЫХ СМИ УКРАИНЫ (2009-2013 ГГ).

Астахов А.М. (Ростов-на-Дону)

События 2013–2014 годов, революция «достоинства», майдан привели к кардинальному переформатированию отношений между Россией и Украиной. На сегодняшний день последствия этих событий продолжают оказывать влияние, как на внутренние процессы стран, так и на систему мировых взаимодействий в целом. За короткий, по историческим меркам, период, пережив ряд потрясений, соседнее государство трансформировалась из дружественной, «братской» страны, во враждебную, и, исходя из официальных заявлений руководителей, ведущую войну против захватчиков, пришедших из России.

Силы, пришедшие к власти в результате майдана, активно использовали для обоснования своих действий апелляцию к мифам как по отношению к России, так и по отношению к Европейскому союзу. Исследователями, публицистами, журналистами [1,2,3] отмечалось, что на Украине в течение длительного времени формировался образ России как государства, которое поглотило и подчинило себе Украину. Кризис 2014 года стал переломным моментом, когда негативная оценка России в украинском обществе достигла своего пика. Протестные настроения строились на основании проевропейского выбора, антагонистом которого становятся Россия и евроазиатский путь развития.

В распространении и закреплении подобных позиций значительную роль играли средства массовой информации, на часть из которых возлагается ответственность в проведении осознанной политики по отношению к этому вопросу.

Данное исследование акцентирует внимание на период, предшествующий этим трагическим событиям, ставя вопрос изменения представления о России в украинских СМИ.

Исследование посвящено периоду предшествующему «революции достоинства», акцентирует внимание на процессах формирования образа России в предмайданный период. Оно проводилось в 2016 году на основании анализа печатной русскоязычной прессы Украины (4 издания). Временной охват: август-сентябрь, с 2009 по 2013 годы включительно. Для анализа применялись подходы интерпретативного контент-анализа, «обоснованной теории», интент-анализа.

В исследовании были исключены публикации, содержащие рекламу, законы или имеющие исключительно спортивную направленность. На первом этапе исследования из общего количества публикаций были выделены материалы с присутствием в них ключевого слова «Россия» и его словоформы, Общее количество выявленных публикаций составило в прессе Украины – 2757, Республики Крым – 2349.

На втором этапе, из этой группы была проведена дополнительная выборка публикаций, в которых государство Россия и её представители занимали ключевую роль, или имели высокое значения для информационного наполнения публикаций.

В печатной прессе Украины можно выделить 3 основных периода, в которых контекст представления России менялся. Данное распределение можно проследить по изменению тематической направленности публикаций.

Первый период охватывает 2009 год. Это время характеризуется большим количеством информационных поводов, негативных для двусторонних отношений. Обсуждались возможности использования Россией силы для влияния на Украинские выборы, возможная аннексия Крыма, «письмо представителей украинской интеллигенции», обращённое к мировому сообществу с просьбой о военной защите, обвинение российских спецслужб в организации отравления Ющенко В.А.. Стоит отметить, что «конфликтные позиции» вызывали смешанную реакцию и зачастую становились причиной активной критики. Вопрос отношений с Россией определялся, с одной стороны предвыборной кампанией, где с его помощью различные силы пытались получить политические дивиденды, и, с другой, группой конфликтных ситуаций, сформировавшихся в период президента Ющенко.

Второй период затрагивает 2010 и отчасти 2011 год. На данном этапе восприятие России в СМИ меняется. Большинство публикаций рассматривает Россию и характер взаимодействия между Украиной и Россией в положительном русле. Тема экономического сотрудничества становится центральной. Рассматриваются варианты реализации совместных проектов в газовой сфере, в том числе покупка «Нафтогаза», актуализируются вопросы сотрудничества в военной области (ВПК), в сфере развития мирных «ядерных проектов». Авторы акцентируют внимание на необходимости взаимодействия, привлечения частных инвестиций, взаимозависимости России и Украины.

Вместе с тем надо отметить, что в целом, при позитивном климате, возникает много спорных моментов. В вопросе о покупке «Газпромом» «Нафтогаза» отмечается неудовлетворённость украинской стороной условиями контракта. В 2011 году газовый контракт активно обсуждается в контексте «дела Тимошенко», возможные последствия принятия судом того или иного решения. В том же году на первый план выходит заключение договора о снижении цены на газ, условия которого частью политической элиты и авторами публикаций рассматриваются как «капитуляция на почётных условиях». Украинские СМИ обращают внимание на конфликты России с Белоруссией и Грузией. В отношении Белоруссии это – вопрос о торговых войнах, спор о газотранспортной системе, проблема вмешательства России во внутренние дела Белоруссии. В контексте грузинской темы это продолжение обсуждения последствий августовской войны, обвинение российской стороны в захвате новых территорий, конфликт вокруг диппредставительства, поставка комплексов С-300.

Третий период (2011 – 2013) характеризуется смещением от относительно позитивных тематических информационных поводов к негативным. Возникает вопрос выбора между Востоком и Западом, который рассматривается комплексно: Таможенный союз или Евросоюз, ОДКБ или НАТО, СНГ или Восточное партнёрство. Характер публикаций разнонаправлен, но можно выделить два доминирующих течения: публикации, в которых поднимается вопрос необходимости выбора ЕС в качестве основного партнёра, и публикации, акцентирующие внимание на необходимости сохранения связей со всеми партнёрами. В начальный период (2011) доминирующими были единичные сообщения о благе того или иного союза, призывы к равноправному партнёрству. К 2013 году ситуация обострилась, вопрос стал звучать: или ТС, или ЕС. Контекст восприятия России так же менялся в зависимости от того, какой позиции придерживается автор, начиная от восприятия страны, поставившей «ребром вопрос о выборе между ТС и ЕС», заканчивая оценкой России как страны основного экономического партнёра Украины. К сожалению, следует признать, что доминирующая позиция по отношению к России в последний период (2013 год) была негативной, как к стране, активно препятствующей развитию Украины, хотя признание необходимости контактов звучало даже в самых агрессивных публикациях.

В целом СМИ Украины следовали за логикой межгосударственных отношений, этапы потепления и похолодания значительно влияли на тематическую наполненность публикаций и их тональность, при этом, учитывая компонент внутривластной ситуации. Основным интерес представляла экономическая сфера взаимоотношений, информационные поводы широко охватывали данную проблематику, начиная от газовых соглашений и ВПК до специфики

сотрудничества в продаже молочных и бытовых продуктов. Россия при этом выступает скорее в роли «агрессора», за исключением периода 2010 года, которая использует комплекс политических, экономических и «специальных» мер для увеличения своей выгоды. Стоит отметить отсутствие четко выраженной позиции России. Даже в период потепления отношений позиция России не получила значимой поддержки и была практически полностью дискредитирована экономическими конфликтами последующих лет.

1. Карпович О.Г., Манойло А.В. *Цветные революции: теория и практика демонтажа современных политических режимов: моногр. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.*;
2. Ромашкина Н.П., Пересыпкина О.В. *Информационно-психологическое воздействие в период кризиса на Украине: уроки для России // Информационные войны №1, 2016.*;
3. Сапунов В. И. *Манипулятивные приемы украинских СМИ в период информационной войны рубежа 2013–2014 годов // Вестник воронежского государственного университета. Серия: филология. Журналистика. № 1, 2015.*

К ПОСТАНОВЕ ВОПРОСА О ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРОРИЗМА

Барбарук Ю.В. (Магадан)

Не секрет, что понятие терроризма стало своего рода теоретической и идеологической мусорной корзиной, в которую с экранов телевизоров и университетских кафедр валят все что угодно, но, зачастую, не то, что надо. Признание терроризма глобальной проблемой современности, обличение его в качестве социального зла, которое необходимо искоренить, поиск социальных факторов терроризма и работа с ними ничего не дают нам ни в понимании его сущности, ни в нивелировании его рисков. Более того, создается общее впечатление, что терминологическая неопределенность в этом вопросе вполне всех устраивает. Именно поэтому, как нам кажется, социальным наукам сегодня необходимо комплексно взяться за изучение данного явления, чтобы отделить его и от интерпретаций в моральном ключе, и от понимания его в качестве ненормальной/неестественной политической практики нашей эпохи. Подлинно ценный эвристический подход к исследованию терроризма может выстраиваться только из тех принципов, которые предполагают его имманентность социально-политической реальности в условиях крайне неравномерного социально-экономического и технологического развития элементов мир-системы, перманентной угрозы применения оружия массового уничтожения, абсолютизации медийной стороны политики, т.е. предполагают его нормальность для данной ситуации. Показательно, что классические определения войны Крла фон Клаузевица элементарно могут быть конвертированы в базовые определения современного терроризма. Все это стало возможным потому, что терроризм является, по сути, иррегулярной формой ведения войны между государствами, квазигосударственными образованиями, политическими организациями. В условиях гибридных войн разгром регулярных армий, занятие выгодных стратегических позиций, физическое уничтожение предприятий, инфраструктуры мегаполисов и их населения часто не приводят к желаемым результатам. Иррегулярные анонимные формы политической борьбы, более архаичные по сути своей, становятся в этих условиях гораздо более эффективными. Залогом этой эффективности являются анонимность и безответственность инициаторов иррегулярных форм политического насилия.

Описываемая нами реальность политической борьбы не находит сегодня своей непротиворечивой теоретической концепции не только потому, что натывается на трудности уже при выработке адекватных определений, но и потому, что ее построение требует ответов на вопросы, часть из которых находится на грани фола. Приведем лишь часть из таких вопросов:

Адекватно ли применять понятие терроризм к формам борьбы в сообществах, социальная ткань которых не существенно изменилась во времен крестовых походов?

Чем отличается террорист от повстанца, мятежника или партизана?

Любая ли организация, члены которой совершают теракты является террористической?

Можно ли способы борьбы определенных организаций назвать террористическими, если никакие другие формы политической борьбы ей недоступны?

Являются ли специалисты, находящиеся на службе организаций, осуществляющих террористическую деятельность (программисты, врачи, учителя, чиновники, дворники и т.д.), также террористами?

Могут ли ведущие современные государства реализовывать все свои внутри- и внешнеполитические цели, не прибегая к услугам иррегулярных бойцов и формирований?

Могут ли периферийные государства в зонах крайнего политического напряжения реализовывать внешне и внутривнутриполитические цели в борьбе с более развитым противником, не опираясь на иррегулярные формирования?

Почему современные государства столь мало внимания уделяют борьбе с майнингом и спекуляциями на криптовалютах, ограничению наличного оборота денег, оборота крупных денежных купюр при очевидной фискальной выгоде и дополнительных преимуществах в борьбе с террором и теневым сектором?

Являются ли леворадикальные организации, осуществляющие террористическую деятельность, объектом для научного анализа в том же смысле, что и террористические организации с праворадикальным уклоном?

Можно ли рассматривать терроризм только как специфически политическое явление?

Целесообразно ли вообще использование понятия терроризма в отношении реалий современной политики?

ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ МОТИВ-КОДА ДОСТИЖЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ТЕЛЕРЕКЛАМЕ

Батаева Е.В., Полякова Ю.А. (Харьков, Украина)

Мотив-коды представляет собой смысловые образцы социальных акций и интеракций, которые массово воспроизводятся в реальном и виртуальном контекстах. Мотив-коды обладают одновременно знаковой и образной природой, поэтому могут быть усвоены как на уровне визуально-эмоционального восприятия, так и на уровне рефлексивного анализа. В мотив-кодах проявляется деятельностно-семиотический аспект культуры: в контексте деятельностного подхода к феномену культуры, который был концептуализирован в советской философии в 60-70-е гг. XX века (представителями которого являются А. Арнольд, Э. Баллер, В. Давидович, Ю. Жданов, Н. Злобин, М. Каган, Л. Коган, В. Межуев, В. Трушков, З. Файнбург), культура – это специфический способ человеческой повседневной жизнедеятельности, оказывающей влияние на макро- и микро-контексты функционирования общества. Культура рассматривается в данной теории в сопряжении с понятием повседневной социальной деятельности человеческой личности, являясь, с одной стороны, ее результатом, а с другой – фактором формирования ее повседневных практик. В семиотической теории У. Эко и Ю. Лотмана культура предстает как система семиотических (знаковых) кодов, управляющих жизненным опытом человека. Понятие культуры Ю. Лотман соотносит с концептами семиосферы (понимаемой как знаковое поле культурных артефактов) и текста. Культура, понимаемая как многоуровневый семио-текст, конструирует социальную повседневность человека, претерпевая, в свою очередь, обратное влияние конкретной социальности [5, с.203].

В мотив-кодах транслируются поведенческие модели, востребованные в массмедиа, повседневной жизни и публичном социальном контексте конкретного общества. В различных культурных/субкультурных контекстах доминирующие мотив-коды могут значительно варьироваться. К примеру, в «достижительных» культурах на массовом уровне представлен мотив достижения; в авторитарных обществах – мотив власти. Так, по мнению Д. Макклелланда, «тоталитарные режимы почти всегда были отмечены высокими уровнями коллективной потребности во власти и низкими уровнями коллективной потребности в аффилиации. Детские книги для чтения демонстрируют этот паттерн в Германии в 1925 г., перед приходом к власти Гитлера; в Японии перед установлением военной диктатуры в 30-х гг. XX в.; в России в годы правления Иосифа Сталина» [6, с.483].

Мотив-коды, представленные в массмедийном пространстве, соотносятся как с национальной культурой конкретного общества, так и с интернациональной массовой культурой потребления, имеющей унифицированные значения в различных странах мира. «Мотив-код» является разновидностью понятия «культурный код», который Д. Александер соотносит с категорией «объективных смыслов», раскрывающих содержание феномена культуры: «в нашей теории главное место в трактовке сущности кодов занимает вопрос смысла. Мы полагаем, что коды создают сложный дискурс для любой отдельно взятой подсистемы» [2, с.343]. Согласно Д. Александеру, культурные коды 1) обладают знаковой и символической природой; 2) существуют

относительно независимо от субъективных интересов социальных акторов («относительно автономные культурные коды уточняются по отношению к подсистемам и институтам. Как мы полагаем, их содержание отражает и преломляет эмпирические измерения, в которых укоренены институты» [2, с.413]); 3) оказывают принудительное воздействие на поведение социальных акторов, играя роль «мощного морального императива» («как мы заявляем, коды влияют на действия в двух отношениях. Во-первых, они интериоризируются и, следовательно, обеспечивают основания мощного морального императива. Во-вторых, они составляют доступные общественности ресурсы, на основе которых типизируются и делаются подотчетными нравственной оценке действия отдельных людей» [2, с.412]); 4) испытывают на себе влияние со стороны социальной структуры, в результате чего могут меняться («мы не можем интерпретировать социальное поведение без того, чтобы признать, что оно следует не им сформированным кодам; и в то же время, человеческие измышления создают меняющуюся среду для каждого культурного кода» [1, с.36]). Для выявления доминантных (базовых, типичных) мотив-кодов целесообразно использовать контент-анализ (вернее, мотив-анализ).

В мае-июне 2017 г. был проведен анализ визуального контента российской телерекламы с использованием методики Д. Макклелланда: были просмотрены и проанализированы 305 рекламных ролика, которые транслировались по Первому каналу (Россия). Выбор этого канала был обусловлен его высокой позицией в рейтинге телеканалов России (согласно данным Интернет-источника «Zonk» в 2017 г. аудитория «Первого канала» составила 14% зрителей (2-е место в рейтинге самых популярных телеканалов России). В результате проведения контент-анализа был выявлен относительно невысокий уровень представленности мотив-кода достижения в телерекламе (14% мотив-ситуаций – в российской телерекламе). Эмпирическими индикаторами мотива достижения являются: 1) непрерывная работа человека над задачей до тех пор, пока она не будет решена; 2) стремление человека постоянно совершенствовать процесс и результаты своей деятельности [6, с.284]; 3) стремление превзойти существующие эталоны в сфере конкретной деятельности; 4) готовность взять ответственность за любые результаты своей деятельности на себя. В результате гендерного анализа было выявлено, что в российской телерекламе в 31,6% ситуаций с использованием мотива достижения представлены молодые женщины, занимающиеся, в основном, профессиональной деятельностью (гендерная модель «феминистка» [4, с.202]); в 63,2% мотив-ситуаций достижения представлены молодые мужчины, также занимающиеся, в основном, профессиональной деятельностью или профессиональной карьерой (гендерные модели «карьерист» и «эксперт» [4, с.200]); в 5% мотив-ситуаций достижения в российской телерекламе показаны дети. Таким образом, гендерного паритета в контексте достижительности в телерекламе России не было выявлено; преобладают маскулинные образы достижительности, хотя в то же самое время можно говорить о тенденции феминизации экранных контекстов достижения.

1. Александр Дж. Аналитические дебаты: Понимание относительной автономии культуры // Социологическое обозрение. Том 6. № 1. 2007. С.17-37.
2. Александр Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г. Ольховикова под ред. Д. Куракина. - М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. 640 с.
3. Александр Дж. Обещание культурной социологии: технологический дискурс и сакральная и профанная информационные машины // Контексты современности. Хрестоматия. Казань: Изд-во КГУ, 2001, 188 с. URL: http://www.sociology.vuzlib.su/book_o109_page_21.html
4. Батаева Е. В. Видимое общество. Теория и практика социальной визуалистики / Е. В. Батаева. – Х. : ФЛП Лысенко И.Б., 2013. 349 с.
5. Лотман Ю. М. Семiosфера. Внутри мыслящих миров / Юрий Лотман. С.-Пб.: Искусство – СПб, 2000. 704 с.
6. Макклелланд Д. Мотивация человека / Макклелланд Д. СПб: Питер, 2007. 672 с.

КОМПЛЕКСНОЕ КОМПАРАТИВИСТСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ДИСТАНЦИИ

Батина О.Э. (Тольятти)

Аннотация. Россия – это многонациональное государство. Проблемы межнациональных отношений в нашей стране стоят наиболее остро, так как подогреваются многочисленными осложняющими факторами. В связи с этим особую актуальность приобретают проблемы этнической толерантности и национальной дистанции. В данной

В условиях глобализации мы часто становимся свидетелями борьбы между различными государствами. Процессы глобализации приводят к необходимости переосмысления оснований толерантности. Таким образом, толерантность выступает как ценность и обретает особую актуальность [1, 2]. Россия является поликультурным государством. В связи с этим возникает потребность в новом мировоззрении, которое будет направлено на объединение культур и народов с целью их дальнейшего сближения и духовного обогащения. При всей важности распространения представлений о толерантности в России следует учесть, что оно наталкивается на значительное сопротивление, поскольку воспринимается как импорт зарубежных идей, противоречащих привычному для россиянина образу мысли и образу жизни. Однако как общественное явление толерантность имеет давние традиции в социокультурной жизни России.

В исследовании уровня этнической толерантности населения необходимым является измерение социальной дистанции между людьми разной национальности. Для этого нами было проведено исследование, направленное на сравнительный анализ показателей индексов национальной дистанции. Для нас было важным рассмотреть, как соотносятся результаты исследования Н. А. Щепиновой «Измерение национальной толерантности (на примере г. о. Тольятти)», проведенного в 2012 году с результатами нашего исследования.

Первым параметром для сравнения выступил общий индекс национальной дистанции респондентов к представителям различных национальностей. В большинстве случаев оказалось, что показатели, полученные в 2012 году выше, чем показатели 2017 года. Это свидетельствует о том, что уровень национальной дистанции респондентов на сегодняшний день снижается. Исключением являются такие национальности как «украинцы» (3,62 (2012 г.) против 3,66 (2017 г.) и «дагестанцы» (5,46 (2012 г.) против 5,52 (2017 г.)). В данный момент по отношению к таким нациям увеличивается степень изолированности. Таким образом, уровень национальной дистанции населения со временем уменьшается. Население становится более открытым к представителям других национальностей.

Немаловажным было проанализировать, как за 5 лет изменились показатели индекса национальной дистанцированности в соответствии с материальным положением респондентов. Выяснилось, что тенденция по уменьшению уровня изолированности продолжает сохраняться. Исключением являются «украинцы», к которым индекс национальной дистанции незначительно вырос. Важно отметить, что в 2017 году по отношению к «дагестанцам» индекс вырос до 6,14, что свидетельствует о наличии ксенофобных установок к ним. Респондентами с высокой степенью изолированности оказались граждане с материальным положением выше среднего. В сравнении с показателями за 2012 год у данной группы опрошенных уровень толерантности снизился в отношении к чеченцам – 5,14 и 5,86 соответственно.

Так же в ходе анализа мы рассмотрели изменения интегрального индекса в зависимости от уровня образования. Оказалось, что в 2012 году респонденты с высшим образованием в большинстве случаев являлись наиболее изолированными по отношению к представителям других национальностей. На сегодняшний день наблюдается обратная закономерность – у жителей г. о. Тольятти с высшим образованием уровень толерантности выше, чем у горожан со средним образованием. В исследовании прошлых лет корреляция между уровнем образования и степенью толерантности являлась неоднозначной. Если сравнивать респондентов по пунктам: среднее образование и высшее, то можно наблюдать определенную логику. Так, участники опроса первой категории оказались наиболее толерантны, чем представители второй категории. Однако если сопоставить ИИНД по среднему профессиональному и высшему образованию, то возникает некая спорность в результатах. Рассмотрев индексы по неоконченному высшему и высшему образованию оказывается, что люди с неоконченным высшим образованием наименее изолированы к другим национальностям. Сегодня данная взаимосвязь проявляется довольно четко. Респонденты с высшим и неоконченным высшим образованием являются менее дистанцированными и, соответственно, более открытыми, чем граждане со средним и средним профессиональным образованием.

Далее рассмотрим изменения ИИНД в зависимости от возраста респондентов. Зачастую показатели индекса за 2017 год ниже, чем показатели за 2012 год. Однако стоит обратить внимание на граждан в возрасте 51-60 лет. Сегодня степень изолированности в данной группе повысилась к следующим национальностям: «украинцы» (4,22 против 3,5), «немцы» (5,28 против

4,21), «американцы» (5,67 против 5,23), «узбеки» (5,94 против 5,3) и т. д. Что касается половой принадлежности, то как в 2012 году, так и в 2017 году мужчины являются наиболее открытыми для контактов с представителями других национальностей.

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что проявление той или иной национальной изолированности и обособленности к представителям других национальностей зависит от ряда факторов. К ним относится возраст, пол, уровень образования. Стоит отметить, что уровень социальной дистанции так же зависит от конкретной национальности. Наименее дистанцированными стали «белорусы». К числу национальностей, представителей которых респонденты считают «чужими» относятся «дагестанцы» и «чеченцы». Несомненно, важным является тот факт, что в ходе нашего исследования явного проявления ксенофобии у жителей г. о. Тольятти не обнаружилось.

1. Желнина, Е. В. Понимание и границы толерантности в современном российском обществе (социологический анализ русского фольклора) // Толерантность: социально-гуманитарные аспекты. Коллективная монография. – Под редакцией Т. Н. Андреюшкиной. – Тольятти, 2013. – С. 254 – 261.

2. Стоян, Ю. В., Желнина Е. В. Влияние миграционных процессов на социально-экономическое положение индивида в г. о. Тольятти // Толерантность: социально-гуманитарные аспекты. Коллективная монография. – Под редакцией Т. Н. Андреюшкиной. – Тольятти, 2013. – С. 311 – 327.

СОЦИАЛЬНАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРИРОДА ТЕРРОРИЗМА.

Бодрова Ю.В. (Новосибирск)

Генеральной Ассамблеей 13 июня 2014 года была принята резолюция, которая призвана подтвердить Глобальную контртеррористическую стратегию Организации Объединенных Наций. В документе практика терроризма представлена как деятельность, «которая направлена на уничтожение прав человека, основных свобод и демократии, создающая угрозу территориальной целостности и безопасности государств и дестабилизирующая законные правительства» [4]. Определение понятия «терроризм» затруднено из-за его выраженного сходства с другими уголовными преступлениями. Произошедшая в ночь на второе октября этого года массовая стрельба в Лас-Вегасе, унесшая жизни более пятидесяти человек, некоторое время в СМИ «квалифицировалась» как террористический акт. Поспешное признание этого события как теракта вызвало большой резонанс в социальных сетях. Общество разделилось на два лагеря: первые не признавали массовый расстрел терактом из-за отсутствия прямой связи предполагаемого преступника с международными террористическими организациями, вторые причисляли это преступление к терактам, а непризнание первых они объясняли тем, что убийца был гражданином США в противовес распространенному образу террориста-боевика. Так чем же на самом деле является терроризм?

Жан Бодрийяр в своем труде «Прозрачность зла» назвал терроризм «разновидностью насильственного освобождения от напряжения в социальном поле» [1]. Французский философ подчёркивает функциональную схожесть терроризма с жертвоприношениями в первых сообществах. Действительно, если рассматривать жертвоприношение как социальное явление, то следует отметить главную линию соприкосновения с терроризмом – резкое снятие социального напряжения.

Согласно антропологической концепции Рене Жирара, описанной им в работе «Насилие и священное», жертвоприношение принято определять как коммуникацию между тем, кто приносит жертву и «божеством» [3, с. 14]. Таким образом, становится очевидна социальная функция ритуального насилия. Для первобытного общества подобная «коммуникация» была попыткой «приручить» насилие через упорядочивание, регламентацию и обозначение его направленности в нужную сторону [3, с. 31].

Если использовать данную антропологическую теорию в объяснении современного терроризма, то возникнут следующие вопросы. В основе жертвоприношения лежит не злоба и ненависть к жертве, а необходимость, как физическая (получение благ посредством подкупа «божества»), так и психологическая (чувство единения с соплеменниками). Есть ли какая-то необходимость в совершении террористических актов? Принято считать, что теракты используют в качестве устрашения (об этом говорит и этимология слова) для решения своих политических (экономических или религиозных) задач. Жертвоприношение «приручало» насилие, преобразуя

его в легитимную форму, в то время, как терроризм активизирует насилие (в том числе ответное). Справедливо ли считать, что в основе терроризма лежит злоба и ненависть? Размышляя над этим вопросом, мы невольно подходим к тому образу террориста, который сформировался в нашем обществе, а именно как религиозного фундаменталиста. Подобным фигурам, по мнению Славоя Жижека, «в глубине души не хватает искренней убежденности» в своей правоте [2, с. 70]. Сталкиваясь с западными либеральными ценностями, фундаменталисту мало простого заявления о своём превосходстве, ему необходимо продемонстрировать неполноценность своего оппонента.

Почему терроризм имеет такое влияние на общество? Своеобразный ответ на этот вопрос дал Славою Жижек. С развитием общества происходило развитие основных понятий морали и нравственности, которые с течением времени оформлялись в стабильные и устойчивые формы. Жертвенность стала кульминацией Добра, в то время как эгоизм его противопоставлением. Что мы видим в совершаемых по всему миру терактах? Разве не чистую демонстративную жертвенность во имя целей? «В террористических нападениях озадачивает то, что они не соответствуют нашему стандартному противопоставлению Зла как пренебрежение общим благом, и Добра как духа самопожертвования во имя более высокого Дела» [2, с. 70].

Ещё в XVIII веке итальянские сенсуалисты пришли к выводу, что смертная казнь (как и любое насилие) низвергает человека в его естественное (дикое) состояние, при котором является невозможным воздействие на разум. Терроризм превращает социум в бесконечный хаос, которым правит страх.

Террористический акт – это не просто свершившееся событие, это событие, захватившее экран. Насилие XXI века приобретает новую форму, в том числе и через терроризм, и основным условием служит доступность информации. Терроризм – это не религиозная война за свои идеалы, это «насилие, порожденное сверхсовременностью» [1, с. 111]. Бодрийяр утверждает, что «современное насилие возникает скорее от экрана, чем от страсти, оно одной и той же природы, что и изображение» [1]. Действительно, в современном мире «объективные причины» терроризма уходят на второй план. Информационное поле является необходимым условием существования терроризма: то, что существует на экране, начинает существовать и в реальности.

Ежегодно Институт экономики и мира при содействии Университета Мэриленда проводит исследование под названием «Рейтинг стран мира по уровню терроризма». В 2016 году исследование охватило 163 страны. Высокие индексы принадлежали таким восточным странам, как Ирак, Афганистан, Нигерия, Пакистан, Сирия. Европейские страны и Россия имели более низкий рейтинг по шкале террористической активности. Для сравнения: Ирак (1 место) – 9.96, Франция (29 место) – 5.60. В период с января по октябрь 2017 года, ситуация кардинально меняется. Из 27 террористических актов, больше половины приходится на европейскую часть мира. Это можно объяснить недостатком информации о террористической деятельности в восточных странах, вследствие тяжелой международной ситуации. Но очевидно, что некогда самые безопасные города всё чаще становятся жертвами террористических атак. Статистические данные говорят о том, что профилактические контртеррористические меры на практике не работают. Благодаря современным технологиям преступные организации получают всё больше возможностей для организации терактов.

В XXI веке сложно представить мир без СМИ, интернета и других источников информации, поэтому необходимо всесторонне подходить к проблеме терроризма: исследовать терроризм как динамичное явление, которое с развитием технологий и общественной мысли также меняется. Но важно помнить, что терроризм – это представление, которому необходимы зрители, его существование невозможно вне социального и информационного поля.

1. Бодрийяр Ж. *Прозрачность Зла*. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.

2. Жижек С. *О насилии*. – М. Издательство «Европа», 2010. – 184 с.

3. Жирар Р. *Насилие и священное*. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 448 с.

4. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей. 97-е пленарное заседание. 2014 г. – 10 с.

1. Бодрийяр Ж. *Прозрачность Зла*. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.

2. Жижек С. *О насилии*. – М. Издательство «Европа», 2010. – 184 с.

3. Жирар Р. *Насилие и священное*. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 448 с.

4. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей. 97-е пленарное заседание. 2014 г. – 10 с.

«МЯГКАЯ СИЛА» КАК КОМПОНЕНТ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

Васильев М.В. (Псков)

Прежде чем начинать разговор об использовании технологий «мягкой силы» в современном мире, необходимо кратко охарактеризовать смысл используемых терминов и понятий. Так, в научном сообществе под гибридной войной принято подразумевать такое противостояние государств, при котором активно используются не только привычные виды летального оружия (армий, частных военных кампаний, повстанческих отрядов и др.), но и мирные рычаги воздействия на противника, через дипломатическое или экономическое давление, «цветные революции», кибернетические угрозы, хакерские атаки и шпионаж, создание соответствующего информационного пространства, относительно потенциального противника. Фактически, «мирный» этап гибридной войны и есть «мягкая сила», которой может пользоваться государство. Если в 1980 году автор этого термина Джозеф Най характеризовал «мягкую силу» тремя основными компонентами: культурой страны, политической идеологией и внешней политикой [1], то в наши дни, в связи с активным развитием цифровых технологий и медиа пространства, необходимо добавить еще и информационную политику, что зачастую тождественно понятию информационные войны. «Мягкая сила» это технология привлечения на свою сторону большого количества сторонников и, в определенной мере, она схожа с приемами экономической рекламы, когда зритель должен сам хотеть именно тех результатов, которые выгодны вам. Как и в рекламе, «мягкая сила» в политике может быть добросовестной, направленной на создание привлекательного образа своей страны, возвеличивания ее лучших сторон и возможностей. Мягкое могущество в таком случае возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами [2]. Однако подобных приемов может быть не достаточно или они оказываются малоэффективны и тогда «мягкая сила» направляется на очернения культуры и идеалов другого государства. Обычно оба эти направления используются одновременно и взаимно дополняют друг друга. Главная задача такой технологии заключается в том, чтобы для мирового сообщества создать устойчивый образ неприглядности и опасности политического конкурента и на его фоне выглядеть неким островком свободы и стабильности. Подача информации в таком ключе позволяет эффективно устанавливать партнерские отношения с другими странами, заключать эффективные экономические контракты и привлекать бизнес и капиталы в свою страну.

Наша страна столкнулась с активной политикой «мягкой силы» сразу после снятия «железного занавеса» и распада СССР, когда информационное пространство было практически завоевано западной символикой и культурой. Российскому гражданину активно предлагались новые ценности и идеалы. Шла активная работа по замене культурно-смыслового кода нации, распространялись и насаждались ложные ценности. Под прикрытием красивых идей свободы, либерализма, демократии и толерантности, из сознания нации вымывались основы, отвечающие за целостность социальной системы. Главный упор в пропаганде таких идей делается в первую очередь на молодежь, так как она более подвержена информационному воздействию. Поэтому главной задачей авторов политики «мягкой силы» является установление контроля над системой образования, изменение учебных программ для школьников и студентов, распространение «правильных» учебников, написанных в соответствии с нужной концепцией. Такие учебные пособия предназначены не только ломать единую систему знаний учащихся, но и очернять национальную историю народа. Ярким примером могут стать школьные учебники истории России, выпущенные при поддержке фонда Сороса и активно распространяемые в первые десятилетия демократии в России. Эти учебники истории были переполнены безумным количеством фактологических ошибок, вымыслов и, главное, внушали школьникам, идеи о том, что все жители России – люди ущербные, что вся история Отечества – это цепь неудач и позора, а образцом для подражания является, конечно же, западная цивилизация и «общество потребления» [3]. Для наглядности стоит лишь вспомнить об устоявшейся на Западе идеи о якобы второстепенной заслуге Советского Союза в борьбе с фашизмом. Зато активно муссируются темы ГУЛАГа, штрафных батальонов, «оккупации» советскими войсками в 1945 году европейских городов и даже каннибализма в блокадном Ленинграде. Зародившись на Западе, все эти идеи постепенно пришли и в российское медийное пространство. На протяжении последних двух десятков лет, идет активное информационное очернение и глумление над русскими символами.

Особое место в политике «мягкой силы» отводится воспитанию чувства толерантности, как неспособности и нежеланию оказывать сопротивление внешнему воздействию, покорной готовности принять любые идеи и стереотипы поведения и уравнивать их со своими национальными ценностями. Сама толерантность вводится в ранг фетиша, неуважительное отношение к которой неизбежно приведет к навешиванию унижительного клейма и превращению в объект насмешек. Это полноценная мировая информационно-психологическая война, в ходе которой достигается разрушение культуры солидарности, широкое внедрение культа денег и социал-дарвинистских стереотипов в представления о человеке и обществе. Таким образом, способность больших масс населения к сопротивлению, самоорганизации и развитию резко снижается. Все это создает специфическую среду расслабленного национального духа, отрицающего государство и национально-культурные традиции. Именно в таких условиях весьма комфортно чувствуют себя всевозможные экстремистские движения [4].

В западных и некоторых отечественных либеральных СМИ активно муссируется идея постыдности слова «русский» и всего что с ним связано. Наиболее активно это осуществляется в СМИ постсоветского пространства. В этих целях с русской культурой и государственностью непременно связываются темы криминала, коррупции, хакеров и агрессивных, имперских намерений Кремля. Подобное информационное поле создается для противодействия интеграционным тенденциям, в которых участвует Россия. Основной мотив подобной информационной агрессии, направленной против нашей страны – это не допущение сближения и собирания осколков Советского Союза в новое надгосударственное образование. Основная задача наших «западных партнеров» заключается если и не ликвидации, то, по крайней мере, в существенное затормаживании процессов строительства Евразийского экономического союза. Для этого культивируется самое негативное отношение к русским и русской культуре на постсоветском пространстве. Особенных успехов в этом деле удалось достигнуть в странах Прибалтики и на Украине. Подобные приемы информационной войны Запада против России не новы и активно использовались в прошлом, принципиально иным стало лишь техническое обрамление средств подачи информации. Еще во второй половине XIX века русский публицист и поэт И.С. Аксаков писал: Если, например, поднимается свист и гам по поводу властолюбия и завоевательной похоти России, знайте, что какая-либо западно-европейская держава готовит бессовестнейший захват чьей-либо чужой земли – славянской или иной, но такой захват, который прямо вредит интересам нашим или дружественных нам единоплеменников. На Западе хорошо знают, что мы ничего так не боимся, как общественного мнения Европы» [5].

Новый принцип многополярности современного мира, основанный на равноправии и партнерском взаимодействии не устраивает Запад и преподносится исключительно как имперские амбиции России. Делается это не только руками мировых информагентств, но и через агентов влияния из числа российских чиновников и общественных деятелей. И если с иностранными некоммерческими организациями удалось навести некоторый порядок, приняв соответствующий федеральный закон, предполагающий четкую отчетность последних в вопросе источника их финансирования, то с прозападными чиновниками, засевающими на всех уровнях власти, дело обстоит намного сложнее. В этом ключе очень показателен один из ответов президента В.В. Путина, сделанный на международном экономическом форуме 2 июля текущего года. На вопрос журналистки телеканала NBC о русском вмешательстве в американские выборы, президент ответил следующее: «Вы бы посмотрели, что ваши коллеги у нас делают. Да они просто с ногами забрались в нашу внутреннюю политику, на голову нам сели, ноги свесили и жвачку жуют. Развлекаются просто! Это систематическое, на протяжении многих лет, грубое, абсолютно бесцеремонное, в том числе даже на уровне дипломатических ведомств, вмешательство прямо в нашу внутреннюю политику!». Неприкрытое влияние Запада, лоббирование его интересов с использованием властных рычагов в высших эшелонах государственного аппарата, было открыто подтверждено президентом. Действия некоторых членов правительства, интересы которых лежат далеко за пределами России и напрямую интегрированы с интересами глобального бизнеса, вызывают существенную тревогу у наших ближайших союзников по Евразийскому союзу – у Белоруссии и Казахстана. Интеграционные проекты тормозятся разнообразными «молочными» и «газовыми» войнами, а сама идея «русского мира», как культурного и системообразующего начала подменяется ложными смыслами.

Если первоначально термин «гибридные войны» практически не применялся относительно современной России, то после событий 2014 года, связанных с возвращением Крыма в состав РФ, о нашей стране заговорили, как об активном геополитическом игроке на мировом пространстве,

использующим приемы гибридных войн. Практически все западные СМИ стали создавать для России образ глобального агрессора, желающего изменить не только политическую карту, но весь миропорядок в целом. В медиа пространстве Россия моментально превратилась в одну из основных угроз планетарного масштаба. Так, в прессе и на телевидении муссируются идеи о том, что наша страна вмешивается во все сферы жизни других суверенных государств, использует приемы пропаганды и кибертехнологии. Следующие три года силы западных журналистов были брошены не только на создание демонического образа России, но и постоянного «подогревания» этой темы. Для достижения этих целей, были созданы разнообразные информационные вбросы из области различных сфер жизни общества. Это и громкие скандалы с допингом, якобы употребляемым российскими спортсменами и их отстранение от Олимпиады. В западных СМИ активно освещалась тема неоднократного применения химического оружия в Сирии, наличие которого так и не было доказано, однако факт его применения неизменно связывался с личностью президента этой страны и обязательно отмечалось, что Россия его поддерживает. Таким образом, используя приемы дезинформации и некорректных аналогий, в сознании зрителя формируется образ России покровительствующей кровавому диктатору. Выборы президента США пришлось очень кстати для создания отрицательного образа России, которая просто не могла не быть обвиненной в хакерских атаках на компьютеры республиканцев. И результаты произошедших выборов в Америке не имеют никакого значения. Кто бы не победил в этой предвыборной гонке, главным виновником неудач одной из сторон все равно была бы Россия. Именно в этих целях по сей день президенту В.В. Путину задается пресловутый, но обязательный вопрос о русских кибератаках и их роли в американских выборах. Ответ на этот вопрос и рациональные доводы никого на Западе не интересуют, главное – это поддержание соответствующего информационного образа. Демонизация России, сопряжение с ней всех проблем в мире, фактически легитимизирует в сознании мировой общественности любые проявления агрессии против нашей страны и делает её оправданной и удобной мишенью для всех противников и недоброжелателей.

1. Мёрден С.У. *Проблема силы: борьба на глобальном поле боя*. Лондон., 2009. С. 34.
2. Давыдов Ю.П. «Жёсткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // *США и Канада: экономика, политика, культура*. 2007. № 1. С. 5.
3. Школьные учебники «от Фонда Сороса» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.contrtv.ru/common/902> (дата обращения 30.06.2017 г.).
4. Васильев М.В. «Управляемый» хаос как технология неокolonialного передела мира // *Концепт*. 2016. Т. 15. С. 2161 – 2165. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/96352.htm> (дата обращения: 01.05.2017 г.).
5. Аксаков И.С. *Политическое обозрение* // *Русь*. 1880. № 3.
6. ПМЭФ остается площадкой для обсуждения острейших политических вопросов // *Первый канал*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/2017-06-02/326394>
pmef_ostaetsya_ploschadkoy_dlya_obsuzhdeniya_ostreyshih_politicheskikh_voprosov
(дата обращения: 30.06.2017 г.).

"ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ": УСЛОВИЯ И ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

Гайшун А.Н. (Бобруйск, Республика Беларусь)

Общественно-политические и экономические процессы глобального уровня оказывают прямое влияние на развитие постсоветских государств. Они по-прежнему являются объектами геополитических интересов сильнейших держав мира, и вряд ли даже в отдаленном будущем они потеряются. Европейский Союз, США, Китай – именно эти субъекты мировой политики сегодня оказывают значительное влияние на развитие бывших республик СССР. Практическая реализация интересов стран-конкурентов происходит в том числе и через провоцирование социально-политических конфликтов.

Мировая история свидетельствует, что социальный конфликт возникает и развивается в определенной общественной ситуации, которая характеризуется тем, что между действующими в ней людьми или их общностями (этническими, демографическими, территориальными, профессиональными) существуют противоречия интересов, целей, мотивов поведения, жизненных установок. Многочисленность и разнообразие существующих противоречий, обусловленных различием социального положения, экономических и политических позиций соперничающих

сторон, их ценностные ориентации и составляет то, что принято называть в современной социологии конфликтной ситуацией.

Конфликтная ситуация включает в свою структуру следующие компоненты: причины и условия возникновения конфликта; образ ситуации, сложившейся у участников конфликта; действия субъектов по достижению своих целей в конфликтной ситуации; последствия развития конфликта и его прекращения.

Предметы конфликта, как и его проявления, имеют достаточно сложный интегративный характер, а потому их можно, как считают современные социологи, только условно классифицировать по типам социальных феноменов. Таким, как: богатство, власть, престиж, достоинство человека, страх. Человеческая история убеждает в том, что источником возникновения конфликта является закон неравномерного развития общества, приводящий к социальному и экономическому неравенству, проявления которого можно обнаружить во всех сферах человеческого бытия – экономической, политической, идеологической, культурной, информационной.

Таким образом, условием конфликта является несовершенство общественной жизни.

Исторический опыт развития стран и народов мира позволяет утверждать, что ни одна из существующих идеологий не привела к полному социальному согласию, спокойствию на планете, не исключила возможности возникновения в том числе и мировых конфликтов.

А посему возникает представление о необходимости нового пути социального развития, который бы учитывал позитивные и негативные проявления известных человечеству формаций. Сегодня его и пытаются найти постсоветские республики, решая непростую задачу соединения демократических тенденций с построением новой государственности под влиянием имеющегося исторического базиса.

Как представляется, современный политический конфликт можно рассматривать на трех уровнях отношений нации: во-первых, в масштабе всего геополитического пространства (особенно проявляется при попытках сверхдержав установить свое господство в мире); во-вторых, на региональном уровне (попытки региональных государств установить политическую и экономическую гегемонию в регионе); в-третьих, на уровне нации одного государства (межэтнический или межконфессиональный).

В XXI веке доминирующим средством проведения глобальной политики, которое используют наиболее сильные государства и транснациональные организации, стало масштабное информационное воздействие на сознание народов мира. Оно и позволяет управлять социальными конфликтами в странах со слабой государственностью, обеспечивает политическое влияние.

При разжигании внутренних конфликтов используются большей частью экономические противоречия, во многом инспирируемые извне.

Усиливающаяся роль различных мировых сил – мировой элиты и блока НАТО, в первую очередь, – создает качественно новые угрозы национальной безопасности региональных и малых государств. Начало этому положено в середине прошлого столетия, о чем свидетельствует мировая история [1, с.5 –7]. При этом в ход идут и пресловутые «двойные стандарты». Вершины западного «правосудия» – судьба Югославии и Ирака [2, с.311 – 317]. Яркие примеры последнего времени – Египет, Ливия и другие страны.

События, например, в Ливии еще раз подтвердили, что концепция «всемирной мятежевойны», сформулированная проживавшим в Аргентине русским эмигрантом первой волны, полковником Евгением Месснером в середине 50-х годов прошлого столетия, взята за основу в ведущих странах НАТО. Суть этой концепции заключается в том, что в «мятежевойне» участвуют не столько армии и государства, сколько народные движения и иррегулярные формирования. Агитация и пропаганда мировых СМИ используется при этом как главное оружие [3].

В период конфликтов и особенно тех из них, которые протекают в сложнейшей обстановке, активизируются социальные силы общества, обостряя или нейтрализуя развитие конфликтных ситуаций. Именно поэтому необходимо знание социальных сил, их вероятное поведение в конфликтных ситуациях.

Социальные действия, которые приводят к возникновению конфликтов, совершаются конкретными социальными силами, действующими в обществе и имеющих свою организацию. Специалисты к ним относят политическую элиту, включающую политические кланы и клики, различные профессиональные организации и профессиональные союзы, криминальные структуры. В борьбе за власть используются средства массовой коммуникации и социальное манипулирование.

В «цветных революциях» на постсоветском пространстве активно использовалось социальное манипулирование, которое опиралось на периферические неосознанные восприятия действительности, эксплуатировало предрассудки религиозного, политического и экономического плана (Украина, Кыргызстан), рекламировало социальные идеи (разработанные в зарубежных центрах), создавало «удобные» заинтересованным силам политические образцы и оценки, навязывало массовую политическую культуру.

Ныне постсоветские страны все больше убеждаются в том, что одну из главных угроз их национальной безопасности несет экстремизм. Его порождают, главным образом, следующие причины: социально-экономические кризисы, резкое падение жизненного уровня населения в конкретной стране, деформация политических институтов и структур, их неспособность решать назревшие задачи общественного развития, национальный гнет, стремление социальных или политических групп ускорить осуществление выдвигаемых ими задач, политические амбиции их лидеров.

В сфере политики экстремизм выступает против сложившихся в стране общественных структур и институтов, пытаясь подорвать их стабильность, расшатать и разрушить, используя при этом и силовые методы.

В идеологическом содержании экстремизм отрицает компромисс, как таковой, пытаясь силой утвердить свою систему политических, идеологических или религиозных взглядов.

Социальной базой экстремистов являются мелкобуржуазные и маргинальные слои населения, а также представители интеллигенции, студенчества, националистических и религиозных движений, разочаровавшиеся в существующих порядках в стране.

Совершенно очевидно, что в современных мировых условиях разрешение социальных конфликтов необходимо для поддержания международной стабильности. Увы, это понимание есть далеко не у всех сильных мира сего. Именно поэтому региональным и небольшим государствам необходима рейтинговая система оценок конфликтных ситуаций, которые могут представлять угрозу их национальной безопасности.

1. Окорков А. Секретные войны Советского Союза. Москва: Яуза – 2008.

2. Шурлов С. Иракский капкан для США. Москва: Яуза, Эксмо – 2009.

3. Военно-промышленный курьер. №5, 3.11.2010

ИНДУКЦИЯ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ

Гребенщиков И.В. (Санкт-Петербург)

Аннотация: В работе рассматривается процесс участия отечественного бюрократического поля в дискурсе об экстремизме. Предлагается хроника данного процесса. Выявляются характерные черты целевой дискурсивной формации.

Своеобразие современного понимания экстремизма определяется дискурсивным участием ряда значимых агентов социального пространства. В рамках данной статьи предлагается рассмотреть специфику участия одного из значимых производителей дискурса об экстремизме в России – бюрократического поля. В качестве методологической предпосылки к организации работы используется программа исследования бюрократического поля, предложенная в курсе лекций П. Бурдые «О государстве» (Коллеж де Франс в период с 1989-1992 годы). [1]

В работе используется понятие поля П. Бурдые В данном случае речь идет о «бюрократическом поле, то есть пространстве агентов и институтов, у которых есть этот вид метавласти, власти над всеми полями: бюрократическое поле представляется полем, возвышающимся над всеми остальными полями, полем, где утверждаются различные меры...». [1, с. 665] Также используется понятие дискурса, которое применяется согласно значениям теории дискурса М. Фуко. Согласно М. Фуко дискурсом является совокупность речевых актов, объединенных одной проблематизацией. [2] Уточняя понятие проблематизации, М. Фуко говорит, о том, что «это совокупность дискурсивных и не дискурсивных практик, вводящих нечто в игру истинного или ложного и конституирующих эту игру в качестве объекта мысли». [3]

Согласно П. Бурдые для целевой организации агентов рассматриваемой дискурсивной формации необходимо определить совокупность значимых агентов и совокупность значимых свойств профильного дискурса. В первом случае критерием отбора является отбор агентов, способных участвовать в дискурсе об экстремизме – «у них есть особая власть, которая позволяет

оказывать воздействие, производить последствия». [1, с. 76] Во втором случае речь идет о значимых качествах производимого профильного дискурса, тех качествах «благодаря которым оказывают воздействие». Наконец, необходимо составить хронику данного дискурсивного пространства, воспроизвести процесс создания конкретного дискурсивного участия конкретным агентом дискурса.

Значимым агентом по производству дискурса об экстремизме является бюрократическое поле, включающее в себя развитую систему государственных агентов с дифференцированной структурой, в частности юридическое поле, которое заинтересовано в создании легитимирующей теории государства и инвестирует свой «капитал слов» в государство. [1, с. 601]

Для рассмотрения генеалогии конституирования бюрократического дискурса об экстремизме предлагается следующая хронология (этапы): предварительный (1995- 2001); институциональный (2002-2005); коррекционный (2006-2008); стратегический (2009-2017).

В рамках предварительного этапа общее понятие экстремизма является периферийным в отношении понятия фашизма, а также конкретных форм экстремизма. В 1995 г. издается Указ Президента РФ от 23.03.1995 N 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации. Однако уже на этом этапе регулятором было принято решение отказаться «от самого определения фашизма, так как четкая дефиниция может ограничить юристов в борьбе с данным негативным явлением». [4] В дальнейшем происходит бюрократическое осмысление экстремизма в системе его конкретных форм (политический, религиозный, исламский). Так, с 1997 г. по 2002 г. выходят такие документы, как: Указ Президента РФ от 27.10.97 N 1143 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию политическому экстремизму в Российской Федерации»; Указ Президента Российской Федерации от 15 ноября 1998 года № 6987 «Комплексный план мероприятий по противодействию исламскому экстремизму» и т.д. В 1998 г. выходит Федеральный закон от 25 июля 1998 г. N 130-ФЗ "О борьбе с терроризмом», где политический и религиозный экстремизм обозначаются как условия возникновения конфликтов.

На институциональном этапе понятие экстремизма получает свое нормативное выражение в значении преступления – в 2002 году осуществляется принятие Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», происходит первичное матрицирование юридического изобретения на объекты социальной действительности.

На коррекционном этапе бюрократическое поле осуществляет универсализацию значений экстремизма – корректируется профильный закон 4 раза (27 июля 2006 г., 10 мая, 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г.). Переосмысливаются подходы к использованию данного инструмента по обеспечению безопасности со стороны правоохранительного поля, в частности выходит распоряжение Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ и ФСБ РФ от 16 декабря 2008 г. NN 270/27р, 1/9789, 38 "О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма".

На этапе стратегического развития дискурс бюрократического поля приобретает новые перспективы универсализации и гарантии поступательного развития. Здесь бюрократический дискурс предельно актуализирует экстремизм, как угрозу национальной безопасности (Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года) и продолжает работу по универсализации экстремизма в качестве преступления – снова изменяется профильный закон (25 декабря 2012 г., 2 июля 2013 г., 28 июня, 21 июля, 31 декабря 2014 г., 8 марта, 23 ноября 2015 г.). Наконец принимается Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Помимо очевидных гарантий закрепления и прогрессии бюрократического дискурса об экстремизме на среднесрочный период, данный документ характерен сателлитизацией понятия экстремизм и понятия радикализм. В документе термин радикализм представлен в разделе основных понятий и интерпретируется, как «глубокая приверженность идеологии экстремизма, способствующая совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации». Такое определение является прецедентом прямого сближения радикализма с экстремизмом.

Логика организации профильного бюрократического дискурса выявляет индукцию государственного осмысления понятия экстремизм. На предварительном этапе продвигаются: понятие фашизма, которое являет собой частное проявление экстремизма; религиозный, политический и исламский экстремизм, являющиеся частным выражением экстремизма. Также

нормативно операционализируется понятие терроризма, которое являет собой частное производное экстремисткой деятельности. На институциональном этапе происходит переименование экстремизма из категории риска в категорию преступления. На коррекционном этапе меняются содержательные компоненты профильного закона в сторону расширения и универсализации. На стратегическом этапе помимо прогрессии универсализации нормативного понимания экстремизма, прослеживается тенденция конвергенции экстремизма и радикализма.

Итак, бюрократическое поле поэтапно развивает свое участие в дискурсе об экстремизме, образуя универсальный инструмент по обеспечению безопасности государства. Рассмотрев значимые качества актуальной дискурсивной формации об экстремизме, а также ее хронику, можно говорить о предпосылках нормативного изобретения более универсального инструмента обеспечения безопасности государства – понятия радикализм. Обращаясь к значимым качествам агентов производства и продвижения профильной дискурсивной формации (юридическое поле), можно отметить их профессиональную заинтересованность в универсализации средств достижения государственной безопасности. [1, с. 622] В системе указанных предпосылок – можно говорить об устойчивой вероятности юридического осмысления радикализма в качестве преступления.

1. Бурдьё П. *О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989—1992)* / Ред.-сост. П.Шампань, Р.Ленуар, Ф.Путо, М.-К.Ривьер; пер. с фр. Д.Кралечкина и П.Кушнаревои; предисл. А.Бикбова. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. — 720 с.
2. Зиновьев А.О. *Роль дискурса в организации политических позиций* // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2003. — Т. 6. — № 4. — С. 130–145.
3. *Беседа с Ф. Эвальдом* // Фуко М. *Воля к истине*. М.: Магистеруум-Касталь, 1996.
4. Аваков А.И. *Борьба с экстремизмом и ультраправыми движениями: политико-правовой анализ* // Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция». — 2012. № 2. — С. 44–45.

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (1918-1930 ГГ.)

Грошева И.А., Грошев И.Л. (Тюмень)

Политическая деятельность общества - формальный статус социальной общности вне зависимости идентифицирующим параметрам. В период с 1918 по 1930 гг. гендерной политике в постреволюционном российском государстве отводилась особая роль.

В январе 1918 г. III Всероссийский съезд Советов утвердил Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа, которая предоставила женщинам равные политические права с мужчинами. В июле этого же года первая советская Конституция закрепила эти права. В принятой на VIII съезде РКП(б) Программе партии (март, 1919 г.) было закреплено равноправие всех граждан независимо от пола, религии и национальности. Интересы женщин были сформулированы в виде задач в области политики, народного просвещения, охраны труда и улучшения его условий, социального обеспечения, здравоохранения. Упор сделан на создание системы бытового обслуживания. В.И. Ленин 4 марта 1920 г. писал: «Втянуть женщину в общественно-производительный труд, вырвать её из «домашнего рабства», освободить её от подчинения – отупляющего и принижающего – вечной и исключительной обстановки кухни, детской – вот главная задача» [1, с. 193]. В 20-е годы женщины избирали и избирались в Советы. В стране проводился курс на вовлечение женщины в политическую деятельность, велась активная разъяснительная работа, борьба с неграмотностью. Классово-идеологический подход оформлен в высказываниях В.И. Ленина: «Если женщины не будут с нами, то контрреволюционерам может удастся повести их против нас. Мы должны всегда об этом помнить» [2, с. 206]. Представители Советской власти понимали, что малограмотная и бесправная женщина - опора контрреволюции. Сразу после революции образованы независимые женские организации – женотделы. П.М. Чирков обозначил главным недостатком работы женщин в 20-е годы то, что многие женотделы стремились сосредоточить в своих руках почти всю работу, связанную с решением женского вопроса. В связи с чем ЦК ВКП(б) своевременно исправил это положение [3, с. 68].

В Тюменской области, согласно данным переписи 1920 г., преобладало сельское население (89,5 %), доля женщин составляла 58,9 % в сёлах и 52,4 % – в городах. Уровень грамотности был низким. Так если в РСФСР (по данным 1920 г.) в среднем на 100 жителей приходилось 245

грамотных женщин, то в Тюменской губернии только 119 из каждой тысячи были обучены грамоте. Причём отмечалась чрезвычайно низкая плотность населения, его разобщённость, что создавало трудности для организации работы среди женщин [4, с. 3].

После освобождения Тюмени от Колчака образована Тюменская организация РКП и Бюро женщин-работниц во главе с председателем А.М. Берлин (позднее переименовано в Тюменский городской женотдел). Практическая работа среди женщин осуществлялась посредством делегатских собраний. Они создавались по инициативе Инессы Арманд и играли большую роль в политическом воспитании женского населения, но наиболее эффективным средством признана работа женсоветов. Например, в г. Туринске в июне 1920 г. организован женсовет, целью которого была защита интересов трудящихся женщин, крестьянок и работниц на фабриках, заводах и других учреждениях. В круг его обязанностей входило наблюдение за детскими приютами, домами матери и ребёнка, осмотр больниц, лазаретов, оказание помощи отделу здравоохранения в борьбе с сыпным тифом [5, л. 25].

Одной из важных задач того времени было привлечение к общественной работе женщин-«туземок» (так называли женщин коренной национальности). Женщину-«туземку» было очень трудно привлечь к работе из-за сохранявшейся религиозности, традиционного уклада быта. Специально командированные для этой цели женщины ходили по чумам и обучали женщин коренной национальности лечить, готовить, привлекали в избы-читальни. Особенностью работы женотделов в 1923 г. были мероприятия по привлечению женщин в кооперацию. В связи с этим практиковался опрос общественного мнения женщин, где они распределялись как коммунистки, батрачки, крестьянки и служащие. Анкеты состояли из вопросов, позволяющих определить уровень вовлечённости работниц в кооперацию, оценить имеющийся опыт, выявить степень удовлетворённости спроса потребителей, количество подписчиков журнала «Работница», определить потребность в предоставлении льготных условий при вступлении в кооперацию и др.

В 1924 г. положительно зарекомендовали такие формы работы женсоветов в Тюменской области как: ликвидация неграмотности среди рабочих и крестьянок (создание изб-читален), вовлечение в советское строительство, ликвидация культурной отсталости, борьба с безработицей, вовлечение работниц и крестьянок в клубную работу, распространение газет и журналов среди работниц, курирование детдомов, домов матери и ребёнка, о диетическом и гигиеническом обслуживании трудящейся матери и ребёнка, работа над созданием школ, борьба с беспризорностью, работа по организации яслей (особенно в сельской местности). Создаются женские трудартели, а женщины активно привлекаются на летние общественные работы. Отмечается, что такие артели в Тюмени и Тобольске были одними из первых по РСФСР. Особенное внимание уделялось проблеме материнства, так как от её решения зависело положение женщины в обществе. Анализ причин убыли женщин из партии показал следующее: в большинстве случаев женщины исключались за оторванность от партии, не менее значительная причина – религиозные обряды [6, л. 12]. «Оторванность от партии» женщины определялась по наличию детей или беспомощных родственников. Однако функции по уходу за указанными категориями признавались государственно значимым проектом, и такие женщины признавались полноценными партийными работницами.

Задачами женотделов в период с 1926-27 гг. в Тюменской области были: вовлечение женщин, членов партии и кандидаток, беспартийных активисток в школы политграмоты; организация первичных кружков работниц, которые способствовали бы повышению политического уровня работниц. В практике уральских организаций отсутствие первичных кружков работниц, компенсировалось активной работой делегатов. Делегатки участвовали в проверках, ревизиях. Существовали группы делегатов по устройству яслей и приютов, домов материнства при отделе народного образования, продовольственных комитетах, в отделах трудовой повинности. Благодаря активной работе женотделов, количество участников-женщин в делегатских собраниях по Тюменскому окружному ВКП(б) на период с 1925 г. по 1928 г. увеличилось с 14,1 % до 20,6 % [7, л. 2].

С 1927 г. наблюдалось снижение активности в отношении работающего женского населения, что проявлялось в слабом руководстве ячейками, невнимательном подборе руководителей делегатских собраний, необеспеченности подходящими помещениями, отсутствии внимания к политическому воспитанию трудящихся, неудовлетворительной подготовительной работе к перевыборам делегатских собраний [7, л. 3]. В январе 1930 г. женсоветы по решению И. Сталина ликвидированы, прекратили они своё существование и в Тюменской области. В 50-е гг. предпринята попытка реанимации женсоветов – потерпевшая неудачу. Многие мероприятия не

доводились до конца. Нивелировалась активность женщин. Несмотря на то, что советский период называют порой периодом величайшей социальной мистификации, тем не менее, он позволил создать школу женских управленческих кадров.

1. Ленин В.И. К международному дню работниц // Полн. собр. соч. т. 40. М.: Политиздат. С. 192 - 193.
2. Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О женском вопросе. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1978. 223 с.
3. Чирков П.М. Решение женского вопроса в СССР (1917-1937гг). М.: Изд. «Мысль», 1978. 255 с.
4. Баикина А.И. Женщины Зауралья и социализм (К 70-летию образования женотделов в Тюменской губернии). Тюмень, 1989. 34 с.
5. План работы по г. Тюмени и уезду среди работниц и крестьянок в целях улучшения и просветительской работы по женскому вопросу за 1920 г. // ТОЦДНИ. Тюменский Губком РКП(б), фонд 1, опись 1, дело № 112, л. 15-26.
6. О притоке и убыли женщин в партии // ТОЦДНИ. Тюменский окружном ВКП(б), фонд 3, опись 1, дело 84, л. 11-14.
7. Справка о численности делегатских собраний и делегатов по Уральской области // ТОЦДНИ. Тюменский окружном ВКП(б), фонд 3, опись 1, дело 850, л. 2 - 3.

КОМИКСЫ КАК РУПОР ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ, ИЛИ С ЧЕГО ЛУЧШЕ НАЧАТЬ ИЗУЧАТЬ КОМИКСЫ.

Гуков П.С. (Санкт-Петербург)

За свою более чем столетнюю историю, комиксы медленно, но верно стали обыденной частью нашего бытия. И если для русского человека слово «комиксы» пока еще не такое родное, как для гражданина Соединенных Штатов, то можно с уверенностью сказать, что это всего лишь вопрос времени.

После распада Советского Союза, на полках книжных магазинов и журнальных киосков Российской Федерации стали появляться (невсегда легально) рассказы в картинках о вымышленных супергероях Америки. Чуть позже, с начала 2000-х, стали появляться издательства, такие как «Дед Мороз», которые занялись переводом и продажей западных комиксов о супергероях Marvel.

Спустя почти два десятилетия, комикс движение в России не достигло такой же популярности как в современных США, Европе или Азии, но все же занимает свою нишу в массовой культуре. С недавнего времени на территории нашей страны стали появляться комикс-издательства, которые занимаются созданием своих оригинальных историй, а также специализированные, так называемые комикс-шопы, огромным ассортиментом комиксов как на русском, так и на английском языках. Помимо этого, стали проводиться ежегодные конвенции для любителей данного вида литературы, а чуть позже был дан старт производства отечественных фильмов по мотивам российских комиксов.

Сам же комикс может служить отражением взглядов комиксистов: как политических, так и социальных, которые авторы преподносят своему читателю, транспонируя свои взгляды на общество (что видно из истории издания). Таким образом, можно говорить, о том, что как и российские, так и иностранные супергерои могут оказывать влияние на современную молодежь при помощи комиксов и сопутствующего медиа контента, организуя тем самым различные фэндомы, и создавая паттерны моделей поведения в обществе у молодежи.

В качестве определения идеологии, в рамках данной статьи, будет использоваться определение Ю. Кристевой. Под идеологией она понимает интертекстуальную функцию, которая придает тексту социальные и исторические координаты, а также связывает текст с прочими практиками означивания, составляющими его культурное пространство. Определив идеологию, можно приступить к рассмотрению комиксов как рупоров пропаганды.

Современные комиксы начинались исключительно как комедийные стрипы (небольшие комиксы, занимающие не более одной страницы в воскресной газете), отсюда и берет свое название жанр, но затем они переросли в фантастические истории о приключениях в космосе (ярким примером являются приключения Баки Роджерса, но потом популярность обрели детективные истории о Дике Трейси. Данный период был ознаменован «Платиновый век комиксов». Герои произведений тех лет не лезли в политику и не стремились в политику.

Через какое-то время комиксы стали рассказывать о супергероях – причиной тому стала Великая американская депрессия, и людям были нужны примеры для подражания, одним из которых стал Супермен. И так начался Золотой Век комиксов, продолжавшийся до 60-х годов XX века. С этого момента появляются всем известные герои: Бэтмен, Зеленый фонарь, Капитан Америка и пр.

С этого момента у комиксов была уже цель – решение конкретных идеологических задач: во-первых, преодоление, уже упоминавшейся, Великой Депрессии, а, во-вторых, преодоление Второй Мировой войны.

Тогда перед глазами юных читателей могла предстать следующая картина: на обложке первого выпуска о Капитане Америка 1941-го года выпуска можно увидеть, как Капитан побеждает главного врага всего мира того времени - Адольфа Гитлера, который имел планы по покорению США. Интересен тот факт, что данный выпуск вышел чуть больше чем за полгода до того, как США вступили в войну. Целью новоиспеченного символа Америки был набор новобранцев, которые были бы готовы сражаться с общим злом. Также, ничуть не удивительной могло быть и изображение Бэтмана, который использовал пулемет для уничтожения нацистов.

Чуть позже в комиксах, прямо на обложке свежего выпуска, встречалась реклама о покупке военных облигаций. Стоит отметить, что читателям это не очень нравилось — они не хотели лезть в политику. Однако, раскрашенные раскраски все равно стали рупором идеологии.

Время шло, и Вторая Мировая закончилась, и на смену ей пришла уже Холодная война, а вместе с ней и Серебряный век комиксов. Тут супергерои Америки тоже не остались в стороне. Бэтмен и Робин спасаются от советских спутников, Шазам и Бэтмэн сражаются с Ядерным Уничтожителем из СССР, что можно увидеть на его шлеме, Капитан Америка побеждает советских солдат, Железный человек останавливает советские ядерные ракеты и т.д..

Но помимо холодной войны, в США происходит ряд социальных изменений, которые тоже отразились в комиксах – появляются новые герои, такие как Черная пантера, король вымышленной африканской страны Ваканда (1966 год), а чуть позже Люк Кейдж – герой Гарлема (1972 год).

Помимо этого, Чудо-Женщина, один из главных символов феминизма, перестает быть просто секретарем Лиги Справедливости, став полноправным членом команды.

В 70-е годы идеологическая направленность комиксов спадает, и в жанре преобладает нуар и психологизм героев. Так начинается Бронзовый век комиксов, который, как и комиксы 90-х, не преобладает столь яркими идеологическими идеями. Но в начале двухтысячных начинается новый рассвет, или даже ренессанс – опять возвращается идеологическая направленность: супергерои становятся представителями различных сексуальных и национальных меньшинств (не смотря на то, что ранее эти герои могли иметь другой пол и другую ориентацию). Через некоторое время выходили выпуски, где одних кандидатов в президенты, как Барак Обама, спасает Человек-паук, а другие становятся суперзлодеями в альтернативной реальности, как Дональд Трамп в роли злодея М.О.Д.А.А.К.

Как можно видеть, на протяжении почти всей своей истории американские комиксы занимались идеологической пропагандой. Однако комиксы издавались и в европейских и азиатских странах из-за чего встает вопрос: «как формировались комиксы там?». Но все просто – европейские и азиатские комиксисты не лезли в мировую политику, во всяком случае так явно. К тому же в Бельгии, Франции и странах Азии комиксы скорее авторские, как и большинство Российских и все это скорее подходит под описание графических романов.

Но тогда встает другой вопрос: «были ли комиксы в СССР?», и первое, что надо сказать о комиксах Советского союза, так это то, что они были, немного своеобразные и непривычные, но были, но цель не отличалась от американских – агитация как юных, так и взрослых читателей. Одним из ярких примеров могут служить агитационные плакаты большевиков в период Гражданской войны, а именно «Окно роста», которые показывали жизнь при царе и какой она будет после.

В 1924 году выходит журнал «Новый Мурзилка», который часто обращается к формату комикса. Чуть позже, жанр комикса от «Мурзилки» перешел к другим журналами («Крокодил» и «Бегемот»), которые при помощи картинок и текста агитировали бороться с тунеядством и алкоголизмом.

В 1930-ом году в Ленинграде выходит «ЧИЖ», направленный на самых маленьких читателей, который также использует рассказы в картинках. Во время Великой Отечественно

войны выходят «Окна ТАСС» - это тоже серия агитационных плакатов, направленная на поддержание боевого духа.

В послевоенные годы тематика комиксов для взрослой аудитории изменилась - теперь жертвой высмеивания стали американцы. В детских же журналах все чаще стали рассказывать о том как сделать ту или иную поделку. В 1956-ом начинается разработка нового детского журнала «Веселые картинки», чуть позже к нему подключилась обновленная «Мурзилка». Оба журнала рассказывали истории в картинках, и оба были направлены на пропаганду советской идеологии. Что примечательно - оба этих журнала издаются до сих пор.

В современной России комиксы стали очень популярным явлением. У нас начали не только читать и переводить книжки с картинками, но и создавать свои уникальные произведения.

На данный момент одним из главных комикс-издательств России является «Bubble», основанное в 2011 году. За чуть более 6 лет, в комиксах данного издателя не встречалась никакая-либо пропаганда западной или отечественной идеологии из-за чего останавливаться на них нет смысла.

И это пожалуй все, что можно рассказать о комиксах и их идеологической направленности. Если американские издательства не чураются пропагандировать идеологию своей страны и по сей день, то наши издательства прекратили подобное после распада СССР. Но это только история комиксов как жанра, однако с их помощью можно изучить не только это. Ведь комиксы это некоторое зеркало нашего мира. С их помощью можно изучать как проблемы глобализации, так и фольклор, формирование виртуальных сообществ и множество других тем. Комиксы одно из интереснейших полей для изучения, ведь это очень необычное и важное культурное явление, которое с нами, как мы видим из истории, на протяжении многих лет. .

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНТОВ В ОБЛАСТИ АВТОРСКОГО ПРАВА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПИЛОТАЖНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Гуленок П.А. (Санкт-Петербург)

В России существует правовая база для защиты авторского права — это внутреннее законодательство страны, а также международные соглашения. Но несмотря на это проблема соблюдения авторского права стоит чрезвычайно остро. Особенно это заметно на примере дел, связанных с судебными исками в отношении крупнейшего торрент-трекера RuTracker.org [4] и социальной сети В Контакте [6]. Так как, согласно исследованиям Brand Analytics за 2015-2016 год, в составе аудитории В Контакте в основном преобладает молодежь до 25 лет, а для Рутрекеров средний возраст пользователей составляет 32 года, можно выдвинуть гипотезу, что проблема нарушения авторских прав характерна прежде всего для российской молодежи, и правовая культура в области авторского права среди данного социального слоя является чрезвычайно низкой. [7] [8]

Правовая культурой в данном контексте понимается с точки зрения функционально-содержательного аспекта, как «разновидность общественной культуры, отражающей определенный уровень правосознания и законности». [11]

В России с 2008 года защита авторского права обеспечивается четвертой частью Гражданского кодекса Российской Федерации. [1] Так же Россия является участником ряда международных соглашений по защите интеллектуальной собственности, в частности - Бернской конвенции 1886 г. об охране литературных и художественных произведений (в парижской редакции 1971 г.) (с 1995 года). Так как в России в соответствии с ч.4 ст.15 Конституции РФ нормы международного права и международные договоры являются частью правовой системы РФ, постулаты Бернской конвенции имеют непосредственное отношение к внутреннему законодательству страны. [2]

Однако, как уже было сказано выше, правовая культура населения страны в данной сфере все еще остается чрезвычайно низкой. Так, согласно «Специальному отчету 301», который ежегодно публикуется Торговым представительством США (USTR), Россия находится первой в приоритетном списке наблюдения среди стран Европы и Евразии по уровню интернет-пиратства и количества преступлений, связанных с нарушением авторских прав. В отчете отмечается некоторое улучшение по сравнению с 2016 годом, однако ситуация все еще признается нестабильной и неблагоприятной. [3]

Показательными являются так же громкие дела последних лет, связанные с исками правообладателей в адрес крупных российских сайтов. Например, закрытие крупнейшего торрент-трекера RuTracker.org [4] Причем, как отмечается исследователями данной проблемы, блокировки Роскомнадзора не являются достаточно эффективным средством защиты и легко обходятся с помощью дополнительного программного обеспечения, находящегося в свободном доступе [5]. В качестве еще одного примера можно назвать В Контакте — крупнейшую русскую социальную сеть. Летом 2017 года компания Компания «Музыкальное право» (бренд Moroz Records) потребовала через суд блокировки сайта и выплаты компенсации за нарушение права интеллектуальной собственности. При этом это далеко не первое дело, заведенное против данной соцсети по данному поводу. [6]

Так как, согласно исследованиям Brand Analytics за 2015-2016 год, в составе аудитории В Контакте в основном преобладает молодежь до 25 лет, а для Рутрекеров средний возраст составляет 32 года, можно выдвинуть гипотезу, что проблема нарушения авторских прав характерна прежде всего для российской молодежи, и правовая культура в области авторского права среди данного социального слоя является чрезвычайно низкой. [7] [8]

Для того чтобы проверить данное утверждение мной было проведено исследование, призванное выяснить, насколько сознательны российские студенты по части соблюдения авторского права. Предметом исследования является соблюдение российскими студентами авторских прав, объектом — студенты Санкт-Петербурга 2-4 курсов. Исследование было проведено в 2016-2017 годах, в ходе работы было опрошено 40 человек. Эмпирической базой исследования послужил опрос студентов Санкт-Петербургского института культуры. Респондентам было предложено три вопроса, касающиеся того, насколько часто они пользуются интернетом для скачки т.н. «пиратского» контента, какие еще способы получить интересующую их книгу или фильм ими используются, а так же их мнение касательно цен на книжную и медиа-продукцию в стране.

В результате выяснилось, что больше половины опрошенных часто пользуются интернет-ресурсами для поиска и загрузки книжного и медиа-контента, более трети оставшихся - время от времени. Интересно то, что вариант «ни разу не приходилось» не выбрал ни один из опрошенных, а вариант «очень редко» отметил всего один из них. Таким образом, становится понятно, что проблема действительно существует — в том, что регулярно пользуются интернет-ресурсами для нелегальной загрузки контента, признались все участники опроса.

Что касается альтернатив поиска нужного материала, здесь мнения разделились. В данном вопросе у респондентов была возможность отметить несколько вариантов ответа, но и здесь вариант «ищу в интернете» резко преобладает — его отметили 38 человек из 40 опрошенных. Покупка стоит на следующем месте — ее выбрали половина респондентов. На основе данного вопроса можно сделать вывод, что значительная часть студентов предпочитает нелегальную загрузку книги или фильма его покупке.

При этом, так как, согласно следующему вопросу, 25 человек, то есть больше половины опрошенных, находят книги и диски в России слишком дорогими, что можно считать одним из факторов, который обуславливает проблему.

Данное исследование характеризует и ситуацию, связанную с правовой культурой молодежи в России, в целом, когда лишь малая ее часть соблюдает нормы и правила, установленные обществом, без внешнего контроля [9]. И, в то же время, серьезную проблему в стране, связанную именно с интернет-пиратством.

Нередко высказывается мнение, что проблема эта вызвана не столько не проработанным законодательством, сколько культурой российского общества. [10] С учетом того, что проведенный мной опрос касался именно незаконного скачивания объектов авторских прав в личных целях, а не их распространения с целью получения прибыли, можно сказать, что это мнение не безосновательно.

Не смотря на то, что законодательство РФ в области авторского права соответствует международным нормам, и в последнее время внимание к нарушениям в данной области становится все более пристальным (недавние крупные дела по нарушениям авторских прав), подавляющее большинство студентов все еще в большей степени пользуется пиратскими сайтами с книжной и медиа-продукцией, нежели приобретает ее лицензионные версии, что говорит о низкой правовой культуре в сфере защиты интеллектуальной собственности среди русской молодежи.

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая / РФ. Гражданский кодекс (1994) — Москва: Проспект, 2017. - 624 С.
2. Российская Федерация. Конституция (1993). Конституция Российской Федерации / Российская Федерация. Конституция (1993). — Москва: Эксмо, 2017. — 32 с.
3. 2017 Special 301 Report - United States Trade Representative. <https://ustr.gov/sites/default/files/301/2017%20Special%20301%20Report%20FINAL.PDF>
4. Закрытие торрентов — подробности. <https://xdrv.ru/articles/analytics/315/full>
5. Смирнов С.А. К вопросу о классификации способов совершения преступлений в сфере авторских и смежных прав в сети «Интернет» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2017. - №2 (38). — с. 161-165.
6. Moroz Records не смог добиться вечной блокировки «В контакте» за пиратство. https://news.rambler.ru/internet/37160725/?utm_content=news&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
7. Социальные сети в России, зима 2015-2016. Цифры, тренды, прогнозы. Источник: <https://www.shopolog.ru/metodichka/analytics/social-nye-seti-v-rossii-zima-2015-2016-cifry-trendy-prognozy/>
8. ТОП-10 торрент-трекеров Рунета: аудитория, доходы, стоимость бизнеса. <http://okej.ru/analytics/top-10-torrent-trekerov-runeta-auditoriya-dohody-stoimost-biznesa>
9. Непомнящая Н. Г., Авраменко С. С. Российская правовая культура на современном этапе // Актуальные проблемы права: материалы Междунар. науч. конф. (г. Москва, ноябрь 2011 г.). — М.: Ваш полиграфический партнер, 2011. — С. 9-13.
10. Нарушение авторских прав в Интернете. Правовая культура как корень проблем в сфере интеллектуальной собственности. <http://kolosov.info/kommentarii/narushenie-avtorskih-prav-v-internete>
11. Костина Ксения Александровна. Правовая культура в сфере правового регулирования: понятие и сущность. <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-kultura-v-sfere-pravovogo-regulirovaniya-ponyatie-i-suschnost>

«ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ТЕКСТЫ»: ПРОБЛЕМА ЭКСПЕРТИЗЫ

Гурьянова Д.И. (Тольятти)

Аннотация. В данной статье рассматриваются проблемы лингвистической экспертизы текстов экстремистской направленности. Исследуется вопрос определения экстремистской деятельности в российском законодательстве. Определены основные особенности проявления вербального экстремизма в современном российском обществе.

В сфере экспертизы «экстремистских текстов» существуют такие проблемы, как отсутствие определенного объекта и предмета исследования, единого научно обоснованного методического подхода к экспертизам, в том числе алгоритма решения задачи эксперта и критериев исследования. Важно, что задача исследования (отнесение высказывания к тому или иному классу, определение цели) не решается одним экспертом определенной специальности: необходим комплексный подход к работе над сообщением.

Исследование текстов, (не)являющихся призывами к осуществлению экстремистской деятельности, является наиболее актуальной проблемой судебных лингвистических экспертиз. Важно разделять два вида тестов:

- тексты, несущие признаки экстремизма, возбуждающие ненависть и вражду;
- тексты, выражающие радикальные взгляды на реалии жизни, которые подкреплены конституционными правами человека на свободу мысли и слова.

Исследование данного вопроса необходимо для решения некоторых трудностей в ходе познания новейших явлений, возникающих в области вербального экстремизма. Также существует необходимость выявления неполноты существующих способов исследования. Общество нуждается в получении новых знаний и приобретении навыков и компетенций в этой области и переосмыслении сформировавшихся способов интерпретации текстов экстремистской направленности, процессов их анализа и закономерностей. Существует необходимость оценки используемых данных, фактов, степени их надежности, адекватности применяемым методам анализа.

В российском законодательстве отсутствует концептуальное определение экстремистской деятельности (в законе понятие «экстремизм» рассматривается как синоним такой деятельности) [5]. Объектом непонимания сотрудников судебно-следственных отделов считается экстремистское законодательство, согласно которому они обязаны производить оценку события преступления и, в том числе, некоторые тексты. Другими словами, законодательные акты об экстремизме написаны

до такой степени расплывчато, что исполнительные органы, суд и следствие, не всегда способны их сознательно использовать. Как отметил Уполномоченный РФ в своем докладе за 2011 год: «...едва ли не главная причина возникновения проблемы - неопределенность используемого в нем понятия «экстремизм» и, как следствие, отсутствие сколько-нибудь четких критериев квалификации публичной информации как «экстремистской» [9]. По утверждению М. Кронгауза, «эксперта ... очень часто используют для того, чтобы обвинить кого-то в экстремизме, задавая ему прямой вопрос, является ли данное высказывание или текст экстремистским. Лингвист не должен отвечать на такой вопрос» [4].

Из этого следует вывод, что в российском законодательстве об экстремизме и экстремистской деятельности существует проблема в определении экстремистской деятельности.

Основными особенностями проявления экстремизма в современном российском обществе являются, во-первых, причины возникновения экстремизма в России:

1) государство за относительно небольшой промежуток времени перенеслась из одного исторического этапа в другой;

2) позиция Российской Федерации в мировом сообществе, ее отношения с другими государствами;

3) бедность, которую пока не преодолели;

4) коррупция, представляющая угрозу национальной безопасности, порождающая отсутствие доверия граждан в возможность получения защиты от государства и др.

Также причинами возникновения экстремизма в стране являются последствия повышающегося уровня безработицы, рост наркомании и криминализации общества, изменения в духовно-нравственных (в том числе, семейных) ценностях, часто фиксируемые факты обострения межэтнической напряженности и конфликтов.

Как отмечается в статье Российской газеты «Особенности проявления экстремизма и терроризма в обществе...», «анализ проявления экстремистских и террористических действий в регионах России выявляет следующие факторы:

а) политические – проявление политики устрашения и насилия в достижении определенных политических целей, провоцирование вооруженных конфликтов, провокации на межэтнической и межрелигиозной основе;

б) социально-психологические – применительно к молодежи экстремизм в определенной степени может стимулироваться присущей молодым людям повышенной возбудимостью;

в) социально-экономические (материальное неравенство, страх перед будущим);

г) идеологические (отсутствие общенациональной идеи, целей развития страны и общества);

д) информационные;

е) социально-исторические (последствия репрессий, войн, нищеты, дискриминации и т.д.) [12]».

Вербальный экстремизм как особый и опасный вид экстремистской деятельности проявляется в виде призывов или смысловой направленности на возбуждение ненависти и вражды по национальному, религиозному или иному социальному признаку.

Мы ввели условное обозначение для текстов экстремистской направленности и назвали его, следуя за Т. Н. Секеражем, «экстремистский текст» [10].

Существует несколько проблем экспертизы текстов экстремистской направленности.

Во-первых, нет четкого представления о предмете исследования, универсального подхода и четкого алгоритма решения экспертной, нет унифицированных критериев экспертных оценок.

Во-вторых, задача исследования экстремистского текста не может быть решена экспертом одной узконаправленной специальности: необходимо комплексное изучение текста.

Также одной из первоочередных задач экспертизы и исследования является разграничение текстов, которые несут признаки экстремизма, то есть возбуждающих ненависть и вражду, от текстов, которые лишь выражают взгляды того или иного человека на действительность.

Проблема оценки потенциально опасного содержания заключается том, что если это содержание вызывает ненависть и вражду, в таком случае это обязано быть явно и простому носителю русского языка.

В настоящее время экстремистские мысли динамично распространяются по Интернет-пространству. Особенностью отечественных проявлений словесного экстремизма, вносящей сложности в его исследование, как отмечает Е. И. Галяшина, – это применение

«высокотехнологических средств связи и информации, изолированных средств манипуляции общественным сознанием, скрытой суггестии и массового внушения» [2].

В настоящее время значительно увеличилось и количество гражданских дел о признании материалов экстремистскими, ощущается нехватка экспертов в этой области.

Перед практическими органами встают задачи поиска и обозначения черт экстремизма на первоначальной стадии, что требуется и для профилактической работы, и для успешного взаимодействия со специалистами и экспертами в плане точного формулирования вопросов к исследованию (экспертизе).

Мы с уверенностью можем говорить о необходимости проведения исследовательской работы на материале современных текстов экстремистской направленности. Но необходимо учитывать, что мы не можем признавать текст экстремистским ни под каким предлогом. Мы можем лишь исследовать его лингвистические особенности, оценивать его потенциальное влияние на общество и его настроения и установки, при необходимости консультируясь со специалистами смежных наук, если нам потребуются более конкретные выводы.

1. Бринева, К.И. *Методологические проблемы лингвистической экспертизы: определение сущности экстремизма / определение понятия «социальная группа»*. <http://siberia-expert.com/publ/3-1-0-96>. – 8 с.
2. Галяшина, Е.И. *Лингвистика vs экстремизма: В помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М.В. Горбаневского*. М.: Юридический мир, 2006. 96 с. Демешкина Т.А., Наумов В.Г. *Проблема лингвистического обеспечения федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Вестник Томского государственного университета. Филология. Лингвистика. № 4 (16). 2011. С. 5–12.*
3. Ковалев В.С. *Политический экстремизм и механизм противодействия ему в современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. 220 с.*
4. Кронгауз Максим: *антиэкстремистская лингвистическая экспертиза себя скомпрометировала // Неправомысленный экстремизм [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.sova-center.ru/misuse/discussions/2010/11/d20350/> (дата обращения: 21.09.2017).*
5. Магомедова Д.А. *Анализ законодательства об экстремизме URL: <http://pravovestnik.ru/?p=107>*
6. Мишиланов В.А., Голованова А.В., Салимовский В.А. *Основы прикладной лингвистики. Теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста*. Пермь: ПГНИУ, 2011. 367 с.
7. Мишиланов В.А., Салимовский В.А. *К теоретическим основаниям судебной лингвистики // <http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/4-1-0-195>*
8. *Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой религиозной вражды. Методические рекомендации Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка. 2008 г. - 11 с.*
9. *Осторожно, экстремизм! Анализ законодательства о противодействии экстремистской деятельности и практики его применения/ авт. А. М. Верховский, М.А. Ледовских, А. Р. Султанов, под ред. Ледовских М. А. – Воронеж: ООО фирма «Элиста», 2013. – 122 с..*
10. Секераж, Т.Н. *Методологические проблемы исследования спорных текстов по делам об экстремизме. Журнал «Психология и право» www.psyandlaw.ru / ISSN-online: 2222-5196*
11. *Российская газета // «Особенности проявления экстремизма и терроризма в обществе...» // Федеральный выпуск №5022 (198) // [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11558> (дата просмотра: 1.10.2017).*

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И СОЗДАНИЕ «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГРАЖДАНИНА»

Деев С.Ю. (Элиста)

На наш взгляд революция в России была одна 1905-07 гг., только закончилась она не установлением конституционной монархии, а выборгским воззванием, избирательной системой 1907 г., и наскоро сшитым «мундиром интеллигента». Год 1917 – исходная точка катастрофы, захват власти маловлиятельной и малоизвестной партией (молниеносное чудо - установление «народной власти»), и подготовлена эта катастрофа никак не большевиками, а бездарным правлением ныне «святого», а при жизни «кровавого» Николая II. Мы, безусловно, признаем дискуссионность такой точки зрения, но едва ли дискуссия состоится. Уже принято (решено, а в России современной законы и те лишь оформление решений) весь ужас 1917 г. называть «Великой

русской революцией», попробуем извлечь смысл из того, что мы пережили, из того, что с нами произошло.

Сегодня многие пытаются найти в нашем советском прошлом что-то хорошее. В большевистском перевороте революцию, в В.И. Ульянове вождя мирового пролетариата, в И.В. Джугашвили – справедливого и строгого коммуниста. Просвещение и государственность для национальных меньшинств, социальное равенство и диктатура пролетариата. Общество, в котором по определению не возможны социальные конфликты, в котором у всех должен быть единый набор ценностей. Мир, в котором не о чем спорить, ведь этот мир самый справедливый. В этом мире нет места революции, не нужен парламент (и уж тем более партии), для обсуждения разных точек зрения, по той простой причине, что точка зрения всегда одна. Это бесконечное страдание, ради светлого будущего. Мир, который по определению был изолирован - от всего человечества и от своих корней и истории. Лучше всего этот советский рай, на наш взгляд, можно понять из работы К.Р. Поппера [К.Р. Поппер, 1992], добавить к его анализу практически нечего.

Представление об эпохах, или эпохальности, столь свойственное советской исторической науке, является понятием, претендующим заменить представление об истории как трагедии и драме свободы. Но на наш взгляд, именно трагедия свободного человека есть главное последствие переворота 1917 года. Из этой пресловутой «эпохальности» («Великая российская революция») неизбежно желание, все события детерминировать этой эстетически приукрашенной стихийной силой, мощной, неизбежной и исторически предопределенной. Но думается вся эта историческая предопределенность – такая же «научная» ложь, как и коммунизм. Это было не просто покушение на свободу личности, это было покушение, возведенное в систему, систематизированное и сделанное основой всей социальной организации и культуры! Да и как сочетается учение об исторической необходимости со свободой отдельных личностей?

Мир, который предложили большевики – это утопия, а утопиям от платоновского государства до романа «1984» - присущ один общий конструктивный элемент: все это общества, где отсутствуют изменения [Р. Дарендорф, Тропы из утопии, 2002]. Любая утопия рождается не реальностью. Она есть искусственно созданное идеальное настоящее. Именно, настоящее, без будущего, так как идеал не предполагает изменений. Но (и это самое лживое) до этого идеального настоящего нужно дойти, его нужно построить. Построить общество, где нет классов, конфликтов, разделения труда, нет изменений! Построить идею! История вполне убедительно доказала, что не существует обществ в которых не изменяются ценности и институты. И мы невольно вздрагиваем при одном слове «социализм». Как только мы слышим, читаем, вспоминаем такие термины «общественно-экономическая формация», «необходимость очищения», «репрессии», «научный коммунизм» мы точно определяем очерченный комплекс «светлого будущего». В данном случае не имеет никого значения, кто произносит эти фразы, действует система (структура), а система та же самая, о строительстве которой заявили в 1917 году. Мы знаем, с чего начинается и чем кончается «великая цель» достижения социального равенства.

Нет никакой разницы между людьми, все мы равны на том простом основании, что все смертны. Главная страсть человека – это быть, исполниться, состояться [М.К. Мамардашвили, 1990]. Все люди «социалистического рая» хотели жить и быть, но вместо этого существовали, как средство достижения «великой» цели. В социализме Homo soveticus [А. А. Зиновьев, «Гомо советикус»] не мог просто быть, находится в каких-то взаимоотношениях с самим собой или с образом самого себя и в этом образе себя уважать. Нет! Твое достоинство и жизнь имели смысл лишь в свете того, сколько ты сделал ради «светлого будущего». Система советского типа, осуществляя «социальную дрессировку» [М. Геллер, 1994]. И это бесконечное «ожидание» лучшего - уникальный способ социализации человека, который реализовывали коммунисты. Осознано или нет, большевики использовали простую формулу - во всякой гармонии конечное (человек труда) должно соединяться с чем-то бесконечным («строительство светлого будущего») и быть способным эту бесконечность пронести до могилы. Как это не горько – в социализме была вот такая «больная» гармония.

«Быть, исполниться, состояться» – в этом и есть свобода человека. Именно динамикой, изменением здоровое общество отличается от мертвой и статичной утопии. Ну как можно воспринимать реальность как нарушение чего-то, что никогда не существовало и не существует? Но, тем не менее, 70 лет просуществовало общество, которое так и понимало реальность! Существовала страна, где право на жизнь, свободу существовало без частной собственности (знаменитое «собственность есть кража»), основы жизни и свободы, где внутренняя свобода личности была подвергнута систематическому отрицанию. Ужасное наказание осознать себя не

живой частью общества, а имитацией жизни. В этом советском обществе тебя нет, потому что партия (школа, ВУЗ, комсомол) образ тебя ставят на твоё место, и ты должен соответствовать их образу.

Советская культура была построена на том, что человек должен был занять в обществе место, которое уже было занято имитацией (социалистической заготовкой) его самого. Человек был только тем, чего ждало от него советское общество, особенно в области культуры. Что же происходило со свободой личности? Как «быть, исполниться, состояться»? Если ты уже есть, исполнился и состоялся, как имитация? И тогда наступал внутренний раскол. Из этой одинаковой массы людей, которая думает определенным образом, чувствует определенным образом, выпадает свободная личность, которая думает и чувствует нечто противоположное. Возникает вполне логичная и естественная мысль, что, может быть, большая твоя личность и надо бы уговорить себя вернуться к норме. Другими словами пойти и донести на самого себя. Просто признаться, что ты не видишь истину, которую видят все вокруг тебя.

Эта пропасть – 1917 г. – исходная точка. Экстремистское крыло российской социал-демократии – Большевицкая партия, захватив власть с помощью оружия, считала себя представителем пролетариата, а не тиранического меньшинства профессиональных революционеров. И никого не смущал вопрос – если эксплуатируемый класс «пролетариат» пришел к власти, то кто теперь эти пролетарии? Согласно марксизму, класс определяется через собственность на средства производства. Хорошо. Большевики ликвидируют частную собственность, соответственно нет больше классов. Тогда откуда берется диктатура пролетариата? Зачем эта власть, построенная на насилии, если нет классов антагонистов? Иногда достаточно уверовать в ложную идею, чтобы сделать ее истинной [Р. Арон, 1993]. И другой парадокс – если государство это инструмент эксплуатации одного класса другим, зачем оно (государство) нужно, если нет классов. Позже (через 30-ть лет) пытаюсь сгладить это противоречие И.В. Сталин, вообще сформулировал теоретический нонсенс – классовая борьба усиливается, по мере построения социализма. Анализировать этот логический бред весьма проблематично.

Думается, никто в СССР не воспринимал теоретические формулировки в серьез. Советский истеблишмент точно знал, что формулировки не несут никакого конкретного смысла. Но для власти коммунистов было важно создать совершенно новое общество, нового «социалистического» человека. Вот откуда желание сохранить абсолютную власть («классовая борьба усиливается»). Вот откуда брались враги советской власти. Это желание обусловлено не уцелевшими элементами прежних привилегированных классов и не внешней угрозой, а требованиями воспитания (социализации). Миф о «новом человеке» – изобретение вовсе не советское, но ни в одной другой стране этот миф не имел настолько сильного влияния на характер социальной идентичности и политическое воздействие, как в Советском Союзе [К. Гества]. Так вместо свободы личности формируется масштабная идея соответствия человека «социалистическому идеалу». Нужно было вытащить из человека все имеющиеся ценности и заменить их «советскими». Но парадокс состоял в том, что кроме идеологии у коммунистов ничего не было, а четкую идеологическую систему, как основу режима, так и не удалось построить из-за заблуждений в самой теории, на которую опирались большевики.

«Социалистический идеал» должен соответствовать ценностям социализма. Формально эти ценности закреплены законом. У всех «строителей коммунизма» были основные права: свобода слова, печати, собраний. Личность и ее права священна (кроме внутренних идеологических установок), жилище неприкосновенно, гарантируется соблюдение всех требований *Nabeas corpus*, всех официально провозглашаемых свобод. Две маленькие ремарки. Ограничение прав, возможно «в соответствии с интересами трудящихся». Не понятно кто определял эти интересы. Второе, в особо предусмотренные периоды была возможность картельным органам не подчиняться Конституции.

Самое потрясающее это расхождение между заявленной целью и реальностью. Большевики исходили из идеи о временной диктатуре во имя конечной анархии (коммунизм). Вместо этого они создали систему удержания абсолютной власти, которой не угрожал ни один из элементов гражданского общества (партии, свободные объединения, свободные граждане). Более того, они опровергли теорию, которая являлась основой их идеологии. Всему миру стало понятно, что социализм не обязательно должен быть наследником капитализма проходить какие-то стадии развития «производственных сил». Всему миру стало понятно, что тип государства, который большевики называли социалистическим, можно сформировать на любой стадии экономического развития, лишь бы власть оказалась в руках единственной все поглотившей партии. Исходя и

этого противоречия, становится понятным расхождение между конституционными нормами и действительностью, которую можно проиллюстрировать выражением В.И. Ульянова: «решительно никакого принципиального противоречия между советским (т.е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц нет» [В.И. Ленин]. Нет и все. Таким образом, в своей идеологии большевики совмещали несовместимое: демократическое по направленности и целям учение с практикой однопартийного государства, порожденного обстоятельствами.

Государство неотделимо от партии, партия неотделима от идеологии, а идеология, не может без исторического контекста. Но исторический контекст - это бесконечная и беспощадная борьба между классами. Поэтому государство (партия и идеология), поглощают все профессиональные (в том числе профсоюзные) и политические организации, находится в непрерывном становлении (борьбе). Это бесконечное «строительство», в которое были втянуты одновременно общество и государство, имеет две противоположные черты. С одной стороны, в теории, оно подчиняется исторической необходимости (никто не признавался себе в том, что если это «неизбежно, то можно ничего и не делать») с другой, на практике, является следствием решений, принимаемых малочисленной группой людей.

Для коммунистов России идеология была одновременно и целью и методом достижения цели. В зависимости от необходимости, или идеология использовалась для достижения цели, или использовалась сила (чаще насилие) ради формирования общества в соответствии с требованиями идеологии. Но и в такой манихейской модели мира, как идеология большевизма, в которой по определению легко укладывались буржуазия и пролетариат, не было место «мелкобуржуазному элементу» - крестьянину. Этот проблемный вопрос породил целую теорию двойственности крестьянства, которое, постоянно «мечется» между «Мое» и «Общее», между рабочим классом и буржуазией. Это означало, что раскол проходит внутри крестьянства (точнее, внутри каждого крестьянина). Подобное развитие идеологической модели влекло за собой ряд важных последствий. Первое, это давало возможность дифференциации иных социокультурных групп и их идеологических предпочтений (середняк, кулак, мелкобуржуазные настроения и т.д.). Второе, существование такой проблемы неизбежно требовало введения в идеологическую модель фактора, который должен был разрешать эту проблему. И таким фактором стал террор.

Это террор в виде размытых статей уголовного кодекса («контрреволюционная деятельность», «общественное опасное деяние», принцип аналогии в судопроизводстве), в 30-х годах вводятся статьи, которые давали возможность арестовывать «социально опасных» граждан. Это террор в виде административных судов, которые в случае «контрреволюционной деятельности» предусматривает вынесение обвинительного приговора по сокращенной судебной процедуре. Это террор – социалистического реализма культуры. Это самый страшный метод создания «нового человека» - террор - депортации целых народов.

Природа этого насилия рождена проблемой двух противоположных начал: массовых утопических идей и реальных социальных возможностей. Нужно было создать из расколотого общества нечто новое, «нового человека», как целостную социальную единицу (как точно подметил Бердяев, соединить Степана Разина и Маркса). При этом у большевиков не было возможности пользоваться какими-то частями социального устройства прошлого. Эти части старательно уничтожались государственным террором.

Мы начали с дискуссионного заявления о своей позиции. Но представляется дискуссию открывать еще рано. Ленин в мавзолее, звезды на кремлевских башнях, государственный переворот - революция. Есть замечательное предание. Когда прорвало канализацию в кремле и затопило еще деревянный мавзолей, последний дореволюционный патриарх Тихон, сказал: «По мощам и елей». Когда же гуманитарная наука воздаст и по делам их?

Арон Р. Демократия и тоталитаризм. Перевод с французского Г.И. Семенова. М.: Текст 1993. С. 94

Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. М.: «МИК», 1994. С. 33

Гества Клаус. Ното Sovieticus и крах советской империи: неприятные социальные диагнозы Левады // Вестник общественного мнения. №3-4 (116). С. 111

Дарендорф Р. Тропы из утопии. М. Праксис, 2002. С. 330

Зиновьев А. А., «Гомо советикус». <http://www.zinoviev.ru/ru/zinoviev/zinoviev-homo-sovieticus.pdf>

Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т. 36. С. 199

Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М.: «Прогресс», 1990. С. 180

РЕВОЛЮЦИЯ И ЛЕГИТИМНОСТЬ НОВОГО ПОРЯДКА

Елисеев С.М. (Санкт-Петербург)

Аннотация

Работа посвящена проблеме влияния революции на легитимность власти. Революции в Новое время стали синонимом легитимного способа свержения существующей власти народом. Если в предшествующие исторические эпохи в политике отрицалось право народа на бунты и восстания, то современная политика признает право народа на революцию. Без признания этого права революция не только лишается доказательств ее закономерного характера, но и доверия к институтам власти, которые возникают в процессе ее осуществления.

Революции есть неотъемлемая характеристика современности. Как писал Скоупол революции – это быстрые, фундаментальные трансформации общественного состояния и классовых структур; и они сопровождаются и частично проводятся через классовые восстания снизу [1, с.4]. Революции способствуют повышению эффективности социального политического порядка. Но революции все же есть радикальный и достаточно рискованный метод повышения эффективности правления. Менее радикальным методом выступают реформы. Их своевременное проведение позволяют избежать революционных потрясений.

И в течение всего этого периода в центре внимания ученых находится проблемы законности революций, легитимности свержения старой власти и установления нового политического господства. Динамика дискуссий то возрастает, то падает, но острота дискуссий по проблемам принципов, правил и норм легитимации власти в революционный период не становятся менее острой. В сущности, любая революция включает в себя процессы делегитимации и низвержения одной системы политического господства и легитимации и утверждения новой системы политического господства. А когда речь идет о власти объективный и независимый анализ причин, результатов, социальных и политических последствий революции осуществить достаточно сложно, поскольку он становится частью реальной политики, затрагивающих интересы господствующих групп. Поэтому любая революция порождает множество оценок и дискурсов, которые становятся частью реальной политики.

Понятие «революция» в современном политическом дискурсе скрывает за собой не только сложные реалии, но и альтернативные политические позиции. Назвать нечто революцией в большинстве современных западных дискурсах означает оценить это как «хорошее» или «плохое». Разногласия по поводу правильного определения революции чаще всего касается двух ее измерений: объективных предпосылок и результатов. В подтверждении сказанному достаточно вспомнить оценки объективных предпосылок и результатов Французской революции 1789 г. двух современников: Э. Берка и А. де Токвиля.

Первый был убежденным противником революции. Э. Берк считал революционный путь отнюдь не необходимым, и уж тем более закономерным для Франции. Для того чтобы доказать жизнеспособность династии Бурбонов, он использовал социально-экономические параметры. Он вовсе не идеализирует Старый порядок. В «Размышлениях» он также выявляет и его недостатки, к главным из которых можно отнести несовершенство системы налогообложения и чрезмерные полномочия французского монарха, не совместимые с законом и свободой. Но все недостатки, по его мнению, вполне можно было бы устранить реформами, не разрушая государственного и общественного устройства. Более того, мыслитель доказывает, что политика реформ действительно велась при Людовике XVI, который вообще удостоился со стороны Берка весьма лестной характеристики [2, С.23]. Итак, мы видим, что Берк не находит объективных причин для революции.

Второй считал, что революция была не случайным, а закономерным событием. А. де Токвиль признавал, что Французская революция застала мир врасплох, «но, тем не менее, она явилась лишь продолжением более долгой работы, внезапным и насильственным окончанием творения, над которым трудились десять поколений. Если бы она не свершилась, то старая социальная постройка все равно бы повсеместно рухнула, тут раньше, там позже; просто она обваливалась бы частями, вместо того, чтобы упасть разом» [3, С.29]

Современные революции как социальное явление привлекают к себе пристальное внимание различные социальные науки. Устойчивый интерес ученых к исследованию революциям можно объяснить тем обстоятельством, что наука ни в XIX, ни в XXI веке никак не

может научиться их предвидеть. Ни Французская революция, ни революции 1848 г. в Европе ни Иранская революция, ни «Цветные революции» учеными не были предсказаны. Революции с трудом поддаются теоретическому осмыслению. Достаточно напомнить, что до сих пор нет общей теории революции. Есть несколько конкурирующих друг с другом концепций. Хотя в социологии еще в 1920-1930 гг. сложилось целое научное направление - социология революций, связанное с изучением социальных предпосылок, причин и последствий революций.

Революция утверждает принципиально новый взгляд на политику власть. Политика есть развивающееся явление. Если при старом порядке заниматься политикой был удел немногих, свободных, избранных, наследующих право ее заниматься согласно Божьей воли, то революция разрушает этот порядок и утверждает новый, согласно которому все являются свободными и имеют право участвовать в политике независимо от своего происхождения и сферы деятельности. В результате сфера политики существенно расширилась за счет включения в нее громадного большинства, до того лишённого права на участие в политике. Этот новый порядок большинством общества воспринимается как более близкий к идеалу, чем старый.

Следует обратить внимание на один из парадоксов революций XVII - XVIII века, который повторялся и в революциях в Восточной и Центральной Европе в конце XX столетия. Все революции начинались как реставрации, т.е. восстановление права узурпированного старым порядком. Тем самым обосновывается ее исторически закономерный характер.

Американцы, восстав против короля Англии, хотели произвести реставрацию старых английских свобод, в которых им отказывали, аналогичный процесс мы наблюдаем и во Франции. Неслучайно А. де Токвиль даже однажды сказал, что при рассмотрении Французской революции сначала может показаться, будто речь идет о реставрации, а не о революции.

Революции в Восточной Европе также в начальной фазе проходили под знаком возвращения прав и свобод, узурпированных социалистическим строем. Этот парадокс революций свидетельствует о том, что революции в своей начальной фазе осуществляются людьми, которые твердо убеждены, что своими действиями они не создают ничего принципиально иного, а лишь восстанавливают старый порядок, нарушенный и погрязший деспотизмом абсолютной монархии или авторитарным режимом. Они искренне верят - и это служит для них оправданием их действий, - что желают возвратиться назад к временам, когда все было так, как должно быть

В период революции всегда обостряется вопрос о легитимности власти. Под легитимностью, как правило, понимают признания со стороны общества правомерности существующего политического господства. Легитимность выражает тот факт, что граждане в явной или неявной форме воспринимают политическую систему как соответствующую его собственным политическим и моральным принципам, личностным представлениям об истинном и справедливом в политике [4,С.45]

В этом плане легитимность власти и революция тесным образом переплетены друг с другом. Революция в Новое время стала синонимом легитимного способа свержения существующей власти народом. Если в предшествующие исторические эпохи в политике отрицалось право народа на бунты и восстания, то современная политика в целом признает право народа на революцию. Без признания этого права революция не только лишается доказательств ее закономерного характера, но и доверия к институтам власти, которые возникают в процессе ее осуществления.

1. Skocpol T. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China.* Cambridge University Press, 1979
2. Берк Э. *Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию.* М., 1993
3. Токвиль А. *Старый порядок и революция.* М.2008
4. Елисеев С М. *Легитимность власти. Концепции и проблемы развития в посткоммунистическом обществе.* СПб. 1996

«ЕДИНАЯ РОССИЯ» КАК СУБЪЕКТ ПРИНЯТИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ефанова Е.В., Ушаков В.О. (Волгоград)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Стратегии, инновационные технологии институционализации и функционирования публичной политики в Волгоградском регионе» № 17-13-34039

За время существования Волгоградской области в статусе субъекта Российской Федерации, в данном регионе сформировался свой региональный политический режим, характеризующийся определенным субъектным составом и расстановкой политических сил. С момента первых демократических выборов в 1993 году и по 2003 год в регионе доминировала партийная идеология политической партии КПРФ. С 2004 года политическая ситуация в регионе начала меняться с приходом новой политической партии «Единая Россия» в ряды Волгоградской областной Думы и представительные органы местных муниципальных образований. Также свою роль в изменении положения сил в регионе сыграл федеральный центр, который последовательно проводил политику давления в отношении Волгоградской области, оценивая её как проблемный регион.

В 2014 году ситуация в региональном политическом режиме Волгоградской области резко меняется ввиду прихода нового губернатора А.И. Бочарова. Сложилась определённая система взаимоотношений субъектов политического процесса Волгоградской области, при которой Губернатор становится главным ориентиром во всех предстоящих изменениях. Волгоградская областная Дума ввиду внутренней конкуренции «городской» и «деревенской» группировок практически сразу стала максимально лояльной к губернатору Волгоградской области.

На фоне перестановки политических игроков региона, меняется и партийная конфигурация, что связано с эффективной работой регионального отделения партии «Единая Россия». Политические партии, как КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» также имеют свой электорат, но не имеют такого базового потенциала, как партия-лидер. Поэтому для них актуальной становится проблема сохранения своих партийных позиций в настоящем и в ближайшей перспективе, в том числе и в ходе будущих избирательных кампаний [3].

Напомним, что региональные отделения политических партий являются некой «буферной зоной» в процессе взаимодействия общенационального партийного центра и местных районных ячеек, которые состоят в непосредственном контакте с населением. Региональные отделения обеспечивают реализацию общенациональных партийных трендов на местах и аккумулируют политические запросы, сформированные населением. Таким образом, региональные отделения, привлекая органы власти различных уровней к решению поставленных проблем, становятся субъектами процесса принятия политических решений.

Сегодня Волгоградское региональное отделение политической партии «Единая Россия» это чётко выстроенная организация, с выраженной иерархией и партийной дисциплиной для её членов. Стоит обратить внимание на то, что большинство из представителей регионального отделения политической партии «Единая Россия» являются действующими чиновниками, депутатами и иными государственными служащими. Зачастую данные представители на государственных должностях реализуют государственную политику, иногда напрямую никак не связанную с деятельностью партии.

На территории Волгоградской области региональное отделение реализует 22 партийных проектов. 20 из них является федеральными, однако повестка мероприятий в данных проектах формируется исходя только из региональных особенностей. И как показывает практика, мероприятия, реализуемые в рамках партийных проектов, нацелены на решение тех или иных проблем актуальных для региона. Партийные проекты, это новый тренд, который пришёл на смену работы депутатов и местных партийных ячеек с бесед и мониторинга ситуаций на непосредственное выявление и решение проблем, в рамках реализации проектов. Стоит отметить, что, несмотря на цели и задачи предвыборной программы партии и иных стратегических документов, руководители партии «Единая Россия» в первую очередь ориентируются на практические усилия для решения региональных и местных проблем [1].

Исходя из новых реалий, в Волгоградской области складывается новая конфигурация субъектного взаимодействия в системе принятия политических решений с участием губернатора Волгоградской области, регионального отделения политической партии «Единая Россия» и

Волгоградской областной Думы. Участие регионального отделения в системе принятия политических решений как одного из основных элементов обусловлено высоким уровнем легитимности среди населения Волгоградской области и сложившимся авторитетом среди политических сил в регионе. На момент 2017 года, исходя из избирательных кампаний, жители Волгоградской области поддерживают курс политической партии «Единая Россия»: на выборах в Государственную Думу РФ ФС по партийным спискам «Единая Россия» набрала 46,45% голосов избирателей, а так же все 4 одномандатных округов ушли кандидатам, выдвинутым от партии. Партия служит эффективной площадкой достижения элитных договоренностей и обеспечения «навязанного» консенсуса. Ее участие способствовало решению ряда задач модернизационного плана и во многом обеспечило устойчивость и стабильность политической системы [2].

Взаимодействие регионального отделения политической партии «Единая Россия» и Волгоградской областной Думы осуществляется в форме фракционной работы. При этом фракция политической партии «Единая Россия» в Волгоградской областной Думе многочисленная и имеет абсолютное большинство. Учитывая то, что партийная фракция является институционализированной формой функционирования политической партии в рамках региональных законодательных органов, выступающей в виде депутатского объединения, то политическая партия имеет оформленные механизмы диалога и взаимодействия с Волгоградской областной Думой. Важно и то, что возглавляет фракцию С.В. Горняков, который является секретарём регионального отделения.

Таким образом, можно сказать, что региональное отделение политической партии «Единая Россия» выступает активным субъектом системы принятия политических решений в Волгоградской области и проявляется себя на всех стадиях процесса принятия политических решений: выявление проблемы, разработки решения, реализации решения. Региональное отделение политической партии «Единая Россия» за счёт своей деятельности становится заметным игроком на поле региональной политики.

1. Амирова Г.М. Организационное развитие российских «партий власти» на основе анализа уставов // Вестник Башкирского университета. – 2009. - №3. - С. 957-962.
2. Батраева О.Б. Организационные изменения в партии «Единая Россия» // Вестник ПАГС. – 2012. - №2. - С. 89-94.
3. Песков А.Е., Клемина Е.А. Выборы как один из факторов формирования эффективной региональной власти (на примере выборов 2014 года в Волгоградской области) // Вестник АГТУ. – 2014. – №58. – С. 35-38.

ГРАЖДАНЕ РОССИИ О ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Желнина Е.В. (Тольятти)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта 17-46-630560 р_а «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона».

Современная Россия с наступлением эпохи глобализации [3, с. 14] столкнулась с необходимостью обеспечения информационной безопасности, которая сегодня становится ключевым элементом национальной безопасности [1; 4; 6]. Основой информационной безопасности выступает осведомленность о возможных угрозах и способах их избегания или предотвращения, а также средствах минимизации ущерба. Понятие «осведомленный» в толковом словаре трактуется как «обладающий обширными сведениями в какой-либо области» [5]. Именно поэтому для того, чтобы начинать выработать национальную стратегию информационной безопасности, следует выяснить, какой информацией в данной области обладает население, в частности – молодежь.

Для выяснения этого было проведено авторское социологическое исследование «Безопасность современного общества». Всего было опрошено 812 респондентов. Соотношение по полу (мужчины – 43 %, женщины – 57 %) и возрасту повторяет статистические показатели по Российской Федерации [2], что позволяет, учитывая ± 4 % ошибку выборки и 97 % доверительный интервал, распространить полученные выводы на всю генеральную совокупность.

Перед представлением полученных результатов считаем важным проанализировать социально-демографические характеристики респондентов. Итак, в процессе анкетирования были

опрошены граждане Российской Федерации в возрасте от 14 до 67 лет. 40 % опрошенных имеют диплом о высшем образовании, 22 % в данный момент учатся в вузе. 35 % участников опроса получили среднее и средне-специальное образование (9 % и 26 % соответственно). 3 % респондентов учились в школе на момент проведения анкетирования.

Что касается материального положения, то порядка 75 % респондентов оценили его как среднее и выше среднего (45 % и 30 % соответственно). На очень трудное материальное положение (вариант «едва сводим концы с концами») указал лишь 1 % участников опроса, причем, мужчины в два раза чаще настаивали на данном ответе. Также респонденты младше 30 лет не оценивали собственное материальное положение настолько трудным. Вариант ниже среднего («приходится во многом себе отказывать») выбрали 13 % граждан. Данный вариант ответа был более популярен у женщин (в 3,5 раза). Оценили собственное материальное положение как «отличное» 11 % респондентов. Различий по полу не было выявлено, но чаще данный вариант выбирали респонденты в возрасте 20-39 и 50-50 лет. Интересен факт, что около половины опрошенных с высшим образованием оценивают своё материальное положение как среднее и выше. Показательно, что уровень образования прямо пропорционален оценке собственного материального положения респондентами.

Анализ социально-демографических данных показывает, что собранная выборка является репрезентативной, а полученные выводы возможно распространить на всю генеральную совокупность – население Российской Федерации.

Отвечая на вопрос о сущности терроризма, более половины (51,8 %) респондентов отметили, что это приверженность к крайним взглядам и мерам в стремлении переустройства мира в соответствии с определенной идеологией. Еще 17,6 % полагают, что терроризм – это деятельность организаций идеологического характера.

Мы предоставили респондентам возможность при желании самостоятельно высказаться по этому поводу. Необходимо отметить, что данной возможностью воспользовались 5 % граждан, причем, более активны в этом были женщины в возрастной группе 20-29 лет. Ответы порядка трети участников опроса, высказавших собственное мнение, так или иначе созвучны с ответом, набравшим большинство голосов – крайние взгляды в определенной идеологии. Остальные ответы можно отнести к инструментальному определению сути феномена терроризма – достижение власти и влияния, денег и материальных благ, «лоббирование экономических интересов».

Таким образом, используя полученные эмпирические данные, можно выявить следующие основания терроризма:

1. Идеологическое – приверженность к крайним взглядам и мерам в стремлении переустройства мира в соответствии с определенной идеологией; деятельность, основанная на продвижении своей идеологии; организации идеологического характера, в которых проводятся различные обряды – 74 %.

2. Протекционистское – вынужденная мера для тех, кто защищает свою религию, страну от вторжения; защита национальных интересов и независимости – 13 %.

3. Инструментальное – достижение власти и влияния, денег и материальных благ, «лоббирование экономических интересов» – 13 %.

Интересно гендерное соотношение респондентов в выявленных группах. В первых двух группах (идеологическое и протекционистское основание терроризма) преобладают мнения женщин. Мужчины же почти в два раза чаще, чем женщины определяют инструментальную сущность терроризма.

Почти треть респондентов в возрасте 20-29 лет настаивают на идеологической основе терроризма. На протекционистском настаивают 36 % ответивших в возрасте 50-59 лет. А инструментальное основание в террористической деятельности усматривают 32 % информантов в возрасте старше 50 лет.

Интересен тот факт, что почти треть респондентов со средне-специальным образованием указывают именно инструментальное основание терроризма.

Что касается распределения по материальному обеспечению, то почти половина опрошенных, указавших на хорошее материальное положение, полагают, что в основе изучаемого феномена лежит необходимость защиты своих интересов. Респонденты со средним достатком указали на идеологическое (50 %) и инструментальное (40 %) основания терроризма.

Выяснив представления граждан о сущности феномена терроризма, мы спросили наших респондентов о том, как данный феномен проявляется в социальной реальности. Итак, более 43 % респондентов утверждают, что это различного рода пропагандистская и проповедническая

деятельность (представителей как традиционных религий, так и различного рода сект), 26 % опрошенных утверждают, что это публичные наказания и казни, совершенные на территории исламских государств, а 28 % - организация беспорядков и актов гражданского неповиновения.

Рассматривая более подробно полученные данные, следует указать, что наибольшую обеспокоенность в пропагандистской и проповеднической деятельности различного рода сект высказали женщины (100 % выбравших данный вариант ответа), возможно, в силу большей степени суггестии, внушаемости.

Представители самой молодой возрастной группы респондентов указали на организацию беспорядков (68 %) и деятельность сект (81 %) как на самые частые проявления терроризма. Опрошенные средней возрастной группы (36 %) склонны видеть проявления изучаемого нами феномена в деятельности традиционных религиозных конфессий.

Респонденты, имеющие высшее образование настаивают, что существенный и частым проявлением терроризма является пропагандистская и проповедническая деятельность (42 %).

Даже респонденты, утверждающие что терроризм в первую очередь имеет идеологическое основание, считают, что техники мягкого давления (убеждение, пропаганда, проповедничество) не эффективны.

1. Березинская, М. Д., Азаров, А. Ю. Информационная безопасность современного общества // Сборник трудов конференции «Информационное общество: состояние, проблемы, перспективы». – М.: Издательство: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2017. – с. 45 – 52.

2. Возрастно-половой состав населения, принявшего участие в микропереписи, и состояние в браке // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (Дата обращения: 26.09.2017 г.)

3. Дергачева Е.А. Концепция социотехноприродной глобализации: Междисциплинарный анализ: монография. – М.: Ленанд / URSS, 2016. – 256 с.

4. Мусуралиева М. М. Информационная безопасность и ее место в системе обеспечения национальной безопасности кыргызской республики // Наука, новые технологии и инновации. – 2016. – № 6. – С. 200 – 203

5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – М.: ООО ИНФОТЕХ», 2010. – С. 428.

6. Чеботарева, А. А. Обеспечение информационной безопасности личности: роль международной информационной безопасности и стратегического партнерства // Вестник академии права и управления. – 2016. – № 42. – с. 48 – 51.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. В ЖИЗНИ И НАУЧНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Ильинов В.А. (Санкт-Петербург)

Питирим Сорокин – русский и американский социолог, его вклад в развитие социологии как науки неоспорим. Однако пройдя сложный жизненный путь, он смог стать одним из самых великих учёных XX века. События 1917 года и их последствия во многом предопределили научную специфику Питирима Сорокина, поэтому тему революции (не только российской) можно наблюдать во многих его произведениях.

Питирим Сорокин родился в простой семье: отец был ремесленником, мать – крестьянкой. Позже родители умирают, и он вынужден вместе с братом искать средства для существования. Окончив второклассную школу, Питирим Сорокин поступает в церковно-учительскую школу. Там он знакомится с представителями разных политических партий и движений, профессий и сословий. Сам Питирим Сорокин стал социал-революционером и активным агитатором против царизма. Однако из этой школы его исключают после тюремного заключения за революционную деятельность, хотя многие студенты и преподаватели восприняли Питирима как героя, а не преступника. Нахождение в тюрьме дало Сорокину много опыта: за 3,5 месяца он успел ознакомиться с работами философов и учёных, а общение с заключёнными предопределило его первую научную специализацию (позже выйдет книга «Преступление и кара, подвиг и награда»). На этом революционная деятельность Питирима Сорокина не закончилась, он и дальше продолжал участвовать в политических митингах и распространении агитматериалов.

Устав от постоянного напряжения и страха быть пойманным, Питирим Сорокин принимает решение переехать учиться в Санкт-Петербург. Несмотря на различные трудности,

прежде всего связанные с материальным обеспечением, ему всё же это удаётся. Проучившись год в Психоневрологическом институте на факультете социологии, Питирим Сорокин поступает Санкт-Петербургский университет на юридический факультет. После окончания он получает степень магистра уголовного права, но революция помешала ему сразу же защитить магистерскую диссертацию. Сделает это Питирим Сорокин уже на факультете социологии в том же году, в котором будет выслан за границу. Там он издаст свою «Социологию революции», в которой с научной точки зрения опишет закономерности и причины революций, и «Листки из русского дневника», где в форме дневниковых записей опишет события 1917-1922 годов в России. Когда Питирим Сорокин приедет в США, он начнёт выступать с лекциями по революции 1917 и её последствиям для нашей страны. Таким образом, Сорокин останется в США до конца своей жизни, издаст ещё не один свой труд, в котором можно будет увидеть тематику революции.

«Социология революции» – главный труд по этой тематике. Питирим Сорокин исследовал революции как в России, так и в других странах (в том числе и Великую Французскую). Собрав все факты воедино, он пришёл к следующим выводам. Главная причина революции – ущемление основных инстинктов (потребностей) человека, главным из которых является пищевой рефлекс. Чем больше ущемлено инстинктов у какой-либо социальной группы, тем более экстремистской она будет. Также революция проходит в 2 периода. В первом обществе овладевают идеологии, которые выступают против условий, ущемляющих инстинкты; во второй период (его Питирим Сорокин называет контрреволюцией) происходит ещё большее ущемление инстинктов и изменение общественного сознания – рост отрицательного отношения к идеологиям первого периода. Главный вред революции – количественное и качественное ухудшение образовательно-просветительного аппарата общества, дезорганизация его работы и снижение его продуктивности.

Произведение «Голод как фактор» было написано во время революционных событий, поэтому Питирим Сорокин смог в реальных условиях исследовать влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Именно это исследование позже поможет ему выделить ущемление пищевых рефлексов как одну из главных причин революции. Также Питирим Сорокин рассматривает физиологические и психические процессы, происходящие в человеке при голодании. Отсюда идут деформации в области когнитивных процессов человека, что оказывает влияние на поведение человека. Так, например, можно объяснить те или иные поступки революционно настроенных людей.

«Листки из русского дневника», написанные Питиримом Сорокиным в публицистическом стиле, могут рассказать о его взглядах на революцию как участника тех событий. Он написал это произведение, чтобы донести до американской аудитории свою точку зрения о Русской революции 1917 года (тогда в США его называли «секретарём премьер-министра Керенского»). Полностью переведённая версия этой книги на русский язык вышла не так давно, поэтому только сейчас у простых русскоязычных людей появилась возможность познакомиться с видением Питирима Сорокина на события 100-летней давности в нашей стране.

В «Социокультурной динамике» Питирима Сорокина можно взять следующее. Кризис одного из выделяемых им социокультурного типа приводит к социальным катаклизмам, в том числе к войнам и революциям. Именно так Питирим Сорокин предсказал неизбежность Второй мировой войны, даже опубликовав книгу «Кризис нашего времени», где он попытался донести свой научный прогноз для простых американцев.

Подводя итоги, можно отметить, что не только революция нашла отклик в произведениях и научной деятельности Питирима Сорокина. Однако именно она и непосредственное участие учёного в революционной деятельности и революционных событиях 1917-1922 годах дали ему возможность изучать этот социальный феномен. Таким образом, несмотря на все жизненные трудности, Питирим Сорокин стал одним из самых значимых социологов не только XX века, но и всей социологической науки.

1. Листки из русского дневника. Социология революции / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. – 848 с. (Питирим Сорокин. Собрание сочинений)
2. Голод как фактор: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2014. – 496 с. (Питирим Сорокин. Собрание сочинений)
3. Сорокин П. А. Долгий путь: Автобиограф. роман / пер. с англ. П. П. Кротова, А. В. Липского. – Сыктывкар: Союз Журналистов Коми АССР: Шыпас, 1991. – 304 с.

ВЫБОРЫ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НАЧАЛА XX ВЕКА.

Кажанов О.А. (Смоленск)

Февральская революция 1917 года положила начало либеральному политическому переустройству России. Крах самодержавия предполагал смену государственного устройства страны, поэтому одним из первых решений Временного правительства стал созыв в кратчайшие сроки народной ассамблеи (Учредительного собрания), призванной определить образ правления и основные законы Российского государства, т.е. дать стране конституцию. В связи с этим актуальным становился вопрос о том, представители каких политических партий имели шансы победить на выборах и возглавить работу отечественной Конституанты. Ответ на этот вопрос могли дать научные эмпирические изыскания, которые в условиях острой политической борьбы за власть неизбежно приобретали прикладной характер.

Одно из первых электоральных исследований, попытавшихся ответить на поставленный вопрос, было проведено задолго до выборов в Учредительное Собрание. Еще в 1906 году увидела свет публикация И.Чернышева [1], в которой автор попытался спрогнозировать возможные итоги голосования в состав Учредительного Собрания, в случае, если царская власть примет решение о его созыве для принятия первой в стране Конституции. Он исходил из того, что выборы должны проводиться на основе всеобщего избирательного права и пытался определиться с вопросом о том, смогут ли российские социал-демократы получить поддержку избирателей и мирным путем провести социалистическое переустройство страны.

Знакомство с работой И.Чернышева позволяет говорить о достаточно высоком для своего времени уровне отечественных эмпирических электоральных исследований. Анализ социального состава будущего электорального корпуса он проводил, исходя из основной методологической константы, которая впоследствии ляжет в основу социологической теории электорального поведения: голосование определяется социальным положением избирателя. По мнению И.Чернышева, именно соотношение классовых сил в составе российского электората будет определять исход голосования.

В своей работе исследователь использовал статистический метод, сопоставляя цифровые данные Первой общеимперской переписи 1897 года с целью выявления численности пролетариата и специфики его территориального распределения. Одновременно анализировался состав потенциального электорального корпуса по другим социальным характеристикам: половому, возрастному, этническому, конфессиональному сословному, образовательному и т. д. Тот факт, что перепись была единственным источником фактических данных, к которому обращался И.Чернышев, к тому же не всегда отражавшим новейшие тенденции в социально-экономической жизни страны и не ориентированным на конкретные задачи электоральных исследований, определял ряд трудностей в аналитической работе. Поиск статистической информации предполагал обращение к косвенным методам исследования, сопоставлению близких по значению к искомым статистическим выкладок, использованию логических предположений, - все это неизбежно сказывалось на объективности формулировавшихся выводов, чего, впрочем, не скрывал сам автор.

Анализ статистических данных переписи 1897 года, не смотря на указанные выше трудности, позволил автору не только рассчитать социально-классовую структуру электорального корпуса, но и выделить территориальное расположение его основных сегментов, очертив тем самым «электоральный ландшафт» России начала XX века. Используя систему «колец», И.Чернышев разделил губернии Европейской части России, Царства Польского и Кавказа на районы с преобладанием населения, занятого в сельскохозяйственном и промышленном производстве. Корреляционный анализ статистических рядов, характеризовавших степень грамотности избирателей по выделенным территориальным группировкам, позволил сделать вывод о близком совпадении районов наибольшей грамотности с районами, отличавшимися высоким процентом промышленного и пролетаризованного населения.

Проведя нарезку избирательных округов из расчета ста тысяч избирателей на одного депутата, И.Чернышев осуществил позиционирование политических партий и определил районы, в которых их классовая направленность могла принести успех на выборах. Исследователь делает однозначный прогноз: при выборах в Учредительное Собрание на основе всеобщего избирательного права голоса пролетариев «потонут» в массе голосов избирателей – земледельцев. «Даже считаясь с имущественным расслоением земледельческого населения, - указывал автор, - необходимо признать, что главной опорой будущей Российской Конституции окажется земледелец – у нас, как известно, по преимуществу мелкий «хозяин». Какой бы революционной ни оказалась мелкая земельная буржуазия в вопросе конфискации земель крупных помещиков, государства и уделов, признает она только конституцию, в основе которой лежит господство частной собственности на средства производства» [1, с. 347].

Верификация предложенной электоральной модели оказалась возможной лишь в условиях постфевральской России. Положение о выборах в Учредительное собрание базировалось на основных принципах демократического избирательного права, похожих на те, что были заложены в основу разработанной И.Чернышевым модели. Процесс выборов проходил в сложной социально-экономической и политической обстановке второй половины 1917 года, но сама избирательная кампания подтвердила основной вывод исследователя о том, что решающий голос в конечном исходе выборов будет принадлежать деревне.

К такому же выводу пришел и статистик Н.Святицкий, проанализировавший итоги голосования [2]. Он придавал большую значимость этой работе, считая, что избирательная статистика – важнейший фактор, учет которого необходим практическим политикам в их деятельности, независимо от того, будут ли реализованы результаты народного волеизъявления. Ценность этих результатов заключается в том, что они являются достовернейшим и поучительнейшим свидетельством народных чаяний и надежд [2, с.104].

Знакомство с работой Н. Святицкого, позволяет сделать вывод о том, что он, как и И.Чернышев, исходил из методологического постулата социологической теории электорального поведения, согласно которому выбор избирателя при голосовании определяется его социальным положением. Исследователь изучал, в первую очередь, электоральную активность городского и сельского населения, представителей промышленных и аграрных районов страны [3, с.116-117].

Представленная в работе статистика выборов, как отмечал сам исследователь, была во многом неполной и неточной, включая данные лишь по 54 из 79 избирательных округов. Однако, ее анализ свидетельствовал о победе «деревни» над «городом», выразившейся в том, что 57% всех поданных голосов досталось партии эсеров, а за большевиков проголосовало лишь 24% избирателей [3, с.117]. Территориальное распределение голосов так же указывало на то, что наибольшую поддержку эсеры получили в аграрных регионах страны (Поволжско-Черноземный район, Сибирь), а их конкуренты – большевики – в промышленных центрах (Центрально-Промышленный район, Северная и Западная области) [2, с.112, 115]. Исследование Н.Святицкого наглядно подтвердило прогноз И.Чернышева, утверждавшего ранее, что российское общество начала XX века еще не готово к пролетарским социалистическим преобразованиям и политическое будущее страны должны определять мелкобуржуазные крестьянские партии.

Подводя итог, отметим, что русские революции начала XX века создали благоприятные условия для становления электоральных социологических исследований, так как способствовали формированию представительных выборных органов государственной власти. Приведенные нами примеры свидетельствуют о достаточно высоком для своего времени научном уровне отечественных исследований, о способности объективно отражать реальные социально-политические процессы, происходившие в стране.

Литература

- 1. Чернышев И. О всеобщем избирательном праве и применение его в России // Правовое и народное голосование. К реформе государственного строя России. Вып.2. СПб.: Изд-во Н.Глаголева, 1906. С. 219-350.*
- 2. Святицкий Н. Итоги выборов во Всероссийское Учредительное Собрание // Год русской революции (1917-1918. Сборник статей. М.: Московское изд-во «Земля и воля», 1918. С. 104-119.*
- 3. Святицкий Н. Большевики и Всероссийское Учредительное Собрание // Большевики у власти. Социально-политические итоги Октябрьского переворота. Сборник статей. М.: Революционная мысль, 1918. С.107 - 122.*

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СОВЕТСКОЙ И ПОСТСОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Каневский П.С. (Москва)

Споры вокруг понятия интеллигенции и ее роли в общественно-политических процессах СССР и постсоветской России являются одними из наиболее дискуссионных в отечественной социологической и политологической науке.

Изначально, в том виде, в котором данный социальный слой предстал в поздней Российской Империи, интеллигенция являлась синонимом просвещения и общественной совести. Это была сплоченная группа интеллектуально развитых людей, которых объединяла оппозиционность по отношению к власти. Однако, со временем, интеллигенция и интеллектуалы стали рассматриваться и как субъект общественного развития, как слой, способный стать движущей силой модернизации. Дореволюционная Россия в этом смысле вполне соответствовала духу времени и западной традиции, ведь политические и экономические круги развитых демократий первыми осознали необходимость в экспертизе, советах, рекомендациях со стороны интеллигенции.

Октябрьский переворот 1917 г. полностью изменил траекторию взаимоотношений власти и интеллигенции. Если поначалу казалось, что власть заинтересована в существовании такой интеллигенции, которая была бы готова вести революционную борьбу силой своей мысли, используя новые языки в искусстве, но в то же время оставалась бы относительно независимой, достаточно быстро стало понятно, что интеллигенции уготована участь послушного рупора в руках государственного аппарата. Это достаточно быстро привело к формализации советской интеллигенции, ее встраиванию в номенклатурную систему.

Более того, государство не только трансформировало функции интеллигенции в обществе, оно постепенно стало примерять данную роль на себя, стремясь, с одной стороны, поддерживать контакт с наиболее прогрессивными из лояльных представителей интеллигенции, с другой – активно перенимая ее атрибуты. В конце 1960-х – начале 1970-х гг. среди социологов, изучавших особенности политической структуры СССР, стало распространяться мнение, что между бюрократией и «интеллигенцией» достигнут идеологический паритет. В частности, Дж.Конрад и И.Селеньи считали, что с определенного этапа никто не мог стать высшим государственным функционером, не будучи и членом партии, и в то же время подготовленным специалистом, то есть интеллигентом в партийно-технократическом ключе. Подобный процесс распространился не только в СССР, но и в странах Восточной Европы, которым также было рекомендовано сместить акценты в сторону профессиональной подготовки кадров. Несмотря на ряд возражений, что подобная практика способна привести к внутривластному конфликту, с середины 1970-х гг. многие исследователи стали признавать, что молодая интеллигенция не стала реальной оппозицией «старой гвардии» и удачно интегрировалась в систему политической стратификации. По мере вертикального продвижения по политической лестнице, молодые специалисты претерпевали смену взглядов и воззрений, так как это было необходимо для успешной карьеры. Происходил процесс, который можно назвать вытеснением габитуса. Другими словами, даже если изначально индивид имел способность мыслить внесистемно, для дальнейшей карьеры было необходимо принимать все новые практики мышления и правила поведения, что неизбежно вело к смене индивидуального габитуса. Тем не менее, впервые после революции образование стало одной из ключевых детерминант, которая обеспечивала восходящую политическую мобильность.

С официальной точки зрения, главная функция советской интеллигенции состояла в идеологизации общества, в воспитании людей в духе советского патриотизма и социализма. Отсюда возникает искусственная сущность понятия интеллигенции, которая функционально должна была отвечать интересам господствовавшей политической системы. Это не исключало создания внесистемных интеллигентных групп, в частности диссидентов, которые выступали с открытой критикой режима, либо индивидов, считающих себя людьми «вне системы» и «вне политики». Однако подобным личностям путь во властные структуры был закрыт, так как они не отвечали идеологическим принципам.

Несомненно, на рубеже перестройки и в первой половине 1990-х интеллигенция, как группа свободно мыслящих людей, представляла из себя общественно-политическую силу. Смена социальной роли позволила многим представителям позднесоветской, в том числе внесистемной или полусистемной интеллигенции, «пойти во власть», так как они были больше приспособлены к

практикам, свободным от идеологических рамок, имели лучшее представление о рыночных отношениях. Данный процесс был обусловлен тем, что уже в первые годы перестройки кандидатов на ответственные политические должности стали приглашать напрямую, не используя предварительную политико-идеологическую проверку в промежуточных инстанциях. С распадом СССР данный фактор рекрутирования вовсе утратил свою силу. Поэтому представители слоя интеллигенции стали частью нарождающихся политического и экономического классов, привнося туда свою систему взглядов и ценностей и, таким образом, структурируя эти общности, создавая конкуренцию номенклатурному габитусу. Важная роль интеллигенции в трансформационных процессах отразилась в ряде научных публикаций, которые заявляли о данном социальном слое, как о влиятельном политическом акторе. Ключевым положением, которое было свойственно анализу роли интеллигенции, являлось то, что данный слой может и должен стать структурообразующим актором, вокруг которого способна строится система отношений, в том числе в поле политики. Однако тенденция оказалась обратной. После ряда событий, в частности путча 1993 г., изменений механизмов парламентского представительства, грань между интеллигенцией с одной стороны, и политическим классом и бюрократией с другой, стала постепенно исчезать. То есть интеллигенты, «пошедшие во власть», стали приобретать новые для себя признаки автономной общности профессиональных политиков. Данный процесс был обусловлен тем, что мы уже назвали вытеснением габитуса – в данном случае он оказался вытеснен габитусом нового политического класса, в котором стали отражаться черты бюрократического мышления. Можно сказать, что поле социальных инициатив, исходивших от интеллигенции, оказалось монополизировано более консервативно настроенным слоем. Вместе с дефрагментацией интеллигенции политический процесс утратил одну из основных функций, за которую изначально отвечает данный слой – функцию критики. Как заметил С.М. Липсет, «интеллигенция живет за счет критики и ее положение в обществе целиком зависит от критики». По мнению Липсета, критика со стороны интеллигенции является неотъемлемой частью любых капиталистических обществ и необходима для уравнивания политико-идеологических весов. Таким образом, критическая масса интеллектуализма в политике, которая была необходима для реформирования, решения ключевых дискуссионных вопросов и которая накапливалась в обществе с начала перестройки и гласности так и не смогла выйти на необходимый уровень и постепенно вступила в фазу функциональной стагнации. Из этого не следует, что поле политики и политический класс лишились интеллигенции на индивидуальном уровне, однако об интеллигенции как о политически важном акторе говорить не приходится.

1. Бурдые П. *Дух государства: Генезис и структура бюрократического поля* // *Поэтика и политика*. СПб., 1999.

2. Рывкина Р.В. *Интеллигенция в постсоветской России: Исчерпание социальной роли* // *Социологические исследования*. 2006. №6.

3. Konrad G., Szelenyi I. *Intellectuals on the road to class power*. New York, 1979.

4. Липсет С.М. *Размышления о капитализме, социализме и демократии*. // <http://old.russ.ru/antolog/predely1/dem2-1.htm>

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ТЕРРОРИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Карлов В.В. (Санкт-Петербург)

Актуальность темы данной работы в настоящее время определяется участвующими проявлениями экстремизма и терроризма, которые приобрели системный характер и реально угрожают жизнедеятельности общества и государства.

Информационный контент, будь это телевидение или интернет, на сегодняшний день как обязательный элемент содержат упоминания таких слов и выражений, как «террорист», «терроризм», «теракт», «экстремисты», «экстремизм», «экстремистское сообщество» и т.п.

Таким образом, эти явления уже стали непременным атрибутом нашей жизни и наблюдение за ними позволяет определять их в некоторых аспектах, они имеют схожую природу, но различные способы выражения, терроризм, в конце концов, предстает как крайняя форма экстремизма.

Экстремизм, по утверждению психолога Соснина, это идеология, ориентированная на нарушение общественных стандартов этики и взаимодействия. Это политические и социальные

идеологии, считающиеся иррациональными, контрпродуктивными, несправедливыми и неприемлемыми в гражданском обществе и имеет скрытое значение незаконности. [Психология современного терроризма. В.А. Соснин, 2017, с.27]

В российском законодательстве терроризм определяется следующим образом:

терроризм - идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», ст.3]

Наиболее опасным из этих явлений является терроризм, ибо он непосредственно связан с применением не лимитированного и ничем не ограничиваемого насилия.

Терроризм явление в истории человечества не новое и многогранное, имеющее различные уровни. При этом недопустимо игнорировать факторы, которые порождают террор: в его основе, которые, зачастую вуалируются общественно-политической риторикой, лежат прежде всего социально-политические, социально-экономические, этно-политические, религиозные и иные факторы подобного ряда и рода.

В современном мире проблема терроризма является одной из основных, стоящих перед государствами, т.к. фактически в информационном мире, не имеющем границ, в условиях достижений технического прогресса возможности для совершения террористических актов не просто возросли, они приобрели иное качество, пособие по их совершению можно получить в любой момент беспрепятственно в интернете.

На сегодняшний день выделяются следующие виды терроризма по источнику их происхождения и объекту направленности, предложенные американским психологом Дж. Постом: Политический терроризм, Сепаратистский терроризм, Религиозный терроризм, Патологический терроризм [Психология современного терроризма. В.А. Соснин, 2017, с.34]

При этом политический терроризм иногда вырастает из ригидной политической системы государства, где изменить существующий порядок вещей, легальным способом (выборами, референдумом) не представляется возможным, власть не реагирует своевременно на возникающие проблемы и не предпринимает усилий по их разрешению.

В отличие от религиозного терроризма, который в деформированном сознании идеологов террора направлен на защиту традиционных устоев общества, террор политический имеет своей целью эти устои сломать.

Нередко государство само облегчает возникновение политического экстремизма и терроризма. В целом, цель и задачи политического терроризма сформулировал ещё известный террорист и политический деятель Борис Савинков. В своих «Воспоминаниях террориста» он писал: «Цель боевой организации заключается в борьбе с существующим строем посредством устранения тех представителей его, которые будут признаны наиболее преступными и опасными врагами свободы. Устраняя их, боевая организация совершает не только акт самозащиты, но и действует наступательно, внося страх и дезорганизацию в правящие сферы, и стремится довести правительство до сознания невозможности сохранить далее самодержавный строй». [Борис Савинков. Воспоминания террориста. 2013].

Какие же причины порождают терроризм как таковой? По мнению специалистов, исследующих природу терроризма, базовые его истоки таковы: Тяжёлые условия жизни, в особенности в бедных странах и контраст жизни по сравнению с богатыми странами Запада, Базовая потребность в безопасности, субъективная оценка условий существования как опасных для жизни, Потребность в независимости, способности самостоятельно принимать решения относительно собственной жизни, свободы и счастья. Потребность в общественном уважении. В признании своей этнической, культурной и религиозной идентичности. [Психология современного терроризма. В.А. Соснин, 2017]

Борьба только против террористов, уничтожение их баз и лидеров не способны устранить глубинные истоки терроризма, как утверждает Соснин. Причины политического терроризма кроются также в общественном кризисе, кризисе идеологическом и государственно-правовом, а ригидность политической системы способствует этому.

Особенно терроризм разрастается в так называемые переходные периоды общественного развития.

Другая важная причина развития терроризма – глобализация и следующая за ней интервенция западной культуры, образа жизни, которые разрушают устоявшиеся нормы в

традиционных странах, в частности арабских. По утверждению Соснина, социально-культурная ценностная парадигма западной цивилизации – это тот главный мотивирующий фактор, который детерминирует глобальный ответ сообществ, имеющих коллективную идентичность для своей защиты, в том числе и мотивацию террористической деятельности.

Увеличение числа террористических атак в США – зачастую прямое следствие их внешней политики. Так, Россия и США находятся в одной десятке по уровню террористической активности: у России – 30-е место в мире, а у США – 36-е. [Степанова Е.А. Россия и США в борьбе с терроризмом, 2012, с.17]. В Соединенных Штатах в течение 15 лет после 11 сентября 2001 г. (вплоть до конца 2016 г.) преобладали теракты со стороны двух основных типов акторов: радикальных исламистов и правых радикалов.

Хотя в США исламистские террористы совершали теракты реже, чем правые экстремисты, от их рук погибло в 3,5 раз больше людей.

Можно заключить, что современный терроризм принимает гораздо более изощренные формы, чем в прошлом веке. Появились новые его разновидности – биотерроризм, ядерный терроризм, компьютерный и т.д. При этом основными его носителями сегодня являются люди, исповедующие радикальный Ислам. Необходима грамотная превентивная политика по борьбе с терроризмом. Предупреждение должно заключаться в выявлении, устранении, нейтрализации, локализации и минимизации воздействия факторов, которые либо порождают терроризм, либо ему благоприятствуют. На данном этапе развития цивилизации только лишь силовое решение этой проблемы неэффективно, равно как и деятельность негосударственных компаний в деле улучшения качества жизни в бедных странах, поскольку без всеобъемлющей помощи других государств невозможно решить проблемы целых регионов. Необходима смена собственнических отношений в пользу государств и общественных организаций, поскольку частные корпорации могут не только не улучшать ситуацию, но и специально её ухудшать.

1. В.А. Соснин. Психология современного терроризма. – М.: ФОРУМ: ИНФА-М, 2017. – 160 с. – (Высшее образование)
2. Борис Савинков. Воспоминания террориста. – М.: ПрозаиК, 2013. – 544 с.
3. Алексей Сахнин. Откуда едут террористы. [Электронный ресурс]<http://rabkor.ru/columns/analysis/2017/04/14/where-does-terror-come-from/> (дата обращения 03.10.2017)
4. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»
5. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности"
6. В.А.Соснин, Нестик Т.А. Психология современного терроризма: социально-психологический анализ/В.А. Соснин, Т.А. Нестик. – М.: PerSe, 2006
7. В.Н Смирнов. Политический терроризм Российской Империи. –Х.: Литера Нова, 2012. – 300 с.
8. Степанова Е.А. Россия и США в борьбе с терроризмом (сравнительные угрозы и подходы, Сирия, Афганистан, противодействие насильственному экстремизму) // Проблемы терроризма, насильственного экстремизма и радикализации (российские и американские подходы): Спецвыпуск. Пути к миру и безопасности. 2017. № 1(52). С. 13–54.
9. Взрывают психи, мусульмане - не террористы [Электронный ресурс]<https://www.youtube.com/watch?v=HPn3QB6hSEU&feature=youtu.be> (дата обращения 07.10.2017)

АЛЬТЕРНАТИВЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В 1917-2017 ГОДАХ

Ковалев В.В. (Ростов-на-Дону)

Умерла ли российская цивилизация? Данный вопрос можно было бы задать, размышляя о перспективных (желательных) направлениях развития России, ее идентификационных основаниях, ценностных ориентациях, обращенных в будущее. Вопросы такого рода рождаются из-за стремления осознать смысл истории, выявить закономерности и причинно-следственные связи в историческом процессе, решить, наконец, есть ли у российского народа единая, общая судьба или все мы просто движемся куда-то в силу исторической инерции, живя своими собственными индивидуальными смыслами.

Для нас, живущих уже в XXI веке, спустя сто лет после описываемых событий, ответы на поставленные вопросы нельзя считать отвлеченным, безэмоциональным, незаинтересованным

выбором. На развилке смыслов наших интеллектуальных предпочтений открываются три дороги, избрание которых обнажает целевые векторы развития, указывая на три возможных горизонта процесса российской истории:

- 1) европейские ориентиры выхода на новые стадии развития;
- 2) возвращение к истокам российской традиционности посредством использования принципов консерватизма в качестве средства обретения потерянной в 1917 году цивилизационной идентичности;
- 3) нахождение в затяжном и глубоком социальном кризисе, усиление процессов аномии, распад территориального единства и потеря государственного суверенитета.

Эти три сценария мы и рассмотрим, отталкиваясь от событий российской революции и гражданской войны, как двух составных частей русской смуты начала XX века.

Выход на новую стадию развития обычно связывается с европоцентристским пониманием смысла истории. Исторический процесс, протекающий на европейском континенте, рассматривается в качестве образцового и эталонного. Эти свойства раскрываются в контексте принципа единства всемирно-исторического процесса. Считается, что все народы мира проходят или должны проходить в своем развитии примерно одинаковые стадии. Это не просто какие-то этапы, определяемые произвольно, а знаковые точки истории, прохождение которых обуславливается наличием внутренних закономерностей, существующих в истории.

Наибольшую роль в презентации идеи стадияльного развития сыграли две теории: формационная К. Маркса [1] и стадияльная Э. Тоффлера [2]. Концепции данных ученых – это не просто научно обоснованные идеи, а, одновременно, еще и политические доктрины, способные влиять на социально-политические процессы в тех странах, значительная часть населения которых готова воспринимать их в виде идеологического оружия. Так, именно идеи К. Маркса во многом выступили в роли политического генератора недовольства народных масс, получивших четкую убежденность в том, что революция 1917 г. является благом, и во имя каких целей она реализуется.

На первой стадии революции большая часть политически активного населения России более-менее сходилась в согласии, что реформы должны быть проведены по всем общественным сферам. Глубина и ширина согласия на реформы варьировалась в зависимости от политических ориентаций, но убежденность в их необходимости оспаривалась сравнительно небольшой группой консерваторов-монархистов, которая на тот политический момент была практически не слышна в общем шуме толпы, громко требовавшей преобразований [3].

Таким образом, первая половина 1917 года протекала под лозунгами буржуазно-демократической революции. Если применять к этим процессам заявленную нами схему, то окажется, что на начальном этапе русской смуты наиболее активная часть российского общества была ориентирована на очередное форсированное (ускоренное) вхождение в русло общеевропейского исторического процесса. Российская империя в 1917 году воспринималась как часть Европы, но та часть, которая отстала по ряду позиций от ведущих западноевропейских государств. Чтобы преодолеть эту отсталость, ставилась цель изменить облик политических учреждений, дать политические свободы народу, обеспечить достойные условия для жизни, возможность получения образования, медицинской и социальной помощи. Всё это объективно вело бы развитию тех признаков, которые Э. Тоффлер описывал на примере индустриальной стадии развития общества. Россия стадияльно находилась на одной позиции с Европой – индустриальной, но степень индустриализации у последней была выше. Именно это следовало исправить в процессе революции.

В своей радикальной части наиболее громким был голос российских марксистов: меньшевиков и большевиков. Первые не планировали в своих требованиях выходить за пределы реформ, задаваемых логикой буржуазно-демократической революции. На этих же позициях первоначально стояли и большевики, но власть в свои руки, когда появилась такая возможность взяли, надеясь на помощь европейского пролетариата [4].

Итак, в целевом плане события 1917 года имели две направленности. Одна группа политических сил возлагала на революцию надежду ускоренным путем догнать Запад на стадии индустриального общества, будучи уверенными в том, что Россия лишь слегка отстает от него на векторе всемирно-исторического процесса, развивающегося по закону развития от простого сложного, от низшего к высшему. Другая политическая группировка – большевики, на векторе стадияльного развития в 1917 году ставили не индустриальное общество с ценностями либерализма и технического прогресса, а коммунистическую формацию, т.к. полагали, что в

Западной Европе капитализм, как общественно-экономическая система, себя исчерпал, готов уступить свое место более прогрессивному коммунизму, чем Россия может воспользоваться в силу своей близости к Европе, наличию компонентов развитой индустриальной системы и более-менее сплоченного из-за своей концентрации в столицах рабочего класса [5].

Так что же в итоге произошло с Россией в советские годы? Вышла ли она на новый уровень исторического развития? Мы готовы дать безусловно положительный ответ. Индустриализация, хотя и односторонняя, состоялась. Но вопрос качественной оценки итогов модернизации оказался актуальным после того, как в 80-е годы обнаружилось технологическое отставание от Запада.

Рубеж 80-90-х гг. – это период неслыханного очернительства нашей истории. Конечно, досталось больше всего сталинизму, но глубина критики достигала едва ли не даты основания Москвы. Проходила она в лучших традициях раннего западничества, когда любой исторический факт, не обнаруживавший типологического сходства с европейскими стандартами, подвергался порицанию, как проявление мракобесия, невежества, предрассудков. По сути, речь шла о тотальной вестернизации в виде безусловного и некритического восприятия политических, экономических, культурных институтов западного мира.

Этот зигзаг истории сменился современным пониманием того, что европейский путь постепенно становится всего лишь одной из альтернатив мирового развития. Причем многие из его доминант, как оказалось, вполне способны из-за их утилитарности быть адаптированы к любой современной культуре без потери ее базовых, фундаментальных свойств [6].

Данный вывод является отправной точкой для оценки перспектив второго пути на определенной в начале нашей статьи интеллектуальной развилке возможных горизонтов процесса российской истории. Это – возвращение к истокам российской традиционности посредством использования принципов консерватизма в качестве средства обретения потерянной в 1917 году цивилизационной идентичности. Оценить перспективы этого пути не просто. По меньшей мере, нам необходимо будет понять, сохранилась ли российская цивилизация или же она исчезла в бурных водоворотах истории, куда ее погрузила русская смута начала XX века.

Мы уверены, что Россия еще долго останется государством в своих современных границах. Разделение, новые революции, нравственная деградация ей не угрожают. Напротив, есть надежда на возрождение в рамках новой цивилизационной идентичности. Всё перечисленное, безусловно, важно, но ничто из сказанного не будет иметь значения, если оно не подкрепится наличием соответствующей политической воли. Если российская власть не сможет перебороть инерцию на всех социальных уровнях, не избежит соблазна превращения казны в собственную вотчину, потерпит фиаско в борьбе с преступностью, задушит социальные институты под тяжестью бюрократизма, то крах цивилизации в России окажется неминуем. Будем надеяться, что этого не произойдет.

1. Мусаелян Л.А. *Научная теория исторического процесса: становление и сущность*. Пермь: ПГНИУ, 2015.
2. Тоффлер Э. *Третья волна*. М.: АСТ, 2004.
3. Миронов Б.Н. *Русская революция 1917 года в контексте теорий революции // Общественные науки и современность*. 2013. №2.
4. Петров Ю. *1917-2017: уроки ста минувших лет // Государственная служба*. 2017. №1.
5. Новоселова Д.И. *Предпосылки Октябрьской революции 1917 года в России // Теория и практика современной науки*. 2016. №10.
6. Касьянов В.В. *История культуры*. М.: Юрайт, 2016.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ВОСПРИЯТИЯ КОРРУПЦИИ

Ковтун Е.А. (Санкт-Петербург)

Наряду со многими социально-политическими причинами, обусловившими вызревание в российском обществе революционных настроений, и приход к власти большевиков стоит выделить коррупцию. Однако создание нового государства в итоге революционных действий не привело к искоренению коррупции, тесно вплетенной в историю и традиции взаимоотношений власти и народа.

Коррупцию в рамках функционального подхода можно рассмотреть в виде механизма урегулирования, способствующего снятию институционального напряжения при переходе к

новым нормам. Это связано с тем, что, несмотря на быстрые изменения формальных институтов в ходе революции, неформальные институты и практики оказываются более устойчивыми к изменениям и даже могут стать катализатором для изменения новых институтов. При этом акторы в рамках социальных отношений в условиях высокой неопределенности стремятся любыми средствами минимизировать эту неопределенность [4]. Одним из этих средств может выступать коррупция.

С другой стороны, коррупция в постреволюционной России может быть рассмотрена в качестве элемента политической нестабильности. Близким к подобному подходу можно назвать осмысление коррупции у С. Хантингтона. Его работа «Политический порядок в меняющихся обществах» [5] обосновывает необходимость рассмотрения разрыва между уровнем социальной мобилизации и политической институционализации, который приводит к проявлениям политической нестабильности. По мнению Хантингтона, коррупция в государствах переходного периода выполняет особую роль, позволяя преодолевать жесткость в политической и социальной организации общества, что приводит экономику в движение.

Стоит отметить, что весомым коррупциогенным фактором являлся состав управленческого аппарата: удельный вес царского чиновничества в советских органах власти в 1918 г. составлял от 16,1% до 87,5% [3, с. 424-427], что отчасти обуславливало преемственность традиций прежней управленческой системы. Размах коррупции, проявившийся в годы русско-японской и Первой Мировой войны в области военной промышленности, поставок на фронт, а также на низовом уровне бюрократии требовал от новой власти изменения политики и управленческой структуры.

Необходимость нормативно-правового регулирования борьбы с коррупцией, стремление упорядочить управленческую систему постреволюционной России, где часть чиновничества была наделена чрезвычайными полномочиями и прибегала к взяточничеству, привели к принятию в 1918 г. декрета «О взяточничестве». Свертывание товарно-денежных отношений и переход к распределительной системе способствовали разрастанию бюрократического аппарата, так в 1921 г. численность госслужащих составляла 5,7 млн. на 61 млн. населения. При этом, например, в 1913 г. в царской России насчитывалось 253 тыс. чиновников на 174 млн. населения [1]. Тенденция этого роста сохранилась вплоть до сегодняшнего времени: в РФ в 2016 число сотрудников органов государственной власти и МСУ составляла 2146,3 тыс. человек [2]. Системность борьбы с коррупцией в первые годы советской власти подтверждает Уголовный Кодекс, вступивший в действие в 1922 г. Эти нормативно-правовые акты стали основой для антикоррупционной деятельности советской власти и классифицировали основные составы преступлений, что нашло отражение в дальнейшем развитии законодательной базы как советского государства, так и современной России.

Стоит отметить попытку изменить восприятие коррупции за счет абстрагирования и отказа от употребления термина «коррупция» советской властью, так как коррупция представляет институциональное явление и в соответствии с политической идеологией не могла иметь места в новой системе социально-политических отношений. Вместо этого использовались понятия «взяточничество», «превышение служебных полномочий», что не меняло сути явлений, но выводило коррупцию за рамки существующей политической системы. В общественном сознании и политико-правовом поле современной России коррупция объединяет в себя все эти явления, отражая широкий подход в определении коррупции.

Таким образом, роль революции 1917 г. в России в формировании восприятия коррупции, с одной стороны, состоит в допущении существования коррупции в переходный период как механизма преодоления несовершенств новой, ещё только формирующейся системы социально-политических отношений. С другой — в формировании нового типа государственного служащего, чиновника, который вследствие революционной ротации кадров сохранил черты царского чиновничества и приобрел новые функции, одновременно с этим получив возможность для злоупотребления властью и закрепив возможность существования различных форм коррупции в постреволюционной России.

1. Shedy M.V. *Corruption during the soviet period of the russian society development: transformation features of anticorruption policy mechanisms* // Вопросы управления. URL: <http://vestnik.uapa.ru/en/issue/2012/02/58/> (дата обращения: 27.09.2017).

2. *Государство, общественные организации* // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/ (дата обращения: 27.09.2017).

3. *Ирошников М.П. Председатель Совнаркома Владимир Ульянов (Ленин). Очерки государственной деятельности в 1917-1918 гг. Л., 1974.*
4. *Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики /Пер. с англ. М.: Фонд экономической книги «Начала». 1997.*
5. *Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004.*

КОНЦЕПЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА КАК ОСНОВА ДЛЯ ОСМЫСЛЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.

Кондорский Б.М. (Донецк, Украина)

Каждое событие, каждое явление в истории человечества является частью, элементом системы, развернутой в пространстве и во времени. Революции Нового времени происходили в форме революционного периода (РП) как системы, имеющей свои законы. Конкретные революции следует рассматривать как проявление процессов в рамках РП. РП заканчивается тогда, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия исключающие возможность каких-либо революционных событий.

Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основных группы: стран первой генерации (СПГ), стран второй генерации (СВГ), стран третьей генерации (СТГ). К СПГ можно отнести Англию, США, Францию. В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции – Третьей республикой, в США – с окончанием гражданской войны. В большинстве европейских стран (в частности Германии, Италии, Австрии, Венгрии) и Японии РП начался в середине XIX в. и закончился с окончанием Второй Мировой войны. В СТГ – России, балканских странах, Китае, Турции, Иране, латиноамериканских странах РП ограничился рамками XX в. В арабских странах РП начался после Второй мировой войны и закончится не ранее середины XXI в.

Кстати, наличие революций не обязательно знаменует начало РП. Не смотря на то, что Испания в XIX в. пережила 5 революций, слабость и нерешительность буржуазии, неумение и нежелание организовать эффективную диктатуру своего класса каждый раз приводили к восстановлению реакционных порядков. Обратная картина наблюдалась в скандинавских странах. Здесь РП имели место без конкретных революций.

В РП все политические режимы имеют в той или иной степени черты диктатуры. Характер диктатуры зависит от этапа революции и выражает интересы того или иного класса. Каждая диктатура выполняет определенные исторические задачи. Якобинская диктатура сделала невозможным восстановление абсолютистских порядков во Франции, так же как это сделала диктатура Кромвеля в Англии (не смотря на последующие реставрации).

Попытки либерализации власти в РП как правило способствовали появлению классических диктатур. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру. Аналогичная ситуация имела место в России после Февральской революции и Испании в 30-е годы.

СТГ имели свои особенности, которые заметно отличали эти государства от СПГ и СВГ. Если в СВГ развитие политических режимов носило в основном эволюционный характер, то в СТГ отсутствовал какой-либо потенциал трансформации старого порядка. Дальнейшее развитие было возможно только при условии разрушения не только политической системы, но и государства в целом. Попытки реформ «сверху» в России, Китае, Турции, Иране закончились полным провалом.

В СПГ промышленные революции носили самостоятельный характер. В СВГ они были обусловлены, в значительной степени, сформировавшимся к середине XIX в. европейским экономическим пространством. В СТГ не было промышленных революций – была индустриализация под непосредственным руководством государства.

В СТГ капитализм отсутствовал как система. Был капиталистический уклад. Уклад – это структура, которая в отличие от системы не имеет потенциала развития. Отсутствие капиталистической системы предопределило слабость буржуазии в СТГ не только в экономической, но и политической сфере. Буржуазия здесь так и не смогла организовать свою

диктатуру во время революций, не смогла выдвинуть ни одного лозунга, который мог бы привлечь народные массы.

Для СТГ была характерна сильная финансовая зависимость от более развитых СПГ и СВГ. При этом предоставление займов обычно наполнялось политическим содержанием. Внутренняя слабость, превращающаяся в слабость международную, привязывала политику СТГ к чужим интересам.

Россия была типичной СТГ. Важность ускоренной индустриализации понимал С.Ю. Витте, который считал, что только она спасет подлинный суверенитет России. Основная его ошибка заключалась в том, что основную ставку он сделал на привлечение иностранного капитала. Однако опора на за границу неизбежно ставила Россию в подчиненное положение и создавало угрозу национальной безопасности. На рубеже XIX – XX вв. Россия попадает в финансовую зависимость от Франции. Отсутствие в России капитализма как системы было следствием низкого уровня капитализации.

В России как и других СТГ более 80% населения проживало в сельской местности и имело традиционный крестьянский менталитет. Сознание российского крестьянина воспринимало землю как божью, ничью. Отсюда – полное неприятие частной собственности на землю, требование отменить ее продажу. Крестьянину был чужд буржуазный взгляд на собственность как источник богатства.

Попытки Столыпина разрушить общину и создать слой крестьян-собственников, фермеров в конечном итоге ни к чему не привели. Те же кулаки по своей ментальности мало чем отличались от обычных крестьян-общинников. Основная масса крестьян не хотела порывать с общиной, в которой они видели средство своеобразной самозащиты перед лицом помещиков и государства.

Заметный промышленный подъем в начале XX в. носил внешний характер. Если по количественным параметрам Россия была близка к ведущим промышленным державам, то по качественным показателям – производству на душу населения, развитию передовых технологий, уровню стоимости произведенной продукции – кардинально отставала. Архаический характер носила структура экспорта страны.

Революция 1905 г. развеяла иллюзии в отношении «доброты батюшки царя» в лице Николая II и у рабочих, и у крестьян. Третьеиюньский переворот испортил отношения власти с либералами. Начался необратимый процесс отчуждения и деградации верховной власти.

Элита отвечает за поддержание социально-политического пространства общества. Деградация правящей элиты означает деградацию этого пространства. Перед революциями это приводит к тому, что достаточно одного толчка, чтобы пошел процесс.

После Февральской революции «временные» министры занимались чем угодно, но только не тем, чем надо. Всего лишь за полгода они ухитрились растерять весь кредит доверия со стороны народных масс и превратились в «инородное тело». Либерально-демократический тип мышления и сознания основной части буржуазии и интеллигенции в условиях тогдашней России носил иллюзорный характер. Можно утверждать, что именно неспособность буржуазии после революции создать диктатуру своего класса предопределила Октябрьскую революцию.

СЕТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЭКОНКО В РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Корова В.А. (Санкт-Петербург)

Экологическое движение в нашей стране имеет свою долгую историю. Начальным этапом его становления и точкой для начала его изучения одни исследователи зачастую обозначают вторую половину XX века, на которую приходится институционализированный период (1958-1982), другие и вовсе, отбрасывая весь советский опыт, обращаются сразу к постсоветской истории. Однако современная сеть экологических организаций России и, что важнее, проблемы, с которыми она сталкивается, имеют в своем основании советское наследие. Забыв о сложностях, с которыми столкнулись общественные организации в начале XX века и на его протяжении, мы не сможем качественно решать проблемы, существующие в этом направлении сейчас. Хотелось бы сначала уделить внимание историческим фактам, а на их основе обозначить проблемы сети экоНКО в России сегодня.

В начале прошлого века существовало три типа экологических ассоциаций: научно-исследовательские, природоохранные и социально-экологические [1. с. 12]. Главным их ориентиром были идеи профессионалов-естествоиспытателей и основателей краеведческого движения о создании эталонов нетронутой природы (заповедников) и сохранении культурно-исторического ландшафта страны. Отношение к заповедным зонам со стороны государства в то время было нейтральным. По стране, среди писателей и ученых, распространялись западные социальные идеи, в том числе посвященные экологии, основная же часть населения ничего об этих идеях не знала. Ситуация осложнялась также военным состоянием страны, революцией, а затем и гражданской войной.

Революция 1917 года поменяла в стране многое, но даже после смены власти и разрушения прежней ценностной системы общества, профессиональные социально-экологические практики сохранились.

С установлением большевизма охрана природы и памятников культуры стала элементом государственной политики. В 1921 году правительственный декрет утвердил Народный комиссариат просвещения РСФСР официальным органом ответственным за охрану природы. Негосударственные организации в этот период стали реализовывать правительственные задачи, интеллигенция начала вовлекать городское население в массовые акции по сохранению природы («Дни Леса», «Дни птиц») [1. с. 17]. В тот же период начался процесс изменения среды обитания под нужды индустриализации.

1930-е годы стали началом, возможно, самого сложного периода существования экодвижения. Директивная перестройка Сталина разрушила средоохранные организации, основателями и участниками которых являлись неугодные новой власти ученые - носители памяти о прошлом страны. Самоорганизация социальной жизни, без которой невозможно существование социально-экологического знания, стала главной мишенью партии. Человек помещался внутрь налагаемые сверху конструкций и рамок, а то, что находилось за их пределами, не представляло больше ценности – такая культура постоянно расширяла свое влияние, завоевывала все больше сфер общественной жизни (образование, гражданский быт и т.п.).

Важно понимать, что тоталитарный режим содержал множество императивов, которые были смертельны для любого социального движения. Провозглашался примат системы над средой. Среда представала бесконечным набором ресурсов, которые должны были быть использованы для достижения целей. Система выступала в роли всемогущей, подчиняющей себе и преобразовывающей весь социальный и природный мир, способной управлять всем: людьми, культурой, природой. Ориентиром был вечный прогресс, достигаемый преодолением любых ограничений за счет постоянной мобилизации людских и природных ресурсов.

Под напором правительства территории заповедников сокращались. Природоохранные движения пытались противостоять системе, но постепенно трансформировались в служителей партийной политике. Научная экологическая общественность, как политически и культурно значимый институт, прекратила свое существование. Связи с западной наукой были прерваны. Наиболее стойкая часть советской интеллигенции, участвуя в работе далеких от политики государственных и общественных организаций (Московский филиал Географического общества СССР, Московское общество испытателей природы МОИП, постоянные экспедиции АН СССР и др.), продолжала борьбу за сохранение сети особо охраняемых участков природы [1. с. 21]. В глубоких провинциях советские естествоиспытатели, выжившие в лагерях и ссылках, в период 1950-60-х гг. создавали островки экологической культуры: заповедники, биологические станции, - тем самым, занимаясь как охраной среды, так и научной деятельностью об охране природы.

Индустриализация и урбанизация продолжились в эпоху Хрущева. Однако начались и положительные процессы, восстанавливалась связь советских экологов с западными научными центрами; в ходе публичных дискуссий и в форме временных и постоянных общественных комиссий населению была разрешена самоорганизация в сферах благоустройства и озеленения [1. с. 22]. Период, начиная с середины 1950 – х гг. и вплоть до перестроечных лет (конец 1980х – начало 1990 – х гг.), стал временем расцвета профессиональных экологических ассоциаций. Профессиональная общественная жизнь научного сообщества СССР всё глубже погружалась в экологическую проблематику. Средой, порождавшей интенсивный обмен между наукой и практикой, стали университеты, образовавшие уникальное движение: Движение студенческих дружин охраны природы, которое активно жило и развивалось в течение почти 40 лет (1960 – 2000).

Эта небольшая историческая справка подводит к двум основным проблемам сети экоНКО России на сегодняшний день. В качестве этих проблем можно выделить:

1) слабую информированность сообщества об экологических проблемах, а также организациях, создаваемых для их решения; как следствие - низкую вовлеченность местных сообществ в работу экоНКО;

2) отсутствие качественного диалога между экоНКО и государством;

Сегодня главными производителями социально – экологического знания по всему миру являются междисциплинарные сети, объединяющие профессионалов охраны природы, политиков и представителей местных сообществ. Именно в этих глобальных сетях, укорененных одним концом в международном сообществе экологов – профессионалов, а другим – в местных (территориальных) сообществах, дискутируются ключевые глобальные проблемы современности, вырабатываются общие стратегии и тактики охраны и воспроизводства среды обитания [1. с. 26].

Однако в России такие сети не выстроены, во многом причины этого в прошлом экоНКО. Советская власть ощущала опасность, исходившую от объединений гражданского общества, поэтому не поддерживала их развитие, тушила очаги активности. Интеллигенция - ядро организаций, не выстраивала необходимой коммуникации с местными сообществами. Результат этих фактов мы и наблюдаем сегодня. Стоит сосредоточить внимание на анализе и решении этих проблем.

1. Профессиональные группы: сообщества, деятельность и карьера: Коллективная монография / Отв. ред. В.А.Мансуров. – М.: ИС РАН; РОС, 2014. – 404с.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА НА МОЛОДЕЖЬ, ЧЕРЕЗ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Косоруков А.В. (Москва)

XXI век – век развития процесса глобализации. Мы ежедневно общаемся в социальных сетях - пишем сообщения друг другу, слушаем музыку, смотрим видео, картинки и другую развлекательную информацию. Но мы даже не можем себе представить какую опасность в себе таят просторы социальных сетей - миллионы пользователей, групп и пабликов сосредоточены в социальных сетях.

Некоторые числа заставляют задуматься: в социальной сети Facebook зарегистрировано порядка двух миллиардов пользователей. Активное использование ИГИЛ киберпространства в Европе показало следующую картину:

84 % – молодых людей пришли в ряды террористической организаций посредством сети Интернет;

47 % – обратили внимание на материалы (видео, текст), размещенные онлайн;

41 % – присягнули на верность ИГИЛ онлайн;

19 % – пользовались онлайн-инструкциями при подготовке теракта (изготовление самодельных взрывных устройств и бомб).

Когда большие массы концентрируются в одном месте они представляют интерес для злоумышленников и террористических организаций. Информационный терроризм является деятельностью международного терроризма и как у всякого терроризма задачи очень схожи – вести в страх, нагнать ужас или поднять протестантские настроения, поднять неприязнь людей друг к другу на различной основе.

Информационный терроризм отличается только тем, что использует другую среду, способы, средства и методы. Большинство нашей молодежи даже не подозревает о том, что когда она сталкивается с той или иной информацией, какой подтекст она может в себе скрывать. При том международные террористические организации работают в социальных сетях как на вербовочных площадках, если вспоминать Варвару Караулову, которая являлась студенткой МГУ, была задержана в Турции, так как хотела присоединиться к запрещенной в Российской Федерации террористической организации “Исламское Государство”.

Саида Халикова, студентка Астраханской медицинской академии, которая была обвинена в поддержке ИГИЛ денежными средствами. Вербовка через социальные сети осуществляется в основном, через классику психологического воздействия. Террористические организации

скрупулёзно ищут жертву и когда находят - втираются в доверие, и начинают рассказывать о “фонтане исполняющего желания” как только вербуемый волеется в их ряды.

“Комсомольская правда” пишет, что в ИГИЛ состоит около пяти тысяч россиян, не старше 30 лет, а число молодежи подавшихся информационному терроризму довольно велико. В Халифате построен гигантский идеологический механизм, целая система информационной агрессии против всего мира. Люди, которые занимаются информационной войной - это не рядовые боевики, а очень фанатичные и наученные люди в этой области, и чтобы дать этому отпор нужны такие же грамотные специалисты. Также вербовка - это только одна из составляющих информационного терроризма, большую опасность представляет из себя дезинформация или создание опасной информации для молодежи. Молодежь, если говорить исходя из научного взгляда это период становление личности, которые еще во многом не определили свое место и роль в обществе, материальные и духовные ценности, жизненные приоритеты.

Молодежь легче дезориентировать, привить ей взгляды национализма, фашизма, шовинизма, показывая их крайнюю исключительность в чем-либо, желательно в имеющихся уже природных, этнических или национальных признаках. Проводя в социальных сетях много времени люди не замечают, как накапливает в памяти информацию, которая совершенно не имеет никакого сортирования, а в этом как раз и есть один из методов информационного терроризма – “нахламить” голову «мусором» из политических лозунгов, религиозных фраз и цитат экстремистских деятелей.

В Российской Федерации по законодательству имеется список запрещенных материалов “Федеральный список экстремистских материалов” составляемый Министерством юстиции России на основании судебных решений, так государство борется с экстремистским материалом, но по большому счету весь этот материал просто “художественные произведения”, выдуманные профессионалами для использования в информационно-террористической деятельности.

Вот несколько примеров статей, листовок и брошюр из запрещенного списка: брошюра «Протоколы сионских мудрецов», книги («Картинки из жизни сподвижников посланника Аллаха», «Бал сатаны на обломках России» за подписью «Протоколы сахалинских мудрецов» и пр. До сей поры они и многие другие запрещенные материалы проникают в интернет, особенно в социальные сети. Под видом юмора, смешной картинки, целью которой является якобы высмеять, что либо, могут использовать информацию запрещенного материала. Сразу приходит в голову несколько сообществ ВКонтакте, такие как “4ch” – 3 402 762 подписчика, это, по сути, каждый 42-ой житель России, ”AMORACH” – 328 931 подписчик, “CUNBERS” – 635 311 подписчиков. Эти сообщества используют аморальный юмор и иногда используют материал близкий к экстремистскому, как бы жестоко шутят, но видимо или сами не понимают, что творят или же намеренно используют контент в информационно-террористической деятельности.

Очень много информационных фактов опираются на историческую основу, а этой-то основой зачастую пользуются террористические группировки, подменяя исторические факты и заливая их в интернет, включая и социальные сети.

16 июня 2016 года в Санкт-Петербурге один из мостов назвали в честь Ахмата Кадырова, аргументируя это высказыванием, «чтобы русский народ не забывал своих героев» пишет lenta.ru, когда происходит подобное явление оно очень остро встает в общественной жизни и на его основе террористы пытаются создать основу для общественного волнения. Главное, чтобы информация была максимально убедительна и изменяла мнение о ранних утвержденных политических взглядах. Через призму нашего восприятия проходит информация так, чтобы вызвать это не поддельное чувство сомнения, подозрения, страха или ненависти к тому на что направлен информационный терроризм. Таким образом, отличаясь от традиционного терроризма, который не так угрожал обществу как таковому и не угрожал основам его жизнедеятельности, современный ужасающий высокотехнологичный терроризм способен порождать системный высокоэффективный кризис в любой стране с высокоразвитой информационной инфраструктурой.

Рост социальных сетей сопровождается всё более масштабным использованием их возможностей для создания информационной борьбы, возрастанием координации, развития и сложности действий его участников, в лице которых чаще всего выступают как государства, так и отдельные организованные группы, в т. ч. террористические.

Объектом кибератак все чаще становятся информационные ресурсы, вывод из строя или затруднение функционирования которых может нанести противостоящей стороне значительный экономический ущерб или вызвать большой общественный резонанс. Рассматривая задачи,

приемы и методы информационного терроризма мы можем сделать короткий вывод о том, что его целью является управление сознанием, через киберпространство.

1. Интернет-журнал “Военно-политическая аналитика” – киберпространство и информационный терроризм, 15.02.2016.
2. Сайт “Финансово-правовое агентство”, статья “Информационный терроризм – угроза национальной и международной безопасности” - А.С. Жаров, 03.10.2011.
3. Журнал “The New Times”, статья “Зачем молодежь уходит в ИГИЛ?” – Алексей Гришин, 11.06.2015.

ФЕНОМЕН «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»: ТЕХНОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Крутилин Д.С. (Москва)

Аннотация: раскрыта сущность феномена «цветных революций» как одного из наиболее эффективных инструментов «мягкой силы». Описана технология их организации и проведения на постсоветском пространстве, в странах Латинской Америки, Северной Африки и Ближнего Востока. Обосновывается необходимость изучения технологий «цветных революций» в целях предотвращения их проведения в России.

Современный уровень развития оборонного потенциала стран мира значительно снизил эффективность разрешения возникающих межгосударственных противоречий путем применения военной силы. Наличие данного обстоятельства активизировало разработку, прежде всего, западными политтехнологами ненасильственных методов внешнего влияния на органы власти и население государств-оппонентов с целью изменения их внутренней и внешней политики в нужном направлении.

В основе этой системы воздействия на конкретный социум лежат технологии, предусматривающие формирование и регулирование извне протестного потенциала населения в сочетании с политическими, экономическими, гуманитарными и другими невоенными мерами влияния на внутригосударственную стабильность и социальный порядок в обществе.

По мнению экспертов, подобные технологии широко применяются США и их союзниками в отношении тех государств, в которых они имеют стратегические интересы (например, постсоветское пространство, Латинская Америка, Северная Африка, Ближний Восток и др.).

Целями социального конструирования «цветных революций» являются, во-первых, установление контроля над ресурсами развития нередко путем устранения действующей политической власти и приведения к ней управляемых прозападных руководителей, а во-вторых, стремление ослабить своих соперников, в том числе региональных лидеров, противодействуя их закреплению в качестве новых центров силы или влиятельных политических игроков.

Результатом проводимых целенаправленных воздействий становится подрыв совокупных возможностей государств-объектов, проявляющийся в нарушении социального порядка, ослаблении политической, военно-экономической мощи, социокультурной дезинтеграции населения. Это ведет к снижению статуса и подрыву позиций этих стран на международной арене, обострению отношений с соседями и государствами-партнерами.

Следует отметить, что использование социально-гуманитарных технологий в качестве инструмента борьбы между государствами насчитывает не одно тысячелетие. Однако именно в XX веке эти технологии были поставлены на твердую теоретическую основу и стали универсальными социально-политическими практиками борьбы с государствами-противниками. Произошел качественный переход от единичных стратегических операций специальных служб, планирование и проведение которых занимало многие десятилетия, к некой «конвейерной» технологической процедуре свержения неугодных режимов, которая запускается социальными технологами в нужный момент времени при достаточно ограниченной предварительной подготовке социальной среды. Как отмечают исследователи, «все этапы революционной борьбы прошли в предельно сжатом, ускоренном режиме с использованием возможностей постиндустриального и информационного общества: создание сетевых оппозиционных структур, нейропрограммирование, манипуляция общественным сознанием посредством мировых СМИ» [1, с. 11].

Возможность организации и проведения «цветных революций» в обществах с различными социокультурными особенностями обусловлена тем обстоятельством, что в ходе развития современных информационно-коммуникативных технологий создана глобальная цифровая платформа, объединяющая разнообразные формы массового сетевого взаимодействия индивидов. На основе глобальной цифровой платформы получили повсеместное распространение информационные, когнитивные и социально-поведенческие технологии, которые позволили направленно формировать в задаваемом формате цели, ценности и устойчивые мотивы поведения – как больших социальных групп, так и отдельных личностей – в интересах заказчика и вне контроля со стороны суверенного государства [2, с. 8-10].

Важным отличием «цветных революций» от революций традиционных является искусственное управление объективно сложившимися протестными настроениями, которые технологическим путем могут регулироваться – усиливаться или приостанавливаться, «канализироваться» в нужную сторону и в определенный момент резко активизироваться. Применяемое в «цветных революциях» организационное оружие всегда использует имеющиеся уязвимые места конкретной социальной системы [3]. Полностью управлять «в ручном режиме» столь сложными процессами, как социальные протесты, которым присущи черты стихийности и самоорганизации, невозможно. Поэтому для этих целей задействуют методы точечного воздействия, разрабатываемые в рамках синергетической парадигмы и теории сложности. В частности, одним из способов генерации протестных настроений является резкое «педалирование» той или иной болезненной для общества социальной проблемы. Таковой может быть коррупция, социальное расслоение, произвол властей или иная значимая социальная проблема, которая долгое время существовала, но вдруг получает резкую актуализацию в массовом сознании благодаря протестным действиям «цветных революционеров» [2, с. 47].

Таким образом, «цветную революцию» можно определить как социально-гуманитарную технологию демонтажа политического режима и смены властных элит, осуществляемую с преимущественным применением методов ненасильственного сопротивления разнородной коалиции протестных социальных сил внутри общества, интегрируемых посредством информационно-сетевых ресурсов.

Анализ западной внешней политики по отношению к России на протяжении всего постсоветского периода позволяет констатировать, что основной ее смысл сводится к максимальному ослаблению российского государства как мировой державы, установлению контроля над ее богатейшими ресурсами и коммуникациями, отторжению бывших советских республик из сферы российского влияния.

Сегодня в отношении Российской Федерации реализуется комплексная стратегия прессинга. При этом ее главным направлением является обострение внутривнутриполитической ситуации в нашей стране с тем, чтобы создать условия для проведения «цветной революции». В преддверии президентских выборов (18 марта 2018 г.) следует ожидать повышения активности деятельности некоммерческих и неправительственных организаций в интересах усиления социальной напряженности, формирования протестных настроений, провоцирования политических беспорядков и попыток смены власти. В связи с этим качество и эффективность государственного управления во многом определяют вызовы и риски устойчивому социально-политическому развитию России.

1. Наумова А.Ю., Авдеев В.Е., Наумов А.О. «Цветные революции» на постсоветском пространстве. СПб.: Алетейя, 2015.

2. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Теория и технологии социальной деструкции (на примере «цветных революций»). М.: Русский биографический институт, Институт экономических стратегий, 2016.

3. Кургиян С. Технологии вторжения // Завтра. 2007. № 24.

О БУДУЩЕМ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В КУЛЬТУРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Куклин Г.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация: в докладе осмысляются возможности широкого включения темы Русской Революции 1917 года в социальную и культурную жизнь современного Санкт-Петербурга

Великая Октябрьская социалистическая революция в России безусловно является историческим событием мирового масштаба. В этом смысле можно говорить об Октябре как

отдельном событии с оговорками относительно февраля. Для России и ее истории, конечно, Революция обнимает события условно от 1905 года и до, пожалуй, конца 30-х. Петербург является столицей не только этой истории, но и связанной с ними причудливой и недооцененной культуры.

Этот материал – изложенный кратко и еще незавершенный теоретический проект к созданию прежде всего для Петербурга значительного социального и культурного пространства русской революции. Не то чтобы наше общество созрело для того, чтобы переосмыслить Революцию. Скорее напротив, эта незрелость только кричит о том, что назрело время для чего-то настоящего, для того, чтобы несуществующие праздники и пластиковые символы наполнить живой жизнью. Только живая культурная жизнь может смягчить противоречия, только диалог может разрешить конфликт. Более того, у нашего города есть шанс стать примером такого рода и для остальной России.

Без лишних предисловий перечислю ряд предложений.

Во-первых, необходимо различить как минимум три культурных смысла Революции. Это идея Революции как трагедии, как разрушения Империи. Нельзя найти лучший способ увидеть сущность чего-либо, нежели в мгновение перед его гибелью. Это идея Революции как новой жизни. И здесь необходимо воспринять всерьез стремления того времени к справедливости и народности. Это культура революционного времени с ее разнообразием, странными формами и трагическими судьбами. Каждый из этих смыслов таит множество возможностей отражения в современной жизни города.

Во-вторых, необходимо учесть потребности и структуру городской жизни, культурная активность которой приходится на короткий теплый сезон. Время событий Октября – возможное продолжение этого сезона, но уже в относительно холодное время. В целом, в перспективе речь должна идти о непрерывной череде общегородских культурных событий мирового уровня в рамках годичного цикла. История города, а также уже существующая культурная база благоприятствует этому. Если такой подход удастся воплотить, город может стать крупнейшим туристическим центром мира. На сегодняшний день по туристическому потоку иностранцев мы уступаем лидерам более чем в шесть раз. Способом компенсировать имиджевые издержки, связанные с погодой может стать система отапливаемых пешеходных улиц, возможно с выдвигаемыми навесами. А главным принципом развития города, особенно с учетом его отчуждающей широты и плоскостности, должен стать уют и комфорт.

В-третьих, Революция может дать городу развернуть новое культурное пространство. Это мог бы быть огромный музей революции, для которого следует выбрать место какого-либо масштабного исторического завода. Идеально для этого подходит ряд заводов на Выборгской стороне, которые можно было бы соединить пешеходными мостами и создать целый город Революции. Этот музей мог бы стать не только центром культуры, но и центром памяти. Здесь можно было бы инициировать создание архива, посвященного людям, погибшим в сражениях гражданской войны, «чистках». Более того, это послужило бы началом большой работы по восстановлению памяти об участии России в Первой Мировой Войне. При музее может быть создан исторический институт изучения Революции. Подобный музей также следовало бы сделать образцом музейного пространства, в котором не просто показывалась, а наглядно воссоздавалась жизнь определенной эпохи. Допустим, экспериментально могло бы быть запущено реальное производство по образцам хозяйственной деятельности того времени.

В-четвертых, Революция может сделать Петербург центром еще трех общенациональных праздников. Один из них уже есть. Это день труда, потенциал которого громаден, так как это возможность устроить официально во всей стране день деятельного воспоминания советской стройки. В эти дни, а их может быть несколько, население может за счет дополнительных выходных выйти на усиленную работу по уборке мусора, строительству, реставрации. Вместо короткого субботника «по желанию» это можно превратить в полезную работу миллионов. Вторым праздником может стать День Коммунизма, как день памяти о времени светлой мечты и, так или иначе, заботы государства о человеке. В этот день улицы города должны быть наполнены столами и стульями, бесплатной качественной едой и напитками. Возможно в счет определенного налогового вычета, можно обязать все рестораны города в определенном режиме работать бесплатно. Кроме того, это может быть день аккумуляции всевозможной благотворительности. Третьим праздником должен стать осенний Карнавал Революции. Для празднования Русской Революции нельзя придумать более удачный способ, так как это время смешения культур, смешения эпох. Это стал бы день, стирающий наши противоречия в смеховой культуре со всеми потешными расстрелами, взятиями Зимнего, кострами и плясками. Здесь на улицах города

сошлись бы вожди Революции с героями Булгакова и Пастернака, символисты и авангардисты с рабочими и колхозниками, красноармейцы с белогвардейцами, нэпманы, кулаки, чекисты и так далее. Кроме того, это был бы праздник согревания осени, предполагающий и горячительные напитки, и всяческие согревающие увеселения. Не следует подгонять этот праздник под День народного единства, так как последний уже приурочен к другим историческим событиям, и его центром исторически является Москва.

В-пятых, ко дням Революции следовало бы приурочить серьезный общественно-политический и философский форум международного значения, работа которого была бы посвящена осмыслению феномена Русской Революции и его значения сегодня, будущему левой идеи, проблемам справедливости и собственности, вопросам критической социальной теории, современным идеям феминизма, постструктурализма, постмарксизма, проблемам власти и субъектности.

В-шестых, имело бы смысл подумать о дне В. И. Ленина, безусловно великой исторической личности, которая сегодня удивительным образом, хотя и по понятным причинам, забыта. В этот день, например, можно было бы проводить фестиваль ораторского искусства, всяческие политические дебаты. А возможно и сделать этот день эдаким праздником политики.

В-седьмых, следовало бы при инициативе Русской Православной Церкви, роль которой в памяти о годах Революции невозможно переоценить, учредить церковный праздник поминовения жертв Русской Революции, а также приурочить к этому дню ежегодные открытия восстановленных храмов и монастырей, разрушенных в те годы. Возможно, этот праздник стоит сделать общегосударственным и тем самым показать, что отношение к Революции как к трагедии и как к новой жизни в нашей стране равнозначны.

Хоть к 100-летию этого знаменательного события сегодня мы оказались не готовы, пусть эта дата станет рубежом, за которым откроются возможности не просто отдать дань истинному значению Русской революции, но сделать ее одним из двигателей культуры новой России.

СССР В ЛИГЕ НАЦИЙ: ВНЕСИСТЕМНЫЙ ИГРОК ИЛИ ЭЛЕМЕНТ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СРЕДЫ?

Кутейников А.Е. (Санкт-Петербург)

В докладе представлена объяснительная модель взаимоотношений Советской России/СССР с Лигой Наций с позиций социологического подхода. Данный подход на протяжении последних тридцати лет становится все более и более востребованным среди специалистов, изучающих международные организации (См.: Brechin and Ness, 1988, 2013; Barnett and Finnemore, 2004, Weltorganisationen, 2012, Koch, 2015, Sociological, 2013).

В терминах системно-социологического подхода Лига Наций представляет собой открытую систему, по отношению к которой советская страна, выступает, с одной стороны, в роли внесистемного игрока, с другой стороны, она образует едва ли не важнейший элемент социальной среды для организации: действия Лиги Наций во многом были обусловлены существованием социалистического государства и нацелены именно на него.

Однако предложение вступить в организацию было направлено белогвардейскому правительству Колчака. Советское государство любое посредничество Лиги Наций расценивал как нарушение суверенитета, однако, следуя прагматичной линии своей внешней политики, участвовал в работе ее конференций и комиссий.

Лига Наций, созданная в качестве вспомогательного инструмента межгосударственного сотрудничества, в силу своей институциональной специфики, обусловленной логикой развития социальных систем (в частности, социальных организаций), стала стремиться к самостоятельности. Неудачи Лиги на политическом направлении побудили ее, как организацию, и ее членов, выбрать другие ориентиры. Для утверждения и сохранения себя как целостной социальной единицы она, в частности, «естественным образом» вступила во взаимодействие с окружающей социальной средой, тем самым включившись в многочисленные социальные, политические и экономические процессы. Испытывая нарастающее давление извне, представители глобальных социальных групп, вовлеченных в работу организации (включая ее сотрудников, лиц, наделенных полномочиями государственной власти, политических деятелей, общественности и др.), активизировали направления работы, где Лиге удавалось получить положительные результаты, в частности, в процессы, которые сейчас называют процессами глобального

регулирования или управления. Институциональные особенности Лиги обусловили ее деятельность в сферах разоружения, здравоохранения, юриспруденции, труда и занятости, интеллектуальной собственности, регулирования трафика женщин и детей, терроризма, социального положения уязвимых групп людей и др.

Гражданская война в России и оценки ее возможных последствий Лигой и правительствами стран-членов подтолкнули Лигу к сотрудничеству с Советской Россией. Политическое сотрудничество не состоялось не столько в результате идеологического неприятия, сколько в силу непонимания того, с какими целями и в каких формах оно может осуществляться. Заинтересованные в сотрудничестве силы инициировали гуманитарные акции, имевшие и политический компонент (в Лиге Наций работали и представители левых сил), и экономический компонент (гуманитарная помощь предполагала, по крайней мере, частичную оплату поставок). В результате Лига Наций вместе с МОТ стали первыми международными организациями, осуществлявшими гуманитарные функции.

Представители СССР активно работали, в частности, в областях здравоохранения, разоружения, труда, были приглашены в комиссию по изучению Европейского союза (Fleury, 2007. P. 349). В НКВД велся мониторинг работы Лиги, готовились глубокие по содержанию аналитические записки, изучался пример Германии, первоначально отстраненной от организации, но вскоре в нее принятой.

15 сентября 1934 г. 34 государства (системные игроки) обратились к СССР с предложением стать членом организации. Через три дня Нарком М. Литвинов, выступая на Ассамблее, торжественно заявил: Советский Союз, объединяющий 185 народов, сам по себе есть Лига наций в лучшем смысле слова.

СССР вносил дерзкие, но по тем временам, утопичные проекты, в частности предлагал организовать отпор агрессорам, заключить договоры. Парадоксальным образом крах Лиги наций оказался связан с СССР. Совет, собравшийся в неполном составе 14 декабря 1939 г., принял резолюцию о том, что якобы СССР сам поставил себя вне Лиги Наций, хотя советско-финская война была начата и велась СССР в соответствии с действовавшими в те времена нормами международного права.

История взаимоотношений СССР и Лиги Наций позволяет поставить следующие вопросы и собрать материал для ответов на них.

Сохраняются ли возможность существования внесистемных игроков в условиях, когда сферой деятельности международной организации становится весь мир? Превращается ли внесистемный игрок в элемент системы на тот период, когда он захватывается организацией? Какие закономерности являются определяющими: «сила притяжения системы» Лиги Наций или социально-политические процессы внутри актора (смена элит в руководстве НКВД СССР)? Сохраняет ли элемент, вырвавшийся из системы, системные свойства?

В изучении Лиги Наций сложился своеобразный парадокс. По мере хода времен, актуальность изучения этой организации все более и более повышается, и все больше и больше исследователей обращается к ее истории и ее опыту. Университеты предлагают своим студентам курсы по Лиге Наций. Выходят новые публикации. Например, в 2015 году издан комментарий к уставу Лиги Наций! (Kolb, 2014) Применение социологического подхода стало важным компонентом изучения международных организаций в современной науке.

Нынешнее время, по мнению ряда специалистов, напоминает период 1920-1930-х годов. Тогда, пожалуй, впервые отчетливо проявились на глобальном уровне и столкнулись две тенденции. Первая — тенденция к укреплению многосторонних международных организационных форм сотрудничества и обеспечения мира и безопасности. Вторая — тенденция ускоряющегося сознательного движения в сторону конфликтов и новой мировой войны. Лига Наций, как организация, завершившая цикл своего существования, словно древняя цивилизация, позволяет разобраться в существе этих тенденций открывает возможности для постижения социальных явлений и процессов планетарного размаха на материалах прошлого.

1. Barnett M., Finnemore M. *Rules of the World: International organizations in Global Politics*, Ithaca, NY: Cornell University Press, 2004.

2. Brechin S., Ness G. *Looking Back at the Gap: International Organizations as Organizations Twenty-Five Years Later // The Journal of International Organizations Studies. Special Issue, 2013. N 4. P. 14-39.*

3. Fleury A. *Le plan Briand d'Union fédérale européenne: les dimension diplomatique, 1929-1932 // Aristide Briand: la Société des Nations et l'Europe 1919-1932. Strasbourg, PUF. 2007. P. 339-354.*
4. Franke U., Koch M. *Sociological Approaches // Palgrave Handbook of Inter-Organizational Relations in World Politics. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 169-188.*
5. Koch M. *World Organizations – (Re-)Conceptualizing International Organizations // World Political Science, N 11(1), 2015. P. 97–131.*
6. Kolb R. *Commentaire sur le Pacte de la Société des Nations. Bruxelles: Bruylant, 2014. Sociological Perspectives on International Organizations and the Construction of Global Order. The Journal of International Organizations Studies. Special Issue, 2013. N 4. Weltorganisationen. Wiesbaden: Springer, 2012.*

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ

Леонов А.К., Власенко Е.П. (Благовещенск)

Явления экстремизма и терроризма в современном мире приобрели характер глобальных социальных проблем, требующих совместных межгосударственных усилий. В то же время случаи вербовки российских граждан в ряды террористических организаций требуют решений на локальном уровне. Такая вербовка – не одномоментный акт, а целенаправленная длительная идеологическая обработка личности. В связи с этим необходимы ответные меры, в том числе аналогичного идеологического характера, основанные на научном подходе. Так, становятся актуальными социологические исследования представлений молодежи о терроризме и экстремизме, отношения к этим явлениям и соответствующих поведенческих установок.

Выделим три подхода к пониманию терроризма: 1) научный, акцентирующий внимание на объективных условиях, вызывающих терроризм к жизни; 2) практический, определяющий терроризм как стремление со стороны экстремистов и фанатиков разрушить нормативный порядок и повлиять на легитимную власть; 3) критический, вводящий понятие государственного терроризма со стороны США [3, с. 52-53]. Под экстремизмом понимают идеологию, которая позволяет и пропагандирует крайние, зачастую насильственные меры отстаивания своих взглядов, непримиримость и агрессию в отношении инакомыслящих. ПАСЕ обозначило экстремизм как форму политической деятельности, которая прямо или косвенно отвергает принципы парламентской демократии [1, с. 21]. Таким образом, явления терроризма и экстремизма взаимосвязаны, имеют социально-политические основания, выделенные представителями Франкфуртской социологической школы, акцентирующими внимание на связи интолерантности и авторитарности. Под толерантностью понимают стремление и способность к установлению и поддержанию общности с людьми, которые отличаются в некотором отношении от преобладающего типа или не придерживаются общепринятых мнений [2, с. 22].

Рассмотрим основные результаты социологического исследования отношения студентов АмГУ к терроризму и экстремизму, проведенного в марте 2017 года. Предметная сторона проблемы заключается в том, что молодежь является наиболее уязвимой социальной группой для воздействия со стороны идеологии экстремизма и терроризма. Гносеологическая сторона заключается в том, что отсутствие актуальной социологической информации затрудняет эффективное правовое и патриотическое воспитание студентов вуза, снижает результативность противодействия распространению терроризма и идеологии экстремизма в молодежной среде. Объектом исследования являются студенты очного отделения бакалавриата АмГУ. Предметом исследования является отношение студентов АмГУ к терроризму и экстремизму. Цель исследования: выявление отношения студентов АмГУ к терроризму и экстремизму. Всего опрошено методом группового анкетирования 267 респондентов (18 академических групп); реализована стратифицированная выборка по курсам и факультетам с последующим перевзвешиванием данных.

Отношение студентов к терроризму. Терроризм в сознании большинства студентов связывается с отрицательными феноменами (проявление жестокости – 80%, насилие – 76%, нарушение закона – 66%). Также, можно наблюдать ассоциативную связку «терроризм – религиозный фанатизм» (57%), что в некоторой степени возможно «подогревает» экстремистские настроения в сфере отношения к религиозным группам. 20% студентов связывают терроризм с революционным движением, что не носит явно негативной коннотации. 74% опрошенных считают идеологию терроризма реальной угрозой российскому государству и обществу, что определяет в

целом негативное эмоциональное отношение к данному явлению. По отношению к террористам преобладают отрицательные чувства (злость – 55%, желание противостоять – 39%), а также деструктивные (страх – 37%). Среди приписываемых студентами мотивов террористам преобладают следующие: религиозные принципы (50%), стремление ощутить власть над людьми (48%), идеологический мотив (47%). Также почти половина респондентов считает, что стремление совершать террористические акты связано с психическим заболеванием. Имеют место и условно «положительные» мотивы (месть за неблагополучие своего народа – 24%, стремление переделать мир – 20%), но это не значит, что студенты готовы оправдать действия террористов. Почти все опрошенные считают террористов преступниками, что согласуется с субъективным определением студентов: «терроризм – это нарушение закона». Четверть опрошенных не чувствует себя в безопасности (чаще девушки), что связано с их критическими оценками действий государства для решения проблемы терроризма.

Отношение студентов к экстремизму. Чаще всего экстремизм студенты связывают с ростом уровня преступности среди молодежи (41%). По мнению респондентов, в целом для России проблема экстремизма весьма актуальна (актуальна – 85%, неактуальна – 10%) (вероятно, это связывается в сознании респондентов с многонациональностью нашей страны и напряженными социальными отношениями в отдельных регионах-республиках), для амурского же региона актуальна в гораздо меньшей степени (актуальна – 37%, неактуальна – 54%), а для Благовещенска – и вовсе неактуальна (актуальна – 24%, неактуальна – 61%). Вероятно, такая оценка актуальности проблемы экстремизма в регионе и городе связана, во-первых, с отсутствием жесткого межэтнического и межрелигиозного противостояния, во-вторых, с постоянным соседством с иноэтнической общностью – китайцами (формируется толерантность на фоне постоянных межэтнических взаимовыгодных контактов), и, в-третьих, с уверенностью студентов в том, что данная проблема больше свойственна крупным городам и российским регионам Кавказа. Наиболее часто в качестве причин экстремизма в России респонденты называли: нагнетание национальных, религиозных, политических противоречий в СМИ (31%), высокую степень неравенства в российском обществе (30%), низкую правовую культуру населения и недостаточную терпимость людей (29%), целенаправленное «разжигание» экстремистскими организациями националистической агрессии (28%). Необходимо обратить внимание на такие факторы, как неэффективность правоохранительных органов, миграционной политики, школьного воспитания, правового просвещения, решения проблем занятости, культурно-досугового обеспечения, а также низкий престиж политической власти: суммарно данные причины дают более 100%. Это значит, что многие студенты связывают нерешенность проблемы экстремизма в России с неэффективностью той или иной сферы деятельности государственных органов или же системной государственной неэффективностью в решении данной проблемы. В связи с этим, большинство респондентов не доверяют решение данной проблемы государству (75%). Подавляющее большинство студентов осуждают действия экстремистских организаций.

Этнорелигиозная и социально-политическая толерантность студентов. Уровень этнорелигиозной толерантности среди студентов АмГУ колеблется на уровне 75–85%. С одной стороны, это достаточно высокий показатель, с другой – существует определенная группа риска. Уровень социальной терпимости (толерантности в отношении социальных организаций и групп) значительно ниже. Менее половины студентов не испытывают неприязненного отношения к общественным и политическим организациям; неприязнь в большей степени проявляется в отношении националистических организаций (37%), которые связываются в сознании студентов с целенаправленным «разжиганием» их представителями националистической агрессии. Религиозные и оппозиционные организации также вызывают у молодежи раздражение и неприязнь (28% и 21% соответственно), что, видимо, связано с их активной экспансией и увеличившимся присутствием в СМИ. В отношении отдельных социальных групп не испытывают неприязни только 20% респондентов, но в подавляющем большинстве случаев это неприязненное отношение выражается в форме игнорирования, избегания контактов и общения с ними.

1. Баева, Л.В. *Экстремизм: природа и формы проявления* / Л.В. Баева // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2008. – № 3. – С. 21-25.

2. Мерсиянова, И.В. *Общественная активность населения и восприятие гражданами условий развития гражданского общества* / И.В. Мерсиянова, Л.И. Яковсон; предисл. Я.И. Кузьминова. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 220 с.

3. Ожиганов Э.Н. *Профиль терроризма: природа, цели и мотивация* / Э.Н. Ожиганов // *Социологические исследования*. – 2006. – № 2. – С. 52-57.

РЕВОЛЮЦИЯ ПИТИРИМА СОРОКИНА

Лутошкина С.Ю., Павлюченко М.В. (Москва)

Питирим Сорокин – уникальное явление в мировой социологии. Человек с удивительной судьбой!

Британский историк и социолог Арнольд Тойнби отмечал, что «...Сорокин стал интеллектуальным новатором, оставив свой след в истории изучения общества...». Роберт Мертон считал Сорокина «корифеем социологической мысли XX века».

Питирима Сорокина называют основоположником современной социологии именно потому, что практически все современные учебные курсы по социологии и обществознанию содержат разработанные им представления об обществе как о многомерном социальном пространстве, в котором можно определить положение каждого человека, а также измерить его перемещение в этом социальном пространстве.

Представления о социальной стратификации и социальной мобильности прочно вошли в теорию социологической мысли. Кроме того, можно выделить его работы по социологии революции, социальной и культурной динамике общества и многие другие труды.

Наш основной тезис заключается в том, что Русская революция, большевистское руководство (в частности, В.И. Ленин) и эмиграция, как это не парадоксально, сыграли исключительно положительную роль в жизни и судьбе Питирима Сорокина.

На своем примере Питирим Сорокин продемонстрировал невероятную социальную мобильность – от крестьянского ребенка российской глубинки до основателя и руководителя социологического факультета в Гарвардском университете. Как же это стало возможным?

Детство

Питирим Сорокин родился в 1889 году в крестьянской семье в селе Турья Вологодской губернии (ныне Республика Коми). Детство его было нелегким. Семья Питирима постоянно переезжала из села в село – отец его был церковных дел мастером, писал иконы и занимался изготовлением церковной утвари. В возрасте около трех лет у Питирима Сорокина умерла мама. После смерти жены, отец старался заглушить боль от утраты алкоголем. Однажды после ссоры с отцом Питирим и его брат Василий решили уйти от отца. Вместе с братом они начали самостоятельную трудовую жизнь, занимаясь реставрацией церкви [4].

Образование

Несмотря на трудное детство, Питирим окончил сначала второклассную школу, а затем и Хреновскую церковно-учительскую семинарию в Костромской губернии. В этот период он вступил в партию эсеров, возглавил отделение социалистов-революционеров в школе и округе и стал агитировать за свержение царского режима. В 1906 году, почуввав угрозу, власти арестовали юного эсера-Сорокина.

Позже Питирим Сорокин переехал в Петербург, где окончил Черняевские курсы для получения аттестата зрелости, а затем поступил в Санкт-Петербургский университет на юридический факультет, так как там изучались многие проблемы социологии. Питирим окончил университет в 1914 году и был оставлен на кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию.

Интересно, что свою первую книгу «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913) Питирим Сорокин написал на основе своего опыта тюремного заключения и общения с преступниками.

Русская Революция

Сорокин поначалу с радостью воспринял февральскую революцию и принимал активное участие в политической жизни страны. Он участвовал в работе Государственной Думы, Временного правительства, в редактировании эсеровских газет «Воля народа» и «Дело народа», являлся секретарём А.Ф. Керенского.

Октябрьскую революцию Питирим Сорокин оценил негативно, и воспринял ее как контрреволюцию. В 1918 году он пытался организовать созыв нового Учредительного собрания, свергнуть власть большевиков в Северном крае. В итоге, он попал в великоустюжскую ЧК, где был приговорён к расстрелу.

Уже в заключении Питирим подготовил открытое письмо и, при помощи своих друзей, опубликовал его в «Известиях Северо-Двинского Исполнительного Комитета», в котором он

отказался от звания члена Учредительного собрания и объявил о своём выходе из партии эсеров, а также отказался от дальнейшего участия в политической жизни.

Он объяснял свое решение таким образом: «В силу чрезвычайной сложности современного внутреннего государственного положения я затрудняюсь не только другим, но и самому себе указывать спасительные политические рецепты и брать на себя ответственность руководства и представительство народных масс»

Статья В.И. Ленина

От расстрела его спасла статья Ленина в газете «Правда» под названием «Ценные признания Питирима Сорокина», где положительно оценивался факт его "отречения" от политической деятельности, Ленин высоко оценил «открытое и честное признание политической ошибки» [1].

По нашему мнению, что эта статья не только спасла Сорокина от расстрела, но и помогла ему в научной карьере. В 1920 году он опубликовал двухтомную «Систему социологии», и в этом же году стал руководителем кафедры социологии Петроградского университета.

Эмиграция

В 1922 году Ленин поставил вопрос о необходимости контроля над содержанием обучения по общественным дисциплинам, и к Сорокину начинаются претензии властей. Уничтожается подготовленная к печати его книга «Голод как фактор».

23 сентября 1922 года Питирим Сорокин вместе с женой направился в Берлин, затем в Прагу, где в 1923 году вышла книга «Социология революции» на русском языке. П. Сорокину поступило предложение приехать в США, чтобы прочитать серию лекций о русской революции, после чего Сорокину предложили работу профессора в университете Миннесоты. Через шесть лет упорного труда и, благодаря своей безупречной репутации, Питирим Сорокин получил приглашение основать и возглавить социологический факультет в Гарвардском университете.

В 1964 году в знак признания заслуг ученого в области социологии его избрали президентом Американской социологической ассоциации. Скончался П. Сорокин в 1968 году в своем доме в Винчестере, недалеко от Гарвардского Университета.

Заключение

На наш взгляд, Питирим Сорокин стал выдающимся социологом именно потому, что сформировался в трудных условиях российской провинции, принял непосредственное участие в Русской революции и смог достойно отразить все вызовы, которые бросала ему судьба. Он на своем личном опыте ощутил влияние изменений и катаклизмов в жизни конкретного человека и общества в целом, смог выявить разного рода закономерности развития общества и сформулировать социологические теории.

В своей книге «Человек и общество в условиях бедствий» он пишет так: «Бедствия и кризис повлияют на науку и искусство, философию и этику, и другие культурные явления двояким образом. С одной стороны, они сильно затруднят и даже погубят много творческих начинаний в этих областях. С другой стороны, они будут стимулировать, усиливать и облегчать творческий труд. Поскольку бедствия служат главным критерием господствующих представлений, они покончат со многими теориями, признаваемыми сегодня, и подтвердят правильность тех, которые сегодня отвергаются. Произведя революцию во всей социальной системе, катастрофы вызовут далее настоящую революцию в науке и философии, изящных искусствах и других сферах культуры. В посткризисный период они будут сильно отличаться от того, что представляют собой сейчас» [3; С. 242].

Таким образом, можно сказать, что Питирим Сорокин совершил революцию в социологии. На основе своего личного опыта, взгляда «изнутри» на происходившие в тот период политические и социальные процессы, он изменил представления о человеке и обществе.

1. Ленин В.И. Ценные признания Питирима Сорокина // газета «Правда», 1918. №252 (от 21 ноября 1918 года).
2. Сорокин П.А. Социология революции. — М.: Астрель, 2008. — 784 с.
3. Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь / Пер.с англ., вступ.ст.и примеч. В.В. Сапова; отв.ред. И.А. Федоров. — СПб.: Изд. Дом «Мирь», 2012. — 336 с.
4. ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина». <http://rksorokinctr.org/>
5. Сайт о Питириме Сорокине. <http://pitirim.org/>

СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Малинина К.О. (Архангельск)

Аннотация: В статье кратко рассматривается функционирование института предпринимательства в контексте исторической эпохи времен существования РСФСР и СССР. Очевидно влияние событий, происходящих в стране, на установление закономерностей развития предпринимательской деятельности. Рассмотрение предпринимательства как исторически обусловленного социально-экономического института дает возможность для наиболее полного анализа феномена предпринимательства.

Предпринимательство в своем существовании с момента зарождения на Древней Руси до настоящих дней претерпевало значительные видоизменения, детерминированные социально-экономическими и политическими преобразованиями. Для понимания внутренних процессов, происходящих сегодня в предпринимательском сообществе, нам представляется важным рассмотрение функционирования института предпринимательства в историческом контексте, поскольку основные вехи его развития напрямую связаны с происходящими в стране событиями, в частности, в тот период отечественной истории, когда со стороны государства воздвигалась масса препон на пути предпринимательской деятельности.

Особый этап развития русского предпринимательства, ставший переломным, начался с Октябрьской революции 1917 года. Большевиками было прервано движение российского государства по пути рыночных отношений и частного предпринимательства. «Красногвардейская атака на капитал» - стала политикой этого периода, определяющей, в том числе, и дальнейшую судьбу предпринимательского сообщества. Специфика рассматриваемого периода состояла в принуждении и насилии. Национализация, введение государственной монополии, ликвидация частной собственности, обесценивание денег, продовольственная диктатура и прочие нововведения сделали практически невозможным более существование института предпринимательства – чуждого социализму явления. Однако в подпольном режиме предприниматели все же продолжали существование. Так, например, хлеб можно было получить не только по карточкам, но и на так называемом «вольном» рынке в обмен на другие товары [4,7].

С окончанием гражданской войны стала очевидной неэффективность принятой ранее экономической модели, требовалось восстановление приведенного в хаос народного хозяйства. В 1921 году начался переход к новой экономической политике (НЭП). И снова на арену хозяйственной жизни страны вышли предприниматели. Были сняты ограничения, наложенные на частное предпринимательство. Вводились свободная торговля, кооперация, фондовые биржи, кредитные товарищества, была проведена денежная реформа. В период НЭПа предпринимательство несколько оживилось, однако, в ключевой – финансовой - сфере экономики проявило себя довольно слабо, Госбанк подавлял инициативы по учреждению частных банков [7].

В 1925 году страна взяла курс на индустриализацию, что сопровождалось свертыванием рыночных принципов и вытеснением частного капитала: дисбаланс цен, товарный голод на потребительском рынке, налоги, ликвидация частной промышленности. Экономика России развивалась в чрезвычайных, экстремальных условиях. Зародилась система социалистического хозяйствования. Частный сектор продолжал вытесняться из всех отраслей советской экономики. Все крестьянские хозяйства предпринимательского типа были подорваны коллективизацией. Машина сложившейся командно-административной системы, массовые репрессии породили явление государственных предпринимателей-конформистов, деятельность которых зачастую сопровождалась хищениями, взяточничеством и фальсификацией данных. Спутником директивной экономики выступала теневая экономика с присущими ей нелегалами, кустарями и надомниками. Несмотря на суровое уголовное преследование неофициальных предпринимателей, неучтенная государством индивидуально-трудовая активность населения, лишь набирала обороты, усложняясь, расширяясь и проникая в ранее не охваченные ею сферы жизни населения Советского Союза [1,7].

В послевоенное время началось восстановление истощенной промышленности и официальный восход кооперации, кустарничества и артелей. Период «оттепели», попытки реформирования А.Н. Косыгина, пятилетка 1966-1970 г.г. сопровождалась экономическим ростом. Предпринимательство стало подниматься через импорт товаров потребления, производство в странах Прибалтики и Закавказья, развитие плодоовощной отрасли. Поддерживалось развитие малых форм хозяйствования, индивидуальной трудовой деятельности, что позволяло стимулировать в гражданах инициативу и предприимчивость. В период правления сменяющих

друг друга Генеральных секретарей ЦК КПСС развитие экономики характеризовалось замедлением, переходом на нисходящую и, в конце концов, явило собой стагнацию и загнивание. Развитие предпринимательства в эти годы происходило, по большей части латентно, в рамках теневой экономики.

Перестройка 1985 года стала периодом нового расцвета предпринимательства. Законы «Об индивидуальной трудовой деятельности», «О кооперации» и многие другие, создавали благоприятные условия для интенсификации предпринимательской деятельности. В стране были созданы организационные и правовые основы для перехода к рыночной экономике. Однако в итоге первого десятилетия столь масштабных реформ базовые экономические показатели устремились вниз, нарастал продовольственный дефицит, упал уровень жизни населения, усилилась эмиграция, экономика была деиндустриализована. Предпринимательская деятельность того времени была направлена, преимущественно, на торговлю и сферу услуг, но стремительно возрастающие капиталы не выступали как инвестиции, ни в сферу производства, ни в сельское хозяйство [4,7].

Обобщая сказанное, отметим - несмотря на то, что на всем протяжении существования советского государства частный сектор в народном хозяйстве идеологически расценивался как враждебный целям социалистического общества и находился под налоговым, административным и уголовным гнѐтом, предпринимательство состоялось как особый хозяйственно-экономический и социально-культурный уклад, вобравший в себя исторические традиции хозяйственной жизни населения государства, национальные и личностные особенности [1].

Исторический опыт показывает, что особенности предпринимательства предопределяются рядом факторов, среди которых: правовое регулирование, степень развития производственной и социальной инфраструктуры, гражданская позиция населения, культурно-исторические особенности, ценностно-мировоззренческие установки и др. [2]

В советский период своего развития предпринимательство находилось как на качелях в условиях стремительных трансформаций общества, но, тем не менее, в стране всегда, при любых условиях и на любых основаниях находились люди, готовые к рискам, предприимчивые, с новаторским складом ума, организаторы выгодного дела – предприниматели. В настоящее время предприниматели расцениваются как одна из движущих сил экономики, служащая ее подъему и решению ряда региональных проблем. В секторе малого бизнеса сосредоточена основная масса национальных ресурсов, которые питают крупный бизнес. Улучшение делового климата выступает одним из ключевых приоритетов современной социально-экономической политики. «Задача номер один – это создание в России условий для устойчивого экономического роста. Ситуация требует от нас дисциплины, оптимального выбора приоритетов, правильного баланса между долгосрочными целями и решением текущих, подчас неотложных задач», как отмечает В. В. Путин. Сегодня три кита экономического роста – это повышение производительности труда, инвестиций и инноваций. Прогресс по всем этим направлениям возможен через развитие человеческого капитала и создание конкурентоспособных условий для ведения бизнеса [6].

Не зная хода экономического развития невозможно увидеть дальнейшие его пути, определить последствия тех или иных хозяйственных решений. Современное состояние предпринимательского сообщества – лишь один из моментов процесса развития экономики в целом и понимание особенностей предпринимательской деятельности будет наиболее полным при рассмотрении ее функционирования в русле истории страны.

Данная работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 17-12-29005 «Сравнительный историко-экономический анализ и моделирование развития малого и среднего предпринимательства в сложных экономических и территориальных условиях Русского Севера» и при поддержке Правительства Архангельской области.

1. Е.А. Андрюхин *Предпринимательская деятельность населения СССР в 50-80-е годы XX века дис. ...канд. ист. наук. Курский гос. университет. Курск, 2011.*
2. Л.Г. Кутарева *Становление российского предпринимательства в историческом аспекте// Доклад на VII Международных Ильинских научно-богословских чтениях. Екатеринбург, 2009.*
3. В.А. Лобызенкова *История предпринимательства в России: традиции и современность // Вестник ВолГУ. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2007. №6. С. 207 – 208.*
4. А.Н. Першиков *История российского предпринимательства: учебное пособие. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 1999. — 139 с.*

5. М.Н. Рыбина *Основные этапы становления малого предпринимательства в условиях современных радикальных рыночных реформ в России // Менеджмент в России и за рубежом.* 2001. №2 URL: <http://www.cfin.ru/press/management/2001-2/ribina.shtml> (дата обращения: 21.09.2017).
6. В.Смирнова *Три кита экономического роста// Президент. Общественно-политическая газета.* 2013 URL: <http://www.prezidentpress.ru/news/prezident/2382-tri-kita-ekonomicheskogo-rosta.html> (дата обращения: 21.09.2017).
7. А.А. Тимофеева *История предпринимательства в России: учебное пособие.* М.: Флинта, 2011. – 432 с.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ РАЗРЫВ ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ.

Мамедов А.К. (Москва)

Отсутствие смысла, проектов и символов дорого обходится народам. Ф.Шлегель отмечал, что история- это пророк, смотрящий в прошлое. XXI век, непонятый еще и не отрефлектированный в социальной науке, показал несостоятельность многих социальных теорий, в том числе и деидеологизации. Последние события на Ближнем Востоке подтвердили тезис, что лишь идеологически обранные политические движения, имеющие ориентиры и внятные лозунги имеют шанс в конкурентном мире. Идеологическое оформление придает не только маркировку, но и завершенность, устойчивость политическим проектам. Панорама оценок событий на Ближнем Востоке весьма широка: от исламских революций до заговора неких внешних сил. Хотя, на наш взгляд, мир уже давно и обреченно шел к великому цивилизационному переделу, прежняя схема мироустройства в силу множества причин, не отвечала реалиям социального развития мира. Появились новые вызовы времени, прежде всего - демографические, экономические, религиозные, решение которых поневоле приводит к цивилизационной драме. Неравномерность в мировом развитии не укладывается в прокрустово ложе международных договоров, особенно заключенных без учета интересов третьего мира. Договоры, заключенные по принципу «за них, но без них» не устраивают большинство стран. Рукой «бывших патронов», проведенные границы оказались неадекватными новой «текучей цивилизации» и «быстрой истории». Мир столкнулся с непрогнозируемой стороной глобализации, когда в рамках «глобальной деревни» социальные катаклизмы на обочине мирового мейн-стрима, в странах «третьего мира» грозят новой тотальной (опять всех против всех) войной с невыносимыми последствиями. И это не только «столкновение цивилизаций» С. Хантингтона [7], хотя, наверное, кому-то и хочется все свести к весьма простым рецептам. Любая упрощенная и односторонняя схема будет неверной, т.к. не раскроет всей системности, полноты и масштаба событий на Ближнем Востоке. И где же эффективное гражданское самоуправление? Подтверждается тезис, что революция как гидра пожирает собственных детей. Боролись одни, а к власти «прицепом», как всегда, пришли совершенно иные политические силы. Причем, это наблюдается и в Арабской весне и на киевском Майдане, где никак не осознают всего трагизма произошедшего. А впрочем, ведь предупреждали классики, что революции в целом успешными не бывают, они всегда приводят к противоположности [2].

Уход социализма (наверное, неокончательный) с мировой арены породил в умах западной элиты наивную модель гомоморфного линейного развития мировой цивилизации, без конвергенции и инновационных социальных технологий. Весьма неглупые теоретики размышляли и вовсе о конце истории [4], ибо либерализм, казалось, одержал «полную и окончательную победу». Западный мир и не заметил, что вместо социализма в качестве альтернативы появились (а они должны были появиться, ибо капитализм есть процесс и результат конкуренции) иные «молодые» идеологические антиподы в лице постмодернизма, фундаментализма, нового национального радикализма, экстремизма и т.д. Постсоветское пространство, уже или еще, не может дать идейную альтернативу Западу, оно не стала притягательной и привлекательной. К нам не тянутся, в отличие от середины прошлого века, когда в орбите нашего социального проекта вращалась немало стран. Наши символы и идеи принимались или опровергались, но они были актуализированы в общественном мнении. Мы в силу разных причин не стали центром Новой Мысли, а попытались с упоением влезть в «последний вагон» [3] гедонистической цивилизации. Современный этап социогенеза все более напоминает американские горки с непредсказуемыми виражами. А кризисы превращаются в кризис-матрешку, когда каждый этап вскрывает новый виток. Итак, до бесконечности, пока мы не поймем, что наступил системный цивилизационный кризис. Кризис всей ценностной системы, порожденной идеологией «одномерного праздного

человека». И вот сейчас на Ближнем Востоке, по сути, решается вопрос о конце нефтяной эры [6], нефтяной цивилизации. Идея о ближайшем в историческом плане конце нефтяной эры, что, разумеется, не является «секретом полишинеля», будоражит не только европейские умы, но и местный весьма обеспеченный ближневосточный истеблишмент, который требует (а он должен что-то требовать уже по статусу) «иного справедливого» передела существующего нефтяного богатства. Возникает насущная социальная потребность в переменах. А мы помним из истории, что точки бифуркации возникают, как правило, при переделе собственности. Так в царской России передел земельных участков происходил каждые 12 лет (1905-1917гг), что привело к социальному взрыву именно в эти годы [1]. Пока же весь мир социальными потрясениями расплачивается за научно-технический застой (который, в первую очередь, выгоден нефтедобывающим корпорациям), приведший, в том числе, и к архаизации политической жизни. Динамизм экономической сферы удивительно долго соседствует с трайбализмом, клановостью и закостенелостью социума. Появилась колоссальная диспропорция в творческом потенциале молодежи (что составляет значительное большинство населения на Ближнем Востоке. В Палестине-45% от общего населения) и возможностями ее творческой, но легальной самореализации. Аналитики прогнозируют, что в ближайшие 30 лет количество безработных в данном регионе подойдет к 100 миллионам человек, вместе с тем дефицит в кадрах высшей квалификации превысит 30 млн. Количество молодежи, приобщенной к Интернет-пространству в Тунисе, Ливане, Сирии превысило пороговые 60%. Помимо этого, часть молодежи получила хорошее западное образование и приобщилась к иным, культурным ценностям, Интернет расширил их, ввел в некий межкультурный диалог. Немецкий исследователь Г.Хайнзон вывел формулу социальной нестабильности на основе простого подсчета-процент мальчиков от 0 до 4 лет к мужчинам 40-44 лет. Если меньше 80%начинается демографический сбой как в Европе, Японии, России. Но в Афганистане -403%,Ирак -351%,Сомали-364%.И социальный драйв начинается в странах, где юноши от 15 до 29 составляют более трети населения. И причины (религия, национализм, марксизм или сепаратизм), то есть то во имя чего вершится насилие вовсе несущественно. Социум «кипит», зачастую не зная причин этого [5]. Так, демократия и фундаментализм, как ни парадоксально, на Ближнем Востоке идут рука об руку в свержении авторитарных консервативных диктаторов. Что интересно, Запад, находясь в плену своих односторонних «исторических заблуждений», ставит лишь только на одну из этих составляющих. Запад надеется, что на место, скажем, диктаторской власти придет более «народная» мобильная демократия, более современная, менее коррумпированная, менее клановая. Но все более «зеленеет парус арабской весны», начальные демократические лозунги сменяются фундаменталистскими. Запад, убежденный своим экспертным сообществом и СМИ, ожидает реальных (в своем понимании) демократических перемен в арабском мире, с этим связано общее «мейнстримовое» ожидание, а на самом деле мы вначале сталкиваемся с очень необычным симбиозом демократических и религиозных движений, что наводит на некие параллели с Европой 16-17 вв. Как правило, даже принципиально новые социальные движения обрамляются в «старые тоги». Религиозные идеи доступнее, они институционализированы в общественном сознании и приняты социумом. На мусульманском Востоке интуитивное восприятие мира доминирует над рационалистическим подходом, им присуща имманентная любовь к действенному и обязательно сильному отцу - вождю, способному удержать «молодой и бурлящий» народ в этническом «лоскутном» котле. Если на Западе президента избирают на основе устоявшейся правовой демократической процедуры, то на мусульманском Востоке считают, что правителем может быть избран тот, кто принят, признан и призван народным волеизъявлением, причем процедуры этого волеизъявления могут варьироваться весьма широко. Надо помнить, что ислам на Ближнем Востоке воспринимается населением, в первую очередь, как форма, причем единственная, сохранения своей самобытной идентичности в условиях «мерцающей реальности» глобализирующегося мира. В связи с этим, меняется и расклад новых геополитических факторов, где вместо ставших уже традиционными США и Европы активную роль играют (или должны уже играть) Россия, Китай, Иран, Турция и другие новые факторы, недовольные или хотя бы несогласные с однополярным миром, отстаивающие свое цивилизационное право быть Иными. В результате, существенно меняется и геополитическая расстановка сил, сильное влияние на регион оказывают страны не обремененные «колониальной памятью» (например, Россия, Китай), проявляющие антиглобалистскую солидарность (Россия, Китай, Иран), а также декларирующие единство исламских геополитических ориентиров (Азербайджан, Турция, Иран). Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что ближневосточные события (революция, беспорядки,

волнения и т.д.) имеют системный масштабный характер, отражающий новые цивилизационные сдвиги:

- мир все больше осознает (иногда подсознательно) ущербность гедонистической цивилизации, идут поиски контуров идеократических обществ. Все более настойчивым становится востребованность Новой Идеи. Общество становится все более сложным, оно принципиально несводимо к каким-то простым одномерным технологиям и требует другого системного управления, нежели элиты с их коррупцией и закрытостью. Не только глобальный мир, но и сами страны нуждаются в социальном диалоге.

- бурный демографический рост, появление значительного молодежного слоя, не может долгое время ужиться с отжившими, устаревшими политическими структурами. «глобальная деревня» управляется совершенно иными коммуникационными институтами. Интернет-пространство создает новое поле для социальных технологий, возникает технология «опосредованной виртуальной агрессии», «твиттер - революции» и т.д.

Социальная справедливость, вернее, ее требования, всегда будет катализатором социальных волнений, будь-то Киев, окраина Парижа или Луизианы. Поэтому мир должен находить альтернативные, принципиально иные социальные технологии проживания в новой глобальной цивилизации.

1. *Архив Маркса и Энгельса. Том 1. Партиздат, 1934.*
2. *Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. 1955.*
3. *Бисмарк О. Политика есть искусство возможного. М., 2015.*
4. *Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т.: т.3 / сост., вступит. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. – М., 1994.*
5. *Мамедов А. К. Новая цивилизационная драма // Геополитика. — 2012. — Т. 13, № Выпуск XV.*
6. *Мамедов А.К. Ревальвация публичной безопасности// "События на Ближнем Востоке: уроки социального развития" (глава в монографии). — П., 2011.*
7. *Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. — М., 2003.*

«ВЕХИ», МАРКСИЗМ И СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Мельников Е.Г. (Санкт-Петербург)

В марте 1909 года вышел в свет сборник статей семи широко известных в общественно-политических кругах России начала XX века философов, экономистов, юристов, литераторов и публицистов «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (М., 1909), вызвавший широчайший резонанс в России и за рубежом. Этот резонанс объяснялся тем, что в «Вехах» были затронуты, многие жизненно важные для интеллигенции вопросы, первым среди которых был вопрос об отношении интеллигенции к власти и к народу. Менее чем за год после выхода в свет первого издания «Вех» в периодической печати было опубликовано более 220 статей, рецензий и разного рода откликов, было быстро подготовлено и издано несколько контрвеховских сборников: «В защиту интеллигенции» (М., 1909), «По вехам. Сборник об интеллигенции и «национальном лице»» (М., 1909), «Интеллигенция в России» (СПб., 1910), ««Вехи» как знамение времени» (М., 1910). Все это явилось документальным подтверждением осознания интеллигенцией поворотного момента в своей истории и этапом в ее самопознании.

Новый этап в самопознании российской интеллигенции начинается после Октябрьской революции с публикацией сборника «Из глубины» (М., 1918), в котором интеллигенты - «веховцы» попытались переосмыслить свои идеи в свете недавних событий. Этот сборник подводил итоги большевистской революции и предсказывал катастрофу гражданской войны. Авторы сборника призывали русскую интеллигенцию к пересмотру тех взглядов и убеждений, которыми она до того руководствовалась. Речь шла о социалистических идеях, связанных с именами Бакунина и Чернышевского, Лаврова и Михайловского и явившихся, по мнению авторов сборника, величайшим несчастьем и России, и самой интеллигенции, ведущих к гибели. Средство, способное предотвратить беду, авторы сборника видели в возврате к идеям Чаадаева, Достоевского, Владимира Соловьева [1, С. 2-4.].

После Гражданской войны в России и в результате массовых гонений на интеллигенцию, споры о судьбах интеллигенции перенесли в эмиграцию, где наиболее ярким их проявлением стал сборник статей «Смена вех» (Прага, 1921), предлагавший интеллигенции ради спасения России идти на сотрудничество с большевиками. В то же время в Советской России, несмотря на

большой интерес к идеям эмигрантов, основное внимание уделяется дискуссиям сторонников марксизма о роли интеллигенции в социалистическом строительстве.

Посвященные этому работы В. И. Ленина, и позже его ближайших соратников начали выделяться в особую категорию трудов, имеющих важнейшее теоретико-методологическое значение. В дальнейшем они были представлены советскими обществоведами в качестве основы марксистско-ленинской концепции интеллигенции.

У В. И. Ленина как такового нет определения интеллигенции, но есть много материала по анализу ее природы. Еще в 1894 г., полемизируя с П.Б. Струве, Ленин писал: «Вы говорите, что на «иные пути» должна направить Россию интеллигенция – вы не понимаете, что, не примыкая к классу, она есть нуль. Вы хвастаетесь, что русская бессловная интеллигенция отличалась всегда «чистотой» идей – поэтому-то и была она всегда бессильна. Критика автора ограничивается сопоставлением нелепой народнической идеи о всемогуществе интеллигенции с своей совершенно справедливой идеей о «бессилии интеллигенции в экономическом процессе» [2, С.71].

В 1904 г. В. И. Ленин пояснял: «Я перевожу словом интеллигент, интеллигенция немецкие Literat, Literatentum, обнимающие не только литераторов, а всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (brain worker, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда» [3, С.309].

Особое положение интеллигенции состоит в том, что она является межклассовым социальным слоем, ибо занимает «своеобразное положение среди других классов...» [4, С.209]. В. И. Ленин также подчеркивал, что «...интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе» [5, С.343].

Создание в кратчайшие сроки «социалистической интеллигенции» являлось, по мнению вождя большевиков, одной из насущных задач победившей диктатуры пролетариата. В первую очередь речь шла о том, чтобы «в наиболее короткий срок создать кадры специалистов во всех областях из среды крестьян и рабочих...» [6, С.337]. Другим направлением создания «социалистической интеллигенции» было привлечение на сторону пролетарского государства «старых спецов», что В. И. Ленин считал одной из форм классовой борьбы в переходный от капитализма к социализму период. Он указывал, что «организационная творческая дружная работа должна сжать буржуазных специалистов так, чтобы они шли в шеренгах пролетариата, как бы они ни сопротивлялись и ни боролись на каждом шагу» [7, С. 143]. Одной из черт будущего коммунистического общества В. И. Ленин видел в вытеснении старой интеллигенции, отягощенной массой буржуазных и мелкобуржуазных предрассудков высококультурными и политически грамотными специалистами, выросшими из рабочих и крестьян. Уже в 1919 г. В. И. Ленин видел реальные плоды политики большевиков, основанной на его теории: «Интеллектуальные силы рабочих, крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации» [8, С. 48].

Теоретические установки В. И. Ленина были развиты его соратниками и учениками. На XV съезде ВКП(б) в декабре 1927 г., рассматривая социально-классовое развитие советского общества, И. В. Сталин объединил «новую буржуазию», под которыми понимались тогда нэпманы, и интеллигенцию в одну группу. Он выделил положение о росте контрреволюционных настроений в среде интеллигенции по мере увеличений успехов социализма. Из интеллигенции была выделена группа лояльной, трудовой технической интеллигенции, «ибо она, будучи тесно связана с процессом производства, не может не видеть, что большевики ведут дело нашей страны вперед, к лучшему» [9, С.71]. Так началось формирование догматической схемы, механически детерминированной участием в производственном процессе, где вся интеллигенция делилась на контрреволюционные верхи, оторванные от народа, и революционные низы, политически близкие пролетариату, а также колеблющуюся середину.

Понятие «интеллигенции» формировалось под влиянием событий истории России в процессе эволюции самого общества, его социальной оболочки, моральной и духовной наполненности. Менялись политика, режимы, отношение к религии, мнения и убеждения. Менялись и взгляды на оценку феномена «интеллигенции».

Многочисленные исследования показали, что главная трудность в изучении интеллигенции заключается в том, что сам исследователь фактически является интеллигентом (интеллектуалом) и не может исключить себя из этого слоя. Складывается следующая ситуация: исследователю ради объективной истины нужно абстрагироваться от своего субъективного менталитета, то есть, выйти из объекта своего изучения. Большинство исследователей не уделяют

должного внимания методологическим тонкостям и, исходя из понимания собственной интеллигентности (интеллектуальности), ведут бесконечные и непродуктивные дискуссии.

В распоряжении исследователя многообразные интеллигентские мифы, рассказывающие не о том, что представляет собой интеллигенция на самом деле, а о том, что думают интеллигенты о самих себе. Невозможно проигнорировать эту методологическую особенность. Таким образом, мифология интеллигенции становится одним из эмпирических разделов в области изучения интеллигенции.

В целом можно выявить следующие теоретические проблемы в исследовании феномена интеллигенции:

1. Время появления феномена интеллигенции, в частности, в границах России.
2. Периодизация поколений русской интеллигенции.
3. Национальная принадлежность.
4. Социальная природа интеллигенции и ее место в социальной структуре.
5. Дискуссии о конце русской интеллигенции. Русская интеллигенция уходит с исторической арены и уступает место интеллектуалу западного образца.
6. Проблема раскрытия сущности понятия «интеллигенция».

Литература:

1. Из глубины. Сборник статей. [Электронный ресурс]/Режим доступа: <http://constitutions.ru/archives/6141>.
2. Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, Полн. собр. соч. М., 1967. Т.1.
3. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад // Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 8.
4. Ленин В. И. Рецензия на книгу К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа» // Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 4.
5. Ленин В. И. Задачи революционной молодежи // Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 7.
6. Ленин В. И. IX Всероссийский съезд Советов // Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 44.
7. Ленин В. И. VIII съезд РКП(б) // Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 38.
8. Ленин В. И. Письма: сентябрь 1919 г. // Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 51.
9. Сталин И. В. XV съезд ВКП(б) 2-19 декабря 1921 г. Политический отчет Центрального комитета 3 декабря // Полн. собр. соч. Т. 10. С. 71. [Электронный ресурс]/Режим доступа: <http://www.litmir.net/br/?b=35892&p=71>

Литература:

1. Из глубины. Сборник статей. [Электронный ресурс]/Режим доступа: <http://constitutions.ru/archives/6141>.
2. Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве, Полн. собр. соч. М., 1967. Т.1.
3. Ленин В.И. Шаг вперед, два шага назад // Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 8.
4. Ленин В. И. Рецензия на книгу К. Каутского «Бернштейн и социал-демократическая программа» // Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 4.
5. Ленин В. И. Задачи революционной молодежи // Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 7.
6. Ленин В. И. IX Всероссийский съезд Советов // Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 44.
7. Ленин В. И. VIII съезд РКП(б) // Полн. собр. соч. М., 1967. Т. 38.
8. Ленин В. И. Письма: сентябрь 1919 г. // Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 51.
9. Сталин И. В. XV съезд ВКП(б) 2-19 декабря 1921 г. Политический отчет Центрального комитета 3 декабря // Полн. собр. соч. Т. 10. С. 71. [Электронный ресурс]/Режим доступа: <http://www.litmir.net/br/?b=35892&p=71>

«КЛЮЧЕВЫЕ ТРЕНДЫ СОЦИОДИНАМИКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОММУНИКАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ»

Милецкий В.П., Черезов Д.Н. (Санкт-Петербург)

Сенсационная победа Дональда Трампа на президентских выборах в США в ноябре 2016 года, в ходе которых абсолютное большинство американских масс-медиа поддерживали Хиллари Клинтон и социологи предсказывали ей уверенную победу, стала переломным пунктом в развитии инструментария политико-коммуникативного воздействия на массовое общественное сознание. Традиционный набор информационных средств и ресурсов «капитулировал» перед нарастающим влиянием инструментария современных политических коммуникаций. И вот уже год продолжается муссирование версии о «русских хакерах», оказавших помощь республиканскому

кандидату. «Масла в огонь» утверждений о том, что эти хакеры взломали сайты предвыборного штаба демократической партии и смогли сфальсифицировать результаты волеизъявления американских избирателей, подлили в сентябре 2017 г. известные заявления основателя компании Facebook Марка Цукенберга о закрытии тысячи фальшивых страниц и аккаунтов, открытых российскими представителями для ведения политической рекламы, адресного воздействия на электоральные группы и создания в социальных сетях атмосферы хаоса вокруг президентских выборов в США, а также провоцирования розни между различными группами пользователей, придерживающихся противоположных религиозных и политических воззрений. В связи с этим он заявил о готовности предоставить американскому Конгрессу все необходимые материалы для проведения парламентского расследования. Д.Трамп в своём твиттере по этому поводу заметил, что это всё напоминает ему сговор против него. Со своей стороны в конце сентября глава Роскомнадзора А. Жаров предупредил о возможной блокировке Facebook в России с 2018 года за невыполнение Закона «О персональных данных».

Перечисленные факты свидетельствуют не столько о всемогуществе таинственных «русских хакеров», сколько о растущем потенциале инструментария современных политических коммуникаций как по части PR-а, так и в отношении вполне определенных трендов их функционирования и дальнейшего развертывания. Данным обстоятельством обуславливается научная актуальность социологического рассмотрения и выделения ключевых тенденций или трендов социодинамики (функционирования и развития) политических коммуникаций в современной России, нашедших также своё подтверждение во время выборов в единый день голосования 10 сентября 2017 г. в Москве и в большинстве других регионов страны.

Прежде всего, стоит назвать тенденцию, связанную с развертыванием в современном российском обществе известной «электронной или мониторинговой демократии», которую иногда называют демократией включенного наблюдения со стороны активистом политико-правовых институтов гражданского общества за деятельностью представителей правящего политического класса и бюрократии в целом. Например, известный Фонд борьбы с коррупцией (ФБК), созданный А. Навальным в 2011 г., сумел за это время преуспеть в деле развития «мониторинговой демократии», опубликовав такие резонансные материалы, как «Чайка» и «Ты нам не Димон».

Во-вторых, среди позитивных трендов стоит назвать усиливающееся сопряжение масс-медиа с политическим пространством в плане использования новых информационных технологий в политических коммуникациях, включая создание системы веб-трансляций с избирательных участков и формирующуюся «электронную демократию». В полной мере эта тенденция проявилась в единый день голосования 10 сентября 2017 г. в Москве, в которой представители внесистемной оппозиции на выборах в муниципальные советы одержали маленькую, но «сенсационную победу». Как известно, кандидаты-яблочники сумели получить около 13% мандатов в местных советах столицы.

В-третьих, «набирает обороты» процесс становления таких новых форм взаимодействия, как компьютерно-опосредованные политические коммуникации, разворачивается медиатизация коммуникаций, приводящая к тому, что реальные политические действия всё чаще заменяются их имитацией в медийном пространстве. Участниками компьютерно-опосредованных политических коммуникаций могут выступать как поставщики информации, так и ее пассивные потребители, что позволяет коммуникантам менять порядок восприятия контента и при желании даже не становиться их адресатом. Правда известной «изнанкой» данного тренда является то, что Интернет уменьшает активность пользователей в реальной общественно-политической жизни. В результате усиливается медиатизация политических коммуникаций, выражающаяся в усилении тесного информационного взаимодействия внутри политической сферы и в ее переплетении со сферой масс-медиа.

В-четвертых, параллельно увеличивается роль социальных медиа как канала политических коммуникаций, в рамках которых наиболее востребованными становятся социальные сети, играющие растущую роль в мобилизации широких народных масс. Благодаря социальным сетям политические акторы получают возможность координировать свои действия и выходить на протестные мероприятия, которые за последние несколько лет прошли в крупных городских агломерациях разных стран, в том числе в Каталонии (Испания), США, России и др.

Наконец, также происходит вполне осязаемая рекламизация политических коммуникаций, выражающаяся в подчинении политико-коммуникативных взаимодействий законам рекламного бизнеса в вопросах формирования у известных лидеров высокого политического имиджа. Дополняет рекламизацию маркетингизация политических коммуникаций, выражающаяся

в воздействии на электорат при помощи ресурсов «личностного» («создание» и выдвижение кандидатов), «программного» (разработка программных, идеологических и др. документов) и «информационного» (паблик рилейшнз) влияния с целью завоевания места в системе государственной и муниципальной власти. Законченную форму политический маркетинг приобрел в США, с особой силой проявившийся в предвыборной деятельности Д. Трампа. В рамках этой кампании против него активно использовались не только искажение и фабрикация фактов, но и тенденционный монтаж дезинформации, односторонняя подача информации, дискредитация посредством эциционально окрашенной риторики и наклеивания ярлыков, а также троллинга, расцвет которого начался с 2015 года. Троллинг изначально выражался в размещении на виртуальных коммуникативных ресурсах провокационных сообщений с целью нагнетания конфликтной обстановки при сознательном нарушении неписанных правил кодекса Интернет-поведения. Троллинг был направлен на имитацию общественного мнения по конкретным темам, формирование положительного или негативного отношения людей к соответствующим социально-политическим проблемам и объектам при помощи таких технологий, как «фейк-ньюс» или сознательное создание затруднений для диалога между пользователями, разрушающего доверие к социальным медиа. Ныне троллинг ориентируется не только на внутреннюю аудиторию отдельных стран или регионов, но и на внешнюю. При помощи троллинга создается много «информационного шума» и усложняется поиск информации в Интернете. При этом троллинг все чаще обеспечивает продвижение хештегов в тренды и способствует искусственному формированию далёкой от реальности политической по-вестки.

Вышеизложенное обуславливает необходимость дальнейшего системного полити-ко-социологического анализа перечисленных выше трендов социодинамики политических коммуникаций в современной России.

СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ГОСУДАРСТВОМ

Пищикова М.В. (Санкт-Петербург)

Во многих политических дискуссиях довольно часто обсуждается проблема взаимодействия государства с международными неправительственными организациями. Это связано с тем, что международные неправительственные организации активно внедряются во внутреннюю политику государств, тем самым посягая на суверенитет государства. Государства же, в свою очередь, стараются взять эти организации под свой контроль, тем самым, подрывая цели их существования.

В Российском законодательстве неправительственная организация понимается как: не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками, созданная за пределами территории Российской Федерации в соответствии с законодательством иностранного государства, учредителями (участниками) которой не являются государственные органы.[Федеральный закон “о некоммерческих организациях от 12.01.1996 N 7-ФЗ интернет-источник <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8742> дата обращения 08.10.2017]

По сфере своей деятельности международные неправительственные организации охватывают огромный спектр, например, охрана окружающей среды, охрана здоровья, защита прав человека, отказ от ядерного оружия. Организация «Врачи без границ»(Médecins sans frontières) решает проблемы, связанные с здравоохранением. Её работа направлена на оказание медицинской поддержки, в первую очередь, жертвам вооруженных конфликтов, а так же природных катастроф. Организация проводит масштабную работу по восстановлению больниц, обучению медперсонала, вакцинации, а так же поставляет гуманитарную помощь в районы военных конфликтов, соблюдает нейтралитет и действует беспристрастно, во имя универсальной медицинской этики и права человека на получение гуманитарной помощи, и претендует на предоставление ей полной свободы в осуществлении своей деятельности.[Официальный сайт «Врачи без границ в РФ» <https://ru.msf.org/ru> дата обращения 08.10.2017] Организация “Гринпис”(Greenpeace) так же является международной организацией и появилась в России в 1992 году. Ставит своей целью сохранение мира и природы на планете и

следует трём принципам: независимости, ненасильственности и протесту действиям. Финансируется исключительно сторонниками или частными фондами, так как организация не принимает финансирование государств, партий и компаний. Свою деятельность в России начала с сохранения Национального парка «Бикин», после чего парк имеет возможность получить статус «Всемирного достояния». В последнее время организация активно занимается вопросами отказа от ядерного оружия, борьбой с нефтяными разливами и изменением климата. В России организация зарегистрирована как национальная и действующая во благо Российской Федерации. [Официальный сайт Greenpeace <http://www.greenpeace.org/> дата обращения 09.10.2017] Организация «Международная амнистия» (Amnesty international) направленная на соблюдение общепризнанных прав человека, закреплённых во всеобщей Декларации прав человека. Данная организация придерживается принципов демократии и самоуправления, а так же не зависит от государства и политических партий, финансируется исключительно за счёт пожертвований сторонников. Организация очень активно вмешивается во внутреннюю политику государства, так как одной из своих задач она ставит освещение нарушений прав человека. Члены, сторонники и сотрудники организации мобилизуют общественность, чтобы оказывать давление на правительства и прочих субъектов и добиваются прекращения нарушений. [Официальный сайт Международной амнистии в России <https://amnesty.org.ru> дата обращения 08.10.2017]

Если рассматривать деятельность этих организаций непосредственно в России, то можно заметить определенный вектор их работы: «Врачи без границ»-работа в сфере гуманитарной помощи Луганску и Донецку во время военного конфликта на территории городов, а так же оказывают постоянную психологическую помощь до сих пор жителям Чечни после военного конфликта в 1994-1996 г. В 2016 году расходы этой организации в России составили 4,9 миллионов евро. Участники организации «Гринпис» ведут активную деятельность на территории России. Эксперты этой организации занимаются разработкой поправок в Российское законодательство для сохранения и охраны природы, а так же участвуют в процессах добычи и сбыта сырья, например, влияя на выбор участка для построения газопровода. Создают рекомендации для Организация охватывает многие уровни жизни граждан в нашей стране, создавая проекты по образованию, защите животных, охране определённых объектов. «Международная амнистия» имеет в нашей стране очень сложную позицию. Своё существование организация начала ещё в СССР, но её участники были репрессированы, а сама организация стала считаться иностранным шпионом. Сейчас же организация ведёт активную деятельность по поддержке оппозиционных лидеров, права которых, по мнению данной организации нарушаются. Хотя в уставе организации и сказано, что она не принадлежит ни к одному политическому движению и не разделяет взгляды той или иной стороны, но, так или иначе, она оказывает поддержку оппозиционному движению в России, все чаще и чаще привлекая внимание к нарушению тех или иных прав её участников со стороны государства. Государство же, в свою очередь, старается контролировать деятельность международных организаций, чтобы сохранить свою власть на территории страны и поддерживать существующий курс политики. Обозначенный контроль выражается, чаще всего, на законодательном уровне, путём создания специальной законодательной базы для работы этих организаций. Например, Федеральный закон о некоммерческих организациях, который подробно описывает нюансы, связанные с их деятельностью. Так же и на международном уровне государства принимают меры, для регулирования работы международных образований. В Совете Европы, например, был создан документ под названием «Основополагающие принципы статуса неправительственных организаций в Европе». Но все эти шаги все равно мало помогают контролировать международные организации, так как они являются своего рода самобытными и, по сути, никак не зависят от государства, где разворачивают свою деятельность.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что проблема взаимоотношений государства и неправительственных организаций является одной из самых сложных на сегодняшний день, так как международные межправительственные организации, чаще всего, действуют от имени международного сообщества и никак не зависят от государств, но, при этом, стараются навязать свою политику государству. Из-за этого поднимается вопрос о суверенитете государства, которое уже не является полноценным обладателем власти, а оказывается под влиянием международного сообщества, инструментами которого и становятся неправительственные организации, они очень сильно давят на государство через общественное мнение, формируя его, исходя из своих собственных интересов и задач. Так же, очень сложно отследить истинные мотивы международных неправительственных организаций и откуда идёт их финансирование. Видя те

суммы, которые затрачиваются в России только за год, сразу возникает вопрос откуда неправительственная организация, существующая на средства своих сторонников и членов, может располагаться такими суммами. А, так же, видно, что на деятельность в России международные неправительственные организации затрачивают большое количество своих ресурсов, что так же говорит о приоритетной задаче работы именно в нашей стране. Но, самое главное, что хотелось бы отметить, что задачей изучаемых организаций является не столько сотрудничество и поиск диалога с государством, а достижение исключительно своих целей. Именно поэтому требуется такой контроль и тщательное изучение международных неправительственных организаций и их деятельности на территории нашей страны.

Абашидзе А. Х., Неправительственные организации: международно- правовые аспекты : Учеб. пособие. - М : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2002

Андреева О. С. Неправительственные организации (НПО) как институт развития и переустройства мира //Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2010.

Наумов А. О. Международные неправительственные организации в современной мирополитической системе. - М.: КРАСАНД, 2009

Кутейников А.Е. Международные межправительственные организации. Теоретико-социологический анализ – Спб, Изд-во СПбГУн-та, 2012

Федеральный закон "о некоммерческих организациях от 12.01.1996 N 7-ФЗ интернет-источник <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8742> дата обращения 08.10.2017

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ И ИХ СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА: СУЩНОСТЬ, СТРУКТУРА, ТРЕНДЫ

Подорова-Аникина О.Н. (Ухта)

Работа базируется на анализе вопросов модификации политического коммуникативного пространства, специфики взаимодействия власти и общества в современном мире, влияния глобализации и информатизации. В центре исследования стоит демократический процесс и его обуславливающая роль в изменении в политическом коммуникативном взаимодействии в современной России. Отдельное внимание уделено описанию новых и актуальных проектов в сфере политического участия, инструментарию политических коммуникаций в сети Интернет, внедрению интернет-опосредованных коммуникаций в политике.

Политические коммуникации в России имеют многовековую и богатую историю, но их развитие нельзя назвать равномерным или поступательным, в конкретные периоды они имеют специфическую интенсивность, а также содержание. Актуальность исследования определена динамикой развития мирового процесса интеграции всех сфер человеческого взаимодействия, в которых тесно переплетаются социальное его измерение, интересы, мораль, религия, культура и ее ценности [1, 105-108].

Настоящая работа посвящена теоретическому обоснованию категории "социальная динамика" применительно к политической сфере коммуникационного взаимодействия и прикладному анализу трендов в сфере политического коммуницирования и управления.

Необходимость решения поставленной задачи обусловлена следующими ключевыми факторами, оказывающими непосредственное влияние на динамику политического коммуникативного пространства и его роль в жизни общества.

Во-первых, в последние десятилетия как некогда быстро меняется информационная реальность [2, 230-240]. Социальная жизнь как никогда сильно зависит от коммуникаций, их изменения и в содержательном, и в прочих планах. Что напрямую отражается в изменениях жизни и функционирования общества.

Во-вторых, само движение в сторону повышения технологичности коммуникационной деятельности наблюдается не только у ведущих российских агентств и компаний, но и в абсолютно всех сферах жизни, функционирования общества. Прежде всего не стоит забывать, что технологизация информационно-коммуникативных процессов, сам рост технологичности управления внешними и внутренними коммуникациями организации, - все это ключевые современные тенденции развития информационного сопровождения политических и рыночных проектов.

Теория политической коммуникативистики еще не предложила современного видения сущности категории "социальная динамика политической коммуникации". Многие авторы (и

теоретики, и практики) широко применяют это словосочетание. Однако вопросы о его сущности, о характеристиках, о критериях технологизации коммуникативных процессов остаются открытыми.

Комплексное исследование социальной динамики политических коммуникаций России, сфокусированное на раскрытии сущности двухстороннего процесса, позволит глубже раскрыть немаловажные аспекты поднятой проблематики: обоснование ведущих черт социальной динамики политических коммуникаций современной России, детерминированных масштабным изменением условий жизни граждан, адаптация к которым в трансформации или модернизации низкоэффективна. Что требует принципиально новых подходов, оптимизированных в условиях современной динамики; теоретического обоснования самого механизма функционирования интересующих исследователя процессов не в качестве одноразового акта, а как процесса постоянной трансформации и новаций; раскрытия ключевых трендов в политическом коммуникационном взаимодействии; выявления возможности расширения коммуницирования на основе социальной динамики.

Междисциплинарная основа дает возможность объективного анализа и возможности прогнозирования развития системы политических коммуникаций в условиях глобализации. Рассмотрим подробнее основные направления социальной динамики политических коммуникаций в современной России.

Специфика современной системы политических коммуникаций заключается в определяющем влиянии на процесс выстраивания коммуникативного взаимодействия компьютеризации. Сферы применения новейших и быстро завладевших миром информационных технологий практически безгранична. В этих складывающиеся в политике условиях современные процессы общения, базирующиеся на новых возможностях, обусловленных внедрением "всемирной паутины", не поддаются тотальному информационно-коммуникационному контролю.

Одновременно с ростом объема привлечения и в целом доступа к информационным ресурсам заметна еще одна важная черта динамики нынешнего политического пространства: изменение моделей политических коммуникаций за счет включения Интернет-пространства. Глобальная сеть стала за крайне короткий срок особо востребованной и в качестве канала электоральных коммуникаций, и в целом политических, и не только. Появляются новые и интересные формы Интернет-коммуникаций или, иначе говоря, Интернет-опосредованных политических коммуникаций.

Развитие коммуникативных средств, в том числе и массовой информации, использование в политической сфере "всемирной паутины" и других новейших информационно-коммуникативных технологий в целом бесспорно способствует увеличению, росту возможностей политического участия [3, 121]. Одновременно все больше набирает ход цифровизация СМИ. Возможно, что именно происходящий процесс цифровизации ставит нас еще ближе к решению проблемы обеспечения прямой демократии.

Несмотря на сохраняющуюся тенденцию к контролю над средствами информации развитие политической сферы направлено в сторону преломления дисбаланса коммуникативных процессов между властью и гражданином. Поскольку неэффективная политическая коммуникация ведет к утрате поддержки, усилению социально-политической нестабильности, постольку логичным становится рост влияния темы выбора тех коммуникационных каналов, которые пользуются социальным доверием.

Уверенно работают в информационном поле сети Интернет лидеры общественного мнения, представители партий, государственные деятели. Ежегодная пресс-конференция Президента России Владимира Путина не только транслируется на центральный телевизионных каналах, но прочно обосновалась во "всемирной паутине" [4].

Набирают обороты проекты Российская общественная инициатива [5] и Портал государственных услуг Российской Федерации [6].

Как значится на сайте Фонда информационной демократии, российской НКО, объединяющей ведущих специалистов в сфере информационных технологий, управления, политологии, оператора интернет-ресурса «Российская общественная инициатива», в России в 2017 году может заработать электронная книга жалоб для населения.

Особо стоит сказать, что Портал государственных услуг Российской Федерации является справочно-информационным ресурсом. Портал обеспечивает доступ граждан и юридических лиц к сведениям об актуальных государственных (и муниципальных) услугах, госфункциях по контролю и надзору, об услугах госучреждений, об услугах организаций, участвующих в

предоставлении этих услуг, а также, что особо полезно и пользуется спросом, предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг.

Срезы общественного мнения и настроений проводят в том числе и с помощью глобальной сети ФОМ и ВЦИОМ и многие другие ресурсы.

Соблюдение всех условий успешной организации политической коммуникации становится незаменимым инструментом в процессе поддержания взаимодействия правительства с различными, в том числе удаляющимися от него, сегментами общества [7]. Новейшие технические и технологические возможности позволяют применять эффективные формы организации информационного взаимодействия со слабо заинтересованными в политическом диалоге с властью социальными группами. В этой связи важны такие примеры из реальной практики политико-коммуникативных взаимодействий в современной России, как привлечение не используемых ранее средств связи в виде организации видеонаблюдения на избирательных участках. Это производится главным образом с целью повышения уровня доверия граждан к избирательному процессу.

1. Милецкий В. П. Современное российское общество в контексте российской модернизации // *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 8. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю. С. Пивоваров. – М., 2013. – Ч. 1. – С. 105-108.*
2. Аксенов К.В. Влияние глобализации информационных потоков на политические процессы // *Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – Том 5. – № 5А. – С. 230-240.*
3. Гордеев Л. А., Демидов Л. Н., Терновсков В. Б. Социальное развитие села сквозь призму информационных технологий // *Теории и проблемы политических исследований. – 2016. – № 2. – С. 116-128.*
4. *Официальный сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 30.12.2016).*
5. *Российская общественная инициатива, официальный сайт. – URL: <https://www.roi.ru> (дата обращения: 01.01.2017).*
6. *Официальный интернет-портал государственных услуг. – URL: <https://www.gosuslugi.ru> (дата обращения: 01.01.2017).*
7. *Крастев И. О политике протестов в эпоху глобализации: уход, шум, нелояльность [Электронный ресурс]. – URL: <http://polit.ru/article/2015/05/06/krastev/> (дата обращения: 04.02.2016).*

СТОЛЕТИЕ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ КАК ОСНОВАНИЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОПЫТА XX ВЕКА: ВЗГЛЯД СОЦИОЛОГА

Подъячев К.В. (Москва)

Любые даты условны, но история нашей страны столь обильна событиями (не говоря уж о всемирной истории), что просто необходимы вехи, позволяющие структурировать процесс исторической рефлексии. Потому юбилейной датой, сто-летьем Великой русской революции (а мы считаем уместным именовать её именно так, рассматривая Февраль и Октябрь как этапы единого исторического события), следует воспользоваться для серьёзного осмысления этих событий. И знаменательно, что в этот юбилейный год наиболее представительный форум по социальным наукам проводится именно в Санкт-Петербурге, притом в непосредственной близости от почти сакральных точек революционной истории – Таврического дворца и Смольного.

Революцию можно определить именно как распад связи между политическим и неполитическим [5, 93], и одновременно – разложение самого политического на отдельные фракции, уже не способные к адекватной коммуникации. Именно это можно было наблюдать в феврале 1917, когда политическая элита отвернулась от царя, народ – от элиты: все социальные группы жили в своём мире, и уже с трудом понимали язык друг друга. Достаточно сопоставить официальные политические сообщения того времени, статьи в либеральной печати и листовки эсеров и большевиков, чтобы увидеть всю глубину даже чисто языковых различий. Налицо эффект «Вавилонского столпотворения»: люди произносят одни и те же слова, но вкладывают в них различный смысл, вследствие чего любые переговоры становятся невозможными. В несколько иных терминах, но примерно о том же самом говорят и непримиримые антагонисты В.И. Ульянов (Ленин) и П.А. Сорокин [7, 133].

В результате этого коммуникационного разрыва власть утратила способность воспринимать поступающие от общества сигналы (равно как и общество - понимать логику власти). А данная способность является необходимым условием нормального функционирования системы управления, что отмечали политические мыслители разных эпох – от легендарного индийского мудреца [2, 45] до Д. Исто-на. Крах государственности стал закономерным итогом.

Пришедшие к власти в результате Февральской революции группы, будь то либералы во главе с кн. Г.Е. Львовым или же социалисты из Петросовета пребывали в своём иллюзорном мире и оказались ещё менее способны создать адекватную коммуникацию между двумя подсистемами социума, нежели прежнее правительст-во. Одни только большевики (и отчасти эсеры) смогли освоить язык масс и начать говорить с людьми о том, что тех действительно волновало (земля, мир). Потому абсолютно справедливо мнение, что Октябрьская революция зародилась в феврале. Этот взгляд высказывали многие исследователи, в том числе и такой крупнейший учёный, как П.А. Сорокин [6, 388].

Вместе с тем представляется, что хотя крушение Российской империи было связано с очень сложной комбинацией факторов, решающими стали кризис православия и подъём национализма, порождённый национальной политикой императора Александра III.

Кризис православия восходил, конечно, к церковному расколу XVII в., но его усугубили реформы Петра Великого (упразднение Патриаршества) и Екатерины (ликвидация церковного землевладения), ослабившие Церковь и поставившие её в полную зависимость от светской власти и богатых людей. В результате в течение XVIII в. почти вся свободная мысль была выдвинута из Православной Церкви в раскол, прежде всего в беспоповщину. Потому, когда после 1812 г. у образованного общества вновь обозначился интерес к религии, к церковной жизни, ответить на этот запрос оказалось крайне сложно. Идеи А.М. Бухарева (архим. Феодор, 1822 - 1871) не нашли должного понимания и намечавшийся диалог Церкви с обществом так и не состоялся в полной мере.

Хотя в течение всего XIX в. неустанно трудились как выдающиеся православные подвижники (святые Феофан Затворник, Серафим Саровский, Амвросий Оптинский и многие другие), так и светские мыслители, обращавшиеся в своих исканиях к духовному опыту русского православия (А.С. Хомяков, В.С. Соловьёв, К.Н. Леонтьев), они не оказали решающего влияния на публичный дискурс эпохи. И, к большому сожалению, наследие их до настоящего времени ещё должным образом не осмыслено.

А ключевая ошибка Александра III заключалась в том, что, разрушительному революционному движению он попытался противопоставить заимствованный в Германии национализм, не обратив внимания на существенную разницу между двумя странами. Германия была в целом моноэтнической страной, разделённой политически, а Россия – ровно наоборот. Потому национализм со ставкой на русский этнос сразу породил некую «иерархию этносов» внутри одного государства. Процесс обособления этносов, живущих в империи, «нациестроительства» был запущен уже тогда, а после Февраля он лишь интенсифицировался. Советскому правительству ничего не оставалось, кроме как его возглавить, дабы использовать против Колчака и Деникина, выступавших за «единую и неделимую Россию». В дальнейшем же отступить было поздно, и воссоздать единое государство удалось только в виде объединения де-юре самостоятельных этнических республик. А в таком виде оно могло существовать лишь до тех пор, пока сохранялась жёсткая власть, располагающая сильным аппаратом подавления.

Таким образом, можно видеть, что крушение монархии, а вслед за ней и государства было закономерным итогом цепи событий, которую, на наш взгляд, вполне правомерно исчислять с 1881 г., когда у России был шанс встать на путь эволюционного развития.

А поскольку СССР как конфедеративное образование изначально заключал в се-бе угрозу дезинтеграции, представляется, что и 1991 год был продолжением 1917, а потому вполне справедливо вслед за ак. Ю.С. Пивоваровым говорить о едином Русском транзите, начавшемся в 1881 г. и не завершённом до сего дня [4, 9].

Сегодня можно наблюдать многие из кризисных явлений, имевших место 100 лет назад, и это даёт основания ряду экспертов говорить о хрупкости российской социально-политической системы [3].

Однако, как показали исследования, в которых автор участвовал лично, политическая апатия на местах сегодня вызвана вовсе не равнодушием и «патернализмом» населения. Главная причина – твёрдое неприятие гражданами любой революционной (т.е. направленной на разрушение) программы. Локальные акторы: руководители муниципальных образований,

директора школ, домов куль-туры, гражданские активисты – все те, кто формирует социальную атмосферу локальных сообществ – однозначно настроены против любых попыток организации в России каких-либо политических преобразований насильственным путём. Более того, если совсем недавно астеур А. Турэна понимался как своего рода революционер, для которого важно «поставить под сомнение все формы социальной организации» [8, 199], то российский локальный актер, обладая всеми качествами турэновского действующего субъекта, по своим ценностным ориентациям является скорее интегратором по Парсонсу [1]. Именно в такой социокультурной специфике российских локальностей нам видится залог надежды, что через период нестабильности наша страна сможет пройти эволюционным, а не революционным путём.

1. *Актуализированные ценности современного российского общества. 2015. Отв. ред. И. А. Халий. М.: ИС РАН. 273 с. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Act_zennosti_sovr_obschestva.pdf [дата посещения 29.09.17].*
2. *Артхашастра или Наука политики. М., 1993.*
3. *Петухов В. В. Демократизация российского общества: возможна ли вторая попытка? - Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 8 - 23.*
4. *Пивоваров Ю.С. Русская политика в её историческом и культурном отношении. М.: РОССПЭН, 2006. 167 с.*
5. *Подъячев К.В. К вопросу об осмыслении опыта 1917 г. в контексте институцио-нальных и ценностных трансформаций российского общества // Власть. 2017. № 4. С. 92 – 97*
6. *Сорокин П.А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2004. 701 с.*
7. *Студеникина Е.С. Социология революции: П.А. Сорокин vs В.И. Ленин - Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 125-летию со дня рождения). Отв. ред. И.Е. Фадеева. Сыктывкар: СыктГУ, 2014. 706 с.*
8. *Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М.: Научный мир, 1998. 204 с.*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ТЕНЕВАЯ СТОРОНА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Просвирина А.И., Скрипак Д.М. (Москва)

Глобализация - естественный ход мирового прогресса, который предполагает отказ от всех границ и взаимодействие государств на единой арене. Состояние современного развития стран достигло нового уровня, в первую очередь, за счёт интеграции экономической, технологической, технической, а также информационной сфер. Однако, деструктивным следствием стала создававшаяся ситуация, в рамках которой страны мира потеряли возможность обособленно и эффективно решать возникающие социально- экономические задачи.

На данном этапе с уверенностью можно сказать, что глобализация способствовала не только развитию демократизации общества, но и стала существенной причиной возникновения новых общественных противоречий, в свою очередь представляющих собой угрозу национальной безопасности государств.

Неоднозначность глобализации оказывает особые настроения в движениях социального протеста: возникает политическая и этническая нетерпимость, зарождаются экстремистские течения, устанавливаются в обществе тенденции к радикальным действиям, пропагандирующим насилие и анархию в государстве, а также расширяется поле социальной конфликтности. Глобализационные процессы повлияли на усиление дифференциации по социальному и этническому признаку, кардинальному различию интересов социальных групп, обострили криминальную ситуацию – все это, явилось предпосылками возникновения политического экстремизма и терроризма.

Суть многочисленных определений экстремизма сводится к одному: «экстремизм» (от латин. – *extremus*) – определяется как «приверженность к крайним взглядам и мерам действий(обычно в политике)» .

В настоящее время политический экстремизм является одной из остро стоящих национальных проблем и заключается в открытом и нарастающем протесте некоторых социальных слоёв населения, имеющих различный уровень экономического и культурного развития, правящие элиты которых составляют глобальную мировую систему, против развивающегося процесса глобализации.

Политический экстремизм – разностороннее и комплексное социальное явление, включающее в себя воздействие политических структур, связанное с реализацией своих требований путем изменения существующего правового поля. С другой стороны его стоит рассматривать в качестве действия политических организаций, социальных групп, основной целью которых является применение собственной политической модели на основе насильственных действий по отношению к оппонентам.

Всеобъемлющий характер, проявляющийся в разных крупномасштабных формах и имеющий направленность на внешнюю и внутренние сферы жизни общества, задействующий многочисленных участников независимо от их статуса и роли в обществе, простота и доступность средств управления сознанием масс – отражает особые признаки данного явления, которые подразумевают подрыв системы общественных отношений, смену моральных и ценностных ориентиров.

Основным рычагом политического экстремизма выступает его крайняя форма выражения – международный терроризм. Стоит отметить, что политический экстремизм – это социальное давление, основанное на антиобщественной идеологии, а политический терроризм – это способ социального доминирования в отношении уязвимых слоев населения, реализующийся через запугивание, порождающее чувство страха и незащищенности со стороны государства. В качестве средств воздействия на государственные и общественные институты экстремистские организации используют провокационные лозунги и призывы, подстрекают многочисленные беспорядки и забастовки, организуют террористические акты.

Выделяют следующие проявления политического экстремизма:

1. Дискредитация личности: экстремисты зачастую подвергают жесткой деструктивной критике характер и личность, а не действия политического деятеля- антагониста.

2. Провокационное «клеймо» – частое использование отрицательно окрашенных эпитетов (расистским, сумасшедшим, красным, коммунистическим, диверсионным, нацистским и т.д.) по отношению к оппонентам, с целью очернения его репутации и отвлечения внимания населения от социально полезной деятельности с дальнейшим отказом в поддержке.

3. Беспочвенные радикальные аналогии – склонность к «сваливанию в одну кучу» поверхностно схожих суждений о политических событиях, не имеющих доказательств и разных по своей сути.

Сложившаяся на сегодняшний день ситуация в мировой политической сфере является доказательством того, что политический экстремизм применяется как оружие и инструмент ведения борьбы между субъектами политической власти, с целью достижения личной выгоды. Экстремистская деятельность на данном этапе уже достигла колоссальных масштабов. В XXI веке она символизирует национальный апокалипсис, начало которого неизбежно без незамедлительного и профессионального вмешательства влиятельных политических акторов. Процесс искоренения политического экстремизма активизируется только в случае приложения общих усилий, которые возможны лишь при взаимодействии всех участников, соединенных современным глобализационным процессом.

1. Грачев С.И. Терроризм и контртерроризм в условиях глобализма: Монография. Нижний Новгород: Изд-во гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2007. - С. 3—7.

2. Козлов Д.С. СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ СВЕРЖЕНИЯ ВЛАСТИ // Инновации в науке: сб. ст. по матер. XLIV междунар. науч.-практ. конф. № 4(41). – Новосибирск: СибАК, 2015.

3. Морозов И.Л. Политический экстремизм в современной России — новые тенденции // PolitBook. — 2012. — № 3. — С. 97—107.

ГЕНДЕРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: СОВЕТСКАЯ СЕМЬЯ В 1920–1930-Е ГГ.

Ракачев В.Н. (Краснодар)

Революция 1917 г. стала по сути переломным этапом в развитии российского общества – это время модернизации, необходимости проведения глобальных преобразований связанных с бурным развитием капитализма в европейских государствах и кардинальными изменениями в мировой системе.

Пришедшие к власти большевики, осознавая необходимость и историческую неизбежность модернизации российского общества, понимали, что для ее реализации требуется кардинальное

преобразование коллективного сознания, освобождения его от прежней ценностно-нормативной и социокультурной базы и создание нового типа человека – «человека коммунистического». Только при таких условиях возможно было удержать власть и построить новое общество.

Трансформации подвергаются базовые социальные институты, на которые опирается общество: семья, школа, церковь, армия и др. Все было направлено на реализацию главной цели – создать управляемую человеческую массу способную выполнять поставленные перед обществом задачи.

В 1920-х гг. в США приобретает популярность «теория плавильного котла», согласно которой различные этнические компоненты активно ассимилируются и трансформируются под влиянием американского общества и государства в единую новую социальную общность – «американскую нацию». Подобная идея в это же время начинает реализовываться и в СССР, здесь начинает работать свой «плавильный котел», целью которого было создание новой коммунистической общности людей – «советского народа», и нового типа человека – «советского человека».

Выдающийся советский педагог А.С. Макаренко в своих книгах говорит, что условием переделки человека, создания новой личности является заключение индивида в коллектив: «Коллектив – это свободная группа трудящихся, объединенных единой целью, единым действием, организованная, снабженная органами управления, дисциплины и ответственности, коллектив – это социальный организм в здоровом человеческом обществе» [1].

Поэтому важная роль в советской общественной модели отводилась воспитанию детей. Еще в 1918 г. на съезде работников народного просвещения было сказано ясно и недвусмысленно: «Мы должны изъять детей из-под грубого влияния семьи. Мы должны их взять на учет, скажем прямо – национализировать. С первых же дней их жизни они будут находиться под благотворным влиянием коммунистических детских садов и школ. Здесь они воспримут азбуку коммунизма. Здесь они вырастут настоящими коммунистами. Заставить мать отдать нам, советскому государству, ребенка – вот практическая наша задача»[2].

В тон ему звучат высказывания первого наркома просвещения А.В. Луначарского: «Из нашего поколения нам вряд ли удастся создать нового человека. Гарантию перерождения дает подрастающая смена. Поэтому воспитание детей есть величайшая задача: воспитание нового человека в духе коллективизма. Цель этого воспитания, чтобы «новая» с нашей точки зрения жизнь стала совершенно естественной для подрастающей смены» [3]. Человек, не отвечавший критериям коллективности или отвергавший социально санкционированные нормы, начинал считаться девиантом.

Конструируется модель тотального контроля детской социализации: детские сады и ясли, а дальше школа. Вместе с тем, семья продолжает участвовать в воспитании детей, но это должна была быть новая семья, семья коммунистическая, осознающая приоритет коллективных ценностей.

Меняется и ситуация по отношению к аборту. Первоначальная легализация его в 1920 г. постепенно сменилась жестким запретом в 1936 г. и контролем над репродуктивным поведением женщин в целях программы демографического развития страны.[4]

Пересматривается роль женщины в обществе, которая в первую очередь должна рассматриваться как член коллектива, а уже потом как мать и жена. Одним из наиболее ярких проводников этой идеи выступает А.М. Коллонтай: «Закрепление женщины за домом, выдвижение на первый план интересов семьи, распространение прав безраздельной собственности одного супруга над другим – все это явления, нарушающие основной принцип идеологии рабочего класса – «товарищеской солидарности», разрывающие цепь классовой сплоченности ...» [5]. Но результатом этих действий стала маргинализация социально активных женщин, которые не могут себя определить в новой роли. Являясь не только известным государственным деятелем, но и плодотворным писателем, она представляет этот образ в своих литературных произведениях. Для женщин-героев ее произведений, как и для Коллонтай ответ ясен, главное – коллективное, семья и любовь – это другие вещи, вторичные.

В условиях полной ликвидации безработицы и недостатка в рабочей силе к началу 1931 г. остро встал вопрос о массовом высвобождении женщин из домашнего хозяйства и привлечения их к производственному труду в промышленность, на транспорт и другие отрасли социалистического хозяйства. На 1931 г. было намечено привлечь в производство 1600 тыс. женщин. Фактически численность женщин составила в промышленности 660 тыс. человек (41,3% от общего числа рабочих), в строительстве – 149 тыс. (19,9% общего числа рабочих). В целом количество женщин-

работниц, занятых в несельскохозяйственном секторе, составило 1620 тыс. чел., таким образом, намеченный план был перевыполнен [6].

Процесс этого вовлечения женщин в систему общественного труда и его смысл интересно иллюстрирует в одном из своих романов А.И. Солженицын. Герой романа Инокентий, учит «правильно» читать центральную газету «Правду» (т.е. видеть не написанное, то что кроется между строк). «Ну, давай, учиться читать, – развернул газету Инокентий. – Вот заголовок: “Женщины полны трудового энтузиазма и перевыполняют нормы”. Подумай: а зачем им эти нормы? Что у них, дома дел нету? Это значит: соединенной зарплаты мужа и жены не хватает на семью. А должно хватать – одной мужской...» [7].

Однако все эти нововведения с трудом воспринимались населением, оно, как отмечает А.Г. Вишневский, было враждебным многим демографическим и семейным переменам, ибо они вступали в непреодолимый конфликт с культурной традицией. В условиях этого конфликта десяткам миллионов людей пришлось на протяжении жизни переходить от усвоенных с детства ценностей и образцов поведения к новым, незнакомым – задача заведомо невыполнимая. Массовое сознание долго не могло освободиться от заветов патриархальности. В СССР целые поколения оказались маргинальными, потерявшими одну систему культурных ориентиров и не обретшими другую [8].

К концу 1930-х гг. время кардинальных экспериментов в области семьи прошло, однако принципы и основные направления этих изменений продолжали реализовываться в интересах советского государства, со временем вовлеченность женщины в общественное производство стало фактически всеобщим, социализирующая роль семьи в значительной степени уступила место государству и общественным организациям и т.д. Вместе с тем все эти изменения нельзя рассматривать как исключительно советскую практику изменения института семьи, они были частью общего процесса модернизации общества.

1. Макаренко А.С. Сочинения: в 7 т. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957. Т. 7. С. 13.
2. Зензинов В. Безпризорные. Париж, 1929. С. 36.
3. Зензинов В. Безпризорные. Париж, 1929. С. 44.
4. Постановление ЦИК и СНК СССР 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // СЗ СССР 1936 г. № 34, ст. 309.
5. Коллонтай А.М. Отношение между полами и классовая борьба // <http://www.1917.com/XML/IRWOGpq+C0cfPfaaPKXuRrFTB-c.xml>
6. История индустриализации СССР: 1929–1932 гг. Документы и материалы / Отв. ред. В.Е. Поletaев. М.: Наука, 1970. С. 573.
7. Солженицын А.И. В круге первом. Роман. М., 1990. С. 311–312.
8. Вишневский А.Г. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 137.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ УРОКИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Рогачев И.В. (Архангельск)

Аннотация

Статья посвящена анализу кардинальной трансформации социально-политического и международного положения России в 1917 году. Автор рассматривает причины, вызвавшие к жизни данные процессы, делая акцент на выявлении внешнего воздействия на Россию: методов и политики, проводимой ведущими державами мира. Особое внимание уделяется урокам для современной России и других стран, формирующих новые модели мирового развития.

Сегодня нас отделяет ровно сто лет от событий, глубоко изменивших ход мировой истории, а так же оказавших прямое влияние на формирование новой системы международных отношений. Особенно это относится к России, претерпевшей радикальную трансформацию своего как внутреннего, так и внешнего развития. Как это ни странно, но сегодня Россия и мир на пороге третьего тысячелетия снова оказались в схожей ситуации.

Известный советолог Збигнев Бжезинский однажды метко провел параллель международной системы с шахматной доской, где традиционно есть победители и их жертвы[1]. Несмотря на то, что указанная работа относится к современному периоду развития международных отношений сама суть подхода остается неизменной уже на протяжении многих

веков. Единственное стоит отметить, что на роль победителя в разные хронологические периоды претендовали различные акторы, но роль жертвы неизменно отводилась России.

Можно выделить несколько основных наиболее упорных и последовательных геополитических оппонентов нашей страны сменявших друг друга с течением времени. С XII века им явилась Швеция, но по прошествии почти шести векового противостояния последняя уступила. На смену ей пришел более опасный противник, являющийся по сути им и до сих пор - Англия, на современном этапе тесно взаимодействующая с США. В отношении последних двух оппонентов Россия порой уступает. В чём причина этого?

Представляется, что основной смысл этого кроется в имплицитном механизме борьбы, взятым на вооружение Великобританией уже в начале XX века, который затем уже был усовершенствован США. Пример многовекового противостояния Швеции с Россией со всей очевидностью продемонстрировал бесперспективность прямого (контактного) соперничества. Обусловлено это российскими геополитическими факторами: огромная территория, демографический и ресурсный потенциал и др. В тоже время ещё одним эксклюзивным преимуществом является духовный настрой русского народа, готового идти для достижения победы на самопожертвование, что мало свойственно другим нациям.

Именно против этой особенности уже в начале XX века стали работать оппоненты России. И достижение положительного результата оказалось вполне возможным. Для этого необходимо было разжечь внутри страны оппозиционные движения, требующие от власти больше прав и свобод, постепенно ввергая страну в хаос и смуту.

Подобная картина действий и развернулась в драматичном для России 1917 году. Императорская власть, занятая мобилизацией всех ресурсов для победоносного окончания войны, оказалась не в состоянии справиться с неожиданной волной недовольства.[2]

С последующим вооруженным приходом к власти в России большевистского руководства страны Антанты взяли курс на поддержку центробежных сил страны, повсеместно укрепляя своё влияние в различных её частях.

Насколько далеко готовы были пойти бывшие союзники России, не желавшие видеть ее в рядах вершителей судеб послевоенного устройства, демонстрирует их деятельность на Русском Севере в революционный период. Данный регион с точки зрения геостратегии трудно переоценить во многом благодаря именно географическому расположению, позволяющего поддерживать связь с внешним миром через пространство мирового океана..

На сегодня становится известно о разработке бывшими российскими союзниками по Антанте планов по организации буферных государственных образований на территории Русского Севера, ставших возможными в силу реализации вооруженной интервенции 1918-1920 гг. По мнению британских военных экспертов создание плацдарма для расширения своего влияния было весьма актуальным в связи с ослаблением хозяйственных и иных внутригосударственных региональных связей России. Генерал Ф. Пуль, начальник британской миссии снабжения в России в начале 1918 г. в послании в Лондон впервые озвучил подобные идеи: «Из всех планов, о которых я слышал, больше всего мне нравится тот, в котором предлагается создать Северную федерацию с центром в Архангельске... Мы могли бы получить прибыльные лесные и железнодорожные концессии, не говоря о значении для нас контроля над двумя северными портами» [3. С. 8]

Командующий английскими военными силами на Мурмане контр-адмирал Т.У. Кемп в конце 1918 г. заявлял в английской прессе, что Великобритания, Франция и США должны иметь «контроль в течение некоторого времени над всеми средствами транспорта и связи и над экономической системой России в целом». [4. С. 131].

Укрепления своего влияния на Севере России желали и США, не считавшие себя связанными разделением сфер влияния в России между Англией и Францией на состоявшейся в Париже конференции в декабре 1917 года. Американские дипломаты в своих донесениях в Вашингтон подчеркивали необходимость более широкого участия в жизни северного края России. Так, на протяжении 1918 г. консул США в Архангельске Ф. Коль выступал за организацию гуманитарных и иных поставок в северные порты России. По его мнению, это была самая лучшая и в тоже время дешевая американская пропаганда. [5. Р.108-109]

Однако следует признать, что первенство в продвижении своих интересов на Русском Севере принадлежало все же британцам. Именно Т.У. Кемп стал инициатором создания под английским протекторатом Беломорско-Онежской Республики с границами, простирающимися от Северного Ледовитого океана до Онежского озера и от границы с Финляндией до Ладogi. [6. С.52-

53] Видимо этот проект был отвергнут в силу однозначного усиления лишь Англии. Весьма вероятно подобная причина привела к формированию другого более подробного проекта, учитывавшего интересы и других стран Антанты, имевшего громкое название – Русская Североокеанская Республика [7. С. 184-186]. Следует заметить, что существовали и другие подобные планы и только провал вооруженной интервенции стран Антанты в результате укрепления советской власти в России привел к невозможности их реализации.

Современная Российская Федерация находится в непростых внешнеполитических условиях. По истечении длительного времени после развала СССР наблюдается укрепление российской государственности, ставшей делать первые успехи и на международной арене. Однако, как и сто лет назад оппоненты нашего государства не желают подобного укрепления в силу чего против России используется различные инструменты «мягкой силы»: информационная война, экономические санкции и пр.

В сложившейся ситуации российскому руководству необходимо помнить уроки вековой давности, и не допустить возможность образования социального и иного брожения. Современные примеры провоцирования социальных протестов, имевших место в Москве на Манежной площади 2010 г., протестных движений, прошедших как в Москве, так и Санкт-Петербурге 2011-2013 гг. по результатам выборов в Госдуму и президента страны говорят о усиливающемся стремлении противостоящих сил России окончательно ее ослабить, воспользовавшись ее природными и иными ресурсами.

1. Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратег. императивы) М.: Междунар. отношения, 1998. 254 с.
2. Энтони С. Уолл-стрит и большевистская революция: пер. с англ. / С. Энтони. М.: Альманах «Русская идея», 1998. 400 с.
3. Голдин В.И. От первой мировой к Гражданской войне в России и на Русском Севере: уроки национальной безопасности // Первая мировая война и Европейский север России. Архангельск, 2014. 6-14 с.
4. Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Россию: пер. с англ. / В.Н. Мачавариани. М. «Прогресс», 1982. 186 с.
5. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia. – Washington: U.S. Government Printing Office, 1932; Vol. III. 330 p.
6. Журавлев П.С. Иностраный фактор в истории сепаратизма на Европейском Севере России в 1917 – 1920 годах. // XIX Ломоносовские международные научные чтения. Архангельск, 2008. 44-60 с.
7. Рогачев И.В. Архангельский Север в отношениях России и США в годы Первой мировой войны, 1914-1918 гг. Архангельск: «Дап rint». 191 с.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ: ФАКТОРЫ ПОБЕДЫ

Романенко М.В. (Москва)

Аннотация. В докладе дан анализ содержания и структуры объективного и субъективного факторов, сложившихся накануне и в ходе Октябрьской революции, единство и взаимодействие которых обеспечило победу революционных сил. Доказывается, что Октябрьское восстание – это не большевистский переворот узкого круга лиц, а результат деятельности революционных пролетарских и полупролетарских масс под руководством большевистской партии нового типа. Будущий продуктивный гуманистический проект России автор статьи связывает с возвращением нашей страны на путь торжества социальной справедливости, то есть обновленного социализма.

Лейтмотив хора нынешних критиков и противников Великой Октябрьской социалистической революции сводится к старому либерально-меньшевистскому положению, что в России не было достаточно зрелых объективных и субъективных предпосылок, условий для социалистической революции. Октябрьское восстание они нередко клеймят военным заговором и чуть ли не дворцовым переворотом.

В оценке Великого Октября антимарксисты противопоставляют ленинизм марксизму. И у Маркса, и у Ленина принципиально единое решение фундаментального вопроса о соотношении объективного и субъективного в истории. Согласно их взглядам определяющую роль в историческом процессе играют объективные, прежде всего, экономические условия. От них в конечном счете зависят и формирование, и содержание, и развитие субъективного фактора, которые являются отражением и выражением назревших вызовов истории. Необходимость социалистической революции детерминирована, вытекает из объективных условий капитализма,

создающего и материальные предпосылки социалистической революции (крупное обобщественное производство) и своего могильщика – пролетариат.

Социалистическая революция – результат не одних объективных условий, но и сознательной и организованной борьбы революционных сил под руководством партии. Этот субъективный фактор обладает относительной самостоятельностью. При наличии зрелых объективных предпосылок он может сыграть решающую роль в победе революции. Заслуга всестороннего обоснования роли субъективного фактора в борьбе за осуществление социалистической революции, бесспорно, принадлежит В.И. Ленину. Он раскрыл структуру субъективного фактора, определил его критерии зрелости, его решающую роль в победе вооруженного восстания и в дальнейшем процессе социалистических преобразований. В.И. Ленин неоднократно критиковал волюнтаристические и сектантские установки, ведущие к авантюризму и поражению революционных сил.

Почему социалистическая революция победила в нашей стране, которая была страной среднего уровня социально-экономического и технического развития, одной из сравнительно отсталых в этом отношении европейских стран, почему социально - политический строй России сделал ее авангардом исторического прогресса? Ответ на этот вопрос нужно искать в особенностях действия закона неравномерного экономического и политического развития капиталистических стран в эпоху империализма. Выражением этой неравномерности явилось перемещение центра революционного движения в XIX в. из Англии во Францию, из Франции в Германию, а в начале XX в. – в Россию, где назревающую народную революцию призвана была возглавить партия нового типа в корне отличная от европейских партий II Интернационала.

Какие же условия необходимы для того, чтобы социалистическая революция могла произойти и победить? Для этого должно, прежде всего, созреть противоречие (конфликт) между развившимися в недрах капитализма производительными силами и устаревшими производственными отношениями. Это предполагает определенную ступень развития (зрелости) капитализма. Такой ступени Россия достигла. Докапиталистические стадии развития общества не могут породить реальную возможность социалистической революции, в них отсутствуют пролетариат и машинный способ производства, там речь может идти лишь о демократических преобразованиях. Разговоры о том, что Россия не доросла до социалистической революции, что в ней не было экономических предпосылок для социализма, не выдерживают критики. Исследования советских философов, экономистов, историков, социологов показали, что приписывание Ленину мысли о том, будто отсталость является решающим причинным фактором революционных изменений, в корне ошибочно. Его позиция прямо противоположная. Без известной высоты капитализма, считал Ленин, у нас бы ничего не вышло. По уровню монополизации промышленности, производства и государственного регулирования экономики Россия стояла не ниже, но выше ряда государств.

Наличие революционной ситуации создает лишь возможность революции. В истории бывают периоды, когда объективные условия созрели для коренных изменений в обществе, а сил у прогрессивных классов недостаточно, чтобы произвести эти изменения. Революция, вооруженное восстание может начаться и увенчаться победой лишь тогда, когда к объективным условиям присоединяется адекватный субъективный фактор, т. е. сознательность и организованность рабочего класса и его союзников руководимого, приобретшей опыт в классовых столкновениях марксистской партией. Без наличия такой авангардной партии – ядра субъективного фактора революции – стихийное движение революционных масс не достигает успеха, революция терпит поражение.

Законом социалистической революции является соответствие друг другу объективных обстоятельств и правильной политической стратегии и тактики, правильных решений партии, направляющих действия масс на различных этапах ее развития. При этом В.И. Ленин и партия руководствовались принципиальным положением К. Маркса и Ф. Энгельса, что «против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям... эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социалистической революции». Большевики стали именно такой партией, партией нового типа с новаторским, диалектико-материалистическим методом мышления, освоившая новую, складывающуюся в ходе кризиса социальную картину мира – единственной партией нового типа, которая адекватно выражала потребности назревшей революции. Но, будучи марксистской, она не считала марксизм догмой, а творчески применяла теорию при анализе качественно новых реалий.

Соединение объективных обстоятельств со зрелым субъективным фактором обеспечило победу Октябрьской революции, в результате которой в нашей стране была установлена диктатура пролетариата в форме Советов, ставшая властью подавляющего большинства населения.

Великий Октябрь, социалистическая революция – это не какое-то отклонение от главного пути истории, не продукт узкого круга заговорщиков или партийных функционеров, как об этом вещают противники марксизма - ленинизма и антикоммунисты, а закономерное явление, результат деятельности, творчества рабочего класса, полупролетарских масс города и деревни под руководством партии большевиков – революционной марксистской партии. Партия большевиков была единственной подлинно революционной партией, сумевшей правильно определить курс развития России, учитывающий национальные особенности нашей страны. Советская власть в России была установлена при поддержке подавляющего большинства трудящихся, и ее установление пошло на благо народа и государства.

Разрушение СССР не вытекало из объективных основ развития социализма, оно было обусловлено главным образом субъективными причинами – отходом руководителей КПСС и социалистического государства от идеалов и принципов социализма, их неспособностью решить возникшие трудности в развитии социализма при активной поддержке антикоммунистов всего мира и прежде всего США. В результате так называемой «перестройки», реализации неолиберального проекта в России утвердился «регрессивный, паразитический, олигархический, компрадорский капитализм». Такая оценка существующего ныне строя дана на XVII съезде КПРФ в мае 2017 года. Сегодня перед всеми патриотическими силами России стоит задача, вызов истории - возвращение на путь обновленного социализма, потому что действительно продуктивный, гуманистический проект общества, основанный на социальной справедливости, следует искать на пути социализма, начало которому положил Великий Октябрь.

РОЛЬ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЖЕНСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Савельева А.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация:

Великая русская революция изменила ход социально-политического развития страны, что нашло свое отражение в изменении функций женской периодики. Статья поднимает вопрос о роли печати в контексте политики партии и женского рабочего движения начала XX века (по материалам журнала «Работница»).

Смена политического режима в стране повлекла за собой реорганизацию экономических, социальных, общественных и культурных отношений. В складывающихся условиях ЦК коммунистической партии начинает использовать женскую периодическую печать для осуществления собственных задач. Если в досоветский период все женские издания были либо частными, либо принадлежали политическим объединениям, отражая идеологическую позицию собственных издателей, то после 1917 года стали создаваться специальные правительственные органы и издательства ЦК ВКП(б), призванные контролировать как центральную, так и региональную печать, а частные издания исчезли вовсе. Качественным образом изменились функции российских женских журналов.

Обратимся к материалам «Работницы» – журнала, основанного по инициативе В.И. Ленина, и выпустившего за период с 10 мая 1917 года по 26 января 1918 года (по старому стилю) тринадцать номеров тиражом 30-40 тысяч экземпляров. Историю журнала можно проследить до настоящего времени, чем и обосновывается интерес к нему. К тому же, невысокая стоимость, а впоследствии и обязательная подписка, делали его доступным самому широкому кругу читательниц.

Деятельность журнала была направлена в первую очередь на проведение агитации, привлечение женского населения к участию в производственном процессе, пропаганду коммунистических идей. Однако помимо пропагандистской функции, журнал стремился «сплачивать работниц», о чем заявлял в своей программе [1, с.2].

В начале XX века роль печатного слова была особенно велика. С помощью печати оказывалось реальное воздействие на общественное сознание и поведение. Революционерка, издательница журнала «Работница» А.И. Иванова вспоминает о событиях 1917 года: «...мне предложили работать в журнале «Работница», – в составе ред. коллегии и одновременно по пропаганде. (...) Включившись в работу по пропаганде, редакционные работники во второй

половине дня уезжали проводить митинги по заводам и районам Петрограда» [2]. 28 мая 1917 г. членами редакции журнала был организован женский митинг, который состоялся за Невской заставой, во дворе здания фабрики Максвелл. Ораторами выступали Захар Невский, П.Ф. Куделли, Л.Н. Сталь, Г.И. Бокий и др. Все они звали работницу к организации, обозначая ее ответственность за судьбу пролетариев всего мира [3, с.15-16].

В журнале поднимались проблемы, касающиеся как рабочего движения в целом: борьба против капитализма, организация социал-демократической партии рабочих, сверхурочная работа и 8-ми часовой рабочий день, внешняя политика и пр., так и вопросы защиты прав и интересов работающих женщин. Статьи были посвящены участию женщин в парламенте и ее избирательным правам, объединению работниц в пролетарские организации и профсоюзы, охране женского труда и пр. Кроме того, «Работница» требовала помощи в решении проблем эксплуатации детского труда, детского образования, проституции и пр.

С установлением власти советов, начался период активного создания образа «новой советской женщины», «нового советского мужчины» и новых отношений между полами, которое определялось политикой вовлечения женщины в общественное производство и политическую жизнь, а также государственным регулированием семьи.

В начале 30-х гг. политика, рассчитанная только на привлечение имеющихся трудовых ресурсов, уже не удовлетворяла потребности государства; возникла острая необходимость в постоянном и растущем воспроизводстве рабочей силы. Исходя из этого, женщина должна была теперь не только участвовать в общественном производстве, но и рожать как можно больше детей [4]. Женщины стали рассматриваться как важный ресурс производства и воспроизводства. Соответственно, деятельность женских изданий была направлена на проведение соответствующей агитации.

На смену развлекательной и культурно-просветительской функциям женского журнала дореволюционного периода пришли его пропагандистская и интеграционная функции. По инициативе ЦК и его местных отделов была налажена деятельность сети женских журналов. Правительство провело комплекс мер по превращению данного типа прессы из специального в массовый. Во второй половине XX века их тираж будет доходить до нескольких миллионов экземпляров в год (например, журналы «Работница», «Крестьянка», «Советская женщина» и др.).

События 1917 года ввели на страницы печатных изданий новые темы и новую риторику, что по П.А. Сорокину является одним из обязательных следствий революции.

Изменилось и обращение к читательнице. Использование в женской периодике слов: «крестьянка», «работница», «пролетарка», «товарищ» также служило интеграционной и пропагандистской функциям журнала, т.к. обязательно отражало связь читателя с конкретной социальной группой.

Поступательное плановое развитие женской прессы, начатое в первые годы жизни советского государства, оборвалось в 1941 году, когда перестали выходить многие журналы. Однако революция 1917 года оставила глубокий след в истории развития женской периодической печати. Проявив себя в качестве взрывоопасной социальной группы, женщины тем самым привлекли внимание всех политических сил, которые в революционной России начали борьбу за политическую власть [5]. Интерес к женскому движению сильно возрос. Укоренившаяся после революции власть начала активную работу среди женщин.

1. *Работница, 1917, №1-2*
2. *ЦГАИПД СПб. Фонд Р-4000. Описание 5-1. Дело 916. Иванова А.И. Воспоминания о революционной деятельности в Нарвском районе в 1906-1911 гг., о работе в больничной кассе Путиловского завода в 1914-1915 гг., в редакции журнала «Работница» в 1917 году, в Нарвском районном Совете в 1917-1919 гг., об июльских событиях 1917 года, в Петрограде и автобиография*
3. *Работница, 1917, №5*
4. *Ельникова Г.А. Женственность в России XX века: трансформация представлений // <http://www.sofik-rgi.narod.ru/avtori/konferencia/elnikova.htm>*
5. *Алферова И.В. 1917 г. в России: большевизм и феминизм в условиях социальной активности женщин-работниц // Вестник ТГУ, выпуск 11 (79), 2009*

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Савин С.Д. (Санкт-Петербург)

Статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 15-18-00119 «Исторический опыт управления этническим разнообразием и этноконфессиональными конфликтами в имперской, советской и постсоветской России: междисциплинарное исследование».

Аннотация

По оценкам большинства специалистов историческое сознание россиян носит фрагментированный характер, что дает широкие возможности для манипулятивного воздействия на разные социальные группы, создает конфликтную среду в сфере политики и этноконфессиональных отношений. Сознательное конструирование политическими силами власти и оппозиции, региональными и постсоветскими элитами так называемых конфликтных этнонациональных версий истории создает раскол в обществе и разрушает добрососедские связи и отношения между народами. Но, с другой стороны, следует понимать, что историческое сознание и историческая память народа важная интегрирующая сила в обществе, факторы национальной идентичности.

Общепризнано, что историческое сознание выполняет в обществе идеологическую и культурно-патриотическую функции, оказывает влияние на формирование национальной идентичности. Историческое знание в популяризованной форме публицистики и в рамках образовательных программ (прежде всего школьных) формирует пласт исторического сознания, отражающий не просто определенное видение исторического прошлого, но и взгляд на современную действительность и перспективы развития общества. Наполняя массовое сознание смыслом исторической гордости или исторических обид оно формирует социально-психологические установки, определяющие поведение социальных групп, их реакцию на те или иные события. Поэтому, как правило, серьезные общественные трансформации влекут за собой и смену или пересмотр исторических концепций. На примере распада Советского Союза мы видим многократно отмечаемую историками закономерность в повсеместном переходе от советской исторической концепции строительства многонационального государства к этнонациональным концепциям истории отдельных народов. Объединяющая центр и республики классовая теория исторического материализма сменилась различными теориями этногенеза и национальной истории, в том числе национально-освободительного движения. В новых исторических построениях главным историческим героем стал народ-этнос и конкретные личности, в которых он воплощается [2, 121].

В условиях распада союзного государства и дезинтеграционных процессов на всем постсоветском пространстве усиливаются тенденции к «регионализации истории», ее замкнутости на конкретные исторические процессы, которые носят избирательный характер. История превращается в ткань из белых пятен и ярких узоров. Что-то сознательно замалчивается, другие же события прошлого мифологизируются. В итоге целостная картина исторического процесса распадается на множество фрагментов, что приводит и к фрагментации исторического сознания и исторической памяти [1, 103]. Этнизация истории и этнизация политики идут рука об руку. Этнонациональные движения стали строить идеологию из мифологизированных конструктов истории. Для «переписывания» историй характерными стали приемы политического манипулирования сознанием в форме создания образа врага из бывшей метрополии и некоторых народов-соседей, героизации политических событий и лидеров национальных движений, удревнение основ государственности титульного народа, мифологизированное представление об упущенных возможностях своего общественного развития как жертв колониального прошлого. Построение новых национальных государств или движение усиления суверенизации и сепаратизма республик в самой России шло в русле пропаганды собственной этнонациональной исключительности и формирования этнофобий и враждебных установок в отношении нетитульных народов, прежде всего русских.

Отрицательный исторический образ России в массовом сознании поддерживается ими в том числе и за счет таких манипулятивных приемов как усиление негативного восприятия главных исторических персонажей русской истории, эффект обобщения и усиления демонизирующих черт. В новых национальных историях можно назвать его «эффектом Сталина» (или еще древнее – «эффектом Ивана Грозного»), когда деспотические черты личности переносятся на обобщенный образ правителя российского государства, рассматриваются как своеобразный архетип власти.

Так образ России как восточной деспотичной державы, нарушившей ход истории развития восточноевропейских народов, все более укореняется в последние годы в сознании самих этих народов. Во многом благодаря не только массовой пропаганде в СМИ, но и продуманных антироссийских концепций истории, внедренных в систему образования. Уместно вспомнить и активно пропагандируемый в СМИ подход к российской истории оппозиционно-либеральных кругов, делающих акцент на восточно-деспотическом или имперском архетипе российской власти и так называемой, по словам академика Ю.С. Пивоварова, властечцентричной модели общества [3].

В связи с этим неудивительно, что возникла ответная защитная реакция российских историков и общественных деятелей, пытавшихся восстановить концептуальную связь единства судьбы народов России и всесторонне описать позитивный синергетический эффект их общего развития. Единое социокультурное пространство не исключает этнокультурное своеобразие народов, но дает широкие возможности для взаимного культурного обмена. Проецировавшийся на российское общественное мнение комплекс вины за свое имперское прошлое с требованиями покаяния перед угнетенными народами стал постепенно изживаться в общественной мысли современной России. Не отрицая черных пятен истории, не избегая сложных противоречивых периодов развития российского общества, тем не менее, восстанавливается историческая роль России как великой державы, сыгравшей ключевую роль в становлении современного международного правопорядка, принесшей возможности для мирного стабильного развития народов на широком евразийском пространстве. Пришло понимание того, что только последовательная государственная политика в области исторической науки и образования может обеспечить крушение мифа о «тюрьме народов» и сформировать в общественном сознании цельный исторический образ отечества. Социологические исследования исторического сознания населения России и сопредельных стран могут с одной стороны выполнять диагностическую функцию выявления состояния и динамики массовых представлений о закономерностях исторического процесса, с другой стороны, фиксировать как эти изменения влияют на характер общественных отношений, особенно этнополитических.

1. Елисеев С.М., Кирсанова Н.П. Проблемы развития исторической памяти у молодежи в контексте процессов евразийской интеграции // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2015. №2. С. 101-105.

2. *Национальные истории в советском и постсоветских государствах*. /Под редакцией К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Предисловие Ф. Бомсдорфа. Изд. 2-е, испр. и дополн. — М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. — 432 с.

3. Пивоваров Ю. С. *Между казачеством и кнутом (К столетию русской конституции и русского парламента)*. – Полис. Политические исследования. 2006. № 2. С. 5-26.

ИМИДЖ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА КАК РЕЗУЛЬТАТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОВОКАЦИЙ В РОССИЙСКИХ СМИ

Сеняткина А.Н. (Тольятти)

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ проект № 17-46-630560 «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона».

Аннотация: Автор рассматривает имидж политического лидера, где главный образ лидера зависит от соблюдения условий его построения: от знания и понимания настроений, требований и установок своего будущего или перспективного электората. Автор акцентирует внимание на имидже, который развивается и закрепляется в представлении избирателей с помощью средств агитации и пропаганды. На взгляд автора политтехнолога, начиная разработку имиджа, исходят из того, что менять надо не человека, который выступает в качестве кандидата, а впечатление о нем, которое больше зависит от эффективности деятельности средств массовой коммуникации, чем от самого кандидата.

Одной из важных составляющих воздействия на аудиторию, во многом определяющей его эффективность, является имидж политика.

Положительный имиджа политического лидера главным образом зависит от соблюдения условий его построения: от знания и понимания настроений, требований и установок своего будущего или перспективного электората, а также умения показать, что данный политик – именно тот, кто полностью отвечает потребностям публики.

Политический лидер – это авторитетный член организации, группы, общества в целом, личностное влияние которого позволяет ему играть существенную роль в политических процессах и ситуациях [1]. Его имидж формируется в результате целенаправленных действий членов его команды: политтехнологов, имиджмейкера, копирайтеров и других.

Имидж (от англ. image – образ) – целостное видение конкретного социального объекта, построенное на базе его стереотипизированного восприятия, эмоционально окрашенный схематизированный образ этого объекта, представленный в сознании его социального окружения [1].

Имидж политика складывается также из целого ряда компонентов, которые, в идеале, должны «работать» на создание единого образа. В частности, так называемого «паблицитного капитала»: программ, заявлений и других материалов, в которых отражены основные идеи лидера. Это, как правило, несколько наиболее злободневных проблем общественной жизни, требующих разрешения. В предвыборный период задача предлагаемого лидером политического курса выражается в краткой и доступной для понимания формуле – лозунге.

Имидж – это отражение существующей действительности в понятных избирателям законах и символах. Он должен поддерживаться постоянно, иначе он просто перестанет существовать. Имидж нематериален и существует лишь в воображении его создателей и избирателей. Более того, каждый избиратель является в определенной мере создателем имиджа политика, т.к. с одной стороны, всегда видит его «по своему», а с другой стороны, отдавая свой голос тому или иному политику, становится частью его социальной базы, и тем самым, создаваемого им имиджа [2].

В социологии, начиная с М. Вебера, политических лидеров делили на три типа: традиционных, легальных и харизматических в зависимости от того, на чем основываются их претензии на власть (авторитет) [3].

1. Традиционные лидеры (вожди) – опирающиеся на веками сложившиеся традиции, на своё безусловное право на власть. (Хонейни – Иран);

2. Легальные лидеры – должны получить власть законным путем. (Буш, Олланд, Ельцин);

3. Харизматические лидеры – они стоят особняком, их власть (или же, вернее сказать, авторитет) опирается не на внешнюю силу, а на некое необычное личное качество, которое М. Вебер называет «харизмой». (Томиньский – Польша, Жириновский – Россия).

Альтернативную классификацию может предложить Я.В. Титова, предложившая четыре собирательных образа политических лидеров: «знаменосец», «служитель», «торговец», «пожарник».

1. Лидер – знаменосец – должен отличаться собственным видением действительности, иметь чёткую цель, умеет и увлекает за собой людей, определяет характер происходящего, его темп, формирует политическую проблематику. (В.И. Лени).

2. Лидер – служитель – выражает интересы своих приверженцев. Он действует от их имени, и задачи приверженцев являются для такого лидера приоритетными. (Л.И. Брежнев).

3. Лидер – торговец – основывает свои отношения с избирателями на способности убедить их в своей стратегии, пойти на какие-то уступки, тем самым добиться поддержки на выборах. (В.В. Жириновский, Б.Е. Немцов, Г.А. Явлинский).

4. Лидер – пожарник – реагирует на требования масс, вызванные конкретной ситуацией, что и определяет его действия по тушению пожаров. (Б.Н. Ельцин, В.В. Путин).

Как правило, в чистом виде эти типажи не встречаются, сочетаясь у политических деятелей в различных пропорциях.

Согласно самой распространенной в современной науке концепции политического лидерства, поведение лидера представляет собой результат взаимодействия двух начал: его действий (проявляемых в них свойств его личности) и объективной обстановки [4]. Значение обстановки определяется тремя факторами:

1. Она оказывает влияние на формирование личности лидера.

2. Она ставит перед ним проблемы.

3. Она ставит условия, в которых лидеру придется эти проблемы решать, в частности круг его потенциальных противников и сторонников [5].

По мнению специалистов, для российского менталитета важны следующие имиджевые характеристики: «Спаситель», «Благодетель», «Защитник», «Хозяйственник» [6].

Политические реалии современного общества таковы, что рядовой избиратель не имеет возможности личного контакта с политиком или другим государственным деятелем. Он

воспринимает политика таким, каким его представляют обществу СМИ, поэтому они играют важнейшую роль в формировании имиджа [6].

Имидж развивается и закрепляется в представлении избирателей с помощью средств агитации и пропаганды. Политтехнологи, начиная разработку имиджа, исходят из того, что менять надо не человека, который выступает в качестве кандидата, а впечатление о нем, которое больше зависит от эффективности деятельности средств массовой коммуникации, чем от самого кандидата. Чтобы победить на выборах, нужно стать мифом либо легендой. Опыт показывает, что во многих случаях на выборах побеждает не конкретный человек, а миф об этом человеке, мощное отражение раскручиваемого образа в общественном сознании [7].

Первоначально проводятся исследования, которые способствуют выявлению ожидаемых качеств и способностей кандидата. Затем специалисты в области избирательных технологий, имиджмейкеры разрабатывают стратегический образ кандидата. Далее специалисты в области агитации и пропаганды, используя СМИ, печатную и наружную рекламу, другие способы коммуникации доводят этот образ до избирателей [8].

Доверенные лица и агитаторы в непосредственном общении с избирателями закрепляют этот образ. И, наконец, кандидат на встречах с избирателями демонстрирует этот образ, укрепляя свой имидж.

В настоящее время образ политических лидеров формируется во многом благодаря применению политтехнологии методики политпровокаций. Используется «чёрный пиар», происходит дезинформация и оболванивание электората.

Таким образом, можно сделать вывод, что применение политических провокаций способно значительно повлиять на имидж политического лидера, а также признать, что провокационный акт как таковой является серьёзным инструментом политических технологий.

1. Большой Электронный справочник Кирилла и Мефодия [Электронный ресурс] // под. ред. И.М.Сеченов И.М. , // URL: <http://www.megabook.ru> (Дата обращения 12.09.2017).

2. Титова Е.В. Имидж политического лидера. / Титова Е.В. - Ростов-на-Дону, 2006. - С. 98.

3. Крикунова Ю.А. Личность телеведущего в процессе социальной коммуникации в трансформирующемся российском обществе: дисс...канд.социол.наук, Казань, 2011. - 276 с.

4. Горбачева Н.Б., Самостоятельность как фактор становления социальной зрелости молодежи//Горбачева Н.Б.//В сборнике: Экономика в условиях социально-технологического развития мира материалы Международной научной конференции по фундаментальным и прикладным проблемам современного экономико-экологического развития. 2016. С. 617-625.

5. Панарин А.С. Политология. / Панарин А.С. - М.: Проспект, 2004. - С. 289.

6. Бочкова Е.А. Механизмы PR-технологий в имидже современного политика / Бочкова Е.А. // «Академия Тринитаризма», М. - С. 118.

7. Иванова Т.Н., Политпровокации в СМИ как часть политтехнологий и их влияние на социально-психологическое состояние общества// Иванова Т.Н.// Научно-методический электронный журнал концепт. 2016. т. 38. с. 44-48.

8. Иванова Т.Н., Субкультура как альтернативная форма социализации личности Иванова Т.Н.//Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 1 (10). с. 78-81.

НАЦИОНАЛИЗМ КАК ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Сидоров И.В. (Тольятти)

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ проект № 17-46-630560 «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона».

Аннотация: Автор рассматривает межнациональный конфликт как результат объективных, так и субъективных причин. На взгляд автора для нейтрализации негативных последствий, наиболее опасным является преступность и обеспечения эффективности регулирования этих конфликтов, разрешения межэтнических проблем и выполнения масштабных, стратегических задач совершенствования межнациональных отношений.

В исследовании воздействия межэтнических конфликтов на общество особое внимание следует уделить субъективной стороне, так как личностный интерес не обязательно преобразуется в деятельность по достижению общей цели. Но, далеко не всегда, отдельный индивид способен

при достижении своих целей игнорировать интересы своей группы как бы они не противоречили друг другу [1]. Обычно групповые интересы доминируют над индивидуальными. Сложная логика коллективных действий, воздействие побудительных механизмов (материальных, силовых, моральных и т.д.) с учетом особенностей этнонациональной психологии и культуры, способны оказывать решающее воздействие на целеполагание и социальную активность.

В современном мире практически не существует полностью этнически гомогенных стран. По статистике, таких только двенадцать процентов. Жителям же остальных государств приходится, так или иначе, сосуществовать в пределах единой территории [2]. Естественно, в таких условиях мирная жизнь будет складываться далеко не всегда – часто возникают межнациональные конфликты.

Согласно полной классификации Я. Этингера, межнациональные конфликты могут быть следующих типов:

1. Территориальные, которые тесно связаны с воссоединением раздробленных ранее этносов. Их источником является политический (часто вооруженный) конфликт между движением, имеющим поддержку соседнего государства, и стоящим у власти правительством.

2. Конфликты, которые порождены стремлением небольшой этнической группы реализовать свое право на создание независимого государства.

3. Противостояния, которые связаны с восстановлением прав депортированными народами на какую-либо территорию.

4. Военное столкновение, в основе которого лежат притязания на территорию (или ее часть) соседнего государства.

5. Межнациональные конфликты, возникающие в результате территориальных произвольных изменений в СССР.

6. Столкновения экономических интересов, которые завуалированы национальными противоречиями. В действительности же подобные межнациональные конфликты провоцируют правящие политические элиты, которые недовольны выделяемой им долей в общегосударственном «пироге».

7. Противодействия, в основе которых находятся факты исторического характера, и которые обусловлены традициями долгой борьбы.

8. Межнациональные конфликты в Европе, возникшие в результате многолетнего пребывания депортированных народов на территории другой республики.

9. Противодействия, в которых за определенными спорами (о государственном языке, по поводу религиозных отличий) чаще всего скрываются серьезные разногласия между этническими общинами.

Следовательно, межнациональный конфликт – это результат как объективных, так и субъективных причин. В такой ситуации является частым возникновение противоречивой позиции либо интересов сторон по какой-то проблеме или задаче, а также относительно целей, методов или средств их разрешения в конкретных обстоятельствах.

В основе всей мировой истории лежат межнациональные конфликты. Примеры таковых событий дались многим народам весьма существенной ценой.

Кровопролитные мировые войны двадцатого века еще долго будут помнить в каждом уголке земного шара. Современное общество, казалось бы, выступает против любых военных действий и конфликтов, в основе его развития либеральные идеи, здоровая конкуренция и мировая глобализация [3]. Однако в действительности все обстоит несколько иным образом. Количество конфликтов на национальной и религиозной почве с каждым годом только увеличивается, и в круговорот таких баталий оказывается вовлечено все большее количество участников, что приводит к постепенному расширению масштабов проблемы.

Примеры таких ситуаций освещаются в политических новостях с завидным постоянством. Межнациональный конфликт представляет собой разновидность конфликта социального, в основу которого легло множество факторов и противоречий, как правило, этносоциальных, политических, национальных и государственных.

Причины национальных конфликтов, если их разобрать подробнее, во многом очень похожи: Борьба за ресурсы. Истощение и неравномерное распределение природных ресурсов, обеспечивающих наиболее финансовые потоки, часто приводит к разжиганию споров и распрей. Рост численности населения в условиях замкнутости территории, неравномерный уровень качества жизни, массовая вынужденная миграция населения [4]. Терроризм как явление, требующее принятия жестких мер и, как следствие, обострения конфликтных ситуаций [5].

Выделяют ряд факторов, которые способствуют возникновению межнациональных разногласий. Чаще всего они зарождаются в больших городах, где много молодых людей разных национальностей. Основные причины межэтнических конфликтов:

1. Ухудшение экономического положения в регионе. Как правило, оно сопровождается разногласиями и враждой у различных слоев населения.
2. Отсутствие соответствующей политики государства, направленной на регулирование отношений среди населения.
3. Провокационные или необдуманные заявления (высказывания) политиков, представителей духовенства, СМИ.
4. Межэтнические распри и войны в прошлом.
5. Религиозная нетерпимость.
6. Культурно-исторические споры.

Независимо от причин, межэтнические конфликты, как правило, приобретают более серьезные формы и могут решаться цивилизованными и нецивилизованными способами. Среди них такие, как: политическая борьба; этнические «чистки»; массовые беспорядки; локальные войны; религиозный фундаментализм.

Все межэтнические конфликты объединяют некоторые особенности:

1. Сложносоставной, комплексный характер. Подобные конфликты возможны лишь в том случае, если этнос чувствует себя дискриминированным по социально-экономическим и духовным показателям.
2. Глубокие, исторические корни.
3. Высокая мобилизация. В ходе конфликтов защищаются общие ценности – язык, вера, быт. Это обеспечивает массовость и заинтересованность каждого члена этноса.
4. Накал эмоций, страстей.
5. Хронический характер. Полученные права и свободы одного поколения могут показаться недостаточными другому. Межэтнические конфликты в России во многом зависят от характера, тенденций и перспектив развития русской нации.

Итак, конфликты на межэтнической, межнациональной почве относятся к числу наиболее распространенных страхов. Знание и учет специфики этнических конфликтов имеет принципиально существенное значение не только для нейтрализации негативных последствий, наиболее опасным из которых является преступность, но и обеспечения эффективности регулирования этих конфликтов, разрешения межэтнических проблем и выполнения масштабных, стратегических задач совершенствования межнациональных отношений.

1. Горбачева Н.Б. Роль межпоколенной коммуникации в развитии ценностей молодого поколения//Горбачева Н.Б.//Научно-методический электронный журнал Концепт. 2015. Т. 13. С. 2381-2385.

2. Иванова Т.Н., Горбачева Н.Б., Цветкова И.В., Tolyatti's innovation prospects as estimated by its residents//Ivanova T.N., Gorbacheva N.B., Tsvetkova I.V.// Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 36. С. 119-124.

3. Иванова Т.Н., Яковлева С.С., Социологический анализ религиозных ценностей и гендерных стереотипов//Иванова Т.Н., Яковлева С.С.// Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 157-161.

4. Иванова Т.Н., Польшкова М.М., Терроризм как фактор риска в современном российском обществе: социологический опыт// Иванова Т.Н., Польшкова М.М.//Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 3 (16). С. 134-138.

5. Иванова Т.Н., Польшкова М.М., К вопросу социальной безопасности в контексте анализа проблемы терроризма в современном российском обществе: социологический опыт// Иванова Т.Н., Польшкова М.М.//Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. Т. 38. С. 120-130.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Солдатов А.В., Солдатов А.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация

В работе анализируются изменения избирательного законодательства в РФ за последние 20 лет и то, как они сказываются на избирательной активности граждан и на выборе различных избирательных технологий. Особое внимание уделено особенностям выборных процессов в Северной столице.

1. Прежде всего, необходимо отметить высокую степень сегментированности первоначального этапа развития политического рынка в Российской Федерации. Об этом прямо говорит тот факт, что на первых думских выборах 1993 года восемь партий смогли преодолеть 5% барьер, в совокупности получив 81% голосов избирателей [1, 24]. Все они принимали участие в следующих выборах (декабрь 1995 года), но не все смогли преодолеть проходной барьер. В 1999 году четыре оставшиеся исходные партии в совокупности набрали лишь 38%. На думских выборах 2011 года места в парламенте получили только две исходные партии, избиравшиеся с 1993 года, это КПРФ и ЛДПР, которые набрали в сумме 24%, - политические долгожители по российским меркам. Эта тенденция продолжается и до настоящего времени. Необходимо отметить, что для политического рынка России характерна высокая степень волатильности электоральных предпочтений. За период между первыми и последними выборами индекс волатильности равняется примерно 33%, в то время как в нормальных демократических странах он не превышает 26 - 28%. Для классических демократий характерна средняя отметка, не превышающая показатель 10-12%.

2. Еще одна из особенностей российской избирательной системы - это широкое использование административного ресурса. Некоторые эксперты оценили, например, вклад административного ресурса на думских выборах 2011 года в пользу «Единой России» в 13 миллионов голосов (17% от проголосовавших). По мнению ряда исследователей в настоящий период административное давление стало вытеснять различные PR – технологии, как менее затратное средство убеждения. Российским политикам приходится учитывать тот факт, что сам фактор оппозиционности несет в себе большой риск неопределенности, поэтому им необходимо использовать такую стратегию, которая обеспечивает приемлемую альтернативу ценой сравнительно небольшого выбора.

3. Как показал экспертный опрос, проведенный в 2015 - 2016 годах в Санкт-Петербурге, большинство опрошенных из числа представителей органов власти, отметили возросший фактор «ресурсной зависимости». В рамках данной концепции организации способны выступать в роли ведущих акторов, тогда, как конкретные индивиды могут выступать только в качестве их агентов. На сегодняшний день основное направление развития PR – технологий - это «привязка» кандидатов и партийных списков к сильным политическим фигурам или популярным партиям. Поскольку на сегодняшний день наблюдается достаточно сильная монополизация рынка политического товара, то необходимость в развитии механизмов рецепторных связей относительно невелика. В этом случае важное значение приобретает политическая стабильность, как фактор, не способствующий полноценному развитию технологий политического PR.

4. Особое внимание уделяется также проблеме регионального аспекта избирательных кампаний. Как известно, 90-е годы XX века были ознаменованы «парадом суверенитетов». Французский политический мыслитель М. Дюверже указывал на тот факт, что в смешанных избирательных системах постоянно обнаруживает себя тенденция «регионализации» общественного мнения. Для России данная проблема приобретает особую остроту в силу существования национальных округов и республик. Это создает предпосылки к тому, что «малые» партии могут выходить на федеральный уровень, поскольку в некоторых регионах они выступают как «большие». Как показывает опыт новейшей российской истории, в отдельных субъектах успех может сопутствовать тем силам, которые выдвигают националистические (или в более широком смысле региональные) месседжи. С отменой в 2004 г. выборов по одномандатным округам произошел окончательный перелом в данной тенденции.

1. Роуз Р., Мишлер У. Модель спроса и предложения институционализации партийной системы: российский случай.// Вестник общественного мнения.6(98). Ноябрь-декабрь. 2008. С. 19 - 29.

ОСНОВНЫЕ МЕТОДЫ КОММУНИКАЦИИ ВЛАСТИ И ГРАЖДАН

Соловьева А.И. (Москва)

Аннотация

Современная социокультурная и политическая практика показывает необходимость замены отношения власти к обществу как к подвластным на более плодотворный диалог между равными субъектами общественной жизни. На диалог, в котором отражается многообразие мнений и позиций, в котором видны различия социальных интересов и ценностных ориентиров, на диалог, в котором каждый имеет возможность отстаивать свои права.

Проблема взаимоотношения власти и общества с давних времен и до сих пор является одной из самых актуальных и обсуждаемых. Это связано не только с определяющей ролью влияния властных решений на все сферы жизни общества, но и с самочувствием отдельно взятого человека.

Одним из возможных способов налаживания диалога между властью и гражданином становится участие общества в разработке, принятии и осуществлении властных решений. Без этого человек чувствует себя отчужденным от своей судьбы, а власть принимает решения, не руководствуясь желанием и потребностями общества [7]. «Вовлечение граждан – важный источник жизненной энергии для городов, муниципальных образований и регионов...» [7]

Однако проблема заключается в возможности и методах создания, поддержания эффективного диалога между властью и гражданином. Именно по этой причине Конгресс местных и региональных властей Совета Европы «призывает города и муниципальные образования изучать рамки демократического участия и по возможности расширять и углублять такое участие» [12].

Анализ отечественной и зарубежной практики взаимодействия чиновником и гражданин позволяет выделить следующую классификацию способов взаимодействия на основе инициатора коммуникации:

1. Со стороны властей
 - a. Выборы
 - b. Публичные слушания
 - c. Референдум
 - d. Сайты
2. Со стороны граждан
 - a. Обращение граждан к чиновникам
 - b. Протестные акции
 - c. Общественные объединения
 - d. Лоббизм
3. Со стороны властей и/или граждан
 - a. Социальная сеть
 - b. Веб-форум
 - c. Краудсорсинг
 - d. Блог

С течением времени власти всё больше убеждаются в том, что для формирования и функционирования эффективного социального пространства необходимо налаживания их диалога с гражданами [4]. Данный диалог может принимать самые разнообразные формы.

Одним из них являются выборы, один из самых главных компонентов современной политики. Выборы можно определить как способ формирования органов власти, а также особый механизм артикуляции интересов самых различных социальных групп. В период выборов люди анализируют жизненно важные проблемы и сравнивают свои интересы с тем, что предлагают осуществить выборные кандидаты в органы власти [11]. Другим видом узаконенного прямого народного волеизъявления, важнейшим проявлением демократии является референдум. Именно с помощью референдума граждане оказывают воздействие на формирование органов государственной власти и тем самым реализуют своё право на участие в управлении государственными делами [14]. Еще одним способом получения чиновниками обратной связи от граждан по конкретным социально значимым вопросам развития местных сообществ являются публичные слушания. В них имеют право принимать участие и выражать свое мнение как представители власти и общественности, так и рядовые граждане [13]. Публичные слушания проводятся по конкретным социально значимым вопросам развития местных сообществ, в результате чего могут быть приняты предложения по их решению. Однако данные решения не являются обязательными к исполнению. Наиболее эффективным Интернет-ресурсом, применяемым властями, прежде всего, являются официальные сайты. Всё больше сайты органов власти начинают играть роль важного источника информации о деятельности органов местного самоуправления и государственных органов. Электронные сайты государственных структур дают возможность не только повысить эффективность самой власти, но и предоставляют гражданам доступ к государственным информационным ресурсам, делают деятельность власти прозрачной по отношению к гражданам, повышают социальную ответственность чиновников [6].

Однако не только власти, но и простые граждане проявляют инициативу при налаживании коммуникации с чиновниками. Прежде всего, стоит сказать, что согласно законодательствам

многих стран гарантией эффективного взаимодействия власти и населения является право граждан обращаться в органы государственной власти с заявлениями и жалобами. Институт обращений граждан в органы публичной власти является способом выражения общественного мнения и средством получения государственными органами и органами местного самоуправления информации от граждан о качестве и недостатках своей работы [9]. Также эффективным методом аккумуляции общественных инициатив являются общественные объединения, призванные напрямую или посредством электронных коммуникаций собирать и анализировать предложения от заинтересованной части населения [15]. Иногда их деятельность превращается в непосредственное лоббирование интересов. Лоббизм выполняет ряд социально значимых функций, способствующих налаживанию конструктивного диалога между гражданами и властями. Главнейшая из них - это функция представительства интересов различных групп, объединений, лиц в политической и правовой жизни государства, с помощью которой мобилизуется общественная поддержка или оппозиция какому-либо законопроекту, оказывается влияние на политику [10]. Самым радикальным способом выражением интересов гражданами можно считать протестные акции. В основе протеста лежит общественное недовольство качеством жизни, взаимоотношениями с органами власти, несогласие с принимаемыми решениями и т.д. [5]. Протест появляется тогда, когда интересы властей и обычных людей не совпадают. Обостренные же противоречия могут породить социальное напряжение, которое нередко перерастает в конфликт [8].

И, наконец, существуют некоторые способы коммуникации, которые могут быть организованы или поддержаны любым человеком вне зависимости от социального положения. Так, социальные сети сегодня - это новое средство социальной и политической коммуникации, это наиболее популярная форма включенности среди населения, что и обуславливает столь высокой интерес к данному ресурсу со стороны политических акторов [15]. Актуальным для молодежи способом обмена мнениями является веб-форум [2]. При этом в общении могут участвовать кто угодно. Краудсорсинг позволяет гражданам принимать самое непосредственное участие в деятельности властей, а властям использовать умения и навыки граждан при подготовке управленческих решений. И, наконец, другим способом организации диалога является создание блога. Главная особенность блогов заключается в том, что пользователи могут комментировать новости, устанавливая обратную связь [1].

Таким образом, значимость диалога властей и граждан велика, какой бы метод коммуникации при этом ни использовался. Она заключается в способности создавать и накапливать активы: социальный, трансформируемый в гражданское общество; политический, обеспечивающий стабильность в стране, регионах; экономический, повышающий эффективность деятельности организаций; духовный, обеспечивающий приращение культурных ценностей [4]. Данный диалог, а также партнерские отношения необходимы для развития институтов гражданского общества.

1. Белова Н.Е. Социальные медиа как инструмент реализации гражданской активности / Белова Н.Е. // Приволжские научный вестник, 2014 - №3 – с.122-125
2. Веб-среда как пространство формирования диалога между властью и обществом [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://morapn.ru/veb-sreda-kak-prostranstvo-formirovaniya-dialoga-mezhdu-vlastyu-i-obshhestvom/> – (Дата обращения: 03.10.2017)
3. Воловик О.А. Диалог социальных институтов гражданского общества и органов властей (социологический анализ) / Воловик О.А. // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки-2014г. – с.37- 41
4. Дрегалю А.А., Ульяновский В.И. Социальный аудит региональных социальных систем в процессе управления // Казанские социологические чтения: материалы всерос. науч. конф.: в 4 т., г. Казань, 22–23 мая 2008 года. Казань, 2008. Т. 1. С. 186–190.
5. Кинбурский А., Топалов М. Гражданские качели России: от массового протеста до поддержки реформ / Кинбурский А., Топалов М. // Власть, 2006. - №5. - С. 51-55
6. Князев Р. М. Муниципальный интернет-ресурс как форма эффективного взаимодействия муниципальной власти и населения // Проблемы современной экономики: материалы Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2011 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2011. — С. 36-42.
7. Лаппо Г.М. Города на пути в будущее / Лаппо Г.М. - М.: Мысль, 1987 - 237 с.

8. Лукин Ю.Ф. *Сопротивление тоталитаризму, активность и протест в истории советского общества. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.* - М., 1993.
9. *Обращения граждан в органы государственной власти и органы местного самоуправления как форма общественных инициатив граждан* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.eurasia-allnews.ru/nauchnye-statii/item/285-obrashcheniya-grazhdan-v-organy-gosudarstvennoj-vlasti-i-organy-mestnogo-samoupravleniya-kak-forma-obshchestvennykh-initsiativ-grazhdan.html> – (Дата обращения: 05.10.2017)
10. Пименов Н.А. *Лоббизм – диалог с властью* / Пименов Н.А. // *Финансы: Теория и Практика*, 2012г. - №1 – с.73-78
11. Пугачев В.П., Соловьев А.И. *Введение в политологию* / Пугачев В.П., Соловьев А.И. // - М.: Аспект-пресс, 2007 – 477с.
12. Резолюция №91 Конгресса местных и региональных властей Совета Европы «Об обязанностях граждан и участии в общественной жизни» // *Об участии граждан в общественной жизни на местном уровне* - Обнинск. 2005. - с.4–17
13. Стародубов А.А. *Публичные слушания как форма общественно-политического участия населения современной России (социологический анализ). Автореф. дисс... канд. социол. наук.* - Саратов, 2009
14. Толстик В.А., Трусов Н.А. *Референдум как инструмент демократизации правотворчества* / Толстик В.А., Трусов Н.А. // *Юридическая техника* - 2014г. - №8 – с. 450 – 457
15. Фатов И.С. *Общественные объединения: эффективные формы гражданского диалога с властью* / Фатов И.С. // *Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал*, 2008г. - №1 – с. 298-300

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Старосоцкая Е.В. (Горки, Республика Беларусь)

Аннотация: В статье рассматривается политика советской власти в отношении интеллигенции, начиная с Октябрьской революции 1917 – 1922 гг. Проводится анализ различных групп интеллигенции, оценивается их влияние на протекавшие в обществе процессы. Ряд представителей интеллигенции осуждают новую власть и их программу, другие – восторженно приветствуют революцию, а многие ученые решают не вмешиваться, продолжая заниматься профессиональной деятельностью.

Объектом пристального внимания многих исследователей является история первых послереволюционных лет. Опубликовано немало работ, где «главное событие XX века», освещалось с прямо противоположных позиций: от вульгарной идеализации до явного очернительства. Однако было бы упрощением искать истину между этими полярными взглядами. Научное исследование прошлого требует накопления знаний, отхода историков от системы заданных координат.

К сожалению, и в многочисленных публикациях последних лет не удалось избежать конъюнктурной подачи материала. Под предлогом поиска исторической правды ряд авторов обвиняет большевиков в эскалации насилия, в превращении страны в своеобразную «лабораторию» социальных экспериментов. Однако нельзя не признать, что большевики, став сражающейся партией, смогли в тех реальных условиях удержать власть.

Как бы то ни было, однако революции в России избежать было нельзя. И именно революция, такая желанная для многих представителей российской интеллигенции, самым трагическим образом отразилась на судьбах большинства из них. Парадокс – в феномене российской интеллигенции, которая, являясь эталоном нравственной культуры и духовности нации, оказалась на рубеже веков оторванной от реального дела. Чрезмерная мечтательность, защита не насущных интересов народа, а своих представлений о нем, императив «служить не власти, а идее», – все это обернулось трагедией в октябре 1917 г. Значительная часть интеллектуальной элиты отвергла большевизм как теорию и практику движения общества к цивилизации и прогрессу. Тревогу за судьбу страны, страх за культуру и будущее перед возможным варварством как следствием необузданной революционной стихии не только высказывали многие образованные люди, деятели науки и культуры, но и начали активную борьбу с новой властью.

События, последовавшие после 1917 г., заставили многих представителей российской интеллигенции не только иначе взглянуть на те ценности, которым они прежде поклонялись, но и вступить в активную конфронтацию с большевиками. По призыву Всероссийского учительского союза 2 декабря 1917 г. около 4 тыс. учителей Москвы присоединились к трехмесячной

забастовке служащих городской управы. Бастовали учителя в Петро-граде, Уфе, Астрахани и других городах России, требуя передачи власти Учредительному собранию. Резолюцией от 22 ноября 1917 г. осудило диктатуру большевиков и правление Пироговского общества врачей, призвав медицинских работников саботировать мероприятия Советской власти в области здравоохранения.

Негативным было и отношение к пролетарской революции 1917 г. большинства представителей научных учреждений и вузов страны. Экстраординарное Общее собрание Российской Академии наук было специально созвано 18 ноября 1917 г. Обращение РАН, осуждающее Октябрьский переворот, было в дальнейшем поддержано Советом научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда.

Не приняла Советскую власть и значительная часть технической интеллигенции, выразителем настроений и взглядов которой являлся Всероссийский союз инженеров.

Таким образом, советская действительность утвердилась в результате взаимодействия и противоборства различных сил. Большевицкая власть не была абсолютно последовательна в своих действиях, налицо были явные противоречия в экономической, культурной политике Советов. Ситуацию можно определить словами Сен-Жюста, одного из деятелей Великой Французской революции, что «...сила вещей ведет нас, по-видимому, к результатам, которые не приходили нам в голову». В.И. Ленин в своих работах неоднократно подчеркивал этот парадокс: нам бы хотелось одного, но мы были вынуждены делать совершенно другое. Поэтому ряд конкретных шагов Советской власти, не всегда способствовал росту симпатий к большевикам у образованных слоев населения, представлялся им в лучшем случае непоследовательным и противоречивым.

С одной стороны, было стремление к общечеловеческой культуре, невиданная по массовости и активности работа по ликвидации неграмотности, с другой, четко выраженный классовый подход к носителям этой культуры – интеллигенции.

Положительно расценивая широкомасштабную государственную кампанию по изданию и распространению книг для народа, российская интеллектуальная общественность негативно встретила так называемые чистки библиотек от «антисоветской и антихудожественной литературы». В числе опальных оказались Кант, Платон, Л. Толстой, С. Есенин и др. Декрет СНК о печати (октябрь 1917 г.), согласно которому закрывались многие оппозиционные газеты, был расценен как ограничение свободы и демократии. Негативную реакцию у интеллигенции вызвал Декрет СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (январь 1918 г.), во исполнение которого началось варварское разрушение культовых памятников, проводились репрессии против служителей церкви. Эти и другие непопулярные меры властей вызвали протест и рост оппозиционных настроений у интеллигенции.

С особой враждебностью была воспринята революция и последующая политика большевицкой власти в кругах художественной интеллигенции. Объявила саботаж значительная часть труппы Александринского театра. На общем собрании коллектива театра было принято решение о прекращении театральной деятельности «вплоть до выяснения общего положения дел в государстве». Идейними врагами большевизма объявили себя многие представители литературы и искусства. З.Н. Гиппиус охарактеризовала события тех лет, как «месиво жестокостей, невежества...возмездие и болтунам, и «обломовцам» от культуры» [2].

Российская интеллигенция в большинстве своем выступила вдохновительницей контрреволюции, а монархически настроенное офицерство стало ударной силой белого движения. Однако годы гражданской войны стали тяжелейшим испытанием для многих из них. И в конце концов, даже самые ярые сторонники активной борьбы с большевиками осознали бесполезность приносимых жертв, понимая, что ожесточение войны уже не сможет пройти бесследно для страны, что ярость классового противостояния наложила отпечаток на нравственный облик всего народа [3].

Судьбы многих видных российских интеллигентов были исковерканы: одни погибли на фронтах гражданской войны, другие оказались в изгнании. Разочарование в революции вынудило эмигрировать лучших представителей отечественной интеллектуальной элиты. На долгие годы растянулся в эмигрантской среде процесс идейно-политического размежевания, пересмотр прежних верований и представлений, переоценка духовного прошлого. Большинство из эмигрировавших завершили свой жизненный путь на чужбине, некоторые вернулись на родину. Таким образом, пролетарская революция 1917 г. стимулировала процесс расслоения интеллигенции, сложный и растянутый во времени, со своими приобретениями и потерями.

Российская интеллигенция не была однородной ни по социальному происхождению, ни по своим убеждениям. Для многих даже мысль о бегстве из страны представлялась унижительной и аморальной. Идея служения народу, создание новой культуры являлись смыслом жизни для значительной части образованных людей и тем сильнее побудительным мотивом, который и определил их дальнейший жизненный выбор.

С энтузиазмом и надеждой встретили октябрьские события известные скульпторы С. Эрзя, С. Коненков, художники И. Грабарь, А. Лентулов, П. Кузнецов. В числе первых, кто восторженно принял революцию, были поэты А. Блок, В. Брюсов, В. Маяковский. Продолжали свою научную деятельность ученые А.П. Карпинский, А.Н. Бах, К.Э. Циолковский, И.М. Губкин. Многие известные деятели науки и культуры вступили в ряды ВКП(б).

Советская власть стремилась использовать опыт и знания «буржуазных специалистов» в своих интересах. Объединению интеллектуальных сил страны способствовала деятельность научно-технического отдела ВСНХ РСФСР. В 1919 г. в качестве постоянных со-трудников, консультантов и экспертов там работало свыше 250 профессоров, 300 инженеров. Более 200 ученых и служащих приняли участие в разработке плана ГОЭЛРО. В Институте физико-химического анализа АН под руководством академика Н.С.Курнакова велись исследования для электротехнической промышленности, в отделе редких элементов АН под руководством академика В.И.Вернадского – работы по изучению радиоактивных веществ. [4].

Однако согласие на сотрудничество с большевиками давалось нелегко. Одних не покидали сомнения в правильности сделанного выбора, другие прошли мучительный путь раздумий и компромиссов. Отношения между интеллигенцией и Советской властью нередко отличались острыми противоречиями: власть пыталась поставить образованные слои общества на службу системе, интеллигенция, со своей стороны, отстаивала право на интеллектуальную свободу, выступая против тотального контроля за умонастроениями в обществе. Одним из первых двусмысленность советской действительности отметил И. Павлов: с одной стороны, просматривались многообещающие признаки «социального рая» – равенство, единение масс, воодушевление большинства общими идеями, впечатляющие результаты индустриализации и т.д., с другой стороны, отмечал известный ученый, «мы находимся в сущем аду, где насилие и бесчеловечность стали обыденным и всеобщим делом» [1].

Для укрепления своих позиций, уничтожении потенциальных оппонентов власть предприняла упреждающие шаги, выработав программу мер по привлечению на свою сторону колеблющихся. Была поставлена задача активно привлекать старых специалистов, эта тактика рассматривалась как своеобразная форма классовой борьбы, призванная преобразовать классовую природу интеллигенции.

Результатом целенаправленной политики Советской власти по формированию качественно нового социума – советской интеллигенции – явилась пролетаризация образованного слоя страны, снижение общего интеллектуального уровня людей с высшим образованием. Был сформирован новый, лояльный государству социальный слой, гарантирующий успех в борьбе с возможными рецидивами инакомыслия и вольнодумства в обществе.

1. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 5 т М., 1989. Т.3. – С.240.

2. Гипиус З. Н.// Под созвездием топора. М., 1991. – С.327.

3. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М. 1990.– С.198.

4. Федюкин С.Л. Деятельность КПСС по формированию советской интеллигенции. М, 1984. – С.28.

5. Якимович А. Погружение в трясину. М., 1991. – С.371.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ УГРОЗА И СОСТОЯНИЕ ЗАЩИЩЕННОСТИ В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Сушко В.А. (Москва)

Терроризм в любых формах своего проявления превратился в одну из самых опасных проблем, с которыми человечество вошло в XXI столетие. В России проблема терроризма и борьба с ним резко обострилась в 90-х годах. Терроризм представляет реальную угрозу национальной безопасности страны: похищение людей, взятие заложников, случаи угона самолетов, взрывы бомб, акты насилия в этно-конфессиональных конфликтах, прямые угрозы и их

реализация. Существует реальная угроза того, что террористическая деятельность может стать одним из методов реализации стратегии нагнетания напряженности, достижения своих целей теми или иными политическими силами. Озабоченность мирового сообщества ростом террористической активности обусловлена многочисленностью жертв террористов и огромным материальным ущербом, наносимым террором. Не застрахованы от вспышек терроризма ни высокоразвитые, ни отстающие в экономическом и социальном развитии страны с различными политическими режимами и государственным устройством. Неслучайно в Концепции национальной безопасности Российской Федерации в перечне факторов, создающих широкий спектр внутренних и внешних угроз национальной безопасности страны, названо увеличение масштабов терроризма. Деятельность экстремистских организаций и группировок в настоящее время продолжает оставаться серьезным фактором дестабилизации социально-политической ситуации в России и представляет собой серьезную угрозу конституционной безопасности и территориальной целостности страны.

Террористическая угроза в современном обществе остается одной из наиболее острых проблем. Развернув в XXI веке беспрецедентную атаку на цивилизованный мир, террористы попытались навязать государствам и обществу свои правила игры и в определенной степени преуспели в этом. Мировому сообществу не удастся пока выработать адекватные меры противодействия террористическим угрозам.

Террористическая деятельность в современных условиях характеризуется широким размахом, наличием связи и взаимодействием с международными террористическими центрами и организациями; жесткой организационной структурой, конспирацией и тщательным отбором кадров; наличием агентуры в правоохранительных и государственных органах; хорошим техническим оснащением.

Для многонациональной и поликонфессиональной России экстремизм, использующий религиозные или этнические основания, особенно опасен. Необходимым является выработка научно-обоснованных рекомендаций по устранению почвы для экстремизма, которое возможно при усилении формирования социально ответственного сознания, определяющего состояние социальной защищенности граждан.

На фоне национальных противоречий столетиями продолжают развиваться конфликты, сопряженные с террористическими действиями в Великобритании (Ирландская революционная армия - ИРА), Испании – (Страна басков и свобода - ЭТА) и др. странах.

На фоне тотального обострения рискованных ситуаций в мире на фоне обострения социальных взаимодействий (религиозные, социо-культурные, экономические связи, политические отношения) происходит увеличение групп населения, атрибутом жизни которых становится терроризм. В конце XX – начале XXI века он изменил свою природу, находят применение новые методы и тактические приемы. На современном этапе терроризм характеризуется «хаотичностью, сложностью и технологической невозможностью предотвращения актов насилия становится глобальным дестабилизирующим фактором для мирового сообщества в силу глубины базовых противоречий, мощных финансовых возможностей, а также неограниченного количества потенциальных исполнителей, в силу слабости общечеловеческого начала, интолерантного сознания, психологии фанатизма» [1].

До 11 сентября 2001 г. терроризм носил главным образом политический характер. События в США начали отсчет новой формы терроризма – транснационального. При этом социальные проявления терроризма продолжают сохранять свою актуальность.

Вовлечение в террористическую деятельность разных слоёв населения даёт возможность расширить инфраструктуру террористических организаций. Этот факт также является важной тенденцией развития международного терроризма. Такое положение вещей обусловлено рядом социальных условий современного мира. А.-А.В. Таран считает, что «к ним относятся, прежде всего, следующие: рост участия в социально-политической борьбе слоёв населения не обладающих высокой политической культурой;

обострение межнациональных противоречий во многих странах мира; резкая активизация националистических процессов экстремистского характера; развитие религиозного экстремизма» [2].

С позиции социологической науки спецификой терроризма является явная социальная природа террористического акта. Объектом воздействия террористов зачастую являются и заранее определенные ими социальные слои населения, поведением которых они пытаются управлять. Например, массовые убийства, грабежи, захват заложников и имущества, применение других

форм устрашающего и психологически подавляющего насилия в 90-х годах в Чечне в отношении представителей «неэлитного» населения были направлены на достижение конкретной политической цели - их вытеснения из «Ичкерии» [3].

Стоит отметить, что в данной ситуации субъекты массового террора не пытались воздействовать на какие бы то ни было органы власти (местная власть поощряла эту кампанию этнической чистки населения, а федеральная была бессильна что-то ей противопоставить), при этом явно прослеживается социальный след преступлений террористов против мирного (гражданского) русскоязычного населения..

Это – яркий пример применения террористического метода для достижения социально-политических целей путем прямого воздействия на социум (массовые миграции русскоязычного населения и усиление позиций чеченских и международных террористов в регионе), и этот пример не «встраивается» в определение терроризма, данное российским законодателем.

В настоящее время отсутствует научное знание о механизме формирования социальной защищенности в условиях существующих террористических угроз. В научной литературе не разработана полипарадигмальная концептуальная модель исследования данной проблемы.

Научная новизна решения данной проблемы заключается в разработке и использовании полипарадигмальной концептуальной модели социологического исследования восприятия населением своей защищенности в условиях террористических угроз. В ней объединяются составляющие, характеризующие восприятие населением террористических угроз и формирование под их воздействием состояние защищенности.

Для борьбы с терроризмом большое значение имеет оценка данного явления населением, отношение к нему, состояние самочувствия населения в условиях постоянных террористических актов, готовность участвовать в борьбе с терроризмом. Для выявления оценок населения современного состояния социальной безопасности в России, защищенности от террористических актов, готовности участвовать в массовых акциях осуждения терроризма, необходимо предпринимать комплексные широкомасштабные социологические исследования [4].

Объединение данных, составляющих в рамках единой концептуальной модели социологического исследования, позволит выявить характер восприятия террористических угроз и социальной защищенности среди российского населения, закономерности их формирования. Выработанные на основе полученного знания рекомендации позволят повысить состояние устойчивости российского общества.

1. Улутова Г. А. *Терроризм как социальный феномен : Дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 : Тверь, 2003 – С. 4.*
2. Таран А.- А.В. *Международный терроризм как политический феномен. Проблемы антитеррористической борьбы: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2009. - С. 17.*
3. Мальшева Е.Н. *Феномен современного терроризма: социально-философский анализ: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Красноярск, 2011. – С. 12.*
4. Сушко В.А. *Социальная безопасность и социальное самочувствие россиян в современной России // Ценности и смыслы. 2013. № 2.*

ОКТАБРЬ 1917-ГО В ПАМЯТИ РОССИЯН: ОСНОВНЫЕ УРОКИ

Трофимова И.Н. (Москва)

Из всех аспектов исследования коллективной памяти, пожалуй, наиболее актуальным является отношение к событиям, которые стали переломным моментом в жизни общества. Такие события не только разграничивают этапы общественного развития, но и дифференцируют публичную сферу, служа своеобразными проекциями общественных конфликтов в настоящем и будущем. С другой стороны, коллективная память связана с идеей сообщества как длящейся во времени сущности и предполагает манифестацию и попытки усиления этого чувства длительного существования [Олик, 2012, 41]. Каждое общество использует отдельные прошлые события как фокусные точки для конструирования коллективной идентичности [Assman, 1995, 129; Eisenstadt, Giesen, 1995, 82; Хальбвакс, 2005, 40-41]. Чем острее противоречия в обществе, тем больше внимания уделяется прошлому: оно постоянно отбирается, фильтруется и реконструируется в соответствии с нуждами и запросами настоящего, как на индивидуальном, так и коллективном уровне [Jedlowski, 2001, 30].

Проблема коллективной памяти имеет особое значение для российского общества, за свою историю пережившее не один радикальный поворот, и каждый такой поворот становился отправной точкой нового этапа развития. Одной из таких отправных точек, безусловно, была Октябрьская революция 1917 г., давшая начало новой – советской – государственности. Сегодня она воспринимается как модель гражданского противостояния, приведшего к ломке традиционных основ и нарушению последовательности общественного развития. Президент В. Путин, затрагивая тему столетия Октябрьской революции, отметил: уроки истории нужны, прежде всего, для примирения, для укрепления общественного, политического, гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь [Послание Президента..., 2017].

Однако современники относились к революции иначе и далеко не так однозначно. Они воспринимали ее в контексте целой череды экстраординарных событий – русско-японская война 1904-1905 гг., «кровавое воскресенье», революция 1905-1907 гг., отречение императора Николая II от престола, первая мировая война, февральская революция. Н.А. Бердяев вспоминал, что самодержавная монархия была не столько свергнута, сколько разложилась и пала сама, а большевики – не столько непосредственно подготовили революционный переворот, сколько воспользовались им [Бердяев, 1991, 227]. И.А. Ильин, идейный оппонент Бердяева, также отмечал необходимость обновления общественно-политической системы, но ход и последствия революционных событий называл катастрофическими [Ильин, 1999, 80]. Драматизм октябрьских событий заключался в конфликте между утратившей потенциал консервативной перспективой и долго сдерживаемой модернизацией. Однако его силовое разрешение заложило не только противостояние этих перспектив на многие десятилетия вперед, но и возможность манипулировать ими в интересах правящего класса.

Данное исследование направлено на выявление специфики репрезентации Октябрьской революции в исторической памяти сегодняшних россиян. В исследовании использованы социологические данные, полученные в ходе общероссийского опроса «Динамика социальных трансформаций современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», проведенного Институтом социологии РАН в марте 2017 года. Объем выборочной совокупности составил 4 000 респондентов, репрезентирующей взрослое (от 18 лет и старше) население РФ по параметрам пола, возраста, образования и типа населенного пункта проживания.

Прежде всего, необходимо отметить, что Октябрьская революция 1917 г., отнюдь, не относится к тем историческим событиям, которыми гордятся сегодняшние россияне – на это указали только 6% опрошенных респондентов. Тем не менее, отношение к ней скорее умеренно позитивное, чем однозначно негативное. По мнению 21% россиян, революция принесла больше пользы, чем вреда; по мнению 29% – пользу и вред в равной степени. Однозначное мнение о вреде революции высказали 19% респондентов и 31% затруднились ответить. Причем чем моложе респонденты, тем труднее им дать конкретную оценку историческому событию. Если в группе респондентов старше 60 лет затруднившихся с ответом 20%, то в группе 18-30 лет – уже 44%. Имеется также сдвиг в соотношении позитивных и негативных оценок. Среди респондентов старше 60 лет преобладают позитивные оценки, среди 50-60-летних – умеренные, а среди 40-50-летних – негативные. Динамика памяти, которая определяется сменой поколений, действительно, заметно сдвигает в обществе профиль его воспоминаний [Ассман, 2014, 18].

Еще в большей степени динамика памяти заметна в оценках революции применительно к истории конкретной семьи. Ничего не знают о том, как революция повлияла на жизнь их предков, 25% респондентов старше 60 лет и 57% респондентов в возрасте 18-30 лет. Но сегодняшнее российское общество все-таки остается наследником, скорее, Октябрьской революции, чем царской России. В целом 25% респондентов отмечают, что их предки поддерживали большевиков и только 6% – защитников царского режима. Поэтому говорить о радикальном пересмотре событий столетней давности, видимо, пока преждевременно, если об этом вообще может идти речь в некотором общеприимительном контексте. Не случайно, установление памятников лидерам Белого движения – Колчаку, Краснову, Маркову, Врангелю – приводило к ожесточенным дискуссиям в обществе, а симпатии россиян с небольшим перевесом, но по-прежнему находятся на стороне лидеров революции [ВЦИОМ, 2005].

В целом, сегодня память об Октябрьской революции во многом оторвана от конкретных персоналий, событий и опосредована уже более близкой к нам историей. Россияне практически в равной степени осуждают свержение царя (38%) и захват власти большевиками (35%). А основные уроки революции, по их мнению, сводятся к следующему: 1) Россия должна идти своим путем, а

не копировать опыт других стран (35%); 2) реформы в обществе надо начинать с экономики, а не политики (28%); 3) для развития необходимы постепенные преобразования, а не революции (22%). Таким образом, главный урок революции не в конфликте или примирении сторонников традиций и модерна, а в понимании необходимости внутреннего потенциала общества для его поступательного развития.

1. Ассман А. *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
2. Бердяев Н.А. *Самопознание. Опыт философской автобиографии*. М.: Книга, 1991. 445 с.
3. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 334. 2005. 11 ноября. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1977> (дата обращения 5.07.17)
4. Ильин И.А. *Собрание сочинений в 10 т. Т.9-10*. М.: Русская книга, 1999. 506 с.
5. Олик Дж. *Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии* // *Социологическое обозрение*. 2012. Т.11. № 1. С. 40-74.
6. *Послание Президента Федеральному Собранию*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения 15.06.17)
7. Хальбвакс М. *Коллективная и историческая память* // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 2-3. С. 40-41.
8. Assmann J. *Collective Memory and Cultural Identity* // *New German Critique*. 1995. No. 65. P. 125-133.
9. Eisenstadt S.N., Giesen G. *The construction of collective identity* // *European Journal of Sociology*. Vol. 36 (1). P. 72-102.
10. Jedlowski P. *Memory and Sociology: Themes and issues* // *Time and Society*. 2001. Vol. 10 (1). P. 29-44.

ПАРАДОКСАЛЬНОСТЬ ЗАТЯНУВШЕЙСЯ РЕВОЛЮЦИИ: ИНВЕРСИИ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Тульчинский Г.Л. (Санкт-Петербург)

Инверсивный характер практически всех российских модернизаций последних двух столетий может объясняться не только непродуманными «транзитами», поспешными попытками власти вывести страну к цивилизационному фронтиру модерна на основе или имеющихся образцов, или представлений о «законах общественного развития». Срыв этих попыток в архаику во многом определялся особенностями российского социума. В докладе сделан акцент на роли в русских инверсиях «низов», проходящих путь из крестьян в граждан. Другими словами – на парадоксальности русской буржуазной революции. «Буржуазная» понимается безоценочно, в буквальном историческом смысле, как приход к власти горожан – среднего класса, средой формирования которого выступает город.

В 1905-2014 началось вхождение России в модерн, формирование нации. Политически это нашло выражение в Октябрьском манифесте 1905 года. Россия получила парламент, возникли партии, активно началось формирование законодательства. Возникла верхушечная городская культура «Серебряного века». I-я мировая война вызвала невиданную волну национального патриотизма.

Следующая фаза Российской буржуазной революции – Февраль 1917 года – уже питалась слабостью царского режима, оказавшегося несостоятельным в I Мировой войне, но и сама буржуазия оказалась этой войной обессилена, и была сметена Октябрьским переворотом, в котором большевики возглавили, фактически, крестьянскую революцию, ввергнувшую страну в кровопролитие Гражданской войны.

Гений Ленина заключался в том, что он смог почвенническое содержание упаковать в наукообразную западническую форму. А своевременный перехват эсеровских лозунгов и раздаче земли крестьянам только довершили картину прихода большевиков к власти, оседлав волну крестьянской революции, смывшей буржуазную. «Великая Октябрьская революция» предстает именно как исторический спазм, срыв в архаику.

Показательно, что Советский режим укрепился не только и не столько победой в Гражданской войне, сколько экономическими успехами НЭПа. Однако Выборы 1925 года показали шаткость позиций большевиков, перспективу сопротивления крестьянства и поднявшего голову нового среднего класса. Поэтому «Великий перелом» 1929 года имел политическую

мотивацию разгрома социальной базы оппозиции, разорения крестьян, не обескровить которых большевики не могли – иначе они не удержались бы у власти.

«Пролетарская» партия взяла курс на индустриализацию, которая усугубила срыв в архаику. Реальный социализм не дал качественно более высокого уровня производительности труда. Экономическое соревнование с капитализмом было проиграно. Практически все технологии, инновации были заимствованы в развитых странах. Не дал социализм и нового уровня свободы: было воспроизведено, фактически, феодальное, если не кастовое общество. Согласно марксистской формуле, ни одна формация не уходит, не исчерпав полностью свои возможности. И тогда реальный советский социализм вполне можно квалифицировать как государственный феодализм.

Но индустриализация потребовала рабочие руки, активизировала усилия по грамотности и базовому образованию, породила новую советскую интеллигенцию. Другими словами – индустриализация резко увеличила численность городского населения, обеспечивая его, пусть и пропагандистски окрашенное, но просвещение, приобщение к научному знанию, технологиям. Тем самым, было обеспечено решение ряда классических задач модернизации. Стоит добавить новые социальные лифты для крестьян и их детей, гендерное равенство.

Помимо прочего, эти процессы породили феномен массового энтузиазма 1930-х. Перед широкими массами открывались новые горизонты жизни, освященные высокими идеалами построения нового невиданного ранее общества. Этот энтузиазм создал сохранившийся до сих пор миф и счастливом советском обществе, великой эпохе, персонифицированной вождем – и все это несмотря на массовые репрессии, выкашивавшие целые слои общества. На фоне пропаганды о «врагах», «обострении классово-борьбы» и т.п., репрессии создавали дополнительные социальные лифты, не говоря об использовании, фактически, рабского труда в системе ГУЛАГа.

Великая Отечественная война, восстановление, пропагандистское противостояние в «холодной войне», достижения в освоении космоса, осуждение культа личности, хрущевская «оттепель» дали новый виток гражданского самосознания. К 1960-м годам в СССР большую часть населения страны уже составляли горожане. Сформировавшаяся номенклатура типологически близка «революции менеджеров» Д. Бернхейма, открывая перспективу «конвергенции». Сложилось своеобразное массовое общество, постепенно приобретающее предпосылки для перехода в общество массового потребления. Собственно, именно потребительские установки населения и сложившаяся партийно-хозяйственная номенклатура, пожелавшая институционально конвертировать власть в собственность и развалили СССР.

«Перестройка», романтически предполагавшая вхождение страны в мировое экономическое и политическое пространство, отказ от холодной войны, новое мышление, гласность и прочий социализм с «человеческим лицом», была поддержана именно горожанами – интеллигенцией, бюджетниками – теми, кто больше всех проиграл в результате пертурбаций, особенно – поспешной «прихватизации».

Отмена руководящей роли КПСС, территориально-производственного принципа ее организации фактически выдернули гвоздь, на котором держался СССР. Этно-федералистский дизайн, который никто всерьез не воспринимал, неожиданно наполнился реальным содержанием, которое было именно национально-буржуазным. Национальные элиты решили стать полноценными хозяевами своего «бутика».

Отчасти и несомненно это было новой волной «домодернизации» страны, новым этапом буржуазной революции. Появились новые собственники, предприниматели... Сформировалось уже не менее двух поколений людей, у которых появились свои квартиры, машины, у некоторых бизнес и у них появился запрос на жизнь по правилам. Это продемонстрировали довольно массовые гражданские протесты 2011 года против фальсификаций на выборах в Госдуму и против коррупции 26 апреля 2017 года.

В этой среде возник вполне естественный буржуазный национализм не был правильно понят некоторой либеральной общественностью. Бывшие советские правозащитники не признали национализм новой буржуазии, а та не увидела места в новой жизни своим буревестникам. Пик этой волны буржуазного национализма пришелся на события 2014 года – ровно через 100 лет.

Нельзя не отметить смысловой сбой. Формирование нации может идти «снизу» - на базе аккультурации («русскость»), и «сверху» - на базе правовых институтов («российскость»). В современной России все наоборот: государство («сверху») апеллирует к культурно-историческому наследию, а граждане («снизу») – к правовым гарантиям.

До сих пор сказываются наследие советской национальной политики, породившей этнофедерализм, а также отождествление этничности и национальности. А патриотический энтузиазм проявляется в непроизводительных формах: «диванной поддержки» славных побед на международной арене над недругами России у экранов телевизоров, ношении патриотических футболок, бейсболок... И на этом фоне – реально – социум не консолидирован. Дело даже не в социальном неравенстве, а в принижающем все уровни и формы социума недоверии.

Парадоксальность этого этапа буржуазной революции в России в ее реакционности, акцентировании исторической памяти имперского прошлого, отсутствии образа будущего и пути к нему. Буржуазная революция, которая причудливым образом длится в России уже более столетия, все еще далека от институционального завершения.

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ТРЕНД ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Туманова О.И. (Тверь)

За последнее время тенденция использования экстремистских идей и методов в качестве инструментов для достижения политических целей становится одним из актуальных трендов политического пространства. Привлечение различных групп населения к участию в протестных акциях, в том числе несогласованных, которые впоследствии умышленно трансформируются в массовые беспорядки отмечено в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года в качестве одного из основных способов дестабилизации социально-политической обстановки в Российской Федерации[1]. Можно говорить о появлении опасной для государственной стабильности и безопасности тенденции о замене традиционного политического диалога в обществе экстремистскими проявлениями различной степени остроты.

Практика «цветных революций» и вооруженных конфликтов как на сопредельных с Российской Федерацией территориях, так и по всему миру показывает, что использование населения в различных мероприятиях экстремистской направленности уже оформилось в систему отработанных сценариев, направленных на оказание давления на действующую власть, а в отдельных случаях и на свержение легитимной власти.

Стратегия противодействия экстремизму определяет проявления экстремизма или экстремистские проявления как общественно опасные и противоправные деяния, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также деяния, способствующие возникновению или обострению межнациональных, межконфессиональных и региональных конфликтов[1]. Призывы политических сил к участию граждан в несанкционированных мероприятиях и прямому нарушению действующего законодательства являются не только угрозой общественной безопасности, но и дискредитацией любых цивилизованных попыток диалога власти и общества. При этом в качестве информационных поводов используется широкий спектр тем - от рутинных проблем ЖКХ и качества дорог до внешнеполитических вопросов. Политизации и дальнейшей экстремизации подвергается любой вопрос общественной, экономической, культурной сферы. Предлог для экстремистских проявлений может быть абсолютно любым, поскольку преследует цель – нарушение общественного равновесия.

Все чаще в информационном поле политический экстремизм, призывающий к переменам, реформам, трансформациям преподносится «под соусом» оппозиционной точки зрения. Однако в большинстве случаев за попытками изменения политического ландшафта отдельными политическими силами скрывается достижение не целей общественного благополучия, а исключительно собственные интересы, в то время как в информационном пространстве распространяется идея борьбы за интересы общества. Естественно, что для политики не ново достижение личных интересов и манипуляция общественным сознанием – поражают масштабы радикализации и экстремизации взглядов, суждений и методов политической коммуникации и борьбы. При этом подобная «политическая деятельность» создает прямую угрозу общественной безопасности и стабильности. Особенную опасность данная тенденция приобретает в условиях непростой внешнеполитической обстановки. Тем более что отдельные попытки реализации экстремистских сценариев внутри Российской Федерации диктуются из-за рубежа с целью дестабилизации государства.

Распространение экстремистских идей, в частности мнения о приемлемости насильственных действий для достижения поставленных целей, угрожает общественной

безопасности в Российской Федерации ввиду усиления агрессивности идеологии экстремизма и увеличения масштабов ее пропаганды в обществе[1]. Для этого все чаще используется информационное пространство, которое, несмотря на все усилия государства, сохраняет свою уязвимость для деструктивного воздействия. Использование информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии обозначается в числе основных угроз национальной безопасности, как ослабляющее стабильность государства[2].

Экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, подрывает общественную безопасность и государственную целостность Российской Федерации, создает реальную угрозу сохранению основ конституционного строя, межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия[1].

Политический экстремизм в настоящее время представляет собой опасную разновидность, которая дестабилизирует в первую очередь общественное пространство. В связи с этим особую актуальность приобретает разработка эффективных механизмов направленных не только на противодействие экстремизму (любому и политическому в том числе), но и на разработку новых подходов к обеспечению стабильности политического, а значит и общественного пространства.

1. "Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года" (утв. Президентом РФ 28.11.2014 N Пр-2753) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/(дата обращения 05.10.2017).

2. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 "Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации" [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/ (дата обращения 05.10.2017).

ФЕВРАЛЬСКАЯ И ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЗНАНИЯ ПОЭТА. АЛЕКСАНДР БЛОК И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Федорова Т.Н., Петрушенко Т.К. (Санкт-Петербург)

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №17-03-00862.

Аннотация. В статье рассматривается эволюция политических взглядов великого русского поэта Александра Блока от Февральской до Октябрьской революции и неизменность нравственных воззрений на истоки событий 1917 года, его честная позиция по отношению к народу и власти, справедливая оценка места и роли интеллигенции, предвидение необходимости свершения исторической справедливости.

Революционная стихия, «музыка революции», «разорванный ветром воздух», мистика исторической вины и неминуемого, неотвратимо надвигающегося возмездия остро воспринимались чутким поэтическим сознанием Александра Блока. Тема исторической вины образованного сословия перед народом - главная тема незаконченной поэмы Блока «Возмездие», замысел которой возник у поэта в 1909 году и которую он продолжал создавать до самой смерти. Еще в 1908 году им были написаны две пророческие статьи «Народ и интеллигенция» и «Стихия и культура», в которых речь шла о пропасти, лежащей между двумя станами – интеллигенцией и народом, которую очень трудно, но необходимо преодолеть из любви к России. Два возможных пути интеллигенции по Блоку: либо слиться с народом, либо быть им растоптанной, погибнуть под копытами гоголевской птицы-тройки (народа). Народ - стихия, которая может внезапно разбушеваться. Блок пророчит о надвигающейся катастрофе, о приспускающемся надменном «флаге культуры» при разгуле страшной земной стихии – «стихии народной». Поэт призывает принять революционное движение, признать за народом правду, право на освобождение от векового гнета. Гул, который издает поток революции – всегда о великом. Так писал Блок уже в январе 1918 года в своей знаменитой статье «Интеллигенция и революция», радостно приняв начало Октябрьской революции.

К ее написанию он обратился после бурных событий семнадцатого года и после довольно продолжительного творческого кризиса, связанного с полугодовым пребыванием в армии, в белорусских Пинских болотах, где его рота занималась строительством укреплений, с

осени 1916 до марта 1917. Затем, после революционных событий Февраля, от творчества отрывала большая загруженность работой с весны и до осени 1917 года в «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц».

Начало Февральской революции Блок встретил с душевным подъемом и политическим воодушевлением, о чем свидетельствуют его письма и записи в записных книжках: «Произошло то, чего никто еще оценить не может, ибо таких масштабов история еще не знала. Все мои пока немногочисленные дорожные впечатления от нового строя – самые лучшие, думаю, что все мы скоро привыкнем к тому, что чуть-чуть “шокирует”». [1, с. 479] Слово «демократия» было ключевым в его осмыслении событий

революции; так, в письме матери он сформулировал: «Для меня мыслима и приемлема будущая Россия, как великая демократия (не непременно новая Америка)». [1, с. 479]

[О, это завораживающее слово «демократия»! Но и здесь поэт оказался пророчливцем: ельцинская демократия по-американски оказалась несостоятельной для России, уже постсоветской].

В Чрезвычайной комиссии Блок исполнял обязанности редактора стенографических отчетов и по долгу службы присутствовал на всех допросах заключенных в Петропавловской крепости царских сановников и министров. Для более полного понимания причин Февральской революции Блок составил для себя по газетам того времени Сводку событий, происходивших в то время, пока он был на фронте и не имел доступа к прессе. Какой же вывод сделал Блок из всех полученных материалов и впечатлений? Во-первых, это приговор рухнувшей монархии: «Старая русская власть делилась на безответственную и ответственную. Вторая несла ответственность только перед первой, не перед народом. Верхи мельчали, развращая низы. Все это продолжалось много лет. Последние годы, по признанию самих носителей власти, они были уже совершенно растеряны. Однако равновесие не нарушалось. Безвластие сверху уравновешивалось равнодушием снизу. Русская власть находила опору в исконных чертах народа. Отрицанию отвечало отрицание. Так как опора была только отрицательной, то, для того чтобы вывести из равновесия положение, надо было ждать толчка. Толчок этот, по громадности России, должен был быть очень силен. Таковым оказалась война 1914-1917 года». [2, с. 254]

Носители власти в России, по мысли Блока, были лишены гениальности, необходимой в условиях непомерного развития России «вглубь и вширь», а также веры, мужественности (нераз двоенности) и честности.

Второе, что вынес Блок из опыта работы в Комиссии и пристального внимания к новым лицам, облеченным властью – это страшное подозрение, что происходит что-то не то: «Если даже не было революции, т.е. то, что было, не было революцией, если революционный народ действительно только расселся у того же пирога, у которого сидела бюрократия, то это только углубляет русскую трагедию. [3, с. 347] [Не правда ли, поразительный взгляд в наши дни, когда когорта несытых мечтает сместить когорту сытых во власти?]

Работа в Комиссии, в-третьих, привела Блока к разочарованию во Временном правительстве и в его лидере – А.Ф.Керенском. Этим объясняется и его разочарование в Февральской революции, что отразилось в целом ряде записей. Отсюда и «полевение» Блока, и его сближение с эсерами. Отсюда и радостное приветствие Октябрьской революции, и новая поэма «Двенадцать», рожденная обновленным поэтическим сознанием после целого года творческого кризиса.

В статье «Интеллигенция и революция», написанной в самом начале 1918 года, Блок дает нам очередное прозрение: «Россия — буря России суждено пережить муки, унижения, разделения; но она выйдет из этих унижений новой и — по-новому — великой». И наставление: «Переделать все. Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы живая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, весёлой и прекрасной жизнью. Когда такие замыслы разрывают сковывавшие их путы — это называется революцией». И предупреждение: «Русской интеллигенции словно медведь на ухо наступил: мелкие страхи, мелкие словечки. Как аукнется — так и откликнется. Чем дольше будет гордиться и ехидствовать интеллигенция, тем страшнее и кровавее может стать вокруг». И призыв: «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте революцию». [4, с. 9-20]

1. Блок А.А. Собр. Соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ. 1963. Т. 8. Письма, 1898-1921.
2. Там же. Т. 7.

3. Блок А. А. *Записные книжки. 1901-1920. М.: Художественная литература, 1965.*
4. Блок А. *Собр. Соч.: В 8 т. М.; Л.: ГИХЛ. 1963. Т.6.*

МЕСТО И РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ В РАЗВЯЗЫВАНИИ ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

Фурцева В.Ю., Саушкин А.А. (Москва)

За последние несколько десятков лет со страниц газет не сходят новости о смене государственного устройства ненасильственными методами, по средствам так называемых цветных революций. Особенно актуальным это оказалось для стран постсоветского пространства и ряда стран Ближнего Востока.

Согласно одному из подходов к рассмотрению нового социально-политического феномена, цветные революции являются технологией, главным условием реализации которой является существование информационного общества, так как именно в нем происходит формирование сетевых структур, необходимых для ее осуществления [3].

То есть цветные революции являются продуктом нового времени, в основание которого заложен процесс глобализации. Следовательно, большая роль в осуществлении рассматриваемой технологии принадлежит средствам массовой коммуникации, среди которых выделяют различные средства массовой информации, наравне с которыми особую популярность приобрели Интернет и различные социальные сети.

Как отметил один из разработчиков стратегий сетевых войн, положенных в основу цветных революций, А. Сибровски - сетевая война протекает как до начала события, так и во время него, так и после; против друзей, нейтральных сил и врагов [5]. Таким образом, главной целью таких противостояний является достижение информационного превосходства, по средствам:

- конструирования осознания нехватки информации за счет искусственного увеличения потребности противника в информации, и при этом, уменьшения для него доступа к ней;

- обеспечения возможности широкого доступа к имеющейся информации максимальному количеству своих сторонников;

- перенесения акцентов значимости со статичной информации на расширение спектра оперативного и динамичного информирования [1].

Из этого следует, что трансформация общественного мнения, находясь под активным воздействием со стороны средств коммуникации, протекает неравномерно в зависимости от этапа в технологической цепочке. Соответственно, установка на активные действия, столь необходимые для успеха любого массового движения, формируется не сразу. Сначала идет игра на противоречиях. Соответственно, на подготовительном этапе в среде массового сознания культивируется некий образ светлого будущего, навязывается некоторая мечта, идеал. После чего момент всеобщего ожидания, как правило, сменяется крушением надежд, разочарованием в действующей системе. Так случилось на Украине в декабре 2013 года, когда люди, воодушевленные входом в Европейский союз, неожиданно остались не у дел после отказа Януковича подписывать соглашение о евроинтеграции (При этом, по данным опроса, проведенного центром социальных и маркетинговых исследований «Социс» и социологической группой «Рейтинг», в декабре 2013 года 49,1% опрошенных проголосовали бы за вступление в Евросоюз, если бы выборы проходили в ближайшее воскресенье, 29,6% - были против, а еще 21,3%, неопределившиеся с выбором, вполне могли бы стать «попутчиками в последнюю минуту», примкнув к большинству.) [2] При этом большую роль играют именно традиционные средства массовой информации, использующие такие приемы, как:

- Оркестровка (а именно, многократное повторение одной и той же информации. В случае с Украиной, это было, например, утверждение: «Украина – это Европа»);

- Селекция, характеризующаяся транслированием информации только с одной точки зрения (активно озвучиваются только плюсы от евроинтеграции, без упоминания о существующих проблемах и негативных последствиях);

- Наведение румян, то есть противопоставление, в данном случае дихотомия прошлого, связанного с Россией, и будущего в составе ЕС;

· Навешивание ярлыков, формирующее негативный образ России как врага евроинтеграции;

· Трансфер – подача информации от авторитетного, пользующегося доверием источника, часто мирового лидера или лидера мнений;

· Свидетельство, по средствам которого в общество транслируется оценка тех или иных действий;

· Общий вагон – метод, основанный на многократных повторениях в СМИ вводной структуры «все нормальные люди понимают, что...».

После произошедшего инцидента, соответственно, наступает важная задача сетевых структур – мобилизация населения для выхода на улицы. Для этого используются всевозможные средства информирования: СМС рассылка с призывами к протесту, создание информационных сайтов и групп в социальных сетях. При этом остается возможность сохранить близость, а высокая скорость передачи информации до всех участников, позволяет управлять протестующей толпой дистанционно. Теперь, в состоянии возбуждения, достаточно небольшого случая провокации, чтобы сработал спусковой механизм, и толпа из мирно протестующих превратилась в политически активную, радикально настроенную массу. Так произошло в начале «Арабской весны», когда в Египте и Тунисе произошел ряд самосожжений, активно освещавшихся в Интернет-пространстве и СМИ. [3]

Стоит также отметить, что немаловажную роль в организации и стимулировании массовых протестов играют зарубежные информационные ресурсы, благодаря которым не только формируется общественное мнение мировой общественности, но и оказывается давление на руководителей стран, подвергающихся увеличению массового недовольства.

Исходя из этого можно сделать вывод о стремительном росте и развитии, причем как интенсивном, так и экстенсивном, информационных источников. Важным проявлением этого можно также выделить увеличение доли “новых” СМИ, становление которых тесно связано с информационным и технологическим развитием общества в эпоху глобализации. Сегодня сложно представить общественные процессы изолированно от медиаресурсов. С развитием и модернизацией средств массовой коммуникации, претерпевают изменения и политические технологии организации государственных переворотов, использующие управление массовым протестом. К сожалению, не представляется возможным говорить о снижении потенциала вышеописанной технологии. Скорее, отмечается обратное: "Феномен "цветных революций" продолжает развиваться и приобретает глобальный характер" [4]. Поэтому необходимо проводить обдуманную рациональную внутреннюю политику в области СМИ и медиакоммуникаций.

1) Королевская А. «Цветные революции» // Центр Льва Гумилева. Евразийство и скифство. Электронный ресурс: [<http://www.gumilev-center.ru/cvetnye-revolucii/>]

2) Опрос: Половина украинцев проголосовала бы за вступление Украины в ЕС (от 25 декабря 2013). Электронный ресурс: [<https://vz.ru/news/2013/12/25/666045.html>]

3) «Цветные революции» – оружие однополярного мира. Электронный ресурс: [<https://www.geopolitica.ru/article/cvetnye-revolucii-oruzhie-odnopolyarnogo-mira>]

4) Шойгу: феномен "цветных революций" приобретает глобальный характер. Электронный ресурс: [<http://tass.ru/politika/1907178>]

5) Cebrowski A.K., Garstka J.J. Network-Centric Warfare: Its Origin and Future // U.S. Naval Institute Proceedings.1998. № 1

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ НА МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ

Черевкова А.И. (Ростов-на-Дону)

Аннотация. Современный терроризм под влиянием процесса глобализации приобрел форму транснационального, а также приобрел религиозную окраску. Это обуславливает существование острой необходимости борьбы мирового сообщества с этим опасным явлением. В статье рассмотрены концептуально-правовые основы борьбы с терроризмом на международном и национальном уровнях, дана характеристика актов международного и национального права в области борьбы с терроризмом, их назначения, параметров и сфер действия и применения.

На протяжении более 80 лет терроризм является объектом исследования ученых всего мира. На основе анализа имеющихся источников можно выделить около сотни понятий терроризма. Российские исследователи В.П. Журавель и В.Г. Шевченко определяют терроризм

так: «Терроризм — сложное социально-политическое явление, обусловленное, внутренними и внешними противоречиями общественного развития различных стран, представляющее собой угрозу для жизненно важных интересов личности, общества, государства... Терроризм — это идеология, теория и практика применения террора как метода насилия, мотивированного политическими, религиозными, националистическими и иными интересами» [1].

Современный терроризм под влиянием процесса глобализации приобрел форму транснационального, и этим он принципиально отличается от терроризма прошлых эпох. Террористические организации, представляющие наибольшую угрозу, обладают сложной организационной структурой, имеющей свои подразделения по всему миру. Кроме того, на первый план вышел терроризм религиозный, прежде всего, с включением в его идеологические доктрины радикального исламистского компонента. Все это обуславливает существование острой необходимости борьбы всего мирового сообщества с этим опасным явлением.

Несмотря на активизировавшееся в последние годы международное сотрудничество в борьбе с терроризмом, утверждать, что новым террористическим сетям мировое сообщество противопоставило хорошо организованную, эффективную систему антитеррористических мер на международном уровне представляется преждевременным. В рамках данной статьи рассмотрим международные и российские правовые акты в области борьбы с терроризмом.

Борьба с терроризмом впервые оказалась в центре внимания международных организаций с 1934 г., когда Лига Наций сделала первый шаг по объявлению этого явления вне закона, проведя обсуждение проекта Конвенции о предотвращении и осуждении терроризма [2].

С 1963 г. под эгидой ООН и ее специализированных учреждений разработано 13 контртеррористических конвенций и 3 протокола. Эти соглашения касаются борьбы с терроризмом в отдельных его проявлениях — на борту воздушных судов и в аэропортах; в отношении лиц, пользующихся международной защитой; с захватом заложников; применением бомб и т.д.

В 1994 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята «Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма». Это был первый международный правовой акт, претендующий на установление общих принципов борьбы с международным терроризмом. Декларация закрепила за государствами-членами ООН обязательство воздерживаться от организации терактов, финансирования и оказания иной поддержки террористическим организациям, а также принять эффективные и решительные меры по борьбе с терроризмом (обеспечение задержания и судебного преследования террористов, межгосударственное сотрудничество в обмене информацией и т.д.).

В 2006 г. государствами-членами ООН была принята Глобальная контртеррористическая стратегия ООН в виде резолюции и содержащегося в приложении к ней Плана действий. Все государства-члены согласились с общим стратегическим подходом к борьбе с терроризмом, выразив решимость предпринять практические шаги в индивидуальном и коллективном плане по предотвращению терроризма и борьбы с ним. Эти практические шаги включают широкий круг мер, варьирующихся от укрепления государственного потенциала в деле борьбы с террористическими угрозами до лучшей координации контртеррористической деятельности системы ООН.

Таковы основные международные правовые акты, призванные бороться с терроризмом. Переходя к анализу антитеррористического законодательства России, отметим, что деятельность террористических и экстремистских организаций является одной из основных угроз национальной безопасности нашей страны.

Правовую основу общегосударственной системы противодействия терроризму составляют Конституция РФ общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, федеральные конституционные законы, Федеральные законы, нормативно-правовые акты Президента РФ и Правительства РФ, Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 года, Концепция внешней политики РФ, Военная доктрина РФ.

Основополагающим правовым документом в этой сфере следует считать Концепцию противодействия терроризму в РФ, утвержденную Указом Президента РФ 5 октября 2009 г. В Концепции говорится, что возникновение и распространение терроризма в России обусловлено внутренними и внешними предпосылками. В Концепции в развернутом виде представлена общегосударственная система противодействия терроризму по следующим направлениям: предупреждение (профилактика) терроризма, борьба с ним, а также минимизация и ликвидация последствий терроризма. Концепция также указывает ресурсы в правовой, информационно-

аналитической, научной и иных сферах, активизация которых необходима для борьбы с терроризмом [3].

ФЗ РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» закрепляет определение терроризма: «идеология насилия и практика воздействия на общественное сознание, на принятие решений органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и/или иными формами противоправных насильственных действий». Закон устанавливает основные принципы противодействия терроризму, правовые и организационные основы профилактики терроризма и борьбы с ним, а также применения Вооруженных Сил РФ в борьбе с терроризмом. В соответствии с этим законом в России был создан Национальный антитеррористический комитет [4].

Кроме того, Россией подписаны и ратифицированы все 13 универсальных конвенций ООН в сфере противодействия терроризму. Наша страна придает приоритетное значение универсализации участия государств в основных глобальных антитеррористических инструментах.

Современный терроризм – сложное, многомерное социально-политическое явление. Терроризм растекся по всему миру, в том числе, теракты зафиксированы и в России. Он стал более живучим и приспособляющимся, что свидетельствует о том, что мировому сообществу предстоит долгая и упорная борьба за собственную безопасность. Ситуацию надо корректировать, и как можно скорее. На международном уровне необходимо достичь согласия относительно стратегии и тактики антитеррористической деятельности. Также жизненно важно разработать единое определение понятия «террористическая деятельность», создать единый список организаций, признаваемых террористическими. В этих целях крайне важно принятие на уровне ООН всеобъемлющей конвенции. На национальном уровне необходима детальная проработка законодательных актов во избежание их двоякой трактовки.

1. Журавель В.П., Шевченко В.Г. О терроризме, террорологии и антитеррористической деятельности: энциклопедический словарь. – М., 2007.

2. Контртеррористический комитет ООН. // Организация Объединенных Наций [Официальный сайт] URL: <http://www.un.org/ru/sc/ctc/> (Дата обращения 03.10.2017)

3. Указ Президента РФ от 15.02.2006 №116 «О мерах по противодействию терроризму». // База нормативно-правовых актов «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/12145028/> (Дата обращения 03.10.2017)

4. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета. – 2009. – 20 окт.

5. Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. – Москва – Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2014. – 332 с.

1. Журавель В.П., Шевченко В.Г. О терроризме, террорологии и антитеррористической деятельности: энциклопедический словарь. – М., 2007.

2. Контртеррористический комитет ООН. // Организация Объединенных Наций [Официальный сайт] URL: <http://www.un.org/ru/sc/ctc/> (Дата обращения 03.10.2017)

3. Указ Президента РФ от 15.02.2006 №116 «О мерах по противодействию терроризму». // База нормативно-правовых актов «Гарант». URL: <http://base.garant.ru/12145028/> (Дата обращения 03.10.2017)

4. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации // Российская газета. – 2009. – 20 окт.

5. Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России. – Москва – Ростов-на-Дону: Социально-гуманитарные знания, 2014. – 332 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА И ДЕТЕРМИНАНТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

Чурина Р.С. (Санкт-Петербург)

Посвящается политико-социологическому анализу определяющих факторов, способствующих распространению международного терроризма. Особое внимание уделяется уточнению причин существования и распространения международного терроризма. В заключение приводится отражение данной проблемы в законодательстве Российской Федерации.

С политико-социологической точки зрения международный терроризм, как особо опасный вид криминального поведения, детерминирован многообразными социальными факторами и представляет собой противоправный способ вооруженных (боевых) действий, совершаемых преимущественно иностранными гражданами (диверсантами, нелегалами и др.) против мирного населения, государственных и муниципальных учреждений, общественно-политических

институтов разных стран, не связанный никакими нормами, обычаями и правилами ведения боевых действий, вселяющий людям тревогу, страх, неуверенность в будущем и осуществляемый при явной или тайной поддержке иностранных государств или организаций.

Для политико-социологического анализа специфики международного терроризма обязательным условием является выделение его социальных детерминант и других причин, обусловленных состоянием социальной структуры общества. К ним относятся:

- социальная напряженность;
- наличие стран или социальных групп, отличающихся от своих ближних и дальних соседей высоким уровнем материального благосостояния и культуры;
 - безработица, особенно в беднейших странах или регионах, падение уровня жизни в сочетании с возросшей социальной дифференциацией, которые вызывают озлобленность, зависть, ненависть, и т. п.;
- бедность и нищета;
 - кризисное положение отдельных социальных и профессиональных групп, особенно военных, имеющих боевой опыт и навыки обращения с взрывными устройствами и взрывчатыми веществами;
 - широкое распространение среди населения оружия, обусловленное участием значительной части военных в реальных боевых действиях на своей территории и в других странах[1, 74-75].

Социальная напряженность представляет собой устойчивое и длительное время сохраняющееся противоречие между интересами, социальными ожиданиями народных масс разных стран или значительной части населения регионов, с одной стороны, и мерой их фактического удовлетворения с другой стороны, приводящего к усилению недовольства, агрессивности отдельных социальных групп и категорий граждан, нарастанию социально-психической усталости и раздражительности большинства населения[2, с. 3–20].

Неравенство между бедностью потенциально богатых регионов и богатством развитых стран выражается во влиянии развитые страны на менее развитые, в силу экономической, политической и военной мощи. Это является фактором вызывающим у менее развитых стран стремление победить сильного врага, вмешивающегося в их существование. Иллюстрацией данной причины так же является террористический акт 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, причиной которого, по мнению самих американских экспертов, послужило то, что США сделали в исламском мире, а не то, во что мы верим, или как мы живем.

Бедность и безработица рекрутируют солдат (боевиков) в ряды террористов. Безработица не позволяет самой экономически активной части применить свою рабочую силу и является среди молодежи благоприятной почвой для распространения террористической идеологии, ибо молодые люди не видят пути самореализации в обществе и становятся восприимчивыми к террористическим идеям.

В особенности, если к безработице добавляется кризисное положение разных социально-профессиональных групп, особенно военных, имеющих опыт участия в боевых действиях и работы с взрывными устройствами и взрывчатыми веществами, то ряды террористов начинают пополняться. Например, в России самыми опасными террористами были Хаттаб, Шамиль Басаев и Доку Умаров, которые в различное время принимали участие в боевых действиях в Чечне и были популярны у чеченской молодежи в 1990-е гг.

Что же касается Российской Федерации, то в нашей стране создана современная правовая база для противодействия международному терроризму. Помимо Уголовного кодекса РФ, действует ФЗ № 35 «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 г., который закрепляет ключевые положения организации противодействия терроризму, регламентирует правовой режим контртеррористических операций. Утвержденная 05 октября 2009 г. Президентом Российской Федерации «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации», определяет современные причины и тенденции распространения терроризма:

- интернационализация терроризма;
- развитие организационных основ террористической деятельности;
- расширение финансирования террористической деятельности;
- использование терроризма в качестве политического инструмента для оказания влияния на отдельные государства;
- увеличение арсенала приемов, способов и форм террористической деятельности.

Одна из глав посвящена правовому, информационно-аналитическому, научному, материально-техническому, финансовому и кадровому обеспечению противодействия терроризму. Большое значение в Концепции придается международному сотрудничеству в борьбе с терроризмом, отмечается центральная роль Организации Объединенных Наций и Совета Безопасности ООН в разработке и реализации Глобальной контртеррористической стратегии[3].

Таким образом, с политико-социологической точки зрения международный терроризм как особо опасный вид криминального поведения представляет собой противоправный способ вооруженных (боевых) действий, совершаемых преимущественно иностранными гражданами (диверсантами, нелегалами и др.) против мирного населения, государственных и муниципальных учреждений, общественно-политических институтов разных стран, не связанный никакими нормами, обычаями и правилами ведения боевых действий, вселяющий людям тревогу, страх, неуверенность в будущем и осуществляемый при явной или тайной поддержке иностранных государств или организаций.

1. Губанов В.М., Михайлов Л.А., Соломин В.П. Чрезвычайные ситуации социального характера и защита от них / Дрофа, 2007г. - 288 с.

2. Рукавишников В. О. Социальная напряженность: диагноз и прогноз // Социологические исследования. 1992. № 37. С. 3–23.

3. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // СПС Консультант Плюс.

«НЕ ТАК СТАЛОСЯ ЯК ГАДАЛОСЯ»: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАЗВИЛКА РЕВОЛЮЦИИ ДОСТОИНСТВА

Шевцов А.В. (Санкт-Петербург)

Так как в программе конференции заявлены социальные последствия цветных революций, автор решил обратиться к «самой свежей» из них. Не являясь узким специалистом по украинской проблематике, прошу рассматривать данное выступление как рассуждения дилетанта, стремящегося разобраться в реалиях революционной неопределенности.

Итак, сразу постараюсь отмежеваться от набивших оскомину дискуссий на тему, – «что это было?», – верхушечный переворот со сменой группировок у власти, или глубинная социальная революция, радикально меняющая социальную структуру и культурные коды. Во-первых, судить об этом рановато, хотя тенденция очевидна («Україна – це Європа» и «Геть від Москви»). Во-вторых, участники дискуссий всегда вязнут в «критериальном болоте». Что считать существенным, что второстепенным («всё изменилось, оставшись неизменным»).

Роль внешних факторов также вызывает подобный вопрос: являются ли они определяющими, или только катализируют идущие процессы. Сдача Горбачевым восточноевропейского «пояса безопасности» с неизбежностью вело освободившиеся от советского влияния государства к поиску новых хозяев. Революция 1991 г. сдвинула красную черту далеко на Восток. Моё заявление: «Не хотите соперничать с Вашингтоном, будете бороться с Киевом», – встречало резкие возражения о «дивном новом мире», где будут господствовать дружба и процветание. Всё-таки политический реализм и политический идеализм порождают две плохо совместимые друг с другом логики объяснения событий.

Киев оказался, по мнению большинства аналитиков, в весьма благоприятной внешнеполитической ситуации, играя на противоречиях Евросоюза, России и США, пользуясь преимуществами политического и экономического посредника. Однако, как минимум, два обстоятельства разрушили эту идиллию. 1) Расширение Евросоюза. Пролившийся на Польшу «золотой дождь» вызывал желание присоединиться к процессу. 2) Упорное давление США на украинское руководство по поводу «здійснення рішучих реформ», наподобие тех, что в России привели к дефолту 1998 г.

Дальнейшие события хорошо известны. «Украина без Кучмы», «Помаранчева революція», феерический третий тур президентских выборов, «украинизация», отчаянная борьба президента с собственным премьер-министром, поддержка Грузии в «Олимпийской войне», обвальное падение рейтинга с превращением надежды нации в «Ющера». С позиций электоральной географии, центральная часть Поднепровья как «скрепа» нового государства резко ослабевает, а Днепрпетровск теряет значение фактической столицы. Политическое многообразие сменяется

дихотомией «жовто-блакитних» или, точнее, «помаранчево-синіх», загоняющих активную часть населения в логику борьбы с нулевой суммой («кто кого»).

В рамках этой парадигмы действовал и новый-старый победитель, не пожелавший помиловать свою соперницу. В 2011 г. я никак не мог понять, на что надеется Виктор Фёдорович, переводя игру на более опасный уровень. Но логика развития событий диктовала своё. Умудрившись сим деянием настроить против себя, и Москву, и Брюссель, президент вынужден был сменить позицию посредничества на состояние очевидного выбора. Что может предложить отсталый «Таёжный союз»? Гораздо меньше, чем передовой ЕС. Как можно обвинять украинскую элиту и политический актив, если тот же выбор на два с лишним десятилетия ранее был сделан «Верхней Вольтой с ракетами», впоследствии благополучно превратившейся в «мировую бензоколонку»? Политический реализм, говоривший о разрыве традиционных экономических связей, печальной судьбе Болгарии, Венгрии, Греции и иных «малых сих», не мог противостоять ожидаемым евростандартам. Жребий был брошен в Вильнюсе, но, следуя украинским традициям, результат тут же был аннулирован игроком. Дальнейшее – дело техники.

Как и в 2004 г. произошла «переигровка», только теперь в очень жёсткой форме. Пролилась кровь. Заключённое соглашение об урегулировании политического кризиса моментально было нарушено, что не могло не «порадовать» европейских посредников. Однако «цивилизационный выбор» был сделан, впереди было вступление в ЕС и НАТО, экономическое «украинское чудо», обновление политико-правовой системы, расцвет культуры, освободившейся от советского прошлого и влияния современной России. И тут, как и в процессе реализации любого утопического проекта в жизнь, авторов ждала целая серия сюрпризов (так сказать, «зрадо-перемоги»).

Несмотря на фактическую капитуляцию регионалов на Съезде депутатов всех уровней в Харькове, одного обращения Януковича к руководству РФ было достаточно для введения оккупационных войск с целью наведения конституционного порядка. Россия так далеко не пошла, однако, компенсировала это присоединением Автономной республики Крым. Не будем подробно разбирать правовую подоплеку сего действия, дабы не попасть под уголовную статью одного из государств. Во всяком случае, косовский и суданский прецеденты уже имелись.

Сепаратистское движение на Донбассе перешло в открытое противостояние. Уже славянская эпопея показала, что реформированные при Ющенко под будущее вступление в НАТО ВСУ «не тянут». После феерических поражений киевскому руководству Берлином, Москвой и Парижем был предоставлен «золотой мост» в виде двух версий минских соглашений. Однако настроенные на принцип «всё или ничего» помаранчевые продолжают мечтать о хорватском сценарии, ссылаясь на «умиротворенные» области несостоявшейся пока Новороссии. Но придерживаться «хитрого плана» (воевать – для публики, сотрудничать – для себя) они в полной мере оказались неспособны, несмотря на постепенное восстановление объемов торговли в 2016-2017 гг. Транспортные потоки двинулись в обход, российское импортозамещение получило сильный стимул. С одной стороны, появился консолидирующий население аргумент о «гибридном агрессоре», с другой стороны – возникла зияющая финансовая дыра. Заодно был развеян миф о дотационном Донбассе.

Не менее страшный удар нанесли западные страны. Восторг по поводу победы демократии не сопровождался вливанием инвестиций, наподобие польского и грузинского сценариев. Войска НАТО не пришли освобождать Крым, дело ограничилось участием советников и добровольцев, а также сбрасыванием оставшихся на складах неликвидов времён Варшавского договора. МВФ отчаянно торгуется из-за каждого транша. Ассоциация с ЕС открыла рынок слабого партнёра, но установила жесткие квоты для украинских товаров. Программы предоставления гражданства постепенно лишают страну, как перспектив для экономического подъема, так и доходов от гастарбайтеров. Анекдотические «украинизация» и «бандеризация» привели к конфликтам практически со всеми соседями.

Управление со стороны США новым протекторатом вызывает у меня особый восторг. Указания по поводу выбора президента в один тур, создания «аграрной сверхдержавы», отмены моратория на продажу земли, повышения цены на газ. Особую роль играет столь любимая узаконившими коррупцию у себя в стране американцами борьба с оной на Украине, вплоть до введения особых антикоррупционных судов (по-видимому, для борьбы с «антикоррупционерами»).

По меткому выражению Д. Г. Джангирова олигархи за свой счет совершили массовое самоубийство (Олигархов будут сносить. Передача на Укрлайф от 26 марта 2015 г.). Пришедший

со времен борьбы с абсолютизмом и магнатами тезис о недопустимости соединения власти с собственностью вызывает у меня недоумение, настолько он не стыкуется с политической практикой. Однако, что позволено Юпитеру... Олигархи воплощают последний бастион «незалежности», а значит... Собственно, во внутривластном плане мы можем наблюдать борьбу «винницких против всех» в сочетании со всё усиливавшимся давлением со стороны западных кураторов через НАБУ и, так называемых «грантоедов», на «винницких». Прорыв М. Н. Саакашвили на вновь обретенную Родину ставит вопрос: это начало конца, или ещё только конец начала существующего «майданно-олигархического» режима по принципу отсечения одной из составляющих?

Таким образом, яростное стремление в светлое будущее обернулось появлением массы новых противоречий при обострении уже существующих проблем. Это обычный постреволюционный кризис, за которым последует появление новой успешной нации, опирающейся на процветающую экономику? Или распад неизбежен, и Крым только первый элемент («кто последний выйдет, того и долги»)? Скорее всего, реализуется некий средний вариант, гораздо более мучительный для обнищавшего населения.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ СОВРЕМЕННЫХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

Щебланова В.В. (Саратов)

Для анализа источников возникновения и распространения терроризма следует использовать системный подход, с учётом многообразия видов терроризма, различия его целей, множества причин и способствующих им условий [1]. Источники феномена присутствуют в плоскости анализа социально-экономических, политических, социокультурных, психологических особенностей развития общества. Субъектами же терроризма выступают социальные группы и индивиды, основывающиеся в своих действиях на определённых интересах, обусловленных во многом их местом в социальной структуре. И в данной статье мы остановимся на социально-экономических причинах террористических действий.

Как известно, социальное неравенство порождает политическое насилие. Ещё Аристотель отмечал, что насилие основано на неспособности власти установить в обществе равенство [2]. Существуют люди, которые не в состоянии принять свою позицию как естественную. «Из неприятия занимаемой позиции вырастает и бунтарское, революционное поведение, направленное на разрушение существующей иерархии и реализацию альтернативного проекта» [3]. Для социальных стратификаций характерны различные основы и способы структурирования. И современная стратификация продолжает рассматриваться в понятиях богатства, собственности, доступа к благам и культурным ценностям.

Исследуя социально-экономические причины возникновения террористических действий, рассмотрим такой источник насильственных конфликтов как экономическое, материальное неравенство. Сфера экономической деятельности, как любая социальная система, обладает институциональной шкалой стратификации, посредством которой ранжируются индивиды [4]. Существуют исследования, доказывающие наличие связи между насилием и неравенством. А.В. Дмитриев пишет о результате исследования политической истории 49 государств мира, в котором было установлено, что экономическое неравенство порождает политическое насилие [5]. М. Мидларски в результате проведённого исследования делает вывод о том, что в аграрных странах неравенство в распределении земли служит основной причиной социальных потрясений [6]. Широкое распространение, особенно в нашей стране, долгое время имел подход марксистских исследователей, выводивших насилие из экономических производственных отношений антагонистического общества [7]. В свою очередь, анализируя непосредственные предпосылки социальных конфликтов, восстаний, революций, П. Сорокин отмечал, что таковой всегда было возрастание подавленных базовых инстинктов большинства населения и невозможность даже минимального их удовлетворения [8].

При этом необходимо отметить, что неравенство неустранимо» [9] и, видимо, будет существовать всегда. Однако, постоянно наличествующее экономическое неравенство машинально не влечёт насильственные формы политической активности, включая терроризм. Как пишут Дмитриев А.В. и Залысин И.Ю., «экономические процессы влияют на политические отношения не прямолинейно, а опосредованно, “проходя” через социальную структуру общества»

[10]. И экономическое поле стремится навязать свою структуру другим полям [11]. Но насилие в политике порождает не просто социальное неравенство, а крупные сдвиги в социальной структуре. Неслучайно беспрецедентный по своему масштабу «подъём» терроризма в развитых индустриальных странах Запада приходится на период 1960-1980 годов. Относительно благоприятный послевоенный период быстрого экономического развития многих стран тогда сменился ухудшением экономической конъюнктуры, периодом энергетического кризиса, инфляции, безработицы [12]. За период с 1970 по 1985 год в Западной Европе было совершено около 3000 террористических актов [13], явление приобрело угрожающие масштабы.

Рассуждая о социально-экономических источниках терроризма, отметим, что террористические действия могут совершаться из чисто корыстных побуждений – с целью получения денег за совершение теракта, а не только по политико-идеологическим соображениям. И в этом смысле мы можем рассматривать таких оплачиваемых исполнителей терактов с точки зрения выполнения ими «экономической» роли, если есть «покупатель», готовый платить определённую цену за требующуюся услугу, – то найдётся и продавец, готовый предложить требуемое. То есть терроризм – это социальное явление, которое имеет экономическую составляющую и потому, что террористическая деятельность служит нелегитимным источником получения доходов конкретным людям – оплачиваемым исполнителям терактов. Мы находим подтверждения этому в газетных отчётах, например: «Арестована чеченская террористка, совершившая теракт на рынке в Невинномыске, признавшаяся, что за деньги согласилась подложить взрывное устройство» [14]. Таким образом, осуществление теракта для этой террористки – способ, возможность получения денег.

Продолжая анализ экономических причин террористических действий, заметим, что «победа» насилия связана и с производством оружия, основывающимся на производстве вообще. Следовательно, на экономической силе, материальных средствах, техническом прогрессе. Общественное производство богатств в развитых странах современного мира сопровождается общественным производством и распространением рисков. Рассуждая о терактах 11 сентября 2001 года в США, У. Бек отмечает, что террористы-самоубийцы и массовые убийцы продемонстрировали не только уязвимость западной цивилизации, но одновременно они дали нам почувствовать, какими конфликтами чревата экономическая глобализация [15]. По мнению Т.Х. Эриксона, новое время создаёт новые формы уязвимости. Для глобальных интегрированных сетей характерно, что всё – от компьютерного вируса до наркотиков, от орудия убийства до деструктивной мысли – перемещается свободнее, чем когда бы-то ни было, укореняется и приводит ко множеству побочных эффектов [16].

Таким образом, к важным причинам террористического насилия относятся процессы, происходящие в социально-экономической структуре общества, вызывающие дисбаланс, усиливающие её поляризованность, гипертрофированное неравенство и рождение глобальных рисков и угроз. Но перечисленные факторы не следует экстраполировать исключительно на рост терроризма, поскольку они могут приводить и к иным распространённым следствиям и «выходам» – мирной политической активности, апатии, суициду, уголовной преступности, различным катастрофам и бедствиям. Необходимо учитывать вышеуказанные причины, которые всё же не будут достаточны для понимания возникновения современного феномена терроризма.

1. Щепланова В.В. Динамика рисков современного терроризма. Саратов: Изд. СГТУ, 2010. 290 с.
2. Аристотель. Политика // Соч. в 4 тт. М.: Мысль, 1984. Т.4. С.420-422.
3. Ильин В. Социальное неравенство. С.84.
4. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. С.337.
5. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Насилие: социо-политический анализ. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2000. С.63.
6. Midlarsky M. The Disintegration of Political Systems: War and Revolution in Comparative Perspective. Columbia (S.C.): University of S. Carolina Press, 1986. PP.155-158.
7. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Госполитиздат, 1963. Т.23. С.761.
8. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992. С.272-273.
9. Здравомыслов А.Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта и динамика массового сознания // Социологические исследования, 1993. №8. С.15.

10. Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. *Насилие: социо-политический анализ*. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2000. С.66.
11. Бурдые П. *Социология политики*. М.: Socio-Logos. 1993. С.57.
12. Витюк В.В. Эфиоров С.А. *«Левый» терроризм на Западе: история и современность*. М.: «Наука», 1987. С.248.
13. Беглова Н.С. *Терроризм: поиск решения проблемы // США: экономика, политика, идеология*, 1991. №1. С.42.
14. Lenta. Ru: Чечня // <http://lenta.krasnet.ru/vojna/2000/09/21/sniper/>
15. Бек У. *Молчание слов и политическая динамика в глобальном обществе риска // <http://www.academy-go.ru/Beck5.shtml>*
16. Эриксен Т.Х. *Тирания момента. Время в эпоху информации*. М.: «Весь Мир», 2003. С.42.

ПАРАДИГМАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ОПЫТА СССР В ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ XX В.

Щербина А.В. (Санкт-Петербург)

В докладе освещены ключевые аспекты опыта СССР, имеющие парадигмальное значение в глобальных социальных трансформациях XX в.: альтернативная модель демократии, мобилизационная модель экономики, образцы личностного роста в «большом проекте», система непрерывного образования и прикладной науки, модель планирования, государственного административного управления.

Революция 1917 года в России, возникновение советского общества, опыт СССР и мировой социалистической системы явились решающими факторами социальных трансформаций XX века. Под факторами в широком смысле подразумеваются как структурные характеристики общества, так и характеристики социального субъекта, – иерархия целей, принимаемые управленческие решения, реализуемые стратегии, создаваемые и применяемые технологии. Свойства системы и актора нерасторжимо связаны в рамках конкретного общества. В качестве типологических они не ориентированно конфигурируются в рамках образца, который имеет модельное, парадигмальное значение для организации конкретно-исторического опыта.

В докладе предложена попытка раскрыть ключевые аспекты опыта СССР, имеющие парадигмальное значение в глобальных социальных трансформациях XX в.

СССР, советское общество на пике развития производительных сил и темпов научно-технического и экономического роста в 60 – 70-ые гг. XX века, явил реальным образцом формирования системы, альтернативной в социально-политическом и социально-экономическом смысле классической буржуазной демократии Европы и Северной Америки.

Революция в России и существование СССР явились условием и решающим фактором формирования революционных движений и создания новых государств в Азии, Латинской Америке, Африке, падения мировой колониальной системы, противодействия неокOLONIALИЗМУ как способу мимикрии современной глобальной капиталистической мир-экономики.

Мобилизационная модель советского социализма продемонстрировала свою эффективность, выступив ключевым условием форсированного создания тяжелой промышленности и транспортного машиностроения в рамках оборонной доктрины СССР и победы во Второй Мировой войне, противником в которой, под эгидой Германии, была вся европейская экономическая хозяйственная система 38 – 45-го гг.

Советская социалистическая система – образец реального воплощения идеалов буржуазно-демократической революции в части реализации творческого человеческого потенциала, независимо от условий социального происхождения, за счет возможностей личностного роста, наращивания профессиональных и административно-управленческих компетенций, образовательного и карьерного продвижения, востребованных «большими проектами» 30 –70-ых гг.

Советская система непрерывного образования и прикладной науки, созданная революционными изменениями, осуществленными в 30 – 70-ые гг. XX века.

Советский опыт планирования как пример для оптимизации собственных стратегий европейскими и японскими корпорациями в 70 – 90-ые гг.

Военно-технический и социокультурный потенциал СССР, взятый на вооружение в КНР в качестве образца и использованный благодаря непосредственному участию СССР в подготовке

управленческих кадров и передаче опыта промышленного планирования, создания ядерных технологий, развития национальной культуры и государственного административного управления.

СССР как решающее условие мирного сосуществования двух противоположных мировых систем на основе их развития и баланса военно-технических (ядерных) потенциалов в 50 – 90-ые гг. XX века. В современном «многополярном» мире количество войн выросло.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ КОНФЛИКТОРАЗРЕШЕНИЯ В РОССИИ

Яколенко А.Д. (Санкт-Петербург)

Происходящие в российском обществе социально-экономические, политические и правовые трансформации определяют усиление напряженности в обществе, которая приводит к социальным конфликтам. Нередко конфликтующие стороны не имеют механизмов и возможностей для регулирования отношений. Вследствие чего усиливается роль институтов конфликто разрешения, направленных на предупреждение, разрешение и урегулирование конфликтов в обществе.

Генезис и развитие институтов конфликто разрешения в России представляется особо актуальным ввиду увеличения числа гражданских объединений, партий, неправительственных организаций, а также развития институтов по обеспечению гражданских прав.

Институт в социальных науках определяет устойчивые связи и взаимоотношения социальных субъектов в обществе. К проблематике конфликто разрешения впервые обратился профессор Гарвардского университета Толкотт Парсонс. С позиции структурно-функционализма он обозначил социальный конфликт как болезнь общества. Профилактикой и предотвращением конфликта могло стать, по его мнению, воспитание общества в рамках одобряемых норм поведения и создание «агентов социального контроля», тем самым сформулировал предпосылки создания институциональной основы для разрешения конфликтов [6].

Помимо это теории существует теория позитивно-функционального конфликта, Л. Козера и Г. Зиммеля. В этой парадигме социальные конфликты выступают позитивными регуляторами жизни общества и выполняют определенные функции, такие как защитная, стабилизирующая, институциональная, консолидирующая, адаптирующая [4]. Кеннет Боулдинг в своей работе «Конфликт и защита» разработал «общую теорию конфликта», в которой выделил общие для всех социальных конфликтов элементы, пытаясь определить общую основу для анализа институтов конфликто разрешения [2]. Наиболее полно описывает социальный конфликт теория «конфликтной модели общества» Р. Дарендорфа. В своем труде «Классовый конфликт в индустриальном обществе» он ссылается к материальным причинам конфликта. Конфликт представляется как перманентное состояние общества и не существует силы, которая смогла бы уничтожить конфликт. В контексте современных трансформаций, по мнению ученого, поле социального конфликта переместилось в сторону отдельных прав и свобод человека [3].

По мнению Л. Крисберга социальный конфликт определяется как рациональная деятельность людей, направленная на достижение целей и задач. Кроме того, он отмечает, что возникновение, развитие и завершение конфликта определяются процессом коммуникации обеих сторон [5]. А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов считают, что анализ и разрешение социального конфликта строятся на основе следующих категорий: сущность конфликта, генезис конфликта, классификация, динамика и функции [1].

Социальный конфликт представляется как процесс противодействия социальных субъектов, который направлен на разрешение противоречий в целях и установках. Конфликт выступает естественным типом социальных коммуникаций в обществе. Составляющими социального конфликта можно обозначить следующие: наличие двух и более сторон, осуществление противоборства сторон и возможность оценки конфликтной ситуации третьей стороной.

Сторонники теории конфликта определяют любое "социальное" конфликтным, тем самым конфликт выступает непосредственной частью общества.

Однако развитие институтов конфликто разрешения в России в научной разработанности находится на начальном этапе. Современная российская конфликтологическая наука ставит задачи по выявлению социальных факторов, вызывающих деструктивные конфликтные ситуации, а также

по разработке технологий по разрешению и предотвращению этих ситуаций. Институты конфликто разрешения складываются на основе потребностей социальных субъектов и направлены на их удовлетворение, а также занимаются предупреждением, урегулированием и профилактикой социальных конфликтов [7].

Институт конфликто разрешения представляется как вид социального института, деятельность которого непосредственно связана с удовлетворением потребности социума в профилактике, предупреждении и урегулировании разнообразных социальных конфликтов. Этот специфический социальный институт направлен на обеспечение устойчивого и безопасного существования индивидов, социальных групп и обществ.

Важным шагом в развитии государства и гражданского общества стало создание институтов конфликто разрешения, которые представлены государственными, муниципальными, гражданскими организациями и учреждениями. Так или иначе, институты конфликто разрешения выступают «управляющим» социальным процессом, удовлетворяют материальные, духовные, физические потребности людей в конкретно-исторических условиях. Можно сказать, что социальные институты обеспечивают стабильность и уравновешенность общественной системы, способствует ее развитию.

Институты конфликто разрешения в большей степени относятся к социально-политическим институтам, деятельность которых направлена на «наступление позитивных последствий». Они также образуют с другими институтами институциональную подсистему общества. Социальноправовые институты играют особую роль, они предписывают обществу и другим социальным институтам нормативные предписания и следят за их исполнением. Тем самым обеспечивается стабильность и консолидация общества. Данные институты создают, распространяют нормы и правила поведения, создают и поддерживают правопорядок, защищают права и свободы человека и гражданина [8]. Государственными институтами конфликто разрешения в России являются институт главы государства, парламент, институты судебной власти, Правительство, правоохранительные органы, Общественная палата, а также негосударственные – гражданские объединения и организации [9]. Существующие институты конфликто разрешения регулируют социальные, политические, правовые отношения в обществе, определяют долгосрочные цели государства, а также обеспечивают и защищают права и свободы граждан.

Проблемой существования институтов конфликто разрешения в России является существенное преобладание государственных институтов над гражданскими. Гражданский институт выступает как объединение граждан, консолидация членов общества для обеспечения тех или иных потребностей, обеспечения поддержки и поддержания мира и безопасности в обществе.

Теоретически негосударственные объединения должны развиваться наравне с государственными, однако в России они находятся в начале зарождения и развития. Это может быть связано как с пассивностью граждан и их нежеланием объединяться на негосударственной гражданскоправовой платформе, а также с недостатком финансирования заинтересованных структур и объединений. Существующая ситуация говорит нам о востребованности изучения функционирования гражданских институтов в современной России, выявлении факторов, мешающих или тормозящих развитие институтов. Комплексное исследование специфики российского общества и возможностей формирования и укрепления гражданских институтов конфликто разрешения позволит выявить на каком этапе развития находятся институты конфликто разрешения в России в целом, а также создаст почву для прогнозирования вероятного будущего развития государственных и гражданских институтов конфликто разрешения в России.

1. Анцупов А.Я. Шипилов А.И. Конфликтология: Теория, история, библиография. – М., 1996.
2. Боулдинг К. К прочному миру // Прорыв. - М., 1988.
3. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – №5.
4. Козер Л. А. Функции социального конфликта. М., 2000.
5. Крисберг Л. Мирозидание, мирозохранение и разрешение конфликтов // Социологические исследования. –1990. – №11.).
6. Парсонс Т. Система современных обществ. – М., 1997.
7. Милецкий В.П. Введение в историю и теорию институтов конфликто разрешения: (Опыт сравнительного анализа): учеб. пособие. – СПб., 2002.

8. Сухарева А. М., Милецкий В.П. Социально-Правовые институты в фокусе социологического дискурса // Вестник СПбГУ. Сер. 12. Социология. 2014. No3.
9. Нагайцев Виктор Валентинович Проблемы становления социальных институтов конфликто разрешения в российском обществе // Известия АлтГУ. 2010. №2-2. URL:<http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-stanovleniya-sotsialnyh-institutov-konfliktorazresheniya-v-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 08.10.2017).

СЕКЦИЯ 3: ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПЕРЕМЕН

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК В СВЕТЕ МАСШТАБНЫХ ТЕХНОКРАТИЧЕСКИХ И ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Адамьянц Т.З. (Москва)

Аннотация. Речь идет о качественных изменениях, по сравнению с прошедшим столетием, менталитета современного человека, обусловленных масштабными технократическими и информационно-коммуникативными изменениями. Отечественные научные разработки позволяют ставить задачу по дальнейшему совершенствованию и расширению его ментальных способностей, связанных с развитием навыков адекватного ориентирования в информационно-коммуникационной среде.

За прошедший со времени Октябрьской революции век произошли огромнейшие изменения в таких важных сферах жизненной среды современного человека, как сферы технократическая и информационно-коммуникативная, что повлияло на качество жизни, объем знаний, уровень образования практически всех людей, населяющих недавно бедную и малограмотную Россию. Прогресс принес современному человеку не только технические новшества и пришедшие вместе с ними достаток и комфорт, но и погрузил в мир новых информационных возможностей и невиданных коммуникативных взаимодействий.

Сегодня мы можем говорить не только о качественных изменениях, по сравнению с прошедшим столетием, менталитета современного человека, но и строить планы по дальнейшему совершенствованию и расширению его ментальных способностей и талантов; такую возможность предоставляют разработки отечественной науки.

В настоящее время, как известно, о качестве умственных способностей человека и за рубежом, и в нашей стране судят по тесту IQ, хотя это скорее тест на умение ориентироваться в логических схемах с цифрами, формами или словами, что, безусловно, важно для многих сфер деятельности в современном постиндустриальном обществе. В результате, однако, культивируется технократическая личность и технократический склад ума.

Человек, как известно, живет не только в мире техники и голых абстрактных схем. Он живет и в информационной/социокультурной среде, оказывающей влияние и на индивидуальные «картины мира», но и на глобальные события и процессы. Современный человек постоянно либо создает, либо воспринимает, либо интерпретирует информационно-смысловые «продукты». Поэтому для современного человека крайне важно ориентироваться и понимать не только технократическую сторону реальности, но и информационно-смысловую; достаточно напомнить о происходящих в глобальном информационном пространстве информационных войнах, где мишенью оказываются «картины мира», мировоззрение, эмоции и поступки людей [1; 2; 3].

Принимать решение о качестве умственных способностей человека исходя только из коэффициента IQ представляется недостаточным: кроме этой характеристики, необходимо знание ещё и другой, связанной с оценкой навыков ориентирования человека в информационно-коммуникационной среде.

Своеобразным индикатором таких навыков могут служить данные об уровне развития коммуникативных навыков личности. Для получения таких данных используется разработанный в рамках семиосоциопсихологической концепции социальной коммуникации метод интенционального (мотивационно-целевого) анализа [4]; процедура связана с оценкой навыков понимания смысловых составляющих воспринятых произведений. Высокий уровень таких навыков – залог расширительных возможностей адекватного ориентирования человека в любых коммуникационных процессах, умения воспринимать мир и своё место в нём не механистически, а в сложной и многоуровневой взаимосвязи. Вплоть до настоящего времени такие навыки встречаются исключительно как природный дар, своего рода личностный талант. Отечественные

научные разработки последних десятилетий позволяют заявить о реальной возможности увеличения числа людей, способных к адекватному пониманию смысла воспринятых произведений.

Впервые данные о числе людей, способных к адекватному пониманию смысла воспринятых произведений, были получены в начале 70-х годов прошлого века в проекте «Общественное мнение» (под руководством Б.А. Грушина). Для эксперимента использовалась газетная статья на производственно-экономическую тему, получившая условное название «эталонный текст». Полученные показатели адекватного восприятия оказались невысокими: 14% от всего массива опрошенных; наивысшие показатели (у респондентов с высшим образованием) также оставляли желать лучшего – 35% [4].

В 80-е годы, при изучении особенностей восприятия этого самого «эталонного текста», был получен аналогичный результат: 14% от массива опрошенных. Сходные результаты (13,6%) были получены и в 90-е годы, при изучении особенностей восприятия общественно-политических телепрограмм [5].

Качественные изменения социокультурной среды последующих лет, связанные с необъятным количеством и разнообразием информационных материалов, расширением социокультурного пространства, увеличением технических возможностей для получения информации, появлением Интернета, гаджетов и т.д., выдвинули предположение о возможном увеличении числа людей, способных к адекватному пониманию смысла воспринятых произведений. Для того чтобы ее проверить, в 2015-2017 гг. был проведен эксперимент по выявлению особенностей понимания смысла того самого «эталонного текста», что применялся и несколько десятилетий тому назад.

Респондентам следовало ознакомиться с «эталонным текстом» и ответить на содержащуюся в анкете просьбу рассказать о главном, что автор хотел сказать, выразить, передать. Будучи зафиксированным в тексте, коммуникативное намерение (а это и есть смысл произведения) остается константным, несмотря на изменившуюся социально-экономическую ситуацию.

Респондент, конечно же, был вправе не согласиться с автором, даже мог отметить это в специально отведенном месте анкеты, хотя для оценки качества понимания момент согласия или несогласия никакой роли не имел: в расчет принималось только «качество» понимания того, что именно автор хотел сказать, выразить, передать, донести.

Полученные данные нынешнего времени сопоставлялись с результатами 70-х годов. И оказалось, что результат понимания «тогда» и «сейчас» в сопоставимых социально-демографических группах практически остался равновеликим! Иными словами, качество понимания в сфере коммуникации практически не выросло с течением времени и появлением новых технических возможностей получения информации.

Для увеличения в обществе числа людей, способных к адекватному пониманию смысла воспринятых произведений, необходимы специальные обучающие мероприятия; такие эксперименты уже проводятся и дают положительный эффект [6; 7].

Технократический склад ума и деятельности привлекательны не для всех людей, поскольку зависят от индивидуальных талантов и склонностей. Однако умение адекватно ориентироваться в информации и коммуникации важно для всех, в том числе и для технократов. Вся наша жизнь, по сути дела, в той или мере связана с коммуникацией: с обществом, коллективом, другими людьми, природой, самим собой.

Массовое развитие коммуникативных навыков, а, следовательно, расширение ментальных возможностей и способностей современного человека – реальная и выполнимая задача. Россия может и должна стать первой страной, состоящей в массе своей из понимающих, а значит, мудрых людей [8].

1. Адамьянц Т.З. *Заблудившиеся в социокультурной среде* // *Человек*. 2014. № 3. С. 34–41.
2. Адамьянц Т.З. *Осторожно – смысловые атаки!* // *Человек*. 2015. №4. С. 77–83.
3. Карпенко Е.В. *Современная молодежь в зеркале социоментальности (по результатам исследования)* // *Общественные науки*. 2016. № 5. С. 310–320.
4. Дридзе Т.М. *Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации*. М.: Наука, 1984.
5. Адамьянц Т.З. *Социальные коммуникации. Учебное пособие для вузов*. М.: Дрофа. 2009. 208 с.

6. Темницкий А.Л. Возможности повышения уровня адекватности понимания в современных коммуникациях студентов // *Коммуникология*. 2016. Том 4. №6. С. 223–240.

7. Чудновская И.Н. Коммуникативное образование в обществе знания: проблема обучения пониманию // *Коммуникация как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов. Сборник статей и выступлений участников международной научной конференции*. М.: НИУ ВШЭ. 2015. С. 168–176.

8. Адамьянц Т.З. Массовое социоментальное развитие: миф или реальная возможность? // *Общественные науки и современность*. 2012. № 1. С. 27–38.

ЧЕЛОВЕК В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ: ВОСПРИЯТИЕ ПОСМЕРТНОГО ДОНОРСТВА (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Александрова М.А. (Волгоград)

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема общественного одобрения использования органов одного человека для спасения жизни другого. На основе проведенного исследования выявлено, что допустимость данного вида лечения укоренена в социокультурных представлениях населения, связанных с принятыми в обществе социальными, религиозными нормами и ценностями.

Серьезный прогресс в области трансплантологии открыл множество возможностей для выполнения операций по спасению еще совсем недавно неизлечимых больных. Успешность подобных пересадок органов от человека человеку стала толчком к увеличению количества проводимых трансплантаций. Вместе с тем имеющийся потенциал для выполнения подобных операций по пересадке жизненно важных органов достиг своего предела и стал ограничиваться количеством доступных органов для трансплантаций.

Низкие показатели донорской активности России на фоне развитых западных стран ставят вопрос о необходимости создания механизмов для вовлечения населения в «завещание» своих органов. Правовая практика всего мира свидетельствует о наличии разных моделей решения вопроса о становлении донорами органов и тканей – «презумпции согласия», «презумпции испрошенного согласия» и «презумпции несогласия». Различия всех моделей сводятся к разным способам получения согласия на использование органов для пересадки.

Каждая донорская модель позволяет достичь различных результатов по количеству доноров органов, однако успешность донорства во многом зависит как от позиций медицинского сообщества, так и от мнения и установок общества относительно данных практик. Выбор той или иной модели донорской системы не может протекать безотносительно социокультурного контекста конкретной страны.

Значительная доля жителей г. Волгограда (67%) относят проблему донорства и пересадки органов к числу важных для развития российской системы здравоохранения. Необходимо заметить, что представления горожан об уровне дефицита донорских органов во многом соответствует действительности: около 75% респондентов говорят о недостатке донорских органов всем нуждающимся и только 6% считают, что проблем в этом отношении нет.

Для выявления общего отношения горожан к развитию данного вида способа лечения был задан вопрос в отношении мнения о допустимости использования органов живых, умерших или тех и других доноров для спасения жизни больных. В целом жители поддерживают идею использования органов как умерших, так и живых доноров (38%). Однако около четверти жителей города считают допустимым лишь посмертное донорство, и еще около 11% выступают против подобных способов лечения.

Если переходить к установкам волгоградцев, то на фоне позитивного образа трансплантологии в плане допустимости и актуальности развития этой области медицины для нашей страны лишь каждый четвертый разделяет позицию о том, что «завещание» своих органов после смерти – это долг каждого человека. Сторонников противоположной позиции вдвое больше – с обязанностью «завещать свои органы после смерти» не согласны более половины горожан (62%).

Причина нежелания становиться донором кроется в предубеждениях горожан относительно возможных злоупотреблений врачей и распространенности «черных рынков» органов. Четверть населения считает, что «черный рынок» органов широко распространен; каждый второй считает, что незаконная торговля всё же имеет некоторое распространение в нашей стране и только 6% могут сказать, что «черный» рынок органов в России отсутствует.

Согласно полученным результатам, подавляющее большинство горожан (89%) были бы готовы отдать свой орган, если бы это касалось спасения жизни детей. Для супруга пожертвовать свой орган хотели бы уже только 57% волгоградцев. В отношении других родственников эта доля близка к 50%. Готовность стать донором органов для абсолютно незнакомого человека, нуждающегося в пересадке, мала, но, тем не менее, составляет 7%.

В большинстве зарубежных стран зафиксировать свое желание стать донором органов можно в открытой форме – отметкой в водительских правах или специальных карточках донора. В некоторых странах осуществляется идея создания закрытых реестров, в которых люди могут зарегистрировать как свое согласие, так и несогласие. В России формы выражения волеизъявления до настоящего момента не выработаны.

Представления горожан о предпочитаемых формах фиксации своего волеизъявления свидетельствуют о большом количестве сторонников закрытых форм – за них выступают 63%. Число респондентов, которые поддерживают открытые формы, крайне невелико – лишь 9% от всего числа опрошенных. Еще для 28% степень «открытости» формы не имеет значения.

Высокий процент респондентов, выступающих за закрытые формы волеизъявления, позволяет говорить о том, что опасения в отношении донорства органов в общественном сознании остаются сильными.

По Федеральному закону Российской Федерации от 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан» пересадка органа от живого донора возможна только на добровольной безвозмездной основе и только среди генетических родственников. [2] Данное ограничение позволяет уменьшить круг возможных злоупотреблений по использованию органов от живых доноров.

Мнение горожан относительно материального вознаграждения находит достаточно благосклонное отношение – «за» возможность денежных выплат для неродственных доноров в рамках прижизненного донорства выступают почти половина населения (48%), тогда как тех, кто считает такие практики недопустимыми, чуть более трети (34%).

Самый большой процент респондентов, которые «определенно не готовы» и «скорее не готовы» завещать свои органы для пересадки больным людям после своей смерти, те, кто причисляет себя к исламу (22% и 26% соответственно). Негативное отношение к донорству органов распространено и среди тех, кто исповедует православие (около 10%). При этом наибольшее число положительных ответов («определенно готовы» пожертвовать свои органы после смерти и «скорее готовы») – среди тех респондентов, кто не считает себя верующим человеком (64%).

Подводя итог, можно сказать, что сложившиеся культурные представления населения в настоящее время не создают позитивных прогнозов для развития донорства. Мнение о допустимости использования органов как умерших, так и живых доноров понимается жителями как необходимые шаги для имеющего место дефицита органов. Однако поведенческие установки отстают от этого представления. Ситуация усугубляется наличием стереотипных мнений и недостатком знаний о возможностях становления посмертным донором и эффективности трансплантологии.

Сильные стереотипные представления, сопровождающиеся страхами о нелегальном характере донорских изъятий, выводят на первое место необходимость преодоления существующего негативного образа трансплантологии в глазах населения.

1. Закон РФ от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека».
2. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».
3. Решетников, А. В. Социология медицины [Текст] / А. В. Решетников // Гэотар-Медицина. – 2011. – 864 с.
4. Тихонова, С. С. Прижизненное и посмертное донорство Российской Федерации: вопросы уголовно-правового регулирования. [Текст] / С. С. Тихонова // СПб., 2002. – 321 с.

ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ОНЛАЙН-ПЕТИЦИЙ НА БАЗЕ РОССИЙСКОГО СЕГМЕНТА ПЛАТФОРМЫ CHANGE.ORG

Архипова О.В., Тавровский А.В. (Санкт-Петербург)

Аннотация: Статья посвящена практикам дискурсивного конструирования онлайн-петиций на примере петиции в защиту Исаакиевского собора от его передачи РПЦ. Рассматриваются особенности интернет петиций и российского сегмента платформы для размещения онлайн-петиций Change.org. Для анализа текстов петиции и комментариев к ней используется критический дискурс анализа Н. Фэркло и «теория графов» Л. Болтански и Л. Тевено.

Введение

В современном мире формирующейся демократии и стремительно растущего поля коммуникации крайне важно сохранять гармонию разноименно заряженных сил. Мы свидетели формирования нового пространства для обмена мыслями и гражданских волеизъявлений на базе Интернета.

Исследовательский интерес к жанру петиций связан с его значительным местом в современном дискурсе социальных проблем. Исследователи считают, что практика использования петиций полезна как для граждан, так и для власти - эти обращения «могли бы стать формой коммуникации, инструментом обратной связи с общественностью, а также лакмусом настроений, тенденций и наболевших проблем» [1]. С другой стороны, Е. Морозов, А. Брейер и Ф. Билал [1] относят данную форму к так называемому «диванному активизму» или «слактивизму», т.е. деятельности, имитирующей участие в политической жизни. И. Ричард предполагает, что после неудачной подачи петиции люди могут потерять доверие к политическим институтам. Однако есть и позитивные взгляды на роль онлайн-петиций как стимулирующих к политическому участию форм, например, В. Чедвик, П. Крукшенк и Н. Эдельманн [1].

Платформа для создания петиций Change.org – объект моего исследования. Предмет – практики конструирования дискурса отдельной кампании на базе петиции «Требуем остановить передачу Исаакиевского собора в ведение РПЦ!» [2]. Нам важно, как люди заявляют свои утверждения-требования и к каким ценностям отсылают при их формулировании.

Выбор темы петиции обусловлен учащением случаев «десекуляризации» объектов культурного наследия в России и активному участию общественности в кампаниях против этого.

Цель данной работы - анализ конструирования дискурса на примере петиции «Требуем остановить передачу Исаакиевского собора в ведение РПЦ!» [2].

Эта цель предусматривает ряд задач:

- выявить особенности интернет-петиций
 - проанализировать, какое место среди них занимает Change.org
 - провести критический дискурс-анализ петиции и комментариев к ней
- Change.org как онлайн-пространство гражданской инициативы
Особенности Интернет-петиций

Современное пространство осуществления демократии расширяется, и значительную роль в этом процессе играют виртуальные сообщества. Сегодняшний механизм влияния происходит по большей части через овладение вниманием СМИ.

И.В. Ксенофонтова полагает, что в интернет-сообществах формируется особый вид социальной солидарности, имеющий, кроме традиционных характеристик («мы»-концепция, режим эмоционального обмена с выражением согласия и поддержки, готовность к совместным действиям), специфические черты (отсутствие видимых границ группы, «глобальность», расширение способов аргументации и верификации, особые формы эмоционального одобрения и поддержки) [3].

Виртуальность обращения, независимая от хронотопа, приводит к созданию единого коммуникативного пространства. Платформы обращений снабжены интерактивными возможностями для их обсуждения и оперативными каналами для связи с подписантами, что повышает продолжительность включения их в кампанию или привлечения в новые. Благодаря анонимности меньшее значение имеет личное представительство, то есть онлайн-петиции уравнивают пользователей. Любая петиция имеет двойного адресата: она направлена и к вышестоящим органам, и к публике, через ее внимание получая право воздействия в обществе, даже без юридической силы, что позволяет нам отнести петицию как жанр массовой коммуникации к группе агитационно-пропагандистских жанров [4].

Платформа change.org как пространство гражданской инициативы

Онлайн-платформа для размещения петиций Change.org была создана в США в 2007 г. как глобальный проект. В 2015 г. сайт преодолел отметку в 100 000 000 пользователей по всему миру, в России насчитывается 4 500 000 активных пользователей [5].

Официальный сайт позиционирует платформу так: “на Change.org люди со всего мира начинают свои гражданские кампании, находят сторонников и вместе с теми, кто принимает решения, осуществляют важные для них перемены”. [2]

Change.org – открытая платформа с разными группами участников: авторы петиций (индивидуальные и коллективные) и их сторонники, адресаты петиций, СМИ. Кроме того, платформа – это социальный бизнес, все средства идут на поддержание работы платформы и выполнение миссии. Над российским сегментом Change.org работают всего два сотрудника.

Платформа Change.org – самая популярная в России. По статистике на Change.org в среднем две победы в неделю [6]. Платформа открыта, идентификация пользователей неформальна, а взаимодействие участников равноправно.

Методология и результаты исследования

Власти Санкт-Петербурга приняли решение передать РПЦ Исаакиевский собор, имеющий статус государственного музея-памятника в безвозмездное пользование с сохранением музейно-просветительских функций. На платформе Change.org была создана петиция против данной реституции.

Методология

Для анализа текста петиции был использован критический дискурс анализ Н. Фэркло [7], были выделены участники, объекты, сценарии, преобладающие риторика, основной метод построения текста и отношений в нем. В данной работе дискурс определяется как язык в действии, как способ репрезентации реальности. Единицей анализа выступают тексты петиции — содержание петиции, комментарии.

Для определения легитимации приведенных в петиции аргументов была использована «теория градов» Болтански и Тевено [8]. В зависимости от ситуаций люди пользуются неодинаковыми обоснованиями справедливости: все участники стремятся к консенсусу, исходя из своих целей и ценностных ориентаций, то есть аргументация чего-либо осуществляется согласно какому-либо граду. Град здесь — модель идеально справедливого общества. Исследователи выделяют град благодати и вдохновения, патриархальный град, рыночный град, гражданский град, научно-технический град, где у каждого свой ценностный набор.

В соответствии с этими моделями были проанализированы тексты петиции и произведена их классификация.

Результаты

Текст петиции опирается по большей части на ценности гражданского града, но встречаются и элементы рыночной легитимации. Можно считать, что авторы петиции, обращаясь к разным категориям населения, добились от подписантов плюрализма обоснований сохранения статуса музея-памятника. В комментариях к петиции были выявлены различные топики как критерии отнесения к тому или иному граду.

Более других представлен научно-технический град в виде атеистических ценностей или ценностей материальной культуры. Топики гражданского града на платформе гражданских инициатив оказались в дефиците, но существуют примеры обоснования через защиту прав работников музея. Часто встречается экономический топик как часть оправдания через ценности рыночного града, а именно гипотеза, что после передачи РПЦ самокупающийся музей перестанет платить налоги, что невыгодно государству.

Как часть града благодати и вдохновения можно привести нравственно-религиозный топик, чаще всего им пользуются верующие, тем самым ставя религиозную структуру РПЦ в оппозицию вере. В анализе встретились и примеры проявлений патриархального града: консервативный топик или нежелания перемен, топик апелляции к истории. Он задает коллективную память или места памяти, рассматривая исторические вехи, связанные с собором.

1. Демушина Н. О. Порталы электронных петиций как форма взаимодействия институтов власти и граждан в России [Журнал] // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. - 2016. - pp. 176-181.

2. Change.org — онлайн-платформа для петиций [Веб-сайт] // . - 2007. - 2017. - <https://www.change.org/>.

3. Muravyeva M. The culture of complaint: approaches To Complaining in Russia—an overview [Журнал] // Laboratorium. - 2016. - pp. 93-104.

4. Пупкова В. А. Петиция как жанр французского экологического дискурса [Journal] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. - 2010. - pp. 33-45.
5. Change.org [Интернет-ресурс] // Википедия. - <https://ru.wikipedia.org/wiki/Change.org>.
6. Как устроен Change.org, на какие деньги он существует, какие петиции становятся успешными и почему [Интернет-ресурс] // ТАКИЕ ДЕЛА. - февраль 13, 2017. - <https://takiedela.ru/2015/12/change-org/>.
7. Fairclough, Norman (2003). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London: Routledge
8. Болтански Л. Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов [Книга]. - М. : Новое литературное обозрение, 2013

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ПУБЛИЧНОЙ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: АНАЛИЗ ФОТОГРАФИЙ ТУРИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТ-ФОРУМА

Бурак Т.В. (Минск, Республика Беларусь)

Аннотация. В статье представлен анализ знаковых структур повседневных фотографий путешественников, размещенных в режиме туристических интернет-форумов. Игровые практики, связанные с процедурами кодирования и декодирования, характеризуют восприятие и интерпретацию «чужой», незнакомой и непривычной повседневности в системе кодов «моей» привычной повседневности. Теоретическую основу исследования составляет теория У.Эко.

Восприятие путешествия находит свое воплощение в интерпретации взаимодействия «моей» повседневности с «другой», непонятной и странной, в том числе, в непрофессиональных репрезентациях тематических форумов. Представляется оправданным оставить в стороне простые по структуре отзывы о туристическом выезде и проанализировать знаковое пространство визуальных публикаций интернет-форумов, посвященных описанию опыта самостоятельно организованного путешествия (forum.awd.ru, tourbaza.net). В отличие от сайтов, построенных по принципу «отзывов» с краткими оценками, формат форумов устанавливает общение в связи с путешествиями по «нетуристическому», самостоятельному маршруту, которое отличается и по структуре участия (между путешественниками), и по содержанию текстов (сложная знаковая структура), и по жанру текстов (художественно-публицистический жанр), и по правилам общения (устанавливаются новые правила повседневного разговора).

Интерпретация «чужой» повседневности в текстах туристического интернет-форума задана ситуацией взаимодействия повседневности путешественника с иной культурой, с одной стороны, и границами повседневной коммуникации в публичном контексте, с другой стороны. Эти обстоятельства придают процедурам кодирования/декодирования игровой характер. Игровые практики реализуются в конструировании многослойного текста, который по сути является самопрезентацией личности путешественника и проявлением творческой позиции в понимании иной повседневности. Визуальные ряды в репрезентациях форумчан организованы в соответствии с жанром повседневного общения в публичном формате: взаимодействия «лицом-к-лицу» между незнакомыми людьми; «ожидающее взаимодействие»; креативность, экспрессивность, вариативность и манипулятивность художественно-публицистического текста.

Вербальная и визуальная части сообщений участников туристического интернет-форума образуют сложное единство, нагруженное знаками, а структура тревелфото имеет многослойный характер. Одна часть означающих фоторяда представляет свойства реальных предметов, а автор сообщения стремится к «искренней, честной фотографии», как бы доказывающей близкое знакомство с иной повседневностью. Вторая часть визуальных знаков транслирует создаваемые автором образы чужой реальности и закодированные интерпретации и понимания. Очевидно, один слой визуального контента призван поддерживать высокий уровень доверия, необходимый в повседневной коммуникации, а другой слой – постоянную готовность к поиску новой, неявной информации и ее соотнесения с культурным кодом и социальным опытом [1, с. 61].

В сложной структуре визуальных текстов форумчан воспользовавшись теорией У. Эко, выделим составляющие культурного кода: иконы (знаки), иконограммы (семьи), тропы (фигуры), топосы (предпосылки) и энтимемы (аргументы) [1]. Фотографии участников интернет-форума являются, по сути, открытой структурой, в которой коды служат правилами кодирования и декодирования повседневной интеракции и которая допускает возможность «прочитывать» и

«перечитывать» ситуацию в разных интерпретациях. А участники пользуются усвоенными символами, правилами их сочетания, социальными знаниями об игровой коммуникации [1, с. 57].

Иконический уровень туристических фотографий отображает свойства изображаемого предмета, стремясь к естественному подобию с ним. Иконограммы отсылают нас к классическим значениям в форме вербального словосочетания. Тропы или риторические фигуры придают особую выразительность сообщению, служат средством убеждения и эмоционального воздействия. Топосы используются в виде устойчивых формул. Энтимемы представляют неполные умозаключения в качестве аргументации топосов. [1, с.224–226].

Разберем сложную структуру кода разных по жанру любительских тревелфото: архитектурная, уличная, пейзажная, портретная фотография и натюрморт. Изображение здания связано с иконограммами, обозначающими, например, достопримечательность, историческое или необычное здание, памятник архитектуры или искусства, символ восточной религии. Художественные приемы в композиции кадра (например, экспрессивный прием «снизу–вверх») вызывают восхищение высотой, мощью или архитектурой объекта, подчеркивают значимость объекта, преклонение перед его величием, перспективу. Вертикальное изображение заставляет обратить внимание на все детали, а горизонтальный формат показывает динамику – вокруг старинного объекта идет современная, динамичная жизнь. Иконограммы поддерживаются цепочкой топосов и энтимем. Например, изображение храма сопровождается формулой «в восточных странах большое значение имеет религия» и отсылает к неявному «тексту»: «в путешествии по восточной стране обязательно нужно увидеть религиозный объект»; «путешествие предполагает обязательное знакомство с аутентичной культурой».

Иконический уровень уличного тревелфото предполагает изображение улицы, перекрестка, спешащих людей и движущегося транспорта, транслируя, например, значения «городской образ/ритм жизни», «большой город». Когда на передний план выносятся перекресток, это указывает на пространство городской среды, способствует восприятию образа города. Сам по себе прием изображения улицы представляет позитивную идентичность путешественника, стремящегося к глубинной искренности «честной», непостановочной фотографии. Усилению эффекта присутствия «здесь и сейчас» способствуют разные экспрессивные формы: например, горизонтальный ракурс и почти безлюдные улицы означают спокойствие, неспешность жизни. Формулы и их обоснование: для всех крупных/современных городов характерен динамичный образ жизни; восприятие города X будет неполным, если вы не побродите по его улицам.

Изображение пейзажа. Система знаков означает нетронутую, необычную, естественную природу, подчеркивают размеренную, неспешную, медленно текущую часть жизни. Экспрессивность и образность восприятия и понимания иной повседневности имеет насыщенный эстетический характер, используя приемы противопоставления (например, огромных глыб льда и маленьких домов), неявного выбора фокуса, формата и ракурса, вызывает восхищение и спокойствие от близкого соприсутствия. Топосы и энтимемы убеждают в необходимости знакомства с аутентичной природой.

Портретное фото транслирует классические значения, например, «красивая молодая женщина», «такие же люди как мы», «чудной старик» и т.п. Художественные образы, которые обращают внимание на глаза, взгляд, брови, улыбку означают чувственность, доверие и искренность. Экспрессия ракурса и формата транслирует уравновешенность, а стремление включить в код еще и образы на заднем плане экстраполирует означающие или указывает на взаимосвязь значений. Уровень топосов и энтимем подсказывает, что красивые и приветливые люди или родные и привычные лица создадут позитивное настроение в путешествии.

Изображение блюда связано с буквальными значениями: местная, национальная кухня. Набор продуктов и ракурс съемки означают сытный, калорийный ужин, деревянная доска, на которой расположено блюдо – натуральность продуктов, вкус и сохранение традиций, расшитая салфетка – аутентичность. Уровень троп: композиция из набора заказанных блюд, формат или ракурс подчеркивают радость и желание охватить весь обзор; жанровый прием натюрморта или Instagram основаны на стремлении близко зафиксировать чужую повседневность, столь непохожую на привычную, нашу культуру. Топосы типа «немцы любят пиво и сытно поесть», «австрийская кухня очень сытная», «X – страна с традициями» идут в связке с энтимемами: «приехав в страну X, обязательно попробуйте местную кухню» или «обязательно зайдите в маленькое кафе на углу».

Визуализация интерпретации иной повседневности в текстах туристических интернет-форумов основана на взаимных процедурах кодирования и декодирования. Игровое обращение с

визуальными знаками позволяет транслировать понимание иной повседневности глазами путешественника, а также компенсирует недостаток непринужденности и эмоциональности интернет-взаимодействия в поиске новых форм организации повседневного общения и поддержания ощущения совместной, разделяемой действительности, в использовании различных приемов самопрезентации и конструирования новых смыслов.

1. Эко, У. Отсутствующая структура: введение в семиологию. – СПб: symposium, 2006. – 544 с.

УНИВЕРСИТЕТЫ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ: ГЛОБАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ И РЕАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ XXI В.

Василькова В.В. (Санкт-Петербург)

Концепция общества знания, представленная в наиболее общем виде в тексте Всемирного доклада ЮНЕСКО «К обществам знания» (2005 г.), может рассматриваться как попытка конструирования глобальной социальной технологии перехода от модели информационного общества к модели общества, построенного на основе признания информации и знания как общегуманистических ценностей. С позиции геополитических сдвигов эта концепция связана с образованием нового геополитического субъекта – объединенной Европы, определяющего принципы своей экономической, культурной и идеологической идентичности. Американскому консьюмеризму с его ориентацией на коммерческую выгоду и безудержный рост потребления был противопоставлен идеал общества знания, акцентирующий значимость интеллектуального, духовного развития, ценности демократии и самореализации личности. Идея общества знания становится новым гуманистическим идеалом, который превращается в фактор объединения многонационального европейского сообщества, а также центром притяжения для всего мирового сообщества, ощутившего неоднозначные последствия и противоречия прошедших десятилетий информационного общества.

В рамках данной концепции университеты рассматривались не только как объекты, но и как активные агенты построения общества знания, а уровень и качество университетского образования – как важнейший индикатор достижения данной цели. Именно университеты являются центрами порождения, аккумуляции и воспроизводства знания. При этом отмечалось, что для того, чтобы университеты смогли выполнить свою основополагающую функцию в построении общества знания, необходимо осознать и преодолеть негативные тенденции, связанные с либерализацией и коммерциализацией высшего образования. Информационное общество стимулировало резкий рост числа студентов и новых вузов, вследствие чего государство уже не может справляться с функцией обеспечения патронажа и финансирования высшей школы. Коммерческие структуры – участники процесса финансирования – диктуют свои правила и условия, в том числе, и к способам производства и воспроизводства знания в университетах. В частности, к негативным последствиям этого процесса можно отнести сокращение финансовых вложений в фундаментальную науку и преимущественное воспроизводство прикладного знания как экономически более выгодного, приоритет субсидирования естественно-научного и технического знания в ущерб гуманитарному и т.д.

В качестве мер, способных стимулировать развитие высшего образования для общества знания, предлагались следующие:

- разработка сбалансированных схем диверсифицированного финансирования высшей школы;
- создание университетских сетей (а также междисциплинарных и международных солабораторий), в том числе ориентированных на решение новых задач и развитие новых отраслей науки; такие организационные формы позволяют расширить международное сотрудничество и приостановить «утечку мозгов» в экономически развитые страны;
- введение кредитов на образование, что значительно расширяет доступ к высшему образованию представителей различных социальных слоев;
- диверсификация форм высшего образования (против монополии классических университетов) и реорганизация самого преподаваемого знания, а также системы его проверки;
- создание на базе университетов разветвленной инфраструктуры для создания и внедрения инновационного знания (интегративный комплекс «наука – образование – бизнес»);

- закрепление такого приоритета стратегии университета как формирование гражданского общества (университет как «гражданский форум», площадка для обсуждения актуальных идей и проблем) и др.

Казалось бы, что концепция общества знания, включающая не только теоретические ориентиры, но и конкретные социально-технологические рекомендации для достижения поставленных целей, должна стать эффективным механизмом для стимулирования университетского образования. Однако за прошедшее десятилетие в научной литературе накопилось достаточное число критических публикаций, в которых фиксируется целый ряд новых разрывов и противоречий, порожденных реальными практиками университетского образования:

1) Противоречие между процессами интернационализации и локализации в стратегиях университетов как форма проявления более масштабного противоречия между силами глобализации и национальными интересами. С одной стороны, интернационализация университетов становится в последние два десятилетия «институциональным императивом», поскольку университет без соответствующей международной стратегии рискует быть просто неконкурентоспособным. При этом интернационализация направлена на глобальную унификацию требований, на сведение их к единым международным стандартам, что приходит в противоречие с требованиями национальных рынков труда, на которые, в первую очередь должны ориентироваться и преподаватели, и выпускники университетов. Этот дисбаланс усугубляется (и поддерживается) заметными в последние годы тенденциями к реиндустриализации национальных экономик, а также растущей популярностью правых идеологий и политиков, фокусирующих внимание на специфике национальных интересов.

2) Негативные последствия академизации. С одной стороны, число молодых людей с высшим образованием является важнейшим показателем успеха в создании общества знания. С другой стороны, в современных экономиках запрос на выпускников университетов ограничен, отсюда – возникновение новой формы молодежной безработицы, когда такие выпускники вынуждены заниматься трудом не соответствующей их ожиданиям квалификации (при растущих ожиданиях вознаграждения за высокий уровень образования). Еще одним негативным последствием академизации является такой феномен как «образовательная паника» (термин Х.Буде), порождающая не только психологическое напряжение, но и новые разрывы в социальной структуре общества.

3) Давление фактора миграции в современной Европе. В концепции общества знания создание университетских и научных сетей рассматривается как своего рода фильтр, ограничивающий «утечку мозгов» из менее развитых стран. Однако миграционные процессы последних лет (охватывающие также восточноевропейские страны и страны постсоветского пространства) способствуют притоку, в том числе и высококвалифицированных кадров, что нарушает существующий баланс и динамику устойчивого развития в системе академических кадров.

4) Угроза деформации социального партнерства. Проблема развития высшего образования рассматривается в развитых странах Европы в контексте тройственного взаимодействия между государством, сильными профсоюзами и объединениями работодателей. Растущая значимость университетского образования в формировании будущего общества знания нарушает баланс между высшим и профессиональным образованием, которое испытывает существенное давление и имеет тенденцию к девальвации.

5) Растущая критика системы международных рейтингов успешности университетов, которая, по мнению специалистов, служит закреплению существующей иерархии (не столько академической, сколько геополитической) и не является однозначным механизмом активизации инновационного, творческого потенциала университетов.

Осмысление данных противоречий актуализируют необходимость переосмысления как концептуальных принципов общества знания, так и перспектив высшего образования в XXI в.

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ М. ВЕБЕРА КАК ОСНОВА ПОНИМАНИЯ ФЕНОМЕНА ВОЕННОГО ВОЛОНТЕРСТВА (ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА)

Ведерников А.А., Певная М.В. (Невьянск)

Военные волонтеры принимают решение участвовать в военных конфликтах добровольно и самостоятельно, руководствуются в своем выборе в первую очередь личными убеждениями

разного характера. Они официально не входят в состав вооруженных сил, регулярную армию своей страны или ее специальные подразделения, но участвуют в военных действиях наряду с солдатами-контрактниками. Официально декларируется, что они официально не получают за свою работу материального вознаграждения. Деятельность военных волонтеров в России находится на грани нарушения формальных юридических норм, но не подпадает под государственные санкции, несмотря на то, что определенная часть россиян и организованные структуры включены в социально-политические процессы внешней и внутренней политики нашей страны. Изучение данного феномена несомненно интересно ввиду отсутствия официальной информации и низкого интереса к данному явлению со стороны исследователей. При ограничении публично доступной информации социологам остаются разрозненные данные из информационного пространства сети интернет и жизненные истории военных волонтеров, которые представляют особый интерес. Для изучения последних необходима теоретическая рамка, позволяющая глубже понять личностные характеристики таких добровольцев как акторов, объяснить особенности их деятельности и поведения. Одним из фундаментальных теоретических оснований такого понимания, на наш взгляд, могут быть теоретические идеи М. Вебера.

М. Вебер в своей социологической теории определяет действие (независимо от того, проявляется ли оно вовне, например, в форме агрессии, или сокрыто внутри субъективного мира личности, подобно претерпеванию) как такое поведение, с которым действующий индивид или индивиды связывают субъективно полагаемый смысл. По мнению классика социологии, «социальным действие становится только в том случае, если по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу оно соотносится с действиями других людей и ориентируется на них» [1, с. 602]. Таким образом, понимание феномена военного волонтерства (добровольчества) легко укладывается в логику объяснения индивидуальных и коллективных действий добровольцев. Эта деятельность по своим характеристикам близка ко всем другим видам добровольчества и наполнена определенными смыслами, важными для самих волонтеров, а также и для общества. Для понимания стартовых позиций в реализации эмпирического исследования заявленной проблемы были проведены шесть глубинных полуструктурированных интервью с россиянами, имеющими опыт участия в военных конфликтах.

Осознанное и осмысленное выполнение какого-либо действия индивидом или группой – основа теории М. Вебера. Ответить на вопрос «зачем», придать смысл – значит осознать себя в своей соотнесенности с миром – действовать в определенном направлении [2, с. 122]. При изучении жизненных историй военных волонтеров следует учитывать то, что в оценках действий людей важно рефлексировать, как они соотносят специфику действий со своим внутренним миром убеждений, своей личной картиной мира. Важным замечанием является то, что у любого человека то, что интересно и важно для него лично остается в поле внимания, а то, что он считает неважным – остается незамеченным. Феномен военного волонтерства (добровольчества) в контексте данной теории обладает всеми признаками именно социального явления, так как действия и поступки добровольцев наделяются ими личностным смыслом, приобретают ценностное значение тогда, когда они оказывают какую-либо помощь нуждающимся в ней людям, принимая участие или попадая в поле какого-то вооруженного конфликта.

Согласно идеям М. Вебера, следует учитывать то, что человек всегда дает оценку общественному значению своих действий. Важным измерением смысла военного волонтерства является многогранность его социальной значимости для общества. Опираясь на суждения наших информантов, можно предположить, что такие грани проявляются в принятии решения об участии в военных действиях. Помимо штампа «патриотизма» социальная значимость определяется добровольцами в связке с наличием опыта, который позволил им решать военные задачи, избегая человеческих потерь, сохраняя жизнь не только близким людям, но и тем, кто мог бы быть на их месте.

Любая деятельность обладает определенными ценностными основаниями. Ценность по Веберу, – это форма человеческого мышления, способ умозаключений. Её нельзя охарактеризовать в категориях «положительная – отрицательная», «относительная – абсолютная», «объективное – субъективное» [2, с.123]. Их место в мотивации действий гораздо глубже целей и интересов. Именно отнесение к ценности как придание смысла, на основе которого формулируется цель, указывает нам самое главное, что определяет поведение человека. [2, с.123]. Соответственно, как полагал Вебер, если нам удастся понять, какова та ценность, на которую ориентировано действие людей, имеющих опыт военного волонтерства, мы поймем само это действие.

Ценность согласно концептуальным идеям М. Вебера, это триггер (толчок, импульс, эмоционально-когнитивный) постановки и достижения целей, продукт, результат, содержание человеческого мышления, который способствует (объясняет) его соотношение или взаимосвязь с окружающим миром, носителем которой является человеческая личность. Ценности формируются в соответствии с накоплением жизненного опыта, в процессе включения человека в разные события, которые он принимает или отталкивает от себя. Ценности играют ведущую роль в мотивации любого вида деятельности. При этом они учитывают особенности, специфику конкретного вида деятельности.

Для формирования социологической логики объяснения действия индивида или группы М. Вебер вводит понятие «идеальный тип социального действия». Основными компонентами идеального типа социального действия являются цели, средства их достижения, социальные нормы. [4, с.261]. такая теоретическая логика применима и в анализе военного волонтерства. Кроме того, выделенные М. Вебером идеальные типы имеют градацию по степени реальной осмысленности индивидом действия с точки зрения расчета целей и средств ее достижения» [5, с.158]. Кратко охарактеризуем идеальные типы действия по М. Веберу, приведем пример их проявления в жизненных историях военных волонтеров:

Первым типом являются целерациональные действия. Анализ материалов интервью показал, что к этому типу можно отнести те жизненные истории, в которых ведущая мотивация, цели и средства их достижения были опосредованно связаны с карьерным продвижением на военной службе, с сохранением трудовой занятости, расчетливым решением личных проблем. Следующий тип – ценностно-рациональные действия. Этот тип может быть обусловлен чувством долга, защиты Родины или интересов государства при наличии у индивида или группы определенных «высших ценностей», сформированных, как правило, военной службой, военным призванием или в процессе воспитания. Материалы наших интервью показывают, что такая позиция присуща многим добровольцам. Она не являясь основной, но помогает понять всю сложность мотивации информантов.

Традиционный тип действия в контексте изучения военного добровольчества связывается с исключительностью национальной ментальности, а также с судьбоносностью деятельности русских людей в нашей истории. Емко и точно этот тип действия отражается в фразе одного из информантов: «кто, если не мы?!». Объяснение этого типа действия сопряжено с традиционным укладом, православным пониманием исключительной ценности взаимопомощи, сострадания, жертвенности в поступках россиян. Аффективный тип, как правило, связан с эмоциональным всплеском, в меньшей степени имеющим отношение к событиям, в которые попадает индивид в последствии. Такое действие может быть ответом на сложные отношения в семье, на работе или необдуманном способом скрыться от наказания и ответственности. Как правило, этот тип является легким решением и бегством от проблем, имеющим тяжелые последствия.

Таким образом, определение целей, смыслов и ценностного содержания действий, совершенных индивидом и приведших его к военному волонтерству, можно рефлексировать не только внутреннюю природу человеческого поведения в конкретных ситуациях, но и оценивать контекст развития военного волонтерства как социального явления.

1. Вебер М. Основные социологические понятия / Пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990.

2. Кравченко Е. И. Теория социального действия: от Макса Вебера к феноменологам. // Социологический журнал. 2001. №3. С. 122-142.

3. Киреева Л. В. Феномен современного добровольчества // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2011. № 2 (21). С. 19-25.

4. Мельник Н. Н. Теории социального действия: от многообразия подходов к интеграции // Социологический альманах. 2013. №4. С. 260-266.

5. Шпакова Р. П. Немецкая социология. С-Пб. : Наука, 2003.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ЭПОХУ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Власова И.В. (Санкт-Петербург)

Одной из актуальных проблем информационной эпохи является обилие информации, ее подлинность и доступность. Наряду с вестернизацией, преобладанием экономики и производства, техницизмом и демократией к основным чертам современной цивилизации относится процесс трансформации знания в информацию[1]. Количество информации растет в геометрической

прогрессии. Восприятие информации зависит от ее дешифровки и перевода в знание. Активное развитие средств коммуникации способствует:

- оперативному получению нужного знания и его переработке;
- созданию эффективных механизмов сохранения знаний для современников и грядущих поколений.

Развитие информационного общества, зависит от уровня знаний социума и возможностей их наиболее полно реализовать на собственное и общественное благо[2].

Каждая эпоха несет в себе неизвестные ранее риски и вызовы, содержит кризисные моменты, свидетельствующие необходимости переоценки ценностей. Так, эпоха модерна, с ее проектами унификации в культуре подверглась разоблачению в эпоху постмодерна, которая, в свою очередь, не избежала серьезной критики в XXI веке. В начале нашего века пришло осознания опасности, которую таит для человека генерируемый постмодерном дух релятивизма и иронии, опустошающие человека изнутри и делающие его неспособным на глубокое межличностное общение[3, с. 556].

Перед современными учеными эпохи культурного плюрализма стоит важная задача – продумывание новой парадигмы, основанной на сохранении знания в условиях информационной культуры.

Современный мир превратился, по словам Б.В.Маркова «в знаковую, виртуальную реальность. Это проявляется даже в таком серьезном деле как война» [4].

Современный мир полон конфликтов, в основе которых этнические и религиозные разногласия. Тысячи мигрантов в поисках лучшей доли штурмуют границы европейских государств, способствуя возникновению новых угроз. Для сохранения культурной идентичности очевидна необходимость сопротивления злу на различных уровнях.

Вновь актуальным становится тема, поднимаемая на пороге XX века русскими и западноевропейскими мыслителями - спасения человека, и в частности проблема «непротивления злу».

Культурная ситуация, сложившаяся в Западной Европе в конце XIX и, особенно в начале XX века, характеризуется учеными как кризис культуры. Он проявился в ходе Первой и Второй мировых войн, репрессиях, массовом насилии локальных и внутренних конфликтах, терроризме.

Проблема «непротивления злу» была сформирована Л.Н. Толстым и развивалась многими русскими мыслителями.

Известный философ И.А. Ильин пишет «Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу мечом? ...Вот двуединый вопрос, требующий ныне новой постановки и нового разрешения» [5]. По мнению Н.Бердяева «Вопрос вовсе не в том, оправдан ли меч и действие силой, а в том, что есть добро и что есть зло в эпоху мирового кризиса, эпоху конца старого мира «новой истории» и рождения новых миров» [6].

С точки зрения современного общества, соблюдающего демократические принципы, любые формы насилия отвергаются: по отношению к человечеству немислимы убийство, войны, геноцид, болезни, бедность. Агрессия не является врожденной, это социально унаследованной чертой человека. Следовательно, с одной стороны общество с каждым новым веком становится гуманнее. С другой, очевидно, что насилие существует, и принимает все более сложные формы. Страх военных конфликтов, террористических актов, как следствие смерти, заставляет ученых разных областей, включиться в решение проблемы спасения в современном мире. Для устранения этой угрозы объединяются усилия философов, историков, медиков, юристов, политиков, священников, конфликтологов. Исторический опыт показывает, что религиозные конфликты самые продолжительные и самые кровавые. Внутренние противоречия разрушают культурную идентичность нации. Можно согласиться с утверждением С. Хантингтона, что «Без национальной истории, освещающей в воспоминаниях людей славные события прошлого, войны и победы, неудачи и поражения, образы героев и злодеев, нет нации» [7].

Знание истории, ее адекватная трактовка, обогащенная практикой из других научных областей, способствует спасению и развитию человечества. В XXI - информационный век следует обратиться к нашему героическому прошлому, в решении вопроса о «непротивлении злу», на примере сосуществования в русской армии военнослужащих разных конфессий.

В дни большой опасности для Руси церковь обращалась к войску. Защита Отечества всегда считалась святым делом русского человека. Рядом с православными в Русской императорской армии Отечество защищали католики, мусульмане, иудеи, лютеране. В начале XX века состав военнослужащих Русской армии включал: православных – 75%; католиков – 9%, мусульман – 2%,

лютеран – 1,5% [8]. Созданный во время правления Петра I Институт полковых священников активно развивался и способствовал реализации основных функций религии: душевспасительной, духовной, мирской.

Указом императора Павла I была введена должность «обер-священник армии и флота» [9]. С 1889 года в служебных правах военные священнослужители были приравнены к армейским чинам. Религиозная политика императорской России XIX-XX века была хорошо продумана: после введения обязательной воинской повинности для мусульман Кавказа срочную службу они проходили только в родных местах. Финны традиционно служили в частях Финляндского корпуса [8].

Современные программы формирования национальной идентичности следует разрабатывать, опираясь на многовековой исторический опыт и знания. В информационном обществе необходимо находить компромиссы в интерпретации сложных и трагических эпизодов совместной истории, признавая общую ответственность за них или их совместное «забвения» [7].

Важную роль в спасении индивида играет обращение к историческому знанию. Использование исторического опыта помогает ориентироваться как в реальном, так и в виртуальном мире, выявить подлинную информацию, и использовать знания для создания безопасной среды существования в поликультурном мире.

Таким образом, информационная эпоха предполагает использование исторического знания, ее обработку и сохранение. Спасение в условиях культурного плюрализма связано с формированием модели мирного сосуществования и сотрудничества, основанной на знании истории, менталитета национальных культур. Применение исторического опыта способствует сохранению культурной идентичности в условиях социокультурного плюрализма.

1. *Культурология : Учебник / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. — М. : Высшее образование, 2007. — 566 с. http://yanko.lib.ru/books/cultur/solonin-kagan-culturology-2007-a.htm#_Toc170599961*

2. *Алешин Л.И. Знания в информационном обществе (аспекты проблемы) <http://laleshin.narod.ru/zio.htm>*

3. *Культурология. Основы курса и фрагменты/Автор-составитель: К.В. Пашков. Ростов н/Д, 2007. С.556.*

4. *Марков Б.В. Культура повседневности. СПб. 2008.- С. 355.*

5. *И. Ильин «О сопротивлении злу силой» М. 2014 г. – 480 с.*

6. *Соина О.С. И.А.Ильин о духовном сопротивлении злу. <http://shkola-mysli.narod.ru/03-03-p.html>*

7. *Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций. // Социальная антропология. №4. 2013 г.*

8. *Капков К. Военное духовенство Российской империи. <http://www.pravoslavie.ru/28242.html>.*

9. *Михаил Быков На молитву, шапки долой! / « Русский мир.ru » / 2014 / Январь. <http://www.russkiymir.ru/media/magazines/article/99167/>*

РАЗВИТИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Волкова А.Е. (Санкт-Петербург)

Художественная литература Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года была единственным в своем роде феноменом в мировой литературе. В отличие от Великой французской революции, которая жила слишком мало, чтобы ее искусство успело выкристаллизоваться в стилевом и идейном отношении, победоносная Октябрьская революция создала все условия к тому, чтобы родилась литература нового типа, открывая тем самым новую эпоху в художественном освоении мира.

Голос художественной литературы не смолкал даже во времена общественных потрясений и ожесточенных классовых битв гражданской войны. С самого начала революции литература стремится фиксировать и воспевать ее свершения и величия.

Сейчас об этом говорится в школах и изучается на примерах произведений поэтов и писателей, переживших нелегкое время большевистского переворота. Основываясь на материалах, изложенных в «Учебнике-хрестоматии для школ с углубленным изучением литературы» М.Ладыгина 1. можно развить мысль об отношении писателей к Октябрьской революции 1917 года.

Поэмы А. Блока «Двенадцать» и «Скифы» (1918), «150 000 000» (1919) В. Маяковского, «Главная улица» (1919) Д. Бедного, поэзия пролетарских поэтов, известные массовые инсценировки, в которых воскрешался дух аналогичных попыток времен ВФР тем, что показывались героические события совершающейся революции (Свержение самодержавия, 1919; Взятие Зимнего дворца, 1920; К мировой Коммуне, 1920; Гимн освобожденного труда, 1920; и др.), мейерхольдовские постановки Мистерии-буфф Маяковского (1918, 1921 гг.) и Зорь Верхарна (1921), — все это было доказательством вдохновенного импульса Великой Октябрьской социалистической революции, идейно-художественного обновления литературного и театрального искусства, отражающего борьбу и муки рождения нового мира.

Революция 1917 года создала новое искусство, заражающее поэзией революционного подвига и действий. Это искусство, которое вырвалось из революционных бурь, не только не погибло, не только не перестало быть искусством, а наполнилось совершенно новым духом: оно решало — актуальные проблемы социальной морали и революционной нравственности; превратившись в трибуну политического сознания трудящихся и революционных борцов, оно становилось, так же как и «санкюлотское» искусство якобинского периода ВФР, «всенародным делом».

В эпицентре внимания нового, революционного русского литературного искусства оказалась, конечно, не только эпическая, событийная сторона грандиозного исторического переворота, а постепенно в его фокусе предстал вполне конкретный человек, пролетарий — участник социального взрыва, до тех пор в истории литературы, по существу, малоисследованный объект изображения.

Нельзя не согласиться с выражением «Россия - великая страна, и величие ее состоит в таланте, в творческих силах ее народа, поэтому даже в самые тяжелые годы (например, во время Великой Отечественной войны) русская литература продолжала развиваться, и у вас будет возможность в этом неоднократно убедиться» из Учебника-Хрестоматии для школ с углубленным изучением литературы М. Ладыгина 2.

Так «Попытки» Ф. Фрейлиграта «Революция» (1851), Г. Гауптмана «Ткачи» (1892), Э. Верхарна «Зори» (1898), Р. Роллана «14-ое июля» (1902), М. Горького «Мать» (1906) и «Враги» (1909), произведения Э. Синклера «Джунгли» (1906), М. Андерсена-Нексё Пеллэ-«Завоеватель» (1906—1910), и др., изображающие процесс преобразования человека, его человеческого выпрямления («Рабы перерождаются в людей — вот новый смысл жизни», — писал М. Горький в 1908 году), имели свое огромное историко-литературное и познавательное значение. Эти произведения заложили фундамент революционной, социально направленной литературы, изображающей социально-политическую, классовую борьбу и рост революционного мировоззрения пролетариата.

Именно цикл героико-революционных произведений советской литературы, полных революционного пафоса и романтики, является новой фазой в развитии мировой революционной литературы, новой литературной эпохой. Такие произведения, как Падение Дайра (1921) А. Малышкина, Чапаев (1923) Д. Фурманова, Партизанские рассказы (1921) В. С. Иванова, Шторм (1924) В. Н. Билль-Белоцерковского, Железный поток (1924) А. С. Серафимовича, Конармия (1924) И. Бабеля, Разгром (1926) А. Фадеева, Разлом (1926) Б. Лавренева, поэмы В. И. Ленин (1924) и Хорошо (1927) В. Маяковского, позднее и Оптимистическая трагедия (1933) В. С. Вишневского, Человек с ружьем (1937) Н. Погодина, Как закалялась сталь (1935) Н. Островского, Тихий Дон (1925—1940) М. Шолохова, Хождение по мукам (1921—1941) А. Толстого и др., изображавшие человека в революции, его судьбу в ней и отношение к ней, движение больших человеческих масс, представляли с точки зрения идейной и историко-познавательной важнейшую струю советской и европейской революционной литературы XX века.

В произведениях революционной советской литературы, сочетающих монументальность грандиозной исторической эпопеи с аутентичностью переживаний непосредственных участников революционного переворота, нашел свое выражение процесс того, «как закалялась сталь» души, разума и воли человека в революции. Содержание самой исторически переломной эпохи, отражающее становление революционного гуманизма, рост личности нового героя, командира гражданской войны, взаимоотношение «крестьянских множеств» — народа и партии, рост ее авторитета, формирование революционной дисциплины и нового пролетарского общества, героизм борцов за новый мир, страдания, через которые вынуждена была пройти революция, прежде чем окончательно победить — все это были тематические пласты, идейные ракурсы и мотивы нового революционного эпоса. При этом важно то, что его создатели — сами активные

участники революционных событий — «начали изображать действительность изнутри народной жизни, и не извне ее» - Ю.Андреев, 3. Все это неоднократно подчеркивается и анализируется на страницах «Учебника-хрестоматии для школ с углубленным изучением литературы» М.Ладыгина 4 в разделе изучения произведений поэтов и писателей 20 века.

В лучших произведениях советской литературы 20-х и 30-х годов, которые вносили принципиальный вклад в поэтику нового типа — постепенно складывающегося метода социалистического реализма, ставшего в последующий период магистральной линией развития советского искусства вообще, — отсутствует «бытовизм, покорствующий фактам»; здесь нет ни пропагандистски-публицистического упрощения общественной проблематики, ни эстетической редукции реальности по априорной доктрине и ригоризму, предписанному видению вещей. Реальность сражений за революцию, смертей, поражений и побед отражена здесь во всей жизненной сложности.

Русская революционная литература принимала активное участие в деле преобразования, переделки человека старого мира, в деле «очеловечения людей», формирования духовного облика человека нового мира. Задача преобразования общества выпала на долю искусства, которое встало на позиции социалистического, коммунистического движения, стремившегося к революционной переделке мира.

Советская литература эпохи революции не скрывала, что она дает «за ангажированную» интерпретацию действительности сочувствием революции, отождествлением с ней и что она стоит в резком противоречии с произведениями, отмеченными волной буржуазной, антиреволюционной истерии.

Во всяком случае, то обстоятельство, что революция расколола Россию на два сражающихся лагеря, осуществив, таким образом, резкую и четкую социально-политическую дифференциацию человеческих судеб и поведения, отразилось неизбежно и на литературе, на ее широкой активизации и политической поляризации. У нее не было иного простора и иного выбора, чем изображение реальности революции — и способ ее изображения обусловлен мировоззрением художника — участника и свидетеля революции. И вопреки всем противодействующим силам, тенденциям, революционная литература развивалась широко и сложно. «В революции всякое движение есть движение вперед, — отмечал Б. Гюго в «Драмы» 5 — Истина и свобода обладают тем удивительным свойством, что все совершаемое как для них, так против них, одинаково служит им на пользу».

Опыт советского литературного искусства свидетельствует о том, что искусство эпохи революции не является однотипным, что оно многослойно, многообразно в способах изображения совершающегося. Этот опыт свидетельствует о том, что историческая конкретность — приковывание внимания к жизни — не связывала художественное воображение художника, а обуславливала еще более мощный размах его фантазии.

Советское искусство революционной эпохи изучало судьбу человека, его общественную борьбу и его глубокие душевные переживания. Поэтому в нем прекрасно и органически уживаются героический, революционно-романтический пафос Чапаева Фурманова, лирический, романтический гуманизм Грина и Паустовского и победный смех Маяковского, представляющих многогранное, стилистически широко разветвленное художественное русло советской литературы, литературы социалистического реализма.

Реакция среди деятелей культуры и искусства на Октябрьскую революцию 1917 года была абсолютно разной. Для кого-то она стала величайшим событием века (Блок «Двенадцать», Маяковский «Ленин с нами!», Есенин «Кантата» и др.). А кто-то напротив считал большевистский переворот трагедией, которая погубит Россию (Ахматова «двадцать первое. Ночь. Понедельник», Гиппиус «14 декабря 1917» и др.).

Советская литература прошла со времен Октябрьской революции большой и сложный путь развития. Она имеет за собой годы упорных поисков, свои подъемы, периоды, отмеченные напряженной борьбой за открытие новых художественных горизонтов и за преодоление всех затруднений. Но всегда это было искусство, прочно связанное с судьбой нового, социалистического мира, искусство, которое делило с народом его хлеб, его тревоги, надежды, его борьбу. Опыт советской литературы представляет собой огромный вклад в решение проблемы искусства и революции, в познание диалектики их взаимоотношения, вклад, который не может быть ни забыт, ни утрачен.

- 1 «Учебник-хрестоматии для школ с углубленным изучением литературы» М.Ладыгина с.64
- 2 Учебник-Хрестоматии для школ с углубленным изучением литературы М. Ладыгина с.65
- 3 «Литература и революция», Ленинград 1969 с.89
- 4 «Учебник-хрестоматии для школ с углубленным изучением литературы» М.Ладыгина с.64-65
- 5 Б. Гюго в «Драмы»[с.198]

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ МОДЕЛИ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Голованова О.В., Солдатов А.А., Романова В.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме формирования толерантности в современном российском обществе, цивилизационном процессе в целом и в системе высшего образования в частности. В западной социологии понятие толерантности развивается в рамках различных моделей демократии и исследований коммуникативного дискурса. В отечественной социологии формируется смежный подход, трактующий толерантность как производное свойство подлинно коллективистских ценностей. В статье рассматриваются восточная и западная модели толерантности и определяются принципы формирующейся отечественной модели.

Проблему формирования толерантности можно считать одной из ключевых проблем современной сложной реальности. Одним из атрибутов сложного является экспоненциально возрастающие различия. В социальных общностях эти отклоняющиеся от нормативно-групповых значений характеристики (этнические, экономические, политические, демографические, культурные) спорадически порождают напряженность и блокируют синергические эффекты подлинной коллективности. «Толерантность» как идеологический конструкт как раз и призвана выполнять функцию регулятивного принципа социо-культурного поля с его постоянными флуктуациями. Поэтому анализ основных версий его прочтения и степени их практической эффективности представляется актуальным аспектом современного социологического дискурса.

Рассмотрим отношение Западной и Восточной культур к формированию толерантности. Одной из первых форм обозначения идеи толерантности мы находим в даосском символе Тай-Цзы, «Великого предела», уравнивающей гармонии «инь-ян». Противоположности, согласно китайской традиции, не противостоят друг другу, а сочетаются, согласуются, взаимопревращаются друг в друга. Эта традиция в восточных культурах была продолжена в конфуцианстве с его возведением социальной роли и ее ограничителей по отношению к носителям других ролей в статус сакрального, а также в буддизме, предостерегающем своих адептов от любых крайних проявлений в чувствах или поведении.

Поэтому даже в современных условиях такие восточные государства как Япония, Китай, Корея, Индия, Вьетнам, Мьянма продемонстрировали свою способность принимать исторические вызовы, инициированные Западом, например, глобализацию, не сопротивляясь, а принимая и извлекая пользу для себя как цивилизационных субъектов. Для России же процесс инкультурирования глобализации - это пока проблема. Наблюдаемые реакции на глобализацию нельзя считать удовлетворительными. Так, например, можно сказать, что Россия сохранила свой культурный суверенитет, чего нельзя сказать о финансовой сфере. Сегодня в России присутствуют агрессивные анти-глобалистские тренды, но предлагаемый ими интолерантный протестный сценарий противостояния глобализации малопродуктивен, потому что он не предлагает никакой конструктивной альтернативы. Поэтому надо искать стратегию выхода из этого положения, а для этого необходимо изучить и использовать положительные обретения как западной, так и восточной моделей взаимодействия с различиями и толерантностью как их социальным регулятивом. Эти результативные подходы должны быть совместимы также и с самобытным российским опытом.

Традиционный уклад жизни в России, по мнению славянофилов, которые первыми приступили к рефлексии над историческими и социальными особенностями развития России, был устроен по принципу соборности. Этот принцип предполагает взаимоположение и синергичность ценностей коллектива и индивида, систему коллективной ответственности, взаиморазвития, взаимопомощи, а также социальной поддержки. Основой современной российской системы толерантности выступает единство коллектива как в государственно-этническом, так и общецивилизационном и Вселенском масштабах. Следовательно, российская модель толерантности базируется на сотрудничестве культур и этносов.

Можно сказать, что Запад специфическим образом инкорпорировал различие в собственную ценностную структуру, но не переплавил его в единство. Уже в обществе потребления индивидуалистические ценности эволюционировали в потребительские гедонистические стратегии. Современная Западная постмодернистская культура так же гедонистична по своей сути, но приобретает и собственный специфический модус. Она тяготеет к различным формам «гламура», «глему» как субкультуре: свобода индивидуальных различий, которая предположительно должна была создать симметрию общего и индивидуального, их толерантного сосуществования, неожиданно обрела крайнюю форму замещения базисных и общетрадиционных ценностей. Достаточно привести примеры Мадонны, Джастина Бибера, Кончиты Вурст. Неформатный стиль коснулся даже политики. Наглядной иллюстрацией является феномен Бориса Джонсона. Надо отметить, что вопреки этому установившемуся политическому мейнстриму в цитадели глобализма победил антиглобалист Д. Трамп, который позиционирует себя как приверженца традиционных основ экономики и культуры. Именно поэтому во время выборов политическая элита России поддерживала Д. Трампа.

Для обозначения этой стадии развития западной цивилизационной модели можно использовать концепцию П.Сорокина, согласно которой человеческая культура проходит три стадии развития: чувственную, идеологическую и идеациональную. Только последний - это уровень интеграции материального и духовного, а также индивидуального и коллективного. Запад по этой классификации застрял на идеологической фазе, в процессе перехода на последнюю стадию, поскольку потребление обрело форму сверх-идеологии, которая блокирует дальнейшую перспективу.

Западная модель цивилизационного развития с присущей ей формой толерантности, к сожалению, и на сегодняшний день уже фактически продемонстрировала свою уязвимость. Это проявляется во всплеске контр-течений, которые мы можем рассматривать как реакцию на внутренние противоречия западной модели толерантности.

Позволим себе классифицировать особенности и издержки данной модели:

1. Активная экспансия на мировой арене западной модели глобализации под видом вестернизации и подавление национальной идентичности. Продвижение модели "Общества потребления".

2. Глобализация - рост влияния ТНК (транснациональных корпораций) и ограничение национального суверенитета. Это сопровождается активным навязыванием культурных стереотипов потребительского общества, утилитарной моделью образовательных стандартов, абсолютизацией сетевых технологий.

3. "Экспорт демократии", в том числе в форме военных интервенций. Следствием этого является активный всплеск радикализма и терроризма различного рода.

4. Приоритет прав меньшинств и навязчивое продвижение субкультур: гей-парады, лоббирование прав секс-меньшинств, новые религиозные движения; асимметричное влияние малых групп в социуме.

Все это противоречит демократии как таковой. Западная модель порождает в качестве своего следствия противоположность тому, что было объявлено ее собственной целью. Хотя, необходимо отметить, что модель современной либеральной демократии выставляет подобное положение - превалирование меньшинства - как норму. Вне зависимости от теоретической критики либеральной демократии, можно указать на «фактические возражения» против нее, а именно всплеск насилия в западном обществе. В конечном счете, это ведет к разрушению целостного восприятия культур, размыванию моральных устоев, релятивизму в отношении добра и зла, разочарованию в экзистенциальных возможностях социума и человека.

России пока удастся сдерживать проявления ненависти под контролем, благодаря сглаживанию и переключению внимания к другим темам. Россию сегодня часто представляют в виде альтернативной Европы, как бастион традиционных ценностей (семья, религия, государство, суверенитет). В защиту этого тезиса можно указать на то, что в России представлены все традиционные конфессии, тогда как для Европы была характерна монополия христианства почти до середины XX века, когда началась интенсивная миграция. Более того, Россия не участвовала в Крестовых походах, что в значительной степени обусловило отсутствие в России религиозной нетерпимости к иным вероисповеданиям. Например, по опыту многоэтнического и многоконфессионального Поволжья, Урала, Сибири, Россия доказала свою способность создавать условия для мирного сосуществования различных этносов и конфессий. Учитывая эти

исторические особенности, многие исследователи полагают, что российская цивилизация может стать «мостом» между Востоком и Западом, и даже «синтезом цивилизаций».

Итак, в основании западной и восточной моделей толерантности лежат различные базисные основы, соответствующие их культурно-историческим и политическим традициям. Еще раз отметим, что Западная культура принимает индивидуалистическую модель, а Восточная – коллективистскую модель социального взаимодействия. Нам представляется, что первые попытки инкультурирования толерантности в Европе, связанные с процессом глобализации, не были очень удачными, так как фаза толерантности вылилась в конфликтную. В России можно создать новый вариант толерантности, не приводящий к таким последствиям, поскольку он создается в особой атмосфере коллективизма, тем самым соединяя коллективную активность и ориентацию на нахождение компромисса даже при наличии различий.

Западная модель к настоящему времени в достаточной степени обнаружила свои тупиковые эффекты. Россия располагает значительными историческими и культурными предпосылками для воплощения более целостной модели толерантности, способной стабилизировать хаотические цивилизационные процессы [1,169-170]. Формула проста: ретрадиционализм и деидеологизация, базовые ценности, но без привязки к той или иной идеологии относительно институциональных и организационных форм их воплощения. Такие формы уже сегодня спонтанно рождаются в тех сферах отечественной общественной жизни, которые не ангажированы экстремистскими аппетитами западной цивилизационной модели, и прежде всего в сфере искусства, науки и образования. Так, например, толерантная среда в университете сегодня может создаваться посредством повышения степени вовлеченности студентов в научное-профессиональное творчество, формирования насыщенной информационно-коммуникативной среды, коллективного студенческого дискурса, ретрадиционалистского прочтения базовых общечеловеческих и профессиональных ценностей и деидеологизированной формы преподавания гуманитарных дисциплин.

1. Солдатов А.А., Солдатов А.В. Формирование социально-политических установок граждан современной России: методология исследования./ Проблемы теоретической социологии. СПб., СПбГУ, 2012. С.168-181.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АКТИВИЗМ: НОВЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

Гольбрайх В. (Санкт-Петербург)

В последнее десятилетие в связи с постоянно увеличивающейся ролью Интернета, появлением в нем социальных сетей, мы видим возрастающее значение новых форм политического участия. Настоящее исследование посвящено анализу экологического активизма в Интернете как новой практики политического участия.

Теоретический подход

В нашей работе мы опираемся на определение «политического участия», данное П. Норрис, как «любой деятельности, рассчитанной либо на то, чтобы прямо повлиять на органы власти и политический процесс, либо косвенно повлиять на гражданское общество, либо попытаться изменить модели социального поведения» [1, 16].

Дискуссию в связи с тем, какие действия можно отнести к «политическому участию», вызвала возрастающая роль Интернета и в особенности социальных медиа в политической и общественной жизни. Так, например, исследователи относят подписание онлайн петиций к относительно новым формам политического участия и в то же время одной из самых популярных [2, 14].

В связи с «политическим участием» в социальных сетях Я. Теочарис вводит понятие «цифровое сетевое участие». Он определяет его как «основанные на сетевых медиа действия, осуществляемые гражданами с целью активизировать социальные сети для повышения осведомленности о социальных или политических проблемах, или оказать социальное и политическое давление для их решения» [3, 2]. К этим действиям автор относит: вступление в группы в социальных сетях, созданные в связи с социальными или политическими проблемами; написание постов по социальным или политическим проблемам; репосты материалов в социальных медиа, посвященные социальным и политическим проблемам.

Притом, что благодаря Интернету появляются новые возможности для политического участия, Интернет может снизить эффективность участия. Исследователи, говоря о политическом

участии в Интернете, отмечают явление, которое они обозначают как «слактивизм», заменяющее традиционное политическое участие. Все политическое участие сводится, по сути, к клику мыши [2, 14].

Метод и данные

В ходе исследования предполагалось проанализировать практику использования одной из крупнейших площадок для обращений в связи с экологическими проблемами, а именно «Change.org».

Так как в последние годы создание онлайн петиций является одним из наиболее популярных новых форм активизма, то степень присутствия петиций, созданные в связи с экологическими проблемами, может помочь понять в какой степени экологические проблемы в общественной повестке. В рамках исследования, предполагалось выявить, использовались ли в ходе конфликтов, в связи с которыми были созданы петиции, другие формы политического участия для достижения своих целей в решении обозначенных проблем, либо вся деятельность сводилась, лишь к созданию онлайн петиций. Деятельность людей, обеспокоенных проблемами, которая ограничивалась созданием онлайн петиций, мы определяем как слактивизм.

Кроме того на примере четырех случаев было решено проанализировать группы, созданные в социальной сети «В Контакте» в связи с проблемами, поднятыми в петициях. Предполагалось выявить степень политического участия в этих группах, а также насколько эти группы использовались для мобилизации потенциальных сторонников.

Результаты

Среди петиций на портале Change.org нами было выявлено 402 петиции, посвященных экологическим проблемам, что составило 13%.

Наш анализ показал, что большинство петиций было посвящено зоозащитным проблемам (44%). Из других проблем выделяются: вырубка зеленых насаждений в городах (13%), строительство или деятельность опасных предприятий (11%) и вырубка лесов и вырубка или застройка заповедников и заказников (по 7%).

В ходе нашего исследования предполагалось выяснить, насколько в отношении конфликтов, которым были посвящены петиции, использовались другие формы политического участия, как традиционные (митинги, пикеты и др.), так и новые (создание групп в социальных медиа, сайтов и др.).

Исследование показало, что лишь в 51% случаев использовались традиционные формы политического участия (обращения, митинги, участие в общественных слушаниях, пикеты). Наиболее заметные формы политического участия, а именно митинги, пикеты, сходы использовались лишь в 22% конфликтов. Новые формы политического участия (создание групп в социальных сетях, сайтов, тем на форумах) использовались только в 22% анализируемых конфликтов. Из новых форм политического участия в первую очередь можно говорить о создании групп в социальной сети «В Контакте».

Наше исследование показало, что почти в половине случаев борющиеся за разрешение проблемы ограничивались только созданием онлайн петиций. Именно эти случаи, по нашему мнению, можно отнести к слактивизму.

В ходе анализа было выявлено серьезное различие в использовании различных форм политического участия по отношению к проблемам, в связи с которыми возникли конфликты. Выделяются с одной стороны конфликты, возникающие в связи со строительством или деятельностью опасных предприятий, с вырубкой зеленых насаждений в городах и застройкой заповедников и заказников, а с другой конфликты в связи с защитой животных. В первом случае активисты гораздо большей мере использовали как традиционные формы, так и новые формы политического участия. Во втором случае активисты чаще ограничивались созданием онлайн петиций. Исходя из этого, можно говорить, что в наибольшей степени, то, что исследователи, определяют как слактивизм, мы можем применить к деятельности зоозащитников.

В ходе нашего исследования было решено обратиться к четырем случаям экологического конфликта, в ходе которого его участники не только создали онлайн петиции, но и использовали другие формы политического участия. В рамках исследования нами отобраны четыре конфликта: свалка у поселка Первомайское в Выборгском районе Ленинградской области; застройка заповедник Утриш; застройки в Сиверском лесу и парка Дубки.

Нами было опрошено 533 человек, давших на своих страницах в социальной сети «В Контакте» ссылки на одну из четырех петиций. Опрос показал, что основным источником

информации об экологических онлайн петициях, которые подписывали респонденты, являлись социальные сети (83%).

В связи с каждым из анализируемых конфликтов в социальной сети «В Контакте» были созданы группы. В ходе исследования было решено проанализировать онлайн участие в 4-х группах социальной сети «В Контакте». Оно может заключаться в присоединении к группе, а также в участии в дискуссии в группе (помещение постов, комментариев), так и в репосте сообщений, помещенных в группу. Кроме того нас интересовало в какой степени пространство групп использовалось для мобилизации заинтересованных читателей.

Анализ показал незначительное участие членов групп, которое заключалось в участии в дискуссиях и распространении информации. В тоже время анализ показал, что активисты во многом использовали ресурсы социальной сети для мобилизации. Мобилизация в группах касалась таких вопросов как участие во встречах с представителями власти, участие в дежурствах, распространение информации, сбор средств, сборе подписей, участие в митингах. К таким постам относилось от 22% до 38% постов в анализируемых группах.

Выводы

Наше исследование показало, что в современном российском обществе все большую роль начинают играть новые формы политического участия, а именно онлайн участие. В первую очередь это касается такого явления как онлайн петиции. При этом основным источником информации об онлайн петициях являлись социальные сети. В то же время почти в половине случаев активность граждан ограничивается созданием онлайн петиций. Именно эти случаи можно обозначить как слактивизм.

. Наш анализ групп, созданных в социальной сети «В Контакте» выявил, что они во многом используются для мобилизации их создателями. В то же время большинство их членов является пассивными участникам, в лучшем случае читая обновления в этих группах или ставя лайки. Такое участие, по нашему мнению, также можно отнести к слактивизму.

Таким образом, хотя новые практики онлайн участия постепенно становятся наиболее распространенными формами политического участия, на данный момент в большой степени эти эти практики скорее можно определить как слактивизм

1. Norris P. *Count Every Voice: Democratic Participation Worldwide*. New York: Cambridge University Press, 2002.
2. Berg J. a. *Political Participation in the Form of Online Petitions: A Comparison of Formal and Informal Petitioning*, *International Journal of E-Politics*, 2017, 8 (1), pp.14-29.
3. Theocharis Y. *The Conceptualization of Digitally Networked Participation*, 2015, *Social Media + Society*, 2 (1), pp. 1-14.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ ЛЮДЬМИ КАЧЕСТВА СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В БИОГРАФИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Дивисенко К.С. (Санкт-Петербург)

Работа выполнена по государственному заданию (тема «Демографическое и социальное воспроизводство российской семьи и благополучия детей: публичное и приватное измерения», № государственной регистрации АААА-А17-117030110147-4).

Улучшение качества жизни населения оказывается наиболее актуальной задачей в современных обществах, совершающих или заканчивающих переход к постиндустриальному типу, в которых материалистические приоритеты (ценности выживания) постепенно сменяются постматериалистическими (ценностями самовыражения) [1, с. 11]. В силу этого забота об улучшении социального благополучия людей, попытки преодоления социальной исключенности становятся одним из приоритетных направлений в государственной политике и, соответственно, обуславливают необходимость их научного осмысления для решения задач эффективного управления социальными ситуациями различного масштаба.

Изучение качества жизни и субъективного благополучия является междисциплинарной областью: исследования данного предметного поля проводятся в ракурсе экономической, социологической и психологической перспектив. Традиционно индикаторы качества жизни принято разделять на два типа: нормативные (объективные) и субъективные. Последние характеризуют оценку индивидами качества собственной жизни в целом или отдельных ее

компонентов [2, с. 136]. Проблема субъективного благополучия рассматривается в рамках двух основных подходов. Гедонистический подход (Э. Динер, Н. Шварц и др.) ориентирован на изучение таких компонентов жизни индивидов, которые приносят ему удовольствие или позволяют избежать страдания, поэтому в центре внимания исследователя оказываются удовлетворенность человеком различными сторонами собственной жизни, наличие положительных и отсутствие отрицательных переживаний. Проблема самореализации индивида в конкретных жизненных обстоятельствах оказывается в фокусе эвдемонистического подхода (К. Рифф, Г. М. Зараковский, Д. А. Леонтьев). В отличие от гедонистического понимания, которое подразумевает достижение благополучия посредством успешной социальной адаптации, данный подход, напротив, рассматривает жизненные трудности, их переживание и осмысление как потенциальную возможность для гармоничного развития и самореализации человека. Этому подходу также близки некоторые направления позитивной психологии [3].

В современном российском социокультурном контексте, обусловленном переходным состоянием общества и характеризуемом наличием релятивных и плюралистических этических систем, фундаментальной проблемой оказывается определение блага с точки зрения участников социальных отношений: индивидов, групп, страт. В этой связи социологический анализ представлений индивидов о социальных благах и бедах обеспечивает обоснование надежных индикаторов субъективного благополучия как ключевого компонента качества жизни [4].

Хорошо известна парадоксальная ситуация в кросскультурных исследованиях качества жизни, когда обнаруживается одинаковый уровень счастья в различных обществах, не сопоставимых по экономическим показателям [5]. Подобного рода явления можно выявить и на уровне относительно небольших социальных групп и общностей, когда субъективное благополучие их представителей определяется культурными факторами. Аналогичная ситуация прослеживается и на уровне индивидов: жизненные миры «среднестатистических» людей — счастливого и несчастного — могут ничтожно различаться между собой по объективным характеристикам. В этом случае субъективное качество жизни будет определяться отношением к самому себе и собственной жизни. Очевидно, что для анализа подобного рода случаев необходимо использование методического инструментария, чувствительного в первую очередь к качественным характеристикам изучаемого феномена.

Одним из инструментов для изучения субъективного благополучия может стать биографическое исследование, которое ориентировано на анализ культурных детерминант и интересубъективного опыта, определяющих самооценку человеком его жизни. Биографические данные обеспечивают социальному аналитику возможность изучения как истории жизни индивида, так и интерпретации событий личной истории. Анализ репрезентации личной истории индивидов на основе биографических текстов позволяет выделить систему значимых событий (которые могут быть интерпретированы как социальные блага) и выявить их смысловую коннотацию. Теоретико-методологическая база феноменологического подхода и нарративного анализа позволяет разработать методическое решение для биографического исследования субъективных представлений о социальных благах для его апробации в эмпирическом исследовании.

С точки зрения биографического исследования представлений о социальных благах объективный индикатор (например, наличие либо отсутствие образования) может оказаться не прямым, а косвенным показателем субъективного благополучия, поскольку на самочувствие человека оказывают влияние оценочные суждения и смысловая коннотация этого факта жизненной истории. Аналогично и другие ценностные ориентиры, рассматриваемые автобиографантами как социальные блага, могут иметь различное наполнение, например, это касается представлений учащихся старших классов о своих будущих семьях. Для них будущая семья как благо может быть связано с потребностью эмоциональной поддержки, равно как и определяемо гедонистической интенцией «брать от жизни всё» [6].

Биографическое исследование качества жизни не сводится к анализу психологической (личностной) составляющей благополучия, поскольку такой подход выносит за скобки социальный и культурный контекст. По своей нарративной природе биография человека репрезентирует жизненный мир индивида не как «монадийного» существа — изолированной единицы, а, напротив, отображает интересубъективную реальность, природа которой определяется надындивидуальными смыслами, ценностями, культурными сценариями. Таким образом, биографический анализ ориентирован на изучение интересубъективной области, того, что часто

человеком воспринимается как собственное достояние, но на самом деле является опытом, воспринятым от предшествующих поколений и его современников.

Очевидно, что биографическое исследование ни в коей мере не претендует на радикальную ревизию хорошо отлаженных количественных методик анализа субъективного благополучия, но может послужить для анализа тех случаев, когда культурные и личностные детерминанты оказываются ведущими, а имеющиеся методические инструменты дают противоречивые результаты. Поэтому биографический анализ представлений о социальных благах является своего рода дополнением, вносящим вклад в развитие социологических методов изучения качества жизни в современном российском обществе.

1. Инглхарт Р., Вельцель К. *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. М.: Новое издательство, 2011.
2. *Качество жизни. Краткий словарь*. М.: Смысл, 2009.
3. Чиксентмихайи М. *Поток: Психология оптимального переживания*. М.: Альпина нон-фикшн, 2011.
4. Бородкин Ф. М., Кудрявцев А. С. *Человеческое развитие и человеческие беды // Мир России. Социология. Этнология*. 2003. № 1. С. 138–182.
5. Easterlin R. A. *Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // Nations and households in economic growth / Eds. P. A. David, M. Abramovitz*. New York: Academic Press, 1974. P. 89–125.
6. Дивисенко К. С. *Воспитание детей в семье и образование // Семья в России и Китае: процесс модернизации / Под ред. И. И. Елисеевой и Аньци Сюй*. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 491–515.

ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ФАКТОР ВОЗНИКНОВЕНИЯ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Дроздов И.И., Шершнёва Т.В. (Минск, Республика Беларусь)

Исследование деятельности человека, опосредствованной взаимодействием с компьютерами и другими элементами информационных технологий, представляет собой одну из самых актуальных задач для психологической науки. Особое место в ряду мультимедийных средств занимают Интернет и компьютерные игры, изучению влияния которых на личность в отечественной психологии не уделено достаточного внимания [1].

Возрастающая компьютеризация и интернетизация современного общества привели к появлению новой психологической зависимости – Интернет-зависимость. Все больше людей предпочитают уходить с головой в виртуальный мир, не желая противостоять жизненным трудностям, выстраивать отношения с окружающим миром и обществом. Заикливаясь на каких-либо видах деятельности в Интернете, они получают субъективно приятные эмоции, которые помогают «убежать» им от реального мира или которые они могут испытать, находясь в Интернете. Вопрос о ее выявлении и профилактике весьма актуален на данный момент, так как чрезмерное увлечение Интернетом разрушающе воздействует на психику человека, снижает его работоспособность, пагубно влияет на механизмы межличностной перцепции [2].

В современной аддиктологии зависимость от компьютера и компьютерных технологий выделена уже достаточно долгое время. Однако до недавнего времени она относилась к подвиду игровой зависимости или к подвиду зависимости отношений. Однако на современном этапе технического развития мы уже не можем утверждать, что виртуальная реальность принадлежит больше к игровой среде, чем повседневной, поскольку дополненная или виртуальная реальность сегодня широко используется не только в играх, но и в процессе обучения, в научно-исследовательской деятельности, в медицине, для решения различных технических, инженерных задач, проектирования и конструирования реальных объектов и т.п [3].

Термин «Интернет-аддикция» еще в 1996 году предложил доктор А. Голдберг для описания неоправданно долгого, возможно патологического, пребывания в Интернете [4]. Интернет-зависимость можно определить как нехимическую зависимость от пользования Интернетом, характеризующуюся стремлением ухода от реальности путем достижения особого эмоционального состояния удовлетворенности, уверенности в себе, которого иным путем человек достичь, в силу различных причин, не может. В основе интернет-зависимости – навязчивая потребность личности в использовании Интернета, сопровождающаяся социальной дезадаптацией и выраженными психологическими симптомами. К. Янг приводит симптомы интернет-

зависимости: 1) навязчивое желание проверить e-mail; 2) постоянное ожидание следующего выхода в Интернет; 3) жалобы окружающих на то, что человек проводит слишком много времени в Интернет; 4) жалобы окружающих на то, что человек тратит слишком много денег на Интернет [5]. Появляется ряд психологических и физических симптомов, тесно связанных между собой. К психологическим симптомам относятся: 1) хорошее самочувствие или эйфория за компьютером; 2) невозможность остановиться; 3) увеличение количества времени, проводимого за компьютером; 4) пренебрежение семьей, друзьями; 5) ощущения пустоты, депрессии, раздражения не за компьютером; 6) ложь работодателям или членам семьи о своей деятельности; 7) проблемы с работой, учебой. Среди физических симптомов выделяется: 1) «туннельный синдром»; 2) сухость в глазах; 3) головные боли; 4) боли в спине; 5) нерегулярное питание, пропуск приемов пищи; 6) пренебрежение личной гигиеной; 7) расстройства сна, изменение режима сна.

Разрушительный характер зависимости заключается в следующем: способ аддиктивного поведения из средства постепенно превращается в цель. Периодически отвлечься от жизненных трудностей необходимо всем, но в случае аддиктивного поведения оно становится образом жизни, в процессе которого человек попадает в ловушку постоянного ухода от реальности, со временем начиная терять свое «Я-реальное» и обретать свое «Я-виртуальное».

Интернет-зависимость обладает некоторыми характеристиками уже известных и изученных аддикций:

- пренебрежение важными вещами в жизни из-за аддиктивного поведения;
- разрушение отношений аддикта со значимыми людьми;
- раздражение или разочарование значимых для аддикта людей;
- скрытность или раздражительность, когда люди критикуют это поведение;
- чувство вины или беспокойства относительно этого поведения;
- безуспешные попытки бороться с аддиктивным поведением.

Некоторый интерес представляет описание поведенческих характеристик, предложенное А.Е. Войскунским [4]. Можно согласиться со следующими из них:

- готовность лгать друзьям и членам семьи, преуменьшая длительность и частоту работы в Интернете;
- стремление и способность освободиться на время работы в Интернете от ранее возникнувших чувств вины или беспомощности, от состояний тревоги или депрессии, обретение ощущения эмоционального подъема и своеобразной эйфории;
- готовность мириться с разрушением семьи, потерей друзей и круга общения из-за поглощенности работой в Интернете.

Однако, несмотря на внешнюю схожесть интернет-зависимости с другими видами аддикций, ее возникновение не подчиняется закономерностям формирования других зависимостей: если для формирования традиционных видов зависимости требуются годы, то для интернет-зависимости этот срок резко сокращается. Так, в ходе опросов, проводимых К. Янг, было выявлено, что 25% интернет-зависимых личностей приобрели данный вид зависимости в течение полугода после начала работы в Интернете, 58% – в течение второго полугодия, а 17% – через год [5]. Многие из этих признаков дают основание теоретически провести аналогию зависимости от виртуальной реальности с вещественной зависимостью, названной в западной литературе *substance use disorder*, что делает эту проблему еще более серьезной. Прежде всего хочется отметить такие признаки как: эйфория при использовании предмета зависимости, желание увеличивать время взаимодействия с предметом зависимости, а также появление чувства раздражения, гневливости, либо угнетения, пустоты, депрессии при отсутствии контакта с предметом зависимости [6]. Одним из последних весомых доказательств связи зависимости от виртуальной реальности с зависимостью от психоактивных веществ, стало исследование, которое показало, что пользование интернетом может вызвать физиологические изменения в организме человека. В исследовании принимали участие 144 мужчин и женщин в возрасте от 18 до 33 лет. В среднем участники, по их словам, проводили в сети около пяти часов в день, при этом у 20% из них продолжительность дневного пребывания в интернете превышала шесть часов. Свыше 40% участников признали, что у них в той или иной степени имеется интернет-зависимость, в течение дня они слишком много времени проводят в сети и им трудно перестать это делать. Чтобы проверить, как сеть влияет на состояние участников, исследователи измеряли у них частоту сердцебиения и уровень кровяного давления до и после коротких интернет-сессий. Кроме того, участники проходили психологическое тестирование на уровень тревожности.

Оказалось, что те, кто сами себя назвали интернет-зависимыми, испытывали сразу после прекращения сессии повышенную тревожность и, как следствие, физиологическое возбуждение. У них на 3-4%, а в некоторых случаях на 6-8% учащался пульс и повышалось давление по сравнению с показателями, измеренными до начала сессии. У тех участников, которые не испытывали проблем с интернетом, таких изменений не наблюдалось. Хотя обнаруженный эффект сравнительно слабый и не угрожает жизни и здоровью, в его основе лежит гормональный дисбаланс, который может ослаблять иммунную систему [7, 8].

Изучение данной проблемы позволит разработать профилактическую и психокоррекционную программу, а также тактику медикаментозного лечения для предупреждения физиологических изменений и изменений личности интернет-зависимых пользователей.

1. Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. - 782 с. Змановская, Е.В. Девиантология: учеб. пособие / Е.В. Змановская. - М.: Изд-во «Академия», 2003. - 288 с.
2. Малкина-Пых, И.Г. Возрастные кризисы: Справочник практического психолога / И.Г. Малкина-Пых. - М.: Изд-во Эксмо, 2005. - 896 с.
3. Войскуновский, А.Е. Интернет – новая область исследований в психологической науке / А.Е. Войскуновский // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ. Выпуск 1. - М.: Смысл, 2002. - С. 82-101.
4. Донцов А. И., Емельянова Т. П. Концепция социальных представлений в современной французской социальной психологии, М., 1987. - с. 23.
5. Брунер Дж. Психология познания, М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. - 782 с.
6. Колотилова О.И. и др. Дофаминергическая система мозга / Колотилова О.И., И.И. Кореньюк, Д.Р. Хусаинов, И.В. Черетаев // Вестник Брянского государственного университета. - 2011, №3. - 11 с.
7. *Differential physiological changes following internet exposure in higher and lower problematic internet users [электронный ресурс]. - PLOS is a nonprofit 501(c)(3) corporation, #C2354500, and is based in San Francisco, California, US. - режим доступа: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0178480>. Дата доступа: 07.06.2017*

ПЕРЕХОДНЫЕ ФОРМЫ ГОСТЕПРИИМСТВА: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПЛАЦКАРТНОМ ВАГОНЕ И ВИРТУАЛЬНОЙ СЕТИ

Дроздова А.А. (Санкт-Петербург)

Событийная реальность пространства повседневности неотъемлемо включает в себя дихотомию «своих» / «чужих» как основных участников общественного взаимодействия. Дж. Мид считал, что мы идентифицируем себя через взаимодействие с Другим, через отображение его реакции. В процессе социализации и жизненной адаптации происходит формирование понятия «обобщенного другого» [4], осознание ценности своего существования в проекции реакции других на нас и отражении нашей жизни в представлениях других людей, наши действия определяются реакцией и оценкой общества. Человек должен максимально отстраниться от своего бытия, стать для себя «другим» [1, с. 224].

Формой «концентрации» максимы взаимного признания другого при параллельной реализации возможности изменения себя является гостеприимство [3, с. 239]. Традиционно практики гостеприимства определяются в контексте межкультурной коммуникации и в рамках повседневных практик совместной жизнедеятельности. Прием гостей является мобильным ритуалом понимания другого, регулируемым и регламентированным механизмом принятия временного вторжения «чужака» на территорию сакрального личного пространства. В этом смысле гостеприимство представляет взаимодействие принимающей стороны («хозяина») и приглашенного гостя. Приглашение в приватное пространство выполняет символическую функцию демонстрации доверия, приписывания приглашенному статуса «своего». Ритуал принятия «другого» в личном пространстве регулируется правилами этикета и повседневным регламентом. Так, например, «незванный гость» обретает форму ситуативного «чужака», который вторгается в неопределенное и не выделенное для него время.

В гостеприимстве при сохранении культурной идентичности каждого участника реализуется практика взаимной толерантности: мы принимаем присутствие «другого», определенные общим временем и пространством различные мировоззренческие установки, запахи и звуковые / голосовые тона. В современном домашнем пространстве зачастую

отсутствуют типичные «атрибуты» гостеприимства, такие как, «гостевые» тапочки, дополнительные столовые приборы и т.д. из расчета на семью «нуклеарного» типа. Гостеприимство в современных условиях становится ситуативным проявлением интереса и милосердия, как помощь пострадавшим в природных катастрофах, временное разделение крова с погорельцами и т. д. [2, с. 154]. Мы можем отметить формирование новой переходной формы гостеприимства.

Один из примеров процессуальной и ситуативно-вынужденной модели переходного гостеприимства, носящей временной и ситуативный характер, представляет взаимодействие пассажиров в пространстве плацкартного вагона. Архаичный ритуал совместной трапезы представлен в плацкартном вагоне в его предельном выражении: угощение происходит при постоянном взаимном обмене на общем столе, поверхность которого стратегически разделена между «соседями» по отсеку. Смешиваются не только запахи, вкусовые предпочтения, но и различные культурные и поведенческие установки, пассажиры принимают вынужденную максимум взаимного признания: репрезентируя сокровенные моменты собственного бытия, формируя единую группу пассажиров «вагона №...» ровно до прибытия в назначенный пункт (чтобы вновь стать «чужими» друг другу). Однако, даже при такой визуальной открытости другим, присутствует условное разделение «вынужденно общего» пространства: мигранты и «вахтовики» обычно занимают последние отсеки вагона, баррикадируясь тюками и багажом; молодые мамы ограждают свои места, занавешивая их постельным бельем, пожилые женщины оккупируют нижние места. Таким образом, стихийное гостеприимство в пространстве плацкартного вагона не может избавиться от социального разделения на микрогруппы «своих» и «чужих». Символическую роль «хозяина» здесь играет проводник. Пассажиры планируют по вагону, становясь соучастниками иммерсивного спектакля «чужой» жизни и принимая временные правила пространственной миграции в пределах единой коммуны.

В этом смысле субъект данного пространства одновременно пребывает в статусе туриста и путешественника, принимая базовый комплекс услуг, входящий в стоимость билета, каждый приобретает возможность выступать одновременно в роли ситуативного хозяина и гостя. Интересны поведенческие установки освоения вынужденно общего пространства: кто-то застилает общий стол личной салфеткой или скатертью, искусственно, временно создавая домашний уют, а высшей формой доверия может стать возможность оставления ценных вещей без прямого надзора.

Еще одним примером пространства переходного гостеприимства может стать форма виртуальной коммуникации (онлайн видеосвязь, мессенджеры). Территориальное расстояние с развитием виртуальных сетей коммуникации перестало быть преградой для возможности общей встречи (прямой видео эфир делает возможным совместную праздничную трапезу, опосредованную Интернетом; демонстрацией собеседнику через камеру стола с яствами, совместное, хоть и разделенное физическим расстоянием, принятие пищи / распитие напитков). Более того, для «визита» виртуального гостя не требуется специальная подготовка всего домашнего пространства (нужно лишь выбрать верный ракурс, ограниченный зоной видимости). Если в недалеком будущем появится возможность обмена осязаемых предметов через виртуальную коммуникацию, то традиционный институт гостеприимства полностью трансформируется в мобильную форму общественного соучастия при возможности не покидать личную «капсулу».

Данные примеры переходных форм гостеприимства обозначают две тенденции. Первая тенденция заключается в растущей глобализации, при которой нивелируется разделение на «своих» и «чужих»: создаются механизмы интеграции мигрантов в принимающее общество, культивируются установки взаимной толерантности, общности пространства и т.д. Даже тарифы мобильной связи нацелены на устранение территориальных границ и барьеров в общении между людьми путем отмены платы за разговоры в роуминге. При этом слоган «Везде как дома» формирует единое пространство беспрепятственного диалога. Вторая тенденция – исторически сложившиеся формы гостеприимства все более приобретают вынужденный характер, определяемый практическими целями участников взаимодействия. Так, например, ритуальный и архаичный институт «смотрин» и сватовства трансформируется в опыт «деловой встречи» по декларируемому поводу. Встречи с друзьями, родственниками происходят на нейтральной территории (кафе, рестораны, клубы), где нет разделения на «гостей» и «хозяев» и не требуются определенные усилия по подготовке. «Свой» становится деловым, но временным партнером в сложном сетевом пространстве взаимодействия. Человек, действия которого не представляют

личной выгоды и пользы, автоматически обретает статус «чужака», на которого не распространяются правила гостеприимства. Эти тенденции при всей их разнонаправленности взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Можно сделать вывод, что современную повседневность определяют переходные формы гостеприимства, которые могут проявляться в мобильных пространствах: движущемся железнодорожном вагоне как в некоем «отголоске» архаики, где происходит активное взаимодействие всех присутствующих, или в виртуальной коммуникации как безопасной практике визуального соприсутствия при отсутствии прямого вторжения в приватное пространство другого.

1. Бахтин М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб., Азбука, 2000. 333 с.
2. Марков Б.В. Ксенофилия и гостеприимство // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, №1, том 2. Философия. СПб, 2012. С.145-156.
3. Марков Б.В. Культура повседневности. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
4. Мид Дж. Интернализированные другие и самость // Американская социологическая мысль. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. 555 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПОРТА В СОЗДАНИИ СРЕДЫ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Евсеев В.В. (Санкт-Петербург)

Аннотация. Статья посвящена проблемам изменения направленности освоения физической и спортивной культуры человека. Подчеркивается, что традиции и навыки здоровьесбережения могут осваиваться с помощью информационных и технико-технологических сред. Авторами делается вывод о необходимости создания новой социально-коммуникативной среды познания и практического использования достигнутого собственного уровня физической культуры с учетом достижений спортивной отрасли.

Глобальные масштабы цивилизационных изменений повышают роль гуманитарной практики и актуализируют необходимость изучения особенностей влияния информационных и технико-технологических процессов и достижений на современного человека, его здоровье и поведение, интересы, возможности и ориентации. Социотехническая среда создает новые платформы модернизационных трендов интегративного общественного богатства, включая прежде всего человеческий капитал.

Важными предпосылками реализации человеческого капитала в качестве центрального ресурса всех общественных изменений и критерия социального прогресса по праву считается уровень здоровья и физическая активность личности. Активность физическая, использование спорта для организации свободного времени, индивидуальные занятия фитнесом могут способствовать появлению мотивации и устойчивого интереса для реализации естественных потребностей в движениях разной направленности, способствующих поддержанию здоровья, приобретению коммуникативных и организационных навыков, используемых в профессиональной и гражданской деятельности, использованию для восстановления организма и проведению активного отдыха. Физическая культура как феномен общей культуры уникальна. По мнению Н.Н. Визитей, она является самым первым и базовым видом культуры, который формируется в человеке [1, с. 89].

Масштабность и скорость технико-технологических изменений акцентирует поиск адаптационных резервов, позволяющих субъекту инноваций оставаться активным, мыслящим, духовно богатым и значимым в долгосрочной перспективе. По мнению ряда авторов, критерием успешной социальной адаптации личности может считаться сбалансированное соотношение между потребностями и особенностями человека и требованиями, нормами, ценностями социальной среды. На связь физической культуры с духовностью, творчеством указывал П.Ф. Лесгафт: «Путем анализа и сравнения получаемые извне впечатления переходят на умственную работу, проявляясь уже затем в виде отвлеченных понятий» [2, с. 22].

Способность самостоятельного использования средств физической культуры и спорта для психофизической и социальной подготовки к жизни и профессиональной деятельности является перспективной задачей самовоспитания человека [3, С. 214]. Состояние социального здоровья и физический потенциал человека, масштабы использования «запасов» психофизического и

духовного потенциала влияют на направленность модернизации сфер общества, жизнестойкость, безопасность государства и геополитические перспективы нации.

Сегодня, однозначно, наблюдается интенсивное использование передовых методик и технологий спорта высших достижений в практике физического воспитания самых широких слоев населения и массовых спортивных мероприятий [4]. С другой стороны, данная тенденция обеспечивается стремительным развитием рынка мобильных информационных технологий, их доступности использования для занятий спортом, активным отдыхом, производственной гимнастикой. Следует учитывать, что увлечение спортом не должно ограничиваться фактом выполнения лишь социальной миссии. В настоящее время спортивные мероприятия, спорт как досуговое занятие, интенсивный жизненно необходимый образ жизни становятся оригинальным и эффективным информационным поводом и коммуникационной стратегией программ, в том числе, потребительского маркетинга. Сейчас уже никого не удивляет трансляция в прямом эфире Олимпийских игр, Чемпионатов мира и других масштабных международных соревнований, которые собирают многомиллионную аудиторию поклонников, любителей спорта и специалистов. Современные информационно-технологические возможности глобальной коммуникации способны преодолеть в очень сжатый период времени межконтинентальное пространство и иметь высокую степень доступности и потребления контента.

Сейчас уже не нужно доказывать, что, занимаясь физическими упражнениями или увлекаясь спортивными состязаниями, мы тем самым поддерживаем и укрепляем здоровье. Данные занятия можно рассматривать как профилактику неинфекционных заболеваний и вредных привычек, для расширения диапазона адаптации, усиления защитных функций организма. В спортивной культуре находят свое воплощение достижения людей в трансформации не только двигательных, но и интеллектуальных, психологических и моральных качеств [5].

Современное молодое поколение отличается стремлением к профессиональному росту и самоутверждению в определенной сфере производства, его отличает творческий потенциал, активный интерес к действенному участию в социально-экономических преобразованиях страны и мирового сообщества, собственным отношением к различным сторонам общественно-политической жизни страны, личностными социально-культурными и идеологическими ориентациями. Более того современная техногенная среда повышает интерес к коммуникативным отношениям между людьми, которые влияют на эффективность деятельности специалистов [6, С. 37].

Современные сетевые информационные технические устройства используются достаточно широко в моделировании физкультурно-спортивной деятельности. Это, например, может быть организация мониторинга изменений состояния организма спортсмена в процессе занятий физическими упражнениями и одновременно коррекция тренировочных занятий, или создание моделей соревновательных мероприятий, или использование ИКТ как способа обработки и анализа результатов соревнований и др.

В среде наиболее видных политиков российского истеблишмента преобладают люди, имеющие спортивный характер и достаточно высокую физическую подготовленность.

Современные мобильные информационно-коммуникативные технологии нашли свой достаточный диапазон применения во всех сферах и на всех уровнях спортивных состязаний. Так в организации крупных спортивных соревнований различного уровня широко используется электронное табло; автоматические базы данных по спортивным соревнованиям различного уровня, создаваемых в процессе проведения соревнований, обеспечивающих работу информационных каналов для организаторов и журналистов в режиме онлайн. Или, например, интерактивные очки Recon Jet используются любителями активных видов спортивных занятий. Для их создания были применены современные технологии и устройства (процессор, камера, снимающая видео в HD-разрешении, слот памяти, беспроводной интерфейс и 3D-акселератор); miCoach Smart Ball –так называемый «умный» мяч для занятий футболом, который мгновенно фиксирует, пересек ли линию ворот или нет. Этот мяч работает в автоматическом режиме и используется профессионалами и начинающими спортсменами в качестве персонального тренера для занятий, тем самым помогая оттачивать мастерство в технике нанесения разнообразных ударов мяча. Это позволяет интегрировать различные виды деятельности, делая процесс обучения более увлекательным, более насыщенным и поэтому более продуктивным. Коммуникативное сопровождение крупных массовых мероприятий и проектов, спонсорство и продвижение компаний и брендов - это эффективный инвестиционный и имиджевый инструмент. Как пример, Олимпиада Сочи-2014.

Таким образом, с повышением роли и значимости физической культуры в жизни человека и особенно молодежи, всё актуальнее становится исследование её ценностного аспекта и потенциала в создании и реализации среды здоровьесбережения.

1. *Визитей Н.Н. Теория физической культуры: к корректировке базовых представлений [Текст] / Н.Н. Визитей. - М., 2009.*
2. *Лесгафт П.Ф. Избранные сочинения [Текст] / П.Ф. Лесгафт. - М., 1987. – Т. II.*
3. *Половников П.В., Евсеев В.В., Волкова Л.М. Отношение студентов к физической культуре //Стратегические направления реформирования вузовской системы физической культуры: сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 16-17 декабря 2016 г. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. С. 212-215.*
4. *Лубышева Л.И. Феномен спортивной культуры в аспекте методологического анализа [Текст] / Л.И. Лубышева. // Теория и практика физической культуры и спорта. 2009. №3. С. 10-13.*
5. *Бальсевич В.К. Спортивный вектор физического воспитания в российской школе (монография) [Текст] /В.К. Бальсевич - М.: 2006.*
6. *Волкова Л.М., Голубев А.А., Евсеев В.В. Коммуникация, безопасность в гражданской авиации// Технологии PR и рекламы в современном обществе: материалы научно-практической конференции с международным участием. - СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 36-38.*

ИНТЕРНЕТ КАК МЕХАНИЗМ ВЛИЯНИЯ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ЕГО АУДИТОРИИ

Иванкова А.А. (Орёл)

Аннотация: в данной статье рассмотрено влияние интернета на общественное мнение людей. Проанализированы социологические исследования на данную тему. Выявлен социальный портрет пользователей Интернета.

На сегодняшний день интернет, выступающий как вид информационных технологий, получил достаточно широкое распространение в России и активно влияет на общественную жизнь населения. Много важных общественно-политических тем не остаются без внимания интернет-общественности, а также их обсуждения формируют само отношение к ним большинства интернет сообществ.

Основную аудиторию, называемую субъектом интернета, поможет определить социальный портрет его пользователей. Данная аудитория выступает как некий выразитель общественного мнения в ходе интернет-коммуникационного процесса. По данному вопросу каждый год исследовательские центры проводят многочисленные исследования. Обобщая вторичный материал данных исследований, можно выделить ту информацию, необходимую для определения аудитории Интернета. Нельзя упустить из виду и то, что СМИ нередко являются проводником, который формирует у граждан определенное политическое сознание. При помощи грамотного подхода политические партии и их лидеры могут в значительной мере повлиять на ход и результат народного голосования.

Кроме того, Интернет выступает как, своего рода, механизм сплочения людей ради определенных целей и действий. Это, в свою очередь, пропаганда, которая направлена на интересы самого социума, а не властей. К примеру, нередко при помощи Интернета, мы узнаем об акциях в поддержку больных детей, патриотических акциях и т.д. Это является одной из положительных функций Интернет-пространства. Многое зависит от того, каким образом преподносится событие, с какой точки зрения в глобальной сети освещается тот или иной факт.

От трактовки новостей зависит отношение общества к данному явлению. Стоит отметить, что на начало 2010 года 37% населения постоянно пользуются услугами сети-Интернет, а в 2015 г. – 53% [3].

В январе 2016 г. Фондом общественного мнения (ФОМ) было проведено исследование на тему: «О пользе и вреде Интернета и особенностях его использования», которое позволяет нам дать объективную оценку влияния интернета на общественное мнение людей. Стоит отметить, что количество пользователей - мужчин и женщин примерно одинаково, поэтому гендерные характеристики не будут иметь сильное значение при изучении влияния Интернета на общественное мнение [2].

Таблица 1-Распределение вариантов ответов на вопрос: «Для каких целей вы чаще всего используете интернет?» (Данные в %-от групп.)

Варианты ответов	Пол		Возраст				
	м	ж	18-24	25-29	30-39	40-49	50+
Для образования, расширения кругозора, развития своего ума	41	48	57	45	42	38	42
Узнаю новости	45	39	28	43	41	39	55
Для поиска информации (не для работы, образования)	34	34	32	29	35	33	37

Вторичный анализ исследования показал, что для образования, расширения кругозора, саморазвития используют интернет в основном лица 18-24 лет(57%), узнают новости, лица старше 50 лет (55%), для поиска информации используют интернет респонденты от 18 до 24(32%) и старше 55(37%).

Сегодня, обычным явлением стало проникновение материалов из глобальной сети в традиционные СМИ. Действительно, внедрение информации в среду Интернета позволяет говорить о достаточно быстрой циркуляции информации в глобальной Сети. Далее, актуализация проблемы как важной происходит в значительной степени быстрее, а следовательно, происходит и реакция на нее.

Также Фондом общественного мнения (ФОМ) было проведено исследование на тему: «Новости в интернете», которое рассказывает о том, где интернет-пользователи читают новости и какой информацией интересуются [1].

В зависимости от своих потребностей, целей, ценностных и досуговых ориентаций пользователь будет искать информацию и людей, таким образом, формируя целевую деятельность в Интернете. Так складывается глобальная аудитория по интересам - люди общаются и обмениваются информацией.

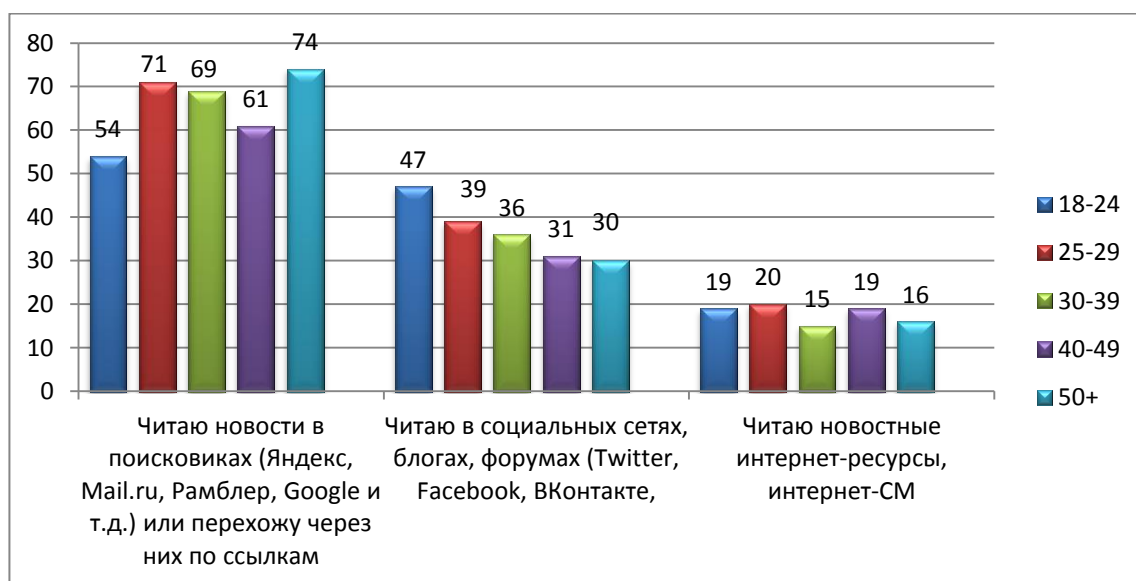


Рисунок 1-Распределение вариантов ответов на вопрос: «Какие источники вы обычно используете, чтобы читать, смотреть новости, информационные сообщения в интернете?» (Данные в % - от групп интернет-пользователей)

Вторичные данные на рисунке-1 показывают, что читают новостные ресурсы в основном опрошенные в возрасте 25-29 лет(20%), респонденты в возрасте 18-24 лет(19%) и в возрасте 40-49 лет(19%). Читают новости в социальных сетях, блогах и форумах в основном опрошенные в возрасте 18-24 лет(47%), и читают новости в поисковиках возрастные группы 25-19 лет(69%), и старше 50 лет(74%). Также, необходимо отметить, что молодое поколение чаще участвует в коммуникационном процессе интернет сообщества, общаясь в социальных сетях: Twitter, Facebook, ВКонтакте [4].

Особое внимание в рамках нашей проблем стоит уделить блогам как способу выражения мыслей и мнений. Большинство важных событий в нашей стране в последнее время происходили при участии различных пользователей блогосферы. Например, когда летом 2010 года под Москвой вспыхнули массовые пожары, именно благодаря информации с места событий, мнений по отношению к этой проблеме из блогов популярных пользователей сложилось мнение о неготовности местных властей и о несовершенстве лесного законодательства, что впоследствии признали органы государственной власти.

Все вышесказанные характеристики и будут определять социальный портрет аудитории Интернета. Данная аудитория – самая активная часть пользователей сети-Интернет и поэтому, она наиболее часто включена в информационную и коммуникационную среду, сформированную Интернетом.

Итак, из данных исследования можно сделать вывод о том, что в современном мире Интернет является важнейшим инструментом формирования общественного мнения в социуме и имеет огромное количество средств влияния на него.

1. *Опрос интернет-пользователей о том, где они читают новости и какой информацией интересуются [Электронный ресурс] // URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12491> (Дата обращения 04.10.2017г.)*
2. *О пользе и вреде интернета и особенностях его использования [Электронный ресурс] // URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12494> (Дата обращения 05.10.2017г.)*
3. *Молодежь Орловской области 2015 году Дорохова Ю.В., Игнатова Т.В., Проказина Н.В. Научное издание. Информационно-социологический бюллетень / Под общей редакцией П.А. Меркулова. Орел, 2015.*
4. *Положение молодежи в Орловской области в 2015 году Алексеенок А.А., Бочанов М.А., Дорохова Ю.В., Елисеев А.Л., Игнатова Т.В., Исаев А.В., Каткова Л.В., Ключникова Т.Н., Мельников А.В., Меркулов П.А., Орлова В.Н., Перевозкин Л.М., Проказина Н.В., Старых Н.П. коллективная монография / Орел, 2015.*

ПРИМЕНЕНИЕ ЭКОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА В РАЗВИТИИ РЕГИОНА КАК ГЛАВНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ИНТЕГРАЦИИ ЧЕЛОВЕКА-ЭКОЛОГИИ-ЭКОНОМИКИ-ПРИЗВОДСТВА

Иванова Т.Н. (Тольятти)

Автор рассматривает экосистемный подход в управлении развитием региона, где проанализированы главные показатели интеграции человека, экологии, экономики и производства, в контексте окружающей среды. В настоящее время необходимо рассматривать состав, структуру и границы экосистемного подхода, обосновывая необходимость выделения отдельных подсистем экологического и экономического взаимодействия как симбиоза взаимных связей, отражающих динамику между показателями экологической и экономической систем, которые должны быть исследованы в процессе анализа функционирования региональной эколого-экономической системы. Содержательное планирование и развитие инновационной эколого-экономической системы общества способствует эффективному и позитивному эколого-экономическому взаимодействию человека и общества.

ОБЫВАТЕЛЬ В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ КРИЗИСЕ

Ильин В.И. (Санкт-Петербург)

Целью данного доклада является концептуализация идеального типа обывателя как агента социальной динамики. Как писал М. Вебер, идеальные типы «столь же редко встречаются в

реальности в абсолютно чистой форме, как физическая реакция, полученная в условиях полного вакуума» [1, с. 622]. Функцией этой категории является обеспечение понимания социальных процессов, путем выделения в участвующих в них элементах их сути.

Идеальный тип обывателя

Обыватель - это агент обывательского образа жизни как системы практик воспроизводства и эволюционного роста индивидуального благополучия. Успех в достижении такого благополучия является ядром ценностных ориентаций. В таком образе жизни господствуют повседневные рутинные практики, оттесняющие поступки на дальнюю периферию в качестве нежелательных сбоев в нормальной жизни. Стандартизированный, рутинный труд выступает в качестве ядра обывательского образа жизни. Питирим Сорокин рассматривал такой тип личности в контексте т.н. «чувственной культуры»: «Они не видят ничего за пределами бытия чувственно воспринимаемой окружающей среды», они «стараятся приспособиться к условиям, которые открываются органам чувств» [2, с. 46].

С одной стороны, стабильное общество в массовом масштабе воспроизводит обывательский образ жизни. С другой стороны, именно такой образ жизни индивидов обеспечивает стабильность всех социальных институтов. Обывательский образ жизни встречается в разные эпохи, приобретая конкретно-исторические формы. В России начала XX в. это было мещанство и крестьянский образ жизни. В современном обществе потребления он опирается на принципы консюмеризма.

Ближе всего к этому идеальному типу находится образ жизни крестьян традиционного общества, организованный в рамках логики замкнутых сезонных циклов и ориентированный на решение проблем выживания. В современном обществе потребления к идеальному типу обывателя приближается потребитель-материалист.

Формирование капитализма и урбанизация подрывают обывательский образ жизни в его традиционном варианте, однако создают основу для его динамической разновидности. Однако и в городе, втянутом в капиталистическое развитие, сохраняются сущностные черты такого способа существования: замкнутость жизненного мира в рамках движущейся почти по круговой траектории повседневности. Обывательская траектория совместима с прогрессом, однако в этом случае она принимает вид достаточно плоской спирали.

Обыватель является индивидуалистом, что не исключает разумного эгоизма как заботы о создании для себя комфортной микросреды путем помощи ближним в их борьбе за свое благополучие. С.Л. Франк, интерпретируя Ф. Ницше, судя по всему, описывал этот феномен в терминах «любви к ближнему», под которым «понимается совокупность симпатических чувств, переживаемых по отношению к непосредственно окружающим нас, ближайшим к нам людям («ближним»)» [3, с. 13].

Частью такого жизненного мира может быть обывательская религиозность, для которой характерен приоритет ритуалов над верой. Кроме того, обыватель богу не служит, не является его рабом, а пытается его использовать в решении своих повседневных проблем.

Обыватель выносит темы, не имеющие прямого отношения к воспроизводству условий его существования в лучшем случае в зону любопытного, а в худшем бесполезного. Если он интересуется литературой и искусством, то лишь для развлечения. Он либо аполитичен, либо наблюдает политику так же, как смотрит футбольный матч.

Обыватель превыше всего ставит стабильность. Он склонен к консерватизму в стиле статус-кво. Отсюда враждебность к силам, пытающимся раскачать существующий порядок. Их обещаниям светлого будущего он не верит, полагая, что синица в руках ценнее журавля в небе. Революционеры и бунтари его раздражают.

Джон Кампфнер в своей книге «Свобода на продажу» показывает, как население разных стран, проявляет готовность поступиться политической свободой в обмен на безопасность и преуспевание. Он констатирует: «За эти годы люди во всех странах нашли способ комфортно жить, перестав одновременно быть участниками политического процесса. Консюмеризм оказался прекрасной мозговой «заморозкой» [4, с. 25-26].

Классовая позиция мелкого собственника является благоприятной базой для формирования культурного типа обывателя. Это может быть и крестьянин, и ремесленник, и современный фермер, и представитель нового среднего класса профессионалов. И в расхожей мысли либералов о том, что средний класс является основой стабильности общества, нет сильного преувеличения. Среднему классу есть что терять, помимо своих цепей в форме поработавшей мелкой собственности, требующей немалых забот, стихии рынка или корпоративной дисциплины.

Противоположностью обывателю является пассионарий. В широкий оборот эта категория введена Львом Гумилевым [5], хотя этот феномен под разными названиями встречается у многих философов [6]. У Гумилева эта категория слишком насыщена мистикой, чтобы быть удобным инструментом социологического анализа. В данной работе она используется в более инструментальной форме.

Пассионарий — это тип личности, в жизненном мире которого системообразующую роль играют идеальные ориентиры (ценности, цели), выходящие за рамки логики повседневной жизни. Он одержим целями идеального мира (религиозного, идеологического, политического, философского, художественного). Они являются ядром его жизненного мира.

Структура экзистенциального кризиса обывателя

История многих стран знает эпидемии, в ходе которых массы обывателей превращаются в пассионариев того или иного типа. Фундаментом такой личностной трансформации является экзистенциальный кризис.

Экзистенциальный кризис — это проблематизация собственного положения: надо жить так (например, как прежде или лучше), а в реальности это уже невозможно. Что же делать?

Основными причинами такого кризиса в России первых десятилетий XX в. стали несколько фундаментальных процессов, которые в тех или иных формах можно найти во многих странах и эпохах.

(а) Государство само втягивает обывателей в политику, выводя их в экзистенциальные ситуации, где принятие пассионарности является формой преодоления когнитивного диссонанса. Распространенный вариант такого принуждения к пассионарности — война, организуемая государством. Здесь многие обыватели превращаются в пассионариев, которые рутинизируют свой риск и убийства других, обозначаемых в качестве «врагов».

(б) Разрушение социальной и материальной среды обывателя, загоняет его в угол. В пассионарии обывателя толкает не бедность, а системная безнадежность. В. Ленин в начале 1920-х гг. очень точно охарактеризовал суть этой взрывной трансформации обывателя в пассионария: «взбесившийся» от ужасов капитализма мелкий буржуа легко переходит к крайним формам революционности [7].

(в) Пассионарии сознательно или случайно создают ловушки (в духе логики концепций path dependency). В данном контексте в качестве экзистенциальных ловушек выступают действия, не допускающие возврата к исходному положению. Типичный прием — поворот мирного протеста в русло, где появляются жертвы, убедительно для масс приписываемые власти.

г) Кризис существующего порядка, формирующий обоснованное предположение, что властвующая элита уже не в состоянии удержать руль.

Заключение

На микроуровне больших социальных конфликтов и катаклизмов просматриваются молекулярные трансформации личности обывателя (человека статус-кво) в пассионария (человека, запрограммированного на полет, в ходе которого преодолевается притяжение инстинктов самосохранения, страха, жалости, совести и прочих психологических и моральных вериг). Настоящие пассионарии являются таковыми в любых социальных и культурных контекстах, меняя лишь стиль проявления пассионарности. Обыватель — это тип противоположный пассионарию, однако в определенных обстоятельствах (наиболее характерные — кризис существующего порядка) он открыт для ситуационного пассионария.

Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. — 805 с.

2. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000. — 1054 с.

3. Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. — 608 с.

4. Кампфнер Дж. Свобода на продажу. Как мы разбогатели и лишились независимости. М.: Астрель, 2012.

5. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ДИ-ДИК, 1997. — 640 с.

6. Фрумкин К.Г. Пассионарность. Приключение одной идеи. М., ЛКИ / URSS, 2008. — 224 с.

7. Ленин В.И. Детская болезнь левизны в коммунизме [Электронный ресурс]. Код доступа: <https://www.marxists.org/russkij/lenin/1920/leftwing/>. Дата обращения: 1.03.2017.

КУЛЬТУРНЫЕ КЛАССЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ (НА ПРИМЕРЕ США)

Каманина А.Г. (Санкт-Петербург)

В последние несколько десятилетий среди социологов и политологов идет дискуссия о том, происходит ли в Соединенных Штатах политическая поляризация. В последние несколько лет идеологическая дистанция между политическими партиями сильно увеличилась [Alwin, Tufis, 2016]. Более того, мнения жителей США по многим вопросам разделяются две противоположные позиции: «левую» и «правую», либеральную и консервативную.

Политическая поляризация в обществе может иметь большое влияние на то, каким образом индивиды формируют свой жизненный стиль, проводят досуг - и в целом на то, какие паттерны культурного потребления формируются у жителей современных США.

В своем исследовании я использовала два корпуса литературы: о культурном потреблении и о политической поляризации в США. Кратко о каждом из них. В современной социологической литературе, которая объясняет культурное потребление [Alderson, Junisbai, Heacock, 2007; Chan, Goldthorpe, 2005], принято выделять несколько различных аргументов, объясняющих наличие и воспроизводство в обществе различий в потреблении культуры. Согласно теории гомологии П. Бурдьё, сформулированной в 1980-х гг., индивиды, принадлежащие к высокому классу, потребляют «высокую», или «элитную», культуру, а индивиды, принадлежащие к рабочему классу, потребляют преимущественно «массовую», или «популярную», культуру [Bourdieu, 1984]. К 1990-м годам другой известный социолог, Ричард Петерсон, показал на опросных данных, что паттерны потребления культуры меняются и население становится все более «всеядным» [Peterson, Kern, 1996], и выдвинул аргумент, который так и назвал – аргумент всеядности. Вместе с этим он также отклонил и третий возможный аргумент – аргумент индивидуализации, предполагающий, что в современных продвинутых обществах все люди потребляют разные виды культуры и нет закономерностей ее потребления.

Во втором корпусе литературы, о поляризации, ведется дискуссия о том, наблюдается ли в США политическая поляризация в принципе. Одни исследователи утверждают, что поляризация в мнениях существует, и она в большой степени определена поляризацией политической [Abramowitz, Saunders, 1998], другие же опровергают выводы о наличии поляризации и подчеркивают, что существует только различие в мнениях [DiMaggio, John H. Evans, Bryson, 1996; Fiorina, Abrams, Pope, 2008]. Тем не менее и те и другие принимают, что в обществе есть расхождения во мнениях. Так, наибольшие различия находятся в отношении к абортам, гомосексуальным бракам; большое место занимают и расовые вопросы [DiMaggio, John H. Evans, Bryson, 1996; Alwin, Tufis, 2016].

Таким образом, основной исследовательский вопрос звучит так: есть ли связь между политической поляризацией и культурным потреблением жителей США? Следовательно, объект моего исследования – население США, а предмет – культурное потребление.

В исследовании использовались данные 12 вопросов и культурной активности с возможностью ответа «да» или «нет» из Ежегодного основного опроса об искусствах (Annual Art Basic Survey) 2015 года, США. К данному опросу была добавлена новая переменная – политическая принадлежность округа (county), основанная на открытых данных о голосовании на выборах президента США в 2016 году по округам, в которых живут респонденты. Итоговый объем выборки составил до 5448 наблюдений.

Эмпирическая задача нахождения связи между классами культурного потребления и политической поляризации была решена с помощью метода латентно-классового анализа (статистического метода анализа многомерных категориальных данных). Использовался пакет роLCA [Linzer, Lewis, 2014] для открытой программной среде R.

Выборку из 5448 наблюдений я разделила на две подвыборки по признаку политической принадлежности округа – демократический (3775 наблюдений) и республиканский (1693 наблюдений). По двум этим группам был проведен анализ латентных классов культурного потребления, результаты которого представлены ниже.

Результаты по демократическим округам

Выполнив несколько моделей с разным количеством классов, я выбрала наилучшую – 4 класса. Таким образом, становится понятно, что на данной выборке не будет работать аргумент

индивидуализации, потому что в таком случае лучшей стала бы модель с очень большим числом классов. Аргумент гомологии [Gans, 1999; Bourdieu, 1984] здесь также не дает общего объяснения, потому что выделяется больше чем 2 класса «высокой» и «низкой» культуры.

При анализе лучшей модели из 4 классов получено, что в классе, состоящем из 2,6 % выборки – «классе omnivоров» - представлены все виды культурных активностей, как «highbrow» (высокой культуры), так и «lowbrow» (низкой культуры). Второй класс – те, кого можно назвать «юнисторами»: 17,8 % респондентов из демократических округов занимаются наиболее распространенными видами культурной активности (кинотеатр, чтение книг). Несмотря на то, что в этой группе оказался такой вид культурной активности, как посещение музеев, которые, как предполагается, посещают люди с высокими культурными вкусами, в группе юнистора нет отличающих такой класс признаков. Третий культурный класс можно описать как класс «аудиовизуалов», он составляет 38,4 %. Респонденты, которые с большей вероятностью попадают в этот класс, предпочитают потреблять массовую музыкальную или визуальную культуру: в большей степени - фильмы, музыкальные представления и намного меньше, чем в двух предыдущих классах, - чтение книг. И, наконец, последний класс – класс «пассивных потребителей культуры» – составил около 40 %. Это те, кто проявляет совсем небольшую культурную активность: иногда посещает кинотеатр и еще реже – занимается чтением книг.

Результаты по республиканским округам

Лучшей моделью латентных классов культурного потребления американцев в республиканских округах стала модель с тремя классами.

В первом классе (46,2 %) респонденты вероятнее всего посещают кинотеатры и мало читают (по сравнению с ответами в других классах), но читают. Этот класс можно сравнить с «пассивным» классом, который выделился при анализе подвыборки, основанной на демократических округах. Второй (15%) и третий (38%) классы среди республиканцев можно сравнить с классом «юнистора» из подвыборки демократических округов. Эти два класса несколько похожи друг на друга. Так, во втором классе ответы распределяются таким образом, что наиболее популярными видами активности становится посещение кинотеатров и чтение книг. Они также лидируют в третьем классе, хоть и заметно меньше. Различия заметны в таких видах активности, как посещение музыкальных представлений, посещение зданий/памятников и музеев, – в третьем классе их также заметно меньше.

Заключение

Таким образом, связь между «политической принадлежностью» округа и паттернами культурного потребления жителей этого округа есть, что подтверждает различное количество латентных классов культурного потребления среди респондентов. В частности, у респондентов в республиканских округах не выделяется класса «омнистора», практикующих и «высокие» и «низкие» виды культурной активности - в отличие от демократических округов, где такой класс есть. В республиканских округах представители класса, куда с больше вероятностью попадают респонденты с высокой (среди республиканских округов) культурной активностью, реже отвечают положительно на ключевые вопросы о «высокой» культурной активности (например, играют на музыкальных инструментах 8% респондентов в республиканских и 41% - в демократических округах; посещали курсы искусствоведения 10% и 53%, соответственно). Если бы таких значительных различий не было, это могло бы говорить о наличии омнисторных вкусов [Peterson, Kern, 1996]. Вопрос о культурном расслоении при наличии политической поляризации населения может быть изучен схожими методами и в других странах.

1. Abramowitz A.I. *Ideological Realignment in the U.S. Electorate* / A.I. Abramowitz, K.L. Saunders // *The Journal of Politics*. – 1998. – Vol. 60. – № 3. – P. 634-652.
2. Alderson A.S. *Social status and cultural consumption in the United States* / A.S. Alderson, A. Junisbai, I. Heacock // *Poetics*. – 2007. – Vol. 35. – № 2-3. – P. 191-212.
3. Alwin D.F. *The Changing Dynamics of Class and Culture in American Politics: A Test of the Polarization Hypothesis* / D.F. Alwin, P.A. Tufis // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – 2016. – Vol. 663. – *The Changing Dynamics of Class and Culture in American Politics*. – № 1. – P. 229-269.
4. Bourdieu P. *Distinction: A Social Critique of the Judgement of Taste*. *Distinction* / P. Bourdieu – Harvard University Press, 1984. – 642 p.
5. Chan T.W. *The social stratification of theatre, dance and cinema attendance* / T.W. Chan, J.H. Goldthorpe // *Cultural Trends*. – 2005. – Vol. 14. – № 3. – P. 193-212.
6. DiMaggio P.J. *Have Americans' Social Attitudes Become More Polarized?* / P.J. DiMaggio, John H. Evans, B. Bryson // *American Journal of Sociology*. – 1996. – Vol. 102. – P. 690-755.

7. Fiorina M.P. *Polarization in the American Public: Misconceptions and Misreadings* / M.P. Fiorina, S.A. Abrams, J.C. Pope // *The Journal of Politics*. – 2008. – Vol. 70. – № 2. – P. 556-560.
8. Gans H. *Popular Culture and High Culture: An Analysis and Evaluation of Taste* / H. Gans. – Basic Books, 1999.
9. Linzer D. *poLCA: Polytomous variable Latent Class Analysis*. poLCA / D. Linzer, J. Lewis. – 2014.
10. Peterson R.A. *Changing Highbrow Taste: From Snob to Omnivore* / R.A. Peterson, R.M. Kern // *American Sociological Review*. – 1996. – Vol. 61. – *Changing Highbrow Taste*. – № 5. – P. 900.

РОССИЯНИН – ЧЕЛОВЕК АСЕМЕЙНЫЙ?

Карцева Л.В. (Казань)

Глобальное далеко отстоит от индивидуального, интимного. Границы мира, планеты затрагивают сознание представителей отдельных социальных групп – учёных, политиков, общественных деятелей, работников средств массовой информации и т.д. Однако «человеку с улицы» всё равно, что происходит на территории, удалённой от его дома. Демократизация и индивидуализация позволили сузить рамки информационного потока, расширившиеся в эпоху технических и технологических перемен в канун XXI века. Ныне подавляющим большинством граждан как наиболее значимое воспринимается локальное пространство. Отсюда вопрос о том, как соотносятся пласты мышления социального, общественного и сознания личного, единичного в отдельном индивиде.

На наш взгляд, единственная сфера, через которую социум входит жизнь и деятельность человека, - это сфера семьи. Согласно Я-концепции Э. Фрейда, включающей теорию лидерства, в личности человека, склонного к доминированию, сосуществуют Я политическое, Я сексуальное, Я психологическое, Я социальное, преодолевающее конфликты Я и Я семейное. Под семейным Я философ подразумевает умение человека преодолевать сложные жизненные ситуации, возникающее благодаря гармоничным отношениям с родителями. Мать и отец влияют на поведение ребёнка определяющим образом, и взрослый человек есть порождение его родительской семьи. [2].

Вопрос дня – формирует ли современное российское общество личность просемейную, обладающую тягой к семейному образу жизни, склонному к созданию собственной семьи. Рыночное общество в Российской Федерации, обновлённое событиями 1991 года, существует без малого три десятилетия, и оно нацелено на формирование личности материально и коммерчески ориентированной. Данный процесс затронул глобальный мир - и ведущие западные, и развитые восточные страны (например, Китай, Японию). Кроме того, рыночное общество заострено на демократические ценности, свободу в выборе духовных ориентиров, и здесь всё более активную роль играет поиск индивидом своей уникальности, отличий от всех других людей. На этом пути сексуальные игры мужчин и женщин становятся точкой отсчёта для принятия или отрицания ими брачных стратегий поведения, семейного образа жизни в целом.

Исследования, проведённые российскими демографами, свидетельствуют о том, что в брачно-семейной сфере ситуация стремительно ухудшается. Вероятность уйти от семьи в свободное существование в обществе для мальчика или девочки школьного возраста, а затем и периода получения профессионального образования усиливается год от года. Телевидение навязывает сексуальность, начиная с дошкольного возраста, что не может не вызывать беспокойства и тревоги у здравомыслящих людей.

Известен вывод о кризисе институтов брака и семьи в трудах российских исследователей. Аргументы в защиту данной позиции известны: от регистрации брака отказываются либо откладывают её на более старшие возрасты; равно приемлемой для всех возрастов стала форма сожительства; пары рожают детей вне брака; не иметь детей вообще не является ныне проблемой для молодых супругов; растёт доля бездетных и однодетных женщин, снижается доля семей с несколькими детьми. [1] Внешне всё выглядит так, словно российские граждане от семейности решили перейти к асемейности.

Однако научные прогнозы на вырождение российского народа не являются фатальными. Как пишет проф. Синельников А.Б., «низкую рождаемость и другие проявления кризиса семьи нельзя считать необратимыми тенденциями.....Связь между семьей и обществом носит

двухсторонний характер» [1, с. 16]. Иначе говоря, если общество захочет, оно может задержать формирующиеся тенденции, пересилить крен в сторону вырождения нации.

Так, несмотря на трудности, семья не отказалась от рождения последующих детей, а прародители не ушли от своей роли воспитателей младших поколений и при автономизации молодых семей. Пути решения проблемы автор диссертации о кризисе брачно-семейных и межпоколенных отношений видит в усилении роли средств массовой информации, учебных заведений, духовенства - православного и иного в формировании позитивного образа семьи с несколькими детьми. Будет правильно, если в обществе создастся негативное отношение к сознательной бездетности, произвольным разводам, к людям, оставляющим без должного попечения детей и пожилых родителей.

Данные выводы подтверждают и наши исследования, проведённые в Республике Татарстан в Казанском государственном институте культуры с ведущей посреднической ролью Государственного совета республики. Был проведён репрезентативный социологический опрос городского и сельского населения в Татарстане в 2016 году, на выборке $n=1406$ человек. Результаты исследования доказали: институты брака и семьи признаваемы и уважаемы населением во всём его многообразии. Преобладающее большинство опрошенных считают свои семьи благополучными, стабильными, отношения в них квалифицируют как доверительные (79,5%). Данный показатель является ключевым в нашем опросе. Куда меньшая часть респондентов сообщает о конфликтах, недоверчивом отношении друг к другу (18,3 %). Следовательно, как видно из ответов опрошенных, им нечего противопоставить семье. И статистика свидетельствует о сдержанном отношении к разводам в республике: цифры держатся на отметке меньше пяти разводов на десять браков. Три четверти респондентов состоят в браке, что само по себе обнадеживает.

Отношения между супругами почти в половине случаев характеризуют любовь, теплота (48,4 %), взаимоуважение и взаимопомощь (20,6 %). Детско-родительские отношения также наполнены любовью и теплом (38,0 %), взаимоуважением и взаимопомощью (25,8 %), терпимостью и пониманием (10,2 %). Между супругами и их родителями наличествуют любовь и теплота (28,7 %), взаимоуважение и взаимопомощь (16,8 %), терпимость и понимание (10,9 %). Между бабушками-дедушками и внуками любовь, теплота отмечена в 17,0 % случаев, взаимоуважение и взаимопомощь - в 5,6 %. Здесь наблюдается разрыв межпоколенных связей, характерный для современного общества. Однако положительным является тот факт, что изменений в лучшую или худшую сторону во взаимоотношениях полов и поколений респонденты не фиксируют. В данном случае стабильность в самочувствии семьи – явление более значимое, чем изменения.

Понимают опрошенные и то, что «...семейный образ жизни имеет неоспоримые преимущества перед несемейным» (76,0 %). Очевидно, что такое знание должно выходить за рамки семьи, поступать в сознание детей, подростков, юношества, быть доступным для молодёжи, выбирающей модель своей брачной и семейной жизни. К сожалению, в России нет обязательного предмета в системе общего среднего и среднего профессионального образования по ведению семьи. Инициатива Татарстанского регионального отделения Национального общественного комитета «Российская семья» о преподавании предмета «Семьеведение» в школах и техникумах России, поддержанная министерством образования и науки, Государственным советом Татарстана, пока медленно продвигается по вертикали вверх, в структуру федерального министерства образования и науки. Между тем Минобр Российской Федерации мог бы закрепить статус элективного или факультативного курса «Семьеведение» в системе образования, что стало бы точкой отсчёта в процессе формирования семейно мыслящей личности в противовес личности асемейной, фигура которой прочно закрепилась в молодёжной среде Западной и Восточной Европы, Соединённых Штатов Америки, Австралии и Новой Зеландии, упорно продвигается на территорию нашей страны.

1. Синельников А.Б. Кризис брачно-семейных и межпоколенных отношений и приоритетные направления демографической политики в России: автореф. дис.д. соц.н. – М., 2015.

2. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. – СПб.: Алетейя, 1998.

ПАРТНЕРСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ В СИСТЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА И ПАЦИЕНТОВ НА СЕЛЕ

Клейменов М.В. (Екатеринбург)

Партнерский тип взаимодействия реализует пациентоцентристскую ориентацию, в основе которой не только лечение заболевания, но и профилактические мероприятия, направленные на укрепление здоровья. Кроме того, для медицинского работника становится важным анализ факторов возникновения того или иного заболевания с учетом имеющихся у индивида предрасположенностей.

Следует отметить, что использование партнерского типа как в городе, так и в селе реализуется редко. Однако именно на селе с помощью собираемой в течение многих лет информации о конкретном жителе на основе сведений о его родителях, прауродителях, живущих в одном месте десятилетиями, можно без специальных исследований выявить их предрасположенность к болезням.

Однако для этого требуется, во-первых, длительное закрепление на селе медработников; во-вторых, создание специального банка информации о болезнях 2-3 поколений конкретных семей, проживающих в данной местности; в-третьих, наличие специалистов, способных заниматься вместе с пациентами проектированием и реализацией профилактики тех болезней, к которым они предрасположены.

Зарубежные исследователи Т. S. Szasz и М. Н. Hollender [1] определили партнерский тип взаимодействия врача и пациента как «совместное участие» по типу «взрослый-взрослый». В данном типе исследователи определили роль врача как вспомогательного персонала, а активность пациента рассматривается как фактор не менее важный, чем позиция врача. Пациент выполняет роль равноправного участника, обладающего правом совещательного голоса. Данный тип взаимодействия часто используется при лечении большинства хронических заболеваний и при психоанализе.

В 2016-2017 гг. нами было проведено исследование типов взаимодействия медицинских работников и пациентов. Эмпирический материал представлен данными анкетирования жителей сельских поселений Курганской области (N=300, квотный вид отбора) и сельских поселений Свердловской области (N=300, квотный вид отбора), а также полуструктурированного интервью с медицинским персоналом (сплошной вид отбора), работающим и проживающим в сельских населенных пунктах Курганской (N=6) и Свердловской (N=10) областей.

По нашим данным, каждый пятый сельский житель (21,2%) считает, что партнерство пациента и врача является фактором, повышающим эффективность лечения заболеваний. Роль этого фактора признается большинством опрошенных нами медработников, но отводимое по действующим нормативам время врача на прием пациента затрудняет успешную реализацию партнерского взаимодействия.

Однако только два опрошенных медработника из 16 ориентированы на постоянное проявление заинтересованности в таком типе отношений с пациентом. На наш взгляд, причина заключается в специфике организации лечения на селе: врач может ориентироваться на постоянный мониторинг состояния больного только в том случае, когда он нацелен на длительное проживание в том месте, где работает. Временный характер проживания ведет к тому, что указанная установка не возникает.

В ходе исследования мы выяснили, что сельским пациентам не удается в полной мере установить партнерские отношения с медперсоналом; причиной становится их неуверенность в выполнении взятых на себя обязательств по лечению и профилактике (89%). Пациенты полагают, что инфраструктура села (75%), а именно отсутствие в ней объектов, направленных на поддержание физического здоровья, становятся препятствиями реализации здоровьесберегающих практик. «Я может быть и занялась каким-нибудь видом спорта для поддержания своего здоровья, но где ж на селе этим заниматься, и с кем...» (женщина, 43 года). Кроме того, поддержание физической формы требует от сельчанина времени, которое он, как правило, в весенне-летне-осенний период проводит на приусадебном участке (58%). «А когда заниматься? Нужно картошку выращивать, да с хозяйством управляться» (мужчина, 51 год).

Вместе с тем, медперсонал убежден, что сельчане готовы к взаимодействию на принципах партнерства, поскольку поддержание здорового образа жизни зависит от желания пациента, его

дисциплинированности и ответственности. «Если пациент захочет, он сможет заняться собой и своим здоровьем...» (врач, стаж работы 43 года)

Опрошенные нами специалисты, с одной стороны, говорят о возможностях реализации партнерского типа взаимодействия, а, с другой стороны, весьма пренебрежительно отзываясь о необходимости насыщения информацией пациентов и их обучении стандартам и нормам здорового образа жизни. Как отмечает врач-терапевт: «как сказано, так и надо делать» (врач-терапевт, женщина, 67 лет). В скрытой форме среди врачей бытует мнение о пациентах как о взрослых, ведущих себя в состоянии болезни как дети, которых надо наставлять, а не учить.

Противоречивость в оценках медицинских работников партнерского типа взаимодействия объясняется их низкой готовностью решать сложные этические проблемы, а также выполнять определенные обязанности. Исследователи С.С. Macpherson и R.M. Veatch выявили, что студенты медицинских вузов не готовы однозначно решать сложные нравственные вопросы, связанные с уровнем информированности о реальном состоянии больного, особенно с тяжелой патологией. Например, выясняется, что болезнь прогрессирует и требуется резкий переход к иному образу жизни с большим перечнем ограничений. Большинство опрошенных (86% от рожденных на территории США, и 52% от рожденных в иных странах) высказались, что скажут больному о проблемах, поскольку утаивание является нарушением права пациента быть информированным [2].

Врач как «партнер» пациента действует с помощью убеждения, используя имеющиеся у него знания для выработки у больных установки на активную борьбу. Мы полагаем, что партнерский тип взаимодействия необходим для оптимизации российского здравоохранения, поскольку позволяет заменить стационарное лечение на амбулаторное за счет повышенного информирования населения об опасных заболеваниях, организации санитарно-гигиенического просвещения и профилактических осмотров, оказание психологической и социальной помощи для тяжелых больных [3].

Современная российская система медицинского обслуживания на селе имеет потенциал для развития партнерского типа взаимодействия между врачами и пациентами несмотря на тот факт, как показали результаты нашего исследования, что медицинский работник остается наставником для пациента и практически не участвует в формировании и воспроизводстве у него здоровьесберегающих практик. Важным видится дальнейшая реализация программы «Земской доктор», а также включение в нее специалистов среднего звена (медицинских сестер, фельдшеров), создающей предпосылки развития партнерства между медработником и пациентом в условиях медицинского обслуживания на селе.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 16-33-00008)

1. Szasz T. A contribution to the philosophy of medicine: the basic models of the doctor-patient relationship / T. Szasz and M. Hollender // Archives of Internal Medicine. – 1956. – № 97 (5). – Pp. 585–592. – URL: <http://www.conovers.org/ftp/The-Basic-Models-of-the%20Doctor-Patient-Relationship.pdf> (Accessed 15.02.2017)

2. Macpherson C. C., Veatch R. M. Medical Student Attitudes about Bioethics / C. C. Macpherson, R. M. Veatch // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. – 2010. – № 19. – Pp. 493–494. doi: 10.1017/S0963180110000381

3. Пьянзова Т. В. Мероприятия по повышению приверженности лечению больных туберкулезом в Российской Федерации / Т. В. Пьянзова, Н. Н. Вежнина // Медицина на Кузбассе. – 2014. – № 3. – С. 5–10.

МОДЕЛЬ МОТИВАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ТУРИСТОВ К ПРИЕЗДУ В Г. МИНСК В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ МАКСА ВЕБЕРА

Кобяк О.В., Андрос И.А. (Минск, Республика Беларусь)

Актуальность. Расширение въездного туризма является одним из приоритетных направлений развития экономики и социальной сферы Республики Беларусь. В стране реализуется государственная программа «Беларусь гостеприимная» на 2016–2020 годы. В рамках данной программы большое внимание уделяется развитию Минска, поскольку на столицу Беларуси приходится 55% всех въезжающих в страну туристов [1]. Необходимость выработки модели мотивации иностранных туристов к приезду в г. Минск (далее – Модели) связана с поиском оптимальных способов имиджевого позиционирования Минска [2, 279–285] в информационном пространстве Беларуси и зарубежья. Минск не располагает таким богатством культурно-

исторических объектов, как, например, Санкт-Петербург, где гостям города предлагается целая палитра «щедрых» туристических маршрутов, и не отличается столь впечатляющим разнообразием городского культурного пространства [3, 110–112]. Столица Беларуси очень сильно пострадала во время Великой Отечественной войны. После освобождения Минска 3 июля 1944 года в городе сохранилось не более 20% довоенной капитальной застройки [4, 20–21; 5, 70]. Мы не можем также похвастаться уникальными природными объектами, которые играют роль естественных аттракторов по отношению к туристическим потокам в других регионах (сказочно красивые рифы Красного моря, «золотые» песчаные пляжи и т.п.). Поэтому для Минска стратегически важно выработать механизм мотивации иностранных туристов, адаптированный к местным условиям и возможностям, который бы позволил гостям города максимально комфортно и эффективно воспользоваться имеющимися предложениями, набор которых с каждым годом расширяется. Ключевым компонентом такого механизма выступит «Карта гостя» – проект, который, в соответствии с утвержденным Мингорисполкомом планом, внедряет сегодня в городе УП «Мингорсправка» совместно с ИТЦ «Минск». В результате гости белорусской столицы уже в ближайшей перспективе смогут воспользоваться многофункциональным «помощником» в наилучшем решении вопросов, связанных, с пребыванием, посещением объектов, питанием и перемещениями по городу.

Теоретико-методологической основой Модели является теория социального действия Макса Вебера. В работе использованы целерациональный, ценностно-рациональный, аффективный и традиционный типы социальных действий для объяснения ведущих мотивов приезда иностранных туристов в г. Минск [6, 628–630]. Указанные идеальные типы являются основой четырёх ключевых компонентов Модели.

Методика. Используются принципы построения идеальных моделей, которые разработал В.А. Штофф: «...модели этого рода остаются мысленными, идеальными даже в том случае, если они воплощены в какой-нибудь материальной форме... Идеальный характер этих моделей не ограничивается только тем, что они выступают в виде модельных представлений, что они конструируются мысленно, в голове. Эти модели могут быть названы идеальными также и потому, что даже тогда, когда их элементы и отношения зафиксированы при помощи знаков, рисунков или других материальных средств, все преобразования в них, все переходы в другое состояние, все преобразования элементов осуществляются мысленно, т.е. в сознании человека, который опирается при этом на определённую семантику и пользуется логическими, математическими, физическими и другими специфическими правилами и законами. Без этого такие рисунки, чертежи, системы знаков и другие конструкции лишаются смысла и вообще значения моделей как образов действительности» [7, 26].

Построение модели. Модель содержит четыре основных компонента, которые связаны друг с другом в эволюционную цепочку. Каждый последующий компонент актуализируется, если успешно активизирован предыдущий.

Первый компонент представляет целерациональную мотивацию приезда. Экономическая целесообразность приезда заключается в получении туристом более дешевого лечения и/или хорошего отдыха при сохранении аналогичного объема и ожидаемого (или более высокого) качества услуг, чем в другом регионе. Например, русскоговорящим туристам не нужно адаптироваться к местной языковой среде. Удобное географическое положение Минска и развитая транспортная инфраструктура города снижают дорожные издержки гостей из прилегающих стран.

Второй компонент представляет целерационально-аффективную мотивацию приезда. То есть, если прошлый визит запомнился положительными переживаниями, то наряду с экономическим интересом включается механизм «эмоциональной памяти» [8, 21], который повышает вероятность того, что турист захочет еще раз приехать туда, где ему/ей было приятно находиться. Анализ отзывов российских туристов в различных интернет-источниках показал, что основными атрибутивными характеристиками Минска являются чистота и порядок, безопасность, более спокойный и размеренный темп жизни (по сравнению с Москвой), взаимное уважение водителей и пешеходов и т.д.

Третий компонент представляет целерационально-аффективно-традиционную мотивацию приезда. Если экономический интерес и механизм эмоциональной памяти поддерживают второй компонент в активном состоянии, то есть гость(я) приехал(а) и во второй и в третий раз, то это может стать привычкой и закрепиться в форме социального стереотипа. Например: «Каждый Новый Год мы в Минске!» или «Каждый год отправляю своих детей в летний лагерь под

Минском...». При этом, что характерно, роль экономического интереса в поддержании мотивации к приезду ослабевает, а сила привычки, напротив, увеличивается.

Четвёртый компонент представляет ценностно-рациональную мотивацию приезда. Формируется культурный базис для визитов. В этой ситуации гость(я) приезжает уже не столько в силу привычки, сколько по причине того, что «душа просит», «тянет...». Здесь уже почти нет места для прагматики. Есть глубинное, устойчивое стремление. Это стремление может быть обусловлено тем, что человек находит в естественной природной среде, в объектах материальной культуры и/или в социальном окружении что-то очень родное и близкое, то, к чему периодически хочется прикоснуться, то, что очищает и успокаивает, то, что даёт силы справляться с жизненными трудностями. Самая сложная задача – это сформировать целевую аудиторию таких гостей. А «Карта гостя» будет в информационном, организационном и экономическом планах способствовать решению данной задачи.

Главный вывод. Базовая модель мотивации иностранных туристов к приезду в Минск может быть развёрнута по эволюционному вектору: целерациональный (вначале есть утилитарная причина, т.е. прагматика) → целерационально-аффективный (прагматика + эмоциональный позитив по результатам пребывания) → целерационально-аффективно-традиционный (прагматика + эмоциональный позитив + привычка) → ценностно-рациональный (прагматика + эмоциональный позитив + привычка + ценностная значимость). Достижение на практике активизации четвёртого, самого высокого компонента Модели обеспечивает устойчивое воспроизводство трёх предыдущих. Другими словами, если в Минск будут регулярно приезжать многочисленные иностранные туристы «по зову сердца», то гости с «прагматичной», «эмоциональной» или «привычной» мотивацией будут «подтягиваться автоматически». Данную Модель можно адаптировать к городам, в которых сохранилась невысокая доля (до 20%) исторической застройки.

1. Плис, Е.П. Проект «Минск» / Е.П. Плис // В Минске обсудили проекты по развитию въездного и внутреннего туризма в Беларуси // ТИО.ВУ [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.tio.by/info/novosti/V-Minske-obsudili-proekty-po-razvitiyu-vezdnogo-i-vnutrennego-turizma-v-Belarusi/>. Дата доступа: 04.10.2017.

2. Шифрин, А.Е. Особенности глобальной сети Интернет как среды для имиджевого позиционирования художественной культуры / А.Е. Шифрин // Культура. Наука. Творчество: Материалы Междунар. науч.-практич. конф., Минск, 29 – 30 мая 2013 г. / Белорусский государственный университет культуры и искусств. – Минск: БГУКИ, 2013.

3. Кобяк, О.В. Городское культурное пространство / О.В. Кобяк // Экономико-социологический словарь / сост.: Г.Н. Соколова, О.В. Кобяк; науч. ред. Г.Н. Соколова. – Минск: Беларусь, 2013.

4. Минск: Энцикл. справочник / Редкол.: И.П. Шамякин (гл. ред.) [и др.]. – 2-е изд., доп., перераб. – Минск: Бел. Сов. Энциклопедия, 1983.

5. Мы расскажем о Минске / С. Граховский, Вл. Карпов, Р. Соболенко, Т. Хадкевич; худ. В. Шарангович. – 2-е изд., доп., перераб. – Минск: Изд-во «Беларусь», 1966.

6. Вебер, М. Избранные произведения: Пер. с нем. / М. Вебер / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990.

7. Штофф, В.А. Моделирование и философия / В.А. Штофф. – М. – Л.: Наука, 1966.

8. Дейнека, О.С. Экономическая психология: Учеб. пособие / О.С. Дейнека. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2000.

ОБОСНОВАНИЕ СОХРАНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ Ю. ХАБЕРМАСА

Линде А.Н. (Москва)

В социальных науках проблема нарушения развития «личности» и её отчуждения от подлинного «я» структурами власти является особо значимой. Остро стоит проблема напряжённых отношений между многосторонней жизнью, свободой, независимостью человеческой личности и разрастанием технократической власти, развивающейся за счёт отчуждающего по отношению к личности управления постиндустриальными обществами.

В современной философии представлены разные направления, противоположно определяющие сущность личности, её место и роль в обществе. Юрген Хабермас разрабатывал вопрос сохранения человеческой личности. Он утверждал, что изначальная сущность личности человека и личностное утверждение им своей самости невозможно без контекста

«обеспечивающих идентичность картин мира и систем морали» [4, 193], переживаемых и принимаемых ценностей и убеждений.

В феноменологии было доказано, что по своей природе человеческое сознание не является сконструированным продуктом воздействия существующих структур внешних условий, а обладает суверенным значением. Э. Гуссерль утверждает, что познанию человеком действительности предшествует существующий для него «жизненный мир»: совокупность непосредственных представлений людей о себе, окружающем мире, субъективных норм, ценностей, религиозных предпочтений, сформированных в повседневном жизненном опыте. Ценности обуславливают, восприятие человеком действительности.

Но в постиндустриальных обществах к нарушению целостности личности приводит механическое внедрение в сферу жизненного мира искусственно формируемых администрацией систем норм, ценностей, программируемых в сознание через систему СМИ, сконструированную идеологию. Нарушается воссоздание естественных норм и ценностей, сознание человека подчинено потоками программируемой информации, а к самой сущности человеческой коммуникации применена стандартизация, подключающая её к системам капитала, власти. Эти проблемы могут привести к разрушению осмысленности человеческой жизни. Рассмотрим проблему подробнее.

Системно-функциональный подход (Парсонс, Истон, Луман и др.) предполагает следующую проблему. Представители подхода целенаправленно вообще исключают самостоятельную человеческую личность как независимую переменную в своём анализе:

1. Методология системного подхода сформировалась под влиянием кибернетики. В кибернетике Н. Винер предложил научно-техническое понятие «системы». Сущность "системы": в технике или организме элементы способны складываться в общую систему, обладающую свойством эмерджентности, новые свойства образовавшейся системы несводимы к свойствам её отдельных элементов. Но очевидно, что общество нельзя определить как некую единую биосистему.

Но в системном анализе общества, понимаемом как эмерджентная совокупность элементов, точно не определена роль отдельной личности. Она будет пониматься, только как один из элементов системы, что противоречит существенным принципам демократии. Такой подход приведёт к технократическому, авторитарному управлению обществом.

2. Так как методологически системный подход определяется точными науками, в нём есть проблема качественного изучения индивидуального сознания личности и смыслового уровня жизни общества.

В крайнем развитии системного подхода сознание человека определяется как функция, средство коммуникации, через которое транслируется информация для воспроизведения системы, только «медиумом для коммуникации как для формы» [2, 122].

3. Технократическое, системное управление обществом опасно тем, что приводит к отрицанию человеческой личности.

Для поддержания порядка и управленческих задач, в системном подходе и человеческая деятельность становится предметом рационального управления, как «материал... люди, подобно объектам, принуждаются к исчисляемому поведению» [3, 6]. Н. Луман нивелирует субъекта до побочного последствия общих технических селективности выбора и "возможностей принятия решений" [4, 213] первичной по происхождению системы, в его подходе реальна только "система", а: окружающий мир, общественные отношения, субъекты отношений - всего лишь зависимые переменные выбора административной системы, релятивирующей всё остальное. Подход противоречит духовным ценностям христианства и мировых религий, ключевым постулатам Просвещения, и несёт отрицающий субъектность антигуманистический потенциал.

Н. Винер установил опасность использования такой политической техники отдельной группой для «господства над остальной человеческой расой... лидеры могут попытаться управлять народом посредством политической техники... Господство машины предполагает общество... где статистические различия между индивидуумами равны нулю" [1, 184].

Следовательно, необходим подход, сохраняющий независимое сознание человека, его культурно-смысловой жизненный мир. В подходе Хабермаса утверждается сохранение смысловых, ценностных основ существования личности, он направлен на эмансипацию человеческого сознания и противопоставляется негативному процессу бюрократического управления.

"Критическая теория" Хабермаса для анализа непосредственного взаимодействия граждан и их "жизненного мира" использует понимающую герменевтико-феноменологическую методологию и аналитическую философию языка, представляет собой «позитивный» проект.

"Жизненный мир" особенно важен для эмансипации личности, т.к. он одновременно является основой конституирования культуры личности, групп и конструируется ими лично. Жизненный мир основывается на взаимопонимании. Хабермас устанавливает, что взаимопонимание и взаимодействие являются основой существования общества, важнейших социальных сфер: "культурного воспроизводства, социальной интеграции и социализации" [6, 5], семьи, образования и др.

Средством достижения, сохранения взаимопонимания является коммуникативная рациональность, она утверждается не за счёт эффективности, эмпирического познания, а взаимопонимания, консенсуса и согласованности между людьми. В коммуникативном действии акторы преследуют достижение цели, но при взаимном согласии, равенстве, взаимопонимании, стремлении принять точку зрения Другого, существовании договорённости, только при которой они могут преследовать цели. Они определяются при восприятии, в ходе обсуждения, ставшего после обмена точками зрения общего, intersubjectivного смысла действия.

Взаимопонимание достигается не через внешнюю к индивидам системную интеграцию, а непосредственную, межличностную, общесоциальную коммуникацию. Коммуникативное действие позволяет гражданам ориентироваться на консенсус друг с другом, обосновывая дальнейшее направление развития политики.

Проводником коммуникативной рациональности становится "публичная сфера", в которой происходит формирование общественного мнения и "процесс коммуникативного производства легитимной власти" [5, 203].

Поэтому, Хабермас развивает "контрактуалистский" подход: государственный строй должен обсуждаться и определяться всем обществом. В оригинальной концепции делиберативной (от англ. *deliberate* – обсуждать, обдумывать) демократии предлагается расширить власть гражданского общества и его влияние на государственную власть при помощи процедуры рациональной дискуссии.

Разграничение системы и жизненного мира важно со следующей точки зрения. В системном подходе власть стремится к созданию определённого типа общества, человека, соответствующего общественному устройству, с целью воспроизводства системы. В делиберативной демократии, напротив, само общество развивается, раскрывается свобода личности, так как все группы могут представить свои ценностные представления о совместной жизни сообщества, защитить точку зрения в обсуждении.

Тогда, именно личное человеческое «я» и intersubjectivно осознаваемое «мы» социальной группы предшествуют созданию социальных, государственных институтов и определяют понимание их сути.

Поэтому, при развитии подхода Хабермаса на практике обеспечивается сохранение изначальной, независимой человеческой личности, основывающейся в структурах её культурного, нормативно-ценностного «жизненного мира» в современных постиндустриальных обществах.

1. Винер Н. Человеческое использование человеческих существ: кибернетика и общество // Винер Н. Человек управляющий. – СПб., 2001. С. 3-196.
2. Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-традиция, 2009, 320 с.
3. От критической теории к теории коммуникативного действия. Эволюция взглядов Ю. Хабермаса. Тексты (сост.: Алхасова А.Я.) Ульяновск: УлГТУ, 2001. 150 с.
4. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010, 264 с.
5. Habermas J. Die Moderne — ein unvollendetes Projekt: Philosophisch-politische Aufsätze 1977—1990. Leipzig: Reclam Verlag, 1990. 254 S.
6. Habermas J. The theory of communicative action. Boston, Beacon Press, 1984, VI. 1-2. 782 p.
7. Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997, 1164 S.

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА КАК АГЕНТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: СПОНТАННОСТЬ VS УПРАВЛЯЕМОСТЬ

Маркеева А.В. (Москва)

Нарастание недовольства масс населения практически во всех странах мира, нарастание политической и экономической нестабильности и новые технологические возможности, прежде всего, активная включенность в социальные медиа, позволяющие быстро мобилизовать людей для выражения протеста, для активных, в том числе и насильственных действий акций в физическом пространстве, актуализирует потребность в изучении сетевых сообществ, их возможности стать ведущими агентами социальных изменений. Интернет все чаще рассматривается как пространство для формирования протеста и мобилизации активных слоев населения для выражения этих протестных настроений оффлайн. Для российской ситуации эта тема актуализируется, с одной стороны, ростом базы для развития сетевых движений, по данным Mediascope, в марте 2017 года российская интернет-аудитория составляла 87 млн человек (71% от всего населения страны)[1], а с другой – разворачивающейся президентской кампанией 2018 года.

Росту гражданских инициатив благодаря развитию сетевых сообществ, распространению различных форм совместной деятельности на онлайн-платформах посвящено достаточно большое количество научных работ и исследований (М.Кастельс, К.Ширки, С.Буешлер, К.Опп, Е.Морозов, Д.Волков и др.). В последние годы наблюдается усиление активности сетевых сообществ в решении как локальных, так и глобальных проблем: они определяют «повестку дня» развития городов и организаций, за счет развития различных форм коллаборативной работы и распространения нерыночных форм обменов (sharing) пытаются решить проблемы бедности, экологии и стимулировать развитие социального предпринимательства, генерировать и распространять новые знания. Безусловно, сетевые сообщества становятся активными участниками политических процессов, катализируют процесс мобилизации масс в «цветных революциях», определяя характер и быстроту распространения идей (референдум об отделении Каталонии, Брексит и т.д.), становясь основным инструментом создания общего информационного поля, донесения информации для широких пользовательских аудиторий (выборы в США). Но ключевой вопрос, так ли эти сообщества самоорганизуются и самоконтролируемы? Насколько они свободны? Или формат объединения, способ мобилизации, простота входа и выхода не более, чем «ширма» (видимость), за которой скрывается управляемый, хорошо режиссируемый и модерируемый процесс.

Наверное, однозначного ответа на эти вопросы нет: просто потому что пространство интернет-коммуникаций дает возможность реализации как спонтанных, стихийных инициатив, так и хорошо спланированных управляемых стратегий. Однако очевиден тот факт, что многие субъекты (государственные органы, правящие и оппозиционные политические партии, простые пользователи, стремящиеся донести свои идеи миру, коммерческие организации и т.д.) заинтересованы в управлении интернет-сообществами, в том, чтобы поставить процесс самоорганизации сетевых движений под контроль. И это выражается не только в запретительных действиях, попытке тотального контроля над любыми действиями в сети (государственные программы «Золотой щит» в КНР, пакеты Яровой в России и т.д.). На смену этим традиционным формам контроля (крайне недейственным в отношении многих современных информационных технологий), приходят «мягкие», «невидимые» для объектов воздействия социально-гуманитарные технологии. И тогда внешняя свобода, и спонтанность гражданских инициатив превращается в хорошо спланированную, точно просчитанную на основе применения Big data, современную технологию управления общественным мнением. Технологию, в которой аналитические системы сбора информации позволяют не только эффективно мониторить социальные медиа, но за счет создания фейковых профилей таргетировано вбрасывать и управлять «разрозненными» мнениями простых пользователей.

Технологии, в которой заимствованные из маркетинговой практики инструменты и методы позволяют превратить любое действие, инициативу сетевого сообщества в медийный спектакль. Спектакль, где содержание инициативы, сущность проблемы уводятся на второй план, а сама борьба превращается в очень привлекательные для молодых аудиторий, но бессодержательные «войны мемов», «баттлы», «челленджи», «твиттер-дебаты» и т.д. Причем в духе постмодерна – логика данных медийных спектаклей делает выгодоприобретателями и тех, кто их продуцирует и управляет, и тех, против кого они направлены. Например, действия сторонников и противников

А.Навального, связанные со срывом митингов и обливанием зеленкой, позволять противникам оппозиционера отводить вопрос от содержательного рассмотрения претензий к власти, а самому А. Навальному и его сторонникам привлекать широкую молодежную аудиторию, для которой форма предоставления информации заменяет ее содержание. Аудиторию, которая глубоко не вникает в содержание противоречий – но «кликает», «репостит», «комментирует»...

Еще одна важная сторона – это влияние коммерческих организаций на управление гражданскими инициативами в сети. Бизнес быстро понял желание молодого поколения (Y, Net) изменять мир, и именно за счет активного развития, инициирования сетевых сообществ предоставлять им возможность реализовать свои желания: организывает технические платформы для краудсординга и краудфандинга, финансирует сетевые общественные движения, развивает площадки обменов знаниями, товарами, услугами, идеями и т.д.. Но под этими действиями формируется и продвигается новая бизнес-модель, где продажа идеи, её формирование и распространения среди пользователей, основывается на самоорганизующихся механизмах сети (интерес, быстрота распространения, мобилизация сторонников, жесткая дискуссия с оппонентами и т.д.), но за продажами идей, в конечном счете, стоят коммерческие интересы компаний. В этой связи очень характерен пример с сетевыми сообществами, связанными с борьбой с ценностями общества потребления. В этой связи показательна, «идеологическая борьба» сторонников Slow Food Movement против индустрий Fast Food. За всеми кажущимися противоречиями, столкновениями двух общественных движений стоят интересы производителей продуктов питания, компаний ресторанной и рекламных индустрий. Так, все чаще правильные и необходимые гражданские инициативы решают задачи бизнеса по извлечению прибыли.

Следует указать, что приведенные примеры не отрицают наличия в сети значительного количества реальных проектов, построенных и реализуемых инициативными группами и командами, преследующих целью решить локальные или глобальные социальные проблемы. Хотелось бы привлечь внимание к тому, что во-первых, часто самоорганизация – это лишь видимость хорошо управляемого процесса, а во-вторых, за попытками придать излишнее внимание самоорганизации, демонизировать сетевые сообщества, их угрозу в дестабилизации политической и экономической ситуации скрывается желание взять формируемые сетевые сообщества под контроль.

Так, по мнению ряда видных российских социологов, именно сейчас в среде российских интернет-пользователей формируется запрос на радикальные социальные изменения [2]. Однако этот прогноз в преддверии президентской кампании 2018 года может быть связан не столько с реальным ростом протестного потенциала в сети, их нарастающей самоорганизующейся силой, сколько с формированием новой стратегии ведения политической борьбы, с желанием ряда политических сил под лозунгом «радикализации интернет-пространства» продвинуть ряд мер, законов, проектов, связанных с контролем над интернет-коммуникацией.

1. Данные Mediascope <http://mediascope.net/> (дата обращения 05.10.2017)
2. ВЦИОМ: Россияне хотят перемен URL: <https://rueconomics.ru/266491-vciom-rossiyane-hotyat-peremen> (дата обращения 07.10.2017)

НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ, ИННОВАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ И КОНКУРЕНТНОСПОСОБНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНЕ

Мельник В.В. (Тюмень)

Аннотация

Новая индустриализация, как двигатель пятой и, последующей шестой технологических революций, стала своеобразным брендом политического и экономического дискурсов в странах Европы, США и России где центром обсуждения стали новые промышленные отрасли и технологии. Акцент в технологическом развитии все больше переносится с национального на региональный уровень, который призван обеспечить условия, как для инновационного развития экономики, так и широкие поля для ее конкурентноспособности, где талантливая молодежь должна располагать не только современным рабочим местом, но и возможностями формирования компетенций для работы в новых отраслях.

Новая индустриализация утвердила себя, как ключевое понятие в современном мировом экономическом и политическом дискурсе о технологических революциях, счет которым идет, как на аукционе: ... четвертая, пятая, шестая... . Дискурс велся, начиная с Европейского Союза, переходя за океан, и воспринят Россией в национальном обличье, под термином «новый

технологический уклад», под которым рассматривается комплекс информационно-коммуникационных, биоинжиниринговых и нанотехнологий. [1].

Инструментом наших соседей – ЕС, в овладении современной НТР, является глобальная политика, утвержденная еще в 2014 году, в Коммюнике, под романтическим названием «За Европейский индустриальный ренессанс» [2]. Отметим лишь его основные тезисы, которые связаны с темой нашей статьи. Первое, это внедрение региональных механизмов в поддержку инноватики и расширение сферы промышленной конкурентоспособности. И второе, развитие сферы профессиональной квалификации (компетенций) работников в шести новейших отраслях: микро и наноэлектроника, нанотехнологии, промышленная биотехнология, новые материалы и технологии производства. Как следует из статей Коммюнике, ЕС считает, что для их развития достаточно талантливой молодежи для овладения новыми компетенциями.

Понятно, что Россия вынуждена торить свой путь в технологические миры, что требует определенного теоретического и эмпирического осмысления реалий, в том числе на региональном уровне. Отправной точкой методологических оснований изучения и оценки уровня развития территориальной системы, ее движения к технологическим и социальным инновациям пятого технологического уклада, как того требует принятая Стратегия научно-технологического развития страны (2016г.) [3], является изучение основных факторов этого процесса - роли региона в создании необходимых для этого условий, а также основных факторов деятельности акторов инноватики и их конкурентоспособных преимуществ. Предпосылка этого процесса то, что талантливая молодежь в нашей стране, также в наличии. Наиболее широким концептуальным аспектом изучения обсуждаемых процессов, является системный подход, который позволяет воспроизвести все структурные элементы, особенности и связи для определения целостности и направленности инновационной деятельности в регионе. Анализ литературы показывает, что одно из основных исходных современных понятий в данном исследовательском поле это НИС – Национальная инновационная система. Этот подход применим и к РИС – региональной инновационной системе. Более того, например, Н.И. Лапин подчеркивает роль регионов, именно как субъекта Российского государства и общества, в становлении национальной инновационной системы, что принципиально для Тюменской области, где уровень промышленного развития, вырос к настоящему времени, более чем на 70% за последние 10 лет, с появлением нескольких новых, для России в целом, отраслей, как базы инноватики и роста конкурентоспособности. Но не только. Регион, как сообщество жителей, это самоорганизующаяся подсистема, факторами которой выступают «...как социетальные, так и локальные институты, традиции, обычаи» [4]. Именно социетальность, в отношении инновационной деятельности и конкурентоспособности, стали предметами нашего исследования.* Использование широкого социокультурного, антропосоциального подхода, по нашему мнению, расширяет понимание взаимодействия всех факторов РИС и характер ее развития на континууме «технологические – социальные» инновации. Как нам представляется, этого требует и преобладание определенного технико-экономического «детерминизма» в оценке и исследовании проблем технологических революций, что требует и серьезной социологической проработки. Исследуя инноватику, А. Грублер предложил вычленять в ней триаду — изобретение, инновацию и диффузию, где инновация - процесс начального внедрения изобретения, лишь база для вероятных изменений. И только процесс диффузии, по его мнению, преобразует этот потенциал в изменение социальной практики [5]. Основные переменные (характеристики) процесса диффузии свойственные РИС, были предложены в парадигмальной матрице Э.М. Роджерса: «Диффузия, это процесс, посредством которого инновации передаются по определенным каналам, во времени, среди членов социальной системы» [6]. Как коммуникация она определяется пятью стадиями, которые позволяют нам эмпирически измерить этот процесс: осведомленность, интерес, оценивание, апробация, усвоение. В

* 1. Региональный анкетный опрос населения (ХМАО-Югра, Ямало-Ненецкий АО, Юг Тюменской области, 2013 г.) в активном трудоспособном возрасте. Объем выборки составил 1844 человек (См.

*2. Исследование по выполнению государственного задания Минобрнауки России «Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодёжи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики» проект № 28.2941.2017/4.6

нашей интерпретации и операционализации это означает: 1) осведомленность-информационная мощность РИС на континууме «наличие - отсутствие» необходимой информации (патентная база, например); 2) интерес — социокультурная характеристика региональной РИС, включающая отношение, ценности и мотивацию; 3) оценивание — итог экономического или

социального приспособительного результата региональной системы в настоящем и будущем; 4) апробация – технологические возможности по предметному воплощению и экспериментальному использованию инновации; 5) усвоение – использование инновации в соответствующих отраслевых структурах и сферах жизнедеятельности.

В силу заданного объема статьи, мы ознакомим читателя лишь с некоторыми, по нашему мнению, принципиальными эмпирическими характеристиками РИС [7]. Анализ данных показал, что участие населения в инновационной деятельности может быть оценено именно как социетальное, поскольку более 12% населения региона принимает участие в производстве инновационного продукта или услуги. Более того, женщины и мужчины участвуют в процессе практически одинаково (50,2 % и 49,8 % соответственно). Подчеркнем преобладание младших возрастных групп - 42,5% участников инноватики до 30 лет. Однако возраст не является единственным фактором активности. Данные показывают, что тюменский региональный социум характерно позитивен к процессам инновационного развития. Лидерами сфер информационных технологий в РИС (в%% к числу опрошенных), являются: интернет-88,6; сотовая связь-86,8; банковские карты-65,8; оплата с банковских терминалов-41,0; цифровое телевидение-35,1; фильтры очистки воды-33,2; планшетные компьютеры-25,8; запросы справок по электронным базам-19,9; Интернет-покупки-19,3; цветные принтеры-12,1. Предметная направленность инноватики тюменского социума отмечается: в сфере новых услуг и новых технологий, соответственно 42,9 и 34,4 %% ответов респондентов; на третьем месте, новый продукт - 22,6 процента; создание нового бизнеса/фирмы - 15,6 и 12,7 %% соответственно. Финализация диффузионного процесса в пространстве РИС, отмечена респондентами в потенциальном уровне использования указанных выше новшеств, (в %% к числу ответивших): использование в организации-56,8%; использование в отрасли-31,4%; личное использование-25,9%; использование региональным рынком-19,5%; экономикой страны-11,8%. Анализ инновационной активности в рамках организационно-правовых форм, вывел в лидеры государственные и муниципальные предприятия, за которыми следуют частный бизнес и совместные предприятия. Факторами, стимулирующими личное участие в инновационной деятельности, на уровне предприятий/фирм, являются тройка организационно-производственных: новые методы управления; новые программные продукты; новые профессии. Наиболее значимыми факторами диффузии на уровне РИС являются: моральное одобрение - 63,9%; техническая -22,4%; финансовая -20,5%; и административная - 19,0 % виды поддержек инноваторов.

Разведовательное исследование конкурентноспособности работающей молодежи, выявило как личностные, отраслевые (производственные), так и региональные факторы ее характера. Прежде всего, оно подтверждает тезис талантливости молодежи. Согласно самооценке, более 90 % молодых работников (до 30 лет), 21 предприятия области, считают себя конкурентноспособными. Феномен данного уровня подтверждается несколькими важнейшими факторами. Среди них: владение смежными профессиям – 63,3%, возможность постоянного повышения квалификации - 76 % опрошенных, высокой производственной инновационной активностью конкурентноспособных (до 50 % ответов), с высокой степенью функциональной дифференциации: генераторы идей, «прототиписты», «документалисты», маркетологи. Однако требуется «накопление» профессиональных компетенций, поскольку достаточного их объема у 43,3% молодых работников, для успешной конкуренции недостает. Важнейшей проблемой отраслевого рынка труда является отсутствие системы селективности набора персонала и где высока вспомогательная роль Вузов региона. Проблемой кадрового обеспечения организаций, является и отказ в приеме на работу данной категории молодежи, по причине отсутствия опыта работы по полученной профессии и трудового опыта (54,1% ответов), низкого уровня зарплаты и подходящих рабочих мест (36,7% ответов). Вместе с тем, в оценке стратегии организаций, по требованиям к рабочему месту по формированию конкурентных преимуществ, по семи анализируемым отраслям, доминирует фактор «высоко квалифицированного работника», за которым следуют «новые конкурентные идеи» и «современный менеджмент».

В заключение отметим, что стратегия технологического развития Тюменского региона, а также развитие РИС осуществляется по накопительному типу, в рамках модели "центр—периферия" (Д. Шон) [8], когда распространение инноватики осуществляется и контролируется из одного центра, с постепенной их мультипликацией по территории.

1. Глазьев С.Ю. Мировой экономической кризис как процесс смены технологических укладов / С. Глазьев // Вопросы экономики. – 2009. – № 3.

2. <http://ec.europa.eu/growth/industry/policy/renaissance/>

3. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».40.
4. Лапин Н.И. Регион, его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 25-34.
5. Grubler A/ Time for a change: On the pattern of Diffusion of Innovation///Deadalus, 1996, №1.P.19-42.
6. Rogers El. Diffusion of Innvation/ 3 ed. N.Y.: Free Press, 1983.
7. Социетальность инноватики: коллективная монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2014. 352 с.
8. Schon D. Beyond the Stable states. N.Y.: Norton, 1971

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ – АКТУАЛИЗАЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ВОСТРЕБОВАННОСТИ VS ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОЦЕНКА РАЗВИТОСТИ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ

Меньшикова Г.А., Евстратчик С.В. (Санкт-Петербург)

Аннотация

Дополнительное профессиональное образование (ДПО) как важнейший элемент трудового процесса становится обязательной потребностью современного работника. Трудно найти такую профессию (рабочее место), для которой знания и квалификации, полученных в ходе основного (высшего или среднего специального) образования, хватило бы на трудовую жизнь работника (продолжительный период).

Используя систему критериев оценивания уровня институциональности по С. Хантингтону, предлагаем оценить ее современный российский вариант. Трансформируя его модель, включающую: адаптивность – ригидность, сложность – простоту, автономию – подчинение, сплоченность – раздробленность, нами предложены следующие направления оценивания: уровень охвата работника различными формами повышения квалификации (1), динамика развития и разнообразие институциональных форм получения профессионального обучения (2), законодательное оформление системы (3), наличие системы общественного контроля за качеством обучения и объемом предлагаемых ими для слушателей компетенций (4).

Постоянное совершенствование процесса и качества труда, расширение круга освоенных работниками профессиональных компетентностей - востребовано и работником, и предприятием, и обществом. Дополнительное профессиональное образование (ДПО) как важнейший элемент трудового процесса становится обязательной потребностью современного работника. В современном производстве трудно найти такую профессию (рабочее место), для которого знания и квалификации, полученных в ходе общего профессионального образования, хватило бы на трудовую жизнь работника (продолжительный период). Дополнительное образование превращается в одну из социальных потребностей работника. Оно гарантирует ему нормальное самочувствие, позволяя ему выполнять все трудовые функции и уверенно чувствовать себя на рынке труда. Оно обеспечивает коммуникативные требования, обеспечивая минимальный уровень компетенций, необходимых для социального самочувствия: умение использовать коммуникации в общении с государственными органами, а также для общения с друзьями через сетевые каналы. Знание языков облегчает организацию туризма и путешествий, формирует контакты с иностранными друзьями и коллегами.

Чтобы облегчить и упорядочить процесс дополнительного профессионального образования все страны мира совершенствуют систему подготовки специалистов, дифференцируя формы передачи знаний и навыков, юридически закрепляя требования к качеству подготовки, фиксируя факт обучения соответствующими документами, а также оценивая уровень квалификации работника особыми званиями, разрядами, дипломами. Они активно изучают ее, сравнивая и оценивая модели ее организации в разных странах, что фиксируется в отчетах международных (региональных) организаций, например ОЭСР, МБРР. Авторами этой публикации изучены примерно 10 отчетов, сравнивающих ДПО в разных странах, не говоря уже об отчетах из серии «Education at Glance», описывающих ситуацию в странах мира. Издаются специализированные журналы по данной тематике:

Российские исследователи осознают значимость проблемы. В подтверждение тезиса приведем емкое определение сути профессионального образования, предложенное одним из крупнейших специалистов в области российской образовательной системы - Байденко В.И. Он, правда, применительно к системе школьного обучения, определяет его так: это - «образование, предназначенное для развития мотивации личности к познанию и творчеству, реализации

дополнительных образовательных программ и услуг в интересах личности, общества, государства; обеспечения необходимых условий для личностного развития, укрепления здоровья и профессионального самоопределения, творческого труда детей, формирование общей культуры содержательного досуга, адаптации к жизни в обществе». [Байденко В.И. Образовательные стандарты. Опыт системного исследования, Новгород, изд-во Новгородского университета, 1999, 440 с.] При этом собственно российские публикации, оценивающие качество работы (современный уровень институционализации) системы ДПО, практически отсутствуют. Некоторым «прорывом» можно считать публикации двух статей в журнале «Социологии и социальной антропологии» [1,2].

Рассматривая систему дополнительного профессионального образования с позиций его институционального соответствия возможностям и потребностям общества, воспользуемся критериями институционализации, разработанными для политических институтов С.Хантингтоном [3]. К ним он относит: адаптивность – ригидность, сложность – простоту, автономию – подчинение, сплоченность – раздробленность. Учитывая специфику дополнительного профессионального образования, их можно ретранслировать в четыре критерия: сложность – простота, молодость-зрелость, адаптивность – ригидность (понимая под последним, соответствие требованию внешней среды) и рутинность - инновационность (предполагающее оценку современным требованиям общества/производства). В конечном итоге они могут включать следующие направления оценивания: уровень охвата работника различными формами повышения квалификации (1), динамику развития и разнообразие институциональных форм получения профессионального обучения (2) законодательное оформление системы (3), наличие системы общественного контроля за качеством обучения и объемом предлагаемых ими компетенций (4).

Приведем выводы, полученные нами в рамках анализа по каждому из названных критериев.

1. Институциональная зрелость системы ДПО (критерий «адаптивность-ригидность»)

Эта пара критериев (исходя из подхода С.Хантингтона) связана с тем, что в ней за высший уровень признается система, которая существует длительное время и выявила способность к адаптивному приспособлению к изменениям внешних условий. Взяв за основу оценки длительности ДПО систему общего образования, и, используя ее периодизацию, предложенную Карамзиным Е.В [Караман Е.В. Институционализация корпоративного образования в современной России, автореф. Дисс. На соиск. Уч.ст.к.соц.н., Екатеринбург, 2009, с. 15.], можно увидеть, во-первых, ее относительно длительную историю, и во-вторых, – ее адаптивность, т.е. приспособляемость к внешним условиям. Она под воздействием внешней среды (типа производственных отношений в обществе) перестраивалась (например, при создании и распаде СССР), переходя с одних доминирующих акторов (фирмы) на другие (государство). При этом, нельзя не признать, что современная система не достигает востребованного обществом потенциала.

2. Институциональная развитость системы (критерий «сложность – простота»)

Думается, что применительно к системе ДПО, речь может идти о расширении круга акторов, организующих обучение: государство, коммерческие обучающие фирмы, внутрифирменная подготовка, вузовские программы, инициативы бизнес - ассоциаций, собственная активность личности. Второе требование для оценки – количество работников, прошедших обучение в системе ДПО. Приведем некоторые данные, характеризующие программы предприятий, опыт которых был обобщен Госкомстатом [4].

Табл.1. Структура персонала, которое прошло обучение в системе ДПО на предприятии (данные на 2008г.) [<http://forum-truda.expoforum.ru/>]

Доля прошедших обучение, в общем количестве занятых (в %)						
Всего	руководителей	специалисты	рабочие	другие	М.	Ж
5,8	12,5	7,0	2,9	2,6	56,9	43,1

Исследование Госкомстата ориентировалось изучение системы обучения, проводимой на предприятиях. Оно показало, что его основными формами (в 2008 г.) были: повышение квалификации (89%), программы переподготовки (10,7%), обучены за рубежом – 0,4% работников.

Зарубежный опыт выделяет три основных актора, задействованных в системе ДПО:

государственные вузы, предлагающие бесплатно систему повышения квалификации для своего персонала или оказывающие платные услуги, подготавливая персонал по программам, согласованным с предприятиями-заказчиками или индивидуальными слушателями. По данным уже названного исследования Госкомстата РФ, ее основными акторами являются вузы: РУДН (который реализуют 700 программ для 25 тысяч слушателей), МГУ (соответственно, 450 и 18 тыс.), МВТУ им. Баумана (300 и 15 тыс.).

Второй актор – корпоративные университеты - новое институциональное образование, появившееся на волне рыночных реформ, т.е. в 1999 году (Би Лайн). Основными областями производства, иницирующими их создание, являются: ТЭК (Лукойл, Газпром, Сиданко, Северсталь.....), финансовый бизнеса (Сбербанк и Госстрах...), торговля (Вимм-Биль-Данн. Продукты питания, Перекресток) и новые информационные технологии. Учитывая закрытость финансового обеспечения, система плохо изучена, хотя в 2014 году РБК попытался собрать информацию и составить рейтинг по количеству оказанных ими услуг.

Третий актор – независимые коммерческие фирмы, оказывающие платные услуги индивидуальным потребителям. Основными видами обучения являются: иностранные языки, бух. учет, навыки работы с компьютерами и компьютерными программами. Здесь можно говорить о двух группах предприятий. Первая – предприятия, которые обязаны выдавать государственные сертификаты, например аудиторские фирмы. Они - известны, их услуги есть на сайте, итоги мониторятся. Другая – выдает сертификаты негосударственного образца, соответственно, их деятельность не в полной мере публична и оцениваема.

Итог: система дифференцируема, она развивается, но различные ее сегменты развиты в различной мере. В любом случае, в стране отсутствует единый реестр фирм ДПО, отсутствуют региональные и отраслевые реестры.

3. Институциональная зрелость - законодательное оформление системы

Основными законами, регулирующими сферу ДПО, помимо закона «Об образовании» [5] являются два постановления правительства. Первое [6] – « О развитии образования на 2013 – 2020», в котором была поставлена задача о создании системы ДПО, второе - оговаривает необходимость создания и требования к реестру учреждений, в входящих в систему ДПО [7]. К ним, как имеющим значение для регулирования практических сторон, можно отнести Приказы и Письма Министерства образования и науки [8,9]. Итог - очевидная недостаточность законодательной базы, определяющей деятельность предприятий ДПО, а также низкий уровень ее легитимности.

4. Наличие системы общественного контроля за качеством обучения и объемом предлагаемых ими для слушателей компетенций

Эта система только начинает формироваться. В отличие от зарубежной практики, где созданы национальные, региональные, а также профессиональные центры, контролирующие и оценивающие работу учреждений, в нашей стране они только начинают создаваться.

1. Килти-Йакенен Э., Воно де Вильена Д., Шюрер С., Блоссфельд Х.-П., Образование взрослых в контексте жизненного пути: международные сравнения, см. журнал «Социологии и социальной антропологии», 2016, №5, с. 148-161

2. Косякова Ю., Демрих Й, Профессиональное образование взрослых в Российской Федерации: больше образовательных возможностей без компенсации социального неравенства, см. журнал «Социологии и социальной антропологии», 2016, №5, с. 162-179

3. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. 2004, М., Прогресс-Традиция,

4. Бюллетень гос. ком. статистики «Дополнительное профессиональное образование работников в организациях в 2013 г.» в 2-х томах (по видам экономической деятельности и по регионам РФ), 2013

5. Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации" от 29.12.2012 N 273-ФЗ.

6. ПП №295 от 2014 г Программа Минобрнауки РФ «Развитие образования на 2013-2020 гг»,.

7. ПП РФ 26.08.13 №729 «О федеральной информационной системе «Федеральный Реестр сведений о документах об образовании и/или квалификациях, документах об обучении»

8. Приказ Минобрнауки РФ № 499- 2013 г «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФЛЕКСИБИЛИЗАЦИИ ТРУДА

Мураткова Ю.И. (Санкт-Петербург)

Последнее столетие отмечено быстрыми переменами во всех сферах жизнедеятельности человечества. Современность становится более гибкой, а время можно подстраивать под себя. Управлением собственным временем и сочетание труда и учебы - проблема многих студентов. С развитием технологий и созданием новых форм обучения и трудовой занятости проблема бюджета времени выходит на новый уровень. Цель данной статьи - анализ изучения данной проблемы в социологической литературе.

Предмет: Особенности и тенденции образа жизни выпускников Вузов в современных условиях социальной неопределенности и риска.

Цель: Охарактеризовать современное положение общества риска и тенденции его развития.

В 2014 году Harvard Business Review¹ обозначил современный мир аббревиатурой VUCA2 — нестабильным, неопределенным, сложным и неоднозначным (аббревиатура от volatility, uncertainty, complexity и ambiguity).

Идеи нестабильности и неоднозначности современного мира появились в философских и социологических трудах в течение 20 века под влиянием впечатлений от разрушительной силы Второй мировой войны. Произошла “гибель” идеи прогресса, которая породила в философской и социологической литературе множество исследований, направленных на поиск новых оснований социального знания, связанного с иным типом рациональности - непросвещенческого типа, научного, но не отягощенного идеями прогресса и индустриализации. Идеи постмодернистской парадигмы перекликаются с VUCA в работах видных теоретиков, таких, например, как Бодрийяр, Бауман, Бек и Сеннет.

Так, З. Бауман пишет о невозможности организации современности по примеру старых образцов: “Эта жесткость является общим продуктом «освобождения тормозов»: прекращения регулирования, либерализации, придания гибкости, увеличения подвижности, снятия ограничений с рынков финансов, недвижимости и рабочей силы, ослабления налогового бремени и т. Д.”³.

Бауман утверждает, что из-за наступления “текучей современности” условия человеческой жизни подверглись глубоким изменениям. Автор “Текучей реальности” отмечает, что важной особенностью современности являются изменяющиеся отношения между пространством и временем: “Современность начинается, когда пространство и время отделены от жизненной практики и друг от друга, и поэтому их можно понимать как различные и взаимно независимые категории стратегии и действий, когда они уже не являются, как это было в течение долгих столетий, тесно связанными между собой и поэтому едва различимыми аспектами жизненного опыта, скрепленными устойчивым, очевидным и неразрушимым взаимно однозначным соответствием.”⁴

Бауман называет сложившиеся условия “реваншем кочевого образа жизни”. Неолитическая революция разделила население на кочевников и земледельцев. Можно ли сказать что мы наблюдаем сейчас подобную революцию?

Можно провести четкую черту между особенностями образа жизни кочевников и земледельцев. Развитию земледельцев мы обязаны появлением всех мировых цивилизаций. Прежде всего земледельцам свойственны низкая мобильность - “привязанность к земле”, традиционная форма брака, где поощрялось наличие только одного партнера, у большинства земледельцев была довольно монотонная однообразная жизнь, где любые новшества бывали довольно редки. В отличие от земледельцев кочевники были очень мобильны, в силу этого у них развилось многоженство, а также именно кочевники и торговцы являлись людьми, которые переносили идеи о одного государства или цивилизации к другой.

В текучей стадии современности элитным становится кочевой и экстерриториальный образ жизни.

Бауман в своем труде рассматривает “свободу” как основную ценность и невозможность некоторых людей оценить собственное положение как несвободное или свободное. “Отсутствие или простая неясность норм — аномия — это худшая участь, которая может выпасть людям, когда

они стараются решить свои жизненные задачи. Нормы дают возможность, поскольку они лишают возможности; аномия предвещает лишение прав, полнейшее и простое.⁵” - пишет Бауман.

Как выразился Бек, «то, как живет человек, становится биографическим решением системных противоречий»⁶. Риски и противоречия продолжают генерироваться обществом; индивидуализированы лишь обязанность и необходимость справляться с ними. Модернизация подразумевает технологические рационализаторские изменения в организации труда, а кроме того, охватывает и многое другое: смену социальных характеров и нормальных человеческих биографий, стилей жизни и форм любви, структур влияния и власти, форм политического принуждения и политической активности, восприятия действительности и норм познания.

Состояние незавершенности, неполноты и неопределенности полно риска и тревоги, но его противоположность также не дает чистого удовольствия, так как исключает то, что необходимо для свободы.

Что же такое флексибильность?

А.В. Петровский под личностной флексибильностью предлагает понимать способность индивида легко отказываться от несоответствующих ситуаций или задач, средств деятельности, приемов мышления, способов поведения и вырабатывать или принимать новые, оригинальные подходы к разрешению проблемной ситуации при неизменных целях и идейно) нравственных основаниях деятельности. Индивид с высокой степенью сформированности личностной флексибильности называется А.В. Петровским высоковариативной личностью.

Но пока еще мало внимания уделено процессам гибкости и неустойчивости личности и страт общества в других сферах жизнедеятельности, таких как место жительства, досуг, личная жизнь, не смотря на то, что нестабильность в этих областях несомненно увеличивается.

Флексибильность — это достаточно устойчивое понятие в языке психологии, имеющее многочисленные модификации и варианты. Г. В. Залевский под флексибильностью понимает способность человека проявлять «чувство нового», отказываясь от привычного на уровне отдельного компонента или всей программы поведения в целом⁷.

Культурная гибкость (Cultural Flexibility) - способность индивида ценить различные социокультурные группы и среды, а также перемещаться между ними⁸.

Флексибилизация рынка труда это процесс повышения гибкости рынка труда, которая характеризует возможность его участников (работодателей, работников и институтов на рынке труда) приспосабливаться к экономическим, социальным и технологическим изменениям. С начала 80-ых годов и по сей день в научных и политических спорах на Западе проблема трудовой «флексибильности» (flexibility) остается одной из самых модных и актуальных⁹. Флексибилизация рынка труда означает процесс повышения гибкости рынка труда, которая характеризует возможность его участников (работодателей, работников и институтов на рынке труда) приспосабливаться к экономическим, социальным и технологическим изменениям.

Человеческая флексибильность (пластичность) – это способность изменяться, деформироваться, «прогибаясь», но не ломаясь под давлением системной реструктуризации. Однако личность при этом постепенно утрачивает прочность и целостность, происходит отчуждение, или потеря человеком части самого себя. Этот процесс Ричард Сеннет назвал «коррозией характера». Как демонстрирует Сеннет, люди негибкие или малосгибаемые – те, кто предпочитает фиксированные правила и формальные права, долгосрочные гарантии, те, у кого слишком узкая или устаревшая специализация - более уязвимы. К аналогичным выводам - о том, что от неопределенных трудовые взаимоотношений больше всего страдают менее ресурсные работники, - пришел и Зигмунд Бауман.

Ричард Сеннет отмечает, что работа в условиях «прерывной» и мозаичной действительности теряет свою роль силы, формирующей жизненный путь индивида, придающей смысл его усилиям по обретению социальной значимости. Труд, превращается только в способ получения материальной компенсации за потраченное время, теряя такие свои атрибуты, как «гордость» за профессию, «чувство самоуважения за проделанную работу», «раскрытие личностного потенциала» и т.д.¹⁰.

По мнению автора “Коррозия характера” работа теряет свой смысл для структурирования и раскрытия личности по нескольким направлениям:

- работа как карьера;
- работа как становление характера;
- работа как установление социальных связей¹¹.

Сеннет называет “гибкий” капитализм причиной этой неустойчивости и принцип этого капитализма «Победитель получает все, а проигравший плачет», “обрекает огромное количество людей на горечь поражения, психологический слом и разрыв общинных коммуникаций.”

Флексибельность - это социальная конструкция, сложившаяся как результат противостояния разных социальных сил в борьбе за контроль над организацией труда. В социологической литературе термин «флексибельность» имеет двоякое значение. С одной стороны, это широкое понятие, одно из основных в неолиберальной идеологии. С другой стороны, под флексибельностью понимают конкретные методы организации труда и, которые изучаются, прежде всего, с точки зрения того, как гибкие условия труда сказываются на здоровье работников, способствуют они или нет получению удовлетворения от работы и т.д. То есть социологи рассматривают флексибельность в общем контексте социальных изменений, а не только под углом зрения ее экономической эффективности. Более того, они оспаривают тезис неолиберальных экономистов о том, что чем больше гибкости, тем экономический результат ближе к оптимуму. Они показывают скрытые экономические издержки флексибельности: например, более низкую вовлеченность работников в процесс труда и рост абсентеизма. Однако больше всего социологов тревожат негативные последствия гибкости, которые проявляются на социальном уровне: атомизация трудовых отношений и слом коллективизма, отказ от прежних систем коллективного регулирования трудовых отношений, снижение уровня социально-трудовых гарантий¹².

Французские социологи в 1980-е годы начали исследовать положение сезонных рабочих. П. Бурдьё расширил это представление об этой группе, включив в анализ все расширяющуюся массу работников, занятых на временных и эпизодических работах. Именно тогда впервые появилось слово «прекариат», которым обозначали слой работников, который характеризуется нестабильной трудовой занятостью, отсутствием у них гарантированных социальных благ,

незащищенностью в период сложных жизненных ситуаций [Bourdieu, 1998]. Эти слои стали привлекать внимание и других исследователей - М. Фуко, Ю. Хабермаса, М. Хардта и Т.Негри (Hardt, Negri, 2000) {Цит. по: Г. Стэндинг, 2014:23}.

Precarious – нестабильный, шаткий, зависящий от непредвиденных обстоятельств. Термин "precarious work" описывает условия жизни и труда в системе частичной, временной, сезонной или скачкообразной занятости. До сих пор не существует сложившейся традиции перевода понятия на русский язык, иногда его переводят как "нестандартная занятость" или "нестабильная работа". Однако такой перевод исключает экзистенциальную составляющую термина, описывающую изменения условий жизни индивида. Поэтому в некоторых случаях используется просто транслитерация – "прекаритетная работа".

Кастель в работе "Метаморфозы социального вопроса" сосредоточился на генеалогическом анализе нестабильности как таковой. Симптоматика и социальные эффекты "непрочного положения" отдельных групп или целого общества показаны им в широкой исторической перспективе. Сама фигура наемного работника оказывается центром этой нестабильности: "Быть или стать наемным работником значило попасть в зависимое положение, быть обреченным жить одним днем, оказаться во власти нужды"¹³. И если в начале XX века радикальные политические партии предлагали отменить наемный труд как пережиток рабства, то уже к середине века он стал доминирующей формой, изменив общество и место рабочего в нем. Как социолог Кастель выводит на передний план проблему дезаффиляции¹⁴, сопровождающей в разных исторических формах наемный труд со времен распада феодализма, а сегодня, ввиду разрушения общества наемного труда, имеющей характер массовой уязвимости.

Представители прекариата, по Стэндингу, отличаются отсутствием постоянной занятости, а специфика трудовых отношений предполагает отсутствие правовых гарантий. Структуру общества Стэндинг представляет в качестве пирамиды, на вершине которой находится плутократы, ниже располагается са- лариат (класс стабильной занятости и социальных гарантий), далее старый пролетариат, прекариат, и завершают пирамиду люмпены. Прекаризация включает следующие виды занятости: подрядная работа, заемный труд, работа по вызову, краткосрочные трудовые контракты, занятость на неполное рабочее время и другие формы, предполагающие минимальный социальный пакет гарантий.

Флексибельная, скачкообразная, временная система занятости нормализуется и постепенно вытесняет стабильность пятидневной недели. На новом витке капитализма усиливается мобильность рабочей силы, что легитимирует снижение оплаты труда, провоцирует конкуренцию между работниками. Эти процессы усиливают власть работодателя: происходит

постепенный переход на краткосрочный контракт, узаконивающий право на увольнения без объяснения причин, понижается уровень социального страхования.

ВОЗДЕЙСТВИЕ БЛОКЧЕЙН-РЕВОЛЮЦИИ НА ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Надпорожский И.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация: в статье рассматриваются особенности функционирования технологии blockchain, проанализированы кейсы ее применения. Описаны изменения, привносимые blockchain в жизнь человека.

Четвертого октября 2017 года представитель Центробанка Российской Федерации сделал официальное заявление, свидетельствующее о заинтересованности Банка России в использовании технологии блокчейн. [1] До этого в течение 2017 года в подобном ключе высказывались несколько высокопоставленных российских чиновников. Многие зарубежные ученые, политики и бизнесмены вот уже несколько лет говорят о наступающей блокчейн-революции. [2]

Целью данной статьи является выявление тех изменений, которые принесет в жизнь индивида широкое распространение и использование технологии блокчейн.

Впервые термин «блокчейн» встречается в статье «Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System» Сатоши Накамото, опубликованной в 2008 году. Сатоши Накамото – это анонимный индивид или группа лиц, считающийся создателем самой распространенной криптовалюты биткойн. [3]

Со временем у биткойна появилось множество аналогов, что в некоторой степени отвлекло внимание научного сообщества от этой криптовалюты, однако пробудило ещё большую заинтересованность в блокчейн, технологии, являющейся основой функционирования биткойна.

Блокчейн - распределенная база данных, содержащая определенную информацию и позволяющая автоматически подтверждать транзакции между её пользователями. Информация о произведенных пользователями взаимодействиях доступна всем, при этом ни один из пользователей не может внести в неё изменения без наличия на то согласия со стороны большинства пользователей блокчейн. Публичность взаимодействий не означает, что другие пользователи могут отследить содержание передаваемой или получаемой информации, речь идет только о фиксации факта наличия завершеного взаимодействия. [4] То есть данная технология позволяет пользователям обмениваться информацией с почти стопроцентной гарантией честности самих агентов взаимодействия. Взломать систему невозможно, все блоки данных связаны друг с другом, и для того, чтобы изменить занесенную в блок информацию, придется взломать сотни тысяч блоков, созданных за всю историю существования сети. [5]

Блокчейн является децентрализованной пиринговой сетью, все участники которой являются равноправными агентами возникающих взаимоотношений. Более того, криптографические алгоритмы позволяют пользователям оставаться анонимными. Это исчерпывает необходимость в идентификации лица, с которым ты вступаешь во взаимодействие, и порождает основной парадокс системы блокчейн: пользователи сети, будучи анонимными, могут полностью доверять друг другу. [6]

В случае с биткойн технология блокчейн использовалась для хранения информации о совершенных транзакциях с криптовалютой, однако характер данных может быть абсолютно любым, начиная историей болезни человека и записывая записями о регистрации прав собственности. [7]

Итак, каким же образом технология blockchain изменит нашу жизнь?

Ключевыми чертами системы является ее децентрализация, публичность данных о совершаемых взаимодействиях и автоматизированная гарантированность совершения честной сделки. Это означает, что blockchain может с успехом применяться для совершения экономических транзакций. На сегодняшний день все существующие платежные системы, предназначенные для совершения экономических транзакций (прим. SWIFT) взимают значительную комиссию за обеспечение платежа. Существование посредника приводит к нескольким последствиям. Во-первых, актерам приходится верить собственные средства третьим лицам, которым не всегда можно полностью доверять, во-вторых, это сказывается на скорости осуществления транзакций, в-третьих, увеличиваются издержки агентов взаимодействия. В том случае, если платежи будут осуществляться с помощью технологии blockchain, необходимость в посреднике отпадет, а значит

возрастет скорость осуществления экономических операций, как и доверие между агентами взаимодействия. Все это должно поспособствовать развитию экономики в целом.

На сегодняшний день заинтересованность в blockchain уже проявили такие крупные банки как Goldman Sachs, JP Morgan, Credit Suisse и Barclays, объединившиеся в консорциум R3 для изучения блокчейн. С их точки зрения, данная технология может серьезно уменьшить многие банковские издержки. [8]

Ещё одна перспективная инновация, появлению которой мы обязаны blockchain, - это умные контракты (smart-contracts). Суть заключается в том, что автономно работающий алгоритм будет распоряжаться вашими средствами в зависимости от внешних обстоятельств. К примеру, многие медицинские организации сталкиваются с ситуациями, когда тяжело больной пациент не в состоянии оплатить собственную операцию, так как постоянно находится в бессознательном состоянии. Сегодня ответственность ложится на плечи третьих лиц. Однако в том случае, если умные контракты получат широкое распространение, средства будут перечисляться на счет медицинского учреждения автоматически.

В 2015 году канадский программист российского происхождения Виталик Бутерин основал Ethereum – платформу для создания умных контрактов на базе блокчейна. Со временем проект привлек внимание Microsoft, IBM и JPMorgan. [9]

Распространение блокчейн способно породить серьезные изменения и в сфере политики. Так, данная технология может использоваться для проведения честных и прозрачных выборов. Как уже упоминалось ранее, в цепочку блоков невозможно внести изменения без согласия большинства пользователей, а вариант взлома системы полностью исключен. Каждый пользователь сможет самостоятельно подсчитать число голосов, отданное за каждого кандидата, а значит будет полностью исключена возможность искажения результатов выборов. [10] В данном направлении уже работает ряд крупных компаний со всего мира: Blockchain Technologies Corp. и Follow my Vote В США, Factom в Испании. [8]

Однако гораздо более важно то, что Blockchain способен значительно упростить многие процедуры государственного управления и снизить бюрократические издержки. Базы данных, работающие на основе Blockchain, способны содержать информацию о заключении сделок с недвижимостью, брачных контрактов, наследовании имущества и нарушении. Так, правительство Великобритании при помощи рассматриваемой технологии намерено отслеживать своевременную уплату налогов. [8] При этом Blockchain не только способен упростить систему государственного администрирования, но и снизить ее коррумпированность.

Таким образом, технология Blockchain способна привести к смене нескольких парадигм в жизни человека. Появление децентрализованной системы равноправных участников, обеспечивающей предельную открытость и честность автоматически осуществляемых сделок, оптимизирует многие процессы, выполняемые сегодня финансовыми организациями-посредниками. С одной стороны, это приведет к значительному упрощению жизни человека и снижению транзакционных издержек. С другой, многие банки и юридические конторы будут вынуждены сократить свой персонал. [11]

Применение технологии в сфере государственного управления повысит эффективность работы государственных служб и позволит избежать бюрократической волокиты при решении юридических вопросов.

1. Банк России уверовал в блокчейн [электронный ресурс]// https://m.lenta.ru/news/2017/10/04/cbblockchain/?utm_source=lentavk&utm_medium=social&utm_campaign=bank-rossii-ubedilsya-v-polze-tehnologii (дата обращения: 06.10.2017).

2. Mougayar W. The Blockchain is the new Google [электронный ресурс]/ William Mougayar// — <http://techcrunch.com/2016/05/11/theblockchain-is-the-new-google/?ncid=rss> (дата обращения: 23.09.2017).

3. Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System [электронный ресурс] / Satoshi Nakamoto// <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения: 06.10.2017)

4. Яковлева А. Ю. Перспективы использования технологии Blockchain/ А. Ю. Яковлева // World science: problems and innovations. – сб. статей между. конф. – Пенза, 2017. – С. 161-163.

5. Ильиной Л. Н. Как блокчейн изменит наш мир / Л.Н. Ильиной, А. О. Файзрахманов, А. Е. Сивкова // Учетно-аналитическое обеспечение – информационная основа экономической безопасности хозяйствующих субъектов – сб. статей. – Москва, 2017. – С. 163-168.

6. Don Tapscott, Alex Tapscott, *The Blockchain Revolution: How the Technology Behind Bitcoin is Changing Money, Business, and the World* // Penguin Books. - 2016.
7. Корчагин С. А. О текущих трендах в развитии технологии блокчейн / С. А. Корчагин // Свободная мысль. - № 4. – Политиздат. – Москва, 2016. – С. 31-38.
8. Бабухина А.А. Перспективы развития blockchain в России / А.А. Бабухина, А. А. Кочнев, Е. А. Кунгуров // Инновационной развитие российской экономики. – сб. статей. – Москва, 2017. – С. 106-109.
9. *Ethereum, a Virtual Currency, Enables Transactions That Rival Bitcoin's* [электронный ресурс] // https://mobile.nytimes.com/2016/03/28/business/dealbook/ethereum-a-virtual-currency-enables-transactions-that-rival-bitcoins.html?_r=0&referer (дата обращения: 05.10.2017).
10. Усов А. А. Перспективы развития криптовалют и технологии блокчейн в России / А. А. Усов, А. Б. Анисифоров // Неделя науки СПбПУ. – сб. статей. конф.- Санкт-Петербург, 2016. – С. 128-131.
11. Кайль А. А. *Blockchain: сущность и возможность применения* / А. А. Кайль, Ю. А. Малышева // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем. – сб. статей между. конф. – Пенза, 2017. – С. 54-56.

СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА НОВЕЙШИХ РАЗРАБОТОК В ОБЛАСТИ БИОТЕХНОЛОГИЙ

Орлова И.Б. (Москва)

Аннотация. В статье акцентировано внимание на значении социально-этической экспертизы работ в области биотехнологий, геномной инженерии, генетической терапии; на необходимости формирования правовых рамок для инновационных экспериментов. Рассматриваются риски вступления биотехнологий на путь коммерциализации. Показана ключевая роль социальных технологий в установлении границы между технофобией, с одной стороны, и возможностью утраты контроля над процессом развития биотехнологий, с другой. Показано, что осмысление, социальная оценка возможных последствий значительно отстают от темпов внедрения технологических инноваций.

Человек в формирующемся новом техномире - тема многих работ социальных ученых. Процессы антропологизации технологий получили отражение в работах Жана Бодриера [2]. Теория биополитики описана у М.Фуко [9]. Анализу возможных социальных и иных последствий воплощения в жизнь теории трансгуманизма посвящена книга Ф. Фукуямы «Наше постчеловеческое будущее», где идея постчеловека названа «самой опасной в мире идеей». Известны более ранние работы советского психолога Л.С. Выготского, сформулировавшего идею социального конструктивизма. Классической считается труд П.Бергера и Т.Лукмана о социальном конструировании реальности. Б.Латур [4] на примере популяризации открытий Пастера показал трудный путь к социальному признанию научной идеи. Стратегическому направлению общественного развития посвящена теория коэволюции (Н.Н.Моисеев, Г.В.Осипов), социологические работы А.А.Зиновьева, С.А.Кравченко. В работах З.Баумана о «текучей современности», об «индивидуализированном обществе» автор, солидаризируясь с У.Бекком [1], пишет об увеличении неопределенности будущего. Жизненный мир человека в техномире, в цифровом обществе качественно изменился, он связан с рисками, для преодоления которых человек вынужден обращаться опять же к науке. Наука порождает технологии, несущие риски. Чтобы нивелировать их, создаются новые технологии, которые в свою очередь порождают новые риски.

Цели преодоления болезней и смерти присутствуют в целом ряде спорных и неоднозначных теорий. Одна из них – теория трансгуманизма, Сегодня – это не только теория, имеющая множество сторонников, но и крупное международное движение. Его участникам – философам, футурологам, инженерам, специалистам IT-индустрии удалось утвердить само понятие «постчеловек».

Идеи трансгуманизма на первый взгляд достаточно привлекательны. Возникает «искушение постчеловечностью»: мечты об освобождении от «слишком человеческих» переживаний, страданий, боли, разочарований, излишней эмоциональности, рефлексии. Средствами современной науки и передовых технологий обещано достижение качественного «улучшения» человека, преодоление старения и смерти, принципиальное изменение его физических и эмоциональных способностей. В арсенале средств - появление мощного искусственного интеллекта, технологии замены частей человеческого тела на искусственные, активная киборгизация людей.

Медицинские и генетические технологии «улучшения природы человека», изменения его телесности существуют уже не только в теории, но и в практике. Практическое использование стимулируется коммерческим спросом. Скорость от идеи до ее реализации в современной науке резко повысилась. Например, от рождения идеи пренатальной диагностики наследственных болезней до ее широкого применения в клинической медицине прошло лишь три года. Темпы разработки новых научных исследований и проведения экспериментов сегодня опережают их этическую, социальную оценку. Не существует четких правовых рамок для технологических экспериментов.

Оценочная позиция по отношению к массовому использованию медицинских и генетических технологий существенно различается. Это относится к таким технологиям, как суррогатное материнство, генетическое тестирование донора, пересадка органов (трансплантация, прижизненное изъятие органов, использование органов умерших людей, ксенотрансплантация - пересадка органов от животных человеку), использование стволовых клеток, клонирование, генотерапия. Нет общей позиции по поводу работ с эмбриональными стволовыми клетками, которые требуют намеренного разрушения эмбрионов, что решительно осуждается теми, кто считает, что жизнь возникает с зачатием, и эмбрион уже имеет полный моральный статус человека.

Противоречивы оценки экспериментов, связанных с приданием с помощью генной инженерии будущему ребенку заданных качеств, создание так называемых «дизайнерских младенцев». Критики (Ф.Фукуяма) видят непосредственную опасность в данном случае в том, что широкое генетическое разнообразие людей сузится, сформируются конкретные группы с заранее заданными признаками. Длительный процесс эволюции обеспечил человечеству многовариантность результатов, люди участвуют в "генетической лотерее", которая обеспечивает всем равенство шансов. «Генетическая лотерея» эгалитарна по своей сути, она уравнивает шансы выходцев из всех социальных слоев. Но в будущем в процессе коммерциализации науки на редактирование генов с целью создания «дизайнерских младенцев» могут быть употреблены все достижения науки. Это сформирует новые основания для стратификации общества и еще более увеличит разрыв между ступенями социальной иерархии. Сформируется принципиально иной отдельный генетический суперслой. Пока эта проблема анализируется в большей степени писателями, футурологами, киносценаристами, а не компетентными экспертами.

Не решен вопрос о том, чьи права должны пользоваться приоритетом: индивида, определенной группы или общества в целом. Не сформировано правосознание в различных социальных и профессиональных группах врачей, ученых, пациентов, политиков, работников СМИ. Ситуации отличаются не только в разных странах, но и внутри отдельных стран, что обусловлено в числе прочего социально-культурными и религиозными особенностями, с одной стороны, и коммерческим давлением, с другой. Юридические дебаты отражают существующее в обществе состояние полнейшей неопределенности в отношении новейших технологических открытий.

Специалистов, которые были бы способны давать взвешенную оценку, влиять на общественное мнение, организовывать общественные дискуссии, формировать этические и правовые рамки для научных исследований, обладающих трансдисциплинарными знаниями, - таких специалистов практически никто не готовит. Экспертные группы с различными интересами часто выносят противоположные суждения. Это еще раз подтверждает вывод о том, что нужна более широкая социальная экспертиза.

Эволюция человека, его роль в мире обусловлена не только его интеллектом, разумом, сознанием. Природа человека, его отличие от животного – это прежде всего наличие духовного начала. Потеря духовности приведет к потере самого человека. Важнейшая задача социальных наук и социальных технологий - выполнять функцию сохранения человеческого в человеке. Еще одна важная задача социально-этической экспертизы биотехнологий - проведение границы между технофобией и обоснованными опасениями выпустить процесс развития биотехнологий из-под контроля. Социальная экспертиза и формирование этических рамок уже сильно запаздывают, поскольку радикальное вторжение в природу человека, эволюционное развитие которого шло сотни тысяч лет, может привести к исчезновению самого человека.

1. Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*, М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Бодрийяр Ж. *Симулякры и симуляция*. М.: 2011

3. *История тела. Под ред. А.Корбена, Ж.Куртина, Ж.Вигарелло. Т.3 Перемена взгляда: XX век., М.: Новое литературное обозрение, 2016, Серия «Культура повседневности».*
4. *Латур Б.Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии, Сп-б.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006.*
5. *Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера. Изд-во Молодая гвардия, 1990-351 с.*
6. *Никитина Е.А. Конвергентные технологии и трансформация структуры познания // Образовательные ресурсы и технологии, 2014, №5.*
7. *Романовская О.В. Генетическое консультирование в семейном праве // Гражданин и право, 2014. № 12.*
8. *Романовский Г.Б. Правовое регулирование генетических исследований в России и Германии. //Ж. Правозащитник, № 2, 2016.*
9. *Фуко М. Археология знания. К.: Ника-центр, 1969*

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАМКА СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ СОВРЕМЕННОЙ ЛИЧНОСТИ

Павлова Е.Г. (Минск, Республика Беларусь)

Перспектива смысложизненных ориентиров современного общества в условиях нестабильности, неустойчивости, экзистенциального вакуума, в котором существует современный индивид, включает общенациональный и личностный контекст. Идеологическим фундаментом для человека может быть установка - прожить жизнь достойно. Достойное долженствование включает в себя активную гражданскую и духовную позицию, возможное через увеличение межличностного доверия в обществе, в идеале – дружбу равноправных автономных субъектов, как на уровне социальных институтов, так и на уровне малых групп.

В социологическом ракурсе смысл жизни может представлять как результат, итог жизни; как нечто объективное (задачи, функции, приписываемые человеку извне); как феномен сознания. При этом смысл жизни может быть рассмотрен с двух позиций: 1) со стороны требований, которые предъявляет общество к человеку; 2) с точки зрения его индивидуальных устремлений [1]. Требования, которые предъявляет общество к человеку выражаются на уровне общенациональных идеологических установок, транслируемых через систему законодательных актов и традиционных обрядов, передающихся через культуру поколений. Смысл жизни на уровне индивидуальных устремлений предстаёт как сценарий полноценной самореализации личности в современных ей общественно-политических, социально-экономических, духовно-культурных условиях.

Концепция интегративной общенациональной идеи базируется на моральных ценностях и служит общим для всех ориентиром. На наш взгляд, не стоит упускать из вида идеологические установки теоретиков социализма, поскольку они строили светлое будущее для себя, своих детей, своей страны, и эта система работала - поколение за поколением страна взращивала патриотов, искренне готовых служить родине. Нам видится последовательным обратиться к смысложизненным ценностям социалистического государства в качестве гипотетической модели экстраполяции данных ценностей на современную реальность: принципов коллективизма, товарищества, верности, патриотизма и др. Молодым нужны высокие нравственные идеалы, подлинные, а не мнимые ценности - такие герои книг, кинофильмов, картин, музыкальных произведений, к которым юноши и девушки тянулись бы мыслью и сердцем. Процесс духовного становления подрастающего поколения характеризуется особыми способами идентификации, которыми молодёжь утверждает себя в жизни. Своеобразие черт духовного облика молодого современника зачастую проявляется в элементах молодёжной субкультуры: символической, форме одежды и внешнем виде, позволяющим отличать «своих» от «иных», моде, специфических акцентах в оценке норм морали и событий жизни. Этическое просвещение призвано направлять процесс идентификации молодёжи со сверстниками, «пропуская» их через социально значимые цели и нормы морали [2].

Парадигма коллективизма и товарищества предлагает качественно иной идеологический фундамент. Необходимо восстановить межличностное доверие между людьми, чтобы стремление к коллективному творчеству или совместной деятельности являлось исходным мотивом всякой деятельности. «Приносить пользу людям» - так может звучать мотивационное основание любой профессиональной деятельности, что следует воспитывать и внедрять в молодые умы со школьной скамьи. Безусловно, организации, занимающиеся идеологическим воспитанием и просвещением,

существуют, но они, по большей части, функционируют на принципах формализма, что может не привлечь, а оттолкнуть идеалистически настроенную молодёжь от официально предлагаемой доктрины. У отдельных представителей молодёжи наблюдается разрыв между их интеллектуальным развитием, уровнем образованности и информированности с одной стороны, и уровнем идейно-нравственной, гражданской зрелости - с другой. К общественным ценностям они относятся скептически, с позиции стороннего наблюдателя, что ставит остро проблему формирования гражданских чувств. Гражданская позиция обретается не столько книжным, просветительским путём, сколько практическим участием во всех направлениях общественной жизни (производство, управление, общественная деятельность, быт). Она усваивается в той мере, в какой личность становится субъектом общественно-политической жизни [3].

Современное общество потребления предлагает новую модель визуализации общественного пространства. Визуальное, транслируемое по каналам СМИ и Интернет, оказывает наибольшее влияние на психику и поведение современного индивида. Шоу-бизнес как торговля зрелищностью является одним из ключевых носителей визуального послания. Субъекты шоу-бизнеса осуществляют деятельность по созданию и реализации зрелищного продукта. Поэтому социально-психологическое изучение мотивов и сценариев самореализации личности в сфере шоу-бизнеса представляется актуальным в свете анализа механизмов визуализации общественной системы. Постмодернистский подход к анализу социальных институтов выдвигает человека в статус социального института – человека, обладающего тем или иным уровнем социального капитала. Субъекты, обладающие более высоким уровнем социального капитала влияют на формирование и функционирование самих социальных институтов. Поэтому смысложизненные ориентации, межличностное взаимодействие таких субъектов влияет непосредственным образом на процесс функционирования и развития социальной системы.

Социологический анализ потребительского поведения в сфере шоу-бизнеса включает анализ ценностных установок, мотивации потребителей шоу; социальный статус потребителей; установление зависимости потребления и социально-экономических, демографических характеристик; информационное окружение; выявление потребительских предпочтений. Метод качественных исследований анализа деятельности «гламуроёмких» персон утверждает, что каких-либо действительных критериев и параметров творческих успехов музыкантов не существует, ибо они представляют собой явление субъективное - установить их степень можно только субъективным путём, оценочно, полагаясь прежде всего на эстетические чувства и идеи.

Приведём классификацию видов шоу как соответствующих субъективному складу личности видов деятельности [4]: 1) реальные шоу – перформансы, выступления; 2) фантазийные пространства – инсталляции, создание атмосферы; 3) шоу, в основе которых лежат нетрадиционные средства рекламы – реклама через кино, досуговую деятельность, использование бренда в смоделированных ситуациях; 4) шоу, которые используют традиционные маркетинговые средства – молву и отзывы, например, выступление уличных танцевальных команд, съезд байкеров и др. В основу цензуры в шоу-бизнесе следует закладывать не свободу творческой деятельности, а представление о здоровом моральном и физическом облике «гламуроёмкой личности», которая является транслятором культурного образца. Шоу-бизнес возможно трактовать как коллективную деятельность, объединённую общей целью реализации способностей склонных к ней субъектов.

1. *Немировский, В.Г. Социология человека: От классических к постнеклассическим подходам / В.Г. Немировский, Д.Д. Невирко . – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – С.270-271.*
2. *Винокурова, С.П. Личность в системе нравственных отношений / С.П. Винокурова. – Минск: Наука и техника, 1998. – С.60-80.*
3. *Бодаков, А.В. Всесторонне, гармонически развитая личность / А.В. Бодаков, С.Д. Лаптенюк. – Минск: Беларусь, 1982. – С.43.*
4. *Шмитт, Б. Бизнес в стиле шоу / Б.Шмитт. - М.:Вильямс, 2005.- С. 250-255.*

ИННОВАЦИОННАЯ ЛИЧНОСТЬ XXI ВЕКА: НЕОБХОДИМОСТЬ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ СУЩНОСТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

Петровская Ю.А. (Петрозаводск)

Современное общество находится в состоянии глобальных социальных изменений, происходящих с невиданной до сих пор скоростью, и «эпохальных инноваций» (по С. Кузнецу). Движущей силой выступают новые технологии и институциональные изменения, происходящие в связи с технологическим развитием. Глобальные тенденции инновационного развития человечества в XXI веке становятся одним из важнейших факторов, меняющих структуру и содержание всей цивилизации. Формирование, динамика, и трансформации этой формы глобализации отражают основные тенденции циклического развития мировой экономики и ее инновационной составляющей.

Анализируя инновационную личность через призму социологического понимания личности, необходимо рассматривать ее как особый социальный тип. Первые социологические попытки анализа инновационной личности были представлены в западной социологической литературе 1960-1970-х годов. В отечественной науке первые шаги по теоретическому анализу субъекта инновационной деятельности были предприняты в 90-е годы XX века, и тогда появилось понимание того, что «специфика инновации как деятельности порождает определенный тип личности» [4, 342]. А может быть наоборот, определенный тип личности становится источником инноваций? Что первично: цивилизационные изменения или определенный тип личности, усилия которой и провоцируют эпохальные инновации? Трудно дать однозначные ответы на эти вопросы.

Ключевые теоретические и практические проблемы в исследовании инновационного типа личности заключаются в том, что возникновение инновационной личности и выделение ее как типа не совпадает со сложившимися ранее подходами к социальной типологии личности. Если российское общество ставит перед собой задачу перехода на инновационный путь развития, то инновационная деятельность должна приобрести массовый характер, а само общество и его члены должны быть ориентированы на непрерывное инновационное развитие во всех сферах общественной жизни. Такой тип личности не появится только путем отбора отдельных индивидов, демонстрирующих «подходящие» характеристики. Решающая роль в сокращении разрыва между научной сферой и производством принадлежит образованию. Одним из условий формирования современной инновационной личности является высокий уровень образования и его качество. Сам по себе высокий уровень образования еще не является гарантом результата. В большинстве своем даже образованные люди не способны инновационно мыслить и работать. Научение человека умению искать и находить нешаблонные варианты достижения цели, достигать качественно новых результатов должно стать обязательным элементом образования.

Современное инновационное общество подразумевает создание и непрерывное массовое применение новых продуктов и технологий в различных отраслях жизнедеятельности социума и, соответственно, испытывает потребность в людях совершенного нового типа, инновационного склада. В своем исследовании мы опираемся на определение инновационной деятельности, предложенное В.И. Лисовым, который определяет ее как «процесс, направленный на реализацию результатов законченных научно-исследовательских разработок либо иных научно-технических достижений в новый или усовершенствованный продукт, реализуемый на рынке, в новый или усовершенствованный технологический процесс, используемый в практической деятельности», а инновационный процесс как науку о том, как возможно превращение нового научного или экспериментального продукта в инновацию, становление инновации [2, 4-5]. Одна из методологических проблем заключается в том, чтобы устанавливать гармоничную связь между сферой научно-исследовательских разработок и реальными общественными процессами, потребностями общества в сфере производства, образования, социальных технологий и др. Среди условий, влияющих на эффективность этого процесса, безусловно, наличие определенных организационных структур. Однако, по мнению В.Н. Шевченко, ключевым аспектом всё-таки являются люди, способные профессионально осуществлять эту взаимосвязь. Анализируя эмпирические социологические описания инновационной личности, В.Н. Шевченко выделяет несколько главных ее черт и, соответственно, задач, связанных с ее формированием: способность к творчеству; наличие определенного интеллектуального ресурса; социальная зрелость как готовность к инновационной деятельности; способность и готовность к деятельности в коллективном субъекте инновационной деятельности [6].

В российской практике развитие креативного начала в человеке (в любой сфере) сталкивается с трудностями. Это объяснимо с точки зрения традиций, социального и исторического опыта российского общества. Анализ результатов исследований и экспертных оценок позволяет сделать вывод о высокой степени консервативности российской личности. По мнению директора «Левада-центра» Л. Гудкова, «советский человек никуда не уходит». Причиной тому является неизменность базовых социальных институтов: «спецслужбы обеспечивают кадры и структуру управления, власть не подотчетна обществу, система образования консервативна, судебная система работает на защиту интересов власти. То есть дело не в ценностных установках, с которыми входит в жизнь новое поколение, а в том, что с ними делают сохранившиеся институты» [3].

Несомненным преимуществом российского общества является достаточно высокий уровень образования населения. Россия входит в число стран с очень высоким индексом уровня образования [1]. Однако уровень образования сам по себе еще не является показателем уровня интеллектуального ресурса, хотя связь их безусловна.

Современное общество – общество риска. Инновационная деятельность также является рискованной. Напрашивается вывод о том, что инновационная личность должна быть способна и готова жить и осуществлять инновационную деятельность в условиях постоянного риска. Это, с нашей точки зрения, и есть социальная зрелость в контексте инновационного общества, напрямую связанная с личной мотивацией и осмысленной готовностью принимать на себя риск и мобилизовать все имеющиеся у человека ресурсы для достижения цели. Важный аспект здесь – мотивация к интенсивной интеллектуальной работе, которая, в западных обществах основана, в том числе, на принципах экономики «дорогого человека», а не «дешевого работника» [5]. В российском обществе должна утвердиться и быть понятой населением реальная связь между инновациями и растущим уровнем развития общества, социального благополучия граждан, уровня и качества жизни населения, возвышением социально значимых целей общества, национальных интересов.

В российской инновационной сфере XXI века появляется коллективный субъект инновационной деятельности в лице инновационных центров разных форм организации и инновационный продукт как результат коллективного творчества большой группы квалифицированных специалистов с применением современной техники и наукоемких технологий. Возникает проблема мотивации и выстраивания межличностных отношений в организациях или структурах инновационного типа. Эти проблемы зачастую связаны, опять же, с консерватизмом и традиционализмом отдельных личностей и целых организаций, неспособностью работать в режиме «опережения потребностей потребителя», нежеланием отказаться от частных, узко предметных исследований и разработок в пользу коллективного творчества.

Таким образом, переход России на инновационный путь развития требует серьезной аналитической и прогностической работы и научно проработанной стратегии формирования инновационного типа личности в контексте русской цивилизации. Инновационное общество и инновационная личность – взаимосвязанные и взаимообуславливающие понятия и социальные феномены. Невозможно сформировать инновационную личность как тип, равно как и инновационное общество, лишь призывая к этому. Необходимо выстраивать гармоничную инновационную политику, направленную на превращение шаг за шагом индивидуальных успехов в инновационной деятельности в непрерывный массовый процесс.

1. Доклад о человеческом развитии 2016 // *United Nations Development Programme* – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2016_report_russian_web.pdf (дата обращения: 22.08.2017).
2. Лисов В.И. Роль, задачи и принципы государственной инновационной политики на современном этапе социально-экономического развития России. – М., 2004.
3. Мы поняли, что советский человек никуда не уходит // *Ведомости*. 24.07.2017. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/characters/2017/07/24/725468-sovetskii-chelovek> (дата обращения: 22.08.2017).
4. Никифоров А.П. Деятельность и свобода // *Деятельность: теория, методология, проблемы*. – М., 1990.
5. Человек в «инновационной экономике» XX в. Отв. ред. Васильчук Ю.А. – М., 1994.
6. Шевченко В.Н. Инновационная личность как социальный тип // *Научные ведомости. Серия Философия. Социология. Право*. 2010. №2 (73). Выпуск 11. С. 37-50.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КАТЕГОРИЯ В СОЦИОЛОГИИ

Подлесная М.А. (Москва)

Религиозная принадлежность, равно как и этническая, являются важнейшими составляющими личности. В последнее время это становится особенно актуальным в ситуации новых социально-культурных условий мира, когда религиозность, при наметившемся миграционном росте, может оказать значительное влияние и на процесс адаптации мигрантов, и на отношение доверия принимающей стороны, и в ситуации контроля, в том числе информационного. Поэтому крайне важно понимать как значение понятия «религиозность» и ее измерения, принятого в социологии, так и трансформации религиозности, то есть тех изменений, которые нередко возникают в религиозной сфере индивида под воздействием различных факторов.

Термин «религиозность» принадлежит сразу нескольким наукам, в том числе теологии (богословию), и имеет соответствующие смысловые интерпретации. Для социологии «религиозность» – это не только понятие богословского теоретического осмысления, но и образ мыслей, жизни, поведения, взаимодействия людей, образующих, с одной стороны, саму социальную ткань жизни, солидарность, с другой, рождающей различия и конфликты общества, особенно там, где религиозность противоречива, неоднородна. Это в свою очередь также влияет на специфику изучения религиозности в разных странах со смешанным религиозным и конфессиональным статусом.

В зарубежной библиографии имеется огромный пласт литературы, посвященной операционализации и проработке многомерного измерения религиозности. Эта традиция ведется с начала 1960-х годов, когда в работах таких исследователей как Glock, C.Y., Lenski, G., King, M., Verbit, M. F. были предложены разные варианты выделения аспектов и компонентов религиозности. Позднее это направление активно разрабатывалось, в частности, в контексте анализа взаимосвязи религиозности с физическим и психическим здоровьем, и возможностей противодействия наркомании и прочим девиациям через религиозные организации. Среди исследований данного рода стоит упомянуть работы Фельтцеровского института, как едва ли не самые влиятельные. Выделялись такие «измерения» или аспекты религиозности, как прямой, личный религиозный опыт, этические «последствия» из религиозного учения, приверженность религиозной доктрине, ассоциация с религиозными организациями и группами, религиозные знания, религиозные практики как «ритуальный» аспект религиозности. Особенностью большинства работ в данной области является их психологизм, связь с идеями У. Джеймса и повышенный интерес к непосредственному религиозному опыту взаимодействия с духовным миром, а поскольку такой личностный, «текущий», неустойчивый, разнородный объект как личный религиозный опыт каждый раз требовал осознания недостаточности предыдущих вариантов измерения/операционализации, то инструментария в данной области накопилось едва ли не больше, чем практически значимых результатов исследования. Так, психологи Питер Хилл и Ральф Худ в монографии «Измерения религиозности» анализируют 125 способов операционализации и многомерного (каждый раз с разными осями!) измерения религиозности.

Наиболее «универсальные» шкалы легли в основу измерения религиозности в таких сравнительных международных мониторинговых проектах, как European Social Survey (ESS), European Values Study (EVS), а также International Social Survey Program (ISSP). Грейс Дэви описывает их как примеры самых успешных и ценных проектов с применением количественных методов в социологии религии. Сразу стоит оговорить, что оба европейских мониторинга несут в себе несколько идеализированное и в полной мере идеологизированное представление об «общем пространстве Европы», и в какой-то степени повлияли на его реализацию.

Среди западных исследований религиозности стоит также отметить антропологическое направление, в частности эмпирические исследования, проводившиеся в Украине и Восточной Европе. Здесь стоит назвать две монографии. Во-первых, работу Влада Наумеску о греко-католиках и православных на Западной Украине, отчасти опирающуюся на идеи канадского католического философа и социолога Чарльза Тейлора. Во-вторых, это изданный в Германии сборник статей «Трансформации религиозности: религия и религиозность в Восточной Европе», ориентированный на идеи плюрализма в религиозной сфере. И хотя работа посвящена всей Восточной, и отчасти Центральной Европе, в ней уделяется некоторое внимание

«подозрительному усилению влияния Православной Христианской Церкви» (Р. 34), что объясняется исключительно «тесной связью с российским государством».

В отечественной литературе понятие «религиозности» разрабатывалось в рамках социально-философской проблематики, культурологических исследований, где уделялось внимание историческому аспекту этого явления, его содержательному наполнению, а также культурной и социальной антропологии. Среди культурологических исследований стоит упомянуть диссертации Ю.В. Рыжова «Новая религиозность в современной культуре», А.А. Мурзина «Народная религиозность как феномен культуры». Социально-философскому осмыслению проблематики религиозности в современной России посвящены работа Т.А. Бажан «Оппозиционная религиозность в России: Социально-философский анализ», монография О.Ф. Лобазовой «Религиозность в современной России: факторы динамики». Среди российских антропологических исследований религиозности, вероятно, самыми интересными можно признать работы Ж.В. Корминой, а также исследования Панченко А.А. по исследованию так называемого «народного православия».

Обращаясь к традиции отечественных социологических теорий и религиоведческих концепций, которые связаны с понятием «религиозности», можно выделить три крупных группы исследований. Во-первых, это труды советских ученых, которые занимались первыми исследованиями в области религии в нашей стране. Среди самых значимых авторов — И.Н. Яблоков, Д.М. Угринович, В.И. Гараджа, М.Г. Писманик и др. Вторая группа исследований своим объектом ставит не только традиционные религиозные организации, но также изучает новые религиозные движения. Такие авторы, как Л. Н Митрохин, Е. Г. Балагушкин, М. П. Мчедлов, П. С. Гуревич и др., опираясь на западные источники, эмпирические исследования, подробно разрабатывают понятийный аппарат.

Третья группа исследований – это работы, в которых проводится комплексный анализ религиозности в современной России, а также методологический синтез имеющихся за рубежом и в России эмпирических исследований и теоретических концепций. Здесь стоит выделить таких авторов, как А. Кырлежев, А. Кураев, Л. И. Григорьева, М. Штерин. Отдельно стоит упомянуть труды Ю.Ю. Синелиной и ее учеников, где уделялось внимание уровню религиозности общества и его динамики. А также работы самарского исследователя Е.А. Колякиной, которая занималась темой религиозности в малых провинциальных городах с учетом многомерности понятия религиозности, включающего и религиозную идентификацию, и религиозные практики и другие социально-значимые факторы.

В настоящее время российские ученые в области социологии религии, выделяют, как правило, два критерия религиозности:

- религиозное поведение – участие в религиозной деятельности, соблюдение обрядов.
- содержание и уровень религиозного сознания индивида – эмоционально-религиозное представление. При этом, принято говорить о трех показателях: 1. содержании самой религиозной веры; 2. интенсивности религиозной веры; 3. и информированности индивида о вероучении.

Именно эти показатели, как правило, включаются в исследования измерения уровня религиозности, от них же отталкиваются при фиксации трансформации религиозности. Но есть ряд и других показателей трансформации религиозности, речь о которых подробнее пойдет в заключительной части доклада.

1. *«Иван и Яков - необычные святые из болотистой местности. "Крестьянская агиология" и религиозные практики в России нового времени» и Народное православие. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.: Алетей, 1998.*
2. *Колякина Е.А. Религиозность населения малых провинциальных городов: социологический анализ // «Вестник Самарского университета» 2007, № 5/2.*
3. *Кормина Ж.В. Новые формы религиозной жизни в современной России: к постановке вопроса // В кн.: XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 2. / Отв. ред.: Е. Г. Ясин. Кн. 2. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.*
4. *Синелина Ю.Ю. Изменение религиозности населения России: православные и мусульмане: суеверное поведение россиян. М., Наука. 2006.*
5. *Berry J. W. Immigration, acculturation and adaptation. Applied Psychology: An International Review, 1997. Vol. 46. P. 5–68.*

6. Davie G. *The Sociology of Religion*. Los Angeles, London et. al: Sage Publications, 2007. P. 112-114.
7. *Measures of religiosity* / Ed. by P.C. Hill u R.W. Hood. Birmingham, Ala.: Religious Education Press, 1999.
8. Naumescu V. *Modes of Religiosity in Eastern Christianity: Religious Processes and Social Change in Ukraine*. Halle Studies in the Anthropology of Eurasia. Vol. 15. / Ed.by C. Hann, R. Rottenburg, B. Schnepel. New Brunswick, London: Transaction Publishers. 2006.
9. Neff J.A. *Exploring the Dimensionality of "Religiosity" and "Spirituality" in the Feltzer Multidimensional Measure* // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2006. Vol. 45. No. 3. P. 449-459.
10. *Transformations of Religiosity: Religion and Religiosity in Eastern Europe 1989-2010* / Ed. by G. Pickel, K. Sammet. Berlin, Heidelberg, Wiesbaden: Springer VS, 2012.

СОЦИАЛЬНЫЙ И ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОДЕРНИЗИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

Поздеева Е.Г., Евсеева Л.И. (Санкт-Петербург)

Аннотация. В статье выявляются особенности социального и личностного потенциалов, релевантных модернизационным процессам, протекающих в российском обществе в последние десятилетия. Ставится проблема существенных различий характеристик потенциалов, противоречивости и неустойчивости их социально-личностного содержания. Это актуализирует проблему общей оценки социального и личностного потенциала, а так же задачу анализа путей их формирования в развивающихся коммуникационных средах в направлении развития адаптационных способностей субъектов.

Будущее российского общества видится большинству россиян в контексте продолжающейся модернизации, что предполагает понимание в этом процессе роли социального и личностного потенциала и целенаправленное их совершенствование. Однако современные тенденции, отражающие явления макро- и микроуровня, показывают, что еще нет достаточной ясности ни в конкретном наполнении этих потенциалов, ни в линиях их взаимосвязи. То, что современный россиянин за годы реформ изменился, это бесспорно. Показательно, что в вопросе о стоимости собственной жизни россияне демонстрируют заметную динамику: за пару лет стоимость жизни в России, выраженная в оценках респондентов, возросла в два раза и составляет 1,2 миллиона долларов, что все же чуть более чем в 2 раза ниже среднего показателя по всему миру. Наметившийся рост этого показателя связывают с повышением самооценки людей, осознанием ими своей большей востребованности на рынке труда, и очевидно, с изменением взгляда на измеримые аспекты ценности и качества жизни [1]. Но становится ли россиянин более рациональным, как меняются его взгляды на оптимальный набор личностных качеств, который позволяет преодолевать трудности в режиме меняющегося общества и достигать собственных целей, сфокусированных на успех. Проблемы адекватности личностных установок современным запросам, повышения уровня коллективной готовности к переменам, общий оптимизм во взглядах на будущее – эти моменты заставляют более пристально взглянуть на складывающийся потенциал активности в процессе текущих изменений и достижения желаемого благополучия.

Социальной базой модернизации общества остается средний класс, реально составляющий, по оценкам социологов, примерно четверть населения [2]. Характерной чертой является то, что накопление модернизационного потенциала общества происходило в основном среди населения крупных городов и столицы, и эта тенденция сохраняется сегодня. В структуре этого активного слоя выделяются элементы, нацеленные на изменения: «высокостатусные» группы, «эксперты», «руководители», «реалисты». Представителей этих групп отличает преимущественно высокий уровень образования, накопленный культурный капитал, ориентированный на рыночные ценности, сложившаяся мотивация к развитию, поддержание либеральных ценностей. В выделенном социальном слое отмечают особенности менталитета, формирующиеся на фоне особого благоприятного социального самочувствия, рыночной мотивации – так, 70% прикладывают усилия для более успешной работы. Ментальным характеристикам, свойственным этому слою, сообщает позитивный заряд оптимистическое видение будущего. Эти группы в жизненных стратегиях позитивно настроены, положительно оценивают ближайшее и отдаленное будущее. Они занимают активную позицию, т.к. их рыночные ориентированные устремления нацелены в первую очередь на собственное благополучие, это способствует нацеленности на продуктивную деятельность, что приносит свой результат, воплощенный в конкретных достижениях. Они также более активны в получении

дополнительного образования, чаще работают на второй работе, ищут и используют возможности дополнительного заработка. Их деловая позиция отличается отказом от патернализма в сторону активизма.

Важным показателем культурной модернизации общества выступает изменение ценностей. Здесь последнее время наблюдается возрастающая ценностная консолидация несмотря на условия ухудшения экономического положения населения. Бурные этапы реформирования привели, наконец, к стабилизации ценностной системы и одновременно обнаружили доминирование типа смешанных ценностей. Этот тип означает состояние, когда уживаются вместе «материалистические» и «постматериалистические» ценности, что в свою очередь формирует новый набор стилей жизни [3]. Эта ситуация вполне показательна: выступая как сложившийся, этот тип свидетельствует о накопленном потенциале, в котором соприносятся глубоко укоренившиеся элементы как отголоски прошлого, так и элементы, сформированные под влиянием нового коммуникативного пространства, апробированные в новых ситуациях.

В контексте социального потенциала личностный тип россиянина обнаруживает свою противоречивость. Он отмечен уникальным сочетанием архетипических элементов, сформированных еще в советском прошлом, и новых структур, возникших в ответ на рыночные вызовы. Это обуславливает неустойчивость личности, двойственность поведенческих проявлений, неуверенность в себе в жизненных ситуациях, зависящих от саморефлексии [4]. Чем пристальнее мы вглядываемся в личность и ее жизненный мир, тем актуальнее видится проблема формирования новых адаптационных способностей, которая не может быть решена без глубокого изучения специфики коммуникативных сред, стабилизации и упорядочения инструментов и технологий коммуникаций [5]. Современная социокоммуникативная среда влияет на параметры адаптации человека, на модели поведения и предъявляет требования к ресурсам. Смысловая нагрузка адаптационных процессов заключается в формировании навыков оптимизации вариантов жизнедеятельности, отвечающих одновременно и интересам личности и уровню развития социума.

Оценивая сложившийся личностный потенциал, Л.Д. Гудков отмечает, что россияне демонстрируют сужение представлений о многообразии структур общества и реального взаимодействия, ограничение социально-политического горизонта, ригидность убеждений, что приводит к мысли об одномерности. Это производит иное впечатление: высвечивается фрагментация общественной и интеллектуальной жизни, где господствует атомистический индивидуализм. Субъект видит себя, прежде всего, в роли простого потребителя, делает ставку на минимализм, ограничение, отбирая только то, что нужно для выживания [6]. Возможно, в сознании россиянина происходит блокировка идеи сложно структурированной системы, что обусловлено стоящей за этим высокой индивидуальной ответственностью, неумением легко управлять активами и гибко реагировать на ситуацию – качествами, еще недостаточно устоявшимися в личностном арсенале и коллективном действии, еще не окрепшими под воздействием быстро протекающих реформ общества.

Таким образом, очевидна ситуация, которую можно обозначить как «разница потенциалов»: на социальном уровне заметна готовность к новым задачам, сдвиги в сторону более высокой адаптивной реакции, постановка стратегических целей и аккумуляция ресурсов. Но это достигается сужением горизонтов личностной свободы, упрощением жизненных программ, снятием доли ответственности, более короткой перспективой оптики в отношении будущего. И было бы неверно связывать эти ограничения с природной сущностью россиянина или типом постсоветского человека. Скорее речь идет о срабатывании привычной колеи развития, которая для всех впереди ставит труднодостижимые цели и одновременно заставляет каждого на своем пути к ним отказаться от «лишнего багажа». При этом коммуникативное поле – пространство взаимодействий, - увлечено самим собой, насыщением новых практик, отработыванием разных технологий. Эта игра вовлекает и увлекает всех участников, снимая остроту других проблем. Однако для социологии актуальным вопросом остается взаимосвязь личностного и социального потенциала, отражающая кумулятивные процессы в условиях меняющейся среды.

Аннотация. В статье выявляются особенности социального и личностного потенциалов, релевантных модернизационным процессам, протекающих в российском обществе в последние десятилетия. Ставится проблема существенных различий характеристик потенциалов, противоречивости и неустойчивости их социально-личностного содержания. Это актуализирует проблему общей оценки социального и личностного потенциала, а так же задачу анализа путей их

формирования в развивающихся коммуникационных средах в направлении развития адаптационных способностей субъектов.

Будущее российского общества видится большинству россиян в контексте продолжающейся модернизации, что предполагает понимание в этом процессе роли социального и личностного потенциала и целенаправленное их совершенствование. Однако современные тенденции, отражающие явления макро- и микроуровня, показывают, что еще нет достаточной ясности ни в конкретном наполнении этих потенциалов, ни в линиях их взаимосвязи. То, что современный россиянин за годы реформ изменился, это бесспорно. Показательно, что в вопросе о стоимости собственной жизни россияне демонстрируют заметную динамику: за пару лет стоимость жизни в России, выраженная в оценках респондентов, возросла в два раза и составляет 1,2 миллиона долларов, что все же чуть более чем в 2 раза ниже среднего показателя по всему миру. Наметившийся рост этого показателя связывают с повышением самооценки людей, осознанием ими своей большей востребованности на рынке труда, и очевидно, с изменением взгляда на измеримые аспекты ценности и качества жизни [1]. Но становится ли россиянин более рациональным, как меняются его взгляды на оптимальный набор личностных качеств, который позволяет преодолевать трудности в режиме меняющегося общества и достигать собственных целей, сфокусированных на успех. Проблемы адекватности личностных установок современным запросам, повышения уровня коллективной готовности к переменам, общий оптимизм во взглядах на будущее – эти моменты заставляют более пристально взглянуть на складывающийся потенциал активности в процессе текущих изменений и достижения желаемого благополучия.

Социальной базой модернизации общества остается средний класс, реально составляющий, по оценкам социологов, примерно четверть населения [2]. Характерной чертой является то, что накопление модернизационного потенциала общества происходило в основном среди населения крупных городов и столицы, и эта тенденция сохраняется сегодня. В структуре этого активного слоя выделяются элементы, нацеленные на изменения: «высокостатусные» группы, «эксперты», «руководители», «реалисты». Представителей этих групп отличает преимущественно высокий уровень образования, накопленный культурный капитал, ориентированный на рыночные ценности, сложившаяся мотивация к развитию, поддержание либеральных ценностей. В выделенном социальном слое отмечаются особенности менталитета, формирующиеся на фоне особого благоприятного социального самочувствия, рыночной мотивации – так, 70% прикладывают усилия для более успешной работы. Ментальным характеристикам, свойственным этому слою, сообщает позитивный заряд оптимистическое видение будущего. Эти группы в жизненных стратегиях позитивно настроены, положительно оценивают ближайшее и отдаленное будущее. Они занимают активную позицию, т.к. их рыночные ориентированные устремления нацелены в первую очередь на собственное благополучие, это способствует нацеленности на продуктивную деятельность, что приносит свой результат, воплощенный в конкретных достижениях. Они также более активны в получении дополнительного образования, чаще работают на второй работе, ищут и используют возможности дополнительного заработка. Их деловая позиция отличается отказом от патернализма в сторону активизма.

Важным показателем культурной модернизации общества выступает изменение ценностей. Здесь последнее время наблюдается возрастающая ценностная консолидация несмотря на условия ухудшения экономического положения населения. Бурные этапы реформирования привели, наконец, к стабилизации ценностной системы и одновременно обнаружили доминирование типа смешанных ценностей. Этот тип означает состояние, когда уживаются вместе «материалистические» и «постматериалистические» ценности, что в свою очередь формирует новый набор стилей жизни [3]. Эта ситуация вполне показательна: выступая как сложившийся, этот тип свидетельствует о накопленном потенциале, в котором сосуществуют глубоко укоренившиеся элементы как отголоски прошлого, так и элементы, сформированные под влиянием нового коммуникативного пространства, апробированные в новых ситуациях.

В контексте социального потенциала личностный тип россиянина обнаруживает свою противоречивость. Он отмечен уникальным сочетанием архетипических элементов, сформированных еще в советском прошлом, и новых структур, возникших в ответ на рыночные вызовы. Это обуславливает неустойчивость личности, двойственность поведенческих проявлений, неуверенность в себе в жизненных ситуациях, зависящих от саморефлексии [4]. Чем пристальнее мы вглядываемся в личность и ее жизненный мир, тем актуальнее видится проблема

формирования новых адаптационных способностей, которая не может быть решена без глубокого изучения специфики коммуникативных сред, стабилизации и упорядочения инструментов и технологий коммуникаций [5]. Современная социокоммуникативная среда влияет на параметры адаптации человека, на модели поведения и предъявляет требования к ресурсам. Смысловая нагрузка адаптационных процессов заключается в формировании навыков оптимизации вариантов жизнедеятельности, отвечающих одновременно и интересам личности и уровню развития социума.

Оценивая сложившийся личностный потенциал, Л.Д. Гудков отмечает, что россияне демонстрируют сужение представлений о многообразии структур общества и реального взаимодействия, ограничение социально-политического горизонта, ригидность убеждений, что приводит к мысли об одномерности. Это производит иное впечатление: высвечивается фрагментация общественной и интеллектуальной жизни, где господствует атомистический индивидуализм. Субъект видит себя, прежде всего, в роли простого потребителя, делает ставку на минимализм, ограничение, отбирая только то, что нужно для выживания [6]. Возможно, в сознании россиянина происходит блокировка идеи сложно структурированной системы, что обусловлено стоящей за этим высокой индивидуальной ответственностью, неумением легко управлять активами и гибко реагировать на ситуацию – качествами, еще недостаточно устоявшимися в личностном арсенале и коллективном действии, еще не окрепшими под воздействием быстро протекающих реформ общества.

Таким образом, очевидна ситуация, которую можно обозначить как «разница потенциалов»: на социальном уровне заметна готовность к новым задачам, сдвиги в сторону более высокой адаптивной реакции, постановка стратегических целей и аккумуляция ресурсов. Но это достигается сужением горизонтов личностной свободы, упрощением жизненных программ, снятием доли ответственности, более короткой перспективой оптики в отношении будущего. И было бы неверно связывать эти ограничения с природной сущностью россиянина или типом постсоветского человека. Скорее речь идет о срабатывании привычной колеи развития, которая для всех впереди ставит труднодостижимые цели и одновременно заставляет каждого на своем пути к ним отказаться от «лишнего багажа». При этом коммуникативное поле – пространство взаимодействий, - увлечено самим собой, насыщением новых практик, отработыванием разных технологий. Эта игра вовлекает и увлекает всех участников, снимая остроту других проблем. Однако для социологии актуальным вопросом остается взаимосвязь личностного и социального потенциала, отражающая кумулятивные процессы в условиях меняющейся среды.

1. Жандарова И. Россияне оценили свою жизнь в 1,2 миллиона долларов// *Российская газета*, 27.06.2017. [Электронный ресурс]. <https://rg.ru/2017/06/27/rossiane-ocenili-svoiu-zhizn-v-12-milliona-dollarov.html>
2. Беляева Л.А., Динамика отношения россиян к социально-экономическим и политическим изменениям// *Социологические исследования*, 2011, №10 . С.11-25.
3. Головин Н.А., Сибирев В.А. О возможности культурной рецессии в России 2010-х гг.: Размышления над исследованием ценностей // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2016, №3. С. 80-94.
4. Поздеева Е.Г. *Постсоветская реальность: проблема личностного типа/ Коммуникативные среды информационного общества: Тренды и традиции: Труды Междунар. науч.-теор. конф. 28-29 октября 2016 года СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2016. С.85-87.*
5. Евсеева Л.И., Евсеев В.В. Проблема социальной адаптации человека в новых коммуникативных средах // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. 2017. Том 8, № 2. С.20-30.
6. Гудков Л. Кризис понимания «реальности»// *Вестник общественного мнения* №3-4 (122) июнь-декабрь 2016. С.29-51. [Электронный ресурс]. <http://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2017/06/Vestnik-obshhestvennogo-mneniya-3-4-2016.-Levada-TSentr.pdf>.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ В СФЕРЕ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, ВОЗМОЖНОСТИ, ОГРАНИЧЕНИЯ

Попова И.П. (Москва)

Формирование профессиональных карьер в сфере науки и технологий в условиях быстро меняющихся требований к профессиональному уровню занятых в ней работников включает создание возможностей повышения квалификации, накопления профессионального опыта, взаимодействия на уровне международных профессиональных сообществ и связей. При этом важны возможности влияния различных акторов на различных уровнях формирования научно-технической политики. В их числе – профессиональные ассоциации ученых и инженеров. В докладе рассматривается специфика практики их деятельности в отношении профессионального развития, возможности и ограничения в этом различных типов профессиональных ассоциаций.

Различные типы карьер в сфере науки и технологий зависят от взаимосвязанности различных уровней, в том числе уровня профессиональных групп, в создании структур, регулирующих условия их формирования. Проблемой становится включение в эти структуры механизмов профессионального контроля, поддерживающих регулирование условий для тех или иных образцов карьеры через создание возможностей и норм взаимоотношений с государством, рынком, обществом. Организация таких взаимодействий рассматривается в числе функций профессиональных ассоциаций в сфере науки и технологий. В докладе ставится цель - выявить способы действий современных профессиональных научных и инженерных ассоциаций в России в отношении профессионального развития занятых в данной сфере специалистов. Что определяет сильные и слабые позиции в этих взаимодействиях? Каковы возможности и ограничения влияния профессиональных ассоциаций различных типов?

Эмпирической базой анализа послужили данные экспертных полуструктурированных интервью с руководителями профессиональных научных и инженерных организаций (ассоциаций), которые были проведены в ходе двух исследований – в 2013-2014 (проект НИУ ВШЭ, рук. А. Московская, см.: [1]) и 2015-2016 гг. (проект «Инженерные династии в России», поддержанный РГНФ, рук. В.А. Мансуров). Основу инструментария составили сходные вопросы о характеристиках, функциях и особенностях практической деятельности ассоциаций. Анализируется 15 интервью с руководителями профессиональных (ассоциаций) в сфере науки и технологий. Среди них можно выделить «старые» профессиональные организации, созданные в советский и даже досоветский период, которые провозглашают преемственность своей деятельности в разные периоды, и «новые» профессиональные организации, созданные в изменившихся условиях и ставящие в качестве одной из целей адаптацию к новым требованиям.

Анализ документов, которые публикуют такие ассоциации, прежде всего в Интернете, выявляет достаточно широкий круг деятельности. Особое место принадлежит работе по профессиональному развитию, включающей в том числе разработку этических стандартов и норм; участие в аттестации, аккредитации работников; проведение специализированных семинаров, конкурсов среди специалистов и студентов в профильных вузах; контроль качества работы и лицензирование; информирование и интеграция профессионального сообщества; развитие взаимодействия с международными профессиональными организациями [1, с. 69].

Участие в развитии профессионального образования - одна из значимых функций профессиональных ассоциаций, прежде всего тех из них, которые действуют в сфере инженерного образования.

Профессионально-общественная аккредитация инженерных образовательных программ, которую проводят такие ассоциации, становится влиятельной формой профессионального контроля. Она проводится параллельно с государственной аккредитацией образовательных программ, устанавливая их соответствие профессиональным требованиям. Кроме того, эта аккредитация учитывает требования и критерии авторитетных международных организаций, и тем самым «способствует повышению конкурентоспособности российских инженерных программ» [2, с. 5]. Работу по аккредитации признают важной профессиональные ассоциации, представляющие статус инженеров в целом, но масштаб такой деятельности ограничен: «Точечно это уже делается. Вопрос в том, как придать этому массовый характер» [3, с. 219]. Продолжением этой работы профессиональные ассоциации считают создание системы сертификации инженеров и предпринимают усилия в этом, которые также ограничены в масштабе.

Помощь и взаимодействие с вузами практикуют некоторые отраслевые профессиональные ассоциации. Формы этого взаимодействия разнообразны – например, через вовлечение вузов в ассоциации, работу со студентами. В задачи ПА может входить также согласование профессиональных и образовательных стандартов по новым профессиям, которые становятся необходимыми на предприятиях.

Просветительская научно-техническая деятельность в обществе - направление, характерное прежде всего для научно-технических профессиональных организаций, продолжающих традиции непосредственных предшественников. В качестве основной формы такой деятельности чаще всего называют конференции, лекции. В то же время это и фактор профессионального развития. «Конференции, публикации (...) Это школа, обучение, это продвижение».

Одним из выводов исследования является то, что среди наиболее значимых ресурсов влияния профессиональных ассоциаций на формирование условий профессионального развития – специфика отрасли, опора на взаимодействия с международным профессиональным сообществом, масштабы которых различны у профессиональных ассоциаций разного типа.

1. *Попова И.П. Профессиональные ассоциации инженеров: попытка типологизации // Человек и труд. 2013. С. 68-69.*
2. *Попова И.П. Образование и преемственность российских инженеров: новые вызовы, старые проблемы (интервью с Ю.П. Похолоковым, президентом Ассоциации инженерного образования России) // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. № 11. С. 3-8.*
3. *Попова И.П. Российский союз научных и инженерных объединений: роль в инженерном образовании. Интервью с вице-президентами Российского союза научных и инженерных общественных объединений (РосСНИО) В. М. Ситцевым и В. М. Жураковским // Социология науки и технологий. 2016. № 1. С. 206-219.*

ДОСТУПНОСТЬ И КАЧЕСТВО УСЛУГ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

Посохова Н.В., Миронова М.В., Гричаникова И.А. (Белгород)

Недостаточная информационная обеспеченность, отсутствие в некоторых населённых пунктах специальных условий для лиц с ограниченными физическими возможностями в отдельных учреждениях культуры и искусств снижает доступность их услуг населению и, как следствие, негативно сказывается на уровне удовлетворённости их качеством. Для граждан с ограниченными физическими возможностями трудности реализации прав на участие в культурной жизни, в первую очередь, выражаются в отсутствии у значительной части учреждений и объектов культуры специального оборудования (пандусов, подъемников).

В целом, для всех категорий населения проблема доступности и привлекательности услуг в сфере культуры и искусств решается посредством расширения сети учреждений и объектов культуры, развития системы информационного сопровождения культурно-досуговых мероприятий, являющихся для подавляющего большинства потребителей основным источником приобщения к продуктам творческой деятельности, реализации программы «Доступная среда».

Эффективность деятельности учреждений культуры и искусств рассматривается через такое качество услуг, которое способствует удовлетворению культурно-ценностных интересов общества и интересов конкретного человека – творца и потребителя культурных благ. В этом случае целью деятельности данных учреждений является создание и поддержание таких условий, при которых их услуги, будут востребованы и адресны.

Это предполагает, что, во-первых, каждый человек может получить желаемую услугу вне зависимости от своего социального статуса, уровня жизни, места проживания, что характеризует понятие «доступность услуг».

Во-вторых, действия по предоставлению услуги со стороны учреждения культуры и искусств, так же как и в любом другом виде услуг, должны быть в максимальной (или оптимальной) мере ориентированы на интересы потребителя, т.е. соответствовать культурным потребностям и ожиданиям людей.

В-третьих, исходя из специфики предоставляемых в сфере культуры услуг (в большинстве своём данный вид услуг имеет «творческий характер», не имеющий чётких стандартов и критериев оценивания), крайне важно, чтобы содержание оказываемой услуги было доступно культурному уровню потребителя и удовлетворяло его полученным результатом.

Культурные блага являются результатом деятельности организаций культуры, которые для их получения используют финансовые, материально-технические, информационные, кадровые ресурсы. Наличие достаточных ресурсов определяет производственный потенциал субъектов культурной деятельности, реальную возможность реализации социально-культурных проектов и инициатив.

Важной составляющей в оценке качества услуг сферы культуры и искусств является развитие процессов информатизации данной сферы. Несмотря на значительные усилия со стороны государственной власти, на сегодняшний день по-прежнему отсутствует единый информационный ресурс, представляющий культуру Белгородской области во всей её полноте. Белгородские государственные учреждения и другие субъекты культурной деятельности также используют информационные технологии недостаточно эффективно.

Следствием этого является проблема информированности населения о предоставляемых в сфере культуры услугах. Стоит отметить, что молодежь – одна из важнейших целевых групп потребителей услуг учреждений культуры и искусств, слабо владеет необходимой информацией.

Учитывая возрастные особенности этой категории населения, характеризующейся зависимостью от окружающего социального мира, отсутствием жизненного опыта, существенной оказывается проблема негативного влияния на формирование у молодежи культурно-нравственных ценностей и положительного восприятия родной традиционной культуры.

Однако даже доступность и открытость канала информации об услуге еще не означает надежности информации. «Поверхностную» информацию можно получить практически из любого источника, но в некоторых вопросах, предполагающих детальную информацию, многие из доступных каналов проигрывают в точности сформированного знания. Например, это особенно заметно в передаче друзьями и знакомыми опыта пользования услугой. Поэтому, владея информацией, сотрудникам этих учреждений необходимо общаться с потребителями своих услуг и устанавливать обратную связь.

Право на доступ к культурным ценностям и участие в культурной жизни относится к основным правам личности и гарантируется государством. Оценка качества услуг, предоставляемых в сфере культуры Белгородской области государственными учреждениями, не может быть реализована вне целевого контекста рассматриваемой проблемы и ситуации, на фоне которой она проявляется. Стратегической целью развития сферы культуры в нашем регионе является создание качественной социально-природной среды обитания, где каждый человек имеет возможность приобщиться к культуре и творчеству, а культурная жизнь региона становится частью его повседневного бытия.

Таким образом, проанализировав совокупность всех факторов, положительно и отрицательно влияющих на показатели удовлетворённости населения качеством услуг, предоставляемых в сфере культуры и искусств, можно сделать следующий вывод. Количество положительных факторов преобладает, что подтверждается устойчивой положительной динамикой развития сферы культуры Белгородской области на протяжении последних лет. Спектр услуг учреждений культуры ежегодно расширяется, а потребление их растёт.

1. Аналитическая и статистическая информация Управления культуры Белгородской области [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.belkult.ru/info/articles> (дата обращения 06.06.2016)
2. Гордин В.Э., Хорина Л.В. Инновационная стратегия развития культуры и повышение качества жизни населения (на примере Санкт-Петербурга) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.gosbook.ru/node/34370> (дата обращения 07.04.2016)
3. Кононенко Б.И. Большой толковый словарь по культурологии. – М.: Вече, 2003. – 454 с.
4. Национальная энциклопедическая служба / [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://vocabulary.ru/dictionary> (дата обращения 01.04.2016)
5. Независимая оценка качества. Управление культуры Белгородской области [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.belkult.ru/info/Nezavisimaya_ocenka_kachestva (дата обращения 02.03.2016)
6. Новейший социологический словарь Составители: А. Грицанов, В. Абушенко, Г. Евелькин и др. – М.: Книжный Дом, 2010. – 1312 с.
7. Современная культурная политика как креативная деятельность: управление и инновации. Коллективная монография в 2 частях под общ. ред. Астафьевой О. Н. — СПб, ЭЙДОС, 2015. — 639 с.

ВЫДЕЛЕНИЕ ГРУПП ОПТИМИСТОВ И ПЕССИМИСТОВ НА ОСНОВЕ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ

Привалов И.В. (Нижний Новгород)

На основе вторичного анализа данных всероссийских опросов ВЦИОМ (с 2013 года) и собственного исследования «Политические установки нижегородских студентов» осуществлен анализ социального самочувствия жителей России. Выделены группы оптимистов и пессимистов и рассмотрены факторы, определяющие их самочувствие. Выявлено разнообразие их установок и воззрений.

Именно социальное самочувствие во многом определяет собой мировосприятие и мировоззрение людей, их экономический и политический выбор [1]. В период радикального преобразования всех сторон жизни российского общества социальное самочувствие населения страны постоянно менялось. Наиболее тревожным самочувствие людей было в период перестройки и начала радикальной экономической реформы – в начале 1990-х годов [2, с. 100–101]. Тревожное состояние сохранялось в течение последнего десятилетия XX века, но с началом 2000-х годов жители России стали всё более спокойно воспринимать окружающую действительность, хотя второе десятилетие XXI века было наполнено не только серией экономических кризисов, но и военными действиями в соседнем государстве, на границах РФ.

Социальное самочувствие индицируется прежде всего степенью удовлетворенности людей своей жизнью и в этом отношении сегодня жителям России свойственен оптимизм – 39% удовлетворены жизнью полностью или частично, почти половину что-то устраивает в их жизни, а что-то не устраивает. Довольно велика также и доля пессимистично настроенных людей, которых их собственная жизнь в той или иной степени не устраивает (14%), однако людей, которых собственная жизнь устраивает в два с лишним раза больше, чем пессимистов (39%). Важным моментом является то, что почти половина респондентов отмечает, что их что-то устраивает, а что-то нет, но учитывая соотношение оптимизма и пессимизма, очевидно, что в числе этой части частично удовлетворенных все же больше тех, кого обстоятельства жизни устраивают в большей мере, чем не устраивают.

Эти данные находят свое продолжение в оценках материального положения семьи. Более двух третей оценивают свое материальное положение как среднее. Понятно, что это среднее материальное положение включает в себя очень разные понятия – от более-менее обильного жизнеобеспечения, до довольно скудного. Понятно также, что шкала эта неудовлетворительна: дифференцируется только небольшая часть населения – с плохим и очень плохим материальным положением (17%) и хорошим или очень хорошим (13%). Очень хорошим свое материальное положение сочли лишь 8 человек (0,49% – округляется до 0%), а очень плохим – 13 человек (0,8%). Но очень плохое материальное положение трудно отличить от просто плохого, как и очень хорошее – от просто хорошего. В этих оценках наблюдается большая доля эмоционального восприятия собственного бытия и очевидно, что эти данные нуждаются в корректировке и более активном анализе – ВЦИОМ зачастую ограничивается только анализом линейных распределений.

Такая корректировка может быть получена с помощью пересечения ответов на эти вопросы. И действительно, среди людей, отмечающих средний уровень своего материального положения, 6% говорят о том, что качество своей жизни их не устраивает (по большей части или совершенно), а более четверти отмечают повышенный уровень удовлетворенности своей жизнью. Таким образом, некое среднее материальное положение в сочетании со средней удовлетворенностью жизни испытывает примерно треть, а не половина жителей России. В этой связи особый интерес представляют две полярные группы. Во-первых, людей, оценивающих свое материальное положение как хорошее и отмечающих, что жизнь их вполне или по большей части устраивает. Во-вторых, людей, которых собственная жизнь не устраивает и имеющих плохое материальное положение. Эти группы небольшие – 10% с оптимистическим восприятием жизни и 8% – с пессимистическим. Такой размер групп возможен при формировании их с использованием операции конъюнкция дизъюнкций, то есть в данном случае оптимисты – это люди, которых собственная жизнь вполне или по большей части устраивает, и свое материальное положение они оценивают, как хорошее или очень хорошее. Оптимисты дают только положительные оценки своего мировосприятия. А пессимисты в данном случае – это люди, дающие только отрицательные оценки. В этих группах нет людей, дающих средние оценки, они дают только положительные или только отрицательные оценки.

Однако при формировании таких групп с использованием операции дизъюнкция эти группы становятся больше: группа оптимистов составит 42% выборки, а пессимистов – 23%.

Оптимисты – это люди, которых вполне или по большей части устраивает собственная жизнь и при этом они оценивают материальное положение своей семьи как хорошее или очень хорошее. В число оптимистов в данном случае попадают люди, в оценках которых присутствует хотя бы одна позитивная оценка из четырех. Пессимисты же, напротив, отмечают, что собственная жизнь их не устраивает совершенно или по большей части и при этом они оценивают материальное положение семьи как плохое или очень плохое. В число пессимистов входят все, кто дал хотя бы одну отрицательную оценку из четырех. Понятно, что операция дизъюнкции охватывает не только тех, кто дает положительные или отрицательные оценки, но и тех, кто дает оценки средние. Таким образом, можно анализировать широкие и узкие группы респондентов. Широкие группы больше по размеру и их мировосприятие в большей мере соответствует социально-психологической ситуации в стране. Узкие группы контрастнее, ярче, но их представители являют собой акцентированные типы данного профиля. Это просматривается и в совокупности ответов, на основе которых были выделены эти группы. Так, 17% представителей широкой группы оптимистов говоря об очень хорошем и просто хорошем материальном положении своей семьи (табл. 1). При этом 80% из них отмечают, что материальное положение их семьи является средним и более того, есть отдельные оптимисты, которым плохое материальное положение не мешает говорить о том, что жизнь их в целом устраивает. А оптимисты из узкой группы считают свое материальное положение хорошим или очень хорошим, и никто не говорит о среднем материальном положении.

Т а б л и ц а 1
Оценка материального положения своей семьи представителями групп оптимистов и пессимистов, %

Материальное положение	Выборка	Оптимисты		Пессимисты	
		Широкая	Узкая	Широкая	Узкая
Очень хорошее	0	1	4	0	0
Хорошее	12	16	96	0	0
Среднее	69	80	0	71	0
Плохое	16	2	0	27	92
Очень плохое	1	0	0	1	8

Аналогично отличаются оценки собственного материального положения пессимистов из широкой и узкой групп. Почти три четверти представителей широкой группы пессимистов оценивают свое материальное положение как среднее, более четверти говорят о плохом материальном положении. В узкой группе 92% считают свое материальное положение плохим и еще 8% – очень плохим. Половина оптимистов из широкой группы отмечают, что жизнь их устраивает, но не вполне, а вторая половина говорит о том, что жизнь их устраивает по большей части или вполне устраивает (табл. 2). В узкой группе всех оптимистов их собственная жизнь устраивает по большей части или вполне. И пессимисты из широкой группы не крайне пессимистичны: три четверти из них говорят о том, что жизнь их в большей или меньшей мере устраивает, несмотря на неудовлетворительное материальное положение. Треть пессимистов узкой группы являются глубокими пессимистами в силу того, что жизнь их совершенно не устраивает, а остальных жизнь не устраивает по большей части.

Т а б л и ц а 2
Оценка удовлетворенности своей жизнью представителями групп оптимистов и пессимистов, %

Удовлетворенность жизнью	Выборка	Оптимисты		Пессимисты	
		Шир.	Узк.	Шир.	Узк.
Вполне устраивает	9	11	38	0	0

По большей части устраивает	30	39	62	3	0
Отчасти устраивает, отчасти нет	46	50	0	72	0
По большей части не устраивает	10	0	0	18	66
Совершенно не устраивает	4	0	0	7	34

Следует отметить, что пессимисты являют собой группу, заметно отличающуюся по своему социальному самочувствию от всего населения страны. Так, они заметно реже, чем все респонденты, ожидают, что жизнь их улучшится, и заметно чаще ожидают ухудшения качества своей жизни. Оптимисты же чаще ожидают улучшения и реже – ухудшения своей жизни, но их оценки ближе к среднестатистическим, чем оценки пессимистов. И это связано не только с тем, что группа оптимистов вдвое больше группы пессимистов, но и с тем, что население страны в целом испытывает довольно оптимистичное самочувствие.

1. Привалов, И.В. Политическая активность россиян: вторичный анализ данных ВЦИОМ // Социальные преобразования и социальные проблемы. Сборник научных трудов. Вып. 16. – Н.Новгород: изд. НИСОЦ, 2016. – С. 65–74.
2. Иудин А.А. Социальные трансформации: экономические установки населения и массовое политическое сознание (1988-1999 гг.). Нижний Новгород: НИСОЦ – Издательство Волго-Вятской академии государственной службы, 1999. – 330 с.

ЦЕННОСТНЫЙ АНАЛИЗ: РОССИЯ VS РЕГИОН, ПРОШЛОЕ VS СОВРЕМЕННОСТЬ.

Прокопчук Т. (Курск)

Аннотация. В статье представлена общая характеристика структуры ценностей российского общества в условиях активных модернизационных преобразований. Рассмотрена специфика ценностной структуры отдельного взятого региона (Курская область). Проведен анализ ценностной структуры в зависимости от культурного типа, а также рассмотрен данный аспект в динамике, начиная с 1990 года. Делается вывод о наличии несущественных различий в системах ценностей региона и России в целом. Выявляется тенденция спада традиционных ценностей, а также конкурирование современных и общечеловеческих ценностей между собой.

XXI век – век глобальных трансформаций, которые не всегда можно оценить однозначно. В современной России активно ведутся модернизационные мероприятия, затрагивающие практически все сферы общественной жизни. Важным инструментом в оценке изменения общественного состояния являются ценности, так как именно они в первую очередь реагируют на все трансформационные процессы. Основу нашей работы составляют исследования: «Ценности и интересы Россиян», проведенное Институтом социокультурных изменений ИФРАН в 2015 году (N=1031) [2], а также данные регионального социологического исследования, проведенного в Курской области в 2016 году (N=500).

Как показало исследование, сегодня в структуре ценностей россиян преобладают ценности: семья, порядок и жизнь человека. В современном научном знании существует огромное количество классификаций ценностей в зависимости от разных принципов. В нашей работе мы за основу примем классификацию культурно различных типов ценностей, предложенную Н.И. Лапиным [1].

Таблица 1. Культурные типы базовых ценностей

Тип ценностей	Традиционные	Общечеловеческие	Современные
Терминальные	Традиция Семья	Порядок Благополучие Работа	Жизнь человека Свобода
Инструментальные	Жертвенность Своевольность	Общительность Нравственность Властность	Независимость Инициативность

Как видно из таблицы 1, автор выделяет три типа ценностей: традиционные, общечеловеческие и современные, а также проводит их градацию на терминальные и инструментальные. По результатам проведенного исследования было представлено следующее распределение: в российском обществе сегодня преобладает современный тип ценностей (4,21),

затем с небольшим отрывом представлены общечеловеческий (4) и на третьем месте традиционные ценности (3,80). Следует обратить внимание на то, что разброс оценок по каждому типу очень мал, так, разрыв между максимальным и минимальным значением составил 0,41. Данное распределение показывает, что в российском обществе отмечается тенденция гармоничного сосуществования всех типов ценностей.

В связи с тем, что все социальные процессы в нашем обществе протекают неравномерно в силу разнообразных экзогенных и эндогенных факторов среды, необходимо охарактеризовать систему ценностей на примере отдельно взятого региона (в нашем случае это Курская область). Итак, ядро региональной системы ценностей, также как и на всероссийском уровне составляют жизнь человека, порядок и семья. По составу ценности идентичны, разница отмечается лишь в приоритетности, так по России в целом первое место занимает ценность семьи, а по региону – жизнь человека, что является принципиальным отличием, так как ценность семьи относится к традиционному типу, а жизнь человека к современному. Что же касается распределения ценностей по культурному типу, то здесь мы видим аналогичное распределение, разница обнаруживается только в удельном весе значений по каждому типу ценностей: она ниже, чем по России в целом.

Таблица 2. Распределение ценностей в зависимости от культурного типа

Регион \ Тип ценностей	Россия	Курская область
Традиционный	3,80	3,51
Общечеловеческий	4	3,77
Современный	4,21	4,02

Ценности – феномен нестабильный и его правильнее было бы рассматривать в динамике, чтобы проследить наличие конкретных тенденций в общественном развитии. Как по России, так и по региону в целом, начиная с 2006 по 2015 год, качественных перестроек в ценностной структуре не отмечалось, но с 2010 года наблюдается снижение удельного веса поддержанных ценностей. Интересным представляется рассмотрение распределения ценностей по культурному типу в динамике, так как коренные перестройки конца XX века, несомненно, накладывают свой отпечаток на иерархию ценностей. Обратимся к результатам исследования «Наши ценности сегодня», которое проводится в России с 1990 г. Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН. На рисунке 1 видно, что, начиная с 1990 года, традиционный тип ценностей теряет свои позиции и начинает отставать от двух других, а значит, ценность традиции постепенно начинает ослабевать в сознании россиян. Заметно увеличивается влияние общечеловеческих и современных ценностей: от периода к периоду они конкурируют друг с другом, что на графике проявляется переплетениями ломаных линий между собой.

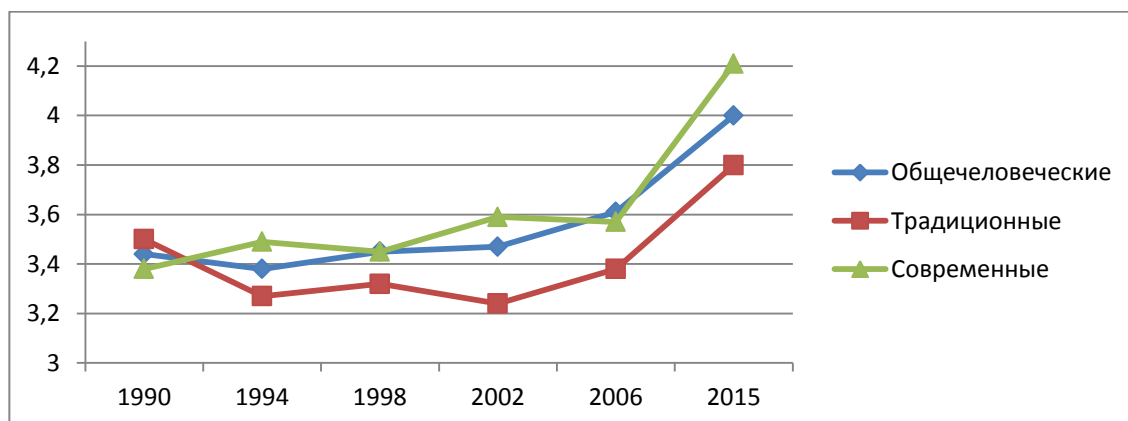


Рисунок 1. Динамика культурно различных типов ценностей, поддерживаемых россиянами

На основе имеющихся данных проследим динамику изменения культурно различных типов ценностей в региональном контексте с 2009 по 2016 гг. Как видно из графика (Рисунок 2) с 2009 года традиционный тип ценностей проявляет отрицательную динамику и постепенно идет на спад. В отличие от всероссийского контекста, на региональном уровне общечеловеческие и современные ценности развиваются параллельно, не контактируя между собой, при этом проявляя определенную нестабильность в своем развитии, отображенную на графике в качестве резких скачков значений.

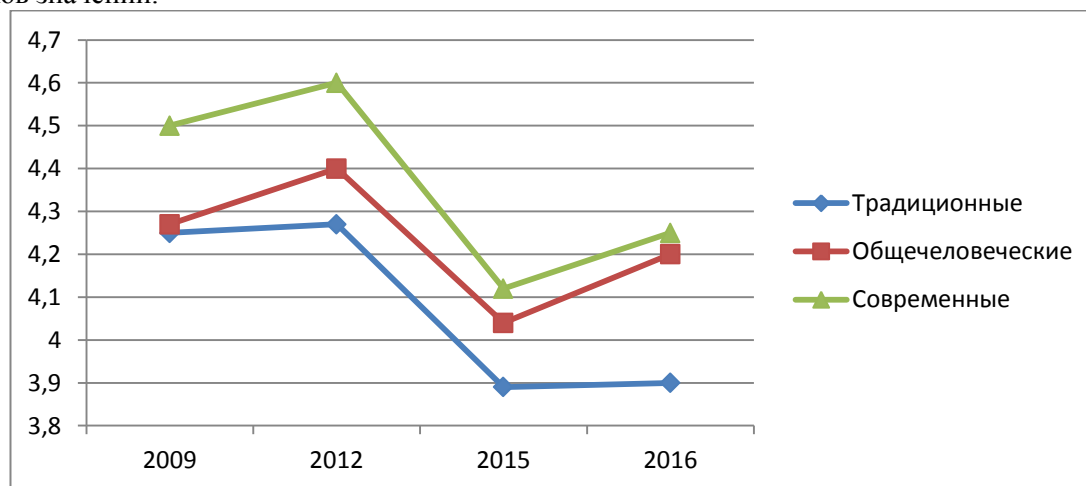


Рисунок 2. Динамика культурно различных типов ценностей, поддержанных в Курской области

Итак, в ходе анализа, нами выявлены следующие тенденции в развитии культурно различных типов ценностей: 1) конкурирующее развитие общечеловеческих и современных ценностей; 2) постепенный отход от традиционной системы ценностей; 3) совместное гармоничное существование трех типов ценностей (в связи с небольшим разрывом между значениями поддержанных ценностей). Несмотря на то, что существенных различий в системах ценностей России в целом и отдельно взятого региона не выявлено, все же мы можем говорить о специфичности развития региональной системы, так как относительные расхождения обнаружили на этапе определения приоритетности ценностей.

Как показала практика, роль традиций в сознании современного человека начинает отходить на второй план, но при этом сказать, что сформировано четкое представление о современных ценностях также нельзя, так как даже по графическому представлению данных видно, что современные ценности, как и общечеловеческие проявляют нестабильную динамику. В связи с этим, возникает вопрос о том, готово ли российское общество к восприятию тех модернизационных преобразований, которые активно продвигаются сегодня? И не попадет ли наше общество в состояние аномии, когда традиционные ценности изживут себя, а современные, так и не оформятся в сознании россиян? Четко ответить на данные вопросы так сразу невозможно, так как они требуют более детальной проработки и глубинных исследований, мы только можем дать приближенные прогнозы в рамках имеющейся у нас информации.

1. Лалин Н.И. Структура ценностей россиян: всероссийский мониторинг и портрет региона // Опыт построения социокультурных портретов регионов России / Под ред. Е.А. Козай. – Курск: Изд-во Курского государственного университета, 2007. – С. 47-62.

2. Лалин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация 2010). М.: ИФРАН, 2010. 111 с.

ПРОКРАСТИНАЦИЯ В ОБЩЕСТВЕ МГНОВЕННОГО ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ

Рахманова Ю.В. (Санкт-Петербург)

Традиционно понятие «прокрастинация» трактуется как намеренное или ненамеренное откладывание «на потом» выполнение неких важных для человека действий. Но прокрастинация – это особый вид «ничегонеделанья», не сводимый ни к понятию «лени», ни к понятию «отдых». В

отличие от лени, прокрастинация – это не отказ от действия, а неспособность его начать, не избегание вообще, а откладывание. На отдых прокрастинация также не похожа, хотя бы по последствиям: отдыхая, человек восстанавливает силы, прокрастинируя – их теряет, находясь под постоянным давлением необходимости начать что-то делать. [Подр. см.:3]

Н. Милграм выделил два вида прокрастинации: откладывание выполнения заданий (как ежедневных, рутинных, так и стратегических) и откладывание принятия решений (как незначительных, так и жизненно важных). Далее исследования шли по направлению выявления причин прокрастинации и разработке алгоритмов по ее преодолению.

Итак, среди наиболее распространенных причин прокрастинации (они же объяснительные теории) называют следующие:

1. Беспокойство как отражение прежде всего, страха перед неизвестным будущим. Перфекционисты также могут откладывать выполнение заданий или принятие решений до последнего, объясняя себе это необходимостью учесть все детали и нюансы предстоящих действий.

2. Самоограничение. Здесь промедление прокрастинатора объясняется его скромностью: в отличие от предыдущей причины, человек боится своего успеха и всего того, что выделит его в связи с ним: признание, повышенное внимание, зависть и т.д.

3. Непокорность (дух противоречия). Здесь прокрастинация представляет собой проявление внутреннего сопротивления, нежелание подчиняться внешнему воздействию. Прокрастинатору важно доказать окружающим право на собственное мнение, и эта демонстрация самостоятельности может превратиться в самоцель.

Данные теории объясняют конкретные случаи прокрастинации, но не дают ответа на главный вопрос: в чем причина откладывания задач? Акцентируя внимание лишь на причинах уклонения, т.е. на ситуативные причины откладывания, данные теории не раскрывают глобальную сущностную причину, лежащую в основе прокрастинации. В качестве теории, преодолевающей эти недостатки, предлагается теория временной мотивации. В соответствии с данной теорией, побудительным мотивом к действию является полезность действия, зависящая от четырех параметров: уверенность в успехе; ценность (как расчет на вознаграждение), сроков завершения работы; уровень нетерпения (чувствительность к задержкам). [Подр. см.: 4,5]. Чем более человек уверен в удачном завершении дела и большом размере вознаграждения, тем более полезным он его считает, а значит, будет менее подвержен прокрастинации. Если же выполнение какого-либо дела сопряжено с большими задержками, часто не по вине деятеля, тем менее полезным воспринимается им такое дело, а следовательно, тем меньше ему хочется приступить к такому делу.

Далее ученые предлагают различные алгоритмы борьбы с прокрастинацией [См., например, 2]. Казалось бы, проблема сводится лишь к освоению на индивидуальном уровне приемов преодоления прокрастинации. Но не все так просто.

Описывая динамичное современное общество, З. Бауман замечает: «промедление – не вопрос праздности, лени, неподвижности или усталости; это активная позиция, попытка управлять последовательностью событий и сделать эту последовательность отличной от той, какой бы она была, если бы человек оставался послушным и уступчивым». Иначе говоря, значение промедления заключается в том, что человек придает особую ценность самому процессу движения к цели, а не ее достижению, в сам момент достижения цели происходит потеря смысла, а значит промедление – вполне рациональное действие человека по сохранению смысла своего существования. [1, с.168-169].

З.Бауману удается перевести вроде бы психологическую проблему на социальный уровень, показать, что «задержка вознаграждения» усиливает притягательность награды. Вводя понятия «этика работы» и «эстетика потребления» З.Бауман показывает диалектику современного существования: с одной стороны, отсрочка удовольствия становится самостоятельной ценностью, с другой – современная нам «культура казино» (термин Джорджа Стайнера) диктует мгновенность награды («ожидание изъято из желания», но само удовлетворение желания должно быть кратковременным) в обществе потребления. [Подр. см.: 1, с. 170-172].

1. Бауман, З. *Текущая современность*. – СПб.: Пупер, 2008.
2. <http://constructor.ru/uspex/prokrastinaciya.html>
3. <http://psyfactor.org/lib/prokrastynaciya.htm>
4. <http://www.psychologos.ru/articles/view/prokrastinaciya>

5. <http://www.wikiznanie.ru/ru-wz/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F>

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРСОНАЛА ТЕАТРА

Ренёва Д.А. (Екатеринбург)

Аннотация: Сегодня с ростом экономического благополучия граждан, уровня их образования и развития урбанизации в обществе усиливается потребность в духовном просвещении. Театр как культурное заведение становится популярным в этой сфере. Если рассматривать театр как социальный институт, то одним из главных его элементов будет персонал. Причем существует как художественный персонал, так и вспомогательный, занимающийся организацией и производством. Объект нашего исследования и есть деятельность вспомогательного персонала. Основываясь на этом, нами было проведено социологическое исследование в Екатеринбургском государственном академическом театре оперы и балета. По его результатам мы сделали вывод, что театр является специфическим работодателем, выявлен ряд особенностей, связанных с этим.

В нашем исследовании театр рассматривается как социальный институт. В центре внимания находится деятельность вспомогательного персонала, занимающегося организацией и производством. Было проведено социологическое исследование в Екатеринбургском оперном театре. По его результатам мы сделали вывод, что театр является специфическим работодателем, выявлен ряд особенностей, связанных с этим.

Рассматривая театр с позиции социологии культуры и искусства (Т. О. Адрианова [1], В. Н. Дмитриевский, Л. Н. Коган [2], М. А. Маниковская [3], А. В. Матецкая [4], А. А. и К. А. Радугины [5], С. С. Фролов [8]), он является сложным и многоаспектным объектом социального управления [7]. В театре работает основной и вспомогательный персонал. Причем вспомогательный - обслуживающий персонал и является объектом нашего исследования.

Мы провели социологический анализ деятельности работников театра. Исследование проводилось в Екатеринбургском государственном академическом театре оперы и балета в декабре 2016 г. – январе 2017 г.

В анкетном опросе (n=41) участвовали 14 мужчин и 27 женщин. Большинство из них имеет высшее (41,5%) и среднее специальное (31,7%) образование. Были задействованы разные категории сотрудников, занимающих разные должности, для охвата всего разнообразия объекта исследования.

Для 82,9% респондентов театр является основным и единственным местом работы. Более половины опрошенных среди причин трудоустройства отметили желание работать в творческой организации, а затем уже объективные причины - удобный график работы, хорошая заработная плата, близость к дому.

На момент проведения исследования у респондентов было нормальное и хорошее настроение, у трети опрошенных – плохое. Преобладание плохого и нормального настроения объясняется загруженностью работников в театре, стрессе на работе. Опрос проходил в декабре – январе, а это - предпраздничное время и время премьер. Несмотря на это, исследование показало, что сотрудники удовлетворены своей трудовой деятельностью.

Для проведения онлайн-опроса (n=179) была определена социальная сеть ВКонтакте, так как в ней есть официальные группы театра (N=2571). В опросе участвовали 44 мужчины и 135 женщин. Женщины оказались более отзывчивы. Среди участвующих в опросе молодежь составляет половину, треть в возрасте 30-39 лет. Половина респондентов холосты, около 40% состоят в браке. 42% опрошенных являются специалистами, инженерно-техническими работниками, 12% государственных служащих, столько же руководителей, и чуть меньше рабочих, предпринимателей.

Для большинства зрителей посещение театра – это возможность окунуться в приятную творческую атмосферу, отдых от повседневной жизни, полезное времяпрепровождение.

В ходе опроса оказалось, что самый важный фактор при выборе театра – атмосфера в самом театре, а затем уже важны такие объективные факторы, как стоимость билетов, время спектакля, местоположение театра.

С помощью полевого структурированного включенного наблюдения изучили деятельность вспомогательного персонала Екатеринбургского оперного театра. Ведь естественный способ познания объекта подразумевает комплексный анализ ситуации или процесса во всем жизненном многообразии составляющих элементов [6]. Наблюдение было проведено 6 раз с целью сравнения

трех разных ситуаций: во время двух дневных спектаклей, во время двух вечерних спектаклей, во время двух премьер.

В процессе наблюдения внимание было обращено на работников билетных касс, охранников, гардеробщиков, и особенно капельдинеров.

В ходе наблюдения было отмечено добросовестное, серьезное отношение к работе, приветливость и общительность работников театра. Персонал помогал сориентироваться в ситуации, отвечал на все интересующие вопросы. Внутри коллектива наблюдалось дружественные отношения.

Источниками информации контент-анализа выступали новости в интернет-пабликах (n=161), посвященных деятельности Екатеринбургского государственного академического театра оперы и балета. Были проанализированы 5 актуальных действующих пабликов в сети Интернет.

96% новостей – новости открытого (открытый доступ к новости) и полузакрытого типа (некоторые функции недоступны, открыты только при регистрации). С точки зрения содержания в пабликах преобладали новости-знакомства зрителя с новым спектаклем, приглашение на спектакль, а также представлены новости о самом театре. Новости же о работниках театра занимают около 10% всего контента.

Во всем контенте новости с упоминанием вспомогательного персонала театра занимают около 12%. Среди них преобладают такие формы упоминания, как новостная информация и статья. Модальность упоминания в 76% случаях нейтральная, в остальных – положительная.

В ходе исследования деятельность персонала театра была изучена различными социологическими методами: со стороны сотрудников театра, с внешней стороны – зрителей, непосредственно наблюдением и в контенте социальных сетей театра.

Опрос сотрудников театра показал, что театр является специфическим местом работы: для персонала важна творческая атмосфера, царящая там. С помощью опроса зрителей мы выяснили главные мотивы посещения - возможность окунуться в приятную творческую атмосферу, отдохнуть от повседневности. В наблюдении было отмечено добросовестное отношение сотрудников к работе и приветливость. По результатам контент-анализа мы заметили, что в новостях есть упоминания о деятельности вспомогательного персонала, но они присутствуют лишь в малой степени.

Проведенное исследование показало, что данное направление имеет перспективы. Ведь в отечественной социологии театр редко рассматривается как работодатель, а вспомогательный персонал недостаточно изучен в существующих исследованиях.

1. Адрианова Т. О. Театр как социокультурный феномен / Т. О. Адрианова // Вестник ОГУ. - 2014. № 7 (168). С. 82-85.
2. Коган Л. Н. Социология культуры: Учеб. Пособие. - Екатеринбург: УрГУ, 1992.
3. Маниковская М. А. Коммуникативное пространство художественной культуры / М. А. Маниковская // Философия и общество. - 2005. № 1 (38). С. 94-115.
4. Матецкая А. В. Социология культуры. Уч. пособие. – Ростов: РГПУ, 2006.
5. Радугин А. А. Радугин К. А. Социология: курс лекций. - М.: Центр, 1999.
6. Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманитарную социологию: Учеб. пособие для студентов вузов / Ин-т социологии РАН. М.: Добросвет, 1998.
7. Сурмина А. Ю. Организационные проблемы управления театром оперы и балета как полифоническим социально-культурным институтом / А. Ю. Сурмина // Социальная политика и социология. – 2013. № 2. Т. 1. С. 264-271.
8. Фролов С. С. Социология. - М.: Логос, 1996.

БРЕКЗИТ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ 21-ГО ВЕКА

Руднев В.В. (Москва)

Современное общество испытывает сложное влияние как новых тенденций, так и представлений подпитываемых с историческими и культурными событиями прошлого, ушедших эпох. Сегодня человек включен в коммуникации разного типа, что активно определяет его идентичность, систему представлений. При этом события прошлого, имея эмоциональную окраску, активно вмешиваются и нередко корректируют принятие решений актуальных для современности. Это может быть проиллюстрировано решением Великобритании покинуть Европейский Союз.

Социально-экономические изменения, затронувшие в последние годы страны Европейского союза, сложно отразились на региональном уровне. Столкновение интересов, давно наблюдавшееся в Евросоюзе (по вопросам политики, экономики, проблемам социальной и миграционной политики, распределения властных полномочий и др.), наиболее отчетливо выразилось в решении Великобритании выйти из Европейского союза. Двадцать третье июня 2016 г., (день проведения референдума в Великобритании) стало днем, который «изменил Европу» (по выражению Алексея Ан. Громыко) и стал переломным для Великобритании (Найджел Фарадж - лидер Партии независимости Соединенного Королевства - охарактеризовал его как день обретения Великобританией независимости). Значение этого события представляется особенно важным в свете той сложной неопределенности, которая отличает сегодня жизнь мирового сообщества.

Выход Великобритании из содружества 28-ми государств- членов Евросоюза – «новый старт для Евросоюза и Великобритании», который актуализирует множество проблем и, в частности, проблемы регионов Великобритании. Если жители Англии (за исключением космополитичных лондонцев) проголосовали на референдуме за выход из Евросоюза, то жители Шотландии высказались против выхода из ЕС. Политика Евросоюза по развитию регионов обеспечивала Шотландии (некогда проблемному кельтскому региону) благоприятные условия для социально- экономического развития (проведения инновационной политики, обеспечения рынка сбыта и др.). Никола Стерджен (Первый министр Шотландии и лидер Шотландской национальной партии) определила проблему сохранения сотрудничества Шотландии с Европой в качестве важной задачи. Можно предположить, что позитивное решение этой проблемы снизит угрозу проведения повторного референдума о независимости Шотландии и будет способствовать тому, что «новый старт» Соединенного Королевства станет эффективным.

Современный мир – баланс, сосуществование и взаимовлияние глобальных и локальных проблем. Повседневная жизнь Европы предлагает немного возможностей для проявления таких черт как идентичность, общность, преемственность перспективы и т.п. Возможно лишь экстремальные условия содействуют выявлению и проявлению таких особенностей.

Брэкзит – референдум о выходе Великобритании из Европейского союза стал таким фактором. Брэкзит вызвал шок как среди части британцев, так и жителей континентальной Европы.

Вопросы сотрудничества Великобритании с ЕС давно стали краеугольной проблемой, стимулировавшей, в частности, проблему «брекзита» (выходы Великобритании из Евросоюза). Проведенный, по инициативе консервативного правительства Великобритании, референдум о членстве страны в ЕС (23 июня 2016 г.), активно рассматривается специалистами с точки зрения финансово-экономических последствий для Великобритании и ЕС. Между тем, очевидно, что проблемы культурного порядка (неконтролируемый поток мигрантов из стран восточной Европы, зависимость от решений бюрократии ЕС) сыграли важную роль в проведении Референдума и повлияли на его результат. 51,9 % участвовавших в голосовании в Великобритании высказались за выход из ЕС.

Королева Елизавета Вторая накануне проведения Референдума рекомендовала подданным хорошо подумать прежде чем принимать решение. Прислушались лишь лондонцы, которые выступили против выхода из ЕС. Английские регионы проголосовали за выход даже в тех случаях, когда это было им экономически невыгодно. Например, значение автомобилестроения для страны очень велико. Отрасль (которая поддерживается зарубежными концернами BMW, Ford, Renault-Nissan) обеспечивает занятость 800 тысячам квалифицированных рабочих. Если эти концерны покинут Британию, то главный удар придется по северу Англии, где расположено большинство заводов. Между тем, именно в этих регионах предложение выйти из ЕС получило наибольшую поддержку. Фактически, английское большинство проголосовало за «маленькую, добрую Англию», прочно отгороженную морем от континентальных проблем.

Шотландия и Северная Ирландия высказались против выхода из ЕС. В Шотландии союз с ЕС поддержали 62 % голосовавших. Этот еврооптимизм следует рассматривать в сложном контексте проблем Шотландии, Великобритании и Европейского союза. Именно программы по поддержке регионов Европы (осуществляемые ЕС) позволили Шотландии расширить экономическое сотрудничество со странами Европы, а также получить доступ к институтам Европейского союза. Шотландия представлена в Европейском парламенте и активно участвует в принятии решений.

Потери Великобритании от брекзита сложно подсчитать (это не только сотрудничество в льготном режиме с фирмами Европы, но и льготы для финансистов, это удар по лондонскому Сити). Возможна утрата финансового паспорта, который дает компаниям расположенным в Великобритании свободно торговать с партнерами из ЕС. Воспользовавшись брекзитом ведущие финансовые центры Азии (Токио, Гонконг, Сингапур) увеличивают долю на рынке валютных операций.

Не менее болезненно брекзит сказывается на ЕС, т.к. компании будут вынуждены покинуть Британские острова.

В книге «Краткая история будущего» Жак Аттали предрекает человечеству непростое будущее. Он пишет: «Деньги покончат со всем, что может помешать их торжеству, включая сами государства. Которые они постепенно уничтожат. ...миром будут управлять несколько региональных правительств. Рынок станет единственным законом для всех, породив неприкосновенную всемирную гиперимперию рыночных богатств и новых форм собственности, баснословных состояний и крайней бедности. Природа будет нещадно эксплуатироваться. Все станет частным, включая армию, полицию и судебную власть. Человек превратится в артефакт для производства и продажи, а затем станет бесполезным и исчезнет».

Рассматривая проблемы сегодняшнего дня необходимо обратить внимание на тот, что, традиционно, народы Великобритании с особым пиететом относятся к прошлому, к своей истории. Это характерно для англичан и шотландцев. Перед лицом глобальных перемен этот фактор начинает стимулировать проведение независимой, самостоятельной политики. Это характерно для Англии и Шотландии. Время покажет в какой форме будет реализован консенсус, но пока очевидно, что «национальная идентичность включает в себе как «чисто гражданские», так и аскриптивные (культурно прописанные) и примордиалистские (врожденные) компоненты».

Будущее покажет, сколь привлекателен будет опыт Великобритании для других стран, но брекзит свидетельствует как о сложности проблем в британском обществе, так и о стремлении Великобритании понизить уровень неопределенности при принятии актуальных решений в условиях грандиозных изменений, происходящих в мире.

ПОТРЕБИТЕЛИ ИНДУСТРИИ КРАСОТЫ В ЭПОХУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ.

Салистая Г.С. (Москва)

Человек в условиях современного мира, представляет собой многогранный феномен для исследования в контексте социальных наук. Множество различных факторов, обуславливающих поведение и деятельность человека, включают в себя и высокотехнологичную среду обитания индивида в XXI веке. Активное развитие сферы социальных коммуникаций посредством социальных медиа, технические инновации, эволюция биотехнологий, - являются основополагающим обстоятельством, формирующим новые основания, устанавливающие правила взаимодействия людей в видоизменяющемся мире.

Современный человек живет в обществе потребления, потребительские практики в котором превращаются в доминирующий социальный процесс, совместная деятельность людей при этом определяется системой ценностей и установок, сформированных под влиянием целенаправленных усилий рекламных сообщений в СМИ и социальных медиа. Тело человека в обществе потребления превращается в объект социального конструирования, способ выражения идентичности индивида. Потребление товаров и услуг индустрии красоты направлено на удовлетворение потребности обладания привлекательной внешностью в качестве инструмента социального взаимодействия людей[1].

Интенсивное развитие биотехнологий в медицине, инновационные методы улучшения внешности, основанные на применении новейших технологических разработок и исследований, направленных на восстановление или замещение утраченных возможностей организма, позволяют решить множество эстетических проблем потребителей индустрии красоты. Всевозможные аппаратные методики, инъекционные препараты, методы коррекции внешности в пластической хирургии, предоставляют революционные возможности в плане изменения внешнего облика индивида, конструирования телесного образа. Ценностные установки потребителей индустрии красоты и эстетической медицины, направленные на изменение внешнего облика и «улучшения»

параметров тела, формируются посредством современных методов коммуникаций, репрезентацией рекламных образов в социальных медиа.

В современной культуре возрастает значимость визуального компонента в связи с увеличением изображений разного качества и назначения, внедряемых в сознание индивида. Изображение как источник эстетического наслаждения и визуально-информационного сообщения переходит в разряд объектов потребления. Иллюзорный мир потребления, формирование которого происходит посредством маркетинговых коммуникаций, - приобретает черты ценностного эталона и важного жизненного ориентира. Рекламная репрезентация женских образов формирует новые представления об идеальных параметрах тела. Стремление соответствовать этим параметрам, обусловлено восприятием стандартов внешности, как необходимого условия достижения успеха в личной жизни и профессиональной деятельности в современном социуме.

Значимость проблемы улучшения внешности для индивидов в современном обществе, подтверждают данные опроса «Face Value Beauty Survey», проведенного Harris International по заказу компании Merz с помощью интерактивных панелей Harris Poll Online. В опросе принимали участие жители Великобритании, Франции, Германии, Испании, Италии и России (мужчины и женщины в возрасте от 18 до 64 лет). Цель исследования: изучение отношения к старению и эстетическим процедурам по улучшению внешности. По результатам опроса, проблемами старения обеспокоено более половины участников, самые высокие показатели продемонстрировали жители России: 77% россиян боятся постареть, 66% - задумываются о проведении процедур по омоложению, 58% российских женщин оценивают свой внешний вид чаще, чем жительницы других стран. Самое большое значение внешней привлекательности придается в России: 60% женщин считают внешность залогом успешного карьерного роста, 25% россиянок, выражают уверенность в том, что привлекательная внешность поможет при устройстве на работу[2].

Стремительное развитие социальных сетей и социальная активность пользователей Интернет-пространства, оказывает влияние на ценностные установки индивида, определяющие мотивационную готовность к изменению своей внешности с помощью инъекций и методов пластической хирургии. Поколение «Millennials», выросшее в эпоху цифровых технологий, на личном уровне стремиться быть принятым и одобренным посредством социальных медиа. «Millennials» привыкли общаться, обсуждать контент именно в соцсетях, которые формируют картину мира молодого поколения. Такие социальные платформы, как Instagram, Snapchat заставляют молодых людей рассматривать собственную внешность буквально под микроскопом, относясь к ней значительно более критично, чем когда-либо раньше. Многие молодые люди пользуются аккаунтом, как своеобразным портфолио, через которое они показывают себя окружающему миру: друзьям, коллегам, - и хотят выглядеть, как на отфильтрованных Instagram фото. Восприятие индивида в социальных сетях стало столь же, если не более важным, чем восприятие при личном взаимодействии. Получение признания в соцсетях, которое зависит от количества «лайков», - важный мотивационный фактор работы над своей внешностью подростков и молодых людей. Согласно исследованию, проведенному Американской академией лицевой пластической и реконструктивной хирургии (AAFPRS), основным мотивом для 30% пациентов пластических хирургов в 2015 году, - являлась неудовлетворенность своими фотографиями. 2015 год был отмечен взрывом «селфи-хирургии»; 82% опрошенных врачей, отмечают тенденцию влияния социальных медиа и знаменитостей на желание трансформировать свою внешность у молодых людей до 25 лет[3].

Эпоха технологических революций на рубеже XX-XXI вв., знаменуемая быстрым распространения нано-, био- и информационных технологий, направленных на человеческую природу – телесность, биологию и психологию человека, определяет новые основания взаимодействия людей в современном мире. Технологизация социальных практик потребления, обуславливает широкий спектр рисков для человека в условиях изменяющегося мира. В применении разработок биомедицинских препаратов эстетической медицины присутствуют риски для здоровья и риски морального вреда, определяемые побочными действиями инвазивных вмешательств и отсутствием практик длительной апробации инновационных методик. Возможный ущерб для здоровья, возникновение зависимостей от инъекций, причинение морального вреда индивиду, стандартизация внешности, согласно модным стандартам – существенные социальные последствия высокотехнологической среды обитания индивида в XXI веке.

1. В.И. Ильин. Креативный консьюмеризм как тренд современного общества потребления. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Том XIV № 5 (58). С. 41-55

2. Связь между красотой и успехом в России сильнее, чем где-либо. URL: <http://www.merz.ru/news/cvyaz-mezhdu-krasotoy-i-uspekhom-v-rossii-silnee-c/> (дата обращения: 09.10.2017).

3. New Study Reveals Face Of Plastic Surgery Is Getting Younger. Infographic Breaks Down Trends in Patients Under 30// American Academy of Facial Plastic and Reconstructive Surgery. URL: <http://www.aafprs.org/media/press-release/20160405.html> (дата обращения 09.10.2017)

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО СТУДЕНЧЕСТВА В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Соловьева С.Н. (Анапа)

В конце XIX - начале XX века в Черноморской губернии идёт формирование новой политической силы – студенчества. Стремление учащейся молодёжи всегда быть в центре политических событий и общественной жизни, интерес к судьбе России и края, актуализируют тему исследования. Цель работы – показать воздействие мира повседневности в эпоху социальных перемен на формирование мировоззрения студентов в разные исторические периоды.

Объектом изучения стала повседневная жизнь Варваринского училища – первого учебного заведения по подготовке специалистов пловодоводов и виноградарей на Кубани. Проникновение в бытовую сферу, частную жизнь студенчества актуализирует ещё и проблему источниковедческого плана. Эмпирическую базу исследования составили официальные документы из архива Анапского сельскохозяйственного техникума, воспоминания и мемуары бывших студентов, преподавателей, их родственников, позволяющие взглянуть на жизнь провинциального учебного заведения «изнутри».

Отметим, что бурное развитие экономики региона в конце XIX века, столкнулось с проблемой нехватки специалистов среднего звена в сфере сельского хозяйства, обладающих как теоретическими, так и практическими навыками. Осенью 1895 года министерство земледелия обратилось в Государственный совет с ходатайством об учреждении низшего сельскохозяйственного училища около посада Туапсе, обосновывая это тем, что климатические условия Черноморской губернии очень благоприятны для развития среди местного населения занятия виноградарством и виноделием. Инициатива была поддержана, и в 1898 году строительство здания училища было окончено. На первом этаже разместилось общежитие, а на втором – учебные классы. Кроме этого построили здание администрации, дома для преподавателей, баню, конюшню, винодельню с подвалом, оранжерею и т.д. Были заложены виноградник, плодовый и декоративный сад [1, 5].

Училище распахнуло двери первым 14 воспитанникам, в следующем учебном году было зачислено ещё 20 человек и к 1903 году число обучающихся составило 88 мальчиков. Воспитанники носили форму, напоминающую гимназическую, петлички и околышки на фуражках были зеленого цвета.

Распорядок дня варваринцев был следующий: 4 часа учеба в классах и 4 часа – ежедневная работа в учебном хозяйстве, где вместе с рабочими выращивали овощи, кукурузу, кормовые травы... Постоянной заботы требовал виноградник, где произрастало 350 сортов винограда, плодовый питомник и сад на 100 десятинах земли [2].

Несмотря на то, что училище давало «низшее практическое образование» в нём бурно развивалась наука: впервые был поднят на шпалеру виноград; впервые внедрены химические средства защиты растений для борьбы с вредителями и болезнями; изучались новые сорта винограда, виды его формовки; испытывались новые машины для междурядной обработки и т.д.

На сохранившихся в музее техникума фотографиях 1901 года мы видим выстроившуюся шеренгу учащихся в форменной одежде – 50 человек и десять преподавателей с городским головой. Памятные фотографии были сделаны в связи с посещением училища министром земледелия А.С. Ермоловым.

Ежегодно 17 декабря в день Святой Варвары в училище устраивался грандиозный праздник. Перед именитыми гостями с большим успехом выступали студенческий хор, оркестр балалаечников и завершался вечер танцами. Из воспоминаний воспитанников известно, что в училище был драмкружок. Летом учащиеся с преподавателями на буксире «Греза» совершали

вечерние экскурсии по морю. На корабле играл оркестр, пели песни, студенты возвращались очень довольные и просили повторения. В почёте был спорт, особенно футбол и команда училища регулярно участвовала в матчах с портовиками и железнодорожниками.

В октябре 1905 года в Варваринском училище начались митинги в защиту первой русской революции. Зимой преподаватели и студенты, участвуют в демонстрациях с собственными требованиями: запретить преподавание Закона божьего, ношение формы и др. Как сообщает министр А.С. Ермолов «беспорядки были остановлены только после того, как в здание училища была водворена казачья часть» [2]. Училище было временно закрыто, директор уволен, преподаватель Волчанецкий сослан, Виноградов И.П. лишен права преподавать.

Новый виток политической активности студентов связан с февральской и октябрьской революциями. По воспоминаниям тех лет, преподаватели и учащиеся активно участвовали в митингах и демонстрациях, жертвовали семейные ценности на борьбу за свободу, равенство и братство. С осени 1917 до осени 1920 года Варваринские училище не работало – шла Гражданская война. Здание, пробитое пулями, с ржавой крышей, полностью разграбленное выглядело уныло. Виноградники и сады заросли бурьяном... Однако осенью 1920 года училище переименованное в техникум вновь открылось. Вернулись 50 сотрудников, из них 10 преподавателей, пожилых интеллигентов и около 85 студентов. Так химию и микробиологию преподавал П.П. Карамзин, правнук известного историка, плодоводство И.Ф. Дворжанский, ботанику А.Н. Карамушкин и др.

Революция многое изменила. В техникум стали принимать девушек. По воспоминаниям А.А. Ильинского и Л.А. Пальчиковской выпускников 1928 года: «Они (девушки – прим. автора) коротко стригли волосы, простая кофта и юбка, зимой наряд дополняли – платок и стеганка, парни носили простые брюки, застиранные гимнастерки, сапоги или солдатские ботинки. <...> Не было электричества, классы не отапливались, но самым страшным был голод 1921 года, и что бы как то выжить студенты по очереди ходили в лес на охоту, подрабатывали у местных жителей: копали землю, обрезали деревья и виноградники, мыли полы...» [4].

В 20-е годы изменился и распорядок дня: с 8 часов до обеда – занятия, затем 3-х часовая работа в учебном хозяйстве. Один месяц лета студент отдыхал согласно графику, но в остальное время работал по 8 часов в день.

Несмотря на все трудности быта, вечерами студенты с преподавателями зубрили роли и репетировали очередную пьесу, в литературном кружке не утихали споры о пролетарской поэзии, пели народные и революционные песни, выпускали стенгазету, а на комсомольских собраниях осуждали троцкистов и зиновьевцев. На смену старым праздникам приходили новые со своими стихами, песнями и, конечно же, танцами под гармошку. А ещё в летнее время совершали экскурсии в знаменитые винодельческие хозяйства «Абрау-Дюрсо», «Магарач» в городе Ялта. В 1929-1931 годах организовывали научные экспедиции по изучению истории виноградарства на Кубани.

В свободное от учёбы и работы время, преподаватели и студенты проводили курсы лекций для ликвидации агрономической неграмотности по всему Туапсинскому району. Продолжались научные исследования в садовом питомнике с персиком, алычой... Совместно с Одесской винодельческой станцией, возглавляемой известным ученым-агрономом В.Е. Таировым, сорта винограда исследовались на морозоустойчивость, урожайность, способность давать хороший букет при производстве вина и т.д. Однако в 1925 году виноградники были поражены филлоксерой, и, спустя несколько лет, остро встал вопрос о переезде техникума. При помощи В.Е. Таирова место было найдено.

Зимой 1931-1932 учебного года отделение Черноморского техникума по подготовке виноградарей переехало в город Анапу, а садоводы в Славянск [1, 24]. Администрация Анапы выделила техникуму одно из лучших в городе зданий – бывшую мужскую гимназию и значительные земельные угодья.

Таким образом, в процессе повседневной жизни студенчества, находящегося в постоянном внутреннем поиске, формировались такие ценности как стремление к справедливости и сохранение традиций. Общие проблемы объединяли учащихся, и между ними появлялось взаимопонимание и сочувствие, а общий досуг и проживание сплачивали группы в единый коллектив, формируя общность жизненных целей. Среди выпускников училища много известных всей Кубани профессоров, директоров совхозов, винзаводов, питомников и т.д. Выпускник 1904 года К.Л. Гнучев станет первым председателем Туапсинского горсовета.

«Делу время, а потехе час» – главный принцип существования Варваринского училища, а затем анапского сельскохозяйственного техникума в конце XIX – первой половине XX века, и

никакие беды не смогли сломить учебное заведение, оно выстояло, несмотря на революции и войны и продолжает свой нелегкий путь уже 119-й год. Известного социолога Эммануила Лаверстайна однажды в интервью спросили: «Что изменилось?» «Все – ничего» – ответил ученый, таким образом, есть ряд констант, которые по-прежнему определяют нашу жизнь [Цит. по: 6]. И с этим утверждением трудно не согласится.

1. Соловьева С.Н. История Анапского сельскохозяйственного техникума (1898–1997) Материалы к столетию. Анапа: Изд-во АСХТ, 1997. С.41.
2. Вестник виноградарства, виноделия и виноторговли СССР (иллюстрированный журнал) под ред. В.Е. Таирова. № 12. 1930.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 18 (1898). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://nlr.ru>
4. Ильинский А.А. Пальчиковская Л.А. Воспоминания «Годы наши молодые» (рукопись).
5. Архив ГБПОУ КК АСТ. Опись 2, ед.хр. № 72. Личные дела учащихся поступивших в техникум.
6. Пивоваров Ю. Традиции русской государственности и современность. 1-ая лекция. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://tvkultura.ru/ACADEMIA>

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА СВОЕЙ РАБОТОЙ И РОЛЕВАЯ САМООЦЕНКА

Стеценко А.И. (Воронеж)

Мониторинг удовлетворенности преподавателей ВГУ своей работой, организованный ректоратом в начале 2000-х гг., убеждает в том, что последние пять лет эта удовлетворенность относительно стабильна. Диссонансом выглядит тот факт, что студенты удовлетворены получаемым образованием в большей мере, чем их педагоги работой - на 10 пунктов (в индексах). При возможном варьировании от +1,0 до -1,0 удовлетворенность преподавателей работой составила: +0,40 (2013 г. n=346 чел.); +0,40 (2014 г. n=211 чел.); +0,44 (2015 г. n=333 чел.); +0,39 (2016 г. n=339 чел.); +0,40 (2017 г. n=294 чел.) [1]. На уровень удовлетворенности педагогов воздействует ряд факторов, например: отношение студентов к учёбе, качество абитуриентских наборов, динамика заработка работников университета, размер педагогической нагрузки, оснащённость учебного процесса и др. Эти факторы определяют социальное самочувствие в коллективе и степень творческой самореализации профессорско-преподавательского состава.

Известное уменьшение размеров государственного финансирования в расчете на отдельные ВУЗы детерминирует отношение педагогического персонала к работе, а студентов – к ценности получаемого образования, престижу труда наставников, факторам, сопровождающим получение образования.

В условиях ограниченного финансирования ВУЗам приходится приводить кадровую обеспеченность учебного процесса в соответствие с имеющимися ресурсами, которые пополняются в основном за счёт внебюджетного финансирования (оплаты студентами своей учёбы). Известно также, что не все факультеты и специальности популярны у абитуриентов, а непопулярные требуют привлечения бюджетных средств. Для удовлетворения нужд обучения студентов и оплаты труда педагогов не хватает внебюджетных сумм, Эти обстоятельства (очевидно, типичные для большинства ВУЗов страны) составляют сложное социальное противоречие: между существующим порядком государственного финансирования высшей школы, политикой университета в области регулирования ресурсов и кадрового обеспечения, уровнем оплаты обучения, вытекающим отсюда уровнем оплаты труда работников организации, состоянием взаимодействия основных участников учебного процесса, с одной стороны, и социальным самочувствием, самооценкой преподавателей и студентов, – с другой стороны. Ожидания перемен в отношениях участников образовательного процесса оказываются мощным регулятором исполнения функций участниками. Данное противоречие в какой-то мере устойчиво в социальном смысле, так как на первую группу составляющих накладываются относительно постоянные материально-финансовые ограничения, а вторая группа регулируется с трудом.

Подвержена динамике оценка педагогами своей способности влиять на качество студенческих знаний, то есть реализации основной функции. Такую способность обнаружили у себя 62,3% преподавателей ВГУ в 2013 г., 66,4% в 2014 г., 65,2% в 2015 г., 66,1% в 2016 г., 62,2% преподавателей, опрошенных в 2017 г. [2] В пределах одной трети – оказывается потеря

потенциала влияния на результат совместной со студентами деятельности. Полномерную старательность в педагогическом деле увидели у себя соответственно в те же годы: 52,0%, 54,0%, 47,4%, 54,6% и, в 2017 г., – 55,4% педагогов ВГУ [3]. Следовательно, остальных что-то останавливает?! Есть предположение, что на исполнение ролевых функций влияют материально-финансовые ограничители, не подкрепляющие положительную поведенческую мотивацию в труде. Анализ характеристик теории социальных ролей предполагает существование так называемых «ожиданий», о которых И. Шубрт пишет, как о выражении «ожидание», что сущностно связано с проблематикой структур, воспринимаемых в значении принципов и правил, организующих социальную реальность [4]. Динамика данных мониторинга мнения педагогов ВГУ показывает, что на пути к улучшению подготовки специалистов стоит комплекс обстоятельств, мешающих полной самореализации участников процесса. Ожидания оказываются не сбывшимися, воспроизводится ущервная нормативная система, пассивно поддерживаемая преподавателями. Это воспроизводство связано с деформациями социального статуса преподавателей (и студентов) в современном университете, и, соответственно, – искажениями в понимании участниками своих социальных ролей. В таких условиях исполнение ролей в рамках статуса ограничено ожиданием худших, но не лучших перемен.

1. *Архив лаборатории социологических исследований кафедры социологии и политологии исторического факультета ВГУ. 2017 г.*

2. *Там же.*

3. *Там же.*

4. *Шубрт И. Социальная роль – забытая тема социологии / И. Шубрт // Социологические исследования. – 2017. - №6.*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СРЕДА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ.

Струкова М. (Курск)

Актуальность исследования художественной среды заключается в том, что она является одной из самых специфичных форм выражения мысли человека. Именно в рамках художественной среды происходит внедрение новых идей в привычное понимание вещей. Помимо того, изучение художественной среды и ее особенностей является актуальным ввиду повышенного внимания в гуманитарных науках к процессу социализации человека, где основополагающим звеном в развитии его духовности должна стать непосредственно концепция развития художественной среды города, человек по-прежнему нуждается в духовных ценностях. Внешним ресурсом развития духовного потенциала человека является среда и ее насыщенность нематериальными гуманистическими ценностями.

Курская губерния является Российской провинцией, имеющей многообразие неповторимых и своеобразных частей национальной культуры. Изучение художественной среды Курской губернии даст нам возможность выявить ценность провинциальной культуры как важной сферы отечественного культурного наследия, раскрыть ее влияние на духовное развитие русского народа в прошлом и определить значение провинции в развитии современной культуры.

Термин «среда» на сегодняшний день является широко употребляемым в различных науках, особенно в науках о человеке (педагогика, психология, философия, социология, политология). Исследование художественной среды Курской губернии накануне революции выбрано нами в качестве объекта ввиду того, что именно индивидуальная окрашенность, своеобразие художественной среды того времени помогают нам раскрыть особенности изучаемого периода как бы «изнутри» самой эпохи. Важным для нас является необходимость показать отраженную индивидуальность художественной среды Курского края второй половины XIX начала XX столетий. Рассматриваемый нами период в истории губернии был отмечен интенсивным подъемом художественной среды. Структурирующими объектами выбраны события, собиравшие вокруг себя разрозненные элементы художественной действительности. Ситуации, возникавшие вокруг них, позволили выявить наиболее активные силы и характерные устроения художественной среды.

Концептуализации понятия «художественная среда» посвящена диссертация Туриной Е.А. В своей работе автор подчеркивает необходимость теоретического осмысления факторов существования и развития художественной среды [2]. В данной работе впервые было введено в научный оборот понятие «художественная среда», сущностью которой является совокупность

условий, где действует определенный субъект, который является одновременно творцом и потребителем художественного продукта.

Социально-культурологический феномен «художественная среда» Неценко О.В. понимает как компонент культурной среды, входящий в неё и образующий пространство функционирования художественной культуры как части всей культуры [1]. В первую очередь художественная среда охватывает сферу художественной культуры, практической художественно-творческой деятельности человека, в процессе которой он приобщается к художественной культуре и всей системе ее ценностей, присущих обществу.

Говоря о художественной среде Курской губернии в дореволюционный период, следует отметить, что она наполнена множественностью художественных форм, особенностей художественной и эстетической деятельности и особыми идейными смыслами.

Губерния богата на усадебные ансамбли. Так, например, в XIX веке была построена усадьба Нелидовых графом А.И. Нелидовым, представителем древнего дворянского рода. Дворец, созданный в неоготическом стиле, имел сложный силуэт, богатые декоративные формы: стрельчатые окна, цветные витражи, башни, зубцы, бойницы. Дворец был окружен парком, представляющим собой сейчас 200-летнюю дубраву, радующую красотой и прохладой. В настоящее время в усадьбе расположен санаторий «Моква».

В 1804-1816 г.г. по проекту архитектора Карла Гофмана был построен Дворцово-парковый ансамбль «Усадьба XIX в. в с. Марьино». Расположен в п. Марьино Рыльского района. Одновременно со строительством дворца разбит парк. В 1869-1873 годах дворец в «Марьино» был кардинально перестроен по проекту известного петербургского архитектора И.А. Монигетти (1819-1878). Перестройку производил курский архитектор К.Ф. Штольц.

В 1892 году на территории губернии был построен и освящен католический Польский костел во имя Успенья Пресвятой Девы Марии, выполненный в неоготических формах. Немногие города России могут похвастаться наличием католического костела, да еще с такой богатой историей, какой есть в Курске - в нем венчался и крестил своих детей К.Малевич. В связи с этим Курский костел может стать центром притяжения католиков не только России, но и зарубежья.

В мае 1903 года был учрежден курский областной краеведческий музей при Курской губернской ученой архивной комиссии по инициативе и при активном участии курского губернатора Н.Н. Гордеева. Николай II распорядился выделить на обустройство музея 10 тыс. рублей и дал свое согласие на наименование музея: "Курский историко-археологический и культурный музей". Первых посетителей музей принял в 1905 году. В настоящее время в музее хранятся более 160 тыс. предметов, многие из которых являются раритетами. Интерес представляют уникальные коллекции старинного бисера, фарфора, оружия, предметов этнографии и быта, редких книг и другие.

С Курским краем неразрывно связана и удивительная судьба корифея русской эстрады Надежды Васильевны Плевицкой (1884-1941 гг.). Имя Плевицкой стояло рядом с именами знаменитых артистов того времени. Ее знали и восхищались ее талантом С. Рахманинов, С. Есенин, В. Качалов, Ф. Шаляпин, М. Савина.

Художественная среда Курского края отличается богатством объектов культурного наследия, многие из которых были основаны в дореволюционный период.

На территории Курской губернии 114 памятников федерального значения в т.ч. памятники истории – 18, археологии – 70, архитектуры – 24, искусства – 2[3].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что художественная среда является весьма актуальной проблемой на сегодняшний день. Она способствует духовному обновлению и культурному возрождению общества в целом. Художественная среда Курской губернии накануне революции развивалась достаточно активным образом, что является весьма отрадным на фоне действующей мощи революционных факторов.

На наш взгляд, проблема художественной среды мало изучена. Само понятие «художественная среда» нуждается в дальнейшем изучении и уточнении.

Актуальность исследования художественной среды заключается в том, что она является одной из самых специфичных форм выражения мысли человека. Именно в рамках художественной среды происходит внедрение новых идей в привычное понимание вещей. Помимо того, изучение художественной среды и ее особенностей является актуальным ввиду повышенного внимания в гуманитарных науках к процессу социализации человека, где основополагающим звеном в развитии его духовности должна стать непосредственно концепция развития художественной среды города, человек по-прежнему нуждается в духовных ценностях.

Внешним ресурсом развития духовного потенциала человека является среда и ее насыщенность нематериальными гуманистическими ценностями.

Курская губерния является Российской провинцией, имеющей многообразие неповторимых и своеобразных частей национальной культуры. Изучение художественной среды Курской губернии даст нам возможность выявить ценность провинциальной культуры как важной сферы отечественного культурного наследия, раскрыть ее влияние на духовное развитие русского народа в прошлом и определить значение провинции в развитии современной культуры.

Термин «среда» на сегодняшний день является широко употребляемым в различных науках, особенно в науках о человеке (педагогика, психология, философия, социология, политология). Исследование художественной среды Курской губернии накануне революции выбрано нами в качестве объекта ввиду того, что именно индивидуальная окрашенность, своеобразие художественной среды того времени помогают нам раскрыть особенности изучаемого периода как бы «изнутри» самой эпохи. Важным для нас является необходимость показать отраженную индивидуальность художественной среды Курского края второй половины XIX начала XX столетий. Рассматриваемый нами период в истории губернии был отмечен интенсивным подъемом художественной среды. Структурирующими объектами выбраны события, собиравшие вокруг себя разрозненные элементы художественной действительности. Ситуации, возникавшие вокруг них, позволили выявить наиболее активные силы и характерные унаследования художественной среды.

Концептуализации понятия «художественная среда» посвящена диссертация Туриной Е.А. В своей работе автор подчеркивает необходимость теоретического осмысления факторов существования и развития художественной среды [2]. В данной работе впервые было введено в научный оборот понятие «художественная среда», сущностью которой является совокупность условий, где действует определенный субъект, который является одновременно творцом и потребителем художественного продукта.

Социально-культурологический феномен «художественная среда» Неценко О.В. понимает как компонент культурной среды, входящий в неё и образующий пространство функционирования художественной культуры как части всей культуры [1]. В первую очередь художественная среда охватывает сферу художественной культуры, практической художественно-творческой деятельности человека, в процессе которой он приобщается к художественной культуре и всей системе ее ценностей, присущих обществу.

Говоря о художественной среде Курской губернии в дореволюционный период, следует отметить, что она наполнена множественностью художественных форм, особенностей художественной и эстетической деятельности и особыми идейными смыслами.

Губерния богата на усадебные ансамбли. Так, например, в XIX веке была построена усадьба Нелидовых графом А.И. Нелидовым, представителем древнего дворянского рода. Дворец, созданный в неоготическом стиле, имел сложный силуэт, богатые декоративные формы: стрельчатые окна, цветные витражи, башни, зубцы, бойницы. Дворец был окружен парком, представляющим собой сейчас 200-летнюю дубраву, радующую красотой и прохладой. В настоящее время в усадьбе расположен санаторий «Моква».

В 1804-1816 г.г. по проекту архитектора Карла Гофмана был построен Дворцово-парковый ансамбль «Усадьба XIX в. в с. Марьино». Расположен в п. Марьино Рыльского района. Одновременно со строительством дворца разбит парк. В 1869-1873 годах дворец в «Марьино» был кардинально перестроен по проекту известного петербургского архитектора И.А. Монигетти (1819-1878). Перестройку производил курский архитектор К.Ф. Штольц.

В 1892 году на территории губернии был построен и освящен католический Польский костел во имя Успенья Пресвятой Девы Марии, выполненный в неоготических формах. Немногие города России могут похвастаться наличием католического костела, да еще с такой богатой историей, какой есть в Курске - в нем венчался и крестил своих детей К.Малевич. В связи с этим Курский костел может стать центром притяжения католиков не только России, но и зарубежья.

В мае 1903 года был учрежден курский областной краеведческий музей при Курской губернской ученой архивной комиссии по инициативе и при активном участии курского губернатора Н.Н. Гордеева. Николай II распорядился выделить на обустройство музея 10 тыс. рублей и дал свое согласие на наименование музея: "Курский историко-археологический и культурный музей". Первых посетителей музей принял в 1905 году. В настоящее время в музее хранятся более 160 тыс. предметов, многие из которых являются раритетами. Интерес

представляют уникальные коллекции старинного бисера, фарфора, оружия, предметов этнографии и быта, редких книг и другие.

С Курским краем неразрывно связана и удивительная судьба корифея русской эстрады Надежды Васильевны Плевицкой (1884-1941 гг.). Имя Плевицкой стояло рядом с именами знаменитых артистов того времени. Ее знали и восхищались ее талантом С. Рахманинов, С. Есенин, В. Качалов, Ф. Шаляпин, М. Савина.

Художественная среда Курского края отличается богатством объектов культурного наследия, многие из которых были основаны в дореволюционный период.

На территории Курской губернии 114 памятников федерального значения в т.ч. памятники истории – 18, археологии – 70, архитектуры – 24, искусства – 2[3].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что художественная среда является весьма актуальной проблемой на сегодняшний день. Она способствует духовному обновлению и культурному возрождению общества в целом. Художественная среда Курской губернии накануне революции развивалась достаточно активным образом, что является весьма отрядным на фоне действующей мощи революционных факторов.

На наш взгляд, проблема художественной среды мало изучена. Само понятие «художественная среда» нуждается в дальнейшем изучении и уточнении.

1. Неценко О.В. *Художественно-культурная среда как ресурс воспитательной деятельности (на материалах современных отечественных гуманитарных исследований)* /О.В. Неценко / / Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015 — Т. 8 — Вып. 1
2. Турина Е.А. *Среда культуры и искусства как фактор творческой социализации личности: дис. канд. искусствоведения: 26.00.01 / Е.А. Турина. - Киев: Государственная академия руководящих кадров культуры и искусств, 2009.*
3. *Курская область [Электронный ресурс] // Социальная карта Российской Федерации. (http://sockart.ru/analytics/social_passport/36?ELEMENT_ID=1472533/).*
4. Бугров Ю.А. *Курские встречи. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издание, 1991. 144 с.*

НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ЭПОХУ ТОРЖЕСТВА ТЕХНОНАУКИ

Суслова Т.И. (Томск)

Аннотация. Автор рассматривает этические принципы использования NBIC-технологий, которые необходимо определять уже сегодня, поскольку отмечены случаи нарушения прав автономности личности. Назрела необходимость перехода к практической этике, так как необходимо защищать права и достоинства суверенной личности, уважать ее целостность и неприкосновенность. Понятия «человек» и «человеческое существо» не определены Конвенцией Совета Европы «О защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины», отданы законодателям государств.

Соотношение новых технологий и фундаментальных человеческих ценностей, проблем технауки и развитие глобальной цивилизации повышают социальные риски, степень персональной ответственности ученых. К числу фундаментальных человеческих ценностей относятся: отношение к природе, другим людям и отношение человека к духу (интерсубъективность). По мнению некоторых авторов, можно выделить не менее десяти фундаментальных отношений, охватывающих два основных направления. Первое сосредоточено на изучении биологической природы человека-это проект нового натурализма, осуществляющий критику интроспективных методов познания человека и производящий новые версии антропогенеза. Второе направление связано с феноменом трансцендентности, т.е. с духовным в человеке и определяется его нравственными устремлениями. Оба направления вызывают бурные дискуссии как в научной, так и общественной среде.

Так, в книге Х. Новотны и Дж. Теста “Обнаженные гены: переосмысление человечества в молекулярный век” рассмотрены основные перспективы, угрозы и риски перед будущим в условиях неконтролируемого развития как молекулярной генетики, так и биотехнологий [1]. Ставится проблема нравственной и правовой ответственности ученых-биологов перед будущим человеческого развития.

Известный итальянский ученый Джорджо Агамбен обращает внимание на идущий процесс стирания граней между публичной и частной жизнью и называет этот процесс

деполитизацией гражданства. Решающую роль в этом вопросе играет проблема обеспечения безопасности. Разрабатываются современные технологии наблюдения в соответствующих государственных лабораториях, институтах, получающих государственный заказ. Следует признать, это обеспечивает безопасность и снижает риски в сфере бизнеса, политики, частной жизни. «Тройная спираль» и здесь находит свои отголоски. Дж. Агамбен говорит, что «распространение на всех граждан идентификационных технологий, разработанных для преступников (и позднее для евреев), не мог не повлиять на политическую идентичность граждан», и далее – «наиболее нейтральная и приватная информация становится носителем социальной идентичности, которая тем самым теряет свой публичный характер» [2] – (порядок генов в двойной спирали, отпечаток пальцев на полицейской паспортной карточке). Это и видеонаблюдение на улицах и площадях, в подъездах, университетах и школьных коридорах. Подозрение и проверка стали нормальным отношением к нам со стороны государства. Иными словами, современное безопасное государство – это государство контроля и наблюдения за гражданами. Таким образом, видим, что безопасность и демократия несовместимы, с одной стороны. С другой стороны, подтверждается концепция «Тройной спирали». Так, институты, лаборатории, разрабатывающие и совершенствующие технику электронного наблюдения и бизнес-сообщества, внедряющие ее, по сути способствуют усилению государственного контроля граждан. Таким образом, наука выполняя государственный заказ, слилась с техникой, технологией и бизнесом. Замечательная цель – улучшить человека через преодоление своей природы, выход за пределы возможностей человека, может привести к его превращению в машину. Киборга.

Так же все чаще ставится проблема нравственной и правовой ответственности ученых-биологов перед будущим человеческого развития. Это произошло вследствие быстрого параллельного развития медицинских и информационных технологий, и уже стало причиной дискуссии о правилах, которые будут регулировать применение этих технологий. Круг проблем здесь также достаточно широк. В него попадают этические, философские, и правовые вопросы. Имеет ли человек право использовать улучшающие технологии в не лечебных целях, как обеспечить целостность человеческого тела, когда оно будет подключено к информационным и коммуникационным сетям при помощи имплантатов, можно ли гарантировать, что информационно-коммуникационные имплантаты (ИК имплантаты) не будут использоваться с нарушением прав человека?

Правозащитники полагают, что ИК имплантаты способны значительно ограничить свободу человека. Их можно применять для получения несанкционированного доступа к персональной информации, например, в тех случаях, когда они будут подключаться к компьютеру. При помощи имплантатов можно определять местонахождение человека.

Не менее проблемным станет свободное предложение на рынке подобных устройств, предназначенных для «улучшения» человека (например, имплантирование кибер-памяти), так как это явится причиной социального неравенства между «улучшенными» людьми и теми, кто не сможет прибегнуть к помощи имплантатов (такой негативный сценарий называют «кибер-расизмом»). Правовые и этические принципы для этих технологий необходимо определять уже сегодня.

Большинство электронных имплантатов – это устройства, получающие питание от независимого источника энергии и использующие программные алгоритмы, которые выполняются при помощи небиологических средств – чипов, созданных на основе кремния. В медицинских целях имплантаты применяются для восстановления нарушенных функций тела (стимуляции) или для частичной или полной замены функций отдельных частей тела (протезирования).

К имплантатам относится целый ряд электронных устройств, среди которых более всего распространены активные медицинские имплантаты. Например, кардиостимуляторы обеспечивают стабильную работу сердца. Кстати, в нашей стране, такие устройства, включая электронную гортань, электронный нос создаются, производятся и внедряются в медицину на уровне нашего университета. Капиллярные имплантаты трансформируют речь и другие звуки в электрические импульсы, стимулирующие слуховые нервные окончания во внутреннем ухе. При помощи этих электронных устройств глухим людям можно частично возвращать слух. Имплантируемые дозаторы инсулина автоматически поддерживают необходимый уровень инсулина в крови. Нейростимулирующие имплантаты – это устройства, воздействующие на электрические импульсы в нервах. Стимулятор спинного мозга облегчает хронические боли, стимулятор крестцового нерва помогает в лечении недержания. Стимулятор блуждающего нерва

применяют при эпилепсии и для контроля за состоянием психики при глубоких депрессиях. Имплантаты, оказывающие стимуляцию головного мозга, используются при болезни Паркинсона и для лечения эссенциального дрожания. Для регулирования использования ИК имплантатов и проведения исследований в этой области предлагается применять исторически сложившиеся и закрепленные в законодательствах европейских стран принципы. К ним относятся следующие принципы: достоинства человека, его естественных прав, равенства и автономии и вытекающие из них постулаты. Это постулаты: предосторожности, наименьшего медицинского и/или немедицинского вмешательства в тело человека, необходимости достижения лечебных результатов после вмешательства в тело человека, принципа пропорциональности между целью и средством. То есть требование использовать легитимные средства для достижения легитимных целей и релевантности, согласно которому технология будет соответствовать обстоятельствам и условиям каждого конкретного случая ее применения.

Предполагается, что в отношении ПК имплантатов должен действовать юридический принцип *Corpus Habeas* (личной свободы – англ.), согласно которому тело человека неприкосновенно. Предполагая, что подключенные к информационным сетям ИК имплантаты могут быть использованы для несанкционированного доступа к содержащейся в них информации и отслеживания физических перемещений человека, авторы подчеркивают необходимость повышенного внимания к защите информации, которая будет содержаться в ИК имплантатах. Имплантирование этих устройств следует проводить только на основе информированного согласия. Главными причинами для их лечебного применения является сохранение жизни больного и отсутствие каких-либо альтернативных способов лечения.

И что очень важно, доступ к технологии ИК имплантатов должен обеспечиваться без учета финансовых возможностей и социального статуса больного. Не лечебное применение ИК имплантатов следует допускать тоже только на основе информированного согласия. При этом человек, желающий установить в свое тело ИК имплантат, должен быть поставлен в известность о возможных рисках для здоровья и о возможности несанкционированного доступа к информации, хранящейся в имплантате. В условиях наличия большого количества околонаучных клиник, необходим тщательный контроль за ИК имплантатами, которые предлагаются на коммерческой основе и предназначены для «улучшения» человека. Наряду с получением информированного согласия от волонтеров, согласившихся принять участие в исследовании, необходимо следить за тем, чтобы им не был нанесен физический, ментальный или материальный вред. Кроме того, люди должны иметь возможность в любое время выйти из исследовательской группы. Недопустимо также, чтобы использование ИК имплантатов при лечении пациентов с серьезными неврологическими заболеваниями не приводило к дискриминации или ущемлению прав человека. Нельзя допускать их использование и для манипулирования умственными способностями, изменения идентичности, памяти, самосознания или восприятия других людей, для доминирования над другими людьми, для принуждения, направленного против тех, кто по каким-либо причинам не пользуется ИК – имплантатами.

В 21 веке стало очевидным, что наука слилась с техникой, технологией и стала вместе с ними обещать скорые коммерческие выигрыши за счет своих приложений. В науку так же вошли обещания, и этот синтез науки и технологий изменил не только классическое разделение труда между объяснением (наука) и обещанием (техникой- технологией), но и перевел в иную плоскость этику взаимоотношений в научной среде. Доминирующие позиции заняла корпоративная этика бизнес-сообщества, на которую работают ученые, выполняя определенный заказ на разработку того или иного препарата. То есть наука стала так же как и бизнес давать обещания, опираясь на средства, используемые в технаучке: понятийный, ментальный, инструментальный, практический аппараты. Так, конвергенция NBIC-технологий (нано-био-информационные технологии и когнитивные науки) применила к человеку нечеловеческие меры. Стало доминирующим техническое понимание человека. Ремонт, улучшение, замена – и полный двойник в результате, сделанный из нестареющего материала. Проблема смерти сведена к телесному бытию. Преодолеть природу за счет превращения тела то ли в машину, то ли в морального уроды? Не думаю, что этим исчерпывается наше будущее. Но это касается и автономии личности. В традиционном и техногенном обществах различны отношения и к проблеме автономии личности. Традиционному обществу автономия личности вообще не свойственна, реализовать личность можно, лишь принадлежа к какой-либо корпорации, как элементу корпоративных связей. В техногенном обществе отстаивается автономия личности, позволяющая погружаться в самые разные социальные общности и культурные традиции. Человек

понимается как активное, деятельное и самостоятельное существо. Его деятельность экстенсивна, направлена на преобразование и переделку внешнего мира и природы. Однако природа не может быть бездонным резервуаром для различного рода техногенных упражнений, поскольку человеческая деятельность изначально представляла в качестве компонента биосферы, но не ее доминанты. Вследствие применения ПГД (преднатальная диагностика плода) идет генетический отбор, а это неприемлемо, это евгенический подход. Исторически так сложилось, что непосредственным стимулом для возникновения биоэтики в США выступила серия публичных разоблачений. Эти разоблачения в явной форме продемонстрировали, что моральные ценности, которыми руководствуются врачи, в ряде случаев несут прямую угрозу пациентам. То есть еще одна нравственная проблема существует. Все нравственные проблемы современности не обозначить и тем более не решить, но я оптимистично смотрю на эти вопросы и вижу все больше сторонников сохранения человека как вида и усиления этики ответственности как ученых, так и бизнес-сообщества и заинтересованных государственных деятелей.

Резюмируя сказанное, выделим очевидное: 1. Рационализация, раздвижение горизонтов науки не беспредельно, теряется чувство меры, ценности. 2. Идет научный трагический конфликт непримиримых и несоизмеримых начал. Создается пограничная ситуация между животным и человеком, при скрещивания генетически различных видов, создаются гибриды или химеры. Этика бессильна, осуществление контроля над генетическими исследованиями, в результате которых создаются пара-люди: химеры и киборги, как показывает практика, не дает результатов. Развитие ксенотрансплантации приводит к появлению вирусов неизвестной, животной природы, разрушающий генотип человека. Нельзя установить, где кончается животное и начинается человек. 3. Создается пограничная ситуация между человеком и машиной. То или иное устройство не просто внедряется в тело человека, но и влияет на наследственность. 4. Терапевтическая направленность – это одно, но управление идентичностью имеет евгенический или трансгуманистический смысл. Каковы пределы вторжения? Используются конвергирующие технологии: совместно нано-, био-медицинские, информационные технологии и когнитивные науки. Еще в 1997г. Принята Конвенция Совета Европы «О защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины». Но очевидно, что эта конвенция не работает, договоренности нарушаются. Очень сложно в этой ситуации философам, максимально владеющим знаниями классической этики, происходящей из «Никомаховой этики» Аристотеля. Назрела необходимость перехода к практической этике, так как необходимо защищать права и достоинства суверенной личности, уважать ее целостность и неприкосновенность. Понятия «человек» и «человеческое существо» не определены Конвенцией, отданы законодателям государств. В этой ситуации самым сложным считается вопрос о патентовании расшифрованных генов медицинскими центрами, открывшими их и продажа их другим фармацевтическим компаниям. Все сходятся в одном - патентовать природные качества, геном человека нельзя. Но именно это стремятся осуществить бизнес-сообщества, занятые производством новых медицинских препаратов на основе раскрытого генома человека.

1. Агамбен Дж. *Этика технологий безопасности и наблюдения* // *Человек*. № 2. 2015. С. 64.
9. Nawotny H., Testa G. *Naked genes: rethinking the human in the molecular age*. L., 2010.
10. Агамбен Дж. *Этика технологий безопасности и наблюдения* // *Человек*. № 2. 2015. С. 64.
9. Nawotny H., Testa G. *Naked genes: rethinking the human in the molecular age*. L., 2010.
10. Агамбен Дж. *Этика технологий безопасности и наблюдения* // *Человек*. № 2. 2015. С. 64.
9. Nawotny H., Testa G. *Naked genes: rethinking the human in the molecular age*. L., 2010.
2. Агамбен Дж. *Этика технологий безопасности и наблюдения* // *Человек*. № 2. 2015. С. 64.

АУДИТОРИЯ ПОСТМОДЕРНА: ФОКУС НА НЕКОНВЕНЦИОНАЛЬНЫХ ФОРМАХ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ

Тормошева В.С. (Владимир)

Аудиторию постмодерна, именуемую также «искусственным образованием» либо «воображаемым сообществом», нелегко определить. Она сложна, неоднородна, имеет множество идентичностей, выходит за рамки традиционного лево-правого политического спектра и проблематична в плане установления с ней политического контакта [3, с. 53–54]. Неслучайно, что среди исследователей достаточно распространено мнение о политической пассивности постмодернистской аудитории [3, с. 51]. Свидетельством этому является множество ярких, негативно окрашенных метафор в её адрес – ленивые созерцатели политических телешоу [5, с. 62]; беспомощные обыватели, разобщённые, апатичные, отчуждённые от власти [6, с. 300–301; 2, с. 632–633]; застывшие наблюдатели, ожидающие необходимый императив для выполнения политического действия и избегающие традиционные каналы политического участия [9, р. 288] и даже «диванные активисты», практикующие бурные онлайн-обсуждения международно-политических ситуаций, что не ведёт к изменению структур и/или процессов политического пространства [11, р. 49, 75].

Вместе с тем, многие политологи отмечают изменение понимания политики гражданами и, соответственно, появление новых способов политического самовыражения [13, р. 2]. Так, возрастание интереса граждан к неконвенциональным формам участия, обусловленным коммуникационной революцией, связывают с современным «кризисом различных форм тотальной организации политики и управления», вызвавшим снижение доверия к традиционным институтам политического представительства (парламентам, партиям, институтам общественного самоуправления) [4, с. 12]. В то же время традиционное понимание политического участия исходит из законного характера политических практик, другими словами, чёткого соответствия всего арсенала политических практик традиционным политическим нормам. Права и обязанности граждан вписаны в традиционные механизмы политической системы и установленные в официальном порядке виды общественно-политической деятельности [10, р. 22].

Учёные, однако, полагают [14, р. 249], что чрезмерный фокус на традиционные формы политического участия, влияющие на политическую систему, содержит угрозу того, что инновации в политическом репертуаре граждан останутся незамеченными, и это приведёт к ложным представлениям об упадке политической активности в эпоху постмодерна. В свою очередь, политическая активность, проявляющаяся в политических формах деятельности, общения, поведения, может быть направлена как на конструктивно-реформационное изменение политического качества, так и на деструкцию отживших политических форм [1, с. 36–37].

Дистанцирование от традиционной политики и её структур – неотъемлемая часть стремительных постмодернистских трансформаций политического ландшафта [10, р. 28]. Неслучайно эпоху постмодерна характеризует «всплеск неинституциональных форм массового политического участия» [8, р. 22]. Такие формы участия (протесты, демонстрации, строительство баррикад, обстрел сил безопасности, нанесение политических граффити, порча имущества во время политических митингов, ведение блогов, комментарии в интерактивных программах) всё больше попадают под пристальное внимание исследователей. Характеризуя эту деятельность, как вызов элитам, политологи признают, что конфронтационные практики могут быть как правомерными, но агрессивными, экстремальными, так и незаконными [10, р. 25].

При этом в научной литературе существует заметный акцент на манифестной деятельности (электоральной, партийной, контактной, протестной) и игнорирование латентных, или неявных форм индивидуального и коллективного политического участия (интерес к общественно-политическим вопросам, волонтерство, политика принадлежности к определённому образу жизни и др.) [9, р. 284, 287, 292]. Понятие латентности связано с тем, что гражданам свойственны многие виды деятельности, которые не могут прямо и однозначно классифицироваться как «политическое участие», однако представляют значимость для будущих политических действий традиционного формата, находясь в режиме ожидания. Это так называемые духовные компоненты политической активности: аккумуляция и трансляция политического знания и опыта, обмен информацией, межгрупповая и межличностная координация и пр. [1, с. 37].

Следует отметить, что политическая активность постмодернистской аудитории выходит за рамки физического пространства, чему способствует развитие информационно-

коммуникационных технологий (далее ИКТ). Благодаря многочисленным социальным платформам просмотр политических телепрограмм претерпел эволюцию от домашнего обсуждения к политическому онлайн-участию трёх типов [12, р. 435]: «один на один» (твиты, или короткие сообщения, с открытым доступом), «один ко многим» (перепосты сообщений других пользователей) и «многих со многими» (распространение информации через создание поискового запроса с помощью хэштегов). Именно с развитием ИКТ связывают нарастание активности пользователя, превращению аудитории в коммуникативного актора [15, р. 1], который отбирает, воспроизводит, редактирует, изменяет, объединяет или создаёт контент, используя личные сети. Эти микросети не просто объединяют «друзей» по принципу гомофилии, или относительной схожести, а являются публичными пространствами, где стёрты границы между локальным, национальным и глобальным.

Онлайн-активизм касается растущего использования интернета для создания, организации и участия в протестах и влияния на принятие политических решений по определённому кругу проблем и не имеет централизованной системы. Он включает разнообразные виды активности, которые поддерживают участие в политической деятельности в пространстве реальных мест (марши протеста), или осуществляется исключительно в онлайн-среде. К примеру, примерно 2.5 млн. британцев являются членами некоммерческой организации «38 Degrees», ведущей активную кампанию в интернете в поддержку справедливости, прав человека, сохранения планеты, укрепления демократии. В настоящее время идут многочисленные дискуссии о том, в какой степени тот или иной вид онлайн-активизма (например, подписание электронной петиции) может быть отнесён к политическому участию.

Существуют и более экстремальные формы политического участия, зачастую незаконные, требующие высокого уровня технической компетентности. Сюда относят хактивизм, или компьютерное хакерство (hactivism) – проникновение в компьютерную систему с социально мотивированной целью. Хактивизм может включать повреждение сайтов, кражу информации и виртуальные «забастовки», когда протестующие одновременно получают доступ к сайту, вызывая сбой системы. К примеру, известное международное движение хактивистов «Anonymous», образованное в 2006 году, действовало в поддержку протестных акций «Захвати Уолл-стрит» и волнений в период «Арабской весны». Участники не имеют чёткой идеологии, но обычно выступают против авторитарных режимов, цензуры и капиталистических ценностей [13, р. 3]. Хактивисты могут выступать и в роли кибертеррористов, имея целью хакерских атак саботаж, политическую или экономическую дестабилизацию, кражу военных или гражданских ресурсов.

Несмотря на то, что учёные продолжают спорить о природе и влиянии трендов под названием журналистика прямого участия (participatory journalism) и гражданская/сетевая журналистика (citizen journalism), они единодушны в том, что интерактивный характер ИКТ теоретически открывает двери каждому с доступом к интернету для обсуждения общественно-политических вопросов за пределами рамок, очерченных профессиональными журналистами и политиками [7, р. 196].

Рассмотрим роль аудитории в формировании политической повестки дня благодаря использованию новых форм «журналистской» активности [7, р. 187–190]. Так, журналистика прямого участия вносит вклад в существующие журналистские практики по созданию новостей под контролем профессиональных медийных структур. Фото, видео, комментарии пользователей с мест событий модерируются представителями СМИ и приводятся в соответствие профессиональным журналистским нормам. В свою очередь, гражданская журналистика характеризуется практически полным отсутствием редакторского контроля публикаций аудитории. Аудитория сама определяет место размещения созданного контента в интернете: бесплатные платформы для распространения видеоматериалов (YouTube, Flickr, Instagram Stories, Periscope, Snapchat, Vimeo); ресурсы с допуском к редактированию материалов других пользователей (Wikinews, Indymedia); интерактивные сети для мгновенного публичного обмена сообщениями (Twitter, Facebook). Гражданская журналистика отражает множество умонастроений, царящих в обществе, включая распространение дезинформации или расистских, ксенофобских и т.п. взглядов. Может играть основную роль в освещении событий и оказывать влиятельную поддержку определённым политическим идеям.

Итак, политическая активность постмодернистской аудитории проявляется как в физическом пространстве (демонстрации, митинги, марши протеста), так и онлайн-пространстве (журналистика прямого участия, гражданская журналистика, онлайн-активизм, подписание электронных петиций). Политическая активность может включать как легальные

конфронтационные практики, так незаконные формы политического участия (хактивизм, кибертерроризм). Очевидно становление аудитории как коммуникативного актора, который наряду с политиками и медиа формирует политическую повестку дня, обеспечивая коммуникативное влияние в виде требований, призывов, обращений, соображений и аргументов. При этом созданный контент циркулирует в публичном пространстве, где стёрты границы между локальным, национальным и глобальным.

1. Киричек А.И. К вопросу о дифференциации содержания категорий «политическая активность», «политическое поведение» и «политическое участие» // *Общество: политика, экономика, право*. 2001. № 3. С. 34–37.
2. Клеман К.М., Мирясова О.А., Демидов А. (ред.) *От обывателей к активистам. Зарождающиеся социальные движения в современной России*. М.: Три квадрата, 2010. 668 с.
3. Лиллекер Д. *Политическая коммуникация. Ключевые концепты* / Пер. с англ. Х: Гуманитарный центр, 2010. 300 с.
4. Парфёнова Ю.В. *Сетевые формы политического участия в современной России и постсоветском пространстве: автореф. дис. ... канд. полит. наук*. СПб, 2016. 20 с.
5. Поцелуев С.П. *Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме* // *Полис. Политические исследования*. 1999. № 5. С. 62–75.
6. Ярошенко С.С. *Каковы перспективы социальных движений в России?* // *Журнал исследований социальной политики*. 2014. Т. 12. № 2. С. 299–303.
7. Bakker T., Paterson C. *The New Frontiers of Journalism: Citizen Participation in the United Kingdom and the Netherlands* // Brants K., Voltmer K., eds. *Political Communication in Postmodern Democracy: Challenging the Primacy of Politics*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 303 p. P. 183–199.
8. Beus J. de. *Audience Democracy: An Emerging Pattern in Postmodern Political Communication* // Brants K., Voltmer K., eds. *Ibid.* P. 19–38.
9. Ekman J., Amnå E. *Political Participation and Civic Engagement: Towards a New Typology* // *Human Affairs*. 2012. № 22. P. 283–300.
10. Lamprinou I. *Contemporary Political Participation Research: A Critical Assessment* // Demetriou K.N., ed. *Democracy in Transition. Political Participation in the European Union*. UK: Springer Verlag, 2013. 292 p. P. 21–42.
11. Rodgers J. *Spatializing International Politics: Analysing Activism on the Internet*. London: Routledge, 2003. 169 p.
12. Sampedro V. *Introduction: New Trends and Challenges in Political Communication* // *International Journal of Press/Politics*. 2011. № 16(4). P. 431–439.
13. Slade D., Hobbs A. *Trends in Political Participation* // *Postnote*. 2015. № 498. 7 p.
14. Stolle D., Hooghe M., Micheletti M. *Politics in the Supermarket: Political Consumerism as a Form of Political Participation* // *International Political Science Review*. 2005. № 26. P. 245–269.
15. Volkmer I. *The Global Public Sphere: Public Communication in the Age of Reflective Interdependence*. Cambridge: Polity, 2014. 224 p.

РЕВОЛЮЦИЯ, РЕЛИГИЯ, КУЛЬТУРА (АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Н. А.БЕРДЯЕВА 1917-1918 ГГ.)

Тульпе И.А. (Санкт-Петербург)

Чем более традиционно общество, тем труднее ему даются радикальные перемены, которые переживаются им как бессмысленные и разрушительные. Распространение цивилизационных достижений (в том числе продуктов современной информационной революции), их простое перенесение в другие пространства не влияют с необходимостью на менталитет, сформированный вековыми традициями и ценностями. Многообразно меняющаяся реальность воспринимается как враждебная, а поскольку «родная» культурная почва не может быть причиной своей гибели, то опасность видится идущей извне. Из-за этого кажется, что сохранение культурно-психологического здоровья общества возможно обеспечить достойным отпором «чужому», главным образом, посредством утверждения цивилизационного превосходства, коренящегося в наследии предков.

Революция, ее природа и последствия – важнейшая тема, о которой размышляли отечественные философы. Н.А.Бердяев был глубоко неравнодушным свидетелем событий русской революции. В докладе, основанном на его статьях 1917-1918 гг., выделен ряд ключевых положений, которые спустя столетие остаются актуальными теоретически и практически.

Русская революция в значительной степени была «результатом накопления отрицательных состояний, процессов гниения старой жизни», что привело к тому, что все классы и группы снизу доверху объединились в борьбе с «прогнившей властью». [1, 573] Направление и результаты революции могут восприниматься двояко. Одни (внешние революционеры) думают, что «революция разрушает старую, безобразную и злую жизнь и создает новую, прекрасную и добрую жизнь», другие (внешние контрреволюционеры) напротив, что «революция разрушает старую, прекрасную и добрую жизнь и создает новую, безобразную и злую жизнь». Но и те и другие, подчинив постижение смысла революции «отрицательным душевным реакциям», находятся во власти самообмана, так как всякая революция «не нарушает старой жизни и не создает новой жизни». [1, 836]

Политическая революция совершилась быстро и почти безболезненно, но в главном - в «социальной ткани» - переворот не был таким радикальным. Каждый народ делает революцию со своим духовным багажом, внося в нее не только способность к жертве и энтузиазм, но и свои «грехи и пороки». [1, 775] Революция обнаружила «все застарелые социальные болезни». [1, 685] Глубочайшая из них - тот самый духовный багаж народа, о котором Бердяев пишет безо всякого «народнического» пиетета.

Поскольку Россия совмещает несколько исторических эпох и в ее глубине «существуют недра, которые пребывают еще в XIV веке», то под «новой оболочкой» продолжает действовать «много ветхого». [1, 505] В крестьянской стране развитие народа началось с «первоначальной патриархальной демократии», где личность чувствовала себя пребывающей в «первоначальном коллективизме». Поддержанию этого состояния способствовало и «Русское священное царство», покоившееся «на твердой скрепке русского государства с русской церковью» [1, 512]. Но это царство «никогда не было христианским и священным в глубоком, онтологическом смысле этого слова», его образ был лишь игрой символики, «религиозно незрелого человечества, отражением его несвободы». [1, 514] Поскольку все «теократии были лишь воспитанием и водительством несовершеннолетних, опекой над ними», то скрепление Церкви с государством является источником «порабощающих иллюзий». [1, 495] Поэтому в революционную эпоху русский православный мир, привыкший жить «под охраной и покровительством» русского царства, чувствует себя выброшенным в «безбрежный океан мировой жизни». Бердяев справедливо предположил, что в наступающих «суровых временах свободы» православным людям от этой свободы «неладно», что им было «теплее в царстве священной необходимости и священного принуждения». [1, 512]

Революция обнаружила, что православное религиозное воспитание мало дисциплинирует личность: русское православие воспитало в народе поклонение святости и святым, дало народу возможность смиренно нести свою долю, но им «совершенно не воспитывался дух активности и самодисциплины». Именно с тем, что личное начало никогда не было сильно выражено, связана характерная «русская страсть» к равенству — страсть к безличности «во всеобщем бескачественном смешении». [1, 634] Из первоначального коллективизма русский человек «перескакивает» в коллективизм социалистический, [1, 770] способствующий сохранению той традиционной морали, которая не придает значения личной ответственности. [1, 756]

По своей духовной сущности русская революция была не столько столкновением классов трудящихся с имущими классами, сколько глубоким конфликтом количественного труда с трудом качественным, трагическим для судьбы России столкновением «народа» с «культурой». [1, 732] В революции Бердяев увидел торжество русской народнической идеи, основанной на вере в народ, его правду и мудрость, и поэтому недоверчиво и даже враждебно относившейся к культуре «образованных». [1, 580] Если вначале марксизм был против идеализации русской отсталости, но в дальнейшем он подвергся «народническому перерождению», установив «аристократию физического труда». [1, 753] Недостаток честности и отсутствие чувства ответственности и долга, идущие из долгого рабского существования, «легко покрываются социальными идеологиями, которые пропитаны ядом лести народным массам». [1, 570] Человек оценивается по своей внешней, социальной оболочке, а не по внутренним, духовным качествам. Теперь «привилегированными существами» стали рабочий и крестьянин. Третирование умственного труда Бердяев оценивает как «нравственное безобразие», а «принудительное культурное и духовное уравнение» как реакционный и мракобесный идеал, «угашающий» и порабащивающий человеческий дух. [1, 736]

Наследием «старого мракобесия» Бердяев видит «революционное насилие над свободой мысли и слова», отмечая при этом, что «цензура разбушевавшейся массы народной всегда

страшнее, чем цензура правительственной власти» - когда «сам народ» посягает на свободу мысли и слова, «от него некуда спастись». И в этом - «семя контрреволюции». [1,627] Если народ в массе своей состоит из «рабьих душ», с рабьими склонностями к насилию, неуважению к человеческому достоинству, к свободе и правам личности, то ему грозит восстановление деспотизма. [1, 558]

Демократизм в России скорее может быть отнесен «на счет остатков старого», чем «народжения нового». [1, 586] И эту отсталость нельзя рассматривать как знак «нашего высшего призвания»: то, что «личность человеческая тонет у нас в первобытном коллективизме» есть страшный факт и «не есть ни наше преимущество, ни знак нашего величия».[1,750] Подлинный труд имеет духовную основу и предполагает нравственную самодисциплину и «духовный закал» личности. Именно поэтому умственное и нравственное просвещение народа, подъем его культуры — первейшая социальная задача, перед которой стоит Россия.

1.Бердяев, Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914—1922 / вступ. статья, сост. и примеч. В.В. Сапова. — М: Астрель, 2007

«КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» КАК ФЕНОМЕН ИДЕЙНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 20 ВЕКА. О. ШПЕНГЛЕР, А.М. ВАН ДЕН БРУК, К. ШМИТТ

Федосова Н.А. (Санкт-Петербург)

«Консервативная революция» - знаменитое интеллектуальное течение в Германии, проявившееся наиболее ярко в период между двумя мировыми войнами. Но это, пожалуй, самое неоднозначное интеллектуальное течение в Европе. Во многом, потому что проявление его приходится на пик общественно-политического кризиса 1918 – 1919 годов, хотя четко очертить хронологические и политические границы течения невозможно, так как среди его представители не имели единой внутренней структуры.

В центре рассуждений «консерваторов – революционеров» лежит критический взгляд на либеральную традицию, утвердившуюся в Европе в XIX веке как основа современного мира, и других интеллектуальных традиций, связанных с ним. [2. С. 16] Либерализм объявлялся «моральным недугом народа», заимствованным у Запада - враг не только немцев, но и всего человечества. [5. С. 61.]

Совершенно естественным кажется то, что одним из ключевых моментов в «работах консервативных революционеров» выступает Первая мировая война. Если говорить точнее – ее влияние не только на немецкое общество, а на изменение во всем мире, который разделился на «до» и «после».

Консерватизм вырастает из двух начал: с одной стороны, из защиты немецких традиций от нападков теоретиков-обновленцев и нивелирующих тенденций абсолютизма, а с другой — из самой идеологии Просвещения: во втором случае консерватизм выступает как «анти-Просвещение», которое пытается выявить и устранить опасности, связанные с этим духовным течением. [4] Неотъемлемой чертой «Консервативной революции» являлось еще идея корпоративного государства, жесткая идеологическая и политическая борьба против Веймарской демократии и республики. [6.С. 24] Особое место в «консервативной революции» занимала место идея новой империи. [7. С. 207.] Построением нового государства должна была заняться новая элита, впитавшая в себя новые человеческие ценности, не принадлежавшая к партийным организациям.

Первым, кто выставил обвинение либерализму был Освальд Шпенглер. Наиболее конкретно его идейно - политические взгляды сосредоточены в работе «Пруссачество и социализм» [10 С. 109.], опубликованной в 1920 году. Главным врагом германии О. Шпенглер видит Англию. Но это угроза состоит не во внешнеполитическом противостоянии, а в так называемой «внутренней Англии». Превосходство общества в Германии над государством во время революции, когда во главу развития были поставлены индивидуализм и либеральный дух, привели к победе «Англию внутреннюю», что в свою очередь привело к победе Англии внешней в 1918 году. С точки зрения немецких националистов и Шпенглера, Англия является источником либерализма, торгашества и ханжества. [3. С. 32] Шпенглер не отрицает демократию как дух XX столетия. Но он пропагандирует ту идею, что немецкой нации необходимо отказаться от англо-французского варианта демократии и продолжить поиск собственного варианта государственного

устройства. В то же время автор придает критике авторитет К. Маркса, утверждая, что Маркс не только не был автором идеи социализма, но и не социалист вообще.

Идеологом консервативной идеи, пришедшей к ней во многом еще до Первой мировой войны был литератор на заре своей деятельности и театральный критик Артур Мёллер ван ден Брук. Некоторые современные исследователи считают именно А. Мёллера ван ден Брука основателем «консервативной революции», который главного своего противника видел в демократии Веймарской республики. [8 С. 215.]

Меллер ван ден Брук в 1916 выпускает эссе «Прусский стиль», в котором он восхваляет суть Пруссии, как «волю к государству». Его идеология направлена на попытку соединить националистические и социалистические идеалы при резком неприятии парламентской демократии и западного либерализма. В этом качестве, он был одним из провозвестников «консервативной революции», оказав сильное влияние на «Движение младоконсерваторов». «Пруссия это то, чем Германия должна была бы быть», [1..S. 170 .]- пишет Мёллер, добавляя, что Германия должна была стать прусской, чтобы Пруссия могла стать германской.

Наиболее известная работа Мёллера ван ден Брука, концентрирующая его политические взгляды — «Третий Рейх», вышедшая в 1923 году. В ней он создал политическую концепцию Третьего Рейха как пангерманского националистического государства. [1.] Избирательную систему и передачу права на власть политическим партиям А. Мёллер Ван ден Брук видел как добровольное порабощение, а революцию, произошедшую в Германии, ложной, так как она не решила главного вопроса об единении нации. «Мы хотим выиграть революцию»- начинает свое воззвание к немецкой нации А. Мёллер ван ден Брук. Поворотным моментом, когда в Германии мог родиться новый дух всей нации, могла стать мировая война. Но этому помешала революция, и более того Мёллер ван ден Брук называет революцию глупостью и обманной самообороной.

Среди представителей консервативной революции фигура Карла Шмитта является в некотором роде уникальной. Концепции Шмитта отличались радикализмом, стремлением дойти до экзистенциального, бытийного уровня. Он не был так же исключением, для которого переломным моментом, как в творчестве, так и в жизни стала Первая мировая война. На творчество мыслителя большое влияние, которое прослеживается во всех идейных нитях, оказал другой известный и актуальный в наше время политический деятель Т. Гоббс.

В первом своем произведении "Политический романтизм" К. Шмитт выступает как критик романтизма, опираясь на консервативную традицию, созданную Э.Бёрком и Ж. де Местром. Он считал романтику позитивистской доктриной, которая не способствует укреплению государства, а напротив, коррумпирует его и тем самым способствует разрушению. Таким образом, он призывал к очищению консерватизма от романтизма.

В «Политической теологии» Шмитт обратился к проблеме суверенитета и отмечал, что современная политико-правовая мысль игнорирует этот вопрос. [9. С.57.] Немецкий мыслитель негативно оценивает идеи «народного суверенитета» и «прав человека. Но ключом к консервативным воззрениям Карла Шмита, является книга «Понятие политического», синтезирующая в себе основные концепции мыслителя. В отличие от марксистов, главной сферой жизни общества Шмитт видит сферу политическую. Для К. Шмитта политическое изначально, оно появляется до государства и выходит за пределы мирской и рутинной политики. Эта идея возвращает опять же к Т. Гоббсу, и «естественному состоянию» общества. В то же время для объяснения политического К. Шмитт открывает через идею постоянно дихотомии «друг - враг», что так же можно связать с гоббсовским состоянием постоянной «борьбы всех против всех». Но Шмитт дает уникальную трактовку понятий «друга» и «врага», которые являются не конкретными объектами, а скорее закономерным присутствием в бытие общества.

1. Piper R. *Der preussische Stil.*- München., 1961.
2. Артамошин С. В. *Понятия и позиции консервативной революции.* – Брянск, 2011.
3. Афанасьев В. В. *Социология и политика О. Шпенглера.* – М. 2009
4. Михайловский А. *Консервативная революция: апология господства.* [электронный ресурс], URL: <http://www.apn.ru/publications/article17389.htm>
5. Люкс Л. *Евразийство и консервативная революция // Вопросы философии.* 1996. №3.
6. Терехов О.Э. *Консервативная революция в Веймарской республике в современной германской историографии: от концепции «преодоления прошлого» к попыткам деконструкции феномена.* *Известия Российского Государственного Педагогического Университета Им. А.И. Герцена .* 2009, № 103 .

7. Терехов О. Э. Проблема национального государства в идеологии «консервативной революции» в трудах западноевропейских исследователей. [электронный ресурс]., URL: <http://izvestia.asu.ru/2009/4-2/hist/TheNewsOfASU-2009-4-2-hist-38.pdf>

8. Терехов О.Э. А. Мёллер ван ден Брук как идеолог «консервативной революции» в освещении германской историографии. // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2011, №. С. 215.

9. Шмитт Карл. Политическая теология // Шмитт Карл. Политическая теология. - М., 2000.

10. Шпенглер О. Пруссачество и социализм.- М. 2002 г.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕРОИЧЕСКОГО В ПЕРЕЛОМНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Шахова И.А., Петраш М.А. (Благовещенск)

В ходе социальной эволюции человека его ценностно – нормативный мир обретал качественное состояние в системе формирования смысловых ценностей, удаленных от суеты повседневной культуры. Человек всегда искал себе образец для подражания, а если такого не оказывалось, то просто выдумывал его. Так появилась идея человека, воплощающего некий идеал. Эта идея получила название героя. В различные исторические эпохи у каждого типа культуры был свой герой. Тип героического и героя был детерминирован историческим типом мировоззрения, доминирующем в системе общества.

Существенная трансформация ценностей отразилась на всем российском обществе и затронула каждого человека. Но прежде всего молодежь - самую динамичную часть общества. В последние годы возникает феномен трансформации героических образов, когда под видом «открытия новых фактов» происходит девальвация подвига. Это ведет к принижению, осмеянию и забвению людей, отстоявших и приумноживших богатство и славу государства российского. Данную ситуацию можно охарактеризовать как явление дегероизации, которое активно осуществляется в российском общественном сознании.

Целью исследования, проведенного на базе Центра социологических исследований Амурского государственного университета в 2017 г., является выявить особенности представления амурской молодёжи о героях и героизме. В исследовании использовался метод опроса в форме индивидуального анкетирования. Тип выборки: квотная выборка. Полевой этап проводился с 3 по 15 июля 2017 года. Объём выборки: 200 человек.

Исходя из полученных ответов на вопрос «Испытываете ли Вы интерес к теме героизма?», можно сделать вывод о том, что большая часть опрошенных (44 %) заинтересована данной темой. Безразличны к проблеме героического 21% респондентов и 35% затруднилась с ответом на данный вопрос.

У разных возрастных категорий респондентов интерес к теме героизма проявляется неодинаково, особую разницу можно увидеть между молодёжью 18-24 лет и старшим поколением 50 и старше лет. Это может быть связано с равнодушным отношением молодёжи (40 %) к теме героизма в связи с несформированным образом героя ввиду небольшого жизненного опыта. А вот старшее поколение (67 %) вкладывают особое значение в слово «героизм», которое после этого становится для них уже не просто словом, а скорей характеристикой человека, заслуживающего уважения, почитания и превознесения.

Проявление героизма респонденты чаще всего связывают с особыми обстоятельствами, одним из таких выступает война (65%). В годы ВОВ было много героических личностей, что даёт осознание настоящего героического поведения, именно поэтому этот ответ самый популярный. 21 % отметили возможность героического поведения в профессиях, связанных с риском для жизни и только 14 % увидели возможность героизма в повседневной жизни и культуре.

Респондентам был предложен обширный список людей. Из полученных ответов на вопрос «Кто из этого списка для Вас является героем?», самыми популярными оказались ответы: Юрий Гагарин (73%), Зоя Космодемьянская (70%). Это говорит о том, что респонденты помнят и чтят героев прошлых эпох, но в тоже время существует потребность в новых героях. Это подтверждается тем, что среди названных имен героев, опрошенными были упомянуты: Тимати (86%), Арнольд Шварценеггер (89%), Леонардо ди Каприо (92%), Игорь Акинфеев (55%), Павел Воля(97%), супермен (79%), бэтмен (90%) и другие. Александра Матросова, Зину Портнову знают 24% и 19% соответственно. Исходя из выбранных персоналий стоит отметить сомнительность

героической основы в деятельности значительной части из них и несоответствия определению «героизма» и «героя», данному молодёжью в рамках опроса: «человек, готовый пожертвовать всем ради блага людей», «человек, совершивший какое-либо доблестное, важное для многих людей действие» и другое.

С развитием современных технологий, возрастает и потребность в их использовании, скорей всего эта тенденция и прослеживается в ответах на данный вопрос, большая часть молодёжи (33%) получает информацию из СМИ, а также из интернета. В современном обществе всё меньше читают литературы, а тем более ходят в библиотеку и черпают информацию из этого источника 3% молодежи. Изменение каналов информированности для формирования жизненных ценностей является важнейшим индикатором трансформации современного общества. Постфигуративный тип культуры уходит в прошлое: всего 5 % респондентов узнали о героях от родителей.

Ответы на вопрос «Как вы думаете, нужно ли хранить память о подвигах героев?» дал следующие результаты. Большая часть опрошенных (34%), считают, что нужно хранить память о героях, потому что на них нужно равняться. Не было ни одной анкеты, в которой был бы отмечен ответ «нет, потому что», то есть можно сделать вывод, что в сознании большинства есть понимание того, насколько ценно хранить эту память. Однако 28% считают, что это необходимо делать, потому что это просто интересно, 23% отметили, что это дань уважения. Тревожит то, что 14% молодежи затруднились ответить на вопрос.

На основании проведённого исследования, можно сделать вывод, о существовании разницы между образом героя амурской молодёжи от 14 до 30 лет и лицами пожилого возраста от 50 лет и старше. У большинства молодёжи вообще нет интереса к теме героизма. Прослеживается противоречивость в ответах молодёжи о наличии определенных героических качеств, таких как «мужество», «самопожертвование», «храбрость» и др., общественных сфер, благоприятных для совершения героических поступков, У современной молодежи отсутствует четкое представление о героизме и героических поступках, их значимости в личностном развитии. Кроме того молодёжь затрудняется назвать имена героев-современников, что опасно замещением истинных героев псевдо – героями. Это ещё раз доказывает, что в последние годы все чаще возникает переоценка деяний признанных в советском обществе героев, когда под видом «открытия новых фактов» происходит девальвация подвига. Это ведет к принижению, осмеянию и забвению людей, отстоявших и приумноживших богатство и славу государства российского.

Таким образом, проблема научного изучения образа героя, его сущностных и содержательных особенностей, вопросов его создания, реконструирования и дальнейших видоизменений в контексте влияния на сознание российского общества приобретает в настоящее время особое значение.

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ П.А. СОРОКИНА: «ДОЛГИЙ ПУТЬ» ОТ ПРАКТИКИ – К ТЕОРИИ (МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РОЛИ СЕМЬИ, ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ, РЕВОЛЮЦИИ В СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ И ВЗГЛЯДОВ УЧЕНОГО)

Шеболкина Е.П. (Ухта)

«Ранняя» биография П.А. Сорокина весьма драматична: мать умерла, отец спился и умер в одиночестве, брата расстреляли, самого ученого от родины отлучили... Свои бедствия и фрустрацию П.А. Сорокин преодолел (согласно им же выведенному закону поляризации, по которому любая личность, преодолевая невзгоды, либо «мужает», либо деградирует) путем выхода на позитивный полюс, окрепнув и возмужав, поставив четкие жизненные цели и выстроив механизм их достижения.

Что же помогло ему в этом? То, что П.А. Сорокин боролся за свою жизнь, «ушел от смерти» (покаялся в контрреволюционной деятельности), благодаря своему титаническому труду и могучему темпераменту стал ведущим социологом США, заставляет задуматься о закладываемых семьей, традиционной культурой механизмах преодоления кризисных явлений, моделях осмысления феномена человека, общества.

П.А. Сорокин отмечает, что семейное ремесло, предназначенное для нужд церкви, общение со священниками в значительной степени повлияли на формирование его личности и системы ценностей. Он стал чем-то вроде учителя - проповедника на соседских посиделках

долгими зимними вечерами. Возможно, это был первый «синдром» будущей профессии – университетского профессора, педагога. Тайнства Христовы открыли П.А. Сорокину таинственную и загадочную реальность и трагические моменты жизни. Мистические и трагические черты его теорий были заложены именно в детские годы [2, с.13,33–34,218–219]. Во всем своем научном творчестве П.А. Сорокин стремился хоть немного приблизиться к раскрытию этого «тайного», «иноного», определить скрытые пружины событий и процессов. Видеть скрытый, глубинный смысл событий и фактов – научное кредо П.А. Сорокина, который попытался на обширном историко-культурном материале выявить в мировой истории некие суперсистемы, отличающиеся друг от друга основополагающими ценностями, и описал их в своей крупнейшей работе «Социальная и культурная динамика».

П.А. Сорокин считал, что социальное устройство коми народа и религиозная атмосфера ранних лет жизни сыграли важную роль в становлении его личности, целостной системы ценностей и кристаллизации ранних философских взглядов: «Я рад, что прожил детство в этой девственной стране». Воспитавшие его близкие люди «были дружелюбными, умными, честными и работающими людьми, в ладу с миром, соседями и самими собой» [2, с. 10,19].

Миропонимание коми является коэволюционным и целостным, и это не могло не отразиться в содержании познавательных систем выдающихся мыслителей земли коми К.Ф. Жакова, П.А. Сорокина, В.П. и В.В. Налимовых. Все мировоззрение П.А. Сорокина пронизано интегральным синтезом. Социология П.А. Сорокина – попытка комплексного рассмотрения человеческого бытия, в котором самым тесным образом переплетены аналитика (исследующая социальные субкультуры), механика (определяющая систему космо-био-социально-психологических факторов социальных процессов), генетика (фиксирующая основные линии развития в сфере общественных процессов) [3, с.533]. «Чтобы пройти сквозь хаос вакханалии бездуховности и не изменить себе, я создал собственное интегральное мировоззрение – целостную систему знаний и убеждений из естественных наук, религии, философии, социологии, психологии, этики, политики, экономики и изящных искусств. Воссоединивший в одном *Summum bonum* (Высшее благо, Бог) Верховную Троицу – Правду, Добро и Красоту, – интегрализм дал мне твердую основу для сохранения собственной цельности и мудро направлял меня в дебрях разлагающейся бездуховной цивилизации» [2, с.265].

Не менее важным для понимания природы творчества П.А. Сорокина является то обстоятельство, что определяющими ценностями коми культуры являются ценности свободы, анархизма, аkratии, ненасилия. Формируемая на протяжении веков автономность личности и изолированный образ жизни коми не способствовали становлению специальных институтов регулирования человеческого общежития, основанных на насилии. В коми культуре не принято утверждаться за счет других и использовать их в своих целях – каждый сам за себя, нет духа стяжательства и агрессии, принято избегать конфликтов. Сложилось гуманистическое понимание природы человека, свободно и ответственно делающего свой выбор среди предоставленных возможностей, являющегося главным архитектором своего поведения и жизненного опыта. П.А. Сорокин отмечает, что в политическом и социальном отношении коми никогда не знали рабства или крепостного права. Зыряне всегда были свободными людьми и решали свои дела самостоятельно, при помощи непосредственного самоуправления... Здесь не существовало ни слишком богатых привилегированных «верхов», ни особенно бедных или бесправных «низов»... В результате здесь не было «классовой борьбы» и сформировавшихся политических партий, отстаивающих свои законные интересы.

События 1914–1922 гг., когда П.А. Сорокин увидел слишком много ненависти, лицемерия, слепоты, зверств и массовых убийств, грубо разрушили сформировавшееся в «зырянском прошлом» гармоничное мировоззрение начинающего ученого. П.А. Сорокин описывал революционные события, насилие с позиций «другого», отстраненного наблюдателя, для которого все происходящее противоестественно. Война и другие социальные катаклизмы подтолкнули П.А. Сорокина к изучению воздействия войн, голода, эпидемий и кровавых революций на образ мысли и поведение людей, на экономические, политические институты, семью, на социальную мобильность, мораль, верования, культуру, на ее творческий потенциал. Мыслитель был глубоко убежден в том, что жестокость, ненависть и несправедливость не могут и никогда не смогут создать ничего вечного ни в интеллектуальном, ни в нравственном, ни в материальном отношении [2, с.12, 161].

Становление П.А. Сорокина как творческой личности проходило в период перехода к ярко выраженному биполярному устройству мира, в его творчестве, как в зеркале, отражались

взаимоотношения двух общественно-политических полюсов мирового устройства – России и Америки. П.А. Сорокин как социолог был особенно актуален именно в годы противостояния двух супердержав, дал отпор «левым» идеям в США в ее трудные годы, и за это был поддержан властями. Ведь он был яростным противником и беспощадным критиком советской власти, революций, насилия. А в годы «великой депрессии» в Америке пошли в рост левые настроения, марксистские идеологемы, и нужно было выставить им плотный идеологический заслон. Совпали потребность государства и личная позиция ученого (останься П.А. Сорокин в Старом Свете, возможно, и не было бы той поддержки и признания, какие он получил в Америке). Серьезный ученый, блестящий трибун и публицист, непримиримый борец с «коммунистической заразой» П.А. Сорокин в 1929 г. становится главой первой в истории Гарвардского университета кафедры социологии. Его ученики вырастают в известных ученых-социологов, общими усилиями обеспечивая стабильность в политической, культурной жизни США.

Интересна творческая эволюция ученого. В 1925 г. вышла его первая книга на английском языке «Социология революции», в которой подробно препарировался этот процесс, в 1927 г. появляется «Социальная мобильность», дающая трактовку социальной стратификации и моделей перемещения индивидов в обществе, а в 1928 – «Современные социологические теории», обобщающие историю этой науки.

Но мыслителю не давал покоя вопрос о глобальных движущих силах человеческой истории, и в 1931 г. он «запускает» колоссальный исследовательский проект, оформившийся в 1936 г. в труд под названием «Социальная и культурная динамика». В этой работе автор представляет закон мировой истории как смену трех культурных суперсистем – чувственной, идеациональной (религиозной) и интегральной. Основной раздел книги П.А. Сорокин посвятил описанию кризиса современной чувственной культуры. В работе «Главные тенденции нашего времени», изданной в США в 1964 г., мыслитель наметил контуры формирующейся интегративной культуры. Страстно желая ускорить ее появление, П.А. Сорокин предлагал практические рецепты моральной трансформации человечества, имеющие здравый смысл и достаточно функциональные [1, с.312].

Таким образом, жизненные реалии и социальные практики, осмысленные П.А. Сорокиным в научном творчестве, легли в основу социологических теорий, обладающих сегодня значительным объяснительным и прогностическим потенциалом.

Литература

1. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. М.: Наука, 1997. – 351 с.
2. Сорокин П.А. Долгий путь. Сыктывкар: Коми кн. изд., 1991. – 304 с.
3. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество / под. ред. А.Ю. Согомонова. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

ПАРАДОКС СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ ПРИ ВИРТУАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ

Шершнёва Т.В. (Минск, Республика Беларусь)

Мы живем в эпоху интеграции виртуальной реальности и реальной среды. Вокруг нас сумасшедший информационный мир. Во всех сферах жизни человека происходит постепенное угасание непосредственного вербального общения. Окунаясь с головой в сети всемирной паутины, человек постепенно утрачивает навыки реального общения, что приводит к социальной изоляции. Люди становятся некоммуникабельными и замкнутыми.

С другой стороны, те, кто проводит много времени в социальных сетях, утверждают, что это помогает им общаться. Однако исследователи в области социальной психологии утверждают, что пребывание в социальных сетях лишь временно облегчает симптомы имеющейся у таких людей социальной изоляции, под которой понимается отсутствие чувства принадлежности, отношений и реального взаимодействия с другими людьми [2]. Многие психологи утверждают, что социальная изоляция тесно связана с риском суицидального поведения, болезни или смерти. Чтобы определить взаимосвязь между общением в социальных сетях и социальной изоляцией, исследователи опросили более 1700 американцев в возрасте от 19 до 32 лет, что позволило установить, что в среднем респонденты пользуются популярными платформами, включая Фейсбук, Твиттер и Инстаграм, 30 раз в неделю, а 27% опрошенных, чаще всего проводивших время в соцсетях (около 58 раз в неделю), сообщили, что ощущают высокий уровень «добровольной» изоляции от общества [1].

Пока рано делать вывод о том, что же в данной проблеме первично: социальные сети влияют на состояние психики или субъективно осознаваемая человеком социальная изоляция провоцирует интерес к ним, но анализируя полученные данные, мы предположили, что низкий уровень коммуникабельности может провоцировать развитие зависимости от социальных сетей, общение в которых позволяет снизить остроту переживаний от невозможности адекватно реализовать свои социальные потребности. Это поведение является защитным механизмом ухода от реальности, освобождающим личность на некоторое время от эмоциональной напряженности и тревоги. К тому же следует учесть, что социальные сети способны создавать ложное впечатление успешности и счастливой жизни.

Под коммуникабельностью (от лат. *communicatio* – общаться) понимается способность человека к установлению социальных контактов, отношений, деловых и дружеских связей [3]. Коммуникабельность позволяет достичь успехов в любых сферах жизни (семья, карьера, творчество и т.д.). Многие работодатели выбирают разговорчивых кандидатов на вакантную должность, ведь такой сотрудник легко может найти общий язык с клиентом, соответственно он принесет прибыль компании. Общение помогает нам избавиться от замкнутости и помогает бороться с комплексами. Коммуникабельный человек не боится первым начать беседу, поддерживать разговор, придумать новую тему для обсуждений.

Для того, чтобы выявить уровень коммуникабельности будущих инженеров-строителей, и тем самым – косвенно оценить риск развития зависимости от социальных сетей и социальной изоляции, было проведено исследование с помощью теста В. Ф. Ряховского.

Результаты диагностики показали, что 29,4% опрошенных обладают невысоким уровнем коммуникабельности, в меру любопытны, умеют слушать, могут отстоять свою точку зрения. Встреча с новыми людьми не угнетает их, однако шумные компании они переносят безрадостно. Как правило, их раздражают экстравагантные выходки и многословные люди, стремящиеся привлечь к себе внимание. Более половины студентов (52,9%) характеризуются нормальным уровнем коммуникабельности, они общительны, разговорчивы и любознательны. Очень любят выражать свое мнение по разным вопросам, это иногда отталкивает от них более замкнутых людей. Легко знакомятся и общаются, не любят отказывать в просьбах. Вспыльчивы, но отходчивы. Как правило, для решения проблем им не хватает усидчивости. 17,7% испытуемых чрезмерно общительны и всегда в курсе всех событий. Готовы говорить даже о том, о чем слышат впервые в жизни. Окружающие относятся к ним с опаской, поскольку считают не самыми надежными людьми.

С одной стороны, полученные результаты свидетельствуют об отсутствии у студентов выраженных проблем с реализацией социальных потребностей и, как следствие, риска развития зависимости от социальных сетей. Однако многие испытуемые «перебарщивают», пытаясь быть коммуникабельными, что свидетельствует о низкой коммуникативной культуре будущих инженеров. Им следует научиться внимательно слушать собеседника, говорить четко, кратко и по существу. Известно, что если мысль сформулирована четко и ясно, вероятность того, что ее поймут и воспримут правильно, гораздо выше. Будущим специалистам необходимо учиться использовать невербальные средства коммуникации, добиваясь конгруэнтности своего сообщения. Необходимо следить за эмоциональной окраской речи и овладевать приемами ораторского искусства, следуя правилам построения эффективной коммуникации:

- 1) необходимо стремиться излагать мысли максимально убедительно, избегайте излишних нагромождений слов, недомолвок и возможных двойных толкований;
- 2) употреблять терминологию и профессионализмы только в тех случаях, когда они уместны;
- 3) даже в бытовом общении следует избегать жаргонных и сленговых выражений, особенно это касается межпоколенной коммуникации;
- 4) необходимо ограничить излишнюю эмоциональную нагрузку, как положительную, так и отрицательную;
- 5) обращение к человеку должно быть персонализированным, по имени, либо посредством объединения собеседников общезначимым понятием;
- 6) необходимо всегда соблюдать правила вежливости и этикета.

Результаты диагностики наличия у студентов интернет-зависимости с помощью теста Кимберли Янга показали, что 13,3% испытуемых являются зависимыми от сети Интернет. Она вызывает значительные проблемы в их жизни. Аддикты начисто лишены способности получать удовольствие от жизни реальной, такой, какая она есть, у них слабо развит самоконтроль, они не

могут найти иной, продуктивный, выход из трудной психотравмирующей ситуации. Для 20% испытуемых характерен начальный уровень зависимости от сети Интернет. Они временами могут находиться там чуть дольше необходимого, но еще владеют ситуацией. 66,7 % признали себя обычными пользователями. Интернет не вызывает никаких проблем в их жизни. Таким образом, около трети студентов уже имеют или склонны к развитию интернет-зависимости. Студент, увлеченный интернет-общением, приобретает часто проблемы с учебой и экзаменами. При длительном отсутствии такого общения, человек больше не получает выбросов дофамина и серотонина в мозг, он больше не чувствует себя радостным и бодрым. К тому же со временем организм привыкает к количествам веществ, выделяющихся при положительных эмоциональных реакциях, поэтому студент продлевает время нахождения в сети до бесконечности, часто в ущерб ночному отдыху. Посещая не относящиеся к делу сайты, часами проводя время в чатах, болтая со знакомыми и играя в игры вместо занятий, он выпадает из учебного процесса, а иногда и из реальности. Все вышесказанное свидетельствует о необходимости организации досуга обучающихся, ведь от того чем занимается студент в свободное время, зависит дальнейшее формирование его личностных качеств, потребностей, ценностных ориентаций, мировоззренческих установок, а в целом предопределяет его положение в обществе.

1. *Злоупотребление социальными сетями ведет к социальной изоляции.* – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.mail.ru/society/28986778/>. – Дата доступа: 14.09.2017.

2. *Новейший социологический словарь / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко.* – М.: Книжный дом, 2010. – 1312 с.

3. *Социальная психология. Словарь / Под. ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского.* – М.: ПЕРСЭ, 2006. – 176 с.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ИМИДЖА СОТРУДНИКОВ ПРОКУРАТУРЫ И СЛЕДСТВИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕВОРОТОВ

Шибков Ю.И. (Москва)

Третье десятилетие Россия живет в условиях новой политической реальности. Срок для осуществления политических трансформаций и инноваций значительный. Социальных изменений за это время произошло немало. Процессы демократизации охватили все сферы общественной жизни, позволив всему российскому обществу пройти трудный путь взросления и на практике обеспечить расширение пространства свободы - основы подлинной демократии, неперемного условия построения государства, нацеленного на служение интересам общества.

Проблема формирования имиджа органов военной прокуратуры и следствия представляется недостаточно разработанной, несмотря на то, что еще в рамках советской теоретической мысли был создан определенный потенциал идей по проблемам организации взаимодействия военных ведомств, политической власти и общественности. Недостаточная разработанность темы в постсоветский период обусловлена, главным образом, ее «неудобством» как в теоретическом, так и в прикладном плане: деятельность органов военной прокуратуры и следствия всегда на виду, о ней полагают возможным судить многие даже без достаточных на то оснований, а любые «вывихи» (негативные последствия) в их работе, подхваченные и под специфическим углом зрения интерпретированные средствами массовой информации (СМИ), сразу становятся достоянием общественного мнения. Поэтому выбор темы научного исследования, связанной с формированием позитивного имиджа органов военной прокуратуры и следствия, априори встречает неоднозначное отношение со стороны научной общественности.

Объектом исследования является имидж органов военной прокуратуры и следствия.

Предмет – технологии формирования позитивного имиджа органов военной прокуратуры и следствия.

Цель исследования - раскрыть особенности, факторы и технологию формирования имиджа органов военной прокуратуры и следствия.

Под имиджем военного следователя мы понимаем целостный, качественно определенный образ личности, выполняющей социальную роль, связанную с исполнением данной служебной деятельности, устойчиво живущий и воспроизводящийся в массовом и индивидуальном сознании. Мнение людей друг о друге складывается на основе имидж формирующей информации, которая

может быть прямой и косвенной. При анализе условий возникновения и развития имиджа в современном обществе авторами подчеркивается иллюзорность его возникновения: - имидж нематериален и существует лишь в воображении его создателей.

Социальный престиж следователя, в частности и военного, в нашей стране достаточно высок. По данным Института государства и права АН СССР, в результате проведенных социологических исследований установлено, что профессии следователя отдали предпочтение перед другими юридическими профессиями 39,7% опрошенных (судьи—17,4%, адвоката — 21,7%).

Созданный при помощи СМИ обобщенный образ военного следователя, наделенный такими качествами, как высокая общая культура, собранность, вежливость, проницательность, высокий профессионализм, внимательное отношение к гражданам, настраивает собеседника на стремление к сотрудничеству с ним.

Понижение престижа военного следователя может быть вызвано не только его неправильным поведением, но и действиями других лиц (критические замечания в адрес военного следователя, высказанные в присутствии допрашиваемых; проявление к следователю панибратского отношения со стороны товарищей по работе и т. д.).

Опытные следователи понимают значение характера взаимоотношений с допрашиваемым в процессе. Так, учитывая, что задержание лица обычно порождает напряженную конфликтную ситуацию, следователи, если возможно, сами не осуществляют задержание, поручая производство этого следственного действия в порядке установленном законодательством РФ.

Рассмотренные вопросы социального анализа имиджа в работе военного следователя и прокурора в меньшей степени, т.к. основную работу по расследованию преступления производит именно военный следователь.

Общественная оценка деятельности органов военной прокуратуры как важнейшего государственного института, признание ее особой социальной значимости и ценности могут выступать побудителем и мотиватором определенных действий и поступков людей. Следовательно, социальная оценка престижности органов военной прокуратуры является действенным регулятором правового поведения российских граждан. Кроме того, высокие показатели престижа военной прокуратуры оказывают существенное влияние на: а) взаимоотношения с властными институтами по всей "вертикали"; б) осуществление профессиональной деятельности и взаимодействие с другими правоохранительными органами и судом; в) взаимоотношения с общественными организациями и СМИ; г) отношение населения к деятельности военной прокуратуры, обращение граждан в ее органы и укрепление их веры в правовую защищенность; д) профессиональный отбор и кадровое обеспечение органов военной прокуратуры;

В приведенном выше перечне факторов необходимо обратить внимание на одну показательную деталь: значительное число опрошенных отмечают вклад СМИ в формирование позитивного образа органов военной прокуратуры в обществе и повышение престижа. Это очень важный результат, потому что именно характер взаимодействия военной прокуратуры с журналистами и освещение ее деятельности в СМИ оставались самым проблемным местом на протяжении всей новейшей российской истории.

С сентября 2016 года по май 2017 года автором было проведено исследование, основными задачами которого явилась диагностика имиджа профессии «прокурор» и «следователь» и коррекция на данной основе системы информационного сопровождения деятельности Министерства Обороны. Социологический опрос военнослужащих «Военнослужащие об имидже профессии «прокурор» и «следователь». Исследование проводилось для выявления ключевых представлений и клише в массовом сознании о профессии военного прокурора и следователя. Выборочная совокупность составила 400 человек. Выборка составлена пропорционально признакам обращения в органы военной прокуратуры и следствия, полу и статусу респондентов. Методом анкетирования опрошены 3 статусные группы военнослужащих: курсанты высших военных учебных заведений, младший офицерский состав, высший офицерский. Экспертный опрос представителей ведущих средств массовой информации «Практика информационного взаимодействия средств массовой информации и органов прокуратуры и следствия». Цель опроса - оценить реальные представления о военных прокурорах и следователях как профессии среди представителей ведущих средств массовой информации - основных ретрансляторов стереотипных установок.

В результате исследования определена степень заинтересованности в информации тематике работы органов военной прокуратуры и следствия; выделены основные проблемы текущей коммуникации с органами военной прокуратуры. Отвечая на вопрос, какими личностными качествами обладают люди, которые становятся военными прокурорами и следователями, половина опрошенных отметила такие качества, как милосердие, отзывчивость, готовность помочь, одна четвертая опрошенных указали сердечность и доброжелательность.

Итак, заметен разбой в оценках, что отражает важный момент – имидж профессии «военный прокурор и следователь» в общественном сознании неустойчив, он еще формируется.

Подводя черту в выделении формообразующих специфических факторов имиджа прокурора и престижа прокуратуры, можно отметить существенную роль уровня и характера знаний граждан о деятельности этого государственного института. Поэтому так важно, чтобы в общественном мнении формировались объективные представления о прокуратуре, которые были бы адекватными ее содержанию, сущности и социальной значимости. При этом нельзя забывать важную истину: невозможно создать престиж какой-либо организации исключительно за счет средств массовой информации (а такие попытки предпринимаются), но также невозможно его создать и без их участия.

1. Агабаева А.В., Николаева Т.Г. *Функции прокурора при поддержке обвинения окружным (флотским) военным суде при рассмотрении уголовных дел с участием присяжных заседателей // Право в Вооруженных Силах. – 2014. - №12. – С.52-54.*
2. Глухов Е.А. *Уголовно-процессуальная деятельность в военных организациях требует совершенствования и изменения // Право в Вооруженных силах. – 2013. - №3. – С.7-14.*
3. Корякин В.М., Подшибякин А.Н. *Теория и практика взаимодействия органов военного управления и органов военной прокуратуры в области противодействия коррупции // Право в Вооруженных Силах. – 2016. - №3. – С.2 – 6.*

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ В ВЫБОРАХ В США В 2016 ГОДУ.

Шляхова Р.А. (Москва)

Аннотация. В докладе рассматривается влияние социальных сетей на процесс принятия политических решений в целом и на изменение политической ситуации в частности. Часть американского электората, которая не ходит на выборы, можно назвать виртуальной группой, то есть такой, которая проявляет себя в определенных ситуациях. В докладе показано, каким образом Дональду Трампу удалось заставить проявить себя так называемую «забытую Америку».

Последняя президентская компания в США приковывает к себе внимание даже спустя почти год после инаугурации действующего президента Дональда Трампа. Причин тому несколько: это пятый раз в истории выборов в США, когда президентом становился не тот, кто набрал большинство голосов избирателей [1]; президентом стал человек, имеющий весьма поверхностные знания о политике (этот аргумент, однако, подвергается сомнению); выборы выявили сильнейший раскол в обществе, который никогда раньше так сильно не проявлялся; и, что наиболее важно для данного доклада, победитель выиграл во многом благодаря интернету и социальным сетям [7].

Название секции подразумевает, что виртуальный человек может являться субъектом деятельности. Само понятие виртуальности означает: «объект или состояние, которые реально не существуют, но могут возникнуть при определённых условиях» [2]. Таким образом, виртуальный человек – это тот, кто становится реальным субъектом в определенных условиях, или в определенных ситуациях.

Возвращаясь к выборам в США, необходимо упомянуть еще одну особенность: на этих выборах проголосовала так называемая «забытая Америка» [5], и проголосовала за кандидата, который с самого начала избирательной компании позиционировал себя как представитель «забытой Америки», тех, кто никогда не ходит на выборы, так как не верит в саму возможность изменения американского общества. Таким образом, эти люди никогда не участвуют и не учитываются в социологических опросах касательно голосования. Поэтому практически все американские СМИ прогнозировали победу Хилари Клинтон. Эти проголосовавшие «забытые американцы» и есть виртуальные люди, которые стали реально действующими субъектами в ходе американских выборов и только на момент этих выборов. То, что эти люди в своей массе

проголосовали за Д. Трампа, выявляет собой некий социальный протест против реальной американской политики. Эти люди голосовали за реальные изменения, которые обещал Д. Трамп. Кто эти люди? Это рабочий класс США, который много работает и немного зарабатывает. Это безработные американцы, которых не интересует внешняя политика (хотя свои взгляды на нее они имеют), а интересуют вопросы внутренней политики в США [3]. Эти люди считают, что президент должен уделять максимум внимания именно политике внутренней, то есть придерживаться позиции изоляционизма.

Эта “забытая Америка” и выступила в роли виртуальных людей на американских выборах в США. Каким же образом избирательному штабу Трампа удалось привлечь этих людей?

Люди, которые не ходят на выборы, как правило, не смотрят и дебаты, которые традиционно в Америке считаются главным средством принятия решения, за какого кандидата голосовать. Убедить тех, кто не следит за дебатами, удалось с помощью социальных сетей. Причин тому, почему те, кто не следят за выборами перед телевизионными экранами, но идут голосовать благодаря социальным сетям и сети Интернет в целом, несколько. В первую очередь, уровень доверия к Интернету выше, чем к телевидению. Во-вторых, в социальных сетях легко создать эффект реального общения с кандидатом благодаря постоянному обновлению новостей, постов или фотографий. Такая частота общения невозможна для телевидения. В-третьих, в социальных сетях легко сделать быстрый массовый опрос общественного мнения по насущной проблеме и получить обратную связь от голосующих. Это создает ощущение у потенциальных избирателей, что их голос имеет значение. В-четвертых, в сети убеждение проголосовать за кандидата может быть более адресным, то есть по большому счету можно убедить прийти на выборы каждого потенциального кандидата-пользователя сети. Плюс ко всему, у большинства населения развитых стран на телефоне или смартфоне имеется доступ в Интернет и вероятность просмотра и частота просмотров последних новостей в Интернете и в социальных сетях в частности гораздо выше, чем с помощью телевизора [4].

Таким образом, с помощью социальных сетей одному кандидату удалось убедить неходящую на выборы часть населения США прийти и проголосовать. Предвыборный штаб другого кандидата эту возможность не использовал или почти не использовал.

Возможно, решение организовать столь масштабную агитацию в социальных сетях связано не столько с высокими надеждами предвыборного штаба Д. Трампа, сколько отсутствием других рычагов воздействия. Как известно, многие СМИ высказывались открыто против Дональда Трампа. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что выбор в пользу социальных сетей предопределил преимущество этого кандидата [6].

1. Дунаевский И. На выборах в США вновь победил кандидат, получивший меньшинство голосов//Российская газета. [Электронный ресурс] - 10.11.2016. Режим доступа: <https://rg.ru/2016/11/10/na-vyborah-v-ssha-vnov-pobedil-kandidat-poluchivshij-menshinstvo-golosov.html>
2. Рузавин Г. И. Виртуальность // Новая философская энциклопедия / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В. С. Стёпин, заместители предс.: А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин, уч. секр. А. П. Огурцов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Мысль, 2010.
3. Bailey H. In America's 'forgotten places,' Trump's supporters hope to be heard, finally// National Correspondent, Yahoo news. [Электронный ресурс]. 16.01.2017. Режим доступа: <https://www.yahoo.com/news/in-americas-forgotten-places-trumps-supporters-hope-to-be-heard-finally-233159431.html>
4. Darrell M. West. Ten Ways Social Media Can Improve Campaign Engagement and Reinvigorate American Democracy// The Brookings Institution. [Электронный ресурс]. 28.06.2011. Режим доступа:<https://www.brookings.edu/opinions/ten-ways-social-media-can-improve-campaign-engagement-and-reinvigorate-american-democracy/>
5. Donnan Shawn 'Forgotten' white vote powers Trump to victory// Financial Times. [Электронный ресурс]. 09.11.2016. Режим доступа: <https://www.ft.com/content/51534512-a648-11e6-8b69-02899e8bd9d1?mhq5j=e5>
6. Lang M. 2016 Presidential Election Circus: Is Social Media the Cause?// Government Technology. [Электронный ресурс]. 05.04.2016. Режим доступа: <http://www.govtech.com/social/2016-Presidential-Election-Circus-Is-Social-Media-the-Cause.html>
7. McCormick R. Donald Trump says Facebook and Twitter 'helped him win' // The Verge. [Электронный ресурс]. 13.11.2016. Режим доступа: <https://www.theverge.com/2016/11/13/13619148/trump-facebook-twitter-helped-win>

СЕКЦИЯ 4: КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ

ИЗМЕНЕНИЯ В КИТАЙСКИХ СЕМЬЯХ ВСЛЕДСТВИЕ ПЛАНИРОВАНИЯ РОЖДАЕМОСТИ

She Lin (Санкт-Петербург)

Кампания по планированию рождаемости считается одной из самых важных социальных революций в истории современного Китая. Вместе с движениями феминизма они сильно изменили структуру населения страны [1]. Политика «Одна семья – один ребенок» оказала значительное влияние не только на членов семьи, на их семейные отношения и семейную структуру, но и на их образ жизни.

С тех пор как была образована китайская народная республика, развитие китайской демографической политики прошло длинный путь. В связи с разными подходами исследования ученые дают разные определения о нём. Ссылаясь на выводы Yang Yuanguo [2, 176 - 179], мы разделяем развитие демографической политики на 4 больших периода: стимулирование рождаемости (1949 – 1952), попустительство роста рождаемости (1953 – конец 60 гг.), контроль над рождаемостью (70 гг. – 1983 г.), смягчение и отмена политики «Одна семья – один ребенок» (1984 г. – 2015).

Несмотря на то, что теперь все китайские семьи имеют право рожать второго ребенка, но однодетные семьи - это социальная группа, которую нельзя оставлять без внимания. По всей стране около 430 миллионов семей, среди которых семьи, затронутые планированием семьи, занимают примерно 70% [3]. Число супружеских нуклеарных семей быстро выросло, и миниатюризация семейной структуры продолжается (Wang Yuesheng 2006). Уменьшение членов семьи освобождает семью от сложных отношений: супруги фиксируют свое внимание на налаживании супружеских отношений и воспитании ребенка. Важность горизонтальных (супружеских) отношений увеличивалась (Liu Gengchang, Sun Kuili, Zhang Junliang 2006); ребенку нет необходимости «конкурировать» за внимание и любовь родителей, к его мнению родители прислушиваются, и он пользуется большей семейной свободой в принятии решений.

Сложившаяся ситуация семейных взаимоотношений как «палка о двух концах», в какой-то степени способствует стабильности семьи, и в то же время ослабляет семейственность и вызывает конфликты в семье.

Вследствие политики «Одна семья – один ребенок» в китайском обществе семья «4-2-1» стал доминирующим. Семейей «4-2-1» называется тип семьи, в которой живут супруги (они родились в 80 гг., и они именно цифра «2»), родители супругов («4»), и внук/внучка («1»). Стоит отметить, на самом деле, такая семья всегда существовала. Но ранее в истории страны не было периода, когда были бы массовым явлением однодетные семьи.

Наряду с бытовыми конфликтами в такой семье существуют два типичных конфликта:

- 1) уход одновременно за 4 родителями и ребенком

Как важный компонент традиционной китайской ментальности и одно из центральных понятий в конфуцианской этике и философии, сыновняя почтительность означает не только уважение и подчинение детей родителям, но и вознаграждение родителей за воспитание, то есть ответственность за содержание родителей и заботу о них.

Fei Xiaotong (1983) разделяет сложившиеся семейные модели на китайскую и западную. Под западной моделью автор понимает модель как «эстафета» - старое поколение несет ответственность за воспитание следующего поколения, но следующее не берет обязанности содержать старое поколение, а начинает растить его следующее, т.е. только своих детей. А китайская модель – это модель «возвращения» (feedback), в ней требуются ответственность и обязанность за оба поколения.

Раньше в многодетных семьях дети могли бы разделять обязанности по содержанию своих родителей, теперь же в однодетных семьях уже не к кому обратиться за помощью. Это усложняется и тем, что молодым нужно работать и делать карьеру, плюс им необходимо вырастить в семье еще маленького ребенка, за которым нужно постоянно присматривать. Между супругами легко возникают конфликты в планировании времени и распределения ролей в семье.

Если они отказываются от этих обязанностей, это с большой вероятностью приводит к конфликтам со своими родителями.

2) воспитание ребенка

В китайских пословицах говорится: «сто лет воспитываешь детей, девяносто девять лет беспокоишься о них». Родители всегда есть родители. Когда родители видят, что молодые супруги не могут сбалансировать свою профессиональную работу и семейную жизнь, они всегда охотно приходят на выручку: помогают в домашних делах или присматривают за внуком/внучкой. В последние годы из-за отсутствия ответственности или необходимой родительской компетентности некоторые молодые родители предпочитают полностью рассчитывать на старшее поколение родителей. Но между разными поколениями существуют разные привычки и разные подходы к воспитанию детей, что приводит к столкновениям, которые могут происходить в любое время.

В сельской местности ситуация ещё более сложная, массово появилась тенденция, когда один или оба родителя уезжают зарабатывать в город, оставляя детей жить с бабушкой и дедушкой или родственниками (*left-behind children*). Во-первых, такое перемещение населения увеличивает расстояние между родителями и детьми и снижает удобство исполнения обязанностей молодых людей в роли родителей и детей.

Во-вторых, в случае постоянного расставания членам семьи не хватает взаимосвязи друг с другом, что особенно вредит развитию детей. Дети овладевают базовыми знаниями по общению с людьми путем ежедневного взаимодействия и начинают процесс социализации. Поэтому, привязанность (*attachment*) между родителями и детьми играет важную роль в развитии детей. Многие китайские родители считают, что зарабатывать деньги и обеспечивать материальную жизнь детей – это самая главная забота о детях. Однако эмоционально коммуникационная функция практически игнорируется, что постепенно расстраивает детей и приводит к одиночеству и отчаянию [4, 60]. Кроме того, перемещение населения также обостряет супружеские отношения, что, в свою очередь, вредит развитию детей.

Быстроразвивающиеся технологии связи позволяют оставаться на связи с семьей, и даже в какой-то степени укрепляет контакты. Но по сравнению с личной встречей, эти техники, наоборот, не способствуют коммуникации [5, 49].

В-третьих, низкая рождаемость делает каждого ребенка «драгоценным», когда перед семьей двойное давление (воспитывать детей и содержать пожилых), интересы детей всегда побеждают. Потребности детей – первичны, можно всегда их удовлетворять в жертву благополучия пожилых людей.

Таким образом, после отмены закона «Одна семья – один ребенок» появилась надежда на прекращение роста числа однодетных семей, но может снова создавать сложную конфликтную ситуацию в семье. Во-первых, у членов семьи разные желания относительно второго ребенка. Например, пожилые родители хотят второго внука, а молодые супруги боятся, что не справятся с ещё одним ребенком. Либо муж хотел бы завести второго ребенка, а жена, концентрируясь на своей карьере, не желает уходить в декретный отпуск. Во-вторых, хотя рождение второго ребенка, безусловно, большое счастье в семье, но материальные затраты и время, которые потребуются и от других членов семьи, нелегко согласовывать и налаживать взаимодействие.

Можно сделать вывод, что изменения структуры и отношений современной китайской семьи создают определенные сложности. Изменения китайской семейной структуры происходит на фоне распространения идеи «родить меньше» и «родить одного», что, с одной стороны, вызывает антагонизм и напряжение в семейных отношениях, с другой стороны, увеличивает трудности, вызванные необходимостью оставлять детей с бабушками и дедушками, необходимостью иметь большие финансовые ресурсы для воспитания детей. Это означает, что если даже перемещение населения случается не масштабно, тем не менее, человеческий ресурс в семье сокращается [6, 108], что делает современные семьи менее устойчивыми и менее защищенными.

1. 郑永年：两场社会革命与中国的未来 URL: <http://www.zaobao.com.sg/forum/expert/zheng-yong-nian/story20170718-779924> (дата обращения: 05.10.2017)
2. Yang Yuanguo, *On Chinese Population Policy and its Evolution since the Establishment of PRC / Jiangxi Social Sciences*, 2009. № 1, P.176-179
3. Интерпретация «Отчета о развитии китайских семей от 2014 г.». URL: <http://www.intelligentagedcare.com/agehydctn/35.htm> (дата обращения: 12.03.2016)

4. Lv Ji, Liu Liang, *On the Evolution and Effect of the Family Structure and Functions of Left-at-home Rural Children / Chinese Journal of Special Education*, 2011. № 10, P.60
5. Yang Juhua, He Zhaohua, *Continuity or Change? Chinese Family in Transitional Era / Population Research*, Mar 2014. Vol. 38, № 2, P. 49
6. Wang Yuesheng, *The Changing Family Structure in Contemporary China: An Analysis / Social Sciences in China*, 2006. № 1, P.108

К ТЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ФОРМ И МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ИСТОРИИ У ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ПРИКЛАДНОГО ОБСЛЕДОВАНИЯ)

Абросимова Н.В. (Санкт-Петербург)

В данной статье речь идёт о теоретической основе, некоторых элементах этапа разработки и полевого этапа исследовательского проекта, главная цель которого – проанализировать, какие формы и методы обучения истории являются наиболее предпочтительными для школьников и студентов.

В начале 2017 года было проведено прикладное социальное обследование, посвященное анализу предпочтений у школьников и студентов ссузов и вузов Санкт-Петербурга тех форм и методов, которые могут быть использованы преподавателями исторической науки.

В своей работе разработчик опиралась на точку зрения Вилема Флюссера, согласно которой изобретенный когда-то технический образ, являющийся абстракцией третьей степени □3□, ведет к лишению современного человека его собственной реальной и многомерной активности □2□. Кроме того, было принято во внимание высказывание Флюссера о том, что человечество неизбежно пройдет через «экзистенциальную революцию», заключающуюся в том, что «мы неизбежно... поворачиваемся на 180 градусов и начинаем ...шагать обратно, в направлении конкретного (жизненного мира)» □1□. Последнее помогает понять новую практику «компьютерного моделирования и проецирования, от точечных элементов к линиям, плоскостям, телам и к телам, имеющим отношение к нам» □1□.

В этой связи, автор предполагает, что современные школьники и студенты при изучении ими различных дисциплин и, в частности, истории, считают наиболее предпочтительными методы и формы обучения, основанные на использовании современных цифровых технологий и средств коммуникации.

Таким образом, респондентам предлагалось высказаться о предпочтениях методов и форм обучения. Среди них были предложены несколько групп методов и форм: лекции, фильмы, цифровые технологии, специализированные исторические мероприятия, общение с людьми, использование СМИ и средств коммуникаций, массовые мероприятия. Предлагалось также написать в открытом вопросе свой вариант какого-либо мероприятия, который был бы самым предпочтительным при изучении истории. Более подробное описание конкретных исследуемых форм и методов обучения будет дано в последующих печатных материалах.

Обследование проводилось методом анкетного опроса. В качестве объектов выступили обучающиеся старших классов средней школы, студенты средних профессиональных и высших учебных заведений разных специальностей Санкт-Петербурга в возрасте от 16 до 35 лет. Опрос проводился методом «снежного кома» с февраля по май 2017 года.

Генеральная совокупность составила около 150 тысяч человек. Среди которых около 30 тысяч человек – школьники, столько же – студенты ссузов, около 90 тысяч студентов различных вузов Санкт-Петербурга. Выборочная совокупность составила 416 человек. Среди них: школьников – 133 респондента, 124 студента ссузов и 159 человек, являющихся студентами вузов.

В полевом этапе исследовательского проекта принимала участие группа студентов. Среди них студенты разных курсов и специальностей, обучающиеся в колледже физической культуры и спорта, экономики и технологий СПбГУ: Абовян Гарник, Вторушина Анна, Горностаев Леонид, Обмолоткова Нелли, Олищук Владимир, Остапчук Валерия, Розенберг Дарья, Савин Николай, Струкова Ульяна, Уфимцев Антон, Чубарев Даниил, Щукина Дарья, Яшина Анна.

Исследовательский проект является инициативным, и проводимые мероприятия осуществлялись без привлечения грантов.

Более подробное описание результатов проекта будет опубликовано в последующих материалах.

1. Flusser V. *Vom Subject zum Project. Menschwerdung. Frankfurt am Main, 1998. S. 21 // Цит. по: Савчук В., Хайдарова Г. Фотографический универсум Вилема Флюссера // Флюссер В. За философию фотографии Пер. с нем. Г. Хайдаровой. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2008. – С. 127.*
2. Савчук В., Хайдарова Г. *Фотографический универсум Вилема Флюссера // Флюссер В. За философию фотографии Пер. с нем. Г. Хайдаровой. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2008. – С. 127.*
3. Флюссер В. *За философию фотографии Пер. с нем. Г. Хайдаровой. – СПб: Изд-во СПбГУ, 2008. – С. 13.*

МОРАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Акулич М.М., Ильина И.В. (Тюмень)

Социализация личности является одной из основополагающих проблем социологии. Э. Гидденс дает следующее определение социализации — это «процесс, в результате которого беспомощный младенец постепенно превращается в обладающее самосознанием разумное существо, понимающее суть культуры, в которой он родился. Социализация не является процессом пассивного усвоения «культурной программы», — она связана с активным, деятельным участием самого человека в этом процессе. Социализация связывает разные поколения, осуществляя передачу социального опыта и культурных ценностей от одного поколения к другому» [1, 54].

Социализация – это процесс усвоения индивидом образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для функционирования общества. Согласно такому пониманию социализации она включает все процессы приобщения к культуре, коммуникации и поведения, с помощью которых человек приобретает социальную природу и способность участвовать в жизни общества.

Моральную социализацию необходимо рассматривать как часть общего процесса социализации, в котором активное участие принимает как сам человек, так и общество. Общество осуществляет непосредственную передачу от поколения к поколению социального опыта, обеспечивает необходимые условия для развития индивида. Индивид, в свою очередь, усваивает нравственные приоритеты, осуществляет моральные выборы и предпочтения. Моральная социализация - представляет собой процесс нравственного становления личности посредством воспитания и социализации.

В процессе моральной социализации субъектом осваиваются нормы и ценностные ориентации таким способом, чтобы они входили в его собственную систему взглядов на окружающий мир. В результате у личности должно сформироваться моральное сознание, устойчивое нравственное поведение и нравственные чувства, привычки руководствоваться в своих действиях и поступках, отношениях с другими людьми нравственными нормами.

Моральная социализация может быть целенаправленной или стихийной. В условиях господства идеологии целевая направленность социализации значительно возрастает, напротив, в условиях анархии она становится все более и более стихийной. В стабильно развивающемся обществе сочетается как целенаправленный, так стихийный характер моральной социализации, то есть она может иметь характер стихийного, не контролируемого и целенаправленного воздействия общества на человека. В ситуации конца XIX — начала XX веков преобладало стихийное влияние, которое оказывала вся нравственная ситуация дореволюционного времени. Кавелин К.Д. определяет настроение как мрачное, ироничное, дошедшее до отчаяния или озлобления. «Каждый закопался в свои частные, личные, большей частью материальные интересы и дела, не думая ни о чем другом» [2].

В русской литературе все больше укреплялась мысль о том, что нужно менять внешние обстоятельства, не меняя при этом человека. Она превратилась в проповедь пессимизма, в отрицание смысла жизни, в утверждение хаоса и лжи окружающего мира.

П.А. Сорокин отмечал деморализацию молодого и старшего поколения, подрыв института семьи через разводы, половую распущенность. Институт семьи один из основных осуществляющих целенаправленную социализацию претерпевает изменения. Одной из главных черт развития внутрисемейных отношений во второй половине XIX — начале XX века было постепенное ограничение родительской власти [3]. И как следствие этой ситуации – отсутствие преемственности между поколениями: Н.А. Бердяев описывает это состояние следующим образом: «Обязательный разрыв с отцами, со всяким прошлым, с историей стал нормой жизни

русского интеллигента» [4, 91]. Согласно данным анкеты «Половой переписи московского студенчества», опубликованной в начале XX века профессором М.А. Членовым большая часть опрошенных студентов указывали на отсутствие всякой духовной связи с семьей: «Например, на вопрос, имела ли семья влияние на выработку этических идеалов, эстетических вкусов, товарищества и т. д., из 2150 опрошенных ответ дали только 1706 студентов. Из них 56% отвергли влияние семьи и только 44% признали его наличие. Из 1794 студентов, ответивших на вопрос — имела ли семья влияние на выработку определенного мировоззрения, 58% дали ответ отрицательный и 42% - положительный» [5, 99-100].

Все эти процессы, происходящие в семье, вели к ослаблению ее воспитательных сил, уменьшению ее роли в социализации подрастающего поколения.

Другой институт - религии в этот период также снижает свое значение в процессе социализации.

П.А. Сорокин называет Церковь «Ведомством православного исповедания», подчеркивая отсутствие живой связи паствы друг с другом и с духовенством. Понижается статус религиозного аспекта воспитания, оно становится лишь одним из средств формирования личности. Еще в XVIII веке сменились приоритеты в воспитании с человека «божественного» (христианин) на социально-ориентированного. Однако, традиционно для России моральные ценности основывались на религии, православной вере и ослабление веры ведет в свою очередь к расшатыванию морали, что мы и можем наблюдать в процессе исторического развития.

Стихийную социализацию в дореволюционной России осуществляли многочисленные политические партии, развернувшие свою деятельность в второй половине XIX века. Они относились к молодежи как к объекту манипуляции, используя их неопытность и незрелость, внедряя в их сознание идеи и ценности, не основанные на традиционной для русской культуры морали.

Западноевропейская культура начала проникать в мировоззрение молодых дворян еще со второй половины XVIII века, формируя определенные ценностные ориентации российской молодежи. А.А. Мусин-Пушкин усматривал в их крайне выраженном космополитизме. Он утверждал следующее: «Наше русское юношество не воспитывается в русских национальных идеалах, в духе веры, преданности престолу и Отечеству, в уважении родной истории, родной старины, в любви к историческому прошлому, выстраданному родным народом и составляющему потому его драгоценную культурную собственность; отсюда естественное и неизбежное последствие — образование целых поколений, совершенно не проникнутых родными, национальными идеями» [6, 313]

Целенаправленное воспитание, в том числе в практике образовательных учреждений осуществлялись без опоры на отечественные педагогические образцы. Система целенаправленного и система стихийного воспитательного воздействия имели различную содержательную направленность [7].

Моральная социализация и условия ее осуществления определялись сословной дифференциацией и были различны в разных слоях российского общества. Все вышесказанное имеет отношение в большей мере к дворянам и мещанам и к тем выходцам из крестьян, которые переезжали в города. В среде дворян и мещан формировалась обывательская позиция, с присущими ей установками жизни за чужой счет, ничего не делания, отсутствовало уважение к людям из низших слоев, были характерны настроения нигилизма. П.А. Кропоткин, вспоминая отдельные эпизоды своей жизни, писал: «Воспитанный в помещичьей семье, я, как все молодые люди моего времени, вступал в жизнь с искренним убеждением в том, что нужно командовать, приказывать, распекать, наказывать и тому подобное» [8, 371] Семьи дворян хотя и несли в себе отпечаток традиционного уклада, но уже тяготели к разложению патриархальности. Так увеличивалась роль женщины в семье, в том числе и ее роль в решении судьбы детей. Это оказывало значительное влияние на формирование морального облика молодого человека, его образа жизни и нравственных предпочтений.

Крестьянское сословие, особенно в глубинке, было в значительно меньше степени подвержено этим стихийным и целенаправленным веяниям больших городов с их разнообразными идейными течениями. Крестьянская семья сохраняла традиционно-патриархальный уклад [9]. Таким образом, все более усугублялось противоречие между различными слоями общества не только в экономическом, политическом, но и нравственном отношениях.

Схематично описанная картина моральной социализации предреволюционного времени дает возможность провести некоторые параллели с современным социокультурным состоянием

российского общества и процессом моральной социализации в нем. Как и в дореволюционный период, современная российская молодежь находится под сильным воздействием западной культуры. Это находит свое отражение в процессе стихийной социализации личности. Культура Запада оказывает значительное влияние на характер взаимоотношений между людьми в России; отношение к труду; на художественные вкусы россиян и другое. И это влияние все больше отдаляет молодежь от традиционных для россиян моральных ценностей, формирует иные моральные установки. В современном российском обществе существует и проблема передачи традиционных моральных ценностей, которая была актуальной до октябрьских событий XX столетия. В целом в современной России институт церкви стремится осуществлять целенаправленную моральную социализацию на основе православных ценностей и традиций, институт образования осуществляет ее в основном стихийно.

1. Гидденс Э. Социология. - М.: Эдиториал УРСС, 1999 - 704 С
2. Кавелин К.Д. Собр.соч. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897—1900.т.3 Этика. Злобы дня <https://www.prlib.ru/item/446362> Дата обращения 1.10.2017
3. П.А. Сорокин/ Современное состояние России http://www.belousenko.com/wr_Sorokin.htm. Дата обращения 1.10.2017
4. Бердяев, Н. А. . Духовный кризис интеллигенции/ Н.А. Бердяев ; сост. и комм.В.В. Сапова. – М. : Канон+, 1998. – 400 с. – ISBN 5-88373-082-5.
5. Изгоев, А.С. Об интеллигентной молодежи / А.С. Изгоев // Вехи : собрание статей о русской интеллигенции Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, А.С. Изгоева, Б.А. Кистяковского, П.Б. Струве, С.Л. Франка. Репринтное воспроизведение издания 1909 г. – М. : Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время» и журнал «Горизонт», 1990. – С. 211. – ISBN 5-7650-0003-7.
6. Мусин-Пушкин, А.А. О космополитизме нашей школы / А.А. Мусин-Пушкин //История педагогики в России : хрестоматия / сост. С.Ф. Егоров. – 2-е изд., стереотип. – М. : Издательский центр "Академия", 2002. –400 с. –ISBN 5-7695-0306-8.).
7. Шупаев Аркадий Владимирович. Развитие гражданского воспитания в дореволюционной России конца XVIII - начала XX века : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / Шупаев Аркадий Владимирович; [Место защиты: Ульянов. гос. пед. ун-т им. И.Н. Ульянова].- Ульяновск, 2010.- 178 <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/razvitie-grazhdanskogo-vozpitanija-v-dorevoljucionnoj-rossii-konca-xviii-nachala-xx.html> Дата обращения 1.10.2017
8. Кропоткин, П. А. Этика: Избранные труды / П.А. Кропоткин. – М. : Политиздат, 1991. –496 с. –ISBN 5-250-01295-7.
9. Ю.М. Гончаров/ Городская семья второй половины XIX - начала XX вв. <http://new.hist.asu.ru/biblio/gon1/index.html>. Дата обращения 1.10.2017

ЭТНИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ КАК СИМВОЛЫ КУЛЬТУРЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Арутюнова Е.М. (Москва)

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых проблем функционирования этнических языков в современной социальной практике современной России. На материалах общероссийских опросов показано, что язык остается одним из важнейших факторов, объединяющих с людьми своей национальности, причем для русских сейчас не менее важным, чем для людей других национальностей. Затронут вопрос специфики ситуаций с государственными языками в республиках, проанализировано изменение характера этноязыковых проблем в новом правовом и социальном контексте, а также наиболее актуальная сейчас проблема вокруг обязательного преподавания государственных языков в республиках.

В этнополитике и межэтнических отношениях этноязыковая сфера особенно важна, поскольку язык, как демонстрировали этносоциологические исследования ещё советских времён, – это важнейший этнический идентификатор, ценность этнической культуры и этнический символ. В 2015 г. 75% опрошенных по общероссийской выборке выбрали язык в качестве одного из важнейших факторов, объединяющих их с людьми своей национальности, все остальные идентификаторы оказались менее значимыми (по данным проекта «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», рук. М.К. Горшков).

Язык как объединяющий признак значим для респондентов вне зависимости от их возраста, уровня материальной обеспеченности, места проживания (город или село). Русские

респонденты по общероссийской выборке выделяют язык как этнический идентификатор даже несколько чаще, чем респонденты других национальностей (76% и 68% соответственно). Столь высокая доля оценивающих язык как важный этнический идентификатор на уровне страны – относительно новое явление для русских, прежде отмечавшееся у них только в начале 1990-х гг. в условиях подъёма национальных движений в республиках бывшего СССР. Однако сейчас такие данные вполне ожидаемы вследствие актуализации этнического самосознания русских в последние годы: по данным той же волны опроса в 2015 г. доля русских, ощущающих связь с людьми по признаку национальности, сходна с той же долей у респондентов других национальностей: 75% и 82% соответственно.

В большинстве российских республик исторически сложилось двуязычие: русский язык стал не только языком межэтнического общения, но и инструментом приобщения к русскому и европейскому культурному опыту, фактором социальной мобильности в контексте индустриализации и урбанизации. В этих условиях национальные языки утрачивали свою прежнюю распространённость вплоть до сохранения, прежде всего, в семейном и неформальном общении. Такое сужение использования национальных языков воспринималось частью граждан ряда национальностей как ущемление, и с началом национальных движений в 1990-е гг. язык для многих стал этническим символом, с которым были связан лозунг необходимости придания языкам национальностей, дающих названия республикам, статуса государственных. В начале 1990-х гг. в республиках были приняты законы о государственных языках, подразумевавшие право на сохранение родного языка, свободу выбора и использования языка общения, языковой суверенитет народов. Они опирались на Закон РФ № 1807-1 от 25.10.1991 «О языках народов Российской Федерации», гарантировавший равноправие языков и на указанное в нем право российских республик устанавливать в соответствии с Конституцией РФ свои государственные языки.

В результате статус государственных языков в республиках получали русский язык и язык (языки) титульной национальности, хотя здесь были свои нюансы. Между тем этнический состав и сложившаяся языковая ситуация в республиках РФ были и остаются разными: в более чем половине из них люди национальности, дающей название республике, численно не доминировали (и эта ситуация сохраняется), а русский язык был принят как основной язык общения в рабочей и общественной сферах жизни. В результате вступления в силу нового законодательства владение обоими государственными языками стало важным для людей, участвующих во власти, что частично ограничило возможности в этой сфере для русских и людей других национальностей в республиках, не знающих языка народа, дающего название республике.

За постсоветское время фокус в сфере этноязыковых проблем сместился. Язык остаётся этническим символом в дискурсах элит и значимой ценностью, но острота восприятия статуса языков спала, в том числе в связи с позитивными изменениями в законодательстве. В общем контексте активизации самосознания русского большинства и ориентации на формирование российской нации в июне 2005 г. был принят Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». В то же время и после принятия закона функционировало несколько федеральных целевых программ, ориентированных на русский язык как средство укрепления государственности. Принятая в 2012 г. «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.», наряду с определением русского народа как системообразующего ядра единения народов российского государства, ориентирована на многообразие этнического состава населения, позитивный исторический опыт межкультурного взаимодействия как факторы укрепления государственности и формирования российской нации. Фокусирование на особой роли русского языка для российского общества и государства остаётся заметным.

В 2010-е гг. в некоторых республиках обозначились ситуации, связанные с конкретными проблемами использования языков в сфере образования. В дискурсивном пространстве некоторых российских республик, например, Татарстана и Башкортостана, заметна ситуация, обозначаемая активистами как недостаточное количество часов русского языка в школах. Зачастую они выходят на вопрос, обязательно ли преподавать всем школьникам республики татарский язык в Татарстане или башкирский в Башкортостане – именно в этих республиках проблема государственных языков в школе достигла уровня пусть немасштабных, но протестов, а некоторыми экспертами обозначается как этнолингвистический конфликт, хотя ситуации в этих республиках довольно сильно различаются. Эскалация произошла в 2017 г. после того, как о недопустимости недобровольного преподавания неродных языков в республиках говорил Президент России

В.Путин на очередном заседании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле в июле 2017. Запустился процесс прокурорских проверок в республиках, и вслед за всеми этими событиями – активизация с обеих сторон «конфликта».

На этом фоне проблемы этнокультурного компонента в образовании в республиках некоторыми экспертами связываются с недостаточностью функционирования именно национальных языков, их возможности зачастую ограничены и в повседневной жизни, несмотря на поддержку их как государственных языков. Источником проблем государственных языков в образовании, наряду с другими, часто считают отмену в 2007 г. Национально-регионального компонента государственного стандарта общего образования, управляемого регионом, и отсутствие возможности сдачи ЕГЭ на других языках, кроме русского.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ

Балич Н.Л. (Минск, Республика Беларусь)

На основе данных конкретных социологических исследований выявляются особенности религиозной идентичности различных социально-демографических групп населения Беларуси. Раскрывается конфессиональная структура белорусского общества, наличие групп с неустойчивым религиозным мировоззрением, особенности религиозности городского и сельского населения, соотношение верующих и неверующих в зависимости от возраста. Проводится сравнительный анализ религиозной идентичности представителей наиболее многочисленных конфессий в республике – православных и католиков, выявляются особенности религиозности мужчин и женщин.

За годы, прошедшие после распада Советского Союза, в Беларуси заметно изменилась религиозность населения. Поворот от атеистического государства и борьбы с религией, как пережитками прошлого, к активному сотрудничеству государственных органов с религиозными организациями содействовал тому, что сегодня религия стала обыденным явлением повседневной жизни. Возрастающее религиозное самосознание населения, активная деятельность религиозных организаций и либеральный характер национального законодательства в религиозной сфере привели к существенным переменам – возвращению религии в общество, усилению религиозной идентичности.

Сегодня Республика Беларусь – многоконфессиональное государство, в котором действуют религиозные организации 25 конфессий и религиозных направлений. Эти организации играют существенную роль в общественно-политической и духовной жизни страны.

Результаты многолетних исследований Института социологии НАН Беларуси свидетельствуют, что большинство населения страны отождествляет себя с определенной конфессией. Динамика конфессионального самоопределения белорусов в 2003–2017 гг. характеризуется увеличением доли православных и католиков. При этом за последние три года (2015–2017) наблюдается тенденция снижения численности православных (на 8,8 %) и увеличения католиков (на 4,5 %).

Данные опроса, проведенного в 2017 г. по репрезентативной выборке ($n=2094$, $\Delta \pm 5\%$) показали, что около 90 % населения Беларуси имеет конфессиональную идентичность, среди которых три четверти (около 75 %) заявило о принадлежности к православию, более 12 % - к католичеству (рис.1).

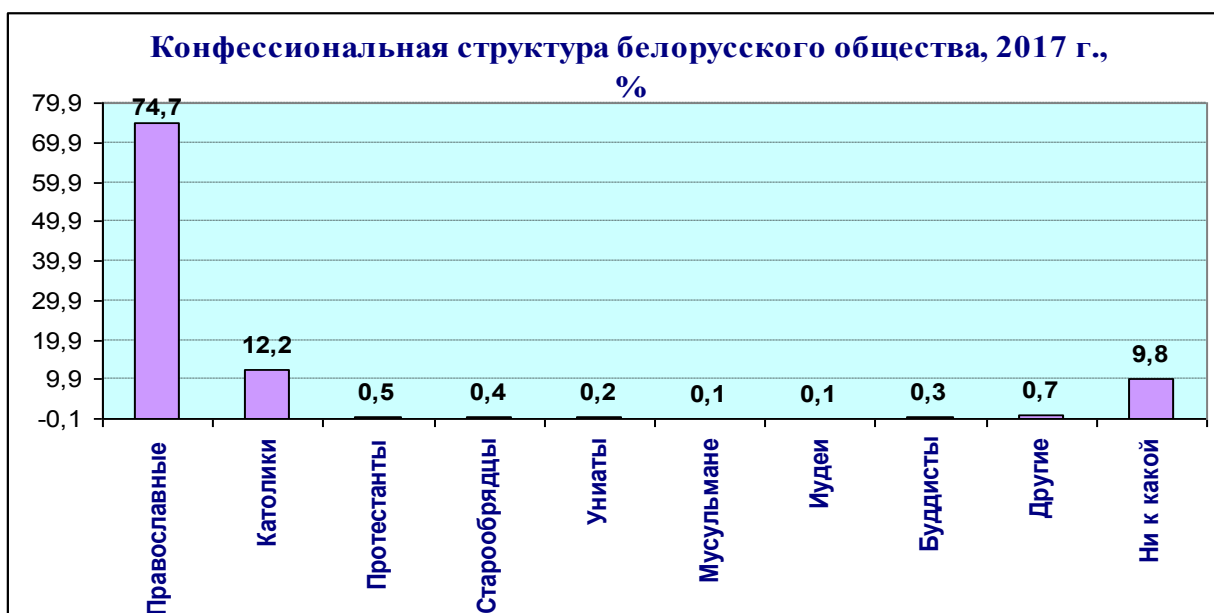


Рис.1 Конфессиональная идентичность населения Беларуси (2017 г.), %

Большинство населения считает себя верующими или скорее верующими людьми. Значительная часть их отправляет наиболее значимые религиозные обряды (крещение, венчание, поминальные), посещает церковь с разной периодичностью, отмечает религиозные праздники, использует религиозную символику и предметы в быту. При этом (по данным опросов за 2010-2017 гг.) количество респондентов с неустойчивым религиозным или атеистическим мировоззрением, не уступает числу респондентов, имеющих устойчивую мировоззренческую позицию. Например, количество населения, склоняющегося к вере, зафиксировано больше, чем верующих. Подобная тенденция наблюдается в отношении лиц, считающих себя «скорее неверующими» (их количество больше, чем тех, кто уверенно заявил о своем неверии). Также в структуре общества представлена группа с размытым религиозным мировоззрением, не сумевшим выразить какую-либо позицию – затруднившиеся ответить (8-11 %) (рис.2).

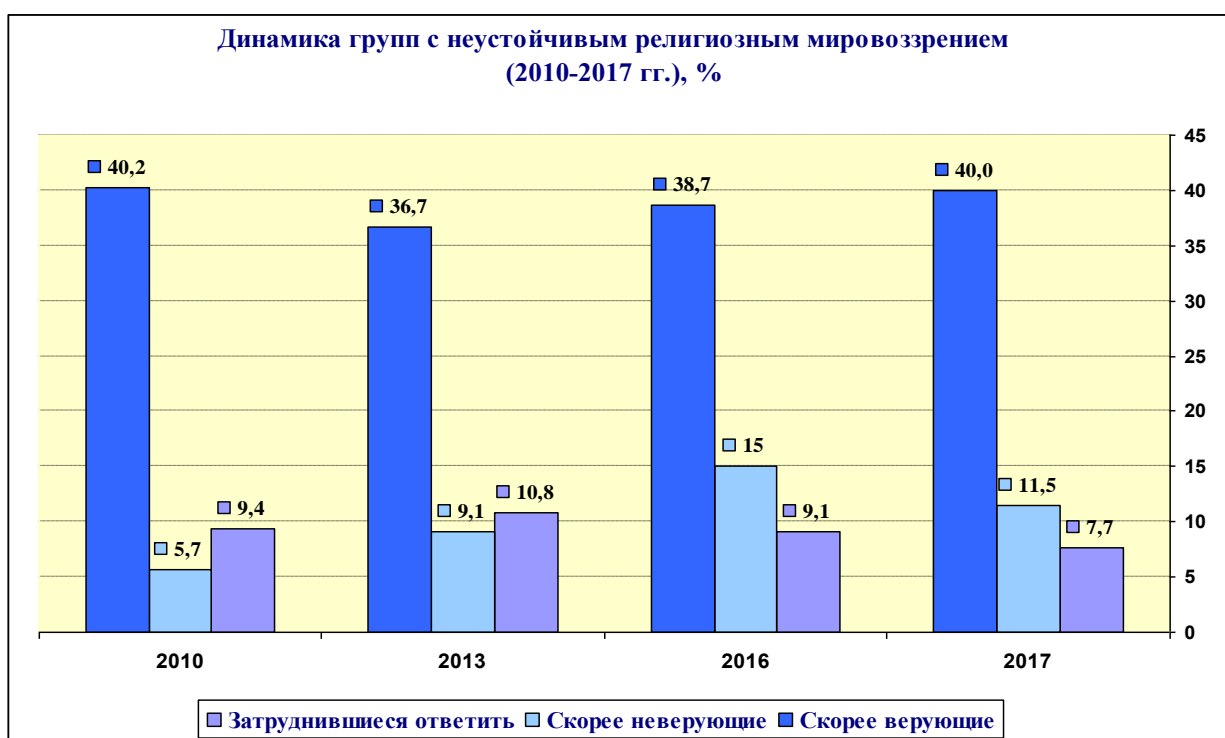


Рис.2 Группы с неустойчивым религиозным мировоззрением (2010-2017 гг.)

Религиозность среди различных социально-демографических групп населения имеют свои отличия. Например, у сельских жителей, религиозный фактор в повседневной жизни выражен сильнее, чем у жителей городов, несмотря на то, что доли верующего и неверующего населения в городах и селах в последние годы уравниваются (рис.3).

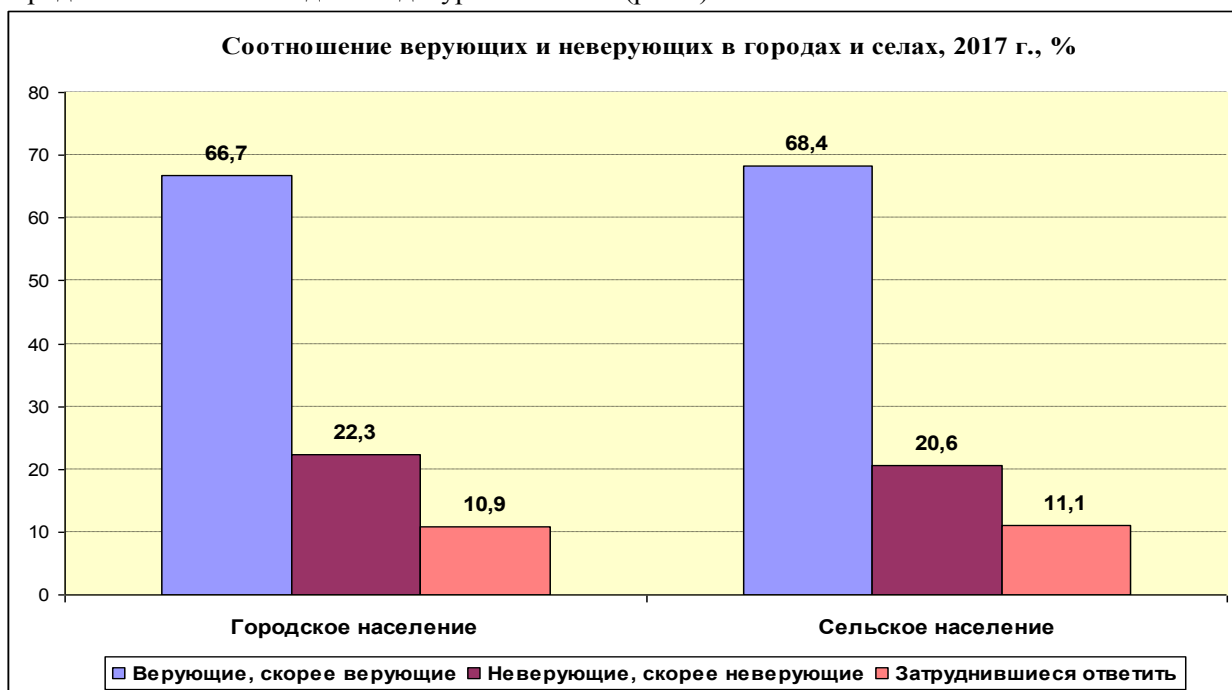


Рис.3 Городское и сельское население по признаку «верующий-неверующий» (2017 г.), %

Также имеются отличия в религиозности разных возрастных групп. Более молодые (16-29 лет) демонстрируют выше степень религиозной свободы, чаще отвергают принадлежность к какой-либо религии (14,1 %). С увеличением возраста таких респондентов становится меньше: 30-49 лет – 7,4 %; 50 лет и старше – 5,3 %.

Также молодежь реже указывает на наличие веры, в данной группе больше неверующих, а также лиц, с неустойчивым религиозным мировоззрением (рис.4).

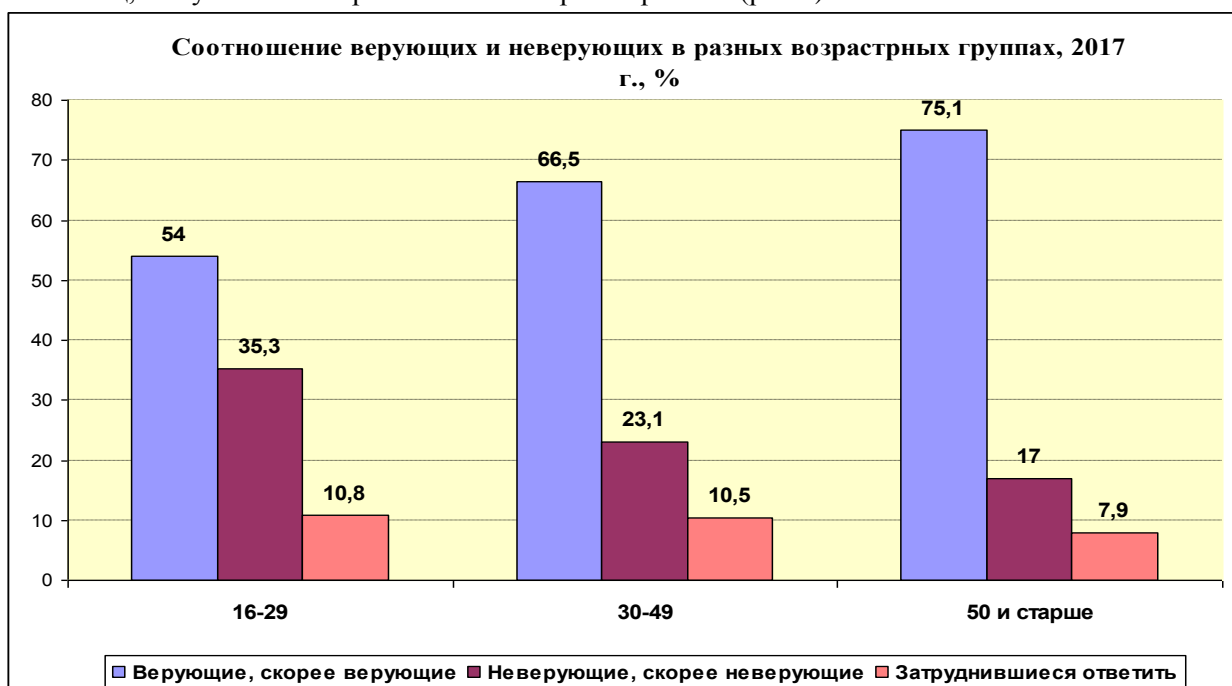


Рис.4 Возрастные группы по признаку «верующий-неверующий» (2017 г.), %

Женщины, по сравнению с мужчинами, демонстрируют выше степень религиозной идентичности в различных конфессиональных группах. Например, сравнение религиозности православных и католиков свидетельствует о большей выраженности исследуемого признака у католиков. При этом женщины более религиозны в обеих группах. Более 78 % женщин-православных считают себя верующими (мужчин таких 65 %). Гендерный разрыв наблюдается также среди католиков: верующими себя назвали около 87 % женщин и 71 % мужчин. Среди православных больше респондентов считает себя неверующими и меньше – верующими, доля православных женщин, затруднившихся ответить, в четыре раза больше, чем католических.

Из различных показателей воцерковленного образа жизни женщины, как православной, так и католической веры демонстрируют выше уровень церковной дисциплины, в отличие от мужчин: они чаще посещают церковь, читают молитвы и религиозные тексты, соблюдают посты. Православные женщины, по всем индикаторам в 1,5–2 раза активнее, чем мужчины. В группе католиков схожая тенденция, однако разрыв между индикаторами религиозной активности у мужчин и женщин меньше.

Контекст женского восприятия и воспроизводства религии логично задается понятиями: «семья», «дети», «воспитание», «традиция». В этом также женщины православной (рис.5) и католической веры (рис.6) уделяют больше внимания приобщению детей к религиозным традициям и культуре, чем мужчины.

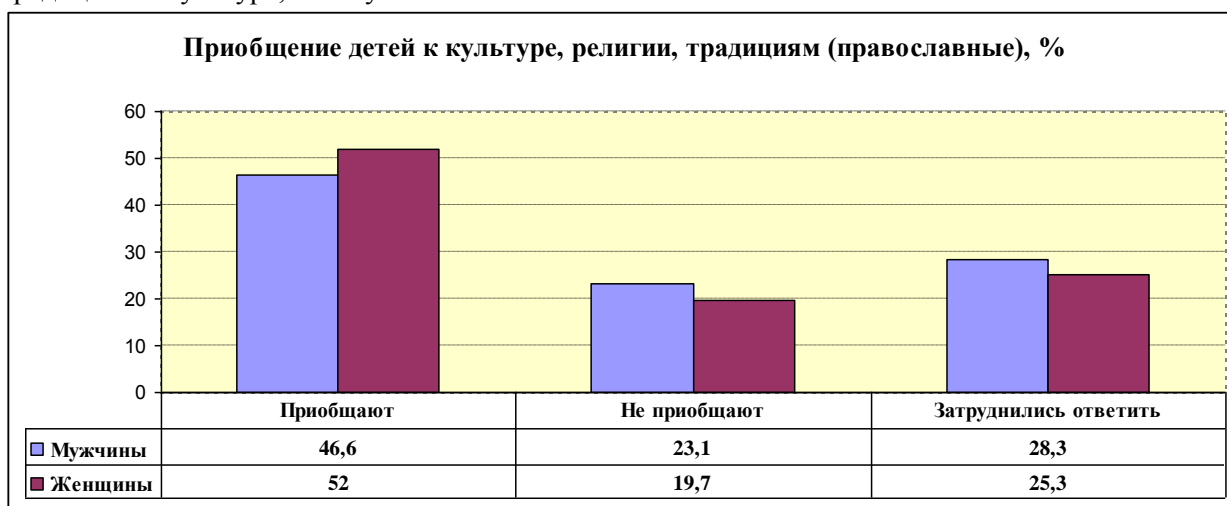


Рис. 5 Приобщение детей к религиозной культуре среди православных – мужчин и женщин (2016 г.), %

Женщины-католики чаще заявляют о приобщении своих детей к религиозной культуре, чем женщины-православные. Среди мужчин участвуют в религиозном воспитании примерно равное количество католиков и православных.

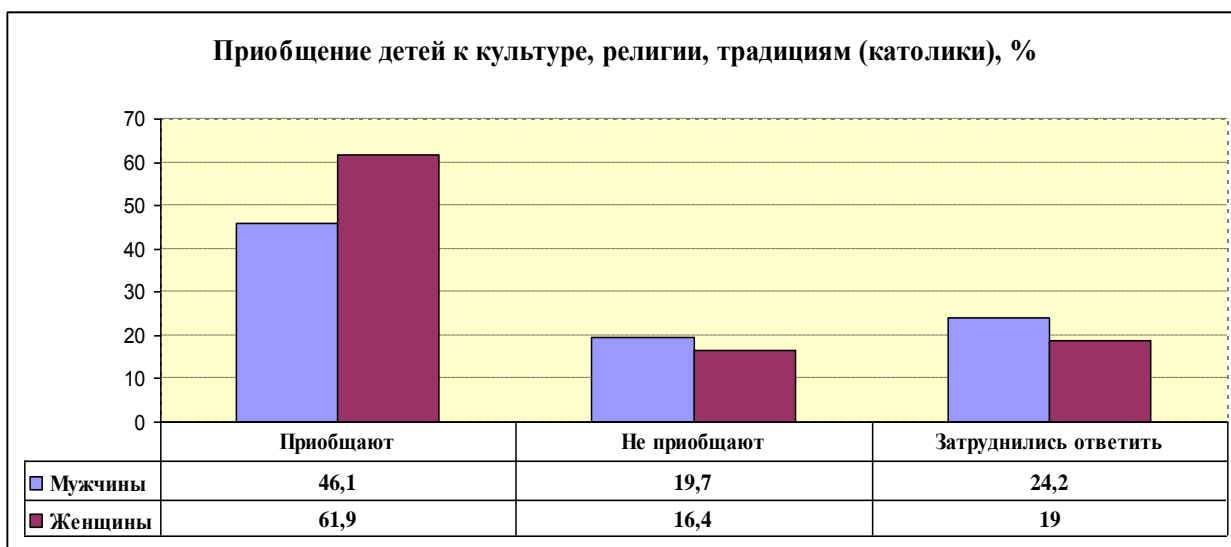


Рис.6 Приобщение детей к религиозной культуре среди католиков - мужчин и женщин (2016 г.), %

Сравнивая религиозную идентичность представителей основных христианских конфессий: православных, католиков, протестантов, следует отметить, что протестанты, как правило, демонстрируют еще более высокий уровень церковной дисциплины, по сравнению с православными и католиками: регулярно посещают богослужения, читают молитвы, религиозную литературу. В религиозных общинах протестантов поддерживается высокая консолидация верующих, которые, благодаря небольшой численности постоянных прихожан, знают и поддерживают друг друга.

Таким образом, религиозность, как социальное качество индивида и общества имеет свои особенности. Несмотря на то, что лиц с выраженной конфессиональной идентичностью больше числа верующих и участвующих в деятельности церкви, религия воспринимается как мировоззренческая основа и привычная культурная среда в повседневной жизни белорусов. Лишь 16 % населения не верит в помощь высших сил в решении проблемных вопросов. При этом роль традиционных религиозных ценностей утрачивается. Так, вера в Бога, как ценность в повседневной жизни, сегодня значима для 12-13 % белорусов. Отмечается также снижение доли православных в стране. Чтобы традиционное христианство обрело большую привлекательность для людей, необходимо искать новые формы работы с населением, чтобы принадлежность к религии сочеталась с мировоззренческо-культурной, духовно-нравственной ориентацией человека. Нужна также активная пастырская работа и в самих конфессиях. Тогда религия может стать основой консолидации общества, более значимой ценностью в повседневной жизни индивидов, а значит и всего общества.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ

Багаева Е.В., Попова О.А. (Харьков, Украина)

Пространственная мобильность (Д. Урри) – склонность/привычка к пространственным перемещениям с целью культурно-рекреационного развития, предполагающая возможность изменения пространственных идентификаций актора – может быть рассмотрена в качестве эмпирического индикатора социального капитала вынужденных мигрантов. Ранее в социологии миграции использовали понятие мобильности, сформулированное в контексте теории П. Сорокина (в значении горизонтальной или вертикальной мобильности, соотнесенной с географическими перемещениями мигрантов). В данной статье будем рассматривать понятие мобильности в контексте социологии мобильности Дж. Урри, который акцентировал важность буквальной интерпретации этого концепта в смысле пространственного передвижения (пешком, на автомобиле, поезде, самолете), а также виртуального путешествия по электронным сетям

(соотносимого с понятием «сетевого капитала»). Пространственная мобильность, возможность выехать за пределы своего повседневного локуса, увидеть другие социально-культурные контексты и встретиться с «совершенно другими» социальными акторами, обогащает социальный опыт человека, расширяет его социальный и культурный кругозор. В. Кауфман использовал для этого показателя термин «капитал мобильности» (*motility capital*) [2], тогда как Дж. Урри предпочел название «сетевого капитала»: «я называю этот капитал сетевым, чтобы прояснить следующее: лежащие в его основе мобильности сами по себе ничего не делают. Ключевой элемент здесь – социальные последствия этих мобильностей, а именно – способность заводить и поддерживать социальные отношения (и посещать особые места) с теми людьми, которые по большей части не находятся в близком соседстве, то есть, образовывать и поддерживать сеть. ... Сетевой капитал – это способность порождать и поддерживать социальные отношения с людьми, не обязательно находящимися в географическом соседстве, получая от этих отношений эмоциональные, финансовые или практические выгоды» [1, с.360-362].

Целесообразно различать вынужденную и добровольную пространственную мобильность: если в первом случае территориальные перемещения могут сопровождаться негативными переживаниями человека и вызывать реакцию отталкивания и неприятия сложившейся ситуации, то в случае добровольной пространственной мобильности (путешествия, туризм, поездки на международные конференции, спортивные соревнования, фестивали, перемещения с целью встречи с разными людьми и т. д. [1, с.119]) человек испытывает позитивные эмоции и развивает социальные и культурные компетенции. На наш взгляд, именно добровольные формы пространственной мобильности, сопровождающиеся культурным развитием человека и расширением сетей социальных знакомств, следует рассматривать как важный показатель социального капитала социальных акторов. Можно предположить, что те вынужденные мигранты, которые имели в прошлом опыт культурной пространственной мобильности (опыт путешествий, поездок на международные мероприятия), будут лучше адаптироваться к новому месту жительства, чем те мигранты, которые такого опыта не имели (не имели возможности или желания выехать за территориальные пределы своего предыдущего места жительства). При этом имеет смысл различать три режима перемещений – «локальный, национальный или межнациональный режимы циркуляции», которые могут по-разному влиять на уровень социального капитала акторов: «высокая подвижность обеспечивает возможности для циркуляции, увеличивая капитал у тех, кто ею обладает, и понижая у тех, у кого она ниже» [1, с.143].

В данном контексте уместно упомянуть полемику Дж. Урри с Р. Патнемом; последний рассматривал мобильность как неблагоприятный фактор, размывающий социальный капитал американцев: «стабильность проживания и такой коррелятивный феномен, как владение собственным жильем, явно связаны с более широким гражданским участием. Мобильность, подобно частой пересадке растений, влечет за собой разрушение корневой системы, и лишённому корней человеку требуется время, чтобы пустить новые корни. Вполне вероятно, что автомобиль, субурбанизация и миграция на крайний юг США ослабили социальную укорененность среднего американца» [3, р.74]. В то же самое время сам Р. Патнем усомнился в однозначности своего вывода, сославшись на другие данные, свидетельствующие о том, что стабильность проживания и а-мобильность также могут коррелировать с упадком социального капитала: «однако существует одна фундаментальная сложность, связанная с этой гипотезой: надежные данные демонстрируют, что показатели жилищной стабильности и домовладения в Америке выросли с 1965 года и стали выше, чем в 1950-е годы, когда гражданское участие и социальная связанность, согласно нашим измерениям, была определённо выше» [3, р.75]. Р. Патнем предложил еще один аргумент, который подтверждает дисфункциональность скорее а-мобильности, чем мобильности. Речь идет о «технологической трансформации досуга: есть основания полагать, что глубоко укоренившиеся технологические тенденции ведут к радикальной «приватизации» или «индивидуализации» нашего использования досуга, тем самым разрушая многие возможности формирования социального капитала. Наиболее очевидным и, вероятно, самым мощным инструментом этой революции стало телевидение» [3, р.75]. Таким образом, скорее а-мобильное времяпрепровождение перед телевизором (а не пространственная мобильность) оказывает разрушительное воздействие на социальный капитал акторов.

Полемизируя с Р. Патнемом, Дж. Урри предложил несколько контраргументов: «во-первых, путешествие чрезвычайно важно для сообществ, даже тех, которым присущ относительно высокий уровень соседства и причастности; во-вторых, социальные сети непостоянных друзей у

мобильных горожан могут генерировать социальный капитал [1, с.365]; в-третьих, и это самое важное, представляется совершенно неуместным утверждение Патнема о том, что доверие и взаимность рождаются исключительно в рамках соседских сообществ. Патнем игнорирует рост мобильности на дальние расстояния, особенно посредством автомобиля и самолета, так как конференции, праздники, семейные связи, диаспоральные отношения и работа становятся все более международными. Некоторые виды социального капитала зависят от экстенсивных поездок на дальние расстояния или от сетевого капитала; социальный капитал может зависеть от дальности, объема и режима мобильности» [1, с.366].

На наш взгляд, гипотеза Р. Патнема о негативном влиянии мобильности на социальный капитал верна относительно вынужденных форм пространственной мобильности, тогда как добровольные формы культурно-социальной мобильности способствуют обогащению и развитию социального капитала вынужденных мигрантов.

1. Урри Дж. Мобильности / Урри Дж.; [пер. с англ. А. Лазарева]. М.: Практик, 2012. 576 с.
2. Kaufmann V., Bergman M., Joye D. Motility: Mobility as Capital // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2004. Vol. 28.4. Pp.745-756.
3. Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community // *Journal of Democracy*. January 1995. Pp.65–78.

ИНДИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: РЕТРОСПЕКТИВА И АНАЛИЗ

Ваневская П.Н. (Санкт-Петербург)

2017-й год стал юбилейным годом, ознаменовавшим семидесятилетие с момента установления дипломатических отношений Индии и СССР. В 1993 году уже Российская Федерация и Индия подписали Договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Республикой Индией [7]. Спустя почти четверть века отношения двух стран остаются дружескими и не умаляют активности. В частности, можно отметить такие масштабные мероприятия как Год Индии в Российской Федерации, объявленный в 2009 году, а также грядущий 2018 год, когда страны-партнеры намерены реализовать программу перекрестного туризма [8]. Осенью 2016 года в Индии прошел Фестиваль Российской культуры, а уже в нынешнем 2017 году Индия выступила почетным гостем Петербургского Международного Экономического Форума.

Помимо событий федерального масштаба, немаловажными остаются и локальные связи России и Индии. В частности, важным центром концентрации, репрезентации и трансляции элементов индийской культуры является Санкт-Петербург. Стоит отметить, что первые контакты России и Индии имели место еще в период существования Киевской Руси, в основном, в сфере торговли [6]. В Петербург же индийская культура проникает в период правления Петра I, что связано с созданием императором Кунсткамеры, где хранились коллекции как артефактов, найденных в ходе экспедиций, так и посольских даров. «Петр I по праву считается и первым собирателем индийских коллекций для своей Кунсткамеры» [1, с. 13]. Сегодняшним преемником детища Петра выступает Музей антропологии и этнографии Российской академии наук. Другой член императорской семьи – Цесаревич Николай Александрович – сам посещал Индию в 1890 году и привез оттуда «250 превосходных образцов ремесла и искусства» [там же, с. 13]. Также в XIX веке в Петербурге формируется первая в стране индологическая школа.

XX век тоже запомнился Петербургу контактами и связями с Индией. Например, можно отметить Фестиваль Индии, проводимый на территории Петропавловской крепости 17 июля 1987 года – тогда в культурной программе были задействованы многочисленные коллективы индийских артистов [4, с. 9].

Сегодня Санкт-Петербург в не меньшей степени является средоточием элементов индийской культуры. В частности, город стал площадкой для культурных мероприятий в рамках программы Года Индии в РФ в 2009 году. Начиная с 1991 года, в Петербурге ежегодно проводится традиционный индийский праздник колесниц, или Ратха-Ятра [9], организуемый членами локальной общиной Международного Общества сознания Кришны – последователями вайшнавизма (одного из ответвлений индуизма). В 2017 году праздник прошел 27 августа в Удельном парке. Незадолго до праздника Петербург и его пригород (поселок Лахта) стали площадкой для фестиваля «Мистическая Индия», проводимого в течение трех дней с 18 по 20

августа, где участники смогли познакомиться с индийской кухней, музыкой, религией, а также посетить храм Международного Общества Сознания Кришны в Лахте. Кстати, данный храм является крупнейшим в Европе. За последние два года в «Петербургом» СКК дважды проходили выставки, посвященные индийской тематике – это «Любимая Индия», а также «Выставка индийских товаров». В октябре текущего года в городе также проходит юбилейный десятый фестиваль индийской музыки «Ситар в Петербурге».

Как заглянув в глубины истории города, так и проанализировав современность, мы можем констатировать очевидное проникновение индийской культуры в пространство Петербурга. Город становится пространством, где очевидна и неотъемлема близость этнического «Другого». Норвежский антрополог Ф. Барт определил этничность как «признаки, приписываемые и идентифицируемые самими акторами и, следовательно, обладающие свойством организовывать взаимодействие между людьми» [2, с. 11]. Так, различные локусы пространства Петербурга, маркируемые как «индийские» (иначе говоря, инокультурные), становятся местами актуализации дихотомии «своего» и «чужого», то есть «Другого». Иной аспект рассматриваемого кейса состоит в том, что этничность выходит на первый план «как значимый символический капитал, как социальный конструкт и даже способ получения прибыли» [5, с.153]. Здесь уместно привести пример рассуждений В. Дятлова: «Горожанин идет на китайский рынок не только за товаром, но и за китайскостью» [3]. Важным аспектом близости этнического «Другого» является использование «этнического» как «экзотического», то есть привлекательного для потенциального потребителя своей необычностью. Попадание в маркированную как «этническую» (инокультурную) среду становится своеобразным путешествием, пусть и совершаемым «дома» – в привычном социокультурном контексте.

1. Альбедиль М.Ф. Индия на невских берегах. // Санкт-Петербург – Индия. История и современность. – СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2009. – 470 с.
2. Барт Ф. Введение // Социальная организация культурных различий. Сборник статей / Под ред. Ф. Барта. – М.: Новое издательство, 2006. – 200 с.
3. Дятлов В.И. Этнизация городского пространства: попытка определиться в исследовательском поле. // Электронный ресурс.
URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0597/analit02.php>
4. Прохоренко А.В. Вступительная статья. // Санкт-Петербург – Индия. История и современность. – СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2009. – 470 с.
5. Пустарнакова А.А. Этничность в эпоху глобализации и Интернета. // Аспирантский вестник Поволжья. № 3-4. 2016
6. Санкт-Петербург – Индия. История и современность. – СПб.: Издательство «Европейский Дом», 2009. – 470 с.
7. Электронный ресурс. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-347/48462
8. Электронный ресурс. URL: https://www.russiatourism.ru/news/11409/?sphrase_id=373285
9. Электронный ресурс. URL: https://vk.com/wall-72301962_304

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ Г. ВОЛГОГРАДА (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Варданян А.А. (Волгоград)

Аннотация. В настоящей статье на основе полевого исследования проанализирована проблема религиозной идентичности и религиозных практик современного населения г. Волгограда. Выявлено кардинальное расхождение между уровнем декларируемой религиозности и активностью религиозных практик. В религиозности населения г. Волгограда высокий уровень самоидентификации сочетается с низким уровнем участия в религиозных практиках. Данное явление объясняется тем, что религиозная идентичность передаётся лишь в рамках института семьи, но из-за светского характера современного общества представители различных религий редко принимают участие в религиозных практиках.

Постоянной характеристикой российского общества, как и остальных современных обществ, является религиозный и культурный плюрализм. Данное явление связано с официально существующей в стране свободой вероисповедания. Использование различными социальными общностями и политическими силами этнических и религиозных идентичностей как в качестве социального механизма сплочения населения, так и в качестве способа различия является частью государственной политики. По официальной статистике, в городе Волгограде на сегодняшний

день существует тенденция увеличения количества зарегистрированных религиозных объединений. Так на 2014 год их количество составляет 406, на 2015 г. – 420, а на 2016 г. – 431. Таким образом, высокое количество религиозных объединений в городе предполагает наличие множества религиозных идентичностей. Поэтому поиск форм сочетания религиозной, этнической и общероссийской идентичности является условием сохранения целостности и единства российского общества. [1]

С целью изучения взаимоотношений религиозной, этнической и гражданской идентичности в поликонфессиональном и полиэтничном городе мы решили использовать религиозное поведение населения. Основное внимание уделялось религиозным практикам. Под религиозными практиками населения понимается религиозная активность респондентов. Сюда можно отнести: регулярность посещения церкви (мечети, храма), соблюдение постов, чтение религиозных текстов, молитв.

В современном мире, именно религиозное поведение является выражением религиозных верований и ценностей. Для начала было необходимо узнать уровень влияния религии на жизнь людей. В ходе полевого исследования, мы предложили респондентам ответить на прямой вопрос «Какое место религия занимает в Вашей жизни?». Результаты опроса распределились следующим образом: больше половины респондентов 57% - считают, что религия присутствует в их жизни на уровне традиций, праздников и обрядов. Это также подтверждает наш вывод том, что религия в структуре идентичности респондентов воспроизводится как элемент культурной традиции. 30% респондентов констатировали, что религия не занимает существенного места в их жизни, лишь 13% опрошенных ответили, что религия серьезно влияет на их жизнь. Таким образом, было получено, что лишь меньшая часть респондентов говорит о высоком уровне влияния религии на их жизнь. Но при этом религиозные практики сохранили своё существование в виде определённых обычаев, традиций, праздников.

Далее нужно было определить уровень религиозной идентичности респондентов, чтобы понять представителем какой религии они себя идентифицируют. Для этого всем респондентам был задан вопрос: «Какую религию Вы исповедуете?». Оказалось, что значительная доля жителей г. Волгограда (62%) относит себя к православным христианам. Остальная часть респондентов была представлена мусульманами (15%) и не православными христианами (15%). Важно заметить, что лишь 8% респондентов являются атеистами.

Следующим важным аспектом нашего исследования было изучение религиозной толерантности респондентов, для того чтобы узнать как они относятся к представителям других религий. Всем участникам опроса задали следующий вопрос: «Как Вы относитесь к представителям другой религии?». Большая часть респондентов (81%) ответила «нейтрально», 11% ответили «дружелюбно», лишь 8% ответили «негативно». Благодаря этому можно сделать вывод о высоком уровне религиозной толерантности в г. Волгограде

Также на вопрос «Почему Вы выбрали данную религию?» большая часть респондентов (86%) объяснила это влиянием религиозных предпочтений членов семьи. В итоге, сравнивая результаты на вопросы, про степень влияния религии на жизнь и основные причины выбора религии мы пришли к выводу о том, что религия сохраняет своё влияние лишь в форме традиции. Это происходит благодаря ретрансляции опыта, которая происходит в рамках института семьи, когда дети выбирают именно ту религию представителями, которой являются члены их семьи.

Лишь получив полное представление о конфессиональном составе жителей г. Волгограда стало возможным изучение основного вопроса исследования - религиозных практик. С этой целью всем респондентам был задан вопрос «Как часто Вы посещаете церковь (мечеть, храм)?». Результаты опроса распределились следующим образом. 3% респондентов ответили «не менее 1 раза в неделю», 9% ответили «не менее 1 раза в месяц», 30% «не менее 1 раза в год», 52% «раз в несколько лет». И 6% «не посещаю такие места». При анализе религиозного поведения были получены данные о низком уровне участия в религиозных практиках. Религия сохраняет свое влияние благодаря ретрансляционной функции семьи, а низкий уровень религиозных практик и высокий уровень толерантности объясняется современным воздействием светского общества.

Таким образом, проведенный анализ религиозных практик, свидетельствует о том, что в г. Волгограде религиозная идентичность реализуется лишь как культурная традиция, воспроизводство которой обеспечивается преемственностью бытовых, семейных традиций. Получается, что декларирование собственной принадлежности религиозному сообществу, религиозной традиции выступает не самопрезентацией религиозной идентичности, а способом этнокультурной и гражданской идентификации.

1. Дробижеева, Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости [Текст] / Л. М. Дробижеева // М., 2008. – 351 с.
2. Синелина, Ю. Ю. Изменение религиозности населения России. Православные и мусульмане. Суеверное поведение россиян [Текст] / Ю. Ю. Синелина // М., 2006. – 237 с.
3. Чистяков, Г. Н. Проблемы самоопределения православного самосознания. Религия и идентичность в России [Текст] / Г. Н. Чистяков // М.: Восточная литература, 2003. С 70-71.

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В МОНОГОРОДЕ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Галец Д.И. (Волгоград)

Аннотация: В работе рассматривается идентичность жителей моногорода разных поколений: «строителей» города (пожилых людей советской закалки), людей среднего возраста (родившихся и большую часть жизни проживших в СССР) и молодых людей (родившихся после распада СССР). Проводится их сравнение, делается вывод о наличии общей идентичности и ее границ.

Проблема идентичности в российских моногородах стала особенно актуальной после распада советского союза. Города, ориентированные на производство или добычу, стали практически не нужны [2], в связи с чем и их идентичность стала неустойчивой: потеряно место в работающей системе государственного производства. Эта потерянная перекинулась и на жителей города, которые, как и он, потеряли ориентиры.

Упадок моногорода, отдаленность от центра, рушат общую идентичность, а информатизация не убирает чувства оторванности от остального мира. Появляется желание уехать из города не только из-за существующих проблем, но и от отсутствия чувства причастности к городу.

Наличие общей идентичности у горожан является важным градообразующим элементом. Именно их сплоченность и вовлеченность в городские дела может помочь вывести город из упадка.

Для того, чтобы выявить идентичность жителей города, в августе 2017 года методом глубинного интервью было опрошено 20 жителей моногорода Железногорска-Илимского. Исходя из полученных данных, были сделаны следующие выводы:

Общая идентичность и чувство патриотизма к родному городу существует у «строителей города», людей пенсионного и пожилого возраста, которые застали постройку города, сами участвовали в ней и были активными горожанами. Они строили коммунизм в миниатюре, отстраивая город. Их приезд в город, как правило, был осознанным выбором. Поэтому возникла устойчивая связь с ним:

«...Объявили комсомольскую стройку и стали люди приезжать – хорошие: молодежь, моряки отслужившие... На одном энтузиазме, люди хорошие были такие – все грамотные... я бы не сказала, что отличаются сейчас, во всяком случае... а раньше отличались сильно. Наши люди и люди под Москвой – совсем другие люди. Здесь больше романтиков было... город романтиков.» (женщина, 68 лет)

«Приезжие люди были заинтересованы в процветании нашего города... Сколько этот Хафизов отдал?... Это же его заслуга, такой молодой – и его интересовал наш город, он в него приехал, знал, что не будет здесь жить, и он пытался облагородить, вложить.» (женщина, 81 год)

Одна пожилая респондентка даже обозначила жителя города, как патриота:

«Железногорец – это патриот своего города. Патриот должен любить свой край, а равнодушных – таких полно.» (женщина, 68 лет)

У остальной, большей части горожан, в особенности молодых людей, наблюдается отсутствие общей идентичности, чувства причастности к городским делам. Люди отстранены друг от друга и недоверчивы:

«Сейчас люди все ненормальные. Сейчас никто не доверяет никому, такое время тяжелое, только близкие доверяют, стали все пофигистами – я сам такой же стал.» (мужчина, 51 год)

«Тут такое ощущение, что каждый сам за себя и все перед тобой – враги. Союзники-маленькая команда, случайная и знакомая. Если человек тебя не знает, то либо смотрит на тебя как на... либо тебя вообще не видит. Здесь невидимкой быть легко с такими людьми. Здесь можно все –

главное, чтобы люди были сплоченнее, а с нынешним людом можно, от силы, клумбу посадить...» (молодой человек, 20 лет)

Местные жители не видят никаких объединяющих их факторов:

«Чувствуют ли железнодорожники что-то общее? Нет, не чувствуют (смеется), ну я – нет.» (девушка, 26 лет)

«КГОК – не общее, дача – тоже. Что нас может объединить? Ну, может, дышим одним воздухом? У нас свой воздух, у них свой, в Москве, например, смог.» (мужчина, 51 год)

Лишь единственный информант сказала о местном объединяющем факторе – проблемах:

«Что-то общее? Наверное, есть, потому что люди живут в маленьком городе, их это объединяет, общие проблемы – это всегда сближает людей, делает их похожими.» (девушка, 21 год)

На вопрос «Железнодорожник – это?» - многие затруднились ответить. Остальные заявили, что это простой человек:

«Среднестатистический человек, должна быть семья, если ее нет, то ты скорее всего отсюда уже уехал. Работает на устоявшейся работе, держится, чтобы его не уволили, средний человек.» (молодой человек, 20 лет)

«Это обычный человек, провинциал, очень простой – без затей, наверное так...» (женщина, 47 лет)

«Железнодорожник – это сибиряк, сформулировать трудно...-открытый сибиряк.» (женщина, 52 года)

«Это человек, живущий в небольшом городе, который живет, радуется жизни, стараясь не обращать внимания на негативные моменты, хоть они и присутствуют.» (девушка, 21 год)

Мнение жителей о том, отличаются ли железнодорожники от жителей других городов разделилось:

Одни не видят никаких существенных различий, другие - выделили отличия железнодорожников, отмечая и сибиряков в целом, как более добрый и душевный народ:

«В больших городах люди более холодные, циничные, не такие добрые и открытые, это зависит, конечно, от самого человека, но в основном, мне кажется, в больших люди более холодные.» (девушка, 21 год)

«Мне кажется, у нас люди более открыты. В больших городах люди больше в себе, а у нас они как-то более открыты.» (женщина 52 года)

«Люди по своей широте души – добрые. Вот у меня сейчас невестка в Екатеринбурге... Там каждый человек думает только за себя, ему все равно, что будет рядом, если с ним рядом человек, а в Железнодорожнике хватает на всех души! А там этого нет... вот, пожалуйста, -большой город!» (женщина, 81 год)

Стоит заметить, что несмотря на развитие информационных технологий и глобализацию – местные жители все равно чувствуют себя оторванными, отделенными от остального мира из-за своего географического положения:

«Оторваны. От нас, чтобы доехать до областного центра – нужны сутки. Про Москву вообще молчу, и едет только пара поездов!» (мужчина, 38 лет)

«Мы живем на отшибе...социальные сети? Все равно есть это чувство.» (женщина, 74 года)

«Живем, как у бога за пазухой, в плане того, что катаклизмы нас не касаются...в безопасной зоне живем, только из-за этого нет желания переехать.» (женщина, 46 лет)

Единственным местом сбора для горожан является праздник – «день металлурга», организацией которого занимается Коршуновский горно-обогатительный комбинат. Празднуют все жители, не зависимо от того, работают они на КГОК или нет, но это мероприятие не дает людям чувства единства.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что идентичность горожан складывается из принадлежности к сибирской местности (считают себя сибиряками) и маленькому городу (но не конкретно к Железнодорожнику-Илимскому), поэтому они отделяют себя и жителей больших городов. В остальном – объединяющие факторы, места общего сбора и объединяющие ритуалы отсутствуют. Жители видят проблему отдаленности и отсутствия сплоченности, но обвиняют в этом всех остальных. Типичный местный человек, описанный ими – простой и незамысловатый. Информационные технологии не помогают людям преодолеть чувства отдаленности от остального мира.

Отсутствие общей идентичности рассматривается нами не как причина упадка в городе, а, скорее, как его последствие. Это приводит к тому, что люди стремятся уехать, а город постепенно угасает.

1. Ильина, М.Ю. Развитие моногородов России: монография [Текст]/ колл. авт. под ред. д-ра экон. наук, проф. И.Н. Ильиной // М.: Финансовый университет, 2013. 168 с.
2. Маслова, А.Н. Моногорода в России: проблемы и решения[Текст]/ А.Н. Маслова // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2013.
3. Юдин, Г. Б. Сообщество в малом городе: инструкция по сборке и разборке[Текст]/ Г.Б. Юдин // Лекция. 2017 г. (Режим доступа: <http://zapovednik.space/material/operetsya-na-soobchestvo>)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДЕТСТВА В ПЕЧАТНОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1918-1923 ГГ. В РОССИИ.

Герасимова М.М. (Санкт-Петербург)

Доклад посвящен исследованию репрезентации образа ребенка в массовой визуальной культуре России в 1918-1923 годах. Автор анализирует особенности трансляции ценностных установок по отношению к ребенку в российском обществе данного периода на примере трансформации образа ребенка в печатной визуальной культуре. Основное содержание исследования составляет фрейм-анализ визуальных образов ребенка и детства, содержащихся в исследуемых исторических материалах - пропагандистских плакатах, листовках и печатной рекламе. Использование подобных материалов в качестве объекта рассмотрения в рамках эмпирического исследования объясняется предположением о том, что посредством анализа визуальной и вербальной составляющей дискурса пропагандистских и рекламных плакатов, созданных в исследуемый период времени, можно выявить характеристики общностей, которые создавали печатную визуальную культуру, и которым она была адресована.

Для анализа визуально-вербальных документов в данном исследовании применены техники контент-анализа, иконографического анализа изображений, а также фрейм-анализа и критического анализа Т.А.Ван Дейка [1],[5]. Совмещение этих техник позволяет произвести комплексное изучение лингвистических и экстралингвистических возможностей пропагандистского или рекламного плаката, листовок и исторических документов подобного типа. Особое внимание уделяется рассмотрению языковых и визуальных особенностей материала, оказывающих значительное влияние на восприятие формируемого образа ребенка, на общественные установки и ценностные ориентации по отношению к нему в определенном историческом контексте [3]. В ходе изучения структуры каждого плаката были отмечены как визуальная содержательность, так и языковые особенности сообщения – смысловые акценты, метафорика, уровень конкретики в описании проблем, используемые средства выразительности на разных уровнях (лексическом, морфологическом, синтаксическом).

Таким образом, из собранного массива данных (в количестве более 400 единиц) были получены следующие выводы:

1) Подавляющее большинство материалов визуальной пропаганды – плакатов политической направленности – не включают в свое повествование детскую проблематику. Из всей рассмотренной совокупности печатных источников агитационной направленности менее 7% единиц анализа содержат образы ребенка (как младенческого, среднего, так и подросткового возрастов). Это может позволить нам рассматривать группы детей и раннего юношества как группы умолчания в политическом дискурсе общества того периода.

2) В дополнение к этому, стоит отметить интонационное/тематическое разделение пропагандистских плакатов, входящих в означенное меньшинство (т.е. визуально репрезентирующих ребенка). Более чем в половине подобных визуальных источников, содержащих образ ребенка младенческого и раннего доподросткового возраста, изображен кризис экономического и социального положения населения страны; отображены крайне негативные ситуации, связанные с проблемами голода, насилия, правительственного террора, обмана и дезертирства. В то время как образы более взрослых детей доподросткового возраста и подростков чаще используются в связке с положительными сюжетами о грядущем благополучии и общем светлом будущем. Данные выводы еще раз позволяют нам задаваться исследовательскими

вопросами касательно особенностей общественного восприятия ребенка и детства в рамках социологических и культурно-исторических сравнительных исследований.

1. Ван Дейк Т.А. Введение: Дискурс и доминирование // СДА. 2009. Т. 1. С. 7-30.
2. Бутник-Сиверский Б.С. Советский плакат эпохи гражданской войны 1918-1921. М: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1960. 696 с.
3. Корниенко А.В. Дискурсивный анализ. Учебное пособие. СПб: Изд-во ИВЭСЭП, 2008. 37 с.
4. Лобанова Ю.В. Каталог выставки художников советского плаката // Ком. по делам искусств при Совете министров СССР. М, Ленинград: Изд-во Искусство, 1948. 24 с.
5. Минский М.Л. Фреймы для представления знаний. М: Изд-во Мир, 1979. 152с.
6. Панфилова В.П. Брат на брата. Правда на правду. Раритеты Гражданской войны, 1918-1922 [из коллекции Государственного центрального музея современной истории России, каталог выставки], М: Изд-во ГЦМСИР, 2015. 89 с.
7. Поволоцкая Е.В. Тридцать лет Советского плаката. М, Ленинград: Изд-во Искусство, 1948. 80 с.
8. Рубинштейн Л.Б. Каталог плакатов гражданской войны [из фондов музея саратовского областного музея краеведения], Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1966. 28 с.
9. Снопков А. Е. Шестьсот плакатов [альбом], М: Изд-во Контакт-Культура, 2004. 191 с.
10. Снопков А.Е. Русский плакат = Classic Russian posters [избранное], М: Изд-во Контакт-Культура, 2006. 158 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Глотов М.Б. (Санкт-Петербург)

Аннотация

Тезисы посвящены характеристике нового явления в художественной культуре России – художественной самодеятельности после Октябрьской революции 1917 года. Отмечены новые особенности художественной самодеятельности и процесс ее институционализации и основные направления функционирования: театральное, музыкальное и изобразительное. Указано влияние Пролеткульта на процессы функционирования художественной самодеятельности.

Художественная самодеятельность как институциональная форма народного творчества появилась в результате преобразований культурной жизни России после октябрьской революции 1917 года. До этого непрофессиональная художественная деятельность определялась как любительство. Идеологи Октябрьской революции отменили этот термин, рассматривая его как классово чуждый, характеризующий развлечения эксплуататорских классов. Непрофессиональное художественное творчество народа стало называться пролетарским, рабоче-крестьянским, красноармейским искусством. Главными задачами институционализации народного художественного творчества были: соединение любительского художественного творчества с политической борьбой, формирование его жесткой организационной структуры, служение идеологическим интересам определенного класса, подконтрольность вышестоящим организациям, превращение в средство специально организованного досуга и ориентация на эстетические и творческие каноны профессионального искусства.

Однако сам термин «художественная самодеятельность» был введен в научный лексикон в 1930-е годы. Как утверждает А.И. Сохор, понятие «художественная самодеятельность» «понадобилась для того, чтобы определить новое явление, отличающееся как от дореволюционного народного творчества, так и от любительского в его прежнем понимании» [2, с. 4-5]. По мнению Г.З. Апресяна: «Советская художественная самодеятельность, будучи народным творчеством, многими узами, традициями и даже формами связана с многовековой народной художественной практикой и в то же время отличается от нее. Советское самодеятельное искусство, порожденное великой революцией и характерное для социалистического общества – явление качественно новое, отражающее новую эпоху народной жизни» [1, с. 123].

Художественная самодеятельность в первые годы после революции 1917 года формировалась как государственная формой досуга. В эти годы появились новые художественные направления, методы и стили, которые развивались под влиянием социально-исторической и социально-экономической ситуаций, были отражением процессов, которые

происходили в обществе. Особое значение имели процессы, происходившие в деревне, где веками складывался уклад жизни, народные традиции, обычаи, ритуалы которые были разрушены в результате раскулачивания и массового выселения крестьянства. Поэтому становление художественной самодеятельности в первые годы Советской власти происходило в центральных и крупных промышленных городах. Однако следует отметить, что советское государство проявляло и заботу в распределении материальных и финансовых средств на культуру, в передаче помещений, которые приспособлялись под нужды художественного творчества. Все происходящие события культурной революции сопровождались мощным эмоциональным подъемом и энтузиазмом трудящихся масс.

Художественная самодеятельность как явление народно-го творчества в первые два-три года после революции во многом продолжала традиции дореволюционного любительства. Использовались формы кружковой и студийной работы, в основе которых было организовано художественное образование, осваивались классический репертуар и образцы профессионального искусства. Но в то же время появилось новое в жанрово-видовой структуре, в формах организации, в содержании репертуара. Возникали и первые симптомы противопоставления художественной самодеятельности профессиональному искусству, отказ от традиций как элитарной, так и народной культуры.

Основными направлениями художественной самодеятельности в первые годы после революции были: литературное, театральное, музыкальное и изобразительное. Наибольшее распространение в эти годы получили самодеятельные театральные объединения. Самодеятельные театры создавались в Народных домах, учебных заведениях, в цехах, в красных уголках. С успехом ставили пьесы классиков, особенно Шиллера и Лопе де Вега, в которых поднимались проблемы классовых противоречий, что давало возможность выразить революционный пафос, внося в их текст актуальные и злободневные изменения, отражающие революционное и эмоциональное состояние народа. Новым видом театральных представлений стали пьесы-агитки, сочиненные сами актерами на основе событий повседневной жизни или материалов прессы. Эти пьесы призывали к строительству нового общества и к борьбе против иностранной интервенции в годы гражданской войны. Главным в них были не столько художественный уровень исполнения, сколько политическая агитация. Другой новой театральной формой был театр массового действия, в которых принимало участие огромное количество людей. Например, в инсценировках «Взятие Зимнего дворца» и «К мировой коммуне» участвовали около 4 тысяч красноармейцев и членов театральной самодеятельности, не считая десятков тысяч зрителей.

Музыкальная самодеятельность была представлена двумя направлениями: хоровым и оркестровым. Особо уделялось внимание музыкальному образованию. Вечерние и воскресные музыкальные кружки были бесплатными для учащихся, рабочих и солдат. Наиболее талантливые ученики получали возможность работать профессионально. Массовое музыкальное исполнительство использовалось для придания торжественности революционным празднествам.

С первых послереволюционных лет в художественной самодеятельности получило распространение в области изобразительного искусства, в клубных учреждениях занятия носили студийный характер, а значительное место занимала оформительство, которое было продиктовано необходимостью художественного оформления массовых праздников и театральных представлений.

Организация функционирования художественной самодеятельности в первые годы советской власти осуществлялась созданным еще после Февральской революции Пролеткультом, который формально подчинялся Наркомпросу. Особенность деятельности Пролеткульта состояла в том, что его вожди отрицали культурное наследие буржуазного прошлого как негодного для строительства нового общества, а также профессиональное и народное творчество. Теоретические идеи вождей Пролеткульта были раскрыты В.И. Лениным и А.В. Луначарским в специальном письме ЦК ВКП (б) «О Пролеткультах». Однако идеи вождей Пролеткульта следует отделять от практических дел. Пролеткульт издавал альманахи, книги, журналы, были созданы театральные, художественные и литературные студии, оформляли митинги, демонстрации, проводили конкурсы на лучшие пьесы, инсценировки, активно участвовали в представлениях театра массового действия, отвергая традиции профессионального искусства, они активно содействовали созданию новых форм и репертуара. Таким образом, Пролеткульт, идейно отрицая традиции прошлых лет и профессиональное искусство, сыграл важную роль в развитии художественной самодеятельности.

В первые годы после революции 1917 года художественная самодеятельность была мощным инструментом в руках советской власти, которая: через творчество народных масс вела идеологическую работу с народом по пропаганде основ правящей партии. Также в эти годы был создан культурно активный и достаточно образованный слой населения, который обладал потенциалом для дальнейшего развития художественной культуры в обществе.

Литература

1. Апресян Г.З. *О самодеятельном искусстве*. Г.З. Апресян // *Проблемы эстетического воспитания и современность: Материалы конференции*. – М., 1964.
2. Сохор А.И. *О специфике самодеятельного искусства / А.И. Сохор // Проблемы музыкальной самодеятельности*. – М.-Л., 1965.

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЛОГИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Горбунов Н.М. (Тольятти)

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ проект № 17-46-630560 «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона».

Аннотация: Мировой экономической кризис обострил ряд не простых проблем российских регионов. Множество проблем таких как: безработица, снижение уровня жизни, старение населения, усиление эмиграции местного населения особенно заметно у молодежи – назрели очень давно. Финансовый кризис внес свои коррективы, и данные проблемы оказались очень остры в настоящий момент. Сейчас очень сложно обстоят дела с градообразующими предприятиями, огромную роль здесь играет политика собственника предприятия. Он может уйти со своим предприятием в политику региона и государства или тянуть свой бизнес своим течением.

Во времена советского союза произошел некий бум строительства городов. В основном города начали строиться параллельно со стройкой крупных промышленных объектов. Сравнивая европейские города и Российские города, мы видим большое отличие. Если в Европе промышленные предприятия строились уже в условиях развитой инфраструктуры, то в России города строились как жилые районы при заводах и фабриках. Конечно основную аудиторию горожан составляли переселенцы из различных регионов страны, а местное население было очень малым.

Как и многие города в СССР, Тольятти строился параллельно со стройкой Волжского автомобильного завода. Город строился как жилой район для работников завода.

В новое время, когда плановая изоляционная экономика сменилась интеграцией в мировую, то старая модель регионального социального поля существования перестала отвечать новым вызовам. Более того, в условиях мирового экономического кризиса существующие проблемы только усугубились. Тем не менее, существующие государственные программы развития ОАО «АвтоВАЗ» направлены на предотвращение кризисных явлений в городском сообществе. К тому же существует региональные и городские программы, с помощью которых моногород должен развиваться и преодолеть экономический кризис.

Для того чтобы определить перспективы развития региона как фактора социальной идентичности, на примере Тольятти были изучены оценки горожан, которые были измерены по трем индикаторам. Это оценка внешних условий или комфортность среды проживания, социальная активность тольяттинцев и отношение к перспективам развития города.

В ходе исследования было опрошено трудоспособное население Тольятти в возрасте от 18 до 55 лет, ровно по 50% мужчин и женщин.

На вопрос о положительных и отрицательных чертах города были получены следующие данные. 46% опрошенных считают уровень жизни населения Тольятти достаточно высоким, однако более половины (54%) опрошенных считают данное утверждение неверным.

45% опрошенных считают Тольятти благоустроенным, уютным и озелененным городом, однако на 10% больше опрошенных с данным утверждением не согласны.

84% опрошенных отмечают, что в Тольятти имеется большое число учебных заведений различного профиля, при этом 16% считают число образовательных учреждений недостаточным.

90% респондентов отмечают высокое качество медицинского обслуживания. 73% опрошенных отмечают, что в городе идет насыщенная культурная и спортивная жизнь, 66% опрошенных отмечают высокий уровень культуры города и горожан, 56% – Тольятти современный и молодежный город.

Все респонденты согласны с тем, что окрестности Тольятти очень живописны и предоставляют возможности для активного загородного отдыха. 43% отмечают наличие в городе красивых зданий и памятников. Престижным городом считают 60% респондентов.

Однако есть и негативные тенденции в общественном мнении. Так, в Тольятти отмечена плохая работа общественного транспорта (69%), город перенаселен и недостаточно красивых зданий и памятников (по 57%).

Ценовая политика в городе различная. 74% опрошенных считают город недорогим. Чуть более половины респондентов отмечает большой ассортимент товаров на рынках и в магазинах города.

Таким образом, делаем вывод о том, что респонденты ощущают изменения, и не видят перспективы развития города, также находится в курсе всех изменений на рынке труда, следят за появлением новых предприятий, а вследствие появления новых рабочих мест [1;2].

В процессе исследования было выявлено о трудностях населения города в рамках поиска работы (71%), 43% считают город неподходящим для реализации в жизнь собственных планов [3;4].

Была отмечена неблагоприятная экологическая обстановка в городе (63%), запущенность и неблагоустроенность, плохое состояние городских улиц и дорог, домов, дворов и т.д. (22%). Некрасивым и неуютным городом с однообразной архитектурой отмечают 49%. Недостаточно имеющееся количество доступных мест и мероприятий для отдыха и развлечений (47%), 42% отмечают однообразие приводимых в городе культурных и спортивных мероприятий.

Что касается уровня образования, то треть респондентов отметили однообразие и малочисленность учебных заведений города. Почти половина определили, что нет возможности получить в городе качественное образование, 46% отметили низкий культурный уровень горожан.

В целом по результатам исследования можно сделать вывод о том, что у половины опрошенных отношение к городу благоприятное, позитивное, они отмечают высокий уровень медицинского обслуживания, наличие достаточного количества мест для проведения культурных и спортивных мероприятий, невысокий уровень цен и наличие возможности получить качественное образование [5].

По мнению 66% опрошенных городская власть защищает интересы областных административных структур. Первоочередные задачи, стоящие перед городскими властями, как считали респонденты, стоит задача улучшения здравоохранения (88%), повышения жизненного уровня горожан (69%), 78% опрошенных считают, что необходимо вести эффективную борьбу с безработицей. Более половины отмечают сильную развитость коррупционных проявлений, и только 7% опрошенных считают, что коррупции в городе нет. Исходя из результатов опроса, горожане крайне негативно относятся к городским властям.

Вопрос о символе города выявил следующие результаты. 67 % процентов респондентов считают, что главным символом считается Волжский Автомобильный завод, 25% –памятник В.Н. Татищеву, 12% считают, что символ автомобиль «ЛАДА». Значит, жители с некой гордостью считают, что Тольятти – это родина ОАО «АвтоВАЗ».

Таким образом, проведенный опрос показал, что в целом отношение опрошенных к своему городу довольно благоприятное, однако большинство из опрошенных отмечали наличие серьезных проблем, на решение которых необходимо направить усилия городских властей.

На первом месте стоят проблемы здравоохранения, а также высокий уровень безработицы, значительная часть опрошенных обращает внимание на наличие экологических проблем, плохое состояние дорожного и жилищно-коммунального хозяйства.

Таким образом, в городе необходимо проведение целого ряда мероприятий, направленных на устранение выявленных негативных явлений и повышение уровня удовлетворенности граждан своим городом.

1. Иванова Т.Н. Социологический анализ мотивов к труду наемных работников тольяттинских предприятий // Карельский научный журнал. 2015. № 2 (11). С. 75-78.
2. Иванова Т.Н. Экономическое проектирование системы координации действий региональных структур по формированию векторов социально-трудовой мобильности населения // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 242-246.
3. Горбачева Н.Б. Взгляд молодежи на профессиональный выбор и востребованность профессий на рынке труда // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 2 (11). С. 130-132.

4. Горбачева Н.Б. Современная профессиональная ориентация молодежи // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. Т. Н. № 4. С. 28.

5. Картина городской жизни Тольятти: опыт комплексного научного подхода. Горбачева Н.Б., Егорова О.В., Желнина Е.В., Житенев Т.Е., Иванова Т.Н., Лепешкина Л.Ю., Манова М.В., Овсянников В.П., Овсянникова М.В., Овсянникова Н.В., Ростова А.В., Скрипачева И.А., Цветкова И.В. Коллективная монография / Тольятти, 2010. С.126, 183.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОТГОЛОСКИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Гришенкова Е.В. (Москва)

Аннотация: Автор анализирует взгляды представителей религиозного направления в отечественной социологии на последствия русской революции и на трансформацию российского общества во всех сферах в первой половине XX века, а также рассматривает предложенные возможности возрождения «русского духа». Обосновано значение укрепления национально-культурной идентичности, а также выделены ключевые направления по сохранению национальной самобытности в условиях глобализации и мировых вызовов.

Для анализа такого сложного явления как национально-культурная идентичность россиян необходимо знание и понимание тех исторических потрясений, которые затронули основы нашего национального самосознания. События русской революции 1917 года не только полностью изменили политическую, экономическую, социальную и духовную сферы российского общества, но и оказали влияние на общемировую ситуацию. Недаром, в 2017 году в более чем в 20 странах, включая Германию, Китай, Грецию, Францию и Швейцарию прошли мероприятия, посвящённые 100-летию русской революции.

Национально-культурная идентичность выходит на передний план именно в кризисные, переломные периоды истории, когда происходит ломка существующей идеологии, ценностей, что и произошло во время русской революции. В такие моменты граждане оказываются в ситуации потери ориентиров, отсутствия надёжной опоры, неопределённости будущего, в состоянии аномии – когда старые идеалы, нормы и ценности свержены, а новые только формируются [3].

На наш взгляд, русская революция вызвала наиболее тяжёлые, глубинные изменения именно в национально-культурной идентичности русского народа, которые сложнее всего зафиксировать и изучить. Результаты осмысления последствий революции и поиски путей сохранения русского духа представлены в работах целой плеяды отечественных мыслителей, в том числе представителей уникального в мировой социологии направления, религиозной социологии – Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, И.А. Ильина, П.А. Флоренского и др.

В их работах анализируются вопросы сохранения культуры, национального единства, понятия свободы и творчества, государства и веры. Особое место в работах представителей религиозной социологии занимает рассмотрение русского пути, русской идеи и русского духа. Все они тяжело переживали последствия русской революции. И.А. Ильин описывает революцию как катастрофу для русского народа, как «величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение, по сравнению с которым Смута бледнеет и меркнет» [4, с. 151]. Главной трагедией русской революции мыслители видели в отвержении большевиками христианства, в десакрализации власти, в разрушении исконных русских ценностей, т.е. ядра национально-культурной идентичности.

Какой же путь для России и народа предлагали отечественные философы? С.Н. Булгаков считал, что социализм как тип государственности возможен, если в его основу заложить христианскую политику и, таким образом, обеспечить нравственное развитие личности, которое заключается в преодолении эгоизма, собственничества, равнодушия к умершим и потребительского отношения к природе [2]. Философ отмечает, что религиозная вера лежит в основе русской национально-культурной идентичности, поэтому никакие материальные ценности не смогут ее заменить. По мнению мыслителя, примирение закона (необходимости) и свободы личности (ее нравственных ценностей) возможно в «христианском социализме, проводником которого должна стать русская интеллигенция, принимающая «активное участие в социальных преобразованиях» [6, с. 105].

В отличие от С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяев считал, что социализм в любом виде губителен для России. О революции Н.А. Бердяев пишет следующее: «Русская революция антинациональна

по своему характеру, она превратила Россию в бездыханный труп» [1, с. 71], т. е. подчеркивает, что революция враждебна культуре, она порабощает личность, а путь к возрождению национального духа и творчества может лежать только через покаяние и достижение свободы духа.

Сегодня, в условиях глобализации, перед Россией встают вызовы, реагировать на которые необходимо с учетом опыта прошлого. Стоит принять как данность тот факт, что в ядре национально-культурной идентичности россиян сочетаются элементы, заложенные в Российской империи, СССР и в современной нам России. Российское общество пережило дважды в XX в. тяжелые трансформации – десакрализацию и установление коммунистической идеологии, а затем крах социализма и разработку новой идеологии с учетом плюрализма культур, этносов, права народов на самоопределение и пр., – которые затронули не только социальную структуру, социальные институты общества, но и основы национально-культурной идентичности российских граждан.

Сегодня очень много говорят и пишут про особенный путь России в условиях, с одной стороны, глобализации, и, с другой стороны, конфронтации с Западом. Россия всегда выбирала особенный, сложный, но собственный путь развития. Как писал известный русский религиозный философ И.А. Ильин, «мы не призваны заимствовать духовную культуру у других народов или подражать им. Мы призваны творить своё и по-своему: русское по-русски» [5, с. 442]. Есть ли способ постараться достичь тот нравственный идеал, национальную идею, о которых говорили русские философы начала XX века? И есть ли в этом необходимость сегодня? На наш взгляд, ответ на оба вопроса –

утвердительный. Вопрос разработки национальной идеологии и будущее России сегодня активно обсуждается на государственном уровне, о чем свидетельствуют такие нормативно-правовые документы и проекты как проект федерального закона «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации», «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России», «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», совместный проект ВЦИОМ и клуба «Валдай» «Индекс готовности к будущему» и ряд других.

Таким образом, в современной России продолжают поиски связующих элементов и воспитания патриотизма на базе общности исторической судьбы, территории, культуры, языка, ценностей и пр. Очевидно, что государство, в котором есть национальная идея и граждане с развитым национальным самосознанием, будет более устойчивым к внешним вызовам и обеспечит стабильность внутри общества. Национально-культурная идентичность – это тот якорь, который в кризисные периоды помогает объединить усилия ради высшей патриотической цели.

Успешное развитие всех сфер общества – экономической, политической, духовной и социальной – напрямую зависит от степени сформированности и наличия соответствующих социальных институтов и механизмов передачи национально-культурной идентичности следующим поколениям. В этой связи, по нашему мнению, ключевое внимание необходимо уделить воспитанию творческой, развитой в духовном и нравственном отношении личности, испытывающей чувство гордости за свою страну и, таким образом, чувствующей надежную опору и уверенность в будущем благодаря сформированной национально-культурной идентичности.

1. Бердяев Н. А. Духи русской революции // *Впервые: Из глубины. Сборник статей о русской революции.* – М., Пг., 1918. – Печатается по: *Литературная учеба*, 1990. – Кн. 2. – С. 123-139.
2. Булгаков С. Н. Христианство и социализм / С. Н. Булгаков // *Московская просветительная комиссия.* – М.: Тип. Т-ва Рябушинских, 1917. – 46 с.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В. А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
4. Ильин И. А. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том 1 / И. А. Ильин; составление, предисловие и комментарии Ю. Т. Лисицы. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 528 с.
5. Ильин И. А. Яд большевизма // *Ильин И. А. Собрание сочинений.* – М., 2001. – Т. 18.
6. Кравченко Е. И. Христианство и социология - "два града" отца Сергия (С. Н. Булгакова) / Е. И. Кравченко // *Социс. Социологические исследования.* – 2012. – № 5. – С. 96-106.

ГРЕЧЕСКАЯ ДИАСПОРА ЮГА РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX-XXI ВВ.: СТАНОВЛЕНИЕ И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ.

Губарев И.В. (Ростов-на-Дону)

Материалы подготовлены при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

В последнюю четверть XX века СССР входил с большим количеством проблем. Последствия эпохи брежневского «застоя» жестко ударили по всем сферам жизни. Рост социальной напряженности, экономический кризис и геронтократия заставили советское руководство взять курс на «Перестройку», в процессе которой, наряду с гласностью, свободой культуры и этнокультурного определения, обнажились многие межнациональные конфликты.

Юг России издревле был местом тесного этнокультурного взаимодействия. Одним из древнейших народов, проживающих на этой территории, являются греки. Анализ процессов становления и развития греческой диаспоры, как одной из самых древних диаспор России, позволит выявить глубинные процессы, влияющие на современное этнодемографическое состояние европейских диаспор в целом.

Институционализация греческой диаспоры СССР началась 28 мая 1988 года во Владикавказе, когда была учреждена и, что самое главное, юридически оформлена первая национально-культурная организация греков «Прометей». В 1989 г. в Москве прошел съезд греков со всей страны, на которой было принято решение о создании «Всесоюзного общества советских греков» и его филиалов на всей территории СССР. На съезде активный спор вызвала идея создания на территории РСФСР греческой автономной области, или даже республики в Крыму или по линии Анапа – Геленджик – Туапсе. Однако идея не была поддержана большинством греческих общественных деятелей. В Геленджике, Краснодаре, Новороссийске, Крымске, Анапе, Сочи, Пятигорске и Ессентуках в период с 1989 по 1990 гг. были созданы общественные организации греков. Создание союза греков СССР «Понтос» произошло на I Всесоюзном съезде советских греков летом 1991 года в Туапсе[1].

Распад СССР повлек за собой прекращение существования многих греческих организаций, в том числе и союза греков СССР «Понтос». В 1992 году на территории России было образовано два греческих общества. «Федерация греческих обществ России» была учреждена в июле 1992 года в Минеральных Водах на съезде греческих общин Юга России. 31 октября 1992 года было создано «Объединение греческих обществ России», зарегистрированное официально, в отличие от ФГОР. Однако в сентябре 1993 г. ФГОР и ОГОР консолидировались в «Объединение греческих обществ России», а в 1997 оно было переименовано в «Ассоциацию греческих общественных объединений России».

С 2011 года правопреемником АГООР в общественном движении греков России, стала Федеральная национально-культурная автономия греков России. В 2014 году, в связи с воссоединением Крыма с Россией, состав ФНКА греков России пополнила Общественная организация Региональная национально-культурная автономия греков Крыма «Таврида»[2].

Результаты переписи населения Российской Федерации 2010 г. и переписи Крымского федерального округа 2014 г., показали, что 88 517 человек указали в качестве своей национальности греческую, 67 286 из них проживает на Юге России, что составляет 76% всего греческого населения нашей страны[3]. Необходимо подчеркнуть, что основными местами проживания греков на Юге нашей страны, являются Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область и Республика Крым. По этнодемографической ситуации, данные субъекты Российской Федерации делятся на два типа: с положительной динамикой (Республика Крым и Ставропольский край) и с отрицательной (Ростовская область и Краснодарский край).

По данным последней всесоюзной переписи населения 1989 года, в Крыму проживало 2684 грека[4]. В 2001 г. греческую национальность указало 2795 человека, проживавших на территории полуострова[5], а перепись крымского населения 2014 года насчитала уже 2877 греков[6]. В Ставропольском крае за период с 1989 по 2010 гг., греческое население увеличилось на 5115 человек. Что касается Ростовской области и Краснодарского края, то демографическая убыль составила 259 и 7303 человек соответственно[7]. Одной из основных проблем

социокультурного воспроизводства греческой диаспоры в России является низкий уровень социокультурной дистанции с основным этносом. Важно подчеркнуть, что этнодемографическая убыль характерна для всех классических диаспор России, кроме армянской, в которой наблюдаются процессы внутренней сегрегации[8].

После распада СССР, на Греческую Республику обрушился поток мигрантов из бывших республик СССР, после того, как она запустила программу реабилитации греков-репатриантов. Так, 5004 человека – официальное количество российских эмигрантов приняла Греция за промежуток с 1997 по 2015 гг. Численность иммигрировавших из Греческой Республики в Российскую Федерацию, за этот же период, равняется 6642 людям[9]. Кроме того, в межпереписной период (1989-2002 гг.), общий демографический прирост греческой диаспоры России составил 6 тыс. человек[10]. Объяснение данной ситуации кроется в напряженной социально-экономической обстановке в Греческой Республике, где в 2000-е годы начался долговой кризис.

Таким образом, несмотря на сложную ситуацию в стране, на рубеже XX-XXI вв., российским грекам удалось построить качественные диаспорные институты во многих субъектах Юга России. Кроме того, несмотря на осложнение социокультурного воспроизводства в результате низкого уровня социокультурной дистанции с основным населением Юга России, сложности возобновления этнической идентичности латентных греков, а также естественной убыли в результате старения и ассимиляции, греческой диаспоре Юга России удалось установить положительную этнодемографическую динамику в регионе.

1. *История современного греческого движения.* // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusgreek.ru/history-social> (дата обращения: 07.10.2017);
2. *Встреча с представителями национальных общественных объединений Крыма* // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50140> (дата обращения: 07.10.2017);
3. *Всероссийская перепись населения 2010. Население по национальности и владению русским языком по субъектам российской федерации* // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 07.10.2017);
4. *Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Ставропольский край* // Электронный ресурс. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=44 (дата обращения: 07.10.2017 г.);
5. *Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 года. Автономная Республика Крым* // Электронный ресурс. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> (дата обращения: 07.10.2017 г.);
6. *Перепись населения в Крымском федеральном округе. Национальный состав населения* // Электронный ресурс. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/tab-krim.htm (дата обращения: 07.10.2017 г.);
7. *Всероссийская перепись населения 2010. Население по национальности и владению русским языком по субъектам российской федерации* // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 07.10.2017);
8. *Бедрик А.В., Сериков А.В. Классические европейские диаспоры ростовской области: социальные практики воспроизводства идентичности* // *Вестник адыгейского государственного университета. Серия I: регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология.* 2016. №4. С. 50-58.
9. *Федеральная служба государственной статистики. Международная миграция* (обновлено 08.07.2016) // Электронный ресурс. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demograph/# (дата обращения: 07.10.2017);
10. *См.: Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Ставропольский край* // Электронный ресурс. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=0 (дата обращения: 07.10.2017), *Всесоюзная перепись населения 2002 года. Национальный состав населения по регионам России. Ставропольский край* // Электронный ресурс. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_02.php?reg=0 (дата обращения: 07.10.2017);

Г.П. ФЕДОТОВ О НАЦИОНАЛЬНОМ СОЗНАНИИ В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИИ

Гумерова Ж.А. (Томск)

Аннотация: в статье показаны взгляды Г.П.Федотова, касающиеся влияния революции 1917 года на русское национальное сознание. Отмечается негативный взгляд на события Октября, поскольку они привели к потере религиозности, к рационализации сознания.

Г.П. Федотов, мыслитель русского зарубежья, в своем творчестве поднимал различные вопросы, связанные с революцией. Его, как и большую часть интеллигенции, интересовали истоки и причины революции, ответственность различных слоев российского общества и значение личной ответственности в случившихся событиях.

Рассматривал Г.П. Федотов революцию и в другом ключе – его интересовало, каким образом события 1917 года повлияли на национальное сознание. Проблема русского национального сознания, особенностей его формирования занимала в целом значимое место в его историософской концепции. Он создал яркую картину его исторических форм, определяющихся культурно-историческими условиями. Исторические типы рассматривались с точки зрения воплощения общехристианского идеала, имеющего национальные особенности.

Итогом революции 1917 года Г.П. Федотов видел кризис национального сознания, признаки которого отмечал в забвении имени России, появлении таких названий, как «СССР», «Союз народов Восточной Европы», «Евразия», характеризующих страну как географическое пространство и не несущих русских национальных традиций – «Россия мыслится национальной пустыней, многообещающей областью для основания государственных утопий» [1, с.173]. Г.П. Федотов также обращал внимание на проявление и укрепление национального самосознания всех народов (кроме русского), входящих в Россию, что способствовало росту сепаратистских тенденций. В дополнение к этому мыслитель отмечал негативное действие такого исторического явления, имеющего место уже в XIX в., как отток материальных и духовных сил от старых центров русской жизни на окраины Империи – «Великороссия хирела, отдавая свою кровь окраинам, которые воображают теперь, что она их эксплуатировала» [1, с.176]. Следствием чего явилось наблюдавшееся Г.П. Федотовым формирование и развитие литературных центров в районах, не богатых историческими воспоминаниями, в отличие от русского Севера, создавшего великорусское государство и граничащего в себе живую память «Святой Руси».

Обращаясь к непосредственному влиянию революции на народное сознание, Г.П. Федотов говорил о разложении христианской души в диалектике революции – «революция провела в народном сознании глубокую трещину, которая, вероятно, не зарастет и в ряде поколений. Эта трещина – та самая, что прорубил Петр, только проходит она теперь иначе, не по классовым линиям, а сверху донизу рассекает народное тело» [2, с. 101]. Придерживаясь мысли о единстве направленности всякой культуры, в том числе русской, общий фон которой состоит из традиций, и, рассматривая эту направленность на протяжении всего исторического развития, мыслитель отмечал, что нить эта была оборвана после революции 1917 года.

В свете перемены религии во всенародном масштабе Г.П. Федотов задавался вопросом о сохранении русского национального типа. Он отмечал теоретические попытки создания пролетарской этики (примитивного материалистического «просвещения»), которая должна была заменить христианскую, и предвещал неудачу в силу ее неукоренности в сознании. Все же Г.П. Федотов замечал, что революция создала основы для новой этики – этики коллективистской, насаждаемой в среде пионеров, выражающейся в служении обществу.

Мыслитель проводит глубокий анализ структуры советского общества, в котором акцентирует внимание на изменение сознания различных классов, на выявление их системы ценностей. Более того, как представитель «пореволюционного сознания», он стремится выявить не только негативные моменты в событиях и явлениях, имеющих место в Советской России, но найти основания для строительства будущей России.

Отдельное внимание Г.П. Федотов уделяет большевизму, поскольку тот оказал большое влияние на формирование черт нового человека, новой этики, быта, личности, образцом чего служит партия Ленина, выступающая «живым образом святости, на котором воспитываются, в формы которого отливаются миллионы юных существ» [3, с. 29]. Проблема большевизма в России интересовала не только Г.П. Федотова, но и всю русскую эмиграцию, которая разделилась на тех, кто считал большевизм результатом длительного процесса (Г.В.Флоровский, евразийцы) и тех, кто полагал, что он не имеет оснований для существования в России (И.А. Ильин, П.Б. Струве). Г.П.

Федотов же рассматривал большевизм как явление интернациональное, однако имеющее почву для своего развития и ставшее, таким образом, «выражением страстей народа». Так, он отмечал связь коммунизма с глубокими основами народной этики, которая «эгалитарна, коллективистична, тоталитарна» [4, с.98]. Следующие черты – коллективизм и эгалитарность он рассматривал как наследие язычества, а тоталитарность связывал с традициями русского самодержавия. Тем самым Г.П. Федотов отмечал глубокие исторические корни покорности народа, которая, тем не менее, не мешала ему периодически бунтовать. Мысли Г.П. Федотова о большевизме как продукте национального духа разделялись также Ф.А. Степуном, отмечавшим, что он является стихией русской души, откликнувшейся в 1917 году на коммунистическую проповедь Ленина и явления, порожденные этим откликом [5, с.336].

Обнаруженная Г.П. Федотовым система ценностей большевизма (путем изучения классического изображения большевика в беллетристике) не содержит никаких моральных скреп. Такие черты, как сила и стойкость ненависти в соединении с дисциплиной, презрение к моральным оценкам, неприемлемость проявления жалости, уважения, любви и др. формируют представление Г.П. Федотова о моральном разложении человека. Большевизм представляется ему как «культура тоталитарной злобы», что есть доминирование отрицательного начала ненависти, заглушающее все положительные идеи – свободы, духовной жизни, общего блага. К характеристике системы ценностей большевизма Г.П.Федотов добавляет атмосферу взаимного недоверия и страха, доносы и компроматы, на которых держится система. Это в целом приводит к тому, что «верность коммунизму, стойкость убеждений – лучшие качества бойца, последние остатки военно-революционной этики – сознательно разрушаются во имя партийной дисциплины» [3, с.36].

Г.П. Федотов пристально вглядывается в черты нового человека. Те качества, которые он отмечал в национальном типе «Святой Руси», он не находит: не наблюдает свойственной русскому человеку кенотической жалости – черты, отличной от западной моральной установки. Жалость для поколения, воспитанного революцией, пишет Г.П. Федотов, бранное слово, христианский пережиток. Замечает отсутствующее ранее подчинение социальной дисциплине, выражающееся в технике спортивных команд, певческих хоров. Тип нового человека напоминает Г.П. Федотову культурный тип немца, европейца, Homo Europaeo-Americanus, от которого всегда отталкивались в поисках характеристик русского человека. Тем не менее, в типе нового человека он отмечает черты, сближающие с историческим типом Московского периода – «вековая привычка к повиновению, слабое развитие личного сознания, потребности к свободе и легкости жизни в коллективе, «в службе и тягле» – вот что роднит советского человека со старой Москвой» [6, с. 186]. Еще одна общая черта – «простота», являющаяся высшим критерием ценности, проявляемой в применении к искусству, к этике» [7, с. 263].

Таким образом, Г.П. Федотов показывает, что революция оказала серьезное негативное влияние на национальное сознание. Русский национальный тип переживает перемены духовного порядка, проявившиеся, в частности, в потере им религиозности, в рационализации сознания. И все же тот факт, что в советском человеке Г.П. Федотов увидел черты исторического типа Московского периода, подтверждает его мысль о единстве исторической судьбы народа.

1. Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия? // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: в 2 т. СПб., 1991. Т. 1.
2. Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции // Там же.
3. Федотов Г.П. Правда побежденных // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: в 2 т. Т. 2.
4. Федотов Г.П. Церковь и социальная правда // Федотов Г.П. Христианин в революции. Сб. ст. Париж, 1957.
5. Степун Ф.А. Мысли о России // Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000.
6. Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: в 2 т. Т. 2.
7. Федотов Г.П. Проблемы будущей России. Вторая статья // Федотов Г.П. Судьба и грехи России: в 2 т. Т. 1.

ЭТНОКРАТИЯ И НАЦИОНАЛ-УКЛОНИЗМ: СМЫСЛОВЫЕ КОНСТАНТЫ

Дегтярев А.К. (Ростов-на-Дону)

Материалы подготовлены при поддержке гранта Российского Научного Фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

Сфера межэтнических отношений в российском обществе испытывает влияние этнократичности, присвоения представительства интересов этнических групп структурами, ориентированными на наращивание и использование властного, экономического и культурного капитала для реализации под видом национального суверенитета и развития этноса групповых интересов. Как отмечает Ж.Т. Тощенко, несмотря на многообразные лики этнократии, ее объединяет актуализация межэтнических отношений в качестве инструмента завоевания, укрепления и воспроизводства власти [1, С. 13].

Подчеркивая, что суть этнократических тенденций выражается в сосредоточении власти в руках одной этнонациональной группы, следует учитывать, что этнократия ориентирована на воспроизводство этнических проблем, на этносуверенность как фактор не только государственной самостоятельности, но и преференциальности в межэтнических отношениях. Имеется в виду, что для этнократического дискурса этнос содержит смысл «самодостаточности», легитимации территориальных, политических, культурно-цивилизационных притязаний. Для российского общества этнократия выступает дестабилизирующим фактором и, что характерно, содержит воспроизводимые риски сепаратизма и межэтнической напряженности.

Актуальным можно считать сравнение национал-уклонизма 20-х годов XX века в советской России и этнократические тенденции в современном российском обществе. Разумеется, ни одно сравнение не может быть убедительным, если не учитывать культурно-исторический и политический контексты, не предъявлять ценностных суждений, ставящих помехи на пути понимания этнократии. Американский исследователь Т. Мартин в своих изысканиях, посвященных национальной политике в СССР определяет национал-уклонизм как позицию новых, возникших в процессе нациеобразования элит, ставящих своей целью закрепление властных позиций в рамках этносуверенности. [2, С. 10-11]

Согласно позиции Т.Мартина, речь шла о поразительном эксперименте в сфере управления многонациональным государством, который заключался в том, что проводилась политика «коренизации», подготовки и рекрутирования национальных кадров в сфере государственно-политического управления и реализовался принцип этнофедеративности, придания национально-территориальным образованиям институциональных форм моноэтнического государства. Таким образом, национал-уклонизм можно квалифицировать не в качестве сопутствующего фактора национального строительства, но как легитимацию на уровне принятого в тот период политического дискурса притязаний на «местные» национальные интересы, на модернизацию общественной и экономической жизни в национальном варианте. Но самое существенное – в рамках модели «национальных республик» поддерживать режим «наибольшего благоприятствования» для национальных элит.

Очевидно, что национал-уклонизм являлся не просто отступлением от заданного советской властью вектора создания интернациональных наций, которые при придании атрибутов государственности, развития национальной идентичности реализуют постепенный переход и к единой общесоциалистической культуре, и, как в последствии подтвердила практика, к советскому народу, как многонациональной общности. Проблемы нациестроительства показали, что национальные элиты, сохраняя интернационалистскую риторику, стремились и к достижению «исключительных» отношений с Центром, и к росту властного ресурса, позволяющего во многом нейтрализовать политику централизации, рассматривать в перспективе возможности сецессии, что особенно выявилось в период перестройки. Националистические движения позднесоветского периода получили поддержку со стороны национальных элит во власти (Литва, Украина, Эстония, Молдавия).

Национал-уклонизм 20-х годов нельзя рассматривать как болезнь роста, можно предположить, что на протяжении советской истории сохранялась традиция этносуверенности, которую можно охарактеризовать как стереотипизацию на уровне массового сознания комплекса

национальной самобытности, а в практиках национальных элит как претензии на представительство национальных интересов, имеющих конфликт с интеграционной политикой Центра.

Разумеется, нельзя утверждать, что национал-уклонизм генерировал тенденции этнократии. Исторический контекст вносит коррективы, связанные с тем, что для национал-уклонизма была свойственна позиция завоевания преференциального национального статуса в целях укрепления, сплочения многонационального государства. Можно рассматривать и политику, ориентированную на ассиметричную федерацию, на блокирование попыток под видом сохранения борьбы с великорусским шовинизмом недопущения феномена государствообразующей нации, модифицировать официальную позицию относительно нациестроительства, как тактической уступки, в признании этносуверенности фундаментальным принципом советской государственности.

Можно резюмировать, что национал-уклонизм, хотя и подвергся остракизму в официальном политическом дискурсе, использовался для стигматизации и репрессий в отношении политических «раскольников» и «диссидентов» воспроизводился в бюрократической среде, основываясь на факторе этносуверенности в контексте самостоятельности в сфере управления, кадровой политики и национал-популизме, утверждавшем единство элиты и общества на основе этносолидарности.

Наилучшей иллюстрацией преемственности национал-уклонизма и этнократии является последовательно реализуемая этнократическими движениями в современной России идеи суверенности этноса, сохранения статуса титульной нации, закрепляющей неравенство в доступе к социальным и политическим ресурсам в зависимости от этнической принадлежности. Казалось бы, ренессанс этнонациональных движений 90-х годов XX века канул в прошлое и общество испытывает беспокойство только от рецидивов этносуверенности.

Однако, несмотря на смещение публичного дискурса в сторону рисков конфликтогенности межэтнических отношений и этноконфессионального радикализма, этнократия актуализируется и в стремлении к политике воспроизводства ассиметричных, преференциальных отношений с Центром, и в стимулировании «избыточных» этнокультурных различий, и в практиках этнодистанцирования в межличностном общении.

Констатируя этнократические тенденции, нельзя игнорировать и использование «этнократической карты» в рамках «гибридной войны», которая ведется против России. Разрушительным для единства и целостности российской государственности является идея «незавершенности распада российской империи», обоснованная Зб.Бжезинским: этнократические притязания рассматриваются сторонниками дезинтеграции России в качестве мощного инструмента наряду с экономической деградацией и расколом властных элит.

Таким образом, национал-уклонизм и этнократию разделяют «исторические расстояния», различия в идейной стилистике, связанной с дискурсами интернационализации и многонациональности, но есть и смысловые константы этносуверенности, этнопреференциальности, основанных на примордиальности этносов и монополю и контроль над ресурсами этнонации. Этнократия – есть проявление бюрократической «разумности» и «сословности», принимающей формы самоорганизации, но имеющей вектор мобилизации в целях групп, претендующих на властный ресурс для легитимации интересов господства, престижа и влияния.

1. Тоценко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки) – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 432 с.
2. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР. 1923-1939. М.: Российская политическая энциклопедия, Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 855 с.

СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В РЕГИОНАХ ЮГА РОССИИ

Денисова Г.С. (Ростов-на-Дону)

Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного РГНФ 16-03-00545

Аннотация. В статье рассматриваются результаты пилотного социологического исследования, посвященного сравнительному анализу содержания российской (национальной) идентичности у выпускников общеобразовательных школ в двух регионах Юга России, отличающихся полиэтничным составом – в Ростовской области и Кабардино-Балкарии. Анализу подвергается структура социальной идентичности (личностной, этнической, национально-государственной), а также понимание смысла гражданственности. Показана разная территориальная и социокультурная масштабность национальной идентичности у выпускников Ростовской области и КБР, а также воспроизводство в российской действительности советской модификации гражданского активизма, который сохраняет установки на подданический тип отношений гражданина и государства.

Во втором десятилетии XXI в. в России активизировалась деятельность в сфере политики идентичности (identity politics), которая направлена на формирование чувства общности среди граждан страны. Ее основная функция – предупреждение политических расколов, которые могут произойти по этнокультурному, языковому, конфессиональному основанию [1]. Поэтому в качестве универсальной ценностной основы идентичности, укрепляемой государством, выступает современное гражданское право, защищающее гражданские права независимо от специфических характеристик граждан. С этой точки зрения политика идентичности формирует, прежде всего, гражданский (правовой) аспект национальной идентичности. Признавая в качестве референта демократические системы США и стран Евросоюза, российская гуманитарная общественность в последние два десятилетия активно включалась в разработку проблем образования в области прав человека и имплементации европейского опыта в российскую систему образования. Однако до настоящего времени в российской системе образования не создана целостная система конструирования гражданственности как личной ответственности за происходящие общественные процессы. Более того, в поликультурных регионах конструирование различных аспектов идентичности идет под влиянием различных институтов, которые актуализируют этнический и религиозный ее аспекты, ориентирующие на групповую консолидацию и групповые права. Одновременно, с этим, современные институты коммуникации – интернет, реклама, массовая культура, – ориентируют вообще на отказ от сложившихся культурно-групповых или национально-государственных идентичностей. Эта ситуация актуализирует выявление структуры идентичности в коллективных представлениях молодежи. Этой проблеме было посвящено пилотное социологическое исследование, которое было проведено среди выпускников школ г. Ростова-на-Дону и г. Нальчика (лето 2016 г.).

Исходной гипотезой выступило предположение о том, что структура идентичности молодежи с преимущественно русским населением, проживающем в крупном промышленном центре, будет заметно отличаться от структуры идентичности северокавказской молодежи, проживающей в городской среде, сохраняющей нормы традиционной культуры. В опросе участвовали 412 респондентов г. Ростова-на-Дону и 422 Респондентов из Нальчика. Задачи исследования включали сравнительный анализ в двух рассматриваемых субъектах по структуре социальной идентичности (личностной, этнической, национально-государственной), а также сравнение понимания смысла гражданственности.

Социальный аспект идентичности личности связан с соотношением индивида своей позиции с определенными социальными группами, что создает возможность для самоопределения в обществе. В инструментарии опроса респондентам было предложено выбрать не более 3 значимых групп, к которым они себя причисляют в первую очередь. В целом по массиву доминирующими группами стали: «граждане России» (47,1 %), поколенческая группа (40 %), жители Юга России (29,3 %). выявление позиции молодежи и сравнение результатов по регионам опроса показали существенные различия. Так для ростовской молодежи первые три места заняли указанные выше позиции, но для молодежи Кабардино-Балкарии первое место заняла региональная идентичность, при этом – не республиканская, а более широкая, северокавказская в целом. На втором месте – принадлежность к российской нации; немного ей уступает этническая идентичность [10].

Различия проявились в степени интенсивности показателей идентичности (российскую идентичность указали 49,5 ростовских респондентов и 39,4 % респондентов КБР), а также в ориентации на макрорегион. Так, уже редкие представители ростовской молодежи причисляют себя к Северо-Кавказскому региону, в то время как для молодежи КБР идентичность с этим регионом более значима, чем с российским или республиканским сообществами. Эти данные подтверждают исследования ассоциаций с понятием «Родина» у ростовских студентов (для двух третей – это Россия) и студентов Кабардино-Балкарии (77 % - республика и 56 % - Россия). [2, 187] Следует отметить также, что в подмассиве ростовских выпускников школ более четко

выражены достижительные статусные позиции – ориентация на поколенческие интересы (41 %), профессию (26 %), личностную индивидуальность («сам по себе...» - 11,9 %). В то время, как традиционные коллективные идентичности – этничность, вероисповедание, поселенческая общность, - являются не очень значимыми. Для выпускников КБР, напротив, большее значение имеют традиционные коллективные идентичности. Так, приверженность этнической общине выразили 35,4 %, единоверцам - 25, 3 %, республиканскому сообществу – 24,2 %. На этом фоне достижительные группы (профессия, успешность политические ориентации) оказались менее значимы.

Гражданско-правовой компонент идентичности рассматривался сквозь призму выявления в представлениях молодежи понимания смысла гражданственности: ориентации позиции на автономию и ответственность гражданина по отношению к государству, диалог с ним (европейская коннотация) или ориентация гражданина на государство – как гарант общественного порядка, обладающего приоритетным правом ограничивать права граждан (российская коннотация). Выявление ориентаций молодежи на гражданскую активистскую позицию в опросе осуществлялось по трем параметрам: 1) отношение к правам человека как к основной ценности политической организации общественной жизни; 2) принципы взаимодействия гражданина и государства; 3) отношение к социальной активности и понимание ее смысла. В основе отношения к правам человека лежит отношение к закону, его видение в качестве нормы, обеспечивающей защиту порядка, или являющемуся инструментом репрессии. закон как ценность и норму, регулирующую индивидуальное поведение человека, воспринимают 41 %. Большая часть респондентов остается на традиционной (репрессивной) позиции интерпретации функции этого института. ростовский (русский) сегмент опрошенных больше ориентирован на закон и право как институты государственной организации, нарушение которых рассматривается как нарушение государственного установления, что и требует наказания. Пятая часть опрошенных этого сегмента указала на другую, но тоже традиционную для русской культуры коннотацию, - в наказании воплощено восстановление нарушенной справедливости. В этом отношении мотивация молодежи КБР соответствует сохранившимся нормам обычного права, где роль наказания в ином – возмещении ущерба, понесенного пострадавшей стороной, и воспитании правонарушителя. Таким образом, традиционные представления в сфере правосознания распространены среди респондентов обоих сегментов, однако в ростовском сегменте они соответствуют русской традиции репрессивного закона, в северокавказском сегменте (КБУ) – традиции адата (обычного права).

Анализ основных параметров гражданско-правового компонента социальной идентичности молодежи позволил выявить воспроизводство в российской действительности советской модификации гражданского активизма, которая проявляется в том, что социально-политическая активность и ответственность граждан координируется с государственными органами и опирается на их поддержку. Тем самым данный вид активизма приобретает форму гражданско-подданического, который проявляется: в отношении к правам человека, принципам взаимодействия гражданина и государства, и к пониманию смысла социальной активности. Во всех перечисленных аспектах молодежь, одновременно, поддерживает ценность автономности гражданина, но при этом отводит государству организующую и контролирующую роль в социально-политической жизни.

Анализ эмпирического материала позволяет сделать вывод о незавершенности формирования национальной идентичности и разном ее смысловом наполнении в регионах, отличающихся полиэтничным составом.

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. *Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор: Учебное пособие/Сокр. Пер.с англ. А.С.Богдановского, Л.А.Галкиной; Под ред. М.В.Ильина, А.Ю. Мельвиля. – М.: Аспект Пресс, 2002.*
2. *Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал / Ред. Тишков В.А., Бараш Р.Э., Степанов В.В. – Москва: ИЭА РАН, 2014.*

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ КУЛЬТУРНЫХ ОСНОВ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Дергунова Н.В. (Ульяновск)

Аннотация

В статье представлены некоторые итоги исследования уровня сформированности разных типов социальной идентичности студентов-выпускников провинциальных вузов (на примере г.Ульяновска). Показано изменение основ общей культуры российской студенческой молодежи по критериям индивидуализм-коллективизм и готовность к риску, различие полученных данных у студентов, желающих работать в России, и тех, кто готовится к миграции за рубеж.

Миграция молодежи из России в постсоветское время стала постоянным явлением. Несмотря на то, что общее число мигрантов в зарубежные страны существенно сократилось (в четыре раза с 1900 по 2013 г.), изменились причины миграции, выезд молодых людей, окончивших российские вузы, на постоянное место жительства за рубежом не уменьшается. Студенты выпускных курсов, принимающие решение о выезде за границу, обладают определенной сформированной социальной идентичностью. На данном этапе их жизни более всего как представляется должен преобладать деятельный компонент сформированной культурной, этнокультурной и гражданско-государственной идентичности. Это патриотизм, это выбор места жительства, это воспроизводство или смена идентичности, мультикультуризм, космополитизм, это лояльность или оппозиционность власти, это выбор форм гражданского или политического участия. Нас интересовал уровень культурной идентичности выпускников ульяновских вузов в целом и той их части, что приняла решение о выезде за границу после окончания вуза.

При проведении исследований мы опирались на когнитивистский и деятельностный подходы к исследованию идентичности (Э. Гидденс, А. Леонтьев, П. Штомпка, В. Ядов), а также на теорию культурных синдромов (Triandis) или измерений культур (Hofstede). Одной из задач исследования (опрос студентов выпускных курсов, ноябрь-декабрь 2016, 450 респондентов из трех вузов) явилась необходимость выявить тип сформированной культуры (культурного синдрома) провинциальной молодежи – выпускников вузов г.Ульяновска. Согласно Г.Триандиса и Г.Хофстеда, наиболее состоятельные и образованные слои общества в любой культуре имеют тенденцию быть более индивидуалистически настроенными. Миграция, социальная мобильность и урбанизация также способствуют росту индивидуализма. В то же время, проявление индивидуалистических или коллективистских тенденций зависит не только от культуры, но и от социального контекста: человек может демонстрировать коллективистские тенденции в семье и среди близких друзей и индивидуалистическое поведение — на работе или с незнакомыми людьми. Триандис выделил три основных культурных синдрома: «простота — сложность», «индивидуализм—коллективизм» и «открытость—закрытость».

В рамках нашего исследования выяснилось, что основная часть студенческой молодежи – выходцы из семей регионального среднего класса (29%) и низшего слоя регионального среднего класса (35%), 27% респондентов - из малообеспеченных семей. Из семей богатых в провинциальных вузах студентов нет.

Если опираться на тенденции, отмеченные Г.Триандисом, то можно предположить, что не более одной трети студентов-респондентов могут продемонстрировать признаки индивидуалистической культуры, остальные – скорее коллективистской культуры.

Индивидуалистическая позиция ярко проявляется при столкновении с мнением большинства, если личность придерживается иной позиции. Индивидуалистическая позиция важна для большей части респондентов (60%) при расхождении позиций личности и большинства: 54% респондентов не изменят своей позиции, и не будут стремиться повлиять на позиции большинства, а 6 % респондентов ответили, что мнение большинства их вообще не интересует. Среди готовящихся к эмиграции таких респондентов 92% (78,6% и 14,3% соответственно).

По результатам исследования в рамках семьи и близких выпускники вузов демонстрируют наличие коллективистских позиций: 69% респондентов при решении личных вопросов обращаются за советом к родителям, 62% - к друзьям. Только 25 % ответили, что свои проблемы решают самостоятельно, сами. Таким образом, образовался культурный разрыв: каждый второй имеет свое мнение, но только каждый четвертый решает свои личные проблемы самостоятельно.

При решении общественно значимых, социальных вопросов совет членов семьи не менее значим - 66 % обратились бы за советом, но к друзьям обратилось бы в два раза меньше

респондентов, чем при решении личных вопросов (35% вместо 62%). Семья в вопросах взаимоотношений с властью, поведения в публичной сфере обладает заметно большим авторитетом, чем все остальные агенты социальной повседневности.

Однако при решении общественно значимых, социальных вопросов возрастает желание посоветоваться с людьми из публичной сферы: знакомые для личности (17%) и представители соответствующих общественных структур (15%). Только 11% ответили, что примут решение самостоятельно. По данному параметру студенты проявили больше склонности к коллективизму, чем в личной жизни. Коллективистские тенденции сознания и поведения в публичной сфере явно доминируют.

Чем более сложной является культура, тем более внимательно люди в ней относятся ко времени. Ждать назначенной встречи люди в индустриальных культурах готовы минуты, люди в культурах, средних по сложности — в часах, а в наименее сложных (некоторые культуры Африки, Латинской Америки) — в сутках. На вопрос: сколько времени вы будете ждать своего друга, если назначена встреча, 60% респондентов ответили, что готовы ждать от 5 до 50 минут. Около 40% ответили, что готовы ждать от нескольких часов до «сколько придется», «пока не придет». По данной позиции студентов можно отнести по параметру сложности к разным типам культуры: индустриальной, сложной и средней сложности (более традиционной).

Культуры в исследовании Г. Хофстеда были условно поделены на культуры с высоким и низким уровнями избегания неопределенности. Культуры с низким уровнем избегания неопределенности имеют более низкий уровень стрессов, принимают разногласия в своей среде и характеризуются большей склонностью к риску. В нашем исследовании был задан вопрос о действиях респондента в случае потери работы. 27% студентов проявили признаки индивидуалистической культуры: 16% ответили, что попробуют создать свой бизнес, еще 11% — что будут самостоятельно искать работу. На помощь родственников, близких, друзей рассчитывают 59% респондентов, государства — 14%. В целом среди провинциальных студентов по критерию готовности к риску преобладает коллективистская культура.

В то же время респонденты демонстрируют очень высокий уровень толерантности к людям другой национальности, что свойственно культурам с низким уровнем избегания неопределенности. 62% респондентов не интересуются этнической принадлежностью своего окружения на работе, в повседневной жизни; 37% так или иначе, но обратят внимание на этническую принадлежность членов своего окружения (20% — потому что им интересна другая культура, 8% — потому что они не такие, 9% — потому что это все-таки важно).

Таким образом, студенты выпускных курсов продемонстрировали в личной жизни противоречивость основ общей культуры: готовы отстаивать свою позицию 60%, но решают сами свои личные проблемы только 25%, и только 11% берут ответственность на себя при решении общественно значимых вопросов. Примерно половина молодых людей стремится придерживаться индивидуалистических ценностей, около 38% готовы в той или иной степени к риску, 44% на первое место ставят достижение личных целей, и в целом практически все респонденты весьма индифферентны к общественным и государственным интересам. С другой стороны, даже те, кто в личной жизни является индивидуалистом, в общественной жизни больше проявляет коллективистскую позицию.

ОБЛИК ПЕРМСКОГО КРЕСТЬЯНИНА В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОСТОЯНИЯ ВЛАСТИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Долгова А.В. (Москва)

Как известно, в период смуты или гражданских войн проявляются самые низкие качества в человеке. Архивные документы тех лет свидетельствуют о том, что классовая ненависть в Царской России уже давно назрела, прежде чем ее начали разжигать большевики. И политика Советской власти на местах лишь стала катализатором.

Ужасы войны не обошли стороной и Пермскую губернию. Крестьянские восстания — как разновидность конфликта с Советской властью — часто сопровождалось кровопролитием. Одно из самых жестоких восстаний произошло в августе 1918 г. в с. Сепыч Оханского уезда, в котором участвовало около 300 человек. Поводом послужило поведение членов местного совета — непомерное изъятие хлеба, изнасилование. Восставшие, объединившись с отрядами из соседних деревень, с особой жестокостью расправились с членами местного совета. Прибывший

карательный отряд Оханской ЧК разогнал восставших, а его командир Болотов приказал расстрелять зачинщиков [1].

Но по-настоящему крестьянство Пермской губернии ощутило весь ужас войны в период борьбы с дезертирством и бандитизмом.

В документах пермских архивов довольно часто можно встретить фамилию Рыжикова - председателя опертройки Осинской уездной комиссии по борьбе с дезертирством. Он буквально объявил войну не только дезертирам, но и местным крестьянам, а за сопротивление Советской власти предавал казням, не считаясь ни с какими моральными принципами. О его деятельности было известно за пределами губернии.

По распоряжению Центральной и Окружной комиссий по борьбе с дезертирством 8 декабря 1920 г. председателем Окружной военно-следственной коллегии Приуральского военного округа Марголиным и членом Пермской губернской комиссии по борьбе с дезертирством Вавуленко совместно с Комиссией Пермского отделения ревтрибунала 1-й Трудовой армии было установлено: «Бывший председатель опертройки № 2 Осинской уездной комиссии по борьбе с дезертирством и заместитель председателя уездной комиссии по борьбе с дезертирством Василий Андреевич Рыжиков, будучи ответственным политическим руководителем тройки, произвольно облагал штрафами и уводил скот у целых селений, не считаясь ни с имущественным положением обложенных, ни с тем, что среди облагаемых были семьи красноармейцев. Конфискованное имущество, по его распоряжению распределялось между сотрудниками опертройки, лично избивал граждан и попустительствовал избиениям, истязаниям и пыткам задержанных, иногда по самым необоснованным подозрениям местных крестьян. Отдавал распоряжения о смертной казни целых десятков людей, очень часто ни в чем не повинных и явившихся жертвами мелких личных счетов. В частности, по распоряжению Рыжикова, в селе Куштамак были отрублены головы 13 крестьянам, среди которых были старики, отцы красноармейцев. Местные жители были наряжены хоронить трупы убитых... Бывший секретарь и казначей опертройки № 2 Григорий Васильевич Борисов, приняв на себя обязанности следователя, истязал и пытал опрашиваемых им лиц, а также самоуправно производил расстрелы. В частности, Борисовым за жалобу на незаконные действия отряда были приведены к допросу две женщины: старуха 60 лет и 20-летняя девушка. Девушка во время допроса была им избита до потери сознания, потом в его присутствии красноармейцы, подняв ей платье, били по голому телу ложкой, после этого она была уведена в соседнюю комнату, где изнасилована красноармейцем. Бывший следователь и член опертройки № 2 Сергей Антонович Машкин изобличается в неправильном обложении штрафами, пьянстве, избиении граждан до причинения ему увечья, а также в самоуправных смертных казнях. У пяти человек – крестьян, убитых отрядом Машкина около деревни Чишмы, были обрезаны уши, вырваны языки, отрезаны носы, выколоты глаза. Трупы были брошены необузданными. Бывший член опертройки № 2 Макар Алексеевич Бахарев без достаточных оснований облагал население непосильными штрафами, конфискованное за недоимки у крестьян имущество раздавал знакомым и присваивал себе, производя допросы жестоко избивал допрашиваемых, самоуправно расстреливал. В частности, Бахарев принимал участие в избиении женщин ложками по голому телу. Член опертройки Алексей Григорьевич Елесин самоуправно конфисковал у жителей разное имущество, с отрядом производил массовые избиения граждан, за производство местным волостным военным комиссаром дознания о совершенных им злоупотреблениях, оскорбил волостного военкома ударом по лицу. Старый кавалерийского отряда Федор Егорович Треногин самоуправно налагал штрафы, конфисковал имущество, производил опросы граждан, при которых избивал до того, что некоторые из опрошенных им совершенно лишились работоспособности. Собственноручно в селе Куштама отрубил голову тринадцати крестьянам. Все изложенное основано на согласных показаниях крестьянского населения уезда, независимо от экономического положения, показавших на заявлениях целых районных организаций РКП (б), отдельных партийных работников и ответственных должностных лиц... Ввиду изложенного и на основании ст. 79 «Положения о военных следователях» мной, председателем Окружной военно-следственной коллегии Приуральского военного округа Марголиным постановлено: меры пресечения в отношении Рыжикова, Борисова, Машкина, Бахарева, Елесина и Треногина избрать безусловное содержание под стражей»[2].

Крестьяне совершали нападения на представителей местных властей, жестоко расправлялись с ними. Так, задержанный милицией дезертир Патраков показал на допросе: «В феврале 1920 года, когда сделали облаву на нашу землянку, то из нашей землянки сделали выстрел, и с одного выстрела был убит товарищ Рябов. Но кто сделал выстрел, я не знаю...

Товарищи, которые были с товарищем Рябовым, отступили... Тогда я и Михеев Евгений вышли из землянки и видели лежачего трупа... Мы с Михеевым подошли к трупу, и Михеев сказал: "Бей его". Тогда я его, то есть убитого Рябова, еще ударил по голове и нанес ему, то есть убитому, еще рану. Но кто еще издевался над трупом убитого, я не знаю, так как я ушел обратно в землянку. Затем еще добавляю, что когда мы ходили за репой к товарищу Кирьянову Андрею Даниловичу, то нарвали репы и ушли: а выстрелы не делали»[3].

Подобные документы - свидетельство того, в каких условиях происходило формирование новой государственности, насколько жестоким и циничным мог быть человек в результате вмешательства государства в уклад жизни крестьян.

1. *Пермский государственный архив социально-политической истории (ПГАСПИ). Ф. 90. Оп. 4. Д. 882. Л. 14.*
2. *ПГАСПИ. Ф. 557. Оп. 3. Д. 197. Л. 39, 39 об.*
3. *Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 73. Л. 48.*

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: УСТОЙЧИВОСТЬ И ТРАДИЦИИ

Елисеев С.М. (Санкт-Петербург)

У каждого народа, а в последующем и государства свой неповторимый исторический путь, обусловленный географическими, природными, военными и другими факторами. Это в свою очередь начинает формировать культурные особенности народов: отношения друг к другу и к другим племенам и народам, виды трудовой деятельности, различные системы питания, одежды и так далее. На базе всего этого, в процессе исторического развития происходило обогащение, приумножение культурных достижений, обмен достижениями культуры с другими народами и государствами.

Некоторые государства возникали в результате борьбы племенных кланов, когда один из них становился сюзереном, остальные – вассалами. Бывало, путём завоеваний, как в Британии, куда вторглись норманны герцога Вильгельма и путём ассимиляции завоевателей с местным населением образовали державу. В некоторых случаях государства становились результатом революционного творчества масс [1, с. 48].

На Западе огромный опыт парламентаризма, утверждение прав человека, защиты интересов трудящихся. Данные институты строились снизу, веками, в бесконечных восстаниях и войнах. Британской Великой хартии вольностей 800 лет, столько же английскому парламенту. На протяжении этих столетий король разгонял парламент, вновь собирал, сажал в Тауэр, бывало, что парламент лишал короля короны вместе с головой [1, с. 49].

Российское государство образовалось и формировалось не путём покорения новых земель и народов, а путём освоения, слияния с местным населением, но, не уничтожая его (как например испанские конквистадоры), и не обращая народы в свою веру [1, с. 49]. В России за века не исчез ни один, даже самый малый этнос. Все они сохранили свою культурную идентичность. Как образно говорил философ Константин Леонтьев, Россия всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скреплённая русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России [2].

Особенностями российской политической культуры являются: стремление к политической целостности через централизацию властных функций, идеализация целей политической борьбы, персонификация политических институтов [3, с. 6]. История электорального поведения в России только началась.

Между тем, Россия в XX веке дважды пережила распад своей государственности. В результате получила разрушительный удар по культурному и духовному коду нации, столкнулась с разрывом традиций и единства истории, с деморализацией общества [2]. Любая революция – это человеческие жертвы и крах чего-либо или всего: падение уровня жизни населения, ослабление экономики, позиций страны на международной арене и так далее. Однако Великая Октябрьская революция преследовала определённую конкретную цель и задачи, и в целом они были достигнуты. Люди из разных слоёв общества получили широкие права во всех сферах жизни, в разы увеличилась грамотность населения. Преобразования 90-х годов в отличие от революций 1917 годов почти не привели ни к чему позитивному, была разрушена вся система государства, взамен ничего не предложено.

Как видим из истории Февральская, затем Октябрьская революция, распад 1991 года всё же не смогли переломить общий культурный код населения Российской Империи (Советского Союза). На этом культурном фундаменте естественным путём тысячу лет строилась российская государственность.

Даже сегодня, если посмотреть на российскую политику не просто как на цепь произвольных действий акторов власти, а как на процесс, который обладает собственной логикой и подчиняется определённым закономерностям, можно установить взаимосвязь результатов выборов с целостностью политической культуры России [4, с. 90]. Как и прежде, для большинства граждан страны характерны ценности автократии, что выражается в поддержке кандидатов или партий, придерживающихся идеологии консерватизма, традиционализма, государственности. Такими политическими силами в настоящее время являются «Единая Россия», В. В. Путин, КПРФ, Г. А. Зюганов. Кроме того, Президент Владимир Путин и партия «Единая Россия» набирают большинство голосов, так как, во-первых, уже находятся у власти, а политической культуре россиян свойственна малоизменчивость, во-вторых, позиционируют себя, в том числе и как центристские, что даёт возможность получать поддержку среди последовательных сторонников либерализма. Доминирование демократической политической традиции над авторитарной наблюдалось в 90-е годы, когда народ голосовал за политические силы либеральной направленности. Постепенно по мере приближения к 2000-м годам популярность первого Президента России Б. Н. Ельцина и всего либерального крыла власти падала, но и сегодня в российском социуме есть индивиды, которые придерживаются либеральной идеологии.

Таким образом, жизнеспособность демократического порядка зависит от того, в какой степени он естественен, то есть национален. Постоянное движение по пути демократии может быть успешным, только если не отрицается политическая культура, а происходит развитие вместе с ней, при сохранении накопленного годами, лучшего, что есть в каждой сфере жизни общества.

У каждого народа, а в последующем и государства свой неповторимый исторический путь, обусловленный географическими, природными, военными и другими факторами. Это в свою очередь начинает формировать культурные особенности народов: отношения друг к другу и к другим племенам и народам, виды трудовой деятельности, различные системы питания, одежды и так далее. На базе всего этого, в процессе исторического развития происходило обогащение, приумножение культурных достижений, обмен достижениями культуры с другими народами и государствами.

Некоторые государства возникали в результате борьбы племенных кланов, когда один из них становился сюзереном, остальные – вассалами. Бывало, путём завоеваний, как в Британии, куда вторглись норманны герцога Вильгельма и путём ассимиляции завоевателей с местным населением образовали державу. В некоторых случаях государства становились результатом революционного творчества масс [1, с. 48].

На Западе огромный опыт парламентаризма, утверждение прав человека, защиты интересов трудящихся. Данные институты строились снизу, веками, в бесконечных восстаниях и войнах. Британской Великой хартии вольностей 800 лет, столько же английскому парламенту. На протяжении этих столетий король разгонял парламент, вновь собирал, сажал в Тауэр, бывало, что парламент лишал короля короны вместе с головой [1, с. 49].

Российское государство образовалось и формировалось не путём покорения новых земель и народов, а путём освоения, слияния с местным населением, но, не уничтожая его (как например испанские конквистадоры), и не обращая народы в свою веру [1, с. 49]. В России за века не исчез ни один, даже самый малый этнос. Все они сохранили свою культурную идентичность. Как образно говорил философ Константин Леонтьев, Россия всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скреплённая русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России [2].

Особенностями российской политической культуры являются: стремление к политической целостности через централизацию властных функций, идеализация целей политической борьбы, персонификация политических институтов [3, с. 6]. История электорального поведения в России только началась.

Между тем, Россия в XX веке дважды пережила распад своей государственности. В результате получила разрушительный удар по культурному и духовному коду нации, столкнулась с разрывом традиций и единства истории, с деморализацией общества [2]. Любая революция – это человеческие жертвы и крах чего-либо или всего: падение уровня жизни населения, ослабление

экономики, позиций страны на международной арене и так далее. Однако Великая Октябрьская революция преследовала определённую конкретную цель и задачи, и в целом они были достигнуты. Люди из разных слоёв общества получили широкие права во всех сферах жизни, в разы увеличилась грамотность населения. Преобразования 90-х годов в отличие от революций 1917 годов почти не привели ни к чему позитивному, была разрушена вся система государства, взамен ничего не предложено.

Как видим из истории Февральская, затем Октябрьская революция, распад 1991 года всё же не смогли переломить общий культурный код населения Российской Империи (Советского Союза). На этом культурном фундаменте естественным путём тысячу лет строилась российская государственность.

Даже сегодня, если посмотреть на российскую политику не просто как на цепь произвольных действий акторов власти, а как на процесс, который обладает собственной логикой и подчиняется определённым закономерностям, можно установить взаимосвязь результатов выборов с целостностью политической культуры России [4, с. 90]. Как и прежде, для большинства граждан страны характерны ценности автократии, что выражается в поддержке кандидатов или партий, придерживающихся идеологии консерватизма, традиционализма, государственности. Такими политическими силами в настоящее время являются «Единая Россия», В. В. Путин, КПРФ, Г. А. Зюганов. Кроме того, Президент Владимир Путин и партия «Единая Россия» набирают большинство голосов, так как, во-первых, уже находятся у власти, а политической культуре россиян свойственна малоизменчивость, во-вторых, позиционируют себя, в том числе и как центристские, что даёт возможность получать поддержку среди последовательных сторонников либерализма. Доминирование демократической политической традиции над авторитарной наблюдалось в 90-е годы, когда народ голосовал за политические силы либеральной направленности. Постепенно по мере приближения к 2000-м годам популярность первого Президента России Б. Н. Ельцина и всего либерального крыла власти падала, но и сегодня в российском социуме есть индивиды, которые придерживаются либеральной идеологии.

Таким образом, жизнеспособность демократического порядка зависит от того, в какой степени он естественен, то есть национален. Постоянное движение по пути демократии может быть успешным, только если не отрицается политическая культура, а происходит развитие вместе с ней, при сохранении накопленного годами, лучшего, что есть в каждой сфере жизни общества.

У каждого народа, а в последующем и государства свой неповторимый исторический путь, обусловленный географическими, природными, военными и другими факторами. Это в свою очередь начинает формировать культурные особенности народов: отношения друг к другу и к другим племенам и народам, виды трудовой деятельности, различные системы питания, одежды и так далее. На базе всего этого, в процессе исторического развития происходило обогащение, приумножение культурных достижений, обмен достижениями культуры с другими народами и государствами.

Некоторые государства возникали в результате борьбы племенных кланов, когда один из них становился сюзереном, остальные – вассалами. Бывало, путём завоеваний, как в Британии, куда вторглись норманны герцога Вильгельма и путём ассимиляции завоевателей с местным населением образовали державу. В некоторых случаях государства становились результатом революционного творчества масс [1, с. 48].

На Западе огромный опыт парламентаризма, утверждение прав человека, защиты интересов трудящихся. Данные институты строились снизу, веками, в бесконечных восстаниях и войнах. Британской Великой хартии вольностей 800 лет, столько же английскому парламенту. На протяжении этих столетий король разгонял парламент, вновь собирал, сажал в Тауэр, бывало, что парламент лишал короля короны вместе с головой [1, с. 49].

Российское государство образовалось и формировалось не путём покорения новых земель и народов, а путём освоения, слияния с местным населением, но, не уничтожая его (как например испанские конкистадоры), и не обращая народы в свою веру [1, с. 49]. В России за века не исчез ни один, даже самый малый этнос. Все они сохранили свою культурную идентичность. Как образно говорил философ Константин Леонтьев, Россия всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скреплённая русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России [2].

Особенностями российской политической культуры являются: стремление к политической целостности через централизацию властных функций, идеализация целей

политической борьбы, персонификация политических институтов [3, с. 6]. История электорального поведения в России только началась.

Между тем, Россия в XX веке дважды пережила распад своей государственности. В результате получила разрушительный удар по культурному и духовному коду нации, столкнулась с разрывом традиций и единства истории, с деморализацией общества [2]. Любая революция – это человеческие жертвы и крах чего-либо или всего: падение уровня жизни населения, ослабление экономики, позиций страны на международной арене и так далее. Однако Великая Октябрьская революция преследовала определённую конкретную цель и задачи, и в целом они были достигнуты. Люди из разных слоёв общества получили широкие права во всех сферах жизни, в разы увеличилась грамотность населения. Преобразования 90-х годов в отличие от революций 1917 годов почти не привели ни к чему позитивному, была разрушена вся система государства, взамен ничего не предложено.

Как видим из истории Февральская, затем Октябрьская революция, распад 1991 года всё же не смогли переломить общий культурный код населения Российской Империи (Советского Союза). На этом культурном фундаменте естественным путём тысячу лет строилась российская государственность.

Даже сегодня, если посмотреть на российскую политику не просто как на цепь произвольных действий акторов власти, а как на процесс, который обладает собственной логикой и подчиняется определённым закономерностям, можно установить взаимосвязь результатов выборов с целостностью политической культуры России [4, с. 90]. Как и прежде, для большинства граждан страны характерны ценности автократии, что выражается в поддержке кандидатов или партий, придерживающихся идеологии консерватизма, традиционализма, государственности. Такими политическими силами в настоящее время являются «Единая Россия», В. В. Путин, КПРФ, Г. А. Зюганов. Кроме того, Президент Владимир Путин и партия «Единая Россия» набирают большинство голосов, так как, во-первых, уже находятся у власти, а политической культуре россиян свойственна малоизменчивость, во-вторых, позиционируют себя, в том числе и как центристские, что даёт возможность получать поддержку среди последовательных сторонников либерализма. Доминирование демократической политической традиции над авторитарной наблюдалось в 90-е годы, когда народ голосовал за политические силы либеральной направленности. Постепенно по мере приближения к 2000-м годам популярность первого Президента России Б. Н. Ельцина и всего либерального крыла власти падала, но и сегодня в российском социуме есть индивиды, которые придерживаются либеральной идеологии.

Таким образом, жизнеспособность демократического порядка зависит от того, в какой степени он естественен, то есть национален. Постоянное движение по пути демократии может быть успешным, только если не отрицается политическая культура, а происходит развитие вместе с ней, при сохранении накопленного годами, лучшего, что есть в каждой сфере жизни общества.

1. Феофанов Ю. В. *Власть и народ в России // Российская Федерация сегодня.* – 2007. - № 8. – С. 48-49.
2. *Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // Российская Газета.* – 19.09.2013. – URL: <https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html> (дата обращения: 03.10.2017).
3. *Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Лекция Владислава Суркова. Материалы обсуждения в «Независимой газете» под редакцией К. Ремчукова.* – М.: Издательство Независимая газета, 2007. – 96 с. – С. 6-12.
4. *Страхов А. П. Изучение электорального поведения россиян: социокультурный подход // Полис.* – 2000. - № 3. – С. 90-96.

КУЛЬТУРА ДОВЕРИЯ К СОЦИАЛЬНОЙ НАУКЕ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Зарубина Н.Н., Носкова А.В., Темницкий А.Л. (Москва)

Аннотация. Поднимается проблема и делаются сравнения институциональных изменений в российской науке, вызванных Октябрьской революцией 1917 г. и распадом СССР в 1990-е гг. Особое внимание уделено трансформации доверия к социальной науке в современной России. Проблемой отечественной социальной науки в последнее столетие была неустойчивость её нормативных оснований: во-первых, "методологическая аномия", связанная сначала с идеологизацией и монополией марксистской методологии, а затем с деидеологизацией и радикальным отказом от этой методологии; во-вторых, частый пересмотр правил организации и финансирования исследований, критериев оценки эффективности работы учёных, правил присвоения степеней. Проанализированы результаты социологических

Доверие – фундаментальное основание, на котором строятся отношения науки и общества. Оно необходимо для нормального воспроизводства институциональной системы научного знания и научных кадров.

Культура институционального доверия, как показал П. Штомпка [1], основывается на стабильном ценностно-нормативном порядке. Доверие к науке как социальному институту, производящему знание, предполагает устойчивость правил, которыми руководствуются учёные в своей работе – как правил научного метода, так и принципов организации науки. Проблемой отечественной социальной науки в последнее столетие была как раз неустойчивость её нормативных оснований: во-первых, "методологическая аномия", связанная сначала с идеологизацией и монополией марксистской методологии, а затем с деидеологизацией и радикальным отказом от этой методологии; во-вторых, частый пересмотр правил организации и финансирования исследований, критериев оценки эффективности работы учёных, правил присвоения степеней и званий, и т.д." В этой связи в докладе поднимается проблема и делаются социально-исторические сравнения институциональных изменений в системе российской науки, вызванных Октябрьской революцией 1917 года и распадом советской системы в 1990-е гг. В частности, в контексте влияния на науку революций обсуждается феномен научной эмиграции, который, как известно, подрывает научную традицию и истощает научный потенциал страны.

Особое внимание уделяется анализу трансформации культуры доверия к социальной науке в современном российском обществе. Выбор этой сферы научного знания для научного анализа неслучаен. Именно социальная наука после распада советской системы оказалась в самом уязвимом положении с точки зрения производства валидного знания. В результате отказа на рубеже 1990-х гг. от единой марксистской методологии социальных исследований и интенсивного заимствования западных подходов сформировалось представление об отставании отечественного социального знания от зарубежного. По мнению самих же ученых, представляющих социально-гуманитарные дисциплины, отечественная социальная наука оказалась на позиции «рецепциониста, собирающего интеллектуальные продукты из импортных деталей, нередко устаревших» [2: 6]. Однако подрыв доверия к социальной науке для нашей страны в итоге означает деформацию национального самосознания, т.к. именно социально-гуманитарные науки «смыкаются с проблемами национальной интеллектуальной традиции, исторической и культурной идентичности нации и государства» [2: 6].

В 2010-е гг. ценностно-нормативный порядок воспроизводства института науки расшатывают преобразования его организации, стандартизация методов контроля над учеными в соответствии с западными лекалами. Современную науку западные специалисты относят к институтам «культуры аудита», для которой свойственно распространение контроля, аккредитации и стандартизированных схем оценок [3: 83]. Подобное переформатирование научной политики происходит и в нашей стране. Доверие к науке заменяется аудитом научных организаций, контроле над эффективностью и действенностью университетов.

В связи с этим актуальной является проблема измерения уровня доверия к российской социальной науке со стороны широких слоев населения, представителей власти, СМИ, системы образования, самого научного сообщества. В докладе обсуждается методология социологического изучения доверия к социальной науке проведённых в рамках проекта «Институциональное доверие к научному знанию в условиях новых рисков и уязвимостей в системе безопасности современной России», который реализуется учеными МГИМО-Университета. Представлены результаты двух опросов: 1) 100 представителей экспертного сообщества – преподавателей и научных сотрудников вузов со стажем научной и педагогической деятельности не менее 10 лет, занятые по роду своей основной деятельности в престижных государственных университетах России; 2) 400 студентов московских и региональных университетов. Получены следующие результаты.

1. По мнению экспертов, уровень доверия к современной российской социальной науке гораздо ниже, чем он был в советском обществе. Характерно, что более низкие оценки доверия к современной социальной науке в целом и к отдельным ее параметрам (производимым знаниям, добросовестности ученых, применяемым методам и организации науки) не зависят ни от возраста экспертов, ни от наличия у них ученых степеней, ни от их региональной принадлежности. Более того, было обнаружено, что молодые по возрасту эксперты (до 44 лет) с бóльшим пиететом

относятся к советской науке, чем их старшие коллеги. Среди тестируемых научных параметров крайне низкие оценки даны организации науки в современном российском обществе по сравнению с советским периодом.

2. С позиции доверия эксперты и студенты практически одинаково оценили знания, производимые социальными науками в России и в странах Запада. Значимых различий не наблюдается и в оценках доверия к отечественной фундаментальной социальной науке и прикладным результатам научных разработок российских ученых.

3. По мнению большинства экспертов, главной причиной снижения доверия к социальной науке является ее излишняя бюрократизация, что проявляется в сокращении времени на проведение исследований и увеличении часов на написание заявок для получения грантов и составление промежуточных и итоговых отчетов.

4. Доверие к научным исследованиям, по мнению представителей экспертного сообщества, в идеале должно основываться на двух примерно равных по весу основаниях: а) на достоверности научных результатов и возможности их практического внедрения; б) на авторитете науки, ученых, качестве научного знания в целом.

5. Основания доверия к научным исследованиям, по оценкам опрошенных, различаются у разных социально-профессиональных групп населения: а) у массовых слоев населения они строятся на широком освещении научных результатов, б) у представителей власти и чиновничества – на авторитете научного коллектива, в) внутри научного сообщества – на достоверности научных результатов.

Сделан вывод о том, что укрепление доверия к научному знанию и его продуктам – необходимое условие дальнейшего интенсивного развития общественных наук в России. Главными акторами в процессе обеспечения роста доверия к научному знанию в России и за ее пределами являются сами ученые-исследователи и преподаватели вузов, вовлеченные в исследовательскую работу и представляющие научные результаты на международных конференциях и через научные публикации.

1. Штомпка П. Доверие – основа общества. М.: Логос, 2012.

2. Савельева И. Присутствие или отсутствие // Национальная гуманитарная наука в мировом контексте: опыт России и Польши. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 5-19.

3. Weingart P. The Loss of Trust and How to Regain It: Performance Measures and Entrepreneurial Universities // Trust in Universities/ Ed. by L. Engwall, P. Scott. London: Portland Press Ltd., 2013. P. 83-95.

СОЦИАЛЬНЫЙ СЕРФИНГ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ ТЕКУЧЕЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Ильин В.И. (Санкт-Петербург)

В современном обществе дуальная социальная структура [1] трансформируется с двух сторон. С одной стороны, происходит флексибилизация ресурсов вплоть до превращения их в непредсказуемые, относительные, неустойчивые и кратковременные потоки. Такая трансформация происходит во всех сферах жизни (на рынке труда, в сфере образования, досуга, пространственной мобильности и личной жизни), хотя принимать тренд за завершившийся процесс - ошибка еще более серьезная, чем игнорирование флексибилизации. С другой стороны, формируются практики, адекватные этому сдвигу (социальный сёрфинг). Его смысл в попытках поймать волну открывающихся на короткое время шансов. Такие практики получают все большее распространение. Цель данного доклада - концептуализация социального сёрфинга как модели мобильности, порождаемой сильной флексибилизацией социальной структуры. Данный доклад является продолжением анализа социальной инерции и сёрфинга как типов индивидуальной социальной мобильности [2,3,4].

Ресурсы - это объективные возможности деятельности, формирующие пространство жизненных шансов. Флексибилизация ресурсов означает быструю смену содержащихся в них смыслов, ценностей и возможностей. То, что вчера было важным фактором социального успеха, сегодня теряет всякий смысл, быстро устаревая. Иначе говоря, все больше ресурсов приобретают характер скоропортящихся ценностей. Эту быстро формирующуюся реальность З. Бауман определил как «текущую современность» [5].

Шансы появляются и исчезают, как морская волна. И практики социального сёрфинга позволяют ловить шансы в пульсирующем социальном пространстве, используя ресурсы с ограниченным сроком годности. Такие практики доступны только тем, кто приобрел способность использовать возникающие шансы в начальной фазе «волны», удерживаться на ней до тех пор, пока она ведет к успеху и быстро покидать ее, когда она теряет свою энергию.

В этих условиях утрачивает былое значение стратегия накопления многих ресурсов, в то же время все более важным фактором социального успеха является наличие навыков освоения новых возможностей, способность приобретать новые ресурсы, избавляясь от старых как от балласта.

Для тех, кто не овладел навыками лавирования среди волн социальных возможностей, реальность предстает в качестве ужасающей стихии. В результате формируется новый тип социального неравенства: на одном полюсе находятся социальные сёрфингисты, снимающие сливки с появляющихся на короткий срок и исчезающих возможностей, на другом - прекариат [6], жертвы стихии, не умеющие вовремя ловить волну краткосрочных шансов и главное - удерживаться на ней.

Практики социальной колеи встроены в логику вертикальной социальной мобильности. В их основе стремление двигаться по ступеням одной лестницы, ведущей вверх к социальному успеху. Разумеется, намерение не означает гарантий его реализации.

Социальный сёрфинг противоположен социальной колее. Он отрицает жизненный проект, покрывающий всю биографию. Метафора лестницы здесь неприемлема. Его единицей является краткосрочный проект («волна»). Сёрфинг представляет собой разновидность преимущественно горизонтальной социальной мобильности в виде перехода от одного проекта к другому. Проектный характер активности не исключает вертикальной ориентации, однако она принимает вид спирали, в которой происходит переход от простых проектов к сложным, от неэффективных к эффективным.

В практиках социальной колеи время имеет линейный характер, каждый предшествующий этап является периодом накопления ресурсов для последующего, что и задает логику социальной инерции. В социальном сёрфинге время имеет тенденцию к утрате своего линейного характера (разумеется, тенденция не означает завершенности данной трансформации). Для сёрфингиста ценность прошлого кажется в лучшем случае сомнительной, оно часто воспринимается как бремя, от которого надо избавляться, чтобы было легче идти дальше. Накопленный опыт часто воспринимается не как важный ресурс для выхода на новый уровень, а как помеха в усвоении актуальных навыков. Сёрфингист живет только здесь и сейчас, т.к. прошлое не имеет для него серьезной практической значимости, а будущее по определению непредсказуемо.

Социальный сёрфинг как образ жизни проявляется в самых разных сферах. В образовании он принимает форму смены факультетов, специализаций, использования краткосрочных курсов и стажировок, часто не связанных между собой содержательно. На рынке труда сёрфингист регулярно меняет рабочие места, переходя не только с фирмы на фирму, но и меняя сферу профессиональной деятельности. Сужение круга рабочих мест, требующих глубокую специализацию, расширяет возможности такой мобильности. Этому же способствует распространение гибких форм занятости [7,8,9,10,11]. Сёрфингист склонен менять места проживания, мигрируя из квартиры в квартиру, из города в город, некоторым удается жить, мигрируя между странами. Миграции в социальном пространстве порождают регулярное обновление дружеских сетей. Аналогичная динамика характерна и для сферы интимности: роман следует за романом, сожитительство за сожительством, перспектива семейной жизни регулярно откладывается на будущее или отвергается в принципе, а если семья создается, то велика вероятность, что она станет лишь ограниченным во времени проектом.

Социальный сёрфинг возникает как образ жизни, стремящийся к отрицанию принуждения социальной структуры и абсолютизации свободного действия. Однако парадокс состоит в том, что свободное действие, повторяясь, переходит в режим структуриации и социальной кристаллизации. С одной стороны, формируются социальные институты, адекватные логике текущей современности: гибкие формы занятости и образования, слом политических и административных барьеров для передвижения в физическом пространстве, ослабление режима государственных границ, либерализация морали и т.д. С другой стороны, жизнь в стиле сёрфинга нормализуется, превращается в габитус, т.е. свободную привычку [12,13], укрепляет навыки мобильной жизни, но подрывает способность жить в контексте жестких и стабильных структур, предполагающих

строгий график работы, долгосрочные обязательства и т.д. В результате навыки сёрфингиста затрудняют или исключают для него многие социальные траектории.

Социальный сёрфинг требует не только серьезной подготовки, но и больших затрат сил и нервов. Это делает такой образ жизни в долгосрочной перспективе проблематичным, однако его смена на более традиционные формы часто оказывается уже невозможной. Результатом усталости сёрфингиста нередко является переход из режима повышенной эффективности в режим медленной жизни, разновидностью которого является дауншифтинг.

В рамках такой стратегии индивид живет, ориентируясь на свои представления об успехе, даже если они противоречат общепринятым. Если отойти от классического понимания социальной мобильности, измеряемой в терминах власти, дохода, собственности и престижа, и брать в качестве критерия социального успеха возможность жить своей жизнью, то дауншифтинг может быть определен как разновидность восходящей социальной мобильности [14].

Социальный сёрфинг как образ жизни, с одной стороны, тяготеет к логике системы: изменение характера активности в одной сфере стимулирует изменения и в иных. С другой стороны, он открыт для системной рассогласованности: сёрфинг в одной сфере может сочетаться с движением по устойчивой колее в иной.

1. Гидденс, Э. *Устроение общества: Очерк теории структуризации*. — М.: Академический проект, 2003.
2. Ильин В. И. *Индивидуальная жизненная колееа [Электронный ресурс]: деятельностно-конструктивистский подход к изучению молодежи // IX Ковалевские чтения: Социология и социологическое образование в России. 2014. URL: http://soc.spbu.ru/ nauka/publications/k9_4r.pdf (дата обращения: 15.07.2015).*
3. Ильин В. И. *Тренды профессиональной карьеры: между колеей и социальным сёрфингом // Модернизация российской экономики: прогнозы и реальность. Сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции. 20 апреля 2017 г. СПб.: 2017. С. 269-275.*
4. Ильин В. И. *Профессия как индивидуальная жизненная колееа: концептуализация категории // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 4. С. 515–528.*
5. Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008.
6. Стэндинг Г. *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014.
7. Бизюков П.В., Герасимова Е.С., Саурин С.А. *Заемный труд и последствия для работников*. М.: АНО "Центр социально-трудовых прав", 2012.
8. Бизюков П. *Практики регулирования трудовых отношений в условиях неустойчивой занятости*. — М.: АНО «Центр социально-трудовых прав», 2013
9. Гимпельсон Е. , Капелюшников Р. *Нестандартная занятость и российский рынок труда / гос. Ун-т. Высш. Шк. Экономики. - М. , 2005. - 33 с.*
10. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. *Нестандартная занятость в российской экономике // Экономический журнал. ВШЭ. — 2004. — № 2. — С. 225–245.*
11. Карабчук, Т. С. *Непостоянная занятость: исходные представления и проблемы измерения в России // Экономическая социология. — 2010. — Т. 11, № 5. — С. 123–150.*
12. Бурдьё П. *Социология политики*. М.: Socio-Logos, 1993.
13. Бурдьё П. *Начала*. М.: Socio-Logos, 1994.
38. Ильин В.И. *Дауншифтинг как восходящая социальная мобильность // SocioTime/ Социальное время. 2015. №1. С. 78-91.*

DIY-КУЛЬТУРЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРАКТИКИ САМООРГАНИЗАЦИИ

Кашпар В.И. (Гродно, Республика Беларусь)

Понятие контркультуры появляется в научной литературе в конце 1960-х и изначально трактуется как совокупность всех форм молодёжного протеста, особый тип сознания и поведения, мироощущения и образа жизни. Концептуализация данной проблематики была произведена в трудах Т. Розака, Ч. Рейча, Дж. МакКея, Дж. Стивенз, С. Данкома и др. На постсоветском пространстве исследования контркультуры проводились либо с историко-философских (М.А. Султанова и др.), либо с семиотико-культурологических (О.А. Аксютин, Т.Б. Щепанская и др.) позиций. На наш же взгляд, достойной внимания является инновационная модель социальной самоорганизации, отражающая реальные организационные практики в среде радикальной контркультурной молодёжи [4]. Рассматривая контркультуру как инокультурное образование и учитывая её малочисленность наиболее подходящим кажется антропологический подход к её изучению [3]. Для этой цели нами был проведён ряд наблюдений и глубинных интервью с

представителями аффинити-групп и инициатив, придерживающихся принципов самоорганизации и основывающихся на ценностях DIY-культуры.

Современная контркультура всё чаще отождествляется с малоизвестным в отечественной науке концептом «DIY-культуры», введённым английским исследователем Дж. МакКеем [5]. DIY (от англ. «*do it yourself*» – делай сам) является основополагающим принципом многих современных низовых инициатив (*grassroots*), использующих в качестве организационной модели горизонтальную сеть, опирающуюся на кооперацию и взаимопомощь [1, с. 81]. Аббревиатура DIY, – отмечает О.А. Аксютинина, – изначально перекочевала в низовые протестные движения из панк-культуры, где обозначала такой способ организации производства, распространения и потребления артефактов данной культуры (аудио и видео записи, самиздатовские журналы – фэнзины, атрибутика и пр.), при котором это производилось самостоятельно, самими участниками музыкальных групп для своих же друзей. При этом стиралась граница между исполнителем и слушателем/зрителем, и «потребительство» (характерное для любителей массовой музыки) радикально заменялось творчеством, а пассивность – активностью, полной энтузиазма [1, с. 21].

Разнообразие проявлений DIY-культур (сквоты, экологические лагеря протеста, оккупации пустырей, уличные вечеринки, самоуправляющиеся центры автономов, бесплатные фестивали и фримаркеты, музыкальная инфраструктура панк-движения) всегда основано на сочетании веселья и протеста. Этот новый язык протеста, «переместивший политику из традиционной политической сферы, разрушив различия между политикой и искусством, политикой и культурой, политикой и повседневной жизнью» [6, р. 5], пришёл из 1960-х, когда изменилось само значение и характер «политики» и появилось то, что австралийская исследовательница Дж. Стивенз называет «антидисциплинарной политикой» – язык протеста, отрицающий иерархию и лидерство, стратегию и планирование бюрократическую организацию и политические партии и отличающийся от новых левых высмеиванием политической преданности, самопожертвования, серьёзности и последовательности» [6, р. 4]. В нынешнее время данная карнавальная ипостась контркультуры на постсоветском пространстве проявляется в интенции совмещения серьёзной самообразовательной рефлексии с рекреацией.

Например, среди опрошенных информантов на данную тему высказался один из основателей бара «Вечерняя Школа» (г. Москва) Владимир: «Изначально мы хотели соединить некоторые образовательные проекты с мероприятиями, нацеленными на отдых в компании друзей в одном месте. Мы проводим здесь лекции по современным экономическим практикам, мастер-классы и воркшопы, фримаркеты, концерты дружественных коллективов различных жанров. Причём, в «Вечернюю школу» открыты двери для каждого интересующегося нашими идеями и готового учиться чему-то новому в максимально непринуждённой обстановке» [Инф. 1]. Кроме того, организационной основой данной инициативы является общее собрание коллектива, где на повестку дня выносятся требующие решения вопросы и решения принимаются консенсусом.

Тот же принцип используется в других коллективах. Информант из кооператива «Сладенький» (г. Москва) занимается производством и распространением кондитерских изделий и рассказывает, что основные принципы на которых основывается их инициатива – это веганство, доступность, антидискриминация, экологичность и горизонтальность. «Мы позиционируем себя как анархистки. У нас нет кого-то главного, мы принимаем решения консенсусом. Достижение консенсуса – очень сложная штука. Даже будучи вдвоём, мы очень долго спорим, но всё-таки принимаем какое-то решение, которое устраивает и меня и коллегу» – говорит Анастасия [Инф. 2]. Это показывает, что основные ценности некоторых субкультур (таких как панки) становятся определяющими в деятельности самоорганизованного кооператива и выстраивают взаимодействия с референтной группой в качестве альтерэкономического образования.

Подобные альтерэкономические практики представляют большой интерес с точки зрения теории принятия решений. Например, существует международная инициатива фримаркет (англ. *freemarket* – досл. свободный магазин, «дармарка») – движение, организующее в городских парках периодические «рыночные дни» (англ. *marketdays*), в ходе которых участники отдают даром ставшие ненужными им товары. Таким образом члены движения противопоставляют себя капиталистическому обществу намекая, что именно у них рынок действительно свободен, в отличие от т. н. свободных рыночных отношений, которое декларирует капиталистическая система [2, с. 25-26]. В ходе проведения наблюдения на фестивале DIY-культур «Горизонталь-2017» в г. Москва, был проинтервьюирован представитель коллектива *Freemarket* из Москвы, пожелавший остаться анонимным. По его словам, «участие в каком-либо мероприятии с той или иной инициативой мы решаем абсолютно коллегиально или не участвуем в нём все если считаем

чисто по ощущениям понимаем, что мы не хотим заморачиваться. Если же какие-то люди из коллектива говорят: «Ребята, извините, но я просто по каким-то личным мотивам не участвую», это значит, что нас просто становится немного меньше. Причём, командное насилие не работает у нас ни под каким предлогом» [Инф. 3].

Можно заключить, что самоорганизация на уровне социальной интеракции, экономической и культурной жизни DIY-сообществ является основополагающим ценностным концептом, который находит своё проявления на каждом из этих уровней в особенной манере. Объединяющим началом различных инициатив в рамках DIY-культур служит их общая идейно-теоретическая база, на которой строится принцип социальной самоорганизации. Этот принцип определенным образом трансформируется в характерные для контркультурных групп социальные практики (кооперативы, инициативные группы близости (affinity), коллективы различных проектов), регулирующие те или иные формы их повседневной жизни на горизонтальной основе.

1. Аксютин, О.А. «Если я не могу танцевать, это не моя революция!» *DIY панк/хардкор сцена в России*. / О.А. Аксютин. – М.: Нота-Р, 2008. – 336 с.
2. Гелдерлоос, П. *Анархия работает* / П. Гелдерлоос. – М.: Радикальная теория и практика, 2012. – 264 с.
3. Каушар, В.И. *Теория контркультуры: DIY-активизм в событийной динамике социальности* // Социологические чтения – 2016: сборник научных статей; под. общ. ред. Н.В. Козловской [Электронный ресурс] – Гродно, ГрГУ, 2017 – С. 177–184.
4. Каушар, В.И. *Феномен самоорганизации в современной молодёжной контркультурной среде* / В. И. Каушар // *Наука-2016 : сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1* / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Г.М. Третьяков (гл. ред.), В.Г. Барсуков [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2016. – С. 86–89.
5. McKay, G. *DIY Culture: Notes towards an intro* // *DIY Cultures: Party and protest in nineties Britain* / G. McKay. – L.; N.Y.: Verso, 1998. – P. 1–53.
6. Stephens, J. *Anti-disciplinary protest: Sixties radicalism and postmodernism* / J. Stephens. – Cambridge University Press, 1998. – 180 p.

ПОСЛЕДСТВИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Клинецкая Н.В. (Санкт-Петербург)

Аннотация

Для России XX век – это век революций, которые изменяли всю жизнедеятельность населения. В 1917 г. Октябрьский переворот при всех негативных последствиях по существу не изменил коллективистскую ментальность народа, но превратил общество в мощную индустриальную державу. Перестройка в конце XX века с нашей точки зрения носит более революционный характер, поскольку делается попытка изменить с помощью информационных технологий ментальность, приблизив ее к западному типу.

Внимательно изучая российскую историю XX столетия, можно заметить, что за этот период в России произошла не одна революция 1917 г., а и вторая, которую называют перестройкой и которая повлекла для населения страны не менее серьезные изменения. После отмены крепостного права населению России было предоставлено право самостоятельного выбора жизненного пути и это оказалось весьма сложным для человека дореволюционной России. Дореволюционная деревня, особенно при крепостном праве, в сущности, была единым организмом, живущим религиозными и народными традициями и обычаями. Понятно, что после отмены крепостного права появились определенные нарушения в жизнедеятельности таких специфических субъектов, хотя фактически они просуществовали до советских времен. Коллективы рабочих на заводах также обладали чертами целостных субъектов.

Опрос, проведенный в 2017 г. кафедрой социологии молодежи и молодежной политики СПбГУ (N=805 чел.), был посвящен изучению мнений и оценок революционного процесса 1917 г. современными студентами. Полученные данные опроса позволяют говорить, что сейчас, по прошествии столетия, стали более очевидны многие положительные результаты произошедшей революции. Среди положительных характеристик результатов октябрьского переворота современными студентами наиболее важными были признаны такие как: передача земли крестьянам и фабрикам рабочим (40%), ликвидация неграмотности и культурная революция (32.4%), огромный скачок в образовании, культуре (24%). Косвенно эти данные свидетельствуют и о том, что уровень сознания населения предреволюционной России был весьма неразвитым и отсталым по сравнению с более культурным и образованным населением Запада.

За годы советской власти удалось значительно повысить культурный и образовательный уровень, продолжая стратегию патернализма населения государством. Известно, что политика образования коллективов на «рабочем месте», практически на всей территории Советского Союза продолжала дореволюционную тенденцию, при которой человек становился неотъемлемой частью коллектива. Его поведение становилось объектом социального контроля на всех уровнях. Религиозные ценности дореволюционной России заменялись советскими, в известной мере сохранявшие прежние, и способствовали развитию качеств коллективизма и морально-нравственного развития.

Перестройка, начавшаяся в 90-х годах XX столетия, как представляется, оказалась намного революционнее для конкретного человека, нежели революция 1917 г. Это связано с изменением роли отдельного человека в обществе. Известно, что в настоящее время нет коллективов, а есть команды, как некий механизм сплочения отдельно взятых субъектов. На наш взгляд, начало этому новому революционному процессу положили информационные технологии. Например, последствия выдачи электронных карточек для получения зарплаты пока еще мало исследуются. А ведь в советские времена коллектив, заботясь о семье, как правило, контролировал выдачу зарплаты таким образом, чтобы семья не разрушалась при каких-то семейных обстоятельствах. Современный способ выдачи зарплаты при многих положительных чертах не может способствовать целостности семьи, скорее разъединяя ее, поскольку каждый из взрослых членов семьи волен самостоятельно распоряжаться денежными средствами, не учитывая интересы семьи в целом. Другие информационные технологии нацелены на индивидуализацию личности и по сути на разрушение качеств коллективизма.

Речь идет о том, что, если после революции 1917 г. сознание населения в основном носило характер традиционного общества фактически было общинным, то после перестройки 90-х годов резко поменялся акцент в сторону значительного усложнения общества, которое требует в человеке индивидуальности. Каждый человек вынужден учиться информационным технологиям.

Понятно, что те люди, которые способны к жизнедеятельности в новых условиях, когда отсутствуют коллективы, когда формируется глобальное общество, в котором резко усиливается неопределенность и рискогенность, требуется инициатива и самостоятельность, резко отличаются от ведомых, зависимых людей, не способных жить без поддержки коллектива.

Между тем сейчас в России, несмотря на прошедшие четверть века с момента перестройки, социально-экономические проблемы во многом остаются нерешенными. Студенты, оценивая трудности и негативные явления в современной России, говорят о том, что «сложности в нашей стране связаны» с целым рядом нерешенных проблем. 57,3% отметили, что в первую очередь – это «коррупция», каждый второй отметил «неудовлетворительный уровень жизни, бедность» (50,9%). «несправедливость, фактическое бесправие людей» (47,8%), «отсутствие социальных гарантий» (34,9%). Мы считаем, что приведенные данные свидетельствуют о трудностях перехода от одной модели организации жизни людей (коллективистской) к другой, в которой акцент сделан на индивидуальности человека.

То, что революционный процесс, заложенный перестройкой, идет весьма активно говорят данные опросов. Например, если в 2008 г. «гражданами мира» считали себя 18,5%, то в 2016 г. – 24,6%. «Гражданами России» в 2008 г. – полагали себя 58,6% студентов, в 2016 г. – 53,5% респондентов. Остальные охарактеризовали себя в качестве «граждан своей малой Родины, где родился и вырос». Таковых в 2008 г. было 22,9%, в 2016 г. – 19,6%. Как видим, четвертая часть молодежи – это уже люди с другими качествами личности: их стремления не связаны только с Россией, хотя они и могут жить и работать в России. Это очевидным образом свидетельствует о восприятии молодыми людьми единого мирового пространства как «своего дома», как возможности реализоваться не только в России, но и за ее пределами и о том, что они могут влиться в мировой социум.

Таким образом, на наш взгляд, можно говорить о том, что перестройка, произошедшая в конце XX века в России по своим последствиям более значима, чем революция 1917 г. После революции было достигнуто сплочение огромных народных масс на основе идеологии, ликвидации неграмотности и культурной революции, обеспечивших развитие духовных и нравственных сил в советском народе. Перестройка, породившая революционные процессы, привела к изменению акцентов в ментальном поле россиян, создав систему, при которой старый традиционный менталитет как-то меняется у некоторой части молодежи, проявляясь более выраженным индивидуализмом. К сожалению, в условиях отсутствия восприятия религиозных

ценностей или идеологии такой индивидуализм выражается в крайнем эгоцентризме, что еще более осложняет современную ситуацию.

РОК-МУЗЫКА КАК КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ РЕВОЛЮЦИИ

Крикунова Ю.А. (Тольятти)

Появление и распространение новых музыкальных направлений в эпоху социальных перемен можно отнести к феномену «революции» в музыке. Ряд философов, культурологов, музыковедов и социологов подмечают, что революционным течением в музыке является именно рок-музыка и собственно рок-культура «перевернула» сознание молодежи, способствуя «легализации» новых практик взаимодействия между полами и способов времяпрепровождения. Г. Забродин в своей книге указывает на девиз группы «Битлз», провозглашавших в свое время: «Рок-н-ролл – это более чем музыка, это энергетический центр новой культуры и новой революции» [1, с.10].

Существует как минимум две дилеммы. Дилемма первая: если принимать во внимание откровенно «физиологичную» версию смысла словосочетания «рок-н-ролл» и проанализировать тексты песен и поведение на сцене некоторых иностранных, реже российских исполнителей рок-музыки, становится ясно – рок-музыка – это инструмент навязывания целевой аудитории определенного стиля жизни, манеры поведения, связанного преимущественно с чрезмерной активностью в сфере сексуальных отношений. Кроме того, рок-музыка в капиталистическом обществе – это коммерческий продукт, продаваемый миллионными тиражами в связи с эксплуатацией сексуальных образов и призывов к свободе.

Здесь, нельзя обойти стороной мнение выдающего российского ученого Ф.Г.Углова, сравнивающего рок-музыку с наркотиками: «В течение последних четырёх десятков лет в мире незримо, но всё более ощутимо происходит разрушение сознания, а через него и нравственности как высшей и самой ответственной функции интеллекта. Может быть, впервые в истории человечества для этой диверсии выбрана музыка, песни и звёзды рок-н-ролла» [2].

Дилемма вторая: существует множество направлений в жанре рок-музыки, каждое имеет свою специфику и отличается темпом, громкостью звучания, мелодичностью, смысловой направленностью текстов песен. Возьмем, к примеру, особый поджанр рок-музыки – «русский рок». В текстах песен, которые исполняют такие группы как «Ария», «ДДТ», «Браво», и в манерах поведения на сцене «сексуально-извращенного» подтекста не наблюдается. Здесь, скорее воплощается в жизнь философский принцип, согласно которому «музыка способна оказывать очевидное воздействие на этическую сторону души».

Промежуточными выводами могут быть следующие: музыка – это вид искусства. Музыканты – это личности, занимающиеся творческой деятельностью по передаче смыслов, воплощаемой посредством звуков, тонов, тембров и темпов. Современность диктует новые требования: музыкант – это только одно звено огромной цепи, посредник между творческим продуктом и аудиторией. Аудитория считывает внешний образ исполнителя – имидж, искусственно сконструированный командой имиджмейкеров, в котором, говоря языком П. Бурдьё, завуалирован габитус личности артиста. Аудитория поклоняется продюсируемому какими-то финансовыми группами образу, вторит ему, боготворит. Чем многочисленнее армия поклонников того или иного исполнителя, тем важнее для общества знать цель его деятельности – созидать или разрушать, способствовать трансляции общечеловеческих ценностей или пропагандировать зло и девиации.

Эпатажные, вульгарные, странные, выходящие на сцену в платье из мяса или в образе дьявола – такими видят их подрастающее поколение – в большинстве своем неокрепшие детские души. Вспомним отрицательных героев русских сказок – Кощея, Бабу Ягу, Кикимору, Лешего – некоторая часть детей, после просмотра спектаклей и чтения сказок называет именно этих героев в качестве любимых, следовательно, что-то притягательное в этих образах для индивидов есть, и именно этим знанием пользуются продюсеры, продающие молодежи сатанинские образы в яркой упаковке.

Оттого насколько «чистыми» (в смысле добросовестности) будут все участники музыкальной индустрии – зависит качество музыкального продукта. Анализ результатов нарративного интервью, проведенного нами (Ю.А.Крикуновой, Е.Э. Кузнецовой) в январе-феврале 2017 года (двенадцать информантов – постоянных слушателей рок-музыки: по 4

представителя в возрастных когортах от 18 до 24 лет, от 25 до 30 лет и от 31 до 50) выявил множество мнений относительно воздействия смыслов, заключенных в рок-музыке на души ее слушателей: «Она наполнена смыслом, красивым звучанием, интересными темами для обсуждения, отличным вокалом, а также истинные рокеры, металлисты и панки имеют собственное мнение и не боятся его высказать. А попса на то и попса, чтобы всем надоедать и зомбировать» (Виктор, 19 лет).

Итак, по результатам обработки эмпирических данных мы заключили, что культура пронизанная жанром рок-музыки является для её слушателей благоприятной средой, в которой осуществляются социальная коммуникация с единомышленниками, самоидентификация и социализация подрастающего и молодого поколения. При этом рок-среда оказывает двойственное влияние: с одной стороны, поклонник жанра «рок» имеет возможность включиться в интруппу и та, в свою очередь за счет многочисленности приверженцев к рок-культуре даст ему возможность «обогащать» свой социальный капитал (в виде социальных контактов); с другой стороны, особенностью данной субкультуры в целом является сосредоточение общения в «зоне рока», противопоставление себя членам аутгруппы и неприятие иного типа мышления и поведения.

Вызывает опасение и тот факт, что альбомы рок-звезд зачастую украшают образы нечистой силы, смысл и назначение которых понятны даже детям. Ведущий научный сотрудник Института социологии РАН Т.А. Хагуров в своих публикациях описывает риски массового увлечения российской молодежью некоторыми субкультурами в связи с их явной некрофильной направленностью, провоцирующей «влечение к смерти, что вполне отчетливо проявляется в так называемых депрессивных подростковых субкультурах – Эмо и Готов (по счастью, не очень прижившихся в нашей стране!), давно и справедливо обвиняемых в провоцировании суицидальных настроений в подростковой среде» [3, с. 5677].

Итак, мы попытались обосновать некоторые дисфункции в системе рок-культуры. При этом, не стоит забывать и о том, что и такие жанры как популярная музыка в части пропаганды легкости бытия и преобладания в текстах песен «любовной» тематики и «рэп» со сверхзадачей к «отуплению» и наращиванию социальной агрессии в молодежной среде привносят в систему музыкальной культуры (если вообще некоторые музыкальные произведения данных жанров можно отнести к музыке!) и социетальную систему – хаос, идеологию потребительства и анархию.

Если обратиться к анализу причин массовой истерии молодежи в связи с любовью к музыке агрессивных и жестких жанров, необходимо принять специфический тип сознания российской молодежи. В более ранней статье мы обосновывали данные факторы следующим образом: «Такие психофизиологические особенности молодежного сознания как эмоциональный уровень восприятия явлений, импульсивность, агрессивность, склонность к эпатажу в сочетании с социальными и политическими факторами его становления: конфликтом ценностей поколений, доминированием среди традиционных видов детского досуга – компьютерных игр, социальным протестом против государственной власти приводят к осознанию частью молодежи в создании своего рода «убежища» от мира взрослых – собственной молодежной культуры» [4, с.2].

Иллюстрируя данный тезис, приведем высказывания информантов: «Рок слушают потому, что он дает духовную силу! Он дает опору, которую уже ничто не ломает! И пусть рокера/металлиста будут называть не пойми кем, слушающем не пойми что: ему нет дела до этих людей, потому что в душе он – Воин. И живет так, как хочет сам, а не так как это видится другим» (Алексей, 24 года); «Рок – это Вселенная. Рок – это мир, в котором могут жить те, кто увлечен. Для других, тех же меломанов, которые просто слушают, путь туда заказан!» (Елена, 29 лет); «рок выбирают те, кто желает жить без чьего-либо вмешательства. Да, возможно, это мнимое «невмешательство», но тем не менее. Рок вдохновляет на действия для своего развития, призывает тебя к действию для самореализации...Рок-исполнители честны с собой и своими слушателями. Слушать рок, потому что это модно, долго не получится, потому что эту музыку нужно чувствовать, понимать. Она глубина и многогранна» (Ксения, 29 лет).

Анализ высказываний интервьюируемых показал: прослушивание музыки стиля «рок» накладывает определенный отпечаток на мировоззрение личности, способствует развитию творческого начала в них: «Рок-музыка – это смысл жизни. Сама жизнь. Это место, где можно раскрыть себя и не бояться этого. Где можно себя проявить. Рок – посредник между тобой и другими людьми» (Виктория, 24 года).

Кроме того, нами было подмечено, что поклонники рок-музыки – личности неординарные и разносторонние. Данные нарративного интервью свидетельствуют, что многие интервьюируемые пишут стихи, играют на музыкальных инструментах, состоят в музыкальных

группах, создают костюмы, рисуют. При этом многие неоднократно подчеркивают, что именно рок-музыка является вдохновителем их творческих свершений, но и музыка других жанров тоже имеет место в их жизни: «На мировоззрение человека влияет и литература, которую он читает, и музыка, которую он слушает, и люди, с которыми он общается. Особенно музыка! Музыка может низвергнуть человека в душевную пропасть, может вознести его к небесам, может помочь решить проблемы; поэтому музыка разных стилей влияет по-разному. Я слушаю очень много стилей: каждый стиль несет в себе свое настроение, свои эмоции» (Сергей, 22 года); «Музыка не делится на «рок» и «попсу». Она делится на серьезную музыку не для всех и на массовый продукт - пустышку. Так вот, для думающего, интеллектуального человека музыка – это, если можно так выразиться, саундтрек к своему внутреннему миру. И ещё: поверхностного человека никакая музыка не исправит. Не мы становимся такими, какие мы есть, потому что слушаем ту или иную музыку, а мы слушаем ту или иную музыку, потому что мы такие, какие мы есть!» (Елена, 29 лет).

В заключение, отметим, что, на наш взгляд, рок-музыка частично может быть отнесена к революции в музыке, феномену социальной революции, поскольку некоторые поджанры коренным образом произвели переворот в музыке и общественном сознании. При этом винить всю рок-музыку в целом в «развращении» молодежи и видеть в ней «врага народа» необоснованно. Констатируем: в одном случае, рок-музыка – болезнь, в другом – искусство!

1. Забродин Г.Д., Б.А.Александров. *Рок. Искусство или болезнь?* – М.: «Издательство «Советская Россия» Госкомиздата РСФСР», 1990. – 20 с.

2. Узлов Ф.Г. *Рок-музыка как оружие массового истребления* // URL: <http://www.liveinternet.ru/users/5166214/post276150085> (Дата обращения: 02.10.2017).

3. Хагуров Т.А. *Деформации детства как фактор экстремизации и некрофилизации сознания молодежи* // *Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость* (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года): материалы V Всерос. социол. конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. – М.: Российское общество социологов, 2016. – С. 5667–5680.

4. Кузнецова Е.Э., Крикунова Ю.А. *Рок-музыка в жизни личности в контексте экстремизации сознания молодежи* // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. – 2017. – № S14. – 0,4 п. л. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/470172.htm>.

СОЦИАЛЬНОЕ АРГЕНТИНСКОЕ ТАНГО КАК «ТРЕТЬЕ МЕСТО»: ПЕРВИЧНЫЙ АНАЛИЗ ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Кузнецова Д.А., Ваневская П.Н., Егоров Р.К. (Санкт-Петербург)

Сегодня в социокультурном пространстве Санкт-Петербурга заметно увеличивается интерес к социальным танцам: сальса, бачата, кизомба, регетон и другие. С завидной регулярностью организуются танцевальные танго-вечера, или милонги. Этот тренд прослеживается не только за счет заметного роста количества школ социальных танцев, но и за счет активного внедрения и использования социальных сетей. Самоорганизация и коммуникации танцевальных сообществ заметно упростились, а соответственно и внедрение в них, за счет чего становится значительно проще следить за ростом числа их участников.

Социальный танец входит в категорию танцев, исполняемых на танцплощадках, танцевальных вечерах ради положительного эмоционального настроения партнеров. Такие танцы рассматриваются в качестве досуга. В отличие от сценического танца, целью которого является художественное представление на публике, цель бытовых танцев – исполнение их лишь для удовольствия самих танцующих. Одним из стилей социальных танцев в Петербурге выступает аргентинское танго. Этот танец уходит корнями в портовые кварталы Буэнос-Айреса 19 века [2]. Для времени своего зарождения танго стало весьма провокационным явлением: танец предполагал очень явную физическую близость партнеров и эмоциональную открытость. С течением времени аргентинское танго как культурное явление «просачивается» в Европу, где получает неоднозначный прием: «Танго, попав первый раз в Европу, с одной стороны, покорило людей такой обнаженностью чувств, а с другой — оттолкнуло» [2, с.71]. В дальнейшем танго как культурный паттерн распространяется через музыкальный мир посредством работ известных композиторов, в частности, Астора Пьяцолла [2, с. 72], однако не теряет свою социальность и превращается скорее в шоу. С развитием технологий и сокращением коммуникаций “лицом-к-лицу” социальное танго возрождается, как новый особый вид взаимодействия и общения.

Для исследования петербургской танго-публики было проведено 108 структурированных интервью, а также 2 глубинных интервью с посетителями милонг. На этапе теоретического анализа полученных данных возник исследовательский вопрос об уровне значимости в повседневной жизни любителей танго танцевальных вечеров – милонг. «Милонга — это место, где танцуют только танго, там свой этикет, свои правила - кодигос, это определенная аутентичная атмосфера, очень элегантная, чувственная и при этом без пафоса. Милонга — это место, где люди импровизируют, там нет шоу и показательных выступлений, там важно, как партнеры относятся друг к другу во время танца» [2, с. 73].

Для анализа милонги как социокультурного феномена была приложена теория Р. Ольденбурга о «третьем месте». Свои размышления Ольденбург выстраивает вокруг тезиса о трех значимых местах в повседневной жизни человека. «Первое место» – это дом; «второе» – это место постоянной работы или временного заработка; и наконец, «третье место» – это то, что являет собой пространство досуга, где взаимодействие индивидов сводится к неформальному общению, то есть, это нейтральная территория. По Ольденбургу, «третье место» – это «родовое понятие для большого разнообразия публичных мест, в которых происходят регулярные, неформальные, добровольные, радостно ожидаемые встречи индивидов вне рамок дома и работы» [5, с. 58]. Ольденбург выделяет ряд черт, присущих данному роду мест [5]:

1. Это нейтральная территория;
2. «Третье место» представляет собой «уравнитель»: в его пространстве мы не находим репрезентации социальной иерархии – социальный статус человека теряет свою значимость;
3. «Третье место» предполагает, что основа взаимодействия индивидов в его пространстве – это неформальное общение.
4. «Третье место» открыто в удобное для посетителей время;
5. Любое «третье место» имеет своих завсегдатаев – тех людей, которые регулярно посещают это место и ощущают эмоциональную привязанность к нему, поскольку оно часто связано с приятными встречами и знакомствами; привязанность к «третьему месту» делает его неотъемлемой частью повседневной жизни для завсегдатаев;
6. «Третье место» обладает уютной атмосферой дома, но даже «часто имеет атмосферу более домашнюю, чем дом» [5, с. 87], поскольку предполагает, что человека будут окружать люди, близкие ему по духу и не обременяющими его обязательствами.

В ходе анализа эмпирических данных было установлено, что для большинства респондентов милонги выступают интересным видом досуга, становятся своеобразным «третьим» местом, которое, однако, не всегда имеет четкую локальную привязку. В Петербурге есть множество мест-заведений, где устраиваются танцевальные вечера. Соответственно, «третье» место конкретного человека курсирует по городу, но при этом сохраняет в себе единомышленников и атмосферу, а значит, и свою сущность. Его особенность состоит в том, что такое «третье место» становится сетью мест, вокруг которых существует и социальная сеть завсегдатаев.

Представленные ниже положения – результат анализа материалов с точки зрения гендерной идентичности. Сегодняшние исследования показывают, что «современная женщина независима во всех сферах жизни: она самостоятельно планирует собственную жизнь, получает высшее образование и право на трудовую деятельность, сама решает выходить ли ей замуж или жить в гражданском браке, она выбирает себе мужчину, имеет право на сексуальную свободу и на контроль над рождаемостью» [4]. Кроме того, сегодня, в связи с расширяющимся движением феминизации в сфере производства, в частности, становится совершенно не важен пол рабочего, ни его личные качества - человек становится функцией своего должностного места. Его идентифицируют только в неразрывной связи с его служебным положением. Именно поэтому становятся популярны места, где данная стигматизация не имеет силы. Тоже самое справедливо в отношении мужчин. За счет увеличения «самостоятельности» женщины роль мужчины как доминирующего субъекта отношений сглаживается.

Возвращаясь к феномену танго как танца, следует отметить его специфические черты: это четкое разделение ролей на «партнера» и «партнершу», что подразумевает различные комплексы движений, это также чувственная открытость и доверие к партнеру. Для тангер (девушек, танцующих танго) данный аспект крайне важен, поскольку именно в танце они могут «почувствовать себя дамой», надеть красивое платье и пообщаться с интересными людьми в непринужденной обстановке. Раскрыв данную идею, мы получим, что партнершу привлекает ее

ведомое по отношению к ведущему партнеру положение. Зачастую этот факт описывался в терминах гендерно-окрашенных. Соответственно, для посетительниц милонг данное мероприятие становится местом, где возможно актуализировать гендерную идентичность и уйти от роли “сильной и независимой” современной женщины, а для посетителей - ощутить себя в роли “мачо”.

Однако, современный мир вносит свои коррективы в традиционные роли даже в танго, поэтому при желании партнеры имеют возможность освоить противоположную роль. Такое направление получило название - “квир-танго” (от англ. queer - странный, иной).

1. *Балет, танец, хореография: Краткий словарь танцевальных терминов и понятий / Сост. Н.А. Александрова. СПб.: Лань; Планета музыки, 2008. 416 с.*
2. *Григорьевский А. Танго – это тайна, которую танцуют двое. // Экономические стратегии. 2012. № 6-7. С. 70-75*
3. *Губарева М. Танго: бесконечная возможность. / Вокруг света. Электрон. журнал. 2007. № 17 (2802). URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/3963/>*
4. *Мороз В.А., Аверкина Т.О. СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЫ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ СТУДЕНТОВ // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 11-4. – С. 726-731; URL: <https://www.applied-research.ru/ru/article/view?id=10661>*
5. *Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 456 с.*
6. *Ткачук М.А. Социальный танец в системе межкультурной коммуникации // Ойкумена. 2012. № 2. С. 29-35*

КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Куропятник А.И. (Санкт-Петербург)

Культура в условиях социальных трансформаций обретает новые тренды развития, становясь значимым агентом и специфическим локусом социальных изменений. Вслед за изменением удельного веса определенных общественных сил в национальных и транснациональных пространствах, культура обретает новые социальные и политические конфигурации. Переосмысление культуры в периоды политических, социальных, культурных и технологических изменений сопровождается, с одной стороны, преодолением линейности ее концептуализации, а, с другой, отбором и «сборкой» культурных элементов, благодаря которым «преодолевается прошлое», и формируются социальные и культурные проекты будущего. Социальная и культурная мобилизация населения, актуализируемая в формах национальной и культурной идентичности, позволяет концентрировать усилия на создании новых сопряжений форм социальности и культуры. Эти взаимосвязи имеют значение для формирования и переопределения образов жизни, в том числе и культурных паттернов повседневности, локализуемых в современных обществах и их сегментах. Риторика революций, социальных трансформаций неизменно включает дискурс культуры. Например, гражданская нация (нация-согражданство) формировалась на основе универсальных элементов светской культуры. Идея нации-государства возникла на идее приоритета этнической, «народной» культуры, сопряжения этнокультурной «целостности», «связанности» с локальными политическими и государственными проектами. В контекстах трансформаций пространственная мобильность, миграция (иммиграция и эмиграция) играют важную роль для формирования новых конфигураций «культурной сложности» (соответственно, перспектив развития) в современных обществах, вовлеченных в процессы транснационализации.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Локосов В.В. (Москва)

Аннотация

Обеспечение социокультурной безопасности, как сохранение сущностной преемственности общественного устройства при наличии внешнего инокультурного воздействия, есть одна из главных задач социального развития. От показателей социокультурного развития все больше зависит конкурентоспособность общества. Социальные,

мягкие технологии (управленческие, организационные, коммуникационные и др.) приобретают влияние, сопоставимое с «жесткими» технологиями.

Цивилизационная самобытность общества, исторически сложившийся менталитет населения представляют наиболее защищенную, «сокровенную» сферу общественной жизнедеятельности, способную стать организующим началом для консолидации российского народа и управления будущим нашей страны. В настоящее время данное целеполагание находит приемлемую концептуальную поддержку в евразийской идентичности постсоветской России.

Обеспечение социокультурной безопасности есть одна из главных задач социетального развития. Показатели социокультурной безопасности концептуально начиная с 90-х годов XX в. разрабатывали европейские ученые («Копенгагенская школа»), ставшие свидетелями разрушающейся национальной и культурной идентичности своих стран, в том числе под воздействием иммиграции. В своих работах они дали определение социокультурной безопасности как сохранения сущностной преемственности общественного устройства при наличии внешнего инокультурного воздействия. Иными словами, речь идет о «сохранении - при обеспечении необходимых условий для развития - традиционных структур языка, культуры, общественного устройства, религии и национальной идентичности» [3].

Макроэкономический детерминизм, «экономизм» (С. Булгаков) потеряли свою научно-практическую значимость. На первый план выходят показатели человеческого развития, от которых все больше зависит конкурентоспособность общества. Социальные, мягкие технологии (управленческие, организационные, коммуникационные и др.) приобретают влияние, сопоставимое с «жесткими» технологиями.

В результате неэкономические факторы постепенно становятся основными для общественного развития, включая его экономическую составляющую. Раскрытию этого вывода были посвящены многие работы, в том числе, академиком О.Т. Богомолова [1] и М.К. Горшкова. Последний писал: «Основным императивом, лежащим в основе новых моделей экономического роста, должна стать гуманизация экономики, означающая приоритет человеческой личности в системе факторов и целей экономического развития» [2].

Цивилизационная самобытность общества, исторически сложившийся менталитет населения представляют наиболее защищенную, «сокровенную» сферу общественной жизнедеятельности, способную стать организующим началом для консолидации российского народа и управления будущим нашей страны. В настоящее время данное целеполагание находит приемлемую концептуальную поддержку в евразийской идентичности постсоветской России.

Евразийская концепция нацелена на решение ряда фундаментальных для современного российского общества смысловых задач.

Во-первых, она дает России новую геополитическую идентичность, причем в выгодном, с точки зрения глобальных тенденций, контексте. Россия занимает место «северной» евразийской державы, естественного географического моста между странами Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона, и в перспективе, уникального транспортного коридора - северного морского пути.

Во-вторых, снимается бесплодное разделение страны на Европу и Азию, что отчасти приводило к аномии национального самосознания. Ощущение принадлежности к Большой Евразии будет позитивно влиять на самоопределение россиян различных этносов и местожительства.

В-третьих, в рамках евразийской концепции сохраняется самобытность российских этносов. Более того, взаимовлияние западной и восточной, северных и южных культурных традиций может дать уникальный синергетический эффект в духовной сфере.

В-четвертых, евразийская концепция работает на усиление интеграционных процессов внутри России и других постсоветских стран. Образование в 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в составе России, Беларуси, Казахстана, Армении и Киргизии может быть поддержана народами других бывших республик СССР, иных стран и придать новый импульс их интеграции.

В-пятых, данная концепция не связана с какими-либо конкретными политическими схемами. Она обязывает лишь к поиску путей взаимовыгодного развития, отвечающих интересам России, но допуская при этом широкое разнообразие таких путей.

Теряет актуальность многовековая, навязанная извне потребность России «вступления» в Европу и исполнения роли щита от «варварской» Азии. Евразийская концепция способствует

приемлемости традиционных для России вероучений – православия, ислама и буддизма и укрепляет межконфессиональные отношения.

В настоящее время необходимо творчески использовать идеи евразийства, и интерпретировать положения этой концепции в соответствии с современной ситуацией. Стимулировать конструирование евразийской идентичности населения наряду с идентичностью гражданской и этнической. При этом не следует воспринимать евразийский подход в качестве антизападной геополитической стратегии России. Она не западная, но не антизападная. Не следует также воспринимать этот подход как линию на изоляцию страны и накопление сил за новым «железным занавесом». Евразийская Россия в условиях реализации мегапроекта Большой Евразии заинтересована в поддержке открытости и установлении партнерских отношений со всеми странами большого континента.

Поддержка принципов евразийской концепции не носит директивного характера, она не претендует на обязательную и быструю интеграцию Большой Евразии. Это не значит, что интеграционная политика не должна иметь официального статуса, но новая интеграция евразийских народов может произойти на добровольной основе и без определения временных сроков.

1. Богомолов О.Т. Крупный неэкономический потенциал модернизации: проблемы его использования: Научный доклад на Президиуме РАН. 13 ноября 2012 г. // Вестник российской академии наук, 2013, том 83, № 8, с. 675-684.
2. Горшков М.К. Неэкономические факторы экономического роста: неиспользованные резервы // Гуманитарные науки. №2 (10), 2013, С.34.
3. Ole Waever et al., *Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe*. London, Pinter, 1993.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Лубский А.В., Войтенко В.П. (Ростов-на-Дону)

Материалы подготовлены при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

В настоящее время существует модель России как государства-цивилизации, предложенная Президентом Российской Федерации, и модель России как страны-цивилизации, предложенная Святейшим Патриархом. Однако государственническая и церковная модели России как цивилизации не являются альтернативными, а как бы дополняют друг друга в духе принципов «симфонии властей». Обе модели акцентируют внимание на том, что Россия как цивилизация – это многонациональная локально-историческая общность, но в модели государства-цивилизации акцент делается на том, что эта общность государственно-организованная, а в модели страны-цивилизации на том, что эта общность солидарная и духовная.

Актуальность проекта конструирования национально-цивилизационной идентичности на основе образов России как государства-цивилизации или страны-цивилизации в настоящее время обусловлена тем, что консервативная волна, захватившая массовые устроения россиян на рубеже столетий, усилила сомнения значительной их части «в самом факте цивилизационной принадлежности России к Европе» [1, С. 309-310]. В результате в общественном сознании исчезли сомнения по поводу правомерности российской цивилизационной специфики.

Вместе с тем реализация в России проекта нации-цивилизации и соответственно конструирования национально-цивилизационной идентичности в настоящее время связана с большими трудностями, обусловленными тем, что, во-первых, в интеллектуальном дискурсе существуют различные образы России как самостоятельной цивилизации [2], во-вторых, матрица цивилизационной идентичности пока находится на периферии массового сознания россиян. Более реалистичным сегодня представляется проект, связанный с конструированием трансэтнической российской нации как многонационального народа России и, соответственно, общероссийской идентичности на основе национальной идеи и публичных ценностей, консолидирующих российское общество.

Исследователи уже обратили внимание на то, что продвижение концепции единого русского народа как русской нации и формирование общероссийской идентичности – дело не из легких, поскольку речь идет, как они подчеркивают, не столько о «соблюдении паритета» между принадлежностью к русскому народу и определенному этносу, сколько о синтезе государственно-гражданского и этнонационального сознания, не обезличивающим при этом национальные языки и культуры [1, С. 312-313].

На основе чего возможен такой синтез? В русском обществе на основе перехода в государственном управлении к ценностной политике, в рамках которой синтез государственно-гражданского и этнонационального сознания возможен, прежде всего, за счет объединяющей национальной идеи и общих публичных ценностей. В связи с этим надо отметить, что национальная идея, задаваемая государством, играет особую роль в функционировании и развитии русского государствоцентричного общества, консолидируя его и задавая «общее дело». Именно поэтому государство в России и аффилированная с ним часть русских интеллектуалов постоянно заняты поиском национальной идеи. В 2015–2016 гг. русскому обществу в качестве таковой была предложена идея патриотизма [3]. Приживется ли эта идея в массовом сознании россиян и, если приживется, то, в какой интерпретации?

Результаты социологических исследований свидетельствуют, во-первых, о том, что наибольшей поддержкой россиян пользуется в первую очередь идея единения народов России с целью ее возрождения как великой державы (42%). На втором месте стоит идея создания в России правового государства (38%), на третьем – объединение народов для решения глобальных проблем (26%). Остальные варианты национальной идеи, включая создание общеевропейского дома, возвращение к социализму, утверждение принципов либерализма пользуются небольшой поддержкой россиян [1, С. 246]. Что касается патриотизма как идеи, то он, как отмечают социологи, достаточно позитивно воспринимается массовым сознанием россиян, однако патриотизм у нас не слишком-то критичный и самокритичный [1, С. 417]. В связи с этим национальная идея патриотизма как любви к Родине в русском обществе должна сочетаться с идеей гражданственности как готовности человека активно участвовать в делах общества и ответственности за свои дела и поступки. Однако с гражданственностью в русском обществе есть проблемы, поскольку, согласно социологическим данным, «всего 11% населения России в число трех основных своих мечтаний включили желание оказаться полезными обществу, внести свою лепту в развитие страны» [1, С. 256].

Синтез государственно-гражданского и этнонационального сознания предполагает наличие не только объединяющей национальной идеи, но общих публичных ценностей, консолидирующих русское общество. Публичные ценности, присущие различным социальным, в том числе и этническим группам, разнородны и изменчивы. Поэтому ценностная политика как управленческая деятельность должна осуществляться, не только опираясь на актуальное состояние публичных ценностей как общественных предпочтений, но и целенаправленно диверсифицируя структуры этих ценностей в контексте диалога государства, национального сообщества и этнических групп.

При этом надо отметить, что формирование русской нации как воображаемого сообщества и соответственно общероссийской идентичности должно быть результатом не только государственного, но и социального конструирования на основе таких ценностей, которые сложились в русском обществе под влиянием нравственных и духовных традиции. Прежде всего таких базисных ценностей, как справедливость, мир, свобода, единство, нравственность, достоинство, честность, солидарность, семья, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность, вера, Родина, свобода [4, 5].

Таким образом, в научном дискурсе повысился интерес к проблематике, связанной с формированием в России как государственно-цивилизации (или стран-цивилизации) общероссийской идентичности цивилизационного характера. Однако различные варианты конструирования такого рода идентичности столкнулись с целым рядом трудностями, которые обусловлены тем, что, во-первых, в настоящее время существуют различные представления о том, что такое цивилизационная идентичность, во-вторых, в качестве идентификационной матрицы предлагаются разные цивилизационные образы России, в-третьих, матрица цивилизационной идентичности находится на периферии массового сознания россиян.

В связи с этим более реалистичным сегодня представляется проект, связанный с формированием трансэтнической русской нации как многонационального народа России и,

соответственно, общероссийской идентичности на основе национальной идеи и ценностей, консолидирующих российское общество.

1. Гориков М.К. *Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики)*. В 2 т. Т. 1. / Гориков М. К., - Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Новый хронограф, 2016. – 416 с.
2. Лубский А.В. *Цивилизационные образы России // Социально-гуманитарные знания*. 2005. № 4. С. 47–61.
3. Лубский А.В., Лубский Р.А. *Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // Гуманитарий Юга России*. 2013. № 3. С. 90–103.
4. *Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XV Всемирного русского народного собора*. 25 мая 2011 г. // Официальный сайт Московского Патриарха. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1495312.html>.
5. Драч Г.В., Лубский А.В., Эфендиев Ф.С. *Этнос. Культура. Цивилизация*. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2005. – 192 с.

МОДЕЛИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ: КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Максимова С.Г., Горбунова А.А., Ноянзина О.Е., Омельченко Д.А. (Барнаул)

Развитие межнациональных отношений, особенно в многоликой в национальном и культурном отношении России, представляет собой динамичный, многоуровневый и весьма противоречивый процесс, на который оказывает влияние множество факторов – исторических, культурных, религиозных, экономических, геополитических, правовых и т.д. (Тен, Греков, 2014; Мустафаев, 2014) [1, 2].

Особую остроту проблема межнационального взаимодействия и формирования этнической идентичности населения приобретает в приграничных регионах России, располагающихся на «стыке» географических, политических, экономических, этнокультурных и конфессиональных границ. С одной стороны, возрастают интеграционные тенденции, происходит взаимопроникновение национальных культур, с другой стороны, возникает усиление роли локальных этнических особенностей, актуализируется дифференциация культур. На фоне усиления глобализации и интеграции все более востребованными становятся этнические особенности различных народов. При этом возникает проблема толерантности к значительному этническому разнообразию [3, с. 347].

Как считают современные социологи, востребованность исследований этнической идентичности, обусловлена необходимостью гармонизации национальной политики, «чтобы защищая от угрожающих национальной самобытности и культуре чужеродных веяний, она не превращалась в изолирующий барьер на пути межкультурной коммуникации и взаимообогащения культур» (Мухлынкина Ю.В., 2011) [4].

Признается, что существенное значение на формирование этнической идентичности оказывает влияние социального контекста. Одни авторы отмечают, что ситуации межэтнического общения и частые контакты с представителями других национальностей дают больше возможностей для получения знаний об особенностях своей и других этнических групп. Соответственно, свою этническую принадлежность раньше осознает человек, проживающий в полиэтничной среде. Другие, напротив, отмечают, что однородная этническая среда способствует быстрому формированию признаков, влияющих на осознанное отнесение к определенной этнической группе (Omelchenko D., Maximova S., 2015; Арутюнян, Дробижева, Сусоколов, 1998) [5, 6].

Другим фактором, влияющим на процесс формирования этнической идентичности является гетерогенность социальной среды так, этническая идентичность сильнее выражена у тех, кто проживает в культурной среде, значительно отличающейся от собственной. Еще одним фактором, повышающим роль этнической идентификации, является активные миграционные процессы на территории проживания, с этой точки зрения исследования этнической идентичности населения приграничных территорий являются достаточно актуальными и востребованными.

Для изучения особенностей проявления этнической идентичности в условиях полиэтничности приграничных социумов исследуемые регионы (Амурская область, Алтайский край, Еврейская АО, Республика Алтай, Республика Карелия, Оренбургская область,

Забайкальский край, Кемеровская область и Омская область) были разделены на группы в зависимости от национального состава территории. В качестве основы для формирования групп учитывались данные Всероссийской переписи населения 2010 года, а именно количество представителей различных национальностей и общая численность населения, указавшим в качестве своей национальности вариант «русские». Регионами с максимальной долей численности русского населения являются Амурская область (94,33%), Алтайский край (93,92%), Еврейская АО (92,74%). Регионы, в которых численность русского населения значительно ниже – Республика Алтай (56,63%), Республика Карелия (82,19%) и Оренбургская область (75,88%). Промежуточное положение в нашем анализе занимают Забайкальский край (89,9%), Кемеровская область (93,7%) и Омская область (85,83%).

Для выявления особенностей этнической идентичности населения в каждой из данных групп была построена модель бинарной логистической регрессии, позволяющая оценить вероятность возникновения некоторого события по значениям множества признаков, в данном случае – вероятность попадания в группу с невыраженной (0) или выраженной (1) этнической идентичностью. Модель бинарной логистической регрессии этнической идентичности в Оренбургской области, Республике Алтай, Республике Карелия описывает 80,7% общей дисперсии переменных, модель логистической регрессии в Кемеровской области, Забайкальском крае, Омской области – 83,7%, в Алтайском крае, Амурской области, Еврейской АО – 89,7%. С достоверным уровнем значимости $p \leq 0,05$, можно говорить о том, что определенные факторы способствуют актуализации чувства принадлежности к определенной этнической группе.

По результатам регрессионного анализа в регионах с более низкой численностью русского населения актуализированная этническая идентичность тесно связана с ощущением принадлежности к культуре своей этнической группы ($p=0,001$), а также чувством гордости за свой этнос ($p=0,003$). При этом, анализ регрессионной модели показывает, что высокая численность в составе населения представителей разных национальностей в первую очередь способствует актуализации этнической идентификации русского населения исследуемых регионов. Данный индикатор вошел в модель со значимостью $p=0,057$.

В регионах, занимающих промежуточное положение по численности русского населения актуализированная этническая идентичность обусловлена приобщением человека к культуре своей этнической группы, данный показатель вошел в регрессионную модель со значимостью $p=0,001$. Выраженная этническая идентичность респондентов также является достаточно позитивной и «комфортной», об этом свидетельствует попадание в модель с отрицательными коэффициентами утверждения «то, что я принадлежу к своей этнической группе, причиняет мне неудобства» ($p=0,005$) и положительные значения по утверждению «мне приятно, что я представитель своей этнической группы» (0,004).

В регионах, в которых численность русского населения максимальна, наиболее значимым фактором, увеличивающих вероятность попадания в группу с выраженной этнической идентичностью, является включение человека в этнокультурное пространство своего этноса ($p=0,000$). При этом, выраженная этническая идентичность также коррелирует с положительными оценками утверждений «я разделяю идеи и убеждения своей этнической группы» ($p=0,009$) и «мне приятно, что я представитель своей этнической группы» ($p=0,011$). А попадание в модель утверждения «то, что я принадлежу к своей этнической группе, причиняет мне неудобства» с отрицательными значениями коэффициента регрессии, свидетельствует о том, что выраженная этническая идентичность не связана с какими-либо отрицательными переживаниями.

Обобщая полученные результаты, отметим основные тенденции. Актуализированная этническая идентичность населения всех исследуемых регионов в первую очередь связана с включением человека в культурное пространство своей этнической группы. Это позволяет говорить о том, что идентификация с определенным этносом предполагает автоматическое принятие определенных культурных стандартов. Таким образом, национальная культура – важнейший признак по которому происходит отождествление с собственной этнической группой и отделение от других. Этническая идентичность населения исследуемых регионов также во многом является позитивной и бесконфликтной. Об этом свидетельствует тот факт, что оценка собственной этнической принадлежности респондентов связана с переживанием положительных чувств и отрицанием каких-либо неудобств.

Существует определенные межрегиональные особенности проявления этнической идентичности в регионах с разным национальным составом. Так, этническая идентичность населения наиболее полиэтничных регионов связана с высокими показателями этнической

гордости. Можно предположить, что население данных регионов обладает ярко выраженными этническими различиями, в связи с чем, процесс идентификации во многом осуществляется через противопоставление своей этнической группы и представителей других этносов. При этом, актуализация этнической принадлежности происходит в первую очередь у русского населения данных регионов. В регионах, где русские составляют большинство населения, в свою очередь, более выражены отдельные аспекты этнической идентификации. Этническая идентичность жителей этих территорий, в целом, является более позитивной и предполагает принятие определенных ценностей, норм и моделей поведения своей группы.

Работа выполнена при поддержке Гранта РФФИ № 17-46-220967 «Межнациональные отношения как ресурс социальной интеграции диаспорных и земляческих групп в региональном социуме» (2017 г.).

1. Тен Ю.П., Греков И.М.. Влияние этно-культурных и религиозных факторов на формирование комплекса маркетинга / Всероссийская научно-практическая конференция «Новые тенденции в образовании и науке: опыт междисциплинарных исследований». Ростов-на-Дону, 27 февраля 2014 г. // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. <http://www.hses-online.ru>

2. Мустафаев Ф. М. Факторы разрушения культуры межнационального общения в современном полиэтничном пространстве российского общества // Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – Т. 3. – С.113-123.

3. Максимова С.Г., Морковкина А.Г. Гражданская и этническая идентичность как маркеры межэтнических отношений в приграничных регионах России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016. Т. 16. № 2. С. 347-358.

4. Мухлынкина Ю.В. Этническая идентичность: сущность, содержание и тенденции развития. – М. – 2011. С. 25-29.

5. Omelchenko D., Maximova S., Noyanzina O., Goncharova N., Avdeeva G. National identity and patriotism among russian youth: representations, feelings and actions // Asian Social Science. 2015. Т. 11. № 6. С. 27-36.

6. Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижеева, А.А. Сусоколов. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 271 с.

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА

Манюхина В.А. (Волгоград)

Аннотация: В данной статье аргументируется низкий уровень знания содержания религии. Выводы сделаны на основе анализа анкетного опроса среди 1 и 4 курса юридического факультета.

Отношение к религии является важным компонентом сознания человека, от особенностей этого отношения в значительной степени зависят поведение, деятельность, общение, взаимодействие личности, групп, раскрывающихся в социуме. Обострение религиозного чувства, религиозного сознания всегда является неизбежным следствием глубинных кризисов в области социально-экономической, политической и духовной жизни народов. В современном российском обществе ценностные ориентиры размыты, а русскому человеку всегда необходима сверх-идея, ради которой он готов на многие жертвы, на напряжение всех своих жизненных сил и ресурсов, на подвиг.[2]

Чтобы узнать идентичность современной студенческой молодежи, уровень знания содержания религии, мы в октябре 2016 года провели анкетный опрос среди студентов-бакалавров первого и четвертого курса юридического факультета Волгоградского института управления РАНХиГС. В исследовании приняло участие 181 человек. Распределение респондентов по полу, возрасту и курсу выглядит следующим образом: 55,4% девушки и 44,6% парни; 13,6% опрошенных находятся в возрасте младше 18 лет, 46,9% в возрасте от 18 до 20 лет, 39,5% в возрасте от 21 до 27 лет; 64,1% обучаются на первом курсе юридического факультета, 35,9% на 4 курсе юрфака.

Для полного раскрытия данной темы мы взяли две возрастные группы. И проведя анкетирование, мы получили интересные данные: среди первого курса 69,6% исповедуют православие, 16,5%-атеизм, 7% отметили, что относятся к другой религии, не указанной в вариантах ответа, 5,2% исповедуют ислам, 0,9%- Свидетели Иегова, 0,9%-иудаизм и никто среди опрошенных не исповедует протестантизм и католицизм; среди четвертого курса 76,9%

исповедуют православие, 7,8%-ислам, 6,2%-другую религию, 4,2%- Свидетели Иегова, 3%-атеизм, 1,5%-католицизм и 0%-иудаизм и протестантизм. Эта статистика показывает, что большая часть всех студентов являются православными.

Ни для кого не секрет, что религия тесно связана с привычками. Первый вопрос был связан с курением, на что 86,2% студентов 1 курса ответили, что не курят, 13,8% - курят (из 13,8% курящих 43,8% -атеисты, 37,5%- православные, 6,3%- Свидетели Иеговы, 6,3%- другая религия); 80% первокурсников указали, что не курят, а оставшиеся 20% - курят, что больше на 6,2% первокурсников (из 20% опрошенных 76,9% исповедуют православие, 23% -Свидетели Иегова). На второй вопрос 53,1% (1курса) и 38,5% (4 курса) отметили, что не употребляют алкоголь, а 46,9% (1курса) (из них 69,8%-православные, 18,9%- атеисты, 7,5%-другая религия, 1,9%-ислам, 1,9%-Свидетели Иегова) и 61,5% (4 курса) (из 61,5% пьющих 82,5%-православные, 7,5%-Свидетели Иегова, 5%-атеисты, 5%-другая религия) ответили, что выпивают. Третий вопрос был связан с употреблением нецензурных слов в речи, на что 63,2% (1курса) (из них 65,3%-православные, 22,2%-атеисты, 5,6%-другая религия, 4,2%-мусульнани, 1,4% -Свидетели Иегова) и 80% (4 курса)(из 80 % опрошенных 80,8%-православные, 5,8%-мусульнани, 5,8%-Свидетели Иегова, 3,8%-другая религия, 3,8%-атеисты) указали, что используют нецензурную лексику. Оставшиеся 36,8% (1 курса) и 20% (4курса) отметили, что выражаются культурно. Также мы опросили студентов об их личной жизни, откуда выяснили, что 83,1% не женаты/ не замужем, 9,2%-вышли замуж/жениться и 7.7% указали, что состоят в неофициальном браке.

Опрос помог нам выявить достаточно интересный факт, что у 51,3%(1 курса) и 38,5%(4 курса) не существует каких-либо религиозных традиций в семье, 27% (1курса) и 36,9% (4 курса) указали, что такие традиции существуют, но респонденты не придают им большого значения, 21,7% (1курса) и 24,6% (4 курса) отметили, что в их семье существуют религиозные обычаи, которым они следуют. Мы решили выяснить, как часто студенты посещают церковные службы и отмечают ли они религиозные праздники. Среди опрошенных 39,8% (1 курса) и 33,8% (4 курса) ответили, что считают ненужным посещать храм, 35,4% (1курса) и 30,8% (4 курса) посещают церковь по праздникам, 22,6% (1курса) и 24,6% (4курса) посещают службы раз в месяц или хотя бы раз в полгода, 2,7% (1курса) и 10,8% (4 курса) указали, что посещают храм раз в неделю или чаще; 55,7% (1 курса) и 62,5% (4 курса) отмечают только самые известные праздники, 22,6% (1 курса) и 18,8% (4 курса) редко празднуют религиозные торжества, примерно одинаково ответили студенты, что постоянно соблюдают все праздники по религиозному календарю 7% (1 курса) и 7,8% (4 курса), 2,6% (1 курса) и 10,9% (4 курса) (все православные) отметили, что в их кругах это не принято. Таким образом, самой многочисленной оказалась группа, которая формально считает себя верующей, и вера для них является или результатом семейного воспитания, определенной «моды», подверженности влиянию авторитетных лиц, национальной и культурной принадлежности, желанием следовать традициям предков.

В анкету был введен вопрос о том, в какой степени студенты относят себя к религиозным людям (где ответ строился в пятибалльной системе, 1 балл-не верю, 5баллов-глубоко верующий). 18,3% (1курса) и 6,2% (4курса) указали, что вообще не верят, 13% (1 курса) и 10,8%-2 балла, 39,1% (1 курса) и 52,3% (4 курса) охарактеризовали свою религиозность в 3 балла, 27% (1 курса) и 13,8% (4 курса)- 4 балла, 2,6% (1 курса) и 16,9% (4 курса)- 5 баллов- глубоко верующие. Следует сделать вывод, что на 4 курсе значительно больше глубоко верующих, религиозных людей, чем на 1 курсе.

Далее мы затронули спорные темы по поводу отношение к людям, которые исповедуют ислам и отношение к людям., которые исповедуют христианство. 50,8% и 55,4% первокурсников относятся и к той и к другой религии нейтрально, 60% и 63,5% первокурсников также относятся нейтрально к этим религиям, 33,9% (1 курса) и 38,5% (4курса) уважают людей, исповедующих ислам, 33,9% (1 курса) и 43,1% (4 курса) уважают христиан, 7% (1курса) и 10,7% (4 курса) плохо относятся к мусульманам, 2,6% (1курса) и 1,5% (4 курса) не уважают людей, исповедующих христианство (некоторые респонденты указали, что к православным хорошо относятся, а к протестантам и католикам иногда негативное).

Таким образом, подводя итог анкетному опросу, мы можем сделать вывод о том, что религиозная идентичности – это сложный, противоречивый процесс/результат, во-первых, осознанного отождествления субъектом себя с Высшей силой, под знаком которого строится вся жизнь человека. Во-вторых, становление системы свойств и качеств личности, накладывающий отпечаток на поведение и ценностные ориентации. В-третьих, отождествления себя с определенной религиозной общиной [3]. С увеличением возраста серьезное, обдуманное

отношение к религии возрастает, сокращается процент атеистов, но наблюдается увеличение процента вредных привычек. Несмотря на возрастающую потребность в религии, наблюдается низкий уровень знания содержания религии, стихийный характер приобщения к ее традициям и обрядам. Мы отдаем себе отчет в том, что исследования в других регионах, возможно, дадут другие результаты.

1. Крылов А. Н. *Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве*. — М.: Икар, 2-е изд, 2012.
2. Ляушева С.А. *Религиозная идентичность в современной культуре // Сайт Cyberleninka [Электронный ресурс] – Режим доступа*

ВИЗУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПРОФЕССИОНАЛА: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Мартьянова Н.А. (Санкт-Петербург)

Человек живет в сознательно сконструированном визуальном мире. Каждому социальному явлению и процессу приписывается типичный визуальный образ, согласно символам и смыслам, принятым в данном обществе в конкретный момент времени. Поэтому при изучении социальных групп, таких как профессионалы, например, важно настраивать свое визуальное воображение, необходимость которого у социолога отметил П. Штомпка, поскольку именно социолог «придает больший вес визуальным проявлениям общественной жизни, особенно повседневной». Ему вторят и другие современные авторы. По утверждению Скотта Лаша, логика культуры постмодернизма означает вытеснение текста образом, который становится главной культурной формой. Как считает Жан Бодрийар, в истории удается выделить досовременную эпоху, когда доминировали сущности символические, современную эпоху, когда доминирует материальное производство, и эпоху постсовременную, когда доминируют знак, имитация, иллюзии.

Откуда берется визуальный образ профессионала? На него обращал внимание еще Дюркгейм, изучая внешнюю визуальную символику, а также Веблен при анализе «показательного потребления». Безусловно, он конструируется сообществом, клиентами, широкой общественностью. Образ всегда имеет многозначный смысл. Он имеет определенные геометрические или графические формы, цвет и т.п. Эти формы, в свою очередь, складываются в представления определенных объектов или явлений, особенно фигур людей, их движений, действий. Наконец, наивысший уровень - символическая интерпретация: отношение к тому, что мы видим в образе, как к выражению религиозных верований, художественных стилей или социологических идей (например, как символических знаков социального неравенства, девиаций, маргинализации).

Поскольку визуальные образы вплетены в повседневность, то мы можем выделить визуальный образ профессионала в целом, который хоть и подвержен изменениям во времени и в пространстве, тем не менее имеет некий общий универсальный вид. Визуальная восприимчивость дополняет или заменяет *credentials* профессионала и его репутацию в глазах клиентов и коллег. На конструирование визуального образа профессионала влияют также такие факторы как: профессиональный этос, профессиональная идентичность, статусно-ролевой набор профессионала

Визуальное измерение определенных социальных групп складывается исторически. Мы можем проследить в истории то, как должны выглядеть врачи, преподаватели, ученые, юристы и другие «серьезные люди». Профессиональный этос играет в этом не последнюю роль. Что допустимо и недопустимо для профессионала описывается и регулируется, прежде всего, специфическими этическими нормами. И они касаются не только поведения, но и внешнего вида и образа в целом. Например, врач должен быть в белом халате, в очках, со стетоскопом на шее, а его общий облик должен излучать серьезность и компетентность. Образ профессионала сопровождает акцент на естественности, аккуратности и отсутствии ярких модных акцентов и деталей. Он имеет то же направление, что и «офисный стиль», но в то же время отличается от него. Допускается большая индивидуальность («растрепанные физики» как А.Эйнштейн на фотографиях), меньшая сосредоточенность на безупречности внешнего вида (врачи в среднем выглядят скромнее, чем бизнесмены и не столь претенциозно, даже при наличии высоких зарплаток). Профессионал должен думать о работе, и это должно бросаться в глаза. Если медсестра, то заботливая, стерильно-аккуратная, а если - креативный директор, то может иметь в меру творческий и «расслабленный» вид, демонстрирующий нарочитое равнодушие к дресс-кодам

и правилам. Историк моды А.Васильев появляется на публике часто в несуразно вызывающих одеждах, так как они вызывают удивление и заинтересованность, а простой классический костюм на нем никому не интересен. Это специфический персональный элемент его имиджа как профессионала.

Иными словами, для восприятия визуального образа важна интеракция. Как заметил И. Гофман, интеракция имеет два важных свойства, которые делают ее особенно плодотворным предметом социологического анализа: повсеместность (взаимодействие встречается везде, во всех областях или контекстах общественной жизни) и универсальность (происходит в каждом коллективе независимо от времени и места). Если вслед за Гофманом прототипом интеракции считать встречу (физическое совместное присутствие участников), то можно сравнить ее с поведением актеров на сцене. Они играют своеобразный спектакль частично спонтанно и неререфлексивно, руководствуясь интернализированными в течение социализации рефлексиями поведения по отношению к другим, а частично моделируя свое поведение так, чтобы произвести на других наилучшее впечатление. Сутью этих действий является презентация самого себя, направляемая уверенностью, что партнер или аудитория могут ожидать, и, следовательно, «содержащая и визуализирующая официально признанные ценности общества». Как актер в театре повседневной жизни, который хочет произвести впечатление на других, личность принимает во внимание своеобразный сценарий, написанный обществом (содержащийся в культуре) для разыгрываемой роли. «Играя роль, личность должна следить за тем, чтобы впечатления, которые она передает в данной ситуации, были согласованы с личными качествами, приписываемыми ей зрителями, и соответствовали роли: судья должен быть рассудительным и проникновенным, пилот должен владеть собой, бухгалтер должен быть точным и порядочным в своей работе». В результате то, что презентуется другим, становится не столько аутентичной личностью, сколько личностью разыгрываемой, в значительной степени идеализированной.

1. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда* / пер. с фр. А. Б. Гофмана, прим. В. В. Сапова. М.: Канон, 1996.
2. Веблен Т. *Теория праздного класса* – М.: Прогресс, 2003.
3. Гофман И. *Представление себя другим в повседневной жизни* / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева — М.: “Канон-пресс-Ц”, “Кучково поле”, 2000. — 304 с.
4. Мартынова Н. А. *Институциональная динамика профессии в эпоху мобильности* // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 9-1 (35). С. 103-106.
5. Мартынова Н. А. *Конструирование профессиональных объединений: от профессиональных групп к экспертным сообществам*// Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2013. № 162. С. 136-140.
6. Штомпка П. *Визуальная социология. Фотография как метод исследования: учебник*/ пер. с польск. Н.В. Морозовой, авт. вступ. ст. Н.Е. Покровский. — М.: Логос, 2007. — 168 с.
7. Baudrillard Jean. *The Evil Demon of Images*. Sydney: Sydney University Press. 1988.
8. Lash Scott. *Discourse or Figure? Postmodernism as a Regime of Signification* // *Theory, Culture and Society*. 1988. Vol. 5.

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ФЕСТИВАЛЯ (НА ПРИМЕРЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ФЕСТИВАЛЕЙ Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ).

Мутыхляева П.С. (Санкт-Петербург)

В последние десятилетия в мировой культуре наблюдается быстрое развитие фестивального движения. В больших городах фестивали, посвященные различным музыкальным искусствам, проходят каждый день, а их посещение для городского жителя является обычной культурной практикой. И несмотря на то, что фестиваль как тип общественного праздника всегда предлагал индивиду уход от обыденности и смену будничного амплуа, теперь прослеживается новая содержательная специфика фестивального события, при которой он становится частью повседневности, элементом в общей тенденции социального серфинга. В связи с этим возникает потребность в новом фокусе исследования современного фестиваля как функционального

пространства, где его участники конструируют свою идентичность определенным образом и с определенной целью.

Музыкальный фестиваль - один из наиболее распространенных видов фестивалей. К сожалению, на данный момент нет точной статистики по количеству мероприятий данного формата, реализуемых в Санкт-Петербурге. Однако мониторинг афиш, опубликованных на популярных сервисах по продвижению событий [1] за 2017 год, показал, что ежемесячно в черте города проводится от 4 до 10 фестивалей музыки различных направлений. Среди них муниципальные, городские и региональные, то есть финансируемые из государственного бюджета, а также частные коммерческие фестивали. Палитра направлений весьма широка, так как современное музыкальное искусство давно и систематически подвергается влиянию глобальных коммуникационных процессов.

Транслируя ценностную идею определенного музыкального дискурса, фестиваль является одним из важнейших инструментов воспроизводства социокультурного поля [2]. В его пространстве участвуют сразу все уровни иерархии: ядро поля - его основоположники или лидеры-интерпретаторы, формирующие не только контент, но и имидж события, активисты-посредники, организующие план фестиваля и его реализующие, а также потребители, в большей или меньшей степени погруженные в традиции поля и их разделяющие.

Пространство фестиваля - это важная содержательная декорация, которая оказывает особое влияние на понимание индивидом центральных ценностей поля, а от этого понимания зависит степень приверженности ему. Потому локация, как правило, соответствует ключевому замыслу его организаторов и отвечает традициям культурного направления. Так, один из самых масштабных фестивалей электронной музыки «ГАММА» в 2017 году прошел на заброшенном заводе, в урбанистических экстерьерах посреди уличного арта и архитектурной эклектики. Очевидно, что выбор локации базировался на общей для данного жанра идее экспериментальности, синтетичности, технологичности и открытости. Противоположный пример - фестивали академической музыки. Они проводятся в классических или современных залах театров и филармоний, на специальных сценических площадках, поскольку академическая музыка является частью элитарной, закрытой культуры, в которой крепко соединены история и современность [3].

Музыкальный фестиваль как феномен культуры является разновидностью общественного праздника. В нем в максимальной степени сосредоточены и универсальные каноны празднования, и неповторимая специфика той или иной музыкальной субкультуры, и в особенности - свой специфический способ решения “противоречий человеческого существования: между мирской и сакральной сферами бытия, человеком и природой, индивидом и обществом” [4]. При этом, музыка выступает не только как способ коммуникации между индивидами, но и как сакральный мир искусства, который противостоит серой повседневности и рациональному однообразию жизни. Музыка становится частью философской концепции “выхода за рамки”, концепции, которая выражена символически и помогает слушателю понять содержание абстрактных музыкальных символов.

Таким образом, подобно карнавалу М. М. Бахтина, музыкальный фестиваль предлагает участникам временно сойти с колеи обыденности и оказаться в утопическом мире свободы, вне “официальной системы со всеми ее запретами и иерархическими барьерами” [5]. Привычные повседневные роли становятся не важными, а на первом плане появляется конкретный образ героя-приверженца определенной социокультурной общности. Участники фестиваля, оказавшись под влиянием его социального пространства, примеряют этот образ как карнавальную костюм и снимают его только по окончании события или выйдя за физические границы фестивального перформанса.

Фестиваль выполняет множество функций, среди которых получение коммерческой выгоды, идеологическое воспитание, развитие региона, института или бизнеса, популяризация жанра и др. В метро, на улице, в торговых центрах, в социальных сетях горожане видят множество афиш, зазывающих присоединиться к музыкальному течению посредством очередного события. Даже многие музыкальные субкультуры, относящиеся к девиантным и существующие в андеграунде, используют формат фестиваля для презентации своего культурного продукта [6]. Потому производство фестивального события стало делом почти повседневным, и с каждым годом количество фестивальных видов и тематик неустанно растет, а человеку предоставляется все больше возможностей для смены декораций и идентичностей.

Превращая свой досуг в игру идентичности, индивид с легкостью потребляет культурные образцы разных дискурсивных полей. Смена амплуа воспринимается как отдых от предыдущей роли, что вытекает в тенденцию неперенной необходимости каждый раз конструировать свою личность заново. Это предположение возвращает нас к концепции карнавала, ведь, по мнению Бахтина, основная задача карнавала - не только "переворачивание" мира, но и обновление участника события через отрицание привычного.

С другой стороны, способность индивида перевоплощаться и менять роли может говорить о сознательном стремлении гармонизировать свою личность для более гибкого реагирования на внешние условия. Неосознанно применяя тактику социального скольжения (social surfing – социальный серфинг), он не переживает происходящее на фестивале глубоко, но следует основным ритуалам, надевая маску соучастника [8]. Да и умение складывать в сумму противоречивые образы и точки зрения (даже если речь идет об абстрактной музыкальной интерпретации), не чувствуя при этом дискомфорта, вполне свойственно современному человеку, живущему под властью эклектики постмодернизма [9].

В итоге, игра идентичности становится привычкой, частью повседневного плана, а потребление разных музыкальных дискурсов через участие в фестивалях - стандартной коммуникационной практикой городского жителя. Эта тенденция вынуждает организаторов музыкальных фестивалей создавать такие социальные пространства, которые заманивали бы посетителей возможностью, пусть и временно, становиться частью одной из культурных модификаций современности, оказываясь в центре тренда скольжения между дискурсами и локациями.

Фестивализация досуга, производство атмосферы праздности ежедневно - практика довольно повсеместная. Она разрушает традиционную границу между обыденностью и праздником и позволяет говорить об изменении способов и целей потребления музыкального контента. Ведь все музыкальные течения, будь то рок, этно, техно, классическая музыка, хип-хоп и другие, предлагают в контексте музыкального фестиваля разные трактовки сакральности мира и формы коммуникации на его счет. А идентификация лишь с одним социокультурным полем уже не удовлетворяет потребность нового поколения в свободном, всеохватывающем постижении окружающей реальности.

[1] Интернет-сервисы по продвижению событий: KudaGo.com (URL: <https://kudago.com/spb/>), Яндекс-Афиша (URL: <https://afisha.yandex.ru/saint-petersburg/>);

[2] Ильин В. И. Драматургия качественного полевого исследования // «Социополис»: Библиотека современного социогуманитарного знания. Спб., Интерсоцис, 2006. С. 34.;

[3] Барабанов А. А. Музыкальный фестиваль как явление культуры: региональные фестивали в культурной политике России // Культура и цивилизация: М. 2015. №6. С. 42.;

[4] Шемякин Я. Г. Праздник как историко-культурный феномен: мир идеала и реальность власти // URL.: http://www.homo.fizteh.ru/courses/history/shemyakin_new.html?xsl:print=1 (дата обращения: 3.09.2017);

[5] Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса // URL.: http://www.bim-bad.ru/docs/bakhtin_rablai.pdf (С. 46., дата обращения: 8.09.2017);

[6] Кузовенкова Ю. А., Наумова О. С. «Фестивальное пространство» современного города, его локальные формы и глобальные стратегии // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 5. С. 357.;

[7] Воробьева И. В., Кружкова О. В., Симонова И. А. Социальный серфинг: специфика ценностных ориентаций молодежи в современном обществе // Педагогическое образование в России. 2015. № 5. С. 46.

[8] Киш О. Карнавал и постмодерн // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 152.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НИЖЕГОРОДЦЕВ

Немова О.А., Пакина Т.А. (Нижний Новгород)

Аннотация. Осознание исторического прошлого, его оценка и интерпретация социумом имеет важное научное значение, так как самосознание любого народа начинается именно с истории. Ее символически значимые события формируют смысловую основу национальной и гражданской идентичности. Целью исследования, результаты

которого представлены в данной статье, является изучение представлений нижегородцев относительно исторического прошлого нашей страны.

В исследовании был применен междисциплинарный подход. Методологию исследования составляют такие направления в социологии как символический интеракционизм Г. Гарфинкеля и феноменологическая социология А. Шюца. Непосредственно инструментарий опроса был разработан доктором социологических наук, профессором кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета – З.В. Сикевич.

В целом, результаты исследования позволяют оценить степень консолидации и солидарности россиян относительно представлений об историческом прошлом своей страны и ее роли, и месте в мире.

По мнению Г. Гарфинкеля, социальная жизнь представляется стройной и упорядоченной только потому, что члены общества придают ей определенный смысл, тем самым они конструируют социальную реальность [15]. При разрушении символического единства среды социальное пространство неизбежно вызывает у человека чувство психологической неустойчивости [8, С. 88-97]. Изучение восприятия прошлого и настоящего нашей истории представителями различных возрастных когорт, гендерной принадлежности, статуса и образования позволит выявить степень взаимного понимания, наличия или отсутствия межпоколенческого языка общения.

Российская история сама по себе сложный и противоречивый феномен. Переписывание исторических фактов в угоду правящего истеблишмента имеет давние традиции. Кардинальному пересмотру наше историческое прошлое подверглось в "перестроечную" эпоху в связи с переориентацией на либерально-рыночный курс и деидеологизацию общественно-политического пространства. В этой связи возникает резонный вопрос: "Какому варианту истории отдали предпочтение наши соотечественники и какие оценки дают современным политическим деятелям и их политическим решениям?"

Для ответа на данный вопрос на базе лаборатории по проблемам современной семьи и семейной политики НГПУ им. К. Минина было проведено социологическое исследование, путем анкетирования разных групп населения. Методология исследования разработана доктором социологических наук, профессором кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета – З.В. Сикевич. Опрос проводился в феврале 2016 года в г. Нижний Новгород.

В опросе приняла участие 150 человек. Выборка является квотной и определялась по полу (47,3% мужчин и 52,7% женщин), возрасту (18-29 лет – 26%, 30-39 – 21,3%, 40-49 16%, 50-59 – 17,3%, 60 и старше – 19,3%) и образованию: среднее – 13,3%, среднее специальное – 27,3%, незаконченное высшее (студенты) – 20,0% и высшее – 38,7%.

С целью выявления наиболее значимых исторических эпох российской истории респондентам был предложен открытый вопрос: «Существует мнение, что «история нас учит». Какой период российской истории Вы лично считаете наиболее поучительным для современного российского общества?» Наиболее "воспитывающими" эпохами опрошенные считают: ВОВ и восстановление народного хозяйства после ВОВ (в сумме 30,7%), "Брежневская эпоха" и эпоха социализма" (18,7%), время правления Петра I (9,3%) и В.В. Путина (6,7%) и т.д. Таким образом, респонденты выбирали те исторические периоды российской истории, в которые наблюдалось единение всего народа против внешней угрозы или, когда страна, находившись в зените своей славы, имела весомое значение на международной арене.

Исследование мнений россиян относительно возможных исторических траекторий представляет значительный интерес для социологии. В данном случае мы опираемся на методологию феноменологической социологии Альфреда Шюца. Исторические представления, интерпретация исторических фактов являются, по мнению классика социологической мысли, частью интересубъективного мира, который изначально существовал до рождения отдельно взятого индивида и воспринимался им в опыте и интерпретациях других наших предшественников, как упорядоченный [14, С. 10-11]. Все интерпретации исторического прошлого основаны на предшествующем опыте индивида, полученном от своих родителей, родственников, учителей и собственном восприятии реальной действительности. Именно по этой причине нам интересны взгляды респондентов относительно возможных сценариев развития истории, чтобы видеть вектор предпочтительных отношений россиян к тем или иным политическим направлениям современности. С этой целью респондентам был задан вопрос: «Как Вы думаете, если бы князь

Владимир, решив "крестить Русь", выбрал бы не православный обряд, а римско-католический, дальнейшая история России пошла бы по-другому?» Ответы респондентов распределились следующим образом: так, 58,7% респондентов, считают, что крещение Руси по римско-католическому обряду изменило бы дальнейшую судьбу России и лишь 17,3%, полагают, что даже при таких обстоятельствах российская история сохранила бы свой первоначальный путь без каких-либо изменений. Помимо указанного выше вопроса, респондентам было предложено оценить вероятные последствия принятия именно римско-католического обряда для дальнейшей российской истории.

Данные ответов на возможные последствия крещения Руси по римско-католическому обряду показывают, что респондентов в большей степени беспокоит утрата Россией своей уникальности и идентичности (20,0%), а также утрата менталитета (24,7%), что, собственно, является идентификационным фактором. В меньшей степени респондентов волнует проблема мирового статуса России (6,7%), экономического (3,3%) и геополитического развития (3,3%).

На вопрос: «Как Вы думаете, если бы в начале XX века Россию возглавлял более властный и решительный правитель (например, масштаба Петра I), смог бы он или нет предотвратить дальнейший, известный нам, ход событий?» ответы респондентов распределились следующим образом: положительно ответило 41,3 %, возможно 44,7%, нет 13,3%. Таким образом, можно предположить, что желание видеть во главе государства сильного, умного, дальновидного, решительного политического деятеля достаточно велика среди россиян и, по сути, продолжает входить в базовое ядро национального менталитета [4, С. 500-508].

Отношение респондентов к советской эпохе и советскому наследию предполагалось выяснить через следующий вопрос: «70 лет советской власти были благом или трагедией для России?» Респонденты должны были оценить по этот исторический период по 5-балльной шкале, имея в виду, что 5 – безусловное благо, а 1 – безусловная трагедия. У большинства респондентов данный вопрос (65,3%) вызвал затруднения. 18% ответили, что 70 лет советской власти были скорее благом, нежели трагедией. 6,7 % и 2,7% участвовавших в опросе воспринимают данный период в истории России, как «безусловную трагедию» и «скорее трагедией».

Симпатии и антипатии к участникам гражданской войны в России начала XX века видно в ответах на вопрос: «Если бы Вы жили в эпоху гражданской войны, Вы бы ...». Несмотря на то, что данная историческая эпоха пересматривалась неоднократно, было создано масса кинематографических картин, где (в отличие от советского кинематографа) с точностью до наоборот воспевалось благородство, порядочность белогвардейского движения в годы гражданской войны, «сторонников красных» (36,7%) все-таки почти вдвое больше, чем «белых» (16,7%). Еще больше оказалось тех, кто еще не определился в однозначной правоте тех или других. Поэтому 46,0% респондентов предпочли конформистскую позицию «постарался бы остаться в стороне»

Межпоколенческий анализ показывает, что пожилым людям (за 60 и старше), воспитанных в условиях господства марксистской идеологии, ближе движение «красных» (27,0%), против (19,5%) тех, кому от 18 до 29 лет. Конформизм, желание остаться в стороне от политики также более присущ молодежи, т.е. тем, кому от 18 до 29 лет (30,0%).

Гендерный анализ показал, что мужчины более склонны поддерживать «красных» (20,6% против 16,0%), чем «белых». Сторонников «белого движения» среди мужчин и женщин примерно одинаковое (8% против 8,6%). Пожелавших занять нейтральную позицию среди женщин значительно больше, чем среди мужчин (28% против 18%), что собственно коррелирует с теоретическими выводами гендеристов относительно меньшей склонности к конфликтам женщин по сравнению с мужчинами.

Показательными оказались данные относительно желания сохранения СССР как единой страны, несмотря на коммунистическое прошлое, экономические и политические проблемы, социально-бытовую неустроенность. Респондентам был задан вопрос: «Если бы Вы в 1991 году принимали участие в референдуме о сохранении СССР, Вы бы проголосовали "За", "Против" или "Воздержался"»?

Большинство респондентов, принадлежащих к различным возрастным когортам, выступили бы в референдуме 1991 года за сохранение СССР. На наш взгляд, такое межпоколенческое единодушие не случайно: во-первых, все-таки грамотная идеологическая политика современного руководства страны относительно бережного отношения к исторической памяти народа, прекращения процесса "развенчания" героев и героических событий советской эпохи не прошли бесследно и в памяти народной в большинстве своем сохраняется позитивное

отношение к СССР как великой мировой державы. В данном случае наши данные коррелируют с данными, полученными М.К. Горшковым и Ф.Э. Шереги [13]. Во-вторых, политический вектор по восстановлению былого могущества и уважительного отношения к нашей державе со стороны мирового сообщества, выбранный В.В. Путиным также сказывается на ответах россиян. Таким образом, мы видим негласную поддержку россиянами президентского курса.

Основные выводы:

1. Существенных межпоколенческих разногласий в оценке исторического прошлого России в ответах респондентов не наблюдается. Соответственно, говорить о наличии в современном российском обществе межпоколенческого кризиса не приходится. В общественном историческом сознании имеется некий единый образ, позволяющий находить базовые основания и точки соприкосновения для представителей различных поколений современной России;

1. Анализ исторического сознания россиян показывает, что уважение у респондентов вызывают исторические эпохи (ВОВ, восстановление народного хозяйства после ВОВ, ополчение К. Минина и Дм. Пожарского), когда наблюдалось единение народа для решения какой-то внешней угрозы или внутренних социально-экономических проблем.

2. Наблюдается ярко выраженное мнение относительно уникальности России как государства и ее исторического прошлого. Серьезные опасения у россиян вызывает потеря своей идентичности, ментальных, культурных, духовно-нравственных особенностей.

3. Сохраняется базовое ядро российского менталитета. Вызывают уважение и чувство гордости сильные, решительные, авторитарные исторические деятели, чья деятельность связана с ростом на международной арене престижа государства такие как: Екатерина II, Петр I, И. Сталин, В. Путин.

4. У большинства опрошенных наблюдается "ностальгия" по былому могуществу СССР. Одобрение вызывает внешне политический курс В. Путина на возвращение некогда утраченных территорий. Оценка аналогичных действий его предшественника - И. Сталина - опрошенными также оценивается позитивно.

5. Массовое одобрение получила социально ориентированная внутренняя политика СССР. Хотели бы вернуть следующие достижения советской власти: бесплатное образование и медицинское обслуживание, гарантированное трудоустройство выпускников ВУЗов.

Подводя итоги исследования, можно с уверенностью сказать, что в современном обществе относительно оценки исторического прошлого не наблюдается межпоколенческого разрыва, наоборот, имеется единство мнений и взглядов. Тем не менее вызывают опасения рост маргинализации и прекариатизации общества, что в свою очередь может отрицательно сказаться на социальной стабильности в будущем. Изучение мнений россиян относительно оценки исторического прошлого считаем темой актуальной и требующей дальнейшего научного осмысления.

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. *Молодежь России: социологический портрет*. М.: ЦСПиМ, 2010, 592 с.
2. Давлетшина Д.Г. *Социальная память как основа нравственности человека: Автореф. дис. канд. философ. наук., 2012, 142 с.*
3. Дахин А.В. *Исследования социально-исторической памяти: философия, история, социология* / URL: http://old.niu.ranepa.ru/nauka/wp-content/uploads/2012/06/socIstorPamyat1_09.pdf (Дата обращения: 5.07.17).
2. Немова, О.А. *Трудовая ментальность современной студенческой молодежи: опыт качественного социологического исследования* // О.А. Немова / *European Social Science Journal*, 2013, Т.1, №8 (35), С. 500-508.
5. Кузнецова С.В. *Культурный национализм: этносимволизм о роли интеллигенции в формировании нации* // *Вестник Мининского университета*. 2016. № 1-2 (14), С. 24.
6. Кулиш В.В. *Социальное измерение функционирования исторической памяти молодежи* URL: / <http://www.asu.ru/files/documents/00005254.pdf> (Дата обращения: 5.07.17).
7. Миллер А.И. *Политика исторической памяти как основа формирования коллективной идентичности и воспитания деятельного патриотизма* / URL: / http://svop.ru/wp-content/uploads/2014/02/04strategy21_vospit.pdf (Дата обращения: 5.07.17).
8. Сикевич З.В. *Динамика образа "прошлого и настоящего в представлениях петербуржцев* // *СОЦИС*, №3, 2016, С.88-97.
9. Соколяну Е. *Историческое беспамятство возрождает фашизм* / URL: <http://actualitati.md/ru/analitika/istoricheskoe-bespamyatstvo-vozrozhdaet-fashizm> (Дата обращения: 5.07.17).

10. Стэндинг Г. *Прекариат: новый опасный класс*. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014, 328 с.
11. Тихонова Н.Е., Горшков М.К. *Мировоззрение российской молодежи. В кн.: Российская молодежь: проблемы и решения*. М.: Центр социального прогнозирования, 2005, 648 с.
12. Тоценко Ж. Т. *Историческая память и социология* / URL: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/HIMEM.HTM> (Дата обращения: 5.07.17).
13. Шереги Ф.Э. *Социология права. Прикладные исследования*. СПб.: Алетейя, 2002, 447 с.
14. Шюц А. *Избранное. Мир светящийся смыслом/ Пер. с нем. и англ.* – М.: "Российская политическая энциклопедия" (Росспен), 2004, С.10-11.
15. Garfinkel G. *Studies of Ethnometodology*. New Jersey: Prentice-Hall, 1967.
16. Touraine A. *Production de la societe / Seuil*, 1973.
17. Greenberg, D. L. 2004. *President Bush's False "Flashbulb" Memory of Applied Cognitive Psychology/ Volume 18, Issue 3, April 2004, P. 363–370.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ: ВЗГЛЯД РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ Е.Д. ПРОКОПОВИЧ-КУСКОВОЙ)

Панич Н.А. (Москва)

В социально-политическом калейдоскопе русской интеллигенции эпохи великих потрясений видное место занимает фигура Е.Д.Прокопович-Кусковой. Выразителем пристрастий ее самой и единомышленников на происходящие события 1917 года стало печатное издание – газета «Власть народа». Цели и задачи были сформулированы следующим образом: «в области политической – укрепление демократической республики, проведение идей народовластия в сознание широких масс, в области социальной – защита интересов трудящегося класса... Наш символ – свобода развития личности и нации. Наше орудие – единение всех творческих сил...».[1]

Падение самодержавия и установление власти Временного Правительства вселяли в умы многих граждан надежду на решение острых вопросов, доставшихся новой власти в наследство от прежних правителей, в том числе социальных изменений. Поиском решения этих вопросов на протяжении всего периода от Февраля к Октябрю занимались представители правительственной команды, которые в итоге оказались в полной политической изоляции. Как справедливо замечала Е.Д. Кускова «старый режим стал ненавистным повсюду, и желание какой-то новой жизни было общим в народе. Если бы не было трёхлетней войны и не было бы полуголодного существования, то не произошло бы революции ни в феврале 1917, ни в 1917 году вообще. Её произвела полуголодная масса Петрограда и Петроградского гарнизона, который состоял из солдат только что вышедших из народа и не прошедших суровой дисциплины регулярных войск... Не политическая активность масс были причиной революции, а полный развал власти, которая не сумела справиться с последствиями войны». [2] Неудачи войны, отсутствие решений по земельному вопросу, слабость власти, материальные неурядицы легко могли вызвать «у несознательных масс поворот настроения и такое же недовольство новым режимом, какое было в отношении старого» [3], - отмечала в своих работах Кускова, и как показали дальнейшие события - захват власти большевиками - оказалась не далека от истины.

«Февраль не спас Россию, и стихийные чувства не всегда вели по пути успеха. Но что-то было притягательным для интеллигенции в Феврале и отталкивающим в Октябре. Это «что-то» и диктовало ей род её поведения раньше, чем вступал в свои права холодный разум» [4], - писала Е.Д.Кускова. События ночи 24-25 октября, когда власть после долгих шатаний из стороны в сторону, оказалась в конечном итоге в руках большевиков, которые ещё не успели воспользоваться случаем и посидеть в кресле правителей России, наглядно продемонстрировали неспособность власти, к тому моменту оказавшейся в политической изоляции, к позитивному государственному строительству. Е.Д. Кускова, как и многие представители российской интеллигенции, вошла в число противников нового режима, утверждая, что это самое правительство вызвало лишь «протест и презрение» и огромное желание избавиться от «непрощенных гостей» которые «сидят и правят царскими методами угроз и насилия», только не совсем понятно чем. Основные темы, вопросы, проблемы, которые затрагивала публицистка в своих работах, отражали суть её взглядов на происходящие в стране события. Как и в период с Февраля по Октябрь 1917 года, так и после большевистского переворота, на страницах газеты

«Власть народа», она в «Дневниках революции» и её единомышленники рассуждали на предмет отношения к новому правительству, к мероприятиям, проводимым им с целью переустройства всего государственного механизма. Характеризуя социальные преобразования, постоянный собеседник издания Л. Кафенгауз писал: «это правительство назвало себя рабочим очевидно потому, что оно стремилось закрыть русские фабрики и обресть миллионы населения на безработицу. Оно называло себя крестьянским за тем, чтобы не дать крестьянину выручить за продукты своего труда достаточно выгодной цены».[5] Другой постоянный автор, Н. Валентинов в своей статье, дополнил картину происходящего обращением к произведению великого русского писателя Н.В. Гоголя «Ревизор», в которой в аллегорической форме рассказал о положении вещей, указывая на то, что все искали контрреволюцию «в помещичьем натиске Собакевичей», а она, обманув всех, появилась в образе Хлестакова, «в которого уверовали наши простецкие Тяпкины-Ляпкины и Бобчинские мартовского урожая».[6] Автор сравнивал главного гоголевского героя с В.И. Лениным. «Вы помните характеристику Хлестакова, - писал Валентинов, - «молодой человек, несколько приглуповат. Говорит и действует без всякого соображения. Речь его отрывиста, и слова вылетают из уст его совершенно неожиданно».[7] Именно это обстоятельство: что он «одет по моде», что на нём красный галстук и прочие, сбивающие с толку аксессуары, что из кармана торчит «Капитал» Маркса, и он клянется, что это его сочинение, по мнению Валентинова, позволило ему на время встать во главе государства.

Е.Д. Кускова вслед за виднейшими представителями русской интеллигенции полагала, что весь тот строй, который насильственным путём пытались насадить большевики, противоречил поступательному развитию России и в конечном итоге способен был привести ее к гибели. «Получалась дикая вещь, - писала в одном из своих «Дневников» публицистка, - весь экономический строй России прямо кричал о своём буржуазном естестве, а политических сил для завершения этих экономических велений на горизонте не было. И, наоборот: в экономическом строе России не было решительно ничего коммунистического, а на арене политики прыгали огромными прыжками «коммунисты».[8] Дать ответ на вопрос, кто приведёт в соответствие политику и экономику, она затруднялась, потому как, по её мнению, в России ещё не было сил, способных это сделать, даже несмотря на то, что фронт их был достаточно широк, более того, на политической арене оппозиционно настроенных представителей русской интеллигенции не было достаточно видной фигуры, которая могла олицетворять собой порядок и за которой пошли бы массы. Е.Д.Кускова считала, что в конечном итоге диктатура пролетариата падёт, либо от собственного внутреннего разложения, как это случилось с самодержавием, либо изживёт себя «изнутри», путём проникновения в её ряды «своих людей», которые «в случае переворота перехватили бы жизнь», ведь население «сильно выросло, побывало в аду всяческих опасностей и научилось так или иначе спастись от них».[9] На протяжении всего периода с момента прихода к власти большевиков и вплоть до своего отъезда за границу, Кускова и её единомышленники не теряли надежды на падение власти большевиков, поэтому, после закрытия газеты «Власть народа», на московской квартире в период зимы 1918-1919 годов вместе со своим супругом С.Н. Прокоповичем, собирала так называемые совещания «за чашкой чая», где шли оживлённые беседы по вопросам поиска общей, приемлемой для всех платформы. По-видимому, теми же причинами объяснялось активное участие публицистки и её единомышленников во Всероссийском Комитете помощи голодающим (1921г).

1. Кускова Е.Д. Петроградские письма // Власть народа. 1917. 28 апреля.

2. Кускова Е. Что же дальше? // Власть народа. 1917. 9 ноября.

3. Там же.

4. Там же.

5. Кафенгауз Л. Перспектива рабства. // Власть народа. 1917. 21 декабря.

6. Валентинов Н. Где контрреволюция? // Власть народа. 1917. 19 ноября.

7. Там же.

8. Кускова Е. Дневники революции // Власть народа. 1918. 26 марта.

9. Кускова Е. Об одной ошибке. 1922 год. ГАРФ. Ф. Р- 5784, Оп.1, Д. 138. Л. 4.

РОЛЬ СЕМЬИ В МЕЖПОКОЛЕННОЙ ТРАНСМИССИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Панфилова Ю.С. (Ростов-на-Дону)

Статья подготовлена при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда, проект № 16-03-00545 «Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности».

Для любой общественной системы актуальна передача этнокультурного наследия в целях сохранения и воспроизводства этноса. В числе социальных институтов, наиболее тесно связанным с этнической реальностью большинством современных исследователей признается семья, поскольку именно в ней происходит становление первичной этнической идентичности человека. Другие социальные институты могут усилить или ослабить этническую ориентацию, но фундамент этнической культуры складывается в семье [1, с. 100].

В контексте нашего исследования мы ставим задачу выделить элементы семейной социализации, играющие наиболее значимую роль в формировании этнической культуры и выступающие механизмом трансляции этнической информации от поколения к поколению. Анализ научной литературы показал, что в первую очередь к таким элементам можно отнести традиции, в том числе связанные с гендерными и ролевыми моделями поведения членов семьи, язык, религию, элементы национального фольклора, бытовой культуры.

Одним из механизмов трансляции этнокультурной идентичности является формирование «этнических» норм поведения, основы которого закладываются в семье. Так, в большинстве национальных республик Северного Кавказа традиции семейной и родственной солидарности, уважения к старшим по возрасту, соблюдение приличествующих полу, возрасту, образованию, социальному статусу, ролевых моделей поведения до сих пор остаются значимыми и выразительными характеристиками поведенческой культуры [2, с. 140]. Определенным образом этническими традициями регламентированы и отношения родителей к детям. Например, у карачаевцев и балкарцев высок не только культ старших, но и младших. Особенность ролевых диспозиций заключается не только в том, что сохраняется уважительное отношение младших к старшим, но и наоборот [3].

Представления о гендерных ролях, типичных для конкретного этноса, также закладываются в семье. Так, традиционным для большинства семей современных республик Северного Кавказа является обычай воспитания детей на положительных примерах родителей с учетом женского и мужского начал. Одна из основных причин большой загруженности женщин домашними делами связана традицией деления домашних работ на «женские» и «мужские» [4, с. 86].

Необходимость соблюдения наследственности подчеркивается и в славянской системе воспитания. Элементом этнокультуры, способствующим развитию личности и расширению ресурсности семьи, выступает сохранение тесных родственных отношений, которые поддерживаются в том числе через традиции «аталычества», имя наречения, право на наследство отца и другие [5, с. 15].

Таким образом, ролевые и гендерные модели поведения, прошедшие апробацию в предыдущих поколениях, воспроизводятся в системе ценностей подрастающего поколения того или иного этноса в процессе повседневной жизнедеятельности семьи.

Указание на конфессиональную принадлежность в любом этнографическом описании свидетельствует о том, что религия позиционируется учеными как одна из важнейших характеристик этноса. При формировании этноконфессиональной общности этнические свойства становятся составными элементами религиозного культа и, напротив, отдельные элементы последнего приобретают характер этнических признаков [6, с. 14].

Результаты эмпирических исследований, проведенных в различных регионах России, показывают, что семья сохраняет значимое влияние на конфессиональную принадлежность. Так, по данным опроса, проведенного в 2012-2013 гг. в Республике Татарстан, влияние на религиозное самоопределение 66,9% опрошенных оказали родительская семья и ближайшие родственники. При этом в сознании многих татарстанцев религиозность является продолжением этничности («Родился и вырос в татарской семье, поэтому ближе все-таки ислам», – мужчина, 50 лет, татарин)

[7, с. 18]. В рамках опроса, проведенного в Ульяновской области (2014 г.), 76,5% респондентов, демонстрирующих разную конфессиональную принадлежность, указали, что основам религии их научили родители или родственники, а 32,9% отмечают религиозные праздники, потому что это принято в их семье [8, с. 135 – 138]. Е.И. Уфимцева, анализируя факторы формирования религиозности у молодых мусульман Саратовской области (2013 г.), пришла к выводу, что воспитание в семье, хоть и уступает таким факторам как общение с верующими и посещение мечети, остается значимой детерминантой религиозной социализации [9, с. 19].

Язык имеет вторую после происхождения степень важности определения этнической идентичности. Он является важным интегрирующим признаком и выступает одним из ведущих элементов традиционной этнической культуры. Владение родным языком – яркий показатель этничности личности. Так, например, опрос, проведенный в Республике Татарстан, показал, что основная часть опрошенных во всех возрастных группах владеет татарским языком. При этом среди респондентов назвали своим родным языком татарский: 95,0% горожан и 97,0% сельчан [10, с. 84].

Важным индикатором этнического самосознания является знание элементов национального фольклора, с которым ребенок впервые знакомится в семье через колыбельные песни, сказки, пословицы и т.д. Благодаря этому жанру осваиваются родной язык и простейшая схема мироустройства, передается обобщенный социально-исторический опыт, взгляды на явления общественной жизни, характерные для данного этноса.

Исследования, проведенные в национальных республиках, показывают, что элементы этнического фольклора на сегодняшний день остаются одной из востребованных форм повседневного семейного общения между родителями и детьми. Опрос школьников, проведенный в 2009 г. в Республике Алтай, выявил значимую корреляцию между степенью актуальности этнической идентичности и частотой использования родителями различных форм народной педагогики: практически все подростки отметившие, что знают народные сказки и поговорки, впервые услышали их в детстве от родителей или родственников [11]. В национальных республиках Северного Кавказа, как отмечают исследователи, и в наши дни через материнский фольклор ребенок получает начальные представления о традициях семейной и родственной солидарности, уважения к старшим по возрасту, соблюдение приличествующих полу, возрасту и социальному статусу этнических стереотипов поведения [12].

В числе механизмов трансляции этнической культуры нельзя не упомянуть приобщение подрастающего поколения к материальной культуре этноса (пища, предметы утвари, одежда), одним из агентов которого также выступает семья. Так, например, культура питания в семье как инструмент этнического определения, если и не имеет большого значения в повседневном рационе, сохраняется как обязательная часть праздничной культуры. Исследования показывают, что в повседневных практиках современных кабардинских и балкарских семей до сих пор присутствует деление пищи на каждодневную, обрядовую и праздничную, причем последняя имеет специфику в зависимости от повода (рождение сына, свадьба, похороны и т.д.). Во многих осетинских семьях до сих пор соблюдаются предписания, связанные с поведением за столом членов семьи разного возраста. Современная татарская кухня использует широкий набор повседневных блюд исключительно национального происхождения: среди всех этнографических групп татар отмечается широкое распространение традиционной кухни как в сельских, так и в городских семьях [10, с. 81].

Предметы одежды как элементы этнокультуры в повседневной жизни современной семьи широко не представлены, но продолжают сохранять свое значение в некоторых семейных торжественных событиях. Так, например, многие народы (Северного Кавказа, татары, казаки и др.) вместо привычных белого платья и костюма на свадьбах используют предметы национальной одежды, причем в последние годы данный тренд становится все более распространенным.

Таким образом, семья остается одним из основных трансляторов этнокультурной идентичности. Оказывая определяющее влияние на начальном этапе социализации ребенка, семья через традиционные гендерные и ролевые модели поведения, язык, религию, фольклор и т.д. формирует основы этнически окрашенных моделей поведения. При этом успешность передачи этнокультурных ценностей в современных условиях зависит от ряда факторов, главными из которых являются степень урбанизированности территории, в которой проживает семья и количество поколений, проживающих вместе.

1. Абулгизимов Е.А., Кириллова О.В. Сущность и содержание понятия «этническая социализация в поликультурной среде» // Вестник Чувашского университета. 2013. № 1. С. 105 – 111.
2. Магомедханов М.М. Дагестанцы: грани идентичностей (этноязыковый и социально-культурный аспекты) // Этнографическое обозрение. 2009. № 6. С. 133 – 148.
3. Куцетерова Ф.Т. Национальные и общечеловеческие традиции нравственного воспитания в педагогике карачаевцев // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 116. С. 45 – 51.
4. Курбанов М.-З. Ю. Внутрисемейные отношения в даргинской семье (традиции и инновации) // Вестник института истории, археологии и этнографии. 2007. № 10. С. 81 – 89.
5. Алдакимова О.В. Использование национальных традиций в области семейного воспитания ребенка-сироты в замещающей семье // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2010. № 3. С. 11 – 16.
6. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / ред. кол.: М. П. Мчедлов (отв. ред.), Ю. А. Гаврилов, В. В. Горбунов и др. М.: Культурная революция, 2007. 400 с.
7. Гимадеева Д.Р., Ефлова М.Ю. Конструирование религиозной идентичности в поликультурном обществе: социальные детерминанты // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2013. Т. 15. Кн. 6. С. 15 – 22.
8. Идиатуллов А.К. Религиозность русского населения г. ульяновска в начале XXI в. // Вестник Кемеровского государственного университета 2015 № 1 (61) Т. 4. С. 135 – 138.
9. Уфимцева Е.И. Роль семьи в религиозном воспитании в оценках мусульманской молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14. № 1. С. 15–22.
10. Сайфутдинова Г.Б. Межпоколенная трансмиссия этнической культуры у татар (по материалам этносоциологического исследования 1999–2002 гг.) // Вестник Чувашского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 1. С. 80 – 84.
11. Ушаков Д.В. Роль семьи в воспроизводстве этничности народов Республики Алтай // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 107. С. 101 – 108.
12. Бекоева Д.Д., Цховребова О.Д. Идеи воспитания и обучения в пословицах, поговорках и легендах (на примере осетинского фольклора) // Педагогика и психология образования. 2016. № 2. С. 24 – 28.

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Попов Е.В. (Москва)

Социальная проблема, которая подтолкнула автора к проведению исследования, заключается в том, что в современном обществе наибольшее распространение имеют иерархические коммуникативные сети, старающиеся артикулировать информацию, наиболее «удобную» для истеблишмента, создавая тем самым некий идеологический (дис)курс. В результате этого обнаруживается факт того, что некоторые социальные группы находятся под прессом дискриминации в конкретном дискурсе, будь то политический или культурный.

Актуальность представленного исследования, помимо малоизученности темы, заключена в том, что дискурсом (или же внутри дискурса) формируется общественное мнение по тому или иному вопросу. Рассмотрение того как функционирует (конструируется) дискурс (какие аспекты артикулируются в официальных документах, СМИ) и как он «практикуется», поможет выявить основные механизмы конструирования общественного мнения с целью установления определенного курса мышления (идеологии).

Под националистическим дискурсом в данном исследовании понимается вербально артикулированная форма объективации содержания человеческого сознания в отношении вопросов этничности, нации или расы, регулируемая доминирующим в социокультурной традиции типом политической рациональности:

- 1) призывающей к политике ассимиляции и / или аккультурации в рамках построения единой гражданской нации;
- 2) призывающей к политике сегрегации и изоляционизма для улучшения положения одного этноса (нации).

В методологическом и аналитическом плане автор придерживается методических разработок критического дискурс-анализа Н. Фэйркло, в которых основными элементами анализа являются интердикурсивность (использование для артикуляции какого-либо одного дискурса слов

из иных (внешних) дискурсов), интертекстуальность (отсылки к каким-либо текстам, внешним по отношению к анализируемому тексту), выбор слов (построение предложений и словосочетаний с целью артикуляции определенного типа объективации), номинализация (степень агентивности того или иного действия (наличие субъекта действия)) и модальность (степень включенности автора в текст – использование личных местоимений и личной формы глагола). В данном качественном исследовании националистического дискурса был заимствован подход А. Стросса и Б. Глезера, который называется grounded theory или обоснованная теория. Согласно этому подходу в выборку входят только те элементы исследуемой совокупности, которые релевантны целям исследования [1]. В данном случае в выборку публичного медиаконтента вошли лишь те информационные источники (медиа), содержание которых, так или иначе, участвует в конструировании или же в ретрансляции националистического дискурса. Кроме исследования содержания медиа автором была предпринята попытка исследования артикуляции националистических идей в преподавательских практиках при помощи экспертного опроса преподавателей, ведущих дисциплины, так или иначе, связанные с этносоциологией. Основанием для предположения о том, что преподаватели могут артикулировать форму объективации содержания человеческого сознания в отношении вопросов этничности, нации или расы, регулирующую доминирующим в социокультурной традиции типом политической рациональности, стала теория символического насилия П. Бурдьё, согласно которой преподаватели вовлечены в процесс символической борьбы и через «педагогический авторитет» и «педагогическое воздействие» при коммуникации на занятиях транслируют «главенствующий» дискурс [2].

Цель данной работы - критический анализ современного националистического дискурса в Российской Федерации, с использованием данных по Архангельской области.

Объект исследования - вербальная форма объективации человеческого сознания, регулируемая доминирующим в обществе типом рациональности.

Предмет - националистический дискурс-строй в Российской Федерации.

Для реализации указанных задач в данной работе был применен спектр специальных социологических методов – контент-анализ (дискурс-анализ), экспертный опрос, анализ документов.

Гипотезы исследования

Основная гипотеза: в корпусе нормативно-правовых текстов, составляющих политико-правовой контекст формирования дискурса, артикулируется превосходство «русского этноса» над остальными этнонациональными образованиями, существующими в пределах Российской Федерации.

Гипотезы – следствия:

1. В рамках преподавательского дискурса артикулируется мультикультуралистская идея.
2. В националистическом медиа-пространстве дискурс национализма чаще всего артикулируется при помощи новостей о преступлениях, совершенных мигрантами.

В процессе анализа текстового материала нормативно-правовых актов, которые вошли в корпус политико-правового контекста, был сделан вывод о том, что через эти нормативные документы истеблишментом артикулируется гражданско-националистический дискурс, который устанавливает создание новой национальной единицы в лице российской гражданской нации, которая должна базироваться на идеях мультикультурализма, где «интегрирующей» основой является «русская» культура и русский язык.

Анализируя контент пронационалистических медиа автор пришел к выводу, что с их помощью артикулируется дискурс защитного национализма (согласно классификации национализма Л. М. Дробужековой, А. Р. Аклаева, В. В. Коротева, Г. У. Солдатова [3]), который подразумевает доминирование идей защиты «русской» культуры, языка, территории от вторжения инородных элементов. Артикуляция данного дискурса происходит за счет создания «образа врага» и создания негативного отношения к представителям некоторых народов, населяющих территорию РФ, а также выходцам из стран Средней Азии. Нужно отметить, что создание негативного образа по отношению к народам, проживающим на территории РФ, происходит за счет артикуляции паритетного и экономического националистического дискурса.

Анализ текстов экспертного опроса преподавателей, ведущих дисциплины, в рамках которых, так или иначе, может происходить артикуляция элементов националистического дискурса, показал, что в рамках преподавательских практик националистический дискурс носит двойственный характер:

1. Во-первых, для преподавательского дискурса характерна артикуляция идеи гражданского национализма, которая транслируется в политико-правовом контексте, основывающейся на мультикультурализме, где системообразующей единицей является «русская» культура и русский язык.

2. Во-вторых, для преподавательского дискурса в такой же мере характерна артикуляция элементов дискурса защитного национализма, риторика которого характерна для пронационалистических медиа.

Говоря о подтверждении или опровержении гипотез исследования нужно отметить следующее:

Основная гипотеза - в корпусе нормативно-правовых текстов, составляющих политико-правовой контекст формирования дискурса, артикулируется превосходство «русского этноса» над остальными этнонациональными образованиями, существующими в пределах Российской Федерации – не подтвердилась, так как в процессе критического дискурс-анализа законодательных текстов было выяснено, что артикулируется не превосходство «русского этноса», но главенство «русской» культуры и русского языка.

1. Гипотеза - следствие о том, что в рамках преподавательского дискурса артикулируется мультикультуралистская идея подтвердилась лишь частично, так как в процессе анализа данных экспертных интервью было выявлено, что идея мультикультурализма в рамках преподавательского дискурса артикулируется в контексте идеи гражданского национализма, где мультикультурализм осуществляется на основании интегрирующей функции «русской» культуры и русского языка.

2. Гипотеза - следствие о том, что в националистическом медиа пространстве дискурс о национализме чаще всего артикулируется при помощи новостей о преступлениях, совершенных мигрантами не подтвердилась, так как в процессе анализа пронационалистического контента был выявлен факт того, что создание негативного отношения и образа «врага» в лице мигрантов может осуществляться на основании широкого спектра информационных поводов – от выступления президента постсоветской республики до драк между представителями различных национальностей.

1. Strauss, A. *Qualitative analysis for social scientists*. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 1987

2. Бурдые П. *Социология социального пространства*. СПб.: Алетейя, 2007

3. Тишков В. А. *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии*. М.: Наука, 2003.

ДРУЗЬЯ, ВРАГИ, СОСЕДИ – ТУРКИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Ракачева А.В. (Санкт-Петербург)

«Этот короткий XX век», по меткому определению Э. Хобсбаума безусловно был веком революций. Одним из безусловных лидеров революционным эпицентром была Россия, которая прямо и косвенно вовлекала в революционный процесс своих соседей.

Турция всегда была одним из ближайших и важнейших соседей России, и ее статус менялся на протяжении столетий от статуса врага – к статусу союзника и друга – и наоборот. Также как и Россия, Турция прошла сложный путь крушения Османской империи, процесса модернизационных преобразований Ататюрка и новый революционный взрыв на рубеже веков: когда турецкое общество, как и российское стало перед нелегким выбором: светского или религиозного государства, Европы или Азии. Июльский переворот 2017 г., укрепление власти Р. Эрдогана, активизация исламских движений, война в Сирии и другие события истории и современности отражаются сегодня в представлениях россиян, влияют на образ Турции и турок. Изучение этого стереотипного образа чрезвычайно важно для понимания тесных, но в то же время непростых отношений России и Турции на современном этапе, возможности корректировки российской международной политики.

Один из эффективных методов в исследовании стереотипного образа – метод семантического дифференциала. В нашем исследовании мы использовали модификацию, разработанную З.В. Сикевич [1]. Данный метод был применен нами для оценки содержания и

направленности стереотипного образа Турции и турок в представлениях россиян. Исследование проводилось в июне–июле 2017 г. в г. Краснодаре, выборочная совокупность – 120 человек.

Полученные результаты позволяют говорить о существовании в целом положительного этнического стереотипа турок в представлении россиян. Средний балл по всем шкалам составил 4,5. Однако, хотя стереотипный образ Турции и турок носит формально позитивный характер, он существенно смещен к нейтральному центру – 4. Анализируя ответы по отдельным шкалам, можно отметить, что показатели по некоторым из них смещены в негативную часть континуума или приближаются к нейтральным оценкам.

Максимально позитивные оценки респонденты дали туркам в таких семантических парах как «патриоты / не патриоты», «с чувством собственного достоинства / без чувства собственного достоинства», «духовные / бездуховные», «общительные / замкнутые », «свободолюбивые / покорные», «трудолюбивые / ленивые». Таким образом, эти качества составляют положительные характеристики этнического стереотипа турок.

Минимальные оценки были даны в таких парах как «миролюбивые / воинственные», «союзники / противники», «индивидуалисты / коллективисты», «добрососедские / враждебные», «друзья / враги», «интернационалисты / националисты».

К нейтральным приближаются показатели по таким шкалам как «развитые / отсталые», «открытые / закрытые», «сильные / слабые», «нравственные / безнравственные», «богатые / бедные», «деловые / беспечные», «счастливые / несчастные», «инициативные / безынициативные», «уважающие законы / не уважающие законы».

Таким образом, гетеростереотип турок, существующий в представлениях россиян можно описать посредством следующих качеств: патриоты, с чувством собственного достоинства, духовные, общительные, свободолюбивые, трудолюбивые, однако турки также характеризуются как «воинственные соперники». Последняя характеристика, по всей видимости, связана с длительным историческим противостоянием Российской и Османской империй закрепленным в учебниках, фильмах, художественной литературе.

В целом подавляющее большинство качеств, через которые россияне оценивают и воспринимают Турцию и турок скорее нейтральные, чем положительные, что формирует общую направленность стереотипа.

Помимо метода семантического дифференциала в исследованиях этнических стереотипов одним из наиболее апробированных классических методов, является метод приписывания качеств [2]. Данный метод позволяет помимо содержания стереотипа выявить степень его согласованности и направленности.

По результатам нашего исследования, респонденты выделили 282 характеристики, с помощью которых они описывали турок. Из этого числа приписанных качеств нами были выделены те, которые можно считать стереотипными, в связи с наибольшей согласованностью, т.е. наибольшей частотой упоминания их респондентами. Они могут быть охарактеризованы как ядро стереотипа и составляют его основное содержание. Ядро стереотипа составили 26 качеств, на долю которых пришлось более половины (54%) всех упоминаний.

Наиболее часто упомянутые качества турок, которые можно отнести к содержательному ядру стереотипа, позитивно заряжены и отражают основные характеристики, посредством которых россияне представляют себе турок.

Группируя все приписанные качества, можно выделить следующие содержательные кластеры: коммуникативные качества, социально-политические, социокультурные, деловые, внешние и моральные качества.

Среди приписанных респондентами качеств, присущих туркам, лидируют коммуникативные характеристики, те свойства, которые проявляются в общении и взаимодействии как межличностном, так и межгрупповом (общительные, веселые, дружелюбные, открытые, гостеприимные). На втором месте кластер, который условно можно обозначить как социально-политический, он отражает политические интенции исторически транслируемые турками в международных отношениях (воинственные, патриоты, сильные, враждебные). Третий кластер образуют социокультурные качества, характеризующие культурные традиции турок, уровень развития турецкого общества (традиционные, верующие/религиозные, коллективные, развитые). Наконец еще один крупный кластер составляют деловые качества (трудолюбивые, деловые, инициативные). Такое распределение качеств, свидетельствует в первую очередь о высокой степени коммуникативных контактов между турками и россиянами, которые носят

позитивный характер, что и позволяет респондентам детально описывать и характеризовать турок именно через эту категорию свойств.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что стереотипный образ турок в представлениях современных россиян сегодня складывается как на основе исторического опыта взаимодействия двух стран и народов, так и нынешних контактов и отношений, вектор которых существенно изменился. Преобладание позитивных и нейтральных характеристик, с одной стороны, и сохранение ряда негативных качеств, позволяет говорить о трансформации стереотипного образа турок, его переходном характере. Как будет меняться этнический стереотип турок, будет во многом зависеть от специфики дальнейшего взаимодействия двух стран и народов.

1. Сикевич З.В. «Образ» прошлого в символическом сознании россиян // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 87–93.
2. Стефаненко Т.Г., Шлягина Е.И., Ениколопов С.Н. Методы этнопсихологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1993.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИЙ СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ.

Ребров С.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация: Наследие бывшего Советского союза в политической, идеологической и культурной сферах современной России столь велико, что постоянно используется в рамках современного российского политического процесса. Постоянное сравнение нынешнего российского государства с бывшим СССР в области идеологических и культурных взаимосвязей, создаёт крайне плодотворное поле для изучения. В данной работе было подробно рассмотрено символическое наследие политического мифа об Октябрьской революции в отечественной политической культуре. Автором был произведён анализ идеологических конструкций данного политического мифа, а также были подвержены изучению сами изменения его элементов на протяжении смены эпох.

История великой российской революции до сих пор остаётся крайне актуальной тематикой исследования в социальных науках. Опуская вопросы идеологической интерпретации, изучение наследия отечественных революций 1917 года является крайне богатой темой для интенсивного исследования. В рамках же политической науки изучение революций, как правило, сконцентрировано в области сравнительных и описательных исследований, что несколько сужает проблематику. Кроме непосредственно истории самих революций, революционное наследие находит своё отражение в культуре, подкрепляемое или скрываемое при помощи такой практики как «символическая политика».

Данный термин понимается нами как эксплуатация политических символов в общественно-политическом дискурсе, способствующим легитимации того или иного общественно-политического строя. Использование символической политики характерно для любого вида политических режимов (как авторитарных, так и демократических), различаться могут лишь сами методы и возможности её реализации. Основными же элементами любой символической политики являются политические мифы, используемые носителями власти в качестве инструментов легитимации в политической, социальной, культурной и иных сферах. Сами политические мифы представляют собой идеологические конструкты, созданные на основе определённых исторических событий, трактующие их в зависимости от развития политического процесса. Причём реальные исторические события и их символические трактовки могут отличаться друг от друга крайней полярностью, что было, весьма характерно для советской практики [Завершинский, 2012].

При формировании нового типа символической политики или совокупного «метанарратива», руководство современной России заявило о разрыве с советским прошлым, заявив о строительстве новой демократически-рыночной модели. В то же самое время новое российское государство признало себя как правопреемника СССР. При разработке новых методик символической политики, был взят курс на правопреемственность от дореволюционной России, следуя практике других бывших советских республик. То есть здесь имеет место отсутствие чёткого разграничения между российскими и советскими элементами новой политике символов в России, составляющих единый «метанаврратив»

Здесь сразу стоит пояснить, что понимается под термином «метанарратив». Данный термин был использован в книге, австралийского политолога, Грэма Гилла, «Символы и

легитимность в советской политике». В данной работе главная мысль автора заключалась в том, что смена политических режимом происходит не только как смена государств и систем управления, а также ещё и как смена символических элементов политики [Gill, 2011, 198-199]. Именно на изменении символической политики, то есть, на изменении той системы символов, поддерживающих советский строй, и концентрируется Гилл.

Политический миф о Великой Октябрьской социалистической революции стоит относить к категории «мифы основания», ведь именно данное событие стало отправной точкой всего дальнейшего советского политического процесса. С первых лет советской власти история революции постепенно начала становится важнейшей частью политической культуры населения Советской России, а в дальнейшем и СССР.

Огромное количество кинокартин, художественных романов, памятников архитектуры, названий городов и памятных мест, свидетельствует о колоссальной важности Октябрьской революции не только для советской политической культуры, но и для политической культуры современной России. Однако очевидным является тот факт, что элементы символической политики связанные с историей революции не являлись даже в советское время устойчивыми и неизменными. На протяжении всего периода истории Советского союза те или иные политические события, связанные с революцией подвергались пересмотру или же вовсе замалчивались. Особенно можно выделить истории многих революционных деятелей, игравших важную роль в революционных и последующих событиях, но подвергшихся впоследствии репрессиям и историческому забвению (с последующей реабилитацией для ряда деятелей). То есть здесь мы являемся свидетелями историко-политической трансформации самого символа Октябрьской революции, символа, который являлся центром всей советской политической культуры.

В первые же годы существования Новой России, интерпретация национального прошлого в публичном дискурсе властвующей элиты была подчинена задаче оправдания радикальной трансформации советского строя. Цели реформ, начатых в 1992 г., формулировались в теме радикального либертариистского либерализма и антикоммунистической риторики, сложившихся еще в годы перестройки. Здесь становится интересным наблюдение за тем, как менялись символические структуры понимания Октябрьской революции уже в современную эпоху и какое именно влияние они оказывают на современную отечественную политическую культуру.

С момента распада СССР и запрета деятельности КПСС, символическая политика, связанная с интерпретацией Октябрьской революции была радикально изменена, вследствие появления нового политического строя [Малинова, 2015, 36]. Однако, несмотря на широкую антикоммунистическую позицию представителей власти, и практику запрета праздника седьмого ноября в других бывших союзных республиках, день революции запрещён не был. Вплоть до 1995 года праздник носил точно такое же название, как и в годы существования СССР, однако позже был переименован в «День согласия и примирения».

Анализируя новое название, можно заметить, что трактовка самого события была однозначно смещена в сторону примирения враждующих сторон (красных и белых). С другой же стороны подобная примиренческая риторика мало соответствовала действительности, скорее имело место частичная десоветизация, затронувшая ряд российских городов, населённых пунктов, проспектов, улиц и тд. Безусловно, отечественная десоветизация не идёт ни в какое сравнение с примерами похожей политики в иных бывших советских республиках (где зачастую доходило до законов о «декоммунизации»), но тем не менее, подобная символическая трансформация ярко выразила политические позиции новой власти.

Несмотря на подобные политические изменения, день Октябрьской революции оставался выходным днём вплоть до 2005 года, когда официальный выходной седьмого ноября был отменён с учреждением нового государственного праздника «Дня народного единства» (4 ноября).

На данный момент в общественно-политическом сознании отсутствуют какие-либо устроившиеся символические элементы, связанные с восприятием Октябрьской революции, о чём свидетельствуют столь противоречивые данные опросов общественного мнения, связанные с оценкой деятельности ключевых фигур тех событий.

1) G.Gill. *Symbols and Legitimacy in Soviet Politics*. - Cambridge University Press, 2011.

2) О.Ю. Малинова. *Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. - М.: Политическая энциклопедия, 2015.

3) Н.Н. Козлова *Советские люди. Сцены из жизни*. М.: Издательство «Европа», 2005.

- 4) С. Бойм *Обице места: мифология повседневной жизни*. М.: Новое литературное обозрение, 2002.
- 5) А. Юрчак *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- 6) К. Ф. Заверишинский. *Политический миф в структуре современной символической политики*. – СПб.: Вестник СПбГУ, Сер. 6.. Вып. 2, 2015.
- 7) Н. И. Шестов. *Политический миф теперь и прежде*. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

КАКИЕ УРОКИ МОЖНО ИЗВЛЕЧЬ ИЗ ОПЫТА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СССР?

Самсонова Т.Н. (Москва)

Аннотация. Советская модель национально-государственной идентичности с самого начала её целенаправленного конструирования в условиях глубоких политических, экономических и социокультурных трансформаций обладала рядом важных качеств, которые и обеспечивали её устойчивость на протяжении нескольких десятилетий. Она носила внутренне целостный, интегративный и многоуровневый характер. Была создана уникальная система институтов и механизмов политической социализации и гражданской идентификации. Целенаправленная политика государства в этих вопросах являлась важнейшим атрибутом самого государственного устройства. Анализ процесса формирования и функционирования советской модели национально-государственной идентичности может преподать некоторые «уроки» и быть полезным. Изучение особенностей этой модели, осмысление и учет допущенных просчетов призвано содействовать совершенствованию механизма формирования национально-государственной идентичности в России сегодня.

В современной России продолжается процесс формирования национально-государственной идентичности. Граждане страны за последние десятилетия дважды пережили разрушение идейно-ценностных конструкций: на рубеже 1980-1990-х годов рухнула вера в социалистические идеалы, а через несколько лет большинство россиян испытало разочарование в либерально-демократических ценностях образца 1991 года. Идейный и ценностный вакуум пагубно сказывался на развитии страны. В такой ситуации изучение процесса конструирования и функционирования советской модели национально-государственной идентичности призвано преподать некоторые «уроки» и быть полезным.

Национально-государственную идентичность можно рассматривать как феномен массового сознания, имеющий культурно-психологическую природу. Ее репрезентацией является многогранный образ «мы», т.е. совокупность взаимосвязанных между собой представлений в различных проекциях - временной, пространственной, символической, лингвистической, повседневно-бытовой [3]. Национально-государственная идентичность (в научной литературе и публицистике нередко используются и близкие по содержанию понятия – национально-гражданская, гражданско-государственная идентичность) включает лояльность государству, отождествление индивида со своими согражданами, ответственность за судьбу страны. В идентичности прослеживаются когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы.

Процесс целенаправленного формирования советской модели национально-государственной идентичности начался в середине 1920-х годов, осуществлялся в очень сложных условиях. Построение советского общества было попыткой сформировать новый императив общественного устройства: «...Мы наш, мы новый мир построим...» (выделено нами – Т.С.). Советское общество рассматривалось как уникальное, впервые в истории человечества осуществляющее собственный путь национально-государственного развития.

Реализация столь грандиозного проекта требовала тотального разрыва с прошлым, новой временной триады «прошлое – настоящее – будущее». Ключевым звеном выступало именно «светлое будущее человечества», достижение которого призвано было в значительной степени оправдать «жертвенный» характер проводимой в стране в 1930-1950-е годы государственной политики. Поэтому шло целенаправленное разрушение социальной памяти о досоветском прошлом. В этих условиях активно насаждалось представление о том, что История началась в 1917 году, а все, что было до этого - лишь предыстория страны и народа.

Не происходило ли нечто подобное в нашей стране на рубеже XX-XXI веков?! Проявился синдром потери идентификации на общегосударственном уровне. Советское прошлое представлялось исключительно в мрачных тонах. Постепенно в массовом сознании складывается понимание того, что советский период является безусловным историческим наследием нашей страны, разрыв с которым ведет к потере чувства коллективной идентичности. Решая задачу формирования в современной России гражданской нации, нельзя забывать, что ее идеология

включает версию общего прошлого, патриотизм и лояльность государству, принципы ответственного гражданина.

Советская модель национально-государственной идентичности обладала рядом важных качеств, которые и обеспечивали её устойчивость на протяжении нескольких десятилетий. Она носила внутренне целостный, интегративный и многоуровневый характер. В ходе целенаправленной политики государства была создана уникальная система институтов и механизмов политической социализации и гражданской идентификации. Это способствовало интеграции разрозненных социальных групп в новую гражданскую общность – «советский народ». (Этот процесс осуществлялся в условиях командно-административной системы и жесткого социального контроля и показал свою уязвимость в условиях глубокой трансформации). Советская модель была ориентирована не только на национальные, но и на «общечеловеческие» интересы, что давало возможность затушевывать, хотя бы частично, проявлявшиеся в обществе противоречия. Решались и задачи конструирования позитивного образа «простого человека», который «включался» в макрополитические и социально-экономические процессы, испытывая при этом эмоциональный «эффект сопричастности» к великим созидательным делам. Поэтому успехи советского государственного строительства нельзя объяснять исключительно применением методов принуждения и насилия.

На рубеже 1930-1940-х годов основным лейтмотивом формирования советской идентичности стала идея патриотизма. Патриотизм является важным фактором консолидации и согласования интересов различных групп, единения государственных и общественных сил. Патриотизм означает не просто любовь, а «деятельную любовь», которая проявляется в том, что забота человека о своей стране становится и заботой о себе [2]. Это наглядно проявилось в годы Великой Отечественной войны, когда граждане СССР сплоченно выступили на защиту Отечества.

Сравнительный анализ процессов становления национально-государственной идентичности в СССР и современной России позволяет выявить еще одну параллель, своего рода «повторение». В 1920-1930-е годы шло формирование нового пантеона национальных героев. Постепенно на смену периоду отказа от героев досоветского времени пришел период «вписывания» некоторых элементов «старой», досоветской истории в общее пространство исторической памяти народа. В России в последние десятилетия происходил подобный процесс, процесс очень не простой, даже болезненный. Ведь пантеон героев позволяет не только выявить поворотные, ключевые вехи национальной истории, но и определить, что народ больше ценит – силу или насилие, ум или хитрость. Представляются недостойными попытки провести почти тотальную дегероизацию российской истории, когда под предлогом борьбы с лжегероями и мифами шло развенчание действительных героев, размывание самого понятия подвига, девальвация героического поведения [1]. Забывая о своем героическом прошлом, нация, по сути, лишается исторической памяти и исторического кругозора. У Гегеля есть такие слова: «Для лакея нет героя. И не потому, что герой не есть герой, а потому, что лакей есть лакей».

Исторический опыт показывает, что важнейшим условием формирования эффективной национально-государственной идентичности является системность проводимой «политики памяти», скоординированная деятельности основных субъектов политической социализации [4]. Велико и значение транслируемого многогранного «образа будущего», своего рода общественного идеала (его отсутствие в наши дни пагубно сказывается на состоянии общества), создание и воспроизводство многомерного пространства общенациональных политических символов.

В формировании советской модели национально-государственной идентичности были и серьезные просчеты (апелляция к конфликтному образу прошлого, чрезмерная идеологизация, разрыв между идеалом и реальностью и др.), что, в конечном счёте, привело, наряду с другими причинами, к ее разрушению. Осмысление и учет этих просчетов могут быть полезны в процессе формирования современной российской национально-государственной идентичности.

Литература

1. Самсонова Т.Н. Гражданское образование в условиях глобализации: проблемы и пути совершенствования // Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / под ред. А.И. Костина. М.: Издательство Московского университета, 2016.
2. Самсонова Т.Н. Становление гражданина-патриота // Вопросы социальной теории. Научный альманах. Том VII. Вып. 1-2. 2013-2014. Человек как субъект конструирования / под ред. Ю.М. Резника и М.В. Глостановой. М.: Издательство Независимого института гражданского общества, 2015. Т. 7. №1.

3. Следзевский И.В. Образ России как смысловой конструкт. (Семантическая составляющая «главного русского спора») // *Общественные науки и современность*. 2007. №7.

4. Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваши формат», 2017.

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАРТИНЫ МИРА ЯЗЫКОМ ПЛАКАТА: СРАВНЕНИЕ «КРАСНЫХ» И «БЕЛЫХ» ПЛАКАТОВ ЭПОХИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Сергеева О.В. (Санкт-Петербург)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-83-01003 "Гражданская война в России образах визуальной пропаганды: словарь-справочник"

Сегодня мы живем в эпоху «мягкой силы», отличительной характеристикой которой является инкорпорирование политической идеологии в явления и процессы, далекие от политики, например, еду, моду, заботу о здоровье. Сто лет назад политическая коммуникация была прямолинейна, а пропаганда часто по-лубочному бесхитростна. В России первые десятилетия XX века стали периодом быстрого развития массовых форм убеждения, и поэтому годы военного противостояния «красных» и «белых» можно рассматривать как период накопления идеологических практик, имеющих значение для понимания механизмов пропаганды, в частности, способов моделирования картины мира языком изображений.

Плакаты в годы революции и Гражданской войны были важнейшим видом идеологического оружия, именно потому обращение к ним помогает реконструировать «красную» и «белую» картины мира. Плакаты Гражданской войны обеих враждующих сторон использовали знаки нескольких визуальных парадигм – это иконопись, лубок, журнальная карикатура, живопись авангарда. Для социальных исследователей важно, что язык изображений, как и любой другой язык, служит не только целям коммуникации (то есть для передачи сообщений), но и целям моделирования реальности. Знаки различных языков управляют нашей картиной мира. Потому можно сравнивать то, с помощью каких визуальных языков говорили «красные» и «белые» плакаты. Сопоставление визуальных шаблонов помогает определить, какую прошлую, настоящую и будущую реальность репрезентировали плакаты противников.

Язык иконы был привычен для крестьянских масс. Его особенности – зависимость размера героев от смысловой роли в сюжете, клейма для передачи одновременных событий и демонстрации течения времени – воплощались в политическом плакате. И на «красных», и на «белых» плакатах есть типичные для народного восприятия иконописные приемы.

Специфика лубочных изображений состояла в разыгрывании сюжета, что воспринималось без барьеров представителями устной культуры. Лубок как драма возможен благодаря своему иероглифическому характеру: фигуры появляются в узнаваемых драматических позах для легкого «чтения» [1]. Язык лубка также, как и язык иконы был вовлечен в плакатную живопись, как «красных», так и «белых».

Шаблоны журнальной карикатуры к 1917-му году отнюдь не были чужды российской публике. Язык карикатуристов подхватил и развил иероглифичность сатирических фигур. Этот язык вместе с лубочными приемами использовался в политических плакатах для создания образов врагов.

Наконец, язык авангарда, воплощенный в экспериментах по устранению границ между текстом и изображением, в буквах, передающих звуковые ощущения, в образах-ассоциациях, моделировал картину будущего.

Сравнивая знаки визуальных парадигм «красных» и «белых», можно увидеть:

во-первых, общее у «красных» и «белых» обращение к лубку и карикатуре для создания фигуры врага (у «белых» особое внимание уделялось этнически чуждым, «не русским» врагам);

во-вторых, весомое присутствие образа потерянной или страдающей родины на «белых» плакатах, что делалось живописным языком модерна;

в-третьих, моделирование на «красных» плакатах образа будущего общества языком живописи авангарда (в то время как у создателей «белых» плакатов не было такого иконического языка для описания будущего, хотя был очень выразительный язык для описания бедствий

страны). Авангардистские приемы создали образы пост-революционных мужчин и женщин и канализировали массовые ожидания нового машинно-промышленного мира.

Совершив революцию, большевики предприняли радикальный разрыв с традициями прошлого, а также с тем, что ассоциировалось с капиталистическим Западом. Они начали перестраивать видевшееся им отсталым российское общество в соответствии с представлениями об идеальном современном промышленном государстве. Как отмечает историк Виктория Бонелл, для большевиков вопрос заключался «не только в захвате власти, но и в захвате смысла» [2].

Конечно, пропаганда не была главным фактором исхода гражданской войны, но она направляла понимание реальности людьми в условиях потери ориентиров. Язык авангарда на «красных плакатах» описывал помимо прочего реальность будущего, выводя из круга бедствий войны.

1. Лотман Ю.М. *Художественная природа русских народных картинок* [Электронный ресурс] URL <http://www.philologoz.ru/lotman/lubok.htm> (Дата обращения 10.10.2017)

2. Bonnell V. *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. University of California Press, 1998.

СТЕРЕОТИПЫ О РУССКИХ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ ГОРОЖАН: НА ПРИМЕРЕ Г. ЕКАТЕРИНБУРГА

Скрябина К.Ю. (Екатеринбург)

АННОТАЦИЯ

Этнические стереотипы, передаваясь через поколения, предстают неотъемлемой частью самосознания индивида. Таким образом, при возникновении необходимости взаимодействия с представителями «своей» и «чужих» этнических групп, стереотипы получают одну из ведущих ролей при выборе модели поведения. Россия в данном случае является «прецедентным случаем», так как в ней уже несколько столетий живут носители разных этнических культур и актуальность изучения существующих этнических стереотипов важна и с теоретической, и с практической точки зрения.

Специфика каждого народа находит свое отражение в культуре, традициях, обычаях, сознании людей, в складывающихся стереотипах. Формируется мнение относительно других народов и своего. С усилением экономических, политических, культурных связей между народами и странами, с возрастанием темпов миграций, процессов глобализации, представляет наибольший интерес, какое значение и место отводится в нашей стране ведущему этносу - русским, выделению их традиций, обычаев, особенностей труда, отдыха.

Основной проблемой, затрагиваемой в статье, является выявление существующих этнических стереотипов о русских как среди людей, идентифицирующих себя с этим этносом, так и среди людей, идентифицирующих себя с другими. Как правило, в непосредственном взаимодействии эти стереотипы отходят на задний план, лидирующие позиции занимают личностные характеристики, однако, так происходит не всегда. Может происходить так, что этнические стереотипы о русских перерастают в предрассудки, изменить которые гораздо сложнее. Таким образом, этнические стереотипы обуславливают межличностные взаимоотношения между представителями различных народов.

До настоящего времени в научной среде существуют разногласия в определении понятия «стереотип», производятся попытки объяснить принципы и механизмы их формирования, их проявления в обществе, среди исследователей и ученых возникают дискуссии о влиянии стереотипов на отношения индивидов и различных социальных групп. Исследовательский интерес к стереотипам обусловлен реальными проявлениями, складывающимися на основе искаженного формирования образов восприятия человеком окружающего мира и общества. Известна роль стереотипов в формировании общественного сознания в его различных формах: научной, философской, религиозной, эстетической и прочих. При этом, стереотипы зачастую отождествляют с традициями и обычаями, мифами и ритуалами, которые также присутствуют в каждой из названных выше форм общественного сознания. Однако, следует отметить, что стереотипы имеют существенное отличие от них, которое кроется в их психологическом основании. Таким образом, традиции и обычаи отличает их объективированность, доступность для других людей, стереотипы же, наоборот, отражают уровень субъективных умонастроений, оценок, которые индивид (или группа, общество) чаще всего намеренно скрывают [1].

В разное время ученые обращались к разработке теории стереотипа. Первым в широкий научный оборот ввел понятие «стереотип» Уолтер Липпман. Согласно его концепции – описанной в 1992 году в книге «Общественное мнение» – основная причина устойчивости стереотипов объясняется их функцией защиты социальных ценностей в рамках группы. Устойчивость любого стереотипа, по мнению Липпмана, сохраняется за счет свойства человеческого ума фиксировать

факты, поддерживать стереотипы и отбрасывать информацию, противоречащую им. Липпман определил стереотип как «упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки» мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценности, позиции и права» [2].

Есть несколько важных аспектов данной теории, которые – на наш взгляд – являются актуальными и по сей день. Первый заключается в том, что стереотипы помогают людям функционировать в повседневной жизни. Представляя собой стандартные варианты и образцы, они призваны служить некими ориентирами для человека, некой опорой для интерпретации и типологизации огромного потока ежедневной информации. Таким образом, можно сказать, что несмотря на то, что картина мира, построенная на стереотипах, безусловно, не является полной, однако, она представляет собой картину мира, к которой люди приспособлены, и чувствуют себя в ней комфортно. Вторым аспектом становится тот факт, что действие стереотипа имеет первоочередность по отношению к действиям разума. Этот факт находит свое отражение в специфическом влиянии на информацию, воспринимаемую нашими органами чувств до того, как она достигает разума. То есть стереотип накладывает свой отпечаток в сам момент восприятия фактических данных [3].

Далее, исследования социальных стереотипов находят свое распространение в теории социальной идентичности и когнитивном подходе. Базовым положением теории социальной идентичности становится следующее: каждый индивид имеет два набора социальных характеристик: первый – определенные социальные характеристики, которые демонстрируют членство в группе, второй – персональные и индивидуальные характеристики, они являются более специфичными и уникальными. Таким образом, одной из ведущих функций стереотипизации становится межгрупповая дифференциация. Оценочное сравнение, чаще всего, проводимое в пользу «своей» группы, позволяет поддерживать позитивную социальную идентичность и производить объяснение межгрупповых отношений, например, действий, совершаемых или планируемых по отношению к «чужим» группам [4]. Итак, в данной связи необходимым представляется введение понятий «этнос» и «этнический стереотип».

Несмотря на отсутствие общепризнанной теории о сущности, природе, характере и строении такого феномена как этнос в научном сообществе, нами был выбран «рабочий вариант». Этнос – это специфическая природно-социальная и антропологическая общность людей, возникшая и развивающаяся на основе единства природно-ландшафтных условий, кровного родства, языка, особенностей внешнего облика, общей культуры и религии. Этнос характеризуется наличием устойчивого самосознания и самоназвания (этнонима), который трансформируется в языках других народов, а самосознание развивается через антитезу «мы-они» [5]. Само понятие этноса обуславливает различия в понимании и основу для формирования соответствующих стереотипов.

Итак, этнический стереотип, в данном контексте, представляется как некие обобщенные представления о представителях различных этносов, характеризующиеся повышенной эмоциональностью и устойчивостью, но не всегда адекватно соответствующие действительным чертам группы. Помимо черт социальных стереотипов, этнические стереотипы имеют особые характеристики. Так, например, определяются не представлениями и умозаключениями одного индивида, а функционируют на уровне сознания отдельных этносов [6]. Также, нельзя не отметить тот факт, что устойчивость этностереотипов не является абсолютной, они могут измениться, трансформироваться и преломить свое содержание. На их изменение могут оказать влияния процессы, протекающие в межэтнических отношениях.

Разнообразие этносов велико и не готово «слиться воедино», уж слишком велики между ними различия. Таким образом, можно заключить, что тональность диалога между ними во многом определяется стереотипами, существующими у них «друг о друге» и о «себе».

В январе-феврале 2016 года нами было проведено социологическое исследование, посвященное выявлению и анализу стереотипов, сложившихся о русском народе в общественном мнении как самих русских, так и представителей других народов, живущих в России. В ходе исследования нами была предпринята попытка выявления содержания стереотипов о культуре, жизни и быте русского народа, определения возможных источников их формирования. Итак, в данной статье, предоставим наиболее интересные на наш взгляд результаты.

Целесообразно будет начать описание полученных нами результатов с описания черт, приписываемых русским как респондентами, идентифицирующими себя с этим народом, так и

относящим себя к иным народам. (Респондентам был задан вопрос на «свободную ассоциацию» - Русский (какой?). Итак, нами было получено следующее распределение:

Таблица №1. Качества, приписываемые русским, респондентами с различной этнической принадлежностью:
(в % от независимой переменной (в столбцах))

Качества, приписываемые русским:	Этническая принадлежность респондента:		
	Русский народ	Иной народ	ИТОГО:
Открытый, общительный, дружелюбный	28,4	23,4	26,9
Смелый, храбрый, отважный	18,3	29,8	21,8
Сильный, волевой	24,8	12,8	21,2
Душевный	22,0	23,4	22,4
Отзывчивый/милосердный	20,2	10,6	17,3
Угрюмый, отстраненный, хмурый	11,0	17,0	12,8
Эмоциональный	11,9	6,4	10,3
Терпеливый	9,2	12,8	10,3
Находчивый, смекалистый	6,4	6,4	6,4
Честный	5,5	10,6	7,1
Серьезный, уверенный	8,3	8,5	8,3
Ленивый	6,4	6,4	6,4
Гордый	4,6	6,4	5,1
Пьяный	2,8	8,5	4,5
Православный	2,8	4,3	3,2
Бедный, нищий	1,8	0,0	1,3
Патриот	2,8	0,0	1,9
Глупый, малограмотный	1,8	2,1	1,9
Противоречивый	2,8	0,0	1,9
красивый	0,9	2,1	1,3
богатый	0,9	0,0	0,6
ИТОГО:	193,6	191,5	100,0

* Пропуски: 4 из 160 (2,5%)

** Поскольку каждый опрошенный мог дать несколько ответов одновременно, сумма % в ИТОГО может быть больше 100%.

Однако, по некоторым выделенным качествам существуют очень весомые различия. Так, например, несмотря на то, что такая характеристика как «Смелый, храбрый, отважный» является одной из наиболее часто приписываемых в общем, представители иного этноса практически в два раза чаще отмечают ее при описании русских. Возможно, это объясняется тем, что история русского народа зачастую воспринимается как история народа-воина, насчитывает немало завоеваний и воин (включая историю Руси, Русской империи, и даже СССР).

Также, существенные различия наблюдаются в оценке русских при характеристике «Честный» - представители другого этноса в два раза чаще отмечают ее, чем русские. Возможно, это объяснимо некой критической оценкой самих себя со стороны русских, и одновременно с этим, возможность сравнить своих «соплеменников» и русских – у представителей других народов.

Такая характеристика как «пьяный» в отношении русских людей тоже получила существенные отличия в представлении респондентов различных этносов (ее выделили только 2% русских респондентов, и 8% представителей иных народов). Возможно, это объясняется некоторыми предрассудками или негативным опытом взаимодействия с представителями «русских» со стороны иных народов. Возможно, это связано с религиозным компонентом и принадлежностью представителей иных народов к исламу. Отметим, что представители иных народов в два раза чаще определяют русского как православного. Отметим, что по данным исторических источников, князь Владимир при выборе религии и веры для своего государства отказался от мусульманства именно по этой причине и сказал: ««Веселие Руси есть пити» [7]. Возможно, этот стереотип о русском народе и ведет свою историю с тех самых времен.

На основе этой таблицы можно нарисовать обобщенный портрет русского. В глазах «своих» (представителей русского этноса) он в первую очередь: открытый (общительный, дружелюбный), сильный и волевой, душевный, отзывчивый и смелый (храбрый). В глазах «чужих» (представителей иных этносов) он приобретает почти те же наиболее выраженные характеристики, с некоторыми отличиями: смелость, открытость, душевность сочетается с угрюмостью (отстраненностью). Возможно, это также определяется фактом, упомянутом нами выше, русскому народу на протяжении истории приходилось воевать и завоевывать территории, что обуславливало их сосредоточенность и готовность к борьбе, возможно, это и обуславливает их определенного рода отстраненность и угрюмость.

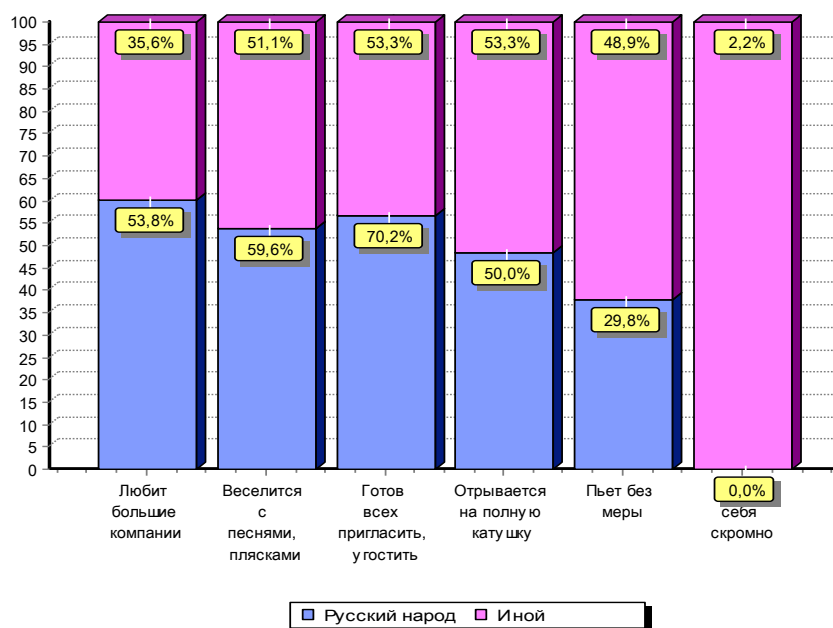
Таким образом, можно заключить, что наиболее часто автостереотипы и гетеростереотипы о русских, но есть и существенные отличия в восприятии русских «своими» и «чужими». И, следует особо отметить, они носят в целом позитивный характер. Однако, на наш взгляд, не стоит расценивать данный вывод исключительно в положительном плане, так как приписывание другими этносами русским неких особых черт характера может говорить о том, что существует некоторое противостояние, нежелание «ставить себя на одну ступень» с ними.

Далее, интерес представляет и рассмотрение моделей поведения русских на отдыхе. На графике, приложенном ниже, будет представлена зависимость мнения о модели поведения, характерной русским на отдыхе, в зависимости от этнической принадлежности респондента.

Приведенные на рисунке данные подтверждают сказанное нами ранее относительно характеристик русских как этноса. Одна из характеристик «Готов всех пригласить, угостить» – является наиболее частой в упоминании обеих групп респондентов, однако «русскими» она упоминается на 20% чаще, чем представителями иных этносов. Возможно, можно провести аналогию с приписыванием русским такой характеристики как «отзывчивость, открытость» (русские в два раза больше приписывают ее себе, чем представители иных народов). Интересно, что такая характеристика, как «скромность» не отмечена ни одним респондентом, принадлежащим к русскому этносу (и очень малым числом представителей иных этносов).

Возможно, здесь находит отражение тот факт, что респонденты, принадлежащие к иным народам, имеют непосредственный опыт взаимодействия с русскими – как с туристами. Таким образом, это подтверждает теоретическое положение о том, что личный опыт способствует как формированию, так и разрушению стереотипов.

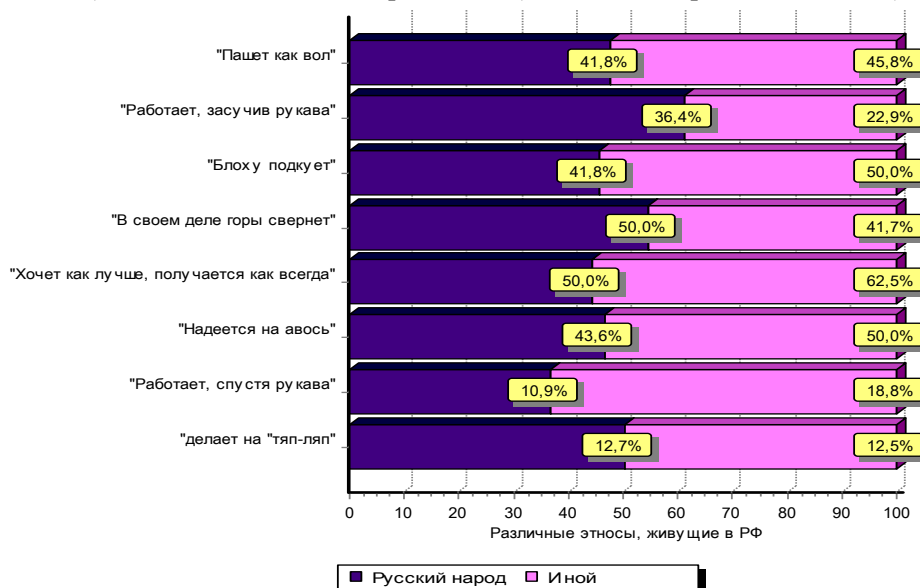
Рисунок №1. Типичные модели поведения русских на отдыхе:
(В % от независимой переменной (этническая принадлежность))



Однако, это предположение сразу находит противоречие в характеристике «Пьет без меры», как правило, это является ключевым стереотипом о русских, как о туристах. Представители иных этносов практически в два раза чаще указывают эту характеристику, чем представители русского. Опять же, видна аналогия с характеристикой русских в целом (представители других этносов в несколько раз чаще указывают «русский (какой?) – пьяный», чем сами русские). Как и говорилось ранее, отсутствие информации приводит к формированию ложного стереотипа, возможно, и к появлению предрассудков. Это и обнаруживается в данном случае, так как по данным ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) по данным исследований составила список «самых пьющих наций и стран», и Россия, в том числе, и русский народ – находится вовсе не на первом месте.

Говоря об «отдыхе русских», логичным представляется и рассмотрение типичных моделей поведения для них же в труде. Попытаемся проследить зависимость от того, с каким этносом идентифицирует себя респондент, и получим следующие результаты. Так же, сразу отметим, что рассчитанные нами коэффициент Крамера (0,108) и вероятность ошибки (0, 616) говорят об отсутствии связи между переменными, влияния этнической принадлежности респондента на оценку «русских в труде».

Рисунок №2. Типичные модели поведения русских в работе:
(В % от независимой переменной (этническая принадлежность))



Однако, несмотря на это, на графике очевидны отличия в мнениях респондентов. Чем же они вызваны?

В первую очередь отметим такую характеристику, как «Работает, спустя рукава» - она приобрела одни из наиболее существенных отличий в мнениях респондентов. Представители иных этносов отмечают ее практически в два раза чаще, чем русские. Данный фразеологизм имеет значение «делать что-то небрежно, кое-как». Очевидно, что труд в жизнедеятельности человека занимает достаточно важное место, в труде реализуется личностный потенциал, в связи с этим можем предположить, что данная характеристика приобретает такую малую «популярность» среди русских, так как связана с их личностной самооценкой (которая тесно связана с этническим самосознанием), тогда очевидно, что представители иных этносов будут чаще отмечать данную характеристику, противопоставляя себя русским.

В таком случае, аналогичным образом можно объяснить и разницу мнений при характеристике «Работает, засучив рукава» – здесь все с точностью до наоборот. Русские чаще оценивают себя как трудолюбивых, усердных работников, чем представители других этносов. То же самое наблюдается и в оценке характеристики «В своем деле горы свернет» - русские чаще оценивают себя таким образом, чем представители других народов. Таким образом, сквозной идеей в данном случае становится то, что автостереотипы о трудовой деятельности более положительны, чем гетеростереотипы.

Итак, этнические стереотипы, как нам удалось выяснить, выступают как зеркало социальных, культурных и исторических особенностей этноса. Возможно, можно сказать, что этнические стереотипы даже выступают определенного рода краеугольным камнем традиций и особенностей этносов, - так как сложно подвержены изменениям и складываются на основе определенных фактов истории.

Большинство респондентов, независимо от своей этнической принадлежности, не имеет четких представлений о характерных чертах русских – как этноса, о его традиционных практиках. Возможно, это связано со сложностью определения, кто же такой «русский» в такой полиэтничной стране, как Россия. Многовековая история, существенные преобразования территориального состава и, соответственно, этнического могли обусловить те данные, которые мы получаем сейчас. Таким образом, можем заключить, что этнические стереотипы о русских формируются в большей степени под влиянием факторов макроуровня, таких как, например, история и политика государства.

1. Катлип С., Сентер А., Брум Г. Паблик рилейшенз. Теория и практика: Учеб. пособие. 8-е изд.: Пер. с англ. М.: Изд. дом Вильямс, 2001. С.13
2. Липпман У. Общественное мнение / Пер. с англ. Т.В. Барчуновой. // М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. С. 100
3. Судаков К. В. Динамические стереотипы, или Информационные отпечатки действительности. / М.: ПЕР СЭ, 2002
4. Стефаненко Т. Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения / Общине и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г.М. Андреевой, Я. Яноушека // М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 245
5. Социологический словарь *Socium*. 2003.
6. Лебедева Н. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М.: Наука, 1999. – С.128
7. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. — М.: «Локид-Пресс». Вадим Серов. 2003

СКИФЫ И ШУМЕРЫ КАК ИЗОБРЕТЕНИЕ ПЕРЕННИАЛИЗМА - МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И НАСТОЯЩИМ НА ПРИМЕРАХ БУРЯТИИ И ТУВЫ

Тезич Мустафа Джан (Анкара, Турция)

Э. Смит перед тем как представить свою альтернативу этно символизму, разделил понятие национализма на два противоречивых подхода: модернизм и перенниализм. В то время как модернистский подход объясняет явление нации как результат социальной трансформации в связи с индустриализацией способа промышленного производства, теория перенниализма рассматривает проблему национализма как сущность, которая существовала до индустриальной эры. Согласно перенниализму корни современных наций тянутся к эпохам средних веков или античности. Смит определяет нацию, ссылаясь на этнические и исторические корни современной нации.

Несмотря на то, что теория «национализма» разделяется на разные школы, принцип этой теории основывается на мнении, что национальная идентичность конструктивна. Другими словами, процесс строительства нации представляется, по словам А. Appadurai [2003] как «конструированный примордиализм». То есть «примордиализм» рассматривается в рамках социального конструкционизма как элит проект. В связи с этим фактом, можно утверждать, что не только «essential» - изначальные особенности - используются по-разному в разных школах, но и социальные явления, такие как мифы, символы, историческая территория или золотой век тоже используются с элитами в рамках концепции Mythomoteurs – «конституирующий политический миф (eng. constitutive political myths)» (Smith, 2000a: 66-67; Smith, 2000b: 18).

Феномен истории тоже конструктивное явление. Установление исторических связей между прошлым и настоящим может быть сконструировано с взглядом перенниализма. Когда исторической преемственности не существует между древними цивилизациями и современными народами, в таких случаях, историческая связь устанавливается через «essential» - изначальные ресурсы такие как: язык, культура или предки.

Античные цивилизации Скифов и Шумеров и их оживление в рамках проекта строительства нации, являются одним из очевидных примеров изобретаемой архаики.

Несмотря на отсутствие генетической связи между античными цивилизациями и современными тувинцами и бурятами, в настоящее время античные цивилизации – Скифы и Шумеры возрождены из архаики и используются национальными элитами как национальный символ. Таким образом, национальная идентичность бурят и тувинцев приобрела историческое положение, которое не только приводит современные этносы к архаике, но и связывает их с развитыми древнейшими цивилизациями.

Благодаря «Истории» Геродота (V в. до н.э.) стало известно о Скифских племенах. География археологических находок Скифов тянется от северного Причерноморья до степей Евразии. Они также оставили многочисленные курганы и различные археологические находки.

В археологических раскопках, которые были организованы в 1971-74 годах под руководством Монгуша Маннай-оол и Михаила Грязнова раскрылся самый ранний курган «царский» - Аржан, история которого тянется к IX-VIII вв. до н.э. Несмотря на то, что он был ограблен в древности, археологи получили важные научные данные (Кисель В.А :2011).

Позже, другой курган Аржан-2 был раскопан недалеко от первого кургана. В результате раскопок было обнаружено богатое собрание произведений из золота, железа и бронзы (Кисель В.А :2011).

Сегодня, все эти произведения хранятся в национальном музее Тувы и представляют собой «вживую» уникальные свидетельства высочайшей культуры древних кочевников ... Результаты раскопок в 2001 году на территории Пий Хемского района совершили переворот в теории происхождения скифов, доказав более древние корни тувинских находок...” (Шолбан, 2008)

С другой стороны, отношения между скифами и современной Тувой описаны в газете «Тувинская Правда» этими словами и названы таким образом: «Предки Наши, скифы», «Скифы, скифы, наши предки. Откуда пришли, в каком «тумане растаяли»?... Нет ответа. 30 веков тому назад существовала на тувинских землях удивительная цивилизация...”. (Кенин-лопсан, В. Савиных, 2004)

Как понятно из этих фраз – цивилизация скифов признается древними предками тувинского народа.

Наиболее ярким материалом среди находок кургана являются фигурки различных хищников. Особенно фигурки пантеры.

Среди находок, одна фигурка, названная “Пантера Аржана”, которая была произведена как часть брони лошади, была выбрана как символ Центра развития Тувинской культуры. И сегодня можно наблюдать её как логотип общественно-политической и научной газеты центра «СЛОВО».

Наряду с этим, «Пантера Аржана» используется в общественной жизни. Мы наблюдали, что «Пантера Аржана» применяется как элемент декора в кафе, также ею украшают концерты национальных певцов.

Следовательно, можно утверждать, что «Пантера Аржана» сама по себе является символом, она не планируется элитой.

С другой стороны, в Бурятии существуют разные мифы, которые возрождаются из архаичных.

Одним из них является упоминание Шумера. По причине языковой структуры, в Бурятии распространяется идея исторической близости. Эта идея состоит в том, что поскольку бурятский

язык принадлежит к алтайской семье языков, утверждается, что буряты являются отдаленными потомками шумеров (Строганова.2001: 72). Таким образом, стремятся установить родство между тюркскими и шумерскими языками (Строганова.2001: 84).

Поскольку шумеры принадлежат прото-тюркскому этапу, установление связи между бурятами и шумерами означает приобретение бурятами исторической глубины. Поскольку Шумер был цивилизацией с высоким уровнем развития и существовал раньше индоевропейцев, он представлял историческое пространство.

Таким образом, наряду с приобретением истории глубокой древности, буряты устанавливают связь с древней прото-тюркской цивилизацией, которая старше индоевропейской. Таким образом, устанавливается альтернатива европейской истории.

Однако идея установления исторической связи между бурятами и шумерами не создала общественной мотивации. Поэтому, в отличие от Скифов, которые возбудили общественную мотивацию в Туве, Шумеры в Бурятском обществе остались на интеллектуальном уровне.

Кенин-лопсан, М. Савиных, В. (2004) Передки наши скифы // Тувинская правда. № 122 (15933) 21 сентября.

Кисель, В.А. (2011) Закат скифской эпохи в Туве и противоборство культур // Новые исследования Тувы. № 1. (http://www.tuva.asia/journal/issue_5/1434-kisel.html)

Строганова Е.А. (2001) Национально-культурное возрождение в Бурятии: антропологии. - М.

Шолбан. К (2008) Долгий путь домой // Тувинская Правда. №135 (16643) 1 ноября

Appadurai, A. (2003) Modernity at Large Cultural Dimensions of Globalization. London, University of Minnesota Press. ISBN – 13 9780816627936

Smith, A.D. (2000a) The Nation in History. Historiographical Debates about Ethnicity and Nationalism. Published by University press on New England. 106 p.

Smith, A.D. (2000b) Myths and memories of the Nation. Oxford University Press. 296 p.

ФРАНЦУЗСКАЯ НАЦИЯ: КОНТЕКСТЫ КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Тимофеева Е.В. (Санкт-Петербург)

Аннотация

Доклад посвящен качественным изменениям в концептуализации французской нации. Универсализм французской нации осмысляется через культурную динамику французского общества. Являясь базовой категорией концепции нации, гражданство предстает как актуальный объект социологического и социально-антропологического анализа. Культурное содержание нации «по-французски» анализируется в ретроспективе, а также осмысляется в логике наложения контекстов иммиграции и глобализации.

Трудности концептуализации французской нации в условиях современных реалий сопряжены с постоянными изменениями социокультурного ландшафта национального общества. Будучи идеальным типом на протяжении двух столетий с момента Французской революции, республиканский проект французской нации как политического образования остается конструируемой моделью, не получившей реального воплощения как нечто завершенное [1]. Французская нация, традиционно концептуализируемая в логике «сообщества граждан», обретает в современном научном дискурсе реинтерпретации в терминах культуры.

Являясь родоначальницей новой формы политической организации, основанной на согражданстве, Франция «Нового», демократического, порядка провозгласила волю нации превыше всего. Таким образом произошло обожествление народа, имплицитно «сыгравшее на руку» так называемым профессиональным революционерам, когда источником власти в действительности стал сам революционный процесс [2]. Идейное формирование «политической» нации находит свои истоки до наступления революционных событий конца XVIII века, а именно в масонском «демократическом анклав» [3, с. 178], интеллектуальных кружках и трудах философов французского Просвещения.

Универсалистский проект французской нации, как способный включить на равных основаниях культурно, этнически и социально различных представителей в «сообщество граждан», находится в неустойчивом положении. Как индикатор крупных социальных трансформаций массовая миграция создает некий континуум формирования культурных конфигураций в условиях детерриторизации [4]. В этой связи французская нация, отрицающая социокультурную и этническую неоднородность, оказывается в настоящих «культурных оковах». Социальная турбулентность демонстрирует нежизнеспособность ригидной поляризации «культурной» нации «политической».

Представляя в действительности политическое образование и культурное сообщество одновременно [5, 14], любая нация содержит в себе, по меньшей мере, два измерения. Культурное измерение приобретает явные очертания в риторике контекстов иммиграционных потоков, когда социальное и культурное разнообразие нуждается в административном регулировании. Постколониальная миграция как «вызов» [6], брошенный национальному обществу, подвергает проверке укорененность демократических основ в социальной реальности.

В рамках социологического и социально-антропологического анализа контекстов иммиграции перспективным представляется изучение гражданства, в сущности которого заложена способность нивелировать различия социальной и культурной природы посредством «возвышения» над ними во имя коллективного целого. Принцип гражданства обеспечивает равное обращение к индивидам в публичном пространстве, однако одной из важнейших проблем современности в этой связи становится распределение коллективных ресурсов, равный доступ к которым принцип гражданства не регулирует [7].

1. Куропятник А. И. *Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ*. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000. 208 с.
2. Арентс Х. *О революции*. М.: Издательство «Европа», 2011. 464 с.
3. Шартье Р. *Культурные истоки Французской революции*. М.: Изд. дом «Искусство», 2001. 256 с.
4. Куропятник М. С. *Идентичность в контексте мобильности // Вестник СПбГУ. Сер. 12. 2014. Вып. 1. С. 143-148*
5. Thiesse A.-M. *La nation, une construction politique et culturelle. Savoir/Agir. 2007/2. №2. P. 11-20*
6. Schnapper D. *La France de l'intégration: Sociologie de la nation en 1990. Paris: Editions Gallimard, 1991. 363 p.*
7. Schnapper D. *Qu'est-ce que la citoyenneté? Paris: Editions Gallimard, 2000. 320 p.*

РЕВОЛЮЦИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ И ГИПЕРРЕАЛЬНЫЕ РЕЛИГИИ

Трофимов С.В. (Москва)

Популярная культура как медиум самоидентификации социальных акторов, в том числе духовной и религиозной идентификации, оказывается сложным образом пронизана религиозными символами. Религия непосредственно влияет на популярную культуру посредством системы символов и образов. В современном западном обществе индивиды вольны выбирать духовные основы своего мироощущения в довольно сложной системе, результирующей процессы мультикультурализма, доступности образов других культур и цивилизаций посредством масс-медиа. Одной из характерных черт современного общества становится потребление, и сегодня религия не избегает участия в этой глобальном явлении.

Реализация религиозных чувств может проявляться в большом спектре социальных явлений. Эзотерические представления смешиваются с символами традиционных религий, вырванными из своего контекста. Набор верований и религиозных представлений оказывается под влиянием гораздо более широкого, чем в предыдущие времена, набора факторов, включающего не только религиозные доктрины и устойчивые религиозные локальные верования, но и СМИ, моду, популярные трактовки научных теорий и даже идеи культовых произведений.

А. Поссамай в книге «Религия и популярная культура: Гипер-реальный завет» [1] анализирует возникновение феномена, который он называет «гипер-реальными религиями». В контексте глобализации позднего модерна религия в современном мире оказывается включенной в процессы потребления, что в конечном итоге приводит к созданию нового религиозного мышления. Гиперреальные религии представляют собой новые формы духовности, где традиционные и современные религиозные идеи потребляются и проектируются в новые, полностью реконструированные формы. Исключительную роль играет индивидуализм, заменяющий внешние формы традиционной религиозной власти, присущие религиозным институтам, собственным субъективным выбором актора. Потребляя избранные практики, мифы и учения из времен до-модерна, а затем пересматривая и актуализируя их для современной жизни, верующие стремятся к личной трансформации и ориентируются на решение глобальных проблем.

Согласно А.Поссамаю, ключевыми чертами в этой синкретической духовности являются интерпретация космоса как монистической реальности, которая принимает участие в едином объединяющем существе или принципе, и взаимосвязь всех частей космоса с этой конечной

реальностью. В основе этой концептуализации реальности лежит понятие «переннизма», которое А. Поссамай определяет как целостное понимание истины, доступной в эзотерической мудрости или тайных знаниях, которые не ограничены догмами традиционных мировых религий. Разделяющие эту духовность стремятся к саморазвитию для достижения своего потенциала и конечной реальности.

Джордж Ритцер называет новые способы потребления «соборами потребления»: торговые центры, супермаркеты, аэропорты и круизные суда [2, 9]. Чтобы привлечь наибольшее количество клиентов, они должны предложить исключительную, фантастическую, волшебную и очаровательную торговую среду. В этом ключе, можно интерпретировать торговые центры как места, где люди практикуют свои «потребительские религии»: «Торговые центры обеспечивают централизованность в жизни сообщества, ранее традиционно предоставляемую религиозными храмами, и они построены так, чтобы иметь сходный баланс, симметрию и порядок. Их атриумы обычно демонстрируют связь с природой посредством фонтанов, аквариумов или растительности. Люди приобретают чувство общности. Игра почти повсеместно является частью религиозной практики, а торговые центры предлагают места для развлечений. Торговые центры четко соответствуют ярлыку соборов потребления» [2, 10].

Разумеется, подобные соборы потребления имеют квазирелигиозный характер, но в современном западноевропейском контексте можно найти обратные примеры, когда некоторые религиозные группы следуют и продвигают потребительский аспект таких соборов.

Например, Чарльз Трюарт пишет о сети Новой церкви (the Next Church), также называемой мега-церковью, как о «церквях с полным набором услуг», церквях, открытых семь дней в неделю, пастырских церквях, апостольских церквях, церквях «нового племени», церквях новых парадигм, церквях для ищущих прибежища или церквях-торговых центрах» [3, 41].

Новая Церковь (the Next Church), по крайней мере в американском контексте, выходит за пределы деноминаций и традиционного способа посещения церкви. Под одной крышей эти евангельские церкви предлагают «поклонения стили поп-культуре в виде бутика пастырских услуг. Здесь есть огромные аудитории и атриумы, оркестры и группы, играющие мягкий рок, они располагают ресторанными дворами, фонтанами, и даже «множеством мест на парковке, чистыми туалетными комнатами, и велика вероятность того, что вы найдете здесь что-то для себя, и захотите вернуться сюда снова» [2, 49].

«Растущие церкви и конгрегации, подобно растущим предприятиям, имеют рефлексивную жажду доли рынка. Рост масштабов является также выражением евангельской миссии. Когда я (Чарльз Трюарт - С.Т.) выразил восхищение Биллу Хибельсу, из Церкви Уиллоу-Крик (Willow Creek Community Church) феноменальным ростом и размерами его церкви - более 15 000 человек посещали богослужение каждый выходной, - он нахмурился. “В течение часа езды от этого места есть два миллиона человек”, - сказал он. “На языке бизнеса у нас всего два процента доли рынка. Нам предстоит ещё долгий путь”» [2, 52].

Дж. Ритцер приводит пример «валматризации (Wal-Mart-ization) американской религии», цитируя пастора большой баптистской церкви, который, надеясь превратить свои услуги в «развлекательное событие», поручил своим сотрудникам изучить опыт Disney World. Говоря о МакДоналдизации (McDonaldization) общества, что «процесс, с помощью которого принципы ресторана быстрого питания становятся доминирующими в все большем и большем числе секторов американского общества, а также мира», Дж. Ритцер утверждает, что «церковь сегодня следует этому процессу и предлагает готовые и расфасованные службы и богословие» (Ritzer, 2000) [2, 6]. Такое же мнение разделяет Дж. Дран [4].

В духе времени появились телевизионные и радиочеркви (Electronic church), которые переместили массы с церковных скамей на их собственный диван перед телевизором [5, 64]. Например, Билли Грэхем и Джим Баккер использовали «религиозную индустрию», чтобы распространить проповедь Евангелия через телевизионные СМИ на самую широкую аудиторию. Сегодня многочисленные телевизионные проповедники представляют собой самые разные религиозные ориентации. Этот опыт используют не только протестантские церкви, но и католическая церковь, впрочем, подчеркивая важность участия верующих в обычном воскресном богослужении и отводя для телевизионных передач иные функции.

А.Поссамай утверждает, что религия в эпоху постмодерна определенно становится частью потребительской культуры. Все религиозные группы производят товары и услуги или положительно оценивают товары, которые могут быть приобретены религиозным потребителем. И в предыдущие времена религия не была защищена от потребительской культуры - можно

вспомнить Иисуса, изгоняющего торговцев из Храма. Менялы и торговцы, предоставляющие верующим необходимые для жертвоприношений в иерусалимском Храме сакрально чистые монеты, предметы и товары, являются замечательным примером проникновения повседневного менталитета в область (локус) сакрального, привнесения принципов обмена и расчет стоимости религиозных услуг. Благодаря развитию изобразительных искусств и моде человечество в целом обогатилось великолепными образцами религиозных сооружений, культовой утвари и других предметов религиозного потребления, которые взаимно влияли на внешний вид и убранство сооружений и предметов повседневной культуры.

Однако сегодня происходит полное погружение самой религии в потребительскую культуру. Некоторые религиозные группы приветствуют это, другие этому сопротивляются. Становится почти избитой истиной утверждение, что для эффективного распространения своих убеждений и ценностей, религиозная группа должна говорить на языке, который большинство людей этого общества может понять. А.Поссамай подчеркивает, что сегодня этим языком становится потребление [1, 47-48].

Потребительская культура в послевоенное время доминирует в западном образе жизни с её массовыми товарами и культурой. Вместо того, чтобы создавать чувство принадлежности к группам - например, классу, субкультуре, политическим партиям, сегодня эта культура проявляется в создании фрагментированного общества, частью в которого является религия. Человек эпохи постмодерна больше не соглашается, когда ему говорят, во что верить и как поступать. Потребительский выбор не ограничивается покупками, а распространяется на образование, здравоохранение, политику и даже религию. Д.Лайон считает, что люди теперь «свободны выбирать», и рыночная культура может превратить нас скорее в потребителей, чем не граждан [4, 12].

Удивительным феноменом, характеризующим появление гиперрелигий в современной религиозной ситуации, является использование в образах этих религий научной фантастики и даже популярных медиапродуктов (Киносериалов, литературы, компьютерных игр). Также для современного потребления характерен растущий комфорт адептов с паранормальными явлениями в популярной культуре. Так если ранее ведьмы стигматизировались, то в настоящей молодежной культуре они становятся частью гламурных представлений.

Поразительным образом, обиды используют развлечение, как своего рода религиозный опыт. При этом происходит формирование религии нового типа – гиперреальной – в которой «реальная религия» и действительность оказываются разрушена в жерле потребления, а её связи в «реальными» источниками оказываются размытыми.

1. *Possamai Adam, Religion and Popular Culture: A Hyper-Real Testament – P.I.E. – Peter Lang Press, Brussel, 2005 – 176 p.*
2. *Ritzer, G., Enchanting a Disenchanted World: Revolutionizing the Means of Consumption. - California, Pine Forge Press, 1999.*
3. *Trueheart, Ch., "Welcome to the Next Church" // The Atlantic Monthly, 1996, August: pp. 37-58.*
4. *Drane, J., The McDonaldization of the Church: Spirituality, Creativity, and the Future of the Church, London, Darton, Longman and Todd Ltd, 2000*
5. *Lyon, D., Jesus in Disneyland: Religion in Postmodern Times, Cambridge, Polity Press, 2000 – P. 62-66.*

ОТ ТРАДИЦИИ К МОДЕРНИЗАЦИИ... И ОБРАТНО?

Целищева В.Г. (Санкт-Петербург)

Вопросы о том, какие социокультурные особенности тормозят, а какие ускоряют процессы модернизации экономики, являются на сегодняшний день наиболее актуальными. При этом, если необходимость перемен не вызывает сомнения, то их направленность – предмет многочисленных дискуссий. Шкалы социального прогресса, общественного развития, культурной эволюции изобилуют очевидными противоречиями, ограниченностью, непоследовательностью и т.д., приводящими к множасьей критике, но продолжают занимать прочное место в обыденном сознании и в идеологическом дискурсе. Способствовать более четкому пониманию путей социальной динамики и механизмов перемещения по ним должен представленный в докладе анализ процессов модернизации жизни коренного населения Дальнего Востока в послереволюционные годы, в годы советской власти и в современности.

Социальная динамика, развитие общества, прогресс, модернизация - ключевые понятия для социологии (по крайней мере, для ее классического периода) как и для многих других гуманитарных и экономических дисциплин. Многочисленные социальные эксперименты XX в. показали насколько дорого обходятся обществу упрощенное понимание и грубое вмешательство в эти сложнейшие процессы, чем заканчиваются призывы к разрушению старого мира, ускорению, перестройке, модернизации и пр. Знамя рациональности, вознесенное модерном, изрядно обветшало и утратило былую привлекательность, концепция ограниченной рациональности принесла ее автору - экономисту Г. Саймону Нобелевскую премию, а анализ издержек управления, основанного на рациональности, масштабно представленный в книге Дж. Скотта «Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни», принесли автору мировую известность. Технологическое общество производит не только технологические улучшения жизни, но и глобальные риски (У. Бек «Общество риска. На пути к другому модерну»), порождающие массовые страхи и протестные социальные движения. Нет смысла повторять критику модерна, растущую со времен постмодернистов как снежный ком. Может быть для того, чтобы ответить на фундаментальный вопрос, куда мы идем, полезно разобраться с вопросом – откуда? Для этого очистить понятие традиция как от признаков отсталости, приписанных ему модернизированным обществом лишь для того, чтобы четче очертить свои границы, так и от романтических иллюзий, порожденных современными страхами. В данном исследовании для достижения данной цели предлагается сфокусировать внимание на модернизационных процессах, происходивших и происходящих на Дальнем Востоке России. Выбор в качестве объекта исследования аборигенного населения отмеченного региона обусловлен, прежде всего, тем, что если для европейского запада олицетворением традиционного образа жизни являлся (и является) арабский восток, как это наглядно показал Э. Саид («Ориентализм. Западные концепции Востока»), то для соотечественников в качестве такой иллюстрационной модели выступало аборигенное население Севера, Сибири, Дальнего Востока (см. н-р, Ю. Слезкин «Арктические зеркала»). Представления об «отставании» традиционного образа жизни данной категории граждан даже от доиндустриальных, аграрных форм деятельности обеспечивало (и обеспечивает) легитимность патерналистской политики в отношении их. Такое восприятие, не в последнюю очередь, сложилось под воздействием идей эволюционизма и социального прогресса, составлявших каркас советской идеологической конструкции. Между тем, традиционное природопользование коренных народов Дальнего Востока, даже на рубеже XIX-XX вв., представляло собой экономически и социально успешную институцию. Например, у нанайцев оно включало лов нерестовой рыбы, ее заготовку для пищи людей и корма для собак. Последнее обеспечивало возможность перемещения на значительные расстояния во время зимней охоты, что способствовало успешности соболиного промысла, а продажа пушнины соседним народам являлась основным источником благосостояния. Насколько состоятельной была эта экономическая модель свидетельствуют этнографические данные, в которых, например, описывается средний выкуп за невесту, включающий шубы из ценного меха, медную китайскую посуду, шелковые ткани, серебряные украшения и т.д., или, отмечаемое исследователями того времени, наличие китайских рабов в нанайских стойбищах, попавших туда в оплату долгов за пушнину. Примеры, более позднего времени, которые будут рассмотрены в докладе, также свидетельствуют о комплексности, вариативности, динамичности, высоком уровне адаптации к природному и социальному окружению аборигенного населения. К сожалению, ни во времена становления, ни во времена советской власти, они не принимались во внимание, игнорировались в угоду идеологической доктрины развития. Инерционность мышления приводит к тому, что и сегодня, в отсутствие прошлой идеологии, социальные и политические (зачастую и научные) проекты развития региона изобилуют все тем же патернализмом в отношении его аборигенного населения, но, при отсутствии адекватного понимания роли традиционной культуры, проекты по ее реанимации не работают. Например, прекратили свое существование «школа ремесел», созданная Министерством природных ресурсов Хабаровского края и фестиваль «Живая нить времен», способствовавший развитию народных промыслов, как и многое другое. Не работают также проекты, игнорирующие специфичность жизни коренного населения. В экспедиционных материалах сохранилось описание конфликта между администрацией одного из сел Приморья и родителями 4-х выпускников, которых надо было возить за несколько сотен километров для сдачи ЕГЭ, а средств на это ни у той, ни у другой стороны не было. Другая ситуация: начался ход нерестовой рыбы, а коренных жителей не допускали к путине из-за отсутствия у них прав на управление плавсредствами и их

регистраций (государственная регистрация традиционной удэгейской оморочки, к сожалению, не самое абсурдное из происходящего на Дальнем Востоке). Подобных примеров можно приводить множество, но есть и другие – позитивные: издание книг местных авторов о традиционном образе жизни; развитие экологического туризма, как при помощи внешнего сообщества (например, Фонда дикой природы), так и собственными силами; возрождение технологий изготовления изделий из рыбьей кожи (исторически являвшихся «визитной карточкой» народов Приамурья); создание музеев аборигенной культуры практически в каждом селе. На Дальнем Востоке, как в исторической ретроспективе, так и сегодня, можно увидеть множество примеров превращение традиции в ресурс. И это только часть процессов, разворачивающихся вокруг традиционной жизнедеятельности. Анализ подобных социальных практик, несмотря на прикладную ориентацию, направлен на прояснение ряда фундаментальных вопросов, касающихся роли традиции в современном обществе и механизмов, действующих в этом обществе, например, о соотношении устойчивости и динамики в социальных структурах; о способах и причинах превращения традиции в динамичную составляющую современной жизни; о последствиях влияния на общество противонаправленных сил, таких как стремление к унификации жизненных стилей и одновременное увеличение их разнообразия.

СЕКЦИЯ 5: ТРАЕКТОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В БЫВШИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ТРЕБОВАНИЙ РАБОТОДАТЕЛЯМИ К ВЫПУСКНИКАМ ВУЗОВ

Авакян А.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация

В статье представлены результаты сравнительного анализа социологических исследований, посвященных изучению конкурентоспособности выпускников вузов с позиции работодателей, выявлены принципы конструирования требований, которые работодатели применяют к выпускникам вузов при приёме на работу.

В условиях рыночной экономики, динамично меняющихся условиях российского общества, успешность трудоустройства выпускников вузов является одним из критериев эффективности работы не только системы высшего образования, но и экономики в целом.

Изучение конкурентоспособности выпускников вузов с точки зрения компетентностного подхода в последнее время приобрел особую популярность (Сергеева Н.И., Переверзев В.Ю., Ярочкина Г.В., Пронюшкина Т.Г., Малышева А.А., Невраева И.В., Широкобоков С.Н., Гарафутдинова Н.Я. и др.). Согласно этому подходу конкурентоспособность выпускника вуза определяется совокупностью его качественных характеристик и компетенций.

Момент вступления выпускника вуза в конкурентную среду переживается им как высокий социально-психологический и экономический риск [9]. Работодатели также рискуют, в случае принятия на работу не эффективного молодого сотрудника. Известно, что именно у работодателей сложилась система предпочтений, которые они применяют к выпускникам Вузов, стремясь избежать рисков при приёме их на работу [3]. Стремясь избежать потерь, работодатели прибегают к конструированию требований, которые они предъявляют выпускнику вуза при приёме на работу.

Эмпирическими данными для нашего исследования послужили следующие материалы: 1) социологические исследования на основе структурированных глубинных интервью с работодателями-руководителями по подбору персонала, проведенные петербургскими учеными (СПбГИЭУ, 2012) [7]; 2) социологические исследования компетенции молодых выпускников вузов глазами работодателей, проведенные томскими социологами (Томский Университет, 2006) [8]; 3) исследования требований работодателей и их удовлетворенности качеством подготовки выпускников Вузов, осуществленные Челябинскими социологами (Челябинский Университет, 2009) [6]; 4) исследования компонентов конкурентоспособности выпускника вуза с позиции работодателей, проведенные самарскими социологами (Самарский Университет, 2014) [1].

Интервью с работодателями трёх петербургских компаний Санкт-Петербурга, сделанные Е.А. Окладниковой и И.В. Андреевой [7], позволили сделать следующие наблюдения: 1) у работодателей существуют интуитивные мини- и макси требования, которые для них определяют

уровень компетентности выпускников вуза; 2) выпускников вуза, которые приходят наниматься в компанию на работу, никогда не поставят на высокооплачиваемую должность. Работодатели предпочитают выпускников государственных вузов, которые учились на бюджетной основе; 3) работодатели прямо или косвенно отмечают снижение уровня конкурентоспособности сегодняшних выпускников вуза по сравнению с тем временем, когда они сами были выпускниками. Анализ «философии запросов» работодателей показал, что их интересует объем личностного потенциала молодого выпускника Вуза, который является гарантом формирования кадрового резерва их компаний, а в перспективе, и трудового потенциала страны в целом.

Томские исследователи, социологи А.А. Малышева и И.В. Неверова осуществили серию структурированных интервью с работодателями, целью которых было выявление: 1) системы рыночных навыков и знаний (активная жизненная позиция, серьёзная мотивация к профессии, склонность к саморазвитию, трудолюбие, навыки коммуникации, нацеленность на результат, здоровый образ жизни); 2) корпоративных умений (системность мышления, профессионализм, восприимчивость к новому, командность, стрессоустойчивость, добросовестное отношение к работе и др.); 3) личностных качеств выпускников, которые повышали их конкурентоспособность на рынке труда с позиций работодателей [5].

Большинство руководителей (примерно 75%) явно видят смысл в том, чтобы брать на работу молодых выпускников вузов, полагая, что этим они удовлетворят свои потребности в: 1) использовании молодой энергии, активности и «незашоренности», открытости новому, динамичности; 2) использовании молодого потенциала за меньшую зарплату, чем у опытных специалистов; 3) влить «молодую кровь», в том числе и для активизации старых работников; 4) использовании того, что их легче интегрировать в организационную культуру предприятия; из них проще лепить «своего», чем переделывать и переучивать тех, у кого сформировались устойчивые привычки, не соответствующие организационной культуре компании.

Полученные челябинскими социологами результаты исследований требований работодателей к выпускникам вузов свидетельствуют о том, что основу требований работодателей к профессиональным целям выпускников вузов составляет их ожидание от будущих специалистов стремления к самосовершенствованию, самореализации в труде и готовности принести пользу обществу. Челябинские социологи полагали, что: «...важно при этом, чтобы потенциальный работник меньше думал о карьере, зарплате, творческом самовыражении и повышении социального статуса. С одной стороны, работодатели ждут от выпускника ответственности (93%) и инициативности (80%), с другой стороны, в той же мере — дисциплинированности (94%) и исполнительности (84%). Противоречие разрешилось, когда мы перешли к анализу требований работодателей к профессионально важным качествам личности специалиста. Оказалось, что больше половины удельного веса в общей структуре требований занимают деловые (функционально-ролевые) и интеллектуальные качества: ответственность (92%); трудолюбие (83%); работоспособность (80%); дисциплинированность (77%); исполнительность (73%); организованность (69 %); знание своего дела (75 %) [6].

Исходя из полученных результатов исследования конкурентоспособности выпускников вузов с позиции работодателей П.А. Аветисян и Е.А. Шишкиной [1] по степени значимости среди профессиональных компетенций - требований работодателей на первом месте выступает – опыт работы в подобной сфере, на втором месте – знание законодательства в целом, умение использовать нормативные документы, на третьем – успешная самопрезентация, которая позволяет еще до вступления в должность показать свои знания и умения.

Резюмируя итоги исследований следует отметить, что основными принципами конструирования требований к конкурентоспособности выпускника Вуза являются:

1) Психологический принцип. Конкурентоспособность выпускника Вуза часто анализируется работодателями через его индивидуальные психологические особенности. Преимущественность такого способа оценки выпускника вуза работодателями подтверждается исследованиями социологов [4, 5]; 2) Принцип деловой эффективности. Деловые качества выпускника соотносятся с требованиями рабочих мест в контексте использования этих качеств как конкурентных преимуществ. В этом случае предметом купли-продажи является не выпускник вуза, а его деловые качества. Работодателей интересует экономический эффект, которые они получают, применяя те или иные деловые и профессиональные качества выпускника; 3) Принцип человеческого капитала. Работодатели рассматривают в целом молодого человека - выпускника вуза как источник активности, динамичности и современных знаний для предприятия, с одной

стороны, а с другой стороны, как тревожное для них сочетание пониженной ответственности с повышенными амбициями.

1. Аветисян В.П., Шишкина Е.С. Конкурентоспособный выпускник вуза глазами работодателя // *Основы экономики, управления и права*. 2014. № 3 (15). С. 77 - 82.
2. Конкурентоспособность выпускника определяет рейтинг учреждения профобразования / Е.С. Алашеев, А.В. Антипова, С.А. Ефимова, Т.Г. Кутейницына; под ред. С.Ю.Алашеева. – Самара: Изд-во «Профи», 2004.
3. Кутейницына Т.Г. Конкурентоспособность специалиста: критическое прочтение отечественных публикаций//*Современные исследования социальных проблем*.2011.№ 4(8).
- 4.Лаврентьев Г.В. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов / Г.В. Лаврентьев, Н.Б. Лаврентьева, Н.А. Неудахина Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2004. 156 С.
5. Малышева А.А., Невраева И.В. Компетенции молодых выпускников вузов глазами работодателей / А.А. Малышева, И.В. Невраева // *Известия Томского политехнического университета*. 2006. Т. 309. № 8. С. 225–229.
6. Молочкова И.В., Ефимова Т.Е., Коваль С.Б., Тимофеева В.В. Социально-психологический анализ требований работодателей и их удовлетворенности качеством подготовки выпускников Вузов // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 14 (152). С. 66–74.
7. Окладникова Е.А. Актуальные проблемы социализации выпускников вузов: конкурентоспособность выпускников вузов глазами работодателей // *Традиционные духовные ценности и современная образовательная практика: материалы II всероссийской научно-методической очнозаочной конференции / отв. ред. С.В. Бойко. – Череповец: Филиал СПбГЭУ в г. Череповец, 2013. 319 с.*
8. Рыкун А.Ю., Южанинов К.М., Матулис В.В., Мухин Л.Н. Региональная система высшего образования и рынок труда. Томск: Изд-во Том ун-та, 2005.
9. Дерюгин П.П., Колесникова Ю.А. Трудовая социализация молодых специалистов социогуманитарного профиля *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2012. №3. С. 230-235.

МЕЖСТРАНОВЫЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ В РОССИИ И В ЕВРОПЕ

Андреенкова А.В., Андреенкова Н.В. (Москва)

Аннотация

По данным Европейского социального исследования (ESS) уровень удовлетворенности жизнью в России на протяжении последних десяти лет постепенно растет, но все еще остается ниже среднеевропейского уровня. Методом регрессионного статистического анализа были выявлены наиболее значимые социально-демографические и психологические факторы, а также внешние факторы, характеризующие положение и развитие общества и общественных институтов, на удовлетворенность жизнью. Наиболее значимым оказывались субъективная оценка экономического благополучия в стране, уровень оптимизма, состояние здоровья человека, оценка эффективности работы государственных институтов, за ними следуют представления о том, как человека и его (ее) достижения оценивают окружающие, а также личный доход. Анализ данных показывает, что сегодня в России при оценке людьми своей жизни в целом личные обстоятельства жизни играют менее важную роль, чем отношение и взгляды людей на экономическую и политическую ситуацию в стране в целом.

Удовлетворенность жизнью - один из основных показателей «качества жизни», повышение которого является приоритетной задачей общественного развития, одной из важнейших ценностей современного общества. В России в последние десятилетия происходят серьезные изменения в уровне удовлетворенности жизнью. В первые годы реформ (данные 1991 года) доля удовлетворенных жизнью в России лишь немного превышала долю неудовлетворенных - 31% и 24% соответственно, и в первое десятилетие реформ уровень удовлетворенности жизнью постоянно снижался. Эта тенденция стала меняться в положительную сторону после 2001 года. По данным седьмой волны Европейского социального исследования (ESS) проведенного осенью 2016-весной 2017 года, уровень удовлетворенности жизнью в России составил 52% (6-10 на 11-балльной шкале от 0 до 10) [1]. Несмотря на рост этого показателя, он до сих пор еще ниже среднего значения по Европе - в большинстве европейских стран удовлетворены своей жизнью более двух третей населения [2].

В обширнейшей литературе о факторах, влияющих на удовлетворенность жизнью людей, можно найти десятки разных гипотез о факторах, влияющих на субъективную удовлетворенность людей своей жизнью, до сих пор полное объяснение этого феномена так и не было дано [6]. В

целях эмпирического анализа мы предлагаем разделить факторы, которые описываются в научной литературе и анализ которых можно провести в рамках Европейского социального исследования как одного из наиболее полных межстрановых сравнительных баз данных по этой теме, на две большие группы – внутренние личностные и социально-структурные и внешние факторы. К внутренним факторам мы будем относить те, которые характеризуют тип личности, демографический профиль человека и его место в социальных отношениях. К внешним факторам, связанным с удовлетворенностью жизнью, мы относим социальное окружение и социальные связи, институциональные факторы (форма демократии, идеологическое разнообразие в сфере управления, политические и гражданские свободы), макроэкономические факторы и природно-климатические факторы.

Мы рассмотрели модель взаимодействия каждой группы этих факторов отдельно, а затем разработали и протестировали суммарную модель всех факторов методом многомерного регрессионного анализа на данных волны третьей волны ESS. Среди социально-демографических факторов наиболее значимыми, влияющими на удовлетворенность жизнью в целом, оказались материальное положение и субъективная оценка состояния здоровья человека. Значимость других факторов, даже тех, которые показывали взаимосвязь с удовлетворенностью жизнью, если рассматривать попарно (возраст, образование или пол), в общей модели является статистически незначимой. Среди социально-психологических факторов наиболее важными оказались общий уровень оптимизма и высокая самооценка.

Среди факторов социального окружения и включенности в социальную жизнь наибольшее влияние на уровень удовлетворенности жизнью оказывают представления о положительной оценке человека и его (ее) достижений окружающими людьми, включенность в социальные связи и общение, восприятие своих взаимоотношений с людьми как честных и справедливых со стороны других, а также наличие возможностей для близкого душевного общения. Остальные факторы, такие как представления об общем социальном климате в личном окружении, уровень межличностного доверия, представления об общественной взаимопомощи, оказывают значительно меньшее влияние на удовлетворенность жизнью людей. Среди другой подгруппы внешних факторов – институциональной и макроэкономической – наиболее значимыми для удовлетворенности жизнью оказались субъективная оценка экономического благополучия в стране и оценка эффективности работы государственных институтов.

В общую модель, целью которой являлось объяснить различия в удовлетворенности жизнью людей, были включены все наиболее значимые факторы и рассмотренных выше отдельных моделей. Суммарно она объясняет 37% различий в уровне удовлетворенности между людьми. Наиболее значимыми в этой модели являются субъективная оценка экономического благополучия в стране, уровень оптимизма, состояние здоровья человека, оценка эффективности работы государственных институтов, за ними следуют представления о том, как самого человека и его (ее) достижения оценивают окружающие, и затем личный доход.

Таблица 1. Влияние различных факторов на удовлетворенность жизнью в целом (многомерный регрессионный анализ)

	В-коэффициент (регрессионный) не стандартизованный (b)		Стандартизованный коэффициент регрессии (β)		Стандартная ошибка В-коэффициента (st error b)		Значимость β	
(Constant)	3,16	0,44						0,00
Пол	-0,10	0,09	-0,02	0,27				
Возраст	0,00	0,00	0,00	0,93				
Доход	0,00	0,00	0,09	0,00				
Состояние здоровья	-0,32	0,07	-0,10	0,00				
Психологическая устойчивость			0,14	0,05	0,05			0,01
Оптимизм	-0,30	0,05	-0,11	0,00				
Уверенность в себе	0,21	0,05	0,08	0,00				
Межличностное доверие (Люди ведут себя нечестно)					-0,10	0,03	-0,06	0,00
Оценка по заслугам	0,17	0,03	0,09	0,00				
Оценка состояния экономики страны	0,30	0,03	0,26	0,00				
Оценка работы правительства	0,10	0,02	0,10	0,00				
Оценка работы системы здравоохранения			0,12	0,02	0,11			0,00
Частота проведения времени с людьми			0,07	0,03	0,05			0,01
Возможности душевного общения	-0,31	0,13	-0,04	0,02				

Примечание. R2=0.37, adjusted R2=0.37, **p0.001, *p0.01

На основе данных ESS можно заключить, что сегодня в России личные обстоятельства жизни менее важным для оценки людьми своей жизни в целом, чем их отношение к ситуации в стране в целом. Возможно, именно это определяет, что общий средний уровень удовлетворенностью жизнью в России значительно ниже, чем в других странах Западной Европы и даже наиболее благополучные слои населения, которые живут в наиболее благоприятных обстоятельствах, показывают более низкую удовлетворенность жизнью, чем люди в схожих обстоятельствах в западных европейских странах. Однако полностью объяснить причины низкой или высокой удовлетворенности жизнью в России пока не удастся, как не удастся это сделать уже на протяжении многих десятилетий в странах Западной Европы. Так что загадка почему одни люди довольны жизнью, несмотря на обстоятельства, а другие жалуются на нее, остается до конца нераскрытой, и требует дальнейшего изучения.

[1] Андреевкова А.В. (2014) *Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика*. М.: Новый хронограф.

[2] Андреевкова Н.В. (2009) *Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью и разными ее аспектами // Россия в Европе: по материалам международного проекта "Европейское социальное исследование"*, ред. А. В. Андреевкова, Л. А. Беляева. М.: Academia.

[3] Hayes N., Joseph S. (2003) *Big 5 correlates of three measures of subjective well-being. Personality and Individual differences*, 34 (3).

[4] Inglehart R. F., Welzel C. (2010) *Values, Agency, and Well-Being: A Human Development Model // Social Indicators Research*. No. 97(1)

[5] Inglehart R. F., Foa R., Ponarin E., Welzel C. (2013) *Understanding the Russian malaise: the collapse and recovery of subjective well-being in post-communist Russia / Higher School of Economics. Series WP BRP 32/SOC/2013 "Basic research program working papers series: sociology"*.

[6] Veenhoven R. (1996) *The study of life satisfaction in Saris, W.E., Veenhoven R., Scherpenzeel A.C. and Bunting B. (eds). A comparative study of satisfaction with life in Europe*. Eotvos University Press.

ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДПРИИМЧИВОСТИ В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ БНТУ, Г. МИНСК)

Андрос И.А. (Минск, Республика Беларусь)

Актуальность. Длительное время вопросы развития и продвижения предпринимчивости были стратегической программной целью государств-членов Евросоюза и стран, готовящихся к вступлению в ЕС. А современный экономический спад только подчеркнул потребность в создании многоохватывающей устойчивой основы в лице творческих и предпринимчивых людей, восприимчивых к инновациям. В Беларуси предпринимчивость, активность и деловая инициатива формально были представлены как весомые факторы успеха развития экономики (и страны в целом) в 2011 году, который был объявлен Годом Предпринимчивости. Предполагалось, что в социально-экономическом развитии республики начнется новый этап, который будет включать создание благоприятных условий для формирования инициативного и ответственного работника во всех отраслях экономики и сферах жизнедеятельности.

Отметим, что до сих пор в структуре белорусской экономики преобладает промышленность, а именно, в промышленном секторе производится четверть ВВП, сосредоточено около 35% всех основных средств республики, трудится 23% от общей численности занятых в экономике [1]. Тем самым, инженерная деятельность, которая включает в себя инженерное изобретательство, конструирование и инженерное проектирование [2], является для населения Беларуси одним из основных видов деятельности. Однако анализ национальной статистики показал, что малые предприятия дают в общем объеме промышленного производства около 10% выручки, хотя их доля от всех организаций промышленности составляет 88,1%. Получается, что по показателю выручки эффективность одного среднестатистического малого предприятия по сравнению с типичным крупным/средним предприятием в экономике Республике Беларусь составляет 1,4% [3]. Это экономические показатели. Поскольку правительство Беларуси акцентирует внимание на развитии частного малого и среднего промышленного предпринимательства в республике (сокращая численность занятых посреднической деятельностью в предпринимательстве), то изучение роли личности инженера в развитии промышленного предпринимательства становится актуальным по причине заинтересованности

общества и государственных структур решать проблемы, связанные с социально-экономическим развитием республики.

Методологический подход. В настоящее время образ предпринимателя остается отправной точкой для изучения предприимчивости, в т.ч. вне предпринимательской сферы деятельности. Подчеркнем, что реалии современного мира расширяют понятие «предприимчивости» за рамки одной хозяйственной деятельности – предпринимательской, и, тем самым, раздвигаются рамки теоретико-методологического определения предприимчивости в аспекте инновационной активности социального субъекта. Изучение научной литературы показало, что комплексного анализа предприимчивости как специфического типа поведения пока не состоялось. Как правило, рассматривается один аспект социального феномена предприимчивости – экономическая активность, которая в большинстве случаев и называется предприимчивостью. В данном случае из сферы аналитики упускается другая существенная характеристика предприимчивости – это активная жизненная позиция социального субъекта. Если Й. Шумпетер определил предпринимателя как хозяйствующего субъекта, функцией которого является осуществление новых комбинаций и которые выступают как его активный элемент [4, С. 170], то, на основании выше изложенного, мы определяем предприимчивость как набор таких качеств личности, которые способствуют осуществлять рекомбинацию факторов повседневной жизни (социального субъекта) ради максимизации позитивного эффекта от активности независимо от сферы деятельности.

Методика исследования. В рамках совместного белорусско-украинского проекта «Интеграция инженерного образования и бизнес-образования в технических университетах Украины и Беларуси как фактор развития национальных экономик» (2016– 2018 гг.) было изучено представление студентов выпускных курсов Белорусского национального технического университета (г. Минск) о понятии «предприимчивость», а также самооценка предприимчивости. Выборка случайная стратифицированно-гнездовая со сплошным опросом на последнем этапе. Целевая группа – студенты инженерных специальностей, 4-5 курсы, опрошено 848 чел. В инструментарии апробирована методика самооценки предприимчивости как социально активного индивида, основой для которой выступила методика А.И. Агеева «личностный портрет зарубежного предпринимателя» [5, С. 188].

Результаты. Данные анкетного опроса показали, что большинство опрошенных считают себя предприимчивыми («да» – 27,2%, «скорее да» – 42,9%). Отрицательно ответили 1/5 студентов («нет» – 4,8%, «скорее нет» – 16,6%), затруднились с ответом 7,8%, не ответили 0,6%. При этом считают необходимым развивать в себе предприимчивость 77,0% респондентов, а 8,6% – не видят в этом необходимости. Затруднились с ответом 1/10 (11,8%), не ответили 2,6%. Определившие себя как «предприимчивые» считают необходимым развивать это качество – почти 80% (см. табл.).

Таблица – Таблица сопряженности распределений ответов на вопросы «Считаете ли Вы себя предприимчивым человеком?» и «Считаете ли Вы необходимым развивать в себе предприимчивость?», %

Считаете ли Вы необходимым развивать в себе предприимчивость? Считаете ли Вы себя предприимчивым человеком?

	да	скорее да	скорее нет	нет	затрудняюсь ответить	итого
да	31,1	47,8	13,3	1,7	6,1	100
нет	13,9	15,3	40,3	22,2	8,3	100
затрудняюсь ответить	13,0	35,0	24,0	10,0	18,0	100

По мнению опрошенных студентов, для предприимчивого человека характерны: 1) коммуникативность и умение ладить с людьми (56,1%) – это способность убеждать и устанавливать связи; 2) целеустремленность (53,7%) – это умение ясно выражать цели и наличие долгосрочного видения; 3) готовность рисковать (51,2%) – предпочтение ситуациям «вызова» или умеренного риска, а также предпочтение действиям, которые уменьшают риск или контролируют результат; 4) амбициозность (50,5%) – это противоречие качество, которое необходимо для достижения успеха; 5) расчетливость (44,6%) – склонность продуманно, практично и тщательно учитывать обстоятельства, действовать с расчетом; 6) харизматичность(42,5%) – способность убедить людей и возглавить их; 7) трудолюбие (37,5%) – ярко выраженное позитивное отношение к трудовой деятельности. Менее характерными качествами для предприимчивого человека студенты посчитали практичность (21,8%), деловитость (19,7%), свободолюбие (7,2%). Действительно, в предпринимательской деятельности коммуникативность является одной из основополагающих качеств личности. Отсюда и распространенное определение

предпринимательства как деятельности по созданию социальных связей или социальных структур (например, фирма, предприятие, компания), где раньше их не существовало. Таким образом, потенциал предприимчивости среди студентов технических специальностей БНТУ (Минск) является очень высоким. Однако это не означает, что все они уйдут (или должны уйти) в предпринимательство, и именно в промышленный бизнес, и тем более создадут свою фирму. Высокая доля студентов БНТУ, нацеленных на саморазвитие предприимчивости, демонстрирует весомый социальный потенциал для наращивания доли предприимчивых специалистов, способных осуществлять новые комбинации элементов в их профессиональной деятельности.

1. *Официальный сайт Президента Республики Беларусь [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://president.gov.by/ru/economy_ru/. Дата доступа: 26.09.2017.*
2. *Новая философская энциклопедия. Инженерная деятельность [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://iphlib.ru/greystone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0140b26237350ce7be35a140?p.s=TextQuery>. Дата доступа: 01.10.2017.*
3. *Андрос, И.А. Поддержка малого и среднего промышленного предпринимательства как стратегический вектор развития национальной экономики Беларуси / И.А. Андрос // Капитализм, популизм та модерн: материалы VIII междунар. науч.-практ. конф., Киев, 18–19 мая 2016 г. / НТУУ «КПИ» им. И. Сикорского. – Одесса: Гельветика. – С. 12–13.*
4. *Шумпетер, Й. Теория экономического развития. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.*
5. *Экономическая психология / Под ред. И.В. Андреевой. – СПб: Питер, 2000. – 512 с.*

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ СОЦИУМА

Антоненко В.И. (Монино)

Для раскрытия темы данной статьи сформулированы положения, вытекающие из литературы, посвященной повышению роли образования в современном мире [3]. К ним относятся следующие:

во-первых, являясь важнейшим элементом духовной культуры человечества, образование с момента своего возникновения оказывает все возрастающее влияние на все стороны общественной жизни;

во-вторых, воздействуя на различные сферы социума, образование в свою очередь постоянно испытывает влияние экономики, политики, философии, религии, духовно-нравственной жизни общества и т.п.;

в-третьих, благодаря образованию формируется соответствующий эпохе тип мировоззрения, происходят изменения в психике и сознании людей, за которыми следуют практические дела, происходят преобразования в обществе;

в-четвертых, коренные качественные изменения, связанные с переходом от первобытного общества к рабовладению и от него к феодализму, а от феодализма к капитализму, в том числе и к современному информационному обществу в значительной степени зависят от накопленных под влиянием образования знаний;

в-пятых, по мере развития человечества роль образования неуклонно возрастает. Переход от индустриальной к постиндустриальной цивилизации предполагает коренную перестройку образования, превращение научных знаний в решающий фактор развития человечества;

в-шестых, вполне вероятно в развитии человечества может быть возникновение Коллективного разума, который станет альтернативой разуму индивидуального, и тогда образование может приобрести непредсказуемый характер.

С позиции выделенных выше положений образование следует понимать как феномен, обеспечивающий человека знаниями о внешнем мире и о самом себе, дающий возможность преобразовывать природу и социум в соответствии с растущими потребностями и совершенствовать самого себя. Сегодня все более четко осознается прямая зависимость состояния социума от знаний, накопленных в ходе развития образования. Неслучайно поэтому в наиболее развитых странах мира очень заботливо и бережно к нему относятся. Народы многих стран и их правительства осознают, что основой благосостояния людей и могущества государства является соответствующая XXI веку наука, важной компонентой которой является образование.

Нынешнее состояние цивилизации представляет собой сложный, динамичный и во многом непредсказуемый процесс. Накопленные человечеством знания позволяют совершать

колоссальные по масштабу действия, но далеко не всегда дают возможность предвидеть не только отдаленные, но и ближайшие их последствия. Создание сложной технизированной среды предполагает, как минимум, понимание того, куда направлен технический процесс. Является ли он прогрессом на самом деле? Так, французский политический деятель, экономист и писатель Жак Аттали считает, что в течение 50 лет человечество создаст универсальный гиперразум, который станет высшей точкой эволюции. Для живого гиперразума человечество будет лишь незначительной составляющей. История человека разумного закончится. Он не сгинет под разрушительными волнами будущего, но продолжит существование в своем высшем творении [1, С.262.].

Можно было бы пренебречь подобного рода суждения. Однако, имеются веские основания для того, чтобы серьезно к ним относиться. Это, прежде всего, все возрастающие темпы научно-технического прогресса. Человечество за последние десятилетия накопило научных знаний больше, чем за всю предыдущую историю. Процесс информационного развития приобрел лавинообразный характер. В ходе информационной революции некоторые ученые предполагают создание глобального коллективного мозга, осуществление связи психики разных людей путем соединения мозга человека с компьютером. О возможности создания такой искусственной системы говорил один из выдающихся отечественных ученых Н.Н.Моисеев [5, С.64-70]. По его мнению, только создав Коллективный разум человечество сможет решить глобальные проблемы и осуществить прорыв в будущее.

Однако, есть и такие ученые, которые идею глобального Коллективного мозга, связь психики человека с компьютером рассматривают как прямую угрозу человеческому роду. При этом именно реформы в области образования могут, по их мнению, стать катализатором таких изменений в сознании людей, при которых они перестанут быть людьми в собственном смысле этого слова [4; 6, С. 66-85]. К сожалению, такая возможность тоже существует. Разрешить возникающие противоречия человечеству придется, поскольку масштаб происходящих изменений возрастает, и человек изменяет окружающую природу, и в особенности социум, быстрее, чем свой внутренний духовный мир.

Отставание общественного сознания от общественного бытия в период перестройки и последующих реформ весьма негативно сказались на развитии нашего общества. Последние десятилетия наметилась тенденция по преодолению стихийного развития России, и это положительно сказалось на формировании высокотехнологической среды обитания граждан нашей страны. Без повышения ответственности на всех уровнях власти за принимаемые решения в области инновационных проектов и высоких технологий невозможно поддерживать и соответствующую динамику социально-политических изменений.

Дальнейшее развитие страны предполагает осуществление радикальных перемен в сознании людей. Наступило время переоценки ценностей, переосмысления пройденного в последние десятилетия пути, в том числе и в области образования. Естественное стремление заглянуть в грядущее должно быть подкреплено такой парадигмой образования, которая, опираясь на опыт прошлых столетий, позволила бы отразить некоторые контуры будущего. В этом смысле исследование роли образования в историческом развитии социума несомненно может способствовать пониманию сущности и содержания образовательной системы, основных периодов ее развития и особенностей влияния на все стороны общественной жизни, прежде всего, на экономику.

Сегодня она ориентирована на так называемый шестой технологический уклад, содержание которого составляют: нанотехнологии, биотехнологии, робототехника, новая медицина, природопользование и т.п. Большое внимание уделяется "Нейронету", под которым понимается соединение мозга человека и компьютера, то есть появление интерфейса, представляющего собой систему передачи электрических импульсов от нервной системы человека к электронному устройству и обратно. Основным смысл "Нейронета" заключается в формировании глобального, коллективного мозга, объединяющего психику разных людей, прямой обмен их сенсорным и эмоциональным опытом. Для того, чтобы понять механизм возникновения новых информационных реалий, необходимо исходить из того, что образование есть функция общества, обеспечивающая поступательное развитие социума путем трансляции культуры в непрерывно меняющихся исторических условиях и, соответственно, заменяющими друг друга поколениями людей. Ориентированное на усвоение научных знаний образование создает особый тип человеческого сознания, активно влияет на логику мышления, утверждает специфический тип аргументации и обоснования знаний. Происходящие под влиянием образования изменения в

сознании ведут к радикальным преобразованиям во всех сферах общества. Коллективный разум, о котором говорил Н.Н.Моисеев, также есть продукт исторического развития человечества, прежде всего, его образовательной системы.

Рассмотрение влияния образования в конкретно-исторических условиях сменяемых друг друга эпох позволяет понять, что необходимость передачи знаний от одного поколения к другому возникла в глубокой древности. С изобретением письменности этот процесс стал более эффективным. В эпоху древности были заложены основы астрономии, медицины, математики. Возникли необходимые предпосылки перехода общества на новый более высокий уровень развития. С распространением письменной культуры постоянно расширялся круг людей, обладающих знаниями. Преобразование мира в соответствии с растущими потребностями человека предполагало такую организацию образования, в центре которой находился бы он сам. Очень четко это просматривается в культуре Древней Греции.

Благодаря образованию достигнутый Древней Грецией уровень цивилизованности был воспринят римлянами. В свою очередь греко-римская культура явилась основанием для развития западно-европейской цивилизации. Как отмечал Жак Ле Гофф: "На Западе появился новый мир, возникший благодаря слиянию римского и варварского миров" [2, С. 93]. Дети знатных варваров проходили обучение в римских школах. Блестящее римское образование получали и теологи, которые были духовной элитой общества. С появлением в конце XII - начале XIII веков первых университетов образование поднялось на новый качественный уровень. Значительное количество молодых людей, получив образование в средневековых университетах, были катализаторами прогрессивных изменений, в том числе и таких, которые вели к разрушению феодализма.

Стремительно растущие научные знания, усваиваемые в процессе образования, способствовали формированию основ буржуазного производства. Стремление разума проникнуть в самые сокровенные тайны природы подготовило революцию в умах. Знание было признано силой, способной преобразовать не только природу, но и само общество. Важную роль в этом процессе играло воплощение знаний в технику и технологию. Постоянно возрастающее использование машин в производстве привело в конечном итоге к возникновению индустриальной цивилизации. В ходе индустриализации физические возможности человека необычайно возросли. Последние десятилетия в развитии техники и технологии обозначился новый вектор развития, связанный с усилением интеллектуальных возможностей человека. Компьютерная техника позволяет осуществлять поистине революционные преобразования. Включение мышления в систему компьютеров существенно усиливает творческие способности людей. В конечном итоге четко просматривается тенденция создания искусственного интеллекта и формирование коллективного разума.

Проведенный анализ роли образования в историческом развитии социума позволяет делать следующие выводы:

1. Достигнутый человечеством уровень сознания во многом является продуктом и результатом образовательного процесса. Передаваемые в процессе образования знания реализуются во всех сферах общественной жизни.

2. Образование не только влияет на общество, но и само находится под его воздействием. Изобретение письменности, книгопечатания, радио, телевидения, компьютерных технологий и интернета существенно повлияли на процесс передачи знаний.

1. *Аттали Ж. Краткая история будущего / Жак Аттали (перевод с франц.). - СПб.: Питер, 2014. - С. 262.*
2. *Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада. - Издательская группа "Прогресс" "Прогресс-академия", 1992. - С. 93.*
3. *Перспективы, организационные формы и эффективность развития сотрудничества Российских и зарубежных вузов: сборник статей по материалам участников V Международной научной конференции (13-14 апреля 2017 г., наукоград Королёв) - М.: Издательство "Научный консультант", 2017. - 610 с.*
4. *Тулинов Д. Нейронет: Технологии влезают нам в мозг // Кот Шрёдингера: журнал. - 2015. - № 7-8.*
5. *Урсул А. Ноосфера - основа мировоззрения. - Вестник Высшей школы, 1991. № 5. - С. 64-70*
6. *Шукин Т. Нейронет: коммуникационная среда следующего поколения // Technowars: журнал. - 2014. - № 5. - С. 66-85.*

ПАТРИОТИЗМ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Артамонова О.Е. (Великий Новгород)

Вопросы патриотизма и гражданственности вызывают, очевидно, больше споров и обсуждений, чем иные формы проявления общественного сознания. Их обсуждают на протяжении всей российской и советской истории, используют при поисках национальной идеи, для создания пропагандистских художественных произведений и конструирования национального самосознания. Отношение к патриотизму становится важным инструментом диагностики монастроений и средством манипулирования общественным сознанием.

Современное российское государство в своих официальных документах трактует это явление традиционным образом — как чувство верности своему Отечеству, готовность к выполнению гражданского долга и защите интересов Родины. На уровне лозунга патриотизм выражается так: «Россия — великая держава, и мы должны гордиться тем, что живем в этой стране». Высшей формой проявления патриотического чувства считается способность пожертвовать собой ради Отечества. При этом в российских условиях актуализируется американский принцип «Пусть это плохая страна, но это моя страна»: свое государство и свою страну следует целенаправленно любить, как родителей, такими, какие они есть, независимо от их позитивных или негативных качеств.

Однако, людей, искренне и добровольно демонстрирующих любовь к своей Родине не на словах, а на деле, в нашей стране становится всё меньше. Общество всё чаще воспринимает патриотическую риторику власти как «фигуры речи», необходимые для ее легитимации и не имеющие внутреннего содержания. Хорошей иллюстрацией такого скепсиса является призыв в армию: большинство россиян на словах выражают любовь к своей стране, но мало кто изъявляет желание подтвердить ее делом. Иными словами, люди говорят одно, думают другое, а поступают каким-то третьим образом.

Налицо кризис патриотического сознания, который девальвирует важнейший ресурс мобилизации общественных сил. Здесь уместно задаться вопросом: для чего сегодня нужна подобная мобилизация? Различные экспертные группы дают на этот вопрос разные ответы. Одни считают, что главной угрозой для России являются происки иностранцев, желающих захватить наши исконные территории, другие говорят о потере контроля государства над природными ресурсами, а третьи опасаются депопуляции населения страны.

Действительно, еще совсем недавно целостность и суверенитет любой страны достигались сохранностью ее территории, ресурсов и населения. А возникавшие угрозы, такие как войны, болезни и стихийные бедствия, преодолевались путем мобилизации населения через воззвание к его патриотическим чувствам. Актуализация патриотизма была возможна за счет того, что вызовы, стоявшие перед страной, не только трактовались элитами как угроза существованию государства, но и воспринимались населением как онтологический вызов их идентичности: государственной (гражданской), этнической или религиозной.

В условиях глобализации многие государства утрачивают контроль над своими ключевыми историческими ресурсами — территориями, населением и полезными ископаемыми — часто даже безо всяких войн. Мобильность населения выросла: люди получают образование, работают и живут не на родине своих предков, а там, где им комфортнее; они меняют гражданство и уезжают в более привлекательные места. Полезные ископаемые многих стран контролируются уже не своими правительствами, а транснациональными корпорациями. Управление территорией страны перестает быть прерогативой ее властей и всё чаще перехватывается другими, наднациональными игроками. В этих условиях бороться с глобализацией за счет мобилизации идеологических идентичностей уже бесполезно — они девальвированы.

Наблюдается разрыв между патриотической риторикой государства в лице его элит и представлениями о патриотизме обычных жителей страны. Причина - в ослаблении социальных институтов, производящих метафизическую идентичность (церкви, науки, системы образования), в то время как новые институты до сих пор не появились. В результате, как показывают данные исследований, люди уже не готовы чем-то жертвовать ради идеологий — национальной, государственной, конфессиональной. [1] Их разрушение стало следствием общемирового процесса постмодернистской «разборки» всяческой метафизики — как религиозной, так и идеологической.

Вместо них появляются другие идентичности: профессиональные, корпоративные, средовые, мифология и метафизика которых только формируется. Важную роль среди них могут сыграть институты гражданского общества, которые когда-то были атрибутом государства, а сейчас становятся соразмерными ему.

Поэтому, если прежде политика управления массами заключалась в воздействии на эти «большие» идентичности, то сейчас возникает вопрос управления множеством «малых» — таких как профессиональные и местные сообщества, корпорации, клубы и другие. Но, в отличие от Запада, где социальные институты традиционно имеют большой вес, сегодня в России доминируют традиционные формы — такие как семья и даже семейно-родовая структура, или возникли искусственные конструкции, не имеющие собственной мифологии (вроде концепции «россиянина»), в которые люди не верят. Определение новых идентичностей, формирование которых было бы важным для существования страны — вопрос, требующий отдельного изучения. Следует обратить особое внимание на то, что, на месте прежних, утраченных идентичностей неизбежно возникают новые. Более того, вполне вероятно, что если сейчас не начать формирование и поддержку «своих» идентичностей, то люди начнут вкладываться в «чужие», которые были сформированы за пределами России и спроецированы на ее территорию. Например, такие, как «сотрудник ТНК» или «ваххабит». И этот процесс формирования и трансляции новых идентичностей, безусловно, нуждается в диагностике.

1. О.Е. Артамонова. Развитие новых форм патриотизма на фоне самоидентификации россиян// Вестник Новгородского филиала РАНХиГС. Выпуск третий. Великий Новгород, 2015, с. 151-157

2. Патриотизм как проявленная идентичность. — Санкт-Петербург : Коло, 2012. — 272 с. — (Русские фабрики мысли.)

РЕАКТИВНЫЕ VS АКТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ

Батаева Е.В. (Харьков, Украина)

Тема социальной активности является междисциплинарной, ее разработкой занимаются психологи (А. Абульханова-Славская, А. Буршлинский, А. Леонтьев, С. Рубинштейн, Э. Фромм, Р. Шамионов и др.), философы (С. Абачиев, В. Агеев, Г. Батищев, С. Иваненков и др.), социологи (О. Асеева, Е. Бахаровская, Ю. Мангутова, Г. Новикова, Е. Харланова, Е. Якуба и др.), представители педагогических наук (Н. Зенько, Ю. Кустикова, В. Маралов, А. Мудрик, Н. Пилипчевская, В. Ситаров, К. Ямкова и др.), при этом практически все теоретики опираются на деятельностный подход к определению социальной активности, предложенный А. Леонтьевым, согласно которому социальная активность человека всегда проявляется/завершается в конкретной деятельности. В то же время некоторые исследователи (к примеру, А. Мудрик, К. Ямкова) оговаривают условия расширенной трактовки понятия «активность», которое подразумевает не только деятельность (понимаемую как действия, направленные на решение объективной проблемы и имеющие своим итогом создание материального или виртуального/интеллектуального продукта), но и рефлексию, познание, коммуникацию, спорт, игру [4, с.314-315]. Будем иметь в виду расширенную (транс-деятельностную) трактовку понятия активности, используя в качестве теоретической основы отредактированное определение Г. Новиковой и Г. Маль [2, с.124]: социальная активность — это интегративная характеристика личности, которая находит свое выражение в рефлексии, коммуникации, познании и деятельности, обусловленных внутренней потребностью человека в самоактуализации, проявляющихся в создании социально ценных артефактов/проектов, а также в осознанной помощи другим людям.

Понятие активности находится в противоречивых отношениях с понятием реактивности, отрефлексируемым В. Ситаровым и В. Мараловым, существенным признаком которого является не самодетерминированность рефлексии, коммуникации или деятельности человека, а их порожденность/сформированность извне, под влиянием внешних факторов. В. Ситаров и В. Маралов выделили несколько формотворческих признаков реактивности: по-первых, реактивность выполняет в основном приспособительную, адаптивную функцию, будучи (буквально) формой реакции на определенные стимулы, предлагаемые внешней средой; во-вторых, реактивность «обуславливается системой установок, опытом выполнения прошлых деятельностей, она ориентирована на прошлое» [3, с.165]; в-третьих, реактивность по своей сути стереотипна,

поскольку воспроизводит уже существующие, общепринятые шаблоны поведения и мышления. Напротив, активность предполагает не приспособление к уже существующим познавательным и социальным контекстам, сколько их преобразование и усовершенствование; она сориентирована не на прошлое, а на настоящее и будущее, стимулируя создание «избыточности» смыслов; активность по своей природе не-стереотипна, предполагая создание уникальных проектов, преодолевающих банальность «общепринятого». Реактивность, как правило, являет собой ситуативные, неустойчивые и не сохраняемые во времени формы жизнедеятельности человека, которые вне ситуации внешнего стимулирования могут исчезнуть, тогда как активность обусловлена над-ситуативной, стойкой потребностью человека в самовыражении и самоактуализации, которая стабильно воспроизводится во времени. Активность всегда субъектна – она соотносится с развитой субъектностью человека, являющегося автором своей жизни, свободно выбирающим жизненные цели и средства для их достижения, самостоятельно принимающим жизненно важные решения, являющегося независимым от внешнего влияния и принимающим на себя ответственность за любые результаты собственной активности. Напротив, реактивность всегда «объектна», предполагая возможность манипулирования человеком как объектом с целью реализации решений, принимаемых внешними акторами.

В современной системе высшего образования возникла проблема преобладания реактивности над активностью, распространенности средне-низких уровней социальной активности и низких уровней общественно сориентированной активности студентов, которым в современной теории образования уделяют достаточно много внимания. Современные преподаватели все чаще жалуются на то, как мало инициативных и исполнительных студентов, которые самостоятельно продуцировали бы научные и познавательные идеи и пытались их самостоятельно и творчески реализовать; все чаще становится необходимым стимулировать/заставлять студентов участвовать в различных конкурсах и конференциях, писать научные работы, принимать участие в социальных и волонтерских проектах, при этом инициатива и креативные идеи исходят, как правило, от преподавателей (очевидно, что в данном случае речь идет о реактивности, а не о самопорождающейся активности студентов). Если использовать качественный критерий различения уровней социальной активности, то можно говорить о средне-низкой активности современных студентов, которые чаще действуют не ради высших духовных ценностей, а под влиянием прагматических, утилитаристских установок, ради карьеры, личного успеха, ради получения лучшей оценки или стипендии, руководствуясь не мотивом достижения, а стремлением избежать неудачи. Современные исследователи в постсоветских странах фиксируют низкую общественно ориентированную активность современных студентов, которые в 5-6 раз реже принимают участие в общественных акциях, нежели западные студенты или студенты советской эпохи.

Для снижения уровня реактивности студентов следует применять «мягкие» методы развития социальной активности, исключая принуждение к определенным видам деятельности: метод создания проблемных ситуаций (суть которого заключается в постановке преподавателем или студентами определенной проблемы, решение которой еще не сформулировано), метод проектов (предполагающий самостоятельную постановку студентом проблемы, целей и задач исследования, выбор методологии и методики, проведение и подведение итогов исследования, что может способствовать развитию познавательной активности и независимости мышления), метод соучастного преподавания (предполагающий возможность инверсии позиций преподавателя и студента, имеющей целью установление познавательного и коммуникативного паритета между всеми участниками учебного процесса).

1. Новикова Г., Маль Г. Структура социальной активности молодежи в добровольческой деятельности и ее виды // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 10. С.124-126.
2. Ситаров В., Маралов В. Социальная активность личности (уровни, критерии, типы и пути ее развития) // *Знание. Понимание. Умение*. 2015. № 4. С.164-176.
3. Ямкова К. Сутність та різновиди соціальної активності учнівської молоді: теоретичний аспект // *Науковий вісник Мелітопольського державного педагогічного університету*, 2011. № 2 <http://lib.mdpu.org.ua/nvsp/BAK7/7/48.pdf>

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ Г. АРХАНГЕЛЬСКА)

Блынская Т.А., Малинина К.О. (Архангельск)

Развитие высшего образования и науки играет важную роль в формировании общественных норм и ценностей, при этом само общество является зеркалом процессов происходящих в системе высшего образования и науки. Анализируя социокультурные тенденции развития образования и науки, нельзя не остановиться на изменениях, происходящих в обществе. Категория социальных изменений охватывает любые трансформации социальных структур, практик, возникновение новых или обеспечение функционирования прежних групп, форм взаимодействия и поведения [2].

В создании полноценной социокультурной среды важную роль играет развитие образования и науки. Известно о взаимовлиянии культуры, общества и науки, при котором наука, представляя собой социокультурный феномен, выступает стержнем развития культуры и общества. Соответственно, функционирование науки, как составной части духовной жизни социума, является одним из индикаторов социокультурной ситуации – состояния культуры общества.

Наука и образование в России находятся в условиях постоянного реформирования, однако реформы тормозятся из-за истощенности кадрового и технического потенциала. Так, штатная численность профессорско-преподавательского состава продолжает сокращаться, за последние семь лет данный показатель упал на 1/3. Система вузовского образования в России входит в этап технологического и технического обновления. Ключевыми факторами успешного развития вузов становятся гибкость и вариативность взаимодействия, скорость реагирования на изменения, преодоление естественной инертности [1].

В российском обществе происходят позитивные качественные изменения, касающиеся отношения к высшему образованию. По данным, полученным Независимым институтом социальной политики в ходе обследования, 96 % молодежи с высшим образованием и 92 % лиц, не имеющих его, считают, что оно необходимо молодым людям [4]. При этом в настоящее время доминирует тенденция, связанная с уменьшением численности студентов образовательных организаций высшего образования (доля студентов вузов в 2016 году составила 64% по отношению к уровню 2013 года). Своего минимума показатель численности студентов должен достигнуть к 2019 году под влиянием демографических и социально-экономических факторов, а локального максимума численности студентов вузов стоит ожидать только к 2029 году, что потребует соответствующего расширения вузовской сети [1].

Нами было проведено социологическое исследование «Удовлетворенность работников, занятых научно-исследовательской деятельностью условиями и результатами своего труда». Базой для проведения исследования выступили крупнейшие научные и образовательные организации г. Архангельска: ФГАОУ ВПО (С(А)ФУ) (вузовское сообщество) и ФГБУН ФИЦКИА РАН (академическое сообщество), по праву считающиеся научно-образовательными точками роста Арктической зоны [5]. Одной из задач исследования стало изучение мнения представителей научного сообщества по вопросам, касающимся проблем и перспектив развития региональной науки и образования.

При анализе основных проблем в научных организациях, были выявлены следующие: в академической среде - финансирование научных работ (65 %) и слабая оснащенность современным оборудованием (45 %), в вузовской - низкая оплата труда (84 %) и высокая степень бюрократизации учебного процесса (77 %). Данные тенденции подтверждаются исследованиями других специалистов в сфере научной деятельности [3].

В настоящее время актуален вопрос интеграции вузовской и академической науки, на приоритетность этой задачи было обращено внимание в послании Президента РФ Федеральному собранию РФ ещё в мае 2004 года. С одной стороны, отсутствие научной базы для реализации программ высшего образования ведет к тому, что выпускники оказываются неконкурентоспособны на рынке труда, с другой стороны, академическая наука практически утратила источники обновления кадрового потенциала. Обособленное существование академической и вузовской науки снижает возможности не только их собственного развития, но и всего общества в целом. С целью выявления респондентов, совмещающих научную и преподавательскую деятельность, был задан вопрос: «Работаете ли Вы в другой организации

(совместительство, договор)?». На этот вопрос положительно ответили 18 % представителей академической науки, при этом в сфере преподавания из них работают 50 %. В вузовской среде работают по совместительству 33 %, из них в сфере науки только 13 %.

Одним из показателей результативности научной деятельности является наличие публикаций и участие в проектах, поддержанных на средства грантов. Представители академической и вузовской науки, как правило, имеют публикации в журналах перечня РИНЦ (90 %) и ВАК (82-86%). Число респондентов, отметивших, что имеют публикации в журналах, индексируемых в международных базах данных, выше в НИИ (58 %), в САФУ (32 %). При этом в академической среде опубликовано значительно меньше монографий, учебников, пособий (44 %), чем у представителей вузовского сообщества (78 %), что связано со спецификой научной деятельности каждой целевой группы. В проектах, поддержанных на средства грантов, наибольшую активность проявляют представители академического сообщества. Со слов респондентов, за последние пять лет участие в таких проектах принимали 78 % (в САФУ 56 %), из них в качестве руководителя – 34 % и исполнителя 66 %.

Важным моментом в деятельности по повышению уровня квалификации и качества работы, как преподавателя, так и научного сотрудника является процедура «избрания». Требования к избранию на должности зависят в первую очередь от вида организации (университет, академия, институт), уровня его престижности и статуса. Около 70 % респондентов в обеих целевых группах, считают обязательной процедуру избрания на должности в сфере науки и образования с оптимальным сроком от 3 до 5 лет. Мнение о целесообразности установления возрастной планки разделились. Так 47 % представителей академического сообщества отрицательно относятся к установлению возрастной планки, а в вузовской среде таких 70 %.

В качестве показателей, наиболее важных для работы в сфере науки и образования большинство респондентов, в обеих целевых группах, выделили опыт (74 %), квалификацию (85 %) и профильное образование (50 %). Около половины опрошенных отмечают, что довольны результатами своего труда и отмечают, что результаты их исследований находят применения или внедряются в производство.

В заключение можно сказать, что около 80 % представителей вузовской науки не видят на сегодняшний день ясной стратегии государственных органов в отношении развития отечественной науки, так же считают 60 % в академическом сообществе, а ведущими центрами развития науки, по их мнению, должны стать Федеральные научные центры и научные институты – (40 %). У представителей вузовской науки мнения разделились: высшие учебные заведения (26 %), научные институты (26 %), Федеральные научные центры (24 %) и национальные исследовательские университеты (18 %). В качестве своих вариантов были предложены: консорциумы или ассоциации указанных организаций.

В современных условиях модернизация общества, проявляется как наращивание потенциала в сфере образования, науки, технологии и инноваций. Соответственно становится востребовано большое количество людей, способных не только использовать достижение современной науки и техники, но и создать их. Для достижения этой цели, усилия должны быть направлены на увеличение конкурентоспособности региональной науки, а также выявление потенциальных исследователей ещё в студенческой среде, давая возможность будущим ученым оценить перспективу своей карьеры в родном регионе. Для дальнейшего успешного развития образования и науки в России необходим ряд факторов, как то стратегическое планирование, стабильное финансирование, интеграция в мировую науку, обеспечение для бизнеса комфортных условий инвестирования в науку.

1. Бюллетень в сфере высшего образования [Электронный ресурс] URL:<http://ac.gov.ru/files/publication/a/13584.pdf> (дата обращения: 27.09.2017).
2. Высшая школа экономики [Электронный ресурс] URL:<https://www.hse.ru/data/2011/02/27/./Социокультурная%20динамика.doc> [Электронный ресурс] (дата обращения 25.09.2017).
3. Гвоздева Г.П., Гвоздева Е.С. Выявление моделей трудового поведения научной молодежи на основе оценки ожиданий // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2015. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vyyavlenie-modeley-trudovogo-povedeniya-nauchnoy-molodezhi-na-osnove-otsenki-ozhidaniy> (дата обращения: 28.09.2017).
4. Голдин В.И. Наука, науковедение и высшая школа. - Архангельск: Солти, 2008. - 424 с.
5. Госкомиссия по развитию Арктики. [Электронный ресурс] URL:<https://arctic.gov.ru/News/38b1869d-afc2-e611-80d1->

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ РЕФОРМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Васильев В.П. (Москва)

На российское образование не могли не повлиять общие трансформации 90-х гг. при переходе к реалиям новой социально-экономической системы. «В условиях перехода России к правовому государству, к демократическому обществу, к рыночной экономике ее специфические проблемы вызваны сменой системы ценностей и социальных приоритетов, а также экономическими и политическими трудностями этого перехода». [2].

С одной стороны, все формы образования испытывали переосмысление идеологических установок и значительное недофинансирование, с другой – попытки реформирования на принципах рыночных социальных практик. Но, несмотря на организационно-экономическую суеу, образовательные организации сохранили высокий уровень обучения, там, где он был и в предшествующей общественной системе.

Потери качества образования связаны с рядом обстоятельств. Во - первых, отток высококвалифицированных кадров за рубеж и в коммерческий сектор экономики. Здесь сказался не протестный идеологический мотив, в обвал оплаты труда и понижение статуса преподавательского состава. Если в 80-х гг. оплата доцента составляла почти две средних по промышленности (320 и 172 руб. в месяц соответственно), то даже в настоящее время, подгоняемая Указами Президента РФ, средняя зарплата с большим трудом достигает среднюю по субъекту федерации. Во - вторых, на качестве образования стали сказываться социальные условия – снижение реальных доходов домохозяйств. Это привело к тому, что многие студенты на постоянной основе одновременно с обучением стали работать, сокращая свое время на постижение знаний. Рост транспортных расходов и опережающая инфляция в мегаполисах сократили региональную мобильность абитуриентов, возросла локализация высшего образования.

В середине 90-х гг. властные структуры попытались по аналогии с другими отраслями приватизировать университеты и институты и тем самым изменить не только статус образовательных учреждений, но и осуществить переход к платной системе образования и сбросить образование с финансирования из скудного государственного бюджета. Общество, прежде всего ректорский корпус ответственных и понимающих последствия такой меры людей, не допустили такую трансформацию. Но сама идея осталась живой и в отдельных элементах продолжает существовать. Ее проявлениями являются создание сети негосударственных университетов со 100% платным обучением, которые были созданы на теоретической платформе создания конкуренции в сфере высшего образования как традиционного института рыночной экономики.

Не состоявшейся, но не забытой позицией стала попытка введения связанных институтов ЕГЭ - ГИФО (государственные именные финансовые обязательства). Суть заключалась в том, что по уровню оценок ЕГЭ выпускники школ получают определенную, ранжированную денежную составляющую и далее «деньги следуют за учеником». Однако делить деньги во время ЕГЭ не получилось, подсчеты показали, что у государства таких ресурсов нет. Однако в настоящее время предлагается по результатам ЕГЭ назначать стипендию студентам.

Представляется, что можно выделить два реальных позитивных итога этого периода. Во-первых, сокращения часов на идеологические дисциплины и трансформация этих дисциплин (научный коммунизм, философия, политэкономия) а сферу общемировых научных подходов. Во-вторых, ЕГЭ при всех его недостатках снизил градус конфликта интересов при поступлении в университеты и вырисовывается в канал вертикальной мобильности, доступности для подготовленных школьников. Вместе с тем, новая система поступления в университеты, расширение сектора платного образования сформировали новый социальный феномен – абитуриенты во многих случаях стали выбирать не будущую профессию, а образовательное учреждение, где большая вероятность поступить на любые, но бюджетные места. Это одна из причин работы после окончания ВУЗа не по специальности.

Декларирование адаптации российского высшего образования к принципам болонского процесса со второй половины 2000-х гг. привело к целому ряду нововведений. Во-первых, это переход на двухуровневую (бакалавр-магистр), а затем и трехуровневую (бакалавр-магистр-

аспирант) систему. Как это скажется в конечном итоге на качестве человеческого капитала предсказать довольно трудно, необходима обратная реакция рынка труда, который и должен дать объективный ответ на вопрос о качестве новой системы подготовки кадров. Тем более, что новая философия организации должна быть стратегически нацелена на спрос работодателей и реакцию рыночных механизмов. Во-вторых, под флагом болонского процесса сформирован целый институт Федеральных образовательных стандартов третьего поколения. Главная новация новых стандартов переход к их конструированию на основе букета компетенций и расцвета методической и психолого-педагогической деятельности. Масштаб такой деятельности превзошел все ожидания. Если кому-то удастся прочитать все компетенции по избранной программе подготовки, то станет понятно, что овладевший ими студент достоин звания академика РАН, даже по принятой системе «методики оценивания освоения компетенций». На этой «теоретической» базе были разработаны и подписаны Федеральные образовательные стандарты для детских садов, которые переформатированы из воспитательных организаций в образовательные. Масштаб «творчества» дошел до того, что в соответствии с 67 статьей Закона об образовании в РФ, обучение детей начинается с двух месячного (!) возраста [1]. При этом, согласно стандарту, «сквозным механизмом» развития младенцев являются «познавательные-исследовательские действия».

Сказывается ли компетентный подход на качестве образования? Он не улучшает и не ухудшает качество. В практической работе ни профессорско-преподавательскому составу, ни студентам нет смысла руководствоваться очень обобщенной характеристикой предмета. Для этого есть, название читаемого курса и его программа. В зарубежной практике как правило компетентный подход не используется в системе высшего образования, это скорее задача по подготовке рабочих кадров и общей оценки взрослого населения по критериям «грамотность, умение считать, элементы умения читать, способности по решению задач в высокотехнологичной среде» [3].

Соответствие подготовки специалистов требованиям работодателей и рынка труда в российских реалиях имеет определенные риски. С одной стороны, абсолютно ясен вопрос по подготовке кадров для отраслей высокотехнологичного и наукоемкого секторов экономики. Но с другой стороны, деформированный российский рынок труда дает иные сигналы по отраслевой ориентации образования.

Инвестиционный кризис, наряду с низкой оплатой труда привели к серьезной структурной деформации рынка труда в России. Статистические данные показывают, что с 2010 года доля занятого в торговле населения превзошла другие отрасли экономики, превысив соответствующий параметр в обрабатывающей промышленности [4].

Одновременно произошло значительное снижение занятости в сфере сельскохозяйственного производства. Мотивация и сокращение рабочих мест и их хроническое отсутствие в ряде локальных рынков труда привели к значительной концентрации рабочей силы в сфере торговли и финансового посредничества.

В целом по дорожной карте болонского процесса выполнен только переход на уровневую систему. Безусловным достижением является то, что этот переход объективно привел к пересмотру и уточнению программ дисциплин, что заложило фундамент повышения качества образования.

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации", <http://base.garant.ru/70291362/#ixzz4krHVPSBG>

2. Доклад рабочей группы президиума Государственного совета Российской Федерации по вопросам реформы образования «Образовательная политика России на современном этапе», 2001, <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/21905>

3. Международная программа по оценке компетенций взрослого населения, <http://gtmarket.ru/research/piaac/info>

4. Российский статистический ежегодник 2015. М.: Росстат, 2016.

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАЖДАНСКОГО ПАТРИОТИЗМА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ

Верещагина А.В. (Ростов-на-Дону)

Работа выполнена в рамках реализации Госзадания (Министерство образования и науки РФ), проект № 28.3486.2017/ ПЧ «Гражданский патриотизм в формировании и развитии солидаристских практик на Юге России: ресурсный потенциал и условия его реализации».

Перспективы становления в России гражданского патриотизма связываются с необходимостью укрепления государственно-гражданской идентичности и единством российского многонационального народа. Важнейшим условием формирования гражданского патриотизма является наличие гражданской активности и моральной ответственности граждан перед гражданским сообществом. В условиях актуализации на Юге России этнических ценностей и этнического фактора как идентификационного маркера формирование гражданского патриотизма как надэтнического явления, способного вывести этнические сообщества на уровень восприятия своей истории и идентичности в контексте общероссийской идентичности, становится сверхзадачей, обусловленной вызовами современной эпохи и стоящими перед страной социальными проблемами, решение которых возможно только на основе солидаристских практик.

Формирование гражданского патриотизма в таком – солидаристском контексте является одним из возможных и перспективных с точки зрения реализации вариантов нациестроительства в России и укрепления государственно-гражданской идентичности. Наиболее подходящей для этого видится модель гражданского патриотизма историко-культурного характера, учитывающая ментальные особенности становления и развития государственности и гражданственности в обществе в процессе цивилизационной траектории его развития.

Насколько реальны перспективы формирования гражданского патриотизма в России и на Юге страны в частности с учетом этнизации социокультурных процессов, протекающих в данном регионе? Для этого необходимо выяснить, что представляет собой гражданский патриотизм, которому ученые зачастую противопоставляют патриотизм государственный, полагая, что он является необходимым условием государственности, в то время как второй ассоциируется с любовью к своему родному краю, народу, уважением к его традициям, гордостью за исторические и культурные достижения [4], и в обязательном порядке связывается с деятельностным аспектом, без которого идея патриотизма так и останется идеей.

Многие из исследователей в определении патриотизма обращаются к идеям И.А. Ильина как основополагающим в интерпретации и методологическом обосновании данного феномена, под которым последний понимал духовно-творческий акт самоопределения личности и нации [1]. В этом кратком определении заключается глубинная сущность понятия «патриотизм», которая затем во многих других дефинициях раскрывается в более расширенном виде с учетом духовно-нравственного компонента (патриотизм как духовное достояние человека, как базисная духовная ценность), эмоционально-чувственного компонента (любовь к Родине, Отечеству), идентификационного компонента (сопричастность к судьбе Отечества, к его народу и идентификация себя с ним, с его культурой, историей, победами и поражениями, целями в настоящем и будущем и т.д.), деятельностного компонента (готовность трудиться и действовать на благо Родины, народа).

В свою очередь, деятельностная сторона патриотизма самым непосредственным образом связана с его аксиологической сущностью. И по этому поводу исследователи пишут, что патриотизм является одной из важнейших ценностей, являющейся условием идентификации индивида и проявляющейся в деятельности во благо родины [2]. Однако в России именно деятельностная составляющая патриотизма представлена как неразвитая, неважная, а истоки этого следует искать в истории формирования российского патриотизма.

В исторических дискурсивных практиках по патриотизму данное понятие раскрывается в своей эволюционно-исторической обусловленности как явление, прошедшее длительный путь становления в различного типа обществах и цивилизациях и содержащее в качестве базовой характеристики глубокое чувство к Отечеству. Среди особенностей исторического дискурса по проблеме патриотизма выделяется его интерпретация как национальной идеи, которая, в отличие от патриотизма, как отмечает Г.Н. Лебедева, есть не у всех [3]. Национальная идея России (русская национальная идея), по ее мнению, начинается складываться в период преодоления

ордынского ига, когда пала Византия и Московское царство стало восприниматься как последний оплот православной веры. «Москва – третий Рим» - именно тогда стала складываться эта идеологема, в той или иной смысловой нагрузке дошедшая до наших дней.

В дальнейшем, в петровскую эпоху, национальная идея несколько видоизменилась. Она хорошо известна современникам как триада «Православие. Самодержавие, Народность», воплощённая в идеологической основе патриотического воспитания, особенно в армии, «За Веру, Царя и Отечество!». Вместе с национальной идеей эволюционировало и понятие патриотизма, которое обрело за века своего развития тот самый этатистский характер, который и по сей день отличает российский патриотизм. Особое отношение к своему государству, абсолютная преданность ему, этика служения государству, ради которого русский народ мог пойти на самые различные жертвы, – вот те черты, которые исторически сложились в России и сегодня, во многом, определяют смысл и содержание российского патриотизма.

То, что на Западе воспринималось, как проявление рабской природы, в России являлось беспредельной преданностью своему государству, но именно эта беспредельная преданность препятствует формированию гражданского патриотизма, который основывается на адекватной восприятии своего государства с его позитивными и негативными сторонами, достижениями и проблемами, достойными и недостойными страницами истории. Не об этом ли писал Чаадаев, когда всячески порицал «дурной патриотизм», который не позволяет взглянуть правде в глаза, узнать свое Отечество, «ясно видеть» его, а без последнего подлинный патриотизм невозможен.

Основным пафосом чаадаевского патриотизма выступает стремление сделать свою страну такой, чтобы она была достойна осознанной любви со стороны российского народа и уважения со стороны народов других стран [7]. Всепрощающая, самозабвенная и слепая любовь как любовь не за что-то, а вопреки, перенесенная на язык патриотизма как любви ко всему производному от языка Родины (родному государству, стране, правительству), формирует ту самую ситуацию, о которой писал Чаадаев – ситуацию слепой влюбленности, блокирующей самое желание знать, понимать, оценивать, критически осмысливать и исправлять все то, что нельзя любить, все те пороки, которые надо искоренять. «Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы не обманывать» [6] - эти слова Чаадаева и сегодня звучат настолько же резко, насколько и актуально. Если бы Чаадаев произнес их в современной России, они вызвали бы не меньшую «бурю» страстей и споров, нежели в XIX веке, поскольку перед страной, как и в золотой век российской культуры, актуальны проблемы, так тревожившие Чаадаева.

Именно против патерналистской позиции, признававшей безусловное служение Отечеству, не предполагающее осмысленное отношение к порокам существующего режима и критику несовершенного социального устройства, выступал Чаадаев. Кстати, с тем же успехом можно критиковать и М.Ю. Лермонтова, написавшего в 1841 году свои знаменитые строки:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ.

Лермонтов беспощадно обличает пороки России (и не только в этом своем поэтическом послании), но именно в этом весь пафос или трагизм русской интеллектуальной истории осмысления и восприятия патриотизма – в разделении естественной любви к родной земле, к Отчизне и неприятию официального патриотизма как патриотизма патерналистского, этатистского, государственнического, постулирующего слепо любить не Родину, а под ее эгидой все, что связано с государством, политическим устройством и властью.

Таким образом, в современной реальности вновь встал вопрос, поставленный Чаадаевым, – вопрос о формировании патриотизма, достойного своей страны и народа, патриотизма осознанного, основанного не только на любви в своей стране, но и понимании того, каким путем она идет, куда движется и что надо сделать на этом пути, чтобы он привел страну к достойному состоянию.

Опасность ошибок на пути формирования патриотизма в России в условиях ее полиэтничной мозаичности и актуализации национального в пространстве социального заключается в том, что может нарушиться тонкая грань между патриотизмом и национализмом, и только гражданский патриотизм способен предотвратить подобные риски и угрозы, став фактором консолидации полиэтничного социума при сохранении значимости национальных

идентификационных ориентиров развития различных народов, населяющих Россию и ее южные регионы в частности.

Мы полагаем, что перспективы формирования гражданского патриотизма на Юге России, как и в остальных регионах страны, имеются, но процесс этот должен протекать в русле единой стратегии строительства гражданского общества с высоким уровнем самоорганизации и социальной активности, гражданской ответственности и культуры. А потому пока можно говорить только о перспективах формирования гражданского патриотизма в России и его высоком ресурсном потенциале в формировании солидаристских практик и консолидации многонационального российского народа.

1. Беспалова Т.В. Проблема обретения истинного патриотизма в концепции И.А. Ильина // *Культурологический журнал*. 2015. № 4 (22) // *Интелпрос*. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kulturologicheskij-zhurnal/ku4-2015>
2. Курницкий В.В. Патриотизм как предмет философского анализа // *Поиск*. 2015. № 3. С. 54.
3. Лебедева Г.Н. Патриотизм как национальная идея // *Царскосельские чтения*. 2016. № XX. С. 15.
4. Ореховская Н.А. Патриотизм как созидаящая идеология российского общества // *Казанский педагогический журнал*. 2016. № 3. С. 204.
5. Хабермас Ю. *Демократия. Разум. Нравственность*. М., 1992. С. 59.
6. Чаадаев П.Я. *Апология сумасшедшего*. Полн. собр. соч. и избр. письма. М., 1991. Т. 1. С. 469.
7. Чаадаев П.Я. *Сочинения*. М., 1989.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ЖИТЕЛЕЙ «НАХАЛОВОК» УЛАН-УДЭ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Галиндабаева В.В. (Санкт-Петербург)

«Нахаловки» – это постсоветский аналог сквоттерских поселений, распространенных в городах развивающихся стран мира. В центре внимания данного доклада проблема социально-экономической адаптации жителей сквоттерских поселений или так называемых «нахаловок» Улан-Удэ, столицы республики Бурятия. Основная часть населения «нахаловок» составляют сельские мигранты. В исследованиях, посвященных сельско-городской миграции в Бурятии, достаточно большое внимание было уделено стратегиям социально-экономической адаптации жителей сквоттерских поселений Улан-Удэ [1; 4 – 10]. Но недостаточное внимание было уделено гендерным аспектам данной темы. В нашем докладе мы попытаемся частично восполнить этот пробел.

В рамках полевого исследования, проведенного в «нахаловках» Улан-Удэ летом 2017 г. одним из важных вопросов исследования стал вопрос о трудоустройстве членов отдельных семей в различных сферах городской экономики. Предварительно можно выделить несколько стратегий социально-экономической адаптации жителей сквоттерских поселений: 1) полное вовлечение в формальный сектор городской экономики; 2) полное вовлечение в неформальную городскую и (или) сельскую экономику; 3) Смешанная стратегия. Первая стратегия предполагает, что все трудоспособные члены отдельной семьи или домохозяйства работают в формальном секторе городской экономики. В первую очередь это касается представителей бывшей сельской интеллигенции с высшим образованием и достаточно сильным социальным капиталом. В этом случае для занятых в формальном секторе экономики жителей «нахаловок» характерно традиционное для индустриального общества гендерное разделение труда. Вторая стратегия предполагает вовлечение всех членов семьи в сферу неформальной и даже нелегальной экономики. В этом случае мужчины заняты в первую очередь в сфере неформального строительства жилья, а женщины в сфере неформальной торговли и быстрого питания. Некоторые мужчины оказываются, втянуты в преступные группировки, которые занимаются рэкетом и воровством. Женщины в рамках нелегальной экономики занимают ниши незаконной торговли некачественным алкоголем и наркотиками. Третья стратегия социально-экономической адаптации предполагает, что члены одной и той же семьи одновременно работают как в сфере неформальной экономики, так и в формальном секторе. Можно также выделить две стратегии по критерию полной или частичной вовлеченности в городскую экономику. Первая стратегия предполагает, что все члены семьи (домохозяйства) заняты в городской экономике. Вторая стратегия заключается в

транслокализации домохозяйства [2; 3; 10]. В этом случае члены одной и той же семьи проживают и работают как в городе и в сельской местности. Доклад подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 7-33-01160 «Проживание в этнических кварталах как стратегия адаптации сельских мигрантов в постсоветском городе (на примере сквоттерских поселений Улан-Удэ)».

1. Алексеева М.С. Сельско-городская миграция и проблема самовольных поселений в постсоветской Бурятии: социально-экологический подход // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII. № 4. С. 128 – 129.
2. Галиндабаева В.В. Идеология расширенного материнства: забота о детях сельских мигрантов Бурятии // Журнал исследований социальной политики. 2015. Том 13. № 1. С. 7 – 20.
3. Галиндабаева В.В. Трудовые мигрантки: межпоколенческие отношения в семьях сельских мигрантов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2014. № 1 (25). С. 31 – 41.
4. Давыдов В.Н., Карбаинов Н.И., Симонова В.В., Целищева В.Г. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: Присвоение культурных ландшафтов. Хабаровск: Хабаровский научный центр ДВО РАН, Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2006.
5. Карбаинов Н.И. «Нахаловки» Улан-Удэ: гражданское общество на взлётной полосе // Отечественные записки, 2005, № 6, с. 192 – 197.
6. Карбаинов Н.И. «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли // Социологические исследования, 2007, № 11, с. 136 – 140.
7. Карбаинов Н.И. Стратегии обоснования прав собственности на землю в ситуации правового плюрализма (на примере земельных споров в городе Улан-Удэ) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. XIII, № 4. С. 140 – 157.
8. Карбаинов Н.И. Изъятие неформальной собственности в России: негативные уроки подготовки к олимпийским играм в Сочи. (Серия «Аналитические записки по проблемам правоприменения», Сентябрь 2012). СПб: ИПП ЕУ СПб, 2012.
9. Карбаинов Н.И. Как владельцы (не) становятся частными собственниками (на примере земельных конфликтов в Улан-Удэ и Сочи) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII, № 5 (76). С. 85 – 108.
10. Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального сообщества // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2009, С. 165 – 186.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ГОРОДСКИХ ГРАЖДАНСТВ В ПРАКТИКАХ ПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФРАСТРУКТУРАМИ

Головиёва А.В., Чернышева Л.А. (Амстердам, Нидерланды)

Статья написана при поддержке гранта РГНФ “Качество городского пространства: векторы развития гражданских инициативных групп в России и Германии” (№ 16-03-00508)

В докладе речь пойдет о новом подходе к пониманию гражданства и его связи с практиками пользования городскими инфраструктурами. Гражданство в данном случае будет пониматься не как статус, присваиваемый государством человеку для осуществления контроля, но как практика, в которой актуализируется связь действий отдельного человека с сообществом, с идеей общего блага и коллективным действием (Holston 2009, Purcell 2003, Pols 2006). В качестве такого сообщества мы, следуя за рядом исследователей, рассматриваем город (Holston 2009; Smith and McQuarrie 2012).

Однако, городская жизнь неотделима от пользования инфраструктурами. Городские инфраструктуры не являются сугубо технологическими системами. Они живут социальной жизнью и могут производить политические эффекты (Graham and Marvin 2001, Fennell 2011; Anand 2011, 2012; Gandy 2008; Graham et al. 2013). Инфраструктуры, как мы покажем далее, участвуют в процессе производства городского гражданства, то есть, во-первых, устанавливают связь между повседневными практиками горожан и широким городским сообществом, во-вторых, стимулируют или блокируют участие горожан в управлении городом и перераспределяют ответственность за потенциальные последствия работы инфраструктур. Это означает, что инфраструктуры получают моральное и политическое измерение (McFarlane 2008, Doughty and Muggau 2016). Гражданство становится результатом пользования инфраструктурой ил отказом от этой практики, одновременно формируя идентичность пользователей и их принадлежность к

сообществу (Secor 2004, Wafer 2012). Например, обычная поездка на велосипеде по городу может быть не просто перемещением между двумя точками, но практикой производства гражданства, активным действием по преобразованию города и формированию безопасной и экологичной среды, равно как и “Ответственного” горожанина (Aldred 2010; Green et al 2012).

Для того, чтобы инфраструктура оказалась в той или иной морально-политической рамке, она должна “сломаться”, проблематизироваться. Будучи по определению фоновой, незаметной поддержкой действий горожан (Star 1999), инфраструктура в случае поломки являет себя пользователю и становится проблематичной. Однако мы рассмотрим случаи неочевидных поломок, а, скорее, артикуляции “недостатков” и последующей работы по их преодолению, то есть по переводу инфраструктуры в иной моральный регистр.

Итак, в то время как одни практики пользования инфраструктурой способствуют производству городского гражданства, другие не приводят к таким эффектам. Настоящий доклад - попытка ответить на вопрос, почему так происходит. Мы исследуем два случая: инфраструктуру раздельного сбора мусора в Петербурге и городской велопрокат; на основании интервью (39) с активистами движений ‘Велосипедизация Санкт-Петербурга’, ‘Мусора больше нет’ и ‘Раздельный сбор мусора’, а также с пользователями двух обозначенных выше инфраструктур, мы раскроем процесс производства городских гражданств, покажем, какие типы гражданств возникают, а также каким образом “Обычный пользователь” превращается в “ответственного гражданина”.

Первый рассматриваемый случай - инфраструктура раздельного сбора мусора. С начала 2000-х годов в Санкт-Петербурге возникают многочисленные инициативы по реорганизации инфраструктуры сбора и утилизации мусора в городе в пользу его переработки и сортировки. Несмотря на это, централизованной системы сбора сортированного мусора в городе так и не сложилось. Лишенные поддержки городской власти и крупного бизнеса, активисты и малые предприниматели пытаются самостоятельно реорганизовать инфраструктуру и привлечь к сортировке отходов как можно большее количество горожан. Обратной стороной такой низовой инициативы является ее хрупкость и нестабильность: разные акторы, вовлеченные в сбор и переработку мусора, обладают разнородными требованиями к отходам и вынуждены вести постоянные переговоры по объединению усилий и сотрудничеству в сфере сбора и переработки отходов. В итоге, в поисках стабильности и роста инфраструктурной сети и/или экономической прибыли, активисты и малые предприниматели возлагают на горожанина дополнительные требования, которые могут меняться и адаптироваться под все новые возникающие условия. Несмотря на это, горожане не отказываются от «неудобств» в ситуации отсутствия материального вознаграждения за очищенное и сортированное сырье и предсказуемости работы всей сети: они продолжают сортировать, мыть, разделять на элементы, мотивировать свое близкое окружение, путь сопровождаемые сомнениями по поводу справедливости организации системы и чувствами вины за возможное допущение ошибок в такой хрупкой ‘инфраструктуре’. Именно таким образом и сортировка и переработка мусора, и уборка города становятся действиями политическими и гражданскими: они приобретают значения заботы обо всем городе.

Второй рассматриваемый нами кейс - работа городского велопроката “Велогород”. Велопрокат дает возможность горожанину одолжить велосипед на одной из фиксированных точек – станций велопроката, – а затем оставить его на другой подобной точке-станции, оплатив использование через систему электронных платежей. Велопрокат появился в Петербурге вслед за установкой аналогичной системы в Москве и оказался “Оторван” от транспортной политики города. Ни для чиновников, санкционировавших появление системы, ни для пользователей велопроката, система не связана с идеей устойчивости и построения комфортного “города для жизни”. Пользователи велопроката, скорее, воспринимают эту систему как развлечение, а не как транспорт, пользование которым меняет город. в этом смысле, не инфраструктура не формирует то, что называют “велогражданством”, поскольку пользователи велопроката не ориентируют свои практики на городское сообщество и его благо. Однако данная инфраструктура приобретает моральное измерение иного рода. Исследование показало, что эта крепкая и постоянно ломающаяся инфраструктура требует от пользователей крайне бережного отношения, контроля, а порой - непосредственного ремонта. Пользователи заботятся о системе велопроката и, таким образом, заботятся о других пользователях. Их практики ориентированы не на создание общего благо широкого городского сообщества, а на заботу о сообществе пользователей велопроката. Так, мы наблюдаем особую форму гражданства, в которой практики контроля и ремонта становятся выражением инфраструктурного гражданства горожан-пользователей велопроката.

Обращаясь к двум обозначенным выше кейсам, мы подчеркиваем политическую роль инфраструктур и их способность участвовать в производстве чувств принадлежности к сообществам разного масштаба, ответственности по отношению к другим пользователям или всему городу в целом. Во-первых, обе инфраструктуры способны производить гражданственность в ситуации своей проблематизации: обе системы оказываются переопределены своими пользователями и/или создателями из-за технологической хрупкости или морального переопределения инфраструктуры как 'этической' и 'важной для города'. Во-вторых, несмотря на то, что обе инфраструктур на том или ином этапе порождают практики ответственности и гражданственности, масштабы сообществ, по отношению к которым эти практики реализуются, различаются. Сторонники раздельного сбора мусора выражают свою принадлежность к городу. Горожане-пользователи велопроката своими практиками ремонта и заботы об этой инфраструктуре выражают заботу о других пользователях, но не позиционируют практику пользования велопрокатом как заботу о городе.

Литература:

1. Aldred, R. (2010). 'On the outside': Constructing cycling citizenship. *Social & Cultural Geography*, 11(1), 35-52;
2. Anand N. 2012. *Municipal disconnect: on abject water and its urban infrastructures. Ethnography* 13(4):487-509;
3. Doughty, K., & Murray, L. (2016). *Discourses of mobility: institutions, everyday lives and embodiment. Mobilities*, 11(2), 303-322;
4. Fennell C. 2011. "Project heat" and sensory politics in redeveloping Chicago public housing. *Ethnography* 12(1):40-64;
5. Gandy, M. (2006). *Planning, anti-planning, and the infrastructure crisis facing metropolitan Lagos. In Cities in contemporary Africa (pp. 247-264). Palgrave Macmillan US;*
6. Graham, S., & Marvin, S. (2001). *Splintering urbanism: networked infrastructures, technological mobilities and the urban condition. Psychology Press;*
7. Graham S, Desai R, McFarlane C. 2013. *Water wars in Mumbai. Public Cult.* 25(1):115-4;
8. Green, J., Steinbach, R., & Datta, J. (2012). *The travelling citizen: emergent discourses of moral mobility in a study of cycling in London. Sociology*, 46(2), 272-289;
9. Holston, J. (2009). *Insurgent citizenship in an era of global urban peripheries. City & Society*, 21(2), 245-267;
10. McFarlane, C. (2008). *Governing the contaminated city: Infrastructure and sanitation in colonial and post-colonial Bombay. International Journal of Urban and Regional Research*, 32(2), 415-435;
11. Pols, J. (2006). *Washing the citizen: washing, cleanliness and citizenship in mental health care. Culture, Medicine and Psychiatry*, 30(1), 77-104;
12. Purcell, M. (2003). *Citizenship and the right to the global city: reimagining the capitalist world order. International journal of urban and regional research*, 27(3), 564-590;
13. Secor, A. (2004). "There is an Istanbul that belongs to me": citizenship, space, and identity in the city. *Annals of the Association of American Geographers*, 94(2), 352-368;
14. Smith, M. P., & McQuarrie, M. (2012). *Remaking urban citizenship. Remaking urban citizenship: Organizations, institutions, and the right to the city*, 3-10;
15. Star, S. L. (1999). *The ethnography of infrastructure. American behavioral scientist*, 43(3), 377-391;
16. Wafer, A. (2012). *Discourses of infrastructure and citizenship in post-apartheid soweto. In Urban forum (Vol. 23, No. 2, pp. 233-243). Springer Netherlands.*

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОДХОДОВ К РЕАЛИЗАЦИИ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗАХ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ ПОДГОТОВКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Гурарий А.Д. (Екатеринбург)

Аннотация: в статье приводится краткий обзор современного положения гуманитарных направлений на российском рынке образовательных услуг и даются рекомендации по модернизации и актуализации подходов к реализации гуманитарного образования в вузах с целью повышения востребованности выпускников гуманитарных специальностей.

Образование как система подготовки конкурентоспособных кадров, обладающих актуальными и востребованными знаниями не только в пределах страны, но и за ее границами,

является, на наш взгляд, ключевой сферой приложения сил государства для его выхода на ведущие позиции по различным показателям благополучия, т. к. образование оказывает влияние на важнейшие сферы общественной жизни общества – экономику, культуру, образ жизни, ценности. Построение ценностной картины мира относится к непосредственной задаче гуманитарного образования, которое как феномен культуры представляет собой систему духовно-практического освоения человеком реальности.

В то время как естественнонаучное образование базируется на логическом компоненте, для гуманитарного образования логика в качестве фундамента не является достаточным базисом. Именно ценности здесь выступают объединяющим звеном [1]. Согласно Федеральному закону об образовании в Российской Федерации, ценностные установки являются неотъемлемой частью образовательного процесса: «образование - единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [2]. Исходя из представленного в ФЗ определения, можно говорить о том, что образование непосредственно обращено к человеку и выполняет гуманистические функции. Но феномен XX и XXI вв. заключается в том, что образовательный процесс становится все более антигуманным в силу чрезмерного преувеличения роли естественнонаучных и технических дисциплин, призванных решать задачи информационного общества, и нивелирования значимости гуманитарных наук в нем.

Для российских вузов характерно ежегодное сокращение количества бюджетных мест на гуманитарные направления. Так, например, в Уральском федеральном университете имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ) общее количество бюджетных мест в 2017 году на очных направлениях бакалавриата составило 3200 места (в 2016 году – 3521 бюджетное место). Из них на гуманитарные направления выделено 263 места [3]. Таким образом, отношение бюджетных мест на гуманитарных науках к общему количеству бюджетных мест УрФУ составляет 8,22%. Для сравнения, в 2016 году данное соотношение было равно 8,89% (при общем количестве бюджетных мест 3521, из них 313 – на гуманитарные специальности) [4]. В целом для страны характерно сокращение примерно в два раза количества бюджетных мест на таких направлениях подготовки, как социология, политология, философия, история, культурология при одновременном их увеличении на инженерных специальностях за последние три года [5].

Но, несмотря на постоянно снижающийся государственный запрос на специалистов – гуманитариев, интерес абитуриентов к гуманитарным направлениям подготовки остается традиционно высоким. Также обращает на себя внимания средний проходной балл на бюджет на обозначенных направлениях подготовки – 250 баллов, что традиционно значительно выше, чем у большинства технических специальностей [6].

Следовательно, ценность получения глубоких научных знаний о человеке, его сущности, содержании тех факторов, которые влияют на его сознание и поведение, определяется не только степенью заинтересованности государства в таких профессионалах. Личная потребность, имеющиеся склонности к познанию человека во всем многообразии его проявлений, всегда будет важным фактором сохранения и развития гуманитарного образования.

Соответственно, один из важнейших вызовов для гуманитарного образования сегодня является необходимость качественного удовлетворения сохраняющегося спроса со стороны абитуриентов с учетом усиления уклона государственной образовательной политики в сторону подготовки инженерно-технических кадров. Для того, чтобы ответить на этот вызов и быть способными предоставлять качественную образовательную услугу, современные университеты должны проактивно реагировать на постоянно меняющиеся запросы абитуриентов, ориентированных на получение гуманитарного образования.

Необходимость постоянного реагирования на изменения внешней среды ставит ряд важных задач и проблем перед сферой гуманитарного образования XXI века.

Во – первых, важным моментом является потребность в пересмотре учебных планов гуманитарных направлений с целью увеличения доли часов, отведенных под практикоориентированные дисциплины.

Во – вторых, чрезвычайно значимой является задача внедрения в учебный процесс гуманитарных направлений современных образовательных методик: сравнительный и системный подходы к обучению; проектный подход.

В – третьих, в эпоху революционных достижений в процессах получения и передачи информации, создании искусственного интеллекта, автоматизации производства и быта огромных масс населения актуален вопрос прорывных исследований в области гуманитарных наук, в первую очередь, в свете изучения роли и места человека в вышеобозначенных процессах.

Таким образом, с учетом важности обозначенных проблем, можно сделать вывод о необходимости внедрения в высших учебных заведениях новой образовательной парадигмы в области гуманитарных наук. В первую очередь, эта парадигма должна основываться на расширении спектра учебных дисциплин и изменении педагогических подходов к преподаванию гуманитарных наук. Если первый фактор связан с необходимостью предложения студентам новых учебных курсов, ориентированных на сферы практического применения гуманитарных знаний (например, применение политических технологий в социальных сетях), то второй аспект ориентирован на задачу внедрения новых нестандартных педагогических технологий, когда преподаватель должен играть роль модератора, наставника, фасилитатора. Изменение формата преподавания отдельных дисциплин должно быть акцентировано на более активном применении форм групповой работы, использования приемов мозгового штурма и т.д. Студенты должны более активно включаться в проектную работу, развивать навыки межфункционального взаимодействия и командной работы.

Безусловно, изменение подхода к формированию учебных планов и программ, а также к технологии и формату преподавания отдельных дисциплин требует реформирования подхода и взглядов самих преподавателей. Обладая широким кругозором и навыками моментального поиска и переработки информации, студенты-гуманитарии ожидают получения от преподавателей не только и не столько конкретных знаний, сколько навыков и умений. Современный преподаватель гуманитарных дисциплин должен быть способен играть несколько ролей: лектора, ментора, коуча, модератора. Это является достаточно серьезным вызовом для преподавательского состава, требующим постоянного самообразования, повышения квалификации, развития навыков личностного роста. Однако, на наш взгляд, именно современные подходы к методике преподавания, учитывающие вызовы быстроменяющейся внешней среды, способны внести значительный вклад в повышение качества подготовки специалистов – гуманитариев в целом.

1. *Разбегаева Л.П. Гуманитарное образование в контексте ценностного подхода. Педагогическая психология: теория и практика: сборник материалов международного научного e-симпозиума. Россия, Москва, 27-31 августа 2013 г. <https://books.google.ru>*
2. *Федеральный закон об образовании в Российской Федерации <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=221341&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.8521159551256297#0>*
3. *Контрольные цифры приема УрФУ 2017 года приема http://urfu.ru/fileadmin/user_upload/urfu.ru/documents/applicant/docs-2017/KCP_2017_UrFU_s_filialami-bak.pdf*
4. *Контрольные цифры приема УрФУ 2016 года приема (лица, обучающиеся за счет средств федерального бюджета) http://urfu.ru/fileadmin/user_upload/urfu.ru/documents/applicant/docs-2016/Plan_CP_2016_na_sait_bak_s_izmenenijami.pdf*
5. *Вузы России: университеты, институты, академии// <https://postupi.online/vuzi/?yclid=2274121822291364420&pagenum=5> (Дата обращения 29.09. 2017)*
6. *Итоги приемной кампании 2016 года <http://urfu.ru/ru/applicant/docs-abituriient/itogi-priemnoi-kampanii-2016-goda/>*

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ВКЛЮЧЕНИЯ / ИСКЛЮЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Десенко Д.С. (Харьков, Украина)

В современном обществе процессы включения/исключения все больше реализуются не в неком институте или структуре (как бы государство ни претендовало на такую функцию), а представляют собой множественные, бесчисленные точки воспроизводства отношений и категорий неравенства. Представления о дифференциациях образуются и действуют в аппаратах

производства, в семье, в системе образования, в ограниченных группах, в институтах и служат опорой для обширных последствий расщепления, которые пронизывают всю ткань социального. Именно поэтому зачастую методы прямого государственного включения оказываются на практике малоэффективны. Существуют группы процедур, позволяющие (вос)производить и в какой-то мере контролировать процессы включения/исключения. Несмотря на то, что как утверждает З. Бауман, даже при самых демократических режимах государство претендует на «право исключать», тем не менее, в современном мире мы говорим не только о прямых вертикалях власти, но и о дискурсивных множественных точках власти, которые в рамках символической борьбы оказываются значительно эффективнее в производстве и закреплении неравенств. Речь идет о том, «чтобы определить условия приведения их в действие, равно как и о том, чтобы навязать индивидам некоторое число правил и сделать так, чтобы не всякому, кто захочет, был открыт к ним доступ» [1]. М. Фуко говорит о том, что не все области дискурса одинаково открыты и проницаемы; некоторые из них являются в высшей степени запретными, то есть дифференцированными и дифференцирующими, так и процессы включения/исключения реализуются в современном мире через определенные процедуры – последовательность действий, которые действуют скорее в качестве принципов классификации, упорядочивания и распределения.

Мы предлагаем понимать под инструментами включения/исключения –материальные и нематериальные средства, с помощью и посредством которых осуществляется включение/исключение. Инструменты включения/исключения способствуют закреплению социальных дистанций между категориями и группами в обществе. Их функция сохранять или производить дистанции, но так, чтобы обеспечивалось их обращение в определенном пространстве, чтобы распределение и дифференциация проходила по заданным правилам. Инструментальный подход к вопросу включения/исключения обоснован пролегоменами об участии феномена в символической борьбе. Как уже упоминалось ранее, процессы включения/исключения являются неотъемлемыми элементами в (вос)производстве дискурсов и следовательно могут использоваться в качестве инструментов в претензии на доминирование. Вершиной дискурсивной власти является символическое доминирование. Как писал Тён ван Дейк: «Классическое понятие гегемонии, предложенное Грамши в его «Тюремных тетрадах», получает особое содержание за счет более эксплицитного анализа релевантных процессов, в частности, того, как идеологии воспроизводятся и как люди могут действовать помимо своей воли во имя интересов власти» [2, с. 33]. Дело не в том насколько релевантен концепт «господствующего дискурса» или же он является идеальным типом, а в том, что любой дискурс стремится к размножению, непрерывности и гомогенизации. Дискурс, скорее, следует понимать как насилие, которое совершается над вещами, во всяком случае – как некую практику, которую им навязывается. И в рамках этого символического насилия могут использоваться инструменты включения/исключения для обеспечения упорядочивания и контроля.

Некоторые инструменты включения/исключения реализуются напрямую на государственном уровне. Например, референдум 2014 года в Шотландии о независимости региона. Вопрос о независимости Шотландии поднимался со стороны Шотландской национальной партии Алексом Сэлмондом еще с 2007 года и накануне проведения референдума, национальная партия предложила снизить возрастной избирательный ценз с 18 до 16 лет [3], то есть «включить» молодежь с 16 до 18 лет в политические практики (согласно опросам, именно среди молодого поколения Шотландии, было больше сторонников ее независимости). В свою очередь Палата Лордов высказалась за предоставления права голоса всем гражданам Соединенного Королевства, так как отделение Шотландии окажет влияние на всю страну. Несмотря на то, что право на участие в референдуме снизили до 16 лет, за независимость Шотландии высказались 44 % избирателей, против – 55 % [4]. Таким образом осуществлялось предоставление/лишение определенным группам населения прав и обязанностей для перераспределения сфер влияния. Тем не менее «контроль осуществляется не только в отношении дискурса как социальной практики, но и в отношении сознания управляемых, то есть и отношении их знания, мнений, отношений, идеологии, а также личных или социальных репрезентаций» [2, с. 27]. Прямое включение/исключение хоть и не является предметом данного исследования, но легитимация такого включения может носить семиотический характер. Для обоснования определенного решения с помощью средств массовой информации могут генерироваться, распространяться и воспроизводиться разные пословицы, поговорки, мемы и мифы, создающие стереотипное представление об определенной социальной группе населения.

В отличие от прямых инструментов включения/исключения, реализуемых на государственном уровне, не прямое включение не имеет явно выраженного видимого действующего субъекта, тем не менее это не означает отсутствия сторон и агентов заинтересованных в его (вос)производстве. М. Фуко рассматривает дискурсы, как практики которые перекрещиваются, иногда соседствуют друг с другом, но также и игнорируют, конкурируют или исключают друг друга, а поэтому используются самые разные внешние/внутренние механизмы и инструменты обеспечения непрерывности и распространения. «Символическая сила определяется весом в структуре силовых отношений и символических отношений, которые устанавливаются между инстанциями, осуществляющими символическое насилие» [5, с. 26]. Инструменты включения/исключения выступают средством приращения символического веса в структуре силовых взаимоотношений, особенно когда включение/исключение максимально реифицировано и натурализовано по отношению к объекту применения.

1. Фуко М. *Порядок дискурса: пер. с фр./Общ. ред. Бр.Левченко. / Мишель Фуко – К.: Ника-Центр, 1996. – 208 с.*
2. Дейк Т.А. *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. / Тён А. ван Дейк – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.*
3. *Scotland's Future: Draft Referendum (Scotland) Bill Consultation Paper [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.gov.scot/Resource/Doc/303348/0095138.pdf>*
4. *Шотландия останется в составе Великобритании [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2014/09/19/scotland1/>*
5. Бурдьё П. *Воспроизводство: элементы теории системы образования / Пьер Бурдьё, Жан-Клод Пассерон; [пер. Н. А. Шматко]; Моск. высш. шк. социал. и экон. наук. М.: Просвещение, 2007. — 267 с.*

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРОЦЕССА АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ

Довейко А.Б., Зайцева У.А. (Воронеж)

АННОТАЦИЯ: В данной статье анализируются процессы адаптации мигрантов из зарубежных стран в России. В ходе исследования было проведено 50 глубоких интервью, которые велись на русском языке. Все мигранты были русскоговорящие, поэтому проблем с языком не возникло. Была поставлена цель – узнать о специфике адаптации мигрантов, пребывающих вдали от дома. В ходе интервью были изучены социально-экономические, культурные, политические условия адаптации мигрантов.

По результатам проведенного исследования выяснилось, что в Воронеже проживают и работают мигранты разных национальностей. В данном исследовании были опрошены мигранты из Украины, Израиля, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Армении. В данном исследовании выборка распределилась таким образом, что опрошенных мужчин оказалось в два раза больше, чем опрошенных женщин.

Женщины стали менее зависимы от мужчин, что дает им возможность больше проявлять себя в различных отраслях. Женщины, как и мужчины, мигрируют в поисках улучшения средств своего существования и существования своей семьи. Так же можно отметить, что женщины все чаще мигрируют в одиночку или в качестве кормильца семьи. Последнее касается и мужчин тоже. Во многих районах мужчины мигрируют в одиночку, в результате чего женщинам приходится одним нести ответственность за семью:

«И.: Расскажите, пожалуйста, о своем семейном положении.

Р.: Я замужем, но в дальнейшем буду разводиться с мужем, у меня двое детей 5 и 6 лет, двое мальчиков.

И.: Вы мигрировали в одиночку?

Р.: Да, без какой-либо поддержки».

Несмотря на небольшие показатели, число мигрантов, приезжающих семьями, с годами все же увеличивается. Это, скорее всего, объясняется тем, что они приезжают на длительный срок, или же навсегда. В данном исследовании лишь треть всех опрошенных являются одиночками.

Можно так же предположить, что это весьма благоприятный фактор для развития демографии в России. Полные семьи – более устойчивая и готовая к социальной интеграции категория, чем одинокие мигранты. Они быстрее адаптируются и ведут привычный образ жизни:

«И.: Вы мигрировали всей семьей?

Р.: Да, я, муж и дочка.

И.: Какой Вы видите свою жизнь через несколько лет?

Р.: Хочется получить все необходимые документы и остаться в России. Нас тут устраивает работа и жизнь в целом. Хочется, чтобы дочка пошла тут в школу и получила хорошее образование».

В настоящее время в России создаются благоприятные условия для получения образования детей мигрантов. Это касается как средней школы, так и средних специальных и высших учебных учреждений.

Многие из опрошенных работают по профессии, что не может не радовать. Это говорит о том, что адаптация проходит наиболее успешно. У многих из мигрантов на своей родине не было возможности устроиться по специальности, поэтому приходилось заниматься работой не по профессии. Если мигрант находит работу по специальности, а тем более, если получает довольно высокую заработную плату, он начинает чувствовать свою значимость на новом месте, начинает верить в успешное будущее для себя и своей семьи. Благополучие этих семей растет, появляется уверенность в завтрашнем дне, исчезают пессимистические нотки в оценке окружающей действительности.

У большинства миграция связана с экономическими факторами, например, связана с желанием улучшить свое экономическое благосостояние. Это может быть поиск более высокооплачиваемой работы за рубежом или желание получить гражданство в развитой стране.

«Р.: Жили плохо. Денег не было. Едва сводили концы с концами.

И.: Именно это и подвигло Вас на миграцию?

Р.: Да, дома работы не было, уехала вслед за мужем. Он уехал за полгода до меня. Работала официанткой в кафе, но там была катастрофически маленькая заработная плата. Поэтому муж настоял на переезде».

Если говорить о последствиях миграции, то здесь ситуация неоднозначная. Проанализировав все интервью, нельзя сказать о каких-то негативных последствиях миграции. В основном, все выделают только положительные черты в результате переселения. Даже если уровень проживания и изменился в худшую сторону, то это никак не повлияло на настрой мигрантов:

«И.: Расскажите, пожалуйста, об условиях и уровне жизни на прежнем месте жительства в Кыргызстане.

Р.: Ну что можно сказать... уровень жизни был низкий, не хватало денег. Я не мог обеспечить свою семью.

И.: Как Вы сравниваете этот уровень жизни с тем, что был в Кыргызстане?

Р.: Уровень значительно выше. Квартира, в которой мы живем, здесь считается плохой. Но она гораздо лучше нашей квартиры в Кыргызстане».

«И.: Какой уровень жизни на новом месте поселения?

Р.: Скорее, удовлетворительный. Всегда хочется жить лучше, стремиться к лучшему.

И.: Этот уровень как-то отличается от прежнего?

Р.: Отличается, но не существенно.

И.: Отличие это в какую сторону?

Р.: Я думаю, что речь здесь идет скорее о психологическом состоянии. Здесь мы чувствуем безопасность».

Из всех опрошенных мигрантов, пятеро занимаются нелегальной деятельностью:

«И.: Есть ли у Вас работа?

Р.: Официальной нет.

И.: А неофициальной?

Р.: Я делаю маникюр на дому.

И.: То есть это считается предпринимательством?

Р.: Ну, наверное, можно и так сказать.

«И.: Может быть, Вы занимаетесь еще какой-то деятельностью? Помимо Вашей работы?

Р.: Да, иногда я таксую.

И.: Без лицензии?

Р.: Без. Есть еще один доход, но я о нем лучше говорить не буду. Нужно же как то семью содержать».

Немаловажной можно считать проблему сложности оформления документов. Многие из приехавших хотели бы в дальнейшем получить Российское гражданство, но сам процесс занимает довольно много времени и сил и поэтому возникают большие трудности.

«И.: Вы получали статус беженца?»

Р.: Да, конечно, получали, сразу по приезду.

И.: А в дальнейшем собираетесь ли Вы его продлить?»

Р.: Надеюсь, что да. Но это неприятный процесс. Когда мы ходим отмечаться в ФМС, стоим в огромной очереди таких, как мы. Физически это очень трудно, тем более, с ребенком».

Помимо проблем, которые мешают нормальной адаптации мигрантов, существуют и положительные моменты. При опросе выявилось масса положительных факторов, которые наоборот, помогают адаптации. Среди этих моментов, в первую очередь, можно выделить наличие семьи или родственников в месте проживания. Наличие семьи и родственников – значит наличие постоянной поддержки. Очевидно, что те мигранты, которые мигрировали с семьей, быстрее и безболезненно адаптируются к новым условиям. Так же можно отметить, что те мигранты, у которых есть родственники в месте нового проживания, легче адаптируются, так как им есть, где жить хотя бы первое время. Важна поддержка и тех родственников, которые остались на родине мигранта.

И.: Где Вы сейчас живете?»

Р.: Когда мы приехали в Воронеж, наши родственники оказали нам огромную поддержку. У них большой загородный дом, и нам любезно предложили пожить первое время у них, пока не наладятся дела.

И.: Как Вы оцениваете свой нынешний уровень жизни?»

Р.: Повторюсь, если бы не помощь близких, было бы гораздо сложнее справиться со всеми сложностями. А так я считаю, что уровень жизни моей семьи практически не изменился.

В основном, все опрошенные отметили только положительное отношение со стороны местного населения. Интересно было узнать и то, что у многих мигрантов среди местного населения появились приятели и друзья. Считается, что проблемы в поиске новых друзей – это одна из значимых социально – психологических трудностей, с какими встречаются мигранты. Нельзя не отметить тот факт, что поддержка среди местного населения в наибольшей степени помогает адаптироваться, так как у многих мигрантов существует своеобразная боязнь осуждения со стороны местных жителей.

«И.: Появились ли у Вас друзья среди местного населения?»

Р.: Конечно! А как же иначе? Я бы не стала, конечно, говорить, что нашла прямо таки друзей, но единомышленников точно. Многие, с кем я познакомилась, хотят работать с детьми, в моем детском саду. Мне это очень приятно осознавать».

Некоторые мигранты выделили отдельные случаи хамства со стороны местного населения, и даже со стороны органов правопорядка, но так же отметили, что не стоит судить обо всех людях по одному человеку.

«И.: Как в целом у Вас складываются отношения с местным населением?»

Р.: Вы знаете, по-разному. Я не берусь судить обо всех людях по одному человеку. В основном, отношение доброжелательное, но бывает, что хамят. Что-то вроде «понаехали, медом вам тут что ли намазано, возвращайся к себе домой и т.д.»

Трудности адаптации испытывают все мигранты, независимо от их дохода, семейного положения или образования, однако, как можно было заметить, проанализировав интервью, что наиболее легко адаптация проходит у мигрантов с более высоким доходом.

АННОТАЦИЯ: В данной статье анализируются процессы адаптации мигрантов из зарубежных стран в России. В ходе исследования было проведено 50 глубинных интервью, которые велись на русском языке. Все мигранты были русскоговорящие, поэтому проблем с языком не возникло. Была поставлена цель – узнать о специфике адаптации мигрантов, пребывающих вдали от дома. В ходе интервью были изучены социально-экономические, культурные, политические условия адаптации мигрантов.

По результатам проведенного исследования выяснилось, что в Воронеже проживают и работают мигранты разных национальностей. В данном исследовании были опрошены мигранты из Украины, Израиля, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана и Армении. В данном исследовании выборка распределилась таким образом, что опрошенных мужчин оказалось в два раза больше, чем опрошенных женщин.

Женщины стали менее зависимы от мужчин, что дает им возможность больше проявлять себя в различных отраслях. Женщины, как и мужчины, мигрируют в поисках улучшения средств своего существования и существования своей семьи. Так же можно отметить, что женщины все чаще мигрируют в одиночку или в качестве кормильца семьи. Последнее касается и мужчин тоже. Во многих районах мужчины мигрируют в одиночку, в результате чего женщинам приходится одним нести ответственность за семью:

«И.: Расскажите, пожалуйста, о своем семейном положении.

Р.: Я замужем, но в дальнейшем буду разводиться с мужем, у меня двое детей 5 и 6 лет, двое мальчиков.

И.: Вы мигрировали в одиночку?

Р.: Да, без какой-либо поддержки».

Несмотря на небольшие показатели, число мигрантов, приезжающих семьями, с годами все же увеличивается. Это, скорее всего, объясняется тем, что они приезжают на длительный срок, или же навсегда. В данном исследовании лишь треть всех опрошенных являются одиночками.

Можно так же предположить, что это весьма благоприятный фактор для развития демографии в России. Полные семьи – более устойчивая и готовая к социальной интеграции категория, чем одинокие мигранты. Они быстрее адаптируются и ведут привычный образ жизни:

«И.: Вы мигрировали всей семьей?

Р.: Да, я, муж и дочка.

И.: Какой Вы видите свою жизнь через несколько лет?

Р.: Хочется получить все необходимые документы и остаться в России. Нас тут устраивает работа и жизнь в целом. Хочется, чтобы дочка пошла тут в школу и получила хорошее образование».

В настоящее время в России создаются благоприятные условия для получения образования детей мигрантов. Это касается как средней школы, так и средних специальных и высших учебных учреждений.

Многие из опрошенных работают по профессии, что не может не радовать. Это говорит о том, что адаптация проходит наиболее успешно. У многих из мигрантов на своей родине не было возможности устроиться по специальности, поэтому приходилось заниматься работой не по профессии. Если мигрант находит работу по специальности, а тем более, если получает довольно высокую заработную плату, он начинает чувствовать свою значимость на новом месте, начинает верить в успешное будущее для себя и своей семьи. Благополучие этих семей растет, появляется уверенность в завтрашнем дне, исчезают пессимистические нотки в оценке окружающей действительности.

У большинства миграция связана с экономическими факторами, например, связана с желанием улучшить свое экономическое благосостояние. Это может быть поиск более высокооплачиваемой работы за рубежом или желание получить гражданство в развитой стране.

«Р.: Жили плохо. Денег не было. Едва сводили концы с концами.

И.: Именно это и подвигло Вас на миграцию?

Р.: Да, дома работы не было, уехала вслед за мужем. Он уехал за полгода до меня. Работала официанткой в кафе, но там была катастрофически маленькая заработная плата. Поэтому муж настоял на переезде».

Если говорить о последствиях миграции, то здесь ситуация неоднозначная. Проанализировав все интервью, нельзя сказать о каких-то негативных последствиях миграции. В основном, все выделают только положительные черты в результате переселения. Даже если уровень проживания и изменился в худшую сторону, то это никак не повлияло на настрой мигрантов:

«И.: Расскажите, пожалуйста, об условиях и уровне жизни на прежнем месте жительства в Кыргызстане.

Р.: Ну что можно сказать... уровень жизни был низкий, не хватало денег. Я не мог обеспечить свою семью.

И.: Как Вы сравниваете этот уровень жизни с тем, что был в Кыргызстане?

Р.: Уровень значительно выше. Квартира, в которой мы живем, здесь считается плохой. Но она гораздо лучше нашей квартиры в Кыргызстане».

«И.: Какой уровень жизни на новом месте поселения?

Р.: Скорее, удовлетворительный. Всегда хочется жить лучше, стремиться к лучшему.

И.: Этот уровень как-то отличается от прежнего?

Р.: Отличается, но не существенно.

И.: Отличие это в какую сторону?

Р.: Я думаю, что речь здесь идет скорее о психологическом состоянии. Здесь мы чувствуем безопасность».

Из всех опрошенных мигрантов, пятеро занимаются нелегальной деятельностью:

«И.: Есть ли у Вас работа?

Р.: Официальной нет.

И.: А неофициальной?

Р.: Я делаю маникюр на дому.

И.: То есть это считается предпринимательством?

Р.: Ну, наверное, можно и так сказать.

«И.: Может быть, Вы занимаетесь еще какой-то деятельностью? Помимо Вашей работы?

Р.: Да, иногда я такую.

И.: Без лицензии?

Р.: Без. Есть еще один доход, но я о нем лучше говорить не буду. Нужно же как то семью содержать».

Немаловажной можно считать проблему сложности оформления документов. Многие из приехавших хотели бы в дальнейшем получить Российское гражданство, но сам процесс занимает довольно много времени и сил и поэтому возникают большие трудности.

«И.: Вы получали статус беженца?

Р.: Да, конечно, получали, сразу по приезду.

И.: А в дальнейшем собираетесь ли Вы его продлить?

Р.: Надеюсь, что да. Но это неприятный процесс. Когда мы ходим отмечаться в ФМС, стоим в огромной очереди таких, как мы. Физически это очень трудно, тем более, с ребенком».

Помимо проблем, которые мешают нормальной адаптации мигрантов, существуют и положительные моменты. При опросе выявилось масса положительных факторов, которые наоборот, помогают адаптации. Среди этих моментов, в первую очередь, можно выделить наличие семьи или родственников в месте проживания. Наличие семьи и родственников – значит наличие постоянной поддержки. Очевидно, что те мигранты, которые мигрировали с семьей, быстрее и безболезненно адаптируются к новым условиям. Так же можно отметить, что те мигранты, у которых есть родственники в месте нового проживания, легче адаптируются, так как им есть, где жить хотя бы первое время. Важна поддержка и тех родственников, которые остались на родине мигранта.

И.: Где Вы сейчас живете?

Р.: Когда мы приехали в Воронеж, наши родственники оказали нам огромную поддержку. У них большой загородный дом, и нам любезно предложили пожить первое время у них, пока не наладятся дела.

И.: Как Вы оцениваете свой нынешний уровень жизни?

Р.: Повторюсь, если бы не помощь близких, было бы гораздо сложнее справиться со всеми сложностями. А так я считаю, что уровень жизни моей семьи практически не изменился.

В основном, все опрошенные отметили только положительное отношение со стороны местного населения. Интересно было узнать и то, что у многих мигрантов среди местного населения появились приятели и друзья. Считается, что проблемы в поиске новых друзей – это одна из значимых социально – психологических трудностей, с какими встречаются мигранты. Нельзя не отметить тот факт, что поддержка среди местного населения в наибольшей степени помогает адаптироваться, так как у многих мигрантов существует своеобразная боязнь осуждения со стороны местных жителей.

«И.: Появились ли у Вас друзья среди местного населения?

Р.: Конечно! А как же иначе? Я бы не стала, конечно, говорить, что нашла прямо таки друзей, но единомышленников точно. Многие, с кем я познакомилась, хотят работать с детьми, в моем детском саду. Мне это очень приятно осознавать».

Некоторые мигранты выделили отдельные случаи хамства со стороны местного населения, и даже со стороны органов правопорядка, но так же отметили, что не стоит судить обо всех людях по одному человеку.

«И.: Как в целом у Вас складываются отношения с местным населением?

Р.: Вы знаете, по-разному. Я не берусь судить обо всех людях по одному человеку. В основном, отношение доброжелательное, но бывает, что хамят. Что-то вроде «понаехали, медом вам тут что ли намазано, возвращайся к себе домой и т.д.»

Трудности адаптации испытывают все мигранты, независимо от их дохода, семейного положения или образования, однако, как можно было заметить, проанализировав интервью, что наиболее легко адаптация проходит у мигрантов с более высоким доходом.

МИГРАЦИОННЫЕ УСТАНОВКИ И ЖИЗНЕННАЯ СТРАТЕГИЯ МОЛОДЕЖИ

Журавлев Н.Ю. (Сыктывкар)

Миграционные процессы оказывают влияние на большинство сфер общественной жизни. Поступательное развитие экономики региона, решения ряда демографических проблем не представляется возможным без учета миграции. Борьба за человеческий капитал является характерной чертой современных миграционных процессов. Население, как отражение человеческого капитала региона, выступает в качестве важнейшего ресурса и понимание особенностей и направлений миграции является необходимым условием для принятия решений, направленных на привлечение и удержание жителей в пределах республики.

Для северных регионов последние десятилетия характерно стремление населения сменить, по тем или иным причинам, текущее место жительства. Так около 45% жителей городов Республики Коми планируют свой переезд, при этом большая часть из них (86,5%) намерены выехать за пределы республики [1].

Перспектива развития региона тесно связана с привлечением и удержанием молодежи, как основы будущего его развития. Однако удержание молодежи невозможно без разработки конкретных инструментов, направленных на то, чтобы создать необходимые условия для комфортной жизни молодых людей. Создание таких инструментов требует понимания причин и мотивов, побуждающих молодежь покинуть республику, или же наоборот остаться в ее пределах. Выявление основных факторов, определяющих миграционные установки молодых людей, формулировка моделей миграционного поведения позволит определить необходимость и эффективность тех или иных мер, направленных на повышение миграционной привлекательности региона.

При недостаточном внимании к проблеме миграции молодежи, существует вероятность усугубления ряда проблем, таких как отток трудовых ресурсов и «утечка мозгов», что приведет к дефициту квалифицированных специалистов, а выход молодежи из системы воспроизводства может послужить причиной усугубления демографических проблем и увеличением нагрузки на трудоспособное население.

К настоящему времени проявился ряд негативных последствий миграционного оттока. Так обмен населением по образовательному уровню привел к тому, что северные территории получают менее квалифицированные кадры, а отдают более образованные. К примеру, в Республике Коми на 2015 год 66,5% прибывших мигрантов имели высшее и среднее профессиональное образование, а среди выбывших – 69%. [1].

Молодые специалисты являются основой трудового потенциала региона. И если выпускники школ ориентированы, прежде всего, на получение образования, то выпускники вуза – практически готовые специалисты высокой квалификации. Студенты выпускники после завершения обучения оказываются перед выбором региона, в котором они могут реализовать свои профессиональные амбиции. Молодежь составляет около трети от общего количества мигрантов, покинувших регион за последние пять лет. Она более мобильна, значительная ее часть еще не отягощена обязательствами, привязывающими к определенному месту. А пограничное состояние и неопределенность будущего провоцирует на изменения в устоявшемся укладе жизни. Поэтому представляется необходимым установить причины, побуждающие выпускников мигрировать в другие регионы.

Был проведен ряд полуструктурированных интервью в рамках качественной методологии социологического исследования. В качестве респондентов выступили студенты Сыктывкарского государственного университета очной формы обучения на выпускном курсе высшего учебного заведения.

В процессе исследования, были использованы три базовые группы вопросов:

а) о респонденте. Данные вопросы направлены на выявление общей информации об опрашиваемом, его социальных связях, планах на будущее, а также представлениях об окружающем мире. Цель – определить каковы предпочтения и стремления респондента, чего он хочет, насколько он удовлетворен своим положением, какие факты биографии и условия жизни определяют его поведение в большей степени. Важно понять, что из его окружения, какой факт из жизни может служить стимулом для смены места жительства. Таким образом, главной задачей данной группы вопросов является определение базовых жизненных ценностей, социальные события, картины мира и ожиданий, значимых для миграционных установок

б) о месте жительства. Вопросы данной группы призваны выявить его отношение к конкретному месту проживания. Иными словами, насколько он удовлетворен жизнью в городе, что вызывает его неудовольствие или наоборот приязнь, и как это влияет на его желание сменить место жительства. Необходимо понять, что именно, по мнению респондента, необходимо изменить в городе, для того, чтобы привлечь молодежь.

в) о переезде. В данную группу входят вопросы, направленные на то, чтобы выявить отношение респондента и его окружения к смене места жительства. Что могло бы заставить его переехать, рассматривает ли он возможность смены места жительства, отношение к тем, кто уехал в другой город. Вопросы, посвященные отношению респондента к миграционным процессам в целом, а также к частным их случаям. Благодаря этой группе можно определить степень влияния окружения на миграционные настроения, а также миграционные установки и их природу.

Исходя из того, какие факторы являются наиболее значимыми в структуре потребностей индивида и того, насколько текущее место проживания способно предоставить возможности удовлетворения этих потребностей формируется уровень миграционной мобильности и миграционные намерения молодых людей. Они представлены 4-мя группами:

- 1) Стремятся остаться в текущем месте жительства.
- 2) Стремятся вернуться в родной населенный пункт
- 3) Стремятся сменить место жительства
- 4) Не определились

Причину миграции можно определить как особую форму отношений между объективными факторами и субъективными потребностями индивида. В контексте поведения факторы выступают как объективное явление, а причины – объективно-субъективное явление. Поскольку причина имеет объективно-субъективный характер, она не обязательно сопровождается действием, даже при наличии противоречия между факторами и потребностями [2].

Исходя из природы причин миграции, были определены четыре группы миграционных установок, на основе того, через какие действия проявляются потребности индивида:

«В процессе переезда» – в данную категорию попадают респонденты, указавшее конкретное место, сроки и причину переезда из Сыктывкара, осуществившие какие-то действия, необходимые для переезда (покупка жилья, брак с иностранцем, поиск работы в другом городе, выбор конкретной специальности в другом городе, поиск информации и т.д.).

«Уезжающие» – выражают желание переехать, однако пока что не предпринимали активных действий, нет четких сроков, зачастую нет даже конкретного места. Обосновывают причины недовольства городом.

«Остающиеся» – их устраивает жизнь в городе, они не планируют менять место жительства (хотя допускают такую возможность) так как нет причин для переезда, но при этом нет каких-либо конкретных долгосрочных планов на жизнь в Сыктывкаре. Нет осознания, почему здесь лучше, чем в другом городе, долгосрочных перспектив или обязательств.

«Обустривающие быт» – те, кто четко объясняет свою привязанность к городу, чьи потребности удовлетворены, а также прямо упоминает о неприятии иных городов по различным причинам. Зачастую обладают долгосрочными обязательствами, привязывающими их к городу.

Представители каждой из групп обладают своими особенностями миграционного поведения. И именно учет данных особенностей в дальнейшем может позволить разработать плодотворные инструменты миграционной политики в отношении молодых специалистов.

1. Фаузер В.В., Лыткина Т.С. Миграционные процессы на российском Севере / Социальная политика и социология. – 2017. – Том 16. – №1(120). – С. 141-149
2. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер Г.Н., Залевский В.А. Население северных регионов: от количественных показателей к качественному измерению / Отв. редактор В.В. Фаузер. – Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. – 240 с.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВОЗМОЖНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВОСУДИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Задорин И.В., Мацкевич М.Г. (Москва)

Доклад основан на результатах исследования возможной общественной реакции на гуманизацию уголовного правосудия, выполненного Исследовательской группой ЦИРКОН в первой половине 2017 года по заказу НИУ ВШЭ в интересах Центра стратегических разработок.

Исследование носило пилотный, разведывательный характер. Нельзя утверждать, что полученные результаты могут быть безоговорочно распространены на все население. С другой стороны, имеющиеся данные способствуют лучшему пониманию состояния проблемы и направления возможных действий как исследователей, так и стейкхолдеров.

Исследование проводилось в качественно-количественной парадигме сбора данных с использованием методологии «обогащенного общественного мнения» (См. J.S.Fishkin (2005), Б.З.Докторов (2008), ЦИРКОН (2011)). Термином «обогащенное [информацией] общественное мнение» в русской традиции принято переводить понятия *deliberation* и *deliberative poll*. Процедура делиберативного опроса появилась в рамках концепции делиберативной демократии, которую трактуют как демократию обсуждения, убеждения, аргументации и компромисса. В основе – представление, что современный человек не отчужден от общества, он готов к компромиссу и отказу от своих предпочтений ради достижения некоего гражданского консенсуса. Соответственно, делиберативное (обогащенное) общественное мнение – совокупность суждений, выработанных в процессе совместного рассмотрения той или иной проблемы.

Проведенное исследование представляло собой социально-психологический эксперимент, в основе которого было заложено сравнение поведения контрольных групп респондентов и групп, находящихся под влиянием факторов информационного характера (просвещение, влияние, пропаганда и т.п.). В исследовании измерялся сдвиг отношения индивида к возможным новациям в уголовном правосудии при получении и обсуждении дополнительной информации разного типа*.

Объектом исследования являлось взрослое население нескольких городов РФ, представляющих три типа поселения: областной центр с населением выше 1 млн. жителей; областной центр с населением до 500 тыс. жителей и районный центр с населением от 50 тыс. до 100 тыс. жителей. Кроме того, учитывалась географическая дифференциация городов, входящих в выборочный объект исследования. Общее количество опрошенных до эксперимента составило 369 человек. Поскольку целью исследования являлось измерение индивидуального сдвига, при формировании выборки не ставилась задача статистически достоверной репрезентации взрослого населения. В то же время, основные социально-демографические параметры выборочной совокупности в целом незначительно отличались от соответствующих показателей общероссийских репрезентативных выборов.

В рамках эксперимента в каждом городе, входившем в выборочный объект исследования, формировались три группы респондентов (по 8-14 человек в каждой), с которыми осуществлялись соответствующие исследовательские и информационные процедуры. Каждая из трех групп предполагала разный уровень информационного воздействия:

1) нулевой уровень – контрольная группа; респондентам предоставляется право самостоятельной стратегии формирования точки зрения по предмету исследования («стихийное», неуправляемое информирование);

2) средний уровень - предоставление респондентам литературы (публикации СМИ, специальные информационные материалы) по предмету исследования с пояснением возможных новаций в уголовном правосудии. Был составлен дайджест публикаций в СМИ общественно-политической направленности, включающий, в т.ч., и публикации экспертов, впоследствии принимавших участие в дискуссионных фокус-группах (ДФГ). Публикации отбирались, исходя из критериев:

а) доступность изложения читателю, не являющемуся специалистом в данной теме и, возможно, не интересовавшемуся ею раньше;

б) освещение ситуации с преступностью, уголовным законодательством, судебной системы, правоохранительными органами и системой исполнения наказаний;

с) присутствие аргументов различного (когнитивного, рационального и эмоционального) характера в пользу гуманизации уголовного законодательства;

d) наличие предложений конкретных возможных мер по гуманизации уголовного законодательства.

3) высокий уровень - предоставление респондентам литературы (публикации СМИ, специальные информационные материалы) по предмету исследования, обсуждение освоенного материала в группе с модератором (аргументация «за» и «против»); влияние на мнение респондентов через референтное лицо (эксперт) с четкой позицией за соответствующие изменения в уголовном правосудии.

В ходе исследования были получены данные, характеризующие распространенность общих установок в отношении возможных мер наказания, степень их отрефлексированности, а также устойчивость этих установок в условиях информационного воздействия («обогащения») разного уровня интенсивности. В частности, исследование показало, что тематика преступлений и наказаний не является, вопреки распространенным представлениям, глубоко осознанной (отрефлексированной). Над многими вопросами, предлагавшимися в анкете, респонденты явно раньше не задумывались, несмотря на то, что большинство указало на присутствие материалов и сообщений по этой теме в СМИ.

В исследовании было выявлено, что декларируемая установка на максимально жесткое наказание за любые нарушения является довольно распространенной - в качестве нормативного суждения ее поддерживает половина опрошенных (причем это чаще те, кто негативно оценивают существующие сейчас в России законы). Вместе с тем установки на суровые меры ответственности за нарушения «в принципе» не обязательно сопровождаются такими же жесткими установками «во всех конкретных ситуациях», в т.ч. предложенных исследователями. Иными словами, введение респондента в ситуацию принятия решения по конкретному случаю может подвинуть к смягчению его позиции.

Также было выявлено, что в сознании респондентов одновременно могут существовать противоречащие друг другу общие установки. Кроме того, в ситуации выбора конкретного наказания за конкретное нарушение решение принимается не по принципу «насильственное преступление vs ненасильственное», а в зависимости от «понятности» преступления, «социальной близости» условного преступника и представления о потенциальной общественной значимости различных нарушений закона.

Несмотря на декларируемую жесткость по отношению к преступникам, существующие в этой сфере установки не являются устойчивыми. После информационного обогащения изменения в сторону гуманизации были зафиксированы в том числе и в контрольной группе, которая не подвергалась направленному воздействию. Сама ситуация опроса и вероятная последующая рефлексия приводили к изменению позиций, хотя на прямой вопрос о готовности изменить позицию респонденты, как правило, отвечали отрицательно. В результате информационного воздействия был зафиксирован статистически значимый сдвиг индекса склонности к гуманизации правосудия. Таким образом, исследование показало, что изменение общих установок возможно, хотя масштабы таких изменений ограничены.

* - При интерпретации результатов эксперимента, учитывались ограничения, указанные, например, здесь: Holbrook, A. (2011) Attitude Change Experiments in Political Science. In: Cambridge Handbook of Experimental Political Science. Ed. by Druckman, J. et al. Cambridge Univ.Press. Pp.141-154.

1. Fishkin, J. and C. Farrar (2005) *Deliberative Polling: From Experiment to Community Resource*. In: *The deliberative democracy handbook: Strategies for effective civic engagement in the twenty-first century*. Ed. By Gastil, J. and P. Levine, P. San Francisco, CA: Jossey Bass. Pp.68-79.

2. Докторов Б. (2008) *Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения. Судьбы творцов*. М.: Центр социального прогнозирования, 2008. Сс.556-566.

3. Задорин И. Проект «Общественное мнение о легализации короткоствольного огнестрельного оружия: устойчивость к информационному «обогащению». Презентация выступления на конференции СоПСо http://www.zircon.ru/upload/iblock/c2b/oom_lichnoe_oruzhie.ppt

4. Holbrook, A. (2011) *Attitude Change Experiments in Political Science*. In: *Cambridge Handbook of Experimental Political Science*. Ed. by Druckman, J. et al. Cambridge Univ.Press. Pp.141-154.

РОССИЙСКИЙ ФРОНТИР: ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ПЕРЕДОВОМ РУБЕЖЕ СТРАНЫ

Задорин И.В., Немировская А.В. (Москва)

Инициативное исследование «Российский фронтир: гражданская идентичность на передовом рубеже страны» реализовано в течение сентября-декабря 2016 года на средства целевого финансирования, выделенные Некоммерческим фондом – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ).

Целью исследования являлось изучение актуального состояния гражданской идентичности (самоидентификации) населения рубежных и важнейших с геополитической точки зрения территорий Российской Федерации: Крым, Приморский край, Калининградская и Мурманская области в контексте «теории фронта». Исследование было проведено в указанных четырех профильных (фронтирных) регионах, а также в двух контрольных регионах, расположенных во внутренней части Российской Федерации - Костромской области и Республике Чувашия.

Объектом исследования являлось взрослое население указанных шести регионов в возрасте от 18 лет и старше.

Предмет исследования включал в себя в том числе следующие компоненты:

- Территориальная идентичность населения исследуемых регионов, в том числе сравнительная идентичность населения приграничных и контрольных регионов.

- Укорененность населения изучаемых регионов (наличие/отсутствие потенциальной готовности к смене региона проживания), в том числе сравнительная укорененность населения приграничных и контрольных регионов.

- Восприятие региона проживания и населения региона проживания. Уровень доверия и склонность к солидаризации (сплоченности) населения региона. Уровень открытости. Наличие / отсутствие «оборонного сознания». Информационное поведение.

- Уровень политической лояльности населения, характер геополитических ориентаций.

- Представления о перспективах развития региона (желательное и ожидаемое будущее), восприятие региона как "особого" по сравнению с другими регионами РФ; восприятие стратегического положения приграничных регионов (как «регионов – форпостов» или как «регионов – мостов»). Представление о "миссии" региона.

Исследование носило комплексный характер; для достижения поставленной цели использовались количественные и качественные исследовательские процедуры:

- сбор статистической информации, характеризующей текущую ситуацию в регионах по ряду параметров, используемых в разных исследованиях для операционализации понятия «фронтир»;

- серия дискуссионных фокус-групп (ДФГ) в каждом из шести регионов РФ: в четырех приграничных (по 3 ДФГ) и двух контрольных (по 1 ДФГ).;

- массовые репрезентативные опросы населения в каждом из шести регионов РФ. Объем выборки – по 1000 респондентов в каждом «фронтирном» регионе и по 500 респондентов в каждом контрольном регионе.

Исследование прежде всего было ориентировано на выявление наличия/отсутствия различий в значимых характеристиках населения российских «рубежных» и «внутренних» регионов. По итогам анализа данных можно сделать следующие выводы.

1. Население фронтирных регионов в массе своей остро чувствует и активно декларирует особость, и в чем-то даже уникальность своих регионов по сравнению с другими регионами страны. При этом в основном подчеркивается особое географическое положение регионов и их стратегическое геополитическое значение для страны в целом, в т.ч. в качестве базы ВМФ.

2. Вместе с тем эта особость не может быть распространена на население, человеческий капитал региона, который оказывается по многим своим свойствам вполне типично российским (пожалуй, в несколько большем объеме подчеркивается патриотичность). В характеристиках, даваемых респондентами населению своих регионов, проявляются общие для всего российского населения черты, в т.ч. сравнительно невысокая социальная активность, склонность к патернализму, внешний локус контроля.

3. Одна из ключевых гипотез исследования состояла в том, что особое географическое положение и история заселения изучаемых регионов формирует особый тип личного жителей

– «фронтирменов», «людей рубежа», отличающихся по ряду характеристик от представителей контрольных регионов центральной части России (например, по показателям большей инициативности, самостоятельности, предприимчивости, стремлению к опоре на собственные силы, а не на помощь со стороны государства и т.п.). Результаты проведенных ДФГ позволили зафиксировать в каждом из четырех изучаемых фронтирных регионов свое представление о специфичности и «особости» проживающего на их территориях населения. Объяснение этой специфичности жители находят как в географическом положении и исторических особенностях заселения приграничных территорий, так и в текущей экономико-политической ситуации, накладывающей свой отпечаток на характер жителей. Вместе с тем единственным показателем, по которому все обследованные фронтирные регионы отличаются от контрольных регионов, оказался уровень доверия большинству людей - в регионах-«фронтирах» он в целом более высокий. Результаты, полученные по таким показателям как уровень согласия и сплоченности и готовность к объединению для совместных действий, не позволяют проводить четкой линии разделения между двумя типами исследуемых регионов, но позволяют выделять среди них те, где эти показатели являются более или менее высокими. Вместе с тем, по всем рассмотренным параметрам несколько отличается Крым, жители которого декларируют заметно более высокий уровень доверия, согласия и готовности к объединению для совместных действий.

4. По показателям предприимчивости, готовности действовать с опорой на собственные силы, внутреннего локуса контроля данные фронтирных регионов оказались такими же, а иногда и хуже, чем данные по контрольным регионам и России в целом.

5. Одним из немногих показателей заметно отличающих фронтирные регионы от контрольных, являются показатели политической лояльности. Восприятие населением общей ситуации в стране, оценка работы Правительства и региональных администраций, в целом оказались более критичными. Данные опросов в этом случае подтверждаются и данными голосований. И дело здесь не столько в невысоком качестве жизни опрашиваемых (в некоторых случаях, как раз наоборот), сколько в повышенном уровне притязаний фронтирных регионов, обоснованном как сравнением с ближним зарубежьем, так и той самой особостью, ощущаемой и населением, и (в первую очередь) региональными элитами.

6. Говоря об информационном поведении жителей обследуемых регионов, нужно отметить, что наиболее популярным во всех регионах источником информации является центральное российское телевидение, что является типичным и для всех российских регионов. Естественно, источники, имеющие иностранное происхождение, чаще упоминаются респондентами, проживающими во фронтирных регионах, но их влияние незначительно. Результаты опроса позволяют говорить о более активном сетевом поведении во фронтирных регионах, чем в контрольных.

Исследование также позволило выявить многие другие важные характеристики гражданской идентичности населения фронтирных регионов. Подробнее результаты проекта представлены в Аналитическом отчете.

О ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ СТУДЕНТОВ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Заславская М.И. (Ереван, Армения)

Анализируя ситуацию, сложившуюся в странах евразийского пространства в сфере образования на трех уровнях общественных отношений – макро (общественный), мезо (институциональный) и микро (индивидуальный), мы можем выделить целый ряд общих закономерностей, связанных с процессами трансформации этих обществ в постсоветский период. Анализ этих процессов выявляет чаще всего отсутствие ясно сформулированного видения национальных доктрин образования, недостаток финансирования и экономическую нестабильность в рассматриваемых странах, а также целый ряд иных, как явных, так и скрытых факторов, препятствующих как интеграционным процессам, так и оптимальному становлению национальных систем высшего образования [1].

В странах постсоветского пространства создалась весьма хаотическая ситуация с точки зрения логики принятия управленческих решений в сфере высшего образования. С одной стороны, реформирование направлено на взаимную в рамках постсоветского пространства интеграцию, с другой стороны, реорганизация систем высшего образования направлена на европеизацию и

интеграцию местных университетов в европейскую систему высшего образования в соответствии с Болонскими принципами, и, наконец, модернизация образовательных систем евразийских стран во многом направлена на сохранение национальной специфики и местных традиций. [1].

Анализируя особенности трансформаций вузовской системы, нельзя не упомянуть о таких явлениях, как коммерциализация университетов, которая во многом радикально перестраивает все систему академических ценностей в системах образования на постсоветском пространстве. Основные угрозы для академических ценностей можно охарактеризовать, согласно мнению П. Скотта, как, в первую очередь, подход к высшему образованию, как к «индустрии знаний», затем весьма утилитарный подход к передаваемому знанию, и, наконец, коммерциализация схем организации высшего образования [2]. Более того, усиление так называемой «рыночной логики» в университетской среде могут иметь непредсказуемые последствия для сохранения миссии университета, как центра кумуляции, создания и передачи знаний [3].

В подобных условиях относительной аномии в среде академических ценностей, недостаточной отлаженности функционирования системы образования возникает целый ряд дисфункций системы, среди которых можно упомянуть такие, как возникновение необходимости, согласно законам рынка, «упаковки» предметов в «привлекательную для студента упаковку», которая не предусматривает демонстрации таких характеристик дисциплины, как сложность, трудность усвоения, необходимость больших временных затрат на понимание материала и т.п. В результате такого маркетинга покупатель, особенно мало искушенный в торговле, постарается приобрести товар по возможно низкой цене и в возможно более красивой упаковке [4].

По мнению Афанасьева «для многих учащихся вузов ценность высшего образования определяется лишь формальным получением диплома. То знание, с которым они соприкасаются, их собственное самоопределение, самообразование остаются для них чуждыми, а это непосредственно связано с качеством образования, которое в этом случае оставляет желать лучшего» [5]. Таким образом, серьезно уменьшается мотивация студента к получению образования, в большей степени проявляется погоня за формальными показателями, и целый ряд иных проблем, связанных с рассогласованностью функционирования системы высшего образования.

Эти проблемы тесно связаны с концепцией социального отчуждения. Возникновение новых форм организации и функционирования социальной системы, в том числе и латентных, создают предпосылки углубления социального отчуждения студента в системе высшего образования. Обратимся к вопросу определения социального отчуждения.

Современные подходы к интерпретации отчуждения связываются с именем Сеймура Мелмана, который выделил субъективную составляющую и в качестве причины отчуждения считал разрыв между решением человека и возможностью выполнить это решение [6]. Р. Блаунер, определяя отчуждение, как «характеристику персонального опыта, порождаемую определенными социальными конфигурациями» [7], тем не менее окончательно проблему отчуждения соотносил так или иначе с экономическими факторами современного капиталистического общества. Согласно американскому ученому М. Симену отчуждение – это утрата связи между индивидом с одной стороны и обществом, результатами деятельности, социальной группой – с другой. Симен выделяет пять форм отчуждения: бессилие (неспособность влиять на социальную среду), бессмысленность (отсутствие целей и веру в их осуществление), отсутствие норм, социальная изолированность и самоотстранение [8]. Позднее в целом ряде исследований американских социологов было показано, что первые три индикатора значимо коррелированы между собой и могут быть охарактеризованы в терминах аномии [9].

Отметим, однако, что данный подход характеризует более субъективную сторону отчуждения в плоскости социального самочувствия. Тем не менее, на наш взгляд, этот подход актуален и выявляет скрытые механизмы человеческого поведения. Ряд исследований выявил значимую корреляцию между уровнем социальной отчужденности и уровнем политической апатии [10], вероятностью реализации девиантного поведения [11], использованием компьютерных социальных сетей [12] и т.д.

В системе образования проблема отчуждения имеет ряд особенностей. Чаще всего исследователи образования категорию отчуждения используют для «объяснения взаимосвязи ряда негативных феноменов (переживание учащимися своего бессилия и бессмысленности учебы, неудовлетворенность образованием, списывание, абсентизм, уход из образовательной системы) с содержанием учебной деятельности и особенностями социальных институтов системы образования» [13].

Целый ряд исследований феномена отчуждения в системе образования показал связь высокого уровня отчуждения учащихся с реализацией девиантного поведения (употребление алкоголя, наркотиков, суицидальные попытки, интернет-зависимость) [14].

С. Манн [15] связывает проблему отчуждения студента с ценностно-нормативной проблемой принудительности получения формального высшего образования. Отчуждение рассматривается С. Манн, как защитный механизм для сохранения собственной идентичности студента в условиях формальных подходов к обучению и оцениванию, неравенства во властных отношениях между студентом и акторами системы образования и т.п.

По аналогии с вышеупомянутой моделью М. Симена Б. Барнхадт и П. Джиннс [16] определили концепт отчуждения через такие характеристики, как бессилие (неспособность справиться с учебными задачами), бессмысленность (непредсказуемость результатов обучения) и самоотчуждение (self-estrangement) (расхождение между содержанием учебных задач и тем, что переживается как интересное или ценное).

Результатом подобного отчуждения в системе образования, по мнению авторов, становятся низкий уровень увлеченности (disengagement) и поверхностный подход к освоению материала (surface approach to learning) [16].

Проектируя рассмотренные схемы на операциональную модель концепта отчуждения, можно выделить следующие категории этой модели: удовлетворенность (неудовлетворенность) профессиональным выбором; степень ценности (бесполезности) приобретаемых знаний; степень доверия (недоверия) к лекторскому составу; степень доверия (недоверия) к администрации вуза; степень причастности (непричастности) к деятельности вуза в целом.

Результаты целого ряда исследований современной системы высшего образования показывают весьма высокий уровень отчужденности студентов в сфере образования. [17], [18]. В проявлениях студенческой отчужденности в сфере образования можно выделить ряд категорий. Во-первых, это проявления, связанные с учебным процессом, среди которых следует упомянуть низкий уровень активности на лекционных и семинарских занятиях, слабая мотивация самостоятельной работы, невысокий уровень интереса к занятиям, стремление к формальным показателям, в т.ч. формальное оценивание, получение диплома. Во-вторых, это проявления, связанные с деятельностью вуза, в том числе невысокий уровень причастности к деятельности вуза, невысокий уровень доверия к администрации вуза, ощущение непричастности к процессам принятия решений в вузе. В-третьих, это проявления, связанные с профессиональной подготовленностью и рынком труда, среди которых неполное понимание своих будущих профессиональных компетенций, высокий уровень тревожности в связи с будущим трудоустройством.

Таким образом, мы можем резюмировать, что в современных условиях трансформаций систем высшего образования складывается весьма парадоксальная ситуация, связанная с положением студента в системе. С одной стороны, в свете Болонских преобразований роль студента в системе высшего образования неизмеримо возрастает. Согласно Пражскому (2001 г.) и Берлинскому (2003г.) Коммюнике студент становится полноправным участником современного института высшего образования, роль которого – это роль компетентного, активного и конструктивного партнёра в деле создания и формирования европейского пространства высшего образования, обязательного участника, «влияющего на организацию и содержание образования в университетах» [19], [20]. Но с другой стороны, при реформировании систем высшего образования недостаточно внимания уделяется на выработку действенных механизмов, обеспечивающих реальную включенность студентов в образовательные процессы и, как следствие, феномен социального отчуждения студента в сфере образования становится одной из актуальных проблем, требующих особого внимания.

1. Аветисян П.С., Галикян Г.Э., Заславская М.И. О некоторых проблемах реформирования сферы высшего образования в странах постсоветского пространства в свете евразийской интеграции// *Научная мысль, ежеквартальный научно-методический журнал*, № 4 (22), Череповец, 2016, стр. 5-15.
2. Скотт П. Академические ценности и организация академической деятельности в эпоху глобализации // *Высшее образование в Европе. 2003.Том XXVIII. № 3*, с. 295-307.
3. Прохоров А. В. Новые академические ценности высшего образования// *Гаудеамус*, вып. № 19 / том 1 / 2012, с. 22 – 27.
4. Заславская М.И. Особенности преподавания количественных методов в социологии// *Вестник ЕГУ, Социология. Экономика*, N3 (18), 2015, стр. 21-29.

5. Афанасьев П.Н. *Формы отчуждения учащегося в процессе обучения в высшей школе* // Тонус. Социализация личности и проблемы развития общественных отношений: научный, учебно-методический и публицистический альманах. - Казань, 2004. - № 9. - С. 14—20.
6. Seymour Melman, *Decision-making and Productivity*, Oxford: Basil Blackwell, 1958, 18, 165–166.
7. Robert Blauner, *Alienation and Freedom*, Chicago: University of Chicago Press, 1964.
8. Melvin Seeman, "Alienation and Engagement," in Angus Campbell and Philip E. Converse, eds., *The Human Meaning of Social Change*, New York: Russell Sage, 1972, 467–527
9. Lytkina E., 2015, *Anomie and Alienation in the Post-Communist Area: Reapplication of the Middleton scale in Russia and Kazakhstan*, Basic Research Program, Working Paper, Series: Psychology WP BRP 32/ PSY/ 2015.
10. Dean D.G. *Alienation and Political Apathy* // *Social Forces*, Vol. 38, No. 3 (Mar., 1960), pp. 185-189
11. Steven F. Messner et al.: *Institutions, Anomie, and Violent Crime: Clarifying and Elaborating Institutional-Anomie Theory*// *International Journal of Conflict and Violence*, Vol. 2 (2) 2008, pp. 163 – 181.
12. Reveley J. *Understanding Social Media Use as Alienation: a review and critique*// *E-Learning and Digital Media Volume 10, Number 1*, 2013.
13. Осин Е.Н. *Категория отчуждения в психологии образования: история и перспективы*// *Культурно-историческая психология 2015. Т. 11. № 4. С. 79—88.*
14. Williamson I., Cullingford C. *Adolescent alienation: its correlates and consequences. Educational Studies*, 1998. Vol. 24, no. 3, pp. 333—343.
15. Mann S. *Alternative perspectives on the student experience: alienation and engagement. Studies in Higher Education*, 2001. Vol. 26, no. 1, pp. 7—19
16. Barnhardt B., Ginns P. *An alienation-based framework for student experience in higher education: new interpretations of past observations in student learning theory. Higher Education*, 2014. Vol. 68, no. 6, pp. 789—805.
17. Григорян А.К., Заславская М.И. *О некоторых особенностях измерения обратной связи со студентами в контексте управления университетом// Университетское управление: практика и анализ, Том 21, № 2, 2017, стр. 155-163.*
18. *Феномен отчуждения российской студенческой молодежи от образования// Молодежный научный форум: Гуманитарные науки. — М.: «МЦНО». — 2014 —№ 11(17).*
19. *Towards the European Higher Education Communique of the Meeting of European Ministers in Charge of Higher Education in Prague. – May 19th, 2001, 112 p.*
20. *Realising the European Higher Education Area. - Communique of the Conference of Ministers Responsible for Higher Education in Berlin. – 19 September 2003, 6, 44p..*

МЕЖЛИЧНОСТНОЕ ДОВЕРИЕ КАК ИНДИКАТОР СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ

Зеленев И.А., Прохода В.А. (Москва)

В предлагаемой работе межличностное доверие рассматривается как один из индикаторов социального капитала. Эмпирическая основа публикации - результаты седьмой волны межстранового социологического исследования «Европейское Социальное Исследование», проведенного в 2014 г. в 22 европейских странах. Проведен факторный анализ, который показал возможность построения интегративного показателя, характеризующего уровень межличностного доверия. Страны – участницы проекта ранжированы по рассчитанному показателю. Констатируется, что ранг России нельзя назвать социально-благополучным.

Социальные психологи отмечают, что вхождение категории «доверие» в научную парадигму объясняется осознанием остроты социальной проблемы утраты доверия в современном обществе. «Доверие составляет существенный момент межличностного общения, межгруппового и организационного взаимодействия, а также функционирования общества в целом. (...) Доверие представляет собой тотальную эмпирическую категорию, которая требует своей адекватной теоретической экспликации как существенной характеристики функционирования социального организма, без которой объяснение общества будет неполным» [1, с.111-112].

Доверие является одним из основных индикаторов социального капитала. Под социальным капиталом понимается потенциал взаимного доверия и взаимопомощи, формируемый в межличностных отношениях, то, что облегчает индивидуальные или коллективные действия, генерирует сети отношений, взаимности, доверия и социальные нормы [5]. Роберт Патнэм

определяет социальный капитал – как традиции социального взаимодействия, уходящие вглубь истории, предполагающие нормы взаимности и доверия между людьми [3]. По Пьеру Бурдьё: социальный капитал используется человеком для повышения своего статуса; отражает социальные связи человека; зависит от размера сети связей и от объема экономического, культурного или символического капитала, которым обладает индивид [4].

Для оценки уровня доверия социальному окружению у жителей европейских стран, обратимся к материалам «Европейского Социального Исследования» (ESS). Из базы данных ESS с результатами опроса проведенного в 2014 г. нами были проанализированы ответы респондентов на три следующих вопроса.

1. Скажите, пожалуйста, вы считаете, что большинству людей можно доверять или вы склоняетесь к мнению, что даже излишняя осторожность в отношениях с людьми не помешает?

2. Как вы думаете, большинство людей постарались бы вас использовать, если им представилась такая возможность, или же, на ваш взгляд, люди постараются вести себя с вами честно?

3. По вашему мнению, в большинстве случаев люди стараются помогать другим или они чаще всего заботятся только о себе?

По каждому вопросу использовалась шкала ответов от 0 до 10, где «0» означает самый низкий уровень доверия и участия, а «10» – максимальный уровень доверия и участия.

Сначала проводился факторный анализ (методом главных компонент; полная объясненная дисперсия – 67%; КМО = 0,686; $p=0,001$), который показал возможность объединения трех вышеуказанных переменных – в интегративный показатель, условно названный «межличностное доверие». Исходные баллы по каждой переменной взвешивались с учетом выявленных весовых коэффициентов (факторных нагрузок переменных), а затем суммировались. В дальнейшем значение интегративного показателя стандартизировалось от 0 баллов (межличностное доверие совершенно не выражено), до 10 баллов (максимально выраженное межличностное доверие). Рассчитанный средний интегративный показатель характеризует уровень межличностного доверия населения стран – участниц проекта.

Далее, на основе иерархического кластерного анализа, 22 европейские страны разделялись на группы (кластеры), в соответствии со значением интегративного показателя уровня межличностного доверия в стране.

Выявлены три следующих кластера (после названия каждой страны, в скобках указан ее интегративный средний балл, страны расположены в порядке уменьшения величины среднего балла).

В первый, самый малочисленный кластер, попали: Дания (6,75); Финляндия (6,54); Норвегия (6,54); Швеция (6,39). Обращает внимание, что в его состав включены все скандинавские страны. Интегративный средний балл в странах первого кластера превышает среднее значение шкалы (5 баллов), что позволяет охарактеризовать его как «благополучный».

Во втором кластере оказались: Нидерланды (6,04); Швейцария (5,90); Великобритания (5,70); Ирландия (5,69); Германия (5,50); Эстония (5,49); Австрия (5,28); Израиль (5,21); Бельгия (5,17). Все страны здесь, за исключением Израиля и Эстонии – западноевропейские. Интегративный средний балл в странах кластера стремится к средним по Европе показателям.

В третий, условно назовем его «наименее благополучный», вошли: Франция (5,07); Литва (4,98); Россия (4,86); Испания (4,84); Чехия (4,79); Словения (4,61); Венгрия (4,40); Португалия (4,29); Польша (4,11). Как можно заметить, в данной группе из девяти стран – шесть восточноевропейских. К сожалению, ситуацию в России нельзя назвать социально-благополучной. В ранжированном по интегративному баллу списке стран она занимает только шестнадцатое место.

Следует признать, что после этапа социально-экономических трансформаций конца XX века, гражданам постсоциалистических стран был предложен вариант развития по принципам общества потребления, в котором каждый реализует собственные прагматические интересы. Таким образом, с одной стороны, можно констатировать, что эгоизм и прагматизм стали причиной психологической дезинтеграции и социальной атомизации. С другой стороны, традиционные экономико-детерминистские концепции оказываются не вполне достаточными для интерпретации. Сегодня учеными предпринимаются попытки объяснения сущности доверия «... в более широкой теоретической панораме: от мировоззренческих проблем цивилизаций и анализа сдвигов в иерархии ценностей до обновленных политэкономических формационно-классовых теорий и концепций партнерства и справедливости» [2, с.138].

Рамки и формат данной публикации не дают возможности для изложения результатов более глубокого и всеобъемлющего анализа полученных данных, который возможен в дальнейшем. Однако, актуальность подобного осмысления очевидна, поскольку восстановление внутреннего доверия и солидарности в современном гражданском обществе в России ощущается как назревшая необходимость.

1. Антоненко И.В. Социально-психологическое содержание доверия // *Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества* / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С.111-135.
2. Данкин Д.М. Доверие в пространстве и во времени как фактор стабильности общества // *Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества* / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М.: НИУ ВШЭ, 2013. С.136-168.
3. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала: гражданские традиции в современной Италии. Пер. с англ. А. Захаров. М.: Ad Marginem, 1996. 287 с.
4. Bourdieu P. The forms of capital // *Handbook of theory and research for sociology of Education*. Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood Press, 1986. pp. 241-258.
5. Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital // *The American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. pp. 95-120.

МОДЕЛИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ВЫСШЕГО ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Истомина К.В., Ковалёв А.Г. (Москва)

В наиболее общем виде модернизация представляется как совокупность всех качественных изменений в обществе, его всестороннее обновление в процессе трансформации и перехода из общества традиционного типа в современное [1, с. 104]. Стратегической целью модернизационного развития российского общества, согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, является формирование качественно нового образа России как ведущей мировой державы XXI века, которому способствует укрепление позиций в мировой экономике, переход от экспортно-сырьевого к инновационному технологическому социально ориентированному развитию. Основой и определяющим фактором модернизационного обновления и развития России, расширения конкурентного потенциала ее экономики должна стать модернизация образования и способа управления высшим военным образованием.

Специфика социологического подхода к исследованию управления качеством высшего военного образования состоит в том, что искомое понятие всегда, так или иначе, рассматривается институционально, с точки зрения его социальной роли и социальных функций и во взаимосвязи с другими социальными подсистемами, с одной стороны; с другой стороны, оно выступает объектом регулирования своих основных субъектов как акторов. Все вместе это позволяет создать целостную социологическую картину функционирования изучаемого явления как системного образования. Считая наиболее общим предметом своего изучения образование в целом как социальный институт, мы подразумеваем выявление конкретных и вполне устойчивых форм его организации и их конкретные проявления в деятельности организаций высшего военного образования через действия и взаимодействия субъектов высшего военного образования. Искомый предмет изучения находится на стыке двух отраслевых социологий: социологии образования и военной социологии, что обуславливает и специфику его исследования. Итак, остановимся на характеристике социальных функций института образования и их специфике в высшем военном образовании.

Социологический подход к управлению качеством высшего военного образования направлен на понимание того, каким способом происходит согласование взаимных интересов различных социальных групп в вопросах управления качеством образования. Под социальным управлением качеством высшего военного образования в данной работе понимается управление (качеством как объектом) на основе включенности различных субъектов образования в данный процесс, преследующее цели развития высшего военного образования в интересах больших социальных групп или общества в целом. Теоретическая модель социального управления качеством высшего военного образования представляет собой систему, состоящую из следующих

элементов: субъектов управления, на основе согласования порядков становящихся коллективным субъектом; процесса воздействия на процессы внутри образовательной системы и результаты через систему ресурсного обеспечения. Социологический подход к управлению качеством высшего военного образования предполагает широкий социальный контекст, а само качество образования предстает как социальный феномен, обусловленный широкой сетью социальных связей и отношений.

Исследование процесса социального управления качеством высшего военного образования наиболее оптимально производить в рамках неинституционального подхода (теории контрактов Н.Флигстина, согласования интересов Л.Тевено и легитимации П.Джимаджио и У.Пауэлла). Субъекты (S1-Sn) (различных порядков, Л.Тевено) становятся коллективным субъектом управления на основе выработки общей системы критериев оценки. Выработка данных критериев происходит на основе понимания и согласования цели социального развития для системы высшего военного образования. Согласование порядков приводит к формированию некоего обобщенного мнения, выражаемого через коллективного субъекта. Институциональные образования (Н.Флигстин) (мы понимаем под ними совокупность традиций и инноваций) воздействуют на мотивационные структуры и формируют концепции контроля. Переход инноваций в институциональные образования обеспечивается легитимностью (П.Димаджио, У.Пауэлл). Таким образом, социальное управление предполагает выявление и изменение институциональной среды, базирующейся на легитимности.

Системный процесс управления качеством высшего военного образования предполагает его оценку, анализ соответствия, выявление достижений и проблем, прогнозирование и моделирование, внедрение инноваций, контроль. В этом алгоритме социологическая оценка (диагностика) выполняет ключевую роль. Социологическая оценка качества высшего военного образования предполагает формирование устойчивой «обратной связи» с основными субъектами образования, и эта связь является не одно-, двухсторонней, а многосторонней. Социологичность оценки качества заключается в возможности интегрировать несколько каналов «обратной связи» в единое звено управления.

Модернизация страны в целом и армии в частности должна опираться на модернизацию образования, на его содержательное и структурное обновление. Сам процесс обновления должен строиться в рамках системного подхода и быть четким, последовательным, непротиворечивым. Приоритетной задачей программы модернизации военного образования явилась оптимизация высших учебных заведений: сокращение значительного количества военных вузов, снижение набора курсантов, сокращение численности профессорско-преподавательского состава, увольнение офицерского состава без анализа и отбора лучших. Всё это негативно отразилось на репутации и престиже Вооруженных Сил государства, а также на научном потенциале высших военных заведений.

В условиях динамично развивающегося, постоянно обновляемого мира происходит изменение и системы образования. Формирование и реализация образовательной политики в современном российском обществе должны соотноситься с процессами социальной модернизации в целом и взаимопределять друг друга. Приоритетом системы военного образования в условиях формирования нового облика Вооруженных Сил Российской Федерации должно стать комплектование армии и флота высококвалифицированными военными специалистами.

1. Голик Н. М. Социальная модернизация : соотношение рациональных и внерациональных установок / Н. М. Голик // Вестник ВолГУ. Серия 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2012. – № 3 (18). – С. 104–110.

2. Васильев Н. М. О кризисе военной науки и путях выхода из него / Н. М. Васильев // Военная мысль. – 2013. – № 3. – С. 39–46

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА К МИГРАНТАМ (НА ПРИМЕРЕ ФОКУС-ГРУПП СО СТУДЕНТАМИ СПБГУПТД)

Кардинская С.В. (Санкт-Петербург)

Для выяснения отношения молодежи принимающего общества к мигрантам в 2014 г. были проведены четыре фокус-группы со студентами второго и третьего курсов бакалавриата института Медиатехнологий СПбГУПТД. Спустя три года исследование отношения студентов к

мигрантам было продолжено – в 2017 г. проведены также четыре фокус-группы, в которых участвовали студенты того же вуза и того же возраста.

Материалы фокус-групп позволяют провести сравнительный анализ мнений студентов и сделать определенные выводы об изменении отношения принимающего общества к мигрантам.

В 2014 г. отношение к мигрантам было, в основном, отрицательным, хотя встречаются немногочисленные положительные суждения. Мигранты предстают в высказываниях студентов как «они», явно противоположные по всем характеристикам «нам». Соответственно, в дискурсе информантов возникает отчетливое разделение «мы» / «они» (мигранты / принимающее общество). В высказываниях участников фокус-групп создается обобщенный, лишенный подробностей, образ «приезжих», они практически не различают представителей этнических групп/

Если довести до логического завершения смысл высказываний участников фокус-групп 2014 г., то обнаружится его ксенофобское основание: «мы» предполагаем заранее, что «их» культурный уровень низок, «они» не желают принимать «наши» правила, не способны быть включенными в «наше» сообщество и являются «чужими» для «нас». В высказываниях участников фокус-групп присутствует стереотипная модель мигранта как социально опасной личности с агрессивным поведением.

Картина откровенной ксенофобии молодежи, открывшаяся нам при проведении этого небольшого исследования, заставляет задуматься о той атмосфере нетерпимости, которая существует в нашем обществе, в частности, благодаря официальным СМИ. Так, в соответствии с контент-анализом «Российской газеты», проведенным нами в 2013-2014 гг., 66% публикаций этого официального издания сообщают о росте преступности, коррупции, нелегальной торговле алкоголем, поддельных документах, авариях с участием мигрантов, росте заболеваний СПИДом и туберкулезом, нарушениях миграционного законодательства, прочно связывая усиление негативных социальных явлений в России с темой миграции. Поскольку тематика «Российской газеты», одного из самых высокотиражных российских изданий, в основном, совпадает с тематикой первого канала российского телевидения, воздействие подобного медиадискурса на аудиторию трудно переоценить.

Студенты, участники фокус групп 2017 г., уже не так часто используют местоимение «они», больше называя предмет обсуждения «приезжими», «иностранцами», «мигрантами». Они обнаруживают много положительного в мигрантах, вспоминают случаи, представляющие мигрантов в позитивном свете.

Из материалов фокус-групп, проведенных в 2017 г., становится известно, что студенты уже практически не смотрят телевизор, и воздействие телепрограмм на них оказывается минимальным. Информанты также подразумевают под «мигрантами» узбеков, таджиков и киргизов, однако узнают о проблемах миграции не из СМИ, а из личного опыта, из разговоров с родителями и с преподавателями. Так, например, в школах Санкт-Петербурга проводятся «дни толерантности».

В отличие от многих участников фокус-групп 2014 г., в целом настроенных, скорее, националистически и нетерпимо относящихся к мигрантам, информанты 2017 г. стремятся быть толерантными, считая ксенофобию дурным тоном.

Студенты отмечают также, что трудовые мигранты задействованы на тяжелой не престижной работе, они заполняют лакуны трудового рынка, которые остаются не занятыми местным населением, соглашаются на низкую зарплату дворников, санитарок, мойщиков посуды, чернорабочих. По мнению информантов, есть положительные стороны в трудовой миграции, но отрицательных больше. И главная проблема заключается в том, что «государство видит, что можно мало платить денег, значит можно понижать прожиточный минимум. А значит можно понижать и минимальную зарплату. И из-за этого нет стремления к росту, желания что-то улучшать в оплате труда людей».

Анализ материалов фокус-групп показывает, что проблема толерантности и нетерпимости связана с тем, каков язык ее представления. В фокус-группах 2014 г. обнаруживается модель «мы» / «они», формирующая непреодолимую дистанцию, определяющую носителей «иной культуры» как безнадежно чужих. В этой ситуации любое соприкосновение «миров» оказывается конфликтным, так как этническая граница рассматривается как непосредственная реальность. Культура же понимается в качестве коллективного целого, коллективного «мы» - носителя уникальных ценностей, солидарности и субъектности. Создаваемое подобным этноцентристским дискурсом сообщество закрыто, непроницаемо, а значит, не доступно познанию. Сообщество (этническое, религиозное) содержит в своем основании неопределенность, заполняемую

мифологией, домыслами и дискурсом нетерпимости. Поскольку такое «пустое место» не может ответить, вступить в диалог, диалог в данном случае невозможен. Вместо культурного обмена и взаимного обогащения те, кто используют язык противостояния, продуцируют конфликтность и ксенофобию.

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ: ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Князева Е.В. (Одесса, Украина)

В докладе рассматриваются особенности кризиса идентичности - одной из наиболее острых проблем, с которыми столкнулась Украина за годы независимости. Очерчиваются основные причины его возникновения и проявления. Отмечается, что кризис идентичностей является самым драматичным событием в жизни человека, поэтому переживается особенно остро. Именно так обстояло дело в Украине после распада СССР и обстоит сейчас.

По мнению известного британского социолога З.Баумана: «Идентичность становится призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни впечатляющее возрастание интереса к обсуждению идентичности может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления» [1, с. 176]. Характеризуя состояние современного общества, З.Бауман указывает на то, что для современного человека не так важен процесс приобретения идентичности, как важен выбор той самой идентичности, которая позволит чувствовать себя комфортно и в определенной степени стабильно [2]. Несколько по-иному рассматривают эту проблему Е.Лакло и Ш.Муфф – представители дискурс-анализа [3]. Согласно их теории, идентичность (индивидуальная и коллективная) – это результат дискурсивных процессов. Представители дискурсивного подхода подчеркивают, что общество и идентичность – гибкие и изменчивые объекты, которые невозможно полностью зафиксировать. Иной позиции придерживается американский социолог С.Хантингтон, который трактует идентичность как продукт деятельности сознания: «Идентичность - самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаете особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них Идентичность важна потому, что определяет поведение человека» [4, с.50]. Но у процессов идентификации должно быть и объективное основание – это сама социокультурная действительность, т.к. не существует идентичностей, которые были бы сформированы за границами социальных ценностей и норм.

Поэтому не так важно, от какой концепции идентичности мы отталкиваемся, суть дела заключается в понимании того, что является основой/фундаментом этого понятия.

Важным измерением идентичности является ее кризис. Это означает, что люди и целые общности могут испытывать кризис идентичности. Кризис идентичности имеет разные уровни: индивидуальный и коллективный, и определяется как специфическое взаимоотношение между «я» и «самостью». Одним из авторов, которые специально касались данной проблемы, является В.Хесле. Согласно В. Хесле кризис индивидуальной идентичности «состоит в отвержении самости со стороны «я». Сущностью кризиса коллективной идентичности является уменьшение идентификации индивидов с коллективной реальностью, которую они прежде поддерживали [5]. В работе «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» С.Хантингтон называет кризис идентичности «глобальным феноменом», и считает, что он (кризис) характерен сегодня для всех наций независимо от «статуса успешности». Трудности формирования идентичности особенно характерны для тех государств, в составе которых имеют место различные этнические, религиозные или лингвистические группы. И Украину С.Хантингтон относит к таким расколотым группам.

Кризис идентичностей является самым драматичным событием в жизни человека, поэтому переживается особенно остро. Именно так обстояло дело в Украине после распада СССР и обстоит сейчас. Люди, выросшие в СССР, привыкли отождествлять себя со страной, которую знали, боялись и уважали во всем мире. Лишившись в одночасье этой страны, граждане обрели другую страну (Украину), которую никто не знал, не боялся и не уважал. Советская идентичность, по мнению известного украинского социолога Е.И. Головахи, давала советским людям психологическую защиту и чувство стабильности. 1.12.1991 года большинство взрослого населения Украины высказалось за независимость и суверенитет Украины. С социологической точки зрения это означало, что подавляющее большинство приняло решение расстаться с прежней

институциональной идентичностью, т.е. гражданской принадлежностью к государству СССР, и обрести новую идентичность с новым государством Украина.

Однако, как показывает опыт, с идентичностью не расстаются, но ее и не обретают, формируют память, значимые события, праздники, символы и т.п. Кроме того, политическая воля к обретению новой идентичности, у многих, получивших не особо обнадеживающий опыт, оказалась ситуативной. Достаточно вспомнить тот факт, что в марте 1991 года большинство украинцев проголосовало за сохранение СССР, а в декабре – за независимость. Именно тогда в интеллектуальных кругах родилась контroversионная метафора «две Украины» и была проблематизирована М.Рябчуком, который считал, что главный раскол в Украине не языковой, не этнический и даже не региональный, а идентичностный [6]. В данном контексте в начале 90-х гг. очень часто использовалась фраза: «Украина в поисках идентичности...». В рамках этих поисков и говорили про кризис идентичности, но по-разному концептуализировали и описывали.

Причины кризиса идентичности в Украине исследователи усматривают, прежде всего, в различиях между Западом и Востоком Украины: все западные области были и есть экономически депрессивными и не являются единым культурно-хозяйственным комплексом, какими были восточные области. Исторически так сложилось, что в Украине основной экономический потенциал сосредоточен был в восточном и южном регионах, где исторически доминируют русский язык и культура, по сравнению с западными территориями. Следует подчеркнуть, что в одних регионах Украины – Запад и Центр – невзирая на несколько декоративную и иллюзорную независимость, а также на неприглядную экономическую и политическую ситуацию – имела место уверенная идентификация с государством, а в других регионах – юг и восток – колеблющаяся вплоть до массового отрицания. Такая неуверенная идентификация на юге и востоке сопровождалась ощущением пребывания в «чужом доме».

На сегодняшний день в Украине собрано уже достаточно эмпирических данных о состоянии идентификационных процессов. Ценным в этом плане является измерение пространственно-территориальной идентичности, которое осуществляется ИС АН Украины. Полученная благодаря этому мониторингу информация дает представление о динамике изменений национальной и гражданской (общественной) самоидентификации населения Украины. Динамика ответов в опросах ИС с 1992 по 2016 гг. демонстрирует преобладание отождествления со всей страной и ее территорией.

Следует отметить, что показатели идентификации с государством Украина то стремительно растут, то стремительно падают. Исследователи связывают этот феномен с масштабными политическими кризисами, проходившими в те годы в Украине.

Национальная самоидентификация – сложное, в некоторых аспектах противоречивое явление. С национальной самоидентификацией связано определенное оценочное и эмоциональное отношение к своей национальности. Она (самоидентификация) характеризуется также уровнем и характером интернализации национальных обычаев и традиций.

На сегодняшний день подавляющее большинство граждан Украины однозначно определяют свою принадлежность к одной из этнических общностей. Подчеркнем в этой связи следующие обстоятельства, характеризующие некоторые существенные аспекты процесса этнической самоидентификации. Самоидентификация с определенной этнической общностью представляет собой акт(ы) свободного выбора индивида(ов). При этом, как показывают данные социологических исследований, этот выбор далеко не прост и однозначен в условиях, когда в обществе:

- сосуществуют две или более крупные этнические общности;
- одна из этих общностей значительно больше другой(их);
- принадлежность к наибольшей (и притом так называемой титульной) нации *de facto* даёт определённые социальные преимущества.

Наличие этих условий порождает явление, которое можно назвать "соблазн титульной нации". И действует оно даже тогда, когда и отец и мать молодых людей-субъектов национальной самоидентификации – представители одного и того же этноса. Процент тех, кто декларирует украинскую национальность за четверть века возрос на 18 п.п.

Этнолингвистическая самоидентификация значительно менее однозначна, чем этническая. Мало того, первая существенно расходится со второй. Вслед за значительным увеличением деклараций об украинской национальной идентичности аналогичных изменений в языковой практике не произошло. Люди с этой точки зрения более консервативны и не склонны к изменению общепринятой практики. Согласно всеукраинскому опросу 2017 года : 50,5%

опрошенных разговаривают дома на украинском языке, 24% на русском, 24% и на русском и на украинском. Авторы опроса отметили, что «молодое поколение меньше употребляет украинский язык».

В связи с этим возникает вопрос, почему удельный вес украинцев существенно вырос, а украинский язык не становился все более и более предпочитаемым при общении и потреблении информации? И это невзирая на все усилия, предпринимавшиеся, чтобы добиться такого эффекта? Скорее всего потому, что попытка осуществить украинизацию русскоязычных граждан Украины административными методами, внедрением «сверху» языковых и иных норм поведения и деятельности не удалась.

Что касается геополитических ориентаций, то последние четыре года стратегически Украина держит курс на европейскую и евроатлантическую интеграцию [7]. Приверженцев членства в Евросоюзе и НАТО больше во всех регионах, за исключением Харьковской, Одесской областей и Донбасса.

Таким образом, в аспекте влияния глобализации на идентичность в украинском научном дискурсе все чаще актуализируется проблема «лимитрофного положения» [8]. Украина является лимитрофом в трех измерениях. В геополитическом она оказалась между НАТО и Россией. В экономическом – между странами с рыночной экономикой Запада и государственно-монополистической экономикой Россией. В духовно-моральном – между тоталитарным прошлым и неопределенным будущим.

Рассмотренные особенности кризиса идентичности в Украине показывают сложность и противоречивость этого процесса. На данном этапе украинское общество находится в точке бифуркации, а будущий аттрактор развития социальной системы определяется экономическим, демографическим, социальным и политическим потенциалом.

1. Бауман З. Идентичность в глобализирующемся мире // Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2002.
2. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. – 1995. - № 4.
3. Jenkins R. Social identity. – London: Routledge, 1996
4. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004
5. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. М., 1994. № 10. С.112-123.
6. Рябчук М. Дві України: кінець амбівалентності? / М.Рябчук // Критика. – 2015. - число 1-2 (207 – 208). – С.2 – 12.
7. И.Грынив, М.Чех. Национальный вопрос: Украина как Европа // Зеркало недели – 17 июня 2017. Электронный ресурс https://zn.ua/internal/nacionalnyu-vopros-ukraina-kak-evropa-251731_.html
8. Троян С. Сучасна Україна: від локальної цивілізації до консолідації суспільства // 20 років незалежності України: здобутки, втрати і трагії майбутнього: матеріали XI наук.-практ.конф. – К.: Нац. Акад. Упр., 2011. – 404 с.

ПРОЦЕССЫ ИНФОРМАТИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ: ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Колесникова Е.Ю. (Ростов-на-Дону)

Статья выполнена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 16-18-10387 «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе».

Аннотация

В статье рассматривается процесс информатизации социальной сферы современного университета, который развивается по технологическому сценарию. По этой причине внедрение и использование передовых информационных технологий в образовании сдерживает процесс реализации творческого, инновационного потенциала академического образовательного сообщества. Делается вывод, что в стратегиях реформации российского высшего образования пока не удалось найти необходимого баланса технологического и социокультурного подходов и приоритетов.

Современный дискурс о моделях трансформации социальных технологий образовательного процесса (прежде всего, в классических университетах) существует в рамках концепта глобального открытого образования, особенно в той его части, ключевым элементом которого выступает инновационный университет [Клячко, 2015]. Представляется важным

рассмотреть концепт «инновационного» («технологически и информационно продвинутого») университета применительно к институциональным и социокультурным условиям России.

Информатизация есть глобальный социальный процесс, который оказывает масштабное воздействие на всю социальную сферу и управление ею, в котором доминирующий характер может иметь как технологический, так и социокультурный приоритеты. В первом случае, при доминировании технологического подхода, процесс информатизации сводится преимущественно к внедрению и использованию информационных технологий, нивелируя фактор человеческой субъектности и роль интерперсональных связей.

Во втором случае – в случае реализации социокультурного подхода в информатизации общества – возможно приоритетное развитие и воспроизводство инноваций в социальной сфере, в том числе, в сфере университетского образования и методах управления им.

В российской реальности процесс информатизации социальной сферы развивается по технологическому сценарию. По этой причине внедрение и использование передовых информационных технологий в образовании сдерживает процесс реализации творческого, инновационного потенциала академического образовательного сообщества. Неслучайно стало общим местом в академических кругах утверждение, что российский вариант внедрения информационных технологий в систему управления образовательной и научной сферой характеризуется избыточной их формализацией и бюрократизацией [Павленко, 2012].

В стратегиях реформации российского образования пока не удалось найти необходимого баланса технологического и социокультурного (гуманитарного) подходов и приоритетов.

Инновационный университет рассматривается преимущественно как ориентированный на активное внедрение и использование в управленческой образовательной деятельности передовых информационных технологий. При этом процесс информатизации, не подкрепленный гуманитарными технологиями в сфере социального управления высшим образованием, а также адекватными социокультурной специфике высшего образования в России преобразованиями, стал, по существу, источником технологизации образования, дегуманитаризации образовательного пространства и формирования псевдозападной системы образования, в которой место качественных параметров содержания образования заняли формализованные, количественные показатели в виде рейтингов, баллов и т. д. при сохранении административно-директивных методов управления.

Болонский формат развития университетского образования не позволяет институционально поддерживать формирование и развитие университета инновационного типа в экономических и социокультурных условиях современной России [Колесникова, 2013]. Дело в том, что декларируемые принципы, задачи и цели Болонской концепции образования направлены на организационно-технологическое и социокультурное воспроизводство исторически сложившихся структур, институтов и социальных практик западноевропейского общества. То есть – для нашего типа социальности они экзогенны, не вырастают из собственных социокультурных предпосылок, исключают движение по внутренней логике. Как представляется, дальнейшая инсценировка развития университетского образования по европейскому типу будет способствовать еще более жесткому росту бюрократизации, технологизации и формализации в управлении университетом и организации образовательного процесса, а не созданию институциональных предпосылок и условий для повышения инновационного потенциала университета и его способности решать управленческие и образовательные проблемы на основе механизмов самоуправления и традиционных академических свобод.

Инновационный университет в России – это университет, преимущественно ориентированный на активное внедрение и использование в управленческой образовательной деятельности передовых информационных технологий. При этом процесс информатизации, безусловно, значимый и объективно необходимый в информационную эпоху, но не подкрепленный гуманитарными технологиями в сфере социального управления высшим образованием, а также адекватными социокультурной специфике высшего образования в России преобразованиями, стал во многих случаях источником технологизации образования, дегуманитаризации образовательного пространства и формирования псевдозападной системы образования, в которой место качественных параметров содержания образования заняли формализованные, не в полной мере выражающие уровень качества, количественные показатели в виде рейтингов, баллов и т. д. при сохранении административно-директивных методов управления.

Причины такого, по своей сути, технологического подхода к формированию университета инновационного типа в России видятся в отсутствии адекватной концепции развития университетского образования, моделью которой могла бы быть познавательно-развивающая парадигма и система единых гуманитарных ценностей, самодостаточных по отношению как к внешней, технологической, так и организационно-нормативной формам реализации стратегий реформации университетского образования.

1. Клячко Т.Л. Будущее университетов. Глобальные тренды, общество и реформы. // *Общественные науки и современность*. № 3. 2015. С.5-18.
2. Колесникова Е.Ю. Миссия и ответственность современного университета: к вопросу о поиске идейных оснований. // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Сер. Общественные науки*. № 1. 2013. С.85-91.
3. Павленко И.И. Информатизация и процессы социального управления / И.И. Павленко // *Университетские чтения 2012. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. - Часть 1. - Пятигорск. - 2012. С. 159- 165*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА

Костина Н.Б., Дуран Т.В. (Екатеринбург)

Социальные институты, регламентирующие и регулирующие высшее образование, обеспечивают как его функционирование, так долгосрочные перспективы развития. В условиях социальной и экономической неопределенности институты высшего образования становятся нестабильными, вследствие чего сфера высшего образования подвергается масштабным и глубоким институциональным изменениям. Под институциональными изменениями мы понимаем изменения институциональной структуры высшего образования как набора взаимосвязанных формальных правил и неформальных ограничений, определяющих систему стимулов поведения и деятельности акторов. Современная социология уделяет значительное внимание анализу институциональных изменений высшего образования, исследование которых в зарубежном (как правило) и в отечественном (по преимуществу) социологическом знании базируется на институциональном и неинституциональном подходах.

Наиболее адекватным методологическим основанием анализа институциональных изменений высшего образования представляется идея Д.Норта о том, что источником институциональных изменений становится накопление опыта и знаний и влияние их на мыслительные конструкции социальных акторов [1, С. 6–17].

Накопленные в сфере высшего образования знания и опыт обуславливают выработку новых подходов и моделей осмысления его сущности и функций, взаимосвязи с окружающим социумом. В соединении с изменениями внешней среды накопление опыта в сфере высшего образования вызывает его институциональные изменения. Методологически важным является и тезис Д. Норта о формировании групп интересов, поддерживающих изменения тех формальных правил, которые ограничивают их возможности и интересы. Этот фактор институциональных изменений действует и в сфере высшего образования, социальное пространство которого также структурировано полями напряжения между различными группами интересов не только представителей образования, но и стейкхолдеров (stakeholders).

При анализе динамики институциональных изменений высшего образования важно опираться на разработанные в институциональной теории типологии институциональных изменений. Используя типологию Д. Норта, мы можем выделить в сфере высшего образования типы дискретных и инкрементных институциональных изменений. Дискретными могут быть названы радикальные изменения формальных правил – юридических, законодательных норм, регулирующих отношения в сфере высшего образования и деятельность образовательных организаций. Такие изменения высшего образования иницируются и поддерживаются, в основном, государством. Изменение институтов может иметь инкрементный (непрерывный) или дискретный (прерывистый) характер. Инкрементные институциональные изменения высшего образования происходят постепенно и касаются, прежде всего, неформальных ограничений в сфере высшего образования. Такие изменения заставляют индивидов и образовательные общности изменять свое поведение и деятельность, формируя альтернативные модели и стратегии

поведения. Неформальные ограничения в сфере образования не могут изменяться быстро, так как в их основе лежат стереотипы мышления и поведения, а также культурное наследие [2, С. 21].

В качестве типа институциональных изменений Д.Норт выделял кумулятивные. На наш взгляд, в высшем образовании кумулятивными являются изменения, возникающие в силу постепенных трансформаций неформальных ограничений и формальных правил путем малых приращений. Такие институциональные изменения имеют мягкий адаптационный эффект и возможны только в институциональной среде, в которой социальные акторы постоянно находят согласие и консенсус между собой. В теории выделяется и такой тип институциональных изменений (получивший широкое распространение в России), который сводится к «импорту» институтов высшего образования из образовательных систем других государств, или «импорту» элементов этих институтов.

Социологические исследования реформы высшего образования акцентируют внимание на факте исторической обусловленности его развития предшествующими практиками. Концепция зависимости от предшествующего пути развития была разработана в рамках эволюционного подхода П. Дэвидом и Б. Артуром (David, Arthur). При исследовании происходящих институциональных изменений и их влияния на развитие общества следует учитывать воздействие предшествующего пути развития. Зависимость от предшествующего пути развития не обязательно ведет к сохранению неэффективных технологий и институтов. Примером эффективной зависимости от предшествующего пути развития является, согласно Д.Норту, институциональная структура американской экономики, в значительной мере состоящая из институтов, унаследованных от британского правления. Но экономисты обращают внимание в первую очередь на примеры зависимости от предшествующего пути развития с сохранением неэффективности, стремясь найти способы преодоления данной негативной зависимости.

Начиная с 2003 года в сфере высшего образования произошли радикальные изменения институциональных структур. Одни из них являются результатом предшествующего пути развития системы образования, другие сформировались в условиях становления рыночных отношений. При этом необходимо учитывать, что институциональная структура высшего образования обладает свойством инертности, которая заключается в том, что большинство институциональных инноваций оказываются отвергнутыми в процессе эволюции социальной системы. Институциональные изменения в сфере российского высшего образования характеризуются институциональной инерцией и зависимостью от предшествующей траектории развития, поэтому решения об изменении ключевых институтов должны соотноситься с возможностью действия эффекта блокировки. В условиях институциональной инерции действие новых норм и законов компенсируется традиционными регуляторами и механизмами взаимодействия, а функцию ценностей подменяют социальные рутины и привычки.

С точки зрения анализа эффектов инерционности российское высшее образование - особенно показательный пример, что объясняется двумя факторами. Во-первых, в силу своей институциональной природы система образования призвана выполнять роль проводника соответствующих политических ценностей. Во-вторых, речь идет о крайне медленно меняющихся институтах. С одной стороны, высшее образование чувствительно к любым внешним изменениям, с другой стороны – вынуждено перерабатывать эти изменения длительный период времени. Именно поэтому последствия образовательных реформ оказываются не очевидны в краткосрочной перспективе. Это делает рассмотрение инерционных механизмов в высшем образовании важным в контексте институциональных изменений в российской образовательной политике.

Аннотация. Рассматриваются институциональные изменения в высшем образовании, методологические основания их анализа, в качестве которых приняты институциональный и неинституциональный подходы, работы Д.Норта, Э.Остром, П.Дэвида, Б.Артура; характеризуется типология институциональных изменений высшего образования, на основании идей Д.Норта выделяются типы институциональных изменений: дискретные, инкрементные, кумулятивные; зафиксирован аспект социологических исследований реформирования высшего образования – историческая обусловленность его развития предшествующими практиками в комплексе, «встраивающаяся» в условия рыночных отношений; обосновывается присущность институциональным структурам высшего образования свойства инертности.

Список литературы:

1. Норт Д. К. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. – 1997. – № 3.

ОРИЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧАСТНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Кузьменко Т.В. (Минск, Республика Беларусь)

Аннотация

Ориентации населения на занятие предпринимательской деятельностью рассматриваются в качестве одного из основных факторов формирования социальной группы предпринимателей. На материалах эмпирического социологического исследования проанализированы оценка общественной значимости предпринимательства, субъективная готовность и желание заняться бизнесом для себя и своих детей как показатели для прогнозирования развития секторов малого и среднего предпринимательства.

Современный этап развития общества характеризуется непрерывным усложнением социальной структуры. Одним из основных направлений социально-экономических преобразований является формирование социальной группы предпринимателей. Особая роль данной социальной группы в развивающихся рыночных условиях определяется инновационным характером, гибкостью, динамизмом, адаптивностью, эффективностью и способностью организовываться и перестраиваться согласно внешним воздействиям и собственным целям. Малый и средний бизнес, с одной стороны, повышает конкурентоспособность экономики, а с другой, – благоприятно воздействует на социальную обстановку, смягчая безработицу, создавая возможность для насыщения рынка товаров и услуг, повышения уровня жизни населения, реализации творческого потенциала предпринимателей и работников.

Качество и динамика предпринимательского сектора определяются объективными условиями внешней среды. Поэтому эффективное развитие бизнеса невозможно без создания необходимых институциональных условий, позволяющих предпринимателям организовывать и координировать свою деятельность и находить оптимальные формы и методы взаимодействия с контрагентами, крупным бизнесом, государством, вырабатывая общие, цивилизованные «правила игры». Даже незначительные изменения институциональной сферы оказывают существенное, а порой решающее, воздействие на предпринимательский сектор. В этой связи создание благоприятных условий для формирования и функционирования бизнес-среды выдвигается в разряд важнейших национальных приоритетов, что отражается в постоянной доработке и совершенствовании нормативной базы и программных документов, направленных на развитие предпринимательской инициативы и стимулирование деловой активности.

Наряду с состоянием экономики и институциональными реформами, одним из важнейших факторов развития бизнеса выступает общественная поддержка. Предпринимательство берет свое начало в социуме, его основным источником являются люди, человеческий капитал. Поэтому формирование позитивного отношения различных групп населения к предпринимательской деятельности и ее общественной значимости, ориентации общественного сознания на жизненные интересы и ценности среднего класса, готовность и желание заниматься предпринимательской деятельностью рассматриваются в качестве показателей для прогнозирования развития секторов малого и среднего предпринимательства.

Позитивное представление о роли предпринимательства в обществе основывается на участии в формировании бюджета страны и рынка труда, удовлетворении спроса на товары и услуги, создании конкурентной среды. Это подтверждается результатами социологических исследований, в частности, данными исследования «Предпринимательство в представлениях населения Республики Беларусь и факторы, влияющие на предпринимательскую активность», проведенного в сентябре 2017 г. группой по проведению социологической экспертизы объектов интеллектуальной собственности и экономико-правовых отношений под руководством д.ф.н. Р.А. Смирновой в ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси». (Опрошено 1219 человек методом интервью по республиканской выборке, выборка репрезентативна по возрасту, полу и образованию). Согласно полученным данным, основная роль предпринимателей заключается, в том, что они платят налоги и пополняют бюджет (так считают 69,1% опрошенных), создают новые рабочие места (69,9%), а также удовлетворяют спрос на разнообразные товары и услуги (65,6%); не менее важным является, по мнению 19,6% респондентов, участие предпринимателей в социально значимых проектах. Следует отметить, что молодежь в возрасте до 30 лет несколько

выше оценивает перечисленные функции, а в старших возрастных группах значимость данных позиций падает.

Помимо оценки общественной значимости предпринимательства важным показателем общественной поддержки являются ориентации на занятие предпринимательской деятельностью – отношение к ней не только как к источнику удовлетворения потребности в товарах и услугах, но и как к возможному жизненному пути, субъективная готовность и желание заниматься бизнесом. Результаты исследования позволили зафиксировать подобные установки почти у трети населения (30,8%). Ориентации на занятие бизнесом более выражены в возрастной группе 18-29 лет (46,7%), в группе 30-49 лет треть респондентов (33,8%) выразила желание стать предпринимателем, тогда как среди людей старше 50 лет – только 14,2%.

В то же время, половина опрошенных (49,1%) не хотела бы заниматься предпринимательской деятельностью, объясняя это разными причинами: отсутствием первоначального капитала, боязнью рисковать, нестабильной экономической ситуацией, высокими налогами, сложными административными процедурами и противоречивостью законов. На предпринимательскую активность оказывают влияние не только причины экономического и институционального плана, но и такие личностные характеристики, такие как неуверенность в себе и отсутствие предпринимательских способностей. Предприниматель – это особый тип человека, которому присущи инновационное мышление, инициативность, настойчивость, коммуникабельность, готовность идти на риск и способность взять на себя ответственность за судьбу своего дела и других участников. Большинство людей не обладает комплексом необходимых предпринимателю свойств, предпочитая жить пусть беднее, зато с гарантированным уровнем дохода, без риска. По результатам опроса, для 40,7% опрошенных важнейшим препятствием для того, чтобы заняться бизнесом, является отсутствие личных предпринимательских качеств. Это свидетельствует о том, что не все население даже при благоприятных объективных условиях способно успешно осуществлять предпринимательскую деятельность.

Еще одним индикатором социального статуса предпринимателя в обществе, позволяющим выявить отношение к данной социальной группе, ее престиж, а также формирующиеся установки на занятие предпринимательством, является ответ на вопрос: «Хотели бы вы, чтобы Ваши дети занимались бизнесом?». По результатам исследования, 40,4% ответили утвердительно, примерно столько же (40,2%) затруднились дать определенный ответ, 18,2% – не хотели бы. Распределение в возрастном разрезе подтверждает заключение о более выраженной ориентации на работу в частном секторе и занятие предпринимательской деятельностью среди молодежи до 30 лет (45%, среди респондентов старше 50 лет – 34,6%).

Таким образом, население довольно высоко оценивает институт предпринимательства и его роль в развитии экономики. Рассматривая субъективную готовность и желание заниматься бизнесом в качестве одного из показателей, учитываемых при прогнозировании развития частного сектора, можно говорить о том, что основным субъектом предпринимательской активности и источником формирования предпринимательства как социальной группы будут молодые люди в возрасте до 30 лет. Факторами, сдерживающими предпринимательскую активность населения, выступают как экономические и институциональные условия, так и отсутствие первоначального капитала и предпринимательских качеств. Это позволяет заключить, что даже при благоприятных объективных условиях далеко не все население способно и готово осуществлять предпринимательскую деятельность. В целом же изучение ориентаций на занятие предпринимательством предполагает рассмотрение объективных условий для деятельности различных категорий населения по увеличению своего дохода, непосредственно самой деятельности, а также оценки людьми своего потенциала для занятия предпринимательством: своих возможностей, способностей и склонностей.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В КОНТЕКСТЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Кузьмич И.Н. (Минск, Республика Беларусь)

Процессы, которые наблюдаются в Беларуси со времен распада СССР, можно смело назвать трансформационными. Изменения, которые произошли абсолютно во всех сферах жизни нашего общества, сложно не заметить, но, - достаточно сложно оценить.

Процесс трансформации затронул практически все виды и области социокультурной среды. Отсюда возникает вопрос, какова их природа, каковы их связи с предшествующими и существующими социальными реалиями и возможно ли выделить объективные закономерности в процессах, происходящих в странах бывшего социалистического мира?

Сегодня мы имеем дело не с квазиструктурой, которая существовала после распада союза, а с устоявшимися матрицами, сформированными государственными системами, способными ответить на существующие вызовы и угрозы. В противном случае, нам придется говорить не о трансформационных процессах, а об очередном пересмотре политической карты мира.

Наряду с этим, нельзя оставлять без внимания те изменения, которые, на первый взгляд, не обеспечивают коренных преобразований в обществе, однако оказывают существенное влияние на его структуру, отчуждая или преобразовывая старые, либо добавляя новые элементы.

Рассматривая трансформацию как совокупность мероприятий политического, экономического, правового, культурного и социального регулирования с целью стабилизации общественного развития в направлении прогрессирующих эволюционных процессов, необходимо отметить, что уничтожение действующей социальной системы не является, на наш взгляд, обязательным этапом трансформационного процесса, конечной целью которого является нормализация общественного развития.

После развала советской системы, цель трансформационных процессов постсоветского пространства может быть обозначена как создание рыночной системы экономики, рыночных механизмов формирования производства и распределения как одного из условий стабилизации общественного развития.

Западный капитализм мог быть назван универсальным при всей своей уникальности, поскольку он давал образец, модель модернизации и характеризовал самые передовые и новые достижения человечества. Незападный мир не мог прийти в ходе естественной эволюции к обществу подобного типа. Однако, опираясь на западную модель, используя ее как внешний стимул, он мог приблизиться к ней, не порвав со своей специфичностью полностью.

Наряду с этим, процессы приближения к западной модели капитализма связаны, прежде всего, с модернизационными процессами, а сложившиеся под знаком модернизации процессы обрели парадигму классического модернизма.

Для нас в данном случае важен принцип построения социальных отношений в координатах модерна, которые схематично можно представить как субъект-объектные отношения, подразумевающие, прежде всего, отношения подчинения, то есть властные отношения. Именно эпоха модерн подарила нам сильного, властного, капиталистического, европейского субъекта и очертила остальное социальное пространство как периферийное по отношению к центру (западу).

Вместе с тем, модерн также необходимо рассматривать в качестве модели построения конкретного социального пространства, например, белорусского, где существует сильный властный центр, четко очерченная периферия и упорядоченные легитимизированные практики, несоблюдение которых влечет за собой применение санкций в виде периферийного существования.

Этап трансформации модерна в постмодерн или пост современность вырисовывается в глобальном экономическом пространстве с появлением новых центров развития в Восточной Азии, способных бросить вызов «самому» Западу. Таким образом утверждается тезис о том, что капитализм может развиваться не только по западному образцу, но способен приобретать свои эксклюзивные черты в контексте конкретного общества.

Вместе с тем, остается открытым вопрос, способна ли вариативность социальных практик трансформировать систему? Либо это очередная иллюзия свободы в рамках функционирующей матрицы? А субъекты, инвестируя новые социальные практики, получают взамен приближение к центру, а не трансформационный эффект системы в целом? Таким образом, важным этапом трансформационных процессов является не простое инвестирование практик, а конечное преобразование ценностной матрицы.

Модерн за счет строгого построения социальной матрицы, а также упорядоченных легитимизированных практик, способен в большей степени обеспечить базисные ценности, например — в безопасности.

Ведь достаточно сложно говорить о равных субъект-субъектных отношениях, когда сегодня в Европейском регионе (в сердце зарождения проектов модерна и постмодерна) мы не можем констатировать факт обеспечения самой органичной человеческой природе потребности - физической безопасности.

Таким образом, сегодня трансформационные процессы приобрели интересную особенность: они происходят в рамках парадигмы модернизма, однако сохраняют особенности и принципы постмодерна, что превращает процесс трансформации не в глобальный феномен изменения всего социального пространства, а, скорее, в перманентный процесс интериоризации периферийных ценностей.

Способность социальной системы интериоризировать новые социальные практики является главным фактором ее выживаемости. Механизм формирования современных социальных полей настолько гибок, что он способен, при необходимости, переместить чуждые ему ранее периферийные контркультурные практики в центр социальных отношений, придав им легитимный статус.

Сегодня такой попыткой можно считать заигрывание в Беларуси с контркультурной символикой, которая сейчас активно используется как в спортивной среде, так и в среде болельщиков, а ранее интерпретировалась исключительно в качестве оппозиционной.

Таким образом, сегодня наличие перманентных трансформационных процессов в обществе стало скорее залогом его успешного существования, чем признаком отсталости.

В условиях глобального кризиса государству приходится усиливать свою роль и брать на себя новые трансформационные функции, которые нередко трактуются как усиление авторитарности власти (диктатура). При этом отказываться от преимуществ и благ, культивируемых «западным миром», также никто не собирается, что, вынуждает социальную систему встраивать в свою структуру ранее чуждые ей механизмы и ценности.

Естественно говорить о революционных изменениях в данном случае не приходится. Однако можно смело утверждать, что после подобных изменений система не остается прежней, а, значит, - проходит очередной трансформационный этап.

1. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. «Глобальный капитализм: три великие трансформации» / В.Г. Федотова, В.А. Колпакова, Н.Н. Федотова; - М.: «Культурная Революция», 2008. – 608с.
2. Данилов, А. «Переходное общество: Проблемы системной трансформации» / А. Данилов; - Мн.: ООО «Харвест», 1998. – 432с.
3. Бурдьё, П. Социология политики / П. Бурдьё; общ.ред. и предисл. Н.А.Шматко; пер. с франц. Е.Д. Вознесенская. – М.: Socio-Logos, 1993. – 330 с.
4. Фуко, М. Интеллектуалы и власть / М.Фуко; пер. с франц. Б.М. Скуратова. – Ч.1. – М.: Практика, 2006. – 320 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ РАБОТАЮЩИХ БЕДНЫХ

Литинская Е.Ю., Матюшина Ю.Б. (Воронеж)

Аннотация. На основе данных, полученных в ходе исследования практик социальной адаптации работающих бедных в Воронежской области по средствам анкетирования и глубинного интервью, рассматриваются основные виды социальной поддержки, поступающие через сети социальных взаимодействий.

Современное состояние российского общества позволяет выделять в качестве объекта исследования категорию бедных, и как специфическую его часть – работающих бедных. Появившись во времена «перестройки», они прочно закрепились в социальной структуре нашего общества. Массовый опрос (N=1000чел.), проведенный в мае-июне 2016г. в Воронежской области, позволил на основе относительного подхода к бедности выделить в структуре опрашиваемых категорию респондентов, подходящих под категорию «работающих бедных» (n=300чел.). Результаты глубинного интервью помогли конкретизировать адаптационные практики с использованием социального капитала в условиях повседневности.

Материалы исследования позволили выявить основные виды социальной поддержки, получаемой в ходе сетевых взаимодействий в условиях повседневности. Важно отметить тот факт, что лишь четверть респондентов (25,2%) видят в помощи друзей и родственников реальный механизм социальной адаптации и 4% - в наличии нужных связей и знакомств, причём женщины чуть выше (29,5%) нежели мужчины (20,4) оценивают значимость помощи близких. Возрастной срез позволяет сделать вывод о том, что значимость помощи близких выше в возрастных группах 30-39 лет (35,9%), 40-49 лет (27,4%), несколько иные оценки даёт молодежь в возрасте 18-29 лет (21,1%) и люди пенсионного и предпенсионного возраста (12,7%). Подобные оценки возрастных

групп непосредственно связаны со спецификой жизненной ситуации: молодежь, особенно мужчины, пытаются больше проявлять самостоятельности, справляться с проблемами своими силами: «Родственники ...мне уже стыдно было бы брать от них что-то. Я себя стараюсь обеспечивать сам. У друзей могу иногда занять до зарплаты, но бывает крайне редко» (муж., 24 года, Воронеж, продавец-консультант); старшее же поколение, имеющее взрослых детей, не стремится просить помощи, наоборот стремится оказывать её своим детям: «Да, конечно. Какую-то часть своей зарплаты я всегда отдаю дочери на всяческие нужды. И конечно внукам на подарки, одежду и так далее. .. Если говорить о денежной помощи, то не часто. Последний раз брали у моей сестры в долг денег, чтобы мне шубу купить. А если речь о каких-то услугах, то да бывает, но опять же не часто». (жен., 43года, город областного подчинения, мерчендайзер). Чаще всего помощь в натуральном и материальном виде получают молодые семьи с детьми: «Наших денег хватает только на основные нужды. Чтобы совершать крупные покупки, приходится копить. Вся моя зарплата уходит на ипотеку. А на зарплату жены мы живём. Хватает только на продукты и оплату коммуналки. Я периодически монитору Интернет, просматриваю вакансии по специальности. Но пока стоящих вариантов нет. Поэтому приходится жить на то, что есть. Хорошо, что нам помогают родственники. Бабушка Наташи держит хозяйство. У неё куры, кролики и козы. Бабушка постоянно снабжает нас мясом, молоком и яйцами. Моя мама и теща тоже помогают с продуктами. Делятся с нами выращенными на даче картошкой, луком, морковью. Ещё мой отец помогает финансово. Не прям постоянно, но периодически подкидывает. Так что у нас хорошая поддержка» (муж., 25лет, Воронеж, тренер). В целом же, подобная оценка значимости помощи близки коррелирует и с частотой возникновения ситуаций, требующих привлечение помощи извне. Однако опыт проведения глубинного интервью показывает более высокую частоту обращения респондентов за помощью к близким людям.

В количественном выражении основными видами помощи стали - помощь в покупке продуктов питания (26,2%), помощь по дому в виде стирки, уборки – 21,5%, 23,4% респондентов отметили помощь по ремонту, строительству, 17,2% - помощь на приусадебном участке, домашнем подворье. 12,2% респондентов родственники помогают по уходу за детьми, 4,7% - уход за престарелыми и больными. Уход за несовершеннолетними детьми хотя и является в настоящее время непопулярным видом помощи, все же имеет место быть: «Если возникают какие-нибудь материальные трудности, то я, естественно, помогу, а так чаще всего моя помощь заключается в том, что я стараюсь по возможности больше времени уделять внучке, ну сидеть с ней, гулять, тем самым давая своей дочери время «на себя». (жен, 46 лет, Воронеж, служащая банка), «Да, были и финансовые трудности, но скорее всего они начались еще до рождения дочери. Ну там кровать, ванночка, распашонки... Сначала мы брали деньги у родителей. Но потом я стала замечать, что им тоже нелегко и мы начали справляться сами. Занимали у друзей, муж работал сутками, но справлялись... А, когда родилась дочка, то первые 2 месяца мама жила с нами. Она меня учила правильно обращаться с ребенком, и ее помощь была мне довольно-таки кстати». (жен., 23 года, Воронеж, продавец-консультант). Самыми немногочисленными видами помощи явились те, что требуют дополнительной активации возможностей социального капитала – помощь в трудоустройстве (10,2%), помощь в устройстве в школу, больницу, вуз – 6,2%, помощь в получении и погашении кредита – 5,2%, помощь в принятии на отдых – 2,8%,

Одним из видов помощи является помощь материального характера. Половина опрошенных респондентов (50, 5%) отметила факт наличия у семьи денежных долгов на момент проведения опроса. Однако большая часть долговой нагрузки приходится на банковские займы – 43,4%. На наличие долгов перед родственниками отметило 16% респондентов, перед друзьями – 7,4%, 3,4% опрошенных указали долги перед коллегами и соседями. Долги перед родственниками чаще возникают у женщин и людей в возрасте 40-49 лет, а также у респондентов из городов областного подчинения. Подобное поведение объясняется рядом причин: нежеланием портить отношения из-за долга, не хочется лишний раз просить, попадать в зависимость, просто занять не у кого и т.д.: «Да нет у нас таких, все бедненькие. Все так же (смех), как и мы, живут, как-то вот...перебиваемся». (48лет,жен., сельская местность, продавец), «Я стараюсь не просить помощи у друзей и родных, но если появится необходимость, я знаю, что мне не откажут..» (жен., 43 года, Воронеж, кассир).

Немаловажной помощью является натуральная форма поддержки, исходящая от людей старшего возраста. Подобный вид помощи чаще всего фигурировал в ответах сельских респондентов и людей возраста сорок плюс. Конечно, в качестве помощи фигурировали продукты с собственного приусадебного участка и подворья.

Исследование ресурсов социальных сетей не являлось самоцелью, однако позволило судить о характере их использования в повседневности. Поскольку в сеть чаще всего попадают люди со схожим материальным положением, это и определяет характер связей, выводя их по большей части на бытовой уровень.

ТРИ ТЕЗИСА О СПЕЦИФИКЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА РОССИИ В УСЛОВИЯХ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Лыткина Т. (Сыктывкар)

В докладе обсуждаются последствия изменения государственной социальной политики по отношению к Северным территориям: перехода от распределительной политики к неолиберальной (избирательной). В фокусе внимания – Республика Коми, входящая в Северо-Западный федеральный округ России. В составе республики пять городских округов и 15 муниципальных районов, численность населения сегодня составляет 856 831 чел.(на 01.01.2016), что на 32% меньше чем в 1990 г. Через сравнительный анализ исторического прошлого и современной социально-экономической ситуации Коми мы рассматриваем то, каким образом один из регионов Севера богатый природными ресурсами оказывается в институциональной ловушке бедности. Первый тезис, представленный в докладе, направлен на объяснение формирования жизненных стратегий населения. Доказывается, что с крахом социалистической системы и ее интеграцией в мировой глобальный рынок для большинства российских граждан происходит сужение внешних возможностей через ограничение доступа к благам, прежде всего, занятости с достойной заработной платой. В результате северяне вынуждены свертывать свои внутренние (индивидуальные/семейные) ресурсы и потребности, ведущие к формированию защитных стратегий выживания. Второй тезис иллюстрирует разрыв социальных связей и расколотое российское общество, что возможно согласуется с ценностями рыночного фундаментализма активно продвигающего «индивидуализм», но результат противоречит демократическим принципам реализации прав человека, предполагающим наличие гражданского общества и практик солидарности «снизу». Вместо этого мы наблюдаем укрепление структур социального неравенства и вертикали власти. Третий тезис заключается в том, что бедность, конструирующая на пересечении множества факторов (гендер, класс, этничность), перестает быть проблемой отдельных социальных групп и распространяется на жителей регионов. Регионов, которые утрачивают свои конкурентные качества, не могут предложить долгосрочной стратегии дальнейшего социально-экономического развития территории и не способны сформулировать общие интересы его жителей республики. Представленные в работе тезисы являются основными результатами социологических исследований, выполненных в рамках качественной методологии «кейс-стади», в течение последних двадцати лет.

1. Лыткина Т.С. Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. XIV. № 1. С. 87-109.
2. Лыткина Т.С. Социальный капитал в решении социальных проблем: практики солидарности бедных в Республике Коми // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV. № 3 (62). С. 130-154.
3. Лыткина Т.С. Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. XVII. № 3 (74). С. 33-47.
4. Лыткина Т.С. Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2014. № 3. С. 144-151.
5. Лыткина Т.С. Экономическое поведение «новых бедных» в условиях социальной трансформации // диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики РАН. Москва, 2005

ЗНАЧЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ ДЛЯ СОЦИАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Макарова С.П. (Череповец)

В исследованиях различного уровня сегодня активно используется значительный набор статификационных критериев. На наш взгляд, в качестве основных наиболее обоснованным будет использование таких, как доход, престиж, образование, власть и самоидентификация. Они позволяют охарактеризовать положение личности или группы во всех сферах общества; в большей степени, чем другие, отражают направления неравенства современного социума.

Однако, помимо основных признаков, градуирующих статусную принадлежность, существует достаточно большой ассортимент дополнительных характеристик. Их выделение позволяет более точно и детализировано определить положение личности в обществе. Или, в случае планирования социальной и профессиональной карьеры – определить (выстроить) траекторию достижения желательного статуса. В качестве одного из таких критериев предлагаем рассматривать профессионально важные качества.

Обобщая различные подходы и взгляды, можно определить профессионально важные качества (ПВК) как способности личности, обуславливающие его предрасположенность к той или иной профессиональной деятельности, базирующиеся как на психологических качествах, так и на физиологических особенностях организма [по 5].

Структурно профессионально важные качества представлены несколькими блоками:

- конституциональный: телосложение и биохимические свойства индивида;
- нейродинамический: возбуждение и торможение нервной системы, уравновешенность этих процессов, подвижность, динамичность и лабильность;
- психодинамический, т.е. темперамент;
- особенности психических процессов: память, внимание, мышление и т.д.;
- особенности личности: мотивация, направленность, характер и т.п.;
- блок общих и узкоспециализированных способностей [2].

Как видно из вышесказанного, обладание теми или иными профессионально важными качествами – это залог потенциальной профессиональной успешности. Иными словами, если человек выбирает трудовую деятельность, в рамках которой у него отсутствуют профессионально важные качества, то вероятность ее успешного освоения и последующего выполнения будет ниже, чем у другого человека, обладающего значимыми для данной профессии качествами. Безусловно, отсутствие рассматриваемых способностей не является противопоказанием для профессионального обучения и последующей деятельности, однако результативность ее будет ощутимо ниже.

Имеются многочисленные эмпирические исследования, подтверждающие этот факт. Так, по данным Института геронтологии АМН СССР существует зависимость между результативностью трудовой деятельности человека и тем, насколько психофизиологические особенности трудящегося соответствуют тем специфическим профессионально-квалификационным характеристикам, которые предъявляет конкретное рабочее место. Так, если производительность труда рабочего, правильно выбравшего свое место и выполняющего работу с желанием, принять за 100%, то производительность труда работающего без желания будет составлять 65 %; трудящегося охотно, но неправильно выбравшего профессию – 50%; а работающего без желания вкупе с неправильно определенным профессиональным призванием – всего 30 % [1, 6].

На настоящий момент существует огромное количество разнообразных методик, позволяющих достаточно точно диагностировать наличие предрасположенности к той или иной профессиональной деятельности. Для этого активно используются как традиционные и хорошо себя зарекомендовавшие инструменты (дифференциально-диагностический опросник Е.А. Климова, методика профессионального самоопределения Дж. Голланда и т.п.), так их вариации, и новые разработки. Помимо этого, многие профориентационные центры предлагают определение темперамента, мотивации, интересов и т.п.

Безусловно, все предлагающиеся методики помогают разобраться в своих способностях всем определяющимся со сферой профессионального обучения.

Однако, возникает несколько вопросов, ответов на которые данные методики не дают:

- слабый учет блока «надо» по Е.А. Климову, т.е. невнимание к потребности в тех или иных специальностях на рынке труда, имеет место ориентация преимущественно на собственные желания и устремления определяющегося;

- смещение интереса к предмету с тягой к профессии, восприятие способностей к учебной дисциплине как предрасположенности к близкой сфере профессиональной деятельности;

- недостаточная информированность о том, какие ПВК нужны для той или иной трудовой деятельности.

Решение последней из обозначенных проблем нам видится в более полном использовании профессиограмм.

Профессиограмма – это описание структуры и особенностей любой профессиональной деятельности, а также социально-экономических, производственно-технических и психофизиологических условий и требований, предъявляемых самой профессией к человеку [3].

Отметим, что существуют различные подходы к структурному наполнению профессиограммы. Исследователи сходятся в том, что обязательными элементами документа должны быть такие, как:

- общие сведения о профессии, информация о динамике и перспективах ее развития;

- типовые производственные показатели работы (типы основных орудий труда, важнейшие производственные операции, виды профессиональных трудностей, ошибок, преобладающие типы деятельности, характер социальных связей и т.п.);

- санитарно-гигиенические условия труда (общие и специфические условия работы: шум, вибрация и т.п.; режим труда и отдыха; монотонность и темп труда; возможности производственных травм, профзаболеваний, медицинские показания; льготы и компенсации);

- квалификационный профиль (профессиональные знания и навыки, общий уровень интеллекта, владение словом, числом, пространственная ориентация, восприятие формы, моторная координация, склонность к научно-технической деятельности, специфические способности).

К вариативным компонентам профессиограммы относятся:

- подготовка кадров (формы подготовки, продолжительность обучения, уровень полученной квалификации, перспективы профессионально-квалификационного и должностного роста);

- медицинские противопоказания;

- требования к эмоционально-волевым качествам человека; требования к деловым качествам;

- требования к подготовке и повышению квалификации кадров (формы, методы и сроки профессионального обучения, перспектива профессионального роста) [4].

Знакомство с данным документом позволит сформировать представление как о специфике предстоящей повседневной деятельности, так и о характеристиках (качествах) специалиста, обладание которым позволит справиться с работой эффективнее.

Вместе с тем, лица, планирующие профессиональное обучение, в большинстве своем не знают о существовании такого типа документа, как профессиограмма. На сайтах, в информационных буклетах профессиональных образовательных учреждений сведения о предлагаемых специальностях представлены в описательном виде, содержат общие поверхностные положения. Представленные сведения позволяют определить отношение к деятельности только на уровне симпатии «нравится – не нравится», «интересно – не интересно», и не позволяют провести более глубокую и серьезную диагностику профпригодности.

Предположим, что ссылки на качественные профессиограммы на сайтах профессиональных образовательных учреждений позволят как повысить обоснованность профвыбора со стороны обучающихся, так и улучшить информативность сайтов ссузов и вузов.

1. Архипов, В.М. Социально-педагогические основы системы профессиональной ориентации [Текст] : Автореф. дис. ...канд. социол. наук / В.М. Архипов. – Саратовский техн. ун-т. – Саратов, 1996. – 18 с.

2. Бодров, В.Л. Психология профессиональной пригодности [Текст] / В.Л. Бодров. – М. : ПЕРСЭ, 2001. – 511 с.

3. Понятие и структура профессиограммы [Электронный ресурс] // Психология личности. – URL : <http://www.edu-psycho.ru/professiogramma-i-psiogramma.html>. – дата обращения: 12.08.2017.

4. Соколова А.С. «Профессионально важные качества» и «профессиональная компетентность» как детерминанты профессиональной успешности [Текст] / А.С. Соколова // Социальное партнерство. – 2010. - № 7. – С. 47-49.

ТРАНСФОРМАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА: ДИНАМИКА И НАПРАВЛЕННОСТЬ

Малмыгин А.С. (Минск, Республика Беларусь)

Одним из наиболее значимых феноменов общественной жизни является социальное событие. Социальное событие детерминирует системную трансформацию общества, которая представляет собой совокупность процессов преобразований социальных институтов, социальных отношений, социальной структуры, образа жизни и мировоззрения социальных субъектов, в ходе которых происходит переход общества из одного качественного состояния в другое качественно новое состояние. На макроуровне общества в ходе трансформации происходит изменение типа социума; на мезоуровне социума (уровне отдельных сфер общественной жизни – политической, экономической, социальной и культурной) в ходе трансформации происходит изменение социальных институтов и отношений (политических, экономических); на микроуровне социума (личностно-индивидуальном уровне) в ходе трансформации происходит изменение мировоззрения и образа жизни отдельных индивидов.

Эпохальным мировым социальным событием XX века является распад Советского Союза в 1991 году. Распад Советского Союза детерминировал кардинальные сдвиги в архитектонике мирового геополитического порядка и в международных отношениях. На региональном уровне распад СССР выступил причиной возникновения трансформационных процессов, которые охватили всё постсоветское пространство, включая и белорусское общество. Белорусское общество, как и другие образовавшие Советский Союз республики, вступило в новый этап социального развития: период перехода от советского общества (социалистических отношений и институтов) к новому историческому типу социума и государственности.

В ходе социальной трансформационного развития белорусского общества происходит переход от социалистических общественных институтов и отношений к новым общественным отношениям и социальным институтам, новому образу жизни и мировоззрению социальных субъектов. Переход от социалистического общества к новому типу белорусского социума составляет совокупность взаимодействующих трансформационных процессов, которые происходят на всех уровнях белорусского социума и имеют следующую направленность: во-первых, переход от белорусской советской государственности к независимому демократическому социальному и правовому белорусскому государству; во-вторых, переход от социалистической командно-административной и планово-централизованной социально-экономической системы к рыночным отношениям и социально-ориентированной рыночной экономике, в частности, переход от одноукладной советской экономической системы, базирующейся на доминировании государственной формы собственности к многоукладной экономической структуре, основанной на сбалансированном развитии как государственной, так и частной форм собственности; в-третьих, во втором десятилетии XXI века в белорусском обществе происходит становление трансформационных процессов связанных и формированием основ постиндустриального информационного социума. Каждый из данных трансформационных процессов находится на определённой стадии осуществления, каждому из них характерна своя динамика и особенности протекания.

Социальная трансформация белорусского общества – это масштабный и сложный и процесс, динамика которого различается на её разных этапах. Аналитически трансформационное развитие современного белорусского социума можно дифференцировать на несколько этапов.

На первом этапе переходного периода (1991-2000 гг.) происходит становление трансформационных процессов в экономической и политической сферах белорусского общества, которые, особенно в период 1991-1994 гг., происходили наиболее интенсивно. На данном этапе трансформационное развитие определяли социально-политические трансформационные процессы, связанные с развитием и становлением демократической политической системы, а также социально-экономические трансформационные процессы, связанные с формированием рыночных институтов и отношений.

На втором этапе переходного периода – в течение первого десятилетия XXI века –

динамика трансформационных процессов приобретает эволюционный характер. На данном этапе социальную трансформацию белорусского общества в значительной степени определяли социально-политические процессы, связанные с дальнейшим развитием и совершенствованием современной белорусской государственности и социально-экономические процессы, связанные с формированием основ социально-ориентированной рыночной экономики.

На третьем этапе трансформационного развития (во втором десятилетии XXI века), динамика трансформационных процессов продолжает принимать более эволюционный характер. Отличительной чертой трансформационной динамики белорусского социума во втором десятилетии XXI века является постепенное развитие трансформационных процессов, связанных со становлением основ постиндустриального информационного общества.

Таким образом, социальная трансформация белорусского общества продолжается.

Можно сделать вывод, что современному белорусскому обществу характерен эволюционный (адаптационный) тип трансформации, который, с одной стороны, отличается постепенным и социально взвешенным, но, с другой стороны, длительным формированием нового типа белорусского общества.

ВЫПУСКНИКИ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ И РЫНОК ТРУДА

Мартынова Т.М. (Тула)

Аннотация.

Рассматривается проблема нарушения баланса между запросом рынка труда и востребованностью у молодежи высшего образования. Основная причина такого явления в современном российском обществе заключается в несоответствии качества подготовки выпускников вузов структуре и запросам рынка труда. Противоречие во взаимодействии системы образования и рынка труда непосредственно отражается на социальном поведении молодежи. Вузы ведут работу по оказанию помощи студентам в трудоустройстве, способствуя решению актуальной задачи по поиску соответствия сферы образования, рынка труда и образовательных стратегий молодежи. Одним из ведущих направлений этой работы вузов является организация тесного взаимодействия с работодателями.

Важнейшая характеристика современной России заключается в том, что на острие вектора модернизации находятся совмещающиеся процессы утверждения рыночной экономики, ее встраивания в мировую систему рыночных отношений и переход к основанному на знаниях постиндустриальному (информационному) обществу. Внешнюю среду решения этих задач составляет интенсивно развивающаяся глобализация. Сочетание названных процессов усложняет тяжесть социальных перемен, создавая систему противоречий. Одно из них – противоречие во взаимодействии системы образования и рынка труда, непосредственно отражающееся на социальном поведении молодежи.

Высшее образование одной из своих целей преследует удовлетворение интересов как студентов, так и работодателей. Но на деле имеет место их рассогласование, что отражается на результатах работы высших учебных заведений. Исследователи отмечают: вузы ориентируются не на потребности работодателей, а на популярность тех или иных специальностей у абитуриентов, что является причиной дисбаланса в соотношении образовательной сферы и рынка труда. [3, 86; 4, 52]. В результате высшее образование перестает быть гарантией социального продвижения. Но молодежь связывает преимущества в защите от безработицы с накоплением образовательных ресурсов в вузах. На данный момент каждый шестой представитель молодежи находится на стадии получения высшего образования (почти 15% от всей молодежи) [5, 66].

Устойчивость структурной безработицы в современной России во многом объясняется сложившейся неконгруэнтностью рынков образовательных услуг и труда. Решение проблемы видится в поисках путей их согласования. Трудоустройство выпускников должно выражать функциональность системы образования. В Болонской декларации отмечено, что университетское образование служит «для обеспечения возможности трудоустройства» [1].

По данным Федеральной службы государственной статистики, проводившей в 2016 г. ежемесячно с апреля по сентябрь выборочное наблюдение, на первую работу по полученной в вузе профессии, трудоустроились 68,7% выпускников 2010-2015 гг. 33,1% выпускников имели первую работу, не связанную с полученной профессией [7]. Но картина с трудоустройством на первую работу по некоторым группам специальностей согласно выданному диплому отличается от средних показателей, по которым лидируют здравоохранение – 96,3%; информационная безопасность – 82,4%; оружие и системы вооружения – 81,4%; информатика и вычислительная техника – 81,1%. Более скромные показатели имеют сельское и рыбное хозяйство – 56,5%;

приборостроение и оптика – 55,8%; специальности естественных наук – 52,5%; воспроизводство и переработка лесных ресурсов – 50,2%; специальности по социальным наукам – 46,0%. Как мы видим, востребованность подготовленных вузами работников и успешность их вхождения в соответствующую профессиональную деятельность существенно отличаются по разным направлениям обучения.

Приведем данные по тульскому региону. Тульский государственный университет осуществляет постоянный мониторинг занятости своих выпускников. В 2014, 2015 и 2016 годах трудоустроенные выпускники составили соответственно 84,70%, 85,20% и 85,10%. По специальности, определявшейся по субъективной оценке, работало 68,0%, 57,3% и 54,8% выпускников. В самом тульском регионе было занято 81,10%, 78,90% и 83,47% выпускников. На учете в службе занятости состояли 0,68%, 3,00% и 2,04% выпускников [6]. Оканчивающим ТулГУ студентам немалую помощь в том, как найти работу, ориентироваться в системе трудовых отношений, оценить свой потенциал и уровень притязаний, оказывает Региональный центр содействия трудоустройству. Его история началась в 1997 г., когда в Тульском государственном университете появилась служба занятости. С 2017 г. данная структура ведет работу по адресному содействию трудоустройству выпускников с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью.

Приведенный пример - один из множества вариантов накопления российскими вузами опыта по оказанию помощи своим студентам в трудоустройстве. Проводимая вузами работа вписывается в решение актуальной задачи по поиску соответствия сферы образования, рынка труда и образовательных стратегий молодежи. В социологической науке это изучается на пересечении важнейших отраслевых направлений: социологии образования, социологии молодежи, социологии труда. Названной проблемой занимаются не только социологи. Отмечается парадоксальность сложившейся ситуации в том плане, что профессиональное образование стало одним из факторов разбалансированности рынка труда. Основная причина заключается в несоответствии качества подготовки выпускников вузов структуре и запросам рынка труда.

Некоторые ответы по данной ситуации дают результаты проведенного летом 2012 г. социологического исследования, объектом которого явились ключевые работодатели, формирующие спрос на наиболее востребованные специальности на российском рынке труда (в 83 субъектах РФ было опрошено 3594 респондента). Выявлен невысокий уровень оценки работодателями подготовки выпускников вузов: лишь 12% опрошенных считают полностью соответствующей базовую подготовку потребностям их предприятия, а 88% работодателей оценили подготовку выпускников как полностью или частично не соответствующую потребностям предприятия [2]. Отмечались невысокий уровень адаптации молодых специалистов к условиям работы (48%), отсутствие у них навыков корректного поведения, деловой этики, самодисциплины (46%), ответственности за собственную работу (45%). На вопрос о пожеланиях по созданию условий для повышения качества образования работодатели давали ответы, которые распределяются по следующим группам. 1) акцентировать практический аспект профессионального образования (86%). 2) акцентировать самостоятельную работу учащихся (73%). 3) повысить качество преподавания (75%). 4) развивать магистратуру, прикладные программы (63%).

Таким образом, современному российскому работодателю нужны специалисты, обладающие в рамках своей профессии не только знаниями, умениями и навыками, но и способностью находить оптимальный вариант соотношения знаний и возникающих ситуаций. Быть таковыми выпускникам университетов часто не позволяет недостаток практических навыков, оторванность их подготовки от новейших технологий в определенных видах деятельности.

1. Болонская декларация. Зона европейского высшего образования. Совместное заявление европейских министров образования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/bologna/> (дата обращения 20.08.2017)

2. Всероссийское социологическое исследование по проблемам контроля и оценки качества образования среди работодателей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oko-rf.ru/documents421.html> (дата обращения 23.08.2017)

3. Голуцова Ю.В., Ключарев Г.А. О стратегиях занятости современной молодежи // Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15 / Отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 72-90.

4. Ключарев Г.А. «Разрыв» образования и рынка труда: мнения экспертов // Социс. 2015. № 11. С. 49-56.
5. Пузанова Ж.В., Гаспариевичи А.Т., Ларина Т.И. Образовательные тренды современной российской молодежи // Вестник Института социологии. 2017. № 22. С. 53-68.
6. О трудоустройстве выпускников региона и ТулГУ [Электронный ресурс]. URL: <http://rcst.tsu.tula.ru/news/496> (дата обращения 26.08.2017)
7. Федеральное статистическое выборочное наблюдение трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование. Итоги выборочного наблюдения трудоустройства выпускников, получивших среднее профессиональное и высшее образование [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr/index.html (дата обращения 24.08.2017)

СРЕДНИЙ КЛАСС, БЕДНОСТЬ И НИЩЕТА: К ВОПРОСУ О СХОДСТВАХ И РАЗЛИЧИЯХ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОРТРЕТЕ

Махиянова А.В. (Казань)

Аннотация: в статье представлен анализ различных точек зрения отечественных исследователей относительно сходств и различий между средним классом, бедностью и нищетой; рассмотрены характеристики переходного состояния в структуре неравенства и детерминирующие факторы соотношения человека с определенным социальным слоем; представлены результаты авторского социологического исследования, демонстрирующие оценку представителей бедного слоя своего материального положения, возможности обновлять предметы длительного пользования и делать сбережения, а также стратегии экономического поведения.

При анализе вопроса о сходствах и различиях среднего класса, бедных и нищих затрагивается достаточно широкое проблемное поле. Экономическую оценку данного соотношения дают Е.В. Фахрутдинова и Л.М. Хуснутдинова. Согласно их мнению, бедность характеризуется экономическим положением социальной группы или отдельного индивида, при котором у них нет возможности удовлетворять минимальные потребности, важные для сохранения трудоспособности и для жизни в целом. Исследователи считают, что бедность - понятие относительное и зачастую зависит от определенного уровня жизни в обществе. Уровень жизни, в свою очередь, подразделяют на следующие категории: 1) достаток – возможность человека обеспечивать себя всеми благами для своего развития; 2) бедность – при этом человек может только сохранить свою работоспособность; 3) нищета – человек может поддерживать только свои биологические потребности [7, с. 78].

А. Лернер рассматривает «новую» бедность не как социально-экономическую категорию, а как категорию людей, которые по каким-то причинам потеряли свой прежний устойчивый «средний» статус (сюда он не включает бомжей, нищих и т.д.). У них по каким-либо причинам снизились материальный уровень и социальный статус, но при этом остались следы благополучной жизни в виде квартиры, одежды, автомобиля, бытовой техники и т.д., в то же время вернуться к прежнему уровню они уже не могут [2, с.39-40].

А.А. Гордон выделяет три степени абсолютной бедности: нищета, нужда и необеспеченность. Нищета, по его мнению, - глубокая бедность, люди не имеют средств для удовлетворения своих простейших физиологических потребностей. Нужду он называет средним уровнем. Нужду имеют люди, которые могут удовлетворить свои самые простые физиологические потребности, но испытывают серьезные проблемы в удовлетворении своих социальных потребностей, порой самых элементарных. Верхняя граница нужды отражается в прожиточном минимуме, у представителей данной группы практически не обновляется гардероб, нет денег на лечение и т.д. В необеспеченной группе, по мнению Л.А. Гордон, происходит постепенный переход от бедности к «не бедности» и наоборот, на данном уровне удовлетворяются как физические, так и социальные потребности, но представители данной группы не в силах удовлетворить свои более престижные потребности [1, с. 18-20].

Н.Е. Тихонова утверждает, что сегодня российская бедность имеет структурные предпосылки к массовому обеднению населения. Связано это, прежде всего, с наличием большого количества низкооплачиваемых рабочих мест, которые, по ее мнению, и ведут к массовой бедности среди работающего населения. Низкая заработная плата связана со спецификой работы отечественных профсоюзных организаций, которые препятствуют развитию диалога между работниками и работодателем. Имеет место невыгодное для работников соотношение спроса и

предложения на определенных сегментах рынка труда. Предпосылки к массовой бедности не занятых на рынке труда людей трудоспособного возраста связывают в определенной степени с «ловушкой бедности», рабочие места становятся малопривлекательными для человека, т.к. при устройстве на работу он потеряет намного больше, чем сможет заработать (например, потеряет пособия, субсидии, льготы) [6, с.6-8].

О.Ю. Мамедов более категоричен в своих высказываниях, он, в частности, заявляет: то, что в нашей стране принято называть бедностью, на самом деле следует квалифицировать как «нищету». Бедность же он трактует как существенный разрыв между доходами и расходами, часто непреодолимый, когда даже максимальные доходы не могут помочь в удовлетворении минимальных потребностей человека [4, с.6-7].

В российском обществе, по мнению С.В. Львова, бедность не рассматривается как социальный враг, во многих же других обществах к бедности относятся как к некому злу, с которым необходимо бороться. В нашей же стране врагом принято считать богатство, нежели бедность. С точки зрения ученого, серьезным препятствием при исследовании проблемы бедности является то, что многие по объективным критериям бедные люди не желают признавать свой статус бедных и идентифицируют себя со средним классом [3, с.38-42].

Стоит отметить, что у человека может быть пограничное положение, когда он находится в стадии перехода. Наиболее детально это можно проследить на примере теории Е.Д. Слободенюк. Он делит бедное население на подгруппы в зависимости от времени нахождения в состоянии бедности: ситуационная бедность; зона риска хронической бедности; хроническая бедность. В ситуационную бедность попадают не более чем на один год, у данной категории людей есть большая вероятность возвращения в благополучные слои общества, из-за своего недолгого пребывания в данной группе им удается вернуться на прежние позиции.

В 2016 г. было проведено авторское социологическое исследование основной целью которого было составление социально-экономического портрета бедных слое населения. Сбор эмпирической информации осуществлялся посредством анкетирования с использованием целевой выборки, объем которой первоначально составил 350 респондентов. Основой для попадания респондента в выборку стал уровень его дохода, который по условиям отбора в расчете на одного члена семьи не должен был превышать принятый в Республике Татарстан прожиточный минимум [5]. После полевого этапа работ и внесения данных в программу SPSS около 200 анкет были аннулированы из общей матрицы данных в связи с тем, что респондент не соответствовал параметрам, характеризующим бедный слой. В совокупности описание данных было произведено по 154 анкетам.

В большинстве своем представители бедного слоя населения считают, что за прошедший год в материальном положении их семьи ничего не изменилось и в будущем году все останется на прежнем уровне. Доля тех, кто говорит об ухудшении, примерно равна количеству отмечающих улучшение. Что касается прогнозирования изменений в материальном положении семьи в течение ближайшего года, то оптимистичных прогнозов больше, чем пессимистичных.

Среди оценок жизни россиян в целом также лидирует мнение, что все останется без изменений, однако доля пессимистично настроенных респондентов больше. Прогнозируя изменения в жизни россиян в ближайшем году, респонденты разделились на три примерно равные группы: на тех, кто ждет улучшения, сторонников ухудшения и отрицающих возможность каких-либо изменений.

Детализация вопроса о материальном положении позволила зафиксировать внутреннюю дифференциацию внутри бедного слоя населения. В первую, самую многочисленную группу вошли респонденты, у которых на повседневные нужды уходит весь доход и денег до зарплаты не хватает, приходится занимать. Вторую, меньшую по численности группу составили те, у кого хватает денег на повседневные траты, но покупка одежды затруднительна. У представителей третьей группы, по объему близкой ко второй, на все необходимое денег хватает, но покупка дорогостоящих вещей вынуждает брать в долг.

Согласно полученным результатам, за сложившееся материальное положение семьи ответственны в равной степени как сам респондент, так и внешние обстоятельства. При этом доля тех, кто винит внешние обстоятельства, превышает количество опрошенных, возлагающих ответственность только на себя.

За последние семь лет большинству представителей бедного слоя удалось обновить более трех предметов длительного пользования, однако присутствует доля тех, кто не смог обновить ни одного предмета. При оценке факторов, влияющих на данную способность, большая часть

опрошенных приравнивает роль внешних обстоятельств и личных действий, однако доля первых несколько превышает количество респондентов, видящих только свою личную ответственность в этом аспекте.

Две трети опрошенных не имеют возможности делать сбережения, при этом у трети респондентов есть невыплаченные кредиты и накопившиеся мелкие долги, а у одной десятой части – крупные долги перед частными лицами. Однако присутствует доля тех, кто может делать небольшие сбережения. Разовые, временные приработки и самообеспечение продуктами питания лидируют среди способов, позволяющих опрошенным улучшить их материальное положение. Такие варианты, как совместительство в нескольких местах на постоянной основе, продажа самостоятельно выращенных продуктов или сделанных собственными руками товаров, переобучение, не являются столь популярными и используются только каждым десятым респондентом.

Таким образом, в соотношении средних, бедных и нищих слоев общества можно выделить следующие аспекты. Во-первых, основой для разделения данных слоев служат возможности человека. Представитель среднего класса обеспечивает свое развитие, бедный – свою работоспособность, а нищий – биологические потребности. При этом представители бедного слоя могут быть выходцами из средних слоев, утратившими в силу жизненных обстоятельств свои материальные возможности. Во-вторых, бедный может хотя бы удовлетворять свои физические и социальные потребности, но, в отличие от среднего класса лишается возможности для удовлетворения престижных потребностей, в то время как для нищеты свойственно отсутствие возможностей удовлетворять даже физиологические потребности.

В-третьих, присутствует мнение, что имеющийся в России уровень бедности по многим параметрам можно отнести к нищете. При этом бедные, не желая признавать свою принадлежность к данному социальному слою, относят себя с представителями среднего класса.

В-четвертых, человек может находиться в пограничном состоянии, когда нельзя со стопроцентной уверенностью отнести его к определенному социальному слою. При этом детерминирующим фактором соотнесения к слою бедных становится время пребывания в бедственном положении.

1. Гордон Л.А. Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. 1994. № 4. С 18 – 35.
2. Тихонова Н.Е. Структурные предпосылки и основные типы российской бедности // Общественные науки и современность. 2014. № 2. С. 5 - 16.
3. Лернер А. Негативная адаптация (по материалам качественного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2000. №3(47). С. 39 - 41.
4. Львов С.В. Образы бедности и богатства в российском общественном сознании // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2007. №1(81). С. 34-44.
5. Мамедов О.Ю. После нищеты и бедность кажется богатством // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Т. 6. № 2. С. 5 - 7.
6. О прожиточном минимуме в Республике Татарстан см.: URL: <http://www.assessor.ru/notebook/region/minimum-tatarstan/> (дата обращения: 30.11.2016).
7. Фахрутдинова Е.В., Хуснутдинова Л.М. Бедность в структуре показателей качества жизни населения // Экономические науки. 2011. №12(85). С. 78.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ И ВАЛИДАЦИЯ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Микиденко Н.Л. (Новосибирск)

Дискуссия о признании профессиональных компетенций, сформированных в процессе неформального образования, в том числе на рабочем месте, начинается в профессиональном и педагогическом сообществах в 60-е годы XX века на Западе. Включение России в дискуссию и в создание системы признания, сертификации и аккредитации неформального образования происходит значительно позднее и стимулируется вхождением в Болонский процесс в 2003г.

Актуализация вопросов непрерывного образования стимулирует появление международных организаций по продвижению идеи непрерывного образования, которыми принимаются ряд значимых документов («Обеспечение качества в трансграничном высшем образовании»

2003г.; Коммюнике Комиссии Европейских Обществ «Обучение взрослых: учиться никогда не поздно» 2000г., «Руководящие принципы ЮНЕСКО по признанию сертификации и аккредитации результатов обучения вне учебных заведений и неформального обучения» 2012г.; Закон «Об образовании в Российской Федерации» 2012г., глава 10 «Дополнительное образование и др.).

Все чаще звучат мнения, что в ближайшем обозримом будущем (2020г., 2025г., 2030г.) традиционные представления о профессиях и способы их освоения окажутся невостребованными, а сами профессии будут динамично изменяться, как следствие широкомасштабных технологических изменений, когда одни профессии навсегда уйдут, другие будут полностью автоматизированы, третьи потребуют от специалиста мультидисциплинарности [1]. Устаревание профессиональных компетенций на этапе обучения будущего специалиста, формируемых системой профессионального образования, неизбежно. Это определяет необходимость, с одной стороны перехода к иной модели образования, которая сейчас получила название «образование через всю жизнь», с другой стороны, развития системы валидации профессиональных компетенций, приобретаемых на рабочем месте.

Сегодня признание профессиональных компетенций, полученных в ходе неформального и свободного обучения, в том числе и на рабочем месте, рассматривается как один из вариантов продвижения идеи непрерывного образования взрослых, для реализации которой необходим механизм признания, сертификации и аккредитации неформального образования. Подобные механизмы позволят определять компетентность человека (знания, умения, навыки вне связи с местом и временем его профессионального обучения). Эксперты полагают (Литвинова Н.П., Саморуков В.И.), что работающая система валидации неформального образования стимулирует человека к обучению в соответствии с его текущими образовательными и профессиональными запросами, что позволит сократить затраты любого типа (материальные финансовые, временные), а также минимизирует и потери, связанные с содержанием формального образования, определяемого профессиональными стандартами, обеспечит тесную связь с практикой на основе гибких программ, расписания и места обучения [2].

Новый этап активности в нашей стране по созданию системы валидации компетенций начинается с 2013г. На этом этапе происходит принятие ряда важнейших документов, определяющих возможность и направления развития Национальной системы квалификаций (принята Государственная программа «Развитие образования на 2013-2020гг.», разработана нормативно-правовая база: приказы Министерства труда и социальной защиты РФ о разработке профессиональных стандартов: «Об утверждении уровней квалификации в условиях разработки проектов профессиональных стандартов» 2013г., «О правилах разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов» 2013г., «О реестре профессиональных стандартов (перечне видов профессиональной деятельности)» 2013г., разработан план-график подготовки профессиональных стандартов, ряд университетов включены в международный проект VALERU «Признание результатов неофициального/ неформального обучения в российской системе высшего образования»). Основная задача Национальной системы квалификаций заключается в согласовании спроса работодателей (рынка труда) на квалификации работников в соответствии с текущими и будущими запросами рынка труда путем диалога всех заинтересованных участников (работодатель, система образования, соискатель, органы власти).

Результатом развернувшегося диалога можно считать заинтересованное участие бизнеса и системы профессионального образования в создании профессиональных стандартов на основе учета актуальных и востребованных работодателем компетенций, среди которых все чаще называют «способность принимать решения», «умение обучать других», «оригинальность, как способность генерировать нестандартные решения». Современная технология способна автоматизировать конкретные знания и навыки, в то время как творческое мышление, коммуникативные навыки на данном этапе не могут быть заменены и алгоритмизированы.

В 2013-2016 г. ряд университетов (Донской государственный технический университет (ДГТУ); Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н.Толстого (ТГПУ им. Л.Н.Толстого); Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК); Московский городской университет (МГПУ); Уфимский государственный университет экономики и сервиса) включились в проект VALERU, центральная миссия которого заключалась в создании методологической основы для признания результатов неформального / неофициального обучения в Российской Федерации на основе европейского подхода к этой проблеме [3]. Проект относится к структурным мерам и реализован при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках программы ТЕМПУС, управление которой осуществляет Исполнительное

агентство по образованию, культуре и аудиовизуальным средствам (Education, Audiovisual and Culture Executive Agency). В отчете об итогах проекта указываются следующие достижения: установлены национальные процедуры признания неформального/спонтанного обучения; апробируется независимое веб-пространство для поддержки российских вузов-партнеров проекта в создании процедуры признания; сформирован пул экспертов и специалистов в области признания результатов неформального/спонтанного обучения, а также реализован пилотный курс обучения будущих российских экспертов в области VNIL [4]. Однако, материалы проекта в свободном доступе не представлены.

Таким образом, можно констатировать, что

- Россия включена в процессы формирования и развития Системы признания, валидации профессиональных компетенций, сформированных в результате неформального обучения, в том числе на рабочем месте. Определены субъекты, включенные в процесс создания системы признания, валидации; сформированы межведомственные связи; созданы условия для диалога властных структур и бизнеса по вопросам профессиональных компетенций; разрабатывается нормативно-правовая база.

- Система признания, валидации компетенций, сформированных в результате неформального обучения, находится на этапе становления. Декларируется создание процедур и инструментов признания компетенций, однако прозрачность процедур и доступность инструментов не достигнута. Имеющиеся наработки в свободном доступе не представлены.

1. Атлас новых профессий. – М., 2015. // Режим доступа: URL: <http://edu2035.org/pdf/GEF.Atlas-ru.pdf> (дата обращения 7.10.2017).

2. Литвинова Н.П., Саморуков В.И. Опыт признания компетенций, полученных в не-формальном и информальном образовании, в зарубежных странах // Современное образование. — 2015. - № 4. - С.17-35. DOI: 10.7256/2409-8736.2015.4.16070. // Режим доступа: URL: http://e-notabene.ru/pp/article_16070.html (дата обращения 7.10.2017).

3. VALERU. Признание неформального/информального обучения в высшем российском образовании // Режим доступа: URL: <http://valeru.net/ru/> (дата обращения 7.09.2017).

4. В заключительной конференции по проекту VALERU участвовали сотрудники ДГТУ и Болонского клуба // Режим доступа: URL: <https://donstu.ru/news/mezhdunarodnaya-deyatelnost/v-zaklyuchitelnoy-konferentsii-po-proektu-valeru-uchastvovali-sotrudniki-dgtu-i-bolonskogo-kluba> (дата обращения 7.10.2017).

1. Атлас новых профессий. – М., 2015. // Режим доступа: URL: <http://edu2035.org/pdf/GEF.Atlas-ru.pdf> (дата обращения 7.10.2017).

2. Литвинова Н.П., Саморуков В.И. Опыт признания компетенций, полученных в не-формальном и информальном образовании, в зарубежных странах // Современное образование. — 2015. - № 4. - С.17-35. DOI: 10.7256/2409-8736.2015.4.16070. // Режим доступа: URL: http://e-notabene.ru/pp/article_16070.html (дата обращения 7.10.2017).

3. VALERU. Признание неформального/информального обучения в высшем российском образовании // Режим доступа: URL: <http://valeru.net/ru/> (дата обращения 7.09.2017).

4. В заключительной конференции по проекту VALERU участвовали сотрудники ДГТУ и Болонского клуба // Режим доступа: URL: <https://donstu.ru/news/mezhdunarodnaya-deyatelnost/v-zaklyuchitelnoy-konferentsii-po-proektu-valeru-uchastvovali-sotrudniki-dgtu-i-bolonskogo-kluba> (дата обращения 7.10.2017).

1. Атлас новых профессий. – М., 2015. // Режим доступа: URL: <http://edu2035.org/pdf/GEF.Atlas-ru.pdf> (дата обращения 7.10.2017).

2. Литвинова Н.П., Саморуков В.И. Опыт признания компетенций, полученных в не-формальном и информальном образовании, в зарубежных странах // Современное образование. — 2015. - № 4. - С.17-35. DOI: 10.7256/2409-8736.2015.4.16070. // Режим доступа: URL: http://e-notabene.ru/pp/article_16070.html (дата обращения 7.10.2017).

3. VALERU. Признание неформального/информального обучения в высшем российском образовании // Режим доступа: URL: <http://valeru.net/ru/> (дата обращения 7.09.2017).

4. В заключительной конференции по проекту VALERU участвовали сотрудники ДГТУ и Болонского клуба // Режим доступа: URL: <https://donstu.ru/news/mezhdunarodnaya-deyatelnost/v-zaklyuchitelnoy-konferentsii-po-proektu-valeru-uchastvovali-sotrudniki-dgtu-i-bolonskogo-kluba> (дата обращения 7.10.2017).

1. Атлас новых профессий. – М., 2015. // Режим доступа: URL: <http://edu2035.org/pdf/GEF.Atlas-ru.pdf> (дата обращения 7.10.2017).
 2. Литвинова Н.П., Саморуков В.И. Опыт признания компетенций, полученных в не-формальном и информальном образовании, в зарубежных странах // Современное образование. — 2015. - № 4. - С.17-35. DOI: 10.7256/2409-8736.2015.4.16070. // Режим доступа: URL: http://e-notabene.ru/pp/article_16070.html (дата обращения 7.10.2017).
 3. VALERU. Признание неформального/информального обучения в высшем российском образовании // Режим доступа: URL: <http://valeru.net/ru/> (дата обращения 7.09.2017).
 4. В заключительной конференции по проекту VALERU участвовали сотрудники ДГТУ и Болонского клуба // Режим доступа: URL: <https://donstu.ru/news/mezhdunarodnaya-deyatelnost/v-zaklyuchitelnoy-konferentsii-po-proektu-valeru-uchastvovali-sotrudniki-dgtu-i-bolonskogo-kлубa> (дата обращения 7.10.2017).
- Литература*
1. Атлас новых профессий. – М., 2015. // Режим доступа: URL: <http://edu2035.org/pdf/GEF.Atlas-ru.pdf> (дата обращения 7.10.2017).
 2. Литвинова Н.П., Саморуков В.И. Опыт признания компетенций, полученных в не-формальном и информальном образовании, в зарубежных странах // Современное образование. — 2015. - № 4. - С.17-35. DOI: 10.7256/2409-8736.2015.4.16070. // Режим доступа: URL: http://e-notabene.ru/pp/article_16070.html (дата обращения 7.10.2017).
 3. VALERU. Признание неформального/информального обучения в высшем российском образовании // Режим доступа: URL: <http://valeru.net/ru/> (дата обращения 7.09.2017).
 4. В заключительной конференции по проекту VALERU участвовали сотрудники ДГТУ и Болонского клуба // Режим доступа: URL: <https://donstu.ru/news/mezhdunarodnaya-deyatelnost/v-zaklyuchitelnoy-konferentsii-po-proektu-valeru-uchastvovali-sotrudniki-dgtu-i-bolonskogo-kлубa> (дата обращения 7.10.2017).
- Литература*
1. Атлас новых профессий. – М., 2015. // Режим доступа: URL: <http://edu2035.org/pdf/GEF.Atlas-ru.pdf> (дата обращения 7.10.2017).
 2. Литвинова Н.П., Саморуков В.И. Опыт признания компетенций, полученных в не-формальном и информальном образовании, в зарубежных странах // Современное образование. — 2015. - № 4. - С.17-35. DOI: 10.7256/2409-8736.2015.4.16070. // Режим доступа: URL: http://e-notabene.ru/pp/article_16070.html (дата обращения 7.10.2017).
 3. VALERU. Признание неформального/информального обучения в высшем российском образовании // Режим доступа: URL: <http://valeru.net/ru/> (дата обращения 7.09.2017).
 4. В заключительной конференции по проекту VALERU участвовали сотрудники ДГТУ и Болонского клуба // Режим доступа: URL: <https://donstu.ru/news/mezhdunarodnaya-deyatelnost/v-zaklyuchitelnoy-konferentsii-po-proektu-valeru-uchastvovali-sotrudniki-dgtu-i-bolonskogo-kлубa> (дата обращения 7.10.2017).

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Морева Ю.Е. (Барнаул)

Аннотация: Статья посвящена важной проблеме – оказанию реабилитационной помощи детям, имеющим расстройства аутистического спектра. Описывается опыт использования инновационных технологий, таких как канистерапия, иппотерапия, песочная терапия, методика Марии Монтессори, занятия в сенсорной комнате, различные методики арт-терапии.

В России на государственном уровне установлены приоритеты в вопросах социальной реабилитации и оказания помощи детям с нарушениями аутистического спектра для обеспечения их оптимального функционирования и повышения качества жизни. Работа по реабилитации детей, страдающих синдромом аутизма, в нашей стране проводится в детских восстановительных и реабилитационных центрах, которые функционируют на базе государственных комплексных центров социального обслуживания населения, а также в нашей стране активно развиваются некоммерческие организации, помогающие детям с подобным диагнозом.

Оптимизация подходов к социальной реабилитации детей в подобных центрах и организация – важная задача на пути к созданию оптимальных условий для полноценного развития детей с расстройствами аутистического спектра в нашей стране. Своевременная диагностика и ранняя коррекционная помощь может способствовать достижению многих положительных результатов: адаптировать ребенка к условиям окружающей среды, научить его бороться с собственными страхами, контролировать свои эмоции.

Все это указывает на необходимость поиска путей разрешения проблемы не только в медицинском направлении, но и на качественно новом уровне с использованием инновационных технологий, с учетом достижений зарубежного опыта.

«Инновационные социальные технологии — это методы и приемы инновационной деятельности, направленные на создание и материализацию нововведений в обществе, реализацию новшеств, которые приводят к качественным изменениям в разных сферах социальной жизни, к рациональному использованию материальных и других ресурсов в обществе»(Холостова, Е.И., 2001, с. 18).

В реабилитационной работе с детьми с синдромом аутизма используют такие методы и технологии работы как: канистерапия, иппотерапия, песочная терапия, методика Марии Монтессори, занятия в сенсорной комнате, различные методики арт-терапии. Использование данных технологий экспериментально подтвердили своё положительное влияние на данную категорию детей, являются эффективными и несут огромный вклад в развитие личности ребенка.

Анималтерапия или терапия с помощью животных давно зарекомендовала себя как наиболее эффективный способ борьбы с различными заболеваниями, в том числе и с диагнозом аутизм. Для воздействия на ребёнка с аутизмом специалист привлекает в работе животных: собак, лошадей, дельфинов и др.

Терапия при помощи собак носит название как канистерапия (от лат. «canis»– собака и греч. *θεραπεία* [therapeia] –лечение, оздоровление). Собаки оказывают положительное влияние на поведение детей с расстройствами аутистического спектра. Задачами для собак является не развлечение детей, а защита и опека.

Иппотерапия также относится к терапии с животными. Данная технология предполагает работу с детьми посредством лошадей. Лошади обладают очень сильным биополем и способны заряжать человека. Находясь в тесном контакте с животным, аутичный ребёнок испытывает массу положительных эмоций, причем это происходит не только во время верховой езды, но даже при нахождении рядом с лошастью.

Многие дети с аутизмом быстрее налаживают тактильный контакт с животным, чем с человеком. Находясь в тесном контакте с животным, ребёнок успокаивается, он чувствует себя в безопасности, улучшается эмоциональный фон, подавляются чувство тревоги, страха, агрессии.

Занятия в сенсорной комнате также по праву считаются инновацией социальной реабилитации детей с аутизмом. Данная комната обустроена различными видами стимуляторов, оказывающие положительное воздействие на базовые органы чувств и вестибулярный аппарат. Систематическое посещение сеансов в сенсорной комнате способствует нормализации сна, снятию мышечного и психоэмоционального напряжения, могут сбалансировать активность ребенка, а также способствуют избавлению от чувства тревоги и оказывают оздоровительный эффект на весь организм в целом. Важным преимуществом сенсорной комнаты в реабилитации детей с аутизмом является возможность проведения комплексной коррекции. В одном занятии можно развивать и мелкую моторику через игры со светооптическими нитями, и воображение – через рассматривание и описание фантастических узоров, и снижать эмоциональную напряжённость через релаксацию. Сенсорная комната позволяет расширить жизненный опыт детей, обогатить их чувственный мир и обрести уверенность в себе. Занятия в сенсорной комнате помогают совершенствованию активных, самостоятельных двигательных навыков, манипулятивной деятельности, овладению схемой тела, зрительно-моторной координации. Детям, страдающие синдромом аутизма, доставляет огромное удовольствие занятия с использованием света и звука. Поэтому сеансы в сенсорной комнате имеют огромную пользу в реабилитации детей с данным диагнозом.

Методика Монтессори является ещё одной технологией социальной реабилитации детей с расстройствами аутистического спектра. Данная методика предполагает развитие у ребёнка его внутренней программы, даёт ему возможность развить собственную психику и интеллект. Уникальная методика итальянского педагога Марии Монтессори считается универсальной по своей сути. Универсальность Монтессори-терапии подтверждается тем, что она направлена на

работу с детьми, имеющие различные диагнозы, включая расстройства аутистического спектра. В настоящее время она всё больше стала привлекать внимание специалистов. Дети, страдающие синдромом аутизма, имеют нарушения в эмоциональной сфере: неустойчивость чувств, страхи, агрессивность, эмпатия, имеют низкие коммуникативные способности. В связи с этим, основные задачи занятий в комнате по системе Монтессори, стоящие перед специалистом – выработать у ребёнка навыки бытового самообслуживания, обеспечить речевое, умственное, физическое, моторно-двигательное, эмоциональное, сенсорное и социальное развитие ребенка, имеющего синдром аутизма.

Таким образом, итоги работы позволяют отметить тот факт, что в результате применения в реабилитации детей с синдромом аутизма инновационных технологий улучшается процесс адаптации, отмечается смягчение поведенческих нарушений, ребёнку легче приспособиться к изменению привычной ситуации, а также участвовать в организованной учебной деятельности вместе с другими детьми.

1. Никольская О.С. Аутичный ребенок. Пути помощи / О.С. Никольская, Е.Р. Баенская, М.М. Либлинг, - М.: Теревинф; 2007.- 288 с.
2. Орлова, Д. Большая книга Монтессори / Д.Орлова, - СПб.: Прайм-Евро-Знак, 2008.- 185 с.
3. Помогите мне сделать это самому : научное издание [сост., вступ. ст. М.В. Богуславского, Г.Б. Корнетова]. - М. : Карпуз, 2005. - 272 с.
4. Полежаева, А.Б. Иппотерапия: путь к здоровью./ А. Б. Полежаева, Е. А. Зуева. - М. ; Ростов н/Д : МарТ, 2003. - 155 с.
5. Холостова, Е.И. Технологии социальной работы : уч-к / Е.И. Холостова. - М.: ИНФРА, 2001. - с.18
6. Ярская-Смирнова, Е. Р. Социальная работа с инвалидами : учеб. пособие / Е.Р. Ярская-Смирнова, Э. К. Наберушкина.-СПб.: Питер, 2004 - 316с.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА В ПЕЧАТНЫХ СМИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Морозов И.С. (Санкт-Петербург)

Аннотация: Население нашей планеты стареет с каждым днём. Увеличение доли пожилых людей по сравнению с более молодыми демографическими группами привлекает внимание исследователей к проблеме старения. В данной работе на примере контент-анализа рекламы в двух аналогичных газетных изданиях (российском и американском) сравниваются образы пожилых людей, которые формируются посредством печатных СМИ. Результаты говорят о том, что образы стариков изображаются реже, чем образы более молодых людей и чаще всего носят негативные стереотипы. К таковым относятся слабое здоровье и отсутствие автономности. Также образы пожилых людей почти всегда изображаются в рекламных сообщениях, связанных с медицинскими услугами, что создаёт стереотип, что пожилые люди не являются полноценными гражданами.

Люди тратят большую часть своего времени на потребление информационных продуктов средств массовой информации, которое в наши дни не возможно без рекламы. Теория культивации говорит, что чем больше времени люди смотрят телевидение, читают газеты и т.п. («потребление СМИ»), тем больше их видение реального мира и отношение к социальным реалиям и проблемам похоже на репрезентацию этих явлений в СМИ и рекламе [11, с. 265]. Таким образом, у людей формируется неправильное представление о возрастной структуре общества и важности к постоянно растущей сегодня группе пожилых людей [4].

Исходя из этого, проблемой данного исследования является социальное исключение пожилых, одним из показателей которого является недостаточное внимание рекламы к представителям этой группы населения, а также негативное отношение к ней на страницах печатных СМИ. Целью данной работы является сравнение репрезентации пожилого возраста в рекламе, которая публикуется в тиражируемых печатных изданиях двух стран: России и США.

Объектом исследования являются рекламные сообщения, в которых фигурируют образы пожилых людей. Под пожилым, или старым в данной работе понимается человек, достигший 65 лет [1, с. 7–8]. Образы пожилых в рекламе являются предметом исследования данной работы.

Данное исследование основывается на теоретической концепции социального гражданства Т. Х. Маршалла [2], которое даёт его обладателю такие права как право на минимальное материальное обеспечение, собственную безопасность и безопасность своего имущества и право «жить жизнью цивилизованного существа, согласно стандартам, преобладающим в обществе» [2, с. 84]. Отсутствие полного перечня социальных прав у индивида ведёт к социальному

исключению из общества этого человека или целой социальной группы. Такие факторы как слабое здоровье, уменьшение дохода и др. являются причинами социальной эксклюзии [7]. Эти параметры присущи в основном пожилым людям, что ставит эту социальную группу в позицию социального исключения.

Предыдущие исследования показали, что в американских СМИ редко предлагаются товары и услуги, ориентированные на пожилых людей. Это означает, что рекламодатели не считают их потенциальными покупателями своих товаров и потребителями предоставляемых ими услуг [8].

Для исследования были отобраны 2 печатные газеты – по одной из США и России. Для проведения контент- и сравнительного анализов были взяты издания «Metro Санкт-Петербург» и «Metro New York». Выбор данных изданий был обусловлен схожестью изданий в плане целевой аудитории, бесплатное распространение и тематическая схожесть изданий (обе газеты являются общественно-политическими изданиями). Эти два источника были проанализированы за 2016 год (были взяты по одному выпуску за каждую неделю, т.е. по 52 газеты).

Методом контент-анализа были проведён отбор рекламных сообщений, на которых изображены пожилые люди. Для этого использовались критерии, заимствованные из работы Bramlett-Solomon и Subramanian [6]. Образ считался пожилым, если на рекламе было прямое указание возраста 65 лет и более. Если в сообщении не отображён возраст, то для попадания в выборку, образ пожилого на рекламе должен был соответствовать нескольким из перечисленных ниже критериев: наличие в основном седых волос на голове, обилие морщин на лице и руках, использование человеком амбулаторной медицинской помощи (например, наличие капельницы или инвалидной коляски), указание статуса пенсионера, указание статуса бабушки/дедушки. В данном исследовании, если не указан возраст, для отнесения рекламного сообщения в категорию с образами пожилых людей, необходимо было наличие не менее 2 из перечисленных выше критериев.

Из-за разницы в размерах газеты, количество рекламы с образами людей также отличаются. Таким образом, петербургский выпуск в среднем содержал 7 (против 23 в нью-йоркском) таких рекламных сообщения, из которых в среднем 0,4 публикации были с образами пожилых людей (против 2,5). В выборке по Санкт-Петербургу 33 из 52 газет не содержали ни одного образа пожилого человека в рекламе (в американской выборке – всего 4).

Итак, в американской газете больше товаров и услуг ориентированы на пожилых людей, чем в Санкт-Петербурге (таб. 1). Однако в «Metro Санкт-Петербург» доля такой рекламы меньше, чем доля пожилых людей, живущих в Санкт-Петербурге (15,88% людей возрастом 65 лет и более проживают в Санкт-Петербурге [3]), что говорит о недорепрезентации пожилого возраста в рекламе [5].

Таблица 1. Выборка рекламных сообщений

	«Metro New-York»		«Metro Санкт-Петербург»	
	Н объявлений	% объявлений	Н объявлений	% объявлений
С пожилыми людьми	128	10,65%	23	6,17%
Без пожилых людей	1074	89,35%	350	93,83%
Всего	1202	100%	373	100%

Важным показателем того, какие образы пожилых встречаются в СМИ, является половая принадлежность пожилых людей, изображённых на рекламе. Предыдущие исследования по американским печатным СМИ показывали, что пожилые мужчины чаще встречаются в рекламе, чем женщины [10, с. 78–79]. В нью-йоркской газете мужские образы пожилых встречались в 1,7 раз чаще, чем образы женщин (см. таблицу 2). В Санкт-Петербурге ситуация совсем иная: мужские и женские образы встречались примерно поровну в рекламе, но чаще они изображались вместе.

Таблица 2. Образы пожилых мужчин и женщин

	«Metro New-York»		«Metro Санкт-Петербург»	
	N объявлений	% объявлений	N объявлений	% объявлений
Мужской	63	49,22%	5	21,74%
Женский	37	28,91%	6	26,09%
Оба представителя	28	21,87%	12	52,17%
Всего	128	100%	23	100%

Далее была проверена гипотеза о том, что пожилые люди чаще изображаются на рекламе с более молодыми людьми, что является прямым отражением неуверенности в пожилых людях на рынке товаров и услуг со стороны тех, кто публикует рекламу [9, с. 506].

Гипотеза подтвердилась на данных по американской газете, где пожилые почти не изображались без более молодых представителей иных демографических групп (см. таблицу 3). Кардинально иная ситуация наблюдалась в «Metro Санкт-Петербург», где на половине рекламных объявлений были изображены образы только пожилых людей.

Таблица 3. Соотношение количества объявлений с образами пожилых людей в зависимости от наличия других образов на нём

	«Metro New-York»		«Metro Санкт-Петербург»	
	N объявлений	% объявлений	N объявлений	% объявлений
Только один пожилой образ	4	3,13%	3	13,04%
Только пожилые образы	3	2,34%	12	52,18%
Пожилый или пожилые образы с более молодыми	121	94,53%	8	34,78%
Всего	128	100%	23	100%

Результаты показали, что и в нью-йоркском и в петербургском изданиях доминирующее количество объявлений были связаны с рекламой услуг и товаров, ассоциирующихся со старением (таб. 4).

Таблица 4. Наличие ассоциации рекламируемого объекта с пожилым возрастом

	«Metro New-York»		«Metro Санкт-Петербург»	
	N объявлений	% объявлений	N объявлений	% объявлений
Связанные со старением	125	97,66%	18	78,26%
Не связанные со старением	3	2,34%	5	21,74%
Всего	128	100%	23	100%

Итак, через формирование в рекламе печатных СМИ образов пожилых людей как людей нездоровых и несамостоятельных, нуждающихся в основном только в медицинских услугах, происходит формирование негативных стереотипов о пожилых людях. Эти негативные образы закрепляются у населения, которое читает газеты и постоянно встречается эти образы. Таким образом, происходит социальное исключение пожилых на основе их «неполноценности» и слабого здоровья. И, несмотря на то, что медицина постоянно развивается и увеличивается продолжительность жизни (т.е. пожилые люди становятся всё более здоровыми по сравнению с пожилыми людьми, живущими до них), негативное сострадательное отношение к пожилым людям со стороны более молодых социально-демографических групп приводит к социальному исключению пожилых людей. Конечно, реклама в СМИ – это не единственный показатель того, как происходит социальное исключение, но является одним из показателей, который можно исследовать количественными методами.

Для возможности делать более грандиозные выводы о разнице между Соединёнными Штатами и Россией в репрезентации образов пожилых людей в средствах массовой информации, планируется проведение более масштабного исследования российских СМИ.

1. Зеликова Ю.А. *Стареющая Европа: демография, политика, социология* // СПб.: Норма. 2014.
2. Мюрберг И.И. Т.Х. *Маршалл и концептуальная история режимов гражданства* // Политико-философский ежегодник. 2010. № 3. С. 82–95.
3. Федеральная служба государственной статистики *Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2016 года* [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_111/Main.htm (дата обращения: 06.06.2017).
4. Холостова Е.И. *Социальная работа с пожилыми людьми* // М.: Изд.-торг. корпорация «Дашиков и К. 2002.
5. Almerico G.M., Fillmer H.T. *The Portrayal of the Elderly in the U.S. Print Media* // Reading. 1989. № 2 (23). С. 98–104.
6. Bramlett-Solomon S., Subramanian G. *Nowhere Near Picture Perfect: Images of the Elderly in Life and Ebony Magazine Ads, 1990–1997* // Journalism & Mass Communication Quarterly. 1999. № 3 (76). С. 565–572.
7. Jehoel-Gijsbers G., Vrooman C. *Social exclusion of the elderly: A comparative study of EU member states* 2008.
8. Marylyn Carrigan, Isabelle Szmigin *The portrayal of older characters in magazine advertising* // Journal of Marketing Practice: Applied Marketing Science. 1999. № 6/7/8 (5). С. 248–261.
9. Robinson T., Popovich M., and Older Adults' Perceptions of Offensive Senior Stereotypes in Magazine Advertisements: Results of a Q Method Analysis // Educational Gerontology. 2003. № 6 (29). С. 503–519.
10. Vasil L., Wass H. *Portrayal of the Elderly in the Media: A Literature Review and Implications for Educational Gerontologists* // Educational Gerontology. 1993. № 1 (19). С. 71–85.
11. Zhang Y.B. [и др.]. *The portrayal of older adults in advertising: A cross-national review* // Journal of Language and Social Psychology. 2006. № 3 (25). С. 264–282.

СПЕЦИФИКА МИГРАЦИИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Мосиенко О.С. (Ростов-на-Дону)

Преобладающее большинство народов нашей страны на протяжении веков сложилось как этнические общности на территории России, и в этом смысле они являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российской государственности. Формирование новой общности людей в постсоветской России – российской гражданской политической нации – сложный, длительный процесс, который продолжается до наших дней.

Миграционные потоки внутри страны в 1990-х годах приобрели четкое направление: с Севера и Востока России в Центральный Федеральный округ и южные регионы. Вследствие изменения внутренних миграционных потоков в течение 90-х годов сокращалась численность населения северных и восточных регионов России. За 1992–1999 годы районы Севера потеряли за счет миграционного оттока более 1 млн. человек (8,5% населения) [1]. Также наблюдалась миграция из малых городов и сел в мегаполисы.

Внешняя миграция так же имеет свою специфику. В 1992 г. Россия вступила в период депопуляции, и миграция стала играть существенную роль, восполняя численность населения Российской Федерации. Максимального значения миграция в Россию достигла в 1994 г. (810 тыс. человек), что дало возможность на 91% перекрыть естественную убыль населения. Затем наблюдалось устойчивое сокращение иммиграции в Россию из государств - участников Содружества Независимых Государств, а также из Латвии, Литвы и Эстонии. Тенденция к уменьшению потока мигрантов привела к ухудшению демографической ситуации, так как к 1999 г. степень компенсации миграцией естественной убыли населения снизилась до 17% и не могла предотвратить негативные явления в социальной сфере [2].

Кроме того, наблюдаются негативное отношение россиян к мигрантам, как из-за рубежа, так и из других регионов страны. По данным опроса, который проводил в 2016 году «Левада-Центр», большинство россиян – 66% считают, что правительство России должно пытаться ограничить поток приезжих. За ограничение приезда в их город/регион на постоянное место жительства и на заработки жителей других регионов России высказались 63% опрошенных [3, с.186, 189].

Миграция населения за рубеж является серьезной проблемой с точки зрения национальных интересов России, так как эмигрантами чаще всего являются представители социально экономически и политически активной части населения. Эмиграция высококвалифицированных специалистов в страны Европы и США приобрела широкий размах и получила название «утечка мозгов». Если до середины 80-х годов численность выезжающих на постоянное жительство за границу ежегодно составляла около 3 тыс. человек, то в 1990 году она превысила 100 тыс. человек и в последующие годы удерживалась на этом уровне.

Современные жизненные реалии, как и данные многочисленных опросов общественного мнения, свидетельствуют о том, что в настоящий момент в российском обществе наблюдается распространение негативных этнических установок. 18% россиян считают, что необходимо ограничить проживание на территории РФ всех национальностей, кроме русской, 34% респондентов – выходцев с Кавказа, 29% - выходцев из бывших среднеазиатских республик СССР, 24% – китайцев, 21% - цыган, 19% - вьетнамцев, 13% респондентов отметили украинцев, 6% евреев. Всего пятая часть россиян отметили, что не следует вводить ограничения на проживание людей, каких бы то ни было национальностей. Идею «Россия для русских» полностью поддерживают 14% опрошенных, считают, что ее было бы не плохо осуществить, в разумных пределах – 38%. Отмечают, что это настоящий фашизм – 21% респондентов. Лозунг «Хватит кормить Кавказ», появившийся в России в 2000-х годах, продолжает жить в массовом сознании более половины опрошенных россиян [2, с.190].

Межнациональные конфликты, как правило, результат накопившихся не разрешенных перечисленных выше проблем, а так же, следствие отсутствия анализа происходящих внутри этносов процессов (роста самосознания, потребностей народа и др.) Часто причиной конфликтов является недостаточная социальная адаптация представителей малочисленных национальностей в общее социокультурное пространство. Социальная адаптация - это особая, социальная форма взаимодействия субъекта и среды, возникающая всякий раз, как только субъект входит в новую для него социальную общность и становится деятелем, функционирующей его частью. Как и во всяком социальном процессе, объект и субъект адаптации сплетены в сложный клубок единства и противоположностей [4, с.64].

Социокультурные нормы любого народа воплощают уникальный исторический опыт его жизни, формируются в человеческой коллективной работе и закрепляют в любой области культуры или значимой ситуации взаимодействия границы разрешенного. Они проявляются путем правил, образцов, форм деятельности, моделей поведения в характерных социокультурных ситуациях, формы организации разных ситуаций и способы решения жизненных проблем. Социокультурные нормы регулируют взаимоотношения человека и общества с помощью системы знаков (языка) и носят обязательный характер.

В общей структуре массовых передвижений, вызванных экономическими, социальными, международными противоречиями переходного периода, проблемы социальной адаптации мигрантов относятся к ключевым вопросам стабильности общества. Чем выше уровень адаптации мигрантов к новым условиям жизни, тем значительнее экономическая и интеллектуальная отдача человеческих ресурсов для развития регионов и, наоборот, усиление конфликтогенного потенциала миграционных потоков на территории въезда снижает уровень адаптации

вынужденных мигрантов, деструктурирует региональный рынок труда и усиливает социальную напряженность [5, с.73].

Со стороны русского населения негативное отношение проявляется, прежде всего, к людям другой национальности, проживающим на территории РФ, которые не желают изучать культуру нашего государства, не соблюдают обычаи ее культуры, пытаются насаждать собственные культурные нормы и образцы поведения. С другой стороны, представители титульной нации демонстрируют низкий интерес к культуре других национальностей, не готовы изучать историю других народов, проживающих на территории РФ. Таким образом, отсутствие взаимного интереса к культуре, искусству, обычаям и традициям народов, проживающих на одной территории, ведет к взаимному непониманию и создает постоянный источник конфликтов и проблем.

1. Центральная база статистических данных [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/> (дата обращения 19.09.2017)
2. Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Интернет-версия системы Консультант Плюс. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.09.2017)
3. Общественное мнение – 2016. М.: Левада-Центр. 2017. 272 с.
4. Жукова И.А. Демографический и миграционный факторы политического развития Российской Федерации в XXI веке // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2013. № 1-2 (1). С. 63-67.
5. Жукова И.А. Государственное регулирование миграционных процессов РФ: проблемы и перспективы // Духовная ситуация времени. Россия XXI век. 2014. № 1 (2). С. 72-74.
6. Воробьева И.В. Этнические и интернациональные установки в массовом сознании россиян // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 99-108.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКИХ ГРУПП ПО УЛУЧШЕНИЮ КАЧЕСТВА ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ С ГОРОДСКИМИ ВЛАСТЯМИ, БИЗНЕСОМ И ГОРОЖАНАМИ

Москалева С.М. (Санкт-Петербург)

Аннотация

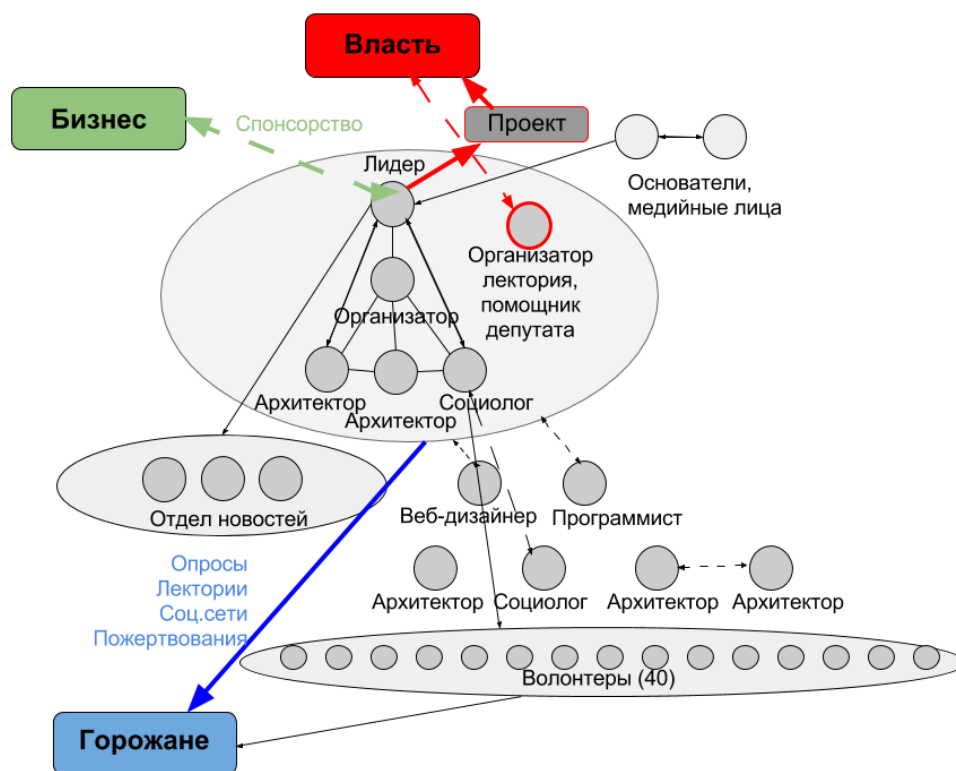
Рассмотрение гражданских групп предполагает не только содержательное описание их деятельности, но и понимание структур организаций, которые они создают. В данной работе предлагается рассмотрение организаций и моделей взаимодействия двух гражданских групп по улучшению качества городской среды в Санкт-Петербурге с городскими властями, бизнесом, горожанами с перспективы организационного подхода. Данные группы описываются в терминах операционной и административной адхократии (Мицберг, 2001). Основываясь на материалах интервью с представителями двух сообществ, собранных в 2016 году, и включенного наблюдения за их структурой, в статье предложены схемы взаимодействия групп по реновации городской среды с различными городскими стейкхолдерами: городскими властями, бизнесом, горожанами.

Одним из вариантов концептуализации групп по реновации городской среды, может быть рассмотрение их через понятие «организации». Современные подходы, такие как новый институциональный подход [1] анализируют институциональную среду организаций, формальные и неформальные правила, эффективность их взаимодействия с другими организациями [2]. Для анализа городских социальных движений мною будет использован такой тип организаций как адхократия. По определению Мицберга, адхократия – это одна из конфигураций, которая характеризуется отсутствием иерархических структур, горизонтальным управлением, в ней существует тенденция к объединению специалистов в проектные команды, выборные принципы внутри команд и децентрализация [3]. Появление данного типа организаций обуславливается тем, что инновационная деятельность требует быстрых решений и новых форм организации труда, отличных от бюрократических структур, которые тормозят рабочий процесс. Мицберг выделяет два типа адхократии: административная и операционная. Эти аналитические модели и будут использованы мною при оценке типа структур у изученных гражданских групп. *Операционная адхократия* – это конфигурация, которая выполняет проекты по заказам клиентов. *Административная адхократия*, напротив, реализует проекты в целях собственного развития [3].

Далее в работе будут рассмотрены два организационных устройства гражданских групп по реновации городской среды в Санкт-Петербурге, которые были изучены при финансовой

поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 16-03-00508 «Качество городского пространства: векторы развития гражданских инициативных групп в России и Германии»).

На схеме 1 представлена модель организации в виде смешанной формы административной и операционной адхократии. Группа реализует проекты как по собственному желанию, так и в интересах «клиентов»: с помощью сайта аккумулирует запросы на волнующие горожан темы и отправляет их в органы власти. В состав группы входят 40 волонтеров, которые готовы помогать «Группе А» в проведении исследований, но они не участвуют в их обсуждении, принятии решений, собраниях группы. На схеме отдельно выделен сектор, который занимается поиском



информации и ее изложением доступным для пользователей языком - отдел новостей.

Схема 1. Группа А.

На рисунке также отмечены отношения и механизмы взаимодействия группы с властью, бизнесом и горожанами. Важно подчеркнуть, что под властью понимаются муниципальные, городские власти, администрация города, комитеты. Прерывистые стрелки означают неформальные отношения, сплошные – формальные. Можно заметить, что у «Группы А» есть неформальные взаимоотношения с одним из депутатов города. Формальное общение с властными органами происходит через проект, который готовят участники. Так, например, если это проект по благоустройству улицы, то участники движения обращаются в «Комитет по благоустройству». Информанты подчеркивают, что реализовать проекты им не удалось, но реализация не является основной целью группы. Иногда целью выступает лишь транслирование своей повестки и напоминание о себе как горожанам, так и властям:

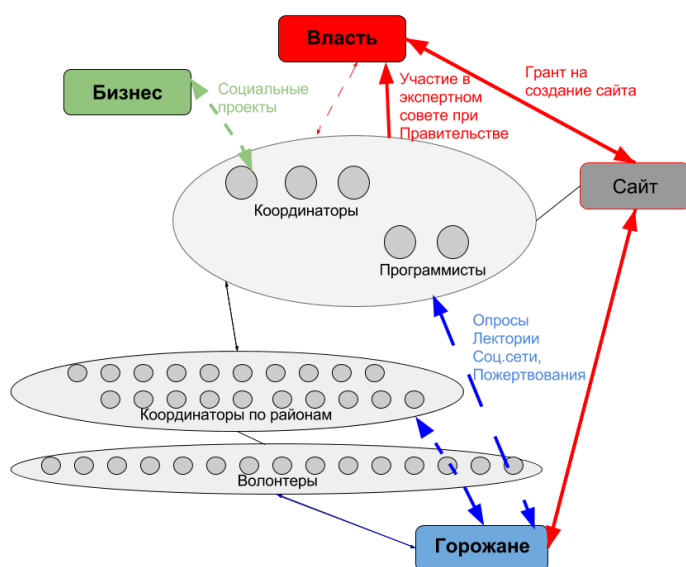
«Мы занимаемся более длительными такими процессами, находим болевые точки у власти, нажимаем на них и ждем изменений, требуем изменений, что-то меняется».

Основатель «Группы А»

Таким образом, взаимодействие с властью у «Группы А» происходит через отправку проектов, лоббирование интересов, и формирование запроса у горожан.

По поводу взаимоотношений группы с бизнесом, мы можем заключить, что они зачастую носят неформальный характер, у «Группы А» в Петербурге есть спонсор - знакомый руководителя, который каждый месяц безвозмездно дает им определенную сумму на существование.

«Он бизнесмен, он работает в строительном бизнесе, но, как сам он о себе отзывается, таких, как он, там немного...Прогрессивных людей в этом бизнесе очень мало, и ему там



сложно. Он описывает свое окружение как твердолобых людей, которым безразлично, как будет развиваться город».

Руководитель «Группы А»

Коммуникация с горожанами происходит через акции, опросы, а также через транслирование им собственных идей с целью побуждения на изменение городского пространства:

«Мы занимаемся созданием некой моды...К нам приходят адекватные молодые люди с образованием каким-то, каким-то видением западным, с потребностью что-то менять, с энергией...Соответственно, все что мы делаем...мы делаем моду на урбанистику».

Основатель «Группы А»

Структура «Группы В» (Схема 2) представляет собой смешанную адхократию с операционным ядром, в котором можно выделить пять человек – все они являются координаторами группы, и три из них могут полностью заменять друг друга в качестве лидеров группы. Отличие от «Группы А» состоит также в том, что у группы есть координаторы по районам, через которых лидеры движения первыми получают информацию о проблемах в том или ином районе и могут помогать районным группам решать их. Группа выполняет проекты по запросам горожан, но может реализовывать собственные проекты, которые участники считают наиболее значимыми. Кроме того, у представителей «Группы В» есть профессиональное образование в области урбанистики, что позволяет им вырабатывать профессиональный взгляд на проблемы качества городской среды в Санкт-Петербурге.

Схема 2. Группа В.

Можно отметить, что формальное взаимодействие «Группы В» с властями города может проходить через участие группы в экспертном совете при Правительстве города. Особый ресурс группы – это сайт, который выступает механизмом, связывающим горожан и представителей городских властей. Таким образом, обращение с любой проблемой в городе может осуществляться через этот сайт. Данное обращение будет направлено в необходимый комитет, который отвечает за выбранную проблему. У группы также есть некоторые неформальные знакомства с представителями власти:

«У нас там из 30-40 комитетов, 18 районов, 111 муниципалитетов нашлось всего лишь 5 человек, с которыми можно работать эффективно, и решать...проблемы горожан. А все остальное - это воздействие и принуждение к исполнению своих обязанностей».

Координатор «Группы В»

Важную роль при взаимодействии играет персонификация – личная заинтересованность чиновника, готового взять на себя дополнительные обязательства по помощи группе в реализации ее проекта:

«В общем, там все зависит от человеческого фактора...от самого чиновника... Если он адекватный, нормальный, там хочет с нами взаимодействовать, то все хорошо».

Координатор «Группы В»

С такими же трудностями взаимодействия с чиновниками встречается и «Группа А», несмотря на то, что один из участников является помощником депутата Законодательного собрания города. Для «Группы А» важно сохранять свою независимость, поэтому они обращаются к представителям власти только по рабочим вопросам и ведут дискуссии в формате делового общения. Один из форматов сотрудничества с властями у «Группы В» и «Группы А» - это организация лекций и публичных встреч, на которых чиновники и эксперты могут выступить перед горожанами и вместе обсудить волнующие вопросы.

По поводу взаимодействия с бизнесом можно отметить, что профессиональным видом деятельности координатора «Группы В» является продвижение социальных проектов для бизнеса. Таким образом, он совмещает профессиональную деятельность и, если это необходимо, использует для нее ресурсы движения:

«Да, бывало такое, что мы сотрудничали с бизнесом, но это было просто по моей работе, где я видел, что можно было бы сделать еще круче, если бы подключить еще и общественные ресурсы. Ну обычно бизнес...трудно с ним работать...Они хотят рекламы...лоббирования каких-то интересов. Мы, к сожалению, это не можем им дать».

Координатор «Группы В»

Коммуникация с горожанами у обеих групп происходит через общие мероприятия, опросы, лектории и социальные сети. В свою очередь, горожане могут делать пожертвования в пользу деятельности групп.

Таким образом, в работе был проведен анализ гражданских групп через концептуальный аппарат операционной и административной адхократии. Было показано, что структура групп представляет собой смешанные формы адхократии, то есть они реализуют как проекты, направленные на собственное развитие, так и проекты по заказам клиентов, при этом выбирая различные тактики взаимодействия с основными городскими группами интересов.

[1] Meyer J., Rowan B. *Institutionalized Organisations: Formal Structure as Myth and Ceremony // The New Institutionalism in Organizational Analysis / W. Powell, P. DiMaggio (eds.). Chicago: University of Chicago Press, 1991. P. 41-62.*

[2] Радаев В. В. *Экономическая социология. – М. Изд. дом ГУ ВШЭ. 2005. – 603 с.*

[3] Минцберг Г. *Структура в кулаке: создание эффективной организации. С-Пб., 2001. С. 430-475.*

СОЗДАНИЕ ВЕЛОСИПЕДНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ: ТАКТИКИ И КОНТРОЛЬ НИЗОВЫХ ГРУПП

Москалева С.М. (Санкт-Петербург)

Велосипедная инфраструктура в Санкт-Петербурге начала интенсивно развиваться в 2016-2017 гг. Если в 2015 году сетка проложенных велосипедных маршрутов состояла из 6 велодорожек[1], расположенных по разным районам города, то на данный момент в городе насчитывается 56 маршрутов[2].

Можно выделить несколько причин, почему ситуация с велодвижением в городе изменилась:

- 1) в течение пяти лет в Санкт-Петербурге предпринимали активные действия низовые инициативы, цель которых - развитие велосипедной инфраструктуры города;
- 2) на данный момент несколько координаторов инициативных групп включены в существующие политические институты, которые принимают решения об инфраструктуре города;
- 3) в городе в 2016 году появилась программа "Твой Бюджет" [3], в рамках которой стала возможна реализация проектов по изменению городской среды, которые предлагают граждане.

Инициативная группа, о которой пойдет речь в данной работе, называется "Велосипедизация Санкт-Петербурга". Ее основная цель - сделать велосипед безопасным средством передвижения.

В работе Харви Молоча «Против безопасности»[4] безопасность рассматривается как форма властного дискурса, который способен военизировать (англ. - militarise) повседневную жизнь. Горожане вынуждены адаптироваться к определенным правилам, которые преимущественно навязываются государством.

Что значит обращение к безопасности во время создания новой инфраструктуры и для чего активисты обращаются к ней? В работе я исхожу из того, что властный дискурс - это одна из форм аргументации своей позиции при создании новой городской инфраструктуры. В исследовании Томаса Хьюза [5] об электрических системах было показано, что инфраструктура - это не только материальная сеть, она также состоит из таких нематериальных элементов, как правила, нормы, практики пользования и др. При этом акторы, которые ее создают, имеют свои интересы.

Документы группы и материалы 9 полуструктурированных интервью, собранные при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 16-03-00508 «Качество городского пространства: векторы развития гражданских инициативных групп в России и Германии») показывают, что информанты рассматривают интересы акторов процесса передвижения как антагонистические:

«Если велосипедист едет по тротуару, что, в принципе, правилами тоже иногда разрешается, если проезд по проезжей части невозможен, то бесятся пешеходы и получается, что у велосипедиста нет своего места в городе, своей территории, то есть легальной, по которой можно абсолютно уверенно ехать. Из-за этого получаются конфликты. И плохо в итоге не только для велосипедистов, но плохо в итоге всем».

Из материалов дискуссии с активистами

В данном фрагменте интервью поднимаются вопросы легальных и нелегальных практик в городе. В случае отсутствия легальной инфраструктуры, велосипедисты находятся на пограничной зоне: между автомобильными дорогами и пешеходными тротуарами. Инфраструктура необходима им для обозначения собственного места в городе.

Изучив опыт участников движения, велосипедисты основали собственную школу, в которой они обучают людей перемещаться по городу в соответствии с новыми правилами, которые они выработали и которые при этом могут не совпадать с правилами дорожного движения:

«Велешкола - это не про тупую начитку ПДД. Она про рекомендации, как безопасно ездить по городу, это очень важный нюанс. Мы им объясняем, что ПДД вообще не отвечает тому, как безопасно ездить по городу. Если человек будет тупо соблюдать ПДД, то он убьется на первом же повороте. Здравый смысл здесь важнее».

Из материалов дискуссии с активистами

Активисты разрабатывают новые правила, например, выезжать за стоп-линию, чтобы машины могли видеть велосипедиста:

«У нас запрещено выезжать за стоп-линию, в том числе на велосипеде. Я делаю это постоянно и всем всегда на лекциях говорил, что выезжайте, пожалуйста, если горит красный цвет, выезжайте, чтобы машина, которая справа стоит, вас видела».

Из материалов дискуссии с активистами

Другой пример такого рода тактик - это документ, размещенный на сайте группы: «Что можно изменить в ПДД» [6], в котором обсуждаются потенциальные изменения в существующие правила дорожного движения. В нем есть, например, следующая запись:

«...Запрет велосипедистам пересекать дорогу по пешеходным переходам ...вызван жалобами водителей на то, что велосипедисты намного быстрее пешеходов. Поэтому появляются на переходе неожиданно. И у водителей нет никакой возможности успеть затормозить, что и приводит к наездам на велосипедистов. Однако голландские, датские, немецкие, бельгийские (список можно продолжить) водители каким-то образом успевают заметить и пропустить велосипедистов почти в аналогичных ситуациях. Единственное отличие от наших переходов только в том, что рядом с переходом там идет велодорожка, и велосипедисты пересекают дорогу ещё быстрее и ближе к автомобилям, чем у нас». [6]

Обращение к Европейской практике - важный шаг в разработке новой инфраструктуры, в том числе, законов. Такого рода тактика необходима активистам для легитимации собственной

деятельности. Другая тактика легитимации - это проведение символические границ и создание мест для велосипедов:

«Предложение состояло в том, чтобы дополнить знаки и разметку на автобусных полосах изображением велосипеда. Во-первых, это сделает наглядным и очевидным правило о том, что на велосипеде можно и нужно ехать по автобусной полосе. Во-вторых, даже в таком, символическом виде, изображения велосипеда на улицах города способствуют признанию велосипедистов участниками дорожного движения и популяризации поездок на велосипеде. Ну, и в-третьих, становится очень просто показать по каким автобусным полосам на велосипеде ехать можно (на знаке и разметке вместе с автобусом или буквой А нарисован велосипед), а по каким нельзя (велосипеда на знаке и разметке нет)».[6]

Существуют сложности в правилах дорожного движения и цель активистов - найти такие несостыковки в законодательстве и показать их другим:

- Вы знаете, что нельзя ставить велосипед на тротуар...
- Ставить нельзя, но штрафа нет. Штрафа нет... Штраф только для транспортных средств.

Из материалов дискуссии с активистами

Массовые акции

Еще одной формой легитимации деятельности группы является массовый характер транслируемых ей практик. Государство может игнорировать тот факт, что сто велосипедистов едут по городу, но когда по городу едут тысячи людей во время акции, это сложно оставить незамеченным. Одна из акций, которую ежегодно проводит движение - «На работу на велосипеде». [7]

Властный дискурс

Различные акторы конфликтуют в городском пространстве, но при этом велосипедисты находятся в подчиненном положении, которое не дает им реализовать «право на город»[8]. Создание новых для города форм инфраструктуры, таких как велосипедные дорожки, правила, нормы, инструкции и практики, дает им возможность контролировать процесс создания инфраструктуры.

Строительство новых инфраструктур всегда является политической проблемой. Вопросы безопасного пространства также являются формами властного дискурса, который необходим активистам для привлечения внимания различных участников, особенно тех, у кого есть власть. Материалы дискуссий с активистами показывают, что группа не создает своего дискурса, но использует некоторые тактики и способы легитимизации собственной деятельности, адаптируясь к существующему политическому режиму.

Переходя к заключению и к вопросу о получении контроля в городе, можно выделить несколько параметров, которые помогают участникам в достижении контроля над созданием новой инфраструктуры:

- Сеть людей, которые воспроизводят новые правила, нормы в повседневности;
- Практики легитимации деятельности: обращение к мировому опыту, массовым акциям, подрыв существующих правил, символика группы;
- Властный дискурс: безопасность и перевод практик в российский контекст;
- Создание системы документов: манифест, новый набор правил, инструкции.

[1] Карта велодорожек Санкт-Петербурга на 2015 год. URL: <https://www.google.com/maps/d/u/0/viewer?mid=1BnfgVGMnlWUdjPWrPAe5fA4Lg&ll=59.99769856773849%2C30.44775006406246&z=9>

Карта велодорожек на 2017 год: <https://yandex.ru/maps/2/saint-petersburg/?um=constructor%3Ah92gLBwOylwuQhhC7bb9pT9QO0B6VhNG&source=constructorLink&mode=usermaps&ll=30.340536%2C59.989607&z=10>

[2] См. напр.: Строительство велосипедных дорожек / Комитет по развитию транспортной инфраструктуры Санкт-Петербурга. URL: <https://krti.gov.spb.ru/razvitie-velosipednoj-infrastruktury/stroitelstvo-velosipednyh-dorozhek/>

[3] Проект "Твой бюджет" / Санкт-Петербург госуслуги. URL: <https://gu.spb.ru/news/o-proekte-tvoy-byudzheta/>

[4] Molotch H. *Against Security: How We Go Wrong at Airports, Subways, and Other Sites of Ambiguous Danger*. Princeton University Press, 2014.

[5] Hughes, T. P. (1986). *The seamless web: technology, science, etcetera, etcetera*. *Social studies of science*, 16(2), 281-292.

[6] Что нужно изменить в ПДД? / Велосипедизация Санкт-Петербурга. URL: https://velosipedization.ru/2017/02/suggesting_pdd_corrections/

- [7] Жители Санкт-Петербурга приняли участие во всероссийской акции «На работу - на велосипеде!». Первый канал. URL: https://vk.com/wall-26516961?q=%23video&z=video-26516961_171140055%2Fd2636fde12bd7512f0
- [8] Harvey D. 'The Right to the City,' in: Richard Scholar (ed.), *Divided Cities: The Oxford Amnesty Lectures*. Oxford: Oxford University Press. P. 83-103.

РИСКИ «РУМИНИЗАЦИИ» ЖИЛИЩНОЙ СФЕРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Муфтахова А.Н. (Санкт-Петербург)

Проведенный нами анализ жилищной стратификации в странах Европейского Союза позволяет сделать вывод о наличии феномена «румынизации», характеризующего наихудший способ организации жилищных отношений (удовлетворения жилищной нужды). Под «румынизацией» следует понимать явление, вызванное негативными проявлениями жилищной политики, при котором:

- единственным способом удовлетворения жилищной нужды является простая частная собственность на жилище (несдаваемая и необремененная);
- в качестве единственного места обитания (проживания) является жилище, находящееся в частной собственности, и от этого сам рынок недвижимости носит спекулятивный характер;
- отсутствует или не развивается ипотека, жилищное кредитование;
- аренда и найм (любые виды) не учитываются статистикой и находятся в «черной» зоне регулирования;
- население вместо вертикальной мобильности (личный рост) выбирает горизонтальную (миграцию в другие регионы, страны);
- заимствуется «негативный» опыт иных стран в решении жилищного вопроса.

В Российской Федерации, как и во всех бывших социалистических странах, при реализации метода Безусловного Общего Дохода ставка была сделана на переход в собственность уже построенного жилья путем его приватизации, а также на внедрение частной (простой) собственности как единственного способа распределения населения по статусу пребывания.

Современный жилищный фонд РФ имеет следующие характерные черты:

1. Жилищный фонд, классифицируемый по формам собственности, выглядит таким образом. По методике Росстата [5], жилищный фонд разделяется по формам собственности на: государственный, муниципальный, частный и отдельно собственность граждан. В частной собственности граждан на конец 2015 г. находилось 3,1 млрд. кв.м. жилья или 87,1%. Методика Росреестра [2] в структуре общего объема зарегистрированных прав на жилые помещения на конец первого полугодия 2017 г. относит 67,5 млн. договоров, из которых 64,8 млн. оформлены на физических лиц. Договорами ипотеки воспользовались 4,8 млн. граждан. Договоров аренды жилья у населения зарегистрировано лишь 116 тыс.

2. Очевидно влияние исторических периодов в развитии домостроения в России. Об этом свидетельствуют данные по распределению числа жилых домов, числа многоквартирных жилых домов и общей площади жилых помещений по годам постройки. И если рост количества жилых домов до 7,1 млн. и многоквартирных зданий до 1 млн. при 968 млн. кв.м. пришелся на эпоху послевоенной застройки, то строительство 4,7 млн. жилых домов, из которых 1,3 млн. были многоквартирными (при 1,4 млрд. кв.м.), было реализовано благодаря крупнопанельному строительству в период социалистического городского планирования. После 1995 г. было возведено всего лишь 3 млн. зданий, из которых 252 тыс. многоквартирные (923 млн. кв.м. жилья), основная часть которого строилась после 2000 г.

3. Динамика жилищного фонда и ввода жилых помещений в России в 2000-2016 гг. иллюстрирует влияние кризисных явлений на динамику жилищного строительства. Несмотря на предыдущие высокие темпы роста, в период 2008-2009 гг. происходит сокращение числа построенных квартир и ввода в действие жилых домов; подобная же ситуация наблюдается и в 2016 г. В то же время уменьшается количество общих квадратных метров в построенных жилых зданиях, где с 81,23 кв.м. в 2000 г. произошло увеличение до 85,33 кв.м. в 2009 г., а на волне кризиса - уменьшились до 68,72 кв.м. в 2016 г.

Следует отметить также и трансформации, происходящие в жилищной сфере в целом.

1. Так, в жилищной сфере отражается повышение социальной мобильности населения. В качестве показателей склонности населения Российской Федерации к смене места своего обитания (своего жительства) следует привести результаты выборочного обследования бюджетов домашних

хозяйств в рамках «Комплексного наблюдения условий жизни населения», проведенного Росстатом в 2005-2014 гг. Количество тех, кто планировал улучшить свои жилищные условия, выросло с 3,4% до 10,4% в приведенном периоде, и уменьшилось число тех, кто не планировал улучшить свои жилищные условия с 11,9% до 4,3% в те же годы. Пересечение кривой, отображающей их планы, совпадает с временным отрезком 2009-2010 гг.

2. Происходит расширение спектра источников денежных средств на приобретение жилья. У значительного числа домохозяйств предполагаемым источником денежных средств на покупку (строительство) жилья был выбран ипотечный кредит (среди всех домохозяйств - 45,4%, и в домохозяйствах с детьми в возрасте до 18 лет - 44,8%).

3. Усиливаются спекулятивные тенденции на рынке жилья и изменяются модели сберегательного поведения населения. Осенью 2014 г. в условиях надвигающейся девальвации рубля и ожиданий от повышений процентных ставок ЦБ РФ, РА «Эксперт РА» (RAEX) [3] провело опрос в рамках V Ежегодной конференции «Ипотечное кредитование в России» от 29 октября 2014 г. На вопрос о планах банков по изменению процентных ставок по ипотеке: 76% участников опроса высказались о планах повысить ипотечные ставки в пределах 1 п.п., а 6% - более чем на 1 п.п. Лишь 15% опрошенных не планировали изменение процентных ставок.

В конце 2014 г. Центробанк РФ [5] озвучил решение о повышении ключевой ставки, что привело к незамедлительному росту (взлету) ипотечной ставки до 17-20%, ставки по ипотеке в новостройках фактически возросли до запредельных 18-22%.

Изменение процентных ставок и снижение курса российской валюты привело к спекулятивным тенденциям на рынке и сберегательному поведению населения. Потенциальный покупатель с недоверием отнесся к росту цен на недвижимость, и замер в ожидании исправления ситуации.

В 2015 и 2016 гг. выдача ипотечных средств значительно снизилась, что свидетельствует о неразвитости института ипотеки и склонности к переоценке его значимости. «Позитивные» данные АИЖК [4] по достижению результатов трехгодичной давности в 1 полугодии 2017 г. показывают, что без изменения общей политики по отношению к покупателю недвижимости - переход от «потребительской» от отношению к покупателю модели к новой модели отношения, в которой признается социальная значимость будущего жильца, налогового агента, - рынок недвижимости будет и далее подвержен значительным колебаниям в условиях финансовой нестабильности.

Все указанное выше, а также: высокая зависимость от простого права частной собственности; ограничение права выбора при поиске места жительства; отсутствие «белого» рынка аренды и найма (любые виды); неспособность финансовой системы противостоять кризисным явлениям; неразвитость жилищной политики; заимствование «негативного» опыта восточноевропейских стран; заложенные противоречия в государственных программах и т.д. - вызывают риск «румынизации» жилищной сферы РФ.

1. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс] / Официальный сайт. - Электрон. дан. - М.: сор. 2017. - Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

2. Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр) [Электронный ресурс] / Официальный сайт. - Электрон. дан. - М.: сор. 2017. - Режим доступа: <https://rosreestr.ru/site/>

3. Рейтинговое агентство «Эксперт РА» [Электронный ресурс] / Официальный сайт. - Электрон. дан. - М.: сор. 2017. - Режим доступа: <http://www.raexpert.ru/>

4. Единый институт развития в жилищной сфере АО «АИЖК» [Электронный ресурс] / Официальный сайт. - Электрон. дан. - М.: сор. 2017. - Режим доступа: [дом.рф](http://dom.rf)

5. Банк России [Электронный ресурс] / Официальный сайт. - Электрон. дан. - М.: сор. 2017. - Режим доступа: <http://cbr.ru/>

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА НА ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ В БЫВШИХ РЕСПУБЛИКАХ ЮЖНОГО КАВКАЗА

Мыльникова А.С. (Санкт-Петербург)

Аннотация. Рассматривается влияние социального капитала на здоровье населения в бывших республиках Южного Кавказа после распада Советского Союза, а также динамика гражданской активности и генерализованного доверия. В данной работе используются данные исследований World Values Survey за 1995 и 2014 годы.

Исследователи в области здравоохранения уже давно отмечают связь между социальным капиталом и состоянием здоровья. Еще в конце 19 века французский социолог Э. Дюркгейм обратил внимание на значительное влияние социальной среды на поведение человека в своем социологическом этюде «Самоубийство» [1]. Дюркгейм утверждал, что «социальные факты» могут объяснить социальные модели, связанные с самоубийством. Работа Дюркгейма послужила основой для изучения влияния групповой динамики и сплоченности на здоровье.

В течение последнего десятилетия связь между социальным капиталом и состоянием здоровья прочно утвердилась в результате многочисленных эмпирических исследований. Исследуется связь социального капитала с уровнем здоровья, физической активностью и использованием общественных услуг, а также с уменьшением смертности от сердечно-сосудистых заболеваний и рака, курения, ожирения, психосоциального стресса и самоубийства.

Чаще всего исследуется связь между социальным капиталом и самооценкой здоровья людей. Будучи субъективной мерой, самооценка состояния здоровья является хорошим показателем для оценки объективных показателей здоровья.

Связь между социальным капиталом и самооценкой здоровья людей особенно важна в бывших социалистических странах, которые претерпели резкий переход от тоталитаризма к демократии и от централизованной к рыночной экономике по двум основным причинам.

С одной стороны, система советского здравоохранения была гораздо более коллективистской, чем индивидуалистическая система в англосаксонских странах и система общественного здравоохранения в странах континентальной Европы. В рамках системы, разработанной при непосредственном участии наркома здравоохранения Н. А. Семашко, государство взяло на себя основную ответственность за здоровье населения, в то время как самим гражданам отводилась лишь пассивная роль пациента. Следовательно, распад Советского Союза в 1991 году привел к резкому изменению политических, экономических и социальных норм и норм, регулирующих оказание услуг в сфере здравоохранения.

С другой стороны, в ответ на жесткий контроль со стороны государства в коммунистическую эпоху советские граждане пытались сплотиться за счет сильных социальных сетей своих родственников, друзей, соседей и коллег. Эти сети играли важную роль в получении доступа к необходимым медицинским услугам. Роль социального капитала увеличилась с началом переходного периода. По мере сокращения государственных расходов на здравоохранение росла поддержка социальной сети. Из-за отсутствия государственной поддержки людям приходилось больше полагаться на поддержку близких и родственников. В республиках Южного Кавказа крупные домохозяйства могли, во-первых, обеспечить достаточно высокий уровень денежных трансфертов членам расширенной семьи за счет предоставления денег без процентов или не взимания платы за предоставленные услуги. Во-вторых, члены семьи могли заменить службы, ранее предоставляемые государством: например, уход за детьми, пожилыми людьми, больными и инвалидами [2].

Переход к рыночной экономике в регионе Южного Кавказа был более продолжительным и более глубоким, чем в странах с переходной экономикой с высоким и средним уровнем доходов, и сопровождался политической нестабильностью, этническими конфликтами и полномасштабными войнами. Система здравоохранения сильно пострадала от разрушенных медицинских учреждений, отсутствия медикаментов и медицинских принадлежностей, ветхих зданий и оборудования, усугубляемых ненадежными поставками электроэнергии, отопления, водопровода и санитарии. Государственные расходы на здравоохранение были значительно ниже, чем в других странах с переходной экономикой. Так в Армении государственное финансирование покрывало лишь 40% всех расходов на оказание медицинской помощи, а в Азербайджане и Грузии – 30% [3]. Это означает, что основное финансовое бремя легло на плечи граждан страны. Несмотря на введение официальных платежей, распространилась неофициальная плата за медицинские услуги, лекарственные средства и расходные материалы.

Для изучения динамики развития социального капитала и самооценки здоровья часто используются данные Всемирного исследования ценностей (World Values Survey, WVS). Нами для сравнения рассматривались волны 1995 и 2014 годов.

В первую очередь изучается динамика уровня генерализованного доверия. В рамках данного исследования оно измеряется при помощи вопроса: «В целом, большинству людей можно доверять, или, напротив, нужно быть осторожными в отношении с людьми?». Этот вопрос неоднократно вызывал сомнения относительно его способности измерять генерализованное, а не

специфическое доверие (т. е. доверие более узкому кругу людей). По сравнению с 1995 годом в 2014 году во всех бывших республиках Южного Кавказа этот уровень снизился: в Азербайджане с 19,4% до 14,8%, в Грузии с 17,7% до 8,8%, в Армении с 23,5% до 10,9%.

В качестве индикаторов включенности респондента в гражданскую активность используется членство в некоммерческих организациях. Самыми активными членами ассоциаций как в начале 90-х годов, так и сейчас остаются жители Армении. Так, в 1995 году 5% жителей состояли в спортивных и досуговых организациях, а 8,2% - в организациях, связанных с культурой, образованием и искусством. Сегодня это количество снизилось до 1,5% по обоим категориям, но это выше, чем в Грузии и Азербайджане, где активно принимают участие в общественных организациях упомянутых типов менее 0,5%.

Если сравнивать самооценку здоровья в исследуемых странах, то хуже всего свое субъективное благополучие после распада СССР оценивали жители Грузии. Как хорошее и очень хорошее его оценила только 48,6% населения. В Армении и Азербайджане этот показатель в начале 90-х равнялся 50,6% и 58,3% соответственно. В 2014 году показатели ухудшились в Грузии и Армении, где высокую оценку своему здоровью дали только 42,6% и 40,7% соответственно. В Азербайджане же этот показатель увеличился до 66,1%.

Из всего описанного можно сделать ряд выводов. Во-первых, уровень доверия и гражданской активности граждан бывших республик Южного Кавказа за 20 лет значительно снизился, что может говорить о уменьшении роли социальных сетей в общественной жизни граждан этих стран. Во-вторых, в Грузии и Армении наблюдается прямая связь между уровнем доверия и социальным капиталом, в то время, как в Азербайджане она обратная. Однако, следует учитывать, что в Азербайджане уровень доверия снизился значительно в меньшей степени, чем в Грузии и Армении.

Аннотация. Рассматривается влияние социального капитала на здоровье населения в бывших республиках Южного Кавказа после распада Советского Союза, а также динамика гражданской активности и генерализованного доверия. В данной работе используются данные исследований World Values Survey за 1995 и 2014 годы.

Ключевые слова: социальный капитал, здоровье, социальные сети, доверие.

Исследователи в области здравоохранения уже давно отмечают связь между социальным капиталом и состоянием здоровья. Еще в конце 19 века французский социолог Э. Дюркгейм обратил внимание на значительное влияние социальной среды на поведение человека в своем социологическом этюде «Самоубийство» [1]. Дюркгейм утверждал, что «социальные факты» могут объяснить социальные модели, связанные с самоубийством. Работа Дюркгейма послужила основой для изучения влияния групповой динамики и сплоченности на здоровье.

В течение последнего десятилетия связь между социальным капиталом и состоянием здоровья прочно утвердилась в результате многочисленных эмпирических исследований. Исследуется связь социального капитала с уровнем здоровья, физической активностью и использованием общественных услуг, а также с уменьшением смертности от сердечно-сосудистых заболеваний и рака, курения, ожирения, психосоциального стресса и самоубийства.

Чаще всего исследуется связь между социальным капиталом и самооценкой здоровья людей. Будучи субъективной мерой, самооценка состояния здоровья является хорошим показателем для оценки объективных показателей здоровья.

Связь между социальным капиталом и самооценкой здоровья людей особенно важна в бывших социалистических странах, которые претерпели резкий переход от тоталитаризма к демократии и от централизованной к рыночной экономике по двум основным причинам.

С одной стороны, система советского здравоохранения была гораздо более коллективистской, чем индивидуалистическая система в англосаксонских странах и система общественного здравоохранения в странах континентальной Европы. В рамках системы, разработанной при непосредственном участии наркома здравоохранения Н. Семашко, государство взяло на себя основную ответственность за здоровье населения, в то время как самим гражданам отводилась лишь пассивная роль пациента. Следовательно, распад Советского Союза в 1991 году привел к резкому изменению политических, экономических и социальных норм и норм, регулирующих оказание услуг в сфере здравоохранения.

С другой стороны, в ответ на жесткий контроль со стороны государства в коммунистическую эпоху советские граждане пытались сплотиться за счет сильных социальных сетей своих родственников, друзей, соседей и коллег. Эти сети играли важную роль в получении доступа к необходимым медицинским услугам. Роль социального капитала увеличилась с началом

переходного периода. По мере сокращения государственных расходов на здравоохранение росла поддержка социальной сети. Из-за отсутствия государственной поддержки людям приходилось больше полагаться на поддержку близких и родственников. В республиках Южного Кавказа крупные домохозяйства могли, во-первых, обеспечить достаточно высокий уровень денежных трансфертов членам расширенной семьи за счет предоставления денег без процентов или не взимания платы за предоставленные услуги. Во-вторых, члены семьи могли заменить службы, ранее предоставляемые государством: например, уход за детьми, пожилыми людьми, больными и инвалидами [2].

Переход к рыночной экономике в регионе Южного Кавказа был более продолжительным и более глубоким, чем в странах с переходной экономикой с высоким и средним уровнем доходов, и сопровождался политической нестабильностью, этническими конфликтами и полномасштабными войнами. Система здравоохранения сильно пострадала от разрушенных медицинских учреждений, отсутствия медикаментов и медицинских принадлежностей, ветхих зданий и оборудования, усугубляемых ненадежными поставками электроэнергии, отопления, водопровода и санитарии. Государственные расходы на здравоохранение были значительно ниже, чем в других странах с переходной экономикой. Так в Армении государственное финансирование покрывало лишь 40% всех расходов на оказание медицинской помощи, а в Азербайджане и Грузии – 30% [3]. Это означает, что основное финансовое бремя легло на плечи граждан страны. Несмотря на введение официальных платежей, распространилась неофициальная плата за медицинские услуги, лекарственные средства и расходные материалы.

Для изучения динамики развития социального капитала и самооценки здоровья часто используются данные Всемирного исследования ценностей (World Values Survey, WVS). Нами для сравнения рассматривались волны 1995 и 2014 годов.

В первую очередь изучается динамика уровня генерализованного доверия. В рамках данного исследования оно измеряется при помощи вопроса: «В целом, большинству людей можно доверять, или, напротив, нужно быть осторожными в отношении с людьми?». Этот вопрос неоднократно вызывал сомнения относительно его способности измерять генерализованное, а не специфическое доверие (т. е. доверие более узкому кругу людей). По сравнению с 1995 годом в 2014 году во всех бывших республиках Южного Кавказа этот уровень снизился: в Азербайджане с 19,4% до 14,8%, в Грузии с 17,7% до 8,8%, в Армении с 23,5% до 10,9%.

В качестве индикаторов включенности респондента в гражданскую активность используется членство в некоммерческих организациях. Самыми активными членами ассоциаций как в начале 90-х годов, так и сейчас остаются жители Армении. Так, в 1995 году 5% жителей состояли в спортивных и досуговых организациях, а 8,2% - в организациях, связанных с культурой, образованием и искусством. Сегодня это количество снизилось до 1,5% по обоим категориям, но это выше, чем в Грузии и Азербайджане, где активно принимают участие в общественных организациях упомянутых типов менее 0,5%.

Если сравнивать самооценку здоровья в исследуемых странах, то хуже всего свое субъективное благополучие после распада СССР оценивали жители Грузии. Как хорошее и очень хорошее его оценила только 48,6% населения. В Армении и Азербайджане этот показатель в начале 90-х равнялся 50,6% и 58,3% соответственно. В 2014 году показатели ухудшились в Грузии и Армении, где высокую оценку своему здоровью дали только 42,6% и 40,7% соответственно. В Азербайджане же этот показатель увеличился до 66,1%.

Из всего описанного можно сделать ряд выводов. Во-первых, уровень доверия и гражданской активности граждан бывших республик Южного Кавказа за 20 лет значительно снизился, что может говорить о уменьшении роли социальных сетей в общественной жизни граждан этих стран. Во-вторых, в Грузии и Армении наблюдается прямая связь между уровнем доверия и социальным капиталом, в то время, как в Азербайджане она обратная. Однако, следует учитывать, что в Азербайджане уровень доверия снизился значительно в меньшей степени, чем в Грузии и Армении.

1. Э. Дюркгейм *Самоубийство: социологический этюд*, М., Мысль, 1994
2. N. Habibov, E. Afandi. *Analysis of subjective wellbeing in low-income transitional countries: evidence from comparative national surveys in Armenia, Azerbaijan and Georgia. Journal of Comparative Social Welfare*, 25, 2009 203-219
3. *10 health questions about the Caucasus and central Asia*, WHO, 2009

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ РОССИЙСКИХ КОРЕЙЦЕВ В КОНТЕКСТЕ ВЫСТРАИВАНИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ

Ни М.Л. (Санкт-Петербург)

В работе анализируется связь между различными типами этнической идентификации российских корейцев и деятельностью корейских национально-культурных объединений в Санкт-Петербурге. В качестве эмпирического базиса используются материалы фокусированных интервью с участниками двух корейских этнокультурных организаций. В результате выделяется три способа этнической идентификации: «укорененная гибридная идентификация», «этническая индифферентность» и «интенсификация транснациональных контактов». Выделенные типы идентификации предполагают ощутимую разницу в коллективных практиках поддержания этничности. Делается вывод о соотношении между спецификой национально-культурных объединений, характером этнической идентификации, а так же практиках выстраивания социальных связей с исторической родиной.

После распада Советского Союза в социальной политике Российской Федерации произошёл поворот к этническому самоопределению. В частности, эти тенденции выразились в государственной поддержке национально-культурных объединений: право на этническую самоорганизацию естественным образом вытекает из права на самоопределение. Корейские этнические организации, в этом плане, особенно интересны по нескольким причинам. Во-первых, история добровольного переселения корейских граждан на территорию России насчитывает уже более полутора веков, что предполагает высокую степень интеграции. Во-вторых, корейские этнокультурные организации активно устанавливают связи с «исторической родиной», что открывает возможности для трудовой, образовательной и досуговой миграции. На данный момент большинство корейских этнокультурных объединений постулирует возрождение национальной культуры и традиций главной целью своей деятельности.

Одним из следствий развития этнокультурных организаций является появление транснациональных практик и возникновение транснациональных социальных пространств [Faist, 2013]. Транснационализм представляет собой подход, схватывающий социальные отношения, происходящие над границами национальных государств. Транснациональные феномены предполагают «ситуацию, в которой индивид, социальная группа или организация находятся одновременно «здесь и там», в двух разных социальных пространствах и/или повседневных мирах... При этом транснационализм... проявляет себя в разных формах и с разной интенсивностью: от простой диффузии (обмена благами, капиталами, услугами и т.д.) до образования устойчивых организаций и сообществ» [Резаев, Кивисто, 2015: 8]. Обычно под «здесь» и «там» имеют в виду два национальных государства, однако транснационализм связан с существованием «поверх» региональных границ и в более широком смысле. В частности, мы предполагаем, что транснациональные эффекты могут сказываться и на выстраивании этнической идентификации. В зависимости от вовлечения в транснациональные практики индивид может в большей или меньшей мере отождествлять себя с «исторической родиной» или страной исхода.

Таким образом, исследовательский вопрос настоящей работы можно сформулировать следующим образом: как разные типы национально-культурных объединений влияют на способы этнической идентификации их участников? В частности, возникают ли транснациональные практики у участников организаций, ориентированных на выстраивание плотных международных контактов? Данная проблема рассматривается на материалах сравнительного анализа деятельности и нарративов участников двух организаций, работающих с российскими корейцами в г. Санкт-Петербурге: «Корейская национально-культурная автономия» и «Корейский культурно-просветительский центр».

По результатам исследования, обнаружена связь между способом этнической идентификации и участием в деятельности национально-культурного объединения. «Корейская национально-культурная автономия» представляет собой организацию, основной целью которой является воспроизводство локального этнического сообщества. Она продуцирует «гибридную укоренённую этническую идентификацию», основной чертой которой является подчёркивание уникальности опыта и культуры российских корейцев. Основным мотивом деятельности организации становится поддержание сетей общения между корейцами и сохранение недискурсивных элементов этничности (традиционная еда, одежда, праздники) при относительно низком уровне контактов с «исторической родиной». Определение себя как гражданина России

является здесь не менее важным, чем связь с корейской культурой. Представляется, что данный паттерн идентификации укоренен в способе институционализации этничности и существования региональных (а теперь и страновых) границ, характерном для пространства бывшего СССР [Мартин, 2001].

«Корейский культурно-просветительский центр», напротив, основной целью своей деятельности ставит воспроизводство культурных практик, среди которых основополагающее место занимает изучение корейского языка. Образовательная специфика обуславливает постоянные контакты с Южной Кореей, а также установление контактов с южнокорейскими компаниями, заинтересованными в найме переводчиков. С деятельностью этой организации связан способ этнической идентификации, который мы назвали «интенсификация транснациональных контактов», ядром которого является актуализация корейского языка, как важнейшего этнического маркера: информанты признают, что российские корейцы «много потеряли», но для возрождения культуры необходимо овладение языковыми компетенциями. Данный способ идентификации, в отличие от предыдущего, связан не с прошлым, а с настоящим и будущим— с процессами глобализации и с появлением транснациональных пространств. В случае Корейского центра можно говорить лишь об отдельных их элементах— транснациональных практиках и контактах. Тем не менее, учитывая стремление информантов к миграции (трудовой или образовательной) в Южную Корею и к работе в транснациональных компаниях, а также их молодость и связь с родителями, в будущем развитие транснациональных практик представляется вполне вероятным.

Последний способ самоидентификации— «этническая индифферентность»— характеризуется отказом от корейского самоопределения. Этнические границы теряют значение, а элементы этнической культуры инструментализируются. К примеру, владение корейским языком рассматривается только как профессиональный навык. Этничность остаётся в тени гражданской или «общечеловеческой» форм идентификации. Контакты с исторической родиной либо отсутствуют, либо происходят в форме туристических поездок. При этом остается открытым вопрос, при каких условиях подобный тип идентификации развивается, и какое влияние оказывают на неё национально-культурные объединения. Последний случай кажется нам наиболее интересным для дальнейшего исследования в связи с увеличением трудовой миграции в Южную Корею среди российских корейцев.

1. Мартин Т. Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923—1937 / пер. с англ. О.Р. Щёлоковой. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. [Martin T. (2011) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923—1937*. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN): Fond «Prezidentskii tsentr B.N. Eltsina». (In Russ.)].
2. Резаев А.В., Кивисто П. Введение // Сборник научных трудов «Современные проблемы исследований миграции и транснационализма» / под ред. П. Кивисто, А.В. Резаева. Том I. «Часть 1». СПб., 2015. С. 7—14. [Rezaev A.V., Kivisto P. (ed.) (2015) *Vvedenie [Introduction]. Sbornik nauchnykh trudov «Sovremennye problemy issledovaniia migratsii i transnatsionalizma [Proceedings «Current issues of migration and transnationalism studies»]. Vol I. «Part 1» St Petersburg*. P. 7—14. (In Russ.)].
3. Faist T. (2013) *Transnationalism. Routledge International Handbook on Migration Studies*. Ed. by S.J. Gold, S.J. Nawyn. Routledge. P. 449—460.

ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА СПУСТЯ: МИГРАЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В МОСКВЕ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

Новоселова Е.Н. (Москва)

В работе рассматриваются особенности миграционной ситуации в городе Москве спустя четверть века после распада Советского Союза. Основной акцент сделан на проблемах взаимодействия москвичей и мигрантов. Обращается внимание на высокий уровень антимигрантских настроений среди столичных жителей, указывается на необходимость преодоления мигрантофобии, формирования толерантности, налаживания культурного диалога.

Москва была городом мигрантов на протяжении всей истории своего существования, является она им сейчас и, по-видимому, будет оставаться еще долго в обозримом будущем. Столицу «в полной мере можно назвать продуктом миграции. Ее население сформировалось благодаря миграции и остается до сих пор активным и дееспособным тоже благодаря ей» [1].

Одна из мощнейших волн миграции в новейшей истории захлестнула Москву после распада СССР, когда социальные, политические и экономические изменения в бывших союзных республиках привели в движение огромные массы людей. Сегодня, четверть века спустя, около 30% всех иностранных мигрантов приезжающих в Россию приходится на Москву, причем в отличие от мигрантов 1990-х гг., когда массово происходила репатриация русских их бывших союзных республик, в настоящее время, ввиду сокращения миграционного потенциала российских соотечественников, это все чаще иноэтнические мигранты, что вызывает необходимость их интеграции, адаптации к российским условиям. Бесспорно, в современных условиях, миграция - процесс обоюдодопользительный - мигранты выбирают Москву из-за разнообразного и емкого рынка труда и более высоких зарплат, а экономика столицы все сильнее зависит от притока труда мигрантов т.к. нуждается в нем по причине демографического кризиса, и будет нуждаться все больше, ведь вакуум, образованный естественной убылью населения должен быть чем-то заполнен. Однако это не отменяет проблем, связанных с противоречиями между интересами мигрантов, приезжающих в столицу со своими микросоциальными практиками и моделями поведения, и коренным населением Москвы.

Точный ответ на вопрос о том, сколько в Москве мигрантов не могут дать даже федеральные службы, очевидно одно - их количество не уменьшается. По официальным данным в столице постоянно находятся около 1,5 млн мигрантов [2], однако, по мнению некоторых экспертов, численность мигрантов, живущих в столице нелегально может значительно превышать цифры официальной статистики.

Что касается отношения москвичей к мигрантам, то оно несколько «мифологизировано, у большинства представление прямо о каком-то миграционном наводнении, хотя, по сравнению с другими столицами мира, у нас мигрантов всего ничего» [3]. Здесь хотелось бы отметить, что несмотря на то, что 66% жителей города ощущают себя москвичами, а 72% считают Москву родным городом, коренными москвичами в традиционном понимании этого слова являются менее трети жителей столицы (27%), хотя на самом деле статуса «коренной москвич» вообще официально не существует, т.к. столица по сути своей город приезжих [4].

Более половины москвичей считают большое количество мигрантов из бывших южных республик СССР и с Северного Кавказа главной проблемой города [5], данная проблема заняла первое место в рейтинге проблем города в 2013 году, в 6 раз обогнав плохое качество школьного образования и рост безработицы, и почти в десять раз экологическую и нехватку детских садов. При этом 40% москвичей считают, что ситуация с мигрантами в ближайшие годы только ухудшится [6], а жить рядом с людьми, с Северного Кавказа и Закавказья, из Средней Азии или Юго-Восточной Азии, большинство жителей столицы не хотят. Удивительно, но наименее терпимо к мигрантам (особенно если речь идет о выходцах с Северного Кавказа) относятся те, кто приехал в Москву 10-15 лет назад, т.к. они опасаются «новых» мигрантов как конкурентов за социальные ресурсы и настаивают на необходимости предоставления этнической иерархии [6].

В столице слишком много мигрантов, как из регионов России (93%), так и из других стран (94%), считают москвичи, которые довольно часто видят в мигрантах угрозу для себя и своих близких (37% - в мигрантах из регионов России, 63% - в мигрантах из других стран) [7], связывают с миграцией высокую преступность в городе, относятся к ним с опаской, настороженностью - 64% [8]. Среди жителей столицы, да и России в целом, существует мнение, что мигранты занимают их рабочие места, совершают большое количество преступлений, являются разносчиками множества заболеваний. То, что мигранты необходимы как для развития российской экономики, так и для поддержания мало-мальски стабильной демографической ситуации признать и принять никто не хочет.

Многие жители столицы уверены, что мигранты конкурируют с ними на рынке труда, так по данным Фонда общественное мнение считают 63% москвичей, при этом лишь 7% москвичей попадали в ситуацию, когда их не взяли на работу, а взяли мигранта [9]. По данным ФОМа 47% столичных жителей нанимали мигрантов для выполнения каких-либо работ [10], при этом 83% [9] имели с мигрантами только устную договоренность, т.е. никаких бумаг и договоров подписано не было, т.е. ценят москвичи в мигрантах в данном случае именно дешевизну их труда, тот же фактор, который они ставят им в вину, когда «конкурируют» с ними за рабочие места. Москвичи охотно пользуются дешевым трудом мигрантов и при этом считают, что от приезжих больше вреда, чем пользы (62%) [11]. Жители столицы, по большей части (59%) [11], считают целесообразным принимать мигрантов разнорабочими, в сельском хозяйстве, в строительстве, в сфере ЖКХ и торговли, а также дворниками и уборщиками. Москвичам хочется, чтобы мигранты

сидели «тиши воды, ниже травы» в каком-нибудь подвале или вагончике и не высовывались оттуда, пока их не позовут.

Депопуляция, старение населения, падение рождаемости коренного населения России формирует условия, когда миграция становится одним из значимых источников пополнения численности населения. Безусловно, демографических проблем за счет миграции не решить, потому что, во-первых, на ПМЖ в Россию приезжают не такое уж большое количество мигрантов, во-вторых «стабилизация и даже рост численности населения за счет миграционного притока, компенсирующего естественную убыль, не отменяет самого факта депопуляции» [12], но и обойтись совсем без мигрантов не выйдет, иначе численность населения будет стремительно сокращаться. Также ясно, что закрыть Москву для мигрантов не сможет никто и никогда, «немногие государства смогли сократить количество мигрантов за счет установления жесткого контроля. Законы спроса и предложения слишком сильны для этого» [13]. Единственным выходом является формирование условия для людей, наиболее полезных для города, это касается возраста, образования, близости культуры. Хотим мы этого или нет, но нам придется как-то ужиться друг с другом. Вероятно, преодолеть негативное отношение к мигрантам полностью невозможно, но надо признать, что их экономическая роль столь велика, что не принимать их мы просто не можем себе позволить.

1. Зайончковская Ж., Мкртчян Н. Москва и миграция <http://polit.ru/article/2009/10/15/demoscope389/>
2. Источник данных: Нелегальная миграция в РФ // ТАСС информационное агентство <http://tass.ru/info/691935>
3. Нужны рабы, а не мигранты. Демографы о парадоксах отношения москвичей к приезжим // Газета.ру http://www.gazeta.ru/comments/2014/09/10_a_6208957.shtml.
4. Источник данных: Москва: «Здесь лучше. Всем» // ТелеФОМ». 29 сентября 2013. <http://fom.ru/obshchestvo/11200>
5. Источник данных: Социальные проблемы и гражданское участие москвичей // Аналитический центр Юрия Левада. Опрос 4-8 июля 2013 года. <http://www.levada.ru/11-07-2013/sotsialnye-problemy-i-grazhdanskoe-uchastie-moskvichei>
6. Источник данных: Опрос москвичей. Городские проблемы: успехи и неудачи. Какие проблемы беспокоят москвичей? В каких сферах они замечают успехи? И каких изменений ждут? ФОМ Опрос москвичей, 26 января – 7 февраля 2013 <http://fom.ru/obshchestvo/10817>
7. Источник данных: Об отношении к мигрантам – внутренним и внешним. Как россияне относятся к мигрантам из других регионов страны и из других стран // Еженедельный опрос «ФОМнибус» 31 мая – 1 июня 2014 г. <http://fom.ru/Nastroeniya/11566>
8. Источник данных: О нелегальных мигрантах. Лагеря или миграционная амнистия? Отношение россиян к лагерям для нелегальных мигрантов. «ТелеФОМ» – телефонный опрос. 18 августа 2013. 1000 респондентов.
9. Источник данных: Защита прав москвичей в условиях массовой миграции. М.2014.
10. Источник данных: Мигранты и рынок труда. О месте и роли мигрантов на российском рынке труда. Опрос ФОМ. Октябрь 2011. <http://fom.ru/Ekonomika/10484>.
11. Источник данных: Инородный ресурс // Коммерсантъ. 29.07.2013/ <http://www.kommersant.ru/doc/2235195>.
12. Синельников А.Б. Что более приемлемо для населения: стимулирование рождаемости или приток иммигрантов? http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=569.
13. Annan K.. Emma Lazarus Lecture on International Flows of Humanity, Columbia University, New York, 21 November 2003 // Цит. по: Мукомель В. Экономика нелегальной миграции в России // Демоскоп Weekly № 207 – 208. 20 июня - 14 августа 2005.

ФАКТОРЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДИНАМИКИ СЕГМЕНТА ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ

Обрывалина О.А. (Москва)

Современные университеты вынуждены трансформироваться под влиянием целого ряда глобальных, национальных и локальных факторов. Наиболее масштабными и влиятельными из них на горизонте ближайших десятилетий, безусловно, оказываются глобальные, обуславливающие необходимость ревизии и пересборки образования в целом. При этом важно,

что сегодня этими драйверами трансформаций в первую очередь выступают “внешние” для образования технологии, социальные практики и акторы, связанные с тремя инфраструктурами:

- “Инфраструктура общения”: сфера информационно-коммуникационных технологий, влияющий на процессы накопления и трансляции информации;
- “Инфраструктура производства и потребления”: финансово-инвестиционная сфера, определяющая общие правила взаимодействия в экономической и образовательной системах;
- “Инфраструктура телесности”: сфера медицины и спорта, работающая в широком смысле с телами и психикой [1].

Как следствие, глобальным трендом становится расширение и усложнение образовательного пространства, его выход за пределы традиционных институциональных рамок, появление новых акторов образования, его новых форм, методов и даже содержательных приоритетов. Один из показателей расширения состава “стейкхолдеров” современного образования – появление новых образовательных форумов, салонов, фестивалей, конференций, организаторами и активными участниками которых зачастую становятся не педагоги и администраторы образовательных учреждений, а представители бизнеса, консультанты, основатели образовательных стартапов, продюсеры образовательных проектов и т.д. Именно они, новые акторы, формируют повестку резонансных дискуссий, определяя актуальные проблемы образования и пути их решения.

Вызовы времени, развитие технологий и участие новых “стейкхолдеров” в качестве безусловного тренда трансформации образования на перспективу ближайших десятилетий определяют расширение использования новых информационно-коммуникационных технологий в трансформации образовательной среды, методов и содержания образования. Повсеместным форматом обучения становится e-learning (электронное обучение). Его реализацией занимаются сегодня как новые, так и традиционные акторы образования в различных секторах: дошкольное, общее среднее, дополнительное школьное образование, высшее образование, среднее и дополнительное профессиональное образование, МООС-платформы, языковое обучение и др. По сравнению с ситуацией в мире, развитие рынка электронного обучения в России, по оценкам специалистов, отстает на 5–7 лет, что связано в частности, с “лагом” компьютеризации и распространения доступа в интернет. Но несмотря на то, что российский рынок e-learning пока заметно отстает по темпам развития от среднемирового уровня, эксперты отмечают его неуклонный рост [2].

Формирование и расширение рынка электронного обучения – одно из проявлений выхода образовательного пространства за пределы традиционных институциональных рамок, что ведет к увеличению числа игроков на рынке образовательных услуг и возрастанию конкуренции. Ожидается, что индустриальная система (состоящая из крупных центров производства специалистов по определенным стандартам) будет терять свою исключительность в качестве провайдера образования [1]. Возможно, уже в первой половине 2020-х гг. будут созданы первые прецеденты передачи массовых образовательных процессов от индустриальных провайдеров образования к «внешним». В данных условиях для сохранения статуса кво университетам необходимо обновлять собственные модели управления и организации учебного процесса, разрабатывать новый образовательный контент и повышать квалификацию преподавателей, и в частности расширять объемы электронного обучения, позволяющего обеспечить доступность, индивидуализацию и интерактивность образования, настройку обратной связи, использование современных технологий, снижение стоимости обучения и др. Во всем мире ведущие университеты активно включаются в развитие электронного обучения и интеграцию его в традиционный учебный процесс.

По данным исследования 38 образовательных систем Европы (около трети общего европейского вузовского образовательного пространства), которое в 2013 г. провела Европейская университетская ассоциация, почти все европейские вузы уже используют технологии электронного обучения [3]. Так 91% опрошенных учреждений используют модель смешанного обучения (когда изучение материала и практика могут проводиться как в стенах института, так и дома), а 82% учреждений предлагают онлайн-курсы. Также в практике университетов распространены совместное производство курсов разными институтами, онлайн-курсы с возможностью получения научной степени и онлайн-экзамены. Особенности использования различных форм электронного обучения варьируются на кафедрах, направлениях подготовки и отдельных дисциплинах, однако большинство участников опроса поддерживают внедрение e-learning.

В России в сферу высшего образования электронное обучение внедряется медленнее, чем в сферу дополнительного школьного, дополнительного профессионального образования и языкового обучения. Анализ открытых данных крупнейших площадок — агрегаторов образовательных программ показал, что к 2016 г. доля дистанционного сегмента в высшем профессиональном образовании (в количестве людей) пока достигла лишь 3,7%. По прогнозам к 2021 г. это значение может вырасти до 9% [2]. В 2015 г. ведущие вузы России (МГУ, СПбПУ, СПбГУ, НИТУ «МИСиС», НИУ «ВШЭ», МФТИ, УрФУ и ИТМО) объединились и создали электронную площадку онлайн-обучения «Открытое образование», которая должна была составить конкуренцию крупным международным проектам. В настоящий момент на платформе доступен 231 бесплатный курс. Однако охват студенчества остается небольшим (231 курс на платформе «Открытое образование» приходится на более чем 500 государственных учреждений высшего образования) и в реализации основных образовательных программ электронное обучение представлено не широко.

Для того, чтобы в условиях трансформации образовательного ландшафта университеты в ближайшие 15-20 лет не проиграли конкуренцию новым или более активным акторам, участники форсайт-сессий, конференций и исследований, посвященных будущему образования предлагают ряд рекомендаций для администраторов образовательных учреждений. В частности эксперты ведущей международной консалтинговой компании BCG (The Boston Consulting Group) предлагают ориентироваться на следующие 3 принципа, выделенные из анализа успешного опыта мировых университетов [4]: 1) внедрение широкого спектра электронных форм обучения и исследования; 2) интеграция цифровизации в стратегию университета, адаптация бизнес-моделей и расширение сотрудничества с другими университетами, индустриями и общественными организациями для трансформации всей системы управления и обучения; 3) создание цифровой инфраструктуры.

1. *Будущее образования: глобальная повестка. Результаты работы по. Форсайту образования 2030.* 2013. // http://edu2035.org/pdf/GEF.Agenda_ru_full.pdf
2. *Исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий.* 2017. // http://www.ewdn.com/files/russian_edtech_part1.pdf
3. *E-learning in European Higher Education Institutions.* 2014. // <https://www.openeducationeuropa.eu/sites/default/files/news/e-learning%20survey.pdf>
4. *A Blueprint for Digital Education* // <https://www.bcg.com/industries/public-sector/successfully-transitioning-digital-education.aspx>

СПЕЦИФИКА КУРСОВ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ, КАК ФОРМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПЛАТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Омар А.А. (Барнаул)

Перед профессиональным обучением встал целый ряд принципиально важных задач, обусловленных потребностями приспособления предприятий к рынку труда. В настоящее время производство предъявляет довольно высокие требования к рабочим кадрам. Необходимость в повышении квалификации определяется тем, что благодаря научно-техническому прогрессу существующие профессии часто меняются на более актуальные. В условиях рыночных отношений очень важно быть разносторонне развитым и иметь как можно больше знаний по различным специальностям. Благодаря этому выпускники становятся более востребованными и конкурентоспособными специалистами. Система дополнительного образования связывает между собой различные отрасли образовательного процесса и экономики, что впоследствии способствует росту интеллектуального потенциала общества и социально-экономическому развитию Российской Федерации. Несомненным плюсом курсов повышения квалификации организуемых для студентов является то, что они не являются обязательными. Каждый студент сам вправе выбирать, в какой сфере ему хотелось бы приобрести дополнительные знания. Отличие заключается в том, что курсы повышения квалификации ориентируются на запросы конкретного заказчика, разнообразные программы обучения. Они соответствуют постоянным изменениям не только технической, но и социокультурной деятельности.

Проблемы развития курсов повышения квалификации анализировались в работах Н.В. Чумаковой, Я.А. Ильинской, Е. А. Будниковой. Классификации современных подходов к повышению квалификации специалистов описаны в трудах И.В. Смирнова, И.В. Муштавинской,

В.Е. Литвиновой. Система повышения квалификации анализировалась в работах Е.С. Давлеткалиевой, В.П. Иваницкого, Э.М. Никитина. За основу написания работы была взята книга «Управление персоналом: учебник для аспирантов».

Рассматривая профессиональное образование, как систему мы можем выделить в ней два этапа. Первый - собственно профессиональная подготовка. Второй - последующие усилия, предпринимаемые для углубления, расширения и дополнения ранее приобретенной квалификации.[1, с. 431]. Профессиональное совершенствование в соответствии с постоянно изменяющимися условиями производственной деятельности представляет собой главное содержание повышения квалификации. Поэтому значение повышения профессиональной квалификации с каждым годом возрастает. То время, когда преобладает учебная деятельность, сменяется отрезками времени с преобладанием практического применения. Работа и учеба становятся все более неотделимыми друг от друга. Профессиональное обучение, работа по профессии и повышение квалификации всегда содержат оба элемента: элемент учебы и элемент применения. Факторы необходимости повышения квалификации подразделяются на факторы окружающей среды и внутренние факторы. Факторы окружающей среды включают в себя: рынок сбыта, рынок рабочей силы, технологии, правовые и общественные типовые условия. Внутренние факторы включают в себя: персонал, технику и организацию. [2] Осуществление профессионального обучения и повышения квалификации начинается с четкого формулирования целей обучения раздельно для каждой категории обучаемых. В соответствии с этими целями разрабатываются программы и методы обучения, а также определяются критерии, по которым будет оцениваться результативность процесса. При этом следует иметь в виду, что не всегда есть возможность четко сформулировать те показатели, которые могут быть положены в основу оценки качества обучения. Если обучение ставит своей целью формирование каких-то определенных профессиональных навыков, контроль результатов обучения не представляется затруднительным. Но в случае если речь пойдет о формировании нового типа поведения или мышления, тогда результаты могут сказаться через достаточно продолжительный промежуток времени. В соответствии с целями обучения составляется перечень качеств, которыми должен обладать сотрудник после прохождения обучения. В зависимости от полученной информации определяется структура сети обучения и повышения квалификации. Масштабы процесса профессионального обучения и профессионального развития неразрывно связаны с потребностями в осуществлении этих двух процессов. Процесс обучения будет наиболее эффективным в том случае, если программы и методы будут максимально адаптированы к уровню слушателей и тем задачам, которые они ставят перед собой в процессе обучения. В настоящее время нет определенных возрастных критериев для получения дополнительного образования, поэтому освоение новых программ обучения в студенческие годы будет способствовать более легкому трудоустройству для выпускника. Ведь имея больше знаний в той или иной профессии и соединив их со средствами производства на рабочем месте, рабочая сила из потенциальной станет реально функционирующей.

1. А.Я. Кибанов. *Управление персоналом организации [Текст] / А.Я. Кибанов // М.: ИНФРА-М, 2010. – С. 431*

2. *Управление персоналом: учебник для аспирантов [Электронный ресурс] // Библиотека «Полка букиниста». – Электрон. дан. – Режим доступа: http://dps.smrilc.ru/Od_PM/Od_06_2.htm*

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Павлова А.В. (Москва)

В СССР в условиях единого экономического пространства, население преимущественно работало в пределах своей республики из-за территориального разделения труда. Однако, существовали государственные программы, связанные с плановым перемещением трудовых ресурсов по разным областям СССР. Распад Советского Союза ознаменовал начало процесса миграции на территориях, некогда бывших единым государственным образованием.

Миграция обычно определяется как «перемещение людей через границы тех или иных территорий с переменной места жительства навсегда или на относительно длительное время, либо с регулярным возвращением к нему» [5].

Трудовая миграция на постсоветском пространстве – перемещение трудоспособного населения, имеющего своей целью трудоустройство, на территории стран бывшего СССР. Процесс трудовой миграции начался сразу после распада Советского Союза. А.А. Абдыкеримова выделяет 5 этапов миграции [1] на постсоветском пространстве.

Первая волна миграции пришлась на 1991-1995 годы. В этот период мотивация изменить место жительства была связана, во-первых, со стремлением людей, работающих вдали от дома, воссоединиться с семьями. Во-вторых, рост трудовой миграции был связан с этнической дискриминацией после распада СССР: уезжая, люди стремились обезопасить себя. В-третьих, мигранты имели экономические причины для переезда – стремление улучшить свое материальное положение и найти работу [5]. Часть населения предпочла уехать в страны дальнего зарубежья (Германия, США, Израиль), но и «Россия превратилась в центр притяжения миграционных потоков, около 6 млн. человек переехали в Россию из соседних стран» [1] в первые годы после распада СССР.

Второй этап трудовой миграции относится к 1996-2001 гг. и характеризуется увеличением потоков трудовых мигрантов из стран СНГ в Россию. Несмотря на то, что в мире наблюдалось «улучшение политической и социально-экономической ситуации, ликвидация и замораживание вооруженных конфликтов» [1], экономическая ситуация на постсоветском пространстве становилась все более тяжелой. Это привело к увеличению потока трудовых мигрантов, прибывающих на российский рынок, который в это время имел позитивные тенденции развития [6].

Третий этап трудовой миграции (2001-2008 гг.) отличается усилением настороженного отношения к мигрантам у многих россиян. Отчасти это связано с усилением террористической угрозы в мире, ростом ксенофобии в целом. Особенно негативное отношение к мигрантам стало заметно после атаки террористов 11 сентября 2001 г. в США, которая оказала влияние на общественное сознание, в том числе в России.

К четвертому этапу относятся 2008-2014 гг. Особенность этого периода связана с кризисной обстановкой в России. Это выразилось в сокращении рабочих мест и снижении потребности организаций в рабочей силе на российском рынке труда [1]. Чтобы сократить поток мигрантов, который Россия уже не могла принимать, были приняты меры. А.А. Абдыкеримова пишет, что «для сокращения безработицы Россия предприняла попытки сократить приток мигрантов. Например, в 2009 г. была в 2 раза сокращена квота на привлечение иностранной рабочей силы, что привело к сокращению числа официально работающих граждан СНГ: в 2009 г. – на 8%, в 2010 г. – еще на 15%» [1].

Особый интерес представляет современный этап развития трудовой миграции, который начался в 2014 году и продолжается сегодня. Особенности этого этапа связаны с политической и экономической ситуацией на Украине, что спровоцировало отток мигрантов из стран СНГ в Россию [3]. Произошли изменения в законодательстве России. Согласно постановлению Правительства РФ №555 от 1 января 2015 года и изменениям ст. 27 ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 31 декабря 2014 года, граждане стран, не входящих ЕАЭС, должны иметь заграничный паспорт. В связи с кризисной ситуацией в России, падением курса рубля и ужесточением российского законодательства поток трудовых мигрантов должен был сократиться, но этого не происходит. По данным на 2015 год, до 80% людей, приезжающих в Россию из стран СНГ, ставят своей целью долгосрочное или краткосрочное трудоустройство [3].

Существует ряд факторов, способствующих процессам трудовой миграции на постсоветском пространстве: общее историческое прошлое, территориальная доступность, действующий безвизовый режим на границах, распространенность русского языка на всех территориях и иные аспекты, создающие благоприятную среду для адаптации переселенцев. Однако на протяжении всего времени после распада СССР миграционные процессы характеризуются значительными проблемами.

Наблюдаются ярко выраженные векторы миграции: основной поток направлен из стран СНГ в Россию, а последнее время и в Казахстан. Такие процессы свидетельствуют о глобализации мира. Избыток рабочей силы в одних странах и её недостаток в других приводят к естественному выравниванию диспропорции: мигранты едут туда, где в них есть потребность [6]. При внешней логичности такого объяснения миграции, оно является довольно спорным, потому что не учитывает ряд факторов: уровень образования и квалификации работников, социокультурный аспект и иные факторы. Зачастую трудовые мигранты представляют собой

низкоквалифицированную рабочую силу с заниженными зарплатными ожиданиями. По статистике, только 2% из них принимают решение о переезде, имея на руках подписанный с компанией контракт [2]. Другие едут, чтобы выживать, что создает сложности, особенно для принимающей стороны. В первую очередь, это нелегальная миграция и трудоустройство. В среднем каждый десятый мигрант приобретает патент, остальные же работают, надеясь на то, что их не проверят или они смогут откупиться. Например, в 2012 году в Россию пришло 685 тыс. человек из Таджикистана, только 50 тыс. из них получили разрешения на работу, 34 тыс. приобрели патенты [4].

Низкими зарплатными требованиями и терпеливостью мигрантов пользуются некоторые работодатели. Для них это выгодный вариант, потому что мигранты согласны практически на любые условия. Существует только видимость позитивного результата даже для работодателей, а негативные эффекты значительны. Российский бюджет не получает налоги, снижается рост ВВП, суммарно ощутимые суммы «уходят» за рубеж. Мигранты вынуждены работать в неудовлетворительных условиях, чтобы выжить и прокормить семьи. Россияне теряют потенциальные рабочие места, которые при соблюдении закона могли бы быть вполне приемлемыми. Работодатели, незаконно использующие труд мигрантов, имеют выгоду только в краткосрочной перспективе: низкий уровень квалификации мигрантов ведет к снижению качества производимых продуктов.

Иными словами, трудовая миграция на постсоветском пространстве является сложным процессом, который оказывает не всегда неоднозначное влияние на российский рынок труда. Слабая правовая база, сложность контроля прибывающих мигрантов и их трудоустройства, культурные различия переселенцев и россиян приводят к проблемам для государства, граждан, работодателей – и самих мигрантов. При этом миграция позволяет России улучшить демографическую ситуацию, а в последние годы заметны позитивные тенденции в вопросах контроля численности мигрантов и правового обеспечения их пребывания, но это пока не позволяет решить все еще остро стоящую проблему.

1. Абдыкеримова А.А. Эволюция миграционных процессов на постсоветском пространстве и его особенности. – URL: <http://3minut.ru/images/PDF/2016/26/evolyutsiya-migratsionnykh-protsesov.pdf> (дата обращения: 05.10.2017).
2. Аналитический доклад по итогам международного научно-практического семинара «Миграция на постсоветском пространстве: тенденции, последствия, перспективы» (2-3 декабря 2011 г., Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова). – URL: http://moscow.iom.int/russian/publications/CARMP/iomrf%20pub/Analiticheskij%20doklad_Migracija_na_postsovetskom_prostranstve_MGU_2012.pdf (дата обращения: 05.10.2017).
3. Быркова Е. Миграционные итоги 2015 года: кто приезжает и уезжает из России? – URL: <http://npoved.pf/analytics/research/34147-migratsionnye-itogi-2015-goda-kto-ppiezhaet-i-uezhaet-iz-rossii.html> (дата обращения: 05.10.2017).
4. Збарская И.А. Рынок труда России через призму миграционных процессов в регионе СНГ: проблемы и перспективы // Экономика Востока России. – Якутск: Центр стратегических исследований Республики Саха (Якутия). – 2014. – № 1. – С. 102 - 105.
5. Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения. – М.: ТЕИС. – 2004. – 285 стр.
6. Тovyшева А.А. Причинно-факторный анализ закономерностей миграционных процессов в России // Современные тенденции развития науки и технологий. – Белгород: ИП Ткачева Е.П. – 2015. – №7 - 8. – С. 126 - 131.
7. Трудовая миграция – URL: <http://voluntary.ru/termin/trudovaja-migracija.html> (дата обращения: 04.05.2017).

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ СФЕРЫ РЕГИОНА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Панкратова Е.В. (Иваново)

Аннотация

Приведены результаты авторского социологического исследования, посвященного анализу субъективной оценки качества жизни жителей Ивановской области. Особое внимание уделено культурно-досуговой сфере. Проанализированы такие эмпирические показатели как удовлетворенность жителей региона проведением свободного времени, выявление основных форм проведения досуга, значимость культурно-досуговых учреждений и мероприятий в жизни населения, посещаемость культурно-досуговых учреждений.

Анализ качества жизни в целом и отдельных его составляющих приобретает особую научно-практическую значимость при рассмотрении сквозь призму территории, на которой проживает население. Это обуславливает необходимость разложения региона на городские и сельские территориальные структуры, что позволяет определять существующие потенциалы и проблемы в рамках каждого типа поселения, а значит разрабатывать конкретные рекомендации по улучшению жизни людей во всех сферах.

Качество жизни как показатель социального развития конкретного региона имеет особую структуру. Среди его составляющих оценка населения культурно-досуговой сферы. Эта сфера осуществляет включение людей в общественную жизнь страны и региона. Несомненно, она реализует социализирующую функцию [1].

Для изучения культурно-досуговой сферы в структуре качества жизни населения Ивановской области в 2016 году было проведено социологическое исследование методом анкетирования (n=400). Основными эмпирическими показателями выступили: формы проведения досуга, удовлетворенность жителей региона проведением свободного времени, значимость культурно-досуговых учреждений и мероприятий в жизни населения.

Формы проведения досуга.

Жители крупного города (областного центра) предпочитают смотреть телевизор, общаться с родственниками и друзьями, заниматься домашними делами, чаще посещают секции и студии. Население среднего города, наряду с самыми распространенными способами проведения досуга, также предпочитает проводить свободное время за чтением книг и журналов, в интернете, занимается деятельностью по интересам. Образ жизни жителей малого города и сельской местности схожи. Отличительными формами проведения досуга являются занятие подсобным хозяйством (56,6% жителей сельской местности и 41,6% жителей малого города), рукоделием (13,2% и 11,5% соответственно). Жители сельской местности проводят меньше времени в интернете, реже занимаются хобби и не посещают развлекательных учреждений. Традиционность способов проведения досуга среди сельских жителей обусловлена многими объективными условиями, среди которых отсутствие культурно-досуговых учреждений, низкая материальная обеспеченность. В среднем городе женщины чаще увлекаются хобби и проводят время в интернете. В малых городах, поселках городского типа и селах больше встречается женщин, занимающихся рукоделием. В областном центре молодые жители предпочитают общаться с друзьями, в крупном и среднем городах – проводить свободное время в интернете. В крупном городе среди людей от 30 до 39 лет больше тех, кто проводит время в интернете, в среднем городе – тех, кто увлекается хобби и читает книги, в сельской местности – подсобным хозяйством. В среднем и крупном городе жители от 40 до 49 лет чаще читают. В возрасте от 50 до 59 лет большинство жителей крупного города смотрит телевизор, а в малых городах и селах занимается подсобным хозяйством. В возрасте от 60 до 69 лет абсолютное большинство жителей региона занимается домашними делами, читает, смотрит телевизор, общается с родственниками. Отличительными формами досуга людей старше 70 лет в среднем городе является использование интернета, в малых городах – увлечение хобби, чтение книг и газет, причем это характерно и для жителей областного центра.

Более высокий уровень доходов жителей крупного и среднего города позволяет чаще, чем жителям других территорий разнообразить свободное время.

Удовлетворенность проведением свободного времени.

Большинство жителей региона удовлетворены способами проведения свободного времени (62,9%). Менее всего довольны своим досугом жители региона в возрасте от 40 до 59 лет. Выше всех остальных удовлетворенность свободным временем отмечена у самой старшей возрастной группы. Больше всего удовлетворены свободным временем люди с низким уровнем образования, меньше всего – жители крупного города, малых городов и поселков городского типа. В крупном, среднем городах и селах формы отдыха и досуга больше не устраивают женщин, в малом городе и поселках городского типа – мужчин. В крупном городе менее удовлетворены досугом жители от 40 до 59 лет, в среднем городе – от 50 лет и старше, в малом городе, поселках городского типа – от 30 до 59 лет, в сельской местности – молодые люди от 18 до 39 лет.

Главные причины неудовлетворенности проведением свободного времени – отсутствие материальной возможности (46,9%), нехватка времени на отдых и досуг (34,7%). Меньшинство жителей области отметили недостаточность культурно-досуговых мероприятий (9,5%) и отсутствие культурно-досуговых учреждений в месте проживания (8,8%). Меньше всего времени

на отдых и досуг у сельских жителей региона. Большинство горожан в качестве причины неудовлетворенности досугом отметили отсутствие материальной возможности. Причем наиболее актуальна эта проблема для жителей областного центра, которые не жаловались на отсутствие культурно-досуговых учреждений и культурно-массовых мероприятий.

Значимость культурно-досуговых учреждений и мероприятий в жизни населения.

По мнению почти половины населения региона, работа культурно-досуговых учреждений не оказывает никакого влияния на их жизнь (45,5%), большинство из них – жители сельской местности. Среди горожан это характернее для населения малого города и областного центра. Население крупного города считает, что культурно-досуговые учреждения способствуют расширению их кругозора и дают возможность провести время с пользой. Жители среднего и малого города отмечают две позиции: возможность обеспечения хорошего душевного состояния и проведение времени с пользой. По мнению сельчан, культурно-досуговые учреждения способствуют также расширению круга общения. Среди представителей сельской местности, малого города и поселков городского типа абсолютное большинство молодежи отмечает отсутствие влияния культурно-досуговых учреждений на их жизнь.

Результаты исследования показали, что практика культурного досуга среди жителей региона не широко распространена. Лишь 5,5% жителей области в течение последнего месяца были в театре, 2,1% – в цирке и 7,3% – посетили музей и выставку. Намного чаще жители области за последний месяц были в кафе, кинотеатре, на концерте, на спортивных мероприятиях. Это говорит о том, что не уровень материального положения, а увлечения и интересы играют ключевую роль в выборе формы досуга. Жители сел посещают концерты в местных Домах культуры (19,7% жителей посетили в течение последнего месяца) и библиотеки (13%), в малых городах и поселках городского типа жители чаще ходят не только на концерты и в библиотеки, но и в религиозные учреждения (22%). Жители крупного и среднего городов имеют больше возможностей разнообразить свой досуг.

Подводя итог анализу культурно-досугового аспекта качества жизни с точки зрения жителей различных территорий региона можно выделить некоторые проблемные моменты. Во-первых, непопулярность активных форм досуга среди жителей. Во-вторых, низкая значимость культурного досуга в жизни населения. В-третьих, незначительное влияние работы культурно-досуговых учреждений на жизнь населения региона.

1. Аргунова В. Н., Панкратова Е. В. Качество жизни населения региона: социологический анализ. Иваново: Ивановский государственный университет, 2010. С. 44.

К ВОПРОСУ О ХАРАКТЕРИСТИКАХ ТРАНЗИТИВНОГО ОБЩЕСТВА

Пасовец Ю.М. (Курск)

Аннотация. В работе отмечается востребованность обращения к анализу проблематики социальной трансформации (социального перехода), актуальной для российского общества в контексте необходимости ответа на современные внешние и внутренние вызовы и осмысления социального опыта трансформационного кризиса 1990-х гг. Автором определяются и анализируются основные характеристики транзитивного общества: наличие вектора развития, незавершенность социальных процессов, дифференциация и поляризованность ценностного сознания и социальных практик населения, нестабильность.

Работа подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №17-33-01001 а2 «Молодежь в системе социально-трудовых отношений транзитивного общества»

В контексте продолжающейся социальной трансформации российского общества, обусловленной потребностью в осуществлении модернизационных преобразований как адекватном ответе на ряд внешних и внутренних вызовов [1; 2, с. 34], проблематика определения сущности и основных характеристик социальной трансформации, или социального перехода, сохраняет свою актуальность.

В связи с этим представляется необходимой попытка выделить ключевые характеристики транзитивного общества, которые позволят вновь обратиться к анализу современного российского общества в контексте социальной трансформации.

Вслед за В.А. Ядовым полагаем, что одним из сущностных признаков социальной трансформации (социального перехода) и соответственно транзитивного социума выступает наличие

«векторной нагрузки» [7, с. 12], определяющей целевые ориентиры общественного развития и ориентированной на преобразование качества системы – общества. Именно «векторная нагрузка» позволяет нам различать социальную транзицию как особую форму социальной трансформации.

Применительно к социальной динамике российского общества в постсоветское время 1990-е годы стали периодом социального транзита, вектором которого выступал переход к рыночной экономике и демократическому государству. Как отмечает ряд ведущих отечественных исследователей, в 1990-х гг. Россия пережила тяжелейший трансформационный кризис, в результате которого было достигнуто равновесие спроса и предложения, сформирована структура рыночной экономики. В итоге, сопоставляя дореформенное и современное состояния российского общества по уровню материального благосостояния населения и потребления, они приходят к выводу, что жизнь большинства россиян в конце 2000-х гг. стала не столько лучше или хуже жизни конца 1980-х гг., сколько она стала другой. При этом благосостояние населения России сократилось в 90-е гг. XX в. и восстановилось в начале 2000-х гг. [8, с. 77–78].

Наряду с этим к числу значимых характеристик транзитивного общества следует отнести и незавершенный характер ключевых социальных процессов, первостепенная роль которых по отношению к другим социальным изменениям обуславливается их детерминированностью «векторной нагрузкой» социальной транзиции. В таких условиях эти социальные процессы становятся источником изменений социального положения населения, компонентов его сознания (ценностных ориентаций, установок, убеждений и др.) и моделей поведения, актуализируя у населения необходимость адаптации к происходящим переменам.

С одной стороны, транзитивное состояние общества связано с возникновением новых ценностных ориентиров и образцов поведения, которые воспроизводят наиболее динамичные категории населения, проявляя тем самым свою адаптивность к происходящим изменениям. С другой стороны, переходное состояние социума зачастую сопровождается и сохранением у другой части населения ценностей и моделей поведения, не отвечающих требованиям изменившейся жизненной ситуации, что становится существенным ограничением для их успешной адаптации [6, с. 329].

Тем самым одним из проявлений социальной транзиции является ситуация, когда в обществе сосуществуют группы населения, придерживающиеся ценностей и образцов поведения, характерных для разных типов общества. В результате среди населения оказываются представленными социальные группы с ценностными ориентациями и моделями поведения, не совпадающими по содержанию с востребованными в социуме. Так, основываясь на результатах общероссийского исследования, проведенного в 2004 г. Институтом социологии РАН, М.К. Горшков отмечает, что, несмотря на наличие в массовом сознании консенсусных позиций, в российском социуме присутствуют две группы граждан, противостоящих друг другу по видению мира, пониманию роли государства и базовых ценностей в своей жизни. В этом году «традиционалисты», поддерживающие патернализм и принципы общества социального равенства, составляли 41,0 %; «модернисты», ориентированные на личную ответственность, инициативу и принципы общества индивидуальной свободы – 26,0 %; промежуточная группа – треть населения [3, с. 22]. По данным общероссийского социологического опроса населения, реализованного в 2010 г. Институтом социологии РАН (N=1750 человек), доли модернистов, промежуточных и традиционалистов в составе населения России составили 23,0 %, 62,0 % и 15,0 % соответственно [4, с. 31–32]. Сравнение приведенных результатов показывает, с одной стороны, значительное увеличение доли промежуточной группы и сокращение числа традиционалистов среди россиян, а с другой – сохранение полярности мнений по вопросам развития общества.

Также одной из важных характеристик переходного состояния общества является его нестабильность, которая обуславливает возможность неожиданных «бифуркаций», по словам О.А. Оберемко и В.А. Ядова, как состояний, требующих принимать «судьбоносные решения». В этих условиях, как подчеркивают авторы, наряду с сосуществованием разных ценностных ориентаций, практик и моделей поведения людей в обществе возрастает роль прагматизма принятия решений «по ситуации». Завершением переходного периода становится стабилизация социальных институтов (в первую очередь, экономических и политических как базисных) и формирование относительно устойчивой системы легитимированных практик [5, с. 13].

Таким образом, к основным характеристикам транзитивного общества необходимо отнести наличие вектора развития («векторной нагрузки»), незавершенный характер социальных процессов, дифференциацию и поляризованность ценностного сознания и социальных практик населения, нестабильность как возможность бифуркаций.

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы: коллективный научный труд / сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2016. – 360 с.
2. Беляева Л.А. Социокультурные вызовы российской модернизации // *Философские науки*. – 2014. – № 11. – С. 32–45.
3. Горшков М.К. Динамика массового сознания в контексте социальной трансформации // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2005. – № 3 (75). – С. 16–23.
4. Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад [Электронный ресурс] / М.К. Горшков и др.; Рос. акад. наук, Ин-т социологии; Представительство Фонда им. Ф. Эберта в Рос. Федерации. – М., 2010. – 179 с. – URL: http://www.isras.ru/analytical_report_modernization.html (дата обращения: 11.11.2013).
5. Оберемко О.А., Ядов В.А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений // *Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ: учеб. пособие / под ред. В.А. Ядова*. – М.: Флинта, 2005. – С. 10–44.
6. Пасовец Ю.М. Личностные ограничения экономической адаптации населения в условиях трансформации российского общества // *Вестник экономики, права и социологии*. – 2015. – № 4. – С. 329–332.
7. Ядов В.А. А все же умом Россию понять можно // *Россия: трансформирующееся общество / под ред. В.А. Ядова*. – М.: Изд-во «КАНОН-пресс-Ц», 2001. – С. 9–20.
8. Ясин Е., Андрущак Г., Ивантер А., Косарева Н., Овчарова Л., Пономаренко А., Фадеев В. Социальные итоги трансформации, или двадцать лет спустя // *Вопросы экономики*. – 2011. – № 8. – С. 77–96.

БЕЛОРУССКИЕ ВУЗЫ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ РЕЙТИНГИ: ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ

Пацукевич О.В. (Горки, Республика Беларусь)

Аннотация. В представленной автором статье рассматривается одно из важнейших следствий становления глобальной образовательной системы – международная рейтинговая оценка деятельности высших учебных заведений и участие в ней белорусских вузов. Приведены данные о позитивных изменениях позиций белорусских вузов в рамках международных рейтингов за последние годы в сравнении с более ранним периодом. В итоге наблюдается положительная динамика расширения и укрепления их присутствия.

Глобализация высшего образования является важнейшей частью глобальной инновационной экономики. Признание на глобальном уровне приобретает все большее значение для вузов всего мира, их успешной конкуренции на мировом рынке образовательных услуг. Это признание проявляется в положении ведущих университетов в мировых рейтингах.

Использование рейтингов для оценки конкурентоспособности в различных секторах рынка образовательных услуг – достаточно новое и по этой причине мало изученное направление для Республики Беларусь. Об этом свидетельствуют полное отсутствие белорусских вузов или их относительно невысокие позиции в списках известных международных рейтингов. Поэтому для успешного функционирования в этой сфере деятельности, необходимо не только заимствовать опыт, накопленный зарубежными коллегами, но и анализировать сложившуюся ситуацию в системе международной оценки отечественных вузов.

В сентябре 2016 г. британское рейтинговое агенство Quacquarelli Symods опубликовало рейтинг лучших 800 университетов мира Qs World University Rankings 2016/17, в котором Белорусский государственный университет занял 354-е место. В 2015 году ведущий вуз страны занимал 421-430-е места, в 2014 году – 491-500-ю позиции. А в июне 2017 года БГУ занял 334-е место – самая высокая позиция за все время участия в мировых рейтингах. БНТУ расположился на позиции 751–800 [1].

Данный рейтинг основывается на анализе данных о высшем учебном заведении и опросах независимых экспертов. Оцениваются такие показатели, как итоги опроса экспертов (академическая репутация), итоги опроса работодателей, индекс цитирования научных трудов за последние 5 лет, соотношение числа преподавателей и студентов, количество иностранных студентов и преподавателей и пр. На первых местах в обновленном рейтинге расположились американские вузы: Массачусетский технологический институт, Стэнфордский университет, замыкает тройку лидеров Гарвардский университет. Позиции ведущих национальных университетов стран-соседей Беларуси: МГУ им. М. В. Ломоносова (108), Казахский национальный университет им. Аль-Фараби (236), Тартусский университет (347), Варшавский

университет (366), Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко (431-440), Вильнюсский университет (481-490) и Латвийский университет (651-700). В рейтинге QS 2016 года среди белорусских вузов, помимо БГУ, представлен также Белорусский национальный технический университет (701+).

Следует также отметить, что в большинстве международных рейтингов Белорусский государственный университет входит в 2% лучших университетов мира, в тройку лучших университетов СНГ и зачастую является единственным представителем белорусского высшего образования, включенным в число ранжируемых.

Новый рейтинг лучших университетов развивающихся стран Европы и Центральной Азии известного британского агентства QS (Quacquarelli Symonds). Рейтинг охватывает около 500 вузов из 30 стран. По результатам опубликованного 21 октября 2015 года рейтинга Белорусский государственный университет вошел в ТОП-50 лучших вузов региона, поднялся на 2 позиции вверх по сравнению с 2014 годом и занял 36 место. В рейтинге кроме БГУ представлен еще один отечественный вуз – Белорусский национальный технический университет, который занял 72 позицию.

В сентябре 2015 г. был опубликован рейтинг Times Higher Education World University Rankings 2015-2016, в котором БГУ стал единственным белорусским вузом за всю 12-летнюю историю издания рейтинга, и занял место в группе университетов с 601-го по 800-е. На верхней строчке рейтинга разместился Калифорнийский технологический институт, за ним следует Оксфордский университет, замыкает тройку Стэнфордский университет. Из стран-соседей Беларуси в рейтинге 2015-16 выше БГУ расположились только 8 российских вузов: МГУ (161 позиция), Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого (201-250), Томский политехнический университет (251-300), Казанский федеральный университет (251-300), Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ (301-350), Новосибирский государственный университет (401-500), Санкт-Петербургский государственный университет (401-500), Московский государственный технический университет им. Баумана (501-600), а также Варшавский университет, Польша (501-600). Стабильно высокие позиции (в том числе 2% лучших) занимает БГУ и в вебметрическом рейтинге Webometrics, который, составляется с 2004 г. Испанским национальным исследовательским советом и обновляется дважды в год: в январе и июле. Его преимущество заключается в том, что показатели вычисляются не вручную, а суммируются из различных информационных систем в Интернете, поэтому в данный рейтинг входит порядок больше университетов, чем в «шанхайский рейтинг», ТНЕ или QS. Среди стран СНГ БГУ входит в тройку лучших вузов вслед за Московским государственным университетом и Санкт-Петербургским государственным университетом. В августе 2017 года БГУ занял 506 место из более 22 000 ранжированных учреждений высшего образования. Динамика рейтинга БГУ выглядит следующим образом: январь 2017 года – 637 место, август 2016 г. – 634 место, январь 2016 г. – 584 позиция, август 2015 г. – 609 место, январь 2015 года – 612 позиция, июль 2014 года – 673 место. БГУ демонстрирует устойчивость своих позиций в рейтинге WRWU на протяжении последних нескольких лет, входя в верхние 2-3% лучших мировых университетов (с учётом того, что всего в мире насчитывается более 30 000 высших учебных заведений). Второе место занимает Белорусский национальный технический университет – 3060 строчка. Третье место у Академии управления при Президенте Республики Беларусь – 3084 место. Четвертое место – у Гродненского государственного университета им. Янки Купалы – 3317 позиция.

В июле 2013 года в вебметрическом рейтинге Электронная библиотека БГУ вошла в первую сотню лучших электронных библиотек мира, заняв 97-е место. В начале 2016 г. Электронная библиотека БГУ вошла в 100 лучших университетских библиотек мира. Как известно, он проводится посредством централизованного сравнения показателей деятельности учреждений образования на основе данных, получаемых из глобальной сети, в том числе – путем анализа их сайтов. БГУ впервые вошел в старейший и один из самых престижных мировых рейтингов – Шанхайский предметный рейтинг университетов ARWU 2017 года по физике и занял место в группе 401 Среди российских вузов в рейтинге – Московский, Санкт-Петербургский, Томский, Новосибирский государственные университеты, Томский политехнический университет, Высшая школа экономики, МФТИ, МИФИ, МИСиС, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого и др. Ранее ни один белорусский университет не входил в число университетов, ранжируемых Шанхайским рейтингом.

Безусловно, весьма позитивное явление – появление и участие белорусских вузов в международных рейтингах, причем практически всех имеющихся в нашем государстве. Это

означает активное вовлечение Республики Беларусь в процессы глобализации и включение отечественных вузов в мировую конкуренцию за предоставление услуг высшего образования.

Более того, происходит постепенное укрепление позиций белорусских вузов в мировых рейтингах, о чем свидетельствуют данные, приведенные в статье. В частности, речь идет о ведущем вузе нашего государства – Белорусском государственном университете, который продемонстрировал самые высокие результаты и благодаря этому вошел в три процента лучших вузов мира. Однако есть определенный негативный момент в оценке деятельности наших высших образовательных учреждений – не во все мировые рейтинги они «вхожи». Это указывает на необходимость совершенствования национальной системы высшего образования в направлении укрепления ее конкурентоспособности на международном уровне, что и является одной из первоочередных задач нашего государства.

1. Абламейко, С. В. БГУ в стране и мире/ С. В. Абламейко // Белорусская думка. – 2016. – № 10. – С. 3-7.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАЛОМНИЧЕСКИХ ПРАКТИК В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Подергина Е.Е., Ваторопин А.С. (Екатеринбург)

Целью данной статьи является изучение процесса трансформации паломничества, его практик в современных условиях. Авторы отмечают расширение круга исследуемых паломнических практик, рассматривают процесс их трансформации, их функции и значение как для современного человека, так и для общества в целом, подчеркивая тенденцию роста социального и человекотворческого потенциала паломнических практик в современных условиях.

Ключевые слова: религиозное паломничество, трансформации современных паломнических практик, социальное измерение паломничества.

Сегодня социальное измерение паломничества особенно актуально в связи с трансформацией феномена паломничества, расширением его социальных и личностных функций, ростом его социально преобразующего потенциала.

В современном обществе, наряду с религиозным паломничеством, существуют виртуальные и реальные практики псевдорелигиозного и политического паломничества. В настоящее время как религиозное, так и нерелигиозное паломничество трансформировались в социальную практику, регулирующую не только религиозными и моральными нормами, но и нормами права.

Традиционно исследователи больше внимания уделяют религиозному паломничеству, которое, будучи обязательной частью религиозного культа, может рассматриваться как одна из форм индивидуального и коллективного религиозного поведения.

Современные паломнические практики способствуют преодолению кризиса идентичности современного человека, являясь способом обретения личностной и социокультурной идентичности. В паломнической деятельности современный человек реализует потребности в самоидентификации и культурной трансформации в соприкосновении с культурно-исторической и религиозной традицией.

В паломническом путешествии, сталкиваясь с иными культурами, регионами и странами, паломник стремится не просто узнать что-то новое, но соотнести новую информацию со своими представлениями, смыслами, ценностями, концептами, обогащая и осмысливая их. Удаляясь от обыденности, паломник ищет и обнаруживает иное. Столкновение с опытом инаковости приводит к необходимости обнаружения и реализации установок толерантности, к преодолению ксенофобии, поскольку в паломничестве, как социальной практике и как религиозном ритуале, изначально отсутствует экспансия и агрессия как цель паломничества. Напротив, миротворческая миссия традиционно присутствовала и присутствует в нем. В паломничестве становится возможным преодоление противоречия между тенденциями дифференциации и интеграции, между центробежными и центростремительными побуждениями отдельных групп и их членов. Следует, впрочем, отметить, что степень толерантности все же зависит от содержания религиозных догматов и предписаний в различных религиях, различаются и их религиозные святыни.

Паломничество в его религиозных и нерелигиозных формах является не только поведенческой, но и духовной практикой. Наличие в любом паломничестве как внешнего поведенческого, так и внутреннего духовного компонентов характеризуют паломничество как деятельность, результат которой содержит в себе духовный, ценностный, смыслообразующий компонент.

Все функции современных паломнических практик можно условно подразделить на первичные, или традиционные, и глубинные, личностно ориентированные; значимость последних в условиях современного общества возрастает.

К первичным, традиционным, культуuroобразующим функциям паломничества относятся функции этноконфессиональной и этнокультурной идентификации. Среди глубинных функций следует отметить функции установления, расширения и пересечения границ личностного и социального пространств. Именно в них кроется инструментальный потенциал паломничества, позволяющий отнести его к социальным технологиям, способствующим обретению гармонии и равновесия социальной и индивидуальной идентичности. Приобщение к паломническим практикам позволяет ускорить развитие личности через актуализацию мотивов саморазвития и самоосуществления. Трансформация функций паломничества проявляется в движении от ритуальной, компенсаторной функции к человекотворческой, смыслообразующей.

Социологический подход к рассмотрению паломничества может быть реализован не только в исследовании социализирующего и социально адаптирующего потенциала внутренних аспектов и функций паломнических практик. Современное паломничество может быть определено не только как ритуальное действие религиозного и псевдорелигиозного характера, но и как современное социальное движение экспрессивно-ритуального характера. Такое определение, на наш взгляд, отражает специфику современного паломничества, которая выражается в расширении паломнических объектов, многообразии паломнической мотивации, его экзистенциальной значимости для паломников.

Причиной возрастания интереса современных исследователей к паломническим практикам, их личностному и социальному потенциалу может быть возможность рассмотрения паломничества как интегративной социальной практики, имеющей потенциал воздействия на многие компоненты социальной системы, поскольку паломничество имеет индивидуальное, социально-групповое и институциональное измерение.

Литература

1. Ваторопин А.С., Потеряева Е.Е. Социальная практика паломничества в современном обществе. Сборник тезисов XIX Международная конференция «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», Екатеринбург 2016.
2. Гафиятуллина К.Р., Подергина Е.Е. Паломничество в контексте религиозного поведения студенческой молодежи (на материалах Екатеринбурга) // Вестник ВЭГУ №6(86)2016 – С. 140.
3. Житенёв С.Ю. Религиозное паломничество в христианстве, буддизме и мусульманстве: социокультурные, коммуникационные и цивилизационные аспекты. - М.:Индрик, 2012. –С.168
4. Калужникова Е.А. Паломничество как ритуал. // Известия Уральского государственного университета. Т. 47. Вып. 12. Екатеринбург, 2006. С. 13-27.
5. Масычев П.В. Конструирование межкультурной толерантности в ракурсе превенции экстремизма // Культурное пространство регионов России: тезисы участников Всероссийской научно-практической конференции / ФГБОУ ВПО "ВолГУ", сост. Анишкин М.А., Сергеева О.В. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2012. - С. 103-104.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ С 2012 ГОДА

Приколота М.Д. (Санкт-Петербург)

Сегодня роль Русской Православной церкви в определении государственной политики ощущается довольно сильно. Мне было бы интересно поставить в качестве вопроса, как осуществляется государственная политика по отношению к РПЦ. Мне кажется, увеличение влияния РПЦ во многом обусловлено государственной политикой, которая проводится российскими властями разных уровней и ветвей с начала 2000-х. Но если до 2012 г. политику в

отношении церкви можно было характеризовать как имплицитную, то потом строгая направленность политики государства стала ощущаться заметнее, поводом для чего послужил «панк-молебен» группы «Pussy Riot».

Для поиска ответа на вопрос я проанализирую федеральное законодательство, которое может быть связано с деятельностью РПЦ. Для анализа взяты некоторые назначения на ключевые или заметные посты, каким-либо образом имеющие связь с церковью. Один из самых важных критериев оценки уровня взаимоотношений церкви и государства – финансирование, на котором я остановлюсь в заключительной части.

О религии в современном мире и о РПЦ в России написано множество работ, некоторые из которых я беру в качестве теоретической базы. Объяснение возрождения религии в мире посредством концепта постсекуляризма Б. Тернер [3] обосновывает на эмпирических наблюдениях спад секуляризации на примере фундаментализма, причину чего автор видит в становлении плюрального общества постмодерна. Ж. Т. Тощенко в работе «Государство как субъект теократии» [4] разрабатывает классификацию политических систем относительно их взаимоотношений с религиозными организациями, которая позволяет определить, в какой системе координат находится Россия и в какой степени текущая политика обуславливает сложившееся положение. В качестве работы, объясняющей, как православие обусловило преимущественно патерналистский характер режима в России, я взял работу Л. А. Андреевой «Христианство и власть в России и на Западе: компаративный анализ» [1].

До 2012 г. деятельность РПЦ и ее поддержка властью не подвергалась критике в силу, как отмечает С. Филатов, тех трудностей, с которыми церковь столкнулась в XX в. [5, с. 17]. Этот тезис можно подтвердить одним 327-ФЗ, принятым в 2010 г., который, будь он рассмотрен сегодня, видимо, вызвал бы гораздо большие споры.

Но инцидент в кафедральном храме вызвал ответную реакцию общественности, которую подхватили власти рядом законодательных актов, среди которых т. н. закон о защите чувств верующих (136-ФЗ). Среди таких законодательных актов также присутствует закон о запрете проверки на экстремизм главных религиозных книг четырех конфессий, что уже позволяет проповедовать православным то, что запрещено иеговистам (314-ФЗ). Даже т. н. «пакет Яровой» (374-ФЗ) в вопросе о миссионерской деятельности дает настолько широкие толкования этому, что позволяет интерпретировать деятельность тех или иных организаций в пользу лоббиста закона.

Беглый обзор связанных с РПЦ чиновников и политиков на высшем уровне позволяет сделать небольшой вывод: чем выше и ответственнее должность, тем выше ответственность за свои действия и слова и тем меньшая апелляция в этих действиях к православию. Так, если депутаты Н. Поклонская и В. Милонов могут себе позволить эпатажные выходки в силу институциональной слабости парламента, если верить работе М. Краснова и И. Шаблинского [2], то от омбудсмена по правам ребенка А. Кузнецовой и министра образования О. Васильевой этого ожидать не приходится. При этом их деятельность по лоббированию интересов РПЦ также заметна: от финансирования фонда А. Кузнецовой «Покров» президентскими грантами и игнорирования ситуаций с православными детскими приютами, до возможности получения научных степеней по дисциплине «Теология», что касается деятельности О. Васильевой.

РПЦ имеет в качестве главного источника финансирования пожертвования, однако также имеют место помощь государства в виде реституции, целевых программ и президентских грантов. Так, в результате реституции по данным Росимущества до 2015 г. количество передаваемых зданий религиозным организациям определялось геометрической прогрессией (2013 – 32, 2014 – 72, 2015 – 137, 2016 – 133) [8]. После 2012 г. начинают работу ФЦП, которые предусматривают финансирование РПЦ: «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» (с 2013 г.) и «Культура России» (с 2012 г.). В рамках последней в 2013-2017 гг. финансирование увеличивается каждый год в среднем на 598,31 тыс. р. [7]. Единственным пока чисто православным фондом, который получает президентский грант, является «Покров», который в 2016 г. получил 420 млн. р., одним из соучредителей которого является омбудсмен по правам ребенка.

Таким образом, с 2012 г. политику государства по отношению к РПЦ можно считать более чем благосклонной. Законодательные акты создают привилегии РПЦ и чинят препятствия ее конкурентам, объемы финансирования из государственного бюджета в основном растут, как и количество передаваемого РПЦ имущества. Именно после 2012 г. возникают ФЦП, направленные на поддержку церкви. Однако может ли это говорить, кто кого использует этой ситуации и взаимовыгодное ли это партнерство?

Действительно, РПЦ получает большие привилегии со стороны государства: финансирование, законотворчество, лояльность регионов, безналоговая торговля. Но влияние церкви на государство сильно ограничено: все симпатизанты во властных структурах или не имеют достаточных полномочий, или обладают недостаточным влиянием.

К. Яжиньска отмечает: «Ссылаясь на церковь, православную религию и мораль, власть пытается укрепить собственную легитимность, поскольку массовые гражданские протесты в ходе избирательного цикла 2011-2012 гг. стали ярким симптомом ее кризиса. Целью консервативной риторики является консолидация вокруг фигуры Владимира Путина той части общества, которая придерживается традиционных ценностей и до сих пор сохраняет лояльность власти. Она также призвана противодействовать дальнейшему сокращению социальной базы Кремля и нарастающему недовольству наиболее активных и либерально ориентированных групп, представляющих так называемый "средний класс"» [6, с. 149].

Л. Андреева также утверждает, что скорее церковь служила инструментом легитимации власти государства в России, чем церковь использовала государство для легитимации своей власти, как это было на Западе.

При этом можно наблюдать определенную тенденцию в отношениях РПЦ и государства. В 2007 г. Ж. Тощенко определяла российское государство на тот момент как «государства, которые по названию являются светскими, но активно поражены клерикальными процессами» [4, с. 7], однако сейчас, если пользоваться типологией Ж. Тощенко, можно сказать, что Россия близится к странам с «господствующей» религией, как страны Северной Африки, или к странам, где возрождают традиции ради стратегических политических интересов (Грузия). При этом нужно отметить, что наблюдаемые Б. Тернером мировые тенденции к постсекуляризации не совсем справедливы для России, поскольку мировые тенденции в большей степени направлены из низших и средних слоев против светских авторитарных режимов. В то время как в России рост клерикализации во многом пропорционален росту финансовой и иной поддержки со стороны государства.

1. Андреева, Л., А. Христианство и власть в России и на Западе: компаративный анализ // *Общественные науки и современность*. - 2001. - №4. - С. 85-102.
2. Краснов, М., А., Шаблинский, И., Г. Российская система власти: треугольник с одним углом. - М.: Ин-т права и публичной политики, 2008. – 231 с.
3. Тернер, Б. Религия в постсекулярном обществе // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. - 2012. - №2. - С. 21-51.
4. Тощенко, Ж., Т. Государство как субъект теократии // *Социологические исследования*. - 2007. - №2. - С. 3-14.
5. Филатов, С. Русское православие, общество и власть во времена политической турбулентности. РПЦ после осени 2011 г. // А. Малащенко, С. Филатов, *Монтаж и демонтаж секулярного мира*. - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2014. - С. 9-41.
6. Яжиньска, К. Русская православная церковь как часть государства и общества // *Неприкосновенный запас*. - 2013. - №4. - С. 142-152.
7. Акт Правительства Российской Федерации "Постановление о федеральной целевой программе "Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014 - 2020 годы)" от 20 августа 2013 № 718 // *Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации*.
8. Планы и показатели деятельности // Федеральное агентство по управлению государственным имуществом URL: <http://www.rosim.ru/about/reports/performance> (дата обращения: 04.07.2017).

ОБУЧЕНИЕ МОЛОДЕЖИ ИЗ СТРАН БАЛТИИ В ВУЗАХ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Пугач В.Ф. (Москва)

Аннотация. В работе приводятся результаты анализа международной студенческой мобильности молодежи из стран Балтии в Россию. На основе данных статистики показана динамика численности студентов из Балтии в государственных вузах России, в том числе обучающихся на условиях общего приема и по международным соглашениям, а также источников финансирования. Анализируются изменения в динамике привлекательности российских вузов для молодежи Балтии в целом, а также особенности каждой из стран. Показано противоречие между приемом и выпуском: отсутствие тенденции к снижению среди приема и снижения численности выпускников. Одной из причин противоречия может быть натурализация молодежи из стран Балтии в России во время обучения в вузах, что является общемировой практикой.

Международная студенческая мобильность в настоящее время рассматривается как один из актуальных аспектов высшего образования, проявления интернационализации, показатель качества высшего образования [1,2]. В стратегии мобильности – 2020 для Европейского пространства высшего образования «Мобильность для лучшего обучения» говорится о том, что «мобильность важна для обеспечения высшего образования высокого качества, и она является также важным фактором для обмена и сотрудничества с другими частями мира» [1].

Ситуация с международной студенческой мобильностью на постсоветском пространстве, в т.ч. применительно к странам Балтии и обучения молодежи этих стран в России, имеет свою специфику. Среди причин этого - общее прошлое Латвии, Литвы, России и Эстонии как союзных республик в рамках бывшего СССР и нынешний их статус независимых государств.

Численность студентов из стран Балтии в вузах России, обучающихся на условиях общего приема, за период с 1993 по 2013 гг. сократилась с 4,7 тыс. до 0,9 тыс., т.е. более чем пятикратно. Сокращение численности студентов не было монотонным, динамика носит волнообразный характер. Спад середины 1990 гг., закончившийся достижением минимального значения в 1996 г. и равного 2,7 тыс., сменился ростом. Достигнутое в 2000 г. значение численности студентов, равное 4,4 тыс. чел., только не-сколько уступало максимальному значению 1993 г.

Далее, в период с 2001 по 2008 гг., происходило быстрое, почти монотонное сокращение до 1,6 тыс., или в 2,7 раза. После 2008 г. наметился незначительный рост. Следовательно, общую динамику численности студентов из стран Балтии можно охарактеризовать как волнообразное изменение при общей тенденции к сокращению.

Следует отметить, что сокращение численности студентов характерно для всех стран Балтии. В то же время наблюдается значительная дифференциация стран по темпам сокращения. Минимальная кратность, более, чем в 3 раза, - среди студентов из Латвии. Далее, почти в 5 раз, у Литвы. Максимальная кратность, более чем в 10 раз, у Эстонии.

Если рассматривать студентов, обучающихся по международным договорам, то характер динамики совсем иной - численность таких студентов из стран Балтии быстро и монотонно растет: за период с 2006 по 2013 годы она выросла с 317 чел. до 926, т.е. почти в три раза.

Дифференциация между странами выглядит следующим образом: максимальный рост, в 4,2 раза, отмечен у студентов из Латвии, в результате численность студентов из этой страны оказалась максимальной среди стран Балтии, почти 400 чел. Кратность роста численности студентов из Литвы и Эстонии оказался почти равной, 2,4 раза. Следовательно, можно говорить о росте привлекательности российского высшего образования для граждан всех стран Балтии, обучающихся по международным договорам.

Снижение происходит и общей численности студентов, граждан стран Балтии, обучающихся в российских вузах - с 2006 по 2013 годы оно составило 13 %, и в 2013 г. численность студентов составила 1815 чел. При этом между странами отмечена очень значительная дифференциация не только в степени изменения, но и в направлении динамики: численность студентов из Латвии выросла на 10%, из Литвы сократилась на треть, из Эстонии сократилась на 13%.

Результатом такой дифференциации между странами, разнонаправленной динамики в численности студентов является существенное изменение в распределении всех студентов из Балтии по отдельным странам (Табл. 1).

Табл. 1. Распределение студентов из Балтии, обучающихся в российских вузах, по странам, %

годы	Всего студентов, чел.	В т.ч. из стран, %		
		Латвия	Литва	Эстония
1993	4699	28,7	27,3	44,0
1994	3365	25,8	26,7	47,5
...
2010	1897	40,6	31,3	28,1
2013	1815	44,6	31,3	24,0

Рассчитано по источникам: [3, с. 39; 4, с. 398; 5, с. 366, 368; 6, с. 400, 401].

Структура студентов из Балтии в вузах России за двадцатилетний период претерпела существенные изменения. В середине 1990-х гг. на Латвию и Литву приходилось на каждую страну чуть более четверти всех студентов, на Эстонию свыше 40%. Скорость и направление динамики для каждой из стран оказались очень разными. Доля студентов из Латвии быстро

роста: если в середине 1990 гг. она немного превышала четверть, то с 2009 г. превышала 40%. Доля студентов из Литвы также росла, но характер динамики оказался иным. За период с начала 1990-х до начала нулевых годов XXI века доля студентов из Литвы выросла примерно с четверти до уровня, превышающего 40%. После чего произошло снижение доля Литвы примерно до трети. На фоне разнотемпового роста Латвии и Литвы совсем иная картина наблюдается в динамике доли Эстонии, которая снизилась чуть ли не вдвое: с 44 до 24%.

Следовательно, структура мобильных студентов из стран Балтии в Россию за постсоветское время существенно изменилось. Если в 1993 г. Эстония составляла наибольшую часть всех прибалтийских студентов в России, то в 2013 г. – Эстония оказалась на последнем месте, на первом – Латвия.

Прием характеризуется, во-первых, большой неравномерностью, во-вторых, значительным ростом на рубеже столетий, с 1999 по 2002 гг., с максимальным значением в 2001 г., а также точечным ростом в 1995 г.. Поэтому условно можно утверждать, что в 1990-е годы происходил рост приема, после максимальных значений на рубеже веков – спад. В целом направление динамики выделить трудно, если и можно говорить о тенденции к сокращению приема, то очень незначительной.

Анализ приема поступающих по международным соглашениям показывает совсем другой характер динамики. Прием из стран Балтии согласно международным соглашениям за период с 2006 по 2013 гг. вырос в 2,8 раза, причем рост наблюдался среди поступивших из всех стран Балтии. Максимальный рост, причем монотонный, наблюдается в динамике приема граждан Эстонии, он вырос 4,3 раза. Численность приема граждан Литвы выросла почти вдвое, но здесь нет монотонного роста. Нет его и в динамике граждан Латвии, хотя тенденция к росту явно присутствует.

В динамике приема граждан стран Балтии в российские вузы четкая тенденция к росту просматривается только у обучающихся по международным соглашениям. Для тех, кто поступает на условиях общего приема, характерны значительные колебания и почти отсутствие четкой тенденции. О снижении численности приема можно говорить только относительно Эстонии.

Динамика выпуска характеризуется значительными колебаниями, некоторой тенденцией к росту до рубежа столетий и последующим снижением численности, причем это справедливо как относительно общей суммы, так и выпуска из каждой из стран.

Между приемом и выпуском наблюдается определенное противоречие. С одной стороны, отсутствие тенденции к сокращению приема граждан стран Балтии в вузы России, с другой стороны – сокращение выпуска. Особняком стоят обучающиеся по международным соглашениям, их численность растет как среди приема, так и выпуска. Одним из объяснений этого противоречия может быть натурализация студентов во время обучения в вузах, что является общемировой практикой. [2, с. 18].

Выводы. За период с 1993 по 2013 годы произошло существенное, в 2,6 раза, снижение численности студентов из стран Балтии, обучающихся в государственных вузах России. При этом наблюдается значительная дифференциация между отдельными странами: максимальное снижение численности среди граждан Эстонии, в 4.7 раза. Минимальное, менее чем вдвое, среди граждан Латвии. Противоречие наблюдается между приемом и выпуском. Одним из объяснений этого противоречия – между отсутствием тенденции к снижению среди приема и явного снижения численности выпускников – может быть натурализация студентов во время обучения в вузах, что является общемировой практикой. Следовательно, несмотря на сокращение численности студентов из стран Балтии в российских вузов, нет оснований говорить о явном снижении привлекательности российского высшего образования среди молодежи стран Балтии.

Литература

1. *Мобильность для лучшего обучения. Стратегия мобильности – 2020 для Европейского пространства высшего образования.* http://www.ncpa.ru/bucharest_2020.pdf
2. *Массовое высшее образование. Триумф БРИК? /пер. с англ.; под науч. Ред. М.С. До-бряковой; ВШЭ, 2014.*
3. *Высшее и послевузовское образование в России: 2004. Стат. Сб. – М.: ЦИСН, 2004. С.39.*
4. *Образование в Российской Федерации: 2007. Статистический ежегодник. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007, С. 398.*
5. *Образование в Российской Федерации: 2012: стат. Сб. – М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2012, С. 368.*

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИКИ

Рубец С.Г. (Горки, Республика Беларусь)

Аннотация. Развитие гуманистических отношений преподавателя и учащегося имеет важное значение не только для педагогической науки и образовательной практики, но и для общества в целом, так как одним из критериев его развития является характер отношений, устанавливаемых между людьми, как членами этого общества. Отношения, складывающиеся между преподавателем и учащимися в образовательном процессе, во многом определяют ту модель отношений, которую будут реализовывать последние в процессе будущей профессии-ональной деятельности.

“Гуманистические отношения” – понятие, используемое в философии, социально-психологических, педагогических науках; оно сопряжено с такими взаимосвязанными категориями, как взаимодействие, общение, отношение, совместная деятельность. Отношения как “внутреннее состояние” (Я.Л. Коломинский), “личностное образование” (А.А. Бодалёв) являются скорее не результатом, а источником общения, взаимодействия, совместной деятельности и определяют их содержание [2].

Идея отношений богата пространством своих потенциальных смыслов и может быть проанализирована с позиций гуманистического подхода, доказывающего возрастание потребностей в гуманистических идеалах, снижение ценностей эгоцентризма, усиление значения межличностных отношений, основанных на принципах любви. Межличностные отношения помогают преодолеть внутренние барьеры, освободиться от масок, ролей, обеспечить атмосферу безопасного общения. Следовательно, гуманистические отношения, характеризуя особый творческий тип взаимодействия и совместной деятельности, предполагают понимание, открытость, активность, значимость, удовлетворённость, доверие, заинтересованность друг в друге личностно-равноправных собеседников.

Гуманистическая педагогика, учитывая наследие прошлого и ориентируя практику современного образования на свободное развитие человека, на стимуляцию его саморазвития, обратила внимание на проблему педагогических межличностных отношений, где доминирующее значение приобрёл вопрос любви педагога к учащимся. Любовь к учащимся считалась необходимым качеством педагога, при наличии которого возникала естественная возможность развивать гуманные отношения с воспитанниками. Любовь соединяла педагога и воспитанника, делала их единокорными, предвещала проявление открытости, доверия, понимания, уважения друг к другу, побуждала к стремлению развивать собственные способности (Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Песталоцци, К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой, В.П. Вахтеров, Я. Корчак, С.Т. Шацкий, В.А. Сухомлинский и др.).

В педагогике, в русле проблемы педагогического взаимодействия и общения, рассматривались требования к личности педагога и к организации его взаимоотношений с учащимися. Основными требованиями являлись развитие гуманистической направленности педагога, характеризующейся такими качествами, как общительность, доброжелательность, эмпатия, аутентичность, открытость, гибкость, инициативность, тактичность, непосредственность, и “очеловечивание” отношений преподавателя и воспитанника. Усиление интереса к феномену “диалога” в педагогике связано с переходом от “сплюснутых”, формально-ролевых отношений к “глубинному общению” (Г.С. Батищев), межличностным отношениям. Диалог образует единое семантическое пространство, эмоциональное “событие” педагогов и учащихся, позволяющее стимулировать активность учащихся по отношению к развитию собственных коммуникативных способностей. Подлинный диалог, как процесс творческий, возможен лишь при спонтанном, свободном обмене мнениями, при полном раскрытии позиций, когда индивидуальность учащегося интересна педагогу в ее самобытности и неповторимости и когда он сам предстает перед учащимся в тех же качествах

Идеи о ведущей роли педагога являются приоритетным направлением в гуманитаризации образования. Освобождающее влияние педагога заключается в создании атмосферы психологической безопасности для каждого учащегося, в отсутствии желания руководить, в авансировании доверия, в духовном единении собеседников, в совместном переживании межличностных событий, таким образом, на установление гуманистических отношений педагога и учащихся влияет личность преподавателя, способного строить человеческое общение.

Анализ психолого-педагогической литературы позволил охарактеризовать гуманистические отношения как особый творческий тип общения и совместной деятельности, предполагающий понимание, доверие, открытость, заинтересованность личностнозначимых собеседников и критерии определения уровня развития межличностных отношений. Это взаимонаправленность общения педагога и учащегося, проявляющаяся в создании единого семантического пространства; взаимоактивность, предполагающая спонтанное, свободное общение педагога и учащихся, возникающее по собственному побуждению каждого; взаимозначимость, демонстрирующая авторитет личности педагога и учащегося, признание их прав на принятие личностно значимых решений при сохранении автономии собеседника; взаимудовлетворённость, выражающаяся в дружеском расположении педагога и учащегося.

Опираясь на выделенные критерии, мы определили уровни взаимоотношений педагогов и учащихся:

– гуманистический – характеризуется: активным участием, проявлением инициативы и самостоятельности педагогов и учащихся в общении; уверенностью в своих возможностях; доброжелательностью, тактичностью при взаимодействии; гибким реагированием на ситуацию; увлечённостью общением; удовлетворённостью взаимоотношениями; авансированием доверия друг другу; свободным и открытым выражением мыслей и чувств; помогающей тактикой взаимодействия; личностной значимостью отношений; активным использованием диалога, юмора, игр в педагогическом взаимодействии;

– равнодушный – проявляется через формальные контакты педагогов и учащихся и ему свойственны следующие черты: активное участие и проявление инициативы, как правило, принадлежит педагогу; чёткое планирование и редкое изменение тактики взаимодействия: нечётко выраженная положительная направленность: сухой, официальный тон общения; эмоциональная отчуждённость; удовлетворённость взаимодействием носит неустойчивый, ситуативный характер; сдержанность в выражении чувств;

– негативный – выражается в скрыто-отрицательном или явно негативном отношении между педагогом и студентом и распространяется на педагогическую работу или учёбу; характер взаимодействия оценивающий (по принципу "плохой - хороший") и дисциплинирующий (сосредоточение внимания на плохих поступках, отрицательном поведении); недоброжелательность, нетактичность в общении; низкий тонус деятельности; партнёры не доверяют друг другу, обвиняют в несправедливости, в непонимании, в неоткровенности.

Гуманистические отношения с преподавателями способствуют снятию у учащихся комплекса защит в общении и проявлению открытости, доброжелательности, искренней заинтересованности, спонтанности, сопереживания, гибкости. На формально-ролевом уровне отношений у учащихся не проявляется потребность в личностном общении, хотя они могут быть тактичны, доброжелательны, инициативны в процессе обучения. Негативные отношения провоцируют со стороны педагогов авторитарные попытки преобразования межличностного взаимодействия и усугубляют внутреннее и внешнее сопротивление учащихся, поэтому учащиеся замкнуты, часто неуверенны в себе. Основной задачей гуманной педагогики является оказание содействия человеку в определении и коррекции отношения к самому себе, окружающему миру, другим людям.

Гуманистические идеи, связанные с пониманием человека как части природы и самоценности его личности, составили основу ведущей мировоззренческой ориентации прогрессивных общественных движений.

Главная идея – идея гуманистического подхода к ребёнку – прошла через сердца всех классиков педагогики. Это история. Она доказывает вечность истин гуманного отношения к ребёнку и важность самостоятельности воспитанника: не вести его надо, а создавать условия, чтобы он шёл рядом, опережая, резвясь, догонял нас и брал за руку, если устанет или почувствует необходимость в нашей поддержке, словом, вёл бы себя, как и подобает ребёнку в путешествии со взрослыми.

Таким образом, задача современного учреждения образования раскрепостить и развить гуманистические возможности учащихся. В этом её коренное отличие от основных идей и принципов традиционного образования.

*Давыдова, Ю.А. Исследование причинной обусловленности конфликтного поведения личности / Ю.А. Давыдова / Вестник ТГУ, выпуск 2 (58), 2011. – 140с.
Сухомлинский, В.А. Потребность человека в человеке. / В.А. Сухомлинский. - М.: Просвещение, 1978. – 341с.*

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ

Савинов Л.И. (Саранск)

Современное образование в России настолько противоречиво, что оценить его как определенную единую систему не представляется возможным. Поэтому уделим внимание некоторым доминирующим тенденциям.

По своему оформлению и содержанию российское образование предпринимает серьезные усилия, чтобы не быть похожим на институт образования, существовавший в СССР. В Советском Союзе сложилась оправдавшая себя система образования. Советская школа имела подтвержденное социальной практикой солидное научно - методическое и организационно учебное обеспечение, широкую доступность образования, бесплатность обучения, единство обучения и воспитания, светский характер образования, стабильное финансирование; имелись и недостатки — чрезмерная идеологизация, администрирование и догматизм в формировании учебных планов.

К 1990 г. всем стало ясно, что российское образование стало утрачивать имеющиеся в СССР достижения. Это выразалось в ухудшении качественных характеристик научно-педагогических кадров, в разрушении материально - технической базы учреждений, в разрыве воспитания и образования. По утверждению ректора МГУ В. А. Садовниченко, «политики зашли столь далеко, что фактически сбросили со счетов отечественную науку и образование, чем... похоронили все надежды на обновление России» [3, с. 347].

Во - первых, в настоящее время важной составляющей, характеризующей высшую школу, является бурный рост высших учебных заведений. Сопровождающийся в последние 5 лет «откатом назад» (идет процесс сокращения вузов, специальностей, а в многих вузах и количество студентов). Подобная ситуация имеет неоднозначные и даже парадоксальные последствия. С одной стороны, сегодня, в условиях сокращения бюджетного финансирования государственных вузов, существование и развитие негосударственных образовательных учреждений представляет собой выход из сложившихся противоречий. Увеличение числа высших учебных заведений, несомненно, способствует расширению сферы образовательных услуг. Но, с другой стороны, коммерциализация высшей школы (в государственных вузах также растет количество коммерческих отделений) изначально ставит в неравные условия абитуриентов из высокообеспеченных семей и семей среднего и низкого достатка. Плата за обучение как в негосударственных вузах, так и на коммерческих отделениях государственных учреждений высшего образования не для всех слоев общества является приемлемой. Отношение к ЕГЭ определяется прежде всего гражданской обеспокоенностью по поводу уровня и качества того образования, которое абитуриент получит на довузовской стадии развития личности. По отношению к традициям отечественного образования тестирование — это отступление от исторического наследия, оно не способствует поиску творчески мыслящей молодежи. Да и зарубежный опыт не дает однозначной оценки. Одни специалисты утверждают, что стандартизация тестов практически исключает необъективность оценки знаний, другие убеждены в том, что тестирование имеет определенную классовую, расовую и этническую направленность. На поступление в колледжи в самых высокоразвитых странах США и Япония, где широко применяются результаты тестирования, оказывают влияние и другие социально значимые факторы [4, с.110].

Университет сегодня плюралистическое образование, и нарастание необходимости тесного переплетения образовательных структур с другими структурами является актуальной потребностью российской высшей школы. Поэтому неизбежным является факт интенсивной интеграции университетской субкультуры с разными социально значимыми секторами (экономикой, наукой, политикой, просвещением, демографией и т. д.). При чем отличительной чертой необходимой интеграции является эскалация (рост и усложнение) связей. Вместе с тем в университетской субкультуре и сегодня высоко ценятся способность самостоятельно мыслить, независимость и умение принимать решения. Образование не только передает культурные традиции, все чаще российская система образования встречается с бюрократизмом, коррупцией и насилием. Университеты должны быть не административно управляемыми, а направляемыми конечным результатом. Данный принцип должен быть приоритетным, поскольку институциональная роль знания усилилась, любое знание становится социальным [2, с. 521 -551].

Кроме того, во многих российских вузах наблюдается ожесточение борьбы между кафедрами за предметы, за учебную нагрузку. К сожалению, в данных условиях качество подготовки специалистов не может быть приоритетной задачей и откладывается до наступления лучших времен. Широко распространенным способом выживания вуза становится практика открытия новой (как правило модной сегодня) специальности; казалось бы это мероприятие имеет прогрессивный или по крайней мере перспективный характер. Однако истинное положение дел здесь гораздо сложнее, отсутствие надлежащего количества старшеклассников — будущих студентов — вынуждает ректораты, деканаты многих вузов переманивать к себе школьников из других районов и областей.

В настоящее время помимо своей основной образовательной функции российские вузы берут на себя целый ряд других функций. Во-первых, функцию социальной защиты, так как высшие учебные заведения сегодня реально защищают определенную часть молодежи от безработицы и призыва на воинскую службу. Во-вторых, еще высока социальная ценность высшего образования, поэтому оно выполняет функцию важного канала перемещения в обществе, своеобразного социального “лифта”, который увеличивает не только социальную мобильность, но и социальное расслоение российского общества. В-третьих, современное высшее образование часто является непрофессионально специализированным, а общепринятым условием последующего профессионального самоопределения. Кроме того, конкуренция на рынке (глобальном, российском, региональном, и пр.), сокращение государственного финансирования, рост противоречия между дорогостоящими науками, исследованиями, необходимостью массового образования и как снежный ком растущими региональными проблемами — все это в совокупности способствует разворачиванию предпринимательской модели университета. Это «достижение» относится к разряду «небесспорных», поскольку во многом оно вынужденное, и большинству университетов, скорее всего, гармонично не свойственное.

Далеко не все вузы России можно отнести к социально активным. И это весьма странно, поскольку в нынешних условиях неизмеримо усилились функции гуманизации и социализации научного знания. Вне социализации общенаучного знания невозможно ожидать единения общественных, естественных и технических наук. Без усиления социально - гуманитарных компонентов не только не удастся остановить возникшую автономизацию культуры и образования, но и весьма проблематично устранить негативные последствия данного разрыва.

Реформа системы образования поставила преподавателя в сложные и противоречивые условия. Преподаватель выступает в качестве центральной фигуры учебного процесса как один из его основных субъектов. Педагогическим мастерством преподавательского состава во многом определяется повышение качества подготовки молодых специалистов. Необходимыми характеристиками деятельности педагога высшего учебного заведения, способствующими прогрессивному развитию высшего образования, являются: использование новаций и нововведений в содержании и формах учебного материала, методах контроля знаний студентов, нестандартных способах привлечения студентов к научной работе, высокий уровень профессионализма. Основным призванием педагога становится обучение ученика умению творческого поиска для организации самостоятельного процесса познания. Современные отношения между педагогом и учеником позволяют их определить как педагогику сотрудничества. Все перечисленные требования могут быть выдержаны преподавателем лишь при наличии соответствующих условий для осуществления профессиональной деятельности профессорско- преподавательского состава.

Реализовать отмеченные требования преподавателю препятствуют:

1. Безмерно низкий уровень стимулирования деятельности преподавателя, прежде всего финансового плана, через размеры заработных выплат [1, с. 187].
2. Далеко не все преподаватели обладают оптимальной организацией жизнедеятельности, досуга и отдыха, обеспечены жильем, медицинским обслуживанием, доступом к ресурсам психологического, эмоционального и физического восстановления.
3. Многие преподаватели имеют затруднения в самоактуализации и реализации собственного потенциала через издание собственных учебных и методических пособий, практикумов, монографий.

Чувствуя себя униженным и забытым властью, преподаватель, зная, что он необходим студенту, культуре и будущему, идет на компромиссы. Он нередко вынужден снижать требования к себе и к студентам. За последние четверть века в России социальный статус учителя школы и преподавателя вуза резко упал, у подавляющего большинства работающих в системе образования

зарплата на уровне выживания. Постоянно лишь выживая, сложно творить на перспективу. И поэтому высоко квалифицированные специалисты, интеллектуальная элита общества, имеющие ученые степени и звания, принуждена пополнять внешнюю и внутреннюю «утечку мозгов».

К наиболее конфликтным ответам системы образования в отношении роли и места студенчества, на наш взгляд, необходимо отнести следующие результаты. Российская система образования стала как то на второй план отодвигать социальный заказ на подготовку востребованных обществом и культурой специалистов с высшим образованием. Социальный заказ для университетского образования и сегодня должен быть основой для жизнедеятельности вузов. Это положение не должно препятствовать личным стремлениям абитуриентов получить высшее образование. В России сегодня представление об образовании как о социальном институте оказывается выхолощенным. В данной ситуации, по мнению Д. Л. Константиновского, реакция молодежи на вызов среды можно характеризовать как адаптацию или как самоопределение [4, с. 348]. Однако надеяться на то, что значительная часть студенчества проявит творческое и конструктивное самоопределение, усердие к самостоятельному поиску информации в современных российских условиях весьма проблематично.

Дело не только в том, что для подавляющей части нашего студенчества существуют объективные препятствия, которые затрудняют поиск и использование новых данных (материальные, технологические и т. д.); этот процесс в нашей культуре реализовать практически не представляется возможным без дисциплины, трудолюбия, ответственности. Здесь уместно отметить и слабое усвоение знаний школьной программы сегодняшними абитуриентами. Следовательно, позиция, что наш студент — это в основном сознательный субъект системы образования, а не объект внимания и управления, крайне противоречива, по крайней мере в сегодняшней российской действительности. При этом нельзя забывать, что многие в России на науку и образование и сегодня смотрят с позиций большого бизнеса, что, несомненно, сказывается и на молодежи. Поэтому конфликт между социальным заказом, предъявляемым обществом к системе образования, вступает в противоречие с возможностями самой данной системы удовлетворить современные социальные потребности в этой сфере. А корни этого конфликта выходят за рамки системы образования.

Современный глобализм по сути дела пока тоталитарен. Поэтому следует именно в контексте диалектики регионализации и глобализации рассматривать современные проблемы развития российского образования. Мы, несомненно, должны быть частью европейской системы образования, но той частью, с которой должны считаться другие и уважать ее. Российская система образования должна очиститься от наносного, чужеродного, антисоциального. В истории нашего отечества есть периоды, когда Россию уважали соседние страны. Данные периоды совпадали с качественным, высокодуховным, социально направленным и морально чистым образованием. Тогда государство защищало образование и материально, и социально.

1. Жуков В. И. *Университетское образование: история, социология, политика.* — М., 2003.
2. Савинов Л.И. *Социология образования / Социология : учебное пособие / П.Д. Павленок, Л.И. Савинов, Г.Т.Журавлев.* - 3-е издание – М: Издательско – торговая корпорация «Дашков и К», 2016.
3. Садовничий В. А. *Россия. Московский университет. Высшая школа.* — М., 1999.
4. *Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: Социальные вызовы и альтернативы»:* В 3 т. — М., 2003. Т. 2.

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Сакаев В.Т. (Казань)

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта №17-11-16005/17 ОГОН.

Статья посвящена анализу характера и тенденций развития миграционных процессов, протекавших в Республике Татарстан во второй половине XX – начале XXI вв., определению их демографических, социально-политических и социально-экономических последствий. Основы исследования составили архивные материалы Национального архива Республики Татарстан, а

также опубликованные материалы переписей населения 1959, 1969, 1979, 1989 и 2002 гг. Автор подробно рассмотрел последствия эвакуационных и реэвакуационных процессов периода Великой Отечественной для демографического и социально-экономического развития региона. В статье дана характеристика внутренним миграционным процессам в регионе в послевоенный период, в период модернизации 1960-х – 1970-х гг. и активного хозяйственного освоения востока и юго-востока республики и создания новых экономических районов, а также миграционным процессам в период социально-политической дестабилизации СССР во времена «перестройки». Отдельное внимание уделено характеру миграционных процессов, в том числе международной миграции во время процессов распада СССР и формирования новой российской государственности. При рассмотрении миграционных процессов, внимание сконцентрировано на определение их влияния на трансформацию половозрастной структуры населения региона, на характер размещения населения, на урбанизационные процессы и их демографические, социально-политические и экономические последствия. В статье также освещено влияние миграционных процессов на трансформацию этнической структуры населения республики в целом, и городского населения в частности, дан анализ воздействия миграционных процессов на социально-политическую ситуацию в Республике Татарстан. В завершении сделаны выводы о характере миграционных процессов в Республике Татарстан в контексте социальной трансформации региона во второй половине XX – начале XXI вв.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Степанов А.М. (Санкт-Петербург)

Миграция населения на сегодняшний день составляет основу международной повестки дня. В миграционные процессы вовлечены не только страны с длительной историей миграции, но и страны, которые раньше не были включены в эти процессы, в том числе – бывшие республики СССР. Объемы миграции таковы, что оказывают существенное влияние и экономическую ситуацию в странах исхода и в принимающих сообществах, и на этнический и расовый состав стран-реципиентов. Кроме того, изменился и сам характер миграции, который можно охарактеризовать как транснациональный.

Транснациональный подход к исследованию миграционных процессов, который в самом общем виде подразумевает фиксацию мигранта в двух социальных пространствах – «здесь» и «там» – в качестве которых выступают современные национальные государства (nation-states) [1], требует от исследователя реализации определенной исследовательской перспективы – анализа повседневной жизни мигрантов. Такой фокус исследовательского интереса продиктован тем, что в условиях социально-экономического и политического развития, пересекая границы суверенных государств и получая формальный статус принадлежности к ним, мигранты сохраняют устойчивые связи со странами, откуда они уехали, своими семьями, друзьями и более широкими социальными кругами [2].

В рамках изучения повседневности мигрантов основное внимание, с нашей точки зрения, следует уделять 1) актуальным проблемам социального включения и социального исключения, 2) принадлежности мигрантов к различным транснациональным социальным полям и 3) влиянию этой принадлежности на социально-экономические процессы как в принимающих сообществах, так и в странах исхода.

Также необходимо отметить, что на сегодняшний день уровень развития информационных и коммуникационных технологий таков, что транснациональные социальные взаимодействия больше не ограничиваются пространствами физического сопresутствия, а происходят также и в децентрализованном виртуальном пространстве. Поэтому, наравне с использованием общепринятых методов анализа повседневности – метод фотографии и ее интерпретации, качественные интервью, дополненные разговорным анализом и дискурс-анализом, – целесообразно использовать методы анализа удаленной коммуникации и активности в цифровом пространстве.

1. Кивисто П., Резаев А.В. Введение // Современные проблемы исследований транснационализма и миграции // Сборник научных трудов. Под ред. П.Кивисто, А.В.Резаев. Санкт-Петербург. 2015

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МНОГОУРОВНЕВОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сытых О.Л., Синцова Л.К. (Барнаул)

Первые попытки введения многоуровневой системы образования были предприняты в России в 90-ые годы. В качестве обоснования нового подхода в образовании и его перестройки на «западный манер» писали и говорили о необходимости сделать дипломы российских вузов конвертируемыми. Идея была в том, чтобы наши выпускники должны были стать равными европейским выпускникам «на рынке труда» в условиях постперестроечных «открытых границ», после падения «железного занавеса». Речь шла, как о формальной стороне дела, так и о содержательной. Решая 2-ую часть вопроса (содержательную), в учебных заведениях России повсеместно открывались новые гуманитарные кафедры: истории и теории культуры, эстетики и этики, культурологии и религиоведения. Это делалось для того, чтобы в Вузах и на факультетах «не гуманитарного» профиля обеспечить в достаточном объёме социогуманитарную подготовку студентов, необходимую для соответствия (прежде всего, по количеству часов) российских дипломов «мировым стандартам». А введение «новых» дисциплин: этики, эстетики религиоведения и т.п., преследовало ещё и такую цель – как замену идеологически ориентированных курсов (марксистской философии, политэкономии и др.) курсами более нейтральными в идеологическом отношении. А расширение набора социогуманитарных дисциплин должно было обеспечить создание реальной ситуации «выбора студентами» гуманитарных знаний. Что касается многоуровневой системы образования, то в период, когда она начала вводиться (в 90-ые годы XX века), «бакалавриат» рассматривался как первая ступень высшего образования, вслед за которой шла 2-ая ступень - «магистратура». Введение этих 2-х уровней в ВУЗах шло весьма медленно. Вузы предпочитали «специалитет», который был понятен родителям абитуриентов и хорошо знаком работодателям. Серьёзные изменения в отношении многоуровневой системы образования произошли с присоединением России к Болонскому соглашению. В 2003 году на Берлинской встрече Министров образования Европейских стран Россия стала участником этого соглашения. С этого момента и началось повсеместное введение в ВУЗах России бакалавриата и магистратуры. Фактически это происходило в обязательном порядкеезде, где это введение не вызывало вопросов о целесообразности.

Так российские вузы постепенно перешли на новую модель образования, включающую ряд уровней. Задачами многоуровневой системы образования было провозглашено: повышение конкурентоспособности выпускников на рынке труда, гармонизация российской системы образования с системами других стран, увеличение мобильности выпускников российских вузов [1, с. 76-77; 2, с. 52].

Переход на многоуровневую систему образования – это один из важных шагов для решения этих проблем. Эти шаги сегодня дополняются решением и других важных задач. В частности, большое внимание обращается на подготовку выпускников к практической деятельности, что вполне отвечает требованиям профессионального сообщества. А выражается это увеличением часов на практику в образовательных стандартах, введением в состав ГАК будущих работодателей, особым вниманием к компетенциям, которые необходимы для послевузовской деятельности специалистов. И эти шаги представляют собой вектор движения, направленный в сторону повышения конкурентоспособности выпускников на рынке труда. Увеличение мобильности студентов российских вузов находит отражение в ряде моментов, в том числе, и в учёте показателя академической мобильности как одного из критериев оценки деятельности при проведении аккредитации ВУЗов.

Переход в России на многоуровневую систему образования закономерно привёл к возникновению многих проблем, как второстепенных, так и главных. Одной из главных, нам представляется, социальная - не готовность общества к принятию новых образовательных реалий. Это связано и со слабой информированностью населения, и с существующей практикой трудоустройства выпускников. Для этой практики сегодня характерна постоянная «путаница», выражающаяся в том, что, во-первых, бакалавры и магистры часто занимают в обществе одинаковое положение на служебной лестнице, во-вторых, часто бакалавры «руководят»

выпускниками-магистрами, устраиваясь на работу в Администрации и комитеты различного уровня, и, в-третьих, возникают ситуации, когда бакалаврам, отказывают в приёме на работу, по причине «отсутствия у них высшего образования» (так считают некоторые работодатели). Существующая неопределённость в трудоустройстве порождает неопределённость и в образовании и обесценивает (как «в глазах обучающихся и их родителей, так и в глазах работодателей») в первых двух случаях магистерскую подготовку, в третьем случае – бакалаврскую. Определённость в этих вопросах сделает многоуровневую систему высшего образования более понятной, а, значит, и образование, в котором будут заинтересованы обучающиеся, зная потенциальные возможности, открываемые каждым его уровнем, станет более качественным.

1. Катанаев И.И. Роль университета в развитии региона. - Новосибирск: Наука, 2008. - 198 с.
2. Российский вуз в европейском образовательном пространстве: методическое пособие по организации опытно-экспериментальной работы в контексте идей Болонской декларации для педагогических работников высших учебных заведений / Под редакцией А. П. Тряпичиной. - СПб: Издат-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2006 -175 с.

ИНОСТРАННЫЕ СТУДЕНТЫ В МЕДИЦИНСКОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КОНКУРЕНЦИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Тимченко Н., Миронова С.В. (Барнаул)

АННОТАЦИЯ

Изменения в современном высшем образовании связаны с активным процессом привлечения иностранных студентов. Многообразие причин (экономических, политических, социокультурных) вызывает к жизни конкуренцию российских вузов за иностранных студентов. На периферии научного и управленческого интереса остаются последствия появления новых субъектов образовательного пространства. Необходимо не только приспособление иностранных студентов в процессе обучения в инкультурном вузе, но и создание условий для их широкой социокультурной адаптации.

Высшая медицинская школа в современной России испытывает целый ряд вызовов, с которыми она либо не встречалась совсем, либо эти вызовы не носили столь острого характера. Либерализация образовательной системы привела к вытеснению государства с доминантных позиций основного «заказчика», который берет на себя бремя расходов на целенаправленное обучение и воспитание нового поколения специалистов. Современные вузы, адаптируясь к новым «правилам игры», действуют в логике экономической рациональности.

Ей присуще активное привлечение в образовательное пространство все возрастающее число потенциальных потребителей образовательных услуг – будущих студентов.

Но именно здесь и возникает проблема демографического порядка, становящаяся весомым вызовом для нашего образования. Немногочисленный состав выпускников российских школ в последние годы остро ставит перед вузами вопрос не просто о поиске своего мотивированного и профессионально ориентированного абитуриента - подчас речь идет о невозможности привлечь нужное количество будущих студентов. Со стороны российских вузов существует прямая экономическая заинтересованность в расширении числа потребителей своих услуг, предоставляемых на коммерческой основе.

В медицинских вузах привлекаемые в процессе подготовки нового поколения врачей материально-технические и финансовые ресурсы традиционно являются объемной нагрузкой, вынести которую можно либо при полноценном государственном финансировании, либо за счет поиска дополнительных финансовых источников. Поэтому обучение иностранных студентов вне квот, выделяемых государством (ежегодно в вузах России в рамках квоты могут поступить и учиться бесплатно 15 тыс. человек), делает для вуза возможным получение существенных сумм, а региону - дополнительного дохода, так как студенты не только оплачивают обучение, но и тратят деньги на проживание. Если посмотреть на эту ситуацию еще шире, то показательным становится пример стран, в которых доходы от иностранных студентов являются важной статьёй национального бюджета.

Согласно данным Россотрудничества, количество иностранных студентов в России на начало 2017-го года достигло 260 тыс. На государственном уровне реализуется целый ряд программ, призванных в ближайшее время значительно улучшить эти показатели. В частности,

речь идёт о приоритетном проекте «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». В утверждённом паспорте проекта говорится, что в случае успешной реализации к 2025 году количество иностранных учащихся в российских вузах достигнет 710 тыс. человек, а прибыль университетов от их обучения вырастет с 84 млрд. рублей до 373 млрд. Увеличение числа иностранных студентов в российских вузах имеет и более далеко идущие последствия неэкономического характера: это одно из приоритетных направлений внешней политики России, инструмент "мягкой силы", направленной на формирование пророссийски ориентированных национальных элит

[1].

Конкуренция российских вузов за иностранных студентов поддерживается и усиливается практикой составления рейтингов вузов на основе оценки их деятельности. Российские вузы включились в борьбу за улучшение своих показателей в международных рейтингах.

Так, согласно очередному рейтингу британской компании QS в рейтинге стран с лучшей системой высшего образования Россия заняла 26 место [2].

Основными показателями рейтинга QS являются: репутация вуза в академических кругах (удельный вес в общей оценке 40%), соотношения студентов и преподавателей (20%), цитируемость работ преподавательского состава (20%), репутация университета среди работодателей (10%), количество зарубежных студентов (5%) и преподавателей (5%).

Кроме того, на федеральном уровне количеству обучающихся в вузе иностранцев уделяется не меньшее внимание: этот показатель входит в число аккредитационных показателей, а также напрямую влияет на итоги ежегодного мониторинга Министерства образования и науки и Роскомнадзора, по результатам которого учредители оценивают их деятельность. Тем самым, давление «поля власти» (П. Бурдьё) включает в конкурентную борьбу даже те вузы, которые изначально не были обременены привлечением иностранных студентов.

В фокусе внимания российских вузов в наше время находится молодежь соседних государств постсоветского пространства, имеющих с нами исторически долгие связи. Не менее важен и тот печальный факт, что во многих странах бывшего СССР происходит сокращение вузов, ведущих преподавание на русском языке, что провоцирует русскоговорящее население искать альтернативные пути получения их детьми высшего образования. Наиболее активно образовательными программами российских вузов интересуются абитуриенты из Казахстана. Чуть меньше в российских вузах учится граждан Туркмении, Таджикистана, Украины. Традиционно российские вузы пользуются популярностью в Индии, Вьетнаме, Китае, Монголии и большинстве стран Африки. [3] Стремление молодежи соседних государств постсоветского пространства к получению профессиональной подготовки высокого уровня в России оказывается сообразно стремлению российских вузов. Интенсификация миграционных студенческих потоков одновременно создает новые вызовы для российской системы образования, с одной стороны, и конкретного вуза – с другой. Окончание школы и начало обучения в вузе всегда сложный период для первокурсника. Ему приходится адаптироваться к новым социокультурным реалиям, таким как социальная роль студента, организационные особенности вузовской среды и присущие ей ценностно-нормативные характеристики, социально-психологический климат в учебном коллективе. Многократно эти задачи усложняются для иностранного студента, которому, помимо перечисленного, необходимо войти и освоиться в ином культурном пространстве.

Эффективность процесса адаптации связана с качеством управления им, начиная с осознания руководством вуза ответственности не только за результаты освоения образовательной программы, но и за характер развивающегося взаимодействия иностранного студента со средой. Создание условий для формирования в сознании иностранных студентов позитивного образа вуза и, более широко, страны как результат «дипломатии повседневности» - глубинная управленческая и педагогическая задача. Качество ее решения имеет не только стратегические следствия в масштабе отношения иностранных студентов к нашей стране. Вполне вероятна ситуация, что иностранные студенты могут стать нашими соотечественниками, неся в российскую культуру свое мироощущение и миропонимание. И главное – этот процесс не должен вызывать напряженности и порождать конфликтные взаимодействия.

Традиционная престижность медицинской профессии в мире объясняет востребованность медицинских образовательных программ со стороны иностранных студентов. Усиление этого интереса возрастает в условиях финансового кризиса, делающего медицинское образование в России привлекательным по критерию «стоимость - качество». Национальная высшая медицинская школа имеет устоявшиеся традиции и признанный авторитет в мире, опыт обучения

иностранцев студентов медицинской профессии в центральных вузах страны (например, РУДН). Периферийные медицинские вузы также активно включились в обучение иностранных студентов.

Проведенный социологический опрос 306 студентов-иностранцев, обучающихся в Алтайском государственном медицинском университете, позволил сформировать представление об их установках и социальных ожиданиях, выявить проблемы процесса адаптации к учебе в инкультурном вузе. Представим тезисно результаты опроса:

- весомым мотивом выбора вуза явилось желание получить качественное образование;
- для студентов из Таджикистана при выборе вуза важно наличие своей диаспоры в городе.

Образовательная миграция дополняет трудовую миграцию и связана с успешной инкультурацией ее участников;

- студенты из Казахстана в основной массе не готовы уезжать обратно после окончания вуза. Для этих студентов и их родителей обучение в российском вузе рассматривается как вариант последующего переезда в Россию.

Полученные результаты вновь заставляют осознать, что в медицинскую профессию через несколько лет придут врачи со своей особой культурной идентичностью. И понимание этого делает актуальным видеть адаптацию не только как процесс приспособления к образовательному процессу, а вхождение в социокультурное пространство российского общества.

1. Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» в редакции протокола от 30 мая 2017 года №6 [Электронный ресурс] // URL: <http://government.ru/news/28013/> (дата обращения: 06.10.2017)..

2. QS Higher Education System Strength Rankings 2016 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.topuniversities.com/system-strength-rankings/2016> (дата обращения: 16.03.2017)

3. Иностранцы студенты в России [Электронный ресурс] // URL: [http://studyinrussia.ru/actual/articles/inostrannye-studenty-v-rossii-/](http://studyinrussia.ru/actual/articles/inostrannye-studenty-v-rossii/) (дата обращения: 06.10.2017)

ДИНАМИКА И ТРАЕКТОРИИ ИЗМЕНЕНИЙ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛАРУСИ

Титаренко Л.Г. (Минск, Республика Беларусь)

До 1917 г. на территории современной Республики Беларусь не было ни одного университета. Несколько учительских институтов были открыты практически в последние пять лет перед революцией и не успели изменить общей ситуации в сфере образования. Население имело низкий уровень грамотности, а высшее образование можно было получить лишь за пределами региона.

Советская власть создала систему высшего образования, направленную на обеспечение нужд индустриального и культурно-образовательного развития республики. Перед Отечественной войной в ней уже работало 25 вузов, где обучалось более 20 тыс. студентов. После войны экспансия горизонтальной дифференциации высшего образования продолжилась параллельно процессам роста индустриализации. К концу 1950-х в тех же 25 вузах обучалось более 56 тыс. студентов. Однако система сохраняла высокий уровень централизации: единственный университет, открытый в 1921 г., располагался в столице. Только с конца 1960-х появилось еще два университета в областных центрах, что несколько сбалансировало систему высшего образования. К концу периода советской власти в республике функционировало 33 вуза, где обучалось более 188 тыс. студентов (из них около 4% - иностранцы) и работало более 15 тыс. преподавателей. БГУ оставался флагманом белорусского образования, ведущие специализированные институты также располагались в Минске. Данная система справлялась с обслуживанием экономических и социальных потребностей развития региона: республика достигла высокого уровня грамотности; показатели высшего образования не отставали от других советских регионов. Это было значительным достижением, хотя и более чем скромным на фоне общей советской статистики (946 вузов и 5 млн. студентов). Образование оставалось государственным, бесплатным и доступным на конкурсной основе: студентами могли стать те, кто успешно выдержал вступительные экзамены.

Реформирование советского наследия, начавшись после 1991 г., осуществлялось в независимой Республике Беларусь значительно медленнее, чем в России. Процесс изменений строился на одновременном «сохранении лучших советских традиций» и попытках отвечать на

новые запросы рынка и демократизации общества [2]. Новый «Закон об образовании» был принят осенью 1991 г. [3]. Он создал юридическую базу для диверсификации образования, допускал появление негосударственной собственности в сферу образования. Негосударственные вузы появились в 1994 г. вместе с введением платы за образование, причем данная форма стала доступной и в государственных вузах. Открывались новые вузы и специальности, которые отвечали духу времени. Постепенно экономика, бизнес, право появились даже в технических вузах, так как эти специальности были востребованы абитуриентами.

Массовизация образования проводилась под социальным лозунгом «сделать вузы доступными для всех желающих», что неминуемо привело к постепенному снижению уровня и качества получаемого образования, а позднее – к резкому падению в обществе престижа вузовского диплома. Вместе с тем, в условиях перехода к рынку и экономической нестабильности 1990-х, финансирование за счет бюджетной формы образования сократилось, и развитие всей системы было возможным за счет привлечения средств со стороны. Данное экономическое обстоятельство ускорило коммерциализацию высшего образования в Беларуси, в результате которой в начале XXI-го в. пропорция между образованием, получаемым на бюджетной и платной основе, составила почти 1:2. Особенно много студентов платной формы обучения появилось на специальностях социально-гуманитарного профиля, которые были востребованы рынком. Одновременно на специальности технического и естественно-научного профиля конкурс резко снизился, так как, по мнению абитуриентов, работа инженера или учителя не могла гарантировать таких же доходов, как юриста, экономиста, банкира. Чтобы обеспечить народное хозяйство специалистами по «непрестижным» специальностям, обучение на этих специальностях оставалось бюджетным, что вызвало «перекося» в системе образования: преобладание студентов платной формы обучения на гуманитарных специальностях и бюджетных – на технических и естественно-научных [4].

Специфика развития образования Республики Беларусь и ее отличие от России состоит в том, что иностранные инвесторы допускались весьма ограниченно и только в 1990-е гг. Государство никогда не выпускало управленческие рычаги из своих рук; оно всячески стремилось сохранить полную власть над системой образования, как и над другими сферами жизни белорусского общества. Поэтому и открытие негосударственных вузов, и размер платы за обучение, а с 2000-х гг. – утверждение ректоров вузов, находились в компетенции государственных чиновников. По этой причине Европейский гуманитарный университет, финансируемый странами Евросоюза, а также зарубежные фонды, предоставлявшие в 1990-е гг. гранты ученым на публикацию книг и участие в международных конференциях, были к началу XXI-го в закрыты либо вытеснены за пределы страны. В республике нет ни одной вузовской программы, выдающей совместные дипломы белорусского и зарубежного вузов. Неoliberalных вузовских реформ в Беларуси никогда не было, сохранение традиций и элементов советской образовательной системы преобладало. Степень бакалавра была упразднена вскоре после ее введения и больше не появилась. Только в 2015 Беларусь с оговорками была допущена в Болонскую систему, однако до настоящего времени остается неясным, сохранится ли этот статус после отпущенных трех лет для проведения реформ, ибо система высшего образования не была реформирована в той мере, в какой это требовалось [6]. Некоторые изменения, направленные на европеизацию высшего образования, были проведены: введены зачетные единицы, степень магистра, диплом европейского образца, возможность участвовать в обменах. Однако даже после сокращения высшего образования с пяти до четырех лет обучения сохранилась степень специалиста, что делает получение следующей степени магистра практически бессмысленным. Не изменилось и управление высшим образованием. Фактически, реформы имеют косметический характер, не затрагивают основ системы, которая по-прежнему остается под контролем государства, а образование – оторванным от современных существенных потребностей экономики и общества, что приводит к недостаточно высоким позициям белорусского высшего образования на международном уровне [1]. Происходит лишь его адаптация к новым условиям. Вряд ли можно ожидать, что такая динамика развития системы высшего образования позволит стране готовить специалистов, необходимых для высокотехнологичной инновационной экономики или обеспечить науку молодыми кадрами, необходимыми для воспроизводства и развития научного потенциала Республики Беларусь [5].

Для обновления системы образования необходимо реальное включение Беларуси в интеграционные процессы, однако даже в рамках ЕАЭС они идут медленно (основные потоки иностранных студентов идут из Туркмении и Китая). Очевидно, главной проблемой является

неадекватная современным вызовам структура экономики и управления. Ее решение возможно на пути развития инновационных отраслей экономики и ориентации образования не только на собственные традиции, но и на эффективные мировые образцы.

До 1917 г. на территории современной Республики Беларусь не было ни одного университета. Несколько учительских институтов были открыты практически в последние пять лет перед революцией и не успели изменить общей ситуации в сфере образования. Население имело низкий уровень грамотности, а высшее образование можно было получить лишь за пределами региона.

Советская власть создала систему высшего образования, направленную на обеспечение нужд индустриального и культурно-образовательного развития республики. Перед Отечественной войной в ней уже работало 25 вузов, где обучалось более 20 тыс. студентов. После войны экспансия горизонтальной дифференциации высшего образования продолжилась параллельно процессам роста индустриализации. К концу 1950-х в тех же 25 вузах обучалось более 56 тыс. студентов. Однако система сохраняла высокий уровень централизации: единственный университет, открытый в 1921 г., располагался в столице. Только с конца 1960-х появилось еще два университета в областных центрах, что несколько сбалансировало систему высшего образования. К концу периода советской власти в республике функционировало 33 вуза, где обучалось более 188 тыс. студентов (из них около 4% - иностранцы) и работало более 15 тыс. преподавателей. БГУ оставался флагманом белорусского образования, ведущие специализированные институты также располагались в Минске. Данная система справлялась с обслуживанием экономических и социальных потребностей развития региона: республика достигла высокого уровня грамотности; показатели высшего образования не отставали от других советских регионов. Это было значительным достижением, хотя и более чем скромным на фоне общей советской статистики (946 вузов и 5 млн. студентов). Образование оставалось государственным, бесплатным и доступным на конкурсной основе: студентами могли стать те, кто успешно выдержал вступительные экзамены.

Реформирование советского наследия, начавшись после 1991 г., осуществлялось в независимой Республике Беларусь значительно медленнее, чем в России. Процесс изменений строился на одновременном «сохранении лучших советских традиций» и попытках отвечать на новые запросы рынка и демократизации общества [2]. Новый «Закон об образовании» был принят осенью 1991 г. [3]. Он создал юридическую базу для диверсификации образования, допускал появление негосударственной собственности в сфере образования. Негосударственные вузы появились в 1994 г. вместе с введением платы за образование, причем данная форма стала доступной и в государственных вузах. Открывались новые вузы и специальности, которые отвечали духу времени. Постепенно экономика, бизнес, право появились даже в технических вузах, так как эти специальности были востребованы абитуриентами.

Массовизация образования проводилась под социальным лозунгом «сделать вузы доступными для всех желающих», что неминуемо привело к постепенному снижению уровня и качества получаемого образования, а позднее – к резкому падению в обществе престижа вузовского диплома. Вместе с тем, в условиях перехода к рынку и экономической нестабильности 1990-х, финансирование за счет бюджетной формы образования сократилось, и развитие всей системы было возможным за счет привлечения средств со стороны. Данное экономическое обстоятельство ускорило коммерциализацию высшего образования в Беларуси, в результате которой в начале XXI-го в. пропорция между образованием, получаемым на бюджетной и платной основе, составила почти 1:2. Особенно много студентов платной формы обучения появилось на специальностях социально-гуманитарного профиля, которые были востребованы рынком. Одновременно на специальности технического и естественно-научного профиля конкурс резко снизился, так как, по мнению абитуриентов, работа инженера или учителя не могла гарантировать таких же доходов, как юриста, экономиста, банкира. Чтобы обеспечить народное хозяйство специалистами по «непрестижным» специальностям, обучение на этих специальностях оставалось бюджетным, что вызвало «перекосы» в системе образования: преобладание студентов платной формы обучения на гуманитарных специальностях и бюджетных – на технических и естественно-научных [4].

Специфика развития образования Республики Беларусь и ее отличие от России состоит в том, что иностранные инвесторы допускались весьма ограниченно и только в 1990-е гг. Государство никогда не выпускало управленческие рычаги из своих рук; оно всячески стремилось сохранить полную власть над системой образования, как и над другими сферами жизни

белорусского общества. Поэтому и открытие негосударственных вузов, и размер платы за обучение, а с 2000-х гг. – утверждение ректоров вузов, находились в компетенции государственных чиновников. По этой причине Европейский гуманитарный университет, финансируемый странами Евросоюза, а также зарубежные фонды, предоставлявшие в 1990-е гг. гранты ученым на публикацию книг и участие в международных конференциях, были к началу XXI-го в закрыты либо вытеснены за пределы страны. В республике нет ни одной вузовской программы, выдающей совместные дипломы белорусского и зарубежного вузов. Неолиберальных вузовских реформ в Беларуси никогда не было, сохранение традиций и элементов советской образовательной системы преобладало. Степень бакалавра была упразднена вскоре после ее введения и больше не появилась. Только в 2015 Беларусь с оговорками была допущена в Болонскую систему, однако до настоящего времени остается неясным, сохранится ли этот статус после отпущенных трех лет для проведения реформ, ибо система высшего образования не была реформирована в той мере, в какой это требовалось [6]. Некоторые изменения, направленные на европеизацию высшего образования, были проведены: введены зачетные единицы, степень магистра, диплом европейского образца, возможность участвовать в обменах. Однако даже после сокращения высшего образования с пяти до четырех лет обучения сохранилась степень специалиста, что делает получение следующей степени магистра практически бессмысленным. Не изменилось и управление высшим образованием. Фактически, реформы имеют косметический характер, не затрагивают основ системы, которая по-прежнему остается под контролем государства, а образование – оторванным от современных существенных потребностей экономики и общества, что приводит к недостаточно высоким позициям белорусского высшего образования на международном уровне [1]. Происходит лишь его адаптация к новым условиям. Вряд ли можно ожидать, что такая динамика развития системы высшего образования позволит стране готовить специалистов, необходимых для высокотехнологичной инновационной экономики или обеспечить науку молодыми кадрами, необходимыми для воспроизводства и развития научного потенциала Республики Беларусь [5].

Для обновления системы образования необходимо реальное включение Беларуси в интеграционные процессы, однако даже в рамках ЕАЭС они идут медленно (основные потоки иностранных студентов идут из Туркмении и Китая). Очевидно, главной проблемой является неадекватная современным вызовам структура экономики и управления. Ее решение возможно на пути развития инновационных отраслей экономики и ориентации образования не только на собственные традиции, но и на эффективные мировые образцы.

1. *Белорусское образование в контексте международных показателей. Минск: Министерство образования, 2013.*

2. *Ветохин С. Реформирование высшего образования в Республике Беларусь. Минск: РИВШ, 2001.*

3. *Закон Республики Беларусь от 29.10.1991 № 1202-XII «Об образовании» // Электронный ресурс. <http://pravo.newsby.org/belarus/zakon2/z107.htm>*

4. *Титаренко Л.Г. Новые и старые проблемы качества образования в Беларуси // Социология. 2014. №2. С. 104-112.*

5. *Шарый И. Н. Особенности и проблемы воспроизводства кадрового потенциала науки при переходе к развитию высокотехнологичной инновационной экономики // Социологический альманах. Выпуск 5. Минск: Институт социологии, 2014. С. 346-357.*

5. *Alternative Report. Belarusian Higher Education: Readiness to EHEA Admission. Minsk: Independent Bologna Committee, 2014. // Электронный ресурс. <http://bolognaby.org/?p=1872&lang=en>*

1. *Белорусское образование в контексте международных показателей. Минск: Министерство образования, 2013.*

2. *Ветохин С. Реформирование высшего образования в Республике Беларусь. Минск: РИВШ, 2001.*

3. *Закон Республики Беларусь от 29.10.1991 № 1202-XII «Об образовании» // Электронный ресурс. <http://pravo.newsby.org/belarus/zakon2/z107.htm>*

4. *Титаренко Л.Г. Новые и старые проблемы качества образования в Беларуси // Социология. 2014. №2. С. 104-112.*

5. *Шарый И. Н. Особенности и проблемы воспроизводства кадрового потенциала науки при переходе к развитию высокотехнологичной инновационной экономики // Социологический альманах. Выпуск 5. Минск: Институт социологии, 2014. С. 346-357.*

5. *Alternative Report. Belarusian Higher Education: Readiness to EHEA Admission. Minsk: Independent Bologna Committee, 2014. // Электронный ресурс. <http://bolognaby.org/?p=1872&lang=en>*

1. *Белорусское образование в контексте международных показателей. Минск: Министерство образования, 2013.*

2. *Ветохин С. Реформирование высшего образования в Республике Беларусь. Минск: РИВШ, 2001.*

3. *Закон Республики Беларусь от 29.10.1991 № 1202-XII «Об образовании» // Электронный ресурс. <http://pravo.newsby.org/belarus/zakon2/z107.htm>*

4. *Титаренко Л.Г. Новые и старые проблемы качества образования в Беларуси // Социология. 2014. №2. С. 104-112.*

5. *Шарый И. Н. Особенности и проблемы воспроизводства кадрового потенциала науки при переходе к развитию высокотехнологичной инновационной экономики // Социологический альманах. Выпуск 5. Минск: Институт социологии, 2014. С. 346-357.*

5. *Alternative Report. Belarusian Higher Education: Readiness to EHEA Admission. Minsk: Independent Bologna Committee, 2014. // Электронный ресурс. <http://bolognaby.org/?p=1872&lang=en>*

1. *Белорусское образование в контексте международных показателей. Минск: Министерство образования, 2013.*

2. *Ветохин С. Реформирование высшего образования в Республике Беларусь. Минск: РИВШ, 2001.*

3. *Закон Республики Беларусь от 29.10.1991 № 1202-XII «Об образовании» // Электронный ресурс. <http://pravo.newsby.org/belarus/zakon2/z107.htm>*

4. *Титаренко Л.Г. Новые и старые проблемы качества образования в Беларуси // Социология. 2014. №2. С. 104-112.*

5. *Шарый И. Н. Особенности и проблемы воспроизводства кадрового потенциала науки при переходе к развитию высокотехнологичной инновационной экономики // Социологический альманах. Выпуск 5. Минск: Институт социологии, 2014. С. 346-357.*

5. *Alternative Report. Belarusian Higher Education: Readiness to EHEA Admission. Minsk: Independent Bologna Committee, 2014. // Электронный ресурс. <http://bolognaby.org/?p=1872&lang=en>*

1. *Белорусское образование в контексте международных показателей. Минск: Министерство образования, 2013.*

2. *Ветохин С. Реформирование высшего образования в Республике Беларусь. Минск: РИВШ, 2001.*

3. *Закон Республики Беларусь от 29.10.1991 № 1202-XII «Об образовании» // Электронный ресурс. <http://pravo.newsby.org/belarus/zakon2/z107.htm>*

4. *Титаренко Л.Г. Новые и старые проблемы качества образования в Беларуси // Социология. 2014. №2. С. 104-112.*

5. *Шарый И. Н. Особенности и проблемы воспроизводства кадрового потенциала науки при переходе к развитию высокотехнологичной инновационной экономики // Социологический альманах. Выпуск 5. Минск: Институт социологии, 2014. С. 346-357.*

5. *Alternative Report. Belarusian Higher Education: Readiness to EHEA Admission. Minsk: Independent Bologna Committee, 2014. // Электронный ресурс. <http://bolognaby.org/?p=1872&lang=en>*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Тишина Е.В. (Екатеринбург)

В настоящее время в мировом образовательном пространстве произошли существенные трансформации. Это связано, прежде всего, с большим спросом на высшее образование и рассматривается экономистами и политиками как важный элемент в сфере продажи образовательных услуг. Не обошли стороной эти процессы и Россию. Трансформация коснулась всех уровней образования. Остановимся конкретнее на среднем профессиональном образовании.

Трансформация системы среднего профессионального образования проходила поэтапно, что нашло отражение в нормативных и законодательных документах Министерства образования и науки, беглый взгляд на которые позволит подтвердить факт смены образовательной парадигмы в современном российском обществе.

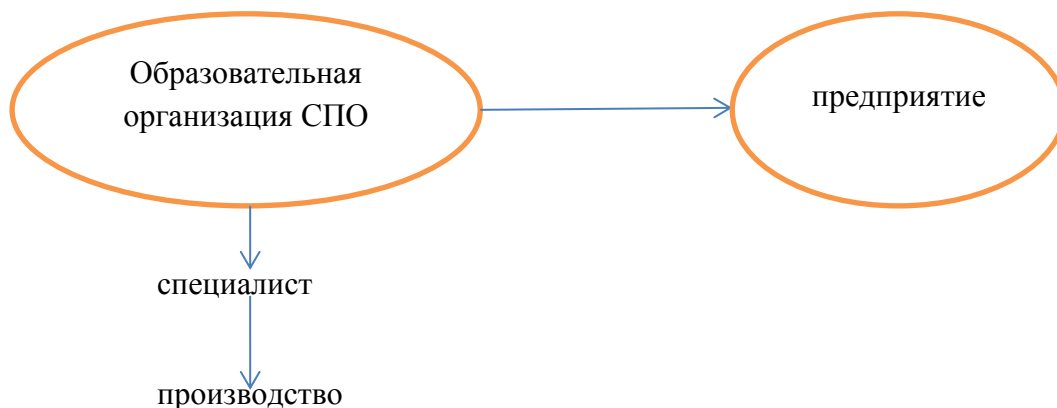
Происходит трансформация от дисциплинарного к метапредметному образованию.

Метапредметный подход в образовании состоит в том, что позволяет сохранять и отстаивать культуру мышления и культуру формирования целостного мировоззрения [1].

Происходит трансформация образовательной деятельности: от знаний, умений, навыков к коммуникациям, творчеству, критическому мышлению.

Происходит отход от линейности, простой трансляции знаний от педагога к учащемуся, к диалогу, рефлексии.

Однако, несмотря на все эти изменения можно четко сформулировать, что на сегодняшний день, в российской системе среднего профессионального образования сформировалась следующая модель развития:



предложение кадрового ресурса

Таким образом, через систему среднего профессионального образования в России происходит воспроизводство человеческого капитала.

В то же время, за три десятилетия трансформационных изменений в системе среднего профессионального образования сформировались определенные проблемные области:

Отсутствие сбалансированности между спросом и предложением: есть государственный заказ на подготовку специалистов по отдельным специальностям, но спрос на них на рынке, к сожалению не высок.

Не соответствие ФГОС по многим специальностям среднего профессионального образования профессиональным стандартам и тому, что реально востребовано на практике.

Принятие управленческих решений для снятия этих проблем, реализация принятых решений обуславливают возможности перспективного развития среднего профессионального образования, которое по нашему мнению состоит в следующем:

Дальнейшее развитие системы сближения производства и профессионального образования на основе государственно-частного партнерства.

Повышение значимости саморегуляции при достижении результата в модели формирования предложений: человеческий капитал.

Обеспечение привлекательности рабочей профессии.

Все эти перспективы, возможно будут достигнуты с введением новых различных форм образования, которые с успехом применяются на Западе, к таким формам можно отнести опережающее образование.

Идея опережающего образования была выдвинута в России в 1995-1996 гг. и начала активно обсуждаться в научной печати, а также на страницах российских газет [2-3]. Как научно обоснованная концепция она впервые была рассмотрена на II-м Международном конгрессе ЮНЕСКО "Образование и информатика" (Москва, 1996 г.).

Суть этой концепции состоит в том, чтобы перестроить содержание и методологию учебного процесса во всех звеньях системы образования таким образом, чтобы она была способной готовить людей к новым условиям их существования в глобальном информационном обществе.

При этом предполагается, что человек получит такие знания и умения, которые позволят ему адаптироваться в новой социальной и информационной среде, а также воздействовать на нее в интересах сохранения и дальнейшего гармоничного развития человеческого общества и природы.

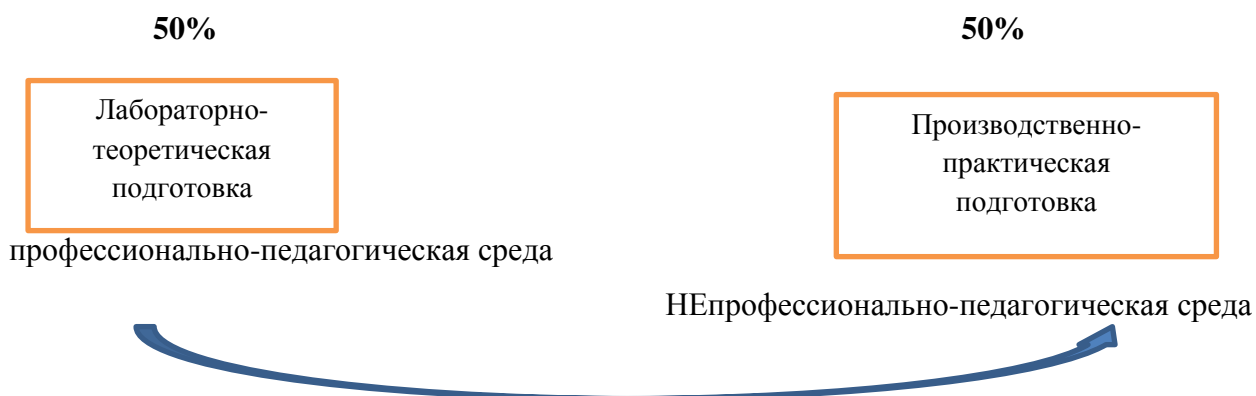
Эта концепция была поддержана многими участниками Конгресса ЮНЕСКО и нашла отражение в его итоговых документах и рекомендациях. Однако в полной мере она в настоящее время еще практически не реализована.

При реализации формы опережающего образования в среднем профессиональном образовании можно построить современную модель со следующими характеристиками:



Кроме этого необходимо провести перераспределение профессионально-педагогической среды в непрофессионально-педагогическую, т.е. на производство.

Образовательный стандарт СПО



Таким образом, Наставник должен стать квалификационным ресурсом качества подготовки специалиста-выпускника среднего профессионального образования.

1. Хуторской А.В. *Метапредметный подход в обучении: Научно-методическое пособие.* — М. : Издательство «Эйдос»; Издательство Института образования человека, 2012.
2. Колин К. К. *Информационная антропология: предмет и задачи нового направления в науке и образовании.* // Вестник КемГУКИ, 2011
3. Урсул А. Д. *Концепция опережающего образования* // *Alma mater.* - 2006. - №7. - С.28-33.

ПОСТСОВЕТСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА СТАТЕЙ В НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ)

Трегубова Н.Д. (Санкт-Петербург)

Аннотация: В тезисах рассматривается вопрос о том, как российские ученые концептуализируют процессы социальных трансформаций на постсоветском пространстве. Для ответа на этот вопрос был проведен количественный контент-анализ аннотаций научных статей по социологии, политологии, экономике, философии, истории, психологии, менеджменту и area studies. На основании проведенного анализа были выделены ключевые особенности исследования для каждой дисциплины: является ли проблема трансформаций основной или побочной, каковы движущие силы и акторы изменений в представлении ученых, с помощью какой риторики описываются социальные процессы и каковы отношения к ним самих исследователей.

С момента распада СССР прошло больше четверти века. Процессы, последовавшие за этим событием, могут именоваться по-разному: «постсоветские трансформации», «переход (удачный/неудачный) к рынку и демократии», «распад империи», «социальный кризис» и т.п. Разница в словах часто предполагает разницу как в отношении к описываемым событиям, так и в том, что все-таки произошло. Это касается не только журналистов, политиков или «повседневных экспертов», но и ученых. В настоящей работе мы попытаемся показать, каковы наиболее типичные способы концептуализации изменений, связанных с распадом СССР, для российских ученых, принадлежащих к разным дисциплинам.

Для реализации поставленной задачи был проведен сравнительный количественный контент-анализ названий и аннотаций к публикациям в научных журналах. Отбор аннотаций производился в журналах семи дисциплин (социология, политология, экономика, философия, история, менеджмент, психология) и междисциплинарного направления area studies – региональных исследований (в данном случае – постсоветского пространства).

В исследовании была использована целевая выборка, включающая лучшие журналы по каждой дисциплине. Из Russian Science Citation Index, российской подвыборки Web of Science, для каждой дисциплины были отобраны наиболее цитируемые журналы согласно индексу Хирша по РИНЦ. Итоговый список включает 34 журнала. Поиск аннотаций в журналах охватывал 15-летний период: 2001-2015 гг. Он проводился по двум критериям: название или аннотация включают характеристику изменения («трансформация», «перемены», «реформы» и др.), а также отсылку к постсоветскому (упоминание «СССР», «перестройки», «пост-социализма/коммунизма/советского» и др.). В результате было отобрано 1076 аннотаций.

По результатам проведенного анализа можно сделать вывод, что в России научные дисциплины различаются как степенью, в которой постсоветские трансформации интересуют ученых, так и тем, как именно они концептуализируются. Прежде всего, следует указать на различие между дисциплинами, в которых постсоветские трансформации являются популярной темой исследования, и теми, которые касаются их лишь эпизодически. К первым принадлежат политология (276 аннотаций), социология (273), экономика (172) и area studies (217); ко вторым – история (79), философия (32), менеджмент (16) и психология (11).

Социологи, политологи и экономисты описывают трансформации, в основном, нейтральным языком. Социологи обращаются к трансформациям в обществе в целом (иногда в связи с экономической и политической сферами), типичные акторы трансформации – различные группы населения, сами изменения чаще определяются как «трансформации», «реформы» и «кризис». Политология сосредотачивается на анализе политической сферы (иногда – в соотнесении с обществом), основные акторы – государство и общество, одна из наиболее популярных тем – переход от авторитаризма к демократии. Экономисты обращаются преимущественно к анализу экономической сферы, наиболее важный актор – это государство, а изменения часто описываются в терминах «перехода» от плановой экономики к рыночной и «интеграции» в рамках СНГ. Такая концептуализация, в целом, типична для данных дисциплин. Однако при их сравнении с международной социологией, политологией и экономикой постсоветских обществ становятся очевидны некоторые «пробелы». Во-первых, политологи и социологи практически не используют сравнительную перспективу, которая весьма характерна для анализа переходов к капиталистическому обществу и смены политических режимов. Во-вторых, российские политологи и экономисты практикуют «взгляд сверху», не интересуясь конкретными механизмами реформ. В-третьих, экономисты интересуются не столько экономической жизнью самой по себе, сколько действиями государства в экономике.

Публикации в журналах area studies (журналы Ab Imperio и Laboratorium) характеризуются совсем иной концептуализацией постсоветских трансформаций. Их авторы еще чаще обращаются к исследованию данной проблемы, отличается и состав авторов: только 22% статей принадлежат российским ученым без зарубежных соавторов (в сравнении с 71% в целом по выборке). Публикации в area studies часто содержат сравнения между постсоветскими странами и

характеризуют трансформации с помощью различных «пост»-терминов, включая «постколониализм». Основные сферы трансформаций – идеология и политика, основные акторы – различные группы населения, государство, публичные фигуры и социальные движения. Можно видеть, что *area studies* в России хорошо интегрированы в международные исследования посткоммунистических трансформаций: они близки к культурной истории и антропологии постсоветского и разделяют их преимущества и ограничения. При этом существует контраст между исследованиями в рамках *area studies* и теми, что выполнены в дисциплинарных рамках социологии, политологии или экономики: последние ориентируются на российскую социальную науку, замкнутую в национальных границах, и редко используют словарь культуры и идеологии.

Наконец, в журналах по истории, философии, менеджменту и психологии, упоминания постсоветских трансформаций носят эпизодический характер. Историки и философы часто используют публицистическую риторику: они обсуждают упадок страны, революцию, влияние иностранных сил, кризис, модернизацию. Публикации в журналах по менеджменту близки к тем, что характерны для экономических журналов, однако чаще обращаются к исследованию бизнеса и чаще включают сравнения с другими регионами. Психологи упоминают трансформации в связи с психологическими изменениями индивидов или в связи с историей психологии.

Таким образом, для российской социальной науки характерны следующие особенности концептуализации постсоветских трансформаций: 1) неодинаковое внимание к данной проблематике в разных дисциплинах; 2) контраст между дисциплинами, ориентированными на анализ российского общества и государства на уровне макро-процессов, и международным междисциплинарным направлением *area studies*, которое интересуется символическими и политическими изменениями; 3) данный контраст, по-видимому, проявляется не в дискуссиях или отрицании позиции другой стороны, а в ее игнорировании, в замыкании внутри своего тематического поля.

Выводы, представленные в данных тезисах, являются частью результатов сравнительного исследования [1].

Автор выражает благодарность Алле Марченко и Маргарите Фабрикант за научное сотрудничество.

N. Tregubova, A. Marchenko, M. Fabrykant Countries versus Disciplines: Comparative Analysis of Post-Soviet Transformations in Academic Publications from Belarus, Russia and Ukraine // Comparative Sociology. Issue 1. 2017. P. 147-177.

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ЖИЛИЩНЫЙ ПЕРЕДЕЛ

Тхакахов В.Х. (Санкт-Петербург)

Жилищный передел, запущенный Великой русской революцией, фундаментально опирался на ликвидацию частной собственности на объекты жилой недвижимости; на переход к установлению раздаточной экономики в городах и, в конечном итоге, к ориентации на одну модель градостроения. Данный процесс структурно состоял из серии поэтапных акций, обеспечивающих задачи передела городского пространства, а именно:

а) широкую экспроприацию жилой собственности в городах в пользу новой номенклатуры, представителей рабочего класса и интеллигенции (феномен «реквизиции»);

б) культивирование практик уплотнения, подселения, расселения. Жилье, таким образом, выполняло функцию управления людьми (М. Меерович);

в) создание новых форм жилищной сегрегации в рамках политики и идеологии социальной однородности и распределительной экономики. Жилье не приобреталось, а раздавалось в зависимости от личных заслуг соискателя, принадлежности к корпорации (ведомству), месту в ранговой системе социальной стратификации; наличию льгот и профференций;

г) институционализация нового статуса городских жителей:

- режим некрепостничества, предполагающий закрепление индивидов и групп за определенной территорией и временем;

- идентификация горожан посредством введения регистров (паспортов, прописки, трудовых книжек, справок и т.п.);

- введение контроля над пространством (пробывание, перемещение, допуск (исключение) и временем. Право на город регламентировалось городскими режимами времени (срочные, бессрочные);

- отмена принципа реституции жилой недвижимости на бессрочной основе. До сих пор в постсоветской России жилая недвижимость в городах, как правило, не возвращается прежним владельцам. В этом, в частности, отличие отечественной декоммунизации от практик бывших социалистических стран Восточной Европы;

Советская модель градостроения в части ориентации на возведение многоэтажных домов, кварталов и целых городских районов продолжает свое существование и в постсоветских городах. Она взята на вооружение, усовершенствована, капитализирована и принудительно внедряется российским бизнесом в городах и в пригородных зонах. Жилищная политика для среднего и «низшего» классов не способствует формированию жилищного класса домовладельцев. Подавляющая часть инструментов, предоставляемых физическим лицам – горожанам для решения жилищных проблем поддерживают приобретение квартир, а не односемейных домов. То есть «частник» у нас до сих пор специфический. Всероссийские переписи населения беспристрастно фиксируют статистику жилищных условий россиян. Две трети граждан страны проживают в многоквартирных домах (перепись 2010 г.). Между тем опросы общественного мнения по поводу жилищных предпочтений россиян не один год выявляют устойчивую тенденцию: радикальное изменение приоритетов. Например, ВЦИОМ (2017 г.) выявил, что частный дом – мечта большинства современных россиян. Предпочли бы жить в таких домах 68% опрошенных горожан; 17% - согласны на квартиры в многоквартирных кирпичных домах; 7% - в панельных; 3% - монолитных. [1].

Социальный проект «Элите – особняки, а плебсу – многоэтажные джунгли» составляет фундаментальное основание современного российского урбанизма, особенно в крупных городах. Средний класс заперт в пространстве вертикального урбанистического хаоса, а в качестве альтернативы поощряется «дачнизация». Одновременно существует миф об исторической тяге россиян к преимущественно коллективным формам жизни, в том числе, и в расселении. Считается, что они предпочитают многоквартирные дома мало и одноэтажным строениям. Однако, данный миф не подтверждается эмпирически. Принуждение к выбору безальтернативного типа жилья в городах, особенно крупных, - доминирующая стратегия современной российской жилищной политики. Отсюда, рост городов не вширь, а вверх. Окружающая территория не развивается, не растягивается с точки зрения инфраструктуры, жилья, рекреации. Например, резкое сокращение числа коттеджных поселков в Новой Москве исследователи обуславливают активной застройкой данных территорий высотным жильем. [2].

Даже околосоциологические наблюдения и интервью показывают всю неоднозначность и драматизм жизни в многоэтажных джунглях. [3].

Между тем, нашумевший проект реновации пятиэтажных «хрущевок» в Москве однозначно предполагает в качестве альтернативы переселение жильцов сносимых домов исключительно в многоэтажные комплексы.

1. Пресс – выпуск ВЦИОМ № 3439 «Дом, милый дом: мечты и реальность, 11 августа 2017 г. //<https://wciom.ru/index.php?id+2368nid+116352>(дата обращения 27.08.2017).

2. Мамаева О. В новой Москве заморожен каждый пятый коттеджный поселок // <https://www.realty.rbk.ru> (дата обращения 04.07.2017).

3. Кто мы такие, чтобы требовать большего. Как живут москвичи в полупустых новостройках. Медуза. 22 сент. 2017 г. <https://meduza.io/future/2017/09/22/Kto-my-takie-chotoby-trebovat-bolshego> (дата обращения 23.09.2017).

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ В МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Файзуллин Ф.С. (Уфа)

Аннотация: Утверждается идея о том, что равенство и неравенство между разными взаимодействующими друг с другом этносами следует изучать, выявлять и регулировать на основе принципов социальной справедливости.

Если справедливость подразумевает требование соответствия между ролью человека или социальной группы в обществе и их социальным положением, то несоответствие в этих областях оценивается как несправедливость.

Оценки со временем меняются, как меняются представления о справедливости. В условиях социализма считалось справедливым такое положение дел, когда люди имели не только равные условия, но и равные результаты деятельности. Напротив, при капитализме считается справедливым, когда люди имеют равные условия, т.е. стартовые возможности, и неравные результаты. Социальная справедливость подразумевает, прежде всего, равенство социального положения людей в обществе. Равенство - одинаковое положение людей в обществе, одинаковое отношение к средствам производства и дефицитным ресурсам, одинаковые гражданские права и обязанности, одинаковый доступ к материальным и духовным ценностям, благам.

Следует сказать, что эта идея равенства выступает основным формулирующим началом и межнациональных отношений. Значение достижения социального равенства возросло в наше время, в период радикальных реформ, т.к. оно нацелено на обеспечение между людьми и нациями гуманных, демократических отношений, установление подлинной свободы, самостоятельности. Тем не менее, об отношениях равенства и неравенства между разными, взаимодействующими друг с другом этносами, следует изучать, выявлять и регулировать, ибо они объективно существуют и сказываются в характере межнациональных отношений, нередко отражаясь в напряженности, или стабильности общественно-политической жизни.

Общественное положение этносов есть главное основание, по которому можно определять состояние отношений равенства или неравенства между ними. Равенство этносов означает равенство их общественного положения, когда они занимают примерно одинаковое положение в жизненно важных областях общественной практики, обладают равными возможностями для утверждения и совершенствования социальных и этнических качеств, удовлетворения личных и национальных потребностей [1, с. 104]. Исследования равенства и неравенства предполагает исследования положения каждого этноса в структуре конкретной социально-территориальной общности.

Важнейшая особенность межэтнических отношений в Республике Башкортостан состоит в том, что эти отношения разворачиваются в рамках единой социально-территориальной общности – многонационального народа Башкортостана. Становление единого многонационального народа происходит путем накопления и утверждения в нем качеств социума. Естественную основу этого процесса составляют территория и природно-климатические условия края. Определяющим фактором интеграции людей в социально-территориальную многонациональную общность в Башкортостане выступают сложившиеся здесь экономические отношения, возникающие между предприятиями, отраслями, городами, районами [2, с. 263]. На основе экономических отношений происходит структуризация населения, налаживаются и укрепляются связи между различными, в том числе, этническими группами, которые к тому же имеют общие экономические, бытовые, экологические условия бытия. Интегрирующие силы действуют в духовной сфере, обеспечиваются политическими институтами. Общность природно-климатических, производственно-экономических, социальных, политических, духовно-идеологических институтов обуславливают формирование общих черт у населения в жизненно важных видах трудовой деятельности, быта, досуга и предопределяют в целом примерно одинаковые потребности и возможности их удовлетворения.

Интегрированность народов Республики Башкортостан в единую социально-территориальную общность выражается в содержании и характере межэтнических отношений. Отношения между социально-территориальной общностью и входящими в неё этносами приобретают свойства отношений целого и частей, а отношения между этносами - как частей, входящих в единое целое.

Цельность населения Республики, состоящего из представителей разных национальностей, естественно обеспечивается общей средой обитания, общими условиями жизни. Однако специфика межнациональных отношений в республике вызывается не только одинаковостью среды обитания и многочисленностью участвующих в них национальностей. При внимательном рассмотрении последних оказывается, что они различаются друг от друга по самым различным основаниям, и все это весьма ощутимо сказывается в их отношениях друг с другом в этническом самочувствии, в общественном положении и т.д.

Общественное положение этноса определяется его местом и ролью в общественной жизни, реальным участием в социальной практике. Но при этом и его деяния сопоставляется с другими

этнотами, и местонахождение определяется в системе отношений, складывающихся из действий тех этносов, с которыми он взаимодействует. По общественному положению этносов можно определять состояние отношений равенства или неравенства между ними. Этноты равны, когда они занимают примерно одинаковое положение в жизненно важных областях общественной практики. Различия в общественном положении этносов, следовательно, отношения неравенства между ними начинают возникать из-за того, что общие условия в силу каких-то обстоятельств не могут обеспечить равные возможности для поддержания жизнеспособности и развития, находящихся здесь этносов.

Это происходит потому, что благоприятные условия существования не в равной мере достаются этнотами, этноты имеют разный доступ к использованию их в своих интересах. Другое условие положения этносов в системе общественных отношений – это умение, навыки заниматься социально обусловленными видами труда, социальная зрелость, уровень политической активности, культуры и т.д. Так, новая техника и технология производства требует особого отношения к себе. И такое отношение скорее реализуется теми, кто владеет достаточным уровнем технической культуры, образования.

Социальные и этнические качества народа выступают определяющими факторами его общественного положения, местонахождения среди других. Когда рассматриваются межнациональные отношения в конкретном социальном пространстве, на переднем плане стоят интересы познания и регулирующего воздействия на них, что невозможно без сопоставления общественного положения сторон по каким-то показателям. Построение системы показателей, характеризующих общественное положение этносов, должно осуществляться сообразно со структурой общества, точнее – общественной жизни. Общество есть совокупность людей и их групп, связанных между собой совместной деятельностью. Основными видами общественной деятельности являются экономическая, социальная, политическая, духовная. В соответствии с этим общественное положение этноса можно раскрывать через систему показателей, свидетельствующих о его месте в экономической, социальной, политической, духовной сферах жизни. Полученные результаты должны стать основой регулирования межнациональных отношений на основе принципов социальной справедливости.

1. Файзуллин Ф.С. Социальная справедливость и пути её реализации в национальной политике. Уфа: Гилем, 2011, -с.252.

2. Файзуллин И.Ф., Файзуллин Ф.С. Устойчивое развитие - основа прогресса общества. /Социальное и политическое развитие Республики Башкортостан в условиях трансформации общественных отношений. Уфа: РИК УГАТУ, 2017, -с.338.

НОВЫЕ ФОРМЫ СОЛИДАРНОСТИ В СИСТЕМЕ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федотова В.А. (Пермь)

В современных условиях реструктуризации экономики в глобальном контексте неизбежно меняется и система социально-трудовых отношений. В широком смысле, сюда относятся отношения по поводу труда и его результатов, в узком – реальные производственные отношения, конкретные взаимодействия людей. Исследования трудовых отношений как ценностно-нормативной системы, в котором разворачиваются взаимодействия работников, представляется основой для отражения существующих тенденций в российском обществе. Изменившейся системе трудовых отношений соответствует новый тип связи между субъектами трудовых отношений, который часто рассматривается через солидарность. Прежде всего, следует заметить все повышающийся интерес к рассматриваемой теме со стороны представителей различных исследователей как у нас в стране, так же за рубежом.

Тема социальной солидарности рассматривается и изучается в работах по философии, праву, социальной психологии, экономики, менеджменту и др.науках

Теоретико-методологические основы исследования солидарности содержатся в трудах О. Конта, Э.Дюркгейма, К. Маркса, Гофмана. Солидарность в трудовых отношениях рассматривают Ядов В.А. А.Л. Темницкий, Г.П. Бессокирная, Шабанова, Абрамов, Клименко.

Анализ литературы показывает большие успехи в разработке различных аспектов и сторон рассматриваемой тематики в последние годы. Имеется прогресс в понимании проблемы солидарности также и с социологической точки зрения. Так, увеличивается количество работ, в

которых солидарность рассматривается как один из важных показателей, характеризующих социально-трудовые отношения.

Несмотря на достигнутые продвижения, рост интереса к данной проблеме, остается еще много противоречивых моментов в её трактовке. Часто авторы, занимающиеся изучением проблемы солидарности рассматривают её только с одной стороны, а не в качестве специального предмета изучения. В одном случае, изучение сводится только к экономической сфере социальной жизни, в другом – к моральным ценностям и нормам, в третьем – к одной из характеристик социальной группы. Всё это предопределяет необходимость более подробного рассмотрения данной проблемы.

Сначала следует дать определение понятия солидарности. Термин солидарность имеет несколько определений:

1- тип связи между индивидами, представляющий собой определенную форму взаимодействия людей на основе общности интересов, проявляющейся в производственных и межличностных отношениях.

2- отношения на ценностях коллективизма, употребляется в качестве синонима социальной сплочённости, но с коннотацией коллективных, совместных усилий, направленных на достижение групповых целей.

3- совместная ответственность

Проведенный теоретический анализ позволяет выделить следующие показатели солидарности как определенного типа связи между субъектами трудовых отношений:

- развитые межличностные взаимоотношения в коллективе / неразвитые межличностные отношения

- общность целей членов группы/ разобщенность целей членов группы

- совместная ответственность/ индивидуальная ответственность

- высокая степень идентификации работников с коллективом/ низкая степень идентификации работников с коллективом

- показатели уровня активности в основной сфере деятельности

- социальная интеграция/ социальная дезинтеграция

- общность взглядов, норм и ценностей/ разобщенность взглядов, норм и ценностей

- наличие альтруистической взаимопомощи и поддержки/ отсутствие альтруистической взаимопомощи и поддержки

В июне 2017 года в Пермском крае было проведено пилотажное исследование. Мы предположили, что в современной организации представлены два основных типа работников: приверженцы традиционной солидарности, которые усвоили коллективные ценности, не адаптированы к рынку и жизни в современных условиях; приверженцы современной солидарности, которые усвоили индивидуалистские нормы и ценности, адаптированы к рынку и жизни в современных условиях. На основе чего была разработана типология, базирующаяся на понятии социальной солидарности: разделяющие традиционную солидарность, разделяющие современную солидарность. Основными показателями оказались направленности "на коллективность\ индивидуалистичность", ответственность за результаты деятельности (совместная/индивидуальная), самооценка готовности объединяться, оказание безвозмездной помощи. Затем мы исследовали показатели уровня активности в основной сфере деятельности. Выход на интегральный показатель обеспечивался процедурами классификации и интеграции. В типологию нашего исследования вошло 150 человек. Все типы оказались достаточно представлены в исследовании:

Активные работники традиционной солидарности – 22%

Активные работники современной солидарности – 46%

Пассивные работники традиционной солидарности – 14%

Пассивные работники современной солидарности – 18%

Это говорит о том, что работники начинают адаптироваться к современным условиям жизни, осознавая при этом, что, кроме изменений поведения, необходимо внутренние изменения, то есть определенные моральные ценности, человеческие качества, благодаря возвращению к которым возможно выйти на новый уровень развития для всего общества в целом. Распределение социально-профессиональных групп свидетельствует о том, что большую часть работников, разделяющих современную солидарность составляют служащие, а традиционных - руководители. Было выявлено, что чем выше по иерархии трудовых отношений работник, тем больше ориентирован на традиционную солидарность. В целом в организации преобладают работники,

разделяющие традиционную солидарность и активные формы отношений в основной сфере деятельности.

Наиболее значимыми показателями отношений солидарности являются уровень сплоченности, чувство ответственности. Анализ данных обнаруживает, что выше сплоченность коллектива, тем больше работников, приверженных традиционной солидарности. Чувство ответственности за выполнение производственных заданий у активных и пассивных работников, принадлежащих к современной солидарности, либо совсем нет, либо частично, при этом они считают, что ответственность за выполнение производственных заданий лежит на отдельных работниках. Активные работники, относящиеся к традиционной солидарностью полностью чувствуют ответственность за работу и своего коллектива и организации в целом, при этом отмечают, что ответственность за выполнение производственных заданий лежит на коллективе, команде работников. Пассивные работники, с традиционной солидарностью возлагают ответственность на руководство, поэтому чувствуют ответственность за выполнение производственных заданий частично. Мы выяснили, что у работников в современной организации имеет место ориентация на коллективизм и желание быть вовлеченным в общественную деятельность.

Наше общество начинает усваивать, адаптироваться к чертам и ситуациям современности: в ряду с ценностями семьи, появляется ценность работы, из-за этого связи становятся частными. Современные условия накладывают определенные обязательства в экономическом плане. Происходит внутренняя борьба ценностей семьи и необходимостью работы, эффективного трудового поведения. Таким образом, возникает конфликт схожести и отличия, традиционной и современной солидарности.

Можно сказать, что в сфере социально-трудовых отношений не происходит утрата традиционной солидарности, но переход к новому типу солидарности, которая характеризуется внешним разобщением и внутренним стремлением к общности. Это разобщение возникает на фоне политической и экономической нестабильности, аномии, появляется новая социальная связь, новая социальная реальность.

1. Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда// Западно-европейская социология XIX-начала XX веков. М.: 1996. С. 256-309*
2. *Социология социалистического производственного коллектива. / Под ред. З.И. Файнбурга, В.Г. Веретенникова, Е.С. Шайдаровой. - М.: Профиздат, 1982.*
3. *Социология труда. Теоретико-прикладной толковый словарь/ Отв. ред. В.А. Ядов. - СПб.: Наука, 2006*
4. *Становление трудовых отношений в постсоветской России.- М.: Академический проект, 2004. - 320 с.*

ТРАЕКТОРИИ ИЗМЕНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Фомичева Т.В. (Москва)

Аннотация: тезисы посвящены обзору тенденций в развитии современного социологического образования в России. Выявлены функциональные характеристики современной системы социологического образования. Подчеркнута важность сохранения существующей системы высшего образования в России.

Реформа российского высшего образования в определенных аспектах породила последствия в виде множественных изменений, касающихся трансформации системы высшего образования в целом и социологического образования, в частности: ростом его информационной открытости и развитием внешней оценки системы образования [1] – размещением комплексной информации на сайтах образовательных учреждений, активизацией контролирующих мониторинговых структур и рейтинговых агентств; оценкой качества образования, эффективности вузов, образовательного процесса в целом, а также перманентной модернизацией процесса высшего образования (обновляющиеся стандарты направлений подготовки высшего образования – ФГОС 3+ и др.). Осуществлено разделение бакалавриата две части: «академический» и «прикладной». В настоящее время как тренд выражено преобладание компетентностного подхода, связанного с выработкой необходимых для конкретной основной профессиональной образовательной программы компетенций.

При оценке качества социологического образования, вызывает беспокойство объединение и укрупнение вузов, выраженные как тенденция. Востребованность специалистов-социологов преимущественно в городах-мегаполисах, а также в крупных и средних городах продолжает определять возможность и целесообразность приобретения данной профессии на всем пространстве России. Остается актуальной междисциплинарность социологического образования (тесная взаимосвязь с другими общественными науками).

Традиционная концепция «личностного знания» М. Полани [3] трансформируется в иные структурные конструкты. Функции преподавателя изменяются, становятся шире – от научно-педагогического работника, тьютора до «менеджера» [2, с. 67] образовательного процесса в широком смысле этого слова, предполагающего всестороннее обеспечение педагогического процесса.

Одним из трендов современного образовательного процесса является внедрение и развитие интерактивных образовательных технологий. Интенсифицировать обучение предлагается с помощью информатизации – повсеместного внедрения компьютерных технологий (специализированного социологического программного обеспечения). Причем, информатизация рассматривается в качестве процесса овладения информацией. В структуре информатизации выделяются три слагаемых: компьютеризация (распространение средств вычислительной техники, совершенствование средств поиска и обработки информации); медиатизация (развитие средств сбора, хранения и распространения информации); интеллектуализация (развитие способностей людей к восприятию и анализу информации, воспроизводству новых знаний) [4, с. 14]. Одним из возможных аспектов информатизации, все чаще появляющимся на социологическом «небосклоне», можно назвать развитие электронного и дистанционного социологического образования.

Популярным трендом современного социологического образования можно назвать углубленное изучение английского и других иностранных языков, в рамках профессиональной деятельности (прежде всего из-за специализированного программного обеспечения, которое реализуется преимущественно на английском языке).

Хотелось бы верить, что означенные выше некоторые нововведения и трансформации не снизят в целом качество социологического образования, а наоборот, позволят повысить его.

1. Болотов В. Тренды-2014 в образовании // *Новости. Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/avant/107139822.html> (Дата обращения, 23. 02. 2016)*
2. Бразевич С.С. Социологический анализ процесса организации образовательного пространства в обществе, основанном на знании // *Девятые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 14-15 ноября 2014 года. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2014. – 66-68 с.*
3. Полани М. *Личностное знание. / Пер. с англ. М. Б. Гнедовского, Н. М. Смирновой, Б. А. Старостина. М.: Прогресс, 1985. 344 с.*
4. Соколова И.В. *Социальная информатика. М.: РГСУ, 2008. 256с.*

ПРОЦЕССЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Хилажева Г.Ф. (Уфа)

Башкортостан всегда выступал привлекательным регионом для международных мигрантов из стран Средней Азии и Закавказья. Несмотря на небольшой объем в общем миграционном обмене республики международная миграция всегда вносила положительный вклад в миграционный прирост РБ. В связи с новым миграционным законодательством и усилением кризисных явлений масштабы международной миграции в РБ в последние годы стали сокращаться. Международная миграция, незначительная по своему объему и по своей длительности, оказывает более сильное влияние на временный трудовой потенциал региона, чем на качественный состав и численность постоянного населения.

Одним из субъектов России, который в течение всего постсоветского периода всегда находился в траектории транснациональных миграционных потоков из стран ближнего зарубежья, является Республика Башкортостан.

Основные потоки международной миграции в республику направлены из Узбекистана. После нее со значительным разрывом – Таджикистана, Азербайджана, Армении, а также других стран постсоветского пространства.

В общем объеме миграционных процессов в Республике Башкортостан на международную миграцию приходится около 10%. Несмотря на относительно небольшой объем, в течение всего нынешнего столетия она вносила положительный вклад в общий миграционный прирост республики. Однако в последние годы в связи с усилением кризисных явлений в социально-экономической сфере, введением новых норм в трудовое миграционное законодательство наблюдается тенденция сокращения численности иностранных мигрантов в республике.

Нововведения в российском миграционном законодательстве, которые были приняты в начале 2015 г., нельзя оценивать однозначно. Наряду с положительными сторонами (были предприняты попытки регулировать внешнюю трудовую миграцию не только административными, но и экономическими методами; регионам дали возможность быть полноправными участниками процессов регулирования миграции) есть и негативные (крайне усложнилась процедура получения права на осуществление трудовой деятельности; ряд требования к иностранным гражданам выглядят малообоснованными, излишне жесткими или труднодостижимыми). Есть опасность того, что чрезмерное ущемление интересов мигрантов из стран, которые являются главными миграционными донорами России и таковыми останутся в перспективе в ближайшие десятилетия, можно оставить российский рынок труда без иностранной рабочей силы [1].

В Республике Башкортостан тенденция сокращения численности международных мигрантов достаточно отчетливо стала проявляться в последние три-четыре года. Если в 2014 г. в РБ прибывало около 14 тыс. мигрантов, то в 2016 г. их численность составила чуть более 8 тыс. человек. Коэффициент миграционного прироста за указанные годы был равен 9,5 и -1,6 на 10 тыс. человек соответственно. Башкортостан стал единственным регионом в ПФО с таким показателями.

Международная миграция в РБ носит в основном временный характер. По данным официальной статистики, в 2016 г. среди прибывших международных мигрантов лишь около 600 человек (7,7%) были зарегистрированы на постоянное место жительства. Основная масса – это временные трудовые мигранты. Установить их реальную численность достаточно сложно. Это связано как с большим объемом нелегальной трудовой миграции, так и с наличием разных показателей и источников данных об их численности.

Международная трудовая миграция зачастую оценивается на уровне общественного и бытового сознания как явление, несущее некую угрозу стабильности российского общества, национальной безопасности России. Международные трудовые мигранты воспринимаются как конкуренты на рынке труда для местного населения, которое, в свою очередь, активно участвует во внутривоспитательской трудовой миграции.

С такими оценками трудно согласиться. Во-первых, доля иностранных граждан среди лиц занятых в экономике республики даже в годы их максимального представительства была незначительной (например, в 2014 г. – 2%). Во-вторых, иностранные международные мигранты в основном занимают те ниши, где требуется тяжелая физическая работа (как правило, низкооплачиваемая, с продолжительным рабочим днем), куда местное население не стремится попасть. Согласно социологическим исследованиям, длительность рабочего дня у значительной части опрошенных трудовых мигрантов в Башкортостане может длиться до 9–10 часов в день (45%); у более десятой части (13%) – 11–12 часов.

На наш взгляд, международная миграция, незначительная как по своему объему, так и по своей длительности не оказывает существенного влияния на качественный состав и численность постоянного населения республики. Основной вклад она вносит в формирование временного трудового потенциала региона. В то же время она в определенной степени влияет и на этнокультурную и этноконфессиональную ситуацию в регионе и выступает для жителей республики значимым, ощутимым явлением повседневной жизни [2].

1. Власова Н.И. Скальпель или топор? // Миграция XXI век. Независимый информационно-аналитический журнал. 2015. № 4 (31). С.24.
2. Труд, занятость и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под общ. ред. Р.М. Валиахметова, Г.Р. Баймурзиной, Н.М. Лавренюк. Уфа: Восточная печать, 2015. С.217-223.

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

Хорошилова А.В. (Курск)

Аннотация: В статье рассматривается малый бизнес как агент модернизации. Целью нашего исследования было изучение текущего состояния малых предприятий Центрального Черноземья, выявление их модернизационного потенциала и проблем, с которыми сталкивается малый бизнес в процессе своей деятельности. В качестве основного метода исследования был использован анкетный опрос представителей малого предпринимательства. Проведенное исследование позволило нам сделать вывод, что малый бизнес способен сыграть важную роль в модернизации страны.

В XXI веке практически все страны мира вовлечены в процесс активной социально-экономической модернизации. И если развитые страны Запада уже вступили в постиндустриальную, информационную систему и следуют по пути ее совершенствования, то главной задачей для постсоциалистических стран, в том числе России, является формирование новой экономической системы. Эта система заключается в конкурентной рыночной экономике.

Современную модернизацию невозможно представить без участия малого бизнеса. Поддерживая этот сектор экономики, правительство может решить такие задачи развития экономики страны, как повышение занятости населения, увеличение интенсивности труда, диверсификация экономики и т.д. [1, с.187]. Также, практически во всех сферах общественной жизни сегодня возрастает роль инновационной деятельности. Но формирование национальной инновационной системы идет вяло, а тесные постоянные контакты между бизнесом и наукой не налажены, что делает эффект от инновационной деятельности в масштабах страны фактически незаменным.

На протяжении последних лет малый бизнес в России был поставлен в достаточно жесткие и трудные для выживания условия. Несмотря на то, что в России и регионах власти давно декларируют о поддержке малого и среднего бизнеса и в этом направлении сделано довольно много, в частности, создана инфраструктура, задействованы различные финансовые механизмы господдержки, более десяти лет действуют соответствующие целевые программы, все же принятые меры не обеспечивают снижения фискальной нагрузки и ограничений административного давления, не приводят к ожидаемым структурным изменениям в экономике и росту в ней доли малого и среднего бизнеса до сопоставимых с развитыми странами показателей [2, с.12].

Развитие малого бизнеса сегодня является актуальным и перспективным источником повышения эффективности производства и уровня жизни, ведь малый бизнес способствует укреплению экономической базы регионов, увеличивает общие объемы производства и розничного товарооборота, создает благоприятную среду для развития конкуренции, стимулирует внедрение достижений научно-технического прогресса, обеспечивает занятость значительной части населения [3, с.424].

Целью нашего исследования было не только изучение текущего состояния малых предприятий Центрального Черноземья, но и выявление его модернизационного потенциала, а также проблем, препятствующих внедрению инноваций субъектами малого бизнеса.

Летом 2017 года нами также был проведен экспертный опрос (N=46), в котором приняли участие предприниматели, руководители НКО, госслужащие и т.д. Его целью было выявление ключевых проблем Курского региона и поиск возможных путей их решения. Некоторые респонденты отметили, что инициатором изменений в нашем регионе они считают бизнес-сообщество, но руководителей не малых, а крупных предприятий. Стоит отметить, что сотрудничество малых и крупных предприятий не развито должным образом, и зачастую большой бизнес действует в своих целях, ущемляя при этом интересы малых предприятий.

Мы также спросили респондентов, какие сферы жизни населения региона стоит активнее развивать именно предпринимателям. Большая часть респондентов самой востребованной сферой деятельности предпринимателей считают производство, причем как продовольственных, так и промышленных товаров. Еще одной востребованной сферой оказалась сфера услуг, включающая как частные медицинские учреждения, так и социальные, организация отдыха и туризма граждан. Респонденты также считают, что предпринимателям стоит заняться благоустройством региона. Из этого следует, что эксперты видят необходимость в предпринимателях и считают, что они должны принимать участие в преобразованиях региона. Предприниматели способны занимать

определенные ниши в процессе модернизации, а в некоторых случаях даже являются инициаторами изменений в регионе.

В 2016 году нами также было проведено исследование методом анкетного опроса (N=200), участниками которого стали 100 представителей малого предпринимательства Курской области, и по 50 представителей Белгородской и Воронежской областей. Обратимся к результатам проведенного исследования.

Респонденты отметили, что за последние два года на их предприятиях происходили изменения, по большей мере относящиеся к улучшению условий труда (53%), повышению прибыли (50%) и росту качества производимых товаров и услуг (47%). 8% предпринимателей, выбравших вариант «Другое», отметили, что на их предприятии не произошло никаких изменений, причем чаще этот вариант ответа выбирали представители курского региона (4%).

Мы обратились к предпринимателям Центрального Черноземья с просьбой оценить по 10-бальной шкале причины, мешающие им заниматься новыми видами деятельности на своих предприятиях. По результатам ответов предпринимателей, мы можем сказать, что в наибольшей степени нововведениям препятствуют такие внутренние причины, как недостаток собственных денежных средств (3,6), сложность разработки инновационного проекта (3), сложности с поиском потенциальных инвесторов инновационного проекта (2,9). Стоит заметить, что если для Воронежской области наиболее значимой проблемой является сложность с разработкой инновационного проекта (4,2), то для Белгородских предпринимателей – это недостаток собственных идей (3,9). Предприниматели Курской области отметили практически все внутренние проблемы на уровне оценки 3, но самой значимой для них оказалась проблема недостатка денежных средств на новый вид деятельности (3,4).

Также существуют внешние факторы, препятствующих занятиям новыми видами деятельности. Рассуждая о них, руководители малых и средних предприятий отметили риск не окупить инновационные инвестиции (3,8), недостаточные льготные условия получения кредита на инновационные цели (3,2), недостаточную финансовую поддержку (2,9). Что касается представителей каждого региона отдельно, согласно их оценке, для каждого региона в равной степени самой явной внешней причиной является риск не окупить инновационные инвестиции.

Таким образом, можно сказать, что субъекты малого бизнеса способны принимать участие в модернизации страны и могут сыграть в ней очень важную роль, но продолжает существовать ряд проблем, препятствующих развитию малого предпринимательства. При этом сам уровень стимулирования и поддержки малого бизнеса со стороны государства продолжает оставаться недостаточным. Несмотря на все меры, предусмотренные федеральными программами, механизм оказания финансовой поддержки малому бизнесу до сих пор не дает желаемых результатов. Для развития предпринимательской деятельности требуются определенные государственные преференции относительно малого бизнеса. Между тем, учитывая все вышесказанное, мы можем предположить, что в настоящее время задачей научного сообщества является убеждение законодателей в том, что в их интересах следует проводить долгосрочную политику, адекватную современным научным представлениям о предпринимательстве. Российская действительность только подтверждает тот факт, что государственная политика в области предпринимательства в ее нынешнем виде не способствует экономической стабильности и социальному росту.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья» (№ 15-03-00506).

1. Богомолова Л.Л., Зайнутдинов Р.Р. Малый бизнес как новая парадигма модернизации российской экономики // Теория и практика общественного развития. 2014. №5. С.187-190
2. Бочарова О.Н. Перспективные направления развития малого и среднего бизнеса в новых условиях // Социально-экономические явления и процессы. 2014. №6. С.11-15.
3. Казыбайкызы А., Смагулова Ж. Б., Берикболова У., Муханова А. Е. Роль малого и среднего бизнеса в современной экономике // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 3-3. С. 424-427.

ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Чернышова А.Г., Лапшинова К.В. (Королёв)

В статье проанализирована проблема этических основ предпринимательства в России. Затронут вопрос о важности соблюдения основ этики не только гражданским обществом, но и деловыми партнерами, предпринимателями, бизнесменами.

“Хорошие манеры важнее добродетели”

Оскар Уайлд

Анализ российского бизнеса в социокультурном этическом контексте на современном этапе является одной из важнейших проблем в процессе изучения духовно-нравственной структуры, сложившейся в российском обществе. Любой экономический процесс, в том числе предпринимательская деятельность, в силу того, что он осуществляется людьми, неизбежно включает в себя нравственное содержание их бытия, ценностей, моральных установок [1]. Вопрос: «морален ли бизнес?» – звучит примерно так же, как: «морально ли само общество, в котором этот бизнес функционирует?». То есть, нравственность выступает неотъемлемой характеристикой общественного сознания, определяющей особенности хозяйственных нравов людей, в частности, в отношении бизнеса [4].

Дискуссии о нравственном кризисе общества как о мифе или реальности не утихают и по сей день, что делает актуальным и исследование такой неотъемлемой составляющей нравственности, как нравственность в сфере деловых отношений, в частности, в сфере бизнеса. Вопрос о совместимости морали и бизнеса, морали и прибыли до сих пор не может найти исчерпывающего и адекватного ответа [1].

В сфере экономических отношений говорить о роли этики труднее всего, ибо сама природа этих отношений основана на утилитарном интересе. Отсутствие такого интереса ведет к застою, деградации экономики и, как следствие, к понижению уровня жизни.

Этика – слово французского происхождения, означающее манеру в любом обществе. Этот феномен играет важную роль в человеческом поведении, соотнося его с ориентирами, выходящими за пределы непосредственных мотивов и целей совершаемых поступков.

Среда функционирования предпринимателя (бизнесмена) – рынок, но рынок это не просто некоторое множество продавцов и покупателей определенного товара (продукта или услуги). Это сложнейшая система взаимоотношений, в которой должны действовать свои правила, понятия.

Предприниматель имеет дело не только с ресурсами, машинами и продуктами, не только с различными документами, производственными, снабженческими и сбытовыми процессами, но и с людьми – руководит подчиненными, советуется со специалистами, ведет переговоры с партнерами, общается с трудовым коллективом. И от того, насколько хорошо он это делает, зависит его репутация и авторитет, а соответственно, и успех предпринимательского дела [2].

Нравственные категории всегда занимали важнейшее место в предпринимательстве. Но нельзя не отметить тот факт, что особую актуальность они приобретают именно сейчас, в эпоху ужесточившейся конкуренции, в условиях всё более пристального внимания к деловой репутации компаний, в условиях накопления негативных явлений в сфере бизнеса, в ситуации усиливающейся глобализации, когда общие нравственные образцы и стандарты ассимилируются в различных культурах. Все это вызывает к жизни острую необходимость переосмысления подходов в отношении деловой активности. Проблема только в том, что такое переосмысление, конечно, необходимо для любой страны и, в частности, России, но невозможно без учета исторического опыта, особенностей национального характера, а также реалий сегодняшних дней.

Россия имеет свой социокультурный путь практического освоения понятия предпринимательства, и путь этот, обусловленный тысячелетней историей становления российского предпринимательства, культурной и национальной спецификой, очень сложный и противоречивый [9].

Об устойчивости стереотипов национального самосознания русских свидетельствуют, например, современные представления россиян о богатстве и способах его приобретения, содержание которых принципиально не изменилось за десятилетие проводимых в стране реформ [11]. Большинство граждан убеждено в том, что в нынешней России люди становятся богатыми исключительно за счет "воровства, разграбления страны", "злоупотребления своим служебным положением, взяток, коррупции" или "обмана других" и другими нечестными путями. Одновременно с представлениями о несправедности богатства российское сознание по-прежнему

отказывается верить в возможность существования "порядочных, трудолюбивых и удачливых" богачей. Почти две трети молодых респондентов (63,9%) убеждены, что в России бизнес и нравственность – понятия несовместимые [8].

Такого рода устойчивые представления россиян о предпринимателях и, прежде всего, о способах накопления крупных состояний в нашей стране являются важным обстоятельством того, как сегодня складываются отношения между населением и бизнесом, и как, по всей видимости, они будут складываться еще в достаточно длительной перспективе.

Однако становлению негативных представлений о предпринимателях в массовом сознании есть разумное объяснение. Процесс перехода России на пути рыночной экономики очень противоречив и характеризуется рядом негативных последствий. Итогом господства жесткой административно-командной системы стала безнравственная в своей основе экономика, характеризующаяся бесхозяйственностью, нарушением действующего законодательства в ходе приватизации, разворовыванием бывшей государственной собственности, коррупцией и т.п. И как следствие – развитие теневой экономики, а господство криминальной экономики никогда не способствовало нравственному оздоровлению общества [6].

Созданию безнравственных основ экономики способствует также господство в сознании предпринимателей мнения о том, что в бизнесе не может быть места этике, что роль бизнеса в обществе является исключительно экономической, а бизнес – новое явление для России, и многие действующие бизнесмены, развернув свое дело, не прошли «ценностного» роста бизнеса. Широко распространено представление о том, что бизнес и прибыль не совместимы с моралью, требуют отказа от главных этических норм, а порой и отказа от личностных убеждений во благо дела [10].

И лишь немногочисленная часть российских бизнесменов указывает на «выгодность» следования этическим принципам в бизнесе, соблюдение моральных норм они рассматривают как своеобразную гарантию выживания, успеха и безопасности экономического и физического существования в бизнесе. Без строгого соблюдения нравственных и правовых норм невозможно нормальное саморегулирование рыночной экономики, в силу чего нормы морали приобретают определенный экономический смысл и оказываются важнейшими составляющими механизма хозяйствования и управления [3].

Отрадно осознавать, что крупнейшие российские компании уже приняли к сведению важность проблем этичности в бизнесе и, перенимая опыт зарубежных фирм, уже имеют свои этические кодексы.

Перед Россией сейчас стоит непростая задача изменить, прежде всего, менталитет людей, соединить этику, духовно-нравственные ценности с бизнесом и сформировать поколение, которое идет на сознательный риск, несет ответственность за принятие решения, а потом пользуется результатами своей деятельности вместе со всем цивилизованным миром [3].

На основе анализа всего вышесказанного можно сделать вывод, что развитие этичности бизнеса и становление морального облика предпринимателя в России, несмотря на сложности и противоречия, пусть и очень медленно, но идет к осознанию того факта, что «нравственная легитимизация предпринимательства на уровне общества в целом становится одной из важнейших задач, способствующей оздоровлению сначала экономики, а затем и всего общества» [5, стр. 413]. Немаловажным является и тот факт, что культурный потенциал российского общества наряду с профессиональным и образовательным, взятые в этическом контексте бизнеса, могут резко повысить конкурентоспособность России на мировом рынке. В противном случае – современной России не выбраться из структурного, финансово-экономического, политического и социокультурного кризисов [6].

1. Аверин А.Н. Социальная политика и социальная ответственность предприятия. – М.: Альфа-Пресс, 2008. – 96 с.
2. Благов Ю.Е. Концепция корпоративной социальной ответственности и стратегическое управление // Российский журнал менеджмента. – 2004. – №3. – С. 17-34.
3. Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. – М., 1989. – 210 с.
4. Бузмакова Т.И., Кирилина Т.Ю. Духовно-нравственные основы российского предпринимательства: история и современность // Вопросы региональной экономики. 2011. Т. 9. № 4. С. 119-129.
5. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – 413 с.
6. Бурыйшкин П.А. Москва купеческая. – М., 1991. – 326 с.

7. Варина О.В. *Этический анализ предпринимательства в России: Дис. ... канд. филос. наук.* – Саранск, 2004. – 180 с.
8. Кирилина Т.Ю. *Духовно-нравственная проблематика в отечественной социологии: история и современность* // *Социальная политика и социология.* Том 15 (118). № 5. 2016. С. 101-109.
9. Кирилина Т.Ю. *Нравственные аспекты модернизации современного российского общества* // *Лесной вестник.* 2011. № 2. С. 175-179.
10. Кирилина Т.Ю. *Социальное управление нравственными процессами в современном российском обществе. Материалы Афанасьевских чтений.* 2014. № 1. С. 39-43.
11. Кирилина Т.Ю., Бузмакова Т.И. *Духовность и нравственность российской молодежи в социологическом измерении* // *Социальная политика и социология.* 2013. № 3-1 (94). С. 169-183.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОГРАММЫ И ТРАЕКТОРИИ ИЗМЕНЕНИЙ ВУЗОВСКОГО РОССИЙСКОГО ХИМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Черняева Г.В. (Москва)

Аннотация. Рассмотрены современные тенденции развития вузовского химического образования и показано, что несмотря на негативное влияние современной реформы образования в РФ, форвардам российского химического образования удалось сохранить перспективные направления профессиональной подготовки в химической отрасли и наметить программу её изменения.

Многие исследователи, занимавшиеся научными исследованиями и преподавательской деятельностью в сфере химической науки, очень высоко оценивают её роль в развитии современной науки, производства, техники и признают, что «химия в истекшем столетии не только заняла центральное место в естествознании, но и создала новую базу материальной культуры современной цивилизации» и что «эта её важнейшая роль сохранится и в ближайшем будущем» [5, с. 83]. Очевидно, что для поддержания такого высокого статуса химической науки необходимо обеспечить развитие получаемого будущими специалистами-химиками профессионального химического образования, но российские специалисты-химики обеспокоены разворачивающимися в постперестроечное время процессами в данной сфере. Факты и статистические данные свидетельствуют:

- объединен с нехимическим МГУИЭ, позже – с МАМИ, а затем вовсе ликвидирован МИХМ – многолетний лидер отечественного образования по химическому машиностроению;
- старейший российский вуз в сфере химической технологии МИТХТ был объединен с вузом иного профиля МИРЭА, а РХТУ им. Менделеева объединен с далеким от химии МИСИС [2];
- в российских вузах продолжительное время была фактически свернута прежде интенсивная профессиональная подготовка специалистов для химической отрасли среди граждан иностранных государств [4, с. 133], снизились квоты на обмен студентами;
- минимизированы прежде активный обмен опытом преподавания и совместные научно-практические разработки (к примеру, в 1987 г. на договорной основе проводились совместные исследования и работа с 62 зарубежными вузами) [4, с. 133];
- снизились конкурсы в вузах среди поступающих на химические специальности (в 1992 г. конкурс составил 1,5–1,9 чел. на место, что контрастирует с показателями конкурса по экономическим и юридическим наукам, составившим 8–10 чел. на место) [6, с. 20–23, 34];
- вузы покинула значительная часть энергичных и высококвалифицированных сотрудников, талантливая молодежь: «средний возраст преподавателей подавляющего числа вузов перешагнул критическую отметку 60 лет», среди них сегодня мало ученых в наиболее продуктивном возрасте (30–40 лет)» [5, с. 85].

Несмотря на отмеченные негативные процессы, в современных университетских центрах химического образования – в Московском, Санкт-Петербургском, Уральском, Казанском, Дальневосточном университетах, РУДН и других вузах «удалось сохранить высокий уровень учебной и научно-исследовательской работы [2; 3, с. 134; 8]. Так, В. Лунин, известный специалист в области нефтехимии и катализа, декан химического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, констатировал, что с 1990-х до 2000-х годов факультету «удалось сохранить качество подготовки специалистов и обеспечить их трудоустройство в научных центрах», в частности, зарубежных (Covestro, BASF, Шеврон и др.), а также в мировых центрах химического образования MIT

(Массачусетский технологический институт), Caltech (Калифорнийский технологический институт) [2]. Более того, в последнее время в химическом образовании наметились некоторые позитивные тенденции: преподаются «построенные по-новому» традиционные курсы, такие, как: «Строение вещества», «Квантовая механика и квантовая химия», «История и методология химии», «Органическая химия» [8] и др.; вводятся новые курсы, среди которых: «Общие вопросы естествознания»; «Математические структурные модели в химии»; «Реакционная способность молекул» [8].

Однако для развития современного российского химпрома подобных новаций явно недостаточно, поэтому специалисты в области профессиональной подготовки в сфере химической науки предлагают новые подходы к построению системы химического образования [5; 8]. Так, например, заслуживают внимания и глубокого изучения аргументы А. Я. Юффы и С. А. Паничева, которые предложили существенно изменить концепцию организации химического образования [8] и выступили в защиту формирования у будущих химиков «компактифицированного знания». С их точки зрения «содержание химического образования целесообразно переориентировать с изучения "материала" на эффективное и полное освоение учащимися химического языка, его "лексики и синтаксиса", а также способов увязывания с химической практикой, поскольку именно это составляет сущность квалифицированного специалиста-химика» [8]. По мнению А. Я. Юффы и С. А. Паничева, такой подход обеспечивает ряд существенных преимуществ, а именно [8]: более полное соответствие химического образования химической науке; повышение эффективности учебного процесса в области химии; минимизацию некоторых противоречий между подготовкой по химии в средней школе и вузе; гуманитаризацию химического образования; отказ «от привычной схемы разбиения химии на отдельные дисциплины, такие как «Неорганическая химия», «Органическая химия», «Физическая химия», «Химия «ВМС», «Коллоидная химия» и т.д., и на базе логической структуры химии, увязывающей ее понятия в стройную систему лежат два блока: теоретическая химия и практическая химия» [8, с. 98–99].

Что касается важного для определения траектории изменений вузовского российского химического образования выявления наиболее перспективных направлений профессиональной подготовки химиков, то в данном вопросе существует много мнений, которые отчасти продиктованы тенденциями развития химической отрасли, отчасти – прогнозами перспектив развития самой науки, отчасти – коммерческой выгодой вузов. Поэтому сегодня абитуриентам предлагается достаточно много разнообразных программ химического образования. К примеру, на сайте «Hotcourses Russia» представлено 5.132 зарубежных программ профессиональной подготовки (бакалавриат, магистратура и PhD) по общей химии, 215 – по медицинской химии, 129 – по судебной/криминалистической химии и 127 программ по вычислительной химии [4].

Известному российскому химику А. Л. Бучаченко удалось выделить восемь генеральных направлений развития современной химической науки: химический синтез; химическая структура и функция; управление химическими процессами; химическое материаловедение; химическая технология; химическая аналитика и диагностика и, так называемая, химия жизни [1, с. 99]. Особой популярностью пользуется направление подготовки «Химические технологии», ориентированное на подготовку специалистов для производства химических веществ, используемых в обеспечении водоснабжения и очистки воды, нефтепереработке; производстве электроэнергии; пищевых производствах; в процессе производства одежды, косметики, бытовой химии и т.д. [7].

Подчеркнув, что сегодня химические исследования превратились в область широкомасштабного применения целого комплекса новых и новейших высоких технологий, связанных с использованием сложнейшей аппаратуры и предлагая неотлагательно заняться обновлением системы химического образования, Ю. А. Устынюк обозначил следующие векторы изменений: [5, с. 85–90]:

- учитывая, что современный химик должен тратить до половины и более учебного/рабочего времени на сбор и анализ информации по профилю исследования, необходимо изменение структуры профессиональной подготовки;
- важно также сформировать у выпускников химических специальностей такие компетенции, как: «быстрая оперативная связь с коллегами», «включение в "незримый научный коллектив"»; «владение современными информационными технологиями»; «владение иностранными языками»;
- необходимо энергично продолжить начавшуюся работу по созданию межвузовских учебно-научных центров.

На наш взгляд, упомянутые выше выводы и рекомендации российских специалистов должны составить концептуальную основу траектории изменения системы российского химического образования.

- [1] Бучаченко, А. Л. Химия на рубеже веков: свершения и прогнозы / А. Л. Бучаченко // *Успехи химии*. – 1999. – №. 68 (2). – С. 99–118.
- [2] Образцов, П. Диплом как рекомендация / П. Образцов // *Российская газета. Спецвыпуск*. 26 мая 2016 г. – № 6980 (112) // <https://rg.ru/2016/05/26/vypuskniki-himfaka-mgu-vostrebovany-i-v-rossii-i-za-rubezhom.html> (дата обращения: 16.09.2017).
- [3] Осколок, С. В. Подготовка иностранных специалистов в системе университетского химического образования России (1950-е – 2000-е гг.) / С. В. Осколок // *Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: История России*. – 2014. – № 2. – С. 126–138 // <https://cyberleninka.ru/article/n/podgotovka-inostrannyh-spetsialistov-v-sisteme-universitetskogo-himicheskogo-obrazovaniya-rossii-1950-e-2000-e-gg> (дата обращения: 16.09.2017).
- [4] Сайт «Hotcourses Russia» / *Естественные науки / Химия* // <https://www.hotcourses.ru/subject/chemistry/> (дата обращения: 18.09.2017).
- [5] Устынюк Ю. А. Химия и химическое образование на рубеже веков: смена целей, методов и поколений специалистов / Ю. А. Устынюк // *Российский химический журнал (Ж. Рос. хим. об-ва им. Д. И. Менделеева)*. – 2001. – Т. XLV. – № 2. – С. 83–91. <http://www.chem.msu.ru/rus/jvho/2001-2/83.pdf> (дата обращения: 18.09.2017).
- [6] *Университеты России в 1992 г.: справочник / НИИ высшего образования*. – М., 1994.
- [7] *Химические технологии и биотехнологии (б. а.)* // <http://www.begin.ru/add/spravochnik/vostrebovannyye-speczialnosti/ximicheskie-texnologii-i-biotexnologii.html> (дата обращения: 18.09.2017).
- [8] Юффа, А. Я., Паничев, С. А. Проблемы и перспективы высшего химического образования / А. Я. Юффа, С. А. Паничев // *Российский химический журнал (Ж. Рос. хим. об-ва им. Д. И. Менделеева)*. – 2003. – Т. XLVII. – № 2. – С. 93–99 // <http://chemnet.ru/rus/jvho/2003-2/93.pdf> (дата обращения: 16.09.2017).

ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЫХ УЧИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Чикарова Г.И. (Ростов-на-Дону)

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда проект № 16-18-10306.

Аннотация. Социально-экономические трансформации происходящие в последние десятилетия в российском обществе оказывают влияние на всех представителей трудовой профессиональной сферы. Особо уязвимыми при этом становятся социально-ориентированные профессиональные группы. В данной работе анализируются особенности профессиональной идентичности представителей молодого профессионального корпуса учителей, так как они выступают непосредственными носителями новой системы профессионально-трудовых ценностей, сложившихся в современном российском обществе. На результатах прикладного социологического исследования учителей г. Ростова-на-Дону, проведенного в 2017 году, показана специфика условий становления профессиональной идентичности молодых специалистов, а также проанализированы ее основные отличительные черты. Также выявлены проблемы, оказывающие влияние на процесс профессионального становления молодого учителя и стабильное функционирование в данном профессиональном сообществе.

За последние десятилетия российское общество претерпело целый ряд экономических кризисов и потрясений, также в стране произошел целый ряд экономических реформ, результатом которых оказался пересмотр всей социально-экономической системы ценностей: слом старых и появление новых социально-экономических стереотипов. В следствие таких трансформаций происходит возрастание уровня неравенства среди различных слоев населения и целых профессиональных групп, так как изменяется вся социально-экономическая структура общества. Наиболее уязвимыми в таких условиях оказываются социально-ориентированные профессиональные группы, деятельность которых поддерживает существование и функционирование всего общества в целом. В первую очередь, к таким профессиональным группам можно отнести педагогов, врачей и военных.

Цель данной работы — анализ специфики формирования профессиональной идентичности молодых учителей в условиях социально-экономической нестабильности современного российского общества.

Интерес к рассмотрению и изучению особенностей формирования профессиональной идентичности молодых педагогов обусловлен тем фактом, что, с одной стороны, она является непосредственным продуктом новой системы ценностей российского общества, сформированной в результате нового экономического уклада, сложившегося в России, а, с другой, от современного «молодого» педагогического корпуса во многом зависит дальнейшее развитие и функционирование всего российского общества в целом.

Для решения поставленной цели был проведен вторичный анализ социологических исследований, целью которых было изучение профессиональных ценностных установок молодых учителей, а также анализ результатов прикладного социологического исследования школьных педагогов, проведенного весной 2017 года, в г. Ростове-на-Дону. Всего было опрошено 618 учителей, выделенная группа молодые учителя включала в себя 163 представителя данной профессии в возрасте до 30 лет.

По данным официальной статистики в последние годы в России выросло число молодых педагогов до 35 лет, которое в 2016 г. составляло 24,7% от общего числа школьных учителей. Доля школьных учителей до 35 лет в Ростовской области составляет около пятой доли всех педагогов (2016 г. – 19,1%). [1]

Согласно определению профессиональной идентичности, данному в работах Ю.П. Поваренкова, она рассматривается как характеристика значимости для индивида профессии и профессионализации в целом, как средство удовлетворения своих потребностей и реализации, развития потенциала. [3]

Важной составляющей при анализе профессиональной идентичности является изучение и рассмотрение таких показателей как статус и престижность профессии в обществе. По данным ВЦИОМа, россияне сегодня оценивают положение учителей в среднем на 2,86 балла из 5 возможных. [7] Сами же представители данного профессионального сообщества, согласно полученным данным, считают, что это обычная профессия, не слишком престижная, но и не престижной ее не назовешь. Такой вариант ответа выбрало 43,2% опрошенных. В то время как в сегменте молодые учителя в возрасте до 30 лет большинство участников исследования (44,6%) уверены, что эта профессия однозначно не престижна в современном обществе. [2]

Общественное мнение относительно престижа данной профессии оказывает влияние на перечень мотивов, которыми руководствуется молодой человек, выбирая для своего будущего профессию учителя. В последние годы среди молодых педагогов сократился % тех, кто руководствовался уровнем престижа профессии учителя в обществе при выборе своей специальности. [6] Проведенное социологическое исследование позволило установить, что большое число молодых учителей разделяют мнение о том, что преимущества данной профессии явно перевешивают недостатки (45,5%) и отмечают, что если бы могли решать заново, снова выбрали работу учителя (40,0%).

Другой важный показатель — уровень дохода. Согласно результатам исследования, оценка доходности профессии учителя, по мнению молодых представителей данной профессиональной группы, составляет 2,8 балла по 5 бальной шкале. [1]

Важно отметить, что многие исследователи в качестве ведущего фактора, влияющего на процесс социально-профессиональной адаптации молодого педагога, определяют не только престиж профессии учителя в обществе и его материальное положение, но и мотивацию, образовательную среду, а также уровень психолого-педагогической и коммуникативной подготовки молодого учителя. [5]

Изменение существовавшей ранее системы профессиональных ценностей российских учителей привел к тому, что молодые педагоги в меньшей степени разделяют ценности, связанные с профессиональным статусом, в то время как ценности, отражающие личное благополучие и самореализацию, выходят на первый план новой ценностной системы молодых учителей. [4]

Основными мотивационными механизмами, способствующими к закреплению молодых педагогов в сфере образования, являются повышение заработной платы (71,2%), предоставление жилья (13,3%), поддержка коллективом (8,4%), а также возможность повышения собственной профессиональной квалификации (4,9%). [6]

При этом все же важно отметить, что несмотря на изменение системы ценностей, среди молодых специалистов, как и раньше не теряют своей актуальности такие профессиональные компоненты как любовь к детям и умение общаться с ними (93,5%), глубокие знания и способность в своем предмете (83,8%), умение передавать свои знания другим (83,1%), творчество и разнообразие в работе (71,1%).

Также необходимо отметить, что в современном обществе прослеживается отсутствие тенденции продвижения данной профессии. Так, согласно результатам нашего исследования, 40,4% респондентов отмечают, что не рекомендовали бы своим детям выбрать профессию учителя.

При анализе результатов проведенного социологического исследования также был выявлен целый ряд проблем, который в наибольшей степени беспокоит молодых специалистов ростовских школ сегодня. Среди основных и наиболее значимых следует отметить рост трудовой нагрузки без увеличения зарплаты (данном вопросом обеспокоено 51,6% молодых педагогов — участников исследования), а также риск потери работы (38,1%). [2]

Таким образом, важно отметить, что для молодых педагогов характерна диффузная идентичность. Так как с одной стороны, молодой специалист открыт к восприятию изменений, происходящих в современной школе и обществе, склонен к самоизменениям, а с другой, не вполне самоопределился в профессиональном плане и находится в состоянии поиска, формирования своей идентичности, связанной с новой социальной ролью. При этом низкий уровень престижа профессии, высокий рост трудовой нагрузки и нестабильность экономического положения, становятся факторами способными дестабилизировать процесс формирования профессиональной идентичности молодых учителей и их закрепления в образовательной среде, что в свою очередь может стать негативным фактором развития всего российского общества в целом.

1. Клименко Л.В., Посухова О.Ю., Агрыzkова Ю.К. Профессиональная идентичность учителей городских школ Юга России // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 3. С. 72-87.

2. Клименко Л.В., Чикарова Г.И., Агрыzkова Ю.К. Профессиональная идентичность молодых учителей в крупном российском городе (по результатам эмпирических исследований) // Педагогические науки Известия Южного Федерального Университета. 2017. №9

3. Поваренков Ю.П. Психологическое содержание профессионального становления человека / Ю.П. Поваренков. – М.: УРАО, 2002. – 160 с.

4. Черникова Е.Г. Особенности социально-профессиональной адаптации молодых педагогов общеобразовательных школ // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. №4

5. Шеховцова Г.П. Проблемы адаптации молодого учителя // Современные технологии обеспечения гражданской обороны и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. 2015.

6. Щеткина И.А., Захарова Е.Ю., Окунева Н.И. Отношение молодых педагогов к профессии учителя: социологический анализ // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2015. №4

7. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116431> (Дата обращения: 06.10.2017)

ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА ДОМОХОЗЯЙСТВА РАЗЛИЧНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

Шагиахметова А.Х. (Казань)

Главной причиной финансово-экономического кризиса 2014–2015 гг., по мнению Тихоновой Н.Е. (д.с.н., проф. «ВШЭ») явилось резкое падение цен на нефть, а также санкции Запада, введенные после воссоединения России с Крымом, и ответные антизападные санкции. Таким образом, возникновению кризиса 2014–2015 гг., как и предыдущего (1998–1999), способствовали как внешние, так и внутренние факторы [1].

Несмотря на негативные тенденции в условиях кризиса, в 2014 году в страну прибыло более полумиллиона человек (517 480), большая часть из стран СНГ (Азербайджан – 26323, Армения – 46515, Беларусь – 17878, Казахстан – 59096, Киргизия – 28539, Молдова – 32030, Таджикистан – 54636, Туркмения – 6033, Узбекистан – 130906, Украина – 115524) [2].

По данным Росстата миграционный прирост в целом по России в результате международной миграции состоящих в браке составил 96 283 человек, по Татарстану – 24 225 человек (общий прирост – 54 656 человек).

Если рассматривать миграционный прирост по национальности, то азербайджанцы составили 8674 человек, армяне – 10724, грузины – 1716, киргизы – 7533, молдаване – 3859,

таджики – 9032, узбеки – 10517, украинцы – 18802 человек [3]. При этом статистика насчитывает 34 901 430 частных домохозяйств, принадлежащих к одной национальности и 6 068 496 – к разным [4]. Согласно данным некоторых исследователей, межэтнические семьи составляют около 1/4 всех домохозяйств, так примерно, 25% населения России живет в многонациональных семьях. По статистике, только за 2014 год в Москве было заключено порядка 50000 межэтнических браков. Каждый пятый брак в Татарстане межнациональный, сообщает пресс-служба Управления Министерства юстиции РФ по РТ [5].

Домохозяйство – это экономическая функция семьи, поскольку в рамках совместной деятельности члены домохозяйства производят и потребляют разнообразные ресурсы.

В условиях социально-экономического и финансового кризиса семья как домохозяйство выступает наиболее стабильным и способным к адаптации субъектом экономики. В сложных условиях происходит мобилизация ресурсов домашних хозяйств для поддержки жизнедеятельности членов семьи. На структуру современных домохозяйств оказал серьезное влияние финансово-экономический кризис.

По мнению Тихоновой Н.Е. [6], в сравнении с двумя другими наиболее крупными в истории современной России кризисами – 1998–1999 гг. и 2008–2009 гг. первой (и главной) особенностью последнего кризиса выступало то, что население России вступило в экономический кризис 2014–2015 гг. с гораздо более позитивным восприятием своего материального положения и своей жизни в целом, чем в предыдущие кризисы, и этот настрой в целом сохранялся и в ходе самого кризиса. Но ощутило на себе лично негативные последствия кризиса к весне 2015 г. более 80%.

Схожесть динамики протекания кризисов 2014–2015 гг. и 2008–2009 гг. подтверждает проведенное Мустаевой Ф.А. в 2009 г. исследование на тему влияния финансово - экономического кризиса на российскую семью, в котором участвовали 1100 респондентов [7]. В этом исследовании 71,7% опрошенных подтвердили, что кризис повлиял на их семью.

Выводы вышеописанных исследований подтвердились также в ходе проведенного социологического исследований в апреле-мае 2016 г. в Доме дружбы народов Татарстана, в ходе которого методом «снежного кома» было опрошено 75 респондентов различных этнических групп (азербайджанцы, армяне, белорусы, грузины, таджики, узбеки, украинцы).

Большинство (77% опрошенных) ответили, что из-за кризиса они стали жить хуже: 35% ответили, что переведены на неполный рабочий график, 23 % лишились возможности оплачивать кредиты, 11 % остались без работы. Также упомянули сокращение, невыплаты и задержки зарплаты.

Исследование домохозяйств показало, что они не готовы мириться со сложившимся положением и предпринимают все возможные меры для поддержания стабильного состояния, в частности:

- работают по совместительству (21 %);
- организывают предпринимательскую деятельность (18 %);
- работают в личном подсобном хозяйстве с целью дальнейшей продажи (14 %);
- ищут новое место работы (11 %).

При этом респонденты отмечают, что дополнительная работа неблагоприятно сказывается как на семейных отношениях (16%), так и на состоянии психического и физического здоровья (5%).

Домашний труд также позволяет экономить значительную часть материальных средств. Большинство домохозяйств (85%) указали в ходе опроса на различные виды домашнего труда: ремонт вещей, используемых в домашнем хозяйстве, перевозку на транспорте, уборку, стирку белья, приготовление пищи, совершение текущих покупок, уход за детьми.

Также одним из вариантов улучшения социально – экономического положения домохозяйства является предпринимательство.

К развитию предпринимательских навыков, согласно проведенному социологическому исследованию, подталкивает 18% опрошенных ограниченность доступных им видов работ (11%) и возможностей заработка (7%). Значительная часть предпринимательской деятельности поддерживается различными этническими общинами только в виде содействия при ведении дел с формальными бюрократическими организациями (14%). 2/3 опрошенных из группы предпринимателей отметили, что их этнической принадлежности оказалось недостаточно для того, чтобы взять деньги в долг у своих земляков для открытия собственного дела. Из тех, кто смог начать собственное дело, сфера деятельности ограничилась мелким бизнесом: оптово -

розничная рыночная торговля продуктами питания и вещами; бытовое обслуживание, общественное питание, ремонт и строительство, транспорт. Так, например, специализация азербайджанцев и узбеков проявляется в основном в овощной и фруктовой торговле, армян – в ювелирном и обувном бизнесе, белорусы и украинцы – на строительном рынке, грузины – в сфере общественного питания.

Основной вывод, который можно сделать в заключение работы, связан с тем, что финансово-экономические катаклизмы оказывают серьезное воздействие на жизнедеятельность домохозяйств различных этнических групп. При этом формирование эффективной стратегии решения финансово-экономических проблем существенно влияет не только на жизнь отдельного домохозяйства, а также на финансовую устойчивость всего общества, поскольку ежегодно в страну приезжает несколько сотен тысяч мигрантов.

1. Тихонова Н.Е. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян. // Социс. – 2015. - № 12. – С. 16
2. Демографический ежегодник России. 2015: Стат. сб./ Росстат. – М., 2015. – 263 с. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/demo15.pdf
3. Национальный состав международных мигрантов http://www.gks.ru/bgd/regl/B08_16/IssWWW.exe/Stg/html1/07-11.htm
4. Семья в России. 2008: Стат.сб. / Росстат - М., 2008. – 310 с. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1227621137969
5. Столярова Г.С. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. - Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2015. - С.6
6. Тихонова Н.Е. Явные и неявные последствия экономических кризисов для россиян. // Социс. – 2015. - № 12. – С. 16
7. Мустаева Ф.А. Семья в условиях финансово-экономического кризиса. // Социс. – 2010. - №7. - С. 66-68

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОРОДАХ

Шаповалов Р.О., Звездочкин А.А. (Санкт-Петербург)

Россия – особенная страна со своим уникальным городским ландшафтом, которое в большинстве городов осталось в наследие от коммунистического прошлого. Таким образом, необходимо сделать акцент на данной специфике и проследить формирование публичного пространства в период модернизации России, перехода ее от командно-административной авторитарной системы к капиталистической демократической. Дебаты о существовании публичного пространства в советских городах до сих пор продолжают существовать. Теоретические направления исследования публичного пространства делают акцент на том, что публичное пространство создается благодаря наличию частной собственности у индивидов, что и создает приватную сферу, которая необходима для определения публичного [1], [2], [5], [10], [13]. В Советском Союзе частная собственность у людей отсутствовала. Более того, по замечанию Е. Трубиной, «большинство понятий, которые связаны с публичностью, сложились в трудах ученых, описывающих демократические общества» [7]. Действительно, во многих трудах современных ученых дискурс публичного пространства сопрячен с тем или иным обществом, которое традиционно считается демократическим. Так, Х. Арндт пишет об афинском полисе, М. Олсон делает акцент на городах-коммунах средневековья с их развитой культурой труда, Ю. Хабермас берет за идеал либерально-демократические традиции обсуждения в кофейнях в XIX веке, Д. Дьюи использует в качестве примера культуру участия городов Новой Англии. Советский Союз в данном случае часто выступает классическим примером авторитарного государства. Всё это создает некоторые трудности в возможности исследования публичного пространства в советских городах.

Многие тексты акцентируют внимание на том, что степень «публичности» может измеряться по шкале открытости, свободы выражения и доступности. Социалистические города не испытывали того влияния неолиберализма, которые начали испытывать западные города во второй половине XX века. Постсоциалистическим обществам, по мнению А. Желниной, «еще суждено столкнуться как с новыми вызовами капиталистического неравенства, так и с наследием своих тоталитарных/авторитарных режимов прошлого» [3]. Тем не менее, попытки измерять степень «публичности» в различных и исторических реалиях не чувствительны к шкале,

приведенной выше, так как в разных обществах может быть политический режим, не соответствующий демократическому, что создает абсолютно иные паттерны поведения жителей города и другие интерпретации концепта «публичного пространства». Это делает случаи постсоциалистических городов очень уникальными для исследования идеи публичности в разнообразных контекстах.

Несмотря на то что функционирование публичного пространства говорит о большей степени демократичности городов, его идея не была изъята из проектов советских политических деятелей и градостроителей. Так, все открытые пространства в городе имели ярлык «публичных» (в смысле первого направления исследования публичного пространства, так как все принадлежали государству), однако любая активность в них была несанкционированной и была разрешена только в специально отведенных местах и не должна была иметь политическую окраску, кроме случаев поддержки господствующей идеологии. Центральные площади и широкие проспекты были созданы для того чтобы проводить там демонстрации и митинги, как например демонстрации 1 мая или 7 ноября, то есть связанные с крупными государственными праздниками СССР. Под «публичным пространством», таким образом, здесь понимается «место для коллективных действий, организованных властями» [3]. О. Паченков приводит основную классификацию публичных пространств, которые преобладали в Советском Союзе: а) территориями (площадями) вокруг официальных зданий правительства города и партийных органов (горисполкомы, горкомы и райкомы партии и т.п.); б) центральными площадями, предназначенными для проведения официальных парадов (в не самых больших городах СССР эти пространства чаще совпадали); в) развитые парки культуры и отдыха, которые были отчасти деполитизированы и были «отдушиной», поскольку практически данный тип пространств не был связан с контролем со стороны власти» [6]. Собрания людей, которые не были разрешены официально властями, были нежелательны и запрещены. Политическая активность, связанная с оппозиционной деятельностью, в таком случае была вытеснена в частное пространство, чаще всего выраженное в понятие «советская кухня». Именно там советская общественность и диссидентское направление проводили свои вечера, формируя альтернативные, не навязанные государством, дискурсы.

Выше перечисленные тенденции стали причиной для создания строгой оппозиции между «публичным» и «частным» в коммунистических городах, что стало предметом исследования многих антропологов, историков и урбанистов. Так, норвежский антрополог Ф.С. Нильсен использует модель, описывая советские города: «проспект как место для репрезентации цивилизации, хорошо обустроенной и ухоженной, двор как место, где люди действительно живут и взаимодействуют двор, не будучи приватным местом для взаимодействия по той причине, что внутренние дворы в Советское время не были закрытыми, это в то же время и не полностью открытое публичное пространство; скорее, это место, скрытое, от посторонних, некая безгосударственная зона» [12]. Другими словами, распространенное в советских городах деление на «частную» и «публичную» сферы было нормой для всего урбанистического пространства, как это было в античных городах. Однако публичная сфера понималась по-другому, так как не функционировало для формирования новых политических дискурсов и не было создано для ежедневных случайных взаимодействий, как это было, например, описано у Дж. Джекобс [2].

После падения советской системы и железного занавеса оппозиция «публичное» / «приватное» стала претерпевать изменения. Поскольку стала разрешена коммерческая деятельность и частная собственность, контроль над публичным пространством выпал «из рук» государства, предоставив ему возможность «свободно приватизироваться» частными лицами. Москва и Санкт-Петербург по-разному стали меняться. Так, первое направление их развития связано с внедрением городских экономик в глобальную среду, тем самым они стали приобретать статус мировых городов. Так, согласно рейтингу, проводимого аналитическим центром AT Kearney, Москва занимает 14 [9] строчку в списке глобальных городов.

Видимым результатом возрастания экономического могущества над политическим является постоянный рост офисных зданий и торговых центров. С точки зрения, А. Желниной, «коммерциализация способствует распаду общегосударственного публичного пространства» [3]. Сегодня площадками для коммуникации в современных городах стали магазины, культурные институции, стадионы, рестораны и кафе – узловые пространства культуры потребления. Более того, данные площадки стали местом доминирования определенной потребительской культуры. Данная среда нетолерантно относится к тем, кто не приемлет данный стиль жизни, так как может сложиться ситуация, согласно которой может возникнуть барьер для вступления в данное

«публичное пространство». «Коммерциализации сопутствует и символическое присвоение, захват пространства: городские территории приватизируются, в представлениях горожан связываются с определенными социальными группами и видами деятельности» [3]. Стремление городских жителей, которые чаще всего являлись представителями среднего и высшего классов, сделать свое пребывание в публичном пространстве более безопасным, выступая как рациональные акторы, которые пытаются получить для себя выгоду, создали для себя тип «гибридного» публичного пространства, где развита культура потребления и где публичное интимным.

Анализируя торговые центры в Санкт-Петербурге в период с 2004 по 2006 гг. А. Желнина пришла к выводу, что «торговые центры в Санкт-Петербурге во многом стали выражением тех проблем, которые свойственны постсоветской городской культуре в целом: с одной стороны, социальное неравенство, увлечение потребительскими благами, а с другой – попытки на городском уровне создать общественное пространство, которое могло бы служить коммуникативной площадкой для горожан, позволяло бы им получать интенсивный и разнообразный социальный опыт» [3]. Многие участники исследования отмечали, что они отдают предпочтение закрытым общественным пространствам в виде торговых центров в отличие от открытых уличных пространств, которые свободны и, соответственно, не охраняемы.

Однако другая важная проблема в формировании городской среды и публичного пространства стала ориентация городских властей на формирование статуса «культурной столицы». Особо сильна эта тенденция в Санкт-Петербурге. Данный курс городской политики, целевыми группами которого выступают преимущественно туристы и представители среднего и высшего классов, оборачивается джентрификацией – выдавливанием на периферию местного населения с низким уровнем доходов [11]. При этом Анисья Хохлова и Елена Тыканова отмечают, что в случае с Петербургом это больше выглядит как «дворянизация», то есть «оживление депрессивных территорий, иницируемые городскими властями и порой сопровождающиеся принудительным переселением жильцов, как при реализации программы по расселению коммунальных квартир при сносе зданий в центре города для создания коммерческих площадей» [8]. В качестве примера джентрификации по-петербургски они приводят реновацию Крестовского острова, точечная застройка на Васильевском острове, снос или полная перестройка исторических зданий при сохранении или копировании оригинальных фасадов и т.д.

Таким образом, можно сказать, что в процессе перехода российской экономики от плановой к капиталистической осуществлялась и трансформация публичного пространства в городах. В Советском Союзе данная сфера полностью контролировалась государством, в то время как при переходе к демократическому политическому устройству, публичное пространство постепенно стало приватизироваться частными компаниями для привлечения наибольшей прибыли. Публичное пространство в хабермасовском смысле, где все принадлежит гражданам, в российском контексте не сформировано.

1. *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина; Под ред. Д.М. Носова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.*
2. *Джекобс Д. Смерть и жизнь больших американских городов. – М.: Новое издательство, 2015. – 512 с.*
3. *Желнина А. «Здесь как музей»: торговый центр как общественное пространство [Электронный ресурс] // Лабораториум. – 2011. – №2. – С. 48-69. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/zdes-kak-muzey-torgovyy-tsentr-kak-obschestvennoe-prostranstvo> – Загл. с экрана. (Дата обращения: 10.10.2017).*
4. *Желнина А. «Тусовка», креативность и право на город: городское публичное пространство в России до и после протестной волны 2011-2012 [Электронный ресурс] // Журнал Статус. – 2014. – Т.2. – №1. – Режим доступа: http://stasisjournal.net/images/zhelnina_rus.pdf – Загл. с экрана. (Дата обращения: 19.04.16).*
5. *Олсон М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. – М.: Новое издательство, 2012. – 212 с.*
6. *Паченков О. Публичное пространство города перед лицом вызова современности: мобильность и «злоупотребление публичностью». // Новое Литературное обозрение. -- 2012. -- №117. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2638> – Загл. с экрана. (Дата обращения: 13.02.16).*
7. *Трубина Е. Публика: краткий очерк понятия. // Публичная сфера: теория, методология, кейс стади: коллектив. моногр. / Под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова. – М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. – 25-35.*
8. *Тыканова Е.В., Хохлова А.М. Городской политической режим в Санкт-Петербурге: роль реальных и воображаемых «машин роста» в борьбе за городское*

пространство. // Журнал исследований социальной политики. – 2015. – Т. 13. – №2. – С. 241-256

9. *Global Cities, Present and Future / 2015 Global Cities Index and Emerging Cities Outlook.* – Seoul, 2015. – 10 p.

10. *Habermas J. The structural Transformation of the Public Sphere.* – Cambridge: The MIT Press, 1991. – 301 p.

11. *McCarthy J. Entertainment-led Regeneration: The Case of Detroit* [Электронный ресурс] // *Cities.* 2002. – No. 19(2). – P. 105-111. – Режим доступа: www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0264275102000057 - Загл. с экрана. (Дата обращения: 10.10.2017).

12. *Nielsen F.S. The Eye of the Whirlwind: Russian Identity and Soviet Nation-Building. Quests for Meaning in a Soviet Metropolis.* [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.anthrobase.com/Txt/N/Nielsen_F_S_03.htm – Загл. с экрана. (Дата обращения: 20.04.16).

13. *Weintraub J. The Theory and Politics of the Public/Private Distinction* // *Jeff Weintraub, Kumar Krishan (eds.) Public and Private in Thought and Practice. Perspectives on a Grand Dichotomy.* – Chicago, London: The University of Chicago Press, 1997. – P. 1-42.

СЕТЕВОЙ УНИВЕРСИТЕТ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Шуклина Е.А. (Екатеринбург)

Статья выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10046 «Формирование нелинейной модели российского высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности»

При выраженной ориентации стратегии развития российского высшего образования на процессы глобализации, оно продолжает оставаться значимым фактором развития регионов. В настоящее время нет серьезной региональной политики, направленной на поддержку высшей школы и укрепление ее связей с региональными структурами бизнеса, культуры, социальной сферы. Актуальной является задача укрепления «присутствия» вузов в регионах в качестве значимого фактора социально-экономического и социокультурного развития. Важным направлением в реализации этих целей является развитие сетевых связей между вузами и появлением региональных/макрорегиональных сетевых университетов. На материалах исследований, проведенных в одном из крупнейших и наиболее развитых округов России – Уральском федеральном округе (УрФО) мы показываем, что изменение системы управления высшим образованием на базе внедрения концепции сетевого университета может стать фактором развития региона в целом.

Теоретической рамкой исследования стали сетевая теория [2] и методология исследования социального капитала [1]. Процесс формирования сетевых связей базируется на принципах автономности и независимости интересов социальных субъектов, что предполагает учет уровня развития демократических принципов организации образовательной среды, степени ее открытости, готовности к сетевым преобразованиям, т.е. особенностей институциональной среды. Поэтому, сочетание сетевого и институционального подходов применительно к сфере образования оказалось необходимым для анализа проблемы.

Процесс «сетевизации» высшего образования связан с его институциональными функциями. Мы выделили три базовых институциональных элемента, которые определяют смысл и основные задачи управления сетевыми ресурсными потоками.

1. ОБРАЗОВАНИЕ. Базовая функция сетевизации - развитие социального и человеческого капитала образовательных общностей. Ядром сетевой формы организации образования являются индивидуальная стратегия обучения студента и индивидуальная стратегия профессиональной деятельности педагога/научного работника высшей школы. Они обуславливают развитие как внутриинституциональных (между общностями студентов и преподавателей), так и межинституциональных сетевых взаимодействий: «вуз – вуз», «вуз - академическая наука», «вуз - бизнес».

2. ИННОВАЦИИ И ТЕХНОЛОГИИ. Вторая функция сетевизации заключается в решении конкретных проблем развития сектора науки и инноваций в сфере высоких технологий на федеральном и региональном уровнях. Ядром этой сетевой формы организации выступает траектория реализации инновационного проекта. Он может быть реализован в рамках

инновационной стратегии развития вуза, либо на уровне региона или федеральных стратегических программ.

3. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ. Третьей функцией сетевизации, которая полностью соотносится с так называемой третьей функцией высшего образования, является социокультурное развитие территорий и отдельных социумов. Ядром сетевой формы организации выступает траектория реализации социального проекта. Он может быть ориентирован на социальный заказ разного уровня: соотноситься с социальной политикой вуза, муниципалитета, региона или работать на решение глобальных проблем.

Эффективной организационной формой развития сетевых связей являются сетевые университеты, видовое разнообразие которых можно классифицировать по ряду критериев. По типу организации образовательного пространства: 1) сетевые университеты в международном образовательном пространстве; 2) сетевые университеты в российском образовательном пространстве (региональные/макрорегиональные/межрегиональные).

По отраслевой принадлежности и характеру организации: 1) распределенные университеты отраслевого типа, имеющие развитые технологии электронного и дистанционного обучения; 2) отраслевые сетевые университеты, созданные на инициативных началах вузов; 3) отраслевые сетевые университеты, созданные органами власти для реализации их задач.

Данные подходы к типологизации позволяют увидеть возможности развития сетевых университетов в регионе/макрорегионе в зависимости от конкретных запросов региона, уровня развития вузовской инфраструктуры, степени готовности основных субъектов к созданию сетевых связей.

Исследование данных проблем в УрФО проводилось научным коллективом Уральского федерального университета в 2016-17 гг. Оно базировалось на комплексных методиках множественного кейс-стади, предполагавшего массовый опрос преподавателей (N=810) и студентов (N=1860) региона, глубинные экспертные интервью (N=80). В генеральную совокупность входил 51 вуз, выборка квотная. Был осуществлен документальный анализ кейсов-проблем, которыми выступили: 1) виды сетевых университетов; 2) виды сетевых связей между университетами; 3) виды сетевых связей вузов и бизнеса; 4) виды сетевых взаимодействий вузов и органов власти [3].

Анализ уровня готовности организационных структур и образовательных общностей УрФО к межвузовским сетевым взаимодействиям показал, что сложившаяся в макрорегионе образовательная инфраструктура способствует формированию сетевых связей на отраслевом уровне межвузовского взаимодействия. Образовательные общности педагогов и студентов ориентированы на развитие сетевых связей. Вместе с тем, существует ряд объективных препятствий для осуществления этих задач. К первому виду барьеров можно отнести традиционно сложившуюся иерархическую структуру управления высшим образованием и связанную с этим неготовность региональных властей ставить перед высшим образованием проблемы региона и участвовать в управлении их решением.

Второй вид ограничений обусловлен недостатком материальных ресурсов. Сетевой университет, сетевое взаимодействие как совместная деятельность образовательных организаций осуществляется за счет средств субсидий, получаемых образовательной организацией; собственных средств вузов; личных средств участников сетевого взаимодействия. В условиях ограничения финансирования высшего образования недостаток материальных ресурсов становится препятствием к развитию сетевых связей.

К третьему виду барьеров можно отнести проблемы культуры сетевого управления. Управление образованием сетевого типа предполагает изменения его конфигурации, характера и качества. Пока управленческий аппарат демонстрирует крайне невысокий уровень готовности работать в новых условиях, что порождает проблемы организационного, нормативного характера, конфликты взаимодействия с общностями педагогов и студентов.

Дальнейший анализ указанных проблем позволит региональным властям и образовательным организациям осуществлять более тесное сотрудничество в ходе решения проблем развития макрорегиона и высшего образования.

1. Коулман Д.С. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. – 2001. – №3. – С.121-139.

2. Мальцева Д.В., Романовский Н.В. О современных сетевых теориях в социологии // *Социологические исследования*. – 2017. – №8. – С.28-37.

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В РФ

Щеклачева Т.В. (Новосибирск)

В «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной в 2013 году, отмечается несовершенство системы управления миграционными процессами, правовая незащищенность иностранных граждан, отсутствие государственных программ адаптации и интеграции мигрантов. Отмечается, что к «... организации программ интеграции и адаптации необходимо привлечь все заинтересованные стороны (правительства стран происхождения мигрантов, самих мигрантов, бизнес-структуры, неправительственные организации), в полной мере задействовать потенциал средств массовой информации». [1]. Содействие адаптации и интеграции мигрантов и формирование конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим обществом декларируется в качестве одной из задач государственной миграционной политики. Программа предполагает создание определенных условий для адаптации и интеграции мигрантов: содействие обучению русскому языку, правовое просвещение, вплоть до создания особой инфраструктуры в странах происхождения мигрантов и в регионах, испытывающих наибольший приток мигрантов, а также разработки интеграционных программ и программ взаимодействия между мигрантами и принимающим обществом.

Приведенные далее в тексте документа мероприятия предполагалось осуществить на первом этапе реализации Концепции, а именно в 2012 – 2015 годах. Среди них: создание центров содействия иммиграции в Российскую Федерацию и медицинского освидетельствования иммигрантов, в том числе за рубежом; создание инфраструктуры для проживания трудовых мигрантов на основе государственно-частного партнерства; создание инфраструктуры для интеграции и адаптации трудовых мигрантов, включая центры информационной и правовой поддержки, курсы изучения языка, истории и культуры Российской Федерации [Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года].

По официальной информации на сайте УФМС Новосибирской области от 2015 года, в Новосибирске и области открыты и действуют 10 многофункциональных центров по оказанию государственных (муниципальных услуг) населению по линии миграционной службы. На данный момент по крайней мере 3 из них предоставляют услуги медкомиссии.

При проведении исследования в 2013, 2014 годах, мы могли констатировать, что при предприятиях (в основном в сфере строительства и промышленности) для трудовых мигрантов созданы вполне приемлемые условия проживания, однако, функцию адаптации и интеграции при этом выполняют коллектив и административные сотрудники среднего уровня на предприятии. При этом мигрант адаптируется скорее к условиям конкретного коллектива, чем к взаимодействию с местным населением, а на его способность выстраивать коммуникацию с представителями принимающего общества могут повлиять только он сам и его более компетентные сослуживцы. Ни о каких специальных программах адаптации и интеграции трудовые мигранты, как проживающие на территории предприятий, так и самостоятельно, не упоминали. Их отсутствие подтвердилось и из интервью с сотрудниками УФМС по Новосибирской области. Что касается центров информационной и правовой поддержки, то они являются негосударственными организациями (как, например «Правозащитный центр таджикстанцев»).

В целом, можно сказать, что инфраструктуры для адаптации и интеграции мигрантов, не только трудовых, но и прибывших на постоянное место жительства, создано не было. Существуют центры тестирования по русскому языку, 5 из которых находится при высших учебных заведениях Новосибирска, 2 – при Правозащитном центре таджикстанцев, 2 – при негосударственном и автономном учебных заведениях. О возможности не только пройти тестирование, но и подготовиться к нему заявляют 5 из этих организаций. При этом список центров находится на сайте расформированной в 2016 году Федеральной миграционной службы, но на данный момент отсутствует на странице Главного управления по вопросам миграции при МВД.

Показательно, что в «Плане мероприятий по реализации в 2012-2015 годах (первый этап) Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» программы адаптации и интеграции мигрантов, центры информационной и правовой поддержки не упоминаются вообще. В документе уделено внимание лишь совершенствованию регистрации, учета мигрантов, внесению изменений в Федеральные законы, совершенствованию системы ранжирования мигрантов в зависимости от цели прибытия в Россию и уровня их квалификации. Таким образом, несмотря на декларируемую в «Концепции» возможность не столько реализации, сколько самого факта появления адаптационных или интеграционных программ, в «Плане мероприятий» по реализации этой концепции такая возможность сведена на нет. Причины подобного игнорирования могли быть следующими: а) устойчивость мигрантских социальных сетей, когда представители общины или родственники, уже прибывшие в Россию, выступают проводниками и советчиками; б) убеждение, что усилий общин при определенной поддержке государства будет достаточно для адаптации вновь прибывших, в) проблемы финансирования подобных программ в сочетании с определенной нетолерантностью принимающего общества по отношению к мигрантам. Схлынивание миграционного потока в связи с экономическим кризисом 2014 года и снижением привлекательности России даже для мигрантов из Средней Азии в какой-то степени оправдывает отсутствие организованных повсеместно программ адаптации и интеграции – с финансовой точки зрения. Но с точки зрения долгосрочных перспектив, а именно в формировании целостного российского общества отсутствие программ адаптации и интеграции усиливает дистанцию между «местными жителями» и «адаптированными к условиям жизни в России, но не интегрированными мигрантами». Обе группы, в лучшем случае, будут относиться друг к другу нейтрально, но по возможности не пересекаться. Подобная модель поведения вполне «работоспособна» для взрослых – на работе и в общественных учреждениях, но совершенна неприемлема для «мигрантов второго поколения» или «полуторных мигрантов» – детей, которым она невольно транслируется.

Целенаправленная адаптация и интеграция детей иноэтничных мигрантов при поддержке государства, в отличие от адаптации и интеграции взрослых, вполне могла бы быть реализована на практике. Однако, видимо, ввиду того, что дети легальных мигрантов имеют те же права, что и дети местного населения, и могут посещать образовательные и воспитательные учреждения, вопрос о необходимости их адаптации или тем более интеграции в означенных программных документах не был поставлен вообще. Между тем, при проведении опроса администрации и учителей школ г. Новосибирска с большим количеством детей мигрантов было выяснено, что школы, несмотря на собственные наработки в области адаптации и интеграции, все же нуждаются в методической и финансовой поддержке, а также в обобщении и систематизации накопленного опыта. И, даже несмотря на то, что дети мигрантов являются гражданами России и осознают себя таковыми, зачастую они демонстрируют в школе традиционные для своей семьи поведенческие и языковые модели, что вынуждает педагогов самостоятельно исследовать область знаний по адаптации и интеграции иностранных граждан, выходя за привычные сферы образования и воспитания детей. Таким образом, даже в сфере образования адаптационные и интеграционные «программы» все еще являются конкретным набором практик и методов, удачным результатом работы отдельных педагогических коллективов.

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года

2. План мероприятий по реализации в 2012-2015 годах (первый этап) Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года

ОБРАЗ ЖИЗНИ ТЕРСКОГО КАЗАЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА А. ГУБИНА «МОЛОКО ВОЛЧИЦЫ»)

Юсупова И.Н. (Москва)

Судьба терского казачества похожа на судьбу многих слоев российского общества, исчезнувших в истории государства после великой октябрьской социалистической революции. О том, какие испытания выпали на судьбу этого сословия, повествует роман ставропольского писателя Андрея Губина в романе «Молоко волчицы».

Писатель Андрей Терентьевич Губин (1927-1992 гг.) обратился к теме казачества задолго до его реабилитации, по словам автора, еще в «сталинско-брежневский» период. В силу различных обстоятельств работа над романом «Молоко волчицы» продолжалась долгие 20 лет (1947-1967). Тем не менее, роман еще долгое время не был известен широкой читательской аудитории, так как казачество оставалось репрессированным долгие годы, что делало тему запретной, а кроме того это было связано и с личной судьбой А. Губина: у него был репрессирован отец, что, несомненно, повлияло на творческую биографию автора.

В романе рассматриваются события, имевшие место на Кавказе как в далеком историческом прошлом, так и после поворотных событий октябрьской революции, расказачивания, насильственной коллективизации и т.д.

В своем романе А. Губин осмысливает судьбу терского казачества, которое, как известно, тесно соприкасалось с народами северокавказского региона. В этой связи можно вести речь об установившихся формах общения между казаками и горцами, о куначестве, об усвоении тех или иных обычаев соседних народов, нашедших отражение в быту казачества, а также о взаимопроникновении культур, наличие которых легко обнаруживается и в песнях, и в танцах, и в одежде современных казаков.

Кавказ стал для терских казаков и горцев их общей родиной. Как горцы, так и казаки чтили героизм, были похожи в своих идеалах святой вольницы и свободы, поклонялись мужеству, храбрости и прославляли эти качества в своих песнях, создавая, таким образом, своеобразную летопись жизни и судьбы своего народа.

В романе «Молоко волчицы» А. Губин воссоздал жизнь терского казачества, обращая особое внимание на этнопсихологические особенности, характерные только для казаков-терцев. Эпическая характеристика казака основывается на выработанных жизнью качествах характера. К примеру, о невероятном бесстрашии терцев ходили легенды: чем больше была опасность, тем решительнее становились казаки. Молва гласила: терца могла остановить только смерть. Слава о подвигах казаков-терцев быстро разнеслась не только по России, но и за ее пределами. Тем не менее, долгое время о терском казачестве мало что говорилось в художественной литературе. Поэтому роман А. Губина «Молоко волчицы» представляет не только художественный, но и исторический, этнографический, культурологический, психологический интерес.

«В России есть такая характерность или явление такое, которого не было ни в одной стране мира, - это казачество. У государственных деятелей других стран, военачальников это явление вызывало зависть, и в случае конфликта – страх.

Казачество было удивительным сочетанием буйного нрава, свободной выборности: строжайшей иерархии и строжайшего, неукоснительного выполнения государственных задач», - пишет А.И. Солженицын [1] о казаках, как об уникальном явлении в российском государстве.

Жизнь казачества в переломные моменты истории, изображение его стремлений, его борьбы, его коллективной силы, его непринятие революционных перемен в России и долгой и упорной борьбы с новым строем – составляет содержание романа.

В роман включен большой документальный материал. Опираясь на документальные сведения, свидетельства очевидцев, писатель дает обобщенную характеристику тем или иным политическим и историческим событиям. Работая над созданием романа такого масштаба, А. Губину необходим был опыт великих романистов, и, прежде всего, Л.Н. Толстого, о творческом методе которого Б.Л. Сучков, крупный литературовед, писал: «Исторические конфликты, потрясшие и переменявшие судьбы народов, гигантские столкновения огромных людских масс, частная жизнь частного человека в ее драматизме, ложь официальной морали правящих классов,...армия, государство – на все испытующе смотрели правдивые его глаза, и слух был отверст зовам мира» [2, 360].

А.Т. Губин хорошо знал противоречивую натуру казака и отразил ее в романе: «Бывал казак и грабителем, брехуном несусветным, но зато он же при случае с неба звезду сорвет, грудью встанет на защиту малых и старых» [3, 78].

Название романа А. Губина «Молоко волчицы» отсылает нас к основателям Рима, выкормленным волчицей. Но из контекста романа А. Губина виден иной смысл этого названия.

Казаки долго не интересовались революционными событиями, происходящими где-то в столицах. Прибегали активисты, рассказывали о бурных переменах в стране, пронеслись белогвардейские отряды, устремляясь к морю и уплывая навсегда из страны. Ни казаки, ни их вечные соперники – горцы, не интересовались политикой. У них были земли, хозяйство. Жили

богато, основательно, перспективно. И не думали, что скоро грянет беда, которая порушит извечный уклад, настроит брата против брата, запретит казачество на долгие годы.

Те казаки, которые как кадровые военные сражались в Первой империалистической, уже подверглись революционным идеям. И именно они, израненные и измученные, возвратясь домой, стали поддерживать агитаторов, организовывать сходки, митинги, способствовать революционным переменам на вольном Тереке: бороться с врагами народа, организовывать коммуны, артели, колхозы, отправлять в ссылку несогласных.

Но далеко не все были на их стороне. Добровольно расставаться с нажитым добром, разбазаривать нажитое хозяйство было тяжело. И казаки стали собираться в отряды, уходить в леса, противодействовать новой власти. Они вредили как могли, а ведь это были настоящие воины, знающие стратегию и тактику боя. Началась партизанщина. Их стали называть волками.

Перемены неумолимо наступали. Волки, хоть и долго держались (как известно, некоторые отряды существовали до 1922-1924 гг.), но постепенно либо погибали, либо сдавались и тогда им была дорога в лагерь, а казачество, как самое нестигаемое сословие, новая власть постаралась вытравить из сознания потомков.

Старики закапывали в огородах форму, ордена, иконы, горько поливая их слезами. А матери и жены поддерживали связь с теми, кто еще отсиживался в лесу, носили в укромное место еду, одежду, теплые вещи. Эти волчицы не давали погибнуть своим родным и детям. Так в названии романа зазвучал другой подтекст: волчица за своих детенышей пойдет на все. Ей не важна власть, идеология, отношение окружающих.

Любящие матери, заботливые бабушки, казачки, по обычаю, суровы с невестками, хотя в глубине души жалеют их, порой сами с детских лет бывали в услужении у дворян. Матери со стоическим мужеством встречали трагические вести о судьбе своих детей.

В романе А Губина повествуется, когда матери сообщили о расстреле младшего, любимого сына, она «приняла весть на ногах, не упала, не закричала. Только скорбные складки легли у рта. И великая тоска затуманила очи...»

«Вот железная!» – подумала Мария, и твердость матери в горе помогла ей высушить слезы» [3, 296].

Предчувствуя скорую смерть, прощаясь в письме со средним сыном, отбывающим наказание, мать «советовала беречься от простуды, целовала его трудные рученьки,.. вложила в письмо лист клена, на который в детстве лазил Спиридон устраивать скворечни» [3, 388].

И тут в повествование романа врывается взволнованный голос автора – гимн материнскому сердцу: «О сердце матери! Ты жадно ждешь стука в дверь, оставляешь в печи убогий свой ужин – вдруг вернется сын, и он не должен оставаться голодным. А где-то треснули выстрелы, блеснули клинки, натянулись веревки. Ты зажигаешь лампаду с трепетным огоньком, падаешь ниц перед образом Матери, молишься о детях» [3, 296].

Губин рассказал, как долго еще в балках, лесах, в горах прятались группы и одиночки несогласных с новым режимом, хотя уже был разгромлен знаменитый отряд «Волчья стая», как брат брата скручивал, не давая матери приблизиться, «чтоб не сорваться самому: не зарыдать, не закричать, не забиться при людях от жалости к измученному, чуть живому брату» [3, 312].

В главе «Добыт под песню» А. Губин рассказывает, что казаки «пели так, что деревья роняли листья, реки замедляли бег, а воины опускали оружие» (46, 305) и объясняет смысл несколько необычного названия главы: «И лучший охотник мира бессилен перед королевской дичью русских лесов – глухарем: не подойти и на триста шагов... Но когда птица эта поет перед зарей любовную песню, можно стрелять рядом из пушки – не услышит, так увлечен пеньем. Потому и говорят до сих пор про охотников об убитом глухаре не иначе: добыт под песню» [3, 311].

Так под песню, «сложенную безвестными солдатами в трудных походах российских» (3, 310) «Как на Линии было, на Линеюшке» был взят последний отряд Волчьей сотни. «Кровенила душу песня, вливая вместе с тем странную безмятежность. Душа поднимала навстречу песне сломанные крылья. Окунувшись в прошлое, вспоминая мирные рощи, бег станичной реки, звон благовеста...» [3, 311].

Слушая песню, волки «потонули в воспоминаниях. Под эту песню их баюкали матери в бедных казачьих хатах. С этой песней плыли их деды по бурному морю. Ходили на дальние заставы. И возвращались в станицы.

Все прошло, пролетело. Ни песен, ни родных, ни отечества» [3, 311].

Волчьей сотне легко было расстрелять преследовавших их казаков-чекистов, так как засели они как раз над ущельем, где ехали красноармейцы. Но запели чекисты старую казачью песню, полную грусти и скрытой доблести. Не могли волки прервать песню, упустили момент, и сами попали к преследователям. «Вяло подняли руки, сожалея лишь об одном – что песня до конца допета. Вот если бы ее начать сначала!» [3, 311]

Это одно из самых сильных и впечатляющих мест в романе. Известная казачья песня, повествующая о том, как жили первые поселенцы, как строили и защищали свои редуты, вплетаясь в эпическое повествование, создает уникальное ощущение: несмелое далекое начало песни заставляет читателя прислушаться, внутренне напрячься, замереть вместе с волками. По мере приближения арбы с чекистами ярче звучит песня, сильнее бьются сердца волков; волнение, связанное с близкой развязкой, не отпускает внимание. Глубокий психологизм, детализация человеческих чувств, поразительная эстетическая чуткость, чувство меры, мастерство, талант писателя, определяют необычайную силу губинского повествования, идущую от народно-песенных идеалов, образов, символов.

Так и закончилась в станице гражданская война. Песней-плачем заканчивает А. Губин эту часть. Это плач по всему казачьему роду-племени.

Список литературы

1. Солженицын А.И. *Не втягивайте казаков в политику // Кавказский край.* – 1995. - № 37.
2. Сучков Б.Л. *Исторические судьбы реализма.* – М., 1973.
3. Губин А.Т. *Молоко волчицы.* – Нальчик, 1994

КЕЙС-СТАДИ КАК СТРАТЕГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Ярошенко С.С. (Санкт-Петербург)

Цель доклада – рассмотреть возможности применения стратегии кейс-стади к изучению социальной трансформации в бывших социалистических странах на примере исследования причин воспроизводства бедности в постсоветском обществе. В фокусе рассуждений – два классических вопроса, решение которых считается важными и дискуссионными в определении данной стратегии: выбор случая и выведение аналитических обобщений. На материалах монографического изучения «новой» бедности в одном из регионов России обсуждаются особенности исследовательских ответов, выработанных по каждому из них.

Термины «монографическое исследование» или «метод развернутого монографического исследования» используются как синонимы исследовательской стратегии кейс-стади, предполагающей детальное изучение одного или нескольких эмпирических случаев, когда (1) необходимо описать различные стороны сложного социального феномена или раскрыть причины его формирования; (2) исследовательский контроль над ситуацией минимален; (3) в фокусе исследования – фрагмент реальности в текущем социальном контексте (Yin, 1984/2009; Козина, 1998; Киблицкая и Масалков, 2004).

Основной задачей изучения феномена «новой» бедности, который еще только появлялся и кристаллизовался, было понимание механизмов его (вос)производства в условиях перехода от реального социализма к реальному капитализму с глобализацией рыночных отношений. Для решения задачи как нельзя лучше подходил метод развернутого монографического исследования (Буравой, 1998), который позволял фиксировать изменения в социальном контексте и предоставляемых рыночной средой возможностях, в значениях и смыслах, приписываемых материальному достатку, в стратегиях (способах) его достижения. Иными словами, преимущества данного метода представлялись не в виде отдельного «процессуального» аспекта: в способности «отслеживать события на протяжении длительного времени» (Козина и Сerezкина, 2015: 67), а в виде методологии, подходящей для изучения конкретного феномена в подвижной и меняющейся реальности. В выступлении делается акцент на том, как выделялись отдельные элементы случая, как актуальная реальность согласовывалась с теоретическими допущениями, а аналитические обобщения становились основаниями для уточнения границ случая.

Определение случая. Как правило, под кейс-стади понимают детальное исследование случая в реальном текущем моменте времени, когда исследователь выходит из рабочего кабинета и погружается эпицентр социальных отношений, наблюдает с разной степенью включенности за

их организацией в городском квартале или сельском сообществе, на рабочем месте или в домохозяйстве. Считается, что относительно легко определить ситуацию (случай) индивида или организации, но сложнее определить ситуацию подвижную, связанную с действием политик управления (Stake, 2006: 2). Тем более, если нет четко сформулированной и последовательной государственной политики, а социальные изменения движимы подчас разнонаправленными институтами.

Площадкой для социологического исследования феномена «новой» бедности сначала было село, а затем город одного российского региона. В классическом понимании именно эти места являлись пространствами детального изучения ситуаций на рынке труда (производстве) и в системе социальной защиты (распределении). Однако, для понимания особенностей проживания в крайней бедности и изучения качества отношений необходимо было сузить фокус и найти типичный случай. Идеальной для этого представлялась категория «зарегистрированных нуждающихся» в социальной службе, работа которой еще только налаживалась для реализации избирательной социальной политики. Именно среди зарегистрированных бедными, т.е. официально признавших свою материальную несостоятельность и обратившихся за поддержкой к государству, были выбраны несколько домохозяйств, представляющих как типичный случай, так и его варианты, выделенные по степени материальной обеспеченности: исключенные, выживающие, работающие, состоятельные. По каждой категории детально рассматривались отдельные истории взлетов и падений, как «дисциплинирующее» давление рынка и государства отражалось на качестве социальных отношений, устойчивых практиках решения материальных затруднений. Иными словами, процесс социального исключения, а тем более его институциональное регулирование возможно было обнаружить лишь через совмещение глубоко анализа индивидуального случая с описанием контекста (Ярошенко, 2005; Лыткина, 2011; Ярошенко, 2011). Таким образом, поиск подходящего случая был важной частью исследования и он разворачивался, с одной стороны «вглубь» (через выбор наиболее подходящего индивидуального случая) и «вширь» (через описание регионального контекста).

Выведение аналитического обобщения для уточнения границ случая. Отношения с теорией и выведение аналитических обобщений было вплетено в процесс уточнения границ случая и его составляющих. Теория не столько представляла академический дискурс и одну из сторон, включенных в производство «новой» бедности в условиях трансформации, сколько применялась в качестве аналитического инструмента для выявления «черного ящика» - режима социального исключения: распорядка доступа к ресурсам, необходимым для интеграции постсовесткого общества.

Новая бедность – метафора, отражающая дискуссии 1990-х гг. о появлении бедных среди работающих. Бедность признавалась социальной ценой перемен, и предполагалось, что с внедрением рынка масштабы ее сократятся. Предмет особой озабоченности составляла застойная бедность, т.е. угроза формирования «социального дна». Социологическая теория представляла разные объяснения, но наиболее подходящей для текущей дискуссии стала теория андеркласса. Согласно ей, отличительными особенностями этого слоя является крайняя бедность, пространственная сегрегация и преемственность нужды (передача из поколения в поколение). Отмечались различные причины появления этого слоя в США или Европе, но общей признавалась зависимость от пособий. Проверка теории, сформированной в американском контексте, представлялась интересным и полезным занятием, тем более что российская система социальной защиты только еще формировалась, а вера в благотворное влияние свободного рынка затмила по своей силе веру в социализм, дискредитированную реальной практикой. В этом смысле выбор теории был одним из этапов в реализации стратегии кейс-стади. Теория накладывалась на эмпирическую реальность, но не являлась жесткой моделью, проверяемой в ходе исследования.

1. Буравой М. (1998). *Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом // Рубеж. 1998. №10-11. С. 154-176.*
2. Киблицкая М.В., Масалков И.К. (2003). *Методология и дизайн исследования в стиле кейс-стади. М.: МГУ.*
3. Кларк С. (2004). *Чисто советская форма капитализма? // Журнал социологии и социальной антропологии. №3. С. 20-45.*
4. Козина И. (1998). *Case-study: Некоторые методические проблемы // Рубеж. 1998. №10-11. С. 154-176. С. 177-187.*
5. Козина И.М., Сережкина Е.В. (2015). *Концепция кейс-стади в социальных науках и французская традиция монографических исследований трудовых организаций // Социологические исследования. №1. С. 64-72.*

6. Лыткина Т. (2011). Социальная биография исключения в постсоветской России // Журнал социологии и социальной антропологии. №1. С. 87-109.
7. Ярошенко С. (2005). Бедность в постсоциалистической России. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН. С.57-86.
8. Ярошенко С. (2011). Технологии изучения социального дна: развернутое описание случая // Социологические методы в современной исследовательской практике. Сборник статей, посвященный памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского. С. 161-167. См.: <http://soc.hse.ru/socinf/konf>
9. Burawoy M. (2007). Multi-case ethnography: reflections on 20 years fieldwork in socialism. In: Paper prepared for a Sociology Symposium at Newcastle University, September 10th, 2007.
10. Dogan M. (2002). Strategies in comparative sociology // Comparative sociology. Vol.1. No.1. Pp.63-92.
11. Stake R.E. (2006). Multiple case study analysis. New York: The Guilford Press.
12. Yin R. (2009). Case Study Research: Design and Methods / Applied Social Research Methods series. Vol.5. London: Sage Publications.

СЕКЦИЯ 6: РЕВОЛЮЦИЯ ДАННЫХ В СОЦИОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЯ И ПРАКТИКА

DATA MINING: ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ О ПОВЕДЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ ДАТ НАСТУПЛЕНИЯ СОБЫТИЙ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ (НА ПРИМЕРЕ СЕМЬЕОБРАЗУЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ)

Артамонова А.В. (Лиссабон, Португалия)

Статья подготовлена в ходе проведения исследования № 16-05-0011 «Разработка и апробация методик анализа демографических последовательностей» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ.

Аннотация

Данная работа посвящена выявлению траекторий формирования семьи россиян разных поколений при условии наличия информации только о датах рождения респондентов и наступления демографических событий. С помощью методов Data mining на данных панельной части трех волн обследования «РцДМиЖ/RusGGS» были выявлены 9 траекторий. Первая – «Ранний прямой брак, рождение ребенка» является самой распространенной. Вторая – «Поздний прямой брак, рождение ребенка» отличается от первой возрастом наступления событий. Более 60% представителей советских поколений россиян следовали этим двум траекториям. В случае молодых поколений они были потеснены моделями формирования семьи, где браку и рождению ребенка предшествует незарегистрированный союз, а также траекторией «Сожительство, рождение ребенка».

Данная работа посвящена выявлению траекторий формирования семьи россиян разных поколений при условии наличия информации только о датах рождения и наступления демографических событий респондентов. Для классификации россиян на основе их семьеобразующего поведения хорошо проявил себя кластерный анализ: иерархический методом межгрупповых связей с мерой квадрата расстояния Евклида для разведывания оптимального числа кластеров и метод К-средних в завершении процедуры. Поскольку под траекторией формирования семьи в рамках данной работы понимается последовательность наступления демографических событий, относящихся к формированию семьи с учетом возраста наступления событий, то ключевыми параметрами исследуемых траекторий являются:

1. Факты наступления семьеобразующих событий: первое сожительство, первый брак, рождение первенца;
2. Возраст индивида на момент их наступления.

Для выявления двух этих параметров достаточно знать даты рождения респондентов и даты наступления демографических событий.

В качестве начальной точки наблюдения за семьеобразующими траекториями россиян был выбран возраст начала репродуктивного поведения (15 лет). Чтобы дать возможность представителям всех поколений выборки сформировать семью, то есть вступить хотя бы в один

союз и/ или родить первенца, было принято решение ограничить возраст наступления этих событий 35 годами. В терминах концепции жизненного пути это означает, что наблюдение за развитием траекторий формирования семьи россиян из каждого из анализируемых поколений осуществлялось через окно возраста с 15 до 35 лет.

Согласно данным панельной части трех волн обследования РИДМИЖ, которые выступают информационной базой исследования, большинство россиян имели matrimониальный опыт в возрасте до 35 лет, причем 84% населения вступало как минимум в один брак, а 34% как минимум в одно сожительство. У 89% респондентов есть как минимум один ребенок.

Прежде чем перейти непосредственно к извлечению информации о траекториях формирования семьи, необходимо смоделировать теоретические траектории. Возможно 16 комбинаций из анализируемых событий:

1. Нет ни одного семьеобразующего события
2. Только вступление в сожительство
3. Только вступление в брак
4. Только рождение ребенка
5. Вступление в сожительство, вступление в брак
6. Вступление в брак, вступление в сожительство
7. Вступление в сожительство, рождение ребенка
8. Рождение ребенка, вступление в сожительство
9. Вступление в брак, рождение ребенка
10. Рождение ребенка, вступление в брак
11. Вступление в сожительство, брак, рождение ребенка
12. Вступление в сожительство, рождение ребенка, брак
13. Вступление в брак, сожительство, рождение ребенка
14. Вступление в брак, рождение ребенка, сожительство
15. Рождение ребенка, сожительство, брак
16. Рождение ребенка, брак, сожительство

Однако в соответствии с принципами концепции жизненного пути [1], это не окончательное число возможных траекторий, поскольку важно учитывать возраст наступления анализируемых событий, который связан с социальным контекстом их наступления. Иными словами, ранний брак, за которым следует рождение ребенка, некорректно приравнивать к позднему браку, за которым также следует рождение ребенка, поскольку за этими похожими, с точки зрения факта наступления событий, траекториями могут стоять абсолютно разные социальные контексты. В связи с этим, была осуществлена группировка респондентов не по факту наступления событий, а по возрасту их наступления.

В ходе анализа было выявлено 9 кластеров. Преобладающим по численности кластером выступают те, кто выбирает траекторию «Ранний брак, рождение ребенка». Этой традиционной для россиян траектории следовало 38% респондентов «РИДМИЖ». Траектория «Поздний брак, рождение ребенка», на первый взгляд, схожа с первой по последовательности наступления событий, а также «крепости» союза. Только 17% браков респондентов, выбравших эти две траектории, распались на момент опроса третьей волны. Средняя длительность распавшихся браков составляет 6 лет в случае первой траектории и 5 лет в случае второй. Эти траектории также отличаются продолжительностью протогенетического интервала, составляющего 1,2 года для первой траектории и 2,2 года для второй.

В случае третьей и четвертой траекторий «Раннее сожительство, брак, ребенок» и «Позднее сожительство, брак, ребенок» в силу ограниченности данных нельзя точно сказать, был ли заключен брак с тем же партнером, что и предшествующее ему сожительство или это другой партнер. Однако по возрасту окончания союзов можно предположить, что сожительство выступало первой ступенью к браку. Кроме того, на основании ширины протогенетического интервала можно выдвинуть гипотезу о роли рождения первенца в matrimониальных исходах этих двух траекторий. В случае раннего сожительства интервал между браком и рождением ребенка в среднем составляет 0,4 года или почти 5 месяцев, что может свидетельствовать о том, что решение о регистрации отношений было принято из-за беременности партнерши. В случае позднего сожительства этот интервал в среднем составляет 0,9 года или почти 11 месяцев, что, в свою очередь, может свидетельствовать о решении зарегистрировать отношения вследствие готовности иметь детей.

Важно рассмотреть время наступления семьеобразующих событий этих четырех траекторий в контексте социоэкономических событий взросления индивида: отделения от родителей, выхода на рынок труда и завершения образования наивысшего уровня. Можно отметить некоторые сходства между первой и третьей, а также второй и четвертой траекториями. В случае раннего начала траектории, выход на рынок труда, отделение от родителей и первое матримониальное событие в среднем происходят почти одновременно, а окончание образования наивысшего уровня происходит уже после рождения ребенка. В случае второй и четвертой траекторий, семьеобразующие события наступают уже после остальных событий взросления.

Траектория «Нет союзов, нет детей» встречается у 5% респондентов. Представители этой группы в среднем значительно позже отделяется от родительской семьи в сравнении с теми, у кого было хотя бы одно семьеобразующее событие.

Траектория 6 представляет собой случай, когда сожителство выступает самостоятельным союзом, за которым не следует брак даже после рождения ребенка. Важно отметить, что вступление в союз происходит почти одновременно с окончанием образования и отделением от родителей, а рождение первенца наступает в среднем через 12 месяцев после этого. Данная траектория также встречается у 5% респондентов.

Седьмая траектория «Нет союзов, рождение ребенка» встречается у 4% респондентов. Средний возраст рождения первенца составляет 24,5 года. Это семьеобразующее событие наступает после остальных событий взросления.

Траектория «Брак, рождение ребенка, сожителство» имеет сходство с первой траекторией. Ключевое отличие заключается в прочности союза. В данный кластер попали респонденты, брак которых в 84% случаев закончился разводом после 6,7 лет (в среднем), за которым последовало сожителство, также не отличающееся прочностью и закончившееся к моменту опроса третьей волны в половине случаев. Возрасты вступления в брак и выхода на рынок труда почти совпадают, окончание наивысшего уровня получено респондентами этого кластера уже после рождения первенца.

В последний кластер были объединены респонденты, у которых было как минимум одно матримониальное событие, наступившее в возрасте 23-24 лет, и ни одного репродуктивного. Все социоэкономические события взросления наступили до вступления в союз. Доля респондентов, выбравших эту траекторию, составляет 6%.

Респонденты, выбравшие 2, 4, 6, 7 и 9 траектории приступили к формированию семьи, будучи более состоявшимися, чем респонденты, выбравшие остальные траектории, которые они начали формировать до наступления всех трех событий, являющихся маркером взросления.

Более 60% представителей советских поколений россиян следовали двум первым траекториям. В случае молодых поколений они были потеснены моделями формирования семьи, где браку и рождению ребенка предшествует незарегистрированный союз, а также траекторией «Сожителство, рождение ребенка». Главные межпоколенческие изменения заключаются в распространении сожителств, выступающих как первой ступенью к браку, так и самостоятельным детоспособным союзом.

1. Elder Jr., Glen H. Age Differentiation and the Life Course // *Annual Review of Sociology*. 1975. P. 413-433.

РОЛЬ ОНЛАЙН-ИССЛЕДОВАНИЙ В СОЦИОЛОГИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Асачева А.В. (Орёл)

Аннотация: В предлагаемой читателям статье отражена роль онлайн-исследований в социологии общественного мнения, приведены и описаны плюсы и минусы данного метода, указаны тонкости, на которые следует обращать внимание при проведении данного исследования, а также приведены примеры тех организаций, которые практикуют применение онлайн-исследований.

XXI век – современный век; век цивилизации, космоса и прогресса. То, что было актуальным n-ое число лет назад, в данный момент может являться чуждым и не пользоваться таким спросом. Однако социология – та молодая наука, методы получения информации которой актуальны будут еще долгий период времени. Но, тем не менее, и в этой науке происходит постепенная трансформация методов сбора социологической информации. Как говорил Гераклит: «Все течет, все меняется». Поэтому стоит обратить внимание на такой метод, как онлайн-

исследование, или интернет-исследование, оценить его роль и полезность в получении информации.

Все, что бы ни происходило в нашей огромной стране, имеет огласку посредством телевидения, Интернета, радио и газет. Люди обсуждают новости, события, какие-либо действия власти, одобряют или не одобряют какие-то позиции, поведение. Все это в широком смысле понимается как общественное мнение. И этим занимается социология общественного мнения, как отрасль социологического знания, предметной областью которой являются каналы, механизмы формирования и функционирования мнений людей по той или иной интересующей проблеме. Именно тем, что социология общественного мнения имеет широкий охват и в этой отрасли вполне может быть применимо онлайн-исследование, обусловлена актуальность данной темы.

Социология общественного мнения рассматривает мнение как форму массового сознания. В ней проявляются явное или латентное отношение людей к процессам общественной жизни. Однако это достаточно сложная отрасль социологического знания, так как достаточно неоднозначные формируются выводы касаются отношения людей к какой-либо проблеме. Часто для этого социологические центры проводят исследования, при этом особенно популярным является метод опроса – анкетирование. Однако, в последнее время, приобретает популярность такой вид как онлайн-исследование, который является самым простым и доступным исследованием общественного мнения [2].

Онлайн-исследования имеют явные преимущества в сравнении с другими опросными техниками. Это, прежде всего, широта охвата при ограниченном бюджете, технологичность доступа к респонденту, контроль за процессом кодирования и обработкой данных. Все это оказалось возможным с появлением Всемирной паутины. Однако, оценивая в целом надежность и валидность полученных данных, необходимо заметить, что их качество вполне реальное и объективное. Но при этом, не стоит забывать о том, что выборка может не в достаточной мощности обеспечить полученными данными. Также здесь велика угроза репрезентативности, которая проявляется в отсутствии основы выборки, неспособности выборки охватить всю реальную генеральную совокупность. При этом не во всех проведенных исследованиях можно действительно быть уверенным в точности и правдивости той информации, которую оставил респондент. При этом обычно социолог не имеет информации о гетерогенности и гомогенности исследуемой совокупности, за исключением опроса с вероятностной выборкой. Однако стоит учесть и психологический фактор, заключающийся в том, что на некоторые вопросы онлайн-исследования респондент может ответить спокойнее и правдивее, чем, например, на эти же вопросы при анкетировании на улице/в компании друзей/опаздывая на работу. То есть данный способ получения социологической информации весьма противоречивый, с одной стороны, возможен охват большого числа респондентов, но с другой стороны, велика угроза репрезентативности [1].

Стоит отметить, что на официальном сайте Фонда Общественное Мнение (ФОМ) и Всероссийского Центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) довольно часто предлагается человеку, зашедшему на сайт, ответить на вопросы интернет-исследования касательно какой-либо темы, результаты которых отражаются в соответствующих заголовках.

При этом онлайн-исследование пользуется большой популярностью в маркетинговой сфере, где также важно общественное мнение людей в качестве потребителей. Например, в данный период времени лидер рынка современных молочных продуктов Чудо проводит онлайн-исследование касательно общественного мнения потребителей о разных молочных продуктах. Такого рода исследования уже давно популярны за рубежом, в особенности, в Америке [3].

Стоит также отметить, что достаточно легко можно провести интернет-исследование, зайдя на определенные для этого сайты, при этом получая за исследование определенную сумму. Также, если верить некоторым сайтам, можно самому ответить на вопросы онлайн-исследования и получить деньги, однако это слишком подозрительно [2].

Таким образом, зарубежный опыт наглядно демонстрирует, что с появлением интернета ускорился сбор первичной социологической информации. Такого рода исследования помогают перейти на более новый уровень общения социолог–респондент. При этом расширяется диапазон возможностей, снижается психологический дискомфорт, стимулируется интерес к исследованию, а также привлекает большое число респондентов, так как, пожалуй, нет ни одного человека, который не имел бы доступ в сеть и возможность принять участие в онлайн-исследовании. Но не стоит слишком серьезно увлекаться данным способом сбора социологической информации, так как данный метод наиболее удобен в использовании в том случае, когда важно мнение респондента о быстротекущих событиях, либо его мнение о том или ином товаре и услуге. Однако,

несмотря на все «за» и «против», онлайн-исследование играет значительно важную роль в социологии общественного мнения. Такой вывод позволяет делать тот факт, что общественное мнение является важным двигателем для деятельности той или иной компании, одобрении или неодобрении действий каких-либо лидеров государства. Все это позволяет говорить об установлении механизмов, путей, каналов формирования и функционирования мнения людей, чем и занимается социология общественного мнения.

1. *Онлайн исследования в России 3.0/ Под редакцией Шапкина А.В., Девятко И.Ф., Давыдова С.Г. – М.: Издательский дом «Кодекс», 2012. – 420 с.*

2. *Использование Интернета как инструмента исследования – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://christsocio.info/content/view/543> (дата обращения 19.09.2017)*

3. *Онлайн-исследования как метод – [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://www.marketing.spb.ru/lib-research/methods/online.htm> (дата обращения 18.09.2017)*

“КОРРЕЛЯЦИОННОЕ” СОГЛАСАТЕЛЬНОСТЬ В СОЦИОЛОГИИ КАК МЕТОДОЛОГИЯ ЛЖЕНАУКИ

Басимов М.М. (Москва)

В настоящее время [4] в науке, с одной стороны прорабатываются на философско-методологическом уровне идеи синергетики применительно к общественным наукам (наукам о человеке), а с другой стороны, за исключением отдельных единичных исследований, социологами (психологами) на основе их данных предлагаются интерпретации в основном только линейных связей, интерпретации только линейных моделей. Хотя как показывает наш опыт, в подавляющем большинстве линейные зависимости составляют малую часть сильных зависимостей, а содержание их достаточно банально и предсказуемо.

Изучение нелинейных связей по авторскому методу [2, 3, 18] ранее апробировалось в различных по содержанию социологических исследованиях: социология молодой семьи [11, 21], демографические планы населения [12, 20], социология профессий [19, 44], политическая социология [1] и т.д. Кроме того, изучение нелинейных связей по авторскому методу [13, 45] апробировалось также в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология дошкольников и подростков [5, 6], этнопсихология [7, 8], психология профессий [9], психология стресса [10] и т.д.

Проблему выявляет статистика употребления слов «non-linear» или «nonlinear» в тезисах европейских конгрессов:

1. «11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)» (кроме наших [14, 15, 16, 17] материалов, 4 доклада) в 10 тезисах (всего около 3000).

2. «12th Conference of the European Sociological Association 2015 (Prague)» в 11 тезисах (всего более 3000).

3. «The 12th European Congress of Psychology (Istanbul, 2011)» (кроме наших материалов [22,23,24,25,26,27,28,29,30,31], 10 докладов) в 3 тезисах (всего около 3000).

4. «The 14th European Congress of Psychology (Milan, 2015)» (кроме наших материалов [32,33,34,35,36,37,38,39,40,41,42,43], 12 докладов) в 4 тезисах (всего около 2500).

На конференциях, защитах различного уровня, приходится наблюдать одну и ту же картину. Предлагается набор так называемых «значимых» коэффициентов корреляции. В прошлом это в основном называлось как проверка гипотезы о равенстве нулю коэффициента корреляции, т.е. расчетная корреляция для выборки переносится на генеральную совокупность со сдвигом нулевой точки до критического значения, определяемого объемом выборки.

Обычно путаница возникает при неквалифицированном рассмотрении малых выборок. Но все-таки чаще мы имеем дело, когда картина более простая, но и более парадоксальная: имеется достаточная выборка объемом порядка 100 и более, критическое значение в этом случае порядка 0.2. Таким образом, очень слабая корреляция (0.2-0.3), которую называют «значимой», трактуется часто как сильная. Иначе какой смысл имеет описывать и интерпретировать маловероятное событие, искать причины для него, и при этом игнорировать противоположное событие, вероятность которого значительно больше. Авторы в такой ситуации описывают причинно-

следственные связи, которые на самом деле слабые или даже очень слабые, но раз они «значимые», то для них они «единственно» возможные.

Таким образом, прослеживается массовый уход (намеренный или неосознаваемый) в область низких значений коэффициента корреляции, когда «ненулевая корреляция» (гипотеза о равенстве нулю коэффициента корреляции) становится достаточной для описания связей как сильных. Это можно объяснить нехваткой при анализе действительно сильных линейных связей по абсолютному значению больших 0.6 (или хотя бы 0.5), когда изучаются объекты преимущественно нелинейные по своей природе, а используется по-прежнему инструментарий, представляющий линейные модели, и исследователи не хотят или не осознают, что пришло время другого анализа экспериментальных данных в рамках синергетической парадигмы и нелинейных моделей.

Например, в статье кандидатов технических и философских наук «Корреляционный анализ в социологических исследованиях» приводится и одобряется (судя по содержанию статьи) мнение из учебного пособия по политической социологии: есть мнение, что в социологических исследованиях значения коэффициентов корреляции выше 0.5 встречаются не очень часто, поэтому можно принимать во внимание те из них, которые равны или превышают 0.3, т. е. характеризуют умеренную взаимосвязь признаков.

Таким образом, в социологическом сообществе (как и у психологов) распространяется удобная позиция, когда, оставаясь в прежней методологии конца XVIII века, не предпринимая усилий в применении новых методов для анализа статистических связей, можно получать “значимые” результаты, и иметь “содержательную” с точки зрения авторов информацию для описания существующей картины мира в рамках социологических исследований.

Для демонстрации рассматриваемых проблем была решена модельная задача. В модельном примере представлены параметры (всего 58), которые представляют собой как математические функции (30 параметров), так и их регрессионные модели (28 параметров) основанные на линейной корреляции. Среди математических функций представлены зависимости с максимумом, зависимости с минимумом, монотонные возрастающие и убывающие зависимости, в том числе линейные.

Рассмотрим в качестве примера зависимость, которая наглядно показывает проблемы социологов и психологов при рассмотрении ими в своих статьях «значимых» корреляций. Зависимость представляет собой кривую с максимумом, но несимметричной формы. В этом случае, в отличие от симметричной кривой с нулевой корреляцией, корреляция ненулевая, хотя и незначительная (очень слабая) по абсолютной величине. Но мы выберем такой случай, когда корреляция подпадает под гипотезу о равенстве нулю и может трактоваться как «значимая».

Зависимость для функции с несимметричным максимумом (обрезанным справа):

$$Y = -X^2 \text{ (слева от максимума);}$$

$$Y = -0.7 * X^2 \text{ (справа от максимума)}$$

Коэффициент корреляции в этом случае равен 0.25.

1. Зависимость параметра Y от параметра X в виде сравнительных весомостей параметра Y для квинт по шкале X:

$$X-1 (Y = -12902); X-2 (Y = -4658); X-3 (Y = -742);$$

$$X-4 (Y = -3362); X-5 (Y = -10978)$$

2. Зависимость параметра Y (регрессионная прямая) от параметра X в виде сравнительных весомостей параметра Y для квинт по шкале X:

$$X-1 (Y' = -9616); X-2 (Y' = -8328); X-3 (Y' = -7196);$$

$$X-4 (Y' = -5730); X-5 (Y' = -4866)$$

Если построить графики будет наглядно видно, какую малую часть (21%) причинно-следственной связи описывает регрессионная прямая вблизи среднего значения зависимого параметра. При этом социологи (психологи) корреляцию объявляют «значимой» и описывают такую зависимость между параметрами как линейную.

В результате мы имеем в массовом сознании, с одной стороны, непонимание и неприятие нелинейности как методологической основы, а, с другой стороны, попытку, цепляясь за линейные модели и не находя в их рамках решение проблемы, сделать осознанную или неосознанную подмену, которая позволяет очень слабые корреляции (0.2-0.3) выдавать за «значимые» и иметь возможность говорить о многочисленных выявленных связях.

Таким образом, линейное приближение в анализе данных приводит к содержательным и методологическим ошибкам значительного количества, что недопустимо в научном исследовании, т.к. способствует формированию крайне искаженного представления о изучаемом предмете.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а

1. Басимов М.М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. 525 с.: ил. (Политология России). С. 474-491.
2. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. 224 с.
3. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. 120 с.
4. Басимов М.М. Методологические проблемы и фундаментальные ошибки применения корреляционного анализа в психологических исследованиях // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2016. Т.15. №5 (138). С. 6-14.
5. Басимов М.М. Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы "Развитие" // Мир психологии. 2007. №2. С. 83-93.
6. Басимов М.М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. 2007. №4. С. 142-158.
7. Басимов М.М., Хромов А.Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. 2009. №2. С. 209-222.
8. Басимов М.М., Хромов А.Б. Актуальные жизненные проблемы в оценках студентов России, Индии и США // Ученые записки РГСУ. 2010. №2. С. 140-155.
9. Басимов М.М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология, Научно-практический журнал. 2011. №3 (специальный выпуск). С. 54-57.
10. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. 2011. №3 (специальный выпуск). С. 57-61.
11. Басимов М.М. Семья и демография в нелинейной социологии // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.5. Ч.1. Пивоваров Ю.С. (отв.ред.) и др. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 522-528.
12. Басимов М.М. Демографические планы жителей региона как объект синергетики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Часть 2. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. Ред.) и др. М.: ИНИОН РАН. 2011. С. 195-203.
13. Basimov M.M. *Mathematical methods in psychological research. Monograph. Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2009. 170 p.*
14. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 906.*
15. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 684.*
16. Basimova P.M., Basimov M.M. *Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 1346.*
17. Basimov M.M. *The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. P. 988-989.*
18. Basimov M.M. *Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2013.*
19. Basimov M.M. *Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2013.*
20. Basimov, Mikhail M. *Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2011. P. 208-223.*
21. Basimov M.M. *Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A. Mansurov. Moscow: RSS, 2010.*
22. Basimov M.M. *Methods of psychological research // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 July) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1274.*
23. Basimov M.M. *The analysis of the data in nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 July) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1275.*

24. Basimov M.M. *Classification of nonlinear dependences // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1276.*
25. Basimov M.M. *Nonlinearity – the paradigm of pedagogical psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 568.*
26. Basimov M.M., Padurina E.A. *Positive parental feelings in a context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1297.*
27. Basimov M.M., Ilinyh Y.V. *Formation of semantic sphere of the child in a context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1311.*
28. Basimov M.M., Ponomareva S.M. *System of requirements to the teacher's profession the as an object of synergetics // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1603.*
29. Basimov M.M., Nikolaeva I.A. *Graphic representations of valuable relations of the person "I-others" as the object of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1438.*
30. Basimov M.M., Dostovalov S.G. *Studying of the personality trust crisis in the context of nonlinear psychology // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1439.*
31. Basimov M.M., Bepalov B.I., Leonov S.V. *Nonlinearity of psychophysiological research // The 12th European Congress of Psychology (Istanbul 2011 04-08 july) / Abstracts, Poster Sessions: Istanbul, 2011. P. 1282.*
32. M.Basimov *Statistical dependences in nonlinear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 768.*
33. M.Basimov *Parameter "Hermit" as an Indicator of Political Preferences // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 760.*
34. M.Basimov *Psychological type of the respondent as a key to understanding of his/her answers // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 763.*
35. M.Basimov, S. Dostovalov *Stress as the reason of the self-realization and Interpersonal trust // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 776.*
36. M.Basimov, S. Dostovalov *Stress as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 774.*
37. M.Basimov, P.Basimova, O.Basimova *Psychological nature of social motives of university admission // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 790.*
38. M.Basimov, P.Basimova, O.Basimova *Education fee as the reason of typological characteristics of the student // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 788.*
39. M.Basimov, E.Padurina *Understanding of the reasons of a condition of the child as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 778.*
40. M.Basimov, E.Padurina *Positive feelings to the spouse as to the parent as an object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 779.*
41. M.Basimov, I.Nikolaeva *Value characteristic "I" as object of non-linear psychology // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 784.*
42. M.Basimov, I.Nikolaeva *Non-linear relation of durability and subjective remoteness from "Worst others" // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 785.*
43. M.Basimov, I.Nikolaeva *Non-linear relation of conviction in favour of the world and communicative tolerance // The 14th European Congress of Psychology (Milan, Italy 7-10 july 2015) / AbstractBook, Posters: Milan, 2015. P. 783.*
44. Basimov M.M. *Non-linearity and synergism in sociology of profession // The 10th Conference of the European Sociological Association (Geneva, Switzerland 7th to 10th September 2011) / Abstract Book: Geneva, 2011. P. 413-414.*
45. M.Basimov *Automatic classification of dependences in sociological research // The 12th Conference of the European Sociological Association (Prague, 25-28 August 2015) / AbstractBook: Prague, 2015. P. 1015-1016.*

ИНТЕРВАЛЬНЫЕ И НОМИНАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ В ЕДИНОЙ ЗАДАЧЕ ИЗУЧЕНИЯ СВЯЗЕЙ

Басимов М.М. (Москва)

Чтобы одновременный анализ номинальных и интервальных параметров в рамках множественного сравнения (при изучении связей) стал более строг в плане отбора тех или иных результатов для описания и интерпретации, необходимо было ввести критерии такого отбора. Это удалось сделать при объединении двух задач в одну: задачи изучения связей для интервальных переменных через множественное сравнение квантильных разбиений данных по каждому параметру [1,4] и задачи множественного сравнения тех же интервальных параметров для групп по многозначным номинальным признакам (вопросы с номинальными ответами для выбора) [2,3]. Объединяя квантильные разбиения по интервальным параметрам и группы по номинальным ответам в одну задачу множественного сравнения, получаем результат для номинальных и интервальных параметров по единой шкале сравнительной весомости. После чего (триады или кварты) по интервальным параметрам, как и раньше, позволяют построить коэффициенты силы связи и нормировать их на аналог единичной корреляции (зависимость интервального параметра от самого себя). Той же нормировке необходимо подвергнуть и аналоги коэффициентов связи для групп по номинальным ответам. Отметим, что в случае с номинальными переменными о зависимости можно говорить только в одном направлении: как от номинальных параметров зависят интервальные параметры.

Таким образом, стало возможным говорить о зависимости интервального параметра от многозначной номинальной переменной и отбирать нужные по силе связи, исходя только из числовых значений.

При построении коэффициентов силы связи (после общей задачи множественного сравнения для всех параметров) предлагаются две стратегии:

1. Берется два номинальных ответа, соответствующих максимальному и минимальному значениям сравнительной весомости интервального параметра, зависимость которого от номинального параметра определяется.

2. Берется каждый раз (перебор всех вариантов) три (в случае триад для интервальных параметров) или четыре (в случае кварт) номинальных ответа, далее определяются аналоги коэффициента связи для трех (четырех) номинальных ответов, после чего коэффициенты связи усредняются по всем перестановкам, т.к. номинальные ответы между собой равноправны и операция упорядочения для них не реализуется.

Первая стратегия, очевидно, более жесткая и определяет, как значимые меньшее количество связей.

Приведем три примера, когда данная процедура применялась в рамках проведенного в 2014 г. социологического исследования феномена «гражданского брака» и проблемы формирования его образа под влиянием политических установок студентов (традиционный анализ экспериментальных результатов был представлен в дипломной работе Е.Ю. Грибовой). Возникающая проблема для социологического исследования – распространение «гражданских браков» была нами расширена изучением также политических предпочтений и установок студентов, анализом взаимовлияния мнений студентов о феномене «гражданского брака» и их политическими предпочтениями и установками.

I. Номинальный параметр: «Основной показатель гражданского брака (G01)»

Совместное проживание мужчины и женщины (G01-01)

Общий бюджет (G01-02)

Общий ребенок (G01-03)

Общее хозяйство (G01-04)

Интимные отношения (G01-05)

Имеем 5 невырожденных (с достаточным для задачи количеством респондентов, выбравших ответ) ответов. Рассмотрим одну зависимость по двум стратегиям выявления связей.

1. Зависимость интервального параметра "Отношение к В.В. Жириновскому" от номинального параметра "Основной показатель гражданского брака"

1.1. Зависимость интервального параметра "Отношение к В.В. Жириновскому (X14)" от номинального параметра "Основной показатель гражданского брака (G01)"

Коэффициент силы связи = 0.73

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max +4557 Интимные отношения (G01-05)

min -4384 Общий бюджет (G01-02)

Если по мнению респондентов, основной показатель гражданского брака – это интимные отношения, то их отношение к В.В. Жириновскому наиболее положительное (+4557 по сравнительной весомости). Если по мнению респондентов основной показатель гражданского брака – это общий бюджет, то их отношение к В.В. Жириновскому крайне отрицательное (-4384 по сравнительной весомости).

1.2. Зависимость интервального параметра "Отношение к В.В. Жириновскому (X14)" от номинального параметра "Основной показатель гражданского брака (G01)"

Коэффициент силы связи (среднее по 24) = 1.29

Коэффициент силы связи (максимальное) = 1.86

Стратегия выявления связи 'среднее по перестановкам', ответы:

G01-02 -4384 Общий бюджет (G01-02)

G01-03 +4550 Общий ребенок (G01-03)

G01-04 -399 Общее хозяйство (G01-04)

G01-05 +4557 Интимные отношения (G01-05)

II. Номинальный параметр: «Политическая активность (G12)»

Участвовал(а) в выборах в органы власти различного уровня (G12-02)

Подписывал(а) коллективные обращения петиции (G12-03)

Участвовал(а) в проведении избирательной кампании (G12-04)

Участвовал(а) в митингах, демонстрациях, пикетах (G12-05)

Участвовал(а) в деятельности политических партий (G12-06)

Участвовал(а) в забастовках (G12-7)

Нет ни в чем подобном участвовать не приходилось (G12-08)

Мне безразлична политическая деятельность (G12-09)

Политика меня раздражает (G12-10)

Имеем 9 невырожденных (с достаточным для задачи количеством респондентов, выбравших ответ) ответов. Рассмотрим две зависимости по двум стратегиям выявления связей.

2. Зависимость интервального параметра "Отношение к В.В. Путину" от номинального параметра "Политическая активность"

2.1. Зависимость интервального параметра "Отношение к В.В. Путину (X12)" от номинального параметра "Политическая активность (G12)"

Коэффициент силы связи = 0.82

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max +4122 Участвовал(а) в выборах в органы власти различного уровня (G12-02)

min -5967 Политика меня раздражает (G12-10)

Если по мнению респондентов, основной показатель политической активности – это участие в выборах, то их отношение к В.В. Путину наиболее положительное (+4122 по сравнительной весомости). Если по мнению респондентов, политика их раздражает, то их отношение к В.В. Путину крайне отрицательное (-5967 по сравнительной весомости).

2.2. Зависимость интервального параметра "Отношение к В.В. Путину (X12)" от номинального параметра "Политическая активность (G12)"

Коэффициент силы связи (среднее по 24) = 1.41

Коэффициент силы связи (максимальное) = 2.00

Стратегия выявления связи 'среднее по перестановкам', ответы:

G12-02 +4122 Участвовал(а) в выборах в органы власти различного уровня (G12-02)

G12-05 +1309 Участвовал(а) в митингах, демонстрациях, пикетах (G12-05)

G12-08 -3129 Нет ни в чем подобном участвовать не приходилось (G12-08)

G12-10 -5967 Политика меня раздражает (G12-10)

3. Зависимость интервального параметра "Отношение к А.А. Навальному (X18)" от номинального параметра "Политическая активность (G12)"

3.1. Зависимость интервального параметра "Отношение к А.А. Навальному (X18)" от номинального параметра "Политическая активность (G12)"

Коэффициент силы связи = 0.83

Стратегия выявления связи 'min-max', ответы:

max +5366 Подписывал(а) коллективные обращения, петиции (G12-03)

min -4788 Участвовал(а) в забастовках (G12-7)

Если по мнению респондентов основной показатель политической активности – это участие в коллективных обращениях, петициях, то их отношение к А.А. Навальному наиболее положительное (+5366 по сравнительной весомости). Если по мнению респондентов основной показатель политической активности – это участие в забастовках, то их отношение к А.А. Навальному крайне отрицательное (-4788 по сравнительной весомости).

3.2. Зависимость интервального параметра "Отношение к А.А. Навальному (X18)" от номинального параметра "Политическая активность (G12)"

Коэффициент силы связи (среднее по 24) = 1.27

Коэффициент силы связи (максимальное) = 1.72

Стратегия выявления связи 'среднее по перестановкам', ответы:

G12-03 +5366 Подписывал(а) коллективные обращения, петиции (G12-03)

G12-04 +383 Участвовал(а) в проведении избирательной кампании (G12-04)

G12-07 -4788 Участвовал(а) в забастовках (G12-7)

G12-08 -479 Нет ни в чем подобном участвовать не приходилось (G12-08)

Рассмотренный вариант авторского метода изучения связей позволяет в единой задаче выявлять связи между несколькими интервальными параметрами и несколькими номинальными переменными, что значительно обогащает получаемую в результате социологического исследования информацию.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а

1. Басимов М.М. *Нелинейная социология: Монография.* Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.
2. Басимов М.М. *Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография.* Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
3. Басимов М.М. *Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – С. 128-157.*
4. Басимов М.М. *Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография.* Москва-Воронеж, 2008. – 432 с.
5. Басимов М.М. *Математические методы в психологических исследованиях: Монография.* – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. – 183 с.
6. Басимов М.М. *Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.: ил. – (Политология России). – С. 474-491.*
7. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.*
8. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.*
9. Basimova P.M., Basimov M.M. *Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 1346.*
10. Basimov M.M. *The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 988-989.*
11. Basimov M.M. *Nominal variables as external factors of the group for multiple comparison of interval variables // European Society or European Societies: a View from Russia / Ed. by V.A.Mansurov. – M.: Maska, 2009. – С. 185-188 p.*
12. Basimov M.M. *Non-linearity and synergism in sociological research // European Society or European Societies: a View from Russia / Ed. by V.A.Mansurov. – M.: Maska, 2009. – С. 196-199 p.*
13. Basimov, Mikhail M. *Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2011. – P. 208-223.*
14. Basimov M.M. *Method of multiple comparison in sociology // Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.*
15. Basimov M.M. *Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.*

16. Basimov M.M. *Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.*
17. Basimov M.M. *Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.*
18. Basimov M.M. *Depending the responses in sociology of profession on the psychological type of respondent // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.*
19. M.Basimov *The analysis of statistical dependences in non-linear psychology // International Journal of Psychology (Special Issue: XXX International Congress of Psychology). – Volume 47, Supplement 1, 2012. – P. 666.*
20. Basimov M.M. *Mathematical methods in psychological research. Monograph. – Russia, Kurgan: Kurgan State University, 2009. – 170p.*

МЕДИЦИНСКИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Белкина В.А. (Курск)

Спрос на социальные сети растет с каждым днем, затягивая в свои объятия всё больше людей. Они различаются по своей направленности, а также по целевой аудитории. В настоящее время существуют специфические социальные сети и медиа, вовлекающие в себя различные категории людей в зависимости от их профессиональной принадлежности. К таким социальным медиа относятся медицинские социальные сети.

Медицинские социальные сети - это возможность для общения людей, которые заботятся о своем здоровье. Простые люди здесь могут получить квалифицированную консультацию по любым вопросам в области медицины, а медики в свою очередь, могут обмениваться опытом и советами по врачеванию. Данные медиа имеют массу преимуществ, как для простых людей, так и для врачей. Люди здесь получают доступ к информации по медицине, изложенной простым языком, не выходя из дома, что немало важно для многих людей. Врачи и медицинские служащие используют подобные социальные сети в первую очередь для повышения собственной квалификации. Они обмениваются опытом в лечении заболеваний, узнают о возможностях различных препаратов. [1]

Специалисты по всему миру уже сегодня признают, что медицинские социальные сети имеют огромный потенциал для своего развития во многих странах. Этому в первую очередь способствует развитие интернет - технологий. Основные плюсы медицинских социальных сетей разделяются на 2 основных слагаемых:

1. Плюсы для людей, не связанных с медициной в профессиональном плане: 1) в социальных сетях по медицине всегда легко находится огромное количество статей, написанных для обывателей; 2) в сетях такого плана легко получить консультацию профессионального медика.

2. Плюсы для врачей-специалистов: 1) общение с практикующими врачами разных специальностей и учреждений Российской Федерации оказывает огромную помощь врачу; 2) общение с иностранными специалистами; 3) большое количество клинических случаев; 4) юридические консультации по проблемным местам медицины; 5) профессиональные медицинские статьи; 6) возможность дополнительного заработка (участие в конкурсах, опросах и т.п.); 7) новостные известия с фармацевтических рынков всего мира; 8) трудоустройство (работа в медицине).

Медицинские социальные сети, являясь сравнительно новым интернет - ресурсом, получают неоднозначные отзывы со стороны врачей - специалистов. [2,36] Это связано со спецификой медицинского дела и с этикой врача, ведь врач при ведении своего практического дела должен руководствоваться главным принципом - «не навреди». Действительно, врач должен быть очень аккуратным и осторожным, когда намеревается выложить на страницу той или иной медицинской социальной сети какую - либо информацию или сообщение, по вопросам лечения и оздоровления. Предоставление медицинских рекомендаций без осмотра пациента во всех случаях связано с рядом этических противоречий. Нужно помнить о том, что все случаи во врачебной практике являются уникальными и нельзя давать на них однозначного ответа. Медицинские социальные сети - в первую очередь просветительские ресурсы, а те онлайн - консультации, которые могут быть предложены пациентам в рамках той или иной социальной сети, должны быть строго регламентированы и отвечать определенным требованиям. [3]

Социологическое исследование, проведенное в г.Курске в апреле 2017 года, осуществлялось методом контент-анализа. В ходе исследования мы проанализировали информационное и смысловое содержание 3 медицинских социальных сетей: Медицина.ру, ВрачиРФ.ру и Докторнет.ру.

Медицинские социальные сети отличаются друг от друга в зависимости от того, для какой возрастной группы они предназначены. Так, например, одни социальные сети рассчитаны для более молодых пользователей (в возрасте от 18 до 30 лет в среднем), другие - для категории пользователей среднего возраста (от 31 года до 50 лет) и третьи - рассчитаны для категории старшего возраста (от 51 года и более). Это подтверждается тем, что в медицинских социальных сетях имеется своя специфика подачи информации и распределения доступных ресурсов, в зависимости от целевой аудитории и пользователей. Так, в медицинской социальной сети Медицина.ру огромное количество информации предназначено для студентов медицинских учебных заведений, начинающих врачей, специалистов и т.п. В медицинской социальной сети ВрачиРФ.ру большее количество информации предназначено уже для практикующих врачей, состоявшихся специалистов. Медики здесь обмениваются мнениями, советами по спорным вопросам, делятся опытом. А медицинская сеть Докторнет.ру предназначена для пользователей как среднего возраста, так и более старшего возраста, это подтверждается тем, что в ней представлена информация, касающаяся вопросов медицины, а именно выбора доктора, медицинского учреждения, вопросов лечения заболеваний и профилактики своего здоровья.

Касаясь вопроса о том, кто имеет доступ к выбранным нами медицинским социальным сетям, мы выделили следующие позиции: 1) доступ может быть ограниченным, не требующим регистрации (любые пользователи сети интернет могут получать информацию и пользоваться ресурсами медицинской социальной сети); 2) для доступа к ресурсам медицинской социальной сети требуется регистрация, но при этом зарегистрироваться и вступить в социальную сеть может любой пользователь сети интернет, независимо от того, является ли он медицинским работником или нет; 3) для доступа к ресурсам медицинской социальной сети требуется регистрация, а также подтверждение статуса врача, т.е. медицинская социальная сеть является закрытой для обычных пользователей сети интернет, если только они не являются врачами и специалистами медицинских учреждений. В таких социальных сетях новому участнику необходимо подтвердить статус медицинского работника посредством указания медицинской организации, в которой он числится. Анализируя выбранные нами медицинские социальные сети, мы получили данные, что доступ к информационным ресурсам двух социальных сетей - Медицина.ру и Докторнет.ру является открытым: можно пользоваться необходимыми ресурсами либо в ограниченном режиме, либо же зарегистрироваться и пользоваться всеми ресурсами в полном объеме. Социальная сеть «ВрачиРФ.ру» закрытое сообщество, поскольку обсуждение врачами между собой профессиональных аспектов может быть ложно истолковано неподготовленными пользователями. Также, отсутствие посторонних позволяет врачам сосредоточиться на обсуждении интересующих их тем, не отвлекаясь на беседу с пациентами. Для того, чтобы вступить в эту социальную сеть необходимо подтвердить статус врача-специалиста.

В ходе нашей работы мы выявили, что несмотря на различные негативные явления, которые являются сопутствующими развитию медицинских социальных сетей, они все же являются эффективным инструментом для получения новой информации и знаний, для повышения квалификации, для написания научных и публицистических работ. Медицинские социальные сети в первую очередь направлены на поиск интересующей информации по вопросам медицины, а также на обмен этой информацией между участниками данных социальных сетей, на расширение медицинской практики.

1. *Медицинские социальные сети [Электронный ресурс] // Новости социальных сетей и Советы по Web – Smonews - Путеводитель по Социальным Медиа. URL: <http://smonews.ru/medical-social-network>.*

2. *Тютюрская М. С. Медицинские социальные сети: возможности и риски использования [Текст] // Менеджер здравоохранения. 2014. №12. С. 30-38. ‘*

3. *Профессиональные медицинские социальные сети - возможности и перспективы [Электронный ресурс] // URL: <https://www.zdrav.ru/articles/77454-professionalnye-meditsinskie-sotsialnye-seti--vozmojnosti-i-perspektivy>.*

Аннотация

Статья посвящена особенностям проведения эмпирических исследований в России с использованием подходов сетевой методологии. Рассматриваются программные продукты и аналитические кейсы, демонстрирующие применение сетевого анализа как для сформированных социальных сетей и сообществ, так и для выявления и анализа сетевых структур в классической иерархии власти. Авторы обращают внимание на непроработанность прикладных методов сетевого анализа, необходимых для сбора информации из сетевых источников. В статье также затрагивается вопрос о том, что основной вид сетевого анализа, применяемого исследователями в России, - это структурный сетевой анализ, безусловно нуждающийся в дополнении культурными составляющими, позволяющими вывести сетевые исследования на качественно новый уровень.

Несколько лет назад Владимир Гельман, политолог с международной репутацией, обвинил российскую политологию в том, что она является образовательной деятельностью без эмпирических исследований [1]. Возможно, это мнение излишне энергично акцентирует действительно существующую проблему. Однако, анализ российских исследований с помощью сетевого анализа подтверждают наличие этой проблемы. Сетевой анализ, его методы и методики хорошо описаны в специальной литературе в России и за рубежом [2; 3; 4]. Существует большое количество специальных программ для научных исследований с помощью сетевого анализа (Gephi, CFinder, Cytoscape, NetMiner, Pajek, SocNetV, StOCNET). Но мониторинг отечественных публикаций по политологии с описанием итогов эмпирических исследований с помощью сетевого анализа показывает, что их очень немного, а существующие недостаточно подробно описывают методы и результаты. Сам термин — сетевой анализ или сетевой подход — очень популярен. Но эмпирические исследования с помощью сетевого анализа крайне малочисленны.

В первую очередь хотелось бы отметить работу А. Груздя и К. Цигановой по структуре сетевых сообществ про- и анти-майдановской направленности в социальной сети «ВКонтакте» [5]. Данная работа отличается детальным описанием процедуры исследования и обладает выводами с использованием аппарата статистической значимости. Большим плюсом исследования является то, что в ней использовался пакет R. Правда, для автоматического извлечения данных из социальной сети авторам пришлось написать собственную программу.

Определенный интерес представляют статьи С. И. Сулова о кластерах петербургских политических онлайн-сообществ [6], А. С. Шерстобитова о политической мобилизации через социальные сети [7] и А. А. Носикова с соавторами о протестах против передачи Исаакиевского собора Русской Православной Церкви в Санкт-Петербурге в 2017 г. [8]. Данные статьи имеют много общего с подходом А. Груздя и К. Цигановой и направлены на анализ структуры сетевых сообществ. Большим преимуществом сетевого анализа является то, что он дает в итоге визуализацию структуры сетевых сообществ. Однако, очевидно, что социальный состав участников протестных движений, а также тех или иных политических организаций, можно получить традиционными социологическими методами. Для этого не нужно оперировать большими данными. Можно обойтись простыми социологическими опросами.

В качестве более перспективных примеров использования сетевого анализа приведем статью Е. С. Фидря и В. А. Смирнова о трансформации элиты Литовской республики в постсоветский период [9], а также исследование Ф. Т. Алескорова с соавторами по использованию сетевого подхода для исследованию межгосударственных конфликтов после второй мировой войны [10]. Первое исследование ценно тем, что авторы делают попытку для изучения политической элиты с помощью метода сетевого анализа. Поскольку выборка исследования составила всего несколько десятков персон, постольку мы не можем говорить о статистической значимости в данном случае. Исследование межгосударственных конфликтов также вызывает вопрос, в том числе и из-за ограниченной выборки.

Наш анализ показывает, что в России, к большому сожалению, наблюдается крайне малое количество эмпирических исследований политики с помощью сетевого анализа. Среди факторов, ограничивающих использование сетевого анализа в российской политологии, кроме традиционной нормативности и концентрации на российской проблематике, отмеченной В. Гельманом, следует отметить проблему слабой подготовки российских политологов в области прикладной статистике и проблему извлечения больших данных из социальных сетей. Наш анализ показывает, что большое разнообразие специальных программ для сетевого анализа не решает последнюю проблему. Фактически, немногочисленным исследователям и исследовательским коллективам

приходится создавать новые программные продукты для сбора данных из социальных сетей, привлекая к этой работе программистов, слабо-осведомленных со спецификой социальных исследований.

1. Gel'man V. *Political Science in Russia: Scholarship without Research?* // *European Political Science*. — 2015. — № 1. — P. 28-36.
2. *Models and Methods in Social Network Analysis* / Ed. by Peter J. Carrington, John Scott, Stanley Wasserman. — Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 345 p.
3. Быков И. А. Эмпирические исследования политики с использованием методов сетевого анализа // *Политический анализ*. — 2011. — № 11. — С. 49-59.
4. Nooy W., Mrvar A., Batagelj V. *Exploratory Social Network Analysis with Pajek: Revised and Expanded Second Edition*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2011. — 442 p.
5. Gruzd A., Tsyganova K. *Information Wars and Online Activism During the 2013/2014 Crisis in Ukraine: Examining the Social Structures of Pro- and Anti-Maidan Groups* // *Policy & Internet*. — 2015. — Vol. 7. — № 3. — P. 121–58.
6. Суслов С. И. Кластеры петербургских политических онлайн-сообществ в “ВКонтакте” // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. — 2016. — № 4. — С. 69-87.
7. Шерстобитов А. С. ‘Сетевая Публичность’ как новый фактор политической мобилизации в современной России: Попытка сетевого анализа // *Вестник СПбГУ. Сер. 6. Политология. Международные Отношения*. — 2013. — № 3. — С. 99–105.
8. Носиков А.А., Турыгин Ф.В., Мыскин Е.Б., Пелин А.А. Протест против передачи Исаакиевского собора Русской Православной Церкви: Сетевой анализ и динамика конфликта на этапе его становления // *Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований*. — Санкт-Петербург. — 2017. — С. 65-82.
9. Фидря Е.С., Смирнов В.А. Трансформация сетей политических элит Литовской республики в постсоветский период (1992-2012) // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. — 2012. — Т. 8. — № 3. — С. 76-97.
10. Алескеров Ф.Т., Курапова М.С., Мецержякова Н.Г., Миронюк М.Г., Швыдун С.В. Сетевой подход в изучении межгосударственных конфликтов // *Политическая наука*. — 2016. — № 4. — С. 111-137.

ВЛИЯНИЕ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ НА СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ PR

Ведерникова М.И. (Москва)

После распада СССР современная Россия преодолела два качественных этапа развития своего имиджа на международной арене. На первом этапе был очень высок политический имидж России как результат её приобщения в 1990-х годах к либеральным ценностям. Однако в экономике на Западе был распространён имидж России как технологически неразвитой державы.

В начале 2000-х годов, когда Россия начала проводить независимую политику, со стороны стран Запада началось целенаправленное ухудшение имиджа России во всех сферах. Значительное ухудшение отношений произошло после речи В. В. Путина в Мюнхене о многополярном мире. Это бросало вызов лидирующему положению стран Запада.

Наиболее значимым научным трудом в рамках данного направления является концепция «мягкой власти» Дж. Ная, изложенная им в книге «Мягкая власть: средство добиться успеха в мировой политике» [3], в которой он обращает внимание на то, что помимо «жестких» ресурсов власти (принуждения и использования экономических рычагов) в современных условиях все более эффективными становятся «мягкие» формы влияния, которые реализуются посредством распространения культуры государства, его внешнеполитических ценностей и дипломатии.

Сегодня мягкая сила играет все большую роль в международных отношениях. Позитивный имидж государства значительно содействует расширению его влияния в мире. Негативное же восприятие подрывает основы такого влияния. Однако мягкой силы недостаточно. Джозеф Най в своих последних работах дополнил концепцию «мягкой власти» концепцией «умной власти», так называемый «smart power». Именно их сочетание даёт наилучший эффект по улучшению имиджа государства. Россия открыто продемонстрировала это на практике, вынудив западные страны перейти на переговорный уровень с Ираном и Сирией, а затем, по просьбе сирийского руководства, начав осуществлять эффективную точечную бомбардировку баз и лагерей ИГИЛ. За действиями России в Сирии внимательно следят крупные международные издания, в которых постоянно появляются публикации по данной теме.

Турбулентность современной политической динамики на фоне успешных действий России на Ближнем Востоке способствует постепенному снижению негативной оценки её имиджа на мировой арене. Последующее улучшение имиджа России осуществляется в ходе реализации стратегии «разумной силы» («*intelligent power*») коллективным актором глобального лидерства и, прежде всего, объединением БРИКС, в котором Россия играет ведущую роль.

В современном мире и сложившейся политической ситуации заметно возросла роль международных политических организаций. Зачастую ценность того или иного альянса обуславливается не его реальным влиянием, а авторитетом стран или политических лидеров, входящих в данное объединение или тем, что название организации часто упоминается в прессе и ей приписываются огромные полномочия.

Россия начинает рассматриваться в мире в качестве лидера борьбы против гибридных угроз, с которыми в настоящее время сталкиваются развивающиеся динамичные проекты, на европейском и евразийском пространстве (Европейский Союз, Евразийский экономический союз). Как показали последние события, связанные с переселением в Европу сотен тысяч беженцев и подрывные действия радикальных сил, динамика этих проектов значительно снижается.

Наибольшую актуальность лидирующие позиции России в борьбе против деструктивных сил приобретают применительно к европейским странам, поскольку именно Западная Европа выступает приоритетным партнером России по широкому кругу вопросов, начиная от экономического сотрудничества и заканчивая отношениями в сферах науки, образования и культуры. Негативный имидж затрудняет, а иногда и сводит на нет подобное взаимодействие, нанося ущерб и России, и странам Европы, потому что «разумной силе» противостоит стратегия «гибридной войны», которая нацелена на ослабление Европы, России и Китая методами многопланового, скрытого и непрямого насилия в отношении конкурентов.

Сейчас онлайн коммуникации играют огромную роль, которая постоянно возрастает. Именно поэтому политтехнологи придают такое значение использованию сети Интернет в качестве эффективного канала продвижения имиджа государства.

В Интернет-пространстве образ транслируется через сайты, блоги и социальные сети. Глобальная сеть – это ещё не до конца изученная, но очень хорошая и перспективная площадка для формирования определенного политического образа, имеющая для этого огромное количество инструментов. Именно поэтому создание в европейском сегменте Интернета привлекательного имиджа России является одной из наиболее значимых задач.

При создании имиджа страны в онлайн-пространстве необходимо учитывать не только уже устоявшиеся «законы жанра» политического имиджмейкинга, но и особенности коммуникации в Интернете. К примеру, важно то, что «созданный пиар-специалистами имидж должен обладать определенной способностью к изменению, если этого требует сложившаяся политическая ситуация. При этом, однако, сам «каркас» имиджа должен оставаться неизменным» [2]).

Такой способ коммуникации имеет ряд преимуществ:

1. Позволяет оперативно информировать о важных событиях;
2. Является эффективным инструментом позиционирования;
3. Помогает повысить узнаваемость странового бренда;
4. Позволяет стимулировать активность пользователей и привлекать их интерес;
5. Является эффективным инструментом продвижения имиджа государства;
6. Позволяет оперативно получать обратную связь и т.д.

Зачастую могут достигаться сразу несколько целей, но, в зависимости от того, какая из них является приоритетной, определяется стиль ведения официальной страницы и тот контент, который там будет размещаться.

Известно, что в современном обществе образ внешнего мира у индивида формируется средствами массовой информации. Н. Больц писал в своём исследовании: «Вследствие того, что наши знания о реальности опосредованы СМИ, стало бессмысленным отличать отображение от отображенного явления... Что есть тот или иной политик или событие – это вообще можно понять лишь в их медиальной инсценировке. То, что реально происходит, становится общественным событием только через свое медиальное отображение» [1].

Любое лицо, государство или институт, упомянутые в СМИ, представляют собой не конкретные объекты, а их образы. Сообщение СМИ лишь задает рамки, дает основную информацию о событии, а аудитория реконструирует цельный образ на основе имеющихся у нее представлений и знаний о предмете сообщения. А.А. Леонтьев так описывает данную проблему:

«В сущности, журналист описывает не событие как таковое или не сценарий как таковой, а их психический образ. Этот образ складывается из...основных признаков события и, в идеале, должен отражать их все. Однако текст, соответствующий этому образу (описывающий его) не включает описание некоторых признаков события (образа события). Журналист сознательно опускает соответствующую информацию, поскольку он знает, что реципиент СМИ, реконструируя на основе текста образ события, воспользуется своими знаниями и восстановит этот образ правильно и достаточно полно» [4].

Улучшающийся, но всё ещё негативный имидж можно изменить, только если комплексно воздействовать на него и всю систему коммуникаций выстраивать с расчётом на долгосрочную перспективу. Необходимо вести работу как в традиционных СМИ, так и охватывать сеть Интернет, причем разноязычные ее сегменты. Правильное понимание имиджевых проблем России открывает пути к их преодолению.

1. Леонтьев А.А. *Психологические особенности языка СМИ. Язык как объект междисциплинарного исследования*. М., 2003. С.23.
2. Мехдиева У.М. *Политический пиар как средство влияния на общественное сознание // Juvenis scientia*. 2017. № 1. С. 38.
3. Corder-Bolz, C. R. *Mediation: The role of significant others // Journal of Communication*. №30, P. 110.
4. Joseph S. Nye. *Soft Power. The Means to success in world politics // N.Y. Public Affairs*, 2004.

РОЛЬ АВТОМОБИЛЯ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Глотов С.Е., Андреева Л.А. (Тольятти)

Сложный социально-экономический характер явления автомобилизации, фиксируемый отечественными и зарубежными исследователями, заключается в тесной взаимосвязи интересов отдельного человека [1, 2] и государства в процессе не столько производства, сколько эксплуатации продукта автомобильной индустрии. Для определения роли автомобиля в жизни современного человека нами было проведено социологическое исследование.

На вопрос «Есть ли у Вас, в Вашей семье автомобиль?» 86 % респондентов ответили утвердительно, что говорит о высоком уровне автомобилизации населения и доступности автомобиля для среднестатистического человека в целом.

Более половины опрошенных (64 %) отмечают, что периодически меняют свои старые автомобили на новые и лишь четверть от общего числа респондентов используют один автомобиль в течение всей своей жизни.

Что касается частоты сменяемости автомобиля, то при детальном рассмотрении стало известно, что один раз брали новую машину взамен старой 34 % от всего числа менявших, и это в основном водители категории от 18 до 30 лет. Дважды сменили машину 25 % респондентов. В этой категории превалирует количество людей от 31 до 40 лет.

Три и более раза машину обновляли 41 % респондентов от числа менявших автомобиль. Здесь львиную долю занимают представители категории от 41 года и старше. Это, скорее всего, может быть обусловлено тем, что финансовое положение у людей этого возраста стабилизируется, благосостояние улучшается, люди уже могут довольно спокойно накопить и приобрести новый автомобиль.

При изучении вопроса о наличии водительских прав выяснилось, что ими обладают 70 % респондентов, и данный высокий показатель одинаково характерен для всех категорий возрастов. Что касается половых различий в этом вопросе, то нами было выяснено, что абсолютное большинство мужчин (90%) и пока лишь половина опрошенных женщин имеет водительские права. Однако, международная группа TNS Global определила, что за последние годы в России стало вдвое больше женщин-водителей [3].

Также было отмечено, что представители молодежи (14 % в возрасте от 18 до 30 лет) активнее учатся водить автомобиль, в то время как представители старшего поколения реже пользуются такой возможностью. Это, впрочем, объясняется тем, что представители более зрелого поколения либо уже давно прошли обучение и имеют права на вождение транспортного средства, либо в свое время не обучились управлению автомобилем и сейчас уже не хотят обучаться чему-то новому и менять свои привычки.

Около 15 % участников отметили, что с автомобилем связана их профессия. Этот факт свидетельствует о том, что данный вид транспорта довольно прочно вошел в повседневную жизнь [4] людей и занимает значительное место в их трудовой деятельности, имеющий порой решающее значение в организации рабочего процесса. Около четверти опрошенных мужчин отметили, что управление автомобилем входит в их должностные обязанности. Женщины с такой необходимостью сталкиваются пока довольно редко. Но, возможно, это лишь вопрос времени.

Количество людей, обладающих навыками вождения, но не применяющих их на практике, несколько выше среди представительниц прекрасного пола. Это может быть связано с тем, что они, как правило, имеют доход ниже, чем мужчины. Следовательно, пройдя обучение и получив водительское удостоверение, женщины не могут позволить себе купить автомобиль для личного пользования. Однако здесь могут быть и другие причины. Например, попробовав себя какое-то время в качестве водителя, женщина может испугаться или разочароваться в данном опыте и отстраниться от управления автомобилем, сравнительно легко перейдя к пользованию общественным транспортом. Мужчине же вернуться в тесную маршрутку сложнее, чем мириться со всеми трудностями управления и содержания личного автомобиля.

Характерно так же, что среди людей, ответивших «умею водить, но не вожу» наиболее значительный процент занимает молодежь. Это, по нашему мнению, опять же связано с нестабильным финансовым положением представителей данной возрастной категории, а, следовательно, с невозможностью приобретения транспортного средства.

При определении роли, которую автомобиль играет в жизни социума, респонденты наиболее часто отмечали, что автомобиль необходим в повседневной жизни для работы, решения каких-либо бытовых проблем. Что еще раз наглядно подтверждает значительную роль автомобиля в жизни современного человека и зависимость людей от данного технического средства.

Почти треть от общего числа респондентов признались, что верят, будто автомобиль обладает личностными чертами, требует внимательного и бережного отношения, как человек. Причем, к такому мнению более склонными оказались мужчины, нежели женщины. Соответственно, можно предположить, что мужская половина населения немного более склонна к сентиментальности в этом вопросе и отношения «человек-машина» в данном случае являются более сложными и тесными, чем в случае взаимодействия женщины с автомобилем. Также мужчины в два раза чаще, чем женщины, отмечали, что вождение автомобиля приносит им удовольствие.

В определении отношения человека к автомобилю существенную роль играет принадлежность к возрастной категории. Так, если молодежь чаще относится к автомобилю как к человеку, видит в нем своего друга и помощника, то у представителей зрелого поколения отношение к этому виду техники более рациональное. Они используют автомобиль просто как средство передвижения и выполнения необходимых функций (например, для перевозки тяжелых вещей). Хотя нами было сделано предположение, что с увеличением срока использования автомобиля возрастает привязанность владельца к своему транспортному средству. Однако, это оказалось не совсем так: проявление теплых чувств владельцев авто к объекту своего владения с годами уменьшается. Также выяснилось, что вождение автомобиля не приносит особого удовольствия тем владельцам, чей возраст превышает 41 год.

Для мужчин ремонт и уход за автомобилем является своего рода хобби, также как и разговоры об автомобилях, технических новинках – любимой темой для разговоров, особенно в категории от 18 до 30 лет. Также мужчины этого возраста отмечают, что автомобиль дает возможность интересно и полезно проводить свободное время и если у них появятся свободные деньги, то они потратят их на него. Старшее же поколение мужчин, как и женщины, чаще отмечает, что вождение и содержание автомобиля – это дополнительные стрессы, проблемы и неприятности. Для женщин, чаще всего, машина не является источником дополнительного заработка, а представляет собой предмет, определяющий во многом своей маркой и классом личный престиж и статус человека.

Одинаково часто и мужчины и женщины отмечали, что автомобиль выражает индивидуальность владельца, подчеркивает его достоинства. Однако, возрастной критерий и здесь внес свои различия. Так, представители молодого поколения гораздо чаще отмечают факт использования автомобиля как средство выражения собственной индивидуальности.

2. Желнина, Е. В. *Россия-2050: образ страны по результатам социологического исследования* // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – № 3 (7). – С. 47 – 55.
3. *Женщин-водителей стало в два раза больше* // АвтоСтаврополь. ru. [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.auto-stavropol.ru/news/zhenschin-voditelej-stalo-v-dva> (Дата обращения: 4.05.2017).
4. Ростова А. В., Желнина Е. В. *Хабитуализация инноваций: концептуализация понятия* // Научный и социокультурный журнал «ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура». – 2016. – № 4 (57). – С. 15 – 23.

ВОЗМОЖНОСТИ BIG DATA ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Гончарова И.В., Прончев Г.Б., Третьякова И.В. (Москва)

Аннотация. Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий и связанного с ними программного обеспечения, позволяющего оперативно обрабатывать большие массивы данных, приводит к возможности их использования для проведения различного рода социологических исследований. Как следствие, в последнее время появился большой круг новых задач, объединенных единым названием Big Data, которые требуют теоретического осмысления в рамках методологии социологических исследований.

Появление большого интереса к проблематике Big Data связано с широким спектром возможностей аналитических инструментов, например, для решения задач в сфере маркетинга и рекламы, в области здравоохранения, государственном управлении, в разных разделах научного знания. Не исключением стала и экспериментальная социология, в которой наблюдается тенденция к использованию инструментов Big Data для проведения различного рода исследований и принятия аналитических решений. Это, в свою очередь, влечет за собой изменение характера методологической базы.

Обобщая различные подходы к понятию «Больших Данных» [1 – 3], можно сформулировать следующее: «Большие данные» – это цифровая совокупность данных огромного масштаба, полученная из различных источников и связанных с различными видами деятельности человека (получение, хранение, обработка и передача), прошедшая систематизацию и структурирование посредством современных информационно-коммуникационных технологий и готовая к использованию в практической деятельности человека.

Для характеристики Big Data используется аббревиатура Дуга Лэни - аналитика Gartner, который представил 3V-концепцию в 2001 году [4]: объём (англ. Volume), в смысле величины физического объёма, скорость (англ. Velocity), в смысле скорости прироста и необходимости высокоскоростной обработки, и получения результатов, многообразие (англ. Variety), в смысле возможности одновременной обработки различных типов структурированных и полуструктурированных данных. В дальнейшем, к такому набору добавляют и другие параметры.

Объём Big Data – категория, подразумевающая изменение (накопление) данных в зависимости от внедрения новых технологий, позволяющих собирать все более обширные массивы информации. По данным седьмого ежегодного исследования IDC «Цифровая вселенная» (IDC Digital Universe), проведенного по заказу DELL EMC, ожидают, что к 2020 г. произойдет 10-кратный рост мирового объема цифровой информации, при этом 10% этого объема будет создаваться датчиками. Ученые прогнозируют, что с 2013 по 2020 гг. количество данных увеличится с 4,4 до 44 зеттабайт. [5].

В России темп роста будет медленнее, по прогнозам его рост составит до 980 экзабайт (2,2% от мирового объема) к 2020 г. В настоящее время объем информации в России оценивается в 155 экзабайт (2,4% от мирового объема). Аналитики, традиционно считают, что увеличению объема информации в России будут способствовать рост числа пользователей интернета, социальных сетей и смартфонов, а также переход с аналогового телевидения на цифровое.

По оценкам IDC, количество устройств и предметов, которые можно подключить к интернету в мире, приближается к 200 млрд, из которых 14 млрд, или 7%, уже подключены и активно передают данные. На сегодняшний день данные от таких устройств составляют 2% от мирового объема информации. Согласно прогнозам IDC, к 2020 г. уже 32 млрд подключенных устройств будут генерировать 10% общего объема данных во всем мире [5].

Развитие Интернета Вещей также увеличит долю пригодных для анализа данных. На сегодняшний день только 22% информации может быть полезным и только 5% фактически

анализируется. Остальные массивы авторы исследования называют «космическим мусором». Предполагается, что к 2020 г. благодаря развитию интернета вещей более 35% будут считаться полезными [5].

Серьезной проблемой становится защита данных и соблюдение правил конфиденциальности. Согласно IDC, 40% данных в мире и 49% в России нуждаются в различных мерах защиты вплоть до полного шифрования. При этом на сегодняшний день только 20% общего объема данных реально защищена.

Другая проблема кроется в том, что рост объемов данных существенно опережает рост емкости систем хранения. В 2013 г. совокупная доступная емкость систем хранения соответствовала 33% объема цифровой информации. К 2020 г. ее будет достаточно для хранения менее чем 15%. Однако, существенным замечанием является то, большая часть данных генерируется краткосрочно и не требует хранения. В 2013 г. менее 20% данных размещалось в облаке. К 2020 г. эта величина удвоится и составит 40% [5].

Рост данных способен вызвать существенную трансформацию методологического подхода к анализу данных. Социологам открывается перспектива использования социальных медиа и включения в эмпирическую базу исследования данных с мобильных устройств. Социологические группы, в результате, получают более широкие возможности оперативного анализа новых потоков данных и повышения ценности уже накопленных. Таким образом, основные изменения ожидаются на уровне структурирования и методики обработки потоковых данных.

В перспективе, социологам больше не нужно будет делать выборку данных, т.к. анализ можно будет проводить по всей генеральной совокупности. Сценарий в значительной степени будет зависеть от конкретных задач исследования. Возможно использование результатов исследования предыдущих лет, что в теории, должно привести к большей точности.

Накопление информации происходит из наиболее распространенных источников данных, таких как

- Интернет (социальные сети, интернет-магазины, сайты государственных услуг, игровые ресурсы, СМИ и т.д.);
- базы данных коммерческого сектора и государственных служб (коммунальные услуги, здравоохранение, социальная защита и т.д.);
- показания датчиков и приборов (RFID- метки);
- службы геолокации (GPS, Глонасс).

В этой связи, для провидения социологического исследования при возможной компиляции данных из различных источников у специалистов имеется возможность изучения всесторонней информации объекта на его предмет.

На наш взгляд, активное использование «Больших Данных» в перспективе позволит социологам решить ряд исторически важных задач:

- 1) «картина Мира» - получить знание о цифровом сообществе в целом;
- 2) «чтение мыслей» - построить модель поведения человека, имеющего персональный компьютер с помощью ID (с учетом конфиденциальности);
- 3) «заглянуть в будущее» - прогнозирование на короткие и длинные временные промежутки.

Таким образом, увеличение объема информации в мире и расширение различных источников получения информации позволяет социологами использовать новые возможности Big Data при проведении социологических исследований.

1. Cory Doctorow. Big data: Welcome to the petacentre. *Nature* 455, 1 (4 September 2008) | doi:10.1038/455001a; Published online 3 September 2008. Интернет – ресурс <http://www.nature.com/news/2008/080903/full/455016a.html>

2. Адриан М. Большие данные (Big Data) [Электронный ресурс] // *Teradata*, 1:11. URL: www.teradatamagazine.com/v11n01/Features/Big-Data/.

3. Большие данные: следующий рубеж инноваций, конкуренции и эффективности (Big Data: The Next Frontier for Innovation, Competition, and Productivity) // *McKinsey Global Institute*, май 2011 года.

4. Doug Laney. *Application Delivery Strategies*/ META Group Inc., 208 Harbor Drive, P.O. Box 120061, Stamford, CT 06912-0061. - 2001.

5. *The Digital Universe of Opportunities: Rich Data and the increasing Value of the Internet of Things.* /Интернет ресурс / <https://www.emc.com/leadership/digital-universe/2014iview/index.htm>

DATA MINING, TEXT MINING, OPINION MINING В СОЦИОЛОГИИ.

Горшкова Д.А. (Москва)

Data Mining – это процедура выявления в необработанных сведениях прежде неизвестных, сложных, применяемых на практике и общедоступных знаний, которые нужны для того, чтобы принимать решения в разнообразных областях деятельности людей.

С помощью методов Data Mining достигаются следующие цели:

Классификация – это процесс, при котором объекты относятся к одному классу, который известен заранее.

Кластеризация – это процесс, в ходе которого объекты группируются, в зависимости от данных, которые выявляют основную суть данных объектов.

Регрессия, а также задачи прогнозирования, – определяет, каким образом выходные переменные зависят от входных переменных; дает возможность установить по данным характеристикам объекта значение некоторого его параметра.

Поиск ассоциативных правил – обнаружение закономерностей между событиями, которые связаны между собой, имеющих вид: "Если А, то В".

Основные методы Data Mining:

В общем, методы DM до сих пор, в большинстве своем, базируются на традиционных принципах разведочного анализа данных и построения моделей. В их числе – нейронные сети, деревья решений, методы ограниченного перебора, генетические алгоритмы, кластерные модели, комбинированные методы и другие.

Text Mining - это алгоритмическое обнаружение неизвестных до настоящего времени связей и корреляций в уже изученных неструктурированных текстовых данных для обеспечения навигации, осуществления смыслового анализа, поиска знаний в неструктурированных текстах, целью которого является получение новейших значимых сведений, используя статистический и лингвистический анализ, а также системы искусственного интеллекта.

В реальной работе применение технологий глубинного анализа текстов дает изучению социологии такие возможности, как:

- Мониторинг информации в ресурсах Сети Интернет, семантический поиск сведений в Интернет и значительное ограничение пределов поиска, с помощью внедрения методов Text Mining в современные поисковые системы;

- формирование семантической сети текстов больших объемов, реферирование, классификация, кластеризация текстов, поиск по тексту, интегрирование неструктурированной текстовой информации с теми структурированными данными, которые уже существуют, наглядная визуализация кластеризованной текстовой информации.

Опираясь на все вышеизложенное, можно смело заявить, что применение методов глубинного анализа текстов даст возможность ориентироваться в объемных потоках информации при изучении социологии, вести наиболее результативную работу, подразумевающую поиск, анализ, синтез электронной текстовой информации, давать оценку ее полезности, затрачивая как можно меньше времени и энергии, формировать систему информационных понятий. Все перечисленные факты означают, что методы Text Mining становятся важной частью информационной культуры современного изучения социологии, что делает необходимым преподавание основ Text Mining на социологических факультетах.

Opinion mining (извлечение мнений) – компьютерные системы, делающие возможным интеллектуальное автоматизированное извлечение информации, называемой субъективной (мнения, оценочные суждения, аттитюды, эмоции, чувства, верования и т.д.) из текстовой информации.

Opinion mining – это, по сути своей, раздел Text mining, включающий в себя такие аспекты, как:

1. Поиск информации и выявление исходных данных – этап подготовки, включающий в себя сбор или выявление необходимого для анализа набора текстовых. Подобные материалы могут быть найдены в Сети Интернет, базах данных, файловых системах или системах управления контентом.

2. Использование сугубо статистических методов анализа, а также процедур, включающих обработку естественного языка и средств лингвистического анализа.

3. Выявление смыслов – применение статистических и других методов для обнаружения поименованных признаков текста, в которых упоминаются люди, организации, места, символы, аббревиатуры и т.д. Контекст дает возможность определения конкретного обозначения того или иного слова в конкретном вхождении.

4. Выявление шаблонов – возможность выявления шаблонов текста, в которых представлены те или иные смыслы.

5. Выявление перекрестных ссылок – выявление определений и других признаков, относящихся к одним и тем же объектам.

6. Выявление взаимосвязей, фактов и событий – поиск взаимосвязей между разными смыслами, которые заключены в текстовой информации.

7. Смысловой анализ – определение субъективного (а не фактического) материала и обнаружение разнообразных форм оценочной информации. Среди них – смыслы, мнения, настроения, эмоции. Методы анализа дают возможность исследовать смыслы на уровне тем, концептов, а также выявлять законодателей объекты мнений.

8. Количественный анализ текста – использование набора методов, заимствованных из социальных наук, заключающихся в том, что человек или компьютер извлекает семантические, либо грамматические связи между отдельными словами, для понимания смысла стилистических шаблонов, проведения психологического профилирования и т.д.

Opinion mining обширно используются и дают возможность автоматически оценивать (позитивно, негативно, нейтрально) новостные события, продукты, персоналии, организации, страны мира и т.д., которые поступают в режиме реального времени через сообщения электронных средств массовой информации (е-СМИ), сообщения блогеров, дискуссионные форумы в Интернете, т.е. через все то, что обозначается общим термином Social media (социальные медиа).

1. Барсегян А.А., Куприянов М.С., Степаненко В.В., Холод И.И. Технологии анализа данных: Data Mining. Visual Mining. Text Mining. OLAP. СПб.: БХВ-Петербург, 2008

2. Data Mining – добыча данных // <http://www.basegroup.ru/tasks/datamining.htm>

3. Электронный учебник по статистике. Москва, StatSoft Inc., 2001. <http://www.statsoft.ru/home/textbook/default.htm>.

4. Чубукова И.А. Data Mining <http://www.intuit.ru/department/database/datamining/>

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ДЛЯ ОЦЕНКИ УРОВНЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ

Григорьев В.Е., Разумова Д.Б., Кнорре А.В. (Санкт-Петербург)

Внешнее благочестие и внутренняя религиозность по убеждению не обязательно совпадают. Первое может быть следствием адаптации или культурной привычкой. Но может следовать и из религиозных взглядов. Белинский в общеизвестном письме к Гоголю написал: “Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почёсывая себе задницу”. Прав ли Белинский можно решить, если найти индикатор религиозности полностью или почти полностью свободный от социального контроля. По мнению Б.Н. Миронова таким индикатором может служить сезонное распределение рождений: «колебания рождаемости через 9 месяцев после поста могут служить хорошим показателем строгости его соблюдения (Миронов, 2003, т.2 с. 327)».

Хотя в церковных кругах наблюдается расхождение во мнениях об обязательности воздержания от близости во время поста, от полного отсутствия таковой (Кураев, 2009), до несомненной обязательности для каждого христианина (Белов, 2009), для большинства православных верующих в наше время такое воздержание - важный признак благочестия.

Религиозные убеждения родителей оставляют след в демографии потомства. Однако между специалистами отсутствует согласие в интерпретации наблюдаемых данных. Причины по которым интерпретация данных затруднена состоят в следующем:

На сезонность рождений оказывают влияние не только религиозный фактор, но и многие другие (сезонность полевых работ, сезонность отпусков и тому подобное).

Особенности регистрации рождений могут вносить искажения в данные.

Продолжительность беременности не является вполне определенной величиной.

Прямое сравнение сезонного распределения рождений у православных и неправославных может указывать на наличие или отсутствие определенной сезонности, связанной с религиозными взглядами. В таком случае люди с иными взглядами на религию будут выступать контрольной группой, на которую в равной мере воздействуют нерелигиозные факторы, связанные с сезонностью, особенностями регистрации.

Мы решили использовать данные из социальной сети ВКонтакте, позволяющую пользователям выражать свои религиозные взгляды. Поле “Мировоззрение” содержит заранее сформированный список вариантов (в русском интерфейсе: Иудаизм, Православие, Католицизм, Протестантизм, Ислам, Буддизм, Конфуцианство, Светский гуманизм, Пастафарианство) или позволяет указать пользователю свой вариант.

Гипотеза 1. Мы обнаружим различие в распределении дат рождений пользователей, указавших принадлежность к православию и других пользователей.

Гипотеза 2. Пропорция зачатий приходящихся на постные дни будет иметь статистически значимые отличия для группы православных пользователей и неправославных.

Чтобы проверить эти гипотезы мы по дате рождения определяли примерную дату зачатия и смотрели приходится ли эта дата на период поста.

Наибольшей валидностью в определении среднего срока беременности, на наш взгляд, обладает исследование Анны Марии Джукич с коллегами (Jukic et al., 2013). В отличие от предыдущих исследований ученые Северной Каролины рассчитывали среднюю длину беременности исходя из первого дня овуляции, которую определяли по гормональным анализам суточных проб мочи 125 одноплодных женщин. Медианный промежуток от овуляции до рождения составил 268 дней. 80% сроков беременности оказалось в интервале 256-275 дней. Мы принимаем 268 дней в качестве продолжительности беременности.

Из общего числа пользователей сети “ВКонтакте” (на октябрь 2016 около 330 миллионов аккаунтов) простой случайной выборкой было отобрано 725471 аккаунтов.

Гипотезы проверялись тремя способами:

1. Графическое представление распределений рождений пользователей, указавших православное мировоззрение (будем называть их - “православные”) в течение года, сравнивалось со всеми остальными пользователями и с пользователями, указывающими неправославное мировоззрение, что позволило визуально оценить расхождения.

2. Использовался статистический тест, основанный на статистике хи-квадрат Пирсона, для поиска различий количества зачатий в постные и обычные дни для православных и других пользователей. Мы ввели две переменные показывающие, (1) что предполагаемая дата зачатия пришлась на пост, и (2) что предполагаемая дата зачатия пришлась на середину поста - не менее 10 дней от начала и не менее 10 дней до окончания поста. Мы ожидаем, что вторая переменная должна дать более четкую картину из-за уменьшения неопределенности в связи с изменчивостью сроков беременности.

3. Использовался двухвыборочный тест Кёйпера (Berens, 2009) для проверки идентичности распределений дат рождения в течении года для православных и других пользователей. Это вариант теста Колмогорова-Смирнова адаптированный для работы с циклическими данными, такими как частоты рождений по числу и месяцу.

Прежде всего отметим, что в контакте представлены достаточно молодые пользователи. Примерно половина пользователей на момент сбора данных родилась после ноября 1989 года В выборке мужчины составляют 53%, женщины - 46%, пол остальных не указан.

Графическое представление не показывает заметных различий в распределении рождений. Расхождение кривых незначительно по сравнению с колебаниями самих кривых.

Результаты теста хи-квадрат, напротив, показывают, что вероятно существует связь между указанным мировоззрением и датой вероятного зачатия в пост ($\chi^2=6.23$, $df = 1$, $p = 0.01$). При более жестком отборе статистическая значимость несколько уменьшилась ($\chi^2=0.68$, $df = 1$, $p = 0.41$)

Тест Кёйпера на идентичность распределений не показал отличий в распределении зачатий по числам и месяцам ни при сравнении православных и неправославных ($k= 0.18$, $p>0.1$), ни при сравнении православных со всеми остальными пользователями ($k= 0.13$, $p>0.1$).

Если говорить о распределении рождений в течении годового цикла (гипотеза 1), то ни графический анализ, ни тест Кейпера не показывают особенностей рождений в православной подвыборке. Тест Кейпера и не мог их дать. Симуляция показала, что даже если приписать

нулевые частоты зачатий православной подвыборке в т.н. “постные дни” статистика не достигнет критического значения при сохранении остальной динамики рождений.

Статистика хи-квадрат более чувствительна при таких частотах, как в нашем случае. Снижение числа рождений у православных пользователей, по сравнению с ожиданием при предположении, что посты не влияют на рождаемость, составило 1.8% для зачатий в пост и 1.0% для зачатий в середине поста (интервалы сужены на 20 дней). Эти числа дают оценку распространенности практики непоказного благочестия, выражающейся в воздержании от половых сношений в пост. Со статистической точки зрения гипотеза 2 подтвердилась, однако снижение рождаемости из-за ограничения половых контактов в пост выглядит несущественным с содержательной точки зрения.

- Ausloos, M., Herteliu, C., & Ileanu, B. (2015). Breakdown of Benford's law for birth data. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*, 419, 736-745. Elsevier.
- Bao, W. N., Whitbeck, L. B., Hoyt, D. R., & Conger, R. D. (1999). Perceived parental acceptance as a moderator of religious transmission among adolescent boys and girls. *Journal of Marriage and the Family*, 61(26093), 362-374.
- Berens P. (2009). CircStat: A Matlab Toolbox for Circular Statistics. *Journal of Statistical Software*, 31(10), <http://www.jstatsoft.org/v31/i10>.
- Jukic, A. M., Baird, D. D., Weinberg, C. R., Mccomnaughey, D. R., & Wilcox, A. J. (2013). Length of human pregnancy and contributors to its natural variation. *Human Reproduction*, 28(10), 2848-2855.
- Nigrini, M., & Mittermaier, L. (1997). The Use of Benford's Law as an Aid in Analytical Procedures. *Auditing: A Journal of Practice & Theory*, 16, 52-67.
- R Core Team (2016). R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. URL <https://www.R-project.org/>.
- Авдеев А., Блюм А., Трошцкая И. (2002). Сезонный фактор в демографии российского крестьянства в первой половине 19 века: брачность, рождаемость, младенческая смертность. *Российский демографический журнал*, 2002, №1, 35-45.
- Белов, И. (2009). О супружеском воздержании в пост: норма или каноническое недоразумение? [Электронный ресурс]. *Благодатный огонь*, 19 URL: <http://www.blagokon.ru/articles/5/> (дата обращения: 21.08.2016).
- Дьячков, В.Л., Канищев, В.В. (2003). Декабрьские рождения. *Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики*. Под ред. Л.И. Бородкина и В.Н. Владимирова. М. - Барнаул, 317 – 342.
- Житинев, Т. Е. (s.a). Религиозные воззрения современной городской молодежи (научная статья) [Электронный ресурс] / Т.Е. Житинев. – Режим доступа: <http://www.vuit.ru/science/article/show.php?id=2270>
- Кураев А. (2009) Постового устава супружеских отношений не существует. [Электронный ресурс] // URL: <http://diak-kuraev.livejournal.com/14764.html?thread=1914284> (дата обращения: 21.08.2016).
- Миронов, Б. Н. (2003) Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дм. Буланин. Т. 2. 583 с.
- Миронов, Б. Н. (2005А) Можно ли увидеть всю Россию из Малых Пупков? *Круг Идей: Алгоритмы и технологии исторической информатики. Ассоциация «История и компьютер»* 528-543.
- Миронов, Б. Н. (2005В). Нет, не увидеть всю Россию из Малых Пупков! *Круг Идей: Алгоритмы и технологии исторической информатики. Ассоциация «История и компьютер»*.
- Павлов, А.С. (1897) *Номоканон при Большом Третьяке: Его история и тексты, греч. и слав., с объясн. и критич. примеч. : Опыт науч. разрешения вопр. об этом сб., возникших в прошлом столетии в Святейшем правительствующем синоде. М.: тип. Г. Лисснера и А. Гешеля. [Электронный ресурс]. URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10073127> (дата обращения: 21.08.2016).*

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ БАЗ ДАННЫХ И КОГОРТНЫЙ АНАЛИЗ КАК СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА МОДЕЛИРОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО ПУТИ ОДАРЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Денисова Н.Ф. (Минск, Республика Беларусь)

Аннотация. В работе рассмотрены особенности использования ведомственных баз данных и демографического метода реальной когорты в социологических исследованиях. На примере изучения биографического пути одаренной молодежи показано, что такой подход позволяет получить данные, по информативности

сопоставимые с результатами лонгитюдных исследований, при значительном снижении временных и финансовых затрат.

Научное моделирование социальных феноменов и тенденций предполагает наличие значительного массива данных, которые соответствуют требованиям репрезентативности, точности и полноты описания. В рамках социологии традиционным способом формирования подобного массива является проведение опроса общественного мнения. Однако подобный подход связан со значительными недостатками, обусловленными ограничениями по временным и финансовым ресурсам. К таким недостаткам следует отнести, как правило, разовый характер исследований, относительно небольшой объем выборочной совокупности (редко превышает несколько тысяч единиц), сложности с обеспечением равновероятностного отбора представителей всех подгрупп генеральной совокупности, сложности с выявлением фактов биографии (в результате для социологов более доступными являются субъективные мнения и оценки, нежели фактологическая сторона явления).

На методологическом уровне решение данных проблем возможно благодаря использованию демографического метода реальной когорты. В рамках социологии данный подход реализуется, как правило, в форме лонгитюдных исследований и предполагает формирование выборочной совокупности с проведением на ее основе повторных замеров по одним тем же индикаторам. Однако проведение подобных исследований является крайне сложным в администрировании (проблема сохранения контактов первой волны исследования), дорогостоящим и предполагает наличие значительного временного лага до получения первых значимых результатов.

Однако необходимая информация в ряде случаев уже собрана и агрегирована в ресурсы различных ведомств, органов государственного управления и других организаций. Таким образом, в ряде случаев проблемой является не проведение исследования, а получение доступа к подобному материалу. Такие базы часто предполагают возможность реконструкции биографического пути исследуемой группы, а при наличии адресной информации фактически являются готовым списком генеральной совокупности, полностью пригодным для построения выборки при проведении опроса. Одним из классических в социологии случаев использования такого подхода стало исследование историй болезни 1582 пациентов психиатрических заведений, проведенного еще в 1950-х годах исследовательской группой Г. Гарфинкеля [1, с. 28-31]. Данное исследование базировалось на когортном подходе к изучению биографий пациентов, которые структурировались по пяти этапам: от первого посещения до принятия решения о направлении на стационарное лечение.

В современных условиях оцифровки баз данных и создания инфраструктуры для удаленной работы с подобными информационными ресурсами доступ исследователей существенно упрощается. Так, например, в рамках проекта IPUMS-International обобщены результаты 301 переписи населения в 85 странах мира, проведенных за период 1960-2016 годы. Соответствующая база данных содержит записи о 672 миллионах респондентов, является бесплатной и формируется напрямую с помощью национальных статистических ведомств [2]. Республика Беларусь стала одной из первых стран постсоветского пространства, которая приняла участие в данном проекте и предоставила персональные данные (не раскрывающие личность респондента) о 10,0% случайно отобранных респондентов национальных переписей 1999 и 2009 годов. Еще одним важным шагом в сторону повышения прозрачности баз данных для использования научным сообществом стала реализация государственной инициативы по объединению ряда государственных информационных ресурсов на основе единой платформы, администрирование которой осуществляется Национальным центром электронных услуг [3].

Результаты подобных инициатив пока еще мало используются социологами страны. Одним из немногих примеров стало изучение профессионального выбора одаренной молодежи в контексте воспроизводства научных работников высшей квалификации Республики Беларусь. Проведению исследования способствовал тот факт, что в Республике Беларусь уже более десяти лет ведется республиканский банк данных одаренной молодежи. Данный ресурс агрегирует информацию о карьерном пути лиц в возрасте до 31 года, чьи заслуги были признаны на государственном уровне (например, победы в различных республиканских и международных мероприятиях, достижения в научно-исследовательской деятельности).

Целью указанного исследования являлось определение того, насколько эффективно удается привлекать и закреплять в белорусской науке одаренную молодежь. Благодаря

содействию органов государственного управления, исследователи получили доступ к указанному банку данных, что позволило реконструировать 1068 образовательных и профессиональных биографий одаренных выпускников высших учебных заведений 2006-2010 годов. С целью дополнения фактов биографии информацией о мотивах и жизненных планах, на основе полученного списка генеральной совокупности была сформирована выборка и опрошены 365 респондентов. При этом благодаря персонифицированности телефонного опроса доля отказов от участия составила всего 9,2%.

Таким образом, изучение труднодоступной группы одаренной молодежи проводилось в два этапа: реконструкция биографического пути на основе банка данных одаренной молодежи и последующий телефонный опрос представителей когорты. В результате без привлечения значительных ресурсов оперативно (всего за несколько месяцев) была собрана информация о семи годах жизни представителей изучаемой когорты, а также о системе мотивов и жизненных планов, обусловивших их биографические траектории.

Для этого исследования была разработана специальная система показателей эффективности вовлечения одаренной молодежи в систему науки, представленная индикаторами, рассчитываемыми от общей численности изучаемой когорты одаренной молодежи с высшим образованием. В результате были получены следующие данные.

- 1) Поступили в аспирантуру 37,6% от общей численности когорты.
- 2) Успешно окончили аспирантуру – 33,1% от общей численности когорты.
- 3) Получили ученую степень – 15,8% представителей когорты.

4) На момент проведения исследования работали в науке и высшей школе и не планировали менять род деятельности – от 10,8% до 12,5% (интервальная оценка сделана на основании телефонного опроса) представителей изучаемой когорты.

Полученные результаты представляют из себя эмпирическую модель привлечения и закрепления одаренной молодежи в системе науки и преподавания. Особенность данной модели в том, что она позволяет оценить кумулятивные потери когорты на каждом из этапов воспроизводства научных работников высшей квалификации, что является прямым следствием использования демографического метода реальной когорты. Построение такой модели на основании других исследовательских подходов крайне затруднительно и требует проведения дорогостоящих и длительных лонгитюдных исследований.

1. Гарфинкель, Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель - СПб.: Питер, 2007. - 335 с.

2. IPUMS-International [Electronic resource] - Mode of access: <https://international.ipums.org/international>. – Date of access: 02.10.2017.

3. Единый портал электронных услуг / Национальный электронный услуг [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://nces.by/> - Дата доступа: 02.10.2017

УЧЕНЫЕ В RESEARCHGATE: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПО СТРАНАМ И ДИСЦИПЛИНАМ.

Евсикова Е.В. (Санкт-Петербург)

Аннотация: В последние годы, ученые все чаще стали использовать специализированные академические социальные сети в качестве механизма распространения результатов научной деятельности, а также создания коллабораций между специалистами из разных стран. Тем не менее, число работ, посвященных анализу поведенческих стратегий пользователей ResearchGate в контексте сравнения отдельных дисциплин и стран невелико. В рамках этой статьи приводятся первичные результаты исследования по данной проблеме.

За последние годы произошел значительный всплеск популярности социальных сетей. Аудитория некоторых сайтов доходит уже до 2 миллиардов активных пользователей, поэтому, неудивительно, что представители многих профессий стали использовать эти интернет-сервисы в качестве рабочего инструмента. Например, социальные медиа уже не первый год являются актуальным инструментом HR-менеджмента и SMM. Ученые, в свою очередь, не стали исключением – научная коммуникация претерпевает изменения в связи с беспрецедентным технологическим развитием. Так, на сегодняшний день существует немало специализированных академических социальных сетей (ResearchGate, Academia.edu, Mendeley, Social Science Research Network и др.), которые используются как для продвижения научных публикаций, так и для завязывания новых контактов и создания коллабораций. Более того, в связи с тем, что влияние

(impact) исследовательской работы становится все более важным фактором в конкурентной борьбе за рейтинги и финансирование, наряду с классическими библиометрическими показателями для оценки научной эффективности теперь зачастую используются и альтернативы, построенные на основе внутренних метрик отдельных интернет ресурсов.

Академическая социальная сеть ResearchGate была запущена в 2008 году (Ijad Madisch) и на данный момент охватывает аудиторию из более чем 11 миллионов пользователей. Благодаря этому интернет-сервису, исследователи могут бесплатно обмениваться научными публикациями, задавать и отвечать на вопросы, связанные с их исследовательскими интересами, просматривать вакансии в различных научных организациях и списки научных конференций по всему миру. Особого внимания, однако, заслуживает не функционал сервиса, а набирающая популярность альтернатива Rg Score, созданная администрацией сайта и вычисляемая по нераскрытому алгоритму.

С всеобщим распространением академических социальных сетей, многие исследователи сфокусировали свое внимание на различных аспектах их использования. Тем не менее, если в зарубежных журналах можно обнаружить большое количество публикаций по данной теме, то в отечественных их практически нет. Большинство статей затрагивают вопросы взаимосвязи и соответствия между Rg Score и традиционными библиометрическими показателями (Ortega [4], Mikki [5] и др.), рассматривают целесообразно ли интерпретировать высокие показатели в рамках академических сетей в качестве свидетельства высокой научной репутации ученого в целом (Orduna-Malea [3] и др.), а также анализируют практики использования научных сетей в рамках отдельных кейсов (Elsayed Amany [2], Ortega [4] и др.).

Цель данного исследования состоит в том, чтобы рассмотреть каковы основные поведенческие и дисциплинарные характеристики ученых отдельных стран, а также есть ли корреляции между поведенческой стратегией ученого в рамках ResearchGate и страной/дисциплиной. Иными словами, нас интересует – чем отличаются учёные из разных стран.

В исследовании анализируются данные, полученные с помощью «Центра социологических и интернет-исследований» Научного парка СПбГУ. В нашем исследовании был использован метод Web Scraping, в рамках которого сбор данных осуществлялся с помощью интернет-краулера. Всего было отобрано 236647 профилей пользователей ResearchGate, а затем, среди них, с помощью генератора случайных чисел были проанализированы по 200 профилей в рамках каждой из 24 дисциплин (каждый из пользователей в момент регистрации выбирает содержание для графы «дисциплина» из 24 предложенных сайтом наук), благодаря чему и была обеспечена относительная случайность при построении выборочной совокупности. Для того, чтобы проанализировать поведенческие стратегии отдельных пользователей необходимо было обратить внимание на количественные переменные, которые с нашей точки зрения являются непосредственным отражением активности в рамках сайта («навыки», «темы», участие в проектах и исследованиях, «подписки», вопросы и ответы, количество размещенных текстов статей и др.)

В результате было выявлено, что существует достаточно слабая корреляция между различными показателями профиля и дисциплинами, а также странами. Можно предположить, что несмотря на существование различных систем оценок научной деятельности, сложившихся в рамках разных стран и дисциплин, поведение пользователей сети оказывается схожим. Принимая на себя роль пользователя сети ResearchGate, исследователи «играют» по правилам данного интернет ресурса, формируя свою деятельность исходя из требований сайта, а не институций и/или культурных особенностей региона. Более того, было обнаружено, что социальная активность пользователей сайта в значительной степени влияет на величину Rg Score, таким образом рейтинг сети отражает не значимую научную репутацию (в её классическом, библиометрическом понимании) а активную деятельность пользователей в рамках сети, тем самым создавая призрачную (виртуальную) репутацию исследователей.

Отдельная благодарность Дмитрию Цыганову, программисту Центра социологических и интернет-исследований, Научного парка СПбГУ, за разработку алгоритма и за сбор данных.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-001

1. Christoph Lutz, Christian Pieter Hoffmann. Making Academic Social Capital Visible: Relating SNS-Based, Alternative and Traditional Metrics of Scientific Impact // Social Science Computer Review. Volume XX(X). 2017. pp. 1-12

2. *Elsayed Amany M. The Use of Academic Social Networks Among Arab Researchers: A Survey // SOCIAL SCIENCE COMPUTER REVIEW. Volume 34. Issue 3. 2017. pp. 378-391*
3. *Enrique Orduna-Malea, Alberto Marti 'n-Marti 'n, Mike Thelwall, Emilio Delgado Lopez-Cozar. Do ResearchGate Scores create ghost academic reputations? // Scientometrics. July 2017, Volume 112, Issue 1, pp 443–460*
4. *José Luis Ortega. Relationship between altmetric and bibliometric indicators across academic social sites: The case of CSIC's members // Journal of Informetrics. Volume 9. 2015. pp.39-49*
5. *Mikki, S., Zygmuntowska, M., Gjesdal, Ø. L. & Al Ruwehy, H. A. Digital presence of norwegian scholars on academic network sites-where and who are they?. Plos One 10 (11). Available at: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0142709>. Accessed December 11, 2016*

ТЕКСТОВЫЕ РОЛЕВЫЕ ОНЛАЙН-ИГРЫ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА: МЕТОДЫ И ПРАКТИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Ефимов А.М. (Санкт-Петербург)

Ролевая игра – это вид игровой активности, участники которой руководствуются в игровом процессе определенной ролью (совокупностью предписанных характеристик и действий, определенных правилами игры). В специально смоделированном мире игроки действуют согласно выбранной ими роли (т.н. «отыгрыш» роли) и в процессе взаимодействия друг с другом осуществляют основной игровой процесс.

За время своего существования ролевые игры завоевали массу поклонников по всему миру. Этот вид игры стал одним из самых популярных и, в конечном итоге, обзавелся десятком подвидов, большинство из которых распространилось сегодня в интернете. Одним из таковых подвидов стали текстовые ролевые онлайн-игры. В них игроки описывают свои мысли, действия, фразы и чувства посредством текстовых сообщений (постов), публикуемых в специально созданных виртуальных локациях. Таким образом игроки взаимодействуют друг с другом и создают единый игровой процесс. Изначально текстовые ролевые игры организовывались на специальных сайтах и форумах. Сегодня зачастую они встречаются и в социальных сетях. Так, например, в социальной сети «ВКонтакте» (vk.com) по поисковым запросам можно найти более десяти тысяч сообществ, посвященных текстовым ролевым играм. Однако, несмотря на то, что данный игровой жанр в настоящее время получил широкое распространение на просторах интернета, крупные социологические исследования практик ролевых онлайн-игр не проводились. Большинство исследовательских проектов было посвящено компьютерным играм жанра MMORPG (массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры).

Исследования компьютерных игр (т.н. Game Studies) в настоящее время проводятся с использованием широкого спектра социологических методик. Первые исследования появились еще в 1990-х годах, когда игры жанра MMORPG стали приобретать широкую популярность. Тогда ученых интересовали вопросы игровой мотивации [Bartle, R., 1996, Yee, N. 2006], игровой зависимости (или «практики проблемного использования игр») [Seay F., Kraut R. 2007], специфика коммуникации в игровых мирах [Ducheneaut, N., Nickell E., Moore R. 2006], а также публичное и приватное поведение в играх [Pearce C. 2006]. Данные исследовательские проекты были реализованы преимущественно с использованием опросных методов.

Исследования, выполненные в качественной методологии, появились чуть позже – в начале 2000-х гг. Здесь основное внимание уделяется проблемам взаимодействия «онлайн» и «оффлайн» миров [Castronova, E. 2005], формированию идентичностей игрока [Boellstorff T. 2008], практикам игровой репрезентации [Pearce C., Taylor T.L. 2012 et al.], а также гендерным режимам в игровых мирах [Nardi B. 2009]. Наиболее известные исследования этого направления – проект Бонни Нарди по изучению игры «World of Warcraft» и проект Тома Белстрофа по изучению социального мира «Second Life». В данных работах не только представлено исчерпывающее описание практик ролевых компьютерных игр, норм, правил и культурных проявлений, которые характерны для онлайн-миров, но и детально проанализированы возможности и ограничения антропологических методов в исследовании онлайн-сообществ. Таким образом, в настоящее время социологи успешно применяют в исследованиях виртуальных миров как количественные, так и качественные методики.

Основываясь на результатах исследовательских работ, мы определили качественные методы как наиболее релевантные в исследовании текстовых ролевых онлайн-игр. Это обусловлено закрытостью игровых сообществ и необходимостью изучения смыслов, которые вкладывают игроки в свою игровую активность, что является основной целью нашего исследования.

С октября 2015 года по июнь 2017 года мы проводили включенное наблюдение в текстовой ролевой онлайн-игре по мотивам франшизы Джоан Роулинг «Гарри Поттер». Выбор данной тематики был обусловлен тем, что среди всех текстовых игр социальной сети «ВКонтакте» наиболее активные игровые сообщества сосредоточились именно во «Вселенной Гарри Поттера». Актуальность данной тематики подтверждалась и тем, что на момент начала исследования к выходу готовился первый фильм новой сюжетной серии «мира Гарри Поттера» - «Фантастические звери и места их обитания», который повышал популярность данной тематики у игроков текстовых ролевых игр. Наблюдение проводилось в двух режимах – «онлайн» (непосредственно в игровом пространстве) и «оффлайн» (на неформальных встречах игроков в Санкт-Петербурге).

В результате исследования было выявлено четыре типа смыслов, которые вкладывают игроки в свой игровой процесс:

1. «Сказка» - игра как место, в котором игроки развивают свое воображение, творческие способности и писательские компетенции, а также мечтают, рефлексиируют и воплощают свои идеи в текстовый материал, доступный широкому кругу читателей.
2. «Дом» - игра как место, в котором находятся самые близкие люди, друзья и знакомые.
3. «Убежище» - игра как место, в котором можно спрятаться от реальной жизни.
4. «Работа» - игра как место, которое обязывает выполнять нежеланные действия и функции (преимущественно по поддержанию игрового мира, сохранению своего статуса в игровом сообществе).

В дальнейших исследованиях мы сосредоточим внимание на игровых карьерах в мире текстовой ролевой игры, проблемах неравенства, игровом капитале, а также на механизмах социализации, которые характерны для текстовых ролевых онлайн-игр.

Список используемых источников:

1. Bartle, R. (1996) *Hearts, Clubs, Diamonds, Spades: Players who Suit MUDs* // URL: <http://www.mud.co.uk/richard/hcds.htm> (дата обращения: 09.20.2017).
2. Boellstorff, T. (2008) *Coming of Age in Second Life: An Anthropologist Explores the Virtually Human*. Princeton University Press.
3. Castronova, E. (2005) *Synthetic Worlds*. Chicago: University of Chicago Press.
4. Ducheneaut, N., R. Moore (2004) *The Social Side of Gaming: A Study of Interaction Patterns in a Massively Multiplayer Online Game*. New York: ACM Press.
5. Nardi, B. (2009) *My Life as a Night Elf Priest: An Anthropological Account of World of Warcraft*. MI: University of Michigan Press.
6. Pearce, C. (2006) *Productive Play: Game Culture from the Bottom Up*. Games and Culture
7. Seay, F., R. Kraut. (2007) *Project Massive: Self-regulation and Problematic Use of Online Gaming*. In *Proceedings ACM Conference on Human Factors in Computing Systems* New York: ACM Press
8. Yee, N. (2006) *The Demographics, Motivations and Derived Experiences of Users of Massively Multi-user Online Graphical Environments* // *PRESENCE: Teleoperators and Virtual Environments*. Vol. 15. № 3. P. 309-329.

«КИБЕРЭТНОГРАФИЯ» КАК ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-СЕТЯХ.

Ефимов Е.Г. (Волгоград)

На сегодняшний день в зарубежных исследованиях активно применяются он-лайн методы исследования социальных сетей, которые объединены в рамках подхода, известного как киберэтнография - раздел этнографии изучающий практики людей он-лайн. Методологическим основанием киберэтнографии выступают социокультурный подход, «социальное конструирование технологии» и акторно-сетевая теория. Этот подход сформировался в среде американских исследователей идентичности и процессов социализации в социальных сетях. Поскольку в основной массе исследования молодежи велись ими на базе образовательных учреждений, то в

качестве социальных предпосылок развития киберэтнографии указывались изменения в образовательном процессе, вызванные внедрением новых практик, связанных с интернетом, в учебный процесс и повседневные практики. Акцент на исследовании через виртуальное пространство является основным в киберэтнографии. Удобства использования он-лайн методов часто выступают в качестве весомого аргумента выбора этого подхода, и обеспечивает ему популярность, в том числе и среди отечественных исследователей.

Он-лайн методы, безусловно, имеют ряд преимуществ перед традиционными методами сбора информации, однако при этом остаются существенными ряд противоречий, о которых еще в начале зарождения исследований интернет-сетей писала основатель социологии социальных сетей Д.Бойд. Она сформулировала две ключевые проблемы такого рода исследований: правовое обоснование использования информации пользователей (особенно если речь идет об анализе профилей) и то, что можно обозначить как проблему интерпретации.

Суть первой проблемы заключается в том, что когда исследователь считывает информацию с профиля, он по умолчанию использует данные, который пользователь разместил в сети, в том числе не ставя его в известность. Соответственно, необходимым условием исследований формально должно быть дополнительное согласие пользователей на использование их данных, что на практике трудно выполнимо и зачастую игнорируется исследователями.

Во втором случае речь идет о различии аудитории на которую ориентируются пользователи и в которую сам исследователь оказывается не включен. То есть оценка пользователя проходит без учета контекста в которых он создавал свой образ. К примеру, одной из самых сложных категорий для анализа профилей является сексуальность, поскольку, как отмечают авторы, она может оцениваться по разному с мужской и женской позиций. В феминистских исследованиях отмечается, что под категорию сексуальности с точки зрения девочек может попадать гораздо более широкий спектр тем, чем в представлении мужчин. Так, к примеру, обсуждение фигуры или размещение фотографий своего тела может в представлении девочек не означать того смысла, который вкладывают в это мужчины.

Однако, наш взгляд, ключевым моментом, не позволяющим рассматривать работу с профилем как объективный метод исследования социально-групповой идентичности, является отсутствие в большинстве исследований учета влияния факторов стандартизации и идеализации.

Стремление к идеализации побуждает пользователей размещать в сети фотографии, не имеющие к ним никакого отношения, искажать свой возраст или создавать ложные профили [1]. Также отмечены случаи создания и функционирования страниц, которые родители создают от лица младенцев или функционирующие страницы умерших, которые выполняют роль своеобразного виртуального кладбища.

Когда группа американских исследователей проводила анализ профилей студентов различных этнических групп (афроамериканцев, европеоидов, азиатов), то в качестве одной гипотез было выдвинуто предположение, что социальные характеристики в само-описание будут в наибольшей степени выражены у азиатов, в меньшей в европейцев, и в незначительной у афроамериканцев, что связано с характерами культур (от коллективистских до индивидуалистических). Гипотеза была полностью опровергнута, что заставило исследователей обратиться к дополнительным исследованиям. Они предположили, что подобные результаты вызваны особенностью интерфейса Facebook и системой внутренних норм и ценностей, и представляя из себя продукт американской культуры, подавляет выражение чувств самовыражения пользователей [2].

Киберэтнография в целом, как с теоретической, так и с эмпирической точек зрения, на наш взгляд, не дает ответа на вопрос, какую роль играет сама социальная сеть (ее вид) в построении социально-групповой идентичности. Во-первых, делая акцент на исследовании принадлежности пользователя к какой-либо группе исследователи приходят к выводам, которые позволяют уловить сходства, а не различия в использовании различных типов сетей. К примеру, указывая на то, что и в сетях и в блогах девушки больше делают акцент на личной информации. Во-вторых, используя методы исследования он-лайн, исследователи имеют дело не просто с профилями пользователей, а с их стандартизированными и идеализированными версиями, что ставит под сомнение эмпирическую ценность такого рода исследований.

1. Boyd D., Heer J. Profiles as Conversation: Networked Identity Performance on Friendster // Proceedings of the Hawai'i International Conference on System Sciences (HICSS-39), Persistent Conversation Track. Kauai, HI: IEEE Computer Society. January 4

- 7. – 2006. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.danah.org/papers/HICSS2006.pdf
2. DeAndrea D.C., Shaw S.A. Levine T.R. *Online Language: The Role of Culture in Self-Expression and Self-Construal on Facebook* / David C. DeAndrea, Allison S. Shaw and Timothy R. Levine // *Journal of Language and Social Psychology* - №29 - 2010. - p.425-442.

ПЛАГИАТ В НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ СТУДЕНТА: ЭТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (НА МАТЕРИАЛАХ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Знатнова А.А., Меньшикова И.А. (Барнаул)

В современном информационном обществе мы все время находимся в плену информационно-компьютерных технологий. Широкая доступность информации в цифровой форме породила много конкретных вопросов, касающихся собственности цифровых записей и цифровой информации. Этические вопросы в области компьютерной этики стали весьма актуальны, что породило необходимость их детального изучения. В связи с чем, компьютерная этика (информационная этика) стала необходимой отраслью знаний.

Компьютерная этика молодая научная дисциплина, которая находит ответы на новые требования современного информационного общества. Несмотря на то что изучением компьютерной этики занялись относительно недавно, она уже стала междисциплинарным исследованием, так как данной проблемой сегодня охвачены: IT-специалисты, инженеры, преподаватели, психологи, философы, пользователи компьютерных технологий.

Информационные технологии в современном высшем образовании – это продвижение науки, ее развитие. Вместе с тем качество и конкурентоспособность высшего образования остается под вопросом. Научно-исследовательская работа студентов одна из важнейших форм образовательного процесса, способствующая повышению качества подготовки будущих специалистов, и получению ими новых знаний. Но многие студенты не получают принципиально новых знаний, при ее написании, так как опираются только на возможности интернет-технологий и не уделяют должного внимания при изучении исследуемого вопроса.

При написании работы студентам достаточно скачать или скопировать фрагменты, исследуемой темы. Кроме того, активно работает на рынке услуг - выполнение письменных работ на заказ. Все это послужило распространению студенческого плагиата, которое обусловлено не только развитием Интернета, но и личным отношением студента к данному вопросу. Существуют и другие факторы, влияющие на распространение плагиата в студенческих работах: высокая загруженность преподавательского состава и самих обучающихся, нейтральное отношение общества. Таким образом, письменные работы не несут должного образовательного предназначения.

Несомненно, плагиат может быть непредумышленным: например, он свойствен работам молодых авторов, не знающих всех тонкостей цитирования. Это указывает на необходимость внимательного отношения более опытных исследователей к своим ученикам, необходимо сообщать им не только научные знания, но и высокие этические стандарты. В российских школах и университетах уделяют незаслуженно мало внимания проблеме авторского права, и многие недобросовестные авторы приобретают первый опыт плагиата при подготовке курсовых и дипломных работ. Многие преподаватели ВУЗов не уделяют должного внимания к заимствованию в научных работах студентов, так как главным является, чтобы процент оригинальности отвечал стандартам.

Нельзя не отметить того, что преподаватели должны делать акцент на том, как правильно подойти к написанию работы в целом, а не только к отдельным вопросам, касающимся структуры работы. Отказавшись от копирования фрагментов чужих работ даже на этапе подготовки черновика, вероятно, студенту придется воспользоваться элементами перефразирования. Главное, чтобы это не затянулось, а происходило только на первоначальном этапе, когда обучающийся учится воспринимать новые знания, делать анализ, рассуждать, так как любую полученную информацию необходимо подвергать интеллектуальной переработке, стараться открыть новый взгляд на проблему. Любая научная работа должна содержать выводы, сформулированные самим автором. Исследователи должны уметь правильно оформлять цитаты, не допускать ошибки в выходных данных, использованных в работе источников и нести ответственность за проделанную работу.

Плагиат это серьезная проблема современного высшего образования. Анализ социологических исследований показывает, что большая часть студенческих работ заимствована полностью или в большей части. Для всестороннего раскрытия темы нами было проведено социологическое исследование целью, которого было определить отношение студентов ВУЗа к некорректному заимствованию материалов при написании научно-исследовательских работ. Было опрошено 60 студентов ФГБОУ ВО «Алтайского государственного технического университета имени И.И. Ползунова».

Первый этап исследование подтвердил, что основная ответственность при написании работ студентами возлагается на интернет - технологии. При подготовке к написанию научных работ 73 % респондентов пользуются в основном электронными учебниками и 27 % отметили, что только электронными носителями. Бумажный носитель не указал ни один студент. Обоснование своего выбора студенты объяснили преимуществом электронных источников над бумажными, а именно: копирование необходимого фрагмента текста, удобство навигации по нему, удобство формата и др.

В ходе исследование было выяснено отношение респондентов к факту некорректного использования электронных материалов. Одобрительно относятся к данному явлению 18%, безразлично – 48 %, не одобрительно – 34 %. Таким образом, большинство студентов лояльно относятся к данному факту.

По мнению студентов, распространенным мотивом копирования чужих работ является экономия времени, также неспособность структурировать информацию, работать с источниками, правильно оформлять ссылки и сноски. Студенты проявляют безразличие к написанию научно-исследовательских работ, так как считают это неинтересной и скучной работой. Помимо этого, респонденты указывают на безразличное отношение преподавателей к написанной работе.

Не все студенты воспринимают плагиат как академическое мошенничество, 67 % считают его таковым, 33 % соответственно «нет».

На наличие заимствований в своих работах студенты ответили следующим образом: «не заимствовали никогда или практически никогда» полностью готовый фрагмент работы из сети Интернет – 13 %. Заимствуют, но редко 52 % опрошенных; систематически заимствуют – 27 % студентов, 8 % респондентов затруднились ответить.

Результаты исследования показали, что плагиат как этическая проблема весьма распространенное явления в вузовской среде. Проблема недобросовестного подхода при написании научных работ актуальна и требует решения. Существуют ресурсы по борьбе с плагиатом. Распространенным ресурсом в образовательном процессе является программа «Антиплагиат», которая осуществляют проверку на наличии заимствований в сети Интернет. Даная программа несовершенна, прослеживается ее недоработанность в следующем: плагиатом считаются устойчивые речевые конструкции и цитаты, которые правильно оформлены по стандарту, на основе выданных программой процентов нельзя судить о проделанной работе, также программа работает с ограниченной совокупностью текстов. Система не может заменить квалифицированного специалиста, здесь необходим глубокий анализ научного текста.

Рассуждая о последствиях введения программы «Антиплагиат» респонденты привели следующие размышления: 15 % считают, что повысится спрос на платные услуги по написанию научных работ, 40 % – появятся услуги, которые помогут «обойти» программу и сделать научную работу уникальной, и только 35% считают, что студенты будут добросовестно подходить к написанию научных работ.

Таким образом, при существующем положении трудно говорить о перспективах развития высшего образования. Имеет смысл более детально разработать систему исследовательской деятельности студентов, так как многие вопросы в этой области остаются открытыми. Возможно ли присвоение словосочетания или отдельного предложения; «может ли быть наказано перефразирование чужих мыслей или текстуальное совпадение в тех случаях, когда речь идет о широко известных фактах, явлениях, закономерностях» [1] и т.п.

Правильная работа с электронными источниками, их анализ, оформление ссылок является необходимыми элементами при написании научных работ в системе высшего образования. Воспитание у студентов чувства собственного достоинства – главная prerogativa, сдерживающая некорректное «скачивание» чужих идей и мыслей.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Игумова И.А. (Волгоград)

Современное постиндустриальное общество характеризуется усложнением и усовершенствованием социальных связей и взаимоотношений, возникновением новейших форм коммуникации, таких как Интернет, сотовая связь и т. д. Со временем Интернет из информационной технологии, которая облегчает доступ к информации, превращается в социальную форму взаимодействия между людьми[1]. Вследствие этого в современную цифровую эпоху появился особый вид этики, который носит название информационный. Таким образом, информационная этика представляет собой дисциплину, исследующую моральные проблемы, возникающие в связи с развитием и применением информационных технологий.

Внедрение информационных технологий в повседневную жизнь одновременно и облегчило, и усложнило ее. Безусловно, Интернет объединяет не только множество источников информации в единое целое, но и людей, иначе говоря, благодаря Интернету наша планета становится единым глобальным информационным пространством. Но, однако, распространение технологий имеет и обратную сторону медали: от разного рода зависимостей до этики поведения в Сети.

На данный момент в обобщенном виде можно выделить несколько основных проблем информационной этики: интеллектуальная собственность, безопасность, равный доступ к информационным данным, достоверность и актуальность информации и, непосредственно, правила поведения в Интернете.

Прежде всего, начну с проблемы доступа к информации. Доступ к информации и знаниям включает в себя вопросы всеобщего доступа не только к Интернету, но также к возможности искать и получать в Интернете открытые научные и традиционные знания, а также создавать новую информацию во всех ее видах и формах.[2] На мой взгляд, данный вопрос не должен рассматриваться только как проблема технического доступа к Интернету, потому как использование Сети должно учитывать этические соображения, такие как отсутствие дискриминации по признаку пола, возраста или инвалидности, и определяться этическими принципами. Все вышеуказанное требует принятия инициатив в области свободы информации и создания открытых и сохраняемых источников знаний, а также уважения культурного и языкового разнообразия, и, в свою очередь, параллельного решения проблем неравенства, связанного с доходами, навыками, образованием, полом, возрастом, расовой или этнической принадлежностью или доступом инвалидов.

Следующая проблема, которую бы мне хотелось отметить, это проблема информационной и коммуникационной приватности и связанные с ней сопутствующие вопросы о соотношении принципов свободы и безопасности, и моральная дилемма: контроля и ограничения (т.е. искусственного регулирования) или невмешательства в жизнь сетевого пространства[3]. Например, цифровое наблюдение (мониторинг) в общественных местах должно, по идее, обеспечивать охрану и безопасность, противодействуя случайным или преднамеренным угрозам, ровно как преступные действия или террористические акты. Но в то же время оно угрожает независимости, анонимности и доверию, которые составляют основу демократического общества. Новейшие технологические процессы, позволяющие отслеживать местонахождение отдельных людей, столь же непредсказуемы в плане возможных опасностей и преимуществ. По этой причине они нуждаются в особо тщательном изучении и контроле.

Еще одной проблемой, тесно связанной с вышеизложенной, является вопрос, касающийся статуса интеллектуальной собственности в сфере информационных технологий. Глобальное информационное пространство создает пользователю практически безграничные возможности перемещения по информационным сетям любой информации, никак не ставя в известность об этом ее собственника. По этой причине защита интеллектуальной собственности в таком пространстве является почти неразрешимой проблемой, так как либо неосуществима в техническом и юридическом планах, либо требует больших экономических затрат. Результатом такого положения являются расцвет сетевого пиратства и хакерства, запуск по сетям вирусов, разрушающих компьютерные программы и уничтожающих информацию, сбор различной

информации без ведома лиц и компаний, о которых эта информация собирается. Многие исследователи считают, что проблемы интеллектуальной собственности в глобальной сети должны сначала рассматриваться на этическом уровне, и только потом уже переводиться в правовую и другие сферы[4]. И, к сожалению, как следствие, мы вынуждены констатировать несостоятельность правовой системы в этом вопросе относительно современных реалий.

Немаловажной является проблема преступлений и, как следствие, безнаказанности за девиантное поведение в Сети. На сегодняшний день Интернет-пространство создает у человека ощущение безнаказанности. В особенности данное касается молодого поколения, которому виртуальная реальность предоставляет возможность самостоятельно действовать и проявить себя как личности в мировом масштабе. Примеров девиантного поведения человека в Сети достаточно много, начиная от анонимного хамства и заканчивая хакерством и разработкой вирусных программ. В частности, анонимность воровства и, в особенности, использование украденных кредитных карт в сочетании с отсутствием у многих людей моральных ограничений позволяет утверждать, что сферы и размер такого рода преступлений в процессе расширения Интернет-пространства, к сожалению, будут только возрастать.

И, наконец, последней и самой важной является проблема непосредственно этики поведения в Сети в цифровую эпоху. То есть круг вопросов, включающий в себя, в первую очередь, сетевой этикет, общие правила сосуществования и взаимодействия между сетевыми пользователями, и, наконец, принципы, ценности и устои, сформировавшиеся в рамках виртуального пространства[5]. В этом вопросе, на мой взгляд, существует такое решение, как создание и принятие единого кодекса этики поведения в Интернет-пространстве, переведенного на все языки мира.

В заключение, хотелось бы отметить, что обозначенные мною вопросы, безусловно, не исчерпывают собой проблем информационной этики и использования информационно-коммуникационных технологий. Это лишь перечень того, что на данном этапе современного общества является наиболее актуальным, достоверным и востребованным. В последние годы можно отметить новую волну активности и инициативности, становится отчетливо видно, как в научной мысли (как отечественной, так и зарубежной) снова пробуждается интерес к проблематике информационной этики. Несомненно, это связано с тем, что передовые технологии уже прочно вошли и закрепились в нашей повседневной жизни, и назрела потребность уже не только в теоретических аспектах и прогнозах, но и в обдуманных решениях касательно практических вещей, которые напрямую влияют на существование и развитие социума. Вследствие чего будет обоснованным надеяться и ожидать каких-либо концептуальных действий, исследований в плане проработки как существующего круга проблем, так и дальнейшего вклада в новые перспективные исследования.

1) Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и о-ве / Мануэль Кастельс ; [пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова]. – Екатеринбург : У-Фактория : Изд-во Гуманитарного ун-та, 2004. – 327 с.

2) Малюк А. А., Полянская О. Ю., Алексеева И. Ю. Этика в сфере информационных технологий. М.: Горячая линия — Телеком, 2011.

3) Галинская И. Л., Панченко А. И. Этико-правовое пространство информационно-компьютерных технологий // Новые инфо-коммуникационные технологии в социально-гуманитарных науках и образовании. М.: Логос, 2003. С. 112–132.

4) Савинцева М. Правовая защита персональной информации граждан в России // Законодательство и практика масс-медиа. 2006г. Вып. 9 сентябрь.

5) Алексеева И. Ю., Сидоров А. В., Шклярник Е. Н. Компьютерная этика: история, проблемы, перспективы. М.: Нанотехнополис, 2008.

ПОКАЗАТЕЛИ КОМПЬЮТЕРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Ковалева Г.А., Мехова А.А. (Череповец)

Достаточно новой разновидностью нехимических зависимостей является компьютерная зависимость. Тема эта по-настоящему острая, поскольку данное явление затрагивает огромные массы людей всех возрастов и социальных положений. «Зависимые от компьютера чаще испытывают дистресс как минимум в одном из пяти сфер: социальной, профессиональной, учебной, финансовой или физической. Развитие компьютерной зависимости может быть

обусловлено разными факторами: процессом печатания, средой коммуникации, отсутствием межличностного общения, социальной активностью в сети (чаты, компьютерные игры)»[3].

В ходе исследований по компьютерным зависимостям были обнаружены многие типичные для такого рода аддиктов характеристики социально-демографического плана. «Согласно исследованию клинического психолога Kimberly Young (University Pittsburgh, Bradford), распространенность Интернет аддикции подобна патологической зависимости от азартных игр. Нужно отметить, что у специалистов компьютерных технологий этот вид зависимости развивается чаще, чем у лиц гуманитарных профессий или без высшего образования» [3, С.58]..

Компьютерная аддикция предполагает существование в образе жизни человека специфической и значимой среды – виртуальной реальности, затмевающей своим влиянием реальную. «Виртуальная реальность - высокоразвитая форма компьютерного моделирования, которая позволяет пользователю погрузиться в искусственный мир и непосредственно действовать в нем с помощью специальных сенсорных устройств, которые связывают его движения с аудиовизуальными эффектами. При этом зрительные, слуховые, осязательные и моторные ощущения пользователя заменяются их имитацией, генерируемой компьютером» [3, С.114]. С точки зрения виртуальности реальность превращается в искусственный конструкт, сама личность становится только пародией. Виртуальность продуцирует потерю ощущение настоящего и времени вообще, наличие данного симптома – один из важнейших сигналов при диагностике аддикции. Особенно, данный ярко компонент проявляется в пространстве гиперссылок, когда один элемент компьютерной реальности ведёт к другому по внутренним и внешним связям того или иного ресурса до бесконечности.

Юрьева описывает одну из причин этого состояния на примере веб-сёрфинга: «следующая удивительная особенность психики, которая проявляется в Интернете, называется «эффект дрейфа цели». Во время поиска информации («информационный вампиризм») первоочередная цель замещается другой, более или менее связанной с предыдущей, но отмечается информационная нагрузка, нарушение ощущения времени, отвлечения от окружающей среды. Авторы отмечают одновременное возникновение «эффекта азарта», то есть привлечение в сам процесс поиска информации, во вред ее изучению, анализу и синтезу. Акцент смещается с аналитической деятельности на поисковую активность, которая является более архаичной и менее энергоёмкой. Среди этой категории по понятным причинам особый вес имеют игровые зависимости. Юрьева отмечает: «современные компьютерные игры все совершеннее имитируют реальность, а с каждым скачком в области компьютерных технологий растет количество людей, которых называют «компьютерными фанатами» или «гэймерами» (от англ. Game - игра). Полностью погружаясь в игру и достигая в ней определенных успехов, человек таким образом виртуально реализует большую часть существующих потребностей» [4, С.102]..

Н. И. Алтухов и К. Ю. Галкин выделяют следующие признаки и симптомы компьютеромании:

- изменение актуального психического состояния в сторону эйфории при контакте с компьютером или «предвкушении» контакта;
- исчезновение контроля времени, проводимого за компьютером;
- стремление к увеличению времени взаимодействия с компьютером;
- раздражение, угнетенность, ощущение «пустоты» при невозможности контакта с компьютером;
- использование компьютера или игровой приставки для изменения актуального психического состояния со знака «-» на знак «+»;
- возникновение проблем во взаимоотношениях в микро- социальных группах;
- вегето-висцеральные признаки (сухость глаз, запоры, исчезновение аппетита)» [1]..

Следует сделать акцент на первых признаках зависимо поведения от компьютера:

1. Навязчивое желание деятельности за компьютером.
2. Постоянное ожидание следующей работы за компьютером.
3. Жалобы окружающих на то, что человек проводит слишком много времени за компьютером.
4. Жалобы окружающих на то, что человек расходует слишком много денег на Интернет, на работу компьютера»

Основными критериями игровой зависимости, большинство специалистов считают:

- Нежелание отвлечься от игры;

- Раздражение при вынужденном отвлечении;
- Неспособность спланировать окончание сеанса игры;
- Расходование больших денег на обеспечение постоянного обновления игр и устройств компьютера;
- Забывание о домашних делах, учебе, встречах в ходе игры на компьютере;
- Пренебрежение собственным здоровьем, гигиеной, сном;
- Злоупотребление кофе, энергетическими напитками и другими подобными психостимуляторами;
- Готовность удовлетвориться нерегулярной, случайной и однообразной пищей, не отрываясь от компьютера;

Основные пять типов Интернет-зависимости, которые были выделены психологом М.И. Дрепой, характеризуются следующим образом:

1. Киберсексуальная зависимость (непреодолимое влечение к посещению порносайтов и занятию киберсексом);
2. Пристрастие к виртуальным знакомствам (избыточность знакомых друзей в Сети);
3. Навязчивая потребность в сети (игра в онлайн-азартные игры, постоянные покупки или участия в аукционах);
4. Информационная перегрузка (бесконечные путешествия по Сети, поиск информации по базам данных и поисковым сайтам);
5. Сетевые игры (навязчивая игра в различные компьютерные игры по сети) [2].

Исследователи приводят различные критерии, по которым можно судить об Интернет-зависимости. Так, Кимберли Янг приводит четыре признака:

1. Навязчивое желание проверить e-mail;
2. Постоянное желание следующего выхода в Интернет;
3. Жалобы окружающих на то, что человек проводит слишком много времени в Интернете;
4. Жалобы окружающих на то, что человек тратит слишком много денег на Интернет [9].

Более развернутую систему критериев приводит Айвен Голдберг. По его мнению, можно констатировать Интернет – зависимость при наличии 3 пунктов из следующих:

1. Количество времени, которое нужно провести в Интернет, чтобы достичь удовлетворения (иногда чувство удовольствия от общения в сети граничит с эйфорией), заметно возрастает;
2. Если человек не увеличивает количество времени, которое он проводит в Интернет, то эффект заметно снижается;
3. Пользователь совершает попытки отказаться от Интернет или хотя бы меньше проводить в нем меньше времени;

Прекращение или сокращение времени, проводимого в Интернет приводит пользователя к плохому самочувствию, которое развивается в течении от нескольких дней до месяца и выражается двумя или более факторами: эмоциональное и двигательное возбуждение, тревога, навязчивые размышления о том, что сейчас происходит в Интернет, фантазии и мечты об Интернете, произвольные или непроизвольные движения пальцами, напоминающие печатание на клавиатуре [4]. Наиболее интересным нам представляется проблема компьютерной зависимости у подростков, особенно отбор индикаторов для ее более раннего выявления.

1. Алтухов Н. И. Зависимость от компьютерной виртуальной реальности / Н. И. Алтухов, К. Ю. Галкин // XIII съезд психиатров России: (материалы съезда). - М., 2000. - С. 285-286.

2. Дрепа, М. И. Интернет-зависимость как объект научной рефлексии в современной психологии // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 2. С. 189–193.

3. Янг К. Диагноз Интернет-зависимость / К. Янг // Мир Интернет. 2008. - № 2. - С. 24-29.

4. Юрьева, Л.Н., Ботьбот Т.Ю.

Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика: Монография.— Днепропетровск: Пороги, 2006.-196 с.

АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ К ЖЕНЩИНЕ-ПОЛИТИКУ В РФ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ САWI-ОПРОСА

Логиновских У.Е. (Екатеринбург)

Аннотация: Статья посвящена анализу социологического исследования, проведенного в городе Екатеринбурге в 2016 г. Представленный анализ основан на материалах САWI – опроса. Проанализированы сложившиеся стереотипы о «женских» и «мужских» ролях в политической сфере российского общества, значимость гендерных ролей в политико – управленческой сфере, причины низкой представленности женщин на значимых должностях в политике РФ. Основной вывод исследования: влияние стереотипов, истории, культуры привело к тому, что в обществе на сегодняшний день отсутствует желание изменить представления о «женских»/ «мужских» сферах деятельности.

На сегодняшний день в Российской Федерации не существует законодательных актов, которые бы ограничивали участие женщин в политике. Но в действительности, есть негласная дискриминация, которая не даёт проникнуть женщине в высшие эшелоны власти, на значимые политические должности. В российской науке изучаются проблемы равноправия полов в политической сфере общества. Наиболее подробно эти вопросы рассматривают следующие ученые: Айвазова С.Г., Хвостов В.М., Смирнова О.В., Здравомыслова О.М., Чирикова А.Е., Хасбулатова О.А., Хвостов В.М., Шведова Н.А. и другие.

Существует множество факторов, которые определяют неравенство полов в политической жизни России. Мы разделяем мысли И.Кона о том, что «характер общественных взаимоотношений между полами зависит не только и не столько от самого полового разделения труда, круга специфических обязанностей мужчин и женщин, сколько от распределения власти, меры общественного признания престижности мужских и женских занятий» [1]. Ученый выделяет то, что женская политика преимущественно зависит от общественного мнения. А на данный момент в нашей стране нет общественного признания женской политики и карьеры. В наши дни в общественном сознании существует глубокая асимметрия в критериях оценки женщин и мужчин как руководителей, политических деятелей. Часто непросто воспринимается способность женщин к лидерству, самостоятельности, объективности, масштабности мышления, политическому манёвру. Издавна эти качества считаются мужскими[2].

Для изучения отношения к женщине – политику, мы провели САWI-опрос среди жителей г. Екатеринбурга (декабрь 2016г.). В исследовании приняли участие 162 человека, из них 83 (51,2%) мужчины и 79 (48,8%) женщин.

На вопрос: Кто более способен на управленческую деятельность? – ответы были следующие: 2/3 респондентов (66,0%) считают, что способность заниматься управленческой деятельностью не зависит от пола.

Почти каждый третий (30,9%) опрошенный уверен, что мужчины более способны на деятельность управленца, чем женщины. И лишь 5 респондентов (3,1%) выбрали вариант ответа, что женщины более способны, чем мужчины заниматься управленческой деятельностью.

Таким образом, преобладающим является мнение об отсутствии влияния пола на способность заниматься управленческой деятельностью. Однако соотношение представленных в этом индикаторе полярных значений (30,9% к 3,1%), свидетельствует о том, что в российском обществе довольно широко распространены стереотипные представления о том, что мужчина по своей природе обладает большим потенциалом к управлению, чем женщина.

Далее, участникам опроса предлагалось выбрать не более 3 вариантов ответа, отвечая на вопрос: «Какие недостатки у женщин – политиков по сравнению с мужчинами – политиками?». Лидирующие позиции занимают: «отсутствие доверия к женщинам в обществе» - 85,2%, «непрофессионализм» - 44,4%, «другой склад ума\другая логика» 36,4%. Очевидно, что абсолютное большинство опрошенных отмечают, что в нашем обществе нет доверия к женщинам – политикам. В связи с существующими в обществе предрассудками женщинам в гораздо большей степени приходится постоянно доказывать, что они способны решить стоящие перед ними задачи рационально. Система является во многом самоподдерживающейся, т.к. руководители-мужчины склонны продвигать карьеры мужчин. Однако, согласимся с мнением Чириковой А.Е. и Лапиной Н.Ю., что «несмотря на недоверия общества к женщинам, сдвиги уже происходят: женщины присутствуют и в бизнесе, и в политике, правда, пока в небольших городах, где уровень конкуренции невысок. Распространится ли этот процесс в перспективе на областные столицы, а вслед за ними и на региональные парламенты, покажет время»[3].

В ходе нашего исследования было выяснено, что известных мужчин – политиков в России определено больше, чем женщин – политиков. Говоря о политике, людям чаще приходят на ум мужские персоны. В связи с чем, политика ассоциируется с «мужской» сферой деятельности. Участникам опроса предлагалось ответить на открытый вопрос о персонах в политике РФ. Им предлагалось вписать имена известных мужчин – политиков, затем женщин – политиков.

В итоге, было названо 32 мужских имени и только 20 имен женщин. Так же видна разность в частоте названных имен. Женские имена называли 369 раз, в то время как частота мужских имен в 1,5 раза выше – 551. Это говорит о низкой представленности в сфере политики женщин. Некоторые ученые считают, что политика, есть подобие войны между различными группами населения. А война – прерогатива мужчин. На фронте женщины тоже есть, но не на командных должностях. Во всяком случае, среди людей, принимающих решения, женщин практически не наблюдается. Принято, что чем выше по лестнице власти, тем женщин меньше.

Что же влияет на низкую представленность женщин в политике? Для ответа на этот вопрос был представлен список факторов, которые могут влиять на низкую представленность женщин в политике. Участникам опроса предлагалось проранжировать факторы по степени важности. Таким образом, самой влияющей оказалась исторически сложившаяся ситуация, что в политике должны быть именно мужчины, далее следует фактор природных качеств женщины, не позволяющих ей быть у власти, так как она не имеет качеств, соответствующих политикой. Психологический страх женщины борьбы за власть – был назван наименее важным фактором, влияющим на низкую представленность женщин в политике России. Действительно, на протяжении истории власть была в основном в руках мужчин. Даже когда императрицами в России были женщины (Екатерина Первая, Анна Иоанновна, Елизавета Первая, Екатерина Вторая) многие государственные вопросы решали фавориты-мужчины.

Таким образом, результаты исследования показали, что многолетняя традиция управления государством под руководством мужчины, укоренила представление общества о том, что женщине будет непросто справиться с обязанностями управленца в высших эшелонах власти. Этот исторически сложившийся стереотип достаточно распространён и влияет на активное участие женщины в политической жизни страны. Не удивительно, что многие отмечают нехватку достойных кандидатов – женщин на должность будущих политиков.

Отсутствие доверия к женщинам в российском обществе подталкивает женщин находить себя в других, «женских» областях деятельности. Это, в свою очередь, оставляет в массовом сознании видение, что политика – сфера деятельности в большей степени мужчин, не женщин.

1. Кон И.С. Введение в сексологию. М., 1988. С.89

2. Шинелева Л. Т. Введение // Опыт партийных комитетов по изучению социально-политических проблем женщин (сборник исследовательских документов). / АОН при ЦК КПСС. М., 1990. С. 5.

3. Чирикова А.Е., Лапина Н.Ю. ИНАБ №3 - 2009. Женщина на высших этажах власти. Российские практики и французский опыт М.: Институт социологии РАН, 2009. С. 24

ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА ДЛЯ ОБРАБОТКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПРОСА ПО ВИЧ – ИНФЕКЦИИ

Любимова А.И. (Санкт-Петербург)

Аннотация

В настоящем анализе представлен опыт применения геоинформационных систем к анализу результатов био-поведенческого исследования в контексте изучения распространения ВИЧ. С помощью выборки, управляемой респондентом, в 2012-2013 гг. мы опросили 811 потребителей инъекционных наркотиков, протестировали их на ВИЧ-инфекцию и присвоили каждому респонденту геотэг по перекрестку, ближайшему к месту проживания. С помощью программ ArcMap и SatScan мы визуализировали и математически протестировали гипотезу о кластеризации ВИЧ - инфицированных респондентов. Метод выявления кластеров с помощью модели Бернулли оказался более чувствительным к настоящему предмету исследования, чем метод кластерного анализа использованием модели Пуассона.

Введение

Эпидемия ВИЧ-инфекции в России представляет собой актуальную проблему для общественного здравоохранения. На конец 2014 года небезопасное потребление инъекционных наркотиков оставалось основной причиной заражения ВИЧ-инфекцией в стране. В 2014 году из

числа людей, с поставленным диагнозом ВИЧ, где был известен способ передачи (что составляет около половины случаев), 56% были инфицированы в результате употребления инъекционных наркотиков[1]. Особо актуальным становится анализ развития эпидемии в данной группе с помощью современных методов, объединяющих анализ поведенческих индикаторов, полученных с помощью опросных методов, с инновационными видами анализа, такими как сетевой и пространственный.

Целью настоящего исследования является оценка потенциала применения методов пространственного кластерного анализа для описания распространения ВИЧ.

Методы

Опрос потребителей инъекционных наркотиков, связанный со сбором биологических образцов (тестов на ВИЧ –инфекцию) и геоданных, производился с ноября 2012 года по июль 2013 года. Выборка формировалась с использованием социальных сетей респондентов, а именно, с помощью метода выборки, управляемой респондентом[2]. Опросный лист включал вопросы, имеющие отношение к настоящему анализу: ВИЧ статус (самоотчет, использование услуг), перекресток, ближайший к месту проживания респондента.

Базовые карты были получены с сайта ГИС-лаб, конвертирующего файлы из Open Street maps. Все карты и анализ использовали систему координат WGS 1984, окончательные карты формировались в ArcMap(10.2). Файлы с точками пространственных координат, сообщенных респондентами, формировались напрямую в программе. Для всех основных вычислений (например, частотного анализа респондентов, проживающих в районах) использовалось объединение точечного слоя гео-координат и слоя районов базовой карты. Все остальные частоты были рассчитаны с использованием программного обеспечения SPSS 16.

Расчеты для кластерного анализа по моделям Бернулли и Пуассона были реализованы в SaTScan™. Для каждого метода программное обеспечение использует движущееся окно с изменяющимся диаметром для оценки кластеров и вычисляет количество наблюдаемых и ожидаемых случаев, и, в свою очередь, вычисляет функцию правдоподобия для каждого окна, форма которого отличается в зависимости от предполагаемого распределения [4]. Модель Бернулли использует две когорты: случаев и контролей [3] (ВИЧ + и ВИЧ -), чтобы определить, есть ли значимые кластеры распределения случаев в сравнении с распределением контролей. Модель Пуассона использует сравнение случаев (ВИЧ+) и общей популяции респондентов в районе.

Результаты

Всего в опросе участвовали 811 потребителей наркотиков. Более трех четвертей выборки (77,8%) пришлось на долю мужчин. Возраст респондентов: Me = M = 32 ($\sigma = 4,4$). 708 (87,3%) респондентов ответили на вопрос о перекрестке, ближайшем к месту проживания, и были включены в геостатистический анализ.

Результаты быстрых тестов показали, что 55,7% (N = 452) выборки приходится на людей, живущих с ВИЧ. Пораженность ВИЧ составила 40% и выше для большинства районов, в которых были респонденты. Визуально ВИЧ – инфицированные респонденты равномерно распределились между районами с одним возможным кластером на северо-востоке карты (пространство вокруг границы Калининского района и Красногвардейского района).

Анализ кластеров с использованием модели Бернулли выявил 8 кластеров, но только один был статистически значимым ($p = 0,00753$, количество единиц в кластере - 22). Эта же группа точек наблюдалась визуально (к северо-востоку Калининского района, распространяясь в Красногвардейский район).

Пуассоновский кластерный анализ выявил два кластера, оба не имели статистической значимости (кластер № 1, $p = 0,625$, № 74, кластер № 2. $p = 0,75$, № 51), что также соответствует визуальному осмотру карты и статистическому смыслу этого типа кластерного анализа.

Выводы

Визуальный осмотр и кластерный анализ показывают кластер ВИЧ-инфекции в северо-восточной части города. Метод кластерного анализа Бернулли был более чувствительным, чем метод кластерного анализа Пуассона, поскольку он непосредственно использует данные о местоположении респондентов (случаев и контролей).

2. Heckathorn D. D. SNOWBALL VERSUS RESPONDENT-DRIVEN SAMPLING //Sociological methodology. – 2011. – Т. 41. – №. 1. – С. 355.
3. Kulldorff M. SaTScan user guide for version 9.3. – 2014.
4. Warden C. R. Comparison of Poisson and Bernoulli spatial cluster analyses of pediatric injuries in a fire district //International Journal of Health Geographics. – 2008. – Т. 7. – №. 1. – С. 51.

ЭЛЕКТРОННЫЕ СМИ И ИХ РОЛЬ В ПОДГОТОВКЕ К ЧЕМПИОНАТУ МИРА ПО ФУТБОЛУ FIFA 2018 (ПО ДАННЫМ КОНТЕНТ-АНАЛИЗА)

Машнина А.М. (Волгоград)

***Аннотация.** Одной из наиболее важных особенностей современной системы массовой коммуникации и рынка масс-медиа является активное и интенсивное развитие социальных медиа, которые, в свою очередь являются одним из наиболее доступных средств распространения различного рода информации. Социальные медиа находятся в центре внимания специалистов различных направлений (маркетологов, политологов, социологов), что свидетельствует о разноаспектности данного феномена.*

Социальные медиа оказывают существенное влияние на смену практик медиапотребления и формирование уже новых типов целевой аудитории. Социальные медиа вывели распространение общественно важной информации на качественно новый уровень, который связан с возможностью индивидуального поиска интересующей тематики. Поколение молодых людей (интернет-поколение) имеет более высокий уровень технологической подготовки по сравнению с предыдущими поколениями, оно более открыто и активнее использует Интернет в своей жизни. Новое поколение находится в мире социальных медиа.

В 2018 г. в России впервые пройдет Чемпионат мира по футболу. Подобный международный турнир является не только спортивным мероприятием, но и катализатором социальных изменений в интернет-СМИ, ведь данная тема поднимается многими источниками. Социальные медиа в данном случае выступают как объект изучения и исследовательское поле. В современных условиях качественная и эффективная подготовка к международному мероприятию невозможна без применения информационных технологий и освещения событий в медиапространстве. В данной статье приводятся результаты контент-анализа электронных СМИ, а именно исследования медийной заметности темы чемпионата мира по футболу 2018 в электронных средствах массовой информации.

Проведение Чемпионата мира по футболу 2018, которое является масштабным мероприятием, служит возможностью вывести бренд данного события на новый уровень, что является возможным только при активной работе в медиапространстве, а именно посредством активной публикации данной тематики в социальных медиа. Социальные медиа представляют собой вид массовой коммуникации посредством Интернет-ресурсов. Посредством электронных СМИ мы можем сформировать определенный имидж. Например, положительный имидж такого события как Чемпионат мира 2018 необходим не только для однократного привлечения туристов, так как он влияет на различные стороны долгосрочного государственного развития, на экономику, культуру и поведение россиян. В медиапространстве между городами-организаторами ведется символическое состязание по ряду критериев: количество упоминаний города как организатора Чемпионата мира в СМИ и социальных медиа, качество информационных поводов, распределение сообщений по уровням и категориям СМИ, тональность сообщений.

Анализ социальных медиа был проведен в июне–августе 2017 г. с помощью метода контент-анализа, в ходе которого были охвачены следующие электронные СМИ: «Российская Газета», «Lenta.ru», «ТАСС». В ходе исследования подсчитывались упоминания определенных категорий в контексте ЧМ 2018 по футболу. Упоминанием считалось одновременное присутствие в сообщении ряда категорий. Семантическое ядро всех публикаций составляют следующие категории: «футбол», «футболисты», «FIFA», «Чемпионат мира по футболу», «безопасность на чемпионате мира по футболу 2018», «спортивный имидж России», «Стадионы ЧМ-2018». (рис. 1).

Название источника	«футбол»	«футболис-ты»	«FIFA»	«Чемпионат мира по футболу»	«безопасность на чемпионате мира по футболу 2018»	«спортивный имидж России»	«Стадионы ЧМ-2018»
https://rg.ru/	0,9%	4,0%	1,6%	16,8%	1,3%	0,4%	75,0%
http://tass.ru/	1,1%	3,5%	1,9%	18,2%	1,5%	0,4%	73,4%
https://lenta.ru/	0,7%	4,2%	2,0%	18,6%	1,0%	0,5%	73,0%

Рис. 1 Доля упоминаний категорий в электронных СМИ, % (данные получены с помощью мониторинга <https://rg.ru/> ; <http://tass.ru/> ; <https://lenta.ru/> за период 01.06.2017—31.08.2017)

Мониторинг показал, что социальные медиа репрезентируют информацию следующим образом: наиболее часто упоминаемая категория во всех трех источниках – «Стадионы ЧМ-2018», после нее со значительной разницей в процентном соотношении располагается «Чемпионат мира по футболу 2018», а наименьшая частота упоминаний приходится на следующие категории: «футбол», «спортивный имидж России». Основной контент в социальных медиа о предстоящем футбольном Мундиале формируют статьи электронных СМИ. Данный тип контента имеет нейтральную или положительную эмоциональную окраску (см. Рис.2).

Название источника	Общее количество сообщений	Нейтральные сообщения, %	Позитивные сообщения, %	Негативные сообщения, %
«Российская Газета»	48	14	31	3
«Lenta.ru»	89	15	72	2
«Тасс»	84	22	62	0

Рис.2 Отношение автора к событию (положительное, отрицательное, нейтральное), %

Медийную заметность бренда можно интерпретировать в двух аспектах: 1) как целенаправленную работу официальных структур в медиапространстве (информационная активность, инициирование инфоповодов, создание контента, формирование инфраструктуры в виде сайтов и сообществ в социальных медиа), и 2) как стихийно создаваемый различными авторами медиаобраз темы. Две эти сферы имеют очевидную взаимосвязь и взаимовлияние, поэтому нет смысла исследовать их по отдельности. Медийная заметность бренда влияет не только на имидж события, но и на реальные аспекты его развития.

Характеризуя медийную заметность ЧМ 2018, можно сделать следующие выводы. Во-первых, медиапространство России можно назвать гомогенным в том смысле, что все исследуемые статьи в социальных медиа выпускались с примерно одинаковой интенсивностью. Освещенность данной темы в социальных медиа достаточно высокая (221 статья за данный период). Встречались и такие статьи, в которых отсутствуют лаконичность и краткость повествования, что указывает на высокую степень заинтересованности автора. Во-вторых, количество упоминаний города-организатора не имеет определяющего значения при оценке медийной заметности бренда в контексте ЧМ 2018. В-третьих, для современного медиапространства характерно большое количество перепечаток в общем массиве информационных сообщений. Следовательно, для повышения медийной заметности социальные медиа должны делать акцент на оригинальные и качественные материалы, которые приобретают большую ценность среди аудитории.

1. ВЦИОМ. Чемпионат мира по футболу -2018: три года до старта [Электронный ресурс] // Пресс-выпуск. 2015, 23 июля. № 2887. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115328> (дата обращения: 29.08.17).
2. Яндекс. Новости в интернете: СМИ и читатели [Электронный ресурс] // Исследования Яндекса. URL: https://yandex.ru/company/researches/2014/ya_news (дата обращения: 29.08.17).

3. Градюшко А. А. Приемы использования инструментов социальных медиа в современной региональной веб-журналистике Беларуси // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015.

№ 5. С. 9–14.

4. Маркетинг в социальных медиа. Интернет-маркетинговые коммуникации / Под ред. Л. А. Данченко. СПб.: Питер, 2013. 288 с.

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ DATA SCIENCE

Меньшикова А.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация

Представленная работа описывает процесс профессионализации сферы Data Science. С начала 2000-х годов наблюдается стремительный технологический рост данной сферы, однако потребность в пласте специалистов, которые могли бы применять новые инструменты, не могла быть удовлетворена в короткий срок. Вследствие этого новые компетенции и навыки стали осваивать специалисты из других областей. На основе предыдущего профессионального опыта специалистов, которые работали как data scientist'ы на момент проведения исследования, были сделаны выводы об основных процессах, которые обеспечили становление новой области. С помощью анализа резюме 5000 специалистов методом структурного тематического моделирования было выявлено, что сферы программирования, менеджмента, финансов и работы с клиентами являются основными поставщиками профессионалов в Data Science.

Введение

Data Science или наука о данных – сравнительно новая область профессиональной деятельности, которая получила развитие после появления технологий хранения и обработки больших массивов цифровой информации, а так же парадигмы Big Data в начале 2000-х годов [Waller, Fawcett, 2013]. Появление методов работы с большими данными произвели революцию в академии, индустрии, сфере услуг [Chang, Kauffman, Kwon, 2014; Waller, Fawcett, 2013; Howe и др., 2008]. Стремительный рост технологий и эффективность решений, осуществимых с помощью новых инструментов, предоставленных Data Science, стали причиной повышения спроса на специалистов, способных с такими инструментами работать. Данную тенденцию может проиллюстрировать отчет корпорации McKinsey за 2011 год, который говорит о нехватке к 2018-му году от 140 до 190 тысяч специалистов, владеющих техниками продвинутой аналитики на территории США [Manuika и др., 2011].

Первые специализированные магистерские программы по Data Science появились только в 2013 году в Данди (Великобритания), в Окленде (Новая Зеландия) и в университете Южной Калифорнии (США). Сейчас ситуация несколько поменялась: на данный момент по версии сайта kdnuggets.com в США и Канаде насчитывается более 100 образовательных направлений, в основном это магистерские и аспирантские программы; в Европе – более 60 таких программ; в Азии – 16 программ [Education in Analytics, Data Science, Machine Learning]. Портал bachelorsportal.eu предлагает 72 бакалаврские программы, которые отнесены на сайте в категорию Data Science and Big Data [Search Bachelor's Programmes Worldwide - BachelorsPortal.eu]

Очевидно, образовательный рынок не способен за короткий срок покрыть потребности рынка труда, что провоцирует разрыв между спросом работодателей и предложением дипломированных специалистов. Вследствие продуктивности использования методов Data Science и высоких экономических выгод от применения новой технологии, новая сфера стала постепенно осваиваться специалистами из других профессиональных областей еще до того, как появились первые курсы и образовательные программы. Это явление стало основным для рассмотрения и описания в представленной работе.

Система карьерных траекторий и образовательных треков не способна сложиться за сравнительно короткий период, что, безусловно может являться причиной медленного удовлетворения потребностей рынка труда и сложностей с выстраиванием профессиональных планов для новых специалистов. Оптимизация таких процессов требует глубокого анализа состояния новой профессиональной сферы на данный момент. В данной работе рассматривается, как происходило формирование Data Science с точки зрения предыдущего профессионального опыта пришедших в нее специалистов.

Теория

Главным теоретическим обоснованием для анализа процесса профессионализации является подход, который предложил Эндрю Эббот в своей книге «The System of professions». Ученый утверждает, что все возможные рабочие задачи представляют собой континуум, где сходные по

принципу необходимых для их решения навыков задачи будут находиться близко друг к другу. Рабочие задачи разграничены юрисдикциями разных профессий, однако специалисты часто борются за то, чтобы включить в свою юрисдикцию наиболее выгодные для социальных и экономических успехов задания, вследствие чего границы сдвигаются. Наиболее часто ситуации профессиональной конкуренции за рабочие задачи возникают в ситуации появления новых знаний или технологий. Университетское образование, как говорит Эббот, дополнительно воспроизводит границы профессиональных юрисдикций и указывает на успешность проекта новой профессии [Abbott, 1988].

Данные и методы

Чтобы проанализировать профессиональный опыт, который был накоплен специалистами до того момента, как они перешли в Data Science и рассмотреть процесс трансформации границ профессиональных юрисдикций, решено было использовать в качестве источника данных резюме работников. Поэтому с одного из крупнейших сайтов по поиску работы, indeed.com, было собрано порядка 5000 резюме специалистов, навыки и компетенции которых позволили определить их как работников сферы Data Science. Собранные резюме покрывают период с 2000 по 2016 год. Набор навыков и компетенций, использованных для отбора релевантных резюме, был позаимствован из аналитического отчета платформы indeed.com, который составил Роберт Мюнхен из Университета Теннесси [Muenchen, 2017; How to Search for Data Science Jobs, 2014]. Резюме представляют собой полуструктурированные тексты, где содержится информация о каждой карьерной позиции: название должности, краткое описание деятельности на рабочем месте, дата начала и дата окончания службы на рабочем месте. Анализ описаний рабочей деятельности и периода, в который она осуществлялась, позволяют сделать выводы о том, как были устроены тренды переходов из одной профессиональной области в другую.

Эффективной и популярной техникой для работы с большим текстовым корпусом является автоматизированная обработка текстов. В данной работе был использован метод STM (Структурное тематическое моделирование), который позволяет создавать на основе коллекции текстов тематическую модель, где в создании тем участвуют дополнительные переменные: в данном случае был использован период времени (2000-2005, 2006-2010, 2011-2016). С помощью тематической модели, которая показывает значимо высокую или значимо низкую встречаемость темы в определенном интервале времени можно проследить, насколько определенные компетенции, программное обеспечение или формат работы был актуален и как происходили изменения с течением времени.

Результаты и выводы

Таким образом, на основе анализа корпуса карьерных позиций была построена модель из 75-ти тем. После анализа и интерпретации каждой, темы были объединены в группе на основе сферы или типа деятельности: получилось 7 групп, количество тем внутри которых существенно различается. Итак, темы были объединены в следующие группы: Анализ данных – 10 тем; Командная работа – 4 темы; Менеджмент – 14 тем; ПО, разработка и тестирование – 20 тем; Работа с клиентами – 9 тем, Тренинг и образование – 8 тем, Финансы и экономическая эффективность – 10 тем. Что касается временных интервалов, основные изменения устроены следующим образом: по сравнению с базовой категорией, 2000-2005 г. г. значимо чаще в период 2011-2016 встречаются навыки и компетенции, которые относятся к группам: Анализ данных, Командная работа, Финансы и экономическая эффективность, Тренинг и обучение. Значимость навыков из следующих групп становится значимо ниже в этом же временном отрезке: ПО, Разработка и тестирование; Менеджмент.

Обобщая полученные результаты с опорой на теорию, можно сделать перечисленные ниже выводы. Во-первых, появление набора новых рабочих задач привлекло в Data Science специалистов из сферы программирования, финансов, менеджмента и работы с клиентами. Именно эти области делят между собой границы профессиональных юрисдикций, отсюда пришли специалисты в новую сферу. Далее, группа тем Командная работа указывает на популярность такого способа работы при решении рабочих задач в Data Science, Тренинг и обучение – на присутствие в новой сфере представителей академии и необходимость обучения новых специалистов в процессе работы. Таким образом, наличие межпрофессиональной конкуренции и резкий рост образовательных возможностей говорит об успешности проекта новой профессии в терминах Эндрю Эббота.

- Abbott, A. 1988. *The System of Professions: An Essay on the Division of Labor*. University of Chicago Press.
- Chang, Ray M., Robert J. Kauffman, and YoungOk Kwon. 2014. 'Understanding the Paradigm Shift to Computational Social Science in the Presence of Big Data'. *Decision Support Systems*, 1. *Business Applications of Web of Things* 2. *Social Media Use in Decision Making*, 63 (July): 67–80. doi:10.1016/j.dss.2013.08.008.
- 'Education in Analytics, Data Science, Machine Learning'. 2017. Accessed May 29. <http://www.kdnuggets.com/education/index.html>.
- 'How to Search for Data Science Jobs'. 2014. *r4stats.com*. February 21. <http://r4stats.com/articles/how-to-search-for-data-science-jobs/>.
- Howe, Doug, Maria Costanzo, Petra Fey, Takashi Gojobori, Linda Hannick, Winston Hide, David P. Hill, et al. 2008. 'Big Data: The Future of Biocuration'. *Nature* 455 (7209): 47–50. doi:10.1038/455047a.
- Manyika, James, Michael Chui, Brad Brown, Jacques Bughin, Richard Dobbs, Charles Roxburgh, and Angela Byers. 2011. 'Big Data: The next Frontier for Innovation, Competition, and Productivity', May. http://www.mckinsey.com/Insights/MGI/Research/Technology_and_Innovation/Big_data_The_next_frontier_for_innovation.
- Muenchen, Bob. 2017. 'Data Science Job Report 2017: R Passes SAS, But Python Leaves Them Both Behind'. *r4stats.com*. March 1. <http://r4stats.com/2017/02/28/r-passes-sas/>.
- 'Search Bachelor's Programmes Worldwide - BachelorsPortal.eu'. 2017. Accessed May 29. <http://www.bachelorsportal.eu/search/#q=di-282|lv-bachelor,preparation&start=0&length=10&order=relevance&direction=desc>.
- Waller, Matthew A., and Stanley E. Fawcett. 2013. 'Data Science, Predictive Analytics, and Big Data: A Revolution That Will Transform Supply Chain Design and Management'. *Journal of Business Logistics* 34 (2): 77–84. doi:10.1111/jbl.12010.

РОЛЬ МУЗЫКИ В КОНСТРУИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»).

Морозова В.О., Юрова Е.А. (Санкт-Петербург)

На сегодняшний день социальные медиа играют одну из определяющих ролей в жизни человека, затрагивая все сферы его жизни и диктуя различные паттерны поведения. Их появление позволило индивидам строить и организовывать социальные взаимоотношения не только в повседневной реальности, но и в виртуальном пространстве, что в дальнейшем обусловило необходимость формирования и репрезентации собственного образа [3]. Став платформой для самовыражения, социальные медиа трансформировали пространственную логику идентичности.

Прослушивание музыки претерпело процесс рутинизации [4] в практиках современной молодежи. Например, данная тенденция выражается в «сопровождении» музыкой ежедневных процессов мобильности [1] и создании фона при выполнении некоторых видов действий. Исходя из этого, мы предположили, что музыка может являться одним из маркеров социальной идентичности современной молодежи и способов конструирования «социального лица» [2]. Таким образом, целью нашего исследования стало определение роли музыки в конструировании идентичности в виртуальном пространстве.

Предметом нашего исследования выступила роль музыки в конструировании идентичности пользователей в социальной сети «ВКонтакте», поскольку она имеет отдельный раздел «Музыка» (ранее «Аудиозаписи»), позволяющий прослушивать композиции в режиме реального времени и формировать собственные плейлисты, отталкиваясь от предпочтений слушателя.

Исследование проводилось методом полуструктурированного интервью с особым акцентом на нарративы информантов. Мы брали интервью как очно, так и в онлайн-режиме при помощи программы «Skype». Выборка данного исследования была сформирована по принципам доступности и стихийности. В качестве основных критериев отбора информантов мы выбрали: возраст (от 18 до 30 лет) и активное использование ими социальных интернет-сетей. В исследовании приняло участие 12 человек (3 молодых людей, 9 девушек), студенты высших учебных заведений различных направлений и активные пользователи социальной сети «ВКонтакте».

Мы сделали предположение, что молодежь также использует музыкальный контент для формирования образа собственного «социального лица» в виртуальном пространстве. Исходя из этого, нами были разработаны следующие гипотезы.

Во-первых, мы считаем, что музыка является одним из маркеров, с помощью которой пользователи, особенно молодежь, конструируют свою виртуальную идентичность. В силу процессов рутинизации и вписывания музыки в повседневные практики, а также включенности молодежи в медиaprостранство, мы предположили, что музыкальный плейлист является одной из стратегий конструирования идентичности в виртуальном пространстве.

Во-вторых, в данной социальной интернет-сети пользователь имеет возможность организовать многоуровневое личное/приватное и публичное пространство в данной социальной сети. Приватизация музыки пользователями социальных сетей происходит в силу отождествления плейлиста с элементом собственной идентичности. Публичное пространство представляет собой «социальное лицо» пользователя в виртуальном пространстве. Таким образом, закрытый плейлист может пониматься, как некая совокупность информации о себе, которую индивид желает оставить в приватном пространстве, поскольку, возможно, отождествляет себя со своим плейлистом, т.е. плейлист выступает в качестве элемента идентичности, по которому о них могут судить окружающие люди.

По степени использования музыки для конструирования идентичности мы получили следующие результаты. Интересно, что интервьюируемые сравнивали музыку с едой, которую они буквально потребляют и чем не могут насытиться. Нами была выявлена и иная полярная крайность, вызванная недоумением пользователей относительно постоянного прослушивания музыки другими.

Помимо прослушивания, можно выделить несколько видов использования музыки в социальной сети «ВКонтакте»: отправка композиций в личные сообщения и конференции с другими пользователями, репосты на свою страницу постов других пользователей и (или) сообществ, написание собственных постов как на своей личной странице в социальной сети, так и в отдельных группах.

Использование музыки является для некоторых пользователей способом поддержания «социального лица», т.е. музыка выступает, как маркер социальной идентичности. Также можно отметить большую роль ориентации на группу признания при использовании музыки в социальной сети:

Информант №3 (девушка, 18 лет): «Приятно, когда люди скидывают скриншот... а на нём вся скинутая мной музыка».

Это также можно подтвердить тем, что даже если информанты отрицали значимость для них мнения других, их поведение, тем не менее, демонстрировало желание скрыть некоторые стороны их жизни, протекающие в социальной сети «ВКонтакте», в том числе и использование музыки.

Информант №1 (девушка, 20 лет): «Недавно закрыла [аудиозаписи]...Сейчас я туда мало что добавляю, если что-то и добавляю, то никак оно меня не представляет. Поэтому я не хочу, чтобы другие люди думали обо мне по моим аудиозаписям».

На основании результатов нами была разработана шкала степени доступа к музыкальному плейлисту пользователя, на основании которой формируется его «социальное лицо». «Закрыто» маркирует приватное пространство индивида, что не является частью его виртуальной идентичности, т.е. никто, кроме него, не имеет доступа. В свою очередь, «социальное лицо» включает в себя, соответственно, такие опции, как «открыты определенному кругу лиц», «открыты, но предварительно отфильтрованы» и «открыты без каких-либо модификаций с плейлистом». Данная модель наглядно показывает степень использования музыки, как маркера виртуальной идентичности.

Таким образом, пересечение сфер публичного и приватного порождает новые практики взаимодействия и самопрезентации в социальной сети «ВКонтакте».

1. Бунич Е. По городу с плеером. // Микроурбанизм. Город в деталях / Сб. статей; под отв. редакцией О. Бредниковой, О. Запорожец. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — с. 94-111.

2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева -- М.: «КАНОН - пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. - 304 с. (Малая серия «LOGICA SOCIALIS» в серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»)

3. Климов И. А. Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности // Трансформация идентификационных структур в современной России / Под ред. Т. Г. Стефаненко; Сер. «Научные доклады». Вып. 130. М.: МОНФ, 2001. / стр. 54-82.
4. Dowd T. The Sociology of Music // 21st Century Sociology: A Reference Handbook, 2007. p. 249-260.

КЛЮЧЕВЫЕ КОМПОНЕНТЫ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ В РОССИИ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Петрова Е.В., Терещенко К.Д. (Тольятти)

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ проект № 17-46-630560 «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона».

Аннотация: Авторы рассматривают характер современного медиапотребления в контексте ключевых тенденций, а именно в целом по стране. В связи с этим встает необходимость исследования документальных источников, содержащих анализ современного информационного общества, а также подведения научных выводов относительно сложившихся результатов социологического исследования. В этом контексте исследования авторами использован метод качественного вторичного анализа текстов. В данной статье авторы измеряют уровень доверия россиян к источникам информации.

В изучении характера современного медиапотребления важным является понимание того, какие ключевые тенденции имеет это понятие в целом – в стране. В связи с этим встает необходимость исследования документальных источников, содержащих анализ современного информационного общества, а также подведения неких выводов относительно сложившихся результатов. В этом контексте исследования был использован метод качественного вторичного анализа текстов.

Объектом анализа выступил отчет международного центра «Делойт» о проведенном исследовании «Медиапотребление в России. Ключевые тенденции». В данной работе представлен детальный анализ технических устройств, оценка уровня доверия россиян к тем или иным источникам получения информации, уровень потребления медиаконтента соотечественниками. Исследование показало, что на данный момент рост медиапотребления относительно трехгодичных данных, прежде всего, обеспечивают такие ресурсы, как Интернет, электронные книги, видеоигры. Снижение медиапотребления выявлено в отношении следующих ресурсов: печатные СМИ, печатные книги, радио, телевидение. Можно предположить, что рост электронных ресурсов связан с повсеместной компьютеризацией; техническим оснащением школ в деревнях и селах; развитие беспроводной передачи данных, что является неотъемлемой частью жизни нынешнего поколения, благодаря скорости работы, удобству в общении и простоте использования.[1] Стремительный рост медиаоснащенности привел к тому, что Россия сегодня представляет собой особую медиасреду, которая в единый момент времени сочетает в себе элементы, характерные для различных периодов распространения технологий. В России практически одновременно появились платное телевидение и доступ в Интернет - в отличие от большинства развитых зарубежных стран, где распространение этих предложений было разделено десятилетиями. [2] Следовательно, разные социальные группы имеют разные приоритеты. Если старшее поколение успешно осваивает многоканальное телевидение, то молодежь тяготеет к Интернету. [3]

Что касается медиаактивности, то россияне в возрасте от 16 до 24 лет стали меньше смотреть телевизор, а 88% респондентов в возрасте от 16 до 19 лет отдают предпочтения чтению электронных книг. Данные тенденции объясняются активным образом жизни молодого поколения и частое чтение книг во время поездок и путешествий.

Распределение медиаконтента по популярности среди россиян происходит следующим образом: первое, второе и третье место занимают Интернет, телевизор и радио соответственно. Менее популярные – печатные СМИ, видеоигры, чтение печатных книг, чтение электронных книг, посещение кинотеатра и, наконец, посещение театра. На протяжении нескольких десятилетий просмотр телевизора являлся основным медиадействием по охвату целевой аудиторией. С развитием Интернета активность ТВ стала снижаться, появилась возможность просмотра ТВ передач через сеть Интернет, что в свою очередь позволяет зрителям не зависеть от времени и предлагает различные форматы качества. Телевидение на данный момент теряет молодую аудиторию (до 24 лет), на которую чаще всего ориентирована реклама. Однако медиапотребление

в данной возрастной группе не снижается, а претерпевает распределение в пользу интернет-активности. Следующий медиаконтент, популярность которого также снижается – радио. Радио чаще слушают за рулем мужчины среднего возраста. [4] В целом, на данный момент происходит трансформация медиапотребления в направлении использования электронных носителей: чтение электронных книг, газет, журналов в Интернете.

Уровень доверия россиян к источникам информации выстроились следующим образом – официальные сайты в сети Интернет, телевидение, социальные сети и блоги в Интернете. Вполне возможно, что недостаточный уровень доверия к телевидению снижает его популярность.

Следующий анализируемый источник – статья доктора социологических наук В. Коломийца «Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе». В данной работе автор уделяет внимание тому, как медиатехнологии проникли в повседневную жизнь россиянина. «Современные россияне, особенно городские жители, погружены в насыщенное медиапространство. Живущие в городах люди не просто сталкиваются с информацией и коммуникационными технологиями и "используют" их, а скорее их действия являются частью этих технологий. Телевизор необходимо, по крайней мере, включить, чтобы он превратился в средство коммуникации. Зачастую использование технических средств выходит за пределы их коммуникационных функций. Например, вечером аудиосервер может стать эффективным снотворным, а утром – будильником. Наши отношения с медиатехнологиями выведены на уровень несущественного ряда событий. Они используются в автоматическом режиме, выполняя привычные действия. Особенно хорошо это видно при социологических опросах. Мы просим респондента вспомнить, когда и что он слушал по радио, смотрел по телевизору, читал в газете, журнале. Требуется очень сложная работа памяти по восстановлению отношений со средствами коммуникации, которые прочно вошли в повседневность людей. Это уже не технические средства, наполняющие нашу жизнь разнообразными образами, а практически не рефлекслируемая окружающая среда. Техническая компетентность современного человека, реализуемая в миллионах повторяемых, рутинных, привычных действиях, объединяет нас и делает заложниками современной коммуникационной среды». [5] Из этого можно сделать вывод о том, что человек в современном информационном обществе постоянно подвергается манипулятивному воздействию, и в подобных условиях ему приходится либо противостоять этому воздействию и постоянно фильтровать получаемую информацию, либо полагаться созданной СМИ медиареальности. Также автор отмечает тренды, характеризующие медиапотребление последнего десятилетия. «Распространение Интернета в России оказывает влияние не только на телевидение, но и на другие институты массовой коммуникации: книги, газеты, журналы, радио, кино, музыку (звукозапись). Он в той или иной мере вообрал в себя каждый из традиционных средств коммуникации и стал важнейшим фактором их сущностных преобразований. Таким образом, медиасреда российского общества характеризуется двумя основными трендами, которые оказывают влияние как на расширение социальных практик различных социальных групп, так и на функционирование традиционных институтов коммуникации. Первый связан с развитием многоканального телевидения. Второй – с развитием Интернета». [6]

Итак, подводя итог анализу статей, выделим следующие ключевые тенденции:

активно развивается потребление Интернета. Молодые люди (возрастные группы 18-24, 25-44) значительное время проводят в online, однако и старшее поколение последние годы активно осваивает сеть;

телевидение теряет целевую аудиторию, в отличие от Интернета;

радио демонстрирует упадок в потреблении.

1. Иванова Т.Н. Социологический анализ мотивов к труду наемных работников тольяттинских предприятий // Карельский научный журнал. 2015. № 2 (11). С. 75-78.

2. Иванова Т.Н. Экономическое проектирование системы координации действий региональных структур по формированию векторов социально-трудовой мобильности населения // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 242-246.

3. Горбачева Н.Б. Взгляд молодежи на профессиональный выбор и востребованность профессий на рынке труда // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2015. № 2 (11). С. 130-132.

4. Горбачева Н.Б. Современная профессиональная ориентация молодежи // Гражданское общество в России: состояние, тенденции, перспективы. 2015. Т. II. № 4. С. 28.

5. Коломиец, В. П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологические исследования. -2010. -№1. -С.58–66.

ИНФОРМИРОВАННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ О ВОЗМОЖНОСТЯХ АБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОНЛАЙН-ИССЛЕДОВАНИЯ)

Петрова Н.Г., Стрижакова Л.Н. (Санкт-Петербург)

Аннотация: В Российской Федерации увеличивается число детей от 0 до 3 лет с задержкой в двигательном, речевом, когнитивном развитии. Несмотря на комплекс программ по повышению рождаемости, профилактике здоровья детского населения, ситуация остается тревожной. За последние десятилетия проведены разнообразные исследования, направленные на разработку программ абилитации и оценку их эффективности. Благодаря развитию интернет-технологий появилась возможность проведения онлайн-анкетирования. Исследование подтвердило возможность применения онлайн-опросов для достаточно «узких» групп респондентов в масштабе всей страны, что позволяет рекомендовать данную методику сбора первичной социологической информации.

В Российской Федерации ежегодно увеличивается число детей от 0 до 3 лет с комплексной патологией, детей с задержкой в двигательном, речевом, когнитивном развитии. Несмотря на комплекс программ по сохранению здоровья детского населения, ситуация остается тревожной [1]. В системе детского здравоохранения необходимо развитие различных организационных структур, ориентированных на раннее выявление органических и функциональных нарушений и своевременную их коррекцию.

В 1998 -1999 годах на базе детских поликлиник Санкт-Петербурга были открыты центры абилитации, которые являются одним из звеньев городской социальной программы раннего вмешательства. За последние десятилетия проведены разнообразные исследования, направленные на разработку программ абилитации и оценку их эффективности. Однако до настоящего времени эти данные являются разрозненными. Система абилитации в масштабах страны не создана, что затрудняет и внедрение этих программ, и анализ их целесообразности.

Благодаря развитию интернет-технологий появилась возможность проведения онлайн-опросов. Общение исследователя и респондента переходит на качественно другой уровень, так как снижается психологический дискомфорт и, как следствие, увеличивается вероятность более честных ответов, а также возможность привлечения большего количества респондентов, расширения географии опросов.

При этом важно учитывать, что для опрашиваемых факт участия в исследовании не представляет особой практической ценности, и исследователь должен мотивировать пользователей интернета к участию в опросе.

В нашей работе было предложено семьям, дети которых имели различную хроническую патологию, а также отставание в развитии (без видимой патологии) ответить на вопросы, характеризующие уровень информированности родителей по абилитации. Мотивацией к участию в онлайн-исследовании являлось то, что результаты онлайн-анкетирования и предложения респондентов имеют важное значение для разработки системы мер по развитию абилитационной направленности в деятельности учреждений педиатрического профиля. Кроме того, участие в опросе способствовало повышению уровня знаний родителей по данной проблеме.

Изменения в семье, связанные с рождением ребенка с особыми потребностями, влияют на самооценку родителей, планы матери, связанные с карьерой, на экономическое, социальное и психологическое состояние семьи. Адаптация к данной ситуации зависит от сложного взаимодействия таких факторов, как общение своих детей с окружающим миром, доступность программ социально-медицинского сопровождения, значимость которых не уменьшается с взрослением ребенка. Семья может переживать длительный стресс как ответную реакцию на проблемы множественных нарушений ребенка, его поведения, социальной изоляции, изменения взаимоотношений в семье, материальных трудностей. Надо отметить, что анкетирование данной категории респондентов касается деликатных вопросов, на которые родители могут не ответить при личном контакте с исследователем. В данном случае исследование через сеть Интернет, на наш взгляд, является приоритетной методикой сбора информации.

В проведенном нами онлайн-исследовании была получена медико-социальная характеристика здоровых детей и детей, которые имеют различную патологию, и изучена абилитационная информированность родителей. Исследуемую группу составляли семьи, проживающие в разных городах РФ. Для сбора материала были разработаны две специальные анкеты, которые размещены на специализированных форумах «Дети-Ангелы», «Littleone.ru» и

других интернет-площадках. Первая анкета включала сведения о возрасте ребенка, о наличии (отсутствии) задержки в речевом, двигательном или когнитивном развитии, возможности взаимодействия с детьми с ограниченными возможностями. Вторая анкета предназначалась для опроса родителей, дети которых имеют различную патологию. Наряду с медико-демографическими данными она включала сведения об обращении в медицинские учреждения за реабилитационной помощью, об информированности родителей по вопросам раннего вмешательства и психолого-педагогического сопровождения ребенка с ограниченными возможностями.

Проведенное исследование показало, что в целом современное российское общество можно назвать дружелюбным по отношению к детям с ограниченными возможностями. Основу дружелюбного отношения к детям с ограниченными возможностями, по представлениям опрошенных родителей, составляет сочувствие, что допускает возможность общения здоровых детей с детьми с отклонениями в развитии (данная позиция присутствовала у 90,7% опрошенных). В то же время, дистанцированность и отказ от такого взаимодействия имел место в 9,3% случаев.

Опыт взаимодействия нормально развивающихся детей и детей, имеющих отклонения в развитии, способствует формированию у первых альтруистического поведения, симпатии и гуманности. Дети с отставанием в развитии включаются в среду своих сверстников и получают опыт общения, формируя навыки коммуникации. Одна из опрошенных мам написала в анкете, что она «против общения своего ребенка с детьми, имеющими ДЦП или синдром Дауна, так как самой психологически тяжело смотреть на таких детей. Жалко». То есть, проблема толерантности по отношению к детям с ограниченными возможностями сохраняет свою актуальность.

Анкетирование родителей детей без видимой патологии и детей коррекционных классов показало, что задержка речевого развития имела место в 36,0% случаев, двигательного – в 14,7%, когнитивного – в 4,0%. Среди детей до 6 лет у 35,7% имело место речевое отставание от нормы, у 7,0% - двигательное. У детей школьного возраста наблюдалась речевая задержка в развитии (84,0%), двигательная (мелкая моторика) (40,0%), когнитивная (12,0%).

Большинство родителей детей-инвалидов указали, что инклюзивная система образования – это оптимальный способ воспитания, который имеет положительные последствия как для одних, так и для других детей. По данным анкетирования выявлено, что каждая вторая мама (52,0%), у которой ребенок является школьником, допускает общение с детьми, имеющими патологию, только вне школы. Большинство родителей, возраст детей которых не превышает 6 лет, не против взаимодействия с детьми с ДЦП или с синдромом Дауна.

Информированность родителей больных детей в отношении современных возможностей восстановления их здоровья находится на недостаточном уровне. Семьи не знали, что обозначает термин «абилитационная помощь», в 33,3% случаев. В отделениях реабилитации получали помощь всего 7,6% детей.

Важно отметить, что 39,5% семей пользуются психолого-педагогическим сопровождением в системе обязательного медицинского страхования. К платным услугам прибегали 70% опрошенных: в 100% случаев при аутизме, в 51,5% при ДЦП, в 50% при синдроме Дауна и эпилепсии, в 40% при задержке психического развития. Не обращались ни за реабилитационной, ни за психолого-педагогической помощью 29% опрошенных.

Основную роль в информированности родителей об отделении реабилитации выполняют поликлиники. В просветительскую деятельность по вопросам раннего вмешательства слабо вовлечены детские дошкольные учреждения, совсем не вовлечены средства массовой информации и сеть Интернета.

Данное исследование подтвердило возможность применения онлайн-анкетирования, особенно для достаточно «узких» групп респондентов, для которых трудно использовать другие методики социологического опроса, особенно в масштабе всей страны и позволяет рекомендовать данную методику сбора первичной социологической информации.

МАСТЕРЧЕЙН И БИГ ДАТА КАК НЕОБХОДИМЫЕ, НО НЕДОСТАТОЧНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА И СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Покровская Н.Н. (Санкт-Петербург)

«Умные вещи» [1] и среды позволяют сформировать «цифровые двойники» [2] объектов реального мира и моделировать поведение технических систем и живых людей. В то же время, возможности искусственного интеллекта ограничены способностью анализировать прошлое, но неспособностью анализировать будущее.

Социальное управление оперирует не только поведенческими моделями, частота выбора которых может быть статистически обработана, корреляции по множеству факторов могут быть посчитаны и наиболее значимые параметры могут быть сформулированы как аргументы при разработке корпоративной политики или социальным программам.

Социологический анализ оперирует также понятиями социальных процессов и явлений, социальных институтов и структур, которые отражают, в частности, процессы совершения выбора оппортунистического поведения, явления стигматизации и геттоизации, ценностные ориентации и установки социального проектирования и конструирования, и др. элементы социальной реальности, которые сложно поддаются вычислительной технике, даже с применением нечеткой логики [3] или машинного обучения [4].

Например, система блокчейн как технологическое решение хорошо отражает стремление к удешевлению потоков данных и к децентрализации, одновременно с безопасной и надежной регистрацией данных. Децентрализация и прозрачность рассматриваются, с одной стороны, как противоречивые компоненты поведения, в то же время, обеспечение безопасности и надежности самой информации при условии одновременного а) ухода из-под некоторого тоталитарного контроля и авторитарной воли принятия регулирующих решений и б) обеспечения прозрачности событий для всех участников выступают как факторы стремительного развития технологий блокчейн, в том числе, применяемых на уровне государства.

Так, в 2016 г. с участием Центрального банка РФ, который наделен с 2013 г. статусом «мега-регулятора», создана Ассоциация «ФинТех» с целью внедрения финансовых инноваций и обкатки технологии блокчейн, в частности, создания рыночной системы Мастерчейн как единой системы хранения информации и регистрации ее изменений. Тестовые транзакции в «Мастерчейне» были осуществлены в октябре 2016 г., разработка децентрализованной платформы регистрации и хранения данных координировалась ЦБ и велась с участием таких финансовых институтов, как Альфа-Банк, Банк «Открытие» и QIWI. Таким образом, институциональное противоречие, наблюдаемое между целями мега-регулирования и децентрализации работы с данными, на сегодня отражается в а) попытке взять децентрализацию под контроль («возглавить революцию») и б) тормозить процессы внедрения разработанной платформы Мастерчейн, которое исключило бы возможности коррупции и черного рейдерства.

Социальная дисфункция, отражающая затормозившееся внедрение блокчейн-технологий в российской финансовой системе, выражается также в явлении институциональных ловушек [5]. Цифровизация социальных отношений приводит к переносу инструментов давления в сферу безопасности, которая выступает сегодня одним из немногих действенных аргументов в интересах лиц, принимающих решения, позволяя им обосновывать оппортунистические модели поведения.

Возможность расширить применение Мастерчейна как системы, которая может не только хранить данные, но и служить интегрированной средой для мониторинга, сбора и мгновенной обработки всех данных, в том числе, контроля информации о передаче прав на активы в финансовой сфере или в сфере недвижимости, о передаче собственности или о выполнении разнообразных «умных контрактов», сегодня не используется и активно сдерживается российским мега-регулятором. Если ЦР РФ примет решение не ограничивать систему Мастерчейн, а напротив, расширить ее до интеграции с РосРеестром, Кадастром, базами данных ФНС РФ и других социальных и государственных структур, то можно сформировать полностью прозрачную модель передачи прав и активов, в том числе, обеспечить прозрачность прав владения и сделок для налоговых органов, автоматизацию взимания налогов, защиту собственности и др. общественные блага, которые население ожидает государства как участника социальных взаимодействий, выполняющего свои специфические общественные функции.

Помимо оппортунизма, другой значимой проблемой, с которой ни fog computing, ни big data сами по себе не могут справиться, является стигматизация и невозможность для человека

вырваться из круга социальных практик и связей, в которые человек попадает при «навешивании» на него того или иного ярлыка как стереотипа социальных ожиданий. Так, преподаватели вузов осознают свою ответственность, насколько важны первые оценки за первый семестр, которые затем будут определять в существенной мере все последующие оценки, выставляемые в данную зачетку ее обладателю. Стигматизация на макро-уровне общества выражается в гендерной дискриминации по уровню зарплат на аналогичных должностях, в расовой дискриминации по уровню образования, когда жители наиболее бедных регионов посещают наиболее слабые школы и получают самые слабые результаты, которые впоследствии не позволяют им получить высшее образование и вырваться из низшего социального слоя.

Таким образом, цифровизация всех жизненных процессов и создание «умных сред» [6] позволяют сформировать систему мониторинга реальных процессов в обществе и в отдельных социокультурных, этнических или социопрофессиональных сообществах, свести в единую базу данные об онлайн-транзакциях и реальных действиях (например, через «умный контракт» может быть обеспечен эффективный обмен услуг по ремонту велосипеда на хорошее времяпрепровождение за чашечкой кофе). Для социологического анализа, эти данные могут составлять бесценную основу для дальнейшей обработки и выявления закономерностей [7]. В то же время, вне ценностной шкалы и репрезентативного поля невозможно принимать результативные социально-управленческие решения.

Анализ уровня и проблем доверия, выявление факторов, снижающих эффективность взаимодействий физических и юридических лиц и государственных органов, могут способствовать глубокой социологической диагностике социально-управленческих проблем и выявлению потенциальных направлений оптимизации развития социально-управленческих и социально-экономических взаимоотношений.

1. Bloede K., Mischou G., Senan A., Koontz R. *The Internet Of Things: "Smart" Products Demand a Smart Strategy Using M&A for a Competitive Edge.* – London: Woodside Capital Partners, 2015.

2. Marr B. *What Is Digital Twin Technology - And Why Is It So Important?* // *Forbes, Tech – BigData.* 2017, Mar 6.

3. Murphy M. *Race against the machine. Facebook's artificial intelligence created its OWN secret language after going rogue during experiment* // *The Sun,* 20 June 2017.

4. Jang J.S.R., Sun C.T., Mizutani E. *Neuro-Fuzzy and Soft Computing: A Computational Approach to Learning and Machine Intelligence.* – London: Prentice Hall International, 1997.

5. Smith K. *What is the 'knowledge economy'? Knowledge-intensive industries and distributed knowledge bases* // STEP Group, Oslo, Norway, May 2000. – <http://www.ebusinessforum.gr/old/content/downloads/WorkingPapera54.pdf>.

6. Chen Y.M., Chiu Y.-P. *Business Intelligence and Analytics to Prediction of Going Concern using NeuroFuzzy Approach* // *The Asian Conference on Technology, Information & Society Official Conference Proceedings 2014.*

7. Ricciardi F., Harfouche A. *Information and Communication Technologies in Organizations and Society* // *Lecture Note in Information System and Organisation, Vol 15,* Springer, 2016.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТОДА ВКЛЮЧЕННОЕ НАБЛЮДЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СООБЩЕСТВ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕРТНОГО СООБЩЕСТВА)

Разина А.К. (Москва)

Рассматривается трансформация метода включенного наблюдения, который теперь применим в оффлайн- и онлайн-режимах. Эту трансформацию автор объясняет влиянием Интернета на взаимоотношения между людьми, в связи с чем современные сообщества существуют одновременно в реальном и виртуальном мире. Обновленный метод включенного наблюдения иллюстрируется исследованием концертного сообщества.

Включенное наблюдение как метод сбора данных используется социологами для изучения тех или иных форм социальных сообществ уже довольно давно. Оно предполагает непосредственное взаимодействие субъекта и объекта исследования, их совместное участие в наблюдаемых событиях, позволяет зафиксировать социально-демографические признаки участников наблюдаемого события и различные особенности социального взаимодействия между ними [Левичева, 2013: 133].

Такое классическое понимание метода включенного наблюдения имеет некоторые недостатки в связи с особенностью современных сообществ. Жан Бодрийяр, говоря о существовании гиперреальности, отмечал, что «немаловажную роль в системе человеческих взаимоотношений сыграло развитие глобальной сети Интернет. Экспериментирование с искусственной реальностью, различные способы производства реальности повлекли за собой изменения в характере не только восприятия самой действительности, но и повлияли на способ общения людей» [Бодрийяр, 1981: 3-4]. Иными словами, сегодня мы находимся одновременно как в осязаемом пространстве, так и в гиперреальности.

Современные сообщества зачастую существуют в реальном и гиперреальном мире – в социальных сетях, в которых различные формы коммуникации становятся повседневной практикой членов сообществ. Это ставит перед исследователем задачу разработать методологию, применимую для изучения сообществ на обоих уровнях реальности, что позволяет говорить о трансформации включенного наблюдения, которое отныне применимо и в гиперреальности. Е.В. Полухина, актуализировавшая познавательные возможности онлайн-наблюдения, пишет, что «принцип изучения сообщества в его «естественной» среде применим и к онлайн-пространству» [Полухина, 2014: 97].

Проиллюстрируем применение обеих форм включенного наблюдения примером исследования концертного сообщества, проведенного автором методом включенного наблюдения в онлайн- (тематические страницы, блоги и сообщества в социальных сетях ВКонтакте, Twitter и Instagram) и оффлайн- (г. Москва) форматах. Под концертным сообществом будем понимать совокупность индивидов, объединенных интересом к музыкальной индустрии, организующих или периодически посещающих выступления тех или иных исполнителей (концерты), являющихся участниками тематических сообществ в социальных сетях. Существование концертного сообщества в первую очередь связано с фактом концерта, а наличие различных каналов массовой коммуникации в социальных сетях обеспечивает устойчивость данного сообщества.

Общую характеристику половозрастного состава сообщества позволяют произвести крупные тематические страницы социальной сети ВКонтакте: например, «4GKZ» и группы «Концертная Зона». Общая тенденция такова: концертное сообщество можно назвать молодым сообществом (около 75% подписчиков не достигли 25-летнего возраста), и женщин несколько больше, чем мужчин (примерно 2/3) [Концертная Зона; 4GKZ | ЧГКЗ]. Оффлайн-наблюдение актуализирует демографические данные участников сообщества в зависимости от исполнителя, концерт которого они посещают. Так, аудитория хип-хоп дуэта Twenty One Pilots (22.10.2016, клуб «Stadium») одна из наиболее молодых и скорее женская, в то время как посетители концерта бигбит-группы The Prodigy (09.11.2016, клуб «BUD Arena») старше, а мужчин среди них больше. Также оффлайн мы можем оценить, какие категории билетов предпочтительней для той или иной части сообщества. Например, на концерте группы Muse (21.06.16, СК «Олимпийский») билеты в фан-зону (пространство непосредственно вокруг сцены без привязки к местам) приобрели в основном посетители в возрасте от 16 до 25, в то время как более взрослые посетители, а также посетители с детьми предпочли сидячие места.

Изучая активность членов сообщества до, во время и после концертов, мы рассмотрели типичный сценарий, по которому происходит их взаимодействие. Активность в сети Интернет начинается еще до анонса мероприятия на ресурсе Twitter. Зачастую в этой сети существуют официальные аккаунты исполнителей, в которых могут появиться намеки на предстоящее событие, а активные члены сообщества начинают распространять о нем слухи. Затем происходит анонс мероприятия: на официальном сайте исполнителя, сайте концертного агентства и на его странице ВКонтакте. Тогда начинается активное общение членов сообщества именно в этой социальной сети. На данном этапе можно строить предположения о составе аудитории концерта, формах поведения и взаимодействия посетителей во время мероприятия.

В день концерта проводится оффлайн-наблюдение. Начинать его стоит заранее, так как некоторые члены концертного сообщества начинают собираться у концертной площадки за несколько часов до начала. В первую очередь это посетители с билетами в фан-зону, которые рассчитывают находиться ближе к сцене. К тому же заранее приходят в поисках не виртуальной коммуникации с единомышленниками: посетители знакомятся, ищут компанию, готовят так называемые флешмобы и т.д. Наконец, есть малочисленная группа людей, надеющихся купить более дешевые билеты у перекупщиков либо договориться с организатором или артистом о безбилетном проходе.

Во время концерта наблюдаются следующие виды взаимодействий: исполнителя и посетителей, посетителей и работников охраны, посетителей между собой. Много зависит от самого артиста и характера его творчества. Концерты некоторых исполнителей связаны с риском из-за таких активностей, как «слэм» и «мошпит». Сами участники такой активности описывают ее как групповой танец, в процессе которого «танцующие» толкают друг друга, делают совместные хаотичные движения и т.п. Негласное правило «мошпита» заключается в том, что участники сами несут ответственность за свое здоровье и имущество, не имеют права преднамеренно причинять вред окружающим и демонстрировать чрезмерную агрессию. Это отличает «мошпит» от другого распространенного явления – давки, которая опасна своей неорганизованностью, а возникает в результате стремления стоящих далеко от сцены пройти вперед. Другие типичные активности: танцы и флешмобы.

После концерта активность сообщества перемещается в первую очередь сервис обмена фото- и видеоматериалами Instagram, а также в социальную сеть ВКонтакте. В связи с этим мы возвращаемся к онлайн-наблюдению: так мы можем обнаружить информацию, упущенную нами во время офлайн-этапа, а также изучить мнения и отзывы сообщества о прошедшем концерте.

Итак, современные сообщества требуют анализа на обоих уровнях реальности. Это обогащает включенное наблюдение как метод: теперь он может претендовать на самостоятельность, так как его онлайн- и офлайн-уровни дополняют друг друга. Тем не менее для полноты исследования и верификации данных рекомендуется использовать и другие методы. Описанный нами метод требует большей включенности исследователя, так как в виртуальном мире сообщества взаимодействуют непрерывно.

4GKZ | ЧГКЗ [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/the4gkz> (дата обращения: 05.03.2017)

Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / – Перевод О. А. Печенкина. – Тула, 2013. – 204 с.

Концертная Зона [Электронный ресурс]. – URL: <https://vk.com/concertz> (дата обращения: 05.03.2017)

Левичева В.Ф. Наблюдение // Тезаурус социологии. Кн. 2. Методология и методика социологических исследований: темат. слов.-справ. / под ред. Тоценко Ж.Т. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – С. 133-134 – (Серия «Cogito ergo sum»).

Полухина Е. В. Онлайн-наблюдение как метод сбора данных // ИНТЕР, 2014. Том. 1. № 7. С. 95-106.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЭТОС СОЦИОЛОГА ПРИ РАБОТЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Рахманова Ю.В. (Санкт-Петербург)

Распространение социологических исследований в сети интернет актуализирует вопрос специфики этических принципов работы социолога в этой информационно-коммуникационной среде. В интернете уже сформировался свой свод правил поведения – нетикет, но он касается норм общения в интернете и не учитывает специфику работы социолога.

Одна из главных проблем – это определение границ приватности в интернет-коммуникации: человек сам раскрывает информацию о себе, т.е. эти данные становятся публично доступными, но он коммуницирует на определенных площадках, подразумевая, что эта информация останется лишь на этих площадках, а не будет куда-нибудь перенесена, распространена и использована с целями, не соответствующими тематике ресурса. Обычно данный вопрос решается самим сообществом данного ресурса:

- через техническое ограничение доступа к информации пользователей;
- через принятие кодекса (правил), которые должны быть подписаны пользователем при вхождении в сообщество;
- через информирование потенциальных участников сообщества в форме FAQ («часто задаваемые вопросы») о правилах поведения на ресурсе и санкциях за их нарушение;
- через публичное обсуждение прецедентов нарушения правил поведения в сообществе.

Вопрос о сохранение анонимности участников исследования является ключевым, ведь иногда участники онлайн-исследования даже не догадываются о том, что стали объектом наблюдения социолога. В таком случае социолог должен скрыть настоящие имена информантов; не указывать электронные адреса и/или другую контактную информацию; конкретные факты

должны быть представлены в обобщенном виде, чтобы респондент и люди, знающие его, не смогли идентифицировать информацию с конкретным человеком (респондентом). Эта задача усложняется при исследовании не отдельных респондентов, а целых сообществ, где идентифицировать отдельных участников коммуникации проще.

Резюмируя все сказанное выше, можно сделать следующий вывод: основной принцип работы социолога такой же, как и у врача: «Не навреди», но его реализация при проведении исследований в сети интернет усложняется, так как необходимо учитывать целый ряд особенностей:

Анонимность и псевдонимность большого количества участников интернет-общения создает ложное чувство защищенности персональной информации самими участниками интернет-коммуникации, что часто приводит к небрежности социолога в соблюдении принципа конфиденциальности.

Работа с большим объемом данных также создает видимость невозможности «отловить» в этом массиве данные о конкретном участнике исследования.

Раскрывая какую-либо личную информацию в сети, человек иногда не отдает себе отчета в возможном вреде такой откровенности для него, поэтому социолог, планируя использовать такую информацию, обязан предусмотреть возможные негативные последствия для объекта своего наблюдения, даже если сам наблюдаемый их не видит.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА ТЕАТРА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ренёва Д.А. (Екатеринбург)

Аннотация: Сегодня с ростом экономического благополучия граждан, уровня их образования и развития урбанизации в обществе усиливается потребность в духовном просвещении. Театр как культурное заведение становится популярным в этой сфере. Если рассматривать театр как социальный институт, то одним из главных его элементов будет персонал. Причем существует как художественный персонал, так и вспомогательный, занимающийся организацией и производством. Объект нашего исследования и есть деятельность вспомогательного персонала. Основываясь на этом, нами было проведено социологическое исследование в Екатеринбургском государственном академическом театре оперы и балета. По его результатам мы сделали вывод, что театр является специфическим работодателем, выявлен ряд особенностей, связанных с этим.

В нашем исследовании театр рассматривается как социальный институт. В центре внимания находится деятельность вспомогательного персонала, занимающегося организацией и производством. Было проведено социологическое исследование в Екатеринбургском оперном театре. По его результатам мы сделали вывод, что театр является специфическим работодателем, выявлен ряд особенностей, связанных с этим.

Рассматривая театр с позиции социологии культуры и искусства (Т. О. Адрианова [1], В. Н. Дмитриевский, Л. Н. Коган [2], М. А. Маниковская [3], А. В. Матецкая [4], А. А. и К. А. Радугины [5], С. С. Фролов [8]), он является сложным и многоаспектным объектом социального управления [7]. В театре работает основной и вспомогательный персонал. Причем вспомогательный - обслуживающий персонал и является объектом нашего исследования.

Мы провели социологический анализ деятельности работников театра. Исследование проводилось в Екатеринбургском государственном академическом театре оперы и балета в декабре 2016 г. – январе 2017 г.

В анкетном опросе (n=41) участвовали 14 мужчин и 27 женщин. Большинство из них имеет высшее (41,5%) и среднее специальное (31,7%) образование. Были задействованы разные категории сотрудников, занимающих разные должности, для охвата всего разнообразия объекта исследования.

Для 82,9% респондентов театр является основным и единственным местом работы. Более половины опрошенных среди причин трудоустройства отметили желание работать в творческой организации, а затем уже объективные причины - удобный график работы, хорошая заработная плата, близость к дому.

На момент проведения исследования у респондентов было нормальное и хорошее настроение, у трети опрошенных – плохое. Преобладание плохого и нормального настроения объясняется загруженностью работников в театре, стрессе на работе. Опрос проходил в декабре – январе, а это - предпраздничное время и время премьер. Несмотря на это, исследование показало, что сотрудники удовлетворены своей трудовой деятельностью.

Для проведения онлайн-опроса (n=179) была определена социальная сеть ВКонтакте, так как в ней есть официальные группы театра (N=2571). В опросе участвовали 44 мужчины и 135 женщин. Женщины оказались более отзывчивы. Среди участвующих в опросе молодежь составляет половину, треть в возрасте 30-39 лет. Половина респондентов холосты, около 40% состоят в браке. 42% опрошенных являются специалистами, инженерно-техническими работниками, 12% государственных служащих, столько же руководителей, и чуть меньше рабочих, предпринимателей.

Для большинства зрителей посещение театра – это возможность окунуться в приятную творческую атмосферу, отдых от повседневной жизни, полезное времяпрепровождение.

В ходе опроса оказалось, что самый важный фактор при выборе театра – атмосфера в самом театре, а затем уже важны такие объективные факторы, как стоимость билетов, время спектакля, местоположение театра.

С помощью полевого структурированного включенного наблюдения изучили деятельность вспомогательного персонала Екатеринбургского оперного театра. Ведь естественный способ познания объекта подразумевает комплексный анализ ситуации или процесса во всем жизненном многообразии составляющих элементов [6]. Наблюдение было проведено 6 раз с целью сравнения трех разных ситуаций: во время двух дневных спектаклей, во время двух вечерних спектаклей, во время двух премьер.

В процессе наблюдения внимание было обращено на работников билетных касс, охранников, гардеробщиков, и особенно капельдинеров.

В ходе наблюдения было отмечено добросовестное, серьезное отношение к работе, приветливость и общительность работников театра. Персонал помогал сориентироваться в ситуации, отвечал на все интересующие вопросы. Внутри коллектива наблюдалось дружественные отношения.

Источниками информации контент-анализа выступали новости в интернет-пабликах (n=161), посвященных деятельности Екатеринбургского государственного академического театра оперы и балета. Были проанализированы 5 актуальных действующих пабликов в сети Интернет.

96% новостей – новости открытого (открытый доступ к новости) и полужакрытого типа (некоторые функции недоступны, открыты только при регистрации). С точки зрения содержания в пабликах преобладали новости-знакомства зрителя с новым спектаклем, приглашение на спектакль, а также представлены новости о самом театре. Новости же о работниках театра занимают около 10% всего контента.

Во всем контенте новости с упоминанием вспомогательного персонала театра занимают около 12%. Среди них преобладают такие формы упоминания, как новостная информация и статья. Модальность упоминания в 76% случаях нейтральная, в остальных – положительная.

В ходе исследования деятельность персонала театра была изучена различными социологическими методами: со стороны сотрудников театра, с внешней стороны – зрителей, непосредственно наблюдением и в контенте социальных сетей театра.

Опрос сотрудников театра показал, что театр является специфическим местом работы: для персонала важна творческая атмосфера, царящая там. С помощью опроса зрителей мы выяснили главные мотивы посещения - возможность окунуться в приятную творческую атмосферу, отдохнуть от повседневности. В наблюдении было отмечено добросовестное отношение сотрудников к работе и приветливость. По результатам контент-анализа мы заметили, что в новостях есть упоминания о деятельности вспомогательного персонала, но они присутствуют лишь в малой степени.

Проведенное исследование показало, что данное направление имеет перспективы. Ведь в отечественной социологии театр редко рассматривается как работодатель, а вспомогательный персонал недостаточно изучен в существующих исследованиях.

1. Адрианова Т. О. Театр как социокультурный феномен / Т. О. Адрианова // Вестник ОГУ. - 2014. № 7 (168). С. 82-85.
2. Коган Л. Н. Социология культуры: Учеб. Пособие. - Екатеринбург: УрГУ, 1992.
3. Маниковская М. А. Коммуникативное пространство художественной культуры / М. А. Маниковская // Философия и общество. - 2005. № 1 (38). С. 94-115.
4. Матецкая А. В. Социология культуры: Уч. пособие. – Ростов: РГПУ, 2006.
5. Радугин А. А. Радугин К. А. Социология: курс лекций. - М.: Центр, 1999.
6. Семенова В. В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию: Учеб. пособие для студентов вузов / Ин-т социологии РАН. М.: Добросвет, 1998.

7. Сурмина А. Ю. *Организационные проблемы управления театром оперы и балета как полифоническим социально-культурным институтом* / А. Ю. Сурмина // *Социальная политика и социология*. – 2013. № 2. Т. 1. С. 264-271.
8. Фролов С. С. *Социология*. - М.: Логос, 1996.

DATA MINING МОНИТОРИНГА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Сибирев В.А. (Санкт-Петербург)

Общественное мнения в современных условиях формируется в условиях многообразия коммуникационных практик, каналов коммуникации, контента. В условиях коммуникационного изобилия социальные акторы выстраивают свои практики медиапотребления уже исходя из этого факта. В этих условиях возрастает роль и значение социальных медиа.

Термин стал сейчас очень популярным. Существуют разные точки зрения по поводу его содержания. При всем разнообразии общее, что их всех объединяет, то, что они неразрывно связаны с Интернетом. Это интернет-ресурсы, предоставляющие возможность сообществу пользователей самостоятельно формировать весь контент ресурса и взаимодействовать друг с другом при помощи обмена информационными сообщениями. В основе их взаимодействия и объединения лежит общий интерес к содержанию контента ресурса.

Традиционно к социальным (новым) медиа относятся новостные агрегаторы, блоги и форумы, видеохостинг, социальные сети, Twitter. Наиболее важную роль играют социальные сети.

С помощью социальных сетей можно влиять на социальные и политические процессы в обществе. Сетевые структуры становятся новыми акторами публичной политики, формируя интерактивную общественно-политическую среду. На их основе расширяются возможности для политических дискуссий и диалогов. При этом формируются группы единомышленников, не только продвигающие свои идеи в виртуальной среде, но координирующие свои действия при проведении различных акций. В современном мире формирование протестных гражданских движений сопровождается активным использованием электронных социальных сетей. Оппозиция уходит в сеть. Сетевая политическая активность явление новое для политической практики, оно требует дальнейшего изучения и осмысления. Социальные сети имеют свойство усиливать информационные потоки при формировании общественного мнения, выявляя, группируя и консолидируя группы поддержки определённого мнения. Тем самым социальные сети становятся одним из основных механизмов воздействия на власть, влияя через общественное мнение.

Одним из важных направлений анализа социальных медиа становится разработка специализированных методов для использования феномена социальных сетей в целях мониторинга обстановки и управления общественными процессами

Это делает чрезвычайно актуальной задачей разработку и совершенствование уже существующих платформ, которые позволяют проводить мониторинг активности в социальных сетях, выявляя динамику и структуру сетевого общественного мнения, протестных настроений, а также социальные ожидания населения.

Все они построены и работают на одних и тех же принципах работы с big data, обрабатывая большие массивы собранных данных из социальных сетей и блогов.

В упрощенном варианте информация собирается следующим образом. Прежде всего определяется набор ключевых слов, релевантных для исследуемого предметного поля. После этого ключевые слова вводятся в инструмент мониторинга, который отслеживает информационные обмены в социальной сети и организует данные таким образом, чтобы их можно было использовать для дальнейшего анализа. Тем самым создается тема, каждая тема — суть набор ключевых слов, по этим ключевым словам (то есть по их вхождению в текст записи) отбираются все записи. Для всех собранных записей выделяются "теги" (ключевые слова/имена/организации/и т.п.) алгоритмами обработки естественного языка, основанными на синтаксическом анализе и статистических характеристиках.

Тексты автоматически распределяем на "тематик". Для этого с учётом выделенных тегов превращаем тексты в вектора (для каждой задачи подобрав свой правильный размер и состав словаря) и применяем к векторам готовые алгоритмы кластеризации.

Оценивается в автоматическом режиме тональность текста. Для этого обучается машинный классификатор на коллекции заранее размеченных текстов, а затем используется полученная модель для анализа новых документов и определения тональности.

После того как инструмент мониторинга произвел сбор и первичный анализ данных, определяются численные индикаторы, наиболее важные для определения состояния исследуемого предметного поля. При этом фиксируются данные про авторов/источников текста (демография посетителей, вовлеченность, влияние), а также для социальных сетей реакцию пользователей на публикацию (количество лайков, комментариев, охват аудитории, обратной связи).

При всем многообразии используемых платформ все они дают на выходе данный стандартный набор данных, а также набор тегов, характеризующих собранные записи из социальных сетей.

В развитие данного подхода предлагается использовать методы Data Mining для обнаружения взаимосвязей, «скрытых» скрытых в больших объемах исходных «сырых» данных о выделенных тегах, а также их визуализации. С их помощью можно выявить ранее неизвестные нетривиальные практически полезные знания, доступные для интерпретации.

Данную методологию планируется применить для целостного изучения отдельного случая (case study) формирования сетевого общественного мнения локального городского сообщества к спорному решению властей о передаче Исакиевского собора в Санкт-Петербурге Русской Православной церкви, которые привели к изменению позиции городских властей и общественности по этому вопросу.

ПРАКТИКИ САМОАКТИВИЗАЦИИ В ПОИСКЕ РАБОТЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ “В КОНТАКТЕ”

Сизова И.Л., Хусяинов Т.М. (Санкт-Петербург)

Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта №17-03-00074 «Самостоятельная интернет-занятость: между прекарризацией и нормальностью» 2017-2018 гг.

Аннотация. Анализ поведения лиц, включенных в профессиональные сообщества в социальной сети “В Контакте”, показал наличие активных действий по саморекламе и самопрезентации в поиске работы в виртуальном пространстве. Исследование проведено в 2017 г. на базе социальной сети «В Контакте».

Во время совершенствования и активного распространения информационных технологий (в том числе интернет-технологий) прежняя схема занятости становится всё менее применима. В новых условиях речь идёт о перераспределении безработицы в условиях неполной занятости [1]. В контексте перемен атипичные формы занятости становятся неизбежными, в том числе и в виртуальном (интернет) пространстве. Такие формы занятости являются намного более гибкими, что нередко приводит к чередованию работ, комбинированной занятости, смене периодов работы и безработицы.

Изучение новых форм занятости занимает важное место в социологии труда и занятости. Ч. Хэнди предложил для рассмотрения новых трудовых отношений концепцию “Портфель работ”, в которой утверждается, что у каждого с течением времени образуется значимый набор видов деятельности (портфель), в котором учитывается трудовая деятельность, получение образования, неоплачиваемая работа (например, прохождение практики или выполнение домашних обязанностей) [3]. Правильно собранный “портфель” позволяет, с одной стороны, увеличивать индивидуальную конкурентоспособность на рынке труда и предлагать свои услуги по более высокой цене (в лучших условиях), а, с другой – удобно регулировать рабочее и нерабочее время.

Так понимаемое управление своей личной трудовой биографией характерно для лиц, стремящихся к поиску работы в интернете. Для них привычной является ситуация занятости в проектах, заключение временных контрактов с тем или иным работодателем. Их профессиональный опыт суммируется в индивидуальном портфолио, которое становится основой для ведения трудовой деятельности и нахождения баланса между различными интересами (например, профессиональными и личными). Такая своеобразная замена традиционной «трудовой книжки» особенно удобна в условиях информатизации и активного использования срочных соглашений, гражданско-правовых договоров или неформальных сделок. Условием конкурентоспособности в виртуальном мире труда является собранное портфолио, которое подразумевает наличие не столько формальных преимуществ (образование, записи в трудовой книжке, информация в резюме, рекомендательные письма), а, прежде всего, содержание и

качество выполненной работы, оцениваемое на основании рейтинга, выставленного клиентами на профессиональных сайтах или виртуальных рынках труда (специализированных платформах).

Подобная регуляция или саморегуляция занятости имеет существенные последствия. Одним из них является постепенный отказ от обычной занятости и, соответственно, радикальная смена условий, выдвигаемых работодателем к найму работников. В массе, работники, стремящиеся к занятости в интернете, представляются как независимые профессионалы (самозанятые), их число значительно превышает количество тех, кто стремится воспроизводить нормальные отношения найма, то есть и в интернете иметь постоянную работу (таких всего около 10%) [2].

Для работников, пытающихся связать свою трудовую деятельность с новыми формами труда и занятости (в интернете), важную роль играет профессиональное общение в сети. Развитие такого направления профессиональной солидарности связано с высокой степенью виртуализации и автономизации труда, отсутствием традиционных связей и сетей поддержки в трудовом коллективе. Само профессиональное общение также трансформируется, повышается значение новых средств коммуникации, например, через образование профессиональных сообществ в социальных сетях, мессенджерах, развитие форумов и имиджбордов (это что такое?), и т.д. Лишь небольшая группа самозанятых в интернете продолжают «живое» общение. Наиболее характерно это для работающих в коворкинг-центрах (организации, предоставляющие отдельные рабочие места самозанятым работникам в офисных пространствах, наполненных всем необходимым оборудованием) или теледомах (объединение самозанятых интернет-работников, работающих и живущих в общем доме, коттедже, квартире).

Изучение практик самоактивизации лиц в поиске работы в сети интернет на базе профессиональных сообществ социальной сети “В Контакте” производилось с учетом того, что здесь сконцентрированы наиболее крупные русскоязычные профессиональные сообщества. Были собраны текстовые сообщения пяти специализированных групп, в которых суммарная численность пользователей составляет свыше 450000 человек. В качестве данных были использованы сообщения за январь 2016 г. в количестве 3677 сообщений, которые систематизировались по ключевым словам и содержательно интерпретировались.

В контексте поиска работы, сообщения содержат скрытую или явную саморекламу/самопрезентацию исполнителей и заказчиков.

Все сообщения делятся на две большие группы. Во-первых, часть размещается на “Стене” сообщества. Они исключительно посвящены поиску заказов или исполнителей. Данный раздел виден зашедшему пользователю в первую очередь, поэтому он пополняется новой информацией наиболее динамично. Во-вторых, выделяются сообщения, которые размещаются в разделе “Обсуждения”. Тематически сформированный раздел содержит разнообразные темы, в которых формируются отдельные ветки. Самыми популярными являются сообщения о предложении профессиональных услуг, объявления о вакансиях, а также знакомства, которые можно назвать созданием профессиональных контактов и обсуждения профессиональных вопросов. Отметим, что поиск заказов и исполнителей в данных сообществах доминирует (содержат наибольшее число сообщений, постоянно обновляется и т.д.).

Налаживание профессиональных контактов у пользователей также часто происходит в целях саморекламы и самопрезентации. Среди самих участников сообществ, выделяются две подгруппы: «новички» и «опытные». Если «новички» в большей степени открыты к знакомству, общению, поддержке, то «опытные» здесь преследуют исключительно цели поиска работы или исполнителей.

Формы самопрезентации или саморекламы у пользователей различны. Достаточно часто сообщения снабжаются ссылками на портфолио или на примеры уже выполненных работ (графических, аудио и видео). Наряду с представлениями доказательств своей профессиональной компетенции, используется часто такая форма саморекламы, как визуальное и смысловое выделение своих сообщений на фоне других (например, при помощи цветовых решений или так называемых «продающих» фраз - ярких выражений, обращенных к целевой аудитории).

Доминирование самопрезентации и саморекламы при поиске работы в границах профессиональных сообществ может быть связано с высокими экономическими рисками и надеждами, которым подчинены самозанятые в сети интернет. Эти риски и надежды связаны, прежде всего, с высокой конкуренцией среди ищущих работу, не ограниченной (как в обычных случаях) локальными условиями. У самозанятых интернет-работников больше шансов стать уникальным специалистом или опередить конкурента в отсутствие территориальной сегментации

рынка труда. Сеть стирает подобные правила, позволяя искать подходящие заказы без ограничений, но, одновременно, делает конкуренцию глобальной, а выбор работника – случайным, при массовом равенстве квалификаций и способностей. Из-за этого повышается значимость различных способов саморекламы и самопрезентации. Такая неоплачиваемая никем деятельность становится частью занятости, даже в то время, когда есть текущая работа. В противном случае, сразу после окончания проекта, человек оказывается автоматически безработным.

Анализ сообщений показывает, что работники понимают и осознают свое положение, поэтому каждому заинтересованному в поиске работы или исполнителя приходится регулярно обновлять свой «профиль/портфель». Однако данная стратегия, видимо, не слишком эффективна, поскольку с течением времени активность пользователей снижается.

Вероятно, низкая эффективность средств самопоиска работы стимулирует развитие посреднической деятельности в профессиональных сообществах. Так, в сети формируется новая профессиональная деятельность – специалист по поиску клиентов. Если в обычном мире этим занимаются службы занятости и кадровые агентства, то сетевом рынке труда действуют независимые агенты. Оплата услуг агента составляет фиксированную сумму или определенный процент от осуществленной сделки. Часто самозанятые обращаются сразу к нескольким агентам, поскольку таким образом надеются обеспечить быстрый поиск заказов или исполнителей, кроме того, таким образом обеспечивается возможность в подборе более дорогостоящих заказов или менее дорогостоящих исполнителей.

Практики самопрезентации и самоактивизации ищущих работу в сети интернет, видимо, являются эффективными, поскольку в изученных профессиональных сообществах, их число велико (как по поиску исполнителей, так и по предложению услуг). Однако, высокое число заказчиков и исполнителей существенно обостряет конкурентную борьбу в этом рынке.

1. Beck U. *Kapitalismus ohne Arbeit*^ Ulrich Beck über Mythen der Politik, globale Wirtschaft und die Zukunft der Demokratie // DER SPIEGEL. 1996. №20. pp. 140-146.
2. Хусяинов Т.М. Идентичность самозанятых интернет-работников // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2017. №1(45). С. 127-131.
3. Хэнди Ч. *Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего*. СПб., 2001. URL: http://corp.delovoimir.kz/books/Vremya_bezrassudstva.pdf

ВЛИЯНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ УЧАСТНИКАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОНЛАЙН-ИССЛЕДОВАНИЯ НА ЕГО КАЧЕСТВО

Тараненко А.С. (Санкт-Петербург)

Использование вознаграждений в социологических исследованиях стало особенно популярным с появлением интернет-панелей — базы данных потенциальных респондентов. Размер вознаграждения чаще всего определяется темой опроса, однако бывает, что обоснованием размера служит длина вопросника и технические сложности при его заполнении. Недостатком применения вознаграждений в интернет-опросах является то, что это увеличивает вероятность повторного участия респондента в исследовании [3]. Эту проблему можно решить, выплачивая вознаграждение через почтовые, а не электронные переводы. Тогда респонденту необходимо будет показать паспорт перед выдачей денег, а значит, получить вознаграждение дважды ему не удастся [2]. Однако, вероятно, ввиду сложности процесса выдачи оплаты, она привлечет меньшее количество респондентов, чем при электронном переводе.

В ситуации, когда плата за участие в исследовании стала устоявшейся практикой не только в частных, но и в академических и правительственных исследованиях, встает вопрос о том, насколько эффективна такая стимуляция, как она влияет на качество исследования и насколько этично ее применение. При подготовке текста в основном использовались оффлайн-исследования, однако на основании них допустимо делать выводы и об онлайн-исследованиях.

Основной причиной использования материального вознаграждения является стремление ускорить и упростить процесс рекрутинга за счет уменьшения количества отказов от участия. Наибольший эффект оплата имеет в тех исследованиях, в которых частота согласия без вознаграждения была низкой. Это означает, что вознаграждения особенно необходимы, когда

отсутствуют другие стимулы к участию (например, интерес, альтруистические или личные мотивы) [8].

Оплата также позволяет привлечь к участию респондентов, когда это сопряжено с риском (например, если есть вопросы о нелегальных действиях); когда предполагается выполнение каких-либо трудных и необычных требований (например, заполнение теста с сензитивными вопросами); когда другие организации обычно выплачивают вознаграждение представителям целевой группы (например, врачам) [6].

И все же не рекрутинг является главным при проведении исследования. Намного важнее — качество и полнота предоставляемых данных. В большинстве случаев респонденты, получившие деньги за участие, пропускают меньше вопросов и дают более развернутые ответы на открытые вопросы. Более того, теория мотивации утверждает, что люди, получившие вознаграждение, будут давать максимально полную информацию, в то время как остальные, чувствующие себя уязвленными, могут не прикладывать больших усилий при ответе [8].

В последние годы среди социологов появилось осознание того, что, равно как вознаграждение может уменьшить частоту отказов от участия в исследовании, оно так же может повысить показатель системной ошибки [6]. Например, участники с оплатой могут плохо концентрироваться на задании. Одна из возможных причин здесь в том, что использование разных вознаграждений в одном исследовании может непреднамеренно повлиять на настроение участников, расстроив тех, кто получил меньше, и обрадовав тех, кто получил больше [9].

Неоднозначные результаты исследований на эту тему не позволяют с уверенностью говорить о влиянии вознаграждения на настроение, хотя его возможность все же стоит учитывать при составлении опросника, конструировании дизайна исследования и даже при формулировании методологических вопросов, лежащих в его основе.

Другим негативным влиянием выплат является, так называемый, «скользкий путь». Это последствие сказывается не на отдельном проекте, а, постепенно накапливаясь, на всей науке. Дело в том, что если респонденты уже участвовали в исследованиях не просто из чувства гражданского долга, то в дальнейшем они будут ожидать компенсации за предоставление любой информации.

Еще одна проблема касается этики. Исследователь, имеющий то, в чем нуждается респондент или испытуемый (например, деньги), обладает властью над ним. В такой ситуации ученый сознательно или бессознательно часто прибегает к принуждению и эксплуатации. Можно сказать, что привлечение к участию с помощью средств, которые необходимы потенциальным испытуемым, уже является принуждением. Чтобы избежать этого, необходимо делать минимальный акцент на вознаграждении, а его размер не должен быть слишком большим. Более того, и социолог, и участники должны понимать, что последние вправе в любой момент уйти из проекта.

Есть еще один этический вопрос, который неизбежно возникает при работе с вознаграждениями — насколько их выплаты справедливы по отношению к тем, кто изначально был согласен на сотрудничество? Это же относится к исследованиям, в которых в рамках одной выборки участники получают или не получают оплату в зависимости от характеристик, которыми они обладают. Конечно, ответ на этот вопрос зависит от целей и возможностей исследователя, однако его необходимо учитывать при планировании распределения вознаграждений [9].

Ученому важно уметь применять весь спектр уже имеющихся данных об «эффекте» выплат при формировании структуры распределения вознаграждений и планировании самого исследования, не забывая о том, что не всякая выплата будет иметь положительный эффект. Выплаты участникам исследования, увеличивающие возможности социолога и качество получаемых данных, должны становиться все более популярной практикой в исследованиях.

1. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1998. с. 77.
2. Гулько Е. Ю., Вишнякова М. В. Рекрутинг как ключевая проблема социологических онлайн исследований // Молодой ученый. 2014. №18. С. 487-490.
3. Филиппова Т.В. Социология в Интернете. 2000. URL: <http://ecsocman.hse.ru> (дата обращения: 14.06.2017).
4. Brügger E., Wetzels M., Ruyter K., Schillewaert N. Individual differences in motivation to participate in online panels: the effect on response rate and response quality perceptions // International Journal of Market Research. 2011. №3. p.369–390.
5. Curtin R., Singer E., Presser S. Incentives in Random Digit Dial Telephone Surveys: A Replication and Extension // Journal of Official Statistics. 2007, №1. pp. 91–105.

6. COPAFS Incentive Conference. Session II: Use of Incentives – Who, What, Where, When, Why, and How? URL: <http://www.copafs.org> (дата обращения: 25.06.2017).
7. Massey D. *The Nonresponse Challenge to Surveys and Statistics*. Philadelphia: SAGE, 2013. P. 116.
8. *Studies of Welfare Populations: Data Collection and Research Issues*. Washington, DC: The National Academies Press, 2001, p. 105-128.
9. Webster M., Sell Jr. and J. *Laboratory Experiments in the Social Sciences*. California: Elsevier, 2007. p. 254-259.
10. Westra A., Sundukchi M., Mattingly T. *Designing a Multipurpose Longitudinal Incentives Experiment for the Survey of Income and Program Participation*. 2015. URL: <https://fcs.sm.sites.usa.gov> (дата обращения: 30.06.2017).

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ВЛИЯНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ

Фирсуткина М.С. (Москва)

Аннотация: В этой статье автор аргументирует необходимость изучения влияния социальных медиа на изменение потребительских практик населения. Выделяются факторы, обуславливающие потребление индивида, выделяются тенденции изменения потребления в России. Характеризуется изменение коммуникации, вследствие популяризации социальных медиа, а также последующее изменение практик потребления.

В период становления «общества потребления» в России изучение потребительских практик населения становится все более актуальным. Потребление благ стало служить системой идентификации индивида, начало определять стиль и ритм жизни человека. Множество статей пишется о разнообразных практиках, стратегиях потребления различных групп людей. Параллельно с процессом изменения потребления, происходит и изменения коммуникации людей, которую все большим образом стали формировать социальные медиа. Поэтому вопрос возможного влияния Однако представляется актуальным рассмотреть возможное влияние все возрастающего количества социальных медиа, разительным образом изменили характер коммуникации людей и их образ жизни.

На потребительские практики множество различных факторов, которые можно разделить на две большие группы:[4]

Внутренние факторы, включающие в себя:

- пол
- возраст
- жизненный этап
- демографические характеристики
- образование, ценности
- стиль жизни
- вкус
- психологические характеристики индивида

Внешние факторы, к которым относятся:

- культурные, которые формируют ценностные ориентации населения
- социальные (референтные группы, социальный статус, социальная роль, социальное окружение, социальный класс, реклама, информационное воздействие, массовые коммуникации, модные тенденции).
- экономические (экономическое положение индивида, экономическая ситуация в стране). Проблему потребления прежде всего изучают экономисты, которые описывают потребление как переменную зависимую от дохода индивида и цены на товар;
- политические (политическая ситуация в стране, внешняя политика государства). Политическая ситуация в стране влияет на все процессы в обществе, в том числе и на потребление;
- национальные (этническая принадлежность, обычай, национальные традиции). Экономические и этнические процессы, безусловно, взаимосвязаны, несмотря на то, что некоторые исследователи подчеркивают первенство экономических.

Потребление за последние десятилетия претерпело существенные изменения. В этой статье потребление будет рассматриваться с точки зрения «стиля потребления». Стиль потребления - это устойчивые формы использования тех или иных благ, свободно выбранные индивидом в пределах рамок, навязываемых образом жизни[1]. Усиливающаяся фрагментация системы ценностей и

образа жизни приводит к ситуации, когда параллельно может возникать и существовать несколько различных моделей потребления.

Исследователи выделяют важной особенностью потребления постсоветских стран - ограниченный доступ к практикам массового потребления наряду с высокой ценностью таких практик. Население, обладая небольшими ресурсами, на фоне стремления к западным образцам потребления формирует функциональные и фрагментарные практики, потребления, практики, в которых социальные мотивы часто не соответствуют экономическим возможностям потребителя и его ресурсной базе[2].

Последнее десятилетие ознаменовалось бурным ростом новых способов коммуникации посредством новых медиа и социальных медиа. Можно выделить две существующие тенденции[3]:

1. Распространение интернета привело к формированию новых способов идентификации личности, которая проявляется в большей индивидуализации индивида и акцентировании его внимания на его собственном стиле жизни

2. Стиль жизни индивида стало больше подвергаться внешнему влиянию. Эта тенденция представляется наиболее важной при изучении изменения стилей потребления населения.

Более того, необходимо отметить, что социальные медиа конструируют сложную модель коммуникации, в которых выстраивается своя социальная структура с системой ценностей, норм и ролей, которые обуславливают потребительское поведение индивида. Также все возрастающая роль рекламы в социальных медиа влияет на потребительские практики населения. В конце концов во множестве случаев мода конструируется и формируется в социальных медиа, а именно мода является главным фактором, определяющим демонстративное потребление населения.

Таким образом, принимая во внимание такие изменения в социальных практиках, населения, можно предположить, что характер, содержание коммуникации в социальных медиа влияют на потребительское поведение индивида и, ввиду отсутствия исследований по данной тематике, требуют дальнейшего изучения.

1. Ильин В.И. Социология потребления [Электронный ресурс] : дистанционный курс лекций. URL: www.consumers.narod.ru (дата обращения: 10.10.2017).
2. Линцова Н. Ю. Модели стилей потребления в трансформирующихся обществах // Социологический альманах. 2014. №5. С.197-205
3. Максимова Ольга Александровна «Цифровое» поколение: стиль жизни и конструирование идентичности в виртуальном пространстве // Вестник ЧелГУ. 2013. №22
4. Попсуева Александра Анатольевна Экономическое поведение потребителя и его демонстративные характеристики // Теория и практика общественного развития. 2016. №6. С.23-25

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОНЛАЙН-ИССЛЕДОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, НА ПРИМЕРЕ ГБУ ГОРОДА МОСКВЫ «ССИНМП ИМЕНИ А.С. ПУЧКОВА».

Фобьянчук А.А. (Москва)

Аннотация: В тезисе рассматривается социологический метод – онлайн-опрос, на примере станции скорой и неотложной медицинской помощи имени А.С. Пучкова. Такой метод практического применения, основанный на научном подходе, дает необходимые возможности в эффективности управления и функционирования организацией.

Применение социологических методов в практической деятельности позволяет не только выявлять общественное мнение населения, но и является главным звеном в процессе принятия решений. Методы социологического исследования в таком процессе необходимы для более полного и эффективного функционирования бизнес организации предприятия.

Эффективность принятия решений требует постоянного процесса совершенствования путем научного подхода, построения различных моделей и ситуационного анализа в данной области.

Руководителю любого уровня, в своей деятельности очень часто приходится принимать решения, в этом случае необходимо опираться на достоверность информации получаемой как из внутренней среды организации, так и из внешней. Помощь в построении управленческих моделей

принятия решений основанной на достоверности информации оказывают качественные и количественные методы социологического исследования.

Применение компьютерных технологий все активнее применяется на практике не только среди личного общения между пользователями социальных сетей, но и организациями различной организационно-правовой формы.

Последнее время все более популярность получает онлайн общение, как один из механизмов внешней коммуникативной среды организации. Необходимость исследования закономерностей в этой сфере объясняется самой природой социальных отношений между пользователями. Ведь, основная задача, как перед государством, так и бизнесом стоит в улучшении качества предоставления услуг населению.

Я хотел бы рассмотреть свою тему в более конкретной деятельности – сфера здравоохранения. В настоящее время здравоохранение, как и другие отрасли хозяйственной деятельности, находится в периоде обновления. В этот период происходит поиск и применения необходимых, передовых технологий, которые в перспективе должны играть основную роль в эффективности работы всей системы здравоохранения. В своей работе «Эффективность взаимодействия субъектов социальной сферы на примере ЕМИАС города Москвы», я рассматривал успешное применение информационных технологий в сфере здравоохранения города Москвы. Для пациентов такая система представляет собой, получение количественной информации, но настоящая программа несет в себе довольно широкие ресурсы применения. И по мере необходимости привлечения различных специалистов из других областей деятельности, дает возможность эффективного и качественного ее применения. Прошло несколько лет, данная технология стала неотъемлемой частью работы всей системы здравоохранения в городе Москве.

В социологии основным методом сбора первичной информации является опрос. Метод опроса постоянно совершенствуется, опираясь на научные основы и неразрывной связью с практической деятельностью. История метода опроса берет свое начало с 19 века, постепенно изучаясь и совершенствуясь, отражая потребности общества в таком методе на каждом этапе исторического события. С развитием сети Интернет, в 1990 – е возрастает интерес к онлайн-опросам. Онлайн-опросы помогают ускорить сбор первичной социологической информации в исследовательских целях. На практике такой метод широко применяется в организациях для эффективности принятия решения.

Онлайн-опрос – это один из методов сбора данных, предполагающий размещение анкеты респондента в сети интернет открытом или ограниченном доступе. Чаще всего респонденты, оповещаются о ходе опроса и получают ссылку на анкету.

Как уже и говорил выше, проведение онлайн -опросов не только прерогатива для коммерческой деятельности, когда мы постоянно сталкиваемся в повседневной жизни с агрессивным маркетингом. Такой опрос необходим и является неотъемлемой частью для принятия управленческих решений в администрировании с различной организационно-правовой формой.

Приведу пример работы в этом направлении ГБУ города Москвы «Станция скорой и неотложной медицинской помощи имени А.С. Пучкова». Руководство организацией уверенно и грамотно старается внедрять современные технологии, мотивируя своих сотрудников к такой деятельности. В рамках своего доклада коснемся только нашей темы «онлайн исследованиях». На сайте скорой помощи города Москвы <http://mos03.ru/> постоянно ведется работа в этой области. На данном сайте для населения специально создан раздел <http://mos03.ru/opros/otsenka-kachestva.php> социологических опросов с помощью анкет, по независимой оценке качества оказания медицинских услуг. Кроме того по телефону, граждане могут в любое время оставить свои благодарности, замечания и предложения о работе станции скорой помощи. Все обращения граждан фиксируются и анализируются.

Поступающая информация анализируется и по необходимости учитывается в организационной работе самой станции. Положительной чертой такого механизма является не только улучшения работы организации, но и возможность научного исследования в этой области, для дальнейшего совершенствования метода онлайн-опроса.

Преимуществом такого метода достаточно, основной из них это широкий охват населения. При проведении опроса практически не сказывается влияния интервьюера на респондента.

В этом методе есть и недостатки, такие как: в опросе участвуют только граждане заинтересованные в данной проблеме; не все респонденты имеют доступ к сети или не умеют пользоваться компьютером и т.д..

Поэтому, при онлайн исследованиях необходима тщательно продуманная организация их проведения, основанная на научном подходе.

1. Корытникова Н.В. *Методика онлайн-опроса в исследованиях пользователей Интернета*, М. 2012. 155 с
2. Плавунов Н. Ф. *Интегративное управление многопрофильными больницами в современный период реформирования здравоохранения: диссертация доктора медицинских наук*. Москва, 2004.
3. Фобьянчук А. А. *Эффективность взаимодействия субъектов социальной сферы на примере ЕМИАС города Москвы. Материалы научно-практической конференции X Ковалевские чтения 13 - 15 ноября 2015 г. -СПб.: ГУ/СПб., 2015.*

ИЗМЕРЕНИЕ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИ ПОМОЩИ ОТКРЫТЫХ ДАННЫХ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ПОП-МУЗЫКИ)

Юдина Д.И. (Санкт-Петербург)

Популярная музыка, помимо своих развлекательных функций, является одним из индикаторов, отражающим сложность и разнообразие массовой культуры. Относительно российской поп-музыки те, кого можно назвать экспертами в этой области, часто публично высказывали мнение, что эта сфера в течение последних 5-7 лет либо стагнирует, либо деградирует. Очевидно, что интерес к отечественной поп-музыке у граждан России падает, но, возможно, это связано не с ухудшением качества культурного продукта, а с большим и все увеличивающимся предложением песенно-музыкального рынка.

Одним из методов проверки «качества» песен является анализ сложности и разнообразия языка текстов песен. В докладе будет представлен метод измерения сложности текста, разработанный на основе подсчета частоты сочетаний слов в русском языке: словаря биграмм, созданного на выборке национального корпуса русского языка [1]. На статистиках, предоставляемых этим методом, проанализирована динамика изменения языковой сложности и разнообразия песен по годам (на выборке лауреатов премии Золотой Граммофон), подсчитан рейтинг самых «простых» и самых «сложных» в текстовом отношении песен.

[1] *Национальный корпус русского языка. Частоты словоформ и сочетаний. URL: <http://www.ruscorpora.ru/corpora-freq.html> (дата обращения: 09.10.2017)*

ОНЛАЙН-ИССЛЕДОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ДОСТОИНСТВА И ТРУДНОСТИ

Ярмак О.В., Дерюгин П.П., Сивоконь М.В. (Севастополь)

Цель нашего выступления заключена в освещении актуального вопроса об использовании интернет-технологий «как принципиально новой исследовательской среды» [1] применительно к исследованиям корпоративных ценностей. Исследователи цифровой революции и новых форм энергетики, в частности, Джереми Рифкин, подчеркивает, что использование онлайн-методов в социологических исследованиях трансформирует привычное представление о возможностях диагностики. Наряду с этим обращение к анализу феноменов социологии организации, включая диагностику корпоративных ценностей, составляет скорее исключение [2]. Главная особенность таких исследований заключена в практически мгновенном получении интересующих данных о корпоративных ценностях позволяет быстро получать более целесообразную и оперативную информацию, что в свою очередь влияет на решение целого ряда прикладных задач, задач управления, социальной работы и пр.

Помимо высокой скорости осуществления процедур исследований онлайн-опросы обладают такими важными достоинствами как анонимность ответов, достижение большого объема выборки респондентов, относительная дешевизна проведения исследований и др., которые для проведения прикладных социологических исследований в организации приобретают особо важное значение. В макросоциологических исследованиях онлайн-опросы применяются начиная с 1960 г., однако действительный массовый характер такие опросы приобрели в 1980 гг., когда объектами исследований стали многочисленные организации различных форм собственности и назначения.

Поэтому накопление опыта построения алгоритмов диагностики корпоративных ценностей достоинств и трудностей их осуществления составляет определенный научный и практический интерес для исследователей развивающих это направление социологической науки.

Корпоративные ценности представляют собой надындивидуальные образования, в которых в самых непредсказуемых вариантах могут сочетаться разнообразные их характеристики и свойства. Без проведения онлайн-опросов и использования других достоинств интернета как средства связи исследователя с респондентами практика диагностирования ценностей количественными методами становится практически нецелесообразной. Длительный период времени по сбору, обработке и презентации получаемых данных по существу сводит на нет все усилия затраченные на проведение такого исследования.

Многомерный характер корпоративных ценностей всегда предполагает непростые исследовательские процедуры, одновременно охватывающие множество индикаторов, признаков и показателей, что делает традиционные подходы к диагностике корпоративных ценностей практически непригодными. И поэтому моделирование корпоративных ценностей как сети взаимозависимых элементов остается непростой задачей для большинства исследований.

В нашем случае из всей совокупности корпоративных ценностей, в которые включены экономические, политические, эстетические и пр., были выделены как наиболее важные ценности - качества личности, точнее, изучении качеств личности, которые сотрудники корпорации признают значимыми. В данном случае мы опираемся на методологические установки понимающей социологии, в которых подчеркивается особый гуманитарный смысл корпоративных ценностей, которые следует изучать социологией.

В построении методической процедуры нами была взята за основу идея Л. Фестингера, согласно которой одни и те же качества по-разному будут оцениваться у положительного эталона личности, т.е. у человека, который может выступать образцом подражания для респондентов, у самого себя и у отрицательного эталона. Все качества личности в данном случае мы классифицировали на четыре группы: деловые, коммуникационные, коллективистские и качества хорошего человека. Более подробно настоящая методика изложена в публикации [3]. Далее была создана программа интернет-опроса, позволявшая в короткие сроки опрашивать большой массив респондентов с различными критериальными характеристиками (место рождения – деревня, поселок, крупный город, пол, возраст, наличие опыта управления и пр.).

Нами были опрошены три группы респондентов. Одну группу респондентов представляли люди, не работающие в корпорациях (случайная выборка $n = 2315$ чел.). Вторую группу представляли сотрудник корпорации с устоявшимися традициями и ценностями (случайная выборка $n = 157$ чел.). Третью группу - сотрудники корпорации, которая только проходила стадию становления (случайная выборка $n = 125$ чел.). Основной целью исследования было выявление сетевых характеристик ценностей и различий в ценностных системах среди респондентов обозначенных групп респондентов (общество – успешная, сложившаяся корпорация – корпорация на этапе становления). Вариант модели системы ценностей, полученных по результатам этой исследовательской процедуры показан на рисунке 1.

Рис. 1. Сети корпоративных ценностей

В целом онлайн- исследование корпоративных ценностей дает возможность решать ряд таких исследовательских задач, которые при использовании иных методических процедур не позволяют выработать необходимые рецепты и рекомендации, используемые в дальнейшей практической деятельности.

К числу таких преимуществ следует отнести:

- возможность исследования большого количества респондентов по целому ряду ценностных позиций, позволяющих собирать обширный исследовательский материал;
- упрощенный способ доступа респондентов к инструментам исследования, быстрый и простой способ оценивания предлагаемых к ранжированию ценностей;
- возможность трансляции получаемой презентации системы ценностей на большие расстояния и обеспечение всех участников исследования необходимой и наглядной информацией о сложившихся ценностях в корпорации;
- одномоментность фиксации ценностей большого числа респондентов на коротком промежутке времени, что повышает возможность сравнения полученного результата в единых координатах;
- обеспечение анонимности ответов о действительных ценностях сотрудников корпорации и некоторые другие.

Что касается трудностей исследования корпоративных ценностей, то следует упомянуть о необходимости технической обеспеченности респондентов – участников онлайн-опросов и некоторый опыт заполнения таблиц в электронной форме, что при дистанционном варианте изучения корпоративных ценностей может вызывать некоторое напряжение; невозможность исследователя оказывать помощь или комментировать неясные вопросы в анкете; трудности контроля за осуществлением процедуры исследования; смещение выборки респондентов к утилитарному подходу, без соответствующей мотивации участия в исследовании и некоторые другие.

1. Девятко Инна Феликсовна *Онлайн исследования и методология социальных наук: новые горизонты, новые (и не столь новые) трудности.* <http://www.marketing.spb.ru/lib-research/methods/online.htm> (Дата обращения: 13.09.2017)
2. Давыдов С.Г., Казарян К.Р., Лагунова О.С. *Опыт прогнозирования развития российской онлайн-индустрии\Онлайн-исследования в России: тенденции и перспективы.* Под ред. А.В. Шапкина, И.Ф. Девятко, С.Г. Давыдова. М., «Издательство МИК», 2016 г., с. 35-64.
3. Дерюгин П.П., Шляева А.С., Тарасова О.О. *ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА РЫНОК: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ МЕТОДИКИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.* Дискурс. 2015. Т. 1. С. 83-90.

СЕКЦИЯ 7: СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ М2М ТЕХНОЛОГИЙ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Ардельянова Я.А. (Москва)

Развитие информационных технологий, стремительно ускоряется, затрагивая и трансформируя базовые социальные институты, структуры социальных отношений, взаимодействий и жизнь отдельного человека. Несомненно, актуальным для современной социологии является изучение влияния информационных технологий на социальные трансформации, в частности ввиду оценки основных рисков, и угроз, которые они несут для общества.

Межмашинные технологии (M2M, machine-to-machine) вошли в жизнь современного человека в рамках четвертой промышленной революции. Технологии M2M можно определить как определенную категорию информации и вычислительных технологий, объединяющие коммуникации, компьютерные и энергетические технологии, позволяющие дистанционно объединяться с физическими, химическими и биологическими системами [1]. Эти технологии позволяют объединять удаленные объекты для автоматизации различных процессов. Подобные технологические системы уже давно функционируют на рынке различных услуг, и по мнению специалистов являют собой основу или подмножество «интернета вещей» (The Internet of Things IoT). Можно заключить, что развитие данных технологий характеризует третий этап развития сети Web 3.0, когда не только люди, но и вещи начинают взаимодействовать между собой, инициировать транзакции, оказывать влияние друг на друга [2].

Несомненно, данные технологии не могут не оказывать серьезное влияние на социальную жизнь. К основным социальным трансформациям, вызванным массовым применением технологий M2M можно отнести следующие: 1) Изменение структуры межличностной, межгрупповой коммуникации, на которую оказывает серьезное влияние появление новых видов взаимодействий, человек-вещь и вещь-вещь. Межличностная коммуникация уходит на второй план, вещи начинают принимать на себя функции, которые должны выполнять другие люди. 2) Изменение ролевого наполнения статусов, который характеризуется тем, что люди перестают выполнять определенные роли, предписанные носимыми им статусами. В основном это касается семейных отношений. 3) Процессы трансформации рынка труда, которые характеризуется, как устареванием ряда

профессий, так и появлением необходимости новых. 4) Трансформация систем социального контроля. Ввиду того, что само существование межмашинных технологий подразумевает определенный уровень доверия технической системе, минимизируя контроль и затраты со стороны человека, то и соответствующие риски и возникновение новых. Также из данной проблемы вытекает следующее закономерное изменение, с которым общество и государство столкнулось уже - падение уровня доверия между индивидами, группами и институтами, по причине того, что человек будет находиться в системе тотального контроля со стороны машин [3].

Вопросы, связанные с проблемами безопасности и доверия системе M2M коммуникаций в современном мире находятся в фокусе внимания многих исследователей [4]. Возможно, разобравшись не только в технической стороне вопроса, мы сможем предотвратить серьезные негативные последствия и трансформации, которые смогут вызвать технологии межмашинного взаимодействия.

Последнее время все большую популярность приобретают «умные» вещи, связанные со здоровьем человека, вещи, которые позволяют осуществлять контроль за состоянием здоровья, напоминают человеку, когда и какие медикаменты ему нужно принимать, какой образ жизни вести и т.д. Получается, что человек им доверяется, и просто отпадает ненужность в самоконтроле, вещи все за человека все спланируют, напомнят, направят. Это серьезный «побочный эффект» массового распространения M2M технологий в нашей жизни, которое влечет серьезные трансформации в вопросах самоконтроля человека, и повышающейся зависимости его от вещей.

Среди исследователей IoT и M2M технологий мнения относительно того, к какому сценарию развития общества приведет данное технологическое новшество, расходятся. Обычно взгляды делятся полярным образом, представляется все же целесообразным именно социологическое изучение данного вопроса, где будут подробно рассмотрены и спрогнозированы модели развития коммуникации между человеком и вещами.

1. J. B. Brazell, L. Donoho, J. Dexheimer, R. Hanneman, G. Langdon, and E. Evans, "M2M: The Wireless Revolution. A Technology Forecast, Implications for Community Colleges in the State of Texas", Texas State Technical College System and IC2 Institute, University of Texas Austin, 2005.
2. *Internet of Things (IoT) & Machine-To-Machine (M2M) Communication Market* By Technologies & Platforms (marketsandmarkets.com).
3. Маркеева А. В. Интернет вещей (iot): возможности и угрозы для современных организаций // Общество: социология, психология, педагогика. — 2016. — № 2. — С. 42–46.
4. C. Inhyok, Y. Shah, A. U. Schmidt, et al., "Trust in M2M communication," *Vehicular Technology Magazine, IEEE*, vol. 4, no. 3, pp. 69-75, Sep. 2009.

ВОЗМОЖНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ГЕЙМИФИКАЦИОННЫХ СТРУКТУР В КАЧЕСТВЕ СТИМУЛИРУЮЩИХ ЭЛЕМЕНТОВ

Баланцева Е.М. (Волгоград)

В настоящее время мнения учёных относительно временных промежутков, разделяющих поколения, разнятся – одни называют миллениалами людей, рождённых в период с 1980 по 2000 года, другие – с 1985 по 1997. Однако, несмотря на это, миллениалов условно можно отнести к двадцатилетним – тем, кто только выходит на рынок труда и в самое ближайшее время грозят заполнить его своей численностью, что, соответственно, требует глубокого изучения данной категории лиц, чем уже озаботились многие управленцы. Поколение Игреков существенно отличается от поколения Иксов, отличительными их чертами являются индивидуализм, эгоизм и желание сразу же получить отдачу от проделанной работы, стремление к свободному графику и непризнание авторитетов, и для их мотивации и стимулирования уже не подходят разработанные и успешно испробованные на Иксах конструкции. Игреки – это поколение геймеров, и одним из наилучших способов стимулировать их к успешной рабочей деятельности является геймификация.

Геймификация не является процессом непосредственного создания игры в реальной жизни на манер виртуальных пространств, это прежде всего проектирование систем, сосредоточенное на человеке, которое оптимизирует эту систему для комфорта использования человеком, активацию его чувств, мотивации и вовлеченности, что в конечном результате повышает эффективность самой системы [1]. Проще говоря, геймификация является переносом некоторых игровых структур и элементов в повседневные человеческие практики. Это инструмент, дополняющий и

повышающий эффективность работы в организации при условии эффективного использования игровых методов или элементов, заимствованных из игр для стимулирования внешней и внутренней мотивации участников [2].

Мотивация – это совокупность движущих сил, побуждающих человека к целенаправленной деятельности. Согласно теории усиления мотивации Б. Скиннера, важнейшим аспектом мотивации является прошлый опыт людей – извлекая уроки из прошлого, люди стремятся браться за те задания, которые повлекли за собой положительный результат и удовлетворяющее их вознаграждение. Если раньше источником такого опыта служил только реальный мир и производимые в нём практики, то теперь у людей появилась возможность черпать его из виртуального мира – так, к примеру, было выяснено, что за счёт получаемого с детства в онлайн-играх опыта в управлении небольшими группами людей, умения фиксировать своё внимание на цели и её достижении, бизнесмены-геймеры в большей степени эффективны в своей деятельности, чем имеющие тот же стаж бизнесмены, не увлекающиеся играми [3].

Что интересно, игровые практики имеют свойство повторяться раз за разом, задания в виртуальных мирах редко, когда отличаются особой креативностью и построены по схеме «получил задание – убил необходимое количество монстров – получил вознаграждение». В реальной жизни подобные рутинные процессы вызвали бы у миллениала скуку и желание отказаться от работы, однако в случае с компьютерными играми он добровольно берётся за её выполнение, в связи с чем возникает вопрос – что есть такого в играх, что мотивирует игрока на выполнение этих действий, что способствует такой сильной вовлеченности в процесс?

Ответ на этот вопрос можно найти, обратившись к творчеству Юнга и его суждениям об архетипах – универсальные психические структуры, составляющие содержание коллективного бессознательного, распознаваемые в нашем опыте [4]. Одним из важных в данном случае архетипов является образ «агрессивного лабиринта», Героя и Чудовища, они чётко прослеживаются ещё в древних мифах о Тесее и Минотавре. Развил и переложил эту теорию на мир компьютерных игр в своих трудах Бурлаков И, разобрав данный архетип на основные компоненты: сам лабиринт, в котором неизменно заперто Чудовище и в который попадает Герой, Чудовище и Герой, целью которого является его уничтожение [5]. Этот архетип так и не был воплощён в жизнь в чистом виде, однако провести аналогии с реальным миром возможно. Так же миру компьютерных игр присущи следующие архетипы, выделенные психологом Кузнецовым:

1. Поход за силой. По сути, весь игровой процесс обычно сводится к усилению Героя для победы над главным Чудовищем, и весь путь от начала игры до её конца представляет собой получение опыта, необходимого для победы. По словам Джейн Макгонигал [6] этот путь в виртуальном мире упрощён тем, что Герою сразу же предлагаются задания, которые ему по плечу на данном этапе развития персонажа. Они заведомо выполнимы и за них мгновенно дают такую плату, на которую возможно что-либо приобрести на данной локации, вполне обеспечивая возникающие базовые потребности.

2. Смерть и воскрешение. Процесс игры предполагает, что персонаж будет умирать в процессе прохождения, и для того, чтобы пройти дальше, необходимо выработать определённую тактику, найти какую-нибудь хитрость на уровне. Игра раз за разом даёт ещё один шанс в случае неудачи, что позволяет геймерам не опускать руки и пробовать преодолеть препятствие до тех пор, пока не достигнет успеха.

3. Только победа. Игра рассчитана на то, что Герой в конце концов избавит мир от Чудовища и получит за свои старания самый главный и желанный приз, то есть воплотит цель своей жизни. В играх возможен только один исход – счастливый, это заведомо известно игроку и избавляет от всякого страха перед неудачей.

4. Бесстрашие Героя. В конце концов, сам герой – это просто схема, набор пикселей на экране, эмоции за которого испытывает геймер. Герой не боится неудачи, потому что игра всегда даст ему ещё один шанс, в конце пути его всегда ждёт успех, что искореняет само понятие страха из игрового процесса – игра может нагнетать его обстановкой, но будущее Героя заведомо известно, что убивает всякую неопределённость.

5. Центр мира. Герой появляется в самом центре своего мира, и в процессе игры сам им и становится – он значим, на него возлагают надежды, он знает, что в состоянии их оправдать.

Современное общество предполагает, что человек в состоянии справиться с лабиринтом, который представляет собой жизнь, и одолеть Чудовище – все встающие на пути препятствия, однако на деле это не всегда так. Именно эти пять архетипов, присутствующие в компьютерных играх, и стимулируют геймеров к продолжению своей деятельности и даже получению от неё

удовольствия, что немаловажно для миллениалов. Каждому человеку важно чувствовать себя значимым, и если у него не получается реализовать себя в реальной жизни, он уходит для этого в компьютерную игру. Соответственно, для успешной мотивации поколения Игрек необходимо применять геймификационные структуры с переносом перечисленных архетипов из игры:

1. Ставить перед человеком цепь из небольших взаимосвязанных задач, каждая из которых оплачивается сразу по выполнению, и в конце концов приводит его к реализации глобальной задачи. Такой подход к делу важен тем, что моментальное, пусть и небольшое, вознаграждение стимулирует миллениала к деятельности. В рамках геймификационных структур вознаграждение не обязательно должно быть материальным – виртуальные миры приучили геймеров к конкурентоспособности, и соревновательный эффект с выставлением промежуточных результатов и похвалой самых отличившихся так же может послужить неплохим стимулом к действию.

2. Искоренение страха неудачи. Зачастую именно этот фактор является тормозом для любого вида деятельности человека, в особенности если он не обладает достаточным опытом в данной сфере. Необходимо работать на уровне внушения, убеждая, что отступить – это нормально для каждого и никаких смертельных последствий ошибки за собой не влекут.

3. Признание индивидуальности и неповторимости каждой личности. Миллениалу важно чувствовать себя особенным, тем, без кого коллективный механизм не будет работать исправно, потому возникает необходимость индивидуального подхода к каждому человеку и вербальные установки на успех для каждого лично. Подобное отношение станет дополнительным воодушевляющим стимулом к деятельности.

1. Козина Е. С. Геймификация профессиональной деятельности как эффективный инструмент мотивации персонала современной организации / Е. С. Козина // Современные проблемы науки и образования. - 2015. - №2-2.

2. Зиккерман Г. Геймификация в бизнесе. Как пробиться сквозь шум и завладеть вниманием сотрудников и клиентов / Г. Зиккерман, Дж. Линдер // М.: Манн, Иванов и Фербер. - 2014. - 272 с.

3. Уэйд М. Доигрались! Как поколение геймеров навсегда меняет бизнес-среду / У. Митчелл, Дж. Бек // Изд-во: Претекст, - 2008. - с. 252.

4. Юнг К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг // Изд-во: Канон плюс, - 2015. - 336 с.

5. Бурлаков И. Психология компьютерных игр / И. Бурлаков // Изд-во: Класс, - 2000. - 144 с.

6. Макгонигал Дж. Как геймеры спасут мир [Электронный ресурс]: <https://snob.ru/selected/entry/20746>

МЕТОДИКИ ДИАГНОСТИКИ И МОДЕЛИРОВАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ В КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ

Баруздин И.А. (Санкт-Петербург)

Современные социальные трансформации ставят перед социологами множество вопросов, которые требуют понимания сущности социального поведения индивидов. Многие научные работы описывают современный мир как мир, лишённый границ, где размывается национальная идентичность. Увеличивается число транснациональных организаций, актуализируется проблема взаимопроникновения культур. По этой причине в последнее время вопрос о методиках построения моделей ценностей в корпоративной культуре вновь приобретает актуальный характер.

Под корпоративной культурой мы понимаем, прежде всего, систему ценностей в организации, в своей совокупности образующую нормы, установки, влияющие на деятельность индивидов [1]. В связи с чем важно учитывать, что всякая культура немислима без системы ценностей как универсума, придающего значение всей деятельности и жизни организации. Ценность определяется как «устойчивое убеждение в том, что определённый способ поведения или конечная цель существования предпочтительнее с личной или социальной точки зрения...» другим способам деятельности или другим конечным целям [2, стр. 85].

О важности моделирования ценностей в корпоративной культуре также свидетельствует тот факт, что модель позволяет целостно рассмотреть многие аспекты культуры различных социальных групп в одной организации, независимо от степени их тождественности. Анализ современной литературы показал, что на данный момент актуальными методами диагностики и

моделирования корпоративной культуры являются методы рамочных конструкций и сетевое моделирование [1, 3].

Наиболее известной и применяемой методикой рамочных конструкций является методика конкурирующих ценностей (OCAI) К. Камерона и Р. Куинна. В основе модели лежат две шкалы, отражающие совокупность параметров культуры по двум направляющим осям. Первая ось (ось X) включает в себя критерии адаптации организации к внешним условиям: дискретность и гибкость/контроль и стабильность. Вторая ось (ось Y) содержит критерии внутреннего состояния организации: внутренняя ориентация и интеграция/внешняя ориентация и дифференциация. Модель строится на основе анкеты, которая включает в себя шесть направлений: характеристики организации, стиль лидерства, отношение к трудовой силе, механизмы интеграции сотрудников, стратегические цели организации, критерии успеха. На каждый вопрос имеется 4 альтернативных варианта ответа (четыре типа корпоративной культуры), благодаря чему модель разделяется на соответствующие типы культур: клановая, адхократическая, рыночная и бюрократическая. Каждая культура определяется своей системой ценностей [3]. Так, для адхократической культуры характерны в большей степени ценности творчества и новаторства, для клановой – ценность человеческих ресурсов, единство и сплочённость. В рыночном типе культуры доминируют ценности конкуренции, для культуры бюрократического типа характерны ценности контроля и планирования. Таким образом, рамочная конструкция Камерона-Куинна позволяет выделить доминирующую культуру компании.

Вариантом модели рамочных конструкций корпоративной культуры может служить модель Т. Дила и А. Кеннеди [4, стр. 42]. Согласно выдвинутой ими концепции основными критериями, определяющими корпоративную культуру, являются скорость обратной связи (ось X) и степень риска (ось Y). Деление происходит по шкалам «медленная – быстрая», «низкая-высокая». Аналогично модели OCAI выделяются четыре типа корпоративной культуры: «Культура усердной работы», «культура процесса», «культура мачо», «культура инвестиций». Рамочной конструкцией также может считаться модель корпоративной культуры Г. Хофстеде, где в качестве главных характеристик автор предлагает следующие шесть показателей: ориентация на процесс/результат; ориентация на сотрудника/на работу; контроль (жесткий/слабый); система (открытая/закрытая); культура (прагматичная/нормативная); культура (цеховая/профессиональная) [3].

Приведённые выше модели рамочных конструкций объединяет наличие диаметрально противоположных параметров, характеризующих корпоративную культуру. В то же время важным представляется различие ключевых параметров, по которым следует определять культуру организации и, соответственно, её систему ценностей. Закономерен вопрос: какая типология наиболее полно отражает объект исследования?

Ответ на этот вопрос кроется в самом названии моделей. Культура организации, ядром которой является система ценностей, всегда уникальна и не может полностью объясняться в рамках какого-либо типа культуры. Модели рамочных конструкций не охватывают особенности корпоративной культуры и не могут её описать наиболее цельно, что является главным недостатком таких моделей. Кроме того для существующих методик (Камерона, Дила, и др.) характерно наличие типовых апробированных анкет, что с одной стороны позволяет оценивать культуру организаций унифицированным способом, но с другой стороны ограничивает исследователя заданными рамками и не учитывает, например, уникальные национальные особенности организаций.

Диаметрально противоположный подход диагностики корпоративной культуры предлагает Э. Шейн - автор «клинического исследования», согласно которому можно наиболее качественно исследовать главную составляющую культуры организации – её ценности.

Э. Шейн предлагает использовать в качестве теоретической рамки трёхуровневую модель, состоящую из артефактов, провозглашаемых ценностей и базовых представлений [5]. Под артефактами понимаются видимые организационные структуры и процессы, другими словами деятельность сотрудников и организация труда. Второй уровень провозглашаемых ценностей выражает пожелания руководства организации о ценностях, которые должны быть присущи трудовому коллективу. Уровень базовых представлений – это представления, формирующиеся вокруг фундаментальных аспектов существования человека.

Сетевое моделирование, основывающееся на теории сетей и сетевом анализе [6, 7], развивает трёхуровневую концепцию Э. Шейна и позволяет наиболее полно промоделировать корпоративную культуру, учитывая особенности организации. Условно данную методику следует

разделить на три части: 1. Включённое исследование организации (качественное исследование); 2. Анкетный опрос (количественное исследование); 3. Построение и анализ сети. Применение данной методики позволяет представить корпоративную культуру в виде сети, единицей анализа которой являются сотрудники организации, а в качестве взаимодействия между сотрудниками выступает система ценностей. Анализ сетевой модели корпоративной культуры проводится посредством изучения таких показателей индексов сети, как плотность сети, размерность сети, сила связи и другие.

Основным преимуществом данного подхода к моделированию видится возможность учитывать в модели наиболее полный спектр ценностей, присущих культуре организации и возможность масштабирования объекта исследования: модель показывает не только характер культуры в целом, но и находящиеся внутри неё субкультуры.

Заключая вышеизложенное, стоит отметить, что, поскольку природа ценностей корпоративной культуры может быть по своей сути очень разнообразной и в полной мере не отражается в рамочных моделях, то наиболее репрезентативной моделью в социологическом исследовании ценностей корпоративной культуры является сетевое моделирование. Широкие возможности сетевого моделирования представляются наиболее перспективными для исследования ценностей любых социальных групп и субкультур.

«Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №17-03-00862»

1. Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А., Баруздин И.А., Сивоконь М.В. Корпоративные ценности как объект сетевой диагностики: методология и опыт эмпирического исследования // *Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15–16 марта 2017 г. / отв. ред. А.В. Кулешова.* — М.: АО «ВЦИОМ», 2017. — 1605-1608 с.
2. Елишев С.О. Изучение понятий «Ценность», «Ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте // *Ценности и смыслы.* 2011. №2 (11). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/izuchenie-ponyatij-tsennost-tsennostnye-orientatsii-v-mezhdistsiplinarnom-aspekte> (дата обращения: 08.10.2017).
3. Горина Т.С. Применение типологий для изучения корпоративной культуры // *Вестник ВолГУ. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии.* 2013. №2
4. Лапина Т.А. Корпоративная культура - Учебно-методическое пособие. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. — 96 с.
5. Шейн Э. Организационная культура и лидерство 4-е изд. / Э. Шейн. — СПб. : Питер, 2013. — 352 с.
6. Князева, Е. И. Сетевая теория в современной социологии / Е. И. Князева // *Социология.* - 2006. - N 2. - С. 82-88.
7. Титов С.А. Исследование организационной культуры с помощью моделей социальных сетей // *Электронный журнал Cloud of Science.* 2015. Т. 2. № 2

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ В НЕЛИНЕЙНОЙ СЛОЖНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Басимов М.М. (Москва)

«Нелинейность» – фундаментальный концептуальный узел новой (синергетической) парадигмы, в том числе, и социологического исследования [17]. Но при этом можно отметить, что большинство социологов крайне далеки от концепции нелинейности в социологии, и это подтверждает 11 европейский конгресс «11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)», в тезисах которого «non-linear» или «nonlinear» как слово или часть слова встречается (кроме наших материалов [18, 19, 20, 21] только в 10 тезисах (всего около 3000 тезисов). При этом чаще это общие фразы о нелинейности и авторы далеки от конкретной реализации этой концепции.

Используя авторский подход к понятию статистической связи (нелинейной, линейной) [3, 5] в социологических исследованиях посредством реализации обобщенного варианта метода множественного сравнения [2, 4] для квантильных разбиений (триады, кварталы, квинты) данных по каждому измеряемому параметру, отказываясь от предварительного выдвижения гипотезы о форме зависимости (линейная или какой-то конкретный вид нелинейной зависимости), для изучаемой матрицы данных можно определить как формы зависимостей, так и степени их

выраженности на различных отрезках шкал рассматриваемых переменных [6, 7]. При реализации данного метода изучения связей вычисляются сравнительные весомости параметров Y для кварт (триад, квинт) по шкалам X (зависимость Y от X) и сравнительные весомости параметров X для кварт (триад, квинт) по шкалам Y (зависимость X от Y).

Изучение нелинейных связей по авторскому методу [22] ранее апробировалось в различных по содержанию социологических исследованиях: социология молодой семьи [14, 25], демографические планы населения [15, 24], социология профессий [23], здоровье и здравоохранение [16], политическая социология [1] и т.д. Кроме того, изучение нелинейных связей по авторскому методу [6, 7] апробировалось также в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология дошкольников и подростков [8, 9], этнопсихология [10, 11], психология профессий [12], психология стресса [13] и т.д.

Линейные зависимости по определению симметричны, и для них не важно, что является причиной (независимая переменная), а что следствием (зависимая переменная). Это определяется по воле исследователя, и часто диктуется интересами исследователя, его концепцией и моделью, его теоретическими доводами, субъективными взглядами на предмет исследования. Корреляционный метод и линейные связи, им выявляемые, не дают возможности выбирать направление связи. Причина и следствие в этом случае равноправны и могут интерпретироваться произвольно по воле исследователя.

В рассматриваемом социологическом исследовании изучались отношения к институту «гражданского брака», а также политические предпочтения студенческой молодежи.

Рассмотрим для примера три зависимости, в которых параметры, оценивающие результаты голосования или работу выборных органов являются следствием параметра "Субъективная оценка своего материального положения".

1. Зависимость параметра "Удовлетворенность результатами голосования на выборах президента РФ" (Y) от параметра "Субъективная оценка своего материального положения" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X :

$X-1$ ($Y = -459$); $X-2$ ($Y = +216$); $X-3$ ($Y = +312$); $X-4$ ($Y = +2161$)

Коэффициент силы связи = 0.80 (0.67)

Коэффициент корреляции = 0.13

Перед нами еще одна зависимость, которая по силе связи может интерпретироваться как в одну сторону, так и в другую, т.е. что причина, а что следствие методом анализа связей не определяется, но все-таки обычно это достаточно редкие исключения для нелинейных зависимостей. Зависимость параметра "Удовлетворенность результатами голосования на выборах президента РФ" от параметра "Субъективная оценка своего материального положения" – это монотонная возрастающая зависимость, характеризующаяся максимальным скачком зависимой переменной в конце при переходе с 3 на 4 кварту независимого параметра. Таким образом, только максимальная субъективная оценка своего материального положения (4 кварта) является причиной наибольшей удовлетворенности результатами голосования на выборах президента РФ (сравнительная весомость = +2161). Несмотря на монотонный характер зависимости и ее простую интерпретацию, коэффициент корреляции интереса не представляет (0.13).

Следующие две зависимости явно односторонние, т.е. параметр "Субъективная оценка своего материального положения" однозначно является причиной, влияющей на другие два параметра "Удовлетворенность работой президента РФ В.В. Путина" и "Удовлетворенность работой Государственной Думы РФ", влияние которых на параметр "Субъективная оценка своего материального положения" можно оценить как крайне слабое.

2. Зависимость параметра "Удовлетворенность работой президента РФ В.В. Путина" (Y) от параметра "Субъективная оценка своего материального положения" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X :

$X-1$ ($Y = +650$); $X-2$ ($Y = -218$); $X-3$ ($Y = -96$); $X-4$ ($Y = +2080$)

Коэффициент силы связи = 0.69 (0.28)

Коэффициент корреляции = 0.04

Зависимость удовлетворенности работой президента РФ В.В. Путина от субъективной оценки своего материального положения – это зависимость с минимумом и общим сильным возрастанием при сравнении 1 и 4 кварт независимого параметра (+650 и +2080). Определенную удовлетворенность работой президента РФ В.В. Путина (+650) испытывают те, кто явно однозначно низко оценивает свое материальное положение. Далее два средних уровня по оценке

своего материального положения, когда присутствует определенная неопределенность в его субъективной оценке, характеризуются минимумом удовлетворенности работой президента РФ В.В. Путина (-218 и -96). И только те, кто в основном субъективно удовлетворен своим материальным положением, высоко оценивает работу президента (+2080). Линейная корреляция близка к нулю (0.04) и абсолютно неинформативна.

3. Зависимость параметра "Удовлетворенность работой Государственной Думы РФ" (Y) от параметра "Субъективная оценка своего материального положения" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y= +1924); X-2 (Y= +29); X-3 (Y= -353); X-4 (Y= +251)

Коэффициент силы связи = 0.63 (0.20)

Коэффициент корреляции = -0.04

На этот раз только те респонденты, кто однозначно субъективно не удовлетворен своим материальным положением, высоко оценивает работу Государственной думы (+1924). На остальных квартах независимого параметра наблюдаются сравнительно незначительные колебания оценок работы Государственной думы (+29; -353; +251), которые можно охарактеризовать как низкие. Линейная корреляция также близка к нулю (-0.04) и абсолютно неинформативна.

Рассмотренные зависимости не вписываются в линейные модели и дают повод синергетического взгляда на сложные процессы социальной и политической жизни общества. Нелинейная социология – это новый подход к изучению социологических явлений, ставящий своей главной задачей изучение специфически нелинейных свойств социальных явлений.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а

1. Басимов М.М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.: ил. – (Политология России). – С. 474-491.
2. Басимов М.М. Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – С. 128-157.
3. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. Москва-Воронеж, 2008. – 432 с.
4. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
5. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.
6. Басимов М.М. Математические методы в психологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. – 183 с.
7. Basimov M.M. Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods). Monograph. – Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.
8. Басимов М.М. Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы "Развитие" // Мир психологии. – 2007. – №2. – С. 83-93.
9. Басимов М.М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. – 2007. – №4. – С. 142-158.
10. Басимов М.М., Хромов А.Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. – 2009. – №2. – С. 209-222.
11. Басимов М.М., Хромов А.Б. Актуальные жизненные проблемы в оценках студентов России, Индии и США // Ученые записки РГСУ. – 2010. – №2. – С. 140-155.
12. Басимов М.М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 54-57.
13. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 57-61.
14. Басимов М.М. Семья и демография в нелинейной социологии // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.5. Ч.1. Пивоваров Ю.С. (отв.ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 522-528.

15. Басимов М.М. Демографические планы жителей региона как объект синергетики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Часть 2. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. Ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН. 2011. – С. 195-203.
16. Басимов М.М. Здоровье и здравоохранение в демографическом исследовании как объект синергетики // Общество и здоровье: современное состояние и тенденции развития: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 19-20 сент. 2013 г.). – М., 2013. – С. 119-128.
17. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М.: КомКнига, 2005. – 240 с.
18. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of profession // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.
19. Basimov M.M. Multiple comparison in sociology of family // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.
20. Basimova P.M., Basimov M.M. Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 1346.
21. Basimov M.M. The analysis of the data in non-linear sociology // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 988-989.
22. Basimov M.M. Analysis of statistical dependences in sociological research // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.
23. Basimov M.M. Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.
24. Basimov, Mikhail M. Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2011. – P. 208-223.
25. Basimov M.M. Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЧАСТЬЕ В СОЦИОЛОГИИ

Беда А.Н. (Иваново)

Аннотация

В статье рассматривается трансформация представлений о счастье в социологической науке. Особое внимание уделяется анализу причин, повлиявших на появление интереса к исследованию счастья. В частности, рассмотрено влияние экономических и политических факторов на уровень счастья. Обоснована значимость исследования феномена счастья в современном обществе.

Счастье – такая характеристика общественной жизни, к которой проявляют интерес самые разные социогуманитарные дисциплины. Еще с древних времен философы и ученые пытались разгадать феномен счастья и понять его сущность. На протяжении всей истории разные мыслители выдвигали свои концепции понимания счастья.

Одним из первых исследователей счастья был Аристотель. В сочинении «Никомахова этика» он употребляет термин «эвдемонизм», что в переводе с греческого означает блаженство, счастье. Аристотель утверждал, что наивысшим благом, когда-либо достигнутым человечеством, является счастье [1].

В XVIII веке английский представитель утилитаризма Джереми Бентам вывел формулу счастья: чистое, длительное и непрерывное удовольствие при отсутствии страдания [2]. Но хотя утилитаристы первые в своих исследованиях обратились к эмоциональному и душевному состоянию индивидов, таких характеристик было недостаточно для изучения субъективного благополучия.

В начале XX века начали проводиться эмпирические исследования удовлетворенности жизнью и счастья. Это было вызвано некоторыми причинами. Во-первых, возникновение постматериалистических ценностей. Теория постматериализма провозглашает нематериалистические ценности (качество жизни) и делает акцент на социальной солидарности [3]. По мере достижения в западных странах определенного уровня экономического развития показатель материального достатка перестал быть определяющим фактором удовлетворенности. Во-вторых, демократический характер субъективного благополучия. Люди склонны не доверять

другим исследователям, оценивающих их жизнь, – они сами хотят принимать участие в исследовании. В-третьих, изучение удовлетворенности жизнью отвечает потребностям западного духа времени – индивидуалистическим ценностям. В-четвертых, немаловажно принять во внимание тот факт, что исследования удовлетворенности жизнью стали возможны благодаря развитию научных методов изучения этого феномена [3]. К 1980 годам общее количество публикаций на тему удовлетворенности жизнью, счастья и субъективного благополучия достигло числа 2 152. А к началу 2000-х годов это число возросло в 17 раз – на эту тему было представлено 35069 публикаций [4].

До недавнего времени счастье не рассматривалось в качестве подходящей темы для проведения эмпирических исследований в области социологии. Социологи считали, что счастье – субъективная категория, производная человеческого разума, имеющая свои корни в психологии. Но в ходе исследований было выявлено, что на повышение счастья оказывают влияние множество экономических, социальных, культурных и других факторов.

В 1974 году профессор Ричард Истерлин выявил, что более высокий уровень жизни в определенное время в конкретной стране неизбежно вызывает большую удовлетворенность жизнью по сравнению с бедными странами. В соответствии с «парадоксом Истерлина» богатые люди счастливее, чем бедные, но рост доходов, не приводит к увеличению уровня счастья [5]. Эду Динеру, одному из ведущих исследователей в области субъективного благополучия, вместе со своими коллегами удалось разрешить «парадокс Истерлина»: рост доходов будет влиять на уровень счастья, однако только при условии, что стремления и желания человека не будут расти ещё быстрее [6].

Сильное влияние на ощущение счастья оказывают политические условия, такие как участие в социальной и демократической жизни страны [7]. Социальное участие способствует повышению уровня счастья, потому что дает людям чувство контроля и ощущение причастности к обществу [8].

В настоящее время в мире происходит трансформация понятия счастья как критерия оценки эффективности проводимой государственной политики. Генеральная Ассамблея ООН призывает государства использовать счастье как ориентир в политике государства [10]. Р. Винховен, голландский социолог и признанный мировой авторитет в научном исследовании счастья, внес неоспоримый вклад в возрождение интереса к счастью как цели государственной политики [11,12]. По его мнению, уровень счастья, который демонстрируют люди, наряду с уровнем здоровья и благосостояния является одним из важных измеряемых показателей того, насколько данное конкретное общество пригодно и комфортно для жизни людей [11]. Р. Винховен дает наиболее распространенное и базовое определение счастья: «Счастье – это то, насколько позитивно человек оценивает общее качество своей текущей жизни в целом... иными словами, насколько человеку нравится его жизнь» [12].

Таким образом, представления о счастье прошли путь от античной размытости до социологического понятия. Счастье понимается как многоуровневое сложное явление, отражающее высокую степень удовлетворенности личностью своей деятельностью, условиями и образом жизни, проявляющуюся в позитивных эмоциях. Предпринимаемые попытки исследования счастья научными методами говорят об особой значимости этой проблемы и растущем интересе к ней со стороны общества, науки и власти. Таким образом, по мере эволюции социального развития и усложнения общественного устройства произошла трансформация понятия счастья от субъективной характеристики отдельного человека до критерия общественного развития.

1. *Аристотель. Никомахова Этика / Соч.: В 4т. М.: Мысль, 1983.*
2. *История этических учений: Учебник / Под ред. А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2003. С. 698.*
3. *Frijns M. Determinants of life satisfaction: A cross-regional comparison. Master Thesis: Maastricht University, 2010. P. 4.*
4. *Diener E. The Science of Well-Being: The Collected Works of Ed Diener. NY: Springer. 2009. P.4.*
5. *Easterlin R. The Economics of Happiness // Daedalus. 2004. Vol. 133. P. 11.*
6. *Diener E. Tay L. & Oishi S. Rising Income and the Subjective Well-Being of Nations // Journal of Personality and Social Psychology. 2012. Vol. 104(2). P. 268.*
7. *Greco S.; Holmes M.; McKenzie J. Friendship and Happiness from a Sociological Perspective / Friendship and Happiness: Across the Life-Span and Cultures. ed. / M. Demir. New York : Springer. 2015. P. 23.*

8. Veenhoven R. *Sociological theories of subjective well-being // The Science of Subjective Well-Being : a Tribute to Ed Diener / ed. by M. Eid, R. Larsen. New York : Guilford Publications, 2008. 150 p.*
9. Шматова Ю. Е., Морев М. В. *Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. №3 (39). С. 143.*
10. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 28 июня 2012 года URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=%20A/RES/66/281&Lang=R (дата обращения: 22.03.2017).
11. Veenhoven R. *Questions on Happiness: Classical Topics, Modern Answers, Blind Spots. Subjective Well-Being: An Interdisciplinary Perspective. Oxford, England: Pergamon Press, 1991. P. 14.*
12. Veenhoven, R. *Is happiness relative? // Social indicators Research. 1991. Vol. 24. № 1. P. 3.*

ДИНАМИКА РОССИЙСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СМИ

Бобылева Н.Ю., Проказина Н.В. (Орёл)

Средства массовой информации являются одним из главных источников формирования образа страны в сознании людей. Регулярно предоставляя сведения широкому кругу аудитории, они служат тем каналом коммуникации, главная цель которого – отображение внешней и внутренней политики государства, непосредственное влияние на общественное мировосприятие тех или иных событий.

Государства, чья политическая, экономическая, культурная сферы наиболее богаты событиями, всегда вызывают особый интерес, как со стороны отечественных СМИ, так и зарубежных. При этом образ государства претерпевает изменения в зависимости от политической ситуации в мире. Зачастую это происходит под непосредственным влиянием телевидения, печати, радио, Интернета и т.д.

В связи с повышением роли СМИ в современном мире и их влиянием на положение страны в международном пространстве, большую актуальность приобретает изучение образа России, ее политической жизни и образа российских политиков в зарубежной прессе.

Одними из ведущих иностранных СМИ, уделяющими повышенное внимание российским политическим событиям и в целом России на сегодняшний день, являются немецкие газеты «Die Welt» и «Die Zeit».

Актуальность данной работы детерминирована тем, что исследование материалов о российско-германских отношениях, позволяет судить о том, какой образ формируется в концептуальной картине мира читателей прессы двух стран.

В Германии есть большое количество публицистической литературы, посвященной России, что является признаком интереса немцев к происходящему в нашей стране. Среди признанных авторов – экспертов по России выделяют Александра Раара, автора нескольких книг, в том числе «Россия жмет на газ» и «Путин после Путина». В своих работах Раар пытается сформировать положительный образ не только самой России, но и существующего в стране политического режима [7, с. 142].

Нами были изучены публикации в немецких газетах и журналах, посвященные следующим темам: развитие двухсторонних отношений, «вторжение» России в Крым и в Донбасс, жесткая политика, санкции в отношении России.

Первое изученное издание – «Die Welt», правая, наиболее консервативная газета.

Публикации за декабрь 2013 – март 2014 г. свидетельствуют, что сразу же стали появляться негативно окрашенные статьи: «России не нужна правда, России нужен парад на Красной площади» (15 марта 2014 г.). В статье проводится параллель между Путиным и Сталиным [3].

Утверждается также, что события на Украине, «оккупация» Крыма – это желание Путина укрепить свои позиции. Не раз в отношении Владимира Путина употребляется слово «фюрер», что в переводе с немецкого означает «вождь», «лидер».

Следующая газета – «Die Zeit» – влиятельнейшее еженедельное издание либеральной направленности. В целом публикации данной газеты нейтральны, нет кричащих заголовков в отличие от «Die Welt». В некоторых статьях упоминается о том, что именно Германию задевает внешняя политика России, так как ФРГ разделяет мир на «до и после» войны и считает, что современные конфликты необходимо решать мирным путем, в частности переговорами [8].

Анализ большинства статей на тематику российско-германских отношений в выбранных изданиях показывает, что Германия ведет антироссийскую пропаганду. Со стороны Запада к нашему государству действительно присутствует негативное отношение.

Обращаясь к хронологическому анализу данных, стоит отметить, что чем больше времени проходит с момента присоединения Крыма, тем более антироссийскими становятся как внешнеполитические решения Германии, так и ее информационная политика. Если летом 2014 немецкие источники придерживались нейтралитета, то к осени 2015 преобладает негативно-осудительные описания поведения российского правительства, что собственно и называется «пропагандой».

Если справедливо оценивать содержание немецких источников, то, безусловно, за последнее время большинство из них проводят антироссийскую пропаганду.

Стоит отметить, что многие предрекали охлаждение российско-немецких отношений. Ангела Меркель еще до своего избрания канцлером являлась последовательным критиком политики Герхарда Шредера, проводимой им в отношении Москвы.

Если проанализировать заголовки статей немецкой прессы 2012 года – года выборов Президента РФ, когда отношения между Россией и Германией ещё были далеки от конфронтации, то мы видим, что они и тогда не отличались особой комплиментарностью. Газета «Die Welt» в статье «Падение Путина это лишь вопрос времени» тогда отмечала, что протесты не остановить, и если Путин начнет подавлять выступления, то его последняя карта будет бита [2].

Итак, после победы на выборах А. Меркель дружба между В. Путиным и Г. Шредером сохранилась, а вот вектор популярности российского президента сместился в сторону критики, опасений и настороженного восприятия со стороны немцев.

Российские СМИ характеризуют отношения А. Меркель и В. Путина как «неприятное взаимное уважение» и указывают, что «неприятности в них все больше, а уважения все меньше». «Неприятное взаимное уважение» дает более яркую характеристику отношений двух политиков.

«Германия с начала мирового кризиса прибрала к рукам почти всю Европу. Любопытно, как ей это удалось?», рассуждает автор статьи авторитетной газеты «Аргументы и Факты». И далее цитирует слова греческого журналиста Манолиса Теодоракиса: «Германия под юбкой канцлера Ангелы Меркель давно мутировала в копию нацистской империи». [1].

Во всех выше перечисленных примерах для создания имиджа Германии используется обилие языковых средств выразительности. Это и ирония, и дубитация (ряд вопросов к воображаемому собеседнику), и вкрапление общеизвестных выражений, которые использует автор сообщения не только для того, чтобы оживить внимание читателя, но и дать оценку политике канцлера Германии.

В целом, выявленные контексты свидетельствуют о том, основной недостаток Германии еще в том, что она боится «дать отпор» Америке (отказ от санкций против России) и пойти по новому собственному пути развития.

Итак, исходя из анализа российских и немецких СМИ, очевидно, что поворотным этапом в изменении вектора информационной политики стал март 2014 год, а именно – присоединение полуострова Крым к Российской Федерации. Отношения России и Германии постепенно усложняются именно с этого момента. Вводятся санкции, но далеко не сразу информационная политика ФРГ по отношению к России приобретает негативные тона.

В заключение подчеркнем, что российско-германские отношения нуждаются в подробном изучении и критическом анализе. Это объясняется тем, что с течением времени оценка событий, как правило, меняется. Многие события могут неожиданно предстать с новой точки зрения, в новом ракурсе. В зависимости от того, как будут развиваться отношения между двумя странами, будут формироваться, изменяться представления двух народов друг о друге.

Нет сомнений в том, что информационная политика государства должна содействовать решению политических задач. Однако средства массовой информации при этом все же призваны стремиться отражать объективную картину происходящих в мире событий. Чем дальше СМИ уходят от объективности, тем сильнее увеличивается вероятность утраты доверия к этим источникам, а значит, тем труднее будет им достигать поставленных целей.

1. «Четвёртый рейх». Германию обвиняют в кризисе еврозоны. -Режим доступа: <http://www.aif.ru/money/42821> - Дата обращения 07.10.2017 г.
2. Piontkovsky A. Wladimir Putins Sturz ist nur eine Frage der Zeit // Die Welt. 06.02.2012. - Режим доступа: <https://www.welt.de/debatte/die-welt-in->

- [worten/article13852879/Wladimir-Putins-Sturz-ist-nur-eine-Frage-der-Zeit.html](http://www.welt.de/kultur/article13852879/Wladimir-Putins-Sturz-ist-nur-eine-Frage-der-Zeit.html) - Дата обращения 07.10.2017 г.
3. Как действует Путин, вдохновленный товарищем Сталиным. Режим доступа: <http://www.welt.de/kultur/article125814043/Wie-Putin-vom-Genossen-Stalin-angetrieben-wird.html> - Дата обращения 07.10.2017 г.
 4. Красильникова О.В. Pro und contra: Россия сквозь призму политического дискурса германских СМИ// Евразийский союз ученых. 2015. № 6-5 (15). – С. 120-123.
 5. Орлов Д.А. Информационная политика германии в отношении России в период украинского кризиса//Евразийский союз ученых. 2015. № 6-5 (15). – С. 123-126.
 6. Подосинникова У.А. Образ Ангелы Меркель глазами российских СМИ// Евразийский союз ученых. 2016. № 4-4 (25). – С. 68-70.
 7. Титухина Д.Ю. Имидж России в СМИ германии в контексте крымских событий 2013-2014 годов// В сборнике: Россия - Германия: уроки войны и мира: К 100-летию начала Первой мировой войны Сборник научных статей. 2014. – С. 142-145.
 8. Украинский кризис особенно угрожает Германии. Режим доступа: <http://www.zeit.de/politik/ausland/2014-04/ukraine-konflikt-machtpolitik-postmoderne> - Дата обращения 07.10.2017 г.

МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ

Борисова О.В. (Санкт-Петербург)

Аннотация

Успешность современных пропагандистских и информационных кампаний в современном обществе зависит от информационного присутствия той или иной организации в виртуальном пространстве. В статье рассматривается метод манипуляции общественным сознанием через массовые комментарии искусственно созданных пользователей, путем использования инструментов астротурфинга.

Известный специалист по PR Эдвард Бернейс, изучая социальные последствия к которым привела первая мировая война, сформулировал в своей книге «Пропаганда» следующее понятие манипуляции в эпоху демократии: «Сознательное и умелое манипулирование упорядоченными привычками и вкусами масс является важной составляющей демократического общества. Те, кто контролирует эти невидимые механизмы общества, представляют собой тайное правительство, которое и управляет нашей страной». [1, 13].

Итальянский философ Антонио Грамши в 1920-е годы двадцатого века создал учение о так называемой «культурной гегемонии» и «культурной агрессии в ядро суверенных государств». Согласно этой теории, революция не столько означает вооруженное восстание и насильственные действия, сколько постепенную борьбу, главным объектом которой становится не политическая верхушка, а мировоззрение и сознание простого человека[2, 9].

Согласно Грамши, гегемония - «правление, которое не осознается теми, кем оно правит». Это установленные правила, мировоззрения, идеалы господствующего класса, с помощью гегемонии постоянно поддерживается иллюзия общей необходимости навязанных мыслей, образа жизни. Российский политолог Сергей Кара-Мурза, рассматривая теорию гегемонии Грамши говорит о том, что гегемония является не только принуждением, насилием, а также согласием общества[3, 37]. Согласие общества вырабатывается с помощью ненасильственного принуждения, оно опирается на массовую культуру общества. Кара-Мурза утверждает, что пока такое «культурное ядро» неподвижно, то существующий порядок также устойчив, так как не появляется тех сил, которые готовы его менять. Теория Грамши стала крайне актуальной для современного информационного общества. Наше сознание постоянно становится объектом манипулирования со стороны огромного количества инструментов, таких как СМИ, Интернет, кинематограф, музыка, культура. Внедряя определенные тренды в это культурное ядро можно переформатировать целые государства и народы. И в современном мире одним из самых распространенных каналов воздействия на массовую аудиторию и формирование общественного мнения по той или иной проблеме являются социальные сети и интернет. Все военные конфликты современности продолжаются на просторах виртуальной сети Интернет. Противостоящие друг другу стороны вооруженных конфликтов используют различные методы формирования общественного мнения и также с помощью методов пропаганды и манипулирования вовлекают новых сторонников в свои ряды и на свою сторону. Одним из ярчайших примеров информационных атак и пропаганды в онлайн- режиме является запрещенная в России организация «Исламское государство» (ИГИЛ).

Идеологи и члены группировки активно ведут пропагандистскую кампанию на просторах интернета, пользуются всеми современными социальными сетями, такими как Twitter, Facebook, Instagram, Вконтакте и другие. Несмотря на то, что аккаунты ИГИЛ блокируются, в России запрещаются Роскомнадзором члены организации создают новые аккаунты, страницы в социальных сетях и обходят блокировку всеми возможными способами, а сторонники боевиков открывают новые страницы посвященные исламскому халифату. Боевики используют для воздействия на аудиторию самые различные методы воздействия на аудиторию. Известный фильм боевиков «Звон мечей» имеет качественную видеосъемку и операторскую работу, а для расширения своей аудитории боевики переводят свои фильмы на русский, английский языки[4].

Однако, к манипуляции общественным сознанием через социальные сети прибегают не только отдельные группировки, но и целые государства. Не столь распространенный в России, но уже длительное время используемый на Западе метод воздействия на целевые аудитории астротурфинг. Астротурфинг это метод, которым пользуются для формирования общественного мнения по той или иной ситуации, для воздействия на широкие аудитории, путем массового комментирования материала искусственно созданных пользователей социальных сетей[5]. Основными инструментами астротурфинга являются заказные публикации, комментарии в интернете, отзывы на те или иные товары. Пользователи доверяют комментариям и отзывам, чем и пользуются различные маркетологи для продвижения своих товаров, кампаний. Но астротурфинг применяется также и в политических целях, для формирования общественного мнения. Одним из самых известных случаев применения политического астротурфинга современности в России стала так называемая «фабрика троллей» в Санкт-Петербурге. Американский журналист Адриан Чен издания The New York Times провел расследование деятельности организации ООО «Агентства интернет-исследований»[6]. Эта организация прославилась тем, что ее сотрудники создавали фальшивые аккаунты и устраивали целые «интернет-атаки» на оппозиционные блоги, в своих комментариях поддерживали правительство России и негативно отзывались об оппозиционерах и Западе, за это их и назвали «фабрика троллей». В самой организации несколько подразделений, которые занимаются отдельными социальными сетями, такими как Вконтакте, Instagram, Facebook. Сотрудникам дают готовые шаблоны комментариев в соответствии с которыми они должны публиковаться [7]. Американский журналист Алекс Лун обнаружил, что спустя нескольких часов после убийства оппозиционного политика Бориса Немцова в социальной сети Twitter начали публиковаться аналогичные друг другу комментарии, где пользователи с пустыми аккаунтами обвиняли в убийстве политика украинцев[8]. Исследователь интернета и социальных сетей Александр Лоуренс изучал более двадцати тысяч страницы ботов в Twitter и пришел к выводу, что большинство подобных аккаунтов не имеют иных записей, информации о себе, не взаимодействуют с другими пользователями социальной сети[9]. Подобные массовые информационные «вбросы» созданы для того, чтобы сформировать определенную позицию, мнение у целевых аудиторий, а также показать, что этой точки зрения придерживается большинство путем активного комментирования и поднятия рейтингов публикации. Эти информационные атаки создают так называемую «спираль молчания», концепция которая описана немецким ученым Э. Ноэль-Нойман, в соответствии с этой теорией индивид, опасаясь остаться в изоляции, стремится не высказывать свою точку зрения, так как видит, что она не разделяется большинством[10,44]. Так же подобные информационные манипуляции порождают и подогревают социальные и политические антагонизмы и противоборства между различными группами в обществе.

В современном мире распространение социальных сетей и интернета порождает различные и новые методы для манипулирования общественным сознанием и формирования общественного мнения. Социальные сети выполняют мобилизационную, коммуникационную и пропагандистскую функции и зачастую используются в политических целях. Использование социальных сетей для достижения определенных политических результатов является одним из инструментов политических кампаний, роль социальных сетей в связи с распространением вовлеченности в виртуальное пространство общества будет неуклонно расти.

1. Бернейс Э. Пропаганда/Под ред.И.Ющенко – М.: Hippo Publishing, 2010
2. Маев Г. Грамиш о Гегемонии.//Альманах “Восток”. Выпуск 9, 2004
3. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. - М.: ЭКСМО, 2004.
4. Исламское государство ИГИЛ: история создания, структура, источники финансирования, цели и методы борьбы // MilitaryArms URL: <https://militaryarms.ru/armii-mira/islamskoe-gosudarstvo/> (дата обращения: 02.10.17).

5. Ашманов И. Под властью ментального вируса, или Как отличить вброс от новости // Сайт журнала «Фома». URL: <http://www.foma.ru/pod-vlastyu-mentalnogovirusa-ili-kak-otlichit-vbros-ot-novosti.html> (дата обращения: 02.10.2017).
6. Андриан Чен. Агентство // The New York Times URL: <https://www.nytimes.com/2015/06/07/magazine/the-agency-russian.html> (дата обращения: 02.10.17).
7. Улица Савушкина прославилась на весь мир. Тролли атакуют Фейсбук // Свобода.org URL: <https://www.svoboda.org/a/27055141.html> (дата обращения: 02.10.17).
8. Alex Luhn // Twitter URL: https://twitter.com/ASLuhn/status/571479498560028672?ref_src=twsrc%5Etfw&ref_url=https%3A%2F%2Fru.globalvoices.org%2F2015%2F04%2F03%2F36169%2F (дата обращения: 02.10.17).
9. Александр Лоуренс: Анализ социальной сети // URL: <https://ru.globalvoices.org/2015/04/03/36169/> (дата обращения: 02.10.17).
10. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания./ Под ред. Мансурова Н.С. - М.: Прогресс-Академия, 1996.

ГОТОВНОСТИ ПЕДАГОГОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ К ИННОВАЦИОННЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ В ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО АРКТИЧЕСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА)

Бугаева М.М., Шубина Т.Ф. (Архангельск)

Аннотация

В статье ставится задача определить готовность педагогов высшей школы к инновационным изменениям в их трудовой деятельности. Рассмотрены мотивы в освоении новшеств и барьеры, препятствующие их внедрению. Вычислен коэффициент восприимчивости педагогов к новшествам. Проанализировано отношение педагогов высшей школы к инновациям в трудовой деятельности.

За последние десятилетия XX И XXI ВВ. институт высшего профессионального образования прошел путь от монопольно-централизованной государственной системы советского периода, до современной модели образования, ориентированной на формирование у студента компетенций, достаточных для его мобильности и быстрой адаптации в постоянно меняющихся условиях [1].

Глобальные инновационные процессы идущие в мире активно влияют на ускорение развития всех сторон жизни, что сказывается и на развитии системы образования. В России реализуется приоритетный проект – «Вузы как центры пространства создания инноваций». Цель которого заключается в обеспечении устойчивой глобальной конкурентоспособности ведущих вузов России и создании в субъектах Российской Федерации университетских центров инновационного, технологического и социального развития регионов [4]. В современных социально-экономических условиях требования к высшей школе и профессиональной деятельности преподавателей возрастают. Ускорение научно-технического прогресса оказывает революционизирующее воздействие на технологии производства и передачи знаний и выступает основной предпосылкой необходимости реформирования образования и управления им. В связи с этим рассмотрение инновационной педагогической деятельности требует анализа восприимчивости и готовности профессорско-преподавательского состава к изменениям в их трудовой практике [3]. Это определяет актуальность темы нашего исследования.

В целях изучения готовности педагогов высшей школы к инновационным изменениям в трудовой деятельности с марта по май 2016 года нами был проведен анкетный опрос профессорско-преподавательского состава САФУ им. М.В. Ломоносова в г. Архангельске. Объем выборки составил 302 респондента, из которых 103 мужчин и 199 женщин.

Для оценки восприимчивости педагогов к новшествам нами был использован диагностический инструментарий Е.М Крюковой и Е.Г. Беловой. Обработка результатов проводилась путем математического расчета по формуле: $K = K_{\text{факт.}} / K_{\text{макс.}}$. Полученный коэффициент равняется 0,86. Данный ответ соответствует неравенству $K > 0,85$, а это значит, что инновационный потенциал педагогического коллектива имеет оптимальный уровень, что говорит о высокой готовности большинства преподавателей к новшествам в трудовой деятельности.

Полученный показатель подтверждается в ответе на вопрос: «Ваше отношение к инновациям в трудовой деятельности?». 62,9% респондентов отметили свое отношение как

«однозначно положительное» и «скорее положительное» составило, а «скорее отрицательное» и «безусловно, отрицательное» - 22,8%, затруднились С ответом 14,2%. Принимают инноваций 56,3% мужчин и 66,3% женщин. Наиболее позитивно к инновациям в трудовой деятельности относятся педагоги высшей школы в возрасте от 30 до 39 ЛЕТ.

Для анализа мотивационных факторов, побуждающих профессорско-преподавательский состав САФУ им. М.В. Ломоносова применять новшества в своей работе, было предложено выбрать из списка возможных мотивов пять наиболее важных. Среди самых существенных причин преподаватели выделили: новизну деятельности, возможность экспериментировать; осознание недостаточности достигнутых результатов и желание их улучшить; потребность в самовыражении, самосовершенствовании; потребность качественно менять саму образовательную систему и потребность в контактах с интересными творческими людьми.

Для того чтобы узнать отношение коллектива преподавателей к конкретным инновациям, вводимым в вузе, респондентам было предложено оценить перечень нововведений. Самое большое число позитивных оценок получили такие нововведения как: корпоративная почта (94,7%); портал сотрудников на сайте САФУ (94,7%) и РУЗ. Галактика (76,8%). В ряду скорее положительных нововведений: организация сетевых образовательных сообществ (61,2%) и разработка учебно-методического комплекса дисциплины (59,3%).

66,9% педагогов, принимавших участие в опросе ответили, что они «скорее не принимают» и «не принимают» новую структуру университета. 57,3% респондентов не принимают введение эффективного контракта. Новые формы организации учебного процесса и введение балльной – рейтинговой системы оценки знаний «не принимают» и «скорее не принимают» 49,7% и 49,1% участников опроса соответственно.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют говорить о том, что у педагогов сформировано убеждение в необходимости нововведений, однако инновации, внедряемые в вузе, воспринимаются скорее негативно, нежели позитивно. Следовательно, инновации принимаются не вследствие личностного выбора, а осваиваются под давлением обстоятельств

В ходе опроса мы обнаружили барьеры, препятствующие освоению новшеств профессорско-преподавательским составом. Среди самых существенных преград оказались: большая преподавательская нагрузка; нехватка времени; отсутствие материальных стимулов; усталость от перемен; отсутствие мотивации педагогического труда.

В качестве барьера наиболее часто респонденты называли усталость от перемен, на нее указали 68% профессорско-преподавательского состава, из них 52,4% мужчин и 62,3% женщин. Следует заметить, что 29,5% женщин, уставших от перемен, отмечают, что им достает умения адаптироваться к изменениям в университете. Это можно объяснить тем, что женщины обычно демонстрируют более сильную адаптационную готовность.

Инновации занимают особое место в системе образования и от готовности преподавателей высшей школы принять и реализовать их зависит развитие образования. Быть готовым к инновационной деятельности – значит, обладать качествами и способностями, обеспечивающими организацию образовательного процесса в режиме постоянного развития.

Можно отметить, что преподаватели осознают необходимость инновационных изменений в трудовой деятельности, однако работая в непростой социально-профессиональной ситуации, испытывают противоречивые чувства. Сам процесс научно-педагогической деятельности, связанный с ее разнообразием и интеллектуальной сложностью, с возможностью творчества и постоянного саморазвития, остается привлекательным для подавляющего большинства педагогов. Но при этом, их профессионально-личностная самореализация сталкивается с определенными трудностями, которые негативно сказываются на инновационной деятельности.

Список литературы

- 1. Багирова, А.П. Преподавательский труд современной России: трансформация и оценки: монография / А.П. Багирова, А.К. Клюев, О.В. Нотман, О.М. Шубат, Е.Ю. Щербина, А.А. Яшин; под редакцией А.П. Багирова. – М.: Урал. ун-та, 2016. – 207 с.*
- 2. Тодосийчук, А.В. Теоретико-методологические проблемы развития инновационных процессов в образовании: монография / А.В. Тодосийчук. – М.: ОРГСЕРВИС-2000, 2005. – 125 с.*
- 3. Ткач, Г.Ф. Тенденции развития и реформы образования в мире: учебное пособие / Г.Ф. Ткач, В. М. Филиппов, В.Н. Чистохвалов. – М.: РУДН, 200. – 303 с.*
- 4. Огородова, Л. М. Паспорт приоритетного проекта «Вузы как центры пространства создания инноваций» [Электронный ресурс] / Л. М. Огородова // Министерство образования и науки Российской Федерации. – URL: <http://xn-->*

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ПРОЦЕССА ПОТРЕБЛЕНИЯ

Буланова М.А. (Воскресенск)

Общество на современном этапе развития ученые называют информационным, связывая его становление с информационной революцией. Следствиями информационной революции стали появление новых информационных технологий [3] и формирование отношения к информации как к одному из важнейших стратегических ресурсов. Информационные технологии обеспечивают эффективные способы создания, переработки и хранения информационных ресурсов, что делает их основным фактором развития общества и средством повышения эффективности управления всеми сферами общественной деятельности [5, с. 80].

М. Кастельс считал, что на различных этапах развития общество нуждается в определенных по типу информационных технологиях и соответствующей информации. Современному обществу, по его мнению, необходима экономическая информация, так как его экономическая система основана на информационной структуре [2, с. 73]. Таким образом, информационные технологии и вся информационная структура должны быть адекватны существующим социальным потребностям.

Современное общество характеризуется массовыми процессами потребления: потребление трансформируется из простого удовлетворения потребностей в главное содержание общественной жизни [1, с. 164]. Потребление определяет социальную структуру, изменяет основополагающие ценности и стиль жизни. А. С. Панарин следующим образом определяет потребительское общество: «Это общество, представители которого согласны не замечать роковых различий между людьми, касающихся их реальных национальных и профессиональных прав, если при этом их более или менее “уровняют” в потреблении» [4, с. 174]. Таким образом, осуществление потребления на современном этапе развития общества является основной социальной потребностью.

Следовательно, потребление является одной из основных сфер для применения новых информационных технологий. Меняется потребитель, его потребности и интересы, меняются и информационные технологии, обеспечивая все более легкий доступ к благам.

В настоящее время рынок товаров и услуг переполнен участниками, между компаниями идет конкурентная борьба за внимание потребителя, и победителем в ней выходит тот, кто с большей вероятностью и в большем объеме удовлетворяет потребности своей аудитории. Применение современных информационных технологий здесь является серьезным подспорьем: они позволяют не только изучить потребителя, создать его портрет, но и дают возможность управлять потребительским поведением.

Под воздействием информационных технологий изменяются и наполняются новым содержанием все этапы принятия решения о покупке, тем самым трансформируется процесс потребления.

На этапе осознания потребности в покупке на потребителя оказывают влияние новые инструменты маркетинга: локальный маркетинг (рассылка рекламных сообщений в зависимости от геопозиции потребителя), digital-реклама на планшетах и мобильных телефонах и т.д. Например, Facebook тестирует местные объявления-оповещения, работающие на основе предиктивного таргетинга, что позволит в будущем в зависимости от местоположения пользователя предлагать ему посетить те или иные места [6]. Все это стало возможно благодаря массовому использованию людьми различных мобильных устройств с выходом в Интернет. Сегодня 56 млн. россиян в возрасте от 16 лет пользуются Интернетом на мобильных устройствах – смартфонах и планшетах (46,6% от всей аудитории) [8]. С помощью подобных технологий рекламные предложения становятся все более персонализированными, чем оказывают большое влияние на формирование потребности в покупке.

После того, как потребитель осознал потребность в покупке, он начинает искать информацию о возможностях удовлетворения своей потребности. На этом этапе включаются другие информационные технологии. Это различные виды Интернет-рекламы, инструменты создания которых с каждым днем становятся более совершенными и позволяют продавцам настраивать рекламу с высоким процентом попадания в целевую аудиторию.

Этап предпокупочной оценки вариантов характеризуются борьбой преимуществ брендов и их товаров. Каждый продавец стремится создать для потребителя максимально привлекательное предложение. Здесь, например, используются технологии создания персональной скидки, которые стали возможны благодаря широкому распространению Big Data. Так, в магазинах торговой сети Перекресток для создания персональных предложений используется специальная система, которая на основе данных о покупках человека по карте лояльности высылает покупателю индивидуальное предложение, когда тот заходит в магазин и подключается к Wi-Fi. Big data также используется продавцами для упрощения процесса покупки и реализации так называемого омниканального маркетинга. Этот подход подразумевает использование опыта множества каналов взаимодействия и коммуникации с целевой аудиторией и текущими клиентами. Омниканальный подход реализован, например, в сети магазинов бытовой техники «МВидео». Таким образом, «МВидео» упрощает процесс покупки, создает ассоциативную связь между реальным магазином и сайтом и расширяет возможности взаимодействия с клиентами.

Сам процесс покупки также претерпевает изменение. Модель «продавец человек – покупатель человек» с развитием Интернет-торговли – рост 21% в 2016 году [9] – изменяется и превращается в модель «продавец бот – покупатель человек». Сейчас помощь в выборе товаров в Интернет-магазине оказывают чаще всего специально созданные боты. Чат-боты представляют собой программы-консультанты, которые могут реагировать на стандартные запросы и команды пользователей. Они постоянно самообучаются благодаря нейронной сети и с каждым новым запросом знают больше, а также способны обрабатывать тысячи обращений в минуту. Ботов уже используют такие бренды, как Unilever, Sephora, H&M, банк «Точка» и другие [7]. Чат-боты используются как в чатах на самом Интернет-сайте магазина, так и в мессенджерах, которые также набирают популярность в качестве канала продаж.

Таким образом, информационные технологии оказывают двойное влияние на процесс потребления: с одной стороны, их использование делает покупку более доступной, а с другой – потребитель оказывается подвержен влиянию на всех этапах осуществления своего выбора.

1. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. – М.: Рудомино, 1999. – 222 с.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ., под ред. О. И. Шкаратана. – М.: Высш. шк. экономики, 2000. – 606 с.
3. Лаценов, А. Н. Теории современного общества. Аналитика постиндустриального общества: от кибернетических к социологическим теориям [Электронный ресурс] / А. Н. Лаценов. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/04/1214827453/2aLashenov.pdf>, свободный.
4. Панарин, А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А. С. Панарин. – М.: Алгоритм, 2004. – 640 с.
5. Шокин, Ю. И. Информационные технологии Internet / А. М. Федотов, Ю. И. Шокин // Вычислительные технологии. – 1997. – №3 – С. 80-87.
6. Facebook тестирует новый формат рекламы [Электронный ресурс] // Adindex. – 2017. – Режим доступа: <https://adindex.ru/news/digital/2017/09/12/165671.phtml>, свободный.
7. Будущее продаж: чат-боты будут продавать всё [Электронный ресурс] // Sostav. – 2017. – Режим доступа: <http://www.sostav.ru/publication/budushchee-prodazh-chat-boty-budut-prodavay-vse-28603.html>, свободный.
8. Исследование GfK: Тенденции развития Интернет-аудитории в России [Электронный ресурс] // GfK. – 2017. – Режим доступа: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/issledovanie-gfk-tendencii-razvitiya-internet-auditorii-v-rossii/>, свободный.
9. Объем рынка онлайн-торговли в России в 2017 году превысит 1 трлн руб. [Электронный ресурс] // Adindex. – 2017. – Режим доступа: <https://adindex.ru/news/researches/2017/03/15/158566.phtml.phtml>, свободный.

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ СЕМЬИ И МЕЖПОКОЛЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ)

Бурмыкина О.Н. (Санкт-Петербург)

Работа выполнена по государственному заданию (тема «Демографическое и социальное воспроизводство российской семьи и благополучие детей: публичное и приватное измерения» № 0169-2015-0006)

Проблемы измерения социальных трансформаций являются методологическими проблемами, с которыми сталкивается каждый исследователь. Представляется, что при их решении необходимо учитывать специфику трансформации изучаемого социального феномена или института; опираться на его концептуальные основания; не ограничиваться одномерным измерением; фиксировать механизмы трансформаций; рассматривать социальные изменения в динамике. Опишем опыт решения подобных проблем на примере семьи и межпоколенных отношений.

Специфика социальных трансформаций современной российской семьи и межпоколенных отношений состоит в том, что это те сферы жизни, в которых сохраняется традиционность и преемственность, и в то же время они открыты новому, которое во многом определяется особенностями демографических и социально-экономических структур и процессов. Семья является одной из основных ценностей, которые устойчивы и мало подвержены изменениям. Вместе с тем, перемены, произошедшие с семьей как социальным институтом в прошлом столетии, продолжают и ныне: наблюдается многообразие семейных типов и конфигураций, меняются матримониальные и прокреационные установки и поведение, институциональные аспекты брака становятся менее важными, проявляется вариативность представлений в сфере родительства, внутрисемейных и межпоколенческих взаимодействий. Претерпевают значительные изменения и традиционные функции семьи - репродуктивная, экономическая, социализации и другие.

Трансформационные тренды современной семьи напрямую отражаются на межпоколенных взаимодействиях. Происходит уход от традиционной патриархальной семьи, в основе которой лежит жесткое главенство старшего поколения, уважение к традициям и безусловная забота детей о родителях. Изменяются супружеские отношения и отношения детей, родителей и прародителей, расширяются возможности поддержки и взаимного влияния между разными поколениями семьи, увеличивается потенциальный круг родственников. Временная, возрастная, территориальная свобода выбора форм и способов семейных отношений отражается в разнообразии и вариативности поведенческих предпочтений в межпоколенных отношениях от межпоколенной солидарности, амбивалентности, сочетания близости и дистанции до межпоколенных конфликтов.

Специфика социальных трансформаций современной российской семьи и межпоколенных отношений делает проблемы их измерения актуальными, поскольку остаются нерешенными методологические вопросы учета реально складывающегося семейного контекста и межпоколенных связей. Как измерять то новое, что происходит в семейной сфере? Например, как идентифицировать членов семьи и очертить ее границы? Обычно семья и ее члены определялись прямым критерием ведения общего домашнего хозяйства. Поэтому исследователи отдавали предпочтение нукlearной семье, фокусируясь на изучении отношений супружеской пары с детьми в пределах отдельного домохозяйства. Фундаментальные преобразования, проявившиеся в тенденциях индивидуализации семейных отношений и плюрализации семейных форм, поставили под сомнение предположение об идентичности членов семьи и нукlearной семьи. Определение членов семьи не ограничивается набором ролей нукlearной семьи или членством в домохозяйстве. Это подтверждается значительным расширением числа семейных ролей и жизненных устройств, которое явилось следствием разводов и повторных браков, а также возросшей значимостью разнообразия псевдо-родственных связей, то есть связей людей, не связанных кровью или браком, но считающих себя членами семьи. Один из путей идентификации членов семьи состоит в разработке и использовании новых научных категорий применительно к сфере семьи, которые позволяют расширить представления о многообразии форм отношений между людьми. В частности, такими категориями являются «партнерство» и «значимый член семьи». Категория «партнерство» впервые в российской практике

использовалась в исследовании «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе». Партнером считался человек, с которым респондента связывают устойчивые отношения, предполагающие наличие сексуальной близости [1]. Категория «значимый член семьи», разработанная зарубежными исследователями [2, 3, 4], определяла его как человека, который играл определенную роль, позитивную или негативную, в течение ряда лет жизни респондента и кого он считал членом своей семьи.

Измерение тех или иных социальных трансформаций должно опираться на их концептуальные основания. Поскольку, как правило, социальные феномены многогранны, то и их измерение должно быть многомерным. Так, межпоколенные отношения в семье не ограничены лишь обменов или трансфертами между разными поколениями членов семьи. Они включают демографические показатели и структуры возможностей для взаимодействия, отражают поведенческие и эмоционально-когнитивные показатели, касаются принятых в обществе норм относительно взаимных обязательств поколений. Для измерения межпоколенных взаимодействий в семье может быть использован теоретический конструкт «межпоколенная солидарность», разработанный и успешно использованный зарубежными исследователями [5,6,7]. Этот конструкт включает следующие концептуальные измерения межпоколенной солидарности: аффективная (чувства и оценки членов семьи относительно их отношений с другими членами семьи); ассоциональная (тип и частота контактов между членами семьи разных поколений); консесуальная (согласие во мнениях, приверженности одним ценностям и ориентациям); функциональная (получаемая или оказываемая помощь и поддержка между поколениями); нормативная (ожидания относительно родственных обязательствах, значимости семейных отношений); структурная (возможности структуры для межпоколенных взаимодействий: удаленность /близость проживания членов семьи). Для каждого концептуального домена разрабатываются свои показатели. Использование данной теоретической конструкции позволяет измерить общую структуру и отдельные составляющие межпоколенных отношений, конструировать их типологии, определять факторы, детерминирующие отношения между разными поколениями в семье.

Таким образом, предлагаемая методология измерения социальных трансформаций семьи и межпоколенных отношений состоит в использовании новых научных категорий, расширяющих представления о реальном многообразии существующих типов семейных отношений и в использовании теоретического конструкта, позволяющего измерить многогранность взаимодействий между разными поколениями семьи. Эмпирическая апробация данного методологического подхода позволила учесть реально складывающийся современный семейный контекст и выявить механизмы трансформаций межпоколенных взаимодействий, в основе которых лежат изменения межпоколенной демографии семьи; характера семейных отношений и их интенсивности; функций внутрисемейного взаимодействия, их иерархической направленности и структуры [8,9,10].

1. Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // *Мир России*, 2007, №4, с.73-112;
2. Widmer E.D. (1999) *Family context as cognitive networks: a structural approach of family relationships*. – *Personal Relationships*, 6, 487 – 503;
3. Widmer E.D. and La Farga L.-A. (2000) *Family networks: a sociometric methods to study relationships in families*. *Field Methods*, 12, 108 – 128;
4. Widmer Eric D. (2006) *Who are my family members? Bridging and binding social capital in family configurations* *Journal of Social and Personal Relationships* Copyright © SAGE Publications (www.sagepublications.com), Vol. 23(6): 979–998;
5. Bengtson, V. L., & Mangen, D. J. (1988). *Family intergenerational solidarity revisited*. In D. J. Mangen, V. L. Bengtson, & P. H. Landry (Eds.), *Measurement of intergenerational relations* (pp. 222–238). Newbury Park, CA: Sage;
6. Roberts, R. E. L., Richards, L. N., & Bengtson, V. L. (1991). *Intergenerational solidarity in families: Untangling: the ties that bind*. In *Marriage and Family Review*, Vol.16 (pp. 11–46). Binghamton, NY: Haworth Press;
7. VERN L. Bengtson (2001) *Beyond the nuclear family: the increasing importance of multigenerational bonds/ Journal of Marriage and Family* vol. 63 (pp. 1–16);
8. Бурмыкина О.Н. Семейные и межпоколенческие взаимодействия петербургских студентов начала XXI века. // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2008, №3 (44), с.48-64;
9. Бурмыкина О.Н. Методологические проблемы изучения межпоколенной солидарности // *Проблемы демографии и статистики населения. Материалы*

конференции 17 окт. 2012 г., приуроченной к рождению пятимиллионного жителя Санкт-Петербурга. СПб.: Нестор-История, 2013, с. 207-218;
10. Бурмыкина О.Н. Эмпирическое исследование межпоколенного семейного контракта //Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке / Материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского 10-12 ноября 2016 года. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2016. с.474-476.

РОЛЬ ИНТЕРНЕТА В РАЗВИТИИ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПАРТИЯМИ И НАСЕЛЕНИЕМ

Буровцева Е.С. (Ульяновск)

Аннотация: Статья посвящена анализу роли Интернета в развитии политической сферы российского общества. Особое внимание, уделяется рассмотрению того, как с помощью Интернет – сайтов политические партии выстраивают и ведут диалог с населением страны.

В современном мире, в том числе и в России, наблюдается явление интериоризации повседневности. Сегодня Интернет пронизывает почти все сферы жизни человека: от науки и образования до досуга и развлечений. С полной уверенностью можно говорить о том, что Россия перешла на новую ступень социальной трансформации общественной системы.

На сегодняшний день, Интернет является ведущим средством получения и обмена информацией. Он также представляет собой универсальное средство межличностной коммуникации, которое обладает «пластичностью» и быстро приспосабливается к новым условиям социальной среды.

О возросшей роли Интернета, в повседневной жизни россиян, говорят многочисленные социологические исследования. Так, по данным Всероссийского Центра Изучения Общественного Мнения (ВЦИОМ), в 2016 году, доля пользователей Интернета достигла 53%. В сравнении с 2015 годом, данный показатель вырос на 2%. А в 2006 году доля россиян, ежедневно выходящих в Интернет, составляла всего 5%. То есть, число пользователей Интернета, за последние 10 лет, возросло, примерно, на 48%. ВЦИОМ также отмечает, что Интернетом, с той или иной периодичностью, пользуется примерно 70% россиян, а число жителей страны, не являющихся пользователями, практически не изменилось за последние три года и составляет 28-30% [2].

Самой популярной социальной сетью у россиян является «ВКонтакте» - ее выбирают 52% Интернет-пользователей. Среди молодежи в возрасте от 18 до 24 лет предпочтение ей отдает 86% респондентов, тогда как люди от 60 и старше проявляют куда меньший интерес - 21%. На втором месте находится социальная сеть «Одноклассники», популярность которой стабильно падает. Если в 2012 году ей пользовался 61% респондентов, то сегодня – 42%. На третьем месте в этом рейтинге находится мессенджер «Whatsapp» - 18%, который обходит по популярности «Facebook» - 13% и «Instagram» - 12%. При этом 22% респондентов сообщили, что не пользуются никакими социальными сетями.

Не обошел эффект явления интериоризации и политическую сферу. С помощью «всемирной паутины», новости из мира политики освещают не только СМИ, но и политические партии. Политические партии используют Интернет-пространство не просто как ресурс для демонстрации своей деятельности, поскольку, это довольно закрытые структуры, то обычному среднестатистическому человеку довольно трудно оценить их работу, которая скрыта от посторонних, они пытаются показать населению свою социальную природу или, другими словами, создать некую «иллюзию прозрачности» партийного аппарата. Осуществляется это, как правило, через создание партиями официальных Интернет – сайтов как регионального, так и федерального характера, а также через наличие в социальных сетях и мессенджерах, о которых говорилось выше, «аккаунтов» от политических партий.

С помощью подобных «Интернет – площадок» партии не просто привлекают внимание россиян к своей деятельности, они создают условия для возникновения, у населения, особого вида доверия, называемого гражданской вовлеченностью. Гражданская вовлеченность «подталкивает» людей, к участию в политической жизни общества. При чем, этот вид гражданской вовлеченности, созданный на Интернет - ресурсах партий имеет свои особенности. Она возникает в процессе создания между посетителями официальных сайтов и аккаунтов партий и партией социальных связей. Эти связи, по природе своей, обладают горизонтальностью и неформализованностью. То есть, них наблюдается полное отсутствие строгой иерархии. В большинстве своем данные связи –

кратковременны. Гражданская вовлеченность, как особый вид доверия, формируясь в социальных связях, создает атмосферу расширенных взаимных обязательств, не сопровождаемых прямым обменом [1].

Иными словами, партии, размещая на своих Интернет – ресурсах информацию, которая должна не просто привлечь внимание посетителей, но сделать их потенциальными или прямыми сторонниками. При этом сохраняется свобода волеизъявления посетителей сайтов и социальных сетей. То есть, люди, посетившие сайт, могут просто его просмотреть и уйти, сохраняя при этом, анонимность. Если же, человек хочет стать сторонником или членом партии, он может подать заявку, связавшись с администратором сайта (партией).

В целом, официальные сайты партий имеют схожую структуру. Так, по результатам исследования, проведенного в городе Ульяновске в июле 2016 года на кафедре философии, социологии и политологии Ульяновского Государственного Университета, к основным элементам можно отнести:

- о эмблема и фирменный стиль;
- о программные документы
- о лидер и партийные персоналии;
- о руководящие органы
- о региональные отделения;
- о обратная связь, контактная информация;
- о новости и аналитика, повестка дня;
- о политические позиции и комментарии;
- о фото и видео;
- о баннеры дружественных и специальных проектов;
- о ссылки на страницы партии в социальных сетях;
- о вступление в партию;
- о закрытые части порталов (для членов партии);
- о различные сервисные опции;
- о деятельность оппонентов.

Официальные сайты двух политических партий: КПРФ и «Единая Россия», которые были взяты для более подробного анализа, имеют в своей структуре большинство этих элементов. Однако самую важную роль, в привлечении потенциальных сторонников, играет даже не сама структура сайта, а характер информации, расположенной на нем. Точнее сказать, те сведения, на которые специально «обращен» фокус внимания посетителей Интернет – ресурса [1].

Сайты партии «Единая Россия» обладают высокой степенью персонификации партийного аппарата, ориентацией внимания потенциального сторонника или члена, главным образом, на своей деятельности. Сайты КПРФ – это, прежде всего, ориентация потенциального сторонника или члена на связь с историческим прошлым и противопоставление своей деятельности, деятельности партии «Единая Россия». Примерно такая же ситуация складывается и в аккаунтах, расположенных Интернет – пространстве социальных сетей и мессенжерах.

Таким образом, можно сказать, что Интернет не только расширяет возможности для участия населения в политической жизни страны, но также способствует увеличению влияния различных политических партий, помогает в достижении их целей. Партия «Единая Россия» стремится к сохранению своей доминирующей роли в политике, а КПРФ – к занятию ведущей позиции.

1. Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, г. Череповец, 16–17 октября 2012 г.: в 2 ч. Ч. 1 /Отв. ред. Т.А. Гужавина. – Череповец: ЧГУ, 2012. – 198 с.

2. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 07. 10. 2017).

СИСТЕМООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ТЕХНО-КОММУНИКАТИВНЫХ ФАКТОРОВ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ

Васильева Л.Н., Васильев В.В. (Москва)

Знания и информация в настоящее время стали стратегическими ресурсами любой социальной системы. Культурные ценности любого общества связаны непосредственно с

ценностями «информационного общества». Это обусловлено тем, что технологии носят всепроникающий характер. Если раньше говорили о равенстве возможностей, то теперь речь идет и о равном доступе к технологиям и информации для каждого члена общества. Такой доступ является аналогом социального равенства, поскольку включает каждого в поле принятия решений (политических или экономических). Интеллект, с этой точки зрения, можно рассматривать в экономическом контексте, поскольку он может служить решающим фактором для получения экономической выгоды.

Коммуникации и когнитивное восприятие, как два вида опыта, связаны в социальных сетевых структурах. Они привлекают сейчас внимание исследователей в самых разных областях научной деятельности – в философии, социологии, биологии, менеджменте и др. Познающий субъект преобразует свое мышление под воздействием информации, поскольку он не только ее пассивно усваивает, но и является активным участником коммуникации.

Понимание такого явления как «информационное общество», невозможно без обращения к понятию «социальное действие» (по М.Веберу). Оно предполагает субъективную мотивацию индивида или группы и ориентацию на других.

В новом социально-виртуальном мире возникли свои формы самовыражения личности, «властители дум» и их последователи. Но синтез высокие технологии в синтезе с сознанием «потребителей» виртуальной продукции продолжают существование реального общества, а не наоборот. Однако любое социальное действие здесь претерпевает трансформацию, обусловленную тем, что индивид потребляет интерпретированную информацию. Личность не предпринимает самостоятельные усилия по моделированию окружающего мира, адекватное реальности, а потребляет готовые модели, сформированные при помощи передовых технологий. Эти модели эффективно «упакованы» и могут очень умело маскировать истинное положение вещей, для понимания которых всегда требуется упорная индивидуальная работа сознания.

Таким образом, бытие информационного общества представляет собой два основных вида бытия: индивидуальное через доступ к передовым технологиям и видоизменение социальных структур общества через перераспределение ресурсов. Любая современная экономика - это динамическая система, сочетающая в себе элементы рационального управления и самоорганизации. Рациональное управление предполагает мотивацию акторов и выделение ими приоритетов. Самоорганизация затрагивает только очень ограниченный ряд экономических параметров. Все инновации обусловлены макроэкономически.

На понятие информации содержательно можно посмотреть с той точки зрения, какое качество придает социальным системам ее восприятие и переработка в процессе самоорганизации. Познание как процесс проходит через «дешифровку» информации через символических посредников. В этой расшифровке содержания сигнала, получаемого из внешнего по отношению к объекту мира, проявляются особенности психики конкретного познающего субъекта и той социокультурной среды, в которой он находится. Когда мы говорим об информационном обществе, важнейшую роль играет технологическая составляющая систем связи и сетевой тип их организации.

Вычленив в современном обществе социальные субъекты теперь не так легко, как это можно было сделать раньше. Владение капиталом и отношение к собственности являются более очевидными факторами, чем структуры в обществе с размытой иерархией. Возникает вопрос, можно ли говорить об «информационной элите» с той же степенью определенности, как о «политической элите» (самых влиятельных) и о «бизнес-элите» (самых богатых)?

Проблема ценности информации через индивидуальную мотивацию и целеполагание, разрабатывалась с конца 50-х гг. Оценка информации во всей совокупности включает в себя также возможное «резонансное» возбуждение среды (природной и культурной), затраты на достижение стратегических цели и последствия от принятых решений. При этом наблюдаются синергетические эффекты, которые обусловлены появлением новых качеств из-за объединения исходных элементов в целостную систему. Чем сложнее система, тем сильнее и менее предсказуем этот эффект.

Информация в обществе преобразуется в знание, в различные формы и способы социальной организации, в ресурсы влияния и власти. Устойчивые связи в социуме строятся с использованием информации высокого качества, используя её в полном объеме. Наиболее влиятельной силой в обществе, информационной элитой является достаточно малый процент населения. Она не обязательно формально причастна к «информационным технологиям». Это те люди, которые формируют символы, идеи и «смыслы», принимаемые большинством. Причем, как

и на предыдущих этапах социальной эволюции, эти «смыслы» могут быть как созидательными, так и разрушительными. При их непосредственном влиянии происходит «форматирование» картины мира и сознания.

Существует проблема человека в сети как потребителя информации, когда востребована определенный набор психо-физических качеств индивида, но не вся их совокупность, которая составляет всю полноту его личности. Люди в основном используют те возможности интернета, которые делают из них «информационных потребителей», которые усваивают информацию, «лежащую на поверхности». Человек, обладающий сложным мышлением и нестандартными интеллектуальными реакциями, является для сетевого общения маргинализированной личностью в том смысле, что эти качества затрудняют для него процесс коммуникации. Его функция как генератора информации высокого качества остается невостребованной.

Наблюдается эффект проецирования особенностей индивидуальной и групповой социальной психологии из физической реальности в виртуальную. Группы, которые организуются в сетях, добровольно ограничивают собственный доступ к «свободной» информации. Ежедневное присутствие в жизни человека других людей, хотя и виртуальное, приводит к эффекту так называемой «социальной фасилитации», т.е. возбуждению, благоприятствующему доминирующей реакции.

Рассматривать понятие информации нужно в том аспекте, как ее восприятие и переработка влияют на самоорганизующиеся системы. При расшифровке получаемого из внешнего мира сигнала, проявляют свои особенности психика конкретного человека и особенности окружающей его культурной среды. В информационном обществе наиболее важную роль играет технологическая составляющая систем связи и их сетевой тип. С конца 50-х гг. разрабатывалась проблема ценности информации. В человеческой деятельности она связывается напрямую с постановкой и достижением цели, а также с так называемым «системным эффектом». То есть суммарная оценка информации включает в себя целеполагание и мотивацию индивида, возможное «резонансное» возбуждение природной и культурной среды, долговременные последствия от принимаемого решения и затраты на достижение цели. В сложных системах может проявить себя синергетический эффект, обусловленный возникновением принципиально новых качеств из-за того, что исходные элементы объединяются в целостную систему. Этот эффект тем сильнее и менее предсказуем, чем сложнее система.

С точки зрения синергетики как методологического подхода, социальная сеть – это циркуляция качественно однородной информации. Таким образом, генерация информации, приращение ее качества является совершенно избыточной функцией для социальной сети. Возникающий парадокс состоит в том, что как комплекс передовых технологий, социальная сеть нуждается в генерации новой информации и повышении уровня организации всей социальной системы. Но в настоящем качестве социальные сети – это понижение структурного уровня сложности системы. Выступая в процессе самоорганизации как инструмент мобилизации, социальная сеть служит средством очень быстрого обмена информацией как «передающее устройство», но не генератор идей.

Когда математически рассчитывается «ценность социальной сети» на основании количества участников, такие расчёты не учитывают индивидуальную ценность когнитивных способностей индивида и «ценность» информации. Задача социологии состоит в определении специфики, связей между индивидами, что в принципе может не поддаваться математической формализации.

ИССЛЕДОВАНИЕ СПЛОЧЕННОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА: НА ПРИМЕРЕ ОНЛАЙН СООБЩЕСТВ ВКОНТАКТЕ

Видясова Л.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация: В докладе представлены результаты автоматизированного анализа онлайн сообществ, созданных для общения людей старшего возраста либо в смежных предметных областях. Для анализа были отобраны 38 групп в популярной русскоязычной социальной сети ВКонтакте. Для каждого сообщества были рассчитаны показатели, характеризующие тесноту связи между участниками и распространение информации внутри сообщества. В исследуемых сообществах была обнаружена следующая стратегия социальной инклюзии в онлайн пространстве: пользователи старших возрастных групп становятся участниками интересных для них сообществ, но не спешат устанавливать отношения «виртуальной дружбы» с другими пользователями внутри сообществ.

На протяжении достаточно продолжительного периода считалось, что люди старшего возраста крайне неактивно используют новые информационные технологии, а если и используют их, то только для решения конкретных оперативных задач: звонки родственникам, поиск информации, запись на прием к врачу. Однако по мере исследования различных аспектов социальной инклюзии пожилых [1, 2, 3], мы обратили особое внимание на социальные сети, и в частности их возможности для расширения инклюзии людей старшего поколения в различных сферах.

В докладе представлены результаты исследования, проведенного в августе- сентябре 2017 г. Исследовательский интерес заключался в поиске ответов на следующие вопросы:

- являются ли онлайн сообщества реальными площадками для взаимодействия пожилых людей;
- какими свойствами обладают сообщества людей старшего возраста в сети;
- приводят ли взаимодействия в онлайн сообществах к изменениям в реальной жизни (получения дополнительных навыков, дружба, совместные занятия, поиск работы и т.д.).

Для проведения исследования случайным образом были отобраны группы в самой популярной в России социальной сети ВКонтакте. Для отбора групп использовались следующие критерии:

- участниками группы должны быть люди пользователи старшего возраста (60+) либо группа должна посвящаться тематикам, затрагивающим их интересы;
- численность групп должна быть не менее 50 человек, поскольку расчет данных в меньших группах не позволяет получить статистически значимые результаты и построить обобщения;
- группы должны раскрывать различные направления для возможной социальной инклюзии пожилых: образование, профессиональная деятельность, расширение социальных связей, совместные досуговые практики.

Поиск групп осуществлялся по ключевым словам: пенсионер, серебряный возраст, третий возраст, кому за 50/60/70. Из 195 найденных групп было отобрано 38 релевантных исследовательским задачам: Работа для пенсионеров, Союз пенсионеров России Санкт-Петербурга и Ленинградской области, Мир туризма- Пенсионеры жизнь только начинается, Юные пенсионеры, Союз пенсионеров России (всероссийский), Полезно пенсионерам, Обучение для пенсионеров, Пенсионеры онлайн, Пенсионеры Южного Урала, Группа помощи пенсионерам Перми, Клуб пенсионеров-оптимистов, Клуб счастливых пенсионеров, Клуб креативных пенсионеров, Помощь пенсионерам, Полезный компьютер: курсы для пенсионеров, Второй "полтинник" (Для тех, кому за 50), Йога для тех, кому за 50, Знакомство Кому за 60, Серебряный возраст Кондопога, Университет Серебряный возраст, Серебряный возраст – детсад для взрослых, Совет ветеранов "Серебряный возраст" М.О. Земское, АНО САП Серебряный возраст, Университет третьего возраста, Минский университет третьего возраста, Школа третьего возраста, Университет третьего возраста, Университет третьего возраста Гатчина, Сиверская школа третьего возраста, Жизнелюб творчество третьего возраста Казань, Университет третьего возраста ИТМО, Народный университет третьего возраста, Артель мастеров, Ресурсы третьего возраста, АНО Центр Третий возраст, Университет третьего возраста Школа Танцев, Будьте здоровы - Третий возраст.

Сбор данных о пользователях сообществ и связях между ними осуществлялся с помощью веб-краулинга социальной сети ВКонтакте автоматизированным инструментом, разработанным в Университет ИТМО [4]. Для анализа данных были рассчитаны следующие показатели: плотность сообщества, диаметр, средняя степень, средняя длина, модулярность,

По результатам исследования, было выявлено, что сообщества людей старшего возраста характеризуются низкой плотностью связей между пользователями (среднее значение - 0,04), что свидетельствует о неполноте графа связей пользователей. В среднем каждый пользователь в исследованных группах был связан с другим через 7 пользователей. Этот факт подтверждается также достаточно высокой модулярностью (0,58), означающей формирование отдельных кластеров пользователей внутри каждого сообщества. По данным веб-краулинг, каждый пользователь в сообществах был связан с еще 3 участниками группы, и этот параметр был выше в группах с большей численностью.

Обмен информацией между участниками сообществ не показал существенной интенсивности: при публикации в среднем 1,8 сообщений в группе в день, число републикаций контента на собственной странице участников не превышала 1 репост на сообщение. Также не

более 24% всего информационного контента распространялось между пользователями групп, и лишь пятая часть участников групп делала репосты сообщений.

Таким образом, при формировании выборочной совокупности был обнаружен достаточно большой объем целевых групп, однако при анализе параметров сетевых графов сообществ была определена низкая сплоченность пользователей и их кластеризация внутри отдельных тематических подгрупп внутри сообществ. В исследуемых сообществах была обнаружена следующая стратегия социальной инклюзии в онлайн пространстве: пользователи старших возрастных групп становятся участниками интересных для них сообществ, но не спешат устанавливать отношения «виртуальной дружбы» с другими пользователями внутри сообществ.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-03434) по теме: «Модели взаимодействия общества и пожилых людей: исследование возможностей социальной инклюзии».

1. Alreemy Z., Chang R. W., Wills G. *Critical Success Factors (CSFs) for Information Technology Governance (ITG)* // *Government Information Quarterly*. 2016. Vol. 36, № 6. P. 907–16.

2. Бершадская Л.А., Биккулов А.С., Жук Д.В., Низомутдинов Б.А. *Интернет и пожилые: включенность старших возрастных групп и внимание к их проблемам* // *Информационные ресурсы России*. 2014. № 5(141). С. 11-15.

3. Григорьева И.А., Биккулов А.С. *Старость, здоровье, активное долголетие и смысловой контекст их упоминания в социальных сетях* // *Успехи геронтологии*. 2015. №2. С. 354–359.

4. Butakov N., Petrov M., Radice A. *Multitenant Approach to Crawling of Online Social Networks [Текст]* // *Procedia Computer Science*. 2016. Vol. 101. P. 115-124

ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В РОССИИ

Воронкова О.А. (Москва)

Пространство коммуникации власти и социума – публичная сфера – развивалось на европейском геополитическом пространстве на протяжении исторически долгого дискурсивного процесса. Основой этого процесса стала трансформация субъективно осознаваемых частных интересов в публичный интерес, требующий реформирования монархической политической системы с целью освобождения социального и экономического пространства для частной самореализации и обеспечения для этого законодательно закрепленных возможностей. В результате были сформированы основные институты, позволяющие решать внутренние проблемы в большей степени путем поиска договоренностей и компромиссов и в гораздо меньшей – военными средствами. В России в силу комплекса геополитических причин так и не сложилось благоприятных условий для социально-политического дискурса.

В России географически и исторически сложившаяся «общинность» как ведения хозяйства, так и мышления, «работала» на систематическое подавление условий для развития пространства «приватного». Как следствие, на российском политическом поле не сложилось норм уважения как к частной собственности, так и личностному достоинству. На социальном уровне это привело к установлению традиционно российского характера отношений власти и социума. Выстроенные «по вертикали» отношения реализовывались в формате команд «сверху» и прошений «снизу» при отсутствии возможностей становления срединного коммуникативного поля. Прогрессирующее усиление экономического и ментального разрыва между элитой и не-элитой способствовало укреплению традиции добиваться социальных изменений исключительно революционным путем. Социально-политический конфликт развивался по схеме трансформации граничащей с религиозным фанатизмом веры в царя, в разочарование, раздражение и требование замены «плохого» царя на «хорошего». Накопление критической массы недовольства «низов» в отсутствии широкого публичного пространства для «выпускания пара» и обсуждения конструктивных идей, неизбежно приводило к разрушительному социальному взрыву.

Отсутствие нормы уважения к «приватной сфере» способствовало утверждению необходимости для любой политической элиты – «старой» или «новой» - принятия решений «за массы», «в интересах народа», что приводило при социальных пертурбациях к доминированию идеолого-символического компонента в реформационном процессе. Первостепенность идеологизации любых социальных изменений в России, как средства мобилизации масс, подъема революционного энтузиазма, постоянно подминала под себя значимость поступательного,

пошагового реформирования хозяйственно-экономических принципов, сбивая процесс установления социально-политического баланса.

Рационально-критическая активность в России во все времена, и при самодержавии, и при коммунизме, вынужденно реализовывалась в «непубличной сфере». Любой всплеск социального несогласия оказывался под мощным прессом власти, охраняющей свое право на диктат посредством силового аппарата. Тем не менее, качественные изменения в культурных слоях общественного сознания, вызревавшие в «непубличной сфере» – тайных обществах, масонских ложах, предреволюционном «подполье» – периодически выступали на поверхность социальной жизни. В критические моменты обострения социально-политических противоречий непубличный дискурс резко переходил в публичное поле, оказывая влияние на массы и вызывая раскол и растерянность властных элит. Особенностью становления российской публичной сферы стала не базовая дихотомия частное/публичное (Арендт [1], Хабермас [2]), а противоречие между социокультурным и государственно-идеологическим срезам общественного сознания. Разнопонимаемый публичный интерес в социокультурной (интеллигентской) и государственно-идеологической (власть + народ) матрицах сознания при слабости индивидуально-прагматического компонента, быстро переводил социальный дискурс в идеологическую плоскость.

Такой формат развития публичной сферы проявился и в период революционного переворота 1917 г., и времена политической «перестройки» 1985-90 гг. Центральной повесткой социально-политического дискурса становилась смена идеологий, по принципу полной дискредитации старой с разрушением всего ее символического аппарата и утверждения новой на очищенном месте. В 1917 году разрушалось физическое, смысловое и символическое пространство триединства «православия, самодержавия и народности». В 1990-м – официально дискредитировалась коммунистическая идеология со всеми ее символическими атрибутами.

Но характерным отличием «мягкой» революции конца XX века от ее жесткой предшественницы стало все же не полное уничтожение закостеневшей коммунистической системы идей, а лишь лишение ее доминирующего статуса. И при явном предпочтении заимствованной с запада идеологии либеральной демократии, период 90-х отличается скорее идеологическим эклектизмом, чем насаждением новой доминанты новой политической элитой. Этот всплеск идеологического эклектизма часто интерпретируют как свидетельство «расцвета публичной сферы», утверждая даже, что она «по степени интеграции аудитории и интенсивности обращения текстов была весьма близка к хабермасовскому идеалу» [2, с.59]. Однако главным критерием «хабермасовского идеала» является наличие условий для внеидеологического обмена мнениями, что явно не российский случай.

Период 90-х стал не временем проработки правовых основ для согласования частных конфликтующих интересов, а временем соперничества политических PR-практик, имиджевых технологий, используемых для перетягивания одеяла власти. В 90-х так и не сложилось институциональной основы развития публичной сферы, где могли бы вырабатываться нормы и принципы достижения социального согласия. Ни власть, ни массовое общество так и смогли освободиться от базовой, идущей из глубины веков потребности в «сильном кулаке», способном одним ударом «навести порядок». Политическая система 2000-х быстро вернулась к привычной вертикальной структуре, возродив однопартийное доминирование, сузив до крошечных островков легальное пространство социальной публичной активности.

Тем не менее, количественное приращение активного критически мыслящего слоя, поддерживаемое неуклонным ходом глобального информационно-технологического прогресса, способствует де-идеологизации массового сознания и качественной трансформации публичной сферы. Интернет стал такой площадкой, где складывается и реализуется тенденция противодействия реставрации архаично-авторитарных принципов построения политической системы, механизмов «встраивания» общественного сознания в русло единомыслия. Вопреки реально существующим угрозам установления тотального контроля над каналами формирования общественного мнения, шансы на развитие полнокровной публичной сферы, «сетевой демократии» в России остаются достаточно высокими. Быстрая глобальная диверсификация технических возможностей генерирования альтернативных способов формирования, выражения и обмена мнениями, расширение контактных сетей с неизбежностью вытесняет тенденцию обособления и закрытия социальных пространств. Вместе с этим многократно повышаются шансы на быстрый рост уровня коммуникативной компетентности и ответственности публичного дискурса.

Пространство коммуникации власти и социума – публичная сфера – развивалось на европейском геополитическом пространстве на протяжении исторически долгого дискурсивного процесса. Основой этого процесса стала трансформация субъективно осознаваемых частных интересов в публичный интерес, требующий реформирования монархической политической системы с целью освобождения социального и экономического пространства для частной самореализации и обеспечения для этого законодательно закрепленных возможностей. В результате были сформированы основные институты, позволяющие решать внутренние проблемы в большей степени путем поиска договоренностей и компромиссов и в гораздо меньшей – военно-силовыми средствами. В России в силу комплекса геополитических причин так и не сложилось благоприятных условий для социально-политического дискурса.

В России географически и исторически сложившаяся «общинность» как ведения хозяйства, так и мышления, «работала» на систематическое подавление условий для развития пространства «приватного». Как следствие, на российском политическом поле не сложилось норм уважения как к частной собственности, так и личностному достоинству. На социетальном уровне это привело к установлению традиционно российского характера отношений власти и социума. Выстроенные «по вертикали» отношения реализовывались в формате команд «сверху» и прошений «снизу» при отсутствии возможностей становления срединного коммуникативного поля. Прогрессирующее усиление экономического и ментального разрыва между элитой и не-элитой способствовало укреплению традиции добиваться социальных изменений исключительно революционным путем. Социально-политический конфликт развивался по схеме трансформации граничащей с религиозным фанатизмом веры в царя, в разочарование, раздражение и требование замены «плохого» царя на «хорошего». Накопление критической массы недовольства «низов» в отсутствии широкого публичного пространства для «выпускания пара» и обсуждения конструктивных идей, неизбежно приводило к разрушительному социальному взрыву.

Отсутствие нормы уважения к «приватной сфере» способствовало утверждению необходимости для любой политической элиты – «старой» или «новой» - принятия решений «за массы», «в интересах народа», что приводило при социальных пертурбациях к доминированию идеолого-символического компонента в реформационном процессе. Первостепенность идеологизации любых социальных изменений в России, как средства мобилизации масс, подъема революционного энтузиазма, постоянно подминала под себя значимость поступательного, поэтапного реформирования хозяйственно-экономических принципов, сбивая процесс установления социально-политического баланса.

Рационально-критическая активность в России во все времена, и при самодержавии, и при коммунизме, вынужденно реализовывалась в «непубличной сфере». Любой всплеск социального несогласия оказывался под мощным прессом власти, охраняющей свое право на диктат посредством силового аппарата. Тем не менее, качественные изменения в культурных слоях общественного сознания, вызревавшие в «непубличной сфере» – тайных обществах, масонских ложах, предреволюционном «подполье» – периодически выступали на поверхность социальной жизни. В критические моменты обострения социально-политических противоречий непубличный дискурс резко переходил в публичное поле, оказывая влияние на массы и вызывая раскол и растерянность властных элит. Особенностью становления российской публичной сферы стала не базовая дихотомия частное/публичное (Арендт [1], Хабермас [2]), а противоречие между социокультурным и государственно-идеологическим срезам общественного сознания. Разнопонимаемый публичный интерес в социокультурной (интеллигентской) и государственно-идеологической (власть + народ) матрицах сознания при слабости индивидуально-прагматического компонента, быстро переводил социальный дискурс в идеологическую плоскость.

Такой формат развития публичной сферы проявился и в период революционного переворота 1917 г., и времена политической «перестройки» 1985-90 гг. Центральной повесткой социально-политического дискурса становилась смена идеологий, по принципу полной дискредитации старой с разрушением всего ее символического аппарата и утверждения новой на очищенном месте. В 1917 году разрушалось физическое, смысловое и символическое пространство триединства «православия, самодержавия и народности». В 1990-м – официально дискредитировалась коммунистическая идеология со всеми ее символическими атрибутами.

Но характерным отличием «мягкой» революции конца XX века от ее жесткой предшественницы стало все же не полное уничтожение закостеневшей коммунистической системы идей, а лишь лишение ее доминирующего статуса. И при явном предпочтении заимствованной с запада идеологии либеральной демократии, период 90-х отличается скорее

идеологическим эклектизмом, чем насаждением новой доминанты новой политической элитой. Этот всплеск идеологического эклектизма часто интерпретируют как свидетельство «расцвета публичной сферы», утверждая даже, что она «по степени интеграции аудитории и интенсивности обращения текстов была весьма близка к хабермасовскому идеалу» [2, с.59]. Однако главным критерием «хабермасовского идеала» является наличие условий для внеидеологического обмена мнениями, что явно не российский случай.

Период 90-х стал не временем проработки правовых основ для согласования частных конфликтующих интересов, а временем соперничества политических PR-практик, имиджевых технологий, используемых для перетягивания одеяла власти. В 90-х так и не сложилось институциональной основы развития публичной сферы, где могли бы вырабатываться нормы и принципы достижения социального согласия. Ни власть, ни массовое общество так и смогли освободиться от базовой, идущей из глубины веков потребности в «сильном кулаке», способном одним ударом «навести порядок». Политическая система 2000-х быстро вернулась к привычной вертикальной структуре, возродив однопартийное доминирование, сузив до крошечных островков легальное пространство социальной публичной активности.

Тем не менее, количественное приращение активного критически мыслящего слоя, поддерживаемое неуклонным ходом глобального информационно-технологического прогресса, способствует де-идеологизации массового сознания и качественной трансформации публичной сферы. Интернет стал такой площадкой, где складывается и реализуется тенденция противодействия реставрации архаично-авторитарных принципов построения политической системы, механизмов «встраивания» общественного сознания в русло единомыслия. Вопреки реально существующим угрозам установления тотального контроля над каналами формирования общественного мнения, шансы на развитие полнокровной публичной сферы, «сетевой демократии» в России остаются достаточно высокими. Быстрая глобальная диверсификация технических возможностей генерирования альтернативных способов формирования, выражения и обмена мнениями, расширение контактных сетей с неизбежностью вытесняет тенденцию обособления и закрытия социальных пространств. Вместе с этим многократно повышаются шансы на быстрый рост уровня коммуникативной компетентности и ответственности публичного дискурса.

1. Арентс Х. *Vita active, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
2. *Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади: коллектив. моногр. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. – 360 с.*
1. Арентс Х. *Vita active, или О деятельной жизни*. СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
2. *Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади: коллектив. моногр. / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова. М.: ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. – 360 с.*

МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИИ

Вялых Н.А. (Ростов-на-Дону)

Статья выполнена в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 16-18-10387 «Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе».

Социальная диагностика проблем, существующих в системе менеджмента, показывает, что лишь незначительная часть предложений и рекомендаций со стороны ученых и экспертов внедряется лицами, принимающими непосредственные управленческие решения в российском здравоохранении. Практическая значимость когнитивного моделирования социального поведения в сфере здравоохранения определяется необходимостью совершенствования методологического арсенала, инструментов социального прогнозирования, проектирования и планирования общественного здоровья.

В современной научной литературе особое внимание уделяется рассмотрению таких аспектов, как: наличие адекватных услуг, набор которых в полной мере отвечает потребностям пациентов и позволяет им сделать выбор [1–4]; зависимость использования медицинской помощи от социально-экономических, культурных и организационных барьеров [5]; эффективность медицинской помощи; необходимость комплексного подхода к оценке использования медицинской помощи, принимая в расчет как индивидуальные потребности, так и материальные,

и социальные условия жизни различных групп в обществе [6]. Однако проблематика, связанная с изучением социального поведения потребителей медицинской помощи в российском обществе и конструированием его модальных моделей еще не стала предметом специальных социологических исследований, как на уровне эмпирических научно-исследовательских практик, так и на уровне теоретической рефлексии.

В настоящее время в изучении социального поведения наметилась тенденция преодоления познавательной односторонности личностного и ситуационного, диспозиционного и культурного подходов [7]. В русле этой тенденции социальное поведение человека в сфере здравоохранения не рассматривается как результат давления социальной ситуации или индивидуальных черт его характера, социальных ценностей, установок или культурной предрасположенности. Социальное поведение пациента рассматривается в первую очередь как следствие интерпретации им социальной ситуации и приписывания ей значений и смыслов в определенном социокультурном контексте [8].

В российском обществе по критерию направленности социальных ожиданий потребителей и степени их готовности нести бремя персональной ответственности за свое здоровье можно выделить консервативную, либеральную и гибридные модели социального поведения, в ментальных программах которых присутствуют когнитивные, аксиологические и конативные структуры как либерального, так и консервативного характера [7].

Приверженцы консервативной модели поведения ориентированы на получение бесплатной медицинской помощи в рамках программ государственных гарантий, считая, что государство должно заботиться о здоровье своих подданных-налогоплательщиках. Подобная модель, как правило, характеризуется инерционной линией поведения и предполагает конформистский стиль социальной адаптации к условиям внешней среды и полном принятии формальных правил игры. Отличительным признаком консервативной модели поведения потребителей медицинской помощи является не столько отсутствие целеориентированного компонента поведения, сколько следование групповым поведенческим стандартам и традициям, усвоенным в ходе социализации.

Эффекты консервативной модели поведения многообразны по диапазону. В одном случае, при возникновении симптомов заболевания потребитель по привычке идет к врачу, потому что «так надо», «так положено», «лучше довериться специалистам». В другом случае, наблюдается привычное терпение физического или психического дискомфорта с последующим обращением за профессиональной помощью в результате сильной манифестации симптомов заболевания. Кроме того, консервативная модель может предполагать «автоматический отказ» от профессиональной медицинской помощи, например, обращение за советом к «более опытному и осведомленному окружению», не имеющему медицинского образования, самолечение и иные суррогатные формы околomedicalного вмешательства.

Очень незначительная прослойка российских потребителей приняли и понимают и принимают рыночно-страховые инновации в системе российского здравоохранения. Показательным в этом плане являются результаты опроса, проведенного Фондом «Общественное Мнение» на тему: «Новая услуга: платная скорая помощь». В 2013 г. в некоторых городах России наряду с бесплатными появились платные государственные бригады скорой помощи с машинами повышенного комфорта и врачами, готовыми оказывать дополнительные услуги, которые не оказывают стандартные бригады. Только 12 % опрошенных знали об этом проекте, 26 % – что-то слышали, 60 % – узнали впервые от социологов, 1 % – затруднились ответить [9]. Вместе с тем нельзя не принимать во внимание социальные группы, имеющие или желающие иметь достаточно средств для оплаты медицинской помощи, готовые единолично нести ответственность за свое здоровье и благополучие. Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, за получение медицинской помощи более высокого качества в той или иной степени готовы доплатить, в том числе не исключают для себя такой возможности, примерно половина опрошенных (52 %). «В среднем речь идет о сумме в 1400 руб. в месяц на одного человека. Максимальная планка такой доплаты – 5 тыс. руб. в месяц на человека», – говорят аналитики [10].

Для современного российского общества в контексте трансформации здравоохранения более характерна неоконсервативная модель поведения. Так, по результатам опроса «Доступность и качество российского здравоохранения: оценки пациентов», проведенного ВЦИОМ 15-16 июля 2015 г. (N = 1600 чел.), в случае заболевания большинство россиян (60 %) прежде всего идут в государственные поликлиники, 25 % – лечатся самостоятельно, 8 % – обращаются в платную поликлинику, больницу, 4 % – ничего не делают, все пускают «на самотек», и только 1 % опрошенных обращается к народным целителям и нетрадиционной медицине [11]. При этом, по

оценкам специалистов ФОМ, в 2015 г. (N = 1500 чел.) 53 % опрошенных россиян приходилось в течение года в той или иной форме платить за какие-либо медицинские услуги в лечебных учреждениях [12].

Таким образом, либеральная модель поведения потребителей медицинской помощи предполагает внутреннее и внешнее принятие личностью рыночных правил игры в сфере здравоохранения. Существенна и гетерогенна по составу численность сторонников гибридной модели, представители которой признают необходимость и неизбежность интервенции рыночных регуляторов в сферу здравоохранения, однако полагают, что должен существовать пакет гарантированной бесплатной помощи и что государство должно также нести бремя финансовых расходов и ответственности за качество и доступность медицинской помощи. В зависимости от того, в какую сторону качнется маятник социальных ожиданий и запросов потребителей медицинской помощи, гибридная модель социального поведения может проявляться как неоконсервативная (консервативно-либеральная) или как неолиберальная (либерально-консервативная), соединяющая элементы альтернативных консервативной и либеральной моделей.

1. Русинова Н.Л., Панова Л.В. Доступ к услугам здравоохранения: методологические подходы и методы измерения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 4. С. 147-163.
2. Gulliford M. Modernizing concepts of access and equity // Health Economics, Policy and Law / Cambridge University Press, 2009. Vol. 4 (02). P. 223-230.
3. Решетников А.В. Экономика здравоохранения. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2007.
4. Andersen R., Davidson P. Improving Access to Care in America : Individual and Contextual indicators // Changing the U.S. Health Care System : Key Issues in Health Services Policy and Management / Ronald Anderson, Thomas Rice, Gerald Kominski. San Francisco : Jossey-Bass, 2007. P. 3-31.
5. Graves A. A model for assessment of potential geographical accessibility : A Case For GIS // Online Journal of Rural Nursing and Health Care. 2009. Vol. 9. № 1. P. 46-55.
6. Dixon-Woods M., Cavers D., Agarwal S. Conducting a critical interpretive synthesis of the literature on access to healthcare by vulnerable groups // BMC Medical Research Methodology. 2006. № 6 (35). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.biomedcentral.com/1471-2288/6/35>.
7. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография / отв. ред. А.В. Лубский. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2016.
8. Lubsky A.V., Kolesnykova E.Y., Lubsky R.A. Mental Programs and Social Behavior Patterns in Russian Society // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. No. 16. P. 9549-9559.
9. Новая услуга: платная скорая помощь: «ФОМнибус» // Официальный сайт Фонда «Общественное Мнение», 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/obshchestvo>.
10. Башкатова А. Отечественная медицина огорчает большинство россиян // Независимая газета. 11.12.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/economics/2013-12-11/4_medicine.html.
11. Доступность и качество российского здравоохранения: оценки пациентов // Всероссийский центр изучения общественного мнения. Пресс-выпуск № 2919 от 02.09.2015. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115370>.
12. Доминанты. Поле мнений. Социологический бюллетень. Здравоохранение // «ФОМнибус», 2015. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d28zd15.pdf>.

ЧЕТВЕРТАЯ ПРОМЫШЛЕННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СФЕРЫ ЗАНЯТОСТИ И ВЫЗОВ СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Гавриленко О.В. (Москва)

Четвертая промышленно-технологическая революция приводит к лавинообразным и необратимым изменениям всех сторон социальной жизни. Экономику будущего часто называют экономикой, основанной на знаниях (knowledge-based). Автоматизированные и экспертные системы, продвинутое программное обеспечение, роботы на производстве, развитие умных систем управления, совершенствование способов сбора и обработки больших объемов данных – все это ведет к радикальной трансформации бизнеса, производства, управления и социальных структур как таковых, меняет требования к развитию системы образования. Мы наблюдаем трансформацию сферы занятости, процесс сокращения рабочих мест в традиционных отраслях экономики,

появление новых профессий и формирование новых отраслей. Долгое время доминировала точка зрения, что автоматизация и роботизация грозит только неквалифицированным рабочим, «синим воротничкам». Сегодня же мы видим, что любые, потенциально рутинизируемые, виды деятельности могут быть заменены машиной. Компьютеры достаточно быстро осваивают новые навыки, получая доступ ко все большему объему информации. В будущем с серьезной проблемой поиска работы столкнутся и «белые воротнички» [7].

Роботизация сегодня настолько глубоко проникает в нашу жизнь, что уже не вызывает особого удивления факт разработки специального закона, вынесенного на обсуждение Европарламентом, касающегося урегулирования отношений человека и робота, искусственного интеллекта [3]. По мнению многих ученых, в ближайшее время искусственный интеллект превзойдет по своим характеристикам естественный интеллект, а машины могут выйти из под контроля человека. Разработчики закона уделяют отдельное внимание этической стороне проблемы, а также разделению сфер ответственности за те или иные правонарушения между роботом и разработчиком машины. Роботы все активнее заменяют человека в самых разных сферах. Так, в январе 2017 года Сбербанк России заявил о внедрении роботов-юристов, которые будут заполнять иски вместо физических лиц. Данная инициатива позволит организации «высвободить» до трех тысяч рабочих мест, причем под высвобождением понимается как переучивание персонала, так и увольнение.

Согласно Форсайту будущих профессий [1], многим профессиям уготовано печальное будущее. В качестве «отмирающих» к 2030 году профессий называют такие как бухгалтер, журналист, нотариус, юрисконсульт, переводчик и др. (всего около 60 профессий). Прогнозируется появление около 190 новых профессий, некоторые из которых сегодня вызывают определенное недоумение: медиаполицейский, эко-проповедник, тренер по майнд-фитнесу, эксперт «по образу будущего» ребенка и т.п. Microsoft совместно с фирмой Future Laboratory предложили свое видение профессий будущего, которые станут возможны уже к 2025 году: космический гид, дизайнер виртуальной реальности, юрист в области робо-этики, Digital-комментатор в области культуры, биохакер-фрилансер, аналитик данных в Интернете-вещей, инженер тела, специалист по экономному использованию энергии, оптимизатор объема мозга. В различных Форсайт-исследованиях, посвященных проблеме занятости и новых профессий, прослеживается вывод о том, что все меньше работодателями будущего будут востребованы навыки и компетенции, связанные с конкретными, узкими, сферами деятельности (hard skills), и все больший акцент делается на развитии у сотрудников социальных навыков (social skills) и навыков комплексного решения проблем [5].

Далеко не все специалисты настороженно или негативно относятся к последствиям новой промышленно-технологической революции. Так, Дж. Рифкин демонстрирует оптимистический взгляд на третью революцию (он не использует термин «революция 4.0»). По его мнению, появятся сотни тысяч новых компаний, миллионы рабочих мест. Уйдет в прошлое эпоха с индустриальным мышлением, массой неквалифицированных работников, начнется эра сотрудничества, социальных сетей, высокоспециализированных профессионалов и технических работников. Традиционная иерархическая организация экономической и политической власти уступит место горизонтальному взаимодействию. «К середине 21 века многие виды коммерческой деятельности перейдут под контроль интеллектуальных технологических систем, что высвободит значительную часть людей для создания социального капитала в некоммерческом гражданском обществе, которое станет доминирующим сектором» [6, с. 17].

Описанные выше процессы радикально меняют привычный нам социальный мир, в частности, возникают вопросы по дальнейшему развитию системы образования: кого она должна готовить? Кто будет востребован экономикой будущего? Это вопросы, на которые предстоит ответить институтам образования, тем более что с каждым годом все серьезнее звучат требования повышения практикоориентированности образования и активизации связей с работодателями.

Образовательные системы как развитых, так и развивающихся стран, сегодня сталкиваются с вызовами, которые можно назвать глобальными [2]:

1. Развитие цифровых и телекоммуникационных технологий меняет способы распространения информации и передачи знаний. Эти новые технологии проникают в организации, семьи, вне зависимости от уровня достатка, экономического развития стран (степень проникновения Интернета сегодня достаточно высока, в том числе, в не самых развитых странах).

2. Сформированная в результате промышленно-технологической революции новая экономика предъявляет особые требования к навыкам, компетенциям и образованию персонала.

Меняются требования к базовому образованию – необходимо развитие социальных навыков, навыков командной работы, умения работать в мультикультурных средах, решать междисциплинарные задачи. При этом серьезное внимание уделяется развитию дополнительного обучения, постоянному повышению профессиональной квалификации, непрерывному образованию.

3. Образование все чаще рассматривается не как общественное благо (финансирование которого осуществляется за счет государства), а как услуга, как важный нематериальный инвестиционный актив. Образование – это то, во что может быть выгодно вкладывать деньги, рассчитывая на прибыль на вложенный капитал. Сегодня поменялась общая риторика и дискурс в сфере образования – все активнее сюда проникают «рыночные, экономические понятия» (импакт, показатели эффективности, «Дорожная карта» и др.) [4].

Разработчики доклада о будущем образования указывают на возможные радикальные трансформации образования в развитых странах [2]. К отмирающим к 2035 году форматам они относят общеобразовательную школу, исследовательский институт и текст как «доминирующую форму знаниевой коммуникации». Элементами новой системы названы обучение в нейронет-группах, игра и командная работа как доминирующие формы образования и социальной жизни, искусственный интеллект как помощник в получении знаний, «смерть галактики Гуттенберга». Технологизация самих образовательных процессов может привести к тому, что то, что сегодня выполняется специалистами (преподавателями), может быть заменено экспертными системами и даже роботами.

Таким образом, в глобальном плане система образования сталкивается с новыми процессами, которые способствуют ее трансформации. Это изменение структуры экономики (процессы реиндустриализации в развитых странах (возвращение промышленного производства на новой технологической основе, не требующей использования человеческого труда), экологизации производства и «мышления»), изменение структуры занятости (автоматизация как ручного, так рутинного интеллектуального труда, освоение практик DIY (do it yourself)), трансформация института семьи (фактически отказ от выполнения базовых социализирующих функций). Сегодня под влиянием революции 4.0 возникают новые отрасли экономики, происходят процессы отмирания и модернизации старых отраслей, в том числе за счет основных направлений технологизации: «цифровизации», появления новых материалов (например, в ходе NBIC – конвергенции: нано-, био-, информационных и когнитивных технологий), развития умных систем управления («умные дома», камеры наблюдения и др.). Все эти процессы неизбежно повлияют на занятость, снижая востребованность одних профессий и видов деятельности, повышая потребность в специалистах другого профиля. Это становится серьезным вызовом для развития системы образования, которая не может игнорировать данные процессы.

1. *Атлас новых профессий – М.: АСИ, Сколково, 2014.*
2. *Доклад. Будущее образования: глобальная повестка // https://edu2035.org/pdf/GEF.Agenda_ru.pdf (дата обращения 17.09.2017)*
3. *Дж. Уэйкфилд Европарламент решает, считать ли роботов «электронной личностью» // <http://www.bbc.com/russian/news-38597214> (дата обращения 15.09.17)*
4. *Коллини С. Зачем нужны университеты? – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.*
5. *Маркеева А. В. Умения и навыки работников: постиндустриальные императивы // Управление социальными изменениями в нестабильных условиях: Всероссийская научная конференция; 24 мая 2016 г., МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет: Материалы конференции / Под общ. ред. В.П. Васильева. ISBN 978-5-317-05286-7. — Макс-Пресс Москва, 2016. — С. 410–414.*
6. *Рифкин Дж. Третья промышленная революция: Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014.*
7. *Форд М. Роботы наступают: Развитие технологий и будущее без работы / пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2016.*

КИБЕРПРОСТРАНСТВО И НОВАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Добринская Д.Е. (Москва)

Аннотация

Жизнь современного человека трансформируется под воздействием продуктов информационно-коммуникационных технологий. Возникают новые формы социальных взаимодействий, которые становятся частью не

только реального физического мира, но и киберпространства. Поэтому понятия «граница» и «разделение» заменяют «сети», «каналы» и «потoki». Технологические основания оформления киберпространства, а также понимание того, что любое пространство является социально сконструированным, позволяет рассматривать киберпространство в перспективе изучения его физического, социального и информационного аспектов. Сетевой анализ общества демонстрирует непредсказуемость, открытость и нелинейность социальных процессов. Увеличивающаяся сложность социальных систем делает возможным проведения аналогий с изучением объектов физических и биологических наук. Именно поэтому возникают вопросы относительно возможностей применения теории сложности, сетевого и системного подхода в качестве нового методологического инструментария социологической науки.

Беспроводные технологии и цифровая инфраструктура трансформируют среду обитания современного человека. Общество характеризуется разнообразными формами социальных взаимодействий, в которых очевидным образом проявляются новые черты отношений индивидов между собой и со своей средой. Вместо границ и разделения исследователи все чаще описывают современный мир, используя понятия сети, канала и потока. Сети создают сложные и устойчивые связи, простирающиеся во времени и пространстве между людьми и материальными объектами [1–3]. Как пишет Ф. Капра, «сеть — это модель организации, присущая всему живому. Везде, где мы обнаруживаем жизнь, мы видим сети» [4].

Илья Пригожин в своем докладе, посвященном сетевому обществу, отмечал, что «никто не планировал сетевое общество и взрыв информации; это примечательный случай стихийного возникновения новых форм общества» [5], проводя аналогию между эволюцией форм общества в сторону сетевого и физическими и химическими процессами самоорганизации. Обладая высокой степенью сложности, сетевая структура общества как результат процессов в информационной технике, не является равновесной, поскольку любая комплексная структура далека от состояния равновесия. Сетевой анализ общества демонстрирует непредсказуемость, открытость и нелинейность социальных процессов. Увеличивающаяся сложность социальных систем делает возможным проведения аналогий с изучением объектов физических и биологических наук. Именно поэтому теорию сложности рассматривают как потенциально возможную парадигму для социологии [6], объясняя это характеристиками, присущими современному обществу, часто именуемому как сетевое [7–10]. Среди таких характеристик отмечают нелинейность социальных процессов; сложность и сетевой характер социальных взаимодействий; трансформация пространственно-временного восприятия мира; непредсказуемость результатов социальных взаимодействий.

Джон Урри полагает, что общества трансформируются, становясь элементами в системах глобальной сложности. Эти системы не стремятся к равновесному состоянию, а сети и «текущие» соединения таких систем способны к глобальным перемещениям, пересекая географические границы территорий. Социология, по мнению Урри, совершенно справедливо была названа О.Контон «социальной физикой», поскольку сложность взаимодействий в социальной среде сравнима со сложностью физики [6]. Урри рассматривает основы человеческого существования в XXI веке в рамках трех, так называемых, «фонов природы»: фон естественных объектов, фон искусственных объектов и фон виртуальных объектов [11]. На фоне естественных объектов (здесь исследователь имеет в виду природные ландшафты планеты) разворачивалась большая часть человеческой истории. Фон искусственных объектов начинает создаваться во время Первой и Второй промышленных революций. Фон виртуальных объектов стал результатом инноваций Третьей промышленной революции. И, следуя логике рассуждений мыслителя, можно предположить, что плоды Четвертой промышленной революции, заявления о наступлении которой звучат в последние годы все более отчетливо [12], создают условия для интенсификации процессов развития этого фона.

Виртуальная природа связана с миром «движения». Объекты материального мира (аппаратное и программное обеспечение компьютеров и различного рода коммуникативных устройств), находясь всегда рядом и продуцируя бесконечные информационные потоки, оставляют бесчисленное множество едва уловимых виртуальных следов. Этот фон представляет собой совокупность программных систем, позволяющих без сознательного обдумывания и вмешательства человека осуществлять многократно повторяющиеся действия. Системы виртуальной природы по-другому можно назвать киберпространством. Киберпространство представляет собой неотъемлемую часть природного фона современного сетевого общества.

Киберпространство, или по-другому цифровая среда, это пространство функционирования продуктов информационно-коммуникационных технологий, позволяющих создавать чрезвычайно сложные системы взаимодействий агентов с целью получения, обмена и управления

информацией, а также осуществления коммуникаций в условиях множества различных сетей. Границы киберпространства несводимы к границам физического пространства. Границы киберпространства подвижны и изменчивы. Киберпространство рассеяно повсюду, представляя собой бесконечные возможности для коммуникации. Оно есть потенциал, реализуемый каждым, кто в него погружается и кого оно “захватывает” помимо собственного желания. Для многих социальных теоретиков киберпространство интересно с точки зрения внутренних отношений – новые формы социализации, а также его соотнесение с реальным географическим, физическим пространством.

Определение киберпространства может быть раскрыто в трех различных перспективах:

1. физический аспект киберпространства;
2. информационный аспект киберпространства;
3. социальный аспект киберпространства.

Этот новый тип пространства, характерный для сетевых обществ XXI века обладает рядом особенностей, указывающих на его виртуальность, сетевой характер функционирования, многомерность, нелинейность, изменчивость, возможность быть публичным и частным пространством и базой для конструирования сетевой идентичности.

Существуя наряду с физическим и социальным пространством, киберпространство становится пространством социальных взаимодействий, для исследования которых требуются новые методологические подходы.

Системная теория Лумана и акторно-сетевая теория Латура стремятся к преодолению «разрыва между кластером естественных наук (точных наук) и социогуманитарными науками, погружения всех либо в общую гетерогенную семиотическую сеть вещей, знаков (Латур), либо в систему коммуницирующих между собой, операционально замкнутых, но когнитивно открытых автопозисов и их симбиозов (Луман)» [13]. Исследователи делают предположение о том, что системная и сетевая теория могут быть рассмотрены как «субпарадигмы» более общей парадигмы сложности или могут быть «разными формами представления сложности вместе с процедурами системной или сетевой редукции».

Многочисленные дискуссии относительно перспектив изучения и осмысления современного общества посредством новых инструментальных возможностей социологической науки, конвергенции существующих теоретических подходов (в контексте парадигмы сложности) несомненно, являются отражением тех динамичных изменений, которые происходят под воздействием стремительного развития и распространения информационно-коммуникационных технологий, в особенности Интернета. Столь активные исследования, в которые в настоящее время вовлечены ученые из различных научных областей, указывают на то, что сеть и система, действительно, способны отразить особенности современной социальной реальности. А это, в свою очередь, позволяет надеяться на создание единого концептуального поля и универсальной понятийности в рамках современной социологической науки.

1. Latour B. *Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory*. Oxford University Press, 2005. 301 p.
2. Law J. *Notes on the theory of the actor-network: Ordering, strategy, and heterogeneity* // *Syst. Pract.* 1992. Vol. 5, № 4. P. 379–393.
3. Callon M. *Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay* // *Sociol. Rev.* 1984. Vol. 32, № 1_suppl. P. 196–233.
4. Капра Ф. *Скрытые связи*. Москва: София, 2004. 336 с.
5. Пригожин И.Г. *Сетевое общество* // *Социологические исследования*. 2008. № 1.
6. Urry J. *Global Complexity*. Polity Press, 2003. 184 p.
7. Castells M. *Materials for an exploratory theory of the network society* // *Br. J. Sociol.* Blackwell Publishing, 2000. Vol. 51, № 1. P. 5–24.
8. Hassan R. *The information society*. Polity, 2008. 266 p.
9. van Dijk J.A. *The network society: social aspects of new media*. Sage Publications, 2006. 292 p.
10. Barney D.D. *The network society*. Cambridge: Polity, 2004. 198 p.
11. Урри Д. *Мобильности*. Москва: Практис, 2012. 576 с.
12. Шваб К. *Четвертая промышленная революция*. Эксмо, 2016. 138 с.
13. Аршинов В.И., Буданов В.Г. *Системы и сети в контексте парадигмы сложности* // *Вопросы философии*. 2017. № 1.

На настоящий момент термин Big Data в основном связан с принятием решений, анализом разнообразной информации, построением прогнозов в сфере бизнеса. Эти технологии используются в бизнесе для того, чтобы учесть потребности и специфику различных потребителей, создать новые продукты и услуги и, в конечном счете, получить выгоду. Методология и приложения big Data видоизменяют практики принятия решений не только в сфере бизнеса, но и в общественном, государственном секторе, в котором также наблюдается быстрый рост данных из различных источников.

Бизнес и государство имеют различные цели и системы ценностей, кроме того многие бизнес-решения носят краткосрочный характер, ориентированы на конкурентную среду и ограничены как в масштабах групп лиц принимающих решений, так и по своим последствиям. Целью использования новых технологий в сфере госуправления является, в первую очередь, обеспечение безопасности на всех уровнях, улучшение качества жизни. Принятие решений в государственной среде обычно требует намного больше согласований, имеющих иерархический характер, при этом допустим намного меньший уровень риска, они затрагивают более широкий круг людей и часто рассчитаны на долгосрочную перспективу и совместные действия. Общей проблемой при использовании Big Data является дефицит специалистов, однако у государственных организаций есть специфические проблемы в этой области. Прежде всего, источники информации в общественной сфере намного более разнообразны. Кроме того, объемы и степень разнородности данных в государственных органах оказывается выше, чем в сфере бизнеса.

Стало уже традицией характеризовать Big Data в терминах трех: объем данных (в основном традиционных форматов), скорость поступления и анализа, разнообразие форм и форматов. Аналогичные технологии в сфере госуправления следует в первую очередь охарактеризовать разрозненностью данных, ограниченностью доступа к различным источникам и разнообразием форм, зачастую устаревших форматов. Типична ситуация, когда субъект госуправления имеет свою базу данных, хранилище информации, содержащее большое количество конфиденциальной информации, доступ к которой ограничен извне и форматы этих данных давно не обновлялись. Попытка интеграции таких разрозненных баз данных представляет собой серьезную проблему, которая осложняется сложностью взаимодействия различных служб и ведомств и вопросами обеспечения безопасности и конфиденциальности данных. Вопросы разграничения доступа к данным специфичны именно для сферы государственного управления и большинство платформ Big Data на настоящий момент не готовы к таким ограничениям. Проблемы, связанные с перестройкой деятельности государственных структур носят и организационный, и экономический, и, наконец, социально-психологический характер: большинство структур элементарно не готовы работать в новых условиях.

Анализируя современное состояние проектов в области технологий Big Data можно выделить следующие тренды. Во-первых, большинство реализуемых в настоящее время информационных проектов ведущих государств в Америке, Европе и Азии можно лишь условно отнести к области Big Data. В основном эти проекты имеют отношение к совершенствованию доступа к классическим, достаточно хорошо структурированным данным (базам данных), не подразумевающего обработку и анализ неструктурированных данных в реальном времени. Во-вторых, большие массивы данных широко распространены в общественном секторе, государства ожидают от использования новых технологий преимуществ и выгод в таких сферах как обеспечение безопасности, здравоохранение, развитие цифровой экономики. Однако подавляющее большинство существующих приложений и платформ ориентировано не на общественный сектор. Реализуемые проекты внедрения технологий Big Data в сферу государственного управления находятся пока на стадии разработки выработки новых стандартов подготовки специалистов.

Зарубежный опыт внедрения технологий Big Data в сферу госуправления говорит о том, что требуется создание на основе сотрудничества с ведущими ИТ компаниями специализированной инфраструктуры, включающей в себя не только новые цифровые платформы, но и исследовательские центры и центры повышения квалификации, специальные программы взаимодействия с бизнес-структурами. Важно, что подобная деятельность должна осуществляться не только на федеральном, но и на муниципальном уровнях.

Представляется крайне интересным запуск нового проекта, основанного на технологиях Big Data на уровне Санкт-Петербурга. В городе есть достаточное количество интеллектуальных и материальных ресурсов для того, чтобы стать лидером внедрения новых технологий в практику государственного управления. Суть проекта состоит в создании цифрового атласа города.

Целью не является создание новой единой городской базы данных «обо всем» с унифицированной структурой данных. Задача – создать живой, развивающийся проект сбора и представления информации о жизни города, позволяющий интегрировать в себя самые различные информационные кластеры, появление которых зачастую невозможно предсказать заранее. Учитывая потенциальную разнородность, разноформатность, не структурированность информации, возможный большой объем информации, не заданную изначально структуру информационных запросов по поиску, обработке и анализу данных, необходимость получения не только сводной, аналитической информации, но и оперативной информации в реальном времени, можно сказать, что речь идет о создании цифровой платформы на основе технологий Big Data. По мнению многих аналитиков, подобный новый тип ИТ-инфраструктуры изменит не только методы ведения бизнеса, но и всю жизнь людей, станет основой не только ее цифровой экономики, но и новой «инфраструктурой цивилизации».

Структуру новых цифровых платформ можно подразделить на несколько взаимосвязанных областей. Во-первых, это традиционные элементы ИТ-системы — центры обработки данных и сети, которые модернизируются для включения в общую цифровую платформу. Во-вторых — организация взаимодействия с пользователями, которое в нашем контексте должно полностью проходить в цифровой форме (интерактивные формы, виртуальные помощники как мобильных приложений, так и веб-сайта). С помощью новых методов аналитики, машинного обучения и искусственного интеллекта могут формироваться аналитические прогнозы и оценка тенденций. Наконец, создаваемая цифровая информационная среда служит основной для взаимодействия всех заинтересованных агентов.

В перспективе цифровая платформа представляет собой не просто массив данных с возможностью поиска в стиле классических баз данных, а единую информационную среду, в которой могут осуществляться взаимодействия самых различных агентов: представителей бизнеса, органов государственной власти различного уровня, общественных организаций, отдельных людей.

Ключевой характеристикой новой платформы является эффект масштабируемости – возможность интеграции в платформу новых данных с нефиксированной заранее структурой (социологические, маркетинговые, рыночные исследования с различными исследовательскими задачами, структурой, инструментарием), подключение к уже существующим информационным массивам (архивам, картам, базам данных).

Атлас покажет город не просто как как сеть социальных коммуникаций, которая создаёт локальные центры и периферии, мощные магистрали и капиллярные тупики, но скорее, как многогранник в многомерном пространстве социальных измерений. Каждый из пользователей сможет выбрать и работать в своем измерении, представив город как виртуальное пространство финансовых или информационных потоков, культурных и социальных инициатив и ресурсов. Карты позволят осуществить привязку к топографии города и анализировать реальную городскую среду по слоям: культурным, транспортным, деловым, жилым, досуговым и т.п.

Атлас может быть полезен бизнесу для оценки рынка, организации взаимодействий с покупателями и поставщиками, органам государственного управления — для организации городских мероприятий на всех уровнях, оценки тенденций и выявления проблемных мест, для непосредственного взаимодействия с жителями города, отдельным людям — для повседневного использования. Новые информационные технологии могут изменить качество жизни на всех уровнях.

СОЦИАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В СТРУКТУРЕ ВИРТУАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Елисева С.Ю. (Пермь)

Каждый индивид априори находится в постоянных взаимоотношениях, которые в совокупности представляют собой социальные связи. Ресурсы, которые индивид может извлекать из этих социальных связей, образуют индивидуальный социальный капитал каждого. Социальные связи, выступая одним из основополагающих компонентов социального капитала, обозначают

количество людей, с которыми индивид поддерживает взаимоотношения, характеристику этих отношений (плотность и частота общения) и полезность общения (ресурсы, которыми обладают участники). Многие исследователи определяли социальный капитал, в первую очередь, через данную категорию. Например, П. Бурдьё писал: «социальный капитал – это социальные связи, которые могут выступать ресурсом получения выгод» [2]. Также Р. Берт указывал, что социальный капитал составляют различные дружеские, рабочие и более общие связи [1].

В условиях развития информационных технологий складываются новые формы социальной коммуникации в виртуальном пространстве. Стремительное развитие виртуальных социальных взаимодействий влечет изменения в структуре социального капитала, оказывая влияние на другие его нормативные компоненты. Поэтому новый тип социальных связей, образующих иную форму социального капитала, привлекает все большее внимание современных социологов.

Социальные связи в традиционном смысле определяются как взаимодействия индивидов через различные коммуникационные каналы, под которыми понимаются вербальные, письменные и печатные коммуникации [7]. Однако такие каналы делают социальные связи индивида зависимыми от физических и географических возможностей. Развитие информационного общества требовало преодоления этих ограничений и трансформации традиционных каналов коммуникации. В последние два десятилетия произошло перемещение социальных связей в виртуальное пространство. Так как такие связи одновременно не зависят от географического положения, как печатная и письменная коммуникация, и актуальны во времени, как устная коммуникация. Это принципиально изменило характер коммуникации и значительно расширило зоны активности каждого индивида, позволяя ему мобильнее образовывать новые социальные связи, тем самым повышая свой социальный капитал [4]. Однако такой тип социального капитала, базирующийся на виртуальных социальных связях, получил другое название: виртуальный социальный капитал. Это связано с тем, что данный вид капитала отличается своей структурой: собственные социальные поля (поле краудфандинга, блогинга, интернет-образования), ресурсы (виртуальные ресурсы, ресурсы доверия), особые социальные группы (интернет-сообщество, удаленные корпоративные сети) и т.д. [6].

Таким образом, социальные связи в структуре виртуального социального капитала в общем смысле определяются как взаимодействия индивидов через различные информационно-коммуникационные технологии. Несмотря на решение вопроса мобильности социальных связей, на расширение возможностей установления контактов в виртуальном пространстве, такой тип коммуникации считается неполным, потому что такие связи возможны лишь при наличии контакта, обеспечиваемого технологиями. Неполнота виртуальных связей образует и ряд других ограничений для социального капитала.

В связи с большими возможностями для формирования социальных связей в виртуальном пространстве коммуникаций, индивиды все чаще предпочитают виртуальные связи реальным. По результатам исследования Synovate «40% активных участников сайтов социальных сетей считает обмен цифровыми сообщениями полноценной заменой реальной человеческой речи» [5]. Однако не все виртуальные социальные связи могут положительно отражаться на реальном (в традиционном понимании) социальном капитале индивида. Т.е. не все виртуальные связи перерастают в реальные социальные связи. Так, почти каждый третий пользователь в социальной сети в Интернете имеет друзей, с которыми не знаком лично [8]. Или такие связи в действительности не оказываются прочными и надежными, что снижает уровень доверия индивида и, соответственно, уровень его социального капитала.

Пользователь виртуальной социальной сети имеет возможность выстраивать связи не только в рамках межличностных взаимодействий, но и за счет участия в различных сообществах социальной сети, в которых каждый пользователь представляет собой потенциальную связь, так как они обладают общностью интересов. Но такие связи являются очень слабыми в сравнении со связями в реальных малых социальных группах. Исследователь Р. Берт в теории «структурных дыр» (structural wholes) пишет о том, что в идеале в любой социальной сети информация и ресурсы должны распределяться относительно равномерно, если этого не происходит, то образуются «структурные дыры». В виртуальной социальной сети пользователи в некотором смысле анонимны. Это подтверждается тем, что почти половина (45%) пользователей виртуальных социальных сетей считает это пространство приватным и делится информацией о себе только с близкими людьми [8]. Это не позволяет равномерно распределять информацию между пользователями, что образует «разломы» в социальных связях [3]. Можно сделать вывод, что

виртуальные социальные связи обладают большим количеством «структурных дыр», которые уменьшает значимость таких социальных связей для индивида.

Таким образом, несмотря на расширение возможности через интернет-коммуникации накапливать виртуальный социальный капитал, остаются принципиальные вопросы, требующие пояснения. С одной стороны, виртуальные социальные сети создают возможность тесного взаимодействия группы, которая образуется в виртуальном пространстве. С другой стороны, эти группы не могут существовать в реальном мире без информационно-коммуникативных средств. Кроме этого, виртуальные социальные связи образуют проблему замещения реального общения, что повышает отчужденность индивидов от общества. Также виртуальные социальные связи, с одной стороны решают, проблему физических ограничений взаимодействия, ускоряя формирования виртуального социального капитала и развитие информационного общества. С другой стороны, представляются менее устойчивыми и прочными в реальном мире, что потенциально может негативно влиять на социальный капитал индивида. В виртуальном пространстве только происходит процесс становления нормативного регулирования социальных связей, поэтому такие связи не являются в некоторых случаях для индивида формальными. Например, для получения официальных документов индивид предпочел бы личное присутствие, нежели взаимодействие через Интернет. Исходя из вышесказанного, исследование социальных связей как структурного компонента социального капитала является актуальным и требующим дальнейшего исследовательского внимания.

1. Burt P. *Structural Holes: The social structure of competition*. Cambridge, MA. 1992.
2. Бурдые, П. *Формы капитала* // *Экономическая социология*. 2005. № 3. С. 60–74.
3. Гримов, О.А. *Механизмы формирования социального капитала в онлайн-овых социальных сетях* // *Материалы Всероссийской научной конференции: Социальный капитал современного общества*. 2012. С. 210-211
4. Кившарь, В.В. *Трансформация социального капитала в условиях развития информационных технологий* // *Материалы Всероссийской научной конференции: Социальный капитал современного общества*. 2012. С. 57-59
5. Компания Synovate провела глобальное исследование социальных сетей. [Электронный ресурс] // *Центр гуманитарных технологий*. — 04.09.2008. 18:39. URL: <http://gtmarket.ru/news/media-advertising-marketing/2008/09/04/1764>
6. Леушкин, Р.В. *Виртуальная социальная коммуникация: социально-онтологические условия существования: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Леушкин Руслан Викторович, Ульяновск*. 2015. 20 с.
7. Леушкин, Р.В. *Виртуальный социальный капитал: место и роль в системе современного общества* // *Социодинамика*. 2016. № 2. С.67-76.
8. *Онлайн-практики россиян: социальные сети* [Электронный ресурс] // *Фонд общественного мнения*. — 28.01.2016. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12495>

СОЦИАЛЬНЫЙ ИНФАНТИЛИЗМ: СТРАТЕГИЯ ЖИЗНИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Жирина М.В. (Москва)

На сегодняшний день инфантильность как одна из характеристик современного общества в целом и отдельного индивида в частности приобретает особое значение в свете развития информационных технологий. «Текучность» и изменчивость социальной реальности требует от членов социума обоюдной гибкости и порой молниеносной реакции на происходящие перемены. В то же время такая подвижная социальная среда может воздействуя вызывать неоднозначные ответы в виде специфических психологических, эмоциональных и моральных состояний человека. Среди таких, в первую очередь, следует отметить чувство отчужденности, фрустрации, а также более крайние формы их проявлений - психозы и маниакально-депрессивные состояния. Но перечисленные реакции, на наш взгляд, имеют меньшую социальную нагрузку и значимость, нежели инфантильность, как черта, способная коренным образом повлиять на социальную структуру, её парадигму. Выясним, так ли это.

Само понятие инфантилизм в больше степени применяется для описания психологического и физиологического состояния человека и считается довольно хорошо изученным на сегодняшний день. В первом случае инфантилизм – это незрелость человека, выражающаяся в задержке становления личности, при которой поведение человека не соответствует возрастным требованиям к нему. Преимущественно отставание проявляется в

развитии эмоционально-волевой сферы, неспособности принятия самостоятельных решений и сохранении детских качеств личности. С точки зрения физиологического состояния «понятием «инфантилизм» обозначают отставание в физическом развитии, которое проявляется у некоторых людей как следствие охлаждения, отравления или инфицирования плода в период беременности, кислородного голодания при родах, тяжёлых заболеваний в первые месяцы жизни, нарушения обмена веществ, нарушений в деятельности некоторых желез внутренней секреции (половых желез, щитовидной железы, гипофиза) и других факторов. У таких людей замедляются рост и развитие всех физиологических систем организма» [2]. Однако для нас особый интерес представляет другой вид инфантилизма – социальный.

Существует немало определений данного понятия, однако все они схожи в том, что характеризуют его как некий разрыв, дихотомию между доминирующими в социуме ролевыми ожиданиями и реальным социальным позиционированием. Выражаясь точнее, социальный инфантилизм – это состояние, проявляющееся в разрыве между биологическим и социокультурным взрослением. Как правило, социальный инфантилизм вызывается нарушением механизмов социализации, под влиянием социокультурных условий [1]. Отторжение обязательств, нежелание позиционировать себя в группе и выполнять социальную роль – самые главные «симптомы» проявления социального инфантилизма. Сегодня проблема социального инфантилизма приобретает новый ракурс, что связано, главным образом, с изменяющимся характером социальной реальности – переходу к информационной стадии развития. Данный переход сопровождается не только повышением роли информации и связанных с нею технологий в обществе, но и меняет социальную стратегию поведения индивида (её можно определить, как спланированный целеполагающий жизненный сценарий, формируемый человеком). Выделим ряд факторов, которые в рамках этого перехода способствуют развитию процесса социальной инфантилизации.

1. Длительный период обучения. В условиях современного общества индивид имеет веер возможностей в части получения образования в той или иной сфере. В том случае, когда образование становится самоцелью, индивид дольше остается в роли студента (обучающегося), что, соответственно, на несколько лет затягивает период выхода в категорию занятого работающего населения. Данное обстоятельство, на наш взгляд, формирует определенные инфантильные установки. При этом, следует отметить, что исключением является непрерывное образование, поскольку оно не служит сдерживающим механизмом на пути построения карьеры, а наоборот стимулирует дальнейшее развитие.

2. Молодые люди часто испытывают трудности, связанные с поиском работы, что означает задержку в реализации себя как профессионала, а значит и более поздний период экономической независимости от родителей.

3. Нежелание и/или невозможность создать собственную семью. Данное обстоятельство часто находится в зависимости от предыдущего – отсутствие материальных ресурсов для самостоятельной жизни, но при этом наличие большого спектра возможностей для саморазвития (хобби, увлечения) провоцирует молодых людей на задержку в состоянии «социального детства». При этом также большое влияние оказывает здесь следующий фактор.

4. Популяризация «незрелого» образа жизни. Повсеместное использование Интернет-ресурсов, в частности, социальных сетей, технологические возможности для погружения в виртуальную реальность – все эти факторы провоцируют отсрочку «взрослости», размывая границы понимания своей социальной роли. Фактически любой индивид на просторах Интернета может создать для себя не одну роль, что позволяет избирательно демонстрировать лишь некоторые фрагменты своей жизни, формируя, таким образом, не действительную, а желаемую социальную роль. На наш взгляд, это может быть связано с отрицанием условий и возможностей реальной жизни и, вероятно, подсознательным избеганием активной деятельности, ответственности.

5. Возможности для удаленной работы. Интернет также предоставляет возможности для удаленной работы, что позволяет не только проводить большую часть времени вне социальной реальности, но и лишает индивида коллектива, рабочей группы, что значительно снижает уровень ответственности за общее дело. Кроме того, такая занятость позволяет самостоятельно распределять рабочую нагрузку, а оставшееся время использовать в личных целях (хобби, интересы, путешествия, увлечения и пр.).

6. Размывание гендерных ролей. Два нарастающих процесса - феминизация мужчин и маскулинизация женщин способствуют размыванию гендерных ролей и, как следствие,

провоцируют интенсификацию процесса инфантилизации. Хотя этот факт был отмечен довольно давно, например, в 1979 году Харчев А. писал: «у части мужской молодежи отмечаются симптомы феминизации, инфантилизм, отсутствие самостоятельности», тем не менее, сегодня он получает новый виток развития, вызванный в первую очередь самой парадигмой социальной реальности [3]. В СМИ (социальные сети, периодические издания и пр.) тиражируется образ юношей, похожих на девушек и девушек, похожих на юношей, беззаботно проживающих жизнь в свое удовольствие, откладывая «взрослую» жизнь на будущее. Подобные образы поддерживают социальный инфантилизм как стратегию жизни.

Социальный инфантилизм – явление парадоксальное, так как одновременно является и реакцией членов общества на происходящие в нем изменения, и катализатором этих изменений. Оно показывает, что процесс перехода общества к информационной стадии развития, с одной стороны, обеспечивает массой возможностей для собственной самореализации, но с другой стороны позволяет избежать социальной ответственности, что может неблагоприятно отразиться на социальной структуре.

1. Бенедик И.В. Психология аномального ребенка. Севастополь, 2008. — С. 284.
2. Личко А. Е. Физические особенности. Акселерация и инфантилизм // *Подростковая психиатрия*. — М.: Медицина, 1985. — 416 с.
3. Харчев А. (1979) *Брак и семья в СССР*. М. Мысль.

ПРАКТИКА МНОГОПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКИХ ОНЛАЙН-ИГР КАК ФАКТОР РЕВОЛЮЦИИ «ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ»

Зиновьева Н.А. (Санкт-Петербург)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта "Естественные научные методы в исследованиях игрового компьютерного опыта" № 16-06-00368 а

Аннотация. Изменение практик досуга, вызванное повсеместным распространением Интернета и компьютерных игр, ставит вопрос о том, замещают ли игры реальный мир или дополняют его. Автор выдвигает гипотезу, что многопользовательские он-лайн игры не оказывают негативного воздействия на развитие у игроков социальных качеств. Лидерство, смелость, психологическая устойчивость, коммуникативная компетентность формируется сегодня не только в группах оф-лайн, но и в онлайн-игровых сообществах. Данные проведенного эмпирического исследования социально-коммуникативной компетентности демонстрируют, что игроки – это социально-активные, психологически-устойчивые люди, для которых онлайн игры одна из сфер интересов.

Распространение компьютеров и Интернета является важнейшим фактором технологической революции рубежа XX-XXI веков. Это изменило, в том числе, практики проведения досуга: компьютерные он-лайн игры (MMORPG), прочно входят в повседневность людей не только возраста «тинэйджеров», но и взрослых, «состоявшихся» личностей. По мере распространения MMORPG в общественном дискурсе о том, что компьютерные игры уводят людей от реальности и замещают настоящую жизнь вымышленным миром, развиваются гипотезы о компьютерных играх как инструменте, дополняющем реальную жизнь, расширяющем и углубляющем её возможности [3]. Поднимается вопрос о формировании различных коммуникативных навыков через необходимость взаимодействовать при достижении общих игровых целей [4]; игры рассматриваются как стимул для построения дружеских и любовных отношений [2, 6, 7, 8]; об играх говорят как о тренинге, помогающем выработать смелость [1] и активную жизненную позицию, связанную с готовностью преодолевать игровые трудности и работать в команде [5, 9]. Ответ на вопрос о замещении или дополнении реальности игровым опытом онлайн игр, по нашему мнению, лежит в области исследования социальных компетенций игроков, результаты которого представлены в данной статье.

Мы выдвинули гипотезу, что «геймеры» в результате погружения в командные многопользовательские он-лайн игры развивают в себе социальные качества: навыки лидерства и взаимодействия в иерархии, построение эффективной коммуникации и близких отношений, тренировка активной жизненной позиции. Для того чтобы проверить данную гипотезу, мы провели эмпирическое исследование.

С июня по декабрь 2016 года, мы тестировали игроков старше 18 лет, играющих в MMORPG не реже одного раза в неделю. Цель исследования заключается в выявлении, насколько

постоянно играющие в ММОРПГ действительно обладают развитыми социальными качествами в повседневной жизни. Для достижения поставленной цели мы использовали тест-опросник «Оценка социально-коммуникативной компетентности». Он разработан для людей без учета их увлеченности многопользовательскими играми, что позволяет провести стандартные замеры социальности личности, то есть выявить, насколько игроки, постоянно играющие в онлайн-игры, действительно обладают развитыми навыками общения в повседневной жизни.

Ответы игроков позволяют выявить 6 факторов коммуникативного поведения:

Социально-коммуникативная неуклюжесть – высокое значение этого фактора демонстрирует проблемы в установлении и поддержании контактов, низкую потребность в них, плохую социальную адаптацию.

Нетерпимость к неопределенности – фактор, выявляющий тревогу, замешательство, затруднения в принятии решения в ситуациях, где присутствует неопределенность.

Стремление к конформности – фактор измеряющий степень зависимости от мнения других людей, степень подверженности личности давлению со стороны.

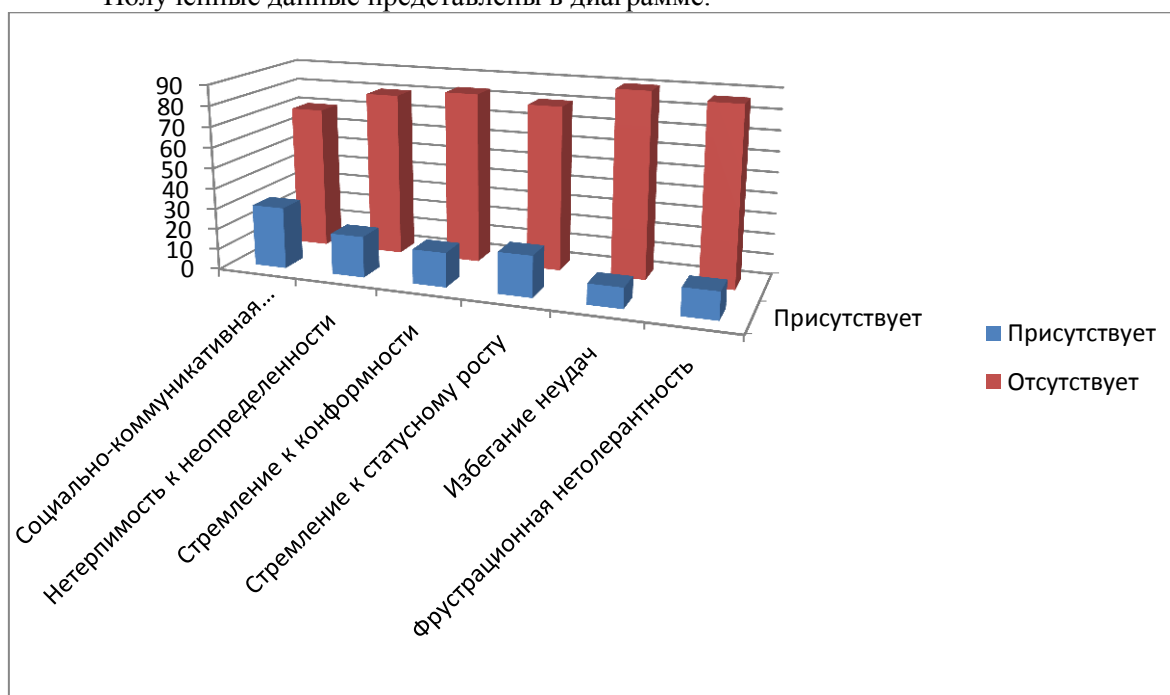
Стремление к статусному росту – фактор демонстрирующий стремление личности использовать любую ситуацию для статусного самоутверждения. Может сопровождаться завистью к другим и чувством обиженности и неценности.

Стремление избежать неудач – замеряет, насколько человек склонен искать и находить в проблемы в любой ситуации, а также стремиться избегать как реальных, так и надуманных трудностей.

Фрустрационная нетолерантность – высокое значение этого фактора означает неустойчивость психики индивида к воздействию неблагоприятных стимулов, неспособность психологически, эмоционально переносить жизненные трудности без срывов и психических сдвигов.

Выборка – целенаправленная, так как к тестированию привлекаются только взрослые, часто играющие в ММОРПГ. В тестировании приняли участие 30 человек, возрастом от 18 до 57 лет. Большинство (77,7%) имеют высшее или неоконченное высшее образование, остальные – средне-специальное (23,3%). Свой игровой стаж респонденты называют от 1 года до 15 лет. Среди своих онлайн-игр респондентами называются: World of Warcraft (23,3%), Travian (23,3%), DoTa2 (20%), World of tanks (20%), Lineage 2 (10%), League of Legends (10%) и другие.

Полученные данные представлены в диаграмме.



Высокую социально-коммуникативную неуклюжесть демонстрируют 30% респондентов. Соответственно, большинство (70%) игроков демонстрируют «социально-коммуникативную гармоничность» - имеют хорошие социально-коммуникативные навыки, умеют преподнести свое

мнение и выслушать чужое, умеют устанавливать контакты, вступать в общение с различными людьми.

Нетерпимость к неопределенности присутствует у 20% респондентов. Следовательно, большинство (80%) респондентов демонстрируют гибкость в ситуации неопределенности и не испытывают значимых затруднений в принятии решений.

Чрезмерное *стремление к конформности* присутствует у 16,7% респондентов. А 83,3% опрошенных демонстрируют независимость от мнений окружающих и не поддаются давлению.

Повышенное *стремление к статусному росту* присутствует у 20% респондентов. По результатам перекрестного анализа, большинство из них состоят в различных игровых «кланах», что дает им дополнительные сферы для статусного роста. 80% опрошенных игроков не нуждается в статусном самоутверждении.

Ориентация на *избегание неудач* присутствует у 10% респондентов. Следовательно, 90% опрошенных обладают достаточной смелостью, чтобы идти на риски.

Фрустрационная нетолерантность присутствует у 13,3%. Психика большинства (86,7%) респондентов обладает достаточной устойчивостью, чтобы переносить неблагоприятные жизненные ситуации.

Исследование показало, что опрошенные игроки в повседневной жизни демонстрируют активную жизненную позицию (смелость, готовность идти на риски, независимость). Игроки психологически-устойчивы в ситуациях неопределенности и жизненных трудностей, не боятся неудач и готовы бороться за повышение своего статуса. Кроме того, большинство имеют развитые социальные качества и коммуникативную гармоничность.

В заключение можно сказать, что, изучение компьютерных игр и игроков в условиях распространения мобильных устройств, должно строиться на вопросах развития дополненной реальности. Ранний дискурс о компьютерных играх был сфокусирован на некоторой выделенной киберреальности, куда «заходят» и откуда «выходят». Это не совсем верно в наши дни, когда носимая мобильная техника позволяет постоянно быть активным как офлайн, так и онлайн. Наш эмпирический опыт показывает возможности использования социально-психологического инструментария для измерения коммуникативных качеств взрослых людей, для которых онлайн игры - это одна из сфер интересов.

1. Бек Дж., Уэйд М. Доигрались! Как поколение геймеров навсегда меняет бизнес-среду / Пер. с англ. А. Орешикина. М.: Претекс, 2006;
2. Брагина О.А. Анализ научных представлений об отдельных индивидуально-личностных факторах, определяющих вовлеченность в массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры // Вестник саратовского областного института развития образования. 2015. № 1. С. 94-101;
3. Вахштайн В. Компьютерные игры: взгляд социолога [Электронный ресурс] URL: <http://arxamas.academy/materials/947>. (Доступ 11.09.2017);
4. Пожаров А.И. Многопользовательская ролевая онлайн-игра как новый вид культурной коммуникации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Том 6. № 6-2 (28). С. 270-273;
5. Степанцева О.А. Субкультура геймеров в контексте информационного общества: автореф. дис. канд. культурологии. 2007. 27 с.;
6. Cole H., Griffiths M.D. Social interactions in massively multiplayer online role-playing gamers // CyberPsychology & Behavior. 2007. Vol. 10. N 4. P. 575-583;
7. Frank I., Sanbou N., Terashima K. Some positive effects of online gaming // Proceedings of the international conference on Advances in computer entertainment technology (ACE '06). NY: ACM, 2006. Article 73 [Электронный ресурс]. URL: <http://doi.acm.org/10.1145/1178823.1178909> (Доступ 12.09.16);
8. Sublette V. A., Mullan B. Consequences of Play: A Systematic Review of the Effects of Online Gaming // International Journal of Mental Health and Addiction. 2012. Vol. 10. № 1. P. 3-23;
9. Zhong Z.-J. The effects of collective MMORPG play on gamers online and offline social capital // Computers in Human Behavior. 2011. Vol. 27. № 6. P. 2352-2363.

СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗРЫВА

Игнатъев В.И. (Новосибирск)

С середины XX века социум подвергается все более интенсивному и агрессивному воздействию информационно-коммуникационных технологий, что привело к информационному взрыву и приобрело характер масштабного манипулирования массовым сознанием и наступлением эпохи информационных войн. Информационные технологии манипуляции сознанием опираются на возможность активизировать некоторые ментальные структуры человеческого поведения – ценности, смыслы и мотивы – заложенные в процессе приобретения индивидами коллективного опыта.

Сознание производит осознанные символы, которые влияют на физическую реальность [1, с.62-63]. Символы производят наше воображение и закрепляются в ходе столкновения и физической реальностью. Язык, с закрепленными в нем символами, знаками, значениями и смыслами, возникая естественным образом, сам по себе есть часть реальности. В компьютерных системах хранения и обработки информации один бит есть элементарный знак – один “data”. Этот знак служит для хранения и передачи информации. Обработанные и объединенные по определенной логике программами биты образуют символическую структуру. Но став частью символической структуры, бит перестает быть знаком и становится символом. Получаемый таким образом элементарный символ подобен элементарной частице вещества и элементарному кванту действия. Единство символа, вещества и действия выступает как особая физическая реальность, изменяющая социальную реальность [2].

Отличительная черта современного производства это переход от производства вещей к производству процессов и операций. Процессы и операции символически фиксируют формулы и формулировки, программы и алгоритмы, товарные знаки и марки, патенты и know-how. Процессы и алгоритмы вовлекаются в прямое рыночное обращение. Они становятся особым товаром. Ценность нематериальных активов все более котируется выше, чем материальных. Таким образом, материальные, операциональные и символические активы формируют триаду ценностей информационного капитализма.

Механизм социальной мобильности подвергся “удару” информационного потока, вызвав *мутацию алгоритма самопрезентации* – “перевернув” мотивационную установку, поменяв социальное основание на индивидуальное. Согласно Ж.Бодрийяру, в символическом мире все подлежит обмену: факт и фикция, объект и субъект, жест и мнение – все становится символом социального статуса [3]. Представители более низких социальных слоев пытаются подняться до уровня вышестоящих, используя для этого отличительные знаки последних. На смену коллективизму приходит индивидуализм. Стремление к самовыражению взрывает социальный слой изнутри. Он распадается на части. Слой дробится до социально неделимого элемента – индивидуума. Так потребительское поведение сдвигается от идентификации к индивидуализации. Этот потребительский индивидуализм приходит на смену потребительскому коллективизму так же, как символ пришел на смену знаку. Теперь покупки делаются не для того только чтобы идентифицировать себя с кем-то, но более чтобы создать свою идентичность – самого себя изобрести. Таким образом, индивид конструирует сам себя с помощью символов. Поэтому растет потребность в сырье для производства символов – “квантах информации” как сведениях об объектах символизации. Так экспоненциальный рост потребности в индивидуализации провоцирует рост производства сведений – информации.

Особенностью жизни современного человека стало глобальное и постоянное манипулирование им. Основной канал манипулирования это информационные потоки. Жить в современном обществе означает жить в толпе, но в исторически особой толпе, толпе глобальных информационно-коммуникационных потоков. Можно выделить следующие характеристики информационной эпохи, которые влияют на трансформацию личности и приводят к *мутациям структур ее повседневной деятельности*. Изменение структуры общения: традиционные каналы получают дополнительные (Интернет-сайты, электронные базы данных, социальные сети). Сужение границ приватной сферы: рост информационной прозрачности частной жизни, усиление давления общества. Виртуализация деятельности: рост времени на общение с информационной техникой. Человек теряет навыки учета психологических особенностей собеседника, что ведет к

снижению ответственности в общении. В деятельности возрастает творческая и игровая составляющие, разрушается граница между игрой и творчеством [1, с. 236-237].

С развитием информационных технологий меняется сам характер человеческого мышления [4]. Способность к творчеству становится главным условием конкурентноспособности личности и коллектива. В результате межличностная конкуренция становится все более биологизированной, связанной с врожденными свойствами личности и менее социальной. Снижение значимости логического мышления в пользу внелогического, которое базируется на образах, создает проблемы в самой коммуникации. Внелогическое не имеет единого языка, который дает логика, оно оперирует образами, а они у каждого человека свои. Единый общественный язык это основа социализации. Его исчезновение ведет к распаду второй сигнальной системы, а значит к распаду самого социального.

Компьютерные технологии меняют психологию людей. Личность приобретает высокую пластичность, в ней отсутствуют устойчивые структуры, которые могут формироваться лишь самостоятельными усилиями на основе проживания событий собственной жизни. Ведь человек начинает получать эмоции в готовой виде, что не развивает его способность к сопереживанию. Тем самым формируются социальные аутисты – личности с ослабленной обратной связью, что атрофирует волевые качества и всю сферу, связанную с самосознанием. Эти новые люди могут быть целеустремленными, энергичными и настойчивыми, но ставят перед собой цели случайным образом, под хаотичным влиянием внешней среды.

С появлением технологий “high-hume”, направленных на изменение человека, основным занятием человечества все более становится изменение не окружающего мира, а собственного сознания и тела. Человечество приблизилось к такой стадии развития, что ему уже не требуется максимума знаний для познания мира, поскольку его основная цель – приспособлять мир под себя и себя – тело и сознание – под свои фантазии. Это ведет к вырождению науки в практику по поддержанию престижного социального уклада, а образования в инструмент социального контроля.

В итоге перенасыщенность каналов коммуникаций информацией приводит к увеличению вероятностного, многовариантного и хаотичного характера общественной жизни. Но и информация растет как востребованная людьми, стремящимися обуздать растущую непредсказуемость. *Оба эти потока находятся в резонансе* [5]. И в развитых обществах смысловой акцент существования людей переносится с реальности на возможности, потому что современная жизнь насыщена возможностями. Новизна становится культом существования современного человека.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ В СМИ

Инякова О.Г. (Тольятти)

В России театральная критика появилась одновременно с рождением профессионального публичного театра в середине восемнадцатого века, когда императрица Елизавета Петровна издала указ об учреждении Российского театра. На рубеже XVIII — XIX вв., укрепилась связь театральной критики с общественно-политической жизнью страны. Критика стала активнее откликаться на текущие театральные события. В. Г. Белинский считал, что «основная цель театральной критики — оценка общественной роли театра, отражение актуальных проблем жизни» [1]. О воспитательном воздействии театра писал А. И. Герцен, который рассматривал театр как трибуну для разрешения злободневных вопросов современности.

Таким образом, театральное искусство медленно, но верно выходит за рамки элитарного и становится снова общедоступным [2]. Поэтому театральная критика имеет шансы стать популярным и востребованным продуктом журналистики, так как увеличивается необходимость в «проводнике» от создателя спектакля к зрителям.

Таковыми проводниками выступают различные ресурсы и средства массовой информации. Чаще всего публикации о театральных спектаклях печатаются в специализированных изданиях, таких как журналы «Театрал», «Театр», «Театральная афиша», «Петербургский театральный журнал». В том числе они возникают на Интернет-ресурсах: «Афиша Daily», «Colta.ru», «Кино-театр.ру». Однако намечается тенденция роста количества театральной критики и в массовых изданиях: «Московский комсомолец», «Вечерняя Москва» и др. Похожие процессы существуют на телевидении. Появляются новые программы с элементами рецензии, посвященные разбору

театральных постановок. Среди них, например, «Musicaland» на YouTube-канале «MusicalandShow», «Новости культуры с Владиславом Флярковским» на телеканале «Культура», «Люди и премьеры» на телеканале «Театр».

Театральная журналистика тесно переплетена с понятием театральная критика, которая является видом журналистского творчества. По мнению А. Я. Альтшуллера, советского и российского театроведа, «театральная критика непосредственно связана с театроведением, зависит от его уровня и, в свою очередь, даёт материал для театроведения, поскольку является более злободневной и оперативнее откликается на события театральной жизни» [3].

В театральной критике определяющим является не столько образность и аналитичность, сколько способность возбуждать человеческие чувства, то есть эмоциональность и аксиологичность. Театрально-критическая деятельность по преимуществу связана с обнаружением и оценкой подразумеваемых смыслов сценического произведения, которые особенно наглядны в таких базовых элементах, как режиссура, драматургия и сценография.

На сегодняшний день, театральная критика активно используется различными структурообразующими средствами массовой коммуникации, в том числе аудиовизуальным типом СМИ – телевидением. Телевидение, как и кино, искусство синтетическое, потому что вмещает в себя качества литературы, изобразительного искусства, музыки и театра. На телеэкране они приобретают новые специфические черты благодаря кинематографическим средствам. Телевидение отображает действительность посредством подвижных зрительных образов и соответствующих шумовых картин.

В настоящий момент теория журналистики не располагает системным знанием о театральной рецензии. Исторически сложилось, что исследователи не акцентировали внимание на жанровых разновидностях, коих достаточно: например, музыкальные, литературные, театральные и кинорецензии. К тому же не был проведен анализ жанра в различных СМИ, помимо прессы и сети Интернет. Поэтому описание собственного телевизионного фильма о спектакле с элементами театральной рецензии допустимо, во-первых, в виде конкретизации жанровой модели рецензии с добавлением театральной специфики, что включает в себя структурно-содержательные характеристики спектакля как культурного прецедента, а во-вторых, с привлечением знаний о методах работы на таком институционально оформленном канале коммуникации, как телевидение. Тем не менее, прежде чем перейти к анализу собственного телевизионного фильма с элементами театральной рецензии, необходимо обратиться к суждениям теоретиков о жанре в целом.

Важной составляющей частью рецензии является оценочный компонент. По словам исследователей, это «то пространство текста, которое создается автором на основе его собственных ценностных ориентаций, его собственных интеллектуальных и эмоциональных запасов» [4, с. 225]. Оно одновременно и индивидуально, и дискуссионно. Знание об «артефакте» и личное мнение о нем – структурные элементы жанра рецензии, поэтому она имеет публицистические свойства. «Оценка художественного явления рецензентом двусоставна, ибо базируется не только на объективных суждениях разума, но и на субъективных подсказках чувств» [4, с. 225], – утверждают Г. В. Лазутина и С. С. Распопова.

В театральной рецензии предмет внимания – театральная постановка, в которой «режиссер представляет свою «картину мира», свое видение проблем и способов их разрешения» [4, с. 226]. В свою очередь, рецензент определяет место конкретного театрального события в общем художественном процессе, дает оценку его значимости для общественного развития.

Таким образом, рецензия представляет собой отзыв о произведении театрального искусства рецензентом, который анализирует и оценивает художественную реальность через призму собственной картины мира. Цель жанра формируется через его предмет (спектакль) и состоит в объяснении и уточнении для аудитории различных характеристик и особенностей произведения, в том числе социально-нравственных и этических аспектов. Жанровая задача – ориентация аудитории в тех проблемах, которые ставит автор постановки. Двадресность – характерная черта для театральной рецензии. Она обращена как к авторскому коллективу, так и к массовой аудитории, являясь силой, воздействующей на создателей художественных произведений и зрителей. Оценочный компонент является важной составляющей рецензии.

Заключая все вышесказанное, можно сказать, что теоретики сходятся в том, что рецензия, в том числе и театральная, является культурно-просветительским, эстетически-ориентирующим жанром журналистики. На рецензента возложена задача разъяснять те или иные художественные аспекты культурной жизни общества. Он также является компетентным проводником между

автором и зрителем. Поэтому структура текста должна соблюдать в себе как публицистическое, так и аналитическое начало, включая в себе компоненты образности. Не стоит забывать, что модификация жанра, его слияние с другими журналистскими формами – естественный процесс, который зависит от изменения современных общественных тенденций в российской журналистике и массовых коммуникациях. Поэтому при создании своего продукта с элементами рецензии стоит обратить особое внимание на актуальные изменения в жанровой классификации.

1. Маркелов П. А. *Театральная критика. М.: Театральная энциклопедия, 1967. – Т. 5. – С. 139.*
2. Желнина Е. В. *Россия-2050: образ страны по результатам социологического исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – № 3 (7). – С. 47 – 55.*
3. Альтигуллер А. Я. *Театральная критика. М.: Театральная энциклопедия, 1967. – Т. 5. С. 99.*
4. Лазутина Г. В. *Жанры журналистского творчества: Учеб. пособие для студентов вузов [Текст] / Г. В. Лазутина, С. С. Распопова. – Москва: Аспект Пресс, 2011. – 320 с.*
5. Иванова Л. В. *Рецензирование в СМИ: к вопросу о проблеме качества / Л. В. Иванова // Сборник материалов конференции «Татищевские чтения: Актуальные проблемы науки и практики». – Тольятти : Волжский университет им. В. Н. Татищева, 2010. – С. 148 – 158.*

КЛАСТЕРИЗАЦИЯ КАК ВЕКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЛИДАРНОСТИ ОБЩЕСТВА И БИЗНЕСА

Киселёва Н.И. (Москва)

Экономические вызовы, глобализационные процессы, промышленная политика вынуждают сменить подходы к делению общества с административного на более востребованные [3]. Так кластерный подход [2] становится выгодным для решения общих проблем участников кластера, например, развития необходимой инфраструктуры для ведения бизнеса, подготовки дефицитных кадров, расширения рынков сбыта своей продукции, лоббирования интересов перед органами государственной власти, формирования социального потенциала региона, а также для обмена накопленными знаниями и опытом между собой.

Появление нового пространственного деления регионов активизировало научные интересы социологов [4], выделяются отмечают «минусы» и «плюсы» нового территориального деления для формирования социального потенциала дальнейшего развития: нарушения договорных обязательств, сложности формирования сети малых предприятий, непредсказуемость спроса на продукцию, сложность оценки эффективности кластеров из-за отсутствия статистики, отставание теории от практик, критика населения деятельности кластеров. Но наличие весомых преимуществ позволяют заключить, что кластерный подход следует воспринимать в качестве оптимального способа организации (реорганизации) регионального пространства с позиций отражения взаимосвязи и выделения сочетаний природных и экономических пространственных структур, способствующих сохранению устойчивости регионального хозяйства и развитию солидарности в регионе.

В условиях продолжающейся инновационной политики, локализации и регионализации современного социального бытия становится актуальной разработка категории потенциала социального развития применительно к региональным общностям. Выявление региональных особенностей потенциала социального развития в комплексе социально-структурных отношений государства позволяет оценить деятельность региональной политики развития территорий, выявить ее точки роста и развития.

Социальный потенциал представляет собой активный интегральный процесс движения через противоречия и объединяет в себе прошлое (ресурсы региона), настоящее («здесь и сейчас») и будущее (возможности, стратегическое целеполагание). Это дает возможность рассмотреть регионы, территории на перспективу, с точки зрения способности региональных общностей к воспроизводству на основе многоаспектного комплексного анализа ресурсов и возможностей их социального развития, предсказуемости, прогнозирования социальных процессов, внутренних факторов их развития.

Потребность в изучении социального потенциала заключается в необходимости осмысления противоречия, которое сложилось между с одной стороны процессом формирования

инновационных регионов, которое должно опираться на имеющийся социальный потенциал, его прошлую историю, культуру, научный и промышленный потенциал и тенденции развития, а с другой стороны, реализация инновационных проектов должна формировать социальный потенциал региона, воспроизводить его, опираясь на поддержку широких слоев общественности и власти.

Социальный потенциал в самом общем определении представляет собой реальные и потенциальные возможности людей, используемые ими для повышения качества собственной жизни и жизни всего общества и формирующиеся как следствие включения человека в прочные коллективистские связи, установления и выполнения взаимных обязательств между людьми, укрепления между ними отношений ответственности и солидарности. [1].

В рамках социологического подхода потенциал рассматривается не только как как внутренний источник, совокупность духовных и материальных возможностей, способствующих достижению определенных целей, но и как:

- систему элементов, определяющих социальную активность населения данного региона и, соответственно, возможности получения населением региона социально значимых результатов в различных сферах общественного бытия: трудовой, социально-политической и духовной;

- непосредственный потенциал человека: его здоровье и профессиональное долголетие, образование, профессионализм, духовно-нравственные качества, направленные на созидание нового качества; условия для развития и проявления этого потенциала, в том числе материальную базу и кадры, технологии социальной сферы; синергетическую деятельность человека, отдельной группы и всего сообщества в обновляющемся обществе.

В апреле 2016 года в ходе поведенного инициативного социологического исследования выявлен социальный портрет жителей Калужского фармацевтического кластера (N=216) и его работников (экспертный опрос, N=17).

Экспертный опрос сотрудников среднего и высшего звена фармацевтического кластера позволил выделить основные факторы развития калужского кластера. Среди значительных факторов: имеющийся потенциал предприятий региона, его мобильность и инновационность; отношение федерального центра к региону и наличие (или недостаток) трудовых ресурсов, развитость инфраструктуры. При этом фактор интеграции региона (его специализация и кооперация с другими) и инновационный не занимают ведущего положения.

Наряду с промышленными ресурсами отмечена роль социально-политической обстановки и отношения федерального центра к региону. Особенно большой разброс экспертной оценки произошел по инновационному фактору.

Среди проблемных факторов, осложняющих развитие субъектов РФ, по большинству регионов наряду с демографическим фактором отмечены недостатки в межбюджетных отношениях с Центром. Очевидно, политика межбюджетных отношений с ними требует особых форм регулирования. Многие эксперты подтвердили свои оценки разработанными концепциями и программами.

В этих условиях возрастает роль централизованного контроля и транспарентности деятельности региональных органов в форме открытых ежегодных докладов, которые могут стать основой для мониторинга социально-экономического положения региона и выполнения соответствующих решений.

Результаты опроса экспертов коррелируют с данными опроса жителей калужского кластера. И эксперты, и жители отмечают как преимущества, так и недостатки, однако эксперты более позитивны в перспективах реализации кластерной политики, считая, что необходимо лишь исправить имеющиеся противоречия. В тоже время жители этого кластера, имея меньше информации о деятельности, направлениях, планах развития кластера, более критичны к нему, считают это явление новым, но не долгосрочным, потому свое будущее не связывают с ним.

Солидарность в кластере растет благодаря учету социально-экономических и культурных, образовательных традиций региона и экономического развития региона.

В целом, несмотря на то, что далеко не всегда созданные за последние годы инструменты развития дают ожидаемый эффект, для многих регионов они уже становятся реальным стимулом укрепления и наращивания внутреннего потенциала, способствуют притоку инвестиций, создают основу для самостоятельного развития и поддержанию солидарности в регионе.

1. Дрегалю А.А., Ульяновский В.И. Социальная сфера жизнедеятельности региона / В НИИР: Социальное пространство и потенциал региона. РГНФ № 05-03-48304, а/с. 2014 — 157 с.
2. Иоффе О. Кластерный подход // Губернский деловой журнал. – 2009. — №11. — С.16-21.
3. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. N 2227-р).
4. Тихонов А.В., Богданов В.С., Мерзляков А.А., Гусейнова К.Э. ИНАБ №1 - 2015. Кластерная политика в Российской Федерации: региональные и отраслевые аспекты — М.: Институт социологии РАН, 2015. — 104 с.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Ковалевская Е.В. (Москва)

Аннотация: Доклад посвящен проблемам влияния информационных технологий на социальные изменения, трансформации, которые происходят в современном информационном обществе. Внимание уделяется рассмотрению общения между людьми в виртуальной среде, общению молодежи в социальных сетях, а также вопросам обеспечения информационной безопасности.

Современный мир уже включен и продолжает стремительно продвигаться к информационному обществу. Информационное общество как очередная ступень общественного развития сегодня необходимо, потому что такое общество необходимо для формирования и развития мирового экономического пространства, для взаимосвязанного функционирования мировых товарных рынков, рынков информации, знаний, капитала и труда. Россия по мере своих возможностей включается в эти глобальные процессы, но для того, чтобы интегрироваться в мировое экономическое пространство в качестве сильного и равноправного партнера необходимо реальное осуществление долгосрочной стратегии социально-экономического развития в нашей стране, направленной на создание и реализации предпосылок и условий формирования информационного общества.

Традиционные революции иногда заканчивались коренными социальными преобразованиями в обществе, сменой государственного строя. В тоже время, в мире происходили и информационные революции, которые помогали человечеству подняться на новый уровень и приобрести новые свойства и имели свои характерные черты. Первая информационная революция была связана с появлением письменности, вторая – с книгопечатанием, третья дала человечеству электричество, а четвертая – компьютер. Каждое нововведение приводило к тому, что средства для создания и обмена информацией в обществе изменялись, изменялся и способ социального взаимодействия между людьми.

Современное информационное общество характеризуется тем, что более половины населения работает в информационной сфере; фирмы, государственные учреждения, учебные заведения и домашние хозяйства оснащены компьютерами, они используются в производстве, торговле, управлении и учебном процессе. Сегодня многие организации, в том числе и те, которые занимаются обучением, создают свои сайты, где размещают информацию о себе и дают возможность всем желающим ознакомиться с ней. Это удобно и выгодно. Сегодня, люди имеют техническую возможность воспользоваться интернет-услугами практически везде в любое время. Возможности для получения любой информации очень большие, главная проблема состоит в том, как сегодня правильно воспользоваться предоставленными информационными услугами.

Информационные процессы в информационном обществе связаны с получением, хранением, обработкой информации. Количество информации, которая циркулирует в современном обществе, увеличивается очень стремительно по сравнению с предыдущими периодами общественного развития. Это связано и этому способствуют современные информационные компьютерные технологии, которые постоянно совершенствуются, обновляются и предоставляют все больше возможностей и разнообразных электронных услуг тем, кто их использует. Традиционная почтовая связь между людьми, обмен письмами и телеграммами, которые могли быть доставлены адресату через определенное время (от нескольких часов, дней, недель или даже месяцев), сегодня постепенно вытесняется электронной почтой. Привычные и традиционные, особенно для старшего поколения людей, газеты и журналы «потеснили» блогеры, которые для пользователей интернета и некоторой части молодежи стали самыми авторитетными

поставщиками новостей и любой другой информации. Традиционные средства информации, несмотря на то, что имеют электронные издания, порой уступают место блогам, а профессиональных журналистов теснят блогеры. Сегодня уже не так важно, что предоставляемая в блоге информация может иметь очень субъективную окраску, быть проверенной и достоверной. Самое главное в блоге, что информация поставляется регулярно, что каждый, кто ее читает, может принять участие в обсуждении каждого сообщения, может похвалить или написать свои критические замечания по обсуждаемой теме. Сегодня уже появились сайты, на которых можно бесплатно зарегистрироваться и самому вести блог, не занимаясь технической стороной блогинга. Таким образом, каждый, кто хочет может проявить себя в этом качестве блогера. Такие электронные приспособления уже получили свое название - блогхостинги. Если такой блогер понравится тем, кто читает то, что он пишет, то можно сказать, что он постепенно сможет занять то место, которое по праву занимал профессиональный журналист, имеющий соответствующую квалификацию и подготовку. Вопрос о качестве информации, размещаемой в блогах, о ее достоверности и форме подачи с точки зрения элементарной грамотности, сегодня остается открытым.

Создание собственного блога на таком блогхостинге рекламируют еще и с точки зрения набора аудитории, созданию группы «друзей» и виртуальных друзей, то есть своего окружения для общения. Сегодня в интернете идет очень своеобразное соревнование за популярность. Чем больше у кого-то подписчиков, тем популярнее, а, следовательно, и значительнее для других человек. Авторитет такого человека повышается, а при знакомстве с другими теперь все чаще положительная оценка человека связана с количеством посещений его блога, сайта или любого другого электронного интернет-присутствия в сети. В наше время создается очень интересная ситуация, которая заключается в том, что порой популярность человека в интернете не связана с какими-то действительно важными и значимыми с точки зрения общества поступками, а зависит от того, сколько человек он сумеет заинтересовать, заинтриговать своими высказываниями или фотографиями. Главное – это количество посещений его сайта и др. Количество посещений – это еще и возможность заработка для тех, кто предоставляет возможность ведения блога блогеру. Если блог популярен, то там размещают рекламу, которая стала сегодня одним из существенных способов получения денежных средств. Молодое поколение уже привыкло к этим навязчивым картинкам, которые помогают некоторым организациям вести торговлю различными виртуальными подарками, дизайном, логотипами. С помощью «картинок» можно запрограммировать людей не покупки тех товаров, рекламу которых уже оплатили заказчики – продавцы этих товаров. Таким образом, в информационном обществе виртуальные визуальные средства помогают добывать реальные деньги и вносят свой вклад в экономику страны, но, конечно, это относится к тем, у кого есть эти электронные средства и деньги, чтобы оплатить эти электронные услуги.

Конечно, каждый человек нуждается в обратной связи с другими людьми, заинтересован в том, чтобы узнать, как относятся к нему другие люди, хотя может и не признаваться себе и окружающим в этом. Это естественное стремление людей к общению, к социальному взаимодействию, которое раньше, до изобретения компьютеров и интернета, было возможно только в реальной обстановке, при непосредственном общении людей друг с другом, теперь можно осуществлять с помощью компьютерных технологий на любом расстоянии. Еще одной важной особенностью, которая отличает современное общение людей друг с другом является анонимное общение в интернете. Некоторые люди, и в том числе молодые люди, все чаще прибегают к такой форме общения и взаимодействия с другими людьми. Они объясняют это тем, что им легче рассказать незнакомому человеку о своих проблемах все без утайки, чем поделиться такой информацией с близкими и знакомыми им людьми. Конечно, иногда человек нуждается в такой своеобразной исповеди, порой бывают ситуации, когда нужен собеседник, а близкий человек на эту роль по каким-то причинам не подходит, тогда такую роль может выполнить анонимный слушатель. Такие проблемы в обществе пытаются решить и с помощью телефонов доверия, где работают подготовленные люди. Но, не все люди об этом знают и помнят, поэтому некоторым проще говорить о своих проблемах или каких-то увлечениях, которые могут быть не одобрены окружающими их людьми с анонимным собеседником в интернете. Такое способ общения не всегда безопасен, особенно, если его используют дети и подростки. Некоторые анонимные собеседники могут использовать возникшую ситуацию для своей выгоды и какой-то не совсем безопасной цели. Особенность виртуального общения в том, что человек порой ничего не может узнать о том человеке, с которым общается, даже, если очень захочет. Реальное общение

вряд ли возможно заменить отдаленным взаимодействием, хотя в некоторых случаях современные технологии позволяют общаться людям друг с другом в реальном времени и видеть собеседника.

К новым возможностям или услугам формирующегося информационного общества сегодня можно отнести и социальные сети. Социальные сети можно считать новой формой социального взаимодействия людей друг с другом, которая стала очень популярной, а для некоторых людей просто необходимой. В социальных сетях происходит интенсивный обмен разной и очень разнообразной информацией. С помощью современных технических средств любая информация может быть доступна в любое время, практически в любом месте, где есть интернет. Наиболее активной группой среди пользователей социальных сетей являются молодые люди, в том числе и студенты.

В проведенном опросе участвовали и отвечали на вопросы студенты, которые обучались по разным специальностям, и среди них были социологи, психологи, экономисты, специалисты в области государственного и муниципального управления. Так, на вопрос о том, для чего студентам нужна социальная сеть, 70% респондентов ответили, что социальная сеть помогает им получать разную информацию, а 67% студентов сказали, что используют социальную сеть для общения с друзьями. Эти две позиции имели самое большое количество ответов. Таким образом, общение и информация, общение для информации – два взаимосвязанных фактора.

В какой информации нуждаются современные студенты, живущие в информационном обществе? Полученные ответы показали, что 82% респондентов обмениваются информацией, которая касается только их и их друзей, то есть это информация организационно-бытового характера, повседневная информация о текущих событиях в их жизни. Информацией о культурной жизни, событиях в сфере искусства, посещении выставок, театров, концертов, вернисажей интересуется 30% студентов, на третьем месте по популярности стоит общественно-значимая информация (о политике, экономике, событиях в мире). К ней проявляет интерес 17% респондентов, спортом интересуется 13% опрошенных, а информация о кинофильмах значима только для 11% студентов, зато 34% респондентов активно используют социальную сеть для просмотра фотографий и картинок.

Сегодня в учебном процессе в вузах все больше призывают использовать информационные и коммуникационные технологии, которые применяются для передачи информации и помогают обеспечить взаимодействие преподавателя и обучаемого. При опросе в анкете специально не упоминалось об использовании социальных сетей для учебных целей, и никто из опрошенных студентов сам не написал, что использует социальные сети для поиска информации для учебных целей, для того, чтобы обменяться учебниками или статьями, хотя такая возможность им была предоставлена.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ «НОВЫЕ МЕДИА» И «ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВО» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Когтева У.А. (Королёв)

В последние десятилетия институт образования в России является предметом активного реформирования, что приводит к отсутствию четкого понимания его предназначения и к постоянному поиску «своего» вектора движения. Активное развитие информационно-коммуникационных технологий оказывает ощутимое влияние на общество в целом и на систему образования в частности. Современный ВУЗ просто не может функционировать без медиа и информационного пространства, ни в техническом, ни в функциональном плане. Для понимания направления развития образовательного учреждения в современном мире необходимо определить понятия «медиа-пространство» и «медиа».

Медиапространство — это электронное окружение, в котором отдельные люди, социальные группы и другие сообщества могут действовать вместе в одно и то же время. Главной особенностью медиапространства высшего образовательного учреждения является возможность создавать продукт высокоинтеллектуальной среды, способный менять восприятие и функционирование общества. К понятию «образовательного медиапространства» до сих пор нет однозначного подхода или централизованного определения. Наиболее полно понятие «образовательное медиапространство» учебного заведения раскрывает О.В. Белицкая и определяет его как «педагогически целесообразно организованную в соответствии с целями

профессиональной подготовки студентов многоаспектную целостную реальность, в которой субъекты посредством медиатехнологий самостоятельно осуществляют сетевое взаимодействие, реализуют стандарты профессионального образования для достижения двуединого результата: объективного (развитие самого пространства) и субъективного (повышение уровня медиакомпетентности студентов)» [1].

Медиа – это обширное многоаспектное понятие, в которое разные специалисты вкладывают свои смыслы. Термин «медиа» часто используют как синоним средств массовой коммуникации. Немецкий социолог Н. Луман выделял два типа медиа [2]. Первый тип – это средства распространения коммуникации в обществе, к которым можно отнести устную и письменную речь, печатные издания, электронные средства коммуникации. Второй тип медиа – это медиа, которые качественно трансформируют социальную коммуникацию. К таким медиа, качественно изменяющим социальную коммуникацию и социальную среду, можно отнести новые медиа, основанные на использовании цифровых и сетевых коммуникаций и строящиеся на принципах интерактивности, открытости, горизонтальных связей. Новая медиа-инфраструктура (web 2.0) ВУЗа включает официальный сайт организации, социальные сети, блоги, форумы и другие средства, используемые ВУЗом, студентами и преподавателями [3].

Понимание реальности у Н. Лумана тесно связано с понятием виртуальности [2]. Объясняя систему массмедиа, он упоминает о существовании «второй» реальности, которая благодаря медиа выглядит для других как реальность, которая конструируется и транслируется различными участниками коммуникации. Так, образ объекта (например, университета), возникающий благодаря медиа, может совпадать или не совпадать с образом объекта в реальности, а также оказывать ощутимое положительное или отрицательное воздействие на его существование в целом.

Современное высшее образовательное учреждение сегодня может осуществлять свою деятельность по реализации учебного, воспитательного, исследовательского и других процессов не только при непосредственном присутствии участников по месту географического расположения, а также в медиа-пространстве, обеспечивая себе тем самым привлекательность со стороны потенциальных абитуриентов, деловых партнеров и инвесторов. Обратной стороной активного применения новых медиа в функционировании высшего учебного заведения являются информационные перегрузки, невозможность осуществлять полноценный контроль информации, риск технических сбоев и потери данных.

Поэтому изучение, развитие и эффективное управление медиа-пространства университета является залогом его успешного существования не только на региональном, но и на мировом уровне, позволяя активно и оперативно участвовать в учебных и научных процессах, протекающие в мире.

Российские ВУЗы, несмотря на активное реформирование системы образования по-прежнему отстают от мировых лидеров в применении новых медиа, часто они только присутствуют, оставаясь «невидимками» в медиа-пространстве. Это является проблемой, так как создает риски негативного воздействия постоянно развивающихся медиа на ВУЗ, и ограничивает возможности самого образовательного учреждения в реализации его деятельности.

Одной из главных составляющих медиа ВУЗа является сайт образовательной организации. Автором были проанализированы сайты образовательных учреждений с целью выявления тенденций в представлении информации. К обязательным разделам согласно Приказу Рособнадзора №785 от 29.05.2017 относятся: 1) "Основные сведения"; 2) «Структура и органы управления образовательной организацией»; 3) "Документы"; 4) "Образование"; 5) "Образовательные стандарты"; 6) "Руководство. Педагогический состав"; 7) "Материально-техническое обеспечение и оснащенность образовательного процесса"; 8) "Стипендии и иные виды материальной поддержки"; 9) "Платные образовательные услуги"; 10) "Финансово-хозяйственная деятельность"; 11) "Вакантные места для приема (перевода)".

Помимо указанных разделов на сайте образовательной организации сегодня обязательна ссылка на внутреннюю интранет-сеть или образовательный портал. Зачастую внутренняя сеть для преподавателей, сотрудников и студентов разграничивается (МГТУ им. Н. Э. Баумана, НИУ «Высшая школа экономики», Национальный исследовательский «Томский государственный университет» и другие), в других ВУЗах существует общий внутренний портал для сотрудников и студентов с различным правом доступа (ГБОУ ВО МО «Технологический университет», МГУ им. М. В. Ломоносова, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса» и другие). Образовательный портал или внутренняя интранет-сеть образовательной организации

также является необходимым и в европейских университетах (l'Université de Lyon - Университет Лиона, l'Université de Montpellier – университет Монпелье и другие), что является общемировой тенденцией в организации информации на сайтах университетов.

Раздел сайта, посвященный дистанционному образованию, сегодня также является неотъемлемой составляющей и присутствует на всех исследованных сайтах, но в различной степени доступности. В большинстве ВУЗов дистанционное образование реализуется через образовательный портал (ГБОУ ВО МО «Технологический университет», НИУ МГСУ – Строительный университет, МГУ им. М. В. Ломоносова и другие). В МГТУ им. Н. Э. Баумана задания для студентов выкладываются на персональных страницах преподавателей, что является с одной стороны аналогом образовательного портала, но, с другой стороны, имеет несколько иной функционал. В некоторых ВУЗах (ГБОУ ВО МО «Технологический университет», НИУ «Высшая школа экономики», ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса») создана информационная образовательная среда, построенная по технологии eLearning, но не везде она представлена в доступной и современной форме. Так, на сайте Российского государственного университета туризма и сервиса найти раздел с дистанционным образованием очень сложно, что говорит о неправильной организации информации на сайте.

При формировании медиа-инфраструктуры ВУЗов необходимо учитывать отечественную специфику высшего образования, требования законодательства, критерии международных и российских рейтингов ВУЗов, опыт и передовые практики ведущих зарубежных и отечественных ВУЗов, а также мнения преподавателей, студентов и сотрудников.

1. Белицкая, О. В. Анализ подходов к определению понятия «образовательное медиaprостранство» / О. В. Белицкая // *Образовательная среда*. – 2013. - №2. – с.42-45.
2. Луман Н. *Невероятность коммуникации* / Пер. с нем. А. М. Ложеницина под ред. Н. А. Головина // *Проблемы теоретической социологии*. Вып 3. / Отв. ред. А. О. Бороноев. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2000. // <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2972>
3. Олейникова, Е. Ю. Система высшего образования в условиях развития новой медиаинфраструктуры : социологический анализ : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Олейникова Евгения Юрьевна; [Место защиты: Тихоокеан. гос. ун-т]. - Хабаровск, 2015. - 165 с.
4. "Об утверждении требований к структуре официального сайта образовательной организации в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и формату представления на нем информации" Приказ Росособнадзора № 785 от 29.05.2014. <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/36358.html/>

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ В УСЛОВИЯХ КИБЕРСОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Комарова А.Н. (Курск)

Аннотация: В данной статье раскрываются основные компоненты факторов социального здоровья. К главным факторам, влияющим на формирование социального здоровья человека можно отнести 5 блоков, относящихся к социокультурной сфере жизни человека. Приводится анализ каждого из блоков факторов через призму киберсоциализации человека. Также рассматриваются основные компоненты факторов формирования социального здоровья, возможность и пути их реализации в киберсоциальном пространстве.

В современном обществе существует много способов общения, передачи и поиска информации, за последние десятилетия основным из таких способов стал интернет. Он соединяет в себе функции поиска, передачи информации, коммуникативную функцию, кроме того, посредством информационно-коммуникативных технологий личность может реализоваться в различных сферах жизни. Так, социализация личности в современном обществе непременно проходит в контексте использования информационно-коммуникативных технологий, что является одним из проявлений киберсоциализации.

На сегодняшний день наиболее популярным средством киберсоциализации является использование социальных сетей. Они выполняют коммуникативную, поисковую, познавательную функции. Пособием социальных сетей личность самореализуется и самопрезентует себя в обществе среди таких же пользователей.

Социальные сети – достаточно новая социальная среда, за последние годы, создавшая прочно укоренившиеся собственные традиции, нормы и правила, которые оказывают сильное воздействие на социализацию человека в социальной среде.

Посредством социализации человека и влияния различных социальных факторов формируется социальное здоровье. Сегодня его формирование тесно связано не только с социализацией личности в обществе, но и с киберсоциализацией личности, в связи с сильным влиянием норм и правил киберсоциального пространства на жизнедеятельность человека и противоборством норм и правил общества, которые формировались на протяжении веков и новых норм, и правил киберпространства, очень быстро укоренившихся в нашей реальности за последние годы. [1]

Однако, изучение киберсоциального пространства и социальных сетей на сегодняшний день затрагивает информационные и технологические вопросы, в то время как без внимания ученых остается вопрос того, как же влияет киберсоциальная среда на социализацию человека, в частности на формирование различных аспектов его здоровья, в том числе и социального.

Мы выделяем 5 блоков социокультурных факторов, влияющих на формирование социального здоровья человека: [3]

1. Факторы образа здоровья;
2. Социально-деятельностные факторы;
3. Микросоциальные факторы;
4. Личностные факторы; [2]
5. Информационные факторы.

Каждый из представленных факторов так или иначе реализуется через киберсоциализацию человека.

К группе факторов здорового образа жизни относятся такие факторы как:

1. Отношение к здоровью
2. Менталитет здоровья
3. Отношение к нормам ЗОЖ в повседневной жизни
4. Уровень культуры здоровья

Так, образ здоровья формируется через информацию, которая публикуется в социальных сетях или в пространстве Интернет. На сегодняшний день это один из главных путей влияния на человека. Образ здоровья формируется посредством пропаганды ЗОЖ со стороны государства и различных общественных организаций. Информацию о ЗОЖ можно встретить как на просторах социальных сетей, так и публикуемую на информационных сайтах, посвященных ЗОЖ. [5] Кроме того, посредством интернета формируется менталитет здоровья и отношение к нормам ЗОЖ, посредством различных акций, флешмобов и челленджей. Уровень культуры здоровья также представляется возможным сформировать через информирование в киберсоциальном пространстве.

Социально-деятельностные факторы включают в себя:

1. Социально полезная активная деятельность
2. Социальная компетентность
3. Общественная оценка личности и деятельности человека.

Посредством влияния государства на общество через социальные сети повышается уровень социальной активности населения. На данный момент уровень престижа участия в различных социальных мероприятиях и акциях растет, кроме того посредством интернет-пространства до населения доносится основная политически и экономически важная информация.

К микросоциальным факторам мы относим:

1. Проблемы семьи и нравственности – разводы, аборты, суициды, преступность, в том числе убийства;
2. Влияние на человека макросоциальных групп и членов социальных институтов, актуальных в каждый возрастной период

Макросоциальные факторы не могут реализовываться в интернете полностью, тем не менее проблемы семьи и нравственности очень активно обсуждаются в киберсоциальном пространстве. [6] Данной тематике посвящено множество как государственных, так и информативно-развлекательных сайтов, несущих в себе два направления информации:

а) пропаганда идеального образа семьи, высоконравственного поведения

б) обсуждение и информирование населения о различных преступлениях, статистике разводов или абортов.

Второму потоку информации уделяется не меньшее внимание, так как он является своего рода отрицательной мотивацией для населения, формируя при этом определенный уровень нравственной культуры и негативный образ безнравственного поведения одновременно.

Личностные факторы наиболее полно реализуются через киберсоциализацию, так как зависят напрямую от индивидуума. К можно отнести:

1. Адаптированность личности
2. Социальная направленность личности
3. Персонализация
4. Самооценка

Все четыре компонента личностного фактора в большей степени реализуются через социальные сети и виртуальную презентацию самого себя. На основе общения и востребованности в социальных сетях у современной молодежи формируется самооценка и персонализация. В некоторых случаях социально неадаптированные люди, одновременно киберсоциально адаптированы, в связи с тем, что киберсоциальное пространство позволяет легче презентовать себя в более выгодном свете для пользователей сети, чем в реальном общественном пространстве. [4] Социальная направленность личности также может быть реализована в «сети» посредством влияния информационного поля выбранного человеком и его личных предпочтений.

Информационный фактор социального здоровья наиболее опасный из представленных в данной статье. Пресыщение информацией в результате использования социальных сетей и Интернета, приводит к тому, что информирование человека ограничивается двумя данными источниками. Как следствие этого человек социализируется в большей степени в киберсоциальном пространстве, так как ресурсов на социализацию в реальном мире остается в недостаточной степени мало.

Так, киберсоциализация достаточно спорное явление в современном социальном мире. Она принимает значительное участие в формировании социального здоровья человека, но в то же время и разрушает его. Уровень изученности этого явления на достаточно низком уровне и требует практического исследования положительных и отрицательных сторон влияния на социализацию человека в современном обществе.

1. Килимова Л.В. Ценности как конструктивная основа социокультурных практик личности в условиях модернизации социума // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 5-2 (44). С. 256-261.
2. Комарова А. Н. Социальное здоровье как многокомпонентная система // Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР: материалы Второй всерос. научно-практич. конф. с междунар. участием, Владивосток, 7-8 декабря 2016 г. – Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2016. С. 630-633
3. Комарова А. Н. Социальное здоровье как социологический феномен // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке / Материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского 10-12 ноября 2016 года. – СПб.: Скифия-принт, 2016. С. 720-723
4. Мудрик А.В. Социализация человека. – М.: Академия, 2006. – С. 247–248.
5. Плешаков В.А. Особенности виртуальной компьютерной социализации личности // Проблемы педагогического образования: Сб. науч. статей. Вып. 25. / Под ред. В.А. Слестёнина, Е.А. Левановой. – М.: МПГУ-МОСПИ, 2006. – С. 23–25.
6. Плешаков В.А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a: Монография. – М.: МПГУ, «Прометей», 2012. – 212 с.

СМИ КАК АГЕНТ МАССОВОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ИНФОРМИРОВАНИЯ В ТЕКУЩИХ РЕАЛИЯХ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Корунова В.О., Прыгунова М.И. (Казань)

Проблемы окружающей среды, возникающие вследствие чрезмерной антропогенной нагрузки, в современной России приобретают большую актуальность, что обуславливает пристальное внимание к ним со стороны научных сообществ, общественных организаций и властных структур. Сегодня фокус этого внимания смещается к мерам предупреждения экологических проблем, выработка которых требует тщательного изучения причин, вынуждающих человека наносить природе вред и кроющихся в состоянии его экологического сознания.

Под экологическим сознанием подразумевают социальное явление воспроизводства ценностного отношения человека к окружающей среде. Сущность его заключается в восприятии и интериоризации экологической информации, то есть разного рода сведений об окружающей среде, формирующих у реципиентов экологические знания, убеждения и определенные ценности взаимодействия с природой [1]. Иными словами, воспроизводство экологического сознания протекает в процессе коммуникации его носителей с источниками экологической информации – референтными группами, институтами образования, СМИ и т.д. В контексте нашей страны – в первую очередь, со СМИ. Об этом свидетельствуют данные опроса ФОМ 2016 г., в соответствии с которыми, среди всех источников информации наиболее популярными у россиян оказываются телевидение (88%) и новостные интернет-сайты (35%) [2]. На СМИ, таким образом, в силу своей популярности обладающие значительным потенциалом конструирующего воздействия на экологическое сознание, возложена ответственная роль, требующая внимательного отношения их агентов к содержанию и объемам транслируемой информации. Так, М. Маккомбс и Д. Шоу в своей концепции установления пунктов повестки дня [3] подчеркивают избирательность внимания массовой аудитории, которая из сообщений СМИ узнает не только о событиях, но и об их относительной значимости, формирующейся в зависимости от частоты их упоминания. В конечном счете, в широком круге проблем те из них, что получают больше внимания со стороны СМИ, оказываются наиболее значимыми для массовой аудитории, составляя повестку – иерархизированный перечень тем общественного обсуждения, включающий в себя два–три пункта ненавязчивых, не касающихся индивидов лично проблем, значимость которых и доступна манипуляциям со стороны СМИ [4, с. 151].

Практика показывает, что в этих условиях, когда полноценная возможность манипуляции может быть обеспечена лишь в операциях с отвлеченными темами, СМИ начинают предлагать развлекательный контент, вызывающий повышенное внимание и, соответственно, обладающий большей вероятностью на вхождение в повестку. Так, информационные сообщения, транслируемые современными СМИ, по большей части представлены примитивной рекламой, ток-шоу скандально-аморального содержания [5] и новостями о катастрофических происшествиях. Особенно значимой в целях манипулирования для них оказывается именно негативная информация, которая кажется аудитории более зримой и правдивой, воспринимается в качестве угрозы себе и близким – быстрее становится значимой [6]. Эксперты в области журналистики, как показал опрос Н. В. Михиной, даже отмечают наличие определенного заказа аудитории на негатив, в частности, на тему смерти [7, с. 104]. И СМИ отвечают на потребности аудитории соответствующим контентом. Анализ информационных сообщений новостного интернет-сайта за периоды с 1-го по 8-е января 2012–2014 гг., осуществленный Н. В. Михиной, показал, что подавляющее большинство сведений касалось темы преступности (70 из 95), тогда как темы образования, науки и окружающей среды не были представлены совсем.

До второй половины XX века проблемы экологии совершенно не освещались в новостях – несмотря на наличие информационных поводов, медиа-агентам экологические происшествия и катастрофы не казались «продаваемыми», к тому же, они не имели тогда отрубрикованной ниши. Вхождение в эфир оказалось вынужденным длительной серией экологических кризисов, вместе ставших достаточно эффективным медиа-поводом («поводом для продажи»). В первую очередь, это «фотогеничный» разлив нефти в Санта-Барбаре 28 января 1969 г. и проведение экологами Дня Земли весной 1970 г., сопровождавшееся массовыми акциями в защиту окружающей среды [4, с. 159]. Сегодня информационных поводов для трансляции экологической информации более чем достаточно, что подтверждается и специалистами соответствующего профиля, и рядовыми обывателями, однако в СМИ тема окружающей среды поднимается редко. К примеру, контент-аналитическое исследование казанских электронных изданий, проведенное в 2010–2012 гг. И. С. Глебовой и Р. Р. Хабибрахмановой, показало, что сообщения данной темы в изучаемый период составляли менее десятой части всех новостных сообщений (8,89%) [8, с. 169]. Кроме этого, важно заметить – большая часть медийных экологических событий базируется на том же негативе. Так, в 2001 г. СМИ активно эксплуатировали тему атипичной пневмонии, «распространившейся» из Китая в другие регионы, чрезвычайно опасной для жизни человека, а в 2013 г. обсуждался «новый» и «более опасный» птичий грипп, в действительности ставший известным уже во второй половине XX века как орнитоз. Распространение недостоверной информации вызвало неадекватную реакцию со стороны общественности, особенно в 2013 г., когда в связи с паникой перед птичьим гриппом был организован массовый отстрел диких птиц [5]. В целом, к аналогичным результатам пришла М. В. Калиникова по проведению контент-анализа новостных

интернет-сайтов. Кроме того, что экологических новостей в интернете мало, она отметила, что по большей части они связаны с масштабными природными и техногенными катастрофами – так, в анализируемом 2010 г. с лесными пожарами в европейской части нашей страны [9].

Обозначенный характер информирования не оказывает позитивного стимулирующего воздействия на экологизацию общественных практик. Напротив, низкая доля сведений об экологических проблемах и взаимоотношениях человека с окружающей средой в общем информационном потоке не только не прибавляет россиянам знаний об актуальном состоянии экологии в стране, но также понижает значимость этих вопросов в их представлениях. Следуя логике М. Маккомбса и Д. Шоу: массовая аудитория верит в то, что СМИ информируют лишь о самом важном, и редкое упоминание природы в новостях делает из нее второстепенную вещь в жизни человека. Вместе с этим, смысл тех крупиц экологической информации, которая содержится в новостных сообщениях, по большей части касается экологических происшествий, то есть лишь «громких» событий, в которых природа выступает агрессором, а человек – жертвой. В восприятии аудитории подобные сведения являются указанием на антагонистическую роль природы, которой, впрочем, недостаточно сил для нанесения серьезного вреда человеку, – об этом свидетельствует «редкость» столкновений. «Природа является потенциально опасной», – что дает традиционно высокий уровень экологической озабоченности россиян, «но пока есть проблемы намного важнее», – что говорит об отсутствии у них острой необходимости участия в активных проэкологических практиках.

На этом основании можно говорить о серьезных недостатках существующей системы массового экологического информирования и о необходимости пересмотра принципов освещения данной темы в СМИ.

1. Корунова В. О. Экологическое сознание как результат коммуникативного воздействия: экологическая информация и агенты экологической коммуникации в современном мире // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы экологии человека: социальные аспекты»: в 3 т. – Уфа: АНО «Исследовательский центр информационно-правовых технологий», 2017. – Т. 3. – С. 177–180.
2. Телевидение: предпочтения зрителей [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12214> (дата обращения: 07.10.2017).
3. McCombs M. E., Shaw D. L. The Evolution of Agenda-Setting Research: Twenty-Five Years in the Marketplace of Ideas // *Journal of Communication*. – 1993. – Vol. 43, no. 2. – P. 58–67.
4. Дьякова Е. Г. Массовая коммуникация и власть в теории установления повестки дня // *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. – 2002. – № 3. – С. 144–168.
5. Шишкина Е. А. Информация в глобализирующемся мире: Социально-экологический аспект // *Вестник Саратовского государственного технического университета*. – 2007. – № 3, Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/informatsiya-v-globaliziruyuschemsya-mire-sotsialno-ekologicheskij-aspekt> (дата обращения: 26.10.2017).
6. Мельник Г. С., Михайлов С. А. Соккрытие информации как отсутствие культуры безопасности // *Гуманитарный вектор. Серия: История, политология*. – 2013. – № 3 (35). – С. 145–153.
7. Михина Н. В. Формирование общественного мнения по вопросам культуры через конструирование проблемных полей в СМИ // *Вестник Поволжского института управления*. – 2014. – № 6 (45). – С. 102–107.
8. Глебова И. С., Хабибрахманова Р. Р. Анализ качества жизни населения г. Казани: итоги контент-анализа городских СМИ // *Вестник экономики, права и социологии*. – 2014. – № 2. – С. 167–170.
9. Калининкова М. В. Качество экологического сознания населения современной России: прикладной аспект // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология*. – 2012. – № 2. Т. 12. – С. 29–31.

ВЛАСТЬ СЕТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Лизунков М. (Санкт-Петербург)

Аннотация. В докладе рассматриваются отдельные аспекты концепта власть в сетевой теории общества М. Кастельса. На основе некоторых положений его концепции проводится анализ различий в реализации властных отношений между классическими и новыми медиа. В рамках классических медиа, которые являются узлами мультимедийных сетей, различные контроллеры доступа, позволяют или запрещают сообщению стать частью

коммуникационной структуры. В новых медиа эта власть приобретает прямо противоположную форму – отсутствие контроля над распространением сообщения.

С развитием телекоммуникационных технологий, более эффективной формой социальной организации стала сетевая, но властное отношение или власть как феномен (возможность социального актора ассиметрично влиять на решения другого социального актора желательным для его воли, интересов, ценностей образом), характерный для жестко иерархизированных структур никуда не исчез, изменились лишь его формы.

Развивая сетевую теорию общества, где сеть – совокупность взаимосвязанных узлов, в социальной жизни, представляющие как коммуникационные структуры (паттерны контактов между коммуникаторами), содержание которых определяется программой, формирующей цели (ценности и интересы) и правила их исполнения (стандарты), М. Кастельс выделяет 4 формы власти, одна из них «власть сети», которая понимается как власть стандартов/правил самой сети над ее компонентами/узлами, которая поддерживается контроллерами доступа [1].

В условиях сосуществования и равной актуальности как классических медиа, так и новых медиа [3], мы все-таки можем говорить о некоторых различиях в реализации власти сети. В рамках классических медиа, которые являются узлами мультимедийных сетей, различные контроллеры доступа, например, редактор газеты, позволяет или запрещает сообщению стать частью коммуникационной структуры [2]. В новых медиа эта власть приобретает прямо противоположную форму – отсутствие контроля над распространением сообщения т. к. формат сообщения один- цифровой, но с определенными оговорками, в условиях мультимодальности и многоканальности сетей медиа многие бренды классических СМИ существуют также и в электронном варианте, также различные Интернет-платформы, действующие по принципу социальных сетей, тоже имеют возможность, правда в меньшей степени, выступать в качестве контроллеров доступа, также не стоит забывать о различных попытках осуществления государственного контроля Интернета[1].

1. Кастельс, М. *Власть коммуникации: учеб. пособие* / М. Кастельс; пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

2. Grewal D .S. *Network Power: The Social Dynamics of Globalization*. New Haven (CT): Yale University Press, 2008.

3. Manovich L. *The Language of New Media*. London: MIT Press: Cambridge, Massachusetts, 2001.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАТУСА «ЭКСПЕРТНОГО ЗНАНИЯ» В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА КОНЦА XX-НАЧАЛА XXI ВЕКА.

Манцева Е.Р. (Москва)

Аннотация: Современное общество обладает рядом характерных особенностей, одна из которых — ведущая роль знаний и передовых технологий. В связи с чем очень важно понимать, какие именно формы знания функционируют в обществе и каковы их статус, роль и функции. Одной из самых сложных форм знания являются «экспертные знания», которые претерпевают ряд изменений за последние годы, как и те, кто их производит, что сказывается не только на всех членах общества, но и сферах его жизни, в связи с чем возникает определение статуса «экспертного знания», что позволяет спрогнозировать вектор его развития в будущем.

Современное общество, именуемое в социологической науке информационным, представляет собой уникальный предмет для изучения различными учеными, ведь оно обладает рядом характеристик, которых не было ни у одного из предыдущих этапов его развития. Недаром один из ведущих теоретиков общества конца XX— начала XXI века, американский социолог Д. Белл в своей работе «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» писал, что современное общество — «это новый принцип социально-технологической организации и новый образ жизни, вытесняющий индустриальную систему»[1,9].

Одной из характерных особенностей данного типа общества являются кардинальные изменения статуса «экспертного знания» и его функций, а так же трансформация роли производителей данной формы знания, то есть экспертов.

На первый взгляд данная проблема может показаться не столь серьезной и актуальной, например, в сравнении с информационными войнами, международным терроризмом, глобальным потеплением и прочими бедами современности, угроза которых видна невооруженным глазом. Но

это не так. Данная проблема представляется чрезвычайно важной, так как эксперты и экспертные знания всегда имели высокий статус и служили не только показателем развития того или иного общества, но и практическим инструментом решения многих проблем, в том числе и глобального характера.

Итак, прежде чем определиться, в чем именно заключается трансформация статуса «экспертных знаний», нужно дать определение «эксперту», то есть тому человеку или группе людей, которые производят данную форму знания.

Если обратиться к любому социологическому словарю, то становится очевидно, что в классическом понимании «эксперт» — это тот, кто является специалистом, профессионалом своего дела и разбирается в той области, в которой специализируется [3, 497]. Отсюда следует, что единственное разумное требование, которое общество может предъявить к «эксперту» — это компетентность. Так, знания, которые производит эксперт, должны быть объективными, полезными, применимыми на практике, а так же они могут объяснять те или иные явления. Получается, что экспертами не может быть все общество сразу, ими является определенный круг лиц, имеющих необходимые качества и способности к производству подобных знаний. А значит, экспертное знание является достаточно сложным, и понять его может далеко не каждый человек. Можно даже сказать, что «эксперты» — своеобразные «творцы» истории, ведь знания, которые они производят, всегда были важны в истории обществ.

Но как же простые члены общества, которые не являются экспертами, могут получить эти знания? Ответить на эти вопросы пытались многие социологи.

Например, З. Бауман полагал, что экспертные знания всегда носят элитарный характер и действительно не могут быть поняты и проинтерпретированы обществом без помощи самих экспертов, «авторов» этой формы знания. Таким образом, эксперты всегда являлись своего рода «переводчиками», которые объясняли массам необходимость законов, традиции, культуру во всем ее многообразии, а так же давали ему «практические» знания, которые можно применять в жизни для достижения не только насущных целей, но и в целях саморазвития. Так, эксперты всегда развивали общество, стимулируя его к прогрессу во всех сферах его жизни. Поэтому экспертами нередко выступали ученые. Ценился процесс образования, которое имело элитарный статус, также как и те, кто его предоставлял.

В настоящее время статус экспертов и «экспертного знания» резко снизился. Объясняется это распространением СМИ и популяризацией сети Интернет, так как теперь именно они взяли на себя роль «переводчиков» экспертных знаний благодаря своей простоте и всеобщей доступности.

Более того, раз «экспертное знание» спустилось в массы, оно перестало создаваться экспертами в классическом понимании, так как благодаря видео-блогам, различным информационным приложениям, каждый человек может узнать какую-либо информацию и предстать перед другими экспертов в той или иной области, которая ему наиболее близка. Эксперты как профессионалы, специалисты, люди науки и культуры отошли на «второй план».

В связи с этим показательным является учение об «эпистемологическом анархизме» П. Фейерабенда, который в работе «Против метода. Очерк анархистской теории познания» [4] пишет об отсутствии каких-либо конкретных, универсальных методов получения знаний, которые являются объективными. Поэтому любое знание может считаться объективным, претендовать на статус истинного и научного, даже при условии того, что оно не доказано и выглядит по меньшей мере абсурдно и является чьим-то субъективным мнением. Но, раз наукой на данный момент не доказано обратное, то есть нет опровержения подобного знанию, значит как ученые могут утверждать, что этого не может быть?

Получается, в современном обществе каждый человек сам себе эксперт и производит свои «экспертные знания», создавая абсолютно новую культуру, которая не имеет точных ориентиров, ценностей, разве что субъективного характера и всеобщих благ, выражающихся в разнообразии товаров и услуг, которые характеризуют общество постмодерна. Как справедливо заметил Ж. Бодрийяр, современное общество похоже на гигантскую черную дыру, которая поглощает все, что в нее попадает [2].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современное общество действительно является уникальным во всем своем многообразии, особенно в контексте стремления разрыва связи с классической наукой, культурой и создания чего-то нового, а последствия утраты элитарного статуса экспертных знаний и стирание границ между экспертами и массами еще предстоит увидеть не только ученым, но и самому обществу.

- 1) Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования // М.: Academia, 1999, 788 с.
- 2) Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Перевод с фр. Н. В. Сулова. — Екатеринбург: Издательство уральского университета, 2000, 100 с.
- 3) Кравченко С. А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь, Изд-во: М.: АСТ, 2004, 511 с.
- 4) Фейерабенд П. К. Против метода. Очерк анархистской теории познания / Пол Фейерабенд; пер. с англ. А. Л. Никифорова. - М. АСТ: Хранитель, 2007. - 413, [3] с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ КАК ОДНА ИЗ РАЗНОВИДНОСТЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Мотина А.В. (Барнаул)

Аннотация: Представлен социологический анализ профессиональных стереотипов как одной из разновидностей социальной информации. Рассмотрены основные каналы и направления влияния профессиональных стереотипов на социум. Представлены результаты исследования профессиональных стереотипов современной студенческой молодежи г. Барнаула.

Современное общество находится на пороге новой информационной эпохи, проявления которой мы уже можем ощущать на себе. Социальная реальность постепенно наполняется все большим количеством информации, которая зачастую бывает неоднозначна и даже противоречива. Современный человек теряется в этом информационном потоке, который окружает его со всех сторон, именно поэтому такая разновидность социальной информации как стереотип с каждым днем становится все более актуальной. Он выступает своеобразным маяком, ориентируясь на который выстраивается реальность индивида. Особый интерес для анализа социологов представляют профессиональные стереотипы, с которыми мы сталкиваемся каждый день.

Актуальность изучения данного вида социальной информации в современном мире особенно высока, так как профессиональные стереотипы являются одним из конституирующих аспектов социального взаимодействия. Они пронизывают все сферы деятельности общества, начиная с личностно-бытового уровня и заканчивая государственным и муниципальным управлением.

Само понятие профессионального стереотипа является сравнительно новым для социологической мысли. Тем не менее, исследователи все чаще обращают внимание на эту проблему. Например, существует мнение о перспективах исследования данных стереотипов в социологии [4,24] На современном этапе под профессиональным стереотипом понимается система упрощенных схематизированных представлений относительно типичного представителя определенного профессионального сообщества, в основе которой заложен оценочный аффективный компонент [1, 252]. Одновременно в массовом сознании существует несколько тысяч подобных сформированных образов.

Все множество профессиональных предубеждений принято разделять на несколько основных групп: стереотипы относительно половой и возрастной принадлежности профессии, личностных характеристик и моделей поведения представителя профессионального сообщества, престижности и оплачиваемости данного рода занятости. В совокупности шесть данных подгрупп образуют стереотипизированный образ представителя той или иной профессии. Трансформация социального пространства привела к тому, что подобного рода образы так же активно изменяются, наполняются все новым содержанием, отвечающим реалиям современности. Они могут служить индикатором, с помощью которого можно отслеживать изменения в обществе и его социальной структуре.

Профессиональные стереотипы как одна из разновидностей социальной информации были исследованы с помощью методов анкетирования и фокус-групп, проведенных с участием современной студенческой молодежи г. Барнаула. Выбор данной исследуемой совокупности обусловлен мнением большинства ученых о наивысшем пике стереотипизации сознания у данной возрастной категории, что дает возможность наиболее полно изучить данный вид информации [3, 25]. В ходе проведения сфокусированной беседы был составлен массив из 104 личностно-поведенческих стереотипов относительно 6 профессий, который был в дальнейшем предоставлен респондентам вместе с заранее разработанной анкетой. Результаты проведенного

социологического исследования показывают, что женщины более склонны стереотипизировать профессиональные образы. Из большого массива предубеждений женщины склонны соглашаться с 39,9% содержания, в то время как мужчины лишь с 14,6% списка. Данные результаты подтверждаются исследованием Н.П. Суходольской, которая также утверждает, что женщины более склонны упрощать социальную действительность путем стереотипизации и систематизации информации [5, 154].

Основными каналами для распространения профессиональных стереотипов в обществе служат личный опыт индивида, окружающая человека социальная среда и средства массовой информации, которые транслируют определенного рода информационные сообщения, влияющие на профессиональные образы. Результаты проведенного социологического исследования свидетельствуют о том, что основными каналами для формирования стереотипа у студенческой молодежи выступает личный опыт (51,4% опрошенных) и мнение окружающих (41,9%). В то же время стоит отметить, что разрушить профессиональное предубеждение у подавляющего числа опрошенных способен исключительно личный опыт (87,1%).

Влияние профессиональных предубеждений происходит на индивидуальном, групповом и общественном уровнях. Особое внимание для социологов представляет их воздействие на профессиональное самоопределение, межгрупповую коммуникацию и взаимодействие профессиональных сообществ, систему образования и рынок труда. Данное воздействие может происходить как бессознательно и стихийно, так и осознанно, в том числе на уровне социального или государственного заказа. Результаты исследования показывают, что в целом влияние профессиональных стереотипов на выбор будущей профессии современной студенческой молодежи не имеет место быть. Большинство респондентов оценили степень данного влияния на 1-2 балла (61,3%) по 5-ти бальной шкале. В то же время студенческая молодежь г. Барнаула склонна считать, что влияние изучаемого явления высоко сказывается на их межличностной коммуникации с представителями определенной профессии (62,7% оценили на 4-5 баллов) и рынка труда Алтайского края в целом (54,1% оценили на 4-5 баллов).

Социальная информация является более стереотипизированной, нежели информация профессиональная, именно поэтому степень согласия с предубеждениями относительно получаемой в ходе обучения профессии постепенно падает. Первокурсники из всего массива стереотипов о своей специальности согласны с 47,1 % его содержания, в то время как к четвертому курсу степень согласия падает до 25,9%.

Кроме того, нами было проведено сопоставление стереотипизированных образов относительно шести профессий у студенчества в целом и студентов, которые получают данную профессию. По различным специальностям процент совпадения колеблется от 54,5% до 78,6%. Несовпадение эмоционально окрашенных стереотипов может грозить ростом социальной напряженности, и в данном контексте роль социологии очень велика, так как существуют возможности прогнозирования и предотвращения данного явления. Основным инструментом для предотвращения данных процессов, по мнению некоторых ученых, являются СМИ, которые посредством информационных сообщений способны к некоторого рода трансформации сложившихся в обществе профессиональных стереотипов [2,126].

Таким образом, профессиональные стереотипы в современном социуме выступают сложным и многоаспектным явлением, они способны служить индикатором состояния общества и его трансформации. Особое внимание для социологического анализа требует дальнейшее сопоставление предубеждений с реальностью, так как подобного рода несовпадения влекут за собой социальную напряженность и повышенную конфликтность, которые представляют серьезные риски для современного общества, находящегося на стадии активных социальных изменений.

1. Липпман У. *Общественное мнение*. – Москва, 2004.
2. Меренков, А.В. *Социология стереотипов* – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2001.
3. Питерова А.Ю., Тетерина Е.А. *Социальные стереотипы: особенности формирования и изучения* // Наука. Общество. Государство. – 2016. - №1(13).
4. Попов Е.А. *Современная социология в перспективе междисциплинарности* // Социологические исследования. – 2013. - №8.
5. Суходольская Н.П. *Социальный стереотип в жизнедеятельности людей* // Философия и общество. – 2007. - №3(47).

ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Мясоедов А.И. (Москва)

Аннотация

Информационная модель в системе социальных трансформаций основывается на описании трансформации социума как внесение изменений информации, которая функционирует в информационном пространстве. Социальные трансформации описывают собой систему сложно социальных интегрированных процессов и явлений. Интегрированная информационная модель в системе социальных трансформаций подразумевает взаимодействие компонентов: информационного пространства, социальной памяти, социального идеала.

Универсальный тип информации позволяет рассматривать социальные трансформации подобно системе обмена информацией. Социальные трансформации возможно в любой системе. Установление информационного порога решает проблему сложности моделирования развития, прогнозирования перспективы для любой сферы социальных трансформаций.

Ключевые слова: информационный порог; информация; социальные трансформации; социальная память.

Методология исследований по влиянию социальных трансформаций по формированию мировоззренческих ориентаций человека изученная учеными, выделяет признаки трансформационных процессов, вызванные изменениями сущности идеологических, социально-политических реалий [1].

Социальные процессы существуют во всех обществах, при этом они выступают как упорядоченная форма социального взаимодействия, результат которой является изменение отношений между составными элементами общества или между людьми.

Социальное взаимодействие – это непрерывный обмен знаниями и социальной информацией, которая осуществляется с помощью наличия коммуникационного процесса [4].

Социальные трансформации – это изменение модели поведения общества или индивида, в системах знаний. Исходя из сущностных информационных характеристик эпистемемы, методология построения информационной модели с использованием базы сопоставления элементов эпистемем, поэтому необходимо определить позиции этой теории согласно философских концепций информации.

Н. Винер, К. Шеннон, как теоретики функциональной концепции, обосновывают ее кибернетическую сущность, определяли, что информация есть ничто иное как содержание сообщения или сигнала, получаемого кибернетической системой из вне. Функциональная концепция подразумевает, что функции использования и существования информации присущи только социализированной личности, владеющей сознанием, языком, и самосознанием [2]. Ученые отмечают, что математическая теория информации, занимается изучением обработки и происхождения сигнала, которые несут информацию, не обращая внимания на потребительскую ценность и оценку содержания информации [3].

Интегрированная информационная модель в системе социальных трансформаций подразумевает взаимодействие компонентов, находящиеся в связи: информационное пространство, которое выполняет функцию интеграции современных социальных процессов, которые определяют изменения качественных характеристик развития; социальная память, которая выполняет функцию источника и основателя исторического опыта, которая формирует социальные ориентации индивида, менталитет, общества в целом; социальный идеал, который выполняет функцию генератора идей направлений развития.

Социальная память - это есть ничто иное как движение информации в социальном времени [5], которая является социально-коммуникационным фактором трансформаций, именно социальная память, которая является формой воспроизводства и сохранения опыта, с помощью которой обобщается и осмысливается прошлая социально-коммуникационная деятельность, нацеленная на анализ современных проблем, формирование перспективных позиций. Она рассматривается, как совокупность всего, что отчуждено от индивидуального сознания и создано человеком, которое распространяется между определенным количеством людей так, чтобы можно было сохранить и повторить для последующего использования [6].

Информационное пространство - это форма существования социальной информации [7]. Глобальная информатизация (радио, пресса, СМИ, кино, телевидение) общества благодаря интеллектуальной деятельности и компьютеризации реализует свойства информационного пространства и сущностные признаки. Социальные трансформации происходят в определенных пределах, не идентифицированных и идентифицированных информационных потоков с помощью

обмена информацией между субъектами используя информационно-коммуникационные связи. Информационные потоки имеют типологические характеристики: интегрировать виды информации, отражать уровень развития информационной инфраструктуры, детерминировать параметры жизнедеятельности общества.

Внутри информационного пространства материализуются определенные стадии глобального информационного процесса, как: обработка, сбор, переработка, хранение, использование информации, распространение. Формирование информационного пространства, и возможность наделить его признаками управляемости, стратегическое значение при определении сущности, характера и направления течения социальных трансформаций, при прогнозировании отдаленных и близких последствий изменений. Одно их проявлений управляемости информационным пространством - это информационное давления на аудиторию.

Информационное давление – это давление, которое осуществляется для трансформации общественного сознания в определенном направлении, которое является технологией по созданию демографических, политических, экономических проблем, представляющие угрозу энергетической, религиозной, информационной, безопасности государства. Защиту от информационного давления, необходимо осуществлять на общегосударственном уровне – сформировать информационное пространство, которое отвечает национальным интересам, что занимают место в становлении гражданско-правового общества, которое определяется информационным порогом социальных трансформаций.

Исследование информационного порога имеет теоретическое и практическое значение для деятельности СМИ, а также других сфер. Разработка и установка информационного порога позволяет определить модель для развития общества, а также прогнозировать результаты и перспективы социальных трансформаций. Исходя из универсального характера информации, само определение информационного порога верно для любой сферы социальных трансформаций. Объектом трансформации может быть любая система, чье значение актуализируется с потребностями общества. Информации, которая приводит к социальным трансформациям, имеет следующие признаки: синхронность, диахронность, фактографичность, универсальность, документальность.

1. Савченко И.А. Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2013. № 3. С. 121-136.
2. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. [Пер. с англ.]. М.: Наука, 1983. 344 с.
3. Николаева А.А., Караханян К.Г. ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ИННОВАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ сборник научных трудов. 2016. С. 39-48.
4. Савченко И.А. Коммуникативные платформы для социальных и медийных инноваций Материалы 1-й Международной научно-практической конференции. 2014. С. 177-191.
5. Савченко И.А., Устинова О.Е. Политика и общество. 2016. № 9. С. 1233-1243.
6. Цаленко М.Ш. Основы теории информационных ресурсов: понятия и социальная память // Научно-техническая информация. Ср. 1. 2004. № 11. С. 1- 11.
7. Шлыкова О.В. Культура мультимедиа. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2004. 416с.

ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ НАУКА: О МНОЖЕСТВЕННОСТИ СТАТУСОВ УЧЁНОГО В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Николаенко Г.А. (Санкт-Петербург)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-001

Аннотация:

Трансформация научных коммуникаций, детерминированная распространением и повсеместной интеграцией интернет-сервисов, а также переход к политике менеджизма, формируют новые модели научной деятельности, требующие разработки новых системных механизмов взаимодействия и нового понимания того, что же есть наука в современном мире – поиск, производство знаний, их распространение, продажа и/или просветительская деятельность.

Темп эволюционного развития научной коммуникации, многократно ускорившийся в последние пятнадцать лет за счёт галопирующей компьютеризации развивающихся стран, а также перехода от принципов раннего интернета к аутопойезисной логике Web 2.0 и Web 3.0, детерминировал возникновение целого ряда новых подвидов научного социального капитала и,

как следствие, научных статусов. Более того, данный процесс усиливает политика менеджизма, при которой процедура оценки научного вклада того или иного исследователя/подразделения отчуждается от научного сообщества и переходит в руки административного аппарата. В данных условиях достаточно остро встаёт вопрос о количественных и качественных показателях, которые можно было бы использовать в качестве маркеров успешной научной деятельности, что в свою очередь возвращает нас к вопросу об основополагающих принципах науки, в частности, к необходимости переосмыслить ответ на вопрос – что такое научная деятельность и в каком случае она может считаться успешной. Парадокс сложившейся ситуации заключается в том, что возникновение новых маркеров и показателей, призванных наиболее достоверно отобразить достижения исследователя, базируются, преимущественно, на классических, отчасти устаревших видах научной деятельности, при этом, в ряде случаев, игнорируется трансформация научных коммуникаций.

В качестве теоретической рамки для рассмотрения данного вопроса как нельзя лучше подходит работа Барри Веллмана и Ли Рейни «Networked» [1], в которой авторы, выстраивая нарратив в социально-антропологическом стиле, пытаются зафиксировать изменения подавляющего большинства основополагающих моделей коммуникативного поведения, детерминированные т.н. Тройственной революцией (Triple Revolution), под которой подразумевается совокупность факторов, вызванных повсеместным распространением интернета, социальных сетей и мобильных технологий. Вышеперечисленные факторы, по мнению Барри Веллмана и Ли Рейни, породили новую коммуникативную стратегию, даже, если угодно, новый габитус – сетевой индивидуализм (Network Individualism) – доминирующий в развитых странах, среди людей, обладающих навыками работы с электронными устройствами и интернетом. Иными словами, развитие интернет-технологий и повсеместное распространение коммуникационных сетей, ставшее одним из основных ресурсов беспрецедентной оптимизации коммуникационных издержек, в относительно сжатые сроки полностью перестроило огромное количество различных моделей поведения, тем самым повлияв не только на профессиональные виды деятельности, но и трансформировав т.н. личную коммуникацию, в том числе семейные практики, межличностные отношения и т.д. Барри Веллмана и Ли Рейни пишут, что в современном мире практически невозможно работать и взаимодействовать с людьми без Интернета. Таким образом, разделение на реальное и виртуальное, относительно актуальное в эпоху раннего интернета, с момента возникновения Classmates.com и, более того, со времён появления LinkedIn, Facebook и MySpace, уже не в состоянии отобразить современную социальную реальность.

Глубочайшая взаимоинтеграция классических и новых видов коммуникации и, как следствие, деятельности, произошедшая в науке, коренным образом повлияла на то, как учёные общаются друг с другом и главное, как они работают сейчас, когда в их руках появились новые инструменты. Практически через пару лет после возникновения т.н. генеральных (основных) социальных сетей, стали разрабатываться и развиваться профессиональные социальные сети, ориентированные на определённые социальные группы. Таким образом, для учёных был разработан целый ряд сервисов: ResearchGate.com, Academia.edu, Mendeley, Google Scholar и другие, в число которых входят небезызвестные базы данных WoS, Scopus и т.д. Было бы наивно полагать, что социальные сети занимаются лишь «оцифровкой» того, что существует вне их. Новые коммуникативные практики, помимо доступа к колоссальным объёмам информации и беспрецедентных возможностей для расширения социального капитала, формируют новые виды научной деятельности, если можно так выразиться – новые «научные рынки» - поля, где различные акторы конкурируют за ресурсы. Помимо новых организационных рынков, в качестве примера которых можно назвать относительно молодой рынок академических рейтингов, возникает и рынок с одиночными акторами, который, в полном соответствии с принципами сетевого индивидуализма, формирует поле для конкуренции между исследователями. Хорошим примером такого взаимодействия является повсеместное распространение альтметрик (которые, кстати, зачастую используются наравне с классическими библиографическими метриками). Так, социальная сеть ResearchGate.com разработала и внедрила собственный альтернативный показатель – Rg Score, который, к слову, имеет закрытый алгоритм подсчёта, однако доподлинно известно, что наибольшее влияние на этот показатель имеют не столько классические публикации/цитирования, сколько коммуникативная активность пользователя. Таким образом, все пользователи сети ранжируются на основании вышеуказанной альтметрики, что даёт возможность активным пользователям, не имеющим большого количества высокоцитируемых работ, пробиться на вершину рейтинга и, в соответствии с эффектом Матфея, укрепить свой социальный статус, а

также расширить социальный капитал. И это лишь один из примеров, иллюстрирующий новые механизмы возникновения лидеров мнений.

Вопрос, однако, заключается в другом. Могут ли библиометрические показатели играть роль основных маркеров научной деятельности или же, в современных реалиях, публикации в научных журналах перестала быть основным способом презентации научных материалов и получения обратной связи? Достаточно ли альтметрики, на подобие Rg Score, защищены от манипуляций с целью повышения показателей? И всё же, что мы считаем основной целью науки? Ведь даже в том случае, если мы пытаемся зафиксировать столь эфемерную структуру как «приращение знания», то ни библиографические показатели (особенно в ситуации с использованием национального языка или работы по непопулярной теме), ни альтметрические показатели, которые скорее фокусируются на коммуникации и вовлечённости в сообщество, однако не отражают непосредственно «приращение знания», несмотря на то, что могут быть полезны для изучения и управления потоками научной информации, не могут помочь ответить на наш вопрос без использования дополнительной информации. Стоит признать, что на данный момент мы просто не в состоянии адекватно ранжировать исследователей именно на основании успешности их научной деятельности, благодаря чему «успешность» подменяется «эффективностью», которая в свою очередь измеряется менеджерами на основании библиометрических показателей (а точнее их влияния на рейтинги учреждения), а также грантов, которые рассматриваются не только в качестве источников дополнительного дохода для учреждения, но и как показатели научного признания и востребованности работ исследователей. При этом, происходит расщепление статуса исследователя, ведь в списках Rg Score нобелевского лауреата может обогнать активный пользователь ResearchGate уровня PhD, в то время как доцент какого-нибудь российского вуза запросто может превосходить по показателям профессора с той же кафедры и т.д. Иными словами, мы до сих пор не можем ответить на простой вопрос – как можно систематизировать и структурировать научную систему так, чтобы ранжирование исследователей соответствовало их реальному вкладу в науку, а также что считать за этот вклад?

1. Barry Wellman, Lee Rainie. *Networked: The New Social Operating System* // MIT Press, 2012. 376 p.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВО

Писарева Д. (Ростов-на-Дону)

Аннотация: в статье рассматривается влияние современных информационно-коммуникативных технологий на формирование современного глобального информационного общества, раскрывается понятие информационного неравенства.

В условиях становления нового международного порядка слова, произносимые Ф. Бэконом «кто владеет информацией - владеет миром», наполняются новым смыслом.

Современные социальные процессы, имеющие в своей основе компьютеризацию, информатизацию, осуществляющиеся в новой глобальной среде, содержат инновационные направления развития материальной и духовной культуры современного общества [1]. На протяжении десятилетий складывался облик современного глобального информационного общества, где значительную ценность имеет информация, информационные ресурсы и технологии.

Именно информационные технологии превратились в один из наиболее значимых геополитических факторов, способствующих динамичной трансформации современного общества [1], и породили новый вид разделения социума - информационное (цифровое) неравенство.

«Информационное (цифровое) неравенство представляет собой мировое явление, которое характеризует существенное различие в возможностях доступа к использованию информационно-коммуникационных технологий и, соответственно, в возможностях потребления услуг, оказываемых на основе почтового и телекоммуникационного обслуживания, для отдельных людей, социальных групп, социальных слоев общества, которые могут быть представлены в странах с разным уровнем экономического развития».[2] Основными причинами данного процесса можно выделить следующее:

- информационные технологии вызывают передел существующих рынков и

создание новых. «Например, развитие оптической технологии коммуникаций и IP-телефонии оказало серьезное воздействие на отрасли телесвязи во всем мире, что привело к масштабным структурным изменениям рынка услуг связи. Противостояние программного обеспечения с открытыми кодами и коммерческого программного обеспечения с закрытыми способствует переделу рынка программного обеспечения. Разногласия по поводу интеллектуальной собственности и прав на новые продукты и услуги создают напряженность в отношениях между нациями»[3];

- формирование новых видов коммерческой деятельности в сфере высоких технологий являются причиной глобального перемещения капиталов и людских ресурсов, провоцирующую масштабную волну миграции населения;

- информационная революция вторгается в механизмы управления обществом и вызывает появление новых политических игроков. Традиционные механизмы управления обществом (например, налогообложение) становятся неэффективными, так как информационная революция позволяет игрокам рынка действовать вне досягаемости национальных правительств. Соответственно, для сохранения контроля последние вынуждены создавать новые и усовершенствовать существующие механизмы управления.[3]

Таким образом, развитие новых информационно-коммуникативных технологий придает новое качество международному информационному обмену и становится движущей силой экономических и социальных изменений в мире. Благодаря процессу информатизации мир вступил в новую стадию своего развития, но крайне неравномерно и крайне противоречиво. Данный процесс увеличивает и без того значительный информационный разрыв между развитыми странами (США, Западная Европа, Япония) и остальным миром, что является главным тормозом на пути становления глобального информационного общества. [4] Казалась бы, всеобщая информатизация, создание единого информационного поля должны способствовать снижению неравенства как внутри страны, так и за ее пределами; уравнивать всех при получении или использовании информации, но в результате формируется информационный разрыв. В настоящее время, вопрос информационного разрыва между развитыми и развивающимися странами признается одной из глобальных проблем, требующей согласованной деятельности национальных и международных институтов.

1. Гольев А.В. Информационное неравенство: геополитический аспект/Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Общественные науки.: Издательство: Московский государственный лингвистический университет (Москва) 2012, выпуск 25 стр.39-41
2. Дронов В. Н., Махрова О. Н. Цифровое неравенство Рязанской области: монография / Санкт-Петербургский ун-т управления и экономики, Ин-т социально-экономических проблем народонаселения РАН. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета управления и экономики, 2015. Стр.4
3. Землянова Л. М. Медиа и суверенитет: к вопросу о влиянии глобализирующейся информационной революции на статус государственной власти // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. — № 2. — 2004. — С. 108–120
4. Чернов А. А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2003. Стр.23

СУБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

Плющ А.Н. (Киев, Украина)

В рамках философского, социологического, социально-психологического подходов общество рассмотрено как целостность, система, текст. Соответственно предполагаются различные субъекты (единичный центр, групповой субъект, автор текста) и парадигмы (субъект-объектная, субъект-субъектная, метасубъекта) управления. В информационном обществе, если управление социумом опирается на парадигму метасубъекта, индивидуальные субъекты могут выступать в роли соавторов изменений социокультурного проекта, расширяя тем самым круг субъектов социальных трансформаций.

В настоящее время отмечается нарастающая неопределённость развития сложноорганизованного мира. В условиях непрерывных перемен информационного общества возрастает роль социальных трансформаций, предполагающих возможность коррекции устройства общества. Стратегическое поражение социальной системы может произойти вследствие внутренних системных причин, неспособности этой системы решать проблемы нарастающей

сложности из-за отставания в области инновационных технологий, которые все больше интегрируют в себя нематериальные факторы производства. Социальные трансформации, связанные с внедрением инноваций, становятся одним из основополагающих факторов суверенитета стран [Лепский, 2016].

Социальные трансформации предполагают субъекта их осуществления. Под субъектом понимается деятель, активность которого приводит к запланированным им изменениям. Рассмотрим, кто может выступать в роли субъекта социальных трансформаций.

Общества различной природы отличаются системами управления, функциями которых являются воспроизведение, конструирование и совершенствование организации этих обществ. Рассмотрим модели организации общества, отличающиеся чувствительностью оптики рассмотрения общества как целостности. Условно выделим философский, социологический (структурный), социально-психологический (конструктивистский) подходы.

В рамках философского подхода общество рассматривается как целостность, как единый организм. В таком обществе субъектом управления обычно является государство как институциональная структура (роль которой может выполнять монарх, вождь), которая осуществляет управление жизнедеятельностью общества и выступает в роли единственного субъекта социальных трансформаций.

Социологи анализируют общество как множество социальных групп (и/или субъектов), объединенных в единое целое (систему или с нарастанием сложности в «систему систем»). Общество находится в состоянии динамического равновесия, при котором взаимодействия субъектов воспроизводят его структуру. В обществе, организованном как система, субъектом, управляющим жизнедеятельностью общества, является групповой (системный) субъект, в состав которого входит государство и другие влиятельные политические структуры (партии, финансово-промышленные группы и др.). Государство задает контекст функционирования общества, его имплицитный порядок, выполняя функцию согласования интересов влиятельных политических субъектов. Социальное управление, помимо обеспечения функционирования жизнедеятельности общества, включает и организацию коммуникаций группового субъекта. В роли субъекта социальных трансформаций могут выступать отдельные групповые субъекты (например, государство, политическая партия, общественное движение), но они должны заручиться поддержкой в рамках существующей политической системы (группового субъекта управления). Эта поддержка необходима при условии, что эти трансформации не ведут к деконструкции целого (демонтажу социального устройства).

В рамках социально-психологического (конструктивистского) подхода общество рассматривается как (ре)конструируемый текст (текст, автор, замысел) [Плющ, 2017]. Общество, следуя историческому замыслу, воспроизводит свое предназначение во времени путем непрерывного обновления (преобразования) текста общества (жизнедеятельности, коллективного автора, социокультурного проекта). В таком обществе субъектом управления является коллективный автор, который может включать различных деятелей общества, в зависимости от модели самоорганизации этого автора. Эти модели опираются на разные парадигмы управления (субъект-объектную, субъект-субъектную, метасубъекта), обуславливающих состав лиц, принимающих решения, и степень их участия [Лепский, 2015].

В рамках субъект-объектной парадигмы управления автором социокультурного проекта является один субъект (или социальная структура), который самостоятельно осуществляет его построение (являясь субъектом трансформаций), другие участники рассматриваются как пассивные объекты, воплощающие этот проект в жизнь. Совместный социокультурный проект может включать фрагменты проектов других участников, если автор примет такое решение.

При использовании субъект-субъектной парадигмы управления автором совместного социокультурного проекта будет являться групповой субъект, составленный из групп(ы) авторов. При конструировании совместного проекта он будет согласован с каждым автором и может иметь различную форму организации: быть аддитивной суммой или системой (или сочетать эти формы в различных соотношениях). При организации конструирования в имплицитной форме заложены существующие в группе социальные взаимоотношения, когда учитывается «социальный вес» каждого автора, определяющий то, в какой мере его проект входит в состав совместного проекта. Субъектом трансформации (исходя из нашего определения субъекта) является групповой автор совместного социокультурного проекта. Хотя отдельные представители группового автора, не будучи представленными в совместном проекте из-за низкого статуса, будут участвовать в реализации трансформаций, не желая терять преференции участников этой группы. Приходится

различать субъектов осуществления социальных трансформаций (по факту принадлежности к групповому автору) и субъектов трансформаций, как их авторов и реализаторов.

Опора на парадигму метасубъекта означает, что автором совместного социокультурного проекта будут не отдельные авторы или группы, а все общество в целом, которое может быть рассмотрено как субъект трансформаций. Как следствие, предполагается, что в информационном обществе и индивидуальные субъекты могут быть соавторами социокультурного проекта общества. Участие в создании этого проекта будет определяться не только социальным статусом участников коммуникации, но и качеством их проектов, признанным другими субъектами. Субъекты общества могут выступать в различных ролях субъектов трансформаций: поддерживающие трансформации (объекты), участники осуществления трансформаций (субъекты), соавторы проекта (метасубъекты).

Информационное общество предоставляет возможности подключить множество индивидуальных субъектов к осуществлению социальных трансформаций как соавторов совершенствования социокультурного проекта, предусматривающего эти трансформации. Возникает вопрос организации коллективного автора этого проекта. Парадигма управления, положенная в основу конструирования коллективного автора совместного социокультурного проекта, будет обуславливать процессы социальных трансформаций. В частности, кто будет выступать в роли авторов социальных трансформаций, а значит, в чьих интересах она будет проводиться: одного субъекта, группы избранных субъектов или общества в целом.

В рамках философского, социологического, социально-психологического подходов общество рассмотрено как целостность, система, текст. Соответственно предполагаются различные субъекты (единичный центр, групповой субъект, автор текста) и парадигмы (субъект-объектная, субъект-субъектная, метасубъекта) управления. В информационном обществе, если управление социумом опирается на парадигму метасубъекта, индивидуальные субъекты могут выступать в роли соавторов изменений социокультурного проекта, расширяя тем самым круг субъектов социальных трансформаций.

В настоящее время отмечается нарастающая неопределённость развития сложноорганизованного мира. В условиях непрерывных перемен информационного общества возрастает роль социальных трансформаций, предполагающих возможность коррекции устройства общества. Стратегическое поражение социальной системы может произойти вследствие внутренних системных причин, неспособности этой системы решать проблемы нарастающей сложности из-за отставания в области инновационных технологий, которые все больше интегрируют в себя нематериальные факторы производства. Социальные трансформации, связанные с внедрением инноваций, становятся одним из основополагающих факторов суверенитета стран [Лепский, 2016].

Социальные трансформации предполагают субъекта их осуществления. Под субъектом понимается деятель, активность которого приводит к запланированным им изменениям. Рассмотрим, кто может выступать в роли субъекта социальных трансформаций.

Общества различной природы отличаются системами управления, функциями которых являются воспроизведение, конструирование и совершенствование организации этих обществ. Рассмотрим модели организации общества, отличающиеся чувствительностью оптики рассмотрения общества как целостности. Условно выделим философский, социологический (структурный), социально-психологический (конструктивистский) подходы.

В рамках философского подхода общество рассматривается как целостность, как единый организм. В таком обществе субъектом управления обычно является государство как институциональная структура (роль которой может выполнять монарх, вождь), которая осуществляет управление жизнедеятельностью общества и выступает в роли единственного субъекта социальных трансформаций.

Социологи анализируют общество как множество социальных групп (и/или субъектов), объединенных в единое целое (систему или с нарастанием сложности в «систему систем»). Общество находится в состоянии динамического равновесия, при котором взаимодействия субъектов воспроизводят его структуру. В обществе, организованном как система, субъектом, управляющим жизнедеятельностью общества, является групповой (системный) субъект, в состав которого входит государство и другие влиятельные политические структуры (партии, финансово-промышленные группы и др.). Государство задает контекст функционирования общества, его имплицитный порядок, выполняя функцию согласования интересов влиятельных политических субъектов. Социальное управление, помимо обеспечения функционирования жизнедеятельности

общества, включает и организацию коммуникаций группового субъекта. В роли субъекта социальных трансформаций могут выступать отдельные групповые субъекты (например, государство, политическая партия, общественное движение), но они должны заручиться поддержкой в рамках существующей политической системы (группового субъекта управления). Эта поддержка необходима при условии, что эти трансформации не ведут к деконструкции целого (демонтажу социального устройства).

В рамках социально-психологического (конструктивистского) подхода общество рассматривается как (ре)конструируемый текст (текст, автор, замысел) [Плющ, 2017]. Общество, следуя историческому замыслу, воспроизводит свое предназначение во времени путем непрерывного обновления (преобразования) текста общества (жизнедеятельности, коллективного автора, социокультурного проекта). В таком обществе субъектом управления является коллективный автор, который может включать различных деятелей общества, в зависимости от модели самоорганизации этого автора. Эти модели опираются на разные парадигмы управления (субъект-объектную, субъект-субъектную, метасубъекта), обуславливающих состав лиц, принимающих решения, и степень их участия [Лепский, 2015].

В рамках субъект-объектной парадигмы управления автором социокультурного проекта является один субъект (или социальная структура), который самостоятельно осуществляет его построение (являясь субъектом трансформаций), другие участники рассматриваются как пассивные объекты, воплощающие этот проект в жизнь. Совместный социокультурный проект может включать фрагменты проектов других участников, если автор примет такое решение.

При использовании субъект-субъектной парадигмы управления автором совместного социокультурного проекта будет являться групповой субъект, составленный из групп(ы) авторов. При конструировании совместного проекта он будет согласован с каждым автором и может иметь различную форму организации: быть аддитивной суммой или системой (или сочетать эти формы в различных соотношениях). При организации конструирования в имплицитной форме заложены существующие в группе социальные взаимоотношения, когда учитывается «социальный вес» каждого автора, определяющий то, в какой мере его проект входит в состав совместного проекта. Субъектом трансформации (исходя из нашего определения субъекта) является групповой автор совместного социокультурного проекта. Хотя отдельные представители группового автора, не будучи представленными в совместном проекте из-за низкого статуса, будут участвовать в реализации трансформаций, не желая терять преференции участников этой группы. Приходится различать субъектов осуществления социальных трансформаций (по факту принадлежности к групповому автору) и субъектов трансформаций, как их авторов и реализаторов.

Опора на парадигму метасубъекта означает, что автором совместного социокультурного проекта будут не отдельные авторы или группы, а все общество в целом, которое может быть рассмотрено как субъект трансформаций. Как следствие, предполагается, что в информационном обществе и индивидуальные субъекты могут быть соавторами социокультурного проекта общества. Участие в создании этого проекта будет определяться не только социальным статусом участников коммуникации, но и качеством их проектов, признанным другими субъектами. Субъекты общества могут выступать в различных ролях субъектов трансформаций: поддерживающие трансформации (объекты), участники осуществления трансформаций (субъекты), соавторы проекта (метасубъекты).

Информационное общество предоставляет возможности подключить множество индивидуальных субъектов к осуществлению социальных трансформаций как соавторов совершенствования социокультурного проекта, предусматривающего эти трансформации. Возникает вопрос организации коллективного автора этого проекта. Парадигма управления, положенная в основу конструирования коллективного автора совместного социокультурного проекта, будет обуславливать процессы социальных трансформаций. В частности, кто будет выступать в роли авторов социальных трансформаций, а значит, в чьих интересах она будет проводиться: одного субъекта, группы избранных субъектов или общества в целом.

Лепский В.Е. Эволюция представлений об управлении (методологический и философский анализ). М.: Когито-Центр, 2015. 107 с.

Лепский В.Е. Технологии управления в информационных войнах (от классики к постнеклассике). М.: «Когито-Центр», 2016. 160 с.

Плющ А.Н. Социально-психологические механизмы информационного влияния. Нежин: «Видавництво «Аспект-Поліграф», 2017. 244 с.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО И СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Подорова-Аникина О.Н. (Ухта)

В работе раскрываются актуальные условия социальной динамики политических коммуникаций в современной России. Работа базируется на всестороннем анализе вопросов модификации политического коммуникативного сообщения, специфики его функционирования в современном мире. Отдельное внимание акцентировано на процессах влияния на инструментарий политических коммуникаций сети Интернет, изменение моделей коммуникативного взаимодействия и процессов восприятия информации в связи с этим. В работе автор рассматривает роль системы средств массовой информации государства в информировании населения, формировании общественного мнения, вопросы дезинформации и социального управления, проводит четкую линию изменений коммуникативных сообщений под влиянием социально-политических трансформаций в целом.

Ко всем сферам и уровням политики приковано пристальное внимание общественности в современном мире, его новых условиях [1, 420]. Современные информационно-коммуникационные технологии успешно и молниеносно проникли во все сферы жизни человека, пронизывают политико-коммуникативное пространство [2, 87]. Процесс обмена информацией за государственные и континентальные границы изменился до неузнаваемости, главную роль в этих трансформациях играет система СМИ.

Среди коммуникативных тенденций в сложившихся условиях отчетливо прослеживается существенное упрощение сути, содержания коммуникационных посланий. Можно уверенно говорить том, что ключевым моментом для оценки этой тенденции является прием визуализации сообщения массовой коммуникации. Всеобъемлющий смысл коммуникационного сообщения несут теперь образы, разного рода иконическая информация, сопровождающие их текстовые материалы сводятся к типичному субъективному комментарию пользователя. Наглядные примеры встречаются ежедневно в выпусках новостей (всевозможные виды программ, основанных на «народных новостях», которыми часто называют репортажи пользователей, снятые с помощью мобильных устройств и видеокамер).

Нередко, как показывает практика, следствием визуализации в медиа-пространстве является парадоксальное на первый взгляд вытеснение той информации, которая важна, но не визуализируема. Порою снижение нагрузки на содержание сообщения средства массовой информации позволяет говорить о бесповоротном превращении телевизионных СМИ в средства массовой дезинформации [3].

Телевидение и всю его индустрию по праву можно назвать одной из коммуникационных областей, подвергшейся радикальной визуализации. Здесь наметилась отчётливая тенденция монополизации. Эта динамика вступает в достаточно сильное противоречие с информационным плюрализмом, привычно существовавшим в условиях относительной изолированности самобытных социально-политических культур и традиций. При этом нередко тенденциям, действующим в сфере телевизионных средств массовой информации, противостоят динамические изменения, характеризующие информационное поле сети Интернет.

Потеря важной, значимой, попросту объективной информации, ее подмена в непрекращающемся информационном потоке может достаточно быстро оказаться, если это еще не произошло, самым успешно используемым средством отвлечения внимания общественности от действительно важных государственных проблем. Массированный рост количества циркулирующей в СМИ информации сегодня просто уже не равносителен большей информированности населения. Информация приобретает не свойственные ей, противоречащие своей сущности функции. Она становится сложно отделима от дезинформации. Намеченное внедрение современных коммуникационных технологий и сама всесторонняя визуализация политической информации порождают у получателей сообщения чувство присутствия и неоспоримое ощущение участия в текущих событиях. Стоит ли доказывать, что это вполне иллюзорно, ведь чаще всего речь идет лишь об участии в содержательном. Но в плане переживания оно реально, что открывают широкие возможности для манипуляции.

Система СМИ формирует политическую сферу функционирования дискурса. Словесное взаимодействие, опосредованное языком пропитывает практически всю человеческую деятельность с очень давних пор. Только теперь пространственное расширение «аудитории»,

превращение круга слушателей в круг он-лайн читателей/зрителей, изменило и временные параметры дискурса: его темп и длительность теперь определяются не только чувствительностью человеческого слуха, а больше наличием средств его ретрансляции послания.

Много споров велось и ведется о дистанционном характере общения и о присущей асимметричности. Многие исследователи уверенно заявляют, что односторонность дискурса возросла, сделалась явной: присутствие «собеседника» на экране телевизора лишь подчёркивает то, что эта «говорящая голова» нас не слышит и не слушает [4].

Именно в социально-политической сфере эти процессы приобретают особое значение [5, 187]. Спецификой политической коммуникации на протяжении практически всей истории человеческого общества было подчёркнутое неравенство участников, что обусловлено необходимостью социально управления. Современные СМИ на первый взгляд не добавили политико-коммуникативному пространству ничего принципиально нового, того, чего не имелось ранее. Но нельзя не подчеркнуть, что резкое усиление асимметричности политической коммуникации, связанное с внедрением современных коммуникационных технологий, находится в очевидном противоречии с официальной демократической идеологией обществ, лидирующих в области внедрения и использования этих технологий [6, 105]. Некоторые инструменты, представляющие в сети Интернет новые возможности наладить обратную связь с правительством, безусловно, выбиваются из общей струи. Можно говорить о том, что расширение поля работы с обращениями граждан, оказания государственных услуг в сети Интернет, - все это влияет на осознанность коммуникации со стороны получателя, но не сокращает манипулятивные возможности системы СМИ [7, 201].

Можно долго анализировать политический дискурс, задаваться вопросами о том, насколько верно или адекватно представлена в нём политико-социальная реальность, правильно ли понимают коммуниканты характер тех явлений, отношений и процессов, о которых они говорят и пишут, снимают сюжеты. В любом случае политический дискурс более перформативен, чем повседневный [Милецкий, 2015, 5].

В политике даже рассказ о событиях и поступках является не столько повествованием, сколько поступком. Он представляет собой не продукт отстранённого созерцания отличного от рассказчика объекта, а форму взаимодействия с этим объектом или воздействия на него, а также взаимодействия с другими субъектами по поводу данного объекта или воздействия на них и, в этом качестве, входит в самую суть политико-социальной коммуникативной сферы [8]. Поскольку политический дискурс не утрачивает при этом своих нарративных и дескриптивных функций, он приобретает существенно рефлексивный характер, имея своим предметом в том числе и самого себя [9, 28].

Большинство сообщений политической коммуникации, хоть вербальные, хоть невербальные, имеют смыслы, которые принципиально невозможно отделить от человеческих убеждений и определить независимо от них. Бесспорно много проблем возникает в рамках одной культуры и в пределах одного языка, к примеру [10].

Итак, анализ этих переплетений закономерно приводит нас к обсуждению проблемы «дискурс и власть», в том числе таких её аспектов как политическое манипулирование, политические коммуникации, модели взаимодействия и их симметрия [11, 284].

Все эти процессы ведут к ожидаемому изменению традиционных механизмов политической коммуникации и замене их различными формами включения в одностороннюю коммуникацию, асимметрия которой не вызывает сомнения. Возможно, именно сейчас как никогда ранее средства массовых коммуникаций позволяют политическим лидерам апеллировать к массам «напрямую», минуя ещё недавно столь многочисленных лидеров общественного мнения, выполнявших важнейшие политические функции [12, 2]. В свете естественных трудностей межкультурного общения наиболее опасной видится возможность превращения дезинформации в глобальный феномен, поскольку сила дезинформированных масс несет определенный риск государственным интересам и безопасности.

1. Соловьев А. И. Политическая коммуникация как объект политико-социологического исследования // Политическая социология. Учебно-методический комплекс // Под ред. Т. В.Евгеньевой, М., РОССПЭН. – 2013. –С. 412-433.

2. Подорова-Аникина О. Н. Коми региональное измерение социодинамики политических коммуникаций современной России: монография / О. Н. Подорова-Аникина, В. П. Милецкий. – Ухта: УГТУ, 2013. – 166 с.

3. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), официальный сайт. – URL: <http://wciom.ru> (дата обращения: 11.12.2016).
4. Массовая политика: институциональные основания / под ред. С. В. Патрушева. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 286 с.
5. Сухарева А. М., Милецкий В. П. Социально-правовые институты в фокусе социологического дискурса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2014. – № 3. – С. 186-193.
6. Милецкий В. П. Современное российское общество в контексте российской модернизации // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 8. / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества и междунар. связей; Отв. ред. Ю. С. Пивоваров. – М., 2013. – Ч. 1. – С. 105-108.
7. Милецкий В. П., Черезов Д. Н. Социодинамика политико-правовых институтов в России в условиях современных трансформаций / Конфликтология. – 2016. – № 4. – С. 198-209.
8. Управление публичной политикой: коллективная монография / Под ред. Л. В. Сморгунова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2015. – 320 с.
9. Патрушев С. В., Филиппова Л. Е. Массовая политика в России: к проблеме изучения и концептуализации // Политическая наука. – 2014. – №4. – С. 9-29.
10. Глазьев В. С. Этносоциальное и конфессиональное в политических культурах // Философия мировой политики. Актуальные проблемы. – М., 2000. – URL: www.mgimo.ru/kf/personal.htm (дата обращения: 11.01.2017).
11. Пименов Н. П. Роль научно-методологического знания в изучении политических коммуникаций в России // Информация–Коммуникация–Общество. – 2016. – Т. 1. – С. 283-286.
12. Алейников А. В., Мальцева Д. А., Милецкий В. П. // Информация и информационные технологии моделирования политических стратегий // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. – 2016. – № 6. – С. 1-10.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Савченко А.С., Ноянзина О.Е. (Барнаул)

Российская Федерация находится в списке тех стран, которые самым активным образом стремятся формировать информационное общество. В стране происходит постепенный переход к использованию передовых информационных технологий. Практика показывает, что информационное пространство все чаще используется для реализации общественных и политических целей.[1, С.1]

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2013 года был отмечен важный аспект - это открытость и прозрачность деятельности органов государственной власти, то есть власть должна быть доступна гражданам в целях реализации их конституционных прав и свобод. [5, С.209]

Наряду с позитивными изменениями, происходящими в информационно-коммуникативной подсистеме политической системы России, существуют и характерные для переходного периода негативные тенденции:

- недоверие населения к власти;
- низкий уровень внедрения информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении;
- отсутствие эффективного механизма обратной связи;
- неприятие социально-экономических реформ.

Именно для предупреждения всех указанных выше негативных тенденций, а также для повышения открытости деятельности органов власти в Российской Федерации в целом и в ее субъектах должны разрабатываться государственная информационная политика.

На сегодняшний день существует несколько определений «информационной политики». Все они достаточно интересны и в той или иной степени отражают суть понятия и представления своих авторов о данной сфере.

Информационная политика – это ряд целенаправленных действий, связанных с внедрением определенных информационных положений в сознание различных социальных групп и позволяющих сформировать и защитить положительный образ конкретного органа власти в целом, а также его руководства, и, в первую очередь, высшего руководящего лица. [7, С.6]

Информационная политика органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации представляет собой систему государственных мер реализуемых органами исполнительной власти, направленных на создание условий для эффективного и качественного информационного обеспечения решения стратегических и оперативных задач отраслей жизнедеятельности общества и создания диалога между субъектами информационной политики органов исполнительной власти, к которым относятся непосредственно органы исполнительной власти, СМИ и общество. [3, С.8]

Принятие в 1998 г. Концепции государственной информационной политики России на федеральном уровне представляет собой попытку выработать единые правила информационного обмена между государством и обществом.

К нормативно правовым основам информационной политики Российской Федерации также относятся программы, направленные на реализацию государственной политики в сфере использования информационных технологий:

1) Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002 – 2010 гг.)». Цель реализации программы – создание необходимых условий для приведения стандартов России в сфере ИКТ в соответствие с мировой системой стандартов.

2) Концепция использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 г., одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2004 г. № 1244 р. Концепция определяет, что повышение информационной открытости деятельности органов государственной власти, доступности информации для граждан и организаций, а также создание механизмов общественного контроля будет обеспечиваться путем создания информационных ресурсов, с предоставлением доступа к ним граждан и организаций, в том числе через сеть Интернет. [2, С.89-90]

Эффективность информационной политики определяется с помощью социологических исследований, используя уровень информированности клиента о деятельности органа власти и уровень удовлетворенности граждан информационными услугами исполнительных органов власти (качество услуг, способа и времени их предоставления). Также индикатором эффективности информационной политики выступает количество и характер письменных обращений и жалоб в орган власти, контент материалов о деятельности исполнительного органа власти в СМИ. [3, С.20]

В связи с выдвинутыми положениями можно предположить, что доверие населения органам власти является основополагающим фактором формирования информационной политики органов власти. Изучению институционального доверия органам государственной власти посвящены ряд социологических исследований.

В 2016 году Рубцова М. В. и Васильева Е. А. провели исследование, в ходе которого было установлено, что категория «доверие» в российских СМИ используется чаще всего в контексте политических институтов. [9, С.58]

Половнёв А. В. в своем исследовании замечает, что доверие к политическим демократическим структурам (партиям, парламенту, политикам) не сформировано и они функционируют без поддержки населения. [8, С.131]

Доверие населения институтам государственной власти в России изучается многими национальными исследовательскими организациями и научными коллективами. Например, аналитический центр Юрия Левады, Центр социологических исследований РАНХиГС, ВЦИОМ, сотрудники факультета социологии АлтГУ совместно с краевой общественной организацией «Позитивное развитие», все они проводили схожие исследования в разное время. [11]

По результатам исследований можно говорить о том, что на фоне высокого доверия Президенту и силовым ведомствам, замечен недостаточный, а порой и откровенно низкий уровень доверия к другим важнейшим государственным институтам: органам исполнительной и законодательной власти федерального и регионального уровней, а также судебно-правовым органам. [10]

Снижение доверия к институтам государственной власти объясняется ухудшением положения россиян. Значительное снижение доверия именно к региональным властям объясняется тем, что в первую очередь именно они отвечают за социально-экономическое положение, в то время как Президент и федеральные органы власти задают стратегический вектор.

Недоверчивость россиян по отношению к ключевым государственным институтам подсказывает, что для формирования высокой культуры доверия требуется не только более продолжительный временной период, но и более эффективное функционирование самих базовых институтов государства.

Проблематика, связанная с особенностями взаимодействия государственной власти и СМИ в условиях информационной открытости и формирующейся современной политической системы в России, является все еще новой для российской науки. [4, С.21]

Исследованию информационной политики посвящен ряд диссертационных исследований, также исследования проводятся по смежным с государственной информационной политикой темам, например, формирование имиджа органов власти, анализ официального сайта органа власти. Особое внимание заслуживает исследование исследовательского центра Аналитик – «Информационная политика органов власти». В работе представлены результаты опроса руководителей и сотрудников администраций муниципальных округов Российской Федерации, посвященные информационной политике и ее эффективному осуществлению.

Проблемы реализации информационной политики органов власти субъектов Российской Федерации обусловлены следующими факторами: отсутствием единой информационной политики и стратегического документа на уровне Российской Федерации, организационно-технологическими факторами, отсутствием единых критериев оценки эффективности информационной политики органов власти.

Проблема единой и эффективной государственной информационной политики субъектов Российской Федерации является одной из ключевых в рамках совершенствования деятельности региональных органов власти, развития политики открытости власти, а также для повышения доверия населения. Этот факт свидетельствует о необходимости получения научно-обоснованных знаний о государственной информационной политике, ее механизмах. В частности, выработка направлений совершенствования государственной информационной политики субъектов Российской Федерации возможна лишь на основе экспертной оценки ее современного состояния, а также ее согласования с оценкой доверия информационным потокам, транслируемым через информационные ресурсы органов власти.

1. Андрианова И.В. Информационная политика федерального органа исполнительной власти: особенности и механизмы реализации: на примере МЧС России: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Андрианова Ирина Валентиновна; [Место защиты: Моск. гос. техн. ун-т им. Н.Э. Баумана]. - Москва, 2013. - 21 с.
2. Гаврилов Д.В. Информационная политика региональной власти России в экологической сфере (на примере официальных интернет сайтов субъектов российской федерации) / Д.В. Гаврилов // Информационная открытость органов местного самоуправления как основа социального партнерства. – М.: ООО «ИНСОФТ», 2006. – С.85-97.
3. Илатовская Э.А. Информационная политика органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации: формирование и проблемы реализации: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Илатовская Эльвира Аркадьевна; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена].- Санкт-Петербург, 2007.- 21 с.
4. Каменская Е.А. Сущность и особенности информационной открытости органов власти в современной России / Е.А.Каменская // Общество: политика, экономика, право. – 2011. – №2. – С.18-23.
5. Кочнева Д.Г. Информационная политика МЧС России - открытая политика // Пожарная безопасность: проблемы и перспективы. – 2013. – №1 (4). – С.209-212.
6. Лекторова Ю.Ю. Официальный сайт органа власти в системе государственной информационной политики / Ю.Ю Лекторова // Информационное общество. – 2016. – № 3. – С. 19-26.
7. Мозолин А.В. Информационная политика органов власти: результаты исследования / Центр «Аналитик». – Екатеринбург, 2012 г. – 27 с.
8. Половнёв А.В. Доверие институтам государства: Россия в контексте общеевропейских тенденций / А.В. Половнев // Вестник МГЛУ. –2015. – №2 (713). – С.116-132.
9. Рубцова М. В., Васильева Е. А. «Доверие»: концептуализация и операционализация понятия в корпусной лингвистике / М.В. Рубцова, Е.А. Васильева // Социологические исследования. – 2016. – № 1. – С. 58-65.
10. Социологи заявили о значительном снижении доверия к институтам власти // Мультимедийный портал «РБК» [Электронный ресурс]. – Электрон. текст. дан.– Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/29/03/2017/58dbb1ed9a7947e4c4de9dcb>, (дата обращения:04.10.2017)
11. Социологи АлтГУ измерили уровень доверия населения в шести регионах России // Официальный сайт ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» [Электронный ресурс]. – Электрон. текст. дан.– Режим доступа: <https://www.asu.ru/news/20465/>, (дата обращения:04.10.2017)

ОТ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ДО ДЕПЕРСОНАЛИЗАЦИИ: ЗНАЧЕНИЯ И ОКАЗЫВАЕМОЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА.

Садомская В.С. (Волгоград)

Конец 20 века и начало 21 века характеризуются мощным толчком в развитии технологий, а точнее в развитии it-технологий, нарастанию всеобщей глобализации и появлению новых возможностей для развития бизнеса. Этот толчок привел к неоспоримо глобальным изменениям в обществе.

Следует отметить, что конкретно изменилось с начала прошлого столетия и как это отразилось на обществе с точки зрения маркетинга, бизнеса и продаж. С середины 90-х начала активно появляться первые компьютеры и телефоны. С 2005 года новые обороты приобрело развитие интернет технологий, начали появляться первые социальные сети. К нынешнему 2017 году 70 % людей в возрасте от 16 до 55 лет имеют смартфон с выходом в интернет. Почти каждый человек сейчас имеет как минимум 1 почтовый ящик, 1-2 аккаунта в разных социальных сетях и 1-2 мессенджера. Многие люди вынуждены пользоваться почтой и социальными сетями по работе или учебе. [2]

С развитием интернета появилась новая быстрорастущая площадка для продаж. Многие компании перешли в онлайн продажи своих товаров, имеют сайты и надежные сервисы оплаты. Для продвижения своих товаров и услуг компании используют почтовую рассылку, таргетированную, контекстную, баннерную виды рекламы и другие способы. Все компании стремятся к персонализации своих баз данных, ведению индивидуальных профилей, чтобы лучше понимать своих целевых клиентов и тщательнее искать новых. Это тенденция в сфере бизнеса называется гиперперсонализацией. [1]. [3]

Однако само понятие гиперперсонализации многие по-прежнему понимают неправильно – имеет место путаница между пониманием социально-психологической персонализации, ведением профиля клиента и обеспечением пути клиента с учетом особенностей этого конкретного клиента. [7]

С точки зрения психологии Персонализация (лат. persona – личность) – процесс осознания субъектом собственной личности как общественно значимой, результатом чего выступает его активная деятельность, нацеленная на трансляцию другим своей индивидуальности. Термин был введен психологом Вадимом Петровским и указывает на то, что, несмотря на близость определений «индивид» и «личность», их значение отличается. Персонализация, иными словами, – это потребность индивида в проявлении своей личности. [5]

Однако с точки зрения бизнеса и интернет технологий персонализация - это ведение профилей клиентов, составление баз данных с уникальными «портретами» клиентов, для дальнейшего выстраивания правильных взаимоотношений с ним. Помимо персонализации последние годы появился новый тренд гиперперсонализация. [3]

Гиперперсонализация – это процесс создания «портрета» клиента, собираемого при помощи средств гиперперсонализации. При создании используется история активности клиента и актуальный контекст. Такие средства позволяют собрать о клиенте такое количество информации, которое просто невозможно собрать путем простого ведения профиля, и обеспечивают предложение клиенту специально подобранного адресного контента, продуктов и услуг. [3]

Принципами гиперперсонализации пользуются мировые поисковые системы такие, как Google, Яндекс, Mail.ru, Rambler и другие. Эти системы используют средства и методы гиперперсонализации для настраивания таргетированной рекламы в интернете. [1], [3]

Таргетинг (от англ. target - цель) - это маркетинговый механизм, при помощи которого из всего числа интернет-пользователей можно выделить только ту целевую аудиторию, которая соответствует определенным критериям (географический, социально-демографический и др.), и донести до нее рекламную информацию. [6]

Для гиперперсонализации, важна активность человека в интернете, использование поисковых систем, любимых социальных сетей. Для бизнеса эта новая технология дает возможность к более масштабному развитию, но для человека гиперперсонализация и персонализация его контактов в целом представляет неудобства. Неудобство заключается в том, что, зная о клиенте все и требуя при каждой регистрации его личные контактные данные, компании могут постоянно напоминать клиенту о своем товаре. [3],[4]

Начинаются звонки с предложениями, появляются звонки от тех компаний, которые купили чужую базу данных и пробуют новые рынки. Нарастают объемы прямой почтовой рассылки. Бывает и такое, что за день вы можете получить 10-15 таких сообщений. Рекламные блоки на сайтах напоминают о недавних поисках и приглашают покупателя за покупками. Человек физически не может обрабатывать такой поток оповещений, сообщений, рассылок и звонков. [1]

В связи с этим люди начали трепетно относиться к своему времени и внимательнее относятся к формам регистрации, с каждым разом все не охотнее оставляя свой номер телефона или почту. Доходит и до того, что при регистрации на сайтах не первой категории важности для человека, для получения информации едино разово человек оставляет умышленно не достоверные данные. При поиске используются вкладки инкогнито. Что бы не осуществлялся поиск информации через социальные сети, люди не выкладывают личную информацию, актуальные данные о возрасте, имени и т.д. Такое поведение можно назвать деперсонализацией в сети, то есть, не желанием человека быть считанным, как личность для коммерческих целей компаний. [3],[7]

Психологи дают следующий термин деперсонализации. Деперсонализация (от лат. de - отрицательная приставка, persona - личность, лицо) - изменение самосознания, для которого характерно ощущение потери своего «Я» и мучительное переживание отсутствия эмоциональной вовлеченности в отношения к близким, к работе и т.д.[2]

Так в эпоху многозначности термина персонализации, о которых упоминалось выше, можно говорить о сознательной и здоровой деперсонализации человека, как о факте самозащиты пагубного от влияния интернет технологий на его жизнь. То есть деперсонализация в сети - это сознательное нежелание человека быть публичной личностью и нежелание нести ответственность за перед критически настроенным обществом за свои стремления, интересы и увлечения, а также не желание быть считанным для продвижения и рекламы компаний. [4]

За временной отрезок с середины 90-х годов до сегодняшних дней общество значительно изменилось, новые технологии внесли всемирную глобализацию. И если раньше, чтобы стать известным на весь мир человеком или что бы найти огромную базу клиентов, необходимо было иметь выдающиеся черты, то сейчас достаточно иметь доступ к интернету. За 30 лет общество не только изменило свое отношение к публичности и личным данным, но и начало сопротивляться нарастающим оборотам гиперперсонализации и таргетинга, стремясь к здоровой деперсонализации и защите своей личности.

Источники:

1. Блюм, М.А., Молоткова, Н.В. Основы использования средств рекламы в коммерческой деятельности: учебное пособие / М.А. Блюм, Н.В. Молоткова. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. – 160 с. Тираж 100 экз. ISBN 5-8265-0473-0.
2. Данные компании mediascope в области исследования интернет технологий на август 2017 года <http://mediascope.net/>
3. <https://emailsoldiers.ru/blog/giper-personalizaciya-trendy-emejl-marketinga-2016>
4. <http://xn---7sbakauaucayksiop0b0af4c.xn--p1ai/techniki-psychoterapii/depersonalizaciya/>
5. <http://www.psychologies.ru/glossary/15/personalizatsiya/>
6. <https://ru.wiktionary.org/wiki/target>
7. <http://russia.blog.genesys.com/2017/01/12/%D0%B3%D0%B8%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%81%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F/>

НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Сибирев В.В., Сибирев В.А. (Санкт-Петербург)

Современные информационно-коммуникационные технологии поспособствовали цифровой революции, которая существенным образом изменила картину окружающего нас мира и структуру отношений в нем. Цифровая реальность уже формирует поведение человека, нормы социальных отношений. Революционный переход к новому технологическому укладу на основе цифровых технологий обусловил стремительное развитие цифровой революции как формирование новой реальности, в основе которой «цифровизации» социальных институтов, включая институт

образования. Это требует последовательной адаптации традиционных образовательных механизмов к новым реалиям.

На сегодняшний момент одной из главных задач развития профессионального образования в едином образовательном пространстве является улучшение его качества. В связи с изменениями в экономических потребностях и запросах общества и населения, возникает острая необходимость в гибкой и непрерывной модернизации образовательных программ профессионального образования, включая поддержку индивидуализации и интернационализации процесса обучения с применением новейших технологий.

В Российской Федерации на сегодняшний момент данные постулаты закреплены в Указе Президента РФ № 203 от 9 мая 2017 года «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы. Одним из приоритетов обеспечение национальных интересов при развитии информационного общества является формирование информационного пространства знаний с учётом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений. Это означает обеспечение прав граждан на объективную, достоверную, безопасную информацию и создание условий для удовлетворения их потребностей в постоянном развитии, получении качественных и достоверных сведений, новых компетенций, расширении кругозора.

Для формирования информационного пространства знаний необходимо в том числе использовать и развивать различные образовательные технологии, в частности дистанционные, электронное обучение, при реализации образовательных программ

Важную роль в современных условиях для повышения мобильности получения образования играет разработка и внедрение механизма реализации сетевых форм обучения с использованием дистанционных образовательных технологий.

Данный подход включает в себя формирование единой базы электронных и иных образовательных ресурсов для внедрения дистанционных форм реализации сетевых программ. Каждая профессиональная образовательная организация активно работает в данном направлении с целью развития дистанционного образования особенно по программам дополнительного образования. Наиболее распространенной площадкой для решения этих задач является международная система Moodle (Open-source learning platform), которая является бесплатной [1]. Данная система предлагает удобные инструменты для организации обучения и интегрирована с платежной системой PayPal, что позволяет легко организовывать оплату обучения на ее основе. Главной проблемой здесь выступает то, что электронные образовательные ресурсы и курсы являются закрытыми внутри образовательных учреждений.

В этом случае при реализации образовательных программ в сетевой форме целесообразней всего применять внутривузовские каталоги курсов в онлайн формате. При выборе обучающимся курса из этого каталога может служить основанием для его включения в индивидуальный учебный план другого вуза-партнера. Основным документом, свидетельствующим об окончании данного курса, может служить электронный сертификат, получаемый обучающимся по окончании курса.

Для повышения эффективности сетевого обучения в Российской Федерации имеет смысл создавать межвузовские каталоги онлайн-курсов, в том числе с помощью развития массовых открытых онлайн курсов (МООС). Из наиболее популярных платформ в мире выделим Coursera [2]. Для движения в данном направлении на базе ведущих вузов Российской Федерации, к которым безусловно относится СПбГУ, Министерство образования и науки Российской Федерации продвигает проект совместного создания и использования ресурсов университетами «Открытое образование» [3]. В данной системе обучение является бесплатным, в то время как получение сертификата платное. Процесс только начался, поэтому предлагаемых курсов не так уж много. Одной из не до конца решенных проблем является недостаточная проработка законодательных условий для интеграция данного ресурса с сетевой формой реализации образовательных программ. По факту речь идет о создании национальной технологической платформы онлайн-образования.

Таким образом, развитие сетевого обучения позволяет развивать новые механизмы взаимодействия образовательных организаций путем обеспечения информационной открытости и продвижения на рынок актуальных образовательные программы, а также при этом активно вовлекаются в организацию образовательного процесса работодатели и представители бизнес – структур, что способствует повышению качества образования и способствует подготовки квалифицированных кадров, конкурентоспособных на рынке труда.

Одной из новых технологий выступают сетевые формы реализации образовательных программ. Они предоставляют возможность лицам, которые проходят обучение, использовать ресурсы нескольких организаций, которые осуществляют образовательную деятельность, в том числе иностранных, а также в случае необходимости использовать ресурсы иных организаций [4]. Данная норма прописана в ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». При сетевом взаимодействии происходит интенсификация системы горизонтальных вертикальных связей, которая направлена на обеспечение доступности качественного образования для всех категорий населения, вариативность образования, открытость образовательных организаций, повышение профессиональной компетентности педагогов и применение современных технологий.

Исходя из изложенного, под сетевой образовательной программой будем понимать образовательную программу, которая направлена на совместное обучение образовательными, научными, производственными и иными организациями на основе договора по единому учебному плану.

Сетевая форма образования не является обязательной и применяется образовательной или научной организацией только в случае необходимости для обеспечения определенного уровня подготовки специалистов. Для оформления социального партнерства науки и бизнеса целесообразно применять сетевые формы образования. В результате в связи с повышенными требованиями профессиональных стандартов происходит усиление практикоориентированности образования за счет вовлечения работодателей и бизнес-сообщества в процесс обучения. С помощью развития международных программ открываются большие возможности для интернационализации образования.

В современном российском законодательстве об образовании предусмотрены два типа сетевого взаимодействия при осуществлении реализации образовательных программ:

1) Программа реализуется только одной организацией, которая осуществляет образовательную деятельность, с применением ресурсов других организаций. В данном случае образовательная программа разрабатывается и утверждается непосредственно организацией, которая осуществляет образовательную деятельность, реализуя свою образовательную программу с использованием ресурсов других организаций.

2) Образовательная программа реализуется совместно несколькими образовательными организациями. В этом случае рассмотрение и утверждение образовательной программы происходит этими организациями совместно. При этом каждая из образовательных организаций самостоятельно реализует определенную договором часть образовательной программы.

Выделим следующие основные характеристики сетевой формы реализации образовательной программы [5, с. 162]:

1) договорный способ взаимодействия организаций, осуществляющих образовательную деятельность, и иных организаций;

2) использование ресурсов всех участвующих в реализации программы организаций в целях реализации образовательных программ;

3) взаимодействие организаций и использование их ресурсов подчинено целям обучения по образовательной программе;

4) в разработке и утверждении образовательной программы участвуют все организации, образующие сетевую форму обучения.

Таким образом, обязательным условием для роста цифровой экономики, которая является движущей силой для развития современного общества, является изменение системы образования, которая предполагает внедрение цифровых технологий на всех уровнях образования. Данное положение в настоящее время активно развивается в Российской Федерации на примере создания образовательной сети «Открытое образование», в котором огромное количество курсов по разным дисциплинам от ведущих вузов страны. Все это направлено на формирование квалифицированных кадров, которые успешно бы выполняли поставленные задачи перед экономикой страны.

1) *Официальный сайт Moodle [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://moodle.org/>*

2) *Официальный сайт Coursera [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.coursera.org/>*

3) *Официальный сайт курсов ведущих вузов России «Открытое образование» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://openedu.ru/>*

- 4) *Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 31.12.2012, N 53 (ч. 1), ст. 7598.*
- 5) *Н.А. Шевелева, М.Ю. Лаврикова, И.А. Васильев Сетевая форма обучения: состояние правового регулирования и перспективы развития // Закон, N 5, май 2016 г. С. 161-165.*

ВЛИЯНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ИНФОРМАЦИОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ ВЕРУЮЩИХ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Симонян А.В. (Тольятти)

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о влиянии религиозных ценностей на информационное потребление верующих в современном обществе. Число верующих, изучивших положения вероучений, к которым они себя относят, за последние пять лет выросло незначительно, такой рост религиозности вызван нынешней социокультурной ситуацией.

Современная религия как социальный институт переживает период глобальной трансформации. В связи с модернизацией общества, культуры и в целом повседневной жизни, религиозные ценности, обычаи, обряды и в целом социальный институт. Религия стал весомой частью потребительского общества. Вопрос состоит в том, насколько высока роль религии на потребительском уровне жизни верующего населения. Как известно, число верующих, изучивших положения вероучений, к которым они себя относят, за последние пять лет выросло незначительно, такой рост религиозности вызван нынешней социокультурной ситуацией, поэтому следует внимательно изучить проблему религиозных ценностей как фактора потребления в современном обществе. [1, с. 51]

Так как говорится о современном, постиндустриальном обществе, в первую очередь следует отметить такой фактор потребления, как информация, в связи с этим выделить основную проблему: роль религиозных ценностей на информационное потребление верующих двух конфессий (христианство /ислам) в современном обществе.

Что же включает в себя понятие религиозные ценности? Религиозные ценности – это ценности, обусловленные верой в сверхъестественное и возможностями непосредственного общения с ним, направленные на осуществление высшего смысла жизни человека, не сводимого к его биологическому существованию. [2]

Следует отметить, что сама религия является весьма традиционным институтом и во многом следует старым правилам и заветам, но, не смотря на это, она, как важнейшая частица общества, развивается и видоизменяется, поскольку и само общество быстротечно меняется. В наше время, в век научно-технического прогресса, с ростом нанотехнологий, массовых коммуникаций и совершенствованием научных знаний, изменяется привычный для XX века облик религии, ее места в обществе.

Изначально религия ориентируется на глубинные человеческие ценности (духовность, культуру, этнические нормы) передающиеся от поколения к поколению. [3, с. 58]

В современном информационном обществе, к сожалению, большая часть населения оказывается вне культурного контекста. Это связано с тем, что востребованным здесь оказывается человек, на что указывали многие исследователи (Макс Вебер, Герберт Маркузе и др.). Такой человек ориентирован, прежде всего, на удовлетворение материальных потребностей и готов отказаться от приобщения к культуре и религиозным ценностям. [3, с. 58]

На всех этапах формирования людской культуры религия была и остается одним из главных факторов, влияющих на идеологию и способ существования каждого верующего, а также на взаимоотношения индивидов в обществе. И сейчас, в век потребления, религия так же влияет на представление верующих о потреблении. Какова же роль религиозных ценностей на информационное потребление в современном обществе?

Для получения ответа на данный вопрос кафедрой социологии Гуманитарно-педагогического института Тольяттинского государственного университета было проведено социологическое исследование. В качестве метода выбрано анкетирование.

Итак, перейдем к вопросу о влиянии религиозных ценностей на информационное потребление верующих в современном обществе.

Проанализируем влияние религиозных ценностей на выбор интернет ресурсов и электронных газет. Сравним результаты опроса, были получены одинаковые результаты опрошенных (верующих христиан и мусульман), так (80 %) респондентов указали, что

религиозные ценности влияют на выбор ими интернет ресурсов, (18 %) верующих мусульман и христиан выбрали ответ «не влияют» и всего лишь (2 %) респондентов не пользуются интернет технологиями вовсе. [1, с. 30]

Далее рассмотрим вопрос о влиянии религиозных ценностей на выбор книг, газет, журналов.

Из числа опрошенных верующих христиан, (74 %) то есть большая часть указала, что религиозные ценности влияют на выбор ими книг, газет и журналов, (20 %) отметили, что не влияют, и лишь (6 %) выбрали вариант ответа «не пользуюсь». Аналогичные результаты были получены при опросе верующих мусульман, (78 %) указали ответ «влияют», (20 %) отметили, что религиозные ценности «не влияют» на их выбор и лишь (2 %) выбрали ответ «не пользуюсь». [1, с.30]

Проведя опрос, выяснилось, что большинство респондентов считают, что религиозные ценности оказывает важное влияние на информационное потребление посредством информационных каналов. Верующие тщательно выбирают средства потребления информации. Каким бы ни был источник информации: интернет сайт, газета или журнал, для них важно, чтобы информация соответствовала их личным взглядам и предпочтениям, которые, как правило, строятся на религиозной принадлежности.

1. Желнина, Е. В. Россия-2050: образ страны по результатам социологического исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – № 3 (7). – С. 47 – 55.

2. Некрасова, С. И., Некрасов, О. Г. Религиозные ценности / Тематический философский словарь [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: http://thematic_philosophical.academic.ru/282/РЕЛИГИОЗНЫЕ_ЦЕННОСТИ (Дата обращения: 05.12.2016).

3. Зобов Р. А., Клинецкая Н. В. НАУКА И РЕЛИГИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ // Вестник СПбГУ. – Сер. 12. – 2010. – Вып. 2.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Слепова О.М. (Ульяновск)

Аннотация. В статье рассматриваются основные функции публичной библиотеки как социального института и их трансформационные изменения в современных условиях, выявляются взаимосвязи и взаимодействия функций библиотеки, раскрывается главенствующая роль информационной функции в современном обществе.

Информация становится основным ресурсом в современном мире. Потребление и производство информации приводит к глобальным социальным изменениям. Кардинально меняется структура общества, к традиционным формам неравенства добавляются новые, связанные с информационными технологиями. Активно развиваются новые и трансформируются старые информационные институты. Одним из традиционных информационных институтов, предоставляющих всестороннюю информацию своим пользователям, является публичная библиотека. Наряду с другими информационными институтами общества она представляет один из каналов трансляции информации.

Изменения в современном обществе повлекли за собой кардинальный пересмотр деятельности современной библиотеки. На первый план выходит её информационная функция. Публичная библиотека перестают быть пассивным участником информационного процесса. С одной стороны, она утратила монополию на предоставление информации, а с другой стороны все еще остаётся мощным источником достоверной информации. При этом публичная библиотека не только источник информации и место доступа к современным информационным потокам для тех социальных групп, для которых они малодоступны. И здесь на первый план выходит адаптационная функция публичных библиотек для малоресурстных групп. Библиотека становится на современном этапе для одних офисом, где все под рукой от информации до техники, для других местом встреч с единомышленниками, для третьих - информационным отделом, где помогут сориентироваться и потоке информации.

Таким образом, институциональная структура библиотеки модифицируется в связи ростом важности информации в социуме и пытается сохранить новый институциональный статус. Она развивает свою структуру, решая практические вопросы распространения информации в

изменившихся общественных потребностях. Но главное преимущество, которое сохраняет библиотека, заключается в бесплатности предоставления некоторых услуг. Перестав быть единственным источником получения информации, библиотека пытается адаптироваться сама и помогать в процессах адаптации малоресурсным группам, имея своим ресурсом дополнительные источники информации (которых нет в открытом доступе в Интернете и СМИ), когда есть необходимость углубленного изучения предмета или информация, имеющая очень узкую направленность.

Развитие новых систем отношений в информационном пространстве, построение новой стратификационной модели современного общества, а также глобальные процессы интеграции дают библиотекам шанс превратиться в крупные информационные центры, обладающие значительными информационными ресурсами, но и усложнить свои социальные функции, превратившись в институт социальной адаптации для малоресурсных групп населения.

В настоящее время очень остро стоит вопрос социального расслоения современного общества. Это обусловлено неравномерным доступом различных социальных групп к различным ресурсам. Так, Т.И. Заславская выделяла: «а) политический (административный, бюрократический) капитал; б) экономический капитал; в) социальный капитал; г) культурный капитал» [1]. В рамках ресурсного подхода особое место занимают работы В.В. Радаева, который выделил следующие основные типы капитала: 1) экономический; 2) физиологический; 3) культурный; 4) человеческий; 5) социальный; 6) административный; 8) символический [2].

Необходимо отметить, что в современном обществе доступ к социальным ресурсам некоторых социальных групп затруднен. Это порождает усиление социального неравенства в обществе. Такая ситуация приводит к социальной напряженности в социуме. Можно выделить различные социальные группы, которые имеют ограниченный доступ к тем или иным ресурсам. Особенно необходимо учитывать малоресурсные группы, которые образовались благодаря развитию информационного и цифрового неравенств в современном обществе.

Сегодня услуги, оказываемые различными государственными службами и организациями, доступны, как никогда. Об этом говорит и тот факт, что каждый житель России может свободно зарегистрироваться на портале государственных услуг и получить всю интересующую его информацию в электронном виде, не томясь в длинных очередях и не теряя время. Только у некоторых социальных групп существуют препятствия, которые могут быть устранены ресурсами городских библиотек – это отсутствие компьютера, выхода в Интернет, а также сложности, возникающие при регистрации на портале и при пользовании услугами. С 2016 года публичные библиотеки г.Ульяновска помогают жителям зарегистрироваться на портале «Госуслуги». Проводится большая работа по объяснению услуг, которыми можно воспользоваться на нем: как можно оплатить налоги, оформить документы на загранпаспорт, посмотреть задолженность и штрафы. В «Год здравоохранения в Ульяновской области - 2016» сотрудники городских библиотек предложили горожанам бесплатную услугу – запись на прием к врачу online, услуга предоставляется во всех библиотеках ЦБС, в 2016 году на прием к врачу online было записано более 100 человек. Популярностью пользуются услуги бесплатного wi-fi и многое другое.

1. Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М.: Дело, 2004. С.150.

2. Радаев В.В. Экономическая социология. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. С. 397.

ТРАНСФОРМИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ КАК ЧАСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Соболев Н.В. (Новосибирск)

В соответствии с требованиями ФГОСов ВО по различным направлениям подготовки, каждый студент должен обладать развитой информационной культурой, которая является неотъемлемой частью информационно компетентного специалиста.

В общем виде под информационной культурой студентов следует понимать информационный образ жизни студентов, который направлен на:

1. Реализацию информационных способностей студентов и осуществление ими творческой информационной деятельности.

2. Саморазвитие и самообучение студентов.

3. Формирование у студентов культуры общения и этически приемлемого поведения в информационной среде.

4. Приобщение студентов к культурным артефактам и ценностям с помощью современных информационных технологий [2, с. 14].

Развитая информационная культура предполагает наличие у студента следующих умений и способностей:

1. Способность использовать в своей информационной деятельности современные технические средства получения, обработки и хранения информации.

2. Понимание структуры и целей происходящих в обществе информационных процессов.

3. Умение использовать информационный подход в процессе анализа полученной информации.

4. Владение приемами аналитико-синтетической переработки информации [1, с. 45].

Несмотря на то, что образовательная система в отечественных ВУЗах имеет достаточно консервативные формы, она подвергается значительной внутренней трансформации, так как система высшего образования является вполне чувствительной к господствующим в обществе нормам и ценностям. Следует подчеркнуть, что в условиях информатизации общества эффективное влияние на студентов традиционных форм обучения становится все более затруднительным. При этом сами ВУЗы также претерпевают значительные изменения, которые проявляются в следующем:

1. ВУЗы коммерциализируются и все активнее занимаются предпринимательской деятельностью.

2. ВУЗы глобализируются и налаживают культурные и экономические связи с другими ВУЗами.

3. ВУЗы превращаются в крупные комплексы со сложной структурой [6, с. 35; 5, с. 14-15].

Результатом данных изменений является появление в ВУЗах сетевых структур, которые требуют формирования новых методов обучения студентов, соответствующие требованиям современного общества к будущим специалистам, а также являются более качественными проводниками информации и знаний в информационном обществе [6, с. 35].

Одним из характерных явлений функционирования сетевых структур современного ВУЗа являются компьютерно-опосредованные коммуникации, которые осуществляются между студентами и работниками ВУЗа. Они играют одну из важнейших ролей в формировании информационного пространства ВУЗа.

В настоящее время существует проблема того, что используемые во многих ВУЗах моноцентристские схемы построения внутреннего информационного пространства могут обеспечить качественный доступ ко внутренним информационным ресурсам лишь для небольшой части студентов, для которой данные ресурсы могут представлять значительный интерес. Однако находящийся в центре такой вузовской схемы сайт или другое средства информационного обеспечения, могут затруднять эффективное вовлечение в коммуникативные процессы и дальнейшее формирование внутреннего информационного пространства значительной части студентов. В этом случае они, исходя из своих потребностей и интересов в условиях постоянно растущего объема всей существующей в обществе информации, выбирают более простые и понятные им информационные базы, которые не всегда могут быть безопасными и социально ответственными. В этих условиях развитие информационной культуры студента имеет принципиальное значение, так как она является одним из возможных регуляторов информационно-коммуникативной деятельности студентов в информационном пространстве ВУЗа [4, с. 27].

Одной из важных задач развития информационной культуры студента является реализация его природной склонности к творчеству. В этом случае целью современного образовательного процесса в ВУЗе является не только предоставление студенту знаний о мире и его законах и закономерностях развития, но и его вооружение методологией преобразующей практики. В соответствии с этим, одной из важных задач современного образовательного процесса в ВУЗе является развитие у студента способностей к превращению информации в собственное знание и созданию собственных информационных продуктов [3, с. 150].

Следует отметить, что главной целью формирования информационной культуры студента является формирование у студента информационных компетенций, которые необходимы для

будущей профессиональной деятельности в современном обществе. В информационные компетенции студента входят следующие элементы:

1. Технические компетенции (умение работать с современными техническими средствами получения, обработки, хранения и передачи информации).

2. Управленческие компетенции (готовность к решению возникших проблем, способность брать на себя ответственность за принятые решения и их последствия, взаимодействие с другими людьми для принятия совместных решений).

3. Социокультурные компетенции (готовность жить в поликультурном обществе и взаимодействовать с представителями других культур, языков и религий, принятие других культурных моделей, систем верования и мировоззрений).

4. Языковые компетенции (высокий уровень владения устной и письменной речью на родном языке, а также, по меньшей мере, на одном из иностранных языков) [7, с. 138].

При этом особое значение имеет социально-гуманитарная составляющая информационной культуры студента. Соответственно процесс формирования информационной культуры студента обеспечивается не только обучением студентов владению техническими средствами работы с информацией, но и формированием у них определенных норм и ценностей, которые актуальны в информационном обществе.

1. Алиева М. Ф. Информационная культура личности в современной России / М. Ф. Алиева. – Майкоп: Изд-во Адыгейского гос. ун-а, 2012. – 91 с.
2. Герасимова О. Ю. Интегральная технология формирования информационной культуры студентов: автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.01 / О.Ю. Герасимова. – Ульяновск, 2009. – 24 с.
3. Дулатова А. Н. Информационная культура личности / А. Н. Дулатова, Н. Б. Зиновьева. – М.: Либерия-Библиформ, 2007. – 176 с.
4. Коваленко Д. Г. Информационно-коммуникативная культура студенческой молодежи / Д. Г. Коваленко. – М.: МИЭТ, 2011. – 36 с.
5. Крейк А.И. Синергичные возможности ВУЗа как интегрированного комплекса образования и науки // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – № 8. – С. 14-22.
6. Тычкова Т. В. Информационная культура и личность / Т. В. Тычкова. – Саратов: Новый ветер, 2008. – 83 с.
7. Тюрина С. Ю. Информационная культура личности (к проблеме информатизации образования) // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. – 2011. – № 1. – С. 135-138.

PR-ДИСКУРС В ФОРМИРОВАНИИ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО ИМИДЖА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ.

Солодовник Д.А. (Ростов-на-Дону)

Актуальность данной исследовательской работы обусловлена повсеместным, динамичным стремлением власти, бизнеса и общества к улучшению имиджа территорий, и появившейся на фоне этого потребностью системного, научного осмысления как механизма повышения туристической привлекательности регионов.

Стоит отметить, что одним из первых термин «дискурс» в научный оборот включил немецкий философ и социолог Юрген Хабермас. Хабермас связал понятие дискурса с теорией социального действия. Он особо выделил так называемое дискурсное общение, которое характеризуется им как свободное и консенсусное.

В данной работе под PR-дискурсом подразумевается совокупность последовательных коммуникаций, сконструированных в социальном контексте, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию коммуникативной деятельности в определенное время и в определенном публичном месте. PR- дискурс может быть представлен в виде устных и письменных сообщений. Цели PR-дискурса: воздействующая (создание определенного стереотипа поведения); социальная (способствует коммуникационным связям в обществе, формирует общественное сознание); информационная (распространение информации в массовом масштабе).

В данном исследовании под определением «имидж региона» будет пониматься целостное символическое представление о регионе, сложившееся в сознании представителей целевой аудитории на основе личного опыта либо в результате ряда коммуникаций.

PR-дискурс присутствует во всех этапах формирования имиджа региона, кроме того, может создаваться всеми участниками без исключения. При продвижении имиджа региона PR-

дискурс может реализовываться посредством следующих мероприятий: реклама в средствах массовой информации; издание рекламно-информационной литературы; использование современных электронных технологий; выставочные мероприятия; организация ознакомительных поездок и рекламных туров; проведение семинаров и конференций.

На сегодняшний день наиболее эффективным и быстрым каналом для распространения PR-дискурса выступают средства массовой коммуникации и новые медиа.

При конструировании имиджа региона посредством PR-дискурса следует учитывать ряд фактов:

- Имидж формируется под стратегическую цель его развития,
- Имидж является реалистичным,
- Имидж вариативен,
- Имидж должен быть целостным,
- Имиджем необходимо профессионально управлять через международные, коммерческие, открытые или латентные коммуникационные каналы и технологии.

Рассмотрим влияние PR-дискурса на гастрономический имидж Ростовской области. Рассмотрим различные города и районы области.

Исходя из данных, полученных в ходе социологического исследования в рамках проекта «Туристский имидж города Ростова-на-Дону», можно сделать вывод, что на данный момент имидж города стихийен и напоминает скорее множество разрозненных частей, чем одно целое. Исследователи пришли ко мнению, что на современном этапе имидж города напоминает «поскутанное» одеяло, своеобразную мозаику.

Среди районов Ростовской области наиболее популярными являются Багаевский, Цимлянский, Морозовский, Шолоховский. В Багаевском районе основой регионального PR-дискурса выступает миф о багаевских огурцах, в Морозовском – кондитерская фабрика. Шолоховский район знаменит как место рождения и жизни знаменитого русского писателя М.А. Шолохова. В Цимлянском районе расположен знаменитый завод игристых вин и одноименное водохранилище. Следует отметить, что целостного имиджа у районов не существует, можно выделить только отдельные региональные PR-дискурсы.

На сегодняшний день важной составляющей индустрии туризма является питание гостей. Знакомясь с достопримечательностями города, экскурсанты одновременно хотят знать об особенностях национальной кухни. Гастрономия является значимым ресурсом территории, источником формирования ее идентичности.

В Ростовской области развитию сферы общественного питания на сегодняшний день уделяется немалое внимание как со стороны органов власти, так и бизнес-сообщества. Так, актуализирован реестр перспективных предприятий общественного питания. Для заведений общепита проводятся бесплатные мастер-классы. При поддержке Правительства реализуется ряд фестивальных мероприятий.

Активное участие в распространении регионального PR-дискурса «Ростовская область – гастрономический регион» принимает и бизнес-сообщество. Ресторан нашего региона впервые удостоился двух престижных международных премий. На постоянной основе проводятся масштабные гастрономические фестивали.

Тем не менее, отсутствует четко налаженный диалог между бизнес-сообществом и органами власти. Отношения носят формальный характер, зачастую рестораторы отмечают «неверный подход» со стороны органов власти. То есть имидж Ростовской области как гастрономического региона на сегодняшний день является не до конца сформированным.

Также стоит отметить, что наибольший акцент на развитие гастрономической составляющей делается только в городах, входящих в 100-км зону проведения предстоящего чемпионата мира по футболу 2018. В отдаленных городах Ростовской области не идет речи о развитии гастрономического туризма, несмотря на то, что попытки со стороны органов власти принимаются, как то проведение фестиваля «Донской ухи» в Кагальницком районе или фестиваля «День огурца» в Багаевском районе.

На сегодняшний день имидж Ростовской области как гастрономического региона является стихийным и разрозненным. Региональный PR-дискурс, целостно позиционирующий Ростовскую область как гастрономический регион, послужит мощным толчком для развития единого имиджа территории.

Для формирования имиджа гастрономического региона автор рекомендует использовать следующие формы регионального PR-дискурса:

- создание имиджевых страниц-путеводителей в социальных сетях.
- создание мобильного приложения «Гастрономический Донской край», содержащего актуальную и доступно изложенную информацию о заведениях, о меню, ценах и пр.
- информационная поддержка проводимых на территории Ростовской области профильных и непрофильных гастрономических мероприятий;
- развитие идеи сертификации предприятий общественного питания в системе «Сделано на Дону» с последующим единым визуальным оформлением ресторанов. Тем не менее, стоит понимать, что региональный PR-дискурс в этой ситуации должен быть выражен не только в визуальной составляющей, в том числе необходимо провести работу по появлению дополнительного количества блюд национальной кухни в меню подобных ресторанов. Также необходимо понимать, что количество таких заведений должно быть умеренным.

Таким образом, на сегодняшний день Ростовская область обладает всеми ресурсами для развития в качестве гастрономического региона. Сами жители отмечают важную роль гастрономической составляющей в жизни одного из самых крупных городов области.

Кроме того, в виду проведения в Ростовской области в 2018 году Чемпионата мира по футболу, гастрономический имидж области может уметь успех среди широкого круга аудитории. Более того, данный имидж имеет все возможности к стремительному распространению по территории всего мира. В то время как обычный процесс распространения подобного регионального PR-дискурса является достаточно продолжительным.

Важным условием для создания благоприятного имиджа Ростовской области в целом и продвижения регионального PR-дискурса о Ростовской области как о гастрономическом регионе, является завершение строительства инфраструктуры: полная готовность транспортных магистралей, обустройство городских улиц, улучшение гостиничного фонда и пр.

Особое внимание следует уделить повышению комфортности сервиса, оказываемого в сфере общественного питания. Для тех заведений, которые на сегодняшний день не имеют возможности выделять дополнительные затраты на обучение персонала, возможно, было бы интересным создание единых обучающих центров.

1. Андреев, С. Н. *Маркетинг территорий: теория и практика* / С. Н. Андреев // *Маркетинг и маркетинговые исследования*, 2010. - N 3. - С. 178-185. - рис.-Библиогр.: с. 185.
2. Арженковский И.В. *Маркетинг регионов* – М.: «Юнити-Дана», 2011-136 стр.
3. Барт Р. *Семиологическое приключение*//Ролан Барт о Ролане Барте //Москва. – 2012.
4. Блэк С. *Введение в паблик рилейшнз: [Пер. с англ./ Блэк Сэм]* - Ростов на Дону: «Феникс», 1998. - 318с.
5. Борботько В.Г. *Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике*. - 4-е изд-е. - М.: Либроком, 2015. - 288 с.
6. Ван Дейк Т. А. *Язык, познание, коммуникация* - М.:Издательство «Весь мир», 2009. – 324 с.
7. Василенко И. А., Василенко Е. В., Ляпоров В. Н., Люлько А. Н.; под ред. Василенко И. А. *Имидж России : Концепция национального и территориального брендинга*. М.:«Экономика», 2012г. – 221 стр.
8. Визгалов, Д. В. *Маркетинг города: практики в поисках теории* / Д. В. Визгалов // *Маркетинг в России и за рубежом*, 2008. - N 3. - С. 78-85. - Библиогр.: с. 85.
9. Визгалов, Д.В. *Маркетинг города [Текст]*/ Д.В. Визгалов. – М.: Фонд «Институт экономики
10. Владимир Горчаков, Елена Гайван, Анна Столбова, Дмитрий Кабалинский, «Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России 2012: Грядет третья волна»// Рейтинговое агентство «Эксперт РА». 2012. URL: http://raexpert.ru/editions/bulletin/10_01_13/regkongress_2012.pdf
11. Грег Ричардс «Еда и туристский опыт», *Журнал UNWTO: Global Report on Food Tourism 2014*
12. Джанджугазова Е.А. «Литературный трактир или национальные особенности трапезы». *Современные проблемы сервиса и туризма*. №3, 2012.
13. Динни К. *Брендинг территорий. Лучшие мировые практики* /Под ред. Кейта Динни; пер. с англ. Веры Сечной. — М. : «Манн, Иванов и Фербер», 2013. — 336 стр.
14. И.С. Важенина – *Бренд территории: сущность и проблемы формирования* // *Маркетинг в России и за рубежом*. – 2012. – №2. – С. 91-101.
15. И.С. Важенина – *Бренд территории: сущность и проблемы формирования* // *Маркетинг в России и за рубежом*. – 2012. – №2. – С. 91-101.
16. *Имидж России: поиск инновационных технологий: материалы научной конференции кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени*

- М.В. Ломоносова 19 марта 2013 г. [Под ред. И.А. Василенко] — Пушкино: «Центр стратегической конъюнктуры», 2013. — 92 с.
17. Капферер Жан-Ноэль. Бренд навсегда. Создание, развитие, поддержка ценности бренда. - М.: «Вершина», 2007, - 448 с.
18. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. — Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге. — СПб., 2005.
19. Кривонос А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб., 2002. С 23.
20. Латыпова Э. Н. Жизненный цикл туристических направлений и их конкурентоспособность //Управление экономическими системами. — 2011. - №32 (0421100034) — URL:<http://uecs.ru/uecs-32-322011/item/587-2011-08-31-06-48-38>
21. Лучшие для бизнеса города России — 2012: новый рейтинг Forbes. 30.05.2012 URL: <http://www.forbes.ru/rating/30-luchshih-gorodov-dlya-biznesa-2012/2012>
22. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М., 2013.
23. Мединский В.. Особенности национального пиара. Правдивая история Руси от Рюрика до Петра. — М.: «ОлмаМедиаГрупп», 2010. — 624 с.
24. Мецераков Т.В. Бренд территории как символический капитал // Креативная экономика. — 2008. — № 8 (20). — с. 61-69. — URL:<http://www.creativeconomy.ru/articles/2566/>
25. Морозова Н.С. Теория и методология формирования и развития конкуренции в туризме: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. — М. : РосНОУ, 2012.
26. Николай Шмидт. Медвежья лапа стала официальным логотипом Омской области. 07.10.2011. РИА «СуперОмск». URL: <http://www.superomsk.ru/news/detail.php?ID=11047>
27. Павел Родькин. Самарская область — очередной пример порочного подхода к территориальному брендингу. 2012. URL: <http://www.prdesign.ru/text/2012/samaralogo.html>
28. Пайн Б.Дж., ГильморДж.Х. Экономика впечатлений. Работа – это театр, а каждый бизнес – сцена. М., 2015. с. 524.
29. Панасюк А. Ю. Формирование имиджа. Стратегия, психотехнологии, психотехники. — М.: «ОМЕГА-Л», 2008.—266 с.
30. Панкрухин А.П. «Исследования территорий: подход маркетолога»// Аналитический журнал о комплексном развитии территорий «Территория и планирование», № 3(27) URL:http://gradoforum.novo-sibirsk.ru/files/pankruhin_1.pdf
31. Панкрухин, А.П. Маркетинг территорий [Текст] / А.П. Панкрухин. — СПб.: Питер, 2010. — 416 с.
32. Русакова О. Ф. Дискурс, политический дискурс, политическая дискурсология // Многообразии политического дискурса. Екатеринбург, 2004.
33. Русакова О. Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций //Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия "Дискурсология") —Екатеринбург: Издательский Дом" Дискурс-Пи. — 2016.
34. Стась А. Новая геральдика. Как страны, регионы и города создают и развивают свои бренды. М., «Группа ИДТ», 2009.

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕАЛИИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сошнев А.Н. (Санкт-Петербург)

Аннотация:

Исследование посвящено анализу состояния цифрового общества в России. Переход к качественно новому этапу развития народного хозяйства, который получил название «Индустрия 4.0», возможен только при использовании цифровых технологий. В свою очередь, последние меняют образ жизни людей, профессионально-квалификационную структуру общества, систему информационных объектов, условия формирования потребностей.

Цифровое общество создает новые угрозы и опасности, в их числе несанкционированные доступы к данным, нарушение приватности и другие.

Мировое сообщество вступило в качественно новый этап своего технологического развития. Его практическое осмысление нашло в разработке концепции «Индустрия 4.0», ядром, центральным звеном которой являются информационные технологии.

Россия в числе других стран стремится завоевать и удерживать позиции в мировой политике, экономике, создать благоприятные условия социального развития россиян. Для того, чтобы активно включиться в процессы построения эффективного цифрового общества необходимо оценить состояние отечественной информационной среды, определить сферы, которые могли бы стать главными звеньями, выбрать ключевые показатели и индикаторы для оценки динамики цифрового развития.

Цифровая среда – среда жизнедеятельности социального агента, которая обеспечивается цифровыми инструментами или сочетанием цифровых инструментов с аналоговыми при определяющей роли первых. Цифровую среду образуют информационные технологии, информационные системы, программные продукты, гаджеты и девайсы, необходимые для реализации ИТ. Взаимодействия людей в информационной среде определяет их положение по видам деятельности, по отношению к различным уровням, результатам, формирует особый стиль поведения людей, их отношение к повседневности, окружению, реальности.

В развитии цифрового общества у России стоят большие задачи. На какие результаты рассчитывает государство и что ожидает общество от цифры в различных сферах?

На первом месте здесь могут быть представлены экономические результаты. Цифровая экономика уже сегодня занимает определенное место в национальном хозяйстве. В 2016 году объем интернет-торговли составил 920 млрд. рублей. Вклад цифровой экономики в производство валового внутреннего продукта составляет 2,8 процента (для сравнения: доля цифровой экономики в мировом ВВП – 5,5%), около 19 процентов ВВП формируют интернет-зависимые рынки. Инфраструктура и программное обеспечение Рунета оценивается в 2 млрд. руб., маркетинг и реклама составляют 171 млрд. руб., цифровой контент – 63 млрд. руб., электронная коммерция – 1238 млрд. руб., 3 млрд. рублей вносят в бюджет пользователи частот. Электронная (цифровая) экономика становится основой современного уклада хозяйствования. Она открывает новые возможности для развития безлюдных технологий общественного производства и инфраструктуры.

Внедрение получает 3D-печать, позволяющая в самых разных сферах – промышленности, строительстве, медицине – создавать элементы изделий и изделия, коренным образом меняя технологические процессы.

Цифровая экономика будет способствовать появлению новых секторов национального хозяйства, коренной перестройке отраслевой структуры. Она должна обеспечить появление новых квалификаций, новых рабочих мест и исчезновение профессий низких квалификаций.

Ключевые тренды цифровой экономики: интернет вещей, облачные вычисления, дополненная реальность, трансформация медиаиндустрии, сферы услуг и торговли. Особенно интересным стало появление криптовалют, что может привести к существенным изменениям в экономике.

Уже сегодня цифровое обеспечение государственных услуг существенно изменили взаимоотношения между гражданами и государственными служащими. Обращение к органам власти посредством портала Госуслуги.ру меняет характер взаимосвязи, ликвидирует возможности коррупции, ставит обратившегося в совершенно иное состояние. Он – не проситель, а клиент, который «всегда прав». Развивается самодеятельность граждан посредством гражданского контроля. Применение цифровых технологий на почте позволяет проследить весь путь почтового отправления. Чипирование лекарств, изделий промышленного производства гарантирует их качество и безопасность. Наиболее продвинутой в цифровом отношении сегодня является банковская сфера, где значительное количество операций выполняется роботами.

Развитие цифрового пространства предполагает его расширение и распространение на международном уровне. Уже разрабатываются «Основные направления реализации цифровой повестки ЕАЭС». В соответствии с этим документом в странах Евразийского экономического сотрудничества должна быть общая цифровая платформа, а в перспективе осуществлен переход от электронного документооборота к обмену данными.

Цифровые технологии в той или иной степени уже реализуются практически во всех сферах жизни человека. Производство реализует кибернетические технологии не только как обеспечивающие, вспомогательные, но и в базовых технологических процессах, высвобождая человека из процесса производства. Сфера услуг, бытовое обслуживание, коммунальное хозяйство, медицина, образование – используют цифровые технологии для выполнения самых разных операций.

В частности, применение цифровых технологий для учета потребления энергии, тепла, воды в жилищно-коммунальной сфере, наконец, может сделать её прозрачной, эффективной и дружелюбной для населения.

В сфере образования разработан ряд проектов, в их числе «Современная цифровая образовательная среда» – который является приоритетным национальным проектом с бюджетным финансированием. Он направлен на развитие онлайн-образования и предполагает в ближайшие годы внести существенные изменения в образовательную деятельность вузов.

Онлайн-образование реализуется на платформе «Открытое образование», созданной ведущими университетами страны. Имеются международные образовательные платформы, позволяющие основать онлайн-курсы.

Все большие обороты набирает интернет-медицина, позволяющая получить консультацию специалиста самого высокого уровня практически в любом месте, что для нашей страны является жизненно важным.

Оснащение дорог, улиц, подъездов видеокамерами создают безопасную среду для людей. Развитие цифровых технологий существенно меняет образ жизни, особенно молодого поколения. Организация различных групп в социальных сетях, обмен информацией, обсуждение самых различных проблем в сетевых сообществах становится повседневностью. Изменение характера взаимоотношений людей особенно любопытно проявляются у жителей новостроек. В своем большинстве это молодежь, активные пользователи интернета. Они создают свои внутрисемейные и внутриквартальные сообщества, где и общаются по самым разным вопросам, от быта до досуга. Развитие цифровых технологий меняет отношение людей к ним. В нулевые годы, когда в России они не были так доступны, полученная информация вызывала недоверие, опасения. В настоящее время для многих интернет-пользователей день начинается с «интернет-души». Пользователи сети стремятся не пропустить новости. В 2013 году в Оксфордский словарь было добавлено слово FOMO аббревиатура, которая означает страх пропустить что-то.

Цифровая среда как качественно новое состояние общества создает новые угрозы. Широкою известность получили «группы смерти» в сетях, которые склоняли детей к суициду. В 2016 году было зафиксировано 730 самоубийств среди подростков. После принятия соответствующего закона Роскомнадзор обеспечивает блокировку информации такого содержания. За I квартал 2017 года было заблокировано 4 тыс. групп и личных страницы, содержащих информацию, склоняющую к суициду.

Современная информационная среда, помимо специальных закрытых сетей, отражается большими пользовательскими данными, которые получили название Big Data. Одна из актуальнейших проблем цифровой среды – отсутствие какого-либо регламента распространения и использования больших данных. Эта информация собирается в процессе пользования информационными технологиями и различными устройствами, в том числе видеокамерами. Любой пользователь, совершая интернет-серфинг или отправляя письмо со своего аккаунта, оставляет информацию на платформе и делает её доступной мессенджеру. Эта информация о пользователе продается на аукционе рекламными ресурсами и торговым сетям и через очень короткое время пользователя атакует реклама.

Угрозу в цифровой среде представляют хакерские атаки. Широкою известность получили хакерские атаки на банковскую сферу, сферу политики, но они могут быть нанесены по отдельным пользователям. Преступность в информационной сфере растет, но в силу сложности уровень раскрываемости в десять раз ниже, чем обычных преступлений.

Угрозы национальной цифровой среде могут содержаться в самих процессорах, которые могут иметь встроенную операционную систему и отсылать данные пользователя по назначению. Чтобы устранить угрозу такого рода, надо развивать свое производство чипов.

Обеспечение безопасности социальных агентов требует современных технологий. В их числе технологии блокчейн находят все более широкое распространение для создания распределенных систем. Предложения этой технологии в системе криптовалют показала её высокую эффективность.

Программа «Стратегия развития информационного общества на 2017-2030 годы», «Программа развития цифровой экономики в России до 2035 года» – основополагающие документы, реализация которых позволит России занять достойное место в мировом цифровом пространстве.

ОСВОЕНИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ: ПОЛЕЗНОЕ НОВШЕСТВО ИЛИ НОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ?

Тер-Никогосова Н.А. (Тольятти)

Аннотация: В статье автор рассматривает современные практики освоения интернет-ресурсов и их влияние на человека. Большинство респондентов склонно считать Интернет полезным новшеством, нежели пагубной зависимостью.

С развитием науки и высоких технологий в нашей обыденной жизни прочно закрепилось влияние Интернета. Нет ничего необычного в отправке электронных писем, общении на различных форумах и использовании поисковых ресурсов. Миллионы людей, не выпуская из рук смартфоны, делятся фотографиями, видеозаписями и новостями в различных социальных сетях. Давно привычными стали онлайн-сервисы, которые помогают в бытовых и гражданских аспектах жизни населения. Любые услуги, будь то запись к врачу или оплата штрафа ГИБДД, стали в своём решении куда проще. Стоит лишь зайти на определённый сайт, выполнить ряд инструкций и проблема уже не является таковой. Но стоит задать вопрос: а всегда ли социальные сети и веяния Интернета полезны? Где скрываются положительные и отрицательные стороны данного новшества современного мира?

В настоящее время ситуацию по данной проблеме можно назвать противоречивой. Люди, с различным уровнем освоения как социальных сетей, так и Интернета в целом, могут поделиться множеством разнородных мнений в процессе познания компьютерной грамотности. С одной стороны, открыто огромное пространство для общения, передачи данных, а с другой - это вызывает новую почву для развития мошенничества, способствует сокращению живого общения и создаёт зависимость населения.

В данный момент внимание государственных органов РФ направлено как на поощрение развитию различных онлайн-сервисов, так и на ограничение доступа к опасным сайтам. Глобальная сеть несёт в себе, помимо решений ряда проблем, множество опасностей. Примером послужит внесение в Государственную Думу законопроекта об ограничении доступа к интернет-ресурсам, содержащим информацию о потенциально опасных психоактивных веществах. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что пользователи Глобальной сети при поиске той или иной информации могут беспрепятственно зайти на сервис, содержащий сведения о свойствах и местах приобретения опасных галлюциногенных препаратов. Тем самым создаётся некая ловушка для населения, среди которого идёт пропаганда ведения нездорового образа жизни. Активная борьба государственных органов РФ с вредными интернет-ресурсами также проводится в рамках Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1]. Стоит обратить внимание и на работу Правительства РФ по поддержке создания публичных электронных библиотек, сайтов музеев и театров в Интернете, включающая в себя поддержку интернет-портала «Культура.рф», где в свободном доступе размещено множество художественных, документальных и детских анимационных фильмов отечественных режиссёров кино. В разделе «Музей» можно ознакомиться с 68 виртуальными музеями, а «Театр» включает в себя около 203 спектаклей. Данная работа подразумевает также проект Национальной электронной библиотеки, который направлен на создание единого информационного пространства на всей территории РФ [2].

01 октября 2013 года на сайте Фонда общественного мнения было опубликовано исследование на тему интернет-зависимости. В ходе работы стало известно, что 45% суточной аудитории не видят значительных изменений в своей жизни при лишении их пользования Интернетом, когда 32% уверены в осязательности потери. Стоит отметить, что большинство людей стало пользоваться Глобальной сетью в целях собственного интереса, развлечения по сравнению с предыдущими годами. Время пользования Интернетом варьируется от 1 до 3 часов в сутки. Большинство респондентов считает, что вместе с Интернетом лишились бы источника информации и новостей, но приобрели бы свободное время [3].

Без внимания не остаётся и исследование Всероссийского центра изучения общественного мнения от 23 июня 2015 года под названием «Соцсети – окно в мир или виртуальная ловушка?». Интересен тот факт, что большинство пользователей оценивают влияние Интернета с положительной стороны, акцентируя внимание на большом количестве информации. Две пятые посетителей сети отмечают её необходимость именно для общения на различных форумах, в чатах и социальных сетях [4]. Исходя из этого, мы можем сделать вывод о высокой активности населения в сфере виртуальной реальности. Данный аспект подтверждается ежедневными наблюдениями за жизнью окружающих, не выпускающих из рук своих смартфонов.

15 апреля 2016 г. ВЦИОМом был проведён инициативный опрос, который позволил выявить изменения поведения россиян в Интернете. Объём выборки насчитывал около 1600 человек, среди населения в возрасте 18-ти лет и старше. В ходе опроса было задействовано 130 населённых пунктов в 46 областях, республиках и краях и 9 федеральных округов РФ. На вопрос «Пользуетесь ли Вы Интернетом, и если да, то как часто?» большинство опрошенных ответили о практически ежедневном посещении. Для безопасной работы в сети 53 % респондентов

пользуются программами-антивирусами, 29 % предпочитают не публиковать личную информацию в интернете. Данный факт говорит нам о том, что отечественные интернет-пользователи стали внимательнее относиться к защите своей персональной информации [5].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что современный человек старается адаптироваться и до конца освоить информационное пространство в сети Интернет [6]. Существует множество опасностей, но деятельность государственных органов помогает предотвратить мошенничество, пропаганду среди электронных ресурсов, а также способствует внедрению культурных и этических аспектов в жизнь пользователей. Большинство населения склонно считать Интернет полезным новшеством, нежели пагубной зависимостью. В последующие годы хотелось бы видеть такую же тенденцию развития виртуального мира в целях просвещения людей, повышения качества их жизни и освоения компьютерной грамотности.

1. *О внесении в Госдуму законопроекта об ограничении доступа к интернет-ресурсам, содержащим информацию о новых потенциально опасных психоактивных веществах* // Правительство России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/activities/selection/301/22745/> (Дата обращения: 22.02.2017).
2. *О некоторых результатах работы по поддержке создания публичных электронных библиотек, сайтов музеев и театров в интернете, а также бесплатного размещения в сети фильмов и спектаклей* // Правительство России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/orders/selection/406/16879/> (Дата обращения: 22.02.2017).
3. *Интернет-зависимость* // Фонд общественного мнения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fom.ru/SMI-i-internet/11104> (Дата обращения: 22.02.2017).
4. *Пресс-выпуск №2860. Соцсети – окно в мир или виртуальная ловушка?* // Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115294> (Дата обращения: 22.02.2017).
5. *Пресс-выпуск №3084. Новое о цифровой грамотности, или россияне осваиваются в сети* // Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115657> (Дата обращения: 22.02.2017).
6. Желнина, Е. В. *Инновационные потребности: понятие, классификация, тенденции изменения* // Карельский научный журнал. – 2015. № 3 (12). – С. 53 – 56.

WIKILEAKS КАК КАНАЛ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Фурцева В.Ю. (Москва)

«Черным лебедем» современной массовой информационно-коммуникационной системы стало появление информационного ресурса WikiLeaks, за короткое время ставшего крупным авторитетным источником информации.

Существует большое количество самых разнообразных подходов к определению природы данного феномена: от взглядов на организацию как результат развития и проявление гражданского общества до восприятия WikiLeaks в качестве искусственно созданного с целью эффективного управления массами людей продукта. Среди всех позиций выделяется подход, в рамках которого фигура Ассанжа рассматривается в роли идеалиста, так как данный взгляд на существующий феномен может быть включен в иные представленные подходы.

Итак, принимая позицию существования некоего борца за справедливость (Джулиан Ассанж), сталкиваемся с проблемой получения публикуемой информации. Отметим, что документы, размещенные на ресурсах WikiLeaks, - это секретные, хорошо охраняемые данные, а значит, просто так их вряд ли удастся выкрасть. Это позволяет предположить то, что поступающая информация тщательно отбирается и подготавливается. В то же время, опубликованные материалы попадают в Глобальную сеть и тиражируются на страницах крупных средств массовой информации, что, бесспорно, увеличивает охват аудитории. По данным Левада-Центр по состоянию на декабрь 2010 года каждый четвертый россиянин в возрасте старше 18 лет слышал о публикациях на интернет-ресурсе WikiLeaks. Из них около 63% имеют скорее положительное отношение к данным публикациям, считая их достоверными. [4] Противоположную оценку деятельности WikiLeaks дали опрошенные граждане Соединенных штатов Америки. По данным опроса, проведенного газетой The Washington Post совместно с телеканалом ABC, 68% граждан США оценили публикации как провокационные, нарушающие общественный порядок и имеющие угрозу национальной безопасности страны. [6]

Несмотря на разные оценки опубликованных данных (в рассматриваемый выше период сайт опубликовал сведения об американских военных операциях в Ираке и Афганистане и информацию о дипломатической переписке посольств США), заметим, что большая часть опрошенных знают и доверяют информационному ресурсу. Главным образом, считает директор Ассоциации независимой прессы Петр Маковей, это стало возможным из-за снижения уровня доверия к традиционным средствам массовой информации. (На сегодняшний день в России около 30% считают, что представляемая информация носит неполный или недостоверный характер[2], в США немногим более 30% в целом доверяют СМИ в вопросах освещения событий, происходящих внутри страны и за ее пределами[5].

Среди других причин стоит также выделить:

1. наличие авторитетного (хоть и анонимного) источника информации – сотрудники Государственного департамента или внешней разведки;

2. фактор кражи как способ получения информации (Иными словами, действие принципа: если охраняют, значит имеет важность и значимость);

3. неоднозначность реакции и оценки со стороны официальных лиц.

Еще одной причиной повышенного внимания к WikiLeaks со стороны общества стали публикации документов «на подготовленную, благодатную почву», что повлекло за собой большой общественный резонанс. Например, Игорь Ашманов, российский предприниматель в сфере информационного обеспечения, считает, что события «Арабской весны» были спровоцированы разоблачительными публикациями WikiLeaks о коррупции и других злоупотреблениях власти и элит на Ближнем Востоке. [3]

Деятельность WikiLeaks имеет глобальный характер воздействия, так как, во-первых, «затрагиваются практически ключевые игроки в формате state nation»; во-вторых, большую роль играют журналисты и блоггеры из разных стран мира, которые подключились к анализу информационного потока, представленного WikiLeaks. [1]

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что WikiLeaks – это проект, имеющий хорошую информационную и PR-поддержку со стороны крупных средств массовой информации, таких как, например, американская газета The Washington Post, британская The Times и немецкая Der Spiegel, благодаря публикациям которых информационный ресурс известен широкой мировой общественности. Если согласиться с естественной природой создания сайта, то можно предположить, что Ассанжу позволяют украсть лишь ту информацию, утечка которой выгодна в данный момент времени или не представляет угрозы из-за отсутствия актуальности, несмотря на свою сенсационность. Таким образом, какой бы ни была природа WikiLeaks, бесспорным остается факт его влияния на общественное сознание. Однако, говорить о Wikileaks как о новом феномене в массовых коммуникациях представляется своевременным из-за недостатка всестороннего изучения его природы и механизмов функционирования.

1) Соловьев В.А. Влияние феномена Wikileaks на общественно-политическое сознание. Журнал «Вестник Московского государственного лингвистического университета». – 2011. - №631., с. 221-231

2) Доверие российским СМИ / ФОМнибус от 19 апреля 2016 года. Электронный ресурс: [<http://fom.ru/smi-i-internet/12140>] (дата обращения 19 февраля 2017)

3) Игорь Ашманов. Современные информационные войны. Электронный ресурс: [<https://www.youtube.com/watch?v=z5WdB0NjoH0&feature=youtu.be>] (дата обращения 17 февраля 2017)

4) Россияне о деятельности WikiLeaks / Пресс-выпуск от 26.12.2010. Электронный ресурс: [<http://www.levada.ru/2010/12/26/rossiyane-o-deyatelnosti-wikileaks/>] (дата обращения 21 февраля 2017)

5) Americans' Trust in Mass Media Sinks to New Low / Gallup от 14 сентября 2016 года. Электронный ресурс: [http://www.gallup.com/poll/195542/americans-trust-mass-media-sinks-new-low.aspx?g_source=Media&g_medium=search&g_campaign=tiles] (дата обращения 19 февраля 2017)

6) Poll: Americans say WikiLeaks harmed public interest; most want Assange arrested / by Meredith Chaiken, Washington Post Staff Writer / статья от 14.12.2010. Электронный ресурс: [<http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2010/12/14/AR2010121401650.html>] (дата обращения 21 февраля 2017)

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЫ

Холманова А.И. (Тула)

Проблема формирования ценностных ориентаций российской молодежи приобретает особую актуальность в условиях трансформаций в социокоммуникативной сфере. Использование новых информационных технологий и их возрастающее влияние на жизнедеятельность общества, и молодого человека в частности, являются определяющей особенностью развития современного общества. Характер трансформации социальной сферы актуализируют проблемы осмысления механизмов социальной адаптации молодежи и необходимости осознания и предвидения результатов глобализации.

Социальные трансформации представляют собой систему интегрированных социальных процессов и явлений, которые следует рассматривать как процесс качественных изменений общества, создающих новый уровень организованности во всех сферах жизнедеятельности человека. Общественные трансформации вынуждают исследователей к поиску инструментов управления социально-коммуникационными процессами в современном обществе, а также к выявлению необходимости изучения особенностей влияния информационных процессов на процесс формирования ценностных ориентаций индивидуума и его адаптационные стратегии. Современное коммуникативное пространство оказывает влияние на развитие личностного уровня сознания молодого человека и способствует рождению новых образов и объективной реальности. Данные процессы приводят к изменению типов и стратегий социальной адаптации молодежи к меняющейся социальной действительности.

Социальная адаптация представляет собой феномен, отражающий закономерности взаимоотношений двух высокоорганизованных, постоянно развивающихся систем: социальной среды и личности. Формирование ценностных ориентаций происходит в процессе социальной адаптации, где молодежь не остается пассивной, она проявляет свой адаптационный потенциал в качестве субъекта адаптации и ее объекта. Успешность формирования ценностных ориентаций индивидуума предопределяется, с одной стороны, эффективной и успешной адаптацией молодого человека в ходе интеграции в обществе, а с другой – способностью в определенной мере противостоять дефицитам, помехам и барьерам, возникающих в ходе социальной адаптации молодежи в условиях трансформации социальных реалий.

Социальная адаптация является одним из многих аспектов большой проблемы адаптации, изучение которой находится на стыке различных отраслей знания и является важнейшим, перспективным подходом в комплексном изучении человека. Современное общетеоретическое определение социальной адаптации сводится к представлению о том, что это процесс и результат установления гармоничных взаимоотношений между личностью и социальной макросредой в специфических для данного человека социальных ситуациях. Ценностные ориентации оказывают существенное влияние на адаптацию к социальным переменам и являются ее индикатором. Отражение в сознании иерархии ценностных ориентаций позволяет выявлять сложности или успехи в социальной адаптации и адаптивные типы. Процесс социальной адаптации включает различные стороны жизнедеятельности человека. Экстремальные ситуации, возникающие в области экономических, политических, социальных и духовных отношений, требуют от индивида психического и физического здоровья для успешной деятельности в новых условиях, то есть знаний и умений использования эффективных механизмов адаптации.

Комплекс проблем заставляет концептуально проработать и изучить на эмпирическом уровне формирование ценностных ориентаций молодежи, а также многообразие ее стратегий социальной адаптации в условиях современного информационного общества. Кроме того, влияние ценностных ориентаций на адаптационные процессы в молодежной среде позволяет полнее и конкретнее представить приоритетные направления социально-экономического и социокультурного развития нового поколения россиян.

Отличительной чертой современного общества выступает способность преобразовать знание в информацию, что влечет за собой трансформацию онтологических аспекты социокультурной реальности, а именно изменение ценностной системы, регламентирующей поведения человека и его взаимоотношений с окружающими. В этой стези является важным представления о сетевых структурах, служащих средством современной глобализации и интеграции. В этом случае, динамичная коммуникативная среда представляет собой источник

социальной адаптации молодого человека с присущим ему стремлением к самосовершенствованию, индентификации и самоидентификации в отношении окружающее его действительности.

Индивидууму в процессе идентификации и самоидентификации приходится совмещать собственные внутренние ценностно-культурные и духовно-нравственные установки с другими, взятыми из внешнего хаотичного информационно-коммуникативного пространства.

Коммуникативные технологии влияют на личность молодого человека, что имеет двоякую направленность. С одной стороны, появляется свобода личности в выборе форм и средств коммуникации, расширяются возможности доступа к информации, что ведет к увеличению информационных потоков, повышается интеллектуальный потенциал индивидуума. Однако с другой стороны, наблюдается негативный момент: личности молодого человека угрожает потеря индивидуальности, поставщики информации манипулируют данными, понижая уровень культуры молодежи.

Ориентация молодежи в политическом пространстве происходит в процессе политической самоидентификации, которая представляет собой отождествление человека с определенными политическими силами, идеалами, ценностями и является важным фактором формирования политической субъектности личности и предпосылкой ее активности. Наряду с влиянием социальных факторов жизни, относительно невысокий интерес к политике со стороны молодежи можно объяснить особенностями возраста, когда идеологические позиции являются еще не сформированными и молодые люди могут их легко менять на противоположные. За желанием большинства молодых людей оставаться в стороне от политики многие исследователи видят доминирование индивидуалистических стандартов поведения и полагают, что при изучении политического сознания молодежи нужно обращаться к анализу не политических установок, а ценностных ориентаций.

Основной трудовой установкой все же остается материальное благополучие. Достаточно высоко оценивая значимость интересной и престижной работы, молодые люди считают, что для ее получения необходимо иметь высокую квалификацию. Молодежь связывает повышение своего социального статуса с материальными благами. Для студенческой молодежи проблема трудоустройства и профессиональной самореализации является одной из самых значимых. По той причине, что возможности трудоустройства по окончании вуза снижаются из-за разрыва между потребностями рынка труда и потоком специалистов невостребованных профессий.

Несмотря на деформации, происходящие с институтом семьи, ослабление традиционных институтов социализации, семья и брак для молодых людей остается важными ориентирами в жизни, благотворно влияя на становление личности молодого человека. Современная молодежь не отвергает значимость официальной регистрации брачных отношений, но не считает ее обязательным условием. Брак становится боле свободным от обстоятельств. Новые жизненные условия требуют от него самого и его семьи мобильности, поиска новых нестандартных индивидуальных вариантов построения своей жизни. В настоящее время молодая семья нуждается в постоянной, системной поддержке со стороны государства для реализации ее главной репродуктивной функции – воспроизводства населения.

Государственная молодежная политика определяется как система формирования приоритетов и мер, направленных на создание условий и возможностей для успешной социальной адаптации, эффективной реализации молодежи для развития ее инновационного потенциала. На концептуальном уровне ГМП произошли существенные изменения. В настоящее время используется проблемно-целевой подход, предполагающий выделение наиболее важных проблем молодежи в следующие направления: вовлечение молодежи в социальную практику; развитие созидательной активности молодежи; интеграция молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Несмотря на значительные достижения государственной молодежной политики, она нуждается в дальнейшем совершенствовании. ГМП может оптимизироваться в ходе разработки механизмов реализации таких приоритетных направлений, как помощь в социализации, самореализации, социальной адаптации молодежи для осуществления поиска более эффективных адаптационных стратегий и интеграции молодежи в общество для участия ее в инновационном развитии России.

"ЭКСЦЕНТРАЦИЯ" И ГЕНЕЗИС СИМВОЛИЧЕСКИХ МЕДИА

Шаронов Д.И. (Москва)

Наступившая «эпоха пост-правды» и заметная активизация всеобщей борьбы с «фейковыми новостями» на глобальном уровне не вполне тривиальным образом расставляют акценты в исследовательской повестке современных экосистем символических медиа. Острая полемика по поводу ревизии терминологического аппарата теории медиатизации, материалы о которой десятилетиями не сходили со страниц международных журналов, вышла на новый виток. Характерно, что смысловым ядром дискуссии становится вопрос о «медиа - центричности» аналитического инструментария, призванного придать более систематический вид самой исследовательской парадигме [1, p.463]. Создается впечатление, что западные коллеги постепенно начинают осознавать явный дефицит необходимых средств концептуализации проблемы на фоне некоторой обескураженности национальных элит политическими последствиями сетевой демократии.

В этой связи задачей данной работы станет попытка частичной корректировки исследовательской оптики за счет поиска идей и в истории социологии. Это позволило бы поместить абстрактные теоретические схемы в глубины эволюционной перспективы, для обнаружения предпосылок становления и алгоритмов развития символических медиа-систем непосредственно в рамках культурных сред соответствующей эпохи. Важно выяснить характерные особенности происхождения нынешней ситуации, попутно обнаруживая и возможные подсказки для преодоления возникшего методологического кризиса.

Достаточно очевидно, что человек – сознательный производитель символических форм - давно и прочно выпал из иерархически выстроенных цепочек связности локальных экосистем. Это было достигнуто за счет трансформации «вертикалей» природных детерминаций в относительно комфортные «горизонтальные» измерения специфических культурных сред, основанных на конкретных формах разделения труда. Постепенное обретение нашими предками уникальных способностей к абстрактному мышлению и четко артикулированной речи способствовали преодолению барьеров генетически запрограммированных моделей поведения. Стремясь овладеть максимумом жизненных ресурсов наиболее экономичным путем, человек энергично использует удивительную способность к предвидению возможных сценариев развития событий, инициированию планомерных управленческих вмешательств в естественный ход вещей. Это неизбежно вносит неопределенность и дисбалансы в процессы эволюции природной среды, параллельно формируя у нас достаточно рискованную иллюзию контроля самих органических основ существования человека.

Адекватно осмыслить это состояние «внеаходимости» позволяют идеи, высказанные немецким антропологом Хельмутом Плеснером. Человек, с его точки зрения, - существо, развивающееся в русле тенденции «эксцентрации», постоянно стремящееся к преодолению рамок наличной ситуации. Экспериментальное творчество возможных миров, стратегичное стремление к пребыванию «вне места», на «полшага впереди» текущего момента определяют специфику его отношения к окружающей среде, равно как и к собственной духовной организации. Животное, напротив, всегда строго «центрировано» в перспективе границ ареала собственного обитания, жестко включено в бесконечно повторяющиеся циклы инстинктивных реакций на текущие вызовы окружения.

Пограничный характер «удаленных» обстоятельств, в сетях которых «запутывается» (или «распределяется») бытие человека, мыслитель определяет с помощью термина «эксцентрическая позиционность». Это - «переход от бытия внутри собственной плоти к бытию за ее пределами», процесс переступания собственных телесных границ. Думается, что Х. Плеснер имел ввиду именно производство смыслов в контексте наблюдаемого положения дел, - то есть не просто соматическую, но и семиотическую очевидность внешнего события. Стремление понять осмысленное послание, содержащее новости издалека, или планирование (прогнозирование результата) серии предстоящих усилий, безусловно, относятся к «расширенным порядкам» эксцентрации. В некоторые критически значимые моменты такая мета - позиция внешнего самонаблюдения индивида способствует своеобразной конверсии обыденных его установок в бурные эмоциональные реакции. Их радикальными проявлениями, согласно Х. Плеснеру, становятся смех и плач. Именно в них человек достигает границ своей выразительности, реагируя на ситуацию «всем своим существом» [2, с.66].

Попытки обнаружить реальные исторические эквиваленты таким образом понимаемого феномена эксцентрического позиционирования, в свою очередь, подводят к понятию «монополий знания», выработанному Гарольдом Иннисом [3, с.128-137]. Природа таких монополий прямо отсылает к профессиональным хранителям секретов наиболее распространенного типа коммуникационной технологии, служившей в качестве инфраструктуры конкретного общественного порядка. Публичная речь, письменное послание, механизация процессов тиражирования печатных материалов или электронное кодирование сигнала – мыслятся здесь драйверами управления и поддержания устойчивой преемственности существующих ценностных систем. Г. Иннис настаивал, что кризис их адаптации к темпам развития рыночных обменов (и политической борьбы) в пространственной и временной перспективах различных эпох неизбежно ставили социум на грань коллапса. Ответственными за редукцию рисков, обеспечение культурной преемственности и единства могли выступить лишь закрытые профессиональные касты, монопольно контролирующие доступ к соответствующему носителю символических медиа. Грамотность, как и риторика в дописьменную эпоху, вызывали магические эффекты. Чиновники, священнослужители, учителя или художники, могли эффективно обеспечивать связь устного или письменного символа и господствующих ценностных представлений (ритуалов) в глазах масс даже не содержательным убеждением, но простой демонстрацией собственной компетентности, техническим умением. Позже этот тезис прославит М. Маклюэн своим знаменитым афоризмом «медиа и есть сообщение».

История подсказывает множество примеров эффективности монополий знания. Сам Г. Иннис обращал внимание на существование естественной «предрасположенности» различных типов символических медиа к временному или пространственному ориентированию культурной перспективы цивилизаций. Так, древние царства, сочетавшие устное предание с жестко привязанными к местности носителями (громоздкие культовые сооружения или рассчитываемые по календарям сезонные разливы рек) добивались устойчивого баланса за счет отказа от явной территориальной экспансии и поддержания традиционных установок у немногочисленного населения. В силу хозяйственных потребностей в централизованной ирригации именно «календарь стал источником авторитета монарха» - настаивает Г. Иннис [4, р.32]. Эпоха же легкого папируса в сочетании с переходом на быстрое демотическое письмо соответствовала уже запросам «расширенных порядков взаимодействия» имперского периода, преодолению пространственных границ.

Можно по-разному оценивать стремление исследователя исторических укладов хозяйствования и динамики локальных рыночных обменов к некоторому преувеличению роли технологических инноваций в генезисе и эволюции медиа. Но в сочетании с моделью эксцентрического позиционирования сама идея монопольного отбора и упорядоченной фиксации лишь тех значений и ценностей, которые укладываются в «предрасположенности» доминирующей медийной проекции (отсекая любую альтернативу) еще настоятельнее ориентирует на проблему адекватного понимания природы медиа-факта в цифровой среде.

В этом смысле экспрессивный до абсурда перформанс, переполняющий сегодня социальные сети, - явление принципиально однопорядковое с непрерывной постановочной мистификацией журналистского мейнстрима, выдаваемого самой прессой за «объективное» и «сбалансированное» описание происходящих вовне событий. Поэтому охота за «фейками» в новостном потоке - занятие столь же малоперспективное, как и традиционная медиакритика. «Хорошо информированный гражданин» все еще остается отдаленным демократическим идеалом.

Безжалостная эксплуатация экстремальных реакций аудитории на такого рода контент – (пограничные экспрессии смеха и плача «всем своим существом») – это не столько признак вступления в небывалую прежде эпоху «постправды», сколько вошедшее уже в ущербную привычку виртуальное экспериментирование с феноменом интересного. Думается, что такая эксцентрическая позиционность медиа всегда отличалась стратегической направленностью – пропагандистского или коммерческого характера.

Наконец, «нормализующая» мощь медийной монополии парадоксальным образом задает стандарты массовых ожиданий, содержащие риски деформаций для самой экосистемы культуры. Карнавал гипермедиа - поле пока еще неведомых «тяготений» и «завихрений», где один диапазон возможностей подпитывается за счет угнетения остальных. Экология медиа призвана постоянно расшифровывать эту «предрасположенность», проецируя ее характеристики на весь доступный ей исторический опыт.

1. Lunt P, Livingstone S. Is 'mediatization' the new paradigm for our field? A commentary on Deacon and Stanyer (2014, 2015) and Hepp, Hjarvard and Lundby (2015) // *Media, Culture & Society*. 2016, Vol. 38(3).
2. Иценко Н.И. Хельмут Плеснер: смех и плач // *Философские науки*. 2014. №12.
3. Шаронов Д.И. «Торонтская школа коммуникации»: к истокам экологии медиа // *Философия коммуникативного пространства: расширяя Галактику*. М., 2012.
4. Innis, H. A. *Empire and communications*. Rowman & Littlefield Publishers, Inc. 2007.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО МИРА: КОНКУРЕНЦИЯ И КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНТРОЛЬ.

Шаронова А.А. (Москва)

Социальный контроль – термин, обладающий достаточно сложным и многомерным содержанием. Возможные его интерпретации связаны с междисциплинарной областью современных исследовательских практик. В первой трети XX века социологи Чикагской школы фактически создали направление, получившее название человеческой экологии. Данная модель предполагает особый способ рассмотрения феномена социальности, в которой человек как естественное существо и его общественная среда обитания существуют в рамках единой сбалансированной системы.

Наиболее ранняя модель интерпретации феномена социального контроля, как средства конструирования институционального порядка посредством генерализованных символических медиа, формировалось уже в рамках Чикагской школы (Р. Парк, Р. Маккензи, Л. Вирт У. Томас, Э. Хьюз, Э. Хоули и др.). В свою очередь, чикагская традиция, опирается на прагматистскую теорию социального действия, у истоков которой стояли Дж. Мид и Д. Дьюи. Именно труды идейного лидера школы Р. Парка дают широкую панораму идей, задающих конструктивистский вектор в исследованиях социальной реальности.

Экология – это, прежде всего, сотрудничество и борьба за выживание живых существ в изменчивой окружающей среде. Выживание же социальных институтов зависит от сохранения их публичной легитимности, формирующей отношения доверия между участниками общественно значимых событий. В то же время комплексный характер среды делает практически неизбежным столкновение с «контингенциями», как проявлениями неопределенности ситуативного контекста. В результате возникает обширная область социальных рисков, требующих непрерывного отслеживания и институциональной регуляции.

Р. Парк и его коллеги попытались сформулировать концепцию общества и человеческих отношений, которая собрала бы в одной перспективе все многообразие конфликтующих тенденций. Их социологические теории многомерны, а уровень их комплексности обусловлен самой логикой видения предмета исследования. Социологов интересует прежде всего упорядоченное коллективное действие. В силу этого проводимые в Чикаго эмпирические исследования фиксировали увеличение частоты контактов между людьми, где устойчивые ранее связи между ними превращаются в случайные, поверхностные и мимолетные. В этих обстоятельствах статус индивида определяется в значительной степени конвенциональными знаками – модой и имиджем, а стиль жизни, сплачивающий общность в солидарную «мы – группу», предполагает активную коммуникацию, уравнивающую конкуренцию с «другими» в экосистеме общества [1, с.51].

Коммуникация, по утверждению Парка, имеет двойственную природу. С одной стороны, она «прядет паутину обычая и взаимного ожидания», связывающую воедино гетерогенные социальные структуры. С другой стороны, коммуникация, стремясь принять рациональную форму, ведет к индивидуализации мышления и установлению различий в пределах общего понимания и универсума дискурса. Индивид встраивается в общество именно через конкуренцию, конфликт, аккомодацию и ассимиляцию. В результате человек становится, по выражению Парка, «персоной», сознающей права и обязанности по отношению к группе, с которой себя идентифицирует. «Согласованность и конформность, - утверждает лидер Чикагской школы, - естественным образом отвечают интересам социальной солидарности и мира, даже если не благоприятствуют интеллектуальной жизни и социальному прогрессу. Во всяком случае, если индивиды намерены жить вместе, важно, в первую очередь, чтобы они знали, чего им следует друг от друга ожидать. Эти нормальные человеческие ожидания служат в конечном счете основой

всякого права и порядка, и, несомненно на этой основе держится максима англосаксонского права, гласящая, что согласованность права важнее его справедливости»[1, с.206].

Само постоянное взаимодействие между конкуренцией и коммуникацией представляет собой концептуальное ядро модели социального контроля как феномена «мягкой силы». Социальные качества личности есть продукт включения человеческого естества в «паутину пониманий», в «общий фонд социальных традиций и культурных идеалов». Коммуникация же по определению всегда опосредована интерпретацией: поток осмысленных взаимодействий конструирует специфическое поле общественной «встречи», сообщая процессам социальной координации необыкновенную гибкость.

В целях передачи осмысленных сообщений контролирующие инстанции могут задействовать различный инструментарий - от знаков и символов, слов или концептов до технически изощренных систем масс-медиа. Именно такие процессы создают и впоследствии устойчиво воспроизводят закодированный соответствующим образом общий опыт, взаимные ожидания, церемонии и репутации. Данный комплекс смысловых связей, начиная с обыденного соседского наблюдения за поведением молодежи в рамках территориального сообщества, можно считать фактором, обеспечивающим целостность и культурную преемственность социальных групп в пространстве и времени – их идентичность.

Как видим, параллельное развитие конкурентных и коммуникативных процессов имеющих, по сути, «встречную» направленность, взаимно дополняют друг друга, балансируя и развивая социум. В итоге их взаимодействия спонтанно проявляется некий «социальный порядок». По сути, общество оказывается процессом распространения упорядоченности посредством коммуникации, которая призвана определить текущую ситуацию и навязать дисциплину всем вовлеченным в конкурентное противостояние сторонам. Согласно Р. Парку, вне коммуникации возможны лишь биоценозы растительного типа, где именно конкуренция организмов за ресурсы среды полностью формирует базовые параметры локальных экосистем. Экология же человека вынуждена брать в расчет сознательное, согласованное участие личностей в создании коллективной социальной реальности.

По мнению Р.Парка, человеческое общество определяется, преимущественно, фактом социального контроля, понимаемого именно как сознательное, согласованное участие в создании коллективной социальной реальности. Последняя может существовать только благодаря функционированию общих символов и значений. «Характер общества сообществу придает не его структура, а его способность к согласованному действию. ... Ибо человек – такое существо, что если уж живет, то живет в своем воображении и, через свое воображение, в умах других людей, которые делят с ним не только общую территорию, но и общие надежды и грезы»[1, с.59,61-62].

В последующем данный аспект конструктивистской модели социального контроля был разработан такими выдающимися ее представителями как Х. фон Фёрстер, Э.фон Глазерсфельд, Г. Бэйтсон, У. Матурана, Н. Луман [2]. Важнейшими достижениями в научном понимании этого феномена явились кибернетические модели нейронных процессов, функции механизмов обратной связи, понимание живых организмов как энергетически открытых, но закрытых (с операционной точки зрения) автопоэтических систем [3].

Физик и кибернетик Хайнц фон Фёрстер, предложил парадоксальную концепцию рекурсивной функции социального контроля. С этой точки зрения субъект ответственен за любой свой шаг, конструирующий динамику социальной ситуации в заданном этим индивидом направлении. В работе «О конструировании реальности» им рационально обоснован неожиданный тезис – «окружающая среда в том виде, как мы ее воспринимаем – это наше изобретение»[4, с.165].

Разумеется, нет смысла сводить все многообразие форм современного социального контроля, всю институциональную его многомерность к символическому обмену и коллективному воображению. Но систематизация теоретических предпосылок интереснейшего направления эмпирических исследований – экологического конструктивизма – все более насущна в контексте реалий нынешнего сетевого мира.

1. Парк Р.Э. *Избранные очерки*. М.:ИНИОН РАН,2011.
2. Луман Н. *Социальные системы. Очерк общей теории*.СПб.:Наука,2007.
3. Матурана У.,Варела Ф. *Древо познания*.М.:Прогресс-Традиция,2001.
4. Фёрстер фон Х. *О конструировании реальности // Цоколов С. Дискурс радикального конструктивизма. Традиции скептицизма в современной философии и теории познания*. Мюнхен,2000.

ОСОБЕННОСТИ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Шершнёва Т.В., Юневич Н.Г. (Минск, Республика Беларусь)

Аннотация. В статье проведен анализ понятия информации и особенностей современного информационного пространства. Приведены данные опроса студентов одного из белорусских вузов, которые свидетельствуют об острой необходимости повышения информационной культуры современной молодежи.

Экология изучает отношения объекта исследования (живого организма или группы) со средой его обитания. Обычно, используя термин «экология» мы невольно представляем себе, что речь пойдет об отношениях живого организма с природной средой, однако если брать во внимание человека как объект исследования, то живая природа остается лишь частью его современного существования. Несмотря на то, что мы все еще остаемся объектами природной среды, все еще храним в себе все признаки живого, в наше существование входит новая, фантастическая для многих прошлых эпох среда обитания, которую называем «информационной средой». Главными компонентами данной среды являются средства коммуникации и собственно информация.

Информация — любое сообщение, передаваемое с помощью специальных средств связи: символов, знаков, кодов и т.д. Передачу и прием информации можно рассматривать как усовершенствование живых систем, приводящее к повышению уровня их организации. Оценка количества информации может производиться с разных точек зрения:

- с поведенческой — создание порции информации осуществляется по некоторой причине, а получение этой информации может привести к некоторому результату (наблюдаемому действию или мыслительной операции);
- с математико-лингвистической — порция информации может быть описана путем соотнесения ее с другой информацией, указания ее смысла и структуры;
- с физико-технической — рассматриваются физические аспекты проявления информации — ее материальный носитель, разрешающая способность и точность, с которыми она фиксируется, количество информации, которое производится, передается или принимается и т.д. [1].

Современного человека окружают тысячи объектов, несущих в себе информацию: реклама, телевидение, радио, интернет-источники, литература, сами люди и т.д. Информация задействует все наши сенсорные системы, не давая шанса на «тишину». По словам ученых, человечество на сегодняшний момент накопило около 295 эксабайт информации, это равно 259000000000 гигабайт. Эксперты из Сан Диего выяснили, что человек потребляет 34 гигабайта аудиовизуальной информации в день. Исследование, проведенное в Калифорнийском университете в 2008 году показало, что большая часть вербальной информации поступает из трех источников: телевизора (45%), компьютера (27%) и радио (11%) [2].

Среди всего этого разнообразия средств коммуникации и доступности информации практически невозможно не включиться в события, происходящие в мире. Маршалл Маклюэн в своей книге «Становление человека печатающего» еще в 1962 году ввел такое понятие как «Глобальная деревня». Под этим он понимал такой этап развития человека, в котором средства коммуникации обеспечивают мгновенную связь и передачу информации из разных точек мира. Таким образом, люди способны быть в курсе любых мировых новостей, и не только узнавать о них, но и высказывать свое мнение и даже «влезать» в жизни и события других людей, оправдывая этим метафору «деревня».

Однако при доступном на сегодня объеме информации и неотъемлемого человеческого фактора — ее передачи, существует проблема информационного мусора и субъективной оценки человеком важности поступающей информации. Это можно проиллюстрировать осведомленностью населения о значительных событиях. При таком доступе к информации, как в наши дни, и ее количестве, люди избирательно отсеивают субъективно «ненужную» для них информацию и предпочитают только интересную. С одной стороны, это является плюсом — возможно в мгновение ока узнать о том, что вызвало интерес. С другой, это закрывает от нас политическую, экологическую и социально-важную информацию. Следует отметить также, что чрезвычайно важной проблемой современного информационного общества можно назвать искажение фактов при их передаче реципиенту. На просторе телевидения и интернета можно обнаружить большое количество программ, в которых информация может преподноситься лишь с определенного и наиболее выгодного ее ракурса, и далее способствовать формированию ложных представлений у населения. Именно поэтому сейчас важно говорить об информационной гигиене,

уровне образованности населения, которое предоставит необходимый базис для правильного восприятия событий из средств масс-медиа.

Чтобы оценить выраженность указанных проблем на евразийском пространстве, было проведено исследование среди студентов второго курса специальности «Медико-биологическое дело» Международного государственного экологического института имени А.Д. Сахарова БГУ (40 человек, граждане Республики Беларусь, Российской Федерации и Туркменистана). В ходе опроса испытуемым было предложено назвать значимые в XXI веке: научно-технические открытия; открытия в медицине; события в области мировой политики и экономики; события в сфере культуры и развлечений; а также указать предпочитаемые источники получения информации.

В ходе исследования было обнаружено, что все испытуемые используют для получения информации интернет, а дополнительными источниками являются: 30% — телевидение, 10% — печатная пресса, 10% — книги, 7,5% — общение с людьми, 7,5% — реклама в транспорте и 5% — радио.

При ответе на вопрос о значимых политических и экономических событиях XXI в. были указаны изменения, произошедшие в Республике Беларусь: налоговые реформы и денационация (35%). Большинство испытуемых указали на военные действия в Украине и избрание нового президента США (55%).

В области культуры и развлечений почти каждый испытуемый назвал более трех событий, эта сфера оказалась наиболее интересной для студентов. Однако опрос показал, что испытуемых интересует личная жизнь звезд и события регионального характера. В качестве самых значимых событий нашего века были указаны такие явления как: вручение премии Оскар актеру Леонардо ДиКаприо, развод Анджелины Джоли и Бреда Питта, Евровидение и смерть многих знаменитых личностей шоу-индустрии.

Среди научных новостей современная евразийская молодежь отдает предпочтение информации о современных средствах связи, развлекательных устройствах и открытиях в области беспроводного интернета. В единичном случае были указаны научные открытия в таких областях как: квантовая физика (квантовая телепортация), генетика (исследования генома человека), цитология (искусственные клетки), астрономия (новые планеты, с потенциальной возможностью жизнедеятельности человека) и медицины (нано-технологии). В области медицины подавляющее большинство указало открытия прошлого века. Однако при этом 10% отметили использование в медицине бионического протезирования и 3D-принтера. Следует указать, что при описании научно-технических открытий в большинстве случаев отсутствует детальность, не точны названия самого открытия и его результата, однако в ответах по теме культуры и развлечений присутствует достаточно точное описание события, с указанием имен.

Таким образом, при современных возможностях иметь мгновенный доступ практически к любой информации, накопленной человечеством, современные студенты, будучи выходцами из разных стран и получая высшее образование в одном из ведущих университетов евразийского региона, абсолютно не интересуются научными открытиями даже в тех сферах, которые непосредственно связаны с избранной специальностью, отдавая предпочтение развлекательно-информационным ресурсам и новостям кино- и шоу-бизнеса. В таких условиях не приходится говорить о сформированной привычке тщательно анализировать и критически оценивать получаемую информацию, формировать мнение и устойчивую позицию. Низкая информационная культура при сверхвысокой скорости распространения той или иной эмоционально поданной информации дает практически безграничные возможности манипулирования сознанием и поведением современной молодежи, и этот факт, безусловно, требует пристального внимания и учета при разработке образовательных стандартов и учебных планов, определения роли гуманитарной составляющей подготовки в ведущих университетах евразийского региона.

1. Еремин, А.Л. Ноогенез и теория интеллекта / Н.Л. Еремин. — Краснодар: СовКуб, 2005. — 356 с.

2. Официальный веб-сайт Калифорнийского университета [Электронный ресурс]. — Информационный портал США. — Сан Диего, 2017. — Режим доступа: <http://ucsdnews.ucsd.edu>. Дата доступа: 05.10.2017.

СЕКЦИЯ 8: ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В XX-XXI ВЕКАХ

НЕКОММЕРЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Абросимова А.С. (Волгоград)

Аннотация: в статье приведены виды и формы благотворительной деятельности. Представлены примеры исторических, социологических, эмпирических работ на всероссийском и региональном уровнях (на примере Волгоградской области), связанных с благотворительной активностью. Рассмотрена проблема доверия людей к некоммерческим организациям, занимающимся благотворительной деятельностью в условиях возникновения дискредитированных на институциональном уровне благотворительных организаций.

В России идея благотворительности, как способа материальной поддержки нуждающихся, уходит вглубь истории. Согласно моральным и этическим традициям православия, наши предки всегда готовы были оказать безвозмездную помощь согражданам, находящимся в тяжелом положении. Чувства сострадания и милосердия к ближним воспитывались в детях с раннего детства. Ведь и сегодня главная цель благотворительности – это чистосердечная, безвозмездная помощь друг другу.

Научные исследования благотворительности связаны с философскими, социологическими, историческими работами. В историческом аспекте тема благотворительности представлена в работах И.А.Литвиновой [5], З.П.Тининой [6]. Социологический подход к проблематике благотворительности раскрыт в работах Е.Г.Васильевой [2] [1].

Среди эмпирических исследований последних лет по проблеме благотворительности можно выделить следующие: Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» и Исследование бизнес-школы СКОЛКОВО, объединенных в общий проект «Благотворительный фандрайзинг в России», Мониторинг «Благотворительность и участие россиян в практиках гражданского общества: региональное измерение» Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ «Отношение населения к НКО: экспертная оценка» НИУ ВШЭ и др.

Региональный аспект благотворительности и процесс ее становления в Нижнем Поволжье описан в монографии волгоградских исследователей [3].

Кроме того, на региональном уровне действует Закон Волгоградской области от 24 ноября 1998 г. N 224-ОД "О благотворительной деятельности в Волгоградской области" (с изменениями от 4 декабря 2003 г., 16 октября 2008 г.), принятый областной Думой 12 ноября 1998 года [9].

Существуют различные формы и виды благотворительной деятельности. В зависимости от целей благотворительной деятельности выделяют благотворительную активность, связанную с реализацией гуманитарных проектов и благотворительную активность, связанную с оказанием социальной помощи нуждающимся категориям населения. В частности, в Волгоградской области среди известных благотворительных проектов можно назвать общественный благотворительный фонд «Дети в беде», благотворительный фонд Елены Исинбаевой, благотворительный фонд "Благословение" и др.

В качестве примера благотворительной активности в виде оказания социальной помощи можно привести работы студентов ВолГУ по расчистке завалов разрушенного от газового взрыва дома в Волгограде [7].

Выделяют институционализированные и неинституционализированные формы благотворительности. Если благотворительные проекты и конкретные благотворительные организации оказываются дискредитированными на институциональном уровне, то это может сильно подорвать доверие населения к благотворительной активности на региональном уровне.

В частности, в 2016 году в Волгоградской области было подорвано доверие населения региона к благотворительной деятельности. Руководитель Волгоградского областного благотворительного Фонда социальной поддержки населения был осужден за махинации со средствами благотворительного фонда и получил в качестве наказания реальный срок (два года колонии-поселения). В Волгоградской области это был один из ведущих благотворительных фондов региона. Он был создан в 1991 году как один из фондов на базе общероссийской системы

фондов социальной поддержки населения при Управлениях социальной защиты населения. Местные СМИ активно писали об аресте руководителя, о ходе судебного процесса над ним, на местных форумах активно обсуждались опубликованные СМИ материалы: «забыли про репутационные моменты, про подрыв доверия к очень тонкому делу - благотворительности в регионе», «Благотворительность. Больше ни копейки туда не дам. Пока ветераны получают письма, что денег в фонде нет, такие как он размножаются и на ветеранские деньги жипы себе покупают. Фу» [8]. Но несмотря на подобные эмоциональные комментарии, россияне выражают поддержку и заинтересованность благотворительности.

В апреле 2017 года Центр исследования гражданского общества и некоммерческого сектора Высшей школы экономики представил результаты мониторинга состояния гражданского общества [6]. Опрос взрослого населения проходил в 43 субъектах РФ в феврале 2017 года. Он показал, что с 2014 года выросла информированность людей об НКО и общественных объединениях, а также уровень доверия к ним. В 2017 году 86% опрошенных знают о существовании хотя бы одной НКО, 66% доверяют им, а 28% участвуют в их деятельности.

Исследовательская группа спрашивала россиян, готовы ли они работать добровольно (не получая денег за свой труд) и делать пожертвования. Половина опрошенных согласна стать добровольцами, а 47% — жертвовать деньги. В 2014 году к этому были готовы 29% и 33% опрошенных соответственно. Согласно выводам данного исследования, потенциал населения в сфере благотворительно активности достаточно высокий.

На примере Волгоградской области мы видим, что в современном обществе уровень доверия населения к благотворительным организациям остается на высоком уровне. Несмотря на случаи мошенничества в сфере благотворительной активности, людям, находящимся в тяжелом положении, равнодушные сограждане готовы помочь как материально (перевод денежных средств на счета благотворительных фондов или частным лицам и т.п.), так и нематериально (организация социально ориентированного добровольческого движения).

Работа выполнена при поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект № 17-13-34010 «Ресурсный потенциал некоммерческих организаций в сфере социального предпринимательства».

1. Васильева Е.Г. Благотворительность как объект историко-социологического анализа (методологический аспект) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2013. № 2. С. 67-78.
2. Васильева Е.Г. Тенденции и перспектива институциональной благотворительности в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2016. № 1 (31). С. 59-64.
3. Васильева Е.Г. Феномен благотворительности в провинциальном социуме на рубеже XIX-XX и XX-XXI столетий: монография / Е.Г.Васильева, И.Н.Литвинова, О.А. Карагодина. – Волгоград: изд-во ВолГУ, 2013. – 226 с.
4. Литвинова И.Н. Частная форма благотворительности в г. Царицыне // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2011. № 3. С. 120-123.)
5. Тинина З.П., Литвинова И.Н. Особенности социокультурной деятельности благотворительных организаций в региональном измерении // Вестник Краснодарского государственного института культуры. 2016. № 3 (7).
6. Агентство социальной информации [Электронный ресурс] : Исследование: уровень доверия россиян к деятельности НКО и гражданских объединений вырос до 66% URL: <https://www.asi.org.ru/news/2017/04/07/issledovanie-doverie-k-nko/> (дата обращения: 08.10.20017).
7. Волгоградский государственный университет [Электронный ресурс] : Волонтеры ВолГУ поблагодарили за проявленное мужество URL: http://www.volsu.ru/news_archive.php?ELEMENT_ID=19656 (дата обращения: 08.10.20017).
8. Информационное агентство «Высота 102.0» [Электронный ресурс] : В Волгограде вынесен приговор директору благотворительного фонда Денису Землянскому URL: <http://v102.ru/forum/54912> (дата обращения: 08.10.20017).
9. Российская газета [Электронный ресурс] : Закон Волгоградской области от 24 ноября 1998 года N 224-ОД О благотворительной деятельности в Волгоградской области (с измен. от 25.03.2015 N 41-ОД). URL: <https://rg.ru/2014/04/22/volgograd-zakon59-reg-dok.html> (дата обращения: 08.10.20017).

ЖАЛОБЫ КЛИЕНТОВ КАК ФАКТОР УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ

Аллахвердова О.В. (Санкт-Петербург)

В современной системе социального обслуживания с 2013-2016г произошли значимые перемены в связи с принятием нового Федерального закона о социальном обслуживании граждан. Начиная с 2015 г. социальное обслуживание оказывается только в адресном порядке гражданам, нуждающимся в нем. Для получения той или иной услуги граждане обязаны написать личное заявление и предоставить ряд документов, подтверждающих их право на получение данных услуг. Эти изменения в системе социального обслуживания привели к появлению трудностей в получении социального обслуживания. Также в законе вводится понятие «качества социальной услуги», которому уделяется большое внимание. Изменение системы социального обслуживания в целом привело к появлению недовольства и неудовлетворенности населения качеством предоставляемых им социальных услуг. Результатом происходящих изменений и усиление неудовлетворенности привели к появлению жалоб на предоставляемые социальные услуги. Изучение видов жалоб является актуальной задачей, так как их увеличение неуклонно растет. При этом нет точного понимания, как работать эффективно с подобными жалобами. Более того, нет и однозначного отношения к жалобам. Поэтому было важно определить, какие категории граждан чаще всего направляют жалобы на качество социальных услуг в органы местного, регионального и федерального значения, а также понять, что необходимо изменить в работе с жалобами для улучшения отношения пользователей к социальным услугам.

Целью исследования являлось изучение процедуры работы с жалобами населения на качество социального обслуживания. Был изучен процесс работы с жалобами и проанализировано содержание жалоб получателей социальных услуг Санкт-Петербурга; объектом исследования были услуги, предоставляемые получателям социальных услуг, а предметом - жалобы получателей социальных услуг, поступившие в Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга. Наряду с методом Экспертного интервью сотрудников отдела по работе с заявителями комитета по социальной политике Администрации Санкт-Петербурга осуществлялся контент-анализ жалоб получателей социальных услуг. Выборка для данного исследования формировалась, исходя из классификации всех типов жалоб, существующих в реестре Комитета по социальной политике Санкт-Петербурга. Из всех обращений с жалобами (более 2500) были выделены три группы пользователей с наибольшим количеством обращений от получателей социальных услуг, а именно: наиболее часто направляют свои жалобы инвалиды, семьи с детьми, в том числе семьи с детьми-инвалидами, и пожилые. В ходе изучения текстов жалоб было проанализировано около 400 штук по разным тематикам.

Гипотеза: Жалобы являются показателем удовлетворенности населения качеством социального обслуживания.

Результаты анализа жалоб на качество социального обслуживания:

В ходе проведения исследования был рассмотрен процесс работы сотрудников информационного отдела Комитета с жалобами населения.

Обращения, поступающие в Комитет по социальной политике, можно разделить на группы в процентном отношении к общему числу жалоб:

- Жалобы, поступающие непосредственно в Комитет по социальной политике (40%)
- Жалобы, поступающие в Приемную Губернатора Петербурга (25%)
- Жалобы, поступающие на имена депутатов Государственной Думы и иных органов исполнительной власти Петербурга (20%)
- Жалобы, поступающие в Администрацию Президента Российской Федерации (10%)
- Жалобы, поступающие в другие комитеты Санкт-Петербурга (5%)

Как известно, процесс работы с жалобами построен на основе ФЗ № 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан». В соответствии с этим законом, любая жалоба, поступающая в орган исполнительной власти, должна быть рассмотрена в течение 5 дней. Если жалоба поступает непосредственно в Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга одним из выше перечисленных способов, специалисты отдела по работе с обращениями граждан изучают проблематику и тему жалобы, присваивают ей номер в соответствии с классификатором тем жалоб, и регистрируют в специальной электронной системе отчетности. Далее сотрудники информационно-технического отдела направляют жалобу начальнику того отдела, в компетенции

которого находится решение заявленного в жалобе вопроса. Начальник соответственного отдела поручает рассмотрение проблемного вопроса своим подчиненным. В течение 5 рабочих дней жалоба рассматривается, дается поясняющий ответ и направляется заявителю в письменной форме: либо по почте, либо по электронной почте одним из сотрудников информационно-технического обслуживания. Если посмотреть динамику жалоб за последние 5 лет, 2013 г. – 1464, 2014 г. – 1370, 2015 г. – 1424, 2016 г. – 1609, 2017 г. – 1547- видно, что наибольшее количество жалоб и обращений произошло в 2016 г.

Следует отметить, что большое количество обращений связано с вопросами пенсионного обеспечения, оказание материальной помощи (15%), присвоение звания «Ветеран труда» (18%). Обращения о домах-интернатах и о льготах (30%) также отражают одни из ведущих областей от общего числа рассматриваемых жалоб. Вопросы обеспечения средствами передвижения (12%) также является востребованным среди граждан Санкт-Петербурга, направляющих обращения в Комитет по социальной политике. Особо можно отметить, что население также активно жалуется на государственную политику (7%), жилищные вопросы (3%), коммунально-бытовое обслуживание (2%), здравоохранение (0.84%) и вопросы труда и зарплаты (0.45%). Наибольшее количество жалоб, поступивших в Комитет по социальной политике Петербурга, касаются вопросов государственной политики и общества. Конечным результатом рассмотрения жалобы является ответ заявителю одним из двух доступных способов (обычная или электронная почта).

Можно сделать вывод, что в Комитет по социальной политике поступает большое количество жалоб от разных групп получателей социальных услуг, находящихся на социальном обслуживании. Наличие жалоб на качество социального обслуживания говорит о том, что причина неудовлетворенности граждан предоставляемыми услугами заключается не столько в деятельности самих учреждений социального обслуживания, сколько зависит от изменений законодательства, регламентирующего всю систему работы с населением. Жалобы высвечивают проблемы, несовершенство современного законодательства, и отражают «слабые зоны» системы социального обслуживания, требующие совершенствования.

К основным проблемам можно отнести:

Недостаточность информирования нуждающихся граждан о наличии и возможностях получения тех или иных социальных услуг, ненадлежащее обслуживание в стационарных учреждениях социального обслуживания (например, в домах-интернатах для пожилых и инвалидов), отсутствие налаженной работы структур социального обслуживания (т.е. перенаправление из одной структуры в другую в процессе рассмотрения жалоб без контроля об изменении ситуации для клиента).

Услуги, предоставляемые клиентам учреждений социального обслуживания раздроблены. Клиент не всегда понимает, как их получать и что они из себя представляют. Современное законодательство все предусматривает, но только по заявлению гражданина, желающего получить социальное обслуживание. Таким образом, большое количество людей, которые не могут по различным причинам написать и принести заявление в центр социального обслуживания, остаются «за бортом» системы социального обслуживания.

Анализ жалоб, поступающих в Комитет по социальной политике Петербурга, показал, что необходимо улучшать саму систему работы с жалобами, так как на данный момент не всегда возможно проследить конечный результат удовлетворения жалобы получателей социальных услуг. Представители социальных служб не видят в них системы обратной связи о состоянии деятельности социальных служб.

СОПРОВОЖДАЕМОЕ ПРОЖИВАНИЕ КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЛЮДЕЙ С ТЯЖЕЛЫМИ ФОРМАМИ ИНВАЛИДНОСТИ

Альдашева А.Б. (Барнаул)

Аннотация: В статье автором анализируется понятие сопровождаемого проживания людей с тяжелыми формами инвалидности, рассматривается опыт реализации поддерживаемого (сопровождаемого) проживания в России, его формы организации.

Инвалидность представляет собой социальный феномен, избежать которого не может ни одно общество, и каждое государство сообразно уровню своего развития, приоритетам и возможностям формирует социальную и экономическую политику в отношении инвалидов. Конечно, масштаб инвалидности зависит от множества факторов: состояния здоровья нации,

развития здравоохранения, социально-экономического развития, состояния экологической среды [4].

Существуют два основных взгляда на проблему социальных препятствий для инвалидов:

Медицинская модель инвалидности рассматривает физические и психологические различия между людьми в терминах патологических состояний и дефектов, то есть отклонений от нормы или «неполноценности». В ее рамках социальная роль инвалида приравнивается к роли больного, которая предполагает, с одной стороны, недостаток самостоятельности, отсутствие способности к независимой жизни, отказ от обязательств и ответственности перед обществом, а с другой – ожидание изменения своего статуса после вмешательства со стороны медицинских служб (лечения и медицинской реабилитации).

Социальная модель инвалидности принципиально отличается от модели медицинской. Она ориентирована не на устранение «дефекта», а на преодоление препятствий, которые затрудняют интеграцию человека с ограниченными возможностями в обществе. Согласно социальной модели, человек с инвалидностью является равноправным субъектом общественных отношений, которому общество должно предоставить равные права, равные возможности, равную ответственность и свободный выбор с учётом его особых потребностей. При этом важно обеспечить человеку с инвалидностью возможности для интеграции в общество на его собственных условиях, а не в соответствии с необходимостью приспособливаться к миру «здоровых людей» [6].

Переход от медицинской модели к социальной модели инвалидности позволил изменить взгляды на проблемы людей с ограниченными возможностями здоровья и направления работы с ними [8, с. 84].

В России, по данным Федеральной службы государственной статистики количество инвалидов на начало 2017 г. составляло более 12 миллионов чел [5]. Наличие в социальной структуре общества такой доли инвалидов, а также тенденция к инвалидизации населения определяет социальную работу с данной категорией одним из приоритетов в системе социальной защиты населения [4]. Одним из инновационных направлений социальной защиты людей с инвалидностью является сопровождаемое (поддерживаемое) проживание.

Под поддерживаемым (сопровождаемым) проживанием понимается комплексная услуга (социальная, образовательная, реабилитационная), оказываемая гражданам с инвалидностью, нуждающимся в постоянной посторонней помощи и не способным проживать самостоятельно, с условиями постоянного или временного проживания (пребывания) с ними сопровождающего лица [2]. Из определения следует, что сопровождаемое проживание включает в себя образовательную функцию. Исходя из этого, можно разделить услугу сопровождаемого проживания на две подгруппы или вида: учебно-тренировочное проживание и постоянное сопровождаемое проживание.

Учебно-тренировочный вид проживания является базой для последующего постоянного проживания и может в дальнейшем снизить уровень потребности в поддержке сопровождающего, т.е. повысить самостоятельность и независимость человека. По опыту ведущих в этой сфере регионов РФ (г. Санкт-Петербург, Псковской и Владимирской областей), учебно-тренировочное проживание может осуществляться в различных формах: ежедневное (в виде дневных занятий), кратковременное (1-2 суток), курсовое (от недели до 5 месяцев) [3].

Поддерживаемое проживание в России существует не так давно, но уже в разных субъектах РФ имеется свой опыт продвижения разнообразных форм поддерживаемого проживания. Один из немногих примеров успешной организации сопровождаемого проживания людей с инвалидностью представлен в г. Владимир. На базе Владимирской общественной организации «Ассоциация родителей детей-инвалидов «Свет» с 2005 года разработана и реализована программа для лиц с тяжелыми формами инвалидности, обучение самостоятельному проживанию в «учебных квартирах».

С 2015 г. ВООО АРДИ «Свет» начато строительство Дома поддерживаемого проживания. В доме будут жить молодые люди с ограниченными физическими и умственными возможностями, люди с тяжелой формой инвалидности при поддержке родителей, социальных работников, медиков, добровольцев. В доме будут предусмотрены: отдельные комнаты для каждого человека, общий холл для проведения различных мероприятий, совместных праздников, спортзал, оранжерея, библиотека и многое другое для удобной жизни инвалидов, комнаты для гостей [1].

Поддерживаемое проживание является одним из приоритетных направлений и такого города как Псков. В Пскове существует целая модель региональной системы комплексного сопровождения лиц с тяжелыми нарушениями развития, где одним из направления работы

является сопровождаемое проживание. Данное комплексное сопровождение реализуется на базе центра лечебной педагогики и дифференцированного обучения Псковской области. Оно охватывает работу с семьей с самого раннего этапа определения у ребенка нарушения развития вплоть до самостоятельного сопровождаемого проживания лиц с инвалидностью. На базе центра открыты отделения учебного проживания, которые обучают молодых людей с тяжелыми нарушениями развития навыкам самостоятельного проживания в условиях обычной квартиры. Обучение студентов проводится курсами. Длительность курса обучения составляет от одного до пяти месяцев [7].

Важно отметить, что объекты сопровождаемого проживания должны быть рассчитаны на небольшие группы проживающих. В специальных центрах, домах и усадьбах максимальное количество проживающих не должно превышать 15 человек, оптимально до 10 человек. В квартирах и обычных домах – до 5 человек. В квартирах и обычных домах – до 5 человек. В автономных поселениях количество проживающих зависит от масштаба поселения, но нецелесообразно создавать масштабные поселения с числом проживающих свыше 50 человек, оптимально до 25 человек [3].

Таким образом, каждое цивилизованное государство оказывает помощь наиболее уязвимым слоям населения, в первую очередь это люди с ограниченными возможностями здоровья. Традиционно существуют два основополагающих подхода к проблемам инвалидности это: медицинская и социальная модель. В связи с переходом к социальной модели появились и новые направления работы с инвалидами. В направлении независимой жизни инвалидов появились практики поддерживаемого проживания, которые позволяют инвалидам учиться жить самостоятельно. В России поддерживаемое проживание находится на стадии становления, но при этом есть и успешные примеры реализации такого вида проживания в разных регионах. Некоммерческие организации, социальные службы перенимают опыт зарубежных стран, других регионов для внедрения сопровождаемого проживания на своей территории. При внедрении и организации поддерживаемого проживания, немаловажную роль играет оптимальное количество проживающих.

1. Владимирская общественная организация «Ассоциация родителей детей-инвалидов «Свет»: официальный сайт [Текст] // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://svet33.ru> – Загл. с экрана.
2. Кац, Л.И. *Формы сопровождаемого проживания во Владимирской области: юридические аспекты и опыт работы ВООО АРДИ «СВЕТ» по внедрению и развитию сопровождаемого проживания* [Текст] // Л.И. Кац, О.Г. Сторожук, Ю.М. Кац // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://svet33.ru/assets/pdf/books/Broshur.pdf> – Загл. с экрана.
3. Макаревич, А.Н. *Актуальные вопросы и формы устройства взрослой жизни людей с ментальными нарушениями, в частности с расстройствами аутистического спектра* [Текст] / А.Н. Макаревич // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://elibrary.ru/download/elibrary_25587147_80869729.pdf Загл. с экрана.
4. Нелидкин, А. М. *Сопровождающие технологии социальной работы с молодыми людьми с ментальной инвалидностью* [Текст] / А.М. Нелидкин, В. В. Хрисанова // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://elibrary.ru/download/elibrary_28302109_10679452.pdf Загл. с экрана.
5. *Положение инвалидов* [Текст] / Федеральная служба государственной статистики // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/disabilitie/s/# Загл. с экрана.
6. Суфишов, Г.С. *Социальная модель инвалидности как инструмент для решения проблем лиц с ограниченными возможностями* [Текст] // Г.С. Суфишов, Ф.И. Одинаев, К.Д. Пулотов, Ш.А. Ходжаева // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://elibrary.ru/download/elibrary_21054503_65174386.pdf Загл. с экрана
7. *Центр лечебной педагогики и дифференцированного обучения Псковской области: официальный сайт* [Текст] // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://clp.pskov.ru> – Загл. с экрана.
8. Sirotna, T.V. & Khakimova, M.P. *Neuropsychiatric nursing home care for adults with mental disabilities in Russia* // *Социология в современном мире: наука, образование, творчество* [Текст] : сборник статей. - Вып.9 : в 2 ч. / под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. - Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. Ч.2. - С. 84-90.

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Амирханян А.Г. (Санкт-Петербург)

Площадь Дальневосточного федерального округа составляет 36 процентов всей территории Российской Федерации, и характеризуется самой низкой плотностью населения среди всех федеральных округов – 1 человек на 1 кв. км.

Численность населения в Дальневосточном федеральном округе на 1 января 2017 г. составила 6183 тыс. человек [1]. В 1991 году численность населения достигала своего максимального значения и составляла 8,06 млн. человек. В период с 1991 по 2000 годы произошла значительная убыль населения за счет миграционного оттока в западную часть страны. Начиная с 2012 года наблюдается естественный прирост населения, однако сокращение населения Дальнего Востока продолжается за счет превышения миграционной убыли над естественным приростом. Наибольшие потери численности населения понесли северные территории (Камчатский край, Чукотский автономный округ, Магаданская и Сахалинская области). В то же время в пределах Дальнего Востока население мигрирует из северных в южные территории, а также из сел в города, где есть больше возможностей для заработка. За счет собственных демографических ресурсов население на данной территории не может себя воспроизвести, так как вступает в репродуктивный возраст малочисленное поколение 90х годов. Очевидно, что социально-экономическое развитие региона возможно лишь с притоком мигрантов.

В 2016 году в Дальневосточный Федеральный округ прибыло более 35 000 человек из стран СНГ и стран дальнего зарубежья, общий миграционный прирост составил около 7 900 человек, который в основном обеспечивается за счет миграции из стран СНГ [2].

В 2016 году основная масса граждан, прибывших из-за рубежа, пришла на приезжих из Украины (более 6 тыс. человек), КНДР (около 5 тыс. человек), Узбекистана (более 4 тыс. человек) и Китая (около 4 тыс. человек) [2].

В рамках реализации проекта «Социальные риски международной молодежной миграции в Российской Федерации» были проведены интервью с экспертами Дальнего Востока, относительно проблем международной миграции в регионе. По мнению экспертов, региональная миграционная политика должна быть направлена на привлечение различных категорий международных мигрантов, в зависимости от цели их привлечения на Дальний Восток. Для повышения привлекательности региона и его социально-экономического развития одной из первоочередных задач является развитие его инфраструктуры. Для наращивания инфраструктуры, необходимо привлекать трудовых мигрантов. В данном отношении перспективным направлением является большее привлечение трудовых мигрантов из стран дальнего зарубежья, таких как Китай и КНДР.

Улучшения социально-демографической ситуации на Дальнем Востоке связано, по мнению экспертов, с изменением миграционной политики. Для увеличения демографического потенциала региона реализуется государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников. Эксперты отмечают некоторые проблемы, которые возникают при реализации данной программы. Данные проблемы характерны для большинства территорий ДФО. Согласно программе, переселенцы, получающие значительные подъемные деньги должны два года отработать вместе поселения. Но проблема в том, что органов, которые могли бы контролировать данный процесс не существует. Таким образом, нередко возникают случаи, что участники программы получают выплаты, оформляют гражданство в упрощенном порядке, а затем уезжают жить в другие регионы России. Некоторые эксперты отмечают, что соотечественники, получившие гражданство на Дальнем Востоке уезжают по причине того, что не могут позволить себе купить жилье. Так, например, в Приморском крае стоимость жилья сопоставима со стоимостью жилья в Москве, при сравнительно низком уровне заработной платы. Представляется целесообразным разработка и реализация программ доступного жилья в регионе.

Перспективным направлением работы, направленной на увеличение демографического потенциала региона могло бы стать привлечение молодежи. За последние 20 лет с Дальнего Востока уехала значительная часть молодежи в зарубежные страны с целью получения образования. Большинство из них хотели бы вернуться на родину, однако уровень заработных плат, который они получают, работая в другой стране, не сопоставим с уровнем заработной платы в регионе. По этой причине они уезжают в центральную часть России или возвращаются в ту страну, где работали ранее. Улучшение социально-экономического развития региона могло бы

способствовать сохранению коренного населения в Дальневосточном Федеральном округе и привлечению международных мигрантов. С этой целью в субъектах Российской Федерации, входящих в Дальневосточный Федеральный округ реализуются федеральные и региональные проекты по экономическому развитию региона. Представляется целесообразным разработку и реализацию дополнительных программ, направленных на развитие демографического потенциала региона. Кроме того, создание особого миграционного режима на территории Дальнего Востока могло бы стать стимулом для привлечения международных трудовых мигрантов на условиях краткосрочного пребывания, что также привело бы к экономическому развитию региона.

Исследование выполнено в СПбГУ за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10092)

1. Федеральная служба государственной статистики. Оценка численности постоянного населения на 01.01.2017 и в среднем за 2016 год. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (последняя дата обращения: 1.10.2017)

2. Государственная статистика. База данных ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru> (последняя дата обращения: 1.10.2017)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ - МАРКЕР СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Анисина Е.А. (Рязань)

В фокусе внимания автора статьи оказался значительный и значимый слой российского общества – купечество и предпринимательство. Если «перевести» на современный язык – бизнес-сообщество. Социальный портрет купца-благотворителя, мецената начала XX века можно представить так – удачливый бизнесмен, соблюдающий православные традиции патриот, организатор и активный участник общественных институтов.

Купечество, перерастая рамки сословной организации, приобретает значение как общественный класс, в руках которого сосредоточивается главный жизненный нерв страны – капитал. В большинстве своём, русские предприниматели считали себя не только собственниками огромных состояний, но и хозяевами своей огромной страны, во благо которой трудились. Именно статус хозяина стал одной из важнейших социально-экономических предпосылок социальной ориентированности их деятельности в экономической и социальной сфере [1; 89].

Российские купцы-предприниматели были православными по вере, воспитанию и традициям, потому во «искупление грехов» своей профессиональной деятельности, как бы оправдывая своё богатство, много отдавали на богоугодные дела. Церковь являлась одним из основных объектов пожертвований: строились и украшались храмы, организовывались и содержались богадельни, приюты, больницы, ночлежки, где могли найти пристанище и заботу немощные и неимущие люди. Купцы-предприниматели выступали в роли попечителей, принимали личное участие в судьбах патронируемых ими социальных институтов, даже составляли их правовые документы, которые определяли стратегию дальнейшего развития этих учреждений. Примером тому богадельня рязанского купца Петра Алексеевича Мальшина. Он пожертвовал на её организацию 50 тысяч рублей, из которых 15.000 руб. предназначались для постройки здания и приобретения всего для неё необходимого, а 35.000 рублей он оставил неприкосновенными с тем, чтобы проценты с этих денег шли на содержание учреждаемой богадельни.

Подобная практика показывает, что такого рода благотворительность не являлась лишь широким жестом или красивым поступком. Устроители тщательно продумывали будущее существование своих заведений, при этом каждый стремился обеспечивать оптимальные условия для их деятельности и максимально позаботится об обитателях.

Пожертвования «на храм», на украшения церкви, нецерковная благотворительность – строительство домов призрения, богаделен, их содержание, поддержка раненых в войнах, открытие госпиталей во время войн и т.д. – считались нормой. А вот меценатство в купеческо-предпринимательской среде сначала числилось причудой, потом это стало модой, а на закате

императорской России превратилось в «обязательный ритуал», подтверждающий социальный статус – успешный предприниматель.

Провинция была столь же приучена к стабильным жертвованиям, что и столицы. Это было очень важно, так как от социальной активности местного предпринимателя зависело культурное, социальное развитие территории.

Так, например, известно, что до приезда в Москву, с 1909 по 1912 год, Сергей Есенин учился в рязанском селе Спас-Клепики – во второклассной учительской школе, которая предназначалась для подготовки учителей церковно-приходских школ и школ грамоты. Появление этой второклассной школы – яркая строка в истории благотворительности на ниве просвещения. И связана она с именем рязанского купца Андрея Петровича Попова.

Идея создания этой школы появилась в начале 80-х позапрошлого века. Ситуация осложнилась случившимся в мае 1883 года в Спас-Клепиках пожаром, в котором погибла большая часть села, в том числе и деревянное здание начальной школы. На помощь пришёл купец А.П. Попов. Он отдал под начальную школу свой деревянный дом и приобрёл десятину земли под здание будущей школы. В конце 1890 г. была построена новая двухэтажная каменная школа. Также на средства А.П. Попова была открыта первая частная публичная библиотека, которая пользовалась большой популярностью у жителей. После революции её книжный фонд стал основой Клепиковской районной библиотеки.

Этот и многие другие факты ещё раз свидетельствуют о том, что к началу XX века благотворительность затронула и столицы, и провинции, и город, и деревню.

Перелом в общественном устройстве и умах, вызванный революцией, вычеркнул из обихода понятие «благотворительность», «меценатство». Резко изменилась социально-экономическая основа жизни, гражданская братоубийственная война обрекла страну на полнейшую разруху, а затем на мучительное вытаскивание страны из этой разрухи – за счёт невероятных усилий народа. Не стало частной собственности, свободной коммерческой деятельности. Была утеряна сама возможность заниматься благотворительностью, меценатством. Власть в категорической форме выразила своё неприятие одной из самых привлекательных страниц отечественной истории: в 1923 году была запрещена светская благотворительность, в 1928 – церковная. Многие видные благотворители и меценаты пострадали за свои благие дела, это и В.Н. Тенишев, и принц А.П. Ольденбургский, и Щукины, Морозовы и др.

«Показательна» история, связанная с родом купцов и предпринимателей Медведниковых. Медведниковы принимали участие ещё в сибирских походах Ермака. Они были одними из основателей Иркутска, превратившегося из маленького острога в большой богатый город. Медведниковы принимали участие в строительстве больниц, храмов, приютов. Особый вклад был ими сделан в развитие образования – в 1838 г. Медведниковы открыли первое в Иркутске и в Сибири учебное заведение для девушек из бедных семей и сирот.

Церковная и светская власть высоко оценила благотворительную деятельность Медведниковых. Один из них – Иван Логгинович – дважды получал благословения Синода. Показателен и такой факт: «Император Николай I, желая воздать должную дань уважения Ивану Логгиновичу, повелел, чтобы звание почётного попечителя Иркутского учебного заведения для девушек было наследственным в роду Медведниковых» [2].

Покровительство просвещению, образованию, науке передавалось по наследству. Так, в 1901 году в Москве Медведниковыми была построена классическая гимназия, доступная и для бедных учеников, самые способные из которых получали стипендии от семьи Медведниковых. Гимназия заботилась и о духовном, эстетическом воспитании своих питомцев. Не случайно такие известные впоследствии деятели культуры, как Юрий Завадский и Ростислав Плятт, были воспитанниками именно Медведниковской гимназии.

После революции Медведниковых не просто забыли. Одну из последних представительниц этого рода – Александру Владимировну Медведникову, служившую сестрой милосердия, потом врачом и в Первую мировую, и в гражданскую, причём была в Красной Армии (!), объявили «врагом народа» и сослали в ГУЛАГ на двадцать лет.

Начиная со второй половины 80-х годов XX столетия благотворительность и меценатство, почти забытые в советские времена явления, вновь возвращаются в повседневную жизнь.

Связь времен и поколений проступает достаточно зримо, реально. Это доказывает, что преемственность – один из стержней, соединяющих различные признаки явления в его устойчивый характер. Востребованной оказалась давняя традиция дарения коллекций. В этом отношении представляется показательной история создания Музея личных коллекций,

переданных в дар государству. Музей личных коллекций является Отделом Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. С момента основания Музея (1994 г.) в его фонды поступило почти тридцать коллекций. В настоящее время музейное собрание насчитывает около семи тысяч произведений русского и западноевропейского искусства XIX – XX веков. Это – живопись, графика, скульптура, прикладное искусство и фотография.

И если на стадии возрождения меценатской деятельности в первых рядах шла интеллигенция: врачи, ученые, деятели искусства, то сегодня «пальма первенства» опять переходит к представителям бизнеса. Ярким примером тому, открытие предпринимателем Михаилом Абрамовым общедоступного Музея русской иконы в Москве. В музее более 5000 единиц экспонатов, включая 1000 икон. Музей принят в Международный совет музеев при ЮНЕСКО. Заинтересовавшись русской иконой, Абрамов сумел собрать богатейшую коллекцию византийского и древнерусского искусства. Доходы от бизнеса предприниматель-меценат тратит на пополнение коллекции и управление собственным музейным проектом. Благодаря деятельности современных Морозовых и Мамонтовых возвращаются на родину шедевры русского искусства, возрождаются народные традиции национальной культуры, поддерживаются молодые таланты, восстанавливаются храмы.

Отличительной чертой социальной практики предпринимательского класса, напрямую связанной с православием, остается жертвование на храмовое строительство, реставрацию и помощь приходам. При непосредственной поддержке бизнес-сообщества с 1990 по 2015 годы в России было построено, воссоздано или восстановлено около 25 000 храмов. Возродилась традиция дарить церкви ценные подарки: иконы, книги, посуду и т.д. Так, в 2013 г. по инициативе и на средства благотворителей А.А.Сергачева и М.В.Мартынова в Рязани был воздвигнут Храм в честь святого праведного Иоанна Кронштадтского. Кроме того, ими было подарено 12 колоколов для звонницы храма, самый большой из которых весит 4 тонны, при их финансовой поддержке приобретено церковное убранство.

В России благотворительность всегда компенсировала неэффективное государственное управление и «штопала социальные дыры». Богдельни, приюты, больницы имели своих попечителей и покровителей, часто носили их имена. И сегодня уже можно говорить о том, что традиция эта жива. Так, Владислав Тетюхин, «титановый король вся Руси», как его называли в бизнес-сообществе, бывший совладелец «Корпорации ВСМПО-Ависма», доктор технических наук, всё своё состояние потратил на строительство самого современного лечебно-реабилитационного центра в Нижнем Тагиле. Центр оборудован пятью операционными, стоимость каждой равняется 10 миллионам евро. Людям со всей России и других стран проводят сложнейшие операции, помогают восстанавливаться после тяжелейших травм, возвращая их к полноценной жизни.

Благотворительность огромна и пестра как сама жизнь. Сегодня, наряду с традиционными формами благотворительности, появляются инновационные формы, адаптированные к современным условиям. Наблюдается процесс активизации и распространения таких инновационных форм как эндаумент, фандрейзинг, венчурная благотворительность, меценат-партнёрская, краутфандинг...

Благотворительность сегодня является «материализованным» проявлением социально-экономических и культурных трансформаций, под которыми понимается поступательное и динамичное развитие общества.

1. Анисина Е.А. Доминанты благотворительных практик современного российского бизнеса (на примере г. Рязани) // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2016. № 1 (54). С. 87-93.

2. Медведников Г. История рода Медведниковых [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mko.ru/rus/gmedvednikov1.shtml> 16.02.2004 Загл. с экрана.

АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ С ОВЗ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ Г. БАРНАУЛЕ

Антонович И.В. (Барнаул)

Аннотация. В статье предлагается анализ основных направлений организации социальной работы с детьми инвалидами в РФ, а также раскрывается система оказания помощи и поддержки семьям, воспитывающим детей-

инвалидов, в Алтайском крае. Проведенный анализ позволил выявить особенности социальной работы детей инвалидов в регионе.

В современных условиях развития нашего общества актуальным является вопрос об организации социального обслуживания с детьми, имеющими особые потребности. Это особенно важно при реализации Государственных программ в интересах детей и организации доступной среды в нашей стране. Роль поставщиков социальных услуг детям с особыми потребностями берут на себя, прежде всего, государственные социальные учреждения.

Совершенствование и развитие системы оказания помощи и поддержки семьям, воспитывающим детей-инвалидов, является одним из приоритетов социальной политики Алтайского края. Сеть учреждений социального обслуживания детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья Алтайского края представлена 4 реабилитационными центрами для детей и подростков с ограниченными возможностями, 3 домами-интернатами для умственно отсталых детей, 36 отделениями социальной реабилитации детей с ограниченными умственными и физическими возможностями в территориальных центрах социальной помощи семье и детям. В краевых реабилитационных центрах для детей и подростков с ограниченными возможностями детям и их родителям предоставляются услуги комплексной реабилитации. Спектр предоставляемых услуг постоянно расширяется, внедряются новые технологии работы. Семьям, воспитывающим детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья, оказываются услуги непрерывного сопровождения по месту жительства. Для семей, проживающих в отдаленных районах края, специалистами реабилитационных центров для детей и подростков с ограниченными возможностями организуется выездное консультирование. Мобильные бригады специалистов проводят комплексную диагностику детей-инвалидов, консультируют родителей по проведению домашней реабилитации. В территориальных центрах социальной помощи семье и детям оказывают услуги психологи, логопеды, педагоги дополнительного образования и социальные педагоги. Специалистами для детей с различной нозологией проводятся индивидуальные и групповые занятия. Непрерывное сопровождение осуществляется в рамках следующих программ: «Библиотека развивающих игр и специальной литературы «Непоседы», групп развития «Пейзажи на стекле», «Капелька», «Дети солнца», «Логоритмика», «Вместе с мамой» (занятия по системе Монтессори), «Маленькие ступеньки», «Лекотека», «Открытый детский сад», «Мастерская развивающих игрушек», групп взаимопомощи.

В данную систему помощи детям с ОВЗ также относятся некоммерческие, общественные и благотворительные организации («Ступени» (Алтайская краевая общественная организация родителей детей-инвалидов с аутизмом), «Незабудка» (Алтайская краевая общественная организация родителей детей-инвалидов и инвалидов детства), «Российский Красный Крест» (Алтайское краевое отделение Общероссийской общественной организации), «Цветная планета» (Алтайская региональная общественная организация) и др.). [1].

Одной из наиболее востребованных форм социального обслуживания детей-инвалидов, осуществляемой специалистами территориальных центров социальной помощи семье и детям, является социальное обслуживание детей-инвалидов на дому (или домашнее визитирование).

На базе Краевого реабилитационного центра для детей и подростков с ограниченными возможностями «Журавлики» (г. Барнаул) создан методический кабинет, оснащенный современной литературой, видео- и аудиоматериалами, офисной техникой. Услуги методического кабинета предоставляются специалистам учреждений различной ведомственной принадлежности. Организовано обучение специалистов современным технологиям ранней помощи. Специалистами Краевого реабилитационного центра для детей и подростков с ограниченными возможностями «Журавлики» (г. Барнаул) разработано 3 методических пособия для педагогов и специалистов по социальной работе. Специалистами Центра ранней помощи для детей с нарушениями развития, расположенного на базе детской поликлиники 3 г. Барнаула, разработано методическое пособие в помощь врачам-педиатрам. В рамках краевой целевой программы «Растем и развиваемся вместе» создан интернет ресурс для заботливых родителей и заинтересованных специалистов который включает разделы: «Копилка заботливых родителей», «Мой особый ребенок», методический раздел для специалистов, индивидуальные странички межведомственной команды специалистов Ресурсного центра региональной программы (Краевой реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями «Журавлики» г. Барнаула). В главном меню размещена информация о деятельности Ресурсного центра, новости, видеоуроки для родителей.

Организована работа форума, на котором обсуждаются самые важные вопросы, возникающие как у родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья.

Приказ Главного управления по социальной защите населения и преодолению последствий ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне (Главалтайсоцзащита) от 28 ноября 2014 года № 401 «Об утверждении Порядка формирования и ведение реестра поставщиков социальных услуг» регламентирует каким образом осуществляется включение поставщиков социальных услуг, основания, по которым может быть отказано или прекращено включение в реестр. [2]. Поставщики социальных услуг должны реализовывать информационную доступность о их деятельности через размещение на информационных стендах в помещениях поставщиков социальных услуг, в средствах массовой информации, в сети «Интернет», в том числе и на официальном сайте поставщика социальных услуг [3].

В Алтайском крае законодательно регламентированы показатели, характеризующие качество государственной услуги (работы) и краевые государственные учреждения или их группы, оказывающие государственную услугу (выполняющие работу); условия для организации проведения независимой оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания; утвержден перечень показателей эффективности деятельности краевых государственных (муниципальных) учреждений социального обслуживания населения, их руководителей и работников по критериям их оценки, показатели качества и оценки результатов предоставления социального обслуживания.

Реализацию гарантированных государством прав и удовлетворение основных потребностей, а также дальнейшее включение в общество детей с ограниченными возможностями также осуществляют семья, школа, лечебные и реабилитационные учреждения, общество в целом. Социальный работник является связующим звеном между семьей ребенка, имеющего ограниченные возможности, и субъектами семейной политики (органы государственного управления, трудовые коллективы, общественные, общественно-политические, религиозные организации, профсоюзы, общественные движения). В функции социального работника входят организация юридической, медицинской, психолого-педагогической, материальной и другой помощи, а также стимулирование усилий семьи по приобретению экономической независимости в условиях рыночной экономики. Психолог занимается диагностикой проблем психологического климата в семье, консультированием и коррекцией психологического состояния и поведения членов семьи, анализом обстановки вокруг семьи, по необходимости работой с окружающими. Органы народного образования проводят обучение ребенка (составление и коррекция индивидуальных программ, анализ качества, организация общения ребенка со сверстниками), занимаются устройством других детей в детские учреждения, специальные детские сады, а также вопросами профориентации, трудоустройства, оформлением в специализированные учреждения. Органы здравоохранения берут на учет, составляют характеристики семьи с учетом всех ее членов; занимаются диспансерным наблюдением, рекомендациями по профориентации и трудоустройству, санаторно-курортному лечению, оформлению документов, по медицинской технике, оформлением в специализированные учреждения, реабилитацией. Органы социальной защиты вносят изменения и дополнения по социальному обеспечению, предоставляют льготы и услуги, организуют материальную и другие вид помощи, санаторно-курортное лечение, корректировку действий, оформление в специализированные учреждения. Органы социальной защиты состоят из: центра трудоустройства (трудоустройство матери и отца); предприятия по организации работы на дому; центра профориентации (профориентация ребенка с ограниченными возможностями). Юрист дает консультации по вопросам законодательства и права, правам семьи, льготам, нарушению прав, юридической защите, вопросам трудоустройства и организации семейных предприятий. Благотворительные организации, оказывают натуральную помощь, организуют коммуникативные услуги; торговые организации производят снабжение продуктами питания, детскими товарами, мебелью, техникой, книгами и др. Городская и районная исполнительная власть занимается организацией семейных предприятий, семейного бизнеса, реабилитационных центров. Благодаря реализации государственных и региональных программ («Доступная среда», «Дети Алтая» и др.) происходит модернизация социального обслуживания детей с ОВЗ в г. Барнауле.

Таким образом, социальное обслуживание населения в Алтайском крае направлено на предотвращение обстоятельств, способных ухудшить или ухудшающих условия жизнедеятельности людей. Созданы, реестр поставщиков социальных услуг, регистр получателей социальных услуг и информационная система, обеспечивающая реализацию функционала реестра

и регистра, на региональном уровне. Определен уполномоченный орган, отвечающий за сбор, хранение и передачу информации регистра или реестра. Социальное обслуживание реализуется на договорной основе (заявление, договор). Закреплены права и обязанности получателей социальных услуг и поставщиков социальных услуг. Социальное обслуживание основано на межведомственном взаимодействии.

1. Координационный совет по делам инвалидов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Главного управления Алтайского края по труду и социальной защите. – Режим доступа: <http://www.aksp.ru> (дата обращения: 17.05.2017).
2. Приказ Главного управления по социальной защите населения и преодолению последствий ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне (Главалтайсоцзащита) от 28 ноября 2014 года № 401 «Об утверждении Порядка формирования и ведение реестра поставщиков социальных услуг» [Электронный ресурс] // Система Гарант. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/7367315/> (дата обращения: 22.04.2017).
3. Реестр поставщиков социальных услуг: [Электронный ресурс] // Министерство труда и социальной защиты населения АК. – Режим доступа: http://www.aksp.ru/otrasl/soc_reestr/ (дата обращения: 23.05.2017).

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С ОСОБЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: РОЛЬ, ОЦЕНКА ЭКСПЕРТОВ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Бабушкина Е.В. (Барнаул)

Социокультурная реабилитация представляет собой комплекс мер, направленных на восстановление человека в правах, социальном статусе, здоровье, а также дееспособности. Этот процесс нацелен не только на восстановление способности человека к жизнедеятельности в социальной среде, но и самой социальной среды, условий жизнедеятельности, нарушенных или ограниченных по каким-либо причинам. Социально-культурная реабилитация составляет важный элемент реабилитационной деятельности, удовлетворяет блокированную у инвалидов потребность в информации, в получении социальных, культурных услуг, в доступных видах творчества.[1, с. 22]

Для Алтайского края проблема социокультурной реабилитации молодого лица с ограниченными возможностями принадлежит к числу наиболее важных и актуальных, так как рост численности инвалидов выступает в качестве устойчивой тенденции нашего социального развития, и пока нет точных данных, свидетельствующих о стабилизации положения или об изменении этой тенденции.

Проведено социологическое исследование в рамках данной проблемы. Методом исследования выбран экспертный опрос. Экспертами выступили специалисты в данной области, которые уже занимаются изучением проблемы на протяжении многих лет. В ходе беседы на вопрос «Эффективна ли деятельность организаций, существующих в Алтайском крае по социокультурной реабилитации молодых людей с ограниченными возможностями?», 70% респондентов ответили, что данные организации помогают инвалидам, в том числе молодым инвалидам, в формировании социально активной жизненной позиции. Благодаря используемым технологиям реабилитации в таких организациях, молодые инвалиды становятся более подготовленным к различным жизненным ситуациям, обучаются способам решения проблем на месте и сразу, становятся более решительными. Так респондент №1 рассказал, что «... в Алтайском крае существует несколько подобных организаций, действительно помогающие молодым инвалидам адаптироваться к меняющимся каждый день условиям жизни тем, что, вовлекая их в разнообразную творческую и общественную деятельность, каждый инвалид чувствует себя полезным и нужным обществу. По моему мнению, это самое главное, чтобы каждый инвалид, тем более в таком возрасте, нашел себя, «не спрятался» где-то дома, а показал всем, что инвалиды могут много чего добиться в этой жизни...» Действительно, не каждый здоровый человек сможет добиться таких успехов. Ведь многие респонденты-инвалиды участвовали в таком большом количестве мероприятий, что стоит только позавидовать их усидчивости, терпению и желанию что-то делать.

Респондент № 2 заметил, что «... приняв участие в одном мероприятии, инвалиды не расслабляются, а сразу занимают себя чем-то другим. Такие организации, как Оркестр

музыкотерапии «Импровиз», под руководством Антона Черепанова, «Клуб интегрированного общения «Будь со всеми и оставайся собой»», под руководством Дарьи Михайлец, Комплексные центры социального обслуживания населения города Барнаула, некоммерческие организации: «Журавлики», «Незабудка» и т.д., помогают молодым инвалидам найти себя, приобрести новый положительный социальный опыт. Конечно, в обществе существуют стереотипы, в которых людей с ограниченными возможностями не воспринимают как самостоятельную личность и термин «человек с ОВ» звучит пугающе, что очень отталкивает, скажем, работодателей. Очень часто именно по причине инвалидности (а может, нежелания работодателей брать на себя ответственность) человеку с ограниченными возможностями очень сложно реализовать себя в профессиональной сфере. Но не стоит забывать, что они всего лишь ограничены по состоянию здоровья, но их действия не ограничены ни в чем. И это подтверждается. А данные организации стараются избавить современное общество от подобных стереотипов, привлекая инвалидов в различные проекты, гранты, фестивали и мероприятия».

Важным вопросом в ходе беседы с экспертом поднята тема эффективности инновационных технологий реабилитации в работе с молодыми инвалидами. Существуют много видов реабилитации: сказкотерапия, библиотерапия, музыкотерапия, гарденотерапия, иппотерапия и другие, но появляются новые инновационные виды социокультурной реабилитации молодых инвалидов, такие как песочная терапия, основоположником которой является К. Г. Юнг, фототерапия, впервые описанная М.Е. Бурно, видеотерапия и др.

На данный вопрос респондент №5 считает, что «...существует несколько видов реабилитации, такие как медицинская – это полное или частичное восстановление физического здоровья, психологическая – это работа с переживаниями и травмами психики человека с особыми потребностями, социокультурная – это работа с состоянием социальной адаптации, восприятия. Но именно медицинская реабилитация более эффективна, чем другие, поскольку именно она первична и позволяет эффективно осваивать и участвовать в процессе дальнейшей реабилитации и видах реабилитации...».

Респондент № 3 и респондент №7 сошлись во мнениях, сказав, что среди всех видов социальной реабилитации самым эффективным выбрать один невозможно, так все они тесно взаимосвязаны между собой. Респондент №4 пояснил, что «...искусство и культура являются прекрасными образовательными и реабилитационными средствами, обеспечивающими: развитие разнообразных жизненно важных познавательных навыков, повышение уровня самооценки личности, творческое самовыражение, развитие навыков общения и формирование активной жизненной позиции. Творчество способно сделать жизнь многих инвалидов богатой и содержательной. К организации крупных мероприятий (фестивалей, концертов, конкурсов, театрализованных представлений, вечеров отдыха и др.) в Алтайском крае привлекаются любые специалисты (социальные работники, врачи, психологи и др.) и волонтеры, так как их помощь необходима. В нашем регионе мероприятия по социально-культурной реабилитации инвалидов имеют место быть, среди них: концерты художественной самодеятельности, вернисажи выставок изобразительного творчества инвалидов, занятия музыкально-драматического коллектива, занятия вокальной студии, занятия в школе компьютерной грамотности, занятия в школе ремесел, занятие в студии рисования, занятие в кружках вышивания, художественного вязания, шитья, скульптуры, а также занятия в хореографической студии».

Респондент №8 считает, что «...социальная реабилитация инвалидов важна не столько сама по себе. Она важна как средство интеграции лиц с ограниченными возможностями в социум, как механизм создания равных возможностей инвалидам, для того чтобы быть социально востребованными. В общественных организациях активно применяют новые инновационные технологии реабилитации. Так студентка Алтайского государственного университета образовала свой клуб, направленный на адаптацию инвалидов в молодом возрасте и их интеграцию в общество. Это здорово, когда появляются инновации, а специалисты в этой области их с риском, но применяют в своей деятельности...».

Исходя из вышесказанного, социальная реабилитация представляет собой комплекс мер, направленных на создание и обеспечение условий для социальной интеграции инвалидов, восстановление или формирование социального статуса, утраченных общественных связей на всех уровнях. Существующие в Алтайском крае организации помогают инвалидам, в том числе молодым инвалидам, в формировании социально активной жизненной позиции. Благодаря используемым технологиям реабилитации в таких организациях, люди с особыми потребностями становятся более подготовленным к различным жизненным ситуациям, обучаются способам

решения проблем, становятся более решительными и устойчивыми в кризисных ситуациях. Под руководством Главного управления Алтайского края по социальной защите населения, комитета по социальной поддержке населения Барнаула, Центрального дом-интерната для престарелых и инвалидов, АКООРДИД «Незабудка» и «Журавлики», Клуба интегрированного общения «Будь со всеми и оставайся собой», а также различных общественных организаций в Алтайском крае проходят масштабные, интересные, всем запоминающиеся фестивали и конкурсы среди лиц с ограниченными возможностями. Все респонденты-специалисты в этой области высказывают только положительные стороны в адрес данных мероприятий и их организаторов.

1. Антонович И.В. Практика внедрения инклюзивного образования в Алтайском крае //И.В.Антонович, А.С.Качур // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии /Сб. ст. по материалам XL междунар. науч.-практ. конф. № 5 (40). Новосибирск: СибАК, 2014. – 45 с.
2. Григорьев С.И. Социальная работа с молодежью: Учебник для студентов вузов / С.И. Григорьев, Л.Г. Гусякова, С.А. Гусова. – М.: Гардарики, 2006. – 204 с.
3. Игнатенко А.В., Сиротина Т.В. Реализация инклюзивного образования в Алтайском крае в оценках экспертов// Труды молодых ученых Алтайского государственного университета, 2015. Т. 2. № 12. - С. 76-79.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ НАРУШИТЕЛЕЙ ТРУДОВОЙ (ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ) ДИСЦИПЛИНЫ В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Белоногов Ю.Г. (Пермь)

Аннотация. Текущее состояние рабочей силы и нарушения трудовой дисциплины значительно дестабилизировали деятельность хозяйствующих субъектов в условиях централизованного планового производства. На основе нормативно-правовых актов 1929-1940 гг. рассматривается динамика социальной политики по отношению к нарушителям трудовой дисциплины. Выбор методов социальной политики (а также эффективность их применения) во многом зависел от изменения в соотношении спроса и предложения на рынке труда. Нормативно-правовые акты 1938 и 1940 годов стали «водоразделом» в государственной политике по снижению издержек от нарушений трудовой дисциплины и фрикционной безработицы.

Великая Октябрьская социалистическая революция проходила под лозунгом освобождения трудящихся от несправедливой эксплуатации и контроля их трудовой деятельности со стороны буржуазии. В соответствии с марксистской идеологией, полагалось, что в новом обществе с более сознательным рабочим классом, изживутся свойственные капиталистической системе пороки пролетариата, в частности, нарушения трудовой дисциплины. Однако реальная практика периодов военного коммунизма и индустриализации показала значительную иллюзорность данных представлений.

Борьба против нарушителей трудовой дисциплины активизировалась на рубеже 1920–1930-х годов в условиях смены экономического курса развития народного хозяйства. Индустриализация предполагала усиление плановых начал в государственном регулировании экономики, а выполнение напряженных плановых заданий было возможно только при условии стабильного кадрового состава промышленных предприятий. Более того, для устранения несоответствия между масштабностью задач индустриализации и ограниченностью материальных ресурсов для их исполнения советское руководство неизбежно было вынуждено активизировать механизмы внеэкономического принуждения к интенсификации труда. Это закономерно приводило к обратному эффекту – росту нарушений трудовой дисциплины среди трудящихся. В конце 1930-х годов нарушения трудовой дисциплины (систематические опоздания, прогул без уважительных причин, мелкие кражи на производстве и т.п.) стали одним из очень немногих сохранившихся легальных оснований для получения желаемого увольнения и поиска нового места работы с более лучшими условиями труда и социального обеспечения.

Итак, практика начавшейся форсированной индустриализации показала неразрывную связь между необходимостью укрепления трудовой (производственной) дисциплины и снижения текучести (незапланированного «перетока») рабочей силы с одного предприятия на другое.

С конца 1920-х годов усилия руководства страны в этом направлении проводились в рамках трудового права и свойственными данной отрасли способами (мерами дисциплинарного воздействия, регулированием условий труда и социального обеспечения). В условиях превышения предложения рабочей силы над спросом на рынке труда, характерного для ситуации НЭПа,

государство в целях снижения текучести рабочей силы и укрепления трудовой дисциплины повышало престижность добросовестной деятельности на одном месте работы. Постановление СНК СССР от 6 марта 1929 г. обязывало биржи труда при посылке на работу безработных отдавать предпочтение лицам, которые не подвергались увольнению за грубое или систематическое нарушение трудовой дисциплины [3, ст. 2]. Аналогичное постановление от 5 июля 1929 г. устанавливало, чтобы при предоставлении работникам жилья из жилищных фондов предприятий, направлении на курсы повышения квалификации или продвижении внутри организации на более квалифицированную работу учитывались как длительность пребывания работников на предприятии, так и степень соблюдения ими трудовой дисциплины [4, ст. 1].

В 1930-е гг. руководство страны для снижения экономических издержек от текучести рабочей силы и нарушений трудовой дисциплины уже более последовательно пошло по пути расширенного толкования понятия «прогул», увеличения перечня дисциплинарных взысканий, снижения уровня социальной обеспеченности работника в случае перемены места работы. Так, Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 ноября 1932 г., вносившее поправки в КЗоТ 1922 г., предусматривало обязательное увольнение работника за однодневный прогул, причем работник должен был сдать продуктовую и промтоварную карточки (в СССР того времени существовала карточная система обеспечения), а также освободить ведомственную жилплощадь [2, ст. 2]. Согласно Постановлению СНК СССР, ЦК ВКП(б), ВЦСПС от 28 декабря 1938 г., рабочие и служащие, уволенные за нарушения трудовой дисциплины, совершение преступления, а также ушедшие по собственному желанию, лишались права на пособие по временной нетрудоспособности в течение первого полугодия работы на новом месте. Очередной отпуск предоставлялся только по истечении 11 месяцев непрерывной работы на предприятии и учреждении. Суды отказывали в исках о восстановлении в должности тем работникам, уволенным за систематические опоздания или преждевременный уход с работы [1, с. 147]. Одновременно Постановление предусматривало меры поощрения трудолюбивых и дисциплинированных работников: права на получение льгот ставились в прямую зависимость от непрерывного стажа работы и добросовестного отношения к труду [5].

В Постановлении 1938 г. получили самое последовательное развитие традиционные с начала 1930-х годов методы, предусматривавшие расширение мер дисциплинарной ответственности и регулирование социальным обеспечением для снижения текучести рабочей силы. Однако в условиях превышения спроса над предложением на рынке труда правоприменительная практика его реализации показала крайне низкую эффективность. Ограничение возможностей для увольнения привело к росту нарушений трудовой дисциплины. Фиксировавшееся увеличение числа прогулов и последующих увольнений свидетельствовало о стремлении работников повысить свой уровень жизни за счет перехода на предприятие с лучшими условиями труда и быта. Складывалась парадоксальная ситуация: курс на повышение трудовой дисциплины реально усиливал экономическую проблему текучести кадров и, тем самым, обострял конкуренцию среди предприятий за рабочую силу. При этом в проигрышном положении оказывались организации с наименее развитой социальной инфраструктурой. Формировалась институциональная ловушка: чем лучше руководители будут соблюдать новшества трудового законодательства, тем с большими проблемами они будут сталкиваться при выполнении плановых показателей. Поэтому в условиях начавшейся Второй мировой войны хозяйственные руководители, стараясь сохранить ценные кадры, не соблюдали данное Постановление и не увольняли нарушителей трудовой дисциплины.

В ситуации острого дефицита рабочей силы и необходимости интенсификации труда советское государство было вынуждено изменить методы в интересующей нас социальной политике, сделав акцент на применение уголовной ответственности за нарушения трудовой дисциплины и максимальное административное ограничение перехода рабочей силы. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. вводил важную новацию: за опоздание и самовольный уход с работы трудящиеся отныне подлежали уголовному наказанию в виде исправительно-трудовых работ по месту работы (максимальный срок – до 6 месяцев) и вычету до 25% от зарплаты, при этом было отменено обязательное увольнение за прогул. В случае рецидива работнику грозило тюремное заключение [6]. Ставший ответом на низкую эффективность предшествующей политики по снижению экономических издержек от текучести рабочей силы и нарушений трудовой дисциплины, этот Указ на полтора десятилетия заложил основу для законодательной базы, предполагавшей доминирование внеэкономического принуждения к труду, подкрепляемого жесткими карательными санкциями.

1. Добровольский А. А. Правотворческая политика государства в области укрепления дисциплины труда в СССР в конце 1930-х гг. // *Власть*. 2014. №3. С. 146–148.
2. Об изменении ст. 47 Кодекса законов о труде и дополнении его ст. 47.1. Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров РСФСР от 20 ноября 1932 г. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения 11.08.2017).
3. О мерах к укреплению трудовой дисциплины в государственных предприятиях. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 6 марта 1929 г. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения 11.08.2017).
4. О мерах к улучшению производственного режима и укреплению трудовой дисциплины в предприятиях. Постановление Совет Народных Комиссаров СССР от 5 июля 1929 года. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/> (дата обращения 11.08.2017).
5. О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б), ВЦСПС от 28.12.1938 г. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=4429> (дата обращения 11.08.2017).
6. О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Указ Президиума ВС СССР от 26.06.1940 г. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3573> (дата обращения 11.08.2017).

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ КАК НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

Бистяйкина Д.А., Панькова Е.Г. (Саранск)

С целью изучения и анализа опыта и оценки эффективности применения и реализации традиционных и инновационных технологии социальной работы с несовершеннолетними (на примере отделения по делам несовершеннолетних Пролетарского района УМВД отделения полиции №4 России по г.о. Саранск), нами было проведено социологическое исследование методом опроса экспертов (февраль- май 2017 г).

Всего было опрошено 20 человек: 4 инспектора ОДН, 4 участковых уполномоченных Отдела полиции № 4 УМВД России по г.о. Саранск, 3 сотрудника детских садов, 4 заместителя директоров образовательных учреждений, 4 сотрудника учреждений социальной защиты населения Пролетарского района г.о. Саранск, 4 научных сотрудника. Большинство опрошенных - женщины (70,0 %), соответственно 30,0 % - мужчины. Все эксперты имеют высшее образование.

Никто из опрошенных экспертов незначительно не оценил опасность безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних для общества в целом. Все респонденты отметили исключительную серьезность данной проблемы и важность проводимой работы по ее решению. Так, вариант ответа «это серьезная, но разрешимая проблема» выбрали 10,0 %, «это серьезная, неразрешимая проблема» (при этом экспертом была сделана ремарка, если рассматривать детскую безнадзорность и правонарушения среди подростков как социальное явление, в исторической ретроспективе – это явление имело и будет иметь место всегда в условиях общества, тем более рыночного) - 5,0 %, «это крайне опасная проблема для общества в целом» - 85,0 %.

На вопрос «Как бы Вы оценили социальную ситуацию в области правонарушений, безнадзорности несовершеннолетних в г.о. Саранск за последние 5 лет?» были получены следующие ответы: ситуация не изменилась (15,0 %), ситуация изменилась в худшую сторону (35,0 %), ситуация изменилась в лучшую сторону (40,0 %), затрудняюсь ответить (10,0 %).

При этом инспектора ОДН и участковые уполномоченные Отдела полиции № 4 УМВД России по г.о. Саранск ответили очень развернуто на данный вопрос, что связано с характером их деятельности и тем, что они оперируют наиболее точной и актуальной информацией и статистическими данными в области правонарушений, безнадзорности несовершеннолетних в г.о. Саранск. Эксперты-инспекторы отметили, что в течение нескольких последних лет, вплоть до 2015 года отмечалось незначительное, но снижение числа преступлений совершенных несовершеннолетними. По уровню преступности наша республика занимает предпоследнее место по ПФО. Однако, анализ ситуации в Мордовии за первые пять месяцев 2016 года показал

тенденцию резкого роста количества преступлений, совершенных подростками (на 33,0 % больше, чем за этот же пятимесячный период в 2015 году.). Всего за 2016 года число несовершеннолетних преступников в Мордовии увеличилось на 10,0 %, в г.о. Саранск на 10,7 %, при этом в совершении преступлений приняло участие меньше подростков на 11,4%. С другой стороны возросло количество подростков-рецидивистов и ребят, пошедших на преступление под воздействием наркотиков. Основная часть правонарушителей является школьниками и студентами техникумов и училищ. Особо остро стоят проблемы алкоголизации и наркотизации подрастающего поколения. В сфере незаконного оборота наркотиков 40 преступлений совершили 30 юношей и девушек, 14 из которых состояли на учете в ОДН.

За январь 2017 года в столице республики было зарегистрировано 333 преступления. Это 45,0 % от всех преступлений, зарегистрированных в Мордовии. По сравнению с январем 2016 года в г. о. Саранске наблюдается снижение преступности на 8,3 %. В Октябрьском районе на 23,0 %, Пролетарском районе – на 22,0 %. Однако в Ленинском районе зафиксирована обратная тенденция, рост преступности в центре города составил 15,3 %.

Н вопрос «Как бы Вы оценили проводимую в г.о. Саранск работу по профилактике правонарушений, безнадзорности и защите прав несовершеннолетних?» большинство респондентов ответили, что «организована на среднем уровне (в целом эффективна, но имеются пробелы)» (55,0 %), «организована на высоком уровне и крайне эффективна» (15,0 %), «организована на низком уровне и не эффективна» (10,0 %), «затрудняюсь ответить» (5,0 %).

По мнению экспертов программы в области профилактики правонарушений, безнадзорности и защите прав несовершеннолетних, реализуемые в г.о. Саранск: «Укрепление общественного порядка и обеспечение общественной безопасности в городском округе Саранск», «Безопасность жизнедеятельности населения г.о. Саранск», «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту в г. о. Саранск» являются достаточно эффективными, достигают своих целей. В целом слова экспертов подтверждаются и отчетами об эффективности реализации данных муниципальных программ.

Большое внимание уделяется проведению мероприятий, направленных на профилактику алкоголизма и наркомании. Например, инспекторы ОДН и участковые уполномоченные ОП № 4 УМВД России по г.о. Саранск отметили операцию «Алкоголь – подросток», которая организуется на протяжении 4-х лет и уже стала традиционной. Операция обычно проходит в летний период, является межведомственной, в ее проведении принимают участие более 30 сотрудников органов и учреждений районной системы профилактики. В ходе операции проводится разъяснительная работа среди несовершеннолетних, состоящих на учете [1].

Также с особым вниманием как инспекторы ОДН и участковые уполномоченные ОП № 4 УМВД России по г.о. Саранск, так и специалисты учреждений социальной защиты, органов опеки и попечительства относятся к семейному неблагополучию. Рейды по социально неблагополучным семьям, их патронаж – практически повседневная работа опрошенных нами экспертов. Однако, несмотря на это, в большинстве случаев «неблагополучие детей – есть следствие неблагополучия родителей», а это значит, что проводимая работа недостаточно эффективна в области повышения педагогической культуры родителей, формирования ответственного родительства, патронажа семей группы риска, и первичной профилактике семейного неблагополучия.

Инспекторы ОДН и участковые уполномоченные ОП № 4 УМВД России по г.о. Саранск, отметили, что недостаточно эффективна работа по вовлечению молодежи в добровольческую деятельность, это связано с тем, что наиболее проявляет добровольческие инициативы студенческая молодежь, в то время как несовершеннолетние группы риска – в основном ученики школ и училищ.

Дискуссионным остается вопрос об эффективности социальной рекламы. На сайтах МВД, в учебных заведениях, учреждениях здравоохранения - в обязательном порядке выкладываются или выставляются информационные материалы, рекламные проспекты профилактической направленности. При этом на радио, телевидении, на баннерах, в общественном транспорте, на территории досуговых учреждений, которые посещают подростки (кинотеатры, кафе и т.д.), в социальных сетях и вообще на просторах интернета очень мало наглядной и действенной социальной рекламы.

Наиболее успешными, результативными и эффективными являются меры и технологии работы с несовершеннолетними направленные на организацию их досуга, занятости во внеурочное и каникулярное время, проведение разъяснительных мероприятий об административной и уголовной ответственности за совершение правонарушений. Большое

внимание уделяется проведению мероприятий, направленных на профилактику алкоголизма и наркомании, но количество случаев употребления алкоголя и наркотических средств, совершения преступлений в состоянии алкогольного и наркотического состояния остается стабильно высоким. Дискуссионным остается вопрос об эффективности социальной рекламы.

На наш взгляд целесообразно проводить работу по повышению эффективности используемых традиционных технологий, с одной стороны и внедрять инновационные технологии социальной работы с другой. [2]. Представляется актуальным рассматривать профилактику правонарушений несовершеннолетних – как элемент семейной политики и больше внимания уделять первичной профилактике семейного неблагополучия. Актуальна апробация современных образовательных и социальных технологий (например, создание межведомственных опорных площадок по работе с детьми группы риска, служб примирения), функционирование служб экстренного реагирования (выезжающие для оказания неотложной помощи несовершеннолетним, находящимся в конфликте с законом) и проч.

1 В Пролетарском районе Саранска с 23 по 29 июня прошла оперативно-профилактическая операция «Алкоголь-подросток» [Электронный ресурс]. - Режим доступа : http://www.adm-saransk.ru/news/?ELEMENT_ID=13045&phrase_id=270202

2 Панькова Е.Г., Палибина А.С., Соловьева Т.В., Бистяйкина Д.А. Муниципальная политика по улучшению социально-экономического положения семьи // Дискуссия (журнал включен в перечень ВАК). – 2017. - № 2. – С.62-71

1 В Пролетарском районе Саранска с 23 по 29 июня прошла оперативно-профилактическая операция «Алкоголь-подросток» [Электронный ресурс]. - Режим доступа : http://www.adm-saransk.ru/news/?ELEMENT_ID=13045&phrase_id=270202

2 Панькова Е.Г., Палибина А.С., Соловьева Т.В., Бистяйкина Д.А. Муниципальная политика по улучшению социально-экономического положения семьи // Дискуссия (журнал включен в перечень ВАК). – 2017. - № 2. – С.62-71

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ВETERАНАМИ ВОЙНЫ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ МОРДОВСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВETERАНОВ (ПЕНСИОНЕРОВ) ВОЙНЫ, ТРУДА, ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВХ

Бистяйкина Д.А. (Саранск)

В настоящее время важными субъектами социальной работы с ветеранами войны являются не только учреждения государственной системы социальной защиты, но и общественные объединения и организации [1].

Мордовское региональное отделение Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооружённых Сил и правоохранительных органов также действует в соответствии с данным Уставом. Анализ отчета о работе Мордовского регионального отделения за 2011-2016 годы позволяет сделать выводы об эффективности его работы. Так, согласно данному отчету, за отчетный период проведено 39 объединенных заседаний президиумов Совета и Комитета ветеранов Республики Мордовия, 11 пленумов, 3 внеочередных конференции, собрание ветеранского актива, 12 семинаров-совещаний. На них рассмотрено 167 вопросов организационного характера, социальной защиты пожилых людей, духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи, которые способствовали активизации деятельности ветеранских организаций всех уровней, участия ветеранов (пенсионеров) в общественно-политической жизни и развитии гражданского общества.

Повышение уровня и качества жизни ветеранов Великой Отечественной войны, тружеников тыла военных лет, укрепление защиты их прав, предоставление социальных услуг и оказание адресной помощи были и остаются непосредственными задачами Правительства Республики Мордовия и регионального отделения ветеранской организации. Ветеранские организации активно сотрудничают с другими субъектами социальной защиты ветеранов ВОВ, что позволяет говорить о применении механизмов социального партнерства и межведомственного взаимодействия.

Так, совместно с органами социальной защиты населения в рамках программ «Ветеранам – достойную жизнь» и «Ветеранам глубинки – народное внимание и заботу» районными

организациями ветеранов проведена социальная паспортизация участников, вдов погибших (умерших) участников Великой Отечественной войны. Проверены условия их жизни, приняты необходимые меры помощи. С Мордовским республиканским отделением «Российского фонда милосердия и здоровья» проведены акции «Сердоболие», «Мы с Вами», «Поддержка пожилых и инвалидов», «От сердца к сердцу», «Исцеление», направленные на оказание материальной и моральной поддержки малоимущих и социально незащищенных пожилых людей, инвалидов и одиноко проживающих. В результате этих акций материальную помощь получили около 21 тысячи человек и 1800 человек обучено основам компьютерной грамотности [2].

Так, согласно Отчету о деятельности Министерства социальной защиты РМ за 2015 г. на учете в органах социальной защиты состоят 718 участников и инвалидов Великой Отечественной войны, 82 военнослужащих, проходивших военную службу в воинских частях, не входивших в состав действующей армии, 16462 труженика тыла, 4000 вдов погибших (умерших) участников и инвалидов войны, 54 человека, награжденных знаком «Жителю блокадного Ленинграда», а также 49 несовершеннолетних узников концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания [2].

Министерством социальной защиты РМ проведена социальная паспортизация всех ветеранов Великой Отечественной войны, вдов погибших (умерших) участников Великой Отечественной войны, с целью выявления нуждающихся в улучшении жилищных условий и постановки их на соответствующих учет, а также оказанию содействия в решении проблем ветеранов.

С целью анализа качества и доступности социальных услуг населению Республики Мордовия в 2015 г. с участием Саранской городской общественной организацией «Ассоциация интеллектуально – творческой молодежи» ежеквартально проводится выборочное анкетирование получателей социальных услуг в форме социального обслуживания на дому. Доля граждан, удовлетворенных качеством социальных услуг, в разрезе по кварталам 2015 года: 1 кв. – 97,5 %; 2 кв. – 98,8 %; 3 кв. – 96,6 %; 4 кв. – 100%. [2]

Для того, чтобы изучить мнение самих ветеранов об эффективности работы субъектов социальной защиты, и в частности Мордовского регионального отделения Всероссийской общественной организации ветеранов (пенсионеров) войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов, нами был проведен опрос ветеранов в форме анкетирования. Респонденты - ветераны Великой Отечественной войны, были отобраны по принципу целевой выборки (60 человек) (охваченные деятельностью Мордовской общественной организации ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов).

Социально-демографическая характеристика опрошиваемых выглядит следующим образом: по полу: 87,6 % - мужчины., 12,4 % - женщины. Участники Великой Отечественной войны – 74 %, инвалиды Великой Отечественной войны – 26 %.

Анализ показал, что деятельность учреждений социальной защиты Республики Мордовия в отношении ветеранов Великой Отечественной войны оценивается достаточно высоко: 28,0 % - «вполне удовлетворены» их работой; 55,3 % «удовлетворены в средней степени»; «не удовлетворены» – 16,7 % опрошенных.

Основными социальными проблемами ветеранов войны является проблема медицинского характера, большинство ветеранов нуждается в квалифицированной медицинской помощи - 50,5 %. Существуют трудности в обеспечении лекарственными средствами (86,6 %) и получении путевок на санаторно–курортное лечение (75,0 %).

Нами также было выявлено, что среди услуг социального обслуживания спросом пользуются, прежде всего, социально-бытовые (45,9 %), социально-медицинские (37,9 %), социально-экономические (31,0 %) и реабилитационные (29,5 %). В современных условиях развития общества необходимыми становятся услуги юридического характера. 22,2 % опрошенных иногда получают их от центров социальной защиты населения.

Результаты нашего авторского исследования показали, что Республиканская организация ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов является важным субъектом социальной работы с ветеранами ВОВ. Значительная часть ветеранов Великой Отечественной войны состоит в Мордовской республиканской общественной организации ветеранов (98,0 %).

Поэтому участники данной организации вполне удовлетворительно оценивают проводимую деятельность (72,3 %). Удовлетворены в средней степени 27,7 % опрошенных. Спектр задач, которые решает Мордовская республиканская общественная организация,

достаточно широк. Сюда входят такие виды помощи и услуг, как оказание психологической поддержки – 62,5 %; социально-медицинской помощи - 54,5 %; материальная помощь - 40,7 %; социально-бытовая помощь - 33,3 %; (сумма превышает 100%, т.к. респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов).

В числе актуальных проблем, волнующих ветеранов, важное место по-прежнему занимают вопросы медицинского характера, также в ходе опроса они указали на необходимость увеличения размера пенсий и пособий, а также возвращения ветеранам ранее существовавших льгот. [3].

Как было отмечено, респондентов беспокоят проблемы психологического плана - одиночество, невнимательность со стороны общественности к трудностям ветеранов Великой Отечественной войны, неуважительное отношение к старшему поколению молодежи, однако 80 % опрошенных вместе с тем отметили, что ситуация в этом плане за последние годы существенно улучшилась. Этому способствовало, в том числе, активное привлечение ветеранов к патриотическому воспитанию молодежи, что составляет одно из приоритетных направлений деятельности Мордовской общественной организации ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов.

Таким образом, в настоящее время деятельность субъектов социальной работы с ветеранами войны в регионе является эффективной, соответствующей существующим стандартам, однако имеется ряд нерешенных проблем ветеранов, позволяющих определить направления дальнейшего совершенствования социальной защиты ветеранов ВОВ.

Важным субъектом социальной работы с ветеранами войны в Республики Мордовия является - Мордовское региональное отделение Всероссийской общественной организации ветеранов войны, труда, вооруженных сил и правоохранительных органов. Главной задачей данного учреждения ветеранов является поддержка конкретных мер, направленных на повышение уровня и качества жизни ветеранов войны, тружеников тыла военных лет, ветеранов труда, укрепления защиты их законных прав и интересов, предоставление социальных услуг и адресной помощи, способствующих нормальной жизнедеятельности.

1 Абузярова Д. А. Трансформация системы социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны : автореф. диссер. на соискание ... канд. социол. наук. – Саранск, 2010. – С. 10

2 Отчет о деятельности Министерства социальной защиты населения Республики Мордовия за 2015 год [Электронный ресурс] // Министерство социальной защиты населения Республики Мордовия : офиц. сайт. – Режим доступа : <http://minsoc.e-mordovia.ru/content/view/3187>

3 Бистяйкина Д.А. Трансформация системы социальной защиты ветеранов великой Отечественной войны Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования №2 (22), 2013г. С. 83-95

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПОДРОСТКОВ И МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ ИМКА САНКТ-ПЕТЕРБУРГ).

Божичко П.Ф., Крайнова О.С. (Санкт-Петербург)

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Социальная компетентность как фактор интеграции уязвимых групп населения в общество в современной России» (17-03-00859)

Сегодняшний мир – это визуально ориентированный мир, мир виртуальных возможностей и информационных технологий. По мнению Маршала Маклюэна, человек воспринимает реальность не такой, какова она есть, а такой, какой она «подается» средствами коммуникации[1].

Аудиовизуальные средства обучения - учебные наглядные пособия, предназначенные для предъявления зрительной и слуховой информации. Подразделяются на визуальные (зрительные) средства (видеограммы) – рисунки, таблицы, схемы, репродукции произведений живописи, транспаранты, диафильмы, диапозитивы; аудитивные (слуховые) средства обучения (фонограммы) – грамзаписи, магнитозаписи, радиопередачи; собственно аудиовизуальные (зрительно-слуховые) средства (видеофонограммы) – кино-, теле- и диафильмы со звуковым сопровождением, программы для ЭВМ[2].

На сегодняшний день, аудиовизуальные средства, так или иначе, используются везде: при обучении в школе, высших и средних учебных заведениях, при получении дополнительного образования и в качестве стимульного материала при работе с определенными целевыми группами, такими как: трудные подростки, пожилые, мигранты и т.д. Однако потенциал аудиовизуальных технологий значительно шире, нежели преодоление нежелательных форм поведения или обучение. Аудиовизуальные технологии сейчас – возможность воздействовать на массы, донести идею, сформировать идентичность; развить социальную компетентность, приемственность и т.д.

Организация ИМКА появилась в 1844 году в Англии, в 1900 году ИМКА появилась и в России. Миссия отражена в эмблеме – равностороннем треугольнике, символизирующем гармоничное развитие интеллектуальной, физической и духовной сторон человека. Цель организации – создание среды для всестороннего развития ребенка, формирование социальных навыков и активной жизненной позиции молодых людей, укрепление семьи как основы здорового российского общества. Для достижения цели перспективно применение аудиовизуальных средств.

Использование аудиовизуальных средств внутри организации.

Работа в течение года. В качестве аудиовизуальных средств во время занятий выступают, в первую очередь, ролики социальной рекламы, схемы и рисунки, часть из которых ребята создают в ходе занятий. В качестве домашнего задания, может быть задан просмотр фильма на определенную тематику (с последующим обсуждением в группе), поиск роликов социальной рекламы. В рамках создания аудиовизуальных средств проводятся мастер-классы, вебинары. Все вышеперечисленное позволяет развивать все компоненты социальной компетентности личности (когнитивный, поведенческий, аффективный).

Лагерь доброты. Аудиовизуальные средства, используемые в рамках реализации данной программы, являются различными по своей направленности:

1. Символика и флаги. Флаги организации, флаг отряда, который меняется каждую смену. Участники делают его самостоятельно, раскрашивая кусочки ткани, которые впоследствии сшиваются в полотно. Это дает мощный объединяющий эффект, обеспечивая развитие аффективного компонента социальной компетентности.

2. Тематические значки. В лагере существует система поощрений за участие в жизни лагеря: ежедневно наиболее активным участникам вручаются значки (с соответствующим изображением) за дежурство на кухне, за активное участие в программе дня, за помощь лидерам (вожатым), за работу в парке, а также отдельный значок «спасибо от участников лагеря». Это дает участникам стимул пробовать новые для себя виды деятельности, а также мотивацию к совершенствованию получаемых навыков, что, приводит к развитию компонентов социальной компетентности.

3. Обеспечение проведения режимных моментов. Использование расписания дня (а, главное, четкое следование ему) способствует формированию навыков здорового образа жизни, что позитивно воздействует на поведенческий компонент социальной компетентности личности. За когнитивный компонент отвечает стенд и библиотека лагеря, где можно найти информацию о движении доброты, организации и т.д. Просмотр фильма о развитии движения доброты также позволяет повысить когнитивный компонент компетентности.

Использование аудиовизуальных технологий во внешней среде.

ИМКА (Инстаграм). В основном, используется для развития аффективного компонента социальной компетентности. Кроме того, способствует развитию узнаваемости организации среди молодежи, то есть, оказывает влияние на когнитивный компонент компетентности.

ИМКА (Твиттер). Главной особенностью аккаунта в Твиттере является то, что на этой странице размещены не только новости самой организации, но и новости о молодежной политике Санкт-Петербурга.

Youtube. Размещенные на сайте youtube ролики ИМКА яркие, красочные, привлекают внимание. Дневник о проведении летней экспедиции в Пушкинских Горах заслуживает отдельного внимания. Целевая аудитория может увидеть своими глазами как дети и подростки, как и они, заняты физическим трудом, облагораживанием территории.

Аудиовизуальные технологии можно применять в социальной работе для демонстрации альтернативы саморазрушающему поведению подростков (курение, употребление алкоголя и наркотиков, игровая зависимость). Они могут научить сплоченности, показать, что открытость

другим людям и окружающему миру – залог интересной жизни, а умение выстраивать дружеские отношения – одно из самых полезных для дальнейшего развития личности.

Следовательно, аудиовизуальные технологии являются эффективным средством формирования разнообразных компонентов социальной компетентности.

1. А. Е. Слепенькин // *Актуальные вопросы современной педагогики: материалы междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2011 г.). — Уфа: Лето, 2011. — С. 132-134*
2. *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*— М.: Издательство ИКАР. Э. Г. Азимов, А. Н. Шукин. 2009.)
3. Келасьев В.Н. «Некоторые перспективные направления разработки технологий социальной компетентности»
4. Зобов Р.А., Келасьев В.Н. «Самореализация и социальное здоровье в контексте инноваций»
5. Воронин Ю.А. *Технические и аудиовизуальные средства обучения: Учебное пособие / Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2001.*
6. Выгорский Л.С. *Педагогическая психология / под ред. В.В. Давыдова. / М.: Педагогика, 1991. Григорьев С.Г., Гришукун В.В. Мультимедиа в образовании / М.: Педагогика, 2002.*
7. Носкова Т.Н. *Аудиовизуальные технологии в образовании / СПб.: СПбГУКиТ, 2004.*
8. Розин М.В. *Визуальная культура и восприятие: Как человек видит и понимает мир / М.: Владос, 1996.*

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ МОЛОДЕЖНОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ (ПО ДАННЫМ ИССЛЕДОВАНИЯ В МОСКВЕ).

Бородкина О.И., Иванова М.М. (Санкт-Петербург)

В условиях глобализации и развития мирового рынка труда международная миграция приобретает широкий диапазон. Геополитическое положение, возможности экономики и демографическая ситуация обуславливают притягательность Российской Федерации для мигрантов из государств дальнего и ближнего зарубежья. Согласно официальным данным по состоянию на декабрь 2016 года на территории России находились более 10 миллионов иностранных граждан и лиц без гражданства. За первые шесть месяцев 2017 года приток мигрантов в Россию составил 102,3 тысячи человек [1].

В июне 2017 года в рамках проекта «Социальные риски международной молодежной миграции в современной России» на базе региональной общественной организации «Миграция и закон» в Москве были проведены фокус групп с международными мигрантами (возраст от 18 до 35), а также экспертные интервью с руководителем и сотрудниками организации с целью выявления основных социальных рисков международной молодежной миграции в России.

Результаты исследования

По результатам исследовательской работы было выявлено, что важнейшим риском международных мигрантов в России является риск трудовой эксплуатации. Недостаточная информированность о своих правах и обязанностях, незнание трудового законодательства РФ, а с другой стороны отсутствие эффективных законодательных норм контроля за деятельностью работодателей, принимающих на работу иностранных граждан приводят к нарушению прав иностранного работника (не выплачивается зарплата, не соблюдается гигиена труда и нормированность труда и т.д.). При этом отсутствие трудового договора лишает мигранта возможности обратиться в трудовую государственную инспекцию для защиты своих прав. Исследователи миграционных процессов в Российской Федерации подтверждают наличие различных социальных рисков в отношении трудовой деятельности мигрантов. [2, с. 215].

Структурные барьеры получения правовых документов

Получение документов, регулирующих правовой статус и трудовую деятельность иностранных граждан, сопровождается длительным процессом ожидания. Мигранты, ограниченные во времени получения разрешающих документов, как правило, или платят дополнительные деньги для оформления патента в ускоренном режиме в Многофункциональном Центре, или обращаются к посредникам. Данная ситуация провоцирует новые риски; посредники часто оказываются недобросовестными, мигранты не укладываются в срок с оформлением документов и, соответственно, оказываются в нелегальном положении. Также респонденты

отмечают систематические безосновательные отказы в рамках процедуры оформления правовых документов. По оценкам экспертов, формирование структурных барьеров для легализации статуса международных мигрантов во многом стало результатом ликвидации Федеральной Миграционной службы.

Ограничение доступа к государственным услугам здравоохранения

Для иностранных граждан, находящихся временно на территории Российского государства, закон не предусматривает оформление полиса ОМС. При отсутствии полиса медицинского страхования мигранты могут рассчитывать только на получение бесплатной экстренной медицинской помощи, которую они могут получить в медицинских стационарных учреждениях либо в условиях оказания неотложной помощи.

Дальнейшие медицинские услуги больному, вышедшему из критического состояния, производятся на платной основе или по полису ДМС, если он эти услуги предусматривает. Особые условия получения медицинской помощи предполагаются для иностранных граждан, прибывающих с территории стран Евразийского Таможенного Союза (Казахстан, Белорусия, Армения, Киргизия); для них предусмотрено бесплатное оформление медицинского полиса, в случае наличия официального трудового договора. На практике значительная часть мигрантов из этих стран не имеют медицинской страховки либо по причине отсутствия трудового договора, либо по причине ненадлежащего информирования о такой возможности.

По оценкам экспертов, полис ДМС, который мигранты оформляют при въезде, не является эффективным для получения медицинской помощи. В значительной степени это лишь формальная процедура для получения трудового патента. Мигранты стараются сэкономить на данной процедуре, приобретая наиболее дешевый полис. А те мигранты, которые работают нелегально без оформления патента не приобретают медицинскую страховку. К помощи врачей они обращаются только в крайних случаях; чаще всего - это экстренная (скорая) помощь, которую мигранты получают бесплатно, или же частные медицинские услуги, преимущественно оказываемые своими земляками. Следует заметить, что пребывание международных мигрантов без страховых медицинских документов рассматривается как нарушение российского законодательства.

Низкая конкурентоспособность мигрантов на рынке квалифицированного труда

Иностранные граждане, пребывающие на территорию Москвы, в основной массе имеют цель – трудоустройство желательно по имеющейся специальности и квалификации. Однако большинство из них, даже при наличии высшего образования или иной специальной квалификации, имеют возможность трудоустройства только в сфере низкоквалифицированного труда. По мнению эксперта, причина подобной ситуации состоит с одной стороны, в существовании структурных барьеров в допуске международных мигрантов на российский рынок квалифицированного, а с другой недостатком уровне профессиональной подготовке мигрантов.

Отсутствие механизмов социальной интеграции международных мигрантов

По мнению экспертов в Москве отсутствует обоснованная система мер, направленных на адаптацию и интеграцию международных мигрантов. В настоящее время существует Концепция государственной миграционной политики РФ на период до 2025 года, однако она не определяет специфику миграционных процессов отдельных регионов, в том числе и Москвы, в связи с чем многие вопросы социальной интеграции мигрантов остаются вне внимания региональных властей.

«...любые отчисления из бюджета Москвы, которые направлены на адаптацию и интеграцию мигрантов, прекратились ... когда существовала миграционная служба, существовал целый отдел, который занимался адаптацией и интеграцией мигрантов. Большой отдел работал, специализирующийся на адаптации и интеграции мигрантов в принимающихся сообществах. При реорганизации и передачи функций этот отдел полностью ликвидирован, то есть, сейчас нет ни одного специалиста по интеграции и адаптации, и даже нет такого управления...» (Из экспертного интервью)

Недостаточное знание русского языка

Незнание русского языка вносят дополнительные сложности при взаимодействии иностранных граждан и жителей Москвы. По экспертным оценкам, в городе отсутствуют необходимые ресурсы для обучения русскому языку иностранных граждан. Большинство мигрантов хотели бы повысить свой уровень владения русским языком, но отсутствие бесплатных языковых курсов является существенным препятствием. Стоимость занятий на действующих курсах представляется мигрантом слишком высокой.

Заключение

Результаты полученных в процессе фокус-групп и в экспертных интервью данных позволяют говорить о необходимости разработки миграционную стратегию города Москва. В целях улучшения адаптации и интеграции иностранных граждан необходимо развивать дифференцированный подход к различным категориям мигрантов. В настоящее время можно выделить следующие две основные группы мигрантов: (1) трудовые мигранты, прибывшие на краткосрочный период; (2) мигрантами, ориентированные на долгосрочное пребывание на территории России, в том числе, желающие получить российское гражданство; большинство таких мигрантов прибывает с семьями и детьми.

Обсуждение с мигрантами выявило их недостаточную информированность по вопросам правового статуса, трудоустройства, медицинского обслуживания и т.д. Поэтому необходимо определить учреждения, которые должны вести информационно-просветительскую и консультативную работу. Кроме того, следует информировать населения города об экономической необходимости использования труда мигрантов.

Следует также обратить внимание на действия работодателей в отношении мигрантов. В настоящее время имеет место нарушение работодателями трудовых прав мигрантов и налогового законодательства. Необходимо осуществлять информационную работу с работодателями по вопросам обязанностей и прав иностранных работников, а также всех тонкостях бюрократических процедур, связанных с наймом, уплатой налогов, увольнением иностранного сотрудника, а также осуществлять правовой контроль над их деятельностью.

Исследование выполнено в СПбГУ за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10092).

1. Проект "MEDUZA" Институт социального анализа и прогнозирования//URL:<https://meduza.io/news/2017/09/15/pritok-migrantov-v-rossiyu-snizilsya-za-minimuma-za-sem-let> (дата обращения: 05.10.2017).

2. Borodkina O., Amirkhanian A., Romanenko V. Key issues of labor migrants' integration in Russia// 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts. SGEM 2016/ Political Sciences, Law. Volume. II./ STEF92 Technology Ltd, Albena, Bulgaria. 2016. P. 213-220.

КОММУНИКАЦИЯ РИСКОВ КАК УСЛОВИЕ ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИМИ

Бурганова Л.А., Исакова Э.И. (Казань)

В рамках организации знания о рисках и технологиях управления ими важную роль играет коммуникация рисков. Несмотря на то, что различные формы коммуникации риска как составной части управления ими были известны на протяжении всей истории человечества (религиозные запреты на употребление отдельных видов пищи, запреты на небрежность и слишком опасную деятельность в обычном праве и т.п.) [1], в собственно научном смысле этот концепт появился, согласно У. Лейссу, лишь в 1984 г. [2, Р. 86]. В настоящее время коммуникация рисков понимается не столько как однонаправленный процесс распространения информации, сколько в качестве многосубъектного средства «взаимного обучения и обдумывания», включающего «глас народа» в виде мнения граждан о рисках. При этом вовлечение в этот процесс публики может быть обусловлено как их ролью в конструировании социальной реальности, так и стремлением государства легитимизировать продвигаемые им представления о рисках с помощью народной поддержки [3, Р.706].

Исследования показывают, что на эффективность коммуникации рисков влияет целый ряд факторов. По мнению Т. Ракова с коллегами, для эффективной коммуникации рисков необходимо: 1) правильное объяснение феноменологии риска (его природы, механизмов появления и предотвращения) и корректное использование численных данных о вероятности риска, для чего необходимо использовать сообщения с вариативной точностью, так как неточные сообщения ведут к двусмысленности, а слишком точные – бывают весьма сложны для понимания аудитории. Соответственно, нужно подобрать такую точность подачи информации, которая не будет ни двусмысленной, ни слишком сложной для восприятия; 2) правильно подобранное эмоциональное содержание сообщения о рисках (эмоциональные сообщения оказывают большее влияние на поведение человека, чем цифры, однако слишком большой акцент на эмоциях может привести к

непреднамеренным последствиям информационного сообщения о рисках) (например, вызвать страх вместо осторожности) [4].

Следует иметь в виду, что точность коммуникации рисков должна идти рука об руку с минимальным использованием различных риторических формулировок. Исследование Ш.М. Эмберг и Т.Е. Холла, в частности, обратило внимание на то, что формулировки в сообщениях СМИ, увеличивающие сенсационность и драматичность материалов о рисках употребления в пищу выращенного в неволе лосося, даже при наличии конкретных (например, статистических и научных) данных нередко приводят к возникновению у читателей путаницы относительно тех опасностей, которые могут им угрожать [5].

Эффективной коммуникации рисков способствует их визуализация, которая позволяет наглядно представить те или иные риски целевой аудитории. При этом речь идет не только о визуализации в масс-медиа: например, для уменьшения риска утонуть, попав в обратное течение, с начала 2000-х гг. на австралийских пляжах был запущен проект «The Science of the Surf (SOS)», в рамках которого использовалась стратегия визуализации обратного течения посредством красителя. Исследования, проведенные через 10 лет с момента запуска указанного проекта, оценивают его как эффективное средство повышения информированности населения о рисках обратного течения [6]. К слову сказать, визуализация также относится к эмоциональной составляющей коммуникации рисков и интерпретация визуальной информации может быть альтернативной и отличающейся от авторских намерений. Так, исследование фотографий, размещенных в журнале «National Geographic», которые репрезентировали проблему рисков окружающей среды, выявило, что они вызывают двойные чувства: с одной стороны, ставят людей перед выбором между технологическим развитием и сохранением природы, демонстрируют необходимость принятия мер с констатацией недоверия к их эффективности, сообщают о рисках на местах, с другой стороны – позиционируют их как нечто географически и социально отдаленное [7].

Помимо визуализации эффективность коммуникации рисков зависит от опоры на те различные и зачастую противоречивые дискурсы, которые используются не-специалистами (населением в целом) для понимания и обсуждения рисков [8]. Иначе говоря, речь идет об использовании доступного языка для осуществления эффективной коммуникации рисков. Отметим, что в основе эффективной коммуникации рисков лежит и фактор доверия к источнику коммуникации, который должен присутствовать как до, так и во время коммуникации рисков [9]. Кроме того, было выявлено, что зачастую более эффективная коммуникация рисков осуществляется не государственными органами и не специалистами по связям с общественностью. Гораздо более результативна деятельность так называемых «неформальных коммуникаторов риска» – это различные работники, которые информируют население о рисках, выходя за рамки своих профессиональных компетенций и которые зачастую не осознают свою роль в повышении соответствующей осведомленности граждан (сотрудники магазинов, автомеханики и т.д.) [10]. Исследования Н.Б. Андерсона и К.Д. Уорнера убеждают, что в условиях неэффективной коммуникации рисков со стороны правительства и наличия научных противоречий, местное население и группы активистов могут добиться успеха в продвижении собственного понимания рисков в противовес доминирующему [11]. Соответственно, можно предположить, что эффективность сопротивления доминирующим дискурсам риска является переменной величиной, зависящей как от обстоятельств, так и от действий индивидов и групп, которые продвигают различные контр-дискурсы риска.

В рамках организации знания о рисках и технологиях управления ими важную роль играет коммуникация рисков. Несмотря на то, что различные формы коммуникации риска как составной части управления ими были известны на протяжении всей истории человечества (религиозные запреты на употребление отдельных видов пищи, запреты на небрежность и слишком опасную деятельность в обычном праве и т.п.) [1], в собственно научном смысле этот концепт появился, согласно У. Лейссу, лишь в 1984 г. [2, Р. 86]. В настоящее время коммуникация рисков понимается не столько как однонаправленный процесс распространения информации, сколько в качестве многосубъектного средства «взаимного обучения и обдумывания», включающего «глас народа» в виде мнения граждан о рисках. При этом вовлечение в этот процесс публики может быть обусловлено как их ролью в конструировании социальной реальности, так и стремлением государства легитимизировать продвигаемые им представления о рисках с помощью народной поддержки [3, Р. 706].

Исследования показывают, что на эффективность коммуникации рисков влияет целый ряд факторов. По мнению Т. Ракова с коллегами, для эффективной коммуникации рисков необходимо: 1) правильное объяснение феноменологии риска (его природы, механизмов появления и предотвращения) и корректное использование численных данных о вероятности риска, для чего необходимо использовать сообщения с вариативной точностью, так как неточные сообщения ведут к двусмысленности, а слишком точные – бывают весьма сложны для понимания аудитории. Соответственно, нужно подобрать такую точность подачи информации, которая не будет ни двусмысленной, ни слишком сложной для восприятия; 2) правильно подобранное эмоциональное содержание сообщения о рисках (эмоциональные сообщения оказывают большее влияние на поведение человека, чем цифры, однако слишком большой акцент на эмоциях может привести к непреднамеренным последствиям информационного сообщения о рисках) (например, вызвать страх вместо осторожности) [4].

Следует иметь в виду, что точность коммуникации рисков должна идти рука об руку с минимальным использованием различных риторических формулировок. Исследование Ш.М. Эмберг и Т.Е. Холла, в частности, обратило внимание на то, что формулировки в сообщениях СМИ, увеличивающие сенсационность и драматичность материалов о рисках употребления в пищу выращенного в неволе лосося, даже при наличии конкретных (например, статистических и научных) данных нередко приводят к возникновению у читателей путаницы относительно тех опасностей, которые могут им угрожать [5].

Эффективной коммуникации рисков способствует их визуализация, которая позволяет наглядно представить те или иные риски целевой аудитории. При этом речь идет не только о визуализации в масс-медиа: например, для уменьшения риска утонуть, попав в обратное течение, с начала 2000-х гг. на австралийских пляжах был запущен проект «The Science of the Surf (SOS)», в рамках которого использовалась стратегия визуализации обратного течения посредством красителя. Исследования, проведенные через 10 лет с момента запуска указанного проекта, оценивают его как эффективное средство повышения информированности населения о рисках обратного течения [6]. К слову сказать, визуализация также относится к эмоциональной составляющей коммуникации рисков и интерпретация визуальной информации может быть альтернативной и отличающейся от авторских намерений. Так, исследование фотографий, размещенных в журнале «National Geographic», которые репрезентировали проблему рисков окружающей среды, выявило, что они вызывают двойные чувства: с одной стороны, ставят людей перед выбором между технологическим развитием и сохранением природы, демонстрируют необходимость принятия мер с констатацией недоверия к их эффективности, сообщают о рисках на местах, с другой стороны – позиционируют их как нечто географически и социально отдаленное [7].

Помимо визуализации эффективность коммуникации рисков зависит от опоры на те различные и зачастую противоречивые дискурсы, которые используются не-специалистами (населением в целом) для понимания и обсуждения рисков [8]. Иначе говоря, речь идет об использовании доступного языка для осуществления эффективной коммуникации рисков. Отметим, что в основе эффективной коммуникации рисков лежит и фактор доверия к источнику коммуникации, который должен присутствовать как до, так и во время коммуникации рисков [9]. Кроме того, было выявлено, что зачастую более эффективная коммуникация рисков осуществляется не государственными органами и не специалистами по связям с общественностью. Гораздо более результативна деятельность так называемых «неформальных коммуникаторов риска» – это различные работники, которые информируют население о рисках, выходя за рамки своих профессиональных компетенций и которые зачастую не осознают свою роль в повышении соответствующей осведомленности граждан (сотрудники магазинов, автомеханики и т.д.) [10]. Исследования Н.Б. Андерсона и К.Д. Уорнера убеждают, что в условиях неэффективной коммуникации рисков со стороны правительства и наличия научных противоречий, местное население и группы активистов могут добиться успеха в продвижения собственного понимания рисков в противовес доминирующему [11]. Соответственно, можно предположить, что эффективность сопротивления доминирующим дискурсам риска является переменной величиной, зависящей как от обстоятельств, так и от действий индивидов и групп, которые продвигают различные контр-дискурсы риска.

Литература

I. Covello, V.T. Risk analysis and risk management: A historical perspective /V.T. Covello, J.L. Mumpower // Risk Analysis. – 1985. – Vol.2. – P.103-120. P.108-115.

2. Leiss, W. *Three phases in the evolution of risk communication practice* / W. Leiss // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 1996. – Vol. 545. – P. 85-94.
3. Engdahl, E. *Risk, communication and trust: Towards an emotional understanding of trust* / E. Engdahl, R. Lidskog // *Public Understanding of Science*. – 2014. – Vol. 23(6). – P. 703-717.
4. Rakow, T. *Meeting Three Challenges in Risk Communication: Phenomena, Numbers, and Emotions* / T. Rakow, C.L. Herd, B.R. Newell // *Policy Insights from the Behavioral and Brain Sciences*. – 2015. – Vol. 2(1). – P. 147-156.
5. S.M. *Precision and Rhetoric in Media Reporting About Contamination in Farmed Salmon* / S.M. Amberg, T.E. Hall // *Science Communication*. – 2010. – Vol. 32(4). – P. 489-513.
6. Brander, R.W. *“Dye in the Water”: A Visual Approach to Communicating the Rip Current Hazard* / R.W. Brander, D. Drozdowski, D. Dominey-Howes // *Science Communication*. – 2014. – Vol. 36(6). – P. 802-810.
7. Remillard, C. *Picturing environmental risk: The Canadian oil sands and the ‘National Geographic’* / C. Remillard // *The International Communication Gazette*. – 2011. – Vol. 73(1-2). – P. 127-143.
8. Hanson-Easey, S. *Speaking of Climate Change: A Discursive Analysis of Lay Understandings* / S. Hanson-Easey [et al.] // *Science Communication*. – 2015. – Vol. 37(2). – P. 217-239.
9. Bakir, V. *Policy Agenda Setting and Risk Communication: Greenpeace, Shell, and Issues of Trust* / V. Bakir // *The Harvard International Journal of Press / Politics*. – 2006. – Vol. 11(3). – P. 67-88.
10. Rickard, L.N. *In backyards, on front lawns: examining informal risk communication and communicators* / L.N. Rickard // *Public Understanding of Science*. – 2011. – Vol. 20(5). – P. 642-657.
11. Anderson, N.B. *“Dioxins are the easiest topic to mention”: Resident activists’ construction of knowledge about low-level exposure to toxic chemicals* / N.B. Anderson // *Public Understanding of Science*. – 2016. – Vol. 25(3). – P. 303-316; Warner, K.D. *Manipulating risk communication: Value predispositions shape public understandings of invasivespecies science in Hawaii* / K.D. Warner, F. Kinslow // *Public Understanding of Science*. – 2011. – Vol. 22(2). – P. 203-218.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЕТЕРАНОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ.

Буянова А.Е. (Барнаул)

Особое место в системе государственной политики Российской Федерации занимают меры социальной поддержки военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и спецслужб, привлекаемых к военной защите государственных интересов, борьбе с терроризмом, обеспечивающих суверенитет Российской Федерации, в том числе в форме участия в боевых действиях, в связи с тем, что они подвергают повышенной опасности свою жизнь и здоровье. Это, в свою очередь, ведет к риску их гибели, причинения вреда здоровью. Государство является главным субъектом социальной защиты, выражающим интересы ветеранов войн. Это — его неотъемлемая функция. Социальная поддержка ветеранов боевых действий и их семей всегда составляла особую заботу государства. Отчасти это объясняется специфичностью этой категории нуждающихся, так как военные чаще оказывались в сложной жизненной ситуации в результате служения государству.

Законодательство о ветеранах и предоставлении им материальной социальной помощи образует нормативные акты, регулирующие порядок и условия реализации отдельных направлений государственной социальной политики, проводимой в этой сфере, источники ее финансирования в части, определенной Федеральным законом «О ветеранах», а также ряд иных вопросов обеспечения социально-экономической поддержки. Следует обратить внимание, что отношения, связанные с государственной социальной поддержкой, представляют собой предмет комплексной отрасли законодательства, т.е. включают положения различных отраслей права, главным образом жилищного, трудового и права социального обеспечения. [3]

Целью государственной политики в отношении ветеранов боевых действий является создание условий для реализации и обеспечения им равных с другими гражданами возможностей в реализации гражданских, экономических, политических и других прав и свобод, предусмотренных Конституцией Российской Федерации и действующим законодательством. В частности, принятие мер по повышению социального статуса и уровня материального

обеспечения военнослужащих, членов их семей, ветеранов Вооруженных Сил Российской Федерации, созданию государственной системы медико-социальной и медико-психологической реабилитации участников боевых действий [2].

По данным главного управления Алтайского края по труду и социальной защите в настоящее время в Алтайском крае проживают более 20 тысяч ветеранов и инвалидов боевых действий, 364 семьи погибших ветеранов боевых действий, которые получают меры социальной поддержки, установленные федеральным законодательством.

Губернатор Алтайского края Александр Карлин подписал распоряжение об утверждении плана мероприятий по улучшению социально-экономического положения ветеранов и инвалидов боевых действий, а также членов семей погибших ветеранов боевых действий в Алтайском крае на 2016-2020 годы [4].

В утвержденном плане мероприятий представлены дополнительные меры социальной поддержки указанных категорий граждан – это оказание различных видов материальной помощи (малоимущим и находящимся в трудной жизненной ситуации, имеющим инвалидность, на проведение косметического и капитального ремонта жилья и др.).

В целом на эти цели ежегодно оказывается около 5 млн. рублей за счет средств краевого бюджета.

За период реализации предыдущего плана мероприятий по улучшению социально-экономического положения ветеранов и инвалидов и боевых действий, а также членов семей погибших ветеранов боевых действий в Алтайском крае на 2011-2015 годы, утвержденного постановлением Администрации края от 05.03.2011 № 105 оказано материальной помощи на сумму около 25 млн. рублей.

В Алтайском крае реализуются программы мероприятий направленных на улучшение социально-экономического положение ветеранов и инвалидов боевых действий, а также членов семей погибших ветеранов боевых действий, повышение их конкурентоспособности на рынке труда и ориентировании на профессии, пользующиеся спросом, решение жилищных проблем, обеспечению медико-социальной реабилитации этих категорий граждан, снижение заболеваемости, повышение эффективности реабилитационных и оздоровительных мероприятий. Финансирование осуществляется из средств краевого и федерального бюджетов [5].

В нашем крае поддержка ветеранов осуществляется со стороны некоммерческих общественных организаций и государственных учреждений социальной защиты. В Алтайском крае действует единственный государственный социально реабилитационный центр инвалидов и ветеранов боевых действий. Особое внимание в учреждении уделяется социально-медицинской и социально-психологической реабилитации инвалидов и ветеранов боевых действий. Основной задачей является снятие нервного напряжения, мотивация на здоровый образ жизни, социализация в обществе.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. - М, 2007. - 48 с.
2. Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» (ред. от 18.10.2007) // СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 168. 2000. № 2. Ст. 161. 2004. № 35. Ст. 3607. Российская газета. № 1-3. 05.01.2000.
3. Санникова Н. П. Современное состояние системы социального обслуживания населения / Н. П. Санникова/ Н. П. Санникова. - (Актуальные вопросы практики социального обслуживания) //Социальное обслуживание. - 2014. - № 10. - С. С. 24-29
4. План мероприятий по улучшению социально-экономического положения ветеранов и инвалидов боевых действий, а также членов семей погибших ветеранов боевых действий в Алтайском крае на 2016-2020 годы. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: http://aksp.ru/docs/plan_uluch.pdf
5. Меры социальной поддержки отдельных категорий граждан, проживающих в Алтайском крае. [Электронный ресурс]/ Режим доступа: http://www.aksp.ru/work/activity/soc_vipl/msp/14892/

УНИВЕРСАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И "МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОВЕСТКА ДНЯ"

Васильева Г.М. (Новосибирск)

Аннотация. Исследуется взаимосвязь универсальных ценностей и «международной повестки дня», охватывающей разные сферы жизнедеятельности регионов, государств, общественных институтов и отдельных людей. Позиции государств отличаются по конкретным вопросам: безопасность, международное право, устойчивое развитие, гуманитарные цели. Несмотря на это, солидарность и сотрудничество имеют большой интеграционный потенциал, о чем свидетельствует ряд итоговых документов 2016–2017 годов.

Понятие «формирование международной повестки дня» широко используется как в официальных документах, так и в академических исследованиях по социологии. После распада биполярной системы «повестка дня», став менее идеологизированной, включала широкий круг вопросов. Они охватывали разные сферы жизнедеятельности регионов, государств, общественных институтов и отдельных людей. С.Дж. Ливингстон одним из первых рассматривал проблему в теоретическом аспекте. Согласно его определению, «формирование повестки дня – это привлечение внимания к вопросам в определенном сообществе субъектов» [6, р. 313]. В концепции ученого понятие «повестка дня» предполагает рассмотрение актуальных проблем, альтернативных реакций, оценок со стороны других субъектов [6, р. 315]. Но, по мнению экспертов, одним из недостатков данной концепции является государствоцентризм. СМИ, международные организации, транснациональные компании представлены лишь в виде «точек доступа» к повестке дня, а не в качестве отдельных субъектов международных отношений.

Б. Бузан и О. Уэвер анализируют данный вопрос с точки зрения проблем безопасности, которым государства должны уделять как можно больше внимания [3, р. 23]. Однако данная точка зрения вызывает возражения. С. Дуйгулу отмечает, что в этом случае не будут решаться многие гуманитарные проблемы [4]. Государства начнут изменять неудобную для себя повестку дня. Под предлогом угрозы национальной безопасности можно оправдать пытки заключенных, нарушив основные права и свободы человека, социальные нормы.

С. Ротман рассмотрел широкий спектр взаимодействий. Для того чтобы вопрос стал предметом международного обсуждения, он должен быть признан важным сразу несколькими участниками [7, р. 26]. Ученый привел пример с ситуацией афроамериканцев: «Обеспокоенность неравными правами афроамериканцев в 1960–1970-е гг. в США касается граждан страны. Поэтому вопрос принадлежит внутренней повестке дня. Если другие государства проявят интерес к правам афроамериканцев в Соединенных Штатах Америки, вопрос может стать частью международной повестки дня» [7, р. 34]. Развивая идеи С. Ливингстона, С. Ротман отмечает, что необходимо не только объяснять суть явления, но и приводить оценки, комментарии событий. «Фрейм определяет, каков контекст вопроса и каким образом интерпретировать, понимать явление» [7, р. 42–43]. Ротман отметил возрастающую роль негосударственных акторов. Они акцентируют внимание на проблемах, которые изначально не входили в круг интересов государств. Подобное мнение может быть соотнесено с утверждением Ливингстона: «Вместо того чтобы формировать повестку дня, власти все чаще будут вынуждены реагировать на повестку, установленную другими» [7, р. 111]. В истории существует немало примеров того, как государства были вынуждены обращать внимание на вопросы, которые им навязывали. Так, в период американо-вьетнамской войны СМИ принудили администрацию США заговорить о проблеме.

Большой интеграционный потенциал имеет безопасность. Она является универсальной, фундаментальной ценностью для государства и отдельного человека, необходимым условием развития общества. В 2015 г. завершился срок реализации «Целей развития тысячелетия» и был принят итоговый документ «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [1]. В него были включены проблемы обеспечения мира, безопасности, верховенства права и качества управления. Генеральная Ассамблея ООН является платформой, где государства ставят вопросы, на которые должна обратить внимание мировая общественность. Проблемы, обсуждаемые за столь высокой трибуной, в дальнейшем могут быть включены в международную повестку дня.

Необходимо изучать различия государств в подходе к решению конкретных вопросов. Нами был проведен анализ выступлений представителей государств на 71-ой ежегодной сессии Генеральной Ассамблеи ООН (13 сентября 2016 г.). На формирование повестки дня влияет географическое расположение государств. Каждый из регионов – Африка, Азия, Европа, Латинская Америка – заинтересован в решении вопросов, насущных именно для них. Африка

обеспокоена проблемами развития и безопасности. Азия затрагивает темы развивающихся стран. Украинский кризис был включен в повестку дня европейских стран. Европа акцентирует внимание на международном праве и правах человека. Латинская Америка выступает за устойчивое поступательное движение и гуманитарные цели. Миростроительство, урегулирование конфликтов стало предметом ожесточенных дебатов. В выступлениях лидеров Великобритании и Швеции основной акцент был сделан на правах женщин, гендерных проблемах. Премьер-министр Японии Синдзо Абэ осудил действия других государств, в частности, Северной Кореи [2].

Французский экс-президент Никола Саркози обратился к целому комплексу вопросов по сирийской проблеме (беженцы, нераспространение оружия массового поражения и т.д.). В то время как Министр иностранных дел Республики Сингапур Вивиаан Балейкришнан упомянул слово «Сирия» один раз, перечисляя современные конфликты (Йемен, Ливия и т.д.). В выступлении Министра иностранных дел Индии Сушма Свараджа проблема терроризма стала основной. В общей сложности она была затронута 19 раз, в контексте смежных тем: права человека, реформирование Совета Безопасности ООН, события в Пакистане.

С.В. Лавров отметил: международное право должно заменить гегемонизм, которому «нет места в будущем, если мы хотим, чтобы оно было справедливым, позволяющим народам самим выбирать пути своего развития» [2]. Особая роль отводится международному праву, в частности, Уставу ООН, который является основой мирового порядка.

1. *Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Принята 25 сен. 2015 г. резолюцией 70/1 Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] / Официальный сайт ООН. URL: <http://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/285/75/PDF/N1528575.pdf?OpenElement> (дата обращения: 7.10.2017).*
2. *Стенограмма выступлений [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. Режим доступа: http://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/71/71_EG_en.pdf (дата обращения: 7.10.2017).*
3. *Buzan B., Waever O. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.*
4. *Duygulu S. Securitization and agenda-setting: the case of environmental refugees [Электронный ресурс] // Официальный сайт International Studies Association 2011. Режим доступа: http://citation.allacademic.com/meta/p_mla_apa_research_citation/4/3/9/2/4/p439243_index.html (дата обращения: 7.10.2017).*
5. *Livingston S.L. Diplomacy in the new information environment // Georgetown Journal of International Affairs. № 4(2). 2003. P. 111–116.*
6. *Livingston S.G. The Politics of International Agenda-Setting: Reagan and North-South Relations // International Studies Quarterly. Vol. 36. 1992. P. 313–330.*
7. *Rothman S.B. Explaining the international agenda: frames and power in politics: dissertation [Электронный ресурс] // Официальный сайт University of Oregon 2009. Режим доступа: http://scholarsbank.uoregon.edu/xmlui/bitstream/handle/1794/10353/Rothman_Steven_Barry_phd2009su.pdf;sequence=1 (дата обращения: 7.10.2017). 254 p.*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА НАСЕЛЕНИЯ: ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПОЛУЧЕНИЯ СУБСИДИЙ И КОМПЕНСАЦИЙ НА ОПЛАТУ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ)

Гилязова О.С. (Екатеринбург)

Российская практика социальной поддержки населения нередко оборачивается своей противоположностью: технологии, механизмы и меры, призванные обеспечивать социальные гарантии членам общества в рыночной экономике с присущим ей неравенством, сглаживать общесоциальные противоречия, а также соответствующие изменения в законодательстве, могут объективно ухудшать положение людей, притом вопреки воле законодателя. Но анализ показывает, что негативную реакцию обычно вызывают не сами изменения, а реализация представителями власти своих полномочий в рамках внесенных изменений, причем зачастую некорректная. Зачастую подобных претензий со стороны граждан можно избежать. Для этого

достаточно четко прописать алгоритм взаимодействия между разными уровнями и ветвями власти, чтобы не возникало болезненных для населения ситуаций.

Рассмотрим одну из подобных ситуаций на примере Свердловской области, а также отдельного муниципалитета этого же субъекта РФ – Асбестовского городского округа (АГО). Одной из самых волнующих тем для региона (как и в целом по РФ) является тема стоимости жилищно-коммунальных услуг. Существует более 50 видов льготных категорий граждан, которые имеют право на получение субсидий и компенсаций на оплату ЖКУ – это предусмотрено ст. 159 и ст. 160 Жилищного кодекса РФ [1]. По действующему законодательству любой гражданин, попадающий под определение какой-либо льготной категории, имеет право обратиться за получением субсидии или компенсации. Заметим, что в соответствии с Федеральным законом от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2], а также Уставами муниципалитетов полномочия по начислению и выплате субсидий и компенсаций за ЖКУ переданы муниципалитетам.

В АГО, где имеются чуть более 30 тыс. собственников и нанимателей жилых помещений, получателями субсидий и компенсаций являются более 10 тыс. горожан Асбеста, то есть фактически третья часть. Но получение субсидий и компенсаций гражданами связано с прохождением ряда бюрократических процедур – не реже раза в 6 месяцев (у части категорий льготников – раз в 3 месяца) необходимо предоставлять пакет подтверждающих документов. Обязательным в данном пакете является документ, подтверждающий право на жилую площадь: договор «соцнайма», «коммерческого найма», или документ, подтверждающий право собственности. Заметим, что проживающих по договорам «соцнайма», «комнайма» в Асбесте менее 10%, т.е. подавляющее большинство жилых помещений приватизировано и находится в собственности граждан.

Именно льготные категории граждан, получающие субсидии, компенсации, являющиеся собственниками жилых помещений, еще с 15 июля 2016 года попали в крайне неприятную ситуацию. Дело в том, что Федеральным законом от 03.07.2016 № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] были внесены изменения в Федеральный закон от 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [4]. Благодаря этим изменениям с 15 июля 2016 года перестал иметь законную силу такой документ как «Свидетельство о праве собственности», которым льготники ранее подтверждали свое право. Взамен единственным документом стала «Выписка» из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним (ЕГРП), включенного с 01 января 2017 года в соответствии с Федеральным законом РФ от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [5] в ЕГРН (Единый государственный реестр недвижимости). Заметим, что данный документ необходимо получать каждый раз, т.к. содержащиеся в нем сведения актуальны лишь на дату, указанную в нем в качестве даты выдачи [6, 7].

Притом если «Свидетельство о праве собственности» выдавалось ранее бессрочно, и хранилось у самого гражданина, то «Выписка» очень ограничена по времени действия, и каждый раз при обращении за подтверждением права на компенсацию или субсидию необходимо получать новую. А это влечет за собой финансовые затраты (госпошлина в 2016 году для физических лиц составляла 200 р., а с 1 января 2017 года повысилась до 750 р.) согласно Приказу Минэкономразвития РФ от 10.05.2016 № 291 «Об установлении размеров платы за предоставление сведений, содержащихся в едином государственном реестре недвижимости» [8].

Люди почувствовали себя обманутыми: малоимущим гражданам необходимо постоянно оплачивать госпошлины, чтобы получать субсидию на оплату ЖКУ. Ситуация абсурдна: пошлина, требуемая для получения субсидии, нередко оказывается больше, нежели сама эта субсидия. Внешне это начинает выглядеть как принуждение к отказу от получения субсидии людей, имеющих на нее право. Вместе с тем, как органы государственной власти, так и муниципалитеты имеют право самостоятельно обращаться в Росреестр за подобными документами, в том числе за «Выписками». Причем в данном случае не требуется оплата госпошлины, и документ предоставляется в день обращения.

Таким образом, для снятия возникшей напряженности в сфере предоставления гражданами документов на получение субсидий и компенсаций за ЖКУ от муниципальных властей требуется немного – при приеме документов от горожан не требовать «Выписку», а запрашивать ее самостоятельно, в рамках межведомственного взаимодействия, а так же учесть данное обстоятельство при разработке соответствующей дорожной карты и регламента оказания

муниципальных услуг. Исходя из этого общественники г. Асбест 23 июля 2016 г. обратились с подобным предложением к первому вице-премьеру Свердловской области В.А. Власову, главе АГО А.В. Холзакову с предложением обязать муниципалитеты самостоятельно запрашивать необходимые «Выписки» [9]. Этот же вопрос был поднят общественниками и на заседании Думы АГО – и в итоге главой администрации г. Асбеста Н.Р. Тихоновой было подготовлено и подписано Постановление администрации от 03.08.2016 № 427-ПА «О наделении полномочиями по запросу информации» [10]. Также принято решение о распространении положительного опыта межведомственного взаимодействия властей на другие муниципальные образования Свердловской области.

Для предотвращения подобного рода ущемления прав граждан в свое время и создавалась система МФЦ, которые в рамках регламентов оказания услуг, не имеют право требовать с граждан документы, которые могут запросить самостоятельно, однако на территории АГО данный принцип не работает. Это признает на заседании Думы АГО и сама руководитель МФЦ Асбеста Е.А. Язовских [9]. Само же представительство МФЦ в Свердловской области, а так же власти субъекта утверждают, что при сдаче документов на получение субсидий и компенсаций нет никаких проблем [11]. То есть межведомственное взаимодействие еще не до конца отлажено.

Как мы видим – ситуацию, которая может повлечь серьезную социальную напряженность из-за ущемления прав граждан, несложно решить в рамках межведомственного взаимодействия властей, но практика показала, что для этого требуется вмешательство самих граждан в лице общественности.

Простое исполнение органами власти уже существующих требований действующего законодательства позволит не только не ущемлять права граждан на получение государственных и муниципальных услуг, но и позволит избежать девальвации самой сути социальной поддержки населения.

Литература:

1. *Статья 159. Предоставление субсидий на оплату жилого помещения и коммунальных услуг; Статья 160. Компенсации расходов на оплату жилых помещений и коммунальных услуг // «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 28.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=221674&rnd=285391.8845539&from=200993-2448#0>, свободный.*
2. *Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (Редакция от 29.07.2017 (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/, свободный.*
3. *Федеральный закон от 03.07.2016 N 360-ФЗ (редакция от 30.11.2016) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200729/, свободный.*
4. *Федеральный закон от 21.07.1997 N 122-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15287/, свободный.*
5. *Федеральный закон от 13.07.2015 г. N 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Система ГАРАНТ. Режим доступа: <http://base.garant.ru/71129192/#ixzz4ss4ujoWw>, свободный*
6. *С 15 июля 2016 года государственная регистрация прав на недвижимость удостоверяется только выпиской из ЕГРП [новость от 15.07.16] // Сайт Росреестра. Режим доступа: <https://rosreestr.ru/site/press/news/s-15-iyulya-2016-goda-gosudarstvennaya-registratsiya-prav-na-nedvizhimost-budet-udostoveriyatsya-tolk/>, свободный.*
7. *Важно! В России полностью отменили свидетельства о регистрации недвижимости. Свердловский Росреестр: «С 15 июля, чтобы подтвердить права на собственность, нужно будет получать выписку из ЕГРП» [новость от 08.07.2016 / 22:36] // ВЕДОМОСТИ Урал. Режим доступа: <http://vedomosti-ural.ru/news/52023/>, свободный.*
8. *Приказ Минэкономразвития России от 10.05.2016 N 291 (ред. от 09.12.2016) «Об установлении размеров платы за предоставление сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости» (Зарегистрировано в Минюсте России 21.07.2016 N 42937) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Режим доступа:*

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202208/2ff7a8c72de3994f30496a0ccb b1ddafdadf518/, свободный.

9. Вопрос по выпискам из ЕГРП при оформлении компенсаций и субсидий в АГО решился [новость от 05.08.2016] // Народное телевидение Асбеста (НТА). Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=iAAeZUDEyp8>, свободный.

10. Вопрос по выпискам из ЕГРП при оформлении компенсаций и субсидий в АГО решился, помог Владимир Власов [новость от 05.08.2016] // Официальный блог «Народного телевидения Асбеста». Режим доступа: <http://asbestnta.ru/home/vopros-po-vypiskam-iz-egrp-pri-oformlenii-kompensaciy-i-subsidy-v-ago-reshilsya-pomog-vladimir-vlasov/>, свободный.

11. Представители власти лично проверили работу системы компенсации взносов на капремонт в Екатеринбурге [новость от 27 июля 2016 г.] // Официальный сайт МКУ «Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг муниципального образования «город Екатеринбург». Режим доступа:

<https://мфц.екатеринбург.рф/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/53>, свободный.

МЕЖДУ УНИВЕРСАЛИЗМОМ И АДРЕСНОСТЬЮ.100 ЛЕТ ПОИСКОВ СВОЕГО ПУТИ

Григорьева И.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация

История последних 100 лет социальной политики и в России, и на Западе, подвержена постоянным изменениям интерпретации. Принимались политические решения по снижению роли государства, или подчеркивался его приоритет, что может быть описано через взаимодействие двух основных подходов, либерального и социал-демократического, или иными словами, селективного и универсального. Это значит, что социальная политика может быть адресована определенным группам населения (трудящимся, рабочим, детям и т.п.) или населению в целом. Но какие именно решения являются либеральными, а какие - социал-демократическими, какое их сочетание оптимально в конкретный момент истории, определить не так просто. Поэтому трансформации российской, затем советской и снова российской, социальной политики, являются предметом постоянных дискуссий.

Социальная политика в России период до 1917 г.

В более-менее современном языке можно говорить о социальной политике в России после реформ 1861 г., когда сформировались местные, земские органы управления, развивались больницы и школы для местного населения, в частности, крестьян. Разделился уровень государства и местного самоуправления (земств) в решении социальных проблем.

Крестьянское население до революции преобладало, хотя усилилась миграция в города и стал формироваться слой наемных работников. Но официальные данные о количестве сельского населения не учитывают широко развитого отходничества или наличия промышленных сел, а также меньшей степени дифференциации города и деревни в России, по сравнению с Западной Европой.

В январе 1912 года Дума приняла законы о государственном страховании рабочих. В городах были развиты эмеритальные кассы взаимопомощи, в которых участвовали даже пожилые, что следует рассматривать как проявление солидарностных отношений внутри сословной иерархии дореволюционного общества.

Первые шаги советской социальной политики

Риторической доминантой времени было декларирование универсализма социальной политики, направленной на всех трудящихся, и довольно изоциренным реальным адресованием, т.е. селективностью в пенсионировании, льготах, получении жилья и даже еды и т.д. «Поражение в правах» сначала «бывших», а потом, фактически, больших масс крестьян в пользу городских рабочих, сначала объяснялось трудностями военного времени, но вскоре стало правовой нормой.

В городах государство стремилось монополизировать воспитание детей, обосновывая это революционной необходимостью освобождения женщин от «домашнего рабства» и включения их в армию труда. Детские сады, а также вся система социальных сервисов постепенно дифференцировалась, и на предприятиях была более качественной, чем по месту жительства, что сохранялось практически все советское время.

Исследования социологов послевоенного времени, касались, в первую очередь, причин текучести работников на предприятиях, которую стремились уменьшить. Ускорение социально-экономического развития страны происходило за счет расширения регионов освоения, строительства новых городов и предприятий. Весь советский период социально-экономическое развитие было экстенсивным, достигалось за счет делокализации и разрыва социальных связей

людей. Ориентация на одно рабочее место и «свой коллектив» сыграли отрицательную роль, когда возникла необходимость адаптации к переменам конца 1980-начала 1990-х.

Жилищное строительство стало носить массовый характер во времена генсека Н.С. Хрущева. Нормативы предоставления нового жилья были невелики и приводили к тому, что выраставшие дети быстро воспроизводили формат коммунального проживания, обзаведясь собственной семьей. Поэтому коммунальные квартиры и до сих пор являются неразрешенной проблемой как старых, так и застроенных в 1970-е годы, районов больших городов.

В какой-то мере можем согласиться с тем, что «с середины 1950-х и до середины 1980-х годов, СССР проводил социальную политику, близкую к политике государства всеобщего благосостояния. Отличие, как нам кажется, в пренебрежении к индивидуальности каждого человека «во имя высоких целей строительства коммунизма».

Новый этап с конца 1980-х г. по настоящее время

В последний советский период актуальными были дискуссии о реновации социальной политики. Речь шла либо о либерализации, либо о сохранении социалистического универсального подхода и его гуманизации в направлении «скандинавского социализма». Несмотря на культурно-историческую укорененность универсального подхода, дававшего пусть иллюзорное, но равенство для всех, в конце 1991- начале 1992 г.г. был выбран либеральный, т.е. селективный подход. Как тогда казалось, более эффективный и дешевый для государства.

Закономерно, что деконструкция советской социально-экономической системы в 1991-92 г.г., сопровождалась одновременно и нарастанием социальных рисков, и коренным изменением институтов социальной политики. «Обязанности государства по отношению к правам граждан» перестали быть безусловными. Шло становление новых видов социального и медицинского страхования, увеличивших селективность уже монетарными методами.

Попытки государства сделать социальные сервисы (в широком смысле слова) менее затратными, но все же удобными для населения, не удаются. Отсюда дрящящая ностальгия по универсализму социальной политики советского времени, поскольку остается все меньше свидетелей того, как долго она складывалась и насколько была противоречивой и минимальной. Многие явления, свидетельствующие о неравенстве в советском обществе, замалчивались или объявлялись временными, но продолжают существовать до сих пор.

В постсоветский период можно заметить, что попытки расширения или обновления практик взаимодействия населения с государством были предструктурированы сложившимися формами взаимозависимости. Население России заметно отличается от населения Европы своими эгалитаристскими установками и высокими запросами к государству (Салмина 2015).

ФЗ №442 поставил новые задачи, изменив номинацию «клиента» на «потребителя», вернувшись к необходимости адресования и оплате услуг [Федеральный закон 2013], в первую очередь, для пожилых. Восприятие клиентов как покупателей и потребителей меняет логику социальной защиты, заставляя поставщиков навязывать определенные услуги, внесенные в рациональный Перечень услуг, потребителю.

Существует и «сверхспрос» на защиту от любых рисков, сформированные, в российском случае, предвыборными обещаниями политиков и риторикой СМИ, чем реальными действиями государства.

Заключение

Социалистическая революция в России 1917 г. сыграла огромную символическую роль в рабочем движении других стран и, конечно, трансформировала саму Россию. Россия претерпела две радикальные социально-экономические трансформации за столетие, и в этом отношении ее опыт уникален.

Нам не хватает альтернативных идей развития. Возможно, следует не расширять конкурентные отношения и гонку за финансовый успех в самом лапидарном «американском стиле», а вспомнить призыв поэта Б.Окуджавы «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке».

Статья подготовлена на средства гранта РНФ (проект №14-18-03434, продлен на 2017-2018 г.)

ОТ ОБЪЕКТА ПОМОЩИ К СУБЪЕКТУ ДЕЙСТВИЯ: ЧЕЛОВЕК С ИНВАЛИДНОСТЬЮ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Дарган А.А. (Ставрополь)

Аннотация: В эпоху глобальных социальных перемен актуальность приобретает изучение социальной субъектности людей с ограниченными возможностями здоровья. Возникает необходимость ухода от субъектно-объектных к субъектно-субъектным отношениям, когда человек с инвалидностью будет выступать не как объект помощи, а как полноправный участник общественных отношений, творец социальной реальности. Это обуславливает необходимость использования определенных методов и приемов, способствующих присвоению личностью социальной субъектности, направленной на установление эффективных социальных отношений с другими субъектами взаимодействия, а также созданию условий, которые делают возможным проявление данного качества людьми с инвалидностью в поле социальных отношений.

В течение XX века отношение к людям с инвалидностью, понимание их места и роли в социальной структуре общества неоднократно трансформировалось, и вместе с этим изменялось понимание того, в какого рода поддержке нуждаются люди, имеющие ограниченные возможности здоровья. В годы советской власти в обществе доминировало субъектно-объектное отношение к людям с ограниченными возможностями здоровья: люди с инвалидностью воспринимались как «больные», «увечные», а потому являющиеся неполноценными членами общества, которые не могут в должной мере обеспечивать себя и приносить пользу. Общество брало на себя заботу о данном «ущербном» члене сообщества и обеспечивало его за счет других своих членов, при этом сам человек с инвалидностью не имел возможности принимать решения в выборе мер избавления от проблем инвалидности [1, С. 12]. Людям, имеющим ограничения жизнедеятельности, отводилась определенная, очень низкая, социальная ниша, и использование многих социальных лифтов, которое могло бы повысить их социальный статус и занять более высокую социальную нишу, уйдя от роли «инвалида», было сильно ограничено. Политика в отношении людей с ОВЗ была сегрегационной: активно развивалась система специального (коррекционного) образования, создавались специализированные предприятия для инвалидов, санатории для людей с инвалидностью и пр.

Условия, сложившиеся в обществе относительно людей с ограниченными возможностями здоровья, способствовали тому, чтобы у человека с инвалидностью, в первую очередь имеющего тяжелую форму инвалидности, формировалось патерналистское отношение к обществу, осознание себя как «инвалида», «больного», человека, который вследствие имеющихся у него ограничений жизнедеятельности (а не нежелания общества учитывать его особенности), не имеет возможности для достижения многих жизненно важных целей (завести семью, детей, построить карьеру и пр.).

Развал Советского Союза и последовавшие следом за ним трансформации в российском обществе обусловили изменения и в отношении понимания роли людей с инвалидностью в обществе. На смену медицинской пришла реабилитационная модель инвалидности, в основе которой - идея о необходимости оказания людям с инвалидностью помощи в создании условий для обеспечения жизнедеятельности, в адаптации и реабилитации. В соответствии с данной моделью инвалидности «помощь человеку с инвалидностью оказывается в соответствии с патологией, вызвавшей инвалидность» [1, С. 12]. Однако, хотя социальная политика по отношению к проблеме инвалидности и изменилась, но методы и приемы, используемые для оказания помощи людям с ограниченными возможностями здоровья, не были должным образом скорректированы, человек с инвалидностью продолжал восприниматься не как активный субъект общественных отношений, а как объект помощи. В результате принимаемые меры по реабилитации и адаптации людей с инвалидностью не достигали заявленного результата.

В настоящее время, когда в российском обществе все активнее внедряются идеи философии независимой жизни инвалидов, идеи инклюзии, приходит понимание того, что необходимо уйти от субъектно-объектных к субъектно-субъектным отношениям в обществе. В существующих условиях анализ такого феномена, как социальная субъектность людей с инвалидностью, представляется чрезвычайно важным и актуальным. Мы рассматриваем социальную субъектность в рамках социологического подхода, где социальная субъектность – это независимость от социальности более высокого порядка, когда субъект на основе усвоенных им знаний делает свой выбор в поле социальных отношений и выстраивает ценностное отношение к важнейшим сторонам общественной жизни, т.е. проявляет свою субъектность [2]. В отношении людей с инвалидностью данное качество может быть представлено как способность человека с инвалидностью выступать в качестве субъекта общественных отношений, проявляющаяся, в том

числе, в его социальной идентификации, в осознанном выборе им модели интеграции в обществе, конструирования и проектирования своей жизненной стратегии и ее реализации в соответствии с выбранным типом отношения с обществом, с учетом требований ситуации, норм и ценностей, а также имеющихся возможностей к социальной деятельности и способности к ее самостоятельному осуществлению.

Проблематика социальной субъектности людей с инвалидностью предполагает изучение двух основных факторов: 1 - способности человека с инвалидностью к осуществлению выбора в поле социальных отношений, представляемой нами как совокупность внутренних качеств личности, определяющих способность субъекта выступать в качестве активного творца социальной реальности; 2 - социально обусловленных возможностей к проявлению социальной субъектности, определяющих границы проявления им данного качества. Такими факторами являются социальный статус и социальные роли, которые присваивает человек с инвалидностью в процессе социализации, социальные нормы и ценности, которые присуще той социальной общности, в которую включен индивид, а также доступность структурных и институциональных возможностей для проявления социальной субъектности. Таким образом, поднимается вопрос целесообразности и перспективности использования определенных методов и приемов, способствующих присвоению личностью социальной субъектности, направленной на установление эффективных социальных отношений с другими субъектами взаимодействия, а также создание условий, которые делают возможным проявление данного качества в поле социальных отношений.

Блинков Ю.А. Медико-социальная экспертиза лиц с ограниченными возможностями: учебное пособие для вузов / Ю.А. Блинков, В.С. Ткаченко, Н.П. Клушина. – Ростов-на-Дону: Феникс. – 2002. - 320 с.

Луков Вал.А., Луков Вл.А.. Методология тезариусного подхода: стратегия понимания // Знание. Понимание. Умение. №1. 2014. С.18-35.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УСЛУГИ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ: К ВОПРОСУ ОПТИМИЗАЦИИ

Демакова К.В. (Москва)

Доклад представляет собой обзор государственных региональных услуг для граждан пожилого возраста в Пермском крае и Свердловской области, оценку соответствия их содержания потребностям пожилых людей.

Материалом для обзора послужили региональные перечни государственных услуг, оказываемых местными «соцзащитными» министерствами (министерством социального развития Пермского края и министерством социальной политики Свердловской области), административные регламенты региональных государственных услуг, предназначенных для пожилых людей (всего 57 административных регламентов).

К пожилым мы отнесли людей пенсионного возраста (женщин старше 55 лет и мужчин старше 60). Эти возрастные границы пожилых вполне соответствуют описанию получателей государственных услуг для пожилых: возраст (от 55 лет для женщин и от 60 лет для мужчин) либо наличие статуса пенсионера — одно из основных требований к заявителям для получения тех видов госуслуг, которые мы анализировали (однако, не всех).

К государственным услугам для пожилых мы отнесли все услуги, оказываемые пожилым «по факту» (то есть, в описании заявителей не всегда есть указание на возраст, но по факту, например, пострадавшие от политических репрессий, участники Великой Отечественной войны и т. д. фактически относятся к пожилым, несмотря на то, что основанием для предоставления им государственных услуг являются другие факторы).

Однако услуги, общие для всех возрастных категорий, в том числе для пожилых, мы в данном обзоре не рассматривали (например, наравне с другими возрастными категориями, пожилые люди могут претендовать на получение разного рода государственных «соцзащитных» услуг для неимущих).

Цель обзора — описать, какие конкретно категории пожилых людей являются получателями региональных государственных услуг, какие виды услуг для них предназначены и насколько содержание этих услуг обеспечивает потребности пожилых и качество их жизни.

Министерство социального развития Пермского края предоставляет 26 услуг для пожилых граждан, министерство социальной политики Свердловской области — 31 услугу.

Описывая содержание госуслуг, мы разделили их на несколько видов. По типам получателей услуг (основному критерию, определяющему право гражданина на получение государственной услуги) мы разделили госуслуги для пожилых на три вида:

услуги для пожилых (здесь основным критерием был возраст получателей),

для пострадавших от социальных и промышленных катастроф (участники Великой Отечественной войны, жертвы политических репрессий, пострадавшие от аварии на производственном комбинате «Маяк»),

для пожилых, имеющих специальные заслуги (занятых на высококвалифицированных должностях в общественно значимых секторах производства: работники образования, социальной сферы, искусства и культуры), ветераны труда, почётные доноры, Герои Советского Союза и т. д.

Самой большой группой госуслуг оказались госуслуги, предоставляемые пострадавшим от социальных и промышленных катастроф. В Пермском крае для них предназначается 15 госуслуг из 26, в Свердловской области — 26 из 31. Непосредственно для пожилых в Пермском крае предоставляется 4 услуги, в Свердловской области — 3 услуги. В основном речь идёт о признании права на получение социального обслуживания на дому либо получении путёвок в дома престарелых.

По результату оказания услуги мы выделили четыре вида услуг:

присвоение статуса (выдача удостоверений, справок, подтверждающих право получателя на получение госуслуги),

денежная компенсация какой-либо услуги, товара (например, путёвки в санаторий, проездного билета и проч.),

выплата пособий,

собственно социальные услуги (сами услуги предоставляются не министерством, а специальными учреждениями, министерство подтверждает право заявителя на пользование услугой).

Наиболее распространённый тип госуслуг для пожилых — это денежные компенсации (выплаты) и пособия. Пособия в основном — целевые, например, на проезд в городском транспорте, но есть практика выплаты пособий определённым группам пожилых людей, например, реабилитированным жертвам политических репрессий, ветеранам труда, пенсионерам, имеющим большой страховой стаж).

В Пермском крае таких госуслуг 10 из 26, Свердловской области — 15 из 31. Второй по распространённости тип госуслуг — это присвоение статуса (выдача удостоверений, справок о праве на получение государственных или социальных услуг, например, выдача удостоверение ветерана Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов). В Пермском крае их 6 из 26, в Свердловской области — 9 из 31.

Что конкретно компенсируется с помощью денежных выплат и пособий?

В Пермском крае:

оплата коммунальных услуг и жилого помещения (5 госуслуг);

- оплата проезда (2 госуслуги);

- установка телефона (1 услуга);

- погребение/установка надгробия (2 услуги);

В Свердловской области:

- путёвки в санаторий (1 госуслуга);

- оплата проезда (7 госуслуг);

- установка телефона (1 госуслуга);

- погребение (1 госуслуга);

- расходы на бензин, ремонт и обслуживание автотранспорта (1 госуслуга);

- пользование услугами связи и СМИ (телефон, радио, телевидение — 3 госуслуги);

- ремонт жилого помещения (1 госуслуга).

Результаты оказания услуг, помимо классификации по типам, мы оценивали с точки зрения влияния на улучшение качества жизни пожилых (например, льготный проездной потенциально может повысить мобильность пожилого человека, а лекарственное обеспечение хотя бы частично удовлетворить потребность в качественном медицинском обслуживании). Моделью для оценки послужили выводы исследования социально-экономических факторов, влияющих на повышение качества жизни лиц пожилого возраста, проведённого в Алтайском

краеі. В результате исследования (экспертного опроса) были выявлены следующие факторы: уровень доходов, внимательное, уважительное отношение к пожилым в обществе, продолжение трудовой деятельности, комфортные условия жизни, доступность качественных медицинских и социальных услуг, возможность участия в культурно-досуговых мероприятиях, возможность повышения образовательного уровня, социальная стабильность, мобильность.

Как видим, фактически, с помощью государственных услуг в основном обеспечиваются потребности только тех пожилых граждан, которые в далёком прошлом пострадали от социальных или технологических катастроф (больше половины госуслуг предназначены именно для этой категории). Это довольно узкая социальная группа по сравнению с пожилыми в целом, поскольку, например, в Пермском крае население в возрасте 55 лет и выше составляет 27 процентов от общей численности населения региона, в Свердловской области аналогичный показатель — 29, 6 процентов (по данным на 2016 год Пермьстата и Свердловскстата за 2016 год). Кроме того, за счёт госуслуг в большей мере обеспечивается потребность в мобильности (компенсации проезда) и в комфортных условиях жизни (компенсация оплаты коммунальных услуг, ремонт помещений). Однако, остальные потребности пожилых за счёт госуслуг, оказываемых «соцзащитными» министерствами, не обеспечиваются (например, нет ни одной госуслуги для пожилых, которая способствовала бы продолжению их трудовой деятельности).

Рекомендуется пересмотреть содержание и целесообразность государственных услуг для пожилых граждан исходя из их реальных потребностей, оптимизировать имеющуюся линейку госуслуг.

Макимова С. Г., Макимова М.М., Ноянзина О. Е., Щеглова Д. К. Социально-экономические факторы, определяющие качество жизни лиц пожилого и старческого возраста. // Вестник Алтайского государственного аграрного университета, 2015. URL <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskie-factory-opredelyayuschie-kachestvo-zhizni-lits-pozhilogo-i-starcheskogo-vozrasta> (дата доступа 6.08.2017)

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УНИВЕРСАЛЬНОЙ И СЕЛЕКТИВНОЙ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Деханова Н.Г. (Москва)

Аннотация

В докладе рассматриваются последствия реализации универсальной и селективной модели социальной политики: уровень социального неравенства, уровень развития социального и человеческого капитала, доля бедного населения и др. Делается вывод о большей социальной эффективности универсальной модели.

В последние десятилетия не стихает научная дискуссия относительно того, какая модель социальной политики государства может быть считаться

наиболее оптимальной с точки зрения социальной эффективности. При этом необходимо отметить, что выбор основного вектора направления социальной политики зависит не только и не столько от экономических показателей, позволяющих реализовать более или менее щедрые модели социальной политики, высоких социальных стандартов (уровня ВВП по ППС, темпов роста национальной экономики, величины государственного долга), сколько от системы координат, которая принята за основу, от того, что считается справедливым и допустимым в данном обществе, от общественного согласия по базовым вопросам, связанным с социальным неравенством и социальными правами. Таким образом, формирование той или иной модели социальной политики – это всегда результат сложного взаимодействия между человеческими, экономическими, институциональными и политическими факторами. Институциональная организация общества определяет механизмы создания, фиксации, накопления и удержания социально-экономических преимуществ.

В качестве основных определяющих критериев для отнесения к определённому типу социальной политики можно вслед за Г.Эспинг-Андерсеном обозначить уровень декоммодификации (степень, в которой индивиды или семьи могут поддерживать социально приемлемый уровень жизни, независимо от успешности их участия на рынке труда или, иными словами, предоставление социальных услуг исходя из принципа гражданства) и стратификационный критерий, характеризующий объём перераспределения доходов и устранение социального неравенства.[3,35-55]

Аргументация сторонников применения принципов селективной, адресной социальной поддержки в современной России, сводится, как правило, к следующим тезисам. Во-первых, необходимо принимать во внимание явный дефицит бюджетных средств, выделяемых на социальные цели. Особенно катастрофична ситуация в регионах, на которых лежат, по сути, основные социальные обязательства. С этим сложно не согласиться, так как общеизвестно, что универсальная модель социальной политики является дорогостоящим удовольствием. Соответственно, для реализации данной модели необходимо большее наполнение бюджета, которое, в свою очередь, невозможно без перехода к прогрессивной ставке налогообложения на доходы физических лиц. Ещё одним аргументом, высказываемым сторонниками селективной модели социальной политики, является распространение иждивенческих настроений среди получателей социальных пособий, снижение трудовой мотивации в условиях реализации универсальной модели. И, наконец, высказываются сомнения относительно экономической эффективности, уровня конкурентоспособности стран, реализующих универсальную модель. Нам представляется, что в данной плоскости не всё так очевидно, как кажется на первый взгляд. Например, именно страны, выбравшие универсальную модель, имеют наиболее впечатляющие результаты в борьбе с бедностью. Риск оказаться в бедности для семьи с детьми и одним работающим в США в 12 раз выше, чем в Швеции (в США к бедным относились 53,3% неполных семей с детьми, а в Швеции – 5,5%)[5], и американская модель социальной политики значительно уступает шведской модели по её способности вывести семьи из такого типа бедности. Так, например, если говорить о тех домохозяйствах, которые вышли из состояния бедности в результате налогообложения и перечисления социальных трансфертов, их доля составляла в 1986-1987гг. в США 0,5 %, в Канаде – 20,1%, в Великобритании – 46,1%, в ФРГ – 36,4%, в Нидерландах – 61,8%, во Франции – 51,5%, в Швеции – 43,8%.[5] Кроме того, ряд исследователей отмечают крайнюю дороговизну содержания бюрократического аппарата по проверке нуждаемости и коррупционные риски, связанные с принятием решений о выплатах. () Если же анализировать вторую переменную, характеризующую современные социальные государства, социальную стратификацию и уровень социального неравенства, нельзя не заметить, что именно социал-демократические универсальные государства обеспечивают существование справедливого общества с высокими социальными стандартами. Несомненный интерес в данном отношении представляют результаты социологических исследований, проведённых Всемирным банком и ООН, связанные с корреляцией между неравенством в обществе и рядом социальных показателей, таких, как, например, индексом здоровья и социальных проблем, индексом благополучия детей, социальным капиталом, социальной мобильностью и др.[2] Так, например, наивысшие показатели по уровню социального капитала, а именно, доверия к другим людям и государственным институтам, у Швеции, Дании и Норвегии (порядка 65%).[2]

Фактор доверия крайне важен, так именно благодаря ему возможно эффективное сотрудничество граждан и государства, при котором граждане сознают, что не только у них есть обязанности по отношению к государству, но и у государства есть обязательства по отношению к гражданам. Если же говорить о социальной мобильности, как производной от дохода родителей, то оказывается, что в странах с наиболее высоким неравенством, показатели социальной мобильности значительно ниже, а лидерами по мобильности являются Дания, Финляндия, Канада, Швеция[2]. В целом, страны реализующие универсальную модель социальной политики имеют значительно более высокие показатели ИРЧП. Своеобразным исключением из крупных развитых стран является Япония, в которой неравенство доходов ещё меньше, чем в Швеции, но не за счёт высокого налогообложения, а за счёт незначительной дифференциации до налогообложения.

Если анализировать тезис об экономической неконкурентоспособности стран, реализующих универсальную модель социальной политики и отличающихся высокой степенью социального равенства, то он тоже представляется весьма спорным. Так, по рейтингу глобальной конкурентоспособности на 2017г. представленному на Всемирном экономическом форуме, Нидерланды находятся на 4 месте в мире, Германия – на 5 месте, Швеция - на 7 месте, Финляндия, Норвегия и Дания – на 10, 11 и 12 местах соответственно. Кроме того, как показывают статистические данные, избыточное социальное неравенство ведёт к падению экономического роста.

Более информативным в плане отражения целостной картины эффективности осуществления той или иной модели социально-экономической политики представляется Индекс инклюзивного развития IDI (т.н. индекс справедливости), опубликованный Всемирным экономическим форумом (ВЭФ). IDI состоит из трёх основных частей: рост и развитие (рост

ВВП, ожидаемой продолжительности жизни, занятости, производительности труда,); инклюзивность (медианный доход домохозяйств, уровень неравенства и бедности); межпоколенческая справедливость и устойчивость (уровень демографической нагрузки, сбережений, государственного долга и загрязнения окружающей среды). Согласно данному индексу среди 29 развитых стран лидерами инклюзивного роста являются скандинавские страны, Швейцария, Австрия, Нидерланды, Австралия и Люксембург. Россия в группе 78 развивающихся стран занимает 13 место [1]. В итоге аналитиками ВЭФ делается вывод о том, что рост неравенства является не «железным законом капитализма», а следствием невнимания государства к решению социальных вопросов. И практика выстраивания таких распределительных отношений, когда экономический рост влечёт за собой рост благосостояния большинства населения, представляется нам более успешной в рамках универсальной модели социальной политики.

1. *Россия в отчёте ВЭФ: как оценивают нашу экономику*// URL.: <http://www.vestifinance.ru/articles/80104> Дата обращения 17.05.2017
2. *Уилкинсон Р. Как экономическое неравенство вредит обществу* // URL.: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0485/analit05.php> Дата обращения 20.08.2017
3. *Шевяков А.Ю. Мифы и реалии социальной политики.* – М.: РАН, 2011.
4. *Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism.* Cambridge: Polity Press, 1990. – P.35-55
5. *Rothstein B. Just Institution Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State,* Cambridge, 1998.

МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ: ОТ ИДЕНТИФИКАЦИИ К УПРАВЛЕНИЮ (НА МАТЕРИАЛАХ ГРАНТА РФФИ № 16-13-34011 «МИГРАЦИОННЫЕ РИСКИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ: СОЦИОЛОГО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АНАЛИЗ»)

Дроздова Ю.А. (Волгоград)

Волгоградская область является регионом, обладающим, с одной стороны, чертами, характерными для многих регионов нашей страны, а, с другой, уникальными особенностями. Так, полиэтничность, растущий объем миграции и при этом неразвитость программ адаптации и интеграции прибывающего населения характерны для большинства регионов страны. Многие субъекты Южного Федерального округа являются также, как и Волгоградская область, приграничными, сельскохозяйственными регионами, оказавшимися за последние 15 лет территориями, привлекательными для иммиграционных потоков из Средней Азии, Казахстана, Узбекистана, Украины, Армении, Азербайджана и для внутренней миграции из Дагестана, Северного Кавказа, Чеченской Республики. К уникальным особенностям региона можно отнести его транзитное расположение на пересечении множества транспортных путей, протяженную границу с Казахстаном, относительно стабильное социально-экономическое развитие региона, позволяющее отнести Волгоградскую область к регионам средней привлекательности и со средней степенью социальных рисков (экономических, политических, социокультурных и миграционных) [7, с. 11 – 12], что привлекает мигрантов из слаборазвитых и депрессивных регионов и стран.

Миграционные риски мы относим к новым рискам и определяем их как меру неопределенности и возможных негативных/ позитивных последствий вследствие миграционных процессов и управления ими. Увеличение объемов миграции в странах, регионах мира, постоянные социальные трансформации российской /мировой социальной системы, в том числе продолжающиеся военные конфликты, приводят к проблемам не только в управлении данными процессами, но и в их идентификации, осознании масштабов и последствий.

Чтобы управлять миграционными рисками, обеспечивая социальную поддержку принимающему и прибывающему населению, необходимо идентифицировать эти риски и получить максимально полную и точную информацию по каждому из них. Проблема идентификации социальных рисков состоит в том, что пока в основной сфере управления риском разработана, например, для предпринимательства, а не для социальной сферы.

Предпринимательские риски представляют сознательные действия ради дальнейшей выгоды, увеличения прибыли, а расчет величины риска позволяет определить степень оправданности таких действий [6, с. 127]. Субъект социального управления вынужден действовать в условиях риска, иногда не имея никакой возможности повлиять на источник социального риска. Таким образом, при управлении обществом альтернативы риску нет, он все равно существует [8],

гораздо труднее поддается расчетам и измерению. Целью социального риск – менеджмента является обеспечение стабильного, безопасного развития региона, баланса в межнациональной сфере на основе исследования и моделирования социального пространства.

В результате реализации гранта РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ», было выявлено, что в Волгоградской области сложилась многовекторная синтетическая модель миграционных процессов [3, 1462], с чертами вынужденно-переселенческой, индустриально-классической и диффузной моделей. В данной модели основные миграционные риски связаны с демографической ситуацией в Волгоградской области.

На протяжении последних лет определяющим фактором демографических процессов в области остается превышение почти в 2 раза числа умерших над числом родившихся, которое с 1995 года не компенсируется миграционным приростом. Демографическая ситуация в Волгоградской области несколько улучшилась, но по-прежнему остается высокой вероятность дальнейшего обострения проблем воспроизводства населения. В 2015 году в Волгоградскую область прибыло 54220 иммигрантов, выбыло из региона 53 737 эмигрантов [2, с. 1]. С учетом естественной убыли и объемов миграции к 2031 г. прогнозируется снижение численности населения региона на 300 тыс. человек [1].

Объективная потребность региона в мигрантах при значительной убыли коренного населения области порождает новые миграционные риски, связанные с обострением межнациональных отношений, состоянием перманентной отчужденности представителей прибывающих национальностей (культурной, религиозной и других), ухудшением ситуации на рынке занятости [5].

Экономика Волгоградской области уже испытывает зависимость от мигрантов. Согласно полученным эмпирическим данным (опрос проводился в рамках реализации гранта РФФИ № 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ», июль – сентябрь 2016 года, N=500) 66,4% опрошенных считают, что «мигранты работают там, где не хотят работать местные», второй по популярности ответ «дешево ремонтируют квартиры, строят дачи» – 44,8% респондентов, и прибывающее население «соглашается на любую работу», по мнению 42,5% участников опроса. Можно говорить о том, что мигранты плотно занимают нишу, связанную с неквалифицированной работой. В этом есть свои плюсы: стоимость их услуг гораздо ниже, чем у местных рабочих, их легче нанять, но вопрос о качестве выполняемой ими работы остается открытым, также, по мнению 34,2% опрошенного принимающего населения, мигранты «занимают рабочие места, нужные местному населению», «понижают уровень зарплаты, соглашаясь на самую низкую оплату труда» (42,5% опрошенных).

На взгляд 30,4% опрошенного населения «растут государственные расходы на осуществление миграционной политики», 36,4% респондентов считают, что «повышается преступность в регионе», 20,9% опрошенных, отвечая на вопрос об отрицательных последствиях миграции для региона, считают, что мигранты «навязывают свою культуру», 32,4% – «плохо знают русский язык», 14, 5% – «растет коррупция». Полученные данные свидетельствуют о социальной напряженности в регионе и неоднозначном восприятии мигрантов.

Миграционные риски воспроизводятся в Волгоградской области, согласно диффузной модели на регулярной основе. В регионе происходит постоянный отток молодежи и трудоспособного населения (высококвалифицированных, образованных специалистов) в Москву, Московскую область, Санкт-Петербург, Краснодарский край, Саратовскую и Ростовскую области. Среди причин оттока были названы «депрессивность развития региона»; «не развивается легкая промышленность», «закрываются заводы», «не хватает рабочих мест», «низкая заработная плата», «большое количество мигрантов».

Необходимы специальные меры по привлечению в область высококвалифицированных кадров и улучшению использования уже сформированного трудового потенциала, повышению качественного состава трудовых ресурсов, чтобы данные миграционные риски, в том числе риски интеллектуального истощения, ухудшения качества трудовых ресурсов не определяли негативные последствия миграции, не предоставляя инновационные возможности поддержки населения. Если работа с уже сформированным в области трудовым потенциалом представляется вполне достижимой задачей в рамках региона, то привлечение высококвалифицированных кадров в регион – задача более сложная и должна решаться совместно с другими регионами и федеральной властью [4].

При неизбежном увеличении числа мигрантов в регионе, учитывая негативный опыт европейских стран, можно говорить о том, что сегодня пока есть возможности для расчета и управления миграционными рисками, а ситуация находится под контролем в силу существующих правовых и социокультурных механизмов. Но выявление, классификация, расчет миграционных рисков требуют дальнейшего тщательного изучения, поскольку социальное пространство постоянно изменяется (трансформации правового поля, политического, экономического, и, как следствие, возникновение ранее неучтенных рисков, изменение уже идентифицированных). Кроме того, все социальные риски взаимосвязаны и взаимозависимы.

Управление миграционными рисками Волгоградской области – одного из центров миграционных процессов Южного Федерального округа – на основе своевременной идентификации и прогнозирования изменения уровня выявленных рисков, определения их причин и траектории потенциальных угроз или возможностей, постоянный многосубъектный, в том числе с участием научного сообщества, контроль разработки и выполнения адаптационных и интеграционных программ, определяют его эффективность и целесообразность миграционной политики всей страны.

1. *Волгоградская область в цифрах. 2014: краткий сб. / Терр. орган Фед. службы гос. статистики по Волгоград. обл. Волгоград: Волгоградстат, 2015. 376 с.*
2. *Гладков Е. С. Информация о миграционной ситуации на территории Волгоградской области за 2015 год. Волгоград: Архив Комитета по делам национальностей и казачества Волгоградской области, 2015. 7 с.*
3. *Дроздова Ю. А. Модели миграционных процессов в Волгоградской области (по результатам полевого этапа реализации гранта РГНФ 16-13-34011 «Миграционные риски в полиэтничном регионе: социолого-управленческий анализ») // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке / Материалы научной конференции к 100-летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского 10-12 ноября 2016 года. / Отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия – принт, 2016. С. 1460 – 1462.*
4. *Зайончковская, Ж.А. Миграционная ситуация современной России. URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/povestka-immigration/russ-bazar/situatsia/> (дата обращения 11. 08. 2017).*
5. *Коллиер П. Исход: как миграция изменяет наш мир / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 384 с.*
6. *Малашихина, Н.Н., Белокрылова, О. С. Риск – менеджмент. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 320 с.*
7. *Черевичко Т. В. Миграционные риски – критерий типологизации регионов // Современные евразийские исследования: Научный журнал / Под ред. Ю. Г. Голуба. Саратов, 2014. Вып. 2. С. 9 – 12.*
8. *Douglas M. Risk and blame: Essays in cultural theory. London: Routledge, 1992. 323 p.*

ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ЭКОЛОГО-СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Желнина Е.В. (Тольятти)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17-46-630560 «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона».

2017 год провозглашен годом Экологии, нацеленным на создание и реализацию программ сбережения уникальных природных символов России. Экологические вопросы в настоящее время очень актуальны в Самарском регионе. Активизировать работу в экон-правлении планируется не только на уровне крупных городов, но и сел, и поселков, а также отдельных предприятий и даже людей. Для координирования деятельности всех этих много-численных субъектов необходимо выстроить концептуальной инновационной модели социо-эколого-экономической системы Самарского региона.

Информацию теоретического плана необходимо накапливать в разрезе структурного функционализма, феноменологии, структуралистского конструктивизма и социоэкологических ценностных теорий.

Структуралистский конструктивизм П. Бурдьё [2] позволит взглянуть на процесс вхождения экодеятельности в повседневную жизнь людей с различных точек зрения. С одной стороны, сама экодеятельность и процесс ее внедрения представляются в качестве объективных структур, которые не зависят от сознания агентов и детерминируют их различные действия. С другой стороны – действия агентов, выбранная стратегия поведения по отношению к природе и окружающей среде, обусловлена жизненным опытом и приобретенными в ходе социализации предрасположенностями, т.е. габитусом.

Структурный функционализм позволит рассмотреть экодеятельность с позиции системы, имеющей определенную структуру и механизмы взаимодействия этих структурных элементов, где каждый элемент выполняет определенную функцию (дисфункцию) [3]

Феноменологический подход акцентирует изучение проблемы экодеятельности на субъективный уровень. Социальная реальность определяется каждым конкретным индивидом в соответствии с его личностными характеристиками, опытом, системой ценностей [1].

Социокультурный подход позволяет выявить внеинституциональные основания экодеятельности, акцентуализирует внимание на культурные аспекты, детерминирующие особенности заботы индивидов об окружающей природной среде. На культурном уровне сформированы определенные убеждения, стереотипы поведения, которые способны воздействовать на деятельность каждого конкретного индивида.

Аксиологический подход предоставляет возможность выявить и изучить ценности, которые накладывают отпечаток на экодеятельность. Ценности являются одним из наиболее важных факторов, детерминирующих процесс встраивания новых видов деятельности в повседневность.

В рамках данной публикации мы сконцентрировали внимание на крупных предприятиях как субъектах экодеятельности и попытались сформулировать ряд функций, которые они выполняют в данном направлении. В силу специфики современного рынка, компании вынуждены работать в условиях жесткой конкуренции, оперативно реагировать на многочисленные изменения внешней среды: рынка, социальных и потребительских настроений, политической ситуации. Акцентируя свою деятельность на улучшение производственных, экономических и управленческих результатов работы, руководители зачастую забывают о социально-культурных аспектах функционирования организации, изучение и учёт которых особенно важны именно на градообразующих предприятиях, так как они привлекают большое количество работников, оказывая тем самым значительное воздействие на городское сообщество. Таким образом, есть возможность акцентировать внимание и оценить социокультурные функции предприятия. В своей совокупности реализация рассматриваемых функций обеспечивает социальную защищенность человека и его социокультурное развитие в соответствии с требованиями, предъявляемыми современным обществом, а также минимизацию негативного техногенного воздействия промышленных предприятий на окружающую среду.

Наиболее важной и очевидной социально-культурной функцией градообразующей компании является функция социализации личности. Успешная организационная социализация предполагает усвоение профессиональных ценностей и норм посредством вовлечения человека в производственную, административную и социальную системы как предприятия, так и общества. Участие сотрудника в экологических мероприятиях вследствие получения и усвоения им информации о нормах, правилах поведения и деятельности в данных вопросах, безусловно, способствует его успешной социализации, что создаёт благоприятные предпосылки для решения ряда важных общественных задач: забота об экологической ситуации, осуществление изменений, нововведений в обществе, которые посильны только высокообразованным, высококвалифицированным личностям, вовлеченным в процессы постоянного развития и самосовершенствования и которые будут наименее травмагенными для природы; решение общественных проблем, осознание, оценка и преодоление которых возможно только при условии постоянного профессионально-личностного совершенствования; снижение влияния и преодоление возможных негативных явлений в сознании и поведении людей.

Важной функцией крупной компании является функция обеспечения занятости населения. Человек, успешно работающий в компании, имеющий постоянный и стабильный доход, социально защищён и достаточно уверенно чувствует себя в социальном сообществе, он готов заботиться об окружающей его природной среде.

В процессе экодеятельности предприятия реализуется еще одна важная социально-культурная функция – формирование позитивного социального статуса в обществе (причем, как для самого предприятия, так и для его сотрудников). Как правило, ведущие компании занимаются

заботой об окружающей природной среде. И делают эту деятельность открытой, «громко» заявляя об этом обществу. Подобные компании, как правило, всегда на особом хо-рошем счету у государственных и надзорных органов, также пользуются существенной по-пулярностью у населения: как в плане занятости, так и пользования товарами / услугами.

Функция социальной интеграции особенно значима в процессах общения, взаимодействия работников крупной компании, являющихся в то же время и членами городского сообщества. В данном случае несколько направлений интеграции: внутриорганизационная интеграция и интеграция с социальным окружением.

Внутриорганизационная интеграция – это процесс, в ходе которого сотрудники (в том числе руководители) и их группы устанавливают между собой тесные социальные, экономические, профессиональные и другие отношения. Повышение эффективности процессов интеграции в крупной компании возможно реализовать посредством проведения мероприятий экодеятельности.

Посредством масштабной экодеятельности предприятия могут завоевать существен-ный авторитет в обществе, привлечь к себе дополнительных партнеров и потребителей.

Крупные компании привлекают большое число работников, поэтому решение соци-ально-культурных проблем и задач становится одной из задач, стоящих перед руководи-телями и менеджерами компании. Разворачивая работу по разработке технологий организацион-ной экодеятельности, крупные компании вносят значительный вклад в социокультурное развитие и безопасность регионов, так как успешная деятельность крупных компаний создаёт благоприятные предпосылки для роста благосостояния общества.

1. Бергер П. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания.* – М.: Изд-во «Медиум», 1995. – С. 42 – 46.
2. Бурдые П. *Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко.* – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
3. Мертон Р. К. *Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль / Под ред. В. И. Добренкова.* – М., 1996; Парсонс Т. *О социальных системах.* – М.: Акаде-мический проект, 2002.

ТЕНДЕНЦИЯ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Зенина О.М. (Белгород)

Отношение к проблеме инвалидности в течение последнего десятилетия изменилось коренным образом. В последние годы в нашей стране активно развивается практика инклюзивного образования. Недавно инициатива в продвижении идей такой практики образования принадлежала родителям, которые, объединяясь в общественные организации, создавали условия для включения детей с инвалидностью в классы обычно развивающихся детей. В настоящее время отношение к детям с ОВЗ заметно изменилось, мало, кто возражает, что образование должно быть доступно для всех детей без исключения, основной вопрос в том, как сделать так, чтобы ребенок с ОВЗ получил не только богатый социальный опыт, но и в полной мере реализовал свои образовательные потребности. За последние 10 лет развитие интеграционных процессов в образовании, обеспечили возможность серьёзного эволюционного скачка в развитии и понимании инклюзии как реальной возможности. Однако, не следует недооценивать, что отсутствие необходимой законодательной, экономической, социальной базы поспешное широкое внедрение идей интеграции, а тем более – попытки подмены системы специального образования тотальной интеграцией могут привести к потере детьми с особыми образовательными потребностями возможности получить полноценное образование. К особенностям инклюзивного обучения в нашей стране относится еще то, что оно не закреплено законом. Инклюзивное образование – это одна из тех концепций, которая требует изменения привычных, формировавшихся десятки лет представлений всех участников системы образования. Его гуманистическая и правозащитная составляющие подразумевают изменение системы социальных отношений основываются на иных ценностях, чем традиционное образование. Развитие инклюзивного образования означает изменение представления о том, что проблемой является ребенок, и переход к пониманию того, что в изменениях нуждается сама система образования.

Проблема внедрения инклюзивного образования не может быть решена локально: невозможно создать хорошие условия для детей с инвалидностью и не создать богатой и разнообразной образовательной среды для других детей.

Внедрение инклюзивных подходов ориентировано на изменение ценностных ориентаций общего образования, на решение вопросов социального права каждого жить в обществе и быть его полноценным членом. Такое рассмотрение идеи инклюзии определённым образом сужает трактовку, принятую во всём мире, а, следовательно, и саму концепцию инклюзивного образования. Подобное упрощение рождает много противоречий между специальным и общим образованием, приводя к необратимым и разрушительным последствиям, связанным с планомерным сокращением числа коррекционных школ.

В современных условиях возникает необходимость трансформации модели образования. В этой новой модели актуальным становится взаимодействие учреждений специального и общего образования для организации более эффективного и качественного сопровождения обучения детей. В ряде регионов Российской Федерации специальные образовательные учреждения были определены ресурсными центрами по развитию инклюзивных процессов и по психолого-педагогической поддержке процесса обучения детей с ограниченными возможностями здоровья в общеобразовательных школах. Основная цель такого ресурсного центра – формирование общего образовательного пространства, внутри которого возможно оказание дополнительной коррекционно-развивающей помощи в любом образовательном учреждении на основе сетевого взаимодействия образовательных учреждений различных типов. Созданию нормативно-правовой базы инклюзивного образования с учетом региональной специфики, особенностей и традиций принадлежат субъектам РФ. В нескольких субъектах РФ уже принят ряд региональных законов, законодательных актов, положений, инструктивно-методических писем, определяющих порядок и механизмы реализации инклюзивного образования на практике. Однако, профессиональная неготовность кадров по-прежнему остается основной проблемой развития инклюзии в образовании и требует развития системы, ориентированной на изучение и распространение успешного опыта инклюзии. Основной стереотип образовательной практики, говорящий о том, что «особым» учеником должны заниматься только дефектологи, разрушен. Такие дети наравне со всеми приходят сегодня в обычные школы и садятся в обычные классы. В условиях современной включающей практики недостаточно работать силой морального убеждения или ссылками на правовые акты. Требуются профессиональные знания, постоянная рефлексия затруднений, творческий подход и поиск. Экстенсивный путь за счет привлечения дополнительных ресурсов – сегодня крайне затруднен. Нужны интенсивные технологии развития, ресурсность которых находится в преобразовании уже существующих возможностей. Образование не только дает жизненную перспективу, но и обеспечивает им тот уровень образования, который помогает избежать клейма «недееспособный». Посещение школы позволяет им разрушать социальную изоляцию. Анализ опыта включения детей из учреждений социальной защиты остро ставит вопрос о профессиональном обучении коррекционных педагогов, о вариативности форм обучения и адаптации критериев оценки образовательных достижений.

Дополнительное образование выполняет функции «социального лифта» для значительной части детей, которая не получает необходимого объема или качества образовательных ресурсов в семье и организациях общего образования, предоставляет альтернативные возможности для образовательных и социальных достижений детей с ограниченными возможностями здоровья. Занятие в кружке становится серьезным жизненным этапом у ребенка с инвалидностью, первый успех приходит в сфере деятельности, не связанной с академическими, образовательными, мета-предметными или предметными результатами. Там, где создаются творческие сообщества, ребенок может почувствовать личный успех. Сегодня программы дополнительного образования реализуются в каждой школе, следовательно, вне учебная работа, построенная на принципах инклюзии, даст свой результат. Нужна разработка эффективных механизмов социально-психологического переноса сформированных в дополнительном образовании ресурсов развития в учебное взаимодействие. Образование, построенное на принципах инклюзии, как один из социальных институтов призван дать возможности для реализации жизненных планов человека. Включение осуществляется исходя из представлений о той социальной роли, которая определяет жизненные планы. В этом смысле, включение ограничено, пока не сложится позитивный образ человека с инвалидностью в нашем обществе.

Важную роль в системе инклюзивного образования занимает профессиональная ориентация детей с инвалидностью. Доля студентов с ОВЗ и инвалидностью в профессиональном

образовании в ближайшем будущем будет расти. Уже сегодня по данным мониторинга потребность в поступлении в вуз высказывают 54% выпускников школ, имеющих инвалидность, в колледжи хотели бы поступить 20% выпускников школ с инвалидностью. Однако, не смотря на количество желающих получить образование, около 50% студентов с ОВЗ не заканчивают вузы. Доступность профессионального образования определяет степень участия людей с инвалидностью в жизни нашего общества. Социальная инженерия, дистанционные технологии, технические новшества, персональная нейроэлектроника влияют на наши представления о возможностях, меняют парадигму наших знаний. Дистанционные программные средства для студентов с инвалидностью адаптируются под их сенсорные особенности. Технологический прорыв даст новые образцы педагогических практик и инклюзивных технологий.

Подводя итог вышесказанному по проблеме развития инклюзивного образования, делаем вывод о том, что природа образования социальна, то есть ориентирована на общее для всех. Теоретики социальной динамики утверждают, что при любых социальных изменениях нельзя допустить культурного разрыва. Для этого необходимо сохранять связь между основными требованиями и возможностью реализации. Обеспечение целей доступности и качества образования для любого ребенка – стратегическая государственная задача.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ВЫПУСКНИКАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ПО ПОДГОТОВКЕ ИХ К АКТИВНОЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.

Зыбина Н.Ю. (Санкт-Петербург)

Молодые люди составляют около 35% трудоспособного населения России. Они - будущее нашей страны, и поэтому от стартовых условий их деятельности будет зависеть последующее развитие нашего государства.

На июль 2017 года молодежь до 25 лет среди безработных составляла 29,1%, а безработных, не имеющих опыта трудовой деятельности – 30,6%. [1]

Молодые специалисты всегда отличались от других групп безработных отсутствием опыта. И этот опыт связан не только с трудовой деятельностью и стажем, но и с отсутствием попыток поиска работы, так как их жизнь до выпуска была занята учебой. Часто первые попытки поиска работы оказываются неудачными, но не всегда это связано с невостребованностью полученной профессии на рынке труда. Современные работодатели предъявляют все новые требования к молодым специалистам. От того, какое впечатление выпускник произведет на работодателя при первом контакте, во многом может зависеть его будущее трудоустройство.

В работе с молодыми специалистами основное место должна занимать организация их эффективной адаптации к рынку труда. «Социальная адаптация — процесс приспособления человека к социальным условиям его существования, к конкретной социальной ситуации». [2, 101] Молодые специалисты слабо знакомы с процессом адаптации к трудовой жизни, из-за чего у них часто возникают трудности, связанные с поиском работы. Поэтому необходимо наладить деятельность по отработке у выпускников навыков противостояния негативному воздействию окружающей среды. Такая работа проводится в службах занятости, и очень редко можно увидеть такую помощь в самих учебных заведениях в качестве профилактики для молодых людей от безработицы.

Цель исследования: выявить условия эффективной адаптации выпускников профессиональных учебных заведений на рынке труда.

В рамках этого исследования была проведена диагностика социальных проблем, возникающих у выпускников профессиональных учебных заведений при поиске работы, разработана и проведена программа социальной адаптации выпускников к рынку труда на базе Псковского государственного университета.

Для подробного ознакомления с вопросом трудоустройства выпускников нами было проведено 2 экспертных опроса в форме беседы с психологом «Областного центра занятости населения по г. Пскову и Псковскому району» и с начальником отдела по профориентации и содействию в трудоустройстве выпускников Псковского государственного университета. От экспертов мы получили сведения о том, что современные выпускники после окончания обучения обращаются в службы занятости намного чаще, чем во время обучения в специализированный отдел по трудоустройству, что говорит о том, что молодые люди начинают задумываться о своем

трудоустройстве лишь после окончания обучения и уже столкнувшись с первыми трудностями поиска работы. Также нами было проведено анкетирование среди выпускников профессиональных учебных заведений, стоящих на учете в центре занятости и проходящих курс по социальной адаптации (9 человек), благодаря которому мы выделили следующие проблемы, которые возникают у выпускников при поиске работы и отрицательно влияют на их профессиональное становление:

1. Отсутствие опыта работы – 11,5%
2. Особенности характера, например, такие черты, как неуверенность в себе, трудности в изменении привычек, убеждений, склонность к необдуманным поступкам – 11,5%;
3. Ошибки в оценке своих реальных профессиональных возможностей – 11,5%;
4. Отсутствие подходящих вакансий – 9,6%;
5. Недостаточные знания рынка труда – 7,6%;
6. Отсутствие или неправильно сформулированные цели поиска работы – 7,6%;
7. Неблагоприятное эмоциональное состояние, негативные переживания – 7,6%;
8. Недостаточные навыки поиска работы и трудоустройства – 5,8%;
9. Отсутствие или неправильно составленное резюме – 5,8%;
10. Ошибки при проведении интервью с работодателем – 5,8%;
11. Недостаточная активность в поиске работы – 5,8%.
12. Недостаток информации о вакансиях – 3,9%;
13. Неумение оформлять документы - 2%;
14. Неумение проходить психологическое тестирование – 2%;
15. Проблемы со здоровьем – 2%.

Результаты проведенной диагностики показали, что молодые специалисты действительно обладают невысоким уровнем знаний в области трудоустройства и при первых попытках поиска работы сталкиваются с такими трудностями, которых можно было бы избежать, если проводить в образовательном учреждении с выпускниками обучающие тренинговые занятия по эффективному трудоустройству и снятию психологических барьеров.

Нами была разработана программа, направленная на подготовку выпускников Псковского государственного университета факультета образовательных технологий и дизайна направления подготовки «Социальная работа» к активной трудовой деятельности.

Цель программы: повышение конкурентоспособности выпускников на рынке труда.

Задачи:

1. Повышение самооценки и усиление мотивации к поиску работы;
2. Выработка активной жизненной позиции для успешного преодоления сложностей в трудоустройстве;
3. Обучения приемам саморегуляции и психологической защиты;
4. Отработки умений и навыков самостоятельного поиска работы;
5. Обучение эффективным методам общения с работодателем через резюме и собеседование.

Занятия проводились в форме групповой работы с использованием различных техник, упражнений, тестирований, лекций, дискуссий, а также раздавались информационные буклеты по темам занятий, направленные на цель, мотивацию, поиск работы, резюме и собеседование, а также снятие психологических барьеров. В результате каждый из участников составил индивидуальную карточку поиска работы, определился с целью и уже наметил пути её достижения.

В ходе реализации программы возникали как положительные, так и отрицательные моменты при взаимодействии со студентами. Положительное проявлялось в том, что со студентами было легко работать, они шли на контакт и заинтересованно выполняли все задания, а отрицательное – это несерьезное отношение к работе, излишняя легкость и беззаботность студентов, из-за чего приходилось настраивать их на рабочую атмосферу.

Для проверки уровня знаний среди выпускников до и после проведенных занятий нами был составлен специальный тест, в котором сформулированы вопросы, касающиеся целей, планов выпускника, его знаний о возможных местах работы, составлении резюме, прохождении собеседования и других угрозах, ожидающих его при поиске работы. После проведенных занятий была выявлена положительная динамика (Диаграмма 1). Знания у выпускников повысились по всем показателям. Выпускники расширили свои знания о возможных учреждениях, куда можно пойти работать, определились с дальнейшими целями поиска работы, значительно повысили

уровень своих знаний в области таких тем, как «резюме» и «собеседование», а также теперь знают, как настроить себя на поиск работы и не потерять свою мотивацию.

Диаграмма 1

Таким образом, можно говорить о том, что одним из условий успешной адаптации выпускников к рынку труда является проведение в образовательном учреждении обучающих занятий, которые помогали бы молодым людям справиться с трудностями предстоящего трудоустройства.

1. *Занятость и безработица в Российской Федерации в июле 2017 года.* URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/lssWWW.exe/Stg/d02/170.htm (дата обращения: 7.10.2017).
2. Манько Ю.В. *Теория и практика социальной работы* — СПб.: ИД «Петрополис», 2008.— 275 с.

ПОСЛЕДСТВИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СЕЛЕ: ОТ СТРУКТУРНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ К СОЛИДАРНОСТИ ПОКОЛЕНИЙ

Иванова Е.И. (Москва)

Воздействие государственных реформ, социально-экономической политики 1990-2000-е гг. на основные структуры и институты села создало неоднозначные условия для воспроизводства российского сельского населения.

Усиление либеральной линии в процессе реформирования села привело к кардинальным изменениям в социальной сфере: происходило сокращение рабочих мест в аграрном секторе экономики, усиливалась демотивация сельского труда, формировались противоречивые тенденции в доступности разных ступеней образования, услуг здравоохранения.

Результаты репрезентативных социологических опросов населения показывают тенденцию к резкому сокращению доли занятых в сельском хозяйстве, особенно в молодом поколении. Данные опроса «Жизненный мир» за 2015 г. показали, что доля занятых в отрасли составляла всего 20,2%. При этом наименьшая доля отмечалась в самой молодой возрастной группе, моложе 24 лет – 15,4%. (Для сравнения: доля занятых на государственных и частных предприятиях составила 28% среди всех опрошенных и 20,5% среди самых молодых респондентов) [1, с. 145]. Схожие выводы содержатся и в других репрезентативных опросах. Так, по данным РМЭЗ ГУ ВШЭ, в возрастной группе 1980-х гг. рождения доля занятых в сельском хозяйстве снизилась до самых малых значений, близких к нулю.

Государственная аграрная политика 1990-2000х. гг. привела не только к ограничению занятости в сельском хозяйстве, ее следствием также было слабое развитие альтернативных видов деятельности в сельской местности (не связанных с сельскохозяйственной деятельностью) и, соответственно, рост безработицы. Уровень безработицы на селе составляет, по различным оценкам, 27-37 %. Это выше официальных значений, поскольку согласно независимым оценкам экспертов, сельские жители часто не регистрируются как безработные. Следствием отмеченных изменений в сфере занятости стал высокий уровень бедности сельского населения, почти вдвое превышающий значения для городского населения.

Сокращению занятости в сельском хозяйстве и снижению престижа труда в данной отрасли противостоит устойчивая тенденция с росту уровня образования в сельской местности. За период 1989-2010 гг. доля лиц с высшим и средним профессиональным образованием в сельской местности возросла соответственно в 2,5 и 2 раза [4].

Социологические исследования продемонстрировали высокие притязания на образование современной сельской молодежи, это связано с особенностями ее социализации. На высшее образование как высокую ценностную ориентацию в начале 2000-х гг. указали 40% выпускников сельских школ [3, 2006]. Для сельской молодежи все более характерна тенденция к ориентации на накопление культурного, социального, человеческого капитала и долгосрочное планирование профессионального развития. В то же время, отмеченная тенденция распространяется не на всю молодежь: различия в располагаемых молодыми людьми социальных ресурсах, в их жизненных шансах велики, имеют, в том числе, региональную специфику. Высокая мотивация на поступление в вуз в городе часто связана не только с их желанием переехать из села в другую область учиться, но и с недостаточностью предложения специальных и высших учебных заведений по месту постоянного жительства или в ближайших городах.

Последствия реформирования сферы образования были крайне противоречивыми для формирования нового поколения: с одной стороны, наблюдалась все возрастающая ориентация молодых людей на получение высшего образования, с другой – закрывались школы, сужались возможности для получения среднего образования, сокращалось число государственных вузов.

Далеко не исчерпывающий обзор последствий государственных реформ за два десятилетия показывает качественные изменения в воспроизводстве социальных компонент жизнедеятельности сельского населения. Исследователи села в указанный период делали радикальный вывод о его «раскрестьянивании».

Социетальные сдвиги стали основным фактором сокращения численности сельского населения, изменений в демографических структурах села – в составе семей, возрастной структуре, а также оттока молодежи из села.

Структура миграционных потоков и компоненты естественного движения оказывают различное воздействие на формирование сельского населения. Прежде всего, это различия в возрастных группах, участвующих в миграции и естественном движении населения. В пространственных перемещениях из села участвуют, как правило, молодые возрастные группы, в село, напротив – старшие группы. Естественное движение в сельской местности определяется динамикой и структурой рождаемости (процесс протекает в молодых и средних возрастах) и смертности сельского населения (затрагивающей в большей степени старшие возрастные группы).

В начале 2000-х годов в возрастной структуре происходило постепенное сокращение доли детей и подростков – численность населения дотрудоспособного возраста к 2010 г., по сравнению с 1989 г. сократилась на треть. При этом сокращение касалось не всех возрастов (сказалось повышение рождаемости в середине 1980-х гг.): росла численность 10-14 - летних детей и подростков.

Изменение численности молодых людей затронуло возрастные группы неравномерно, что было связано с последствиями роста рождаемости в 1980-е годы и притока населения в трудоспособном возрасте в 1990-е гг. Так, численность возрастной группы 15-19 лет повышалась до 2006 г., а возрастной группы 20-24 лет – вплоть до 2010 г. К 2015 г. по мере исчерпания последствий демографической волны и снижения рождаемости в 1990-е гг. число 15-19-летних молодых людей сократилось на 56%, по сравнению с 2006 г., 20-24-летних - на 40%, по сравнению с 2010 г. Население в возрасте 25-34 года росло в течение 2002-2015 гг. Тенденция к снижению возрастной группы 35-39 лет сохранялась до 2009 г., с 2010 г. она сменилась на повышение. В целом, доля населения всех возрастных групп, формирующих подгруппу трудоспособного населения, имела устойчивую тенденцию к повышению.

На динамику численности более старших возрастных групп оказывали влияние как последствия демографического эха войны, так и повышение смертности населения в возрасте старше 40 лет с 1992 г. (оно затронуло в большей степени мужское население). Доля населения старше трудоспособного возраста менялась несущественно за 1990-2000-е годы, ее колебания находились в пределах 0,5%.

Сокращение доли молодых людей в возрасте 15-24 года в течение последних пяти лет объясняется не только последствиями низкой рождаемости в прошлом. В данном возрасте отмечается рост интенсивности миграционной подвижности из села в город.

Следствием новых жизненных притязаний сельской молодежи и отсутствия возможности их реализации в сельской местности стала новая волна миграции в города, прежде всего, в крупнейшие, в которых есть условия для получения образования и самореализации молодежи.

Молодое сельское население уезжает в город в поисках работы и жизненных перспектив. Так, результаты опроса «Сельская жизнь» показали, что миграционные намерения наиболее высоки среди молодых жителей, особенно в группе моложе 24 лет: жить и работать в городе выразили желание 65 % респондентов, а остаться в селе всего 27% [1, с. 149]. Вследствие нерешенности многих социальных проблем, закрытия детских садов, школ, больниц новая волна миграции в города затрагивает и представители старших возрастных групп трудоспособного возраста. Лишь с приближением к пенсионному возрасту респонденты все чаще выражали намерение остаться в сельской местности (85% в возрасте 60 лет и старше).

За период 2009-2015 гг. объемы миграции из села резко возросли. В возрастной структуре выбывших наиболее представительны доли детей и средней возрастной группы, 30-39 лет. За пять лет численность выбывших детей возросла в 3,6 раза, а численность выбывших в возрасте 30-39 лет – в 2,7 раза, что составляет максимальный прирост среди всех возрастных групп. При этом числа выбывших за период 2009-2014 гг. удвоились практически во всех возрастных группах [2,

2015]. Это, с одной стороны, отражает кризисное состояние социальной инфраструктуры современного села, а с другой, - усиление семейного характера миграции.

В самой сельской местности устойчивое ослабление социальной защиты населения вызвало компенсаторное укрепление микросоциальных сетей. Социологические опросы, проведенные в сельской местности различных регионов России в 2000-е годы, выявили тенденцию к сохранению традиционных установок на межпоколенную взаимопомощь. Она проявляется в значимых объемах поддержки между родственниками и друзьями.

Проведенные в 2000-е гг. опросы сельского населения показали, что ожидания старших поколений на поддержку от государства выражены слабо, наблюдается тенденция к их автономизации от государственных неформальных институтов. В специфических условиях современного социального времени взаимодействие между поколениями развивается в направлении укрепления микросоциальных сетей. По результатам опросов 2002 г. и 2015 г., половина опрошенных пожилых людей надеялись, прежде всего, на поддержку своих близких родственников. При этом в структуре домохозяйств сельских пенсионеров преобладали однопоколенные семьи, более трети из них были одиноки.

В 2015 г. фактическую помощь от детей и близких в сельской местности получали только 20% опрошенных, что меньше по сравнению с пенсионерами, проживающих в средних и крупных городах. Однако доля полностью удовлетворенных общением с детьми была велика и составила более 80%, что существенно выше по сравнению с оценкой городских жителей [1, с. 157-158]. Результаты ответов на вопрос о значимости родственных связей в достижении благополучия в семье позволяют судить о высокой ценности семейных отношений на селе.

Обращает на себя внимание сохранение на крайне низком уровне надежды на помощь формальных институтов - как государственных (муниципальных) органов и учреждений, так и руководства организаций, в которых работают или работали респонденты.

Динамика современных социальных институтов не соответствует качественным переменам в новом поколении, их расширенным притязаниям, она направлена на сохранение простой (в отдельные периоды даже суженной) периодически совершающейся смены поколений. Последнее способствует сохранению традиционности многих сельских институтов.

В настоящее время в сельской местности делаются попытки реализовать умеренную модель развития сельского хозяйства. Данная модель ориентирована на поддержку сельского производителя, равного существования как больших агропромышленных предприятий (преемников колхозов и совхозов), так и мелких крестьянских хозяйств (фермеров и ЛПХ). Важное направление умеренной модели - развитие социальной сферы, создание комфортных условий труда и быта, чтобы жители сел не рассматривали переезд в город как единственный способ повысить свое благосостояние. В последние годы развитие АПК признано одним из приоритетных направлений социально-экономической политики государства. Действующие в отношении России экономические санкции способствовали усилению государственных мер в области аграрной политики.

Государственная поддержка семейных хозяйств, восстановление и развитие социальной сферы в сельской местности создают новые возможности для молодого поколения. Все интенсивнее внедряются новые технологии, которые требуют знаний специалистов. Следовательно, накопленный новым поколением образовательный капитал может быть востребован. Молодые люди смогут пересмотреть свои взгляды на жизнь в сельской местности. О сохранении и воспроизводстве социальных свойств, опыта крестьянства можно судить на основании значимых миграционных потоков в направлении город – село, наблюдаемых в 2000-е годы, отмеченного выше прироста численности возрастных групп 25-34 года в 2002-2015 гг. и 35-39 лет с 2010 г. Сельский образ жизни часто становится привлекательным для городских жителей.

1. Иванова Е.И. Социально-демографические аспекты жизнедеятельности современного сельского населения / Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа) // Под ред. Ж.Т. Тоценко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 2016.
2. Иванова Е.И.. Социальный вектор миграционной подвижности россиян. СОЦИС. №11. 2015. С. 66-73.
3. Магун В. С., Энгватов М. В. Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи: 1985-2005 годы//Отечественные записки. 2006. № 3. - С. 76-96.
4. URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php. Дата обращения 14 августа 2017 г.

РАЗВИТИЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Игнатенко А.В., Сиротина Т.В. (Барнаул)

Одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации в области образования является деятельность по реализации права детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья на образование в соответствии с их способностями, возможностями и потребностями в целях их социальной адаптации и интеграции в общество.

В федеральном законе от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании» впервые в России закреплено понятие «инклюзивное образование» как «обеспечение равного доступа к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей». Пунктом 16 статьи 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ в российской законодательной практике было закреплено понятие «обучающийся с ограниченными возможностями здоровья», которым определяется физическое лицо, имеющее недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, подтвержденные психолого-медико-педагогической комиссией (далее – ПМПК) и препятствующие получению образования без создания специальных условий, однако их правовой статус не установлен, в отличие от детей-инвалидов, на образование которых выделяют дополнительные средства [5].

Отдельные статьи закона регламентируют гарантированность получения образования для каждого человека, не исключая инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, а также независимо от пола, расы и других обстоятельств (статьи 2, 5).

В статье 55 ФЗ прописаны «Общие требования к приему на обучение в организацию, осуществляющую образовательную деятельность». Именно в ней говорится об общедоступности приема для обучения по основным общеобразовательным программам, о том, что «дети с ограниченными возможностями здоровья принимаются на обучение по адаптированной основной общеобразовательной программе только с согласия родителей (законных представителей) и на основании рекомендаций психолого-медико-педагогической комиссии» (статья 44). Таким образом, родители вправе выбирать форму обучения для своего ребенка.

В соответствии с п. 1 ст. 79 нового Закона содержание образования и условия организации обучения и воспитания обучающихся с ограниченными возможностями здоровья определяются адаптированной образовательной программой, а для инвалидов также в соответствии с индивидуальной программой реабилитации инвалида. Адаптированная образовательная программа - это образовательная программа, адаптированная для обучения лиц с ограниченными возможностями здоровья с учетом особенностей их психофизического развития, индивидуальных возможностей и при необходимости обеспечивающая коррекцию нарушений развития и социальную адаптацию указанных лиц. В структуру адаптированной образовательной программы входит индивидуальный учебный план ребенка с ограниченными возможностями здоровья, который был закреплен Федеральным государственным стандартом, а теперь и российским Законом «Об образовании». Такой Учебный план обязан обеспечить освоение образовательной программы на основе индивидуализации ее содержания с учетом особенностей и образовательных потребностей конкретного обучающегося.

Согласно Закону образовательное учреждение обязано гарантированно обеспечить процесс обучения ребенка с ограниченными возможностями здоровья специальными условиями. Под специальными условиями для получения образования обучающимися с ограниченными возможностями здоровья понимаются условия обучения, воспитания и развития таких обучающихся, включающие в себя использование специальных образовательных программ и методов обучения и воспитания, специальных учебников, учебных пособий и дидактических материалов, специальных технических средств обучения коллективного и индивидуального пользования, предоставление услуг ассистента (помощника), оказывающего обучающимся необходимую техническую помощь, проведение групповых и индивидуальных коррекционных занятий, обеспечение доступа в здания организаций, осуществляющих образовательную деятельность, и другие условия, без которых невозможно или затруднено освоение образовательных программ обучающимися с ограниченными возможностями здоровья [5].

Приоритетным направлением в работе О.Ю. Васильевой, министра образования и науки Российской Федерации, является сфера воспитания и обучения детей с ограниченными возможностями здоровья. Министр отмечает, что для развития этой области уже сделано многое. К примеру, впервые за много лет в Российской Федерации состоялся конгресс врачей-

дефектологов, а с 1 сентября 2016 года введены новые образовательные стандарты для детей с ограниченными возможностями. О.Ю. Васильева подчеркивает, что политика министерства направлена на вариативность образования детей с ограниченными возможностями здоровья [3].

Отличительными особенностями современной модели образования детей изучаемой категории являются:

- направленность на реализацию идеи непрерывной образовательной вертикали, которая включает процесс обучения ребенка с ограниченными возможностями здоровья от ранней помощи до профессионального самоопределения;
- обеспечение детям с ограниченными возможностями здоровья адекватных условий и равных с нормально развивающимися сверстниками возможностей для получения образования;
- обеспечение принципа открытости, подразумевающего ориентацию на заказчиков образовательных услуг – родителей, и участие представителей общественных организаций в формировании социального заказа и контроле качества обучения детей с ограниченными возможностями здоровья.

Современная образовательная практика предлагает большой диапазон инновационных подходов к обучению и воспитанию детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями. Независимо от социального положения, расовой или конфессиональной принадлежности, физических и умственных способностей инклюзивное образование предоставляет возможность каждому ребенку удовлетворить свою потребность в развитии и равные права в получении образования.

Как считает С.В. Алехина, проректор по инклюзивному образованию ФГБОУ ВО «МГППУ», актуальный этап в развитии образования детей с ограниченными возможностями здоровья ориентирован на стандартизацию всех системных процессов, обеспечивающих доступность и качество образовательных условий и услуг. Проблема заключается в том, что инклюзивное образование во многих регионах реализуется как перевод «особых» детей в обычную школу, а специальные образовательные условия там не создаются. Такой механический подход к инклюзии представляется неэффективным и опасным как для ребенка, так и для самой идеи инклюзии, несмотря на то, что ее эффективность доказана мировым опытом. В условиях неготовности общего образования к включению детей с инвалидностью резко усиливается конфликтность систем специального и инклюзивного образования, появляется эффект возврата к сегрегационным моделям в обучении детей с ограниченными возможностями здоровья. По данным, полученным сотрудниками Института проблем инклюзивного образования МГППУ, каждый третий обучающийся с ОВЗ в инклюзивных школах получает образование в надомной форме. Это вытеснение проблематики включения указывает на сложность и конфликтность процесса закрепления идей инклюзии в практике образования, в профессиональном мышлении педагога, в понимании смысла изменений у руководителя. Отсутствие специальных условий, архитектурная недоступность и недостаточность средств становятся объективными причинами для исключаяющих стратегий [1, с. 138].

Сегодня существует три подхода к образованию детей с ограниченными возможностями здоровья, в соответствии с которыми родители (законные представители) могут выбрать вариант получения образовательных услуг:

- дифференцированное обучение в отдельных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по адаптированным основным общеобразовательным программам для детей, имеющих нарушения слуха, зрения, опорно-двигательного аппарата, речи, интеллекта, задержку психического развития;
- интегрированное обучение в отдельных классах для детей с ограниченными возможностями здоровья на базе общеобразовательных учреждений;
- инклюзивное обучение в одном классе детей с ограниченными возможностями здоровья совместно с обычными детьми [2].

Система образования детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья в Алтайском крае является неотъемлемой составной частью региональной системы образования и системы образования Российской Федерации в целом.

По данным Главного управления Алтайского края по труду и социальной защите на 01.01.2017 г. численность детей-инвалидов до 18 лет составила 7416 человек, на 01.01.2016 г. численность детей-инвалидов до 18 лет составляла в крае 9 918 человек. На 01.01.2015 – 9 506 детей-инвалидов до 18 лет. На 01.01.2014 – 9 170 [4].

Проблема развития инклюзивного образования в Алтайском крае находится под пристальным вниманием не только руководителей образовательных учреждений, родителей и педагогических сообществ, но и всей общественности. В крае сформирован ряд программ, создающих возможности удовлетворения образовательных потребностей детей независимо от их социального положения, физического, эмоционального и интеллектуального развития, позволяющих создать условия непрерывного образования на основе психолого-педагогических приемов, ориентированных на потребности этих детей. Во всех специальных (коррекционных) учреждениях образования созданы и функционируют информационно-консультационные сайты для родителей и детей с особыми образовательными потребностями.

В настоящее время в Алтайском крае ведется подготовка, переподготовка, повышение профессиональной квалификации специалистов в области коррекционной педагогики на базе ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет» (АлтГПУ), ФГБОУ ВО «Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина», КГБОУ СПО «Барнаульский государственный педагогический колледж». Подготовка специалистов также осуществляется в филиале НОУ ВПО «Московский психолого-социальный университет». В течение последних 3 лет подготовлено более 250 педагогов-дефектологов различного профиля.

Повышение квалификации специалистов, работающих с детьми дошкольного и школьного возраста с ограниченными возможностями здоровья, осуществляется КГБОУ ДПО «Алтайский краевой институт повышения квалификации работников образования», Институтом дополнительного образования АлтГПУ и АНОО «Дом учителя».

Институтом дополнительного образования АлтГПУ регулярно приглашаются специалисты в области инклюзивного образования из ведущих городов России. С целью анализа актуальных проблем организации образовательного процесса и психолого-педагогического сопровождения детей-инвалидов и детей с ограниченными возможностями здоровья были организованы курсы повышения квалификации для дефектологов, психологов, руководителей, педагогов, специалистов ПМПК, коррекционных ОО, родителей. Экспертом выступил А.М. Казьмин, профессор кафедры нейро- и патопсихологии развития факультета клинической и специальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, член межведомственной рабочей группы по организации системы ранней помощи и сопровождения детей и взрослых с инвалидностью, а также их семей (при Минтруда России), кандидат медицинских наук.

Вместе с тем, отстает от потребностей ранняя профилактика инвалидности и выявления детей с ограниченными возможностями здоровья, масштаб сектора услуг психолого-педагогического, медицинского и социального сопровождения

1. *Алехина, С.В. Инклюзивное образование: от политики к практике // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 1. С. 136–145.*
2. *Возняк, И.В. Образование детей с ограниченными возможностями здоровья: современные подходы, проблемы и перспективы развития // КПЖ. 2015. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-detey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-sovremennye-podhody-problemy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 25.09.2017)*
3. *Савельева, З. Новый министр обозначила приоритеты // Утро.ru [Электронный ресурс]. - URL: <https://utro.ru/articles/2016/08/24/1294994.shtml>*
4. *Социальный паспорт Алтайского края по состоянию на 1 января 2017 года. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.aksp.ru/docs/soc_pasport.php*
5. *Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 31.12.2014, с изм. от 02.05.2015) «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166143. - Загл. с экрана (дата обращения 18.09.2017)*

ПРОБЛЕМА НАРКОТИЗАЦИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТЕЛЕЙ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Кареев Д.В. (Иваново)

В докладе освещаются проблемы, связанные с задачами профилактики наркомании на примере социологического исследования, проведенного в Ивановской области в 2016 году. Выявляются основные динамические, структурные, социально-правовые, медицинские, психологические и демографические характеристики этого процесса.

Актуальность изучения данной темы обусловлена тем, что в настоящее время наркомания является одной из наиболее важных проблем российского общества и вызывает острую необходимость активных и решительных действий в области организации профилактики наркозависимости. Носителями проблемы являются не только больные наркоманией, но и те, кто имеет опыт разовых, эпизодических проб наркотиков и психотропных веществ. Широко распространенные правоприменительная и медицинская практики обычно направлены против наркомании как болезни, а не против наркотизма как процесса. Самое опасное для общества в этой связи – формирование наркокультуры как определенной совокупности квазиценностей.

Сложившийся за два последних десятилетия высокий уровень наркотизации населения России остается прямой угрозой национальной безопасности и основным фактором подрыва демографического и социально-экономического потенциала страны.

По результатам мониторинга, проведенного Государственным антинаркотическим комитетом [1], наркоситуация в России по-прежнему оценивается как тяжелая, однако в результате деятельности федеральных органов исполнительной власти при координирующей роли ФСКН России наметились тенденции по снижению негативного влияния наркоэкспансии на социально-демографическую обстановку в стране.

Так, число лиц, с разной степенью периодичности потребляющих наркотики, за 2014 год составило порядка 7,3 млн. человек, что существенно ниже оценок за предыдущие годы (8 – 8,5 млн. наркопотребителей) [2].

Подавляющее большинство наркоманов (67,3%) составляют лица в возрасте до 30 лет [3, 139]. Именно поэтому наркотизация населения в первую очередь угрожает молодежи как социально-демографической группе, являющейся потенциальным носителем нестандартного, в том числе девиантного поведения.

Не является благополучной наркоситуация и в Ивановской области. Социологические исследования 2013 – 2015 годов показали, что 7,2% опрошенных уже имели опыт употребления наркотических средств, а в ситуации потенциального приобщения к наркотическим средствам побывало 42% опрошенных. Мотивация для первой пробы наркотиков была зафиксирована у 23% респондентов. Сложность реализации социального контроля за наркотизацией населения усиливает актуальность выбранной темы исследования.

Данная проблема может быть разрешена только с помощью системной, последовательной организационно-профилактической работы, на основе проведения комплексных социологических исследований наркотизации населения в отдельно взятом регионе, их всесторонней научной оценки и разработки эффективной системы мер противодействия, особенно в молодежной среде.

Социологический мониторинг наркотизации позволяет реконструировать основные динамические, структурные, социально-правовые, медицинские, психологические и демографические характеристики этого процесса с учетом его высокой латентности и распространить выводы исследований на население в целом.

В результате социологического исследования, проведенного в 2016 году, были выявлены следующие, сравнимые с данными 2015 года тенденции:

1. В общественном мнении степень распространения проблемы наркомании в регионе мало отличается от данных 2015 года. По мнению половины опрошенных жителей (53,8%), проблема наркомании имеет в Ивановской области практически такую же распространенность, как и в других регионах России. Восприятие степени распространенности наркомании на территории области различается в населенных пунктах региона: наибольшему риску подвержен областной центр (17,3% жителей считают, что в Иванове проблема наркомании очень актуальна). Наименьшую распространенность наркотическая зависимость получила в сельской местности. Эти данные отличаются от данных 2015 года, где в лидерах по проблеме наркомании оказалась сельская местность.

2. Причины распространения наркомании в обществе, по мнению жителей, разнородны, и их можно объединить в три группы: проблемы общественного сознания (доминируют), экономические проблемы и проблемы дисфункциональности социальных институтов права и культуры; итогом исследования 2016 года стало увеличение влияния такой причины, как плохая работа правоохранительных органов с 20,4% до 28,3% и снижение значимости такой причины, как влияние наркобизнеса и доступности наркотиков с 39,8% до 33,1%.

3. У жителей сформированы вполне адекватные представления о периодах возникновения зависимости от наркотических веществ, а также о степени доступности наркотиков. Развитие представлений населения о доступности ПАВ происходит под влиянием социально-

демографических особенностей (пола, возраста, образования, уровня материального благосостояния и места проживания). По сравнению с 2015 годом повысился процент тех, кто считает, что в Ивановском регионе достать наркотические средства «трудно» и «очень трудно»: с 5,0% до 13,6%.

4. Каждый пятый опрошенный житель лично знаком с большим или меньшим количеством людей, употребляющих наркотики, число таких контактов обусловлено гендерными особенностями, имеющимся образованием и уровнем благосостояния. По сравнению с 2015 годом процент населения, имеющей в своем близком социальной окружении наркоманов, повысился с 16% до 25%.

5. В ситуации потенциального приобщения к наркотическим средствам в 2016 году побывало 28,9% опрошенных, что чуть выше по сравнению с 2015 годом (17,8%). Группу повышенного риска образуют лица в возрасте от 14 до 35 лет, оценивающие свое материальное положение как высокое, проживающие в районных городах и областном центре, обучающихся в ВУЗах и ССУЗах (возможность приобщения наркотиков у них оценивается как самая высокая – на уровне 72,7%).

6. В случае вероятности попробовать наркотики 8,7% опрошенных не откажется от удобной возможности (что выше, чем в 2015 году). Модели поведения в данной ситуации будут обусловлены ситуативными факторами (эмоциональное состояние, вид предлагаемого наркотика и др.) и гендерными особенностями. Отметим, что по сравнению с данными 2015 года доля тех, кто не станет пробовать наркотики, осталась на том же уровне и достигает 85 – 90% населения.

7. Наиболее высокую степень приобщения к наркотическим средствам демонстрируют мужчины, лица с низким материальным положением, имеющие средний уровень образования, а также жители районных малых городов и областного центра.

8. Среди всех опрошенных, употребляющих наркотики, ни одному респонденту не приходилось проходить лечение от наркомании, что свидетельствует о недооценке пагубных для организма последствий приема наркотиков.

9. Действенными факторами, которые позволяют тормозить рост наркомании, продолжают оставаться боязни заразиться ВИЧ (необходимо отметить, что процент людей, придерживающихся такого мнения в 2016 году составил 48,7%, что на 20% выше, чем в 2015 году), привыкание, ранняя смерть. Такие социальные фобии как потеря уважения окружающих и возможность остаться отлученным от семьи становится также мощным стимулом.

10. Главной мерой борьбы с наркоманией, по мнению людей на протяжении последних лет, продолжает оставаться ужесточение ответственности за наркопреступления и принудительное лечение наркоманов. За легализацию торговли легкими наркотиками в 2016 году высказались 19,8% опрошенных. Мы видим, что в течение уже трех лет этот процент понемногу снижался, однако в 2016 году его рост вызывает тревогу.

Исследование позволило выделить три группы факторов, влияющих на формирование отношения к наркотикам: уровень информированности о проблеме, социально-психологические факторы и социокультурные факторы.

Уровень информированности в большой степени определяет то, как поведет себя человек в критической ситуации, как отреагирует на предложение попробовать наркотик. Низкий уровень знаний о проблеме приводит к неправильному отношению к наркозависимым людям, способствует их отверженности, снижает шанс на своевременное получение помощи и поддержку друзей.

К социально-психологическим факторам относятся искаженная самооценка и ощущение безвыходности; в группе употребляющих такие ответы встречаются значительно чаще.

Социокультурные факторы во многом могут оказаться определяющими в отношении жителей к наркотикам. Наличие и популярность мифов о наркотиках, существование среды потребителей наркотиков при отсутствии созданных в семье установок на осознанный отказ от наркотиков могут привести человека к вполне сознательному стремлению попробовать наркотическое средство.

Ведущими аспектами профилактической деятельности, по нашему мнению, являются:

- социальный аспект, ориентированный на формирование позитивных моральных и нравственных ценностей, определяющих выбор здорового образа жизни, отрицательного отношения человека к пробе и приему психоактивных веществ;
- психологический аспект, направленный на формирование стрессоустойчивых личностных установок;

- образовательный аспект, формирующий систему представлений и знаний о социально-психологических, медицинских, правовых и морально-этических последствиях злоупотребления психоактивными веществами и др.

Таким образом, профилактика и борьба с наркоманией – это очень трудная, многоплановая проблема, решение которой возможно только при тесном взаимодействии и координации сил и средств, задействованных в этом деле. В борьбе с данным негативным явлением нужны не кампании и отдельные формальные мероприятия, а комплексная система хорошо продуманных и отлаженных действий.

1. *Итоги деятельности Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков за 9 месяцев 2015 года [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052/>. Дата обращения: 20.02.2016.*
2. *Новые данные Госнарконтроля: наркотики могли пробоовать более четверти россиян [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newsru.com/russia/17jan2008/narko.html>. Дата обращения: 20.02.2016.*
3. *Андреев Э.М., Билкей С.И., Ковалев В.И. Наркомания в России: состояние и проблемы // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 5. С. 139–140.*

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Квасова А.А. (Воронеж)

Безопасность дорожного движения приобретает масштабы социальной проблемы: это обусловлено популяризацией личного автомобильного транспорта, неразвитости дорожной инфраструктуры в совокупности с ростом количества автомобилей и снижением качества подготовки водителей. На решение проблем, связанных с безопасностью на дорогах, направлен ряд федеральных и региональных целевых программ. Так, одними из задач федеральной целевой программы "Повышение безопасности дорожного движения в 2013 - 2020 г." являются предупреждение опасного поведения участников дорожного движения, а также развитие системы подготовки водителей транспортных средств [1]. Сходные задачи у государственной программы "Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», подпрограммы N 1 "Повышение безопасности дорожного движения в Воронежской области на 2014 - 2020 годы» [2]. Однако, несмотря на то, что программы работают уже на протяжении четырех лет, статистика говорит о недостаточном выполнении этих задач.

Согласно докладу Всемирной организации здравоохранения дорожно-транспортные происшествия – самая частая причина смерти среди людей в возрасте 15-29 лет. В 2013 г. средний показатель смертности в результате ДТП в Европе составил 9,3 чел. на 100 тыс. населения, однако в России в этот же период показатель - 14,3 чел. [3]. Снизить показатель до европейского уровня не удалось до сих пор (в России в 2016 г. – 13,9 чел.) [4].

По данным аналитического агентства Автостат на 1 января 2017 г. город Воронеж занимает третье место в России по количеству автомобилей на душу населения (308 штук на тысячу человек). Большая насыщенность транспортными средствами только в Самаре (334 штуки на тысячу населения) и Санкт-Петербурге (319 штук на тысячу жителей). Подобная статистика говорит о наличии предпосылок к повышению актуализации проблем безопасности дорожного движения для Воронежской области.

В 2016 г. в Воронежской области было зарегистрировано 232047 нарушителей ПДД среди водителей и 24585 среди пешеходов. Еще более 1 млн нарушителей зафиксировали специальные технические средства [4], работающие в автоматическом режиме, имеющими функции фото-, кино съемки и видеозаписи.

Согласно российской статистике чаще других в ДТП попадают водители со стажем свыше 15 лет (44%). Эти данные говорят о плохом знании ПДД, непонимании важности их соблюдения и недостатке практической подготовки. Неуклонно растет количество ДТП с участием велосипедистов и мотоциклистов. Для управления велосипедом получение водительского удостоверения не требуется, однако согласно законодательству велосипедист – это водитель, полноправный участник дорожного движения, со всей вытекающей из этого ответственностью. На данный момент не организована эффективная обязательная подготовка велосипедистов к безопасному пребыванию в потоке других транспортных средств.

О не достаточно качественной подготовке водителей иных видов транспортных средств наглядно говорят следующие данные: теоретический экзамен на право управления транспортным средством с первого раза, по официальной статистике ГИБДД, в 2016-м сдали лишь 48%. Ситуация с вождением в реальных условиях ухудшилась с 52% в 2015 году до 34% в 2016-м. Процент тех, кто с первого раза сдал на права (теоретическую и практическую часть одновременно), сократился с 64,6% в 2015-м до 45% в 2016 г. Учитывая, что на экзаменах проверяются лишь базовые знания и навыки будущего водителя, ситуация оценивается как крайне тревожная.

По статистике в 2017 г. в России аварий с детьми на дорогах произошло на 6,3% больше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом чаще дети погибают, находясь на месте пассажира, что указывает на нарушение правил перевозки и применение небезопасных устройств. Количество погибших детей из-за того, что их не пристегнули, выросло на 111% (более чем в 2 раза). По данным всероссийского опроса ВЦИОМа в 2016 г. 43% респондентов, имеющих детей до 12 лет, заявили, что у них нет детского удерживающего устройства, и они не планируют его приобрести (в 2015 г. этот показатель был значительно меньше). Тенденция крайне тревожна и может быть связана как с общим ухудшением экономического положения населения, так и с несознательностью родителей из-за недостаточной разъяснительной работы.

Ситуация с уровнем культуры вождения также неоднозначна. Пример 24 летней Мары Багдасарян, совершившей свыше 320 нарушений ПДД и ставшей таким образом известной на всю страну, иллюстрирует низкий уровень мотивации участников движения на предупреждение опасного поведения. Подтверждается это и данными о количестве нарушений в сфере безопасности дорожного движения, приведенными выше.

Негативная статистика в совокупности с конкретными примерами указывают на необходимость проведения качественно иной работы по предупреждению опасного поведения участников дорожного движения, нежели та, что проводится сейчас. Сфера безопасности дорожного движения – это сфера, которая порождает проблемы социального риска, социальной ответственности, демографического роста и множество других. В связи с этим к проблематике безопасности на дорогах требуется комплексный научный подход.

Практическое отсутствие научных социологических данных о классификации водителей, корреляции их со склонностью к рисковому поведению существенно затрудняет развитие системы подготовки водителей, процесс улучшения имеющихся знаний правил дорожного движения и навыков управления транспортным средством, создание возможностей для безопасной реализации водительского потенциала и формированию мировоззрения безопасного участника дорожного движения.

1. О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 гг.» [Электронный ресурс] : постановление Правительства Российской Федерации от 3 октября 2013 г. № 864 // Российская газета. 2013. 8 окт. URL: <http://rg.ru/2013/10/08/bezopas-site-dok.html> (дата обращения: 25.09.2017).

2. Государственная программа Воронежской области «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности». [Электронный ресурс] URL: http://36.mchs.gov.ru/upload/site16/document_file/Fhp270HTmI.pdf (дата обращения: 25.09.2017)

3. Европейский доклад о состоянии безопасности дорожного движения «За безопасные дороги и более здоровые транспортные альтернативы». ВОЗ, 2009. [Электронный ресурс] – URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0010/111151/E92789R.pdf (дата обращения: 25.09.2017)

4. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] <http://www.gibdd.ru/stat/> (дата обращения: 24.09.2017)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кветень Е.О. (Санкт-Петербург)

До революции в России существовала система церковной, частной и государственной благотворительности. Призрение нуждающихся и нищих проходило под пристальным контролем церкви и государства. В XX веке в России складывается разветвлённая система императорских, частных и сословных благотворительных фондов. Милосердие и благотворительность были очень

важны, поддерживались императором. В современной России существуют как государственная система поддержки малоимущих и нуждающихся так и различные благотворительные фонды.

В своём историческом развитии благотворительность приобретала различные формы - от милостыни к общественному призрению. Милостыня - это помощь в виде денег или других материальных средств, гражданам, которые в этом нуждаются.[1] История благотворительности в России уходит к самому началу нашей православной христианской истории. В современном обществе формируется государственная система поддержки нуждающихся. Несмотря на это тема благотворительности в России как и прежде остаётся актуальной. Зарождению и появлению благотворительности в исходном формате, где основой являются благочестие и милосердие, а благотворительность рассматривается как многоаспектная деятельность, социального, психологического и экономического характера, послужила Московская Русь. Стремясь восстановить утерянную нравственную, религиозную связь ушедших, живущих, грядущих поколений, необходимо обратиться к истории благочестия и милосердия на Руси. Милосердие и благочестие времен Московской Руси ,не были связаны с государственными структурами, с общественным благоустройством и с системой определенных социальных и культурных институтов, а была, по сути, необходимым условием личного нравственного здоровья князя, священника, благодетеля любого социального слоя. Причем, очень часто сам подвиг благотворительности, нравственный поступок требовался больше нищелюбцу, чем нищему. Во всяком случае, потребность и благодарность очень часто уравнивали друг друга . Духовные токи, идеи христианской нравственности в сфере благотворительности органично переходили к последующим поколениям князей и духовных лиц в государстве. Следует отметить, что современная благотворительность церкви неизменно связана с первичной формой благотворительности как формы призрения. Необходимость обращения к историческим вехам формирования благотворительной деятельности и обуславливают актуальность рассмотренной темы милосердия и благочестия времен Московской Руси, так как именно этот исторический период дает необходимые практики применимые и в настоящее время, напоминая о главном призвании Православной Церкви.

Исторический опыт нашей страны весьма богат примерами милосердия, сострадания и человеколюбия. Он заставляет задуматься о глубинных проблемах в системе социальной защиты населения. Одна из самых высоких форм благотворительности - самопожертвование «жизнь свою за други своя».[2] Для нас привычная и конкретная это бытовая благотворительность. Она подразумевает делать добро отдельным людям и человеческим сообществам – городу,целой стране и общине.

В России существуют давно сложившиеся традиции благотворительности и ее различные направления. Деятельность этих традиций и направлений была связана со строительством учреждений и содержанием больниц, приютов, училищ, школ, общин, бесплатных библиотек, музеев, храмов или же с накоплением художественных сокровищ, отечественных и иностранных, которые они отдавали в распоряжение всего общества. Милосердие и благочестие были направлены в помощь старым, больным, убогим, сирым и малым. Это была побуждающая и взыскующая поддержка тех, кто был способен встать на ноги и дальше помогать себе и другим, радение о приумножении народного богатства и духовного достояния. Православие провозглашало обязательные пожертвования, а для богатых эта обязанность усугублялась по причине греховности богатства. Поэтому стремление избежать внутреннего душевного разлада и жить в согласии со своей совестью, усиленное строгим воспитанием и религиозными представлениями о душе в другом мире, было главной побудительной причиной расцвета меценатства. В деятельности благотворительности проявлялась попытка совместить жизненные дела и стремление к спасению души. Конечно, были и другие причины: богатство и честолюбие, стремление выделиться, заслужить милости двора, жажда почестей и наград, льгот и привилегий. В сословном государстве при приоритетном положении дворянства благотворительность и храмосозидание являлись для русских предпринимателей именно той сферой, где они могли получить общественное признание. Самой главной движущей силой оставались внутренние мотивы, желание и потребность творения блага, добра, осознание своей ответственности перед обществом.

История нашего Отечества очень богата опытом развития и становления форм общественного призрения. Традиции, которые были выработаны, существуют и в наши дни. В современной России создаются фонды, специализирующиеся в разных сферах, учебные проекты и развитие науки, помощь семьям погибшим и раненым военнослужащим, помощь детским домам и

больницам, сбор и предоставление средств на дорогостоящее лечение. Создаются центры социального обслуживания и благотворительные программы, центры реабилитации инвалидов, престарелые дома. Количество нуждающихся стремительно растёт, поэтому нужно уделять особое внимание проблемам, растущим и в нашем обществе и создавать больше благотворительных обществ и фондов.

1. Нещерентий П.И./Москва 1993"Исторические корни и традиции развития благотворительности в России"

2. Агапов Е.П. История социальной работы: учеб. пос./Е.П.Агапов, К.В.Волощуква. - М.: Дашков и К, 2012.-526 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ КАК КОМПОНЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Келасьев В.Н., Первова И.Л. (Санкт-Петербург)

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Социальная компетентность как фактор интеграции уязвимых групп населения в общество в современной России» (17-03-00859)

Аннотация

Социальная память как компонент социальной компетентности является совокупностью социокультурных средств и норм, осуществляющих сохранение накопленного общественного опыта и передачу его от поколения к поколению. Она обогащает понятие социальной компетентности, сложившееся в современных социо-гуманитарных дисциплинах и является уникальным и недооцененным социальным капиталом современного общества.

Социальная компетентность – это интегративное образование, включающее знания, способности, умения, навыки, практические действия, опыт, социальную память, позволяющие субъекту успешно реализовывать себя в условиях современного общества. Она выступает в форме способности субъекта (отдельного индивида, социальной группы, общества в целом) действовать сообразно требованиям социальной ситуации, чтобы достичь наибольшей эффективности в деятельности.

Социальная память как компонент социальной компетентности является совокупностью социокультурных средств и норм, осуществляющих отбор актуальной социальной информации о прошлом (ретроспективно) в целях сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению. Социальная память помогает индивиду ориентироваться в изменяющейся социальной среде на основе запечатленного опыта, как самого индивида, так и целого поколения в исторической перспективе.

Понятие социальной памяти введено в 60—70-х гг. XX века советскими исследователями Ю.А. Левадой, Б.Ф. Ломовым, Я.К. Ребане, В.А. Ребриным и др.

Уникальными носителями социальной памяти являются современные пожилые люди как свидетели трех эпох: советской, перестроечной и рыночной. В каждой из этих эпох формировался свой тип человека, складывались свои формы индивидуальной и групповой поддержки. Рефлексия сохранившихся свидетелей трех эпох выступает как важный компонент социальной памяти, обогащающий понимание текущей социальной ситуации.

Советский период в рефлексивной интерпретации населения характеризовался: высоким уровнем коллективизма, равенством в правах и возможностях людей; стабильностью, определенностью социальной среды; уверенностью в завтрашнем дне; доступностью жилья, медицинской помощи; обязательным средним образованием, престижем высшего и среднего специального образования; нетерпимостью к нарушению общественного порядка; возможностью покупать необходимые вещи для быта по дешевым ценам; ущемленностью в материальных средствах в начале профессиональной карьеры; сильным идеологическим давлением на человека во всех сферах; ограничением территориальной мобильности.

Критериями самореализации и достижения жизненного успеха считался вклад человека в общественное благо, ценилась духовность, многомерность личности.

Перестроечный период: «лихие 1990-ые» гг. связываются в воспоминаниях респондентов с полной нехваткой денег и товаров; резким обнищанием, которое коснулось всех категорий людей; криминализацией; появлением бомжей, нищих, бездомных, беспризорных детей, уличных проституток; падением престижа образования, науки, культуры; Чеченскими войнами, терактами; отсутствием социального контроля. В этот период не работали ни внутренние регуляторы человека, ни социальные и гражданские институты общества.

Критерием жизненного успеха считалось достижение материальных благ любым (часто асоциальным) путем.

Период рыночного реформирования ассоциировался респондентами с неустойчивостью, непредсказуемостью социальной среды; появлением все новых и новых социальных рисков; сохранением обнищания и бедности, уходом государства из социальной сферы; ранжированием людей по деньгам, статусу и имуществу; фрустрированностью и невротизацией населения. Вместе с тем, отмечались и позитивные факторы, такие как частичное восстановление престижа образования; снижение криминализации; восстановление силы закона; рост борьбы с коррупцией; появление признаков стабильности; появление социального предпринимательства.

В условиях рыночной среды идет формирование доминирующего типа человека – экономического индивидуалиста, ориентированного на личный успех, формирующегося и функционирующего в условиях нестабильной, высоко конкурентной социальной среды.

Понятие социальной памяти как компонента социальной компетентности важно для формирования теоретико-методологической базы социальной работы.

Сохранение социальной памяти уходящих поколений – залог нерукотворной невыдуманной истории страны, база формирования общественного сознания и основа преемственности поколений. Социальная память – уникальный и недооцененный социальный капитал современного общества.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРЕВОГИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОПАСЕНИЯ РОССИЯН: ДИНАМИКА И ОСНОВНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Кирилина Т.Ю. (Королёв)

Социально-экономические кризисы, природные катаклизмы, неожиданно возникающие неизвестные ранее болезни, глобальные проблемы – все это не позволяет современному человеку чувствовать себя в безопасности, не дает возможности быть уверенным в завтрашнем дне, порождает постоянную тревогу, ощущение бессилия, незащищенности, апатии и депрессии. Для современного общества характерно расширение сферы рисков, опасностей и угроз как на макро-, так и микросоциальном уровне. В обществе «тотальной небезопасности» человечество погружено в непрерывный процесс «калькулирования рисков», присчитывания ситуации возникновения опасности и ее вероятные последствия при незнании всех возможных вариантов разрешения этих ситуаций [2; 3].

Страх на рубеже XX–XXI веков переходит из категории, применяемой при анализе разнообразных социальных проблем, в основную категорию осмысления современности. В этой связи социологическое исследование социальных страхов, тревог и социальных опасений позволяет глубже осмыслить противоречия развития современной цивилизации в целом и российского общества в частности. В то время как российское общество находится в условиях повышенного риска, исследование социальных тревог и социальных опасений в массовом сознании приобретает особое значение [1].

Эмпирические исследования социальных тревог, опасений и страхов проводятся в российской социологии уже более 20 лет. Они развиваются в направлении изучения социального самочувствия населения страны, катастрофизма, социального настроения. Страхи являются предметом изучения в рамках социологии риска и социологии безопасности [6; 7; 8].

Одной из задач общероссийского исследования общественного мнения о деятельности органов внутренних дел (полиции), проведенного по заказу Министерства внутренних дел России Российским государственным социальным университетом в 2014–2015 гг., было выявление социальных рисков, социальной тревожности и социальных опасений граждан Российской Федерации [4; 5].

Исследование показало, что для подавляющего числа россиян сегодня характерно чувство постоянной тревоги и опасений, связанных с теми или иными негативными социальными явлениями. Если доля граждан, испытывающих сильное беспокойство по различным проблемам, колеблется от 15% до 56%, то более трети населения испытывает тревогу по всем обозначенным в исследовании двадцати шести проблемам. Среди событий и явлений, вызывающих у населения опасения первые три места занимают злободневные субъективно значимые проблемы социально-экономического характера.

Согласно результатам исследования, наибольшие показатели социальных опасений россиян связаны со страхами за благополучие своей семьи, за будущее детей, страхами перед болезнями.

Криминогенные страхи, как показывает исследование, на сегодняшний день не занимают ведущих позиций в рейтинге тревог и опасений граждан, находясь на пятом месте наряду со страхом разорения и нищеты.

В то же время следует отметить снижение уровня беспокойства граждан по ряду проблем. Несколько меньше россиян стало опасаться за благополучие семьи (56% в 2009 году и 49% в 2015 году), будущее детей (61% в 2009 году и 42% в 2015 году). Снижается частота упоминания такого источника тревог и страхов, как болезни (45% – в 2009 году, 33% – в 2015 году).

Важным индикатором социальной напряженности в обществе в целом выступает оценка респондентами уровня безопасности в том или ином регионе. Согласно результатам исследования, около половины россиян (54%) считают, что в их регионе жить стало безопаснее. С 2014 года заметно снизилась доля тех, кто отмечает возрастающую опасность жизни в стране и почти в два раза (с 31% до 54%) увеличилась доля тех, кто считает, что жизнь в России за последние два года становится безопаснее. Опрос отразил снижение уровня беспокойства граждан по ряду ключевых показателей по сравнению с предыдущими годами. В первую очередь, россияне стали меньше опасаться за благополучие семьи и будущее детей. Однако вопросы экономической безопасности не утратили своей актуальности, а по ряду показателей стали тревожить россиян больше, нежели раньше.

На уровне федеральных округов наиболее значимое повышение показателя уровня безопасности, по сравнению с 2009 годом, характерно для Центрального, Южного и Дальневосточного федеральных округов. За период с 2009 г. по 2015 г. показатель уровня опасности в данных федеральных округах снизился на 13%, 11% и 11% соответственно. В Южном федеральном округе уровень безопасности возрос на 32%, что на 10 % выше, чем в среднем по России.

Рейтинг социальных проблем, вызывающих наибольшую обеспокоенность россиян на уровне федеральных округов, областей и населенных пунктов возглавили такие проблемы, как рост тарифов на жилье и коммунальные услуги, бедность, низкие зарплаты и пенсии, а также качество медицинского обслуживания.

Ситуация, когда граждане испытывают множество страхов и опасений, а уровень обеспокоенности некоторыми из них достигает 70% и выше в отдельных регионах страны, заставляет задуматься о состоянии здоровья всего общества. В современном обществе социальная тревожность и социальные опасения являются выражением реальных и потенциальных угроз общественного развития. Отраженные в массовом сознании социальная тревожность и социальные опасения дают оценку состояния социальной системы, являются показателем социальных аномий и оценкой адаптационных ресурсов, указывают на источник угрозы, каждая из которых соотносится с определенным источником опасности.

Социально-экономические кризисы, природные катаклизмы, неожиданно возникающие неизвестные ранее болезни, глобальные проблемы – все это не позволяет современному человеку чувствовать себя в безопасности, не дает возможности быть уверенным в завтрашнем дне, порождает постоянную тревогу, ощущение бессилия, незащищенности, апатии и депрессии. Для современного общества характерно расширение сферы рисков, опасностей и угроз как на макро-, так и микросоциальном уровне. В обществе «тотальной небезопасности» человечество погружено в непрерывный процесс «калькулирования рисков», присчитывания ситуации возникновения опасности и ее вероятные последствия при незнании всех возможных вариантов разрешения этих ситуаций [2; 3].

Страх на рубеже XX–XXI веков переходит из категории, применяемой при анализе разнообразных социальных проблем, в основную категорию осмысления современности. В этой связи социологическое исследование социальных страхов, тревог и социальных опасений позволяет глубже осмыслить противоречия развития современной цивилизации в целом и российского общества в частности. В то время как российское общество находится в условиях повышенного риска, исследование социальных тревог и социальных опасений в массовом сознании приобретает особое значение [1].

Эмпирические исследования социальных тревог, опасений и страхов проводятся в российской социологии уже более 20 лет. Они развиваются в направлении изучения социального

самочувствия населения страны, катастрофизма, социального настроения. Страхи являются предметом изучения в рамках социологии риска и социологии безопасности [6; 7; 8].

Одной из задач общероссийского исследования общественного мнения о деятельности органов внутренних дел (полиции), проведенного по заказу Министерства внутренних дел России Российским государственным социальным университетом в 2014–2015 гг., было выявление социальных рисков, социальной тревожности и социальных опасений граждан Российской Федерации [4; 5].

Исследование показало, что для подавляющего числа россиян сегодня характерно чувство постоянной тревоги и опасений, связанных с теми или иными негативными социальными явлениями. Если доля граждан, испытывающих сильное беспокойство по различным проблемам, колеблется от 15% до 56%, то более трети населения испытывает тревогу по всем обозначенным в исследовании двадцати шести проблемам. Среди событий и явлений, вызывающих у населения опасения первые три места занимают злободневные субъективно значимые проблемы социально-экономического характера.

Согласно результатам исследования, наибольшие показатели социальных опасений россиян связаны со страхами за благополучие своей семьи, за будущее детей, страхами перед болезнями.

Криминогенные страхи, как показывает исследование, на сегодняшний день не занимают ведущих позиций в рейтинге тревог и опасений граждан, находясь на пятом месте наряду со страхом разорения и нищеты.

В то же время следует отметить снижение уровня беспокойства граждан по ряду проблем. Несколько меньше россиян стало опасаться за благополучие семьи (56% в 2009 году и 49% в 2015 году), будущее детей (61% в 2009 году и 42% в 2015 году). Снижается частота упоминания такого источника тревог и страхов, как болезни (45% – в 2009 году, 33% – в 2015 году).

Важным индикатором социальной напряженности в обществе в целом выступает оценка респондентами уровня безопасности в том или ином регионе. Согласно результатам исследования, около половины россиян (54%) считают, что в их регионе жить стало безопаснее. С 2014 года заметно снизилась доля тех, кто отмечает возрастающую опасность жизни в стране и почти в два раза (с 31% до 54%) увеличилась доля тех, кто считает, что жизнь в России за последние два года становится безопаснее. Опрос отразил снижение уровня беспокойства граждан по ряду ключевых показателей по сравнению с предыдущими годами. В первую очередь, россияне стали меньше опасаться за благополучие семьи и будущее детей. Однако вопросы экономической безопасности не утратили своей актуальности, а по ряду показателей стали тревожить россиян больше, нежели раньше.

На уровне федеральных округов наиболее значимое повышение показателя уровня безопасности, по сравнению с 2009 годом, характерно для Центрального, Южного и Дальневосточного федеральных округов. За период с 2009 г. по 2015 г. показатель уровень опасности в данных федеральных округах снизился на 13%, 11% и 11% соответственно. В Южном федеральном округе уровень безопасности возрос на 32%, что на 10 % выше, чем в среднем по России.

Рейтинг социальных проблем, вызывающих наибольшую обеспокоенность россиян на уровне федеральных округов, областей и населенных пунктов возглавили такие проблемы, как рост тарифов на жилье и коммунальные услуги, бедность, низкие зарплаты и пенсии, а также качество медицинского обслуживания.

Ситуация, когда граждане испытывают множество страхов и опасений, а уровень обеспокоенности некоторыми из них достигает 70% и выше в отдельных регионах страны, заставляет задуматься о состоянии здоровья всего общества. В современном обществе социальная тревожность и социальные опасения являются выражением реальных и потенциальных угроз общественного развития. Отраженные в массовом сознании социальная тревожность и социальные опасения дают оценку состояния социальной системы, являются показателем социальных аномий и оценкой адаптационных ресурсов, указывают на источник угрозы, каждая из которых соотносится с определенным источником опасности.

1. Горшков М.К., Петухов В.В., Крумм Р. Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. — М.: Альфа-М, 2009.

2. Кравченко С. А. Влияние нелинейной социокультурной динамики на риски: вызовы социологическому знанию // Коммуникология. М.: Издательская группа OPTIMA-PRESS 2013, № 1. С. 59–72;

3. Кравченко С.А. *Играизация общества: поиски социологического инструментария анализа рисков // Проблемы теоретической социологии. Вып. 5. – СПб.: Астерион, 2005.*
4. *Отчет по результатам проблемного экспресс-исследования в целях оперативного информационного обеспечения принятия управленческих решений в системе МВД России. Исследование 1. Малолетко А.Н., Юдина Т.Н., Каурова О.В., Виноградова М.В., Крюкова Е.М., Комарова Е.В., Долгорукова И.В., Танатова Д.К., Зироян М.А., Прохорова Л.В., Консон Г.Р., Бикбулатова А.А., Карманова Т.Е., Шендрик Г.Н., Кулямина О.С., Степанов М.С., Солдатов А.А., Васильева Е.А., Юхин К.Е., Кирилина Т.Ю. и др.*
5. *Результаты проблемного экспресс-исследования в целях оперативного информационного обеспечения принятия управленческих решений в системе МВД России. Малолетко А.Н., Каурова О.В., Виноградова М.В., Крюкова Е.М., Юдина Т.Н., Долгорукова И.В., Танатова Д.К., Кирилина Т.Ю., Бондалетов В.В., Комарова Е.В., Зироян М.А., Консон Г.Р., Прохорова Л.В., Солдатов А.А., Бикбулатова А.А., Карманова Т.Е., Кулямина О.С., Степанов М.С., Васильева Е.А., Юрина С.В. и др. Отчет о НИР № 83-2014/НПО от 30.09.2014 (ФКУ НПО "Специальная техника и связь" МВД РФ)*
6. *Риск: исследования и социальная практика / Отв. ред. А.В. Мозговая. — М.: Институт социологии РАН, 2011.*
7. *Россия на новом переломе: страхи и тревоги / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. - М. : Альфа-М, 2009.*
8. *Чего опасаются россияне? // ИНАБ №6. – 2008. – М.: Институт социологии РАН, 2008.*

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ковалькова Н.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация: в статье рассматривается эволюция благотворительной деятельности в России, ее современное состояние и тенденции развития. Помимо прочего, статья описывает субъектов благотворительной деятельности и их мотивы.

«Bienfaisance» — добровольная деятельность граждан и организаций по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передачи имущества, денежных средств, выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной помощи. В таком виде термин «Благотворительность» был использован впервые в России Николаем Михайловичем Карамзиным в XVIII веке. [1] Разумеется, это лишь первое упоминание данного явления. Само оно фактически существовало еще со времен Древней Руси и глубоко пронизывает всю историю России. До середины 16 века основную роль в благотворительной деятельности играли церкви и монастыри. Государственная благотворительность начинает складываться в середине 16 века и находит отражение в «Стоглаве» 1551 года, повествующем о трудоустройстве работоспособных нищих, создании лечебных учреждений и иной помощи нуждающимся. Стоит отметить, что в тот период подобная практика была уникальной для Европы. Наибольшее развитие государственная система призрения приобрела в 18 веке, хотя и сочеталась с довольно жесткими полицейскими мерами. В этот же период происходит расцвет частной благотворительности, составлявшей 73% от общих расходов на благотворительность. С 19 же века по 1917 год в активную фазу вступило меценатство, ставшее существенной стороной духовной жизни общества. [2]

Как социокультурное явление благотворительность является важной частью общественной жизни практически любого государства, нации, общества. Оно оказывает значительное влияние на экономическое, духовно-нравственное, социальное, культурное состояние общества и отдельно взятых индивидов. Актуальность благотворительной деятельности сложно нельзя недооценивать — она является одной из форм созидательного взаимодействия между членами общества. Значимость данной деятельности обусловлена выполнением ряда важных функций: компенсация недостатков перераспределения материальных и нематериальных общественных благ, реализация отдельно взятыми индивидами духовных потребностей в помощи нуждающимся лицам, социальная адаптация, коммуникативная функция, функция оказания психологической помощи, профилактическая функция, правозащитная функция, а также один из механизмов самоорганизации общества. На актуальность данной темы указывают также масштабы благотворительности в России. Несмотря на отставание от ряда государств Европы и США, масштабы благотворительной помощи в России ежегодно возрастают. Российская

Федерация входит в топ-10 стран мира по соотношению средств, направленных на благотворительность, и размеров ВВП [3] Согласно мировому рейтингу благотворительности, составленному британским фондом Charity Aid Foundation (Caf) за 2017 год, Российская Федерация находится на 19 месте по количеству людей, помогающих незнакомым людям. [5] Данные свидетельствуют о том, что 50% взрослого населения страны — 37 млн человек — совершало денежные пожертвования благотворительным организациям за 2016 год. Согласно докладу Общественной палаты Российской Федерации о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2016 год общая сумма средств, пожертвованных россиянами в НКО в год составляет примерно 143 млрд рублей. В 2 раза увеличилась доля жертвующих крупные суммы — более 5000 рублей в год; в 2 раза сократилась для жертвующих небольшие суммы — менее 1000 рублей в год (с 31% до 14,%) [5].

Благотворительная деятельность — добровольное безвозмездное содействие одних членов общества другим, признаваемым нуждающимися в подобной помощи в соответствии с нормами и обычаями данного общества. [6] Субъектами, вступающими в отношения в рамках благотворительной деятельности могут быть члены общества, люди, а также различные группы в виде организаций и объединений. Важно отметить, что деятельность последних в настоящее время активно набирает обороты. Так, например, широкое распространение получает безвозмездное оказание юридических услуг — иначе говоря работа «pro bono publico» (от лат. «ради общественного блага»). Подобная практика широко распространена в Европе и набирает все большую популярность в России. В 2014 году Институтом анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ и Институтом проблем правоприменения ЕУ СПб при поддержке Федеральной палаты адвокатов был проведен исследовательский анализ, основанный на массовом опросе 3317 адвокатов из 35 регионов России. Исследование показало, что около 55% респондентов ответили, что работают безвозмездно на регулярной основе. [7] Помимо прочего, несмотря на то, что корпоративная социальная ответственность (КСО), казалось бы, очевидным образом не вписывается в логику благотворительности, так как расходует определенную долю ресурсов, по оценкам экспертов крупный бизнес в России выделяет около 1-2 % прибыли на различные проекты благотворительного характера. Мотивация компаний заключается в заработке репутационных очков, повышении конкурентоспособности, извлечения политической выгоды и получении рычагов социального контроля. [8]

Помимо лиц, непосредственно выделяющих средства для благотворительной деятельности, важно также отметить и субъектов, непосредственно нуждающихся в благотворительности. Критерии определения таковых субъектов могут зависеть от государства, общества и в целом опираются на различные нормы морали, религиозные нормы, правовые нормы и другие. Понимание того, что большое количество людей нуждается в помощи активно распространяется через средства массовой информации: телевидение; социальные, благотворительные акции, привлекающие внимание к различным социальным проблемам. Подобное распространение стимулирует все большее количество людей жертвовать деньги в благотворительные организации, фонды, религиозные организации, работать волонтерами в различных организациях, передавать вещи, продукты, товары в благотворительные (некоммерческие) организации, фонды. Подобная тенденция в ближайшем будущем позволит приблизить масштабы благотворительной деятельности в нашей стране с данным явлением в США, Китае и других передовых в данном аспекте странам, что, разумеется, позволит на шаг приблизиться к решениям проблем незащищенных слоев населения.

1. В. В. Одинцов. *Лингвистические парадоксы*. Москва. «Просвещение», 1982.
2. Павлова Н.П. *Благотворительность в России как социокультурный феномен: исторический и образовательные аспекты*/Н.П.Павлова//*Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: педагогика и психология*. — сб. статей. — Москва. 2010. — С. 80-89
3. Бричалов А.В./ *Ключевое слово-эффективность*[Электронный ресурс]// *Известия* / <https://iz.ru/news/648917> (Дата обращения: 12.09.2017 г.)
4. *Caf world giving index 2017/Charities aid foundation*. — UK 2017.
5. *Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации*// *Общественная палата Российской Федерации*. — Москва.2016. — С.19-26
6. Сулакшин С.С./*Благотворительность в России и государственная политика* / С. С. Сулакшин, Д. В. БАЧУРИНА, М. В. Вилисов и др. — *Научный эксперт* Москва, 2013.

7. *Российские адвокаты стали работать бесплатно //Научно-образовательный портал IQ [Электронный ресурс] / <https://iq.hse.ru/news/177664822.html> (Дата обращения: 30.09.2017 г.)*

8. *Соболевская О.В./ Научно-образовательный портал IQ//Социальная активность приносит бизнесу привелегии [Электронный ресурс] <https://iq.hse.ru/news/177665141.html> (Дата обращения: 1.10.2017 г.)*

РОЛЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРЕДПРИЯТИЙ РКО)

Когтева Е.В. (Королёв)

В современном обществе, характеризующемся социальным напряжением, особый интерес вызывает такой социально-культурный феномен как благотворительность. В России всегда были сильны идеи альтруизма, меценатства, помощи ближнему, но сегодня благотворительная деятельность рассматривается не только как способ оказания помощи нуждающимся, но и как социально-значимая деятельность, направленная на улучшение общества в целом. В социокультурном контексте её можно рассматривать как один из принципов формирования социальной политики.

Основной целью благотворительности становится не просто помощь нуждающимся в улучшении условий их жизни, а обеспечение условий, при которых они сами смогут быть ответственными за улучшение их жизни. Такой подход не противоречит роли благотворительности как одного из важнейших средств духовно-нравственного воспитания, особенно молодёжи, а только усиливает её [3].

Очень часто организации за благотворительность принимают любой акт финансовой или материальной помощи, в том числе пенсионерам предприятия, бесплатные услуги своим работникам, реже посторонним лицам, обратившимся за помощью. В таком виде благотворительная деятельность является таковой номинально и выполняет прежде всего компенсаторную функцию, но не является инструментом воздействия на личность работников, их духовно-нравственное состояние. В том случае, если цель предприятия чисто формально участвовать в такой деятельности для отчёта на бумаге и требуемого статуса, благотворительность не станет одной из скреп в формировании трудового коллектива, здоровой корпоративной культуры с опорой на общие духовно-нравственные принципы [4].

Несомненно организация благотворительной деятельности на предприятии, а следовательно и повышение корпоративной культуры и духовно-нравственного уровня его работников требует большой отдачи сил, времени, а также знаний и навыков.

Прежде всего необходимо понимать, что каждый человек, испытывающий желание, потребность участвовать в такой деятельности может иметь разные мотивы и побуждения. Одни видят в благотворительности средство духовного спасения, другие – самосовершенствования; некоторые считают, что это - их служение, долг, предписанный свыше, однако есть и те, кто занимается благотворительностью из чувства социальной справедливости, милосердия и личной потребности.

В январе-феврале 2017 года нами был реализован социологический опрос в форме анкетирования, в котором приняли участие 250 сотрудников предприятий ракетно-космической отрасли (ФГУП КБ ХимМаш им. А.И.Исаева, ОАО НПО ИТ, ПАО РКК «Энергия» им. С. П. Королёва) в возрасте от 18 до 75 лет, из которых 50,4% респондентов мужского пола и 49,6% – женского. При рассмотрении ответов на вопрос о приоритете общественных ценностей «гуманитарная помощь» и «помощь инвалидам» стали одними из наименее популярных (0,5% и 3,1% соответственно).

Важным показателем нравственной зрелости личности является участие в благотворительной деятельности и волонтерских движениях. Большая часть респондентов во всех возрастных группах на вопрос «Имеете ли Вы опыт участия в благотворительных акциях, волонтерском движении?» ответила отрицательно (сумма ответов «Нет, но хотел бы...» и «Нет, так как меня это не касается») (74,4%; 64,1%; 79,3% соответственно).

Стоит отметить тот факт, что почти половина респондентов (48,7%), несмотря на отрицательный ответ, хотели бы участвовать в благотворительных акциях и волонтерском движении, что может свидетельствовать о большом потенциале коллектива в этой сфере, но недостаточной работе руководства и общественных организаций на предприятиях. В частности,

как показывает исследование, важным стимулом участия в благотворительности является подробная персонифицированная информация о возможности помочь, на что указывают половина респондентов (56%). Для трети опрошенных важной является поддержка и солидарность близких и друзей (33%), для каждого четвертого важно поощрение и выгода от участия в подобных акциях в виде налоговых вычетов, премий, скидок (27%). Однако, чаще всего благотворительная деятельность поощряется неэкономическими методами, в том числе моральным поощрением, признанием заслуг со стороны официальных структур, формирующих общественное мнение и активизацию интереса к благотворительной деятельности [1].

Особое внимание необходимо уделять привлечению молодежи к благотворительности, используя для этой цели интернет и социальные сети. Характерной чертой, присущей поколениям Y и Z является их озабоченность проблемами окружающей среды и защитой животных, однако они готовы к участию в волонтерском движении и благотворительной деятельности, при условии, что это будет групповая работа и она будет организована. К тому же отмечается плохая информированность молодых людей о формах благотворительности, ассоциирующейся в понимании молодежи с материальной помощью, а не с личным участием, усилием человека.

Абсолютное большинство россиян готовы участвовать в благотворительных акциях, если речь идет о детях, в меньшей степени, если помощь требуется животным. Совсем иначе обстоит дело с помощью взрослым людям, инвалидам, старикам, бездомным, причём речь идет не только о личном участии, но и об организациях. Так, только один из десяти благотворительных фондов в России занимается взрослыми людьми. Исследование, проведенное проектом "Добро.Mail.Ru" совместно с фондом "Общественное мнение", показало, что в России не сформирована традиция помощи взрослым. Возможность оказания помощи взрослому тяжело больному или человеку с инвалидностью не допустил практически никто. При этом каждый третий готов оказать помощь детям, а каждый восьмой — пожилым людям. То есть в обществе, несмотря на все усилия благотворительных фондов, остается стереотип о безусловной самодостаточности взрослых.

Благотворительность должна стать составной частью культуры организации, предприятия, общества в целом, что, в свою очередь, станет залогом роста духовного самосознания человека и нормой его жизни, так как помощь ближнему заложена в культурный код россиян. Основой для практической реализации данного процесса должны стать коммуникация и доверие между его участниками. Мотивацией для участия в благотворительности должна стать не жалость, а социальная миссия человека: я помогаю, потому что не могу иначе.

1. Горюнов А.Г. *Благотворительность и ее роль в современном мире [Текст]* / А.Г. Горюнов, - СПб: Юристъ, 2009 г.;
2. Козтева Е.В. *Управление процессом формирования морального климата трудового коллектива: межпоколенческий аспект. [Текст]* / Е. В. Козтева // Сборник статей по материалам участников VII Ежегодная научная конференция аспирантов МГОТУ *Инновационные аспекты социально-экономического развития региона.* – 2016. – С. 229-238
3. Сикорская, Л.Е. *Педагогический потенциал добровольческой деятельности в социализации студенческой молодежи* / Сикорская Л. Е. – М.: Прогресс, 2011. – 421с.
4. Стельмашук Г. В. *Культура и ценности // Ученые записки. Т. V. Актуальные проблемы философии, социологии и культурологии. Вып. 2. СПб.: Ленинградский государственный областной университет им. А. С. Пушкина, - 2008. 250 с.*

ПРОЕКТНЫЙ ПОДХОД КАК ИННОВАЦИОННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ

Колосова Г.В. (Санкт-Петербург)

Аннотация: В своей статье автор рассматривает проектную деятельность в качестве одного из передовых инновационных средств, способствующий решению многих социальных проблем общества и, особенно, как востребованный инструмент социальной поддержки молодежи, способствующий развитию ее творческого и социального потенциала для успешной реализации в современном мире.

В современном мире одним из средств, которое может способствовать решению многих социальных проблем является проектная деятельность, которую можно назвать одной из передовых инновационных технологий. Государство в последнее время оказывает всевозможную поддержку этому виду деятельности, особое внимание уделяется сфере образования. Примером служат разнообразные форумы, конкурсы, активное внедрение новых образовательных программ,

которые дают современной молодежи проявить себя через участие в создании и реализации проектов.

История проектного метода восходит к началу XX столетия, когда в Дж. Дьюи и его ученик В.Х. Килпатрик стали активно пропагандировать обучение, в основе которого лежала активная целесообразная деятельность учеников. Внедрением проектного метода обучения в России занимался С.Т. Шацкий, но в 30-е годы в СССР этот метод был раскритикован. Совсем от него не отказались, но стали использовать при работе небольших кружков и секций, где была возможность пробовать и применять более свободно различные методы и формы обучения. В перестроечные годы для средней и высшей школы открылись новые возможности для проектного метода, появилась возможность активно включать учащихся в самостоятельную деятельность. М.Б. Романовская говорит: « ... в основе метода проектов лежит креативность, умение ориентироваться в информационном пространстве и самостоятельно конструировать свои знания» [3, с.5].

Проектом называют ограниченное по времени мероприятие, которое направлено на получение новых результатов или создание новых услуг или продуктов. От других видов деятельности проектная отличается, во-первых, временными ограничениями, во-вторых уникальностью, и в-третьих – многоплановостью. При планировании необходимо заранее просчитывать риски и принимать меры к сведению их к минимуму. Поскольку каждый проект отличается уникальностью, перед началом проекта разбираются и просчитываются все, даже, казалось бы, привычные процедуры и полностью просчитывают систему управления, выстраивают стратегию.

Для успешной реализации проекта необходимо выполнение следующих условий: «существование некой значимой проблемы, требующей решения путем исследовательского (творческого) поиска и применения интегрированного знания; значимость предполагаемых результатов (практическая, теоретическая, познавательная); применение исследовательских (творческих) методов при проектировании; структурирование этапов выполнения проекта; самостоятельность учащихся в ситуации выбора» [1, с.5]. Работа, которая выполняется в рамках проекта, может быть как коллективной, так и индивидуальной.

Проектные технологии являются одними из самых эффективных, из тех, что используются на сегодняшний день, в частности широка их сфера применения в образовании, например, для преодоления пассивности молодежи. Они доступны для применения в учебных заведениях любого уровня, как в школах, так и в высших профессиональных учреждениях. Проектная деятельность позволяет с одной стороны, адресно решать социальные проблемы в молодежной сфере, а с другой стороны - развивать социальную активность молодого человека, способность осознанно и целенаправленно преобразовывать собственную жизнь и окружающий микросоциум. [4, с.236]

Проектный подход в решении социальных проблем становится все более востребованным, например, в ряде стратегических документов, которые отражают содержание и направленность государственно молодежной политики проектный подход в решении социальных проблем молодежи обозначен как приоритетный. Примером этого можно считать, объявленный в 2009 году Президентом РФ Год Молодежи, и проекты, которые были начаты и реализуются до сих пор.

Проектная работа предполагает приобретение знаний практического характера, активность, может носить исследовательский характер. Речь идет об активности направленной в будущее. Все более популярной становится трактовка знания как деятельности, преобразующей действительность. Педагоги приходят к убеждению, что «живое» знание, взятое у самой жизни, возникает в ответ на пережитый вопрос. Путь к научной системе требует экспериментального опыта и объяснения себе этого опыта, свободы в целеполагании и выборе средств (С.И. Гессен). [1, с.10]

Особенность проектирование заключается в том, что должны быть учтены все мнения и предложения, научно обоснованы все принятые решения. [1, с.41] Кроме того, при вовлечении людей в реализацию проекта необходимо учитывать возрастные особенности, общий уровень развития коллектива и личностные особенности всех потенциальных участников. Все виды деятельности внутри проекта взаимодействуют друг с другом. Вся проектная деятельность должна обладать практической значимостью, а именно:

- способствовать формированию культурной социально активной личности;
- способствовать приобретению новых социокультурных знаний и коммуникативных умений;
- побуждать к применению инновационных технологий;

- ориентироваться на положительный результат и получение новых знаний;
- иметь сильную эмоциональную составляющую, так, по мнению И.А. Лернера молодежь, в процессе участия в проектной деятельности, приобретает «опыт эмоционального отношения к своей деятельности, преломленный через систему ценностей личности»;
- развивать творческий потенциал;
- предоставлять свободу в выборе вида деятельности. [2]

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что проектная деятельность является востребованным инструментом в решении многих социальных проблем и задач, кроме того, проектная деятельность может стать важнейшим стимулом для повышения социальной активности молодежи, т.к. имеет большие перспективы применения в сфере образования и может создавать максимально комфортные условия для активного развития личности молодых людей, инициировать их познавательную активность для приобретения новых знаний, умений и возможностей, способствующих самореализации и дальнейшему успеху в жизни.

Аннотация: В своей статье автор рассматривает проектную деятельность в качестве одного из передовых инновационных средств, способствующий решению многих социальных проблем общества и, особенно, как востребованный инструмент социальной поддержки молодежи, способствующий развитию ее творческого и социального потенциала для успешной реализации в современном мире.

В современном мире одним из средств, которое может способствовать решению многих социальных проблем является проектная деятельность, которую можно назвать одной из передовых инновационных технологий. Государство в последнее время оказывает всевозможную поддержку этому виду деятельности, особое внимание уделяется сфере образования. Примером служат разнообразные форумы, конкурсы, активное внедрение новых образовательных программ, которые дают современной молодежи проявить себя через участие в создании и реализации проектов.

История проектного метода восходит к началу XX столетия, когда в Дж. Дьюи и его ученик В.Х. Килпатрик стали активно пропагандировать обучение, в основе которого лежала активная целесообразная деятельность учеников. Внедрением проектного метода обучения в России занимался С.Т. Шацкий, но в 30-е годы в СССР этот метод был раскритикован. Совсем от него не отказались, но стали использовать при работе небольших кружков и секций, где была возможность пробовать и применять более свободно различные методы и формы обучения. В перестроечные годы для средней и высшей школы открылись новые возможности для проектного метода, появилась возможность активно включать учащихся в самостоятельную деятельность. М.Б. Романовская говорит: « ... в основе метода проектов лежит креативность, умение ориентироваться в информационном пространстве и самостоятельно конструировать свои знания» [3, с.5].

Проектом называют ограниченное по времени мероприятие, которое направлено на получение новых результатов или создание новых услуг или продуктов. От других видов деятельности проектная отличается, во-первых, временными ограничениями, во-вторых уникальностью, и в-третьих – многоплановостью. При планировании необходимо заранее просчитывать риски и принимать меры к сведению их к минимуму. Поскольку каждый проект отличается уникальностью, перед началом проекта разбираются и просчитываются все, даже, казалось бы, привычные процедуры и полностью просчитывают систему управления, выстраивают стратегию.

Для успешной реализации проекта необходимо выполнение следующих условий: «существование некой значимой проблемы, требующей решения путем исследовательского (творческого) поиска и применения интегрированного знания; значимость предполагаемых результатов (практическая, теоретическая, познавательная); применение исследовательских (творческих) методов при проектировании; структурирование этапов выполнения проекта; самостоятельность учащихся в ситуации выбора» [1, с.5]. Работа, которая выполняется в рамках проекта, может быть как коллективной, так и индивидуальной.

Проектные технологии являются одними из самых эффективных, из тех, что используются на сегодняшний день, в частности широка их сфера применения в образовании, например, для преодоления пассивности молодежи. Они доступны для применения в учебных заведениях любого уровня, как в школах, так и в высших профессиональных учреждениях. Проектная деятельность позволяет с одной стороны, адресно решать социальные проблемы в молодежной сфере, а с

другой стороны - развивать социальную активность молодого человека, способность осознанно и целенаправленно преобразовывать собственную жизнь и окружающий микросоциум. [4, с.236]

Проектный подход в решении социальных проблем становится все более востребованным, например, в ряде стратегических документов, которые отражают содержание и направленность государственно молодежной политики проектный подход в решении социальных проблем молодежи обозначен как приоритетный. Примером этого можно считать, объявленный в 2009 году Президентом РФ Год Молодежи, и проекты, которые были начаты и реализуются до сих пор.

Проектная работа предполагает приобретение знаний практического характера, активность, может носить исследовательский характер. Речь идет об активности направленной в будущее. Все более популярной становится трактовка знания как деятельности, преобразующей действительность. Педагоги приходят к убеждению, что «живое» знание, взятое у самой жизни, возникает в ответ на пережитой вопрос. Путь к научной системе требует экспериментального опыта и объяснения себе этого опыта, свободы в целеполагании и выборе средств (С.И. Гессен). [1, с.10]

Особенность проектирование заключается в том, что должны быть учтены все мнения и предложения, научно обоснованы все принятые решения. [1, с.41] Кроме того, при вовлечении людей в реализацию проекта необходимо учитывать возрастные особенности, общий уровень развития коллектива и личностные особенности всех потенциальных участников. Все виды деятельности внутри проекта взаимодействуют друг с другом. Вся проектная деятельность должна обладать практической значимостью, а именно:

- способствовать формированию культурной социально активной личности;
- способствовать приобретению новых социокультурных знаний и коммуникативных умений;
- побуждать к применению инновационных технологий;
- ориентироваться на положительный результат и получение новых знаний;
- иметь сильную эмоциональную составляющую, так, по мнению И.А. Лернера молодежь, в процессе участия в проектной деятельности, приобретает «опыт эмоционального отношения к своей деятельности, преломленный через систему ценностей личности»;
- развивать творческий потенциал;
- предоставлять свободу в выборе вида деятельности. [2]

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что проектная деятельность является востребованным инструментом в решении многих социальных проблем и задач, кроме того, проектная деятельность может стать важнейшим стимулом для повышения социальной активности молодежи, т.к. имеет большие перспективы применения в сфере образования и может создавать максимально комфортные условия для активного развития личности молодых людей, инициировать их познавательную активность для приобретения новых знаний, умений и возможностей, способствующих самореализации и дальнейшему успеху в жизни.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ОРИЕНТИРОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: КРУГ ПАТЕРНАЛИЗМА

Константинова Л.В. (Саратов)

Социальная политика как комплексная система государственной и общественной деятельности является одним из основных институциональных механизмов регулирования неравенства, сформировавшихся за последнее столетие. По своей сущности являясь функционально значимой сферой социальной деятельности, она нацелена на регулирование социальных отношений в обществе в направлении формирования оптимального и приемлемого, с точки зрения общественного восприятия социальной справедливости, уровня социального неравенства, сбалансированной социальной структуры общества и развития на этой основе человеческого капитала.

На протяжении XX столетия в различных странах мира были сформированы различные модели социальной политики, социального государства, ориентированные на достижение вышеуказанных целей, но отличающиеся конкретными механизмами их достижения и принципами распределения социальной ответственности между ее основными субъектами - государством, частным, общественным сектором и семьей. В качестве основных моделей традиционно выделяются либеральная модель (с доминированием индивидуальной социальной

ответственности), корпоративная модель (с доминированием социальной ответственности корпораций), общественная или социал-демократическая модель (с доминированием общественной социальной ответственности) и патерналистская модель (с доминированием социальной ответственности государства).

Сфера социальной политики в России последнее время являлась территорией самоопределения, перманентного социального выбора и смены стратегических ориентиров, в результате чего реализуемые социальные программы, и проекты зачастую оказывались незавершенными полностью из-за смены целевых установок, организационных моделей и финансовых условий.

Как известно 1990-е годы явили собой период кардинальных экономических реформ и реализации стратегии неоллиберализма в социальной политике, пришедшей на смену стратегии максимального государственного патернализма в социальной сфере советского периода, что выразилось в минимизации участия государства в решении социальных проблем и регулировании неравенства, и в результате привело к резкому росту социальной дифференциации. 2000-е годы были ознаменованы изменениями государственной стратегии в сторону социально-ориентированной рыночной экономики, возвращением государства в социальную сферу в форме государственного регулирования, определенного повышения его социальной ответственности, увеличения расходов на социальную сферу, внедрением новых перераспределительных механизмов и системы мер, направленных на повышение эффективности государства в отраслях социальной сферы. Мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 годов потребовал перехода к антикризисной стратегии, которая в России отличалась сохранением социальных приоритетов, ориентацией на исполнение государством социальных обязательств путем применения эффективных мер использования бюджетных ресурсов и ресурсов стабилизационного фонда. Посткризисный период модернизационного романтизма и дискуссий о социальной политике как новом факторе экономического роста оказался не долгим, а риторики относительно новой стратегии социальной политики, ориентированной не на компенсационные меры преодоления бедности, а на воспроизводство социально-активного, креативного класса - нереализованными в действительности. Новый политический цикл, начавшийся в России в 2012 году, стал началом новой прагматической волны модернизации с определением четких целевых ориентиров развития социальной сферы и человеческого капитала, усилением государственного регулирования по их достижению и государственного контроля за их исполнением. Однако изменения геополитического контекста, финансово-экономический кризис в России, начавшиеся в 2014 году, существенное сокращение бюджетных возможностей, привели к необходимости смены модернизационной стратегии на мобилизационную в экономике и социальной сфере, приостановке стратегии социального развития, концентрации государственных усилий на исполнении действующих социальных обязательств за счет оптимизации бюджетного сектора социальных услуг [1, с 27-28]. Последовавшее в 2016 году усугубление экономической рецессии, приведшее к заморозке роста бюджетных расходов на социальную сферу и к их секвестированию, обусловило функционирование социальной сферы в условиях дефицита бюджетов всех уровней. Стратегическая парадигма развития социальной сферы как основная концептуальная идея социальной политики докризисного периода окончательно трансформировалась в парадигму оптимизации, которая стала центральным вектором социальных реформ, приобретающих структурный характер.

Сегодня основные механизмы осуществления реформ социальной сферы разворачиваются преимущественно в данной парадигме и находят свое проявление в следующих форматах:

- сокращение путем ликвидации, реорганизации, объединения, укрупнения количества бюджетных учреждений и организаций социальной сферы, в том числе образовательных и медицинских, при стимулировании повышения их экономической эффективности, изменении качественных и количественных параметров деятельности и оказания услуг;

- изменение организационно-правовой формы бюджетных учреждений социальной сферы - переход в автономные учреждения;

- передача части функций поставщиков государственных социальных услуг НКО и частному сектору, аутсорсинг социальных услуг;

- коммерциализация социальных услуг – преобразование бюджетных организаций в частные предприятия;

- передача учреждений социальной сферы с одного уровня власти на другой (например, с федерального уровня на региональный или с муниципального на региональный).

Данные структурные реформы социальной сферы идеологически позиционируются как необходимые для повышения эффективности и качества предоставляемых социальных услуг, однако реально зачастую являются вынужденными мерами, так как происходят на фоне сокращения социальных расходов, падения уровня и качества жизни населения. Следствием этого становятся рост социальной дифференциации, появление новых видов социального неравенства, таких, например, как неравенство между учреждениями социальной сферы в рамках отраслей, а также рост межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения [2, с.8].

Таким образом, можно фиксировать трансформацию стратегии и тактики современной социальной политики в сторону патерналистской модели с масштабной долей социальных обязательств и контрольных функций государства. Однако специфика нового государственного патернализма в социальной сфере заключается в том, что в такой парадигме реализуемая социальная политика неизбежно становится фактором роста традиционных форм социального неравенства и источником его новых форм. В существующих условиях ограниченные ресурсы распределяются еще более неравномерно, а процессы оптимизации в отраслях социальной сферы приводят к негативным социальным последствиям, снижению уровня жизни высвобождаемых сотрудников бюджетного сектора. Из нового среднего класса, часть бюджетников в очередной раз откатывается в класс новых российских бедных и малообеспеченных. Имеет место тенденция прекаризации работников в силу разрастания феномена негарантированной занятости.

Новая патерналистская модель социальной политики в отличие от классической советской модели сегодня строится не на основе выравнивания возможностей, а на основе конструирования неравенства как фактора стимулирующего повышение эффективности и результативности деятельности субъектов социальной политики. Поэтому можно заключить, что происшедшие кардинальные изменения государственной стратегии в сфере социальной политики за весь постсоветский период прошли круг в своих трансформациях от государственного патернализма, стремящегося к обеспечению равенства, что было присуще советскому периоду, к государственному патернализму, конструирующему неравенства, что стало проявлением настоящего периода, пройдя при этом этапы либерализации. Перманентная тактика перераспределения социальной ответственности с государства на негосударственный сектор в условиях преобладания патерналистского сознания у большей части российских граждан не привела пока к существенному повышению эффективности мер социальной политики. Все более отчетливо определяет себя ловушка патернализма в социальной сфере, не смотря на произошедшую за последние десятилетия относительную либерализацию реального сектора экономики. Возможно, те трансформации, которые происходили в сфере стратегических ориентиров социальной политики, отражают естественный процесс самоопределения нашего общества и государства в данной сфере, его адаптации к постоянно изменяющимся условиям, поиск наиболее адекватной матрицы, обеспечивающей соответствие институциональных и социально-культурных параметров.

1. Константинова Л.В. Стратегические ориентиры социальной политики: современные концептуальные рамки // *Власть*. 2015. № 8. С. 27-34.
2. Комаровский В.С. Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации в России // *Власть*. 2017. №1. М. 5-11.

ИСТОРИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В АРХАНГЕЛЬСКЕ

Корнилова М.В. (Архангельск)

Благотворительность в Архангельске появилась в первой половине XVII века, об этом факте косвенно свидетельствуют первые письменные источники. В 1622 – 1624 гг. состоялась перепись дворов на Архангельском посаде, именно в ней упомянуты, кроме дворов "лутчих", "средних" и "молотчих" горожан, еще и два бобыльских двора. Бобылями в то время называли тех людей, которые не могли платить государству тягло (подать) "по бедности, калечеству, одиночеству, небреженью" и жили "захребетниками". Число их росло особенно после пожаров. Например, пожар 1611 года оставил 29 архангельских семей без крова и средств к существованию. А пожары 1636, 1664, 1667 и 1669 годов превратили в пепел Михайло-Архангельский монастырь, деревянные гостиные дворы, государевы житницы, церкви, многочисленные дома, лавки и

амбары, тем самым значительно увеличив число нуждавшихся в подаении как средстве выживания [1].

Первым упорядочить дела общественного призрения взялся Пётр I. После учреждения Синода (1721 г.) он начал борьбу с нищенствованием в стране и установил довольно высокий штраф за подачу милостыни. После смерти царя (1725 г.) дело благотворительности имело исключительно карательный характер [1].

Дело по упорядочению продолжила Екатерина II, в 1784 г. был учрежден приказ общественного призрения, в его число вошёл и Архангельский, возглавил который генерал – губернатор Т.И. Тутолмин. Спустя 2 года к этому приказу были причислены вновь созданное Главное народное училище и переведённое из Холмогор мореходное училище, а на берегу Северной Двины построена больница «для лечения страждущих болезнями бедных и неимущих без платы» (территория современной городской больницы) [1].

К концу XVIII - XIX вв. создаются крупнейшие государственные организации, занятые делами призрения бедных. В этот период благотворительность со стороны государства значительно увеличивалась, но со стороны церкви и особенно частных лиц она сокращалась. Каждая инициатива в этой области требовала согласия самого монарха, который лично санкционировал создание каждой школы, богадельни или больницы [1].

В 60 – е годы XIX века дело общественного призрения было передано в ведение Министерства внутренних дел. Начался подлинный расцвет как государственной, так и частной благотворительности. В Архангельске появились приют и две лечебницы для нищих. Учителя приходских училищ и гимназий на общественных началах работали в воскресных школах для взрослых. По инициативе директора Архангельской мужской гимназии К.Б.Пилацкого в 1880 г. было создано Общество вспомоществования учащимся губернской мужской и Мариинской женской гимназий. Оно оплачивало обучение несостоятельных учащихся, наем квартир для них, приобретало для своих подопечных одежду и обувь. По инициативе доктора С.А. Паперна открылось медицинское учреждение - "Капля молока", которое организовало посещение больных детей на дому, вело борьбу с эпидемиями, бесплатно выдавало молоко детям из бедных семей. Щедро тратили свои средства на благотворительность В.Кочнев, Я.Макаров, М.Сидоров, А.Ананьин, А.Костогоров, А.Булычев и другие [1].

К началу 20 в. в городе было 13 благотворительных обществ и учреждений: пять богаделен, пять детских приютов, лечебница, дом трудолюбия и школа. Их услугами ежегодно пользовалось около 3 тыс. человек [1].

В Архангельске в годы Первой мировой войны была развита общественная благотворительность. В городе сбор средств начался сразу после начала войны. Это «общественное начинание» находилось под патронажем властей: 1 августа 1914 г. был создан специальный «Комитет по сбору пожертвований на нужды больных и раненых воинов, а также их семьям» под председательством губернатора. Значительную помощь фронту оказали жители Архангельска сбором материальных средств. Только за первые три дня войны архангелогородцы собрали на эти цели 4500 рублей. Регулярно на протяжении всей войны жители Архангельска устраивали сборы в пользу фронтовиков. Только за один день в ходе акции по сбору табака для солдат горожанами было собрано более 300 пудов табака [6].

В годы Первой мировой войны в городе на благотворительные средства было развернуто 19 госпиталей. Общественные организации, предприниматели, частные лица передавали свои помещения под госпитали. Городские врачи и сестры милосердия работали в них безвозмездно [6].

Что заставляло деловых людей Севера отдавать свои немалые средства, чтобы помочь неимущим? Исследования историков выделяют несколько причин благотворительности, но наиболее важный побудительный мотив – повышенная религиозность купеческого сословия. Русская православная натура стыдилась богатства, ибо оно не от Бога, Бог дал его в пользование и потребует по нему отчёта. С таким пониманием своего долга было связано стремление состоятельных людей помочь и церкви: соорудить на свои средства храм, отлить и подарить ему особый колокол и т.д. Подобным добродетельным актом в земной жизни купец хотел обрести благодать в загробном мире. [5].

В начале 1917 года люди всё меньше стремились решать какие – то вопросы самостоятельно, предпочитая получать казённое финансирование. Со временем и ручеёк благотворительных пожертвований стал истощаться, так как число людей, нуждавшихся в общественной помощи росло, а количество людей, имеющих возможность оказывать её

становилось меньше, поскольку уровень жизни стал понижаться. В Архангельске на грани закрытия были молочные кухни (общества по борьбе с детской смирностью «Капля молока»); в 1917 году детские приюты и богадельни оказались в совершенно плачевном состоянии [6].

После событий октября 1917 г. и гражданской войны (1918-1920) благотворительные организации и учреждения прекратили своё существование. Стало исчезать из обихода и само слово «благотворительность» [1].

Возрождение благотворительности началось в разгар перестройки, в конце 80-х годов. Теле – и радиомарафоны, перечисление средств на лечение неимущих, восстановление памятников истории и культуры, учреждение специальных премий и стипендий – вот далеко не полный перечень благородных акций со стороны коммерческих банков Архангельска, страховых компаний, предприятий, учреждений [1].

Благотворительность в Архангельске существует и сегодня. В апреле 2017 г. в городе состоялась конференция, на которой собрались благотворители со всей России. Ведущие эксперты провели тренинги по привлечению пожертвований, поделились знаниями и опытом, а также рассказали, как наладить диалог с бизнесом и обществом [3].

В благотворительной среде существует понятие «крауд-фандинг» или по-русски «с миру по нитке», это ещё один реальный способ решать социальные проблемы. На собранные деньги помогают больным детям, выпускают книги для слабовидящих, трудоустраивают инвалидов [3].

Тратят деньги на благотворительность, несмотря на кризис, и частные компании. Например, расходы Архангельского ЦБК в 2016 году составили 23 миллиона рублей. Сегодня комбинат реализует "40 добрых дел". Социальный проект запустили к юбилею города Новодвинска [3].

Благотворителей и меценатов поддерживает областное собрание депутатов, в области существует закон «О государственной поддержке благотворительной и меценатской деятельности в Архангельской области (с изменениями на 25 марта 2016 года)». Настоящий закон, принимая во внимание социальную значимость благотворительной и меценатской деятельности, разработан в целях создания условий для развития благотворительной деятельности в Архангельской области [4].

В 2017 году Архангельская область отметила своё 80 – летие, в честь этого события лучших благотворителей и меценатов наградят в конце года. Звание присваивается гражданам и юридическим лицам, не менее года оказывающим систематическую добровольную благотворительную помощь детям-сиротам, детям из многодетных и малоимущих семей, инвалидам и престарелым, участникам и ветеранам Великой Отечественной войны, онкобольным и другим категориям граждан [2].

Ходатайства о присвоении звания в министерство труда, занятости и социального развития Архангельской области направляют граждане, организации, трудовые коллективы, которым была оказана благотворительная помощь. По предложению благотворительного совета, в который вошли представители регионального правительства, областного Собрания депутатов, общественных организаций и объединений, окончательный список кандидатов на звание «Благотворитель Архангельской области» утверждает губернатор Архангельской области [2].

Номинантами в 2017 году стали: индивидуальный предприниматель Мария Корнеева из Северодвинска (организатор акции по финансированию покупки «Беби-сенсов»), пенсионерка Валентина Шайбулатова в течение нескольких лет еженедельно отправляет по сто рублей в благотворительные фонды для детей, нуждающихся в медицинской помощи. Редакция газеты «Вечерний Котлас» ежегодно организует благотворительную акцию «Хочу в школу», является участником акции по сбору подгузников для Котовского дома ребёнка и соучредителем премии для актёров Котласского театра драмы. ООО «Заря» из Северодвинска уже три года безвозмездно перевозит на такси ветеранов Великой Отечественной войны [2].

Предприниматель Сергей Елсаков из Котласского района ежегодно финансирует мероприятия на территории Сольвычегодска, предоставляет бесплатно часть мест для детей Котласского и близлежащих районов в детском лагере «Ватса парк», финансирует детские команды для участия в спортивных мероприятиях [2].

Номинантами на звание «Меценат Архангельской области» стали ПАО «Севералмаз», ОАО «Котласское дорожное ремонтно-строительное управление», Приводинское линейно-производственное управление магистральных газопроводов, являющееся филиалом ООО «Газпром трансгаз Ухта», предприниматели Андрей Витков и Сергей Кукин из Шенкурского района [2].

«Благотворительность - часть жизни, обыкновенное чудо. Совершить его может каждый, хотя бы просто протянув руку помощи человеку, оказавшемуся с бедой один на один» [3].

Список литературы:

1. Кондрескул А. М. Из истории благотворительности в России и Архангельске / А. Кондрескул // Архангельск 94-95 : рекл.-информ. справ. - Архангельск, 1995. - С. 290-292 (1280007 - КР)
2. Лучших благотворителей и меценатов Архангельской области наградят в конце года [Электронный ресурс] / Пресс-служба Губернатора и Правительства Архангельской области // Правительство Архангельской области. – Архангельск, 2017. - <http://dvinanews.ru/-m7zfxc1g> (дата обращения: 08.10.2017). – Загл. с экрана.
3. Макарова, Е., Телов, С. В Архангельске собрались благотворители со всей России [Электронный ресурс] / Екатерина Макарова, Сергей Телов // Поморье. – Архангельск, 2017. - <http://www.pomorje.ru/news/v-arhangelske-sobralis-blagotvoriteli-so-vsey-ross> (дата обращения: 08.10.2017). – Загл. с экрана.
4. О государственной поддержке благотворительной и меценатской деятельности в Архангельской области (с изменениями на 25 марта 2016 года) [Электронный ресурс] // «Кодекс». – 2017. - <http://docs.cntd.ru/document/462601371> (дата обращения: 08.10.2017). – Загл. с экрана.
5. Овсянкин Е. И. Архангельск купеческий / Е. И. Овсянкин. - Архангельск : Архонсалт, 2000. - 525 с. - Из содерж.: Меценаты и благотворители. - С. 389-403. (1319489 - КР)
6. Трошина Т.И. Великая война. Забытая война: Архангельск в годы Первой мировой войны (1914–1918). - Архангельск: Кира, 2008. — 169 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ: МЕЖВЕДОМСТВЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Королева К.Ю., Мазикина С.Г. (Белгород)

Несмотря на приоритетность и актуальность социальной поддержки детей-инвалидов, объективные трудности, связанные с их интеграцией в общество и реабилитацией, существуют. Реабилитация детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья предполагает комплекс мероприятий, направленных на устранение или компенсацию ограничений их жизнедеятельности, вызванных нарушением здоровья со стойким расстройством функций организма, восстановление социального статуса, улучшение внутрисемейных отношений, гуманизацию связей семьи с обществом и государством.

На муниципальном уровне ключевым субъектом, координирующим социально-реабилитационную работу, являются Комплексные центры социального обслуживания населения. Специалисты по социальной работе проводят мероприятия по социокультурной реабилитации, оказывают содействие в организации спортивных соревнований среди граждан с ограниченными физическими возможностями здоровья, на благотворительной основе проводят выставки, экскурсии в музеи, организуют посещение драмтеатра и кинотеатров города. Среди партнеров КЦСОН в реализации культурно-досуговых и образовательных программ можно отметить Центр реабилитации детей-инвалидов «Свет Надежды», который проводит бесплатные занятия специалистов с детьми-инвалидами. Для тех, кому сложно посещать мероприятия, проводимые в Центре, организуются всевозможные акции и праздники на дому.

В рамках организации медико-социальной поддержки для детей – инвалидов КЦСОН предоставляются путевки для проведения лечебных, реабилитационных, профилактических мероприятий в Областное государственное бюджетное учреждение «Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями» в с. Веселая Лопань Белгородского района. На базе Реабилитационного центра организована работа как с детьми –инвалидами, так и с их родителями, на протяжении 3 лет действует школа родительского тьюторства. Работа с родителями детей-инвалидов является одним из приоритетных направлений деятельности специалистов центра, в котором ежегодно проходят реабилитацию более 800 детей-инвалидов с заболеваниями центральной нервной системы (в том числе ДЦП) и опорно-двигательного аппарата (таких детей в области 1128 (по состоянию на 2013 год), из них 705 нуждаются в сопровождении взрослых). Мониторинг состояния здоровья детей, проходящих курс реабилитационных мероприятий в центре, ежегодно показывает положительную динамику у 92-

94% детей. Повышение эффективности работы с детьми-инвалидами становится возможным благодаря максимальному включению в реабилитационный процесс родителей, развивающих свои компетенции под руководством профессионалов центра (педагогов, психологов, инструкторов ЛФК).

Несмотря на положительную динамику проводимой реабилитации пациентов центра, основной, препятствующей ее полноценному завершению, является проблема недостижения пролонгированного эффекта реабилитационных мероприятий. Отсутствие у родителей навыков реабилитации в домашних условиях, а также территориальная удаленность специальных служб, деятельность которых особенно важна для семей с маломобильными детьми, не позволяют закрепить полученный эффект от проведенных мероприятий в реабилитационном центре, что значительно удлиняет процесс дальнейшего восстановления здоровья детей-инвалидов.

С 2006 года в отделении социокультурной реабилитации инвалидов МБУ «Комплексный центр социального обслуживания населения города Белгорода» используется эффективная форма социальной поддержки – постреабилитационная работа с детьми-инвалидами, прошедшими курс лечения в ОГБУ «Реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями» с. Веселая Лопань. В реализации постреабилитационной работы с детьми – инвалидами можно выделить следующие направления, осуществляемые в соответствии с индивидуальной программой реабилитации: социально-бытовая реабилитация (обучение пользованию техническими средствами реабилитации, навыкам самообслуживания); социально-медицинская реабилитация (массаж, посещение бассейна); социально-психологическая реабилитация (в спектр услуг входят психодиагностика, которая определяет содержательную сторону и направленность психологической реабилитации, коррекционно-развивающие занятия (индивидуальные и групповые), психологическое консультирование родителей по вопросам воспитания детей с ограниченными возможностями, обучение навыкам эффективного взаимодействия с ребенком); социокультурная реабилитация (организация досуговых мероприятий, кружковая работа и т.д.). Все услуги для детей-инвалидов в МБУ «Комплексный центр социального обслуживания населения города Белгорода» оказываются бесплатно. Продолжительность курса социальных услуг зависит от индивидуальных особенностей ребенка.

В рамках социально-медицинской реабилитации сформированы группы здоровья, где дети раз в неделю посещают бассейны города. Услуги массажа в течение двух недель оказываются на дому детям с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Проводится консультирование родителей психологом по вопросам воспитания детей с ограниченными возможностями и обучения навыкам эффективного взаимодействия с ними, изучаются анамнестические сведения. Дети и их родители проходят диагностику, по результатам которой составляются индивидуальные рекомендации, направленные на преодоление имеющихся трудностей и определяется необходимость дальнейшей коррекционной работы как на стимуляцию эмоциональной и познавательной сфер, так и на развитие и формирование коммуникативных умений. При проведении занятий используются элементы сказкотерапии, куклотерапии, арт-терапии, релаксационных упражнений.

Родителям оказывается консультативная помощь по вопросам обучения пользованию техническими средствами реабилитации, формирования навыков самообслуживания у детей. Проводится мониторинг потребностей, изучение и утверждение начальной (максимальной) цены на поставку стульев для ванной комнаты, велотренажеров и других технических средств реабилитации для детей-инвалидов.

Проведение комплексных реабилитационных мероприятий благодаря тесному сотрудничеству между учреждениями позволяет значительно повысить эффективность проводимых медико-социальных реабилитационных мероприятий, усилить вовлеченность и повысить грамотность родителей в осуществлении реабилитационных мероприятий. Реализуемые программы постреабилитационной работы готовят как самого ребенка с ограниченными возможностями к продуктивной социальной жизни, так и способствует преодолению социальной изоляции семей, воспитывающих этих детей, расширяя их круг общения и внося разнообразие в повседневные практики.

Постоянными партнерами в реализации медико-социальных мер поддержки детей-инвалидов выступают негосударственные благотворительные организации региона, в числе которых БРОО «Луч света», специализирующаяся на помощи детям с ДЦП и их семьям, БРОО «Выход в Белгороде», занимающиеся поддержкой детям с расстройствами аутистического спектра, БРОО «Синяя птица», оказывающие помощь детям с аутизмом и другими ментальными

нарушениями, БРОО «Святое Белогорье против детского рака», оказывающие медицинскую, социальную помощь детям с онкологическими заболеваниями.

Проведенный экспертный опрос среди сотрудников КЦСОН показал, что несмотря на достигнутые успехи в реализации мер социальной поддержки, есть проблемы, решения которых возможно добиться, только используя все имеющиеся ресурсы: государственные, общественные, коммерческие. При ранжировании данных проблем эксперты отметили в качестве наиболее важных: низкий уровень доходов семей, имеющих в своем составе инвалида; стереотипы общественного сознания в отношении лиц с ограниченными возможностями здоровья; и недостаточную адаптированность социальной среды под нужды инвалидов.

Какие же решения видят специалисты? Негосударственные общественные и благотворительные организации оказывают посильную помощь, финансируя программы социальной поддержки лиц с ОВЗ: собирая средства на лечение и реабилитацию, помогая приобретать необходимые средства технической реабилитации, организовывая образовательные и просветительские программы, направленные на решение проблем инвалидов и изменение общественного мнения. Опрошенные эксперты отметили, что перспективы развития системы социальной поддержки инвалидов лежат, в том числе и в области расширения числа субъектов, оказывающих такую поддержку, за счет привлечения к участию в проектах и мероприятиях и расширения сотрудничества с общественными и частными организациями, работающими в сфере социальной защиты и благотворительности.

Еще одним направлением может стать активизация потенциала самих инвалидов в решении своих проблем, через включение их в деятельность общественных объединений и организаций. Уже в настоящее время многие из благотворительных и общественных организаций белгородской области, специализирующиеся на оказании поддержки лицам с ОВЗ, имеют в своем активе лиц с инвалидностью, которые помогают, в том числе и отслеживать доступность объектов социальной инфраструктуры, отстаивать права инвалидов, консультировать по вопросам получения различных видов поддержки и пр. Их взгляд «изнутри» и погруженность в проблему помогает находить решения, которые не являются столь же очевидными для остальных участников социальных взаимодействий.

Наконец третье направление, которое можно обозначить как «преодоление социальных барьеров», невозможно реализовать без участия учреждений системы образования и СМИ. Изменение отношения людей к инвалидам невозможно совершить мгновенно, данная работа требует длительных кропотливых усилий субъектов, отвечающих за социализацию людей – в первую очередь, это образовательные учреждения и современные медиа.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Котова В.А. (Белгород)

Данная статья посвящена основным проблемам развития благотворительности на современном этапе в Российской Федерации.

Благотворительность как одна из форм социальной помощи в России становится на данный момент в настоящее время объектом интенсивного изучения. Не только историки, но и социологи, психологи, юристы, а также другие представители гуманитарных наук все глубже изучают благотворительность и ее аспекты. Причины интереса к данной теме исследования можно найти непосредственно в самом обществе. По мере увеличения количества проблем в обществе возрастает потребность не только в социальной защите и поддержке через государственные механизмы оказания социальной помощи, но и в развитии благотворительной деятельности.

Несомненно, существует ряд причин, которые вели и ведут, по сей день, сферу благотворительности к более подробному и профессиональному ее исследованию. Во-первых, рост различных социальных бед в государстве, экономические реформы и преобразования привели к резкому социальному разделению общества, к увеличению числа людей, проживающих за чертой бедности. Во-вторых, на сегодняшний день, вследствие системного кризиса в социальной практике происходят большие нарушения социальных, экономических прав и свобод населения, наблюдается нестабильность уровня и продолжительности жизни, а также идет дискриминация по расовым, национальным, религиозным, половым признакам. Поэтому для тех государственных структур, которые не могут справиться с растущими проблемами и вести успешную социальную политику, приходят на помощь самостоятельные негосударственные

организации, берущие на себя заботу о нуждающихся людях. И, в-третьих, навыки организации взаимодействия государственных, общественных и частных форм поддержки нуждающихся на различных этапах исторического развития России, несомненно, может быть необходим и полезен при подготовке новых работников в социальной сфере.

Основными проблемами развития благотворительности в современной России являются неоднозначное отношение населения и недостаточное государственное стимулирование благотворительной деятельности.

Поддержка нуждающихся часто встречает непонимание в российском обществе. Большинство населения не доверяет благотворительным организациям из-за того, что они не располагают информацией об их деятельности. По полученным данным социологического исследования Агентства социальной информации «Общественная поддержка некоммерческих организаций в российских регионах: проблемы и перспективы» выявлены уровни информированности населения (среди пяти городов России) в процентах касательно деятельности благотворительных организаций. «Самый высокий показатель информированности граждан составил 39% в Москве, а самый низкий показатель составил 21% в Краснодаре»[4] Данные о поддержке и помощи таких фондов и учреждений находятся на официальных сайтах, непосредственно в рабочих офисах, просто сами люди не интересуются этим и отсюда возникает недоверие. Многие россияне не знают о существовании таких известных благотворительных организаций и фондах как «Русфонд», «Подари жизнь», «Линия жизни», «Милосердие», «Российский Красный Крест».

Подтверждение тому и позиция, которую в мире занимает Россия по благотворительной деятельности, представленная в исследованиях института Гэллапа. По данным исследований был создан Всемирный индекс благотворительности, в котором расположен рейтинг из 153 стран. На момент 2015 года Россия находится в этом списке на 129 месте.

Вторая проблема развития благотворительности в РФ - это недостаточная материальная и нематериальная мотивация со стороны государства. Современные законы и порядок налогообложения замедляют развитие благотворительности в России. Огромное количество благотворительных организаций живут «одним днем». Так как не хватает финансовой поддержки со стороны государства и граждан, фонды и организации не справляются со своей деятельностью. В качестве положительной тенденции можно отметить изменения по отношению к социально ориентированным некоммерческим организациям органами государственной власти и органами местного самоуправления. [1, статья 31.1]

Наравне с материальной мотивацией населения необходимы меры нематериального стимулирования. Например, такие как: учреждение наград президента РФ, Правительства РФ и министерств, статусов почетного благотворителя России, почетного гражданина России, почетного гражданина города, почетного волонтера и др. Примером такого стимула может послужить премия «Сделано в России», где каждый год отбираются наиболее выдающиеся фонды и организации в номинации «Социальные проекты».

Конечно, тенденции развития благотворительности в российском обществе имеют свои плюсы и минусы. Однако в последние годы можно говорить об устойчивом росте интереса граждан к участию в благотворительной деятельности, смещении акцента с формальной благотворительности в виде исключительно финансовой помощи нуждающимся категориям населения на более разнообразные благотворительные проекты.

1. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» №7-ФЗ от 12 января 1996 (ред. От 19.12.2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения 27.09.2017).

2. Баранова И., Здравомыслова О., Кига́й Н. Отношение населения к благотворительности в России: учебное пособие / И. Баранова, О. Здравомыслова, Н. Кига́й – М., 2001. – 48 с.

3. Ковальчук, О.В., Плеханова М.В., Сазонова Е.С. История социальной работы в России: учеб.-практ. пособие / О.В. Ковальчук, М.В. Плеханова, Е.С. Сазонова – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – 168 с.

4. Всемирный индекс благотворительности 2015 год (Giving Index 2015) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.cafamerica.org/wp-content/uploads/1755A_WGI2015_Report_WEB_V2_FINAL.pdf (дата обращения 27.09.2017).

5. Журнал «Сноб» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://snob.ru/selected/entry/114258#1> (дата обращения 27.09.2017).

СОЦИАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ОТРЯДА ДОБРОХОТОВ ИМКА).

Крайнова О.С. (Санкт-Петербург)

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Социальная компетентность как фактор интеграции уязвимых групп населения в общество в современной России» (17-03-00859)

Современное общество характеризуется ускоренным темпом перемен и внедрения инноваций во всех областях жизнедеятельности. Люди живут на «повышенных скоростях», когда меняется не только техническая оснащенность жизни, но и ценностные ориентиры, идеалы отношений. Безусловно, этот процесс нельзя рассматривать как однозначно положительный или отрицательный, к его рассмотрению стоит подходить многомерно. Помимо очевидных преимуществ ускоренного темпа развития инноваций, следует выделить опасности, такие как: ощущение нестабильности, поверхностность человеческих контактов, растущее чувство одиночества, проблемы в адаптации, распад единой структуры ценностей. Ценности, существовавшие в прошлом, во многом не востребованы подрастающим поколением, несмотря на усилия, прилагаемые педагогами, общественными и государственными организациями. Необходимо не просто признать проблемы подрастающего поколения, но и разработать концепцию адаптации к переменам, дать жизненные ориентиры, одобряемые и поддерживаемые обществом, чувство идентичности, ведь именно отсутствие чувства идентичности порождает отчужденность. Идентичность формирует не только положительный эмоциональный фон, но и способствует развитию социальной компетентности.

Социальная компетентность - интегративное личностное образование, формирующееся в процессе социализации и объединяющее в единый комплекс способности, знания, навыки, умения и практические действия и позволяющее личности успешно включаться в усложнившуюся среду современного общества[1].

Преемственность - связь между различными этапами или ступенями развития, сущность которой состоит в сохранении тех или иных элементов целого или отдельных его характеристик при переходе к новому состоянию[2]. Преемственность обеспечивается культурной трансмиссией, в результате которой молодое поколение не только получает навыки, знания, умения, ценности старшего поколения и имеет возможность прибавить к ним новые знания, навыки и умения. Именно этот процесс обеспечивает непрерывность культуры.

К сожалению, современное общество слабо способствует трансляции культурных ценностей, переданных нам предыдущим поколением. Этому немало способствует СМИ (не только телевидение, но и Интернет, в частности социальные сети). Множество публичных страниц («пабликов») в «ВКонтакте», пропагандирующих вседозволенность, оппозиционные настроения или, напротив, «квасной патриотизм» и т.д. Всё это приводит к подмене понятий и формированию некомпетентности молодёжи во многих сферах. Подобная же ситуация складывается и в некоторых общественных объединениях.

Выходом может стать разработка единой стратегии работы с молодежью. Однако на её разработку необходимо немало времени и материальных затрат, а действовать необходимо уже сейчас. Поэтому мы видим частичное решение проблемы в развитии движений, пропагандирующих ценности, полезные не только для сохранения, но и для развития российской культуры. Движение доброты как движения добровольных помощников Пушкинского Заповедника Псковской области, на данный момент, является одним из примеров реализации предложенного подхода.

Компетентность представляет собой интегративное образование. Остановимся на каждом из её элементов.

1. Когнитивный – информированность личности по широкому кругу актуальных для жизни вопросов, способность оперативно находить необходимую информацию и овладевать нужными знаниями. В качестве программ, развивающих когнитивный компонент компетентности личности в организации ИМКА Санкт-Петербург, следует отметить «Школу Лидера» (знания о

лидерстве, его стилях и формах, принципы командной работы, добровольчестве, возможностях участия в добровольческих программах и т.д.), авторский курс разрешения конфликтов, тренировки и турниры по спортивной версии игры «Что? Где? Когда?», семинары и вебинары, посвященные актуальным для молодых людей вопросам, игры на местности краеведческой направленности, лагерь доброхотов в Пушкинских Горах (в рамках которого проводятся экскурсии, чтение писем директора музея Семена Степановича Гейченко о том, как восстанавливался музей после войны и, в частности, о первых доброхотах музея) и т.д.

2. Поведенческий (операциональный) – владение жизненными умениями и навыками, в том числе коммуникативными, конструктивные модели преодолевающего поведения. Наиболее полное развитие поведенческого компонента происходит в рамках работы лагеря доброхотов: жизнь в условиях лагеря предполагает развитие определенных социально-бытовых навыков. Здесь, как нигде получают развитие коммуникативные навыки, развиваются копинг-стратегии для преодоления трудных ситуаций, что, безусловно, способствует развитию и социальной компетентности.

3. Аффективный – положительный эмоциональный баланс и настрой, позитивное восприятие жизни. Развитие аффективного компонента происходит за счет существования традиций как в рамках мероприятий (вечер памяти А.С. Пушкина, участие в мероприятиях, посвященных Дню Победы, Дню снятия блокады и пр.), так и вне мероприятий (символика для создания идентичности (значки, банданы и пр.), поддержание контактов с участниками и получение обратной связи после окончания мероприятий и т.д.)

Участие в движении доброхотов является мощнейшим стимулом развития факторов, связанных с личностной самореализацией молодых людей: развитие социальных способностей, позитивной уверенности в собственных силах, самостоятельности, успешных копинг-механизмов; стимулированием развития уровня интеллекта и креативности; появление интересов и хобби, не связанных с саморазрушающим поведением, переход локуса контроля с внешнего на внутренний (зачастую), развитие импульсного контроля, повышение активности и энергичности.

Таким образом, работа организации ИМКА Санкт-Петербург способствует развитию социальной компетентности молодых людей.

1. *Социальная компетентность и технологии её формирования в современном обществе // под ред. В.Н. Келасьева и И.Л. Первойой. Санкт-Петербург, 2010 г.*
2. *Философская энциклопедия*
https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/4709/%D0%9F%D0%A0%D0%95%D0%95%D0%9C%D0%A1%D0%A2%D0%92%D0%95%D0%9D%D0%9D%D0%9E%D0%A1%D0%A2%D0%AC

ГЕНЕЗИС "РЕВОЛЮЦИИ КРУШЕНИЯ ПРОГРЕССА" В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кузнецов А.Ю. (Екатеринбург)

В год столетия Русской революции 1917-го года особенно актуально звучат слова известного систематизатора теорий и исследователя социально-политических процессов Петра Штомпки. В своей книге «Социология социальных изменений» он писал: «Всем революциям предшествуют типичные условия, которые можно назвать “предпосылками революции”... Наиболее болезненно они ощущаются восходящими социальными классами, а не теми, кто нищ и подавлен. “Похоже, что наиболее сильные чувства испытывают те, кто уже имеет деньги или, по крайней мере, средства к существованию, кто остро чувствует недостатки привилегированной аристократии”» [1, 373]. В свете вышесказанного интересны некоторые обстоятельства, выявленные в исследованиях наших коллег и наших собственных.

Изучая систему государственных и муниципальных социальных услуг населению крупнейших городов РФ, мы сначала сравнили их численность населения и бюджеты в абсолютных показателях. «К первому типу по этим критериям отнесем Москву (более 12 млн человек, более 1,5 трлн руб.) и Санкт-Петербург (более 5 млн человек, около 0,5 трлн руб.)... В целом жители Москвы и Санкт-Петербурга составляют более 12 %, а с учетом агломераций и пригородов - порядка 18-20 % населения России. Ко второму типу отнесем так называемые миллионники и крупнейшие города России, с численностью населения 0,5-1,5 млн человек. Их бюджеты не достигают 50 млрд руб. и кажутся непропорционально малыми по сравнению с мегалополисами... В них проживает около 15 % населения России, а с учетом малых и средних

городов-спутников - порядка 20 %» [2, 85-86]. Далее мы сопоставили бюджетобеспеченность на душу населения Москвы и Санкт-Петербурга с другими городами-миллионниками. Более подробно с результатами можно ознакомиться в нашей работе «Организация экспертизы муниципальных социальных услуг» [3, 7-10], однако в целом можно констатировать, что отличия здесь составляют от 5 до 15 раз. Конечно, Москва и Санкт-Петербург являются городами федерального значения, то есть имеют статус субъектов федерации и их бюджеты формируются по другим принципам и основаниям, чем бюджеты муниципалитетов. Будучи столицей России, Москва выполняет ряд специфических функций, а Санкт-Петербург — это фактически город-музей под открытым небом. Но, даже с учетом связанных с этим дополнительных расходов, по объективным критериям объем и качество социальных услуг, предоставляемых здесь жителям в разы выше, чем в других крупнейших городах и в среднем по России.

Из исследований, проведенных нашими коллегами следует, что несколько иная картина складывается по оценкам самих жителей, получающих эти социальные услуги. Например: «В среднем по Российской Федерации 59,5 % респондентов положительно оценивают качество медицинской помощи... в Москве только 29,9 % респондентов дали такой ответ» [4, 47]. Наиболее высокие оценки качества получаемых медицинских и других социальных услуг, степень полной удовлетворенности их уровнем, иногда даже более 80%, отмечаются в опросах сельских жителей и представителей социально ущемленных групп населения [5]. Некоторую скидку здесь надо сделать на то, что ряд опросов проводился в социальных учреждениях и респонденты, возможно, не были полностью уверены в их анонимности. Тем не менее, мы вынуждены сделать парадоксальный вывод: чем объективно выше объем и качество социальных услуг, предоставляемых населению, тем ниже их субъективные оценки и степень удовлетворенности объемом и качеством этих услуг.

Если высокую удовлетворенность уровнем и качеством социальных услуг пенсионеров и инвалидов в общем можно понять, они рады и «синице в руках», то настроения москвичей и петербуржцев, при их сравнении со средними по России и даже с жителями других городов-миллионников, не могут не вызывать определенного беспокойства. Ситуация напоминает классический вариант, представленный П. Штомпкой. Он пишет: «По утверждению У. Дж. Рунсимэна, "степень относительной депривации есть мера различия между желаемой ситуацией и тем, как человек ее себе представляет". В формулировке Теда Гурра, это "воспринимаемая разница между ценностными ожиданиями (вещами и условиями жизни, которых, как полагают люди, они заслуживают по справедливости) и ценностными возможностями (вещами и условиями, которые они в действительности могут получить)"» [1, 378-379]. Таким образом, вызывает беспокойство не столько то обстоятельство, что жители столичных городов недостаточно удовлетворены качеством социальных услуг, а то, что уровень их притязаний выше того, который они имеют, хотя он и, видимо, максимально возможный в современной России.

С другой стороны, настроения жителей провинции так-же вписываются в классическую схему: «Если люди даже крайне нищи, но воспринимают это как должное, как предписание судьбы, провидения или как соответствие предопределенному социальному статусу, то революционного брожения не возникает. Лишь когда они начинают задаваться вопросом о том, что они должны иметь по справедливости, и ощущать разницу между тем, что есть и что могло бы быть, тогда и появляется чувство относительной депривации. Это ощущение тесно связано с чувством несправедливости, возникающим из сравнения того, что люди имеют в действительности, и чего уже достигли другие, похожие на них» [1; 379]. В настоящее время жители провинции, не удовлетворенные имеющимся уровнем жизни, стараются при любой возможности мигрировать в «хлебные» Москву и Санкт-Петербург, но не может же последовать за ними все население страны. Так-же не может все население страны, удовлетворяясь имеющимся, до бесконечности мириться с не просто большим, но и все возрастающим неравенством с жителями столичных городов.

Таким образом, в столицах возможно складываются предпосылки той ситуации, которую П. Штомпка называет «революцией пробудившихся надежд», а в провинции может постепенно вырваться «революция отобранных выгод». Особенно опасной ситуация становится когда «сочетаются механизмы, действующие в первых двух случаях. Надежды и возможности достижения растут параллельно в течение некоторого времени. Период процветания и прогресса в реальных условиях жизни сопровождается распространением надежд и ожиданий на будущее. Затем кривые неожиданно разделяются, причем надежды продолжают расти, а реальные возможности достижения блокируются или даже поворачивают вспять (из-за естественных

болезней, войны, экономического упадка и т.д.). Это приводит ко все более углубляющемуся непереносимому разрыву. "Решающим фактором является смутный или явный страх, что почва, обретенная за долгое время, будет быстро утрачена". Произойдет то, что можно назвать "революцией крушения прогресса"» [1; 380]. Особенно тревожной ситуация выглядит с учетом затягивающегося кризиса в экономической сфере, который ряд ученых уже характеризуют как долговременную депрессию, переходящую в застой. В результате этого уровень жизни в столичных городах не растет, а в других городах России уже не первый год отмечается даже его снижение.

1. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В. А. Ядова / П. Штомпка. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
2. Кораблева Г.Б. Проектирование социальных изменений в городской среде: учеб. Пособие. / Г.Б. Кораблева, С.Е. Вершинин, Н.Л. Антонова, С.Б. Абрамова, М.Н. Вандышев, О.В. Нотман, А.Н. Новгородцева, А.Ю. Кузнецов, О.И. Пименова ; М-во образования и науки РФ, Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. - Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 128 с.
3. Кузнецов А. Ю. Организация экспертизы муниципальных социальных услуг: учеб. пособие / А. Ю. Кузнецов, И. Е. Левченко. Екатеринбург: Департамент политологии и социологии Урал. федерал. ун-та., 2017. 84 с.
4. Корнильцева Е. Г. Доступность и качество медицинской помощи в оценках россиян: по данным социологических опросов, проведенных в рамках системы обязательного медицинского страхования РФ / Е. Г. Корнильцева, А. С. Мезенина // Россия сегодня: тенденции и перспективы развития: Мат-лы III Международ. науч.-практ. конф. Курган: Курганский филиал Урал. ин-та экономики, управления и права, 2015. Т. 1. С. 172-174.
5. Антонова Н. Л. Институциональные аспекты функционирования системы медицинского обслуживания : [монография] [Электронный ресурс] / Н. Л. Антонова, И. Е. Левченко, М. В. Клейменов ; М-во образования и науки РФ, Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. - Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 108 с. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/41432/1/978-5-7996-1866-7_2016.pdf (дата обращения: 14.09.2017).

СОЦИАЛЬНАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Кузьминых Л.Ю. (Тольятти)

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ проект № 17-46-630560 «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона».

Аннотация: Автором представлен материал о модернизации, в социологии которая понимается как переход от традиционного аграрного общества к индустриальному. Автор акцентирует внимание на вопросах эволюции человеческой цивилизации, где выделяет три этапа. Также отмечает, распространение индустриальных культур, в которой сила современности всегда реактивная сила, которая обретает значимость и импульс за счет сравнения или отрицания процессов современности, что подчёркивает обширный взгляд на современную модернизацию как на процесс индивидуализации.

«Модернизация» в социологии понимается как переход от традиционного аграрного общества к индустриальному. В эволюции человеческой цивилизации выделяется три этапа:

наблюдается появление обществ и общин.

Объединение и трансформация обществ. [1]

Начало с промышленной революции и до нашего времени.

Необходимо отметить, что в современном этапе проявляется распространение индустриальных культур. Силой современности была всегда реактивная сила, которая обретала значимость и импульс за счет сравнения или отрицания процессов современности. Такое положение обуславливало обширный взгляд на современную модернизацию как на процесс индивидуализации.[2]

Во-первых, структура современного общества полагает своей базовой единицей индивидов, а не какую либо группу.

Во-вторых, на данный момент современные институты созданы для выполнения специализированных задач с высокоразвитым разделением труда.

В-третьих, чтобы предоставлять права и прерогативы группам и лицам или полагаться на обычаи или традиции, институты управляются общими правилами и нормами, легитимность которых определяют научными методами.

Но самым главным в этих условиях, это развитие коммерческого капитализма. Смещение целей экономики от потребления к производству наблюдались впервые.

Появление нового типа валютного рынка, который основывался на механизме предложения и спроса. И тогда формирование экономики с будущими потребностями в производстве, вызвало капиталовложения.

Большой интерес ученых к проблемам «догоняющего развития» был связан, прежде всего, с тем состоянием, в котором находится наша страна (ее экономика). Необходимость анализа причин этих положений, исследования опыта разных стран, которые оказались в подобной ситуации – это и вызывает огромный интерес современных исследователей.

Вновь в нашей стране интерес исследователей вызвали теории модернизации и догоняющего развития, и с намеренным переходом большого ряда стран к постиндустриальной модели развития.

Концепция догоняющего развития, по мнению авторитетных ученых, на данный момент не может трактоваться как завершенная теория (Иноземцев, Мау, Абалкин, Делягин, Иши-кава).

Теория возникла в 50-е гг. XX в. и естественно ее развитие и распространение связано с распадом колониальных империй, поэтому она и применялась к двум группам среднеразвитых стран – капиталистической периферии и бывших колониальных стран третьего мира.[3]

Множество сторонников данного направления сделали акцент на повышение роли государства в трансформации хозяйственных систем в развитые индустриальные.

В период с 1950 по 1960-е гг. сформулирована и концепция модернизации. Как думал американский социолог Ростоу, что в качестве идеологов и основателей концепции модернизации выступают такие ученые как Бауэр, Кларк, Льюис, Тинберген и множество других.

Суть данной концепции акцентирует внимание на двух положениях:

1. Развитие как усвоение ценностей индустриальных обществ, которое базируется на принципе рыночной экономики.
2. Сосредоточение внимания на вмешательстве в современную экономику, а также развитие традиционных отраслей.

В 60-е годы Эйзенштадт дает данное определение модернизаций: «Модернизация – процесс изменения в направлении тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались и распространились в Западной Европе и Северной Америке и на другие европейские страны с XVII в. по XIX в....». 4[]

Самыми главными аспектами проблемной модернизации стали экономические, социально-политические и культурные. Острым стержнем модернизации в экономике послужило ускорение индустриального развития, которое предполагало использование новейших технологий, источников энергии, углубленное разделение труда, а также развитие товарных и денежных рынков.[5]

Социально-политический аспект был связан с формированием в развитых странах западной модели устройства и доминирования принципа индивидуализма и рыночной экономики.

Культурный аспект модернизации, наоборот основывался на научных знаниях, основанных на традициях, и акцентировался на сознание людей. [6]

Таким примером успешной модернизации считалась массивная индустриализация с начала 1930-х годов. Тем более уже в 1950-60 е годы были представлены разные научно-технические достижения.

Потенциалы мобилизационного развития индустриализации к концу 1960-х были исчерпаны.

В связи с постиндустриальной трансформацией в последней трети XX веков настигается упадок теорий модернизации и догоняющего развития.

Выводы теорий модернизации:

1. Индустриальная фаза развития общества это такая хозяйственная система, которая была названная самовоспроизводящейся. Она легко копируется и управляется. Построения общества индустриального типа была очень реалистичной.
2. Количественно-экономические показатели и цифры, доминируют некоторые условия индустриальной фазы развития, которые стали залогом успешной модернизации. В настоящий

момент количественные показатели не служат особым мерилom жизненного благополучия человека.

3. Индустриальная эпоха опирается на широкий временной горизонт. В течение 30-40 лет XX века удалось решить задачу по абсолютным показателям производства. Был разработан различный механизм достижения целей экономического роста, или контролировать, через государственный бюджет, либо импортировки разработанных технологий.

Фундаментальные проблемы современности, с которой сталкиваются сегодня разные страны, это возрастание большого фактора неопределенности. [7]

Связано это с повышением конкуренции, которая приобретает глобальный характер, динамизм современного этапа НТП, изменение вкуса и потребности потребителя.

В данном контексте исследования является важное социологическое исследование предпосылок для реализаций условий успешного «догоняющего» развития в России. [8]

В теориях модернизаций можно выделить всего два направления: либеральное и консервативное. Теория либеральная рассматривает процесс модернизации как переход от традиционного к современному обществу. [9]

Многие представители либерального направления исходят из стандартной картины общего развития. У всех стран развитие идет по единой схеме и образцу.

С точки зрения либерального подхода к анализу модернизации выделяют первичную и вторичную.

Либеральная теория подверглась большой критике с двух сторон: с радикальной и консервативной. Радикалы указали на идеологические характеры теорий.

Представители консервативного направления сделали акценты на внутренние противоречия процесса модернизации. Конфликт политических партий и институционализаций, как условие успешного социально-экономического развития. [10]

Модернизация у ученых воспринималась как углубленный процесс системных изменений с кумулятивным эффектом в различных сферах общественной жизни.

Идеологема модернизаций определялась разными установками ее разработчиков Парсонса и Шилза. Так как традиционализм препятствует социальным, а также экономическим изменениям, а демократическое устройство вообще способствует прогрессу. Они считали возможным однолинейное, развитие стран «третьего мира».

Список литературы

- 1. Линник Е. В. Модернизация общества как фактор глобализации/Е.В. Линник: – Ростов-на-Дону, 2005. – С. 177.*
- 2. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации/И.В. Побережников: М.: РОССПЭН, – 2006. – С. 240 .*
- 3. Мау В. Догоняющая модернизация в современном обществе /В. Мау. – М.: –2004. – № 4. – С. 13-16.*
- 4. Иноземцев В. Пределы «догоняющего» развития /В. Иноземцев. – М.: Экономика, – 2005. – С. 295.*
- 5. Иванова Т.Н. Социально-экономические условия обеспечения эффективного развития трудовой занятости населения (на примере Самарского региона)// Научно-методический электронный журнал Концепт. 2015. № S10. С. 11-15.*
- 6. Горбачева Н.Б. Формирование ценностных ориентаций городской молодежи // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2009. № 2. С. 236-248.*
- 7. Иванова Т.Н. Процессуальные и результатные показатели как оценка эффективности конструирования региональной концептуальной модели социально-трудовой мобильности
Иванова Т.Н.// Азимут научных исследований: экономика и управление. 2015. № 2. С. 73-76.*
- 8. Нехода Е.В. Теории модернизации и догоняющего развития: возможности для России/Е.В. Нехода// [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/teorii-modernizatsii-i-dogonyayuschego-razvitiya-vozmozhnosti-dlya-rossii> (Дата обращения: 08.10.2017).*
- 9. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. ... Корель Л. В. Социология адаптации: Вопросы теории, методологии и методики: [Монография]/ Л. В. Корель. ... – М.: Культура; Акад. Проект, – 2005. – С. 356.*
- 10. Братерский М.В. Теория модернизации: обзор американских концепций/М.В. Братерский // США: экономика, политика, идеология. 1990. – № 9. – С. 26-29.*

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПРЕКАРИЗАЦИИ ЗАНЯТОСТИ

Кученкова А.В. (Москва)

В последние десятилетия в России широкое распространение получили различные формы нестандартной (атипичной, маргинальной, флексибильной) занятости, являющиеся проявлением прекаризации сферы трудовых отношений. Примерами таких форм занятости являются непостоянная занятость (срочные трудовые договора, сезонная, случайная, разовая работа), неполная занятость (неполный рабочий день), самозанятость, неформальная занятость (в том числе в формальном секторе, но без оформления трудовых отношений, индивидуальная предпринимательская деятельность и др.). Несмотря на то, что исследователи предлагают различные определения и подходы к трактовкам этих понятий, общим является фиксирование, с одной стороны, тенденций роста неустойчивости положения работника, снижение объема социальных гарантий в сфере труда, а с другой – флексибилизацию условий труда.

В этой связи остро встает проблема социальной защищенности граждан: с одной стороны, исследователи фиксируют, что формальная занятость оказывается не в состоянии обеспечить ряд существенных социальных гарантий [Вередюк, 2016, Барсукова, 2003], а с другой, неформальная занятость тесно сопряжена с отсутствием подобных гарантий.

Прекаризация трудовых отношений, наличие различных отклонений от «стандартной» занятости (подразумевающей работу в организации на полный рабочий день на основе бессрочного трудового договора) обладает рядом преимуществ и недостатков, которые могут обернуться в выгоды и угрозы для работника [Вередюк, 2016, Бобков и др., 2011]. К преимуществам атипичных форм занятости, как правило, относят возможность получения больших заработков, гибкое время работы, гибкость условий по месту работы (удаленно, дистанционно), возможность самореализации. К недостаткам для работника: социальная незащищенность (отсутствие гарантий по оплате больничных листов, пенсионного страхования, ежегодных оплачиваемых отпусков, выплат при увольнении в случае сокращения штата), нерегулярность оплаты труда, повышение неопределенности трудовых отношений. Тем самым, нестандартная, неформальная занятость может предоставлять условия для развития и повышения достатка, а с другой – порождать социальную уязвимость.

Масштабы изменений в условиях труда и занятости приводят к необходимости выработки решений на государственном уровне по реагированию на эти изменения. В научной литературе сложились разнообразные точки зрения на характер вмешательства государства в регулирование условий занятости и необходимость социальной поддержки трудоспособного населения. Обсуждаемые варианты курса политики варьируются от социал-демократического до либерального [Анисимов, 2017]: например, Г. Стэндинг предлагает введение безусловного базового дохода (с целью обеспечения финансовой подушки безопасности всему населению), а Д. Пинк выступает за максимальную либерализацию рынка труда (в том числе путем снятия бюрократических, налоговых ограничений с самозанятых). Тем самым, исследователями предлагаются практически противоположные варианты решения имеющихся проблем с неопределенностью труда.

Для выработки адекватных мер социальной поддержки трудоспособного населения необходимо учитывать его дифференцированность по степени и характеру прекаризации. На основе расчетов, произведенных на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ [Кученкова, 2016], можно констатировать, что значительная часть работающего населения испытывает нестабильность в сфере труда в той или иной степени. В базе данных были выделены 11 возможных рисков прекаризации условий труда: отсутствие официального оформления трудовых отношений, ущемления в трудовых правах (задержка выплат, вынужденные неоплачиваемые отпуска, вынужденное уменьшение зарплаты или сокращение рабочего времени), непродолжительность работы на одном месте, неполная занятость, наличие неофициальных выплат, уровень оплаты труда ниже прожиточного минимума, отсутствие социальных гарантий и др. Среди работающих треть (34,5%) не подвержены ни одному из перечисленных рисков, а подавляющее большинство (65,5%) испытывают какие-либо риски прекаризации, в том числе с одним из них сталкивается треть опрошенных (31,8%), с двумя – 19,7%, тремя и более – 14%. Тем самым, работающее население сталкивается с разной степенью прекаризации трудовых отношений. Обычно отклонения от условий «стандартной» занятости приписывают в первую очередь представителям

самозанятых. Однако, эмпирические данные свидетельствуют, что существенно ущемленные в трудовых правах и подверженные сразу нескольким рискам прекаризации, состоят не только из самозанятых, но и наёмных работников, занятых в формальном секторе экономики. Таким образом, высокая степень неоднородности трудящегося населения по степени прекаризации трудовых отношений и условий труда приводят к тому, что статус работника (наёмный / самозанятый), формальный / неформальный сектор экономики не могут выступать надежными критериями для выбора лиц, работающих и нуждающихся в социальной поддержке и помощи.

Как отмечалось выше, неустойчивая, прекарная занятость может иметь разный характер последствий для человека и может по-разному оцениваться с точки зрения трудящегося. Распространение неустойчивости занятости сопряжено с низкими трудовыми гарантиями работников. Однако социальная уязвимость как результат неустойчивости занятости может компенсироваться высоким доходом и возможностью для профессиональной и творческой самореализации. Высокий уровень неустойчивости условий труда может восприниматься работником как отрицательно, так и положительно.

По данным РМЭЗ НИУ ВШЭ [Кученкова, 2016], работники с высокой степенью прекаризации по ряду индикаторов социального самочувствия демонстрируют большую уверенность и оптимизм: они меньше боятся потерять работу, в большей степени уверены, что достаточно легко могут найти новую. Вместе с тем, трудящиеся, находящиеся в более уязвимом и нестабильном положении, в целом хуже оценивают собственное материальное положение и социальный статус, демонстрируют более низкий уровень удовлетворенности жизнью, работой в целом и отдельными аспектами условий трудовой деятельности. Если слабые формы прекаризации (наличие одного фактора / риска прекаризации) практически не влияют на восприятие работы и жизни, социальное самочувствие, то высокая степень нестабильности трудовых отношений (наличие двух-трех и более рисков прекаризации) оказываются сопряжены с более низким уровнем субъективного благополучия.

Увеличение масштабов неустойчивой занятости, прекаризация условий трудовой деятельности для одних работников являются фактором ухудшения качества занятости и дестабилизации образа жизни [Бобков и др., 2011], для других – условием для повышения достатка [Гиппельсон, Капелюшников, 2012]. Занятое население демонстрирует существенную неоднородность по степени прекаризации занятости и по восприятию собственного положения. В этой ситуации для реализации концепции социального государства требуется тонкая настройка системы социального обеспечения, учитывающую дифференциацию населения.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 16-33-01008 а2 «Прекариат - новый социальный класс российского общества».

Анисимов Р.И. Труд в эпоху неопределенности // Социологические исследования. 2017. №11. С. 45-53.

Барсукова С.Ю. Формальное и неформальное трудоустройство: парадоксальное сходство на фоне очевидного различия // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 3-16.

Бобков В.Н., Черных Е.А., Алиев У.Т., Курильченко Е.И. Неустойчивость занятости: негативные стороны современных социально-трудовых отношений // Уровень жизни населения регионов России. 2011. № 5. С. 13-26.

Вередюк О. В. Неформальная занятость: структура и факторы риска в России // Вестник СПбГУ. Серия 5. Экономика. 2016. Вып. 4. С. 33–48.

Гиппельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Нормально ли быть неформальным? : препринт WP3/2012/09. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. 56 с.

Кученкова А.В. Прекаризация труда: опыт вторичной концептуализации данных РМЭЗ // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года) [Электронный ресурс]: Материалы V Всерос. социол. конгресса. Электрон. дан. М.: РОС, 2016. С. 5851-5863.

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К НАРКОМАНИИ И ДЕВИАЦИИ: ОПЫТ МОНИТОРИНГОВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Лесина Л.А. (Екатеринбург)

Аннотация. В статье представлен анализ результатов мониторинга отношения студентов Свердловской области к проявлению разных форм девиантного поведения в молодежной среде.

Нелинейность, непредсказуемость развития современного общества, сложная социально-экономическая ситуация обуславливают проявление тревожности, неуверенности, неустроенности у определенной части молодежи и, как следствие, предопределяет появление различных форм девиантного поведения. Основным субъектом воспроизводства социальной структуры общества является молодежь и особенно ее элитная часть – студенческая молодежь. От состояния психического и физического здоровья молодых людей зависят перспективы развития социума в будущем.

В 2016 году был реализован седьмой этап исследовательского проекта «Социокультурный портрет студенческой молодежи Свердловской области» (под руководством Ю.Р. Вишневого и при непосредственном участии автора). Для того чтобы провести сравнительный анализ субъективных представлений студентов о степени распространенности разных форм девиаций в молодежной среде, мнений о наиболее адекватных и успешных мерах социального контроля девиантного поведения в Свердловской области, в статье были использованы материалы второго этапа межвузовского мониторинга, проведенного в 2003 году [1, С.192-204]. Объем выборочной совокупности составил в 2003 году 954 человека, в 2016 году – 1827 человек. С целью обеспечить сопоставление данных 2016 года с данными 2003 года рассматривались три основные формы девиаций – наркомания, алкоголизм, табакокурение (использование курительных смесей и пр.).

Отправной точкой в анализе проблемы девиаций является самая общая характеристика – отношение молодых людей к разным формам девиантного поведения. Опрос 2016 года показал, что негативное отношение к девиациям не только сохранилось по сравнению с 2003 годом, но и усилилось. Рост наркомании, алкоголизма, культ насилия в молодежной среде каждый четвертый респондент считает приоритетной социальной проблемой. Подавляющее большинство студентов резко осуждают наркоманию во всех ее проявлениях, осознавая весь трагизм последствий (83% респондентов), однако более терпимо относятся к другим формам саморазрушительного поведения: больше половины респондентов считают, что курение вполне допустимо и не наносит серьезного вреда здоровью молодых людей, три из четырех опрошенных воспринимает регулярное потребление алкоголя в небольших дозах как норму. Традиционно девушки более резко, чем юноши, осуждают наркоманию как форму девиантного поведения, но вполне толерантно относятся к курению и алкоголизму. Особенно настораживает, что регулярное потребление алкоголя в небольших дозах воспринимается как социально приемлемое поведение. Нейтральное отношение части молодежи говорит о привыкании к проблеме, восприятию девиантного поведения как повседневной практики, поэтому и не опасного, а обыденного и вполне нормального.

Молодые люди дистанцируются от проблемы распространения девиантного поведения в российском обществе: поскольку проблема социальная, то и решать ее должны органы власти, общественные ассоциации, а не каждый отдельный индивид. Отчасти они правы. Однако безразличное отношение к наркомании опасно тем, что 14% респондентов отметили: среди их знакомых есть наркоманы, 15% затруднились точно сказать.

Сопоставимы результаты исследований 2003 и 2016 гг. по поводу мер, которые являются целесообразными в решении проблем избавления от наркозависимости. Заметно возросла доля молодых людей, убежденных, что только меры медицинского характера могут быть действенными (в опросе 2003 г. ее отметили 51%, в 2016 г. - 75%). Возможно, сказалась активная реализация разнообразных профилактических мероприятий по предотвращению девиантного поведения. В молодежном сознании закрепилось понимание наркозависимости как опасной формы болезни. Поэтому, в представлениях респондентов, наркоманы нуждаются не столько в материально-финансовой помощи (за 12 лет число выбравших данную позицию сократилось с 9% до 6%), сколько в моральной поддержке (число согласных с этой позицией увеличилось с 32% в 2003 г. до 49% в 2016г.), в профессиональной помощи психолога (в опросе 2003 г. ее отметили 43%, в 2016г. - 51%). Сохранилась и убежденность в более требовательном отношении к наркоманам, треть опрошенных отмечает необходимость ужесточения борьбы с этим саморазрушительным поведением.

Проведенный анализ ответов респондентов показал, что наркомания в студенческой среде воспринимается не как девиация, а как серьезное и тяжелое заболевание. В субъективных представлениях студентов структура оптимальных мер противодействия распространению наркомании за прошедшие 12 лет осталась неизменной.

Выяснялась оценка студентами возможности приобрести наркотики и прочие психотропные вещества в стенах образовательных учреждений: с 2003 г. по 2016 г. доля

отмечающих такую позицию сократилась более чем в два раза – с 13% до 5%. Можно сделать вывод, что студенты хорошо информированы о ситуации с наркоманией (благодаря профилактическим мероприятиям, а также осмыслению собственного жизненного и социального опыта) и вполне однозначно определили свое отношение к данной форме саморазрушительного поведения, чего нельзя сказать об алкоголизме и курении.

В ходе исследования в 2016 году изучался вопрос о возможности проведения ежегодного тестирования молодежи на употребление наркотических препаратов. Больше половины респондентов поддерживают данную инициативу, что свидетельствует об осмысленном отношении определенной части студенческой молодежи к опасности от употребления наркотиков. Существенно снизилось число студентов, воспринимающих тестирование как нарушение прав личности: с 32% в 2007 г. [2, С.326] до 16% в 2016 г.

Анализ результатов показал, что оценки студентами мотивов потребления наркотиков достаточно устойчивы. Приоритетными являются следующие мотивы – любопытство, гедонистический мотив и снятие стресса, усталости, то есть уход от решения жизненных проблем, отказ от усилий для реализации жизненных потребностей. Таким образом, наркомания и другие, рассматриваемые в статье формы девиации, по мнению опрошенных, выполняют по отношению к личности компенсаторные функции. Напряженный темп современной жизни, ориентация на непереносимое достижение жизненного успеха, повышенные требования работодателей к развитию компетенций у выпускников профессиональных образовательных учреждений - далеко не все молодые люди в таких жизненных условиях могут осмысленно выработать и последовательно реализовать свои жизненные стратегии.

Низкие оценки получила роль местных органов власти и молодежных общественных объединений в организации профилактики разных форм девиантного поведения в молодежной среде. Возможно, сказалась большая требовательность молодежи к территориально близким им органам власти. Но если рассматривать показатели отдельно по каждой форме девиации, то неудовлетворенность предпринимаемыми мерами по профилактике саморазрушительных форм поведения выглядит следующим образом: меры по профилактике алкоголизма и табакокурения 56% студентов считают неэффективными, 44% опрошенных низко оценивают меры местных органов власти по ограничению доступа молодежи к наркотикам.

Как результат вполне успешной и серьезной работы местных властей по профилактике разных форм девиаций, следует отметить повышение, в сравнении с 2003 г., уровня информированности молодежи о реальной опасности наркомании. Однако осталось много и нерешенных задач. Прослеживается явный перекоп в профилактической деятельности: не уделяется должного внимания профилактическим мерам в отношении алкоголизма и табакокурения. Между тем, эффективность любых усилий местных органов власти, направленных на противодействие распространению девиантных форм поведения в молодежной среде, предопределяется поддержкой и активным участием самих молодых людей в реализуемых программах и проектах. Необходимо более активно привлекать студенческую общественность к разработке и реализации различных профилактических проектов вузов, использовать потенциал студенческого самоуправления в преодолении пассивности, равнодушия к проявлению саморазрушительных девиаций.

1. Вишневский Ю.Р., Боронина Л.Н., Пучков А.Я. Наркомания и девиации в студенческой среде // Вестник УГТУ-УПИ. Серия «Гуманитарные и социально-экономические науки». Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2003. № 4(24). - С.192-204.

2. Студент – 2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга/ отв. ред. Ю.Р. Вишневский. – Екатеринбург: УрФУ, 2012. – 332с.

УСТОЙЧИВОСТЬ ПОДРОСТКОВ К СОЦИАЛЬНЫМ РИСКАМ: ПОКАЗАТЕЛИ И ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Лихачева В.В. (Санкт-Петербург)

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Социальная компетентность как фактор интеграции уязвимых групп населения в общество в современной России» (17-03-00859)

В ходе проведения исследования было рассмотрено 6 кейс-стади. В качестве респондентов выступали подростки из семей, находящихся (или находившихся ранее) на социальном обслуживании в социальных учреждениях. В ряде кейсов это были многодетные семьи, неполные семьи, имеющие различного рода проблемы, касающиеся коммуникации со сверстниками, учителями, а также внутрисемейной коммуникации. Также проблемы подростков касались затруднения в профессиональном выборе и развитии, неустойчивое моральное и психологическое состояние. Также родители из семей с детьми, которые выступали в качестве респондентов в исследовании имели алкогольную зависимость.

Среди рассмотренных случаев: 3 кейса с девочками и 3 - с мальчиками в возрасте от 14 до 22 лет. Причиной для начала вмешательства специалистов центров социального обслуживания стало поступление обращения из правоохранительных органов по делам несовершеннолетних (в 2 из 6 кейсов). В 4 кейсах из 12 – 6 обращения в центры социальной помощи самих подростков по причине жестокого обращения в семье, алкогольной зависимости одного или обоих родителей и недостатка внимания в семье.

В ходе проведения исследования были взяты интервью у подростков у их ближайшего окружения и специалистов центров социального обслуживания.

Исходя из обоснованной теории. В процессе анализа выделялись повторяющиеся идеи, мысли, были установлены общие факторы риска. Для каждого отдельного случая были выделены индикаторы устойчивости к выявленным рискам. Каждому индикатору устойчивости был присвоен определенный код, который использовался для дальнейшего анализа.

Все случаи были сгруппированы в схожие концепты в соответствии с выделенными факторами риска, с которыми сталкивались подростки, а также со схожими индикаторами устойчивости к рискам.

В социальной работе с подростками и их семьями выделяют несколько видов трудностей, с которыми сталкивается подросток в семье:

1. Физическое насилие: родитель или опекун намеренно причиняет физический ущерб ребенку. Намеренный физический ущерб чаще всего представляет собой неприемлемое серьезное телесное наказание.

2. Физическое пренебрежение: один из родителей (или оба родителя) не в состоянии обеспечить необходимые условия для удовлетворения физических потребностей ребенка – нормальное питание, одежду, защиту, медицинское обслуживание воспитание, образование – необходимые для физического и умственного здоровья. Тем самым ставится под сомнение дальнейшая возможность развития ребенка ввиду неспособности родителей или опекунов предоставить необходимый минимум ухода, который, впрочем, всегда культурно относителен и отличается от одного общества к другому.

3. Недостаток внимания: родитель или опекун не предпринимает необходимых усилий для адекватного удовлетворения потребностей ребенка в развитии, гарантирующих ему безопасность внутри и вне дома.

4. Эмоционально некорректное обращение: постоянное или выраженное пренебрежение или злоупотребление основными эмоциональными потребностями ребенка. Опекун не проявляет любви к ребенку, не дает ребенку ощущения востребованности, чувства безопасности и собственного достоинства, вместо этого, он/она унижает и запугивает ребенка криками, угрозами, обвинениями, сарказмом, непредсказуемыми и противоречивыми реакциями.

Были выделены внешние и внутренние факторы риска: нарушение социальной микросреды (внешний фактор) и нравственная незрелость личности (внутренний фактор).

Во всех рассмотренных случаях было выявлено нарушение социальной микросреды, которые распределяются по нескольким кодам:

- неполные семьи, нарушения в воспитании детей (недостаток внимания к жизни детей). В 4 случаях у одного из родителей выявлено наличие алкогольной зависимости. В 4 случаях из 4, в которых выявлена проблема алкогольной зависимости, сочетается также с проблемой насилия в семье со стороны родителей над подростками. Также во всех 6 случаях прослеживается конфликтное взаимодействие между подростком и родителями.

В 3 случаях из 6 нарушение социальной микросреды выражается в большой занятости родителей, вследствие чего, подростки не получают должного внимания и заботы.

По нравственной незрелости (2 случая) выявлены коды проявляющиеся в подавленном состоянии, отрицательном отношении к обучению, неуверенности в себе, (4 случая) неопределенности в вопросах профессиональной ориентации, (4 случая) узким кругом интересов.,

(5 случаев) у подростков наблюдаются трудности с учебной, неспособность вовремя усваивать программу, конфликт с учителями и сверстниками.

В 1 случае у подростка была выявлена - психологическая особенность личности: наличие склонности к агрессивности, ее мы выделили в отдельную группу факторов риска.

Также в 1 случае в семье подростка, в качестве фактора риска в добавление к нестабильности личности и нарушению социальной среды было выявлено наличие материальных трудностей.

В ходе проведенного исследования нами были выделены группы индикаторов устойчивости к рискам:

1. Семейная стабильность и сплоченность: налаживание отношений с родителями.
2. Доступность служб социальной поддержки.
3. Устойчивость к стрессам выражалась наличие таких личностных характеристик, как стрессоустойчивость, стремление к развитию, позитивное мышление.
4. Нацеленность на учебную и трудовую деятельность.
5. Личные качества подростков: ответственность, активность, общительность, уверенность в себе, навыки самостоятельного решения проблем;
6. Ценностно-мотивационный индикатор: устойчивая установка на изменение, сравнение с примером из жизни родственников, сопоставление
7. Коммуникативный индикатор: общение со сверстниками, друзьями, их поддержка
8. Наличие хобби, творческое приобщение подростков к внеклассной деятельности

1. A. Strauss, J. Corbin «Basics of Qualitative Research», Grounded Theory Procedures and Techniques, SAGE Publications, 2011
2. Handbook of research design and social measurement / Ed. by D.C. Miller, N.J. Salkind. – Thousand Oaks; London; New Delhi: Sage, 2002. – 808 p.
3. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания / Б.Г. Ананьев. СПб., 2001
4. Егоров А. /О., Игумнов С. А. Клиника и психология девиантного поведения
5. И.В. Забаев «Логика анализа данных в обоснованной теории (Grounded Theory): версия Б. Глезера», Социология: Неформализованные данные: методы сбора и анализа, 4М. 2011. № 32
6. Зыков О.В. «Факторы риска в подростковой среде», Международная некоммерческая организация, Европейские города против наркотиков, 2015 г.
7. Лебединский В.В. Нарушения психического развития в детском возрасте: учебник / В.В. Лебединский. - М.: Академия, 2008
8. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
9. Шарков Ф.И. Методология и методы психологического исследования [Текст] / Ф.И. Шарков. - М.: Академический проспект, 2006

СОЦИАЛЬНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Логунова М.Р. (Тула)

Аннотация. Тема волонтерства в настоящее время достаточно актуальна. Однако многие не выделяют его как отдельное направление деятельности, а отождествляют его с благотворительностью, особенно когда это касается социального волонтерства. В данной статье рассматриваются сходства и различия благотворительной и волонтерской деятельности, а также основные направления социального волонтерства.

В современном российском обществе все большую популярность приобретает волонтерское движение. И если событийное волонтерство можно рассматривать как привлекающую внимание модную тенденцию, начало которой в России, можно сказать, было положено на Олимпиаде 2014 года, то социальное волонтерство нередко приравнивают к благотворительности. Но на самом деле важно понимать, что это разные понятия и явления, характерные для современного общества. Безусловно, у благотворительности и социального волонтерства много общего. Прежде всего, сходство наблюдается при указании целевой группы, на которую оказывается воздействие. И благотворительная, и волонтерская деятельность направлены на помощь социально уязвимым категориям населения, носят адресный характер поддержки.

Однако различия между этими двумя направлениями деятельности так же очевидны, как и сходства. В первую очередь стоит отметить, что благотворительность подразумевает под собой

материальную помощь нуждающимся, которая выражается в финансовой поддержке (передача средств в благотворительные фонды, перечисления средств на счета нуждающихся людей или учреждений, спонсорство, меценатство), в передаче материальных средств (одежда, средства личной гигиены, продукты питания, лекарственные препараты и т.д.), ценностей. Волонтерство же подразумевает под собой не материальную составляющую, а прежде всего физическую и духовную (посещение социально-реабилитационных центров, детских домов, домов престарелых, больниц и т.д.).

Не менее важным является то, что благотворительностью в большинстве своем могут заниматься достаточно состоятельные люди, доход которых значительно отличается от среднестатистического. В связи с этим зачастую к числу благотворителей относят либо людей с высоким заработком, либо крупные транснациональные компании (например, Coca-Cola, Газпром, ВТБ и другие). Для России характерен последний вариант, в то время как в западных странах больший акцент делается непосредственно на частной благотворительности, в которую в большей мере вовлечены медийные личности. Волонтерством же может заниматься любой желающий вне зависимости от материального, социального, возрастного и демографического признака.

Особенно различие между благотворительностью и социальным волонтерством прослеживается при рассмотрении функциональных направлений этих видов деятельности. Возвращаясь к вышенаписанному, можно повторить, что благотворительность подразделяется на частное и корпоративное, спонсорство, меценатство, филантропия и носит характер материальной помощи. Социальное волонтерство подразделяется на следующие направления:

1) помощь незащищенным слоям населения: людям с ограниченными возможностями здоровья всех возрастов, детям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, одиноким престарелым людям, участникам и детям войны и т.д., чаще всего выражающаяся в сопровождении и посещении;

2) посещение детских домов и социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних с подготовленными развлекательными и образовательными программами и мероприятиями для воспитанников;

3) посещение домов престарелых с подготовленными концертными мероприятиями;

4) наставничество детей и подростков, попавших в трудную жизненную ситуацию и несовершеннолетних осужденных, стоящих на учете, но не находящихся в местах лишения свободы;

5) помощь в питомниках, чаще всего представленная в форме уборки вольеров.

Достаточно часто социальное волонтерство приравнивают к благотворительности в тех случаях, когда два этих направления деятельности функционируют в тандеме. Ярким примером такого взаимодействия является программа «Мир в красках» благотворительного фонда «Живи». Программа нацелена на создание комфортного пребывания детей в онкогематологических отделениях за счет изменения пространства больничных палат и коридоров. И если благотворительный фонд занимается сбором и распределением средств, то уже волонтеры занимаются росписью стен в больничных отделениях (примером может послужить деятельность волонтеров Тульской области, которые в рамках программы расписали стены онкогематологического отделения в Тульской детской областной клинической больнице).

Таким образом, благотворительность и социальное волонтерство имеют общую цель – помощь нуждающимся, однако являются разными видами деятельности, которые нельзя признавать тождественными.

РЕШАЕТ ЛИ ИНСТИТУТ ПАТЕНТА ПРОБЛЕМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ?

Лузянина Е.Г. (Санкт-Петербург)

Статья подготовлена в СПбГУ в рамках реализации проекта РНФ "Социальные риски молодежной международной миграции в современной России"(проект №16-18-10092).

Введение

За последнее десятилетие мобильность трудовых мигрантов по всему миру непрерывно растет, что связано с международной политикой разных государств. [5]

Так, даже, несмотря на кризис, поток прибывающих граждан в Российскую Федерацию к концу 2015 года вновь возобновился. Всего по данным Росстата за 2016 год в страну прибыло около 575 тысяч человек, при этом их миграционный прирост составил около 262 тысяч, который в свою очередь увеличился более, чем на 15 тысяч человек в сравнении с 2015 годом. Отметим, что в структуре иностранцев также произошли свои изменения, так по сравнению с прошлым годом выросла доля граждан, прибывающих в Россию в трудовых целях – на них приходится 40%, а также граждан, посещающих страну в частных целях (которые нередко также впоследствии устраиваются на работу в России, но на более короткий период) – их доля составила 39%. [4]

Для урегулирования потоков международной рабочей силы в Российской Федерации с 2015 года федеральными органами государственной власти было принято решение в области усовершенствования основ миграционной политики о введении института патента, то есть документа, подтверждающего право иностранных граждан, прибывающих в Российскую Федерацию в безвизовом порядке, осуществлять трудовую деятельность на территории субъектов Российской Федерации, [1] целью которого должно было стать упрощение и выведение из тени миграционных отношений.

В данной статье на основании проведенных фокус-групп и экспертных интервью в Свердловской области, мы попробуем проанализировать проблемы, вызванные этим нововведением.

Методы исследования

В рамках реализации проекта РНФ «Социальные риски молодежной международной миграции в современной России» (проект №16-18-10092) в августе 2017 года на базе паспортно-визового центра города Екатеринбург и общественной организации «Уральский дом» нами было проведено исследование, участие в котором приняли мигранты из стран СНГ, а также эксперты данной некоммерческой организации.

Целью этого исследования стало определение круга проблем, с которыми сталкивается данная социальная группа при получении патентов.

Для сбора данных по данной теме были использованы следующие методы, а именно анализ нормативных правовых актов и статистических данных, методы экспертного интервью и фокус-групп.

Участниками фокус-групп стали 9 человек, 6 из которых - мужчины. Пять человек из опрошенных проживали на территориях Донецкой и Луганской областей и в 2014 году вынужденно покинули Украину, двое прибыли из республики Казахстан и двое являются гражданами Таджикистана. Все участники исследования представляют возрастную группу от 18 до 35 лет.

Экспертные интервью были проведены с руководителями общественной организации «Уральский дом».

Результаты исследования

Проведенные в рамках исследования фокус-группы с мигрантами из стран СНГ показали, что основной проблемой международной трудовой миграции в Российской Федерации на сегодняшний день по-прежнему продолжает оставаться нелегальное привлечение к трудовой деятельности иностранных граждан, то есть принятие их на работу без заключения трудового договора, даже в случае получения последними документа, подтверждающего право иностранных граждан, прибывающих в Российскую Федерацию в безвизовом порядке, осуществлять трудовую деятельность на территории субъектов Российской Федерации. Последние в свою очередь также часто не имеют возможности трудоустроиться к юридическим лицам или индивидуальным предпринимателям, как прописано в их документах. [2]

Так, одним из участников фокус-групп, прибывший к нам из Таджикистана, дал следующий комментарий по данному вопросу: «В данный момент я работаю официально, у меня все есть, работаю в двух местах, на стройке, если честно у меня идет оклад, а остальное в конверте, а на второй работе по гражданско-правовому, платят в конце».

Если говорить о самом процессе получения патента, то в данном случае наиболее часто его сопровождает такая проблема, как оформление регистрации по месту проживания на территории нашей страны.

Трудность для международных трудовых мигрантов заключается в том, что граждане Российской Федерации, которые предоставляют им жилые помещения по договорам социального найма, отказывают им в постановке на учет. Все это приводит к тому, что мигранты вынуждены

приобретать временную регистрацию у посредников, в Екатеринбурге в среднем это стоит от 2 до 3 тысяч рублей за 3 месяца.

Вследствие этого, мы приобретаем неконтролируемый теневой рынок, деятельность которого связана с миграционным учетом, а отсюда теряем контроль над перемещением мигрантом, его реальным местом пребывания в Российской Федерации.

Также не менее острой проблемой остается медицинское страхование мигрантов при получении ими патентов. В данном случае при стоимости в Свердловской области полиса ДМС тысячу рублей в год, количество оказываемых по ней медицинских услуг сводится чаще всего лишь к оказанию первой медицинской помощи. Все это приводит к тому, что институт добровольного медицинского страхования, как и институт миграционного учета, становятся бесполезными и ненужными условиями получения патента мигрантами.

Так, другим мигрантом из Таджикистана по данным проблемам было сделано следующее замечание: «Самое главное – очень много посредников в Свердловской области, они все сами делают, без них никак. Нужно их ликвидировать, чтобы было платно, но была дисциплина, порядок, а то, что в разных местах, будешь бегать дольше и платить больше».

Таким образом, мы видим, что одним из запросов международного трудового мигранта в Российской Федерации является упорядочивание процедуры получения патента, исключение из нее возможности коммерческой наживы.

Заключение

На основании полученного эмпирического материала, можно сказать, что в целом применение патентной системы в сфере международной трудовой миграции становится сегодня эффективным механизмом в практике экономического регулирования потоков трудовых мигрантов в регионы страны, а также возможностью пополнения региональных бюджетов средствами от продажи патентов. [3]

Но в то же время, на сегодняшний день, патентный режим въезда международных трудовых мигрантов требует определенной доработки. Мы считаем, что именно конкретное определение государственных механизмов выдачи патентов трудовым мигрантам, а также открытие государственных паспортно-визовых центров и введение запрета на нелегальную экономическую деятельность в этой сфере позволит установить прозрачные механизмы контроля за их обеспечением, а также станет препятствовать развитию нелегальной миграции в Российской Федерации и нелегальному привлечению иностранных работников, так необходимых нашей стране в существующей на сегодняшний день социально-экономической обстановке.

*Статья подготовлена в СПбГУ в рамках реализации проекта РНФ "Социальные риски молодежной международной миграции в современной России"(проект №16-18-10092).

1. *Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 24.11.2014 N 357-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171225/ (дата обращения: 20.09.2017)*
2. *Бедрина Е.Б., Струин Н.Л., Черных Ю.А. Проблемы определения трудового статуса мигрантов в условиях патентной системы трудоустройства (по результатам социологических исследований) // Региональная экономика: теория и практика. 2015. №7 (382). [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-opredeleniya-trudovogo-statusa-migrantov-v-usloviyah-patentnoy-sistemy-trudoustroystva-po-rezultatam-sotsiologicheskikh> (дата обращения: 08.10.2017).*
3. *Кононов Л.А., Михалкович И.Н. К вопросу модернизации Российской патентной системы для трудовых мигрантов // Право и современные государства. 2016. №1. [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-modernizatsii-rossiyskoy-patentnoy-sistemy-dlya-trudovykh-migrantov> (дата обращения: 08.10.2017).*
4. *Лузянина Е.Г. Проблемы и возможности интеграции международных трудовых мигрантов: социально-правовые аспекты. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 4. г. Уфа, 2017. С. 13-17*
5. *Borodkina O., Amirkhanian A., Romanenko V. Key issues of labor migrants integration in Russia. SGEM 3 rd International multidisciplinary scientific conference on social sciences and arts. Book 2 political sciences, law, finance, economics and tourism, volume 2, 2016, p. 213-220*

ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО ОПАСНОГО ПОЛОЖЕНИЯ СЕМЬИ СПЕЦИАЛИСТАМИ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Любимова А.И., Захарова Ю.П. (Санкт-Петербург)

Аннотация. В настоящем докладе представлены результаты подготовительного этапа лонгитюдного исследования, посвящённого жизненным траекториям семей, взаимодействующих с системой профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Значительную роль в оценке семьи и несовершеннолетнего играет собственное восприятие ситуации специалистом. В ходе 11 полуструктурированных интервью со специалистами мы определили, что в зависимости от ситуации критерии социально опасного положения могут трактоваться как угроза благополучию ребенка, либо как формальные маркеры, присвоенные в ходе недостаточно внимательного разбора ситуации. Вследствие этого, социально опасное положение, обычно воспринимаемое как синоним неблагополучия, не всегда таковым является. Необходимо дальнейшее исследование критериев (не)благополучия и выделение индикаторов, позволяющих ориентироваться специалисту в принятии решений.

Введение

На сегодняшний день большинство семей, которым требуется помощь, могут обратиться в социальные службы в заявительном порядке, либо попасть в «поле зрения» социальных служб в ходе прояснения обстоятельств, связанных либо с нарушением исполнения родительских обязанностей, либо в связи с поведенческими нарушениями у самого ребенка. В документах регионального уровня существует понятие социально опасного положения (СОП). Семьи, признанные находящимися в СОП, должны получать социальное обслуживание, но на федеральном уровне единый порядок отнесения семей к категории находящихся в СОП отсутствует [Ярская-Смирнова и др., 2015].

В г. Санкт – Петербурге существует «Порядок межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Санкт-Петербурга при организации индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними семьями, находящимися в Социально опасном положении». Согласно ему выявление социально опасного положения – это «комплекс профессиональных действий органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по установлению факторов, угрожающих благополучию, здоровью и жизни несовершеннолетних и(или) семей и обуславливающих необходимость вмешательства с целью нормализации ситуации, устранения причин и условий неблагополучия». Понятие СОП становится неразрывно связанным с категориями благополучия и неблагополучия, которые четко в Порядке не определены. Семейное благополучие и неблагополучие не определены и на федеральном уровне. Вследствие этого, при трактовке СОП, специалисты ориентируются не только на формальные критерии, но и на свое личное понимание благополучия и неблагополучия.

Целью настоящего исследования является описание того, как специалисты, работающие с семьями, трактуют понятия благополучия и неблагополучия семьи и ребенка в их связи с СОП

Методы

С февраля по апрель 2017 года в г. Санкт-Петербурге нами были проведены 11 полуструктурированных интервью со специалистами, ответственными за принятие решений о признании несовершеннолетнего (семьи) находящимися в СОП, а также со специалистами, непосредственно реализующими работу с этими категориями граждан (целевая выборка). Мы предложили информантам порассуждать о том, как они понимают благополучие, на основе каких критериев семья считается (не)благополучной, по каким причинам семья и ребенок могут оказаться в ситуации неблагополучия, а также о взаимосвязи этих понятий с категорией СОП. Все интервью были транскрибированы, закодированы и проанализированы исследователями по темам.

Результаты

Большинство экспертов одним из главенствующих критериев благополучия назвали психическое здоровье ребенка. Специалисты связывают нарушения психического здоровья и проявления у таких детей девиантного поведения. В таком случае девиантное поведение плохо поддается регуляции, как со стороны самого ребенка, так и со стороны его родителей и других взрослых.

Другие два критерия, отражающие позитивную сторону психологического состояния ребенка, а именно: «жизнерадостность» и «общительность», отмеченные большинством участников исследования, в нормативных документах не упоминаются. По мнению специалистов,

благополучный ребенок «улыбается», «радуется жизни» и «счастлив», «общается со своими сверстниками».

Еще одним критерием, предопределяющим благополучие ребенка, является, по мнению экспертов, наличие семьи с «социально одобряемыми ориентациями». Семья здесь выступает фактором, детерминирующим благополучие. При этом семья может иметь проблемы и трудности, но ее основное отличие от неблагополучной семьи в том, что в благополучной семье найдутся ресурсы для выхода из сложившейся ситуации.

Благополучие ребенка также не определяется одним поступком или наличием проблем. Информанты указали на системность проблем и отсутствие адекватного ответа на проблемы – как определяющие факторы неблагополучия.

Каждый эксперт без нашей просьбы самостоятельно попытался выделить основной, ведущий критерий, предопределяющий благополучие. Исходя из этого, мы предполагаем, что отсутствие четких критериев, прописанных в документации, может привести к «перекосу» в оценке существующих проблем.

По мнению многих экспертов, «социально опасное положение с неблагополучием связано, конечно, не всегда». Существуют «рамки, которые задает система, но это не значит, что ребенок неблагополучный. Ребенок может быть и благополучным. Мало ли почему он попал на учет [в полицию]». Таким образом, как и в нормативной документации, описание СОП логически возвращается к благополучию как таковому и его пониманию специалистом.

Выводы

Одной из основных проблем изучения благополучия детей является отсутствие на государственном и федеральном уровнях общей, четкой системы индикаторов и единого понимания благополучия детей. Причина кроется в наличии множества объективных и субъективных критериев (не)благополучия, учет или игнорирование которых зависит от личного мнения специалиста, столкнувшегося с проблемой.

Необходимо дальнейшее исследование критериев и стадий благополучия, выделения индикаторов, позволяющих ориентироваться специалисту в принятии решения о возможностях дальнейшей работы с семьей или ребенком.

Работа выполнена при поддержке гранта Российского Научного Фонда № 16-18-10372 «Социальные траектории детства в современной России».

1. Ярская-Смирнова Е. Р., Савинская О.Б., Маркина В.М. и др.. Социально опасное положение семьи и детей: анализ понятия и методология оценки/Науч. ред //Е.Р. Ярская-Смирнова, В.М. Маркина. М.: ООО "Вариант". – 2015.

ЭЙДЖИЗМ И ЭДАЛТИЗМ: СТАРЫЕ ЯВЛЕНИЯ, НОВЫЕ ТЕРМИНЫ

Майорова-Щеглова С.Н. (Москва)

Аннотация: Явления дискриминации по возрасту актуализируются в современном российском обществе в связи с развитием идей прав ребенка. Центральное понятие эдалтизм операционализируется на три отдельных: привилегии взрослых, взрослократия, эдалтоцентризм. Сложности и границы применения новых социологических терминов определяются противоречивым характером определения видов и степени принижения детей и их защитой. Задачей социологии является оценка официальных ограничений, вводимых государством и его органами, на предмет их соответствия правомерности защитной функции.

Статья подготовлена в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом проекта № 16-06-00792 «Детство в социогуманитарной перспективе: тезаурус».

Ежегодно социологическая наука прирастает множеством неологизмов. Особенно активно социологический тезаурус пополняется в областях, фокусом исследования которых являются новые (для науки или практики) области жизни. Так, развитие исследований детства актуализирует применение новых терминов эйджизм и эдалтизм.

Эйджизмом принято сегодня обозначать процессы дискриминации групп людей по возрастному признаку [1]. Традиционно применяемый термин возникает, когда описываются ситуации, при которых какую-то возрастную группу умышленно ставят в невыгодное положение, лишая равных с иными группами прав, статуса, доступа к ресурсам или участию в принятии решений. В современной российской социологии при изучении эйджизма до последнего времени

предметом чаще других являлись проблемы пожилых, и, прежде всего, экономическая зависимость от иных групп общества [2, 3]. Социальная среда выстраивает негативные геронтологические паттерны, фиксирующие образ старого человека по общей схеме – «бесперспективный». Прессинг социальных стереотипов вынуждает большинство людей в определенном возрасте строить свое поведение в соответствии с ярлыком, формирует позицию «ущербности» или «превосходства», но устанавливая для людей разных возрастов препоны для самореализации. Например, ситуация на рынке труда провоцирует пожилых людей покидать работу в возрасте, когда они еще способны трудиться, а молодых не совершенствовать свою квалификацию, зная, что при ситуации выбора работодатель предпочтет их (это явление в трудовой сфере также предлагается обозначать отдельным понятием – жёнизм). В последнее десятилетие в ряде стран были приняты законы, защищающие пожилых людей от дискриминации на основании возраста, например, в 2004 году в Австралии. Социологи доказывают прямую связь распространения эйджизма со становлением современного типа экономики.

Совершенно иную природу, как нам кажется, имеет эдалтизм – дискриминация детей по причине недостижения ими определенного возраста, «малолетства». «Первооткрывателем» термина считают французского психолога Паттерсона Дю Буа, этот автор в 1929 году предложил употреблять его в расширительном значении - «влияние взрослых на детей». Века просветители, общественные и государственные деятели боролись за то, чтобы дети получили особое, «защищенное» место в социуме. Сегодня же в зарубежной науке, все чаще говорят о притеснении детей и молодежи со стороны взрослых, основанное на позиции, что взрослые лучше юных и поэтому могут действовать по отношению к молодому поколению без согласия последних.

Зарубежные авторы полагают, что в обществе имеет место действие, при котором с ребенком обращаются несправедливо в силу его принадлежности к данной возрастной социальной группе, как правило эти действия производятся в форме исключения или отторжения в прямом или косвенном виде. Косвенная форма – обида, которая наносится старшим по возрасту (родителем, родственником, учителем, прохожим, старшим другом, родственником), при этом акцент делается именно на эмоциональном аспекте восприятия такой обиды – «Мал еще рассуждать! Что ты можешь понимать в этом, от горшка два вершка?».

Исследованиями возрастной дискриминации активно занимаются образовательные и правозащитные организации мира и Европы. Фокусом исследований становятся осведомленность и несогласие с дискриминацией по возрасту среди подростков, последствиях эдалтизма во взрослом возрасте, [4, 147]

Отдельные стороны обозначенного явления предлагается фиксировать через термины, которым мы даем свои интерпретации:

эдалтоцентризм - adult-centrism- процесс развития общества, ядром которого являются только интересы нынешнего взрослого поколения;

привилегии взрослых - adult privilege – преференции, льготы и возможности, которые имеют люди только взрослого возраста;

взрослократия – adultarchy – общественное устройство, при котором все решения, даже в отношении детей и молодежи, принимаются только с учетом мнения взрослых.

Ученые выделяют институциональный, интернализированный (социализационный) и культурный эдалтизм. Довольно часто эти формы дискриминации оказываются противоречиво взаимосвязаны. С одной стороны власть принимает важное решение поддержки детства, но, с другой стороны, оно не подкрепляется необходимыми нововведениями и ведет к возникновению и закреплению иной формы эдалтизма. Так ребенок-дошкольник во многих регионах страны имеет право бесплатного проезда в общественном транспорте, однако, например, в Москве осуществить это свое право он может только через принижающее его достоинство действие (как сообщили в одном из наших исследований дети «пролезает под турникетом как собачки»). Именно культурной, приобретенной в процессе жизненного опыта установкой объяснила фельдшер скорой помощи отказ в принятии сигнала от девочки-подростка при трагедии-гибели детей в 2016 году в «Парк-отеле Сямозеро».

Противоречиво оцениваются российским обществом случаи, когда действия взрослых по предотвращению нежелательного поведения детей относятся к форме возрастной дискриминации. Полагаем, что рамках научных обоснований следует четко разграничить собственно меры по обеспечению безопасности ребенка (например, маркировка информационной продукции, введение «комендантского часа» на пребывание на улице без родителей и др.) и прямое наказание за несоблюдение этих норм поведения. Случаи, если этому жесткому наказанию подвергается

ребенок, можно относить, на наш взгляд, к дискриминации. Еще один крайне нуждающийся в междисциплинарном рассмотрении социологов вопрос о степени, глубине вовлечения детей в семейную медиацию при разводе родителей, экономических и этических внутрисемейных конфликтах. Одновременно с получением прав на участие в разбирательствах ребенок может стать в определенной степени ответственен за решение суда и будущее семьи. По нашему мнению, в данном случае разумные границы публичного заслушивания детей должны быть четко обоснованы не только возрастом, но и правом (а не обязанностью) ребенка участвовать или не участвовать в таких событиях, и такое неучастие не может интерпретироваться обществом как дискриминация детей.

Одной из задач социологии вообще и социологии детства в частности является оценка официальных ограничений, вводимых государством и его органами, на предмет их соответствия защитной функции и правомерности. Основные два предлагаемых правила установления границ: для защиты и развития детей должны устанавливаться более высокие возрастные рамки (это касается прежде всего уголовного законодательства), и, наоборот, настоятельно требуют снижения границы применения права на участие в социальной и политической жизни. Актуализирующиеся в 90-ые- 2000ые годы прямые исследования детей в настоящее время затруднены, т.к. управленческие стандарты образования требуют обязательного письменного согласования таких исследований с родителями, которые в большинстве своем не готовы пускать исследователей внутрь семьи [5]. Неучет детей как социальной группы также можно рассматривать как вариант эдализма, и при принятии управленческих и политических решений может иметь негативные последствия для будущего детства. Так, например, современные исследования родителей указывают, что взрослые, прежде всего матери, выступают за безопасность и полный контроль за детской жизнью, но, следуя только их позициям, при обустройстве детских площадок, программ летнего отдыха, деятельности школьных организаций общество серьезно «обеднит» процессы социализации ребенка. А значит необходимо развитие участвующего подхода, при котором дети из позиции объектов приходят к со-участию самих детей в исследовании [6].

1. *Защита личности от дискриминации по признаку возраста. Сборник документов. Составитель Васильева Т. М.: Новая юстиция, 2010. 192 с.*
2. *Старикам тут место: социальное осмысление старения: [сборник научных статей] / Институт социологии РАН; отв. ред. Д.М. Рогозин, А.А. Ипатов. М.: Институт социологии РАН, 2016. 264 с.*
3. *Горфан Я.Ю. Предубеждения в отношении пожилых людей как фактор их виктимизации [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. № 2. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53449.shtml (дата обращения: 28.08.2017)*
4. *Либель М. Эдализм и дискриминация детей по возрастному признаку // Защита детей от дискриминации. Междисциплинарное учебное пособие. CREAN. Под редакцией Д. Кутсар, Х.Уорминг. Перевод с англ. Амелина М.Г., редактор перевода Заботкина В.И. Tartu: University Press of Estonia, 2014. С. 127-153 URL: <https://resourcecentre.savethechildren.net/sites/default/files/documents/crean-russian.pdf> (дата обращения: 22.09.2017)*
5. *Филиппова А.Г., Ракина Н.Э. Дети и город: проблема воспроизводства социального неравенства. Социология города. 2016. №2. С.58-71.*
6. *Митрофанова С.Ю. Реализация принципов участвующего подхода в современной социологии детства // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016. № 2 (36). С. 132-135.*

ТРАЕКТОРИЯ РАЗВИТИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РЕГИОНАЛЬНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ: ОТ ИДЕИ ДО ВОПЛОЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВРОО «АКАДЕМИЯ УСПЕХА»)

Малая А.Д. (Волгоград)

Аннотация Рассмотрен опыт региональной общественной организации в осуществлении благотворительной деятельности в форме нематериальной поддержки нуждающихся. Определено понятие социально-востребованного продукта общественной организации, предложен алгоритм его создания и реализации в молодежной среде с целью уменьшения изолированности и социальной дезадаптации молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации.

Общественные организации играют важнейшую созидательную роль в формировании современного гражданского общества, как на уровне субъектов Российской Федерации, так и в

стране в целом, становлении демократии, защите прав и свобод граждан. Все более заметным становится их вклад в решение общенациональных и региональных задач, связанных с развитием экономики, социальной защитой населения.

В соответствии с философским словарем, благотворительность рассматривается не только как форма материальной поддержки, но и как духовно-нравственная помощь нуждающимся [1]. По мере развития российской социальной политики, обеспечивающей материальную поддержку нуждающимся, все большее значение приобретает нематериальная форма благотворительности.

Полноценная самореализация общественных организаций как авторов позитивных трансформаций в обществе возможна при наличии продукта, адекватного запросам представителей их целевых аудиторий. Данный продукт рассмотрим как средство удовлетворения некоммерческих потребностей индивида, актуальное для него и имеющее ценность за счет своих качеств и свойств. Соответственно, основная деятельность организации должна сводиться к разработке данного продукта и его продвижению к объектам благотворительной деятельности.

Основным направлением деятельности Волгоградской региональной общественной организации «Академия успеха» является спортивное, творческое и гражданско-патриотическое развитие молодежи, включающее социальную работу с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. Главный принцип существования организации заключается в транслировании интересов и жизненных ценностей волонтеров на целевые аудитории, что позволяет создать благотворительные проекты, участниками которых становится и социально-активная молодежь, и молодые люди, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации.

Примером использования данного подхода, где совместно проведенное время и общие интересы выступают более значимым ресурсом, чем материальная помощь, является реализация проекта «Старший товарищ». В ходе реализации проекта студенческая молодежь и дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации, получили уникальный опыт социального взаимодействия, научившись основам туристической жизни, узнав о природных особенностях Волгоградской области. Важной составляющей походов и экскурсий стало проживание событий в одинаковых условиях, преодоление трудностей похода, когда каждый смог проявить свои положительные и отрицательные качества. Стоит отметить, что подобный опыт стал уникальным не только для детей, но и для многих студентов и школьников, расширив их кругозор и сформировав заботливое отношение к экологии региона. Также, для детей участие в походах стало мощным толчком для успешной социальной адаптации к жизни в современном обществе. Подобный пример реализации социально-востребованного продукта в виде совместных туристических мероприятий позволил снизить остроту проблемы изолированности и социальной дезадаптации молодежи, оказавшейся в трудной жизненной ситуации.

Создание данного проекта стало возможным при изучении потребностей не только целевой аудитории: детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, но и волонтеров, для которых приобретение туристских навыков также является значимым элементом саморазвития. Так были разработаны идеи основных мероприятий: сплав на байдарках, мастер-классы по основам туризма, соревнования по футболу, сборка/разборка макетов оружия на скорость, стрельба из пневматической винтовки, профессиональное фотографирование и прочие).

Для разработки идей данных мероприятий использовался метод «мозгового штурма», а для подготовки реализации проекта - технология «ADKAR». При проведении «мозгового штурма» фиксировались все предложения и пожелания волонтеров, а также представителей целевых аудиторий, далее каждая идея прорабатывалась по критериям ее реализуемости и полезности для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. С помощью технологии «ADKAR» удалось рассмотреть проект как новую социальную практику для Волгоградской области, и проработать этапы ее внедрения: создание осведомленности у заинтересованных групп (волонтеры, руководство детских домов, дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, региональные СМИ), формирование у них мотива к реализации данного проекта, оценка имеющихся для этого знаний и способностей к реализации, и дальнейшее закрепление результата.

Реализация проекта состоялась с помощью определения куратора проекта, составления плана мероприятий и формирования ответственных волонтерских групп. Первая группа занималась решением организационных вопросов с руководством детских домов, вторая подготавливала документы и вела переговоры с партнером о перевозке детей, и отвечала за закупку снаряжения, третья группа выступала непосредственным организатором туристических мероприятий. В результате подобного распределения функциональных обязанностей проект был

успешно реализован, а итоговые показатели эффективности реализации превысили первоначально заявленные.

По итогам проведения мероприятий были подготовлены отчеты, опубликованы материалы в СМИ, подписаны соглашения о дальнейшем сотрудничестве с детскими домами и реабилитационными центрами.

Таким образом, региональная общественная организация является активным субъектом реализации социальной политики государства, где преимущество НКО заключается в возможности оперативно и самостоятельно обнаружить «точки приложения» своих усилий. Поскольку в основу деятельности любой общественной организации заложена мотивированность ее волонтерского актива, то предложенный подход «совместного проведения времени» и «выявления общих интересов» позволит пребывать им в таком состоянии максимально долго. Предложенный алгоритм позволяет выделить основные этапы разработки и реализации социально-востребованного продукта общественной организации: генерация идей, определение цели и задач проекта, планирование, подготовка снаряжения и инфраструктуры, непосредственное проведение мероприятий и подведение итогов. Использование данного подхода при осуществлении благотворительной деятельности позволит общественной организации снизить затраты по проектам и сохранить волонтерский актив, но главное - максимально полно решить проблемы представителей своих целевых аудиторий.

1. С.Я. Подопрязга. Философский словарь / С. Я. Подопрязга, А. С. Подопрязга. — Изд. 2-е, стер. — Ростов н/Д : Феникс, 2013, 226 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПОДДЕРЖКИ ОТВЕТСТВЕННОГО ОТЦОВСТВА

Малышев А.Г. (Санкт-Петербург)

Российское общество характеризуется ассиметричной конфигурацией родительства: отцы в значительной степени остаются (как и в советский период) вытесненными в сферу обеспечения семьи, а забота и воспитание детей осуществляется преимущественно матерями. В современном мире происходит трансформация родительства. Оно рассматривается как способ самореализации индивидов, гендерная асимметрия родительских ролей сглаживается. Эти процессы в большей степени характерны для США и Европы, однако начинаются они и в России.

Поддержку трансформаций ценностей и практик родительства осуществляют как общественные организации, так и государство. Одной из важных областей работы по поддержке этих процессов наряду с информационными компаниями, изменениями законодательства и т.п. является создание инфраструктуры: социальных сервисов, ориентированных на распространение и поддержку ответственного отцовства: социальных сервисов, ориентированных на поддержку вовлечения отцов и будущих отцов в активное участие в заботе о детях. Это находит отражение даже в официальных программных документах. Например, в Концепции семейной политики Санкт-Петербурга предусмотрено «развитие программ повышения родительской компетентности и поддержки для отцов (папа-школы, клубы одиноких отцов, группы встреч и др.), повышение их доступности для молодых отцов всех районов города». То есть целью является создание инфраструктуры поддержки отцов на уровне города доступной всем.

Распространённая форма такой работы в Санкт-Петербурге — группы для будущих отцов (папа-группы). Они создаются и действуют в государственных центрах социальной помощи семьям и детям, а также в общественных организациях. Работа папа-групп организована как цикл встреч гендерно гомогенной группы мужчин, которые ставят своей целью донесение до будущих отцов информации о возможностях участия в уходе за ребенком, приемлемости этого для мужчины, ценностях гендерного равенства и ответственного отцовства.

Данный сервис встраивается в существующую инфраструктуру государственных и негосударственных социальных служб, организаций здравоохранения, выступая отдельной инфраструктурой с собственными целями, опирающейся на ресурсы этих организаций.

В 2015 году мной было проведено исследование складывающейся инфраструктуры поддержки ответственного отцовства в Санкт-Петербурге. Были получены выводы о фрагментарности инфраструктуры поддержки ответственного отцовства даже в регионах, где она развивается более 5 лет (например, Санкт-Петербург). Она пока не способна охватить не только

всё население, но даже не интегрирована во все организации, на базе которых может развиваться. В то же время можно констатировать, что поддержка ответственного отцовства и сервисы, формирующие её инфраструктуру, достаточно хорошо интегрированы в представления работников социальной сферы как важное направление развития социальных служб.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ С XIX ВЕКА ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Мицких Д.А. (Барнаул)

Аннотация. В статье рассмотрены исторические особенности формирования благотворительности трех периодов истории в России: дореволюционный, советский, постсоветский. Их сравнение наглядно представлено в таблице. Сделаны общие выводы по рассматриваемым периодам.

Благотворительность в России имеет давние корни, она прошла путь от милостыни до институализированной системы общественного призрения.

В своей работе мы подробнее остановимся на трех периодах, имеющих свои особенности:

Дореволюционный период. «Золотая эпоха» меценатства в России - вторая половина XIX — начало XX вв. В этот период времени многие представители российской деловой элиты покровительствовали развитию культуры, искусства и науки, строили больницы, богадельни, библиотеки, учебные учреждения [3, с. 271].

Советский период. Государство не приветствовало частную благотворительность. Поскольку «в обществе уничтожены нужда и нищета», благотворительность не представлялась нужной для социалистического строя и определялась в тот период как помощь, «лицемерно оказываемая представителями господствующих классов ... некоторой части неимущего населения с целью обмана трудящихся и отвлечения их от классовой борьбы» [2, с. 103].

Постсоветский период. Кризисная ситуация, сложившаяся в России в годы перестройки и повлекшая за собой массу негативных последствий социального характера, в том числе социальное сиротство, обусловила необходимость нахождения новых способов решения возникших проблем и, в первую очередь, возрождение идей благотворительности.

В нашей работе мы представляем сравнение этих периодов в виде таблицы:

	Дореволюционный период	Советский период	Постсоветский период
Основные виды благотворительной деятельности.	Меценатство и филантропия.	Государственные программы.	Общественные виды деятельности.
Понимание понятия «благотворительность»	Понятие благотворительности приравнивается к таким понятиям как «благотворение», «добродейство».	Оказание помощи бедным считается унижительным, потому как понятие «филантропия» трактуется как одно из средств буржуазии маскировать свой паразитизм посредством лицемерной помощи бедным в целях отвлечения их от классовой борьбы [1, с.140].	Понятие благотворительности обрело смысл спонсорства, добровольной помощи-пожертвования.
Объекты	Нуждающимся.	Представителям	Помощь всем слоям

благотворительной деятельности.		трудящихся.	населения, оказание помощи жителям зарубежных стран в случае их бедственной ситуации.
Субъекты благотворительной деятельности.	Все слои общества, начиная от низших слоев и заканчивая представителями императорской семьи, а также церковь, в контексте требований религиозной этики и общественной морали.	Государственные органы.	Предприниматели, благотворительные фонды, донорские организации, волонтеры, оказывающие помощь посредством фандрайзинга, акций-флешмобов, медиа- и интернет-проектов, в которых может принимать участие любой желающий.
Побуждение к благотворительности.	Внутренние религиозно-нравственные побуждения, чувства доброты, сострадания и милосердия.	В отсутствие понятия «благотворительность» Государственные структуры формировали мотивацию к взаимопомощи у населения, которая основывалась на идее причастности гражданина к государственным делам.	Помимо внутренних побуждений к помощи нуждающимся, присутствует личная выгода. Государство мотивирует к благотворительности, создавая законы, работающие на развитие бизнеса (Например, в Федеральном законе «О меценатской деятельности» обозначены меры поощрения, которые могут применяться в отношении лиц, занимающихся благотворительностью).

Проанализировав эти три периода, можно сделать следующие выводы:

Несмотря на отрицание в советский период необходимости благотворительной деятельности, проблемы в обществе существовали государство взяло эту обязанность на себя. В настоящее время картина диаметрально противоположная: государство приветствует частную благотворительность и пытается «избавить» себя от данной функции.

Запрет на употребление слова «благотворительность» в советский период, тем не менее, не решил общественных проблем. Необходимо сказать, что благотворительность существовала, но имела иные формы, чем сейчас (программа Ликбеза, бесплатная работа, когда заработная плата работника перечислялась на счет больницы или детского дома и т.п.).

Сравнивая два разных промежутка времени, можно отметить, для современных российских предпринимателей благотворительность и меценатство характерны в меньшей степени, чем это было в дореволюционный период. Результаты благотворительности и меценатство в настоящее время менее эффективны, чем ранее. Благотворительная деятельность конца XIX — начала XX вв. значительно отличается от сегодняшней не только эффективностью, но и масштабами. По мнению некоторых авторов, доля средств, выделяемых меценатами прошлого и нынешними олигархами, просто несопоставима.

1. *Высотских И.К. История развития благотворительности в России в советский и постсоветский периоды (историографический очерк) // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2014. №1. С. 137-145.*
2. *Карагодина О.А. Особенности благотворительной деятельности в российском социуме // Вектор науки ТГУ. 2015. №2-1 (32-1). С.101-105.*
3. *Ляхова Ж.А. Благотворительность и меценатство российских предпринимателей: история и современность // Вестник МИЭП. 2015. №Конференция. С.271-274.*

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ КАК РЕГУЛЯТОР МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА

Непряхина М.В. (Санкт-Петербург)

Аннотация: В работе анализируется роль национально-культурных объединений в регулировании межэтнических отношений, приведены типы национальных общественных объединений. Национально-культурные объединения обладают большим потенциалом развития и регулирования межэтнических отношений, поэтому изучение их деятельности представляется наиболее важным для гармонизации межэтнических отношений.

Миграционные процессы в России в значительной степени влияют на социально-экономическое и демографическое развитие нашего государства, способствуя активному развитию торгово-экономических, научно-технических, инвестиционных и культурных связей с другими странами. В новой российской действительности регулирование миграционных процессов, социализация трудовых мигрантов становятся одними из важнейших составляющих в национальной политике.

Для преодоления негативных тенденций и направления развития межнациональных отношений необходимо более эффективно регулировать миграционные потоки, создавая систему адаптации трудовых мигрантов к российской среде на основе использования потенциала национально-культурных объединений.

Проблема регулирования межэтнических отношений является актуальной не только для России, но и других многонациональных государств. В основе успеха при взаимодействии людей разных национальностей должно находиться их взаимное стремление найти эффективные способы гармонизации реальных отношений, создание дружественной среды межэтнического общения без существенного изменения полиэтничности социума. Воплощение этой цели способствовало бы удовлетворению этнокультурных и этноязыковых интересов граждан государства, сохранению его целостности и единства

Механизмами регулирования межэтнических отношений могут выступать: нормативно-правовые акты (международные, российские), деятельность органов государственной власти, национально-культурных объединений, СМИ, которая направлена на развитие взаимопонимания между этносами, созданию толерантной среды и снижению социальной (межэтнической) напряженности.

В современном российском обществе возрастает значение общественных объединений как формы проявления социальной активности населения, оказывающей влияние на развитие всех

сфер жизни общества. Особую роль в многонациональной и поликонфессиональной стране играют национально-культурные объединения.

Национально-культурное объединение рассматривается как добровольное самоуправляемое объединение граждан – представителей национальных общностей, проживающих в иноэтническом окружении и реализующих право на национально-культурное самоопределение, которое создается в целях сохранения национально-культурной идентичности, развития национального самосознания, языка, образования, обычаев и обрядов. Национально-культурные объединения являются общественными организациями, удовлетворяющими потребности личности и социальных групп, реализуемые в духовно-культурной сфере. Их специфика в структуре современного общества обусловлена их целевой направленностью – реализацией права наций на национальное самоопределение в форме национально-культурной автономии, что принципиально важно в условиях полинациональной России, где проживают представители многих народов, наций и этносов.

В настоящее время в Санкт-Петербурге насчитывается около 200 национально-культурных объединений, этнических диаспор и землячеств. Функционирование национально-культурных объединений включает в себя различные направления. В частности, можно выделить следующие из них: проведение круглых столов, благотворительная деятельность, печать периодических изданий, проведение концертов, всевозможных «дней культуры», участие представителей национальных общественных организаций в общественных советах исполнительных органов власти и много другое. Однако основная задача названных направлений деятельности национальных объединений сводится к снятию межэтнической напряженности посредством включения групповых этнических интересов в общественные процессы.

Ведущее место в ряду этноорганизующих структур города Санкт-Петербурга в настоящее время занимает «Дом национальностей». Это активно действующая «площадка» для совместного обсуждения вопросов, информационного обмена и передачи опыта воспитания культуры толерантности, проведения мероприятий национально-культурных объединений и землячеств Санкт-Петербурга, выступлений и концертов национальных творческих коллективов, региональных и городских конференций, выставок, презентаций, семинаров, тренингов, круглых столов, мастер-классов и т.д.

Продуктивность национально-культурных объединений определяется, прежде всего, тем, насколько они могут выразить интересы той или иной этнической группы, донести их до сведения органов государственной власти и правоохранительных структур и т.д. Именно реально действующие национально-культурные объединения способны содействовать поддержанию межнационального согласия и формированию межэтнической толерантности.

Анализ этнокультурного пространства Санкт-Петербурга позволил выделить следующие типы национальных общественных объединений:

диаспорные национальные объединения, представители которых проживают в России и имеют свои государственные образования за ее пределами;

национальные объединения народов России, представители которых проживают за пределами своих государственно-территориальных образований в составе России;

национальные объединения, представители которых проживают на территории РФ, но на данный момент не имеют собственных государственных образований (цыгане, курды и т.д.).

объединения «титовых народов», представители которых проживают на своей исторической родине, однако которые по тем или иным причинам хотят иметь свою организационную структуру (русские в России, татары в Татарстане).

Основными направлениями деятельности национально-культурных объединений является организация и проведение мероприятий, способствующих укреплению межнационального мира и согласия. Деятельность национально-культурных объединений направлена на интеграцию представляемых этнических групп в российское социально-культурное пространство, а так же установление взаимопонимания с местной средой, где осуществляет свою деятельность то или иное национальное общественное объединение. В своей деятельности национально-культурные объединения осуществляют взаимодействие с представителями своей этнической группы, с другими национальными объединениями и с органами власти, что способствует профилактике межнациональных конфликтов, укреплению межнационального мира и согласия.

Национально-культурные объединения организации являются одним из наиболее активных институтов гражданского общества в регулировании межэтнических отношений. Поскольку проводимые ими в последние годы мероприятия и проекты межэтнического

взаимодействия позволяют поддерживать стабильную ситуацию в сфере межэтнических отношений.

В результате проведенных исследований в целях нейтрализации конфликтогенных факторов межэтнических и межконфессиональных отношений, поддержания динамического равновесия, стабилизации межэтнических и этнополитических отношений целесообразным представляются следующие мероприятия по гармонизации межэтнических отношений в полиэтничном мегаполисе:

привлечение национально-культурных объединений, религиозных организаций, действующих на территории региона, молодежных организаций к участию в работе, направленной на повышение правовой культуры, правосознания и гражданской ответственности населения;

взаимодействие с национально-культурными объединениями и религиозными организациями в проведении профилактической работы с несовершеннолетними членами молодежных объединений, в деятельности которых усматриваются признаки религиозного экстремизма, с целью предотвращения религиозной экстремистской деятельности и социальной адаптации членов таких организаций;

расширение системы миротворчества при взаимодействии органов власти и управления, институтов гражданского общества и СМИ в целях выведения этничности из сферы политики и гуманизации межэтнического диалога;

размещение на территории региона (на информационных стендах) социальной рекламы, направленной на гармонизацию межэтнических и межкультурных отношений, профилактику проявлений ксенофобии и укрепление толерантности;

продвижение в российских региональных СМИ материалов о позитивном характере межэтнических и конфессиональных отношений, о положительном опыте урегулирования конфликтных ситуаций;

мониторинг законодательства в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений.

Бураева Н. Д. История развития и формирования национально-культурных объединений в Российской Федерации [Текст] / Н. Д. Бураева // Молодой ученый. – 2014. – №3. – С. 881-884.

Национально-культурные и религиозные организации Санкт-Петербурга. Научное информационно-справочное издание. – СПб.: Санкт-Петербургская торгово-промышленная палата, 2010. – 144 с.

Привалова М.Е. Национально-культурные объединения как инновационный потенциал региона в современной России: социологический анализ / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2013. – № 2(20). – С. 138-142

Тхатель С.А. Развитие национально-культурных организаций в полиэтничном социуме: социологический аспект / Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 8. – С. 57-61

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ ДЕВИАНТНОСТИ ЧЕРЕЗ СОЗДАНИЕ СОЦИАЛЬНО-РЕАБИЛИТАЦИОННЫХ ЦЕНТРОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Нехаев И.И. (Санкт-Петербург)

Аннотация: В своей статье автор основывается на том, что было общепризнано и доказано, что административно-карательный подход по социальному контролю девиантного поведения является неприемлемым и непродуктивным, была разработана новая концепция социального контроля, подразумевающего воспрепятствование девиантному поведению и социальную реабилитацию. Эта новая концепция легла в основу всей современной системы реабилитационной и профилактической работы с девиантными детьми и подростками в современных условиях, а особым инструментом этой системы стали социально-реабилитационные центры для детей и подростков.

Среди множества социальных проблем, решение которых необходимо обществу, одной из самых актуальных является все более молодеющая проблема отклонения несовершеннолетних от социально приемлемого поведения, детско-подростковая девиация, угрожающий рост безнадзорности и беспризорности, создающая реальную угрозу будущему нашего общества.

Проблема беспризорности и безнадзорности в России остро обозначила себя и приняла масштабы общенациональной еще в начале 90-х годов. Но лишь в конце 2001 года, она была по

настоящему признана на государственном уровне и оценена как угроза национальной безопасности страны. По разным оценкам, в начале XXI века в России насчитывалось от одного до пяти миллионов беспризорных и безнадзорных детей и подростков. В настоящее время в Санкт-Петербурге, по различным подсчетам, это количество составляет примерно от трех до десяти тысяч. Органами внутренних дел в Санкт-Петербурге ежегодно в качестве безнадзорных регистрируются около трех тысяч несовершеннолетних, и плюс к этому еще более тысячи задерживаются за совершение различных уголовных преступлений и правонарушений. Ежегодно Комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав в Санкт-Петербурге рассматриваются несколько тысяч дел, возбужденных в отношении несовершеннолетних. [2]

Можно говорить о том, что в последние годы девиантное поведение детей и подростков приобрело в масштабах страны массовый характер, что поставило эту проблему в центр внимания социальных работников, социологов, социальных психологов, медиков, и правоохранителей, и вызвало необходимость комплексного изучения данного вопроса. Так был сформирован комплексный подход, являющийся инновационными и позволяющий в будущем предотвратить множество проблем в обществе, который подразумевает современный социальный контроль, выражающийся в воспрепятствовании девиантному поведению и социальной реабилитации, т.е. возвращению в общество. [4]

Особое значение в работе по профилактике девиантного поведения приобрела социальная реабилитация – это система мероприятий, комплекс, направленный на восстановление утраченных несовершеннолетним социального статуса, социальных связей, устранение или по возможности полную компенсацию ограничений жизнедеятельности. [3]

Ранее социальной реабилитации не предавалось такого важного значения, а социальный контроль был направлен, в основном, на карательные акции по отношению к детям с девиантным поведением, существовавшая же ранее система коррекционной и профилактической работы была малоэффективной, что в большей степени объяснялось отсутствием передовых разработок и непрофессионализмом сотрудников. Число детей, которым государство и общественные структуры не способны были оказать достаточную помощь в жизнеустройстве, росло, что и это обусловило необходимость реформирования политики детства и внедрения новых социальных мероприятий, отвечающих потребностям времени. Данная ситуация также сделала актуальным создание новой системы специализированных учреждений для девиантных и дезадаптированных детей и подростков.

Создание подобных учреждений ставило перед собой целью работу по социальной реабилитации детей и подростков, поскольку было общепризнано и доказано, что административно-карательный подход к детям и подросткам, социализация которых оказалась нарушенной, и которым свойственны проявления девиантного поведения, является неприемлемым и непродуктивным. Эта новая концепция легла в основу всей современной системы реабилитационной и профилактической работы с девиантными детьми и подростками в современных условиях. При этом законом РФ учитывается необходимость гарантирования ребенку права на достойную форму существования в здоровой социальной среде. Это также регламентируется указом Президента РФ «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав» [5]. Организованная на сегодняшний день система по реабилитации детей и подростков с девиантным поведением представляет собой систему учреждений, общественных организаций, служб, ведомственных структур, объединенных по территориальному признаку, и их действий по участию в профилактике социальной дезадаптации и реабилитации несовершеннолетних. [1].

В состав многих социально-реабилитационных центров на сегодняшний день входят приюты. Такие учреждения являются наиболее перспективными, так как позволяют решать коррекционно-реабилитационные проблемы комплексно, ориентируясь как на самого поступившего, так и на среду, в которой он непосредственно находится, в том числе и на родительскую семью. Центр помогает не только беспризорным детям и подросткам, но и не утратившим связи со своей семьей и другими социальными институтами, так как предоставляет значительно более широкий спектр услуг, чем другие социозащитные учреждения. Центры имеют возможность предоставлять различные формы социального обслуживания: дневной стационар, круглосуточное пребывание, социальный патронаж, помещение в замещающую семью.

В заключение хотелось бы сказать, Центры социальной реабилитации для несовершеннолетних явились важным компонентом обновления общей государственной системы профилактики девиантного поведения и безнадзорности, а также отражением изменений позиции

социального контроля девиантного поведения на государственном уровне. И также можно сказать, что комплексный подход взаимодействия Центров с различными структурами остальной социальной системы напрямую влияет на продуктивность деятельности Центров, и во многом зависит от того, насколько эффективно складываются эти взаимоотношения. Но мы считаем необходимым отметить, что, несмотря на то, что на сегодняшний день численность социально-реабилитационных центров и их географический и территориальный охват неуклонно растут, возрастает также и потребность в них, и, на сегодняшний день, количество принимаемых мер социального контроля и профилактики девиантного поведения не соответствуют остроте и масштабам решаемых проблем.

1. Беличева С.А. Основы превентивной психологии М., Редакц. - изд. центр консорциума "Соц. здоровье России", 2012.
2. Бреева Е.Б. Дезадаптация детей и национальная безопасность России. – М.: Издат.дом «Дашков и К*», 2012
3. Кузнецова Л.П. Основные технологии социальной работы: Учебное пособие. - Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2002. - 92 с.
4. Руководство по оказанию комплексной помощи беспризорным и безнадзорным несовершеннолетним. – СПб.: Санкт-Петербургская общественная организация «Врачи детям», 2008. – 146 с.:
5. Указ Президента РФ от 06.09.1993 N 1338 (ред. от 14.01.2000) "О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав"

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ В РОССИИ И НОВАЦИЙ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Новикова С.С. (Москва)

Аннотация: Россия входит в состав стран с отрицательной демографической динамикой и старением населения. Ее причины связаны с кризисом традиционной семьи как общественного института, а также с фактором демографической «ямы» 90-х годов. В сумме такая негативная динамика может привести к предельно критической демографической нагрузке на работающее население и социальную сферу.

Приемлемым путем нейтрализации риска избыточной демографической нагрузки и сохранения социальных обязательств государства является системная модернизация социальной сферы, за счет, во-первых, стимулирования перехода к «цифровой» экономике. Во-вторых, - новых социальных технологий, направленные на рост социальной активности и ответственности населения. Наиболее полно такого рода технологии обоснованы в концепции партисипаторного общества (общества участия).

Особенности воспроизводства населения, отражаемые в демографической динамике, оказывают нарастающее влияние на социально-экономическое развитие общества, включая его социальную сферу. География процесса естественной убыли населения (депопуляции) расширяется и, по прогнозам ООН, к 2050 году он будет наблюдаться во многих странах мира, прежде всего, относящихся к так называемой западной цивилизации. Наряду с тенденцией усиления депопуляции, не вызывает сомнений противоположная ей тенденция роста численности населения стран, расположенных на африканском континенте, относящихся к исламской ойкумене и ряда других. В результате, прогнозируемая численность населения планеты увеличится к 2050 году почти до 10 млрд. человек [4, 5, 6], хотя есть и так называемый «фертильный сценарий», согласно которому этот показатель будет значительно выше [1].

При всем разнообразии прогнозов, Россия включается в состав стран с отрицательной демографической динамикой. Причины такого процесса различны по своему характеру. Происходит деградация традиционной семьи как общественного института и ценности. По данным переписей 2002 и 2010 гг. доля одиноких домохозяйств выросла в России с 22 до 26% [2]. Одновременно снижается уровень здоровья нового поколения, включая его репродуктивные способности. Важное значение имеет и объективный фактор: демографическая «яма» 90-х годов прошлого века привела к тому, что в среднесрочной перспективе будет уменьшаться доля женщин репродуктивного возраста (15-49 лет) [3].

Важным последствием демографической динамики для социальной сферы станет тенденция старения населения. Согласно прогнозу Росстата доля лиц, вышедших за пределы

трудоспособного возраста, в 2018 году составит 25,5%; и далее будет последовательно увеличиваться, достигнув в 2036 году 30% [7].

В сумме такая негативная динамика демографических показателей может привести к предельно критической демографической нагрузке на работающее население и на выполнение социально приемлемых обязательств, соответствующих социальному государству.

Для компенсации негативных демографических тенденций можно стимулировать приток иностранной рабочей силы (внешней миграции), но долгосрочные последствия такой политики вряд ли приведут к искомому результату. Опыт проведения подобной политики в ряде западных стран (получивший обоснование в концепции мультикультурализма) привел к неоднозначным результатам и возрастанию угроз социокультурной безопасности для коренного населения этих стран.

Наиболее оптимальным выходом из создавшейся противоречивой демографической ситуации служит (помимо поддержки многодетных семей, улучшения здравоохранения, роста уровня и качества жизни, реализации программы «Доступная среда» и иных аналогичных программ) двойной путь системной модернизации социальной сферы.

Во-первых, стимулирование перехода к «цифровой» экономике, обществу знания. Следствием реализации этого направления станет изменение структуры рынка труда (уже сегодня публикуются списки устаревающих профессий – водителей, переводчиков, лекторов, бухгалтеров и др.), сформируются новые возможности участия в нем людей старшего возраста. Увеличение производительности труда снимет угрозу чрезмерной демографической нагрузки на работающее население. Преимущества информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) способны значительно обновить услуги, предоставляемые в социальной сфере. Уже сегодня на повышение компьютерной грамотности групп социального риска направлены многочисленные региональные программы, типа реализуемой в Алтайском крае программы "Виртуальный мир, доступный каждому"; программы социального туризма (в частности, в Тюменской области); внедряется технология MOVE, направленная на повышение жизнедеятельности лиц, с ограниченными возможностями для самообслуживания (например, в Татарстане).

Во-вторых, помимо «железа» и соответствующих ему технологий, нужны новые социальные (мягкие) технологии (организационные, управленческие, коммуникативные), направленные на рост социальной активности населения и ответственности за себя, своих родных и близких. Наиболее полно на сегодняшний день такого рода технологии обоснованы в концепции партисипаторного общества или общества участия. Эта концепция (подход) реализуется в рамках следующих моделей: взаимодействия людей и институтов; практики работы местных сообществ, программного планирования. Такая система практик сосредоточена на локальных задачах, которые решаются преимущественно самим населением через волонтерские и другие некоммерческие социально ориентированные организации. Например, социальная технология «партисипаторной лестницы» (ladder of participation) служит вовлечению людей в активную социальную деятельность. Причем это вовлечение идет на уровне местного сообщества, т.е. на уровне, где решаются основные повседневные задачи населения.

Следование предложенному двойному пути: внедрению новаций в социальной сфере через достижения так называемой индустриальной революции 4.0 (технологического уклада б.0), и одновременно через новые социально-гуманитарные технологии, позволит нейтрализовать угрозу избыточной демографической нагрузки на российское общество, избежать возможного инокультурного давления и сохранить гарантированные государством социальные обязательства.

1. 10 миллиардов человек – 2100 год [Электронный ресурс] // - URL: http://www.liveinternet.ru/users/buvay_sar/rubric/2977646/ (дата обращения: 02.10.2017).

2. Вот какие мы – россияне: Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] // Российская газета – Федеральный выпуск №5660 (284). – 22.12.2011. - URL: <https://rg.ru/2011/12/16/stat.html> (дата обращения: 01.10.2017)

3. Демографические прогнозы и внешние вызовы системе здравоохранения РФ до 2020 г. [Электронный ресурс]. - URL: <http://wume.ru/raznoe/8/261-demograficheskie-prognozy-i-vneshnie-vyzovy-sisteme-zdravooxraneniya-rf-do-2020-g.html> (дата обращения: 08.10.2017)

4. Население Земли в 2100 году составит 11 миллиардов человек // LENTA.RU. - 18 сентября 2014. - URL: <https://lenta.ru/news/2014/09/18/worldpopulation/> (дата обращения: 09.10.2017).

5. ООН: численность населения Земли достигнет 11 миллиардов к 2100 году // РИА НОВОСТИ (обновлено: 17:26 22.06.2017) URL: <https://ria.ru/world/20170622/1497101828.html> (дата обращения: 09.10.2017).
6. Прогноз численности населения в мире на 2050 год. - URL: <https://politros.com/society/14140/> (дата обращения: 09.10.2017).
7. Численность населения по отдельным возрастным группам [Электронный ресурс] // Госкомстат России. - Дата обновления: 27.06.2017 - URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 08.10.2017).

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ: ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Панин Н.С. (Волгоград)

История благотворительности уходит в глубину веков. Ее началом можно считать договор 911 года князя Олега с греками, в котором указывалось на оказание помощи ближнему[1]. Благотворительность можно понимать как гуманистическую традицию, ведь она является неотъемлемой частью нравственной культуры, общественных норм всех цивилизаций, передающихся из поколения в поколение. Традиция помощи старым, больным, инвалидам, детям, людям, оказавшимся в беде и не могущим самостоятельно ее преодолеть – все это есть благотворительная деятельность. Таким образом, под благотворительностью мы понимаем помощь нуждающимся со стороны общественных организаций, государственных учреждений, церкви и частных лиц.

В России благотворительность испокон веков считалась уважаемым занятием. Однако революция 1917 года в корне перевернула всю благотворительную деятельность.

После революции система отечественной благотворительности претерпела качественные изменения. Можно сказать, что события 1917 года разрушили сложную систему благотворительности, заменив ее унифицированной сетью государственных заведений. К власти пришли большевики со своей концепцией и идеологией. Так, сферу благотворительной помощи были вынуждены покинуть члены императорской фамилии, ранее занимавшие в ней видные позиции. Возглавляемые ими крупнейшие благотворительные организации, такие, как Ведомство учреждений императрицы Марии, Человеколюбивое общество, Попечительство о трудовой помощи и др., вошли в состав созданного Временным правительством Министерства государственного призрения, ориентированного на создание государственной системы социальной защиты[2].

Многие благотворители и меценаты в одночасье стали нищими или были вынуждены эмигрировать[3]. За пределами России организовывались общества помощи беглым эмигрантам. Теперь уже зажиточные русские люди поддерживали друг друга за пределами своей родины.

Новое правительство запретило благодетельствовать своим же гражданам. Принять любое подаяние считалось постыдным. Теперь государство взяло на себя все заботы об инвалидах, сиротах, бездомных. Развитие частной благотворительной деятельности в России прекратилось и возродилось лишь к концу XX века.

Теперь на современном этапе (после возрождения в конце XX века) благотворительность представлена вновь в различных сферах деятельности: социальной, духовной, экономической и т.д. Благотворительная деятельность служит дополнением к системе социальной защиты, оказывая помощь разным социальным учреждениям[4].

В настоящее время благотворителями создается множество новых благотворительных фондов. Например, уже в современной России существуют такие известные фонды как Российский фонд помощи (Русфонд), фонд "Подари жизнь", благотворительный фонд Владимира Потанина, фонд "Линия жизни" и многие другие. Любой гражданин может внести вклад в благое дело.

Также на сегодняшний день благотворительностью занимается и класс российских предпринимателей. Именно он взял на себя инициативу возрождения меценатства в России.

А самым главным шагом к восстановлению благотворительной деятельности в России, на мой взгляд, является Федеральный закон 1995 года «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», в котором раскрывается сущность благотворительной деятельности, цели, условия и порядок ее осуществления; предоставляемые государственные

гарантии[5]. Согласно этому закону также выделяются гранты для обеспечения частичного финансирования государством различных благотворительных проектов и предприятий.

Итак, можно отметить, что за более чем два десятилетия Россия достаточно продвинулась в возрождении тенденций благотворительности. Этому способствовало как государство, так и всемирные добровольные благотворительные организации, частные лица. Среди народных масс благотворительность набирает все большие и большие обороты и включает с каждым годом в себя все большее количество людей.

Обобщая все вышесказанное, нельзя не заметить, что благотворительность играет огромную роль на протяжении многих столетий как в жизни человека, так и любого государства. На сегодняшний день благотворительность необходима для того, чтобы снизить социальное напряжение в обществе и смягчить назревшие социальные проблемы. По этой причине в настоящее время важно теоретическое осмысление основ благотворительной деятельности как формы общественно значимой деятельности. Возрождение государственной благотворительной помощи, развитие благотворительности частных организаций, появление благотворительных фондов, а также благотворительная деятельность отдельных лиц может способствовать не только оказанию более эффективной помощи нуждающимся, но и развитию общества в целом в соответствии с важнейшим принципом гуманизма.

1. *Социальная работа: история, теория и практика : учебник / Е. И. Холостова. — М. : Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2011. — 905 с.*
2. *Максимов Е.Д. Особые благотворительные ведомства и учреждения. -М., 1903.*
3. *Власов П.В. Благотворительность и милосердие в России. - М.: Центрполиграф, 2001. — 443 с.*
4. *Кононова Т.Б. История российской благотворительности и ее связь с государственными структурами социального обеспечения: Автореф. дис. канд. ист. наук. — М., 1997. - 24 с.*
5. *Федеральный закон "О благотворительной деятельности и благотворительных организациях" от 11.08.1995 N 135-ФЗ.*

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Панкова Н.М., Беляева В.С. (Москва)

В данной работе рассмотрены цели благотворительности, основные направления благотворительной деятельности в России, такие как: помощь малоимущим семьям; гуманитарная помощь беженцам и гражданам, пострадавшим от бедствий природного и техногенного характера; сбор денежных средств на лечение детей и взрослых; донорство крови и её компонентов; помощь детским домам; помощь приютам для бездомных животных.

Благотворительность подразумевает оказание безвозмездной помощи тем, кто в этом нуждается. Главной особенностью благотворительности является добровольный выбор содержания помощи, вида пожертвований, место и потраченное на это время.

В современной России благотворительность широко распространенное явление. Считается, что помогать нуждающимся хорошее, благородное дело. Люди добровольно и осознанно занимаются благотворительностью.

Во всех странах с экономикой рыночного типа, где имеет место имущественное неравенство, благотворительность стала одним из заметных путей решения многих социальных проблем населения.

В настоящее время создан Союз Благотворительных Организаций России, объединяющий около трех тысяч благотворительных организаций и фондов. Кроме этого, в России действуют около семидесяти крупных иностранных благотворительных фондов (более трети из них - американские).

В согласовании со ст. 1 ФЗ от 11.08.95 №135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» под благотворительной деятельностью понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки. [1]

Благотворительная деятельность может осуществляться в целях:

социальной поддержки и защиты граждан, включая улучшение материального положения малообеспеченных, социальную реабилитацию безработных, инвалидов и иных лиц, которые в силу своих физических или интеллектуальных особенностей, иных обстоятельств не способны самостоятельно реализовать свои права и законные интересы;

подготовки населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев;

оказания помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, промышленных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, жертвам репрессий, беженцам и вынужденным переселенцам;

содействия укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращению социальных, национальных, религиозных конфликтов;

содействия укреплению престижа и роли семьи в обществе;

содействия защите материнства, детства и отцовства;

содействия деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения, духовному развитию личности;

содействия деятельности в сфере профилактики и охраны здоровья граждан, а также пропаганды здорового образа жизни, улучшения морально-психологического состояния граждан; [2]

На сегодняшний день, основными направлениями благотворительности в России являются: помощь малоимущим семьям; гуманитарная помощь беженцам и гражданам, пострадавшим от бедствий природного и техногенного характера; сбор денежных средств на лечение детей и взрослых; донорство крови и её компонентов; помощь детским домам; помощь приютам для бездомных животных.

Рассмотрим немного подробнее эти направления.

Помощь малоимущим семьям

К сожалению, в России актуальна эта проблема, многие граждане нашей страны живут за чертой бедности. У семей с низким уровнем дохода могут возникать такие проблемы, как нехватка продуктов, одежды, канцелярских товаров в школу. Для этого организовываются ярмарки, куда сочувствующие граждане приносят одежду, продукты и другие принадлежности, которые могут потребоваться. Также существуют центры, на регулярной основе принимающие одежду, обувь, предметы гигиены, непортящиеся продукты и т.д., которые затем распределяются по нуждающимся семьям.

Гуманитарная помощь беженцам и гражданам, пострадавшим от бедствий природного и техногенного характера

Россия – страна с огромной территорией, на которой есть и горы, и крупные реки, и вулканы. Как следствие, многие регионы подвержены опасности возникновения чрезвычайных ситуаций природного характера. Так, например, в 2013 году был затоплен Хабаровский край, в результате чего местные жители потеряли урожай, а также жилье и все необходимые для жизни вещи. И в других регионах страны были открыты пункты сбора гуманитарной помощи, откуда затем на борту самолета МЧС РФ всё доставлялось в пострадавший регион. Также многие граждане перечисляли средства на открытые специально для помощи Хабаровскому краю счета.

Сбор денежных средств на лечение детей и взрослых

На сегодняшний день существует большое количество интернет ресурсов, созданных с целью помощи в сборе средств для людей, нуждающихся в дорогостоящем лечении. Также в сборе средств помогает телевизионная реклама и мобильные сервисы, которые поддерживает государство в том числе.

Донорство крови и её компонентов

Слово донор происходит от латинского «donare», что переводится как «дарить». Во всем мире донорство безвозмездно. Взрослый человек без опасности для своей жизни может потерять около литра крови, на станции переливания крови доноры сдают до 400 мл, это количество крови восстанавливается организмом очень быстро.

Бедда случается всегда неожиданно. Поэтому регулярное донорство крови очень важно. Кровь может понадобиться немедленно, а сдача крови и её компонентов занимает некоторое время. Именно поэтому необходимо, чтобы донорство было регулярным, а не экстренным - только так можно обеспечить постоянный запас крови в масштабах всей страны.

Помощь детским домам

По разным стечениям обстоятельств некоторые дети, к сожалению, оказываются без родителей и попадают в детский дом. В большинстве случаев, благотворительность заключается в спонсорской поддержке заведения. Также, любой желающий может купить или отдать вещи, игрушки, школьные принадлежности детям. Но помочь можно не только материально, люди разных профессий и возрастов объединяются в коллективы и приезжают к детям, для того, чтобы порадовать их какой-то концертной программой либо провести с ними интересные занятия.

Помощь приютам для бездомных животных

Потребность в цивилизованном, гуманном отношении к животным увеличивается с каждым днем. В настоящее время данную проблему уже затрагивают многие мировые СМИ, а также привлекают внимание знаменитости. Регулярно проводятся выставки-фестивали животных из приютов, где потенциальные хозяева могут пообщаться с животным и при положительном результате подарить последним любящую семью и дом. А также приюты всегда рады принять помощь, как материальную, так и в виде корма и вакцин для животных.

1 - Ст. 1 ФЗ от 11.08.95 №135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»

2 - Ст. 2 ФЗ от 11.08.95 №135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»

МЕЖДУНАРОДНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ МИГРАЦИЯ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РИСКИ

Панкратова Л.С. (Санкт-Петербург)

Аннотация: В фокусе рассмотрения работы современная международная молодежная миграция в Волгоградской области. Выделяются основные тенденции иммиграции в регионе и связанные с ней ключевые социальные риски. Предлагаются перспективы развития миграционной политики в отношении молодых иммигрантов, оказанию им социальной поддержки.

Современная международная миграция в России характеризуется преобладанием доли молодежи в структуре лиц, прибывающих в страну. Согласно официальным данным, опубликованным Федеральной службой государственной статистики [1], в 2016 году основной поток иммигрантов - молодых мужчин и женщин в возрасте от 20 до 29 лет – пришелся на следующие страны: Азербайджан – 5 908; Армения – 8 287; Беларусь – 2 684; Казахстан – 10 836; Киргизия – 6 924; Молдавия – 3 991; Таджикистан – 14 655; Узбекистан – 14 436; Украина – 25 345. Волгоградская область – крупнейший по территории субъект, входящий в состав Южного федерального округа РФ, является одним из регионов временного или постоянного проживания молодых мигрантов из стран СНГ, ближнего зарубежья. Так, миграционный прирост из стран СНГ в 2016 году в регионе составил 2 965 человек, а в 2015 году – 4 115 [2]. В период с января по июнь 2017 года на миграционный учет в области поставлено 81 684 человека, из них 41 714 – первично [3]. Основными целями пребывания при постановке на миграционный учет на территории Волгоградской области являются: работа – 56,7%, частная – 25,2%, туризм – 5,8%, учеба – 4,4%, иное – 7,9%.

Трудовая миграция молодежи из зарубежных стран в Волгоградскую область актуализирует риски, с которыми сталкиваются прибывшие на рынке труда. Наиболее существенной проблемой оказывается распространение неформальной занятости трудовых иммигрантов, использование труда «нелегалов». В условиях реальной потребности региона (дефицит рабочей силы) во внешних трудовых ресурсах, особенно в таких отраслях экономики, как сельское хозяйство и строительство, данные практики получают заметное распространение [4].

Такие интересы, как доступность работы с хорошей оплатой труда, возможность найма жилья, во многом определяют принцип расселения молодых мигрантов на территории региона, а также освоение ими городского пространства административного центра – города Волгограда. Привлекательными для молодежи оказываются экономически и досугово развитые районы – «центр», что препятствует равномерному культурному и социально-экономическому развитию «периферии» (например, окраин города) [5]. Заселение физического пространства населенного пункта нередко оказывается продиктовано социальными связями и отношениями – соседство с родственниками и знакомыми, способными оказать финансовый и/или иной вид поддержки. В результате формируются своеобразные «районы-анклавы», где проживает значительное количество выходцев из одной страны, региона. Таким образом, закрепляется и воспроизводится

социальная и культурная сегрегация - «свой» и «чужой» - в физическом пространстве города, что существенно препятствует культурной адаптации и интеграции внешних мигрантов.

Создание в Волгоградской области в 2016 году одного из первых в России Центров содействия иммиграции – государственная мера в рамках реализации на региональном уровне миграционной политики по снижению правовых, административных и экономических рисков международной миграции, противодействию дискриминации иностранных граждан и обеспечению безопасности представителей принимающего сообщества. Однако в качестве самостоятельного направления политика в отношении молодежной миграции в регионе не разрабатывается. Перспективным представляется развитие партнерского взаимодействия между государственным сектором, некоммерческими организациями и диаспорами по вопросам социальной защиты молодых иммигрантов, а именно:

- мониторингу численности молодых мигрантов в Волгоградской области,
- изучению их социально-демографического портрета,
- выявлению и предотвращению рисков в сфере труда, образования и здравоохранения,
- противодействию терроризму и
- информированию (медиа ресурсы) принимающего сообщества о мигрантах-представителях других этнических групп, в том числе молодых.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10092).

1. Федеральная служба государственной статистики. Распределение мигрантов по основным возрастным группам и зарубежным странам в 2016 году // Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm (дата обращения: 30.09.2017)
2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Волгоградской области (Волгоградстат). Миграция // Официальная статистика. Режим доступа: http://volgastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/volgastat/resources/6c020b0041d199138e55fe27f9898572/%D0%9C%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_070717.htm (дата обращения: 09.10.2017)
3. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь-июнь 2017 года с распределением по регионам // Главное управление по вопросам миграции МВД России. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya> (дата обращения: 09.10.2017)
4. Игнатова Ю.Е., Николенко Н.А. Трудовые мигранты в условиях современного российского общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2010. № 1. С. 64-69.
5. Васильева Е.Н., Данилова Е.О. Социально-экономическая активность мигрантов в пространстве города Волгограда и Волгоградской области // *Primo aspectu*. 2015. Т. 21. № 7 (167). С. 62-65.

ДОСУГОВЫЙ КЛУБ ДЛЯ ПОЖИЛЫХ ГРАЖДАН КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Парфенова О. (Санкт-Петербург)

В тексте представлены результаты эмпирического исследования, проведенного на базе досугового клуба для пожилых. Клуб называется «Улыбка» и располагается на базе государственного учреждения «Комплексный центр социального обслуживания населения» одного из районов Санкт-Петербурга.

Автор рассматривает данный клуб как инструмент, главной задачей которого является преодоление ситуации социального исключения - типичной для неработающих людей пожилого возраста.

Социальное положение пожилых людей (в частности в России) характеризуется множественными структурными барьерами, препятствующими активной жизни. Часть этих барьеров преодолеть чрезвычайно сложно – они связаны с состоянием здоровья пожилого человека. Уязвимое (маргинализированное) положение граждан старшего возраста подкрепляется не только их неудовлетворительным материальным обеспечением, но и сужением круга профессионального, дружеского и семейного общения. Последнее явление в современном обществе наблюдается все более как следствие сильной нуклеаризации семей. Нередко пожилые люди чувствуют свою невостребованность и одиночество [6, 4, 2].

Для анализа положения пожилых граждан используются категории социального исключения/уязвимости. Социальное исключение имеет процессуальный характер и влечет ограничение возможностей в разных сферах жизни гражданина. (Сен, 1999; Абрахамсон, 2001; Abrahamson, 2004).

Один из интересующих нас исследовательских вопросов звучит так: как институт, предоставляющий социальные услуги пожилым гражданам, способствует преодолению ситуации социального исключения?

В качестве эмпирического объекта выступает досуговый клуб «Улыбка», который функционирует в составе Комплексного центра социального обслуживания населения (прим. здесь и далее - КЦСОНа) в одном из районов Санкт-Петербурга. Как самостоятельное социально-досуговое отделение, клуб был открыт в декабре 1999 года. «Улыбка» расположена на первом этаже жилого многоэтажного дома и занимает небольшое помещение, состоящее из просторной прихожей, кабинета директора и специалиста по социальной работе, и двух комнат: зала и кабинета трудотерапии. Деятельность клуба на протяжении всего существования была направлена на обеспечение досуговых мероприятий граждан пожилого возраста. На сегодняшний день положение, регламентирующее работу «Улыбки» гласит: «Отделение предназначено для проведения досуга граждан пожилого возраста Калининского района, сохранивших способность к самообслуживанию и активному передвижению, для предоставления социальных, культурных и психологических услуг, привлечения к посильной трудовой деятельности, поддержания активного образа жизни».

В документе выделен главный критерий для клиентов – способность к самообслуживанию и передвижению, т.е. состояние физического здоровья. Специальных способов проверки на удовлетворение этому критерию нет. Другой обязательный критерий – достижение клиентом пенсионного возраста обретение статуса «пожилого» (поскольку целевая аудитория КЦСОН – пожилые граждане). Этот критерий уже подвергается контролю – потенциальный клиент должен предъявить паспорт, чтобы подтвердить достижение им пенсионного возраста. Помимо этого, от клиента требуется написать заявление на обслуживание в клубе, в котором он указывает свои данные: имя, фамилию, отчество, дату рождения и наличие льгот.

В качестве ресурсов рекрутирования клиентов используются социальные сети, местные газеты. Например, заведующая клубом является также депутатом местного муниципального округа, на базе которого издается газета, в которой периодически размещается информация о клубе и его мероприятиях.

Клиентами клуба числятся порядка 320 человек. При этом форма «членства» может быть очень разной – начиная от того, что клиент может посещать клуб раз в полгода, чтобы взять билет по льготной цене в театр или на концерт, и, заканчивая регулярным посещением занятий, экскурсий и мероприятий, которые предлагает «Улыбка». В интервью директор клуба акцентирует внимание на том, что они называют своих клиентов по-разному: посетители, клиенты, члены клуба. При этом, средний возраст, по словам заведующей не низкий – около 70-75. Крайне мало клиентов в возрасте 55-60 лет. Заведующая клубом объясняет это тем, что: «Молодые пенсионеры работают или занимаются с внуками. Некоторые считают себя молодыми для нашего клуба» (ИнтбЭксп). Из 320 членов клуба мужчин всего около 15.

В клубе существует расписание занятий. В течение недели с понедельника по пятницу, каждый день в определенное время проходят те или иные занятия. В расписании есть разные формы досуга: танцевальные группы, группы «Здоровья», пение-терапия, занятия хора (совместно с домом творчества), курсы по дополнительной компьютерной грамотности и т.д. Постоянных сотрудников клуба не много – порядка восьми человек: заведующая (директор), инструкторы по труду, сестра-хозяйка, санитарка, специалист по социальной работе.

Со стороны клиентов выявлены различные формы волонтерства – например, пожилые женщины ведут группы «Здоровья» (различные виды гимнастик). Это поощряется руководителем клуба, поскольку позволяет не только помочь творческому самовыражению клиентов, но и обеспечить форму досуга для других посетителей клуба. Специальных средств для приглашения лекторов/ведущих занятий клубу не выделяется, поэтому волонтерство выгодно и в этом аспекте. Кроме того, существует стабильная группа волонтеров (порядка 20 человек), в которую входят не только ведущие групп, но и те, кто регулярно участвует в различных конкурсах, представляя клуб, помогает украшать зал к различным праздникам, делать уборку после ремонта помещения и т.п. Возраст волонтеров от 55 до 96 лет. Волонтеры поощряются директором клуба правом на первоочередную запись на экскурсии, в театры, их торжественно и публично поздравляют с днем

рождения (в клубе есть специальная доска для такого рода объявлений). Это носит характер неформально правила, негласной договоренности между клиентами и клубом. Фактически, происходит обмен ресурсами между клубом в лице его руководителя и волонтерами. Оказывая как вполне материальные услуги, так и не материальные, предоставляя свои ресурсы в виде знаний, опыта, конкретных практических навыков, волонтеры в ответ получают как материальные поощрения (билеты на экскурсию), так и нематериальные – поздравления, репутацию, особый статус. Особый статус транслируется и поддерживается не только директором клуба и инструкторами по труду, но и другими членам клуба. Кроме того, существует определенная конкуренция за статус. Примером этого могут служить группы Здоровья - две пожилые женщины ведут разные группы, в разное время и их «подопечные» не ходят на обе группы, поскольку гимнастика там проходит по-разному и обе ведущие конкурируют между собой за клиентов и за правильный подход к преподаванию дыхательных и других упражнений. (Инт11 Пож, Инт6Эксп).

Многие клиенты находят в клубе друзей, некоторые даже завязывают романтические отношения (хотя это большая редкость, учитывая совсем незначительное количество мужчин среди клиентов). Заведующая Светлана рассказывает о том, как двое пожилых мужчин пришли туда с целью найти жену. Поиск завершился удачей – было заключено два брака, после чего в клуб мужчины больше не приходили. В целом, расширение круга знакомств и вовлечение в активный досуг является очевидным эффектом клубной деятельности. В «Улыбку» приходят по разным причинам – некоторые ищут общения, кто-то продолжает социальную активность после ухода из профессиональной сферы. Так, Нина Николаевна (72 года) пришла в клуб вскоре после смерти супруга. О клубе узнала из общества блокадников, в котором она состоит. В результате стала завсегдатаем «Улыбки» - посещает занятия и мероприятия клуба регулярно. Родственники Нины Николаевны живут в другой стране и редкое ее навещают. При этом, у пожилой женщины высокая потребность в общении, она не любит находиться дома в одиночестве. «Я все время стараюсь куда-нибудь выйти, пообщаться». (Инт10 Пож). В клубе она познакомилась с другой клиенткой, впоследствии они стали подругами и общаются вне клуба. Другой пример - одна из волонтеров, ведущая группы «Здоровье» – Анна Ивановна (73 года) пришла в клуб сразу после того, как завершила педагогическую деятельность - в 71 год. О клубе узнала из газеты местного муниципального округа. Помимо группы «Здоровье», она также периодически проводит лекции для членов клуба на разные темы. В конце интервью выяснилось, что у Анны Ивановны есть сын, который тоже живет в Санкт-Петербурге. Однако, в ходе интервью, женщина ни разу не упомянула о нем, концентрируя рассказ на своих интересах и событиях из жизни, не связанных с семьей/детьми. На вопрос о возрасте, Анна Ивановна отвечает: «Я чувствую себя на 25» (Инт11 Пож). Очевидно, таким образом, потребность в активной деятельности и стремлению постоянно узнавать что-то новое, участвовать в коллективных мероприятиях ассоциируется клиенткой именно с молодым возрастом. Вопрос о соотношении возраста и способности к активной жизнедеятельности оказывается значимым в разных аспектах. Например, пожилые клиенты не хотят считать себя старыми.

Кроме того, выше уже была приведена цитата директора клуба о том, что «Некоторые считают себя молодыми для нашего клуба». Здесь мы имеем дело с тем, как работает дискурс о том, что старость=уязвимость. Вследствие доминирующих представлений, выраженных дискурсивно, граждане не согласны пользоваться сервисом «для пожилых», чтобы не номинировать себя как «пожилые» или «старые». Таким образом, если речь идет о человеке, всего лишь достигшем пенсионного возраста, то он скорее не согласится пойти в клуб «для бабушек» не только из-за возможного отсутствия желания и возможностей для этого, но и потому что не желает быть номинирован в категорию уязвленных, нуждающихся в «особых» услугах «пожилых». Являясь потребителем услуг для «пожилых», клиент акцентирует внимание на том, что он не «старый», очевидно ранжируя понятия «старый» и «пожилой». В данном случае признать себя «старым» означает то же самое, что признать себя «пожилым» для граждан из категории «молодых пенсионеров», которые считают себя слишком молодыми для подобных клубов. «Старый» неспособен на активный досуг.

Таким образом, «активные» клиенты КЦСОН (в данном случае клуба «Улыбка») имеют вполне конкретный инструмент для интеграции в неформальные объединения и активную деятельность, преодоления одиночества, обретения новых знакомств и навыков и т.п. Меняются их практики и степень вовлеченности в социальную жизнь.

1. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность //П. Абрахамсон// *Общественные науки и современность*. –2001.–№ 2. С. 158–166.
2. Григорьева И.А. Приоритеты социальной политики: пожилые люди //И.А. Григорьева// *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2005.– Т. VIII. № 3. С. 131–145.
3. Сен, Амартия. Развитие как свобода. /А. Сен. – Пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р.М. Нуреева, М.: Новое издательство, –2004. – 432 с.
4. Смирнова Т.В. Пожилые люди: стереотипный образ и социальная дистанция //Социологические исследования.–2008, №8, с. 49–55.
5. Abrahamson, P. *Social Exclusion: Concepts and Debates/P/ Abrahamson// Poverty and Social Exclusion in the New Russia. /Edited by Nick Manning and NataliyaTikhonova. –2004.– P. 95–109. Ashgate.*
6. Harris, J. G. *Serving the Elderly: Informal Care Networks and Formal Social Services in St. Petersburg. Pp. 78–104 in: Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-socialist Countries. Ed. by MaijaJäppinen, MeriKulmala and Aino Saarinen. Cambridge Scholars Publishing, 2011, 360p.*

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Первова И.Л., Келасьев В.Н. (Санкт-Петербург)

Статья подготовлена в рамках гранта СПбГУ «Влияние неолиберализма на динамику социальной политики и формирование системы социального обеспечения в развивающихся странах (Российская Федерация, Республика Индия, Южно-Африканская Республика)» шифр ИАС 10.37.224 2016

Аннотация

Выделены как положительные, так и отрицательные последствия имплементации неолиберальных отношений в систему социального обслуживания населения. К положительным последствиям относятся: расширение числа и разнообразия оказываемых услуг; снижение роли патернализма в самоопределении граждан; экономия государственных средств для социальной сферы; конкуренцию между поставщиками социальных услуг и т.д. К отрицательным последствиям причислены: снижение доступности социальных услуг для населения; неприятие реформ большинством граждан; уменьшение расходов государства на социальную сферу; возрастание нестабильности социальной среды; деформация базовых ценностей социальной работы и др.

Накопленный опыт внедрения неолиберальных отношений в систему социального обслуживания позволяет выделить наличие как положительные, так и отрицательные последствия их имплементации. Положительные факторы включают: расширение числа и разнообразия оказываемых услуг; снижение роли патернализма в самоопределении граждан, особенно молодого поколения; экономию государственных средств для социальной сферы; конкуренцию между поставщиками социальных услуг, внедрение инновационных технологий как в сфере производства реабилитационных товаров и услуг, так и новых социальных технологий межведомственного взаимодействия. Основные отрицательные факторы сводятся к снижению доступности социальных услуг для населения; неприятию реформ большинством граждан; уменьшению расходов государства на социальную сферу; возрастанию нестабильности социальной среды; деформации базовых ценностей социальной работы, вероятности снижения качества услуг и профессионализма специалистов.

Вместе с тем, внедрение бизнеса в социальную сферу сдерживается целым рядом факторов, таких как высокая рискогенность вложений, неопределенность налоговой системы, неотработанность системы социального партнерства с государством, социальная и материальная неготовность населения к рыночным отношениям и т.п.

Таким образом, четкий алгоритм внедрения инновационных партнерских государственно-частных технологий пока не сложился, несмотря на то, что рыночные отношения затронули все слои населения, включая активное население и уязвимые группы. Вместе с тем, накоплен определенный опыт внедрения рыночных отношений в социальную сферу (здравоохранение, образование, социальное обслуживание): использование грантовых механизмов; совместных государственных и частных предприятий; появление социального предпринимательства и т.п. Переход от «социального обеспечения» к «социальному обслуживанию» предполагал, что большую часть рынка социальных услуг возьмут на себя представители частного капитала, как это происходит в странах Западной Европы и США. Достаточно быстро в России, как и в других

развитых странах, появились сети частных детских садов, школ, домов престарелых, медицинских учреждений, а в сфере предоставления социальных услуг – частное предпринимательство заняло нишу по социальным услугам семьям с детьми, инвалидам и другим уязвимым группам населения. Наиболее востребованными оказались услуги сиделок, нянь, социального такси, тревожной кнопки, менеджеров по организации досуга, по обучению компьютерной грамотности, изучению иностранных языков.

Однако из-за экономического спада, больших инвестиционных рисков и высокой стоимости предоставляемых услуг сектор социального предпринимательства не смог развиваться желаемыми темпами и оставил существенные пробелы в социальном обслуживании населения, не оправдав, тем самым, возлагавшихся на него надежд. Социальное предпринимательство не смогло пока заполнить ту огромную брешь в социальной сфере, которая образовалась с уходом госпредприятий из сферы социального обслуживания населения. Фрустрацию населению добавляет и возросшая нестабильность социальной среды, порождающая, прежде всего, неуверенность в завтрашнем дне.

В силу современной экономической ситуации сектор социального предпринимательства не может развиваться желаемыми темпами. Высокая стоимость предоставляемых услуг делает их недоступными для широких слоев населения. В сознании населения идет борьба между прежними патерналистскими установками и реалиями неолиберальных практик в социальной сфере. Одновременно осуществляется непростой процесс налаживания взаимодействия государства с бизнесом.

В целом, позитивные преобразования от внедрения рыночных отношений осуществляются слишком медленно, а негативные - продолжают тормозить потенциал рынка.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ ПОЖИЛЫХ

Петухова И.С. (Санкт-Петербург)

Актуальность исследований и практик в отношении пожилых граждан признается теоретиками, практиками, общественными и государственными деятелями, представителями СМИ. Расширение обсуждений проблем пожилых вызвано как значительным увеличением их численности, так и нарушением взаимодействия пожилых с обществом, исключение из различных социальных сред.

В современных социальных науках традиционные представления об иерархической классово-групповой структуре общества дополнились критериями иного порядка, определяемыми как включение в социальные среды (инклюзия) и исключение из них (экслюзия). По мнению П. Абрахамсона, «предыдущая классовая стратификация, делившая людей на вертикальные слои, постепенно заменяется горизонтальной дифференциацией на «инсайдеров» и «аутсайдеров». А. Турен развивает идею горизонтального общества: «наиболее важно понимать, не внизу люди или наверху, а в центре они или на периферии». Пара включение/исключение не всегда оказывается парой противоположностей. Все чаще исключение человека из одних социальных групп сопровождается включением в другие, то есть перемещение не вниз или вверх, а внутрь или вовне [1].

Первые обсуждения концепции социального исключения возникли во Франции в 1960-х гг. в рамках определения положения социально незащищенных категорий населения. Ключевым понятием социальной политики, близким по значению к понятию неблагополучия, социальная экслюзия стала только во время экономического кризиса 1980 года. Тогда появились первые развернутые исследования социального исключения различных групп населения.

Европейская Комиссия определяет социальную экслюзию как процесс, вытесняющий человека на периферию общественной жизни и лишаящий возможности полноценно участвовать в ней вследствие бедности, нехватки базовых компетенций или дискриминации. Это ограничивает его возможности в трудоустройстве, образовании, организации досуга и участии в жизни социума.

Наиболее развернутое определение социальной экслюзии лиц пожилого возраста можно найти у Дж. Уорбертона, Н. Г. Сик Хана и С. М. Шардлоу [2]. Ученые полагают, что индивид социально исключен, если он/она не участвует в ключевых видах деятельности общества проживания. Это подразумевает необходимость определения важнейших сред, из которых индивид может быть исключен: (1) потребление (способность покупать товары и услуги); (2) производство (участие в экономических и социально значимых видах деятельности); (3)

политическая вовлеченность (участие в принятии решений на местном и национальном уровне); (4) социальные отношения (интеграция в семью, дружеские отношения, сообщества). Важным замечанием авторов является то, что исключение может происходить независимо от того, хочет человек или нет быть исключенным из общественных связей. Решение не участвовать в общественной жизни может быть принято на основе прошлого негативного опыта или дискриминации. Многими авторами подчеркивается, что пожилой человек «накапливает» немало негативного опыта, который может служить причиной социального исключения в старости.

Очевидно, что исключение различных социальных групп и отдельных индивидов проявляется при возникновении дисбаланса в системе «человек – общество (социальная среда) – способы взаимодействия между ними» (Ч→Вз←С), т.е. нарушения «взаимодействия» между пожилым человеком и средой. Эти нарушения могут проявляться в следствие социально-обусловленной зависимостью пожилых людей раннего выхода на пенсию, легитимации низкого дохода, ослабления права на самоопределение в институтах и организациях, зависимости от общественных служб, где пожилые люди считаются пассивными получателями социальных услуг и др. Российские пенсионеры сталкиваются с такими проблемами как геронтофобия, стереотипы старости и старения, возрастные соматические риски, недостаточно высокий уровень образования, ограничение в доступе к виртуальной информации, удаленность места проживания от центра (более 30% российских пенсионеров проживает в сельской местности).

Современные российские исследования социальной эксклюзии граждан пожилого возраста ориентированы на анализ невозможности реализации ими своих прав в полной мере. Многие авторы отмечают, что российская социальная практика основана на «жалостливом гуманизме» и нацелена, скорее, на помощь и спасение. В западных же странах дискурс социальной эксклюзии быстро распространился и повлек за собой расширение инклюзивного подхода, который стал движущей силой в социальной политике ЕС. Социальная инклюзия определяется сегодня как процесс, направленный на то, чтобы каждый, невзирая на свою жизненную историю или обстоятельства, мог реализовать свой потенциал.

Благополучие рассматривается как итог успешного взаимодействия человека с множеством сред, функционирования с ними и в них, доступа к ресурсам среды, что обеспечивает достаточно полное удовлетворение потребностей человека и рассматривается по субъективным и объективным критериям как успех в жизни. При этом подчеркиваем, что единственным способом ограничивать социальное исключение пожилых граждан являются практики включения в нормативные сообщества, которые (практики) могут и должны осуществляться государством. Таким образом, если пожилой становится исключенным из одних сред, у него должны оставаться возможности включиться в другие.

Однако, благополучие пожилых отнюдь не сводится к предоставляемым условиям и ресурсам, а предполагает наличие собственной активности к привлечению личных усилий для постановки и реализации жизненных целей и своего потенциала для обеспечения благополучия. Необходимо желание пожилых для включения в общественно одобряемые социальные среды. В этом случае активную роль могут играть СМИ. Видится, что данный подход тесно связан с концепцией активного старения (active ageing), ставшей столь популярной в ЕС в последние годы. Активное долголетие предполагает не только усилия по улучшению здоровья или качеств жизни, но и увеличение участия/партисипацию, делающее социальную сплоченность более вероятной.

Республика Карелия, как и большинство субъектов Российской Федерации является стареющим регионом. Доля пожилых в общей численности населения республики ежегодно растет, что влечет не только увеличение экономической нагрузки на бюджет региона, но и провоцирует проблемы взаимодействия пожилых с различными социальными группами.

Теоретическое и практическое понимание социального благополучия пожилых неразрывно связано с определением показателей, позволяющих судить об уровне и качестве жизни. Однако, измерение социального благополучия пожилых отнюдь не сводится к объективным (уровень материальной обеспеченности, перечень предоставляемых услуг, обеспеченность жильем) или субъективным критериям (удовлетворенность качеством социальных услуг, взаимодействие с семьей и друзьями). При анализе включения/исключения пожилого из социальной среды мы можем опираться на изучение четырех сфер его жизни: потребление, производство, политическая вовлеченность, социальные отношения, а также на возможность пожилого самостоятельно принимать важные жизненные решения, быть включенным в различные социальные практики, что позволит пожилым оставаться включенными в различные виды деятельности.

1. 1. Дмитриева А. В. Социальное включение/исключение как принцип структурирования современного общества / А. В. Дмитриева // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 98-114.
2. 2. Warburton J., Sik Hung N. G., Shardlow S. M. Social inclusion in an ageing world: Introduction to the special issue // Ageing and society. Cambridge, 2013. Vol. 33, № 1. P. 1-15.

РЫНОК ПЛАТНЫХ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ И ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Пешкова Н.А. (Барнаул)

Здравоохранение в современной Российской Федерации сталкивается с большими изменениями. Платные медицинские услуги может оказать практически любое государственное и частное учреждение здравоохранения. Термин «платные медицинские услуги» вошел в оборот в 90х годах XX века, повышая доступность оказания медицинской помощи населению. Российский рынок платных медицинских услуг помогает решать проблемы, возникшие в связи с большой нагрузкой на бюджетную медицину и её слабым обеспечением узкими специалистами.

В настоящее время существует проблема, связанная с обострением противоречий между потребностью членов общества в качественной и доступной медицинской помощи и состоянием системы здравоохранения.

Для роста обращений к платным медицинским услугам существует несколько предпосылок: рост заболеваемости населения, некачественная медицинская помощь в государственных учреждениях здравоохранения, отсутствие нужного специалиста в бюджетном медицинском учреждении. Как показывает статистика аналитического центра Левады, более половины опрошенных респондентов в 2014 году считали, что качество государственного медицинского обслуживания в последние годы не улучшилось [3]. Таким образом, все больше людей готовы заплатить за качественно предоставленную услугу, а не идти на прием в государственное медицинское учреждение. Клиенты все чаще обращаются не за разовым решением проблем, а готовы наблюдаться у платных врачей на постоянной основе.

Явление платных медицинских услуг зафиксировано и изучается исследователями. Теоретической базой для изучения данной проблемы послужила работа Тарасовой А.Н. и Арбитайло И.Я. «Востребованность платных медицинских услуг в Тюменской области», в которой отмечено, что в России существует недофинансирование государственной системы здравоохранения, характеризующейся дефицитом медицинских кадров в связи с сокращением заработной платы медицинским работникам [2, с.100]. Еще одной важной составляющей следует считать работу Т.Н. Поздняковой «Исследование рынка платных медицинских услуг г. Пензы». [1, с.133-138]. В данном исследовании возраст большинства респондентов составил 20-50 лет, что объясняется низкой платежеспособностью граждан пенсионного возраста. Важным фактором для посещения коммерческих медицинских центров в г. Пенза респонденты называли внимательное отношение со стороны медицинского персонала, и нежелание сидеть в очереди в бюджетных учреждениях здравоохранения. Следует подчеркнуть, что наиболее востребованными платными медицинскими услугами в Пензе являются стоматологические, диагностика и лабораторные исследования. Анализ данных работ помогает оценить состояние здравоохранения и востребованности коммерческой медицины в разных регионах.

Эти исследования, как и ряд других, выявили сложность развития рынка платных медицинских услуг и показали, что важной особенностью в работе негосударственных учреждений здравоохранения является жесткое государственное регулирование и контроль. Любая организация для начала работы в этой сфере должна получить лицензию, за которой стоит большое количество экспертиз и согласований. Однако ситуация в этой сфере не улучшается, а становится все хуже. Лицензирующие и контролирующие органы могут по минимальному поводу приостановить действие лицензии. Даже если пациенту не был причинен вред, не было жалоб, инспектор может найти несоответствие в бумагах, которого будет достаточно для приостановления лицензии коммерческого медицинского центра. Основная задача главного врача - вопросы лицензирования медицинской деятельности и делопроизводство. При этом все действия государства в отношении медицинских компаний не опираются на законодательство.

Многие нюансы состояния и развития платной медицины в современной России изучены недостаточно. Данное обстоятельство характеризуется низким вниманием к рынку платных медицинских услуг и редкими исследованиями частного здравоохранения в России [1, с. 133].

Для того чтобы установить востребованность платных медицинских услуг, в области коммерческой медицины необходимо проведение комплексного статистического исследования, обращенного на выявление факторов, влияющих на предпочтение пациентов, оценку привлекательности видов платных медицинских услуг, определение наиболее востребованных медицинских специализаций. Растущий потребительский спрос на коммерческие медицинские услуги определяет необходимость исследования рынка платной медицины. Сегодня человек нуждается в своевременном, комплексном и комфортном медицинском обслуживании.

1. Позднякова Т.Н. Исследование рынка платных медицинских услуг г. Пензы// Научно-методический журнал «XXI век: Итоги прошлого и проблемы настоящего плюс». – Пенза, 2013. – С. 133-138.
2. Тарасова А.Н., Арбитайло И.Я. Востребованность платных медицинских услуг в Тюменской области// Вестник Томского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – Тюмень, 2013. – С. 123-128.
3. Удовлетворенность системой здравоохранения [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2014/09/17/udovletvorennost-sistemoj-zdravoohraneniya/>

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО КАК ИННОВАЦИОННОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ

Платонова Ю.Ю. (Санкт-Петербург)

Аннотация. В докладе раскрывается сущность социального предпринимательства и его влияние на решение острых социальных вопросов. Рассматриваются успешные примеры решения социальных проблем силами социального предпринимательства на уровне Санкт-Петербурга.

Деятельность государства в решении социальных вопросов поддержки населения в современных условиях требует постоянного наращивания расходов государственного бюджета, пополнение которого зависит от состояния внутренней экономики, переживающей сегодня кризисные времена. Социальное предпринимательство сегодня является актуальным явлением, отвечающим потребностям момента и представляющим расширение границ бизнес-структур за счет внедрения в социальный сектор.

Как показывает опыт, социально-предпринимательская деятельность имеет большое значение для любого государства, что связано со способностью данного вида деятельности аккумулировать необходимые ресурсы и разрабатывать инновационные решения там, где обнаружены провалы рынка.

В современной экономики идея социального предпринимательства рассматривается как общественная инновация, течение «постиндустриальной филантропии», предполагающее активность людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. [2]

Социальное предпринимательство – это деятельность, направленная на обеспечение занятости инвалидов, матерей, имеющих детей в возрасте до трех лет, выпускников детских домов, а также лиц, освобожденных из мест лишения свободы, при условии, что среднесписочная численность указанных категорий граждан среди работников компаний социального бизнеса составляет не менее 50%, а доля в фонде оплаты труда – не менее 25%. [1].

То есть социальное предпринимательство рассматривается как предпринимательская деятельность, обеспечивающая решение либо смягчение социальных проблем, отличающаяся социальным воздействием, имеющим измеримые результаты, инновационностью, самокупаемостью, характеризующаяся способностью решать социальные проблемы за счет доходов от собственной деятельности, способная увеличивать масштаб деятельности и распространять опыт для увеличения социального воздействия.

Принципиальным отличием социального предпринимательства является способность уйти от узкого понимания бизнеса как коммерции и возможность мобилизации ресурсов для достижения главной цели – улучшения жизни населения, которого захватывает их деятельность.

Выделяют несколько ключевых признаков социального предпринимательства:

- социальный характер предпринимательской деятельности, то есть деятельность направлена на решение социальных проблем;
- инновационный подход к организации деятельности и процессов;
- возможность расширения масштаба и границ деятельности и создание подобных институтов;
- возможность решать социальные проблемы за счет доходов, получаемых от собственной деятельности.

Как показывает практика, применение технологий социального предпринимательства для решения острых социальных вопросов это возможность использования ресурсов, которые ранее в таком качестве не использовались. Это не только материальные ресурсы, но в первую очередь человеческие, возможность привлекать обделенные слои общества (занятость инвалидов, выпускников детских домов и т.д.). В этой связи основными направлениями деятельности социального предпринимательства могут выступать:

- профилактика социального сиротства;
- поддержка материнства и детства;
- социальная адаптация и создание рабочих мест для инвалидов и членов их семей;
- создание доступной среды для маломобильных категорий граждан;
- развитие межнационального сотрудничества и другие, наиболее актуальные направления поддержки населения.

Сегодня на уровне Государственной Думы Российской Федерации идет обсуждение законопроекта о социальном предпринимательстве. В 2016 году впервые а рамках Петербургского международного экономического форума прошла панельная сессия «Предпринимательство в социальной сфере как драйвер позитивных изменений».

В Санкт-Петербурге социальное предпринимательство активно развивается и получает поддержку со стороны Правительства Санкт-Петербурга. Распоряжением Комитета по развитию предпринимательства и потребительского рынка Санкт-Петербурга 15.05.2015 № 1711-р была утверждена программа «Об утверждении специальной программы «Поддержка социального предпринимательства» в рамках которой возмещаются затраты, связанные с уплатой арендных платежей за аренду зданий, нежилых помещений, аренду оборудования и приобретение оборудования. В 2017 году максимальный размер субсидии одному субъекту малого и среднего предпринимательства в течение одного финансового года составляет 50% от общей суммы документально подтвержденных затрат, но не более 500 000 рублей.

В качестве примеров развития социального предпринимательства в Санкт-Петербурге можно выделить первую в России турфирму «Либерти», организующую туры для людей с инвалидностью, в том числе колясочников. Благотворительный фонд «Рауль» и компанию «Работа- i» помогающие в трудоустройстве выпускникам детских домов, в том числе и коррекционных.

Так же многие ведущие некоммерческие организации Санкт-Петербурга развивают социальное предпринимательство - качественные сувениры благотворительной общественной организации «Ночлежки», благотворительного фонда содействия решению проблем аутизма «Антон тут рядом», проекта «Помогать легко» фонда AdVita.

Известным примером социального предпринимательства и использования технологии по сбору средств - краудфандинг является проект «Пара за пару» обувной фабрики «Тибож» в Красносельском районе г. Санкт-Петербурга, где почти все сотрудники – люди с инвалидностью 2 и 3 группы.

Развитие социального предпринимательства, поддержка его на законодательном уровне будет способствовать решения многих социальных проблем, как на уровне государства, так и региональном уровне.

1. Ветрова Е.А. Социальное предпринимательство как фактор социально-экономического развития общества //Вестник ТГУ, выпуск 1(141), 2015 с.1-4
2. Юрина Е.А. К вопросу о развитии социального предпринимательства в российской практике// Вестник ТГУ, выпуск 12 (104), 2011с.474-477

ИММИГРАНТЫ В СИСТЕМЕ УСЛУГ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РОССИИ

Попова Е.А. (Санкт-Петербург)

Наличие доступа к услугам здравоохранения - значимая проблема для любого общества. Важной задачей для принимающих значительное число иммигрантов государств (в том числе и для России) является выработка механизмов контроля за их здоровьем, поскольку люди, прибывающие из страны с санитарно-эпидемиологической обстановкой более низкого уровня, могут быть источником рисков для здоровья местного населения. Кроме того, здоровье влияет на возможности самореализации человека, а также на качество трудовых ресурсов. Эти причины делают актуальной тему здоровья мигрантов и их доступа к медицинским услугам.

Поскольку значительная часть мигрантов приезжает в Россию из более бедных и менее экономически развитых стран, допустимо предполагать, что их здоровье хуже по сравнению со здоровьем россиян, однако может наблюдаться так называемый «эффект здорового мигранта», связанный с самоотбором более здоровых людей, решившихся на переезд в другую страну. При этом данный эффект со временем исчезает. [3, с.68]

В научной литературе существует несколько подходов к объяснению ухудшения состояния здоровья мигрантов спустя некоторое время после эмиграции:

- модель конвергенции, согласно которой к ухудшению здоровья и росту смертности среди иммигрантов приводит необходимость адаптации к иной социокультурной среде;

- модель стрессового переселения, которая предполагает, что негативное влияние на здоровье мигрантов оказывают такие факторы, как низкий социально-экономический статус, неблагоприятные условия жизни и труда, отсутствие доступа к услугам, недостаток социального общения, социальная изоляция;

- модель взаимодействия предмиграционных и постэмиграционных стрессовых факторов, которые, действуя вместе, негативно отражаются на здоровье мигрантов. Так, например, здоровье детей иммигрантов подвергается определённому риску вследствие того, что родители, вынужденные много работать, не уделяют им достаточно внимания. [2, с. 34-39]

Существуют Правила оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории России (Постановление Правительства РФ от 6 марта 2013 г. № 186). Иностранцам гарантируется бесплатное оказание экстренной медицинской помощи, а также возможность привлечения к оплате медицинских услуг любого юридического или физического лица, представляющего интересы иностранного гражданина. Кроме того, застрахованные иностранные граждане имеют право на бесплатное оказание медицинской помощи в рамках предусмотренных законом. Эти правила распространяются и на мигрантов. [4, с.12]

На практике иммигранты сталкиваются с рядом трудностей при необходимости получения медицинских услуг. Можно выделить следующие факторы, ограничивающие доступность медицинской помощи для мигрантов:

- нелегальное положение;
- вовлечения в теневой и неформальный сегменты рынка труда, отсутствие разрешения на работу, патентов, приводящее к невозможности получать страховку от работодателей;
- высокая стоимость полисов добровольного медицинского страхования и недоступность полисов ОМС;
- отсутствие у работодателей мотивации для охраны здоровья мигрантов.

Проведенное в 2012–2013 гг. исследование положения и интеграции трудовых мигрантов в Татарстане показало, что самолечение является распространенной практикой реагирования на болезнь – 48% опрошенных мигрантов занимаются самолечением, а 12 % респондентов ничего не предпринимают в случае заболевания. Неофициальное положение работников (54,5 % опрошенных) исключает возможность взять «больничный лист». Обращаются к врачу в случае заболевания около 40 %. 32,9 % респондентов получили бесплатную медицинскую помощь (по медицинскому полису) в городской поликлинике, 29,5 % - обратились в платную клинику. [4, с.12-13]

Исследование среди женщин-мигрантов, проведенное в 2010 году, показало, что около половины из них обращались за медицинской помощью: 40% получили медицинскую помощь платно, 9% – бесплатно. 12% опрошенных прибегали к самолечению по причине дороговизны медицинских услуг. Только 5% опрошенных мигранток при необходимости получили оплаченный больничный лист, 7% могли рассчитывать на частичную оплату. [1, с.142]

Среди возможных стратегий снижения рисков для здоровья иммигрантов можно отметить следующие:

- информационно-разъяснительная деятельность, включающая распространения информации о праве мигрантов на получение услуг здравоохранения;
- выработка политики, направленной на создание справедливого доступа к медицинской помощи для мигрантов, усиление механизмов социальной защиты мигрантов, а также содействие международному сотрудничеству в отношении здоровья мигрантов;
- получение объективной информации о здоровье мигрантов;
- содействие преодолению среди организаций, оказывающих медицинскую помощь, культурной, религиозной, лингвистической и гендерной дискриминации в отношении мигрантов;
- поддержание инициатив по укреплению здоровья и профилактике болезней среди мигрантов; установление минимальных стандартов оказания медицинской помощи мигрантам. [5, с. 1495]

1. Иванова Л. Ю. Социальные риски для здоровья трудовых мигрантов // Вестник Института социологии. - 2013. - № 6. - С. 130-145.
2. Кислицына О. А. Миграция и здоровье: монография / О. А. Кислицына; Институт соц.-экон. проблем народонаселения Российской академии наук. - М.: МАКС Пресс, 2013. - 132 с.
3. Кислицына О.А. Моделирование различий в состоянии здоровья мигрантов и россиян // Народонаселение. - 2013. - №3. - С. 68-81.
4. Кузнецова И.Б., Мухарямова Л.М. Трудовые мигранты в системе медицинских услуг: формальные и неформальные стратегии // Журнал исследований социальной политики. - 2014. - №1. - С.7-20
5. Юрьев П.С. Здоровье трудовых мигрантов, как фактор, затрудняющий их социальную адаптацию в России // Общество и здоровье: современное состояние и тенденции развития. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 19-20 сентября 2013. М.: РОС, 2013. - С. 1485-1497.

АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОКАЗАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

Провоторова Ю.Н. (Петрозаводск)

Сфера оказания социальных услуг населению является одной из базовых сфер жизнедеятельности общества. Поскольку она ориентирована, в первую очередь, на оказание социальной помощи людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию, эта отрасль человеческой деятельности весьма чувствительна к изменениям, происходящим в обществе.

С 1 января 2015 года вступил в силу закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», в котором законодательно закрепляются возможности для социального предпринимательства и для оказания социальных услуг некоммерческими организациями. С 2015 года государство будет лишь устанавливать социальные стандарты, и финансировать предоставление таких услуг, их поставщиками могут быть коммерческие и некоммерческие организации и индивидуальные предприниматели. Тем самым, закон предоставляет возможность некоммерческим организациям стать полноправными субъектами системы социального обслуживания и в целом социальной работы [3].

В республике Карелия была принята Стратегия социально-экономического развития республики Карелия до 2020 года [2]. Данный документ одним из основных приоритетных направлений долгосрочной политики социальной поддержки населения определяет не только формирование эффективной системы социальной поддержки лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию, но и также делает упор на развитие сектора негосударственных некоммерческих организаций в сфере оказания социальных услуг. Одним из основных механизмов указанной стратегии является механизм координации субъектов регионального развития и достижения общественного согласия, который предполагает согласование основных направлений социальной политики между государством и участниками рынка оказания социальных услуг населению.

Тем не менее, в настоящий момент, социально ориентированные некоммерческие находятся в процессе своего становления как полноценного субъекта социальной помощи. Законодательно закреплён тот факт, что некоммерческие организации могут выступать в качестве

поставщиков социальных услуг, однако не все социально ориентированные некоммерческие организации, как и потребители социальных услуг знают об этом.

Согласно определениям, указанным в ФЗ №442 «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [1], под социальной услугой понимается действие или действия в сфере социального обслуживания по оказанию постоянной, периодической, разовой помощи, в том числе срочной помощи, гражданину в целях улучшения условий его жизнедеятельности и (или) расширения его возможностей самостоятельно обеспечивать свои основные жизненные потребности. Поставщиком социальных услуг является юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы и (или) индивидуальный предприниматель, осуществляющие социальное обслуживание.

По состоянию на 2 октября 2017 года в реестре поставщиков социальных услуг республики Карелия зарегистрировано 44 субъекта. Государственными учреждениями социального обслуживания являются 18 организаций, из них девять Центров помощи детям, оставшимся без попечения родителей, социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних, центр реабилитации инвалидов, дом-интернат для умственно-отсталых детей, дом-интернат для ветеранов, два психоневрологических интерната и три дома-интерната для престарелых и инвалидов.

Кроме государственных учреждений в реестр в качестве поставщиков социальных услуг входят и муниципальные учреждения в соответствии с районами республики. Таких районов в республике 18, из них два городских округа (Петрозаводский и Костомукшский), национальный район (Калевальский), национальный муниципальный район (Пряжинский) и четырнадцать муниципальных районов (Беломорский, Кемский, Кондопожский, Лахденпохский, Лоухский, Медвежьегорский, Муезерский, Олонецкий, Питкярантский, Прионежский, Пудожский, Сегежский, Сортавальский и Суоярвский). В каждом из указанных муниципальных образований есть Центр социального обслуживания населения (Комплексный центр социального обслуживания населения), кроме того, в Петрозаводском городском округе существует также реабилитационный центр для детей и подростков с ограниченными возможностями, такая же организация функционирует и в Пудожском муниципальном районе.

Помимо государственных и муниципальных учреждений социального обслуживания в реестре поставщиков социальных услуг республики Карелия включены также шесть негосударственных организаций. К ним относятся Карельская региональная общественная организация «Служба социальной реабилитации и поддержки «Возрождение», Карельский региональный благотворительный фонд «Материнское сердце», Автономная некоммерческая организация социальной поддержки людей, находящихся в трудной жизненной ситуации "Дом на скале", Автономная некоммерческая организация по оказанию юридических услуг "Презумпция", Общество с ограниченной ответственностью "Региональный центр услуг", а также Благотворительный фонд «Моя бабуля».

В целом, необходимо отметить, что в связи с тем, что негосударственные учреждения с принятием федерального закона получили возможность заниматься социально-полезной деятельностью в рамках социального обслуживания и оказания социальных услуг населению отмечается рост таких субъектов-поставщиков социальных услуг, в том числе и в республике Карелия.

Государственный строй Российской Федерации, ее становление после распада СССР в качестве самостоятельного государства обосновывает изменения, которые неизменно происходят в обществе нашей страны. Этот факт, безусловно, оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности людей и, в том числе, сферу социальную. На современном этапе развития общества с развитием новых технологий развиваются и такие базовые отрасли социальной жизни как предоставление социальных услуг населению.

В целом, переход к ныне существующей системе организации социального обслуживания и системе поставщиков социальных услуг хоть и развивается быстрыми темпами, но в целом, для российского общества весьма неоднозначен. На первый взгляд, включение так называемого третьего сектора в социальную сферу и сферу оказания социальных услуг населению влечет за собой появление и внедрение в практику новых механизмов и форм работы с людьми, попавшими в трудную жизненную ситуацию для удовлетворения их базовых социальных потребностей. Однако, в современном обществе бытует мнение, что базовые сферы общественной жизни, такие как культура, здравоохранение, образование и социальная сфера, хоть и весьма восприимчивы к социальным изменениям, все же должны быть подчинены государству и должны осуществлять

свою деятельность исключительно силами исключительно государственных и муниципальных учреждений. Все это обосновывает актуальность межсекторного взаимодействия в сфере оказания социальных услуг населению, которое при всех положительных тенденциях, еще нуждается в значительных изменениях.

Таким образом, в республике Карелия в качестве поставщиков социальных услуг выступают организации трех типов: государственные, муниципальные и негосударственные субъекты оказания социальных услуг населению. С развитием общества развивается и возможности третьего сектора, в том числе и в решении социальных проблем общества и социальной помощи людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

1. *Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».* - [Электронный ресурс]/ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 07.10.2017).
2. *Стратегия социально-экономического развития республики Карелия до 2020 года.* - [Электронный ресурс]/ URL: <http://www.gov.karelia.ru/Leader/Document/Strategy2020/6.7.html>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 07.10.2017).
3. *Воробьева А.А. Некоммерческие организации как субъект социальной работы: проблемы и перспективы// NovaInfo.Ru. — 2014. — №28. — С. 437-439.*
4. *Реестр поставщиков социальных услуг республики Карелия.* - [Электронный ресурс]/ URL: <https://mintrud.karelia.ru/content>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 07.10.2017).

АРТ-ТЕРАПИЯ КАК НОВАЯ ФОРМА РАБОТЫ С ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫМИ.

Протопопова К.С. (Барнаул)

Статья посвящена зарубежному опыту арт-терапии с ВИЧ-инфицированными, а также проблеме отсутствия арт-терапевтических методик в работе с ВИЧ-инфицированными в России.

Россия за прошедшие сто лет проделала огромный путь – это была эпоха открытий, новых свершений и завоеваний. Но, помимо всех неоспоримых достижений, возникли и проблемы, в первую очередь, касающиеся всего общества. В эпоху глобализации глобальными стали и проблемы. В нашей работе мы рассматриваем проблему ВИЧ в Алтайском крае и ищем новые пути реабилитации ВИЧ-инфицированных клиентов.

На сегодняшний день в крае зарегистрировано 22 349 ВИЧ-инфицированных граждан, и с каждым годом эта цифра, к сожалению, только увеличивается [5].

Как известно, человек, которому поставлен диагноз ВИЧ, находится в кризисной ситуации, зачастую разрешаемой не самым лучшим образом. В Алтайском крае существенную поддержку и профессиональную помощь оказывают в Алтайском краевом центре по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями, а также на базе Алтайской краевой общественной организации «Анти СПИД Сибирь». В рамках выявления и лечения ВИЧ оказывается мультидисциплинарная помощь, в частности со стороны психологов это: групповое и индивидуальное консультирование, индивидуальная или семейная психотерапия. В то же время, нужно постоянно развиваться и изыскивать новые формы и технологии работы с данной категорией.

Для ВИЧ-инфицированных клиентов, мы считаем, целесообразно ввести арт-терапию. Согласно Резолюции Российской арт-терапевтической ассоциации, арт-терапия характеризуется как «система психологических и психофизических лечебно-коррекционных воздействий, основанных на занятиях клиентов/пациентов изобразительной деятельностью, построении и развитии терапевтических отношений. Она может применяться с целью лечения и предупреждения различных болезней, коррекции нарушенного поведения и психосоциальной дезадаптации, реабилитации лиц с психическими и физическими заболеваниями и психосоциальными ограничениями, достижения более высокого качества жизни и развития человеческого потенциала». Данное определение соответствует общепринятому определению арт-терапии в разных странах, представленному в основополагающих документах профессиональных саморегулируемых организаций (Американской арт-терапевтической ассоциации, Британской ассоциации арт-терапевтов и др.) и в научной литературе [7].

Опыт зарубежных ученых показал, что методы арт-терапии обладают значительным потенциалом и даже определенным преимуществом по сравнению с иными психотерапевтическими подходами.

ВИЧ-инфицированные почти всегда социально изолированы, E. Adelman and L. Castricone подчеркивают ценность арт-терапии в качестве преодоления этой изоляции поскольку она предоставляет участвующим в занятиях пациентам возможность использовать символические средства коммуникации в качестве более психологически безопасных, по сравнению с речью. На основе полученного опыта символической коммуникации участники групповых занятий могут затем развивать и иные формы контакта друг с другом. Символическая коммуникация может служить альтернативной формой общения в тех случаях, когда словесное общение затруднено или невозможно, либо когда для него существуют выраженные психологические барьеры [1].

T. Cantopher отмечает ценность арт-терапии, которая позволяет преодолеть защитные механизмы в виде отрицания проблем, интеллектуализации и подавления сложных переживаний [3]. Также N. Albert-Puleo и L. Johnson указывают на способность арт-терапии повышать самооценку и избавлять от ощущения собственной неполноценности. Это доказывает, что перенятие зарубежного опыта, а также разработка своих собственных технологий может играть существенную роль в дальнейшей работе с ВИЧ-инфицированными [2, 4].

Таким образом, благодаря опыту зарубежных ученых, можно уверенно говорить, что привлечение арт-терапевтических методов терапии будет только благоприятно влиять на общий ход реабилитации ВИЧ-инфицированных клиентов.

Следует не только перенимать чужой опыт, но и создавать свои ресурсные центры по разработке арт-терапевтических методик и обучению специалистов работе с ними.

1. Adelman E. and Castricone L. *An expressive arts model for substance abuse group training and treatment* // *The Arts in Psychotherapy*. 1986. V. 13 (1). P. 53-59.
2. Albert-Puleo N. *Modern psychoanalytic art therapy and its application to drug abuse* // *The Arts in Psychotherapy*. 1980. Vol. 7 (1). P. 43-52.
3. Cantopher T. *The philosophy of treatment of people with alcohol or drug problems and the place of the psychotherapies in their care* // In: D. Waller and J. Mahony (eds.) *Treatment of addiction. Current issues for arts therapies*. London and New York: Routledge. 1999. P. 22-45.
4. Johnson L. *Creative therapies in the treatment of addictions* // *The Arts in Psychotherapy* 1990. Vol. 17 (3). P. 299-308.
5. Алтайский краевой центр по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями: официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.alt aids.alt.ru>
6. Федеральный научно-методический Центр по профилактике и борьбе со СПИДом «Федеральный Центр СПИД»: официальный сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hiv russia.ru>
7. ЧУ ОДПО Институт современных психологических технологий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.paracels.ru/populjarnaja-psihologija/art-terapija-vich-inficirovannyh-zhenwin.html>

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РФ: ИННОВАЦИОННОЕ РЕШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Пунгина А.П. (Санкт-Петербург)

О социальном предпринимательстве в России за последнее десятилетие написано достаточное количество статей, но тем не менее споры о дефиниции «социальное предпринимательство» не угасают, а поиск универсальных критериев социальных предпринимателей для законопроекта о поддержке этого вида деятельности продолжается. Также существует проблема нераспространенности данного вида бизнеса во всех регионах нашей страны [6]. В данном докладе автор выделяет основные преимущества социального предпринимательства и предлагает меры распространения данного инструмента решения социальных проблем в РФ.

Что касается понятия «социальное предпринимательство» автор придерживается взгляда М. Юнуса, лауреата Нобелевской премии мира 2006 года: «это бизнес, созданный для достижения социальных целей» [3]. Чарльз Лидбитер выделяет основные качества социального предпринимателя [1]:

- **Предприимчивость:** разработка способов вовлечения неэффективно используемых ресурсов для удовлетворения каких-либо потребностей;
- **Инновационность:** создание новых услуг и продуктов, новых решений каких-либо проблем; зачастую посредством соединения различных подходов, которые ранее использовались только порознь;
- **Трансформационность:** изменение институтов, превращение устаревших организаций в динамичные и творческие. Кроме того, и куда важнее то, что они могут трансформировать районы и сообщества, в которых они работают, посредством открытия новых возможностей для саморазвития.

Социальное предпринимательство, по мнению автора, необходимо для решения социальных проблем в России по следующим причинам:

- в отличие от НКО, социальный бизнес является самокупаемым (о чем говорит само за себя слово «бизнес»), т.е. прибыль от предпринимательской деятельности направляется на социальную миссию, и поэтому исчезает необходимость государственного финансирования предприятий посредством грантов, субсидии и т.д. (такие меры нужны только на начальном уровне и велика вероятность инвестиций крупного бизнеса, беспроцентных займов фондов (например, фонда «Наше будущее»)). В потенциальной ситуации, когда социальное предпринимательство приобретет популярность, появится возможность сокращения НКО и, соответственно, уменьшения статей государственных расходов на данный тип деятельности (например, на первый конкурс президентских грантов 2017 года было потрачено 2 млрд 250 млн рублей [5]). Нельзя отрицать важность НКО, но важно внедрять социальный бизнес в сферах, где невозможно построить бизнес-модель.

- на развитие социального бизнеса не требуется финансовая государственная поддержка, что предполагает экономическую прозрачность системы. Ситуация с НКО в вопросе коррумпированности сложнее. По данным исследования Трансперенси Интернешнл Россия деньги для НКО в 2012 году выдавались с конфликтом интересов, также наблюдалось сокрытие информации о грантополучателях и о составе комиссии (в 24 субъектах) [4].

- личная заинтересованность социального предпринимателя и конкуренция на рынке социальных предприятий способствуют росту эффективности предприятия, а, следовательно, и решению социальных проблем

- государство освобождается «от разработки новых методов решения социальных проблем» [2]

Основными источниками поддержки этой деятельности в России, по мнению автора, являются: фонд региональных социальных программ «Наше будущее», региональные общества социальных предпринимателей, проект «Impact Hub Moscow» и краудфандинговые платформы.

Безусловно, организации, которые способствуют росту социальных предпринимателей важны, но также, по мнению автора, нужны и иные меры для продвижения этого явления:

- позиционирование социальных предпринимателей в СМИ как начинателей «великого дела»;

- создание «новых медиа» о социальном предпринимательстве для широкого круга пользователей социальных сетей с целью положительного позиционирования данного явления;

- принятие законопроекта о поддержке социального предпринимательства (особенно, важны пункты о «долгосрочных налоговых каникулах» и льготах для аренды помещения);

- подготовка специалистов в сфере образования социального предпринимательства, внедрение программ дополнительного образования по специальности «социальный предприниматель» (так как бизнес в сфере социальных услуг требует знаний особенности сферы и этики, эффективных экономических практик и управления).

Подвести итоги хотелось бы кратко: социальное предпринимательство – инновационный способ поддержки населения, способствуя его развитию – мы помогаем людям.

1. *LeadBeater C. The rise of the social entrepreneur. – London: Demos, 1997. – 85 p.*
2. *Стагниева Юлия Игоревна Государственная поддержка развития социального предпринимательства в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №1. С.323-325*
3. *Юнус, М., Создавая мир без бедности: Социальный бизнес и будущее капитализма/ М. Юнус, А. Жоли. – М.:ЦИПСИР, 2010. – 307 с.*
4. *Трансперенси Интернешнл Россия [Электронный ресурс] // НКО. – 2012. – Режим доступа: <https://transparency.org.ru/projects/prozrachnost-nko/itogi->*

monitoringa-dengi-dlya-nko-vydali-s-konfliktom-interesov-.html. Загл. с экрана. (09.10.2017)

5. Фонд президентских грантов [Электронный ресурс] // *Итоги*. – 2017. – Режим доступа: <https://президентскиегранты.рф/Home/SMI>. Загл. с экрана. (08.10.2017)

6. Фонд региональных социальных программ «Наше будущее» [Электронный ресурс] // *География*. – 2017. – Режим доступа: <http://www.nb-fund.ru>. Загл. с экрана. (09.10.2017)

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНОЙ ИНКЛЮЗИЯ»

Разина А.К. (Москва)

Производится сравнительный анализ подходов к определению социальной инклюзии. Также рассматривается соотношение понятий «социальная инклюзия», «социальная интеграция» и «социальная стигматизация». В результате анализа теоретических подходов к этим явлениям автор предлагает рассматривать социальную инклюзию как точку бифуркации в процессе развития социальной системы.

В 2008-ом году Россия подписала конвенцию о правах инвалидов [Федеральный закон...]. Это дает повод говорить о повышенном интересе нашего общества к исследованию вопросов реабилитации и инклюзии людей с ограниченными возможностями, а также интеграции общества как такового.

Вопросы социальной инклюзии стали популярным направлением исследований в различных социально-гуманитарных науках. Их изучение включено в общий контекст работ по проблемам социальной адаптации. Исследованиями этого профиля занимается В.К. Антонова, изучающая концепты социальной инклюзии и эксклюзии в современном глобальном обществе. Основой ее анализа служат «примеры западных и отечественных инициатив, направленных на просвещение общества в вопросах социальной инклюзии и привлечение внимания к растущим основаниям социальной эксклюзии» [Антонова, 2013]. Е.В. Ковалев и М.С. Староверова, предлагают разделять понятия «интеграция» и «инклюзия» [Ковалев, Староверова, 2010], а С.Н. Маслиева раскрывает их смысловые различия [Маслиева, 2014].

Вопросам интеграции и инклюзии людей с ограниченными возможностями здоровья посвящают свои работы такие ученые, как П.В. Романов и Е.Р. Ярская-Смирнова. Они рассматривают на основе социологических исследований «вопросы социальной дистанции, групповой идентичности инвалидов, проблемы правовой осведомленности, реабилитации, занятости, а также ключевые барьеры и точки роста социальной инклюзии» [Романов, Ярская-Смирнова, 2010]. Авторы также проводят сравнительный анализ собственных данных и результатов исследования 1991-ого года с целью проследить динамику развития вопросов инклюзии в России. Афонькина Ю.А. проводит «анализ концепций инвалидности в контексте развития инклюзивных процессов в Российском обществе и определение научно-теоретических подходов к разработке концепции человеческого достоинства как коррелирующей с принципами социальной инклюзии» [Афонькина, 2015].

Однако, как это часто бывает в социальных науках, строго определенной трактовки понятия «социальная инклюзия» установлено не было. Поверхностный анализ имеющейся литературы, так или иначе рассматривающей социальную инклюзию, показывает, что в большинстве случаев ученые говорят об инклюзивном образовании. Тем не менее есть основания полагать, что рассматриваемое понятие все же имеет более широкое значение. Мы определим социальную инклюзию, сопоставив ее с социальной интеграцией и социальной стигматизацией.

Т. Парсонс в рамках своей структурно-функциональной теории трактует социальную интеграцию как процесс адаптации системы к окружающей среде либо как процесс стабилизации системой всех ее элементов, в том числе включения в нее новых элементов [Парсонс, 1994]. Учитывая, что само слово «инклюзия» происходит от английского «inclusion», то есть «включение», в данном случае это понятие можно трактовать как часть процесса интеграции, связанную с присоединением к системе новых элементов. М.С. Астоянц и И.Г. Россихина отмечают, что «инклюзия – это процесс, происходящий с индивидами (социальными группами), а интеграция – процесс, происходящий в самом обществе» [Астоянц, Россихина, 2009].

Здесь опять имеют место противоречия между подходами различных ученых к определению инклюзии. Так, одни отмечают в данном процессе некоторый «насильственный оттенок», говоря о том, что он подразумевает некоторое слепое внедрение в устоявшуюся систему

чего-то инородного [Дименштейн, Ларикова, 2008: 12]. Другие, напротив, отмечают, что социальная инклюзия представляет собой индивидуализированную форму интеграции, отталкивающуюся от включаемого объекта, а не от системы [Ковалев, Староверова, 2010].

Тем не менее все подходы сходятся на том, что инклюзия по отношению к интеграции является более узким понятием. В целом, под социальной инклюзией принято понимать процесс внедрения в ту или иную социальную систему индивида или малую группу, обладающую непосредственными объективными отличиями от других элементов рассматриваемой системы, способствующего интеграционным процессам в данной системе.

Итак, социальная инклюзия является частью процесса социальной интеграции, которая производится на основе принятия отличия «включаемого» элемента в существующую социальную систему. Теперь необходимо определить, как соотносятся понятия «социальная инклюзия» и «социальная стигматизация».

И. Гоффман определяет социальную стигматизацию как создание связи в общественном сознании между некоторым качеством индивида или группы и стереотипом о поведении носителя этого качества [Goffman, 1963: 3]. Иными словами, наличие у индивида определенного качества, отличительной черты (например, какой-либо формы инвалидности) будет вызывать в сознании его собеседника определенные ожидания, навязанные стереотипом о носителях вышеупомянутого качества, есть ни что иное, как социальная стигма.

Очевидно, что стигматизация, как и инклюзия, основана на признании непохожести, объективных отличий отдельного индивида или группы от большинства, составляющего относительно устойчивую социальную систему. Однако стоит отметить, что стигматизация носит совершенно иной оценочный оттенок. Гоффман пишет, что стигматизация основана на некотором свойстве индивида, которое воспринимается иными как постыдное [Goffman, 1963: 3-4]. Именно поэтому стигматизация носит негативный характер, в то время как социальная инклюзия является скорее нейтральным процессом, имеющим вариативную трактовку. Различные подходы к данному явлению оценивают его либо как принятие кого-то непохожего, либо как внедрение чего-то инородного в устойчивую систему.

Сравнив процесс социальной инклюзии с процессами социальной интеграции и социальной стигматизации, можно обнаружить промежуточный характер этого явления. Различные оценки учеными социальной инклюзии позволяют предположить, что данное явление можно рассматривать как точку бифуркации в процессе развития социальной системы. Социальная инклюзия может рассматриваться как этап процесса социальной интеграции, связанный с включением в систему качественно нового элемента. Ту же самую связь можно уловить при рассмотрении социальной инклюзии и стигматизации: однако в данном случае включение нового элемента будет порождать в системе нестабильность, проявляющуюся в появлении негативных стереотипов в общественном сознании.

Таким образом, один и тот же процесс социальной инклюзии может привести к разным исходам и стать как причиной интеграции индивида или группы в определенную социальную систему, так и стигматизации индивида или группы со стороны элементов социальной системы. Тот или иной сценарий зависит от открытости самой социальной системы и готовности индивида или группы к интеграции в эту систему.

Антонова В.К. Концепты социальной инклюзии и эксклюзии в глобальном обществе: дрейф по социальным институтам, акторам и практикам // Журнал исследований социальной политики. - М., 2013. №2.

Астоянц М. С., Россихина И.Г. Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. - 2009. № 12.

Афонькина Ю.А. Социальная инклюзия лиц с инвалидностью и проблема человеческого достоинства // Современные исследования социальных проблем [Электронный ресурс]. - 2015. №11 (55) - URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-inklyuziya-lits-s-invalidnostyu-i-problema-chelovecheskogo-dostoinstva> (дата обращения: 8.10.2017)

Дименштейн Р., Ларикова И. Интеграция или инклюзия? Спор о словах и нерешенных проблемах образования "особых" детей // Защити меня! – 2008. № 1.

Ковалев Е.В., Староверова М.С. «Инклюзия» и «интеграция»: один в поле не воин // Директор школы [Электронный ресурс] - 2010. - №9 (152) - URL: <http://ecsocman.hse.ru/direktor/msg/33532418.html> (дата обращения: 8.10.2017)

Маслиева С.Н. Интеграция и инклюзия: парадигмальная характеристика // Историческая и социально-образовательная мысль. - Краснодар, 2014. - №2 (24).

Парсонс Т. *Некоторые проблемы общей теории в социологии*. - М., 1994.
Романов П.В. Ярская-Смирнова Е.Р. *Инвалиды и общество: Двадцать лет спустя // Социологические исследования*. - М., 2010. - №9.
Федеральный закон от 03 мая 2012 г. № 46-ФЗ «О ратификации конвенции о правах инвалидов» (принят Государственной Думой 25 апреля 2012 года). - 2012
Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity* - N.J., Englewood Cliffs, 1963.

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО АБСЕНТЕИЗМА

Рафикова К.Ф. (Москва)

В государстве с демократическим режимом правления предполагается активное участие общества в политической жизни страны. Абсентеизм как феномен является социально-значимой проблемой, поскольку его существование и популяризация в обществе влечёт за собой ряд издержек. В краткосрочном периоде это нелегитимность выборов, в долгосрочном явлении абсентеизма ставит под сомнение существование гражданского общества в государстве и создаёт все условия для узурпации власти политической элитой. Нежелание людей участвовать в политической жизни общества, ученые объясняют такими причинами: недоверие к выборам как к демократической процедуре; представление о том, что голос одного избирателя не может повлиять на исход событий; недоверие политическим институтам. Однако в корне неверно объяснять наличие абсентеизма в обществе исключительно через причины, связанные с политической сферой, так как в основе подобных проблем лежат так же социально-экономические причины. В частности, качество жизни является важным фактором объяснения данной проблемы. В обществах с высоким уровнем качества жизни на государственном уровне обеспечивается равный доступ к образованию и культурному наследию, существует социальная поддержка всех групп населения. Разные подходы к оценке качества жизни включают разные критерии оценивания, но все они включают в себя уровень благосостояния, социальную безопасность, уровень образования, качество окружающей среды и др. Не менее важным в оценке качества жизни является критерий доступа к объективной информации и наличие возможности свободно высказывать своё мнение. В обществах, где уровень качества жизни достаточно низок, возможность населения заявить о своих требованиях и предложениях правящей элите ограничена, и, соответственно, падает мотивация проявления политической активности. Помимо вышеперечисленных факторов на электоральную активность людей может повлиять экономическое положение, доступность различных социальных благ и социальной инфраструктуры.

Проблема возрастания абсентеизма в современном российском обществе является актуальной и требует социологического изучения.

Политический абсентеизм как предмет исследования социологии и политологии представлен в работах как зарубежных (Э. Гидденс, З. Бауман, Р. Инглхарт, В. Кей и другие), так и отечественных учёных (Л.Я. Гозман, Е.Б. Шестопал, Н. Гришин и другие). В данном исследовании мы попытались раскрыть направленность и силу влияния различий в положении индивидов с точки зрения социально-экономических факторов на уровень политического абсентеизма.

1) Лубяный И.Д. *Эволюция подходов к анализу категории «качество жизни» [Электронный ресурс]: электронный научный журнал. Режим доступа: <http://uecs.ru/u/ecs-74-742015/item/3382--1-r> (03.11.2016)* 2) Гидденс Э. *Последствия современности*. - М.: Праксис, 2011. - 343 с. 3) Бауман З. *Индивидуализированное общество*. - М.: Логос, 2005. - 26 с. 4) Инглхарт Р. *Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества*// *Полис*. - 1997. - №4. - С. 6-32. 5) Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. *Политическая психология*. - М.: ИНФРА-М, 2002. - 448 с. 6) Гришин Н.В. *Избирательная система как институт артикуляции политических интересов общества / Н.В. Гришин // Каспийский регион: политика, экономика, культура*. - 2013. - № 2. - С. 42 - 47. 7) Ю.И. Бушинева. *Социально-политические основания российского электорального абсентеизма [Электронный ресурс]: общественные и гуманитарные науки. Режим доступа: [file:///C:/Users/%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA/Downloads/sotsialno\(20.11.2016\)](file:///C:/Users/%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA/Downloads/sotsialno(20.11.2016))* 8) Беляева Л.А. *Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования*. - 2009. №1. С.33-42 9) *Политология. Учебное пособие / под ред. С.В. Решетникова*. Минск: ТетраСистемс, 2000. 20 с.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Рахматуллина З.Б., Кильсенбаев Э.Р. (Уфа)

Аннотация:

В статье рассматриваются исторические аспекты благотворительной деятельности, выделяются группы факторов, влияющих на благотворительность. Рассмотрены такие формы благотворительности как традиционные и стратегические. Приводятся тенденции развития благотворительности в России.

Появление благотворительности в Киевской Руси связано с принятием христианства. Киевский князь Владимир Уставом 996 г. обязал духовенство заниматься общественным призрением, установив десятину на содержание монастырей, церквей, больниц и т.д. В исторической литературе отмечается, что на протяжении многих веков церковь и монастыри являлись источником помощи старым, бедным и увечным. Князь Владимир в глазах народа был образцом сострадания и являлся «истинным отцом бедных». Его наследники продолжали его дело [2, С. 56].

В настоящее время под благотворительной деятельностью следует понимать добровольную деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию любой другой помощи [1].

Благотворительная деятельность преследует следующие цели:

- социальная поддержка граждан, включая улучшение материального положения малообеспеченных, социальная реабилитация безработных, инвалидов;
 - подготовка граждан к преодолению последствий стихийных бедствий;
 - оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, социальных конфликтов;
 - содействие в укреплении мира, дружбы между нациями;
 - содействие укреплению престижа и роли семьи в обществе;
 - содействие деятельности в области образования, науки, культуры, духовного развития личности;
 - содействие деятельности в области охраны здоровья населения;
 - содействие деятельности в сфере спорта;
 - охрана окружающей среды и защита животных;
 - охрана и должное содержания зданий, объектов и территорий, имеющих историческое, культовое, культурное или природоохранное значение, и мест захоронения [3, С. 84].
- Как видим, основная цель благотворительности – это желание общества, и субъектов благотворительности оказать помощь людям оказавшимся в трудной жизненной ситуации, а также поддержка различных сфер общества.

В нашей стране сложились такие формы благотворительности, как традиционная и стратегическая. В сфере традиционной благотворительности активно действуют как коммерческие организации, так и отдельные представители крупного бизнеса. Основными направлениями социальных инвестиций в бизнес-сообществе являются искусство, защита социально незащищенных категорий населения, спорт [5, С. 43].

Стоит отметить, что отличительной чертой данного вида благотворительности в нашей стране является ее произвольный, случайный характер: благотворительные акции чаще направлены на решение имиджевых задач и не предполагают построения долгосрочной системы взаимоотношений с обществом и его институтами. Выбор благотворителей в данном случае во многом зависит от их личных предпочтений и не могут являться надежным источником поддержки социальной сферы. При традиционной благотворительности положительный эффект может быть только после больших вложений. Специалисты утверждают, что такая благотворительность похожа на милостыню: по принципу «отдал деньги – а дальше пусть сами разбираются, как их использовать». Таким образом, благотворительность в традиционном виде в основном направлена на решение репутационных задач и, к сожалению, не предполагает долгосрочной программы действий, и поэтому, не может в полной мере способствовать эффективному решению социальных проблем [5, С. 44].

Рассмотрим стратегическую благотворительность. Для достижения максимального социального эффекта большинство компаний стараются применять технологии стратегической благотворительности, направленные на решение долгосрочных задач в тех областях, где сходятся

интересы, как общества, так и бизнеса. В этой связи благотворительные проекты чаще всего осуществляются в тех регионах, где у компании имеются собственные интересы, что также способствует формированию взаимовыгодных отношений с местными властями.

Многие компании в данном случае придерживаются прагматической логики: стараясь включить благотворительные программы в общую систему бизнес-процессов, одновременно обеспечивая создание стабильной комфортной социальной среды для ведения бизнеса в регионах и увеличивая эффективность таких проектов, как в плане использования средств, так и с точки зрения соответствия потребностям населения. Как видим, стратегическая благотворительность нацелена на достижение максимального социального эффекта и решает долгосрочные задачи.

Вместе с тем, на формирование благотворительной деятельности влияют многие факторы, которые подразделяются на следующие группы: 1) политические; 2) идеологические; 3) нормативно-правовые; 4) экономические; 5) социальные [4, С. 154]. И здесь необходимо, чтобы факторы способствовали развитию благотворительности в нашей стране. Специалисты выделяют некоторые особенности развития благотворительности в России:

– большинство людей считает благотворительность социально полезной и необходимой деятельностью;

– развитие этого явления в России находится на низком уровне;

– в качестве субъектов благотворительности выступают как частные лица, так и некоммерческие организации;

– основными получателями благотворительной помощи в России выступают социально незащищенные категории граждан;

– основной мотив благотворительных организаций и частных благотворителей идентичен – желание помочь тем, кто нуждается, приносить пользу обществу;

– к причинам, ограничивающим частную благотворительность, относятся недоверие к институтам помощи, а также дефицит ресурсов помощи (в первую очередь, денежных);

– среди основных причин, по которым общественные организации недостаточно включены в благотворительную деятельность, особенно выделяется непривлекательность сферы, сложности с мотивацией благотворителей, отсутствие опыта работы с благотворителями;

– перспективы развития благотворительности связаны с развитием институциональных факторов (налоговая система, информационная поддержка, повышение прозрачности благотворительных фондов) [6, С. 60].

Говоря о благотворительности в Республике Башкортостан, отметим благотворительный образовательный фонд «Мархамат», целью которого является комплексное решение проблем полноценного развития детей, включая детей-сирот и детей-инвалидов. Так, программа "Круг Семьи" это - комплексное решение проблем детей-сирот и детей из семей, находящихся в трудной жизненной ситуации:

- оказание адресной помощи детям-сиротам, детям из семей, находящихся в трудной жизненной ситуации;

- содействие защите материнства и детства;

- поддержка учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей;

- проведение мероприятий для сирот.

Учитывая особенности и трудности развития благотворительности в России, отметим, что благотворительность – это важная социальная функция общества, основанная на безвозмездной поддержке нуждающихся людей, а также различных сфер жизнедеятельности общества.

1. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ "О благотворительной деятельности и благотворительных организациях"

2. Буданцева С. В. Развитие благотворительной деятельности в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. - № 2 (82). – С. 56-61.

3. Буданцева С. В. Экономическая сущность явления «благотворительность»: цели и принципы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. - № 3 (83). – С. 81-85.

4. Валиев Ш. З., Габибуллина Э. В. Благотворительная деятельность как форма социально-экономической поддержки населения // Вестник Томского государственного университета. – 2009. - № 318. – С. 153-159.

5. Василенко Е. В. Инновационные формы благотворительной деятельности российского бизнеса // Власть. – 2016. - № 2. – С. 42-46.

6. Соколов А. В., Власова А. А. Благотворительность в системе гражданской активности россиян // Власть. – 2014. - № 12. – С. 56-61.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ПРИМЕРЕ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИИ

Резникова Е.С., Полтавская М.Б. (Волгоград)

В данной статье речь идет о таком феномене, как социальное предпринимательство. Проведен анализ проектов социальных предпринимателей, реализующихся в Южном федеральном округе РФ. Обращается внимание на соответствие бизнес-проектов социальных предпринимателей представлениям о сущности социального предпринимательства.

Во многих странах мира, в том числе и в России, в последнее время активно обсуждается тема социального предпринимательства. Эксперт в данной области Б. Драйтон считает, что социальные предприниматели «не довольствуются тем, чтобы просто дать человеку рыбы, или обучить, как ее ловить. Они не успокоятся до тех пор, пока не революционизируют саму рыбную отрасль» [1, с. 50]. К сожалению, слабая освещенность деятельности социальных предприятий, отсутствие нормативного регулирования этой сферы тормозит развитие данного феномена в России [2].

В России поддержкой проектов социальных предпринимателей с 2007 года занимается фонд региональных социальных программ «Наше будущее» [3]. Нами был проведен анализ проектов, поданных из Южного федерального округа РФ и поддержанных фондом «Наше будущее» (21 проект).

Лидером в реализации проектов социального предпринимательства является Волгоградская область (поддержано 10 проектов), Астраханская область (5 проектов), Ростовская область (5 проектов), республика Северная Осетия-Алания (1 проект).

Приведем характеристику проектов социального предпринимательства, реализованных в Южном федеральном округе РФ.

Астраханская область

1. ООО «Медиал». Проект нацелен на смягчение проблемы доступности качественной медицинской помощи жителям.

2. ООО «Карусель», Карусель – учимся отдыхать вместе, 2013 г. Проект решает проблему досуговой занятости жителей города Харабали Астраханской области. Первый парк аттракционов, предоставляющий возможность семейного отдыха на открытом воздухе.

3. Клиника восстановительного лечения ФТИ, 2012 г. Оказывает специализированную медицинскую помощь населению с различными заболеваниями.

4. Центр раннего развития «Цветное молоко», Плаваем с пеленок, 2009 г. Обучение плаванию и физическое развитие детей с рождения до шести лет, подготовка беременных женщин к родам.

5. Мини-сад Нины Пархоменко, 2011 г. Создание частного мини детского садика в Астрахани на 30-40 детей.

Волгоградская область

1. «Вторичная переработка пластиковых отходов», ИП Себекин Роман Сергеевич. Переработка отходов из пластика, производство на его основе строительных материалов.

2. «Швейное кафе», ИП Цыбулина Татьяна Николаевна, 2014 г. Кафе, в котором можно шить, ателье, в котором можно есть. Решает вопрос самозанятости людей с ограниченными возможностями.

3. Культурно-оздоровительный центр «Золотая лошадь», Червяков Александр Алексеевич, 2013 г. Обучение детей и взрослых верховой езде, конные прогулки и т.п. Создание НКО, специализирующегося на работе с детьми, страдающими ДЦП.

4. Клубничный бизнес, Яковлева Любовь Петровна, 2012 г. Решение проблемы трудоустройства детей-выпускников детских домов.

5. ООО «Детская Академия Реабилитации «Ангел», Казанцев Сергей Георгиевич. Приобретение специальных костюмов, тренажеров для реабилитации детей с ДЦП.

6. ООО «Эталон», Гребень Николай Васильевич, 2009 г. Трудоустройство и социальная реабилитация инвалидов по зрению.

7. ООО «Кубик», Гребень Александр Васильевич, 2010 г. Обеспечение производственной реабилитации инвалидов по зрению.

8. ООО «Картонажно-переплетная фабрика», Чернышев Владимир Иванович. Трудоустройство и социальная реабилитация инвалидов по зрению.

9. Развитие села, Шуршаев Вислан Хамзатович, 2010 г. Создание рабочих мест для безработного местного населения путем строительства тепличного комплекса для круглогодичной работы.

10. ООО «Волгоградское предприятие «ЛУЧ», Кулагин Андрей Владимирович, 2009 г. Создание дополнительных рабочих мест для инвалидов по зрению.

Ростовская область

1. «Создание круглогодичного плавательного бассейна», ИП Кудыш Светлана Алексеевна. Обучение плаванию с раннего возраста, оздоровление детей.

2. Детская клиника «Бобренок», ИП Гусева Ирина Ивановна. Смягчает проблему доступности качественной медицинской помощи для детей.

3. Специализированное отделение на базе стоматологической клиники «Бобренок», 2011 г. Создание специализированного наркозного отделения на базе детской стоматологической клиники «Бобрёнок».

4. Частная начальная школа «Ступени», ИП Чередниченко Наталья Анатольевна, 2013 г. Частично решить проблему нехватки начальных школ, работающих по принципу школы полного дня.

5. Социальный магазин «Благодарение», ИП Медведева Анна Николаевна. Реализует вещи, поступающие от населения и предпринимателей.

Республика Северная Осетия-Алания

1. Частный детский сад интегративного типа «Ягодка», ИП Дзарахохова Ирина Владимировна, 2014 г. Проект нацелен на решение проблемы социализации детей-инвалидов, обеспечения их услугами дошкольного образования.

Основная часть поддержанных проектов - женские (женские проекты - 61,9%; мужские - 38, 09%), что отражает тенденцию повышения уровня активности женщин в сфере предпринимательства. Представленные проекты направлены на улучшение качества жизни общества, среди проектов можно выделить направления: а) в сфере здравоохранения 42% (среди них более половины (66%) направлены на детей); б) в сфере образования 14%; в) в сфере досуга 4%; г) создание рабочих мест - 33%; д) повышение покупательной способности населения - 4 %; е) экологические проекты - 4%. С нашей точки зрения, три критерия социального предпринимательства наиболее важны: новаторство; направленность на решение/смягчение социальных проблем; самокупаемость.

В проанализированных нами проектах социальные предприниматели делают попытки восполнить те недостатки, которые есть в местах их проживания и тем самым решить существующие проблемы, например, открыть детский сад. Но может ли данная деятельность считаться именно социальным предпринимательством по критерию «новаторства»? В чем состоит новизна, например, открытия детского сада или клиники? Восполнение недостающего, работающего по принципу коммерческой услуги - не есть сущность социального предпринимательства. Необходима новая модель, которая бы вместе с обеспечением притока прибыли одновременно решала проблему социального характера, которую можно было применить в любых условиях, в любой местности. Наиболее удачными примерами социального предпринимательства, на наш взгляд, может послужить практика компании Р.Себекина по производству строительных материалов из пластиковых отходов.

Таким образом, довольно сложным является вопрос идентификации социального предпринимательства. Существует масса предпринимательских проектов, направленных на смягчение проблем социального характера, но при этом сама суть социального предпринимательства теряется или прослеживается не в полной мере, что, в свою очередь, не позволяет отнести некоторые проекты к социальному предпринимательству.

*Примечание. Работа выполнена при поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области, проект № 17-13-34010 «Ресурсный потенциал некоммерческих организаций в сфере социального предпринимательства».

1. Баталина М., Московская А., Тарадина Л. Обзор основных моделей социального предпринимательства. ГУ ВШЭ, М., 2007. - 180 с.

2. Полтавская М. Б. Социальное предпринимательство как идея и как процесс: взгляд некоммерческих организаций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 3 (29). С. 136-150.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ФОРМА РЕЦИПРОКНОСТИ

Реутова М.Н. (Белгород)

Аннотация. В работе проанализирована специфика благотворительности как формы реципрокных отношений, ее мотивация и масштабы распространения в российском обществе на основе данных опросов общественного мнения. Мотивация благотворительности включает три группы мотивов: этические, рационально-ценностные и обусловленных реципрокностью (взаимностью) ожиданий.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Отделения по гуманитарным и общественным наукам РФФИ. Грант «Реципрокность в воспроизводстве практик взаимопомощи в местных сообществах» № 17-03-00196

Реципрокность или взаимность услуг, даров, ролевых ожиданий является одним из основных принципов социального поведения и в целом социальных отношений. Как отмечает А. Гелен, реципрокность выступает как «непрерывная константа человеческого поведения», «фундамент человеческих отношений» [9, 47].

Основоположники теории социального обмена выдвинули тезис о том, что социальное поведение людей основано на взаимодействии, сутью которого является непрерывный обмен материальными и нематериальными ресурсами, основанный на принципе реципрокности. Представители сетевой теории рассматривают реципрокность как один из ключевых факторов устойчивости и интенсивности социальных коммуникаций [2, 3, 8].

К. Штэгбауэр выделяет 4 основных формы реципрокности: прямая («чистая») реципрокность – отношения, основанные на принципе эквивалентного обмена; обобщенная реципрокность – услуга, которая оказывается без надежды на прямую компенсацию, или с отсрочкой во времени; реципрокность статусно-ролевых отношений, при которых каждый берет и отдает, в зависимости от выполняемой социальной роли (например: врач – больной); реципрокность социальных экспектаций (перспектив), которая тесно связана с ролевой реципрокностью – люди знают, чего им ожидать от других, в зависимости от их статусов, и управляют своими ожиданиями в ответ на действия и реакции других людей [10, 31].

Одной из форм реципрокности перспектив выступает благотворительность, оказание помощи незнакомым людям, без расчета на прямую компенсацию. Механизм такой помощи может быть рассмотрен в контексте данного вида реципрокности. По мнению К. Штэгбауэра, «единственная возможность сделать такие действия понятными и объяснимыми – это взаимность перспектив: я могу сопереживать человеку, который только что потерял свой дом из-за наводнения. Я мысленно представляю себя на его месте и могу ему сопереживать... Предсказание, казалось бы, безнадежной ситуации нуждающихся в помощи и, возможно, рассмотрение того, как я реагировал бы на их месте, вызывает готовность жертвовать, не рассчитывая на взаимность» [10, 127]. Е.Г. Алексеев и И.Д. Горшков на примере опроса респондентов Москвы и Курска в 2000 году выявили следующие мотивации потенциальных жертвователей, связанные с реципрокностью ожиданий: «По жизни, чем больше отдаешь, тем больше в будущем получишь»; «Ну, что, ребята, надо помочь нашим. И мы когда-то станем старыми»; «Все под Богом ходим» [1, 219].

Данные целого ряда исследований свидетельствуют о все более широком распространении данного вида реципрокности в российском обществе. Так, по данным опроса ФОМ 2013 г. 87% опрошенных положительно относятся к корпоративной благотворительности и лишь 5% отрицательно. При этом на вопрос: «Одни одобряют благотворительную деятельность компаний и считают, что компании должны помогать обществу. Другие не одобряют благотворительность компаний и считают, что деньги лучше тратить на сотрудников и их семьи. С какой точкой зрения вы согласны в большей степени?» 65% ответило, что одобряет благотворительную деятельность компаний, 19% - не одобряет, 16% затруднились ответить [4].

Таким образом, благотворительность компаний не осуждается, а скорее даже приветствуется, несмотря на то, что средства, выделяемые на помощь нуждающимся, можно было бы потратить на помощь работникам данных предприятий. При этом масштаб благотворительности на уровне отдельных индивидов не столь велики, хотя налицо тенденция его увеличения.

По данным аналитического сборника «Россия в цифрах» (2012-2013), 76% опрошенных не оказывают благотворительную помощь; 9% переводили деньги в поддержку благотворительных акций, 7% передавали вещи, 3% работали на добровольных началах, 3% безвозмездно сдавали кровь, 3% делали значительные денежные пожертвования на благотворительные цели, 2% участвовал в благотворительных акциях в пользу конкретных учреждений. Адресатами помощи выступают, прежде всего, дети – 33% респондентов готовы жертвовать деньги на операции, дорогостоящее лечение детям, 25% - помощь детским домам, 15% готовы оказывать помощь пожилым людям, 14% - инвалидам, 10% - помощь домам престарелых. Наиболее распространенные формы помощи: передача вещей, продуктов (56%), денежные пожертвования (47%), работа на добровольных началах (11%), оказание консультаций, советов (10%), участие в организации благотворительных акций (7%) [6].

Данные опроса ФОМ и Добро mail.ru 2015 г. о практиках помощи и готовности помогать взрослым свидетельствуют, что число россиян, готовых помогать кому-либо безвозмездно и делающих это на практике, заметно выросло. Так, больше половины россиян сообщили, что за последний год они помогали взрослым или пожилым людям. Когда-либо помогали взрослым тяжелобольным или взрослым инвалидам 45% опрошенных, и подавляющее большинство – 84% – допускают, что будут помогать таким людям в будущем. Наиболее распространенными видами помощи были: денежная (49%), вещами (33%), делами (27%), донорство (6%). Вообще же, возраст нуждающихся в помощи для практически половины (49%) опрошенных не важен. Остальные, как правило, говорят, что охотнее помогли бы детям (32%), реже – пожилым (12%), но почти никто не назвал в ответ на этот вопрос взрослых (1%) [7].

Важным моментом в анализе феномена благотворительности является ее мотивация, в частности вопрос о том, насколько потенциальные жертвователи способны и могут поставить себя на место тех, кто нуждается в помощи и представить себя в такой ситуации. По данным исследования «Положено помогать»: отношение россиян к бездомным», в спектре мотивов помощи такой категории нуждающихся доминируют этические соображения [5]: «это проявление сострадания, милосердия, доброты» (21%), «люди должны помогать друг другу, помогать тем, кто нуждается в помощи» (18%), «если есть возможность помочь, нужно это делать» (5%), «люди помогают по своим религиозным убеждениям» (3%). Вместе с тем присутствует мотив, связанный с реципрокностью ожиданий: «каждый может оказаться в такой ситуации» (4%); при этом можно предположить, что помощь детям и пожилым людям, помимо чисто альтруистических побуждений, обусловлена соображениями и о том, что с такими проблемами может столкнуться каждый и помогая, человек осознанно или нет, надеется на помощь других людей.

Таким образом, мотивация помощи незнакомым людям, в том числе в рамках благотворительности, обусловлена, помимо этических и религиозных соображений, взаимностью ожиданий: люди зачастую представляют себя на месте адресатов помощи, осознавая, что в трудной жизненной ситуации может оказаться каждый, что «сегодня я помогаю другим, а завтра кто-то поможет мне».

1. Алексеев Е.Г., Гориков И.Д. Фандрайзинг: мотивации потенциальных жертвователей // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб.: Лики России, 2001.
2. Барсукова С.Ю. Нерыночные обмены между российскими домохозяйствами: теория и практика реципрокности. Препринт WP4/2004/02. М.: ГУ ВШЭ, 2004.
3. Градосельская Г.В. Социальные сети: обмен частными Трансфертами // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 156-163.
4. Отношение к благотворительности и благотворителям: «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 8 сентября 2013. <http://soc.fom.ru/obshchestvo/11215/>.
5. «Положено помогать»: отношение россиян к бездомным : «ФОМнибус» – опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 20 января 2013. – Режим доступа: <http://fom.ru/TSennosti/10893>.
6. Россия в цифрах: благотворительность (2012-2013). – Режим доступа: <http://fom.ru/TSennosti/11457>.
7. О готовности помочь взрослым людям: «ТелеФОМ» – телефонный опрос граждан РФ 18 лет и старше по случайной выборке номеров мобильных и стационарных телефонов. 2015 год. – Режим доступа: <http://fom.ru/TSennosti/12759>.
8. Тёррэн М. Социально-экономическое благополучие финских семей с маленькими детьми: экономическое измерение реципрокности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 5 (82). С. 8-26.

9. Gehlen A. *Moral und Hypermoral – Eine pluralistische Ethik*. Frankfurt, Bonn: Athenäum, 1969.
10. Stegbauer C. *Reziprozität. Einführung in soziale Formen der Gegenseitigkeit*. Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2002.

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШЕ ТРУДОСПОСОБНОГО ВОЗРАСТА

Ровбель С.В., Куценко В.В. (Новосибирск)

Наблюдаемое увеличение доли лиц старших возрастов современные средства массовой информации называют «безмолвной революцией», «седеющим миром». Это происходит под влиянием нескольких значимых факторов. Снижается смертность населения, соответственно, увеличивается продолжительность жизни людей. «На глобальном уровне ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 47 лет в 1950–1955 годах до 65 лет в 2000–2005 годах; при этом предполагается, что в 2045–2050 годах она достигнет 75 лет» [2]. Уменьшается рождаемость, что иллюстрируется снижением значения показателя числа детей, рожденных женщиной в течение жизни.

Качественно иные усилия государства и общества могут потребоваться для оказания значительной группе пожилых людей соответствующей поддержки в старости, создания им возможностей получить подходящую занятость в силу желания или необходимости оставаться в составе экономически активного населения, получения требуемого медицинского обслуживания. Решение проблем, связанных со старением населения, является возможным при поступательном характере экономического и социального развития страны. При его отсутствии или незначительности увеличивается налоговая нагрузка на экономически активное население для стабилизации дальнейшего перераспределения ресурсов в пользу групп населения старших возрастов. За последние десять лет (2008–2017 гг.) доля населения нашей страны старше трудоспособного возраста возросла с 21,1 до 24,9%.

При активном желании продолжать трудовую деятельность лица старшего возраста зачастую испытывают сложности с сохранением занятости или поиском подходящего рабочего места. Одним из частых дискриминационных признаков при устройстве на работу является возраст кандидата. Статьей 64 Трудового Кодекса РФ запрещен необоснованный отказ при приеме на работу, в том числе по критерию отнесения к возрастной группе. С 2013 года данная законодательная норма была дополнена и конкретизирована положениями закона «О занятости населения в Российской Федерации» путем запрещения «распространения информации о свободных рабочих местах или вакантных должностях, содержащей сведения о каком бы то ни было прямом или косвенном ограничении прав или об установлении прямых или косвенных преимуществ в зависимости от ... возраста ...» [4; 1]. Однако на настоящий момент негласная практика первоначальной опосредованной оценки резюме по возрасту соискателя признается, ничто официально не мешает специалистам кадровых подразделений отказывать пожилым соискателям вакансий после телефонного звонка или собеседования. Среди дополнительных мер, способных сохранить занятость лиц старшего возраста, можно отметить разрешение региональным центрам занятости использовать часть средств на переподготовку как безработных трудоспособного возраста, так и ищущих работу лиц старших возрастных групп.

Занятость лиц старших возрастных групп часто носит вынужденно ограниченный характер. Для этой категории сужены возможности выбора трудовой деятельности, так как возможность трудиться находится в прямой зависимости от состояния здоровья, и предвзятого (неадекватного) отношения к пожилому человеку. Современное российское общество не сформировало позитивный образ работников старших возрастов. Это можно рассматривать следствием, негативного отношения к пожилым людям априори.

В развитых странах общей признаком регулирования социально-трудовых отношений при разработке мероприятий по увеличению доли лиц старших возрастных групп становится акцент на приближение фактического возраста выхода на пенсию к возрасту выхода на пенсию, установленному законом. В современных условиях большинство проводимых реформ в западных странах предусматривают постепенное повышение пенсионного возраста и отмену (ужесточение) возможности досрочного выхода на пенсию.

Этот тезис не может быть принят для характеристики ситуации в нашей стране. Законодательно установленный еще в 1932 году возраст, дающий в России право на получение

пенсии по старости, сегодня один из самых низких в мире. При этом ситуация добровольного досрочного окончания экономически активной деятельности до достижения границы пенсионного возраста не является распространенной среди россиян.

При решении вопросов трудовой занятости и пенсионного обеспечения пожилых необходимо исходить из права продолжать работу по наступлении пенсионного возраста и права выйти на пенсию. Хронологический (календарный) возраст не должен являться единственным критерием для освобождения от работы. Одномоментное сокращение трудовой активности для других воспринимается как аномическое состояние, сопровождающееся кардинальным изменением социального статуса, падением доходов, утратой личных контактов по выходе на пенсию. Такая ситуация рассматривается как размывание и деградация социального потенциала человека и отрицательно сказывается на состоянии здоровья и способности индивида участвовать в жизни общества. Социальные контакты даже «в расцвете лет» также во многом связаны с работой. Поэтому реально разные мотивы продолжения профессиональной деятельности сочетаются, при этом сохранение социального статуса значимо не менее, чем сохранение доходов. Отчасти это оправдано тем, что современные пожилые много времени работали и у них просто не сформировались иные досуговые практики, кроме телесмотрения и слушания радио.

Лица старшего возраста имеют больше возможностей продолжать трудовую деятельность, чем их родители тридцать лет назад. Естественно, что люди с большим стажем работы уверенно чувствуют себя там, где велика роль индивидуального мастерства. Это указывает на потенциал использования накопленного опыта и знаний лиц старшего возраста в рамках наставничества и оказания консультативной помощи. Данная сфера труда более стабильна в социально-профессиональном плане, поскольку предоставляет дополнительные гарантии поддержания статуса.

Гибкость политики в области занятости лиц старших возрастных групп предполагает целесообразность проведения различий между так называемой «младшей» подгруппой пожилых, значительная часть которой сохраняет трудоспособность, и «старшей» подгруппой, нуждающейся в дополнительной помощи общества как в денежном, так и в не денежном выражении. Совокупность мероприятий, регулирующих процессы занятости лиц пожилого возраста, по нашему мнению, необходимо осуществлять с упором на группу лиц первого и второго пенсионного пятилетия. Принципами организации и обеспечения занятости лиц старших возрастных групп становятся: а) добровольное участие в трудовой деятельности, причем срок работы по достижении пенсионного возраста не устанавливается и возраст работающих не ограничивается; б) существование определенных материальных стимулов участия в трудовой деятельности; в) нормативная регламентация условий и режима работы данной категории занятых. Другими словами, в широком смысле речь идет о гуманизации труда работников старших возрастных групп [5, с.205-206].

Определенные предпосылки для формирования такого механизма появились в феврале 2016 года с утверждением «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» [3]. Все меры государственной политики поддержания занятости лиц старших возрастных групп условно дифференцированы на увеличение предложение труда и стимулирование спроса. Вместе с тем, намерения человека продолжать трудовую деятельность по достижении границы пенсионного возраста находятся под влиянием следующих условий: уровень образования (наиболее длительный срок занятости отмечается у лиц с высоким уровнем образования и квалификации); семейное положение (среди занятых лиц старших возрастных групп большинство составляют семейные люди, так как они ориентированы на поддержку материальной обеспеченности не только собственной семьи, но и оказание помощи детям и внукам); условия труда; уровень изменения физиологических функций организма и психического склада; реакция окружающих людей.

1. Закон РФ от 19.04.1991 N 1032-1 (ред. от 29.07.2017) «О занятости населения в Российской Федерации» Ст. 25 п. 6 // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60/ (Дата обращения: 20.09.2017).

2. Развитие в условиях старения населения мира. Обзор мирового экономического и социального положения, 2007 год. Организация Объединенных Наций Нью-Йорк, 2008 год. - Режим доступа: http://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/2007wess_ru.pdf (Дата обращения: 20.09.2017).

3. Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 5 февраля 2016г. № 164-р //

<http://government.ru/media/files/7PvwlIE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf> (Дата обращения: 20.09.2017).

4. Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N197-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2017) Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=191626> (Дата обращения: 20.09.2017).

5. Экономика труда: вызовы времени: коллективная монография /Под редакцией д-ра экон. наук, проф. С.И. Сотниковой. - Новосибирск, 2012. - 420 с.

СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ: ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ.

Рогова А.М. (Санкт-Петербург)

Аннотация: В статье говорится о развитии социального обслуживания сельской семьи, социально-экономическом положении сельской семьи, направлениях социального обслуживания, проблемах организации социальной помощи, перспективах развития социального обслуживания, изучения возможностей развития сельского сообщества как субъекта социальной помощи.

Одним из аспектов изучения регионального опыта социальной работы с семьей и детьми может стать социальное обслуживание сельской семьи. Как показывает анализ публикаций, во многих социологических исследованиях чаще всего изучалась городская семья, в то время как многие проблемы сельской семьи оставались за кадром.

Сельское поселение в практике социальной работы следует рассматривать не только как производственно-территориальную структуру, но и как социальное пространство повседневного взаимодействия. В условиях села тесно переплетаются формальные и неформальные социальные взаимодействия, практики повседневных отношений. Сельская семья в работах социологов чаще описана как более стабильная, с более тесными связями между поколениями, с большим репродуктивным потенциалом. Кроме того, в условиях социально-экономического кризиса сельская семья, несмотря на большую степень бедности, быстрее адаптировалась, благодаря наличию подсобного хозяйства и заниженным претензиям к качеству жизни и наличию систем неформальной поддержки (родственников, соседей)[1].

Социально-экономические проблемы сельской семьи как объекта социальной работы тесно связаны с жизнью села как сообщества. В настоящее время ряд эмпирических исследований отмечают как ухудшение социально-экономического положения сельского населения, так и ухудшение социально-экономического самочувствия. Среди основных проблем выявлены следующие: 1) сокращение численности сельского населения с 2010 по 2014 на 751,2 тыс чел, 36% российских сел на грани вымирания, 2) 17% сельского населения за чертой бедности, 3) низкая заработная плата – 54,5% от среднего уровня, 4) очередь на улучшение жилищных условий 43,6 тыс семей, в том числе 168 тыс молодых семей, только 28,4% жилья оборудованы всеми видами благоустройства 5) 36,3% безработных, 143,3 тыс экономически неактивного населения, 6) сокращение количества больниц на 22,2% ухудшается доступ к школам, детским садам, учреждениям культуры, 7) ухудшается социально-психологический климат: более 50% жителей села находится в трудной жизненной ситуации, 9% в бедственном положении, 39, 5% жителей считают, что село является безлюдным и заброшенным, среди основных социальных проблем жители часто называют отсутствие работы(43%), низкая зарплата(63%), нет школы(14,8%), нет детского сада(12,8%), проблемы с медицинским обслуживанием(22,8%). 7) среди населения отмечают апатию, потерю трудовых навыков, инфантилизм, алкоголизм[2,3].

Социологи отмечают дифференцированное положение сельского населения в разных регионах, так, например уровень безработицы в селах Ленинградской области 3-5%, в то время как в селах Ингушетии 32%. А в ряде регионов Тюменской области отмечен ряд позитивных изменений: рост экономически активного населения на 28,8%, уменьшение количества безработных на 24%, а 77,6% фермерских хозяйств рентабельны[4].

В то же время, развитие села и сельских поселений остается одной из важных проблем устойчивого развития регионов и продовольственной безопасности. В федеральной целевой программе "Устойчивое развитие сельских территорий на 2014 - 2017 годы и на период до 2020 года" сказано, что «Основными задачами Программы являются: удовлетворение потребностей сельского населения, в том числе молодых семей и молодых специалистов, в благоустроенном жилье; повышение уровня комплексного обустройства населенных пунктов, расположенных в

сельской местности, объектами социальной и инженерной инфраструктуры; концентрация ресурсов, направляемых на комплексное обустройство объектами социальной и инженерной инфраструктуры населенных пунктов, расположенных в сельской местности.»

[5]

В условиях социально-экономических перемен на селе, социальная работа может стать фактором, стабилизирующим социальные отношения, как внутри семьи, так и отношения семьи с внешней средой. Целью социальной работы с сельской семьей должно стать не только поддержка семьи в экономическом, социально-психологических и социально-педагогических аспектах, но и закрепление молодых семей на селе, возрождение традиций, изменения отношения к сельскому образу жизни. В условиях сельской местности социальный работник порой является связующим звеном между семьей и внешним миром: организациями и учреждениями социального обслуживания, учреждениями досуга и образования. Это связано с тем, что многие виды государственной социальной и региональной помощи для семей недоступны из-за плохого транспортного снабжения. Кроме того, важным аспектом является консультирование и информирование семьи о возможностях и услугах вне сельского социума. В ряде регионов развивается выездная социальная работа, социальная работа проводится только не в рамках учреждений социального обслуживания семей, а на базе школ, учреждений культуры [6].

Если в 90-е годы социальная поддержка сельской семьи заключалась чаще всего в выплате пособий и материальной помощи, то в 2000-е наблюдается переориентация на самозанятость сельских семей, о чем говорит принятие ряда программ на федеральном уровне (Программа развития сельского хозяйства на 2008-2012 годы, Программа социального развития села и другие).

Для практики социальной работы с семьей имеет значение не только оценка проблем сельской семьи, но и поиск ресурсов. Как видно по данным эмпирических исследований, все социально-экономические проблемы села распределены неравномерно, а местные сообщества «габитус повседневности» остается мало изученным. Много зависит от социально-экономического положения муниципальных образований [7]. Одним из важных аспектов проблемы являются формирования доверия к государственным социальным учреждениям и способность к развитию неформальных систем помощи, сетей социальной поддержки по месту жительства, помощь родственникам, друзей, знакомых. Так, по данным выборочных исследований 41,8% не верят государству, 38,2% обращались за помощью в местные органы власти для решения проблем самообеспечения, только 14,3% получили поддержку. [4].

Таким образом, социальная работа с сельской семьей может проводиться как на индивидуальном уровне (адресная социальная помощь), так и на уровне сообщества (решение проблем занятости, досуга, развития социальной инфраструктуры для семей с детьми). Так, в сельской местности посещают детский сад только 44,9% детей (по данным выборочных исследований). [2]

Одной из проблем организации социального обслуживания сельской семьи является особенности жизненного уклада местного сообщества: большой консерватизм в вопросах социальной помощи (традиционные социальные службы воспринимаются как источники льгот, выплат, материальной помощи), меньшая мобильность, социальная инертность, низкий уровень образованности, проблемы конфиденциальности в работе с семьей, большое влияние общественного мнения и социального контроля [6].

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) наиболее важными проблемами в работе с семьей в сельской местности являются доступ к социальному обслуживанию, проблема информированности и доверия к учреждениям социального обслуживания, консерватизм семей в вопросах социальной помощи 2) на индивидуальном уровне наиболее важными направлениями социальной работы с сельской семьей могут стать ориентация семей на самозанятость и адресная социальная помощь в вопросах льгот и социальных выплат, 3) на уровне сельского сообщества остается актуальным развитие социальной инфраструктуры для семей с детьми, а также изучение и активизация ресурсов сельского сообщества как неформального источника помощи, 4) необходим переход от пассивных форм поддержки сельской семьи к активным, для закрепления молодых семей в сельской местности.

1. *Окно в русскую частную жизнь. Супружеские пары в 1996 г / Н.М. Римащевская и др. - М.: Academia, 1999. – 395с.*

2. *Бондаренко Л.В. Развитие сельских территорий: оценки, мнения, ожидания // Социс №3 2016 С. 76-82*

- 3.Евдокимова Т.Г. Ценности и ценностные ориентации сельского населения// Социс№12 2015 С.91-98
- 4Конов Ю.М., Белоножко М.Л., Барбаков О.М. Социальные настроения сельских жителей юга Тюменской области// Социс№3 2016 С.82-87
5. ГАРАНТ.РУ: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70319016/#ixzz4sLzPcvdp>
6. Холостова Е.И.Социальная работа на селе: история и современность/ Е.И. Холостова М.: Изд торг корпорация Дашков и К, 2004. - 136с.
- 7.Денисенко М.Б. Николаева У.Г. Что происходит с сельским населением на ближнем востоке России? (на материалах Костромской области)// Социс №12 2015 С.70-81

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ ПРОСТИТУЦИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ

Романенко В.В. (Санкт-Петербург)

Исторически существуют три основных формы социального контроля проституции: прогибационизм (запрет проституции и юридическое преследование лиц, занимающихся проституцией), регламентация (правовое регулирование и медицинский надзор) и аболиционизм (невмешательство со стороны государства). С развитием общества происходит трансформация половой морали, изменяются дефиниции проституции, отношение к ней, а значит – и система ее социального контроля.

В XVII-XVIII вв. основным методом социального контроля проституции был ее запрет (с некоторыми попытками ее регламентации). В этот период проституция в России не имела отдельной дефиниции и приравнивалась к разврату, а всех женщин, ведущих «непотребный» образ жизни подвергали репрессиям (телесные наказания, ссылка, принудительные работы) [2]. В XIX-XX вв. происходит осмысление понятия «проституция», с одной стороны как ремесла, способа добычи денежных средств, а с другой стороны – как социального зла (источника болезней, пороков). В связи с увеличением масштабов заболеваемости сифилисом в 1843 г. в Петербурге (и затем – в других крупных городах) был создан Врачебно-полицейский комитет, орган, ведающей вопросами проституции, и с этого момента Российская империя встала на путь ее регламентации. Модель государственного надзора просуществовала вплоть до 20-х годов XX века, и, помимо блюстителей порядка и медиков, в судьбе занимающихся проституцией женщин активно принимали участие различные благотворительные организации [1].

В первые годы послереволюционного периода развития общества советские власти стремились обосновать феномен проституции в рамках марксистско-ленинской концепции об искоренении наемного труда, вместе с которым должны исчезнуть и социальные болезни. Была организована сеть профилакториев, оказывающих женщинам медицинскую помощь, а также сочетающих в себе функции приютов и училищ. При этом содержание публичных домов влекло для организаторов уголовную ответственность. Но с начала 30-х годов XX в. регулирующие меры сменились на жесткую политику запрета оказания сексуальных услуг. Проституирующие девушки из жертв капиталистического строя превратились в глазах общественной морали в паразитирующие элементы, и их выявлением стали заниматься органы НКВД.

В конце XX в. – начале XXI в. вместе с либерализацией половой морали и отменой многочисленных табу в общественной и сексуальной жизни, происходит и изменение отношения к проституции. На уровне системы государственного контроля уголовная ответственность за занятие проституцией была заменена на административный штраф, при этом уголовную ответственность несут организаторы занятия проституцией.

Экономическая концепция неолиберализма, ставшая общепринятой практикой в современном мире, смешивает сексуальную свободу с идеей свободного рынка [3], вследствие чего проституция получила очередной повод называться профессиональной деятельностью. В обиход, как в научных кругах, так и в повседневную речь, вошли выражения «секс-индустрия», «секс-бизнес», «секс-работница». В это же время, понятие «девиантное поведение», которое часто встречалось в научных работах в середине – конце XX века, использоваться в отношении проституции стало гораздо реже.

В данный момент неолиберальной модели контроля проституции можно противопоставить неоаболиционистскую (так называемую шведскую) модель. Суть в том, чтобы противопоставить легализации проституции криминализацию клиента и полную декриминализацию занимающихся проституцией женщин, а неолиберальным идеям о праве свободного выбора женщины - идею о

человеческом достоинстве и неотъемлемых правах индивидуума. Эти вопросы в настоящий момент являются дискуссионными как на уровне научных сообществ и феминистических течений, так как и в повседневной жизни, в том числе в СМИ. В России отсутствует эффективная модель социального контроля проституции, в последние годы государство практически не берет в расчет этот феномен при анализе и оценке жизни общества. Тем не менее, в связи с увеличением миграционных потоков в крупные города России из провинций и из других стран, а также феминизации миграции, проблемы проституции видятся в новом свете.

По результатам исследования вопросов проституции в контексте миграции в Петербурге, нами были сделаны следующие основные выводы относительно социального контроля проституции и проблем, сопутствующих этим двум явлениям. Основным источником для анализа стали экспертные интервью с координатором, специалистами и волонтерами общественных организаций и инициатив, нацеленных на помощь и поддержку женщин-мигрантов в Петербурге.

- Приток международных мигрантов ведет к расширению масштабов проституции в крупных городах. Риск сексуальной эксплуатации существуют для женщин, занятых в различных сферах услуг и неквалифицированного труда, что особенно касается таких завуалированных ниш, как работа на дому и сфера развлечений и досуга.

- Доля иностранных мигрантов среди женщин, вовлеченных в проституцию в Петербурге, может достигать до 40%. Эти женщины приезжают в основном из стран СНГ, в частности, отмечается увеличение количества женщин из Украины и из стран Центральной Азии в доле вовлеченных в оказание секс-услуг, а также увеличение числа африканских женщин среди работниц салонной проституции.

- Риски девушек, прибывших из стран дальнего зарубежья, в основном связаны с незнанием культуры (реже – языка, так как они достаточно быстро его изучают, ежедневно обслуживая большое количество клиентов), нелегальным статусом (часто въезжают по туристической или учебной визе), необходимостью отработать долг за переезд.

- Риски для здоровья связаны с повышенной опасностью заразиться социально-значимыми заболеваниями. Для части приезжих этот риск оказывается выше; так, эксперты отмечают низкую сексуальную грамотность, покорность клиенту в вопросах предохранения, необходимость сексуального просвещения многих девушек из стран Центральной Азии.

Большинство экспертов полагает, что необходимо декриминализировать женщин, вовлеченных в проституцию, отменив статью 6.11 КоАП РФ, поскольку эта статья является инструментом давления на них со стороны правоохранительных органов, стигматизирует и усложняет процесс выхода из проституции. Уплата штрафа по статье за занятие проституцией не так пугает женщин – иностранных гражданок, как внесение их в реестр правонарушительниц по этой статье и возможность раскрытия их статуса на родине, особенно, если речь идет о странах Центральной Азии.

При разработке мер эффективного социального контроля проституции необходимо обратить внимание на то, что в России до сих пор не существует государственной программы защиты жертв сексуальной эксплуатации. Например, женщина – иностранная гражданка, даже в случае ее вовлечения в проституцию обманным путем, будет рассматриваться следственными органами с позиции статуса «нерегулярный мигрант», что не дает ей право на комплексную медико-психологическую помощь в России.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «Социальные риски международной молодежной миграции в современной России» №16-18-10092) в Санкт-Петербургском государственном университете.

1. Муравьева М.Г. Государственное признание проституции в предреволюционном Петербурге // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т.3. №2.

2. Федоров А.И. Проституция в Санкт-Петербурге и врачебно- полицейский надзор за нею. // Вестник общественной гигиены и практической медицины. СПб. 1892. Т. XIII. Кн. 1.

3. Jeffreys, Sheila, *The Industrial Vagina: The political economy of the global sex trade* / Routledge: 2 Park Square, Milton Park, Abingdon, Oxon. 2009.

ВАНДАЛИЗМ В ПОНИМАНИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ПОРТРЕТ ОСНОВНЫХ СТЕРЕОТИПОВ (ИССЛЕДОВАНИЕ ВЫПОЛНЕНО ЗА СЧЕТ ГРАНТА РОССИЙСКОГО НАУЧНОГО ФОНДА (ПРОЕКТ №17-18-01278))

Руденкин Д.В. (Екатеринбург)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01278).

Современные исследователи в области психологии и социологии молодежи нередко отмечают, что актуальная российская социальная реальность создает более благоприятные условия для развития молодежного вандализма, нежели предыдущие эпохи. Эта концептуальная идея если и не стала пока общепризнанной установкой современных молодежных исследований, то как минимум превратилась в одну из тех позиций, которые часто определяют вектор анализа молодежных девиаций (соответствующую логику можно проследить в работах, например, Л.С. Ватовой [4], Л.А. Волковой [5], А.А. Ждановой [6] и др.). При этом сама по себе склонность к совершению и вандализма, и связанных с ним практик иного девиантного поведения, по всей видимости, проявлялась и до этого, причем у самых разных поколений молодежи в различных странах мира. Как справедливо отмечают О.В. Кружкова и И.В. Воробьева, во многих случаях вандализм является своего рода инструментом, с помощью которого молодой человек может ответить на внутренние и внешние (средовые) вызовы, сопровождающие процесс его социализации [7, с. 100-105], а потому не удивительно, что фактически каждое поколение молодежи оказывалось в той или иной степени склонным к его совершению. Об универсальности этой проблемы свидетельствует тот факт, что релевантные вопросы актуализировались как в классических работах (К. Джулиан [3], Т. Парсонс [10], Ш.Эйзенштадт [2] и др.), так и в более современных (Г. Бейзмор [1], Е.Л. Омельченко [9], И.В. Староверова [11]. Соответственно, важно понимать, что современные исследования говорят не о формировании в нынешней России предпосылок для возникновения молодежного вандализма, а всего лишь о возможной идентификации этого явления.

В наиболее общем виде вандализм можно описать как «несанкционированный акт деструктивного поведения, выражающийся в нанесении намеренного или непреднамеренного ущерба объектам, не принадлежащим субъекту вандализма» [8, с. 152]. Среди факторов, повышающих склонность современной российской молодежи к совершению подобного поведения, обычно называют относительно устоявшийся ряд наименований. Здесь можно сослаться на работы Л.С. Ватовой, которая относит к подобным факторам происходящую смену традиционных ценностей и ориентацию общества на инноватику в социальных отношениях, пропаганду насилия средствами массовой информации, редукцию воспитательных воздействий в семье и в системе образования и возникающую депривацию молодежи в полезных видах деятельности [4]. Разумеется, чисто гипотетически влияние всех этих факторов на склонность молодежи к совершению вандального поведения вполне возможно, и механизм подобного влияния описать не трудно. Комплексная же оценка степени влияния каждого из перечисленных факторов потребует от нас гораздо более длительных рассуждений, чем позволяет лаконичный жанр данной работы. Поэтому ограничимся в данном случае лишь констатацией того, что в совокупности все эти факторы действительно могут повышать потенциальную вероятность совершения вандального поведения среди нынешних молодых россиян. Однако здесь, как мы полагаем, немаловажен еще один вопрос: насколько эта потенциальное повышение склонности к вандализму осознается самой российской молодежью? Ниже мы намерены сделать шаг в понимании этого вопроса и приведем результаты собственного исследования, целью которого была реконструкция базовых стереотипов, существующих у российской молодежи в отношении вандализма.

Исследование было выполнено на базе Уральского государственного педагогического университета в период с мая по июль 2017 г. Базой для работы послужил анкетный опрос, реализованный среди молодежи г. Екатеринбурга. Всего в ходе исследования были опрошены 304 человека в возрасте от 18 до 30 лет. Для отбора использовалась квотная выборка по полу, возрасту и оценке материального положения. Данные собирались при помощи сервиса Google-docs и обрабатывались с применением статистического приложения Vortex. Чтобы понять, как именно респонденты интерпретируют явление вандализма, использовалась серия вопросов. Во-первых,

участникам опроса был задан открытый вопрос о тех ассоциациях, которые возникают у них со словом «вандализм». Во-вторых, респондентам предлагался закрытый вопрос с просьбой выбрать из предложенного перечня те термины, которые, по их мнению, точнее передают смысл понятия «вандализм». В-третьих, опрошенных попросили ответить, насколько приемлемо, явление вандализма в жизни общества. В-четвертых, опрошенных просили обозначить те действия, которые, в их представлении, являются проявлениями вандализма. На основе полученных ответов можно сделать несколько выводов.

Во-первых, вандализм ассоциативно воспринимается опрошенными как предосудительное явление, своего рода социальная патология. Наиболее распространенные ответы на открытый вопрос - преимущественно негативные: под вандализмом понимают разрушение (25,1%), злость/ярость (19,3%), преступление (18,0%). Об этом же говорят и выбранные большинством респондентов ответы на закрытый вопрос: вред (назвали 79,9% опрошенных), ущерб (56,9%), разрушение (55,3%), оскорбление (46,4%). В совокупности эти показатели свидетельствуют о том, что явление вандализма считается большинством опрошенных сквозь призму эмоций, оценочных суждений, причем преимущественно негативных. И, несмотря на то, что часть опрошенных выражает и позитивные интерпретации вандализма как явления, выраженность их заметно слабее.

Во-вторых, приемлемость вандализма в обществе видится опрошенными гибко. О этом напрямую свидетельствует тот факт, что более половины опрошенных (60,5%) склоняются к тому, что в определенных обстоятельствах явление вандализма можно оправдать. Кроме того, среди спонтанных интерпретаций вандализма встречаются и скорее позитивные (или нейтральные) варианты: самовыражение (18,5%), творчество (18,0%).

В-третьих, представления опрошенных о вандальных действиях в основном поверхностны. Сам репертуар действий, которые воспринимаются опрошенными как проявления вандализма, можно разделить на три группы. Первая группа – это действия, явно ассоциируемые опрошенными с проявлениями вандализма (названы как форма вандализма не менее 40% опрошенных): написать на стене (55,9%), сделать проход в заборе (44,4%), наносить граффити (40,5%). Вторая группа – это действия, которые причисляются к вандализму от случая к случаю (названы более, чем 15% опрошенных, но менее, чем 40%): делать надписи на парте (34,2%), взламывать чью-то страницу в социальной сети (23,7%), выгуливать собаку в непредназначенном месте (22,4%). Третья группа – это действия, которые практически никак не ассоциируются с проявлениями вандализма (названы 15% опрошенных и меньше): вытаптывать тропинку на газоне (14,1%), расклеивать объявления на столбах (11,8%), распространять о ком-то заведомо неверную информацию (5,9%) и бросать монеты в водоемы (4,6%). Такое распределение ответов показывает, что понимание вандализма у большинства опрошенных – узкое и чаще всего сводится только к совершению каких-то очевидно деструктивных действий с чужим имуществом.

В целом проведенный анализ показал относительно упрощенное восприятие большинством опрошенных явления вандализма. Подавляющее большинство опрошенных воспринимают вандализм как выраженную социальную патологию, которая имеет право на существование в обществе, но все равно остается очевидно предосудительным явлением. В понимании большинства из них вандализм сводится к совершению явно деструктивных для общества действий, которые являются проявлениями агрессии, вреда, злости. Репертуар тех действий, которые опрошенные относят к проявлениям вандализма, крайне узок и в основном сводится только к совершению очевидно разрушительных действий по отношению к чужой собственности, при том что целый ряд иных потенциально вандальных действий в таком качестве опрошенными не воспринимаются. Фактически важно понимать, что, хотя современная российская действительность и может создавать определенные предпосылки для интенсификации молодежного вандализма, для самих молодых россиян этот процесс может быть вовсе не очевидным.

1. Bazemore G. *Young people, Trouble, and Crime: Restorative Justice as a Normative Theory of Informal Social Control and Social Support* // *Youth & Society*, Vol. 33, (2001). P. 199-226.
2. Eisenstadt S. *Changing Patterns of Youth Protest in Different Stages of Development of Modern Societies* // *Youth & Society*, Vol. 1, No. 2 (1969). P. 133-150.
3. Gulian C.I. *Contemporary Youth and the Growth of Personality* // *Youth & Society*, Vol. 2, (1970). P. 233-246.
4. Ватова Л.С. *Социально-психологический феномен молодежного вандализма* // *Среднее профессиональное образование*. 2009. № 3. С. 25-26

5. Волкова Л.А. Вандализм и граффити как одна из форм проявления девиации среди молодежи // *Психология и педагогика: методика и проблем практического применения*. 2009. № 6-1. С. 120-124.
6. Жданова А.А. Вандализм как форма разрушительного поведения человека: теоретические подходы к изучению вандализма // *Организация работы с молодежью*. 2013. №. 6. [электронный ресурс]. - Режим доступа: www.es.rae.ru/ovv/220-991
7. Кружкова О.В., Воробьева И.В.. *Психология городской среды: монография*. Екатеринбург. Изд-во Рос. гос. проф-пед. ун-та. 2012. – 244 с. С. 100-105
8. Кружкова О.В., Девятковская И.В. Организационный вандализм: к проблеме деструктивного поведения персонала // *Сибирский психологический журнал*. 2017. № 63. С. 150-169. С. 152
9. Омельченко Е.Л. Субкультуры и культурные стратегии на молодежной сцене XX века: кто кого? // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 36. [электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/om8.html>
10. Парсонс Т. *Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня: Проблемы и перспективы: Американская буржуазная социология середины XX века: Сокр. пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1965. С. 58-65.*
11. Староверова И.В. Факторы девиации сознания и поведения российской молодежи // *Социологические исследования*. 2009. № 11. С. 107-117.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НКО С ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ОРГАНАМИ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ В Г. МОСКВЕ

Савченко И.А. (Москва)

Современный период развития России характеризуется динамично происходящими изменениями во всех сферах гражданского общества. В настоящее время в нашей стране, как и во многих странах мира, идет модернизация социальной системы, в частности, по вовлечению субъектов гражданского общества в различные социальные процессы.

Однако следует отметить, что достаточно активно происходящие процессы взаимодействия еще не достигли своего возможного уровня развития в сравнении с тем, что можно наблюдать за рубежом [2].

Есть много нерешенных задач, одна из них – это развитие взаимодействия государственных органов управления и некоммерческих организаций, для которого характерны высокий уровень партнерских отношений. Развитие партнерских отношений, несомненно, предполагает доработку нормативно-правовой базы, в частности, необходимую для успешного участия некоммерческих организаций в системе оказания государственных социальных услуг [3].

На настоящее время в городе Москве наблюдается высокий уровень взаимодействия некоммерческих организаций с государственными органами управления. По характеру отношений взаимодействие можно назвать социальным партнерством. И тому есть основания.

Во-первых, в городе применяются механизмы не только финансовой поддержки НКО, но и иные элементы нематериального поощрения деятельности организаций. К ним можно отнести почетные поощрения на конкурсах, вручение памятных подарков и т.д.

Во-вторых, оказывается методическая поддержка НКО. Консультации оказываются не только лично, но и дистанционно. Для этого создан Портал единой автоматизированной информационной системы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций. Это обуславливает открытость и прозрачность во взаимодействии органов власти и НКО, особенно по вопросам субсидирования из городского бюджета.

Однако, наряду с явными преимуществами, существует и некоторые пробелы в механизме взаимодействия и эффективной работы социально ориентированных НКО и органов государственной власти.

Так, процесс аккредитации для НКО осложняется ужесточением процедуры прохождения этого этапа. Необходимо отметить, что принятие на региональном уровне завышенных требований к НКО при аккредитации в качестве поставщиков социальных услуг является распространенной практикой в российских регионах. Как показало исследование, проведенное Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации совместно с Министерством экономического развития Российской Федерации в 2016 году, основными барьерами, препятствующими полномасштабной реализации Закона 442-ФЗ [1], являются следующие:

- необходимость соответствия специалистов НКО нормам профессиональных стандартов;
- необходимость соответствия НКО национальным стандартам РФ;
- требования о минимальном опыте работы НКО по оказанию социальных услуг – не менее 5 лет;
- требования о наличии непрерывного осуществления деятельности поставщика социальных услуг в течение определённого периода;
- необходимость принятия поставщиком социальных услуг обязательств по предоставлению полного спектра услуг по одной из форм социального обслуживания.

По мнению федеральных экспертов, данные требования не вытекают напрямую из норм федерального законодательства, при этом существенно ограничивают возможности для участия негосударственных организаций в государственных программах в области социального обслуживания населения.

Эксперты, оценивая работу по реализации программы организационного развития с 60 организациями Москвы в 2016 году, заявляют, что уровень развития действующих социально ориентированных НКО Москвы, в настоящий момент в качестве профессиональных игроков рынка можно рассматривать единичное число организаций (не более 5% организаций Москвы). Для остальных организаций характерны следующие недостатки:

- В части формирования стратегии развития организации: отсутствие сформированной стратегии и, соответственно, видения перспектив развития организации и определения параметров её деятельности на средне- и долгосрочную перспективу (как содержательных, так и финансовых).

- В части диверсификации источников дохода для социально ориентированных НКО: большинство социально ориентированных НКО Москвы в качестве своих основных источников рассматривают средства учредителей, а также государственные гранты и субсидии на реализацию проектов. Среди организаций недостаточно развита практика оказания платных услуг, а также использование альтернативных источников финансирования, таких как: участие в конкурсах на закупку работ и услуг для государственных нужд в рамках законов о контрактной системе, краудфандинг и заёмное финансирование.

- В части организации предоставления услуг: отсутствие собственных реестров оказываемых социальных услуг с описанием их характеристик, необходимых как для оценки стоимости услуг, так и для позиционирования услуг на рынке; недостаточно проработанная система мониторинга качества услуг, отсутствие практики принятия управленческих решений по результатам мониторинга. Для стимулирования развития НКО как профессиональных поставщиков социальных услуг необходимо значительное изменение подходов к формированию как системы размещения государственного заказа у поставщиков социальных услуг, так и системы государственной поддержки некоммерческих организаций.

Нельзя оставлять без внимания и тот факт, среди каких организаций распределяется субсидирование средств регионального бюджета. Так, около 50% от объема целевых субсидий идет на содержание автономных некоммерческих организаций, учредителем которых выступила Москва. То есть, данные организации выполняют те же функции, что и местные органы исполнительной власти, однако для них значительно облегчена возможность применения упрощенных процедур закупок, в соответствии с ФЗ №223 от 18.07.2011г. И значит, данное финансирование нельзя рассматривать как процедуру поддержки негосударственного сектора. Таким образом, получается, что немалая часть социально ориентированных НКО остается без финансовой помощи, и, следовательно, не может осуществлять свои функции в полной мере, а в некоторых случаях – совсем.

Рассматривая взаимодействие государственного органа и НКО в рамках социального партнерства, можно отметить, что существуют еще некоторые пробелы в этом процессе. В социальном партнерстве участвуют три элемента: государство, бизнес и НКО. В Российской практике бизнес пока, оказывается, вовлечь в решение той или иной проблемы, особенно социальной, не так просто. Поэтому контакт получается двухканальным: «государственный орган - НКО».

Работа по совершенствованию взаимодействия органов власти и НКО, а также по развитию рынка социальных услуг в Москве требует организации межведомственного взаимодействия: необходимо унифицировать процедуры работы с социально ориентированных НКО в различных отраслях бюджетной сферы, сформировать перечни услуг, необходимых для решения комплексных социальных проблем и затрагивающих интересы разных ведомств, внедрить механизмы оценки эффективности новых социальных технологий и многое другое.

1. Николаева А.А., Бокова А.С. Приоритетные направления молодежной политики в учреждениях профессионального образования в субъектах РФ // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2017. №3. С. 227-231.
2. Радостева М.В. Социальное партнерство в сфере образования на современном этапе // Научный журнал "Дискурс". 2017. №9 (11). С 60-70.
3. Яныкина А.П., Какадий И.И. Особенности современных технологий управления образованием и применение их в практической деятельности // Экономика и предпринимательство. 2017. № 5-1 (82-1). С. 500-503.

СТРУКТУРА ФАКТОРОВ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ СЕМЕЙ

Самойлова В.А., Безрукова О.Н. (Санкт-Петербург)

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-03-00414 «Межэтнические семьи как фактор формирования этносоциальной стабильности в российском обществе»

Потребности межнациональных семей в социальной поддержке определяются спецификой их жизненной ситуации и, в частности, правовым статусом членов семьи. Если все они имеют российское гражданство, то такие межэтнические семьи не отличаются по своим правам и уровню социальной поддержки от других российских семей. Отсутствие гражданства у одного/обоих супругов или у детей ставит перед семьей проблемы, повышающие ее зависимость от социума и обуславливающие расширение круга потребностей в социальной поддержке различного уровня. Обобщенная гипотетическая структура факторов социальной поддержки межэтнических семей, которая подлежит эмпирической верификации и впоследствии будет дифференцирована с учетом типов семей, включает факторы: 1) макро-, 2)экзо-,3) мезо- и 4) микроуровня.

1. Макросоциальные факторы социальной поддержки межэтнических семей взаимосвязаны с целями и содержанием государственной социальной политики, представлены деятельностью различных социальных институтов – занятости, здравоохранения, образования, культуры и т.д., а также системой ценностей, которая определяет общественный климат. Это следующие факторы: гуманистические установки и ценности, ценности культурного разнообразия и толерантности, разделяемые большинством; миграционная политика, способствующая успешной адаптации/интеграции семей с детьми, связывающих свои жизненные планы с проживанием в России (не создающая труднопреодолимых бюрократических барьеров, реализуемая персоналом, соблюдающим нормы права и вежливого обращения и т.д.); гарантии правовой защищенности детей и взрослых, в т.ч., гарантии соблюдения прав детей, закрепленных в Конвенции о правах ребенка ООН; социальная политика, учитывающая потребности межнациональных семей, развитая инфраструктура социальных учреждений, предоставляющих услуги межэтническим семьям; политика СМИ, организация и содержание медийного пространства, не противоречащие интересам развития детей и благополучия межэтнических семей.

2. Экзоуровень отражает так называемые ресурсы местного сообщества. К факторам социальной поддержки межэтнических семей на экзоуровне относятся: развитая инфраструктура учреждений образования, квалифицированные учителя и воспитатели, способные создавать комфортную среду для учащихся разных национальностей; дополнительные образовательные программы для детей и взрослых, кружки, секции и т.д.; возможности трудоустройства и «дружественная к семье» политика работодателей; безопасность района проживания, работа полиции, вызывающая доверие и уважение со стороны граждан; доступный рынок жилья, в т.ч. жилья «социального найма»; доступная медицинская помощь и высокий уровень медицинского обслуживания; наличие детских и спортивных площадок, мест отдыха для жителей разных возрастов; развитая инфраструктура досуга, в том числе с учетом национального состава жителей; готовность властей к реальному взаимодействию с жителями, социальная политика местной власти, ориентированная на нужды жителей; общественные организации, объединяющие граждан разных национальностей, семейные клубы; развитые ценности и практики взаимопомощи, солидарности жителей в решении проблем местного сообщества и др.

3. Мезоуровень отражает круг общения ребенка и его семьи. Факторы мезоуровня - это социальные связи, или сети социальной поддержки. Их развитость означает, что у семьи есть: дружеские отношения ребенка со сверстниками, в т.ч. близкие друзья; дружеский круг у взрослых членов семьи; взаимопонимание с коллегами и их поддержка; налаженное взаимодействие и взаимопонимание между родителями и учителями/воспитателями; отношения взаимопомощи и

поддержки с другими родителями; доброжелательное и помогающее отношение к ребенку со стороны учителей; неформальное, отношение к ребенку и к родителям со стороны специалистов (врачей, социальных педагогов, психологов, специалистов социозащитных организаций, тренеров, руководителей кружков и др.); доброжелательные и помогающие межсоседские отношения; общение с единовверцами, поддержка со стороны членов религиозной общины; принадлежность к интернет-сообществам и др.

4. Микроуровень социальной поддержки межэтнической семьи – это контакты с родственниками, поддержка со стороны членов «расширенной семьи» (бабушки, дедушки), других родственников. Это факторы, отражающие материальные (финансовые и жилищные) аспекты родственной поддержки, помощь в ведении домашнего хозяйства, в присмотре за детьми, в уходе за больными, поддержание этнической идентичности через соблюдение семейных и национальных традиций, психологическую поддержку в трудных ситуациях и т.д.

В ходе анкетного опроса (пилотаж) и интервьюирования опрошено 58 подростков в возрасте от 13 до 16 лет, выходцев из межнациональных и мононациональных семей, а также 46 родителей, состоящих как в межэтническом, так и моноэтническом браке. Взято 10 интервью у подростков и 8 интервью у родителей. Опрос проводился в 2016 году на базе одной из общеобразовательных школ Санкт-Петербурга.

Интервью и анкетирование дают примеры различных жизненных ситуаций, обуславливающих потребности семей в социальной поддержке. Среди названных трудностей: болезни членов семьи, проблемы взаимопонимания между детьми и родителями, усвоение учебной программы, материальные трудности, проблемы с жильем, отсутствие гражданства. Как родители, так и дети наиболее часто в качестве источника поддержки в трудных жизненных ситуациях указывали родственников (бабушки и дедушки, родители жены/мужа, другие родственники – от 43,6 до 61,1% у детей и родителей), а также близких друзей (50,1% детей и 58,3% родителей). Каждый четвертый ребенок назвал одноклассников, лишь каждый десятый – соседей, классного руководителя и психолога. Каждый пятый родитель полагается на поддержку коллег, столько же на учителей своего ребенка, каждый десятый рассчитывает на помощь специалиста по социальной защите и психолога. За исключением одного человека, родители не полагаются на соседскую поддержку. Один родитель и двое детей указали священника. Никто не отметил представителей органов местного самоуправления, к которым бы они обратились за поддержкой. В целом, можно сделать вывод об ориентации на ближний (семейный и дружеский) круг, о ее сопряженности с маленьким радиусом доверия в обществе, что показывают данные и других исследований.

Школе принадлежит особое место в жизни семей с детьми и, судя по приведенным выше данным, для части детей и родителей она играет значимую роль в их социальной поддержке. Данные опроса показали, что большинство детей (более 80%) чувствует себя в школе комфортно, что проявляется в доброжелательном отношении со стороны одноклассников и учителей. Родители (более 90%) подтверждают оценки детей. В интервью родители выражали удовлетворенность тем, что их дети учатся в данной школе, некоторые родители выбрали эту школу/ перевели своих детей из других школ, несмотря на то, что живут далеко, и дети добираются до школы с пересадками. И родители и дети отмечали дружелюбную и поддерживающую атмосферу в школе.

Данные исследования, основанные в т.ч. на наблюдении, позволяют сделать вывод о том, что школа дает хороший пример мультикультурного взаимодействия, основанного на уважении к представителям всех национальностей. Дети знают о межнациональных проблемах (например, между армянами и азербайджанцами), и хотя проявляют этноцентризм в установках в отношении будущих брачных партнеров, в повседневном взаимодействии в основном корректны и дружелюбны. Типичные высказывания: «нужно уважать друг друга», «все нации равны», частое явление - близкие друзья разных национальностей.

Культура школы представляет собой целостный феномен, для которого характерна согласованность ценностей, целей, задач, методов, реальных практик межкультурного взаимодействия. Наряду с активным обучением учащихся русской культуре, поддержке в освоении русского языка, проводятся мероприятия, посвященные национальным культурам. В результате происходит не только расширение кругозора, но и осознание детьми своей этнической принадлежности. В интервью дети говорили о том, что впервые об этом задумались в школе. Таким образом, школа, наряду с семьей, является влиятельным агентом этнической социализации

детей, а также агентом социальной поддержки родителей, что особенно важно для тех из них, кто находится в процессе адаптации к изменившимся жизненным условиям.

ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Сербина О.А. (Санкт-Петербург)

Корни российской благотворительности уходят в глубокое прошлое отечественной истории и связаны со всеми этапами развития государства. Ее источниками являются христианские нравственные ценности. Благотворительность в России имела свои особенности и специфику. Для ее обозначения, например, использовались понятия: «филантропия» - человеколюбие; «филантроп» - тот, кто посвятил себя пользе ближнего; «призрение» - попечение, забота о нищих калеках, больных, сиротах (по определению В.И. Даля). Христианская идея милосердия и сострадания ближнему объединяла всех членов общества независимо от социальной принадлежности. Людям в старину были известны поговорки: «в рай входят святой милостыней», «нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается». Идея личной милостыни лежала в основе всех нравов [3, С. 40]. Особенностью становления благотворительности сначала на Руси, затем в Московском государстве и в Российской империи было высокое покровительство со стороны верховной власти и церкви. В 996 г. Устав князя Владимира возлагал попечение о бедных на православную церковь. С указа царя Федора Алексеевича (1682 г.) началось создание государственной системы призрения, продолженной Петром I и последующими монархами [5, С. 37 - 39]. В XVIII – XIX вв. система государственного призрения продолжала активно развиваться. Своего расцвета благотворительность в России достигла в конце XIX – начале XX вв. при максимальном расширении социального состава граждан и их финансовой базы. Дальнейшее развитие получила благотворительность внутри сословных, профессиональных, церковных, земляческих и национальных групп [4, С. 11]. Благотворительностью была охвачена вся огромная территория империи. Общество оставалось по-прежнему полярным. Правительство совершенствовало нормативно-правовую базу благотворительности, расширяло, координировало, контролировало, стимулировало систему общественного призрения. Оно поощряло благотворительность и за ее счет покрывала недостаток средств на социальные нужды. Только в Петербурге благополучателями являлось 27% его населения. А по всей стране социальная сфера требовала значительных вложений. В 1902 г. в России было зарегистрировано 11040 благотворительных филантропических учреждений. В 1910 г. Всероссийский съезд деятелей по призрению определил, что 75% средств на социальную помощь приходится из частных добровольных пожертвований [3, С.51]. Еще одна особенность российской благотворительности состояла в наиболее значительном участии в ней (90%) купеческого сословия. Русские предприниматели, вышедшие из крестьянской и старообрядческой среды, строили свою общественную жизнь на основе религиозных и идейных принципов. Наставляя младших, братьев Павел Рябушинский, внушал, что «богатство обязывает» [2, С. 176]. Предпринимательские семьи двух столиц, а также сотни провинциальных предпринимателей строили храмы, школы, дома призрения. Этому примеру следовали иностранные бизнесмены в России (Нобели, Кноппы, Фаберже и др.). Благоприятной для предпринимателей была правовая база, предоставлявшая льготы. Вовлечение в сферу благотворительности широких кругов общественности дало импульс к созданию профильной периодической печати. Только в Петербурге выходило более 20 журналов, освещающих ее проблемы. [4, С.56]. Благотворительность превратилась в сферу социальной практики и охватила все стороны социально-культурной жизни. Благотворители открывали столовые для нуждающихся, обеспечивали работой женщин, мужчин, молодежь, освобожденных из мест заключения, патронировали тюрьмы. Материально поддерживали студентов, малоимущих, вдов и детей (от разовых пожертвований до определения пенсий). В 1900 г в Петербурге был создан Отдел регистрации бедного населения, 99 сотрудников которого за год выявили 40 тысяч бедняков [7, С.255]. Во время войн собирали медикаменты, помогали раненым, создавали и финансировали санитарные отряды для фронта. Меценаты открывали музеи, библиотеки и просветительские учреждения; финансировали творчество; спонсировали научно-исследовательскую деятельность (красноярский купец М.К. Сидоров финансировал экспедиции по освоению Севера); поднимали профессиональное образование. Многие поколения пользуются этим замечательным сохранившимся наследием. После революции 1917 г. благотворительность

оказалась в забвении, ибо социализм ликвидировал нищету и безработицу. Решение всех социальных задач осуществляло государство.

В настоящее время происходит возрождение и развитие российской благотворительности. Она широко востребована в обществе. Внимания и помощи требуют представители разных социальных групп, испытывающие жизненные трудности. Многие люди нуждаются в помощи, которую получают от государства и общества. Благотворительность проявляется в формах организации фондов, спонсорства, меценатства, акций, частных инвестиций, волонтерской деятельности. Простые люди не только искренне переживают и сочувствуют чужому горю, но готовы помочь разными средствами (при теракте в Петербургском метро, при летних пожарах в регионах 2017 г. и др.). Современная благотворительность еще не достигла уровня начала XX века. Несмотря на определенные успехи в организации благотворительности, существуют проблемы, для решения которых необходимо восстановить преемственность с учетом отечественных традиций, особенностей и специфики. Исторический опыт, накопленный в дореволюционной России, мало изучается и пропагандируется среди населения, особенно среди молодежи. Наши граждане мало знают о благотворителях прошлого, путают понятия, недостаточно информированы о формах благотворительности, не знают, куда обратиться, чтобы предложить свою помощь не только материальную, но физическую и моральную. Такое заключение удалось сделать в результате бесед и опроса, проведенного в СПбУТУиЭ среди студентов (16-18 лет). В анкетировании участвовали 184 студента. Опрос о благотворительности показал, что только 3% процента ничего не знают об этой сфере. На вопрос об участии в ней, 25% ответили отрицательно. Однако, в результате следующих вопросов выяснилось, что совсем не участвовали в помощи нуждающимся только 15%. Наиболее распространенными формами участия студентов в благотворительности являются: работа волонтерами 65 человек (35%); милостыню подавали 76 человек (41%); СМС с денежными суммами для больных детей отправляли 44 (24%); помогали пожилым людям 29%. Стало понятно, что не все рассматривают милостыню как участие в благотворительности. Немногие (4%) участвовали в благотворительных концертах, формировании вещевых посылок для нуждающихся в ДНР и ЛНР, посещениях детских домов. 89% студентов высказались за участие молодежи в благотворительности. Свое желание участвовать в помощи нуждающимся в настоящем и будущем выразили 60%, не определились - 30%, отрицательный ответ дали 12 человек (6%). Благотворительность признали важным социально-общественным делом 60% опрошенных, но 38% считают, что это - задача государства. Таким образом, следует отметить, что современная молодежь не стала равнодушнее. Необходима работа в обществе на государственном уровне. Важно обеспечить преемственность с прошлым. Историческая благотворительность – это наше национальное достояние, которое следует сохранять и приумножать.

1. *Благотворители и меценаты прошлого и настоящего: Словарь-справочник от А до Я/Авторы-составители: Макальская. – М.: Изд-во «Дело и сервис», 2003.*
2. *В.Рябушинский. Купечество московское // ж. Родина, 8- 9 – 1992.*
3. *Векслер, Ася Филипповна. Зачем бизнесу спонсорство и благотворительность / А. Векслер, Г. Тульчинский. – М.: Вершина, 2006.*
4. *Керзум А.П., Лейкин О.Л., Северюхин Д.Я. Благотворительность в Санкт-Петербурге. 1703 – 1918. Историческая энциклопедия. – СПб: Лики России, 2016.*
5. *Прохоров В.Л. Российское предпринимательское благотворение (XIX – начала XX в.). – М.: Союз, 1998 г.*
6. *Соколов А.Р., Зимин И.В. Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора.– М.: Центрполиграф, 2015.*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ИНВАЛИДОВ ПО ЗРЕНИЮ: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДА ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮ

Сиротин В.А. (Волгоград)

Аннотация: На основании результатов проведённого нами социологического исследования был выполнен анализ социальной адаптации инвалидов по зрению: рассмотрены проблемы, связанные с доступностью городской среды, проанализирована ситуация с трудоустройством. Помимо вышеперечисленного, было уделено внимание роли социального окружения, интернета и общественных организаций в социальной адаптации незрячих и слабовидящих людей, и изучена оценка информантами социальной политики государства в от-ношении незрячих.

Социальная адаптация как понятие в социологии затрагивалась многими отечественными социологами. Одним из них является Сергей Иванович Капица. В своей статье исследователь подчеркнул, что «содержание социальной адаптации может быть сведено к тому, что это целостный, динамический, непрерывный, относительно устойчивый процесс взаимодействия личности либо группы и социальной среды, в ходе которого формируются способности людей осмысленно ориентироваться в меняющейся ситуации, вырабатывать адекватные модели поведения, рационально использовать различные ресурсы для согласования самооценок и возможностей и наиболее полной реализации своих потребностей и притязаний» [1, с.2]. Для нашей работы важно не только содержание понятия «социальная адаптация», но и его чёткая формулировка. Согласно определению из энциклопедии по социологии, «социальная адаптация – это процесс приспособления, освоения, как правило, активного, личностью или группой новых для нее социальных условий или социальной среды» [2, с.939].

В настоящее время в России существует целый комплекс проблем, который связан с социальной адаптацией незрячих людей. В него входят проблемы безбарьерной среды для инвалидов по зрению, внедрения компьютерных технологий для незрячих и слабовидящих людей и многие другие. В октябре-ноябре 2016 года нами было опрошено методом глубинного интервью 13 информантов из Всероссийского Общества Слепых Центрального района г. Волгограда и 2 эксперта из Волгоградской Ассоциации незрячих специалистов «Надежда». Во время проведения исследования было выявлено, что в г. Волгограде существуют проблемы доступной городской среды. Не везде установлена тактильная плитка, а где установлена, то с нарушениями.

«..Но, укладка плитки зачастую уложена с нарушениями. Или её без уровня укладывают, один угол выше, другой ниже, и она перекосилась, перекивилась. Не соблюдаются ГОСТы и нормативные такие требования. Потом зазоры между плиткой, они должны быть 5 мм или по см можно сделать. Это тоже влияют погодные условия влияют на эту плиточку и получаются трещины, можно каблучком там застрять, для других людей, и коляска.. мамочка там застрянет...» (женщина, 60 лет).

Помимо этого, общественный транспорт не отмечен специальными маячками, которые бы включили его в список опознаваемых объектов индивидуальными устройствами, и ступеньки в середине салона в салоне транспортных средств нового образца создают препятствия инвалиду по зрению. Проводя параллель между автобусами и троллейбусами, информантами было подмечено, что у данных видов транспорта с недавних пор одинаковая конструкция, а остановка существует одна. Поэтому инвалид по зрению может перепутать их и сесть по ошибке в тот транспорт, который ему не нужен. В результате пассажир оказывается в другом месте и ему приходится ориентироваться и искать путь до нужного пункта назначения. Получается, что одна проблема порождает другую проблему. Один из информантов предложил решить данную ситуацию путём разграничения остановок, то есть отдельная остановка для автобуса, и отдельная остановка для троллейбуса. Также, говоря об автобусах, было подмечено, что жёлтый цвет данного транспорта является его преимуществом.

«Транспортом удобно. У меня есть ещё одна проблема, и не только у меня. Я вот в разговоре сталкиваюсь. На Комсомольской, вот на остановке, я доезжаю скоростным трамваем до Комсомольской. И здесь же, возле Дома Техники, сажусь на троллейбус. И вот здесь начинаются очень большие проблемы. Сейчас конструкции этих троллейбусов и автобусов настолько стали похожи, и раньше, почему то автобусы где то немножко раньше, у них там даже своя какая-то была остановка. Одним словом – часто попадаю, попадаю. Приходится спрашивать каждый раз: «Троллейбус это или автобус?». Иногда услышишь, иногда тебе просто никто не ответит. Несколько раз я попадал в автобус, который завозил меня аж на Ткачёва, и мне выбираться приходилось. Надо вот каким то образом эту проблему решать, причём это не только со мной. Я вот с людьми разговариваю, часто попадается такая ситуация, когда нас завозят...», (мужчина, 58 лет).

Информанты в ходе интервью подчеркнули, что им очень трудно пользоваться маршрутными такси из-за того, что номер маршрута не подсвечен.

«А вот если маршрут, то тут вот такой вот гвоздь. Во-первых, некоторые маршруты отменять стали, и вот те которые мне удобны были, их в частности сняли. В частности 33, который идет от моего дома. Вот и стало очень неудобно, потому что ловить маршрутку, я сама, к сожалению, по зрению не могу, то есть, если они пролетают где то мимо, я их вижу, перед моими глазами пролетел. А что он где то вдали, я не вижу. И мне приходится приставать к прохожим,

грубо говоря, и не всегда удастся, потому что все уезжают раньше меня (смеется). Вот, и поэтому это не всегда удобно. Вот автобус, троллейбус, то да», (женщина, 40 лет).

Завершая тему о доступности городской среды, стоит отметить ситуацию с помощью граждан нашего города инвалиду по зрению при передвижении по улицам. Было подмечено, что не все могут её правильно предложить, то есть, согласно рассказам информантов, схватить под руку «Давайте переведу» и перетащить, но при этом, не сказав о препятствиях на пути, таких как бордюр. В результате, инвалид по зрению может упасть.

Помимо доступности городской среды, в настоящее время существует огромная проблема с трудоустройством инвалидов по зрению. В ней можно выделить много аспектов, начиная от неконкурентоспособности, и заканчивая необходимостью создания специальных условий, которые чётко не прописаны.

«Очень даже. Я хочу сказать... Вот скажут опять советское время мы воз.. У нас было своё УПП. У нас была работа. Вот я пришла на УПП в 83 – ем, я с 75 года – инвалид. А вот в 83-ем году я пришла на предприятие. Мне предоставили работу. Я могла зарабатывать. Пусть небольшая сумма, больше 120 в то время мы не имели права, и у меня вторая группа была. Я не имела права зарабатывать. Инвалид первой группы мог зарабатывать свыше, а я – нет. Я знала, что я приду, я не обделённый человек. И у меня есть стремление. Но вот хорошо у меня вот сейчас в моём возрасте есть стремление к самостоятельности. Я вот пришла. А ведь многие сидят, а молодежи сколько сидит. А УПП наше не работает, не работает» (женщина, 70 лет).

Затрагивая тему социального окружения и роли общественной организации, стоит отметить, что проблемы замкнутости у инвалида по зрению в пространстве квартиры не существует. Информанты ведут достаточно активный образ жизни в плане досуга, принимают участие в различных мероприятиях, которые проводятся в организации ВОС. Говоря о широте контактов общения, информанты отмечали, что являются контактными людьми и имеют широкий круг общения. Некоторые из участников исследования пользуются интернетом и зарегистрированы в социальных сетях. И по данному вопросу информанты отметили, что социальные сети в целом не адаптированы для инвалидов по зрению. В целом можно сказать о том, что опрошенные инвалиды по зрению имеют организованный досуг и не испытывают потребности в общении, так как руководство организации проводит работу, связанную с социальной адаптацией и состоящую из проведения различных конкурсов, праздников, концертов например, конкурс брайлистов, и День именинника. Информанты отмечали, что Волгоградская Ассоциация незрячих специалистов «Надежда» также проводит семинары в организации ВОС.

Таким образом, необходимо делать г. Волгоград более доступным для инвалидов по зрению, решить проблему с укладкой тактильной плитки, вешать специальные маячки на общественный транспорт, разграничить каким-то образом остановки автобусов и троллейбусов, решить проблему трудоустройства путём интеграции деятельности социальной защиты и реабилитационных центров, поддержки и развития специальных предприятий ВОС, а так-же работать над адаптацией социальной сети для инвалида по зрению.

1. Капица С. И. Понятие социальной адаптации в социологии [Электронный ресурс] // Вестник ЧГУ. 2009. №4. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sotsialnoy-adaptatsii-v-sotsiologii> (дата обращения: 02.10.2016).

2. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. — Мн.: Книжный Дом, 2003. — С. 939–940.

РОЛЬ ПРАКТИК МЕЖПОКОЛЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПРОФИЛАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

Сиушкина Н.В. (Петрозаводск)

Тенденции снижения смертности и увеличения продолжительности жизни в Российской Федерации являются одними из основных причин демографического старения, то есть увеличения доли пожилых людей в общей численности населения. По данным Росстата на 1 января 2016 года численность населения в Российской Федерации составляет 146,5 млн. человек, из них граждан старше трудоспособного возраста (мужчины – 16-59 лет; женщины – 16-54 лет) – 35986341, моложе трудоспособного возраста (0-15 лет) – 26359561, молодежи (16-29 лет) – 26211746 [18].

Российская Федерация, согласно классификации экспертов отдела демографии ООН [13, с.3], считается страной со старым населением, так как лица возраста старше 65 лет составляют

примерно 15,3% от всей численности населения. Таким образом, РФ входит в число стран с тенденцией демографического старения.

Демографическое старение влечет за собой не только демографические, социально-экономические проблемы, но и проблемы в сфере социальных отношений, в частности, в сфере межпоколенных взаимодействий не только в обществе в целом, но и в семье, которые служат причиной такого явления как социальное сиротство пожилых.

Согласно результатам ряда исследований [6, 7, 9] социальные ожидания пожилого и молодого поколения друг к другу не соответствуют реальности. Молодые люди имеют преимущественно негативное либо амбивалентно-противоречивое отношение к старению и старости, к пожилым людям; пожилые люди занимают низкий статус во взаимоотношениях с молодым поколением. Несмотря на негативное отношение пенсионеров к современной молодежи, взаимоотношения с наиболее молодым поколением в семьях преимущественно хорошие. Роль старшего поколения видится в оказании помощи своим детям, молодым родителям в воспитании внуков [8].

В обществе преобладают тенденции, связанные с негативным отношением к пожилым людям, насилием, преобладанием стереотипов, принижающих роль пожилых людей и формирующих общий негативный фон по отношению к гражданам старшего поколения [1].

Хотелось бы отметить, что семья может стать как одним из важнейших субъектов помощи пожилому человеку, который позволяет реализовывать основные потребности [3, 4, 11], так субъектом, реализующим деструктивные процессы [5, 12, 14], служащие поводом для определения пожилых граждан родственниками в стационарные учреждения. Данное явление носит название социального сиротства.

Межпоколенные практики могут являться определенным инструментом профилактики социального сиротства граждан пожилого возраста. Профилактическая функция выражается в соучастии и взаимном сотрудничестве разных поколений. Благодаря реализации межпоколенных практик, во-первых, изменяется отрицательное отношение к пожилым людям, разрушаются негативных стереотипов старости, выстраивается правильное общение со старшим поколением. Пожилые люди, вовлеченные в совместную деятельность, приобретают чувство нужности, собственной важности, защищенности, безопасности, полезности обществу и семье, что влияет на психологическое состояние человека. Таким образом, происходит укрепление межпоколенных связей в обществе и семье, повышение социального статуса пожилых, обеспечивается благополучное старение. Во-вторых, межпоколенные практики, предотвращая девиантное поведение молодого поколения, развивают у молодежи навыки и умения общения с людьми [19]; эффективно осваивая социальные нормы, молодежь будет обеспечивать трансляцию традиций и этических правил, важных для общества в целом [2].

В нашей стране имеется богатейший опыт позитивных межпоколенных взаимодействий: движение «тимуровцев», просуществовавшее более 60 лет; общественная работа пенсионеров, включающая шефскую работу с трудными подростками, организацию досуга детей, подготовку и проведение праздников улиц; работа клубов по интересам [15, с.133].

Яркими примерами межпоколенных практик можно считать следующие: программ «Алло, бабуля?» на базе Тульского регионального центра поддержки женщин и семьи «Подруга» [15, с.134], проект «Бабушки-детям» на базе РОО КРЦП «Мои года – мое богатство» [10], проект «Бабушкины сказки» на базе Межрегионального ресурсного центра «Серебряный возраст» г. Санкт-Петербурга при поддержке Благотворительного фонда «Добрый город Петербург» [16], проект «Патриоты Калевалы: связь поколений», реализованный инициативной группой поселка Калевала [17], «весенняя неделя добра». Главная идея данных проектов – объединение и укрепление межпоколенческих отношений между старшим и молодым поколением на основе совместной деятельности и оказание помощи в преодолении социальных проблем.

Таким образом, проанализировав результаты вышеприведенных исследований, проектов и программ, можно сказать, что межпоколенные практики имеют огромное значение и играют роль инструмента при решении многих социальных проблем, в том числе и профилактике социального сиротства.

1. *Распоряжение Правительства Российской Федерации от 5.02.16 г. № 164-р «Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» // Правительство Российской Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/7PvwllE5X5KwzFPuYtNAZf3aBz61bY5i.pdf> - (Дата обращения: 25.09.17).*

2. Агапова О. Как поддержать диалог между поколениями. Практический курс 2 // DVV International. URL: http://www.dvv-international.org.ua/fileadmin/files/eastern-neighbors/Belarus/Publications/-2_dialog-between-generations.pdf - (Дата обращения: 25.09.2017).
3. Бутуева З.А. Развитие семейных форм социального обслуживания людей старшего возраста // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. - №5. – С.96-101.
4. Бухалова Н.А. Семья – основа бытия пожилого человека и гарант активной старости // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2012. - №2. – С. 110-113.
5. Величко Г.А. Одиночество пожилых людей: социально-психологический анализ // Научные труды Северо-Западного института управления. – 2014. - №1(13). – С. 30-36.
6. Краснова О.В., Козлова Т.З. Старшее поколение: гендерный аспект. М.: Институт социологии РАН, 2007. - 220 с.; Краснова О.В., Полева Н.С. Сравнительное исследование социокультурной идентичности в подростковом и зрелом возрасте. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n50/1361-krasnova50.html> - (Дата обращения: 25.09.2017).
7. Крюкова Т.Л. Молодежь о старшем поколении: психология межпоколенного конфликта. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2008n2-2/107-krjukova2.html> - (Дата обращения: 25.09.2017).
8. Митанова Е.И. Отношения пожилых людей со своими внуками (на примере Республики Бурятия) // Сервис plus. - 2009. - №4. - С. 16.
9. Миннигалеева Г.А., Демина К.В., Зулкарнаев Т.Ш., Юсупова Л.М., Хижнякова И.С. Образ пожилых людей сегодня // Психология зрелости и старения. - 2013. - №4. - С. 51–65.
10. Миннигалеева Г.А. Бабушки-детям // Методическое пособие по организации индивидуальных программ содействия социализации детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации с помощью волонтеров-представителей старшего поколения. URL: https://moigoda.files.wordpress.com/2012/12/d0b1d0b0d0b1d183d188d0bad0b8-d0b4d0b5d182d18fd0bc-d0b1d180d0bed188d18ed180d0b0_opt.pdf - (Дата обращения 25.09.2017).
11. Раздобарова Н.И. Роль семьи в жизни пожилого человека // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2010. - №6. – С. 67-69.
12. Сагалаева Е.С. Ущемление прав пожилых людей в семье // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2012. - №4. – С. 231-233.
13. Сапожникова Т.И. Демографическое старение: прогнозы, причины, последствия // Научный журнал КубГАУ. - 2007, январь. - №25(1). - С. 3.
14. Турдубаева Э.К. Насилие над пожилыми людьми в обществе и семье: решение проблем // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2007. - №4(56). – С.89-95.
15. Цинченко Г.М. Межпоколенные практики // Управленческое консультирование. - 2015. - №4. - С. 130-136.
16. Начало проекта «Бабушкины сказки» // Межрегиональный ресурсный центр «Серебряный возраст». URL: <http://silveryears.ru/tidings/post/nachalo-proekta-babushkiny-skazki> - (Дата обращения: 25.09.2017).
17. Активное поколение: истории успеха проектов, направленных на улучшение качества жизни людей пожилого возраста // Архангельский Центр социальных технологий «Гарант». URL: <http://ngogarant.ru/flip/rk/files/assets/common/downloads/publication.pdf> (Дата обращения: 25.09.2017).
18. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2016 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_111/Main.htm - (Дата обращения: 25.09.2017).
19. Zeldin S., Larson R., Camino L., O'Connor C. Intergenerational relationships and partnerships in community programs: Purpose, practice, and directions for research. URL: <http://www.lemosandcrane.co.uk/dev/resources/ICRRDS%20intergenerationalrelations.pdf> - (Дата обращения: 25.09.2017).

ФОРМИРОВАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ДЕТСТВА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА.

Славнова В.К. (Барнаул)

В данной статье ставится задача рассмотреть процесс формирования системы социальной защиты детства: начиная со времен Древней Руси и заканчивая 20 веком. В работе рассмотрены

социальные предпосылки, а так же вклад каждого столетия в формирование системы защиты детства. Раскрыто происхождение понятия «защита», а так же подходы к феномену «детство».

В современном мире социальная защита детства рассматривается в ряду важнейших факторов экономического, культурного, социального развития общества, государства [1, 3 с.].

Благополучие и качество жизни детей является показателем уровня развития общества. Дети являются одной из тех категорий, защита которых должна стоять в приоритете у государства и общества в целом.

Проблемы детства изучаются специалистами самых разных сфер (педагогами, психологами, социологами). Но, не смотря на вовлеченность специалистов широкого круга, специфика детства как феномена не изучена до сих пор. Для того чтобы понять сущность феномена детства следует изучить разносторонние подходы к самому понятию «детство».

В научных исследованиях детство признается не только как определенный жизненный этап, но и как особая субкультура [1, 5 с.]. В демографии термин «ребенок» используется при исследовании репродуктивных функций семьи, положения женщины в обществе. [1, 7 с.]. Экономика изучает показатели уровня жизни семей с детьми, механизмы стимулирования семей к рождению детей.

Многие ученые, не смотря на разнящиеся взгляды в интерпретации термина «социальная защита детства», все же схожи в определении сущности социальной защиты детства. Эта сущность заключается в обеспечении ребенка поддержкой, помощью в удовлетворении его потребностей посредством правовых, финансовых и социально-психологических гарантий.

Свое начало система социальной защиты детства положила еще в древности. Помощь ближнему всегда была характерной чертой славянских народов. Первый опыт общественной заботы о наименее защищенных детях-сиротах на Руси возникает в родовой общине славян. Эта помощь «всем миром» постепенно становится одной из характерных черт славянского, а затем и российского менталитета, проявляясь в форме создания специальных домов, где кормили и обслуживали сирот и брошенных малюток [2, 19 с.].

Анализируя документы древнерусского права, можно обнаружить зачатки социальной защиты детства в «Русской правде» Ярослава Мудрого, 8 из 37 статей которой были посвящены социальной защите детства. В документе излагались права детей при разделе домашнего имущества, указывалось их социальное положение после гибели родителей. Данный свод законов провозглашал отца основным защитником детей, а так же определял некие условия опекуновства [3].

Значимую роль в разработке начал социальной защиты детства сыграли русские князья. Так, например Великий князь Владимир учредил училища для детей из различных сословий, князь Ярослав Мудрый учредил сиротское училище, в котором содержал и обучал детей на свои средства.

Менталитет славянского народа, внимание русских князей к вопросу о защите детей положили начало пути для дальнейшего развития системы социальной защиты детства в этом направлении.

Важным шагом в формировании системы защиты детства было юридическое закрепление царем Федором Алексеевичем заботы государства о нищенствующим и беспризорным детям. В его указе говорилось о необходимости создания особых школ и заведений, где нищие дети и подростки могли бы учиться разным наукам и ремеслам. В связи со смертью царя указ не был приведен в исполнение. Однако выраженные в нем общие идеи получили дальнейшее развитие и практическое приложение при Петре Первом.

К началу 18 века не было целостной системы защиты детства и именно Петру Первому предстояло внести порядок в дело призрения детей в России, построить его на совершенно новых началах, поручив светским правительственным и общественным органам.

Петр Первый внес существенный вклад в развитие этого вопроса, посвятив ряд своих указов вопросам социальной защиты сирот и беспризорных детей. Указами Петра были учреждены госпитали для незаконнорожденных младенцев, а так же предприняты меры по борьбе с детской беспризорностью.

Дальнейшее свое развитие система социальной защиты детей продолжила уже при Екатерине 2. При императрице обширное распространение получило создание воспитательных домов для детей, оставшихся без родителей, в государственном масштабе предпринята попытка воспитать «новую породу людей» и внедрить систему сословного воспитания детей. Воспитательные дома предназначались для приносимых младенцев и детей, оставленных

родителями из-за бедности. В этих домах был обеспечен уход за младенцами, так же организован учебный процесс для детей постарше.

Таким образом, эпоха правления Петра Первого и Екатерины 2 ознаменовалась становлением мощного фундамента для дальнейшего развития системы социальной защиты детства. Наиболее ярким вкладом этого периода было решение вопроса о социальной защите сирот и беспризорных детей, а так же создание специальных мест для содержания безнадзорных детей - воспитательных домов.

В 19 веке система защиты детства сделала большой шаг в своем развитии, во многом благодаря супругам монархов и приближенных к царям особ. В это время отмечается открытием учебных и благотворительных заведений, заведений для детей дворян, обер-офицеров и мещан, особых училищ для детей солдат гвардейских полков. Важным шагом в этот временной период стало открытие воспитательных училищ для глухонемых и слепых детей. К концу 19 века детские приюты становятся более массовой формой социальной защиты детей-сирот и детей бедных родителей. Государственная забота о детях в 19 веке приобретает все более сословный характер.

Значимой ступенью в формировании системы защиты детства является активная разработка самого понятия «защита». Выделению данного понятия способствовало внимание ученых, юристов, врачей и педагогов к детям, подвергавшимся насилию со стороны хозяев-ремесленников, а также родителей и посторонних людей. Введение этого термина характеризовало новое направление благотворительной деятельности, как следствие которого уже в 1892 году был создан «Отдел защиты детей от жестокого обращения» для надзора за правильным исполнением материальных и нравственных обязанностей лицами, от которых малолетние дети находились в зависимости.

Подводя итог, к концу 19 века детские приюты стали более массовой формой социальной защиты детей-сирот и детей бедных родителей. Их деятельность регламентировалась Положением о детских приютах.

Изучив организацию системы социальной защиты детей в годы советской власти мною было выявлено, что в этот период было положено начало государственной системе защиты детей-сирот, которой еще до революции не существовало. Целостная система учреждений для детей-сирот сложилась в 20-е годы 20 века, когда активно шла борьба с беспризорностью. Для первичного приема беспризорников и дальнейшего их устройства были созданы детские приемники-распределители (ДПР). Наряду с ДПР в 20-е годы появилась широкая сеть различных интернатских учреждений: дома ребенка, детские дома, трудовые колонии. Благотворительность, на которой базировалась дореволюционная система социальной защиты сирот, прекратилась в связи с исчезновением зажиточных слоев населения.

Таким образом, за годы советской власти была проделана колоссальная работа, способствующая развитию системы социальной защиты детства.

Подводя общий итог проведенному исследованию, хотелось бы отметить, что в становлении общей системы социальной защиты детства важен каждый из выше описанных этапов развития общества, потому как именно те результаты, которые были достигнуты на каждом из них - в комплексе составляют систему социальной защиты детства, к которой общество пришло сейчас.

1. Поддубная, Т. Н. Социальная защита детства в России и за рубежом / Т.Н. Поддубная. - М.: Академия, 2008.

2. Варывдин В. А. Управление системой социальной защиты детства/В.А. Варывдин, И. П. Клемантович. – М., 2005.

3. Русская правда (пространная редакция). Хронос: исторические источники. Русская правда. Режим доступа: <http://www.hrono.ru/dokum/1000dok/pravda72.php> (дата обращения: 17.09.2017).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА СЕМЬИ И ФАКТОРЫ РИСКА СЕМЕЙНОГО НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

Смирнова А.Н. (Санкт-Петербург)

Социологи по-разному оценивают модернизацию современной семьи. Согласно И.С. Кону, современная семья не может претендовать на ту «самодовлеющую» роль, которую она играла в

предшествующие эпохи, хотя ее роль в процессе социализации и все же остается весьма значимой [4]. Характеризуя состояние современной постиндустриальной эпохи, известный английский социолог З. Бауман, отмечает, что одним из важнейших ее признаков является радикальный пересмотр всей системы ценностей, еще недавно представлявшихся практически неизменными. «Но если так, – пишет Бауман, – то разрушается преемственность поколений, снижается значение семейных традиций и ценностей, ведь сегодня ожидаемая продолжительность жизни семьи не превышает срока жизни ее членов, и мало кто может уверенно утверждать, что семья, которую они только что создали, переживет их самих» [1, с. 309].

По мнению С.И. Голода, происходящие изменения ни в коем случае не должны ассоциироваться с кризисом семьи. Закономерности изменения семьи созвучны общесоциальным переменам – модернизация глобального общества влечет за собой трансформацию отдельных институтов. Принципы, лежащие в основе постсовременного типа семьи, реализуются как следствие глобальных социальных сдвигов. В своеобразной кооперации с уникальными возможностями для отхода от зависимых отношений и раскрытия всесторонней деятельной палитры по всем структурным каналам “муж-жена”, “родители-дети”, “супруги-родственники”, “дети-прародители” □...□ возникают богатые и многослойные отношения между полами и поколениями, открывается широкое пространство для самореализации каждого из агентов [2].

Очевидно, что эволюция семейных отношений сопровождается как позитивными, так и негативными последствиями. В качестве позитивных могут быть выделены: общая демократизация отношений и ориентация на равноправие полов, расширение спектра моделей демографического поведения, модернизация сфер жизнедеятельности семьи, внутри- и внесемейной занятости и т.д. В качестве негативных последствий исследования выделяют: нарушение ценностно-нормативной регуляции внутрисемейных отношений, рост напряженности в отношениях, нарастание конфликтности и криминогенности семейной среды, моральное неблагополучие семьи.

Это не может не отразиться на выполнении семьей важнейших общественных и индивидуальных функций в различных сферах семейной деятельности: репродуктивной, воспитательной, хозяйственно-бытовой, экономической, первичного социального контроля, духовного общения, социально-ситуативной, досуговой, эмоциональной, сексуальной. Деформация любой из этих сфер ведет к нарушениям в реализации функций семьи, что приводит к росту семейного неблагополучия в целом и, как следствие, к повышению риска уязвимости детей, воспитывающихся в ней.

По мере институционализации в российском обществе рыночных отношений материальное положение семьи становится одним из главных факторов, определяющим способность к социальной адаптации и к активной жизненной позиции у подрастающего поколения. Исследования уже зафиксировали влияние материального положения семьи на особенности социализации школьной молодежи. Выявлено, что уровень притязаний молодых людей связан с материальным положением семьи, поскольку подростки, строя планы на будущее, склонны учитывать ту помощь, которую им может оказать семья: чем выше материальное положение родителей, тем большей помощи ожидают от них дети. Интервьюирование матерей благополучных и “трудных” подростков выявило, что каждый второй “трудный” подросток воспитывается в бедной семье – “живут от зарплаты до зарплаты”, “денег хватает только на питание” [8]. Данный фактор порождает неуверенность подростка в своих силах, трудности адаптации в коллективе сверстников; ущемление самолюбия подростков.

Значимым фактором риска является и безработица родителей. Отсутствие работы – это фактор не только низкого уровня жизни семьи и невозможности удовлетворения потребностей ребенка. Положение безработных определяет низкий статус семьи в ее социальном окружении и формирует низкую самооценку как у родителей, так и у детей. Безработный родитель никогда не будет примером для своих детей. В то же время признание ребенком его авторитета является одной из главных составляющих успешного семейного воспитания [3].

Исследования показывают, что образование родителей (в первую очередь, матери) оказывает влияние на притязания и жизненные планы в отношении получения высшего образования, которое продолжает играть значительную роль в качестве составляющей успеха, и на адаптацию ребенка к школе [10]. Низкий уровень образования и культуры родителей формирует невысокую культуру досуга семьи, определяет тем самым депрессивный характер ее психологического развития, жесткий режим взаимоотношений.

Одним из серьезнейших деструктивных семейных факторов является пьянство и алкоголизм родителей. В алкоголизированных семьях остро стоит проблема созависимости, и может возникнуть ситуация проецирования ребенком модели семейных отношений его детства на свою будущую семейную жизнь.

Одним из самых существенных условий, отрицательно влияющих на становление личности ребенка, является недостаток родительской ласки, любви, внимания. Последствиями этого выступает отчуждение, проявляющееся в эмоциональной неустойчивости, повышенной детской уязвимости. По данным С.С. Малявиной, среди обследованных родителей 600 детей 9-13 лет с агрессивным поведением в 21% случаев отмечалось выраженное отвержение своих детей; в 12% - низкий уровень социально желательного отношения к детям; в 22% случаев между родителями и детьми отсутствовала тесная межличностная связь; каждый десятый родитель не испытывал потребности следить за поведением своих детей. Почти половина (40%) из числа обследованных школьников не имели доверительных отношений с родителями, 23% - не были уверены в любви к ним родителей [5].

Непоправимый урон благополучию ребенка наносят различные проявления жестокого обращения с детьми в семье, некорректных приемов воспитания, унижения человеческого достоинства. По данным статистики, ежегодно в России 2 млн. детей избиваются родителями, в том числе каждый десятый умирает от полученных побоев; 2 тыс. детей кончают жизнь самоубийством; около 40% сексуальных насильников несовершеннолетних являются родственниками жертв насилия; более 50 тыс. детей уходят из дома [7].

Грубость, разрешение конфликтов посредством брани и драк является распространенным явлением во многих семьях подростков с девиантным поведением, что зачастую воспринимается ими как нормальная форма отношений между людьми, приемлемая и во взаимоотношениях со сверстниками. Согласно данным, более 2/3 несовершеннолетних преступников воспитывались в семьях, где постоянно присутствовали ссоры, скандалы, взаимные оскорбления, пьянство и разврат. Каждого 8 рецидивиста, вставшего на преступный путь в раннем возрасте, в практику пьянства и совершения преступлений вовлекли родители, старшие братья, близкие родственники [6]. Среди молодежи, употребляющих наркотики, – 77,8% испытывали/испытывают физическое насилие в семье; 57,7% отмечают, что живут в ситуации постоянных скандалов [9].

Другим условием неблагоприятного формирования личности в семье является наличие искаженных жизненных установок, интересов, взглядов у членов семьи. Даже при наличии эмоционального контакта, неадекватная направленность семейного воспитания (например, гиперопека) может приводить к тому, что у ребенка формируются завышенная самооценка, неоправданно высокие притязания, эгоцентризм, что может проявляться в пренебрежительном отношении к окружающим, игнорировании законодательных и нравственных запретов.

Статья подготовлена в рамках проекта «Положение и риски девиантности молодежи, проживающей в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга)» при поддержке РГНФ (проект № 15-03-00383)

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005.
2. Голод С.И. Социально-демографический анализ состояния и эволюции семьи. // Социологические исследования. 2008. Т. 7. № 1. С. 39–53.
3. Дементьева И.Ф. Факторы риска современного детства // Социологические исследования. 2011. №10. С. 108-114.
4. Кон И.С. Ребенок и общество. М.: Издательский центр «Академия», 2003.
5. Малявина С. С. Социализация детей в современной русской семье // Психологические проблемы современной семьи в России. Материалы конф. В 4-х т. Т. 3. М., 2005.
6. На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа) / коллективная монография: под научным руководством М.Е. Поздняковой и Т.А. Хагурова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; М.: Институт социологии РАН, 2012.
7. Насилие в семье: предупреждение, выявления, реабилитация / Под ред. И. Ф. Дементьевой, Г. В. Сабитовой. М.: ИСВ РАО, 2010.
8. Саралиева З.Х. Семья - клиент социальной работы. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского госуниверситета, 2003.
9. Шереги Ф.Э. Социология девиации: прикладные исследования. М.: Центр социального прогнозирования. 2004.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ В XXI В.

Соловьев А.К. (Москва)

Социально-экономическая значимость государственной системы пенсионного обеспечения давно и бесспорно доказана многолетней практикой наиболее экономически развитых государств, поскольку растущее число граждан пенсионного возраста требует все больше ресурсов для достойного содержания. В условиях углубления бюджетно-финансового кризиса в нашей стране, как и в странах постсоветского пространства государственная пенсионная система и ее фундаментальные параметрические характеристики также начинают рассматриваться при формировании не только долгосрочных стратегических макроэкономических прогнозов, но и при обосновании текущих бюджетных проектировок.

Поэтому с каждым годом возрастает объективная потребность в усилении роли государства в процессе регулирования пенсионных обязательств. Главной экономической проблемой, которую предстоит решить экономической науке является выработка обоснованного баланса между конъюнктурными экономическими интересами современного периода (регулирование фискальной «нагрузки на бизнес», экономия средств госбюджета на социальные нужды нетрудоспособных граждан и т.п.) и выполнением конституционных гарантий по материальному обеспечению пенсионеров в пределах накопленных ими пенсионных обязательств в течение всего периода их выплаты («дожития»).

Целевым критерием при решении данной проблемы в Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы поставлена эффективность пенсионной системы как социально-экономического института в макроэкономической системе государства.

Особую остроту проблеме эффективности пенсионной системы придает очередной пенсионной реформе, которая сопровождается противоречивыми оценками экспертного сообщества.

В мировой практике эффективность функционирования пенсионной системы традиционно оценивается по двум основным параметрам – финансовая устойчивость и уровень замещения. В настоящее время существует несколько основополагающих международных нормативно-правовых документов, устанавливающих определенные требования к уровню пенсионных выплат, которые должна гарантировать эффективно функционирующая пенсионная система.

В 2012 году Правительством РФ утверждена Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации до 2030 года (Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2012 № 2524-р), в которой предусматривается совершенствование пенсионной системы и доведение ее до соответствия международным стандартам. Для этого необходим интегральный критерий эффективности, который позволит осуществлять мониторинг реализации социальных целевых ориентиров данной Стратегии.

В связи с этим в течение нескольких лет в России ведется разработка проекта государственной программы «Развитие пенсионной системы», для которой определяющее значение имеет выработка целевых показателей (индикаторов) развития системы пенсионного обеспечения. Отсутствие общепризнанных и научно-обоснованных критериев и показателей для комплексного анализа и оценки эффективности пенсионной системы стало существенной проблемой, с которой столкнулись разработчики госпрограммы, что не могло не сказаться на сроке ее разработки.

В настоящее время для российских органов государственной власти приоритетным направлением в рамках данного проекта должна стать разработка и конкретизации критериев и параметров для оценки эффективности пенсионной системы и последствий реализации пенсионной реформы.

В условиях глобального демографического кризиса и бюджетно-финансовой нестабильности перспективы развития пенсионной системы в нашей стране занимают центральное место в процессе формирования долгосрочной стратегии социально-экономического развития России.

Глобализация экономических процессов в мире создает дополнительные проблемы долгосрочного стратегического планирования развития пенсионной системы России,

обусловленные ее уникальной многофункциональностью, которая в свою очередь вытекает из институциональной природы сложившейся системы современного экономического механизма материального обеспечения различных категорий пенсионеров.

Вследствие этого современная пенсионная система непосредственно взаимодействует практически со всеми сегментами современного общества, начиная с макро- и микро-экономики, рынком труда, фи-нансовым сектором и заканчивая демографией.

Поскольку участниками современной – страховой - пенсионной системы являются застрахованные лица (все население страны), страхователи (работодатели, плательщики страховых взносов), страховщики (государственные и негосударственные) и само государство – конституционного гаранта реализации всех пенсионных обязательств (федерального бюджета).

Критерий эффективности определяется исходя из оценки уровня такого возмещения, во втором исходя из соотношения дохода пенсионера с размером какого-либо установленного показателя, который должен гарантировать достойные условия жизни во время защиты от социальных рисков.

Если оценка государственных гарантий минимального уровня пенсионного обеспечения в России не вызывает споров и для нее, как правило, принято использовать соотношение размера пенсий с ПМП, то практическая реализация показателя эффективности страховой пенсионной системы является основной проблемой при проведении пенсионной реформы.

Несмотря на установленные целевые ориентиры в Стратегии долго-срочного пенсионного обеспечения РФ по достижению коэффициента замещения трудовой пенсией по старости не ниже 40% утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате, в настоящее время в России нет ни институционально установленной, ни практически общепризнанной методологии расчета коэффициента замещения.

Теоретически оценка эффективности страховой пенсионной системы в России определяется соотношением страхового возмещения при наступлении установленного страхового случая к размеру уплаченной страховой премии. Страховая пенсия (страховая часть пенсии без ФБР) по старости обеспечивает только половину (21%) от установленного уровня коэффициента замещения. Даже вместе с фиксированной выплатой (ФБР) в 2015 году она не достигает требуемых 40%. (нетто-коэффициент замещения страховой пенсии)

РОССИЙСКИЕ ПЕНСИОНЕРЫ В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Соловьев А.К. (Москва)

Аннотация: Пенсионная реформа в России, основные параметры которой намечены в Правительственной Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы России (утверждена в 2012г.) определила конкретные институциональные и параметрические характеристики всех сегментов государственной системы пенсионного обеспечения нашей страны. Целевые ориентиры реформы установлены исходя из институционально-страховых принципов развития пенсионной системы.

Бюджетный кризис, последовавший за глобальным финансовым кризисом прервал поступательное движение к достижению намеченных целевых ориентиров. В частности размер страховой пенсии относительно прожиточного минимума пенсионера за три кризисных года не только не повысился, но наоборот заметно снизился (с 1,8 в 2014г. до 1,5 в 2017), а трансформация пенсионного страхования в добровольное была заменена на временную «заморозку» пенсионных накоплений на период до 2020г.

Отмеченные негативные тенденции, порожденные бюджетным кризисом, создали реальные риски для реализации намеченных Стратегией целевых ориентиров развития пенсионной системы.

Государственная пенсионная система является самым долгосрочным объектом стратегического планирования, поскольку продолжительность «страхового пенсионного цикла» (период формирования пенсионных прав и реализации пенсионных обязательств) в современных демографических условиях составляет 75-80 лет. Учитывая указанные особенности пенсионной системы как объекта государственного управления в антикризисной программе должны ставиться не только конъюнктурные (краткосрочные) экономические задачи, но и долгосрочные последствия осуществляемых мероприятий, которые непосредственно влияют как на процесс

формирования пенсионных прав застрахованных лиц в период кризиса, так и на процесс финансового обеспечения текущих государственных пенсионных обязательств [2].

Резкое сокращение рынка труда и замораживание зарплаты в период кризиса необратимо приведет к ухудшению условий для формирования страховых пенсионных прав большинства категорий наемных работников, которые не смогут «заработать» себе на страховую пенсию. Это означает, что для данной категории работников потребуется финансирование пенсий из федерального бюджета (социальные пенсии).

Негативное влияние кризиса для долгосрочного развития пенсионной системы проявляется не только для категории «бедных», но и для категории т.н. «среднего класса», которые формируют пенсионные накопления: до 2020г. механизм обязательного пенсионного накопления «заморожен». Это создало реальные риски не только полной утраты прав пенсионеров на накопительную пенсию, но и разрушения пенсионного сегмента финансового рынка, который сейчас составляет его основную часть.

Таким образом, главными негативными последствиями бюджетного кризиса, которые должны быть преодолены в антикризисной программе являются:

- предотвращение дальнейшего обнищания как современных, так и будущих пенсионеров,
- создание организационно-экономических условий для дополнительных способов пенсионных накоплений для обеспеченных работников,
- совершенствование тарифной политики формирования пенсионных прав на основе страховых принципов,
- завершение институциональной реформы государственной страховой пенсионной системы с целью обеспечения ее бюджетно-финансовой устойчивости в долгосрочной перспективе.

Поскольку российская пенсионная система по своей экономической сути предназначена для реализации государственных гарантий материального обеспечения при наступлении страховых рисков, критерием ее развития может являться исключительно обеспечение достойного уровня пенсий.

При таком подходе принципиальными являются не только вопросы пенсионной тарифной политики и охвата застрахованных лиц, относящиеся к внутренним проблемам пенсионной системы.

Проблема уровня зарплаты, из которой с одной стороны, формируются пенсионные права, с другой – обеспечивается исполнение накопленных обязательств перед предыдущими поколениями - приобретает главенствующий характер. При сложившейся дифференциации по заработной плате и структуре рынка труда обеспечить финансирование адекватных международным требованиям пенсионных прав и сбалансированность пенсионной системы не представляется возможным никакими методами. Более 66% работников получают заработную плату ниже средней зарплаты в экономике, и для них в действующей системе принципиально невозможно зарабатывать пенсии на уровне минимальных международных стандартов.

Проблема сокращения рынка труда означает низкую продолжительность страхового стажа, что ограничивает или полностью лишает работника заработать пенсионные права хотя бы в минимальном объеме трудового стажа (продолжительностью 10 или 15 лет).

Более того, даже при 25 годах стажа (ниже которого имеют около 10% пенсионеров по старости, 57% и 53% пенсионеров по инвалидности и по случаю потери кормильца) действующая формула не обеспечит «зарабатывание» эффективного коэффициента замещения.

Проблема увеличение демографической нагрузки заключается в том, что снижение соотношения застрахованных лиц и пенсионеров. В целом по России на 1000 пенсионеров по труду приходится только 1267 наемных работников, а в 11 субъектах Федерации – менее 1000. Это означает, что для обеспечения солидарного коэффициента замещения на уровне 40% средней заработной платы в экономике уже сегодня тариф страховых взносов на каждого работника в целом по стране должен составлять 32% его заработной платы, а в 10 регионах - более 40%.

По оценкам, из мужчин, которым в настоящее время 20 лет, до 60 лет доживут лишь 60 % (т.е. умрут - 40%), а в течение последующих 5 лет из оставшихся 60-летних мужчин умрут еще 20 процентов. До 65-летнего возраста получения трудовой пенсии смогут дожить лишь 4 из 10, т.е. значительно меньше, чем установлено международно-принятыми нормами МОТ для всеобщих (национальных) пенсионных систем. Лишь к середине 2030-х годов продолжительность жизни мужчин при рождении превысит 70 лет, а для мужчин в возрасте 60 лет достигнет величины 19 лет [1, с. 90].

Регулирование вопросов продолжительности жизни, снижения смертности и иных демографических показателей относится к сфере государственной социально-экономической политики. Пенсионная система не может повлиять на демографическую ситуацию в части рождаемости и смертности в трудоспособных возрастах: она вынуждена лишь приспособливаться к ней, принимая меры по корректировке тарифной политики или адаптации механизма исчисления пенсионных прав и обязательств к фактическим демографическим реалиям.

Главная функция, которую должно выполнять государство для обеспечения долгосрочной (актуарной) экономической эффективности страховой пенсионной системы – не только регулировать пенсионными обязательствами, а регулировать все условия формирования каждым застрахованным лицом своих пенсионных прав (размер оплаты труда и доступность рабочих мест, с которых производятся отчисления в пенсионный фонд), поскольку именно последние определяют объем этих обязательств.

1. Соловьев А.К. Анализ уровня бедности пенсионеров: региональные аспекты. *Финансовые исследования*. 2017. № 1 (54). С.84-96
2. Соловьев А.К. *Пенсионная реформа: иллюзии и реальность (учебное пособие)*. М.: «Проспект», 2015. — 300 с.

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ СИСТЕМНОГО ПОДХОДА В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ С ЛИЦАМИ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

Соловьева Т.В., Бистяйкина Д.А. (Саранск)

В системе социальной защиты населения нашего региона одним из основных субъектов, осуществляющих практическую социальную работу с лицами пожилого возраста в г. Саранске, является Комплексный центр социального обслуживания. И поскольку одной из наиболее заметных устоявшихся тенденций последних десятилетий в развитии и совершенствовании социальной работы является применение системного подхода к теории и практике, результативность применения данного подхода мы анализировали именно на примере деятельности этого учреждения.

С целью оценки результативности системного подхода в социальной работе с лицами пожилого возраста в РМ и выработки практических рекомендаций по совершенствованию использования данного подхода нами было проведено эмпирическое исследование на базе ГБУ РМ «КЦСО по г.о. Саранск» в форме опроса экспертов. Было опрошено 20 специалистов. Критериями при отборе экспертов выступили: наличие высшего профессионального образования по специальности или направлению подготовки «Социальная работа», наличие стажа и опыта социальной работы с пожилыми людьми (не менее 3-х лет). При отборе экспертов для нас важным было не просто наличие высшего образования, а именно образования в области социальной работы, т.к. квалифицированная оценка результативности применения системного подхода, безусловно, предполагает наличие у экспертов помимо практического опыта и профессиональных знаний в области теории социальной работы.

Все эксперты, принявшие участие в исследовании, имеют высшее профессиональное образование по специальности или направлению подготовки «Социальная работа», имеют стаж работы с пожилыми людьми: 25 % - от 3-х до 5-ти лет, 50 % - от 5 до 10-ти лет и 25 % - более 10-ти лет, работают в должностях заведующих отделений срочной социальной помощи и по социально-бытовому обслуживанию населения, сотрудников (специалистов) указанных отделений, сотрудников аппарата управления, социальных работников.

Большинство экспертов считают использование системного подхода неотъемлемой частью в целом современной социальной работы с пожилыми людьми и важным в собственной работе. Системный подход используется во всех основных видах деятельности в социальной работе с пожилыми людьми, т.е. является неотъемлемой частью современной социальной работы с данной категорией нуждающихся в социальной защите.

Следующий вопрос нашей анкеты был направлен на осмысление экспертами современного опыта и сложившейся системы социальной работы, на выявление того, какие характеристики системного подхода находят отражение в современной социальной работе с пожилыми людьми. Эксперты отметили, прежде всего, следующие наиболее важные характеристики:

наличие четко прослеживаемой структуры, программ, принципов управления, социальных технологий и способностей системы к саморазвитию и самоограничению – 60 %;

- определенный порядок взаимодействия органов и учреждений социального обслуживания, межведомственная взаимосвязь – 75 %;
- последовательные и обоснованные действия всех учреждений социального обслуживания на определенной территории, организационная деятельность учреждений – 55 %;
- фиксированный способ устройства региональной упорядоченной совокупности учреждений независимо от форм собственности – 40 %;
- финансово-экономическое, материально-техническое обеспечение – 40 %;
- научно-методическое и кадровое сопровождение деятельности учреждений и предприятий социального обслуживания – 50 %;
- уровень сформированности (разумной достаточности) нормативно-правового поля, создающего необходимые условия для становления и развития социальных служб в России – 75 %;
- в качестве варианта «иное» экспертами была отмечена такая характеристика системного подхода, как «предоставление полного комплекса социальных услуг» - 80 %.

В оценке результативности социальной работы с пожилыми людьми также используется системный подход – оценка результативности предполагает участие вышестоящих структур (Министерства социальной защиты населения РМ), представителей самого учреждения (администраторов и сотрудников), а также самих клиентов социальных служб (на это указали наибольшее число ответивших). Данное мнение представлено в ряде научных работ [1].

В настоящее время на официальном сайте ГБУ РМ «КЦСО по г.о. Саранск» размещена анкета по анализу удовлетворенности качеством и доступностью социальных услуг, и любой желающий может ее заполнить, приняв участие в независимой оценке деятельности учреждения. Также в разделе «Независимая оценка» приведены данные о качестве работы государственных учреждений, подведомственных Министерству социальной защиты населения Республики Мордовия.

Следующий вопрос касался того, как контролировать качество социального обслуживания и результативность системного подхода в социальной работе с пожилыми людьми непосредственно в процессе данной деятельности. Были получены следующие ответы экспертов:

- беседовать с клиентом, проводя контрольные посещения клиентов на дому – 25 %;
- проводить анонимный опрос клиентов – 75 %;
- совершенствовать отчетность сотрудников – 60 %;
- развивать систему взаимоконтроля работников – 15 %;
- затруднились ответить только 5 % (1 человек).

Следовательно, в своем непосредственном взаимодействии с получателями социальных услуг специалисты для оценки качества социального обслуживания и результативности системного подхода в социальной работе с пожилыми людьми ориентируются, прежде всего, на мнение самих клиентов и систему отчетности работников, которую, однако, по мнению экспертов нужно совершенствовать.

Важным является и вопрос о критериях оценки результативности системного подхода в социальной работе с пожилыми людьми. Эксперты сошлись во мнении, что необходимо использовать всю систему предложенных критериев, таких как:

- включенность в процесс социальной работы всех объектов системы социальной помощи пожилым людям;
- степень решения материальных или финансовых проблем пожилого человека;
- степень улучшения эмоционального, физического состояния пожилого человека;
- степень решения правовых, бытовых и др. проблем пожилого человека;
- качество, полнота и доступность информации при обращении клиента в любое учреждение, оказывающее социальные услуги пожилым людям.

По всем критериям ответы экспертов составили более 80 %, что свидетельствует о безусловном признании ими необходимости системного подхода и в самой социальной работе с пожилыми людьми и в оценке ее результатов.

Результативность применения системного подхода в социальной работе с пожилыми людьми в ГБУ РМ «КЦСО по г.о. Саранск» в настоящее время экспертами оценивается, как высокая (50 %) и средняя (40 %).

Таким образом, подводя итог опроса экспертов, можно сделать ряд выводов относительно использования системного подхода в социальной работе с пожилыми людьми и его результативности:

- системный подход широко применяется в социальной работе с лицами пожилого возраста, а использование основополагающих принципов и методов, идей и выводов теории систем является одной из устоявшихся тенденций функционирования и развития социальной работы в целом и с пожилыми людьми, в частности;

- системный подход используется во всех основных видах деятельности в социальной работе с пожилыми людьми, т.е. является неотъемлемой частью современной социальной работы с данной категорией нуждающихся в социальной защите;

- в современной социальной работе наиболее четко находят отражение такие характеристики системного подхода, как предоставление полного комплекса социальных услуг; определенный порядок взаимодействия органов и учреждений социального обслуживания, межведомственная взаимосвязь; уровень сформированности (разумной достаточности) нормативно-правового поля, создающего необходимые условия для становления и развития социальных служб в России;

- оценка результативности системного подхода предполагает участие вышестоящих структур (Министерства социальной защиты населения РМ), представителей самого учреждения (администрации и сотрудников), а также клиентов социальных служб по системе критериев, таких как включенность в процесс социальной работы всех объектов системы социальной помощи пожилым людям, степень решения материальных или финансовых проблем пожилого человека и др.;

- в настоящее время результативность применения системного подхода в социальной работе с пожилыми людьми в ГБУ РМ «КЦСО по г. о. Саранск» оценивается экспертами, как высокая и средняя (в совокупности 90 %).

1 См. Абузярова Д. А. Трансформация системы социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны : диссер. на соискание ... канд. социол. наук. – Саранск, 2010. – 205 с.; Абузярова Д. А. Трансформация системы социальной защиты ветеранов Великой Отечественной войны : автореф. диссер. на соискание ... канд. социол. наук. – Саранск, 2010. – 24 с.; Бистяйкина Д.А., Соловьева Т.В. Сравнительный анализ деятельности бюро медико-социальной экспертизы по Приволжскому федеральному округу // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения : сб. научн. тр. по материалам Всерос науч.-практ. конф. (с междунар. учас.), 16-17 дек. 2016 г. / редкол.: Т. Н. Потапова, Е. Н. Мухина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2017. – С. 440-446.; Лесанова И.Н., Бистяйкина Д.А. Социальное партнерство как технология социальной работы с лицами пожилого возраста в регионе // Социальная интеграция инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья в современную жизнь общества: опыт, проблемы, перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (14 апреля 2016 г., Самара). Том 1. – Самара : Изд-во Самарский институт управления, 2016. С.12-20; Бистяйкина Д.А., Богачева Н.Ю., Полибин А.А., Система социальной помощи лицам пожилого возраста: социально-исторический аспект // Десятые Ковалевские чтения / Материалы научно-практической конференции 13–15 ноября 2015 года. / отв. редактор: Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2015. —С.1913-1916; Соловьева Т.В., Бистяйкина Д.А. Бюро медико-социальной экспертизы как субъект социальной защиты инвалидов // Российское социологическое сообщество: история, современность, место в мировой науке / Материалы научной конференции к 100 — летию Русского социологического общества имени М.М. Ковалевского 10-12 ноября 2016 года. / Отв. редактор : Ю. В. Асочакова. СПб. : Скифия-принт, 2016. – С. 443-446

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ЗАНЯТОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ (НА ПРИМЕРЕ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ)

Сюй Вей (Шанхай, Китай)

На современном этапе развития Китая одной из социальных проблем является содействие государства полной занятости выпускников вузов. Повышенный интерес ученых к этой проблеме непосредственно отражает её международную значимость, поскольку в ней воплощена основная функция власти – выполнение обязанностей в деле служения своему народу. Реформа университетской системы трудоустройства в КНР началась в 1993 году: в её основе был заложен принцип – «самостоятельный выбор профессии – двусторонний выбор». В 2003 году отношение государства к проблеме трудоустройства выпускников изменилось. Появление нового документа Министерства образования «Некоторые замечания о дальнейшем углублении реформы об-

разования и стимулировании работы по трудоустройству выпускников высших учебных заведений» [1] способствовало установлению связей между конкретным вузом страны и региональным центром занятости выпускников; появлению заинтересованности различных организаций в уровне образованности студентов – в приобретении ими статуса магистров и докторов наук. Хорошей поддержкой в этом направлении стало «Уведомление о льготной политике оплаты за 2003 год, касающейся индивидуальной коммерческой деятельности, которой занимаются выпускники обычных высших учебных заведений» [2]. Согласно этому уведомлению, выпускник вуза, имеющий собственный бизнес, освобождался от уплаты регистрации и других управленческих расходов. Однако проблема трудоустройства выпускников решалась медленно. Об этом свидетельствуют многочисленные «Уведомления» канцелярии Государственного совета КНР разных лет: 2011 (№16) год, 2013 год (№35), 2014 год (№22), 2015 (№23). Каждое новое уведомление отражало необходимость и востребованность государственного вмешательства в процесс занятости выпускников с целью дальнейшего продвижения высшего образования в условиях социально-экономического развития и промышленной эскалации Китая. Это, в свою очередь, привело к решению других вопросов образовательной политики: совершенствованию основ: а) общего образования и профессионального обучения; б) кадровой структуры снабжения и потребления; в) руководства направлений в трудоустройстве выпускников. В ходе реализации государственной политики занятости на современном этапе глубоко изучаются потенциальные возможности трудоустройства выпускников в сфере образования, здравоохранения, в социальной сфере. Ведущей концепцией остается стимулирование малого предприятия в области приема на работу молодых специалистов, оказание им реальной помощи для создания новых рабочих мест. Тесное взаимодействие университетов и предприятий приводит к единству учебной и практической деятельности, что помогает получить квалифицированных специалистов, осваивающих производство и создающих самостоятельный бизнес. Каждый утвержденный документ китайского правительства отражает характерные особенности политики и экономики, становится с годами более эффективным на практике. Чэнь Чэнь, Чжу Шэньюй в своих исследованиях подчеркивают, что происходит плавный переход «от системы плановой экономики с традиционным охватом и традиционным разделением труда к системе свободного выбора профессии в рыночных условиях. Благодаря такой системе, студенты выбирают профессии, ориентируясь на требования рынка, и одновременно реализуют собственный интерес и способности» [Чэнь, с. 49]. Кроме этого, по мнению авторов, молодые специалисты проявляют инициативность в поиске подходящего рабочего места на основании собственной потребительской стоимости. Главной особенностью государственной политики служит пропаганда идеи «сначала найти работу, а затем выбрать профессию»: это позволяет государству в лице средних и малых предприятий быстрее развиваться, создавая тем самым благоприятные условия для вакансий других студентов [5, с. 49]. Чэнь Вэй, анализируя проблемы занятости и рынка труда в современном Китае на основе социологического исследования, отражает реальные причины: демографическую ситуацию, миграцию, рыночные реформы. Автором выделена одна специфическая особенность рынка труда – государственная и негосударственная: они составляют различия в области оплаты труда, востребованности профессии, в системе отбора персонала и в системе социального обеспечения. Границы этих различий, несмотря на ряд мер, принятых государством, часто приводят к отрицательным процессам, например, миграция крестьян в город. При поиске работы будущим специалистам приходится прибегать к помощи родственников и друзей, то есть, использовать неофициальные социальные сети. Одновременно с этим негативным фактором, заметим, что этот процесс является для китайского народа традиционным и объясняется культурой и обычаями страны: в основе всей жизни китайцев находится семья [7, с. 64]. Жэнь Сяо при исследовании правовой системы по содействию занятости населения Китая выделяет ведущий фактор актуальности трудоустройства молодежи: после финансового кризиса 2008 года жизненный уровень заметно снизился, что отразилось на всех сферах деятельности в китайском обществе, включая политику и экономику. В связи с этим многие государственные министерства и ведомства приняли и опубликовали социально значимые политические установки в области занятости молодежи. «Государственная политика содействия студенческому трудоустройству является не только образовательной проблемой, но и выступает в качестве единого целого звена социально-экономической политики Китая» [4, с. 3]. Совершенствование государственной политики в области трудоустройства выпускников привело к созданию двух перспективных проектов – волонтерское движение выпускников на западные территории (менее развитые и перспективные

в эко- номике) и программа работы выпускников в поселках и провинциях. Эти проекты имели мотивационную направленность – приобретение профес- сионального опыта и дальнейший рост в карьере и науке. Важно отметить и ещё один фактор: китайское правительство предоставляет студентам места для прохождения практики «сроком на полгода с выплатой денежных средств. В результате такого подхода большинство выпускников остаются работать по специальности [3, с. 35]. Самостоятельное социологическое исследование по выявлению проблем трудоустройства выпускников вузов позволило сформулировать ведущие концепции в данном направлении. Во-первых, у многих служб занятости населения существуют ограничения каналов по обеспечению трудоустройства: невозможность в полной мере принимать участие в работе местных структур служб занятости; частичная неудовлетворенность предоставляемых услуг. Данные ограничения связаны с личными представлениями выпускников о работе на предприятии или частной фирме: условия работы, оплата труда. Во-вторых, государственная политика в области содействия самостоятельного создания бизнеса на практике также имеет ограниченные возможности выпускников вузов. Это связано с материальными возможностями семьи, с недостаточным уровнем знаний в области юриспруденции, с наличием реальных возможностей использования средств производства. В-третьих, большое количество выпускников в процессе трудоустройства стараются остаться в крупных городах, выбирая вначале работу в бюджетных организациях, где наблюдается стабильность оплаты и экономическое процветание. На втором месте по значимости у студентов находятся государственные предприятия, имеющие определенные масштабы развития и достижения в своей отрасли. Часть выпускников имеет желание попробовать свои профессиональные способности на предприятиях с иностранным капиталом или в частной фирме с развитыми партнерскими отношениями других стран. В-четвертых, определенная часть студентов не учитывает направления государственной политики занятости, что приводит к самостоятельному поиску работы после окончания вуза. Поэтому так важно на каждом уровне образовательного процесса целенаправленно проводить профессиональную ориентацию с учетом рыночного спроса, планирования рабочего места в меняющейся экономике страны. Таким образом, исследование особенностей государственной политики занятости в современном Китае позволило увидеть, что правительственная политика содействия студенческому трудоустройству имеет три направленности: а) совместимость предоставляемого количества студентов с требуемым количеством для работодателей, то есть соблюдение баланса рабочей силы между выпускниками вузов и работодателями; б) структурный баланс, помогающий совместить способности студентов и требования к конкретным специалистам; в) степень совместимости спроса и предложения по обеспечению выпускников вузов по количеству, качеству и структуре. Третье направление содействует высокоэффективному функционированию рынка востребованности специалистов разноуровневной подготовки. Двухуровневая система обучения – бакалавриата и магистратуры – способствует качественной адаптации Китая к международному рынку профессиональных услуг [6, с. 21]. Однако действующая кадровая система в государстве не согласуется с механизмами рыночного выбора профессии выпускниками. Имеющиеся ограничения и контроль над пропиской не позволяют студентам с провинции развивать собственный потенциал, отсюда вытекает проблема трудоустройства в регионах. В некоторых регионах Китая существует местный протекционизм в вопросе трудоустройства выпускников. Заметим, что степень социализации, коммерциализации и информатизации занятости выпускников вузов практически не соответствует существующей рабочей модели трудоустройства. Интенсивность реализации и постоянная модернизация государственной политики в области трудоустройства выпускников свидетельствуют о частичной сформированности системы рыночных услуг в этом направлении.

1. Уведомление Министерства образования КНР «Некоторые замечания о дальнейшем углублении ре- формы образования и стимулировании работы по трудоустройству выпускников высших учебных заведе- ний». 2003. №10.

2. Уведомление торгово-промышленного административного управления КНР «О льготной политике оплаты за 2003 год, касающейся индивидуальной коммерческой деятельности, которой занимаются выпу- скники обыкновенных высших учебных заведений». 2003. №16.

3. Боревская Н.Е. Особенности реформирования высшей школы КНР на рубеже XX- XXI веков // Со-

- трудничество России и КНР в сфере образования: анализ прошлого и перспективы будущего: материалы III российско-китайской конференции «Двустороннее научно-образовательное сотрудничество вузов России и Китая». М., 2009. С. 34 – 71.*
4. Жэнь Сяо. Исследование правовой системы по содействию занятости. Чунцин: Изд-во Юго-Западного университета, 2015. С. 3.
5. Сюй Цзыцз. Характерные особенности государственной политики по содействию трудоустройству выпускников – студентов // Вестник Пекинского университета. 2011. №13.
6. У Цин. О политике содействия студенческому трудоустройству // Вестник Пекинского университета. 2008. №7.
7. Чэнь Вэй Современный Китай: проблема занятости // Вестник РУДН, серия «Международные отношения». 2009. №3. С. 61 – 75.
8. Чэнь Чэнь, Чжу Шэньюй Исследование о политике содействия студенческому трудоустройству // Вестник Пекинского университета, 2009.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Тимошенко А.А. (Тула)

В условиях трансформационных процессов российского общества в рамках социальной политики государства особую значимость приобретает благотворительная деятельность в целях повышения качества социальной сферы. Отмечается заинтересованность государства в использовании потенциала некоммерческого сектора в решении задач социальной политики. В связи с этим, в российском обществе формируется смешанная система производства общественных благ, которая подразумевает межсекторное партнерство в социальном обслуживании населения. Межсекторное партнерство государства и некоммерческого сектора в социальной сфере, мобилизация инициативы благотворительной деятельности на рынке социальных услуг представляет собой приоритетное направление в сфере оказания социальной поддержки и защиты населения.

Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, поддержка и содействие развитию практики благотворительной деятельности граждан и организаций, а также распространению добровольческой деятельности (волонтерства) отнесено к числу приоритетных направлений социальной и молодежной политики [1].

Социологические исследования российского некоммерческого сектора Центром исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ показывают, что «более 50% НКО стремятся к сотрудничеству с государством для реализации социально значимых программ (52%). Почти четверть организаций готовы оказывать помощь государственным органам в осуществлении основных направлений социальной политики (23%). И 81% НКО вступали во взаимодействие с органами власти» [2].

В последнее время в рамках выстраивания политики в отношении некоммерческого сектора происходят законодательные изменения, которые связаны с выделением социально-ориентированных НКО в особый кластер «третьего сектора». Социально-ориентированные некоммерческие организации функционируют в социальной сфере и имеют право на прямую государственную поддержку. В рамках поддержки деятельности некоммерческого сектора по повышению уровня управленческого профессионализма представляется возможным содействие государства в реализации программ повышения квалификации, в развитии ресурсных центров в некоммерческом секторе, которые оказывают информационную, образовательную и консультационную поддержку НКО в решении управленческих задач.

В рамках налоговой политики в отношении благотворительных организаций реализуются налоговые льготы: социальный налоговый вычет, пополнение целевого капитала НКЛ ценными бумагами и недвижимым имуществом, освобождение от НДС ряда социальных услуг, оказываемых НКО.

Одной из основных форм государственной поддержки некоммерческого сектора и, в частности, СО НКО выступает предоставление на конкурсной основе грантов и субсидирование НКО и неправительственных организаций для реализации социально значимых проектов («президентские гранты»). Возможность получения гранта предоставляется некоммерческим организациям, которые участвуют в развитии институтов гражданского общества и определяемыми Президентом Российской Федерации. В 2010–2012 гг. общественным организациям инвалидов и иным СО НКО, которые осуществляют социальную поддержку и защиту граждан, деятельность в области здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, пропаганды здорового образа жизни, предоставлялись субсидии по линии Министерства здравоохранения и Министерства труда и социальной защиты РФ [2].

Информационной поддержкой благотворительной деятельности в рамках социальной политики целесообразно считать проведение межрегиональных и муниципальных форумов, которые способствуют активизации гражданской активности населения и НКО. Принимая участие в различных форумах, гражданские активисты получают возможность налаживания партнерских отношений с государством, бизнесом и образовательными учреждениями, обмена опытом между различными некоммерческими организациями, стимулирования реализации социально значимых проектов.

Государственная социальная политика в силу широкого диапазона возможностей коммуникативного воздействия на граждан призвана способствовать формированию культуры благотворительности в российском социуме, продвижению идей благотворительной деятельности в общественном сознании в образовательном, культурном и информационном пространстве на федеральном и региональном уровнях.

Согласно данным исследований, проведенных в Центре исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ, «численность некоммерческих организаций действующих в социальной сфере около 115 тыс., что составляет приблизительно 70% всех действующих сегодня российских НКО». В связи с этим, разработанный органами власти комплекс мер по поддержке СО НКО является ключевым фактором развития некоммерческого сектора России [3]. Таким образом, современное российское общество характеризуется необходимостью функционирования благотворительности как института социальной политики. Мобилизация потенциала благотворительной деятельности как ресурса развития общества способствует формированию и распространению практик социальной деятельности, привлекая к решению социальных проблем не только некоммерческие организации, но и представителей коммерческого сектора, а также рядовых граждан.

Рассматривая благотворительность как институт гражданского общества, реализующий социальную политику государства, необходимо отметить, что эффективность благотворительной деятельности в социальной сфере становится все более очевидной. Сотрудничество органов государственной власти и благотворительной сферы в различных направлениях по решению социально-экономических проблем населения представляется приоритетной установкой в развитии некоммерческого сектора и становлении социального государства.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что благотворительность как институт социальной политики выполняет следующие функции: предоставление социальных услуг населению, нивелирование ряда социальных проблем, поддержание стабильных отношений в социуме, активизация ресурсов развития страны, гражданского потенциала, распространению просоциальных видов поведения.

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. от 17. 11. 2008 № 1662 – р. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (Дата обращения: 15.09.17).

2. Протасеня Д. Н. Государственная поддержка развития кластера социально-ориентированных некоммерческих организаций в Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 1.

3. Беневоленский В.Б., Шмелевич Е.О. Государственная поддержка социально ориентированных НКО в свете зарубежного опыта // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 3.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЗИЛЬЕНТНОСТИ У ПОДРОСТКОВ ИЗ ПРИЕМНЫХ СЕМЕЙ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Трунова А.И. (Санкт-Петербург)

Аннотация. В статье рассмотрено понятие «резильентность» как способность человека с достоинством преодолевать жизненные трудности. Перечислены некоторые причины возврата детей из замещающих семей с возможными вытекающими последствиями. Обосновывается актуальность развития жизнестойкости у приемных детей в процессе их социального сопровождения.

В последнее время средства массовой информации активно продвигают тему семейного устройства детей-сирот. Преобразования, происходящие в стране, существенно меняют объективные условия подготовки к вхождению в социум детей, воспитывающихся в детских домах. Требования жизни к социальному облику приемного ребенка побуждают нас говорить о резильентности как о стержневом компоненте его личностных качеств.

С. Ваништендаль под резильентностью понимает способность человека или социальной системы с достоинством преодолевать жизненные трудности, строить нормальную, полноценную жизнь в трудных условиях [2, с. 7]. Русскоязычным синонимом дефиниции «резильентность» является термин «жизнестойкость». В отечественную литературу это понятие впервые было введено Б.Г. Ананьевым [1, с. 30], рассматривающим ее в числе основных акцентов развития, в качестве общей способности человека к эффективному функционированию, соотносящейся с высоким уровнем жизненных функций. Особую актуальность вопросы формирования резильентности приобретают именно в подростковом возрасте, так как этот возраст является кризисным периодом развития, он уже вышел из периода детства, но еще не стал взрослым. Нужно отметить, что длительное действие многих факторов риска при недостатке защитных механизмов может привести к срыву адаптации приемного ребенка и возврату его в детдом.

Приемным родителям необходимо осознавать, что родить своего ребенка – естественно, а взять приемного – это выше естественного, в каком-то смысле это подвиг. Трудности неизбежно возникнут. И сможет ли семья справиться с этими проблемами, и кто будет рядом в момент отчаяния? На фоне радостных известий о новых ребятах, нашедших своих новых родителей, нет-нет да промелькнет сообщение о том, что кто-то из них опять возвращается в дом ребенка – на этот раз из приемной семьи. Проблема возвратов детей усыновителями – очень болезненная тема, о которой не принято широко говорить. Тем не менее, это реальность, от которой невозможно отвернуться.

В случае возврата в детский дом уже из новой семьи дети получают сильнейший стресс и разочарование в людях, так как оказываются дважды оставленными: сначала биологическими родителями, а затем и приемными, которым ребенок еще только начинает доверять. Переживший такую ситуацию ребенок не верит в то, что его могут полюбить. Он живет в непрерывном страхе перед новым предательством и часто во всем винит себя. Ребенку страшно привязываться к новым родителям, ведь они тоже могут сдать его в детский дом. Такие дети нередко провоцируют конфликт, чтобы довести ситуацию до конца, вернуться в детский дом и уже ничего не бояться.

В числе наиболее распространенных причин отказа от ребенка – непонимание родителями того, что приемные дети особенные, так как пережили сильную травму, расставшись с кровными родителями. В дальнейшем это ведет к нарушениям в эмоциональном плане, что повышает риск подверженности детей неврозам из-за неблагоприятного психологического климата в семье. Многие приемные родители не предполагают, что могут столкнуться с такой проблемой. Они воспринимают усыновленного ребенка как обычного, что он на самом деле чувствует – для них неведомо. Поэтому часто вызывает у них некий шок неадекватное поведение ребенка.

Сравнение с кровными детьми в семье тоже обычно не в пользу приемного. Вследствие этого возникает противоречие между тем, как должен себя вести ребенок в понимании приемных родителей, и тем, как он себя ведет в действительности. И чем эта «дельта» больше, тем возврат более вероятен [3].

Но самая главная причина, на мой взгляд, – расхождение между желаемым и действительным, ожиданиями и реальностью. В некоторых случаях усыновители смотрят на все сквозь розовые очки и очень разочаровываются, когда, например, девочка, которая так мило улыбалась на фотографии, вдруг начинает демонстрировать свой характер.

Иногда все складывается благополучно: адаптивный ребенок, не ощутивший слишком серьезного стресса или депривации, приспосабливается к семье, а семья приспосабливается к

нему. Но, к сожалению, бывают и сильные разочарования. Подключаются другие родственники «Зачем вы его взяли? Посмотрите, какая агрессия, это же гены!» Напряжение растет как снежный ком, и возникает мысль о возврате.

Сегодня много пишут и говорят о том, как хорошо кормят и одевают детей-сирот в детских домах. Многочисленные проверки подтверждают эти факты. Да, дети, находясь на государственном обеспечении, сыты и одеты, но главная задача взрослых - подготовить их к самостоятельной жизни, обеспечив формирование жизнестойкости на ранних этапах. Но к сожалению конкретных разработок концепций жизнестойкости, в практике социальной работы, пока не представлено, только назывались качества, которые должны присутствовать в такой личности в результате воспитания [4].

Проблема социальной адаптации детей-сирот к новой семье является наиболее сложной. Для включения их в нормальную жизнь и приобщения к социальным ценностям, нормам необходимо изменить отношение детей к себе, к своему прошлому, настоящему и будущему, отношение к ближайшему окружению и обществу в целом. Труднее всего подготовить социальных сирот за время жизни в детском доме к самостоятельному и ответственному решению собственных проблем с учетом того, что на начальном этапе замещающая семья не в полной мере готова к трудностям, которые могут появиться на их пути.

В период кризиса можно обратиться к детским психологам, которые проведут работу с ребенком отдельно для того, чтобы помочь привыкнуть к семье. Взрослые психологи могут помочь родителям пережить адаптацию и справиться со своими чувствами. Сейчас имеются службы поддержки приемных семей. Это чрезвычайно важно, потому что оставленные один на один с трудностями люди начинают думать либо то, что ребенок неисправим и то, что мифы о детских домах – правда, либо они начинают чувствовать себя плохими родителями. И подобные неконструктивные мысли приводят к возврату ребенка.

По статистике, возвращается в детские учреждения от трех до шести процентов приемных детей [5]. Хотя о реальном количестве возвратов остается только догадываться. «Много» это или «мало», сложно сказать. Это просто цифры, но за каждой цифрой стоит человеческая трагедия. Для ребенка, которого «вернули», это становится очередной травмой, очередным подтверждением того, что «никому нельзя верить». Становясь взрослыми, «отданные дети» боятся вступать в близкие, доверительные отношения, боятся заводить семью, не хотят иметь детей – зачем, ведь ребенком быть так больно и страшно.

Можно ли как-то предотвратить возвраты детей из приемных семей? Однозначных «рецептов» нет, но формирование резильентности у детей-сирот в практике социальной работы является актуальной задачей и может помочь предотвращению возвратов детей в казенные учреждения и повышению их социальной адаптированности в целом.

1. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания [Текст] / Б.Г. Ананьев. – СПб: Питер, 2010. - 288 с.
2. Ваништендаль, С. Резильентность или оправданные надежды. Раненный, но не побежденный [Текст] / С. Ваништендаль. - Женева: Байс, 1998. - 78 с.
3. Кокоренко, В.Л. Социальная работа с детьми и подростками: учеб.пособие [Текст] / В.Л. Кокоренко, Н.Ю. Кучукова, И.Ю.Маргошина. - М: Академия, 2014. - 256 с.
4. Фоминова А.Н. Проявление жизнестойкости личности в условиях социальной стратификации общества // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 5.; [Электронный ресурс] URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7259> (дата обращения: 08.10.2017).
5. Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/ (дата обращения: 08.10.2017)

МОЛОДЕЖНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Харламова А.В. (Санкт-Петербург)

Статья подготовлена в рамках гранта СПбГУ «Влияние неолиберализма на динамику социальной политики и формирование системы социального обеспечения в развивающихся странах (Российская Федерация, Республика Индия, Южно-Африканская Республика)» шифр ИАС 10.37.224 2016

Молодёжное социальное предпринимательство - это новый способ осуществления социальной и экономической деятельности, которая соединяет социальную миссию с достижением экономической эффективности и предпринимательским новаторством. В его основе находится создание предприятий, которые организуются в социальных целях и для повышения социального благополучия населения.

В настоящее время молодёжное социальное предпринимательство как метод вовлечения молодых людей в решение социальных проблем получает довольно широкое распространение. Под молодыми предпринимателями понимают людей в возрасте от 18 до 35 лет, склонных к новаторству, харизматичных лидеров, поскольку считается, что креативность, оригинальное и нестандартное мышление, способность идти на риск и добиваться успеха свойственны человеку именно в этом возрасте.

В настоящее время основную роль в реализации государственной политики по поддержке молодёжного предпринимательства играют:

- Международная и Российская молодёжные палаты;
- Молодёжная общественная палата;
- Российский центр содействия молодёжному предпринимательству;
- Ассоциация молодых предпринимателей России.

Основной целью поддержки молодёжного предпринимательства является подготовка для страны поколения молодых предпринимателей, совершенствование предпринимательской и личной компетенции молодых людей. Особое значение, в развитии молодёжного предпринимательства и повышении самосознания и стимулирование интереса к нему - является поддержка. В России на данный момент нет достаточной информированности об этом явлении, трансляции опыта известных соц предпринимателей, освящение этого явления на социальных форумах, конференциях и т.д. Не учитывается т.ж. то, что развивая данный вид предпринимательства, мы повышаем социальную ответственность и профессионализм молодёжи.

Молодёжное предпринимательство имеет свои специфические признаки, слабые и сильные стороны.

Сильные стороны:

- Высокая инновационная активность, инновационное мышление
- Высокая мобильность, гибкость подходов, быстрая реакция по освоению новых рынков
- Высокий уровень возможностей систематического обновления своих предпринимательских знаний и навыков в соответствии с меняющимися требованиями производства и рынка
- Способность выдерживать повышенные трудовые и нервные нагрузки, сопровождающие предпринимательскую деятельность, особенно в начале

Молодые люди более предрасположены к риску

Слабые стороны:

- Незначительный социальный опыт
- Отсутствие деловой репутации
- Слабые практические навыки применения экономических законов и механизмов
- Проблема формирования стартового капитала
- Недостаток личных контактов в сфере бизнеса и во властно-управленческих структурах
- Незащищённость от воздействия бюрократических структур

В настоящее время существует ряд помех и препятствий развития молодёжного предпринимательства:

1.Отсутствие в настоящий момент стабильного законодательства о социальном предпринимательстве, которое служило бы основой для выстраивания системы поддержки молодёжного предпринимательства.

2.Неинформированность молодёжи о том, какую поддержку они могут получить от государства (на региональном и местном уровне).

3.Преимущественная ориентация молодых людей на перспективы самореализации в сфере крупного бизнеса или государственной службы, которые они считают более перспективными.

4.Административные, правовые и финансовые барьеры, препятствующие свободному выходу на рынок, все так же труднопреодолимы.

Для популяризации деятельности социального предпринимателя среди молодых людей, следует разрабатывать программы молодёжного предпринимательства, на государственном (региональном и муниципальном) уровне, которые будут включать в себя:

- Проведение плановых игровых и тренинговых мероприятий;
- Олимпиады по предпринимательству для учащихся образовательных учреждений всех уровней;
- Организацию образовательных курсов, профильного обучения с целью привития навыков ведения социального бизнеса;
- Выпуск социальной рекламы, формирующей позитивное отношение к социальному предпринимательству, пропагандирующей социально ответственного предпринимателя;
- Информирование молодёжи о методах государственной поддержки социальных предпринимателей;
- Организацию обмена опытом через встречи с успешными социальными предпринимателями, представителями бизнеса и власти, проведение экспертных сессий в форме собеседований с ними;

Таким образом, выше описанные предложения сформируют необходимые условия для самореализации и стимулирования активности молодёжи в сфере предпринимательства. Это важно, т.к. именно молодёжь на сегодняшний день представляет собой ту основу, на которую должна опираться экономика, а без наличия твёрдой основы развития - это невозможно.

1. Герасикова Е.Н. Социальная ответственность бизнеса и развитие социального предпринимательства в России // XXVIII Международные Плехановские чтения: Сб. материалов межд. науч.-практ. конф. - М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова». – 2015. - С. 318-319.

2. Герасикова Е.Н., Пудан Т.Д., Бабичева Т.И. Проектный подход в обучении как основа развития молодёжного социального предпринимательства: методология и практика внедрения // Евразийский союз ученых (ЕСУ): Ежемесячный научный журнал. – 2015. - № 3 (12), Ч. 2. – С. 104-106.

3. Дыльнова З.М. Молодёжный сегмент предпринимательства в современной России: состояние и перспективы, жур. «Известия Саратовского университета», 2011, стр. 15-16

4. Пудан Т.Д., Бабичева Т.И. Молодёжное социальное предпринимательство в решении социальных проблем общества: сущность, роль и практика реализации // Научное сообщество студентов XXI столетия. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ: сб. ст. по мат. XXXIX междунар. студ. науч.-практ. конф. № 2(39). URL: [http://sibac.info/archive/economy/2\(39\).pdf](http://sibac.info/archive/economy/2(39).pdf) (дата обращения: 04.10.2017)

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА

Холоденко Ю.А. (Москва)

В конце 20 столетия государства – лидеры мировой экономики вступили в эпоху постиндустриального информационного общества, основным фактором экономического развития которого выступает научное знание. Информатизация меняет все: характер социальных связей, методы управления, технологии производства, содержание и характер труда. Труд становится все более творческим, ответственным, многовариантным при принятии решений, самостоятельным и креативным. Более того, появилось новое социально – экономическое явление – креативная экономика. Это совокупность так называемых творческих индустрий (1). Творчество, наряду со знаниями, технологиями, умениями и навыками, становится важнейшим экономическим ресурсом.

Креативность и креативная экономика выступают как предпосылка и результат активного внедрения многообразных и разноплановых инноваций. Однако социальные последствия подобных изменений неоднозначны. Инновации ведут не только к облегчению условий труда, усилению его творческого характера, но и обостряют ряд социальных проблем современного общества, придают им новое качество. Продуктовые, технологические, маркетинговые, организационно – управленческие инновации меняют характер труда, трансформируют общественное сознание и общую систему ценностей, меняют основы сложившегося экономического и социального порядка.

Современная экономика – смешанная социально-экономическая система, в основе которой лежат рыночные принципы хозяйствования. Несмотря на глубокие структурные изменения,

заметное усиление регулирующей роли государства, формирование институтов социальной защиты населения, трансформацию качественных характеристик хозяйственной деятельности, экономика постиндустриального общества – это по сути капиталистическая экономика, базирующаяся на принципах экономического либерализма, «заточенная» на извлечение прибыли. Главный субъект рыночных отношений – рациональный «экономический человек», ориентирующийся на максимальную выгоду. Рыночная конкуренция (кстати, ее стимулирование является важной социально – экономической функцией современного государства), заставляет производителя не заботиться не только о качестве производимых товаров и услуг, расширении рынков сбыта и увеличении объема продаж, но и о поддержании цен на конкурентном уровне, а значит, и о снижении издержек.

Между тем в структуре издержек производства (прежде всего в промышленно развитых странах) не последнее место занимают расходы на человеческие ресурсы – заработную плату, подбор кадров, обучение и повышение квалификации персонала. Поэтому объяснимо стремление бизнеса активно использовать трудосберегающие технологии для поддержания конкурентоспособности компаний. Активное внедрение инноваций – основное направление решения данной проблемы. Инновации ведут не только к облегчению условий труда, усилению его творческого характера, но и, как уже отмечалось, обостряют целый ряд социальных проблем, прежде всего – проблему занятости. Практически все национальные экономики сталкиваются с дисбалансом на рынке труда: структура спроса на рабочую силу не совпадает со структурой ее предложения. Увеличивается уровень структурной безработицы, ибо рынок труда не успевает за изменениями рыночной конъюнктуры, которые в условиях интенсивного внедрения инноваций неуклонно динамизируются. Масштабы безработицы возрастают. Так, в начале 2016 года в зоне евро она превысила 10,3%. И если в ФРГ она составляла 4,3%, то в Испании – 20,5%, а в Греции – 24,6%(2).

Проблему занятости в рамках сложившейся социально – экономической парадигмы решить невозможно. Противоречие между стремлением к максимизации прибыли и поддержанием высокого уровня занятости в условиях рыночной конкуренции носит антагонистический характер. Это противоречие будет углубляться. Глобализация только обостряет проблему, затрагивая все, в том числе и промышленно развитые государства, разрушая основы занятости и подрывая экономические основы социального государства. Происходит трансформация социальных функций государства(3).

Углубляется социальное неравенство. При этом важнейшим критерием неравенства в постиндустриальном обществе постепенно становится уровень образования и знания. Более того, высокий уровень образования не гарантируют его обладателю достатка и качества жизни. В первую очередь это относится к представителям таких массовых профессий как учителя, врачи, преподаватели вузов и колледжей, младший административный персонал коммерческих организаций. Лишь включенность в систему создания и внедрения инноваций способна обеспечить обладателю престижной профессии и качественного образования подобные гарантии. Глобализация (снова глобализация) придает проблеме неравенства новое качество. Формируется глобальное неравенство(4).

При этом граница неравенства не просто разделяет «золотой миллиард» и остальные государства. Она проходит внутри каждого государства и общества, углубляя пропасть между богатством и бедностью, между теми, кто сумел использовать возможности постиндустриальной инновационной экономики, включенной в процессы экономической глобализации и остальной частью населения, чей труд не является творческим, креативным и высокооплачиваемым. «Brexit», избирательные кампании последних лет в США, ФРГ, Франции, других государствах подтверждают данное положение. Итоги голосования свидетельствуют о нарастающем недовольстве значительных социальных слоев сложившимся социально – экономическим порядком и, что особенно важно, отсутствием собственных перспектив в постиндустриальном обществе. Современное постиндустриальное общество становится все более конфликтным. Значительную часть традиционного среднего класса более нельзя рассматривать как фактор стабилизации и динамизации общественного развития.

Глобализация вызывает изменения в социально-экономической системе, которые несут угрозу национальной безопасности многих государств, в том числе и России. Можно ли противостоять угрозе? Можно, хотя набор инструментов в руках властей весьма ограничен. Во-первых, это активные структурные преобразования, основанные на внедрении селективного стратегического планирования в отраслях, способных стать “точками ” роста российской

экономики. Программы должны стать результатом совместной работы государства и бизнеса, они должны быть прозрачны, а правила игры – понятны всем, кто захочет принять участие в их реализации. Во-вторых, стране нужна долгосрочная, хорошо продуманная, подкрепленная ресурсами политика импортозамещения, которая была бы направлена не на экономическую изоляцию, а на более эффективное включение национальной экономики в глобальное разделение труда и обеспечение национальной экономической безопасности в наиболее уязвимых областях (оборона, компьютерные сети, банковская система, лекарственное и продовольственное обеспечение). Наконец, необходимо более активно и профессионально заниматься вопросами социального планирования и социального прогнозирования.

Так, для преодоления негативных последствий социальной трансформации жизненно необходимой становится модернизация социальной политики в направлении преодоления глубокого социального неравенства и формирования более справедливого общества. Более того, мы стоим на пороге перехода к новой социально – экономической парадигме, в рамках которой стремление к прибыли перестанет быть основной целью экономической деятельности. Сокращение рабочего дня, безусловный гарантированный доход, самоограничение во имя облегчения экологической ситуации в мире – все это предстоит учесть, чтобы сохранить социальный мир и равновесие в новых социально – экономических реалиях. Экономист, социолог, футуролог, способный предложить варианты решения социальных проблем постиндустриального общества, встанет в один ряд с А. Смитом, К. Марксом, Дж. Кейнсом.

1. Лавриненко А. С. Актуальные вопросы государственного регулирования творческих индустрий. // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2015 - №4 - с.135 – 159.
2. Коровяковская Н.Д., Холоденко Ю.А. Социальная политика российского государства: глобальные вызовы // Труд и социальные отношения. – 2016. - №3. – с. 50 - 62.
3. Васильев В. П. Влияние глобальных процессов на эволюцию социальных функций государства. // Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и политология. – 2015 - №1 – с. 29 – 42.
4. Осипова Н. Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика. // Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и политология. – 2014 - №2 – с. 22 – 46.

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ: СУИЦИДАЛЬНЫЙ РИСК И ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ.

Черепанова М.И. (Барнаул)

Современное развитие общества, социологи все больше характеризуют, как сложную, нелинейную глобальную бифуркацию, провоцируемую большим количеством разнонаправленных социальных рисков. По образному выражению П. Штомпки, «настоящая современность стала слишком пугающей» [1]. Одним из самых драматических экзистенциальных рисков, является суицидальный риск. На наш взгляд, суицидальный риск, это вероятность совершить фатальный суицид, в основе которого лежит низкая вероятность или полная невозможность реализовать те компоненты социального благополучия, субъективная значимость которых слишком высока. При этом, по нашему мнению, роль современной социологической науки, заключается в соединении воедино сложной теоретической трактовки мира с реальными социальными практиками, в нашем случае с вероятностью проявления суицидального поведения. Оценка траектории воспроизводства суицидального риска, на наш взгляд, является ярким прогнозным индикатором социального неблагополучия того или иного региона, социальной группы или социального субъекта. В данной статье представлены результаты исследования суицидального риска в Сибирском федеральном округе, так как по оценкам федеральной государственной статистики, в 2014-2015 г.г. уровень законченных суицидов превысил критический в 2 и более раза, а в некоторых территориях, например в р. Бурятии достиг наиболее высоких беспрецедентных уровней. Автором представлен фрагмент массива данных широкомасштабного социологического исследования в контексте воспроизводства суицидального риска следующих регионов: Алтайский край, Красноярский край, Новосибирская область, республика Бурятия. Выбор данных территорий обусловлен тем, что с одной стороны здесь представлены приграничные регионы, где происходит суммация социальных рисков, опасностей и

угроз, а с другой стороны, выбранные территории, на наш взгляд имеют определенную специфику различных административных образований Сибирского Федерального округа (республика, край, область). Таким образом, возможно, не только изучить общие закономерности воспроизводства суицидальных рисков, но и выявить региональную специфику разных административных образований данного социального явления. В связи с этим нами была проанализирована роль социально-экономических условий, выявлены субъективные оценки населением Сибирского Федерального округа своего благополучия и определен их вклад в формирование шансов для роста суицидальных настроений в регионе. По данным официальной статистики в 2015 г. уровень безработицы в приграничных исследуемых территориях Сибирского федерального округа фиксировался примерно на треть выше, чем в среднем по России [2]. По данным анализа полученных результатов, во всех территориях отмечается линейная зависимость уровня фатальных суицидов от количества безработных в регионе. Выявлена статистически значимая связь допустимости суицидов в Алтайском крае, Новосибирской области в зависимости от длительности безработицы ($p \leq 0.001$) [4]. Согласно анализу наших данных мужчины преобладают в группе длительно безработных, но не имеющих статуса безработного и не стоящих на бирже труда. Именно данная категория населения более подвержена латентному риску суицидального поведения, что подтверждается данными статистики совершенных суицидов в различных регионах России, в том числе в СФО. Каждый второй житель СФО имеет опасения и тревогу, связанную с возможностью потери настоящей работы. Опасения безработицы обусловлены объективными причинами - плохое экономическое положение предприятий, что отражает экономическую депрессивность регионов. Пятая часть сибиряков выражает справедливое опасение не найти в последующем работу. Вызывает пессимизм тот факт, что население региона среди причин тревог потерь рабочего места выделяет множество субъективных факторов - таких как семейные обстоятельства, квалификация, здоровье, межличностные отношения и др. Таким образом, можно констатировать наличие выраженного стресса у значительной части населения Сибири, не благоприятности своего будущего, что значительно снижает ее адаптивные резервы. Известно, что ожидание негативного события в некоторых ситуациях действует более разрушительно на эмоционально - психическое здоровье личности, чем само событие. На примере населения Красноярского края показано, как уровень тревоги, связанный с опасением потерять работу способен повысить толерантное отношение к суициду. Удовлетворенность профессиональной деятельностью вносит значительный, иногда решающий вклад в общую удовлетворенность жизнью, создает основу для ощущения благополучия. Среди респондентов СФО удовлетворены своей работой и карьерой только 40 % респондентов. Главными факторами, снижающими базовую удовлетворенность карьерой, являются, недовольство заработной платой (каждый второй). Часто испытывают чувство обиды, от того, что карьера недостаточно успешна 22% жителей. Большинство жителей Сибири считают, что достойны более высокого социального положения. Половина населения испытывают большие перегрузки, усталость в процессе работы, которые никак не соответствуют получаемой зарплате. Выявленные тенденции особенно ярко проявляются у мужского населения среднего возраста (30-50 лет). По данным статистики самоубийств в Российской Федерации, выявленная когорта населения представляет самую многочисленную среди законченных суицидов [3]. Доказан рост толерантности к суицидам населения Новосибирской области в зависимости от отношения к своей заработной плате ($p \leq 0,001$). Согласно данным опроса, можно констатировать, что финансовых средств хватает только на продукты питания и оплату коммунальных услуг - у пятой части опрошенных. Данные группы населения можно отнести к категории высокого суицидального риска. В среднем каждый 8-ой житель СФО считает, свой доход гораздо меньше, чем у других, что усиливает ощущение своей ущербности, материальной несостоятельности ($p \leq 0,0001$). Выявлен суицидальный риск в зависимости от растущего ощущения неопределенности в будущем. Выявленная тенденция особенно показательна для республики Бурятия, где определяется наивысший уровень суицидов во всем СФО. В целом, более трети представителей населения СФО не уверены в завтрашнем дне. Ситуация крайней нужды значительно усиливает суицидальные настроения жителей Красноярского края, так 8% респондентов согласились с утверждением «Денег не хватает на продукты питания, постоянно приходится брать в долг», из них 30% допускают для себя возможность суицида ($p \leq 0,09$). Согласно результатам исследования, подавляющее число сибиряков (около 80%) испытывают социальную фрустрацию, все более растущее несоответствие желаемого социального, экономического статуса тому, который имеют в действительности.

Следствием выявленных тенденций, является рост социальной апатии. Более трети жителей исследуемых приграничных регионов Сибири констатировали

«В последнее время меня ничего не радует», с вопросом «Если жизнь бессмысленна, то незначать жить» согласились 22 % жителей [4]. Выявленные установки имеют ярко выраженный суицидогенный характер. Суицидальный риск у населения во многом связан с отношением к своему будущему, неблагоприятным прогнозам относительно разных аспектов жизнедеятельности, в частности своего материального положения ($p \leq 0,002$).

Согласно результатам опроса, каждый второй житель сибирского приграничья ощущает рост социально-экономической нестабильности, непредсказуемости жизни в своем регионе. Данные тенденции выявлены среди всех изученных регионов СФО [4]. Так как существует линейная и достоверная зависимость суицидогенности от негативных субъективных оценок качества своей жизни, как несоответствующего желаемому и достойному, допустимость суицидов при низкой оценке качества своей жизни значительно возрастает ($p \leq 0,000$). В целом, полученные данные позволяют прогнозировать, что около 10 % населения СФО могут совершить суицидальные попытки в ближайшем будущем. Таким образом, исходя из вышеизложенного, социальное прогнозирование и социальный контроль неблагополучия региона, должен опираться на всесторонний анализ вероятности суицидального риска и его возможную минимизацию.

Список литературы.

1. Штомпка П. Социология: анализ современного общества / Пер. с польского С. М. Червонной. — М.: Логос, 2005.-388 с.
2. Официальная статистика. Занятость и безработица. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#. Дата обращения к документу 8.05.17
3. Официальная статистика. Население. Демография. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demograp hu/# Дата обращения к документу 8.05.17
4. Черепанова М.И. Модели воспроизводства суицидального риска в приграничных регионах России. Дисс. докт. соц. наук/М.И. Черепанова.-СПб., 2016.-392 с.

ПАРТИЯ "ЧЕРНЫЕ ПАНТЕРЫ" И ПРОБЛЕМЫ РАСОВОЙ ДИСКРИМИНАЦИИ В США

Чернова К.И. (Самара)

Борьба за права и свободы человека была и остается актуальной проблемой. Особенно остро для Соединенных Штатов Америки этот вопрос стоит относительно чернокожего населения. Ни одному другому этническому меньшинству не пришлось столь ожесточенно бороться за свои политические права, как афроамериканцам, которые во всех южных штатах, где утвердилась система сегрегации, были исключены из политического процесса вплоть до середины 1960-х. Массовое движение за отмену сегрегации предоставление избирательных прав чернокожим изменило ситуацию на Юге. В середине 1960-х годов протест перемещается в районы негритянских гетто крупных городов Севера и Запада. Появляются новые политические лозунги и объединения. Самой известной организацией становится партия «Черные пантеры».

Цель моего исследования – проанализировать деятельность партии и определить ее роль в движении за гражданские права афроамериканского населения.

Источниками при написании данной работы выступили документы самой партии, автобиографии и воспоминания ее руководителей, а также материалы ФБР, относящиеся к расследованию деятельности этой организации.

Движение за гражданские права и против дискриминации афроамериканцев в 50-е - 70-е гг. можно разделить на стихийные и организованные.

К стихийным выступлениям афроамериканцев принято относить восстания в черных гетто во второй половине 60-х гг. Организованное же движение афроамериканцев за свои права не было однородным прежде всего по своей идеологии. На смену идеям интеграции и тактике ненасильственных действий, которые пропагандировал Мартин Лютер Кинг приходят новые лозунги. Ими стала идеология «власти черным» и допустимости насилия в борьбе за свои права. Именно эту стратегию и отстаивала партия «Черные пантеры».

Черные пантеры – леворадикальная партия, признанная в некоторых странах террористической организацией. «Пантеры» считали себя символом американской революции, выделяясь среди других организаций, в первую очередь тем, что они отказались от философии ненасилия М.Л. Кинга, признанного лидера черных американцев.

Партия была основана в Окленде, штат Калифорния, в 1966 году. С самого начала в качестве локальной, общинной организацией с малым количеством членов. Со временем она превратилась во влиятельную национальную и международную партию, но просуществовала недолго. Уже к 1980 году организации "Черных пантер" вновь обосновались в основном Окленде с пятьюдесятью активными членами. В 1982 году партия была официально закрыта.

Её основателями были двое друзей Бобби Сил и Хью Ньютон. Изначальное название организации звучало как «Партия самообороны Черная пантера». Позже слово "самооборона" было решено убрать. Членов было всего два: Ньютон и Сил. После недолгих размышлений была создана своеобразная система управления: Хью – министром обороны, а Бобби – председатель. Вскоре нашелся третий – Бобби Хаттон. Его сделали министром финансов и казначеем.

В основу идеологии новой партии были положены разработанная ранее концепция черного радикализма. Идейным вдохновителем партии стал самый известный лидер движения «сила черных» Малкольм Икс. Четыре основные идеи его концепции повлияли на членов БПП:

- (1) Афроамериканцы могут использовать оружие для достижения политических целей;
- (2) Люди могут достичь духовного и психического омоложения посредством участия в движении;
- (3) Негры должны быть открыты для альянсов с другими этническими группами, но только на основе взаимоуважения;
- (4) Движение за гражданские права есть часть международной борьбы против расизма и западного капитализма.

Организацией была разработана собственная программа, состоящая из 10 пунктов, и правила партии.

Для членов партии были разработаны строгие правила, которые должны обеспечить дисциплину и сделать организацию настоящей боевой ячейкой. Дисциплинарные меры за нарушение этих правил будет зависеть от решений национальных и местных комитетов и штабов. Каждый член партии должен знать их дословно наизусть. И применять их ежедневно. Каждый участник должен сообщить о любом нарушении этих правил, чтобы их руководство приняло меры.

В период с 1966 по 1971 год «Партия Чёрных Пантер» из небольшой оклэндской группы радикалов выросла до уровня международной организации, которая действовала в том или ином виде в 61 городе Соединенных Штатов и имела более двух тысяч членов.

Дисциплина региональных секций поддерживалась либо посредством выездных комиссий, либо при помощи вызова руководителя регионального отделения в штаб-квартиру ВРР в Окленде, где составлялся подробный рапорт, посвящённый нарушениям партийной дисциплины. После этого на главу отделения налагались различные дисциплинарные взыскания: начиная с устных предупреждений, заканчивая лишением должности или изгнанием. В крайних случаях предусматривалась ликвидация всего регионального отделения.

Региональные секции также постоянно находились под финансовым прессингом, буквально сводя концы с концами. Основной доход таких отделений составляла выручка от продажи партийной газеты, сборов в ходе публичных выступлений и добровольных пожертвований от других организаций или деятелей.

Продажи газет напрямую отражали политическую привлекательность партии в массах и организационную способность местных отделений. Понятно, что наиболее многочисленный тираж соответствовал пику развития «Чёрных Пантер»: по оценкам ФБР в 1970 году еженедельный тираж газеты превышал цифру в 139 тысяч экземпляров. В 1980 году выпуск газеты «Чёрная Пантера» был окончательно прекращён.

Касса «Пантер» пополнялась так же от продажи плакатов, значков и литературы. Платные выступления ораторов так же вносили свой вклад в формирование казны организации.

Региональным отделениям запрещалось принимать деньги от различных фондов или государства без разрешения центральной штаб-квартиры, поскольку партия стремилась сохранить свою финансовую независимость и избежать любых контактов с правительственными или проправительственными учреждениями.

Первое публичное выступление «Пантер», произведшее фурор в американском обществе, произошло в феврале 1967 г. в аэропорту Сан-Франциско. Черные парни в черных беретах, в черных же кожаных брюках и куртках, с карабинами наперевес встречали самолет с Восточного побережья. Это была открытая декларация присутствия новой - вооруженной - силы в афроамериканском движении против расовой дискриминации. «Пантеры» встречали вдову Малколма Икса, Бетти Шаббаз, летевшую в Калифорнию для участия в ряде мероприятий, связанных с двухлетней годовщиной со дня убийства Малколма Икса, «самого сердитого негра Америки» и «апостола насилия», как его в разное время называли.

4 апреля 1968 года был убит Кинг. Его смерть потрясла Америку. По гетто прокатились мятежи. Пантеры пытались их предотвратить: стихийный погром - это не то, что им было нужно. Но некоторые члены организации решили за него отомстить, попали в окружение полиции и были арестованы.

«Пантеры» все больше военизировались. Все члены имели звания - от рядового до фельдмаршала. Была принята резолюция о посылке вооруженных боевиков на помощь Вьетконгу. На предложение «Пантер» вьетнамцы ответили по-восточному уклончиво: большое спасибо, но пусть каждый пока сражается на своем месте. В афроамериканской общине популярность партии была связана прежде всего с радикальностью ее программы. Лозунг «сила черных» повлиял на рост самосознания черных, освобождению от чувства жертвы, обретению чувства собственного достоинства и стремления самостоятельно определять жизненные стратегии.

Тактика насилия в этой программе способствовала усилению экстремистского крыла всего движения. К концу 60-х в США было уже больше сотни воинствующих черных националистических организаций, ставивших на насилие. В 1967 году, в Лето Любви, в Филадельфии черные подпольщики создают Движение Революционного Действия. Планы были следующими: убить черных лидеров движения за гражданские права, обвинить во всем расистов и вызвать волнения в гетто при помощи подростковых группировок. Все дальше отходит от общенационального руководства нью-йоркская секция «Черных Пантер», недовольная «недостатком боевитости». В начале 1969 года 21 член секции был арестован по обвинению в заговоре с целью мятежа, сигналом к которому должны были стать взрывы полицейских участков, супермаркетов и ботанического сада.

Вместе с тем, анализ документов Черных Пантер показывает, как партия постепенно двигается в сторону социального реформизма и одновременно превращается в бюрократическую организацию. Так например, ВРП стали реализовывать социальные программы, такие как: бесплатные завтраки для школьников; передвижные клиники для неимущих; пункты раздачи обуви бедным; строительство социального жилья; привлечение чернокожих к активному участию в выборах. В 1971 году партия раскололась. Небольшая группа Пантер еще существовала до 1980 года, занимаясь благотворительностью в черной общине, потом партия окончательно прекратила существование.

В 1971 году лидер партии Ньютон объявил, что партия оставляет насильственные методы борьбы и будет теперь заниматься социальным обеспечением черного сообщества. .

Подводя итоги, необходимо отметить, что Черные Пантеры, как ни парадоксально, очень сильно повлияли на самосознание афроамериканской общины, предлагая новую систему ценностей. Один из лидеров черной общины говорил: «Что Пантерам удалось по-настоящему, так это создать личностный образец, которому особенно стремятся соответствовать черные подростки... Это образец агрессивности, задиристости, права сильного, - всего того, чего у нас и помине не было в прошлом. Нашим кумиром был доктор Кинг, прекрасный, но чересчур мягкий человек. А вот Пантеры и Малкольм Икс создали новый образец для подражания». Они смогли пробудить активность молодежи гетто, готовой отстаивать свои права, самостоятельно бороться против расовой дискриминации и реформировать жизнь общины.

1. Alkebulan P. *Survival pending revolution // The History of the Black Panther Party., The University of Alabama Press: Tuscaloosa., 2007. С. 24.*

2. *Federal Bureau of Investigation. FBI: Records: The Vault // Black Panther Party <https://vault.fbi.gov/BlackPantherParty> (Дата обращения 30.03.2017).*

3. Michael X. Carpin D. *Black Panther Party: 1966-1982., University of Pennsylvania., 2000. С. 190.*

4. Murch Donna Jean. *Living for the city: migration, education, and the rise of the Black Panther Party in Oakland, California. The University of North Carolina Press., 2010. С. 250-261.*

5. *The Black Panthers Speak. - Philad.-N.Y., 1970, p. IX.*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ.

Шендрикoвская А.В. (Санкт-Петербург)

В настоящее время миграция оказывает большое влияние на развитие России. Только в 2016 году в Российскую Федерацию прибыло 575158 международных мигрантов, из которых 511773 человека – выходцы из стран СНГ. Наибольшее количество мигрантов прибывают из Украины (178274 человека), Казахстана (69356 человека) и Узбекистана (63385 человек). [2]

По данным на 1 января 2017 года численность населения Приволжского федерального округа составила 29 636 574 человека. [4] За первое полугодие 2017 года в данный федеральный округ прибыло 33581 человек из государств-участников СНГ, из которых 3724 человека в Нижегородскую область. Действительно, Нижний Новгород является привлекательным городом для трудовой миграции, так как является административным центром Приволжского ФО и Нижегородской области. [3]

Для выявления социальных проблем и рисков международных трудовых мигрантов был выбран качественный метод исследования. В г. Нижнем Новгороде летом 2017 года были проведены две фокус-группы, участниками которых стали преимущественно молодые мужчины и женщины до 35 лет. Респонденты являются выходцами из Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и Армении. Все они приехали в Россию исключительно на заработки.

Результаты исследования помогли выявить наиболее распространенные проблемы трудовых мигрантов в России.

Во-первых, это проблемы, связанные с трудовой деятельностью. Изменения, введенные в 2015 году в миграционное законодательство, приводят к тому, что мигранты часто не успевают оформить все документы, необходимые для получения трудового патента в 30-дневный срок, как того требует закон. Ежемесячная плата за патент является для многих мигрантов достаточно высокой. Также существует риск неофициального трудоустройства. Большое количество работодателей не берутся оформлять иностранных рабочих официально, так как это влечет дополнительные обязанности со стороны работодателя, связанные с постоянным взаимодействием с органами УФМС. Кроме того, имеет место быть задержка или невыплата заработной платы. Нередко иностранным гражданам не выплачивают заработную плату месяцами. Бывают случаи, когда работника берут на работу на испытательный срок, а по истечению срока отказывают в трудоустройстве.

Во-вторых, нужно выделить проблемы, связанные с жилищным вопросом. Зачастую мигранты вынуждены жить в одной квартире несколькими семьями, потому что заработная плата не позволяет снять, а уж тем более приобрести квартиру самостоятельно. Сюда же можно отнести проблемы, связанные с регистрацией по месту жительства или месту пребывания на территории нашей страны. Ведь любой постоянно или временно проживающий на территории Российской Федерации иностранный гражданин должен зарегистрироваться по адресу указанного помещения. [1] Однако большое количество арендаторов сдают жилье неофициально, и поэтому отказываются прописывать у себя съемщиков, коими являются мигранты.

В-третьих, серьезной является проблема получения медицинской помощи. Полис обязательного медицинского страхования (ОМС) могут получить только те иностранцы, которые имеют РВП или вид на жительство в России. Остальные же иностранные граждане обязаны оформлять полис добровольного медицинского страхования (ДМС). Однако такой вид страхования включает в себя только неотложную и первичную медико-санитарную помощь. Остальные услуги приходится оплачивать самостоятельно. Отсюда возникают проблемы со здоровьем и связанные с ним риски. Мигранты лечат себя и своих детей самостоятельно, потому что, в большинстве случаев, не могут позволить себе платный поход к врачу и платные медицинские услуги. [5, С.35]

Результаты исследования показали, что проблемы трудовых мигрантов в Приволжском федеральном округе мало отличаются от ситуации по России в целом. Отсутствует система социальной защиты мигрантов. Иностранцам не хватает правового консультирования практически во всех сферах жизни. Отсюда и возникает большинство трудностей. Как правило, сами мигранты не знают, какими правами они обладают и предпочитают куда не обращаться в

случае возникновения различного рода проблем. Некоторые же предпочитают «обращаться в диаспору для решения проблем», однако в официальные инстанции они все же не отправляются. Для улучшения этой ситуации необходимо открывать центры для мигрантов, в которых они смогут получить правовую помощь и всю необходимую информацию, создавать информационные порталы в интернете. Также следует проводить правовое консультирование мигрантов еще до въезда в Россию и желательно на их родном языке для того, чтобы избежать возможных рисков, связанных с будущим миграционным процессом.

Исследование выполнено в СПбГУ за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10092)

В настоящее время миграция оказывает большое влияние на развитие России. Только в 2016 году в Российскую Федерацию прибыло 575158 международных мигрантов, из которых 511773 человека – выходцы из стран СНГ. Наибольшее количество мигрантов прибывают из Украины (178274 человека), Казахстана (69356 человека) и Узбекистана (63385 человек). [2]

По данным на 1 января 2017 года численность населения Приволжского федерального округа составила 29 636 574 человека. [4] За первое полугодие 2017 года в данный федеральный округ прибыло 33581 человек из государств-участников СНГ, из которых 3724 человека в Нижегородскую область. Действительно, Нижний Новгород является привлекательным городом для трудовой миграции, так как является административным центром Приволжского ФО и Нижегородской области. [3]

Для выявления социальных проблем и рисков международных трудовых мигрантов был выбран качественный метод исследования. В г. Нижнем Новгороде летом 2017 года были проведены две фокус-группы, участниками которых стали преимущественно молодые мужчины и женщины до 35 лет. Респонденты являются выходцами из Узбекистана, Таджикистана, Азербайджана и Армении. Все они приехали в Россию исключительно на заработки.

Результаты исследования помогли выявить наиболее распространенные проблемы трудовых мигрантов в России.

Во-первых, это проблемы, связанные с трудовой деятельностью. Изменения, введенные в 2015 году в миграционное законодательство, приводят к тому, что мигранты часто не успевают оформить все документы, необходимые для получения трудового патента в 30-дневный срок, как того требует закон. Ежемесячная плата за патент является для многих мигрантов достаточно высокой. Также существует риск неофициального трудоустройства. Большое количество работодателей не берутся оформлять иностранных рабочих официально, так как это влечет дополнительные обязанности со стороны работодателя, связанные с постоянным взаимодействием с органами УФМС. Кроме того, имеет место быть задержка или невыплата заработной платы. Нередко иностранным гражданам не выплачивают заработную плату месяцами. Бывают случаи, когда работника берут на работу на испытательный срок, а по истечению срока отказывают в трудоустройстве.

Во-вторых, нужно выделить проблемы, связанные с жилищным вопросом. Зачастую мигранты вынуждены жить в одной квартире несколькими семьями, потому что заработная плата не позволяет снять, а уж тем более приобрести квартиру самостоятельно. Сюда же можно отнести проблемы, связанные с регистрацией по месту жительства или месту пребывания на территории нашей страны. Ведь любой постоянно или временно проживающий на территории Российской Федерации иностранный гражданин должен зарегистрироваться по адресу указанного помещения. [1] Однако большое количество арендаторов сдают жилье неофициально, и поэтому отказываются прописывать у себя съемщиков, коими являются мигранты.

В-третьих, серьезной является проблема получения медицинской помощи. Полис обязательного медицинского страхования (ОМС) могут получить только те иностранцы, которые имеют РВП или вид на жительство в России. Остальные же иностранные граждане обязаны оформлять полис добровольного медицинского страхования (ДМС). Однако такой вид страхования включает в себя только неотложную и первичную медико-санитарную помощь. Остальные услуги приходится оплачивать самостоятельно. Отсюда возникают проблемы со здоровьем и связанные с ним риски. Мигранты лечат себя и своих детей самостоятельно, потому что, в большинстве случаев, не могут позволить себе платный поход к врачу и платные медицинские услуги. [5, С.35]

Результаты исследования показали, что проблемы трудовых мигрантов в Приволжском федеральном округе мало отличаются от ситуации по России в целом. Отсутствует система социальной защиты мигрантов. Иностранцам не хватает правового консультирования

практически во всех сферах жизни. Отсюда и возникает большинство трудностей. Как правило, сами мигранты не знают, какими правами они обладают и предпочитают никуда не обращаться в случае возникновения различного рода проблем. Некоторые же предпочитают «обращаться в диаспору для решения проблем», однако в официальные инстанции они все же не отправляются. Для улучшения этой ситуации необходимо открывать центры для мигрантов, в которых они смогут получить правовую помощь и всю необходимую информацию, создавать информационные порталы в интернете. Также следует проводить правовое консультирование мигрантов еще до въезда в Россию и желательно на их родном языке для того, чтобы избежать возможных рисков, связанных с будущим миграционным процессом.

Исследование выполнено в СПбГУ за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10092)

1. Федеральный закон от 18.07.2006 N 109-ФЗ (ред. от 19.07.2017) "О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации" URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61569/
2. Федеральная служба государственной статистики. Демография. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
3. Федеральная служба государственной статистики. Социально-экономическое положение федеральных округов. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086420641
4. Федеральная служба государственной статистики. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3abfce
5. Borodkina O., Amirkhanian A. Access of international young migrants to health care in Russia// 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017/ Albena Co., Bulgaria, 2017 – P.33-40

ДОСТУП К ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УСЛУГАМ КАК ФАКТОР КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Шильниковская А.В. (Москва)

Аннотация. В статье рассматривается доступность образования как один из основополагающих факторов качества жизни населения. Раскрывается сущность понятия качества жизни, доступа к образовательным услугам, выделяются элементы категории доступности образования. Приведены результаты двух авторских исследований доступности образовательных услуг в одной из типовых московских школ для школьников в целом и для детей с ОВЗ, обучающихся в инклюзивном классе.

Проблема обеспечения доступа к образованию является достаточно актуальной для России на сегодняшний день, поскольку сфера образования в настоящий момент, с одной стороны, пребывает в состоянии кризиса, а с другой, в состоянии непрерывного реформирования [1]. Проблемная ситуация заключается в противоречии между закреплённым в п.1 и п.2 ст.43 Конституции РФ всеобщим правом на образование и фактическом наличии различных барьеров доступа к образовательным услугам для разных категорий населения.

Понятие доступности образовательных услуг предполагает под собой обеспечение доступа к образовательным услугам на всех уровнях образовательной системы вне зависимости от факторов, дифференцирующих людей. Доступность образования складывается из следующих составных элементов: 1) экономической доступности; 2) территориальной доступности; 3) архитектурной и транспортной доступности; 4) социальной доступности; 5) интеллектуальной и физической доступности; 6) информационной доступности; 7) академической доступности [2].

Эти элементы, за исключением информационной и академической доступности, были рассмотрены в рамках двух авторских исследований, проведённых в марте-апреле 2017 года. Целью первого исследования являлось изучение мнения родителей относительно доступности образовательных услуг для их детей. В качестве метода социологического исследования был выбран анкетный опрос. Объектом исследования выступают родители учащихся 6, 9 и 11 классов одной из типовых московских школ. Выборочная совокупность составила 51 человек.

На основе полученных результатов можно сделать вывод о том, что в настоящий момент можно говорить о достаточно высоком уровне доступа к образовательным услугам у московских школьников в целом.

Наиболее уязвимое место - это экономическая сторона доступности образования. Чуть более половины всех опрошенных (51%) отметили увеличение затрат родителей на образование их детей в сравнении с прошлым учебным годом. Чаще всего родители платят за занятия с репетиторами вне школы для сдачи ОГЭ и ЕГЭ, занятия с репетиторами вне школы для улучшения текущей успеваемости, а также на питание в школе и покупку учебников. В среднем родители школьников тратят около 12,5 тысяч рублей в месяц на образование своих детей, что составляет практически 1/6 долю совокупного дохода, что является достаточно значительным процентом: родители тратят чуть более 15% своего дохода на образование школьников.

В остальном родители фиксируют достаточно высокий уровень социальной, территориальной, интеллектуальной и физической доступности образования.

Целью второго исследования являлось изучение доступности образовательных услуг для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), обучающихся в общеобразовательной школе вместе с нормированными детьми. Был выбран качественный метод - метод экспертного интервью. Экспертами выступили учителя одной из типовых московских школ, отобранные по нескольким заранее заданным критериям: стажу работы и уровню квалификации. Выборка составила 40 человек.

Как показали результаты исследования, к идее совместного обучения нормированных детей и детей с ОВЗ большинство опрошенных экспертов относится в целом положительно. Однако часть экспертов сделала акцент на том, что, несмотря на благую идею, реализация её не столь проста на практике. Главными причинами этого явились недостаточная оборудованность школ, большая наполняемость классов, очень широкий спектр заболеваний и степеней их тяжести у детей.

Треть экспертов отметила, что большинство детей с ОВЗ не готовы к совместному обучению. Основными причинами этого являются отсутствие преемственности образования, широкий спектр заболеваний и тяжестей заболеваний, а также недостаточный уровень социализации, моральная неготовность обычных детей и высока сложность школьного материала.

Абсолютное большинство экспертов отметили, что дети с ОВЗ испытывают целый ряд трудностей в получении качественного школьного образования. Они заключаются, прежде всего, в недостатке внимания учителя, неподходящем режиме, проблемах в социализации и взаимодействии с детским коллективом, нехватке узких специалистов, сопровождающих такого ребёнка (тьюторов, психологов, логопедов, дефектологов, медицинских работников), а также нехватке дидактического материала, трудностях в подготовке урока и нехватке специального оборудования.

Большинство опрошенных экспертов признали, что для детей с ОВЗ настоящая учебная программа трудна в освоении и не учитывает их возможности, а также отмечается большой объём и слишком высокий темп подачи материала. Также сложности возникают при прохождении такими детьми контроля знаний (итоговой аттестации, экзаменов).

В соответствии с ответами экспертов, московские школы в большинстве своём оборудованы лишь частично, либо практически не оборудованы. Многие школы оборудованы пандусами и специализированными цветовыми разметками для слабовидящих, но отсутствуют лифты и специализированный транспорт для маломобильных детей. Кроме того, многие школьные здания старой постройки, а их большинство, не предполагают установку лифта, что ограничивает детей с нарушением опорно-двигательного аппарата и колясочников в передвижении. Для них передвижение по школе ограничено первым этажом.

Большинство учителей оценили уровень государственной финансовой поддержки как недостаточный. Об этом свидетельствует недостаточное техническое оснащение школ, нехватка специалистов, а также необходимость финансирования программ определённой узкой направленности, предназначенных для детей с ОВЗ.

Большинство экспертов отметило, что обучение ребёнка с особенностями развития в обычном классе влияет на учебный процесс в негативном ключе. Причинами этого являются необходимость в более долгом объяснении материала, более тщательной подготовке педагога к уроку, много времени от урока уходит на поддержание дисциплины, а также данная форма обучения снижает качество образовательного процесса для здоровых детей: они чаще отвлекаются, темп их работы замедляется.

Среди экспертов в значительной мере преобладает мнение, что у детей с ОВЗ возникают препятствия социального свойства. Основными причинами этого являются неготовность к общению как со стороны детей с ОВЗ, так и со стороны здоровых детей, характер заболевания ребёнка (особенно это касается детей с нарушениями психики), а также недостаточное участие родителей, классного руководителя и психологов.

В большинстве своём учителя сходятся во мнении, что основные трудности для учителя при работе с классом с особым ребёнком заключаются в нехватке времени на индивидуальную отработку материала с ребёнком с ОВЗ, применении индивидуального подхода в условиях работы с классом, продумывании особых форм организации урока, недостаточном опыте и подготовке самих педагогов и нехватке специалистов-психологов и ассистентов учителя (тьюторов). При этом более половины опрошенных учителей оценили, что полностью либо частично готовы работать с классом, где есть дети с ОВЗ.

Однако эксперты отмечают, что педагог должен обладать дополнительными навыками и умениями, чтобы работать с классом, где есть ребёнок с ОВЗ. Помимо личных качеств (терпения, любви к детям), педагоги должны ещё обладать компетенциями из узкоспециализированных профессий дефектолога, логопеда, медицинского работника, а также знаниями в области коррекционной педагогики и специальной (коррекционной) психологии. Это свидетельствует о том, что в школах существует нехватка специалистов психологов, логопедов, дефектологов и т.д., поэтому учителя считают, что при работе с классом, где есть ребёнок с ОВЗ, основная ответственность ложится именно на педагога. Следствием этого является двойная нагрузка на преподавателя: он должен быть универсальным специалистом - и учителем и узким специалистом в одном лице.

По итогам авторских исследований можно заключить, что в разрезе школьного образования в целом наблюдается достаточно приемлемый уровень доступа школьников к образовательным услугам. Однако, для детей с ОВЗ, которые учатся совместно с другими детьми в массовых школах, уровень доступности качественного образования крайне низок. Это уменьшает их возможности дальнейшей социальной мобильности, препятствует раскрытию их потенциала, и что самое главное, снижает их качество жизни.

1. Дудина, О.М. Социальная и профессиональная адаптация молодой экономической интеллигенции на рынке труда и занятости. Монография. М.:Финакадемия, 2010 - 112 с.

2. Аникина, Е.А. Лазарчук, Е.В. Чечина, В.И. Доступность высшего образования как социально-экономическая категория / Е.А. Аникина, Е.В. Лазарчук, В.И. Чечина // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 12 (часть 2) – С. 355–358.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНОМ КОНТРОЛЕ ДЕВИАНТНОСТИ

Шипунова Т.В. (Санкт-Петербург)

В развитии социального контроля девиантности выделяют три периода: до конца XVIII в. контроль носил репрессивный характер, когда меры наказания были направлены на тело человека; с конца XVIII в. и до середины XIX в. предметом контроля становится личность человека, осознаётся значение формальных институтов, контролирующих поведение людей. К этому периоду относится возникновение собственно тюрем. Третий период начался примерно с 50-х гг. XX в. Его предпосылками стали социальные, экономические и культурные изменения: экономическая и социальная экспансия молодежи (освобождение от консерватизма), снижение роли семьи и церкви как институтов социализации, рост уровня потребления, расширение возможностей для творческой самореализации не только в трудовой, но и в досуговой сферах. Это привело к размыванию стандартов и стереотипов поведения, усилению внутреннего и ослаблению внешнего контроля. Другой важной предпосылкой явилось падение веры в способность уголовного права обеспечить снижение преступности («кризис наказания» [5]).

В 80-е гг. XX в. новый импульс к дальнейшему развитию темы дало распространение интеракционистских концепций, в частности, социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман) и критической школы криминологии (Ф. Зак, Х. Хесс, С. Шеерер и др.). При критическом рассмотрении социального контроля оказалось, что он имеет мало общего с декларируемыми целями и задачами. Эффекты, производимые его институтами, обусловлены не столько

стремлением к реализации миссии, сколько переплетением интересов разных социальных групп, а его реализация в рамках повседневных практик может существенно варьироваться в зависимости от дискурсов. Стало появляться много работ, касающихся изучения социального контроля по следующим направлениям: сравнительный анализ применения мер наказания в разных странах [6, 40]; злоупотребления властью со стороны представителей правоохранительных органов, включая практики пыток [8]; изучение общественного мнения по поводу применяемых государством мер наказания. Появились предложения об использовании альтернативных мер наказания [3], а также стали разрабатываться различные модели социального контроля. Так, в 1989 г. Д. Блек создал классификацию, которая получила известность в модификации Ф. Макклинтока. Им были выделены пять форм социального контроля: карательный, терапевтический, образовательный, компенсирующий, примирительный. Большое внимание стало уделяться первичной профилактике, реабилитации и ресоциализации нарушителей норм.

Постоянный рост уровня девиантности поддерживал интерес исследователей к теме эффективности превентивного социального контроля. Так, в 80-х годах XX в. в США широкомасштабные и долговременные исследования о влиянии социальных программ на девиантность подростков показали их неэффективность [4]. Подтвердили это и исследования конца 90-х г.г., в соответствии с которыми был сделан вывод, что отдельные программы не только не необходимы, но даже вредны [7, 13–25]. (Справедливости ради, нужно сказать, что не всегда воздействие превентивных программ дает нулевой или отрицательный результат. Например, изучение программ профилактики насилия детей и подростков посредством организации их досуга показало, что по итогам реализации программ снизилось число жертв насилия среди представителей этих возрастных групп и квота преступников-насильников среди детей и подростков [9, 562]).

В связи с низкой эффективностью предупредительного социального контроля произошло осознание, что традиционного подхода к пониманию социального нормирования, девиантности и социального контроля явно недостаточно для анализа современной реальности. Общество как константное и непрерывно существующее образование, имеющее в фундаменте разделяемые всеми моральные нормы, перестало существовать, его сутью стало постоянное изменение («текущая современность» по Бауману) [1], а стандартизация в виде социального нормирования, лежащая в основе социального контроля, больше не оправдывает себя. Следуя идеям социального конструктивизма [2], социальный контроль начали рассматривать не только в рамках конфликта «человек–общество» (самосохранение общества от деструктивных поступков людей), но и в контексте конфликта «общество-человек». В данном случае внимание смещается с интересов общества на интересы отдельного социального деятеля, который в поисках своей социальной и личностной идентичности предлагает разные способы поведения (иногда девиантные) и попадает в поле зрения социального контроля. Здесь открываются совершенно другие перспективы изучения предмета анализа, а именно, рассмотрение системного насилия, социального исключения, отчуждения, обыденного насилия в процессе повседневного реагирования на девиантность и реализации профессиональных практик работы с людьми, определенными как лица с девиантным поведением. Такой подход не отменяет значимости первого, он существенно дополняет его, расширяя горизонты осмысления социальных феноменов и всей социальной реальности, поскольку девиантность здесь рассматривается как неотъемлемый элемент социального порядка.

Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 15-03-00383.

1. Бауман З. *Текущая современность*. /Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2008.
2. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. – М.: «МЕДИУМ», 1995.
3. *Восстановительное правосудие для несовершеннолетних и социальная работа. Учебное пособие*. – М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001.
4. Грэхэм Дж., Беннетт Т. *Стратегии предупреждения преступности в Европе и Северной Америке*. – Хельсинки, 1995.
5. Кристи Н. *Пределы наказания* /Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1985.
6. Кури Х. *Развитие преступности на Востоке и Западе*. – М., 1999.
7. Eisner, M., Ribeaud, D., Junger, R., Meidert, U. *Frühprävention von Gewalt und Aggression. Ergebnisse des Züricher Interventions- und Präventionsprojektes an Schulen*. – Zürich/Chur. Rüegger Verlag. 2008.

8. Kaiser G. *Der Europäische Antifolterausschuss und die Vorbeugung kriminellen Machtmissbrauchs // Sonderdruck: Festschrift für Otto Triffterer zum 65. Geburtstag.* – Springer; Wien; New York, 1996. S. 3–12.
9. Pfeifer Ch., Baier D. *Jugendgewalt als Wahlkampfthema. Eine Kriminologische Analyse zum hessischen Landtagswahlkampf des Jahres // Interdisziplinäre Kriminologie. Festschrift für Arthur Kreuzer zum 70. Geburtstag.* – Frankfurt. Verlag für Polizeiwissenschaft. 2008. S. 550–574.

ИППОТЕРАПИЯ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ МЕТОД СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

Шунк Е.П., Очаковская Е.С. (Барнаул)

В современном мире особо остро стоит проблема социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья. По данным ООН, в мире насчитывается примерно 450 миллионов человек с нарушениями психического и физического развития. Это составляет 1/10 часть жителей нашей планеты (из них около 200 миллионов детей с ограниченными возможностями).

Россия не является исключением, в нашей стране, так же как и во всем мире, наблюдается тенденция роста числа детей с ОВЗ. Число детей с ОВЗ в России увеличилось почти на 10% за последние пять лет, по данным Минздрава, в России на 2014 год детей с ОВЗ - 540 тыс. 837.

Получение детьми с ОВЗ социального опыта, включение их в существующую систему общественных отношений весьма трудоемкий процесс, который требует от общества определенных дополнительных мер, средств и усилий. Социальная политика в России направлена на интеграцию детей с ОВЗ в общество, получает распространение концепция инклюзивного образования. Основной задачей является предоставление равных прав и возможностей людям с ОВЗ, выполнений которой напрямую зависит от поиска новых эффективных методов и технологий социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья. Одним из инновационных методов реабилитации лиц с ограниченными возможностями является иппотерапия.

В переводе с греческого «иппо» (hippos) означает лошадь. С давних времен люди знали, что верховая езда благотворно влияет на здоровье человека и способствует активному долголетию. Иппотерапия - это занятия инвалидов верховой ездой на лошадях, проводимые по специальным методикам, различающимся в зависимости от заболевания наездника [1, с. 65]. Это современный и весьма распространенный в наши дни метод лечения детей с ограниченными возможностями, страдающих нарушениями мозговых функций, опорно-двигательного аппарата или регуляторными нарушениями системных функций организма.

Данная технология имеет ряд значительных дополнительных преимуществ по сравнению с традиционным восстановительным лечением. Как лечебная физическая культура, она основана на использовании биологической функции живого организма - функции движения, которая имеет для человека не только биологическое, но и социальное значение. Иппотерапия, как одна из технологий социальной работы с людьми с ограниченными возможностями, представляет собой комплексный многофункциональный метод реабилитации. Этим можно объяснить успешность ее применения при различных заболеваниях. Она позволяет восстановить и даже улучшить физическое состояние лиц с ограниченными возможностями двигательного аппарата, а также способствует решению конкретных психолого-педагогических задач и вопросов психосоциальной реабилитации и интеграции инвалидов.

Процесс социализации личности ребенка-инвалида с ограниченными возможностями значительно затруднен и отличается от подобного процесса у «обычных» детей. Это обусловлено рядом факторов, с одной стороны, с недостатками физического, интеллектуального или психического развития самого ребенка, с другой стороны, с различными ограниченными в социальной среде (например, с архитектурными барьерами или стереотипами в отношении инвалидов).

Иппотерапия - один из методов коррекции личностного развития детей-инвалидов с ограниченными двигательными возможностями, в частности, больных детским церебральным параличом (ДЦП).

Проведение занятий с лошадью в качестве посредника дает возможность личности, страдающей неврозом, избавиться от заторможенности, смягчает тревожное состояние и подталкивает к совершению правильных поступков.

При психозах у взрослых лечение с использованием лошади в качестве посредника облегчает больным доступ к реальности, как во времени, так и в пространстве. При аутизме у детей лечение осуществляется с использованием В работе с детьми с аутизмом лошадь выступает в роли посредника, при этом не словесный диалог с помощью жестов, соблюдается тишина и дистанция. Способности ребёнка адаптироваться к реальному миру возрастают за счёт того, что лошадь требует постоянного внимания к себе. Человек с психическими особенностями положение верхом на лошади воспринимает доминирующим по сравнению с положением инструкторов: «Я наверху, они внизу» [2, с. 61].

Верховая езда требует и развивает у ребенка осознание своих действий, концентрацию внимания, умение ориентироваться в пространстве.

На занятиях иппотерапией ребенок испытывает огромное желание пообщаться с лошадью, почувствовать себя всадником, преодолеть страх, обрести уверенность в себе. Разнонаправленность мотивации отличает данный метод.

В воздействии иппотерапии на занимающегося можно выделить два основных фактора: это эмоциональная связь с лошадью и достаточно жесткие, требующие активной мобилизации физических и психических усилий условия верховой езды. Сочетание данных факторов создаёт уникальную реабилитационную ситуацию. Занятия иппотерапией обеспечивают комплексную активизацию и мобилизацию организма – мотивационную, психологическую, физическую. Характерной особенностью данного метода реабилитации является то, что занятия проходят в эмоциональной насыщенной атмосфере сопровождаются, как правило, общим подъемом активности занимающихся, повышением настроения, психического статуса.

Иппотерапия способствует активности познавательной сферы психики занимающихся. Необходимость постоянной концентрации внимания при верховой езде, сосредоточенности, максимально возможной собранности и самоорганизации, потребность запоминать и планировать последовательность действий, как при езде, так и при уходе за животным активизирует психические процессы. Сходство иппотерапии с другими видами ЛФК состоит в том, что иппотерапия - лечение движением лошади. Принципиальным отличием иппотерапии от других методов реабилитации является комплексность воздействия иппотерапии на физическую и психическую сферу занимающихся. Под комплексностью воздействия иппотерапии следует понимать одновременное реабилитационное воздействие на физическое и психическое состояние здоровья клиентов. Когда человек приходит на занятия иппотерапией он видит перед собой не людей в белых халатах, а манеж, лошадь и инструктора. Процесс реабилитации воспринимается всадником как процесс обучения навыкам верховой езды.

Владение навыками верховой езды дает возможность перейти от зависимости к новому качеству — качеству человека, управляющего большим животным, направляющего его в необходимую для себя сторону. Человек начинает гордиться своими успехами, у него повышается самооценка, появляется уважение к себе, улучшается самоконтроль. Успехи в верховой езде формируют личность: чуткость к движениям лошади тренируют реакции; умение управлять лошадью дает навык оценки ситуации и влияния на нее; доверие к лошади распространяется на доверие к людям, с которыми больной человек взаимодействует.

1. Кушхова, А.Ф. Иппотерапия как технология социальной работы с детьми-инвалидами/ А.Ф. Кушхова, Д.Э.Карданова//Новый взгляд. Международный научный вестник. 2014. № 6. С. 63-77.

2. Денисенков А, Н. Роберт, И. Шпицберг. Иппотерапия: возможности и перспективы реабилитации при детском церебральном параличе. М., «Геронт», 2002.

3. Джосвик Ф., М. Киттередж Л., Макковен К., Макпарлэнд С., Вудз. Вопросы и ответы. Пособие по терапевтической верховой езде, МККИ. - Москва, 2000. - 64 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ ШКОЛЬНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ В ПЕРИОД КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ: ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ.

Щербаков Н.Ю., Диканова Т.А. (Санкт-Петербург)

Социальная трансформация общества в последние годы влияет на преобразование ценностных систем индивида. Появляются новые классы, слои, социальные группы, происходит разрушение старой системы стратификации общества, реформируется экономическое и

политическое устройство современного мира. В результате этого происходит установление новых путей личностного формирования, появляется новое понимание привычной формы социализации личности. Один из таких феноменов – гендерная социализация.

Гендерная социализация является частью общего процесса социализации. Процесс социализации включает в себя процесс адаптации и интеграции человека в общество, а также процесс адаптации и интеграции человека в общество, а также процесс саморазвития и самореализации личности в социальной среде. Из этого следует, что половая социализация включает в себя два связанных между собой процесса. Во-первых, это приобретение индивидом определенного социального опыта, усвоение установок и ценностных ориентаций, определенного поведенческого набора и способов деятельности, присущих обоим полам.

С другой стороны, это процесс формирования полового самосознания (половой или гендерной идентичности). Это, своего рода, познание сходства и различий с представителями своего и противоположного пола, определенную оценку себя как представителя данного пола, самоутверждение «Я» как представителя определенного пола в общении и деятельности. Личность, которая стремится к независимости, расширяет свой личный опыт и обеспечивает реализацию своей индивидуальности[1].

Школа все еще является одним из наиболее важных институтов гендерной социализации, предоставляющим подготовку к трудовой деятельности и систематическое образование. Сейчас она вступает в конкурентную борьбу с Интернетом и средствами массовой коммуникации, которые стали быстро превращаться в важные институты социализации.

Следует отметить, что наиболее важным и серьезным периодом является кризис идентичности.

В период кризиса идентичности главными институтами гендерной социализации являются семья и школа. Но в подростковом возрасте семья отступает на второй план, и главным институтом становится школа.

Поскольку XXI век ставит новые задачи, социальная система часто не может разработать адекватные инструменты и своевременно их передавать. Эта задача чрезвычайно важна в отношении системы современных школ, которые представляют собой основной социальный институт во всем мире. Во многих случаях школьное образование по-прежнему воспринимается исключительно как средство передачи знаний, навыков и привычек, а не культурных инструментов ценностной ориентации в окружающем мире. Это означает, что дети вынуждены искать их самостоятельно за пределами классной комнаты. Эта проблема приобретает решающее значение в контексте подросткового кризиса, который оказывается одним из самых сложных периодов в жизни человека. Отсутствие адекватных культурных инструментов часто приводит к тому, что подростки не могут интегрироваться во взрослый мир, что имеет самые драматические последствия для их будущей жизни и, следовательно, для общества в целом. Таким образом, ученые, занимающиеся педагогической психологией, подчеркивают необходимость реорганизации системы школьного образования, чтобы она могла справиться с вызовами критических периодов и особенно подросткового возраста.

В школьный период движение к более зрелым и сложным видам предметной деятельности и социальных отношений, при условии обеспечения их индивидуальной значимости для школьников влечет за собой одновременно и эволюцию идентичности, и формирование более высоких видов социально-культурной компетентности.

Для интересующего нас подростково-юношеского периода можно выделить три последовательных этапа индивидуально-личностного развития. Этим этапам, с нашей точки зрения, должны соответствовать особые принципы организации школьной социально - культурной среды, ориентирующие социально-психологическую службу на решение качественно своеобразных задач содействия совместной эволюции личностной идентичности (включая и ее гендерные аспекты) и социально-культурной компетентности.

Основные задачи первого этапа (ведущий организационный принцип-«адаптирующее напряжение») –содействие формированию элементов идентичности, связанных с личностной вовлеченностью в предметные и (или) социальные аспекты совместной учебной деятельности, а также соответствующих знаний, умений и навыков (социально-деятельностная компетентность школьника). Эти задачи решаются посредством продуцирования системы требований и ожиданий, способной вести за собой развитие личности школьника как субъекта индивидуально- и социально-значимой деятельности.

Основные задачи второго этапа (ведущий организационный принцип «автономизация-индивидуализация») связаны с созданием условий для самопознания и экспериментального самоопределения старшеклассников в учебной деятельности, школьном социуме и подростковой субкультуре. На этом критическом этапе индивидуально-личностного развития формируется единство Эго-идентичности (по Э.Эриксону) и Эго-компетентности. без которого невозможно дальнейшее формирование отношения к своим функциям в социально-деятельностной структуре как самореализации.

Третий, завершающий этап (ведущий организационный принцип – «свобода-ответственность») связан с созданием условий для свободного и ответственного самоопределения старшеклассника в школьном и в перспективе-более широком социокультурном целом. Итогом этого этапа является выход на индивидуально- своеобразные варианты многомерного продуктивного участия старшеклассников в школьной жизни. Возможности успешной реализации задач третьего этапа, связанных с интеграцией Эго- идентичности и социально-культурной идентичности, а также формированием интегральной социокультурной компетентности школьника, но многом обусловлены богатством и разнообразием школьной социокультурной среды в старших классах.

Второй и третий организационные этапы особенно важны с точки зрения содействия формирования продуктивных гендерных аспектов юношеской идентичности. Отсутствие разнообразия, творческого духа и демократических начал в организационной жизни школы затрудняет формирование социальной инициативы, продуктивной направленности, готовности взять на себя ответственность, т.е. качеств социально-зрелой и компетентной личности старшеклассника. Хотелось бы подчеркнуть важность задачи стимуляции и организации переживаний, формирования отношений при реализации организационно-деятельностных (например, школьное самоуправление, творческие клубы и т.п.) и художественно-культурационных технологий (школьный театр-студия, факультатив по МХК и т.п.), т.е. важность использования специфических методов педагогической и художественно-педагогической драматургии [2]. Особое значение приобретает эффективное использование символических средств художественной культуры при решении задач содействия «превентивному» личностно-профессиональному самоопределению, связанному с проецированием себя в будущую взрослую жизнь.

Легенина Т.Б. Гендерная социализация в современной российской семье: социокультурный анализ // Гендерная социализация: категориальный анализ – 2004. С.42

2. Человек: индивидуальность, творчество, жизненный путь //под ред. В.Н. Келасьева, СПбГУ 1998

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАКТИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Щербинина А. (Барнаул)

Аннотация: В данной статье рассматривается роль информационных технологий в практике социальной работы. Выделяются преимущества использования информационных и коммуникационных технологий в социальной работе с различными категориями населения, влияние на качество работы специалиста. Рассматриваются примеры информационных технологий, активно используемые как в России, так и за рубежом.

В настоящее время информационные и коммуникационные технологии всё чаще применяются в практике социальной работы с различными группами населения. По мере вовлечения в современные информационные технологии населения услуги социальной работы постепенно включают в себя гораздо более широкий спектр цифровых и электронных средств и технологий для своевременного и качественного обслуживания клиентов.

Данные технологии внедряются в практику социальной работы в административных и терапевтических целях. Рассмотрим преимущества данной тенденции:

Так внедрение информационных технологий в практику социальной работы, в первую очередь, создает возможности для специалистов стать более эффективными благодаря сокращению объема документации и увеличению времени с клиентами.

Следовательно, информационные технологии позволяют специалистам быть более мобильными в предоставляемых ими услугах, а также автоматизировать большую часть операций

с информацией и частично перейти на бумажную технологию, то есть на работу с документами в электронном виде.

Во-вторых, улучшается качество работы, ведь данные технологии обеспечивают более эффективную работу за счёт возможности быстрого доступа к обращению за советом или помощью к другим специалистам.

Также электронная форма взаимоотношений с гражданами делает все услуги экономичными и оперативными, снижая издержки населения на взаимодействие с государственными чиновниками, а также обеспечивает равнодоступность услуг для всех категорий населения [1, с. 53].

Ещё одно преимущество внедрения информационных технологий в социальную работу: интернет является полезным инструментом для исследования дополнительных клиентских ресурсов, получения вспомогательной информации о клиенте, также Интернет позволяет устанавливать связь с поставщиками услуг, создавать онлайн-записи и проводить оценку в режиме онлайн клиентских баз данных.

Кроме этого, информационные технологии позволяют помочь тем категориям населения, которые не могут получить её из-за определённых условий, например, люди, не способные самостоятельно передвигаться, проживающие в сельской местности, где не достаточно специалистов или же те, кто в силу некоторых обстоятельств желал бы оставаться анонимным. Внедрение разнообразных цифровых, онлайн и других форм электронных социальных услуг, таких как онлайн-консультации, консультации по телефону, электронной почте, электронным социальным сетям, видеоконференции, а также кибертерапия позволяют работать и с данными категориями населения. Однако, в следствие малой разработанности методики работы с клиентом лишь через информационные технологии, данные средства подходят чаще всего лишь для оказания психологической поддержки клиенту, находящемуся в кризисной ситуации, но не всегда для полноценной работы с ним.

Кроме этого, коммуникационные и электронные технологии также могут в значительной степени облегчить процесс сбора средств для реализации какого-либо социального проекта (фандрайзинг). Общение и координация работы сторон из удалённых мест, чаще всего, делает планирование намного эффективным, своевременным и удобным.

Следующее преимущество заключается в том, что социальным работникам при посещении клиентов на дому могут также быть полезны информационные технологии для связи с клиентами.

Также нередко самим получателям социальных услуг легче взаимодействовать с социальным работником, используя информационные технологии, которые могут компенсировать частично нарушенные какие-либо функции. К таким средствам относятся: программы речевого ввода информации или же ввод текстовой информации.

Одним из наиболее перспективных инструментов социальной работы, удовлетворяющим выше указанным принципам, и наилучшим образом, отражающим интересы и ценности молодежи, сегодня являются информационные технологии [2, с. 226]. Следовательно, в настоящее время информационные и коммуникационные технологии способны облегчить работу с определёнными категориями населения.

Также следует отметить, что в Профессиональном стандарте социального работника от 2013 года одним из необходимых умений социального работника является использование в своей деятельности информационно-коммуникационных технологий, в том числе интернет-ресурсов [3].

Активное применение информационных технологий в практике социальной работы в России в настоящее время только начинает набирать обороты. Скорее всего, в дальнейшем появятся новые возможности, упрощающие поиск лиц, которым необходима социальная помощь.

Так в сервис "живых" видеотрансляций Facebook Live встраивают инструмент для предотвращения самоубийств. Компьютерные алгоритмы начнут в режиме реального времени выявлять пользователей, которых посещают мысли о самоубийстве, и предлагать им способы выбраться из сложной жизненной ситуации [4]. Таким пользователям будет предложено начать конфиденциальную беседу с сотрудником социальной службы посредством обмена электронными текстовыми сообщениями или с использованием видеоконференций.

Ярким примером использования информационных технологий в нашей стране - портал Государственных Услуг Российской Федерации, с помощью которого получатели социальных услуг могут экономить время, силы, удалённо подать заявление, например, на выплату ежемесячного пособия на ребёнка.

Таким образом, информационные технологии изменили характер практики социальной работы. Современные социальные работники могут предоставлять услуги клиентам, используя различные электронные и коммуникационные технологии, которые требуют минимальных ресурсов и дают способность достигать глобальной аудитории, также при правильной организации работы специалиста с клиентом достигаются успешные результаты, которые аналогичны при «живом» общении клиента и специалиста по социальной работе.

1. Аймалетдинов, Т. А. Инновационные возможности интернет-технологий в социальной адаптации инвалидов / Т.А. Аймалетдинов, Л. И. Любимова // *Социология медицины*. – 2012. - №1 (20). – С. 51-55.
2. Ляпунова, Е. В. Роль информационных технологий в повышении эффективности социальной работы с молодежью / Е.В. Ляпунова, Ю.М. Белозерова // *Статистика и экономика*. – 2015. - №2. – С. 224-233.
3. Приказ Минтруда России от 18.11.2013 N 677н "Об утверждении профессионального стандарта "Социальный работник" (Зарегистрировано в Минюсте России 18.12.2013 N 30627) [Электронный ресурс]. – Справочно-правовая система "КонсультантПлюс". – (дата обращения: 18.09.2017).
4. Искусственный интеллект поможет Facebook предотвращать самоубийства в прямом эфире [Электронный ресурс]: *Vesti.Hi-tech* - 2017. – Режим доступа: <https://hitech.vesti.ru/article/652781/>, свободный.

ПРАКТИКИ ИНКЛЮЗИИ СЛЕПЫХ И СЛАБОВИДЯЩИХ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ ЧЕРЕЗ ГОРОДСКУЮ СРЕДУ НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ГЕНТА

Юшкова Э.Ю. (Санкт-Петербург)

Аннотация: В данной работе исследуются практики и стратегии слепых и слабовидящих при взаимодействии с городской средой как способ инклюзии в общество. Основное внимание уделяется использованию элементов специализированного дизайна. Исследование проведено качественными социологическими методами: были проведены глубинные интервью и наблюдения, по результатам которых была проведена оценка специализированных дизайнов и выявлены практики их использования.

Моей основной целью является рассмотреть повседневное взаимодействие слабовидящих с городским пространством и выявить их практики освоения городской среды.

Объектом моего исследования являются практики слепых и слабовидящих при взаимодействии с городским пространством. Незрячими и слабовидящими в данной работе считаются люди имеющие инвалидность по зрению 1 степени в соответствии с Правилами признания лица инвалидом, утвержденными Постановлением Правительства РФ от 20 февраля 2006 г [25]. Предмет исследования – это сами слепые и слабовидящие, а также городская среда.

Как пишет Ярская-Смирнова, инвалидность можно рассматривать не только как физический недостаток или дефект, но и как ярлык, закрепленный локальным обществом. Тогда сама позиция ярлыка крайне изменчива и напрямую зависит от общества, например, в одном контексте инвалидность будет считаться отклонением от нормы, тогда как при переходе в другую социальную группу ярлык может быть снят, что несомненно может влиять на ограниченность или приобретение новых возможностей [1]. В таком случае, представленный подход создает представление об инвалидности как о процессе ограничения возможности пользоваться благами и ресурсами в условиях конкретной социальной среды.

Основной проблемой для слабовидящих является независимое перемещение по улицам города. Соответственно одной из трудных и не всегда легкодоступных практик является использование общественного транспорта. Как правило остановки наземного транспорта идентифицируются по ряду характеристик [16]. Трудности возникают и при передвижении пешком [9]. Необходимость пересекать оживленные улицы с высоким потоком автомобилей также создает проблему. Обнаружение пешеходного перехода такое же трудное дело, как и поиск остановки. В большинстве стран мира в правилах дорожного движения существуют закон «о белой трости». В Российской Федерации это пункт 14.5, который гласит: «Во всех случаях, в том числе и вне пешеходных переходов, водитель обязан пропустить слепых пешеходов, подающих сигнал белой тростью» [26].

Когнитивные карты являются результатом освоения нового пространства и влияют на дальнейший опыт формирования навыков ориентирования. Одной из основных функций

когнитивных карт, по определению Мэттьюса [17] является репетиция и повтор пространственного поведения в сознании, что во время реального взаимодействия с пространством индивид может чувствовать себя увереннее и не испытывать проблем с ориентировкой в городской среде. Для того, чтобы избежать препятствия в общедоступном пространстве существуют специализированные дизайны городского пространства, отвечающие критериям доступности для низко-мобильных групп [7]. Для слепых и слабовидящего населения разработано множество решений, помогающих улучшить их стратегии самостоятельной ориентации. Элементы доступной среды создают возможность для слепых и незрячих взаимодействовать с городской средой почти на равных со зрячими, делая город безопасным в первую очередь и понятным во вторую. Тактильные плиты, надписи на брайле, выделенные, как правило, ярким желтым цветом подьемы и спуски, поручни, аудио-сопровождение на пешеходных переходах и остановках, внутри транспорта убирают препятствия для слепых и слабовидящих [10]. Возвращаясь к основным задачам когнитивной карты, можно ответить, каким именно образом элементы специализированного дизайна влияют на стратегии и принятие решений. Из-за отсутствия визуального восприятия для слепых человека дорога сосредотачивается вокруг одного пути, линии, которая меняется в зависимости от пространства. Таким образом, специализированные элементы заменяют визуальное восприятие, так как непосредственно поставляют незрячему информацию о городской среде.

В рамках этой исследовательской работы были опрошены 9 человек, проживающих в Санкт-Петербурге и имеющих инвалидность первой группы. Все персональные данные респондентов закодированы в соответствии с этическими соображениями. Поиск респондентов осуществлялся при помощи организаций, а именно: Библиотека для слепых и слабовидящих и Всероссийское общество слепых. Итак, в выборку вошло девять человек, из них три женщины и шесть мужчин. Надо так же отметить, что в выборку вошли 2 слабовидящих 1 инвалидной группы, и 7 тотально слепых также 1 группы инвалидности. Всех респондентов можно поделить на две возрастные группы от 20 – 35 и от 40-50. Вспомогательные объекты ориентирования делились на тактильные дорожные указатели, тактильные подписи и всевозможное звуковое сопровождение. Количество тактильных дорожных указателей в Генте, существенно превышает их количество в Санкт-Петербурге, несмотря на то, что Санкт-Петербург намного больше по площади и количеству жителей. В обоих городах существует тактильная линия в зонах посадки на поезд или в метрополитене. В Санкт-Петербурге тактильная полоса сопровождается и цветной разметкой, тогда как в Генте это просто широкая плитка, но при этом сама разметка на всей станции более развита, имеет направляющие, зоны остановки дверей. Надо сказать, что респонденты о тактильной разметке в метрополитене отзывались не совсем однозначно.

«Сейчас туда линии проложили ограничительные. А так на открытых станциях наши люди, да и я сам, чего уж там, летал на рельсы».

Таким образом, несмотря на то, что все респонденты заявили, что само наличие тактильной полосы для них удобно, многие отметили, что ее расположение слишком близко к краю платформы или указывали на необходимость дополнительной разметки на платформе.

В Санкт-Петербурге разметка на улицах представлена скудно. В основном тактильные плиты расположены в центральной части города и почти не представлены на окраинах. В центре на некоторых пешеходных переходах есть линии, которые предупреждают о начале перехода и его конце. В Генте тактильная плитка есть почти на всех улицах: на краях тротуаров, а также большое место на тротуаре уделяется обозначению пешеходного перехода. Остановки наземного транспорта также в Генте имеют тактильные указатели, например, на трамвайной линии есть не только направляющие, но и барьерный указатель по всей линии остановки. Также для остановок общественного транспорта существуют специальные мягкие резиновые блоки, которые хорошо идентифицируются под ногами, это решает проблему не только поиска остановки, но и определения входа в транспорт, как правило автобусы и трамваи останавливаются в соответствии с этими блоками мягкой разметки.

Что касается звуковой оснащённости, Санкт-Петербург опередил Гент в этом показателе. Большинство светофоров в городе оснащены не только сигналами, но и голосовым сопровождением, которое объявляет улицу перехода, что достаточно удобно. В Генте переходы оснащены только сигнальными звуками. В обоих городах в транспорте в большинстве случаев объявляются остановки и маршрут. Однако, что в Генте является не очень распространенным, но все же присутствует, это кнопка аудио расписания на некоторых остановках. Кнопка оснащена подписями на брайле и при нажатии на нее расписание с электронного табло над остановкой,

доступного всем транслируется звуком. Человеку сообщается какие автобусы или трамваи через сколько придут, а также направление маршрутов.

Респонденты в Санкт-Петербурге, говоря об использовании инструментов специализированного дизайна, говорили, что он помогает, но немного неудобен. Отсутствие полноценной инфраструктуры делало небольшие куски тактильной разметки нерелевантными. Многие испытывали трудность в проблеме поиска этой разметки на улице, так как они просто не знали о ее наличии.

«Я по ним не особо ориентируюсь. Не совсем продуманно. Особенно в центре бывает найдешь идешь по ней и думаешь куда-же она заведет. А потом бац и закончилась. Вещь неплохая, но, когда этого мало даже их и искать не хочется. Как-то научился без средств доступной среды обходиться».

Основной проблемой специализированного дизайна в Петербурге является не структурированность, и отсутствие системы. Так как объекты расположены не систематически и не формируют из себя слаженную инфраструктуру, как в Генте, возникает вопрос об их релевантности. Абсолютное большинство респондентов не используют разметку на улице, как инструмент ориентировки, так как не видят это целесообразным. Отсутствие единой системы существенно снижает функциональность тактильной разметки, в итоге респонденты пользуются жизненным опытом и собственной системой ориентировки: поребриками, изменением текстуры дорожного полотна. Однако, в местах где эта разметка расположена систематически, например, в метро на открытых станциях всегда есть полоса у платформы, респонденты ее активно используют как ориентир. Как и в Генте, по результатам наблюдений тактильные указатели постоянно используются. Звуковые указатели активно используются как в Генте, так и в Петербурге. Те опрошенные, которые путешествовали по Европе, в частности по Голландии, Бельгии и Германии, давали хорошую оценку разработанной там инфраструктуре для слепых, говоря о правильном расположении тактильных указателей, но с точки зрения туризма отмечали о том, что подписи на брайле на местных языках, а не на английском, что совершенно не удобно.

Таким образом отсутствие инфраструктуры в Петербурге приводит к тому, что респонденты зачастую не могут найти и идентифицировать элементы доступной среды, что приводит к их обесцениванию как таковых. В свою очередь, респонденты привыкли полагаться на собственные выработанные техники и ориентиры, нежели на инструменты, специализированные для них, что делает мероприятия по увеличению доступности городского пространства нецелесообразными в том ключе, в котором они протекают сейчас. Проведенный анализ выявил необходимость создания в первую очередь слаженной инфраструктуры звуковых и тактильных указателей, что существенно повысит доступность города, тогда как точечное нанесение ориентировочных элементов не дает необходимого результата.

1. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальное конструирование инвалидности // Социологические исследования. 1999. (4). С. 38–45.
2. Golledge R.G. Geography and the Disabled: A Survey with Special Reference to Vision Impaired and Blind Populations // Transactions of the Institute of British Geographers. 1993. № 1 (18). С. 63–85.
3. Golledge R.G., Marston J.R., Costanzo C.M. Attitudes of Visually Impaired Persons Toward the Use of Public Transportation // University of California Transportation Center. 1997.
4. Haber L. [u др.]. Comparison of Nine Methods of Indicating the Direction to Objects: Data from Blind Adults // Perception. 1993. № 1 (22). С. 35–47.
5. Marston J.R., Golledge R.G., Costanzo C.M. Investigating Travel Behavior of Nondriving Blind and Vision Impaired People: The Role of Public Transit // The Professional Geographer. 1997. № 2 (49). С. 235–245.
6. Matthews M.H. The Mental Maps of Children: Images of Coventry's city centre // Geography. 1980. № 3 (65). С. 169–179.
7. О порядке и условиях признания лица инвалидом (с изменениями на 10 августа 2016 года), Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 года №95 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901969284> (дата обращения: 04.06.2017).
8. Правила дорожного движения РФ 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://pdd-russia.com/> (дата обращения: 29.05.2017).

ДЕТСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ОДАРЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Яковлева И.И., Колесникова А.А. (Иваново)

Любое общество регулируется системой социальных норм. В условиях социальных трансформаций поведение людей имеет тенденцию к отклонению от общепринятых стандартов и становится менее предсказуемым. Динамизм социальных процессов на рубеже XX – XXI веков приводит к увеличению поведенческих форм, отклоняющихся от норм. Наравне с ростом негативных девиаций, усиливаются проявления позитивных девиации. Это актуализирует научные исследования девиаций, их структуры и формы[1].

Любая девиация состоит из разрушительного и созидательного начала. Основным критерием определения характера девиантного поведения является его форма реализации. Позитивными девиации являются тогда, когда способствуют прогрессу общества, помогают преодолеть устаревшие стандарты поведения [7]. Позитивные девиации – инновационный тип отклоняющегося поведения. Его сущность заключается в преодолении традиционных приемов, методов и форм деятельности во всех сферах жизнедеятельности общества [4,3]. Творчество, новаторство, креативность – позитивные девиации, которые обеспечивают развитие современного социума. Совокупность факторов, воздействующих на личность, с одной стороны, могут способствовать реализации ее позитивного творческого потенциала, но, с другой - постоянно возникают препятствия, способные затормозить или подавить его развитие [7].

Актуальность исследования одаренности обусловлена значительным ростом заинтересованности общества в реализации интеллектуального потенциала человечества как одного из главных ресурсов развития современного и высокотехнологичного общества. Одарённость, как вид девиации, представляет собой отклоняющееся поведение на базе гиперспособностей. Детский возраст – период их формирования и развития. Одаренный ребенок — это ребенок, который выделяется яркими, выдающимися достижениями (или имеет внутренние предпосылки для таких достижений) в том или ином виде деятельности. В нашей работе используется следующее определение одаренности – это интегральная личностная потенциальная возможность и способность реализации задатков, способностей в различных сферах на основе высокого мотивационного и деятельностного потенциала.

Проблема состоит в том, что массовое образование обязано заботиться, в первую очередь, о большинстве учеников. Однако ориентированная на средний уровень школа оказывается не очень хорошо приспособленной для тех, кто сильно отличается от этого среднего уровня как в сторону меньших, так и больших способностей. Государственная поддержка одаренных детей - это система экономических, технических, организационно-правовых, и иных мер, предпринимаемых органами государственной власти, органами местного самоуправления муниципальных образований, организациями независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности, а также физическими лицами и направленная на оказание материальной, образовательной, психологической и иных видов помощи одаренным детям[8].

Система поддержки талантливых детей в Российской Федерации включает поиск и поддержку одаренных детей, а также их сопровождения в течение всего периода становления личности [3]. В Российской Федерации прослеживаются два подхода к работе: 1) выявление и поддержка одаренных детей и молодежи; 2) переориентация образовательного процесса на индивидуальные образовательные траектории, создание которых позволяет не только отбирать одаренных детей и молодежь, но и создавать условия для массового проявления талантов в разных сферах деятельности[2].

Основными государственными органами, призванными осуществлять социальную политику в отношении одаренных детей на федеральном уровне, являются Федеральное агентство по образованию, Федеральное агентство по науке и инновациям, Федеральное агентство по здравоохранению и социальному развитию Российской Федерации, Министерство образования и науки Российской Федерации, Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации. В 2003 году при поддержке Президента России была разработана федеральная программа «Одарённые дети России», нацеленная на выявление и развитие одарённых детей в условиях учебных учреждений[6]. Президент РФ В.В. Путин в послании Федеральному Собранию в декабре 2016 года подчеркнул значение государственной политики в сфере выявления и развития способностей и талантов: «Мы должны сделать всё, чтобы

сегодняшние школьники получили прекрасное образование, могли заниматься творчеством, выбрать профессию по душе, реализовать себя, чтобы независимо от того, где они живут, какой достаток у их родителей, у самих ребят были бы равные возможности для успешного жизненного старта» [5]. Понимание важности интеллектуальной деятельности для общественного прогресса подчеркивает необходимость всестороннего изучения специфики одаренных детей, а именно потенциала к достижениям, стратегии познавательной активности и влияние институциональных факторов на реализацию способностей.

В апреле 2017 г. было проведено исследование потенциального и деятельностного аспектов детской интеллектуальной одаренности в субъективных оценках учащихся Центра развития детской одаренности города города Иваново (далее – ЦРДО). Одной из задач исследования было выявление мотивов углубленного изучения отдельных предметов респондентами. Были выделены три вида мотивации: 1) интеллектуальная мотивация (личный интерес к предмету) – более 80 % участников опроса не зависимо от возраста; 2) прагматическая мотивация (стремление побеждать в конкурсах и олимпиадах – 30 %, желание поступить в престижный вуз – 51 %) зависит от возраста учащихся – к 11 классу снижается значимость первого варианта ответа и возрастает число выбравших второй; 3) ситуационная мотивация (требования родителей – 19 %, страх перед экзаменами – 8 %) снижается к старшим классам, а первый вариант старшеклассники не выбирали вообще.

Изучая мнение учащихся ЦРДО о факторах развития одаренности, было выявлено, что к ним респонденты относят личные усердные занятия (73 %), семейное воспитание (48 %) и наследственность (40 %). Роль учителей в развитии способностей отметили только 19 % респондентов. Школьные учителя, по мнению детей, не всегда учитывают их индивидуальные особенности, запросы и интересы. Недостаточно предметных кружков, интеллектуальных клубов и объединений для развития способностей отметили учащиеся средних общеобразовательных школ. В зависимости от типа школы, можно сделать вывод, что поддержку от школьной администрации и школьных учителей в значительно большей степени отметили учащиеся частных школ. Наибольшую поддержку в освоении интересующих учебных предметов одаренные дети получают от педагогов ЦРДО (82 %).

Вопрос об отношении одаренных детей со своими сверстниками показал, что полное взаимопонимание и комфорт наблюдается у 42,5 % опрошенных, с непониманием сталкиваются 50 % и напряженные отношения у 4,8 % респондентов. Причинами непонимания респондентов со сверстниками, по их мнению, являются скука времяпровождения, отсутствие общих интересов (47 %), комфорт с людьми более старшего возраста (40 %) и более высокого уровня образования (40 %). Встречались высказывания «чувствую, что раздражаю окружающих», «я социопат», «у нас разные увлечения и взгляды на жизнь». Среди дополнительных мер по развитию способностей и талантов одаренных детей респонденты выделили следующее: «создать больше бесплатных кружков и секций», «создавать лагеря или смены для одаренных детей», «открывать учреждения дополнительного образования на бесплатной основе», «организовывать выезд на конкурсы и олимпиады в другие города», «открывать предметные кружки на базе школы», «проводить практические занятия», «денежно поощрять призовые места в конкурсах и олимпиадах», «открыть центры развития разной направленности», «освободить от обязательного посещения школы», «открыть в городе обсерваторию», «увеличить количество реактивов в школах» и др.

Таким образом, социальная политика в области образования должна ориентироваться на развитие институциональных форм поддержки индивидуальных способностей и задатков учащихся, на развитие доступных механизмов выявления, адаптации и творческой деятельности одаренных детей.

1. Бабаева А.В., Попова Н.А. Классификация позитивной девиации и ее проявления // Научно-исследовательские публикации. 2013. №3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-pozitivnoy-deviatsii-i-ee-proyavleniya> (дата обращения 17.02.17).

2. Концепция развития и реализации интеллектуально-творческого потенциала детей и молодежи Республики Татарстан «Перспектива». 09.10.12. URL: <http://mcshatlyk.ru/wp-content/uploads/2015/08/Koncepciya-razvitiya-i-realizacii-intellektualno-tvorcheskogo-potenciala-detey-i-molodezhi-RT-Perspektiva.pdf> (дата обращения 17.03.17).

3. Национальная образовательная инициатива «Наша новая школа». URL: http://uozato.ucoz.com/docs/nasha_novaja_shkola.pdf (дата обращения 01.03.17).

4. Остапенко П. И. Положительные девиации как элемент развития современного российского общества // Научный журнал КубГАУ. №85(01). URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/01/pdf/23.pdf> (дата обращения 15.02.17).
5. Послание В.В. Путина Федеральному собранию. 01.12.16. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения 17.03.17).
6. Рабочая концепция одаренности / Отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М., 2003. 90 с.
7. Снимщикова Э. В. Некоторые аспекты положительных и отрицательных проявлений девиаций как фактора прогрессивного развития социума // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2010/2/filosofiya/snimschikova.pdf (дата обращения 17.02.17).
8. Ушакова Д.В. Психология одаренности: от теории к практике. М., 1999. URL: <http://www.twirpx.com/file/647178/> (дата обращения 01.03.17).

СЕКЦИЯ 9: МОЛОДЕЖЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ

Акимова А.В. (Санкт-Петербург)

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Социальная компетентность как фактор интеграции уязвимых групп населения в общество в современной России» (17-03-00859)

Интеграция молодых людей в рынок труда, их образование и развитие навыков имеют решающее значение для реализации процветающей, устойчивой и справедливой социально-экономической среды во всем мире. Молодежь - в соответствии с определением Организации Объединенных Наций в возрасте от 15 до 24 лет - представляет собой важный ресурс для общества и составляет более 18 процентов мирового населения, а также более 15 процентов мировой рабочей силы. Соответственно, решение проблем рынка труда и социальных проблем, стоящих перед молодежью, необходимо не только для благополучия молодежи, но и для обеспечения устойчивого и открытого для всех роста и улучшения социальной сплоченности во всем мире.

Складывающиеся трудовые практики фиксируют использование следующих нестандартных форм молодежной занятости: неполная занятость; сверхурочная занятость; занятость на основе гражданско-правовых договоров; занятость в компаниях, осуществляющих лизинг персонала; вторичная занятость; фрилансерство; неформальная занятость.

Особенностью молодежной занятости является временное трудоустройство и неполная занятость. Эти формы занятости часто связаны с более низкой заработной платой, ограниченным доступом к профессиональной подготовке, медленным продвижением по службе и более низким уровнем социальной защиты, что в совокупности подрывает перспективы молодежи на рынке труда и их потенциальный доход [2].

Согласно докладу «Занятость и социальные перспективы 2016 - тенденции в интересах молодежи» [1], глобальный уровень безработицы среди молодежи растет после ряда лет улучшения, и, как ожидается, он достигнет 13,1 % в 2016 году (с 12,9 в 2015 году). В России можно говорить о тенденции, когда доля молодежной безработицы среди всех российских безработных составляет 42,5-43,5%, а основную их долю - безработные в возрасте 20-24 лет [3].

В рамках Стратегии развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года приоритетным направлением деятельности является трудоустройство молодежи. Предлагается создание системы молодежных рекрутинговых агентств, осуществляющих помощь в поиске работы и консультирование молодежи преимущественно 18-24 лет.

В настоящее время организацией мероприятий по содействию занятости населения, занимаются Службы занятости на местном уровне. Их деятельность соответствует «Стратегии развития молодежи» в области организации временной занятости несовершеннолетних граждан, профориентационных мероприятий, курсов повышения квалификации и т.д.

Решением проблемы молодежной безработицы может стать развитие трудовой, проектной и предпринимательской активности молодежи путем совмещения учебной и трудовой деятельности при помощи практик дуального образования и труда, а также стимулирование

трудоустроймости молодежи, миграции молодежи из трудоизбыточных или депрессивных регионов в трудонедостаточные регионы.

Следует модернизировать некоторые направления в области занятости [4]. Во-первых, совершенствовать законодательство в области регулирования рынка труда, учитывая региональные особенности и неоднородность рынка труда. Во-вторых, следует повышать воздействие и информированность населения о государственной службе занятости. Она является ключевым элементом в реализации как пассивной, так и активной политики на рынке труда. В-третьих, необходимы мероприятия, помогающие адаптировать работников с их профессиональными способностями к изменяющимся условиям экономической деятельности, гибкость рабочей силы. В-четвертых, возникает необходимость регулировать отношения в области неформальной занятости.

Итак, молодежь является одной из наиболее уязвимых категорий безработных граждан на рынке труда. Состояние молодежной безработицы – это важный индикатор социального положения данной группы населения. Поскольку молодежь либо не имеет практического опыта трудовой деятельности, либо этот опыт недостаточен, то в совокупности с высокими требованиями к оплате труда делают проблематичным для них поиск подходящей работы.

1. *World Employment and Social Outlook 2016: Trends for youth International Labour Office – Geneva: ILO, 2016*
2. *Данные исследования Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и Международной организации труда (МОТ) 2014 и 2015 годов.*
3. *Данные Федеральной службы государственной статистики*
4. *Социальная политика: долгосрочные тенденции и изменения последних лет. Краткая версия доклада: докл. к XVI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 7–10 апр. 2015 г. / отв. ред. Я. И. Кузьминов, Л. Н. Овчарова, Л. И. Яковсон; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 51 с.*

ФАКТОРЫ ЛИДЕРСТВА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Афанасьева А.С. (Санкт-Петербург)

Лидерство в контексте социологии рассматривается как искусство достижения согласия в совместной деятельности [2]. В основу социологического подхода входит изучение природы власти в ее высшем иерархическом воплощении и трансформации в обществе.

Все теории лидерства XX в. дополняют и воздействуют друг на друга, поэтому их следует рассматривать в совокупности. Проанализировав историю изучения проблемы лидерства, можно понять, что данная тема исследуется уже очень давно. Развитием ценностных теорий (конец 70-х – начало 80-х гг. XX в.) занимались Р. Гринлиф и К. Ходжкинсон [9], они предшествовали теориям практической направленности Г. Фейрхольма [8] и Т. С. Кучма [4].

С XXI в. появляются новые модели лидерства. В основе современных теорий лежит понимание социума как постоянно меняющегося, динамичного, сложного, наполненного рисками. Большинство исследователей как ранее, так и сейчас считают, что лидерство возникло на заре человеческой цивилизации [5]. Феномен с древности притягивал к себе внимание исследователей, пытавшихся обосновать роль выдающейся личности, политического деятеля в истории. Благодаря всем проведенным исследованиям и широкому изучению проблемы, лидерство является одним из традиционных объектов социологии.

Несмотря на имеющиеся исследования феномена лидерства, мало изученным в социологии остается лидерство в молодежной среде. Существуют примеры всероссийских опросов Фонда общественного мнения [10]. Однако они не позволяют в полной мере осмыслить особенности, присущие лидерам и установить факторы, влияющие на выбор лидерской позиции в группе, а представляют собой лишь обобщенное мнение респондентов о феномене.

Исключительная роль в процессе развития общества принадлежит молодежи, потому что это самый подвижный и самый динамичный слой общества. Проблема изучения лидерства среди молодежи актуальна для современного общества, так как сегодня ценности, взгляды, нравственный облик молодого поколения оказывают все более заметное влияние на развитие социальных процессов в стране. При изучении проблемы была поставлена цель, выявить особенности, влияющие на становление лидерства среди молодежи, так как ее потенциал способствует развитию группы и общества в целом.

Для этого 11 февраля 2017 года нами было проведено качественное социологическое исследование в формате фокус-группы. Она усовершенствована тем, что мы вели дискуссию с индивидами, занимающими руководящую должность, то есть с людьми, за плечами которых стоит команда. Исследование позволило определить, чем руководствуются лидеры при выборе той или иной стратегии поведения.

В результате проведенного исследования мы выяснили, что все респонденты являются представителями некоммерческих организаций («Союз студентов», «Молодой Ярославль», «Молодежный совет», «Молодая гвардия») и студенческих объединений (научного, волонтерского, спортивного, информационного и др), где занимают руководящую должность.

При выборе сферы деятельности, респонденты руководствуются тем, что смогут не только подчерпнуть для себя новые знания, умения и навыки, но и приобрести опыт работы в коллективе.

«В какой-то момент времени я понял, что мне нравится заниматься реализацией творческих идей, проектов, которые направлены на социальную составляющую нашего города и общества. В конечном итоге, я возглавил «Молодежный совет» города Ярославля, я был со своими сверстниками и это очень удобно для дальнейшего развития».

Немаловажным в процессе работы с командой считается взаимодействие лидеров группой. Для этого респондентам был задан вопрос о том, как относятся к ним, как к лидеру в группе. Всем опрошенным руководителям доверяют, потому что в большинстве случаев они поддерживают дружеские отношения с командой. Во многом доверие вызвано авторитетом, который лидер заслужил по средствам своей работы и опыта, а также наделенными компетенциями.

Одной из ответственностей лидеров является подготовка следующего руководителя. Отдельные участники фокус-группы отметили, что «нужно в любом случае готовить себе замену, чтобы дело не пропало». Так же «необходимо вести максимально открытую деятельность и не бояться доверять полномочия, чтобы проверить человека, который будет занимать руководящую должность».

Большинство респондентов делают акцент на том, что важно подготовить будущего руководителя к предстоящим трудностям, дать ценный совет. Для того чтобы эффективно руководить группой все опрошенные отметили необходимость в посещении лидером мастер-классов, лагерей актива, семинаров и участие в форумах всероссийского масштаба. Помимо этого, выделили общение с успешными людьми как возможность перенять навыки для дальнейшего достижения цели. А также подчеркнули немаловажную роль окружения и непосредственного желания развиваться и самосовершенствоваться:

«если ты окружаешь себя талантливыми лидерами, то ты будешь подниматься тоже, если в твоём окружении нет таких людей, то уже эта возможность как-то минимизируется».

В ходе исследования подтверждается гипотеза о том, что ключевой мотивацией к выбору лидерской позиции выступает субъективно оцениваемая возможность достичь развития в этой деятельности.

Описанные результаты подтверждают вторую гипотезу, о том что проявление лидерства у молодежи зависит от наличия лидерских качеств и внешнего окружения. Как выяснилось в ходе исследования, на позицию молодого руководителя влияет наличие лидерских качеств, отношения между лидером и последователями, а также внешнее окружение, то есть контекст, в котором изучаемый феномен может проявляться.

В рамках проведенного исследования, подтверждается гипотеза о том, что доминирующим стилем лидерства в молодежной среде является демократический стиль. Лидер зарабатывает уважение и доверие коллектива. Именно поэтому немаловажным в процессе работы с командой считается взаимодействие лидеров группой. Всем опрошенным руководителям доверяют, потому что в большинстве случаев они поддерживают дружеские отношения с командой. Во многом доверие вызвано авторитетом, который лидер заслужил по средствам своей деятельности и опыта.

Таким образом, в результате проведенного исследования, мы определили факторы, ярко выраженные у молодых людей, стремящихся к лидерству.

Во-первых, субъективно оцениваемая возможность достичь развития в этой деятельности, ориентация на будущее. Они стремятся к новым открытиям, поэтому строят планы, анализируют действия. Руководители уверены в себе и развивают в себе лидерские качества. Желание пробовать себя в различных направлениях позволяет лидерам находить своих единомышленников и обмениваться опытом.

Во-вторых, фактором, характерным для молодых руководителей, выступают отношения между лидером и последователями, где на первый план выходит внутренняя работа в команде

(проведение тренингов, обучение, помощь, сплочение). От отношений в коллективе зависят и интересы всей группы, а задача руководителя минимизировать противоречия и сделать интересы общими для всех. Применяя демократический стиль руководства, лидеры не боятся передавать обязанности и компетенций своим последователям.

В-третьих, возможность, которая предоставлена лидеру, имеет особое значение. Именно благодаря возможности, выбору, обучению новому, руководитель добивается своей должности. Стремление добиваться цели, выполнять поставленные перед собой задачи оказывает влияние на процесс лидерства.

1. *Абрегова И.И. «Руководство» и «лидерство» как явления социального управления//Вестник Майкопского государственного технологического университета.2017. № 1, С. 32-35.*
2. *Котляров И.В. Лидерство в историческом нарративе (социологический дискурс)// Социологический альманах, 2015, №6, С.17-43.*
3. *Котляров И.В. Социология лидерства Теоритические, методологические и аксиологические аспекты Минск : Беларус. навука, 2013.481с.*
4. *Кучма Т.С. Инновации: стратегии лидерства в целях конкурентноспособности. 1996.*
5. *Михайловский Н.К Герои и толпа. Избранные труды по социологии. СПб.: Алетейя.1998.с 300.*
6. *Николаус Б. Энкельманн Харизма. Личностные качества как средство достижения успеха в профессиональной и личной жизни. 262 с.*
7. *Сиверцев М. А. Типология лидерства // Власть: философско-политические аспекты, М., 1989.С. 26-42.*
8. *Г.Фейрхольм. Лидерство основанное на ценностях. 1995.*
9. *Hodgkinson С. The Philosophy of Leadership. N.Y., 1983. P. 29–158*
10. *Сколько лидеров в нашей стране? 3 марта 2014. [Электронный ресурс]URL.:<http://fom.ru/TSennosti/11377> (дата обращения 10.06.17)*

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА В ГОРОДЕ ГЛАЗАМИ ТУЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Бабанина Е.А., Пчелёнок С.Ю., Рылькова Т.В. (Тула)

По инициативе администрации г. Тулы в рамках проекта под рабочим названием «Государственная молодежная политика в г. Туле: диалог с молодежью», с целью выявления мнения молодых туляков об осуществляемой работе с молодежью в городе для повышения эффективности этой работы отделом социологических исследований МБУ «Молодежного многопрофильного центра «Родина» (филиал «ЦСППМ «Шанс») были организованы и проведены:

- опрос в социальных сетях: период проведения - август-сентябрь 2017 г. Общее количество опрошенных около 200 чел («14-19 лет» - 36,45%, «20-24 года» - 46,73%, «25-30 лет» - 10,28%, «31-35 лет» - 6,54%);

- площадки мнений «ВФокусе» (фокус-группы) в интересных, актуальных для молодежи местах города в сентябре - октябре 2017 г. Всего проведенных фокус-групп - 7 с различными социальными и половозрастными категориями молодежи (школьниками, учащимися высших и средне-профессиональных учебных заведений, молодыми семьями, волонтерами, активистами, лидерами молодежи). Общий охват - около 100 чел.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Какие проблемы волнуют больше всего?

Как правило, молодежь обеспокоена злободневными проблемами, которые зависят от возраста и социального статуса молодого человека: если это школьник - сдать ЕГЭ и поступить в вуз; если выпускник - найти хорошую работу; если работающий - как заработать побольше денег, не потерять работу; молодые семьи - собственное жилье.

При решении стоящих перед ними проблем молодые люди ориентируются, прежде всего, на самого себя, во вторую очередь, - на связи, знакомства.

Если говорить о проблемах молодежи в целом, это все то же трудоустройство (53,27%), получение образования и профориентация (32,71%). Особенно хотелось бы отметить потребность молодежи в помощи в трудной жизненной ситуации (35,4%) и психологической поддержке (25,23%).

2. Каких мест не хватает в городе?

Представителям молодого поколения не хватает в родном городе: аквапарка, танцевальных заведений, хорошего скалодрома, обзорной (смотровой, видовой) площадки, интересных

артобъектов, крытого катка, доступного современного тренажерного зала для молодежи, а в целом таких мест, где можно провести свободное время, затратив при этом минимальное количество средств или вообще ничего не потратив.

3. Характеристики идеального в понимании молодых туляков молодежного центра.

По мнению молодых туляков, «идеальный» молодежный центр должен обладать следующими характеристиками:

- удобное месторасположение (желательно центр города);
- активные сотрудники центра;
- наполненность центра молодежью;
- настольные игры, развлечения;
- показ фильмов;
- мягкие пуфы
- бесплатный Wi-Fi
- модная, красивая обстановка.

«В молодежном центре должна быть открытая, светлая и приветливая атмосфера. Он должен представлять собой живой молодой организм. Это место должно быть центром притяжения молодежи, где можно собираться, встречаться, решать свои проблемы, развлекаться, отдыхать, там не должно быть скучно, серьезно и апофеозно. Молодежь должна видеть, что ее там ждут!».

К сожалению, ни один из тульских молодежных центров не отвечает запросам молодежи, что является следствием устаревшей материально-технической базы учреждений молодежной политики.

4. Помимо усовершенствования материально-технической базы (20,6%) молодежь также нуждается в проведении большего количества молодежных мероприятий, акций, фестивалей (36,6%).

Если говорить обобщенно, то молодым тулякам не хватает в основном познавательных мероприятий - форумов, семинаров, конференций, круглых столов, тренингов (61,8%); творческих - выставки, вечера, поэтические слушания (47,2%); музыкальных - концерты, выступления, музыкальные конкурсы, батлы (40,0%) и волонтерских - тренинги, слеты, школы подготовки, курсы (37,2%).

Неудивительно, что молодые туляки помнят мероприятия всероссийского уровня (например, фестивали «Российская студенческая весна», «Театральный дворик» и т.п.), а также крупные городские мероприятия, акции и фестивали. По их мнению, мероприятий подобного формата должно быть больше. Также молодежи интересно то, что она организует сама, а органы власти только помогают в этом. Кроме того, мероприятия должны проводиться не для галочки, а для молодежи и ради нее.

5. Какие формы работы актуальны для молодежи?

Молодежь нуждается в новых формах работы: им были бы интересны тренинги, особенно бизнес-тренинги, интерактивные лекции и квесты.

Обращает на себя внимание тот факт, что у молодых людей есть запрос на неформальное образование - подготовка к жизни, а не к сдаче экзаменов (развитие надпрофессиональных компетенций у молодёжи), что достижимо, например, путем открытия тренинговых центров.

6. Лидер тульской молодежи.

У молодых туляков нет лидера. Молодыми людьми назывались отдельные личности, но они популярны лишь в определенных молодежных сообществах г. Тулы (н-р, тульском отделении Российского союза молодежи, Тульском волонтерском центре т.п.). По мнению молодых людей, человек, на которого будет ориентироваться молодежь г. Тулы должен обладать следующими качествами:

- харизма;
- способность вести за собой людей;
- простота в общении;
- исполнительность (сказал - сделал!).

Кроме того, у молодежного лидера должен быть определенный внешний вид, чтобы на него было приятно посмотреть.

7. Может мероприятий организуется достаточно, и мест много для молодежи, однако молодые люди об этом не знают. Не знают об управлении, занимающемся молодежной политикой на уровне г. Тулы; немассовых мероприятиях, проводимых для молодежи; услугах,

предоставляемых молодежными центрами. Поэтому в данном случае можно говорить о серьезной проблеме с информированием, рекламой деятельности учреждений молодежной политики.

Молодежи удобнее всего получать информацию через Интернет и социальные сети (90,9%), сейчас у всех есть свои сайты, группы, но очень сложно в разных группах отслеживать информацию.

Для решения проблемы информирования молодежь предлагала, во-первых, создать специальное мобильное приложение для молодежи (33,64%). Во-вторых, организовать единое информационное пространство для молодежи с удобным интерфейсом, где будет аккумулироваться вся информация для молодежи: о мероприятиях, о местах, учреждениях, новости и т.д. (это второй по популярности ответ на вопрос «В чем больше всего нуждается тульская молодежь?» (28,9%)).

В заключение хотелось бы отметить, что фокус-группы с тульской молодежью продолжаются, а результаты оперативно докладываются администрации г. Тулы. В дальнейшем с учетом пожеланий и запросов молодых туляков будут приниматься управленческие решения для повышения эффективности молодежной политики в городе, модернизации учреждений этой сферы, улучшения жизни молодежи в г. Туле в целом.

ПРОБЛЕМА “КОРРЕЛЯЦИОННОГО” СОГЛАШАТЕЛЬСТВА НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖИ

Басимов М.М. (Москва)

«Нелинейность» – фундаментальный концептуальный узел новой (синергетической) парадигмы, в том числе, и социологического исследования [17]. Но при этом можно отметить, что большинство социологов крайне далеки от концепции нелинейности в социологии, и это подтверждает, например, 11 европейский конгресс «11th Conference of the European Sociological Association 2013 (Torino)», в тезисах которого «non-linear» или «nonlinear» как слово или часть слова встречается (кроме наших материалов [18, 19, 20, 21] только в 10 тезисах (всего около 3000 тезисов). При этом чаще это общие фразы о нелинейности и авторы далеки от конкретной реализации этой концепции.

Используя авторский подход к понятию статистической связи (нелинейной, линейной) [3, 5] в социологических исследованиях посредством реализации обобщенного варианта метода множественного сравнения [2, 4] для квантильных разбиений (триады, кварты, квинты) данных по каждому измеряемому параметру, отказываясь от предварительного выдвижения гипотезы о форме зависимости (линейная или какой-то конкретный вид нелинейной зависимости), для изучаемой матрицы данных можно определить как формы зависимостей, так и степени их выраженности на различных отрезках шкал рассматриваемых переменных [6, 7]. При реализации данного метода изучения связей вычисляются сравнительные весомости параметров Y для кварт (триад, квинт) по шкалам X (зависимость Y от X) и сравнительные весомости параметров X для кварт (триад, квинт) по шкалам Y (зависимость X от Y).

Изучение нелинейных связей по авторскому методу [22] ранее апробировалось в различных по содержанию социологических исследованиях: социология молодой семьи [14, 25], демографические планы населения [15, 24], социология профессий [23], здоровье и здравоохранение [16], политическая социология [1] и т.д.

Кроме того, изучение нелинейных связей по авторскому методу [6, 7] апробировалось также в различных психологических исследованиях, представляющих разноплановые области психологической науки: психология дошкольников и подростков [8, 9], этнопсихология [10, 11], психология профессий [12], психология стресса [13] и т.д.

В рамках плана работы социологической лаборатории КГУ (Курганский государственный университет, 2014 год) было проведено социологическое исследование феномена «гражданского брака» и проблемы формирования его образа под влиянием политических установок студентов. Для изучения связей (линейных и нелинейных) были отобраны или построены 24 количественных параметра.

Линейные зависимости по определению симметричны, и в этом случае два параметра математически равноправны в плане направления связи (что является причиной, а что следствием) и могут интерпретироваться произвольно по воле исследователя.

В рамках исследования была выявлена 21 сильная линейная (близкая к линейной) зависимость. Линейные зависимости, как правило, связывают родственные параметры, они легко предсказуемы, а, значит, не представляют большого эвристического интереса для исследователя. Чтобы подчеркнуть сказанное, перечислим выявленные сильные линейные зависимости для 2 из 7 смысловых групп:

1. Связи пар параметров: "Отношение к В.В. Жириновскому" и "Отношение к партии ЛДПР"; "Отношение к Г.А. Зюганову" и "Отношение к партии КПРФ".

2. Связи пар параметров: "Отношение к В.В. Путину" и "Отношение к партии "Единая Россия"; "Отношение к Д.А. Медведеву" и "Отношение к партии "Единая Россия"; "Отношение к Д.А. Медведеву" и "Отношение к В.В. Путину".

Линейные зависимости могут пригодиться лишь в одном, это контроль искренности ответов респондентов, проверка результатов на отсутствие фальсифицированных ответов по анкете (аналог психологическим шкалам на лживость).

В статье мы рассматриваем простейшие нелинейные зависимости для модели кварт независимого параметра. В целом в модели для кварт независимой переменной выявлены 107 зависимостей (с коэффициентом силы связи большим 0.5).

Линейных зависимостей, с одной стороны, «значимых» по критическому значению в рамках гипотезы о равенстве нулю коэффициента корреляции ($abs(R) > 0.2$), а, с другой стороны, относящихся к очень слабым корреляциям ($abs(R) < 0.3$) было найдено 22 (для 22 пар параметров).

При этом для тех же пар параметров было выявлено 16 достаточно сильных нелинейных связей (с коэффициентом связи больше 0.6), которые могли бы попасть в рассмотрение в терминах «значимой» корреляции, как линейные связи представляющие интерес для интерпретации в рамках линейных моделей. Всего в задаче для кварт независимого параметра были выявлены 107 нелинейных зависимостей, интересных для интерпретации по силе связи.

И если в 7 случаях из 22, мы просто не имеем интересных связей для интерпретации: очень слабая линейная корреляция по коэффициенту Пирсона, коэффициент силы связи по авторскому методу также интереса не представляет. А значит, эти зависимости просто не должны входить в описание результатов исследования.

То в 16 случаях при рассмотрении «значимых» корреляций и описании связи между параметрами как линейной по своей природе, получаем грубейшие ошибки, так как в этих случаях наблюдаются достаточно сильные связи простейшей нелинейной формы и интерпретировать их нужно уже в рамках синергетических представлений, нелинейной природы закономерностей при изучении политических предпочтений.

Рассмотрим кратко интерпретации двух зависимостей, представляющих примеры грубейших исследовательских ошибок, которые в рамках линейных представлений большинство исследователей обычно рассматривает как «значимые» корреляции, достойные внимания, хотя на самом деле это очень слабые линейные связи, но сильные, как простейшие нелинейные связи, представляющие несомненный интерес.

Зависимость параметра "Отношение к А.А. Навальному" (Y) от параметра "Отношение к партии КПРФ" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y = -1527); X-2 (Y = -183); X-3 (Y = +1420); X-4 (Y = -114)

Коэффициент силы связи = 0.97 (0.29)

Коэффициент корреляции = 0.22

В зависимости можно выделить два неравнозначных участка. Вначале наблюдается близкий к линейному рост (с -1527 до +1420) зависимой переменной с 1 по 3 кварту независимой переменной (отношение к КПРФ), а потом спад параметра «Отношение к А.А. Навальному» на 4 кварте независимой переменной, но до значений (-114) значительно больших, чем первоначальные (-1527) для 1 кварты. Наблюдается общая положительная динамика в принятии А.А. Навального (с -1527 до -114 по сравнительной весомости), что и выражается значением слабой, но не нулевой корреляции.

Похожая картина наблюдается и для второй зависимости.

Зависимость параметра "Отношение к Г.А. Зюганову" (Y) от параметра "Отношение к партии Справедливая Россия" (X) в виде сравнительных весомостей параметра Y для кварт по шкале X:

X-1 (Y = -1473); X-2 (Y = 85); X-3 (Y = 579); X-4 (Y = -91)

Коэффициент силы связи = 0.59 (0.40)

Коэффициент корреляции = 0.22

Таким образом, линейное приближение в анализе данных приводит к содержательным и методологическим ошибкам значительного количества, что недопустимо в научном исследовании, т.к. способствует формированию крайне искаженного представления о изучаемом предмете.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 16-06-00273а

1. Басимов М.М. Социологические и психологические методы изучения политических предпочтений // Коллективная монография Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С. В. Патрушева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013. – 525 с.: ил. – (Политология России). – С. 474-491.
2. Басимов М.М. Методы множественного сравнения в психологических исследованиях // Методы исследования психологических структур и их динамики. Выпуск 3. М.: Изд-во ИП РАН, 2005. – С. 128-157.
3. Басимов М.М. Изучение статистических связей в психологических исследованиях: Монография. Москва-Воронеж, 2008. – 432 с.
4. Басимов М.М. Множественное сравнение в социологических исследованиях: Монография. Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 224 с.
5. Басимов М.М. Нелинейная социология: Монография. – Курган: Курганский государственный университет, 2012. – 120 с.
6. Басимов М.М. Математические методы в психологических исследованиях: Монография. – Курган: Курганский гос. ун-т, 2011. – 183 с.
7. Basimov M.M. *Mathematical methods in psychological research (Nontraditional methods)*. Monograph. – Germany, Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 185 p.
8. Басимов М.М. Учет нелинейных связей при освоении дошкольниками программы "Развитие" // Мир психологии. – 2007. – №2. – С. 83-93.
9. Басимов М.М. Психологическая типологизация старшеклассников (старших подростков и юношей) по фактору успеваемости в школах нового типа // Мир психологии. – 2007. – №4. – С. 142-158.
10. Басимов М.М., Хромов А.Б. Типология зависимостей между параметрами отношений к жизненным трудностям и проблемам в различных этнических группах // Мир психологии. – 2009. – №2. – С. 209-222.
11. Басимов М.М., Хромов А.Б. Актуальные жизненные проблемы в оценках студентов России, Индии и США // Ученые записки РГСУ. – 2010. – №2. – С. 140-155.
12. Басимов М.М. Требования к профессии как объект синергетики // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 54-57.
13. Басимов М.М., Достовалов С.Г. Исследование стресса в нелинейной психологии // Акмеология, Научно-практический журнал. – 2011. – №3 (специальный выпуск). – С. 57-61.
14. Басимов М.М. Семья и демография в нелинейной социологии // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып.5. Ч.1. Пивоваров Ю.С. (отв.ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – С. 522-528.
15. Басимов М.М. Демографические планы жителей региона как объект синергетики // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 6. Часть 2. Редкол.: Пивоваров Ю.С. (отв. Ред.) и др. – М.: ИНИОН РАН. 2011. – С. 195-203.
16. Басимов М.М. Здоровье и здравоохранение в демографическом исследовании как объект синергетики // Общество и здоровье: современное состояние и тенденции развития: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 19-20 сент. 2013 г.). – М., 2013. – С. 119-128.
17. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Синергетическое мировоззрение. М.: КомКнига, 2005. – 240 с.
18. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of profession* // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 906.
19. Basimov M.M. *Multiple comparison in sociology of family* // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 684.
20. Basimova P.M., Basimov M.M. *Approval of a marriage between representatives of different nationalities in non-linear sociology* // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 1346.
21. Basimov M.M. *The analysis of the data in non-linear sociology* // The 11th Conference of the European Sociological Association (Torino, 28-31 August 2013) / Abstract Book: Torino, 2013. – P. 988-989.
22. Basimov M.M. *Analysis of statistical dependences in sociological research* // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.

23. Basimov M.M. *Non-linearity and synergism in sociology of profession // Russian sociology in the period of crisis, critique and changes / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2013.*

24. Basimov, Mikhail M. *Demographic Plans of Inhabitants of Region as an Object of Synergetics // Russian Sociology in Turbulent Times / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow: RSS, 2011. – P. 208-223.*

25. Basimov M.M. *Family as the object of research of non-linear sociology Russian Sociology on the Move / Ed. by V.A.Mansurov. – Moscow: RSS, 2010.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНОГО КОМПОНЕНТА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Безруков А.В. (Пермь)

В данной статье на уровне самоопределения молодёжи ставится проблема противоречий, вытекающих из столкновения условностей сложившегося социального порядка и социальных изменений в контексте глобализации. Анализируются данные трёх волн типовых социологических исследований ценностей населения в Пермском крае по методике «Социокультурный портрет региона России». Проводится сравнительный анализ динамики иерархии ценностей в поколенческих группах. Описывается содержательная наполненность ценностной компоненты самоопределения молодёжи. Результаты подтверждают гипотезу прогрессирующей конформизации в условиях глобальной нестабильности.

Занимая особое место в системе воспроизводства социальной структуры, молодёжь не только наследует, но и оценивает общественные отношения для более эффективной адаптации в сложившемся социальном порядке. Переоценка составляет сущность процесса самоопределения. Прежде всего, на интенсификацию этого процесса ориентирует фиксируемый обществоведами социокультурный кризис [1, С. 88].

В современной России предоставленная свобода самоопределения в значительной степени диссонирует с вековыми традициями российской государственности и прежней идеологии, на основе которых осуществлялась социализация советского человека [2, С. 10]. Рыночные отношения и курс на модернизацию в условиях глобальной нестабильности делает желаемым образ инновационной молодёжи. Противоречие традиций и глобализации приводит молодёжь к угрозе исключенности локальной, т. е. на уровне патриархального российского общества, против включённости глобальной, т. е. на уровне успешного развития в условиях социальных трансформаций [3, С. 81].

В социологической науке нет единого подхода к выделению компонентов структуры социального самоопределения. Однако все авторы фиксируют неразрывную связь последнего с интернализацией ценностей. Провозглашается, что активность в формировании и выражении своих ценностных позиций отличает молодые поколения и становится источником общественных преобразований. Таким образом, поливариантность выбора в контексте глобализации обуславливает анализ ценностного компонента самоопределения молодёжи.

В 2017 году Центром социального партнёрства и социологических исследований Пермского государственного национального исследовательского университета было проведено социологическое исследование по типовой программе и инструментарию «Социокультурный портрет региона России» [4] в Пермском крае. Ранее аналогичные исследования проводились Центром в 2006 и 2011 годах. В опросе 2017 года приняло участие 1013 человек от 18 до 89 лет. Молодые люди от 18 до 30 лет составили 29.0 %.

Авторы методики относят к базовым ценностям: жизнь человека, общительность (хорошие отношения), порядок и безопасность, семья и дети, свобода, работа, благополучие, независимость, инициативность, традиции, жертвенность, своевольность, властность, нравственность. При этом среди них выделяют интегральные группы ценностей: 1) ценности изменения (свобода, независимость, инициативность, своевольность); 2) ценности сохранения (традиции, порядок, жертвенность, властность)

В эмпирическом анализе, получаемая иерархия обозначенных базовых ценностей, описывается категориями «интегрирующее ядро» (первые три позиции), «интегрирующий резерв» (с 4 по 10 места), «оппонирующий дифференциал» (11 и 12 позиции), «конфликтогенная периферия» (последние две позиции соответственно).

Полученные данные исследований свидетельствуют о том, что на вершине ценностной иерархии молодёжи находятся жизнь человека, хорошие отношения, порядок и безопасность (см. Табл. 1). Они составляют так называемое «интегрирующее ядро» социальных ценностей.

Следующие семь ценностей «интегрирующего резерва» (семья и дети, здоровье и благополучие, независимость, традиции, свобода, работа и инициативность), несмотря на одинаковую представленность, имеют различные позиции в иерархиях молодёжи и взрослых. В группе молодёжи, в отличие от взрослого населения, заметны более высокие места значимости ценностей независимости, свободы и интересной работы над значимостью ценности семьи и детей, здоровья и благополучия, традиций. В равной степени в рассматриваемых группах имеет место значимость нравственности и жертвенности – ценности «оппонирующего дифференциала». Наконец, «конфликтотенная периферия» (своевольность и властность) также одинаково представлена и в целом имеет негативную оценку.

Таблица 1. Динамика оценок ценностей в возрастных группах, индексы

Ценности	2006 год		2011 год		2017 год	
	Молодёжь	Взрослые	Молодёжь	Взрослые	Молодёжь	Взрослые
Нравственность	0,29	0,42	0,34	0,46	0,25	0,37
Здоровье и благополучие	0,57	0,58	0,59	0,65	0,64	0,71
Своевольность	-0,07	-0,30	-0,07	-0,22	-0,13	-0,36
Свобода	0,69	0,62	0,57	0,62	0,66	0,61
Интересная работа	0,60	0,52	0,59	0,57	0,61	0,52
Порядок и безопасность	0,72	0,78	0,72	0,81	0,72	0,77
Хорошие отношения	0,67	0,75	0,71	0,77	0,76	0,84
Семья и дети	0,68	0,80	0,67	0,79	0,61	0,76
Независимость	0,59	0,65	0,54	0,66	0,67	0,69
Властность	-0,06	-0,33	-0,08	-0,30	-0,14	-0,37
Жертвенность	0,13	0,35	0,29	0,44	0,24	0,37
Инициативность	0,53	0,45	0,54	0,38	0,53	0,40
Жизнь человека	0,80	0,80	0,80	0,86	0,87	0,91
Традиции	0,23	0,50	0,34	0,57	0,39	0,65

Обращаясь к динамике субъективных оценок значимости тех или иных ценностей, можно заметить, что индексные значения «ведут» себя одинаково на протяжении рассматриваемого периода, как в группе молодых людей, так и среди взрослого населения края (см. Табл. 1). Нельзя не отметить позитивную динамику значимости таких ценностей как здоровье и благополучие, хорошие отношения с окружающими, независимость и принятие ответственности на себя, жизнь человека, традиции. При этом, относительно ценности традиций отмечается наиболее заметный рост значимости, несмотря на абсолютно разные позиции в ценностной иерархии сравниваемых групп населения. Обращает на себя внимание падение значимости ценности семьи и детей.

Несмотря на практически идентичный состав, в ценностном плане для молодёжи характерна более высокая значимость современных ценностей (свобода, независимость, работа) над традиционными ценностями (семья, благополучие, традиции), что делает молодёжь более мобильной частью населения и открывает возможности для социальных изменений. Однако, динамика изменения значимости определённых ценностей в группе молодёжи следует за аналогичными изменениями в группе взрослого населения. В результате, наблюдается существенный рост значимости традиций при сохранении высокой значимости порядка и безопасности.

Таким образом, становится очевидным, что самоопределение современной молодежи является лишь отражением аномии, характерной для общественной жизни российского общества в целом. Провозглашаемая либерализация общественной жизни не подтверждается эмпирически [5, С. 53]. Наоборот, сохраняющаяся социальная значимость традиций, использование их во «властной риторике» [6], сказывается на всеобщей конформизации, что ослабляет потенциал молодёжи в контексте глобальных трансформаций.

2. Сладкова О.Б. Кризис идентичности в современном российском обществе / О.Б. Сладкова // *Обсерватория культуры*. – 2008, № 3. – С. 9-15.
3. Морозова И.С. «Информациональное общество»: концепция М. Кастельса / И.С. Морозова // *Ученый совет*. – 2013, № 8. – С. 79–84.
4. Лапин Н.И., Беляева Л.А. Программа и типовой инструментарий «Социокультурный портрет региона России» (Модификация - 2010). М., МФРАН, 2010.
5. Гаврилюк В.В. Роль образа будущего в выборе жизненных стратегий современной российской молодежи / В.В. Гаврилюк, Л.Л. Мехришвили // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. – Тамбов: Издательство: ООО Издательство «Грамота». – 2015, № 7-2 (57). – С. 52-55.
6. Ясавеев И. Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодежи / И. Ясавеев // *Russian sociological review*. – 2016, Vol 15, № 3. – С. 49–67.

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ СКВОЗЬ КАНВУ РОССИИ

Белокреницкая П.А. (Санкт-Петербург)

А вы задумывались, как наука появилась в России? А появилась она сразу как профессия, ремесло. Помните, как о многих людях в России говорили просто «ученый человек» [4].

Р. Мертон доказал, что на образование влияют не только социально-экономические условия, но религиозные и мировоззренческие течения. Один из примеров был показан Максом Вебером [3]. Действительно, если перестать считать богатство грехом, то это неизбежно приводит к расцвету предпринимательской деятельности. Вместе с этим у индивидов появляются такие качества, как расчетливость, трудолюбие, бережливость, честность, желание узнавать больше.

Что касается нас – главным тормозом распространения образования был консерватизм церкви. Но ведь были обучающие и обучающиеся монахи, которые и должны были составить оплот просвещению. Но надежды оправдались только при Петре 1, когда тот, как пишет П.П. Пекарский: «Царю, желавшему во что бы то ни стало видеть в России и школы, у ученых..» [2]. Очевидно, ему нужны были мощники, и ими стали те, кто что-то да знал и что-то да умел.

Поэтому даже после Петра 1 у нас был большой наплыв европейской науки, вплоть до советского союза. А последующая реформация советского наследия опять пыталась придать ему европейского оттенка. Так мы и пришли к Болонье - городу, носящему на гербе слово «Свобода» [1].

Какая сейчас ситуация в образовании и как это узнать? Артефакты указывают на странности метода исследования [5]. В нашем случае артефакт – это «отношение к качеству образования». Проблема в том, что у людей, давно забывших школьные и университетские годы, нет никакого об этом мнения. Но, как только его настиг интервьюер с анкетой, мнение появляется. Это ведь благодарный предмет обсуждения. Тут и Болонский процесс, вступление (и выступление) в ВТО, коммерциализация школ и вузов, возможность перенести на российскую почву западную систему кредитов ECTS и, конечно, о госстандарт.

И почти всем очевидно, что «качество образования» – это конструкт, подобный «среднему классу» или «ценностям молодежи». Его сложно измерить.

Мы решили узнать, как определяют для себя качество образования студенты. В качестве вариантов ответа на данный вопрос мы предложили респондентам несколько трактовок. Большая часть респондентов (80,4%) определила качество образования, как «показатель уровня знаний, умений, навыков профессионального мастерства выпускника высшего учебного заведения». 10,9% студентов ответили, что «Обеспечение качества – это разные подходы, объекты, меры и процедуры, с помощью которых достигаются соответствующие академические стандарты». Лишь 6,5% считают качество образования критерием, используемым учебным заведением для самоутверждения. 2,2% от общего числа респондентов согласились с философской трактовкой, что «качество образования – это "степень соответствия"». И никто из студентов не определил качество образования как характеристику образовательной деятельности и подготовку обучающегося, выражающую степень их соответствия государственным образовательным стандартам.

Мы попробуем переложить образование на две перспективы. От «гуманистической» до «экономцентристской». В первом случае приоритет – удовлетворенности, но что это такое?

Ответа нет. Поэтому переходим к полезности, т.е. шансам как можно дальше продвинуться по каналам мобильности.

Есть и другие критерии – насколько развиваются компетенции, т.е. мотивация, умение взаимодействовать в коллективе, формирование специальных навыков.

Также на протяжении нескольких лет студенты говорили, что мешает им развить их потенциал. Из года в год студенты отвечали на вопрос: «Что мешает мне эффективно учиться?». Проблемы, как видно из ответов студентов, делятся на несколько категорий:

Университетские.

Личные.

Внешние факторы (болезнь).

Университетские проблемы – это неудобное расписание, некомпетентные преподаватели, которые не мотивируют на обучение, отсутствие связи с реальной жизнью и т.д.

Личные проблемы – это спорт, работа, лень, прокарстинация, гендерный состав (девочек больше, чем мальчиков).

Внешние факторы – это фактор дальности университета от общежития – с ним плохое транспортное сообщение, а также болезнь – неполноценным людям каналы высшего образования практически закрыты, а также предвзятость по отношению к студентам.

Дело в том, если мы изменим взаимоотношения между студентами и образованием, то получим большую силу, которая изменит сферу труда в лучшую сторону. Главное – услышать и быть услышанными.

1. Каплан Д.А., Паиков М.В., Смирнова Е.Э. Россия на пути Болонского процесса: проблемы и перспективы / Альманах «Проблемы социальных коммуникаций и философии» // Мичуринск – наукоград РФ. 2014. – С.128.

2. Пекарский П.П. Введение в историю просвещения в России Т.1 Наука и литература в России при Петре Великом: исследование П. Пекарского – Санкт-Петербург: издание Товарищества "Общественная польза", 1862. – С. 4.

3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма – Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. – (Социологич. мысль Запада). С. 44–271.

4. Кузнецова Н.И. Социальный эксперимент Петра I и формирование науки в России. // Глава в книге (С. 502–528): Философия науки. Методология и история конкретных наук. Учебное пособие. Коллектив авторов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007.

5. Вахштайн В.С., Константиновский Д.Л., Куракин Д.Ю. Реальность образования и исследовательские реальности. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 320 с.

ОСМЫСЛЕНИЕ ИТОГОВ РЕВОЛЮЦИИ И ВЗГЛЯД СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ НА ВОЗМОЖНОСТЬ СОВЕРШЕНИЯ РЕВОЛЮЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Бирюкова А.В. (Санкт-Петербург)

Прошло уже 100 лет со времени свершения революции в России, но до сих пор данное историческое событие не потеряло свою актуальность, что обусловлено некоторой цикличностью социальных процессов, их осмыслением, появлением новых взглядов, концепций развития общества, а также появлением новых социальных проблем, затрагивающих жизнь общества.

Любая революция совершается под влиянием негативных социально-экономических факторов, появлением лидеров, которые предлагают те решения проблем, кажущиеся наиболее приемлемыми и реализуемыми в сложившихся условиях. Действующее правительство начинает совершать политические ошибки, отдает неверные указания, допускает к руководству лиц неспособных решить сложные социально-экономические проблемы и как следствие, происходит революция.

Русских социологов конца XIX века всегда волновали проблемы обустройства и жизни в России. Они остро переживали за судьбу отечества, открыто обсуждали социальные проблемы жизни населения, за что неоднократно подвергались гонению власти в силу своих политических взглядов. Одним из плеяды прогрессивных социологов был П.Л. Лавров, который внес значительный вклад в осознание социальных процессов, обоснованию субъективного метода, утверждавшему способности личности к деятельности, влиянию на конкретные исторические условия, готовности к совершению революции. Он верил в то, что русская интеллигенция, обладающая новым воззрением, способна к поддержанию русского народа к революции,

разрушению монархии и построению нового, лучшего общества. Только ей не хватает социальной солидарности. Под явлением солидарности П.Л. Лавров понимал общность привычек, интересов, а также сознание того, что личный интерес индивидов должен совпадать с интересом общественным. Прогресс общества считался возможным, только тогда, когда личность может самостоятельно отстаивать свои убеждения и тем самым уважать чужие убеждения и чужое достоинство. П.Л. Лавров указал на условия возникновения революции и революционных воззрений, которые впоследствии нашли свое подтверждение в революциях 1917 года, но в те годы, правительство царя не прислушалось к П.Л. Лаврову, ограничилось его ссылкой.

Социолог Н.И. Кареев, так же писал о субъективном методе, читая публикации П.Л. Лаврова. Кареев разделял субъективизм на: случайный (недопустимый) и закономерный (правомерный). К первому виду субъективизма он относил разнополярность социологических взглядов, что приводит к размытию смыслов происходящего. Закономерный субъективизм должен строиться на достоверной социальной реальности, когда факты и ситуация не искажаются в угоду или против существующей власти, а доводятся по существу. При совершении Февральской революции 1917 г. Временное правительство заставило Николая II отречься от престола, описав ситуацию в качестве наиболее благоприятного выхода для государства. Однако оно не смогло учесть силу и власть Советов, ликвидировавших Временное правительство.

На смену монархии пришла Советская власть. Известный в России, позже и за рубежом П.А. Сорокин начинает работу в Социологическом институте в 1919 году [3,8].

После опубликования статьи о негативных последствиях революции (статья о браках и разводах в СССР), что вызывает гнев у В.И. Ленина за «реакционные, антидемократические» данные о браках и разводах, он принимает решение эмигрировать. Следует отметить, что под высылку из России попадают также и другие социальные философы Ф.А. Степун, Б.П. Вышеславцев, С.Л. Франк, Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, С.Н. Булгаков, Н.С. Трубецкой. Как пишет Н.О. Лосский, в 1930-х гг. научная работа становится практически невозможной из-за страха обвинения в идеологической ереси [2, 106].

Так на смену социологии приходит исторический материализм, а социология начинает называться «буржуазной» наукой в силу её субъективизма. Социологи начинают признавать роль объективных факторов развития общества, цитируя Маркса, Энгельса, Ленина, а потом и Сталина.

Социология как наука лишилась своей наработанной системы – дореволюционной профессуры, институтов, обществ, которые внесли свой мировой вклад в развитие научных воззрений.

После разрушения СССР, исторический материализм становится невостребованным в обществе из-за процессов демократизации и либерализации. В 1990-е гг. начинается процесс возрождения уже российской социологии. Открываются социологические кафедры и факультеты в Москве, Санкт-Петербурге и других городах России. Социологическое образование, социологические исследования становятся нужными для определения дальнейшего пути развития общества.

Социологи публикуют статьи, критикующие изменения в жизни народа в 1990-е годы. Указывают на сложности в экономике (превращение в сырьевой придаток), распад социальной сферы (резкая поляризация доходов населения, появление наркомании, беспризорности, проституции, обострение психических болезней), разгул преступности, появление «бантиков», безнаказанности, развал вооруженных сил, деградация духовно-нравственной сферы, прогрессирующее депопуляция населения и т.д. Несмотря на некий «катастрофизм», все статьи направлены на будущее, на «социологию надежды» [1, 26].

Начиная с 2010 по 2017 гг. происходит резкое сокращение социологического образования в РФ. Данные процессы обусловлены недостаточной востребованностью социологических кадров в коммерческих организациях и сокращением численности социологов в государственных структурах в связи со сложной экономической ситуацией в стране. Остались крупные социологические центры, базовые кафедры социологии, а также социологические кафедры, объединенные с другими направлениями подготовки.

Высокие требования предъявляются сегодня к социологам. Следует обладать критическим осмыслением социальных проблем, профессиональной компетентностью особенно при работе с молодежью. Молодежь очень остро переживает происходящие социально-экономические и политические процессы. Не все молодые люди обладают высоким уровнем адаптации, социального иммунитета к происходящим изменениям в силу недостаточного образования,

ограниченных экономических ресурсов, социального капитала, групповой поддержки среди сверстников.

Автором был задан вопрос: «Как Вы считаете, возможно ли совершение революции в современном российском обществе?». Всего было опрошено 128 студентов первокурсников разных специальностей и направлений подготовки. Опрос был проведен в сентябре 2017 года. Так, 25% молодежи считают возможной совершение революции в силу сложных социально-экономических проблем, таких как безработица, высокая эксплуатация труда в России из-за коррупции, низкое качество жизни, разрушение системы бесплатного и качественного здравоохранения, высоких цен на продукты питания и ЖКХ, транспортное обслуживание и т.д.

Почти каждый четвертый респондент (24%) считает, что революция невозможна в современных условиях. Указываются такие причины как повышенный контроль политических взглядов со стороны государства, приемлемый уровень жизни, лучшие условия жизни по сравнению с некоторыми европейскими странами, не такое быстрое образование «кастовой системы» как в других странах. По мнению молодежи, базовые потребности населения удовлетворяются, поэтому оно пока не готово к революционной борьбе.

Половина опрошенных (51%) воздержались от ответа, посчитав данный вопрос сложным и неоднозначным. Прозвучали ответы: «революция в России возможна», «50 на 50», «неизвестно как получится», «народ ленив, поэтому вряд ли будет бороться, если только кто-нибудь его не поведет», «до тех пор пока будет хлеб не пойдут на баррикады».

Полученные результаты свидетельствуют о сложной социальной ситуации в стране. Революция является политической ошибкой правящей партии, приводящей к разрушению социальной сферы, ухудшению человеческого капитала и потенциала, приводит к материальным, духовным, человеческим жертвам.

Поэтому одной из приоритетных задач государства должно являться своевременное реагирование на различные социально-экономические проблемы населения. Никто не отрицает деятельностную активность субъекта в решении собственных проблем, но должны быть созданы условия, способствующие их решению. Разработаны действующие механизмы разрешения социальных проблем. Более четко сформирована политика безопасности личности в современном обществе. Осуществлен пересмотр кинопродукции, демонстрирующая жестокость, насилие, криминал.

Разработка и внедрение действующих программ в сфере экономики, медицины, образования, культуры, безопасности, поддержанию инициатив гражданского общества будет способствовать дальнейшему развитию российского общества и направлено на повышение качества жизни каждого человека.

1. Добреньков В.И. Российское общество: современное состояние и перспективы от социологии кризиса к социологии надежды // Социология. - №1. – 2004. – С. 26-37.
2. Козлова Л.А. Постреволюционная российская социология: неудавшаяся попытка советизации // СОЦИС – №12. – 2016. – С. 105-113.
3. Ломоносова М.В. Российская социология на изломе эпох (1918-1919): Питирим Сорокин и Социо-Библиографический институт // Журнал Социологии и Социальной антропологии. - №2. – 2015. – С.5-14.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ (АНАЛИЗ БИОГРАФИЧЕСКИХ ИНТЕРВЬЮ СОВРЕМЕННОКОВ)

Богунова Е.С. (Краснодар)

Аннотация. В статье рассматривается повседневная жизнь российской молодежи периода перестройки, анализируется схожесть моделей поведения и социальных практик со старшим поколением.

На основе анализа глубинных интервью и выявления социальных практик, присущих молодому поколению делается вывод о том, что к идеям правящей партии молодежь не проявляла интереса, практики выживания в большей степени волновали старшее поколение. Большая часть молодежи в силу своего возраста и провозглашенной политики гласности была увлечена конструированием альтернативных, неформальных практик.

Времена 1985-1991 гг. в советской и российской истории описаны как переломная эпоха. С политических трибун новый провозглашенный генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев приравнял перестройку к революции, говорил о необходимости кардинальных изменений и

реформ, перемен в сторону демократизации жизни и совершенствования экономической системы, так называемого ускорения.

Действительно, в те годы происходили множественные глобальные преобразования всех структур общественной жизни: политической, экономической, социальной, духовной и др. Это было время радикальных изменений стандартов поведения и взаимодействия. Основные реалии присущие доперестроечным годам повседневной жизни (образование, работа, дружба, круг знакомых, относительная неважность материальной стороны жизни, забота о будущем и других людях, бескорыстие, равенство) оставались важными, хотя подчас они стали нарушаться, видоизменяться или попросту игнорироваться.

В 1985 году произошел пересмотр ценностей прошлого столь привычных советским гражданам и постепенно начали предприниматься попытки всесторонних преобразований. «События, определившие начало перестройки, случились... в январе 1987 г., т.е. почти через два года после того, как эта самая перестройка была официально декларирована. Именно с 1987 г. последовала череда необратимых шагов, приведших, в конечном счете, к быстрой демократизации, распаду СССР, коренному реформированию экономики – т.е. всему тому, что определило жизнь нашей страны на много лет вперед. [Травин 2010: 128]

Перестройка, или революция, о которой провозгласил Горбачев, не оказала влияния на всех советских граждан, для кого-то осталась в стороне и вовсе стала отголоском чего-то несущественного и не столь важного.

Все эти перемены, которые произошли в период с 1985 по 1991 гг. воспринимались разными поколениями советских людей по-разному. Старшее поколение советских граждан осознавало, что в жизни что-то меняется, столкнулось с возрастающими очередями за продуктами, с дефицитом последних. Возникла необходимость искать выход из сложившегося положения. В этой ситуации кто-то оставил работу и пошел торговать на рынок, чтобы иметь возможность дать образование детям, а кто-то искал связи и знакомства, позволявшие пробиться сквозь закрытые двери.

Другая картина мира предстает в сознании молодого поколения, которое несколько иначе восприняло исторические события времен перестройки, а порой и не увидело в этих переменах ничего сверхъестественного.

Задача нашего исследования состоит в анализе материалов собранных в ходе глубинного интервью и выявлении социальных практик, которые были распространены в молодежной среде в период 1985-1991 гг.

Исследование, было проведено в гор. Краснодаре в 2015-2016 году, объектом анализа стала возрастная группа от 40 до 55 лет, в годы перестройки респонденты относились к категории молодежь: учащиеся средних и старших классов, студенты, военнослужащие срочной службы. Эта группа опрошенных оказалась особенно интересна для изучения, так как стала «последними истинно советскими людьми, ... те, кто не просто успел родиться в той стране, а успел в ней повзрослеть и сформироваться как раз до начала ее неожиданного конца». [Юрчак 2014: 86]

«В 86 году я заканчивала десятый класс и тем временем я ходила на подготовительные курсы, чтобы поступить на географический факультет... Там я не добрала одного бала... После этого я по знакомству пошла работать в Центр по выплате пенсий и пособий. Сначала меня взяли учеником инспектора работать, я получала 70 рублей, это был один месяц. Потом меня перевели в должность инспектора и я стала получать 120 рублей. Это было довольно-таки нормальная заработная плата» (жен., 48 л.).

Молодые люди в то время, также как и старшее поколение, сталкивались с проблемами перестройки, им приходилось прибегать к помощи распространенных в то время социальных практик «блат и знакомства», но в силу своего юного возраста они всегда могли положиться на родителей и рассчитывать на их помощь. По рассказам респондентов они не испытывали особых трудностей, их обеспечивали родители, обували, одевали, кормили. То есть такой проблемы перед ними не стояло.

«Японское вязаное пальто, помню мне его так хотелось, у нас у двоих в классе было, длинное шикарное пальто – это было модно, но я не знаю где его достали... Всегда были различия, всегда видели, кому родители достали итальянские сапоги, югославские на тот момент, а кому нет» (жен., 43 г.).

Отсюда получается, что реформы перестроечных времен в значительной степени повлияли на привычный мир родителей, а молодежь в силу причин взросления и социализации только

строила свой образ видения мира. Получается то, что было трудностями для родителей, стало нормой для их детей.

«Если считать поколениями перестройки тех, кому тогда было от 13 до 20 лет, то для них переход от советского уклада жизни и советской идеологии к тому типу общества и общественных отношений, которые существуют в данное время, произошел естественно и безболезненно, так как они развивались одновременно со страной» (жен., 43 г.).

«Вот приходит перестройка, что меняется с перестройкой. ... приходит лысый мужичок самый молодой (56 что ли лет) и он начинает говорить умные вещи, давайте делать, давайте... народ недоумевают, что он говорит с экранов, сначала никто его понять не мог, какие-то вещи он говорил, давайте двигать, давайте двигать производство. Если я скажу, я ничего не понял, мне было 16 лет, по мне это был какой-то пиар, типа Брежнева – экономика должна быть экономной» (муж., 48 л.).

Из приведенных ниже интервью видно, что несмотря на то, что все опрошенные и не придавали особого значения изменениям, которые происходили в жизни советского общества, однако они запечатлелись в памяти, благодаря каким-то фактам будь то послабление режима или смягчение норм.

«Особых потрясений я не почувствовал, мне было...смотря, что считать перестройкой, если горбачевский период, то на тот момент было 14 лет, т.е. помню все эти движения либерализации, снижения различной степени дисциплины на государственном уровне, школа, улица, появление веяний с запада, начиная с товаров заканчивая манерами, социальными проявлениями, иного образа жизни и мысли» (муж., 41 г.).

«Отсутствие коммунистической идеологии, мы чувствовали как она уходила и как свободней становилось, как школьнику мне было легче не так гоняли за...мне было все равно, потому что я была в рядах ВЛКСМ, комсомола школы, но в принципе уже никто не косился на тех кого не принимали туда, кто не хотел туда идти ...Появилось право выбора – не хочешь идти на демонстрацию не идешь» (жен., 43 г.).

«...я в армии был советской. С 85 по 87. В армии был свой мир, который не менялся» (муж., 54 г.).

Конечно, молодежь также сталкивалась с особыми практиками того времени: очередями, которые стали распространенным явлением общественной жизни и реакцией на усугубляющийся дефицит. Но и здесь отношение к этому явлению отличается от старших.

«Я отправлял младшую сестру за молоком, когда она возвращалась, я не открывал дверь, до тех пор, пока она мне в глазок не покажет купленное молоко. Мне не хотелось стоять длинные очереди, а у нее не было выбора» (муж., 51 г.).

«...ассоциации детства – это очередь, то есть все нормально, все спокойно, никто не ругается, но очередь это то, что сопровождало нас все детство» (муж., 48 л.).

Получается, что дети вырабатывали свои социальные практики по аналогии с семьей. Как и родители, молодежь сформировала свои представления о престиже, критерий «вещного» отношения к миру и по этим меркам оценивала других людей, в том числе из своего окружения.

«Помню пришли домой к однокласснице, а у нее стоят стулья, как стоят в школе в столовой, это было шоком. Ты должен был создать внутренний мир. Если стены красили краской – серой, желтоватой, зеленой, то здесь твои стены должны быть покрыты обоями» (муж., 45 л.).

Из интервью одной женщины 48 лет стало очевидно, что одним из критериев выйти замуж в 1987 году именно за ее нынешнего мужа было наличие в его доме дефицитной в то время колбасы. То есть этот показатель богатства оказал значение при выборе жизненного пути, как и практика «демонстративного потребления» и выставления ценностей напоказ.

Как раз эти два критерия и проявились наиболее красочно в рассказах респондентов, ведь перестроечные времена в первую очередь характеризуются стиранием культурных рамок и цензуры, появлением новых альтернативных, неформальных практик.

Многие молодые люди импонировали идеям перестройки, находясь на стадии формирующейся личности – молодежь была активная, жаждущая открытия чего-то нового, интересного.

«Я застал самый рассвет, эйфорию, я застал тусовки первые, эти фильмы интересно смотреть, потому что видно по этим фильмам как все это происходило. У нас получается, что мы – это новое поколение, которое открыло новый мир для себя и если бы его приоткрыли столько, сколько есть, это было бы интересно, его приоткрыли дальше, и то, что мы увидели вдали через замочную скважину и что нам казалось иллюзией, волшебным островом, оказалось кусочком

суши заброшенным банками, окурками, там еще чем-то. Мы создали иллюзию жизни западной» (муж., 48 л.).

«Начиная с 86-87 года появляются первые видеосалоны, в которых демонстрировали начиная от боевиков и заканчивая той же самой эротикой» (муж., 41 г.).

«В эпоху перестройки наверное жизнь была настолько насыщена событиями, насколько я люблю читать и читаю много, в этот период я меньше всего прочитал» (муж., 45 л.).

«Одежду, которую мы делали мы увидели в западных фильмах – один-два фильма, и мы стали эту одежду моделировать, может они эту одежду и не носили (как со стилистами), мы увидели как танцуют брейкдэнс, мы понятия не имели может там были профессиональные акробаты, мы стали тренироваться, чтобы делать этот брейкдэнс, мы посмотрели фильм с Брюсом Ли про карате, взяли с фильма, наделали фотографий и тренировались» (муж., 48 л.).

Еще одной характерной практикой того времени было собирательство и коллекционирование, по проанализированному интервью можно сделать вывод, что собирали все и к этому даже подталкивали в школе.

«...в советское время все собирали, кто марки, кто значки, кто спичечные этикетки, кто фотографии артистов – т.е. все общество что-то собирало» (муж., 45 л.).

«Тогда была мода на коллекционирование различных предметов, все зависело от увлечения, от возраста, в моем возрасте было популярно и я коллекционировал фантики от жвачек зарубежных, начали появляться жевательные резинки, в которых были сюжеты разные начиная от мультяшных заканчивая автомобилями, мы с братом коллекционировали, а старший брат коллекционировал марки, тоже это была целая проблема их приобрести, по аналогии с качественной литературой по талонам» (муж., 41 г.).

«Собирала значки, марки, календарики (серии цирка, театра, города, они были переливные, не переливные)» (жен., 43 г.).

В настоящее время люди прожившие жизнь и оглядывающиеся назад вспоминают те годы с ностальгией.

«Конечно жилось лучше в советский период, но не потому что в нем было лучше, а потому что там мое детство, мне там лучше, в любом случае, я там была защищена, да у меня могло не быть туфель на каблук каких-то, могло не быть крутого японского магнитофона, но мне все равно там было лучше» (жен., 43 г.).

«Самые лучшие времена. Заканчиваешь вуз, становишься членом коммунистической партии и потом движешься вверх, вверх и вверх, а сейчас вообще непонятно на каких... Мне советский период нравился, нравился больше» (муж., 54 г.).

«Мы развелись за фантик, за красивую упаковку. А сейчас пришли к полному разврату и полной деградации духовных ценностей» (муж., 40 л.).

Таким образом, подводя итог проанализированных социальных практик напрашивается вывод о том, что идея революции оказалась незавершенной. А вся эйфория реформирования не принесла глобальных изменений, кроме как поиска новых практик выживания.

Большинство молодежи в силу возрастных особенностей не проявляла особого интереса к политической жизни. А в связи с наличием свободного времени и амбиций ей удалось сформировать целое поколение, которое оставило свой отпечаток в жизни перестроечного общества. Это выразилось в первую очередь в культурной сфере, политика гласности, дала свой толчок к выработке новых социальных практик. Нельзя говорить об исключительно положительном влиянии этого переходного периода. Кто-то нашел себя в жизни и в постперестроечное время, кто-то продолжал плыть по течению.

Геллер М., Некрич А. История России 1917-1995. Т. 3. Седьмой секретарь 1985-1990.

М.: «МИК», «Агар», 1996.

Травин Д.Я. Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985-1999. – СПб.: Норма, 2010. – 368 с.

Юрчак, А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение.

М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 664 с.

МАРКИРОВАНИЕ МОЛОДЁЖЬЮ ГОРОДА В КАТЕГОРИЯХ СОЦИАЛЬНОГО УСПЕХА: ПОЗИЦИЯ ОМСКА В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА (ГЛУБИННЫЕ ИНТЕРВЬЮ)

Букаринова Н.А. (Санкт-Петербург)

Теоретико-методологические представления о социальном успехе.

Социально-территориальная структура неравенства может быть размечена в терминах социального успеха. Места, маркированные как воплощение успеха или как оптимальные площадки для движения к нему, приобретают энергию притяжения, выдвигаясь, таким образом, к вершине социально-территориальной иерархии. Место успеха притягивает миграционный поток, имеет положительный баланс возможностей его достижения по сравнению с ограничениями таких траекторий.

Места, маркированные в тех же терминах, но со знаком «минус» (места социальных неудач), приобретают энергию выталкивания. Они смещаются к низу социальной иерархии. Дно социально-территориальной иерархии не просто обозначается словами («отсюда надо уезжать»), но и объективируется в практиках отъезда. [Э.Г. Равенштайн, Эверет С.Ли, В.И. Ильин]

Социальное пространство многомерно. Каждое пространство имеет свою логику социального успеха. Представления о социальном успехе могут не артикулироваться в четких и ясных терминах, векторах движения к успеху. И в итоге субъективные представления об успехе объективируются в формах территориальной мобильности. Миграционная стратегия молодёжи - продвижение к желанному месту в том или ином социальном пространстве в социальной структуре (соотношение цели/ценностных ориентиров и действий актора, связанных с представлениями о социальном успехе).

Цель исследования – определить позицию Омска в структуре социально-территориального неравенства через маркирование молодёжью города Омск в категориях социального успеха, соотнеся баланс факторов притяжения и выталкивания из города молодёжи в возрасте от 25 до 35 лет.

В основу методологии качественного исследования ложится структурно-деятельностный подход. Социальное поведение, с одной стороны, задано объективными условиями, сложившейся социальной структурой, а с другой стороны, порождает ценности и нормы, которые служат для индивидов ориентирами в их деятельности и придают этой деятельности устойчивость и упорядоченность. Особый интерес представляет конструирования, т.е. как цели актора соотносятся с его действиями, которые становятся структурой. Процедура измерения происходит на трех уровнях: ценностные ориентиры молодёжи («что хочет»), представления о реальности («что думает»/ «что имеет»), социальные действия («что делает»). Методологическая рамка структурно-деятельностного подхода дополняется классической теорией притягивающих в город и выталкивающих из населенного пункта факторов.

Описание эмпирического материала

В качестве методики качественного исследования были выбраны полуформализованные интервью. Интервьюирование проходило с 5 по 12 декабря 2016 года в городе Омске молодёжи в возрасте от 25 до 35 лет. Эмпирическая база состоит из 13 полуформализованных интервью, возраст информантов от 24 до 33 лет, трое мужчин и десять женщин. Состав информантов, в зависимости от их миграционного статуса и миграционных намерений: 9 коренных жителей, 4 мигранта (3 человека - в детстве по решению родителей из других городов, один мигрант - в юности из области в город, образовательная миграция).

Критериями для рекрутирования информантов выступали следующие характеристики: наличие опыта профессиональной деятельности, включенность в городские сообщества, либо осведомленность о городских темах и событиях, должна быть сформирована позиция относительно своей собственной миграции, также информанты должны проживать в разных микрорайонах города. На момент интервью строили планы о переезде четверо информантов, из них двое мигрировали.

Основные результаты

По результатам анализа интервью, можно говорить о том, что маркируется, как место социальной неудачи, город смещается к низу социальной иерархии, приобретая энергию выталкивания. Миграционные настроения распространены, выражаются в мнении – «отсюда надо уезжать», «здесь нечего ловить» и локальных мемах «не пытайтесь покинуть Омск», а также

объективируемых практиках отъезда. «Омск, как в собственной коробочке, не дает развиваться. Город консервативный, замкнутый, не обменивается опытом. Много активных людей, но они уезжают» - муж., 24 года, предприниматель. «Омск – город работяга, простой трудяга. Омск – нищета, люди не могут себе позволить большего. Омск – мещанство, простота во всём, ему всё равно, он без инициативен» - муж., 33 года, дизайнер-фотограф. «Омск – ограниченный, потолок» - жен., 24 года, организатор мероприятий. «Омска – это неактуальщина, город не в тренде. Важно жить современно. Надо быть модным городом» - жен., 27 лет, ар-директор сети кофеен.

Встречается также маркирование Омска, как оптимальной площадки для движения к успеху, место, где возможно приобрести необходимую базу для дальнейшего восхождения к вершине социально-территориальной иерархии. «Омск - город возможностей по работе, уникальное место. Небольшая заработная плата, но можешь стать главным архитектором проекта, хочешь поруководить – вот тебе проект. Здесь поработав, ты становишься выше на голову, ценнее в другом месте. Но для хорошей работы нужна подпитка в профессиональной среде в других городах» - жен., 28 лет, архитектор. «Омск ... омичи – стойкие, амбициозные, стремятся, хотят добиться несмотря ни на что. В Омске на работе с тебя требует, люди работают (должен знать, уметь и должен что-то делать) в отличие от Пятигорска, там не урабатываются» - жен., 29 лет, юрист. «Омск – трудяга, а омичи делятся на активных, самореализующихся – редкий или уезжающий тип; потребителей – тяжело работают, зарабатывают деньги, а потом отрываются, по полной спускают деньги. И последние «всё равно» - латентные амёбы, мало что от них зависит. Таких можно раскачать» - жен., 31 лет, монтеessori-педагог.

Миграционная стратегия молодёжи - продвижение к желанному месту в том или ином социальном пространстве в социальной структуре: «.. те, кто могут, те уезжают. Омск мал для их амбиций» - жен., 30 лет, предприниматель-активист. «Своеобразный памятник Врубелю – как будто сбегает из города и оглядывается, нет ли хвоста за ним» - жен., 29 лет, юрист. «Уезжают те, кто не находят здесь того, чего хотят – это, может быть, как образование, так и профессия, но такие, в большей части среди моих друзей, из страны уехали» - жен., 33 года, бухгалтер.

Основными точками притяжения для миграции по мнению информантов выступают следующие города: Москва и Санкт-Петербург, Новосибирск, Красноярск, Краснодар, Таркасале, Сочи, Тюмень.

Выталкивающие факторы миграции:

1) Отсутствие возможности для самореализации.

Причиной отъезда выступает отсутствие условий для построения карьеры и профессионального роста. Кто-то ищет работу самостоятельно, кого-то приглашают, таким образом стимулируя миграцию. Также причиной выступает отсутствие работы, особенно для людей после 25 лет. В Москве и Санкт-Петербурге есть надежда на будущее, там больше возможностей.

2) Низкий доход.

«В другом городе можно заработать больше, можно наслаждаться больше жизнью в материальном плане» - жен., 27 лет, арт-директор сети кофеен.

3) Бедная среда

«Часть друзей уезжала именно из Омска, в поисках лучшей жизни. Туда, где жить интереснее. Много куда можно ездить отдыхать. Скучно им здесь, не видят возможности проявиться здесь» - жен., 31 год, монтеessori-педагог.

4) Низкое качество среды.

Уезжают в красивые города, более социально ориентированные, там, где климат лучше.

Удерживающие от миграции факторы:

1) «Своё дело» (или предпринимательская деятельность в сфере услуг) или активная общественная деятельность уже ведётся людьми.

«Энтузиасты остаются, добившиеся определённого уровня, но понимают ограничения города. Люди, у которых есть идея, сделать место лучше, в котором живут» - жен., 31 год, монтеessori-педагог.

2) Люди, ценящие стабильность.

«Не так уж тут так всё плохо, не так уж там всё так хорошо. Кому смелости или веского повода не хватает» - 26 лет, жен., архитектор. «Остаются те, кто нормально к Омску относятся, у кого нормальная работа, семья» - жен., 31 год, бухгалтер.

3) Простота, без пафоса, не много надо.

4) Социальные сети

Удерживает семья (любят их, скучают по ним, несут ответственность за родителей), друзья, общение, определённая социальная среда.

5) Недостаточность материальных ресурсов.

Не хватает денежных средств для переезда, держит недвижимость (в собственности, или то, что здесь легче купить жильё).

Связь эмпирического материала и теории

В целом, предложенная теоретико-методологическая рамка позволяет описать город в терминах социального успеха и расположить его в социально-территориальной иерархии неравенства. Существенное ограничение на рефлексивность информантов накладывает объективные показатели неблагоустроенности городской среды и состояние рынка труда. Неудачи в данных сферах негативно сказываются на остальных сферах социальной жизни, что приводит, к закономерному, искажению интерпретаций шансов и оценку возможностей для самореализации в городе, приводящих к достижению успеха.

МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ОСОБЕННОСТИ И ПРИЧИНЫ

Васенина И.В. (Москва)

Мы живем в сложном и постоянно меняющемся мире, в котором проблема распространения экстремистских и ксенофобских установок стоит особенно остро. Многие «вечные» болезни человечества переживают свой воспалительный процесс лишь в условиях, активно благоприятствующих этому. Так, например, конфликты на почве национального, расового и религиозного экстремизма встречаются на протяжении всей истории человечества, однако, сегодня актуальны как никогда.

Молодежь – одна из самых уязвимых социальных групп для экстремистских проявлений. Безусловно, это связано с недостаточной зрелостью мышления и сознания, повышенной эмоциональной возбудимостью, переходящей в агрессию; постоянной потребностью в самоутверждении любыми способами; с подверженностью влиянию референтной группы сверстников.

Складывающаяся сегодня ситуация осложняется еще и ослаблением воспитательной работы с подростками и молодежью, снижением доступности социально-позитивных форм досуга и отдыха, отсутствием зримых перспектив социализации и уверенности в завтрашнем дне, манипулированием сознанием молодежи со стороны средств массовой информации, особенно в период предвыборных кампаний. Экстремизм опасен прежде всего тем, что направлен на разрушение целостности государства и общества, представляет собой реальную угрозу стабильности социальных взаимоотношений.

Безусловно, условий и факторов, способствующих распространению экстремизма в российском обществе чрезвычайно много. Однако попробуем структурировать все это сложнейшее многообразие в более или менее стройную систему. Для начала рассмотрим условия и факторы распространения экстремизма.

По мнению Х.Ш. Киясаханова, российскую специфику экстремистских образований в молодежной среде определяют три основных фактора. Первый – социальная и экономическая неустойчивость российского общества на протяжении последних 15 лет и социальная незащищенность значительной части молодежи. Усиливается поляризация социальных групп молодежи мегаполисов и поселений провинции – выходцев из богатых и бедных семей. Среди безработных молодежь в возрасте до 29 лет составляет свыше 30%. [5]

Второй фактор – особенности социальной мобильности в обществе. Каналы восходящей социальной мобильности в 1990-е годы претерпели коренные изменения, и часть молодежи в короткие сроки достигла престижного социального положения и высокого уровня потребления. Возможность быстро достичь успеха, стать богатым появляется у тех слоев, которые участвуют в распределении собственности и власти. Дети элиты и академической и культурной «аристократии» получают качественное образование и высокую профессиональную подготовку, перспективную с точки зрения жизненного успеха. В многочисленных исследованиях констатируется, что образовательная дифференциация молодежи усилилась. Снижается доступность для молодежи качественного высшего образования. Остаются невостребованными около трети выпускников вузов. Более того, коррупционные процессы в вузах достигли

значительных масштабов, поэтому 10 % молодежи отказываются от поступления в вузы по причине финансовой невозможности дать взятку. [5]

Третий фактор – аномия в российском обществе, развивающаяся в двух вариантах, отмеченных Э. Дюркгеймом [2] и Р. Мертоном. В дюркгеймовском смысле аномия проявилась в утере тех нормативно-ценностных оснований, которые необходимы для поддержания социальной солидарности и обеспечения социальной идентичности. На фоне социальной аномии широкое распространение приобретает молодежная преступность. Участие в преступных кланах и группировках становится для части молодежи социально престижным и прибыльным делом. В мертоновской модели аномия [6] есть результат фрустрации вследствие неспособности молодых людей достичь высокого статуса и удовлетворения престижных материальных благ. В молодежной среде аномия приводит к феномену криминального экстремизма. В настоящее время криминализированы многие молодежные сообщества, а принятые в этой среде социокультурные и политические ориентиры приобретают ценностное значение. В числе таких ориентиров особое значение имеют культ физической силы, насилия, правовой нигилизм, нетерпимость к «чужакам» и др. Зачастую солидарность криминальных группировок укрепляется совместными действиями по «зачистке» общества от «изгоев». Здесь активность проявляют праворадикальные экстремистские группы скинхедов, фанатов и пр. Следует признать, что в стране не сложилась целостная, теоретически обоснованная и ресурсно-обеспеченная система социальной безопасности и защиты молодежи, органически сочетающая в себе принципы социальной справедливости и борьбы за выживание каждого человека. [5]

Распространенность экстремистских идей и поступков, наличие экстремистских движений и группировок обусловлены рядом макросоциальных (или объективных) и микросоциальных (или субъективных) факторов молодежной среды.

К числу объективных факторов генезиса молодежного экстремизма, на наш взгляд, можно отнести:

1. Во-первых, системные, не решаемые годами, проблемы российского общества (коррупцию, кризис правоохранительной системы, резкое расслоение общества на «богатых» и «бедных» и т. д.);
2. Во-вторых, падение духовно-нравственного уровня населения России вследствие «засилья» образцов массовой культуры, культа наживы, успеха, физической силы, гедонизма, «легких денег»;
3. В-третьих, дисбаланс системы социализации, воспитания, социального развития молодого поколения;
4. В-четвертых, дисфункциональность системы средств массовой коммуникации, ее отказ от обсуждения множества социальных проблем, пропагандой потребительского поведения;
5. В-пятых, социокоммуникативные изменения и становление глобального информационного общества, бурное развитие инновационных СМК, в первую очередь – Интернета, что привело к потере контроля государства над процессом социализации молодежи.

Именно в таком социальном контексте живет нынешняя российская молодежь, и было бы большим преувеличением считать, что этот социальный контекст не оказывает серьезного влияния на молодое поколение.

К числу субъективных факторов генезиса молодежного экстремизма, непосредственно связанных с социально-возрастными, социально-психологическими и социокультурными характеристиками молодежи, можно отнести: [3]

1. Во-первых, экстремальность как имманентное свойство сознания и поведения молодежи;
2. Во-вторых, несформировавшееся до конца сознание, социокультурный облик;
3. В-третьих, маргинальный, неустойчивый переходный социальный статус молодежи;
4. В-четвертых, эмоционально-чувственное, аффективное восприятие окружающей действительности;
5. В-пятых, инновационную активность, жажду новизны, поиск способов самореализации;
6. В-шестых, некритическое, парадоксальное мышление и отсутствие жизненного опыта, неумение анализировать причины и последствия социальных действий и взаимодействий.

На наш взгляд, именно синтез объективных (широкого социального контекста) и субъективных (имманентно присущих молодому поколению) факторов и предопределяет

распространенность экстремизма в молодежной среде нынешней России. Было бы излишне оптимистичным считать, что существует реальная возможность победить молодежный экстремизм, не решив системных проблем российского социума. К сожалению, молодежь нередко склонна действовать самостоятельно, «вершить суд» и выносить приговор в ситуации, когда соответствующие социальные институты оказываются неэффективными. Именно так произошел всплеск молодежного экстремизма в Москве в декабре 2010 г., когда рядовое преступление, совершенное выходцами из республик Северного Кавказа в отношении футбольного фаната Е. Свиридова, не получило должной (а главное, внятной и быстрой) правовой оценки со стороны правоохранительных органов. Как следствие – выступления радикально настроенной молодежи на Манежной площади, вспышки насилия и противоправных действий, угроза межэтнических столкновений молодежи в столице и других городах.

Профилактика экстремизма в молодежной среде – задача как государства, так и общественных структур, организаций. Ее решение возможно путем выработки согласованной стратегии деятельности, основанной на единых позициях и оценках молодежного экстремизма, а также преодоления ведомственной разобщенности в осуществлении этой деятельности.

1. Бородин Ф. Социальные эксклюзии // *Социологический журнал*. 2000.
2. Дюркгейм Э. *Норма и патология*. В: *Социология преступности*. М., 1966.
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность и особенности проявления // *Социс*. 2008. № 5.
4. Квиляшанов Х.Ш. Социальные факторы и предпосылки развития политического экстремизма // *Труды Академии управления МВД России*. 2008. № 3.
5. Кухтевич Т.Н., Туманян О.В. *Экстремизм в молодежной среде*. – М., 2009.
6. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // *Социология преступности*. М., 1966. С. 300.

ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ ЖАНРОВ НА СОЦИАЛЬНОЕ НАСТРОЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Васильченко Д.Д. (Курск)

В последние годы усиливается внимание к особенностям воздействия средств массовой коммуникации на подрастающее поколение. Средства массовой коммуникации – это не просто источник информации или одно из многих развлечений, оно оказывает огромное воздействие на психику и поведение детей, подростков, молодежь и население в целом. Кинематограф является мощнейшим регулятором общественных отношений, а, следовательно, социальным институтом.

С целью охарактеризовать социальное настроение студентов как объект влияния различных жанров современного кинематографа было проведено социологическое исследование, включающее в себя 2 этапа: 1) количественное исследование: анкетный опрос студентов; 2) качественное исследование: три фокус-группы со студенческой молодежью.

Первый этап эмпирического исследования (N=300) был осуществлен в июне 2016 года на базе Курского государственного университета, он был приурочен к году кино в России. Для формирования выборочной совокупности данного исследования использовалась одноступенчатая стихийная выборка. Выборочная совокупность включила 22,3% представителей мужского пола и 77,7% женского. Средний возраст респондентов составил 20 лет. В ходе опроса респондентам было предложено ответить на 27 вопросов.

Сбор первичной информации второго этапа исследования осуществлялся методом фокус-группы с последующей расшифровкой полученных данных. Социологическое исследование методом фокус-группы позволило раскрыть картину полученных данных наиболее полно. Фокус-группы были проведены в октябре-ноябре 2016 года. В нем приняли участие 37 человек – студенты очной формы обучения факультета философии, социологии и культурологии Курского государственного университета.

Современные фильмы насыщены спецэффектами, профессиональной компьютерной графикой, специальным оборудованием, которые позволяют кинозрителю полностью погрузиться в атмосферу фильма, как правило, далекую от реальности. С целью получения информации о самочувствии молодежи после просмотра фильмов, насыщенных разнообразными спецэффектами, студентам был задан вопрос: «Влияет ли просмотренный Вами фильм на Ваше восприятие объективной реальности?». Результаты исследования показали, что варианты ответов на данный вопрос разделились приблизительно равномерно: 29% студентов ответили положительно, 29% –

отрицательно. 37% отметили, что просмотренный фильм в какой-то степени влияет на восприятие объективной реальности студента. 5% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос.

Полученные данные нельзя охарактеризовать однозначно. Сравнивая распределение ответов на вопрос о влиянии просмотренных фильмов на объективное восприятие реальности студентов, можно заметить, что результаты ответов не соотносятся друг с другом. Так, в ответах на вопросы, касающиеся предпочтений молодых людей в просмотре современных фильмов, явно прослеживалась нить изменения представлений о реальности среди студентов (в зависимости от влияния на них определенного жанра и тематики фильма). В частности, об этом свидетельствуют ответы респондентов, полученные в ходе проведения исследования методом фокус-группы. Например, некоторые студенты, принимающие участие в фокус-группах отмечали, что после просмотра супергеройского боевика с элементами неонуара «Темный рыцарь: возрождение легенды» у них возникали желания, несопоставимые с реальностью: «После просмотра фильма мне безумно захотелось от чего-нибудь спасти планету» – отмечала одна из участниц фокус-групп. Также студенты обсуждали изменение отношения к обществу после просмотра современных фильмов. Выражая свое мнение по данному вопросу, в ходе обсуждения черной трагикомедии, криминала «Грязь», одна из участниц отметила: «Фильм сильно повлиял на меня, я буду теперь более осторожно относиться к людям и обществу в целом». Интересно отметить, что современный кинематограф способен трансформировать и ценности молодого поколения. Например, один из участников исследования методом фокус-группы отметил, что американская черная комедия «Волк с Уолл-стрит» вызвала у него «отторжение к деньгам, и желание добиться чего-то особенного не в материальном плане, а в моральном». В связи с этим можно предположить, что, вероятно, молодые люди не хотят принимать для себя возможное влияние современных фильмов на их восприятие объективной реальности, с чем и связано такое распределение ответов на данный вопрос.

Опрошенные студенты считают, что кинематограф несет в себе не только такие положительные аспекты, как укрепление нравственных ценностей и саморазвитие, но и отрицательные – изменение идеологических и политических взглядов, уход от реальности и пропаганда алкоголя, курения, наркотиков.

Однако необходимо отметить, что в ходе исследования методом фокус-группы, позволяющего узнать более развернутое мнение, были сделаны выводы о том, что, по мнению студентов, кинематограф может отрицательно повлиять на человека исключительно при условии тотального «погружения» в реальность фильма. «Употреблять наркотики или совершить крайне необдуманный поступок после просмотра фильма может захотеться, только если либо человек неадекватный, либо впечатление фильм произвел слишком сильное», – отмечал один из участников исследования методом фокус-группы. То есть в большинстве случаев участники опроса отмечают сохранение критического, осмысленного восприятия фильма и его отличия от реальной действительности, хотя возможность отрицательного влияния кинематографа на действия зрителя и его настроение также существует.

Одновременно с этим молодые люди считают, что кинематограф является своеобразным отражением складывающейся ситуации в обществе, о чем свидетельствуют результаты исследования, проведенного методом фоку-группы. Обсуждая поведение главного героя в черной трагикомедии, криминале «Грязь», респонденты отмечали, что его аморальный образ жизни является совершенно нормальным для современного общества. Один из участников, в ходе обсуждения отметил: «Да, главный герой – аморал, но почему он стал таким аморалом? – Потому что у него были свои проблемы с женой на работе и это были средства защиты от людей, да и потому что жизнь так устроена». Интересно заметить, что большинство студентов, присутствующих на фокус-группах, отметили, что считают оправданным такое описание фильма, так как «это не грязь – это жизнь». Один из студентов считает, что «человек, живущий в иллюзиях каких-то, наверное, думает, что жизнь – это не грязь, это радуга, солнышко, травка под ногами, но если брать другую составляющую, не жизнь, в которой ты живешь, а что в принципе есть в этом мире, то я считаю, что да, это грязь».

Таким образом, полученные данные свидетельствуют о том, что под влиянием просмотренных фильмов в определенной мере происходит трансформация социального настроения. На себе молодые люди, как правило, ощущают влияние фильмов, основанных на реальных событиях и таких факторов, как: мысль, которую хотел передать режиссер; реалистичные события и действия; образ жизни героев.

1. Готов М.Б. Студенчество и кинематограф // Социологические исследования. – 1996. – №8. – С. 75-83.
2. Дондурей Д.Б. Кинопрокат: жемчужина индустрии развлечений // Отечественные записки. – 2005. – №4. С. 35-41.
3. Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // СОЦИС. – 2008. – № 5. – С.87.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У БУДУЩИХ ПСИХОЛОГОВ

Велиева С.В. (Чебоксары)

Аннотация

В статье описываются технологии формирования профессионально-личностных компетенций у будущих психологов к осуществлению ранней комплексной помощи семье и детям с ограниченными возможностями здоровья.

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации (Проект № 27.9732.2017/БЧ; НИ-ОКТР № АААА-А17-117030200202-2)

Система образования, основанная на гуманистических принципах, заложенных Федеральным государственным образовательным стандартом дошкольного образования, центральной ценностью выдвигает личность всех субъектов педагогической деятельности. Реализации гуманистических принципов образования способствует применение аксиологического подхода, позволяющего рассматривать процесс профессиональной подготовки будущего психолога, прежде всего как средство формирования системы ценностей, поскольку даже наличие высокого уровня фундаментальных и профессиональных компетенций не обеспечивает готовность обучающихся к осуществлению в будущем полноценной профессиональной деятельности. В настоящее время ведется активный поиск необходимых средств, форм и методов формирования устойчивой системы гуманистических, духовно-нравственных ценностей обучающихся с учетом социокультурной образовательной среды, профессионально-корпоративных возможностей и с обязательным применением компетентностно-ориентированных технологий [3]. Формирование профессионально-личностных компетенций происходит через профессиональные пробы на факультете и базах практики; организацию обучения с помощью сетевого взаимодействия; проведения мастер-классов Restart, лайф-тренингов, аутобрендинга [1]. Профессиональные пробы предполагают еженедельную практическую работу каждого студента в реальных условиях образовательного пространства. Обучающиеся имеют возможность пролонгированного знакомства со спецификой деятельности разных специалистов в образовательных организациях.

Обучающиеся привлекаются к непосредственной работе воспитателей, психолога, методиста, логопеда, дефектолога (в зависимости от направления обучения), участвуют в организации режимных моментов, проведении мероприятий с родителями и педагогами, в диагностике (психологической, педагогической), коррекции и просвещении. Следующий вариант профессиональных проб предусматривает работу в Центре дошкольной педагогики и психологии, действующего на базе факультета [4].

Для полноценного функционирования профессиональных проб используется специально оборудованный кабинет для занятий с детьми дошкольного возраста (от 2 до 7 лет), в том числе имеющих ограниченные возможности здоровья, их родителями; оснащенный видеоаппаратурой, компьютером, планшетами Samsung со специальными диагностическими и коррекционными программами для детей [2]. Здесь обучающиеся проводят специально-организованные коррекционные и развивающие занятия с детьми, индивидуальные консультации и мастер-классы для родителей, сотрудников образовательных учреждений. Занятия проводятся в паре (два студента одной группы) под руководством преподавателя, с которым предварительно обсуждается и согласуется содержание занятия.

Каждый обучающийся имеет возможность апробировать свои практические умения на двух занятиях по познавательному и психомоторному развитию детей. Обсудить сам процесс проведения занятия позволяет «процесс анализа» (обратная связь), который включает самоанализ (рефлексию), взаимонализ обучающихся и анализ преподавателем качества проведения занятия, положительных результатов и допущенных ошибок и пр. [1].

В рамках спортивно-оздоровительного направления проводятся мероприятия по пропаганде и формированию здорового образа жизни; совместные с детьми и их родителями здоровьесберегающие и здоровьесформирующие тренинги; психотехники, направленные на изменение психических состояний и совершенствование физического состояния; Дни здоровья и туристические походы; спортивные праздники и конкурсы.

Гражданско-патриотическое направление осуществляется через знакомство обучающихся с историей, традициями и особенностями развития республики, города, вуза, факультета; воспитание установок толерантного сознания, профилактики экстремизма и терроризма; создание волонтерской службы социально-психологической помощи детям и подросткам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации (акции помощи детям, имеющих ограничения в развитии, участие во Всероссийской «Неделе добра»).

Психолого-консультационное и профилактическое направление включает в себя социально-психологическую защиту малообеспеченных обучающихся, предоставление разнообразных льгот, в том числе и материальное стимулирование за высокие показатели в учебной, общественной, научно-исследовательской, спортивной, творческой деятельности и др.; профилактику дезадаптации, асоциального и аддиктивного поведения; активизацию культурного самоопределения и саморазвития; обеспечение вторичной занятости (трудоустройство, социально-значимой); укрепление и поддержку молодых семей.

Культурно-эстетическое направление реализуется через раскрытие талантов и способностей обучающихся; поиск новых, активных форм организации досуга (флешмобы, танцы опен-эйр, бисероплетение, ролевые игры живого действия, ТФП-фотосъемка, «Mental-Skills»-технологии); воспитание культуры поведения и общения, готовности к партнерским отношениям; участие в культурно-досуговой жизни города, вуза, факультета (посещение музеев, выставок, театров, кинотеатров, концертов; КВН, конкурсы, праздники, театрализованные представления для детей, обучающихся и преподавателей) [2].

Наиболее эффективно формирование профессионально-личностных компетенций происходит в реализации различных совместных социальных проектов («Мир один для всех», «Мода со смыслом», «Со-Прикосновение: духовный диалог» и пр.).

Целями проекта «Со-Прикосновение: духовный диалог» [2] являются развитие светско-профессионального и православного партнерства в области сопровождения родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья; духовная поддержка и психолого-педагогическое сопровождение родителей, имеющих детей со сложной структурой дефекта, приобщение к диалогу с христианской культурой.

Данный проект предусматривает совместную волонтерскую деятельность преподавателей и обучающихся по оказанию духовной поддержки и организации психолого-педагогического сопровождения родителей, воспитывающих детей раннего возраста со сложной структурой дефекта, с тяжелой формой инвалидности, с соматическим неблагополучием, не посещающих образовательные учреждения.

Проектом предусматривается проведение еженедельных семейных гостиных, досуговых и праздничных мероприятий, в том числе и на чувашском языке, циклов групповых и индивидуальных консультаций, раскрывающих различные аспекты воспитания, развития и обучения детей и подростков с ОВЗ; организацию мастер-классов для детей и родителей, непосредственной образовательной и творческой деятельности. Все эти мероприятия организуются в доступной среде для детей, подростков и людей более старшего возраста, имеющих ограниченные возможности здоровья, для их родителей и других членов их семей. Обучающиеся и преподаватели в специализированных помещениях совместно изготавливают тактильные книги «Мир на кончиках пальцев», которые включают развивающие задания для детей и подростков с бисенсорным дефектом от 5 до 18 лет.

Каждую семью, родителя и ребенка сопровождают специально закрепленные волонтеры из числа бакалавров и магистрантов, которые обеспечивают перемещение и полноценное их участие в мероприятиях проекта. Совместная подготовка и проведение для родителей цикла консультаций по вопросам психофизиологических и психологических особенностей развития детей раннего и дошкольного возраста с ОВЗ; методики обучения социально-бытовой ориентировке и навыкам самообслуживания, логопедической работы при общем недоразвитии речи детей, имеющих множественные нарушения развития, – служат повышению психологической грамотности, практическому овладению современными методиками воспитания и развития детей со сложной структурой дефекта как обучающимися, так и родителями.

Выше перечисленные мероприятия способствуют оптимизации физического и психического состояния обучающихся, формированию профессионально-личностных компетенций, осознанию реальных и декларируемых духовно-нравственных ценностей, открытию и осмыслению своего прошлого, настоящего и будущего Я в форме индивидуальной целостности и неповторимости.

1. Велиева, С. В. *Формирование психологической готовности будущих педагогов в области психологии к инновационной деятельности* / С. В. Велиева. – Москва : МПГУ, 2014. – 170 с.

2. Велиева, С. В. *Педагогические средства профессионально-личностной подготовки будущих педагогов и психологов дошкольных организаций* / С. В. Велиева // *Проблемы и перспективы формирования педагогической культуры у студентов в условиях реализации профессионального стандарта педагога* : сб. науч. ст. / сост., науч. ред. : Н. В. Абрамовских. – Сургут : Тюмень : ООО «Аксиома», 2016. – 360 с. – С. 138–140.

3. Петрова Т.Н. *Формирование нравственно-правовой культуры студентов вуза : теория и практика* : монография. – Москва : МПГУ, 2015. – 163 с.

4. Ivanova, N. V. *Научно-методическое обеспечение мониторинга профессиональной готовности будущих педагогов к коммуникативно-речевому развитию дошкольников в условиях диалога культур* / N. V. Ivanova, G. P. Zaharova, N. N. Vasileva, T. S. Guseva, M. U. Derjabina, S. V. Velieva, T. N. Semenova // *Scientific and Methodic Basis for Monitoring of Professional Readiness of the Future Teachers to Communicative Language Development of Preschool Children in a Dialogue of Cultures // Mediterranean Journal of Social Sciences*. – Vol 6. – No 2 S3 (2015). – S. 50–57.

НОНКОНФОРМИЗМ СРЕДИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

Вершинина М.А. (Москва)

Аннотация: В статье рассматривается влияние социальной среды университета на проявление неконформистских настроений у студентов. Данное явление автор связывает с различными социальными факторами, которые формируют благоприятную или неблагоприятную социальную среду в университете. На примере кейса о студентах социологического факультета МГУ и глубинных интервью, проведенных автором, предпринимается попытка разобраться в условиях, способствующих нарастанию дискомфорта в учебных студенческих группах и формированию у студентов неконформистских настроений.

Являясь членом разных сообществ каждый вынужден следовать нормам, установленным системой взаимоотношений данного общества. Индивид стремится к созданию комфортных условий для самореализации. Но условия существования системы, обеспечивающей функционирование всего общества, не всегда совпадают с целями и предпочтениями отдельно взятых людей. Проблема повиновения сопровождает человечество с истоков цивилизации и остается актуальной сегодня. Давление группы – одна из самых мощных социальных сил.

Являясь частью образовательной системы, студенты разных ВУЗов вынуждены подчиняться требованиям руководства своего университета. Проблема заключается в том, что данные требования не всегда совпадают с желаниями и целями самих учащихся, что создает определенный дискомфорт и негативное отношение к образовательной сфере. Формально, участники образовательного процесса могут влиять на среду, в которой они получают образование, но далеко не каждый студент реализует такую возможность.

Согласно Мертону конформизм — это такое поведение, когда и цели и средства достижения целей одобряются обществом. Такое поведение не является девиантным. В противоположное данному понятию, Мертон выделяет понятие мятеж, для которого характерен отказ от целей и средств, предлагаемых и принимаемых обществом, с одновременной заменой их принципиально новыми целями и средствами. Мертоновское понятие мятеж близко тому, что автор понимает под неконформизмом. [Мертон Р. Социальная структура и аномия]

Университет является ярким примером системы, в которой каждый ее член подчинен каким-либо правилам, имеет ряд обязанностей. Ярким проявлением неконформизма в студенческой среде является ситуация, сложившаяся на социологическом факультете МГУ в 2007 году. Студенты социологического факультета выступали за улучшение качества образования, в процессе обучения они сталкивались с множеством проблем в том числе нарушения при сдаче экзаменов и зачётов. Сложившаяся плачевная ситуация на соцфаке в 2007 году передового вуза страны вызвала протест части студентов, в результате чего была организована инициативная

группа под названием «OD Group». За год существования участники этой группы активно рассказывали в СМИ о положении дел на соцфаке. [Инициативная группа соцфака МГУ OD Group]

Стэнфордский тюремный эксперимент, проведённый Филипом Зимбардо в 1971 году, представляет собой психологическое исследование реакции человека на ограничение свободы. Суть эксперимента в том, что добровольцы играли роли охранников и заключенных, проживая в условной тюрьме, устроенной в подвале факультета психологии. Заключенные и охранники быстро приспособились к своим ролям, и, вопреки ожиданиям, стали возникать по-настоящему опасные ситуации. В каждом третьем охраннике обнаружили садистские наклонности, заключенные были морально травмированы. [Зимбардо Ф. Эффект Люцифера, 2014, с. 70]

Одним из значимых исследований подчинения стал эксперимент С. Милгрэма. Участникам он был представлен как исследование влияния боли на память. В опыте участвовали экспериментатор, испытуемый и актёр, игравший роль другого испытуемого. Заявлялось, что один из участников, выполняющий роль так называемого “ученика”, должен выучить пары слов из длинного списка, а другой, выполняющий роль “учителя” — проверять память первого и наказывать его за каждую ошибку всё более сильным электрическим разрядом.

Результаты эксперимента показали, что 26 из 40 испытуемых увеличивали напряжение, пока исследователь не отдавал распоряжение остановить эксперимент. Лишь пятеро испытуемых – 12,5 % – остановились на напряжении в 300 В, когда жертва начала проявлять первые признаки недовольства. [Эксперимент Милгрэма. Бихевиористское исследование подчинения]

В экспериментах Соломона Аша студентов просили, чтобы они участвовали в, так называемой, “проверке зрения”. На самом деле цель исследования заключалась в проверке реакции одного студента на ошибочное поведение большинства. В экспериментах все участники, кроме одного, были «подсадными утками». Им по порядку демонстрировались две карточки: на первой изображена одна вертикальная линия, на второй — три, только одна из них такой же длины, что и линия на первой карточке. Задача студентов заключалась в том, чтобы ответить, какая из трёх линий на второй карточке имеет такую же длину, что и линия, изображённая на первой карточке. Если испытуемый отвечает правильно, не соглашаясь с мнением большинства, то он испытывает чрезвычайный дискомфорт. Результат: 75 % испытуемых подчинились ошибочному мнению большинства, по крайней мере, в одном вопросе. [Эксперимент Соломона Аша. Конформность]

Индивид, существуя и организуя свою деятельность в условиях какой-либо социальной среды непосредственно становится ее “заложником”. Чаще всего общество реагирует негативно на так называемых неконформистов. Проявление неконформизма - сопротивления правилам, установленным системой, могут восприниматься как форма девиации.

Помимо рассмотрения экспериментов и кейса об OD групп были проведены глубинные интервью со студентами российских ВУЗов. Анализируя данные интервью также были сделаны некоторые выводы.

В частности, неконформизм проявляется через действия группы, а не отдельного человека; среди факторов порождающих дискомфорт в учебных группах двумя студентками была названа балльнорейтинговая система; в основном студенты, отстаивающие свою позицию всё же опасаются за своё положение в университете, у них есть страх оказаться наказанными или же отчисленными, поэтому большинство старается выражать свои требования в рамках устава, предусмотренным университетом.

Из рассказанного студентами разных ВУЗов, наиболее крупными изменениями, инициаторами которых стали студенты, были смена старосты, преподавателей. Т. е. события, не выходящие даже за рамки факультета или института.

Первые исследования автора показали, что изучение проявлений неконформизма в студенческой среде представляют собой интересное, но тем не менее довольно трудное занятие. Первое небольшое исследование автора открыло некоторые пути изучения явления неконформизма в образовании, среди них также проведение глубинных интервью со студентами разных ВУЗов, также изучение отдельных случаев отстаивания студентами своих прав и интересов через написание заявлений, петиций, проведение пикетов и т.д., а также изучение социальной активности студентов вне университетской жизни, заинтересованность студенчества острыми социальными проблемами всего российского общества.

- Мертон Р. Социальная структура и аномия. <http://ecsocman.hse.ru/data/894/429/1218/012.MERTON.pdf>
 Эксперимент Милгрэма. Бихевиористское исследование подчинения [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyfactor.org> (дата обращения: 24.02.2017)
- Эксперимент Соломона Аша. Конформность [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyfactor.org> (дата обращения: 24.02.2017)
- Инициативная группа соцфака МГУ OD Group [Электронный ресурс]. – URL: <http://chronicles.igmsu.org> (дата обращения: 24.02.2017)
- Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 744 с.
- Мертон Р. Социальная структура и аномия. <http://ecsocman.hse.ru/data/894/429/1218/012.MERTON.pdf>
 Эксперимент Милгрэма. Бихевиористское исследование подчинения [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyfactor.org> (дата обращения: 24.02.2017)
- Эксперимент Соломона Аша. Конформность [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyfactor.org> (дата обращения: 24.02.2017)
- Инициативная группа соцфака МГУ OD Group [Электронный ресурс]. – URL: <http://chronicles.igmsu.org> (дата обращения: 24.02.2017)
- Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. – М.: Альпина нон-фикшн, 2014. – 744 с.
- Мертон Р. Социальная структура и аномия. <http://ecsocman.hse.ru/data/894/429/1218/012.MERTON.pdf>
 Эксперимент Милгрэма. Бихевиористское исследование подчинения [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyfactor.org> (дата обращения: 24.02.2017)
- Эксперимент Соломона Аша. Конформность [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyfactor.org> (дата обращения: 24.02.2017)
- Инициативная группа соцфака МГУ OD Group [Электронный ресурс]. – URL: <http://chronicles.igmsu.org> (дата обращения: 24.02.2017)

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА СОВРЕМЕННУЮ РОССИЙСКУЮ МОЛОДЕЖЬ

Волошенюк А.М. (Санкт-Петербург)

Аннотация

Очевидно, что под действие как позитивных, так и негативных обстоятельств глобализации первым делом попадает молодежь, являющаяся особенно уязвимым к внешнему влиянию пластом общества. В данной работе рассматривается влияние глобализации на современную российскую молодежь.

Глобализация вбирает в себя экономическую, политическую, культурную сферы общества и конечно же социальную, ибо люди на протяжении всей истории человечества делали всё возможное, чтобы стать единым целым, интегрировавшись в некую целостность, что претворилось в прогрессивное совершенствование развитие общественных систем. [1]. То есть, можно отметить некие характеристики глобализации такие, как гомогенизация жизненного мира и интеграция индивидуальных форм общественной жизни, что поможет нам в понимании поставленного вопроса.

Важно учитывать, что «американизация» и «макдональдизация» имеют отношение к выработыванию механизмов глобализации, которые влияют на нашу молодежь, являющуюся слоем, особенно подвластным влиянию как позитивных, так и негативных факторов глобализации. [2].

Позитивным в данном вопросе является межкультурное взаимодействие, зарождающееся из-за глобальных перемещений, споспешествующее обогащению духовных ценностей молодежи, возрастание заинтересованности к другим культурным традициям, религиям. Кроме этого, глобализация неотступно пробуждает экономическое развитие.

Тем не менее, глобализация многообразно действует на видоизменение ценностей молодежи и не всегда является позитивным элементом.

Можно отметить, что в российской культуре, мажорирующей оказывается направленность на единообразие. На сегодняшний день, проблема взаимодействия языков является явной, что связано с языковой глобализацией, так как сформировавшийся общепринятый разговорный язык – английский является причиной совершенно иного ментального восприятия окружающей действительности, обеспечивая совершенно другую перцепцию молодежью мира. Рассуждая о нашей молодежи, безусловно, можно отметить тот факт, что западная массовая культура делается глобальной для неё, что способствует размытию местных традиций.

Наша молодежь учится абсолютно по иным канонам, ибо глобализация способствовала краху стереотипов российского образования, постепенно объективно интегрирующегося в систему мирового образования. Российская молодежь при наличии возможностей всё больше и больше

стремится учиться за границей, так как это считается более престижным. В восприятии молодого поколения сформировался образ России как бедной или, в лучшем случае, развивающейся страны, что усиливается неоднозначностью глобализационных ракурсов российского общества и его импакта на сущность глобализации. Для молодежи лакомы позиции скупого изоляционизма, отдаления от разрешения глобальных проблем.

Изменение сознания в сторону криминализации, чувство вседозволенности, связанные с обесцениванием духовных ценностей, что обусловливается изменением экономической системы и увеличивающийся разрыв между богатыми и бедными, т.е. размежевание общества по принципу социальной дифференциации есть негативные последствия глобализации, имеющие место быть в нашем обществе.

Таким образом, на данном этапе, мы имеем такую непростую ситуацию, что наша молодежь, выращенная и вскормленная на базе западного течения, по существу абсолютно утратившая исторические корни, молодежь, которая не ощущает своей принадлежности к русскому народу, не старается быть благодатной для общества, а придерживается своих индивидуальных принципов, идей, порой пренебрегая моральными ценностями. Именно это поколение является будущим нашей державы, полностью зависящее от западного влияния, которое будет преследовать в России исключительно свои эгоистические интересы, утапывая, расплывая и разжижая жизненные ориентиры и ценности народа. Если не взяться со всей серьезностью за вопрос возрождения и детализирования ценностей социума и самосознания русского народа, то в таком случае именно подобного рода мрачное будущее будет наиболее близко к реальности.

1. Бек У. *Что такое глобализация?* М., 2001.
2. Ритцер Дж. *Современные социологические теории.* СПб., 2002. С. 499.
3. Гидденс Э. *Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь.* М., 2004.
4. Маликова Н.Р. *Социальное измерение глобализации.* М.: РГГУ, 2012. 294 с.
5. *Глобализация: История, современность и искусство/ К.Б. Соколов.* – М.: Государственный институт искусствознания, 2012. – 444 с.

ВЛИЯНИЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ УСТАНОВОК НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ

Гаджиева С.С. (Волгоград)

Проблема взаимосвязи ценностных ориентаций и потребительского поведения населения заслужила особое внимание во время активного развития торговой промышленности и общества потребления в целом. Поведение потребителей стало рассматриваться как комплекс различных проявлений деятельности человека в мире потоков товаров и услуг, которое определяется потребительскими установками. Они в свою очередь формируются под влиянием множества факторов: социально-демографических, экономических, психологических и многих других[1].

Однако не только личностные характеристики оказывают воздействие на поведение потребителей, но и общая картина потребительских ориентировок в стране и целом мире может влиять на формирование различных аспектов личности человека, в том числе на его ценности. Социальная среда оказывает влияние на ценностную иерархию человека, что представляет собой интерес в период развития эпохи потребления[3, 6].

Общество потребления представляет собой систему социальных отношений, ключевым элементом которых является индивидуальное потребление в рыночной среде. Такой тип общества является закономерным следствием развития капитализма, что приводит к избытку производимых товаров и услуг. Особенностью потребления становится то, что оно выходит за рамки, ограниченные физиологическими потребностями. Объем производимой продукции начинает существенно превышать покупательскую способность населения. В результате производители вынуждены соревноваться за потребителей.

Характерным для общества потребления является то, что в организации торговли ключевыми становятся крупные торговые центры, а также супермаркеты. При этом они превращаются из обычного магазина, где можно только приобрести товар, в место для проведения досуга. Как следствие, поведение покупателей также меняется, появляется новая форма досуга – шопинг. Человек теперь стремится в торговый центр не ради покупки, а для того, чтобы провести там свободное время[2, 5].

В рассматриваемой модели общества люди крайне озабочены потреблением. Человек ориентируется не на будущее (что характеризовало бы стремление к накоплению), а на настоящее, что обуславливает расточительство. В условиях этого типа общества формируется новый тип человека, главной характеристикой которого является стремление к потреблению с целью формирования своей идентичности[4].

Потребительское поведение мотивировано потребностью - возникшим несоответствием между актуальным состоянием субъекта и его желаемым состоянием. Так как потребности присутствуют у всех людей, они признаются окружающими, однако не все способы ее удовлетворения могут одобряться окружающими. Таким образом, одна потребность может удовлетворяться разными способами, но в то же время одна модель поведения может соответствовать различным потребностям. Если человек демонстрирует какое-либо поведение, оно может выражать множество потребностей (социальных, когнитивных, эмпирических). Одной из главных задач изучения потребительского поведения является выявление подлинных потребностей потребителей.

Важную роль в изучении потребительского поведения также занимают нормы, установки, социальные представления, символические и культурные аспекты потребления. Эти компоненты зачастую являются неосознанными, однако представляют наибольший интерес. Человек оценивает товар через личную иерархию ценностей и представления об идеальном образе жизни[7]. Система ценностей человека в своей основе является зачастую не осознанной, однако напрямую влияет на представления человека о стиле жизни и идеальном «образе Я».

С целью изучения взаимосвязи ценностных ориентаций молодежи и типа потребительского поведения нами было проведено исследование.

Было сформулировано две гипотезы:

1. Ценностные ориентации молодых людей, которые демонстрируют ожидаемые для современного общества потребительские ориентировки, имеют низкую степень корреляции с ценностными ориентациями молодых людей, которые не демонстрируют ожидаемые для современного общества потребительские ориентировки.

2. Отдельные ценности молодых людей, которые демонстрируют ожидаемые для современного общества потребительские ориентировки, отличаются по своему среднему значению от отдельных ценностей молодых людей, которые не демонстрируют ожидаемые для современного общества потребительские ориентировки.

Общее количество опрошенных составило 32 человека. В качестве испытуемых выступили представители молодежи (17-23 года). В числе респондентов 18 женщин и 14 мужчин.

На первом этапе исследования была проведена авторская методика, состоящая из двух групп высказываний, с целью выявления потребительских ориентировок и особенностей потребительского поведения молодежи. Респонденты были разделены на две группы: у респондентов первой группы обнаружены характерные для общества потребления потребительские ориентировки, у респондентов второй группы не обнаружены характерные для общества потребления потребительские ориентировки. К первой группе было отнесено 15 респондентов, ко второй – 17.

На следующем этапе исследования была проведена методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, адаптированная А.А. Гоштаутасом, А.А. Семеновым и В.А. Ядовым и модифицированная Д.А. Леонтьевым. Был вычислен средний ранг отдельных ценностей по группе и произведено их сравнение. В результате были обнаружены ценности, которые имели значимые расхождения в рангах между группами. К ним относятся следующие: интересная работа, удовольствия, развитие, высокие запросы, чуткость, честность, аккуратность, смелость в отстаивании своего мнения. Таким образом, в этот перечень вошли и терминальные, и инструментальные ценности.

Также ценности были объединены в блоки, было высчитано среднее значение рангов по ним и произведено сравнение между группами. Данное сравнение не выявило значительных различий в блоках ценностей между двумя группами.

На следующей этапе исследования был произведен статистический анализ взаимосвязи усредненных иерархий ценностей среди двух групп с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Расчеты производились с помощью программы статистической обработки данных IBM SPSS Statistics 22.0. Полученные результаты показали, что между ценностными ориентациями двух групп существует тесная связь.

Таким образом, первая гипотеза была опровергнута - ценностные ориентации молодых людей, которые демонстрируют ожидаемые для современного общества потребительские ориентировки, имеют высокую степень корреляции с ценностными ориентациями молодых людей, которые не демонстрируют ожидаемые для современного общества потребительские ориентировки.

Вторая гипотеза была подтверждена - отдельные ценности молодых людей, которые демонстрируют ожидаемые для современного общества потребительские ориентировки, отличаются по своему среднему значению от отдельных ценностей молодых людей, которые не демонстрируют ожидаемые для современного общества потребительские ориентировки.

1. Блэкуэлл Р. *Поведение потребителей [Текст] : пер. с англ. / Р. Блэкуэлл, П. Миниард, Дж. Энджел. – 10-е изд. - СПб.: Питер, 2007. - 944 с.: ил. – (Серия «Классический зарубежный учебник»)*
2. Бодрийяр Ж. *Общество потребления [Текст] : пер. с фр. / Ж. Бодрийяр. - М.: Республика, 2006. – 272 с.: ил. – (Серия «Мыслители XX века»)*
3. Кляйн Н. *No Logo. Люди против брендов [Текст] : пер. с англ. / Н. Кляйн. - М.: Добрая книга, 2012. – 624 с.*
4. Маркузе Г. *Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества [Текст] : пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова / Г. Маркузе. - М.: Издательство АСТ, 2002. – 526 с.*
5. Ильин, В. И. *Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность [Текст] / В. И. Ильин // Мир России. - 2005. - № 2. - С. 3-40.*
6. Тульчинский, Г. Л. *Маркетинг и массовая культура [Текст] / Г. Л. Тульчинский // Вестник культуры и искусств. - 2006. - № 2 (10). - С. 35-45.*
7. Ульянина, О. А. *Проблема влияния рекламы на формирование ценностных ориентаций и интересов современного общества: социологический анализ [Текст] / О. А. Ульянина // Вестник Волгоградского государственного университета. - 2010. - № 8-1. - С. 65-68.*

МИРОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО (НА ПРИМЕРЕ МОНГОЛЬСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ)

Ганбат Оюунтуяа (Улан-Батор, Монголия)

Военная социология, как особая ветвь социологии, возникла относительно недавно, хотя многие проблемы, относящиеся к ее компетенции, ставились и описывались в работах известных мыслителей уже в глубокой древности. Она призвана изучать взаимоотношения между командирами и подчиненными, взаимозависимость между личностями и военными коллективами, их взаимозависимость, особенности профессии и социальное поведение военнослужащих, их ролевые функции, социальный статус военного коллектива.

Направление в военной социологии, посвященное проблемам миротворческой деятельности является новым, поскольку сама эта деятельность получила свое развитие лишь в последние десятилетия в связи с резкой интенсификацией глобальных процессов. Специфика этой деятельности предполагает ее изучение в рамках военной социологии на основе взаимосвязи социологии и военной науки. [5]. Согласно принятому определению, миротворческая деятельность - это международные действия, проводящиеся под руководством ООН, других соответствующих региональных органов или определенных государств в соответствии с уставом Организации Объединенных Наций и по решению, принятому Советом Безопасности Организации Объединенных Наций (далее, ООН). [2].

Значительный научный интерес представляет собой изучение этого нового социального явления в трех аспектах:

1) влияние миротворческой деятельности на социальные процессы в стране, военнослужащие которой принимают участие в миротворческой деятельности, 2) на личность военнослужащего, 3) на общественное мнение в стране.

В настоящем сообщении предпринята попытка раскрыть преимущественно первый аспект на основе изучения опыта Монголии.

Военнослужащие Вооруженных сил Монголии официально начали участвовать в миротворческой деятельности ООН и других международных военных миссиях с 2002 года, и по состоянию на 2015 год в общей сложности было направлено 12000 военнослужащих. [3].

Воинская служба, особенно участие в военных действиях или в миротворческих операциях, требует от каждого военнослужащего высоких профессиональных знаний, умений и навыков, повышенной выносливости и психологической готовности к выполнению служебного долга, от чего зависит успешность его конкретных действий.

Готовность монгольских военнослужащих к участию в миротворческих операциях (помимо принятой в современной монгольской армии их профессиональной подготовки) в известной мере обеспечивается участием подрастающего поколения в ведении традиционного хозяйства – кочевого скотоводства. Достаточно суровый быт скотовода-кочевника закаляет тело и душу молодого монгола, приучает его переносить голод и жажду, жару и холод, воспитывает способность к длительным физическим нагрузкам.

Кроме того, исторический опыт участия монгольских воинов в многочисленных войнах, передаваемый от поколения к поколению, учит современных военнослужащих храбрости и стойкости при выполнении миротворческих операций. В частности, ярким примером мужества и храбрости являются действия старших прапорщиков Г.Аззая, Ш.Ёндонсамбуу, которые спасли жизни 2000 человек во время атаки на базу Чарли в Ираке 18 февраля 2004 года. [1].

Отмечено, например, что миротворцы из Монголии, страны с суровым климатом, быстрее адаптируются в странах с жарким климатом по сравнению с военнослужащими из других стран.

Дополнительными факторами, влияющими на успешность адаптации, большинство участников опроса в исследованиях 2010 года отметило теплый прием миротворцев населением данной страны, дружеское общение и взаимопомощь в воинском коллективе. В опрос 2015 года были отмечены организаторские способности военного командования, образование и хорошее знание иностранного языка самих военнослужащих. Особую роль играет знание английского языка. Опросы 2010 года показывали, что у военнослужащих возникали трудности из-за языкового барьера, поскольку только 2 военнослужащих из каждых 10 человек монгольской военной команды знали английский язык. Об этом говорил начальник Генерального штаба вооруженных сил Монголии генерал Ж.Бямбажав, ставя задачу научить основам языка каждого военнослужащего.[4]. Опрос 2015 года показывает, что эта задача практически выполнена.

Отрицательно влияли на адаптацию к участию в миротворческой операции в конкретной среде такие отмеченные миротворцами факторы, как жаркий климат (34.6% опрошенных), загрязнение природы, грязь (18.3% опрошенных), возможный непредугаданный риск (15.6% опрошенных). Отмечено, что адаптация женщин военнослужащих, участвующих в миротворческой операции, проходит сложнее, нежели у мужчин (в частности, они больше подвержены чувству ностальгии).

В настоящее время в миротворческих операциях участвуют военнослужащие мужчины и женщины. Их возраст составляет 25-40 лет, то есть они находятся в полном расцвете сил. Можно отметить тенденцию к повышению доли женщин к участию в операциях. Так, в 2010 году в них принимали участие 5.4% женщин военнослужащих (военнослужащих мужчин – 94.5%). А в 2015 году участвовали уже 24.2% женщин (мужчин – 75.2%). Малочисленность женского состава среди участников миротворческих операций в начальный период объясняется тем, что отбор производился по специальностям, связанным с медициной (врачи, медицинские сестры, психологи). Повышение их доли в составе миротворцев связано, по-видимому, что женщинам передаются некоторые воинские специальности (связисты, операторы электронных систем и пр.).

Участие монгольских военнослужащих в миротворческих операциях может сказываться позитивно и негативно на личности военнослужащего и его дальнейшей судьбе.

Позитивными последствиями являются повышение профессионализма, приобретение жизненного опыта (в частности, опыта общения с представителями иных культур), расширение кругозора, укрепление психической устойчивости, улучшение материального положения и перспектив продвижения по службе. Большинство военнослужащих удовлетворено своим участием в миротворческих операциях. По итогам опроса, проведенного в 2010, 48.5 % военнослужащих отметили очень высокую удовлетворенность, 43.1% - достаточную удовлетворенность, 8.2% - среднюю удовлетворенность. Военнослужащих, неудовлетворенных участием в миротворческих операциях не оказалось. А в исследовании 2015 года 42.8% военнослужащих отметили высокую удовлетворенность, 57.1% - достаточную удовлетворенность удовлетворенное. Военнослужащих среднеудовлетворенных и неудовлетворенных не оказалось.

Возможные негативные последствия связаны с тем, что пока не определены риски, человеческие и иные потери, изменения в общественном мнении, которые могут возникнуть вследствие ошибок и потерь. Участие Монголии в рискованных миротворческих миссиях пока не

повлекло серьезных потерь и ущерба для жизни и здоровья военнослужащих, но в дальнейшем необходимо наращивать усилия по предотвращению рисков, а также предусматривать меры компенсации военнослужащим и их семьям за причиненный ущерб.

В эпоху глобализации растет опасность межкультурных, этнических, религиозных конфликтов. Снизить возможные потери от них призвано такое новое явление, как миротворчество. Монголия готова внести свой вклад в это благородное дело.

1. Баярсайхан, Д. Иракская война. УБ., 2007. с. 425
2. Закон об участии в мироподдерживающей деятельности. /Новый пересмотренный/ Глава I. П.3.1.1. УБ., 20.05.2010.
3. Отчёт исследования Научно-исследовательского Института Вооруженных сил. УБ., 2015. с. 29
4. Опыт и уроки, извлеченные из команды вооруженных сил Монголии и миротворческие операции Сьерра-Леоне и Чада., 2010.
5. Паламдорж. Ш. Военная наука 51. УБ., 2008. с. 324

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ

Гара В.В. (Минск, Республика Беларусь)

Аннотация

В тезисах доклада рассматриваются (анализируются) изменения, произошедшие (происходящие) с ценностными ориентациями молодежи, установленные по результатам проведенных социологических исследований. Выделены ключевые моменты и прежде всего отношение молодых людей к будущему роду трудовой (профессиональной) деятельности (месту работы) и основным критериям его выбора.

Изменения, произошедшие в результате распада советского союза, породили ряд независимых государств, осуществляющих свою политическую деятельность на основе имеющегося опыта, ценностей и традиций народов. Настолько серьезные изменения повлияли на базовые ценности всех социальных групп (слоев) государств, ранее входящих в состав советского союза, а ныне независимых государств, являющиеся фактором, регулирующим мотивацию индивида (группы, общества), что наиболее четко проявляется в случае необходимости сделать важный выбор либо принять сложное решение, которое в дальнейшем влечет за собой определенную ответственность. При этом наиболее значимы ценности (ценностные ориентации) молодежи, так как именно они влияют на дальнейшее развитие (преобразование, изменение) жизни общества в целом. Ценностное восприятие реальности порождает мотивацию действий, основанную на ценностных отношениях, которая дополняет мотивацию, основанную на потребностях. Ценностные ориентации являются главнейшим фактором, регулирующим мотивацию индивида (группы, общества). Поэтому при их существенной важности в жизнедеятельности всех людей особое значение приобретает процесс изучения ценностных ориентаций молодежи в период выбора ими жизненной стратегии [1].

Структура ценностных ориентаций человека (группы) очень многогранна, в ней выделяется относительно устойчивое ядро, которые называют базовыми ценностями. Их активное формирование происходит при первичной социализации индивида и завершается примерно к 20 годам, после чего они остаются достаточно стабильными, но в период кризиса могут претерпевать значительные изменения. При этом изменения в большей степени затрагивают структуру ценностей, нежели их содержание. Социально-экономические (социокультурные) потрясения, как правило, вынуждают индивида, группу, особенно молодежь, изменить отношение к ценностям, их некоторая часть преобразовывается из одобряемых в неодобряемые и наоборот. Социологические опросы молодых людей, проведенные в конце 90-х годов, позволили выявить устойчивость базовых ценностей, основывающихся на общечеловеческих ценностях и нормах, переплетающихся различными способами в сознании индивида.

Структура ценностей молодежи, сформированная по результатам проведенных опросов показывает сравнительную важность тех или иных видов деятельности и жизненных обстоятельств для молодых людей. У них сформировалось относительно четкое представление о возможностях успеха, при этом социальный капитал (образование, опыт работы, готовность работать), который можно получить благодаря личным усилиям, уступает по своим возможностям капиталу связей и денег, что говорит о понимании молодыми людьми отсутствия в жизни равенства даже в том, что относится к первоначальным (стартовым) условиям.

Произошел существенный сдвиг в системе ценностных ориентаций молодежи в сторону индивидуализма, в достижении успеха молодые люди рассчитывают на свои личные качества, и ценят такие из них как образованность, общительность, упорство, воля. Активная жизненная стратегия стала своеобразным вооружением молодежи, основой которого является идея личной самодостаточности. Ценностные ориентации молодежи в сфере материального обеспечения, прежде всего, связаны с повышением профессионального уровня как важнейшего фактора улучшения своего материального положения, и готовностью активно действовать для получения более перспективной профессии. В целом, выбор ценностных ориентаций молодежи носит прагматичный характер, молодые люди стремятся к материальному достатку и быстрому получению удовольствия [2].

Ценность «работа» в иерархии ценностей находится на лидирующих позициях, так как позволяет самореализоваться и обеспечить некий материальный достаток. Мотивы в данном случае, играют ключевую роль. Молодые люди в иерархии ценностей сферы занятости на первое место ставят высокую оплату труда. Также среди мотивов выбора того или иного занятия значительным количеством учитываются такие параметры как: интересная работа, удобный режим, работа, позволяющая чего-либо достичь. При этом молодые люди понимают, что они прежде всего сами устраивают свою жизнь, и если что-то не получается, в этом в первую очередь их вина. Другими словами, для молодых людей будущий род деятельности (место работы) приобретает определенную значимость, и они ориентированы на собственные силы, стремятся к самореализации, и первостепенную значимость имеет материальная составляющая [1].

Немаловажным аспектом трудовой деятельности является ее определенная независимость и престижность в обществе. Для молодых людей в основе выбора рода деятельности лежит не призвание, а стремление найти высокооплачиваемую работу с комфортными условиями труда, т.е. труд не является самостоятельной ценностью, а выступает в качестве инструмента, позволяющего достигнуть определенного материального достатка и престижного положения в обществе [3].

Значимость различных аспектов выбора места будущей работы группирует ценностные ориентации. К первой группе относятся ценности оплаты труда и интересной работы, ко второй группе – ценности семьи и стабильной работы. При этом имеет место существенный разрыв между данными группами ценностных ориентаций с преобладанием индивидуально-прагматической направленности. Однако семья является связующим звеном (а возможно и элементом перехода) между индивидуально-прагматической направленностью трудовой активности и коллективистской направленностью [4].

Настоящее время это период системы ценностей, характерной чертой которого является «рыночное» сознание. Оно аномально, так как, с одной стороны, не в полной мере сохранило достоинство прежнего (социалистического), а с другой, уже приняло недостатки нового (капиталистического). В результате общество разделилось на тех, кто работает на себя, и на тех, кто работает на государство. При этом последние уверены, что их труд оплачивается не в полной мере. У бюджетной сферы нет права продавать свой труд по рыночной стоимости, но как покупатель товара она вынуждена платить за него рыночную цену. В этом заключается противоречие современного общества, которое влияет на ценностное сознание человека.

Образовавшееся в новых условиях поколение людей вытесняет общественные ориентиры, заменяя их личными, стремится к самостоятельности (независимости), соответственно, для него возросла значимость свободы. В достижении успеха в жизни рассчитывает, главным образом, на собственные силы (профессиональные качества). Внешние факторы (содействие государства либо других лиц) во внимание принимается, но их роль менее значима [5].

Несмотря на произошедшие изменения во всех сферах общества, к которым наиболее восприимчива молодежь, являющаяся носителем перемен, нельзя сказать, что имеет место кризис ценностей, так как «традиционные» ценности устойчивы. Безусловно, сформировалось новое поколение, которое самостоятельно отреагировало на социально-экономические и идеологические перемены, социализировалось в новых условиях, и это оказало определенное влияние на его ценностный мир.

Молодые люди в своей жизни не руководствуются строго ограниченным количеством ценностей, число значимых для них ценностей достаточно велико, т.е. у них разноплановое представление о своей жизни и соответственно они следуют большому количеству ориентаций различного типа [6].

Таким образом, произошли существенные изменения ценностных ориентаций молодежи, их ценностные установки ориентированы на индивидуализм, происходит замена общественных

ориентиров личными, увеличивается стремление к самостоятельности и независимости, т.е. для молодых людей возрастает значимость свободы.

1. *Ценностный мир современного человека: Беларусь в проекте «Исследований европейских ценностей» / Д.Г.Ротман [и др.]; под ред. Д.М.Булышко, А.Н.Данилова, Д.Г.Ротмана. – Минск: БГУ, 2009. – 231 с.*
2. *Динамика ценностных ориентаций молодежи в трансформирующемся обществе / Е.М. Бабосов, С.Е. Бабосов, Ю.М. Бубнов, В.А. Клименко, Т.И. Яковук и др. под редакцией академика Е.М. Бабосова – Мн.: ИООО «Современное слово», 2001. – 144 с.*
3. *Духовно-нравственные ценности в формировании современного человека / О.А. Павловская [и др.]; под ред. О.А. Павловской; Нац. Акад. Наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Беларус. Навука, 2011 – 451 с.*
4. *Стратегия профессионального трудоустройства студентов-выпускников Белорусского государственного университета : по результатам социологического исследования / А.А. Белов, А.Ю. Денисов, Н.Ф. Котленок. – Минск : Право и экономика, 2012. – 77 с.*
5. *Грибов Г.М. Мир ценностей молодежи: прошлое и настоящее, восток и Запад. Монография. – Брест. Издательство БрГТУ, 2006. – 124 с.*
6. *Студенческая молодежь Беларуси в мире современной культуры. Монография. Ред. Совет : С.В. Лапина (предс.) и др. – Брест: издательство БГТУ. – 2004. – 98 с.*

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МОЛОДЕЖИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Головацкий Е.В., Кранзеева Е.А., Орлова А.В. (Кемерово)

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 17-33-01108 «Мобилизация инициатив местного населения в решении социальных проблем территорий»

В статье приводятся некоторые результаты социологического исследования молодежи на региональном уровне, посвященного, в том числе изучению мобилизационного потенциала молодого населения, как наиболее мобильной и востребованной, в перспективе, категории ресурсов социально-политического развития региона. Динамизм и высокая структурная проводимость изучаемой социальной категории определили исследовательскую схему: «готовность молодежи» - «ресурсы» - «поведение» - «ограничения». Ограничения рассматриваются по ряду оснований: внешние / внутренние; системные / индивидуально-личностные; управляемые / самостоятельные и даже эксклюзивные ограничения. Возможности молодежи интересны для исследования тем, что для значительной части молодых людей эти возможности представляют социальные практики, которым еще «предстоит свершиться».

Молодежь как социальная группа обладает противоречивыми характеристиками: с одной стороны, имеются различные организационные условия для ее объединения (прежде всего в образовательных учреждениях), с другой, эта группа наименее интегрирована с точки зрения общественного сознания (переплетение традиционных и новых идей общественного устройства, разброс интересов, формирующееся ценностно-смысловое ядро и др.). При этом со стороны государства существует ожидание в отношении молодежи, оценка как стратегического ресурса страны и формирование запроса на активность, инициативность, ее способность воспринимать и генерировать инновации.

Российский опыт социально-политического взаимодействия показывает, что молодежью используются определенные государством рамки, в которых как раз и реализуются инициативы. Намечившаяся «тенденция отхода от мобилизационного влияния на молодежь сменилась на обеспечение поддержки молодежных инициатив. Это особенно заметно в практике регионального уровня управления» [1, с. 95].

В рамках социологического исследования «Мобилизация инициатив населения в решении социальных проблем территории» (апрель – июнь, 2017 г.) проводился анкетный опрос в учебных заведениях Кемеровской области. Респондентами стали обучающиеся старших классов школ, учреждений СПО, студенты ВУЗов, преподаватели. Общий объем выборки – 663 чел.

В основном молодежь Кемеровской области проявляет готовность к осуществлению территориальной (переезд в другой город, страну) и профессиональной (смена места работы, освоение новой профессии) мобильности, что является характеристикой данной социальной группы. Готовность молодежи принять определенное жизненное решение отражена в следующем:

- чувствуют / учитывают собственную экономическую неустойчивую ситуацию (менее всего готовы взять кредит в банке – 55,5 %);
- выражают высокую готовность к территориальной мобильности (молодые люди готовы переехать в другой город (34,7 %); уехать жить за границу (24,5 %);
- демонстрируют низкую социально-политическую активность (вступить в политическую партию (минимальная оценка у 47,7 %), вступить в виртуальное политическое сообщество (минимальная оценка у 49,5 %), выйти на митинг для отстаивания своих интересов (минимальная оценка у 34,7 %), обратиться с инициативами к органам и представителям власти (минимальная оценка у 31,3 %).

Оценивая активную деятельностную позицию молодежи, мы можем отметить следующие приоритеты и возможности. В числе мероприятия и актов, которые сумели предпринять молодые люди, в течение года выделяются участие в субботниках 425 чел. (64,1 %), передача вещей, игрушек, предметах обихода малоимущим (35,9 %), а также участие в митингах, шествиях и парадах – 217 чел. (32,7 %). Зачастую, такие действия организованны, часто иницируется учебными заведениями и не всегда является личной инициативой молодежи.

Среди наиболее распространенных и эмпирически наблюдаемых форм политической мобилизации можно обозначить следующие: электоральная мобилизация; мобилизация участия в разовых акциях (поддержки или протеста); иницирование создания молодежных организаций; привлечение молодежи в организации, политические партии; рекрутирование во властные структуры и т.д.

Большинство респондентов считают, что на местном уровне они могут осуществлять следующие политические действия: волонтерская работа – 458 ответов, голосование на выборах, участие в референдумах – 422 ответа, участие в молодежных политических объединениях – 348 ответов, участие в политических мероприятиях наравне с другими гражданами – 302 ответа. Однако, на вопрос готовности личного обращения с предложениями и инициативами к органам власти, вступления в политическую партию, выйти на митинг или демонстрацию для отстаивания своей позиции, большинство опрошенных ответили отрицательно. А ведь именно эти формы способны продемонстрировать патовые практики политического участия, востребованные «здесь и сейчас».

В целом по оценкам ответов респондентов активное поведение молодежи носит избирательно-сдержанный характер. В частности отмечается «прохладное» отношение к протестным формам социально-политического взаимодействия. Респонденты не демонстрируют готовность лично участвовать в работе и деятельности политических организаций на территории региона. Фактически, мы видим низкую степень свободы выбора форм, вариантов участия в социально-политическом взаимодействии.

Молодое поколение продемонстрировало высокую оценку такого политического действия как голосование на выборах (63,7 %), в то время как по результатам исследований холдинга «Ромир» (2016 год) скептически к выборам относится порядка трети населения Российской Федерации [3]. Исследователи отмечают, что «латентность многих созревающих или уже имеющих напряженных состояний не должна нас обманывать, ибо любая ошибка экономического, политического и этно-социального характера может привести к открытому взрыву» [4, с. 394].

Мобилизационный потенциал территории ориентирует на ресурсное обеспечение, гибкие технологические приемы, использование местных инициатив (в исследовании ориентируемся на успешные, законные и позитивные для большинства населения проекты).

Социальные преобразования предполагают наличие у сторон-участников запасов индивидуально-личностных ресурсов, которые можно использовать для обеспечения определенной деятельности. Располагая определенным уровнем ресурсов, отвечая определенным социальным характеристикам (уровню образования, профессиональному и поселенческому статусу и пр.) личность может позволить себе «потери» в нестандартных ситуациях [2, с. 231].

Респонденты оценивают преимущества, имеющиеся у молодежи, отмечают: креативность (60 %), получаемые знания (57,1 %), возраст (52 %). При этом самыми низкими позициями оцениваются возможности, которые создаются обществом, государством (19,2 %). Существует противоречие, между традиционными мобилизационными практиками государственных структур и оценкой их эффективности со стороны молодежи.

При ответе на вопрос «Каким образом в российском обществе используются потенциал молодежи?», респонденты отмечают, что чаще всего используются три варианта: реализация

молодежных инициатив (56,1 %); выражение своих интересов и направленности с помощью сети Интернет (41,6 %); наиболее серьезные предложения получают избранные, имеющие близкие родственные связи молодые люди (29,9 %).

Результаты социологического исследования, изучающего региональный срез мобилизационного потенциала современной молодежи, позволяют предположить присутствие более сложной, чем может показаться на первый взгляд, системы мобилизационных позиций молодого населения региона, наличие латентных признаков, влияющих на скорость и направленность возможностей молодежи в широком спектре отношений: социально-экономических, политических, социокультурных, информационно-коммуникативных и др. Именно молодым гражданам предстоит принять участие в осуществлении политического выбора на дальнейшую перспективу, это новое поколение россиян, которое в ближайшее время будет участвовать в управлении различными сферами жизни в нашей стране.

1. Чекмарев, Э. В. Государственная поддержка молодежных инициатив: опыт регионального применения / Э. В. Чекмарев, Д. С. Норцев // Вестник ПАГС. – 2016. – № 2 (53). – С. 94-100.

2. Социальная и политическая мобилизация: микросоциологический анализ: коллектив. монограф. – 2-е изд., испр. и доп. / отв. ред. проф. Л. Л. Шпак. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2015. – 369 с.

3. Гражданский долг все реже выполняют. Опубликовано: 01.09.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://romir.ru/studies/822_1472677200/ (дата обращения 26.08.2017) /чего-то запутался со стандартом оформления?!/

4. Осипов, Г. В. Социология и политика. / Г. В. Осипов. – М.: Вече, 2009. – 592 с.

ФИНАНСОВАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Голубева К.А. (Москва)

В условиях развития рыночной экономики актуализируется необходимость исследовать неэкономические факторы, влияющие на тенденции развития экономики и ее финансового сектора. Выбранный экономический курс на приоритетность развития финансовой системы возможно реализовать только в условиях достаточно высокой активности как юридических, так и физических лиц, особенно молодежи.

Для решения проблем повышения финансовой культуры россиян, в том числе молодежи, необходимо обеспечить высокий уровень финансовой грамотности, постепенное повышение уровня рациональности людей, их предпринимательской и инновационной активности, способствовать росту личной активности и ответственности за свои действия. [2, с. 10]

Регулярные исследования финансовых практик населения на протяжении многих лет проводят ведущие российские исследовательские лаборатории и центры: ВЦИОМ, НИУ ВШЭ, НАФИ, ЦИРКОН, ФОМ, Левада-центр и др.

Для определения финансовой культуры воспользуемся подходом В.И. Добренькова, рассматривающего финансовую культуру как систему ценностей, жизненных представлений, правил и норм, образцов поведения в области финансовых отношений, совокупность способов и приемов человеческой экономической деятельности, объективированных в предметных, материально-финансовых носителях и передаваемых последующим поколениям. [1]

В последнее время всё больше внимания уделяется вопросам включения обучения управлению финансовыми ресурсами в систему общего обязательного образования. Так, Банком России и Минобрнауки подготовлен образовательный курс по финансовой грамотности для школ и учеников 9-11 классов, а с конца 2016 года Центральный Банк внедряет меры по повышению уровня финансовой грамотности в 72 регионах и рассчитывает в 2017 году охватить порядка 500 школ. Но не смотря на развитую сеть организаций, занимающихся повышением финансовой грамотности от мала до велика, высокая финансовая активность не всегда приводит к позитивным результатам и законным формам экономического поведения.

Можно предположить, что не только уровень компетентности в области финансов важен для формирования стабильности финансовой системы, но и сформированная в условиях нестабильности система норм и ценностей в монетарной сфере, особенности установок поведения, то есть то, что относится к составным элементам финансовой культуры.

Однако особую актуальность имеет вопрос формирования и повышения финансовой культуры молодого поколения, поскольку это одна из наиболее уязвимых социальных групп. Формирование финансовой культуры молодежи позволяет получить представление о ценности денег, закладывает фундамент для развития навыков планирования бюджета и сбережений и дает представление о финансовом рынке и его продуктах.

Необходимо отметить, что сами молодые люди должны заинтересованы в повышении уровня финансовой культуры, низкий уровень которой провоцирует не только безосновательное недоверие к финансовым институтам, но и приводит к неэффективному управлению населением своими финансовыми обязательствами и потере возможного дохода населения от инвестирования сбережений в экономику. Низкой финансовой культурой молодежи могут воспользоваться недобросовестные продавцы финансовых товаров и услуг. Для институтов финансового рынка это приводит к низкому спросу на услуги, которые они предлагают общественности. На уровне всего государства отсутствие широкого участия молодежи в инвестиционной жизни страны приводит к дефициту средств в денежном обороте, низкому уровню предоставленных финансовых услуг и как следствие к дисбалансу экономики страны в целом.

1. Социология: Учебник для вузов / Под ред. проф. В.И. Добренкова. – М.: Гардарики, 1998, 244 с.
2. Финансовая культура населения: монография / под ред. д.э.н., доцента Д.В. Нехайчука. – Симферополь : ИТ «Ариал». 2017, 512 с.

О ФАКТОРАХ ВЛИЯНИЯ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР МОЛОДЕЖИ В АСПЕКТЕ СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ САМАРСКОГО РЕГИОНА

Горбачева Н.Б. (Тольятти)

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ проект № 17-46-630560 «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона».

Аннотация: Автор рассматривает социально-экономические, профессионально-трудовые аспекты современной жизни. В условиях экономической нестабильности актуальным являются исследования рынка труда, профессиональных качеств потенциального работника, иерархии специализаций высших учебных заведений, предпочтения молодежи в профессиональной деятельности, механизмы контроля и оценки поведения персонала, межличностных отношений в процессах управления и другие. Постоянные изменения социальных процессов, стремление современности к инновациям и технологиям, условия и качество образования, личностные характеристики, взгляды и стремления каждого молодого человека вызывает проблему выбора будущей профессии на примере тольяттинской молодежи.

Социальная среда нашей страны находится в постоянном стрессе из-за экономического кризиса, который повлиял на такие сферы жизни, как профессиональную, трудовую и управленческую. На сегодняшний день социально-трудовая среда российской современности выражает подвижность и противоречивость. В условиях экономической нестабильности актуальным являются исследования рынка труда, профессиональных качеств потенциального работника, иерархии специализаций высших учебных заведений, предпочтения молодежи в профессиональной деятельности, механизмы контроля и оценки поведения персонала, межличностных отношений в процессах управления и другие.

Советские отечественные социологи Н.М. Блинов, Ю.Р. Вишневский, В.С. Павлов, изучали формирование идеалов, ценностных предпочтений, интересов разнообразных групп подрастающего поколения – рабочей молодежи [1, 108-117]. Изучением ценностей среди молодого поколения занимались такие российские социологи: В.А. Ядов, В.Г. Лисовский, М.Х. Титма, С.И. Григорьев, В.Г. Немировский и многие другие.

Жизнь диктует новые правила, дает новые установки, и современный человек не может проигнорировать их. Сегодня в мире, особенно в развивающихся странах, наблюдается постоянная гонка за новыми технологиями, автоматизацией и компьютеризацией, новыми формами коммуникации, технических устройств и материалов, генной инженерии, освоения космического пространства, что привело к ускорению ритма социальных изменений в современном мировом сообществе. Перманентные изменения социальных процессов всегда вызывали проблему различия в ценностных предпочтениях и оценках представителей разных

поколений. Это два естественных процесса: смена условий жизни людей и смена ценностных систем.

В связи со сложившимися социально-экономическими условиями в России в 2016 году на кафедре социологии Тольяттинского государственного университета было проведено социологическое исследование среди молодого поколения г.о. Тольятти Самарской области.

В ходе исследования был задан вопрос о том, как молодежь определяется с будущей профессией. Полученные данные показали, что больше половины опрошенных (55%) уже определились с выбором будущей профессии. Затруднившихся ответить на данный вопрос почти треть опрошенной молодежи, что еще раз свидетельствует об экономической нестабильности и сложной ситуации на рынке труда в городе.

Социологические данные показали, молодежь в возрасте моложе 18 лет (74%) определилась с выбором будущей специальности, что превышает показатель респондентов в возрасте старше 18 лет (61%), которые уже учатся в институте на какой-то специальности, но не уверены с выбором будущей профессии.

Анализ данных показал, что молодежь при разговоре с родителями обсуждают следующие темы, оказывающие влияние на выбор будущей профессии среди молодого поколения: взаимоотношения с друзьями (65%), дела в учебном учреждении (60%), выбор будущей специальности (58%), планы на ближайшие выходные (61%).

В ходе анализа выявлена зависимость между темами общения и факторами, влияющими на выбор профессии. Юноши и девушки, решающие реализовать свои способности в будущей профессии, чаще общаются с родителями о взаимоотношениях с друзьями (72%), о распределении семейного бюджета (76%) и о прочитанных книгах и просмотренных фильмах (83%).

Более половины участников опроса, для которых важно интересное общение в профессиональном коллективе, с родителями обсуждают взаимоотношения с друзьями, покупки, учебные дела, взаимоотношения с родственниками, выбор профессии, при этом иногда имеют возможность обращаться за помощью к родителям в трудных ситуациях.

Исследование показало, что затратное время общения между родителями и детьми оказывают хорошее влияние на выбор будущей профессии молодежью. Подобная зависимость наблюдается между оценкой респондентами общения с родителями и избранием будущей профессии. Таким образом, мы видим, межпоколенная коммуникация оказывает больше влияние на выбор будущей специальности.

Социологические данные свидетельствуют, что меньше половины опрошенных (41%), которые уже определились с выбором профессии, указали на такую ценность в семейных взаимоотношениях, как безвозмездная материальная помощь. Неопределенность в своем будущем, неуверенность в своих силах и возможностях предполагает отсутствия финансовой самостоятельности молодежи, и приводит молодое поколение к экономической зависимости от родителей.

Социологический опрос показал, что самостоятельность все-таки приветствуется среди молодежи. Например, 54% молодых людей, определившихся с выбором своей будущей профессии, считают, что вступление в брак готовит людей к самостоятельности, что говорит о ценности семейной жизни у подростков. О самостоятельности респондентов была выявлена корреляции Пирсона, которая выражена в показателях коэффициента по следующим позициям: мнение о собственной независимости молодежи (0,125) и позитивная точка зрения родителей о проявлении независимости молодым поколением (0,100).

Важной ценностью для респондентов, которые уже определились с выбором профессии, является образование (66%). Ученики и студенты данной категории надеются реализовать свои способности в будущем (64%), иметь работу с высоким заработком (55%) и обеспечением социальных гарантий (43%).

У молодых респондентов, которые ценят семью и семейные межпоколенные взаимоотношения, твердые жизненные позиции, с реальной точкой зрения на сегодняшнюю ситуацию в стране.

Анализ данных показал, что те респонденты, которые стремятся определиться с выбором профессии, стараются модно одеваться (65%), быть активным и предприимчивым (53%), ценят приятное общение между членами коллектива (50%).

Таким образом, в тройку значимых факторов, влияющих на выбор профессии молодого поколения двух категорий возрастов, входят "высокий заработок", "возможность реализовать

способности", "интересное общение". Респонденты в возрасте моложе 18 лет данные варианты ответов отмечают чаще, чем опрошенные в возрасте старше 18 лет.

Динамика ценностных трудовых ориентаций молодежи формируется под влиянием таких факторов, как возраста, социального и материального положения, качества учебы и уровня образования родителей.

Данный анализ является немаловажным для управленческих структур в реализации эффективной работы каждого члена группы, в мотивации и степени участия индивидов в управлении.

Зубок Ю.А., Чупров В.И. Становление и развитие отечественной социологии молодежи // Социологические исследования. – 2008. – №7. – С. 108-117.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ФАКУЛЬТЕТА СОЦИОЛОГИИ СПбГУ)

Горьковая О.П., Матыкина В.С. (Санкт-Петербург)

В современном мире процесс глобализации коснулся практически каждой сферы жизни человека. Сфера образования тоже претерпела некоторые изменения - появилась академическая мобильность, стали доступны платформы открытого и Интернет-образования. Процесс получения высшего образования обретает новые формы для студентов. Теперь в рамках программ академической мобильности они могут отправиться в зарубежные вузы-партнёры на семестр или год с целью обмена опытом, погружения в другую языковую среду, возможностью участия в совместных проектах.

Вообще, теория глобализации возникла в 1980х гг. Первый, кто начал использовать термин «глобализация», был социолог Роланд Робертсон. Он определял глобализацию как сжатие мира и усиление осознания мира как целого. По его мнению, мир превращается в единое социокультурное пространство без барьеров.

В это единое международное пространство включается и образование. Происходит сближение, взаимопроникновение, взаимообогащение знаниями и информацией международных и национальных систем образования [6].

Но в процессе глобализации образования есть свои положительные и отрицательные аспекты. С одной стороны, это единое пространство позволяет обмениваться опытом и инновациями между отдельными научно-образовательными пространствами, усиливает конкуренцию как среди университетов в привлечении перспективных молодых умов, так и среди студентов и молодых ученых, находящихся в поиске нового знания и лучшего образования. Благодаря мировому образовательному пространству, стало организовываться большое количество международных научных конференций, симпозиумов и семинаров. С другой стороны, большинство ученых отмечает в процветании глобализации размывание этничности, универсализацию образования, подстраивание его под общие правила [5].

Чтобы полноценно существовать в современном мире, необходимо обладать глобальными компетенциями, которые подразумевают жизнь вне культурных и лингвистических границ. Согласно Т. Л. Осоловой, глобальная компетентность включает в себя: знание различных культур; владение, по крайней мере, одним иностранным языком; открытость новым контактам; экологическую ответственность; желание помочь любому, вне зависимости от его национальности [4].

Как одно из проявлений глобализации в образовании, всё больший интерес вызывает академическая мобильность студентов, преподавателей и научных сотрудников. Временное обучение в университете другой страны позволяет развивать навыки коммуникации в новой языковой среде, получать новые знания и опыт, приобщаться к мировой культуре. За счет такого рода мобильности молодые специалисты становятся конкурентоспособными на международном рынке труда.

Основной целью академической мобильности является поддержание и укрепление мирового образовательного пространства. Различается внешняя и внутренняя академическая мобильность. Первая подразумевает обучение студентов за рубежом, а вторая – обучение в другом университете своей страны [3] (в данной статье мы будем более подробно рассматривать внешнюю академическую мобильность на примере факультета социологии СПбГУ).

В России продвижению и развитию академической мобильности способствует государство и сами университеты. В Национальной доктрине образования РФ, рассчитанной на период до 2025 года, академическая мобильность входит в список основных целей и задач образования. Предполагаются действия по развитию международных межвузовских программ, в т.ч. – по обучению иностранным языкам, академической мобильности студентов, преподавателей и научных сотрудников, согласно государственной программе РФ «Развитие образования» на 2013-2020-е гг. Что касается самих университетов, то они так же способствуют стимулированию академической мобильности благодаря введению единой болонской системы перезачета кредитов, курсов иностранных языков, созданию центров мобильности (например, Центр изучения Германии и Европы в СПбГУ).

Далее мы более подробно рассмотрим внешнюю академическую мобильность на примере факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Студенты факультета социологии имеют возможность провести семестр или год в вузе-партнёре, благодаря межвузовским и межфакультетским соглашениям.

По данным отдела международного образовательного сотрудничества, самым востребованным направлением среди студентов факультета социологии является Германия. В период с 2011 по 2017 годы Германию посетило 48 % учащихся. Менее востребованными, но также имеющими немалый процент посещаемости являются Финляндия и Франция. Их посетило 10% и 7% студентов соответственно.

Самым продолжительным и плодотворным является сотрудничество факультета с Университетом Билефельда (Германия). Академическая мобильность студентов в этот университет стала возможной благодаря Центру Изучения Германии и Европы. Он был открыт в 2004 году на базе Санкт-Петербургского государственного университета в России и Университета Билефельда в Германии. Центр Изучения Германии и Европы является одним из 10 подобных центров, действующих в мире при поддержке Германской службы академических обменов (ДААД). Одной из задач центра является стимулирование академической мобильности студентов. Преподавание в Университете Билефельда ведётся на английском и немецком языках.

Университет Билефельда являлся самым востребованным среди студентов факультета социологии с 2011 по 2017 годы, за исключением первого семестра 2016-2017 учебного года. Наибольшее количество студентов в указанный период провело семестр в Варшавском университете в Польше, несмотря на то, что за последние 7 лет, Варшавский университет посетило 3% общего числа стажирующихся.

Ещё важно отметить, что чаще всего участниками программ академической мобильности становятся студенты бакалавриата 3 курса (41%) и магистратуры 2 курса (22%).

Немаловажным фактором для студентов является наличие стипендии или предоставление бесплатного проживания вузом-партнёром. Так при поездке в Университет Билефельда у студентов есть возможность получения стипендии Erasmus+. В Финляндии студенты чаще всего выбирают Университет Восточной Финляндии, предоставляющий стипендию и бесплатное проживание.

Участие в программах академической мобильности прививает студенту компетенции, необходимые для успешного вступления на рынок труда. Это такие компетенции, как владение иностранными языками, умение работать в мультикультурном коллективе, высокая коммуникабельность.

1. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://минобрнауки.рф> (дата обращения 20.09.2017)

2. Национальная доктрина образования Российской Федерации до 2025 года. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://suvagcentr.ru/userfiles/files/links/doktrina.pdf> (дата обращения 23.09.2017)

3. Калинина Н. М. Индивидуальная академическая мобильность студентов в условиях развития открытого образовательного пространства // СТЭЖ. – 2012. - №16.

4. Осолова Т. Л. Глобализация и высшее образование: путь к мировому гражданству или утрата национальной идентичности? // Образование и наука. – 2014. - №1(110). – С. 28-43.

5. Романенко Н. М. Глобализация как новая возможность образовательного пространства и мироустройства или угроза национальному суверенитету // Среднее профессиональное образование. – 2016. - №11. – С. 9-11.

6. *Тройникова Е. В. К проблеме изучения конвергенции международных образовательных систем // Вестник ИжГТУ. – 2012. - №3(55). – С. 164-166.*
7. *Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. – London, 1992.*

РОЛИ МОЛОДЕЖИ В ПРОЦЕССЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА

Громова Н.С. (Екатеринбург)

Молодежь традиционно относится к той категории социальных групп, которые живо реагируют на все общественные изменения и сами могут их провоцировать. Протестная деятельность молодежи во второй половине XX века во многом определила те качественные характеристики современной жизни, которые мы сегодня называем нормой. И в XXI веке роль данной социально-демографической группы в глобализационной парадигме с каждым годом становится все значительнее.

В современном обществе социализирующее воздействие в основном оказывает контент, формируемый под влиянием массовой и потребительской культур. Молодежь, погруженная в информационное пространство значительно больше, по сравнению с лицами старшего возраста, становится зависимой от содержательного наполнения самого контента и воспринимает большую часть информационного потока не самостоятельно, а во взаимосвязи и взаимной зависимости, говоря иначе, в дискурсе.

Выходя за границы текста, информация приобретает совершенно новые характеристики – дискурсивные. По определению В. И. Карасика, дискурс – это «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеповеденческой ситуации» [1]. При этом современное стереотипное общение не требует от участников содержательного анализа каждой из его стадий в отдельности, оно в целом маркировано общими дискурсивными характеристиками и бытует только в пределах конкретного дискурса. В частности, чтобы быть популярным в соцсетях, не нужно наполнять свои «послания» контентом, выходящим за рамки ожиданий потенциального адресата, а потенциальный адресат, в свою очередь, должен проявлять запрограммированную реакцию, или рискует лишиться одобрения иных участников коммуникации.

Каждый коммуникативный акт проходит в основном по однообразным схемам, стереотипизируемым определенным сообществом и возведенным в ранг тиражируемых его участниками образцов. При правильном включении в эту цепочку лица, заинтересованного в воздействии на участников сообщества, его целевые установки могут быть беспрепятственно достигнуты. Именно возможность включения в стереотипное общение представителей аутгрупп, мимикрирующих под псевдосторонников, позволило распространять разные виды информации достаточно успешно. Первоначально это были рекламные стратегии, целью авторов которых было незаметное продвижение товара и расширение потребительской аудитории. Однако со временем эти технологии манипуляции общественным сознанием были заимствованы злоумышленниками, осуществляющими попытки воздействовать на политические процессы. В процессе глобализации сформировался экстремистский дискурс, который представляет особую опасность, т. к. может самопродуцироваться без территориальных и субъектных ограничений, в первую очередь, через Интернет. Молодежь, как передовая часть населения, освоила новые технологии и восприняла их как часть современной жизни, лишенной традиционных ограничений.

Экстремистский дискурс можно представить как две взаимосвязанные сущности: ядерный и периферийный. Ядерный представляет собой систему знаний, тактик и стратегий организации коммуникации, обусловленную когнитивным и аксиологическим единообразием, с целью обеспечения успешного бытования экстремистского текста в условиях замкнутого группового общения. Периферийный – представляет собой систему знаний, тактик и стратегий организации коммуникации, обусловленную когнитивным и аксиологическим многообразием, с целью обеспечения успешного бытования экстремистского текста в условиях открытого межличностного общения. Ядерная часть дискурса обеспечивает потребности общения непосредственно правонарушителей, периферийная же рассчитана на людей, не являющихся частью сообщества и возможно даже не желающих ею стать, но участвующих в общении в рамках экстремистского поля. Можно утверждать, что в современных условиях коммуникации многие лица,

распространяющие запрещенные идеи, даже не догадываются о своей противоправной деятельности.

В рамках данного исследования мы остановимся только на непреднамеренном участии молодых людей в экстремистской деятельности и определим их роли следующим образом.

Наиболее распространена роль «посредника», когда молодой человек, не учитывая содержательно-смысловые особенности полученной информации, переправляет ее дальше. Среди таких «посредников» выступают в основном молодые люди, не понимающие истинного смысла собственных действий в силу их стереотипности. Так, при общении в социальных сетях молодые люди механически добавляют людей в друзья, чтобы поднять свой рейтинг в глазах окружающих, а затем делают репост или ставят лайки всем материалам, которые получают от этих псевдодрузей. Экстремистская информация множится только благодаря тому, что никто из участников коммуникации не интересуется ее содержанием, следуя правилам субкультурного общения. Эта тенденция стала немного сокращаться в последнее время благодаря тому, что «посредников» начали привлекать к ответственности, включая и уголовную.

Вторая роль – «сочувствующий». Это лица, которые искренне сочувствуют участникам каких-либо конфликтов, принимая сторону того, кто ближе по субкультурной принадлежности. Им не принципиально важно содержание проблемы, главным становится попытка оправдать человека, который близок по статусу. Молодые люди всегда нетерпимо относятся к нарушению собственных прав лицами, обладающими большей властью (родители, педагоги, представители органов государства, представители элит и т. д.), что сподвигает их к резким высказываниям, иногда даже призывам против этих категорий. Стереотип каждой субкультуры своеобразен, поэтому в качестве аутгруппы могут выступать и сверстники как носители иных ценностей (панки против эмо или готов). В данной ситуации важен не столько результат, сколько сам процесс защиты ущемленных прав какого-либо такого же лица, как и сочувствующий.

Третья роль – «тролль-подстрекатель». Эта особая категория людей, которые разжигают споры на различные, в том числе и общественно-опасные темы, с единственной целью – коммуникативного удовлетворения. Содержание спора их интересует мало, главная цель – добиться негативной ответной информации и возможностью поднять «острые» вопросы, когда в процессе дискуссии точно будут представители различных точек зрения. Такой «тролль» после того, как разожжет спор, может в нем более не участвовать, а только смотреть за тем, как ссорятся участники общения. Экстремистских задач, конечно, такой человек перед собой не ставит, но его действия могут стать провокацией для лиц более агрессивных и нетерпимых в каких-либо вопросах. Настоящим экстремистом достаточно снабжать его новостными подборками специфического содержания, чтобы он, сам того не понимая, стал репрезентатором запрещенных идей.

Четвертая роль – «авантюрист». Сюда относятся люди, которые не интересуются содержанием собственных действий и слов, они всегда хотят быть в центре событий. Главной задачей участия в сомнительных мероприятиях можно считать само участие, о котором будет возможность рассказать своим друзьям и выложить в социальной сети отчет о проделанном. Они специально выискивают несанкционированные акции, запрещенные мероприятия, закрытые объекты и пр., чтобы присутствие там подчеркивало их статус участника всех «горячих» событий. Такой человек становится удобной мишенью для экстремистов, т. к. сам стремится нарушать закон. Его идеология в данном случае не имеет значения, поскольку он будет обеспечивать количественную наполняемость события.

Пятая роль – «предприниматель». Действия таких людей продиктованы чисто экономической выгодой. Им заплатили за то, чтобы постоять у госучреждения с плакатом, они пришли. Не заплатили – не пришли. Невозможность правильно интерпретировать целевую направленность может привести к тому, что человек станет постоянным участником запрещенных мероприятий.

Таким образом, молодежь в силу своей неопытности и максимализма становится участником репрезентации экстремистского дискурса в современном мире. Личные причины такой неразборчивости в действиях различны, но общая одна – недостаточная подготовленность молодых людей к реалиям меняющегося мира.

СПЕЦИФИКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МАЛОГО МОЛОДЁЖНОГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ВЗГЛЯД ГРАЖДАНСКОЙ И ВОЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Грошева Л.И. (Тюмень)

Процесс глобализации оценивается достаточно неоднозначно, начиная с момента признания её растущего влияния на развитие социальных институтов. Сущность различий двух ориентаций была в своё время достаточно детально раскрыта в противостоянии позиций, нацеленных на преимущественную интеграцию либо дезинтеграцию участников экономических интеракций. Таким образом, Фрэнсисом Фукуямой была обоснована необходимость обширного взаимопроникновения стран и отдельных сфер жизни различных обществ [3, с. 21]. В рамках данного подхода в качестве основных постулатов бизнеса рассматривались меры по организации и реализации инфраструктуры, нацеленной на максимизацию сотрудничества с зарубежными партнёрами.

В качестве обоснования объективной необходимости и эффективности глобализации теоретиками и практиками бизнеса использовалась идея извлечения максимальной пользы из сотрудничества для совершенствования собственных производственных и организационных позиций.

Однако в качестве оппозиционной позиции широко представлены элементы идей Самюэля Хантингтона [4], который полагал, что наиболее вероятной тенденцией в развитии общественных систем станут процессы дифференциации во взаимодействии между странами, дивергенции развития сообществ, а также интенсивное осознание суверенитета по национальному и этнокультурному признаку [2, с. 2]. В крайней позиции это представлялось в виде актуализации националистических настроений. Обращаясь к современной политической обстановке (развитие конфликтов в странах Европы, СНГ, средней Азии), следует признать, что именно дивергенция и стремление к суверенитету, зачастую обусловленные экономическими причинами (отмежевание от долговых обязательств материнской страны, борьба за ценные ресурсы), в значительной мере фиксируются как устойчивый тренд мирового развития.

Учитывая тот факт, что именно молодёжная бизнес-активность является наиболее адаптивной к внешним изменениям в более мотивирована к реализации международного сотрудничества, оценка преимуществ и недостатков глобализации молодыми бизнесменами является своеобразным индикатором качества развития экономики России.

С целью выявления преимуществ и недостатков глобализации, осознаваемых молодёжью, было проведено исследование с декабря 2016 г. по май 2017 г. в форме экспертного опроса молодёжных бизнес-единиц, находящихся в неформальном поле экономики, и фокус-групп военной молодёжи (8 фокус-групп по 7 человек), нацеленной на создание собственного бизнеса по мере выбытия с военной службы. К анализу было привлечено 82 бизнес-единицы, деятельность которых осуществлялась не менее трёх лет в рамках одной отрасли или смежных отраслей деятельности. Соотношение отраслей материального производства и сферы услуг составило 38 % и 62 % соответственно. Военная молодёжь представляла собой курсантов старших курсов, служащих и выбывающих со службы молодых людей в возрасте 23-30 лет.

Лишь треть опрошенных экспертов считает глобализацию в сфере экономики исключительно положительным явлением, стимулирующим развитие экономики страны. В качестве положительных изменений были отмечены: лёгкость в поиске и приобретении зарубежного сырья, материалов и технологий; простота коммуникации с зарубежными партнёрами; расширение клиентской базы за счёт представителей ближнего и дальнего зарубежья; упрощение реализации товаров и услуг посредством развития виртуальных методов рекламы и продвижения на рынке.

Военная молодёжь к вышеуказанным преимуществам внесла акцент на реализацию социального капитала, накопленного в период военной службы, когда распределение бывших военнослужащих по территории страны позволяет использовать сформированные связи для облегчения работы с международными партнёрами.

В это же время 48 % экспертов настроены в отношении усиления глобализации достаточно осторожно и склонны считать, что более значимым является поддержка внутренней системы производства и сбыта. Из 8 фокус-групп 5 коллективов были настроены скорее негативно к мировой интеграции. В качестве причин были названы процессы, обусловленные современным политическим противостоянием ряда государств.

Глобализация рассматривается как угроза распространения дешёвых опасных продуктов, конкуренция с которыми объективно затруднена ввиду относительно невысокой покупательной способностью граждан. В отдельных случаях эксперты и военные единодушно отмечали возможности недобросовестной конкуренции со стороны зарубежных партнёров в виде скрытого демпинга и экстенсивного расширения присутствия на рынке. Также среди недостатков эксперты выделили достаточно враждебную позицию отдельных партнёров, заключающуюся в первоначальном выражении желания сотрудничества, сменяющегося, по мере получения необходимой информации, склонностью к «промышленному шпионажу».

Таким образом, противоречия международного сотрудничества в бизнесе отражают неоднозначный характер влияния глобализации на молодёжный бизнес. Несмотря на склонность к осторожным и негативным оценкам молодые люди идентифицируют преимущества и стараются включать их в производственную и маркетинговую стратегию. Формирование равенства шансов в условиях мировой интеграции является первоочередной задачей государственных органов управления [1, с. 45], а также отраслевых союзов, призванных отстаивать интересы их членов вне зависимости от страны происхождения бизнес-единицы. Соединение усилий предпринимателей и управляющих структур может ограничить распространение негативных тенденций и активизировать конструктивный эффект от международного сотрудничества.

1. Грошева И.А., Грошев И.Л. Индексная оценка системы государственного и муниципального управления // *Россия-Тюмень: векторы евразийского развития* / Под редакцией В.К. Левашиова, Н.Г. Хайруллиной. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2015. С. 45-66.

2. Понарина Н. Н., Хлыстова А. Г. Глобализация и социальные противоречия // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*, 2015. – Т. 14. – С. 1–5.

3. Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек* / Пер. с англ. МБ. Левина. – М.: ООО «Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 588 с.

4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / *Электронная библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=61484>*.

ФОРМИРОВАНИЕ НЕОБХОДИМЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЗНАНИЙ И НАВЫКОВ У СТУДЕНТОВ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ПОВЫШЕНИЮ УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Даниленко Т., Смольникова Л.В. (Томск)

В статье рассматривается социально-академическая мобильность молодёжи Сибирского региона на примере программы межправительственного обмена Work&Travel USA. Эмпирической базой являются данные статистического анализа мобильности студентов вузов Сибирского региона за 2013-2016 гг. В качестве инструмента, способствующему повышению уровня мобильности, на основе проведённого анализа, предложена программа развития языков навыков для участия в программе Work&Travel USA, представлено описание программы курса, цели и задачи двух образовательных модулей и навыки, которыми студенты овладевают по окончании курса.

Многочисленными исследованиями доказано, что путешествия расширяют кругозор, развивают личностные качества, обогащают духовно и положительно сказываются на психологическом состоянии человека. Согласно исследованию, проведённому U.S. Travel Association, такие ситуации, как ориентирование в незнакомом городе, общение на другом языке и тому подобное, помогают сохранить хороший, острый ум и улучшить свои когнитивные функции, так как мозг, подвергаясь неординарному и сложному (с его точки зрения) воздействию окружающей среды, пытается классифицировать эти раздражители и реагирует путем формирования новых нейронных соединений. Это помогает ему расти и стимулирует его так, как если бы человек принялся за изучение нового хобби или языка.

Юлия Циммерман и Франц Нейер провели сравнительное исследование двух групп немецких студентов: одни обучались за границей семестр и более, а другие оставались в своих родных городах. Результаты показали, что представители группы путешественников были выше по показателю экстраверсии, и, когда они вернулись домой, имели тенденцию в большей открытости новому и стали эмоционально стабильнее [1].

В особенности, в настоящее время всё больше и больше возможностей путешествовать появляется у студентов. Существует множество международных программ, которые направлены как на повышение академической мобильности студентов (языковые школы, обучение в магистратуре за рубежом, стажировки), так и географической (рабочие программы, тематические путешествия).

На территории России на протяжении 16 лет развитием международного обмена студентов занимается образовательно-туристический оператор STAR Travel. На данный момент, самой популярной студенческой программой организации является программа межправительственного обмена Work&Travel USA [3].

В результате проведенного в 2016 году статистического анализа мобильности студентов вузов Сибирского региона за 2013-2016 годы на примере программы межправительственного обмена Work&Travel USA были получены следующие данные: в 2013 году участие в программе принимало 59 студентов вузов Сибирского региона, в 2014 г. – 61, в 2015 г. – 71, а в 2016 г. – 92. Таким образом, отмечается рост уровня социально-академической мобильности студентов вузов Сибирского региона за 2013-2016 гг.

Work and Travel USA входит в программу межправительственных обменов Cultural Exchange Programs и реализуется при непосредственном участии Госдепартамента США. Программа действует с 1957 года и за эти годы приобрела широкую известность среди студентов различных стран. Данная программа предоставляет возможность в период летних каникул легально работать в сфере гостеприимства в американских компаниях, а также путешествовать и знакомиться с культурой США. Таким образом, 3-4 месяца студенты работают, и ещё один месяц предоставляется им для путешествий [2].

Одним из требований для участия в программе является владение английским языком, что также часто служит препятствием для участия в межправительственном обмене. Студенты с низким уровнем владения языком не решаются попробовать свои силы. Но для успешного прохождения собеседования с работодателем, получения визы и проживания на территории англоговорящей страны молодым людям необходимы лишь базовые навыки владения английским.

Таким образом, актуальность темы исследования заключается в необходимости разработки и внедрения программ, способствующих повышению уровня социально-академической мобильности студентов и развитию международного обмена. Для этого был разработан курс «Английский язык для W&T», предназначенный для студентов 1-4 курсов, и включающий необходимую базовую лексику английского языка, разговорную практику, подготовку к собеседованию с работодателем и рекомендации для проживания и работы в США. Программа курса состоит из двух образовательных модулей: подготовка к собеседованию с работодателем, основы английского языка и повседневный английский.

Цель первого образовательного модуля: подготовить участников программы для прохождения собеседований с работодателем.

Задачи:

1. Сформировать представление у студентов о процедуре проведения интервью с работодателем.

2. Ознакомить участников со списком вопросов для собеседований.

3. Сформировать навыки ответа на данные вопросы.

Участник должен быть ознакомлен с обязанностями, местом работы, необходимым количеством часов, которое ему нужно работать в неделю и системой оплаты труда. Если он успешно отвечает на все вопросы, то работодатель предоставляет ему контракт, и в апреле-мае участнику программы предстоит пройти собеседование в посольстве.

В рамках данного модуля рассматриваются все нюансы собеседования, разбираются ошибки участников программы на опыте прошлых лет, рассматриваются ответы на все вопросы.

Цель второго образовательного модуля: обеспечить участников программы базовыми знаниями английского языка, достаточными для общения, проживания и работы в США.

Задачи:

1. Обучить студентов базовым правилам грамматики для правильного построения предложений и корректного изложения своих мыслей.

2. Рассмотреть основные ситуации, с которыми могут столкнуться участники программы, и познакомить их с необходимой лексикой для каждого случая.

3. Развить коммуникативные навыки у студентов.

В данном образовательном модуле курса со студентами ведётся работа по формированию навыков владения английским языком, большое внимание уделяется практическому применению языка – рассмотрению конкретных жизненных ситуаций и овладением соответствующей для них лексикой.

Для этого определён круг тем, ознакомление с которыми позволит участнику программы ощущать себя комфортно в чужой стране:

1. Базовый английский: время, порядковые числительные и даты, страны и национальности, вопросы о языке (просьба повторить, говорить медленнее, объяснить значение, переформулировать предложение).
2. Люди: предоставление информации о себе, заполнение заявлений, описание физических действий, частей тела, отношений, чувств и эмоций.
3. Повседневная жизнь: одежда, покупки в торговых центрах, деньги, болезни/недомогания, ситуации в аптеке.
4. Еда и напитки: покупка еды в супермаркете, ситуации в кафе и ресторанах.
5. Передвижение: транспорт, вопросы о дороге/пути куда-либо, изучение знаков и предупреждений.
6. Путешествия: планирование путешествия, бронирование номеров, ситуации в аэропорту, банке, почтовом офисе.
7. Английский для общения: приветствия, просьбы, приглашения, предложения, извинения, отказы.

В группе могут заниматься студенты с разным уровнем владения языком и одна из главных задач преподавателя – научить участников излагать свои мысли с тем словарным запасом, который уже имеется. Для достижения данной цели на занятиях используются аудио- и видеоматериалы, развивающие навыки аудирования у молодых людей.

На заключительном занятии курса студентам выдаются конкретные рекомендации по поиску работы, планированию путешествия по окончании рабочего сезона, поиске компании для путешествия, покупке бюджетных билетов, поиске жилья и т.д.

Таким образом, занятия по авторской программе «Развитие языковых навыков для W&T» формируют необходимые языковые знания и навыки у студентов, способствуют повышению уровня владения английским языком и, следовательно, повышению социально-академической мобильности молодежи.

1 *Как путешествия влияют на человека? – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://studyqa.com/articles/how-does-travel-change-the-personality> (дата обращения 03.10.2017).*

2 *О программе Work and Travel. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.startravel.ua/workandtravel/faq/all-about-work-and-travel> (дата обращения 30.09.2017).*

3 *Work and Travel USA. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://starworkandtravel.ru/> (дата обращения 30.09.2017).*

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ВЫБОРА МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Данилова Е. (Ольденбург/Минск, Германия/Беларусь)

Тема идентичности: национальной, социокультурной, политической, этнической и т.д. в последнее время становится все популярнее в социально-гуманитарных науках многих европейских стран, в том числе в контексте распада СССР и возникновения новых суверенных государств, а также перманентного расширения Европейского Союза. Все эти вопросы также напрямую касаются и Республики Беларусь как «молодого» суверенного государства, находящегося территориально между Россией и странами ЕС. Поэтому не удивительно, что в рамках формирования социокультурной идентификации молодежи Республики Беларусь важную роль играют в первую очередь ориентация на соседние культуры: русскую и западноевропейскую. По мнению А.Н. Данилова, «культурная среда, в которой формируются новые поколения граждан, наполняется некими артефактами, далекими от реальных смыслов человеческого сосуществования, искажающими, фальсифицирующими и виртуализирующими историческую правду. В ней все – традиции, ценности, смыслы – искажено до неузнаваемости. Здесь

человеческие отношения основаны на выгоде, семья – на расчете, подвергаются очернению герои и высмеиваются высоконравственные поступки. Поэтому мы и в своей, славянской, семье не можем разобраться. Интеграция предполагает, что это выгодно всем сторонам. А если невыгодно, то, значит, народы неродные, небратские? На этом пути можно далеко зайти. И мы отходим друг от друга в разные стороны.» [1, 70].

Согласно П.А. Сорокину, «научное знание, философская мысль, эстетические вкусы и другие составляющие надорганики не наследуются биологически, люди получают их от других людей благодаря непрекращающемуся взаимодействию (культурой как носителем надорганических ценностей). Если бы любого из нас изолировать от мира людей, много ли он узнал бы самостоятельно о нашей культуре?» [2, 7]. При этом, культурная идентификация, по С. Хантингтону, – это «самосознание индивида или группы. Она представляет собой продукт самоидентификации, понимания того, что вы или я обладаем особыми качествами, отличающими меня от вас и нас от них» [3, 50]. В связи с этим возникает вопрос: Чем похожи и чем отличаются между собой представители молодого поколения Беларуси, условно «разделенные» по критерию выбора одной из ориентаций: «пророссийской» или «прозападной»?

Основываясь на данных опроса (стандартизированное интервью, объект – молодежь Беларуси в возрасте 18-30 лет), который проводился Центром социологических и политических исследований Белорусского государственного университета в октябре-ноябре 2013 г. на репрезентативной республиканской квотной выборке (n=1000) в рамках проекта «Конструирование идентичности молодых взрослых в постсоциалистических трансформационных обществах: случай Беларуси» Ольденбургского университета имени Карла фон Осецкого (Германия), можно выделить две группы молодых людей в соответствии с выбором дальнейшего вектора развития для своей страны: 1 – те, кто за объединение с Россией (26,5 %); 2 – те, кто за вступление в Европейский союз (37,1 %) (36,4 % респондентам было трудно сказать определенно). Ответ на данных вопрос показывает, что формирование идентичности молодых белорусов происходит в достаточно непростых условиях, в том числе на фоне практически противостояния двух сильнейших «игроков» в нашем геополитическом пространстве. В чем схожи позиции вышеперечисленных групп и в чем существенные отличия, и насколько эти различия непримиримы, могут ли они привести к радикализации поведения отдельных лиц или групп молодежи, является важным для дальнейшего конструктивного диалога между различными порой полярными социокультурными и политическими силами в одном государстве.

Согласно Х. Койпу, через рефлексию ситуативного опыта возникает частичная идентичность, которая вместе с биографическим опытом и оценкой собственной личности формирует чувство принадлежности к определенной социальной группе [4]. Одной из таких частичных идентичностей наряду с работой, политикой, религией и т.д. является досуг. В разрезе двух рассматриваемых групп, можно отметить, что существуют значимые отличия в проведение свободного времени (критерий Манна-Уитни): молодые люди, которые высказались за объединение с Россией, чаще смотрят телевизор, художественные фильмы и читают газеты, реже посещают музыкальные концерты и фестивали, занимаются спортом, посещают интернет-сайты, читают книги, ходят в театры, музеи, на выставки, посещают бары, рестораны, кафе, клубы, дискотеки и занимаются шопингом. При этом примерно одинаковое количество времени представители двух групп отводят на встречи с друзьями, прослушивание музыки, общение в социальных сетях и форумах, на компьютерные игры, участие в общественных объединениях и политических партиях и на посещение религиозных организаций и мероприятий.

Анализ характеристик работы как наиболее привлекательных показывает также значимые различия двух групп (критерий Манна-Уитни), но только по трем позициям из семнадцати: молодежь, которая ориентирована на восточный вектор объединения, чаще выбирает хороший коллектив и реже отдает предпочтение возможности проявить инициативу и работе, на которой можно чего-то достичь.

Национальная идентичность замерялась вопросом о степени важности различных факторов для того, чтобы считать человека белорусом. Групповые различия (критерий Манна-Уитни) проявились в следующих факторах: для молодых людей, которые высказались за объединение с Россией, более важным являются факт рождения в Беларуси, наличие белорусского гражданства, уважение политических институтов и законов страны, официальной государственной символики, поддержка отечественных производителей и покупка белорусских товаров. Проживание в Беларуси вызывает у этих молодых людей реже такие негативные чувства, как разочарование,

неудовлетворенность и стыд. Большое ощущение общности с представителями своей национальности и профессии также чувствуют сторонники объединения с Россией.

Рассмотрение сходства белорусской и иной культур по результатам исследования позволило выявить следующие различия в ответах представителей двух рассматриваемых групп (критерий Манна-Уитни): среди молодежи, которая ориентирована на объединение с восточной соседкой, больше несогласных с тем, что 1) существует большая разница между русской и белорусской культурой; 2) существует большая разница между польской и белорусской культурой; 3) существует большая разница между европейской и белорусской культурой; 4) для сохранения белорусской культуры важно расширять сферы употребления белорусского языка; 5) белорусская культура исчезает под влиянием русского языка. При этом не выявлено значимых различий по высказываниям: 1) можно одновременно быть белорусом и русским и 2) белорусская культура обогащается благодаря русскому языку.

Таким образом, выбор молодежью дальнейшего пути развития страны основан на сравнении своих собственных ценностей, представлений и предпочитаемого образа жизни с аналогичными культурными, идеологическими, социально-экономическими и политическими «конструктами», «предлагаемыми» Россией и ЕС. Эти «конструкты» представляют собой два совершенно разных проекта идентичности, и поскольку ни один из них не сформирован окончательно, борьба доминирующих ценностей также не окончена.

1. Данилов, А.Н. Глобальный хаос в бесполосном мире: на пути к новому миропорядку // Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего: XVII Международные Лихачевские научные чтения, 18–20 мая 2017 г. – СПб.: СПбГУП, 2017. – 592 с.
2. Сорокин, П.А. Структурная социология / П.А. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – С. 156–190.
3. Хантингтон, С. Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон. / Пер. с англ. А. Башкирова. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. – 635 с.
4. Keupp, H., Ahbe, T., Gmür, W. et al. Identitätskonstruktionen. Das Patchwork der Identitäten in der Spätmoderne. – Hamburg: Rowohlt., 2002.

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТРАЕКТОРИЯ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Данилова Е.А. (Москва)

Аннотация

В статье рассматривается организация процесса обучения с использованием индивидуальной образовательной траектории (ИОТ).

Современный мир развивается. Развивается и нация. Процесс идет стремительными скачками с появлением новых технологий, внедрение которых абсолютно во все сферы жизнедеятельности человека внесли свой значительный вклад в изменение привычного устоя не только профессиональной, медицинской, транспортной системы, но и в систему образования. Ускорение темпов социально-экономического развития информационного общества, расширение масштаба социально-профессиональной мобильности, динамическое развитие экономики, которое характеризуется большой степенью неопределенности, конкурентоспособностью, структурными переменами занятости современного работника. Данные перемены оказывают влияние на требования по отношению к качеству профессионального образования, востребованность той или иной квалификации специалиста, его готовность к освоению новой инновационной трудовой технологии. Профессиональное сообщество отреагировало на данную социально-экономическую видовую тенденцию – это потребность в индивидуальной образовательной траектории.

Например, в США достаточно давно активно применяют организацию обучения с использованием индивидуальной образовательной траектории (ИОТ): американцы активно используют ИОТ в высших образовательных учреждениях. Студент самостоятельно вправе выбирать предметы, которые, наиболее интересны для него из перечня, представленного его вузом (кафедрой). Так же в обучении широко применяются информационные технологии в университетских библиотеках: веб-сайты университетских библиотек как порталы библиотечных услуг, онлайн-выдачи межбиблиотечные абонементы и электронная доставка документов, справочное обслуживание по электронной почте и т.д. В вузах созданы онлайн-каталоги публичного

доступа, базы данных и электронные журналы (в том числе, журналы учета посещаемости и успеваемости в обучении студентов), цифровые проекты университетских библиотек. Стало популярным онлайн обучение.

В Федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. говорится о том, что «следует совершенствовать образование, повышать его качество, в том числе, необходима индивидуализация образования». Одним из актуальных вопросов совершенствования и видоизменения образования в современном обществе заключается в проектировании и институциональном обеспечении индивидуальной образовательной траектории обучающегося с применением современных информационных технологий.

Началось все с появления Болонской системы образования или Болонского процесса 19 июля 1999 года, когда была подписана 29-ю европейскими государствами Болонской декларации, которая утверждала необходимость для Европы образования и образовательного сотрудничества в формировании и закреплении стабильного, мирного и демократического общества.

В России активное развитие Болонской системы началось с сентября 2003 года, когда Россия присоединилась к Болонскому процессу на встрече министров образования европейских стран в Берлине.

На основании данной системы с 2011 года в Российских вузах начала формироваться образовательная траектория. Высшие учебные заведения начали переходить на двухуровневую подготовку кадров, включающую:

1. Бакалавриат – 4 года обучения в высшем учебном заведении – первый уровень высшего образования;
2. Магистратура – 2 года обучения в высшем учебном заведении – второй уровень высшего образования.

Сегодня не смотря на приобретенную популярность новой системы образования, четыре года образования – бакалавриат – как уровень профессиональной подготовки потенциальных сотрудников, как обучающиеся, так и работодатели не оценили его в должной мере.

ИОТ – это план и программа формирования своих способностей, включая реализацию потенциальных возможностей с целью поднятия уровня конкурентоспособности и развития своей личности. Сущность индивидуальной образовательной траектории состоит в осознанном и ответственном выборе студентом «целевой ориентации осуществления своего профессионально-образовательного потенциала с опорой на свои сложившиеся ценности, установки и смысл жизнедеятельности». Предпочтение той или иной образовательной траектории зависит от социально-профессиональной направленности обучающегося, его ценностно-смысловыми ориентирами, присутствием альтернативной образовательной программы и возможностями вуза.

Специалисты выделяют несколько вариантов построения ИОТ :

Первый вариант – выбор подготовки строго в рамках бакалавриата, то есть, обучение происходит в течение четырех лет, студенту даются базовые знания по выбранной специальности, которые, в дальнейшем, подтверждается соответствующим дипломом. Исходя из этой программы, обучающийся выбирает профиль своего образования.

Второй вариант – выбор подготовки по программе бакалавриата, включающий обучение в соответствии с программой профессиональной переподготовки, которая в дальнейшем дает студенту право ведения новой профессиональной деятельности. В соответствии с классическими мерками высшего образования, данная программа несколько напоминает специалитет, действующий в подавляющем большинстве вузов нашей страны, так как обучение длится пять лет. На основании окончания второго варианта такой траектории образования выпускник получит два диплома – данная программа примерно схожа с ушедшими в прошлое специальностями.

Третий вариант – освоение уровней бакалавриат и магистратура. В дальнейшем это гарантирует получение двух дипломов и степени магистра. Специалисты полагают, что будущее стоит за такой системой высшего образования, хотя оно и занимает у студента шесть лет.

Вероятно, что верный выбор ИОТ позволяет абитуриенту в дальнейшем:

- Определиться с вектором профессионального развития;
- Выбрать тематику научно-исследовательской работы: курсовые и дипломные проектирования;
- Установить тот перечень курсов на выбор, который обучаемый будет изучать в рамках бакалавриата;
- Обусловить потенциальную базу практики;
- По окончании обучения обрести два диплома;

- Приобрести компетентность в нескольких сферах знаний, повысив свою конкурентоспособность при трудоустройстве.

ГОРОДСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В РОССИИ: ФАКТОРЫ ИНФАНТИЛИЗАЦИИ

Демиденко А.С. (Ростов-на-Дону)

Аннотация: тенденции инфантилизации российской городской молодежи определяют потребность в социологической рефлексии факторов, препятствующих формированию адекватной возрасту и реальности зрелости в молодежной среде. С этой целью в данной работе анализируются факторы инфантилизации российской городской молодежи с точки зрения формирования ее ценностного мира и жизненных ориентаций.

В обществе одной из актуальных проблем выступает социальная инфантильность. Особенно остро этот вопрос стоит в молодежной среде, именно поэтому все чаще в социологической литературе актуализируется проблема социальной инфантильности молодежи.

Пролонгированная молодость, ребячество, социальная незрелость, кризис духовной самобытности XXI века – мировые тенденции современного социума, заставляющие молодое поколение «вписывать» свою жизнь в чужие рамки. Стремление молодежи к участию в жизни общества приводит к внутреннему дисбалансу. Все чаще преподаватели учебных заведений отмечают растущий инфантилизм в молодежной среде. Современная молодежь имеет необоснованно завышенные потребности, но зачастую не ориентируется в самых простых вещах. Стремление быстрее вырасти, стать ответственным человеком сегодня стало подчиненным, уступив переживанию детского счастья и беззаботности [4]. Продолжительность детства увеличивается, а психологический возраст молодого человека, наоборот, снижается.

Появление социального инфантилизма в большей степени связано с нарушением механизма социализации [3], поэтому причины чаще всего кроются непосредственно в агентах социализации, т.к. они влияют на становление личности. Например, родители, решая все проблемы детей, не создают необходимые условия для развития их самостоятельности, ответственности за свои поступки и действия.

Сегодня социум делает молодость ценностно-возрастным ориентиром, что способствует ее пролонгации. Однако еще не так давно в обществе наблюдался противоположный процесс: переход от молодости к зрелости происходил в короткие по временным рамкам сроки. В ходе трансформации общества из традиционного в индустриальное и постиндустриальное меняется представление об уровне зрелости человека. В наше время наблюдается двойственность в отношении пролонгации молодости: старшее поколение достаточно часто осуждает инфантильное поведение молодежи, но в то же время оно неосознанно сами стремятся продлить свою молодость. И, хотя, молодость необязательно ассоциируется с социальной незрелостью, в случае с молодежью зачастую происходит именно так.

Одним из главных факторов формирования инфантильности у молодого поколения является принцип функционирования капиталистического общества [5, 123], т.е. ставка на прогресс и обновление форм жизни. Общество требует от человека таких качеств, как желание меняться, стремление к восприятию нового. А к соблюдению таких требований способны молодые активные люди. Их личность еще не сформирована окончательно, поэтому они способны к переменам и с легкостью расстаться с прежним укладом. По мнению С.А. Лишаева [5], социальная политика возраста направлена на замедление взросления.

Немалую роль в формировании инфантильности молодежи, особенно в городской среде, оказывают средства массовой информации. Роль СМИ двойка, так как одновременно оказывает и положительное, и негативное влияние, когда, к примеру, под их влиянием происходит формирование общественного мнения или пропаганда определенного стиля жизни. А молодежь особенно быстро реагирует на новые веяния и принимает их. Все чаще в СМИ большое распространение получает «культ молодости», т.е. стремление отгородиться от старости. Следовательно, и зрелость стала восприниматься как возраст, предшествующий старости.

Комфортность жизни современной городской молодежи также способствует распространению инфантильности. О тяжелых временах, голоде, войнах, эпидемиях современная молодежь узнает лишь из архивных фото, документальных фильмов, книг или статей. Сегодня быт большого города полностью благоустроен, его инфраструктура позволяет не покидать границ города для того, чтобы учиться, отдыхать и пр. Городская жизнь активно наращивает жизненный темп, и особенно актуально это для крупных городов, в которых время течет значительно быстрее

по степени его восприятия жителями, что формирует различные по сравнению с жителями негородских территорий типы ментальности [1, 77]. Но столкнувшись с отсутствием благ цивилизаций или неприветливым миром, у молодого человека возникает желание уйти от подобной действительности. И снова городская среда способна «помочь» - виртуально-сетевое пространство и жизнь в виртуальном мире буквально затягивают. Живому общению все чаще предпочитают виртуальное. Сегодня Интернет полностью проник в нашу жизнь, даже работать можно он-лайн, тем самым сведя живое общение к минимуму. Находясь в комфортных домашних условиях, молодежь сохраняет свою инфантильность. Таким образом, комфорт и виртуальная реальность – одни из главных причин инфантилизации городской молодежи.

Получение высшего образования также оттягивает процесс вступления молодежи в состояние социальной зрелости. На протяжении XX века наблюдался постепенный переход от обязательного начального образования к 8-летнему, а потом до обязательного среднего общего образования (11 лет). На рубеже XX-XXI вв. возник огромный спрос на получение высшего образования, т.к. у работодателей возникла потребность в грамотных узкоспециализированных специалистах, стать которыми можно лишь окончив вуз. Сегодня школьная система образования готовит учеников к продолжению образования, а начало самостоятельной жизни переносится на более поздний возраст. По этой причине откладывается начало не только трудовой деятельности, но и вступление в брак. К тому же в наши дни у молодежи, которая является продуктом общества и его развития [2], сформирована четкая последовательность ступеней социализации: учеба, карьера, семья, потому что до вступления в брак необходимо запастись социальным капиталом и стать финансово независимым от родителей. Это удастся далеко не всем и далеко не сразу, что отодвигает планы на самостоятельную семейную жизнь на неопределенный срок, и этот фактор также является важным в осмыслении социальной инфантильности современной российской молодежи.

Преодоление социальной незрелости в молодежной среде – это комплексная задача, которая должна решаться на разных уровнях, но обязательно с учетом научной рефлексии обуславливающих данный процесс причин, а также глубокого анализа ценностного мира молодежи, в котором доминирующее положение занимают ценности самореализации, культ свободы, достижение материальной независимости, быстрый карьерный рост и, конечно, стремление быть вечно молодым. И, к сожалению, это стремление далеко не всегда сочетается с сознательным, социально зрелым отношением к себе, в своей жизни, к окружающим и обществу в целом.

1. Беспалова А.А. Рекреационное пространство крупного российского города: креативные практики конструирования. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2016 - 130 с.
2. Верещагина А.В., Гафиятулина Н.Х., Самыгин С.И.. Семья в формировании ценности доверия в молодежной среде современного российского города // Инженерный вестник Дона. 2016. Т. 41. № 2 (41). С. 25.
3. Гребенникова В. М., Щербина А. И. Инфантилизация молодежи как актуальная проблема социально-психологической безопасности государства // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 24. – С. 52–56. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/56412.htm>.
4. Левинсон А. Счастливое детство / А. Левинсон // Неприкосновенный запас. – 2008. – № 58. – С. 142–144.
5. Лишаев С.А. От детства к зрелости (феномен пролонгации молодости и современность) // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия и филология», 2016. №2 (20). С. 110-132

О РОЛИ УДОВОЛЬСТВИЙ В ЖИЗНИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ: ФИЛОСОФСКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Дмитриенко О.В. (Челябинск)

Аннотация. В статье представлены результаты проведенного социологического исследования среди студентов медицинского университета по выявлению роли и места в их жизни удовольствий. Удовольствия анализируются с различных философских точек зрения, дается их определение и характеристика. Особое значение уделяется духовным удовольствиям, а не материальным. Автор апеллирует к мнению студентов, доказывая, что удовольствия занимают большое место в жизни современных молодых людей и главное – уметь их различать, не впадать в крайности и придерживаться в наслаждениях «золотой середины», подходить к ним разумно и осмысленно.

Эпикур в сочинении «О конечной цели» говорил: «Не знаю, что и помыслить добром, как не наслаждение от вкушения, от любви, от того, что слышишь, и от красоты, которую видишь» [1, с. 437]. Развитие представлений об удовольствиях началось еще в Древней Греции, где сложилось несколько философских направлений, противоречащих друг другу. Согласно учению Зенона Китийского, удовольствие – в свободе от страстей, в спокойствии духа, в равновесии души. Он первый заявил в своем трактате «О человеческой природе», что «конечная цель – это жить согласно с природой, и это – то же самое, что жить согласно с добродетелью: сама природа ведет нас к добродетели» [1, с. 295]. Антисфен-киник говорил, что он скорее повесится, чем испытает удовольствие, то Аристипп видел в чувственном наслаждении высшее благо. Хотя при этом делалась оговорка, что удовольствия должны быть разумными и что не следует быть рабом наслаждения, киренаики все же были и рабами удовольствий, и рабами тех, от кого эти удовольствия зависели [2].

Гедонизм (от греч. *hedone* – удовольствие) – этическое направление, рассматривающее чувственную радость, удовольствие, наслаждение как мотив, цель или доказательство всего нравственного поведения» [3, с. 92]. Согласно гедонизму «добро определяется как то, что приносит наслаждение и избавляет от страданий, а зло – как то, что приносит страдание» [3, с. 92]. Французский философ Р. Декарт разделяет данную позицию и считает, что «удовольствие дано природой особенно для наслаждения тем, что считается самым высшим из всех благ, принадлежащих человеку» [4, с. 639]. Но он делает важное дополнение к своим изречениям, подчеркивая, что есть разные виды удовольствия, и желания, возбуждаемые ими, – не одинаковой силы: «например, красота цветов побуждает нас только смотреть на них, а красота плодов – их есть» [4, с. 639].

З. Фрейд даже вывел так называемый принцип удовольствия (наслаждения), который был провозглашен им высшей изначальной тенденцией человеческого организма. По Фрейду, сущностное содержание этого господствующего принципа психической жизни состоит в инстинктивном стремлении к достижению удовольствия (наслаждения), с одной стороны, и избеганию неудовольствия (боли, страдания и др.) – с другой. Провозглашая принцип удовольствия важнейшим принципом психической жизни, Фрейд при этом считал, «что для самосохранения организма среди трудностей внешнего мира он с самого начала оказывается непригодным и даже в значительной части опасным» [5, с. 716]. Он также утверждал, что принцип удовольствия находится в подчиняющемся положении инстинкту смерти и действует согласованно с ним.

Если философские учения предыдущих эпох делали акцент на духовных удовольствиях, то современное общество призывает людей к неограниченному получению удовольствий и наслаждений. Особенно это касается молодежи. Широкое распространение «идеологии потребительства и удовольствий» наносит огромный ущерб духовному развитию личности и формирует ложную цель и смысл жизни современного человека, в основе которых лежит идея о безграничном потреблении вещей и продуктов. Проблемы человечества связаны не с нехваткой ресурсов, а с излишествами [6].

Целью данного исследования является выявление приоритетных удовольствий у студентов Южно-Уральского государственного медицинского университета (ЮУГМУ) и роли, которую они играют в их жизни. Автором были использованы теоретические методы (анализ специальной литературы, индуктивные обобщения и эмпирические: анкетный социологический опрос (выборка: случайная, $n = 196$), математическая обработка данных, корреляция) [7]. В опросе приняли участие студенты лечебного, педиатрического, фармацевтического факультетов 1-3 курсов.

Анкетный опрос студентов ЮУГМУ (по полу: женщины – 72,4%, мужчины – 27,5%), выявил, что большинство опрошенных студентов (52,1%) считают удовольствием «положительную эмоцию, сопровождающую удовлетворение одной или нескольких потребностей, сопровождающее удовлетворение потребностей». (40,8%) понимают удовольствие как «чувство радости от приятных ощущений, переживаний». (4,1%) под удовольствием понимают «забаву, развлечение». По (1,0%) опрошенных считают, что удовольствие: «свобода от телесных страданий и душевных переживаний», «свобода от боли и беспокойства, умеренное потребление земных благ», «страсть, вызывающая зависимость и привычки».

Исследование показало, что удовольствия, получаемые опрошенными студентами можно подразделить на 3 группы: физические (материальные, природные, естественные и т.п., связанные с телом), социальные (связанные с положением в обществе, в социальной группе, с другими

людьми) и духовные (связанные с духовными потребностями). Так, из физических наслаждений наиболее важными для опрошенных респондентов являются: еда и напитки – (59,2%); сон – (59,2%); спортивные занятия (фитнес) – (33,7%); секс – (17,4%); курение сигарет – (5,1%); курение кальяна – (1,0%); крепкие алкогольные напитки – (7,1%); пиво – (17,4%); кофе – (15,3%); шоколад, сладости – (27,6%); шопинг – (9,2%) Уход за собой (маникюр, макияж, прическа и т.п.) – (13,%) ; массаж – (51,5%); красивая и модная одежда, обувь – (19,9%); комфортное и красивое жилье, быт – (36,2%); езда на автомобиле и его обслуживание – (16,3%).

Социальные удовольствия: непосредственное общение с друзьями, близкими – (51,5%); интернет – (45,9%); объятия и поцелуи – (43,9%); волонтерство, помощь больным (в хосписе и т.п.) – (3,8%); признание и уважение в коллективе – (5,1%); слава, почести – (3,1%); работа, труд – (12,8%); учеба – (18,4%); посещение клубов, кружков – (5,1%); занятие политикой, участие в митингах, общественных движениях – (4,6%); общение с домашними животными – (22,4%). Вызывает сожаление тот факт, что студенты не получают удовольствия от помощи нуждающимся и больным (например, волонтерство в хосписе). Именно такая деятельность человека говорит о его высокой нравственности, гуманности и милосердии [8, 9].

Духовные удовольствия: чтение книг, журналов и т.п. – (59,7%); посещение театров, музеев, выставок и т.п. – (51,5%); кино – (29,1%); музыка (75,5%); хобби, творчество (рукоделие, коллекционирование и т.п.) – (40,3%); активный отдых (путешествия, туризм) – (55,1%); посещение храма, церкви – (22,4%); медитация – (1,0%).

В приоритете у студентов среди физических способов получения удовольствий еда, среди социальных – живое общение с друзьями и близкими, а среди духовных – музыка. Анализ полученной информации дает возможность утверждать, что большинство опрошенных студентов выбирают духовные наслаждения: чтение, музыка, творчество и др. Очевидно, что для них важнее «быть», а не «иметь» и не довольствоваться тем, чтобы только покупать и потреблять, т.е. удовлетворять лишь физические потребности и получать от этого удовольствия.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. 1. Исследование выявило, что для нормальной полноценной жизни студентов необходимы разнообразные удовольствия; 2. Несмотря на тенденцию современного общества «потребления» к прививанию молодежи страсти к физическим наслаждениям, большинство опрошенных студентов чаще стремятся к духовным удовольствиям, чем физическим; 3. Современные студенты являются достойными приемниками творческой интеллигенции, будущим России.

1. Диоген Лаэртский. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* / АН СССР, Ин-т философии; Общ. ред. и вступительная статья А.Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1979. – 620 с.
2. *Антология мировой философии. В 4-х т. Т.1. Философия древности и средневековья. Ч. 1.* / Редакторы-составители: В.В. Соколов, В.Ф. Асмус, В.В. Богатов, М.А. Дынник, Ш.Ф. Мамедов, И.С. Нарский, Т.И. Ойзерман. – М.: Мысль, 1969. – 719 с.
3. *Философский энциклопедический словарь* / Под ред. Е.Ф. Губского. – М.: ИНФРА-М, 1998. – 576 с.
4. Декарт Р. *Избранные произведения* / Пер. с фр. и лат. Ред. и вступ. статья В.В. Соколова. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1950. – 711 с.
5. Фрейд З. *По ту сторону принципа удовольствия* // Я и Оно: сочинения. – М.: Эксмо, 2009. – 864 с.
6. Волкова Т.И. *Антропологическая катастрофа и проблемы человеческого бытия в эпоху глобализации* // Философия и общество. – 2014. – № 2 (74). – С. 107-125.
7. Волкова Т.И. *Как провести социологическое исследование. Учебное пособие.* – Челябинск: Издательство ЧелГМА, 2008. – 96 с.
8. Кожуховская А.А. *Этико-правовые аспекты умирания и смерти терминальных больных* // Инновационные технологии в медицине: взгляд молодого специалиста: материалы III Всероссийской научной конференции молодых специалистов, аспирантов, ординаторов / ред. кол.: Р.Е. Калинин, И.А. Сучков, Е.В. Филиппов; ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России. – Рязань: ООП УИТТиОП, 2017. – 189 с.
9. Волкова А.А. *Хоспис и паллиативная помощь пациентам с incurable заболеваниями как альтернатива эвтаназии* // Социальная работа в России: история, современность, перспективы: Материалы I областной научно-практической конференции 19 декабря 2012 г. – Челябинск: Изд-во ЮУГМУ, 2013. – С. 138-141.

ВОЗДЕЙСТВИЕ МОЛОДЕЖИ НА ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ

Евлаев А.Н. (Москва)

На современном этапе развития общества, в условиях социальной неопределенности, молодежь все чаще сталкивается с целым комплексом проблем, которые требуют самостоятельного их решения. Социализация молодежи в современных условиях многогранна и зависит от множества социальных факторов и социальных институтов: семьи, школы, института, круга общения и пр. Для того чтобы процесс социализации и профессионально-трудовой адаптации молодежи (особенно – неблагополучной) проходил успешно, необходимо реализовать комплекс социальных проектов различной направленности. Это позволит не только успешно адаптировать молодежь к социальным нормам, но решать комплекс различных проблем в условиях социальной неопределенности, будет способствовать изменению социальной среды.

Наличие в молодежной среде различных молодежных субкультур по-разному влияет на социально-политическую сферу жизни общества. Отдельные субкультуры носят умеренный (спокойный характер), а некоторые позиционируют себя весьма агрессивно, влияя на политическую ситуацию.

Рассматривая теоретические вопросы роли и места молодежи в современном обществе, следует отметить, что подростки во все времена составляли особую социально-демографическую группу, но в наше время сложилась специфическая подростковая культура, которая, наряду с другими социальными факторами, играет большую роль в развитии современного подростка. Впервые к этой проблематике обратились социологи в 60-е годы XX века. В России с конца 1980-х годов внимание исследователей к молодежным субкультурам стало более заметным. В последние годы молодежной субкультуре уделяется гораздо больше внимания.

Одним из проявлений молодежной культуры являются неформальные молодежные объединения, своеобразная форма общения и жизни подростков, общества, группы сверстников, объединенных интересами, ценностями, симпатиями. Неформальные группы возникают обычно не в классе, не в деловых отношениях, а наряду с ними и вне школы. Они играют важную роль в жизни подростков, удовлетворяют их информационные, эмоциональные и социальные потребности: дают возможность узнать то, о чем не так просто говорить со взрослыми, обеспечивают психологический комфорт, учат выполнению социальных ролей.

Подход к молодежи не столько как к объекту воздействия государства и социальных институтов, а как к субъекту социальной активности, на данном этапе является основным в исследованиях молодежной проблематики. В процессе социализации молодежь воздействует на общество посредством творческой деятельности, преобразуя его и внося инновации - такой процесс определяют как ювентизацию. Ювентизация (обновление) общества возможна лишь в случае реализации молодежью своей субъектности. Субъектность молодежи связывают с проявлением преобразовательной деятельности и ответственностью за её результаты, самоорганизацией молодежи в самостоятельные объединения и реализацией субъектности через них. Молодые люди объединяются в реер group (группы сверстников), к которым в том числе относят молодежные субкультуры. Выбор субкультурных сообществ и взаимодействие в них требует принятия индивидуальных решений. Поэтому рассмотрение таких групп с целью изучения субъектности российской молодежи составляет важную область современных исследований.

В отличие от современного этапа в советское время субкультурная активность молодежи рассматривалась как вызов обществу и имела протестный потенциал. Субкультура несла в себе определенную идеологию; модели поведения, мировоззрение, ценностные ориентации участников таких групп отличались от принятых в обществе, которое было целостным. Д.В. Иванова и С.Ю. Иванов отмечают, что «неформальные молодежные сообщества СССР были схожи с контркультурой, участники таких групп отрицали ценности доминирующей культуры, создавая взамен свои, и предполагалось, что оппозиционные установки создадут трудности в процессе адаптации таких молодых людей в обществе»[1, С. 74-79]. Отечественные ученые изучали причины недовольства участниками субкультур формальными институтами социализации, а также компенсаторные функции молодежных субкультур.

Несмотря на ряд мероприятий по оперативному урегулированию конфликтных вопросов в молодежной среде (совещания и переговоры с представителями группировок и национальных диаспор), органами власти не до конца разработаны и приняты меры по решению ключевых

проблем - это напряженность межнациональных отношений и отсутствие диалога власти и общества по сложным социально-политическим и экономическим проблемам. Данные темы не были включены в политическую повестку дня современной России.

Таким образом, тенденции криминализации молодежной культуры не могут не вызывать тревогу. Учитывая то, что нынешняя молодежь представляет собой "кадровый резерв" развития общества, мы рискуем через 10-15 лет получить серьезно криминализованную страну. Последствия такого развития событий могут оказаться достаточно серьезными, если не катастрофическими.

Рассматривая влияние молодежных субкультур на политический процесс современной России, стоит отметить, что это влияние достаточно велико и неоднозначно. Разрозненные и неконтролируемые группы современной молодежи, являясь экономической основой будущего нашей страны, ставят под угрозу нормальное протекание процессов общественно-го воспроизводства в ближайшей, среднесрочной и долгосрочной перспективе. Именно поэтому, реализация государственной молодежной политики должна обеспечивать устранение воздействия внешних и внутренних негативных факторов на молодежную среду.

Без активной роли государства, направленной на поддержание высокого социального статуса молодежи в обществе, качество исполнения ею специфических общественных функций будет понижаться. При дефиците адекватных корректирующих воздействий со стороны государства на проблемные группы молодежи могут наблюдаться эффекты трансляции и наложения отрицательного потенциала, передаваемого от старших к младшим поколениям.

Создание посредством государственной молодежной политики комплекса социальных, экономических, правовых, условий и гарантий для самореализации молодой личности и развития молодежных инициатив позволит скоррелировать негативное влияние молодежи на политический процесс современной России.

1. Иванова Д.В., Иванов С.Ю. Межпоколенное взаимодействие в контексте формируемых молодежных субкультур // Управление мегаполисом. – 2013. – № 3 (33)–с.74-79

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Евстифеев Р.В. (Владимир)

Систематическое изучение государственной политики в сфере избирательного процесса началось не так давно [1]. Сегодня это динамично развивающаяся отрасль научного знания, тем более что период относительно быстрых изменений электоральных систем в различных странах мира еще продолжается.

Большое разнообразие моделей электорального реформирования приводят к серьезной фрагментации и слабой координации между научными дисциплинами, изучающими отдельные аспекты публичного управления выборами.

В научной литературе выделяют четыре новых научных дисциплины: электоральное управление (electoral governance), электоральный менеджмент, электоральное администрирование, электоральный инжиниринг.

В основе всех обозначенных дисциплин лежат неинституциональные подходы, связанные с теорией рационального выбора, акцентирующей внимание на индивидуальных и субъективных факторах. Именно политические ценности становятся основанием для мобилизации групп избирателей в периоды выборных кампаний, и особенностей электорального поведения отдельных социально-демографических групп. [3]

Одной из важных социально-демографических групп является молодежь, изучение ее ценностей, установок, отношения к политическим процессам необходимо для проведения эффективной электоральной политики государства.

Данная статья основана на данных мониторинга ценностей и политических предпочтений современной молодежи, проводимого во Владимирской области с 2015 года [2]. Основными методами мониторинга являются массовые опросы среди молодежи и структурированные интервью.

Важнейшие результаты двухлетнего мониторинга можно представить в виде нескольких выявленных противоречий:

1. Молодежь демонстрирует взгляды, близкие к демократическим, и даже либеральным, но только на теоретическом уровне. Решение конкретных вопросов и проблем происходит за счет «стирания» демократичности и либеральности.

2. Интересы личности для молодежи важнее интересов государства. Однако, именно от государства молодежь ждет обеспечения законности, справедливости, безопасности.

3. Молодежь демонстрирует низкий уровень доверия политическим партиям, боясь быть обманутой политиками. Однако, почти без всякого критического взгляда принимает аргументы и идеи региональной и федеральной власти.

4. Политика представляет интерес для молодых людей, они хотели бы больше понимать в политике, но не знают, где получить достоверную информацию, политические события и идеи не с кем и негде обсуждать.

5. Молодежь готова участвовать в выборах, но только в тех, которые имеют для нее какой-то смысл.

6. Молодые люди видят и осознают существование глубоких проблемы в обществе, но не видят приемлемых и понятных механизмов их разрешения и, самое главное, - не видят мотивов собственного участия.

Таким образом, современная молодежь демонстрирует крайне низкую вовлеченность в политический процесс, что приводит к бойкоту избирательного процесса и самого голосования.

В рамках реализации государственной электоральной политики следовало бы уделять внимание смысловому наполнению выборного процесса и формированию у молодежи мотивации участия в нем. Важнейшее направление в этой связи - развитие конкуренции и обеспечение равного доступа партий и кандидатов. Политическая пассивность молодежи является естественной реакцией активной социальной группы на «предрешенный», как им кажется», характер проходящих выборов. Обеспечение конкурентности выборов и равенства доступа на выборы, являясь главным институциональным требованием, может быть дополнено рядом предложений.

Во-первых, молодежь, осознавая и признавая на поверхностном уровне ценности демократии, наблюдают в окружающей жизни противоречивость и амбивалентность существующего социального порядка. В связи с этим, задачи государственной электоральной политики должны пониматься весьма широко, включая в себя развитие элементов демократии и демократической конкуренции в образовательных учреждениях, в которых проходит социализация молодежи. Ученическое самоуправление, выборность основных лидерских позиций в этом самоуправлении, обеспечение равного доступа, конкуренции, справедливой выборной системы – все это задачи, с которыми образовательные учреждения самостоятельно не справятся, им в этом нужна поддержка в рамках государственной политики по воспитанию активного избирателя.

Во-вторых, необходима системная поддержка делиберативных практик среди молодежи по поводу политических ценностей и идей, создание институций и площадок, на которых молодые люди могли бы обсуждать политические проблемы и идеи.

В-третьих, необходимо развитие деятельности разнообразных локальных молодежных организаций, в основе которых – интересы самой молодежи, а не политических и государственных структур. Эффективным способом вовлечения молодежи в политическую жизнь является молодежное представительство, заключающееся в участии молодых людей в деятельности органов государственной и муниципальной власти через специальные институты молодежного представительства. На сегодняшний день уже апробирована целая линейка таких институтов: молодежные правительства, молодежные парламенты, молодежные общественные палаты и др. Молодежное представительство позволяет развивать навыки политического участия молодежи, реализовывать законные интересы и права молодых граждан в обществе, учитывать их мнение в вопросах его развития. В молодежных парламентских структурах политически активные молодые люди учатся парламентской культуре, основам политической деятельности. Поэтому такие органы можно рассматривать как весьма перспективное направление повышения социально - политической активности молодых российских граждан. Однако, не следует забывать, что данные институализированные способы участия молодежи в политике охватывают лишь часть молодых людей, причем, довольно незначительную.

В современных условиях главной задачей государства и гражданского общества становится не только повышение степени общественно-политической активности молодежи, ее вовлеченности в политическую жизнь, но и формирование и развитие личностных качеств

молодого человека, позволяющих осознанно включаться в политический процесс, ориентироваться в современной социально-политической ситуации, грамотно осуществлять политический выбор, опираясь как на рациональные соображения, так и на систему устойчивых политических ценностей. Для решения этой задачи в перспективе необходимо комплексное воздействие на молодежь, как со стороны государства, так и гражданского общества.

1. Гришин Н.В. Государственная электоральная политика: предметная область нового научного направления // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2014. № 3. С.71–82.

2. Евстифеев Р.В. Государственная электоральная политика и политическая активность современной молодежи // *Среднерусский вестник общественных наук*, 2016, т.11, №6, с.87-91.

3. Norris P. *Cultural Explanations of Electoral Reform: A Policy Cycle Model*. *West European Politics*, 2011, 34 (3): 531-550.

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ГЛОБАЛИЗАЦИИ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Жакупова А.А. (Санкт-Петербург)

Современное общество, которому характерны независимость, свобода, равенство, поощряет социальную открытость. Результатом такой характеристики является склонность сближения важных сфер деятельности, благодаря которым функционируют государства. Происходит интеграция не только на экономическом, но и на политическом и культурном уровнях. В результате соединения важных сфер жизнедеятельности государств мы получаем единые мировые рынки, транснациональные корпорации, организации международного уровня, поэтому жизненный уклад, нормы, стандарты и правила, по которым функционируют нации, во многих уголках планеты являются схожими [1]. Социальная открытость многих государств поощряет не только принятие общих мировых норм и стандартов, но и передачу и быстрое распространение информации касательно происходящих событий в мире. Пространственная отдаленность стирается, превращаясь в информационную близость.

В настоящее время все большую популярность набирает феномен глобального мирового сообщества, так как на сегодняшний день его изучение является актуальным, интерес социологии к нему увеличивается, поэтому данное сообщество выступает в качестве нового объекта социологии. Значимым фактором данного процесса выступает территориальный критерий. Отсюда вытекает вывод о том, что современная социальная целостность обозначается, как глобальная. В свою очередь, «глобальное общество» - тип социального пространства, в котором система взаимоотношений, связывающих индивидов, принимает всемирный характер [2].

Необходимой составной частью глобального общества считается национальное государство. С каждым годом горизонты глобального общества расширяются благодаря пополнению участников-государств, происходит это благодаря вхождению все новых членов в международные объединения. Таким образом вхождение государства в глобальное мировое сообщество влечет за собой смену ориентиров, взглядов его граждан. В особенности, речь идет о молодых людях, будущее государств в большей степени зависящее от их жизненных позиций.

Понятие глобализации относительно молодое, пик его распространения приходится на вторую половину 20 века. Изначально с 50-х по 90-е годы двадцатого столетия научные представления о глобализации связывались с историческим ходом развития, ее участие происходило в нескольких сферах общественной жизнедеятельности. По мнению экспертов, глобализация выступает как следствие имеющихся социальных отношений. В последующие годы процесс начал носить более экономический характер, при этом несколько важных сфер деятельности государств находятся также под влиянием глобализации.

Одним из заметных ученых, которому принадлежат идеи о глобализации, является Роланд Робертсон [3]. Исходя из его убеждений, при глобализационном процессе мир сжимается, становится единым без деления на социальные пространства. Робертсон считал, что глобализации соответствует автономность и логика. Еще одним исследователем, занимающимся изучением глобализационного процесса, является А.Аппадураи. Он подчеркивает наличие «третьих культур», которым характерна автономность и существование вне национальных границ в глобальном масштабе. По его мнению существуют финансовое, этническое, технологическое перемещения [4].

Для рассмотрения влияния глобализации на молодежь интересно рассмотреть технологическое перемещение, ярким его примером является всеобщий Интернет. На сегодня потребителями Интернета является большая часть населения любого государства. Но заметное влияние оно оказывает на молодое поколение. Таким образом преимущество мирового глобального сообщества: оно не сосредотачивается только на одном или нескольких схожих государствах, а имеет свое влияние на образ жизни людей большинства стран мира [3]. В ходе приведенных данных, мы видим, что люди, в особенности молодежь подвержена веяниям глобализации, происходит это в большей степени от слаженной информационной политики, охватывающей все большое пространство.

Очевидными результатами глобализационных процессов, протекающих в российском обществе имеют несколько негативный характер. В первую очередь речь идет об углублении финансово-экономического кризиса, также об изменении психического, физического, социального состояний здоровья молодых людей. Многие ученые сходятся во мнении, что данные изменения выступают результатом экономического неравенства [5], увеличения степени отчуждения, недоверия в молодежной среде [6].

Процесс глобализации оставляет все более заметный отпечаток в сознании российской молодежи. В таком случае основная задача молодых людей заключается в наличии некоего «иммунитета» в восприятии информационных потоков, ежедневно происходящих и заполняющих сознания людей. Естественным образом для того, чтобы трезво мыслить, уметь верно принимать решения вне зависимости от того, что происходит вокруг, необходимо фильтровать информацию, оперируя лишь полезной ее частью.

Исследователи сходятся во мнении, что если раньше процесс социализации молодых людей российского общества носил «классический» характер, то есть основная роль отводилась семье, образовательным учреждениям. Сегодня канал социализации меняется в силу влияния мирового глобального сообщества. Поэтому большое внимание отводится средствам массовой информации. То есть процесс постепенного включения молодого человека к пластам информации перетекает в очень быстрое ее освоение. Это в свою очередь пагубно влияет на сознание молодых людей. То есть можно сказать, что сегодня каналом социализации является СМИ. В связи с этим в мире многие ученые сходятся во мнении, что процесс глобализации приводит человечество к новому этапу развития, которому соответствует информационная революция [7].

В заключении хотелось бы отметить, что мировое глобальное сообщество в идеале унифицировано, каждый компонент, представленный национальным государством, должен быть однообразным. Однако на самом деле не все участники, относящиеся к данному сообществу, являются таковыми. Представители разных культур, мировоззрений могут по-разному воспринимать цели мирового масштаба и общечеловеческие ценности. Отсюда вытекает предположение о слабости влияния мировых организаций, которым свойственно решать глобальные проблемы.

Но стоит отметить, что в настоящее время у немалого количества людей всего мира присутствует ощущение единого мира не в физическом смысле, а в близости по восприятию происходящих событий вокруг. Это является результатом работы средств массовой информации, к примеру, ежедневные телевизионные новости, транслирующие события во все точки мира. Новостная передача происходит каждый день, следовательно уже образовалась слаженная структура, в которой есть те, кто поставляет информацию до тех, кто ее потребляет. В таком случае существует опасение в том, что поставщиками информации могут являться далеко не компетентные информанты, поэтому возникает проблема навязывания информации, образцов поведения, взглядов и стилей жизни. В этом плане задача социологов изучить не только преобразования глобального мирового сообщества и соответствующих ему проблем, нововведений, но и рассмотреть их причины формирования, тенденций развития, прогнозов на будущее.

1 Чумаков, А.Н. *Философия глобальных проблем* / А.Н. Чумаков. М., 1994. С. 116.

2 Коновалов, В.Н. *Общество глобальное // Глобалистика: Энциклопедия* / В.Н. Коновалов. Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М., 2003. С. 718. См. об этом также: *Глобальное общество в конце XX столетия // Международные отношения: глобальные подходы*. М., 1998.

3 Ритцер Дж. *Современные социологические теории*. 5-е изд. — СПб.: Питер, 2002. — 688 с: ил. — (Серия «Мастера психологии»).

4 Арджун Аппадураи. *«Современность» на просторе: культурные измерения глобализации*

2003, т. 3, № 4, с. 57–66

5 Гафиатулина Н.Х. Влияние социально-классового, экономического неравенства на социальное здоровье студенческой молодежи // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – 2012. – №4 (32). – С. 103-108.

6 Степанов О.В., Самыгин С.И., Самыгин П.С. Образовательное право и проблемы формирования правосознания российской учащейся молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – №3-1. – С. 256-260.

7 Делягин М. Г. Мировой кризис: Общая теория глобализации. М. : Инфра-М, 2003.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ.

Зайдельман О., Рахматуллина З.Б. (Уфа)

Реклама на современном этапе развития неразрывно связана с повседневной жизнью каждого члена общества. Реклама окружает повсюду, по дороге из дома на работу, на телевидении и радио – куда бы ни пошел человек, на своем пути он может встретить рекламное объявление. Реклама стала ярким явлением современности, в ней отражаются принятые на момент ее создания стандарты. Реклама влияет на наш стиль и образ жизни, наши взгляды, отношение к себе и окружающему миру, показывая готовые образцы поведения в той или иной ситуации.

В современном мире реклама давно вышла за рамки решения экономических задач, и обратилась к достижению решения актуальных социальных проблем. Социальная реклама, по мере возрастания ее роли в решении социальных проблем, стала самостоятельным и востребованным видом коммуникации. При этом ее задача состоит не только в привлечении внимания общественности к социальным проблемам, но и призыв действовать и решать эти проблемы. [2, С. 168]

Социальная группа молодежь является наиболее подвергнутой влиянию рекламы, так как все этапы социализации у молодежи проходят под влиянием рекламы. В условиях современной информационной цивилизации молодежь все чаще вместо идей потребляет образы. Рекламные слоганы становятся языком общения молодых людей, участвуют в актах коммуникации, как своего рода культурный код, объединяющий его носителей. Тем самым современная реклама одновременно является отражением существующих, актуальных в молодежной среде морально-нравственных императивов и, эксплуатируя те или иные потребности молодежи, влияет на формирование их системы ценностей в социальной, политической, культурно-образовательной, экономической сферах жизнедеятельности.

Видеореклама имеет, «большой индекс силы» у молодежной аудитории. Телевидение и Интернет являются одними из наиболее значимых источников информации у молодежи, причем в разном возрасте статус телевидения, а, следовательно, и телевизионной рекламы как источника информации меняется. [1, С. 34]

Необходимо учитывать и то, что современная молодежь вступает в самостоятельную жизнь в условиях кардинальных перемен в политической жизни страны, развиваются процессы демократизации общества, расширяется рынок труда, противоречиво протекает социально-экономическое развитие, нарастает социальная дифференциация общества, невиданными темпами развиваются система массовых коммуникаций и компьютеризация. Молодежи становится труднее понять проблемы, с которыми она сталкивается, вступая в жизнь, определяя свое место и призвание. Это еще раз подтверждает актуальность роли и места рекламы, в формировании ценностных ориентаций подрастающего поколения. [3, С.89]

Так, по нашему мнению, реклама как важный социальный институт должна вносить свой вклад в прогресс и общественное благополучие, а не в рост социального недовольства и напряженности. Например, она может содействовать преемственности культуры, если при ее создании учтены национальные особенности различных социальных сообществ, тем самым способствуя патриотическому воспитанию молодежи в нашей стране, формированию толерантности, ориентации молодежи на здоровый образ жизни и семейные ценности. [3, С.90]

Таким образом, социальная реклама выполняет особую роль в привлечении молодого поколения к общественной деятельности. Молодежь легко поддается влиянию внешнего мира, в том числе влиянию рекламы. В одних случаях при этом у молодежи формируются позитивные социальные ценности, в других – отрицательные. При этом общественно важным является формирование позитивных социальных ценностей. Отсюда, привлекающая к себе социальная

реклама способна стать мощным фактором, формирующим у молодого поколения положительные ориентации.

1. Толмачева С.В. *Реклама как социокультурный фактор формирования ценностных ориентаций у молодежи. Автореф. дис. ... д.с.н.* – Тюмень, 2007 – 42с.
2. Ульянина О.А. *Реклама как фактор формирования ценностных ориентаций российской студенческой молодежи. Дис. ... канд. соц. н.* – Волгоград, 2009 – 172с.
3. Уралева Е.Е. *Возможности влияния рекламы на формирование патриотических ценностей молодежи (социологический анализ)// Известия высших учебных заведений Поволжский регион – 2009 -№2 – С.89-100*

ДИНАМИКА ПАТРИОТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Захарова Е.М. (Санкт-Петербург)

Актуальность проблем патриотизма определяется рядом факторов. Целями развития России в XXI веке, провозглашаемыми Президентом и Правительством РФ, выступают построение свободного демократического государства, обеспечение стабильного и устойчивого социального развития и укрепление обороноспособности страны. Для достижения этих целей, как отмечается в государственной программе патриотического воспитания граждан РФ, необходимо формирование у россиян высокого патриотического сознания, верности Отечеству, готовности к выполнению конституционных обязанностей [3].

Тема патриотизма в силу своей актуальности вызывает постоянный интерес социологов. Многие исследователи, изучающие проблемы молодежного патриотизма, отмечают утрату любви к Родине у современного поколения [6]. Другие авторы делают вывод о достаточно высоком уровне и потенциале патриотизма у современной молодежи [1; 5]. Но и те, и другие сходятся в необходимости целенаправленного формирования патриотизма у подрастающих поколений. Для этого предлагается: совершенствование молодежной политики в области патриотического воспитания [5], усиление роли семьи, школы и государства в данном процессе [1], решение проблем патриотического воспитания [2; 4].

Рассмотрим данные социологических опросов, проводившихся в течение первых десятилетий XXI века сотрудниками лаборатории проблем молодежи факультета социологии Санкт-Петербургского университета.

Ответы «Да» на вопрос «Можете ли Вы назвать себя патриотом России?» (в % к числу ответивших)

2000 г. - 47%
2003 г. - 49%
2006 г. - 62%
2008 г. - 59%
2009 г. - 55%
2020 г. - 45%
2013 г. - 56%

Приведенные выше данные позволяют сделать вывод, что пик антипатриотических настроений пришелся на 2000-й год, когда почти половина опрошенных (43%) отказывались назвать себя патриотами (то есть половина молодых россиян оказалась не привержена ценностям и символам государства и культуры).

Однако после 2000-го года начинается резкий подъем патриотических настроений и не считают себя патриотами лишь 15-16% опрошенных (2003-2008 гг.). С 2000 по 2006 год наблюдается постепенное увеличение числа патриотичных молодых людей - называют себя патриотами 47%, 49% и 62% молодых людей соответственно в 2000, 2003 и в 2006 годах.

Подъем патриотических настроений в начале 2000-х годов, по всей видимости, связан с приходом к президентской власти Владимира Путина, который привнес в российскую действительность идеи суверенности и патриотизма, поддержанные большинством населения, в том числе молодежью. Политика В.В.Путина способствовала пробуждению у молодежи чувства патриотизма и веры в будущее, интереса к прошлому страны, ее культуре.

С 2008 года отмечался спад патриотических настроений: патриотами считали себя 59%, 55% и 45% молодых россиян соответственно в 2008, 2009 и 2010 годах. А число тех, кто не может назвать себя патриотами возросло до 22%.

В 2013 г. процент патриотичных молодых людей снова увеличился до 56. Этот очередной подъем патриотизма может быть связан с политическим кризисом на Украине, американско-европейскими экономическими санкциями против России. Поскольку патриотические настроения, как правило, усиливаются при внешних военных и политических конфликтах - в данном случае с Украиной и странами ЕС и США.

Рассмотрим более подробно материалы социологического исследования 2013 года, проведенного на факультете социологии СПбГУ (опрошено 494 студента петербургских вузов).

Согласно этому опросу, в 2013 году 56% молодых людей с уверенностью называли себя патриотами России. Для изучения дальнейшей динамики патриотичности молодежи проведем анализ зависимости патриотичности от возраста опрошенных.

Ответы «Да» на вопрос «Можете ли Вы назвать себя патриотом России?» в зависимости от возраста респондентов (в % к числу ответивших):

17-18 лет - 57%

19-22 года - 53%

23 года и старше - 68%

Ответы «Нет» на вопрос «Можете ли Вы назвать себя патриотом России?» в зависимости от возраста респондентов (в % к числу ответивших):

17-18 лет - 20%

19-22 года - 25%

23 года и старше - 15%

Проведенный анализ показывает, что представители самой старшей возрастной подгруппы молодежи наиболее патриотичны (почти 70% из них могут определенно назвать себя патриотами). Наименее патриотичной оказалась средняя возрастная подгруппа молодежи - среди них патриотически настроенных чуть больше половины (53%), что даже меньше, чем у самой младшей подгруппы (57%). Среди средней возрастной подгруппы также больше всего тех, кто не считает себя патриотами (25% не-патриотов против 20% у самых младших и 15% у самых старших). Такие распределения ответов могут объясняться более зрелыми нравственными и мировоззренческими установками студентов старшей возрастной категории.

А тот факт, что самые молодые из опрошенных показали высокий уровень патриотичности, говорит о наличии потенциала патриотизма у современной молодежи. Это дает основания ожидать в недалеком будущем (когда эти молодые люди составят основную массу населения) повышение патриотичности граждан России.

1. Бессчетнова О.В. Патриотизм как морально-нравственная компонента личности современной учащейся молодежи // Вестник ТГПУ. 2011. №2. С.137-140.

2. Быковская Г.А., Дубравин С.А., Черенков Р.А. Молодежный патриотизм: реальность и перспективы // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. №10. С.96-105.

3. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011-2015 годы» // [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://archives.ru/programs/patriot_2015.shtm

4. Еремушкин А.С., Радаева С.В. Проблемы формирования гражданского общества в регионах России // В сборнике: Государство, общество, право: традиции, современность, будущее. Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции, г. Астрахань, 30 ноября 2016 г. Астрахань, 2016. С.24-31.

5. Зайцева О.А. Патриотизм в среде молодежи // Мониторинг. 2011. №4 (104). С.106-109.

6. Яковленко А.Е. Проблемы воспитания патриотизма у молодежи // Science Time. 2014. №8 (8). С.357-359.

ВОСПРИЯТИЕ КОРРУПЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Злотников А.А. (Гомель, Республика Беларусь)

Аннотация. Рассматриваются основные тенденции в сфере противодействия коррупции в Республике Беларусь на основе исследований «Transparency International» и статистических данных Генеральной прокуратуры. Анализируются данные социологического исследования о восприятии коррупции в молодежной среде.

Проблема коррупция как социальный феномен появилась в глубокой древности и сегодня еще не разрешена, приобрела массовый характер и затронула все сферы жизни во многих странах мира. Не является исключением и Республика Беларусь. Примеров коррупционных

правонарушений и преступлений, в том числе резонансных можно привести достаточно. Коррупционные проявления постоянно отмечаются во всех основных видах экономической деятельности, в промышленности, сельском хозяйстве, торговле, строительстве, в сфере услуг, в государственном управлении, здравоохранении, образовании, спорте и т.д.

Однако в последние годы достигнут определенный прогресс по противодействию коррупции. Так, согласно данным неправительственной международной организации «Transparency International» по борьбе с коррупцией и исследованию ее уровня в мировом масштабе в 2014 г. Беларусь в рейтинге восприятия коррумпированности заняла 119-е место (из 175). За 2015 год наша страна улучшила свои показатели и поднялась со 119-го на 107-е место, а по итогам 2016 заняла 79 место (из 176) в Индексе восприятия коррупции [1]. Эту тенденцию подтверждают и данные Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, которая на системной основе координирует деятельность правоохранительных органов по противодействию коррупции, аккумулирует информацию о ее проявлениях, проводит анализ эффективности профилактики. Так, если в 2015 году в стране было зафиксировано 1603 коррупционных преступления, то в 2016 их было учтено уже 1593, уменьшилось также число лиц совершивших данные преступления с 724 до 701. Сократилось число хищений путем злоупотребления служебными полномочиями (с 572 до 498), злоупотреблений властью или служебными полномочиями (с 188 до 175), превышений власти или служебных полномочий (с 132 до 56), дачи взятки (с 121 до 113), посредничеств во взяточничестве (с 10 до 4). [2]. Вместе с тем, по данным Генеральной прокуратуры возросло количество выявленных фактов получения взяток (с 542 до 713) [2]. Как показывают социологические опросы населения, борьба с коррупцией, взяточничеством, по мнению людей, входит в число наиболее актуальных социальных проблем государства. На наш взгляд, с психологической точки зрения, безусловно, важно детально исследовать роль психологических факторов в целом, и мотивации в частности. Так, в общественном сознании формируется представление о беззащитности граждан перед преступностью и перед властью, существует готовность к подкупу, которая комбинируется с правовой пассивностью и невежеством значительной части взрослого населения, и низким субъективно воспринимаемым риском быть привлеченным к ответственности, и низким уровнем солидарности с нормами об ответственности.

Если проблемы мотивации и роли психологических факторов, влияния качества законодательства и многие другие аспекты достаточно исследованы, то по нашему мнению, особый интерес вызывает изучение социологических аспектов, которые также оказывают влияние на существование коррупционных правонарушений и преступлений. И здесь существенны возможности эмпирических исследований.

Поэтому мы решили провести свое социологическое исследование на данную тему. Объектом исследования были студенты юридического факультета ГГУ им. Ф. Скорины. Перед собой мы поставили следующие задачи изучить мнение будущих правоведов: во-первых, об эффективности борьбы с коррупцией; во-вторых, о причинах усиления борьбы с коррупцией, в-третьих, о возможных мерах по усилению противодействия коррупции. С этой целью нами были опрошены 107 человек - студентов юридического факультета ГГУ им. Ф. Скорины. Учитывая это, результаты нашего опроса сложно экстраполировать на мнение всех студентов в целом, но для будущих правоведов университета он является репрезентативным. Поэтому, некоторые данные представляют несомненный интерес. Следует отметить, что большинство респондентов уверены в том, что в последнее время борьба с коррупцией в стране усиливается. Об этом говорят 66,2 % опрошенных, причем 56,9 % из них считают это проявление в целом тренда на усиление борьбы со всеми видами преступлений. 19,6% думают, что главной причиной усиления борьбы является рост недовольства людей. Та группа респондентов, которая считает, что усиления борьбы с коррупцией не происходит (16,9 % от общего числа), скептически настроена, прежде всего, из-за политических причин. Так, по мнению большинства «вся власть коррумпирована» (так думает почти каждый второй из этой категории людей), а также из-за того, что «власти не хватает воли в борьбе с коррупцией». Если говорить о правовых основах противодействия коррупции, то незначительная часть считает, что «нет нужных антикоррупционных законов» (15,4%) и, что «не хватает компетентности и квалификации правоохранительным органам» (7,7%). Следует отметить, что такие мнения «скептиков» коррелируют с отрицательными оценками политического и экономического положения в стране, о чем говорят подавляющее большинство из них 74% и 79,2% соответственно.

Рассуждая о мерах по противодействию и минимизации коррупции можно выделить три наиболее популярных блока мер: условно говоря, «принудительно-правовой», «административно-

контрольный» и «социально-экономический». Первый – «принудительно-правовой» сводится к ужесточению антикоррупционного законодательства в целом и ответственности в частности. Это проявляется в таких мнениях как: «ввести более строгую ответственность за коррупцию, усилить борьбу с коррупцией в целом» (55, 8% от общего числа опрошенных), «ужесточить антикоррупционное законодательство»(22,1%), «ввести смертную казнь для тех, кто уличен в коррупции» (7,8%). Второй - «административно-контрольный» состоит в увеличении проверок деятельности должностных лиц «усилить контроль над чиновниками, строже проверять их деятельность» (61%), «сократить штат чиновников, уменьшить их функции»(15,6%), «допускать во власть только честных, порядочных людей» (18,2%). И третий блок мер, который заключается в сочетании социально-экономических воздействий. Так 39% респондентов считают, что необходимо улучшить жизнь людей в целом, 18,2% настаивают на «повышении сознательности людей», что должно снизить мотивацию к коррупционным проявлениям. Следуют отметить, что «неисправимыми пессимистами» являются только 2,6% респондентов, которые заявляют, что «никакие меры не помогут».

Таким образом, базируясь на данных статистики, результатах исследований «Transparency International», а также на данных социологического исследования в молодежной среде можно предположить, что в целом, разрешение проблемы коррупции возможно только на основе интегрального подхода, сочетающего в себе правовые, экономические, политические методы, а также с учетом результатов комплексных научных исследований и изучения положительного опыта стран, достигших наибольшего успеха в противодействии коррупции.

- 1.http://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016.
- 2.<http://www.prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=10143>.

ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ КУРСАНТОВ ВЫСШИХ ВОЕННЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Зубрицкая Н.В. (Санкт-Петербург)

В условиях реформирования армии, ориентации на инновационную военно-профессиональную деятельность задача формирования и развития лидерских качеств у курсантов высших военно-учебных заведений – будущих руководителей воинских коллективов, приобретает особую актуальность.

Эффективное управление подчиненными предполагает наличие у командира ярко выраженного лидерского влияния. Оно проявляется в его способности мотивировать, убеждать, вдохновлять подчиненных, брать на себя ответственность, организовывать, вести за собой на решение значимых для подразделения задач в самых различных, и, особенно, экстремальных ситуациях, ситуациях неопределенности, риска, отсутствия отработанного и общепринятого алгоритма профессионального поведения и действия.

Лидер, применительно к специфике военно-профессиональной деятельности - это наиболее активный и влиятельный член воинского коллектива, обладающий необходимыми организаторскими, коммуникативными, морально-ценностными и волевыми качествами, занимающий центральное положение в структуре межличностных отношений и способствующий своим примером, эффективной организацией и управлением воинским коллективом достижению значимых для него целей наилучшим образом.

Формирование лидерских качеств курсантов определяется особенностями их будущей профессиональной деятельности и теми требованиями, которые она предъявляет к личности офицера. В настоящее время растет осознание того, что лидерство – это не только деятельность одного индивида с ярко выраженными лидерскими качествами, а коллективная деятельность активных и мотивированных участников, имеющих общую цель и задачу, в эффективной реализации которой они все одинаково заинтересованы и где само лидерство поделено между ними. Умение работать в команде, выявлять, актуализировать и использовать в общих интересах лидерский потенциал каждого ее члена – важное качество лидера.

Целью и задачей процесса воспитания и самовоспитания лидеров в высшем военном учебном заведении с учетом данного фактора становится ориентация на развитие у каждого курсанта лидерского потенциала, обеспечивающего непрерывное и разноплановое развитие его как субъекта эффективной коллективной лидерской деятельности.

Важнейшими психологическими факторами формирования и развития лидерских качеств у курсантов в вузе можно считать следующие:

1. Психодиагностика уровня развития лидерских качеств курсантов (оценка с помощью тестирования морально-ценностного компонента личности, интеллектуальных, организаторских, коммуникативных и адаптивных способностей, эмоционально-волевых качеств) при поступлении в вуз с доведением ее результатов до каждого из них с целью выработки мотивации к их совершенствованию. В качестве дополнительных методов сбора информации могут использоваться анкетирование, собеседование, наблюдение, социометрия.

2. Проведение вузовскими психологами развивающих и социально-психологических тренингов с курсантами (коммуникативных умений, разрешения конфликтов, групповой сплоченности, личностного роста и др.), обучение навыкам преодоления стрессов, способам психической саморегуляции (активная и пассивная мышечная релаксация, аутотренинг и др.), ролевых игр с целью развития их лидерского потенциала.

3. Ежегодный мониторинг уровня развития лидерских качеств курсантов с целью выявления динамики данного процесса у каждого из них.

4. Реализация профессионального психологического сопровождения процесса формирования и развития лидерских качеств, коррекции и контроля функционального состояния курсантов, испытывающих трудности военно-профессиональной адаптации и обучения в вузе.

5. Формирование групп динамического наблюдения из числа курсантов, испытывающих трудности в процессе обучения в вузе, формировании лидерских качеств, углубленное социально-психологическое и психофизиологическое обследование их с целью оказания необходимой психологической помощи, разработки индивидуальных рекомендаций, проведения коррекционных мероприятий.

6. Разработка психологами рекомендаций командованию вуза, непосредственным командирам и профессорско-преподавательскому составу по формированию и развитию лидерских качеств курсантов.

7. Отражение уровня развитости лидерских качеств курсантов в их итоговой выпускной характеристике.

Значимыми педагогическими и организационными факторами формирования и развития лидерских качеств курсантов являются:

1. Обоснование значимости развития лидерских качеств курсантов, необходимых им как для успешной военно-профессиональной деятельности, так и реализации жизненных целей и планов. Воспитание у курсантов чувства ответственности за формирование лидерских качеств, обретение статуса лидера в воинском коллективе.

2. Повышение уровня теоретической информированности курсантов по проблеме лидерства (ознакомление их с теориями лидерства, жизненным путем реальных лидеров в различных сферах жизнедеятельности общества, и, прежде всего, военной, средствами формирования и развития лидерских качеств).

3. Организация в вузе соревновательной профессионально направленной учебной деятельности курсантов с применением активных и интерактивных форм и методов обучения (ролевых, деловых, военно-специальных игр, кейс-метода, тренингов и др.), включением в научно-исследовательскую деятельность с целью формирования у них лидерских качеств, приобретения лидерского опыта. [1].

Важным моментом применения активных и интерактивных форм и методов обучения является то, что знания не получаются в «готовом виде» от преподавателя, а «добываются» самими обучающимися под руководством преподавателя путем активного включения их в образовательный процесс.

4. Создание условий для возможно более полного включения курсантов в процессе обучения в различные виды многогранной социально одобряемой практической деятельности по формированию лидерских качеств (профориентационной, военно-патриотической, шефской, культурно-досуговой и др.). Обретению лидерского опыта курсантами способствует также выполнение ими функций младших командиров курсантских подразделений.

5. Вовлечение курсантов в активные занятия различными видами спорта, способствующими развитию значимых лидерских качеств - целеустремленности, решительности, инициативности, ответственности, умению принимать решения в сложной обстановке и других. Марш – броски, марафоны, лыжные гонки, шлюпочные походы, преодоление естественных препятствий – все это формирует у курсантов высокую физическую и функциональную

работоспособность, развивает морально-волевые качества, способствует обретению авторитета и статуса лидера в воинском коллективе.

6. Формирование лидерских качеств курсантов на боевых и воинских традициях ВС России, рода войск, вуза, на примере реальных лидеров, в процессе обучения, общения с ними – Героями России, участниками Великой Отечественной войны, локальных конфликтов, боевых действий, находящихся рядом с ними в качестве командиров, преподавателей, наставников.

7. Определение в процессе обучения персонального рейтинга курсантов с учетом уровня развития лидерских качеств.

8. Стимулирование курсантов к самопознанию и саморазвитию лидерских качеств, активизации собственной самообразовательной деятельности по их формированию и развитию, в том числе и на основе состязательности.

9. Наглядность и гласность отображения динамики формирования и развития лидерских качеств курсантов, разработка системы морального и материального поощрения лучших.

10. Разработка в вузе единого плана формирования, развития и оценки уровня выраженности у курсантов лидерских качеств, включающего систему мероприятий и порядок взаимодействия должностных лиц (непосредственных командиров, психологов, преподавателей и др.) по его осуществлению.

1. Андреева С.В. Педагогические условия формирования лидерских качеств студентов.- Высшее образование сегодня, 2014, № 3, с.24.

РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД КОРЕННОГО ИЗМЕНЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Каминский Д.В. (Москва)

*Мы видим город Петроград
В семнадцатом году:
Бежит матрос, бежит солдат,
Стреляют на ходу.*

(из стихотворения С. Михалкова «Мы видим город Петроград»).

Наиболее яркие события, которые полностью меняют ход истории государства в наше столетие и прошлое происходят гораздо чаще чем мы думаем. Не замечая, как меняется жизнь вокруг нас, мы граждане – патриоты своего «Государства Российского» создаем нашу действительность, нравиться нам это или нет. Мнение народа меняется достаточно быстро, особенно среди поколения которому придется поднимать нашу страну на более высокий международный уровень. Это с первого взгляда простое поколение наших сограждан под названием - молодежь.

Периодически мы задумываемся, а что было столетие назад? Как и о чем думала та молодежь, отвлеченная войной с Германией и ухудшающимся положением в стране, провокациями, сложным решением какую сторону принять: сохранения империалистического строя или новых политических изменений. Общество как известно исходя из событий прошлого очень остро реагирует на какие-либо изменения.

Социалистические союзы рабочей молодежи – это организации трудящейся молодежи, возникшие в период подготовки Октябрьской революции. Они возникли в Петрограде, Москве и ряде других городов России при руководящем участии большевиков. К маю 1917 г. районные союзы рабочей молодежи в Петрограде насчитывали уже тысячи молодых людей. Члены союзов молодежи приняли активное участие в демонстрации 1 мая; молодежь требовала введения 6-часового рабочего дня и охраны труда подростков, права участия в выборах с 18 лет, выступала против продолжения империалистической войны. В июне 1917 г. в рабоче-крестьянской, большевистской газете «Правда» был опубликован написанный Надеждой Крупской примерный устав Союза рабочей молодежи России, в котором указывалось, что его главной целью является подготовка борцов за свержение капитализма и победу социализма. В Петрограде многие активисты рабочего союза молодежи участвовали в штурме Зимнего дворца, во взятии телефонной станции, юнкерского училища, в охране штаба революции – Смольного. В Москве соратники союза также приняли активное участие в ожесточенных боях за Советскую власть. Без внимания нельзя оставить формирование, рабочих комитетов на заводах и предприятиях, большевистских

военных комитетов, в которых сознание солдат и матросов было пропагандировано пришедшей революционной властью. Ярким примером создание «Центробалта» в апреле 1917 года в Петрограде.

Из выступления В.И.Ленина перед швейцарскими социалистами:

«Мы, старики может не доживем до решающих битв этой грядущей революции. Но молодежь ... будет иметь счастье не только бороться, но и победить в грядущей пролетарской революции».

Совсем скоро станет известно к чему привела кровавая революция 1917 года. Но выводы остаются не утешительными. К примеру:

Любое социальное, а уж тем более и политическое действие, подразумевает наличие: 1) плана проведения мероприятия; 2) сценария проведения мероприятия (с распределением ролей среди его организаторов и участников); 3) ресурсных возможностей для его осуществления.

Организация любого мероприятия начинается с составления плана проведения мероприятия, сценария мероприятия. Каждому из организаторов и участников мероприятия отводятся определённые роли, с чётко обозначенными функциональными обязанностями.

Революционный процесс, как и любой другой политический процесс в своём развитии проходит через определённые стадии. Обобщая различные взгляды различных авторов, в целом, можно выделить следующие стадии политического процесса:

При искусственном конструировании «революционного» политического процесса, аналогия с уличным театральным действием, как способ отторжения и передачи власти «нужным» людям, становится более чем уместно.

Как и в 1917 году, в обществе среди молодежи видно различное мнение. Негативным является проблема нынешней молодежи в незнании исторических фактов, которые совсем в небольшом объёме я постарался осветить. Молодое поколение россиян мало интересуется прошедшими столетие назад событиями, что является явным выражением бескультурного обращения к своей стране. Новые тенденции развития, влияние Запада на современных юношей и девушек затмило какую-либо политическую и социальную заинтересованность. По моему мнению интерес темы Революции 1917 года наглядно показывает чего стоит ожидать российскому обществу в будущем, и степень того как и какими методами можно настроить современную молодежь по течению новой политической мысли.

Ведь действительно основная часть революционеров это молодые рабочие, студенты, матросы и солдаты. Именно на этих людей сделана основная ставка большевистской партии. Социалистические союзы рабочей молодежи под руководством большевиков приняли активное участие в Великой Октябрьской социалистической революции. В своем плане Октябрьского вооруженного восстания Ленин особо указал на роль рабочей молодежи: «Выделить самые решительные элементы (наших «ударников» и рабочую молодежь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях.

Как говорится у человека нет неправильных решений – есть личное решение этого человека. Исторически проведем параллель между событиями 1917 года и событий связанных с распадом СССР. Именно в такие серьезные исторические события на молодое поколение была возложена большая роль.

Политическая элита просчитывала и в первом и во втором историческом событии знала как можно быстро воздействовать на студентов, молодых рабочих в проведении предстоящих изменений государственного строя.

Определенно можно сказать что это – мода. Которая характерно охарактеризовалась быть как будто революционером, показать свою неоднозначность каким то словом или тостом. Новости с фронта все менее интересовали людей, чем движения во власти. Революция — это диагноз власти, болезнь власти отвечать на современные изменения общества.

Статья «Молодёжь в современных «революционных» процессах» - Елишев Сергей Олегович, кандидат социологических наук, доцент кафедры истории и теории социологии Социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Статья «Революция», №10 (35), 2013 г. Иван Васильев

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Карпова Е.Н. (Москва)

В докладе анализируется проблема глобализации современного мира, а также отражение глобализации в сознании современной российской молодежи. В частности, анализируются вопросы, связанные с трансформацией ценностных ориентаций современной молодежи в условиях глобального информационного общества.

Затрагивая круг проблем, связанных с глобализацией и становлением информационного общества, стоит выделить теорию глобализации З. Баумана, которую он изложил в работах «Текущая современность», «Глобализация. Последствия для человека и общества», а также в работе «Жизнь во фрагментах: очерки по морали постмодерна».

З. Бауман акцентирует внимание на такой проблеме, как незащищенность личности в условиях стремительных социальных перемен. Именно незащищенность, а также неустойчивое положение индивидуума в обществе способствуют внушаемости и предрасположенности к так называемой «ценностной ломке». В частности, в России последние 25 лет происходит радикальная социальная трансформация, сопровождающаяся коренными изменениями базовых ценностей, установок, ценностных ориентаций, а также жизненных стратегий. А.А. Козлов пишет о том, что особенность современной России заключается в отсутствии концепции будущего и отмечает у молодых людей процесс снижения верхней планки представлений о собственном будущем. Современная российская молодежь просматривает будущее в пределах 3–5 лет, в то время как молодежь 1970-х годов просматривала свои жизненные перспективы на протяжении 10–15 лет [4]. Это показывает, что молодые люди стремятся жить «сегодняшним днём» - жизненная стратегия, характерная для общества потребления. Стоит отметить, что такая жизненная стратегия активно пропагандируется в СМИ, в частности на телевидении, в виде рекламных сообщений. В отличие от советской идеологической пропаганды, дающей установку, что сегодня мы делаем что-то, чтобы завтра было лучше. Лапин называет этот феномен потребительским индивидуализмом, который характерен для постсоветского общества [4]. Среди предпочитаемых ценностей превалирует материальное благополучие, в связи с чем в научный оборот вводится понятие поколение «риска». В западной литературе часто используется термин «поколение эго».

Типы моделей человеческого поведения в условиях общества постмодерна, описанные З. Бауманом, наглядно нам показывают сущность человека современности. Бауман рассматривает широкий круг проблем, связанных с социальными трансформациями. Время трансформаций связано с нестабильностью и неопределённостью, которые характерны для общества постмодерна. Следствием является усиление чувства дискомфорта, небезопасности и непредсказуемость. Данное явление Бауман связывает с процессами глобализации. Он говорит о том, что изменения в обществе связаны в первую очередь с изменениями в экономике. Глобализационные процессы воздействуют на экономическую сферу и заставляют порождать её непостоянство и ненадёжность. Бауман определяет общую тенденцию, как «фрагментацию жизни», так как человек глобального мира вынужден искать опору в собственной индивидуальности.

"Фрагментация жизни" упраздняет устойчивые этические основания поведения. Это принципиальная черта постсовременности. Бауман пишет, что развитие транспорта в первую очередь определило социальные процессы Нового времени, так как это позволило сжать пространство и время и увеличить мобильность – тот ресурс, на котором строится сегодняшнее расслоение общества. Информатизация позволила перемещать информацию, независимо от её носителей и объектов, о которых она информирует.

Рассматривая фрагментацию, Бауман делает акцент на идентичности. Происходит отчуждение человека от реальности и это порождает человека «прогуливающегося» или человека досуга. Несмотря на то, что «бродяги» и «прогуливающиеся» были маргиналами модерна, в постмодерне они стали преобладать, а их ценности распространились на всё общество.

Распространение получают, кроме «бродяг» и «прогуливающихся», такие социальные роли, как «турист» и «игрок». «Турист» является воплощением мобильности и фрагментации. Туризм становится жизнью и самоцелью, так же как самоцелью для игрока становится игра. «Турист» и «игрок» стремятся к удовольствию, удовлетворению своих потребностей и стремятся жить здесь и сейчас [1]. Мобильность начинает отождествляться со свободой, а культура, как и жизнь людей, становится фрагментирована. Отсюда мы подходим к вопросу формирования

ценностных ориентаций молодых людей, живущих в информационном обществе, а также об отражении процессов глобализации в сознании молодёжи.

«Ценностная ломка», фрагментация жизни, кризис самого российского общества, а также ряд других социальных причин порождают «парадоксальность сознания» [5]. Такую парадоксальность сознания, на наш взгляд, порождают с одной стороны глобализационные процессы, привносящие в жизнь молодёжи новые общемировые ценности и тенденции (например, гедонизм, толерантность, стремление к мобильности и другие), а с другой – трудности, связанные с реалиями российского общества, в ряде случаев отстающего от общемировых тенденций, а в ряде – противопоставляющего традиционные ценности – глобальным. Основные проблемы российского общества – рост социального расслоения и маргинализация общества, проблема преемственности поколений. Молодёжь оказывается оторванной от остальной части общества. При этом, молодёжь является движущей силой любого общества, как наиболее мобильная, активная и динамичная часть населения. В условиях трансформации общества возрастает роль молодёжи в общественной жизни. В зависимости от того, каковы ценностные ориентации молодёжи, её жизненная позиция, облик и мировоззрение, зависит социальное развитие общества в целом. Молодое поколение, кроме всего прочего, определяется историко-культурными и пространственно-временными рамками. В условиях парадоксальности сознания молодёжь теряет метафизическую вертикаль и не может свободно ориентироваться в социокультурном пространстве.

Показательными являются результаты «Европейского социального исследования» [6], в котором приняла участие и Россия. На данный момент есть данные по семи волнам исследования. Сравнительный анализ показывает, что российская молодёжь менее открыта новым знаниям и, в целом, новому, более ориентирована на накопление богатства и социально одобряемое поведение, проявляется усиливающееся стремление к достижению личного успеха. Это говорит о том, что несмотря на распространение ценности самореализации и стремление молодёжи выстраивать жизненные стратегии с учётом ценностей глобального мира, в современном российском обществе она заменяется стремлением к богатству и политикой «выживальщиков». Это связано с тем, что богатство и материальное благополучие связывается в сознании молодёжи с безопасностью. Российские молодые люди менее склонны к новаторству и предприимчивости, нежели европейцы. По всей видимости, это связано со стремлением к стабильности, без которой молодые люди не мыслят безопасность и материальное благополучие. Уровень доверия в российском обществе ниже, чем в европейском. Это говорит о слабых социальных связях внутри общества, а также о низком уровне солидарности. В связи с тем, что некоторые европейские ценности противопоставляются традиционному российскому укладу, в частности, укладу семьи и религиозной жизни, то в сознании молодёжи наблюдается диссонанс: несмотря на одобрение европейских ценностей, сами молодые люди стремятся следовать традиции. Этот диссонанс так же порождает парадоксальность сознания: он хорошо виден на примере одобрения абортов молодыми людьми, несмотря на приверженность религиозным ценностям, а также положительного отношения к равенству полов, несмотря на сохранение и трансляцию патриархальных традиций в семье. В целом, российская молодёжь отличается от европейской по восьми группам факторов из одиннадцати.

Таким образом, для сознания российской молодёжи характерна парадоксальность, связанная с противоречием, в которое вступают уже сформированные традиционные ценностные ориентации и европейские ценности, активно проникающие в информационное поле посредством СМИ. С одной стороны, молодые люди остро ощущают глобальные процессы, происходящие в мире, с другой – остаются замкнуты в рамках своего социума. В связи с этим, такие европейские ценности, как толерантность, мобильность, стремление к новому, к самореализации и ряд других замещаются теми, которые преобладают в российском обществе, а также способствуют сохранению стабильности, безопасности и физическому выживанию. Наиболее значимыми факторами, оказывающими влияние на сознание молодёжи, являются трансформация ценностных ориентаций, традиционных форм социализации, межпоколенческой преемственности, социальной мобильности, оторванность от остальной части общества, нестабильность и неопределённость.

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. — М.: Издательство «Весь Мир», 2004.

2. Гаврилов А. А. Средства воздействия СМИ на общественное сознание в условиях информационного общества / А. А. Гаврилов // Молодой ученый. — 2012. — №8.

3. Козлов А.А. *Молодежь о своем будущем и будущем России. Образ будущего: Опыт социолого-философского анализа / Под ред. Р.А. Зобова и А.А. Козлова. – СПб.: Химиздат, 2001.*
4. Лапин Н.И. *Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5.*
5. Тощенко Ж.Т. *Парадоксальный человек: монография/ Ж.Т. Тощенко. 2-е изд., перераб. и доп. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.*
6. *The ESS - Европейское Социальное Исследование [Электронный ресурс] – Европейское Социальное Исследование в России — Режим доступа: <http://www.ess-ru.ru/>*

ВЛИЯНИЕ УЧЕБНОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ШКОЛЕ-ИНТЕРНАТЕ НА СОЦИАЛИЗАЦИЮ ВОСПИТАННИКОВ

Касаркина Е.Н. (Саранск)

В современном обществе, в условиях возрастающих кризисов, среди общественных институтов, призванных обеспечить социализацию подрастающего поколения, особое место занимают учреждения интернатного типа для детей, которым семья по тем или иным причинам не может обеспечивать правильное воспитание. Социализация детей в школе-интернате рассматривается многими учеными прежде всего как процесс формирования и развития личности под воздействием воспитательной и учебной деятельности, среди них: Л. В. Байбородова [1], О. М. Дементьева [2], И. В. Дубровина [3], А. С. Макаренко [4], А. В. Мудрик [5], А. М. Прихожан [6], С. Г. Соломатина [7].

Рассмотрим учебную и воспитательную деятельность в школе-интернате как фактор влияющий на социализацию детей, на примере Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения Республики Мордовия «Шейн-Майданская санаторная школа-интернат для детей, нуждающихся в длительном лечении» первоначально созданного в соответствии с приказом Министерства просвещения МАССР от 14.06.1980 г. Сокращенное официальное наименование Учреждения: ГБОУ РМ «Шейн-Майданская школа-интернат». Функции и полномочия учредителя и собственника осуществляет Министерство образования Республики Мордовия. Школа-интернат была создана для пребывания и лечения детей с неактивным и локальными формами туберкулеза, в том числе с различными соматическими заболеваниями из неблагополучных социально-бытовых и материальных условий, а также контактных детей для изоляции и проведения химиопрофилактики из очагов туберкулезной инфекции. Школа основная на 125 ученических мест с учебным и спальным корпусами. Учреждение имеет девятилетний срок обучения (1-9 кл.). В школу-интернат принимаются дети возраста от 6 до 16 лет.

Целями деятельности учреждения являются: 1) реализация прав обучающихся и воспитанников на получение общедоступного и бесплатного начального общего и основного общего образования и воспитания; 2) обеспечение проведения реабилитационных и лечебно-оздоровительных мероприятий; 3) обеспечение адаптации и социализации учащихся и воспитанников к жизни в обществе; 4) организация осуществления социальной защиты и разностороннего развития детей, нуждающихся в длительном лечении. Задачами выступают: 1) создание благоприятных условий для разностороннего развития личности воспитанников, в том числе их физического развития, лечения и оздоровления; 2) формирование общей культуры личности на основе усвоения обязательного содержания образовательных программ, установленного государственными образовательными стандартами; 3) социализация воспитанников к жизни в обществе, создание основы для осознанного выбора и последующего освоения профессиональных образовательных программ.

Учебная деятельность в школе-интернате представляет собой деятельность организуемую на основе учебного плана, учитывающую характерные особенности воспитанников и направленную на приобретение детьми новых знаний, умений, навыков в процессе специально организованного и целенаправленного обучения.

Анкетный опрос сотрудников Шейн-Майданской школы-интерната показал, что учебная и воспитательная деятельность ориентирована на решение многих проблем социализации воспитанников, однако наиболее важными являются: побег, самовольный уход (41,6 %); плохая дисциплина (20,8 %); правонарушения воспитанников (20,8 %); низкий интерес к обучению (62,5 %); нежелание учиться (33,3 %).

По мнению респондентов, главными результатами эффективности учебной и воспитательной деятельности ориентированной на социализацию детей являются: социальная адаптированность воспитанников (33,3 %); учебная успеваемость воспитанников (87,5 %); здоровый образ жизни воспитанников (100 %); социальная активность воспитанников (100 %); повышенный уровень умений, знаний навыков воспитанников (65 %).

Для контроля и учёта достижений обучающихся воспитанников в ГБОУ РМ «Шейн-Майданская школа-интернат» используются следующие формы: текущей аттестации: устный опрос; письменная самостоятельная работа; диктант; контрольное списывание; тесты; графическая работа; изложение; сочинение; доклад; творческая работа и иные; итоговой аттестации: контрольная работа; диктант; изложение; проверка осознанного чтения. Анализ успешности социализации воспитанников включает: текущую успеваемость; динамику личных достижений учащегося в освоении предметных умений; активность и результативность участия обучающихся в выставках, конкурсах, соревнованиях; активность участия и рост самостоятельности в проектной и внеурочной деятельности.

Социализация детей является также основной задачей воспитательной работы в школе-интернате предусматривает следующие виды деятельности: 1) гражданско-патриотическое воспитание; 2) научно-познавательное воспитание; 3) нравственно-правовое воспитание; 4) художественно-эстетическое воспитание; 5) спортивно-оздоровительное воспитание; 6) общественно-полезное воспитание; 7) индивидуальная работа с детьми «группы риска»; 8) работа с семьями воспитанников. В

ГБОУ РМ «Шейн-Майданская школа-интернат» функционируют факультативные кружки: 1) математический; 2) юный лингвист; 3) юный биолог; 4) изучаем физику; 5) развивайте дар слова; 6) учимся говорить и писать грамотно; 7) занимательная грамматика; 8) за страницами учебника математики; 8) вольная борьба; 9) легкая атлетика; 10) лыжи; 11) подвижные игры и другие. Социализирующими целями факультативных кружков являются: 1) совершенствование учебно-воспитательной деятельности во второй половине дня; 2) формирование творческой активности учащихся; 3) развитие детской одаренности; 4) формирование и совершенствование навыков исследовательской деятельности; 5) развитие физической активности учащихся; 6) формирование навыков здорового образа жизни.

В рамках учебной и воспитательной деятельности в школе-интернате следует отметить и создаваемые условия для самореализации учащихся. Например реализуются социальные проекты: «Подкормка птиц» (с целью развития у детей представления о зимующих птицах, интереса к птицам и ответственности за все живое; развития коммуникативных способностей); «Экологические знаки» (с целью самостоятельного создания детьми экологических знаков, при помощи которых дети учатся правильно вести себя в окружающей их природе; развития творческого мышления, воображения); «Школа чистюль» (с целью формирования представлений о чистоте окружающей среды как о важной составляющей здоровья человека и всего живого на Земле) и другие.

Самореализация воспитанников школы-интерната, как направление социализации, способствует формированию навыков: 1) участвовать в диалоге, в общей беседе, выполняя принятые правила речевого поведения; задавать и отвечать на вопросы; 2) формулировать собственные мысли, высказывать и обосновывать свою точку зрения; 3) проявлять терпимость по отношению к высказываемым другими; 4) самостоятельно участвовать в организации и осуществлении групповой работы: распределять роли, сотрудничать, оказывать взаимопомощь взаимоконтроль, проявлять доброжелательное отношение к партнёрам.

Влияние учебной и воспитательная деятельность в школе-интернате на детей определяет формирование у воспитанников таких показателей социализации как: 1) социальная активность; 2) представления о нравственности и опыте взаимодействия со сверстниками и взрослыми в соответствии с общепринятыми нравственными нормами; 3) навыки приобщения к системе культурных ценностей; 4) навыки трудолюбия, готовности к осознанному выбору будущей профессии, стремления к профессионализму, конкурентоспособности; 5) знания экологической культуры, предполагающей ценностное отношение к природе, людям, собственному здоровью; 6) эстетическое отношение к окружающему миру, умения видеть и понимать прекрасное, потребности и умения выражать себя в различных, доступных и наиболее привлекательных для ребенка видах творческой деятельности; 7) организационной культуры, активной жизненной позиции, лидерских качеств, организаторских умений и навыков, опыта руководства небольшой социальной группой и сотрудничества со сверстниками и взрослыми, коммуникативных умений и

навыков, навыков самоорганизации, проектирования собственной деятельности; 8) навыки здорового образа жизни; 9) навыки гражданственности, патриотизма, уважения к правам и свободам человека.

Вся учебно-воспитательная система работы школы-интерната в целях социализации воспитанников, предоставляет возможности: удовлетворить образовательные запросы, почувствовать воспитанников успешными, реализовать и развить свои таланты, способности; стать активным в решении жизненных и социальных проблем, уметь нести ответственность за свой выбор; быть активными гражданами своей страны, способными любить и беречь природу, занимающим активную жизненную позицию; сохранить здоровье, т.е. оптимального развития каждого ребенка на основе педагогической поддержки его индивидуальности (возраста, способностей, интересов, склонностей, развития) в условиях специально организованной деятельности.

Таким образом социализация детей в школе-интернате зависит от учебной и воспитательной деятельности, так как: во-первых, в школе-интернате роль образцов социального опыта выполняют агенты вторичной социализации в лице учителей, воспитателей, сверстников, старших товарищей. Дети лишены семьи; во-вторых, определенная «закрытость» школы-интерната приводит к «разрыву» в системе взаимодействия ребенка с социальной средой. Ребенку трудно устанавливать контакты вне среды школы-интерната; в-третьих, дети требуют особого подхода в обучении и воспитании по причине особых психофизиологических особенностей и проблем со здоровьем;

Социализация детей в школе-интернате зависит от учебной и воспитательной деятельности, которая определяет такие показатели социализированности воспитанников как: 1) развитие интеллекта; 2) развитие эмоциональной сферы; 3) развитие устойчивости к стрессорам; 4) развитие уверенности в себе и приятие себя; 5) развитие позитивного отношения к миру и приятие других; 6) развитие самостоятельности, автономности; 7) развитие мотивации самоактуализации, самосовершенствования.

1. Байбородова Л. В. Преодоление трудностей социализации детей-сирот : учеб. пособие / Л. В. Байбородова, Л. Г. Жедунова, Н. Н. Посысов, М. И. Рожков. – Ярославль : ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 1997. – 196 с.
2. Дементьева О. М. Воспитание детей-сирот : учеб.-метод. пособие / О. М. Дементьева, Г. Н. Ковалев. □ М. : ООО Изд-во "Спутник+", 2016. □ 194 с.
3. Дубровина И. В. Психическое развитие воспитанников детского дома / И. В. Дубровина, А. Г. Рузская. – М. : Педагогика, 1990. – 264 с.
4. Макаренко А. С. О воспитании / А. С. Макаренко. – М. : Политиздат, 1988. – 256 с.
5. Мудрик А. В. Социализация и воспитание / А. В. Мудрик. – М. : Сентябрь, 1997. – 96 с.
6. Прихожан А. М. Психология сиротства / А. М. Прихожан, Т. Н. Толстых. – СПб. : Питер, 2007. – 416 с.
7. Соломатина С. Г. Школа-интернат как институт социализации воспитанников / С. Г. Соломатина // Научные ведомости БГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2012. – № 12. – Т. 14. – С. 168–173.

СОЦИАЛЬНАЯ СУБЪЕКТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ

Кемалова Л.И. (Керчь)

Аннотация. В статье поднимается проблема маргинальной сущности молодежи, определяемой промежуточностью ее социального статуса, переходным характером становления социальной субъектности, неоднородностью социальной среды молодежи, особенностями группового сознания. В силу указанной специфики молодежь проявляет склонность к анархизму: она испытывает потребность в независимости и самостоятельности, стремится к свободе, понимая ее как вседозволенность, как «свободу от...». Автор акцентирует внимание на необходимость превращения молодежи из объекта манипуляции в субъект социальных перемен, создавая ей условия для успешной, позитивной самореализации и самоутверждения. В процессе формирования социальной субъектности молодого человека необходимо формировать такие свойства, как целеустремленность, умение проявлять инициативу, ответственность и самостоятельность.

Молодежь как особая социально-демографическая группа отличается не только своим возрастом, стилем поведения, но и своим образом жизни, мышления, ценностными установками. К особым характеристикам молодежи можно отнести потребность в общении, самореализации, самовыражении, в достижении успеха. Поскольку общество не всегда способно предоставить

равные стартовые возможности для самореализации различных групп молодежи, то это приводит к поиску негативных методов самовыражения, к девиантным формам поведения.

Девиантное поведение молодежи обуславливается и тем, что сама молодежь является маргинальной группой, если учесть, что она занимает пограничное, промежуточное положение в обществе, между детством и взрослостью, и в силу этой пограничности для нее характерны метания из крайности в крайность, неустойчивость, противоречивость чувств, стремлений, нестабильность ценностных установок [4]. Кроме того, маргинализация всего общества в условиях кризиса сопровождается маргинализацией молодежи, которая оказывается на задворках общества, будучи социально незащищенной, лишенной позитивных каналов самореализации, что так же приводит к различным формам девиации.

Молодежь демонстрирует протест против тех порядков, которые не позволяют ей реализоваться полностью. Она ищет свободу от...(родительской опеки, от влияния власти, социума, от всякого рода давления). Кроме того, она склонна к анархии в силу маргинальности своего статуса, испытывая потребность в независимости и самостоятельности. Анархистские лозунги, что свобода - это возможность самостоятельно принимать решения перекликаются с желанием молодого человека проявить себя, показать свою значимость и неважно каким способом. Поэтому анархисты всегда апеллировали к молодежи. Провозглашая каждого человека индивидуальностью, личностью, анархизм призывает к миру без принуждений и давлений, без власти, без иерархии. Волонтаризм, индивидуализм стали философской основой анархизма. Эти призывы в условиях ценностного вакуума, когда распадаются социальные связи, рушатся нормы, легко воспринимаются молодым человеком, сознание которого напоминает мозаичную картину, где в центре – культ максимализма, индивидуализма, нигилизма.

Несомненно, молодежь не является однородной по своей структуре группой, поскольку подразделяется на множество слоев, отличаясь друг от друга своими интересами, убеждениями, деятельностью, разными стартовыми возможностями, а значит и разным уровнем жизни. Но в целом социальный портрет современной молодежи формируется на основе множества показателей и зависит от уровня социально-экономического и культурного развития общества. К характеристикам современной молодежи добавились такие черты, как открытость, мобильность, высокая адаптированность к быстро меняющимся условиям, креативность. В отличие от молодежи XX века, современная молодежь гораздо более динамична, чем их «отцы»: владеет компьютерными технологиями, информацией, а потому снисходительно относится к взрослым, которые не столь успешны в освоении различных электронных гаджетов. Социальный портрет молодежи XXI века определяется ростом потребительских настроений, приоритетом материального, снижением значимости таких духовных ценностей, как милосердие, бескорыстие. Власть денег и капитала заставляет искать молодых людей самые разные способы их обретения, чаще криминальные. Психология ноувиизма, желание получить «все и сразу», меньшими усилиями, формирует негативное отношение к честному труду.

Анализ состояния современной российской молодежи показывает рост негативных тенденций: неустойчивое экономическое положение значительной части молодежи; рост числа преступлений в молодежной среде (70-80% преступлений совершаются лицами в возрасте от 14 до 30 лет); высокая доля безработных среди молодежи [5]. Все эти тенденции подталкивают молодежь к разного рода революционным движениям, обнажая их маргинальную сущность и склонность к анархизму как к проявлению их стремления к независимости и свободе. Этим пользуются некоторые политические деятели, манипулируя сознанием молодежи. Одна из причин привлечения молодежи в том, что это наиболее неустойчивая в плане идеологии, наиболее динамичная и неудовлетворенная часть общества. Она стала удобным объектом для использования различными силами в качестве ударной массы.

В связи с этим возрастает необходимость переосмыслить отношение к молодежи: она не только объект преобразования в культурной среде общества и, тем более, не объект манипуляции, а социальный субъект, который сам готов влиять на окружающий мир. Взрослые, заботясь о молодом поколении, о сохранении и преемственности традиций, культуры в целом, не могут и не должны конструировать будущее без учета интересов и участия в этом процессе самой молодежи [2]. Становление социальной субъектности молодежи означает ее способность «выступать в качестве активного начала (деятели, творца) социальной реальности» [3, с. 320]. Данный процесс предполагает учет объективных условий и субъективных факторов. К объективным условиям относятся определенные возможности для осуществления социальной деятельности, где молодежь может заявить о себе как позитивная сила или как источник опасности. К внутренним

факторам социальной субъектности молодежи можно отнести ее стремление к проявлению своей субъективности, ее желание самореализоваться, ее готовность взять на себя ответственность за свои поступки, за то, что происходит вокруг. Это немаловажно, поскольку сегодня как раз одной из характерных черт молодых людей являются «пассивные и негативные мнения об окружающей действительности, что приводит к отсутствию активной жизненной позиции, нежеланию выступать инициатором своей жизни» [1, с. 155].

Таким образом, в условиях современного общества необходимо изменить отношение к молодежи, дать ей возможность реализовать свой потенциал во благо будущего всего общества. Специфический переходный, маргинальный статус, предполагающий неустойчивость, противоречивость жизненных ценностей, ориентиров, может вывести молодежь к поиску позитивных способов самореализации или может привести к негативным формам девиации. Помочь молодому человеку найти себя, создав возможности для самоутверждения - одна из актуальных задач на сегодняшний день. В процессе формирования социальной субъектности молодого человека желательно формировать такие свойства молодых людей, как их целеустремленность, умение проявлять инициативу, брать на себя ответственность и проявлять самостоятельность. От мировоззрения молодого поколения, его позиции зависит будущее общества в целом.

1. Алиев В.В. Основы исследования социальной субъектности молодежи // Знание, понимание, умение.- 2015.- №1. – С. 152-161. URL: <http://www.zpu-journal.ru/> (Дата обращения: 30.08.2017).
2. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика [Философия. История. Теория] / И.М. Ильинский. - М.: Голос, 2001. – 694 с.
3. Луков В.А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ: науч. монография / В.А. Луков. - М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». - 528 с.
4. Кемалова Л.И. Личность маргинала и возможности её социализации в условиях транзитивного общества. Монография / Л.И. Кемалова, Ю.Д. Парунова. – Симферополь – Керчь: Таврия, 2010. - 298 с.
5. Уржа О.А. Динамика социализации российской молодежи в условиях меняющегося мира // Социальная политика и социология.– 2015. - ч.1. – Том 14. - №3 (109). – С.126-133.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА МОЛОДЁЖИ КАК ТРЕНД ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Кишенков Г.А. (Тюмень)

В современном мире после наступления совершеннолетия каждый гражданин имеет возможность приступить к полноценной самостоятельной жизни. Активная пропаганда успеха и образа успешного человека зачастую происходит посредством представления идеального конструкта, подразумевающего обладание определённым набором материальных ценностей. Их приобретение подразумевает наличие источников дохода или свободных средств, полученных иным образом, что формирует устойчивую тенденцию материальной ориентации молодёжи в плане выбора профессии, сферы трудовой деятельности и в отдельных случаях – партнёра в семейных отношениях [2, с. 210].

Мотивы гедонистического образа жизни и склонности к чрезмерному накопительству статусных вещей возможно раскрыть через отраслевую структуру жизни общества на основе идей Т. Веблена и В. Зомбарта [1, с. 45].

Экономическая ориентация потребления заключена в способе эффективного и эффектного самовыражения в референтной или текущей группе, к которой принадлежит молодой человек. Материальные атрибуты являются достаточно простым индикатором успешности и внешне отражают единство конкретного сообщества.

Социально-статусная ориентация проявляется в особых методах взаимодействия с членами группы и в стиле поведения в определённых ситуациях [3, с. 48]. Во многом популяризированная модель успешного человека становится статусным идеалом, формирующим поверхностное признание со стороны ближайшего окружения, пользующегося возникающими благами.

Психологический компонент выражен в потребности формирования самооценки и позиции в группе. Ощущение уверенности ввиду свободного получения любого желаемого или навязанного группой блага позволяет не только сформировать восприятие успешности, но и транслировать подобную модель поведения на всё сообщество в целом.

В случае достижения крайней степени потребительского образа жизни – демонстративного потребления, в структуру ценностей добавляется эстетический аспект. Его содержание основано на культуре потребления уникальных товаров и услуг, недоступных для большинства из ближайшего окружения или референтной группы [4]. Данный фактор определяет претензии и состоятельность молодого человека занимать лидерские позиции в группе.

Таким образом, рассматривая указанные аспекты культуры потребления, следует отметить, что её формирование во многом обусловлено воздействием внешних факторов, которые при отсутствии внутреннего сопротивления рационального выбора и воспитания, получают благоприятную почву для развития, обретая разрушительные свойства для личности.

Необходимость оценки причин и основных мотивов чрезмерного потребления, а также возможных проблем его распространения, подтвердилась в результатах авторского исследования, проведённого в январе-марте 2017 года, охватившего гражданскую и военную молодёжь в возрасте 18-30 лет (N = 511 человек, военные и гражданские представители отобраны примерно в равных долях) с уровнем дохода не менее 10 тысяч рублей в месяц.

В большей мере, по мнению молодёжи, расходы затрагивают сферу питания. 78,1 % опрошенных оценивают пищевое потребление как наиболее нерациональную сферу затрат. В качестве аргументов приводились доводы в пользу приобретения необоснованно дорогих продуктов, а также покупки товаров, информация о которых была получена из средств массовой информации или сети Интернет. Каждый третий, как правило, сожалеет о нерациональной покупке. Но лишь 9,2 % готовы приложить усилия, чтобы не совершить повторных ошибок. Следует отметить, что большая часть молодых людей (в особенности в среде военных) осознаёт возможную опасность рекламируемой продукции, однако объясняет её приобретение импульсными интенциями.

По мере увеличения дохода проблема потребления перемещается на более крупные и технически сложные приобретения. 40,2 % приобретают технические устройства до истечения их срока полезного использования. Молодые люди признаются, что во многом данное поведение обосновано ориентацией на окружение и их модальные предпочтения. Ввиду этого стремление к обновлению технических устройств в военной среде на 12,4 % выше, чем в гражданской. В то время как средний чек статусных покупок гражданской молодёжи, в 1,5 раза превышает аналогичные показатели в среде военных.

В качестве источников средств для статусных покупок молодёжь рассматривает несколько направлений: собственный основной доход, собственный дополнительный доход, средства родителей и ближайших родственников, заёмные средства друзей и знакомых, кредиты и микрозаймы.

Примечателен тот факт, что ориентация на собственные средства устойчиво зафиксирована у 57 % военной молодёжи практически всех возрастов, в то время как не связанные с казарменным жизнеустройством люди ориентировались на собственные силы в несколько меньшей степени: 31-52 % в зависимости от возрастной категории.

Приемлемость долговых обязательств представляется 42,8 % военных и 69,1 % гражданских молодых людей. Следует отметить, что в гражданской среде у молодых людей данная интенция в 3 раза выше, чем у девушек, если рассматривать официальные займы у кредитных организаций. И обратная ситуация представлена относительно заёмных средств родителей и ближайших родственников.

Исследование также позволило определить, что недостатки экономических знаний, отсутствие навыков планирования потребительских настроений, недостаточное внимание к договорам займа и кредитования, могут способствовать развитию кризисных состояний как на индивидуально-психологическом уровне, так и в отношении стабильности семейных отношений. Коррекция потребительской культуры посредством образовательных продуктов, социальных медиаресурсов, а также интерактивных видов взаимодействия необходима с целью повышения качества жизни молодёжи, а также сохранения молодой семьи.

Грошева И.А., Грошев И.Л. Индексная оценка системы государственного и муниципального управления // Россия-Тюмень: векторы евразийского развития / Под редакцией В.К. Левашова, Н.Г. Хайруллиной. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2015. С. 45-66.

Грошева Л.И. Абсентеизм молодежи как результат девиаций в социально-экономической политике // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». □ 2012. □ №9(29). □ С. 210-212.

Ильин В.И. Потребление как дискурс: учеб. пособие / В.И. Ильин. – СПб. : Интерсоцис, 2008. – 446 с.
 Красова Е. Потребительские практики воронежских студентов // Научно-культурологический журнал. [Электронный ресурс]// Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3308&level1=main&level2=articles>.

ОБЩЕСОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ МОЛОДЕЖИ ЭПОХИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.

Клочкова А.В. (Москва)

Традиционное отношение к материальным и духовным ценностям на рубеже веков существенно видоизменилось под влиянием взаимообуславливающих процессов глобализации и информатизации. Формирование мировоззрения и ценностно-нормативных ориентаций молодежи во многом зависит от полностью преобразованного в XXI веке коммуникационного пространства, а также воздействия новых информационных технологий. С одной стороны, неограниченные информационные возможности для образования и саморазвития индивида, с другой – фактически неограниченные возможности для негативного воздействия на несформированную психику молодых людей. Следствием является видоизменения культурно-мировоззренческих форм на уровне общественного сознания, и следовательно - ценностно-нормативных ориентаций молодежи.

По данным всероссийского опроса ВЦИОМ, проведенного 21-22 июня 2008 г., в обществе преобладает неоднозначная оценка современной молодежи. С одной стороны, она профессиональна (11%), знает, чего хочет и стремится этого добиться (11%), любознательна (10%), независима (7%); с другой - эгоистична (13%), цинична (8%), мало интересуется нашей историей и культурой, больше ориентирована на западные ценности (65%, против 25%). При этом для молодых людей характерен скорее цинизм, чем стремление к высоким идеалам, позволяющим жить осмысленно (53% против 32%).

В определенной степени приведенные выводы совпадают с данными проведенного нами исследования в 2008 г. При этом последующие исследования позволяют говорить о некоторых изменениях в ценностном восприятии действительности молодежью [1].

Что касается общесоциальных ценностей, то их иерархическая оценка студентами МГУ имени М. В. Ломоносова за 5 лет с 2008 по 2013 год претерпела некоторые изменения. По данным исследования 2008 года, самыми значимыми ценностями для современной России, по мнению наибольшей по представительству в выборочной совокупности группы студенческой молодежи, является любовь к Родине, патриотизм (45,7%). На второе место студенты поставили уважение к закону и правопорядку (39,8%). Столь же важны толерантность, уважение к людям другой расы, веры, национальности (37,2%). В 2013 году уважение к закону и правопорядку, как общесоциальная ценность, не только уступила свое место толерантности, но при этом количество респондентов, выбравших данную альтернативу сократилось на с 40% до 30,8%. То же можно сказать и об отношении ко всей лидирующей группе ценностей, т.к. число выделивших ее как приоритетную уменьшилось в среднем на 8%.

Таб. Иерархия общесоциальных ценностей в восприятии студентов

№	Ценности			Год
2008	2013			
1.	Патриотизм, любовь к Родине	45,9	34,1%	
2.	Толерантность, уважение к людям другой расы, веры, национальности	37,4		37,4
		34,0%		
3.	Преимственность традиций и культуры российского общества	21,4	19,1%	
4.	Милосердие, защита слабых и обездоленных	13,7	12,8%	
5.	Возрождение нравственности и духовности	27,8	27,9%	
6.	Вера в Бога	16,8	15,2%	
7.	Уважение к закону и правопорядку	40,0	30,8%	
8.	Социальная дисциплина и ответственность	18,7	22,7%	
9.	Коллективизм, взаимовыручка (взаимопомощь)	14,0	16,4%	
10.	Трудолюбие	15,2	15,5%	
11.	Уважение к старшим	10,2	11,4%	

12.	Честь, достоинство, благородство	24,0	26,4%
13.	Терпение	8,7	10,9%
14.	Доброта, великодушие	9,8	13,7%
15.	Иное (что именно)		
2,1	1,8%		

Важно отметить как тенденцию, что молодое поколение сознательно, в первую очередь, выделяет именно те ценности, которые лежат в основе государственности и порядка, и считают, что они должны превалировать в иерархии общественных ценностных ориентаций. Данный выбор не претерпел значительных изменений. При этом на 4% увеличилось число респондентов, усматривающих необходимость усиления социальной дисциплины и ответственности на современном этапе. Но обращает на себя внимание и сокращение количества респондентов, ставящих на лидирующие позиции государственно значимые ценности. Причиной данной тенденции является постепенное осознание молодежью значимости традиционных духовных ценностей, что выражается в усилении позиции тех, кто отдал им приоритетные позиции.

Несмотря на то, что незначительно снизилось количество опрошенных, отмечающих необходимость преемственности традиций и культуры российского общества, такие ценности как взаимовыручка (взаимопомощь) (14,0% и 16,4% соответственно), уважение к старшим (10,2% и 11,4%), доброта, великодушие (9,8% и 13,7%), терпение (8,7% и 10,9%), являющиеся традиционными для России, за 5 лет укрепили свои позиции. Обращает на себя внимание возрастание рейтинга таких основополагающих составляющих личности, как честь, достоинство и благородство (24,0% и 26,4%).

По данным исследования, каждый четвертый из числа студентов считает, что на современном этапе для России наиболее важным является возрождение нравственности и духовности. Данный показатель свидетельствует о том, что молодое поколение волнует процесс стремительного разрушения с начала 90-х годов исконно русских традиционных ценностей, деформации ценностно-нормативной системы в целом. Двое из пяти студентов (44,3%), по результатам проведенного исследования, обеспокоены данным процессом в среде сверстников. Каждый пятый отмечает, что усиливаются непонимание и конфликты на этой почве со старшим поколением (18,3%).

При переходе на личностный уровень наиболее важным в жизни для подавляющего большинства является семья и брак как в 2008 (72,1%), так и в 2013 году (71,6%). На втором месте в ценностном рейтинге – образование (50,6% и 51,5% соответственно). Но если тройку лидеров ранее замыкало здоровье, то за 5 лет с седьмого на третье место переместилась такая позиция, как друзья (43,3%), что свидетельствует о положительной динамике в коммуникационной сфере. Далее соответственно выделяются карьера и любовь. По полученным данным, семья и брак не всегда ассоциируются с любовью, что свидетельствует о приоритете стабильности либо расчета в ценностных ориентациях тех респондентов, которые развели данные категории. Более того, любовь, как личностная ценность переместилась за указанный период с четвертого на пятое место, при этом количественно не изменившись в своей оценке (40,3% и 40,6%).

Обращает на себя внимание более чем двукратное сокращение выбравших для себя в качестве приоритета материальное благополучие (38,75 и 17,7% соответственно). Этот факт скорее всего объясняется значительным ростом количества респондентов, ориентированных на карьерный рост (34,6% и 41,0%) и самосовершенствование, развитие своих способностей (23,7% и 29,5%), что подразумевает и рост материального благополучия как следствие закономерного продвижения по службе.

Наиболее сложно ориентироваться в современной нестабильной и противоречивой ценностно-нормативной системе современного российского общества подросткам и молодежи, что связано, с одной стороны, с особенностями их возрастной психологии, а, с другой, - с отсутствием у нас, в отличие от современных европейских цивилизаций, сколько-нибудь определенных и устойчивых социальных ориентиров. Проведенные исследования, тем не менее, в целом свидетельствуют о позитивной тенденции постепенного повышения значимости традиционных ценностей в ценностно-нормативной системе молодежи.

1. Эмпирическую базу составляют данные по изучению правосознания молодежи, полученные в рамках проведенных лабораторией социально-правовых исследований и сравнительного правоведения юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова исследований ценностно-нормативных ориентаций молодежи: в 2008 г совместно с НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при

- Генеральной прокуратуре Российской Федерации, выборка 1051 чел. (охвачено 5 регионов страны); в 2013 г. выборка 1156 студентов МГУ имени М.В. Ломоносова.
2. Васенина И. В. Динамика ценностных ориентаций российского студенчества // *Фундаментальные и прикладные исследования в Америке, Европе и Азии*. — International Agency for Development of Culture, Education and Science, Australia, Melbourne при поддержке Колумбийского университета USA, New York, 2014.
3. Заславская, Т. И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации / Т. И. Заславская. — М.: Дело, 2004. — 400 с.
4. Хвьяля-Олинтер Н. А. Последствия либерального эксперимента над системой ценностей россиян // *Российский либеральный эксперимент: итоги и анализ. Материалы научно-экспертной сессии. Москва, 1 октября 2014 г. Центр научной политической мысли и идеологии*. — Наука и политика Москва, 2014. — С. 112–122.

НЕХИМИЧЕСКИЕ ЗАВИСИМОСТИ У ПОДРОСТКОВ: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ковалева Г.А. (череповец)

Нехимические зависимости – уникальный феномен современности, имеющий не только личностные, но и значимые социальные последствия. Множится число форм «социально приемлемых» зависимостей, часто заменяющих обществу более разрушительные типы, наполненные девиантным содержанием, это табакокурение, алкоголизм и наркомания. Нехимические аддикции таят существенные риски, особенно для подростков. Достаточно новой разновидностью нехимических аддикций является компьютерная зависимость. Одна из наиболее ёмких классификаций компьютерных зависимостей дана у Юрьевой и Болбот со ссылкой на массу иных авторов. Они выделяют 5 типов компьютерной зависимости: навязчивый серфинг (путешествие в сети, поиск информации по базам данных и поисковым сайтам), страсть к онлайн-биржевым торгам и азартным играм, виртуальные знакомства, киберсекс (увлечение порносайтами), компьютерные игры» [3, С.115].

В ходе исследований были обнаружены многие типичные для такого рода аддиктов характеристики социально-демографического плана. «Согласно исследованию клинического психолога Кимберли Янг, распространенность Интернет аддикции подобна патологической зависимости от азартных игр. Последней страдают приблизительно 5% пользователей Интернетом» [1]. Она долгое время в своей работе посвятила комплексному изучению феномена компьютерной зависимости в различных его проявлениях. В одной из своих статей, поясняя механизмы изучаемых явлений на примере интернет-аддикции, она повествует: «качественный анализ показал, что главенствующим фактором, благодаря которому эти явления получили широкое распространение, является анонимность личности в Сети. «Виртуальная реальность - высокоразвитая форма компьютерного моделирования, которая позволяет пользователю погрузиться в искусственный мир и непосредственно действовать в нем с помощью специальных сенсорных устройств, которые связывают его движения с аудиовизуальными эффектами. При этом зрительные, слуховые, осязательные и моторные ощущения пользователя заменяются их имитацией, генерируемой компьютером» [1].

Новая информационная среда, в отличие от физической, характеризуется значительно меньшей жесткостью барьеров и ограничений и допускает значительно больше степеней свободы для своих «жителей». [2, С.182] Такое пространство привлекательно для многих, особенно оно ценно для детей, которые, к сожалению, сейчас всё чаще становятся компьютерными аддиктами. Среди этой категории по понятным причинам особый вес имеют игровые зависимости. Полностью погружаясь в игру и достигая в ней определенных успехов, человек таким образом виртуально реализует большую часть существующих потребностей» [3, С 156].

Выделяют следующие признаки и симптомы компьютеромании:

- изменение актуального психического состояния в сторону эйфории при контакте с компьютером или «предвкушении» контакта;
- исчезновение контроля времени, проводимого за компьютером;
- стремление к увеличению времени взаимодействия с компьютером;
- раздражение, угнетенность, ощущение «пустоты» при невозможности контакта с компьютером;

- использование компьютера или игровой приставки для изменения актуального психического состояния со знака «-» на знак «+»;
- возникновение проблем во взаимоотношениях в микро- социальных группах;
- вегето-висцеральные признаки (сухость глаз, запоры, исчезновение аппетита)» [2, С.118].

В г. Череповец в 2015 году был реализован международный исследовательский проект «Консолидация усилий гражданского общества и органов местного самоуправления по развитию и совершенствованию семейной и демографической политики «Крепка семья – сильна Россия». Участниками проекта стали более 10 российских городов, в том числе Балаково, Вологда, Дмитровград, Ижевск, Невинномысск, Петрозаводск, Псков, Ставрополь, Ступино, Ульяновск, Чебоксары, Санкт-Петербург. Исследование проводилось методом онлайн анкетирования учащихся школ обоего пола 11, 13 и 15 лет. Было опрошено 835 подростков. Выборка гнездовая, квотирована по полу и возрасту. Один из важных вопросов - время, затрачиваемое на компьютер, ТВ или другое устройство. Этот показатель с возрастом увеличивается. Снижение времени, проводимого у телевизора, компьютера чаще всего наблюдается у девочек из неполных семей. В Вологде и Чебоксарах подростки из неполных семей больше проводят времени у телевизора, чем подростки их полных семей. Доля мальчиков, проводящих по будням за компьютерными играми два или более часов в день, выше, чем у девочек вне зависимости от возраста. Число подростков, проводящих по будням за компьютером два или более часов в день для работы в интернете и выполнения домашних заданий, активно увеличивается с возрастом у всех категорий школьников, кроме мальчиков из полных семей в Петрозаводске. Практически во всех городах этот показатель интенсивно увеличивается к 13 и 15 годам. В большинстве случаев наблюдается более высокий процент у мальчиков из неполных семей по сравнению с мальчиками из полных семей. В целом, девочки больше проводят времени за компьютером для работы в интернете и выполнения домашних заданий, чем мальчики.

На вопрос: «Сколько часов в день ты обычно смотришь телевизор, видео (включая YouTube и похожие ресурсы), DVD или еще как-либо развлекаешься у экрана в свое свободное время?» около трети 11 - летних школьников независимо от пола тратят на это около 2 часов в будний день, примерно четверть 13- летних. Гендерная разница обнаружила себя у 15 -летних подростков. Так, каждый пятый юноша тратит на это около 5 часов в день, девушек в 2, 5 раза меньше (8 %). Временные границы колеблются от 1 до 2 часов в среднем. В выходные дни 15 – летние подростки тратят в среднем на просмотр ТВ (включая YouTube) от 2 до 4 часов в день. Среди вопросов был задан также вопрос: «Сколько часов в день в свое свободное время ты обычно играешь в игры на компьютере, игровой приставке, планшете (таком как iPad), смартфоне или другом электронном устройстве (не включая подвижные игры, такие как Wii Fitness, Wii Sports Champions, Xbox KINECT, Playstation Moves)?» Здесь основные игроки – мальчишки, и с 11 лет до 15 лет время их игр увеличивается в среднем от 2 до 4 часов. И это в учебные дни. Остается только догадываться, сколько времени уходит на подготовку уроков, и есть ли оно вообще у более, чем четверти подростков.

Интересные данные были получены на вопрос: «Сколько часов в день в свое свободное время ты обычно проводишь за электронными устройствами, такими как компьютер, планшет (например, iPad), смартфон для других целей: выполнение домашнего задания, отправка сообщений по электронной почте, в Твиттере, Вконтакте, Фейсбуке, Спрашивай.ру, Гугл +, Одноклассниках, Мейл.руАгенте, общение в чатах, использование ресурсов Интернета?» Интересно, что более 27 % девушек в возрасте 15 лет затрачивают на это 7 часов! Юношей наполовину меньше, доля их 13 %. Очевидно, что когда родительский контроль снижается, подростки с головой погружаются в гаджеты. И совсем неудивительно, что ребята жалуются на периодические головные боли (до 57 % 13 летних и 44 % 11-летних). Больше всего это касается тех, кто живет в неполной семье либо с отчимом/мачехой. Подростки отмечают, что они часто предоставлены сами себе или их не понимают дома и в школе. Тенденция более, чем тревожная.

1. Кимберли С. Янг. Диагноз – интернет-зависимость. (НарКом. Русский народный сервер против наркотиков.) <http://www.narcom.ru/ideas/common/15.html>
2. Леонова, Л. Г., Бочкарёва, Н. Л. “Вопросы профилактики аддиктивного поведения в подростковом возрасте”. Учебно-методическое пособие под редакцией Короленко Ц. П. – Новосибирск: НМИ, 1998.
3. Юрьева, Л.Н., Бальбот, Т. Ю. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика: Монография.— Днепропетровск: Пороги, 2006.- С.20

СФЕРА ИНТЕРЕСОВ И КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОСТОЯЩИХ НА ПРОФИЛАКТИЧЕСКОМ УЧЁТЕ В ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Ковалёва М.С. (Краснодар)

Чем же интересуется наше молодое поколение, однозначного ответа на данный вопрос дать нельзя, ведь все довольно разные люди. Поведение человека в большей степени определяется сферой его интересов. Представители старшего поколения порой утверждают, что современная молодёжь слишком избалованная, ленивая и вообще ничем не интересуется [1].

Группой учёных Кубанского государственного университета за счёт средств гранта Российского научного фонда № 15-18-00038 «Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодёжной среде полиэтничного региона: прогнозирование и профилактика» проведено социологическое исследование с целью получения ответов на часто возникающие вопросы.

В качестве респондентов были выбраны 500 несовершеннолетних (юноши (65 %), девушки (35 %)), состоящих на профилактическом учёте в подразделениях по делам несовершеннолетних Краснодарского края.

Несовершеннолетним задан вопрос «Вы активно интересуетесь и всегда готовы обсуждать...?», ответы на который распределились следующим образом: Новости политики (3,8 %); Новости культуры (2,8 %); Экзотические страны, культуры (2,7 %); Своих знакомых (4,3 %); Будущую карьеру (7,8 %); Отношения с противоположным полом (4,4 %); Одежду и моду (6,4 %); Компьютерные игры (7,3 %); Новости и события Интернета (4,7 %); События в социальных сетях (6,3 %); Компьютерные технологии (3,6 %); Вопросы о смысле жизни (3,4 %); Фильмы (11,4 %); Музыка (11,8 %); Новые книги (2,4 %); Живопись (1,6 %); Свою учёбу (5,1 %); Спорт (8,6 %); Не знаю, затрудняюсь ответить (1,3 %); Другое (0,4 %).

Полученные ответы показывают, что наибольший интерес у несовершеннолетних, состоящих на учёте, вызывают следующие темы: музыка (11,8 %); фильмы (11,4 %); спорт (8,6 %); будущая карьера (7,8 %); компьютерные игры (7,8 %). Можно видеть, что ценностные интересы респондентов фокусируются на темах удовольствия (комфорт и развлечение) и пользы (карьера).

Меньше всего респонденты проявляют интерес к темам: новые книги (2,4 %); экзотические страны, культура (2,7 %); новости культуры (2,8 %); вопросы о смысле жизни (3,4 %); компьютерные технологии (3,6 %).

При небольшом интересе к отдельным вопросам, связанным с IT-технологиями, в целом этой теме респонденты уделяют большое внимание: компьютерные игры, новости и события Интернета, события в социальных сетях, компьютерные технологии привлекают внимание около четверти респондентов (21,9 %). Таким образом, одной из главных сфер обитания опрашиваемой группы людей, согласно распространённому стереотипу является Интернет, что является основным источником формирования мировоззрения.

Следующий вопрос «В будущем Вы бы хотели?» был направлен на выявление ценностно-целевых ориентаций респондентов. Основная цель этого вопроса – выявить ценностно-целевые приоритеты респондентов, формирующие жизненные сценарии и долгосрочные жизненные стратегии. Интерес представляет то, какие цели респонденты ставят перед собой в будущем и насколько в этих целях отражены культурно-значимые ценности. Ответы на данный вопрос распределились следующим образом: Иметь высокооплачиваемую работу (19,6 %); Иметь семью, воспитывать детей (13 %); Иметь любимую интересную работу (9,2 %); Быть самостоятельным, чтобы помогать близким (9,1 %); Встретить любовь (6 %); Сделать мир вокруг себя лучше (4,5 %); Еще не решил(а) (3,4 %); Построить карьеру (7,6 %); Быть богатым, позволять себе все что хочется (5,8 %); Быть самостоятельным, ради своего благополучия (5,3 %); Заботиться об экологии, животных, окружающей среде (2,2 %); Путешествовать, посмотреть разные страны (2,2 %); Делать то, что хочется (4,3 %); Помочь своей стране, людям (2,6 %); Другое (0,6 %).

Полученные результаты указывают, что успешная карьера, семья и самостоятельность в приоритете у респондентов, что вписывается в ценностные тенденции современного общества, причём по «западному образцу», который активно пропагандируется в СМИ [2].

Довольно тревожный факт того, что респондентов мало интересуют социально-значимые цели, такие как: заботиться об экологии, животных, окружающей среде; сделать мир вокруг себя лучше.

В целом, в наблюдаемой ситуации можно предположить, что доминируют ценности индивидуального благополучия, любая угроза реализации данных ценностей, к примеру ухудшение уровня жизни, может стать сильным стрессовым фактором, который можно будет использовать для активизации протестных настроений несовершеннолетних, находящихся на профилактическом учёте.

Далее респондентам были заданы вопросы, направленные на выявление конфликтных моделей поведения, наличия межнациональной напряжённости, потенциальной готовности к участию в конфликтных и протестных политических акциях, факторах возможной протестной активности.

Ответы на вопрос «Вызывают ли у Вас сильную неприязнь?» распределились следующим образом: Представители каких-либо молодёжных движений (6,5 %); Представители каких-либо религий (3,2 %); Представители каких-либо направлений в культуре (2,6 %); Представители каких-либо политических движений (4,5 %); Представители каких-либо имущественных, социальных групп (1,7 %); Представители каких-либо наций, национальностей (4,7 %); Кто-то ещё (0,9 %); Ни к кому не испытываю сильной неприязни (44,9 %); Не хочу отвечать на этот вопрос (31,1 %).

Практически половина опрошенных (44,9 %) в целом проявляют чувство толерантности – ни к кому не испытывают чувства сильной неприязни. Больше четверти респондентов (31,1 %) отказались отвечать на данный вопрос. Настроения и предпочтения этих респондентов остаются «в тени» и, вероятнее всего, связаны с нежеланием отвечать на «провокационный» вопрос, либо связаны с отсутствием чёткой позиции по вопросу.

Следующий вопрос «Бывают ли среди Ваших знакомых конфликты, столкновения с людьми других национальностей, если «да», то как часто?» показал следующие ответы: Часто (7 %); Время от времени (11,6 %); Редко (32,8 %); Никогда (48,6 %).

С различной степенью активности больше половины респондентов (51,4 %) прямо или опосредованно сталкивались в конфликтах с представителями других национальностей.

В среде так называемых «трудных» несовершеннолетних наблюдается повышенный уровень межэтнической напряжённости и конфликтности. Но необходимо понимать, что в большинстве случаев речь идёт о бытовых конфликтах, принимающих межнациональную окраску. В свободных ответах респонденты указали, что большая часть конфликтов происходит с армянами.

Стоит отметить и тот факт, что четверть опрошенных (25,6 %) готовы принять участие в конфликте с представителями других наций, религий. Затрудняющихся ответить на данный вопрос – 25,8 %. Данная группа при воздействии определённых факторов вполне возможно может перейти в категорию готовых принять участие. Таким образом, конфликтный потенциал среди «трудных» подростков находится на достаточно высоком уровне и без правильно выстроенной политики в области этноконфессиональных отношений мы можем столкнуться с активизацией конфликтного потенциала.

К участию в таком конфликте определяющей причиной подтолкнувшей к проявлению конфликтного потенциала является агрессия и насилие представителей одной национальности по отношению к представителям другой – 44,6 % респондентов.

Вместе с тем, каждый пятый из опрошенных (26,4 %) в той или иной степени готов лично принять участие в акции протеста, митинге против действующей власти. Нельзя забывать про затруднившихся ответить и про тех, кто отказался отвечать на вопрос (37,8 %). «Рекрутский потенциал» указанных выше групп, используют или могут начать использовать различные экстремистские организации.

К участию в акциях против действующей власти в основном протестные настроения респондентов могут вызвать разнообразные действия властей, несущие прямой вред обществу, государству и дискредитирующие его (к примеру, коррупция). На этом также могут «играть» заинтересованные экстремистские и политические силы, формируя у молодого поколения образ нечестной власти, наносящий своими действиями ущерб государству и жителям края (страны).

1. Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодёжной среде полиэтничного региона. Опыт эмпирического исследования. Коллективная монография / Под научн. ред. Т.А. Хагурова. Краснодар: Парабеллум, 2015. 232 с.

2. Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодёжной среде полиэтничного региона. Второй этап исследования. Коллективная монография / Под научн. ред. Т.А. Хагурова. Краснодар: Парабеллум, 2016. 272 с.

МОЛОДЕЖЬ О РЕВОЛЮЦИИ СТОЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ

Козлов А.А. (Санкт-Петербург)

Удивительно, но эта знаменательная дата не вывала сколько-нибудь заметного интереса в среде социологов и представителей других гуманитарных наук. Небольшое количество разного рода круглых столов, немного статей, монографий по истории, несколько опросов и более ничего. Так что ж, действительно не интересно? И во власти, после заявления Президента в начале года, тоже относительная тишина. Но ведь до годовщины остались считанные недели.

Как бы то ни было, нас интересует не сам по себе революционный процесс и не те точки зрения, подчас разнообразные и противоречивые, которые сложились в науке и в беллетристике, а отношение современной молодежи к революционному процессу, а в том, что это процесс у студентов, а они и есть наши респонденты (за исключением, по понятным причинам, студентов исторических факультетов) (1). Представление о революционном процессе, как бы объединяющем воедино революции 1917 года, высказывают половина опрошенных. В тоже время, чуть меньше (43,7%) полагают, что следует отделять Февральскую от Октябрьской революции.

О значении этих событий также существуют разные мнения. И в кругу историков, и среди дилетантов. Нас же интересуют мнения студенческой молодежи, для большинства из которых происшедшее в начале века далекая история. Студентов мы выбрали не случайно как наиболее образованную и можно смело сказать, продвинутую часть учащейся молодежи. Кроме того, следует учитывать, что это поколение, выросшее уже после распада Советского Союза и по-иному оценивающее происходившее тогда и происходящее сейчас.

Говоря о масштабе происшедшего, 63,2% полагают, что эти события, потрясшие весь тогдашний мир, с чем трудно не согласиться. Особенно если учитывать следствия более чем на полвека вперед. Каждый пятый склонен оценивать революционный процесс 1917 года как чисто внутрироссийские события. А 14,9% опрошенных полагают, что речь может идти лишь о региональном уровне событий.

Стоит обратить внимание, что представление опрошенных в основном складывается на основе школьной программы (26,1%), из интернета (39,3%), из кинофильмов (38,9%), из рассказов старших по возрасту (27,7%), из художественной литературы (26,1%). То есть, так сказать, стандартный набор. Но примечательно, что среди источников информации студентами названы музейные экспозиции (18,8%), из специальной литературы (13,3%), из радиопередач (5,1%), из информации подчерпнутой на конференциях, дискуссиях (4,2%), а также из слухов и сплетен, анекдотов (5,0%). В целом же, 61,5% студентов

считают, что «более или менее» знакомы с событиями 1917 года, «хорошо знакомы» 14,4%. А 23,7% признались, что почти ничего об этих событиях не знают. При этом, только 15,2% сказали, что их информация об известных событиях не заинтересовала вовсе.

Как видим, наши респонденты достаточно информированы. А часть из них потребляли и специальную информацию. Это большой плюс! А поэтому, называть их незнайками или малосведущими не приходится.

Основные суждения студентов относительно революционного процесса сводятся к следующему. Во-первых, респонденты способны разделять положительные и отрицательные моменты и следствия революционного процесса (прекращение войны, решение земельного вопроса, равные права народам, равные права мужчинам и женщинам, прогресс науки и образования и т.д., с одной стороны, с другой стороны, это массовые репрессии и жертвы, гражданская война, диктатура вместо свободы и т.д.). Во-вторых, студенты достаточно четко и правильно определили основные факторы победы большевиков и проигрыша буржуазных партий, а затем и белого движения. В-третьих, в целом отвергая тезис о большевиках, как предателях и немецких агентах, больше половины опрошенных заявили, что в создавшихся тогда условиях только большевики оказались способными взять власть. В-четвертых, студенты мало что смогли сказать о персонажах революционного процесса, как с одной, так и с другой стороны. Большинство же смогли назвать лишь две-три фамилии. При этом, суждения мужчин мало отличаются от суждений и оценок женщин, разве что среди студенток несколько больше тех, кого мало интересует или не интересует вовсе тема революции. НЕ очень отличаются суждения и оценки студентов разных городов.

А в целом, следует отметить, что глубина исторической памяти у студентов относительно невелика. И не только относительно событий столетней давности, но и относительно собственной родословной, что мы отмечали в этом и в ранее проведенных исследованиях (2).

А кому же достались плоды революционного процесса. По мнению студентов, в основном России (СССР) - 52,4%, всем кроме России (СССР) – 10,3%. Сказали, что не знают 34%. А что думают современные студенты, каковы, так сказать, их выводы о происшедшем в далеком 1917–м. Так, 14,3% выразили мнение, что России нужна еще одна, на сей раз последняя «очистительная» революция – 14,3%, упаси нас боже от всяких революций – 53,9%, пусть революции идут где-нибудь в других местах, но не у нас – 21,2%.

Вот, собственно, и все. Как бы не настаивали разные современные трактователи событий того времени, в целом революцию 40% наших опрошенных оценили, как одну из величайших катастроф и истории России и мира. Хотя 45,8% оценили упоминаемые события как «оптимистическую трагедию» или «луч надежды» или попытку духовного возрождения -13,7%. Много по этому поводу написано и сказано. Но очевидно, что в великой русской революции содержалось много настолько противоречивых моментов, и вызвана она была не только внутрirosсийским кризисом, а кризисом мировым И в следствие сказались а всем мире, как то взрыв национально-освободительных революций, последовавшее вскоре крушение колониальной системы, формирование национальных государств, провозглашение прав национальных меньшинств, женщин, восьмичасовой рабочий день, и конечно огромный скачок в правах человека. И еще многое другое, что, несомненно, является предметом другого разговора.

Здесь не нужно скорбеть или радоваться. Важней сделать выводы из того грандиозного мегапроцесса, конец которого еще, по-моему мнению, не наступил, и результаты которого увидят, возможно, лишь следующее поколение.

1. В ходе исследования в апреле-мае 2017 года было опрошено 876 студентов высших учебных заведений Барнаула, Екатеринбурга, Костромы, Могилева (Республика Беларусь), Нижнего Новгорода, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Твери.
2. Козлов А.А. Молодые патриоты и граждане новой России. СПб, ОМ-Экспресс, 1999.

РОЛЬ МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКОГО СЕМЕЙНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЁЖИ

Комышникова Е.А. (Барнаул)

Статья посвящена анализу роли отношений между представителями разных поколений семьи в формировании системы ценностей молодёжи. Рассматриваются проблемы, сопровождающие процесс передачи ценностей от поколения к поколению, и последствия, возникающие при нарушении процесса трансляции ценностей от поколения к поколению.

В современном обществе происходит трансформация традиционных функций семьи, что негативно влияет на социализацию молодежи. В ходе межпоколенческого семейного взаимодействия перестали в должной мере передаваться ценности, несмотря на то, что семья представляет собой основной институт трансляции социальных ценностей от поколения к поколению.

Увеличение количества противоречий в системах ценностей поколений, происходящее из-за разрушения культурной преемственности, представляет собой опасную тенденцию, поскольку является источником многих негативных социальных явлений. В первую очередь это обострение конфликтогенного потенциала социальных групп и препятствования прогрессу. У людей с разными системами ценностей не совпадают интересы, жизненные ориентиры и цели в жизни. Межпоколенную передачу ценностей, ощутимая часть которой происходит в семье, можно по праву считать формой социального научения, этапом социализации, благодаря которому представители молодого поколения не только сами перенимают ценности старшего поколения, но и получают возможность передать их следующему поколению, обеспечивая этим культурную преемственность. При этом, «ценности имеют решающее значение в формировании стереотипов поведения человека в обществе, чем устанавливаемые законом юридические нормы» [1, с. 48]. Именно это обуславливает необходимость выявления различий в системах ценностей разных поколений и выяснения причин того, что многие важные ценности старших поколений не передаются, или передаются лишь частично молодежи.

Ценности передаются в семье в основном в ходе взаимодействия трех поколений: «дедов», «отцов» и «детей». Рассмотрим, как этот процесс изменился на современном этапе развития общества. Роль старших поколений, по большей части, состоит в том, чтобы использовать интеллектуальные возможности и накопленный опыт для того, чтобы сформировать ценности и убеждения младшего поколения. Младшее поколение же может помочь адаптации старших (особенно поколения «дедов») к реалиям быстро изменяющегося современного мира. Но в современном обществе наблюдаются кризисные явления и ценностный межпоколенный разрыв, который характеризуется рядом факторов. Так, старшие поколения уже не способны как раньше передавать свои ценности. Поколение «отцов» все больше внимания уделяет работе и решению собственных проблем. Детей обеспечивают всем необходимым, записывают на кружки и курсы, но все меньше общаются с ними. Во многом, родители и не желают навязывать свое мнение детям, давая им право на собственный выбор. Само по себе это явление нельзя назвать отрицательным, но сейчас оно заходит слишком далеко, занятость и желание дать детям больше свободы мешает передаче ценностей. Ситуация с поколением «дедов» меняется еще сильнее. Раньше молодежь проводила много времени с представителями этого поколения, детей оставляли с бабушками и дедушками, и те могли оказывать на них влияние. В эпоху же глобализации ситуация меняется. Теперь несколько поколений семьи редко живут совместно, а общение с представителями старших поколений становится всё более поверхностным. Таким образом, они не просто не усваивают их ценности, но и недостаточно информированы о них.

Дети все меньше общаются со старшими родственниками. Это опасная тенденция, поскольку особенностью процесса социализации является то, что личность не имеет готового способа поведения в новых условиях. Его приобретение происходит не спонтанно, «возникает необходимость в выработке стандартов, стереотипов, эталонов, необходимых для нормальной жизнедеятельности» [2, с. 23]. Их младшее поколение усваивает в процессе общения с окружающими людьми, взрослыми, представителями старших поколений, и сверстниками, которые, в свою очередь, усваивают ценности в общении со своими старшими родственниками. Если этого не происходит, действовать приходится «наугад». Возникает агрессия при взаимодействии со сверстниками, неумение общаться и вступать в контакты с окружающими. Межпоколенческое взаимодействие включает в себя процесс передачи опыта различной деятельности, оно помогает не только усвоить ценности, но и научиться принимать и уважать ценности других людей, что способствует общению и предубеждает появление конфликтов. Но существует и другая тенденция. Поколение «отцов» и особенно поколение «дедов» далеко не всегда готовы рассматривать молодежь в качестве равноправного субъекта социального взаимодействия, воспринимать и использовать ее опыт. Это не только мешает передаче ценностей от младшего поколения к старшему, но и выступает основой для противостояния между представителями разных возрастных групп в семье. М.В. Старчикова в своем исследовании рассматривает то, как конфликтные формы взаимодействия поколений мешают выполнению их функций и существованию моделей межпоколенной солидарности, характерных для стабильных обществ [3, с. 140–144]. Жизненные стратегии поколения «дедов» другие считаются устаревшими, стратегии молодого поколения – недостаточно эффективными. Между разными поколениями возникает дистанция, ведущая к трансформации ценностей общества. Так обуславливается необходимость сохранения преемственности поколений. Этот механизм способствует передаче через поколения ценностей из прошлого в будущее. Близость систем ценностей помогает избежать появления дистанции и улучшить взаимопонимание при взаимодействии поколений.

Теперь же рассмотрим процесс передачи ценностей младшему поколению в семье. Семья является главным полем социализации детей. Именно социализация помогает пройти социальную самоидентификацию, «благодаря которой, приобретается способность дифференцировать ценности, традиции и образцы поведения своей группы и не разделять сторонние» [4, с. 80]. Социализация близка русскому слову «воспитание». Воспитание – это целенаправленное воздействие на человека с целью его подготовки к общественной жизни, к тому, что он будет выполнять многообразные социальные функции, такие, как труд, общение, познание и т. д. Воспитание является неотъемлемой частью процесса социализации и осуществляется старшими членами семьи по отношению к младшим. Оно действительно необходимо человеку, поскольку при отсутствии целенаправленного воздействия со стороны взрослых людей маленький человек не в состоянии вырасти в полноценного члена общества. Особенности воспитания непосредственно отражаются на системе ценностей человека. От того, что было представлено индивиду на раннем этапе социализации с помощью простейших оценочных характеристиках

«хорошо» и «плохо» зависит то, как он будет оценивать явления сходного класса в будущем. Если ребенку расскажут историю великой страны, любимой Родины – он навсегда сохранит в себе ценности патриотизма. Когда же ребенок живет в любящей дружной семье, которая всегда готова ему помочь и поддержать – он будет знать смысл и ценность семьи. Мы видим, что проблемы возникают уже на первом этапе передачи ценностей. Старшие поколения не в полной мере передают свои ценности младшим. Основным путем передачи ценностей всегда являлось взаимодействие с членами семьи. Способы могли быть различными, важной частью воспитательного процесса являлась передача ценностей старшими на основе личного примера. Но, поскольку представители разных поколений стали проводить меньше времени вместе, даже ценности, разделяемые всеми членами семьи, могут интерпретироваться ими различным образом. Это выступает еще одной причиной для возникновения противоречий и конфликтов между поколениями.

Для решения выявленных проблем необходимо строить диалог между поколениями на принципах открытости, доброжелательности и взаимного уважения. Должно присутствовать желание понять друг друга и не отрицать ценности других поколений. Младшие поколения должны уважать опыт и авторитет старших, а старшим важно осознать необходимость инноваций.

1. Попов, Е. А. Нормативная методология в правоведении: особенности использования // Е. А. Попов // Журнал российского права. – 2012. – №10 (190). – С. 48-53
2. Тарасова, Л. Е. Межпоколенное взаимодействие как один из факторов социализации и адаптации / Л. Е. Тарасова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Акмеология образования. Психология развития. – 2012. – Т. 12, № 4. – С. 22–25.
3. Старчикова, М. В. Межпоколенное взаимодействие в современной России / М. В. Старчикова // Социологические исследования. – 2012. – № 5 (337). – С. 140–144.
4. Труфанов, Д. О. Проблема социальной рациональности и теория солидарности Э. Дюркгейма. Постнеклассический (универсальный) подход / Д. О. Труфанов // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 7, Философия. Социология и социальные технологии. – 2011. – № 3 (15). – С. 28–36.

РОСТ ДЕПРЕССИВНЫХ РАССТРОЙСТВ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА КАК СЛЕДСТВИЕ ОСЛАБЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

Корчагина М.В. (Челябинск)

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме, связанной с ростом депрессивных расстройств у молодых людей – студентов медицинского университета. Характерные признаки депрессии наблюдаются как во время экзаменационной сессии, так и в течение всего учебного периода, что снижает качество обучения, способствует ухудшению социально-психологического климата в коллективе и ведет к ослаблению социальных связей и взаимоотношений. Автор, используя результаты проведенного социологического исследования, выявляет причины депрессивных состояний студентов и предлагает пути решения этой проблемы.

В период обучения в высших медицинских учебных заведениях к студентам-медикам предъявляются достаточно высокие требования. Такие нагрузки создают дополнительные условия для риска депрессивных расстройств. Однако само понятие «депрессия» неоднозначно и требует толкования с точки зрения нескольких подходов. Депрессию как эмоциональную подавленность одним из первых стал рассматривать Гиппократ. Им был предложен термин «меланхолия» (от греч. «melaina chole» – черная желчь), что дало начало понятию «депрессия» [1]. Вопрос о предрасположении к тоске и унынию стал фундаментальной проблемой философии и психоанализа во времена З. Фрейда. Он утверждал, что депрессия возникает на бессознательном уровне: «человек интроецирует утраченный объект любви, отождествляя себя с ним» [2, с. 843]. Депрессию с клинической точки зрения рассматривают врачи и физиологи: «Депрессивные синдромы... – психические расстройства, основным признаком которых является подавленное, угнетенное, тоскливое настроение, сочетающееся с рядом идеаторных (расстройства мышления), моторных, а также соматовегетативных нарушений» [3, с. 209]. Мы рассматриваем депрессию как следствие ослабления социальных связей в любой группе, общности и в, обществе, в целом. Длительные депрессии и психологические нагрузки могут привести к тяжелым необратимым изменениям в природе людей, к антропологической катастрофе, к уничтожению «человеческого» начала в человеке [4]. Депрессивные расстройства негативно сказываются и на здоровье людей, прежде всего, они могут усугубить состояние, усилить боль, затянуть выздоровление. Выход из

депрессии – процесс долгий и тяжелый, но все зависит от самого человека, его душевных качеств: доброты, милосердия и гуманности. Один из способов избавления от депрессивных расстройств – поддержка и помощь неизлечимым и тяжелобольным пациентам, (например, находящихся на излечении в хосписе) [5, 6].

Целью данного исследования является выявление зависимости студентов-медиков между уровнем предрасположенности к депрессивным состояниям и уровнем социальной активности. В апреле-мае 2017 г. было проведено социологическое исследование на базе Южно-Уральского государственного медицинского университета (ЮУГМУ), г. Челябинска. Методом анкетного опроса было изучено мнение 215 студентов лечебного факультета всех курсов (выборка: случайная). Респондентам были предложены 14 критериев (симптомов) депрессивного расстройства, которые могли встречаться у них на протяжении двух последних недель и более.

В результате проведенного исследования было выявлено, что частота встречаемости симптомов депрессивного расстройства среди студентов ЮУГМУ имеет следующий характер: (67,9%) опрошенных отмечают у себя: слабость, вялость, лень; (50,2%) – раздражительность; (44,2%) – частый упадок настроения; (42,8%) – несобранность; (40,5%) – неудовлетворенность собой; (36,3%) – снижение уровня самооценки и чувство неуверенности в себе; (35,3%) – чувство подавленности и уныния; (30,2%) – рассеянность; (25,6%) – обидчивость; (20,9%) – снижение интереса к тому, что нравилось раньше; (20,5%) – плаксивость; (14,9%) – чувство необоснованной вины; (10,7%) – бессонница; (7,0%) – снижение аппетита.

Анализ полученной информации позволяет сделать заключение о том, что для большей части опрошенных студентов характерно чувство физической усталости, вялости и лени. Половина опрошенных студентов-медиков замечают за собой чувство раздражительности, угнетенное, подавленное настроение и несобранность. В целом, риск депрессивных расстройств достаточно высок среди большинства опрошенных студентов-медиков.

В ходе исследования было выявлено, что круг близкого общения у студентов, имеющих склонность к депрессии ($n = 42$), значительно сужен по сравнению с кругом общения тех студентов, у которых нет предрасположенности к депрессивным расстройствам ($n = 173$). Так, у (14,3%) опрошенных студентов, имеющих склонность к депрессии – нет друзей; (47,6%) отметили 1-2 друзей; (33,3%) опрошенных имеют – 3-6 друзей; (4,8%) опрошенных отмечают 7 и более друзей; У (45,1%) студентов без выявленной склонности к депрессии – 3-6 друзей; (23,7%) отметили – 7 и более друзей; (30,0%) – 1-2 друзей; нет друзей только у (1,2%) опрошенных студентов без склонности к депрессии. Полученные данные говорят о том, что чем больше у человека друзей, тем меньше склонность его к проявлению депрессивных состояний

Полученные результаты исследования говорят о том, что лучше других усваивают информацию те студенты, которые не имеют склонности к депрессии ($n = 173$). Так, хорошо усваивают информацию (9,5%) студентов, имеющих склонность к депрессии ($n = 42$); (12,2%) – без выявленной склонности к депрессии. Имеют лишь некоторые трудности при обучении – (47,6%) студентов, имеющих склонность к депрессии и (58,5%) – не имеющие такой склонности. Обучение дается тяжело (35,7%) студентов, подверженных депрессии и (27,7%) студентов не подверженных депрессии. Информацию не усваивают (7,2%) студентов, склонных к депрессии и (1,6%) – не имеющих склонности к депрессии.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1. Социальная активность заставляет мобилизовать психофизиологические ресурсы человека и все его потенциальные возможности, в то время как депрессивные расстройства напрямую связаны с психофизиологической заторможенностью, раздражительностью, неудовлетворенность собой; 2. Каждый пятый опрошенный студент-медик имеет склонность к депрессивному расстройству. Большая часть из них старается ограничить круг друзей и близких знакомых 1-2 людьми. Такие студенты больше подвержены эмоциональному напряжению в связи с трудностями в обучении. 3. Рост депрессивных расстройств у студентов медицинского университета является следствием нарушения социального взаимодействия, а именно – уменьшением количества друзей. Отсюда эффективный выход из депрессии – хорошие друзья и близкие люди.

1. Гиппократ. Избранные книги / Пер. с греч. В.И. Руднева. Ред., вст. ст. и примеч. проф. В.П. Карпова. – М.: «Сварог», 1994. – 736 с.
2. Фрейд З. Я и Оно: сочинения. – М.: Эксмо, 2009. – 864 с.
3. Большая медицинская энциклопедия: В 30 т. Т. 7 / Гл. ред. Б.В. Петровский. – 3-е изд. – М.: Сов. Энциклопедия, 1974. – 551 с.

4. Волкова Т.И. Антропологическая катастрофа и проблемы человеческого бытия в эпоху глобализации // *Философия и общество*. – 2014. – № 2 (74). – С. 107-125.
5. Кожуховская А.А. Этико-правовые аспекты умирания и смерти терминальных больных // *Инновационные технологии в медицине: взгляд молодого специалиста: материалы III Всероссийской научной конференции молодых специалистов, аспирантов, ординаторов / ред. кол.: Р.Е. Калинин, И.А. Сучков, Е.В. Филиппов; ФГБОУ ВО РязГМУ Минздрава России*. – Рязань: ООП УИТТиОП, 2017. – 189 с.
6. Волкова А.А. Хоспис и паллиативная помощь пациентам с incurable заболеваниями как альтернатива эвтаназии // *Социальная работа в России: история, современность, перспективы: Материалы I областной научно-практической конференции 19 декабря 2012 г.* – Челябинск: Изд-во ЮУГМУ, 2013. – С. 138-141.

ИСТОРИЯ РОССИИ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ.

Корчагина Т.П. (Москва)

В мае 2017 г. на Юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова было проведено исследование оценки исторического опыта нашей страны на протяжении XX века в сравнении с современным этапом. В ходе исследования проведено анкетирование студентов первого курса.

В ходе исследования было выявлено, что наибольший интерес у студентов вызывает эпоха Петра I. Такой выбор может быть обусловлен успешностью проводимых реформ и укреплением в тот период позиций России на международной арене. Так же стоит отметить, что именно в период правления Петра I были заложены многие принципы организации государственных органов и сформулированы идеи политико-правового развития нашей страны, поэтому интерес студентов-юристов к основателю Российской Империи, эпохе его правления имеет объективные предпосылки.

Также интерес студентов вызывает история России XIX века - наиболее разработанная и хорошо освещённая в литературе. Для юристов в XIX веке наибольшее значение имеет изучение опыта систематизации законодательства – создание Полного Собрания Законов Российской Империи и Свода законов Российской Империи, а также великие буржуазные реформы середины XIX века. Именно эти события обладают наибольшим значением для последующего развития институтов государства и права, социальных институтов России.

Примечательно, что третий по популярности период, вызывающий интерес опрошенных студентов – период революции 1917 года и становления советской власти. Этот факт свидетельствует о том, что молодёжь испытывает потребность в уяснении причин революционных потрясений в нашей стране, осознания всей сложности исторического выбора, стоявшего перед нашей страной в 1917 году.

Меньше всего респондентов интересуется история России второй половины XX века: послевоенное восстановление, 1950-1980-е годы. Это объясняется тем, что в этот период уже не происходило таких глобальных изменений политического, экономического и правового курса нашей страны, как в более ранние и более поздние периоды. Не малую роль играет и тот факт, что в современной литературе, в частности в юридической и историко-правовой, история второй половины XX века освещена достаточно слабо, не проработана, что, конечно, не может способствовать высокому интересу к изучению данного периода студентами. Стоит также отметить и тот факт, что знания об этом периоде студенты склонны получать непосредственно от своих родителей и старших родственников – современников событий.

В ходе опроса у студентов также выясняли, кто из руководителей российского государства вызывает у них наибольшую и наименьшую симпатию.

Так, по версии студентов, наивысшей оценки своей деятельности как главы государства достоин В.В. Путин – так считает 24% опрошенных. С небольшим отрывом от него – 22% - следует В.И. Ленин. На третьем месте оказался В.И. Сталин – его выбрали 18% респондентов.

Таким образом, молодёжь формирует своё представление о лидере государства, на основании тех результатов, к которым привела деятельность того или иного правителя.

Антилидерами – руководителями, вызвавшими наименьшую симпатию аудитории – стали Б.Н. Ельцин (18,7%) и М.С. Горбачёв (14,1 %).

Таким образом, намечается определённый тренд в оценке молодёжью исторического опыта. Симпатию вызывают те лидеры, в результате действий которых государственность

укреплялась, экономика стабилизировалась, а руководители, на чье время нахождения у власти пришлось перестройка и распад СССР – оцениваются студентами в негативном ключе.

ПРОТЕСТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Костенко В.В. (Орёл)

На современном этапе развития российского социума одно из центральных мест в общественном сознании приобретает проблема глобализации, как процесса развития взаимопроникновения и взаимозависимости всех мировых субъектов и социальных явлений [1]. Под влиянием глобализации возникает такая система, при которой глобальными оказываются вопросы разных стран, регионов и даже социальных групп и просто отдельных субъектов, которые оказывают как позитивное, так и деструктивное влияние на различные социальные явления, а более развитые в политическом, экономическом, социальном и военном отношении страны влияют на процессы, происходящие в других странах, стараясь навязать им свое мировоззрение, политические и социальные установки, экономическую систему и систему моральных ценностей.

Особая актуальность проблемы воздействия глобализации для нашей страны во многом обусловлена теми огромными потрясениями, которые переживала Россия и российское общество дважды в XX-м веке.

Первый этап потрясений был вызван крушением монархии и последующим октябрьским переворотом 1917 года, последствием которого стало разрушение единого создававшегося веками государства и приход к власти большевиков во главе с В.И. Лениным и Л.Д. Троцким, идеология которых была основана на западных, в первую очередь европейских, политических, философских, экономических воззрениях (труды К. Маркса и Ф. Энгельса и других) и во многом была навязана и поддерживалась западными странами и их структурами. Дальнейшее развитие событий, включившее в себя красный и белый террор, гражданскую войну, интервенцию сопровождалось массовым насилием и кровопролитием, во многом извратило и исказило существовавшие морально-этические и религиозные ценности. Кроме того, произошедшие события привели к вынужденной эмиграции наиболее образованной и интеллигентной части населения.

Второй этап потрясений произошел в 90-х годах XX века, когда под влиянием «перестройки» и в угоду западу был разрушен СССР, что, по словам Президента России В.В. Путина, стало «крупнейшей геополитической катастрофой XX века» [2]. Миллионы русских, оставшихся в бывших республиках в один момент стали чужими, подверглись различным притеснениям, которые часто сопровождались откровенным национализмом, кровавыми эксцессами и откровенной уголовщиной. Для конкретных людей это означало разрыв родственных и хозяйственных связей, потерю работы, накоплений и имущества, множество других тяжелых последствий. И в этих событиях, по словам В.В. Путина, «запад и наши геополитические противники не стояли в стороне» [3].

В дальнейшем, Российская Федерация, не обладая достаточно сильной государственностью и гражданским обществом, после ликвидации «железного занавеса» в полной мере ощутила на себе влияние нарастающей глобализации, что отразилось на политическом, экономическом, культурном и моральном облике государства.

Особо сильное влияние процесс глобализации оказывает на молодежь. Во многом это связано с важнейшими факторами современной глобализации, среди которых наиболее значимыми являются следующие [4]:

- технологические факторы, массовое развитие и внедрение новых технологий, переход развитых стран запада к следующему технологическому укладу;
- экономические факторы, усиление влияния транснациональных корпораций (ТНК), повсеместное внедрение разделения труда и аутсорсинга;
- информационные факторы, широкое распространение глобальных компьютерных сетей и Интернета, сетевых СМИ, различных социальных сетей.

Под воздействием глобализации происходят процессы трансформации и различные изменения (как структурные, так и функциональные) современного общества в России, напрямую затрагивающие молодежь. Так, усиление экономического расслоения общества и социально-

классового неравенства вызывает ухудшение как физического и психического, так и социального здоровья молодежи. Неравномерное экономическое и социальное развитие вызывает проблемы формирования правосознания молодежи, усиление протестных настроений, рост национализма, отчуждения и подозрительности, и как следствие участие молодежи в деструктивных протестных действиях и даже в террористических актах.

Также, процесс глобализации способствует усилению общего риска в обществе, созданию социальной ситуации, особенно опасной для молодежи и деструктивно влияющей на ее развитие. Кроме того, глобализация стимулирует навязывание молодежи чуждых ей общественных, социальных норм и моральных принципов к личностному развитию, разрушение складывавшихся долгое время традиционных ценностей, национальных традиций социализации и преемственности поколений, межпоколенческих связей. С помощью глобальных СМИ и Интернета происходит навязывание нетрадиционных духовных и религиозных ценностей, имеющих целью забвение отечественной истории, традиций, культуры. Следствием этого является распространение алкоголизма и наркомании, участие молодежи в криминальной жизни, различные негативные проявления, в том числе те, которые прежде не проявлялись в российском обществе и являются результатом участия в глобализационных процессах [5].

Все это оказывает существенное влияние как на саму молодежь, так и на деятельность выражающих ее интересы молодежных общественных организаций (МОО).

В настоящее время спектр российских МОО достаточно широк и включает в себя как легальные, так и полуполегалные, а иногда и официально запрещенные организации [6]. Однако, несмотря на официальное запрещение, многие из указанных организаций продолжают нелегальную деятельность. Существует также ряд МОО, не попавших под запрет, но их деятельность имеет деструктивный характер, оказывает негативное влияние на устойчивость развития страны. К ним следует отнести: неофашистские группировки, левацкие антифашистские группировки (антифа), движения скинхедов, молодежные организации различных деструктивных религиозных направлений (секты) и другие.

Кроме того, открывшиеся в процессе глобализации возможности для международных связей позволили развернуть России деятельность таких организаций как: Фонд «Открытое общество» OSF (фонд Дж. Сороса), Агентство США по международному развитию (USAID) (закрито в 2012 году) и других, декларировавших чисто научные, образовательные или культурные цели, в действительности же, старавшихся различными способами влиять на развитие общественно-политической жизни в нашей стране. Появились структуры, открыто получающие финансовую и иную помощь от иностранных государственных организаций и общественных фондов [7].

И как показали последние события, происходившие в мире, «цветные революции», «арабская весна», гражданский конфликт на Украине и другие, именно общественные организации, особенно МОО, руководимые, финансируемые и направляемые глобальными международными структурами играли в происходивших событиях решающую роль. Большое участие эти структуры принимали и в организации и проведение протестов в 2011 – 2013 годах в Москве (получивших известность как движение «белоленточников») и особенно в событиях на «Болотной площади», прошедших 10.12.2011 года и в «марше миллионов» 06.05.2012 года, который привел к гражданским беспорядкам и масштабным столкновениям с полицией, по факту которых были возбуждены многочисленные уголовные дела. Особо активное участие в этих событиях принимали МОО «Левый фронт» и «Другая Россия», которые открыто позиционировали себя как оппозиция существующей власти.

Это потребовало принятия мер, по защите национальной безопасности России и защите гражданского общества от международного влияния, в частности был принят закон об некоммерческих организациях – иностранных агентах [8].

В заключении следует сказать, что, как и любой исторический процесс, глобализация имеет как позитивные, так и негативные стороны. И если к позитивным можно отнести сокращение пространств между государствами и народами, политическая и экономическая кооперация, развитие туризма и межличностных отношений, то негативными сторонами глобализации являются возможности для государственных и международных структур оказывать влияние на внутренние дела стран, их политическую и общественную жизнь, навязывать свои представления о морали и нравственности, зачастую отличные от традиционно существующих. В этих условиях задачей государства и органов власти является защита внутреннего общественного

пространства от негативных воздействий глобализации, всестороннего развития сильного гражданского общества.

1. Гринин Л.Е. *На грани веков: новые процессы // История и современность.* — № 1. — С.11. 2005.
2. <https://regnum.ru/news/444083.html>
3. <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/562913189a79477c0bb9d78a>
4. Колин К.К. *Неоглобализм и культура: новые угрозы для национальной безопасности // Знание. Понимание. Умение.* — № 2. — С. 106-107.
5. Самыгин П.С. Исакова Ю.И., Печуров И.В. *Правовая социализация современной российской молодежи: монография / под ред. С.И. Самыгина.* — М.: РУСАЙНС, 2016. — С. 4.
6. Единый федеральный список организаций, признанных террористическими Верховным Судом Российской Федерации [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет URL:<http://nac.gov.ru/document/832/edinyi-federalnyi-spisok-organizatsii-priznannykh-terroristicheskimi-verkhovnym-sudom-r.html> (Дата обращения: 12.07.2017). Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" [Электронный ресурс] // Национальный антитеррористический комитет URL: <http://nac.gov.ru/document/1500/perechen-nekommercheskikh-organizatsii-v-otnoshenii-kotorykh-sudom-prinyato-vstupivshe.html> (Дата обращения: 12.07.2017)
7. Список финансируемых ЦРУ российских общественных организаций: [Электронный ресурс] // Военное обозрение @ 2010-2017 «Военное обозрение» URL: <http://topwar.ru/8005-spisok-finansiruemyh-cru-rossiyskih-obschestvennyh-organizatsiy.html> (Дата обращения: 12.07.2017)
8. Федеральный закон от 20 июля 2012 г. N 121-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента".

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ О РЕЛИГИИ И ЕЕ МЕСТЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Костина Н.Б., Гафиятуллина К.Р. (Екатеринбург)

Для конца XX - начала XXI веков характерно возрастание уровня толерантности студенческой молодежи к представителям различных конфессий, к участию в имеющих культовое содержание массовых мероприятиях, организуемых религиозными объединениями, например: крестный ход в честь начала нового учебного года и других событий повседневной жизни, посещение религиозных святых в период туристских поездок, участие в поклонении значимым религиозным святыням (иконам, святым мощам). Студенты и недавние выпускники вузов при вступлении в брак наряду с традиционной, сложившейся десятилетиями процедурой организации праздника весьма активно в качестве ее дополнения венчаются в церкви, в программу посещения значимых историко-культурных мест включают религиозные объекты. Факторами, обусловившими этот феномен, являются влияние семьи, ближайшего окружения, а также мезосоциальной среды. Современное российское общество отличает повышение активности конфессиональных общностей во взаимодействии с гражданским обществом, одобряемое и поддерживаемое со стороны органов власти. Религиозные объединения являются важным элементом социальной структуры, их деятельности посвящаются программы в различных СМИ; лидеры государства регулярно обсуждают вопросы воспитания и образования молодежи с лидерами конфессий, последние активно участвуют в социально-политических и культурных мероприятиях.

При проведении опросов среди студентов об их конфессиональной идентификации как минимум половина причисляет себя к верующим. Однако данные эмпирических исследований свидетельствуют о том, что за последние 20 – 25 лет уровень воцерковленности студентов не изменился, что выражается, прежде всего, в отсутствии интереса и активности с их стороны к изучению религиозных доктрин, участию в собственно культовых мероприятиях, в социальном служении, осуществляемым религиозными организациями. Это позволяет говорить о том, что религия, ее ценности и нормы, несмотря на признание со стороны власти и лидеров общественного мнения религиозных организаций в качестве актора современных событий не

имеют для российского студенчества самостоятельной ценности, а «вплетена» в повседневные практики.

Методологическим основанием для изучения влияния религии на повседневную жизнь студенчества являются идеи А. Шюца, П. Бурдьё, Г. Гарфинкеля, И. Гофмана, Э. Гидденса, уделяющих в своих трудах внимание именно повседневности, повседневным взаимодействиям, обыденным рутинным практикам.

«Повседневность представляет собой специфическую сферу реальности (жизненного мира), наряду с реальностью сновидений, воображения, религиозной веры и т.д.»[1] Повседневность конструируется индивидами в практической деятельности на основе их субъективных знаний и восприятий интерсубъективной социальной действительности, а также консенсуса с окружающими относительно общезначимых целей деятельности при помощи языковых коммуникаций. Применительно к религии и ее месту в жизни студенчества религиозная вера, религиозные практики представляются не как сфера, отделенная от событий и действий, происходящих и осуществляемых изо дня в день, из года в год, а как ее их неотъемлемая часть. При этом обращение к религии, к содействию священнослужителей как ее представителей в наиболее значимых жизненных ситуациях являет собой не выражение повысившегося уровня религиозности, а подчеркивание значимости конкретного события в жизни представителей студенческого сообщества. Конструирование такого влияния религии и религиозных ориентаций на жизнь студенчества происходит под влиянием а) факторов ближайшей внешней среды, б) субъективных знаний о религиозных ценностях, нормах, восприятия их роли. Вследствие этого студенты, обладающие большим объемом таких знаний и восприятий, чаще могут включать религиозные практики в свою повседневную жизнь, что и воспринимается ими самими как принадлежность к той или иной конфессии, оценка себя как верующего. Необходимо также учитывать, что включение студентами в повседневную жизнь различных видов религиозных практик (посещение храмов, святых мест, венчания и крещения, участие в крестных ходах, благотворительных мероприятиях) имеют как рациональные, так и чувственные основания, причем последние часто преобладают над первыми. Это обусловлено сущностной особенностью религии, которой является вера – вера в будущее благо бессмертие, поэтому и вся культовая практика, и обращение к религиозным идеям и образцам поведения основаны на этом ключевом религиозном чувстве. Именно к чувствам, а не только к разуму (как верующих, так и неверующих) обращаются религиозные лидеры, священнослужители.

В обыденном языке, по мнению А. Шюца, не проводится строгих различий между поведением, основанном на чувстве и разуме, и рациональным поведением. Он подчеркивает, что поведение человека основано на чувстве, если мотив и способ его действия понятны нам, его партнерам или наблюдателям. Такое действие соответствует социально одобренному набору правил и предписаний того, как разрешить типичные проблемы, используя типичные средства для достижения типичных целей. Однако поведение, основанное на чувстве, не предполагает, что действующий глубоко проникся своими мотивами и контекстом целей и средств. Если действие представляется наблюдателю основанным на чувстве и, вдобавок, как предполагается, порождено здравым выбором между различными способами действия, мы можем назвать его разумным, даже если такое действие следует само собой разумообразующим традиционным или привычным образцам поведения» [2]. Эта идея позволяет объяснить влияние религиозных идей, норм и практик на повседневную жизнь студентов.

В 2016г. методом анкетного опроса было опрошено 731 студент, обучающихся в вузе на очной форме обучения в городах Екатеринбург, Сургут, Тюмень. Среди наименее значимых ценностей студенты всех городов определили религию (религию поставили на 9 место 48,6% студентов Екатеринбурга, 45,5% - в Тюмени и 44,7% - в Сургуте), что подтверждает тезис о невысокой значимости религии для студенчества. Для студенчества религия в первую очередь - это следование моральным и нравственным нормам (40% ответивших), духовность (35%), часть мировой культуры и истории (44%).

Половина студенческой молодежи определяет себя как верующих (Екатеринбург – 50,9%; Тюмень – 54,5%; Сургут – 52,6%). На наш взгляд, в действительности группа верующих всего лишь считает себя таковыми, при этом не подкрепляя это реальными практиками. Выявлено влияние семейной приверженности религиозным взглядам на конфессиональный выбор студента: 70% студентов из считающих себя верующими подтвердили, что их семья и родственники придерживаются в основном религиозных взглядов.

Среди факторов, повлиявших на обращение к религии, выбор конфессии, считающие себя верующими студенты назвали родственников - 87,8% от общего числа верующих; сложную жизненную ситуацию (потеря близких, проблемы со здоровьем, проблемы в общении с окружающими) - 18,5%. На 7,8% респондентов повлияли друзья и на 2,7% - средства массовой информации. Среди основных факторов, определивших выбор конфессии, большинство студентов назвали жизненную ситуацию - потеря близких, проблемы со здоровьем, проблемы в общении (11,3% - Екатеринбург; 7,6% - Тюмень; 8,6% - Сургут). Значимым фактором является религиозность родителей (47,7% - Екатеринбург; 50,3% - Тюмень; 48,7% - Сургут). Студенты видят в религии способ решения сложных жизненных проблем, возможность вернуться к нормальной жизни в посттрагических ситуациях. Для студенческой молодежи наиболее важным является культурная составляющая религии, её социальный аспект. В целом наиболее активно респонденты участвуют в религиозных праздниках (45% считающих себя верующими, 17% среди неверующих), так как они вплетены в обыденную жизнь и общекультурные представления. Считающие себя верующими чаще остальных посещают различные религиозные мероприятия, не связанные с празднованием определенных событий. Вне зависимости от религиозной самоидентификации многие студенты принимают участие в благотворительных мероприятиях. Религиозными представителями студенчества называют, как правило, поведенческие практики, которые собственно религиозными не являются, а совершаются «по поводу» или «в связи» с каким-либо религиозным мероприятием или праздником. Это больше дань моде или просто национальная и культурная идентификация. Результаты исследования подтверждают, что религиозность считающих себя верующим часто имеет ситуативный характер, в ней проявляется скорее не устойчивая мировоззренческая позиция, а умонастроение, отличающееся значительной подвижностью.

1. *Повседневность [Электронный ресурс] / Философский словарь. Режим доступа: <http://www.philosophydic.ru/povsednevnost>. (дата обращения: 02.10.2017)*
2. *Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / Пер. с нем. И англ. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. — 1056 с. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://yanko.lib.ru/books/philosoph/shutz-izbr-mir-a.htm> (дата обращения: 02.10.2017)*

ПРЕСТИЖ ПРОФЕССИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Краснов А.Ю. (Москва)

Социологическая наука давно обратила внимание на то, что в современном обществе профессии индивидов имеют разный престиж, а сами люди, имеющие ту или иную профессию, обладают не равным социальным статусом, пользуются различным уважением и обладают неодинаковыми материальными и символическими ресурсами. С развитием отраслей социологического знания проблема престижа различных профессий в обществе заняла одно из главных мест в социологии профессии. В настоящее время существует мнение, что основной особенностью, связанной с изучением престижа профессии среди молодежи является то, что независимо от испытуемой группы, применяемой методики, объема выборки, а также времени и места проведения исследования, ранжирование престижности профессий во всех обществах остается приблизительно одинаковым. Другой точкой зрения является утверждение, что рейтинг профессий хотя и сохраняется устойчивым в разных обществах, но в зависимости от различных социальных факторов все же имеет определенную динамику, что продолжает акцентировать внимание социологов на данной проблеме. Для российского опыта важным моментом, является то, что основная масса исследований по выявлению престижа профессий проводилась в XX веке в западных странах. Это связано, прежде всего, с более ранним переходом этих стран к капиталистической экономике. В постсоветской и современной России подобные исследования практически полностью отсутствуют, в виду длительного ограничения свободных рыночных отношений, а также господства социалистической идеологии, долгое время запрещавшей широко и свободно освещать трудовое и социальное неравенство в советском обществе.

Изменения в социальных институтах современной России, а также появление и распространение в последние годы различных ценностей, технологий и образцов культуры, оказывает влияние на отношение людей к их трудовой деятельности, а также на выбор ими своей

профессии. Несложно заметить, что профессиональный статус личности по-прежнему является одним из основных достигаемых статусов в статусном наборе современного индивида, оказывая непосредственное воздействие на жизненные стратегии, установки, поведение, стиль и образ жизни человека, его отношение к труду, обществу и государству.

Однако в современном обществе можно наблюдать несколько взаимодополняющих тенденций в профессионально-трудовой сфере, которые непосредственно связаны с изучением престижа и статуса любых профессий: 1) снижение количества профессий, связанных напрямую с каким-либо производством; 2) динамичный рост творческих профессий и специальностей, использующих новые информационно-коммуникационные технологии и работающих с информацией; 3) все более узкую специализацию и дифференциацию в традиционной профессии.

Актуальность изучения престижа профессий в современной социологии профессии в России, заключается в том, что это позволяет выстраивать различные иерархические шкалы в соответствии с теми или иными критериями. Полученные шкалы могут использоваться в качестве интервальной независимой переменной в регрессионных и статистических моделях для дальнейших эмпирических исследований закономерностей.

Кроме того, изучение престижа профессии как компонента социального статуса индивида представляет также существенный интерес как самостоятельный предмет изучения в теории социологии профессии в виду появления в последние десятилетия большого количества новых специальностей и ухода в прошлое ряда старых. Наконец, сравнительный анализ престижа той или иной профессии не только дает возможность определить параметры стратификации в современном обществе, но и позволяет провести первичную образовательную и профессиональную ориентацию для молодых поколений.

Во всех имеющихся теориях, которые рассматривают престиж, социальный статус и профессиональную стратификацию, своего рода отправным пунктом является социальное неравенство, но имеются различные подходы к предмету. Как правило, взгляды в теориях расходятся в том, что является главным компонентом профессионального неравенства – богатство, власть или престиж, и каковы основные причины профессионального неравенства.

Самые резкие различия по поводу престижности профессий находятся в концептуальных подходах конфликтологических теорий общества и функциональных теорией Девиса и Мура, Дональда Треймана и Ллойда Уорнера. Если сторонники первых считают различия в престижности профессий следствием корыстных уловок влиятельных групп и слоев общества, то сторонники функциональных теорий считают неравенство в престиже профессий следствием нормального развития общества. Однако при более тщательном анализе обнаруживается, что есть основания полагать, что все эти теории не являются взаимоисключающими, и что в различных обществах может складываться различная система профессиональной стратификации в результате сочетания разных социальных факторов.

ТОЛЬКО ОДИН УНИВЕРСИТЕТ. НОВОЕ «ОТКРЫТИЕ» МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА

Крокинская О.К. (Санкт-Петербург)

Социальные настроения молодежи находятся в центре внимания социогуманитарных наук вот уже более 50 лет. За это время ее активность демонстрировала разную динамику: подъемы чередовались со спадами, а идейное наполнение сильно зависело от конъюнктуры текущих событий. До последнего времени исследования, ведущиеся на разных исследовательских площадках, давали спокойный прогноз на социальную активность молодежи. Ее поведение как группы характеризовалось чертами консерватизма, имперской и патерналистской ориентации и выглядело в целом довольно пассивным. Вместе с тем возрастал спрос на культурные программы, заполнялись аудитории популярных лекториев, росли интернет-ресурсы просветительского характера, и, наконец, весной-летом 2017 года молодежь неожиданно вышла на протестные акции, составив значительную долю их участников. Стало понятно, что социальные настроения молодежи сменили свой вектор. Это новое состояние должно быть исследовано, и его предметом должны стать не только мотивы протестной активности, а более общие, мировоззренческие представления молодых людей – как база, которая порождает то или иное их поведение.

В мае-июне 2017 года в Российском государственном университете им. А.И.Герцена осуществлено пилотажное социологическое исследование представлений студентов о современном российском обществе. Опрос проходил on-line, в опросе приняли участие студенты

одиннадцати факультетов университета всех курсов, а также магистранты и аспиранты. Общее количество принятых к обработке анкет 488.

Для анализа были отобраны следующие основные индикаторы проблемы:

1) Элементы мировоззренческих установок (идентификация социальных смыслов государства, ориентация в истории страны, характер необходимого исторического знания, интерпретация статуса великой державы)

2) Оценка текущей социальной ситуации (актуальные проблемы, доверие институтам, вектор движения)

3) Социально-гражданская самоидентификация молодежи (гражданственность как настроение, возможность влияния на реалии своей жизни, оценка общественной пользы гражданской активности)

4) Идентификация в пространстве современности, ее настоящего и будущего, в контексте развития

Идентификация социальных смыслов государства. Для массового сознания вообще и для картины мира молодых поколений страны характерен невысокий уровень социальной компетентности в основных категориях, которыми описывается современное общество. В частности, в нем слабо проработано понятие государства. Оно все еще понимается архаически и патерналистски – как некая сила, обеспечивающая все проявления жизни в стране. Это затрудняет понимание многих существенных основ жизни общества, – таких, как закон, право, собственность, власть, права человека, создает предпосылки для закрепления установок на господство конструкции «человек для государства» в ущерб пониманию государства как института, создаваемого обществом для решения своих проблем.

Вот почему идентификация социальных смыслов государства представляется важным индикатором социальной компетентности и гражданской позиции молодых людей. Опросом выявлено два основных значения понятия: обыденное понимание «государство как страна» и социально более компетентное «государство как институт общества». В последнем случае заметно выделяются высокие места категорий «закон, право» (80% ответов от числа опрошенных) и «власть» (56%), а также очень важное понятие собственно института (29%).

Традиционное представление акцентирует позицию «народ», отдавая должное истории и культуре. Доля традиционных, обыденных представлений о государстве превышает долю институциональных, что говорит о еще недостаточном развитии понятия в представлениях молодежи. При этом обращает на себя внимание практическое отсутствие персоналистских отождествлений в представлениях студентов о государстве. Они не склонны ни идентифицировать, ни даже тесно соотносить понятие государства со статусом президента и с его персоной. Они также не рассматривают сегодняшний парламент как значимую государственную структуру.

Статус великой державы. Участники исследования имеют развитые представления о том, какой должна быть страна, имеющая статус великой державы. В этих представлениях на передний план выходят признаки развития экономики (81%), культуры (73%), науки (62%), демократии (60%), благополучия народа (33%). Интересный эффект получен в результате смысловой дифференциации известного стереотипа о стране, которую одновременно «боятся и уважают». Выяснилось, что уважение многократно важнее, чем страхи, которые может вызвать великая держава – 63% в первом случае против 4% во втором.

Наиболее острые, актуальные проблемы страны. На фоне характеристик великой державы текущая социальная ситуация выглядит в глазах студентов достаточно проблемно. Преобладающее большинство опрошенных указали на коррупцию как наиболее острую проблему страны (75%). Существенно, представлены в качестве наиболее острых такие проблемы, как бедность (57%), алкоголизм и наркомания (38%), слабость правовой системы (26%), неравенство (25%), несправедливость (20%). Со многими из этих проблем студенты могут быть знакомы не понаслышке. К этому вопросу было сделано более 20 дополнений, среди которых особенно акцентированы проблемы образования. При этом возможность влияния студентов как граждан общества на решение этих проблем оценивается как слабая. В том числе проблем образовательных учреждений, в которых они учатся.

Вектор движения. Обобщающим показателем для изучаемой ситуации можно считать оценку вектора движения страны. Отвечая на вопрос о личных ощущениях динамики движения, опрошенные определили его следующим образом: страна

идет вперед – 29 % ответов,

- стоит на месте – 22% ответов,
- движется назад – 21% ответов
- затруднились ответить 27 % участников исследования.

Иными словами, более двух третей опрошенных не чувствуют самого движения, развития, а ощущаемый ими вектор процессов указывает, в лучшем случае, на застой. Подтверждают это ощущение ответы на вопрос об образе будущего в картине мира студентов. Он полностью ясен лишь для 7% опрошенных, полностью неясен для 33% и лишь частично ясен для большинства – 61% участников опроса.

В связи с этим вряд ли случайно будущее вызывает у молодых людей весьма настороженное отношение:

- скорее положительные и сильные положительные чувства, ожидание успеха и счастья, испытывают в связи с перспективами будущего лишь 28% опрошенных;
- скорее отрицательные и сильные отрицательные (неприязнь, страхи) – 25%;
- и затруднились сказать что-то определенное по отношению к будущему почти половина опрошенных – 47%.

Социально-гражданская самоидентификация молодежи. Участники опроса заинтересованно относятся к выявленным проблемам. Их гражданское чувство можно считать достаточно хорошо осмысленным. В материалах исследования оно представлено в виде оценки уровня полезности ряда видов общественной деятельности. Высоко позитивными опрошенные считают волонтерское движение (71% ответов), участие в выборах, участие в обсуждении проблем страны на разнообразных открытых дискуссионных площадках, поддержку общественных объединений и движений (НПО, НКО), а также участие в согласованных собраниях, митингах, шествиях и т.д. Эти виды общественной деятельности назвали полезными около и более половины опрошенных (45-55% ответов), бесполезными их считают порядка 20-25% респондентов. Более радикальные типы гражданской позиции (участие в несогласованных мероприятиях, а также в акциях протеста против негативных явлений в жизни страны) интересны меньшему числу респондентов. Их назвали полезными порядка 25-40% опрошенных. Обсуждение проблем страны в социальных сетях и вовсе не считается чем-то серьезным. Сомнения в их пользе выразили 30% опрошенных, назвали бесполезными 50%.

Перспективы развития. Участники опроса, не поддерживают изоляции России от международного сообщества. Они являются сторонниками взаимодействия нашей страны с высоко развитыми странами современного мира. Оценивая перспективы развития страны при ограничении таких возможностей, они предположили, что в этом случае Россия

- будет развиваться быстрыми темпами – 5% ответов
- с некоторыми трудностями, но все-таки будет развиваться – 41% ответов
- для развития возникнут серьезные препятствия – 28% ответов
- не сможет развиваться, начнет отставать – 18 % ответов
- затруднились с точным ответом – 9% опрошенных студентов

Если выявленные тенденции будут сохраняться, то современная образованная молодежь, несмотря на отсутствие т.н. «навеса» соответствующих возрастов в демографической конфигурации населения, займет существенное место среди субъектов социальной активности страны.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ: ИЗМЕНЕНИЕ ФУНКЦИЙ ТАТУИРОВКИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Куда М.П. (Волгоград)

Татуировка является древним явлением, упоминание о ней сопутствует человечеству на протяжении всей истории. Татуировка в давние времена не только подчёркивала обретение статуса полноценного члена социума, она ещё и визуализировала этот статус. В мире, не знавшем документов, татуировка была своеобразным удостоверением личности. В татуировке отражалась племенная принадлежность, имущественное положение, социальный ранг, родословная.

Еще в конце 19 века в европейских обществах татуировка представлялась как атрибут принадлежности носителя к одной из восточных культур, а в 20 веке преимущественно как свидетельство принадлежности к контр- и субкультурам.. В современном глобализованном мире татуировка воспринимается как явление нормальное, символически осмысленное, как одна из

форм перманентного стремления к усовершенствованию собственного тела (наряду с пластической хирургией, шрамированием и т.п.). Выбирая маркировку своего тела молодежь, таким образом, изменяет опыт собственного физического "я".

Говоря о теле с татуировкой, можно выделить несколько подходов к пониманию факта наличия: 1) отношение к духовным практикам – связь человека с духом через тату, как через клятву верности, использование набитие тату с точки зрения медицинской помощи; 2) патология – отклонение, не здоровое желание сделать татуировку; 3) сексуальный подтекст – приятное чувство от процесса набивания; 4) защитная функция – блокирование неадекватного поведения и повышение самооценки; 5) эффект психического костыля – эмоциональная зрелость, татуировка как рамка для вредных эмоций и вселение надежды; 6) склонность к насилию – связь между наличием татуировки и преступным поведением; 7) современное видение – форма изменения физического я, личностное выражение.

Говоря об исторических отсылках к изучению татуировки можно привести несколько примеров. По мнению Джеймсу Брэдли, «тату-мания» в Великобритании и США в 1899 совпала с моментом публикации Торстейна Веблена «Теория Праздного Класа». Веблен рассматривал моду как расточительно форму демонстративного потребления, но он ничего не говорил о татуировках – возможно, потому, что, как предполагает Брэдли, они часто были буквально невидимым актом потребления, поскольку были скрыты одеждой. Даже так, они по-прежнему оставались признаком «элитности».

Для Марго Де Мелло, современные тату-сообщества сейчас в основном определяются элитой татуировщиков и издателей тату-журналов, которые в первую очередь являются средним классом. Ее исследование важно (частично построенного вокруг различных тату-конвенций и публикациям, и частично «выдуманное») именно потому, что показывает, как современность татуировки отдалается от аутентичного тату. Она предполагает, что тату было лишено корней уходящих в рабочий класс и уголовную среду, чтобы гарантировать, что татуировки в глобализованном мире подходят для потребления среднего класса, то есть «включение» подлинных субкультурных практик в доминирующие культуры.

Для эмпирического подтверждения было проведено было проведено самостоятельное исследование в виде глубинного полужормализованного интервьюирования по гайду, исследование проводилось на 2-х выборках. Первая выборка - 5 тату-мастеров. Также была проведена дополнительная серия, состоящая из 5 интервью для уточнения полученных результатов с респондентами, не связанными с деятельностью тату-салонов, но выступающих в роли носителей татуировок. Всего проведено 10 интервью.

Данные исследования показывают, что в современном обществе татуировка перестала иметь особое значение и выделять человека из толпы, отличая его от остальных виднеющимся клеймом. Татуировка стала восприниматься в большинстве случаев как украшение тела, как способ запечатлеть важные моменты для личности и как способ выразить творческую натуру человека. Но среди клиентов тату-салона, остались и те, кто делает татуировки, придавая им особое значение.

Каждая татуировка, по их мнению, остаётся на всю жизнь и поэтому играет важную роль. Сами тату-мастера обладают как татуировками имеющими значение, так и татуировками для красоты. Изучая реакцию на татуировки у близких и родственников носителей и тату-мастеров следует отметить, что большинство из их окружения положительно реагируют на деятельность тату-мастеров и на ношение татуировок. Они и сами обладают татуировкой, когда то они позволили сделать тату или со временем смирились с фактом её наличия. Татуировка как предмет тела, по мнению большинства опрошенных в интервью, делает личность более счастливой и полноценной, а также позволяет раскрыть себя и повысить самооценку.

Изучая социальные практики нанесения татуировки, можно сделать вывод, что это не самый приятный процесс, происходящий с телом, так как вызывает боль и жжение. Болевые ощущения колеблются от длительности набивания и места. Говоря о гендерном различии болевых ощущений, можно заключить, что женщины переносят боль лучше, чем мужчины. Рассматривая случай, когда со временем татуировка перестаёт нравиться некоторым обладателям, татуировщики и носители сошлись на том, что подобное происходит потому, что личность меняется во времени с течением лет, либо изначально татуировка была некачественно выполнена. Некоторые говорили о том, что проблема в недовольстве татуировкой легко решается - можно просто перезабыть другим рисунком. Прочие респонденты утверждали, что подобное может произойти только с теми, кто изначально необдуманно совершал набивание татуировки, и если человек решается на шаг сделать

татуировку, то он полностью должен проработать идею и быть уверен, что и как будет смотреться на его коже, так как это на всю жизнь. Также в интервью был задан вопрос о моде на татуировку, в ответе на который и тату-мастера и носители придерживались одинаковой позиции, что мода на татуировку существует и изменяется, также как и мода на что-либо другое. Но следовать ей не стоит, нужно набивать то, в чём человек уверен, так как мода пройдёт, а татуировка останется.

Таким образом, татуировка в современном обществе перестала иметь особое значение и выделять человека из толпы, отличая его от остальных виднеющимся клеймом. Татуировки могут отражать различия, различия во вкусах, самовыражении и рода занятий. Комментарии по татуировке колеблется между теми, кто видит татуировки как конкретное выражение социального различия – это социальный акт – и теми, кто видит в ней многообразное, широко распространенное и индивидуализирующее явление.

Bradley, James Body Commodification? Class and Tattoos in Victorian Britain// in Jane Caplan (ed.), Written on the Body: The Tattoo in European and American History, London: Reaktion Books. 2000

De Mello, Margo. The Convict Body: Tattooing Among the American Male Prisoners. Anthropology Today 9 (6): 10–13. 1993.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ И БЕЗРАБОТИЦЫ МОЛОДЕЖИ: В РОССИИ И СССР

Кулинич А.И. (Санкт-Петербург)

На протяжении многих десятилетий, одной из важных и актуальных тем в мировом сообществе, является безработица молодого поколения, с которой сталкивается почти каждый пятый молодой человек. Работа задает определенный «социальный фон» жизни людей, однако во времена социальных изменений, она трансформировалась по-разному.

Социалистическая индустриализация СССР, а также переход распыленного, мелкотоварного крестьянского хозяйства на рельсы крупного промышленного производства во времена первых пятилеток внесли коренные социально-экономические изменения в положение трудящихся, как города, так и села. Успехи развития всех отраслей народного хозяйства за годы первых пятилеток впервые в истории человечества привели к практически полному и окончательному освобождению трудящихся от эксплуатации.

Методы, способы и средства борьбы с безработицей в СССР главным образом отличались от мероприятий буржуазных государств. Капиталистическим странам приходилось постоянно регулировать рынок рабочей силы, а также и систему социального страхования на случай безработицы. Однако этим достигалось в лучшем случае лишь некоторое облегчение последствий данного явления, а не устранение возникающих причин и условий. А вот, советская власть ставила своей главной и конечной целью не поддержание определенного уровня, а полную и окончательную ликвидацию безработицы и повышение занятости населения. Действительно, если мы вспомним о результатах, проведенных мероприятий за годы пятилеток, то поймем, что тогда социально-экономические показатели страны были намного выше и эффективнее, чем в наше время. Тогда в работе был задействован практически каждый, все трудились на благо страны за общую идею, чем сейчас, когда каждый думает только о собственном благополучии и борется за свое место.

Несмотря на финансовые трудности, связанные с индустриализацией СССР, материальная помощь безработным, в том числе и молодежи, увеличивалась за счет разных источников — средств социального страхования, профсоюзов, государственных и местных органов самоуправления. Как мы знаем, наибольшее внимание уделялось мероприятиям по устранению безработицы среди молодежи. Расширение наборов в школы ФЗУ и появление массовых профессий, которые подходили практически каждому, существенно способствовало вовлечению подрастающего поколения в общественное производство. Сотни тысяч юношей и девушек привлекались к учебе, закончив обучение, им сразу же предоставлялись рабочие места, а те, кто еще нуждался в работе и состоял на учете на биржах труда, занимали их учебные места. Осенний набор 1930 г. в школы ФЗУ исчерпал последние ресурсы биржи труда, что понизило возможность возникновения массовой безработицы. Громадный рост промышленности, интенсивное развертывание культурного строительства и успехи коллективизации сельского хозяйства в период 1920—1930-ых годов, сопровождались быстрым вовлечением в производство все большего числа молодых трудящихся. После военного времени, советская молодежь также продолжала

строить социалистический коммунизм, развивать идею общего блага, что все равны друг перед другом. Одной важной особенностью того времени, было издание в мае 1961-го Верховным советом ратификации указа об усилении борьбы с туеядцами и создание комплекса мер по устранению трудовой незанятости как опасного явления. «Паразитирующий» образ жизни был объявлен вне закона, считался главным общественным недугом, и как общественное зло имел всеобщее порицание. Каждый член полезного в масштабе страны общества должен был заниматься полезным в масштабе этого общества трудом. Все иностранные делегации и дипломаты, посетившие Советский Союз за многие десятилетия, неизменно обращали внимание на уверенность всех тружеников нашей страны в своем завтрашнем дне.

Трансформация и изменение занятости населения возникли при переходе к рыночным отношениям в условиях структурной перестройки экономики, которая произошла в начале 90-ых годов, когда СССР поменял федеративный уклад и стал Россией со странами СНГ. Тогда и возникла принципиально новая ситуация социально-трудовых отношений. И хотя молодое поколение в силу своих возрастных особенностей являются носителями передовых идей, у них не всегда получается реализовать себя в производственной сфере. Молодежь, несмотря на то, что быстрее приспосабливается к изменениям, происходящим в окружающей действительности, более мобильна и охотно приобретает новые знания, часто сталкивается с трудностями при вхождении на рынок труда. Основными проблемами за последние почти три десятилетия являются: отсутствие опыта работы, несоответствие навыков и знаний, полученных в учебных заведениях, требованиям, которые предъявляют работодатели. Значимость и массовость высшего образования главным образом связана с общественно-экономическим развитием современной России.

Возникшие в 90-ые года рыночные отношения, требовали большего количества высококвалифицированных кадров, которых на тот момент было совсем немного, определили будущую стратегию образования в стране. В системе трудовой мотивации на первый план возвращаются материальные стимулы, что связано с необходимостью содержания семьи, собственных интересов и потребностей. За последние годы, у молодого поколения добавилось множество проблем с трудоустройством и получением первого профессионального опыта. На данный момент, до 1 января 2017 года в России было чуть более 300 000 безработных в возрасте от 15 до 29 лет. Но за следующие полгода на биржах труда зарегистрировалось около 1 млн. представителей современного поколения. Из обратившихся в службы занятости выпускников вузов и колледжей работу получают только 30%, а это считается серьезной проблемой. Специалисты Росстата отмечают, что в среднем среди молодежи в возрасте 15–24 лет уровень безработицы в июле 2016 года составил 14,8%, в том числе среди городского населения – 14,1%, среди сельского – 16,8%. Безработица среди молодежи 15–24 лет превышает уровень среди людей среднего возраста 30–49 лет в 3,7 раза, в том числе среди городского населения – в 4,2 раза, сельского населения – в 2,6 раза. Большое количество молодежи достигает профессиональной зрелости и экономической самостоятельности лишь к 30-ти годам, то есть практически за пределами молодежного возраста. Важно отметить, что высокий уровень профессионального статуса по таким характеристикам, как квалификация, заработная плата, удовлетворенность работой, отмечен лишь у десятой части работающей молодежи в современной России.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что трансформация занятости населения и изменение массового явления безработицы происходили в связи с переходом от промышленного производства к рыночным отношениям, а также из-за глобальных социально-политических преобразований в нашей стране. Молодые люди на всех возрастных этапах своего развития испытывали ряд трудностей в сфере трудовых отношений, однако в каких-то периодах наше государство принимало более активное участие в помощи и трудоустройстве, а в каких-то менее активное, из-за чего уровень безработицы постоянно менял свои показатели.

1. Арефьев А. Поколение которое теряет Россия // СОЦИС, 2008. – № 8. – С. 97-105.
2. Горелова. Е. Безработных среди молодежи в России в 5 раз больше, чем среди 30–40-летних//Ведомости. 2015. №10. С.42-48.
3. Занятость и безработица: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/# (Дата обращения 4.04.2017).
4. Усманова Э.З., Рабцевич А.А. Проблема занятости и безработицы молодежи в современном обществе // Научный электронный архив. URL: <http://econf.rae.ru/article/7315> (Дата обращения: 08.10.2017).

ЗНАКОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Кулько Е.И. (Горки, Республика Беларусь)

Аннотация. Грамотно организованный процесс образования способствует развитию общечеловеческих ценностей, помогает человеку адаптироваться в обществе, развивать свою индивидуальность, выбирать социальные роли и свободно проявлять себя в них. Педагогический процесс направлен на формирование социально активной, всесторонне образованной, гуманной личности, которая умеет проявлять свою индивидуальность.

Для современного образования характерно проявление двух особенностей: первая – абстрактная универсализация, сегодня ведет к сближению национальных образовательных систем и вторая отличительная черта – движение в сторону сохранения и развития национальных основ образования, возрождения традиций как источника духовных ценностей.

Духовное развитие человека не может осуществляться вне религиозных установок и, в свою очередь, является необходимой теоретической предпосылкой педагогического процесса. "К духовному росту, нельзя прийти через развитие психических сил – интеллекта, воли или чувств, хотя духовная жизнь и опосредуется этим развитием душевной периферии" – писал В.В.Зеньковский. Принцип целостности в воспитании, предполагает всестороннее развитие человека, реализацию всех его сил – эстетических, интеллектуальных, нравственных [1].

При всех различиях понимания духовности и духовного, связанных с традициями светской и религиозной мысли, общим для них является признание ее высшим уровнем самореализации личности, на котором основными мотивационными регуляторами ее жизнедеятельности становятся "вечные" идеалы. Духовное становление предполагает ориентацию на широкое многообразие духовных ценностей, направленность на осознание связи вещей и всех явлений.

Особенности истинно духовных ценностей возможно оценить в рамках концепции субъектно-объектных отношений. Ценность имеет многоуровневую структуру и выражает общие типы взаимодействия между субъектами любого уровня (от личности до общества в целом). Межсубъектные отношения опосредованы нормой и идеалом, которые взаимосвязаны. Духовные ценности наиболее типично проявляются в религии, искусстве, нравственности.

Ключевая характеристика ценностных отношений в том, что они включают в себя не только норму, но и желаемое, связанное с добровольным свободным выбором, душевным стремлением. Они выражают такие отношения между людьми, которые собирают их в общность любого уровня: семью, коллектив, нацию, государство. Отсюда следуют основные свойства ценностей, определяющие их роль и функции в обществе: внутренняя свобода самопредопределения; социальная значимость материального носителя, имеющего ценностную основу; невозможность логического доказательства наличия или отсутствия отношений ценностного уровня. Именно эти признаки образуют в структуре социального субъекта (личности, народа) духовный стержень, ценностные отношения определяют глубинные основы народной жизни.

Анализ изменений, происходящих в современном обществе, показывает, что в их основе лежит конкретная система ценностей, понятных для Европы, но исторически чуждых российской цивилизации. Жизнь народов вариативна и обусловлена совокупностью факторов: природно-климатическим и географическим положением, социально-хозяйственными условиями и др. Установление общего миропорядка, единого образа жизни, стандартизированной системы нравственных ценностей невозможно. России нужен свой путь, соответствующий менталитету народа, его нравственным ориентациям и установкам.

Сфера образования является источником духовного, нравственного, интеллектуального, культурного и профессионального развития отдельной личности и в целом этноса. Кризис, охвативший все наше общество, очень губителен для молодого поколения. Поиск конструктивных вариантов выхода из сложившейся ситуации связан с ответом на вопрос: есть ли в российской педагогике принципы национального образования? Определяющее начало отечественной школы, ее почва, живой корень – русское православие. С ним связаны традиции подлинного образования в России, так как "выше того не выдумать, что уже есть в Евангелии..." [1]. Современное сознание с трудом воспринимает эту мысль. Однако фундаментом отечественной новой школы является русская культура. Чтобы преобразовать общество, нужно обеспечить взаимодействие современной науки и православия. Без интеграции православной веры и светского знания не преодолеть духовного кризиса в обществе.

Национально-государственная идеология должна содержать в себе фундаментальные нравственные ценности и моральные ориентиры, идеалы народного бытия. Они коренятся в

религиозной сфере человеческого сознания. Именно религия отвечает на вопросы о добре и зле, о добродетелях и пороках, о смысле жизни и человеке. Кризисное положение общества и школы является следствием многосложных причин, важнейшие из которых: духовная ослабленность народа и обеднение его творческого потенциала. Налицо нехватка самобытных, дальновидных людей, обладающих развитым интеллектом, духовной силой.

В России сегодня на фоне свободы слова личность подавляется так же, как и в тоталитарные времена. Единомыслие насаждается средствами массовой информации. Качественное отличие нынешнего периода развития цивилизации состоит в том, что впервые объектом человеческой деятельности стало формирование и изменение сознания. Информационные источники отрицательно действуют на ум, чувства, воображение подрастающего поколения. Итог воздействия манипуляций на сознание – ослабление самостоятельности, повышение внушаемости. В этих условиях образованию необходимо оградить молодое поколение от негативного влияния СМИ.

Основной целью учреждений образования долгое время было передача учащимся знаний, умений и навыков. Школа, по нашему мнению, не придает проблеме умственного воспитания должного значения. Усиливается противоречие между возрастающим объемом знаний и ограниченным временем обучения. Решение данной проблемы связано с рациональной организацией умственной деятельности школьников, способствующей развитию их продуктивного мышления. Время требует активизации творческого потенциала личности. Русский народ богато одарен от природы художественно, интеллектуально, религиозно. Но за всю историю его существования у него не было школы полноценного умственного воспитания. Отсюда – существование двух полюсов. На одном из них – величайшая мудрость, породившая не только великую гуманитарную культуру, но и культуру точных наук и технических свершений, на другом – много "умственно неквалифицированной массы" (И.П.Павлов). Россия, блистая гениями во всех сферах духовной культуры, практически никогда не имела достойного качества жизни, не обладала совершенной технологией труда, обустроенностью быта. Разрыв между уровнем развития культуры и уровнем цивилизации накладывал свой отпечаток на интеллектуальный и духовный облик личности.

В России вопросам умственного развития уделялось гораздо меньше внимания, чем духовным и нравственным аспектам человеческой деятельности. Русский народ на протяжении всей своей истории не имел школы научного образования, в основе которой – поиск истины. Сегодня самая неотложная национальная потребность – это повышение интеллектуального потенциала и умственной "квалификации" людей. Проблема умственного воспитания школьников все еще остается нерешенной. Более того, реальный учебный процесс противоречит объективным законам познания. Знания учениками усваиваются в "готовом" виде, что не соотнобразуется с законами психического развития.

Задача современного обучения состоит в том, чтобы сделать человека не только образованнее, но и умнее. Необходимо научить детей самостоятельно ставить вопросы, искать ответы на них. Используя все имеющиеся педагогические средства, нужно работать над повышением культуры ума школьников. Современная школа должна стать вопрошающей. Время умственного иждивенчества, легковёрности прошло. Сегодня возникли сложнейшие вопросы, на которые нет ответа ни у тех, кто учит, ни у тех, кто учится.

Будущее отечественного образования тесно связано с направленностью на духовное, нравственное, эстетическое и интеллектуальное развитие учащихся в ориентации на национальные идеалы. Полноценное умственное воспитание, приоритет духовных ценностей, правомерность религиозного мировоззрения, опора на культуру – знаковые ориентиры современной школы.

1. Зеньковский В. В., *Проблемы воспитания в свете христианской антропологии* / В. В. Зеньковский – М., 2013. – 260 с.

ПРОЦЕССЫ МАКДОНАЛЬДИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОЯВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ

Кунилова К.Д. (Курск)

Макдональдизация – феномен современной глобализации, который появился и воспроизводится благодаря коммуникативным связям различных частей мира. Но, несмотря на внешнюю структурную и функциональную схожесть в проявлении, макдональдизация как новая парадигма рациональности все же специфична в различных социокультурных контекстах. Особенно это касается своеобразия скрытых (латентных) последствий, которые обуславливаются несколькими факторами. Эти факторы были сведены к трем:

- уровень развития институциональных структур и их функций в парсоновско-мертоновском понимании;
- особенность системы ценностей и норм, включая ценностный характер предшествовавших парадигм рациональности;
- своеобразие общественного сознания и ментальности населения, а также характером микросоциальных практик людей.

С учетом анализа латентных и непредвиденных последствий макдональдизации в России нельзя ни абсолютизировать рациональную и социальную особенность россиян, ни игнорировать их глубинные бессознательные корни. Важно также учесть особенности нашего национального и общественного характера, черты российского менталитета, который развивается под воздействием архетипов жертвенности и сострадания. Также нашему характеру и менталитету нередко приписывают такое качество, как иррациональность, что, в некотором смысле является ошибочным, но все же имеет место быть.

Типичные черты макдональдизации – эффективность, контроль, быстрота и планирование – все они с трудом сочетаются с заложенными в нашем менталитете склонностью к подвижничеству (самоотречению с целью самосовершенствованию), самовыражению, доверительному общению. Для россиян трапеза – это не только поддержание своего физического здоровья, но и духовного и душевного. Именно в процессе трапезы возможна преемственность ценностей между поколениями, именно за столом люди разделяют все эмоции – и радостные, и грустные.

Можно сказать, что в России макдональдизация обрела двойную фактичность. С одной стороны, возникли и получают развитие макдональдизированные экономические и хозяйственные, социальные и политические реалии, которые, в зависимости от своего характера, влияют на общественное сознание и поведение людей. Макдональдизированные институты через производство и распределение ценностей утверждают, упорядочивают и поддерживают структурированное ролевое поведение индивидов, делая его более предсказуемым и подконтрольным.

С другой стороны, есть «жизненные миры» конкретных социальных групп россиян, которые, согласно феноменологической парадигме, предстают в виде субъективных значений, коллективных представлений, смысловых систем и знаний. Под тяжелым натиском глобализации происходит плюрализация жизненных представлений и культурных стилей, но при этом базовые, архетипические черты нашей ментальности сохраняются достаточно целостными. Но на них по-прежнему оказывают влияние макдональдизированные институты.

Важно учитывать способность макдональдизации на макроуровне взаимодействия с общественным сознанием и макросоциальными практиками, тогда возможно будет понять результирующую составляющую социокультурной динамики процесса макдональдизации. Если макросоциальные практики входят в состав макроструктур общества, то общество обретает устойчивое социальное равновесие. Но, например, в России микросоциальные практики, будучи в основе патерналистского (патернализм – система отношений, при которой власти обеспечивают наши потребности, а в обмен мы позволяем им диктовать нам модели поведения, как публичного, так и частного), эмоционального и романтического толка не могут быстро адаптироваться к нововведенным, уникальным для россиян макдональдизированным институтам, то может возникнуть anomia, расколотость и парадоксальность общественного сознания, столь характерные для нашего времени.

История России знала лишь субстанциальную реальность, на которую легко накладывались и практика самодержавия, и практика демократического централизма партийно-

государственных структур. Отсутствие глубоких традиций формальной рациональности объективно препятствует процессу макдональдизации.

Но, тем не менее, макдональдизация, хотя и противоречиво, приходит и в наши российские реалии. Очевидно, что в России, как и в США, идет процесс макдональдизации университетов и школ. Приведу в качестве примера цитату из доклада Я.И. Кузьмина и И.А. Фрумина «Российская школа: оптимистическая модернизация»: «Сегодня можно утверждать, что российская система школьного образования в основном влилась в общее движение «нормальных» образовательных систем». Это утверждение основано на мнении западного источника – докладе компании МакКинзи, в котором говорится следующее: «Сегодня российская система образования в целом относится к «неплохим» образовательным системам» [1]. Вероятно, здесь имеется в виду «неплохо» макдональдизированный институт. Здравоохранение также подвергается процессу макдональдизации. Классический пример тому – применение конвейерной технологии при проведении операций по замене суставов или при проведении глазных операций, когда помощь оказывается одновременно десяткам пациентов: это выходит гораздо дешевле, эффект гораздо выше, обеспечение контроля за выполнением всех шагов в операционном и послеоперационном лечении стало легче. Макдональдизация просочилась и в институт семьи, который строится на более прагматичной основе, на планировании деторождения. Макдональдизируется сфера отдыха. Но, в случае с отдыхом, сохраняются особенности нашей ментальности.

Можно сказать, что в России имеет место развитие процессов макдональдизации, они четко выражены и мы можем, при более детальном рассмотрении, проследить их ход в повседневной жизни. Но, тем не менее, на их пути лежат препятствия, которые выражаются в бюрократизме, коррупции и стремлении извлекать прибыль не заботясь о качестве выпускаемого товара. Наше общество достаточно открыто для новых веяний, у нас не происходит прибыльного производства макдональдизированных структур из-за неустойчивости и экономической неэффективности современного российского общества.

Если говорить о последствиях макдональдизации, то они достаточно спорны. Ее позитивное влияние может быть усилено, а негативные последствия минимизированы, если в российском обществе появятся и другие типы рациональности, в которых будет востребован человек, который действует, который творит добрые поступки. Социологи весьма оптимистичны по этому поводу. Например, французский социолог А. Турем в книге «Возвращение действующего человека» видит задачу социологии в том, «чтобы прорвать стену мертвых или извращенных идеалогий, а также иллюзии частого индивидуализма или ослепительного декаданса, чтобы помочь увидеть действующее лицо и услышать его слова» [2].

1. Громыко Н.В. Оптимистическая модернизация = «макдональдизация»? . 2013 [Электронный ресурс] URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1224.htm (дата обращения: 17.08.2017 г.)

2. Цой Л.Н. Практическая конфликтология: проблемы и перспективы. // В контексте конфликтологии. М.: «Институт социологии РАН», 2007. С.132

ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И «Я»: ПРОБЛЕМА ЭПОХИ ПЕРЕЛОМА В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ ПЕРВОГО ПОСТСОВЕТСКОГО ПОКОЛЕНИЯ

Кутыкова И.В. (Санкт-Петербург)

Аннотация:

Рассматривается вопрос развития личностной культуры отношения к истории в контексте исторической культуры как фактора формирования и развития исторического сознания человека и общества. На основании результатов исследования исторического сознания и самосознания первого постсоветского поколения, полученных в период с 2006 по 2015 гг., представлены приоритетные направления приобщения «я» к исторической культуре, выявлены его динамические и статические аспекты. В центре внимания проблема исторической культуры человека первого постсоветского поколения, в чьем сознании и судьбе отразились последствия социально-исторической трансформации конца XX – начала XXI вв., имеющей революционный характер.

Формированию и развитию личностной культуры отношения к истории способствует посещение музеев и выставок, являющихся частью исторической культуры. В свою очередь историческая культура предстает средством формирования и развития исторического сознания и самосознания. Какую тематическую выставку желают посмотреть представители первого постсоветского поколения, или поколения 1990-х? Результаты, полученные на протяжении 2006–2015 гг., позволяют ранжировать воображаемую выставку на тему истории: искусства и техники,

моды, нравов, быта, какой-либо профессии. Взрослея, студенты университета технического профиля подготовки специалистов, все более интересуются историей техники, сохраняется интерес к истории искусства и нравов, снижается интерес к истории моды. Наряду с предпочтительным ответом студенты, завершающие обучение в университете, отмечают историю искусства, быта, техники, нравов и профессии.

Полученные результаты позволяют выявить различия приоритетных желаний молодежи, связанных с посещением выставки на тему истории. Для представителей поколения начала 1990-х характерно внимание к выставке на тему истории моды, искусства, нравов, техники и быта, какой-либо профессии. Иные темы выставок: «история мировой политики», «история холодного оружия», «история футбола» (первокурсники, 2006 г.) и история «фотографии», «гитары», «музыки», «города», «войн», «религии», «история обычаев Древнего Египта» (первокурсники, 2010 г.); «история музыки», «история фотографии» (второкурсники, 2006 г.) и история «фотографии», «история культуры, языка», «медицины», «автомобилей» (второкурсники, 2010 г.) Молодежь, принадлежащая поколению второй половины 1990-х, отдает предпочтение выставке, посвященной истории техники и искусства, нравов, затем истории моды, быта, профессии. Примеры других тем выставок, привлекающих респондентов: морские сражения, военная история, все (2013); главным образом, «все», затем «история медицины», «оружия» (2014 г., студенты-технологи); «войны», «военное искусство», «медицины» (2015 г., студенты-медики). В течение четырех лет стремительно возрастает интерес молодежи к истории техники и искусства, нравов. Из предложенных респондентами других тем выставки следует, что молодежь интересуется также военной историей и историей медицины, при этом независимо от приобретаемой специальности. Школьники России и Эстонии, принявших участие в опросе 2013 г. привлекают выставки на тему истории техники и искусства. Респонденты Санкт-Петербурга, выбирая преимущественный ответ, одновременно упоминают выставку на тему истории искусства, техники, какой-либо профессии, быта, нравов и даже выживания.

Представители поколения второй половины 1990-х расширяют перечень тем, дополняя предпочтительную тему выставки несколькими другими, не менее привлекающими их внимание. Например, школьники в 2013 г. одновременно с основным ответом называют выставки на тему истории искусства, техники, какой-либо профессии, быта, нравов и даже (!) выживания. Большинство студентов технического и медицинского университетов одновременно отмечают выставку на тему истории быта, техники, искусства и какой-либо профессии, нравов, моды (2014); искусства, быта, какой-либо профессии, нравов, техники, моды (2015).

Примечательны некоторые черты «общего» и «специфического», присущие историческому сознанию молодежи в данном вопросе. Школьники десятого и одиннадцатого классов выражают единодушие, выбирая посещение выставки на тему истории моды. Студентов технического и медицинского университетов объединяет интерес к истории моды и какой-либо профессии. Такая общность позволяет заметить, что потребность посещения выставок, посвященных истории моды, имеет для «детей» потребительского общества все же непреходящее значение.

Различия проявляются в том, что студенты-первокурсники интересуются больше историей моды и быта. Внимание студентов второго курса привлекает история нравов и быта, через четыре года – история искусства и нравов. Учащиеся десятого класса больше обращают внимание на историю нравов, а школьники одиннадцатого класса – на историю техники и искусства. Если для студентов-медиков больший интерес связан с историей нравов, быта и искусства, то для студентов-технологов – с историей техники. С выставками, посвященными истории нравов, быта, искусства и техники, моды, связаны различия в позициях респондентов первого и второго курсов, десятого и одиннадцатого классов. Преимущественно тема нравов, искусства, быта становится актуальной для взрослеющих студентов.

«Прекрасное», «повседневное», «практическое» образуют триаду ценностных ориентаций молодежи поколения 1990-х в системе отношений «современник-история», в контексте приобщения к исторической культуре. Принимая во внимание данные потребности новых поколений, при организации выставочной деятельности учреждениями культуры и другими агентами социализации и исторической культуры нельзя не учитывать выраженность эстетических, прагматических и этических аспектов организуемых экспозиций и выставок.

Благотворное влияние на человека «эстетического» и «этического» в их целостности трудно переоценить. Посредством приобщения к ним осуществляется чувственно-образное, интеллектуальное и нравственное воспитание личности. Человек в условиях информационной цивилизации с доминирующим в ней технико-технологическим фактором, испытывающий

духовные последствия социально-исторической трансформации конца XX - начала XXI вв. обречен на риски: «потери» красоты и гармонии чувств, в их становлении и проявлении; невыразительности образного восприятия действительности; притупленности нравственного начала. При этом собственно «человеческое» в человеке – духовно-нравственное начало. В связи с абсолютизацией индивидуализма и прагматизма в условиях рыночных социальных отношений существует еще один риск, связанный с отчуждением от «коллективного», «мы». Как отмечают исследователи ценностных ориентаций молодежи влияние «державно-патриотической идеологии» на ее сознание возросло, хотя выше ценностей «Родина», «Отечество» участники исследования ставят ценности личного блага, индивидуального успеха и комфорта [1, 88]. Возникает тогда коллизия «народное, вечное и индивидуальное, мгновенное», требующая плодотворного преодоления в соответствии с ментальными основаниями, отечественным историческим опытом и культурным наследием.

1. Петров А.В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений / А.В.Петров // Социологические исследования. – 2008. – № 2. – С. 83-90.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ЮГА РОССИИ

Лещинская С.Н. (Сочи)

На протяжении последних двух десятилетий Россия претерпевает сложный процесс системных преобразований, в результате которого в обществе актуализировались старые, ранее скрытые и появились новые проблемы социокультурного характера. Массовые трансформационные процессы в ключевых областях жизнедеятельности российского общества – экономике, политике, социальной и духовно-нравственной сферах – повлекли за собой другие процессы, в том числе и дезорганизационные. В силу того, что ценностно-нормативные ориентации, формируя ценностно-нормативную модель личности выступают важным фактором, обуславливающим мотивацию действий, они могут укреплять как социальную, так и антисоциальную линию поведения, особенно в молодежной среде. Различные социальные отклонения в современном обществе, а именно изменение ценностно-нормативных ориентаций – системное социокультурное явление, требующее междисциплинарного и парадигмального анализа. Рост преступности, правовой нигилизм выступают своеобразным фоном социального бытия в условиях трансформирующегося общества. Следствием деформации детско-родительских отношений в семье становится рост детско-подросткового одиночества, что провоцирует, во-первых, значительный уровень подросткового суицида, а во-вторых – рост разнообразных аддикций, в том числе информационных (зависимость от социальных сетей и т.п.).[1; 26]

Дисбаланс социальной устойчивости современного российского общества включает параметры: нарастание условий криминогенности и определенных рисков, разрыв преемственности в русской культурной традиции, утрата национальной идентичности, конфликт нормативно-ценностных ориентаций, социальная ущербность. В этих условиях нарастает угроза безопасности современного общества, люмпенизации большей части населения.

Опасность искажения ценностно-нормативных ориентаций заключается в институционализации более опасных видов негативных социальных отклонений, в появлении социокультурных делинквентных практик, в увеличении доли молодежной и женской преступности. При этом изменяется не только структура преступности, но и, как следствие, ее функциональная роль. Перестройка структуры преступности приводит к появлению качественно новой системы со своими элементами, их специфическими взаимосвязями. Согласно многочисленным исследованиям, проведенным на Юге России, в условиях трансформации общества происходит увеличение доли корыстных преступлений, что свидетельствует о нарастании ее общественной опасности в обществе. Преступность проникает все глубже в различные сферы жизнедеятельности общества, охватывая при этом все большее количество индивидов, групп и т.п. Особенно важно, что преступность стремится легализоваться. В связи с этим, появляется такое свойство преступности как мимикрия, т.е. способность создавать видимость сходства с правомерными, полезными проявлениями. Проявлением мимикрии является легализация преступной деятельности, которая означает придание законного вида, как самим

преступным деяниям, преступной деятельности, так и доходам, полученным в результате совершения преступления, в том числе с использованием государственных институтов или институтов гражданского общества.

Система ориентиров, статусов и ролей, возникающая в ходе стихийной социальной практики стимулирует возникновение и развитие определенных специфических норм поведения, символов, атрибутики, ритуалов, правил, которые начинают закрепляться и оформляться как нормативные предписания. В особенности это просматривается в ценностных ориентациях молодого поколения. Система регуляторов поведения людей включает в себя механизм социального контроля за соблюдением принятых в данном обществе, социальной группе, семье ценностей и норм поведения. Способность культуры общества сохранить свою целостность, устойчивость зависит от того, что и как и насколько эффективно контролируется в рамках культуры. Стоило бы отметить о социальной наследственности, поскольку она связана с неадекватным отражением в сознании людей процесса развития и функционирования новых общественных отношений. С ней связано воспроизводство как позитивных, так и негативных сторон образа жизни людей. Механизм социального наследования не лишен противоречий. Одно из них заключается в том, что предметом преемственности становится не только нормальный, но и негативный жизненный опыт, который посредством социальной информации передается от поколения к поколению. В данном случае убеждения, ценностные взгляды и настроения, сложившиеся на предыдущем этапе общественного развития, нередко вступают в противоречия с новыми условиями, а в ходе практической деятельности искусственно оживляются или спонтанно возникают представления, которые односторонне и зачастую тенденциозно трактуют прошлый исторический опыт, смысл и направленность осуществляемых преобразований. [2; 88].

Одним из наиболее важных аспектов обеспечения социальной безопасности российской молодежи на Юге России, является понижение уровня аномии в нем. Но резкий ценностный разворот, сопровождающийся падением уровня общественной нравственности, люмпенизации большей части населения, возросшая нисходящая мобильность, неработающие «социальные лифты», иные коммуникационные и информационные возможности людей, культивирует значительный рост делинквентных практик.

Делая акцент на проблемах молодежи, хотелось бы подчеркнуть, что трансформация ценностно-нормативных ориентаций молодежи – процесс, проникающий в массовое сознание, отражающийся в формировании специфических установок, ориентаций, настроений и в итоге, в девальвации духовных ценностей. Таким образом, очевиден кризис общества в целом, пораженного корыстолюбием одних индивидов и стремящихся к элементарному выживанию других.

Индикатором является изменение ценностей и закрепление новых социальных норм в современном обществе. По сути, деформация всех форм общественного сознания, прежде всего правосознания молодежи, которая, в отличие от людей более старшего возраста, еще не имеет достаточного жизненного опыта. Такой феномен, как деформация ценностно-нормативной системы общества, социально-психологического кризиса массового сознания, в том числе и молодежи, определяется вследствие девальвации духовных ценностей и имеет такую негативную тенденцию, как распространение аномии в молодежной среде как основы криминализации всех сфер общества.

Таким образом, трансформация ценностно-нормативных ориентаций обусловлена действиями ряда объективных и субъективных факторов. К числу объективных факторов можно отнести изменяющуюся информационно-коммуникативную среду (развитие сети Интернет, духовно-нравственный кризис, исчезновение дворовой культуры, виртуализация повседневных взаимодействий и др.); к субъективным (несформировавшаяся система социокультурных координат молодежи, аффективность молодежного сознания).

Если кратко, то суть этого процесса складывается к прагматической деформации мотивов молодежи – участников социальных практик. Трансформация ценностно-нормативных ориентаций в молодежной среде порождает дестабилизацию отношений в обществе, развитие различных криминогенных детерминантов влияния на массовое сознание, что неминуемым образом угрожает социальной безопасности всего российского общества и как следствие вызывает социокультурный кризис.

В данном контексте можно утверждать, что определенный вклад в процессы деформации общественного сознания общества вносит состояние мировоззренческого и ценностного вакуума в

современном обществе, возникшего в результате крушения традиционной государственной идеологии и слабого развития гражданского общества.

1. Кулешова С.Н. Криминализация молодежной среды российского общества: социокультурный аспект. Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2009.- 17с.
2. Девiantное поведение в современной России: алкоголь, наркотики, молодежный экстремизм (концепции и исследования)/ Т. А. Хагуров, М. Е. Позднякова, В.Н.Ракачев, Л. Н. Рыбакова, Т.В.Чекинева, А.П.Резник, С.Ю.Любин, Е. А. Войнова, Н.В.Мелешко, Н. Е. Хагурова / – М.: Институт социологии РАН. 2014. – 200 с.

ОБРАЗОВАНИЕ В СИСТЕМЕ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Липатова М.Е. (Москва)

Современное мировое сообщество вошло в эпоху глобализации еще в XX веке, когда начался процесс вхождения человечества в единую систему социально-экономических, политических, культурных и др. отношений. И до сегодняшнего дня это процесс ещё не завершён. Сам термин в научную мысль и современный научный лексикон вошёл в 80-е гг. прошлого столетия и до сих пор не имеет чёткого определения. В широком смысле, под глобализацией понимается сам процесс формирования единой системы в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Однако, в силу того, что это сложный, динамичный, расширяющийся процесс с большим количеством элементов, имеющий различные проявления, сопровождающийся часто противоречиями и конфликтами, существуют различные подходы к пониманию сути и основных характеристик, которые и находят своё выражение в большом количестве определений. Обобщая существующие определения, исследователи предлагают некоторое сводное понимание данного феномена: «глобализация есть процесс становления единого взаимосвязанного и взаимозависимого мира, формирования универсальных человеческих принципов и ценностей» [2, 31].

Формируется новая среда, характеризующаяся большей открытостью, активной миграцией, свободой выбора места жительства и работы, взаимозависимостью, распространением и поддержанием свободы личности и прав человека, бурным ростом информатизации и технологий связи, формированием принципиально новых типов коммуникации и др. Некоторые исследователи выделяют наиболее существенные общие черты глобализации в зависимости от сферы, которая в фокусе внимания [3, 229]. Среди наиболее значимых процессов, которые затронули подавляющее большинство стран мира, можно отметить распространение единого типа экономики и слияние рынков, глобальных средств массовой коммуникации и информации, возникновение транснациональных корпораций, появление мировой валюты, мирового банка, особая роль международных организаций и международного права в регулировании отношений между различными акторами на мировой арене и др. Процесс глобализации также затронул социальную сферу, сферу культуры и образования, где отмечается усиление международных связей.

Ускорение жизни меняет восприятие и сознание человека, формирует ориентацию не на устойчивые связи с окружением, а на временные, быстрые, не требующие усилий по их поддержанию отношения. Субъективное представление о внешней среде, существующие образы внешнего мира в сознании индивида, он получает из личного социального опыта, а также благодаря разнообразной информации, которая его окружает и поступает как от других людей, так и из средств массовой информации. Исходя из личного представления о мире и наличных знаний о нём, или в той или иной степени обоснованным мнением, человек принимает решения, строит планы, представляет желаемое будущее и ставит перед собой цели. Серьёзные затруднения возникают при расхождении между существующими личными представлениями и реальностью.

В условиях трансформационных процессов серьёзные изменения касаются и системы ценности, существующей в обществе. Как отмечал Э.Тоффлер: «Оборот» ценностей сейчас происходит быстрее, чем когда-либо в истории. В прежние времена человек, выросший в каком-либо обществе, мог ожидать, что общественная система ценностей останется в основном неизменной в течение всей его жизни; гарантировать такое утверждение сейчас нельзя...» [5, 330].

Вследствие этого, делает вывод исследователь, сегодня общие и личностные ценности носят временный характер, и эта тенденция будет только усиливаться.

Наша страна присоединилась к глобализационным процессам после распада Советского Союза и во многом восприняла не только определённую систему отношений, став членом различных международных организаций, но и активно развивает торговые, экономические, политические, миграционные, туристические, культурные и иные контакты. Наряду с этим произошла серьёзная трансформация ценностной системы граждан, мировосприятия и мировоззрения. Произошёл поворот от доминирования ценностей коллективизма, целей совместного строительства коммунистического общества над частным интересом, к индивидуалистическим ценностям, значимости личности и её интересов. Однако, несмотря на проникновение по сути западной системы ценностей в наше общество, старшее поколение сохранило приверженность традиционным ценностям и тем самым способствовало их передачи молодёжи.

Этим обуславливается и то, что среди значимых ценностей, которые выделяют сегодня молодые люди, присутствуют как ориентация на себя (целеустремлённость (75,5%), свобода, независимость (70,4%), самореализация (74,7%), достижение профессионализма (70,3%), сохранение и поддержание здоровья (80,4%), материальный достаток (62,9%), так и на ближайшее окружение (ценность семьи, любовь к родителям (86,3%), дружба, любовь и доверие (87,5%), честность и порядочность в поступках (80,2%) и др.). В десятку наиболее важных ценностей входит и образование (63,3%) [1]. Оно не теряет своей важности для современных молодых людей. Получение хорошего, качественного образования рассматривается сегодня практически каждым вторым опрошенным молодым человеком как один из важных факторов достижения, поставленных перед собой целей и успешной реализации планов.

Признавая важность и ценность получения образования, молодые люди, согласно исследованиям, не всегда готовы ориентироваться исключительно на высшее образование. Так согласно опросу 2013 г., среднее специальное образование является не менее конкурентоспособным, чем вузовское. По мнению 70% опрошенных человек с дипломом о среднем специальном образовании может зарабатывать не меньше выпускника ВУЗа. Для 65% среднеспециальное образование зачастую не уступает высшему, хотя многие его и недооценивают. По сравнению с 2008 годом доля людей, считающих, что значимость высшего образования преувеличена и без него возможно сделать удачную карьеру и устроить свою жизнь возросла с 45% до 54% [4].

Глобализация предполагает реализацию и распространение таких качеств, как готовность и умение работать с большими объёмами информации. Отсутствие жёсткой привязки к определённой территории для проживания и работы. Человек становится «гражданином мира», следующим общеуниверсальным правилам поведения и руководствующийся единой универсальной системой ценностей. Молодёжь должно уметь справляться со всеми вызовами, с которыми сталкивается независимо от той культуры, частью которой она является. Получение образования вооружает не просто набором инструментальных навыков и компетенций, но и формирует определённый стиль мышления и мировоззрения, позволяющий самостоятельно решать возникающие проблемы и ставящиеся задачи. Расширение границ и открытость образовательного пространства позволяют сегодня получать качественное образование в любой точке мира, приобщаясь к мировому опыту и культуре.

1. Авторское исследование «Жизненные стратегии молодёжи» (2014-2015 гг.) (N=764).
2. Гизатова Г.К., Иванова О.Г. Глобализирующийся мир: Россия в ситуации выбора // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Том 148. кн. 1. 2006.
3. Пензина Е.В. Феномен глобализации: глобализация и вестернизация // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. № 8. 2012.
4. Пресс-выпуск № 2399 (10.09.2013) «Без какого диплома не добиться успеха в жизни? Россияне о вузовском и среднем специальном образовании». Адрес: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114462>.
5. Тоффлер Э. «Шок будущего». М.: Издательство АСТ, 2002.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ ЗА РУБЕЖОМ: ОСОБЕННОСТИ СОХРАНЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Лукичева Л.Ю. (Ульяновск)

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №15-33-01044а1

В эпоху глобализации каждое общество сталкивается с актуальным вопросом самоидентификации и идентичности. Российское общество не исключение. Основной задачей нашего общества на сегодняшний момент является формирование этнокультурной, социальной, гражданско-правовой идентичности современной молодежи, подверженной процессам открытости мирового пространства, безграничной мобильности. В рамках поддержанного РФФИ проекта № 15-33-01044а1 «Социокультурная идентичность русскоязычной молодежи за рубежом: проблемы воспроизводства и сохранения этнической преемственности» было проведено несколько прикладных социологических исследований, посвященных выявлению уровня сформированности этнокультурной и общегражданской идентичности современной российской молодежи как внутри страны, так и за рубежом, а также анализ способов сохранения и воспроизводства социокультурной идентичности. В III квартале 2017 года было проведено стандартизированное интервью с молодыми мигрантами – выпускниками российских ВУЗов, проживающих за границей не более 3х лет. В качестве предмета выступала специфика процесса сохранения этнокультурной идентичности российской молодежи за рубежом. Перед исследователями стояли следующие задачи: выявить желание мигрантов сохранять и передавать русскую культуру и культуру своего этноса последующим поколениям; проанализировать социальное самочувствие мигранта через понятия свой/чужой и определить особенности этнокультурной самоидентификации; определить с явные и латентные механизмы воспроизводства и сохранения своей культурной и этнической идентичности у современных мигрантов.

Проанализировав данные исследования, можно зафиксировать желание современных мигрантов сохранять и передавать русскую культуру последующим поколениям. Мигранты придерживаются точки зрения, согласно которой дети должны знать культуру обоих родителей, говорить на нескольких языках, но быть адаптированы с рождения к культуре страны проживания. Русскую культуру без сомнения мигранты хотели бы привить своим детям. Это возможно сделать, по мнению респондентов, через язык, знание истории и литературы, традиции, книги на языке оригинала, сказки, мультики, живопись, музыку, фольклор.

Внешние атрибуты русской культуры не являются основополагающими. В доме хранятся такие предметы русской культуры как иконы, матрешки, книги, платки, украшения, посуда, красная икра и водка. В основном мигранты не придают значению данным вещам как символу русской культуры, они используют их в качестве повседневного функционала, как презент для друзей иностранцев, как память о близких. Повседневный образ жизни при переезде существенным образом отличается от образа жизни в России. Мигранты отмечают больше возможностей для разностороннего и активного отдыха за рубежом, чем в России. Под отдыхом с национальным колоритом мигранты подразумевают «отдых в деревне с рыбалкой и баней», «это, наверно, то, что приходит первое в голову - шашлыки, водка, алкоголь. Видимо клише такое», «пикник, шашлыки, баня», «масленица, гуляния зимой, шашлыки на природе». Блюда национальной кухни современные мигранты готовят и любят, однако делают это не так часто, т.к. это весь трудозатратно по времени («проблема русской кухни в том, что она какая то медленноватая»).

В вопросах самоидентификации современные мигранты подвержены процессам ассимиляции. Часть опрошенных чувствуют принадлежность к местной культуре больше, чем к русской («я - русская с нотками чешских влияний»). Другая часть мигрантов, по-прежнему, ощущает себя русскими («я был и остаюсь русским»). Есть те, кто причисляет себя к представителям космополитизма, а также те, кто пока определяет себя в качестве мигранта («Я эмигрантка из России, я этого не скрываю, а вполне себе горжусь»). Этнос является более значимым в жизни мигрантов по сравнению с религией. Однако, поиск «своих» за рубежом для современных мигрантов не является целесообразным. Современные мигранты хорошо интегрированы, у них преобладает ощущение комфорта и безопасности (чувствуют себя социально защищенными). Респонденты осознают, что они непохожи, но не испытывают при этом отрицательных эмоций.

Отличительные особенности русского этноса в глазах современных мигрантов носят в основном позитивный характер. Среди положительных особенностей были выделены следующие: трудолюбие, устремленность, желание перепрыгнуть самих себя, открытость и прямолинейность, находчивость, эмоциональность, трудолюбие/трудоголизм, активность, доброта. Среди негативных особенностей менталитета опрошенные назвали «неумение работать/учиться без внешнего контроля, откладывать дела на последний день», наглость, безбашенность, двойственность.

Единогласны современные мигранты и в определении термина «дом». Под домом понимается место, где живет семья, родные и близкие. При территориальном обозначении данного места мнения респондентов разделились: большинство определило это как «дом здесь и сейчас, это место где я живу», за существование двух домов – в России и стране миграции высказалась некоторая часть респондентов, также было выделена точка зрения, что дом остался в России. Некоторые мигранты разделяют понятие дом территориально и Родина, что символизирует об осознанной идентификации себя с территорией, государством и этносом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что у современных мигрантов есть желание и стремление сохранять свою культуру, а также передавать ее своим детям. Респонденты также в основном считают себя представителями именно русской культуры и воспринимают себя именно как часть российского общества. Также у современных мигрантов сформирован позитивный образ Родины, культуры своей страны, что свидетельствует о положительной этнокультурной идентичности.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Магомедова Э.Ш. (Волгоград)

Аннотация: ценностная система российского общества в настоящий момент переживает серьезный упадок. Это сказывается на мировоззрении ряда социальных групп, в том числе и на деятельности молодых руководителей бизнес-организаций, которые только встраиваются в систему экономических и профессиональных отношений, но от которых зависит будущее российского бизнеса. Некогда традиционные ценности российского бизнеса, такие как инициативность, приверженность собственному делу, социальное служение, полезность труда, сегодня подменяются ценностями низшего порядка – быстрое обогащение, чрезмерное потребление, наглость и т.д.

Российское общество, в эпоху глобализации и перехода в постиндустриальную фазу развития, приобретает ряд характерных особенностей, среди которых динамичность и информатизация. В результате культура и ценности испытывают колоссальное давление со стороны непрерывного потока поступающей информации, которая оказывает серьезное влияние на современного человека. Безграничный поток информации с одной стороны расширяет представления о мире и процессах, происходящих в нем, но с другой стороны и сжимает его до малых размеров, стирая грань между частной и общественной сферой. Традиционные ценности, на которые ориентируются в своей жизни большинство людей, в таких условиях утрачивают свое первостепенное значение и на их место приходят навязанные новыми веяниями квазиценности. Не вызывает сомнения тот факт, что система ценностей формирует основу мировоззрения людей и выступает фактором ускоряющим социальное развитие. Поэтому для нас наибольший интерес представляет вопрос изучения ценностных ориентаций у социально-профессиональной группы молодых руководителей бизнес-организаций, так как это наиболее активные и подверженные воздействию участники общественных отношений.

Необходимо прояснить авторскую позицию по поводу основных понятий, используемых в данной работе. Во-первых, под молодыми руководителями бизнес-организаций мы понимаем социально-профессиональную группу людей в возрасте до 40 лет, которая определяется тем, что индивид находится на стадии социального самоопределения и профессионального саморазвития [4, с. 119]. Во-вторых, к категории руководитель мы относим владельцев организации (учредителей), менеджеров, которые осуществляют руководство, как всей компанией, так и отдельными структурными подразделениями, а так же предпринимателей [3, с. 3177]. Перечисленные выше субъекты в равной степени могут заниматься управлением организацией, отдельным структурным подразделением либо выполнять функции единоличного исполнительного органа. В-третьих, ценностные ориентации молодых руководителей в контексте

данной работы рассматриваются как определенные регуляторы поведения, которые основаны на мотивированном и самоидентификационном выборе руководителем приоритетного именно для него набора ценностей, при конкретных обстоятельствах на основании осмысления и оценки [4, с. 120].

В условиях глобализации происходит размывание основополагающих ценностных принципов и подмена одних ценностей другими. В ряде отечественных исследований отмечается негативное влияние современного российского рынка, действующего в обстановке криминально-коррупционной среды, на деятельность предпринимателей [2], которое проявляется в виде отношений характерных для «черного и теневого бизнеса». Элементы нелегитимных отношений в бизнес среде, находят отражение и в повседневной деятельности молодых людей, что проявляется в деформированных культурных и нравственных основаниях личности, сконцентрированном внимании исключительно на личных интересах, не считаясь с нанесенным ущербом другим. Духовные и нравственные качества личности в подобном случае вытесняются потребительскими установками. Умение заработать быстро становится для молодых руководителей целью бизнеса, а полезность труда определяется лишь достижением собственного экономического достатка. В таких реалиях, молодыми руководителями ставится задача ведения деятельности любым путем, в том числе и криминальным, только бы это способствовало зарабатыванию денег. Таким образом, ценностный принцип полезности бизнес-деятельности деформировался в принцип извлечения прибыли любыми способами.

Непродуманная государственная политика в отношении развития бизнеса, порождает недобросовестную конкуренцию, а также затрудняет молодежи вхождение в ряд отраслей, тем самым вынуждает молодых людей реализовывать свой потенциал в сферах торговли и оказания потребительских услуг, банковской и финансовой деятельности, что способствует развитию ценностных установок на получение «быстрых и легких денег». Подобная коммерциализация духовного мира делает основным жизненным принципом культ удовлетворения своих потребностей, отводя на последний план идеи социального служения.

В нашей стране на протяжении длительного периода времени под идеями освоения опыта зарубежных стран коллективные ценности сменялись ценностями материального благополучия [1]. Обогащение и получение прибыли сегодня является основным мотивом для занятия бизнес-деятельностью для ряда молодых людей, соответственно и их ценностями является сохранность и приумножение своей собственности. Реализовывая свой потенциал в подобных условиях, молодые руководители предпочитают поведение с мотивами выгоды и расчетливостью в противовес принципам состязательности или стремления к новым знаниям.

Описанные выше ситуации нельзя применить ко всей изучаемой социально-профессиональной группе, безусловно, ряд молодых руководителей придерживается совершенно противоположенных ценностных установок, что сказывается на их деятельности. В современных условиях на российском рынке встречается социально ответственный бизнес, предполагающий помимо удовлетворения собственных интересов, учет последствий деловой активности. Но, как правило, это характерно для молодых руководителей уже развивших свой бизнес, а не находящихся на начальном пути.

Таким образом, в современных условиях глобализации российского общества традиционные ценности российского бизнеса, такие как инициативность, развитие дела, социальное служение, защита профессиональных интересов и т.д., формируемые еще во времена купечества, сегодня подменяются ценностями иного порядка – быстрое обогащение, беспринципность, ловкачество, наглость и др., тем самым ставя молодых людей в ситуацию выбора, и от того в пользу каких ценностей будет сделан выбор, зависит, каким будет социальное самочувствие общества, и по какому пути будет развиваться российский бизнес.

1. Абрамов Р.Н. *Российские менеджеры: социологический взгляд со стороны // Элитариум*. – URL: http://www.elitarium.ru/rossijskie_menedzhery/
2. Васянин М.С. *Ценности предпринимательского слоя современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. – 2012. – № 1. – С. 87–97
3. Магомедова Э.Ш. *Молодые руководители бизнес-организаций как социально-профессиональная группа: социологический анализ // Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. – 2017. – Т. 39. – С. 3176–3180. – URL: <http://e-concept.ru/2017/970962.htm>

МОТИВАЦИЯ КУРСКИХ СТУДЕНТОВ ДЛЯ ЗАНЯТИЙ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Малышко Я.О., Струкова К.С. (Москва)

Мотивация – важный фактор, который необходимо всегда учитывать. Без наличия должной мотивации, человека тяжело заставить выполнять какую-либо деятельность. Дополнительным способом мотивации молодежи к участию в добровольческих мероприятиях может послужить награждение за выполнение тех или иных задач благодарственными письмами, грамотами и дипломами. На сегодняшний день практически все ВУЗы России ведут учет общественно полезной деятельности студентов, который базируется не только на статистике участия в вузовских мероприятиях, но и на статистике участия в акциях прочих общественных структур, которое подтверждается благодарственными письмами и дипломами. Наиболее активные в общественном плане студенты, при условии хорошей успеваемости, могут претендовать на повышенную стипендию. Ученики старших классов общеобразовательной школы так же заинтересованы в подобном поощрении, так как оно может стать существенным подспорьем при поступлении в высшие учебные заведения.

Конечно же, не стоит выстраивать взаимоотношение с потенциальными добровольцами только на рациональной основе. Зачастую многие из представителей социально активной молодежи участвуют в добровольческих акциях отнюдь не за перспективу получения повышенной стипендии и для составления красивого и емкого портфолио. Большая часть молодых добровольцев принимают участия в подобных акциях по другим мотивам. Это рациональное использование свободного времени, расширение круга общения, получения новых знаний и навыков, а самое главное, практически каждый из них подобным образом реализует свою потребность быть полезным обществу и ощутить свои значимость.

Условия современной жизни ставит перед молодыми людьми задачи, требующие активного включения в социальные отношения, во взаимодействие с людьми и социальными институтами в экономической, политической и духовной сферах. Молодежная инициатива, стремление к удовлетворению и реализации многообразных социальных потребностей и интересов, к самостоятельному участию в жизни общества и государства ведут к возникновению таких феноменов, как лидерство, волонтерство и другие формы социальной активности.

Такие проблемы, как формирование, развитие и стимулирование активности молодежи, выявление особенностей мотивационно-потребностной сферы социально активной личности рассматривались социологами, психологами и педагогами во все периоды существования нашего государства. Но в разные периоды, во времена которых уже успели сформироваться в обществе представления об активной личности, существенно различались. В различных исследованиях на протяжении многих лет были предприняты попытки, во-первых, осуществить анализ содержания понятия социальной активности, а во-вторых, обозначить основные мотивы, направляющие и реализующие активность человека в социально-значимой деятельности.

Как социальная группа, студенчество характеризуется особыми условиями жизни, труда и быта, психологией и общественным поведением. Основным занятием студентов является приобретение новых знаний, умений и навыков, а также подготовка себя как специалистов и профессионалов. Внеучебная общественная работа, осуществляемая в вузе, создает оптимальные условия для формирования лидерских качеств у молодого человека. В данном случае лидерство означает социальную активность или свидетельствует о наличии активной жизненной позиции у молодого специалиста, в которой особенно заинтересованными являются потенциальные работодатели. Она представляет собой некий гарант свежих идей, смелых управленческих решений, неординарных подходов и способствует развитию любого бизнеса.

Таким образом, являясь специфической социальной группой, студенческая молодежь обладают социально-психологическими особенностями, которые важно учитывать при выявлении структуры мотивов социальной активности студентов.

В 2017 году было проведено социологическое исследование, направленное на выявление у студентов мотивации для занятий волонтерской деятельностью, в котором приняло участие 200 респондентов.

Существует огромное множество интересных и привлекательных направлений волонтерской деятельности. Какие же из них наиболее привлекательны для студентов курских ВУЗов? На данный вопрос могли ответить только те студенты, которые в предыдущем вопросе выразили желание в будущем попробовать себя в качестве волонтера.

В первую очередь, мы выяснили, какие виды волонтерской деятельности являются наиболее популярными. Желание помогать детям, находящимся в детских домах, больным и детям из неблагополучных семей – этот вид деятельности оказался самым привлекательным для студенческой молодежи, так считают 22% опрошенных. Оказание помощи пенсионерам, ветеранам и инвалидам – такой вид волонтерской деятельности, по мнению студентов, является также достаточно привлекательным (18%). Чуть меньше людей (17%) выбрали вариант ответа «волонтерская работа на Олимпиадах и других спортивных мероприятиях». Также в ходе исследования были выявлены и самые непривлекательные виды волонтерской деятельности у студентов. Это, в первую очередь, помощь больным и бездомным людям, а также помощь в спасении людей в экстренных ситуациях. Соответствующий вариант ответа выбрали 4% респондентов. 6% студентов выбрали еще один непопулярный вид деятельности – улучшение состояния окружающей среды, с помощью уборки и различного озеленения территорий.

Но все же зачем люди, которые занимаются волонтерской деятельностью и носят почетное звание «волонтер», начали заниматься этим видом деятельности? Большинство студентов (26%) начали заниматься волонтерством для того, чтобы помочь людям. 18% респондентов хотели заняться своей самореализацией и стали волонтерами, 16% опрошенных желали обрести новые навыки. Чуть меньше был выбран вариант ответа «чтобы познакомиться с новыми людьми» (15%). Меньше всего, из предложенных вариантов ответов, были выбраны такие мотивы, как «связь с оплачиваемой работой» и «получение различных льгот», «это модно и престижно». По 2% опрошенных выбирали эти варианты ответов.

Делая вывод, можно сказать о том, что волонтер, несмотря на ярко выраженный в понимании этого слово альтруизм, отводит большое внимание в выборе своей деятельности не только помощи нуждающимся, но и различным личностным мотивам.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРАВОНАРУШЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАЩИХСЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ГОРОДА НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Мальчёнкова А.Е. (Санкт-Петербург)

Актуальность проблем преступности и правонарушений среди несовершеннолетних продиктована неустойчивой динамикой статистических показателей по данному явлению. Профилактика преступлений среди школьников может быть успешной только при комплексном воздействии на причины и условия, их порождающие.

Мониторинговое исследование по выявлению причин и условий совершения учащимися преступлений и правонарушений проводилось кафедрой социально-педагогического образования СПб АППО, совместно с Городским Методическим Объединением социальных педагогов при участии к.с.н., доц. Мальчёнковой А.Е в качестве методолога. Цель исследования 2016 года заключалась в осуществлении сравнительного анализа показателей, определяющих причины и условия, влияющие на правонарушения/преступность среди несовершеннолетних по сравнению ситуацией 2012 года. В исследовании принимали участие 596 образовательных учреждений различного типа из всех районов Санкт-Петербурга.

На уровне исследования были выявлены социальные проблемы, которые являются наиболее актуальными для обследуемых групп подростков и педагогов, и которые, по их мнению, способствуют возникновению преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних.

1. Если в 2012 году основные факторы правонарушений, по мнению подростков, лежали в поле конфликтности семьи и экономических проблем, то в 2016 году акцент делается на конфликтность семьи, психопатологические состояния и личностные расстройства несовершеннолетнего.

2. В результате исследования 2016 года, в группе подростков приоритетными проблемами, осмысленными на личностном уровне, оказались: экономическая нестабильность, война и угроза войны (34-42% опрошенных), что отражает современную ситуацию на фоне углубляющегося экономического кризиса и конфликтной политической обстановки на мировом уровне. Между тем, проблемы агрессивности и насилия всё еще занимают высокие позиции в рейтинге актуальных проблем для несовершеннолетних подростков с тенденцией к снижению.

3. Процентное соотношение педагогов, указывающих на проблемы упадка культуры, как фактора, провоцирующего девиантные проявления в поведении граждан, в 2016 году по сравнению с 2012 годом практически не изменилось и представляет довольно высокий показатель – 49/50% опрошенных. Непосредственно по профессиональной группе социальных педагогов исследование выявило интенсивное снижение уровня жизни.

4. Осмысление причин правонарушений, совершивших незаконное деяние, вызывает несомненные трудности в аспекте указания непосредственной причины. Между тем, выявляя социальные факторы, определяющие «группы риска», мы, несомненно должны опираться на понятие «стиль жизни». Наличие излишнего количества свободного времени свидетельствует о возможности вовлечения подростков в различные системы взаимодействия, диктующие различные способы социализации, как в рамках девиантного поведения, так и конформного – систему дополнительного образования. [1]

5. В группе нарушителей фиксируется значительно больший процент опрошенных несовершеннолетних, указывающих на приобщение к труду со стороны родителей – более половины. Факторы мотивации несовершеннолетних к труду имеют значение с точки зрения внутрилличностной оценки; воспринимается ли труд конформно или связан с комплексом психотравмирующих обстоятельств.

6. Среди причин, приводящих к нарушению законов несовершеннолетними, согласно мнению педагогов, наиболее значимыми в 2016 году оказались: неблагоприятный социально-психологический климат в семье; различные стартовые возможности подростков из семей с различным уровнем дохода (увеличение показателя почти в 2 раза по сравнению с 2012 годом); чрезмерная занятость родителей.

7. Поведённое исследование показало наличие социальной инфантильности в среде несовершеннолетних, где социальная инфантильность понимается, как отсутствие ответственности за свои действия в форме потребностей и возможностей.

8. Говоря о социализации молодого человека, следует отметить фактор уважения, как один из наиболее значимых в системе ценностей личности. Между тем, исследование показало, что уважение со стороны других для 20% несовершеннолетних на период 2016 года не имеет значения (2012 год – 1/3). Несмотря на тенденции к снижению показателя, он остаётся достаточно высок.

9. На период 2016 года, исследование показало, что, тенденции совместного проведения досуга с родителями и родственниками сохраняют свои позиции: проводя время с родителями, подростки чаще всего беседуют – 40%, смотрят ТВ – 37% (2012 год – 35-40%).

10. По сравнению с 2012 годом родители стали чаще посещать с подростками театры, музеи, кино – 37% (2012 год – 25%), уделяя большее внимание досуговому времяпрепровождению с детьми.

11. Почти в 2 раза меньше в 2016 году, по сравнению с 2012 годом, подросткам приходится сталкиваться с незаконным приобретением либо хранением наркотических средств или психотропных веществ, неповиновением законному распоряжению сотрудника полиции, что в целом может свидетельствовать о продуктивной работе внутренних правоохранительных государственных структур. Говоря о формах правонарушений, по мнению подростков, чаще всего случающихся в обществе по сравнению с 2012 годом, сохраняется тенденция по мелкому хищению (статичность показателя), при некотором снижении показателя «потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача» на 10%.

12. Сохраняется тенденция определения мотивов недоверия несовершеннолетних социально-правовым институтам в связи с их дифференцированным подходом к защите прав граждан. Значительная часть несовершеннолетних, на период 2016 года, имеет недостаточную степень доверия к социально-правовым институтам. Уровень недоверия остаётся достаточно высоким – около 30% опрошенных, а это каждый третий несовершеннолетний. В целом наблюдается возрастание уровня доверия по сравнению с 2012 годом на 15-20%. По сравнению с 2012 годом, в 2016 году уровень недоверия к структурам КДН и ЗП, психиатрическим больницам,

исправительные учреждения (колониям), исправительным учреждениям (спецшколам) снизился на 5-10%, что свидетельствует о положительной динамике.

Исследование 2016 года вынуждает констатировать, что дифференцированное действие закона, взяточничество, коррупция приводит к отсутствию восприятия закона, как универсума, росту правонарушений и преступлений, процветанию самосуда, что в настоящее время сохраняет свою актуальность в среде несовершеннолетних подростков и требует дополнительных мер воздействия на ситуацию субъектов социального контроля.

1. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. – Stanford : Stanford Univ. Press, 1991. – 186 p.

МОЛОДЕЖЬ В НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Медовская Т.Л. (Москва)

Аннотация

Доклад посвящен анализу одного из аспектов жизни современной российской молодежи в условиях глобализации. Предметом изучения выступает влияние нетрадиционных религиозных организаций на жизнедеятельность общества. В ходе работы было проведено обширное теоретическое исследование: проанализированы социологические подходы к типологизации нетрадиционной религиозности (с выведением собственных трактовок), изучена история развития сект и культов в России. Описаны факторы, способствующие вовлечению молодежи в деятельность деструктивных религиозных организаций, а также меры борьбы с их негативным влиянием. Теоретическое исследование дополнено результатами эмпирического (экспертный опрос). По результатам работы выявлена степень влияния нетрадиционных религиозных организаций на общество (в особенности, молодежь), а также представлены пути решения некоторых проблем религиозного толка в современности.

Религия является одним из значимых социальных институтов, без которых невозможно существование любого человеческого общества. Не является исключением и современное российское общество, находящееся в условиях экономической, социально-политической нестабильности и переживающее череду социокультурных трансформаций. Данные трансформации сопряжены с утратой идеалов, ценностным кризисом, сменой ценностных ориентаций, духовным вакуумом и иными вытекающими из него явлениями. Как часто бывает в подобного рода ситуациях, происходит резкая активизация деятельности религиозных организаций.

Помимо возрождения традиционных конфессий, происходит резкая активизация деятельности и нетрадиционных религиозных организаций (в частности, культов и сект), деятельность части которых оказывает негативное воздействие на развитие общества. Пропагандируя свои идеи и воззрения, создатели таких религиозных сообществ развернули на территории постсоветского пространства активную деятельность, стремясь максимально расширить своё влияние. Огромные их усилия были направлены на то, чтобы пополнить свои ряды представителями именно молодого поколения.

В связи с вышесказанным, актуальность выбора темы доклада, а также необходимость полномасштабного изучения деятельности различных религиозных организаций в России, в том числе различных сект и культов, не вызывает сомнения.

Исследователи и ученые различных направлений уже внесли значительный вклад в изучение феномена таких нетрадиционных религиозных организаций, как секта, культ, деноминация, новое религиозное движение [см. 1-3, 5, 10-11, 13-18]. Тем не менее, ряд аспектов, связанных с их теоретическим осмыслением и типологизацией, механизмами и технологиями привлечения новых членов данных групп, остается не до конца исследованным, поэтому в рамках проведенного исследования (теоретического и эмпирического) были выведены собственные трактовки понятий «секта» и «культ».

Как уже было сказано выше, нетрадиционные религиозные движения в настоящее время активно формируются и развиваются в России. Это связано, в первую очередь, с процессом десекуляризации, характеризующимся усилением роли религии в различных сферах жизни, особенно в социальной и политической.

Несмотря на то, что с социологической точки зрения термины «секта», «культ», «новое религиозное движения» носят нейтральный характер, некоторая часть нетрадиционных религиозных организаций и движений являются запрещенными в нашем государстве по причине проведения противозаконной и противоправной деятельности.

Доминирующей в обществе установкой является негативное отношение к формам нетрадиционной религиозности, но всё же секты, культы и другие подобные организации пополняют свои ряды новыми членами. Более всего манипуляциям незаконных, деструктивных религиозных организаций подвержена именно молодежь [см. 4, 6].

По результатам проведенных теоретического и эмпирического исследования был выявлен ряд факторов, способствующих вовлечению молодежи в подобные организации: 1. Молодость – время усвоения новых знаний, ценностей и опыта, созревания убеждений и установок, формирования собственной точки зрения, что может способствовать проявлениям внутренней борьбы. 2. Молодежи свойственна двойственность: в некоторых ситуациях молодым людям более свойственно проявление детскости. Но, в то же время, представители молодежи уже вполне способны принимать серьезные решения, отвечать за свои поступки. 3. Молодость - время возможностей, поэтому молодые люди, в большинстве своем, стараются осуществить все свои замыслы, претворить в жизнь даже безумные идеи. 4. Современная российская молодежь проходит этап социализации в достаточно сложных жизненных условиях, возникших после падения советской идеологии, что приводит к повышению уровня преступности, увлечению алкоголем и наркотиками. 5. Появление сект и расширение их влияния может быть вызвано также внутрличностными, психологическими причинами (например, стремление к самореализации, желание выделиться, попытка найти защиту от суровой реальности). Все указанные факторы, а также высокая степень разработанности различных манипулятивных технологий как следствие вступления в глобализационный мир и «эпоху потребления», формируют высокую степень подверженности молодежи внушению со стороны различных организаций, в том числе и религиозных.

По результатам анализа законодательства РФ в области регулирования деятельности религиозных организаций [см. 7-9, 12], с учетом результатов экспертного опроса, следует отметить, что государство достаточно эффективно обеспечивает право граждан на свободу вероисповедания, а также защищает от воздействия религиозных организаций, совершающих противоправные деяния. Возможно, могут потребоваться незначительные поправки в области регулирования деятельности незарегистрированных религиозных организаций и в области предотвращения вступления молодых людей в деструктивные религиозные организации, в том числе развитие досуговой деятельности молодежи, меры по укреплению института семьи, а также усовершенствование школьной учебной дисциплины религиозного профиля.

1. Вебер М. Социология религии (Типы религиозных сообществ) / М. Вебер // Избранное. Образ общества: Пер. с нем. / Под ред. Е. Н. Балашиовой. – М.: Юрист, 1994. – С. 78-308.
2. Дворкин А.Л. Сектоведение [Электронный ресурс] - Нижний Новгород: «Издательство братства во имя св. князя Александра Невского», 2002. – Режим доступа: <http://www.e-reading.ws/book.php?book=108650> [06.10.2017]
3. Елишев С.О. Молодёжная политика и ценностные ориентации российской молодёжи // Елишев С.О. Основы национальной политики. — Канон+ РООИ "Реабилитация" Москва, 2012. — С. 87–204.
4. Елишев С.О. Молодёжная политика религиозных сект и новообразований в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Русская народная линия, 2014. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2014/01/27/molodyozhnaya_politika_religioznyh_sekt_i_novoobrazovaniy_v_rossijskoj_federacii/ [18.10.2017]
5. Конь Р.М. Введение в сектоведение. — Нижний Новгород: Нижегородская Духовная семинария, 2008. — 496 с.
6. Лисовский В.Т. Эскиз к портрету: жизненные планы молодежи. М., 1962.
7. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26.09.1997. № 125-ФЗ (ред. от 30.03.2016) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. 2016. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102049359> [03.05.16]
8. Об обращении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «К Президенту Российской Федерации об опасных последствиях воздействия некоторых религиозных организаций на здоровье общества, семьи, граждан России»: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 15.12.1996. № 918-II ГД // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 1. Ст. 52.
9. Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской

- деятельности» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства Юстиции РФ. 2016. – Режим доступа: http://minjust.ru/nko/perechen_zapret [06.05.16]
10. Струве Н.А. Современное состояние сектантства в советской России // Вестник РСХД / Под ред. Прот. Василий Зеньковский, Ельчанинов К.А., Струве Н.А., прот. Александр Шмеман и др., 1960. - № 58-59. - С. 15-35.
11. Трёльч Э. Церковь и секта // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. / Сост. Гараджа В.И., Руткевич Е.Д. — М.: Аспект Пресс, 1996. — С. 266-238.
12. Федеральный список экстремистских материалов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства Юстиции РФ. – Режим доступа: http://minjust.ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=&page=2 [03.05.16]
13. Эгильский Е.Э. Новые религиозные движения. Современные нетрадиционные религии и эзотерические учения / Е.Э. Эгильский, А.В. Матецкая, С.И. Самыгин. – М.: КНОРУС, 2011. – 224 с.
14. Becker H. *Systematic Sociology on the basis of the Beziehungslehre and Gebildelehre of Leopold von Wiese* / H. Becker. — New York: Wiley & Sons, 1932. - 772 p.
15. Campbell C. *The Cult, the Cultic Milieu and Secularization* // *A Sociological Yearbook of Religion in Britain*, 1972. Vol. 5. - P. 119—136.
16. Nelson G.K. *The Concept of Cult* / G.K. Nelson // *Sociological Review*, 1968. — Vol. 16. — P. 351—362.
17. Niebuhr B. H. *The Social Sources of Denominationalism* // *New York & London: A Meridian book*, 1975. - 304 p.
18. Wallis R. *The elementary forms of the new religious life*. – London – Boston – Melbourne - Henley: Rout - ledge&Kegan Paul, 1984. - 166 p.

ЧТО ПРИВЛЕКАЕТ МОЛОДЫХ РОССИЯН В ПОЛУЧЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖОМ?

Милюкова И.А., Баранова Е.М. (Петрозаводск)

В основу доклада положены результаты 11-ти качественных интервью с молодыми россиянами, получающими высшее профессиональное образование в вузах Западной Европы (Финляндия, Германия, Австрия, Швейцария, Нидерланды, Венгрия) и США. Методологической основой нашего эмпирического исследования послужила стратегия аналитического описания, предложенная американскими социологами А. Страуссом и Дж. Корбин в рамках разработанной ими «обоснованной теории». Открытое и осевое кодирование полученных текстов позволило ответить на вопросы, кем и как принимается решение о получении образования за рубежом, какие социальные факторы оказывают наиболее существенное влияние на принятие такого решения и как получение образования за рубежом вписывается в жизненные планы молодых россиян.

Демократизация российского общества на рубеже 80-90-х годов во многом способствовала тому, что получение образования в Западной Европе и Северной Америке для детей из статусных групп населения стало не только доступным, но и престижным. А присоединение России в начале XXI века к Болонскому процессу и включение в мировое образовательное пространство позволило существенно ускорить образовательные миграционные потоки молодых россиян в страны «дальнего зарубежья» и значительно расширить социальный состав обучающихся. По данным международной организации UniPage LLC, специализирующейся на высшем образовании за рубежом, свыше 50 тысяч молодых россиян ежегодно уезжают учиться в другие страны, среди которых наибольшей популярностью пользуются Германия, Чехия, США, Великобритания и Франция [1].

Сегодня государство рассматривает получение профессионального образования в развитых странах как реальную возможность повышения кадрового потенциала общества и важнейший ресурс инновационного развития российской экономики. В 2013 году вышел Указ Президента РФ «О мерах по укреплению кадрового потенциала Российской Федерации», который закрепил принципы реализации Программы социальной поддержки российских граждан, самостоятельно поступивших в ведущие иностранные образовательные организации по ряду специальностей и направлений подготовки, качество обучения которых соответствует лучшим мировым стандартам, и по обеспечению их трудоустройства [2].

Появление такой Программы не случайность. Реальная социальная проблема заключается в том, что далеко не все молодые люди, получившие образование за рубежом, стремятся вернуться в Россию и приложить полученные знания и умения на благо своей Родины. Для значительной части российской молодежи поступление в образовательное учреждение за рубежом – это лишь

легальный, наиболее доступный и экономичный способ перебраться на постоянное место жительства в развитые страны.

Кем и как принимается решение о получении образования за рубежом? Какие социальные факторы оказывают наиболее существенное влияние на принятие такого решения? Несмотря на нарастающий рост популярности среди российской молодежи образовательной миграции за рубеж и актуальность данной проблематики для государственного социального управления общероссийские научные исследования по этим вопросам практически отсутствуют.

В 2016 -2017 годах нами было проведено 11 качественных (полуформализованных) интервью с молодыми россиянами в возрасте от 18 до 29 лет, получающими (или недавно получившими) высшее образование в зарубежных вузах Западной Европы (Германия, Финляндия, Австрия, Швейцария, Венгрия, Нидерланды) и США. Все опрошенные молодые люди имели опыт получения образования в российских вузах. Интервьюирование осуществлялось по скайпу, интервью длились в среднем от 1,5 до 2,5 часов, а объем транскрибированных текстов составил несколько сот страниц. Выборочная совокупность формировалась по методу «снежного кома». Информанты существенно различаются по демографическим и социальным характеристикам, по месту рождения и нынешней стране проживания, по направлениям образовательной подготовки и их личному зарубежному опыту.

Методологической основой нашего эмпирического исследования послужила стратегия аналитического описания, предложенная американскими социологами А. Страуссом и Дж. Корбин в рамках разработанной ими «обоснованной теории» («grounded theory») [3]. Для качественного анализа интервью было использовано открытое и осевое кодирование текста. Открытое кодирование позволило маркировать все значимые темы, имеющиеся в первичных текстах, а осевое кодирование – объединить первичные коды в категории, имеющие непосредственное отношение к главным исследовательским вопросам, установить логические связи между центральной исследовательской темой и ее подтверждениями, разбросанными по разным отрывкам первичных текстов.

Проведенный первичный анализ текстов интервью с очевидностью свидетельствует, что решение о получении профессионального образования за границей принимается молодыми людьми при обязательном и активном участии их родительских семей. Впрочем, это не удивительно, т.к. даже если образование в зарубежной стране бесплатно, то само проживание за границей требует немалых и постоянных финансовых средств. Иногда именно родители становятся инициаторами такого решения, иногда они просто смиряются с таким решением детей после некоторого сопротивления. Но в любом случае, без финансовой помощи и материальной поддержки родителей молодым людям обойтись очень трудно, по крайней мере, на начальных этапах обустройства на новом месте.

Среди всего многообразия различных причин и мотивов принятия решения о получении образования за рубежом, по результатам анализа интервью четко выделяются три ведущих мотива. Во-первых, это явно выраженное стремление молодых людей к более высоким стандартам качества жизни, прежде всего в отношении условий жизни и материального положения. *«Мне очень запомнилось, когда я шел в какой-то дворик, и оттуда выезжает парень на машине Ламборджини, думаю, что да, возможно это моя страна, и я так же хочу ездить...»* (муж., 25 лет). Обучение в зарубежном образовательном учреждении – это первый шаг на пути к переезду в развитые страны и к «лучшей» жизни. *...переезд за границу – это больше возможностей в жизни, ... в Европе, всё намного лучше, чем в России, поэтому хорошо бы переехать, потому что и в жизни всё сложится намного лучше...»* (жен., 26 лет)

Во-вторых, это мотив престижности диплома западного образца, возможность за счет нового диплома существенно повысить свой социальный статус, в том числе и в российском обществе. *«Швейцарский диплом намного ценнее чем российский, у меня, вот, к примеру, несколько ребят учились, и я занимал позицию менеджера, а они были на ресепшн»* (муж., 25 лет). *«Классно и выгоднее говорить, что ... да, ты учился в Нью-Йоркской Академии. ... когда у тебя в резюме стоит, что ты учился на сценариста, режиссера, оператора в Нью йоркской академия при Universal Pictures, знаете, это очень помогает находить клиентов...»* (муж., 25 лет).

Наконец, одним из ведущих мотивов отъезда за границу является мотив «новизны», приобретения нового интересного опыта, любознательности или даже простого любопытства, столь свойственного молодым людям в силу своего возраста. *«Мне понравилось, что много студентов с разных стран... международное общение на английском языке. Это был очень*

здоровский опыт» (муж., 26 лет). «Мне было просто интересно пожить, посмотреть, в общем-то меня в принципе ничего не держало в России, как бы почему бы и нет» (жен., 21 год).

Профессиональные мотивы - получение качественного образования и востребованной на рынке труда специальности – присутствуют, конечно, тоже, но все-таки они отходят на второй план перед указанными выше мотивами. «Просто по моей специальности – электроэнергетика... Германия это передовая страна и я подумала, что неплохо бы там поучиться» (жен., 26 лет). «У меня была моя мечта ... заняться тем, чем я всегда хотел с пяти лет, творить своего рода волшебство, а именно кино. В итоге, я поступил в Нью-Йоркскую кино академию» (муж., 25 лет).

Среду сопутствующих социальных факторов, оказывающих наиболее благоприятное влияние на принятие решения о получении образовании в зарубежных странах, является наличие личного опыта проживания за рубежом, как в качестве туристов, так в качестве студентов-стажеров. Часть информантов, будучи еще российскими студентами, включались в процесс академической мобильности и использовали различные программы по обмену для последующей образовательной миграции. Среди других сопутствующих факторов, оказывающих благоприятное влияние на окончательное принятие решения об образовании за рубежом, можно назвать наличие родственников и/или друзей за рубежом, а также изучение иностранного языка и положительный опыт общения на нем.

Конечно, перечень причин и мотивов получения молодыми людьми профессионального образования за рубежом далеко не исчерпывается вышеуказанными. Планируемое в дальнейшем выборочное кодирование собранных текстов поможет построить типологию личных причин и мотивов принятия молодыми россиянами решения о получении профессионального образования за рубежом, а возможно, и описать различные стратегии принятия такого решения.

1. Статистика граждан России, обучающихся за границей. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unipage.net/ru/student_statistics, доступ свободный (15.09.2017).

2. Указ Президента Российской Федерации № 967 «О мерах по укреплению кадрового потенциала Российской Федерации» от 28 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://educationglobal.ru/fileadmin/downloads/1_УКАЗ_Президента.pdf, доступ свободный. – (15.03.2017)

3. Страусс А. Основы качественного исследования: обоснованная теория. Процедуры и техники / Ансельм Страусс, Джульет Корбин ; пер. с англ. и заключительная ст. Т. С. Васильевой. - Москва: КомКнига, 2007.

БУДУЩАЯ РАБОТА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ВЫПУСКНИКОВ ПЕТРГУ: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Милюкова И.А. (Петрозаводск)

В основу доклада положены результаты анкетирования старшекурсников Петрозаводского государственного университета и работодателей Республики Карелия по теме «Трудоустройство молодых специалистов: возможности сотрудничества», реализованного в 2015-2016 гг. Региональным центром содействия трудоустройству выпускников высшего профобразования. В ходе исследования изучались основные требования, предъявляемые старшекурсниками к будущей работе, каналы и способы поиска информации о работе, факторы успешного трудоустройства и адаптации молодых специалистов. Анализ полученных данных показал достаточно существенный разрыв между представлениями выпускников вуза о своей будущей работе, их ожиданиями и реальном положении дел на региональном рынке труда. Результаты исследования свидетельствуют об острой необходимости создания в вузе целостной и комплексной системы профориентационной работы со студентами.

Проблема трудоустройства молодежи и сегодня остается актуальной для российского общества. По данным мониторинга Министерства образования РФ процент трудоустройства вузовских выпускников составил в 2015 году всего 75% [2], а в структуре безработных доля лиц, имеющих высшее профессиональное образование, увеличилась с 13,3% в 2000 году до 19,7% в 2015 [1]. Более того, даже среди тех, кто сразу находит работу после окончания вуза, эта работа далеко не всегда связана с полученной специальностью. По результатам выборочного исследования Росстата, проведенного в 2016 году, каждый третий (31,3%) выпускник вуза устроился на первую работу, никак не связанную с полученной профессией (специальностью) [3]. В то же время для молодого человека работа по специальности объективно является важным условием завершения начатой в вузе профессиональной социализации, в противном случае он утрачивает знания и навыки, полученные в процессе обучения [5, с.114], постепенно превращаясь в так называемого «люмпен-специалиста» [4, с.85].

Главные причины указанных выше проблем для большинства отечественных исследователей кроются в рассогласованности рынка труда и рынка образовательных услуг. Но представляется важным учитывать еще одного участника рыночных отношений – самого выпускника, который также является потребителем образовательных услуг. Что ждет выпускник от будущей работы? Насколько хорошо он ее представляет? Ведь от того, насколько его ожидания будут соответствовать реальности, во многом зависит успешность адаптации молодого специалиста на современном рынке труда, реализация его трудового и личностного потенциала.

Эмпирической основой для доклада послужили результаты исследования по теме «Трудоустройство молодых специалистов: возможности сотрудничества», реализованного в Республике Карелия Региональным Центром содействия трудоустройству и адаптации к рынку труда выпускников высшего профобразования совместно с Лабораторией социологических исследований ПетрГУ в 2015 году. Было опрошено более 1500 выпускников университета (на момент получения ими диплома о высшем образовании) и более сотни работодателей Республики Карелия. Полученные данные также сравнивались с результатами исследования «Жизненные планы студентов и образ их будущей работы», проведенного автором среди студентов ПетрГУ в 2005-2006 гг. [6]. Ожидания выпускников оценивались по результатам опроса старшекурсников, реальная ситуация – по опросу работодателей.

Основные требования, которые выдвигают выпускники ПетрГУ к удовлетворяющей их работе, во многом совпадают с результатами общероссийских исследований молодежи, реализуемых Институтом социологии РАН [7, с. 169]. Будущая работа должна быть интересной по содержанию (71%), хорошо оплачиваемой (70%) и обеспечивающей возможности профессионального развития и карьерного роста (60,1%) молодого работника. Можно отметить, что по сравнению с 2006 годом в глазах молодежи существенно выросла ценность оплаты труда и стабильности работы.

Успешное трудоустройство, по мнению выпускников, зависит в первую очередь, от профессиональных знаний и умений соискателя (59,6%), практического опыта работы (55%), от его личностных характеристик (45,5%) и наличия широких социальных связей (44,9%). Наличие вакансий в организации или активность и настойчивость самого соискателя в поиске работы, по мнению опрошенных выпускников, играют второстепенную роль в успешном трудоустройстве. А вот мнение работодателей выглядит несколько иным: среди факторов успешного трудоустройства молодого специалиста на первые позиции работодатели поставили как раз, напротив, наличие вакантных мест, формальное соответствие образования кандидата требованиям должности и активность самого соискателя. В то же время на наличие связей и знакомств как фактора успешного трудоустройства выпускников указал лишь один единственный из опрошенных работодателей.

Что касается наличия опыта практической работы, то такой опыт, без сомнения, приветствуется работодателями, но вовсе не является единственно значимым критерием при отборе соискателей. Не менее важным оказываются для работодателя и личностные качества молодого специалиста, здесь мнения выпускников и работодателей совпадают. Правда, сам перечень востребованных на рынке труда личностных характеристик соискателя и особенно их значимость в представлениях работодателей и выпускников различается, иногда весьма существенно. Среди личностных качеств, которые необходимы сегодня молодому специалисту для успешной адаптации, наиболее важными, по мнению работодателей, являются дисциплинированность и организованность, ответственность и трудолюбие, наличие достижительной мотивации и ориентация на саморазвитие. А вот выпускники полагают, что на современном рынке молодому специалисту гораздо важнее коммуникабельность и уверенность в себе.

Далеко не во всем совпадают ожидания выпускников с реальностью и при определении наиболее эффективных способов успешного поиска подходящей работы. Работодатели в анкете указали, что чаще всего ищут новых сотрудников из резервного банка данных, составляемого по присланным заранее резюме соискателей (59%), через службу занятости (38%) и размещая информацию на сайтах предприятий (38%). Выпускники же полагают, что наиболее эффективными каналами поиска работы являются просмотр объявлений в СМИ и сети Интернет (54%), а также через личные связи и знакомства (43%). А вот рассылка резюме потенциальным работодателям (14%) и Центр занятости (21%) рассматриваются как ценный канал поиска работы относительно немногими выпускниками.

В ходе опроса работодателей часть из них указывали на амбициозность современных выпускников вузов, их завышенные ожидания, не подкрепленные на практике реальными достижениями и трудовыми усилиями молодых людей. Особенно часто, по мнению работодателей, это проявляется при обсуждении вопросов оплаты труда молодого специалиста и продвижения его по должностной лестнице. К сожалению, в анкету не был включен отдельный вопрос об оплате труда (желаемой, ожидаемой и реальной). Но для подтверждения данного тезиса можно обратиться к результатам опроса, проведенного в 2015 году среди выпускников одного из факультетов ПетрГУ. Методом интернет анкетирования было опрошено более 80% выпускников факультета политических и социальных наук 2012-2014 годов выпуска. Как следует из результатов опроса, больше половины (58%) молодых специалистов – выпускников ФПСН хотели бы видеть свою зарплату свыше 40 тысяч рублей (при средней зарплате по Республике Карелия на тот момент в 28 тыс. руб.). При этом реальная заработная плата у каждого второго выпускника попадала в диапазон всего от 10 до 20 тысяч рублей.

Таким образом, сравнительный анализ представленных результатов опросов продемонстрировал достаточно существенный разрыв между представлениями выпускников ПетрГУ о будущей работе, их ожиданиями и реальной ситуацией на региональном рынке труда.

Декларированная новыми федеральными государственными образовательными стандартами (ФГОС ВПО) ориентация на постоянное и комплексное взаимодействие вузов с работодателями должна была бы способствовать преодолению или, по крайней мере, уменьшению, указанного разрыва. Но, к сожалению, чаще всего это взаимодействие имеет во многом чисто формальный и эпизодический характер, ограничиваясь приглашением представителей работодателей на Итоговую государственную аттестацию выпускников и организацией производственной практики.

В целом, полученные результаты исследования свидетельствуют об острой необходимости создания в вузе целостной системы профориентационной работы, основной целью которой стало бы, с одной стороны, знакомство студентов с широкими возможностями выбранного направления образовательной подготовки, а с другой - формирование и закрепление у них позитивной мотивации на выбранную специальность. Это особенно важно в ситуации, когда лишь треть (33,8%) первокурсников ПетрГУ признаются, что хорошо представляют себе содержание своей будущей профессиональной деятельности.

1. *Российский статистический ежегодник [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. - электрон. ст. - М., 2016. - URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078 (27.01.2017).*
2. *Мониторинг трудоустройства выпускников [Электронный ресурс] / Министерство образования и науки РФ. - электрон. ст. - М., 2016. - URL: <http://vo.graduate.edu.ru/#/?year=2014> (27.01.2017).*
3. *Выборочное наблюдение трудоустройства выпускников - 2016. [Электронный ресурс] / Федеральная служба государственной статистики. - электрон. ст. - М., 2016. - URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr/index.html (27.01.2017).*
4. *Кочетов А.Н. Профессиональное образование и рынок труда: проблемы взаимодействия / А.Н. Кочетов // Социологические исследования. 2011. № 5. С. 82-90.*
5. *Зубок Ю.А. Молодые специалисты: проблема подготовки и положение на рынке труда / Ю. А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 114-122.*
6. *Miljukova I., Bulygina Y. Future Job in Perspective of University Students: Expectations and Reality//Martti Muukkonen and Tiina Sotkasiira (eds) Young People at the Crossroads: Proceedings of the 5th International Youth Research Conference in Karelia, Petrozavodsk, September 2006. - Joensuu: University of Joensuu, 2007. P. 165-177.*
7. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. - Второе издание, дополненное и исправленное. - М.: Институт социологии РАН, 2010.*

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ УСЛОВИЯМИ ОБУЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Мирзоев Э.Д. (Тольятти)

В настоящее время обучение иностранных студентов становится одним из актуальных направлений деятельности российских университетов [1]. В различных научных источниках рассматриваются результаты исследований, изучающих адаптацию иностранных студентов к условиям обучения в российском вузе, однако не сформирована целостная методика оценки результативности этого процесса [2; 3; 4].

В процессе адаптации иностранных студентов исследователи отмечают противоречие между необходимостью быстрого вхождения в новое для каждого студента-иностранца образовательное пространство высшей школы и неразработанностью системы психолого-педагогической поддержки студентов на начальных этапах их профессиональной социализации и социокультурной адаптации [5]. Большинство исследователей называют следующие черты иностранного студента в этот сложный период: крайняя информационная перегруженность, эмоциональная перенасыщенность, низкая адаптированность на бытовом уровне, потеря привычных социальных ориентиров [6].

В российской системе высшего образования с каждым годом увеличивается доля иностранных студентов [7]. Для всесторонней оценки процессов их социализации и адаптации к новым для себя условиям, требуется проводить изучение этих процессов различными методами социологии. Результаты подобных исследований могут быть полезны для профессорско-преподавательского состава при осуществлении педагогической деятельности, администрации вузов для планирования и организации образовательного процесса [8]. Объектом авторского социологического исследования стали студенты Тольяттинского государственного университета, имеющие гражданство иностранного государства: студенты 1-4 курсов бакалавриата и 1 курса магистратуры в возрасте от 16 до 25 лет.

Применительно к университету, как образовательному учреждению, важное значение имеет уровень развития инфраструктуры и процессов сопровождения иностранных студентов, интернационализированность всех услуг, которые университет оказывает. В этой связи уровень удовлетворенности иностранных студентов различными аспектами обучения в университете прямым образом влияет на скорость процесса адаптации. Именно поэтому для первичного анкетирования студентов было выбрано два блока вопросов – 1. Оценка уровня их интеграции в жизнь университета, 2. Оценка их удовлетворенности условиями обучения и проживания.

Для начала респондентов просили выразить свое отношение к качеству преподавания на их специальности. 67 % оценили его как высокое, 28 % как среднее, 1,3 % как низкое. 3 % респондентов ответили, что не задумывались над этим вопросом.

3 % из респондентов считают, что изучаемые дисциплины не соответствуют изучаемой специальности, 3 % считают, что значимость некоторых предметов не соответствует объему выделяемых часов, всего 1 % ощущают перегруженность аудиторными занятиями, 7 % считают качество преподавания некоторых предметов неудовлетворительным, 2 % из респондентов недовольны организацией зачетов и экзаменов, и значительное число иностранных студентов не имеют никаких претензий по отношению к учебному процессу.

Далее респонденты оценивали проживание в общежитии. 27 % считают свое проживание в общежитии комфортным, 63 % оценивают условия проживания как хорошие, но отмечают небольшие проблемами, лишь 2 % считают условия проживания в общежитии плохими, и 7 % затруднялись ответить.

Во втором блоке вопросов мы выявили уровень интеграции иностранных студентов в социальную жизнь.

На вопрос «Как часто студенты бывают в городе, за пределами университетского городка» только 18 % ответили «часто», 36 % – «иногда», 38 % – «очень редко», и 7 % вообще не бывают в городе.

Бросилось в глаза не очень активное участие иностранных студентов во внеучебной деятельности, только 16 % посещают секции и клубы, участвуют в конкурсах и соревнованиях 16 % респондентов, 28 % участвуют как зрители, и 40 % вообще не участвуют.

Иностранные студенты испытывают некоторые проблемы в учебе, четверть из них отметили, что им не хватает для успешного обучения знаний, по физике, наименее большому

количеству студентов не хватает знаний, по математике, 14,30 % по химии, 4,10 % испытывают проблемы с биологией, лишь 3,40 % респондентам не хватает знаний, по литературе, для успешного обучения 19,80 % не хватает навыков английского языка, и 16,40 % не хватает знаний, по истории для успешного обучения.

Далее мы выяснили межличностные отношения в группе. 46,50 % указали, что отношения доброжелательные, 50 % – нормальные, 0,60 % – официальные, и 0,60 % – напряженные, 2 % респондентов затруднились ответить.

На вопрос «Считаете ли вы город Тольятти удобным для обучения и проживания, оценка по 8-бальной шкале» большинство из респондентов считают город удобным 50 %, 7-ку поставили 12 %, на балл меньше поставили 12 % из респондентов, также 1 % поставили 5-ку, 7,5 % не совсем довольны и поставили 4-ку, 3-ку поставили 3,4 %, считают неудобным город Тольятти для обучения и проживания всего лишь 0,6 %, и совсем неудобным 2 % из респондентов.

Далее, для того чтобы выяснить, какое влияние на адаптацию иностранных студентов оказывает страна пребывания, мы дополнительно сравнили результаты ответы респондентов, учитывая страну из которой они прибыли на обучение в ТГУ.

Сравнению подверглись результаты ответов представителей трех стран, число обучающихся из которых является самым большим: таджики (75,3 %), украинцы (11,6 %) и казахи (8,2 %).

Прежде чем анализировать полученные данные, несколько слов о том, как иностранные студенты воспринимали процедуру опроса. У граждан Украины и Казахстана в целом не возникло проблем, но у студентов из Республики Таджикистан возникли трудности при заполнении анкеты. Прежде всего, это обусловлено недостаточным владением русским языком. Они отвлекались, переговаривались, переспрашивали. Было очевидно, что многих опрашиваемых объединяет недостаточная степень адаптации к современной российской культуре. Среди наиболее явных отклонений в результатах ответов респондентов и разных стран можно отметить следующие.

Существенно меньше студентов из Таджикистана определили межличностные отношения в своей учебной группе как «доброжелательные», всего 43 % (студенты из Украины – 59 %, Казахстана – 67 %), при этом один из них указал, что отношения «напряженные».

Студенты из Таджикистана также отметили, что они реже бывают в городе, только 5,5 % указали, что они часто бывают за пределами университетского кампуса (для сравнения – этот вариант ответа выбрали 53 % студентов из Украины и 58 % студентов из Казахстана). При этом 9,17 % студентов из Таджикистана указали, что они вообще не бывают в городе.

Среди студентов из Таджикистана и Украины также наблюдается низкая активность по участию во внеучебной деятельности (41 % указали, что не участвуют вообще) у студентов из Казахстана этот показатель значительно ниже – всего 25 %.

На наш взгляд, эти сравнительные данные демонстрируют более низкую адаптацию и социализацию студентов из Таджикистана, по сравнению с другими группами иностранных студентов университета.

1. Иванова Т. Н., Желнина Е. В. Профессиональный стандарт педагога. Социологическое изучение оценки нового профстандарта работниками образовательных учреждений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – № 1 (5). – С. 5 – 15.
2. Вадутова Ф. А., Кабанова Л. И., Шкатова Г. И. Оценка и прогнозирование адаптации иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах // Вестник ТГПУ. – 2010. – № 12. – С. 123 – 126.
3. Витковская М. И., Троцук И. В. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России // «Вестник РУДН. Серия «Социология». – 2003. – № 6 – 7. – С. 267 – 283.
4. Емельянов В. В. Студенты об адаптации к вузовской жизни // СОЦИС. – 2001. – № 9.
5. Кривцова И. О. Социокультурная адаптация иностранных студентов к образовательной среде российского вуза (на примере Воронежской государственной медицинской академии им. Н. Н. Бурденко) // Фундаментальные исследования. – 2011. – № 8 (1). – С. 284 – 288.
6. Шевелев Г. Е., Кабанова Л. И., Михальченко Е. В. Информационная система для оценки адаптации иностранных студентов // Вестник науки Сибири. – 2012. – № 1 (2). – С. 134 – 138.
7. Желнина Е. В. Россия-2050: образ страны по результатам социологического исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – № 3 (7). – С. 47 – 55.

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Мирзоян Л.Г. (Курск)

Работа посвящена вопросу воздействия глобализации на трансформацию ценностных ориентаций молодёжи. Показано, что процесс унификации сфер жизни общества ведёт к изменению менталитета молодого поколения. Особое внимание уделено проблеме влияния западных образцов поведения на систему ценностей современной российской молодёжи.

Во второй половине XX века в социологический оборот вошло понятие «глобализация». Хотя преимущественно этот феномен проявляется в экономической подсистеме общества, он выходит за рамки экономики и пронизывает все сферы жизнедеятельности людей. Его суть в создании единого экономического, политического, социального и культурного пространства. Тема глобализации приобрела большую популярность в связи с тем, что она является важнейшим фактором воздействия на мировоззрение людей в современном мире. Глобализация оказывает огромное влияние на самые уязвимые к внешнему воздействию слои населения.

О природе возникновения глобализации не утихают споры до сих пор. Одни считают, что некоторые черты этого процесса зародились ещё в эпоху античности, другие убеждены, что впервые он проявил о себе лишь в XX веке. Если говорить о современном понимании глобализации, то следует отметить, что это достаточно сложная совокупность и целый комплекс взаимосвязанных явлений. В связи с тем, что в последнее время тема глобализации набирает широкие обороты, к трактовке этого термина существует множество подходов. Впервые он был использован американским экономистом Теодором Левиттом. Немецкий социолог Ульрих Бек пишет: «Ни одна страна или группа стран не может отгородиться друг от друга. Различные формы экономического, культурного, политического взаимодействия сталкиваются друг с другом» [1]. Теоретик глобализации Роланд Робертсон даёт такое определение: «глобализация относится к сжатию мира и интенсификации мирового сознания как единого целого... к конкретной глобальной взаимозависимости и осознанию глобального целого». Энтони Гидденс определяет глобализацию как: «усилившуюся взаимозависимость мирового сообщества» и «интенсификацию распространяющихся на весь мир социальных отношений, которые связывают удалённые места так, что локальные события формируются событиями, происходящими за много миль от них» [2], также пишет: «глобализацию нельзя понимать только как процесс роста мирового единства... это преобразование пространства и времени современного существования» [2]. Суммируя всё вышесказанное, можно дать следующее определение: глобализация – это процесс углубления и уплотнения в масштаба всей планеты многообразных общественных связей, достижение нового, более высокого уровня интегрированности, целостности и взаимозависимости в мире [3].

Главным проводником глобализации, как и любого прогресса, становится молодое поколение. Она легче осваивает технические нововведения, проще приспосабливается к изменениям в любой области, наиболее восприимчива к ним, а значит, от негативных последствий этого процесса страдает в большей степени именно эта наиболее динамичная часть населения. В условиях глобализации она становится носителем культуры целого общества. Формирование ценностей, взглядов и моделей поведения под влиянием глобализации имеет ряд как положительных, так и отрицательных черт.

С одной стороны, глобализация положительно влияет на экономику, а это влечёт трансформации в других сферах: сближение государств, возникновение «глобальной деревни» (термин введён Маклюэном) – благодаря электронным средствам коммуникации возможна мгновенная передачи информации в любую точку мира, появление языков международного общения, повсеместное распространение компьютерных технологий, таких как Интернет, используемый как источник знания и средство досуга.

Огромное влияние глобализации на молодёжь объясняется некой маргинальностью социальных и культурных её позиций, несформированностью ценностей и взглядов.

Хоффман и Малиновский помимо экономической и политической выделяли культурную глобализацию. Культурный аспект глобализации связывают с экспансией культуры западного

образца. Сегодня во всём мире наблюдается тенденции американизации, вестернизации, унификации вкусов. Нельзя отрицать факт заимствования молодёжью России западной модели поведения.

Австралийский социолог Максин Уортес отмечает, что процессы, происходящие в культурной сфере, приведут к возникновению единой культуры – результата интегрирования всех культур мира. Однако такое слияние становится невозможным в виду гегемонии западной культуры, что ставит под угрозу культурную и национальную идентичность народов.

Отличительной особенностью новой, в некоторой степени навязанной культуры в том, что начинает доминировать склонность к появлению «не моей» культуры. Построение «ничьей» культуры ведёт к формированию типа людей, не способных и не желающих брать на себя ответственность не только за происходящее в мире, но и за свою собственную жизнь.

Последнее время претерпевает деформации общероссийская системы ценностей, она заменяется западной иерархией социокультурных ценностей. Молодёжь не чувствуют принадлежность к своему народу и перестает осознавать себя её частью: снижении значимости народной культуры, заинтересованности в отечественной классике.

Искусство носит коммерческий характер, вследствие чего теряет свою воспитательную функцию. Как отмечает в своей работе «Дегуманизация искусства» Ортега-и-Гассет, новое искусство должно быть обращено к элите общества, а не к его массе, то есть оно не должно быть общепонятным, общечеловеческим. Порождаемое им эстетическое переживание не приближает людей к стихии повседневной жизни, а дистанцирует их, отчуждает от нее. «Система ценностей, организовавшая человеческую деятельность еще каких-нибудь тридцать лет назад, утратила свою притягательность. Западный человек заболел ярко выраженной дезориентацией... Господство буржуазной системы ценностей, с главенствующим в ней принципом Пользы, породило у Ортеги представление, что действительность оккупирована массой обывателей. Мещанство в его глазах разрастается до размеров всего человечества. Человеческое приравнивается к бездуховному. Человеческие переживания, воспроизводимые искусством, рассматриваются как бездумно-механические, не имеющие ничего общего с художественностью» [4].

Развитие сильной конкуренции в экономике сказывается на сознании молодёжи. Посредством отечественной рекламы навязываются абсолютно не нужные и чуждые человеку товары и услуги: продукты питания, стиль одежды, предпочтения в искусстве и так далее. Экономическая рациональность западной культуры начинает доминировать. Стремясь к получению материальных благ, молодые люди руководствуются принципом «цель оправдывает средства». Гонка за богатством и наслаждениями ведёт к раскультированию общества

Кроме того, в связи с непрогнозируемым характером развития общества снижаются возможности контролировать происходящие процессы. Такие условия обуславливают пересмотр всей системы ценностей: появление культа потребительства, гедонизма. Молодое поколение отказывается от построения долгосрочных планов, популярны кредо: «Живи здесь и сейчас», «Бери от жизни всё». Игнорирование общечеловеческих ценностей и норм морали с целью удовлетворения только своих личностных потребностей ведет к деморализации и дегуманизации общества.

Но пользование достижениями научно-технический прогресса помимо положительных последствий, открывает доступ к негативным явлениям. С возникновением Интернета реальная жизнь человека была заменена виртуальной. Созданная компьютерная коммуникация стала новой средой обитания и существования молодёжи. В связи с этим теряет свою значимость культура общения.

Таким образом, в современном мире мы наблюдаем постоянный рост взаимозависимости и взаимовлияния между людьми, народами, странами. Процесс интеграции людей и трансформация всех сфер жизнедеятельности современного общества актуализируют проблему социализации человека. В связи с этим остро встаёт вопрос о создании системы воспитания российской молодёжи. Процесс культурной глобализации носит противоречивый характер: ей присущи как положительные, так и отрицательные черты. Однако факт влияния глобализации на процесс трансформации системы ценностей современного поколения отрицать невозможно.

Список литературы:

- 1) Бек У. Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника; Общая редакция и послесл. А. Филиппова. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 304 с.
- 2) Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. - М.: Издательство «Весь мир», 2004. – 120 с.

- 3) Лопухов А.М. Словарь терминов и понятий – М.: АЙРИС-пресс, 2014 – С. 59.
- 4) Буйдина И.Ф. Западноевропейские концепции игровой культуры // Введение в культурологию / Руководитель автор. колл. и отв. ред. Е.В. Попов. – М.: Владос, 1996. – С. 45 – 56
- 5) Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / Пер. с англ. М.Л. Коробочкина — М.: Издательство «Весь Мир», 2004. — 188с.
- 6) Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры / Вступ. ст. Г.М. Фриндлера; Сост. В.Е. Багно. – М.: Искусство, 1991. – С. 218 – 260.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА УЧАЩИХСЯ ЛИЦЕЕВ И КОЛЛЕДЖЕЙ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Мищенко А.С. (Санкт-Петербург)

Аннотация: в докладе обосновываются принципы исследования профессиональной культуры учащейся молодежи, раскрываются механизм её развития, институциональные элементы общественной и педагогической среды, важнейшие факторы, включая социальные, профессиональные и ценностные ориентации учащихся лицеев и колледжей производственно-технического профиля, влияющие на развитие их профессиональной культуры.

Одна из задач нашего многолетнего исследования учащихся лицеев и колледжей Санкт-Петербурга (1993 – 2016г.г.) была связана с изучением развития их профессиональной культуры в условиях постсоветской модернизации российского общества [1]. При её решении мы опирались на ряд познавательных постулатов, в первую очередь на принципы: онтологической двойственности развития профессиональной культуры учащихся; качества трудовой жизни молодежи; детерминированности профессиональной культуры молодежи её деятельностно-трудовой и личностной сферами, а также на ряд других принципов. Они позволили раскрыть сущность развития профессиональной культуры с точки зрения двух жизненных позиций, разделяемых учащимися лицеев и колледжей: «Быть» или «Иметь» [2].

На теоретическом этапе изучения профессиональной культуры учащихся, если говорить более предметно, мы обосновали её объективно и субъективно детерминированные компоненты. Они выражали профессионально-трудовое и личностное направления исследования профессиональной культуры учащихся. Как показал теоретический анализ, они являлись также и системными основаниями разработки триединой парадигмы их обучения и воспитания в качестве личности – профессионала – гражданина [4]. Такая парадигма позволяла как в самом социологическом исследовании, так и в процессе обучения и воспитания учащихся выразить и теоретически обосновать сущность развития их профессиональной культуры.

На эмпирическом этапе исследования профессиональной культуры учащихся мы разработали индикаторы, отражавшие её различные аспекты, нелинейность её изменения во времени и пространстве, а также качественную неравноправность изменений её структурных компонентов. Нами были разработаны алгоритмы количественной оценки её развития у респондентов – учащихся. Апробирован многокритериальный, модульный по своей архитектуре, социологический инструментальный исследования профессиональной культуры учащихся. Он включал в себя три модуля социологических индикаторов: модуль объектно-детерминированных индикаторов (они составляли 17,7% от их общего количества); модули субъектно-детерминированных и интегрально-детерминированных индикаторов её развития среди опрошенных учащихся (они соответственно составляли 56,6% и 25,4% от их общего количества).

Как показали результаты многолетнего социологического мониторинга, механизм развития профессиональной культуры учащихся можно свести к следующему краткому, но одновременно ёмкому положению: личностное развитие учащихся через структуризацию их экономического интереса и профессиональных компетенций, через – творчески-креативный досуг, с высокой долей вероятности приводит к развитию их профессиональной культуры. Сама же профессиональная культура учащихся резюмируется не только в их квалификации, но и в специфической системе их ценностных позиций и трудовых устремлений [5]. Этот механизм, если рассматривать его более подробно, имплицитно связан с развитием: личностных характеристик учащихся (стремление к самосовершенствованию; наличие высокой эрудиции; потребность в творчески-креативном досуге); их профессиональных констант (степень интегрированности получаемой профессии; уровень развития компетенций в области избранной профессии;

экономический интерес при её выборе) и гражданских установок учащихся (степень развития демократических позиций; социальная активность и т.д.).

Исследование механизма развития профессиональной культуры учащихся позволило установить структуру факторов, связанных с её развитием. Наибольшая взаимосвязь развития профессиональной культуры учащихся, как показал эмпирический анализ социологических данных, наблюдается с социально-экономическими факторами (43,4 %). На втором месте находятся факторы учебной и воспитательной среды образовательных организаций (30,4 %). На третьем месте – их личностные характеристики (26,2 %). В процессе обобщения результатов социологических опросов было показано, что развитие профессиональной культуры учащихся факторно взаимосвязано с взаимно пересекающимися конкурентно-рыночными и творчески-инновационными их характеристиками. Они, в качестве факторов, пронизывают весь процесс её развития: от общей социализации учащихся до их формирования в качестве специалистов и активных граждан нашего общества. По-видимому, возникновение социальных, экономических и политических институтов современного гражданского общества в 90-е годы XX столетия создало фундаментальные условия – своеобразный плацдарм – для синтеза в текущем XXI веке новых социально-гражданских и ценностных позиций обучающейся молодежи; для – развития её рыночно ориентированных профессиональных установок; для – проявления ею своих творческих способностей; для – воспитания у неё упорства в достижении поставленной цели и т.д. и т.п. [4].

Наше многолетнее социологическое исследование развития профессиональной культуры учащихся лицеев и колледжей Санкт-Петербурга, а также сложный и неоднозначный опыт 90-х годов прошлого столетия, позволяют сделать несколько выводов.

Социологическое исследование профессиональной культуры обучающейся молодежи, чтобы быть плодотворным, должно опираться на анализ демократических институтов современного российского общества, на – многогранное изучение личности респондентов, как его акторов, обладающих различными интересами и потребностями, разной ментальностью и духовностью, многообразными степенями и направлениями реализации своей пассионарности, на – междисциплинарно осмысленную парадигму развития социальной и педагогической среды жизнедеятельности образовательных организаций, на – сущностное рассмотрение онтологической двойственности развития профессиональной культуры и перспективных направлений её воспитания у обучающейся молодежи.

Научный анализ профессиональной культуры учащихся, чтобы быть максимально эффективным, должен проводиться на пересечении, как минимум, социологического, психологического и педагогического исследования будущих профессионалов, активно вовлекаемых в сферы материального и нематериального производства. Это, как показывает наш многолетний опыт, даст возможность на завершающем этапе исследования – этапе внедрения его результатов в реальную практику – представить подробные, реально применимые алгоритмы и меры воспитания их профессиональной культуры как внутри, так и вне образовательных организаций среднего звена, органично увязать данный процесс с экономической, социальной и политической трансформацией нашего гражданского общества [3].

Перечисленные выше шаги, на наш взгляд, должны поспособствовать повышению эффективности междисциплинарного – социологического, психологического и педагогического – исследования профессиональной культуры учащейся молодежи и, как следствие, заметным образом помочь педагогам в деле её обучения и воспитания в системе лицеев и колледжей производственно-технического профиля.

1. Мищенко, А.С. Формирование профессиональной культуры молодежи как фактор современной модернизации российской экономики: Тезисы доклада / А.С. Мищенко // Гуманитарные проблемы современной цивилизации: VI Международные Лихачевские научные чтения – 26-27 мая, 2006г. – СПб.: СПбГУП – 2006г. – С. 286 – 287.

2. Мищенко А.С. Профессиональная культура личности как онтологическая двойственность: Тезисы науч. доклада / А.С. Мищенко // Личность, общество и образование в современной социокультурной ситуации: Межвуз. сб. науч. трудов. – СПб.: ЛОИРО, 2007г. – С. 276 – 280.

3. Мищенко, А.С. Профессиональная культура личности: социально-педагогические принципы формирования: Науч. статья / А.С. Мищенко // Философия образования. – 2007г. – № 2 – С. 284 – 291.

4. Мищенко, А.С. Учащиеся средней профессиональной школы как субъекты гражданского общества: динамика за 1994 - 2010 г.г.: Науч. статья / А.С. Мищенко // Молодежь России в начале XXI века: Регион Северо-Запад: Сборник научных

трудоу. Сер. "Проблемы философии" Центр гуманитар. науч. – информ. исслед. Отд. философии; Отв. ред. Шкаев Д.Г.. Москва, ИНИОН РАН, 2014г. – С. 72 – 85.
5. Мищенко, А.С. Формирование профессионализма учащихся: результаты исследования в условиях модернизации образовательных процессов в лицеях и училищах: Науч. статья /А.С. Мищенко // Молодежь России в начале XXI века: Регион Северо-Запад: Сборник научных трудов. Сер. "Проблемы философии" Центр гуманитар. науч. – информ. исслед. Отд. философии; Отв. ред. Шкаев Д.Г. Москва, ИНИОН РАН, 2014г. – С. 255 – 268.

ПАТРИОТИЗМ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Мосякина Д.В., Липова А.В., Лунёва А.С., Курганова А.А. (Москва)

При сегодняшней политической обстановке крайне актуальным становится вопрос о политическом поведении и о факторах, влияющих на него. Под политическим поведением мы понимаем не только электоральную активность, но и активное и пассивное участие граждан в деятельности государства. [2] Как показывает современная мировая ситуация, конвенциональное поведение свойственно больше людям политически образованным, более взрослым социальным группам, в то время как наиболее яркими представителями неконвенционального политического действия является молодежь. Среди молодежи преобладает деструктивное поведение, то есть настрой на то, чтобы разрушить все старое и на месте этого построить нечто абсолютно новое. Но сделать это в большинстве случаев неосознанно.[3] Молодежь психологически подавляемая, очень доверчивая и легко управляемая социальная группа. У молодых людей еще нет четкой политической идеи и пристрастий. Именно поэтому, на их поведение влияет ряд факторов, воздействующих на них извне. Чем выше уровень интеллекта и чем богаче багаж знаний у молодых людей, тем труднее на них воздействовать. [1] Выборы в Государственную Думу в 2016 году показали, что студенты Московского государственного университета, также как и студенты Московского физико-технического института отдали победившей партии «Единая Россия» лишь около 14% своих голосов (МГУ 15,7%; МФТИ 12%), в то время как жители страны отдали за партию «Единая Россия» большинство голосов (54,2%). Студенты университетов активно голосовали за «Яблоко» (33,5% и 36,5%) и КПРФ (20,8% и 15,6%). Самое меньшее количество голосов среди студентов заняла партия коммунистов. Интересно отметить, что в двух ВУЗах результаты являются практически одинаковыми. В то время как общие результаты выборов по стране значительно отличаются (КПРФ 13,34%, ЛДПР 13,14%). Результаты выборов показывают, что политически осведомленные молодые люди голосуют иначе, нежели другие избиратели. Несомненно, приход к власти другой партии принес бы определенные изменения в текущее законодательство и в повседневный быт граждан. Молодые люди, судя по результатам голосования, к этим изменениям готовы. Это обусловлено психологическими особенностями данной социально-демографической группы. Проанализировав теоретический материал, мы пришли к выводу, что наиболее интересной для изучения является именно такая социально-демографическая группа как молодежь. Вызвано это, прежде всего тем, что данная группа отличается своими особыми характеристиками и двойственными функциями. [5] Именно поэтому в качестве объекта нашего изучения мы выбрали молодежь, так как, по нашему мнению, это наиболее интересная и динамичная для изучения социальная группа. Изучать мы будем студентов Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, которые расскажут нам о мотивах своих политических действий. Молодежь, являясь субъектом политических и социальных отношений, активной частью общества, может повлиять на ход осуществления политического решения[4]. Вхождение в сложный мир политики новых поколений предполагает формирование у них определенного отношения к политическим целям и ценностям, которые они застают в конкретном обществе. Они могут принять господствующую в государстве идеологию или последовать идее с меньшим количеством последователей. политические предпочтения молодежи могут со временем изменяться, она может переосмыслить свои предпочтения и склонности. Поэтому для поддержания целостности и прогресса общества важно знать, как происходит трансляция политических убеждений и стандартов политической жизни от одного поколения к другому и тем самым происходит формирование самостоятельного и ответственного политического субъекта, а также важно изучить, как именно факторы могут влиять на политическое поведение молодежи. Существует несколько точек зрения на то, какие именно

факторы влияют на политическое поведение индивида. Мощным интегрирующим фактором, влияющим на политическое поведение граждан является такое явление как патриотизм. Постоянно меняющиеся интересы государства и общества не позволяют дать четкого понятия этому явлению, так как их нельзя унифицировать, то есть объединить в одну общую идею. Не существует «вечной политической идеи», «вечной политической культуры», основываясь на которых могло быть сформировано некое единое политическое мировоззрение. Именно поэтому каждое государство может вкладывать в это понятие дополнительный смысл, обуславливая его особенностями своего исторического и культурного развития. На данный момент нет широко известных социологических исследований по данной проблеме. В общественном доступе находится информация об уровне патриотизма в нашей стране и тенденциях связанных с данным явлением, также есть много исследований, посвященных политическому поведению молодежи, но влияние патриотизма на политическое поведение молодежи не было полноценно изучено. Поэтому у нас существует потребность исследовать вышеупомянутую связь и подтвердить или опровергнуть ее наличие. В связи с этим в нашем исследовании мы бы хотели изучить, как патриотизм влияет на политическое поведение наших граждан, может ли он служить причиной снижения уровня политической активности или же наоборот, способствует ее росту. Патриотизм феномен, которые ещё в древние времена интересовал философов, и который до сих пор беспокоит многих исследователей. Для патриотизма нельзя найти единого определения, так как каждый в понятие "Любовь к Родине" включает свои неповторимые смыслы, свои догадки и рассуждения. Именно поэтому мы заинтересовались этим вопросом. В нашем государстве сегодня активно проводится политика, направленная на повышение уровня патриотизма среди молодёжи. Уже с малого возраста дети гордятся достижениями своих прадедов и своих родных. Молодых людей активно привлекают на демонстрации и шествия, которые проводятся в поддержку мероприятий, проводимых на уровне государства или тех, которые проводятся в память о каких-то событиях, занимающих важное место в истории нашей страны. На наш взгляд, такие формы вовлечения молодёжи в общественную деятельность государства существенно повышают желание молодых людей участвовать в политической жизни своего района, города или даже страны, так как они чувствуют, что их участие приносит пользу и вызывает обратную, ответную реакцию. Наше исследование как раз посвящено изучению феномена патриотизма как фактора влияния на политическое поведение молодёжи. Исследование предполагает наличие эмпирических данных, которые опытным путём помогут нам убедиться в нашей гипотезе или опровергнуть ее.

Нормативно-правовые акты:

1. Конституция РФ 1993 г., гл. 2 "Права и свободы человека и гражданина";
- Монографии:
1. Алмонд Г., Верба С. *Гражданская культура и стабильность демократии*, 1992– 221-345с.
2. Гармаев Б.Б. «Природа патриотизма и формы его восприятия». – [электронный ресурс]. - <http://cyberleninka.ru/article/n/priroda-patriotizma-i-formy-ego-proyavleniya>
3. Карпенко О.М., Ламанов И.А. *Молодёжь в современном политическом процессе в России*. М.: Изд-во СГУ, 2006.
4. Кравченко А.И. *Политология*. – М.: Проспект, 2001. – 336с.
5. Мельвиль А.Ю. *Политология*. – М.: МГИМО, ТК Велби., – 624с.
6. Могильницкий б.Г. *О природе исторического познания*, 2 гл, *История и идеология*, Проспект, - 2004г. с213-310
7. Ружа В.А. «Социокультурный подход как методологическая основа социологической интерпретации понятия патриотизм». – [электронный ресурс]. - <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-podhod-kak-metodologicheskaya-osnova-sotsiologicheskoy-interpretatsii-ponyatiya-patriotizm> (Дата обращения: 03.02.2017).
8. Шестопал Е.Б., *Политическая психология*. Проспект, - 2003г. с200-214
9. Щенина О.Г. *Формы участия молодёжи в политическом процессе современной России: Дис. ... канд. полит. наук*. М., 2005.с345-350
10. G. A. Almond, S. Verba. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. — Sage Publications, Inc., 1989.
11. Campbell A. *A la recherche d'un modele en psychologie electorate comparative*.//*Revue francaise de sociologie*,1996. N. VII.P.583
12. Verba S., Nie N. *Participation in America: Social Equality and Political Democracy* – New York: Harper and Row, 1972. P.2
13. Milbrath L. W. *Political Participation*. – Chicago, RandMcNally, 1965
14. Huckfeldt R., Sprague J. *Citizens, Politics and Social Communication. Information and influence in an election campaign*. - Cambridge: Cambridge

- University Press, 1995. P.283
15. Lasswell H.D. *World politics and personal insecurity*. - N. Y.: McGraw-Hill, 1935. - 307p
16. Lijphart A. *Language, Religion, Class and Party Choice: Belgium, Canada, Switzerland and South Africa/Electoral Participation. A comparative analysis/Ed. By Rose P. Beverly Hills; - L.:Sage publ., 1988. P.283-327*
17. Merriam Ck. *Political Power. Study of Power*. – Gleoncoe, 1950. P.30
18. Milbrath L.W. *Political Participation*. Chicago: Rand McNally, 1965
19. Miller W.E., Shanks J.M. *The new American voter*. Cambridge: Harvard University Press, 1996. P. 117.
20. Schieder Th. *Politisches Handeln aus historischem Bewusstsein*.— In: HZ, 1975, Bd. 220, II. 1.
21. Zaller J. *The nature and origins of mass opinion*. - Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P.311
- Учебные пособия:
1. Мухаев Р.Т. *Политология: учебник – Москва: Проспект, 2016. – 411-413с.*
2. *Политическая социология: учебник/ под ред. Ж.Т.Тоценко - М.: Издательство Юрайт, 2012. - 624с. - Серия: Бакалавр.*
- Сбонники:
1. *Образование в Российской Федерации: 2014 : статистический сборник. – Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. – 464 с*
- Статьи:
1. Андреева И., Голубкова Ю., Новикова Л. *Молодежная субкультура : нормы и системы ценностей.*// Социс, 1989 , № 4.
2. Буш К. А. *Анализ активности молодежи в политической жизни страны: Украина, Россия, Польша // Молодой ученый. — 2015. — №23. — С. 847-850.*
3. Власенко Л. В. *роль молодежи в процессах преобразования общества / Л. В. Власенко // Научный диалог - 2014. - №5 (29): История. Социология. - С. 126 - 140.*
4. Волков Ю.Г. *В поисках новой идеологической парадигмы// Социально-гуманитарные знания. - 2003. - №2. - С.-80- 100*
5. Гармаев Бато Бадмацыренович *“Вестник Бурятского государственного университета” Выпуск № 6 / 2013*
6. Судакова Т. Г., Гезимиев А. С. **ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ** // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. LVІ междунар. науч.-практ. конф. № 12(52).* – Новосибирск: СибАК, 2015.
7. Петрова Л.А. *Формирование патриотизма // Психология, социология и педагогика. 2012. № 3 -[Электронный ресурс].- <http://psychology.snauka.ru/2012/03/349>*
8. Редькин А. *Повышение электоральной активности молодежи / [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: http://zhurnal.lib.ru/r/redskin_aleksandr_aleksandrow (Дата обращения: 03.02.2017).*
9. Садырова М.Ю. *Проблема избирательной активности российской молодежи// Молодой ученый. - 2014. - №3. - С.667-669*
10. Саймон Г.А. *Рациональность как процесс и продукт мышления / Г. Саймон // THESIS, 1993, вып.3, с.16-38*
11. Рац М. *Патриотизм и формы его обсуждения// Независимая газета. - 26 августа. - 2000*
12. Чирун Сергей Николаевич *Политическая активность и политическое участие молодежи: проблемы и возможности // Вестн. Том. гос. ун-та. 2010. №332. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-aktivnost-i-politicheskoe-uchastie-molodezhi-problemy-i-vozmozhnosti>(дата обращения: 22.11.2016)*

ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ

Мохоров Г.А., Урсу И.С., Шакарян Я.Э. (Санкт-Петербург)

Значимость изучения процессов жизненного самоопределения учащейся молодежи – старшекласников и студентов – связаны не только с динамизмом социальной жизни и изменений в образовательной сфере, но и с необходимостью определения различия в ожиданиях и

притязаниях тех, кто обучается в ВУЗах. Попытаться понять, насколько глубоки или близки эти различия, означает, во-первых, разобраться в ценностных ориентациях, касающихся их жизни, и, во-вторых, оценить сегодняшний уровень представлений респондентов о своем будущем. Заявленная исследовательская проблема не нова для социологической науки. Среди первых, кто обратился к анализу ценностных установок личности, были американцы У. Томас и Ф. Знанецкий. В своей работе «Польский крестьянин в Европе и Америке» они описали две зависимости: зависимость индивида от социальной организации и зависимость социальной организации от индивида. Ими были использованы два основных понятия – «социальная ценность» и «социальная установка» (или «аттитюд»). Первое понятие применялось для характеристики социальной организации, второе – для характеристики личности. На последующих этапах исследования ценностных характеристик личности в социальных науках – философии, психологии, социологии, антропологии, культурологии, педагогике – было установлено, что «аттитюды» являются состоянием сознания, в выражающим готовность к реакции, формирующейся на основе предшествующего опыта и оказывающей влияние на характер и содержание поведения личности (Оллпорт Г.У.). Одновременно с этим были разработаны измерительные шкалы (Л. Терстоун), в структуре которых М. Смит выделил когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты. Кроме того, было зафиксировано расхождение между аттитюдами и реальным поведением (так называемый парадокс Лапьера), а также выделены аттитюды на объект и на ситуацию, которые могут «включаться» то один, то другой (М. Рокич). В.А. Ядов предпринял попытку преодолеть методологическую ограниченность приведенных выше исследований аттитюдов. Он исходил из идеи о том, что человек обладает сложной системой различных дистанционных образований, которые регулируют его поведение. Эта система представляет собой иерархически организованное целостное образование, в котором выделяются высший, средний и низший уровни. Системообразующим свойством этой целостности являются различные состояния и уровни предрасположенности человека к восприятию условий деятельности, его готовности к конкретному поведению и деятельности, которые фиксируются в структуре личности в ходе ее развития. В конечном итоге Ядов придерживается схемы: ситуация – диспозиция – поведение, где диспозиция выступает не только посредником между ситуациями и поведением, но и мотивом деятельности. Диспозиционное образование формируется при наличии потребностей и ситуаций (или возможностей) их удовлетворения. В итоге потребности, ситуации и диспозиции образуют иерархические системы.

В настоящей статье приводятся результаты сравнительного социологического исследования, структуры ценностных ориентаций студенческой молодежи Санкт-Петербурга. В самом общем виде предметом исследования выступали три взаимосвязанных компонента: социально-культурная среда, субъективные детерминанты поведения и социальная деятельность. Социальную среду образуют: разделение труда, система общественных отношений, социальная структура общества (в т.ч. социальные институты), господствующая культура, язык и т.д. (макросреда), а также семья, школа, ВУЗ. Центральным элементом в субъективном механизме названной среды выступают ценностные ориентации (терминальные и инструментальные, традиционные и либеральные и т.п.), которые позволяют ей принимать решения и выделять значимые для нее смыслы и ценности, выбирать средства и способы поведения для реализации жизненных целей. Для характеристики третьего компонента – социально-культурной деятельности – были использованы термины «популярность» и «интенсивность». Популярность определяется процентом участвующих в той или иной деятельности, интенсивность – затраченным временем на ту или иную деятельность за определенный период времени.

Подчеркнем, что между деятельностью, поведением индивида, его потребностями, интересами и ценностными ориентациями и условиями социальной ситуации существует прямая и обратная взаимосвязь и взаимообусловленность. Из сказанного следуют возможные противоречия в повседневной практике молодежи: 1. Желание и поведение индивида совпадают, поскольку они не противоречат ситуации; 2. Желания одни, требования другие, и как следствие поведение индивида будет соответствовать ситуации, но противоречить его потребностям. К этому добавим, что наличие конкретной потребности вызывает, как правило, соответствующую активность. И наоборот, стремление индивида к тому или иному виду деятельности ведет к формированию его потребностей, интереса, ценностных ориентаций. Следует отметить и тот факт, что в повседневной жизни человек не всегда свободен в выборе вида деятельности. Старшеклассники или студенты посещают учебное заведение, не имея к этому ни желания, ни способности, ни влечения. Но будучи навязанной кем-то, деятельность со временем может стать значимой для

индивида, поскольку эта деятельность способствовала формированию потребности и интереса к ней.

Приведенный выше материал использовался нами при проведении различных сравнительных социологических исследований, в том числе и настоящего. Искомая информация была получена посредством специальной методики, содержащей три открытых задания:

1. Перечислить десять наиболее значимых ценностей для респондентов на момент опроса;
2. От каких вышеперечисленных ценностей при необходимости респонденты смогли бы отказаться;
3. От каких вышеперечисленных ценностей респонденты не смогли бы отказаться ни при каких обстоятельствах.

Сбор информации проводился в течение последних трех учебных лет – 2014/15 – 127 человек, 2015/16 – 114 человек, и 2016/17 – 182 человека. Всего было охвачено 423 человека. В целом были названы 19 ценностей.

По первому заданию ценности распределились следующим образом (по убыванию): семья (99,1%), личностные качества (92,4%), материальное благополучие (73,3%), друзья и общение (67,6%), здоровье (63,4%), духовность (63,4%), образование (53,9%), любовь (52,2%), статус (31%), самореализация (28,4%), свободное время (22,2%), развлечения и отдых (21,5%), профессия и работа (20,6%), спорт (18,7%), истина (15,6%), Родина (8,5%), природа (7,8%), власть (4,2%) и техника (2,8%).

По второму заданию первые пять мест заняли личные качества (34,5%), материальное благополучие (31,4%), духовность и мораль (20,1%), статус (17,7%) и образование (17,0%).

По третьему заданию первые пять мест заняли семья (87,0%), друзья (31,0%), любовь (27,9%), личные качества (26,0%) и духовность (25,1%).

Система ценностных представлений студентов находится в процессе становления, изменения и развития, она достаточно противоречива и складывается как из терминальных, так и из инструментальных, интеграционных и дезинтеграционных ценностей. Пространство таких ценностей, как духовность, мораль, здоровье, друзья, Родина, все более и более сокращается. Перечисленные ценности отодвигаются на второй план, уступая место чувственно воспринимаемым и осязаемым ценностям. Образование для значительной части студентов не стало их внутренней потребностью, а явилось лишь их внешним условием для получения профессии. Для многих студентов ценность образования связывается с его статусной функцией и гораздо в меньшей степени с ценностью будущей профессии и знаний в целом. Отсюда ориентация выпускников школ на высшее образование как на личностный ресурс при отложенном выборе профессии. К этому добавим значение использования культурно-образовательного потенциала профессионального воспитания, позволяющего индивиду использовать интеллектуальный потенциал свободного времени.

ПЕНСИОННЫЕ СТРАТЕГИИ МОЛОДЕЖИ В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИИ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ

Мошевитина Т.Ю. (Екатеринбург)

Аннотация.

Статья посвящена анализу проблемы формирования пенсионных стратегий молодежи при отсутствии традиций пенсионного инвестирования в современной России. Показаны факторы, влияющие на наличие или отсутствие данных стратегий. Поднимается проблема низкой информированности молодежи о работе пенсионной системы.

Сегодня перед государством стоит проблема старения населения и сокращение числа трудоспособных. В связи с этим для России, находящейся в состоянии активного реформирования, особенно актуальным становится вопрос о том, какие условия должны быть созданы для качественно работающей пенсионной системы. Именно в этот период социологические исследования в области пенсионного обеспечения должны быть особо актуальны.

Изучение пенсионной проблематики в социологии, как правило, сводится к изучению таких социальных групп как пенсионеры или тех, кто скоро выходит на пенсию. Молодежь, в силу специфики возраста, несколько выпадает из рассмотрения в качестве объекта пенсионных исследований. Однако именно молодежь является основой современной пенсионной системы России.

В апреле 2017 года нами было проведено социологическое исследование, посвящённое изучению представлений молодежи о своем пенсионном будущем. Объектом исследования выступала молодежь в возрасте 20-35 лет. В качестве метода сбора первичной социологической информации использовался метод анкетирования. Было опрошено 200 человек. В результате исследования был реализован принцип неслучайной выборки, а именно квотная выборка. Квотными признаками выступали пол и возраст.

В исследовании приняли участие 54% женщин и 46% мужчин. Среди опрошенных 39% имеют высшее образование, треть среднее профессиональное, еще треть неоконченное высшее.

Основным источником дохода молодежи является заработная плата, также примерно в равных долях источниками являются пособия и помощь родителей (40% и 34% соответственно).

В рамках исследования был проанализирован ряд проблем, связанных с информированностью молодежи: низкая осведомленность молодежи, недостаточность имеющейся информации, недоверием пенсионным фондам. Каждый второй опрошенный считает, что знает, как работает пенсионная система. Однако лишь 9% молодежи достаточно хорошо осведомлены, как она работает. Большинство имеет лишь общее представление о работе системы.

Также, возможно, поверхностные знания о пенсионной системе связаны с тем, что не хватает полной понятной для простого обывателя информации по пенсионной проблематике; а также непрозрачность работы пенсионной системы.

Чем выше уровень образования, тем выше доля молодежи, которая имеет представление о работе пенсионной системы. Каждый второй представитель молодежи со средне профессиональным образованием не знает о пенсионных вопросах, среди людей с высшим образованием таких треть.

Таким образом, лучше знают о работе пенсионной системы молодежь с высшим образованием, которые проживают совместно со старшим родственниками, с низким материальным положением.

Знания молодежи о пенсионной системе носят фрагментарный характер, строятся из информации, полученной от друзей, родственников, знакомых или случайно прочтенной в СМИ или Интернете.

Основным источником получения информации о пенсионной системе среди молодежи является Интернет (54%), на втором месте средства массовой информации (46%), а от Пенсионного фонда России и негосударственных пенсионных фондов получают лишь 16% молодежи.

Итак, мы можем отметить, что в нашей стране наблюдается недостаток уроков финансовой грамотности среди молодежи. Эта информация неполная, неточная и получена скорее из второстепенных источников, а не от работников пенсионной сферы.

Одним из важных показателей представлений молодежи о будущей пенсии является опыт и планы пенсионного инвестирования. Сегодня в России: существуют институциональные механизмы инвестирования через пенсионные фонды (государственный и негосударственные) и не институциональные через вложение в недвижимость, в драгоценные металлы, вклады и т.п. Мы в праве сами выбирать каким воспользоваться: одним или несколькими сразу.

Перейдем непосредственно к источникам дохода, на которые молодежь рассчитывает в старости. Они рассматривают различные источники: зарплата, пенсия, доходы от вкладов, помощь родственников и т.д. Большинство (79%) считает, что источником дохода будут государственные выплаты, т.е пенсия и другие пособия. Каждый второй планирует получать доход от интеллектуального, физического труда, а каждый третий от сдачи в аренду собственности.

Патернализм в этом вопросе свойственен таким группам молодежи как малообеспеченные проживающие совместно со старшими родственниками, а также с низким уровнем образования.

В результате исследования мы выявили, что, несмотря на патерналистические установки среди молодежи, каждый второй опрошенный считает, что за формирование пенсии должны быть ответственны одновременно государство, работодатель и сам гражданин. Лишь 9% опрошенных возлагают всю ответственность на государство.

Таким образом, молодое поколение готово делать отчисления в счет будущей пенсии уже сейчас, и рассматривают в качестве способов инвестирования как государственный, так и негосударственные пенсионные фонды. Однако доверия все-таки больше к пенсионному фонду России (56%), чем к негосударственным (31%).

На сегодняшний день перед правительством стоит проблема дефицита пенсионного бюджета. Ее предлагается решить путем повышения пенсионного возраста, а также продлить

мораторий на выплату накопительной части пенсии. Граждане Российской Федерации не согласны с данными мерами, они видят проблемы в неэффективности власти, а также в отсутствие рабочих мест для пенсионеров, которые хотели бы продолжить работать.

В связи с этим, государству необходимо вести диалог с населением для эффективного решения проблем в пенсионной сфере.

Однако молодежь еще не окончательно рефлексировала о пенсионном будущем, так как с одной стороны, в нашей стране не развиты традиции пенсионного инвестирования, а с другой – они не думают еще о пенсии и не понимают, как работает пенсионная система страны.

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что молодежь на сегодняшний день скорее не имеет четких пенсионных стратегий. Это связано как с отсутствием долгосрочного планирования на жизнь, так и нехваткой полной и понятной информации о работе пенсионной системы.

Однако часть молодежи уже сейчас начинает задумываться, на какие доходы они будут жить в старости и готовы делать отчисления в счет будущей пенсии.

Таким образом, государству необходимо прислушиваться к молодежи ведь на сегодняшний день она является основным участником пенсионной системы, т. к за счет их отчислений формируется пенсия нынешних пенсионеров, а также формируют свою накопительную пенсию.

ДЕФОРМАЦИЯ ЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ НА ФОНЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА

Нечай Е.А., Абрамова С.Б. (Екатеринбург)

Аннотация. В статье анализируется сущность информационного терроризма. Акцентируется внимание на угрозе деформации жизненных ориентаций молодежи под воздействием информационного террора. Описаны основные деструктивные последствия применения данного социального явления в обществе. Продемонстрирована возможность применить концепцию П. Бурдьё для глубинного изучения механизма проникновения информационного терроризма в сознание молодежи.

Эволюционный процесс, связанный с развитием человеческого интеллекта и технологическим прогрессом, глубоко коснулся современного общества. С переходом социальной реальности на новый качественный уровень, многие социальные явления также претерпели значимые изменения. Ранее основным капиталом и средством достижения желаемой цели служили «деньги» или «богатство». В настоящее время таким капиталом является информация. Именно информация способна привести человека к власти, достижению поставленных целей и удовлетворению потребностей. Информационный терроризм – продукт постиндустриального общества, следствие глобализации и эволюционных изменений. Опираясь на значимость информации в жизни общества, информационный терроризм представляет собой активную разрушительную силу воздействия на социальную структуру.

Вероятно, основной слой населения, наиболее восприимчивый к действию подобного рода механизма – это молодежь. Данная социально-демографическая группа, в силу возраста и социального положения – активна, готова к усвоению нового, эмоциональна. У данного слоя населения еще не сформированы четкие ценностные ориентации, отсутствуют конкретные жизненные и профессиональные планы. Согласно результатам социологического исследования, проведенного в 2016-2017 годах[4], большинство студентов планируют осуществить свои профессиональные намерения не ранее чем через 3-7 лет, что говорит об отсутствии четких планов. Кроме того, результаты исследования показывают, что молодые люди ощущают процесс трансформации социальной реальности. К примеру, студенты говорят о том, что в российском обществе созданы неблагоприятные условия для осуществления своих профессиональных намерений. Повысился уровень риска при реализации жизненных планов, социально-экономический кризис стал основным барьером исполнения профессиональных стремлений.

Информационный террор манипулирует сознанием молодого слоя населения, оказывает воздействие на жизненные ценности и жизненные ориентации, что в будущем может привести к разрушительным последствиям. Информационный терроризм представляет собой латентное психологическое воздействие на сознание и психику человека, целью которого является деформация структуры жизненных ценностей, ориентаций и мировоззренческих установок, как личности, социальной группы так и общества в целом. Отличительная особенность

информационного террора заключается в том, что данное социальное явление оказывает исключительно негативное влияние на общество, представляет собой угрозу жизни человека.

Молодежь и студенчество – значимые субъекты в контексте становления и развития гражданского общества. Данный слой населения перенимает в настоящий момент актуальные знания и навыки для последующего применения их в профессиональной сфере. Важно дать возможность молодому человеку максимально объективно оценить окружающую социальную реальность, дать возможность сформировать свой будущий жизненный путь. Информационный терроризм является препятствием к объективному восприятию действительности, искажает и разрушает структуру личности. Необходимо глубинно изучить механизм проникновения террористических настроений в сознание молодых людей.

Исследованием терроризма как социального явления занимались множество российских и зарубежных мыслителей. Значимы работы Э. Гидденса, З. Фрейда, Д. Майерса. Влияние терроризма на сознание современного общества изучали С. Юшина, Э. Ожиганов, Г. Ярошенко и др.

Существует множество современных исследований в ракурсе анализа информационного терроризма. С. Турунок в своей работе[5] исследует технологический ресурс информационного террора и подчеркивает возможность противодействия экстремистским организациям, использующим достижения современных технологий. Автор акцентирует внимание на том, что информационный терроризм включает в себя понятие «универсализма». Терроризм подобного рода с легкостью проникает в любые тематические смыслы обыденной жизни. Противодействие информационному терроризму может заключаться в его постоянном мониторинге и изучении.

Идею противостояния информационному терроризму развивает А. Жуйков[3], который отмечает, что информационный экстремизм является сегодня одной из наиболее острых проблем общества. А. Жуйков подчеркивает значимость симбиоза научных и технологических возможностей для борьбы с данным социальным явлением.

Специфику распространения технологического террора рассматривает К. Денчев[2]. Социолог демонстрирует особенности и характеристики современного и международного терроризма. Денчев утверждает, что терроризм – это своего рода «корректива» глобализационным настроениям сегодняшнего дня, у сферы применения информационного терроризма нет национальных и территориальных границ.

Проблема информационного терроризма мало изучена по причине новизны подобного рода воздействия на общество. Основная угроза явления данного рода в том, что террор опасен на повседневном, бытовом уровне. Экстремистские послы латентны по своей природе, встречаются практически во всех средствах массовой информации. Для того, чтобы выработать определенную стратегию профилактики и борьбы с информационным терроризмом, представляется значимым применить инновационный взгляд на распространение технологического экстремизма, путем применения концепции П. Бурдьё.

Социолог описывает структуру социальной реальности при помощи таких элементов как: «пространство», «сила», «поле», «агент», «позиция», «практики». Понятие «габитус» П. Бурдьё[1] рассматривает как отдельное социальное явление. Сила, в воззрениях социолога, представляет собой определенные активные свойства, порядок взаимодействия разнокапитальных элементов. Сила относится к действиям индивидуального агента или коллективных агентов. Поскольку информация в современном обществе представляет собой капитал, она может быть использована в качестве силы, направленной на сохранение социальной системы общества. Информационный терроризм, обладая родственными связями с капиталом информации, применяется в качестве противодействующей силы, направленной на разрушение социальной системы. Агент – это индивидуум или социальная группа, молодежь. Пространство в представлении мыслителя – масштабно и включает в себя конфигурацию социальных отношений и различных сил, это поле, где различные элементы социальной системы могут занимать различные позиции и взаимодействовать между собой. Позиции представляют собой характеристики и свойства, которыми обладает агент по отношению к другим социальным агентам, позиции включают в себя ценностные ориентации, жизненные и профессиональные планы. Поле – представляет собой «подпространство», состоящее из соотношения определенных сил и законов (как пример – поле экономики, религии), поля могут быть смежными, пересекаться между собой. Информационный терроризм – это позиция коллективных социальных агентов, которая воспроизводится посредством практик. Информационный терроризм – силовая единица, поскольку он питается капиталом – информацией. Таким образом, информационный терроризм неизменно проникает в

поля социального пространства и со временем разрушает основной личностный элемент агентов – габитус.

Габитус, по Бурдьё происходит как из самих практик (действий) индивида, так и структурируется практиками и силами, действующими в поле. Поскольку цепочка формирования габитуса существует в постоянном взаимном обмене со средой существования индивида, то информационный терроризм, проникая в поле, не может не оказывать влияние на личность. При этом укореняется в ней и деформирует ценностные ориентации изнутри.

Информационный терроризм опасен тем, что проникает в еще не сформировавшееся мировоззрение молодежи, а искажив основные личностные компоненты, быстро распространяется в социальном пространстве посредством взаимодействия индивидов. Значимо попытаться предотвратить распространение информационного терроризма, найти эффективный способ противостояния.

1. Бурдьё П. Поле науки / П. Бурдьё// *Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. Альманах Российско-французского центра социологии и философии. Институт социологии Российской академии наук. М: Праксис; Институт экспериментальной социологии. – 2005. – с. 304-320*
2. Денчев К. Антиглобализм и международный терроризм / К. Денчев // *Полития. - 2004. - № 4. – с. 28-40.*
3. Жуйков А. А. Интернет и проблема информационного экстремизма в современном российском обществе /А. А. Жуйков// *Общество и право. – 2015. - № 4 (54). – с.303-306*
4. Нечай Е. А. *Предпринимательство в жизненных планах студентов: диплом. работа. Уральск. фед. Университет, г. Екатеринбург, 2017 г. – с. 65-69*
5. Туронок С. Г. *Терроризм в современном мире / С. Г. Туронок// Общественные науки и современность. - 2011. - №4. – с. 131-140*

МОЛОДЕЖЬ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ

Николаева М.В. (Краснодар)

История любой страны насчитывает огромное количество глобальных перемен и трансформаций, в которых молодежь - это большая потенциальная и активная сила. Несмотря ни на что, молодость - это определенный жизненный этап в жизни каждого человека, это еще и совокупность социально-психологических свойств, которые по-разному могут проявить себя в период каких-либо масштабных изменений.

В силу своих возрастных, личных, психологических особенностей, молодежь не имеет глубоких корней в представлениях, знаниях и идеалах, ее позиции меняются с высокой интенсивностью, она наиболее мобильна в своих действиях.

Существует много мифов и стереотипов о молодежи. Эта группа подвержена негативным оценкам со стороны одних, идеализирующие и восхвалявшие отзывы можно услышать от других. Вывод напрашивается один - идеи и взгляды молодежи в обществе во многом определяет общее настроение, и наоборот. Молодежь, как одна из самых мобильных и образованных групп, может формировать общие настроения и фокусировать основные проблемы на себе самой. Молодежь впоследствии сменяет одно поколение за одним, становясь у пульта управления страны, а вместе с ними и их идеи. Молодежь - это мощный двигатель всех изменений в стране, а значит, ее роль в период глобальных изменений и трансформаций огромна.

Можно ли разделить общество, переживающее изменения, и общество, находящееся в состоянии стагнации? Ведь изменения в политике, несомненно, ведут к потрясениям и реформам во всех остальных сферах, к которым причастен человек.

Постоянные научные и технические открытия, развитие гражданского и правового общества, развитие культуры, быстро меняющиеся темпы и рост производства, американизация общества, все названные причины могут привести к эволюции или революции, запуская постоянно движущий механизм, обращая все подобные изменения в круговорот.

Изменениям и трансформациям подвержены и ценностные ориентиры молодого поколения, гибкость морально - нравственная приводит в некотором случае к стихийным последствиям в некотором случае и необдуманном поступкам.

Сама революция, как движущая сила может состоять из молодых людей, которые определились со своей жизненной позицией, либо слепо следующих им, выступая в роли

«потерянного», «равнодушного», не знающего что его ожидает, так как привык, что государство, семья и другие сообщества будут наставлять и направлять его.

С глобальными трансформациями и революциями коренным образом меняется и статус молодежи. На примере нашего государства. Мы можем увидеть, как уравнились права и обязанности молодежи после революции 1917 года. Создались государственные структурные организации, которые занимались воспитанием, образованием и досугом молодежи. Существовал особый вектор развития страны, который охватывал молодых людей в первую очередь.

Очередная глобальная катастрофа, прошедшая в России в 1990 - е годы, коренным образом изменила положение молодежи. С приходом рыночной экономики, капитализма и западных ценностей, которые на первых этапах еще больше разрушили систему взаимоотношений между молодежью и различного рода сообществами, в виде семьи, государстве, органов управления и многими другими.

Разрушения в сознании молодежи происходило в момент происхождения различных изменений и трансформаций, а также первое время, которое приходилось на адаптацию к новым явлениям и нормам.

Молодые люди имеют необычайные способности, силу и качества, которые должны консолидировать свои усилия для развития, как своего потенциала, так и страны в целом.

Как писал А.И.Солженицын: «За несколько коротких дней 1992 года обесценены несколько веков русской истории». Он был прав, так как трансформации происходящие в современном обществе, наиболее явно и сильно уничтожают устои и годами сложившиеся отношения. Причиной тому информационное общество, развитие теорий и учений, пропаганды, которая с легкостью развяжет войну в удобном месте. Внешняя политика многих стран располагает таким оружием, которое напрочь подрывает устои общества.

Возвращаясь к революциям и трансформациями, мы можем охарактеризовать положение молодежи:

- как самую слабозащищенную группу, поскольку она яростно и охотно подвержена влиянию инородных мыслей и идей;
- чувствует распространение в обществе некоего вакуума, которое можно охарактеризовать, как результат изменений и происшествий, которые разрушив прежние устои и нормы, еще не создали новых;
- политизация и поиск «врага», который является причиной всех бед и несчастий, в виду несформировавшихся представлений или недостатка истинных знаний в политической сфере;
- дифференциация среди молодежи, которая, как следствие может возникать после любых изменений, как в стране, так и в мировом масштабе;
- возрастание преступности, а именно процент молодежной и детской преступности в период трансформаций и революций гораздо возрастает, прямо пропорционально с общим количеством;
- конфликт поколений, который всегда имел место быть в не зависимости от общества и стадии его развития. Сталкиваясь с тем, что происходит переоценивание сложившихся устоев, взглядов и ценностей, для молодых людей, не имеющих опыта, сложно объективно оценивать новые порядки и идеи, и поэтому все подвергается критике с их стороны. [1]

Если мы обратимся к социологическим опросам, предметом которых выступают ценностные ориентации молодежи в эпоху глобальных трансформаций и изменений, то мы увидим, что на первом месте у молодежи, в независимости от пола, возраста и социального положения, занимает семья, более 50% респондентов отдали свои голоса в пользу данной позиции. Респонденты также обозначили такие ценности, как «любовь», «образование», «здоровье», «творчество», как самые важные ценности, как смысл жизни, как цель, к которой нужно стремиться. Встречались также и подобные вопросы: «Как вы считаете, какие качества присущи молодежи?» Ответы потрясли своей искренностью и ответственностью перед более младшим поколением. Самыми значительными оказались такие качества, как независимость суждений, самостоятельность поступков, вера в будущее, прагматизм, образованность, патриотизм, гражданственность, патриотизм, духовность и способность к самопожертвованию.

Таким образом, молодежь можно и нужно считать прогрессивной движущей силой, ее можно назвать субъектом истории, источником новейших знаний и мыслей. Если мы не переосмыслим роль и значение способностей молодого поколения, то не сможем преодолеть этот вакуум в духовной, социально - экономической и политической жизни нашего воскресенного общества.

ТЕНДЕНЦИИ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТРИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ОРЛА)

Новикова Г.А., Старых Н.П. (Орёл)

В XXI веке кино является каналом социальных коммуникаций и находится в центре внимания социологов, культурологов, PR-специалистов, общественных деятелей. В провинциальных регионах России, к каковым относится г. Орёл, формула «кино — символ и атрибут, а также проводник глобализации» «работает» с совершенной определенностью. Отчасти это объясняется тем, что другие атрибуты глобализации (концерты всемирно признанных музыкантов, культурные форумы, встречи с модными писателями и др.) проникают в глубину с трудом или с опозданием, а кинопремьеры демонстрируются на экранах кинотеатров г. Орла в те же дни, что и по всей России. Да и сами кинотеатры в г. Орле по техническому оснащению и дизайну не уступают центральным, то есть являются самостоятельными атрибутами глобализации. Кинематография по своим возможностям воздействия на человека и всю совокупность его взглядов занимает особое место. Кино обладает интегративным характером влияния на мировоззренческие установки человека и его ценностные ориентации.

Важным аспектом социологического анализа кинематографических предпочтений молодёжи стала глобализация кинематографии. Результатом глобализации явились кардинальные изменения в репертуарной политике. В этой связи необходимо обратиться к изучению воздействия глобализации на отечественную аудиторию, осмыслением изменений, произошедших в предпочтениях молодёжной киноаудитории в новых социальных условиях. В кинематографической сфере происходят не процессы интеграции, а процессы унификации всей системы по, прежде всего, американскому образцу. Поэтому вполне логично, что во многих отечественных источниках современный этап глобализации чаще всего называют «вестернизацией», а иногда и точнее — «американизацией».

Сам термин «вестернизация» не является новым, но обозначаемое им явление характеризует сегодняшний этап глобализации. Исторически понятие «вестернизация» обозначало процесс усвоения западной культуры и ценностей неевропейскими странами. Вестернизация — социологическая концепция «озападничивания», направленная на вовлечение развивающихся стран в орбиту Запада во внешней политике, привитие им западных форм правления, организации общественно-политической и экономической жизни. [1]

Для изучения кинематографических предпочтений молодёжной аудитории было проведено глубинное интервью. В глубинном интервью приняли участие восемь человек. Из них 5 представительниц женского пола в возрасте от 15 до 29 лет и три представителя мужского пола в возрасте от 15 до 29 лет. По результатам проведенного глубинного интервью наблюдается популярность зарубежного кинематографа и развлекательных жанров кино о чем свидетельствуют приведенные ниже данные.

Почти все опрошенные отметили, что выбирая между зарубежным и российским кинематографом предпочитают больше смотреть зарубежный кинематограф объясняя это тем, что зарубежное кино более интересное и захватывающее.

«Оно как правило более интересное, в нем более интересный сюжет, к тому же на кино тратится больше денег, у них больше бюджет, поэтому и возможностей больше, чтобы снять что-нибудь интересное, также как правило там бывают более проработанные сценарии по сравнению с российскими» - Анастасия (23 года).

Среди тех кто выбирал отечественный кинематограф, отмечали, что российское кино ближе и хочется больше узнавать о фильмах отечественного производства.

«Ну... российские, потому что хочется узнавать наши российские фильмы по больше... вот» - Анжела (29 лет).

«Мне нравится, что снимают много фильмов патриотического содержания» - Евгений (21 год).

Среди любимых российских фильмов респонденты выделяют такие как «Операция «Ы»: Приключения Шурика», «Иван Васильевич меняет профессию», «Педагогическая поэма», «Ёлки»,

«Сибирский цирюльник», «28 панфиловцев» и приводят следующие аргументы: «Он в общем больше относится к советскому кино, это фильм «Операция «Ы»: приключения Шурика», это вообще моя самая любимая комедия из всех фильмов и там юмор не заезженный и очень смешной «не плоский»» - Павел (27 лет). «Мой любимый фильм Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник». Этот фильм конечно не из новейших фильмов, но тем не менее, это мой любимый фильм. Почему? Потому что он интересный, потому что он очень... скажем так содержательный, драма которая человека учит человека любви и терпению» - Анжела (29 лет).

Среди любимых зарубежных фильмов выделяют следующие: «Их очень много...но к примеру приходит в голову такой фильм как «Хористы», там повествуется о мальчишках у которых трудное поведение и о учителе, которому не совсем сопутствует удача в жизни. В фильме развиваются отношения учителя с этим ребенком, как эти дети становятся более как сказать...более обучаемы, их поведение меняется в лучшую сторону, динамика и в итоге конечно очень радует, потрясающий фильм, столько эмоций от него» - Елизавета (22 года).

«Зарубежный фильм нравится «V-значит Вендетта», нравится он мне по большому счету из-за сюжета, очень хорошо показан и то, что он соответствует происходящему времени, то что устои государства ушли от ранних условиях при которых государство создавалась, то есть раньше государство народ поддерживал, а сейчас государство стало выше народа и наоборот пытается всячески показать, что оно выше его и народ с этим ничего поделать не может» - Павел (27 лет).

Среди любимых режиссёров респонденты называли таких как Стен Ли, Дэвид Финчер, Никита Михалков, Гай Ричи, Джэймс Кэмерон, Андрей Кончаловский.

«Гай Ричи, за то, что он делает сюжеты в основном криминальные, но это не говорит о том, что в этих криминальных фильмах нет глубокой мысли или сюжета, не раскрыт полностью. Режиссёр он хороший не только, что в фильмах есть хороший сюжет, но и мысль раскрыта, то есть зритель так, что зритель любого возраста и пола мог понять его» - Павел (27 лет).

Среди факторов, которые нужно изменить в российском кинематографе выделяют, появление новых идей, увеличение финансирования, поднимать в фильмах проблемы общества и поддержку новых режиссёров.

«У нас много детективов, комедий, но нет жанров кино где поднимаются проблемы общества, вот таких фильмов нам не хватает, особенно в современном состоянии России. Изменить нужно...в нашем российском кино фигурирует как спонсор кино - это государство и то, что не нравится нашему государству в кино никогда не покажут, это нужно изменить и, если это изменится, то в наше кино внесется много идей» - Павел (27 лет).

Также большинство респондентов считают, что глобализация влияет на кинопроцесс в России и это проявляется в следующем: «Я считаю, что глобализация влияет на кинопроцесс в России, это прослеживается например по такому фильму как «Защитники», я хоть сама его не смотрела, но концепция и задумка фильма очень схожа с американским фильмом «Мстители», также еще влияет на российский рынок кино жанр фильмов «ужасы», потому что последние российские фильмы, которые выходили, они по сюжетам схожи с американскими фильмами» - Анастасия (23 года).

Таким образом можно сделать вывод, что подавляющее большинство респондентов предпочитают фильмы зарубежного производства. Больше предпочитают зарубежное кино, потому что снимают более качественные фильмы с интересными сюжетами и сценариями. Из недавно просмотренных фильмов больше всего не понравились: «Корпоратив», «Дизлайк», «ХхХ». Среди любимых российских фильмов выделяют «28 панфиловцев», «Педагогическая поэма», «Ёлки», «Иван Васильевич меняет профессию», «Операция «Ы»: приключения Шурика». Среди фильмов преобладают в основном кино советского производства, так как они хорошо сняты, там присутствует юмор или оно связано с приятными воспоминаниями из детства. Среди зарубежных фильмов выделяют: «Хористы», «Форсаж», «V-значит вендетта», «Властелин Колец», «Дэтпул» и т.д. Так как они качественно сняты, затрагиваются актуальные проблемы общества. Большинство опрошенных респондентов называя любых режиссёров перечисляли в основном зарубежных. Также опрошенные считают, что российскому кинематографу не хватает новых идей и сюжетов, хороших актёров, режиссёров и финансирования. Но в целом надеются, что российский кинематограф будет прогрессивно развиваться в ближайшее время.

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАХИ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Одерова Т.А., Смольникова Л.В. (Томск)

В статье затронута и рассмотрена актуальная проблема современного общества – социальные страхи, с теоретическим и практическим ее обоснованием, что подтверждают результаты экспериментального психологического исследования. Проведен анализ формирования социальных страхов. Рассмотрены положительные и отрицательные стороны этого феномена и дан ответ на вопрос: «Какое влияние оказывают социальные страхи на человека?». Социальные страхи рассматриваются не только, как тема для научного изучения, а как актуальный вопрос, требующий ответа в виде различных доступных мероприятий по его коррекции и профилактике.

Наверняка всем известно, что такое страх, ведь всю свою жизнь практически каждый день человек подвержен ему. И это несколько неудивительно, ведь он относится к базовым эмоциям, только не всегда носит положительный характер [1]. Изначально страх возник, как защитная реакция еще у первобытных людей, но тогда он был биологической направленности. С развитием человека и общества он начал трансформироваться и приобретать новые черты, так появился социальный страх, как его разновидность [6]. В условиях современного общества человека в большей степени беспокоит его статусный и ролевой набор, материальное обеспечение, имидж и т.п., поэтому страх окружает почти все стороны жизнедеятельности человека: семья, отношения, работа, общество, образование [7, 9-38]. Поэтому чаще всего люди испытывают именно социальные страхи.

Социальный страх – боязнь ситуаций социальной направленности, сложившаяся в виду определенных причин, при этом они могут быть как врожденные, так и приобретенные. Зачастую страх сопровождается вегетативной симптоматикой (учащенное сердцебиение, потливость, тремор и др.), так как это инстинкт самосохранения, такая реакция организма характерна и для социальной тревоги, страха, фобии [3, 224]. Большую роль при формировании социального страха играет процесс социализации, так как не всегда складывается положительно по ряду причин (отсутствие навыка фильтрации СМИ, негативный опыт и т.п.), а это отражается у человека на бессознательном уровне и в будущем мешает целесообразному принятию себя, как личности. Это одна из причин, по которой важно работать с социальными страхами именно у молодежи. Известно, что молодежь – социально неустойчивая группа и уже в юношеском возрасте способна определять стратегию своего поведения. Поэтому пока не выработана поведенческая модель и легко усваиваются программы по профилактики и коррекции социального страха необходимо их проводить. В этом возрасте они дают высокие результаты по устранению социального страха до того, как он начнет прогрессировать в категорию фобийных состояний, которые в свою очередь сильно изменяют жизнь человека [5]. В результате отсутствия профилактики социального страха формируется основа для таких последствий как: предвзятое отношение, формирование антивитального, девиантного поведения, маний (алкоголизм, наркомания) и др. [2].

В эру развития компьютерных технологий и интернета, социальный страх меняется и развивается в новой среде. Виртуальное общение, создание не своего образа могут снизить самооценку в реальности. Появляются новые социальные страхи, как потеря виртуального общения, зависимость от влияния негативно настроенных групп и сообществ, непопулярности в «социальных сетях», негативной оценки, которую может увидеть наиболее обширный круг людей и др.

Да, с одной стороны социальные страхи – это положительное явление, так как они защищают человека, но точно так же они его ограничивают и сдерживают, позволяют другим подчинять своей воле, лишать личного мнения и т.п. Поэтому оценка влияния социального страха зависит от уровня его выраженности и преобладающих типов.

Для подтверждения актуальности темы проведено экспериментальное психологическое исследование с целью выявления уровня выраженности социального страха у студентов первого курса Томского Государственного Университета Систем Управления и Радиоэлектроники (ТУСУР). Исследование проводилось по методике, разработанной психологами ФГБОУ ВО АГУ Сагалаковой О.А. и Труевцевым Д.В. «Психодиагностический опросник социальной тревоги и социофобии», состоящий из 29 вопросов-ситуаций с четырех бальной системой ответов согласия-несогласия. Опросник оформлен в электронной «гугл-форме», с обязательным выбором ответа на каждый вопрос. Данная методика позволяет выявить выраженность социальной тревоги и страха, а так же определить их доминирующий тип [4].

В исследовании приняло участие 77 человек из них 59 юношей, что составляет 77% и 18 девушек, что составляет 23%.

Из всей выборки выявлено 3,9% респондентов с «высокой социальной тревогой с тенденцией к избеганию социальных ситуаций», 12,99% опрошиваемых относятся к категории «повышенная социальная тревога с возможностью возникновения проблемы в социальной адаптации», 18,18% респондентов входят в категорию «умеренно повышенная социальная тревога» и у 19,48% фиксируется «невыраженная социальная тревога, социальная смелость и инициативность». Таким образом, наибольший процент опрошиваемых относится к категории «промежуточная зона между социальной смелостью во многих ситуациях оценивания и эпизодическими проявлениями социальной тревоги в экспертных ситуациях оценивания». Однако, не всё так благополучно, так как выявлено 6,49% респондентов с «клинической социофобией в декомпенсации, повышена вероятность коморбидных расстройств и поведенческих рисков», 2,6% относятся к категории «клиническая социофобия». Именно эти, последние данные, заставляют задуматься о необходимости разработки и реализации программы по коррекции выраженности социальных страхов у студенческой молодёжи и как следствие исключение поведенческих рисков.

Таким образом, результаты проведенного экспериментально-психологического исследования с практической стороны доказывают значимость и актуальность темы изучения социальных страхов и работы с ними по коррекции их выраженности в современном обществе среди студенческой молодёжи.

1. Захаров А.И. *Страх и тревога в генезе неврозов.* – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://studentick.com/docs/index-3838.html> (дата обращения: 20.09.2017).
2. Карякина Л.В. *Подростковые страхи* / журнал «Твой формат». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tvoiformat.org/article/podrostkovye-strakhi/> (дата обращения: 19.09.2017).
3. Мэй Р. *Проблема тревоги* / Пер. с англ. А.Г. Гладкова. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 224 с.
4. Сагалакова О.А, Труевцев Д.В. *Психодиагностический Опросник социальной тревоги и социофобии.* – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.medpsy.ru/mprij/archiv_global/2012_4_15/nomer/nomer19.php (дата обращения: 03.05.2017).
5. Сагалакова О.А, Труевцев Д.В. *Социальные страхи и социофобии.* – Томск: Издательство ТГУ.
6. Скворцов С.Л. *Проблема страха: Искусство жизни в «век смерти»* / С.Л. Скворцов // *Человек: образ и сущность: (Гуманит. аспекты). Ежегодник.* – М., 1991. – С.9-38.
7. Щербатых Ю.В. *Психические состояния.* – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2015/1350/11754> (дата обращения: 19.09.2017).

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР НРАВСТВЕННОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

Омельницкая Н.В. (Королёв)

Аннотация: В статье рассматривается роль образовательного пространства в нравственной социализации молодежи, возможности высших учебных заведений в процессе формирования нравственных ценностей студентов. Приводятся результаты авторских исследований акторов нравственной социализации молодежи. Отмечается важность работы высших учебных заведений как базы зарождения профессионально-ценностных ориентаций молодежи.

Молодое поколение – это зеркальное отражение современного общества. И как следствие, те проблемы, которые возникают в молодежной среде, в частности студенческой, и есть отражение проблем, возникающих и развивающихся в обществе. Концентрируя внимание именно на студенческой молодежи, хочу сказать, что учебные заведения высшего или среднего специального образования, несомненно, вносят свою значительную лепту в процесс становления молодой личности. В большинстве учебных заведений существуют свои обычаи и традиции, нормы и правила, которые оказывают влияние на формирование ценностей молодого, ищущего, стремящегося к самореализации человека. В процессе обучения индивид пропускает через себя эти ценностные ориентации, и они, в большинстве своем, оставляют в нем свой след. Внутри учебного заведения существует множество взаимосвязанных ценностных ориентаций, сложившихся и транслируемых в данной среде. основополагающими ценностями в этой, как и в большинстве структур общества, являются нравственные ориентиры. Именно на базе нравственных ценностей человек строит свое восприятие окружающего его мира. В процессе

обучения и воспитания студент принимает те нравственные ценности, которые установлены в данной образовательной структуре, и ввиду некой совокупности факторов (психологических и социальных), принятые ценности транслируются им на протяжении всей жизни.

Период обучения в ВУЗе оказывает значительное влияние на процесс социализации молодых людей, выработку их жизненных планов и стратегий, а также реализацию приобретённых знаний. В связи с этим для студентов особую актуальность приобретают основополагающие задачи социального, личностного и профессионального самоопределения, определения своего места в мире.

В этом возрасте у студентов активно формируется образ возможного будущего и система взглядов на действительность, воздействующих на становление характера и личности в целом. Данная особенность объясняется появлением на соответствующем возрастном этапе необходимых к этому предпосылок, таких, как овладение понятийным мышлением, накопление достаточного количества жизненного опыта, занятие определённого социального положения. В качестве стимулов к развитию данных личностных основ выступает также значительное расширение сферы общения, столкновение с многообразием возможных форм поведения, взглядов, идеалов. В юношеском возрасте происходит серьёзный перелом во всём характере жизненного мира [3,75].

Не стоит забывать, что ценностные ориентиры студентов во многом формируются благодаря духовно-нравственному потенциалу ВУЗа, который способствует профессиональному становлению молодых людей, развитию у них познавательного интереса, а также утверждению жизненных позиций. Так, в Финансово-технологической академии (ФТА) города Королева проводится активная и развернутая работа по приобщению студентов к научно-исследовательской деятельности, культурным ценностям, спортивным достижениям. ФТА всесторонне развивает личность студента. Студенты принимают участие в научных кружках и проблемных группах, действующих в ВУЗе, олимпиадах, учувствуют заочно в конференциях различного уровня и непосредственно выступают с докладами на очных. Традиционные студенческие праздники, творческие фестивали, конкурсы расширяют кругозор поколений, а спортивные секции приобщают к здоровому образу жизни. Таким образом, в ФТА базой социализации студентов является организованная деятельность.

Стоит отметить, что представление о будущем студентов во многом основано на отношении к материальному богатству и способам его добывания. Денежный достаток воспринимается студентами как условие большей свободы выбора, удовлетворения разнообразных потребностей, социального престижа и власти. У молодых людей часто отсутствует возможность посвятить себя любимому делу, поскольку им приходится выбирать такую профессию, которая пользуется спросом на рынке труда и способна обеспечить средствами к существованию. В итоге образ гармонично развитой личности на фоне потребительских и материальных установок размывается, а ведь именно ценностные ориентации являются системообразующим компонентом духовной целостности любого человека [5,28].

Одной из задач нашего исследования было выявление основных акторов нравственной социализации молодёжи. Согласно, результатам, полученным в ходе нашего исследования, в современном российском обществе, не смотря на все трансформации, продолжается процесс трансляции нравственных ценностей от старшего поколения к младшему. По мнению подавляющего числа респондентов, (81,2%) именно родители больше всего помогли им в усвоении нравственных норм и ценностей (Рис. 1). Почти половина опрошенных молодых людей (47,8%) отметила, что в этом процессе заметную роль сыграли бабушки и дедушки. Преподаватели в техникуме или ВУЗе оказали влияние на процесс нравственной социализации каждого шестого участника опроса (15,3%). Это наглядно свидетельствует о наличии большого потенциала ВУЗа в сфере духовно- нравственного воспитания и трансляции нравственных норм и ценностей от поколения к поколению.

Сегодня пришло четкое осознание того, что формируемый в стенах ВУЗов духовный стержень студенчества определяет нравственное пространство общества, закладывает основы социальной активности. Именно поэтому необходимо повышать эффективность работы высших учебных заведений применительно к условиям его деятельности, как базы зарождения профессионально-ценностных ориентаций будущих специалистов. ВУзам предстоит большая работа по воспитанию и нравственной социализации подрастающего поколения, утверждению социальной справедливости, что окажет влияние на стабилизацию ценностных ориентаций современной студенческой молодёжи.

оказывает значительное влияние на процесс социализации молодых людей, выработку их жизненных планов и стратегий, а также реализацию приобретённых знаний. В связи с этим для студентов особую актуальность приобретают основополагающие задачи социального, личностного и профессионального самоопределения, определения своего места в мире.

В этом возрасте у студентов активно формируется образ возможного будущего и система взглядов на действительность, воздействующих на становление характера и личности в целом. Данная особенность объясняется появлением на соответствующем возрастном этапе необходимых к этому предпосылок, таких, как овладение понятийным мышлением, накопление достаточного количества жизненного опыта, занятие определённого социального положения. В качестве стимулов к развитию данных личностных основ выступает также значительное расширение сферы общения, столкновение с многообразием возможных форм поведения, взглядов, идеалов. В юношеском возрасте происходит серьёзный перелом во всём характере жизненного мира [3,75].

Не стоит забывать, что ценностные ориентиры студентов во многом формируются благодаря духовно-нравственному потенциалу ВУЗа, который способствует профессиональному становлению молодых людей, развитию у них познавательного интереса, а также утверждению жизненных позиций. Так, в Финансово-технологической академии (ФТА) города Королева проводится активная и развернутая работа по приобщению студентов к научно-исследовательской деятельности, культурным ценностям, спортивным достижениям. ФТА всесторонне развивает личность студента. Студенты принимают участие в научных кружках и проблемных группах, действующих в ВУЗе, олимпиадах, учувствуют заочно в конференциях различного уровня и непосредственно выступают с докладами на очных. Традиционные студенческие праздники, творческие фестивали, конкурсы расширяют кругозор поколений, а спортивные секции приобщают к здоровому образу жизни. Таким образом, в ФТА базой социализации студентов является организованная деятельность.

Стоит отметить, что представление о будущем студентов во многом основано на отношении к материальному богатству и способам его добывания. Денежный достаток воспринимается студентами как условие большей свободы выбора, удовлетворения разнообразных потребностей, социального престижа и власти. У молодых людей часто отсутствует возможность посвятить себя любимому делу, поскольку им приходится выбирать такую профессию, которая пользуется спросом на рынке труда и способна обеспечить средствами к существованию. В итоге образ гармонично развитой личности на фоне потребительских и материальных установок размывается, а ведь именно ценностные ориентации являются системообразующим компонентом духовной целостности любого человека [5,28].

Одной из задач нашего исследования было выявление основных акторов нравственной социализации молодёжи. Согласно, результатам, полученным в ходе нашего исследования, в современном российском обществе, не смотря на все трансформации, продолжается процесс трансляции нравственных ценностей от старшего поколения к младшему. По мнению подавляющего числа респондентов, (81,2%) именно родители больше всего помогли им в усвоении нравственных норм и ценностей (Рис. 1). Почти половина опрошенных молодых людей (47,8%) отметила, что в этом процессе заметную роль сыграли бабушки и дедушки. Преподаватели в техникуме или ВУЗе оказали влияние на процесс нравственной социализации каждого шестого участника опроса (15,3%). Это наглядно свидетельствует о наличии большого потенциала ВУЗа в сфере духовно- нравственного воспитания и трансляции нравственных норм и ценностей от поколения к поколению.

Сегодня пришло четкое осознание того, что формируемый в стенах ВУЗов духовный стержень студенчества определяет нравственное пространство общества, закладывает основы социальной активности. Именно поэтому необходимо повышать эффективность работы высших учебных заведений применительно к условиям его деятельности, как базы зарождения профессионально-ценностных ориентаций будущих специалистов. ВУзам предстоит большая работа по воспитанию и нравственной социализации подрастающего поколения, утверждению социальной справедливости, что окажет влияние на стабилизацию ценностных ориентаций современной студенческой молодёжи.

Литература:

1. Гадзаова Л.П. Формирование ценностной картины мира у студентов // Высшее образование сегодня. 2007. № 10. С. 40 - 42.

2. Моздор Н.В. Влияние современной образовательной среды на формирование смысловых ориентаций у студентов // *Высшее образование сегодня*. 2007. № 2. С. 48 - 49.
3. Петрова В. Л. Образ будущего и профессиональные планы студентов в условиях реформы образования // *Психология обучения*. 2009. № 10. С. 75 - 81.
4. Сорокина Е., Филиппов В., Овчинников В., Титов М. Социальный потенциал студенческой молодёжи // *Высшее образование в России*. 2007. № 4. С. 108 - 110.
5. Филиппова К.А. Особенности профессиональных ценностных ориентаций студентов // *Закон и право*. 2010. № 5. С. 28 - 29.

БОЛЬШЕВИКИ В ДЕТСКИХ РИСУНКАХ 1917-18 ГГ.: РЕЦЕПЦИЯ ВИЗУАЛЬНОЙ ПРОПАГАНДЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ.

Орех Е.А., Бойцова О.Ю. (Санкт-Петербург)

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-83-01003 "Гражданская война в России образах визуальной пропаганды: словарь-справочник".

Столетний юбилей революции 1917 года – благодарное время для ревизии описаний и интерпретаций событий тех лет. Ныне живущее поколение знает об этом драматическом периоде жизни нашей страны не только по урокам истории. Представления о прошлом складываются благодаря циркулирующим в нашей культуре документам, важнейшее значение из которых имеют визуальные материалы – плакаты, сатирические изображения, открытки, наконец, кинофильмы. Визуальная пропаганда тех лет до сих пор представляет интерес для исследователей, поскольку, несмотря на большой объём собранного и проанализированного материала [например: 1, 2, 3, 4, 9, 12, 16], некоторые темы – такие как рецепция визуальной пропаганды, реальный, а не гипотетический потенциал её воздействия – нуждаются в дополнительной проработке. Наука открывает перед исследователями дополнительные возможности благодаря привлечению не использовавшихся ранее источников, а также разработке новых методов анализа данных. Представляется, что одним из таких новых материалов для социологической аналитики периода социальных изменений могут стать детские рисунки.

Данное утверждение может показаться довольно неожиданным, учитывая, во-первых, традиционный интерес к рисункам отнюдь не социологов, а представителей психологической науки, во-вторых, сложности с интерпретацией содержания рисунков, которые с неизбежностью встанут перед исследователем, и наконец – отсутствие традиции собирать и хранить детские рисунки в качестве материала для возможного научного анализа. Однако благодаря развитию методологического инструментария визуальной социологии, а также пересмотру источниковой базы для аналитики социальных изменений и социальной памяти [14] сегодня детские рисунки могут быть привлечены как один из объектов социологического изучения.

Материалом для анализа послужила коллекция детских рисунков 1917-1918 годов из фонда Государственного исторического музея. Автор коллекции – В.С. Воронов, в 1910-х гг. работавший преподавателем графических искусств в реальном училище И.И. Александрова и в мужской гимназии им. М.В. Ломоносова в Москве. В качестве дополнительного материала мы используем отрывки из детских сочинений о Великой русской революции, также собранные В.С. Вороновым в 1917 году и опубликованные им в двух статьях в 1927 году [5, 6]. Наш конкретный кейс представлен, главным образом, рисунками с выставки 2017 г. «Я рисую революцию» в ГИМ [8] и рисунками из опубликованной в 1987 году монографии Н.Н. Гончаровой, посвящённой обзору данной коллекции [7], а также рисунками, использованными в качестве иллюстраций к статьям самого педагога.

Мы исходим из того, что считаем детские рисунки ценным социологическим источником, отражающим восприятие происходящих событий на повседневном, бытовом, личностном уровне. Социологическая рефлексия над содержанием таких рисунков даёт возможность говорить на тему рецепции визуальной пропаганды того времени, а также о детской политической социализации. На теоретическом уровне такой анализ предполагает обращение к теориям повседневности и концепту обыденного знания, а также к идеям социального конструкционизма.

Изображения уличных боёв, похорон, установки памятников, равно как и образы персонажей-активных участников событий тех лет показывают восприятие и оценку революционных процессов поколением, которому предстояло жить в новом советском

государстве. Однако надо понимать, кто и как в этот период мог повлиять на ребёнка, передать ему свои оценки происходящего, сориентировать его в интерпретации всего того, чему ребёнок ежечасно становился свидетелем. В детских рисунках отразились визуальные стереотипы из сатирических иллюстрированных журналов, юмористических открыток и других средств визуальной пропаганды той эпохи, которые повлияли на представления детей о том, кто такие «буржуи», «большевики», «меньшевики». Значимое влияние визуальной пропаганды не случайно, поскольку, как свидетельствуют документы, близкие ребёнку семья и школа как значимые агенты социализации, к сожалению, в момент социальной неопределённости отступают на второй план [5, 6, 13].

Помимо прочего, необходимо принять во внимание особенности детских рисунков как специфического источника информации, требующего от социолога специальной дешифровки, отличной от анализа плакатов, открыток, фотографий [10, 15]. Каковы возможности, возникающие на пути работы с этими визуальными свидетельствами социальных изменений? Прежде всего, выразительный язык детского рисунка даёт информацию, которая в некоторых случаях лучше словесной может объяснить исследователю, что именно в изучаемый период времени оказало сильное влияние на ребёнка, что он смог почерпнуть и усвоить из происшедшего на его глазах и при его участии. Так, прибегая к помощи интервью, затруднительно получить новое знание о том, как именно происходит политическая социализация, в чем заключается специфика влияния событий и отдельных агентов того или иного социально-исторического периода, а анализ рисунков может компенсировать эти пробелы в знании.

При работе мы использовали иконографический анализ – метод, при котором производится сравнение анализируемого визуального источника с другими, содержащими те же сюжеты, с целью выявления повторяющихся черт или атрибутов – иконографических признаков [11]. Как показал иконографический анализ детских рисунков, источником политической социализации детей могли быть сатирические журналы. Анализ подборок таких журналов за 1917 год свидетельствует, что на тот момент в культуре ещё не сложилось единого визуального стереотипа большевика – то есть устойчивой совокупности изобразительных приёмов и деталей, которые маркировали бы членов этой партии. «Большевики» на детских рисунках тоже поражают разнообразием своих визуальных воплощений. Однако в нескольких рисунках встречаются отличительные признаки, которые можно назвать иконографическими – свойственными визуальному стереотипу большевика у детей-авторов рисунков. Среди признаков большевиков, которые встречаются неоднократно, следует назвать вооружение, курение, относительный размер персонажа (большой по сравнению с маленьким) и заплатки на одежде. В некоторых случаях мы можем уверенно говорить о непосредственном влиянии образов в сатирических журналах на детские рисунки (так, один юный художник скопировал карикатуру из журнала «Стрекоза», другие использовали отдельные элементы визуализации большевиков из карикатур).

Детские рисунки, в отличие от плакатов и рекламы, не всегда позволяют определить, «за кого» ребенок, на чьей он стороне, но проведенный нами иконографический анализ показал, что в отдельных случаях можно с уверенностью судить о том, «против кого» ребенок. Мы предполагаем, что к моменту получения задания от учителя некоторые дети уже имели сложившийся негативный образ большевиков в своем сознании и именно поэтому при выполнении рисунка снабжали своих персонажей иконографическими признаками отрицательных типов, известными им из визуальной культуры того времени. В этих случаях мы имеем основания констатировать, что процесс политической социализации у детей уже начался и характеризовался формированием образа «чужого», в роли которых и выступали большевики.

1. Артамонова С., Бабурина Н. *Русский рекламный плакат. М.: Контакт-культура, 2001. 223 с.*

2. Бернштейн Ф. *Представления о здоровье в революционной России: гендерная политика в плакатах по половому просвещению в 1920-е годы // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под редакцией Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: 000 «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 215-244.*

3. Боннелл В. *Репрезентация женщины в ранних советских плакатах // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под редакцией Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: 000 «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. С. 245-271.*

4. Вашик К. *Реальность утопии: искусство русского плаката XX века. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 416 с.*

5. Воронов В. *Октябрьская революция в детских записях. Вестник просвещения. 1927. № 12. С. 3-12.*

6. Воронов В. Февральская революция в детских записях. Вестник просвещения. 1927. № 3. С. 3-11.
7. Гончарова Н.Н. Москва. 1917 год. Рисунки детей-очевидцев событий. Из коллекции Государственного исторического музея. М.: «Советская Россия», 1987.
8. Лукьянов Е. Революция для самых маленьких. Митинги, очереди и бои на московских улицах в рисунках и воспоминаниях школьников 1917 года (о выставке детских рисунков «Я рисую революцию» в Государственном историческом музее, Москва, 19.04-19.06.2017) // Интернет-источник: URL: <http://arzamas.academy/materials/1262> (доступно 10.10.2017).
9. Минина М. Образ сироты в советском плакате 1920-1930-х годов // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / Под редакцией Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова. М.: 000 «Вариант», ЦСПГИ, 2009. С. 272-288.
10. Осорина М.В. Рисованные истории в изобразительном творчестве детей и их зрительском опыте // Русский комикс: Сб. статей / Идея Ю. Александрова; составление Ю. Александрова и А. Барзаха. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 107-170.
11. Панофский Э. Иконография и иконология: введение в изучение искусства Ренессанса / Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. СПб.: Академический проект, 1999. С. 43-57.
12. Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: НЛО, 2010.
13. Познанский Н. Революция и дети // Вестник просвещения. 1923. № 1. С. 116-128.
14. Сальникова А. «Детский» текст и детская память в «эпоху катастроф» // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 413-430.
15. Ферс Г. Опорные элементы в трактовке рисунка // Ферс Г. Тайный мир рисунка. Исцеление через искусство. СПб.: Деметра, 2003. С. 55-123.
16. Bonnell V.E. (1997) *Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley: University of California Press.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МОЛОДЕЖЬ: ВЫЗОВЫ И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Ореховская Н.А. (Москва)

Современный этап развития человеческой цивилизации характеризуется стремительным ускорением, высоким динамизмом международной жизни, усилением взаимосвязи и взаимозависимости народов и государств. Все чаще мы сталкиваемся с употреблением понятие «глобализация», а ученые предлагают свои варианты трактования этой дефиниции. Так, у немецкого социолога У. Бек находим: «Ни одна страна или группа стран не может отгородиться друг от друга. Различные формы экономического, культурного, политического взаимодействия сталкиваются друг с другом»[2]. Э. Гидденс - социолог из Великобритании, отмечает, что глобализация – это не один процесс, а сложное сочетание целого ряда процессов. «Развиваются они противоречиво или даже в противоположных направлениях. Большинство людей считает, что глобализация – это когда полномочия и влияние просто выхватываются из рук местных сообществ и государств и переносятся на международный уровень. Действительно, одно из ее последствий состоит именно в этом. Суверенные государства утрачивают часть экономических полномочий, которыми они прежде обладали. Но глобализация приводит и к противоположному результату» [3, с. 30]. Их российский коллега Л.Е. Гринин определяет глобализацию, как процесс, в результате которого мир и все социальные явления в нем становятся более связанными и более зависимыми от всех его субъектов [5].

Глобализация и неоднозначность ее социальных последствий породила как сторонников, так и яростных противников данного явления. Одним из таких противников является П.С. Гуревич, с точки зрения которого, глобализация – в том виде, в котором она реализуется в современном мире, – обладает огромным разрушительным потенциалом для жизни и социального здоровья и самочувствия всех слоев населения, вызывая состояние аномии [6]. Бесспорно, что аномия – неизбежное следствие глобальных трансформационных процессов российского общества, в ходе которых изменяются базовые нормативные ценностные ориентации и установки молодой части населения, и утрачивается та социокультурная опора, которую могут дать только глубокие социокультурные связи [10].

И так, можно сказать, что основными параметрами современной глобализации выступают следующие взаимозависимости: экономическая, политическая, информационная, глобализация коммуникации, культурная глобализация, взаимозависимость с точки зрения безопасности,

общность экологических угроз. Так, например, У. Бек подчеркивает, характеризуя культурную глобализацию, что расширение мирового рынка имеет далеко идущие последствия для культур, идентичностей и стилей жизни. Главная проблема культурной глобализации заключается в следующем: приводит ли она к культурному единообразию или к новым различиям. По этому вопросу нет единой точки зрения. Ряд исследователей пишет об американизации, европеизации культуры, считает, что западная культура с ее экономической рациональностью начинает доминировать во многих странах. Культурный аспект глобализации связывают с экспансией культуры западного образца, что ведет к потере большинством государств национальной культуры и самобытности. В результате этого процесса формируется глобалистское мировоззрение, причем у молодежи во всем мире это проявляется более активно, чем у других демографических групп.

Жаркие споры ученых вызвали вопрос о том, что сами молодые люди думают о глобализации, как ее оценивают. Автором использовались два метода – групповое интервью (фокус-группа, N-3) и глубинное интервью студентов московских вузов (N-17). Возраст респондентов составил 17-23 года. Наши респонденты затруднились определить, что именно они понимают под глобализацией. Типичным ответом был: «Глобализация – это расширение границ, общие экономические связи, общая система расчетов». На вопрос в чем, по их мнению, наиболее ярко проявляется глобализация, подавляющее большинство выделило информационные технологии и использование английского языка, как языка международного общения. Кстати сказать, что 90% молодых людей, участвовавших в опросе, в той или иной степени владеют английским языком, 43% определили знание английского как свободное, а 17% владеют двумя иностранными языками. Все, т.е. 100% респондентов, продолжают изучать или совершенствуют свой основной иностранный язык и почти половина опрошенных используют английский язык ежедневно для общения в соцсетях, поиска информации в Интернете, для подготовки учебных заданий.

Данные об активном использовании Интернета коррелируются с данными Фонда «Общественное Мнение», который еженедельно задает вопрос «Приходилось ли вам лично пользоваться интернетом? Если да, то когда вы последний раз пользовались интернетом?» На конец лета суточная аудитория интернета (ответившие, что выходили в Сеть в последние сутки) составила 60% взрослых россиян, недельная – 67%, месячная – 70% [1].

Согласно социологическим исследованиям, проведенным Е.В. Реутовым и Т.В. Трошиной, пользуются Интернетом ежедневно 90,8% опрошенных в возрасте 15–24 лет, 73,8% – в возрасте 25–39 лет. Авторы полагают, что 48% пользователей Интернета склоняются к мнению, что именно он дает наиболее полную и объективную информацию о событиях в общественной жизни. [9, с. 142].

Мы можем говорить о том, что молодые люди практически тотально пользуются Интернетом. наших респондентов воспринимают как должное все большее проникновение Интернета в их повседневную и профессиональную жизнь. Популярность Интернета стала возможной в связи с тем, что он дает возможность уйти от реальности, построить желаемую виртуальную картину мира. В результате в силу подвижности молодежного сознания и подверженности его манипулированию у молодого поколения складывается искаженная картина мира без критического отношения к поступающей информации. К аналогичному выводу приходит и И.С. Шаповалова: «Интернет становится не просто важным источником информации для молодежи, а превращается в альтернативную реальность, и, судя по отмеченному молодыми людьми контенту – антагонистическую и часто неуправляемую. Сила виртуальной синергии, беспредельности коммуникаций и возможности любой, часто компенсаторной самопрезентации создает иллюзию глобальности преимуществ такой реальности над реальностью «обычной» жизни и иллюзию необходимости следовать ее призывам и законам» [10, с. 150–151]

На наш вопрос об угрозе потери национальной идентичности большинство респондентов ответило, что это их не пугает. Приведем мнение молодого человека: «Я не боюсь перестать быть русским. Главное для меня отсутствие границ и любых ограничительных рамок. Сейчас в молодежной среде даже между музыкальными субкультурами стираются рамки. Мы стали более спокойно и терпимо относиться к тем, кто слушает другую музыку». Такая позиция подтолкнула исследователя к вопросу – а что становится объединяющим фактором для молодых людей. Полученный ответ потрясает – «возможность противостоять старшему поколению, к которому нет доверия, нет авторитетов». В ходе глубинных интервью ребята более откровенно поясняют свою позицию: «Старшие – родители, учителя в школе, преподаватели – назидают, навязывают свое

мнение. Их в принципе не интересует то, что я об этом думаю». Прячась от этой реальности, молодежь и уходит в Интернет, т.е. в среду, где есть возможность высказать свое мнение, где на его пост обратят внимание.

Отдельную тревогу вызывают у нас ответы, полученные на вопросы касающиеся определения патриотических настроений. Молодые люди говорят о том, что им «нечем гордиться в современной истории России. А то, о чем говорят «взрослые» - Победа, космос – это было слишком давно». Подавляющее большинство респондентов участвовало в мероприятиях, посвященных празднованию Дня Победы, проводимых в школах, не по внутреннему убеждению, а по «необходимости участия». Для сегодняшних молодых людей ориентирами, «героями» становятся те, кто смог заработать. Причем заработать, воплотив свои идеи».

Таким образом, главный вызов глобализации состоит в изменении сознания российской молодежи. Эти тенденции проявляются, прежде всего, в трансформации российского общества, в ходе которой изменяются базовые ценностные ориентации и установки молодых россиян. В условиях глобализации формируются новые ориентиры, в том числе, и в области образования, приобретающие интернациональный характер.

Эти вызовы глобализация бросает всем странам, вовлеченным в этот процесс. Так, например, У. Бек, считает, что необходимо обратиться к системе образования, давая гражданам возможность овладения способностями и ориентирами, которые помогут им разбираться в транснациональных ландшафтах и противоречиях мирового общества. Он приходит к заключению: «Поэтому один из великих политических ответов на глобализацию гласит: создание и совершенствование общества образования и знания; увеличение, а не сокращение сроков получения образования; ослабление или ликвидация его привязки к определенным рабочим местам и профессиям и ориентация процессов профессиональной подготовки на ключевые квалификации, находящие широкое применение; под этим понимается не только «гибкость» или «пожизненное обучение», но и социальная компетенция, умение работать в команде, отсутствие боязни конфликтов, понимание культуры, многоплановое мышление, готовность к неуверенности и парадоксам Второго модерна» [2].

Данная позиция представляется нам наиболее удачным путем преодоления вызова глобализации. Сегодня необходимо выстраивать отношения с молодыми людьми не с позиции «учитель-ученик», а позиции наставника и партнера в усвоении обучающимся новых знаний. Наши респонденты ждут от преподавателя «честности в оценках и суждениях, уважительного отношения к нашему мнению – пусть даже и неправильному». Не стоит стесняться и учиться у своих учеников. Ведь они гораздо быстрее осваивают те же новые компьютерные технологии. Такой процесс взаимного обучения будет способствовать повышению доверия к старшему. Мы разделяем позицию И.М. Ильинского, высказанную еще в начале века: «В эру индивидуализации уже недостаточно довольствоваться «гибким усвоением заданных норм» со стороны молодежи, все гораздо глубже. Требуется формирование собственного «я» как деятельностного и ориентирующего центра. Каждый молодой человек должен учиться вести свою жизнь, всецело опираясь на самого себя, рассчитывая на собственные силы» [8].

Сегодня представляется актуальным воспитать новое поколение, которое способно к сотрудничеству на основе общечеловеческих ценностей, которое сможет не только преодолеть вызовы глобализации, но и обратить их на пользу себе и российскому обществу.

Современный этап развития человеческой цивилизации характеризуется стремительным ускорением, высоким динамизмом международной жизни, усилением взаимосвязи и взаимозависимости народов и государств. Все чаще мы сталкиваемся с употреблением понятие «глобализация», а ученые предлагают свои варианты трактования этой дефиниции. Так, у немецкого социолога У. Бек находим: «Ни одна страна или группа стран не может отгородиться друг от друга. Различные формы экономического, культурного, политического взаимодействия сталкиваются друг с другом»[2]. Э. Гидденс - социолог из Великобритании, отмечает, что глобализация – это не один процесс, а сложное сочетание целого ряда процессов. «Развиваются они противоречиво или даже в противоположных направлениях. Большинство людей считает, что глобализация – это когда полномочия и влияние просто выхватываются из рук местных сообществ и государств и переносятся на международный уровень. Действительно, одно из ее последствий состоит именно в этом. Суверенные государства утрачивают часть экономических полномочий, которыми они прежде обладали. Но глобализация приводит и к противоположному результату» [3, с. 30]. Их российский коллега Л.Е. Гринин определяет глобализацию, как процесс, в результате

которого мир и все социальные явления в нем становятся более связанными и более зависимыми от всех его субъектов [5].

Глобализация и неоднозначность ее социальных последствий породила как сторонников, так и яростных противников данного явления. Одним из таких противников является П.С. Гуревич, с точки зрения которого, глобализация – в том виде, в котором она реализуется в современном мире, – обладает огромным разрушительным потенциалом для жизни и социального здоровья и самочувствия всех слоев населения, вызывая состояние аномии [6]. Бесспорно, что аномия – неизбежное следствие глобальных трансформационных процессов российского общества, в ходе которых изменяются базовые нормативные ценностные ориентации и установки молодой части населения, и утрачивается та социокультурная опора, которую могут дать только глубокие социокультурные связи [10].

И так, можно сказать, что основными параметрами современной глобализации выступают следующие взаимозависимости: экономическая, политическая, информационная, глобализация коммуникации, культурная глобализация, взаимозависимость с точки зрения безопасности, общность экологических угроз. Так, например, У. Бек подчеркивает, характеризуя культурную глобализацию, что расширение мирового рынка имеет далеко идущие последствия для культур, идентичностей и стилей жизни. Главная проблема культурной глобализации заключается в следующем: приводит ли она к культурному единообразию или к новым различиям. По этому вопросу нет единой точки зрения. Ряд исследователей пишет об американизации, европеизации культуры, считает, что западная культура с ее экономической рациональностью начинает доминировать во многих странах. Культурный аспект глобализации связывают с экспансией культуры западного образца, что ведет к потере большинством государств национальной культуры и самобытности. В результате этого процесса формируется глобалистское мировоззрение, причем у молодежи во всем мире это проявляется более активно, чем у других демографических групп.

Жаркие споры ученых вызвали вопрос о том, что сами молодые люди думают о глобализации, как ее оценивают. Автором использовались два метода – групповое интервью (фокус-группа, N-3) и глубинное интервью студентов московских вузов (N-17). Возраст респондентов составил 17-23 года. Наши респонденты затруднились определить, что именно они понимают под глобализацией. Типичным ответом был: «Глобализация – это расширение границ, общие экономические связи, общая система расчетов». На вопрос в чем, по их мнению, наиболее ярко проявляется глобализация, подавляющее большинство выделило информационные технологии и использование английского языка, как языка международного общения. Кстати сказать, что 90% молодых людей, участвовавших в опросе, в той или иной степени владеют английским языком, 43% определили знание английского как свободное, а 17% владеют двумя иностранными языками. Все, т.е. 100% респондентов, продолжают изучать или совершенствуют свой основной иностранный язык и почти половина опрошенных используют английский язык ежедневно для общения в соцсетях, поиска информации в Интернете, для подготовки учебных заданий.

Данные об активном использовании Интернета коррелируются с данными Фонда «Общественное Мнение», который еженедельно задает вопрос «Приходилось ли вам лично пользоваться интернетом? Если да, то когда вы последний раз пользовались интернетом?» На конец лета суточная аудитория интернета (ответившие, что выходили в Сеть в последние сутки) составила 60% взрослых россиян, недельная – 67%, месячная – 70% [1].

Согласно социологическим исследованиям, проведенным Е.В. Реутовым и Т.В. Трошиной, пользуются Интернетом ежедневно 90,8% опрошенных в возрасте 15–24 лет, 73,8% – в возрасте 25–39 лет. Авторы полагают, что 48% пользователей Интернета склоняются к мнению, что именно он дает наиболее полную и объективную информацию о событиях в общественной жизни. [9, с. 142].

Мы можем говорить о том, что молодые люди практически тотально пользуются Интернетом. наших респондентов воспринимают как должное все большее проникновение Интернета в их повседневную и профессиональную жизнь. Популярность Интернета стала возможной в связи с тем, что он дает возможность уйти от реальности, построить желаемую виртуальную картину мира. В результате в силу подвижности молодежного сознания и подверженности его манипулированию у молодого поколения складывается искаженная картина мира без критического отношения к поступающей информации. К аналогичному выводу приходит и И.С. Шаповалова: «Интернет становится не просто важным источником информации для

молодежи, а превращается в альтернативную реальность, и, судя по отмеченному молодыми людьми контенту – антагонистическую и часто неуправляемую. Сила виртуальной синергии, беспределности коммуникаций и возможности любой, часто компенсаторной самопрезентации создает иллюзию глобальности преимуществ такой реальности над реальностью «обычной» жизни и иллюзию необходимости следовать ее призывам и законам» [10, с. 150–151]

На наш вопрос об угрозе потери национальной идентичности большинство респондентов ответило, что это их не пугает. Приведем мнение молодого человека: «Я не боюсь перестать быть русским. Главное для меня отсутствие границ и любых ограничительных рамок. Сейчас в молодежной среде даже между музыкальными субкультурами стираются рамки. Мы стали более спокойно и терпимо относиться к тем, кто слушает другую музыку». Такая позиция подтолкнула исследователя к вопросу – а что становится объединяющим фактором для молодых людей. Полученный ответ потрясает – «возможность противостоять старшему поколению, к которому нет доверия, нет авторитетов». В ходе глубинных интервью ребята более откровенно поясняют свою позицию: «Старшие – родители, учителя в школе, преподаватели – назидают, навязывают свое мнение. Их в принципе не интересует то, что я об этом думаю». Прячась от этой реальности, молодежь и уходит в Интернет, т.е. в среду, где есть возможность высказать свое мнение, где на его пост обратят внимание.

Отдельную тревогу вызывают у нас ответы, полученные на вопросы касающиеся определения патриотических настроений. Молодые люди говорят о том, что им «нечем гордиться в современной истории России. А то, о чем говорят «взрослые» - Победа, космос – это было слишком давно». Подавляющее большинство респондентов участвовало в мероприятиях, посвященных празднованию Дня Победы, проводимых в школах, не по внутреннему убеждению, а по «необходимости участия». Для сегодняшних молодых людей ориентирами, «героями» становятся те, кто смог заработать. Причем заработать, воплотив свои идеи».

Таким образом, главный вызов глобализации состоит в изменении сознания российской молодежи. Эти тенденции проявляются, прежде всего, в трансформации российского общества, в ходе которой изменяются базовые ценностные ориентации и установки молодых россиян. В условиях глобализации формируются новые ориентиры, в том числе, и в области образования, приобретающие интернациональный характер.

Эти вызовы глобализация бросает всем странам, вовлеченным в этот процесс. Так, например, У. Бек, считает, что необходимо обратиться к системе образования, давая гражданам возможность овладения способностями и ориентирами, которые помогут им разбираться в транснациональных ландшафтах и противоречиях мирового общества. Он приходит к заключению: «Поэтому один из великих политических ответов на глобализацию гласит: создание и совершенствование общества образования и знания; увеличение, а не сокращение сроков получения образования; ослабление или ликвидация его привязки к определенным рабочим местам и профессиям и ориентация процессов профессиональной подготовки на ключевые квалификации, находящие широкое применение; под этим понимается не только «гибкость» или «пожизненное обучение», но и социальная компетенция, умение работать в команде, отсутствие боязни конфликтов, понимание культуры, многоплановое мышление, готовность к неуверенности и парадоксам Второго модерна» [2].

Данная позиция представляется нам наиболее удачным путем преодоления вызова глобализации. Сегодня необходимо выстраивать отношения с молодыми людьми не с позиции «учитель-ученик», а позиции наставника и партнера в усвоении обучающимся новых знаний. Наши респонденты ждут от преподавателя «честности в оценках и суждениях, уважительного отношения к нашему мнению – пусть даже и неправильному». Не стоит стесняться и учиться у своих учеников. Ведь они гораздо быстрее осваивают те же новые компьютерные технологии. Такой процесс взаимного обучения будет способствовать повышению доверия к старшему. Мы разделяем позицию И.М. Ильинского, высказанную еще в начале века: «В эру индивидуализации уже недостаточно довольствоваться «гибким усвоением заданных норм» со стороны молодежи, все гораздо глубже. Требуется формирование собственного «я» как деятельностного и ориентирующего центра. Каждый молодой человек должен учиться вести свою жизнь, всецело опираясь на самого себя, рассчитывая на собственные силы» [8].

Сегодня представляется актуальным воспитать новое поколение, которое способно к сотрудничеству на основе общечеловеческих ценностей, которое сможет не только преодолеть вызовы глобализации, но и обратить их на пользу себе и российскому обществу.

1. База данных Фонда «Общественное Мнение» URL: <http://fom.ru/search#q=%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%B6%D1%8C+%D0%B8+%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D0%B5%D1%82&from=&to=> (дата обращения 03.10.2017)
2. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. URL: <http://refdb.ru/look/2033800-r16.html> (дата обращения 03.10.2017)
3. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Издательство «Весь Мир», 2004. — 120 с.
4. Глобализация. Общество. Личность / под ред. И.В. Еришовой. Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова (Архангельск), 2014.
5. Гринин Л.Е. На грани веков: новые процессы // История и современность. — 2005. — № 1. — С.11.
6. Гуревич П.С. Имидж России в процессе глобализации // Век глобализации. — 2009. — № 2. — С. 184.
7. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Р. Дарендорф. Перевод с немецкого Л.Ю. Панфиной. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), — С. 68.
8. Ильинский И.М. Образовательная революция. М.: Изд-во Моск. гуманит.-социальн. академии, 2002. — 592 с.
9. Реутов Е.В., Трошина Т.В. Интернет-практики и информационные предпочтения населения // Социологические исследования. 2015. № 4.
10. Шаповалова И.С. Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи // Социологические исследования. 2015. № 4.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИДЕОЛОГИИ SELF-MADE В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Осипова М.Р. (Санкт-Петербург)

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс культурной глобализации и его влияние на трансформацию на структуры и функций социальных институтов в современном российском обществе. Появление и распространение западной идеологии self-made в молодежной среде обусловлено культурной глобализацией и трансформацией ценностных ориентаций.

В первую очередь необходимо дать определение используемому понятию «культурная глобализация». Согласно Большому толковому социологическому словарю, под глобализацией культуры следует понимать тенденцию диффузии культурных образцов во всемирном масштабе. По утверждению Гидденса, "глобализация не может сегодня пониматься просто как вестернизация". Это — процесс, способный привести к культурному плюрализму, за счет, например, слияния музыкальных форм, вроде джаза или "всемирной музыки"[1].

Э. Д. Смит и А. Аппадурай представляют концепции культурологического и социологического понимания глобализации. Феномен культурной глобализации трактуется в рамках данного направления как идеологические конструкции, производные от реального функционирования мировой экономики и политики. Э.Д. Смит трактует социокультурную динамику формирования образа глобальной культуры как историю формирования идеологической парадигмы культурного империализма. По мнению А. Аппадурая, важнейшими факторами изменений, которые затронули весь мир, выступают, электронные средства связи и миграция. Именно эти два компонента превращают мир в единое пространство коммуникации поверх государственных, культурных, этнических, национальных и идеологических границ. А. Аппадурай считает, что одной из важнейших причин глобализации культуры в современном мире является «детерриторизация». «Детерриторизация» является причиной возникновения первого и важнейшего измерения «глобальной культуры» — этноскейпу, т. е. туристов, иммигрантов, беженцев, эмигрантов и иностранных рабочих.

Процесс культурной глобализации повлиял на структуру и функционирование российских социальных институтов. Так, социальная коммуникация происходит в виртуальном мире с помощью социальных сетей (Facebook), мессенджеров (WhatsApp, Viber, Skype). Способы проведения досуга «вестернизировались»: широкое распространение видео игр, Интернет-серфинга, экстремальный спорт не только позволяют «выпустить» негативные эмоции, отвлечься от проблем, но также и представляют опасность и риски для психического и физического здоровья. Новые виды СМИ, а также сфера искусства используют новейшие технологии, популярные во всем мире. Появляются компании, предлагающие товары и услуги, которые

распространяются и становятся популярными по всему миру: Apple, McDonalds, IKEA. Интернациональные профессии, такие как международные журналисты, фотографы, режиссеры, художники и др. способствуют удовлетворению потребности в самореализации и раскрытии творческого потенциала, получения интернациональной критики и международного опыта.

Стремительное развитие российского общества на современном этапе представляет собой последствия политических, экономических и социокультурных реформ, произошедших в 90-е годы 20 века в России. Меняется социальное пространство, а вслед за ним трансформируется общественное сознание. Моральные устои, оценочные суждения, ценностные ориентации российских граждан претерпевают постепенные, глубокие изменения. Молодое поколение, выросшее в данных условиях, несомненно, отличается от своих родителей: знание нескольких иностранных языков, владение новейшими компьютерными технологиями, политическая и правовая грамотность, образовательные программы по обмену для обучения за рубежом, мобильность и толерантность, критическое мышление, умение анализировать и составлять собственное мнение, находить инновационные методы решения поставленных задач – критерии для успешного карьерного роста молодого профессионала.

Для того чтобы стать успешным, молодежь разрабатывает собственные стартапы, предлагает и реализовывает социальные проекты, активно осуществляет волонтерскую деятельность. В тоже время, наблюдается рост протестного потенциала в молодежной среде, увеличение количества молодых людей, желающих эмигрировать за границу, подвергается критике историческое достояние России. Молодые люди стали более целеустремленными, креативными, амбициозными, трудолюбивыми, ответственными.

Нельзя не отметить в данном контексте присоединение России к Болонскому процессу и реформирование системы высшего образования: переход от специалиста на двухступенчатую систему образования в виде получения степеней бакалавра и магистра. Так, высшее образование становится более доступным, студенты и преподаватели более мобильны. Расширяется территория трудоустройства, благодаря единой системе качественной подготовки. Вузы получают доступ к мировым грантам и научным проектам, повышая уровень квалификации, ориентированный на современный рынок труда; открывают программы для иностранных граждан на иностранном языке для привлечения студентов разных стран мира, участвуя в мировых рейтингах. Студенты получают возможность академического обмена с университетами других стран. Это способствует высокому уровню подготовки студентов, конкурентоспособных и востребованных на мировом рынке труда.

Так, портрет успешного современного российского молодого человека описывает его как целеустремленного, обладающего широким кругозором, трудолюбивого, образованного, креативного индивидуалиста с критическим мышлением. Так, можно констатировать распространение идеологии «self-made» в российском обществе. Впервые данный термин «self-made» («self» - англ. «себя», «made» - англ. «сделать») использован в 1895 г. Фредериком Дугласом. Данная идеология, зародившаяся в США, предполагает первостепенность собственного усердного труда для достижения успеха. Яркими примерами self-made man, то есть людей, которые «сделали себя сами» являются Бенджамин Франклин, Стив Джобс, Марк Цукерберг, Билл Гейтс. В рамках данной идеологии отрицается теория везения и опровергается мнение о наследовании социальной позиции. Важнейшими личностными качествами является мужественность, трудолюбие, настойчивость, ответственность, дисциплинированность.

В настоящий момент на Западе ведется полемика об идеологии self-made[2]. В то же время в России распространение и изучение данного феномена как нового явления представляется актуальным в настоящий момент. Данная тенденция связана, в первую очередь, с историческим прошлым страны. Коллективизм как социальная установка являлась важнейшей частью общественного сознания и воспитывалась с раннего возраста в СССР. Self-made можно ассоциировать с русской пословицей «из грязи да в князи», которая, также, придает пренебрежительный оттенок данному явлению. Зачастую на человека, добившегося успеха усердным трудом вешается ярлык «выскочка» или «нахал» и т.п.

Специфическое отношение в российском обществе к индивидуалистам, работающим для достижения собственного успеха, объясняется непосредственно культурными особенностями, выражающимися в традиционных ценностях русской православной культуры: помощь, выручка, смирение, первостепенность духовного богатства – которые являются прямо противоположными американской культуре, нацеленной на индивидуализм и материальный успех.

Также, процессы формирования среднего класса в России обладают специфическими особенностями. Необходимо заметить, что работа в государственных, бюджетных учреждениях представлялась более предпочтительной в силу гарантии стабильности для россиян, в отличие от американского общества, где сфера бизнеса развивалась крайне быстрыми темпами.

Таким образом, феномен культурной глобализации носит амбивалентный характер, коснувшись различных сфер жизни социума. Результатом этого является взаимопроникновение и взаимообогащения культур, процессы межкультурной коммуникации. Появление self-made идеологии в российском современном обществе, особенно в молодежной среде, является одним из результатов трансформаций ценностных ориентаций, однако, может являться и его следствием. Таким образом, можно говорить о взаимосвязи культурной глобализации и распространения идеологии self-made.

1) *Большой толковый социологический словарь: Пер. с англ./Джерри Д., Джери Дж. - М.: АСТ, Вече, 1999; Т.1 - 544с.*

2) *Jim Cullen Problems and Promises of the Self-Made Myth//The hedgehog Review, 2013, pp.8-22.*

3) *Левшина О. Н. Идея «Self-made man»: особенности восприятия в США и России // Общество: философия, история, культура. 2017. №1. С.140-142*

МОЛОДЕЖЬ КАК ОБЪЕКТ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Павлова А.Д., Величко Г.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация

Молодежь – движущая сила преобразования окружающей действительности. В современный период развития общества молодые люди проявляют особый интерес к политической деятельности, но зачастую они становятся жертвами технологий массовых манипуляций, которые распространяют свое влияние через социальные сети и интернет пространство в целом.

Молодые люди — это движущая сила преобразования действительности, обладающая созидательными, творческими способностями, энергией и в силу своих физиологических и интеллектуальных данных, способна оказывать влияние на развитие общества, участвуя в социальном преобразовании.

Отечественные ученые С. Н. Иконникова и В. Т. Лисовский, рассматривали молодежь как поколение, для которых характерны единство убеждений, целей, общность переживания и отношения к жизни. Характерной чертой поколения является тот факт, что возрастом оно не утрачивает социальных черт, воспитанных эпохой. Важным показателем позиции молодежи в обществе, авторы считали: общность убеждений, интересов, ценностей, стремлений, симпатий.

Современный социологический словарь определяет молодежь как социально-демографическую группу, переживающую период становления социальной и психофизиологической зрелости, адаптации к исполнению социальных ролей взрослых. Возрастные границы молодежной социальной группы размыты и подвижны, как правило, к молодежи причисляют людей в возрасте 14-30 лет .

В современный период развития общества остро встает вопрос об участии молодых людей в политической жизни государства. Молодежь во все времена принимала активное участие в политической жизни. С начала XIX в. студенческая молодежь, стремилась объединиться в группы по политическим интересам с целью участия в борьбе против деспотизма. Так же молодые люди были членами национально-освободительного движения. Вторая половина XIX в. характеризуется тем, что помимо молодежных организаций, поддерживающих революционное движение, появляются в том числе и христианские молодежные организации. Начало XX в. характеризуется тем, что почти во всех странах Западной Европы были организованы союзы социалистической рабочей молодежи.

Политическая активность молодежи в кризисные периоды развития общества, как правило, связана с острым переживанием чувства социальной несправедливости, которое находило отражение в протестных настроениях молодежи.

Политический протест характеризуется как комплекс индивидуальных и коллективных действий, направленных на радикальное изменение политики правящих групп. Современное протестное движение характеризуется активностью трех социально-профессиональных групп: «креативного класса», офисных служащих и учащейся молодежи, о чем свидетельствуют данные

исследований социального портрета протестного движения в Москве, проведенных ВЦИОМ. Значительная роль в возникновении протестного направления среди студенческой молодежи играют объективные и субъективные факторы. Согласно исследованиям ВЦИОМ, в основе протестного потенциала молодежи лежит субъективное чувство недовольства по отношению к своему настоящему, наличие несоответствия между ценностными ожиданиями и реальными возможностями. Данный феномен называется депривацией. Исследование ВЦИОМ подтверждено статистическими данными, согласно которым 49 % участников протестных акций в 2011–2012 гг. не удовлетворены своей жизнью. В связи с достаточно ярко выраженной депривацией среди молодежи наиболее остро проявляется чувство недоверия к институтам власти. Кроме того молодежь не удовлетворена существующим положением дел в обществе, в результате чего формируется убеждение о невозможности влиять на процесс принятия важнейших политических решений.

Важно отметить роль глобальной сети интернет и социальных сетей как поля политических взаимоотношений. Всего лишь треть молодых россиян (34%) регулярно смотрят новости по телевидению, 60% делают это реже. Всего 11% интересуется аналитическими программами о современной политической и экономической жизни страны. Только 28% постоянно читают печатную периодику (газеты, журналы). Современная молодежь информацию из интернет пространства из-за чего она легко может стать объектом манипулятивных технологий.

Технологии массовой манипуляции – это социальные технологии информационно-психологического, явного и скрытого управления психикой, действиями, поведением человека и группы людей различной численности посредством формирования у них представлений, вкусов, потребностей и ценностей, оказывающих воздействие на объект. Технологии массовой манипуляции представляют собой вид символической власти, которая функционирует в контексте различных социальных институтов, практик, технологий, маскируясь в них, оказывая воздействие на объекты.

Основными способами такой манипуляции в СМИ являются конструирование, умалчение информации, прежде всего, искажение, селекция, передергивание и др. Влияние технологий массовой манипуляции на формирование современной социальности значительно. Одним из инструментов политического манипулирования могут выступать социальные сети, как арена информационного противоборства с другими акторами за расширение собственной электоральной базы в социуме. В настоящее время политическое манипулирование применяется не только для укрепления политической стабильности в обществе, но и, напротив, для «расшатывания» политической ситуации в стране и снижения уровня легитимности действующей властной элиты.

Одним из основных механизмов политического манипулирования в социальных сетях является воздействие на пользователей через механизм большинства общественного мнения, когда сетевым участникам пытаются внушить, что продвигаемые среди них оценки происходящих политических событий поддерживаются большинством граждан.

2 апреля 2017 г. пользователи социальных сетей объявили о митинге на Красной площади, где они собирались выдвинуть требования правительству. Акторы, призывающие молодежь в социальных сетях на митинг призывали пользователей при помощи механизма большинства общественного мнения. За сутки около полутора тысяч человек выразили готовность явиться на митинг. Сама же заметка набрала 10 тыс. просмотров и свыше двухсот комментариев.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что современная молодежь проявляет политическую активность в нашей стране, но, будучи включенными в интернет пространство, она рискует попасть под влияние различных источников, оперирующих искаженной или же неполной информацией, с целью манипуляции сознанием молодых людей.

1. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. Московская школа политических исследований. М., 2011;
2. Добренков, В.И. Фундаментальная социология. Т. 9. Возрасты человеческой жизни / В.И. Добренков. М., 2005. С. 834-835.;
3. Елишев, С.О. Молодежь как объект манипуляций [Электронный ресурс], - URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/12/05/molodyozh_kak_obekt_manipulyacij;
4. Зверев, А.Л. Социальные сети как инструмент политического манипулирования (на примере организации массовых протестов в Гонконге 2014 г.) / А.Л. Зверев, А.П. Федоров. //Вестник Бурятского государственного университета. 2015. №7;
5. Лисовской, В.Т. Социология молодежи: Учебник / В.Т. Лисовской [и др.] – СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. 460 с.;

6. «Молодые люди из Москвы» собирают митинг на Красной площади [Электронный ресурс]. URL: <http://newsader.com/34388-molodye-lyudi-iz-moskvy-sobirayut-miti/>;
7. Михайличенко, Д.Г. Влияние технологий массовой манипуляции на политическую субъективацию молодежи/Д.Г. Михайличенко// Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 38 (329).;
8. Большой толковый социологический словарь [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/social_dict/Молодежь;
9. Социальный портрет протестного движения в Москве [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112859>;
10. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Социология молодежи. Учебник. Москва: НОРМА, 2011.

ОРИЕНТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕРИАЛОВ КАК ПРОДУКТОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ В Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ)

Певзнер К.П. (Санкт-Петербург)

Теории поздней современности описывают социальную среду как изменчивое, непостоянное пространство. В современном обществе существует множество вариантов комбинаций ценностей и образцов поведения, комбинируя которые, индивид формирует собственный стиль жизни. Безопасной и эффективной областью для его реализации является разнородная и многообразная массовая культура, в частности, сериалы, которые по своей логике схожи с фрагментарной повседневностью индивида. Сериалы как современный культурный продукт, распространяемый в том числе через интернет, рассчитаны на широкую аудиторию и оперируют универсальными смыслами и ценностями, понятными представителям разных культур.

Несмотря на то, что развлекательная, рекреационная функция сериалов как продукта культуриндустрии остается на первом плане, не стоит ограничиваться ей при анализе данного жанра как одного из наиболее востребованных в современном мире, поскольку он является эффективным инструментом трансляции представлений, ценностей, паттернов поведения, воспроизводя тем самым существующий социальный порядок. По результатам серии из 13 глубинных интервью со студентами в г. Санкт-Петербурге, проведенных в 2017 году, было отмечено, что информанты относятся к сериалам как к самостоятельному жанру массовой культуры, посвящают им много свободного времени и предъявляют высокие требования к их качеству – это говорит о значимости и содержательного наполнения сериалов. Так, идеи из сериальной продукции могут проникать в мировосприятие информантов в ходе интерпретации проблемных ситуаций, и данный процесс следует анализировать как реализацию ориентационной функции сериалов. При этом несмотря на преувеличения и условности, характерные для любой художественной формы, содержательное наполнение сериалов как продукта культуры заключается, в первую очередь, в их свойстве отражать действительность. В них перерабатываются и в иносказательной форме передаются актуальные закономерности, универсальные проблемы, обыгрываются житейские ситуации.

Как отмечала М. Бурда, современный зритель активно вовлечен в просмотр; такой эффект во многом создается высоким уровнем художественных и технических приемов, а также включенностью, внимательностью индивида и длительным просмотром [1]. Последнее достигается за счет проблемных ситуаций, которые создают диалог между зрителем и сюжетом. Все информанты обратили внимание на то, что глубоко сопереживают героям сериалов, причем большую роль здесь играет долгий просмотр: «Многие из персонажей мне уже как друзья, как семья. Я с ними столько времени провела, много событий пережила» (женский, 20 лет). Возникает определенная проекция - сериал призывает зрителя вместе с героем сделать трудный выбор, поставить себя в сконструированную ситуацию. Через такие ситуации сериал может транслировать определенные ценности и модели поведения, причем самому зрителю такое влияние проследить трудно – почти все информанты заявили, что не подражают намеренно героям сериалов и не могут вспомнить ситуации, напоминающие им сериал. Однако многие из них признали, что можно провести параллели между трудностями персонажей и их собственной жизнью: «Причем это не обязательно какая-то бытовая ситуация, это может быть вполне серьезная морально-этическая, философская проблема» (мужской, 20 лет).

Во многих сериалах прослеживается отражение не только житейских повседневных, но и глобально обсуждаемых социальных проблем: гендер («Игра Престолов»), субкультуры и

локальные сообщества («Теория Большого взрыва»), последствия технического прогресса («Черное зеркало», «Мистер робот»), бюрократия («Карточный домик»), место религии в современном мире («Молодой папа») и др. Важно отметить, что информанты с легкостью считывают и интерпретируют такие элементы сюжета. Такой подход к просмотру нельзя связывать только с компенсаторной функцией, поскольку в сюжете зрители ищут подтверждение или опровержение сложившимся элементам представления о мире – в этом и заключается ориентационный потенциал сериала. Если реципиент относится к культурному продукту как к отражению действительности, возникает определенная степень доверия, и сериал становится, говоря языком З. Баумана, «консультантом» [2, 72].

Степень доверия к происходящему в сериале во многом определяется восприятием главных героев. Истории многих современных сериалов выстраиваются вокруг ярких, харизматичных персонажей. Если сопоставить их качества, то можно выделить общие черты, формирующие «героя нашего времени», квинтэссенцию современных идеалов и ценностей. Эти местами идеализированные, но лишённые супергеройства и убедительные образы задают пример для подражания. Они вызывают симпатию и восхищение, конструируя предпочитаемую модель поведения. Если присмотреться к таким персонажам, как Доктор Хаус, Декстер, Шерлок, Растин Коул из «Настоящего детектива», Лорн Малво из «Фарго», Шелдон Купер из «Теории Большого взрыва», Эллиот Алдерсон из «Мистера Робота», Ленни Белардо из «Молодого папы», которых информанты сами выделяли как наиболее ярких, запоминающихся, то у них можно проследить наличие схожих черт, что и позволяет говорить о них как о квинтэссенции современных идеалов, выраженных посредством сериала.

По комментариям информантов, сегодня наблюдается мода на сериалы, особенно западные: о них много говорится в прессе, социальных сетях, они больше не считаются продуктом для пенсионеров и домохозяек. Генерируется особое дискурсивное поле, наиболее ярким признаком которого можно считать сериальные мемы, например «Зима близко» из «Игры престолов». Как отмечает в результатах своего исследования С. Кампф, осведомленность об актуальных сериалах сегодня становится признаком хорошего вкуса и способом отличить «своих» [3]. Они часто оказываются поводом для беседы, шуток, и незнание о сериале, как отмечали почти все информанты, может вызвать чувство дискомфорта, отрезанности от диалога: «Например, мои подруги обсуждали «Игру престолов», а я сидела и 15 минут с ними просто молчала» (женский, 22 года). Поэтому просмотр сериалов может быть вызван желанием уследить за актуальными трендами, и именно стремление приобщиться к интересующему дискурсивному полю, а не тематика, жанр или поднимаемые вопросы, оказывается главным мотивом обратиться к сериалу. Для информантов дискурсивное поле является основным источником информации о сериалах – они пользуются рекомендациями друзей и знакомых, следят за социальными сетями и специализированными сайтами.

Разнообразные по жанрам и тематикам, дискретные по форме, сериалы легко подстраиваются под изменения в социальной среде и потребности зрителя. Среди информантов распространен длительный просмотр, глубокое погружение в контекст сериала и вдумчивое восприятие сюжета. Отсюда высокие требования зрителей к содержательной части, которая реализуется через ориентационную функцию сериалов. Создатели продуктов данного жанра стремятся отразить универсальные проблемы, и информантам интересно делиться впечатлениями о сериале, что способствует развитию дискурсивного поля, которое, в свою очередь, поддерживает интерес к сериальной продукции.

1. Bourdaa M. *Quality Television: construction and de-construction of seriality // Previously On: TV Series in the Third Golden Age of Television*. - Sevilla: Frame, Revista de Cine de la Biblioteca de la Facultad de Comunicación, 2011. – P. 33-43

2. Бауман З. *Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова*. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с.

3. Kumpf S. “There has to be something to think about” – *The appropriation of quality TV series as a means of distinction // Previously On: TV Series in the Third Golden Age of Television*. - Sevilla: Frame, Revista de Cine de la Biblioteca de la Facultad de Comunicación, 2011. – P.477-489

ТИХАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: МОЛОДЁЖНОЕ ПРОТЕСТНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЧИЛИ

Перевозчиков М.С., Ровская А.Е. (Санкт-Петербург)

В мае 2011 года (начало зимы в Южном полушарии) Чили захлестнула волна студенческих протестов, продолжавшихся всю зиму. Всего в протестах приняло участие более 600 тысяч человек, в основном студентов, что составляет около 4,5 % от всего населения Чили. Основной темой протеста стало высшее образование. Каким же образом стали возможны такие значительные протесты в Чили по, казалось бы, не самому острому вопросу?

Современные социальные движения требуют многостороннего рассмотрения. В своей книге «Social movements. An introduction» итальянские социологи Д. Делла Порта и М. Диани предлагают четыре набора вопросов, ответы на которые помогут провести анализ социального движения. [1, с.5]

Вопрос первый. Какой социальный конфликт стоит за протестным движением в Чили?

Чилийская система высшего образования претерпела серьезные изменения во время правления военной хунты Аугусто Пиночета (1973-1989). Следуя логике экономической либерализации, военное правительство фактически прекратило финансирование сферы высшего образования, что немедленно сказалось на его стоимости. Пришедшие к власти демократические правительства увеличили количество грантов на образование и ввели льготные кредиты, однако в целом высшее образование в Чили до сих пор остается одним из самых высоких в мире: траты на высшее образование из частных средств составляют порядка 1,7 %, на уровне США и Великобритании, при том что ВВП стран сильно различаются. [2] Похожая ситуация сложилась и в среднем образовании. Причем, как отмечается, неравенство в сфере среднего образования с 2000 по 2010 только выросло. [3, с. 233] Таким образом важнейшей социальной проблемой стало неравенство доступа к высшему образованию.

Вопрос второй. Как социальные акторы смогли сформировать некую общность с совместной идентичностью?

Военный переворот 1973 года репрессиями и военным надзором фактически уничтожил студенческую традицию, сложившуюся с 1940-х годов. Годом возрождения стал 1984, когда в Вальпараисо состоялся съезд представителей крупнейших университетов Чили. В дальнейшем созданная «Конфедерация чилийских студентов» (CONFECH), не являющаяся постоянно функционирующей организацией, стала важнейшей площадкой коммуникации и переговоров.

Неудивительно, что именно в апреле 2011 года в CONFECH выступили с требованием полномасштабной реформы в сфере образования и организовали первый митинг 12 мая. В дальнейшем к протестам присоединились студенты всех высших учебных заведений, поскольку до 75 % получают образование платно. [4] Важнейшей частью социального движения стало ассоциирование себя частью протеста без соотношения с политической партией или официальной студенческой организацией. Например, после выборов в парламент страны в 2011 году участников студенческого протеста представитель «Федерации студентов Католического университета» Насчла Абурман пояснила, что новоизбранные депутаты не являются представителями студентов в парламенте. [5] Основой социального движения стали группы студентов одного университета, избирающие представителя своего учреждения.

Вопрос третий. Как политическая система влияет на деятельность социального движения.

Сперва следует отметить, что сама возможность появления такого социального движения стала возможна благодаря процессам демократизации и либерализации, происходящим в Чили с 1990 года. Однако к 2010 году политическая система Чили застыла в равновесии между правой и левой партийными коалициями, что привело к замедлению демократических преобразований. Экономический рост страны в 1990-2010 гг. создал надежду среди студентов, что благоприятная экономическая ситуация позволит увеличить траты на высшее образование. Однако избрание президентом в 2009 году правого кандидата Себастьяна Пиньеры, выступавшего за сохранение частного высшего образования, привело к чувству «относительной ущемленности» среди студентов, когда «кривая ожиданий» разошлась с «кривой действительности».

Вопрос четвертый. Какие формы действия избирает социальное движение для достижения своей цели?

Социальные движения могут использовать различные методы (насильственные и ненасильственные) для достижения своей цели, то есть то, что социолог Чарльз Тилли включал в «protest reservoir». Развитие демократии в Чили еще в конце 1980-х годов повлекло за собой отказ

от методов вооруженной борьбы. Поэтому самыми частыми формами чилийского протеста стали демонстрации, голодовки, а также мирный «захват» университетов студентами во время зимних каникул. Значительный вклад внес и интернет-активизм. Исследование интернет активности чилийских протестующих подтвердило тот факт, что для современных социальных движений деятельность в социальных сетях становится важным дополнением «оффлайн борьбы», то есть существует прямая корреляция между использованием, в данном случае, Facebook и участием в протестных акциях (число пользователей интернета в Чили составляет 78 %, для сравнения в России 72 %). [6, с. 13] При этом, согласно опросам общественного мнения, более 60 % населения Чили поддерживали протесты студентов, что говорит о правильно выбранных формах протеста, направленных на привлечение поддержки со стороны общества. [7]

Вероятно, первостепенным вопросом является вопрос о результате борьбы социального движения. Спад протеста пришелся на конец 2011 года. Студенческий профсоюз смог добиться переговоров с правительством и министерством образования, несколько деятелей протестного движения были избраны депутатами в чилийский парламент, а основная масса студентов вернулась к учебе. П. Штомпка выделяет два исхода для общественного движения – кризис победы и кризис проигранной ситуации. [8, с. 179] В случае Чили же скорее приходится говорить о «рутинизации» общественного движения. Проблемы, стоявшие за студенческими процессами - а именно недоступность высшего образования для большой доли населения, погоня за прибылью со стороны университетов, отсутствие в Конституции гарантий на образование – остались.

- 1) Della Porti D., Diani M. *Social movements. The introduction.* 2006. Hong Kong..
- 2) *Education at a Glance 2013 OECD indicators.* URL: [https://www.oecd.org/edu/eag2013%20\(eng\)--FINAL%2020%20June%202013.pdf](https://www.oecd.org/edu/eag2013%20(eng)--FINAL%2020%20June%202013.pdf)
- 3) Valenzuela J. P., Bellei C., De los Rios D. *Socioeconomic school segregation in a market-oriented educational system. The case of Chile // Journal of Education Policy. Issue 29. 2014.*
- 4) *Las razones de las protestas estudiantiles en Chile* URL: http://www.bbc.com/mundo/noticias/2011/08/110809_chile_estudiantes_2_vs.shtml
- 5) *Naschla Aburman: La pingüina que aprendió la 'lección': no ceder a la primera* URL: <http://www.emol.com/noticias/Tendencias/2013/12/26/739747/Naschla-Aburman-La-pingina-que-aprendio-la-leccion-no-ceder-a-la-primer.html>
- 6) Valenzuela S., Arriagada A. *The social media basis of youth protest behaviour the case of Chile // Journal of Communication. Volume 62. Issue 2. 2012.*
- 7) *Encuesta CESOP respecto de las movilizaciones estudiantiles y la educación en Chile.* URL: <http://archive.is/6dQw>
- 8) Штомпка П. *Социология. Анализ современного общества.* М. 2005.

ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЗНАЧИМЫХ КАЧЕСТВ ЛИЧНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПО РАБОТЕ С МОЛОДЁЖЬЮ

Перешивайлова С.А., Смольникова Л.В. (Томск)

Специальность «Организация работы с молодёжью» постепенно наращивает свой потенциал и приобретает необходимую популярность и известность, в то же время конкуренция на рынке труда возрастает с каждым днём. Сегодня молодёжь, объект работы ОРМщика, и их родители, безусловно, хотят видеть рядом с собой человека активного, интересного, умеющего заечь, знающего и понимающего цель осуществляемой им деятельности. Иными словами, человека, который будет грамотно работать на качественный «продукт».

Однако, ситуация складывается следующим образом: по окончании учебного заведения выпускник знает, как устроена работа по его профессии, но на деле, сталкиваясь с реальными проблемами и задачами, глубже узнавая специфику своей деятельности, специалист теряет. На каком-то этапе выпускник понимает, что профиль осуществляемой им деятельности не соответствует его темпераменту, жизненным установкам, внутреннему миру, на другом этапе специалист ощущает на себе, что теоретические знания, полученные им за четыре года обучения не могут решить определённую профессиональную задачу. Это может также произойти из-за недостатка умения действовать в определённых ситуациях, из-за низкого уровня развития профессиональных качеств и черт.

Профессиональные качества – это другая сторона знания выпускника ВУЗа о профессии. И для учебного заведения крайне важно, чтобы за четыре года обучения студент вырос личностно и профессионально, а не остался с тем багажом навыков и качеств, с которыми поступал. Поэтому

основная задача преподавателя – ориентирование студента на ту или иную область деятельности, привитие интереса к получаемой специальности, развитие в нём профессионально необходимых, полезных и значимых качеств и навыков.

Таким образом, сегодня перед нами стоит важная задача, связанная с подготовкой кадров в учебном заведении – исследование профессионально важных качеств и черт будущего бакалавра и развитие данных качеств до необходимого уровня [2]. Поставленная задача требует разработку и апробацию социальных программ и конкретных методик, которые позволят нам в дальнейшем развивать психологические качества личности, способствующие профессиональному росту специалистов по работе с молодёжью.

По результатам проведённого исследования профессиональных качеств и черт, необходимых для специалиста по работе с молодёжью, был выявлен ряд особенностей:

Несмотря на направленность деятельности, специалист ОРМ должен иметь базовые профессиональные качества – честность, трудолюбие, умение работать в команде, пунктуальность, ответственность.

Чертами характера, полезными для работы в данной профессии, являются: открытость, коммуникабельность, стрессоустойчивость, умение принимать решения и нести ответственность за них, инициативность, готовность к сотрудничеству, умение адаптироваться к новым условиям.

Специальность «Организация работы с молодёжью» относится к категории «человек-человек», а работа с людьми предполагает наличие терпимости, уравновешенности, чувства сопереживания и неравнодушного отношения к проблемам других людей (эмпатии).

Диагностика профессионально-важных качеств и черт личности студентов позволила определить уровень развития личностных и профессиональных качеств каждого студента. Исследование проходило по методикам Н.П.Фетискина, Т.Лири, В.В.Бойко, Д.Голланда и других [1].

Обработка и интерпретирование результатов позволили сделать следующие выводы:

Анализ результатов тестирования по методике диагностики профессиональных качеств и черт личности Д.Голланда выявил типы личности студентов исследуемой группы. Среди студентов нашлись и такие, которые совмещали в себе три-четыре типа личности. Данное исследование помогло студентам сориентироваться в многообразии направлений профессиональной деятельности ОРМ.

В ходе исследования по методике В.В.Бойко «Диагностика коммуникативной толерантности» был сделан вывод о том, что разным студентам группы необходим, во-первых, адресный подход, а, во-вторых, необходимо посредством практических и тренинговых занятий формировать коммуникативную толерантность к людям.

Результаты исследования по методике Н.П.Фетискина «Определение творческого потенциала» заставляют задуматься о наличии в испытуемой группе студентов с результатом «ниже среднего».

Методика Т.Лири «Определение организаторских и коммуникативных качеств личности» позволила выявить уровень развития качеств и характерологических черт личности студента, а также была установлена способность студента к оценке окружающих его людей.

В ходе исследования и определения уровня стрессоустойчивости был сделан вывод, что студенты не готовы принимать адекватные решения в стрессовых ситуациях, следовательно, необходимо проводить практические занятия для повышения уровня стрессоустойчивости и формирования навыка принятия правильного решения.

Исходя из проведённого анализа, возникла острая необходимость в разработке программы с целью развития профессиональных качеств и черт личности студента, адаптированной для направления подготовки «Организация работы с молодёжью». Программа состоит из 8 занятий и включает в себя знания и практики, помогающие молодым людям преодолевать трудности, достигать задуманное, расширять зону комфорта, таким образом повышать уровень лидерского, творческого потенциала, уровень стрессоустойчивости, коммуникативной толерантности.

Занятие 1 направлено на введение в программу и формирование рабочей и доверительной атмосферы в коллективе.

Занятие 2 направлено на развитие творческого потенциала студента: участники приняли участие в практиках, которые способствовали раскрытию их творческого потенциала, благодаря тренинговым упражнениям и лекционному материалу студенты осознали, что в каждом, в большей или меньшей мере, заложена креативность и нестандартное мышление.

Занятие 3 направлено на повышение уровня лидерского потенциала: участники активно взаимодействуют друг с другом, практикуют роли организатора и исполнителя, составляют портрет лидера, включив в него необходимые качества и навыки.

Занятие 4 направлено на развитие коммуникативной толерантности: участники решают ситуативные задачи, в которых проявляют либо агрессивное поведение или, наоборот, терпимость и понимание. Занятие способствует осознанию индивидуального проявления и общения, но, общаясь и взаимодействуя, необходимо развивать и повышать уровень коммуникативной толерантности, так как от этого зависит профессиональный успех специалиста по работе с молодёжью на рынке труда.

Занятие 5 направлено на развитие организаторских и коммуникативных навыков студента: участники попадают в ситуацию, выход из которой необходимо найти самостоятельно – договориться, найти, обсудить, прийти к общему согласию.

Занятие 6 направлено на повышения уровня стрессоустойчивости: для участников проводится ряд практик, на которых они разбирают стрессовые ситуации в группе, выделяют сильные и слабые стороны, тем самым формируют навык борьбы с переживаниями, сомнениями и неуверенностью.

Занятие 7 направлено на профориентацию: участники в игровой форме проигрывают профессиональные роли, проводят анализ деятельности, выделяют те навыки и качества, которые привлекают студента именно в определённом направлении деятельности.

Занятие 8 направлено на выявление уровня профессиональных качеств и черт и обратную связь.

Контрольное тестирование показало эффективность программы, а представленная программа по развитию профессиональных качеств и черт была успешно реализована и адаптирована на студентах гуманитарного факультета ТУСУР направления подготовки «Организация работы с молодёжью». Участники смогли сформировать навыки профессионального взаимодействия.

При отсутствии профессиональных качеств, необходимых специалисту ОРМ, выпускник, конечно же, сможет осуществлять свою деятельность. В таком случае возникают вопросы: «Каким будет уровень его работы?», «Будет ли специалист востребован и полезен для общества?». Поэтому говорить, сегодня, об основных личностных и профессиональных качествах организатора работы с молодёжью важно и нужно. Ведь только полноценно развивая студента, можно получить на выходе специалиста, который будет понимать, чем именно он будет заниматься, какие компетенции у него для этого есть, и какие ещё необходимо развивать.

Специальность «Организация работы с молодёжью» постепенно наращивает свой потенциал и приобретает необходимую популярность и известность, в то же время конкуренция на рынке труда возрастает с каждым днём. Сегодня молодёжь, объект работы ОРМщика, и их родители, безусловно, хотят видеть рядом с собой человека активного, интересного, умеющего заечь, знающего и понимающего цель осуществляемой им деятельности. Иными словами, человека, который будет грамотно работать на качественный «продукт».

Однако, ситуация складывается следующим образом: по окончании учебного заведения выпускник знает, как устроена работа по его профессии, но на деле, сталкиваясь с реальными проблемами и задачами, глубже узнавая специфику своей деятельности, специалист теряет. На каком-то этапе выпускник понимает, что профиль осуществляемой им деятельности не соответствует его темпераменту, жизненным установкам, внутреннему миру, на другом этапе специалист ощущает на себе, что теоретические знания, полученные им за четыре года обучения не могут решить определённую профессиональную задачу. Это может также произойти из-за недостатка умения действовать в определённых ситуациях, из-за низкого уровня развития профессиональных качеств и черт.

Профессиональные качества – это другая сторона знания выпускника ВУЗа о профессии. И для учебного заведения крайне важно, чтобы за четыре года обучения студент вырос личностно и профессионально, а не остался с тем багажом навыков и качеств, с которыми поступал. Поэтому основная задача преподавателя – ориентирование студента на ту или иную область деятельности, привитие интереса к получаемой специальности, развитие в нём профессионально необходимых, полезных и значимых качеств и навыков.

Таким образом, сегодня перед нами стоит важная задача, связанная с подготовкой кадров в учебном заведении – исследование профессионально важных качеств и черт будущего бакалавра и развитие данных качеств до необходимого уровня [2]. Поставленная задача требует разработку и

апробацию социальных программ и конкретных методик, которые позволят нам в дальнейшем развивать психологические качества личности, способствующие профессиональному росту специалистов по работе с молодёжью.

По результатам проведённого исследования профессиональных качеств и черт, необходимых для специалиста по работе с молодёжью, был выявлен ряд особенностей:

Несмотря на направленность деятельности, специалист ОРМ должен иметь базовые профессиональные качества – честность, трудолюбие, умение работать в команде, пунктуальность, ответственность.

Чертами характера, полезными для работы в данной профессии, являются: открытость, коммуникабельность, стрессоустойчивость, умение принимать решения и нести ответственность за них, инициативность, готовность к сотрудничеству, умение адаптироваться к новым условиям.

Специальность «Организация работы с молодёжью» относится к категории «человек-человек», а работа с людьми предполагает наличие терпимости, уравновешенности, чувства сопереживания и равнодушного отношения к проблемам других людей (эмпатии).

Диагностика профессионально-важных качеств и черт личности студентов позволила определить уровень развития личностных и профессиональных качеств каждого студента. Исследование проходило по методикам Н.П.Фетискина, Т.Лири, В.В.Бойко, Д.Голланда и других [1].

Обработка и интерпретирование результатов позволили сделать следующие выводы:

Анализ результатов тестирования по методике диагностики профессиональных качеств и черт личности Д.Голланда выявил типы личности студентов исследуемой группы. Среди студентов нашлись и такие, которые совмещали в себе три-четыре типа личности. Данное исследование помогло студентам сориентироваться в многообразии направлений профессиональной деятельности ОРМ.

В ходе исследования по методике В.В.Бойко «Диагностика коммуникативной толерантности» был сделан вывод о том, что разным студентам группы необходим, во-первых, адресный подход, а, во-вторых, необходимо посредством практических и тренинговых занятий формировать коммуникативную толерантность к людям.

Результаты исследования по методике Н.П.Фетискина «Определение творческого потенциала» заставляют задуматься о наличии в испытуемой группе студентов с результатом «ниже среднего».

Методика Т.Лири «Определение организаторских и коммуникативных качеств личности» позволила выявить уровень развития качеств и характерологических черт личности студента, а также была установлена способность студента к оценке окружающих его людей.

В ходе исследования и определения уровня стрессоустойчивости был сделан вывод, что студенты не готовы принимать адекватные решения в стрессовых ситуациях, следовательно, необходимо проводить практические занятия для повышения уровня стрессоустойчивости и формирования навыка принятия правильного решения.

Исходя из проведённого анализа, возникла острая необходимость в разработке программы с целью развития профессиональных качеств и черт личности студента, адаптированной для направления подготовки «Организация работы с молодёжью». Программа состоит из 8 занятий и включает в себя знания и практики, помогающие молодым людям преодолевать трудности, достигать задуманное, расширять зону комфорта, таким образом повышать уровень лидерского, творческого потенциала, уровень стрессоустойчивости, коммуникативной толерантности.

Занятие 1 направлено на введение в программу и формирование рабочей и доверительной атмосферы в коллективе.

Занятие 2 направлено на развитие творческого потенциала студента: участники приняли участие в практиках, которые способствовали раскрытию их творческого потенциала, благодаря тренинговым упражнениям и лекционному материалу студенты осознали, что в каждом, в большей или меньшей мере, заложена креативность и нестандартное мышление.

Занятие 3 направлено на повышение уровня лидерского потенциала: участники активно взаимодействуют друг с другом, практикуют роли организатора и исполнителя, составляют портрет лидера, включив в него необходимые качества и навыки.

Занятие 4 направлено на развитие коммуникативной толерантности: участники решают ситуативные задачи, в которых проявляют либо агрессивное поведение или, наоборот, терпимость и понимание. Занятие способствует осознанию индивидуального проявления и общения, но, общаясь и взаимодействуя, необходимо развивать и повышать уровень коммуникативной

толерантности, так как от этого зависит профессиональный успех специалиста по работе с молодёжью на рынке труда.

Занятие 5 направлено на развитие организаторских и коммуникативных навыков студента: участники попадают в ситуацию, выход из которой необходимо найти самостоятельно – договориться, найти, обсудить, прийти к общему согласию.

Занятие 6 направлено на повышения уровня стрессоустойчивости: для участников проводится ряд практик, на которых они разбирают стрессовые ситуации в группе, выделяют сильные и слабые стороны, тем самым формируют навык борьбы с переживаниями, сомнениями и неуверенностью.

Занятие 7 направлено на профориентацию: участники в игровой форме проигрывают профессиональные роли, проводят анализ деятельности, выделяют те навыки и качества, которые привлекают студента именно в определённом направлении деятельности.

Занятие 8 направлено на выявление уровня профессиональных качеств и черт и обратную связь.

Контрольное тестирование показало эффективность программы, а представленная программа по развитию профессиональных качеств и черт была успешно реализована и адаптирована на студентах гуманитарного факультета ТУСУР направления подготовки «Организация работы с молодёжью». Участники смогли сформировать навыки профессионального взаимодействия.

При отсутствии профессиональных качеств, необходимых специалисту ОРМ, выпускник, конечно же, сможет осуществлять свою деятельность. В таком случае возникают вопросы: «Каким будет уровень его работы?», «Будет ли специалист востребован и полезен для общества?». Поэтому говорить, сегодня, об основных личностных и профессиональных качествах организатора работы с молодёжью важно и нужно. Ведь только полноценно развивая студента, можно получить на выходе специалиста, который будет понимать, чем именно он будет заниматься, какие компетенции у него для этого есть, и какие ещё необходимо развивать.

1. *Истратова О.Н. Личностные и профессиональные качества. – Ростов н/Д: Феникс, 2012. – 495 с.*
2. *Шадриков В.Д. Профессиональные способности. – М.: Университетская книга, 2010. – 320 с.*

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Петрова В.А. (Москва)

Аннотация: Статья посвящена определению понятия «глобализация», его сущности и месту в мире. Рассматриваются и анализируются позитивные и негативные тенденции влияния трансформации единого пространства на современную российскую молодёжь. Проводится исследование влияния глобализации и на основании его предлагаются возможные пути преодоления сторон, формирующих отрицательные аспекты.

Процесс глобализация активно перестраивает мир, затрагивая при этом все сферы человеческой жизни, начиная от духовно-нравственного развития отдельной личности, заканчивая всеобщим экономико-политическим пространством. Главным образом глобализация оказывает влияние на молодёжь, интенсивно впитывающую новые веяния на этапе формирования своего мировоззрения и мировосприятия.

Одно из определений данного понятия звучит так: «Глобализация – процесс сближения и роста взаимосвязи наций и государств мира, сопровождающийся выработкой общих политических, экономических, культурных и ценностных стандартов»[1]. Национальная идеология любой страны направлена на сохранение своих культурных ценностей и своей индивидуальности, которая опирается на опыт предшествующих поколений, однако процесс всеобщей глобализации сливает воедино историческую подоплеку всех народов и составляет свою, новую, всеобщую систему ориентиров.

Российская молодёжь активно приобщается веяниям с Запада, а это в свою очередь, наряду с позитивными тенденциями, показывает негативную сторону. Что касаясь положительных параллелей, можно говорить о появлении новых возможностей и перспектив для развития, которые все в большей степени внедряются в массы. Так же, о возросшем проценте толерантного поведения и сознания, поднятии уровня заинтересованности в различных новых сферах жизни и в

том, что происходит за пределами своей страны, лояльного отношения к индивидуальным особенностям отдельных личностей и групп. Вместе с тем, глобализация имеет немалую часть негативных аспектов для российской молодежи.

Во-первых, как уже говорилось выше, посредством слияния культур, современная молодежь меньше уделяет внимания отечественной истории, культурному наследию своей страны. Более того, тем самым, увеличивает шансы потомков на еще большее отчуждение от истоков.

Во-вторых, российская молодежь впитывает в себя тенденции деморализации. Здесь стоит затронуть сразу несколько аспектов, а именно: наряду с более гуманным поведением к отдельным группам населения и их интересам, рушится институт семьи, уменьшается заинтересованность в создании позитивного образа, как отдельного человека, так и общества в целом, расширяются рамки дозволенного, и сужается понятие «норма».

В-третьих, все больше возрастает заинтересованность в достижении собственных выгод, посредством абсолютно любых методов и приемов. В силу вступает эгоизм, расчёт и цинизм.

Одним из самых важных факторов на становление личности, на формирование сознания молодежи, в том числе и российской, играет появление сети Интернет. Согласно социологическим исследованиям, проведенным Е.В. Реутовым и Т.В. Трошиной, пользуются Интернетом ежедневно 90,8% опрошенных в возрасте 15–24 лет, 73,8% – в возрасте 25–39 лет, 41,8% – 40–59 лет и только 5,6% – от 60 лет и старше[3]. Авторы полагают, что 48% пользователей Интернета склоняются к мнению, что именно он дает наиболее полную и объективную информацию о событиях в общественной жизни.

Проблема использования глобальной сети заключается в том, что информация предоставляется не исключительно достоверная, используется большое количество ненормативной лексики и материала, содержащего аморальное поведение. Ведь молодежь не всегда умеет правильно использовать данный ресурс и пропускает через себя все, что попадает в поле зрения. Получается, что этот огромный шаг вперед в мировом сообществе, тоже имеет под собой как положительные, так и отрицательные моменты.

На основании всего изученного материала, я решила провести собственное исследование, а именно опрос среди 50 человек в возрасте от 17 до 25 лет, включающий в себя вопросы о наиболее предпочтительном времяпровождении и интересах. Результаты показали, что культурные мероприятия посещают, в большей степени, только школьники и студенты начальных курсов. Так же, только данная группа респондентов читает отечественную классику, имеет заинтересованность в истории своей страны и занимается различной волонтерской деятельностью, то есть еще ощущает свою причастность к обществу и направлена не только на удовлетворение своих потребностей, в отличие от людей после 20 лет, заинтересованных, в большей мере, только в получении прибыли и проводящих свободное время с наименьшей пользой, а именно, в социальных сетях.

Исходя из исследования, можно сделать вывод, что социальное здоровье всякой молодой личности зависит не столько от нее самой, сколько от структуры данного общества, и процессов, происходящих в нем. Следовательно, если общество, и процессы, происходящие в нем, оказывают развивающее влияние на различные группы населения (среди которых молодежь как уязвимая группа занимает первоочередное место), то это будет способствовать формированию у таких групп социального здоровья[2].

На развитие российской молодежи и формирование ее правильной направленности, нужно обращать внимание не только на подростковом этапе, но и последующих уровнях. Я считаю, что такие предметы, как «история» и «литература» должны сопутствовать на всем периоде обучения. Нужно устраивать как можно больше культурных мероприятий, а именно походов в театры, музеи, на выставки; устраивать различные литературные вечера и вечера памяти; привлекать российскую молодежь к участию в различных секциях и кружках, научных конференциях; продолжать программу развития патриотизма личности.

Все перечисленные мероприятия будут способствовать взаимодействию студентов, причем, исключительно в положительном ключе, настраивать их на соответствующие интеллектуальные беседы. Будет, в большей степени, осознанность происходящего в мире, понимание того, что правильно, а что нет, что является поистине важным, а на чем не стоит акцентировать внимание. В таком случае, процессы глобализации будут влиять на современную российскую молодежь только с позитивной точки зрения.

1. Беляков А.В., Матвейчев О.А. Большая актуальная политическая энциклопедия — М.: Эксмо, 2009. — 412 с.
2. Гафиатулина Н.Х., Загутин Д.С., Самыгин С.И. Глобализация как фактор разрушения социального здоровья российской молодежи // Научные исследования и разработки. Социологические науки. — 2017. — №1
3. Реутов Е.В., Трошина Т.В. Интернет практики и информационные предпочтения населения // Социологические исследования. — 2015. — № 4. — С.142

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ. САМОУПРАВЛЕНИЕ. СТУДЕНТЫ

Петрова И.В., Петров А.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация

Авторы пытаются проанализировать текущую ситуацию относительно актуальных общественных запросов к системе высшего образования, подготовке молодых специалистов целостного видения, системного мышления, обладающих инструментальными знаниями и навыками эффективного коммуникативного взаимодействия. На основании результатов исследования дается оценка ситуации, отмечаются замечания, предлагаются рекомендации.

Насколько в реальности синкретичны понятия, обозначенные в заголовке? Или по-прежнему между первым и последним пробел? И так ли необходимо в действительности, с ее динамическим трендами на интеграцию и унификацию, вводить практику студенческого самоуправления в процесс подготовки будущих специалистов? Полагаем, что выводы, сформулированные авторами в ходе социологического исследования, позволят прояснить текущую ситуацию по данной проблеме. Исследование проведено 2012-2014 гг. и посвящено было изучению факторов и условий ВО для социально-профессионального развития современной студенческой молодежи.

Итак, институциональный уровень проблемы можно измерить и оценить, прежде всего, посредством изучения нормативно-правового обеспечения. Следовательно, обратимся к ФГОСам [1] (третье поколение стандартов, принятое в 2009 г.): декларируют отражение общекультурных и профессиональных компонент развития студентов, и в отличие, от узконаправленных предшественников (ГОСов), ориентированных лишь на профессиональную подготовку молодых специалистов, - это, безусловно, актуальное преимущество. Ведь грядущая эпоха глобализации, характеризующаяся системными процессами сближения культур, экономик, политик и религий разных стран, уже сегодня представляется как объективный процесс, где мир будущего будет более связанным, а значит, и более зависимым от всех его субъектов. Соответственно, общество заинтересовано в инновационно-ориентированных типах интегрирующихся субъектов. Обратившись к другому важному документу, разработанному в результате реформаторской деятельности нашего государства в сфере образования, Федеральному закону №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (2012 г.) [2], обнаруживаем обновленную (гуманистическую) миссию системы образования, а также и возможные пути ее реализации.

Далее перейдем к оценкам экспертов и результатам основного исследования (опроса студентов 1-3 к., N=400, из пяти российских ВУЗов: РГПУ им. А. И. Герцена, СЗГМУ им. И. И. Мечникова, ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова, СПбГПМУ, РГГМУ).

Достаточно регулярно оглашаются решения Рособнадзора о лишении лицензий ВУЗов, приостановке действия государственной аккредитации, о запрещении приема обучающихся. В результате проверок, проведенных ведомством, выявляются различные нарушения, от отсутствия ООП по заявленным в лицензиях направлениям подготовки до отсутствия необходимого материально-технического и иного (кадрового, информационного) обеспечения для реализации этих программ. Результаты авторского опроса потребителей образовательных услуг позволяют сделать вывод о том, что по-прежнему сохраняется блокирование активности и инициативы студента, практикуется активная эксплуатация внимания, восприятия, памяти, моторики студента, сочетающаяся с подготовкой студентов на основе статичной информации, изолированной от динамики времени и пространства. В итоге это приводит к негативной реакции студента на управляющее воздействие преподавателей и воспитателей, тогда как в общественных и профессиональных сферах требуется целостная и активная личность. В подкрепление данного вывода приведем одномерные, но достаточно наглядные результаты исследований. Первое с чего следует начать представление – это с практикуемых педагогических стилей: 69% – преподавателей, по мнению студентов, использовали авторитарный стиль, 25% – демократический, 6% – либеральный. На вопрос о практике применения в обучающем процессе

активных и интерактивных методов преподавания респонденты ответили: практика отсутствует (5%), редко используются (47%). При этом наибольшее количество положительных ответов студентов получено относительно вопросов о возможностях введения практики групповых методов в образовательный процесс. Так, 81% (324) респондентов считают, что данные методы способствуют социальному развитию студентов, а 86% (344) студента – профессиональному. По поводу социального, коммуникативного развития потенциала результаты следующие: факт конфликтного поведения в студенческих группах подтвердили 21% респондентов; на вопрос о групповом участии во внеучебной деятельности – лишь 11% респондентов подтвердили такой опыт; в работе студобъединений участвовало 6% респондентов. Следует отдельно обратить внимание на полученные ответы по вопросам анкеты из тематических блоков, ориентированных на изучение отношения студентов к самоуправлению, развитию лидерского потенциала непосредственно в учебном процессе. Например, на вопрос относительно использования возможности формирования специальных подгрупп – тренажеров лидерства внутри академических студенческих групп мнения респондентов следующие: 69% (276) студентов считает, что это будет способствовать личностному развитию студентов, 20% (80) – затруднились с ответом, 11% (44) ответили отрицательно. Значительное большинство студентов (61% (244)) также высказались, что это нововведение будет развивать групповое самоуправления в группах (32% (128) – затруднились с ответом, 7% (28) – ответили отрицательно).

Проблемы проявляются, главным образом, на уровне исполнения социального процесса, закрепленные законодательной базой мероприятия игнорируются, либо носят формальный характер. Следовательно, необходимо активизировать инициативу и контроль на организационном уровне образовательной системы. По мнению авторов, ситуативное конфигурирование процесса социально-профессионального развития студенческой молодежи в ВУЗах должно быть предметом изучения современных социологов образования. Кроме этого, мониторинг условий обеспечения процесса (содержание, формы, методы, средства, субъекты) может осуществляться собственными силами, социологическими подразделениями ВУЗов (факультетов) с целью создания единой информационно-аналитической сети в системе ВО.

Следует обратить внимание на обнаруженные противоречия, аспекты которых требуют дальнейшего исследования. Несоответствие в потребности методик формирования личностей интегративного (синтетического) типа, и в подготовке специалистов, не отвечающих требованиям современности. Использование традиционных (монологических) способов реализации образовательного воздействия, тогда как изначально природа данного воздействия диалогическая. Большой объем разработок по активным и интерактивным методам обучения, и отсутствие специальных техник, развивающих лидерство студентов в учебном процессе.

Относительно социально-воспитательного сопровождения студентов ВУЗов можно рекомендовать создание гибких (допуск к коррекции мероприятий) планов воспитательной деятельности, сформированных, прежде всего, с учетом инициатив студентов посредством доступных и эффективных мультиканалов социальной коммуникации: ВУЗ-студент. Необходимо активизировать работу по введению мероприятий ректор-студент, сокращающих дистанцию власти, обеспечивающих снижение проблемного поля в социальной, профессиональной, научной, бытовой жизни студенчества, направленных на формирование у студентов паттерна профессионального и социального лидера. В воспитательном сопровождении социализации студентов необходимо практиковать и групповые (социальные технологии), и индивидуально-ориентированные формы работы по направлениям деятельности: учебно-административное направление, научное, социально-бытовое, спортивное, культурно-массовое, вторичная занятость с обязательным условием – обновленным репертуаром мероприятий.

Представленные замечания и выводы, рекомендации и предложения с акцентом на управляемости (контролируемости) процесса социализации в институте образования посредством самоуправления и соуправления (как единства административно-педагогического управления и студенческого самоуправления), определяя пути и способы, формируют минимальный, но актуальный комплекс мероприятий по оптимизации условий системы ВО в достижении актуальных целей социально-профессионального развития современной студенческой молодежи.

1. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 «Педагогическое образование» (квалификация (степень) «бакалавр») [Электронный ресурс]. Электрон. текст. дан. – Режим доступа: URL: <http://fgosvo.ru/fgosvpo/7/6/1/5> (дата обращения: 16.09.2014).

2. Федеральный закон РФ № 273 – ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Электрон. текст. дан. – Режим доступа: URL: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения: 18.09.2014).

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ. САМОУПРАВЛЕНИЕ. СТУДЕНТЫ

Петрова И.В., Петров А.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация

Авторы пытаются проанализировать текущую ситуацию относительно актуальных общественных запросов к системе высшего образования, подготовке молодых специалистов целостного видения, системного мышления, обладающих инструментальными знаниями и навыками эффективного коммуникативного взаимодействия. На основании результатов исследования дается оценка ситуации, отмечаются замечания, предлагаются рекомендации.

Насколько в реальности синкретичны понятия, обозначенные в заголовке? Или по-прежнему между первым и последним пробел? И так ли необходимо в действительности, с ее динамическими трендами на интеграцию и унификацию, вводить практику студенческого самоуправления в процесс подготовки будущих специалистов? Полагаем, что выводы, сформулированные авторами в ходе социологического исследования, позволят прояснить текущую ситуацию по данной проблеме. Исследование проведено 2012-2014 гг. и посвящено было изучению факторов и условий ВО для социально-профессионального развития современной студенческой молодежи.

Итак, институциональный уровень проблемы можно измерить и оценить, прежде всего, посредством изучения нормативно-правового обеспечения. Следовательно, обратимся к ФГОСам [1] (третье поколение стандартов, принятое в 2009 г.): декларируют отражение общекультурных и профессиональных компонент развития студентов, и в отличие, от узконаправленных предшественников (ГОСов), ориентированных лишь на профессиональную подготовку молодых специалистов, - это, безусловно, актуальное преимущество. Ведь грядущая эпоха глобализации, характеризующаяся системными процессами сближения культур, экономик, политик и религий разных стран, уже сегодня представляется как объективный процесс, где мир будущего будет более связанным, а значит, и более зависимым от всех его субъектов. Соответственно, общество заинтересовано в инновационно-ориентированных типах интегрирующихся субъектов. Обратившись к другому важному документу, разработанному в результате реформаторской деятельности нашего государства в сфере образования, Федеральному закону №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (2012 г.) [2], обнаруживаем обновленную (гуманистическую) миссию системы образования, а также и возможные пути ее реализации.

Далее перейдем к оценкам экспертов и результатам основного исследования (опроса студентов 1-3 к., N=400, из пяти российских ВУЗов: РГПУ им. А. И. Герцена, СЗГМУ им. И. И. Мечникова, ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова, СПбГПУ, РГГМУ).

Достаточно регулярно оглашаются решения Рособрнадзора о лишении лицензий ВУЗов, приостановке действия государственной аккредитации, о запрещении приема обучающихся. В результате проверок, проведенных ведомством, выявляются различные нарушения, от отсутствия ООП по заявленным в лицензиях направлениям подготовки до отсутствия необходимого материально-технического и иного (кадрового, информационного) обеспечения для реализации этих программ. Результаты авторского опроса потребителей образовательных услуг позволяют сделать вывод о том, что по-прежнему сохраняется блокирование активности и инициативы студента, практикуется активная эксплуатация внимания, восприятия, памяти, моторики студента, сочетающаяся с подготовкой студентов на основе статичной информации, изолированной от динамики времени и пространства. В итоге это приводит к негативной реакции студента на управляющее воздействие преподавателей и воспитателей, тогда как в общественных и профессиональных сферах требуется целостная и активная личность. В подкрепление данного вывода приведем одномерные, но достаточно наглядные результаты исследований. Первое с чего следует начать представление – это с практикуемых педагогических стилей: 69% – преподавателей, по мнению студентов, использовали авторитарный стиль, 25% – демократический, 6% – либеральный. На вопрос о практике применения в обучающем процессе активных и интерактивных методов преподавания респонденты ответили: практика отсутствует (5%), редко используются (47%). При этом наибольшее количество положительных ответов студентов получено относительно вопросов о возможностях введения практики группно-ролевых методов в образовательный процесс. Так, 81% (324) респондентов считают, что данные методы

способствуют социальному развитию студентов, а 86% (344) студента – профессиональному. По поводу социального, коммуникативного развития потенциала результаты следующие: факт конфликтного поведения в студенческих группах подтвердили 21% респондентов; на вопрос о групповом участии во внеучебной деятельности – лишь 11% респондентов подтвердили такой опыт; в работе студобъединений участвовало 6% респондентов. Следует отдельно обратить внимание на полученные ответы по вопросам анкеты из тематических блоков, ориентированных на изучение отношения студентов к самоуправлению, развитию лидерского потенциала непосредственно в учебном процессе. Например, на вопрос относительно использования возможности формирования специальных подгрупп – тренажеров лидерства внутри академических студенческих групп мнения респондентов следующие: 69% (276) студентов считает, что это будет способствовать личностному развитию студентов, 20% (80) – затруднились с ответом, 11% (44) ответили отрицательно. Значительное большинство студентов (61% (244)) также высказались, что это нововведение будет развивать групповое самоуправление в группах (32% (128) – затруднились с ответом, 7% (28) – ответили отрицательно).

Проблемы проявляются, главным образом, на уровне исполнения социального процесса, закрепленные законодательной базой мероприятия игнорируются, либо носят формальный характер. Следовательно, необходимо активизировать инициативу и контроль на организационном уровне образовательной системы. По мнению авторов, ситуативное конфигурирование процесса социально-профессионального развития студенческой молодежи в ВУЗах должно быть предметом изучения современных социологов образования. Кроме этого, мониторинг условий обеспечения процесса (содержание, формы, методы, средства, субъекты) может осуществляться собственными силами, социологическими подразделениями ВУЗов (факультетов) с целью создания единой информационно-аналитической сети в системе ВО.

Следует обратить внимание на обнаруженные противоречия, аспекты которых требуют дальнейшего исследования. Несоответствие в потребности методик формирования личностей интегративного (синтетического) типа, и в подготовке специалистов, не отвечающих требованиям современности. Использование традиционных (монологических) способов реализации образовательного воздействия, тогда как изначально природа данного воздействия диалогическая. Большой объем разработок по активным и интерактивным методам обучения, и отсутствие специальных техник, развивающих лидерство студентов в учебном процессе.

Относительно социально-воспитательного сопровождения студентов ВУЗов можно рекомендовать создание гибких (допуск к коррекции мероприятий) планов воспитательной деятельности, сформированных, прежде всего, с учетом инициатив студентов посредством доступных и эффективных мультиканалов социальной коммуникации: ВУЗ-студент. Необходимо активизировать работу по введению мероприятий ректор-студент, сокращающих дистанцию власти, обеспечивающих снижение проблемного поля в социальной, профессиональной, научной, бытовой жизни студенчества, направленных на формирование у студентов паттерна профессионального и социального лидера. В воспитательном сопровождении социализации студентов необходимо практиковать и групповые (социальные технологии), и индивидуально-ориентированные формы работы по направлениям деятельности: учебно-административное направление, научное, социально-бытовое, спортивное, культурно-массовое, вторичная занятость с обязательным условием – обновленным репертуаром мероприятий.

Представленные замечания и выводы, рекомендации и предложения с акцентом на управляемости (контролируемости) процесса социализации в институте образования посредством самоуправления и соуправления (как единства административно-педагогического управления и студенческого самоуправления), определяя пути и способы, формируют минимальный, но актуальный комплекс мероприятий по оптимизации условий системы ВО в достижении актуальных целей социально-профессионального развития современной студенческой молодежи.

1. *Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 «Педагогическое образование» (квалификация (степень) «бакалавр») [Электронный ресурс]. Электрон. текст. дан. – Режим доступа: URL: <http://fgosvo.ru/fgosvpo/7/6/1/5> (дата обращения: 16.09.2014).*

2. *Федеральный закон РФ № 273 – ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Электрон. текст. дан. – Режим доступа: URL: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения: 18.09.2014).*

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У МОЛОДЁЖИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Полякова О.В. (Ростов-на-Дону)

Проблема глобализации является сегодня одной из наиболее актуальных. Осуществившись, прежде всего, в экономике и информатике, глобализация стала проявляться и в других сферах - культуре, образовании, труде, отдыхе и пр. Она относится к числу наиболее значимых процессов конца XX века, в целом ознаменовавшегося глубокими социальными изменениями, для осмысления которых социальные науки не всегда имеют достаточно средств. Поэтому появилась необходимость в обновлении социологических подходов к анализу этих новых феноменов [5].

Перед исследователями встает задача особой важности: одновременного изучения социальных трансформаций и изменений в социальных науках. Социология влияет на процесс социальных изменений, поскольку предлагает те или иные модели развития и способы урегулирования конфликтов, применяемые на практике [1]. Вместе с тем, меняющаяся реальность воздействует на социологию, сказываясь на понимании ее объекта, предмета, методов, парадигм исследования.

Глобализация относится к процессам фундаментального характера, и ее исследование в контексте социологического восприятия представляется актуальным и своевременным. Проблема глобализации имеет ярко выраженный междисциплинарный характер, является предметом изучения многих наук. Социология заинтересовалась ею позже других дисциплин, и потому ей необходимо усилить свой интерес к глобализации, к наднациональным процессам, анализируя свой предмет не только как отдельное общество, но и как все человеческое общество в целом [2].

Для социолога принципиально важно появление транснациональных сообществ, не связанных ни национальной, ни территориальной общностью, трансформации характера труда, изменения отношений в ассоциациях и семейной жизни, в ценностях и институтах [4]. Особенностью исследования проблемы глобализации является то, что каждая дисциплина интересуется определенными аспектами этой проблемы - это создает различия в понимании самого термина глобализация. Именно социология способна интегрировать многообразные аспекты в целостное объяснение.

Социальная идентичность с социологической точки зрения — это «соотнесение индивидом себя с теми группами и общностями, которые он воспринимает как „свои“, по отношению к которым он в наибольшей степени способен почувствовать и сказать „мы“»². Социальная идентификация — сложный процесс, который обуславливает становление и развитие личности и во многом определяет ее жизненный путь.

Проблематика социальной идентичности привлекает внимание социологов и психологов с 20—30-х гг. XX в. Это понятие получило распространение в научной среде благодаря работам Э. Эриксона, который понимал под идентичностью чувство «тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве» и объективно наблюдаемых фактов признания данного тождества окружающими. Э. Эриксон не употреблял понятие «социальная идентичность», но в своих работах отчетливо вычленил социальный уровень идентичности, используя термины «коллективная идентичность» и «групповое эго» [8, с. 58-59].

Молодёжь как составная часть современного общества исследуется различными социально-гуманитарными науками, в частности в рамках демографии, политологии, философии, педагогики, психологии, социологии и др. Это приводит к тому, что понятие «молодёжь» имеет широкое толкование.

В социологии молодежь определяется как общественная группа, занимающая особое положение в обществе. В исследованиях большое внимание уделяется социальным отношениям, в которые вступает молодёжь, процессу социализации молодых людей, особенностям субкультуры молодежи, их социальному положению. Вместе с тем некоторые социологи уходят от прямого определения понятия «молодёжи», предпочитая раскрывать сущность понятия «молодёжная культура» и «подростковый возраст», через комплекс характеристик, как системы ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей, присущих малым, обособленным социальным общностям молодых людей. Чтобы уточнить понятие «молодёжь» рассмотрим основные социологические подходы и концепции [6]

Молодёжь – особая социально-демографическая группа, которая характеризуется специфическими половозрастными, социально-психологическими и физиологическими особенностями: переход от детства и юности к социальной ответственности [3, с. 41-42]

С точки зрения структурно-функционального подхода, молодёжь в обществе выполняет две главных социально значимых функции:

- транслирует ценности и практики, способствует воспроизводству социального порядка, сохранению идентичности общества, преемственности его последовательных состояний;
- реализует инновации и тем самым способствует развитию и изменению общества.

Вместе с тем, в определённых условиях молодёжь может реализовывать и дисфункции, на которые обращал внимание ещё Роберт Мертон. В частности, она может дестабилизировать общество посредством повышенной активности деструктивного типа. Либо, напротив, своей пассивностью способствовать закреплению несправедливого социального порядка, неэффективных форм управления [7].

Глобализационные процессы выступают в качестве фундаментального фактора модернизации и трансформации социокультурного пространства современной молодёжи как неотъемлемой части современной России. Можно выделить три основных типа социальных сообществ, с которыми индивид может себя идентифицировать в эпоху глобализации:

1. Первичные - заданные еще до рождения индивидом его положением в пространстве и времени социального сообщества (например, нация).

2. Актуальные вторичные - сообщества, ограниченные непосредственным общением индивида в течение его жизненного пути.

3. Конструированные вторичные - образования, которые субъективно конструируются индивидом или объективно существуют, но к которым индивид не имеет непосредственного отношения.

Механизм соотнесения может быть: 1) позитивным - положительная действительная идентичность; 2) негативным - обретение идентичности через отрицание принадлежности к сообществу; 3) идеальным - идентичность как стремление быть включенным в сообщество.

В условиях нежестко заданной структуры идентичности и множественности возможностей в период глобализации воспроизводства/производства идентичностей, идентичность следует рассматривать как механизм различения социального, присущий каждому конкретному индивиду в рамках его положения в социуме и самовосприятия.

1. Валлерстайн И. Глобализация или переходная эпоха? Взгляд на долгосрочное развитие мир - системы.// Красные холмы. М., 1999
2. Вебер А.Б. Устойчивое развитие как социальная проблема. М., 1999.
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределённости. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодёжи. 41-42 с.
4. Иноземцев В.Л. Глобализация: иллюзии и реальность// Свободная мысль - XXI. 2000, №1.
5. Уткин А.И. Геоструктура грядущего века // Свободная мысль - XXI. 2000, №1.
6. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 122.
7. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер.– СПб.: Питер, 2007. – 607 с.
8. Эрикссон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 58—59 с.
1. Валлерстайн И. Глобализация или переходная эпоха? Взгляд на долгосрочное развитие мир - системы.// Красные холмы. М., 1999
2. Вебер А.Б. Устойчивое развитие как социальная проблема. М., 1999.
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределённости. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодёжи. 41-42 с.
4. Иноземцев В.Л. Глобализация: иллюзии и реальность// Свободная мысль - XXI. 2000, №1.
5. Уткин А.И. Геоструктура грядущего века // Свободная мысль - XXI. 2000, №1.
6. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 122.
7. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер.– СПб.: Питер, 2007. – 607 с.
8. Эрикссон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 58—1. Валлерстайн И. Глобализация или переходная эпоха? Взгляд на долгосрочное развитие мир - системы.// Красные холмы. М., 1999
2. Вебер А.Б. Устойчивое развитие как социальная проблема. М., 1999.
3. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределённости. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодёжи. 41-42 с.
4. Иноземцев В.Л. Глобализация: иллюзии и реальность// Свободная мысль - XXI. 2000, №1.
5. Уткин А.И. Геоструктура грядущего века // Свободная мысль - XXI. 2000, №1.
6. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 122.

7. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер, 2007. – 607 с.
8. Эрикссон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 58–59 с.

"КРАСНЫЙ МАЙ" ВО ФРАНЦИИ 1968 ГОДА: ПРИЧИНЫ И ПРЕДПОСЫЛКИ

Попова М. (Санкт-Петербург)

Данная статья посвящена причинам, предшествующим событиям, происходящим во Франции в 1968 году. Анализируются предпосылки протестных настроений молодежных бунтов «Красного мая».

В следующем году исполняется 50 лет со дня одного из ключевых событий в истории Франции - молодежных бунтов «Красного мая», прошедших во Франции в 1968 году. У власти на тот момент находится Шарль де Голь, который смог обеспечить стабильность и безопасность французского общества, но далеко не всех это устраивало. Национализм президента, рост влияния монополий, государственное преобладание на ТВ- и радиовещании; внешняя политика, участие в «гонке вооружений» не отвечали ожиданиям французов. Всё большей части населения, в особенности молодёжи хочется перемен и изменений, де Голль начинает восприниматься авторитарным политиком, управляющим государством слишком долгое время [4].

Интересен тот факт, что экономическая ситуация в стране вплоть до экономического кризиса 1975 года в целом была благоприятной: была проведена денежная реформа, снизившая инфляцию, был введен новый франк, модернизация сельского хозяйства, рост промышленности и уровня жизни населения, развивается культура досуга. С 1946 по 1975 год Франция переживает названное Жаном Фурастье «Славное Тридцатилетие» («Les Trente glorieuses»), характеризующееся ростом экономики. Однако, к 1960-м годам ситуация несколько изменилась, поскольку значительно выросло количество студентов в силу демографических и социальных причин. В 1955 году численность молодых граждан Франции составляла 157,5 тысяч человек, к 1967 эта цифра достигла отметки в 500 тысяч человек, что ещё более важно в процентном соотношении студентов из необеспеченных и малообеспеченных семей становилось все больше [7]. Многочисленное поколение бебибума родившегося в первой половине 1950-х, столкнулось с рядом серьезных проблем, таких безработица и невозможностью поступить в университет. Таким образом, можно констатировать, что во Франции периода молодежных бунтов, был сформирован так называемый молодежный демографический навес или иначе молодежный бугор («англ. youth bulge»), ситуация, при которой существует большой пласт молодежной страты, характеризующейся в демографии усилением дестабилизации в обществе, насилием, революциями и конфликтами [2].

Ещё одним из раздражителей студенческой среды были проблемы в области международных отношений, вызванные колониальной политикой Франции. После Второй Мировой войны волна начались процессы деколонизации дошла [7]. Многие колонии без особых усилий смогли добиться независимости, но Алжиру, занимающему центральное место во владениях французской метрополии, пришлось побороться за свой суверенитет. Эта ситуация вызывала бурные дискуссии в обществе, большинство по данным референдума выступало за предоставления независимости данной стране, что расходилось с планами Де Голя. Это породило недовольство решениями властей. Война в Алжире 1954-1962 года, закончившаяся подписанием Эвианских соглашений имеет особенное место в контексте мобилизации студентов против политики государства [4].

Важно отметить, что именно культурные причины были первичны по отношению ко всем остальным, и они являлись катализатором таких резких выступлений против властей Франции. Молодежная среда как социальная группа, воспринимающая контркультурные явления несколько острее других возрастных когорт [3], не могло остаться в стороне и не ответить на процессы, происходящие в том числе и в интеллектуальной среде. Многие идеи транслировались научным сообществом. На тот момент во Франции особо выделялась философская сфера. Имена Жан Поль Сартра и Альбера Камю были на устах у каждого. Именно эти авторы развивали идеи свободы, «экзистенциального» в человеке, самовыражению, бунта. Причём, их философские воззрения раскрывались не только в рамках строгих научных философских трудов, но и посредством написания книг, доступных широкой публике, а также пьес, ставящихся на главных театральных подмостках Франции. Примерами таковых являются роман «Тошнота» Сартра и «Чума» Камю [5].

Особо популярными на тот момент были идеи и другого французского интеллектуала, революционера леворадикального толка Ги Дебора. Ситуационистский интернационал, развиваемый им оказался еще одним фактором, оказавшим сильное влияние на студенческие волнения. В своей работе «Общество спектакля» он провозгласил создание буржуазией социума, где потребление становится самоцелью и единственным жизненным устремлением. В обществе потребления не важно, кем ты являешься, но важно, что ты имеешь. Автор резюмирует, что вещи становятся новым божеством людей: «конкретная жизнь каждого человека деградировала, превратившись в спекулятивную вселенную»[1]. Революционер Дебор считал, что капиталистическая система накопила достаточно товаров для того, чтобы можно было ее свергнуть и перераспределить все иначе. Движение ситуационистов отрицало любые общепризнанные социальные нормы, отходило от традиционных устоев, не признавало подчинения государству. Многие студенты восприняли идеи Ги Дебора и уже на улицах скандировали ставшие известными на весь мир лозунги: «Запрещено запрещать!», «Под булыжниками мостовой — пляж!», «Будьте реалистами, требуйте невозможного!»[5].

Похожие идеи развивались и в киноискусстве, бурно развивающемся и в то время. Годар и его сторонники в своих фильмах воспевали героев, которые не дорожат жизнью, легко убивают без цели, образ визуализированного бунтаря, противостоящего закостенелому миру, хорошо тиражировался [7]. Фильмы еще одного известного французского кинорежиссера Франсуа Трюффо также имели большой успех, в частности «451 градус по Фаренгейту» [5]. Востребованная в среде студентов киноиндустрия сыграла свою роль.

Культурная революция своими предпосылками имела целую совокупность факторов, в числе прочих стоит отдельно упомянуть: распространение идей феминизма (именно на 1960-е приходится этап второй волны феминистского движения), сексуальная революция (в этот же период развивается рынок рекламы сексуального поведения, тема секса перестает быть табуированной), послевоенный кризис, повлекший за собой, раскрепощение нравов в целом [6]. Серьезные культурные трансформации повлекли за собой мобилизацию многочисленных масс студентов. Они были недовольны сложившейся системой, студенческими программами, стилем преподавания, нехваткой рабочих мест, условиями проживания, невозможностью перемещения между женскими и мужскими кампусами, вся совокупность этих проблем породила столь сильное социальное движение [3].

Таким образом, общество потребления не могло удовлетворить потребности студенчества, все большее стремление к свободе требовало смены буржуазных устоев, ниспровержения патриархальных укладов, ограничения полномочий властей, возможностей самовыражения и самореализации. События «Красного мая» 1968 года действительно произвели революцию в системе отношений общества, изменили понимание такой социальной группы как молодежь.

1. Дебор Г. *Общество спектакля* / пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович. — М.: Логос, 1999. — 224 с.
2. Новодержкин Н. А. «Красный май» 1968 года во Франции – невыученный урок // сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции (Махачкала). 2017. С. 145-148.
3. Родин И.В. *Парижские студенты накануне событий мая-июня 1968 г. во Франции*/И.В. Родин//Вестн. Моск. У-та. № 8. История. 2011. С. 51-64.
4. Ферро М. *История Франции*/Марк Ферро Переводчики: Галина Беляева, В. Ковалев, В. Ковалева, Е. Морозова, Екатерина Пичугина, Т. Пошерстник, Н. Силкина, Павел Тимофеев. -М.: Весь мир, 2015. -832 с.
5. *Франция эпохи Сартра, Годара и Бриджит Бардо – [Электронный ресурс] // Сайт Arzamas Academy. – Arzamas Academy, [2017]. – Режим доступа : <http://arzamas.academy/courses/48> – Загл. с экрана. (15.09.2017)*
6. *1968: год великого перелома – [Электронный ресурс] // Эксперт ONLINE. – Эксперт ONLINE, [2017]. – Режим доступа : http://expert.ru/russian_reporter/2008/16/god_velikogo_pereloma/ – Загл. с экрана. (15.09.2017)*
7. Goldstone J.A. *Revolution and rebellion in the early modern world*. Berkeley: University of California Press, 1991. – 608 p
8. LE GOFF J.-P. *Le nouveau «fossé des générations»: De mai 68 au mouvement anti-CPE // Le débat. -P., 2006. № 141. Sept.-oct. P. 86-102.*

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ ОЦЕНКИ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

Поспелова Т.Г. (Санкт-Петербург)

Историческая память семьи является важным элементом семейной культуры, условием социализации молодежи, ее мировоззренческого самоопределения.

Биографическая рефлексия, направленная на осмысление истории семьи, процессов детерминации условий жизнедеятельности, образа жизни и социокультурного развития семьи, возможностей социальной и профессиональной самореализации ее членов, проблем, с которыми сталкивается семья - является актуальным направлением экзистенциальной социологии.

Рефлексивный анализ эксплицитных и имплицитных аспектов индивидуального жизненного опыта является одним из аспектов исследований в рамках проблематики выбора «жизненного пути», самоопределения и развития личности, основы которых были заложены С.Л.Рубинштейном. Б.Г.Ананьевым и получили развитие в биографических исследованиях Логиновой Н.А., работах К.А.Абульхановой-Славской, в исследованиях в области социологии молодежи В.Т.Лисовского. [1;2;3;4;5]

Сущность самоопределения определяется как процесс поиска субъектом своего способа жизнедеятельности, определения жизненных приоритетов, формирования жизненных планов, образа жизни и реализации стратегии жизни.

Подчеркивая трудности выбора жизненного пути в современных условиях, осложненных противоречиями социетального и социокультурного развития, Д.А.Леонтьев отмечает, широкий спектр новых проблем, в первую очередь касающихся механизмов личностных изменений, необходимых для осуществления выбора. [6]

Экзистенциальные проблемы взросления представлены в работах Е.Е.Сапоговой, содержащих обширный набор инструментария для исследования различных аспектов самоопределения личности в процессе выбора жизненного пути. Автобиографирование рассматривается как рефлексивный анализ детерминации личностного развития, осмысления этапов жизненного пути. [7] Авторская разработка М.В. Клементьевой предназначена для измерения навыков биографической рефлексии. [8]

Значительные трудности самоопределения старшеклассников в различных сферах социальной жизни, особенно мировоззренческой фиксирует С.Э. Берестовицкая, отмечая необходимость педагогической поддержки молодежи. [9]

Вариантом поддержки являются также социологические опросы, поскольку позволяют выявлять отношение респондентов к актуальным вопросам современной жизни и историческим событиям, переосмысливать собственные жизненные позиции.

Так, исследование А.А.Козлова «Революционный процесс 1917 года глазами современной молодежи», проведенное весной этого года, затрагивает вопросы исторической рефлексии – интерес и отношение молодежи к событиям столетней давности. Согласно данным опроса знания о революционных событиях имеет большинство опрошенных (76%), при чем в основном из школьной программы. Из рассказов старших информацию получает примерно 30%. Большинство респондентов (83%) проявляет интерес к этой информации. Отношение значительной части молодежи к революционным событиям неоднозначно, примерно третья часть респондентов оценивает их негативно, и небольшая доля – позитивно, половина опрошенных считает их противоречивыми.

Один из аспектов этого исследования затрагивает семейную проблематику, обращая внимание респондентов на социальные статусы предков, переживших революционные события. Сгруппировав выделенные автором категории участников событий в две большие группы с противоположными политическими взглядами: одну группу составляют предки, поддерживавшие революционные преобразования, вторую условную группу - противников революционных трансформаций можно рассмотреть вопрос о транслировании социальных ориентаций..

Автобиографическая рефлексия является условием сознательного отношения к истории страны и истории семьи, одним из факторов-предикторов мировоззренческого самоопределения молодежи.

В материалах прошедшего в сентябре VI Международного конгресса «Молодое поколение XXI века: актуальные проблемы социально психологического здоровья» С.Т.Посохова отмечает, что «современное молодое поколение формируется под влиянием разных, в большинстве своем противоречивых социокультурных тенденций. Среди них особое место занимает экстремальность, предполагающая жизнедеятельность в предельно допустимых условиях, причем при отсутствии готовых адаптивных программ активности. Это обостряет имеющиеся, даже хорошо скомпенсированные психофизиологические и психические дефициты личности. Экстремальность формирует так называемую рискованную личность, для которой характерны отношение к риску как жизненной ценности и преобладание удовольствия от рискованной ситуации над страхом смерти или разрушения самооценности личности. При этом переживание психической травмы, связанной с ограничением или лишением родительской заботы, привязанности, значительно расширяет зону психологической уязвимости». [10]

На мировоззрение и социальные установки молодежи оказывает давление и характер ценностных ориентиров общества. Доминирующая ориентация и пропаганда обязательного «жизненного успеха» любой ценой при ограниченности возможностей достичь в нынешних условиях процветания может стать фрустрирующим фактором для определенной части молодежи, использующей неэффективные копинг-стратегии. По мнению М.Селигмана, понятие «благополучие» включает такие компоненты, как: вовлеченность в осмысленную деятельность, востребованность, позитивные эмоции и взаимоотношения, достижения. Для полного благополучия необходим баланс внешних успехов и внутренней гармонии, который обеспечивает состояние процветания [11].

Мониторинг отношения молодежи к условиям кризиса являются частью исследовательской программы «Социально-психологическое самочувствие молодежи». Согласно опросам молодежи в 2015-2017 годах воздействие кризиса ощутила значительная часть студентов и учащейся молодежи - примерно 70% опрошенных. В качестве болевых точек студенты отмечают финансовые затруднения, необходимость экономить даже на питании, сложности с подработкой, необходимость отложить на время рождение детей, снижение возможностей досуга и жизненных перспектив. Исследование фиксирует гендерные различия в отношении молодежи к кризису: девушки более чувствительны к его воздействию, но при этом проявляют большую активность в поиске способов его преодоления. Мерами адаптации к изменению условий жизнедеятельности является активный поиск новых возможностей, дополнительной работы, обращение за помощью к родителям или родственникам. Препятствием для успешного преодоления трудностей студенты считают: отсутствие финансовых возможностей, жизненного опыта, государственной поддержки, здоровья и уверенности в себе. Большинство респондентов не знают о существовании в университете психологической консультации, но готовность в случае необходимости обратиться за психологической помощью выразили 17% юношей и 30% девушек. [12].

В условиях неустойчивости социальных условий, непредсказуемости их изменений актуализируются потребность в навыках жизнестойкости и стрессоустойчивости. Психологические исследования в этой области ориентированы на разработку методик для оказания психологической поддержки индивидов, испытывающих трудности в адаптации к нововведениям. Жизнестойкость как личностная переменная характеризует меру способности личности выдерживать стрессовую ситуацию, сохраняя внутреннюю сбалансированность, и успешность деятельности.

Разработанный Д.А.Леонтьевым и Е.И.Расказовой на основе концепции жизнестойкости С.Мадди тест жизнестойкости предназначен для описания структурных особенностей этого параметра и определения уровня его развития. Согласно этой концепции жизнестойкость представляет собой систему убеждений о себе, о мире, об отношениях с миром. Это дис-позиция, включающая в себя три сравнительно автономных компонента: вовлеченность, контроль, принятие риска. Выраженность этих компонентов и жизнестойкости в целом препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях за счет стойкого совладания со стрессами и повышения личностной уверенности. По мнению Д.А.Леонтьева, компоненты жизнестойкости формируются в детском и подростковом возрасте, но могут получить развитие и во взрослом возрасте в процессе тренинга. [13].

Наметившийся в образовательной системе поворот в сторону повышения роли самодетерминации и саморазвития личности сопровождается разработкой и использованием методического инструментария для самоанализа. Полезным ресурсом в этом контексте является

и разработанная Д.А.Леонтьевым методика выявления смысло-жизненных ориентаций личности (СОЖ), а также методики для определения уровня социально-психологической адаптации и саморазвития личности (Шукиной М.А.). [14]. Спонтанное и отставленное реагирование на проблемные ситуации способствует осознанию и осмыслению их причинно-следственных аспектов, проявлению подлинных глубинных характеристик личности.

В рамках биографических исследований семейной проблематики используется компьютерная программа «Социография семьи» (Поспеловой Т.Г.) для изучения процессов формирования семейной субкультуры в историческом контексте. Важное место в этой программе занимают процессы верификации брачно-семейных и других социальных установок членов семьи, обеспечивающих условия семейного функционирования, его когнитивно-поведенческий фон, успешность и стабильность жизнедеятельности семьи.

1. Рубинштейн С.Л. *Человек и мир*. М., 1997.
2. Ананьев Б.Г. *Человек как предмет познания*. Л., 1968.
3. Абульханова –Славская К.А. *Стратегии жизни*. М., 1999.
4. Ложинова Н.А. *Психобиографический метод исследований и коррекции личности*. М., 2001.
5. Лисовский В.Т. *Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России*. СПб, 2000.
6. Леонтьев Д.А. *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности*. 2003.
7. Сапогова Е.Е. *Экзистенциальная психология взрослости*. М., 2013
8. Клементьева М.В. *Биографическая рефлексия в контексте психологического анализа*. ТулГУ, 2013.
9. Берестовицкая С.Э. *Мировоззренческое самоопределение старшеклассников в школьном образовании*. Педагогика. 2016.
10. Посохова С.Т. *Социокультурные факторы проявления психологической уязвимости современной молодежи*//Журнал «Вопросы психического здоровья детей и подростков». 2017. [2].
11. Селигман М. *В поисках счастья*. М., 2006.
12. Поспелова Т.Г. *Образ жизни и копинг-поведение молодежи в периоды кризисов//Россия в условиях глобальных вызовов*. СПб., 2016.
13. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. *Тест жизнестойкости*. М., 2006.
14. Шукина М.А. *Психология саморазвития личности: проблемы, подходы, гипотезы*. СПб. 2016.

УСТАНОВКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К МИГРАНТАМ РОССИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Прохода В.А. (Москва)

Проблемы, связанные с миграцией актуальны для многих современных государств. Европа не является исключением, о чем свидетельствует возникший в 2015 г. европейский миграционный кризис, характеризующийся многократным увеличением потока нелегальных мигрантов. Резкое увеличение числа мигрантов может неоднозначно восприниматься принимающим сообществом и в некоторых случаях приводит к росту ксенофобии и социальной напряженности. При этом на официальном международном уровне признается, что одной из основных угроз стабильности в современном мире, способствующей разжиганию конфликтов является радикализация молодежи [3]. В таком контексте представляет особый интерес рассмотрений установок европейской молодежи по отношению к мигрантам. Существуют различные подходы к определению возраста молодежи [5]. Рассмотрению возрастных границ молодежи посвящена специальная литература [4] Для обеспечения сопоставимости результатов в рамках настоящей публикации под молодежью понимается группа с возрастными рамками от 15 до 29 лет включительно, что согласуется с методическим пояснением Федеральной службы государственной статистики [1, с. 8].

Публикация базируется на результатах седьмой волны межстранового социологического исследования «Европейское Социальное Исследование» (European Social Survey, ESS)», проведенного в 2014 г. Анализу подверглись данные по 22 странам (международная база данных версия 2.0 и данные по России). В каждой стране по национальной репрезентативной выборке было опрошено от 1224 (Словения) до 3045 (Германия) респондентов в возрасте 15 лет и старше. В России опрос проводился Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ).

Общее число опрошенных - 2445 человек. На международном уровне общее управление проектом осуществляли: The Centre for Comparative Social Surveys, City University London, UK; Scientific Advisory Board. Оговоримся, что Израиль географически расположен в Азии, однако во многом интегрирован в европейское социокультурное пространство.

Для выявления отношения населения европейских стран к мигрантам респондентам задавались следующие вопросы: «Следует ли позволить людям той же расы или национальности, что и большинство населения страны, переезжать жить в нашу страну?»; «А как насчет людей, которые по национальности или расовой принадлежности отличаются от большинства населения страны?»; «А если говорить о людях из более бедных стран за пределами Европы?». В каждом вопросе предлагались четыре содержательных варианта ответа от «1» - «следует позволить многим таким людям переезжать жить в страну» до «4» - «никому не разрешать». По результатам проведенного факторного анализа (использован метод главных компонент, процент объясненной дисперсии – 77,5%, КМО = 0,69), выяснилось, что эти вопросы группируются в один фактор с условным названием «отношение к мигрантам» характеризующий установки населения той или иной страны по отношению к мигрантам. Далее была создана бинарная переменная, разделяющая респондентов на две категории «молодежь» и «остальные». Проведенный анализ показал, что в ряде стран-участниц проекта статистически значимая связь между фактором «отношение к мигрантам» и принадлежностью к молодежи отсутствует. Иными словами молодые респонденты по своим установкам существенно не отличаются от остального населения в Австрии, Германии, Дании, Израиле, Норвегии, России, Швейцарии, Чехии.

В тоже время в большинстве европейских стран обнаружена положительная корреляция. В Эстонии ($r=0,208$; $p=0,001$), Португалии ($r=0,179$; $p=0,001$), Словении ($r=0,157$; $p=0,001$), Испании ($r=0,134$; $p=0,001$), Финляндии ($r=0,134$; $p=0,001$), Великобритании ($r=0,116$; $p=0,001$), Польше ($r=0,115$; $p=0,001$) Франции ($r=0,110$; $p=0,001$), Бельгии ($r=0,103$; $p=0,001$), Ирландии ($r=0,091$; $p=0,001$), Венгрии ($r=0,081$; $p=0,001$), Швеции ($r=0,080$; $p=0,001$), Литве ($r=0,071$; $p=0,001$) молодые респонденты демонстрируют более терпимое отношение к мигрантам, нежели представители старших возрастов. На общеевропейском фоне выделяются Нидерланды ($r=-0,052$; $p=0,014$), где фиксируется слабая отрицательная корреляционная связь. Это значит, что молодежь Нидерландов относится к мигрантам несколько хуже, чем остальное население страны.

Дополнить картину позволяет анализ таблиц сопряженности. Все факторные значения были ранжированы в порядке возрастания и разбиты на четыре группы. В первую группу оказалась включена четвертая часть респондентов, именно у них негативное отношение к мигрантам проявляется сильно. Во второй группе (25%) негативизм по отношению к мигрантам проявляется умеренно, в третьей (25%) - слабо, в четвертой (25%) – очень слабо или отсутствует. Среди эстонской молодежи оказалось 18% респондентов с сильно выраженным негативным отношением к мигрантам, а среди остального населения Эстонии 32,7% респондентов. В Нидерландах наоборот негативизм сильно проявляется у 32,7% молодых голландцев и только у 24,2% респондентов старших возрастов. В России негативизм сильно выражен у 27,7% молодых респондентов и 25,2% россиян из категории «остальные».

Интересно проследить не только различия в установках между молодыми респондентами и опрошенными старших возрастов, но и сравнить отношение молодежи к мигрантам в разных странах. Факторный анализ показал, что европейские страны весьма дифференцированы в зависимости отношения молодежи к мигрантам. Страны - участницы проекта были ранжированы в порядке возрастания их среднего значения по полученному фактору «отношение к мигрантам». При подсчете учитывались только факторные значения применительно к молодым респондентам. Чем лучше отношение молодежи страны к мигрантам – тем меньше ее ранг. На первом месте в импровизированном списке оказалась Швеция, что вполне объяснимо с учетом проводимой долгое время политики благоприятствования мигрантам. На втором месте расположилась Германия – крупнейшая как по численности населения, так и по масштабам приема мигрантов европейская страна, расположенная полностью в Европе [6]. Далее следуют: Норвегия, Испания, Словения, Швейцария, Польша, Франция, Дания, Эстония, Португалия, Бельгия, Финляндия, Великобритания, Литва, Ирландия, Австрия. Нидерланды. Такое расположение стран применительно к молодежи лишь отчасти повторяет картину с результатами по населению в целом [2]. При этом ситуация, сложившаяся в Нидерландах, требует дополнительного исследования.

Россия оказалась внизу ранжированного списка, занимая третье с конца – двадцатое в общем порядке место. В России отношение населения во многом определяется успехом процесса

интеграции мигрантов в социум. Можно констатировать, что российская молодежь по сравнению с молодыми респондентами большинства других стран-участниц проекта демонстрирует выраженное негативное отношение к мигрантам. При этом подобное отношение характерно не только для молодых россиян, но и для населения страны в целом. В ближайшем окружении с Россией оказались Израиль и Чехия. Замыкает импровизированный список – Венгрия.

В заключение отметим, что представляется перспективной работа по выявлению факторов, оказывающих влияние на отношение молодежи к мигрантам.

1. *Молодежь в России. 2010: Стат. сб./ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. – 166 с.*
2. Прохода В.А. *Отношение к мигрантам населения европейских стран // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 2. С. 64 – 71.*
3. *Резолюция 2250 (2015) [Электронный ресурс] // Совет безопасности Организации Объединенных Наций. 9 декабря 2015 г. URL: http://www.un.org/en/sc/ctc/docs/2015/N1541309_RU.pdf (дата обращения: 03.10.2017).*
4. Руденкин Д.В. *Опыт определения возрастных границ молодежи в ходе эмпирического социологического исследования [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 6. URL: <http://www.apriori-journal.ru/serial/6-2015/Rudenkin.pdf> (дата обращения: 03.10.2017).*
5. Щербакова Е. *Возрастные границы отрочества и юности не жестки [Электронный ресурс] // Демографический еженедельник Демоскоп Weekly. № 509 – 510. 1 - 20 мая 2012. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0509/barom01.php> (дата обращения: 03.10.2017).*
6. *International Migration Report 2015 (Highlights) [Электронный ресурс]. Department of Economic and Social Affairs, United Nations New York, 2016. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2015_Highlights.pdf (дата обращения: 03.10.2017).*

МОДИФИКАЦИЯ ТЕЛА КАК ТРЕНД МОЛОДЕЖНОЙ МОДЫ

Прудникова В.С. (Санкт-Петербург)

Молодежь постиндустриального общества живет в непрерывно расширяющейся, насыщенной информационной среде, что способствует увеличению границ допустимого во всех сферах повседневной жизни, в том числе, моде. Современному молодому человеку доступно большое количество модных образцов и столь же обширное интерпретационное поле. Для молодежной моды XXI в. характерно дерзкое нарушение правил и тенденций, сложившихся в стиле предыдущего времени, стремление совместить несовместимое. А это предполагает толерантность в отношении инаковости, настрой на открытость, внутреннюю свободу, возможность взглянуть по-иному на привычные стереотипы. Как отмечает доктор филологических наук О. Вальштейн, современные понятия о красоте становятся более разнообразными, и единого телесного эталона не существует, наоборот, в моду активно внедряются новые тела, которые раньше оставались сугубо маргинальными — пожилые, полные, инвалиды, трансгендеры [3]. Одновременно с расширением диапазона телесной красоты интенсивно развивается система практик, технологий и социальных институтов, предоставляющих широкие возможности в преобразовании телесности. Так возникают институты моды, косметологии, диетологии, татуировки и пирсинга, достройки с помощью гаджетов и др. В результате тело из «вещи» превращается в центр приложения технологий, интегратор смыслов, знак социальных перемен. [3]

Мода – крупнейшая часть культурной жизни. А веяние модных тенденций имеет значительное влияние на молодежь. Подражание кумирам (певцам, спортсменам, актерам, светским людям и т.д.) с одной стороны, и желание выразить себя, выделиться из «общей массы», с другой, способствует широкому распространению в молодежной среде моды на модифицированное тело. С каждым годом телесные модификации приобретают все большую популярность и, в результате, занимают значимое место в мейнстрим-культуре.

Результаты западных исследований показали, что практики модификации (в частности, татуировка) позволяют ее обладателю, в первую очередь, повысить свою привлекательность и улучшить внешний вид (это подтвердили 66% респондентов). Кроме того, татуировка на теле позволяет получить новый социальный статус (около 60% опрошенных). А 33% респондентов отмечают, что подобное украшение тела позволяет им выделиться из «общей массы», почувствовать себя иначе и стать «новым» человеком. [4]

Подобное исследование проводилось и в России в 2005 г. преимущественно среди студентов-первокурсников Государственного Университета Гуманитарных Наук. На вопрос о наличии татуировок и пирсинга ответил положительно каждый пятый, или 20% опрошенных. 60 % опрошенных в возрасте 17 лет, 20 % - 19 лет, 20 % - 20 лет. При этом количество юношей с татуировками и пирсингом несколько преобладало над количеством девушек с подобными телесными модификациями (соответственно, 60% и 40%). Идея сделать татуировку посещала юношей впервые в 13, 17 и 18 лет, по словам респондентов, это решение было принято самостоятельно (33,3 %) или под влиянием друзей (66,7 %). На вопрос о мотивационной стороне, определяющей желание украсить свое тело татуировкой или пирсингом, респонденты дали следующие ответы: «татуировка (пирсинг) помогает выделиться из толпы» (33,3 %), «повышает социальный статус» (66,7 %), помогает «чувствовать себя другим человеком» (33,3 %). Но есть и такие юноши, которые считают, что нанесение наколки не несет никаких личностных изменений и социальных последствий (33 %).

Исследователи отмечают, что опрошенные студенты живут в толерантной среде. Их выбор положительно оценили друзья (66,7 %), безразлично – родственники (100 %) и отрицательно – преподаватели (33 %). [4]

В последние годы, помимо татуировки и пирсинга, популярность в молодежной среде набирают новые практики телесных модификаций: украшение тоннелями и шрамирование. На сайтах, продвигающих идею модификации тела, активными пользователями которых является преимущественно молодежь, предлагаются новые типы поверхностной и внутренней модификации тела: татуировка глазного яблока, сюэчин («кровяная эссенция»), микродермалы и скиндайверы (украшения для внутримоножной микроимплантации. Предполагает введение под кожу основания со штангой, на которое накручиваются различные украшения (диски, шипы, шарики и т.д.)), модификации зубов (клыки, пирсинг, затачивание, инкрустация, сверление, чернение, стразы, виниры), эльфийские уши, разрезание языка. Такой широкий спектр возможностей изменить свое тело и повышенный интерес молодежи к этим практикам говорят о том, что модифицированное тело – это один из доступных и актуальных в современном мире способов самовыражения, прибавляющий уверенность и повышающий адаптацию молодежи в социокультурном пространстве. С помощью воспроизводства практик модификации тела, современная молодежь достигает самоорганизации, что позволяет ей более успешно уяснить свое место в обществе. В.П. Бабинцев и Е.В. Реутов определяют этот процесс как «социокультурную рефлексию - совокупность способов оценки окружающей действительности и самооценки молодежи, базирующихся на специфической интерпретации традиционных и современных ценностей и смыслов и воплощенных в комплекс взглядов, образов, мифов и символов, используемых для адаптации к сложившемуся социокультурному пространству или для его модификации». [1, 111] По мнению А.Ю. Чукурова в XXI в. формируется новый тип культуры – культура самоконтроля, когда «в ситуации колоссального внешнего давления и перманентного нарушения границ социального тела, а, как следствие, и тела физического, человек решает отвоевать себе право устанавливать границы самостоятельно и свободно». [2, 145– 149]

Таким образом, практики модификации тела не только популярная тенденция в молодежной моде, отвечающая запросу на украшение тела или желанию выразить себя, выделиться среди других, но и актуальное для современного общества социальное явление, отражающее основные векторы самоопределения и самоорганизации молодежи.

Популярные среди молодежи практики соматической модификации стали неотъемлемой частью массовой культуры. В большинстве стран мира существуют востребованные среди молодого поколения организации, занимающиеся дизайном телесности, разработкой эскизов, производством материалов, инструментов и оборудования, необходимого для создания модного телесного образа.

1. Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. - 2010. - № 1. - С. 109-115.
2. Чукуров А.Ю. Конструирование телесности как механизм самоконтроля // Общество. Среда. Развитие. – 2015, № 3. – С. 145– 149.
3. Современный взгляд на тело. Проект «Культура повседневности». (15.06.2016) [Электронный ресурс] URL: <https://snob.ru/selected/entry/109626> (дата обращения 10.09.2017)
4. Социологический опрос о татуировках. (2007) [Электронный ресурс] URL: http://tatuirovaniye.ru/otzyiv_tattoos_1.html (дата обращения 10.09.2017)

ПАТРИОТИЗМ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Ракачева Я.В. (Краснодар)

Проблематика патриотизма в социальных исследованиях является одной из актуальных и востребованных тем, как в России, так и за рубежом. Однако, вопрос о том, что значит быть патриотичным, является предметом серьезных дискуссий. Некоторые считают, что патриотизм требует почти абсолютной лояльности правительственным лидерам и проводимой ими политике. Другие представляют патриотизм как обязательство не столько перед правительством, а скорее перед определенными идеалами. Третьи выступают за здоровый скептицизм в отношении действий правительства в целом... Действительно, есть достаточно много способов выразить наше обязательство перед страной, показать нашу приверженность по отношению к тому, что нам близко и дорого.

Сам же патриотизм имеет под собой объективную основу. Как утверждает Майкл Бадер эмоциональные и психологические корни патриотизма можно найти в универсальной потребности индивида в присоединении и принадлежности [1]. Мы все хотим к чему-либо принадлежать и знать, что наша жизнь имеет смысл, и что мы являемся частью чего-то большего, чем мы сами.

Современные западные исследователи склонны говорить о двух типах патриотизма: авторитарном и демократическом, подчеркивая, что есть принципиальная разница в том, в отношении какого государства индивид испытывает чувства сопричастности, гордости и проч. Как отмечает Д. Луммис авторитарный патриотизм характеризуется добровольным отказом от воли, права выбора и необходимости понимать авторитет, его эмоциональное основание – благодарность за то, что гражданин «освобожден от бремени демократической ответственности» [2]. Авторитарный патриотизм требует беспрекословной лояльности по отношению к централизованному лидеру или господствующей группе. Поскольку такой патриотизм опирается на верность, он также наиболее часто вступает в оппозицию к любой форме инакомыслия.

Демократический патриотизм, в отличие от авторитарного, не влечет за собой строгих обязательств и преданности правительству или лидеру, но скорее формирует преданность в отношении идей, принципов и ценностей, лежащих в основе демократии – таких как политическое участие, свобода слова, гражданские свободы и политическое равенство. Это не означает, что демократические патриоты не оставляют места для символических проявлений поддержки и солидарности. Немногие будут спорить с властью символов. Но демократический патриотизм стремится к тому, чтобы свобода и справедливость для всех служили не только лозунгом, но и выступали руководящим принципом для политики, программ и законов в стране.[3]

Переход от авторитарного к демократическому обществу в России на рубеже XX-XXI вв. сопровождался трансформацией сознания, которая затронула и базовые ценности, в числе которых ценность патриотизма. В этих условиях и возникает потребность обратиться к изучению представлений молодежи относительно феномена патриотизма и гражданственности, их содержания и ценности для современных молодых людей.

Наше исследование [4] преследовало цель выявить представления о патриотизме, его содержательную и ценностную составляющую в молодежной среде. Это в свою очередь предполагало решение следующих задач: выявить содержание понятий «патриотизм», «Родина» через когнитивный и эмоциональный аспекты; определить структуру системы ценностей молодежи и место патриотизма в ней; выяснить в какой степени молодежь связывает возможность своих достижений и самореализации со своей страной, и стремиться действовать во имя общегражданских и общенациональных интересов.

Принято считать, что уважать, любить свою страну, быть патриотом нельзя, если нет чувства гордости за нее. Более половины опрошенных молодых людей (60%) отметили, что гордятся страной, в которой они живут. При этом более трети (37%) отметили, что это чувство проявляется у них противоречиво: в чем-то они испытывают гордость за страну, но что-то вызывает у них противоположные чувства. Незначительное число респондентов указали, что им нечем гордиться и по отношению к своей стране они такого чувства не испытывают (2%), либо затруднились с ответом (1%).

При этом 87% респондентов в большей или меньшей степени считают себя патриотами своей страны. 44% заявляют об этом с полной уверенностью и 43% с некоторой долей сомнения, но все же относят себя к патриотам. При этом 8% опрошенных молодых людей не считают себя таковыми и еще 3% затруднились определить свою патриотическую позицию.

Как видим, наблюдается некоторое расхождение в ответах на два первых вопроса. Часть молодых людей гордится своей страной, но при этом не относят себя к патриотам. И напротив, часть тех, кто считает себя патриотом, признает, что не испытывает гордости за свою страну, или же испытывает противоречивые чувства, признавая наличие ряда проблем и недостатков в обществе. Таким образом, в представлениях современной молодежи гордость за страну и патриотизм не являются понятиями безусловно взаимосвязанными, и даже могут исключать друг друга.

Что значит быть патриотом, какой смысл молодежь вкладывает в это понятие? 48% опрошенных понимают его традиционно как любовь к своей стране, Родине. Для 37% молодых людей быть патриотом значит работать, действовать на ее благо, заботиться о процветании страны. 31% видят патриотизм в уважении и соблюдении традиций своего народа. 25% полагают, что патриот должен защищать свою страну от любых нападков и критики и столько же опрошенных полагают, что патриотизм выражается в стремлении не примиряться с негативными явлениями в обществе, а попытке изменить положение дел в лучшую сторону. Так же по мнению молодых людей атрибутом патриота является уважение и знание истории страны (12%).

Молодые люди в основном считают неприемлемым для патриота критиковать свою страну, говорить о ней правду какой бы она не была. Позицию критического отношения к стране как позицию патриота поддержало лишь 3% опрошенных. Но в то же время и хвалить свою страну, считать ее исключительной, лучше других, так же по мнению молодежи не свойственно патриотам (с этим согласились лишь 6% опрошенных). Не видят особого патриотизма молодые люди и в политическом участии.

Показательно, что патриот представляется молодым людям прежде всего как деятельный человек, поступки, достижения которого направлены не только на себя, свои интересы, но и согласуются с интересами страны и общества. Если молодые люди считают себя патриотами, то в чем это проявляется именно с их стороны? Молодежь, причислившая себя к патриотам, отметила, что любит свою страну, верит в нее, желает ей процветания и благополучия: Молодые люди, проявляют готовность действовать во благо страны, доказывать себе и ей свой патриотизм. Ключевым действием, которым опрошенные иллюстрировали свой патриотизм выступает защита страны. Так же в числе своих действий молодые люди указали различные достижения, положительные поступки. Многие молодые люди проявляют свой патриотизм в изучении и уважении истории: Значимым проявлением патриотизма считают политическое участие, собственную политическую позицию, которая проявляется, в том числе, в поддержке политического курса руководства страны:

Таким образом, молодёжь не только декларирует свою любовь к Родине, но и стремится проявлять ее в своих делах и поступках, большая часть которых связана с гражданским участием, и действием на благо общества.

Говоря о патриотизме молодежь, прежде всего, говорит о любви к Родине. Какой смысл они вкладывают в это понятие. Прежде всего, Родина понимается как место, где человек родился, вырос, живет: Где родился и вырос; Вторая мать; Где я живу и расту; Место родное для души. Родина ассоциируется у молодых людей с успехом, благополучием, местом, где человеку комфортно и хорошо. Достаточно часто представления о Родине соотносятся с долгом, необходимостью ее защищать.

Для гордости за страну нужны основания, должны быть конкретные причины, условия, факты, которые формируют это чувство, на которые оно опирается. Прежде всего, главным основанием для гордости за страну для молодых людей сегодня выступают политические события, как в прошлом, так и в настоящем. Показательно, что именно нынешняя внешняя политика России является объектом гордости молодых людей.

Основными позициями, которые дают повод молодым людям гордиться за свою страну как в прошлом, так и в настоящем является внешнеполитическая деятельность, достижения спорта (Олимпиады 1980 и 2014 гг.), достижения в области науки и культуры. При этом обращает на себя внимание значительный перевес в сторону военной составляющей как основания для гордости за страну (завоевания, превосходство военных сил, достижения военной техники и т.д.).

Семья лидирует и в системе ценностей молодежи. Дружба и здоровье занимают вторую-третью позицию. В то же время патриотизм, о котором говорят молодые люди, позиционируя себя как патриотов, в качестве ценности занимает одону из последних позиций.

Таким образом, патриотизм в системе ценностей современной молодежи находится на периферии. Определенная часть молодежи не связывает свои достижения и самореализацию со

своей страной, тем не менее, осознает необходимость и некоторой мере долг действовать в интересах страны. Иначе говоря, гражданское и патриотическое сознание современной молодежи характеризуется противоречивостью, неустойчивостью, что может быть свидетельством того, что оно находится в процессе становления. С другой стороны, пограничный характер представлений в отношении феномена патриотизма может быть проявлением более глобальных трансформаций в сознании современного общества и не только российского. Прозрачность и условность современных государственных границ, национальных интересов, их виртуализация меняют как сам характер международных, межгосударственных отношений, так и восприятие своей страны, народа, нации.

1. Michael J. Bader. *The Psychology of Patriotism* // *Phi Delta Kappan* 87, no. 8 (2006), pp. 582-584.
2. C. Douglas Lummis. *Radical Democracy* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1996), p. 37.
3. Joel Westheimer. *Should Social Studies Be Patriotic?* // *Social Education* 73(7), pp. 316-320.

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Рассадина Д.О. (Москва)

Аннотация: В статье анализируются трудности трудоустройства студентов вузов на примере МАИ (НИУ) и роль Центров по трудоустройству в решении этих проблем. Особое внимание уделяется психологическому состоянию соискателей. Предлагается создание автономной некоммерческой организации (АНО) на базе ВУЗа, которая позволит студентам и выпускникам облегчить процесс поиска работы.

Проблема трудоустройства студентов и выпускников вузов актуальна в нашей стране уже последние несколько десятилетий, но в 21 веке она приобрела особую остроту в связи с часто возникающими экономическими кризисами и усилением конкуренции на рынке труда.

На российском рынке труда по-настоящему конкурентоспособным будет тот работник, который не только хорошо знает функциональное содержание своей специальности, но и является коммуникабельным, умеет работать в стрессовой ситуации, выполнять поставленные задачи в четко установленные временные рамки, управлять персоналом, представлять продукт своего труда клиентам и широкой публике и т.д.[2] Традиционный подход к высшему образованию, ориентированный на то, чтобы дать знания по определенной специальности, уже устарел. Переход на Болонскую систему образования включает в себя введение новой, компетентностной модели образования. Но помимо овладения определёнными компетенциями, для успешного трудоустройства многим студентам не хватает понимания специфики рынка труда, умения правильно позиционировать себя на нем, уверенности в себе и многого другого [1].

Необходимо учитывать все факторы, влияющие на успешное трудоустройство студентов. Для соискателя важен психологический комфорт на всех этапах поиска работы. В данной ситуации возникает потребность в индивидуальном подходе к каждому студенту[3].

Эта задача могла бы быть решена в рамках определенных структур, существующих внутри ВУЗа.

В апреле 2017 года в Московском авиационном институте (НИУ) было проведено исследование с целью выявления трудностей, с которыми сталкиваются студенты при поиске работы, и их оценки существующего в ВУЗе «Центра практик и трудоустройства».

Объектом исследования выступили студенты 3-5 курсов МАИ (НИУ), обучающиеся по специальностям «Менеджмент», «Прикладная информатика», «Строительная механика», «Технология приборостроения» и «Управление в технических системах».

В анкетном опросе приняли участие 100 студентов, из них 26% обучаются на 3-ем курсе, 40% - на 4-м курсе и 34% - на 5-ом курсе. Данные курсы были выбраны в связи с тем, что большинство обучающихся начинают работать именно на 3-ем курсе. В настоящее время студенты всё чаще совмещают учебу с работой, что обусловлено не только желанием иметь «карманные» деньги, но и стремлением получить опыт работы, необходимый для успешного трудоустройства после окончания вуза.

Как выяснилось в ходе опроса, 44% опрошенных студентов были трудоустроены на момент проведения исследования, но лишь 16% работали по своей специальности. Это

обусловлено тем, что работодатели предъявляют высокие требования к соискателям, желающим трудоустроиться на высококвалифицированную работу: наличие не только знаний, но и опыта работы, возможности трудиться полный рабочий день, определенных личностных качеств и т.д.

Исследование показало, что большинство опрошенных (65%) испытывали состояние тревоги и стресса при поисках работы, при этом никак не могли справиться с этим 30% респондентов. Для разрешения этих проблем подавляющее большинство опрошенных студентов (94%) никогда не обращались за помощью к психологу.

Для решения вопросов, связанных с трудоустройством студентов и выпускников, в МАИ (НИУ) существует «Центр практик и трудоустройства». Но о его существовании и функциональных обязанностях знают лишь 52% студентов. 3/4 опрошенных (74%) согласились с тем, что ВУЗ оказывает поддержку студентам, связанную с трудоустройством, но она носит только информационный и рекомендательный характер. Почти половина респондентов (48%) считают, что в институте не предоставляются стажировки с последующим трудоустройством и персональное устройство на работу.

Для решения вышеуказанных проблем предлагается создание автономной некоммерческой организации (АНО) на базе МАИ (НИУ), которая смогла бы выполнять следующие функции:

1) Изучение рынка труда по специальностям, представленным в ВУЗе. Специалисты должны заниматься поиском вакансий, изучением перечня требований при приеме на работу, анализировать, насколько программа ВУЗа соответствует предлагаемым требованиям. Это позволит соискателям сократить время поиска, получить дополнительные навыки и стать конкурентоспособными специалистами при приеме на работу.

2) Проведение тренингов по грамотному составлению резюме, а также индивидуальная помощь студентам в этом вопросе.

3) Привлечение в АНО психологов, помогающих студентам справляться с возникшими психологическими проблемами при поиске работы.

Создание подобных организаций в рамках ВУЗов позволит существенно облегчить студентам и выпускникам процесс поиска работы по специальности и повысить эффективность трудоустройства, тем самым обеспечив рынок труда молодыми квалифицированными кадрами.

1. Воронина А.В. Трудоустройство выпускников: методология, мониторинг и анализ.

– М.: Экономика, 2015.

2. Жданко Т.А., Пути решения проблем трудоустройства выпускников//Научно-педагогический журнал Восточной Сибири «Magister Dixit». 2011 № 3.

3. Ткаченко А.В. Проблема трудоустройства молодых специалистов// Оригинальные исследования 2011 №4.

ПРОБЛЕМА ЭСКАЛАЦИИ РАДИКАЛИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Романенко М.В., Солодовник Л.В. (Ростов-на-Дону)

В эпоху глобализации Интернет становится не только источником распространения общественно-значимой информации, социокультурных практик, полезного знания, но также и идеологий террористических и экстремистских группировок. Невозможность тотального регулирования и контроля со стороны государства и правоохранительных структур данного канала коммуникации приводит к тому, что Интернет используется запрещенными группировками как канал массового информационного воздействия на молодое поколение.

В своей работе «Сила коммуникации» [1] М. Кастельс обращает внимание на то, что, благодаря новым коммуникационным технологиям, у людей появилась возможность иметь автономные сети связи в противовес мейнстримным медиа, правительству, глобальным корпорациям. По мнению социолога, влияние мультимедиа на становление эфемерной и виртуальной жизни для современного человека значительно отражается на духовной и культурной жизни общества, зачастую со спорным, а то и негативным эффектом.

Проблематика экстремизма молодежи рассматривается в трудах Л. А. Погосяна,

В. Х. Акаева, Р. Г. Абдулатипова, А.В. Бедрика, А. В. Серикова с точки зрения конфликтологической, этнонациональной обусловленности. Соотношение молодежного экстремизма с терроризмом, радикализмом и сепаратизмом анализируется в работах

В. В. Витюка, П. П. Баранова. Проблема молодежного экстремизма в киберпространстве представлена в трудах ученых З. С. Арухова, Л. А. Погосяна, С. В. Бондаренко.

Молодежь, будучи активной частью общества, может подвергаться влиянию деструктивных факторов политического риска – радикальных политических сообществ, террористических структур. Особое направление, активно представленное на карте радикальных движений, – националистические организации, успех которых определяется экономическими проблемами и неэффективной миграционной политикой отдельных государств. Виртуализация жизненного мира современной молодежи способствует распространению радикальных дискурсов современности. Сайты, интернет-форумы, мессенджеры и социальные сети становятся проводниками радикальной информации, интегрируя молодежь на первом этапе в свои сетевые сообщества, а затем инициируя активный радикализм в реальной жизни. Оперативность информирования через Интернет существенно повышает риск терактов, возникновение экстремистских группировок и иное вовлечение пользователей Интернета в экстремистскую деятельность. Один из ключевых рисков взаимного преломления виртуального и радикального профилей – стирание границ между реальным миром и виртуальной реальностью [2].

Чаще всего под влияние экстремистских и террористических группировок попадают подростки, молодые люди с неустойчивым психическим состоянием и эмоциональными травмами. Они подвержены влиянию суггестивных технологий, прежде всего, в социальных сетях. Методы внушения являются самыми «продуктивными» способами, которые приобретают масштабы, сравнимые с угрозой военной безопасности государству. Особенно эффективны такие технологии в сети Интернет по ряду причин.

Во-первых, это низкий уровень медиаграмотности молодых людей в потреблении информации через Интернет на фоне достаточно высокой степени доверия к неофициальной информации (форумы, группы и сообщества в социальных сетях). Во-вторых, молодежная аудитория простодушно реагирует на ничем не подкрепленные обещания решения любых проблем. Виртуальные социальные сети активно превращаются в средство маркетинга. В-третьих, сетевые сообщества зачастую формируются на основе эмпатии, чем очень активно пользуются вербовщики экстремистских сообществ.

Особенность распространения экстремистской идеологии в Интернете состоит в том, что участники социальных сетей являются одновременно и субъектами и объектами влияния экстремистских идей. Вступая в дискуссии в сообществах, выражая открыто свою позицию, человек в социальных сетях с одной стороны убеждает других пользователей в истинности своего утверждения, а с другой – испытывает на себе влияние идей других

участников виртуального пространства. Находясь в сети Интернет, человек постоянно сталкивается с противоположными мнениями и взглядами. Психически неустойчивой личности не нужно слишком много времени, чтобы изменить свои гуманистические взгляды если не сразу на взгляды экстремистские, то приближенные к таковым. Молодой человек без крепкого внутреннего стержня легко поддается влиянию экстремистских идей, ведь их, во-первых, в количественном выражении больше, чем идей толерантных, а во-вторых, формат их подачи более выраженный и агрессивный. Особенно сильно подвержены экстремистскому давлению в социальных сетях девушки [3].

Именно таких слабых людей ищут и «обрабатывают» в Интернете рекрутеры радикальных и экстремистских группировок. Цели использования экстремистами и радикалами сети Интернет разнообразны: вербовка (онлайн-рекрутинг) новых лиц; обеспечение доступа к средствам массовой информации и пропаганда радикальной, экстремистской и террористической деятельности; создание сайтов с подробной информацией об экстремистских и террористических движениях, их целях и задачах, публикация данных о времени и встрече людей, заинтересованных в поддержке, оказание синергетического воздействия на деятельность групп, поддерживающих экстремистов и террористов; запугивание путем сообщения о будущих и уже спланированных действиях на страницах сайтов или рассылка подобных сообщений по электронной почте [4].

Проблема эскалации экстремизма и радикализма, а также опасность угрозы безопасности государства заключается в трансляции деструктивного мировоззрения молодым людям и направлении их повседневной деятельности в деструктивное русло радикализма. В результате молодежь вводят в заблуждение, происходит подмена духовных ценностей, понятий, мировоззрения и отношения к жизни. Это приводит к полной социально-психологической деградации [5]. А соответственно и к деструкции гуманистических ценностей личности.

Согласно ст. 13 Федерального закона от 25.07.02 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»: «На территории Российской Федерации запрещаются распространение экстремистских материалов, а также их производство или хранение в целях распространения. В случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, производство, хранение или распространение экстремистских материалов является правонарушением и влечет за собой ответственность. Информационные материалы признаются экстремистскими федеральными судами по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданском или уголовном делу» [6]. По данным сайта Министерства юстиции РФ, в настоящее время на территории нашей страны выявлена и запрещена деятельность 457 организаций, а также изъяты или заблокированы 4221 экстремистских материалов [7].

С целью предотвращения угрозы идеологически-религиозной безопасности государства необходимо проводить профилактические мероприятия по противодействию терроризму и экстремизму среди молодого поколения. Виртуальный мир, социальные сети – излюбленное место общения молодежи, и, основываясь на этом, необходимо использовать то же пространство для информационно-идеологической борьбы за умы молодого поколения. Разработка и использование журналистских текстов в СМИ, видео и графики в социальных сетях, направленных на различные категории граждан и вызывающих отрицательное отношение к насилию, как способа решения проблем, неприятие экстремистской и радикальной религиозной идеологии, способны повысить уровень толерантности и социализации личности.

Подводя итог, можно сказать, что взаимодействие органов власти и активных пользователей социальных сетей является одним из условий эффективной борьбы и профилактики эскалации экстремизма и радикализма в сети Интернет. Рассмотренные каналы распространения экстремистских идей среди молодежи, а также причины вовлеченности в такие группировки подростков и молодых людей, позволяют определить часть виртуального пространства – социальные сети – для активного внедрения профилактических материалов. Изучение влияния профилактических медиатекстов в социальных сетях, а также специально разработанных видео роликов и изображений будет рассмотрено более подробно в нашей дальнейшей работе.

1. Castells M. *Communication power.* – OUP Oxford, 2013.
2. Данилов С. А. Риски и потенциал интернет-социализации молодежи // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика.* – 2012. – Т. 12. – №. 2.
3. Котлярова В. В., Шубина М. М., Сысоева О. Н. Молодежный экстремизм в социальных сетях: специфика и теоретическое осмысление // *Alma mater (Вестник высшей школы).* – 2016. – №. 5. – С. 95-99.
4. Толмачев В. В., Цветков В. Н. Радикализм, экстремизм и онлайн-рекрутинг в сети интернет [электронный ресурс] / Сайт муниципальной общеобразовательной школы №4 г. Орехово-Зуева. URL: <https://ozgsch4.edumsko.ru/conditions/safety/post/84834> (дата обращения: 25.09.2017).
5. Абдуллаев М. Х. Влияние религиозного радикализма на современную молодежь: возникновение проблемы, ее современное состояние и отражение в сми (на материалах Республики Дагестан) // *Alma mater (Вестник высшей школы).* – 2016. – №. 5. – С. 120-124.
6. Федеральный закон РФ от 25.07.2002 N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 26.09.2017).
7. Федеральный список экстремистских материалов [электронный ресурс] / Официальный сайт Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/> (дата обращения: 25.09.2017).

К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЁЖЬЮ СВОЕГО СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Сазонова А.Л. (Москва)

Аннотация

Статья посвящена проблеме реализации российской молодёжью своего социального потенциала в современных условиях и проблемам связанным с исследованиями его состояния, возможностей его реализации и перспектив развития, в контексте современных глобализационных процессов.

Процессы социальных трансформаций современных обществ, развивающиеся параллельно с глобализационными, стали во второй половине XX века одними из доминирующих. Этому способствовали различные факторы экономического, политического, социокультурного характера. Активизировались процессы интернационализации всех сфер общественной жизни. С конца 80-х г.г. началось изменение структуры геополитического пространства, с распадом СССР и мировой системы социализма перешедшее в новое качество. С этого времени начинается новый этап разработки проблем глобализации, социальных трансформаций. Причины и последствия распада изучаются в социально-экономическом, социально-политическом, социокультурном, нравственном аспектах.

Кардинальные перемены, происходящие в российском обществе в корне изменили общественный порядок страны. Трансформации подверглись все сферы жизнедеятельности, повлекшие за собой трансформацию традиционных институтов и образа жизни, утверждение новых форм хозяйствования, новых форм отношений (на всех уровнях: от международного до межличностного) – экономических, политических, нравственных и, соответствующих им новых моделей поведения людей. Россия, начиная с 90-х годов прошлого столетия, находится в состоянии глубокого системного кризиса, а «подвижки» в его преодолении, начавшиеся в новом веке, сильно отстают от потребностей её развития.

Важным моментом, при оценке перспектив и построении прогнозов развития, определении стратегии и тактики преодоления кризиса, является точная, комплексная оценка совокупного социального потенциала граждан страны, прежде всего молодёжи, в силу особой роли этой общности в жизнедеятельности общества, имеющей функции, не замещаемые и не реализуемые никакой другой социально-демографической группой.

В постсоветском обществе, тяжело переживающем последствия резкой трансформации экономической, политической, ценностной систем, идеологии, социальной сферы, и как следствие, имеющем огромное количество нерешенных социальных, экономических, культурных, нравственных, ... проблем, молодёжь находится в особо неблагоприятных условиях, усложняющих многократно процесс её социализации, развития и реализации её социального потенциала. Причем проблемы молодёжи в России, вообще, стоят в ряду наиболее актуальных, с точки зрения их перманентной не то что нерешаемости, но даже какой-то заметной оптимизации. Хотя большинство их, по своей сути, представляют собой проблемы не только современного молодого поколения, но и всего общества в целом, переживаются они молодёжью, наряду с другими депривированными группами (например инвалидами), особенно остро. Эти проблемы, с одной стороны, взаимосвязаны и проистекают из усиливающихся в современном мире процессов глобализации, информатизации, урбанизации, интеграции по экономическим, и дезинтеграции по этно-политическим, культурно-историческим основаниям. С другой стороны, они имеют свою специфику, опосредованную современной российской действительностью, детерминируемую психо-физиологическими и социально-статусными параметрами этой группы. Проблемы образования, занятости, досуга, здоровья и спорта, социальной и правовой защищенности, создания семьи и воспитания детей, ... – сегодня постоянные спутники молодых людей, а за последние десятилетия российскому обществу не удалось заметно продвинуться вперед в их решении.

Это обусловлено: слабостью социальной молодёжной политики; утратой традиционного влияния на подрастающее поколение институтов семьи и школы; засильем западной культуры, «вестернизацией» всех сторон духовной жизни, завалившей страну низкопробной кино - и видеопродукцией, телепередачами, печатными изданиями, распространяющими стереотипы агрессивного поведения, культ насилия, пропагандирующими преступную «романтику», подменяющими духовность и нравственность циничными гиперутилитарными ценностями и

формирующими, соответственные им, эталоны потребления и поведения, что является питательной социальной почвой для роста отрицательных, асоциальных девиаций и фрустраций; рядом других негативных факторов.

Приходится констатировать, что в настоящее время социальный потенциал большинства представителей российской молодежи остается не мобилизованным и не реализованным. Это вызывает у молодых людей чувство социальной невостребованности, апатии, отчужденности от общественных, политических и экономических институтов. В итоге перед российским государством и обществом стоят серьезные вызовы и угрозы национальной безопасности и устойчивому развитию. От адекватного ответа на эти вызовы зависит место и значение России в мировом сообществе: окажется ли она на периферии мирового развития или займет достойное положение в мире.

Очевидна, актуальность всесторонних комплексных исследований социального потенциала российской молодежи, с использованием широкого спектра различных подходов, комбинированных методик и исследовательских технологий, а анализ возможностей его реализации и перспектив развития, в контексте современных глобализационных процессов представляет собой фундаментальную научную задачу.

Социология накопила значительный практический опыт исследования трансформационных процессов, проблем молодежи, арсенал прикладных методик и технологий, исследовательских процедур. Вектор исследований сегодня определяется феноменом глобализации как фактора увеличения масштабов и усложнения характера и содержания социальных процессов. Но исследования носят сегодня преимущественно прикладной нежели фундаментальный характер. Прежде всего, это относится к степени и уровню организации теоретико-методологической базы подобных исследований, которая отличается явной недостаточностью и, зачастую прямым заимствованием зарубежных конструкций общественной модернизации, не учитывающих собственный опыт исторического развития и новые формы социального взаимодействия. Особенно это проявляется в условиях кризисных явлений, снижая реальный научный уровень исследования проблем до прикладного поиска причин и средств их преодоления. Налицо, также, отставание от объективных потребностей, методик и технологий, особенно при мультидисциплинарном подходе (сопряжение понятийного аппарата, методов анализа, исследовательских процедур различных дисциплин и т.п.), что актуализирует разработку, апробацию и внедрение в исследовательскую практику новых.

В значительной мере изучению социального потенциала препятствуют политическая конъюнктура, нерегулярность, при кажущемся многообразии, эмпирических исследований, имеющих преходящий характер, например, в контексте избирательных кампаний или маркетинговых исследований, невостребованность научных результатов в управленческой практике, слабая координация исследовательской деятельности, недостаточное финансирование.

1. *Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития/ Под ред. Сазонова А.А. Сазонов А.А., Сазонова А.Л., Красниковский В.Я., Е.Ю.Киреев. Москва, Издательский дом «Наука», 2013г.*
2. *Сазонов А.А., Сазонова А.Л. Семейный потенциал молодых москвичей в условиях социокультурной неоднородности мегаполиса.// МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. Т. 6. № 3-1 (23). С.162-170.*
3. *Сазонова А.Л. Социально-демографический потенциал молодых семей Республики Южная Осетия. Социальная политика и социология. 2014. Т. 2. № 4-1 (105). С. 156-176.*
4. *Сазонова А.Л. Образовательно-профессиональный потенциал московской молодежи и проблемы его реализации (по результатам социологического исследования). МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2014. № 17. С. 86-91.*
5. *Сазонова А.Л. Протестный потенциал московской молодежи в контексте социальной политики Правительства Москвы. Материалы Афанасьевских чтений. 2014. № 1. С. 112-118.*

СОСТОЯНИЕ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ.

Салахутдинова Р.Х., Салахутдинов А.А. (Санкт-Петербург)

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №17-03-00862.

Аннотация. В статье анализируется государственная молодежная политика Российской Федерации, ее основные направления деятельности. Дается оценка эффективности молодежной политики в условиях современной России. В своем нынешнем содержании молодежная политика не в полной мере реализует заложенные школой Ильинского И.М. и школой Лисовского В.Т. идеи о роли и значении ГМП в жизни молодежи, формируя новые вызовы молодежной политике. Динамичность самой жизни, соответственно и мобильные изменения в самом молодом поколении, ставят перед необходимостью поиска новых технологий во взаимодействии с молодежью.

Актуальность. Правительство Российской Федерации рассматривает государственную молодежную политику как самостоятельное направление деятельности государства, предусматривающее формирование необходимых социальных условий инновационного развития страны. Ключевая роль в этом процессе отводится молодежи, как человеческому, инновационному, ресурсному потенциалу.

Однако показатели по совокупности направлений в жизнедеятельности молодежи ставят под сомнение возможность обеспечить посредством государственной молодежной политики в нынешнем ее содержании достижение поставленной цели.

Основное содержание. Организационные и концептуальные основы молодежной политики были заложены в 1980—1990-е гг. XX в. По словам Ильинского И.М., ГМП не является его «изобретением», «это «завозная» идея, которую он привез в СССР из шведского города Вестерос. В условиях поиска новых форм, содержания работы с молодежью зарубежный опыт инициировал идею адаптации зарубежной модели работы к российским реалиям.

Непосредственно, разработкой научной концепции, содержания основных направлений молодежной политики занимались две научные школы исследования проблем молодежи: московская, под руководством И.М. Ильинского и ленинградская, которую возглавлял Лисовский В.Т. совместно с научными сотрудниками лаборатории комплексных исследований проблем молодежи.

Позже, на последующих этапах разработки молодежной политики, в том числе и в Ленинградской области, руководство ленинградской школой осуществлял профессор СПбГУ Козлов А.А..

В отличие от сложившегося в эпоху СССР отношения к молодежи, как к объекту, патерналистского отношения государства к молодежи, центральное звено концепции Ильинского составляет идея субъектности молодежи, концепция воспитания жизнеспособных поколений. [1, с.21].

Ленинградская школа отчасти сохранила объектный подход к молодежи, что было обусловлено отсутствием каких-либо благоприятных социально-экономических, политико-правовых условий в ту эпоху для самореализации молодого человека, как субъекта общества. В эпоху перемен целью государственной молодежной политики провозглашалась «создание благоприятных экономических и политических условий, правовых гарантий, способных улучшить качество жизни молодежи» [2, с.299-201], тем самым, ставилась задача облегчить процесс адаптации молодежи к изменившимся условиям.

В настоящее время деятельность в сфере молодежи осуществляется по утвержденной в ноябре 2014г. концепции «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Основной целью новой МП является создание необходимых условий «для успешной самореализации молодежи, направленной на раскрытие ее потенциала для дальнейшего развития Российской Федерации, а также содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны» [3]. Однако, формулировки цели вызывают немало вопросов с точки зрения замысла молодежной политики. Так, например, речь идет о создании необходимых условий для реализации потенциала молодежи и лишь поддержка, помощь (а не создание условий) в приобретении социального статуса в обществе. Следует признаться, что именно отсутствие эффективных механизмов интеграции всех групп молодежи в общество является, на протяжении последних десятилетий, одной из основных причин наблюдающегося многообразия дезадаптационных моделей поведения молодых людей, в том числе экстремистской направленности. Негативные последствия могут быть и результатом нацеленности МП лишь на малую часть молодежи – наиболее активную и успешную, а также ограниченную определенными возрастными рамками, либо, в рамках социальной работы, на молодежь с ограниченными возможностями. Среди совокупности рисков для молодого человека основным является риск стать отчужденным социумом в силу отсутствия эффективных и необходимых механизмов интеграции всех групп молодежи в общество, а также социальной и правовой защиты молодежи.

На наш взгляд проблематичным является и решение вопроса воспроизводства молодежью позитивных системных качеств Российского общества в условиях демографического вызова молодежной политики, как целостного человеческого капитала. По прогнозам исследователей к 2025 г. ожидается сокращение численности молодежи: от 36,1% (30 лет) до 50% (25 лет), а по остальным возрастам будет превосходить 40-45%. [4, с. 82]. При этом, наблюдается динамика ухудшение здоровья молодежи, что навряд ли в ближайшие годы принципиально изменится в сторону более высоких положительных показателей. По данным здравоохранения к моменту окончания школы только 10 % здоровых выпускников. В Санкт-Петербурге здоровье молодежи не превышает 11%, а хроническая заболеваемость равна 30%. Пограничное состояние отмечается у 60% молодежи. [5]. В качестве вызова молодежной политики называют и миграционную составляющую в жизни молодежи. Ожидается, что сокращение численности трудовых кадров благодаря демографическому вызову, будет восполняться притоком молодежи из Казахстана и Беларуси и, прежде всего, в систему высшего профессионального образования России, которые будут составлять конкуренцию российской молодежи за высококвалифицированные рабочие места на российском рынке труда. Одновременно наблюдается отток российской молодежи в зарубежные вузы. По данным исследований, высокий процент молодежи желает уехать за границу по материальным, финансовым интересам.

Несомненно, одним из серьезных вызовов остается трудоустройство и занятость молодежи, прежде всего дипломированных специалистов. Трудоустройство не по полученной квалификации с мотивацией необходимости решать материальные вопросы, скрывает реальную, потенциальную безработицу. Социальные риски в сфере труда будут усиливаться по мере вытеснения человеческого труда роботизацией.

Все эти риски и вызовы молодежной политики, как показатель степени ее эффективности, становятся факторами роста преступности среди молодежи, протестного поведения с уходом в экстремистские сообщества, готовность выступить оппозиционной силой, как показывают события последних лет.

На наш взгляд, вызовы молодежной политики обусловлены слабым методологическим обеспечением концепции в целом и стратегических приоритетов ГМП в частности. Нельзя не заметить и тот факт, что целостная деятельность государственных структур по организации, управлению и регулированию работы с молодежью и соответствующими молодежными структурами в условиях современной России стала прерогативой НКО, реализующие, зачастую, собственно свои интересы и цели, без учета жизненных стратегий и ориентаций молодежи, тем более государственных потребностей. Реальная работа по решению проблем молодежи последние годы подменяется так называемыми образовательными, кадровыми и иными форумами.

Сложившаяся ситуация актуализирует необходимость методологически обоснованной государственной молодежной политики в отношении всей молодежи, с реально работающими механизмами интеграции через основную сферу деятельности человека - труд в соответствии с полученным образованием, создание условий для формирования и самореализации личности молодого человека.

1. Луков Вал.А.. Молодежная политика: концепция И. М. Ильинского. К 80 - летию И.М. Ильинского. //Знание. Понимание. Умение. 2016, № 2. Стр.13-30.
2. Лисовский В.Т. О молодежи и молодежной политике. Избранные произведения. Том II. Под общей редакцией А.А. Козлова. Санкт- Петербург. ХИМИЗДАТ. 2005. С.295.
3. Основы государственной молодежной политики российской федерации на период до 2025 года. Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г.
4. Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала. На правах рукописи. Москва, 2013. 183 с.
5. Аналитические материалы о Положении Детей в Санкт-Петербурге. 2012 год. Санкт-Петербург. Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга, 2013. <http://www.homekid.ru/kidinspb2012/index.htm> (Дата обращения 18.09.2013)

РАСПАД СССР В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ И МОЛОДЕЖИ ПЕРИОДА «ПЕРЕСТРОЙКИ»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Седова В.Л. (Волгоград)

Социальные трансформации, произошедшие в России в 80-90-е годы XX века, обусловили возникновение целого комплекса противоречивых проблем. Наиболее уязвимой категорией населения оказалась молодежь периода, вошедшего в историю как «перестройка». Ее внутренний мир формировался без государственного идеологического давления и при отсутствии молодежной политики. В статье выявляется двойственное отношение к событиям 80-90-х годов XX века в России молодежи разных поколений. Используются данные авторских пилотажных социологических исследований 2016-2017 годов, проведенные среди населения Волгоградской области.

В советский период была четко определена система ценностей и идеологических установок, от которых вследствие, после распада СССР, отказалось население нашей страны. Это произошло в 80-90-е годы XX века, когда в стране осуществлялась программа масштабной социальной трансформации – «перестройки», произошел переход к рыночной экономике и изменение всех сторон жизни общества.

Наиболее уязвимой категорией населения оказалась молодежь, рожденная в 70-80-е годы XX века. Ее внутренний мир формировался без государственного идеологического давления и при отсутствии государственных молодежных программ. Им пришлось жить в условиях нестабильности, недостатка средств к существованию, утраты чувства определенности в отношении будущего, возрастания влияния преступного мира и наркомании [4, с. 254].

К числу негативных факторов следует также отнести распад единого воспитательного пространства, потерю авторитета семьи как института социализации, основанного на ценностях старшего поколения, отказ образовательных учреждений от приоритетных задач воспитания, превращение правоохранительных учреждений во взаимодействие с молодежью в преимущественно контролирующие органы, активное влияние мировых религий и религиозных сект на духовную жизнь молодежи, коммерциализацию СМИ, не позволяющую осуществлять контроль контента, невнимание государства и общества к функциям воспитания подрастающего поколения [2, с.6].

По мнению И. С. Ульяновой, в результате несовершенной молодежной и культурной политики, с одной стороны, но продуманной линии средств массовой информации, пропагандирующих культурные ценности общества потребления – с другой, произошло отторжение молодого поколения от традиционных культурно-исторических ценностей. СМИ стали основным институтом социализации молодежи, значительно ослабив при этом влияние семьи, образования, общественных организаций [5, с 237-241].

Молодежь оказалась достаточно мобильной и стала активным катализатором проводимых либеральных преобразований. Об этом свидетельствует анализ социологических исследований, проводимых на протяжении 90-х годов XX века Левада – Центром с целью выявления роли, взглядов и ценностей молодежи в условиях кардинальных перемен [3].

Вторичные данные исследований показывают, что молодежь 90-х годов активно поддерживала либеральные, прозападные преобразования, позитивно воспринимали происходящие реформы, гораздо быстрее, чем другие возрастные группы, адаптировались к новым условиям жизни.

Но сравнительный анализ данных разных годов показывает, что «прозападные» ориентации молодых людей в 80-90-ые годы носили преимущественно временный характер. То есть, по мере взросления молодежь все больше становилась приверженцем базовых ценностных представлений, таких как семья, стабильная работа, заработная плата, которые являлись основными в недалеком советском прошлом, а негативный фон настроений, доминировавший до 2006 года, только повышал чувствительность взрослеющих молодых людей к привычным для советского человека комплексам, стереотипам и предрассудкам. В представлениях большинства населения от социальных трансформаций выиграли либо люди нечестные – спекулянты, преступники, мафиозные структуры (те, кто нарушал нормы «советской морали», что являлось своеобразной защитной реакцией на экономические перемены), либо люди, имеющие власть или

близкие к ней. Более половины россиян считали себя проигравшими в ходе реформ, людьми без будущего [3].

В начале XXI века начинается период относительной политической, социально-экономической стабильности. С одной стороны, развитие рыночной экономики, либерализма помогли найти свою траекторию жизни некоторым категориям населения Российской Федерации, с другой стороны, значительная часть граждан оставалась верна просоветским настроениям. Особенностью являлся тот факт, что возникла ностальгия по временам СССР у значительной части молодежи времен «перестройки», ранее выступавшей за либеральные преобразования.

Данная ситуация вызвала большой практический интерес и нашла отражение в пилотажном социологическом опросе, который был проведен автором статьи в 2016 году среди жителей Волгоградской области (Волгоградская область, n=54, июль 2016). Респондентами выступали мужчины и женщины, рожденные в 70-е – начале 80-х гг. XX века, на территории СССР, так называемая молодежь «перестройки». Среди респондентов были представители различных профессий: врачи, учителя, государственные служащие, офисные работники, руководящие кадры.

Выявляя отношение к распаду СССР, был задан вопрос: «Как Вы оцениваете распад СССР?». Мнения респондентов разделились: «положительно» восприняли распад СССР 25% респондентов; «скорее положительно, чем отрицательно» – 20% участников опроса. Мнение «скорее положительно, чем отрицательно» поддержали 20% опрошенных, а отрицательное отношение выразили 25% респондентов; вариант «затрудняюсь ответить» выбрало 10% участвующих в опросе.

Представленные данные свидетельствуют о противоречивом восприятии данного политического процесса, изменившего не только жизнь одной страны, но и повлиявшего на весь мир в целом. Также можно заметить, что у респондентов, рожденных в 70-е – начале 80-х годов, которым на момент проведения исследования было 30-40 лет, в начале XXI века отмечается снижение либеральных предпочтений.

В начале XXI века происходит переосмысление исторического прошлого СССР, попытки сформулировать объективные оценки происходящих событий, понимание их роли и значения для дальнейшего развития государства. В данном контексте следует акцентировать внимание на отношении к распаду СССР современной молодежи.

В 2016 году среди студентов ВУЗов Волгоградской области было проведено пилотажное исследование, которое включало проведение глубинных интервью. Было опрошено 100 студентов. Преимущественно опрашивались студенты младших курсов, в частности те, кто был рожден уже после распада Советского Союза, а следовательно, не имеет опыта жизни при советской системе. Возраст респондентов составил 18 лет. При этом опрашиваемые студенты обучались на разных факультетах: гуманитарных, социально-экономических, естественно-научных и технических.

Распад Советского Союза большинство респондентов считают закономерным явлением, которое было связано с системным кризисом советской политической и экономической системы: «На момент своего распада Советский Союз уже был просто фикцией, «трупом». То есть то, что называется распадом Советского Союза, если под этим иметь в виду подписание Беловежских соглашений, – это просто выдача свидетельства о смерти» (студент, 18 лет).

По мнению студентов, в момент распада СССР в руководстве страны просто не нашлось компетентной политической элиты, которая смогла бы справиться с накопившимися проблемами: «Советский Союз распался, потому что это было неизбежно. Не было в нем такого человека, который мог бы все удержать в своих руках, отрегулировать. Для такой системы нужна «твердая рука» (студент, 18 лет).

В целом распад Советского Союза воспринимается студентами негативно. Однако студенты говорили о том, что на их отношение к этому событию оказало влияние старшее поколение, в частности поколение их бабушек и дедушек: «Там меня не было, поэтому объективного мнения у меня нет. Старшее поколение, конечно, скажет, что при советской власти было жить намного лучше, и их можно понять: у людей была какая-то стабильность, уверенность в своем будущем. А после распада СССР людям, привыкшим жить по-другому, пришлось в течение короткого времени перестраивать всю свою жизнь» (студентка, 19 лет).

Здесь можно выделить несколько причин, по которым молодое поколение считает, что распад Советского Союза имел больше негативных последствий, чем позитивных. Одной из главных причин является сожаление по поводу распада СССР и потери статуса великой державы, от чего, по мнению респондентов, пострадала не только наша страна, но и бывшие союзные

республики: «Я считаю, что с распадом СССР мы в каком-то смысле потеряли свою мощь. В принципе, как мы можем видеть, эти страны все равно зависят от нас, потому что все природные ресурсы находятся у нас, мы можем их контролировать. И я не вижу в распаде Советского Союза какого-либо смысла, потому что эти страны нуждаются в нас» (студент, 19 лет).

Подводя итог, следует отметить, что распад СССР среди молодежи «перестройки» и современного молодого поколения оценивается неоднозначно. В 80-90-е годы молодежь «перестройки» под влиянием либеральных идей выступала за уничтожение наследия СССР и провозглашение демократических основ, но вследствие продолжительных масштабных кризисных явлений происходит переосмысление прежних установок и постепенное возвращение просоветских настроений у значительной части молодого поколения, рожденного в последнее десятилетие существования СССР.

Оценка распада СССР современной молодежью происходила в иных условиях, освобожденных от предрассудков, имеющих место в 80-90-е годы XX века. На формирование взглядов молодого населения оказали влияние опыт и взгляды предыдущего поколения, наложенные на современное понимание событий 80-90-х годов, нашедшие отражение в современной исторической литературе. Молодежь начала XXI века сегодня в целом изначально негативно оценивает разрушение Советского Союза, но считает его закономерным явлением в рамках исторического развития, что свидетельствует о трансформации общественно-политических взглядов современной молодежи под влиянием кризисных явлений в России.

1. Горшков М. К. *Российское общество в условиях трансформации: мифы и реальность (социологический анализ). 1992 - 2002 гг.* М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. – 384 с.
2. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. *Молодежь России.* – М.: Московская школа политических исследований, 2011. – 96 с.
3. Левада Ю.А. *Заметки о «проблеме поколений» // Мониторинг общественного мнения, 2002. № 2. – С. 9–11.*
4. *Молодёжь XXI века. Толерантность как способ мировосприятия.* – Н-Новгород, 2005. – 356с.
5. Ульянова И.С. *К вопросу о преемственности ценностей в культуре молодежи//Система ценностей современного общества. № 2008. № 1. – С. 237-241.*

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО КАК ФОРМА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Серебров Д.М. (Санкт-Петербург)

Глобализация не останавливается только на области товарно-денежных отношений, она также затрагивает и семейные отношения.

Так как Россия относительно недавно стала на пути глобализации и имеет сравнительно не большой опыт в этом направлении, этим умело воспользовался иностранный капитал. Страну наполнили многочисленные сетевые магазины – гипермаркеты, которые своей агрессивной рекламной и демпинговой политикой вытеснили мелких предпринимателей. Опять же в масштабах страны граждане получили множество сетевых магазинов, с полным перечнем необходимых для жизни товаров. Но сетевой магазин не может быть ориентирован на качество товара, он ориентируется на регулярность поставок, поэтому в итоге прилавки заполняют в основном товары иностранного производства, контролировать производство которых мы не имеем возможности.

Несмотря на вышеизложенные процессы и тенденции, Россия всегда шла вопреки западной логике и рациональности. И сейчас все больше стало появляться частных магазинов хозяева которых отвечают непосредственно перед каждым клиентом. Граждане страны все больше задумываются о своем здоровье и долготии и обращаются к прилавкам российских производителей, пусть и не так разнообразных, зато качественных и привычных.

В обществе складываются тенденции возврата к опыту предыдущих поколений в части организации уклада семьи, ее быта, культуры потребления и отношению к окружающей среде.

В этом направлении к сожалению очень тяжело двигаться современной российской молодежи так как зачастую полностью утерян опыт прошлых столетий и уклад жизни наших предков приходится собирать по крупицам.

Современная молодежь окончивая школы стремится в большие города, для поступления в ВУЗы в поисках престижной работы, слепо используя модель жизни старших поколений, которые жили в стране где были забыты традиции их предков, которые жили и трудились на том месте где родились.

В основном русский человек всю свою жизнь занимался сельским хозяйством и неразрывно связывал себя с землей на которой живет. Конечно многие занимались определенным ремеслом, но подсобное хозяйство имела каждая семья. В послереволюционный период, после революции 1917 года, граждане России постепенно утрачивали осознание себя как крестьянина. Процесс индустриализации зачастую насильственными методами принуждал крестьян осваивать рабочие профессии. На крестьянина навешивается новое бремя, изменяется вековой уклад его жизни. За сто прошедших лет, в обществе сменилось много форм ведения сельского хозяйства, но как показывает мировая практика, нет лучше и надежнее для страны и отдельной семьи формы хозяйствования, чем частное крестьянское хозяйство, обеспечивающее всем необходимым своих членов.

В новое время у молодежи страны открыты все двери для самореализации, можно получить высшее образование и стать юристом, а можно снимать интересные видео ролики и стать блогером. Вокруг представлено множество возможностей для самореализации. Однако городская среда уже захлебывается от «менеджеров по продажам» и необходимо искать новые формы ведения хозяйствования.

В рамках современного города, с его ценами на жилье, коммунальные услуги, продукты питания и т.д. молодым семьям очень сложно сохранять свою идентичность, статистика неумолимо показывает высокую степень разводов. Несмотря на все усилия по поддержке городских семей со стороны государства, улучшения в этом направлении не наблюдаются. В связи с этим, молодым семьям необходимо искать новые возможности гармоничного существования, включая опыт предыдущих поколений. Который в свою очередь подсказывает, что традиционные семьи, преимущественно были семьями крестьянскими, способными производить натуральные продукты питания и сохранять под своим кровом традиционные духовные ценности.

В России стоит острый вопрос нехватки натуральных продуктов питания от добросовестных производителей. Так как существующие меры регулирования рынка производства просто не работают, когда речь заходит о крупных компаниях. Потребители не защищены от некачественного товара, так как Федеральный закон «О защите прав потребителей» регулирует как продажу автомобиля, так и продажу йогурта. Если потребители обнаружит в автомобиле недостаток они могут рассчитывать получить солидную компенсацию т.к. размер компенсации напрямую зависит от цены товара, тогда как в случае приобретения некачественных продуктов питания потребители в лучшем случае могут избавиться от таких продуктов, а в худшем потратить в десятки раз больше денег в судах, без компенсации своих издержек. Формирование современной семьи как семьи сельскохозяйственного производителя может переломить сложившуюся систему и дать рынку много качественных и полезных продуктов питания и товаров кустарного производства.

К данной проблематике необходимо привлечь внимание государства с целью реализации программ направленных на создание привлекательного образа сельской семьи. Как говорил премьер-министр Великобритании Уинстон Леонард Спенсер-Черчилль (1874-1965) «Я думал, что умру от старости. Но когда Россия, кормившая всю Европу хлебом, стала закупать зерно, я понял, что умру от смеха». Поэтому наряду с развитием оборонной промышленности необходимо обратить пристальное внимание и на сельское хозяйство.

Вопреки сложившемуся негативному отношению к сельскохозяйственной деятельности, многие семьи решившиеся связать свою жизнь с этим не легким путем, в конечном итоге не проиграли. Санкции, взлеты и падения на рынке ценных бумаг и иные подобного рода процессы, способствуют развитию внутреннего продукта.

Семьи вставшие на путь ведения сельского хозяйства менее подвержены разрушающим факторам. Дети в таких семьях не требует менее значимой государственной поддержки, так как каждый новый член семьи активно включается в работу уже с малых лет своей жизни. В таких семьях отмечается положительная тенденция деторождения.

В рамках городской семьи, как правило, детей не много, поскольку на плечи родителей ложится большой уровень расходов, таких как оплата коммунальных услуг, продуктов питания, детских садов, школ, различных кружков и т.д. А уровень благосостояния городского населения из

года в год улучшается медленно. Такие выводы, в частности, можно сделать анализируя рынок вакансий по различного рода специальностям, а также уровень безработицы.

Так как государство придает незначительное значение частному сектору в сельском хозяйстве, формирование семьи в сельской местности складывается со значительными трудностями. В несостоявшейся в экономическом отношении семье происходит немало социальных изъянов. От этого рождается чувство неполноценности, пристрастие к алкоголю и иным пагубным привычкам и как следствие разрушение института семьи.

Важной целью для каждого молодого россиянина должно стать создание крепкой семьи с сильным духовным стержнем и максимально независимым отношением к внешним факторам влияния, так как крепкая семья – основа сильного государства. Судьба российской молодежи в новом столетии, во многом зависит от самой молодежи. Можно поддаться модным тенденциям и стать блогером, всю жизнь снимая тысячи видео роликов и выкладывая их в сети интернет, а можно создать семью и стать сельскохозяйственным производителем и работать на благо будущих поколений и страны в целом. Выбор за каждым человеком и он должен сделать его осознанно.

ПОДРОСТКОВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ ПОДРОСТКОВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ ПОДРОСТКОВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ ПОДРОСТКОВЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Симагина К.О. (Екатеринбург)

Аннотация. В статье рассматриваются причины распространения в молодёжной среде экстремистских установок и способы противодействия деструктивным течениям. Авторы опираются на результаты социологических исследований, проведённых в г. Екатеринбурге, а также на мнения западных социологов.

В современной России продолжает складываться благоприятная почва для зарождения и активного развития таких негативных и агрессивных феноменов как экстремизм и ксенофобия, особенно распространенных в молодёжной среде, включая сегмент несовершеннолетних. Экстремизм можно определить, как «приверженность в политике к крайним взглядам и мерам».[1]. Предпосылками для появления экстремистских идей в сознании подрастающего поколения можно считать: расслоение общества по материальному критерию; высокий уровень межэтнической напряжённости из-за наплыва мигрантов; постоянное провоцирование интереса к различного рода происшествиям криминального характера через СМИ. В основном экстремистские группировки сосредоточены в больших городах. По официальным данным, в Уральском федеральном округе существуют более 2 тыс. общественных объединений и организаций, в том числе 264 объединения, образованных на национальной основе, и около 1,5 тыс. религиозных организаций [2]. Все перечисленное говорит о значимости социологических исследований с целью оценки актуальности проблемы и контроля за настроениями в социуме. Объектами исследования обычно выступают учащиеся школ, родители (законные представители), педагоги. В ходе опросов, проводимых в столице Урала ежегодно, учёных интересуют факторы социальной среды, способные повлиять на подростка и подтолкнуть его к совершению экстремистских поступков, особенности менталитета той или иной группы респондентов. Известно, что основы развития самосознания подрастающего поколения, формирования его мировоззрения в первую очередь закладываются в семье. По результатам исследований отмечается достаточно частое возникновение ссор в семьях, при этом среди родителей доля тех, кто действительно считает семейные конфликты с детьми частыми, в 1,6 раза меньше, чем среди опрошенных подростков [3]. Возможно, такое различие возникает из-за проведения взрослыми воспитательных бесед, после чего ситуация переходит в разряд конфликтной. Также очень важно принимать во внимание ценности современной молодёжи. На данный момент они таковы: семья, здоровье, любовь[9]. Кроме того, подростки видят необходимость в получении хорошего образования, освоении профессии, что могло бы послужить основой их карьерного и личностного роста [7]. Основными формами проведения досуга подрастающего поколения являются общение в социальных сетях, Интернете, просмотр телевизионных передач, преимущественно развлекательного характера, посещение торговых

центров совместно с друзьями, занятия спортом. Данный перечень подтверждается и родителями. Среди СМИ подростки, безусловно, выделяют Интернет и телевидение, а чтение периодических изданий практически их не интересует. Подростки не особенно вовлечены в политику, но иногда отмечают, что безразличны к политическим процессам в своей стране и родном городе. Большая часть опрошенных взрослых считает, что крайне редко обсуждаются в семье политические темы, так как это не вызывает особого интереса у их ребенка. Очень настораживают цифры (11,4%), показывающие, что анкетированные подростки видят единственный способ влияния граждан на политическую ситуацию в стране через участие в массовых демонстрациях и митингах [3]. Уровень патриотизма находится на среднем показателе: половина гордится историческим прошлым государства, 30% респондентов нравится жить в России, а 12,5% не считают себя патриотами. Трое из 1800 человек считают, что другим национальностям нет места в России [3]. Что касается отношения к религии: здесь подростки демонстрируют свое полное равнодушие. Стоит отметить высокий процент тех, кто относится «терпимо» и старается не обращать на представителей других религий внимание. 9,3% респондентов относятся крайне непримиримо к неправославным верованиям, указывая как причину наличие у них обрядов жертвоприношения, а то и простое недовольство их присутствием на территории России [3]. Естественно, что большинство опрошенных оказались лицами русской национальности. Подавляющая часть подростков испытывает чувство гордости от своей национальной принадлежности, но есть и такие, которые стыдятся и стараются скрывать ее по возможности от окружающих. Родители не считают, что их дети имеют какие-либо переживания от национальной принадлежности. Результаты опроса показали достаточно серьезный процент молодых людей, испытывающих чувство неприязни к представителям другой национальности. Также среди противников встречаются и родители, возможно, это и является предпосылкой неприязни к притоку представителей ближнего зарубежья в нашу страну. В качестве причин можно назвать агрессивное поведение, морально-нравственные качества приезжих и ощущение того, что большинство криминальных группировок на территории России состоят из представительства национальных меньшинств. Например, наиболее агрессивно подростки относятся к таджикам, цыганам, азербайджанцам, чеченцам и узбекам. Большинство респондентов сообщили, что им приходилось становиться свидетелями и даже участниками межэтнических конфликтов на территории Екатеринбурга, которые в основном происходили на улицах города, в общественных местах и выражались в форме словесного оскорбления или физического насилия. По мнению родителей, основными причинами возникновения молодежного экстремизма являются: отсутствие доступных по стоимости досуговых центров, следствием чего выступает подростковая бездельность; плохое регулирование государством миграционных процессов; непродуманность информирования о последствиях и мерах ответственности за экстремизм. К наиболее эффективным методам по борьбе с экстремизмом относятся: изменение политики государства в сторону стабилизации и улучшения социально-экономической обстановки, усовершенствование миграционного законодательства, организация учебно-воспитательной и психологической работы по привитию толерантного отношения к разным религиям, национальностям, расам [8].

1% опрошенных подростков считает, что в противостоянии экстремизму необходимости нет [3]. Надо отметить, что проблема подросткового экстремизма актуальна как для страны в целом, так и для Екатеринбурга, в частности. Но можно говорить только о частичном срезе информации по данной проблеме, не затрагивающим остальные слои населения, потенциально более подверженные риску оказаться участниками подобных деструктивных процессов.

Для противодействия данному явлению необходимо следующее. Во-первых, взрослые должны уделять детям больше внимания, поскольку часть из них вступает в экстремистские организации от избытка свободного времени. Во-вторых, у подростков следует формировать толерантность к населяющим Россию народам. Наиболее опасный тип экстремизма основан на ненависти по национальному критерию, поэтому сохранение территориальной целостности государства является главной задачей. В-третьих, на государственном уровне необходимо развивать молодежные организации, спортивные секции, творческие кружки, а также финансировать организацию детского досуга. [4].

По мнению американских социологов, «развитию экстремизма способствуют следующие факторы: во-первых, разрушение структурных основ общества вследствие кризиса, когда появляются группы депривации и «статусного несоответствия»; во-вторых, отсутствие

альтернативных способов изменения социальной ситуации; в-третьих, высокий уровень внушаемости населения, отсутствие сопротивления пропаганде» [6; 58].

Таким образом, подростки как маргинальная группа, с одной стороны, выступают источником социально-экономического и духовного возрождения страны, а с другой - источником роста социальной напряженности. Она может выступать как фактором ускорения, так и фактором торможения общественного развития, что зависит от меры социальной ответственности молодого человека [5.]

1. Политология. Словарь. [Электронный ресурс] dic.dic.academic.ru.
2. Нашли экстремистов. В Екатеринбурге. 04. 08. 2011. [Электронный ресурс] <http://www.ura.ru/content/svrd>.
3. Мониторинг ситуации в сфере противодействия экстремизму в молодежной среде в Свердловской области» ООО «Корпорация проектного менеджмента»; по заказу Министерства физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области [Электронный ресурс] minsport.midural.ru Генеральный директор ООО КПМ
4. Подростковый экстремизм [Электронный ресурс] <http://admprohladnyi.ru/news/9738-podrostkovy-extrimizm>.
5. Кемалова Л.И., Корнильцева Е.Г. Формирование социальной ответственности молодежи как способа противодействия экстремизму в сфере молодежных субкультур // Инновационный потенциал молодежи. Сборник материалов Всероссийской молодежной научно-исследовательской конференции, посвященной Году культуры и Году науки в России. 27-28 октября 2014. Екатеринбург: УрФУ.- 2014.- С.138-143
6. Корнильцева Е.Г., Кузнецов А.Ю., Левченко И.Е. Концепция экстремизма С. М. Липсета. // Дискуссия. 2016.- №9 (72).- С. 56-60.
7. Кузьмина О.В., Грекова Н.С. Особенности учебной мотивации у студентов колледжа с разной социально-психологической адаптацией // Актуальные мировые тренды развития социально-гуманитарного знания: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 30 июня 2017 г.: в 3 ч./ Под общ. Ред. Ж.А. Шаповал. - Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2017. - Часть II. - С. 99 — 103.
8. Мылтасова О.В., Бердова М.Н. Психологическая помощь в экстремальных ситуациях // Профессионализация личности: теоретические и прикладные проблемы психологии, профессионального образования и экономики: материалы заочной научно-практической конференции 2015г./ Издательство: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).- С.12-15.
9. Цимлякова А.С., Мылтасова О.В. Динамика мотивационно-ценностных установок в среде современной молодежи // Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодежи и управления: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием/ Издательство: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург). - С.1071-1076.

МОЛОДЕЖНЫЙ ПРОЕКТ «ЦВЕТНАЯ ПЛАНЕТА» ДЛЯ ДЕТЕЙ И МОЛОДЕЖИ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ

Сиротина Т.В., Пугачев М.Д. (Барнаул)

Аннотация: В статье авторами анализируется опыт реализации молодежного проекта, о именно: проведение летних лагерей для детей и молодежи с инвалидностью «Цветная планета» с участием большого количества волонтеров. Авторы исследуют возможности социальной интеграции молодежи в рамках данного проекта, реализуемого в Алтайском крае на протяжении 20 лет.

Сегодня перед российским обществом остро стоят разные социальные проблемы. От того, как мы их решаем, во многом зависит качество нашей жизни: настоящей и будущей.

Одной из таких проблем является дискриминация и сегрегация лиц с инвалидностью.

Для решения данной проблемы на протяжении многих лет применялись разные меры, были достигнуты видимые положительные результаты. Вместе с тем, остается достаточное число и нерешенных задач в рамках данной проблемы, в частности, необходимость интеграции людей с инвалидностью в социуме.

Молодежный проект «Цветная планета», существующий в Алтайском крае уже на протяжении 20 лет, прежде всего, направлен на преодоление тех психологических, социальных,

физических барьеров, которые изолируют людей с инвалидностью, детей и молодежь групп риска, не позволяя им стать полноправными членами своих сообществ.

Инвалидность рассматривается нами, прежде всего, как проблема несовершенства, неприспособленности к нуждам инвалидов окружающей среды [1, с. 2627]. Под таким несовершенством мы понимаем весь комплекс физических, социальных и психологических барьеров, не позволяющих людям с инвалидностью пользоваться теми же правами, какими пользуются другие люди.

Именно поэтому наши действия по повышению качества жизни людей с инвалидностью направлены на устранение барьеров, мешающих активному включению людей с ограниченными возможностями в жизнь общества.

В какой-то мере отличные, но в то же время схожие проблемы стоят перед молодыми людьми, испытывающими трудности в адаптации к полноценной жизни, нахождению своего места, сталкивающимися со многими психологическими и социальными барьерами.

Некоторые исследователи сегодня сходятся во мнении о том, что склонность к зависимому поведению есть следствие недостатка любви, отсутствия навыков брать ответственность за свои поступки [2, с. 37]. Не получив и не заметив любовь, молодые люди пытаются восполнить ее отсутствие с помощью алкоголя или наркотических веществ. Потому одним из важных моментов в профилактике зависимого поведения является «научение» любви, раскрытие в молодых людях способности отдавать и принимать любовь.

Накопленный на протяжении 20 лет опыт организации и проведения летних лагерей для детей и молодежи с инвалидностью, привлечения в качестве вожатых-волонтеров молодых людей позволяет утверждать, что это общение обогащает и тех, и других.

Ребята с инвалидностью особо нуждаются в любви и заботе, полном и безусловном принятии, признании ценности их личностей независимо от физических и умственных особенностей. Они способны создавать особенную атмосферу для научения окружающих людей (при условии их желания) такой любви. Эта атмосфера благотворно влияет на молодых людей, позволяя переживать им то, что они нужны, значимы, приняты, а так же помогает им учиться заботиться о других, безвозмездно отдавать свое время и силы.

Можно с уверенностью утверждать, что эта атмосфера обогащает всех молодых людей. Говоря об интеграции людей с инвалидностью в обществе, необходимо помнить о том, что всякая интеграция подразумевает под собой процесс взаимного движения навстречу друг другу – в данном случае, инвалидов и других членов общества [3, стр. 9].

Накопленный опыт также свидетельствует о том, что одним из основных барьеров для интеграции молодых людей с ограниченными возможностями и без таковых является то, что они очень мало знают друг о друге, не имеют возможностей для совместного общения, обладают большим количеством ложных стереотипов и мифов относительно друг друга. Уверены, что вместе проведенное время в условиях различных встреч, организации и проведения праздников, летнего лагеря, совместное участие в спортивных, творческих и других мероприятиях, психосоциальных тренингах позволяет значительно обогатить социальный опыт молодых людей, способствует их физическому и душевному оздоровлению, преодолению «узости» мышления и восприятия [4, с. 80].

Среди методик, способствующих интеграции разных групп детей и молодежи, позволяющих им лучше узнать друг друга, увидеть ценность каждого человека, обучающих их взаимопомощи, можно выделить следующие [5; 6, с. 170].

(1) Занятия лечебной физкультурой (ЛФК): специально организованные занятия физической культурой способствуют развитию двигательных навыков, положительно влияющих на личность в целом; помимо коррекции движений упражнения развивают память, внимание; в процессе коллективных занятий у ребят развиваются чувства товарищества и взаимопомощи.

(2) Игровая терапия. Суть игры в способности, отображая, преобразовать действительность. Как известно, в игре впервые формируется и проявляется потребность воздействовать на мир, стать субъектом, «хозяином» своей деятельности.

Сущность игры заключается в том, что в ней важен не результат, а сам процесс переживаний, связанных с игровыми действиями. Хотя проигрываемые ситуации воображаемы, но переживаемые чувства реальны. Успешно используются дидактические игры, игры на знакомство, доверие, развивающие игры.

(3) Музыкаотерапия: музыкальная терапия – это, прежде всего, мелодия, ритм и текст. Ритм является одним из важнейших начал, организующих волю человека. Он мобилизует все имеющиеся у него ресурсы на выполнение поставленной задачи.

Во время пропевания слов мелодия и ритм вынуждают ребят произносить слоги вовремя, каждая разучиваемая песня выполняется с движениями, помогающими ребенку не только понимать, запоминать, усваивать текст, но и способствует развитию двигательной активности ребенка.

(4) Куклотерапия: еще одним методом для интеграции личности, развития творческих способностей, расширения сознания, совершенствования взаимодействия с окружающим миром является куклотерапия. Куклотерапия – процесс, который дает возможность понять человека лучше, позволяет одному человеку встать на уровень другого.

(5) Драматерапия: в ходе сценической деятельности, через сценический образ у ребят появляется возможность в рамках вымышленного сюжета пережить и вербализовать присутствующие в жизни острые социально-психологические ситуации. Театрализованные игры способствуют развитию такой важной психической функции как воображение, обогащают эмоционально-чувственный опыт, совершенствуют восприятие, развивают образное видение.

Исходя из специфики проекта, особое внимание уделяется обучению волонтеров. Так как дети и молодые люди с ограниченными возможностями нуждаются в большем объеме физической помощи, привлекается большое число волонтеров. На основе накопленного опыта в процесс организации летних лагерей было выбрано следующее оптимальное соотношение вожатых-волонтеров и ребят с ограниченными возможностями: один к одному или один к двум, в зависимости от особенностей ограничений и потребности в посторонней помощи.

Таким образом, целью проекта «Цветная планета», реализуемого в Алтайском крае, является интеграция разных групп детей и молодежи (с ограниченными возможностями здоровья и без) посредством разрушения имеющихся стереотипов восприятия друг друга и, как следствие, помощь молодым людям в становлении физически здоровыми, эмоционально уравновешенными, духовно полноценными и социально адаптированными личностями.

1. Сиротина Т.В., Цыбизова М.А. Представления студенческой молодежи об интегративном обучении людей с ограниченными возможностями в условиях высшей школы в г. Барнауле // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования. Сборник научных статей международной конференции. Барнаул. 2014. С. 2626-2633.

2. Игумен Евмений. Батюшка, я – наркоман! СПб. 2002. 280 с.

3. Кривошей Б.З., Фастова-Морозова Р.А. Обойденные жизнью. СПб. 2005. 148 с.

4. Сиротина Т.В., Просветлюк А.В. Социальная инклюзия людей с инвалидностью: возможности волонтерства // Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования. Сборник научных статей международной конференции. Барнаул. 2015. С. 79 – 84.

5. Масалова С.А., Неупокоева А.Г. Программа социально-культурной адаптации детей с ограниченными возможностями в условиях летнего лагеря. Барнаул, 2003. 68 с.

6. Миллер С.М., Сиротина Т.В. Технологии арт-терапии в социальной работе с детьми // Теория и практика социальной работы: история и современность: сборник научных трудов. Барнаул. 2014. С. 170.

ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ КАРЬЕРЫ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ УЧЕНОГО В АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Соловей А.П. (Минск, Республика Беларусь)

Аннотация: В статье рассматриваются факторы реализации карьеры молодой женщины ученого в академической науке, условия научной деятельности, способствующие построению научной карьеры, а также факторы, препятствующие построению научной карьеры женщин – молодых ученых.

Процесс построения карьеры женщины во всех профессиональных сферах имеет свою специфику. Особое место занимает научно-исследовательская деятельность, так как традиционно данная сфера являлась исключительно мужской прерогативой. В условиях феминизации белорусской науки вхождение женщин в науку рассматривается как активное вовлечение их в сферу высококвалифицированного труда и научного творчества. Участие женщин в научно-исследовательской деятельности представляет социальную значимость и обеспечивается

установлением гендерного равенства в Республике Беларусь. Женщина выступает как равноправный и равноценный участник в сфере научной деятельности, требующей высшей квалификации и особых способностей. Женщины, которые завершили обучение в аспирантуре, защитили кандидатские диссертации, заинтересованы в дальнейшем продвижении по служебной лестнице. Академическая карьера может рассматриваться молодой женщиной как стартовая для карьеры вне научно-исследовательского учреждения (НИУ) или как начальная для управленческой деятельности в НИУ. Карьерные намерения молодой женщины в науке предполагают признание фактора карьеры как одного из компонентов престижа профессии ученого. Карьера для молодой женщины в науке важна для ее профессиональной самореализации и развития ее личности.

На начало 2017 года из числа лиц, обучающихся в аспирантуре, женщины составляют 55%, в докторантуре удельный вес женщин составляет 29,6%. Среди исследователей в возрасте до 35 лет женщины составляют 52,1% от общего числа молодых исследователей Национальной академии наук Беларуси [1, с. 225]. По результатам социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в апреле 2017 года при поддержке гранта БРФФИ Наука-М по теме «Карьера молодого ученого в академической науке», проанализируем основные факторы научной карьеры женщин – молодых ученых. В ходе исследования было опрошено 58% женщин и 42% мужчин (N=316), средний возраст респондентов – 28 лет.

Заинтересованы в построении научной карьеры 66,5% молодых женщин и рассматривают они ее как последовательное получение ряда возможностей заниматься научной деятельностью и внесения вклад в науку (64,1%). При этом свою карьеру рассматривают как период, в течение которого можно завести нужные связи, получить опыт и знания, которые могут пригодиться в другой сфере 26,5% женщин. Как продвижение по ступенькам организационной лестницы, ближе к положению, которое хотели бы занять – 9,4% женщин.

Построение карьеры зависит не только от самой женщины, ее возможностей и интересов, а также и от объективных условий, способствующих построению научной карьеры (Рис.1).

Рисунок 1. Условия научной деятельности для построения научной карьеры по мнению молодых ученых женщин (в %, в целом по выборке)

По мнению большинства женщин (81,9%), для того, чтобы они могли строить свою научную карьеру, должна быть достойная заработная плата. Немаловажным условием является и возможность зарубежных стажировок и командировок, а также возможность международного сотрудничества. Очень важным условием является наличие современной материально-технической базы института. Также женщины придают значение творческой атмосфере в коллективе. Практически треть женщин отметили такие условия как возможность получения грантов, возможность карьерного роста, помощь научного руководителя и льготное кредитование на строительство жилья. И только каждая пятая женщина выбрала наличие научной школы как одно из условий для построения ее научной карьеры.

Факторы, препятствующие построению научной карьеры, можно разделить на несколько групп. На первом месте, по мнению женщин, факторы, связанные с материально-техническим обеспечением научной деятельности. По мнению женщин, основными препятствиями научной карьеры молодого ученого в НАН Беларуси являются нехватка средств на проведение исследования (48,9%), снижение значимости и статуса ученого в обществе (45,6%), слабая материально-техническая база в институте (40,7%), недостаточное знание иностранного языка (30,2%), дефицит научного общения (25,3%), собственная неорганизованность (23,1%).

Также следует отметить социальные и психологические факторы: недостаток личностного потенциала (отсутствие качеств, способствующих достижению успеха) – 22,5%; плохие жилищные условия – 20,9%; отсутствие уверенности в себе – 18,1%; отсутствие ориентации на построение карьеры – 17%; отсутствие нужных связей, протекций – 13,7%; гендерные стереотипы, определяющие роль мужчины и женщины в обществе – 11,5%; трудности с публикацией своих работ – 3,8%. При этом, по мнению 6% женщин, ничего не препятствует построению их карьеры.

Среди факторов, которые затрудняют профессиональное продвижение женщин в науке, часто называют замужество и их «биологическое» предназначение – материнство. Предполагается, что домашние обязанности занимают много времени, что сказывается на недостатке времени для исследований и подготовки публикаций. Однако, только по мнению 13,7% женщин загруженность домашними делами препятствует построению их научной карьеры. Стоит отметить, что практически поровну разделилось мнение женщин касательно влияния семейного

положения и родительства на построение научной карьеры. Для 48,7% женщин замужество, материнство затрудняют построение научной карьеры (в т. ч. полностью согласны – 12,3%, скорее согласны – 34,6%). В то время как, для 47,5% женщин данный фактор не мешает построению научной карьеры (в т.ч. полностью не согласны – 18,4%, скорее не согласны – 29,1%). С утверждением «из-за стремления повысить свой профессиональный статус я откладываю рождение детей» большинство женщин (52,8%) не согласны. Однако треть женщин (33,8%) согласна с данным утверждением. Препятствовать профессиональному и карьерному росту в науке может также проблема двойной нагрузки женщины, которая связана с сочетанием ряда работ по дому, материнскими функциями и выполнением профессиональных обязанностей. Так с утверждением: «женщине сложнее по сравнению с мужчиной сочетать профессиональные и семейные обязанности» в той или иной степени согласились 57,4% респонденток (в т. ч. полностью согласны – 19,3 %, скорее согласны – 38,1%).

Таким образом, факторы объективного и субъективного порядка оказывают комплексное влияние на стратегии карьерного поведения молодых ученых женщин. Объективные факторы, связанные с материальным и техническим обеспечением научной деятельности являются основными, по мнению большинства женщин – молодых ученых, которые детерминируют построение их научной карьеры.

1. *Отчет о деятельности НАН Беларуси в 2016 году. – Мн.: НАН Беларуси, 2017. – 354 с.*

МОТИВАЦИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Стебунова А.В. (Барнаул)

История человечества не помнит такого общества, которому были бы чужды идеи добровольной и бескорыстной помощи. В настоящее время институт волонтерства популярен во множестве стран мира, становясь все более важным ресурсом развития общества. Добровольчество основано на идеях бескорыстия, человеколюбия и не устанавливает своей целью извлечение прибыли. Волонтерская деятельность способна принимать многообразные формы: от традиционных видов взаимопомощи до коллективного взаимодействия людей, направленного на предотвращение последствий стихийного бедствия, урегулирование глобальных конфликтных ситуаций, уничтожение бедности и тд. Наличие добровольческого (волонтерского) движения является одним из главных признаков развитого гражданского общества. На сегодняшний день волонтерская деятельность вошла во множество сфер жизни общества.

В словаре русского языка Ожегова С.И. слово "волонтер" синоним слова "доброволец". В Федеральном законе «О филантропии, меценатстве и волонтерстве» понятие волонтерство представлено как добровольческая деятельность, основанная на идеях бескорыстного служения гуманным идеалам человечества и не преследующая целей извлечения прибыли, получения оплаты или карьерного роста; получение всестороннего удовлетворения своих личных и социальных потребностей путем оказания помощи другим людям» [1].

Существует несколько направлений добровольческой деятельности:

- работа с нуждающимися слоями населения;
- выполнение общественных работ;
- организация общественных мероприятий и др.

При всем многообразии добровольческой деятельности, актуальным остается вопрос: как привлекать молодежь к занятию добровольчеством и что является основным мотивом участия студентов в волонтерской деятельности?

Анализ литературы показывает, на сегодняшний день многие исследователи отмечают, что основными мотивами заинтересованности человека в добровольческой деятельности являются:

Коллективное признание, понимание своей социальной значимости. Сущность данной мотивации состоит в необходимости индивида в высокой самооценке и в оценке со стороны окружающих.

Самовыражение и самоопределение. Возможность показать себя, заявить о своей жизненной позиции, найти свое место в системе социальных связей и общественных отношений.

Профессиональное ориентирование. Волонтерская деятельность помогает человеку, лучше ориентироваться в различных видах профессиональной деятельности.

□ Получение нужных теоретических и практических навыков в социальной сфере. Добровольчество способствует развитию коммуникативных способностей, лидерских качеств, инициативности, а так же умению активной защиты и отстаиванию прав и интересов.

□ Организация свободного времени. Не менее важным мотивом деятельности молодежи в добровольческой организации является возможность занятия свободного времени полезным делом.

На наш взгляд реализация личных возможностей, проявление своих творческих способностей и осуществление человеческого предназначения должны стать главными мотивами участия студента в общественно значимой деятельности.

В рамках данной тематики нами был проведен опрос студентов Алтайского государственного университета, обучающихся по направлению «Социальная работа», занимающихся добровольческой деятельностью. В результате исследования было выявлено что, основными мотивами участия студентов в добровольческой деятельности является:

- желание помочь людям
- «У каждого человека есть свои мотивы и причины, по которым он становится добровольцем. Я выбрала добровольческую деятельность потому, что в добровольчестве соблюдается ряд мотивационных признаков – это профессиональное ориентирование; желание помочь другим людям; знакомство с новыми людьми; сострадание нуждающимся; групповая работа с друзьями; желание почувствовать свою необходимость».

- возможность повысить свои коммуникативные качества
- «Добровольческая деятельность в жизни студентов занимает важное место, в том числе и у меня. Так как именно с помощью нее ты развиваешься как личность, познаешь себя и окружающих, помогаешь нуждающимся».

- поднятие самооценки и настроения в целом
- «Я много думала об этом и, похоже, мне просто нравится быть нужной. Возможность сделать что-то хорошее, что-то что оценят, одобряют. В какой-то степени это поднимает самооценку. Хотя даже простое спасибо поднимает настроение на весь день и воодушевляет на дальнейшую работу».

- «Я занимаюсь волонтерством потому что люблю помогать и быть в гуще событий, получать новый опыт, реализовывать себя именно в этой деятельности».

- получить практические профессиональные знания
- «Меня на занятие волонтерской деятельностью мотивирует возможность улучшить свои коммуникативные навыки, получить практические профессиональные знания, посетить новые места».

- желание проводить время в знакомом коллективе
- «Занимаюсь волонтерской деятельностью во-первых, потому что мне нравится проводить время со своей группой, а во-вторых, это приносит мне пользу».

- добровольчество – хобби
- «Я пошла в добровольчество, потому что, во -первых, это дает тебе определенный опыт, ты взаимодействуешь с людьми, во-вторых, добровольчество занимает большую, а иногда даже и всё свободное время. То есть получается, что по сути волонтерство - это моё свободное времяпровождение, мое хобби и увлечение».

Таким образом, привлекая студентов к волонтерской деятельности нужно создать для добровольцев такие условия работы, в которых они могли бы приобретать новые знания, навыки, умения; давать возможность волонтерам пробовать себя в новых социальных ролях; предоставить возможность само реализоваться и применить свои творческие способности; а так же помочь окружающим.

1. Федеральный закон «О филантропии, меценатстве и волонтерстве» - [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:<http://gov.cap.ru/hierarchy.asp>

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ СРЕДСТВАМИ МУЛЬТИПЛИКАЦИИ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Сторожева С.П., Микиденко Н.Л. (Новосибирск)

Аннотация. Мультипликация в современной культуре открывает новые возможности для визуализации этнического многообразия, изучения материальной и духовной составляющей культуры разных стран и народов, установления межкультурного диалога. В статье приводятся результаты исследования, целью которого стало выявление зрительского отношения к анимации как средству визуализации и трансляции этнических культур и ментальности.

Актуализация этнического как одного из маркеров культурного многообразия общества стала характерной чертой современного этапа развития общества. Интенсифицирующиеся межкультурные контакты (образовательная, досуговая, трудовая, политическая миграция) актуализируют потребность общества и человека в осознании и понимании оснований межкультурных взаимодействий, а также необходимость признания ценности культурного многообразия. Этнический «Другой», долгое время, играя роль способа формирования индивидуальной идентичности, сегодня, в условиях глобализирующегося мира, выполняет еще и роль социального конструкта, созданного стихийно или целенаправленно для мобилизации по этническому признаку, используемый этническими и политическими элитами, производителями товаров и услуг или другими заинтересованными субъектами. При этом этническое, будучи сферой глубоко эмоциональной, оказывается мощным идентификационным и мобилизационным ресурсом.

В условиях визуализации и массовизации современной культуры одним из каналов трансляции этнического многообразия становится мультипликация. В современной культуре анимация «создает коммуникативное пространство», в котором раскрываются различные стороны национальных культур. Функцию медиатора в этнокультурном диалоге берет на себя «этнографическая и фольклорная анимация, которая фиксирует и репрезентирует образы мировоззренческих и художественных систем и способствует установлению взаимоотношений и выстраиванию связей между представителями различных культур»[1, с.12].

В мультипликационных фильмах с привлечением этнографического и фольклорного материала используются разные элементы этнических культур: экранизации и адаптации народных сказок, песен, пословиц, легенд, мифов (т.е. вербальный материал); образы народного искусства; ленты об истории, национальных традициях, исторических личностях того или иного народа или сообщества [1, с.13].

А.А. Семенова отмечает также традиционное использование в киноискусстве, в том числе и в мультипликации, национально специфических образов (мифологические и национальные герои, национальные исторические памятные события), а также визуализацию восприятия мира персонажами через национальное религиозное мировоззрение[2].

Авторами было проведено исследование, целью которого стало выявление зрительского отношения к анимации как средству визуализации и трансляции этнических культур и ментальности. Задачи исследования – выявить информированность зрителей-студентов о возможностях анимационного кино в этнокультурной социализации, их оценки роли анимации в налаживании межкультурного диалога и познании своей и других культур, зрительских предпочтений при выборе анимационных сюжетов для просмотра. Исследование проводилось в сентябре 2016 года.

В пилотажном исследовании приняли участие 241 студент (64% юноши и 36% девушки) разных курсов, обучающиеся на факультетах технического, экономического и гуманитарного направлений Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики. Рассмотрим особенности респондентов как зрителей анимационного кино. В семьях 32% респондентов есть братья и сестры дошкольного и младшего школьного возраста, что позволяет высказать предположение, что они информированы о современном анимационном искусстве и его репертуаре. 90% опрошенных смотрят мультфильмы и согласны с тем, что мультипликация это «искусство для всех возрастов».

46% зрителей, участвовавших в опросе, смотрят мультипликационные фильмы на других языках. 16% респондентов утвердительно ответили на вопрос «Читаете ли Вы литературу о мультипликации?», а 40% знают сайты о мультипликации. По этим вопросам выявляется разница в ответах юношей и девушек. Юноши чаще смотрят мультфильмы на других языках (55% юношей

и 34% девушек) и интересуются сайтами о мультипликации (53% юношей и 19% девушек). Распределение ответов на эти вопросы представлено на рисунках 1 и 2.

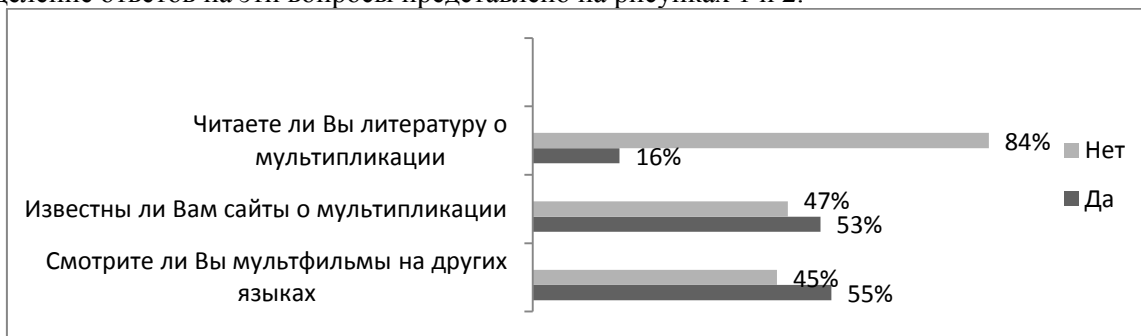


Рисунок 1. Распределение ответов на вопросы среди юношей

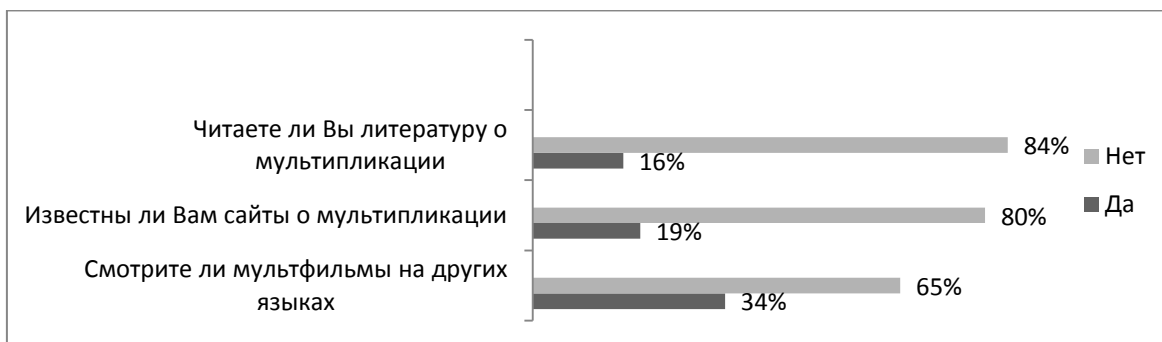


Рисунок 2. Распределение ответов на вопросы среди девушек

Для выявления факторов интереса и чувствительности к культурным особенностям мы поинтересовались у респондентов, обращают ли они внимание на отличия других культур в повседневной жизни. 44% респондентов ответили, что обычно обращают внимание на особенности других культур, 42% обращают на них внимание, когда это не совпадает с их представлениями и привычками. 13% респондентов выбрали подсказку «нет, я не обращаю на это внимания». Выражая свое отношение к культурным отличиям, 70% респондентов ответили, что они им интересны, так как помогают понять особенности своей культуры. 9% студентов признались, что культурные особенности усложняют общение между людьми, 20% отметили, что они их не замечают. Еще одним показателем интереса к другим культурам и опыта общения с другими культурами могут рассматриваться путешествия. На вопрос путешествуют ли они, 60% студентов ответили утвердительно.

На вопрос «Встречали ли Вы мультипликационные сюжеты, из которых Вы узнавали или подтверждали Ваши представления о других культурах?», «да» ответили 74% респондентов, 8% – выбрали ответ «нет», еще 18% затруднились ответить на этот вопрос.

На открытый вопрос назвать пять наиболее запомнившихся сюжетов, в которых нашли отражение черты той или иной культуры ответ дали 73% респондентов, однако многие из приведенных сюжетов можно рассматривать как этнографические только в очень широком аспекте. В качестве таких примеров приведем названные мультипликационные фильмы российского производства «Алеша Попович и Тугарин Змей», «Как Иванушка-дурачок за чудом ходил», «Сказка о рыбаке и рыбке», мультсериал «Лунтик», серия полнометражных мультипликационных фильмов «Три богатыря». Чаще в примерах приведены мультипликационные фильмы производства США, такие как Алладин, Анастасия, Белоснежка, Зверополис, Золушка, История игрушек, Красавица и чудовище, Ледниковый период, Маугли, Мадагаскар, Покахонтас, Рапунсель, Рататуй, Рио, Тайная жизнь домашних животных, Тарзан, Тимон и Пумба, Храброе сердце, Ясон и герои Олимпа. Еще одна группа сюжетов, которые были названы, это фильмы производства японских аниматоров Сайлор Мун, Наруто, Аниме как направление, отражающее особенности культуры.

При использовании этно-культурного материала для создания мультипликационных сюжетов исследователи выделяют различные подходы отражения этно-культурных особенностей и сюжетов: консервативный (или фиксационный) подход и интерпретационный подход. В рамках консервативного (или фиксационного) подхода прослеживается стремление сохранить образы народной культуры при переводе их в динамическое пространство экрана; а в рамках интерпретационного подхода в мультипликационных образах и сюжетах находит отражение переосмысление народного искусства, интерпретация его образов с их переносом в современную культуру [1, с.15].

Большинство названных студентами сюжетов может быть отнесено ко второму, интерпретационному подходу, где исторические и этнические особенности культур используются для развешивания сюжетов, имеющих более широкий, универсальный характер, а перед создателями стоит задача создания увлекательной и захватывающей истории. Перечень сюжетов показывает направленность зрительских предпочтений и достаточно низкую осведомленность с сюжетами, созданными в рамках фиксационного подхода.

Формирование культуры признания значимости культурного многообразия – это один из путей преодоления многообразных негативных практик межкультурного взаимодействия, когда этнический «Другой» рассматривается в категориях «конкурент» или «чужой». Мультипликация, в свою очередь, демонстрирует возможности диалога культур. Создавая визуальные образы этнических культур, мультипликация информирует, объясняет, транслирует позитивные этнические образы, способствует диалогу культур. При определенном расширении разнообразия мультипликационного репертуара особенно в рамках фиксационного подхода может быть расширено знание о культурах и созданы их положительные образы.

1. Кривуля Н.Г. Анимация как феномен культуры // Анимация и мультимедиа между традициями и инновациями: материалы V Международной научно-практической конференции «Анимация как феномен культуры», 7-8 октября, Москва, 2009 г. / сост. Кривуля Н.Г. — 2010.

2. Семенова А.А. Визуальная культура модернизированного социума. // Вестник Волгоград-ского государственного университета. – Серия 7. Философия. – 2012. – № 3. – С. 145-149.

ФЕНОМЕН ВОЛОНТЕРСТВА КАК СТИХИЙНОГО ПРОЯВЛЕНИЯ СОЛИДАРНОСТИ СРЕДИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Сушко В.А. (Москва)

Волонтерство как одно из проявлений добровольческой деятельности имеет огромную значимость для современного общества. Безвозмездная личная помощь добровольцев издавна являлась важной составляющей такого явления, как благотворительность, и признавалась как необходимое для развития направление общественно-полезной деятельности.

В последние годы волонтерское движение в русле проявления гражданских инициатив в России вышло на новый, более массовый, уровень. Одновременно с этим добровольчество стало для нашей страны больше, чем собранием небольшой группы заинтересованных лиц, составляющих определенную субкультуру равнодушных людей. В частности, из-за улучшения качества жизни и появления возможности вкладывать свободную часть имеющихся ресурсов – материальных (денежные средства) и нематериальных (время, физический труд).

Традиционно волонтерство определяется как форма гражданского участия, которая осуществляется добровольно на благо широкой общественности без расчёта на денежное вознаграждение. В настоящее время тенденция участия в общественно полезной деятельности особенно актуальна. В России ежегодно создаются новые благотворительные фонды, организации волонтеров и спонсоров, а также добровольческие отряды различных направлений. Особое распространение альтруистическая помощь получает посредством социальных сетей, на платформе которых и происходит стихийное объединение добровольцев с последующей организацией в группы и сообщества.

2013-й год был объявлен Годом Волонтера в Москве [1], что указывает на интерес, проявляемый официальными властями города к явлению добровольчества и проявлений альтруизма. Вместе с тем, данному событию не было оказано достаточно массовой

информационной поддержки, вследствие чего оно прошло незаметно для основной части населения.

Помимо этого, 2013-й год ознаменовался 150-летием гуманитарной деятельности Международного Красного Креста и Красного Полумесяца (в дальнейшем – МККК/КП), самой крупной мировой благотворительной организации [2]. Во многом благодаря её функционированию создаётся возможность решить многие социальные, экологические, экономические и другие проблемы. В состав Красного Креста входят миллионы добровольцев практически во всех странах мира, оказывающие помощь пострадавшим в ходе военных действий, природных и техногенных катастроф, а также беженцам и другим социально незащищённым категориям населения.

Современная молодёжь стала предметом изучения ввиду её набирающей обороты включённости в решение основных проблем российского общества. Молодые люди становятся проводниками морально-этических и гражданских ценностей. Обладая ценными ресурсами (свободное время, финансы, физическая сила и выносливость), а также важными психологическими характеристиками (коммуникабельность, стрессоустойчивость, доброжелательность), именно молодёжь получает возможность оказывать посильную помощь, индивидуально или объединившись в группы и организации.

В настоящее время объединение молодых людей с последующей их самоорганизацией для оказания помощи нуждающимся становится заметной тенденцией в обществе. Особенно ярко данный феномен стихийной массовой самоорганизации проявился во время чрезвычайных ситуаций, вызванных наводнениями последних двух лет (Краснодарский край – июль 2012 года, Дальний Восток – август 2013 года). Именно добровольцы смогли первыми организовать сбор гуманитарной помощи для пострадавших жителей, а также приехать непосредственно в зоны ЧС, чтобы оказать адресную помощь жертвам наводнений на местах.

На тот момент государство не обладало достаточными механизмами воздействия на группу самоорганизовавшихся волонтеров, поскольку не существовало даже законодательной базы, регулирующей деятельность добровольцев. Вследствие этого функционирование отдельных отрядов волонтеров зависело целиком от их руководителей или от совместно принятых коллективных решений.

Вопреки широко распространённому убеждению, что общественная жизнь должна быть полностью регламентирована законами и поддерживаться государственными органами управления, в любом обществе есть значительные «пространства», которые или не предусмотрены в законодательстве, или не поддаются регулированию, или мало интересуют государство. В них возникают низовые гражданские инициативы для решения возникающих проблем, в том числе, и для защиты чужих интересов.

Сегодня наблюдается тенденция роста внимания российской молодёжи к волонтерской деятельности. Так, заявку на оказание безвозмездной помощи в организации Олимпиады 2014 в Сочи подали свыше 180 000 россиян, из которых Оргкомитетом Игр в ходе конкурсного отбора было принято 25 000 человек [3]. Несмотря на отсутствие денежной компенсации и напряжённый рабочий режим, ожидающий добровольцев во время работы на олимпийских объектах, число желающих быть причастными к такому масштабному событию, как Олимпиада, весьма велико. Это связано, как нам кажется, с определённым престижем данного вида волонтерской деятельности (по сравнению, к примеру, с уходом за пожилыми людьми) и с политикой его государственной пропаганды.

Волонтерская деятельность включает в себя различные виды участия добровольцев, часть из которых не имеет позитивно сформированного имиджа и рассматривается зачастую как обслуживающая унижительная работа. К таким видам добровольчества можно отнести помощь по уходу за больными в хосписах и больницах, уборку уличных территорий от мусора и другие. И в этом отношении представляется важным принятие государством мер по пропаганде перечисленной деятельности именно среди молодёжи, обладающей всеми необходимыми ресурсами для осуществления описанными видами волонтерства. В настоящее же время посредством СМИ пропагандируются выгодные государству для экономии собственных средств виды добровольчества. Например, масштабный набор волонтеров для проведения Олимпиады в Сочи в 2014 году. Тогда как в задачи государства, а также общественных благотворительных организаций должна входить массовая популяризация добровольчества, пропаганда его идей и направлений, создание позитивного имиджа волонтера и развенчание мифов и стереотипов о волонтерской деятельности среди населения.

Доля молодёжи в структуре современного российского общества (по данным Росстата на 2012 г.) составляет 22% (всего – 31,6 млн. человек) [4]. Привлечение государством современной молодёжи к участию в волонёрской деятельности имеет огромный потенциал в связи со всё возрастающим масштабом задействованности молодых людей в решении социальных проблем и росту гражданской самоидентификации.

Актуальность исследуемой темы, помимо вышеперечисленного, заключается также в том, что за последнее время появилось множество новых гражданских инициатив (таких как «Общественное Движение Свободных Волонтеров», «Волонёрский Отряд Чистое Сердце», «Наблюдатели Петербурга», «РосПил» и т.д.), которые требуют изучения. Их появление говорит о росте популярности общественных движений, наличия множества нерешённых проблем в социальной сфере и, кроме того, о желании россиян быть социально активными.

Говоря о социальной составляющей добровольчества, можно выделить две главные цели движения:

- 1) формирование стабильности и сплочённости в обществе,
- 2) дополнение услуг, предоставляемых социальными программами в тех случаях, когда эти услуги нерентабельны, но необходимы обществу, либо оказываются государственными учреждениями в недостаточном объёме.

В настоящее время государство не в силах решить весь спектр имеющихся социальных и экологических проблем, поэтому особенно актуальным является привлечение к активному участию максимальное количество граждан. Огромное значение в этом процессе отводится именно волонтерам и общественным благотворительным организациям.

Помимо перечисленных общественных целей, волонёрское движение включает в себя цели, относящиеся лично к его участникам. Как показывает история российского и мирового добровольчества, участие в волонёрской безвозмездной деятельности способствует усвоению духовно-нравственных и моральных ценностей, положительным переменам в личности, решает задачу формирования будущей гражданской и патриотической позиции, а также способствует большей социализации индивидов.

В связи со всем вышеперечисленным, можно сделать вывод об актуальности исследования феномена волонёрства среди современной российской молодёжи как наиболее активной категории населения.

1. *Году волонтера в России – быть! Режим доступа – <http://kultura.mos.ru/press/news/1446541.html>. Дата обращения – 27.9.20137.*
2. *150 лет гуманитарной деятельности с национальными обществами Красного Креста и Красного Полумесяца. Режим доступа – <http://www.icrc.org/rus/resources/documents/photo-gallery/2013/150-years-national-societies.htm> - Дата обращения - 29.09.2017.*
3. *«Русский репортёр», № 45 (323) 14-21 ноябрь 2013, «Они записались в волонтеры», с. 54-55.*
4. *В России неуклонно снижается доля молодёжи. Режим доступа – <http://ria.ru/society/20130618/944031164.html>. – Дата обращения – 29.09.2017*

КАРЬЕРНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Сушко П.Е., Барсегян В.М., Перфильев Ю.С. (Москва)

В работе на основе серии биографических интервью с современной российской молодёжью анализируются ее карьерные стратегии и траектории в политической сфере. Внимание фокусируется на действующих моделях успеха в политике, на факторах продвижения по политической лестнице, а также на ключевых канал социальной мобильности, обеспечивающих входение молодых людей в сферу политики. Работа выполнена в рамках проекта РФФИ «Факторы карьерной мобильности в политической деятельности в современной России» грант № 17-33-01034.

В преддверии нового политического цикла в России изучение факторов карьерного успеха в политической деятельности приобретает особую актуальность. Возникает запрос на анализ существующих в политической системе каналов карьерного роста политических деятелей. Учитывая ограниченное количество элитарных позиций и значительное количество молодых людей желающих их занять, в политической сфере могут возникать серьёзные социальные

противоречия, нарушающие эффективность функционирования всей политической системы. По этим причинам наше исследование может иметь как теоретическую, так и практическую значимость.

Теоретическая значимость исследования заключается в восполнении существующей лакуны знаний о карьерной мобильности в политике, начиная со стадии первых проявлений политической активности молодыми людьми, планирующими строить политическую карьеру, заканчивая экспертными оценками уже состоявшихся политиков. Существующие в российской политологии работы политологического, психологического и социологического направления исследований карьерного роста будут дополнены новыми выводами с позиций изучения политической активности молодых людей. Практическая значимость исследования находится в сфере государственного и муниципального управления и направлена на совершенствование системы рекрутирования элиты и, вследствие этого, улучшение качества государственного управления.

В настоящем исследовании акцент будет сделан на анализе ключевых факторов успеха в политической деятельности молодежи, а также на изучении реальных жизненных траекторий политически успешных деятелей. В докладе будут проанализированы существующие способы построения политической карьеры, а также определены различия между традиционными и современными представлениями о составляющих политического успеха. На основе использования биографических интервью с представителями политически-активной молодежи будут раскрыты и уточнены особенности политической активности молодых людей в современной России.

Политическая деятельность является привлекательной для многих молодых граждан России. Интерес к политике у молодежи может проявляться не только в чтении политических статей или просмотре новостей, но и в публичной политической активности, ведении блогов, политических обсуждениях и дискуссиях. При этом реального карьерного успеха в политической деятельности добиваются лишь некоторые из молодых людей. Изучение различных стратегий и подходов к построению политической карьеры среди молодежи прольет свет не только на ряд принципиальных характеристик современных политических институтов, но и выявит основные препятствия и барьеры на пути движения молодежи по ступеням политической иерархии.

Несмотря на большое количество исследований, посвященных социальной мобильности молодежи, нет фундаментальных работ, анализирующих факторы карьерного продвижения молодых людей в политической сфере. Политическая деятельность, как и любая другая сфера профессиональной деятельности, предполагает постоянное движение людей по выстроенной в политической сфере иерархии. В этой связи любое изменение положения индивида в «политическом поле» (в частности, в системе государственной службы, работы в представительных органах власти) мы называем карьерной мобильностью. Карьерная мобильность формируется под влиянием ряда различных факторов, из которых политическая активность наиболее существенна. Однако наряду с этим и сама политическая активность формируется под влиянием различных условий и факторов, причем не обязательно одних и тех же. Эта сложная взаимосвязь карьерной мобильности, политической деятельности и политической активности обуславливает проведение научного исследования по данной теме.

Существующие на сегодняшний день исследования по формированию российской административной и политической элиты, в широком смысле, а также по факторам карьерного роста в политике, в более узком, являются, на наш взгляд, недостаточными. Проблема изучения факторов карьерного роста в политике в современной России напрямую связана с элитологическим направлением исследований, посвященным рекрутированию элит, изучению механизмов и каналов их формирования.

Центрами изучения процессов рекрутирования, как федеральных, так и региональных элит стали МГИМО (О.В. Гаман-Голутвина, Г.К. Ашин) и НИУ ВШЭ (Н.В. Петров, В.Г. Ледяев). Параллельно с московскими центрами возникли и стали развиваться самостоятельные школы в Санкт-Петербурге (А.В. Дука, Д.Б. Тев), Ростове-на-Дону (А.М. Старостин, А.В. Понеделков), Перми (О.Б. Подвинцев, В.П. Мохов). Элитологическое направление рассматривает карьерный рост в политике при помощи используемых для этого каналов (политические партии, органы власти, бизнес, НКО и др.) и механизмов (патронажный, меритократический, совместный опыт деятельности и др.). Соответственно, элитологи изучают в первую очередь как и каким путем происходит карьерный рост в политике.

Психологическое направление, представленное такими исследователями как Э. Шейн, Б. Швальбе, В.А. Чикер, С.М. Моор и др., рассматривает карьерный рост в политике как результат

личностного и профессионального развития человека. Личностное и профессиональное развитие происходит путем поиска более эффективных способов выполнения своей работы, выстраивания комфортной системы коммуникаций с коллективом, стремления выйти за пределы себя и т.д.

Политическую активность психологи изучают с точки зрения мотивации, осознанности, целенаправленности и эмоциональности молодых людей в своей деятельности. Таким образом, в психологическом направлении исследований карьерный рост человека идет тем быстрее, чем сильнее мотивация, выше уровень осознанности, его стремление искать новые пути развития и т.д.

Социологическое направление (П. Бурдые, Д. Хигли, Б. Рокмэн, Н.Ю. Лапина, А.Е. Чирикова и др.) фокусируется на структурных основах общества, социальных ролях и межгрупповом взаимодействии. С точки зрения социологов карьерный рост в политике осуществляется за счет принятия и следования определенным правилам взаимодействия внутри политической системы, включения в те или иные политически активные общности, а также соответствия поведенческим нормам, принятым в элитных слоях.

Следует отметить, что вопросы карьерной мобильности в целом являются достаточно подробно исследованными в мировой политической науке, однако многие из разработанных подходов и теорий так и не были применены на эмпирическом материале России. Наше исследование будет построено на основе синтеза всех трех подходов, но в применении к карьерной деятельности молодых людей в сфере российской политики.

МОЛОДЕЖНОЕ ДОБРОВОЛЬЧЕСТВО КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА ПРИМЕРЕ УЧАСТИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ

Тамразян Н.А. (Барнаул)

Добровольческая деятельность осуществляется на основе собственных побуждений, свободного выбора, а также является безвозмездной, значима как для лиц, на помощь которым она направлена, так и для тех, кто ее реализует, а так же для всего общества.

Анализируя характеристики добровольческой деятельности как открытой, принимающей, самоорганизующейся системы, исследуя потенциал добровольчества включаться в различные процессы, происходящие в современном обществе, выступать фактором адаптации и интеграции личности в социальную систему, выполнять функции активизации социальной активности личности, раскрытия ее возможностей и профессиональной направленности, не остается сомнений в том, что добровольчество обладает значимым инклюзивным потенциалом для всех вовлеченных в него людей [1, стр. 80].

Молодежь как особая социально-демографическая группа является своеобразным «ресурсом» общества: от того, какие ценности исповедует современная российская молодежь, к чему стремится, какие ставит перед собой цели, насколько поддерживает идеалы социальной справедливости и гражданской солидарности, напрямую зависит устойчивое развитие российского общества.

В Алтайском крае Алтайской краевой женской общественной организацией «Отклик» при участии добровольцев – студентов Алтайского государственного университета, в 2013 –2015 гг. был реализован ряд проектов, в том числе направленных на развитие молодежного добровольчества как фактора устойчивого развития современного российского общества.

В 2015 г. Алтайской краевой женской общественной организацией «Отклик» при участии добровольцев – студентов Алтайского государственного университета был реализован проект «Поддержка молодежных добровольческих инициатив в работе с детьми с ослабленным здоровьем», поддержанный грантом губернатора Алтайского края в сфере молодежной политики.

Проект позволил сформировать и обучить команду добровольцев, способных реализовать инновационную технологию клоунотерапии на территории Алтайского края. Была использована технология социокультурной и психологической помощи детям, страдающим синдромом госпитализма в результате длительного пребывания в медицинских и других государственных учреждениях [3, стр. 267; 4, стр. 306].

Проект был реализован в несколько этапов:

1этап: Был объявлен конкурс и произведен отбор молодых людей из числа студенческой молодежи, которые в дальнейшем прошли обучение на базе факультета социологии Алтайского

государственного университета. Тренерами проекта выступили преподаватели кафедры социальной работы АлтГУ.

2этап: Была создана страница в социальной сети, основной целью которых стало привлечение внимания молодежи г. Барнаула и Алтайского края к проблеме целевой группы проекта и информирование их о возможности участия в инновационном добровольческом проекте, тиражировании опыта уже реализованных мероприятий.

3этап: В рамках данного проекта был проведен праздник для детей «Доктор Клоун – Лечим Смехом!». Цель мероприятия заключалась в проведении площадок по социальной, психологической и культурной реабилитации детей, длительное время находящихся на лечении в больничных условиях, профилактика «синдрома госпитализма». На территории противотуберкулезного диспансера работало несколько площадок и мастерских. Руководителями площадок были обученные добровольцы – студенты. Центральной площадкой праздника стала «Веселая больница для Клоунов!». На этой площадке дети выступили в качестве врачей, которые лечили Клоунов (обученных добровольцев – клоунов), «страдающих» различными недугами. Такая смена ролей, «игра во врача» позволила ребенку почувствовать себя главным, ведущим, доминирующим над болезнью и способным «вылечить» клоуна, т.е. преодолеть недуг.

4этап: Итоги реализации данного мероприятия были представлены в СМИ г. Барнаула, на сайте Алтайского государственного университета, на созданной странице в социальной сети. После завершения праздника в качестве завершающего этапа была организована и проведена социальная акция, направленная на привлечение внимания молодежи Алтайского края к инновационной технологии поддержки детей с ослабленным здоровьем, распространены е буклеты «Доктор Клоун – Лечим Смехом!».

В процессе реализации проекта были отобраны 15 добровольцев, сформировано 15 «портфелей клоуна», а также обучена команда добровольцев – клоунов (15 чел.), которая в дальнейшем стала выходить для работы в различные медицинские и социальные учреждения Алтайского края.

Таким образом, опыт, полученный нами в процессе реализации социальных проектов Алтайской краевой женской общественной организацией «Отклик» при участии добровольцев – студентов Алтайского государственного университета, свидетельствует, что добровольчество формирует новую социальную реальность, к которой стремятся люди, ее создающие. Добровольческие инициативы – это один из путей формирования устойчивого, активного гражданского общества.

Добровольчество в современном российском обществе является дееспособным, ответственным и эффективным. Добровольчество способно приспосабливаться к изменяющимся социальным, политическим, экономическим условиям, своевременно реагировать на происходящие события, активизировать свой ресурсный потенциал и, как следствие, способствовать устойчивому развитию российского общества.

Сиротина Т.В., Просветлюк А.В. Социальная инклюзия людей с инвалидностью: возможности волонтерства // Сборник научных статей международной конференции «Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и образования», Барнаул, 20-24 октября, 2015. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 79 – 84.

2. Мыльникова А.В., Дронова Е.Н. Социокультурный экспресс «Семья+» – технология социально-культурной деятельности в Алтайском крае // Культура и образование. – 2014. - № 6. – Режим доступа: <http://vestnik-rzi.ru/2014/06/1958>.

3. Антонович И.В., Мазайлова Т.А. Технология «Доктор Клоун»: опыт использования, оценка, внедрения в практику деятельности учреждений Алтайского края // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. – Вып. 7 / Под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 266-270.

4. Миллер С.М., Сиротина Т.В. Творческие технологии в практике паллиативного ухода // Социология в современном мире: наука, образование, творчество: сборник статей. – Вып. 7 / Под ред. О.Н. Колесниковой, Е.А. Попова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 299-306.

ОРИЕНТАЦИЯ МОЛОДЕЖИ НА ПРОФЕССИЮ КАК МОТИВ ПОСТУПЛЕНИЯ В ВУЗ

Терентьев К.Ю., Кулешова А.В. (Петрозаводск)

Задача вуза – растить компетентных профессионалов, готовых и способных заместить вакансии на рынке труда. Но массовизация и гуманитаризация высшего образования ведут к усилению значимости статусной функции, состоящей в обретении обучающимися определенного образовательного статуса – как во время обучения, так и после него. Эти статусные различия система образования легитимирует выдачей дипломов, присвоением званий, степеней и т. д. (см., например, [1, 2]) Массовизация высшего образования как социальный факт фиксируется статистическими данными, описание различных эффектов этого явления, как позитивных, так и негативных, сделано ведущими исследователями сферы образования (см., например, труды Д. Л. Константиновского, А. А. Овсянникова, Т. Л. Клячко и др.). Данные наших опросов подтверждают этот факт. Три четверти одиннадцатиклассников школ Карелии планируют поступать в вуз, каждый пятый планирует учиться в ссузах (20 %) (ноябрь 2013 г., анкетирование, n=2 832). Опрос родителей одиннадцатиклассников позволяет сделать те же выводы (ноябрь 2014 г., анкетирование, n=1 394): подавляющее большинство опрошенных родителей (80 %) говорят, что их дети хотели бы продолжать свое образование в высшем учебном заведении. Но как много среди студентов тех, кто оказывается в системе высшего образования в первую очередь ради знаний, а кто для приобретения диплома? Попробуем ответить на этот вопрос, основываясь на результатах анкетных опросов, реализованных Лабораторией социологических исследований Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ) в 2012–2017 гг.

Ежегодные опросы первокурсников ПетрГУ позволяют нам выделить четыре основных образовательных стратегии студентов (2012–2016 г., 75–85 % от ГС). Кластерный анализ показал, что стратегии «Интерес к профессии» и «Бег за сертификатом» представляют собой чистые типы образовательной и статусных направленностей. Стратегии «Престижность профессии» и «Ориентация на рынок труда» занимают промежуточное положение в силу того, что носители этих стратегий, будучи заинтересованными в освоении профессии, все-таки в большей степени ориентируются не на собственный интерес и способности к ней, а на внешние факторы – престижность, уровень оплаты, спрос на рынке труда (подробнее см. [3]).

Образование входит в первую дюжину значимых для студентов ПетрГУ ценностей (февраль 2017 г., анкетирование, n=683), занимая, в целом, довольно высокую позицию: 86 % респондентов оценили значимость образования на семь и более баллов по десятибалльной шкале, 44 % на 9–10 баллов, соседствуя с любовью, работой и материальным благополучием. По результатам факторного анализа (КМО-тест 0,893; критерий Бартлетта $\alpha 0,000$; 7 факторов, 61 % объясненной дисперсии, вращение Варимакс). образование (0,638) оказалось в одной группе с такими ценностями, как реализация своих способностей (0,595), наука (0,555), профессионализм (0,553). Какой латентный мотив определяет значимость этих ценностей и объединяет их в одну группу? По всей видимости, это нацеленность на саморазвитие: образование и наука – инструменты для собственного развития и формирования профессиональной компетентности. Сопоставляя этот фактор с остальными, можно предположить, что он занимает промежуточное положение между терминальностью (фактор личностных общечеловеческих ценностей: семья, общение, любовь, дружба, здоровье; фактор свободы: независимость, свобода выбора, равенство, справедливость) и инструментальностью (фактор материального благополучия: наличие своего дома, материальное благополучие, престижная профессия, карьера, работа), при этом находясь ближе к инструментальному краю континуума (в силу наличия в этом факторе профессионализма, связи образования и профессии).

Но что студенты ожидают получить от образования: знания или диплом? Традиционный для внутривузовских исследований вопрос о причинах выбора направления подготовки показал, что две трети студентов (62 %) поступают вследствие наличия интереса к выбранной профессии. Все опросы студентов в ПетрГУ за последние 5–7 лет (особенно это касается опросов первокурсников) показывают подобный результат: 62–69 % (подробнее см. [2]). Можно ожидать, что остальные, не выказывая заинтересованность в избранном направлении подготовки, мотивированы самим фактом получения диплома и проявляют статусно-ориентированную образовательную стратегию. Для уточнения этой гипотезы сопоставим ответы на анализируемый вопрос тех, кто планирует по окончании ПетрГУ работать по специальности и тех, кому это не важно. Результаты опроса однозначно показывают ($\chi^2=240$, $\alpha 0,000$), что те, кто не планирует

работать по специальности (таких почти четверть, 23 %) значительно чаще указывали причины, демонстрирующие внепрофессиональную ориентацию: бесплатное обучение, удобное расположение вуза, низкий конкурс; и реже выказывали профессиональную ориентацию, в первую очередь, интерес к профессии.

Интересно, что выпускники вуза (июнь 2015 г., n=1573) также говорят, что доминирующим мотивом выбора направления подготовки был интерес к профессии (62 %). Но каждый десятый честно признается, что выбор был сделан исключительно, «чтобы иметь диплом о высшем образовании». В ближайших планах выпускников – поиск работы. Но четверть (24%) хотели бы продолжить обучение в магистратуре, а каждый пятый (19%) ориентирован на получение образования по другой специальности. Желание получить другое образование показывает, что хоть студентов в силу разных обстоятельств не устраивает получаемая специальность, они продолжают учиться, им оказывается важен сам факт наличия высшего образования, получение диплома.

Лишь у половины выпускников (51 %) в ближайших планах искать работу по специальности, еще каждый пятый говорит о планах найти любую работу. При этом среди наиболее значимых характеристик желаемой работы выпускники называют интерес к работе (71 %) и высокую оплату труда (70 %), возможность развиваться и повышать свою квалификацию (60 %), стабильность (55 %). Интересно, что лишь каждый десятый делает акцент на возможности быстро сделать карьеру (9 %) – видимо важнее сперва устроиться и начать зарабатывать, а потом уже можно задуматься о карьере.

Подытоживая, можно отметить, что образование занимает значимое место в структуре ценностей петрозаводской молодежи. Но воспринимается оно студентами как инструмент достижения жизненных целей – формировании себя как состоявшейся личности, утверждения на рынке труда, достижения материального благополучия, а не как самоценность. При этом значительная часть опрошенных все-таки реализуют свои образовательные стратегии посредством получения образования по интересной им специальности, хотя и доля «креденциалистов» достаточно велика.

1. Collins, R. *The Credential Society: An Historical Sociology of Education and Stratification*. / R. Collins. – New York. – 1979. – 222 p.
2. Чердынченко Г. А. *Образовательные траектории и профессиональные карьеры (на материалах социологических исследований молодежи)*. М.: ИС РАН, 2012. 332 с.
3. Терентьев, К. Ю. *Образовательные стратегии абитуриентов вузов: опыт построения классификации* / К. Ю. Терентьев // *Непрерывное образование: XXI век [Электронный ресурс]* (электронный журнал). – 2015. – №3. – URL: <http://lll21.petrso.ru/journal/article.php?id=2922>. – (29.04.2017)

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Томалинцев В.Н. (Санкт-Петербург)

Аннотация

Усиление экстремистских тенденций, активных действий международного терроризма остается одной из заметных проблем современного мира. В этих условиях возрастает роль исследований, связанных с изучением природы экстремизма, вопросами превентивной борьбы с ними и его новыми формами, такими как биологический и гипер-терроризм, террор с применением средств массового поражения и др.

В статье показано, что консолидация всех уровней профилактики экстремизма (политико-правовой, социальной, индивидуальной) возможно только при наличии обшей, фундаментальной теоретико-методологической основы. Сегодня такой научной основой становятся исследования в области экстремальных принципов развития и анализ их реализации в целостной структуре жизнедеятельности человека.

Усиление экстремистских проявлений и террористических действий в современном мире вызывает широкий резонанс как со стороны различных общественных и правительственных организаций в нашей стране, так и всего мирового сообщества. Проблематика, связанная с изучением природы экстремизма, вопросами противодействия этому явлению и борьбы с его новыми формами (включая биологический и кибертерроризм, террор с применением средств массового поражения), все чаще становится темой для обсуждения на крупных международных конференциях, симпозиумах, круглых столах [1, 2, 3]. Профилактика экстремизма, экстремистских настроений – важное звено в цепи мер по стабилизации общественной жизни, предотвращению и

предупреждению порочной экстремизации социума, существенный элемент антитеррористической деятельности. Международное сообщество выдвинуло основополагающие принципы сотрудничества в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Ими руководствуются и отечественные специалисты. Важнейшее положение среди них требует «неуклонно следовать общепризнанным принципам и нормам международного права, добиваться всеобщего осуждения и признания противоправности терроризма во всех его проявлениях» [4, с.6].

Следует отметить, что, хотя экстремизм в отличие от терроризма - явление более широкое и многозначное, наибольшее количество публикаций посвящено именно проблеме терроризма. Во многом объясняется это тем, что, по словам Т.С.Бояр-Созонович, «терроризм выступает скорее как крайняя форма, логическое, но не обязательное развитие экстремизма» [5, с.28], т.е. как крайность самой крайности (вспомним, что слово «экстремизм» происходит от лат. *extremum* – край). Таким образом, терроризм предстает наилучшей иллюстрацией сложного и опасного процесса утончения, усложнения, усиления зла, разворачивающегося посредством структурирования крайних, чрезвычайных состояний в условиях, когда одна крайность порождает другую.

По наблюдению криминалистов, террористы добиваются своих целей тремя основными методами: психологическим воздействием; физическим давлением; нанесением материального ущерба. Известно, что цели совершения террористических акций отражены в диспозиции соответствующих статей УК РФ. Однако проблемы возникают уже на уровне правоприменительной практики, где также требуется ужесточение норм контроля. Сегодня открыто признается, что настало время не только изучать процесс нарастания экстремистских и террористических действий, но и уточнять, укреплять правовую базу для легитимизации мер антитеррора [6, с.553], поскольку «санкции, предусмотренные соответствующими статьями УК Российской Федерации за совершение преступлений террористического характера, не соответствуют тяжести и опасности названных деяний, что должно быть исправлено законодателями» [7, с.20].

Вместе с тем, многие специалисты разделяют позицию Л.А.Баширова, указавшего на то, что в процессе решения вопросов, связанных с экстремизмом и терроризмом, «возникают трудности из-за отсутствия понятийного аппарата, пригодного для исследования этих социальных явлений», что, в свою очередь, объясняется «некоторой ограниченностью, односторонностью старых теорий экстремизма» [8, с. 7].

В советский период отечественную литературу, обращенную к проблемам экстремизма (включая терроризм), отличал преимущественно пропагандистский характер, отчасти, по причине общего стремления к политизации и идеологизации проблемы, отчасти, из-за отсутствия фундаментальных теоретических исследований по данному вопросу.

На этом фоне естественными выглядели попытки объяснить возникновение экстремистского сознания исключительно влиянием социально-политических и идеологических условий или отклонениями в психическом здоровье.

Между тем, среди объективных причин возникновения экстремизма справедливо указывалось на социальные процессы и сдвиги, миграцию, урбанизацию, обострение экологических и демографических проблем, резкую ломку традиционных стереотипов и социально-нравственных ориентиров, образа жизни и связанные с этим трудности психологической адаптации. Неоднократно отмечалось, что особую роль здесь играет информационный взрыв, в котором современная пресса, литература, кино, телевидение, радио выполняют весьма сомнительную роль, эстетизируя и романтизируя экстремизм различного толка.

До недавнего времени общепринятая практика борьбы с экстремизмом и особенно с терроризмом, осуществляемая на политическом уровне, сводилась к мерам прямого действия. Применялись задержание, аресты и тюремное заключение террористов, физическое устранение или убийство руководителей и членов террористических групп, разгром и уничтожение самих террористических организаций. Однако опыт показывает, что уцелевшие террористы создают новые организации, на новом месте, предпринимая «более изощренные меры для собственной безопасности» [9, с. 150].

В условиях постоянного изменения и «усовершенствования» форм и методов террора в литературе высказываются порой неожиданные и весьма оригинальные мысли о путях его нейтрализации и устранения.

Существует мнение, что борьба с терроризмом и экстремизмом должна проводиться совместно со средствами массовой информации, которая обеспечивается хорошо известными и

достаточно разработанными методами нейро-лингвистического программирования, т.е. контрпропагандой. Одновременно выражается сожаление, что сейчас борьба с терроризмом и нейро-лингвистическое программирование проходят по разным ведомствам и не скоординированы [9 с.151-152].

Споры о степени негативного воздействия средств массовой информации на нравственное состояние общества не утихают до сих пор. Напротив, они приобретают все более острый характер в связи с процессом децентрализации источников информации, возрастанием в них элементов агрессивности и аморализма [1]. Современные дискуссии о роли СМИ группируются вокруг новых объективно складывающихся явлений и проблем. Таких, например, как Интернет и Интернет-зависимость. По признанию отечественных специалистов, данные вопросы пока не имеют единого решения, т.к. в настоящее время меры по профилактике Интернет- (шире медиа-) зависимости практически не разработаны. Встречаются лишь отдельные ссылки на то, что «в ряде зарубежных работ предлагается использовать для профилактики Интернет-зависимости online психотерапию [10, с.67].

В целом справедливым представляется вывод о том, что «сегодня требуется специальная федеральная целевая программа обеспечения информационной безопасности государства, которая предусматривала бы подготовку специалистов в этой сфере. Кроме того, необходимо определить перечень информационных систем, где государство должно нести полную ответственность за их охрану» [7, с.23]. В данном случае, используя СМИ в своей профилактической деятельности по предотвращению преступности и экстремизма, государство, с одной стороны, должно строго контролировать деятельность СМИ с позиций обеспечения информационной безопасности государства и общества, с другой -соблюдать права и интересы личности [7, с.23].

Профилактические направления в политической и юридической практике неразрывно связаны с проблемами предупреждения этнополитического экстремизма, которые неотделимы от общих проблем национальной политики. Чтобы противостоять экстремизму в многонациональной и многоконфессиональной среде, соответствующие профилактические программы должны разрабатываться в русле концепции национальной политики [11, с. 19]. Вместе с тем, как считает А.С. Киреев: «Принципиально важно при формировании национальной политики одновременно учитывать два фактора: с одной стороны, уважать и задействовать национальную специфику, при максимальном удовлетворении национальных интересов каждой этнической группы, использовать преимущества этнической самобытности; с другой стороны, максимально использовать преимущества кооперации и интеграции в рамках единого государства» [11, с.20].

Говоря об особенностях борьбы с экстремизмом на политико-правовом уровне, нельзя не предостеречь от подмены таких явлений и понятий, как «тираноборчество» и «терроризм», «протестные экстремальные действия» и «экстремизм». Отсюда вытекает одно чрезвычайно важное требование к системе социально-правовой помощи и охраны, чтобы она «срабатывала своевременно и охватывала все нуждающиеся в такой помощи семьи» [12, с.92]. Заметным тормозом в борьбе с экстремизмом (как на социальном, так и на политическом уровне) остается отсутствие в Российской Федерации комплексного государственного механизма по обеспечению занятости молодежи. Во многом это провоцирует крайне негативные явления в самой молодежной среде – преступность наркоманию, экстремизм [12, с.95].

На социальном уровне система мер профилактики экстремизма в большей мере ориентирована на молодежь. И в данном случае само понятие «профилактика» может быть сведено к его синонимам – «превенция» и «предупреждение».

По мнению ряда авторов, «для современного исторического момента характерна попытка подростков приспособиться к правилам жестоких игр, в которые играют взрослые, когда наркотизация, проституция, криминализация несовершеннолетних превратилась в инструмент в руках циничных, как правило, асоциальных представителей общества. Подростки пытаются приспособиться к условиям существования в этой среде, уцелеть и выжить» [4, с.38]. Специалисты, разделяющие беспокойство за молодежь, считают, что опасность дегуманизации подрастающего поколения нарастает. Их тревожит антигуманность, снижение этических, нравственных критериев, усиление инфантильных тенденций у детей и подростков. По их мнению, «Волна насилия и преступности среди учащихся не спадает... Прослеживается стремление самоутвердиться за счет более слабых сверстников или даже взрослых людей путем их устрашения или с помощью насилия. Такое поведение можно квалифицировать как «бытовой терроризм... Изъяны в духовном становлении учащихся – результат многих слагаемых. Здесь и

неблагоприятные семейные и социальные условия, и массовая культура с ее насилием и жестокостью, и, наконец, проблемы школьного воспитания...» [4, с.15].

Проблема легитимизации опасных форм отклоняющегося поведения справедливо увязывается с радикальными социокультурными изменениями, произошедшими в России за последние 15-25 лет. И, прежде всего, с возникновением аномии, системным кризисом традиционных культурных норм, деградацией институтов социализации, разрушением системы межпоколенной преемственности, с криминализацией и коммерциализацией общественной жизни. Вопросы, связанные с философско-правовыми, социокультурными, нравственно-психологическими аспектами процесса делегитимизации девиантного и экстремистского поведения в современном российском обществе, приобрели насущный характер. В этих обстоятельствах нельзя не согласиться с суждением о том, что «для современного российского общества становится как никогда актуальным обращение к истокам отечественной культуры и их соотнесение с современными социокультурными ориентирами...» [13, с.3], как и с тем, что «этническое «размывание» ведет к маргинализации личности и общества, служит питательной средой для проявления экстремизма и является одной из глубинных причин межэтнической напряженности» [14, с.3].

В современных условиях тотальной конкурентной борьбы, перед лицом глобальных экономических, экологических, технотронных угроз возникает необходимость в новых разработках общенаучных и философско-методологических основ наиболее осознанных, благоразумных, оптимальных форм поведения человека. Такие формы поведения должны быть противопоставлены процессу грубой, прямолинейной экстремизации потребительского сознания, т.е. тем экстремистским тенденциям, которые нацелены на максимизацию накопительства (стяжательства), безудержных наслаждений, бесконтрольной власти.

В последнее время анализ основных факторов и законов оптимизации, осуществляемый в контексте исследований проблем саморазвития, скрытых механизмов самоорганизации в системе человеческой жизнедеятельности, выделил самостоятельные области знания – оптимологию [15, 16] и социальную экстремологию, призванные рассмотреть проблемы современного человекознания с учетом экстремальных факторов, экстремальных (вариационных или оптимальных) законов и принципов развития. В частности, социальная экстремология обращается к вопросам, обусловленным неуклонным усложнением человеческой деятельности, к вопросам, связанным с жизнедеятельностью человека в экстремальных условиях, закономерностям и противоречивой специфике его поведения, его предельным возможностям и способностям адекватно реагировать на возрастающие требования окружающей действительности, характеру и специфическим особенностям экстремальных состояний в самом широком диапазоне [17-18].

Примером конкретных исследований в области социальной экстремологии служит комплексное изучение проблем экстремизма, соответствующих экстремальных ситуаций и состояний, которые с начала 90-х годов проводились в НИИКСИ СПбГУ и ныне ведутся на факультете социологии под руководством профессора А.А.Козлова, с участием автора этих строк. Результаты данных исследований опубликованы в целом ряде статей и монографий [19-27].

Последние исследования показывают, что важнейшими компонентами террористической деятельности являются свойства личности террориста и мотивы его действий. Сегодня все больше фактов, убеждающих в том, что предпосылки экстремистского поведения находится в самом человеке и зависят от психо-физиологической конституции индивида. В свое время В.В. Витюк и С.А. Эфириков предложили абстрактную цепочку: «экстремистский тип личности со специфическим сознанием или скорее мироощущением, затем вырастающее на этой почве экстремистское мышление и, наконец, создаваемые им экстремистские модели» [28, с.267]. Безусловно, окружающие условия воздействуют на процесс. Они могут сдерживать, ускорять или частично нейтрализовать его. «Но логика движения по экстремистской «трассе» непреложна. Экстремизм неизбежно переходит от идейного и морального ригоризма к крайнему этическому релятивизму и даже цинизму» [28, с.263]. Об этом следует помнить, как при теоретическом осмыслении экстремистских форм поведения, так и при выработке практических моделей его профилактики.

Социальная экстремология рассматривает экстремизм в ряду экстремальных устремлений человека, но как антитезу, антипод творчества. Предельно кратко основные выводы социальной экстремологии в этой части можно свести к следующему.

Истоки экстремизма, как и любой другой способности, лежат в природных свойствах субъекта, в особенностях его нервной системы, в особенностях организации его психики и эмоционально-чувственной сферы. В отличие от экстремальных творческих способностей, где

степень таланта определяется остротой восприятия и переработки информации, экстремистские способности, напротив, отличаются степенью порога невосприимчивости, нечувствительности к тем или иным переживаниям и чувствам, то есть мерой отчуждения в сфере эмоциональной культуры.

Как творческие (экстремальные), так и экстремистские способности даны человеку в задатках, которые в процессе жизни, в зависимости от условий, могут быть раскрыты частично или полностью, либо в большей или меньшей мере сняты.

Таким образом, человек постоянно находится как бы между молотом и наковальней: между влиянием внешней среды (социокультурный фактор) и воздействием собственной природы (психофизиологический фактор). При изучении экстремумов человеческого существования, при анализе взлетов и падений человеческого духа необходимо учитывать оба эти момента в их тесном взаимодействии.

С целью профилактики экстремистских проявлений, иных склонностей к отчужденному поведению необходимо по возможности уже с раннего возраста выявлять индивидуальное предназначение каждого отдельного ребенка. В этих условиях основной задачей воспитания и образования, процесса социализации в целом, является максимальное раскрытие позитивных задатков человека и снятие, нейтрализация задатков негативной направленности, т.е. оптимизация индивидуального развития. При этом оптимум нужно понимать как «такое состояние системы, которое экстремально по главной (оценочной) характеристике и соответствует мере (золотой середине) по второстепенным характеристикам» [30, с.232]. Данное определение оптимальности ориентирует на выделение основных компонентов целостного мировоззрения в структуре ценностных и общественных идеалов.

В настоящее время многими странами началось осуществление национальных проектов развития нанотехнологий. Предполагается, что на базе нанотехнологий будут созданы предпосылки перехода к наносообществу – новому типу биосоциотехнической системы, целью которой является реализация экстремальных принципов в жизнедеятельности индивидов. «Данная тенденция, – указывает А.А.Давыдов, – обусловлена общесистемным принципом, действующим в технических и социальных системах, а именно, принципом минимакса, в данном случае, минимизацией размеров изделия при одновременном увеличении функций изделия. В этой связи, – добавляет автор, – принцип минимакса является одним из принципов оптимальности и обобщает экстремальные принципы, на основе которых функционирует общество» [30, с.122].

Активное обращение к экстремальным принципам в сфере человекознания имеет и иной прогностический аспект. Новый уровень технологий неизбежно влечет за собой и новый уровень экстремизма и преступности. По оценкам экспертов «принципиально новые возможности нанотехнологий для увеличения продолжительности жизни людей, кардинального изменения Природы, невидимого наблюдения за частной жизнью граждан, несанкционированного или даже преступного манипулирования нанотехнологиями со стороны государственных органов власти и рост индивидуализма настоятельно понуждают к разработке наноэтики, которая будет базироваться на некоторых системных постулатах существующей в наше время биоэтики» [30, с. 123].

Нельзя не поддержать мнение Т.С.Бояр-Созонович о том, что «в основу системы борьбы с терроризмом должен быть положен четкий, единообразно понимаемый, категориальный аппарат, на базе которого была бы возможна разработка универсального международно-правового документа» [5, с. 150]. Более того, консолидация всех уровней профилактики экстремизма (политико-правовой, социальной, индивидуальный) вероятна только при наличии фундаментальной объединяющей теоретико-методологической основы. Сегодня научной основой для этого становятся исследования в области экстремальных принципов развития и анализ их реализации в целостной структуре жизнедеятельности человека, а также тот категориальный аппарат, который вырабатывается при данном подходе.

1. Актуальные вопросы исследования и профилактики экстремизма. Материалы Международной научно-практической конференции / Под ред. А.А.Козлова. СПб, 2004.

2. Экстремизм и средства массовой информации. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. / Под ред. В.Е.Семенова. СПб., 2006.

3. Девияция и делинквентность: социальный контроль. Сб. материалов междунар. конф. В 2-х т. / Под ред. З.Х.Саралиевой. Н.Новгород, 2006.

4. Профилактика агрессивных и террористических проявлений у подростков. Метод. пособие / С.Н.Ениколопов, Л.В.Ерофеева, И.Соковня и др. / Под ред. И.Соковни. М., 2002.
5. Бояр-Созонович Т.С. Международный терроризм: политико-правовые аспекты. Киев; Одесса, 1991.
6. Илларионов С.И. Террор и антитеррор в современном мироустройстве. М., 2003.
7. Ансимов Ю.Н. Терроризм как объект профилактического воздействия государственных органов в борьбе с преступностью. Автореф. канд. дисс. Ун-т МВД России. СПб., 2004.
8. Власов В.И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика. Учебно-метод. пособие / Под общ. ред. Р.Г.Абдулатипова. М., 2003.
9. Ачильдиев И. Толпа рождает террор. Террор рождает толпу. Hannover, 2000.
10. Агрессия и наркомания: причины и следствия терроризма. Метод. пособие по профилактике агрессивности и употребления психоактивных веществ / Сост. И.И.Соковня и др. М., 2006.
11. Киреев А.С. Политико-правовые основы профилактики этнополитического экстремизма в российской Федерации. Автореф. канд. дисс. Рос. академия госслужбы. М., 2003.
12. Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодежи Дона / Под ред. А.С.Зайналадидова и В.В.Черноуса. Ростов-н/Д., 2003.
13. Таранова А.Е. Социокультурные механизмы ценностной легитимизации девиантного поведения молодежи. Автореф. канд. дисс. Белорусский госуниверситет. Белгород, 2007.
14. Язева Л.К. Традиционная русская культура как основа формирования национального самосознания молодого поколения. Автореф. канд. дисс. СПб. гос.университет культуры и искусств. СПб., 2004.
15. Разумовский О.С. Оптимология. Ч.1. Общенаучные и философско-методологические основы. Новосибирск, 1999.
16. Кютина Т.Н., Разумовский О.С. Принципы оптимизации человеческой деятельности. Философско-методологические аспекты. Красноярск, 2004.
17. Томалинцев В.Н., Козлов А.А. Введение в социальную экстремологию. СПб., 2005.
18. Томалинцев В.Н. Экстремаль России: Прогноз развития. СПб, 2007.
19. Молодежный экстремизм / под ред. А.А.Козлова. СПб, 1996.
20. Томалинцев В.Н. Человек на рубеже тысячелетий: Парадоксы духовного развития: Опыт исследования феномена изоэтрности в культуре и творчестве. СПб, 1999 (2001).
21. Феномен экстремизма / под ред. А.А.Козлова. СПб, 2000.
22. Томалинцев В.Н. Человек в XXI веке: поиск на грани творчества и экстремизма. СПб, 2001.
23. Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и проблемы профилактики /Под ред. А.А.Козлова. СПб, 2003.
24. Козлов А.А., Теплов Э.П. Терроризм в молодежном сознании: угроза и вопросы безопасности. СПб, 2007.
- 25.Томалинцев В.Н. Типы личности и война между ними. СПб, 2014.
- 26.Томалинцев В.Н. Экстремизм в системе координат культуры. СПб, 2016.
27. Социальная экстремология: Хрестоматия / автор идеи и составитель В.Н.Томалинцев. СПб, 2016
28. Витюк В.В., Эфиров С.А. Левый терроризм на Западе: История и современность. М., 1987.
29. Асеев В.А. Экстремальные принципы в естествознании и их философское содержание. М., 1977.
30. Давыдов А.А. В преддверии нанообщества // Социологические исследования. 2007. №3, с. 119-125.

ВОВЛЕЧЁННОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ СРЕДНИХ ШКОЛ В КУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Торопенко Д.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация

В данной статье рассмотрена вовлечённость выпускников средних школ в культурную жизнь городской среды. Проанализированы характерные особенности культурных запросов девушек одного возраста (на примере двух интервью). Так же был выявлен разный уровень развития культурной жизни в крупном и очень маленьком городах. Выявлена схожесть интересов, обусловленная использованием интернет-пространства. Были использованы такие эмпирические методы сбора данных, как социологическое интервью и анализ документов.

В данной статье хотелось бы рассмотреть вовлечённость современной молодёжи в культурную жизнь городской среды. Для получения эмпирических данных было опрошено два

респондента из двух разных городов: один город располагается в Российской Федерации, а другой- на территории Казахстана. В качестве респондентов выступали первокурсники социологи Санкт-Петербургского государственного морского технического университета.

Респондент 1 представляет город Остров. На первом этапе собирались данные о культурной инфраструктуре города (интернет -ресурсы), затем проводилось интервью с целью выявления вовлеченности в неё респондентов. Итак, город Остров находится Псковской области, является административным центром Островского района. Население приблизительно около 20,5 тысяч. Здесь имеется ГБУК – Военно-исторический музей заповедник Псковской области. В Острове был снят кино-сериал – «Крик Совы». В нескольких километрах от Острова, на берегу озера - Гороховое, располагается лыжный и биатлонный центр «Юность», являющийся в настоящее время основным местом подготовки ведущих лыжников и биатлонистов России на территории страны в летнее время.

Со слов респондент 1: «Город Остров не особо развивался в культурном плане. В основном проводились такие мероприятия, как День Города, День Молодёжи, 9 мая. В этом году 9 мая проводилось на более высоком уровне, демонстрировались все войска города, проводились различные акции. На День молодёжи ежегодно устраиваются в парке культуры и отдыха – конкурсы. Не так давно, отреставрировали старый музей и построили новый. В 2017 году был построен новый стадион, где теперь смогут проводить спортивные мероприятия. Впервые в этом году на главном стадионе был проведён фестиваль красок. Конечно, мероприятие было не столь масштабным, как в крупных городах, но весело. На праздник были приглашены хорошие диджеи и интересные ведущие. К сожалению, в городе нет ни одного кинотеатра. Имеется центр культуры, где так же проходят городские мероприятия, выступают команды различных объединений. Например, проводится «Мисс Весна». Второй год проводится «Минута Славы»».

Респондент 2 представляет город Алматы. Ранее, город назывался: Алма-Ата, что в переводе с Казахского означает – «Отец яблок». Совсем недавно, город был переименован в Алматы. По данным на 1 июня 2017, население города составляет - 1 768 303 человека. Алма-Ата по праву считается культурным центром республики. В Алма-Ате имеется 270 организаций культуры. В том числе 10 театров, 7 концертных залов, филармония, 11 оркестров, 13 ансамблей. В Алма-Ате действуют 32 музея, 20 художественных галерей, 39 библиотек, 2 Дома детского творчества. 115 памятников истории, архитектуры и монументального искусства. Работают 18 кинотеатров, цирк, 920 спортивных сооружений, множество ночных клубов, ресторанов и других развлекательных заведений. В Алма-Ате расположена крупная киностудия «Казахфильм», а также другие малые частные студии кинопродакшена.

Алма-Ата получила право на проведение зимних Азиатских игр в 2011 году. Для зимних Азиатских игр в Алма-Ате был построен целый ансамбль современных арен: ледовый стадион с 400-метровой дорожкой, лыжный и биатлонный стадионы, новая горнолыжная база, 90- и 120-метровый трамплины с трибунами на 20 тысяч зрителей, санно-бобслейная трасса.

В Алма-Ате остаются «снежные» дисциплины — бег на лыжах, горнолыжный спорт, прыжки на лыжах с трамплина, биатлон, спортивное ориентирование на лыжах. А также хоккей с мячом в том случае, если этот вид спорта останется в программе Азиатских игр. В Алма-Ате прошла и официальная церемония закрытия. Город выдвигал свою кандидатуру на проведение Зимних Олимпийских игр в 2014 году, но не прошёл первый раунд отбора из-за загрязнённости атмосферы.

Респондент 2, отметила наиболее интересные мероприятия, на которых ей удалось побывать. «В связи с названием города и большим количеством выращиваемых яблок, проводятся разные фестивали яблок. Также очень часто проводятся фестивали и концерты с этнической музыкой. Несколько лет проводится фестиваль FourЭ».

Ещё в Казахстане большое внимание уделяется культуре соседних стран. Поэтому проводятся всякие ярмарки. В общем очень много таких событий, туда ходят как взрослые люди, так и молодёжь. У нас тоже есть свой Арбат, где постоянно стоят художники, показывают свои картины, поют уличные музыканты. У нас имеется где-то 18 кинотеатров, 19 театров. Театры абсолютно разные: детские, взрослые, кукольные. Есть русский театр им. Лермонтова (мой любимый), немецкий драматический театр, корейский театр, уйгурский театр, казахский театр. Там показывают представления на соответствующих языках. Я сама очень люблю театры, мы часто ходили с друзьями. У нас часто проводятся концерты, как казахстанских, так и российских и зарубежных исполнителей. Этим летом проводился фестиваль Selfie Fest, на котором я была. Там было построено много разных площадок для креативных фотографий. Также была детская зона,

где всякие настольные и компьютерные игры были представлены в реальном размере (Дженга, angry birds и др.). Располагались и палатки с разными необычными напитками и едой. И все это сопровождалось живой музыкой»

Проведя данное исследование, мне удалось сравнить два разных города, узнать их культурную жизнь, изучить интересы современных выпускников. Здесь не трудно выделить существенные различия в культурной жизни городов. Чем больше город, тем больше возможностей культурно просвещаться, заниматься спортом и получать образование. Хотелось бы отметить, что и маленькие города всё-таки пытаются культурно обогатить своё молодое население, пусть и не такими огромными шагами. Дополнительные культурные возможности молодежи маленьких провинциальных городов дает интернет-пространство. В этом плане социальные сети играют конструктивную просвещенческую и объединительную роль, чем и объясняется выявленная схожесть культурных запросов нынешних выпускников школ. В фокусе их участия в культурном секторе своего города - массовые зрелищно-развлекательные, спортивные и патриотические мероприятия.

1. *Официальный сайт Островского района [Электронный ресурс] / Портал муниципальных образований Псковской области, 2010–2017 . — Режим доступа: <http://ostrov.reg60.ru/>, свободный.*

2. *Официальный интернет-ресурс города Алматы [Электронный ресурс], 2005-2017. — Режим доступа: http://almaty.gov.kz/page.php?page_id=4195/, свободный.*

ВОСПРИЯТИЕ МОЛОДЫМИ РОССИЙСКИМИ РАБОЧИМИ СВОЕГО СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ.

Фадеев П.В. (Москва)

В докладе представляется социальный портрет молодого российского рабочего в сравнении с другими группами молодёжи: молодыми специалистами с высшим образованием, служащими и работниками сферы обслуживания. На основе данных «Второй» и «Четвёртой волн» ИС РАН, «24 волны» РЛМС исследуются: оценка молодыми рабочими разных сфер своей жизни, удовлетворённость жизнью, работой и материальным положением.

Кризис 90-х годов XX века коснулся многих сфер общества. Тяжелый удар пришелся на сферу промышленного производства: закрывались заводы, вовремя не выплачивалась зарплата, рабочие выходили на забастовки. Как и многие жители России, рабочая молодёжь столкнулась со многими проблемами, вынуждавшими уходить из профессии и искать другие способы заработка: занятость молодых людей в отраслях материального производства постепенно сокращалась – в 1990 году было занято 80% работающей молодежи, в 1994 году – 60%, в 1999 году – 44%, в 2014 году – 34%. Как отмечают Ю.А. Зубок и В.И. Чупров, к началу 90-х годов резко обострилась проблема профессионального самоопределения, а подавляющее большинство рабочих (более 80%) достигало профессиональной зрелости и экономической самостоятельности лишь к 30 годам, то есть уже за пределами молодежного возраста. Высокий уровень профессионального статуса по таким показателям как квалификация, заработная плата, удовлетворенность работой отмечался лишь у десятой части молодых людей [1, с. 58]. С таким багажом трудовая молодёжь вступила в начало XXI века. Какие-то структурные проблемы были преодолены (имел место рост зарплат), какие-то сохранились (невысокий статус рабочих профессий), и влияют на социальное самочувствие и установки рабочей молодёжи.

Взяв за основу массив «Второй» и «Четвёртой волн» ИС РАН (рук. М.К. Горшков), попытаемся выяснить, как российская рабочая молодёжь выглядела на фоне молодых специалистов с высшим образованием, служащих и работников сферы обслуживания. В рамках опроса задавался большой блок вопросов, касающийся разных сфер жизни и социального самочувствия: материальной обеспеченности, питания, состояния здоровья, отношений в семье и т.д. Мы более подробно остановимся на оценке «хорошо», указывающей на положительное восприятие разных сфер жизни рабочими (см. табл. 1).

Таблица №1.

Самооценка состояния российских рабочих и других групп молодёжи в разных сферах жизнедеятельности, % от опрошенных*

Положительная оценка разных сторон	Профессиональные группы
------------------------------------	-------------------------

жизни	Рабочие	Специалисты с высшим образованием	Служащие	Рядовые работники сферы услуг
Отношения в семье	59,9	72,8	63,1	61,5
Возможность общения с друзьями	54,6	64,6	53,7	56,7
Состояние здоровья	48,5	58,3	55,0	46,1
Питаетесь	38,8	51,1	44,0	40,3
Жилищные условия	37,4	41,7	35,6	30,2
Жизнь в целом складывается	34,4	47,8	40,9	33,2
Оценка места, региона, в котором Вы живете	31,8	41,9	39,9	38,5
Уровень Вашей личной безопасности	30,1	35,4	35,9	28,2
Возможность проведения досуга	29,5	35,4	39,9	29,0
Ситуация на работе	28,0	37,2	32,6	24,7
Ваше положение, статус в обществе	27,5	40,0	36,6	28,2
Одеваетесь	27,3	42,6	35,9	27,0
<i>Возможность выразить свои политические взгляды</i>	24,8	32,2	26,8	24,2
<i>Возможность реализовать себя в профессии</i>	24,3	45,0	32,9	25,4
<i>Возможность получения образования и знаний</i>	20,1	47,0	31,2	25,4
<i>Возможность отдыха в период отпуска</i>	19,9	31,1	24,5	18,1
<i>Материально обеспечены</i>	14,9	32,8	23,5	20,2

*По данным объединённого массива «Второй» и «Четвертой волн» ИС РАН.

По оценкам разных сторон жизни молодые рабочие стоят ближе к работникам сферы обслуживания, заметно уступая в положительном восприятии другим выделенным социально-профессиональным группам. Особенно заметны различия по сравнению со специалистами с высшим образованием и служащими. Остро стоит вопрос материальной обеспеченности рабочих – большинство даёт только удовлетворительную оценку и только 15% говорят о хорошем материальном положении (у специалистов с высшим образованием – 33%). Продолжая сравнение со специалистами, отметим сферы жизнедеятельности, в которых рабочим приходится сложнее всего. Низко оцениваются возможности: отдыха в период отпуска (20% против 31%), получения образования и знаний (20% против 47%), реализовать себя в профессии (24% против 45%), выражать свои политические взгляды (25% против 32%) и другие. Но, если путешествие и карьерный рост могут быть связаны с отсутствием возможностей, получение новых знаний признаются и озвучивание политической позиции не считаются у рабочими важными. Обучение новому замещается другими видами досуга – пассивным отдыхом, например, просмотром ТВ-передач [2, с. 19]. На первый план выходит собственное благополучие и благополучие семьи, и пока оно обеспечивается для рабочего не столь важна политическая ситуация.

Средне оцениваются: возможность одеваться, положение, статус в обществе, ситуация на работе, возможности проведения досуга, уровень личной безопасности, место, регион проживания, удовлетворённость жизнью. При этом положительные оценки находятся ближе к низкому уровню, не охватывая даже трети всех рабочих. Продолжая сравнение с высокообразованными специалистами, как наиболее благополучной из выделенных исследователями, посмотрим, насколько от них отличаются рабочие. Рабочие в меньшей степени, нежели представители других социальных слоёв удовлетворены жизнью и своим положением в обществе. Среди них оценку «хорошо» выбрали 28 и 34 %, у специалистов 40 и 48%. Не так много рабочих могут заявить, что они хорошо одеваются – только 27% (43% у специалистов с высшим

образованием). Не всегда удовлетворены и регионом проживания (при том, что представители всех социальных слоёв живут в одних и тех же регионах, городах, деревнях и т. д). Видимо, на оценке сказывается конкретное место жительства, не всегда положительно оцениваемое респондентом. Это же сказывается и на оценке уровня личной безопасности.

Лучше всего ситуация складывается в сфере межличностного общения – возможности общения с друзьями и отношения в семье – «хорошее» у 55-60% рабочих. Положительно оценивается положение в тех сферах, где потребности, в которых проще всего удовлетворить (например, потребность в питании удовлетворить проще, чем в высоком общественном статусе), либо которые присутствуют у молодых людей как данность (например, хорошее состояние здоровья). Но и в этих категориях рабочие не выделяются в лучшую сторону. По сравнению со специалистами рабочие хуже питаются, часто вынуждены экономить.[По последним данным ИС РАН экономить и от чего-то отказываться в 2017 г. вынуждены практически все слои населения. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Ross_obschestvo_v_usloviyah_krizisn_realnosti.pdf (дата доступа 01.02.2017).] Жилищный вопрос – не самый простой для среднестатистического молодого рабочего (как и для молодёжи в принципе). Тем не менее, 37% рабочих называют свои жилищные условия «хорошими», что примерно соответствует другим социальным группам и даже лучше, чем у работников сферы услуг.

В рамках «24 волны» RLMS был задан вопрос «Представьте себе лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой - богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?». Большая часть российских рабочих (59%) относит себя к средней ступени по имущественному положению, причём доля отнёсших себя к ней среди рабочих в среднем ниже, чем в других социально-профессиональных группах (см. табл. 2). Обратим внимание на то, что каждый третий рабочий ставит себя в общественной имущественной иерархии на нижние ступени (среди специалистов с высшим образованием – это каждый пятый).

Таблица №2.

Положение российских молодых рабочих на имущественной лестнице в сравнении с другими профессиональными группами, % от опрошенных*

Представьте себе лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой - богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?	Россия				Московский регион
	Рабочие	Специалисты с высшим образованием	Служащие	Рядовые работники сферы услуг	Рабочие
Низшая ступень	33,1	21,2	33,2	28,7	15,0
Средняя ступень	58,6	71,3	62,1	64,6	80,0
Высшая ступень	5,1	6,7	2,3	4,5	4,2
Затрудняюсь ответить	3,2	0,7	2,3	2,2	0,8

*По данным исследования «24 волна Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ». Хи-квадрат Пирсона = ,000.

Российские молодые рабочие в меньшей степени, нежели представители других социальных слоёв удовлетворены жизнью (53% – у рабочих, 59-66% – у других групп) и работой (56% – что также ниже, чем в других профессиональных группах)[По данным «24 волны» RLMS]. Неудовлетворённость может быть итогом как более низкого статуса профессии рабочего, характером труда и условиями, так и недостаточной для молодого человека оплатой труда, не способной удовлетворить его нужды.

Таким образом, уровень удовлетворённости разными аспектами жизни у рабочих в сравнении с другими группами не лучше (а зачастую хуже). При этом доля совсем недовольных мала. Сильное недовольство, способное провоцировать негативные установки в отношении других

может быть связано как с текущим положением дел, так и с отсутствием благоприятной перспективы.

1. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодёжь в обществе риска. Второе издание - М.: Наука, 2003.
2. Каравай А. В. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата социологических наук «Российские рабочие: ресурсы и поведенческие стратегии».

ЭТНО-НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОРИЕНТИРЫ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СДВИГОВ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Федорова А.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация: Доклад посвящен связям этнической идентичности учащейся молодежи с прошлым, настоящим и будущим России. В рамках краткой презентации результатов опроса старшеклассников из разных этнических групп представлены основные тенденции стереотипизации и мнений, высказанные ими относительно истории Советского союза, периода перестройки и современных отношений России с другими странами.

Современная петербургская молодежь, чей период взросления пришелся на так называемый «постперестроечный период», сегодня сталкивается одновременно с ценностями, берущими начало еще в Советскую эпоху, и нормативами современного, глобального мира. Если для некоторых моноэтнических регионов России вопрос становления и проявления этнонациональной идентичности новых поколений стоит не столь остро, многомиллионный, этногетерогенный Петербург сам по себе становится фактором актуализации проблем разделения «своих» и «чужих», формирования культурных стереотипов и механизмов исторической памяти.

Так как отсутствие согласованности между современными условиями, окружающими молодого человека, и традиционными установками моральных систем, характерных для социальных институтов (таких как семья или этническая группа) может привести к маргинализации, данный фокус исследования молодежи особенно актуален для переходных поколений «девяностых» и «нулевых». В ходе анкетного опроса, проведенного нами в старших классах четырех Петербургских школ в 2015-2017м годах, были изучены и сопоставлены проблемы этнической идентификации школьников, относящих себя к разным этническим группам, имеющим различный культурный опыт (как то: сроки проживания в Петербурге, степень связи со страной исхода в случае с подростками из диаспор, разнородность их окружения в учебных заведениях). Финальный вариант анкеты заполнили 125 школьников, представлявших 11 различных этнических групп, наибольшее представительство среди которых получили молодые люди с русской, армянской, грузинской, азербайджанской и польской идентичностью.

Несмотря на то, что подростки, опрошенные нами в ходе сбора эмпирического материала, уже не застали Советский период и перестройку, можно было предположить наличие в их картине мира некоторых «советских» элементов, переданных родителями, учителями и иными представителями старших поколений. Анализ полученных данных подтвердил как эту гипотезу, так и наличие серьезных противоречий в восприятии советского прошлого подростками из всех участвовавших этнических групп.

В блоке вопросов «Ассоциации с современной Россией» около 5% респондентов указали элементы, связывающие Россию с СССР: образ жизни в стране был охарактеризован 4% молодых людей как «совковый», и 2% респондентов проассоциировали страну с памятником советской эпохи – монументом «Родина-мать».

В блоке «История России» 11% респондентов высказывали сожаления по поводу распада Советского Союза, называя это событие единственным достойным исправления в современной российской истории. Согласно мнениям школьников, именно развал СССР способствовал росту напряженности в отношениях людей разных национальностей, проживающих сейчас на территории Санкт-Петербурга. Кроме того, определенный интерес подростков к советскому прошлому прослеживался в ответах на вопрос «Какой период истории вы бы хотели увидеть своими глазами?»: желание увидеть советскую жизнь обуславливалось такими причинами как «мне много про это время рассказывали» и «интересно, как они там жили».

Еще одним указателем на сохранение части советской моральной системы выступает одобрение, высказанное респондентами в блоке вопросов «Фильмы и книги о России»: классические советские комедии, мелодрамы и фильмы о войне заняли верхние позиции в списках фильмов, которые подростки считают обязательными к просмотру. В то время как советские

фильмы чаще всего получали характеристики «хорошие» и «смешные», современный российский кинематограф удостаивался гораздо более низких оценок: «не стоит смотреть», «ничего хорошего не снимают», «не так круто как в Голливуде».

Впрочем, присутствие отдельных элементов советской идеологии в жизненном мире современной петербургской молодежи скорее стало исключением из правил, чем нормой: среди представленных для анализа стереотипов и наборов представлений о странах и народах гораздо чаще встречаются указания на современное положение дел, сравнение России с западными странами Европы и США.

Во многом, это связано с тем, что среди рассмотренных объективных факторов влияния на подростковые стереотипы, самыми упоминаемыми «источниками» представлений о странах и народах стали СМИ и сеть Интернет. Большая часть подростков продемонстрировала высокую осведомленность о транслируемых там этнополитических образах: более 60% школьников старших классов проявили предрасположенность к ретрансляции негативных стереотипов и разных видов оценочных суждений относительно образов стран и народов, часто встречающихся в политическом дискурсе последних лет – Украины, США, Великобритании, Польши. В описании этих стран они часто использовали обороты и обвинения, заимствованные из телевизионных репортажей, онлайн-СМИ. Интересно, что подобные тенденции были отмечены в том числе в автостереотипах молодежи, имеющей украинскую или польскую идентичность: в своих ответах они исходили из стратегии признания транслируемых негативных суждений, совмещенных с оправдательными контраргументами.

Остальные институты, выступающие возможными механизмами передачи знаний и суждений этно-национального характера в меньшей мере влияли на итоговые ответы опрошенных подростков. Диаспора как формально организованная часть этнической группы оказалась в состоянии оказывать непосредственное влияние на стереотипы подростков лишь при наличии высокой степени институционального развития, включающего, в том числе, многочисленные каналы и способы трансляции групповых представлений. В свою очередь, школа оказала наибольшее влияние на стереотипы подростков не в качестве института образования, а в качестве площадки для возможного столкновения с инокультурными «другими».

Делая общий вывод по результатам проведенного исследования, стоит отметить некоторую неустойчивость суждений, моральных ориентиров и представлений, продемонстрированных участвовавшей в опросе молодежью. Проистекающая из возраста ограниченность жизненного опыта делает нередким соседство ответов, прямо противоречащих друг другу: идей глобальной толерантности и национализма; порицания и возвышения элементов Советского уклада жизни; взгляды, устремленные в будущее и попытки актуализации собственных исторических корней.

ТРАДИЦИОННЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ПЕТРОЗАВОДСКА)

Фитисов К.В. (Петрозаводск)

Под девиантным поведением в современной социологии подразумевается, с одной стороны, поступок, действия человека, не соответствующие официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам или стандартам, а с другой — социальное явление, выраженное в массовых формах человеческой деятельности, не соответствующих официально установленным или фактически сложившимся в данном обществе нормам или стандартам.

Анализ ситуации, характеризующей состояние преступности и правонарушений несовершеннолетних, свидетельствует о наличии некоторых позитивных изменений. В республике Карелия сохраняется тенденция сокращения подростковой преступности. За последние девять месяцев 2016 года несовершеннолетними и с их участием совершено 532 преступлений – на 55 меньше чем за такой же период прошлого года. Но отмечено, что наиболее пристальное внимание противодействию преступности среди лиц, не достигших совершеннолетия, требуется в Сортавальском, Питкярантском, Муезерском, Кемском районах и в городах Петрозаводске и Костомукше.

Надо отметить, что это данные нашей несовершеннолетней и шадящей статистики. Фактически же точные данные получить трудно, поскольку в подростково-юношеской преступности высок

уровень латентности, когда преступление совершено, но правоохранительным органам об этом неизвестно.

Согласно Федеральному закону «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» ФЗ-№120 от 24.06.1999 г., важнейшим социальным заказом общества является воспитательно-профилактическая работа с детьми и подростками по предупреждению правонарушений. Профилактика является одним из основных и перспективных направлений деятельности в социальной работе. Проблема девиантного поведения - это проблема общества в целом, и её решение способствует успешному духовному и нравственному развитию общества и государства.

В Республике Карелия функционирует 1 специальное учебно-воспитательное учреждение для детей с девиантным поведением - государственное образовательное учреждение - специальная общеобразовательная школа №8 для детей с девиантным поведением.

Учреждение в своей деятельности руководствуется законами Российской Федерации и Республики Карелия "Об образовании", "О защите прав детей" и "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних". Учитывая социальный состав воспитанников, реализуются нормы Федерального закона "О дополнительных гарантиях по социальной защите детей - сирот и детей, оставшихся без попечения родителей".

За последнее время наблюдалось уменьшение количества детей, направляемых в специальную школу №8. Так, в 2015 году число воспитанников спецшколы составило - 112 человек, в 2016 году - 86 человек.

Теперь можно рассмотреть профилактические мероприятия в Республике Карелии. На первых этапах создаются программы, принимаются нормативные акты, направленные на решение проблем отклоняющегося поведения детей и подростков. Реализация мероприятий региональной целевой Программы «Дети Карелии» на 2008-2011 годы позволит создать благоприятные условия для улучшения основных показателей качества жизни и комплексного развития и жизнедеятельности детей с ослабленным здоровьем, детей-инвалидов, одаренных, детей, находящихся в социально опасном положении и трудной жизненной ситуации.

Отработанная на уровне республики система «Комплексных мер по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» с распределением обязанностей между системой образования, социальной защиты, здравоохранения, комиссиями по делам несовершеннолетних успешно применяется в муниципальных районах республики. Так, в Калевальском, Питкярантском, Сегежском, Сортавальском муниципальных районах и городских округах г. Петрозаводска, г. Костомукши постоянно работают межведомственные советы профилактики, общественные комиссии.

На территории республики реализуется совместный приказ Министерства социальной защиты труда и занятости РК, МВД, Министерства образования, и Минздрава РК, в соответствии с которым осуществляется ежеквартальный обмен информацией о несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства в связи с безнадзорностью и беспризорностью, несовершеннолетних из семей, находящихся в социально-опасном положении».

Таким образом, принятые органами внутренних дел республики организационно-практические меры позволили сохранить в 2016 г. позитивные тенденции по сокращению преступности несовершеннолетних.

Однако профилактическая деятельность органов внутренних дел в основном осуществляется путем принятия административно-правовых и уголовно-правовых мер воздействия к нарушившим закон несовершеннолетним, лицам, совершившим противоправные деяния в отношении детей. Данные меры не всегда приводят к позитивным изменениям. Поэтому необходимо принятие межведомственных мер, направленных на раннее выявление несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, фактов семейного неблагополучия, организацию комплексной работы с такими семьями, принятие мер, направленных на своевременное изъятие детей, из социально-неблагополучной, криминальной среды.

Меры по предупреждению девиантного поведения несовершеннолетних включают воспитательно-профилактическую деятельность, которая осуществляется общеобразовательными учебными заведениями, досуговыми социально-педагогическими центрами, психологическими консультациями, службами доверия, центрами педагогической реабилитации и т.д.

Однако, несмотря на принятые законы, сформированную систему учреждений, призванных заниматься проблемами профилактики девиантного поведения несовершеннолетних,

разработанные программы и технологии профилактики, реализация законов и программ, деятельность различных учреждений не меняют ситуацию кардинально. Основная причина такого положения, на наш взгляд, кроется в отсутствии комплексной и планомерной работы по профилактике девиантного поведения подростков. Зачастую эта работа ведётся формально, в виде разовых акций, не охватывает всех подростков.

Также можно сказать, что с ходом времени и технологическим развитием меняется сама молодежь и формы девиантного поведения. Отсюда следует, что используемые сейчас технологии и методы профилактики уже устарели. Стоит отметить, что возрастающие требования со стороны общества к профилактике девиантного поведения вызывают необходимость создания новых условий и методов предотвращения и недопущения девиантного поведения, которые и должны стать основой новых профилактических технологий. Сегодня на первый план выходит задача повышения эффективности технологий профилактики и внедрение в практику инновационных технологий профилактики.

Таким образом, мы приходим к выводу, что если не принимать адекватные меры по профилактике девиантного поведения, то можно потерять целое поколение. Необходимо, чтобы семья, школа, государство, общество в целом позитивно влияли на подростка, воспитывали у него морально - нравственные ценности. Успех в деле предупреждения и преодоления социально-негативного поведения подростков во многом зависит от того, в какой степени принятые законы, разработанные программы и технологии работы находят реализацию на практике.

ФЕНОМЕН СЕЛФИ: ПРОГРЕСС НАРЦИССИЗМА

Фролова Е. (Санкт-Петербург)

Аннотация

Повальное увлечение фотографическими автопортретами в соцсетях приобрело масштаб всемирного явления. Рядовые пользователи и знаменитости - от Барака Обамы до папы римского - с удовольствием позируют, улыбаясь в камеру смартфона, зажатого в вытянутой руке. Фотографические автопортреты - явление не то чтобы новое, однако широкое распространение смартфонов, делающих все более и более качественные снимки, а также рост популярности соцсетей спровоцировали настоящий бум этого жанра.

Актуальность моей темы обусловлена тем, что подавляющее большинство населения охватила эпидемия фотографий-селфи, которая набирает обороты все с каждым новым годом. Если раньше селфи были популярными только среди молодежи, то сегодня они стали распространены и среди других групп населения. Поклонники этой модной тенденции есть и среди детей и среди престарелых граждан.

Цель исследования: состоит в изучении феномена селфи и возрастание его популярности.

Задачи:

1. Изучить понятие селфи: его положительные и отрицательные стороны.
2. Определить влияние данного феномена на человека.
3. Выявить процентное соотношение людей, среди которых селфи имеет значительную популярность.

Наш современный технологизированный мир, невозможно представить без селфи. Практически с 100% вероятностью мы можем утверждать, что открыв чьего-либо ноутбука, планшета или смартфона, сможем там найти хотя бы пару фотографий владельца, которые он сделал сам. Селфи окружают нас повсюду – в новостных лентах социальных сетей, в фотографиях друзей, которые они нам присылают из своих путешествий или даже в рекламе.

Феномен селфи стал ведущим молодежным явлением, которое мы не могли не заметить. Количество фотоавтопортретов в соцсетях с каждым днем увеличивается, борьба фотографов за лайки и репосты собственных творений по своей активности доходит до абсурда. Что же такое селфи – дань времени, психическое расстройство или тенденция к абсолютному нарциссизму?

Мы привыкли думать, про селфи как относительно недавнюю тенденцию, спровоцированную развитием социальных сетей и появлением фронтальной камеры. На самом деле первый автопортрет был создан еще в 1839 году филадельфийским фотографом Робертом Корнелиусом при помощи метода дагеротипической съёмки, который ему удалось усовершенствовать и таким образом снизить время выдержки.

Канадский ученый и журналист Клайв Томпсон предполагает, что селфи – результат эволюции человеческой потребности в утверждении собственного эго. Когда было гораздо

меньше возможностей распространения информации, эта проблема не ощущалась столь остро. Сегодня же появляется все больше способов реализовать себя, например, сделать фото, сиюминутно выложив его в сеть, и мгновенно получить признание в виде «лайков».

Селфи в корне отличается от обычной фотографии, в первую очередь по причинам, его производства и потребления. Чтобы более чётко продемонстрировать разницу, обратимся к определению этого явления. Оксфордский словарь трактует его как «фотография самого себя, сделанная, как правило, при помощи смартфона или вебкамеры и распространённая при помощи социальных медиа». Таким образом, можно проследить, что ключевое отличие селфи от фотографии состоит в том, что в подавляющем большинстве случаев фото делается специально для того, чтобы потом стать частью новостной ленты. То есть можно говорить о процессе саморепрезентации с целью создать определённый образ. Лента в социальных сетях автоматически становится местом, где человек способен моделировать свою собственную историю, а фото, которые там появляются, это не обычные красивые посещённые места или шумные праздники – это вплетение непосредственно себя в контекст этих ситуаций. Способ сказать «Я к этому причастен».

Помимо этого, делая селфи, молодые люди (наиболее увлечённая этой тенденцией аудитория) опираются на набор стандартных параметров привлекательности, которые являются возможностью произвести впечатление на противоположный пол. Включаясь в процесс селфиоборота, молодые люди так или иначе следуют некоторому набору стандартов «правильного селфи», на данный момент чётко сформированные и представляющие собой целое практическое руководство по выбору фона, ракурса освещения, мимики и тд.

Кроме того, по мнению молодых людей, одним из главных условий качественного селфи является определенное количество лайков и комментариев. Молодежь получает обратную связь, которая впоследствии повышает самооценку и одновременно завершает

процесс самопознания и понимания личностных интересов, восприятия собственной внешности и образа жизни, составление своего эмоционального портрета и осознания внутреннего «я».

Казалось бы, такое безобидное развлечение никому вреда не приносит а в чем-то даже проявляется как полезный навык фотографии, однако не всё так безоблачно. И выделяют несколько причин, главная из которых несет в себе опасность для психологического здоровья. Она заключается в том, что в 2014 году Американская психиатрическая ассоциация официально назвала селфи психическим расстройством, для борьбы с которым на данный момент не существует лекарств и выражающееся в непреодолимом желании делать эти фотографии и выкладывать их в сеть. Как утверждают врачи, было выделено три уровня такого рода заболевания: первый уровень – эпизодический, характеризуется тем, что человек снимает себя не менее трёх раз в день, но не выкладывает фото в социальную сеть, второй – острый – тот же количество в три фотографии, но на этом уровне они все появляются в интернете, и последний, третий – хронический – при котором как минимум шесть фотографий в день попадают в новостную ленту.

Рассматривая феномен селфи как способ самопрезентации в виртуальном пространстве, я опросила 16 девушек в возрасте от 16-24 лет и 14 молодых людей в возрасте от 17-30 лет. У 100% опрошенных были собственные селфи в гаджетах и только у 20% фотографии были сделаны с периодичностью в 5 и более дней. У 70% фотографии были сделаны с периодичностью в 2-3 дня, у оставшихся 10% фотографии делались каждый день (в исследовании рассматривались также и те фотографии на которых присутствовали друзья и родственники молодых людей, а основным критерием было только то, что фотографии были сделаны их рукой на их телефон).

Таким образом мы видим масштабность данного явления и понимаем, что феномен селфи изучен не достаточно для того, чтобы быть уверенным в его безобидности. Исходя из всего этого, мы можем проследить необходимость в изучении данной тенденции как социо-культурного и социально-психологического феномена.

Погонцева Д. В. Selfie как современный социальнопсихологический феномен // Концепт. - 2013. - № 12 (декабрь).

Погонцева Д. В. Формирование впечатления средством виртуального общения // Концепт. - 2013. - № 01 (январь).

Лакосина Н. В. Динамика удовлетворенности жизнью в результате фотовизуализации жизненных событий // Российский психологический журнал. - 2009. - Т.6, № 3. - С. 65-67.

МАРГИНАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В СИТУАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ КАК СРЕДСТВО СНИЖЕНИЯ ЕЕ ПРОТЕСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Цыплакова О.Г. (Санкт-Петербург)

Исследование проблемы социальной эксклюзии в аспекте ее влияния на процессы маргинализации молодежи напрямую связано с изучением особенностей социальной структуры и социальной динамики современных обществ. Для комплексного понимания этих аспектов обратимся к понятию социального пространства в координатах «центр – периферия». Общество можно представить как социальное пространство, ядро которого составляют люди, обладающие максимумом прав, возможностью распоряжаться социально значимыми ресурсами, носители высоких социальных статусов, манифестирующие господствующую культуру. Вокруг ядра располагается полупериферия – люди, занимающие средние и нижние уровни социальной иерархии. Они, внутри системы, обладают правами, но оказываются дискриминируемыми в части реализации некоторых прав. Именно они испытывают на себе, что такое «стеклянный потолок», «фигуры умолчания», «неформальный контроль». И наконец – периферия. Люди, находящиеся в этой области социального пространства, испытывают на себе множественную дискриминацию, отстранены от процессов общественной жизни. Их можно отнести к группе исключенных. [1]

Именно эта модель общества, описывающая феномен эксклюзии (исключенности), и основанная на «процессе маргинализации, связанной с ограниченным доступом к социальным институтам интеграции», [2] на наш взгляд, наиболее адекватно способна описать процессы маргинализации различных социальных слоев и групп, и в том числе и молодежи.

На молодежи лежит важнейшая функция социального воспроизводства, а в условиях трансформирующегося общества молодежь более других социальных групп находится под угрозой маргинализации. То есть через молодежь маргинализированные модели поведения, так или иначе, проникают в социальные институты, в свою очередь, трансформируя социальные связи общества. Получается своеобразная положительная обратная связь. В момент взросления и формирования личностных и ценностных ориентиров, молодежь подвергается разрушительному воздействию различных факторов риска и пытается адаптироваться к ним. С возрастом, поднимаясь по социальной лестнице, замещая предыдущие поколения в профессиональной, семейной, культурной и бытовой сферах, беря на себя ответственность за функционирование и развитие общества, эти люди (сформировавшиеся в маргинализированных средах) воспроизводят рискогенные, экстремальные и маргинальные модели социального поведения, с которыми сталкивались в молодости. Может ли человек искренне воспроизводить какие-либо ценности, если в молодости он наблюдал крах идеалов и торжество цинизма? Может ли человек в юности, спрятавшийся в «раковину» и демонстрировавший социальную апатию, иметь силы для активизма, для энергичной деятельности?

Маргинализация молодежи обязательно отразится на всей социальной структуре, когда новое поколение начнет вступать в зрелый возраст. И трансформация социума будет определяться именно теми факторами, которые и влияли на молодежь в свое время. В свое время молодежь не доучилась? Мы получим массу малоквалифицированных специалистов, неспособных поддерживать работоспособность сложных инфраструктурных систем. Молодежи была не интересна наука? Через годы мы получим колоссальный научный провал, разрыв в воспроизводстве научных школ, деградацию научных сил страны. Молодежь не верит в идеалы? Получим массу циничных апатичных обывателей неспособных к солидарности и социальной координации. У молодежи не сформировалось патриотическое чувство? Получим людей, не готовых защищать свои национальные интересы, культурные и исторические ценности, людей утративших свою идентичность.

Но было бы ошибкой полагать, что молодежь только жертва негативных тенденций, только объект, на который воздействуют социальные процессы и явления, установившиеся в мире взрослых. Нет, молодежь - это активная социальная сила. Это социальная группа, в которой зреют свои, отличные от других возрастов ценности и модели поведения. В истории 20 века мы видели множество примеров, когда молодежь выступала не просто катализатором социальных процессов, но и движущей силой социальных изменений. Это и «красный май» 1968 года, и «революция цветов», породившая мощную антивоенную волну. С тех пор молодежь стала объектом пристального изучения. Специалисты отслеживают молодежную динамику. Выявляются поколенческие особенности. Поколения просто маркируются для обозначения их специфических

черт. Так, например, можно вспомнить о поколении «хиппи»; поколении «яппи», молодых прагматиков 80-х ориентированных на успех; поколении «икс», молодежь 90-х, утративших ценности, идеалы, и демонстрировавшие тревожность и апатию; также выделяются поколения «Y» и «Z» и так далее. Развитие молодежи считается важнейшим направлением в сфере инвестиций в социальный и человеческий капитал.

В России, к сожалению, молодежь до сих пор остается второстепенным элементом текущей общественной политической и культурной жизни. Так, например, молодежное политическое движение «Наши» было сформировано властями для решения каких-то узких, весьма специфических задач в рамках текущего политического момента. Множество различных центральных и региональных молодежных организаций, патронируемых государством или иными структурами, служат скорее для иллюстрации конкретных общественно-политических проектов, инициируемых властями, чем для действительной социализации молодежи.

Итак, актуальность изучения ситуации социальной эксклюзии и влияния ее на процессы маргинализации молодежи несомненна, такого рода исследования позволят лучше понять эти негативные социальные феномены, и, возможно, изменить ситуацию к лучшему.

1. Тихонова Н.Е. Феномен социальной эксклюзии в условиях России // Мир России. 2003. № 1. С. 36-84.

2. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. №2. С. 158-166.

СОВРЕМЕННОЕ ГЛОБАЛИЗИРОВАННОЕ ОБЩЕСТВО КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНКУРЕНТНЫХ ПОЛЕЙ И ФОРМИРОВАНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Черкашов Е.М. (Тюмень)

Аннотация. Современное глобализированное общество представлено и проанализировано как противоборство секторальных (отраслевых) рыночно-ориентированных полей бизнеса ТНК и конкурентных полей мест-локусов (муниципальных образований, регионов, стран). Обоснован тезис о том, что противоборство указанных полей детерминирует формирование современного российского конкурентного поля сферы высшего образования и определяет конкурентные поля и факторы, непосредственно влияющие на конкурентоориентированность и конкурентоспособность школьников, студентов и работающей молодежи.

Результаты исследования получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России "Формирование конкурентоориентированности и конкурентоспособности молодежи в российском обществе в контексте современной социокультурной динамики» проект №28.2941.2017/4.6

Для современного глобализированного общества, во-первых, характерно сервисно-товарное, информационное, технологическое разнообразие и изобилие. Во-вторых, нормами являются интенсивная, многоуровневая, широкая по охвату участников конкуренция; непрерывное инновационное развитие; постоянство изменений, высоких рисков и неопределенностей; виртуализация образа жизни, профессиональной трудовой деятельности и способов ведения бизнеса. В-третьих, главной проблемой субъектов (особенно молодежи) является проблема ориентации и навигации по миру изобилия, конкуренции, инновационности, изменчивости, высоких рисков, неопределенности, но и возможностей. В-четвертых, основными дефицитными акторами являются генераторы и носители системных знаний, компетенций, инноваций; компетентные гиды(навигаторы) по социально-культурному, информационному и виртуальному пространству.

Конкуренция между компаниями, муниципальными образованиями, регионами, странами, как правило, развертывается по поводу указанных редких акторов. Ядро современной конкуренции на краткосрочном временном интервале составляет интенсивная глобальная конкуренция между странами, регионами и компаниями за привлечение и закрепление уже сформированных дефицитных акторов. Однако, долгосрочная конкуренция, главным образом между странами и регионами, ориентирована на создание и поддержание устойчивой социально-экономической и социокультурной среды в сфере образования(общее, все виды профессионального) и практики(работа по найму или организация собственного дела в командах), которые мотивируют учащуюся и работающую молодежь на формирование и обладание

системными знаниями, умениями, компетенциями и обеспечение в конечном счете для себя, своей команды, своего города, региона, страны устойчивого тренда: «конкурентоориентированность – ключевые компетенции- конкурентные преимущества- конкурентоспособность».

Формирование указанного устойчивого тренда происходит в социальном пространстве конкурентных полей. Общество – сложная социально-экономическая социокультурная система, представленная различными пространствами в виде ансамблей полей[1]

По своей сути современные социальные поля являются конкурентными полями. Конкурентное поле, во-первых, по своей структуре представляет собой взаимодействие двух реальностей. Реальность первого порядка - это распределение экономических, культурных, социальных капиталов, ориентирующее акторов на достижение позиционной выгоды от лучшей локализации или рыночного положения. Реальность второго порядка- это конфигурация символического капитала, обеспечивающая конкурентную борьбу за достижение власти конструирования мира в таких образах восприятия, которым акторы доверяют, которым они лояльны и готовы соответствующим образом мыслить и действовать. Реализация реальности первого порядка через реальность второго порядка и наоборот обеспечивает процесс функционирования и развития конкурентного поля. Во-вторых, система диспозиций, порождающая и структурирующая практику актора и его представления в конкурентном поле формирует алгоритм поведения акторов: конкурентоориентированность- конкурентные преимущества-конкурентоспособность.

В современном глобализованном конкурентном обществе соперничают два типа целостных конкурентных полей: секторальные (отраслевые) рыночно-ориентированные поля бизнеса(дела) с высокой степенью господства ТНК [2,3]; конкурентные поля мест (муниципальных образований, регионов, стран), локусов взаимодействия власти, бизнеса, науки, образования, имеющих общую социально-экономическую и культурно-историческую судьбу, укорененную в прошлом, ищущих ответы на вызовы будущего в настоящем и формирующих свое общее будущее[4,5]. Основной предмет соперничества - будущий образ жизни локусов: муниципальные образования, регионы, страны- это места привлекательного инвестиционного климата для реализации бизнес-стратегий ТНК, либо – это пространственные образования, вовлекающие ТНК в проекты своего развития с установкой на целостность прошлого, настоящего и будущего конкретного локуса.

Противоборство двух указанных полей детерминирует формирование:

-современного российского неоднородного конкурентного поля сферы высшего образования, включающего глобальные исследовательские (представленные национальными исследовательскими и участниками проекта 5-100) университеты, опорные университеты и все остальные)[подробнее рассмотрено в 6];

-конкурентных полей и факторов, непосредственно влияющих на конкурентоориентированность и конкурентоспособность школьников, студентов и работающей молодежи[подробнее рассмотрено в 7,8].

Желательный вариант эволюции современного российского конкурентного поля сферы высшего образования, по нашему мнению, связан с утверждением ведущей роли опорных университетов ориентированных на решение стратегических социокультурных и социально-экономических задач российских регионов и страны в целом.

Поскольку жизненные траектории школьников, студентов из образовательных конкурентных полей продолжают в конкурентных полях профессиональной деятельности, бизнеса, жизни в муниципальных образованиях, регионах и странах, то необходимо обосновать и представить такую модель взаимодействия образовательных конкурентных полей с конкурентными полями «взрослой жизни», которая способствовала бы успешным вариантам жизненных траекторий молодежи.

1.Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики.— М., 2005-576с.

2. Портер М. Конкуренция.— М., 2002.-496с.

3. Траут Дж. Новое позиционирование.— СПб., 2001.-368с.

4.Украинский В.Н. Современная французская пространственная экономика: теория близости и типологизация локализованных экономических систем// Пространственная экономика.— 2011.— №2.— С.92–126.

5.Ицковиц Г. Тройная спираль. Университеты– предприятия– государство. Инновации в действии.— Томск, 2010.-238с.

6. Шафранов-Куцев. Г.Ф., Черкашов Е.М., Конкуренция и конкурентные поля сферы высшего образования// *Alma mater (Вестник высшей школы)* -2017-№9.- С.49-56

7. Ефимова Г.З. Уровень конкурентоспособности и качества конкурентоспособной студенческой и работающей молодежи/ *Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты: Материалы V Тюменского международного социологического Форума. 5 – 6 октября 2017 г.* – [электронный ресурс] – Тюмень: Тюменский государственный университет, Тюменская областная Дума, Правительство Тюменской области, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Тюменский индустриальный университет, Сургутский государственный университет, Тюменское областное отделение Академии социальных наук, 2017. – 1 электр. оптич. диск (CD-R). С. 399-404

8. Семёнов М.Ю. Конкурентоспособность в виртуальном пространстве: в оценках старшеклассников/ *Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты: Материалы V Тюменского международного социологического Форума. 5 – 6 октября 2017 г.* – [электронный ресурс] – Тюмень: Тюменский государственный университет, Тюменская областная Дума, Правительство Тюменской области, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Тюменский индустриальный университет, Сургутский государственный университет, Тюменское областное отделение Академии социальных наук, 2017. – 1 электр. оптич. диск (CD-R)-С.477-482

МИЛЛЕНИАЛЫ - ПОКОЛЕНИЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛИТИЯ

Шепелева С.А. (Санкт-Петербург)

Потребность в рефлексии нашла своё отражение в деятельности миллениалов – уже оформившегося поколения людей, обретших самостоятельность в политическом, экономическом и социальном плане на рубеже XX и XXI веков. Будучи представителем нового поколения, автор решил не просто реализовать мечту самопознания, но превратить собственное желание в научный интерес, обратившись к работам Pew Research Center – беспартийного исследовательского института. Несмотря на расположение в США, Pew Research Center занимается изучением миллениалов в Европе и даже Южной Корее, хотя и сосредотачивает максимальное внимание на американской молодёжи. Процессы глобализации, вестернизация науки, облачение социальной реальности в термины и аллегории западного общества позволяет сопоставлять данные исследований с российской действительностью.

Подтверждение данного утверждения можно найти в результатах прохождения теста случайно выбранной группы студентов СПбГУ на сайте <http://www.pewresearch.org/quiz/how-millennial-are-you/>. Ответы на 14 вопросов определяют положение на шкале из 100 пунктов, где до 11 – Тихое поколение (1928-1945 г.р.), 11-33 – поколение Бэби Бумеров (1946-1964 г.р.), 33-73 – поколение X (1965-1980 г.р.), 73 и выше – миллениалы (1981-2000 г.р.). В среднем, образ мыслей опрошенных студентов на 80% совпадал с тем, который был сформирован для миллениалов.

Сам термин «Миллениалы» появился в 1987 году. Исследование «поколения Y» (и предложение новой классификации) было предпринято в 1993 году. В рамках Pew Research Center отправной точкой является 2010, когда выходит обширный отчёт об изучении поколения нового тысячелетия – «Millenials. A portrait of generation next. Confident. Connected. Open to Change». На основе отчёта и более поздних исследований (которые отличны от ранних не столько изменениями тренда, сколько статистическими данными) были выявлены особенности поколения «Я Я Я» (как называют его в российской научной среде).

Миллениалы – самое многочисленное живущее поколение. На 2016 год их численность в США составляла 79,8 миллионов. По данным Федеральной службы государственной статистики РФ, в России на 1 января 2016 года численность миллениалов составляла 42,6 миллионов человек – второе место после поколения Бэби Бумеров (47 миллионов).

Одна из основных черт мышления миллениалов – стремление к уникальности. Это влияет на их внешний вид (татуировки, пирсинг, перекрашивание волос в неестественные цвета, ношение броской одежды аморфных фасонов), на самопрезентацию в виртуальном мире (75-80% миллениалов имеют хотя бы один аккаунт в социальных сетях и регулярно пользуются им). Они придерживаются либеральных взглядов и являются приверженцами Демократической партии (в 2008 году именно американские миллениалы обеспечили победу Барака Обамы на выборах Президента США). Они в большей степени отрицают государственную цензуру и допускают

высказывание фраз, которые могут показаться оскорбительными для меньшинств. Мнение о том, что каждый имеет право на самоопределение влияет на отношение поколения к неоднозначным политическим вопросам – легализации марихуаны и однополых браков. Количество сторонников легализации год от года растёт, увеличивается число сторонников мультирасовых браков. При этом они одиноки и не стремятся в скором времени создавать семью. Многие представители поколения Y живут с родителями или в общежитиях, скорее арендуют место проживания, чем покупают недвижимость, предпочитают гражданский и эгалитарный брак. Почти половина матерей-одиночек приходится именно на миллениалов.

Они более образованы – пожалуй, лучше всех поколений в истории. Основу общества и личного продвижения в жизни они видят в прекрасном образовании и трудолюбии (при этом миллениалы верны не только труду, но и своим работодателям). Традиционные институты (брак, церковь, государство) теряют в их глазах прежнюю ценность. Место рождения, конфессия и обычаи больше не являются факторами формирования национальной идентичности.

Парадоксально, что при действительном воодушевлении от технологического прогресса миллениалы сохраняют привязанность к прошлым формам получения информации. Они чаще старших поколений посещают публичную библиотеку (хотя в расчёт бралось также число посещений сайта) и предпочитают бумажные издания. Поколение next в большей степени пользуется электронными ресурсами для поиска новостей. Зачастую им неизвестны названия радиостанций и газет, которые их родители считают основным информационным ресурсом.

Однако в последнее время наблюдается сокращение доверия к новым медиа. Причиной тому является кажущаяся миллениалам всеобщая политизация и нежелание иметь с политикой дело. В целом, политические явления воспринимаются негативно. В США, Европе, Южной Корее отрицательно оцениваются проложенный курс правительства и реализация намеченных реформ. Как следствие, миллениалы строят пессимистичные прогнозы и уверяют самих себя в том, что следующее поколение будет жить гораздо хуже.

Мир в целом, и другие поколения в частности, начинает жить под влиянием миллениалов. Они пользуются активным избирательным правом и претендуют на обладание властью. Важно понимать, что они думают о себе сами. Поколение Y разрозненно и не осознаёт себя как единое целое. По результатам опросов, к ним не подходят следующие определения: патриотичный, ответственный, готовый к самопожертвованию, религиозный, нравственный, уверенный в себе, сострадающий, политически активный, стойкий. Вместо этого к своим качествам они приписывают трудолюбие, расточительность, жадность, циничность, предприимчивость, экологическую сознательность, толерантность.

Чего ожидать от представителей миллениалов? Расчёт, как правило, сухой, переключение внимания с проблем общества на проблемы окружающей среды, стремление к диффузии культур. Из политических проектов наиболее вероятно реформа семейного законодательства, попытка создания электронного правительства, разделение политического пространства на блоки.

Как воздействовать на них? Предлагать выбор, апеллировать к практичности и качественной экономии. Быть, краткими и резкими, заключая идею в концептуальный символ. При этом оставаться открытыми как для общения, так и для возможных проверок. Говорить на их языке и визуализировать сказанное. Убеждаться в том, что за миллениалами будущее. В конце концов, так оно и есть.

1. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2016 года. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B16_111/Main.htm
2. Abigail Geiger. Millennials are the most likely generation of Americans to use public libraries. 21.06.2017. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/06/21/millennials-are-the-most-likely-generation-of-americans-to-use-public-libraries/>
3. Abigail Geiger. Support for marijuana legalization continues to rise. 12.10.2016. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/10/12/support-for-marijuana-legalization-continues-to-rise/>
4. Becka A. Alper. Millennials are less religious than older Americans, but just as spiritual. 23.11.2015. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/11/23/millennials-are-less-religious-than-older-americans-but-just-as-spiritual/>
5. Bridget Parker. South Korea's Millennials downbeat about payoff of education, future. 25.02.2015. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/02/25/south-koreas-millennials-downbeat-about-payoff-of-education-future/>
6. Bruce Drake. 6 new findings about Millennials. 7.03.2014. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/03/07/6-new-findings-about-millennials/>

7. Bruce Stokes. *European Millennials are cool toward Russia, but warmer than older generations.* 11.02.2015. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/02/11/european-millennials-cool-toward-russia/>
8. Bruce Stokes. *U.S. and European Millennials differ on their views of fate, future.* 10.02.2015. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/02/10/u-s-and-european-millennials-differ-on-their-views-of-fate-future/>
9. Bruce Stokes. *Who are Europe's Millennials?* 09.02.2015. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/02/09/who-are-europes-millennials/>
10. David Masci. *Q&A: Why Millennials are less religious than older Americans.* 8.01.2016. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/01/08/qa-why-millennials-are-less-religious-than-older-americans/>
11. Eileen Patten, Richard Fry. *How Millennials today compare with their grandparents 50 years ago.* 19.03.2015. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/03/19/how-millennials-compare-with-their-grandparents/#!10>
12. Hannah Fingerhut. *Millennials' views of news media, religious organizations grow more negative.* 04.01.2016. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/01/04/millennials-views-of-news-media-religious-organizations-grow-more-negative/>
13. Jacob Poushter. *40% of Millennials OK with limiting speech offensive to minorities.* 20.11.2015. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/11/20/40-of-millennials-ok-with-limiting-speech-offensive-to-minorities/>
14. Jeffrey Gottfried, Michael Barthel. *How Millennials' political news habits differ from those of Gen Xers and Baby Boomers.* 01.06.2015. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/06/01/political-news-habits-by-generation/>
15. Mary Schultz. *Millennial Generation Less Religiously Active than Older Americans.* 17.02.2010. URL: <http://www.pewforum.org/2010/02/17/millennial-generation-less-religiously-active-than-older-americans/>
16. Michael Lipka. *Millennials increasingly are driving growth of «nones».* 12.05.2015. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/05/12/millennials-increasingly-are-driving-growth-of-nones/>
17. Millennial – Party ID. 13.09.2016. URL: <http://www.people-press.org/chart/millennial-party-id-2/>
18. Millennials Still Like Print Books! 26.06.2013. URL: <http://libraries.pewinternet.org/2013/06/26/millennials-still-like-print-books/>
19. Millennials: Confident. Connected. Open to Change. 24.02.2010. URL: <http://www.pewsocialtrends.org/2010/02/24/millennials-confident-connected-open-to-change/>
20. Most Millennials Resist the 'Millennial' Label. 03.09.2015. URL: <http://www.people-press.org/2015/09/03/most-millennials-resist-the-millennial-label-2/>
21. Paul Taylor, Scott Keeter. *Millennials. A portrait of generation next. Confident. Connected. Open to Change.* 24.02.2010. URL: <http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/3/2010/10/millennials-confident-connected-open-to-change.pdf>
22. Richard Fry. *5 facts about Millennial households.* 6.09.2017. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/09/06/5-facts-about-millennial-households/>
23. Richard Fry. *Millennials aren't job-hopping any faster than Generation X did.* 19.04.2017. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/04/19/millennials-arent-job-hopping-any-faster-than-generation-x-did/>
24. *Same-Sex Marriage Detailed Table, 2017, among whites.* 26.06.2017. URL: <http://www.people-press.org/chart/same-sex-marriage-detailed-table-2017-among-whites/>

ТЕОРИЯ ПОКОЛЕНИЙ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: МЕНТАЛЬНОСТЬ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПОКОЛЕНИЯ Y

Ягафарова Д.Г. (Уфа)

Аннотация. В статье рассмотрена специфика ценностных ориентаций и установок поколения Y, рожденных в 1984-1999 гг., являющихся на данный момент социально и экономически наиболее активной группой населения. Показана динамика и поколенческие разрывы в ментальности поколений Республики Башкортостан, являющиеся следствием общемировых и общероссийских процессов: глобализации, развития цифровых технологий, виртуализации социального пространства, социально-экономических и политических событий XX века.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект №17-33-01116 (а2) «Социально-экономическая и социокультурная интеграция молодых поколений в социальное пространство региона: реалии, противоречия и перспективы».

В современном обществе прослеживается тенденция изменения социальной и экономической структуры общества, что связано с процессом технологического развития,

появлением новых форматов социальной динамики, политическими преобразованиями. Новые социальные условия создают новые специфические формы ментальности, отвечающие вызовам времени. Это актуализирует исследование динамики поколенческих сдвигов по всем направлениям: ценностных, миграционных, демографических и других. Однако первичными являются именно ценностные ориентиры, задающие особые рамки, в которых функционирует индивид. Основоположники современной теории поколений В. Штраус и Н. Хоув рассматривают поколение как совокупность людей, рожденных в 20-летний интервал времени, проходящие процесс социализации в общую историческую эпоху, единые модели поведения и ощущение причастности к данному поколению [2, с. 291]. Границы поколения достаточно размыты, исследователями выделяются так называемые плавающие микропоколения на стыке основных поколений, обладающие признаками как предыдущего, так и последующего поколения. В целом, поколение Y наиболее часто определяется как группа людей, рожденных в 1984-1999 гг. В России это поколение пережило целый ряд знаковых событий в период своей социализации: развал советской системы, кардинальная смена направления политического, социального и экономического развития, дефолт 1998 г., быстрое развитие цифровых мобильных и интернет технологий, виртуализация социального пространства, появление новых возможностей реализации своего потенциала [3, с. 479]. Все это – уникальные признаки новой исторической эпохи, и поколение Y является носителем ценностей этого переходного для страны этапа, и, с одной стороны, несет в себе традиционные ценности ушедшей советской эпохи, полученные в детстве, с другой стороны – получает и реализует принципиально новые модели поведения и ценностные ориентации.

Сейчас поколение Y – это наиболее активные в социальном и экономическом плане люди, реализующие свои репродуктивные, профессиональные, установки, и в большей степени именно они являются двигателем социального развития страны и регионов в частности. Исследователи выделяют ряд ориентиров, специфичных для поколения: готовность к изменениям, гражданский долг и мораль, ответственность, оптимизм, общительность и уверенность в себе, тяга к разнообразию, гибкость мышления, наивность и подчиненность, нацеленность на достижения и немедленное вознаграждение, приверженность моде и знанию брендов, высокий уровень владения техникой [1,3].

По социологическим данным [4], в Республике Башкортостан динамика ценностных ориентиров поколения Y специфична и согласуется с общемировыми и общероссийскими тенденциями. Среди характерных ценностных ориентаций поколения Y – инновационность мышления, готовность к риску, опора в основном на собственные силы. Так, с утверждением «мне нравится жить в меняющемся мире» согласилось 74,2% представителей поколения Y (для сравнения среди предыдущего поколения X доля составляет 58,0%), «человек сам кузнец своего счастья» – 76,3% (66,3% соответственно), «главное – инициатива, поиск нового в работе, жизни» – 73,1% (55,9% соответственно).

Аналогичная тенденция прослеживается при анализе терминальных ценностей. Начиная от поколения 1922-1943 гг., так называемого «молчаливого поколения», чья социализация пришлась на первые годы советской власти и несет отпечаток все трудностей того времени, и до поколения Y динамика ценностей неуклонно и постепенно меняется.

Среди них наиболее актуальны, помимо здоровья и семьи, возможность выбора занятий по душе, творчества (молчаливое поколение: 4,1%, поколение Y: 14,1 %); верные, надежные друзья, общение (25,8% и 35,5% соответственно); деньги в неограниченном количестве (12,4% и 23,5% соответственно); свобода и независимость в жизни (18,6% и 28,5%); высокое положение в обществе (0,0% и 18,5%). При этом для поколения Y заметно менее актуальна потребность в душевном благополучии, согласии с собой (молчаливое поколение: 60,8%, поколение Y: 18,9 %); спокойная безопасная жизнь (79,4% и 47,9%).

Еще одним важным показателем, характеризующим динамику изменения ценностей от поколения к поколению, является выбор тех качеств, которые родители считают целесообразным воспитывать в ребенке. Понятно, что есть определенный набор черт, которые являются первичными для всех поколений и очень постепенно или практически не меняются в социальном пространстве: чувство ответственности, трудолюбие, терпимость и уважение к другим. При этом есть ряд ориентиров, приоритетность которых резко возрастает от одного от поколения к другому, и подчеркивает поколенческие разрывы: независимость (молчаливое поколение: 11,3%, поколение Y: 33,7%), воображение (5,2% и 14,0% соответственно), упорство и настойчивость (30,9% и 56,0% соответственно), искренность (24,7% и 35,7% соответственно). Среди качеств, ценность которых

постепенно падает: бережливость и хозяйственность (54,6% и 39,6% соответственно), послушность и уважение к старшим (67,0% и 53,8% соответственно).

Внутри поколений все выявленные тенденции не зависят от влияния условий жизни, так как распределения идентичны как в городской, так и в сельской среде. Понятно, что определенную роль в таком выборе оказывает определенный этап жизненного цикла людей, представляющих то или иное поколение. Однако, очевиден тренд, иллюстрирующий динамику социальной реальности, формирование нового формата социального пространства, формирование качественно иных типов личности с другими подходами к социальной жизни и реализации в ней своего потенциала.

1. Гаврилова А.В. Социально-психологические особенности ментальности «нового поколения» // Вестник удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2016. Т. 26, вып. 2. С.56-63.
2. Исаева М.А. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Знание. Понимание. Умение. 2011. №3. С. 290-295.
3. Тихонюк Н.Е. Использование теории поколений Хоува и Штрауса при разработке маркетинговых программ предприятий сегмента HoReCa // Российское предпринимательство. 2015. № 3 (273). с. 477-484. <http://www.creativeconomy.ru/journals/index.php/rp/article/view/93/>
4. Социологическое исследование «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года», ИСИ РБ (ИСППИ РБ). Объект исследования: население РБ в возрасте от 18 до 75 лет; выборка: стратифицированная с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по половозрастной структуре; общий объем выборки: 6300 чел.; сроки полевых работ: июль-сентябрь 2015 г.

ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Яримака С.К., Николаева М.Е., Сорокина Н.Д. (Москва)

В настоящее время наряду с другими причинами, вызвавшими революционные события 1917 года, исследователи отмечают и особую роль студенчества. Значительное влияние этого фактора объясняется как эффектом «молодежного бугра», «способного вызвать революцию даже в относительно благополучной стране», так и социальным положением. В.И. Ленин, вождь революции, называл не рабочих, а студенчество «авангардом демократических сил», ведущих настоящую борьбу с Самодержавием [1]. Являясь, по высказыванию А.Е. Иванова, «профессиональной интеллигенцией в перспективе» [2, с.6], студенчество принимало этические нормы, свойственные русской интеллигенции: сострадание, чувство ответственности за угнетенное положение народа, «жажда» спасения мира и т.п. Поэтому студенчеству стали чрезвычайно близки лозунги Февральской революции.

С.В.Зверев в статье «Пантеистическая интеллигенция и студенты. Основная движущая сила революции в России 1825-1917» пишет о «проведении захвата власти руками студентов» как в революции 1905-1907 годов, так и февральской революции 1917, уничтожая миф «о революции как о результате народного недовольства и последствии системного кризиса Империи». В статье автор на основании множества фактов как из уже введенных в научный оборот источников, так и из газет того времени, биографий, дневников и воспоминаний современников революционных событий доказывает свою точку зрения и делает вывод: «в феврале-марте 1917 студенты стали «связующими звеньями» между рабочими и интеллигенцией. Такая связующая роль – есть ключевая и организующая». «Без направляющей руководящей силы рабочие и солдаты идут на погромы, но никогда – на захват правительственных учреждений и создание собственной власти». «Любые политически мотивированные действия совершались через студентов, получавших указания свыше из центров управления революцией» [1].

Здесь необходимо отметить, что «принципиальная оппозиционность к доминирующим в социуме институтам (прежде всего в отношении к политическому режиму, к религиозным и идеологическим установкам) является одним из фундаментальных признаков русской интеллигенции» [4, с. 104]. Именно традиция оппозиции, противостояния объединяет интеллигенцию разных поколений, в том числе и студенческую молодёжь, идеализм, радикализм, экстремизм, социальная обособленность, корпоративность, оторванность от семейных статусных интересов, свобода поведения, подверженность внушению, склонность к массовым выступлениям и т.п.

Историк А.Ю. Мартынова в статье «Российское студенчество и Февральская революция», опираясь на архивные материалы, периодическую печать и опубликованные воспоминания, подробно описывает участие студенчества в событиях 1917 года: ежедневные политические сходки и демонстрации в январе и феврале; самостоятельная работа социал-демократических организаций во всех университетских центрах, печать и распространение листовок и прокламаций; организация отрядов студенческой милиции и санитарных отрядов студентов-медиков; помощь в освобождении политических заключенных и организация питания солдат; погром полицейских участков; снабжение продовольствием ряда воинских частей; арест полицейских чинов и т.п. Университетская жизнь фактически перестала существовать, студенты совершенно забыли о своих прямых обязанностях. «С начала марта 1917 года студенты перестали учиться и студенчество как общественная прослойка начала постепенно разлагаться. В итоге к октябрю 1917 года эта активная прослойка уже не существовала. Она представляла собой развалившуюся социальную структуру с нарушенными общественными связями» [3].

Иллюстрируя политическую палитру студенчества, значительно «полевевшую» к началу 1917 года, А.Ю.Мартынова пишет: «Накануне Февральской революции социал-демократы и социалисты-революционеры активно работали во всех университетских центрах. И приводит данные выборов в студенческие органы самоуправления, проходившие в апреле 1917 года: «в совете старост Петроградского университета после выборов в апреле 1917 г. было представлено 40 % кадетов и 7 % внепартийных членов, остальные места поровну поделили между собой эсеры и социал-демократы. В Петроградском политехническом институте: 42 % кадетов, 50 % эсеров и 8 % социал-демократов. В Московском университете на историко-филологическом факультете в совете старост Партия народной свободы получила 50 % всех мест, 17 % получил блок социалистических партий, в состав которых входили эсеры, меньшевики, народные социалисты, трудовики и бундовцы, а 33 % всех мест получили внепартийные представители. На Медицинском все 100 % мест получил блок социалистических партий. В Московском коммерческом институте кадеты получили 32 %, эсеры – 40%, а социал-демократы – 16 %». «По данным печати 1917 г., примерно такая же ситуация сложилась и в общегородских студенческих объединениях России: в Совете студенческих представителей Москвы, Совете советов вузов Петрограда, Совете представителей высших учебных заведений Казани, Коалиционном студенческом совете Киева, Центральном комитете студенчества Одессы» [3].

В год столетия революционных событий 1917 года в СМИ, в интернет-пространстве появляется много материалов просветительского характера, посвященных этим событиям. В частности, в Проекте Arzamas размещен тест «Политический компас России», подготовленный историками Александром Резником и Дмитрием Голубовским. Оценив 27 высказываний, можно определить какие из десяти основных политических сил революции поддержали бы наши современники, если бы жили сто лет назад. Несмотря на то, что данный тест нельзя использовать для того, чтобы определить современные предпочтения (позиции партий жестко привязаны к сентябрю 1917-го), тест дает определенное представление о взглядах наших современников [6].

В рамках проведения занятий по социологическим дисциплинам тестирование прошли студенты 1, 2, 3, 4 курсов одного московского вуза (МАИ - Московского Авиационного института (национального исследовательского университета), обучающихся по следующим направлениям: «Управление персоналом», «Государственное муниципальное управление», «Экономика фирмы», «Испытание летательных аппаратов» дневного и заочного отделений. Всего было опрошено 95 человек. Тестирование показало, что большинство современных студентов (72 человека) разделяет взгляды социалистических партий (эсеры-центристы, правые эсеры, меньшевики-центристы и меньшевики-оборонцы). Значительно меньше студентов поддержали партию большевиков и партии, нередко сотрудничавшие с большевиками (левых эсеров, меньшевиков-интернационалистов и анархистов) – 12 человек (по данным сайта Arzamas, «на выборах в Учредительное собрание в целом по стране большевики получили 24,5 % голосов, но в Петрограде и Москве – 45 и 48 %). Остальные - оказались «страшно далеки от политических событий». Партии кадетов и черносотенные организации не поддержал никто. Поэтому не удивительно, что несмотря на прошедшее столетие, «в российском обществе до сих пор идет «гражданская» война на ментальном и интеллектуальном уровнях одной из линий разлома является отношение к октябрьской революции и гражданской войне» [5, с. 211].

На протяжении всего 2017 года авторы проводили мини-опрос с целью выяснения исторической памяти студенчества. Если в начале года для большинства студентов Октябрьская

революция была «большевистским переворотом», то осенью голоса студентов разделились примерно поровну между «большевистским переворотом и «закономерным этапом смены общественно-экономического строя страны». Изменения произошли и в отношении разделения студентов на «за красных», «за белых» или «ни за тех, ни за других». Если весной подавляющее большинство выбирали ответ «ни за тех, ни за других», то осенью видно более четкое разделение на каждую группу с заметным перевесом тех, кто «за красных». Авторы объясняют подобный эффект тем, что тема революции в этом году «на слуху» и в средствах массовой информации идет «героизация» представителей той и другой стороны. Перевес в сторону «красных» объясняется скорее конформистскими мотивами чем политическими («за победителей!», «итог битвы известен»). Но были и такие ответы: «Скорее всего, я был бы за красных и вот почему: красные имели вполне определенные цели, в частности, установить власть народа, отдать землю крестьянам и т.д., а, учитывая, что белые имели цель разрушить Россию как государство, то я бы не мог этого допустить». Среди причин событий 1917 года традиционно называются финансовый и экономический кризис, расслоение общества, недовольство и обнищание народных масс, провалы России в военных действиях и т.п. Оценка последствий революций и гражданской войны большинством была выражена как «в результате этих событий Россия превратилась в великую державу», хотя и с оговоркой «на определенный период»; меньшинство считает что, «развитие страны было насильственно прервано и страна откатилась назад». Среди оценок тех событий наряду с заушенными типа «война это ужасно», «революции ничего не решают», были и достаточно интересные: «Война всегда плохо, это смерть и страдания невинных людей, но другого выхода не было. Россия застряла при Николае II, и я считаю, что при таких темпах без этой революции нашей страны не существовало. Война это ужасно, но человеку необходимо пройти еще большой путь, чтобы достичь обеспеченного, ни в чем не нуждающегося, гуманного общества, и этот путь кровавый. Я считаю, что революция была необходима»; «Уроки извлекаем следующие: народ – такая же сила, как власть и армия, поэтому при формировании законов или пути политики необходимо искать консенсус; смена власти всегда болезненный процесс, так как всегда есть сторонники той или иной политики»; «Революция совершается для улучшения условий жизни в стране, однако без крови революции не бывает. Необходимо понимать, что у медали есть обратная сторона. Людям приходится умирать, чтобы после них хорошо жили их родственники»; «Любая революция это жертвы, сколько людей, столько и мнений; и никто не может угадать, при каком режиме будет лучше. И всегда будет страдать простое население» и др.

Таким образом, подводя краткие итоги, можно сделать вывод, что современные студенты, к сожалению, очень плохо знают историю, хотя и стараются как-то разобраться в событиях столетней давности, отголоски которых слышны и сегодня. Более того, вызывает озабоченность тот факт, что они не знают историю своей семьи. Только единицы знают, кем были их предки.

1. Зверев С.В. Пантеистическая интеллигенция и студенты. Основная движущая сила революции в России 1825-1917. URL: <http://stzverev.ru/archives/608#more-608> (дата обращения: 11.04.2017)

2. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба. М., 1999.

3. Мартынова А.Ю. Российское студенчество и февральская революция. Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13). URL: http://www.nivestnik.ru/2005_2/9.shtml (дата обращения: 11.04.2017)

4. Николаева М.Е., Сорокина Н.Д., Ярмака С.К. Интеллигенция и власть: историческое развитие. В сб.: Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире. Материалы XI Международной научной конференции: в 2-х томах, 2016. Издательство: Бурятский государственный университет (Улан-Удэ). С. 102-108.

5. Сорокина Н.Д. Настроения масс, представление о справедливости как фактор революций 1917 г. и Гражданской войны. В сб.: Русская революция и современный мир: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Нижний Новгород, 23-24 апреля 2017 г.). В 2-х частях, 2017. Изд-во Нижегородской государственной медицинской академии (Нижний Новгород), с. 206-212.

6. Проект Arzamas URL: <http://arzamas.academy/materials/1258> (дата обращения: 28.09.2017)

1. Зверев С.В. Пантеистическая интеллигенция и студенты. Основная движущая сила революции в России 1825-1917. URL: <http://stzverev.ru/archives/608#more-608> (дата обращения: 11.04.2017)

2. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба. М., 1999.

3. Мартынова А.Ю. Российское студенчество и февральская революция. Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13). URL: http://www.nivestnik.ru/2005_2/9.shtml (дата обращения: 11.04.2017)
4. Николаева М.Е., Сорокина Н.Д., Ярмака С.К. Интеллигенция и власть: историческое развитие. В сб.: Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире. Материалы XI Международной научной конференции: в 2-х томах, 2016. Издательство: Бурятский государственный университет (Улан-Удэ). С. 102-108.
5. Сорокина Н.Д. Настроения масс, представление о справедливости как фактор революций 1917 г. и Гражданской войны. В сб.: Русская революция и современный мир: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Нижегород, 23-23 апреля 2017 г.). В 2-х частях, 2017. Изд-во Нижегородской государственной медицинской академии (Нижегород), с. 206-212.
6. Проект Arzamas URL: <http://arzamas.academy/materials/1258> (дата обращения: 28.09.2017)
1. Зверев С.В. Пантеистическая интеллигенция и студенты. Основная движущая сила революции в России 1825-1917. URL: <http://stzverev.ru/archives/608#more-608> (дата обращения: 11.04.2017)
2. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века: Социально-историческая судьба. М., 1999.
3. Мартынова А.Ю. Российское студенчество и февральская революция. Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13). URL: http://www.nivestnik.ru/2005_2/9.shtml (дата обращения: 11.04.2017)
4. Николаева М.Е., Сорокина Н.Д., Ярмака С.К. Интеллигенция и власть: историческое развитие. В сб.: Интеллигенция, ее гражданские позиции в современном мире. Материалы XI Международной научной конференции: в 2-х томах, 2016. Издательство: Бурятский государственный университет (Улан-Удэ). С. 102-108.
5. Сорокина Н.Д. Настроения масс, представление о справедливости как фактор революций 1917 г. и Гражданской войны. В сб.: Русская революция и современный мир: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Нижегород, 23-23 апреля 2017 г.). В 2-х частях, 2017. Изд-во Нижегородской государственной медицинской академии (Нижегород), с. 206-212.

СЕКЦИЯ 10: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ И НЕКОТОРЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Абраева А.А. (Ишим)

В настоящее время одним из важнейших направлений политики государства является укрепление состояния муниципальных образований, усиление их финансовой самостоятельности.

По словам президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, местное самоуправление должно быть устроено так, чтобы каждый гражданин мог «дотянуться до нее рукой». И в самом деле. Местная власть является первым, нижним уровнем публичной власти для организации жизнедеятельности местного населения. Немаловажным для местной власти является умение слушать и слышать людей, рассматривать с ними волнующие их проблемы и стараться результативно их решать в рамках своей компетенции. Для этого необходимы соответствующие средства: организационные, кадровые, финансовые.

По состоянию на 1 января 2016 года число муниципальных образований в России составило 22 406 ед., из них сельских поселений — 18 177 ед. Таким образом, сельские поселения приходятся на 81 % муниципальных образований, а муниципальные районы примерно составляют 8 %. Другими словами, 89 % муниципальных образований связано с селом. Именно поэтому от эффективной работы сельской власти зависят не только жизненные условия сельских жителей, но и вся работа предприятий, связанных с сельскохозяйственным производством. Тем самым будут решены вопросы импортозамещения, проблемы обогащения рынка отечественными продуктами. Совершенствование местного самоуправления способствует подъему агропромышленного комплекса; а усиление экономического состояния отрасли создает предпосылки для развития социальной инфраструктуры села.

На сегодняшний день можно выделить следующие проблемы, которые связаны с организацией местного самоуправления в сельской местности:

Во-первых, это отсутствие необходимых для развития ресурсов. А именно финансовых, материальных. Такая проблема возникает из-за того, что сельские поселения, имея статус муниципальных образований, так или иначе, находятся под подчиненностью районной власти. Под местным самоуправлением подразумевается форма решения населением непосредственно или через избранные им органы своих социально-экономических проблем в рамках территории своего проживания, опираясь, преимущественно, на собственные ресурсы, к которым относятся, прежде всего, собственные доходы.[1] Однако сельские поселения этим ресурсом обделены.

Решением данной проблемы может стать передача полномочий районных властей, связанных с финансированием, сельским администрациям, оставив при этом за районами вопросы регулирования и при надобности - поддержки сельских поселений.

Во-вторых, это низкая гражданская активность сельчан, которая характеризуется безразличием, социальной апатией, чувством безысходности граждан. Именно с таким населением сложнее всего работать, сотрудничать, вместе развивать село. Снизить до минимума отрицательные явления можно благодаря совершенствованию сельского самоуправления. Необходимо создавать и осуществлять мероприятия для приобщения граждан к решению вопросов местного значения. Так как развитие местного самоуправления, по моему мнению, без активного участия в нём населения невозможно.

В-третьих, ещё одной немаловажной проблемой является недоверие и неоднозначное отношение населения к органам местного самоуправления. Для решения данной проблемы можно ввести процедуру прямых выборов населением глав сельских поселений. На мой взгляд, это будет способствовать усилению ответственности глав перед жителями.

В-четвёртых, по сей день в сельском хозяйстве действует множество фирм и организаций, которые не заинтересованы в совершенствовании экономики села, а лишь считают своей главной целью - монополию на экономическую и политическую власть. Органам сельского самоуправления необходимо поддерживать предпринимателей, сельскохозяйственных производителей, продвигать отечественную продукцию на местные рынки, а тем самым развивать экономику села.

И наконец, можно выделить и такие проблемы, как отсталое развитие коммунальной инфраструктуры и муниципального хозяйства на селе, информационная обособленность, малоутешительное состояние сельского здравоохранения, образования. Чтобы минимизировать все эти негативные факторы, сельским властям следует улучшить условия жизни и быта сельчан.

На сегодняшний день сельское самоуправление в России находится на стадии незначительного роста. Решение всех проблем, связанных с замедленным развитием сельских поселений, способно улучшить и усовершенствовать механизм организации местного самоуправления. Равнодушное отношение к таковой проблеме чревато тем, что в скором времени село, как муниципальное образование, исчезнет вовсе. А этого допускать для нашей страны никак нельзя.

1. Адуков Р.Х., Адукова А.Н., Миндрин А.С. Местное самоуправление на селе: состояние, проблемы и пути развития. // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2007. №9.

2. Федеральный закон от 06.10.2003 №131-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.08.2017).

КИНОФИЛЬМ «МАТИЛЬДА»: УДАЧНАЯ PR-КОМПАНИЯ ИЛИ НОВАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.

Аракелян А.А., Моисеева Е.О. (Москва)

О роли массовой культуры в процессах трансформации современного общества посвящен не один десяток работ и исследований. В эпоху господства постиндустриального и информационного общества, для которых характерно формированием новой социальной модели и образцов поведения, круг выполняемых массовой культурой функций существенно изменяется и расширяется. В данном контексте интересна точка зрения А.Б. Гофмана, который подразумевает

под массовой культурой особое состояние культуры в кризисный период общества, когда развивается процесс распада ее содержательных уровней. [1]

Увеличение числа информационных каналов, возникновение инновационных форм реализации информации неизбежно влечет усложнение всего информационного пространства. В этом смысле феномен массовой культуры выступает как «универсальная форма адаптации человека к стремительно изменяющимся условиям его существования, реализуя свой гедонистический и рекреационный потенциал, выступая как механизм идентификации». [2] Приобщение к массовой культуре дает возможность проявить свою сопричастность с социальной реальностью, приспособиться к новым ценностям и стилям жизни.

Особо актуальной для 21 века формой существования массовой культуры является кинематограф. На примере кинофильма «Матильда» режиссера Алексея Учителя нами будет рассмотрено влияние массовой культуры на социальные группы и вытекающие из этого последствия.

Выбор данного произведения киноискусства объектом анализа неслучаен, поскольку фильм «Матильда» еще до реализации в официальном прокате получил широкий общественный резонанс. Сюжет фильма вызвал совершенно противоположные мнения и реакции, на фоне которых наиболее ярко выделяются возмущения и требования запрета кинопоказа со стороны общественных активистов и политических фигур. Переплетение искусства, истории, политики, коммерции и простого человеческого любопытства создают особую напряженную и интригующую атмосферу вокруг данного фильма.

Основные положения, которые вызвали наибольшее волнение и несогласие, заключаются в неверной трактовке исторических событий, искажении исторического образа Николая II, который причислен РПЦ к лику святых. Кроме этого, акцентируется внимание на исполнителе главной роли, который имеет незавидную репутацию в киноиндустрии. Вышеописанные негодования привели к определенным протестным акциям: угрозы в отношении режиссера, погром на студии Алексея Учителя в Санкт-Петербурге и поджог машины его адвоката. [3]

Интересна точка зрения, согласно которой скандал вокруг фильма рассматривается как попытка организации цветной революции в России, поводом для которого станет выход фильма «Матильда» в широкий прокат. Данный инцидент послужит катализатором массовых беспорядков, в которых отразится несогласие части населения с внутренней и внешней политикой страны, а также наличие внутригосударственных проблемам. Среди этих проблем особо выделяют большую волну протестных движений, в том числе антикоррупционных в 2017 году, высокий уровень доходной дифференциации среди населения, нестабильное экономическое положение, которое выражается в зависимости от сырьевого сектора. [4] Приверженцы данной позиции убеждены, что фильм «Матильда» поспособствует ослаблению единства российского общества, обострению внутригосударственных противоречий. Кроме этого, отмечается возможность формирования протестного электората на выборах в марте 2018 года (в лице православных активистов и прочих противников киноленты), так как действующая власть не оказывает негативной реакции в отношении фильма Алексея Учителя «Матильда». Согласно другим воззрениям, запрет кинопроката фильма на территории нескольких субъектов РФ является наглядным примером реализации принципа федерализма, что также неоднозначно.

Какого отношение россиян к фильму и событиям, разворачивающимся около киноленты? Способен ли продукт массовой культуры побудить граждан к массовым действиям? Должны ли вмешиваться социальные и политические акторы в сферу искусства? В данном исследовании нами будет рассмотрен тезис о том, что в контексте кинофильма «Матильда» массовая культура выполняет не исходную функцию рекреации - получение наслаждения, а совершенно нетипичную функцию призыва к социальным действиям.

[1] Гофман А.Б. *Мода и люди: новая теория моды и модного поведения*. - М.: Наука, 2004. 138 с.

[2] Костина А.В. *Массовая культура как феномен постиндустриального общества* - М.: ПГБ, 2005.

[3] – URL: https://ria.ru/trend/reaction_matilda_08022017/

[4] – URL: <http://rusrand.ru/analytics/mificheskij-rost-rossijskoy-ekonomiki-v-2017-godu>

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ИНСТИТУТ ФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.

Баженов А.М. (Тула)

Аннотация. В статье анализируется местное самоуправление в качестве важнейшего фактора гражданского общества. Рассматриваются сложности, которые приходится преодолевать органам местного самоуправления при выполнении своих функций.

Самоуправление в России традиционно было связано с земской идеей – идеей народности, власти, исходящей от земли, от народа. Местное самоуправление в форме земства в российских городах и селах было известно еще с XVI века, но наибольшего расцвета оно достигло в период между 1864 и 1917 годами. Земство выступало, как отмечал А.И. Солженицын, «органом целящим, восстановительным, воспитательным, убеждающим, открывающим простор для разумных и действенных сил населения» [2].

Девятнадцать лет назад Россией была подписана Европейская хартия о местном самоуправлении. Она стала основой для разработки и принятия базового 131 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Он был принят в 2003 году, а вступил в силу с 1 января 2009 года. В законе фиксируется разделение всех муниципальных образований на пять типов: сельское поселение, городское поселение, муниципальный район, городской округ и внутригородская территория федерального значения. Федеральным законом от 27 мая 2014 года № 136–ФЗ введено два новых вида муниципальных образований: городской округ и внутригородской район.

В настоящее время значительная часть наших соотечественников разделяет мнение о том, что местное самоуправление является одним из институтов формирующегося гражданского общества современной России. Но чтобы придать импульс росту местного самоуправления, нужны неординарные действия со стороны разных групп населения.

В литературе используется два термина: местное самоуправление и муниципальное управление. Под местным самоуправлением подразумевается непосредственное участие населения в решении проблем местного значения, деятельность выбранных населением органов, направленная на выявление социальных проблем людей, проживающих на территории муниципального образования, выработку вариантов и способов их решения. Непосредственно население включено в такую деятельность через участие в принятии решений с помощью референдумов, сходов. Конечно, это вытекает из законодательных актов. На практике осуществить то или иное решение, затрагивающее интересы жителей поселения, бывает сложно. Здесь можно сослаться на пример, подробно описанный на страницах «Новой газеты» [1]. В 2013 г. в тверской деревне Кострецы была закрыта школа, в которой учились 34 ребенка. Произошла оптимизация. Жители Кострецов вышли на пикеты, пригласили журналистов, обратились к президенту. Они хотели отстоять право на доступное образование для своих детей. «Новая газета» объявила сбор средств на строительство новой школы, так как старая школа оказалась в аварийном состоянии. Но инициатива не увенчалась положительно. Как пишет газета, все уперлось в равнодушие и беспомощность областного правительства.

Муниципальное управление – взаимодействие органов местного самоуправления с учреждениями, призванными осуществлять решения. Речь идет об учреждениях здравоохранения, образования, досуга, транспорта. ЖКХ.

В результате реализации муниципальной реформы в России увеличилось количество муниципальных образований. До проведения реформы их было 11783. В настоящее время у нас 22327 муниципальных образований.

Конечно, эффективность деятельности органов местного самоуправления во многом зависит от координации во взаимоотношениях с государственными структурами. Это означает, что вся деятельность местного самоуправления развивается на основе и в соответствии с законами, действующими на территории государства. В то же время все государственные органы, должностные лица, предприятия и учреждения, граждане и их объединения обязаны соблюдать права местного самоуправления. В конечном итоге это будет способствовать развитию гражданского общества.

В то же время эксперты отмечают, что в 131 законе четко не названы источники финансирования муниципальных структур. Если говорить о некоем идеале, то местное самоуправление – это сообщество плательщиков налогов, которые живут по соседству друг с другом и напрямую или через выбранных ими лиц решают, на что потратить свои собственные

деньги. У нас, к сожалению, все налоги уходят вверх, откуда затем перераспределяются произвольно и не полностью.

В законе провозглашается принцип «деньги прикрепляются к полномочиям». Но в этой связи возникают вопросы о том, сколько «стоит» каждое полномочие в конкретном отдельном случае и какие доходные источники кому будут переданы. Однозначных ответов на них нет.

Предлагается и другой способ решения этой проблемы. Значительная часть поселений передает свои полномочия муниципальному району. По такому пути пошли примерно восемьдесят процентов сельских муниципалитетов России. В Тульской области только 37 из 103 муниципальных образований большую часть полномочий исполняют самостоятельно. Остальные делегируют на уровень района от 10 до 20 вопросов местного значения. Едва ли это можно отнести к признакам гражданского общества.

В России институты городского соседства и соседской взаимопомощи крайне слабы, как и другие институты гражданского общества. Судя по материалам международных сравнительных исследований, Россия выделяется среди 28 стран Европы самым низким уровнем ценности гражданской солидарности и взаимного доверия. Опыт показывает то, что именно местное самоуправление сделало Европу Европой. Отсутствие реальных полномочий у наших муниципальных депутатов тормозит строительство демократии в России.

В то же время следует отметить проявление определенной активности граждан в крупных городах. Традиционный костяк городского гражданского сообщества составляют инициативные группы, которые на местном уровне решают насущные проблемы. Они объединяют наиболее активных людей из товариществ собственников жилья, соседей по дому, жильцов проблемных общежитий, которые помогают наладить работу социальных сервисов города, заставляют местные органы власти соблюдать закон, быть более открытыми, внимательными к потребностям местных жителей.

Из таких горожан вырастают городские эксперты, которые профессионально анализируют городские проблемы и решения. К такой деятельности близки городские общественные инициативы: объединения людей, которые формируют общий взгляд жителей на город и самоуправление на уровне «корней травы». Появляются многочисленные инициативы городского гражданского контроля – сообщества автомобилистов, занимающиеся контролем состояния дорог, «Архнадзор», контроль общественного транспорта, «Синие ведерки» и другие.

Думается, в эту работу внесут новую струю муниципальные депутаты, избранные 10 сентября 2017 года.

Таким образом, местное самоуправление становится важным звеном формирующегося гражданского общества в современной России.

1. Горюхина Э. Хроники костречского сопротивления // Новая газета. 2017. № 91, 92.
2. Солженицын А. Россия в обвале. М.: Русский путь, 1998. С. 194.

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ МОНОПРОФИЛЬНЫХ ГОРОДОВ

Батраева Г.В. (Тольятти)

Работа выполнена в рамках гранта РФФИ проект № 17-46-630560 «Концептуальная инновационная модель социо-эколого-экономической системы Самарского региона».

Аннотация: Мировой экономический кризис заставил обратить внимания на ряд сложных проблем российских монопрофильных городов. В настоящее время ситуацию в моногородах можно охарактеризовать как кризис самоопределения: с одной стороны, город выступает для его жителей как некая ценность, с другой стороны, жители все меньше участвуют в жизни города. Это влияет на срочность принимаемых мер и актуальность проблем. Проблема поиска способов изменения ситуации в моногородах, адекватных рыночным условиям хозяйствования и обеспечивающих возможность саморазвития городов, сводится к разработке качественно новых подходов как к методологическим проблемам анализа социо-эколого-экономического положения моногородов, так и к совершенствованию механизмов управления процессом устойчивого развития моноспециализированных городов.

В нынешний период помощь монопрофильным территориям на федеральном уровне осуществляется в рамках целевых проектов: «Жилище», «Реформирование жилищного коммунального хозяйства», «Развитие транспортной системы России 2010 2020 годы». Основная задача на сегодня, которую приходится решать Правительству Российской Федерации, заключается в том, чтобы сделать механизм перемен условий в моногородах, соответствующей

рыночной экономической системе и благодаря тому гарантирующей возможность саморазвития данных населенных пунктов и их гибкой адаптации к переменам окружающей среды без постоянного обращения к ресурсам страны. Каждый из регионов должен представить в Министерство регионального развития комплексный инвестиционный план развития территории, с целью решить представленную проблему. Формализованный механизм управления рисками и прогноза ситуации в монопрофильных муниципальных образованиях представляет собой комплексный инвестиционный план (КИП) модернизации моногорода [1].

Комплексный инвестиционный план, позволяет сконцентрировать возможности федеральных, региональных целевых проектов и стратегий развития в процессе их осуществления; формирует условия с целью реализации программ на принципах частного государственного партнерства; представляет собой главное основание государственной помощи; дает шанс определить наилучший способ развития города. Переход моногорода в зону управляемого риска, увеличение эффективности бюджетной сферы и бизнеса, развитие малого и среднего предпринимательства, ориентированного на модернизацию, рост качества жизни населения, создание альтернативных производств, переход от индустриального к инновационному пути развития – ко всему этому нас должна привести реализация КИПов развития моногородов.

На наш взгляд, с целью осуществления поддержки монопрофильных зон в регионах должна быть организована методологическая помощь в работе согласно формированию комплексных инвестиционных проектов [2].

Рассмотрим характеристики инновационного климата на базе восьми частных условий, каждый из которых, характеризуется некой целой группой показателей.

Ресурсный фактор, включает все типы ресурсов, которые являются природной основой для развития производительных сил (минерально-сырьевые ресурсы, аграрные средства).

Промышленный фактор, представляет собой совокупные итоги и результаты хозяйственной деятельности населения определенной территории (объем производства, балансовый доход) [3].

Потребительский фактор предусматривает совокупность покупательной способности населения определенной территории и содержит показатели дохода населения, расхода и суммы взноса населения.

Инфраструктурный фактор определяет комплекс инфраструктурной обеспеченности территории.

Бюджетно-финансовый фактор представляет собой совокупность налоговых и иных денежных поступлений в бюджетную систему территории (размеры налоговых поступлений, субвенций).

Инновационный фактор обусловлен процессами развития национальной инноваторской системы, отображает возможности местности в процессах производства и внедрения инноваций.

Трудовой фактор содержит комплекс трудовых ресурсов, их профессионально-квалификационный уровень, который содержит информацию о данных численности безработных, численности экономически активного населения.

Институциональный фактор предполагает уровень развития социально-экономических институтов, которые функционируют в рамках муниципального экономического пространства.

С целью эффективного управления моногородом важно создать комплексную единую систему показателей, которая отражает стратегические приоритеты, кроме того позволяет дать оценку изменениям всех систем, которые, в свою очередь, определяют успешность развития территории.

Впоследствии цикла развития необходимо поддерживать и находить новые цели и задачи моногорода. Развитию предпринимательства в моногородах нужно уделить особое внимание, потому что это дает новый импульс жизни города. Кроме того, необходимы новые предложения, новые мысли и идеи, ранее не связанные с предприятием, однако, которые способствуют занятости населения, развитию малого бизнеса, повышению его социального статуса [4].

Большая часть методик, как отечественных, так и зарубежных, сходятся в том, что необходимо обязательно оценивать следующие аспекты при инновационном развитии моногородов: социальную сферу, экономическую сферу, бюджет, ресурсный потенциал.

Ярким примером государственного регулирования экономики является управление моногородами. Активное участие в данных процессах должно принимать население города. Необходимо организовать обучение новым профессиям, а также способствовать повышению квалификации для того чтобы уменьшить структурную безработицу. Муниципалитеты должны

заниматься развитием производственной и социальной инфраструктуры города, осуществлять службу по формированию новых рабочих мест [5; 6, С.183]. Любой моногород должен оцениваться не только лишь по финансовым, но и согласно общественным показателям. Новые пути инновационного развития и реформирования производства должны учитывать потребности, как всего региона, так и страны в целом.

Предоставление поддержки моногородам в поиске новых партнеров, клиентов, заказчиков должна осуществлять государственная структура [7]. Кроме того, данная структура должна содействовать переходам компаний на новые уровни развития, для того, чтобы привлечь как российские, так и иностранные компании.

1. Антипов А.Г. *Российское общество: пути модернизации и инновации // Проблемы теории и практики управления.* 2011. – № 5. – С.104-110.
2. Васильева, Е. *Особенности эффективности социальной политики: региональная практика / Е. Васильева // Власть.* 2012. № 12. – С. – 29-33.
3. Гольц, Г. А. *Инфраструктура и общество: принципы стратегии опережающего развития России / Г. А. Гольц // Экономическая наука современной России.* 2010. – № 2. – С. 5-21.
4. Гусев, А. *Оптимальные уровни экономического неравенства регионов в федеральных округах / А. Гусев // Общество и экономика.* – 2013. – № 12. – С. 52-84.
5. Касаев, Б. С. *Управление развитием инновационного потенциала: понятия и факторы / Б. С. Касаев. М.: Роскнига. – 2010. – 209 с.*
6. Горбачева Н.Б. *Картина городской жизни тольятти: опыт комплексного научного подхода. / Горбачева Н.Б., Егорова О.В., Желнина Е.В., Житенев Т.Е., Иванова Т.Н., Лепешкина Л.Ю., Манова М.В., Овсянников В.П., Овсянникова М.В., Овсянникова Н.В., Ростова А.В., Скрипачева И.А., Цветкова И.В. Коллективная монография. Тольятти, 2010.*
7. Иванова Т.Н. *Экономическое проектирование системы координации действий региональных структур по формированию векторов социально-трудовой мобильности населения // Карельский научный журнал.* 2016. Т. 5. № 4 (17). С. 242-246.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Бахтин Е.Л. (Екатеринбург)

В течение последних лет в отношении субъектов малого и среднего бизнеса в РФ было достигнуто главное - понимание значимости состояния и уровня развития МСБ для качественного роста российской экономики, его роли в решении поставленной задачи обеспечения структурной диверсификации и экономического развития страны по инновационному типу, предполагающему создание максимально благоприятных условий для предпринимательской инициативы.

Государственная политика в сфере поддержки малого и среднего предпринимательства базируется на нескольких законах, но основной – Федеральный закон № 209 «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 24.07.2007 [1]. В соответствии со статьёй 11 данного Федерального закона, к возможностям органов МСУ по вопросам развития малого и среднего предпринимательства относятся:

- развитие и реализация городских проектов (муниципальных программ, подпрограмм) с учетом национальных и локальных социально-экономических, природоохранных, культурных и иных особенностей;
- мониторинг финансовых, экономических, социальных и других индикаторов развития малого и среднего предпринимательства и эффективности применения мер по его развитию, прогноз развития малого и среднего предпринимательства на территориях МО;
- развитие инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на территориях МО и обеспечение ее работы;
- помощь в работе некоммерческих организаций, выражающих круг интересов субъектов малого и среднего предпринимательства, и их структурных подразделений;
- формирование координационных либо совещательных органов в сфере развития малого и среднего предпринимательства органами МСУ.

В результате всего вышесказанного, можно заключить, что система поддержки МСП на муниципальном уровне зависит от многих местных особенностей и предпосылок, но в то же время сильно ограничена рамками федерального законодательства.

Если искать лучший опыт поддержки предпринимательства в зарубежных и отечественных муниципальных образованиях, то в первую очередь следует обратиться к опыту стран Азии, которые входят в топ-5 [3] стран по легкости ведения бизнеса. Сингапур и Китай (Гонконг) – это те страны, резкий подъем экономики которых теперь называют экономическим чудом.

Интересным опытом по развитию МСП может быть город-государство Сингапур. Согласно рейтингу Doing Business, Сингапур занимает второе место в мире по легкости ведения малого и среднего бизнеса [3], а Россия в этом рейтинге занимает 40 место.

Первый очень важный момент – это наличие государственной корпорации SPRING [4], которая полностью отвечает за развитие субъектов МСП. На сайте данной компании, можно увидеть, что они поддерживают МСП на всех этапах его развития, начиная со старта компаний (гранты начинающим предпринимателям, налоговые льготы, дешевые кредиты, обучение предпринимателей и их персонала, бизнес-инкубаторы), заканчивая поддержкой конкурентоспособности компаний до конца их существования (льготные кредиты на техническую модернизацию предприятия и т.д.). Важным пунктом является то, что SPRING также занимается просвещением молодых граждан о роли предпринимательства в их государстве. Программа Young Entrepreneurs for Schools (YES! Schools) направлена на обучение детей (с 9 лет) азам предпринимательства.

Гонконг всегда выделялся на карте мира как крупная точка товарооборота. Талантливые люди, крупные финансы и редкие товары водились здесь раньше и продолжают притягиваться сейчас. Новые бизнес-проекты появляются здесь регулярно – сегодня Гонконг является самым крупным стартап-центром в Азии и занимает 4 место в рейтинге Ведения бизнеса [3].

Система налогообложения в Гонконге максимально прозрачна, а в ее основе лежит территориальный принцип – налог на прибыль, полученную непосредственно в Гонконге, составляет 16,5%; если прибыль получена за его пределами – налог не взимается. Регистрация компании занимает от пяти до десяти рабочих дней. Есть возможность экспресс-регистрации за сутки, но за это придется заплатить НК \$2 000 (около \$260).

Основатели стартапов претендуют на получение предпринимательской визы (Hong Kong Entrepreneurs Visa). Ее получают создатели бизнес-проектов, которые могут принести пользу местной экономике. Потенциальную выгоду стартапа можно доказать предварительными исследованиями, отзывами первых пользователей и клиентов и рекомендательными письмами.

Что касается муниципальных образований в Российской Федерации, то нельзя четко выделить лидеров и отстающих в сфере поддержки МСП, так как большая часть мероприятий по поддержке закладывается на федеральном уровне, следовательно, муниципалитеты имеют лишь узкий круг компетенций для развития малого и среднего бизнеса. Но тем не менее Агентство стратегических инициатив ежегодно выпускает сборник «Атлас муниципальных практик» [2], в котором выделяет лучшие муниципальные практики по следующим направлениям:

- нормативное обеспечение

Например, во всех муниципальных образованиях Ленинградской области разработаны муниципальные паспорта, содержащие, в частности, подробную информацию для инвестора. Муниципальный паспорт утверждается нормативно-правовым актом администрации муниципального образования.

- информационное обеспечение

Например, в городе Перми создан и функционирует Инвестиционный портал города (<http://invest.gorodperm.ru/>). Данный портал функционирует на трех языках: русском, английском и немецком.

- организационное обеспечение

В городе Ижевск для стимулирования предпринимательской активности в муниципальном образовании по инициативе администрации города Ижевска создана Ассоциация развития города (АРГО) (<http://argo18.ru/about/>), которая стала платформой взаимодействия бизнес-сообщества, органов власти и местного самоуправления, некоммерческих организаций и граждан в целях совместной выработки приоритетов развития города, реализации проектов и решения различных вопросов городского развития.

- практическое сопровождение

Например, город Курск с целью обеспечения конкурентоспособности продукции легкой промышленности, выпускаемой в городе Курске, за счет формирования на принципах муниципально-частного партнерства эффективных механизмов взаимодействия органов власти,

органов местного самоуправления, образования, науки, производства и банковской системы был создан Консорциум легкой промышленности.

- кадровое обеспечение

В Тюменской области был запущен проект «Инвестиционный патронаж» для муниципальных образований региона. Данный проект включает в себя два этапа. Первый этап заключается в подборе в муниципальных образованиях 3 - 5 специалистов, имеющих компетенции в сфере инвестиционной политики, хорошо знающих работу муниципального образования изнутри, мотивированных на работу с инвесторами и поддержку предпринимательства. На втором этапе происходит подписание соглашений между администрациями муниципальных образований, рамках которых договариваются между собой о том, что специалисты одного муниципального образования, наиболее преуспевающего в работе с инвесторами, помогают выстраивать работу с инвесторами в других муниципалитетах по кустовому принципу.

На примере азиатских стран мы видим, что нет никаких особых секретов в поддержке предпринимательства. Но есть интересные меры, которые Россия тоже могла бы перенять. Например, программа Young Entrepreneurs for Schools (YES! Schools) действующая в Сингапуре может быть отличным примером для России в сфере пропаганды предпринимательства, которая очень важна на мой взгляд. Гонконг – один из лучших город для начала бизнеса благодаря стартап визам, которые дают возможность основать бизнес предпринимателям со всего света, а регистрация компании за 5-10 дней (экспресс регистрация за дополнительную плату за один день) позволяет максимально упростить начало бизнеса.

В российских реалиях мы также видим, что приоритет делается на сокращение сроков оказания муниципальных услуг, предоставление комплекса муниципальных услуг, максимальное упрощение взаимодействия с местной властью. Тенденция сопровождается конкурентной борьбой муниципальных образований за частными инвестициями, посредством инвестиционных паспортов МО, введения должностей инвестиционных уполномоченных.

1. *О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».*
2. *Атлас муниципальных практик. 2015. // Официальный сайт Агентства стратегических инициатив и поддержки инновационных проектов. [Электронный ресурс] URL: <http://asi.ru/reports/41363/> (Дата обращения: 02.05.17).*
3. *Рейтинг экономик – Doing Business – Всемирный банк // Официальный сайт Всемирного банка. [Электронный ресурс] URL: <http://russian.doingbusiness.org/rankings> (Дата обращения: 02.05.17).*
4. *SPRING Singapore □ SPRING Singapore // Официальный сайт SPRING Singapore. [Электронный ресурс] URL: <http://www.spring.gov.sg/About-Us/Pages/spring-singapore.aspx> (Дата обращения: 02.05.17).*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ КАК ФУНКЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Борисов А.Ф., Трофимова Т.А. (Санкт-Петербург)

Начиная с 1991 года в России начались масштабные рыночные преобразования во всех сферах жизни общества. Естественно они не могли обойти и социальную сферу, которая получила важное значение в обеспечении социальных гарантий граждан на образование, медицинское обслуживание, социальную защиту и др.

Проблемы развития социальной сферы в период перехода России к рыночной экономике стали объектом изучения ученых-обществоведов и особенно социологов. В структуре социологического знания возникло новое направление – социология социальной сферы.

Что представляет собой социальная сфера? По мнению социологов социальная сфера представляет собой самостоятельную область жизнедеятельности общества, в которой реализуется социальная политика и создаются условия для всестороннего развития человека.

Социальная сфера представляет собой совокупность отраслей, обеспечивающих социальное воспроизводство общества и человека: образование, здравоохранение, систему социальной защиты населения, спорт, туризм, учреждения культуры и др.

Особую роль в социальном воспроизводстве человека и общества играет образование. В Законе РФ «Об образовании» оно определяется как «целенаправленный процесс воспитания и

обучения в интересах человека, общества и государства». Оно выполняет важнейшую функцию социализации человека через овладение им знаниями, умениями и навыками в различных сферах профессиональной деятельности. В этом контексте образовательные учреждения являются своеобразными фабриками по производству человеческого капитала и развития интеллектуального потенциала общества.

Основными элементами системы образования в современной России являются:

1) Среднее общее образование. Введение Единого Государственного Экзамена (ЕГЭ) в средних образовательных учреждениях положительно повлияло на доступность получения высшего образования для выпускников из других регионов в престижных вузах РФ. Например, доля таких студентов по результатам приема в СПбГУ в 2017 г. составила около 70%.

Следует отметить, что практика ЕГЭ на сегодняшний день имеет и ряд недостатков. К ним относятся:

- вопросы ЕГЭ, по мнению специалистов, не всегда достаточно полно раскрывают творческие способности выпускников средних школ;

- отсутствие письменного экзамена по ЕГЭ не позволяет более объективно оценить умение выпускников правильно с точки зрения грамматики излагать свои мысли;

- в целях совершенствования подготовки выпускников средних школ к ЕГЭ необходимо разработать единые учебные программы и учебники по этим программам.

2) Образовательные учреждения высшего профессионального образования. В системе высшего профессионального образования России произошли крупные изменения.

В 2003 году Россия подписала Болонскую декларацию и включилась в единое европейское образовательное пространство. В результате этого Россия обязалась перейти на:

- двухступенчатую систему высшего профессионального образования (бакалавриат и магистратуру);

- создать единую систему академических квалификаций, которая будет способствовать взаимному признанию дипломов;

- создать систему зачетных единиц (кредитов) в целях увеличения мобильности студентов;

- перейти на общепризнанную систему контроля качества образования как на государственном уровне (Рособрнадзор), так и на уровне вуза (Внутривузовские системы контроля качества образования».

В результате этих мер в России с 2013 по 2017 гг. было закрыто 1200 вузов и их филиалов как несоответствующих требованиям Болонского процесса (выступление Председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке Никонова В.А. на XV Международной конференции «Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы», 25-27 мая 2017 года в МГУ им. М.В.Ломоносова).

В последние годы в России имело место практика слияния вузов. В результате этой практики исчезли ряд вузов, которые имели высокий рейтинг как в России, так и за рубежом (например: Санкт-Петербургский финансово-экономический университет (ФИНЭК). Эта практика признана неудачной и волна слияний вузов приостановлена.

Важной социальной проблемой России на сегодняшний день является взаимодействие вузов и предприятий в процессе подготовки и трудоустройства молодых специалистов. Анализу опыта решения данной проблемы вузами России и Китая было посвящено специальное исследование, которое проводилось на факультете социологии СПбГУ.

Исследование проводилось методами анкетирования молодых специалистов и интервью с работниками отделов вузов, связанных с трудоустройством выпускников. Цель исследования - выявить мнение выпускников о формах их поддержки вузами в процессе трудоустройства.

Исследование выявило, что основными формами поддержки вузами выпускников в процессе их трудоустройства являются: 1) специальные обучающие курсы по трудоустройству или созданию своего бизнеса; 2) помощь в организации производственных практик; 3) информация о найме; 4) ярмарка вакансий; 5) приглашение предпринимателей в качестве преподавателей; 6) участие работодателей в государственных экзаменационных комиссиях; 7) совместное создание технопарков.

Исследование показало, что между российскими и китайскими студентами есть общее мнение о формах поддержки их вузами, но есть и различия. Китайские молодые специалисты большое значение придают такой форме поддержки как обучающие курсы по трудоустройству и созданию своего бизнеса (76%), а российские выпускники отдают этой форме поддержки (3%). Для них большое значение имеет такая форма поддержки как организация практик (77%).

Ключевое значение в транзитивной экономике играет система социальной защиты населения. Это наиболее динамичная и развивающаяся отрасль социальной сферы, целью которой является социальная поддержка и защита населения от социальных рисков.

Данная отрасль развивается по четырем основным направлениям: социальное страхование, социальное обеспечение, социальное обслуживание, социальная помощь.

В рыночной экономике базовым институтом социальной защиты выступает социальное страхование. Это связано с изменением системы финансирования социальной защиты населения. В Советском Союзе финансирование системы социальной защиты было исключительным делом государства и финансировалось из государственного бюджета. В рыночной экономике встает вопрос об участии бизнеса в финансировании социальной защиты населения. Именно с целью привлечения финансовых средств от работодателей всех форм собственности и была создана система социального страхования.

Для аккумулирования денежных средств от работодателей были созданы государственные внебюджетные фонды: Пенсионный фонд, Фонд обязательного медицинского страхования, Фонд социального страхования. Основным источником финансирования этих фондов выступают страховые взносы работодателей.

Изменилась не только финансовая основа социального страхования, но и ее правовая база. Особенно большие преобразования произошли в системе пенсионного страхования. По Федеральному Закону «О трудовых пенсиях в РФ» (2002 г.) трудовая пенсия рассчитывалась по следующей формуле:

$P = BC + SC + NC$, где P – трудовая пенсия, BC – базовая часть трудовой пенсии, SC – страховая часть трудовой пенсии и NC – накопительная часть трудовой пенсии.

В 2015 году были приняты новые пенсионные законы, согласно которым изменилась формула расчета страховой и накопительной пенсий. Теперь они рассчитываются по новой формуле: $SP = FB + ИПК$, где SP – страховая пенсия, FB – фиксированная выплата, $ИПК$ – индивидуальный пенсионный капитал в баллах. Накопительная пенсия рассчитывается по формуле:

$NP = ПН/Т$, где NP – накопительная пенсия, $ПН$ – пенсионные накопления, $Т$ – период выплат.

В заключение следует отметить, что преобразования в социальной сфере на этом не ограничиваются и в дальнейшем социологам предстоит большая работа по их исследованию и оценке.

РОЛЬ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Будникова Н.С. (Улан-Удэ)

В статье анализируется роль служб по связям с общественностью в государственных и муниципальных органах власти на современном этапе развития российского государства, учитывая актуальные теоретические и практические аспекты и проблемы в нынешнем функционировании института Public Relations в структурах государственного и муниципального управления. Предпринята попытка проанализировать необходимость и значение формирования и развития института Public Relations в органах власти России.

Постоянный диалог власти и гражданского общества, его представителями становится насущной задачей и необходимостью в системе государственного и муниципального управления.

Государственное управление в современной России основывается на двух главных факторах – рыночная экономика и демократические принципы управления. Более двадцати лет российское общество функционирует в нынешней общественно-экономической формации и пока еще находится в естественной трансформации адаптации к сложившимся за данный период новым реалиям существования. Эта особенность, по сути переходного периода к устойчивому государственному управлению, примеры которого мы видим во многих цивилизованных государствах с устоявшимися демократическими и рыночными институтами управления, должна учитываться всеми участниками, вовлеченными в процессы государственного управления в России на современном этапе, включая и специалистов по связям с общественностью в органах власти.[3]

В современных условиях функция управления связями с общественностью является важнейшим и неотъемлемым атрибутом успешной деятельности всех государственных структур. Именно Public Relations выполняют инфраструктурную роль эффективной организации государственного и муниципального управления, способствуя тем самым оптимизации механизма принятия планово-управленческих решений.

Еще одной важной составляющей необходимости и значения создания и развития института связей с общественностью в органах власти является формирование с их активной помощью и имеющимися возможностями положительного имиджа конкретного органа (учреждения) власти, а в общем формате – положительного имиджа органов власти и имиджа государственного управления в целом. Ибо ни какая иная внутренняя структура органа (учреждения) власти ни в корпоративной ни во внешней политике своей деятельности не связана с задачами создания и реализации имиджевой политики так, как связи с общественностью.

Первостепенная цель PR-служб в органах власти состоит в наладке механизма использования коммуникативного потенциала как ресурса проведения государственной политики. Коммуникационные возможности государственной власти заключаются не только в наличии эффективных информационных каналов, но и в способности общаться с населением, объяснять обществу свои решения, слышать запросы различных социальных групп[4]. Если в государственной деятельности отсутствует транспарентность и своевременное информирование населения о ближайших перспективах и ожидаемых результатах, в обществе возникают предпосылки к отчуждению населения от институтов власти и, как следствие, рождается недоверие к правительственным программам и решениям.

Следует помнить, что органы государственной власти предназначены не только для информирования общества. Это также и средство воспитания основных слоев населения с тем, чтобы стимулировать их к деятельному и продуктивному участию в решении общенациональных вопросов и проблем местного значения. В основе взаимодействия государства и общественности лежит принцип сотрудничества [1], требующий делового партнерства и коллективной ответственности за совместно выработанные и принятые решения. Сотрудничество власти и общественности способствует развитию гражданского сознания и создает благоприятный общественно-политический климат.

Нужно отметить, что существует прямая зависимость между уровнем управления и особенностями служб по связям с общественностью: в местных и муниципальных органах власти в основном реализуется коммуникативная функция и общение с гражданами постоянно и организовано. На общенациональном (республиканском) уровне акцентируется взаимодействие с прессой, аналитическая и прогностическая деятельность.

Являясь важной составляющей государственного управления, связи с общественностью обладают четкими функциями.

Главными функциями служб по связям с общественностью органов управления в условиях демократии являются: управленческая, коммуникативная, информативная, аналитико-прогностическая, организационно-координирующая, интегративная, публичная (гражданская) функции, функция пропаганды.

Реализация этих функций предполагает решение следующих задач: предвидение, анализ, прогнозирование состояния общественного мнения, интерпретация данных исследований общественного мнения, работа со СМИ, производство и распространение по различным каналам информации для различных целевых аудиторий, подготовка и проведение различных мероприятий: пресс-конференций, «круглых столов» и т.п., обеспечение активного участия граждан в мероприятиях, организуемых муниципалитетом и т.д.

Принципы функционирования служб по связям с общественностью органов государственного управления в демократическом обществе соотносятся с принципами функционирования гражданского общества. К их числу относятся: принцип социальной ответственности, демократии, принцип альтернативности, принцип бдительности, принцип приоритета права (законности), принцип технологичности.[2]

Таким образом, связи с общественностью в рамках государственных структур представляют собой многофункциональную систему по организации и обеспечению отношений с общественностью. Главная цель PR-служб в органах власти состоит в наладке механизма использования коммуникативного потенциала как ресурса проведения государственной политики.

2. Кудрявцев Г.А. Роль служб по связям с общественностью органов государственной власти в демократизации общества: автореферат дис.... канд. полит. наук: 23.00.02 / Г.А. Кудрявцев. – Москва, 2012;
3. Марков А.А. Связи с общественностью в органах власти. Учебник. — М.: ИНФРА-М, 2014.
4. Русаков А.Ю., Связи с общественностью в органах государственной власти, СПб: Издат. Михайлова В.А., 2006

ЦЕННОСТНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ РЕОРГАНИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))

Васильева Е.А. (Якутск)

В конце XX века государственное управление столкнулось с рядом существенных рисков и вызовов, обусловленных изменением принципов взаимодействия между государством и обществом. Традиционно государственные институты выполняли четыре важнейшие функции: они обеспечивали оборону, правопорядок и социальную защиту гражданам, а также гарантировали воспроизводство власти как сакральной основы общественной иерархии. Выполнение этих функций обуславливало выбор патернализма как основного принципа взаимодействия между субъектами государственной власти и гражданами: первые принимали на себя всю полноту ответственности за сохранение и воспроизведение сообщества, получая в качестве компенсации доступ к материальным благам и высокий социальный статус; вторые же получали право требовать удовлетворения своих потребностей всеми возможными способами, без учета общественной пользы. Однако постепенно в демократических государствах возник запрос граждан на участие в принятии государственных решений, на снижение административного и регулирующего воздействия со стороны государственной бюрократии, и в конечном итоге на перераспределение властных полномочий в пользу институтов гражданского общества.

Эти вызовы поставили перед государственным управлением задачу управляемой ценностной трансформации государственной службы как социального института. Такая трансформация возможна только при условии согласия между всеми акторами, как управляющими, так и управляемыми, она требует расширения пределов управляемости [1]. Механизм институциональной трансформации можно представить в виде следующего алгоритма: действующие нормы и ценности деинституционализируются, формулируются новые принципы организации взаимодействия акторов, они легитимируются, начинается их пропаганда во всех общественных сферах, акторы мотивируются к их соблюдению посредством создания и внедрения системы поощрений и взысканий [2]. Этот процесс, как правило, занимает достаточно длительное время, так как интериоризация новых норм зачастую затрудняется не только внутренней неготовностью субъектов, но и их активным сознательным противодействием. Поэтому возможны не только торможения процесса трансформации, но и реверсия, то есть возврат к ранее отвергнутым нормам, восстановление деинституционализированных ценностей.

В Российской Федерации процесс трансформации государственной службы был инициирован сверху, в ходе планирования второго этапа административной реформы. Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006-2010 гг. подразумевала активное внедрение системы «одного окна», внедрение практики оказания государственных услуг в электронной форме, а также привлечение субъектов гражданского общества для мониторинга и контроля деятельности органов государственной власти. Традиционные нормы и принципы организации государственного управления (профессионализм, формализация, рациональность и административная эффективность, а также безличность и властная иерархия) не были формально деинституционализированы, однако параллельно с ними начали пропагандироваться ценности «Нового государственного менеджмента» (NPM), а именно продуктивность, маркетингизация, ориентация на клиентов, децентрализация, ориентация на цели, заданные политиками, и отчетность по результатам. Предполагалось, что новые нормы позволят повысить эффективность государственного управления, обеспечить привлечение на государственную службу наиболее активной, творческой и образованной части общества, а также увеличить доверие между государством и обществом.

Конечно, сейчас еще рано говорить о результатах трансформации, она далека от завершения. Тем не менее, исследование, проведенное в Республике Саха (Якутия) в 2015 и 2016 гг. показывает, что новые ценности получили поддержку среди региональных чиновников, однако

эта поддержка неоднозначна и не стабильна. В 2015 г. государственные служащие разделились примерно пополам: служащие, поддерживающие традиционные ценности составили 49%, инновационные – 51%. В марте 2016 г. в республике была проведена масштабная структурная реорганизация: упразднены 10 органов исполнительной власти и созданы 2 новых, а в декабре того же года – упразднены 4 органа, образованы 2 новых и 1 орган преобразован с понижением статуса. После проведения реорганизации соотношение изменилось: теперь ценности традиционной бюрократии разделяют 50,8%, а ценности НГМ – 49,2%. На первом этапе традиционную модель поддерживали в основном мужчины в возрасте от 30 до 40 лет, имеющие стаж государственной службы от 5 до 10 лет. После реорганизации к ним присоединились женщины старше пенсионного возраста со стажем государственной службы от 10 до 15 лет, занимающие должности категории «руководитель», то есть служащие, которые традиционно составляют наиболее лояльную часть чиновничества.

Некоторые ценности модели рациональной бюрократии делегитимизировались, то есть потеряли поддержку в среде служащих. В первую очередь к ним относятся ценности власти и формализации. Распространяемое убеждение о том, что государственные служащие не являются субъектами государственного управления, получает поддержку, возможно в связи с тем, что властные полномочия как правило сочетаются с соответствующей ответственностью, которой чиновники стараются избегать по мере возможности. Также следует учесть, что бюрократичность, свойственная органам государственной власти, крайне негативно оценивается общественным мнением, что и обусловило низкую поддержку регламентационного подхода к системе организации предоставления государственных услуг.

Однако ценности высокого социального статуса и стабильности по-прежнему имеют высокий уровень поддержки среди государственных служащих. Эти ценности представляют собой основные мотиваторы, как привлекающие, так и обеспечивающие удержание кадров в органах исполнительной власти. Именно поэтому те мероприятия реформы, которые были призваны снизить социальный статус чиновников до уровня лиц, предоставляющих услуги, а также угрожающие кадровому составу, встретили активное противодействие.

В то же время, ценности модели «Нового государственного менеджмента» за период реформирования очевидно успешно усвоены служащими. Они уже готовы оценивать себя по критериям, разработанным для оценки эффективности менеджмента: высокий личностный потенциал, творческий подход к выполнению своих должностных обязанностей и высокий уровень дохода, обеспечивающий высокий социальный статус. Ценность удовлетворения потребностей граждан получила дополнительную поддержку среди чиновников, начавших свою трудовую деятельность более 15 лет назад. Большинство этих служащих находится в пенсионном возрасте, их социализация прошла в условиях советского государства, которое провозглашало своей целью общественное служение. Таким образом, для этих служащих риторика удовлетворения общественных потребностей оказалась близка и понятна.

В целом, в настоящее время ценностный базис государственной службы состоит из норм, входящих как в модель рациональной бюрократии, так и в модель НГМ. Наибольшую поддержку у государственных служащих получили ценности высокого социального статуса и высокого дохода, а наименьшую – ценности формализации и власти.

Резник Ю.М. Социально-гуманитарные технологии управления: специфика и возможности применения // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2010. №29. С. 93-94

Васильева Е.А. Трансформация государственной службы в условиях административной реформы: социологический анализ: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08. – СПб., 2016 - 365 с.

Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 702 с.

Друкер П. Практика менеджмента. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2003. – 699 с.

Митрошенков О.А. Государственная гражданская служба России в оценках экспертов и населения // Социологические исследования. – 2006. – №8. – С. 88-98

Морозова Г.А. Процесс совершенствования государственного управления // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. – 2014. – № 2(104). – С. 256-262

Публичные ценности и государственное управление / под ред. Л.В. Сморгунова, А.В. Волковой. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 398 с.

Esping-Andersen, G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. — Cambridge, UK: Polity Press, 1990. – 264 pp.

Kettl, D. The Global Public Management Revolution: A Report on the Transformation of Governance. - Washington, 2000. - 117 pp.
Peters, G., Pierre, J. Introduction: The Role of Public Administration in Governing // Handbook of Public Administration / Ed. by B. Peters, J. Pierre. - London, Sage Publications, 2003. - 640 pp.

ОЦЕНКА УПРАВЛЕНЦАМИ РЕГИОНАЛЬНОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УРОВНЕЙ И ЛИДЕРАМИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ АВТОНОМИЙ ЮГА РОССИИ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ (США И ФРГ) МОДЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ, ЦЕННОСТНОЙ ПОЛИТИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИК В СФЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Волков Ю.Г. (Ростов-на-Дону)

Материалы подготовлены при поддержке гранта Российского Научного Фонда № 15-18-00122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях».

В 2017 году в рамках реализации гранта Российского научного фонда № 15-18-10122 «Институциональные практики и ценностная политика в сфере гармонизации межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: сравнительный анализ и моделирование имплементации в российских условиях» научным коллективом Южного федерального университета были проведены фокус-групповые дискуссии.

Целью фокус-групповых дискуссий являлось выявление представления целевых групп в сфере ценностного основания конструирования концепта «российская нация» и степени приемлемости при этом использования зарубежных (США и ФРГ) моделей национальной интеграции и институциональных практик.

Целевыми группами при этом выступали управленцы регионального и муниципального уровней и лидера национально-культурных автономий.

Регионы проведения фокус-групповых дискуссий – Ростовская область, Ставропольский край, Кабардино-Балкарская Республика.

Задачи интервью: 1) выявить отношение целевых групп к идее формирования «российской нации»; определить не является ли идея российской нации угрозой сохранения этнических идентичностей и этнотерриториальной модели российского федерализма; выявить интерпретацию целевыми группами концепта российской нации (как гражданско-политического, историко-культурного/цивилизационного образования); 2) определить отношение целевых групп к моделям национальной интеграции США и ФРГ по представленному макету; выявить особенности российской модели национальной интеграции; 3) определить отношение целевых групп к моделям мультикультурализма США и ФРГ, возможности их имплементации; сравнить модели мультикультурализма США и ФРГ с отечественным историческим опытом управления поликультурным социумом (советский концепт дружбы народов); 4) выявить три базовые социетальные ценности, которые рассматриваются как интегрирующие для поликультурного социума России; 5) рассмотреть возможность расширения участия общественных субъектов (органы региональной власти, органы местного самоуправления, национально-культурных автономий и некоммерческих организаций, институтов образования, правоохранительных структур и т.д.) в практиках гармонизации межнациональных отношений в российском обществе; 6) проанализировать перспективы имплементации опыта миграционной политики США и ФРГ в условиях Юга России.

Проведенные фокус-групповые исследования позволили прийти к следующим выводам относительно отношения целевых групп к идее формирования «российской нации»:

1) осознание и группой чиновников, и группой лидеров национально-культурных автономий необходимости введения единого понятия для идентичности граждан с государством (страной);

2) в среде чиновников осознается четкая дифференциация юридического (гражданственного) и культурологического (ценностного, цивилизационного) наполнения понятия «российская нация»; при этом предпочтение отдается юридической коннотации;

3) в среде лидеров национально-культурных автономий доминирующим подходом к интерпретации нации выступает «страновой»;

4) восприятие перспективы нациестроительства (конструирование российской идентичности) чиновниками и лидерами автономий показывает необходимость более четкой артикуляции содержания понятия «российская нация», обоснование общей ценностной основы российской консолидации; акцент на перспективе утверждения ценности гражданско-правовой консолидации;

5) эвристичным является подход, предлагающий дифференцированную скорость интеграции разных территорий, в зависимости от уровня модернизации регионов.

Рассмотрение основных идей в дискуссиях по вопросам модели интеграции полиэтничных обществ дают основания для следующих выводов:

1) в обоих типах целевых групп в разных регионах сохраняет актуальность вопрос о коллективной или индивидуальной основе интеграции в политическое сообщество (нацию), который произведен от понимания субъектной основы построения федерации;

2) определенная часть целевой группы чиновников «русских регионов» воспринимает этно-территориальный принцип федерализма как опасный рудимент, который таит в себе угрозы целостности государственности; однако, большая часть чиновников таких регионов рассматривает этот принцип, равно как и иерархическую структуру народов в республиках, как внутренний вопрос самих республик;

3) целевые группы представителей национально-культурных автономий видят несоответствие сохранившихся с советских времен принципов этно-групповой интеграции с условиями современного общества;

4) основное большинство представителей всех целевых групп сходятся на поддержке таких интегрирующих ценностей, как патриотизм, верховенство права и равенство гражданских прав, культурное разнообразие в рамках единой России;

5) присутствие культурной составляющей (т.е. культурно-групповой интеграции) в понимании содержания политического сообщества – российской нации – обуславливает отторжение всеми участниками целевых групп зарубежных моделей интеграции. С этой позиции рассматривается различие трактовок ценности патриотизма в России и за рубежом, а также обеспечение права на сохранение культурных различий.

Систематизация обсуждения перспективы имплементации идеологии и практик мультикультурализма в российскую национальную политику позволяет сделать следующие выводы:

1) чиновники и лидеры национально-культурных автономий при обсуждении ценностей и принципов мультикультурализма заняли общую позицию: приемлемость формул этих принципов не должна затмевать неприемлемость для России их содержательных характеристик;

2) при обсуждении ключевого принципа мультикультурализма – равенства этнических групп и борьбы против дискриминации – оба типа целевых групп также заняли общую позицию: этнические группы равны в России, но это не мешает русским претендовать на лидирующие позиции и выступать в качестве интегрирующего ядра российской нации (народа), а также не противоречит неформальному принципу иерархии этнических групп в республиках;

3) рассматриваемый принцип идеологии мультикультурализма воспринимается российскими экспертами как позитивная норма.

4) реализация этнокультурного образования и обучение «родным» языкам (языкам национальных меньшинств) как ценность и принцип мультикультурализма рассматривается чиновниками и лидерами национально-культурных автономий одинаково: этот принцип должен быть реализован и реализуется на практике в местах компактного проживания этнической общности, но с учетом интересов и потребностей личности;

5) обсуждение идеологии и практик мультикультурализма в обоих видах целевых групп показывает ориентацию в большей степени на практики межэтнического взаимодействия, укорененные в советский период, нежели ориентацию на современный зарубежный опыт (мультикультурализм).

Систематизация позиций, высказанных в дискуссиях чиновников и лидеров национально-культурных автономий позволяет сделать следующие выводы относительно имплементации принципа государственно-общественного партнерства как компонента ценностной политики:

1) чиновники и лидеры национально-культурных автономий высказывают сомнения в возможности инициативного и активного участия национально-культурных автономий в

разрешении межэтнических проблем по следующим причинам: а) отсутствии политической культуры национально-культурных автономий, и часто – в оппозиционных настроениях по отношению к официальному курсу государства; б) пассивности и часто – формальной организации национально-культурных автономий, стремлении их лидеров заручиться административным ресурсом в своих частных целях; в) отсутствии собственных финансовых ресурсов у национально-культурных автономий;

2) лидеры национально-культурных автономий объясняют пассивность НКА следующим образом: а) нежеланием региональной и муниципальной власти вести равноправный диалог с национально-культурными автономиями, принимать во внимание и поддерживать их инициативы; б) отсутствие финансовых и административных ресурсов для реализации масштабной деятельности; в) использование региональной властью взаимодействий с национально-культурными автономиями преимущественно в целях создания позитивного имиджа власти. Вместе с тем, чиновники и лидеры национально-культурных автономий признают необходимость налаживания реального (а не имитативного!) диалога региональной власти, муниципалитетов и национально-культурных автономий (этнических общин) по проблемам, затрагивающим межэтнические отношения;

3) в дискуссиях чиновников была признана невозможность в рамках централизованного управления сферой межэтнических отношений проявлять на уровне региональной и муниципальной власти какой-либо инициативы;

4) чиновники и лидеры национально-культурных автономий признают, что активность национально-культурных автономий ожидается только в сфере организации культурно-массовых мероприятий, что и поощряется государством через гранты. Однако грантовая поддержка также не очень эффективна по ряду причин: а) далеко не каждое мероприятие может быть поддержано грантом; б) участие в грантах требует большого внимания к документообороту и бухгалтерскому сопровождению, что часто не оправдывается суммой гранта; в) отсутствует должная подготовка у лидеров национально-культурных автономий для представления заявки на грант;

5) участие общественных организаций в решении вопросов миграции в южных регионах ограничивается их привлечением к помощи мигрантам по освоению языка и правовой подготовки. Отсутствие проблемы трудовых зарубежных мигрантов, а также разные источники финансовой поддержки национально-культурных автономий делает пока не актуальным опыт адаптации мигрантов ФРГ.

1. *Ценностная политика и институциональные практики в сфере межэтнических отношений в экономически развитых странах со сложной этнокультурной структурой: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2015. – 320 с.*

2. *Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. – 422 с.*

3. *Volkov Y.G., Degtyarev A.K., Denisova G.S., Voytenko V.P., Chernobrovkin I.P. Priorities of Value Policy in Race and Ethnic Relations in the USA // American Journal of Applied Sciences. 2016. С. 1419-1427.*

4. *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2014.*

5. *Волков Ю.Г., Денисова Г.С., Лубский А.В. Оценка населением Юга России характера межэтнических отношений в период реализации Стратегии национальной политики // ПОИСК: политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. 2016. № 6. С. 118-130.*

ФОРМИРОВАНИЕ ЛОЯЛЬНОСТИ ПЕРСОНАЛА: НОВЫЙ ПОДХОД К УПРАВЛЕНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Волкова М.А. (Санкт-Петербург)

В современных условиях человеческий потенциал играет большую роль в функционировании любой организации. Глобализация, главенствующий теперь принцип качества и партнерский стиль в управлении изменили процесс управления персоналом в организации.

Основное внимание теперь уделяется активизации потенциала человеческих ресурсов. Значительная роль в успешной работе организации принадлежит личности каждого работника, поэтому у менеджеров встает необходимость анализа, диагностики и прогноза социальных факторов в управлении персоналом. Именно поэтому все чаще вместо термина «управление персоналом» употребляется термин «управление человеческими ресурсами». Майкл Армстронг определяет управление человеческими ресурсами, как «стратегический и логически последовательный подход к управлению наиболее ценным активом предприятия: работающими там людьми, которые коллективно и индивидуально вносят вклад в решение задач предприятия» [1,17]. Управление лояльностью персонала является одним из элементов управления человеческими ресурсами. В статье М. Полосухиной «Формирование модели управления лояльностью персонала современной организации» [4] представлена организационно-функциональная структура менеджмента предприятия, где управление лояльностью персонала представлено, как функция, которая обеспечивает эффективное решение производственных задач.

В России не все организации уделяют внимание формированию лояльности у своих сотрудников, однако на это существует ряд причин. Отсутствие достаточной информации, отсутствие единого научного взгляда, неосознание взаимосвязи лояльности и эффективности предприятия, отсутствие единых алгоритмов и методик для диагностики организационной лояльности – все это приводит к неправильному пониманию функции лояльности персонала. Действительно, управление лояльностью персонала – это сложный и трудоемкий процесс, но он позволяет не только сформировать лояльность, но и поддерживать лояльность на нужном для организации уровне, а также прогнозировать ситуацию. Формирование лояльности персонала является первоочередным этапом в целой системе.

Выявление и изучение факторов формирования организационной лояльности являются целью многих исследований, так как это важный элемент формирования лояльности к любой организации. Дж. Мейер выделил 4 группы факторов [2, 109], которые влияют на уровень лояльности персонала к организации:

1. опыт работы: данный фактор влияет на аффективную составляющую лояльности, особенно в том случае, когда опыт работы способствует чувству комфорта;
2. соответствие ценностей: сотрудник будет лоялен к организации, когда его ценности и цели соответствуют целям и ценностям организации;
3. организационная поддержка: сотрудник должен быть уверен, что и организация лояльна к нему. Чем больше он ощущает поддержку со стороны компании, тем лояльнее к ней относится;
4. организационная справедливость: сотрудник должен ощущать справедливость в распределении ресурсов.

Также на основании опроса более чем 200 руководителей М. И. Магура и М. Б. Курбатова [3, 368] выделили проблемы, которые негативно влияют на формирование лояльности: плохая информированность работников, социальная незащищенность, неэффективная система стимулирования труда, недостаток внимания со стороны руководителей, низкий уровень развития деловых качеств руководителя, неблагоприятные условия труда, отсутствие перспективы, недостатки в организации, несоответствие квалификации сотрудников и плохой моральный климат. Авторы обращают внимание, что устранение данных проблем в компании уже является первым шагом к формированию лояльности персонала.

В программах формирования организационной лояльности, которые создают различные компании, учитываются все перечисленные факторы. Такие программы обычно включают в себя следующие элементы: адаптация, создание условий труда и безопасность, корпоративная культура и внутренний пиар, система стимулирования. Каждый из этих элементов является отдельной управленческой технологией, поэтому имеет смысл рассмотреть их отдельно.

- Адаптация представляет собой «взаимное приспособление работника и организации, основывающееся на постепенной вработываемости сотрудника в новых профессиональных, социальных и организационно-экономических условиях труда» [6, 355].

Важно отметить, что все существующие виды адаптации находятся в постоянном взаимодействии между собой. Именно в первые три месяца работы сотрудник решает, будет ли он продолжать работать в организации, поэтому на каждом этапе должна быть проделана огромная работа со стороны компании. Лояльность сотрудника будет зависеть от того, как правильно построена система адаптации в организации. Для этого нужно четко выстроить инструментарий

управления адаптацией и правильно распределить функции и ответственность между сотрудниками.

- Создание условий труда и безопасность. Это довольно важный момент в процессе формирования лояльности персонала. Ни один сотрудник не будет демонстрировать высокий уровень лояльности, если чувствует дискомфорт и незащищенность. В настоящее время в России существует определенная классификация факторов, которые воздействуют на условия труда, разработанная в НИИ труда. Достойные условия труда, прозрачность трудового договора, наличие коллективного договора и безопасность – все это помогает формировать лояльность работников организации.

- Корпоративная культура и внутренний пиар. Под корпоративной культурой понимаются осознанные и неосознанные представления, разделяемые сотрудниками организации и ее руководством, о групповых нормах поведения, традициях, способах деятельности, запретах, ожиданиях, о ее прошлом, настоящем и будущем. Культура корпорации существенно влияет на выбор сотрудниками приемлемого способа действий, анализа и принятия решений её членами, следуя коллективным представлениям о целях и способах деятельности данной структуры [5]. Важно отметить, что в зависимости от цели и стадии развития организации, создается своя корпоративная культура. Компании разрабатывают кодексы, уставы и положения, которые необходимы им на данном этапе. Еще одним способом для достижения лояльности персонала является внутреннее информирование или внутренний пиар. Этот метод эффективно влияет на формирование hr-бренда организации, поддержку командного духа и творческого развития сотрудников.

- Система стимулирования персонала в организации должна быть четко и прозрачно сформулирована. Каждый сотрудник должен понимать, за что он может быть наказан и поощрен. Абсолютно все работники должны иметь одинаковые права и обязанности по отношению к работодателю, иначе это может вести к чувству несправедливости, что негативно влияет на лояльность персонала.

На сегодняшний день существуют системы материального и нематериального стимулирования персонала, которые чаще всего применяются в организациях. В понятие материального стимулирования включаются все виды денежных выплат и различные формы неденежного материального стимулирования, такие как зарплаты, премии, бонусы, участие в прибылях, отсроченные платежи, социальный пакет, различные льготы и компенсации. В случае лояльности персонала следует особое внимание уделять премированию и льготам. Премирование, чаще всего, носит индивидуальный характер и влияет на непосредственное отношение сотрудника. Добровольное предоставление компенсаций и льгот позволяет привести в соответствие цели и потребности сотрудников с целями организации, способствует отождествлению сотрудников с организацией, приводит к высокой производительности и улучшению hr-бренда [6, 521]. Нематериальное стимулирование базируется на теории потребностей человека. Основными направлениями нематериального стимулирования являются моральное стимулирование, организационное стимулирование и стимулирование свободным временем.

Формирование лояльности довольно сложный этап в процессе управления лояльностью персонала. Он охватывает практически все области работы отдела по работе с персоналом или человеческими ресурсами. Каждый элемент системы представляет собой отдельную технологию, однако, все элементы взаимосвязаны и должны работать совместно. При успешной работе каждого элемента сотрудники будут чувствовать себя защищенно и комфортно, что в конечном итоге приведет к высокому уровню их лояльности.

1. Армстронг, М. *Практика управления человеческими ресурсами* / М. Армстронг. - 10-е изд., перераб. и доп. - СПб.: Питер, 2012. - 848 с.
2. Доминьяк, В. И. *Феномен лояльности в разработках зарубежных исследователей* / В. И. Доминьяк // *Персонал-Микс*. - 2003. - N1. - С. 107-111.
3. Магура, М. И. *Современные персонал-технологии* / М. И. Магура, М. Б. Курбатова. - М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез»», 2001. - 376 с.
4. Полосухина, М. В. *Формирование модели управления лояльностью персонала современной организации* / М. В. Полосухина // *Управление экономическими системами: электронный научный журнал*. - 2011. - N 36.
5. Прохоров, Я. М. *Формирование корпоративной культуры в системе связей с общественностью: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04.* - М., 2002. - 15 с.

6. *Управление персоналом организации / под ред А. Я. Кибанова. – М.: ИНФРА-М, 2010. – 695 с.*

7. *Kanter, R. M. Commitment and social organization: A study of commitment mechanisms in utopian communities // American Sociological Review. - 1968. - Vol. 33. - P. 499-517.*

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ – ПРОЧНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Волчкова Л.Т. (Санкт-Петербург)

Социальное управление, или управление социальными процессами в стране, в регионе, т.е. на разных уровнях управленческой иерархии осуществляется посредством использования соответствующих методов. Планирование трактуется как метод, функция управления. План как результат планирования используется как инструмент управления. Стратегический план – инструмент социального управления. Стратегическое планирование появилось как антипод централизованного директивного планирования, которое существовало в СССР до его развала. Стратегические планы стали разрабатываться в 60-х г. XX в. сначала в западной Европе, в развивающихся капиталистических странах. Первым стратегическим планом в советской России был план ГЭЛРО. Первый стратегический план Санкт Петербурга был разработан, когда стало очевидным, что отказ от планового управления, ставка только на рынок как основной регулятор социально-экономических процессов бесперспективны порождает острые социальные коллизии.

Санкт-Петербург, первый в России город, где был разработан и принят в декабре 1997 года стратегический план. Это город, где разворачивалось социальное планирование конца 60-х, начала 70-х годов. В СССР социальное планирование зародилось как инициатива снизу, в числе пионеров социального планирования было ленинградское объединение электронного приборостроения «Светлана», Львовский телевизионный завод, Пермский телефонный завод, производственный профиль данных предприятий свидетельствует об их принадлежности к передовым в техническом отношении отраслям промышленности, работники характеризовались высоким культурно-техническим, образовательным и профессионально-квалификационным уровнем, богатыми новаторскими традициями. Наряду с планами социального развития трудовых коллективов стали разрабатываться планы социального развития районов Ленинграда, что положило начало становления регионального социального планирования.

Разработка стратегического плана Санкт-Петербурга была инновация в осмыслении опыта социального планирования в Российской Федерации, стратегического долгосрочного планирования в России. Это по существу триумфальное возвращение государственного национального планирования, не восстановление директивного социалистического планирования, а именно возвращение, поскольку национальное планирование связано с идеей социальной гармонии и порядка в будущем. Сам стратегический план воспринимался как договор общественного согласия, понимаемым нами как культурное единение. Планирование является научным достижением и социальным завоеванием XX века. Стратегическое планирование в Санкт-Петербурге мы трактуем как культурную инновацию XXI века, поскольку именно в этом процессе была сделана заявка на публичное социальное планирование, которое выступает реальным содержанием публичного управления, понимаемом на западе как public administration.

Анализ практики социального планирования в Санкт-Петербурге показал, что в процесс разработки стратегического плана были задействованы как государственные структуры специально созданное на базе Леонтьевского центра проектное бюро, городская администрация, крепкие хозяйственники, производственники, влиятельные политики, Ассоциация промышленных предприятий, общественная организация Союз промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, а также население, граждане города, использовались для этого новые прогрессивные технологии, интернет сайт Стратегии, на котором собирались предложения по вопросам стратегии, эти предложения обобщались и анализировались, они вошли в информационную базу и учитывались в процессе разработки Стратегического плана. Работа с населением включала проведение социологических опросов населения и специалистов для формирования стратегических целей и средств их достижения, фокус групп по проблемам и приоритетам развития города (1). Гласность, открытость, публичность обеспечивалась системой общественных слушаний обсуждаемых вопросов, включаемых в план. Однако, по данным инициативного экспертного опроса, проведенного специалистами агентства социальной информации (АСИ) (2), публичность была скорее заявлена, чем реальная данность, в процессе разработки

стратегического плана улавливаются лишь зачатки публичности, робкие ее попытки, необходима активизация социальной энергии населения города и направление ее в позитивное русло, чтобы граждане города с энтузиазмом включались в процесс его стратегического планирования в качестве активных субъектов. Нужен постоянный диалог между властью и населением, города нужны социальные взаимодействия между субъектами плановых практик. Более того, необходимо чтобы стратегическое планирование как система социальных взаимодействий между администрацией и общественностью институционализировались, т.е. упорядочивались на научной основе, поскольку, как мы уже отмечали ранее, именно процесс институционализации превращает социальные отношения, складывающиеся в процессе социальных взаимодействий, в упорядоченные, в регламентированные с установленными правилами. Эти взаимодействия регламентируются закрепленными в правовом поле социальными нормами, правилами статусами и ролями, процесс институционализации социальных взаимодействий между субъектами плановых практик приводит их в систему, способную удовлетворять социально значимые потребности. Важную роль в этом процессе сыграл закон от 28 июня 2014г. «О стратегическом планировании» в Российской Федерации», который был принят государственной думой 20 июня 2014 г. Закон устанавливает правовые основы стратегического планирования, регламентации полномочий федеральных органов власти и управления, органов государственной власти, субъектов РФ, органов местного самоуправления и порядок их взаимодействия с общественными, научными организациями в сфере стратегического планирования.

Принятие закона о стратегическом планировании, означает формализацию правил взаимодействий субъектов публичного управления и планирования. Но в процессе стратегического планирования вырабатываются и не формальные правила взаимодействия. Эти не формальные правила вырабатываются в культурном пространстве ассоциированного субъекта публичного управления и планирования. Культурное пространство – это совокупность обычаев и норм поведения, это совокупность достижений всего человечества в общественном, умственном, нравственном и физическом развитии, это организованная система поведения. Поэтому стратегическое планирование в Санкт-Петербурге мы трактуем как инновационную систему поведения, инновацию в системе социальных взаимодействий между представителями власти и представителями организованной общественности, как прочную, следовательно закономерную тенденцию социального планового управления.

Базисом культурного пространства выступает духовность. Духовность – это культурное пространство строительства личности как гражданина. Духовность присуща человеку разумному, что выделяет его из животного мира. Духовность – качественно своеобразная духовная энергия – источник творчества. На наш взгляд, духовность – это состояние целенаправленной возвышенной творческой деятельности. Такое понимание духовности подводит нас к оценке потенциала публичного управления и планирования. Оно может быть направлено как на созидание, на прогрессивное развитие общества, а может быть разрушительной силой, если используется в корыстных интересах, не служит прогрессивному развитию общества в целом и каждого его члена. Духовность как состояние целенаправленной возвышенной творческой деятельности во благо человека может возникнуть только в упорядоченной, планируемой среде. Без порядка в повседневной жизни невозможно расти духовно, поскольку порядок базируется на понимании окружающего мира и осознании своего места в нем, на гармонизации социальных взаимодействий субъектов плановых практики. Гармония – это благозвучие, единение в своих притязаниях на совокупный, региональный продукт, это своеобразный порядок, сила осознания себя человеком. Человек, по мысли А.Турена, должен подготовиться к возвращению к действию, к взаимодействию, к включению в общественное движение или культурную инновацию. В этом свою роль играет, по логике А.Турена, метод социологической интервенции, который стремится заполнить пустоту, незнание. Исходный пункт социологической интервенции заключается в создании групп интервенции, состоящих из действующих лиц – активистов, которые, не прекращая аналитической деятельности, включаются в аналитическую работу – для обнаружения самого глубокого смысла действия.

Не формальные правила взаимодействия артикулируются в кодексе этического и профессионального поведения плановиков. В России ввиду того что стратегическое планирование только возрождается, и можно вести речь о становлении института публичного стратегического планирования. В связи с этим интересен опыт западных зарубежных стран. В кодексе этического и профессионального поведения Американского института дипломированных плановиков 1981 г. записано «первейшей обязанностью плановика является служение общественным интересам.

Плановик должен прилежно, творчески независимо и компетентно выполнять свои обязанности в интересах своих клиентов или нанимателей. Плановик должен приносить пользу своей профессии (3, с.54-55).

Документом, обеспечивающим организационный порядок, является регламент взаимодействий субъектов стратегического планирования. Регламент – это документ, подтверждающий включенность субъектов стратегического планирования в культурное пространство. В социологии управления вопрос организации публичного управления, стратегического планирования звучит в постановочном варианте, мы считаем, что регламент социальных взаимодействий субъектов стратегического планирования должен опираться на циркулярную организацию как разновидность демократической иерархии. Циркулярная организация, по мысли Р.Акоффа, такая форма организации, которая поощряет вклад каждого участника управленческой деятельности в совместное определение целей и рациональных способов их достижения.

Литература:

1. www.strat.plan.leontief.ru Strategic PLAN for SAINT-Petersburg
2. www.blog.asinfo.ru spb-report final 1 pdf
3. Г.Бенвенисте *Овладение политикой планирования: Пер.с англ. М.,1994.*

ФОРМИРОВАНИЕ ПОТРЕБНОСТЕЙ АВТОВЛАДЕЛЬЦЕВ

Глотов С.Е., Андреева Л.А. (Тольятти)

«Автомобиль не роскошь, а средство передвижения» – эта крылатая фраза в наши дни особенно актуальна, учитывая динамику жизни современного человека и расстояния внутри и между городами. Правда сегодня редко встретишь автолюбителя, который раз и навсегда выбрал автомобиль.

По результатам многочисленных опросов автомобилистов и статическим данным, то к основным причинам приобретения / смены автомобиля (а, следовательно, формирования новых потребностей [1] автомобилистов) относятся следующие:

1) Технические проблемы, когда существует объективная необходимость приобрести новый автомобиль, так как имеющийся требует постоянного ремонта, стоимость которого не оправдана.

2) Изменение жизненных обстоятельств. Например, в семье появился ребенок и нужна машина более подходящая к новым условиям. Или владелец легкового автомобиля приобрел дачу, путь к которой лежит через труднопроходимую местность. Скорее всего, ему предстоит сменить свой автомобиль на внедорожник.

3) Стереотип, что автомобили надо менять. Действительно, респонденты-автомобилисты в ходе опросов называли именно такую причину и рассказывали, что покупают новые автомобили просто потому, что так принято.

4) Авария или серьезная поломка, которую невозможно устранить.

5) Закончилась гарантия производителя, соответственно за техническое обслуживание и ремонтные работы необходимо платить.

6) Возможность поменять имеющийся автомобиль на более дорогой, качественный и престижный.

Нами была предпринята попытка проанализировать вкусовые предпочтения тольяттинцев на рынке автомобилей. Для этого мы попросили наших респондентов представить себе следующую ситуацию и ответить на вопрос: «Предположим, у Вас возникла потребность купить новый автомобиль по цене до 450 тысяч рублей. Какой автомобиль Вы предпочтете?». По результатам анализа было выяснено, что большинство респондентов (39 %) остановит свой выбор на автомобиле производства ВАЗ. Видимо, здесь сказывается вполне положительный опыт, накопленный годами пользования продукцией производства Волжского автомобильного завода. Примечательно так же то, что основную часть желающих приобрести Ладу составляют люди старше 30 лет.

Не намного меньше (36 %) нашлось желающих приобрести автомобиль иностранной марки иностранного производства. Здесь пропорциональное разделение по возрасту оказалось почти равномерным, однако большую часть желающих приобрести данный тип автомобиля составили представители молодежи. Этот факт может свидетельствовать о том, что Россия всё

больше вовлекается в глобализационные процессы, в ходе которых людям навязываются европейские стандарты потребления.

Также было отмечено, что 47 % мужчин выбирает продукцию ВАЗа, в то время как 44 % женщин предпочитает только иностранные марки, произведенные за границей РФ.

В свою очередь 19 % участников опроса при покупке предпочтение отдадут автомобилю иностранной марки, но при этом российской сборки. И охотнее всего на это пойдет молодежь в возрасте до 30 лет. Это можно объяснить тем, что молодые люди желают обладать автомобилем наиболее известной марки при наименьших денежных затратах. Такую возможность отчасти им и предоставляют производители, собирающие автомобили иностранных марок на территории нашей страны.

Наименее популярными оказались автомобили других отечественных заводов, отечественной марки. Их желали бы приобрести всего 6% респондентов.

Подобный опрос был проведен в 22 регионах страны исследовательской организацией Левада-Центр в ноябре 2010 года [2]. По данным агентства, 19% россиян предпочтут иномарке отечественный автомобиль, 40 % жителей страны купили бы «недорогую иномарку», 31 % вообще не рассматривают возможность приобретения машины.

Наибольшей популярностью российские машины пользуются у людей среднего возраста, мужчин. В то время как среди молодежи и женщин отечественный автомобиль выбрали бы примерно по 13 % опрошенных.

О потребительских предпочтениях тольяттинцев также может говорить тот факт, каким автомобилем они пользуются в настоящее время. По итогам опроса выяснилось, что автомобилями производства ВАЗ пользуются чуть менее половины участников анкетирования, и лишь 17 % ездят на иностранных автомобилях. Однако среди респондентов имеется 30 % тех, кто, по каким-то причинам не пользуется автомобилем. И это обстоятельство характерно в основном для 45 % опрошенных женщин, в то время как 56 % мужчин обеспечены автомобилем отечественной марки и производства.

О существовании Волжского автомобильного завода знают все тольяттинцы, и это естественно. Но мы решили узнать, какие другие заводы по производству легковых автомобилей, расположенные на территории России, известны тольяттинским респондентам. Так выяснилось, что наибольшую известность в городе имеет ГАЗ (43 %). Далее идут по убыванию УАЗ (29 %), КАМАЗ (14 %), ИжАвто (12 %) и ТАГАЗ (7 %). Примечательно то, что все заводы являются отечественными, и не было названо ни одного иностранного производства, которые присутствуют на территории РФ.

Что касается потребности в развитии отечественной автомобильной промышленности, то преобладающее большинство тольяттинских респондентов (86 %) высказалось в пользу поддержки развития отечественного автопрома. Доля мужчин и женщин, ответивших таким образом, составляет 88% и 82% соответственно, что свидетельствует о понимании важности отечественного производства легковых автомобилей и его достоинствах.

Касаемо степени удовлетворенности респондентов качеством отечественных автомобилей, в результате опроса было выяснено, что критику отечественных автомобилей поддерживают 30 % опрошенных, независимо от марки автомобиля, на котором они ездят. Эта критика характерна в значительной степени даже для тех, кто не пользуется автомобилем, но наиболее сильна она у владельцев иностранной марки автомобиля. Однако немалая часть участников (20 %) пытается доказать противоположную точку зрения, подчеркнуть достоинства отечественных автомобилей – это характерно для владельцев данных марок. В свою очередь 15 % не соглашаются с критикой, но предпочитают молчать о своей позиции.

В анкете был поднят вопрос о рекомендациях респондентов по поводу повышения конкурентоспособности отечественных автомобилей. На первое место, среди причин, снижающих конкурентоспособность, 72 % опрошиваемых поставили низкое качество сборки, а на второе (33 %) – негибкую ценовую политику. Третье место (32 %) принадлежит совету: улучшить дизайн, сделать автомобили оригинальными, а четвертое 32 % участников отдали рекомендации по повышению комфортабельности салона.

Все это, по мнению, как мужчин, так и женщин требует улучшения в первую очередь и является наиболее уязвимыми точками отечественного автопрома. Также следует отметить, что мужчины в возрасте от 18 до 30 лет, активно голосовали за внедрение новых функций для управления автомобилем, улучшении сервисного обслуживания, комфортабельности и за учет потребностей различных категорий при создании модельного ряда.

Менее всего респонденты голосовали за повышение вместительности автомобиля (14 %), экологичность (18 %) и повышение продолжительности гарантийного обслуживания (19 %). Однако нельзя не заметить, что несмотря на такой низкий уровень голосования, женщины больше поддерживают рекомендации по улучшению дизайна автомобиля и беспокоятся по поводу его экологичности.

1. Желнина Е. В. Инновационные потребности: понятие, классификация, тенденции изменения // Карельский научный журнал. – 2015. № 3 (12). – С. 53 – 56.

2. Россияне предпочитают отечественные авто и бесплатные дороги // MOTOR PAGE [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://www.motorpage.ru/news/41566/> (Дата обращения: 11.03.2017).

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ САМОУПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Гоголева Е.Н. (Тула)

Показана значимость развития гражданской природы местного самоуправления, рассматриваются основные формы участия граждан на местном уровне. Определяются основные проблемы участия граждан в местном самоуправлении: пассивность населения, несформированность компетенций гражданского участия и низкая заинтересованность местной власти в активности населения.

Местное самоуправление, являясь одновременно и институтом народовластия, и самостоятельным уровнем публичной власти, наиболее приближенным к населению, призвано играть роль одной из гарантий подлинной демократии в стране. В самой идее местного самоуправления изначально заложено представление о том, что выполнением политических и административных функций локальных территорий должны заниматься не чиновники, а местные жители. Это, в свою очередь, детерминирует развитие гражданской природы местного самоуправления, которая способна проявляться в осуществлении коллективных акций по достижению и защите интересов граждан на местном уровне.

В настоящее время самоуправленческая деятельность на локальном уровне имеет ряд характерных особенностей: во-первых, это деятельность не сводится лишь к распределению власти и борьбе за нее; во-вторых, оно направлено на представительство и защиту интересов населения и имеет целью корректировку социально-политических процессов в соответствии с этими интересами; в-третьих, участие в социально-политических процессах наполняется конкретным содержанием, обусловленным насущными запросами жизни каждого жителя и местного сообщества в целом. Это, позволяет рассматривать рядового члена местного сообщества в качестве субъекта управления и в то же время учитывать, что действие отдельного человека приобретает важный смысл постольку, поскольку оно включено в систему общественных отношений и является элементом групповой деятельности [2; с.91].

Следует отметить, что проблема самоорганизации граждан в местном самоуправлении еще не вполне исследована, категориальный аппарат недостаточно сформирован, что, естественно, порождает немало серьезных проблем при изучении данного явления. К тому же, налицо недостаточная разработанность данной проблемы в социологической науке, так как преобладают работы политико-правового содержания. Социологическое же освещение данной проблематики предполагает, во-первых, рассмотрение деятельности местного самоуправления как полисубъектного социального института, во-вторых, определения воздействия всей совокупности факторов на активность местного сообщества (социоэкономических, социокультурных, правовых и т.д.), во-вторых, определения влияния гражданского участия на всю систему социальных отношений (на личностную, культурную, социальную подсистемы).

Обращаясь к проблеме самоуправленческой деятельности в России, включающей в себя политическое, гражданское и общественное участие, отметим, что условием широкого вовлечения жителей в осуществление местного самоуправления является, с одной стороны, наличие комплекса необходимых законов, обеспечивающих организационную и экономическую самостоятельность муниципальных образований, с другой стороны, понимание населением своих прав и возможностей в осуществлении местного самоуправления, действительная способность этими правами грамотно воспользоваться, реализовать свое право на местное самоуправление.

Согласно ст.130 Конституции РФ местное самоуправление осуществляется гражданами в различных организационных формах, которые в совокупности образуют единую систему местного самоуправления в рамках соответствующих муниципальных образований, посредством которой обеспечивается решение вопросов местного значения. К подобным практикам участия относятся муниципальные выборы, местный референдум, сход граждан, народная правотворческая инициатива, обращение граждан в органы местного самоуправления, публичные слушания, опросы общественного мнения, ТОСы и т.д. Следует отметить, что перечисленные формы участия позволяют населению прямо, независимо решать насущные вопросы жизнеобеспечения.

Несмотря на широкий арсенал самоуправленческих практик, их востребованность невысока, население слабо консолидировано и не обладает в достаточной мере тем необходимым системным качеством, которое превращает население территории в сообщество граждан. Данная ситуация связана с тем, что реалиями современной России являются, с одной стороны, слабо выраженный интерес граждан к данной деятельности, недостаточное стремление к действительному местному самоуправлению [1; с.11-12] и недостаточная сформированность компетенций участия на местном уровне, с другой. Граждане не вовлечены в процесс разработки и реализации стратегий, политик, программ и проектов муниципального развития. В то же время, они не заинтересованы в активной деятельности в общественной жизни: активность граждан замыкается их частными проблемами, процесс развития муниципального образования не входит в орбиту их интересов.

Функционирование органов местного самоуправления — другое направление развития участия на местном уровне. Определяя специфику органов местного самоуправления как представителей интересов местного сообщества важно отметить их публично-властное опосредование, проявляющееся как в унифицированном закреплении со стороны государства основных властных структур и полномочий, а также в доминирующей роли местного властного механизма при решении вопросов местного значения.

Однако основная социальная функция органов местного самоуправления, помимо управления муниципальным образованием и создания необходимых условий для нормальной жизнедеятельности людей, - это формирование факторов, стимулирующих проявление социальной активности граждан. А для этого необходимо признание гражданами проводимой властями местной политики как транспарентной, открытой, нацеленной на диалог и сотрудничество. Органы местного самоуправления должны продемонстрировать населению их реальную возможность оказывать непосредственное влияние на процесс принятия решений.

До последнего времени представителей власти в целом устраивала ситуация, при которой наиболее массовой формой участия являлось голосование на выборах. Однако в условиях социально-политической нестабильности российского общества необходимо стимулировать развитие легитимных форм активности населения. Это должно выразиться в широком общественном обсуждении законопроектов о некоммерческих организациях, о местном самоуправлении и т.д. Руководство страны должно осознать, что пассивность населения является тормозящим фактором дальнейшего развития страны сегодня. Поэтому развитие самоуправленческой деятельности граждан должно осуществляться по нескольким векторам: с одной стороны, реформировать деятельность местного самоуправления как социального института и элемента гражданского общества, с другой, - модифицировать систему гражданских ценностей и установок, формировать необходимые компетенции, позволяющие успешно участвовать в решении вопросов местного значения. Решение этой задачи предполагает рассмотрение возможных путей сокращения дистанции между властными структурами и массовым гражданским участием.

1. Гоголева Е.Н. Местное самоуправление как фактор развития гражданского общества в России: Автореферат ... канд. социол. наук. Тула, 2005, 26 с.

2. Гоголева Е.Н. Участие граждан в местном самоуправлении в современной России: Монография. Тула: Изд-во ТулГУ, 2012, 238 с.

ИСТОРИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ТУРОВ: НА ОСНОВАНИИ АНАЛИЗА КНИГИ «КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ»

Гонашвили А.С. (Санкт-Петербург)

В главах книги «Классическое наследие» в первое ее части авторы пытаются историко-социологически проанализировать понятия «классик» и «классика». В первую очередь, на мой взгляд, авторы сводят понятия «классики» к двум характеристикам, а именно выдающийся труд и труд, который читаю на протяжении долгого времени, например, веками. В книге авторы называют эти характеристики, как «выдающееся качество научной работы и ее способность оставаться влиятельной ...»[1]. Далее авторы рассматривают основные положения свойственные классическому труду, а именно с их точки зрения ими является: качество, характеризующиеся новизной, научным содержанием и совершенством формы и вкладом или влиянием научной работы на развитие науки. Далее авторы книги говорят, что в науке существует различные ее уровни или парадигмы свойственные дифференцированному и дисциплинарному научному знанию, ввиду чего существует большое количество классических трудов, так как каждой парадигме соответствует своя классика. Например, они рассматривают книгу Куна и говорят, что она является противоречивой и неоднозначной, однако все же она является классической литературой с позиции определенной парадигмы того периода, когда она была написана. Рассматривая вклад и влияние классических трудов, авторы говорят, что необходимо разделять общенаучные и дисциплинарное влияние классических трудов, далее стоит акцентировать внимание не только на текст классической работы, но и на фигуру автора и третьей фактором является признание научным сообществом данного труда классическим. Однако помимо положительных сторон классического труда, авторы книги не дают четко структурированную модель определения классических трудов, введу чего можно прийти к мысли, что классикой может быть любой труд, который читают на протяжении долгого времени. Также если исходить из логики авторов, то классический труд должен содержать научную новизну, данный тезис является спорным. Ввиду того, что со временем любая новизна становится обыденностью, но при этом она не теряет статус классического труда, другими словами научная новизна не является фактором характеризующей классический труд, а даже, наоборот, в классических работах нет новизны, как правила. Также в книге авторов отсутствует четкое определение классического труда и определения понятия классики.

В результате после прочтения данных глав складывается впечатление о том, что авторы описывают, каким может быть классический труд, но при этом он может таким и не быть, так как в книге не прослеживается четкая структура определения классики как таковой, а говорится только о ее функция, роли и т.д. На мой взгляд, важным фактором для определения классических трудов в первую очередь является ее общественное признание, а именно, классическим трудом рукопись может стать только тогда, когда общество признает заслуги данного автора и его труд как классический. Признание общество, как правило, базируется уже на определенных фактах, а именно, например, на потребности в данном труде (зачем на его читать и изучать?), только тогда когда мы сможем ответить на данный вопрос, мы можем точно сказать, что, да, данный труд действительно является классическим, который необходимо читать. А иначе, зачем нам нужна классическая литература, если ее никто не будет читать. Она должно вносить, на мой взгляд, некую форму мировоззрения, которая в дальнейшем и будет давать почву для научного развития.

Обращение к классике является, на мой взгляд, формой ретроспективы, которая позволяет понять мировоззрение автора в период написания его работы, именно данное мировоззрение и является ключом к пониманию хода научной мысли. Другими словами, поняв, как мыслили ранние авторы, имеющие весомый влияние в той или иной научной среде будет способствовать пониманию того, почему современная наука в той области, в которой мы изучаем, стала именно такой, какой она является на сегодняшний день. Подходя именно с такой позиции к пониманию анализу классических трудов можно дать ответ на вопрос, зачем нам надо ее читать. Также стоит сказать, как справедливо отмечают авторы книги, что воспроизводство понимания и восприятия классических трудов самоподдерживается путем образования и передачи опыта младшему поколению, то есть через механизмы образования, представление о классиках сохраняется не только в процессе обучения, но и во взрослом возрасте и потом снова транслируется новым поколениям. Другими словами классический труд может стать только тогда классическим когда

общество признает его таковым и будет воспроизводить и транслировать данный опыт новому поколению.

Савельева И., Полетаев А. Классическое наследие. Изд. Высшая школа экономики. М. 2010. С. 336.

И ВСЕ –ТАКИ ОНА СУЩЕСТВУЕТ: К ВОПРОСУ О РУССКОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ

Горелова И.В. (Волгоград)

Автор этих строк, работая в высшей школе, задает вопрос вновь приходящим студентам, что было раньше, коммунизм или социализм. Ответ поражает: в восьми случаях из ста оказывается, советские граждане жили при коммунизме, а строили социализм. Респондентов не смущает, что страна, в которой жили их родители, называлась Союзом Советских Социалистических Республик. Откуда такое отношение к недавнему прошлому? Не вдаваясь в результаты исторической рефлексии, можно констатировать, что налицо разрыв в системе преемственности поколений. Проходя сложный исторический период, было утеряно много положительного, что позволяло обеспечивать контакт поколений. Никто и не заметил, как кануло в Лету понятие «товарищ», помогающее контактировать и выстраивать межличностные отношения (теперь замену находят в понятиях, отражающих половой признак). А термины «коллектив» и «команда», которые являются краеугольными в современных подходах к управлению на Западе, оказываются невостребованными нашими управленцами. При этом «тимбилдинг» мы предпочитаем «командообразованию», «менеджмент» – «руководству». Все происходит на фоне неизменного отношения к человеку как объекту управления.

По опросам российских руководителей, объектом управления в системе любого масштаба и назначения, признается человек (люди). [1] Заметим, не компетенции, навыки, способности, которые можно идентифицировать, оценить. На уровне предприятий такое понимание объекта управления проявляется в невозможности грамотно выстроить трудовые отношения. Формально, заключая трудовой договор, одна сторона отношений «продает» именно их, а не себя, «носителя» указанных элементов. Понять это тяжело, так как исторически в России довлеет «психология крепостного». Смена режима, исторических взглядов и элит не меняет ничего для человека труда. Отсюда высокий уровень моббинга и буллинга, которые на Западе рассматриваются как преступления против личности и закреплены в качестве таковых в законодательных актах. У нас это распространенное явление, значение которому не придается, о закреплении в законодательстве речь даже не идет.

Добавляют к сказанному представленные ниже характеристики «русской модели управления» [1]:

- централизация власти с тенденциями к её абсолютизации;
- изначальная стратегичность при недостатке рациональности и практичности;
- доминирование контура власти над контуром управления (сильная недоразвитость последнего);
- авторитаризм управляющих при безынициативности и уходе от ответственности управляемых;
- первые лица на всех уровнях не вписаны в общие законы и правила, и находятся над системой;
- мобилизационность, некритичность к ресурсам (ориентация на результат, а не на эффективность);
- нестандартность мышления и непредсказуемость решений и действий управляющих;
- самоорганизация исполнителей под решения управляющих;
- большая дистанция между управляемыми и управляющими, поддерживаемая с обеих сторон.
- рост эффективности управления только при усилении внешнего давления (отсутствие внутренних источников роста эффективности).

Изменение взгляда на человека как объекта управления через призму компетенций, дает совершенно иной результат. Взгляд на человека труда как носителя компетенций способствовало развитию на Западе положений компенсационного менеджмента, который предполагает формирование системы знаний об оплате компетенций, востребованных в трудовом процессе для

установления и начисления справедливой зарплаты. Понимая под объектом управления человека, современный руководитель подтверждает тем самым сохранение в стране крепостных традиций.

Сегодня в России насаждается компетентностный подход в образовании (в высшей школе все образовательные модули и программы составлены с их учетом), в трудовых отношениях (формирование системы профстандартов). А ведь мало кто из разработчиков понимает суть указанного подхода, поэтому понятие «компетенция» принадлежит к особому рода симулякрам в современном русском языке. СПС «КонсультантПлюс» выдала по одноименному запросу 1000 официальных документов, где исследуемое понятие употреблялось как синоним полномочий тех или иных органов власти. Такой же точки зрения придерживаются и авторы большинства словарей. В словаре Ожегова компетенция – это, во-первых, «круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен», а, во-вторых, «круг чьих-нибудь полномочий, прав». Практически такое же толкование термина найдем и в словарях Ефремовой и Д.Н. Ушакова. Этимология рассматриваемого понятия восходит к латинскому *competentia* - «принадлежность по праву». Используется во французском языке с конца 18 века в значении полномочие как подтвержденное право, правомочие. В середине 19 века начинает использоваться для обозначения круга вопросов, в которых кто-либо разбирается профессионально, со знанием дела. Первая часть слова (префикс *com-*) предполагает, что компетенция как полномочие должна быть подтверждена (законом, административным актом, доверенностью). Вторая часть слова (корневая основа *petere-*), что компетенция как полномочие не может появиться без усилий, она должна быть достигнута. В английском языке глагол *compete* означает конкурировать, соперничать, состязаться против кого-либо. Соответственно «компетенция» - обладание качествами, необходимыми для конкурентоспособности. Примечательно, что в современном английском языке понятие «компетенция» (*competence*) означает достаток, материальное обеспечение: обеспечить семью компетенцией значит обеспечить достойное материальное положение. [2] Современное звучание термину придал американский психолог Роберт Уайт в 1959 году. В научной статье «Пересмотр понятия мотивации: концепция компетенции» он определял его применительно к психологии животных как способность организма эффективно взаимодействовать с окружающей средой.

В современном менеджменте компетенцию преимущественно определяют как некую «комбинацию знаний, умений, навыков, мотивационных факторов, личностных качеств и ситуационных намерений, которая обеспечивает эффективное решение исполнителем задач определенного класса в определенной организации, на определенном месте, в определенном коллективе» [3, С. 146], а компетентность как «основывающийся на знаниях, интеллектуально и личностно-обусловленный опыт социально-профессиональной жизнедеятельности человека». Таким образом, «компетентность» неотделима от личности, тогда как «компетенция» - характеристика рабочего места и/или производственной задачи. При этом следует помнить, что (1) компетенция (компетентность) - это качество или свойство, имеющее отношение к профессиональной деятельности. То, что не имеет отношения к профессиональной деятельности, компетенцией (компетентностью) называться не может. Компетенцией (компетентностью) можно называть только то, что можно сознательно изменять (2).

В России как ответ на происходящее процветает прекариат - трудовые отношения, которые могут быть расторгнуты нанимателем в любое время со всеми вытекающими последствиями (понятие произошло путем сложения слов *proletariat* и *precarious* (от лат. *precarius* – полученный просьбами, вверивший себя другому)). Такое отношение порождает целый спектр отрицательных элементов в системе трудовых (и не только) отношений. Здесь следует искать и истоки формирования человеческого антикапитала.

1. Особенности управления изменениями в России [Электронный ресурс]. – URL: [https://ridero.ru/books/osobennosti_upravleniya_izmeneniyami_v_rossii/read/\(дата_обращения_12.11.2016\)](https://ridero.ru/books/osobennosti_upravleniya_izmeneniyami_v_rossii/read/(дата_обращения_12.11.2016)).
2. Фокин Н. И. Экономика: В начале было Слово [Электронный ресурс]. - URL: [http://dictionary-economics.ru/word/Компетенция/\(дата_обращения_06.10.2017\)](http://dictionary-economics.ru/word/Компетенция/(дата_обращения_06.10.2017)).
3. Овчинников, А. В. О классификации компетенций // *Организационная психология*. 2014. Т. 4. № 4. С. 145–153

РОЛЬ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ В РАЗРЕШЕНИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ ЮГА РОССИИ.

Денисова Г.С. (Ростов-на-Дону)

Статья подготовлена в рамках проекта по Госзаданию № 28.4498.2017/РНЦ

Аннотация. В статье рассматривается актуальное направление развития местного самоуправления – реализация муниципальными органами функции регулирования межэтнических отношений. В аридных районах Юга России, которым свойственно низкая плотность населения и межэтнический контакт старожильческого населения и выходцев из республик Северного Кавказа сложилась система этнического разделения труда. Трансформация структуры землепользования в этих районах вызывает межэтническую напряженность. Ее разрешение административными методами по разным причинам оказывается мало эффективным. В этих условиях оптимален переход на механизм активизации самоуправления и взаимодействия муниципальных органов с институтами гражданского общества, в частности, с этническими общинами и ассоциациями фермеров.

Стабилизация политической ситуации в России с начала XXI столетия отразилась на снижении межэтнической напряженности в южных регионах в целом (в том числе, в Ростовской области), смещение этноконфликтов с регионального на локальный уровень [1, 17]. В период с 2013 г. в регионах Южного федерального округа повсеместно прослеживается перемещение межэтнического конфликтного потенциала из сферы бытовых отношений в социально-экономическую сферу. Эта тенденция обнажила скрытый экономический потенциал в межэтнической напряженности, которая фиксировалась в сельских восточных районах Ростовской области. Опросы населения этих районов, которые проводились в 90-е годы и в нулевое десятилетие, показывали обычно, что респонденты этих районов, не зависимо от этнической принадлежности, в качестве источников межэтнических конфликтов указывали различие ценностей и несовместимость норм и правил поведения в быту, которые свойственны разным этническим группам [2] . Опросы последних нескольких лет показывают, что на первый план выдвигаются экономические причины [3]. Особенно наглядно они проявляются в сельских поселениях, жители которых повседневно находятся в непосредственном контакте. Глубинные интервью с жителями и с экспертами свидетельствуют о том, что основным предметом конфликтных взаимодействий является слабая эффективность правоприменительных практик, регулирующих земельные отношения.

Создание в России юридической базы для регулирования земельных отношений открыли возможности продажи зерна за пределами России, и вызвали изменение структуры сельскохозяйственного производства. Это непосредственно отразилось на характере межэтнических отношений, поскольку в аридных районах Юга России (восточные района Ростовской области, Ставропольского края, Калмыкия, Астраханская область) в последние полвека сложилась система этнического разделения труда. Переход нынешних фермеров с овцеводства на зерноводства, укрупнение фермерских хозяйств стало фактором межэтнической напряженности в этих регионах Юга России.

Для регулирования земельных отношений Администрацией Ростовской области было принято специальное Постановление, определяющее нормы нагрузки животных на единицу площади в зависимости от природно-сельскохозяйственных зон области [4]. Однако законодатель предполагал ответственность лишь собственника или арендаторов земельного участка, используемого для пастбищного выпаса. Но большинство граждан (практически все они выходцы из Дагестана и Чечни), проживающие на животноводческих «точках», ведут свое хозяйство в форме личного подсобного хозяйства (ЛПХ) и земельных участков сельскохозяйственного назначения не имеют совсем. При этом правовой базы, обязывающей владельца животных приобрести в собственность или аренду землю под выпас скота для владельцев ЛПХ не существует. А потому к владельцам домашнего скота, осуществляющего траву, невозможно применить принятое Постановление. При этом возникают еще технические сложности, не позволяющие применить данное Постановление. Поэтому сложилась реальная ситуация: основное большинство овцеводческих ЛПХ в таких районах Юга России ориентированы на прибыль, как и крестьянско-фермерские хозяйства; поголовье отар этих ЛПХ соответствует крестьянско-фермерским хозяйствам, но официальные пастбищные земли для этих отар в районах либо отсутствуют, либо в дефиците. Кроме потрав на животноводческих «точках», в населенных пунктах переизбыток скота обнаруживается в публичном пространстве – на улицах, на площадях около официальных зданий (школ, поликлиник, клубов), что проявляется в нарушении экологии и

санитарных норм. Муниципалитеты вынуждены принимать специальные постановления, регулирующие пребывание домашнего скота в населенных пунктах, в которых подробно прописаны общеизвестные бытовые правила. Однако в подобных постановлениях не указываются санкции за нарушение этих правил. В свою очередь, у правоохранительных органов отсутствует достаточное количество вакансий участковых уполномоченных для контроля за соблюдением землепользования или правил содержания скота. Тем самым, принятых региональными законодателями административных норм оказывается недостаточно для регулирования сложившейся ситуации. Не наказуемость правонарушений, которые воспроизводятся в повседневных практиках жителей, определяются населением как вседозволенность для лиц, которые их допускают. Сложившаяся этническая система разделения труда в сельскохозяйственной деятельности в аридных районах Юга России автоматически переводит возмущение населения по проблемам землепользования в плоскость межэтнических отношений.

Другая не менее острая проблема, которая вызывает социальную напряженность на почве межэтнических отношений, - сохранение межгрупповых границ и «капсулирование» диаспор. В современных экономических условиях этому содействует отсутствие государственных предприятий, которые привлекали к совместной деятельности жителей разных национальностей. Сегодняшняя экономическая деятельность организуется на основе семейно-родственных отношений, что препятствует расширению межэтнических контактов, преодолению этнических стереотипов и фобий. Организация ежегодных культурных фестивалей, которые поддерживаются региональными властями, не решает проблемы преодоления этнических границ, т.к. подготовка к этим праздникам также проводится внутри диаспор.

Эффективным механизмом разрешения сложившихся противоречий является поощрение самоорганизации сельских жителей и привлечение их к сфере регулирования социальных взаимодействий, что предполагает активное сотрудничество муниципалитетов и институтов гражданского общества. В сельских районах в этом качестве выступают этнические общины, а также ассоциации фермерских хозяйств. Такой организацией федерального уровня в России является АККОР. Функционирование этой организации на региональном уровне имеет разную эффективность в регионах Юга России. В настоящее время в связи с изменением системы господдержки и введением новой схемы субсидирования кредитов роль АККОР значительно возрастет, т.к. списки фермеров-получателей льготных кредитов будут заверяться в региональных организациях.

Можно предположить, что ассоциации фермеров, которые являются не государственными организациями, могут выступить в роли эффективного медиатора в разрешении назревшей проблемы регулирования количества домашнего скота в зависимости от обеспечения его выпаса. Пока обсуждения таких инициатив, выдвигаемых представителями региональных законодательных собраний, в медиа-пространстве часто интерпретируется как стремление «задушить» ЛПХ. Ассоциации фермеров, стремясь разрешать аграрные проблемы в диалоге, способны отстаивать свои интересы не только перед властью, но также и во взаимодействии с другими акторами экономических отношений. Возможный диалог региональных ассоциаций фермеров с владельцами ЛПХ открывает также и перспективу совместных действий, разрушающих межэтнические границы и сложившиеся межэтнические стереотипы.

Главная задача стратегии национальной политики на уровне муниципалитетов – поиск реальных механизмов достижения интеграции и снятия групповых межэтнических границ посредством синхронизации деятельности всех официальных институтов социализации (предприятия, образование, религия, спортивные организации) и поддержания правопорядка. Тем самым, разрешение спорных вопросов в регулировании экономической деятельности ЛПХ на основе вовлечение в публичный диалог и сотрудничество всех заинтересованных сторон, позволит перевести вопросы межэтнических взаимодействий с уровня политических деклараций на уровень решения конкретных хозяйственно-бытовых, образовательных и организационных вопросов, провоцирующих обострение межэтнических отношений.

1. Авксентьев В.Д., Гриценко Г.Д., Дмитриев В.В. Региональная конфликтология. Экспертное мнение. М., 2007.

2. Денисова Г.С., Клименко Л.В. Этнокультурный механизм конституирования конфликтности в полиэтничных районах Ростовской области. Ростов/Д.: Изд-во ЮФУ, 2011.

3. *Общественное мнение о состоянии межнациональных отношений в Ростовской области в 2016 г. – Аналитический отчет. ВЦИОМ, Филиал ЮФУ. По заказу Правительства Ростовской области. ГК. № 240. 2016.*

4. *Постановление № 55 «Об установлении нормативов нагрузки сельскохозяйственных животных на единицу площади пастбища на территории Ростовской области» от 07.02.2013 г.*

GOOD GOVERNANCE-АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ПУТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Долгих У.О. (Санкт-Петербург)

Проблема взаимодействия государства и общества является одной из ключевых в поле политического. При этом различие этих двух понятий возникло не сразу; так древнегреческий философ Платон отождествлял общество с полисом. Одним из первых внимание на существование жизни вне рамок государства обратил Н.Макиавелли, который отмечал, что именно через понятие «гражданское общество» государство подчиняет себя все и вся. Однако с различием государственной и негосударственной сфер встал вопрос о возможностях их взаимного существования и соподчинения. Изначально государство единолично диктовало политику и решения, которым безоговорочно должно было следовать все общество. При этом сама сфера политики была закрытой, включающей в себя лишь элитарный, немногочисленный круг людей. Такой вариант государственного управления с течением времени начал порождать в обществе противоречия, которые расшатывали государственность изнутри. В результате резкому переосмыслению подверглась концепция государственного управления, построенная по принципу «сверху-вниз». На сегодняшний день вовлечение все большего количества акторов в развитие политических процессов вынуждает искать новые способы и принципы управления, так как отработанная схема жесткой горизонтальной иерархии становится малоэффективной. И здесь, наиболее привлекательной не только с точки зрения теоретического обоснования, но и практической реализации представляется концепция “governance”. Впервые лозунг «peace, order and good governance» возник еще полтора столетия назад и был закреплен британским парламентом в Новозеландском конституционном акте 1852 года. В дальнейшем с различными модификациями «good governance” был закреплен как основополагающий принцип политики многих стран на разных континентах. Однако сегодня, до сих пор отсутствует единое понимание данной концепции, более того, в нашей стране даже нет четкого аналога определению «good governance”. Чаще всего «governance” определяют как способ, посредством которого осуществляется управление экономическим и социальным развитием страны, при этом развитие носит устойчивый характер. Говоря о сути концепции «good governance”, нельзя не отметить программу UN-HABITAT, разработанную ООН в 1978 году. Данная программа направлена на устойчивое развитие населенных пунктов, которое характеризуется рядом особенностей. В первую очередь, участие как возможность права голоса всех граждан в принятии политических решений, а также верховенство права и прозрачность, которая подразумевает свободный доступ к достоверной информации. Не менее важными являются чувствительность как показатель степени чуткости реакции политических институтов на потребности граждан, справедливость, при которой все граждане имеют равные возможности улучшить свое благосостояние, результативность и действенность, а также подотчетность, когда результаты работы политических институтов в доступном виде представлены на оценку общественности. Дополнительной особенностью выступает стратегическое видение, когда политические деятели в согласии с обществом ориентируются на долговременные перспективы управления и развития личности, и отчетливо представляют меры, необходимые для их реализации. При этом важно понимать, что в концепции « good governance” роль государства не умалятся, правительство по-прежнему остается единым органом управления, более того, акцент делается именно на роли государства, однако происходит как бы размытие границ его деятельности. «Good governance” предполагает ситуацию, когда уже невозможно различить, где заканчивается государство и начинается гражданское общество. Становление границ невидимыми происходит в силу того, что основной формой взаимодействия государства, бизнес - структур и общества становится сотрудничество, при котором нет жесткого разграничения функций, а существует направленность на выработку единой платформы с общими рисками и ответственностью за результаты. Однако в условиях современной действительности, когда финансовый кризис затрагивает все больше государств, а последствия интеграции мирового

сообщества становятся неоднозначными реализация схемы “good governance” требует значительных коррективов. Так важнейшей современной тенденцией является повышение требований к объему и качеству социально-экономического регулирования. Такая перемена в осуществление политики «good governance» означает, что государство как центральный политический актор должно взять на себя обязанность обеспечить эффективное развитие страны в тот момент, когда общественность неспособна на это в силу ряда причин. Данный вариант государственного управления означает, что ни один из полярных полюсов модели «сильное - минималистское» государство не является актуальным, так как наиболее важным становится принцип эффективности. Сегодня многие страны уже пытаются выстраивать концепцию управления на основе принципов «good governance»; так одним из показательных примеров является Япония, власти которой стремятся обеспечить комфортное существование всех членов общества, а также удовлетворить индивидуальные запросы. Успешное развитие экономики, социальной сферы данной страны является возможным благодаря взаимному сотрудничеству правительственных структур и институтов малого и среднего бизнеса. При этом развитие столь эффективного процесса государственного управления оказалось возможным в силу достаточной зрелости гражданского сознания, которое осознало необходимость взаимной ответственности и деятельности. Таким образом, на сегодняшний день концепция “good governance” является одной из наиболее привлекательных альтернатив государственного управления, которую возможно развивать при соблюдении ряда условий.

- 1) Алексеева.Л.Н. Создание электронного государства как один из этапов перехода к модели Good governance// Вестник научных конференций. — 2016. — №4-2. — С. 7-9.
- 2) Красильников.Д.Г., Сивинцева О.В., Троицкая Е.А. Современные западные управленческие модели: синтез new public management и good governance. Пермь., 2014.
- 3) Саханова.А.Н. Новая парадигма государственного управления «Good Governance»: пример Японии как перспектива для стран СНГ. М., 2004.
- 4) Сморгун.Л.В. Государственная политика и управление. Учебник. В 2 ч. Часть I: Концепции и проблемы государственной политики и управления. М., 2006.
- 5) В Японии нет особых проблем с нарушением прав человека [электронный ресурс]. М., 1993-2016. URL: <https://www.hse.ru/news/recent/73374267.html> (дата обращения 15.04.2017).
- 6) Всемирный банк: качество государственного управления в странах мира- 1998-2008 года [электронный ресурс]. М., 2002-2016. URL: <http://gtmarket.ru/news/state/2009/07/10/2242>
- 7) Сравнительный анализ малого и среднего предпринимательства в России и за рубежом [электронный ресурс]. URL: http://www.science-bsea.bgita.ru/2014/ekonom_2014_22/laricheva_sravnit.htm(дата обращения: 15.04.2017).
- 8) United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific. What is Good Governance? Thailand., 2009

КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНЗИТИВНОЙ ЭКОНОМИКИ

Ехлакова К.А., Самбур С.В. (Санкт-Петербург)

Начиная со второй половины XX века в республиках бывшего СССР начинаются процессы, связанные с постепенным переходом от плановой экономики к рыночной. Данный период носит название транзитивная экономика и характеризуется промежуточным положением общества, когда рушится старая система, а новая еще не успела сформироваться. На этом этапе правительство начинает постепенно ослаблять контроль над предприятиями, в результате чего компаниям предоставляется большая свобода в принятии решений в области их управления, в частности распоряжение активами [2]. Как итог, на смену государственным предприятиям приходят акционерные общества и возникает вопрос об их эффективном управлении.

Сам дискурс о корпоративном управлении зарождается уже с начала XX века. Происходит это в результате постепенного разграничения прав собственности с непосредственным управлением имуществом в компаниях в условиях экстенсивного развития производства. Под корпоративным управлением (далее КУ) нами понимается система регламентированных взаимоотношений между различными хозяйствующими субъектами производства, реализованная в форме согласованного распределения прав и обязанностей. Участниками интеракции такого

вида выступают менеджеры, совет директоров, акционеры компании и другие заинтересованные лица.

В соответствии со спецификой конкретной страны, образуются различные модели управления, основными из которых выступают следующие: англо-американская, континентальная (немецкая), японская и семейная.

Однако модель корпоративного управления, характерная для России на данный момент, не укладывается ни в одну из вышеперечисленных по всей совокупности признаков, так как начавшийся в 90-е годы прошлого столетия массовый процесс приватизации привел к высокой концентрации собственности и низкому уровню отделения ее от управления. Стоит отметить, что вышеуказанная тенденция соответствует инсайдерской системе корпоративного управления, в рамках которой руководство над менеджерами осуществляют владельцы крупных пакетов акций, в противоположность более эффективной аутсайдерской системе [1].

На сегодняшний день уже достигнуты некоторые результаты институционального развития в сфере КУ в России. В 2001 году был учрежден Российский Институт Директоров, основной сферой деятельности которого являются исследования в области корпоративного управления. Следующим шагом стало принятие Кодекса корпоративного поведения в Российской Федерации по распоряжению ФКЦБ России. С 2003 года осуществляется мониторинг качества корпоративного управления в Российской Федерации посредством специально разработанного Национального рейтинга, одной из ключевых задач которого выступает контроль за соблюдением информационной открытости компаний.

В 2015 году РИД опубликовал результаты сравнительного анализа практики КУ в России за период 2004-2014 года (репрезентативная выборка составила 150 отечественных компаний). На основе выявленных тенденций стало возможным охарактеризовать общий уровень развития российских организаций в этой сфере.

По данным исследования, наиболее высокие показатели в области КУ имеют следующие отрасли: телекоммуникации и информационные технологии, электроэнергетика, нефтегазовая промышленность. Отмечается качественное улучшение деятельности органов контроля и управления, на 2014 год 60% компаний получили положительную оценку данного параметра.

Однако, высокий общий уровень раскрытия информации (69%), реализованный через создание сети корпоративных интернет-сайтов, сочетается с недостатком информации для акционеров при подготовке к проведению собраний (лишь 38% сайтов содержат подобный раздел), что указывает на недостаточно системный характер позитивных изменений. Среди негативных аспектов выявлен также низкий уровень распространения создания должности корпоративного секретаря, в обязанности которого входит обеспечение соблюдения правил КУ сотрудниками и организация совета директоров. Важно отметить тот факт, что лишь 44% из исследуемых компаний не обеспечивают достаточными правами акционеров [3].

Исходя из данных, приведенных выше, уместно выработать ряд рекомендаций. Отечественным компаниям необходимо совершенствовать корпоративное управление, положительным результатом которого станет привлечение все новых инвесторов. Следует задействовать независимых оценщиков для контроля за КУ, повышать степень прозрачности компаний и расширять сети международных контактов по вопросам улучшения качества управления [4], создание благоприятной для бизнеса государственной политики, что в результате благоприятно скажется на экономическом развитии организации.

1. Дементьева А.Г. Система корпоративного управления в развитых странах и России // Менеджмент в России и за рубежом. №3. 2008
2. Переходная экономика: аспекты, российские проблемы, мировой опыт / Отв.ред. акад. В.А.Мартынов. Мск, 2005. – С. 18-23
3. Исследование практики корпоративного управления в России: сравнительный анализ по итогам 2004-2014 гг. // <http://rid.ru/issledovaniya/issledovaniya/>; РИД. 2015
4. Tricker R. *International Corporate Governance*, Prentice Hall, 1994.

ТЕХНОГЕННОЕ ВЛИЯНИЕ ИННОВАЦИЙ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Желнин О.И., Желнина Е.В. (Тольятти)

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-13-63003

Сегодня признается аксиомой, не требующей доказательств тот факт, что постоянные изменения (инновации) прочно вошли в жизнь современного человека и современного общества, оказывая колоссальное влияние как на сам социум и людей, наполняющих его, но и на окружающую природную среду. Таким образом, нельзя не принимать во внимание травмагенность технологических новшеств для экологической ситуации [2]. Безусловно, промышленные инновации потенциально наиболее сильные в плане техногенного воздействия на окружающую среду. Именно поэтому необходимо, во-первых, проводить постоянный мониторинг изменения состояния окружающей среды вследствие внедрения технологических инноваций. Причем, это не обязательно должен быть контроль специализированных служб и органов. Мы предлагаем вспомнить позитивный опыт и действенность общественного контроля. Ведь, как показывают результаты эмпирических исследований, населению далеко небезразличен уровень и состояние экологической ситуации. Результаты данного мониторинга должны стать основой для принятия управленческих решений относительно внедрения и использования конкретных новшеств. Во-вторых, необходимо организовать внедрение и использование различного рода технических и технологических инноваций сопровождением рядом социальных инноваций для минимизации их негативного влияния. Мы имеем в виду социальные технологии – разработанные и апробированные алгоритмы, сопровождающие инновационные процессы на всех этапах их развития: поиск, разработка, адаптация к конкретной проблеме / ситуации, внедрение, использование и пр. подобного рода социальные технологии работают с социальной составляющей технологического процесса – руководителями предприятий и их подразделений, работниками, непосредственно использующими технологические новинки, потребителями, пользующимися результатом деятельности обновленных предприятий.

Технологические инновации большинством исследователей признаются базисом нового типа общества – постиндустриального. Настолько обширное количество технологических новинок требует определённого социального сопровождения, а также мониторинга их влияния на окружающую природную среду. Появляющиеся вновь и трансформирующиеся технологии так или иначе формируют совершенно новые типы социально-экономических отношений. Практически любые новации дают преимущества в конкурентной борьбе. Причём, данное соперничество может относиться к различного рода социальным системам и элементам. Во-первых, это традиционная конкуренция на рынке между предприятиями за расширение доли рынка, привлечение новых и удержание имеющихся потребителей продукции. Во-вторых, это может быть соревнование, между отдельными индивидами да обладание важными для них благами. Необходимо отметить, что понятие об этих благах достаточно размыто, это может быть и вакантная должность, и призовое место на конкурсе, и информация и т. п. Главное, что каждый из индивидов желает во что бы то ни стало получить данное благо в своё единоличное пользование.

И социум, и наука сегодня интенсивно пытаются решать возникшие вследствие развития технологических инноваций экологические проблемы [3]. Посредством комплексных социо-эколого-технических решений человечество сможет реализовать идеи социально-экономического развития, которое, собственно, составляет основу в изучении инновационной активности промышленных предприятий. В современной социально-экономической ситуации, обусловленной постоянными изменениями во всех сферах жизнедеятельности общества, актуализируется необходимость исследования социальных технологий, алгоритмизирующих процесс принятия управленческих решений [1; 4; 5].

С точки зрения экспертов, более трети (38 %) коллективов обследуемых предприятий к инновациям испытывают явно негативные чувства. В то время как сами эксперты (сотрудники этих же предприятий) в абсолютном большинстве (79 %) хорошо относятся к различного рода нововведениям. Данные исследования показывают, что на современных российских промышленных предприятиях в большей части представлены индивидуальные субъекты инновационной активности. Следовательно, наблюдается некая разрозненность, хаотичность и

точность нововведений. Данный тезис может быть подтвержден следующими высказываниями респондентов: «не всегда бывает согласованность» (7 %); «несогласованность, часты сбои в работе» (7 %); «прогресс должен быть во всем, а не частично» (13 %). Социальный алгоритм принятия комплексного управленческого решения представляет собой согласованный комплекс этапов, включающий работы по идентификации, поиску и оценке вариантов и решению управленческой проблемы, которые заключаются в оптимизации указанных процессов, в согласовании их с различными структурными компонентами социальной системы и ее окружения в целях повышения эффективности и результативности активности промышленного предприятия.

Предложенный нами социальный алгоритм состоит из семи этапов работы социальной технологии принятия управленческих решений (УР):

1. Идентификация и анализ проблемной ситуации (ПС);
2. Поиск вариантов решения ПС;
3. Оценка выявленных вариантов решения ПС;
4. Адаптация к конкретной проблеме / ситуации;
5. Принятие УР;
6. Обеспечение ресурсами процесса выполнения УР;
7. Мониторинг и контроль за исполнением УР.

Практически на всех этапах руководитель сталкивается с некоторыми трудностями и барьерами на пути решения возникших проблем, причем, мы в данном случае рассматриваем именно социальную природу препятствий (в отличие от экономических, финансовых, материальных и др. дефицитов). Данный вывод подтверждается результатами эмпирического исследования, проведенного в ноябре 2016 г. методом анкетирования. Достаточно значительный процент (49 %) препятствий / барьеров оказалась связанной с субъектом – руководителем или исполнителем управленческих решений. Важно отметить, что негативный пример или опыт является существенным барьером для освоения и использования активной инновационной деятельности для людей с высшим образованием, среднего материального достатка и в целом успешно адаптирующихся в стремительно меняющихся условиях окружающей их действительности. Именно оторванность от повседневности (12 %), неумение и неспособность граждан использовать новшества является значительным препятствием для их использования. Интересно, что этот вариант оказался не популярен среди респондентов с высоким материальным достатком (0,3 %), что может свидетельствовать о большей информированности и лучшей ориентированности представителей данной категории в потоке инновационных предложений. Так, в нашем исследовании мы выделили активные источники информирования, свойственные именно активной, неравнодушной личности: это печатные СМИ, Интернет СМИ и отчасти – форумы, блоги, социальные сети. Данные источники предполагают непосредственную активность агента инноваций по поиску необходимой информации. Другая группа – пассивные источники информации, которые не предполагают какой бы то ни было активности субъекта.

1. Дайкер А. О., Чернов С. А. Экономическая идентичность региона и сетевой аспект его конкурентных преимуществ // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 12 (декабрь). – С. 104–111. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/16271.htm>.

2. Дергачева Е. А. Концепция социотехноприродной глобализации: междисциплинарный анализ: монография. – Москва: Книжный дом «ЛЕНАНД», 2015. – 250 с.

3. Колонтаевская И. Ф. Экологические инновации как фактор повышения качества жизни // Инновации в науке: сб. ст. по матер. XXVIII междунар. науч.-практ. конф. № 12(25). – Новосибирск: СибАК, 2013.

4. Плехова Ю. О., Кравченко В. С., Ефимычев А. Ю., Вьялкова М. А. Анализ факторов инновационной активности предприятий Нижегородской области // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 11 (ноябрь). – С. 21–31. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/16233.htm>.

5. Селиверстова Н. И. Модификация государственного интереса // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – № 12 (декабрь). – С. 46–52. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/16262.htm>.

АКТУАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Катаева (Свента Ярвик) В.И. (Москва)

Регламентирующие механизмы: Федеральный закон РФ от 12.01.1996 N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» от 8 мая 2010 года № 83-ФЗ, Федеральный закон от 03.11.2006 № 174-ФЗ "Об автономных учреждениях", Федеральный закон Российской Федерации от 1 декабря 2007 г. N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях», Закон РСФСР от 22.03.1991 N 948-1 (ред. от 26.07.2006) "О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках", Федеральный закон от 26.07.2006 г. №135-ФЗ «О защите конкуренции», Федеральный закон "О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций" от 30.12.2006 N 275-ФЗ, Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», который регулирует государственные закупки от планирования закупок до исполнения контракта [3-9]. Федеральный закон от 18.07.2011 N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», Федеральный закон РФ от 5 апреля 2010 г. N 40-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций", Положение о правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства [2]. социальных групп, организаций разной формы собственности.

Программно-целевые механизмы. Согласно Программе Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов общими принципами разработки и реализации государственных программ являются:

- формирование государственных (муниципальных) программ исходя из четко определенных долгосрочных целей социально-экономического развития и индикаторов их достижения;
- определение органа исполнительной власти, отвечающего за реализацию программы (достижение конечных результатов);
- установление для программ, как правило, измеримых результатов двух типов: конечных результатов, характеризующих удовлетворение потребностей внешних потребителей, и непосредственных результатов, характеризующих объемы и качество оказания государственных услуг, прогнозируемых при заданных условиях;
- проведение регулярной оценки результативности и эффективности реализации программ, в том числе внешней экспертизы, оценки их вклада в решение вопросов модернизации и инновационного развития экономики и т.д.

Механизмы государственного регулирования конкуренцией и предпринимательской деятельностью. На современном рынке услуг существуют субъекты разной формы собственности. Развитие конкурентной модели в стране требует активного участия всех субъектов рыночных отношений. Поэтому помимо конкуренции и монополии существует также третья форма взаимодействия субъектов рынка услуг - интеграция. Центробежная тенденция в обществе и экономике уравнивается центростремительной тенденцией формирования системы рыночной экономики.

Несмотря на наличие Федерального Закона «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и Федерального закона от 26.07.2006 г. №135-ФЗ «О защите конкуренции», в России отсутствует законодательная база, направленная на регулирование деловых конкурентных отношений в образовании и науке, культуре, физкультуре и спорте, здравоохранении, социальной защите. Встает вопрос о разработке законодательных актов для этой сферы.

Механизмы многоканального финансирования осуществляются на основе межсекторного взаимодействия. К ним относятся:

государственный (муниципальный заказ) - заказ на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных (муниципальных) нужд. Государственный заказ (муниципальный заказ) может быть размещен:

путем проведения торгов в форме конкурса, аукциона, в том числе аукциона в электронной форме; без проведения торгов в форме запроса котировок, закупки у единственного поставщика (исполнителя, подрядчика). Для обеспечения «открытости» размещения государственного заказа с 1 января 2011 года функционирует Официальный сайт Российской Федерации для размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг [10].

социальный заказ – это экономико-правовой механизм реализации приоритетных государственных (муниципальных) программ, направленных на решение социально-значимых проблем. Он обеспечивается в основном за счет бюджета РФ, путем заключения контрактов на конкурсной основе;

фонды целевых капиталов (эндаумент-фонды) - отличаются от обычных благотворительных фондов тем, что направляют на свои цели, главным образом, не пожертвования доноров, а инвестиционный доход от сформированного участниками капитала с указанием расходования полученной прибыли. Чаще всего эндаумент-фонды создаются для финансирования организаций образования, медицины, культуры, социального обслуживания и спорта [9].

фонды территориального развития – фонды (как некоммерческие организации), нацеленные на поддержку социальных программ и проектов в муниципальном образовании или части муниципального образования;

фонды развития местных сообществ - лидеры местного сообщества, занимаются развитием филантропии и грантовой политики через инновационные технологии. Постоянным и неприкосновенным капиталом фонда является благотворительный капитал (endowment – целевой капитал). Инструментами фондов являются:

Общий грантовый фонд, средства которого формируются из большого количества пожертвований (частных, корпоративных, бюджетных) и используются для проведения общих конкурсов грантов на поддержку широкого спектра общественно полезных проектов.

Именные фонды частных лиц или компаний. Такие фонды могут быть как корпоративными, так и семейными, или "фамильными", созданными для увековечивания фамилии благотворителя и передаваемыми из поколения в поколение.

Маркетинговые механизмы управления. Несомненный интерес представляет такой маркетинговый инструмент, как франчайзинг, который только начинает осваиваться в социальной сфере. Это – закрепленное контрактом соглашение между двумя независимыми партнерами, при котором франшизор предоставляет франчайзи на условиях контракта право покупать и распоряжаться забрендированной и сформированной бизнес-системой, оплачивая это право с соблюдением правил и процедур, разработанных для системы франчайзинга.

К важным преимуществам, которые дает использование социального франчайзинга относятся:

- Экономичное воспроизведение некоммерческих проектов.
- Передача опыта и обучение по ходу реализации.
- Оценка качества через стандартизацию деятельности.
- Финансовые преимущества.
- Синергия.
- Привлечение ресурсов волонтеров.

Бенчмаркинг (англ. Benchmarking) как процесс определения, понимания и адаптации имеющихся примеров эффективного функционирования организации с целью улучшения собственной работы в равной степени включает в себя два процесса: оценивание и сопоставление. Бенчмаркинг (от англ. benchmark, "начало отсчета", "зарубка") – это механизм сравнительного анализа эффективности работы одной организации с показателями других, более успешных, организаций.

Для повышения действенности социального управления данные механизмы должны применяться не спорадически, а систематически.

1. Катаева В.И. (Свента Ярвик). Сфера социально-культурных услуг: инновационная матрица. М.: 2016. 230 с.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июля 2012 г. №773.

<https://rg.ru/2012/08/07/open-govern-site-dok.html>

3. Федеральный закон РФ от 12.01.1996 N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»,

- http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/
<http://base.garant.ru/10105879/>
<http://www.zakonrf.info/zakon-o-nekommercheskih-organizacijah/>
4. *Федеральный закон РФ от 03.11.2006 N 174-ФЗ (ред. от 14.06.2011) «Об автономных учреждениях»*,
<https://rg.ru/2006/11/08/zakon-doc.html>
<http://base.garant.ru/190157/>
<http://docs.cntd.ru/document/902012568>
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_63635/
5. *Федеральный закон РФ от 1 декабря 2007 г. N 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях»*,
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72967/
<http://auditrf.ru/federalnyy-zakon-o-samoreguliruemy>
<https://rg.ru/2007/12/06/samoreg-dok.html>
6. *Федеральный закон РФ от 8 мая 2010 г. N 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений»*
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100193/
<https://rg.ru/2010/05/12/pravovoe-izmenenie-dok.html>
7. *Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»*
<https://rg.ru/2013/04/12/goszakupki-dok.html>
<http://base.garant.ru/70353464/>
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/
8. *Федеральный закон от 18.07.2011 N 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»*.
<https://rg.ru/2011/07/22/zakupki-dok.html>
<http://base.garant.ru/12188083/>
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964/
9. *Федеральный закон "О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций" от 30.12.2006 N 275-ФЗ (действующая редакция, 2016)*
http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64939/
10. www.zakupki.gov.ru

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Килимова Л.В. (Курск)

Проблематика социальной активности личности активно поднимается как в дискурсе государственных органов, так и в различных научных сообществах. Данная тематика стала популярной в социологическом аспекте в 1960-х годах. В этот период отечественные социологи уделяли внимание проблемам жизнедеятельности индивидов, формированию их интересов и ценностей, проблемам социализации личности, ее предпочтений, однако именно социальная активность личности редко находила исследовательский интерес. В последующем ученых интересовали проблемы, связанные с социальной адаптацией, особенностями ее положения на рынке труда, социальной и правовой защищенностью. Актуализируется исследование социальной активности личности в рамках местного самоуправления как залога становления гражданского общества.

Проблема определения социальной активности личности связана с ее неоднозначностью и существованием множества подходов к трактовке данной категории. Активность индивида, социализированного в социуме, выражается, во-первых, в способности к становлению, саморазвитию, и совершенствованию; во-вторых, в возможности трансформировать другие объекты; в-третьих, в готовности вырабатывать определенные внутренние потенции, актуализирующие сущность субъекта.

С одной стороны, любая активность представляет собой составляющую процесса взаимодействия, с другой – является самим процессом, специфика которого определена внутренней детерминацией и сущностью явления. Следовательно, активность представляет собой особое состояние, выступает в качестве относительно устойчивого свойства личности, предрасположенности к взаимодействию, проявляющейся в степени интенсивности

осуществления поведения, реализации деятельности и достижения ее результата, постоянства и объема взаимодействий, обусловленных внутренними неудовлетворенными потребностями.

В контексте гражданского общества значимыми проявлениями социальной активности личности выступают функционально обособленные виды деятельности, направленные на самосохранение общества, организующие производство, распределение и потребление продуктов труда; распределение производственных благ, интегрирующие обособленные части социума на основе разделения труда; поддержание, защиту социальных и политических отношений, призванные объединять общество благодаря участию государства; обучение и воспитание подрастающего поколения, осуществляющие его социализацию; организацию досуга [1].

В гражданском обществе социальная активность личности может проявляться непосредственно в практиках самоуправления. В соответствии с Конституцией РФ местное самоуправление исключено из системы органов государственной власти.

Факторный анализ позволяет выявить причины и факторы гармонизации отношений между компонентами гражданского общества, направленных на совместную социальную активность личностей. С одной стороны, становление гражданского общества объективно требует проявления социальной активности личности, направленной на решение общественно-политических вопросов. С другой, – требуется государственное политическое воздействие на личность как потенциальный ресурс власти [2, с.172]. Демократизация и укрепление государственности противоречивые процессы, вызывающие определенные сложности в повышении степени социальной активности личности. Функции государственной власти разделены, часть из которых переданы местному самоуправлению, призванному согласовывать интересы и потребности общества и государства, находящемуся на короткой дистанции от населения и его насущных проблем. Местное самоуправление, с одной стороны, является институтом гражданского общества, а с другой, одной из форм публичной власти. Развитие местного самоуправления влечет за собой становление и развитие гражданского общества в регионе. Основой гражданского общества является индивид с активной жизненной позицией, права и свободы которого провозглашаются высшей ценностью, социально ответственный за свою деятельность.

Основной причиной отсутствия полноценной социальной активности личности в контексте гражданского общества и в местном самоуправлении в РФ является конформистское отношение населения. С одной стороны, это устойчивое состояние общества, однако с другой – пассивность «российского народа» обуславливает прерывистое развитие гражданского общества. Нередко инициатором реформаторского процесса институционализации взаимодействия гражданского общества и государственной власти в России выступает государство. Данный процесс протекает медленно, сопровождаясь разрушением уже созданных институтов или их неэффективным функционированием.

Залогом обеспечения граждан доступом к политическому участию, формирования социальной активности личности выступают некоммерческие организации, политические партии, общественные движения, общественные фонды, профессиональные союзы, являющиеся организационной базой для институциональных форм социальной активности граждан в политической сфере. Они обеспечивают жизнеспособность как социальных, так и гражданских институтов, формируют у граждан осознание общности групповых интересов, своей идентичности с другими индивидами.

Сравнивая динамику развития некоммерческих организаций зарегистрированных в реестре управления Министерства юстиции Российской Федерации по Курской области периода 2010 – 2014 гг. и периода 2010 – 2017 гг., обратим внимание на тренды развития НКО. За пять лет, начиная с 2010 г. по 2014 г., тренд развития некоммерческих организаций в Курской области указывал на рост их количественного состава, однако при сравнении более длительного периода, с 2010 г. по 2017 г., направление линии тренда указывает на устойчивое снижение количества некоммерческих организаций в Курском регионе. За период с сентября 2016 г. по май 2017 г. в регионе наглядно сократилось количество общественных объединений и составило 9%. Причем, настолько же (9%) увеличилось количество вновь зарегистрированных иных НКО. Следовательно, структура гражданского общества в Курской области изменяется, не только количественно, но и качественно, отражая удобные формы проявления социальной активности населения в рамках гражданского общества.

Независимо от вида субъекта гражданского общества к его практикам и социальной активности граждан можно отнести: а) общественно-политическая активность; б) денежные

пожертвования; в) добровольческая деятельность; г) ответственность за происходящее; д) влияние на происходящее; е) виртуальные практики; ж) религиозные практики [3]. Наиболее распространёнными формами социальной активности жителей Курского региона, как и для россиян в целом, являются участие в мероприятиях по благоустройству места жительства 50,7% (причём масштаб мероприятий различен от уборки двора до мероприятий по благоустройству городского уровня), а так же участие в собраниях жильцов 46,7% [4; 5]. Наименее востребованные виды социальной активности населения Курской области и России в целом связаны с общественно-политической сферой. Жители Курской области не проявили себя ни с крайне активной, ни с крайне пассивной сторон в общественно-политических практиках, занимая, по всей видимости, среднее положение по сравнению с другими регионами. Россияне, принимающие участие в деятельности некоммерческой организации, демонстрируют гораздо более высокие показатели вовлеченности в общественно-политические практики по сравнению с теми, кто в деятельности таких организаций не участвовал. Несмотря на достаточно активную позицию при решении проблем, связанных с благоустройством ближайшего пространства, респонденты областного центра, практически в два раза реже заявляют о чувстве полной ответственности за происходящее в своем дворе (жители Курска – 16,5%; жители районных центров Курской области – 36,1%). В той или иной мере чувствуют ответственность за то, что происходит в доме, во дворе 91% населения Курской области, в то время, как чувство ответственности за происходящее в их городе (селе, поселке) различной степени выразили 82,2% жителей региона. Чем шире территориальный размах зоны ответственности, чем, вероятно, меньше соприкосновение с личными интересами, тем меньше степень чувства ответственности.

Общественная значимость социальной активности проявляется в ее содержании и направленности, степени соответствия в стратегической перспективе объективным интересам и потребностям социума. Она предоставляет возможности проявления инициативы и творческого подхода в достижении социально значимых целей, деятельности местного самоуправления, в формировании новых ценностно-нормативных систем, необходимых в развитии личности и общества в целом.

1. Слесарева Г.Ф. *Гражданское общество в истории политической мысли Европы (от античности до первой трети XIX века)* [Электронное издание] // Библиотека Якова Кротова: офиц. сайт. 1997. URL: <http://krotov.info/history/17/3/sles1999.html> (дата обращения 15.05.2017)
2. Коряковцева О.А., Климов О.А. *Государственная молодежная политика в современной России: развитие гражданской активности молодежи* // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2013. №2. С. 170-173.
3. Килимова Л.В. *Гражданское общество в региональном измерении: монография* / Л.В. Килимова, О.О. Нишнианидзе, О.А. Ветрова, М.Д. Черкашин. – Курск: го-Зап. гос. ун-т, 2016.
4. Килимова Л.В. *Состояние гражданского общества в Курской области* / Л.В. Килимова, О.О. Нишнианидзе, О.А. Ветрова, И.Б. Гайдукова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2015. № 1 (14). С. 80-88.

ПОТЕНЦИАЛ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА КАК АГЕНТА СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Когай Е.А., Кубикова Н.В. (Курск)

Аннотация. В работе акцентируется внимание на проблеме вовлечения бизнеса в процесс осуществления социальных трансформаций. Сквозь призму таких условий, как способности, мотивация и возможности, рассматривается вопрос о том, насколько удастся сегодня в российских регионах малому и среднему бизнесу проявить себя в качестве агента социальных изменений. Представлены ключевые направления поддержки предпринимательства в регионах Центрального Черноземья. Отмечается, что реализуемые на федеральном и региональном уровнях программы поддержки предпринимательства в большинстве своем недостаточно учитывают потребности самой предпринимательской сферы, в итоге бизнес зачастую оказывается неспособным раскрыть в должной мере потенциал агента социальных изменений.

Трансформация сфер общественной жизни в современной России происходит сегодня в контексте разных программ федерального и регионального уровней, при этом программы, как правило, проектируются «сверху вниз», без учета обратной связи в системе власть – бизнес – общество, без детального изучения реакции представителей разных социальных групп на

осуществляемые изменения [1, с. 22]. Именно эта связь выступает ведущим звеном в построении эффективной системы социального управления как на уровне различных территориальных образований, так и на уровне отдельно взятых организаций.

Система социального управления представляет собой совокупность процессов и процедур, которые позволяют компании не только анализировать, контролировать и уменьшать социальные последствия своей деятельности, но и строить проекты по увеличению прибыльности и привлекательности. Эффективная система социального управления демонстрирует зрелость компании, проявляющей себя в качестве ответственного предприятия, что повышает надежность бизнеса относительно клиентов, заказчиков и инвесторов.

Многочисленные примеры свидетельствуют о том, что когда предприятия демонстрируют социальную ответственность, они тем самым улучшают и свои показатели. Бизнес, обладая финансовым и властным ресурсом, имеет возможность создания устойчивости не только за счет улучшения качества продуктов, услуг и обслуживания, но и за счет позитивного социального эффекта. Также мы находим немало примеров позитивного бизнес-партнерства среди социальных предпринимателей и НКО, сочетающих развитие бизнеса и достижение социально значимых целей. Вместе с тем малый и средний бизнес, как правило, рассматривается как экономический агент, как средство занятости/самозанятости, но не как агент социальных изменений.

Около 2000 крупных корпораций ежегодно сообщают о социальных и экологических последствиях своей деятельности, а в некоторых странах такая отчетность является обязательной. Все чаще не только в крупных, но и в средних компаниях появляются менеджеры по связям с общественностью. Тем самым наблюдается явное повышение интереса к корпоративной социальной ответственности.

Для активного вовлечения бизнеса в процесс осуществления социальных изменений, на наш взгляд, важно наличие трех условий – способностей, мотивации и возможности. Способность мы определяем как набор характеристик (психологических, физических и др.), определяющих склонность социальной системы выполнять те или иные функции, реализовывать определенный тип деятельности. Она включает в себя также совокупность необходимых знаний, умений и навыков. Мотивация есть побуждение к осуществлению той или иной деятельности, направленной на удовлетворение определенных потребностей и/или достижение определенных целей. Наконец, возможности – это нереализованные, вместе с тем потенциальные состояния социальной системы, некие модели ее бытия.

Наличие обозначенных условий задает систему механизмов социальных изменений, в которой идет развитие и усиление способностей на основе возможностей, что, в свою очередь, реализуется на основе мотиваций. Данные механизмы охватывают полный спектр возможностей мотивированного бизнеса для достижения социальных изменений: мотивации акторов, создание возможностей и ресурсов для них.

Зададимся вопросом о том, насколько удастся в современных условиях в российских регионах малому и среднему бизнесу проявить себя в качестве агента социальных изменений. В поисках ответа на данный вопрос обратимся к результатам экспертного опроса, проведенного среди руководителей малого и среднего бизнеса (МСП) Центрального Черноземья на базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета в октябре 2016 года, а также анализу материалов электронных средств массовой информации. Участниками эмпирического исследования стали 200 человек – преимущественно руководители малого и среднего предпринимательства Курской, Белгородской и Воронежской областей.

Рассматривая механизмы способностей, мы проанализировали вопросы, связанные со способностями предпринимателей для открытия новых видов бизнеса, а в частности инновационного и производственного. Мы выявили, что подавляющее число респондентов – 65% – не имеют знаний, навыков и уверенности для начала инновационного бизнеса. Менее четверти респондентов (23,5%) охарактеризовали свой бизнес в качестве инновационного. А также высокий процент опрошенных (42%) ответили, подготовка молодых кадров для предприятий является недостаточной, а еще 11% затруднились с оценкой квалификации молодых специалистов.

Рассматривая механизмы возможностей, мы выявили пробелы и в данной области. Так, 98% отметили высокую стоимость финансовых и энергетических ресурсов, 87% высказались о высокой налоговой нагрузке. Многие респонденты отмечали трудности с продвижением товаров на рынок. 35% опрошенных заявили о высокой стоимости аренды недвижимости, а также о проблемах с предоставлением муниципального имущества. Если учесть, что российское предпринимательство имеет довольно короткую историю развития и непростые условия

существования, то этим можно объяснить тот факт, что построение социального капитала происходит довольно тяжело. Так, 68% респондентов признали, что им довольно непросто выстраивать новые связи.

Насколько способствуют условия, созданные в регионах, развитию предпринимательства? Мы проанализировали программы поддержки предпринимательства, действующие на территории Центрального Черноземья. В целом представители малого и среднего бизнеса могут претендовать на участие в таких программах поддержки предпринимательства, как: материальная и информационная помощь в инновационной деятельности; имущественная и материальная помощь для участия в выставках; многоплановая помощь предпринимателям, занятым в сельскохозяйственном секторе; налоговые льготы и налоговые каникулы для вновь созданных предприятий; частичное возмещение расходов на обновление основных средств; возмещение расходов на обучение работников предприятия; информационная поддержка (организация семинаров, обучающих курсов); создание комфортной среды для предпринимательства, бизнес инкубаторов, фондов; имущественная поддержка, предоставление муниципальных помещений и производственных мощностей в аренду со скидкой до 60%; поддержка региональных инвесторов, льготные кредиты и частичная компенсация расходов по договорам лизинга; частичное возмещение расходов на реализацию программ энергосбережения; размещение государственных заказов, допуск к тендерам на госзакупки и ряд других.

Заметим при этом следующее. Многие предприниматели, конечно, хотели бы воспользоваться прямой материальной помощью, но что характерно: на косвенные мероприятия расходуется значительно больше средств, чем на прямые субсидии бизнесу. На сегодняшний день обоснование доминирующих методов поддержки предпринимательства в нашей стране в большинстве своем опирается на точку зрения западных бизнес-тренеров об обучении навыкам предпринимателя и поддержке стартапов. При этом некоторые представители бизнес-школ пытаются «развенчать миф о предпринимательстве и превратить его в навык, которому можно регулярно учить среднего студента МВА. Тем самым заставить быть предпринимателями менеджеров и обывателей» [2]. Но мы позволим себе предположить, что данные методы неэффективны по отношению к такому феномену, как предпринимательство, в связи с тем, что такие методы весьма незначительно влияют на экономические и социальные процессы. Следует отметить, что в большинстве случаев эти программы сводятся к обучению экономике и менеджменту, при этом обучать предполагается не предпринимателей, а людей, желающих пройти такой курс, и впоследствии, может быть, начать свое дело. Конечно, существуют программы для предпринимателей, но, как показал наш опрос, данные программы, как правило, являются поверхностными, их ведут чаще всего люди, далекие от бизнеса.

Анализ содержания данных программ приводит нас к выводу о том, что в большинстве своем они направлены на вовлечение в предпринимательство, на самозанятость. Политики полагают, что с появлением большого числа предпринимателей снизится процент безработицы, появятся новые предприятия инновационного характера. Однако такое предположение сомнительно, потому что типичный стартап чаще всего не создает инноваций, не предоставляет существенного количества рабочих мест и вырабатывает довольно скромную добавленную стоимость. Помимо того, на рынке создается большое количество однообразных предприятий, которые в жесткой конкуренции не могут дать высокой прибыли, и в связи с этим несут весомые убытки и в итоге уменьшают количество рабочих мест.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что современный бизнес отчетливо проявляет запросы на осуществление социальных изменений, при этом он сам в ряде случаев готов стать агентом этих изменений. Вместе с тем политические, экономические и правовые механизмы общероссийского и регионального уровней в большинстве своем недостаточно учитывают потребности самой предпринимательской сферы, в итоге бизнес зачастую оказывается неспособным раскрыть в должной мере свой потенциал агента социальных изменений.

Работа подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 15-03-00506.

1. Хвезюк Н.Г. Социологический анализ отношений в системе власть-бизнес-общество // Социум и власть. 2014. № 1 (45). С. 22-26.
2. Swedberg R. *Entrepreneurship: The social science view*. Oxford Management Readers. Oxford and New York: Oxford Univ. Press. 2000.

ГЕНЕЗИС НОМЕНКЛАТУРНОЙ СИСТЕМЫ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Колдушко А.А. (Пермь)

Большинство исследователей связывает начало формирования партийного учета связывают с появлением резолюции «По организационному вопросу», принятой VIII съездом РКП(б) 21 марта 1919 г., в которой среди прочего говорилось о создании региональной партийной номенклатуры: «в каждой губернии губернские силы распределяются губкомитетом партии, в столицах – городскими комитетами под общим руководством Центрального Комитета» [1, с. 106]. Одновременно ЦК партии начинает собирать информацию о местных руководящих кадрах. Формирующаяся система учета основывалась на следующих типовых данных: «фамилия, имя, отчество; возраст; место службы или работы в данный момент; основная профессия; давно ли находится на данном месте и откуда командирован; какие обязанности выполнял на Советской или Красноармейской работе; полученное образование; с какого времени состоит в РКП, в других партиях; какую партийную работу выполнял, какую партийную работу выполняет; выступает ли на митингах; живет ли при нем семья, если да, то из кого состоит» [2, л.1 Об.]. Сбор информации носил эпизодический характер и направлен был, в первую очередь, на партийную отрасль зарождающейся номенклатуры.

По решениям XI и XII съездов партии учетно-распределительная работа, ранее охватывавшая только партийный аппарат, начинает распространяться и на государственные, хозяйственные и общественные организации. В резолюции XII съезда РКП(б) «По оргвопросу» очередной задачей партии было объявлено «усиление партийного руководства в деле подбора руководителей советских, в частности хозяйственных и других органов, что должно осуществляться при помощи правильной и всесторонне поставленной системы учета и подбора руководителей и ответственных работников советских, хозяйственных, кооперативных и профессиональных организаций» [3, с. 99].

21 сентября 1923 г. было решено создать комиссию под председательством Молотова, которая должна была рассмотреть доклад заведующего учетно-распределительным отделом Л.М. Кагановича о затруднениях в процессе «овладения партией госаппаратом» [4, с. 5]. В кратком докладе на оргбюро Каганович признал, что нет ни четкого представления о наличии должностей в ведомствах и центральных учреждениях, ни какого-либо плана распределения работников, что работники бегут с работы и самовольно переезжают в другие города и т.п. Он предложил установить точный перечень «должностей госаппарата, назначение и смещение работников которых производится исключительно постановлением ЦК». 31 октября комиссия оргбюро по постановке учета и распределения работников в государственных и хозяйственных учреждениях окончательно приняла номенклатурный список №1: «Список должностей центральных учреждений и их местных органов, по которым назначения и смещения работников производится постановлением ЦК РКП(б)». Одновременно с этим был разработан и номенклатурный список №2 – «Список должностей наркоматов и центральных учреждений, о назначении и перемещении работников которых центральные учреждения и ведомства предварительно уведомляют ЦК».

С этого времени работа по учету номенклатурных кадров постепенно унифицируется: идет целенаправленная работа по сбору информации об ответственных работниках на местах. «Предусмотренные инструкциями ЦК общеучетные формы, без которых невозможна постановка персонального учета членов партии в укомках и райкомах и однотипность учета, в целом ряде организаций до сих пор не введены. Ввиду этого ЦК предлагает в ближайшие месяцы в учетной работе обратить особое внимание на учет уездработников и принятие необходимых мер к переходу всех укомов в общеучетной работе к установленной единообразной системе».

Циркуляром ЦК от 12 декабря 1922 г. за № 126 всем губкомам было предложено: «а) немедленно приступить к учету ответработников уездного масштаба на местах и в губцентре», «б) произвести в кратчайший срок прикрепление к специальностям (группам и подгруппам)» и выслать в учраспред ЦК списки прикрепления и личные листки на уездработников по группам Ia, Ib, 1в, IIIa, VIIa и их резерв [5, л. 57].

Подобная работа инициируется и в советских органах: на места рассылается форма анкетного листа по учету квалифицированных советских работников губернии с инструкцией по его заполнению: «после того, как в анкете будет дана характеристика, таковая содержится в безусловном секрете» [6, л.6].

В 1923 г. Пермский губком составил сетку по учету работников уездного и волостного масштаба. Сетка по учету работников уездного масштаба предполагала 14 групп прикрепления ответственных работников. В первую группу входили секретарь укома, зав. отделами укома (организационного, агитационного, женского), секретарь укомла, уполномоченный КК; вторая группа включала в себя работников сферы образования; третья - председателя уисполкома и членов президиума УИК. Остальные группы представляли иные отрасли советско-административной работы [7, лл. 125-126]. Вместе с сеткой приводится положение об изучении ответработников, целью которого, в отличие от резолюций 1919 г., был провозглашен: «1) переход в работе по распределению партсил от массовых перебросок и назначений к плановому подбору работников..., 2) ...задача перехода к планомерному изучению учтенных ответработников в целях возможно более рационального распределения, использования и выдвижения их»[8, л.126].

Как полагаем, сетка являлась первым этапом зарождения номенклатуры: содержала иерархию должностей, разделенную на группы; вводилось также понятие «масштаба» должности. К середине 1920-х гг. сетка была упразднена и заменена новым канцелярским словом «номенклатура», просуществовавшим вплоть до 1991 года.

1. Резолюция «По организационному вопросу». VIII съезд РКП(б). 18-23 марта 1919 г. // КПСС в резолюциях... М., 1984. т. 2.
2. Письмо Пермского губкома в Лысьвенский райком. 4 ноября 1919 г. // ПермГАСПИ. Ф.85. Оп.1. Д.22.
3. Резолюция «По организационному вопросу». XII съезд РКП(б). 17-25 апреля 1923 г. // КПСС в резолюциях... т. 3.
4. Рождение партийной номенклатуры // Вопросы истории. 2005. №2.
5. ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 154.
6. ГАПК. Ф.Р-19. Оп. Д. 291.
7. Сетка по учету работников уездного масштаба. Сетка по учету работников волостного масштаба //ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 4. Д. 39.
8. Положение об изучении ответработников //ПермГАСПИ. Ф.557. Оп. 4. Д.39.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННЫМ РЫНКОМ ТРУДА

Колесниченко М.Н. (Волгоград)

Система рыночной экономика включает в себя несколько взаимосвязанных и взаимодействующих между собой рынков, каждый из которых, подчиняясь общей цели обеспечения эффективности функционирования, выполняет свою особую специфическую, только ему присущую функцию. Современный рынок труда является одной из движущих сил рыночной экономики. Именно в данной сфере происходит «покупка» и «продажа» трудовых способностей, навыков и умений людей. От того насколько эффективно и рентабельно происходит обмен информацией, рабочей силой и средствами оплаты труда между участниками рынка труда зависит состояние экономики страны в целом. Выступая неотъемлемым элементом современной экономики, рынок труда выполняет важную роль в системе воспроизводства.

Отличительной особенностью рынка труда является то, что в процессе его регулирования необходимо учитывать особые социальные и социально-психологические факторы. Кроме того, отличительной чертой рынка труда является его особый «товар» - физические, интеллектуальные и эмоциональные способности людей.

В соответствие с вышеизложенным, мы можем утверждать, что сегодня актуальным является изучение современного состояния рынка труда, направлений его регулирования со стороны государства, а также процедур взаимодействия между участниками рынка труда. Рынок труда – это система конкурентных связей между участниками рынка по поводу найма и использования работников в общественном производстве. Более того, стоит акцентировать внимание на том, что сущность рынка труда заключается в процессе обмена способности трудиться на денежное вознаграждение.

К основным субъектам рынка труда относятся:

1. собственники средств производства и органы, представляющие их интересы (ассоциации предпринимателей);
2. наемные работники и организации, отражающие их интересы (профсоюзы);
3. государство (в лице различных его структур) как посредник между работодателями и наемными работниками.

По своей природе рынок труда относится к трудно управляемым объектам, а в современной России ситуация осложняется кризисным состоянием экономики, снижением жизненного уровня значительной части населения, противоречивым влиянием трудовой миграции. Эти и другие обстоятельства требуют проектирования и реализации программных действий на рынке труда и в сфере государственного управления им. Как известно, государственная система управления рынком труда в нашей стране имеет трехуровневую структуру, которая включает: Федеральную службу по труду и занятости населения; региональные органы и учреждения службы занятости населения; городские и районные службы занятости.

По мнению автора, существующие государственные службы занятости не в состоянии выполнять в полном объеме роль регулятора рынка труда. Вопрос трудоустройства населения продолжает находиться на критическом уровне. В условиях современной нестабильной экономики многие учреждения и организации либо перестают работать на время, либо становятся банкротами. Соответственно, все сотрудники, которые работали на таких предприятиях, остаются без работы. Естественно, что не все они могут устроиться на работу с помощью центров занятости, многие так и останутся находиться на учете (особенно, если возраст предпенсионный, либо же нет соответствующей профессии). А в сегодняшней ситуации с притоком беженцев наиболее остро встает вопрос конкуренции на рынке труда. Также приток безработных приходится на период окончания учебного года, поскольку ВУЗов и профильных училищ много, а обеспечить всех выпускников работой не представляется возможным, по крайней мере, сразу. Эти проблемы были известны всегда, но особого внимания к ним не привлекалось. Только в последнее время органы государственной службы занятости стали уделять решению этих проблем достаточное внимание.

Конкуренцию государственным учреждениям занятости населения на современном рынке труда составляют коммерческие организации. В кадровой индустрии работают рекрутинговые компании, кадровые агентства, имеющие броские названия, активно рекламирующие свои услуги. А между тем по набору предлагаемых услуг, размерам их оплаты, кадровому составу, а, следовательно, и качеству оказываемых услуг они имеют существенные отличия, которые надо учитывать их потенциальным клиентам – как соискателям рабочих мест, так и работодателям.

По мнению автора, целесообразно разделить рекрутинговые агентства на два основных вида в зависимости от того, кто является их клиентами. Если клиентами являются соискатели рабочих мест, то мы имеем дело с агентствами по трудоустройству, которые являются конкурентами аналогичных по функционалу государственных служб занятости населения. Если заказчиком выступает работодатель, то он имеет дело с агентствами по подбору персонала.

В условиях устойчивого экономического развития услугами коммерческих агентств пользуются владельцы малого и среднего бизнеса, не имеющие своей кадровой службы, а также крупные корпорации, в том числе и иностранные.

В условиях экономического кризиса уровень востребованности кадровых услуг снижается и чтобы выдержать конкуренцию и остаться на рынке многие компании вынуждены сегодня браться за любую работу. Нередко это приводит к снижению качества предоставляемых услуг, нарушениям обязательств перед заказчиками, что дискредитирует коммерческий сектор кадровых услуг. В этих условиях актуализируется задача лицензирования деятельности таких организаций, достаточно четкого определения перечня услуг, которые в состоянии оказать на должном уровне организации, претендующие на профессиональную деятельность в данной сфере. Лицензирование позволит клиентам более четко представлять объем и гарантированный уровень качества предоставляемых услуг. В результате такой оценочной деятельности с рынка вынуждены будут уйти фирмы-однодневки, не имеющие достаточного материально-технического, методического и кадрового обеспечения.

По мнению автора, огромной проблемой на современном российском рынке труда является отсутствие взаимодействия и профессионального сотрудничества между органами государственной службы занятости и коммерческими кадровыми агентствами. Ведь в действительности деятельность каждого из данных субъектов рынка труда направлена на достижение одной цели: замещение вакантной должности работником необходимой квалификации. Именно поэтому так важно обратить внимание на разработку методов и способов практического сотрудничества государственных и коммерческих организаций. Особое внимание стоит уделить проработке модели или схемы взаимодействия, которая может заключаться в следующем:

- проведение совместных мероприятий, как для соискателей, так и для организаций-заказчиков;
- создание единой информационной базы, разделенной по сферам деятельности;
- проведение общих научных конференций, на которых государственные службы занятости и кадровые агентства могли бы обмениваться опытом, предоставлять отчеты о своей деятельности;
- проведение совместных мероприятий, направленных на проработку общих стратегических целей.

Кроме того, по мнению автора, в данном случае инициатором такого рода взаимодействия должно быть государство, которое способно закрепить нормы и стандарты профессионального сотрудничества государственных служб занятости и кадровых агентств на законодательном уровне. Мы убеждены, что этот шаг позволит изменить сложившуюся ситуацию на современном рынке труда, и будет способствовать его развитию.

1. Горина Е.Е. Рынок труда в России: вопросы теории и практики // *Современные научные исследования и инновации*. 2013. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/08/25761> (дата обращения: 23.09.2017).
2. Колесниченко М.Н. Государственная служба занятости как регулятор регионального рынка труда (на примере Волгоградской области) // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2016. № 2. С. 266-271.

ЗАКОНОТВОРЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Коллерова Е.А. (Волгоград)

Одной из важных задач современной России определяют построение демократического государства. А одним из аспектов ее решения является создание эффективной системы местного самоуправления, которая должна осуществлять задачи государственного управления и решать проблемы социально-экономического развития на местном уровне, обеспечивая тесную связь между властью и населением[3]. То есть в идеале, местное самоуправление должно быть в основе гражданского общества, воспитывая ответственных и активных граждан.

Одним из основных органов местного самоуправления является Городская Дума. В данной работе будет исследоваться именно этот представительный орган власти, на примере городской Думы г. Волжского Волгоградской области.

Определение представительного органа власти на протяжении 20 лет изменялось. В 1995 году оно содержалось в Законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»[4]. В Федеральном Законе 2003 года определение отсутствует[1]. Некоторые исследователи, к примеру, И.В. Выдрин, используют определение представительного органа власти 1995 года, рассматривающее его как выборный орган местного самоуправления, обладающий правом представлять интересы населения и принимать от его имени решения, действующие на территории муниципального образования. В. В. Пылин, пользуясь положениями избирательного законодательства, добавляет к данному определению, что выбирают состав представительного органа власти на основе всеобщего равного прямого избирательного права при тайном голосовании[4]. С.Г. Соловьев, пользуясь положениями гражданского законодательства, говорит о том, что представительный орган местного самоуправления - это выборное муниципально-властное учреждение, которое представляет интересы местного населения, состоит из депутатов; наделено определенной компетенцией и реализует представительскую, нормотворческую и контрольную функции в системе местного самоуправления. На наш взгляд, определение С.Г. Соловьева является более обширным и может применяться ко всем представительным органам муниципальных образований в современной России.

Волжская городская Дума состоит из 30 депутатов, которые избираются на муниципальных выборах по единому избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за списки кандидатов в депутаты. Срок полномочий депутатов составляет 4 года. На постоянной основе могут работать не более 10% депутатов от установленной численности Волжской городской Думы. Эти депутаты не могут осуществлять другую государственную или муниципальную службу, заниматься предпринимательской и иной оплачиваемой деятельностью, кроме педагогической, научной и другой творческой деятельности.

Депутаты Волжской городской Думы входят во фракции. В действующем созыве представители фракции «Единая Россия» имеют 19 мандатов, «КПРФ» - 6 мандатов и «ЛДПР» - 5 мандатов.

Управление и организацию деятельности Волжской городской Думы на постоянной основе осуществляет Председатель, который избирается на первом заседании Думы из числа ее депутатов тайным голосованием. Председатель считается избранным, если за него проголосовали не менее 2/3 от общего числа депутатов. Решение об отстранении председателя от должности принимается таким же способом. Срок полномочий председателя Волжской городской Думы составляет 4 года.

Волжская городская Дума осуществляет около 20 исключительных полномочий, среди которых утверждение бюджета г. Волжского, принятие Устава г. Волжского, земельный контроль и др.

Волжская городская Дума решает вопросы в рамках своих компетенций на ежемесячных заседаниях. Внеочередные заседания созываются председателем по собственной инициативе, по инициативе главы городского округа и по инициативе не менее чем 1/3 числа депутатов Думы.

Нормативно правовые акты Волжской городской Думы принимаются в случае, если большинство депутатов поддержали их.

Изучение организационной структуры, деятельности Волжской городской Думы, выявило ряд проблем, которые не позволяют исполнять все функции, наложенные на нее, надлежащим образом.

Самой важной проблемой является пассивной населения в осуществлении местного управления. В настоящее время большинство жителей города Волжского не проявляют инициативы, гарантированной им законом, не пытаются влиять на жизнь города. В первую очередь это связано с недостаточной информированностью населения и уверенностью жителей в том, что их мнение властям не интересно. Это, в том числе, свидетельствует о неэффективной «обратной связи» органа власти и населения.

Эта проблема, в том числе, определяется и пробелами в кадровой работе Городской Думы г. Волжского: недостаточная квалификация депутатов, недостаточность корпоративной культуры муниципальной службы, привлекательность государства как работодателя на рынке труда.

Серьезной проблемой является недостаточная финансовая база данного органа власти. Из-за сокращения перечня налоговых источников местных бюджетов практически все муниципальные образования стали дотационными. В структуре финансовой помощи местному бюджету все большее значение приобретают не дотации и направления расходов, которые определяются самими муниципалитетами, а субсидии, т.е. доленое участие вышестоящего уровня бюджетной системы в расходах, которые субъект Федерации считает необходимыми.

Также, в органах местного самоуправления существуют внутренние противоречия, заключающиеся в превышении компетенции и присвоении «не своих» предметов ведения органами и должностными лицами г. Волжского[5]. К примеру, Администрация г. Волжского, в соответствии со ст. 33 Устава г. Волжского имеет право участия в голосовании по отзыву депутата Волжской городской Думы, хотя в ст.28 п.5 того же Устава говорится о том, что депутат может быть отозван по результатам голосования избирателей[1].

Предложения по совершенствованию деятельности Городской Думы г. Волжского связаны с переходом на самокупаемость, то есть отказом от субсидий федерального и регионального бюджетов и отменой передачи им своих налоговых сборов. Некоторые исследователи утверждают, что введение дополнительных местных налоговых сборов в муниципальных образованиях позволит решить проблему нехватки экономических ресурсов и, в перспективе, расширить налогооблагаемую базу федерального и региональных бюджетов[6].

Также, контроль за соблюдением общих принципов организации и деятельности Думы необходимо осуществлять на федеральном уровне. При совершенствовании механизмов судебной защиты Думы, в том числе через упорядочение судебной практики и обучение судей по вопросам регулирования местного самоуправления.

В части разграничения предметов ведения необходимо уйти от размытых формулировок в определении вопросов местного значения. В тех сферах, где компетенция различных уровней публичной власти тесно переплетена, необходимо четко определить полномочия органов власти и самоуправления.

Решением проблемы участия жителей города в осуществлении местного управления должно стать обеспечение условий, при которых каждый человек будет иметь реальную возможность влиять на процесс выработки и принятия решений органами и должностными

лицами местного самоуправления. Одной из задач органов местного самоуправления должно стать информирование населения о возможностях участия в местном самоуправлении и поддержка гражданской инициативы. Такие мероприятия как: рассылка специальных сообщений о предстоящих заседаниях населению, размещении в СМИ информации о заседаниях, проведение ежемесячных встреч с гражданами, а также создание специального комитета по взаимодействию городской Думы с жителями города, помогут решить данную проблему.

Проблема кадрового состава Волжской городской Думы может решаться следующим образом: пересмотр образовательных стандартов, краткосрочные курсы повышения квалификации депутатов, возможность совмещения обучения и работы за счет гибкого индивидуального графика, обмен опытом с представительными органами муниципальных образований других городов России.

Современное российское общество находится на этапе реформирования местного самоуправления и, следовательно, исследования по данной теме необходимо продолжать, так как реализация его потенциала содержит реальные возможности формирования гражданской активности, выступает основой политической и социальной устойчивости государства.

1. Федеральный Закон №131 от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (ред. от 29.07.2017 [электронный ресурс] // www.consultant.ru
2. Устав г. Волжского Волгоградской области от 27.05.2005 года (ред. от 30.03.2016) [электронный ресурс] // www.admvol.ru.
3. Бабун, Р.В. Организация местного самоуправления: Учебное пособие. [текст]. СПб.: Питер, 2005. - 112 с.
4. Чиркин, В.Е. Система государственного и муниципального управления: Учебник. [текст]. - М.: Юрист, 2005. - 379 с.
5. Соловьев, С.Г. Проблемы функционального разграничения компетенции Главы муниципального образования и местного представительного органа в системе муниципальной власти [текст] // «Академия Тринитаризма», М.2003.
6. Егоров, Ф.А. Проблемы конституционно-правового регулирования организации и финансового обеспечения функционирования системы органов местного самоуправления в Российской Федерации. 2011. [электронный ресурс] // www.fpa.su

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Коробова О.О. (Иваново)

Аннотация: В статье рассматривается понимание культурной политики. Анализируется советский опыт государственной политики в области развития культуры, финансирование культуры в ходе рыночных реформ. Представлены исследования процессов экономического развития отрасли культуры и искусства в условиях реформ. Предлагаются направления современной государственной экономической политики в области развития культуры, учитывающие особенности развития региона, его специфику.

Понятие «культурная политика» включает в себя, как приемы управления специализированными областями культуры, так и деятельность отрасли культуры и массовых коммуникаций, направленную на создание условий, обеспечивающих повышение качества жизни различных социокультурных групп, их адаптацию в меняющихся условиях и модернизацию отраслевых структур для решения этих задач в соответствии с мировыми стандартами, с одной стороны, и наличными ресурсами – с другой. [3] Последнее синонимично понятию экономическая политика в области развития культуры, соответственно и термин культурная политика в нашем понимании будет употребляться в данном смысле. Органы управления и общество обязательно должны нести ответственность за сохранение накопленного культурного потенциала, создание благоприятных условий для развития культурной деятельности. Поэтому государственная политика направлена не только на сохранение, но и на развитие культуры, что предполагает под собой поддержку традиционной культуры, в том числе и финансовыми ресурсами, сегодня крайне необходима и актуальна. Соответственно при разработке государственной экономической политики в области развития культуры региона должны преследоваться следующие цели:

- сохранение единого культурно-коммуникативного пространства региона;
- просвещение и консолидация общества;
- актуализация духовной составляющей жизни российского общества;

- трансляция и закрепление в общественном сознании универсалий российской культуры, «генома культуры» – по определению академика В. Степина[7];
- формирование положительного имиджа российской культуры, государства и общества: как внутри российского общества, так и вовне – в информационном поле мирового сообщества;
- создание атмосферы наибольшего благоприятствования для формирования национальной идеологии.

В нашем обществе можно выделить по крайней мере две сильные субкультуры: мемориально-ориентированная – условно назовем ее «Россия советская», и прогностически-ориентированная – назовем ее «Россия модернизационная». Сегодня, стремясь консолидировать общество, власть проводит политику некоей гибридизации – пытаюсь совместить социокультурные мифы и ценности имперского прошлого, советского периода и современные модернизационные ценности. По нашему мнению, при реализации государственной экономической политики в области развития культуры важнее всего найти верный баланс: чтобы не утратить исконных российских ценностей и в то же время избежать исключительно мемориальной ориентации в культурной политике. [3]

Поэтому, безусловно, без учета советского опыта государственной экономической политики в области развития культуры нельзя, сегодня разработать адекватную современную государственную экономическую политику в области развития культуры, учитывающую особенности развития Ивановского региона, его специфику. А без учета специфики положительные результаты от реформирования поддержки культуры невозможны. В связи с этим обратимся к исследованиям процессов экономического развития отрасли культуры и искусства в условиях реформ 1918-1990 гг.

Начиная с XIX века в России растет число специфических поселений, называвшихся «промысловые села», которые в дальнейшем превращались в промышленные центры. Их названия превращались в бренды, выступая, нематериальными активами производства художественных товаров. Примером могут служить бренды: Палех, Холуй, Гжель и т.д. [5]

В начале XX столетия формируется система развития народного творчества в качестве фактора регионального хозяйства. Управление данными процессами осуществляется как Министерством народного просвещения, так и главными управлениями землеустройства и земледелия Ивановского региона. В конце 20-х – начале 30-х гг. идет быстрый процесс развития потребительского рынка продуктов традиционной народной культуры. Народные промыслы являются уже основным видом деятельности промысловых колхозов, художественных артелей, которые далее превращаются в фабрики.

В настоящее время возрождение ремесленного дела является одним из приоритетных направлений развития социально-рыночной экономики Ивановской области. Постельное белье, бытовая одежда, форменная одежда, пошив изделий из любой ткани с использованием технологий вековых традиций текстильного производства и определяет имидж Ивановской области как текстильного центра российского значения.

Промышленные предприятия и фабрики текстильного края, колхозы и совхозы за годы советской власти создали широкую ведомственную сеть объектов социально-культурной сферы и вели систематическую работу по совершенствованию ее материальной базы, обеспечивая своими услугами работников и членов их семей, а также жителей прилегающей к предприятию территории – микрорайонов. В научной литературе часто высказывается мнение о том, что «...с 30-х гг. можно говорить об абсолютном доминировании государственной сети учреждений культуры». [1] Нашими исследованиями установлено, что данное положение имеет место, если речь идет об учреждениях искусства. Действительно, почти 100% государственных объектов искусства находится в черте города.

При этом хотелось бы отметить, что культурные комплексы как структурные единицы управления в советское время подлежали учету как вид экономической деятельности в культуре, то есть были подчинены принципам отраслевого управления. Не случайно в связи с этим во второй половине 80-х годов в качестве основной цели государство выдвигает ускорение социально-экономического развития, в результате чего планирует отказ от остаточного принципа финансирования отраслей социальной сферы и увеличение средств на укрупнение ее материально-технической базы. Действительно доля в национальном доходе из государственного бюджета и других источников финансирования культуры в 1989 г. увеличилась до 1,5 % с 1,3% (1985 г.), в расчете на душу населения, общественные расходы на культуру и искусство выросли соответственно с 27,9 в 1985 г. до 41,3 руб. в 1989 г., в т.ч. расходы из государственного бюджета

в 1985 г. составляли лишь 7,4 руб. или 26,5 % от общих расходов и выросли к 1989 г. до 9,3 руб. на душу населения, составляя 22,5%. [1]

Однако, большую часть средств на содержание объектов культуры (так называемых ведомственных) составляли средства промышленных предприятий и профсоюзов. Прямые ассигнования на всю культуру из государственного бюджета составили 1,4 млрд. руб. или 23% общественных затрат. В структуру ВВП затраты на сферу культуры в 1989 г. составляли 2,02%, а доля бюджетных ассигнований составляла лишь 0,24 % ВВП. Сводные расходы на культуру включали: на приобретение печатной продукции – 4,1 млрд. руб. (35 %), прочие платные услуги и культуры – 1,4 млрд. руб., общественные затраты – 6,1 млрд. руб. [1] Следовательно, расходы бюджетных средств в конце 80-х годов были очень незначительными. Учреждения культуры содержались за счет негосударственных источников – из средств профсоюзов текстильных фабрик и хозяйствующих субъектов.

Государство в условиях современности продолжает оставаться основным институтом, ответственным за обеспечение культурных процессов на местном уровне. В основе разграничения полномочий между тремя уровнями публичной власти лежит принцип субсидиарности, а именно осуществление конкретных публичных полномочий, преимущественно возложенных на наиболее близкие к населению органы власти, которые в состоянии эффективно их исполнять. В результате современным законодательством предусматривается ответственность местных органов власти за обеспечение доступа населения к культурным благам при следующих условиях:

- с сохранением ранее действующих культурно-досуговых объектов культуры и предоставление населению силами работников услуги по организации досуга и занятий в творческих коллективах;

- с приобретением услуг организаций культуры, обеспечивающих проведение праздников, гастроли театров, выставок и т.п., т.е. использование ранее действующего вида обслуживания – услугами передвижных учреждений культуры.

Сложившаяся ситуация в очень большой степени явилась следствием снижения роли государства в культурной жизни общества. В условиях нецивилизованного рынка, столь характерного для нынешнего этапа развития нашей страны, на население обрушивается поток весьма посредственной литературы, худших образцов зарубежного кино и легковесной музыки, которые-то и формируют примитивного зрителя, читателя, слушателя. Все это ведет к негативным последствиям для развития страны и регионов.

В России при сегодняшнем состоянии государственных ресурсов (золотовалютный запас, энергетические запасы, недвижимость, организационные структуры, международные связи), финансирование отрасли культуры по нищенскому принципу и отношение к отрасли культуры как к социально малозначимой уже оборачивается катастрофическими последствиями для граждан, включая тех, кто взял на себя ответственность за управление социокультурными проблемами на государственном уровне. Ведь этнические вооруженные конфликты; терроризм; возросшая бедность в стране, богатой ресурсами; рост ксенофобии в обществе – все это показатели недостаточного уровня социокультурной компетенции людей в масштабах всей страны. Как отмечают исследователи: «Культура как показатель уровня духовной жизни людей, результат их воспитания и образования, интеллектуального, нравственного и эстетического развития должна быть ориентирована на формирование отношений сосуществования, добрососедства, согласия и мира». [3] Это означает, что пренебрежение современной государственной экономической политикой в области развития культуры является препятствием для модернизации России, которая может отстать навсегда не только от развитых стран Запада, но и от эффективно развивающегося «третьего мира». В этой связи необходимо не просто значительно увеличить финансирование культуры, но и разработать в соответствии с этим систему направлений и мер, по обеспечению воспроизводства продуктов традиционной народной культуры, являющейся одним из основных источников развития культуры.

Решение большинства этих проблем не может быть найдено исключительно в экономической и даже политической сфере. Именно в области культуры, на уровне массового сознания нужно стимулировать систему мотивации и наращивать потенциал модернизации России. Собственно, речь должна идти не просто о культурной политике, а о модернизационной культурной политике, если мы хотим, чтобы ценности нашего общества вошли в глобальный оборот, иммунная система государственного организма окрепла, а общество и государство были готовы ответить на вызовы времени. [3]

Соответственно, государство должно проводить государственную экономическую политику в области развития культуры по следующим направлениям:

- охрана и актуализация культурного наследия;
- развитие культурного разнообразия и межкультурного диалога;
- актуализация культуры, как инструмента социального конструирования и социального развития;
- развитие культурных индустрий;
- создание условий для развития искусства и творчества;
- развитие культурного туризма.

Таким образом, формирование государством экономически эффективной политики в сфере культуры проявляется, прежде всего, в защите интересов отечественных производителей, создании условий инвестиционной привлекательности исторически сложившимся в отечественной культуре ресурсам, сохранения и наращивания потенциала российской культуры, протекции традиций русского народа, производства отечественных культурных продуктов, товаров и услуг.

1. Галуцкий Г.М. Основы финансов и финансирование культурной деятельности. М.: Ассоц. экономики, науки и техники в сфере культуры, информ. и досуга, 1996. С. 41
2. Горушкина С.Н. Реформа местного самоуправления и ее влияние на преобразование сети муниципальных учреждений культуры: Заместитель директора Государственного Российского Дома народного творчества. <http://www.rusfolk.ru>
3. Есаков В.А. Характер, цели, задачи и методы управления отраслью культуры в современных условиях // Культура: управление, экономика, право. 2007. №3. С. 9-17.
4. Коробова О.О. Проблемы развития традиционной народной культуры как специфического экономического явления в современных российских условиях. Социально-экономические явления и процессы. Тамбов, 2010. Вып. 5. С.59-64
5. Коробова О.О. Регулирование региональных процессов развития потребительского рынка народных промыслов: формирование политики протекционизма. Журнал «Вестник» РГТЭУ №7, Москва, 2010 г. С. 107-117.
6. Коробова О.О. Совершенствование экономических отношений в сфере производства продуктов традиционной народной культуры. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. Иваново, 2010 г.
7. Степин В. Универсалии культуры и цивилизации // Стратегии динамического развития России: единство самоорганизации и управления. Сб. мат. научно-практ. конф. М., 2004. С. 53.
8. Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991–1997. М., 1998. С. 685.
9. 2007–2020 – проект «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации». Разд. 3 «Развитие человеческого потенциала», п.р. 3.4. «Развитие культуры» // Минэкономразвития России от 12.03.2008.

УПРАВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНЫМ ИМИДЕМ МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Кузеванова А.Л., Савельева М.Ю. (Волгоград)

Аннотация. В тезисах доклада раскрываются проблемы в реализации имиджеформирующей деятельности волгоградских медицинских организаций. На основе данных анкетного опроса и глубинных интервью авторы выявляют ключевые проблемы в управлении корпоративным имиджем государственных и частных клиник. Делается общий вывод о том, что периодический мониторинг общественного мнения, осуществляемый соответствующими подразделениями медицинских учреждений, позволит выработать сбалансированную стратегию управления их корпоративным имиджем.

В результате проведенных в годы перестройки социально-экономических реформ, которые сопровождалась появлением частного сектора медицинских услуг, созданием подразделений, оказывающих платные услуги в государственных учреждениях здравоохранения, значительным ростом субъектов рынка медицинских услуг, формированием конкурентной среды, появилась необходимость в создании и управлении корпоративным имиджем медицинских учреждений, обеспечивающим конкурентные преимущества, которые могут быть связаны как с качеством оказываемых услуг, так и с внутренними характеристиками организации. В современных государственных медицинских учреждениях существует целый комплекс нерешенных проблем, обусловленных недостаточным финансированием, ресурсным обеспечением,

неукомплектованностью медицинскими кадрами, неэффективностью использования инструментов административного управления [1, с. 216]. В сфере частного здравоохранения также сформировался свой комплекс проблем, имеющих отношение к вопросам государственно-частного партнерства, материальной базы клиник, страхования пациентов, демпингования рыночных цен [2, с. 43]. Сложившаяся ситуация актуализирует проблему формирования положительного имиджа учреждения здравоохранения, индикатором сформированности которого, безусловно, является позитивное общественное мнение.

Эмпирической базой исследования стали материалы авторского исследования, проведенного в марте 2017 г. в г. Волгограде с использованием метода анкетирования (n=300, тип выборки: маршрутно-квотная). В анкетном опросе приняли участие жители города, из них 44,0% мужчин и 56,0% женщин. Выводы исследования основываются также на материалах 20 глубинных интервью с волгоградцами.

Анализ полученных данных показал, что в группу наиболее важных факторов входят такие характеристики, как отношение медицинских работников к пациентам, материально-техническая база учреждения, доступность медицинской помощи и ее качество. Материалы глубинных интервью подтвердили значимость перечисленных факторов. «Для меня наиболее ценным является, конечно же, то, как меня лечить будут: если ко мне относиться посредственно будут в медицинском учреждении, то, естественно, я туда больше даже обратиться не захочу, - рассуждает информант (женщина, 45 лет). - Другое дело, когда к каждому пациенту индивидуальный подход, и не просто выписывают рецепт, и идите в аптеку, лечитесь сами, а советуют, как и что лучше, пытаются успокоить и посоветовать не как бездушные врачи, а как такие же люди».

Содержание анкеты исследования было построено по принципу сравнения восприятия характеристик имиджа государственных и частных учреждений здравоохранения. В ходе сравнительного анализа социологических данных выяснилось, что большинство опрошенных волгоградцев (67,3%) позитивно или скорее позитивно оценивают имидж частных клиник, в то время как имиджевые характеристики государственных медицинских учреждений так же высоко оценили лишь 35% участников опроса. По мнению волгоградцев, в большей степени на имидже государственных клиник отражаются такие стороны их работы, как уровень организации и разнообразие услуг, материально-техническое обеспечение лечебного процесса, качество оказываемой медицинской помощи. При анализе данных по тому же вопросу в отношении частного сектора здравоохранения выяснилось, что иерархия статистически значимых результатов изменилась: на первом месте оказался вариант ответа «характер взаимоотношений между докторами и пациентами», на втором – позиция «докторский состав», на третьем – вариант «материально-техническая база». На наш взгляд, подобная разница в ответах респондентов объясняется тем, что в их восприятии в частных клиниках в силу их полноценного финансирования проблем с материально-технической базой значительно меньше, что обуславливает приоритетную значимость фактора, связанного с отношениями по линии «врач-пациент».

Для большей части опрошенных волгоградцев (67,3%) именно в частных клиниках работают медицинские специалисты, которые имеют большой стаж работы и обладают достаточным врачебным опытом, в этих медицинских учреждениях уважительно относятся к пациентам (такой вариант ответа предпочли выбрать 65,7% опрошенных). В восприятии 37,7% участников опроса преимуществом частного сектора здравоохранения является хорошее техническое оснащение, что значительно упрощает процедуру диагностики и лечения. Каждый третий респондент указал на значимость такого фактора, как удобный график работы, который позволяет пациентам обращаться за помощью даже в выходные дни. Формулируя свои претензии к частным клиникам, почти половина опрошенных указала на высокую цену лечения, что, соответственно, влечет за собой прием определенных категорий граждан, обладающих соответствующим уровнем дохода. «Я когда первый раз пришла в частную клинику, чуть не упала от этих цен, - делится своими впечатлениями информант (женщина, 64 года). - Я понимаю, конечно, что в частных клиниках и врачи квалифицированные, и разнообразие оказываемых услуг больше, но когда там цены такие, что у тебя не то что нет, тебе просто жалко такие деньги выкидывать, уж лучше пойти в обычную бюджетную поликлинику и отсидеть очередь, чтобы бесплатно пройти осмотр у врача, а не отдавать за это всю свою зарплату».

Одним из эффективных инструментов формирования положительного имиджа во внешней среде организации считается использование возможностей официального сайта компании.

Волгоградцам, принимавшим участие в опросе, было предложено оценить сайты государственных и частных учреждений здравоохранения по трем параметрам: доступность информации, ее полнота и красочность. Выяснилось, что по двум параметрам из трех, сайты платных клиник получили более высокую оценку потребителей.

Материалы глубинных интервью свидетельствуют о том, что государственные учреждения здравоохранения не уделяют должного внимания использованию такого инструмента формирования положительного имиджа, как рекламные мероприятия. «Мне кажется, что учреждениям здравоохранения не хватает хорошей рекламной кампании, вот если бы население было информировано о льготных предложениях для определенной категории граждан, если бы люди знали о том, что работают в государственных поликлиниках только высокопрофессиональные специалисты, а обслуживание населения происходит на высшем уровне, тогда бы, может, и помогло бы это улучшить имидж, а сейчас волнует это только частные клиники, а для государственных учреждений здравоохранения это неважно», - выразил общее мнение один из информантов (женщина, 45 лет).

При этом почти каждый второй из участников анкетного опроса видел рекламные сюжеты, снятые по заказу частных медицинских учреждений, что свидетельствует об активном использовании ими рекламных инструментов для формирования позитивных представлений потребителей об имидже организаций. Респондентам было предложено выступить в роли экспертов и предложить меры по улучшению имиджа государственных клиник. В восприятии 52,7% респондентов этим медицинским учреждениям следует повысить уровень сервиса и обслуживания населения, снизить цены на платные услуги (так думают 45,7% опрошенных), привлечь к работе высокопрофессиональных специалистов (такой точки зрения придерживаются 42% участников опроса), улучшить техническую базу (38,3% волгоградцев выразили такое мнение), активизировать рекламную деятельность (37,7% респондентов выбрали такой вариант ответа). Рассматривая варианты привлечения пациентов в платные клиники в будущем, 63,3% волгоградцев предложили улучшить техническую базу, 58,3% - повысить уровень обслуживания потребителей медицинских услуг. Каждый второй из опрошенных высказался за более обдуманную ценовую политику, связанную со снижением платы за лечение.

Подводя общий итог, следует подчеркнуть, что периодический мониторинг общественного мнения, осуществляемый соответствующими подразделениями медицинских учреждений или привлекаемыми извне специалистами, позволит соотнести цели и методы осуществления бизнес-деятельности в сфере здравоохранения с предпочтениями и требованиями потребительской аудитории, скорректировать долгосрочные и среднесрочные планы функционирования медицинских организаций, выработать сбалансированную стратегию управления их корпоративным имиджем.

1. Тхориков Б. А., Спичак И. В. Разработка технологии управления имиджем медицинского учреждения // *Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право.* 2008. №8 (48). С. 216-220.

2. Гончарова О. В. Состояние и тенденции развития частного здравоохранения в РФ // *Менеджер здравоохранения.* 2010. №4. С.40-44

АСПЕКТЫ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ.

Кузнецов И.Е. (Санкт-Петербург)

В эпоху взрывного роста информационных технологий и технических инноваций корпоративное управление должно оперативно реагировать на появляющиеся вызовы. Кроме того, общественная и политическая среда в современной России возлагает на корпоративное управление особую роль в области социальной ответственности бизнеса.

Выделим ключевые аспекты современных тенденций корпоративного менеджмента.

Неразвитость современных российских институтов подразумевает неконкурентную бюрократическую среду для бизнеса, ведущую к дальнейшему огосударствлению экономики. Огромную роль в противодействии подобной губительной тенденции играет независимый, компетентный, стремящийся к самообучению и развитию управленческий аппарат корпораций. «Активный, самостоятельный, ответственный менеджмент – альтернатива тирании и единственная

защита от нее».[1] Оказание бизнесом различного вида помощи некоммерческим организациям является важным вкладом в решение социальных проблем общества.

В свою очередь, в результате диалектического взаимодействия с обществом, такие акции формируют имидж компании, что является одной из современных целей нового корпоративного управления. Репутация компании подразумевает формирование новых ценностей, таких как, ориентация на экологию и социальную ответственность. В этой связи менеджменту необходимо сфокусировать внимание на взаимную коммуникацию корпорации и общества.

Постоянное обучение и повышение квалификации менеджмента на основе анализа последних успешных тенденций и эффективности их применения, используя современные информационные технологии, в т.ч. интернет-образование.

Применение инновационных технологий неизменно приведет к сокращению численности персонала, в т.ч. административного. Необходимо развивать и поддерживать стремление персонала к самообучению, позволяющего подготовить его к возможной смене работы.

Современный рынок труда характеризуется увеличением доли фриланса и сложной демографической ситуацией, что также является вызовом для современного корпоративного управления.

Практика делегирования полномочий на более низкий уровень структуры управления способствует обучению менеджмента и повышению эффективности компании.

Необходимость поиска баланса между стабильностью компании и перманентной готовностью к изменениям, получению новых знаний – главная задача социальной экологии. Таким образом, управлять во времена перемен – значит быть готовым использовать новые реалии, отказавшись от утверждений и предположений, имевших смысл несколько лет назад. [2]

Лучшая проверка эффективности корпоративного управления - успешная конкуренция как на внутреннем, так и на внешнем рынках, интеграция в современную глобальную экономику и управление инновациями. Оценка роли компании в современном мире позволит выработать эффективную стратегию развития. Бенчмаркинг даст возможность точно идентифицировать своего потребителя, товар или услугу, которые он готов выбрать, и выстроить необходимый маркетинг для их успешного производства и потребления, используя в т.ч. интернет-технологии.

Оценка и сопоставление результатов соотношения прибыли - затраты позволит выявить и отдать на аутсорсинг неэффективные направления и рассмотреть вопрос об интеграции компании в глобальные экономические сети.

Снижение непроизводительных, в т.ч. административных затрат. Так в 2014 г. исследования показали, что в РАО «Газпром» т.н. непроизводительные расходы за 10 лет составили 2, 4 трлн. руб. Это является самым высоким показателем среди компаний сырьевого сектора в мире. [3].

Одним из решений повышения эффективности менеджмента, особенно на этапах становления и развития компаний является привлечение высококвалифицированных экспатов. Однако, с 2014 года число российских компаний, привлекающих иностранных специалистов сократилось с 30% до 5%. В настоящее время экспаты привлекаются в основном в отрасли, использующие высотехнологичное оборудование и инновации (телекоммуникации, металлургия, химическое производство и фармакология).[4].

1.П. Друкер, Дж. Макьярелло. «Друкер на каждый день. 366 советов успешному менеджеру». // ЛитРес. 2012.

2.Там же.

3. В. Иноземцев. «Мечты срываются: в чем главная причина упадка «Газпрома». // «РБК» № 136 от 03.08.2015.

4. Н. Ерёмкина. «Дорогие иностранцы: экспаты больше не нужны России»// «Газета.ру» от 07.10.2017.

1.П. Друкер, Дж. Макьярелло. «Друкер на каждый день. 366 советов успешному менеджеру». // ЛитРес. 2012.

2.Там же.

3. В. Иноземцев. «Мечты срываются: в чем главная причина упадка «Газпрома». // «РБК» № 136 от 03.08.2015.

4. Н. Ерёмкина. «Дорогие иностранцы: экспаты больше не нужны России»// «Газета.ру» от 07.10.2017.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ В РФ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ДОСТУПНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Кузнецова П.Ю. (Пермь)

Административная реформа в России воплотилась в трансформационных изменениях организации исполнительной власти, внедрении принципов управления по результатам и совершенствовании процесса предоставления государственных и муниципальных услуг. Принципы административной реформы РФ соответствовали принципам, определенным в процессе аналогичных реформ за рубежом, в частности, в США и Великобритании, где теоретическую основу административных реформ составил ряд концепций, в том числе, теория сервисного государства, концепция «нового государственного менеджмента и т.д. Важнейшим направлением административной реформы в РФ стало повышение доступности и качества предоставления государственных и муниципальных услуг. Актуальным представляется теоретический анализ понятия «доступность услуг» в рамках различных концепций административной реформы, оценка их достоинств и ограничений.

Под доступностью услуг мы понимаем возможность беспрепятственного получения гражданами той или иной услуги, включая обращение за предоставлением услуги, поскольку услуга всегда имеет заявительный характер, и непосредственно предоставление услуги (итоговый результат). Отсутствие временных издержек и прочих дискриминационных барьеров, обеспечение физической, территориальной, финансовой, информационной доступности государственных услуг являются фактором их качественного предоставления.

В теоретических подходах, ставших концептуальной основой административной реформы, недостаточно внимания уделено анализу доступности услуг как фактору повышения их качества. Согласно концепции «сервисного государства», смысл и назначение государства заключается в служении индивиду и практически любая деятельность государства по взаимодействию с индивидом оказывается государственной услугой [2, 45]. Следовательно, государственные услуги являются ключевым элементом полномочий органов государственного управления, которые должны обеспечивать доступность и качество их предоставления, а оценкой эффективности деятельности органов власти становится уровень удовлетворенности граждан действиями органов власти по предоставлению услуги и их результативностью.

В теории «нового государственного менеджмента» также анализируется процесс предоставления государственных услуг как составляющая деятельности государства, однако основной смысл подхода заключается в применении рыночных процессов внутри государственного сектора и привлечении технологий управления, разработанных для частных компаний. Происходит оптимизация процесса предоставления услуг при помощи механизмов аутсорсинга, сокращаются государственные расходы [4, 35]. Однако возникает вопрос о сохранении такой характеристики услуг как доступность при включении в процесс их предоставления конкурентных рыночных механизмов. Поэтому государство сохраняет за собой функции регламентации и стандартизации предоставления государственных услуг как факторов обеспечения их доступности и качества.

Данная позиция в полной мере отражена в Федеральном законе №210 от 27 июля 2010 г. «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг», где в качестве одного из принципов предоставления государственных и муниципальных услуг выделяется доступность обращения за предоставлением государственных и муниципальных услуг и предоставления данных услуг [6]. Именно в данном законе определена юридическая форма обеспечения доступности услуг – внедрение административных регламентов предоставления государственных и муниципальных услуг - нормативных правовых актов, устанавливающих порядок предоставления государственной или муниципальной услуги и стандарт предоставления государственной или муниципальной услуги. Так, Н.С. Мирзоян полагает, что одним из параметров качества услуг является соблюдение предписанных требований и стандартов [3, 170]. И. Н. Рыбакова считает, что к ключевым индикаторам институализации сферы государственных услуг относится показатель качества государственных услуг, реализуемый через нормативно-правовые акты [5, 138]. Исследователь Л. А. Душакова отмечает, что целью стандартизации государственных услуг является сокращение транзакционных издержек, которые несут граждане и организации при взаимодействии с органами власти и должностными лицами [1, 107]. Следует согласиться с мнением исследователей, что стандартизация и регламентация являются

важнейшими факторами, оказывающими влияние на доступность и качество предоставления услуг и, следовательно, на уровень удовлетворенности потребителей государственных услуг.

Таким образом, доступность государственных услуг является важнейшим критерием качества их предоставления. Но вместе с тем, «сервисная» концепция исходит из монопольной ответственности государства за качество предоставления государственных услуг, а теория «нового государственного менеджмента» основана на делегировании части функций государственных органов государственным организациям и хозяйствующим субъектам, закреплении возможности выбора потребителем стратегии поведения на рынке государственных услуг. Однако с целью обеспечения доступности государственных услуг органы государственной власти сохраняют за собой право регламентации стандартов государственных услуг и порядка их предоставления. Четкая регламентация административных процедур в деятельности органов государственного и муниципального управления, определение стандартов предоставления услуг призваны повысить прозрачность системы государственного и муниципального управления, обеспечить повышение его качества при решении комплексных социально-экономических задач развития общества и государства.

1. Душакова Л. А. Некоторые аспекты правового регулирования государственных услуг // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. №2. [Электронный ресурс]: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-pravovogo-regulirovaniya-gosudarstvennyh-uslug>. (дата обращения: 20.09.2017). С. 107.
2. Коженко Я. В., Мамычев А. Ю. Сервисное государство: проблемы теории и практики реализации // Власть. 2010. №3. [Электронный ресурс]: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/servisnoe-gosudarstvo-problemy-teorii-i-praktiki-realizatsii> (дата обращения: 20.09.2017). С. 45.
3. Мирзоян Н. С. Качество жизни и доступность государственных (муниципальных) услуг // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2010. №2-1. [Электронный ресурс]: URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kachestvo-zhizni-i-dostupnost-gosudarstvennyh-munitsipalnyh-uslug> (дата обращения: 20.09.2017). С. 170.
4. Мэннинг, Н. Реформа государственного управления: международный опыт / Н. Мэннинг, Н. Парисон. – М.: Весь мир, 2003. – С. 35.
5. Рыбакова И. Н. Институционализация сферы государственных услуг: проблемы исследования // ЭСГИ. 2015. №1 (5). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizatsiya-sfery-gosudarstvennyh-uslug-problemy-issledovaniya> (дата обращения: 20.09.2017). С. 138.
6. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 28.12.2016) "Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг" ст. 4. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.10.2017)

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ИНСТРУКЦИЙ И МОДЕЛЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОМПАНИИ

Лаврова З.И., Шишкина Е.В. (Санкт-Петербург)

Должностные инструкции и модели профессиональных компетенций оказывают существенное влияние на социальное управление компании и, тем самым, воздействуют на то, с какой скоростью будет осуществляться развитие компании и могут повлиять на эту скорость в сторону ее заметного уменьшения.

Для того, чтобы можно было рассматривать понятия должностной инструкции и модели профессиональных компетенций, необходимо обозначить данные термины.

Должностная инструкция – это зафиксированные письменно полномочия, функции, права и обязанности сотрудников, с помощью которых можно регламентировать трудовую деятельность и выполнение должностных полномочий, а также контролировать загруженность сотрудников.

Модель профессиональных компетенций – это такой набор знаний, умений, навыков и личностных качеств сотрудника, которые позволят ему наиболее эффективно выполнить задачи, поставленные перед конкретной должностью.

Социальное управление внутри компании [1] представляет собой исследование способов воздействия на человеческую сферу компании для осуществления наиболее эффективного функционирования и развития компании. Это невозможно без грамотно составленных должностных инструкций и использования моделей профессиональных компетенций.

Деятельность любой компании начинается с людей, которые в ней работают, а для того, чтобы понимать какое количество людей, каких профессий, с каким опытом, знаниями, умениями, навыками и личностными качествами нужны для ее эффективного функционирования – руководству компании, прежде всего, необходимо составить бизнес-процесс. Наличие бизнес-процесса значительно упрощает создание должностных инструкций и моделей профессиональных компетенций, повышает лояльность сотрудников, так как благодаря этому каждый сотрудник более наглядно видит собственный вклад в деятельность компании.

Далее на примере реальной компании рассматриваются плюсы и минусы использования бизнес-процессов, моделей профессиональных компетенций и должностных инструкций.

Положительные стороны при использовании:

1. Создание бизнес-процессов помогает сделать представление о деятельности компании нагляднее, при этом лояльность и мотивация сотрудников повышается, поскольку каждый видит свой личный вклад.

2. Должностные инструкции компании более емкие и точные, если составляются не по аналогии примеров из интернета, а опираясь на реальные функции, которые требуется выполнять на каждой конкретной должности, участвующей в бизнес-процессе компании.

3. Модель профессиональных компетенций, основанная на бизнес-процессе компании, отражает требования к сотруднику, его квалификации, знаниям, умениям, навыкам и опыту, а также возможный план карьерного роста сотрудника, упрощает расчет компенсаций и льгот. Все это существенно повышает доверие сотрудников к компании, а аттестация рабочих мест упрощается.

4. План развития компании будет более точным, а издержки – меньше, так как издержки на создание и обустройство новых рабочих мест [2], на выполнение плана найма [3] будут меньше. Компания точнее владеет информацией об имеющихся ресурсах и требуемом персонале.

5. План найма более точно отражает требования к персоналу, поиск и подбор новых сотрудников происходит быстрее благодаря наличию модели профессиональных компетенций, а потенциальные кандидаты более заинтересованы, так как компания может показать им возможный путь карьерного роста. Кандидаты понимают, какие личностные качества, знания, умения и навыки им нужно для этого развить, и какой опыт получить, поэтому процесс отсеивания неподходящих кандидатов становится значительно проще.

6. Период адаптации новых сотрудников короче, так как они имеют необходимые данные о компании, ее функционировании, своем рабочем месте, функциях, ответственности более ясное представление. Модель профессиональных компетенций позволяет новым сотрудникам планировать собственное развитие для дальнейшего карьерного роста.

7. Выполнение вышеописанных пунктов значительно упрощает процесс контроля и корректировки плана развития компании и финансовый контроль расходов на его реализацию.

Отрицательные стороны без использования бизнес-процессов, моделей профессиональных компетенций и должностных инструкций:

1. Профессиональная ответственность ниже [4], чем в случае использования, процесс работы компании не до конца понятен сотрудникам, существует «разрыв» между руководством компании и ее сотрудниками.

2. Без бизнес-процесса инструкции будут менее точными, в них могут попасть функции, которые не будут выполняться сотрудником или будут выполняться другим сотрудником, с другой стороны, какие-то функции могут быть не учтены, что существенно сказывается на качестве работы сотрудников.

3. Отсутствие модели профессиональных компетенций приводит к неопределенности карьерного развития сотрудника, что приводит к его напряжению, недоверию к руководству компании. Лояльность сотрудников ниже, чем могла бы быть, вследствие чего текучесть кадров может быть выше.

4. План развития компании будет не таким точным, издержки на реализацию плана развития будут больше, если бизнес-процесс не составлен, а создание и обустройство новых рабочих мест будет труднее. Должностных инструкций не всегда достаточно, чтобы сформулировать требования к кандидату. Расходы на реализацию плана найма также будут выше, сам план найма будет реализовываться дольше по времени.

5. Период адаптации новых сотрудников растягивается, так как должностные инструкции не в полной мере могут осветить выполняемые задачи, перспективы карьерного роста

не ясны, а структура деятельности компании не ясна. Некоторое время новый сотрудник существует «отдельно» от других работников, так как его вливание в трудовой процесс затруднено отсутствием понятного бизнес-процесса. Лояльность нового сотрудника ниже.

6. Недостаточно четко составленные должностные инструкции могут привести к ошибкам, путанице и экономическим потерям для компании.

7. Контроль за выполнением плана развития компании менее четкий, выполняется медленнее, а финансовые расходы выше.

Разработка плана развития компании происходит на определенный период времени – это может быть квартал, полгода, год, несколько лет. Если до этого в компании были созданы бизнес-процессы, должностные инструкции, то процесс финансового и трудового планирования может быть значительно упрощен, благодаря уменьшению или даже ликвидации непредвиденных расходов на расчеты и анализ необходимых ресурсов для возможного увеличения объемов производства.

Таким образом, неразрывная связь, между социальной ответственностью компании перед своими новыми сотрудниками, моделью профессиональных компетенций и должностными инструкциями очевидна, а последние, в свою очередь, становятся эффективными инструментами поиска такого сотрудника, которому будет комфортно строить свои деловые взаимоотношения с компанией. Руководству они позволят упрощать постановку задач перед ним.

Если абсолютно понятно, какие сотрудники требуются компании, где их найти и каков будет план их карьерного роста, возможности развития персонала, то такая компания будет функционировать эффективно, а ее средства расходоваться разумно и экономно.

1. Бакиа Н.В., Данилюк А.А. *Корпоративная социальная ответственность: учеб. пособие.* Тюмень: ТГУ, 2012. 292 с.
2. Генкин Б.М. *Экономика и социология труда.* М. 2003. - 55 с.
3. Благов Ю. Е. *Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции.* М.: Высшая школа менеджмента, 2011.
4. Шишкина Е.В., Лаврова З.И. / Развитие профессиональной ответственности персонала в организации // *Экономика России в XXI веке, сборник научных трудов XII Всероссийской научно-практической конференции «Экономические науки и прикладные исследования».* Томский политехнический университет. 2015. С. 103-108.

МЕТАГЕНДЕРНЫЙ ТРЕНД В СТРУКТУРЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА КАК УПРАВЛЯЕМОЙ ОСНОВЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Лапина С.В. (Минск, Республика Беларусь)

Аннотация В докладе анализируется значение демографических процессов в современном обществе, особо выделяется роль демографической культуры в управляемом процессе устойчивого развития. Метагендерный тренд определяется как значимая составляющая демографической культуры, характеризующая особенности экстрафигуративного типа культуры, формирующегося и функционирующего в современном социуме. Этот тип культуры определяет также особенности социально-управленческого механизма как инновационно-Социальная динамика уже в прошлом веке отчетливо демонстрировала, что мир, который становится все более единым, может одновременно оказаться «тесным» для совместного проживания разных народов, а технократическая среда способна обеспечивать практически мгновенное (по сравнению с предыдущими эпохами) перемещение людей, техники, любых ресурсов из одной точки Земли в другую, изменяя таким образом уже апробированные направления устойчивого развития и механизмы их регулирования. Анализ вопросов, связанных с характеристиками народонаселения ушедших эпох и выявление тенденций на будущее, стали ключевыми для тех, кто всерьез озабочен вопросами устойчивого развития в глобальном масштабе.[1]

Кроме анализа пусть и важных, но все-таки относительно внешних условий существования человечества (экологических, политических, экономических и т.д.), которые сегодня в глобальных и региональных контекстах встраиваются в различные геополитические концепции, следует рассматривать населения мира как самоорганизующуюся систему.

Этот подход изложен в аналитической статье С.П. Капицы и «...предлагает феноменологическое, макроскопическое описание явлений, в основе которого лежит

представление о кооперативном взаимодействии, включающем все процессы культурной, экономической, технологической, социальной и биологической природы, приводящем к самоускоренному гиперболическому росту. Такое коллективное взаимодействие связано с сознанием, которое в принципе отличает человечество от животного мира. Оно выражено в культуре как факторе развития и передаче информации, происходящей между поколениями, а также в ее распространении на всем пространстве ойкумены».[2] В предложенном подходе население в виде самоорганизующейся открытой системы становится главным предметом анализа, а его динамика (рост либо сокращение численности, изменение семейных отношений, миграция) приобретает нелинейный характер, определяемый множеством переменных. В их число входят биологические и внебиологические параметры, среди которых главную роль выполняют социокультурные факторы.

Развивая логику известного ученого можно утверждать, что формы социальной организации, особенности информационного взаимодействия в процессе передачи культурного опыта становятся главными факторами развития населения как самоорганизующейся системы, а потому демографические расчеты приобретают характер более сложного социального моделирования. «Это находит свое выражение в нелинейном информационном законе квадратичного роста, описывающем обобщенную эволюцию того, что называют культурой и которое уже определяет развитие экономики. Однако нелинейный, взаимосвязанный характер развития указывает на то, что в такой развивающейся сложной системе, какой является человечество, по существу нельзя обращаться к статичным причинно-следственным связям между факторами культуры и экономики...»[3]

Главным в методологии демографического прогнозирования является не только выделение как можно более представительного числа факторов динамики, но и включение в структуру самой динамики организующих (точнее - самоорганизующих) результирующих включения этих факторов в более сложную системную комбинацию. Экстраполяция этих корреляций на прогнозные демографические показатели не всегда уместна, так как, к примеру, уровень экономического развития, будучи включенным в структуру факторов развития населения и приобретая тем самым системные свойства, начинает влиять не только на параметры человечества, но через них воздействовать на всю систему жизнеобеспечения населения – на геополитику, производство, социальную сферу, экономику, культуру.

Роль населения как самоорганизующейся системы в реализации социально-демографической политики как и социальной политики, в целом, зависят от качественных параметров самого населения. Их можно представить в такой обобщенной характеристике как «человеческий потенциал» (более содержательной характеристике, чем «человеческий капитал»), либо уровень человеческого развития, измеряемого с помощью ИРЧП (индекса развития человеческого потенциала). Не комментируя вполне адекватные целям устойчивого развития ключевые составляющие этого индекса, хотелось бы добавить, что вполне уместно в их перечень было бы включение такого показателя, как уровень демографической культуры населения. Демографическая культура как особый вид культуры представляет собой совокупность идеалов, ценностей и норм, регулирующих человеческое поведение по обеспечению оптимального воспроизводства населения и фактической продолжительности здоровой жизни представителей всех социально-возрастных и гендерных категорий населения на основе использования ими актуальных научных знаний в области социальной демографии с активным привлечением возможностей сложившейся в конкретной стране и регионе Земного шара инфраструктуры для поддержания достойного жизненного уровня. Этот показатель, который может быть квантифицирован, добавил бы к объективным параметрам ИРЧП показатели субъективной активности различных групп населения.

Работа по операционализации и эмпирической интерпретации такого итогового показателя, как «демографическая культура», в настоящее время проводится белорусскими социологами. В число уже имеющихся разработок следует отнести и выявленный мегатренд в структуре демографической культуры, который может быть обозначен как метагендерный. Выросший в рамках гендерных исследований, этот тренд проявил себя и как методологическая, и как предметно-практическая ориентация. В нем нет радикального противопоставления мужчин и женщин, но присутствует попытка объяснения того, что есть такое есть в сущности и поведении женщин, которое хоть и базируется на их природных задатках, но развито в социуме и способно улучшить жизнь всех – и мужчин и женщин. Для этого следует сделать собственно гендерные

(мужские и женские) стратегии жизни (познания и поведения) понятными, доступными, а главное – используемыми всеми современными людьми, независимо от их пола. [4]

Рассматривая стратегии устойчивого развития как возможные сценарии оптимальных путей достижения благополучия человеческой цивилизации в предложенном выше контексте, мы обязательно выходим на уровень современной методологии коммуникативного взаимодействия. В истории человеческого общества, мнению известного культурантрополога М.Мид, сложилось три типа такого взаимодействия, различия между которыми основаны на способе передачи информации и социального опыта (форма коммуникаций) от поколения к поколению (постфигуративная, префигуративная и кофигуративная культура).

В век компьютерных информационных технологий мы наблюдаем смешение в едином информационном потоке различных видов информации, типов знаний и способов коммуникационного взаимодействия. Объединяясь, они формируют единое культурное пространство в рамках развивающегося постнеклассического, информационного, постмодернистского типа культуры. Для этого типа культуры характерно восприятие больших объемов разнородной информации, большая скорость ее обработки и огромные возможности ее трансляции, сохранения, запоминания. Это, во-первых. Во-вторых, в этом типе культуры, который можно обозначить как «экстрафигуративную культуру», все одновременно учатся и учат друг друга в условиях поиска ответов на постоянно возникающие новые вопросы.

В обществе с экстрафигуративным типом культуры информация устаревает раньше, чем ее усваивают, а потому знаниевые новации приобретают форму обыденности. В итоге формирующийся тип культуры создает иллюзию сопричастности как к созданию самой информации, так и к той эмпирически постигаемой реальности, которая является ее источником. А в современной культуре возникает пласт «виртуальной реальности», в которой реализуются психологические механизмы сопричастности, сопереживания, на самом деле, являющиеся «квазиактивностью», заменяющей активность реальную. На этом фоне некоторые считают возможным говорить о наступлении эпохи «неоязычества», обращенного к образному восприятию мира и растворению в нем человека, потерю им так называемой «самости».[5] Учет особенностей такого типа культуры должен встраиваться в социально–управленческий механизм как перспективную инновационную технологию социального управления.[6] и технологии управления современным социумом.

1. Лапина, С.В. Демографическая культура в геополитическом измерении // Проблемы управления № 2, 2013 г. – С. 53-58.
2. Капица, С.П. Глобальная демографическая революция и будущее человечества / Новая и новейшая история № 4, 2004 г. // *Vivos Voco* [Электр.ресурс].
3. Там же.
4. Лапина, С.В. Метагендерный подход как актуальная особенность гендерных исследований // № 3, 2015 г. – С.62-65.
5. Лапина, С.В. Особенности научных коммуникаций в современном обществе/ Системная трансформация общества: исторический опыт современность и перспективы в условиях глобализации и европейской интеграции// Сборник научных трудов БрГТУ. Брест, БрГТУ, 2009. – С. 156-161.
6. Лапина С.В. Социально–управленческий механизм: реализация в условиях социального государства / С.В. Лапина [научн.ред], Щеткина, Лапина И.А. и др. Социология управления в теории и практике государственного управления. – Минск: Акад.упр.при През.РБ, 2017. –С.6–11

МАНИПУЛИРОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ КАК УСЛОВИЕ СТИМУЛИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИОННЫХ НАСТРОЕНИЙ

Лешуков Я.Д. (Тюмень)

Рост манипулятивного воздействия на население актуализируется в условиях дестабилизации общественного порядка. Именно управление массовым поведением привело к организации и успешному исполнению цветных революций и социальным взрывам в ранее относительно стабильных странах. Учитывая разрушение биполярной системы общества, и возникновение новых полюсов влияния, актуальность манипуляции в современном мире возрастает, так как спрос на «экспорт революций» стимулируется борьбой за власть в ряде стран мирового сообщества.

Рассматривая место манипуляции в революционном развитии общества, Е.Л. Доценко считает, что в любом демократическом государстве только де-юре действуют принципы уважения прав человека, де-факто происходит систематическое и закономерное их нарушение. Причиной, по мнению ученого, является конкурентная борьба, осуществляемая с применением скрытых методов манипулирования и связанная со стремлением обрести односторонний выигрыш, как правило, в ущерб противоположной стороне [3, с. 174]. Однако, сохраняя веру в демократическое правовое государство Российской Федерации, с позицией учёного сложно согласиться в полной мере.

Таким образом, массовое сознание представлено типом общественного сознания, связанного с деятельностью массовых общностей и отражающего различные стороны жизни общества, которые вызывают интерес тех самых массовых общностей. Массовое сознание характеризуется разорванностью, подвижностью, противоречивостью, быстрыми неожиданными изменениями в одних случаях и определенными стереотипами в других случаях [2, с. 211].

Таким образом, манипуляция массовым сознанием является способом управления большим количеством людей (коллективами, сообществами) путём создания иллюзий и условий для контролирования поведения. Это воздействие направлено на психические структуры человека, осуществляется скрытно и ставит своей задачей установить контроль над поведением, лишить свободы выбора объект манипуляции посредством изменения представлений, мнений, побуждений и целей людей в нужном некоторой группе направлении [4].

Наиболее часто манипулирование массовым сознанием проявляется в политической сфере общества. На нынешнем этапе жизни российского общества эти цели достигаются путем выборов. Успех на выборах невозможен без значительной общественной поддержки (если не включать в оценку случаи непосредственной фальсификации избирательных бюллетеней). Следовательно, цели манипуляторов сводятся к формированию у избирателей определённого мнения и побуждению их поддержать на выборах данную социальную группу. Манипулятор должен угадать социальное ожидание и предложить оптимальный образ кандидата, программы или убедить в том, что имеющаяся у кандидата программа и есть оптимальная. Не озвучивая политическую позицию автора настоящей статьи, хочется привести в качестве практического примера деятельность политика и общественного деятеля Навального А.А., мероприятия которого против коррупции и государственной пропаганды в настоящее время поддерживаются среди населения России.

В связи со сложной политической обстановкой во взаимоотношении России и Украины можно проследить некоторые способы манипулятивного воздействия на население с целью изобличить противника. В качестве примера можно привести некоторые заголовки украинских СМИ о России, собранные в ходе контент-анализа (200 информационных сводок): «Девочка умирает от рака, а Путин ей о проблемах США: отзывы о «прямой линии» президента РФ», «Документ: в Крыму у призывника потребовали письменный отказ от веры», «Госдума РФ засекретила от простых россиян сведения об имуществе чиновников» и др. Несомненно, что воздействие сформулированной подобным образом вступительной фразы создаст негативный эмоциональный резонанс среди населения.

Религиозное манипулирование также можно рассматривать как одно из направлений скрытого воздействия на общество с целью принуждения его к революционной форме свержения власти. В качестве примера можно привести формирование таких дискриминационных течений как исламофобия, антисемитизм, христианофобия и антиарабизм, которые провоцируют религиозную нетерпимость и диффамацию религиозной веры.

Наибольшая тенденция к массовому управлению сознанием приобрела в средствах массовой информации. СМИ предлагают готовые модели поведения, предоставляют готовые мнения и толкования, по сути, превращая общество в массу потребителей информации, которые прекращают думать и анализировать информацию, упрощая тем самым процесс манипулирования. Поэтому СМИ небезосновательно упрекают в манипулировании общественным мнением. По мнению ряда учёных СМИ отбирают большую часть информации и дезинформации, которые необходимы для объективной оценки социально-политической действительности. Соответственно, отношение населения к различным проблемам и явлениям, а также стиль идентификации проблем и явлений, во многом определены теми, кто контролирует средства коммуникации [1, с. 46]. Таким образом, СМИ являются основным центром воздействия на общественное сознание. Необходимый эффект создается путём использования различных

способов подачи информации, лексики, использованием фото- и видео- материала, стилистических приемов, сокрытия нежелательных для публикации тем.

1. *Грошева И.А., Грошев И.Л. Индексная оценка системы государственного и муниципального управления // Россия-Тюмень: векторы евразийского развития / Под редакцией В.К. Левашова, Н.Г. Хайруллиной. Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ, 2015. С. 45-66.*
2. *Грошева Л.И. Абсентеизм молодежи как результат девиаций в социально-экономической политике // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». □ 2012. □ №9(29). □ С. 210-212.*
3. *Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.*
4. *Ефимова Г.З. Социальный инфантилизм студенческой молодежи как фактор противодействия модернизации современного российского общества / Интернет-журнал «Наукоедение» ISSN 2223-5167 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/09PVN614.pdf>.*

СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ИХ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «СЕЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ СОЛОВЕЦКОЕ»

Ловдин Е.Н. (Архангельск)

АННОТАЦИЯ

В данной работе рассматривается современное состояние местного самоуправления муниципального образования «Сельское поселение Соловецкое» Приморского муниципального района Архангельской области, проблемы социально-экономического развития и пути их решений.

Основной целью данной работы является анализ современного состояния муниципальных образований Арктической зоны Российской Федерации, их проблемы и пути их решений на примере муниципального образования «Сельское поселение Соловецкое».

Муниципальное образование "Сельское поселение Соловецкое" входит в состав Приморского муниципального района Архангельской области и находится на территории 8 островов Соловецкого архипелага, располагающегося в северной части Онежского залива Белого моря. Общая площадь территории составляет 29610 га, граница района установлена в соответствии с административно-территориальным делением Архангельской области.

Численность населения на 1.01.2017 г. составила 853 человека. Поселение Соловецкое, через Белое море, граничит с Онежским районом Архангельской области, а так же с Республикой Карелия [1].

До 15 века острова не были заселены и лишь периодически посещались племенами, обитавшими на берегах Белого моря. С 15 века острова начали заселять монахи-отшельниками, которые основали здесь сначала временное поселение, а затем монастырь, ставший впоследствии одним из самых богатых и влиятельных землевладельцев в России. В 1920 году монастырь был закрыт, а его хозяйство разграблено. С 1923 года Соловецкий архипелаг используется как концентрационный лагерь для заключенных, который действовал до 1939 года. В 1967 году здесь был создан филиал Архангельского краеведческого музея, а спустя семь лет филиал был преобразован в Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник.

Решением генеральной сессии ЮНЕСКО № 632с от 14 декабря 1992 года Соловецкий историко-культурный комплекс (памятники, входящие в состав музея-заповедника) включен в Список памятников всемирного наследия ЮНЕСКО.

Указом Президента Российской Федерации № 1219 от 6 декабря 1995 года Соловецкий государственный музей-заповедник включен в Государственный свод особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации.

Региональные власти уделяют особое внимание Соловкам. В области создано агентство по развитию Соловецкого архипелага.

Однако, при нескольких уровнях управления, таких как международном уровне – культурное наследие ЮНЕСКО, федеральном уровне - Соловецкий государственный музей-

заповедник, региональном - Агентство по развитию Соловецкого архипелага, муниципальном уровне на Соловецком архипелаге нет единой системы управления и существует проблема координации работы представителей различных уровней власти. Основными проблемами муниципального образования "Сельское поселение Соловецкое", как субъекта муниципального управления, являются малая наполняемость местного бюджета от сферы туризма на территории муниципального образования и нежелание местных жителей участвовать в территориальном общественном самоуправлении.

Эти проблемы были выявлены в период с 15 по 22 августа 2017 года во время проведения Летней школы Северного Арктического Федерального университета и Высшей школы экономики на Соловках. В рамках данной школы были взяты четыре интервью с предпринимателями в сфере туризма, одно интервью с главой муниципального образования и проведен анкетный опрос 50 местных жителей.

По данным, полученным из интервью с предпринимателями в сфере туризма, выяснилось, что на территории поселения в сфере туризма работают восемь предпринимателей, пять из которых зарегистрированы в других населенных пунктах (Архангельск, Москва, Кемь). Поэтому налоги, которые платят не местные предприниматели, уходят в другие бюджеты, но не в бюджет муниципального образования "Сельское поселение Соловецкое". Соловецкий музей-заповедник является федеральной структурой. Его все налоги уходят в федеральный бюджет. Из-за этого очень маленькая наполняемость местного бюджета.

По данным, полученным из интервью главой муниципального образования «Сельское поселение Соловецкое», выяснилось, что муниципальное образование «Сельское поселение Соловецкое», которое является основным туристическим центром Архангельской области, само в этих туристах не заинтересовано, в виду малой наполняемости местного бюджета от сферы туризма и обременением коммунальными обязательствами (чистота поселения, вывозка мусора и его складирование).

Другая проблема, которая была выявлена, – это нежелание местных жителей участвовать в территориальном общественном самоуправлении (ТОС) — одной из форм реализации народом Российской Федерации своей власти через непосредственное осуществление самоуправления на части территории муниципального образования и участия в местном самоуправлении, предположительно, путём создания эффективного социального партнерства власти и населения [2].

Проблемы, которые могли быть решены ТОСом, также были выявлены методом анкетного опроса местных жителей муниципального образования "Сельское поселение Соловецкое". Это строительство детской площадки, которая в тот момент отсутствовала на территории поселения. Это благоустройство футбольного поля и строительство раздевалок на нем. Это ремонт дорог. Это строительство мусороперерабатывающего завода и реконструкция мусорного полигона. Местная администрация решить вышеперечисленные проблемы денежными средствами из своего бюджета не может. Ей (местной администрации) их хватает только на поддержание своих основных функций и выполнение Программы комплексного развития систем коммунальной инфраструктуры муниципального образования «Сельское поселение Соловецкое» на 2015 - 2025 годы [1].

Нежелание местных жителей участвовать в территориальном общественном самоуправлении можно объяснить тем, что коренных жителей, которые прожили на Соловках более 30 лет, практически нет или их единицы. Поэтому и настрой у них такой – приехать, поработать и уехать, не заботясь ни об инфраструктуре, ни об экологии.

Для решения данных проблем необходимо:

- изменение подхода к управлению муниципальными финансами, формированию муниципального бюджета за счет эффективного управления муниципальным имуществом и земельными ресурсами [3];

- проведение более качественной работы с местными жителями для привлечения их к участию в территориальном общественном самоуправлении на территории муниципального образования «Сельское поселение Соловецкое».

Данное исследование, проведенное в рамках Летней школы САФУ и ВШЭ в 2017 году, может быть проведено в 2018 году в рамках новой Летней школы. В результате можно будет проследить в динамике ситуацию в муниципальном образовании «Сельское поселение Соловецкое».

1 <http://www.primadm.ru/mop/solovetskoe/>

2 <https://ru.wikipedia.org>

3 Распоряжение Правительства Архангельской области от 16 июля 2013 г. № 310-рп
«О Стратегии развития Соловецкого архипелага как уникального объекта духовного, историко-культурного и природного наследия до 2030 года»

РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЭПОХУ ЧЕТВЕРТОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Логинова И.В. (Казань)

Трансформации во всех сферах жизнедеятельности человека, вызванные четвертой промышленной революцией, предъявляют новые требования к системе государственного управления и заставляют кардинальным образом изменять ее институты, структуру и механизмы функционирования.

Современная администрация зачастую вынуждена действовать во все более и более усложняющейся, турбулентной среде, одновременно растут и ожидания населения по отношению к деятельности государственных учреждений. В настоящее время стало очевидным, что хваленая рациональность бюрократической организации на практике показывает свою критичность: неповоротливая жесткая структура не позволяет быстро реагировать на возникающие проблемы, успешно адаптироваться к изменяющейся среде и эффективно выполнять свои функции.

Прежде чем говорить о трансформации системы государственного управления, стоит раскрыть сам феномен четвертой промышленной революции. Если первое и второе изменения в производственных укладах, связанные с переходом от ручного труда к машинному, возникновением поточного производства, привели к созданию иерархической структуры властных взаимодействий, то последующие промышленные революции благодаря внедрению инфокоммуникационных технологий (ИКТ), формированию интернета вещей, росту производительности и сокращению занятых в производстве рабочих привели к децентрализации управления, горизонтальному взаимодействию, построению распределённых, сетевых систем и структур.

Как отмечает один из теоретиков третьей промышленной революции, влиятельный американский ученый Дж. Рифкин, несмотря на то, что «идея горизонтальных взаимодействий кажется абсолютно несовместимой с тем, что мы привыкли видеть в сфере властных отношений на протяжении истории, в наше время сотрудничество, возникающее в результате слияния интернет-технологий и возобновляемых источников энергии, коренным образом реструктурирует взаимоотношения людей, заменяет взаимодействие сверху вниз на взаимодействие по горизонтали, оказывает глубокое влияние на будущее общества»[1, С.17].

Говоря о трансформационном потенциале четвертой промышленной революции для системы государственного управления, стоит отметить идеи следующих ученых.

Так, по мнению Клауса Шваба, президента Всемирного экономического форума в Давосе, «более интенсивное и инновационное использование веб-технологий технологий может помочь государственным администрациям модернизировать свои структуры и функции, чтобы улучшить общую результативность, начиная от укрепления процессов электронного управления до большей прозрачности, ответственности и вовлеченности в отношениях между правительством и его гражданами»[2, С. 85]. При этом, Р.Хикс считает, что воздействие ИКТ на процесс госуправления должно проявляться в отношении четырех основных принципов: эффективности, подотчетности, децентрализации и рыночных способов функционирования[3, С.10]. По мнению А. Корделлы, внедрение ИКТ позволит упростить многие виды деятельности госслужащих по оказанию услуг населению. Более того, ИКТ берут на себя функцию своеобразного надсмотрщика-контролера, который, благодаря превосходной вычислительной мощности, способен лучше контролировать фактическую координацию взаимозависимых бюрократических действий [4, С.220].

Для повышения эффективности государственного управления ученые, по аналогии с бизнес-моделями, склоняются к использованию гибких методологий управления в системе государственной власти, в частности переходу к сетевой архитектуре управления. Так, Р. Абуачakra и М.Хури видят следующие преимущества в подобных трансформациях:

1) Сетевые организационные структуры более гибкие, они способны справляться с более сложными проблемами, реагировать на внешние изменения и на требования все более разнообразных и мобильных групп населения;

- 2) Программы становятся более целенаправленными, а различные уровни правительственных органов – более взаимосвязанными и сплоченными в достижении целей;
- 3) Технологически сетевой подход расширяет потенциальную сферу действия управленческих мер, программ и мероприятий;
- 4) Исчезает принцип монопольного использования навыков, поскольку во главу угла ставится межведомственное сотрудничество;
- 5) Больше внимания уделяется фундаментальным ценностям, лежащим в основе работы правительства, они становятся основными принципами функционирования и взаимодействия;
- 6) сетевой подход облегчает распространение и внедрение лучших практик управления [5, С.88].

При этом вопрос о том, что выбирать: более устаревшую модель госуправления, но стабильную, или же более современную, но непостоянную, более не стоит. По мнению Клауса Шваба, «в эпоху четвертой промышленной революции требуется не столько обеспечить большой объем принимаемых решений или большую скорость их принятий, сколько создать нормативную и законодательную экосистему, которая позволит вырабатывать более устойчивые юридические структуры» [2, С.89]. Таким образом, на передний план выдвигается в ходе реформирования выдвигается эффективное и рациональное использование ресурсов, где во главе угла стоят разделяемые всеми фундаментальные ценности и принципы функционирования государственного управления.

1) *Третья промышленная революция: как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом / Джереми Рифкин: Пер. с англ. – 2-е изд. – М.: Альпина нонфикшн, 2015. – 410 с.*

2) *Четвертая промышленная революция: перевод с английского/ Клаус Шваб. – Москва: Издательство «Э», 2017. – 208 с.*

3) *Heeks, R. Reinventing Government in the Information Age, in R. Heeks (ed.) Reinventing Government in the Information Age – International Practice in IT-Enabled Public Sector Reform, London: Routledge, pp. 9–21., 2002.*

4) *Cordella A. E-government: towards the e-bureaucratic form?// Journal of Information Technology, 22, 2007. – pp. 270.*

5) *Эффективное правительство для нового века: Реформирование государственного управления в современном мире/ Раби Абуцакра, Мишель Хури [перевод с английского]. – Москва: Издательство «Олимп-Бизнес», 2018. – 256 с.*

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Мёдова К.В. (Ишим)

Аннотация: статья ориентирована на рассмотрение современного состояния, а также проблем и перспектив построения местного самоуправления. Предложены пути решения возникающих проблем, связанные с объединением ключевых факторов.

Местное самоуправление, прежде всего, является политическим институтом, который составляет одну из главных основ гражданского общества и правового государства. Гражданин при реализации права на самоуправление участвует в принятии политических решений на локальном уровне. Именно поэтому развитие местного самоуправления занимает одно из важнейших мест среди показателей демократичности системы.

В Тюменской области местное самоуправление осуществляется и обеспечивается в пределах, установленных Конституцией РФ, законами Тюменской области и федеральными законами. Данная форма осуществляется самостоятельно с помощью принятых под свою ответственность решений населением города Тюмени непосредственно и (или) через органы местного самоуправления, с учетом исторических и иных местных традиций [2].

Местное самоуправление в Тюменской области строится на следующих принципах:

Соблюдения прав и свобод человека и гражданина;

Гарантированности осуществления местного самоуправления;

Гласности;

Обеспеченности материальных и финансовых ресурсов для выполнения функций местного самоуправления;

Ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением города, государством, физическими и юридическими лицами в соответствии с федеральными законами.

- Среди задач, решаемых местным самоуправлением Тюменской областью наиболее важны:
- Стабилизация экономики;
- Сохранение и поддержание экологической обстановки;
- Развитие социальной инфраструктуры;
- Грамотное использование государственных ресурсов;
- Развитие региональных и внутри региональных взаимосвязей.

Система организации местного самоуправления в Тюменской области признана перспективной и на правительственном уровне. Так можно отметить, что область далеко продвинулось на пути развития самоуправления, что может доказать принятый ряд законов, затронувших основы местного самоуправления. Ещё одна часть законов, обеспечивающих совершенствование реального местного самоуправления пребывает в стадии разработки. В большей части муниципальных образований утверждены уставы, осуществлены выборы глав местного самоуправления. Осуществляется процесс передачи собственности и земель в ведение местных органов власти.

О перспективах и приоритетах развития местного самоуправления в Тюменской области можно сказать, что все силы сконцентрированы на укреплении самоуправления, увеличении его финансовой самостоятельности. Большое внимание уделяется отбору в муниципальные структуры власти высококвалифицированных специалистов, поддержка и мотивация граждан для участия в развитии муниципальных проектов и программ.

На сегодняшний день область ставит задачу на пути к достижению полного благополучия, более полного удовлетворения жизненных потребностей населения – развитие инвестиционного и экономического потенциала всей территории, а также начать более тесное сотрудничество с жителями территории по формированию и реализации программ развития.

Среди выделенных преимуществ на пути развития местного самоуправления также возникают и проблемы:

Отсутствие надзора за реальным соблюдением прав местного самоуправления. Не разработана система, наблюдающая за исполнением актов местного самоуправления;

Дефицит знаний граждан о сущности и возможностях самоуправления;

Финансовая слабость местного самоуправления, которая заключается в разрыве между возлагаемыми обязанностями и их ресурсным обеспечением [1].

Для решения преград, встающих на пути развития местного самоуправления следует предпринять определённые меры:

Распространение полномочий органов местного самоуправления на территориях;

Выровнять соответствие финансовой помощи из бюджетов вышестоящего территориального уровня;

Восстановить баланс между финансовыми ресурсами и исполняемыми органами местного самоуправления функциями;

Внедрение социальной отчётности предприятий;

Выстраивание механизма привлечения граждан в развитии программ и проектов;

Соблюдение доминант экономического роста (Развертывание научно-технической революции, полное использование производственных мощностей, повышение внимания к окружающей среде, повышение жизненного уровня населения, внедрение нового метода производства, получение нового источника сырья, высокая занятость населения, преодоление социального неравенства, параллельный рост заработной платы и производительности труда и т. д.)

Исследовав статистические данные области можно сказать, что у Тюменской области существуют необходимые ресурсы для решения данных проблем. Необходимо применять нестандартные ходы и решения при выборе приоритетов и конкретных сфер, развитие которых обеспечит прогрессивные изменения в экономической жизни региона, ускорит и направит рыночные реформы в необходимое русло.

Таким образом, Тюменская область – уникальный в нашей стране регион, по навыкам развития местного самоуправления, развитию экономики и АПК, а также внимание к нуждам социальной сферы.

СТАНДАРТ РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ БЛАГОПРИЯТНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

Меньшикова И.А., Знатнова А.А. (Барнаул)

В рыночных условиях общества, конкуренция является одним из основных явлений. Борьба за максимально эффективное использование факторов производства всё чаще осуществляется посредством удовлетворения интересов экономических субъектов, что благоприятно влияет на предпринимательскую среду. Как отмечает Фридрих Хаек: «конкуренция – это централизованное планирование, осуществляемое множеством самостоятельных индивидов» [4]. Предоставляя огромное разнообразие товаров и услуг, повышается качество продуктов производства, а также появляется свобода выбора и действий продавцов и покупателей.

В конце XIX века стали появляться различные кооперативы, которые послужили возникновению предпринимательства во многих регионах Российской Федерации, одним из которых является Алтайский край. В начале 90-х годов на территории региона было организовано К.В. Речкуновым первая потребительская кооперация «Шадринское товарищество». Снабжение сельскохозяйственным инвентарём и товарами широкого потребления имело большой спрос среди крестьян. К началу XX века стали появляться маслодельческие, кредитные и Старо-Бардинские кооперативы. Самое высокое положение, достигнутое сибирской сельской кооперацией занимало Старо - Бардинское потребительское сообщество, организованное в Бийском уезде А.Е. Антоновым. Обеспечивая мелкому крестьянскому хозяйству экономические выгоды присущие крупному капиталистическому предприятию, кооперация, вместе с тем, способствовала его агрикультурному совершенствованию путем выделения кредитов на приобретение улучшенных сельскохозяйственных орудий, сортовых семян, строительству предприятий по переработке сельскохозяйственного сырья. В уставах кооперативных союзов подчеркивалось, что они создавались с целью улучшения «материального и духовного благосостояния населения». Каждый союз кооперативов имел деловую программу, в которой определялись меры по совершенствованию структуры производства и внедрению современных методов хозяйства, способствующих получению конкурентоспособной продукции без коренной ломки деревенского хозяйственного и социального уклада. Оценивая роль кооперации в изменении социально-экономического строя села, выдающийся российский экономист А.В. Чаянов в очерке «Основные линии развития русской сельскохозяйственной мысли за два века» писал: «...Темпы развития товарного хозяйства и широкой агрономической деятельности, соединенные с развитием кооперации действительно перестраивают все основы деревенского быта» [4].

В настоящее время оценивая виды производственной предпринимательской деятельности, наряду с индивидуальным предпринимательством, стало широко использоваться коллективное и государственное предпринимательство, что в свою очередь способствует социально-экономическому развитию края. С 2010 года на территории Алтайского края осуществляется системная работа по развитию конкуренции с целью увеличения количества малых предприятий, а также их инвестиционной привлекательности. С 2013 года действует межотраслевой совет потребителей по вопросам деятельности субъектов естественных монополий в Алтайском крае, позволяющий достигать баланс интересов экономических субъектов, доступность товаров и услуг, а также осуществлять контроль по инвестиционным программам и государственному тарифному регулированию. С 2014 года действует экспертный совет по улучшению инвестиционного климата, способствующий развитию конкуренции, а также принятию различных социально-экономических мероприятий с целью реализации эффективной инвестиционной политики [3].

Так в 2015 году на территории края был принят Стандарт развития конкуренции, в рамках которого, в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 05.09.2015 г. №1738-р «Об утверждении перечня приоритетных и социально-значимых рынков для содействия развитию конкуренции в Алтайском крае» были утверждены приоритетные и социально-значимые рынки: рынок производства молочных продуктов; рынок туристических услуг; рынок услуг дошкольного образования; рынок услуг детского отдыха и оздоровления; рынок услуг

дополнительного образования детей; рынок медицинских услуг; рынок услуг психолог-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья; рынок услуг в сфере культуры; рынок услуг жилищно-коммунального хозяйства; розничная торговля; рынок услуг перевозок пассажиров наземным транспортом; рынок услуг связи, а также рынок услуг социального обслуживания населения [2].

Данный стандарт актуализирует внимание на конкуренции в социальной сфере с целью создания благоприятной предпринимательской и инвестиционной среды. По словам губернатора Алтайского края – А.Б. Карлина: «Главной задачей в условиях внедрения Стандарта развития конкуренции является создание комфортных условий для тех, кто стремится побеждать в честной конкурентной борьбе, кто ищет и находит новые пути решения существующих проблем и кто искренне заинтересован в дальнейшем развитии региона» [3]. В этой связи увеличивается значение малого и среднего бизнеса при развитии экономического сектора Алтайского края. Предприниматели всё чаще реализуют проекты в социальной сфере, что способствует снижению уровня безработицы, а также созданию новых рабочих мест. Благодаря постоянной работе с представителями бизнес-сообщества возрастает индекс оптимистичных настроений в предпринимательской среде. «Зональные семинары с участием представителей Прокуратуры Алтайского края, Управления Роспотребнадзора, ГУ МЧС, Управления Росреестра, частично Управления ФНС и Управления по развитию предпринимательства региона пользуются большим спросом, интерес предпринимательского сообщества к ним растет, а также растет и информированность бизнеса в части мер оказываемой поддержки и условий ведения деятельности», - отмечает Уполномоченный по защите прав предпринимателей в Алтайском крае Павел Нестеров [1].

В последнее время Правительство Алтайского края предпринимает ряд дополнительных мер для привлечения федеральных ресурсов. В результате Алтайский край вошел в число пилотных регионов России по программе госкорпорации по развитию сельской кооперации. Также в регионе ведется активная работа по созданию «дорожной карты» по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти.

Таким образом, в настоящее время благодаря принятию стандарта развития конкуренции и других выше перечисленных мер сфера предпринимательства обеспечивает эффективность социального управления в Алтайском крае, а также объединяет 90 тысяч хозяйствующих субъектов (из них порядка 36 тыс. единиц – это средние и малые предприятия, включая микро предприятия, индивидуальные предприниматели - 54,6 тыс. единиц) и 40% населения, занятого на частных предприятиях [3].

1. *Губернатор алтайского края: меры, предпринимаемые нами для поддержки бизнеса, должны способствовать улучшению деловой среды в регионе / Управление Алтайского края по развитию предпринимательства и рыночной инфраструктуры [Электронный ресурс] : режим доступа <http://www.altymb.ru/index.php/> - свободный. (дата обращения: 20.03.2017 г.).*
2. *Министерство экономического развития Алтайского края [Электронный ресурс] : режим доступа <http://www.econom22.ru/> - свободный. (дата обращения: 20.03.2017 г.).*
3. *О приоритетных направлениях развития малого и среднего предпринимательства в Алтайском крае: Официальный сайт Алтайского края [Электронный ресурс]: режим доступа: <http://www.altregion22.ru/> свободный. (дата обращения: 20.03.2017 г.).*
4. *Старцев А.В., Сизова А.А. Алтайская кооперация: страницы истории / А.В. Старцев, Сизова А.А. [Электронный ресурс]: режим доступа <http://www.altymb.ru/index.php/> свободный. (дата обращения: 20.03.2017 г.).*

УПРАВЛЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИЕЙ В ТРАНЗИТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ, НАЛОГОВЫЕ АСПЕКТЫ

Миллер Н.В., Давиденко Л.М. (Омск)

Управление современной компанией нуждается в выработке решений, основанных на многочисленных факторах роста. В качестве официально признанного инструмента развития корпораций служит технологическая интеграция [1]. Разработка и внедрение технологий становятся в один ряд со стратегией развития интегрированных хозяйственных структур, а

решение проблем технологизации обеспечивает устойчивость и прирост добавленной стоимости, позволяет выйти на переделы высокого уровня с построением системы экономики знаний [2].

Развитие и продвижение технологий определяется рядом социально-экономических факторов в соответствии с внешними и внутренними условиями функционирования интегрированных хозяйственных структур, а также организацией научно-исследовательской деятельности, разработкой и внедрением технологий. Научные исследования показывают, что управление технологической интеграцией в транзитивной экономике требует градации функциональных зон по регулированию данного процесса [3, 4]. Так общие функции могут быть направлены на формирование стратегии технологической интеграции, постановку целей и задач. Специальные функции по развитию технологической интеграции способны активизировать три взаимосвязанные сферы, такие как основное производство, вспомогательное производство и инновации.

В качестве инструментария эффективного управления технологической интеграцией целесообразно использовать градацию реально существующих и потенциальных препятствий, что особенно важно в условиях транзитивности экономики. Разумеется, определенная часть барьеров не может быть устранена воздействием на нее отдельных хозяйственных структур, в частности, отрицательный эффект геополитического влияния, налоговая политика на государственном уровне [5]. Так в связи с необходимостью финансировать крупные инвестиционные проекты существует большая вероятность возникновения риска нехватки финансовых ресурсов, что частично обусловлено сокращением объемов предоставляемых европейскими банками займов, низкой ценой на нефть, высоким курсом американского доллара по отношению к национальным валютам стран - партнеров. Для отечественных компаний дополнительные трудности вызваны последствиями роста налоговой нагрузки на нефтяную отрасль вследствие введения налогового маневра, связанного со снижением ставок экспортной пошлины на нефть, постепенным выравниванием этих ставок со ставками экспортной пошлины на темные и некоторые светлые продукты с одновременным повышением ставок на добычу полезных ископаемых.

Параллельно с этим существует блок барьеров, попадающих под классификацию регулируемых, в число которых можно отнести наличие «критических узких мест» в организации бизнес-процессов (срыв графика установки и ввода в эксплуатацию нового оборудования, проведения ремонтных работ из-за недобросовестности контрагентов, производственного персонала). Кроме того, низкая эффективность операционной деятельности, а также отсутствие специализированных подразделений, осуществляющих научно-исследовательскую работу внутри группы, низкая мотивация персонала к новаторским предложениям, в том числе отсутствие коммуникации, обратной связи по внедрению системы сбалансированных показателей и энергоменеджмента технологий, также выводят систему корпоративного управления из состояния устойчивости.

Выходом из сложившейся ситуации может стать перераспределение функционала. На практике персонал, вовлеченный в процесс технологической интеграции, как правило, состоит из сотрудников опытно-конструкторских отделов, а также временно созданных служб по модернизации производства, насчитывающих в крупных корпорациях от 15 до 60 человек. Такие подразделения могут стать отдельной хозяйственной структурой и предоставлять услуги по схеме аутсорсинга, что сократит изолированность отдельных хозяйственных структур путем снижения дублирования функций бизнес - подразделениями, и, в конечном итоге, снизит социально-экономические барьеры.

1. *О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642. Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.09.2017).*
2. *Миллер А.Е., Миллер М.А. Концептуальные основы технологизации промышленного производства // Известия УрГЭУ. – 2016. – № 6 (68). – С. 88–97.*
3. *Lojda Ja., Davidenko L. Integration policy towards M&A implementation in Kazakhstan // Peer-Reviewed Conference Proceedings the International Conference Hradec Economic Days 2014 February 4th and 5th, 2014. Part IV. // Edited by Pavel Jedlička //Economic Development and Management of Regions, Hradec Králové - Published by Gaudeamus, the University of Hradec Králové, Czech Republic. - p.462. - PP. 414 - 427.*
4. *Миллер А.Е., Давиденко Л.М. Устойчивое развитие промышленных компаний // Современные тренды российской экономики: вызовы времени – 2017: материалы международной научно-практической конференции / ТИУ; отв. ред. С. Г. Симонов. – Тюмень: ТИУ, 2017. Том I. – 383 с. - С. 210 -213.*

ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ КРУПНЫМ ГОРОДОМ

Миронова А.А. (Москва)

Одна из ключевых задач органов государственной власти и местного самоуправления состоит в повышении качества жизни россиян, решение которой видится в реализации в нашей стране комплекса мер по обеспечению сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

Современные процессы, происходящие в российских крупных городах и регионах, характеризуются усиливающимся многообразием и разобщенностью различных социальных слоев и городских сообществ, разностью их интересов и требований по отношению к принимаемым местной властью управленческим решениям, появлением новых форм взаимодействия и характера связей как внутренних, так и внешних институциональных структур, и другими. Эффективное управление такими процессами, поиск консенсуса и разрешения противоречий может быть обеспечены посредством использования практик стратегического планирования, формирующего качество социального управления в условиях усложнения взаимосвязей на уровне внутренних и внешних элементов субъектов, усиления динамики их изменений, трудностей в нахождении единых параметров их оценки.

Крупные города, представляющие собой сложные социальные системы, аккумулирующие людские, образовательные и иные ресурсы, вместе с тем сильнее подвержены проявлению негативных социальных явлений: более сильному социальному расслоению, сегрегации, силе конфликтов. Данные обстоятельства определяют необходимость особого к ним внимания как наиболее уязвимым и требующим принятия взвешенных решений при управлении их развитием, что может быть обеспечено именно на базе стратегического планирования.

Однако на практике можно наблюдать противоречие между потребностями в стратегическом планировании развития российских регионов и крупных городов как социальном процессе и наличием ряда проблем организации данного процесса. К таким проблемам относятся:

- во-первых, нормативно-правовые проблемы, такие как декларативный характер большинства официальных стратегических документов территориального социально-экономического развития; отсутствие актуальных стратегических документов на федеральном уровне, слабое содержание подзаконных актов; неурегулированность многих процессов стратегического планирования, отсутствие в базовых нормативно-правовых актах основ для выстраивания эффективного взаимодействия между участниками;

- во-вторых, методические проблемы, которые заключаются в отсутствии: сквозной методологии разработки, реализации, контроля и мониторинга системы стратегического планирования, а также сквозных показателей в документах стратегического планирования, методического обеспечения разработки и реализации базовых документов целеполагания федерального уровня;

- в-третьих, кадровые проблемы, проявляющиеся в недостатке специальных компетенций, в отсутствии навыков и регламентации использования результатов прогностической работы у органов исполнительной власти в ряде регионов и городов, а также недостаточное внимание и поддержка этой работы на федеральном уровне в регионах являются одной из проблем для обеспечения эффективности всей системы стратегического планирования;

- в-четвертых, организационные проблемы, проявляющиеся в недостаточном понимании и учете видения проблем и перспектив развития территории с позиции всех заинтересованных лиц при обосновании стратегического выбора и путей его реализации;

- в-пятых, информационные проблемы, связанные с нерешенностью обозначенной Федеральным законом 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» задачи создания единого информационного пространства, обеспечивающего разработку документов стратегического планирования на основе актуальной информации о государственных стратегических приоритетах и целях развития, остаются нерешенными.

Все обозначенные проблемы препятствуют реализации целей стратегического планирования развития, создают сложности в организации эффективного социального взаимодействия.

Полагаем, что для эффективного построения системы стратегического планирования социального развития крупного города является целесообразным проведение анализа практик стратегического планирования в крупных российских городах и регионах и определение основных направлений стратегического планирования развития. С этой целью было проведено социологическое исследование, объектом которого была система стратегического планирования в крупных российских городах и регионах.

Исходя из цели и задач данного социологического исследования, было проведено интервью 20-ти экспертов в области стратегического планирования и управления, среди которых были:

- руководители, имеющие опыт разработки и реализации городских стратегий и/или опыт в региональном и/или городском управлении;
- эксперты и специалисты в области стратегического планирования и управления.

В процессе исследования была проведена экспертная оценка стратегий российских регионов и крупных городов, которая предусматривала так называемую «мягкую экспертизу», предполагающую максимальную вариативность мнений с целью проведения глубокой диагностики уровня и проблем стратегического планирования развития российских регионов и крупных городов.

В результате проведенного социологического исследования были определены основные направления стратегического планирования развития крупного города:

1) Обеспечение согласованности и взаимосвязи документов планирования различных типов:

- гармонизация системы документов стратегического планирования;
- унификация методического обеспечения разработки и реализации документов стратегического планирования.

2) Определение и формулирование целей стратегий:

- четкое формулирование целей стратегий с указанием на конечный результат;
- закрепление за конкретными должностными лицами персональной ответственности за реализацию задач и достижение целей стратегии.

3) Организация (администрирование) процесса стратегического планирования:

- обеспечение реальной (не формальной) публичности процесса стратегического планирования путем:
 - включение в процесс стратегического планирования организованных форм участия стейкхолдеров и общественности;
 - обеспечение доступности участия в общественных обсуждениях заинтересованных сторон и населения;
 - регламентация процедуры учета мнений заинтересованных сторон и общественности;
 - вовлечение в процесс стратегического планирования стратегически важных компаний с государственным участием;
 - развитие городских социальных проектов путем расширения сферы применения схемы ГЧП и реализации бизнесом функции по предоставлению социальных льгот в виде натуральных (при ведущей роли городской администрации как организатора).

4) Стратегическое планирование крупного города как агломерации:

- закрепление понятия агломерации на федеральном уровне по отношению к крупным городам (прежде всего, городам-миллионникам), имеющим тесную связь с приграничными территориями;
- разработка планов развития базовых инфраструктур крупного города с учетом агломерационных процессов;
- создание специальных органов управления агломерацией.

5) Формирование механизма интеграции стратегического планирования в систему государственного и муниципального управления:

- создание комплексной системы стратегического планирования, учитывающей все управленческие этапы;
- увязка стратегического планирования с бюджетным планированием;

- создание специального органа, координирующего разработку и реализацию стратегии, на уровне высшего должностного лица.

Полагаем, что стратегическое планирование необходимо рассматривать как управленческий механизм, ориентирующий на кооперацию все задействованные стороны такого процесса: власть, бизнес, науку и образование, гражданское общество.

Рассмотрение стратегического планирования как процесса социальных взаимодействий позволяет не только определить характер исполняемых каждым из членов городского сообщества функций, но и посредством согласования интересов и соблюдения приоритетных для всех заинтересованных сторон и местного сообщества условий развития, повысить качество социального управления городом, эффективность функционирования внутригородских структур и участия различных групп в реализации стратегии.

1. *Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 20.05.2017 г.).*
2. *Акофф Р., Магидсон Дж., Эддисон Г. Дж. Идеализированное проектирование / Пер. с англ. Ф.П. Тарасенко. Днепропетровск: Баланс Бизнес Букс. 2007.*
3. *Стратегический выбор города: научное обоснование и механизм реализации (На примере г. Тольятти Самарской области) / Под ред. В.Е. Рохчина, С.Ф. Жилкина. СПб, 1999.*
4. *Mathews M.R. Socially Responsible Accounting, Chapman & Hall. London. 1993.*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РОССИИ

Музафарова Х.Ю. (Тольятти)

В научной литературе существует множество определений понятия «инфраструктура». С одной стороны, под «инфраструктурой» подразумевают сумму единиц, обеспечивающих естественную деятельность национальной экономики, а с другой, комплекс услуг, который предоставляется населению для обеспечения нормальной жизнедеятельности [1, 2]. В данной работе хотелось бы уделить должное внимание социальной инфраструктуре, являющейся одним из первостепенных видов структур в государственной экономике. На сегодняшний день её важность вряд ли оспорима, а значимость в экономике приумножается с каждым днём [3]. Более того, число составляющих, входящих в социальную инфраструктуру, весьма разнообразно. Одной из них считается туристская сфера. Будучи в курсе событий, происходящих в мире, становится очевидным тот факт, что на развитии и совершенствовании национального туризма сказывается воздействие международной туристской сферы и обстановки в мире в целом.

Все меньше людей выезжает в Турцию, Египет, Объединенные Арабские Эмираты по причине экономических и политических трудностей, и все больше людей выбирают экскурсии по территории нашей необъятной Родины. Из наиболее популярных национальных маршрутов предпочитают города, образующие Золотое кольцо России, сверхэкстремальные туры на Камчатку, Сахалин, а также летние курорты на Черноморском побережье.

Нашему государству в настоящее время следует сохранить возрастающую тенденцию роста внутреннего туризма [4], для поддержания которого требуется улучшение туристической инфраструктуры до должного уровня конкурентоспособности.

Как уже было сказано, сфера туризма значительно влияет на состояние экономики и считается весомым источником доходов и занятости населения. У России есть все основания, чтобы конкурировать с международными курортными центрами. Из преимуществ национального туризма в первую очередь можно выделить следующие: неповторимое историческое и культурное наследие, необъятные и неизведанные площади, красивейшая природа, а также ряд социальных аспектов, например, покупательная способность зарубежных валют, высокий уровень безопасности и разрешенное перемещение на практически всей территории страны [5].

Но, несмотря на ряд достоинств, российский туризм вовсе несовершенен из-за низкого уровня предоставляемого туристам сервиса, слабой туристической инфраструктуры в большей части районов, завышенных цен проживания, отсутствия инвестиционных площадок, недостатка квалифицированных кадров, недостаточности рекламы и так далее.

Назвав как положительные, так и отрицательные стороны туризма нашей страны, можно сделать вывод, что национальной инфраструктуре необходимо принятие срочных и активных мер в большей степени со стороны государства для того, чтобы создать все необходимые условия для

стабильного развития и совершенствования туризма, а также сдерживания средств российских туристов внутри страны.

Первопричина кроется в нехватке действительной государственной поддержки. Как правило, туринфраструктура находится на более высоком уровне в тех странах, где принят ряд программ по поддержке туризма, как на внешнем, так и на внутреннем уровне. И доля туризма от ВВП в таких странах колеблется в диапазоне от 10-12 %, в России же данный показатель не превышает 1-2 %.

Большая часть населения не заинтересована во внутреннем туризме вообще, а улучшить текущую ситуацию под силу лишь правительству в объединении с инвесторами. Далее следует обратить внимание на низкого уровня промоушн. Большинство иностранных туристов смогут назвать лишь главные достопримечательности нашей столицы или Санкт-Петербурга, и, следовательно, их выбор визита останавливается в основном на этих городах, а не, например, на пещерных монастырях Воронежа или озера Соляного с историческими солеварнями в Ярославской области. Вот почему так важно обновлять интернет-ресурсы и путеводители и заботиться о правильном брендинге, подходящем для туристов со всего мира. Нельзя не упомянуть о популярном на сегодняшний день провинциальном туризме. Жители мегаполисов зачастую устают от суматохи большого города и желают уединения с невероятной русской природой, но живописнейшие российские городки и деревни совершенно не готовы к приему гостей [6].

Между тем даже из самого обычного села можно, приложив усилия, сделать привлекательный для путешественников объект. Еще одной причиной, затормаживающей развитие внутреннего туризма в России, считается состояние дорог и проблема составления единых маршрутов. Иногда туристы не имеют возможности добраться до исторического или культурного объекта из-за отсутствия дорог, ведущих к нему, или сталкиваются с проблемой плохих транспортных путей на границах областей. Следующая загвоздка отсталости отечественного туризма содержится в несоответствующих ценам гостиницах и отелях.

В основном гости России имеют дело с неусовершенствованными местами проживания, либо с дорогими отелями, которые зачастую большая часть из них не могут себе позволить. Найти выход из сложившейся проблемы можно путем остановки в небольших частных домах или коттеджах, но такие места есть далеко не во всех туристических окрестностях. Малоразвитость индустрии путешествий в нашей стране касается и специализированных видов туризма, таких как религиозный, круизный, экстремальный, фототуризм и так далее. Вместо того, чтобы получить поддержку со стороны государства, данные типы развиваются самостоятельно, благодаря равнодушным путешественникам. Всем нам известно, что большинство людей предпочитают путешествовать с семьей, в которую входят и дети, вот почему так важно уделить должное внимание местам питания, включающим в себя не только подходящий и разнообразный для каждого рацион, но и уютную атмосферу [7].

И, в конце концов, следует позаботиться о налаживании информационной рекламы, которая подразумевает под собой указатели на английском языке, бросающиеся в глаза вывески и баннеры, информативные центры, где туристы смогли бы получить ответы на все интересующие их вопросы. Это лишь самые очевидные темы для размышлений, относящиеся к выведению национального туризма на новый уровень. В заключение, необходимо сказать, что в перспективе в России запланировано формирование круглогодичных курортов с распространением и развитием на них разнообразных видов туризма. Наше правительство и инвесторы особо отметили шесть регионов, куда готовы в ближайшее время направить средства на создание особенных экономических зон туристского типа: Краснодарский, Ставропольский и Алтайский края, Калининградская и Иркутская области, а также Республика Бурятия. Будем надеяться, что внутренний национальный туризм достигнет определенной высоты, а Россия станет одной из самых посещаемых стран мира.

1. Васильев А. Л. Управление человеческим ресурсом в страховой компании с позиции управления успешностью профессиональной деятельностью. Актуальные вопросы современной науки / А. Л. Васильев – М.: 2013. – № 25. – С. 120 – 131.

2. Иванова, Т. Н. Благоустройство городской среды как значимый фактор повышения качества жизни г. о. Тольятти // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2016. – № 38. – С. 62 – 69.

3. Желнина, Е. В. Инновационные потребности: понятие, классификация, тенденции изменения // Карельский научный журнал. – 2015. № 3 (12). – С. 53 – 56.

4. Желнина, Е. В. *Россия-2050: образ страны по результатам социологического исследования* // Вестник Тамбовского университета. Серия: *Общественные науки*. – 2016. – № 3 (7). – С. 47 – 55.
5. Горетов И. Н. *Роль специализации в региональном кластерном развитии* // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук – 2009. – № 5. – С. 105 – 108.
6. Карамова А. С. *Развитие сельского туризма на Кипре* // Сельское, лесное и водное хозяйство. – 2014. – № 1.
7. Мавколенко А. С. *Необходимость перехода к управлению человеческими ресурсами. Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд* / А. С. Мавколенко. – М.: 2012. – № 17. – С. 125 – 129.

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА В ТОЛЬЯТТИ

Музафарова Х.Ю. (Тольятти)

Город Тольятти в Самарской области посещает примерно 180 тыс. туристов в год. В основном это деловой туризм, но поездки часто продляются на выходные. Люди заезжают в Самарскую Луку, Богатырскую слободу и др. Ежегодный рост турпотока – 15 %, как сообщает сайт «Инвестиции в туризм». Руководитель департамента экономического развития мэрии Тольятти Дмитрий Богданов считает, что туристический потенциал Тольятти огромен – это Волга, АвтоВАЗ, хорошая инфраструктура. Тольятти – промышленный город, но туризм – его козырная карта [1].

В городе есть хорошая гостиничная база, но в будни она выбирается полностью. Есть дополнительный номерной фонд – турбазы и пансионаты вдоль реки. Всего в городе насчитывается 5-6 тыс. мест в средствах размещения. Есть резервные площадки. Сейчас Мэрия Тольятти ведет переговоры с мировыми гостиничными цепями о новом строительстве. Для этого в городе есть подходящие площадки, и инвесторы заинтересованы [2]. Тольятти – это один из лидеров событийного туризма в России. Город может похвастаться активной творческой жизнью и большим количеством международных фестивалей разного формата и направленности. В 2013 году Тольятти стал серебряным призером в номинации «Столица событийного туризма» на всероссийском конкурсе в области событийного туризма, проходившем в рамках выставки Russian Open Event Expo.

Географическое расположение этого волжского города очень выгодно с точки зрения туризма. Ведь в радиусе 500 км от Тольятти проживает 17 млн. человек, а в радиусе 1000 км – 70 млн. В пределах 5-7 часов езды на автомобиле проживает примерно 30 млн. человек. Это огромный рынок. Здесь есть хороший аэропорт, приличные дороги и речной порт.

Продвижению туристического потенциала Тольятти мешает стереотип «серого депрессивного города». Этот образ был сформирован средствами массовой информации в период, когда «вся страна вытягивала АвтоВАЗ» [3]. Но Тольятти – светлый, просторный город, в котором живут счастливые люди, считает Дмитрий Богданов. Подтверждение этого факта – ежегодный естественный прирост населения.

Ежегодно в Тольятти проходит форум «Город будущего», ведь это – «умный город» 60-х годов. Иностранцам город любопытен с точки зрения урбанистики. Производства вынесены далеко за пределы жилых зон, а в черте города сохранился большой массив девственного леса, вошедший вместе с заповедной Самарской Лукой в число уникальных природных объектов России [4].

Интересная особенность Тольятти связана с уфологией. Ведь город и окрестности занимают 3-е место в России по количеству зарегистрированных НЛО. Тут уже даже есть уфологические туры.

Сейчас городские власти активно развивают возможности для предпринимательства в сфере туризма. Мэр города Тольятти Сергей Андреев считал, что вклад туризма в валовой региональный продукт (ВРП) можно увеличить до 5 %, против нынешней доли, которая составляет меньше 1 % ВРП. В разработке около 30 туристических проектов разного масштаба. Есть три точки концентрации туризма – Самарская лука, Жигулевское море (Куйбышевское водохранилище) и сам город Тольятти с его индустриальной историей, связанной со строительством ГЭС и АвтоВАЗа, т. е. природа плюс промышленность. Здесь развит активный отдых на воде, рыбалка. Разработаны два проекта гольф-полей. Есть цель – восстановить санаторный отдых, существовавший здесь с 19 века.

Главный туристический проект Тольятти – «Жигулевская жемчужина», с которым Самарская область выходит на Федеральную целевую программу «Развитие туризма». Для финансирования проекта необходимо привлечь из федерального бюджета 14 млрд. рублей. Главный объект «Жигулевской жемчужины» – горный массив Самарская Лука, расположенный внутри излучины Волги длиной около 200 км. В глубине речного кольца много уникальных природных и культурных объектов. Ежегодно их посещают более 1 млн. человек. Здесь проходит множество событийных мероприятий. Самые известные из них – круиз на ялах «Жигулевская кругосветка», экологический марафон «Самарская лука» и экспедиция на собачьих упряжках «Волга-квест» [3].

Бюджетное софинансирование проекта необходимо для того, чтобы обустроить эту территорию так, чтобы можно было посещать ее без ущерба для природы. Это обустройство троп, маршрутов, информационных центров. Нужно построить смотровые площадки для наблюдения за животными. Ведь в Самарской Луке – уникальный животный и растительный мир.

1. Малиновская Г. А., Надеев А. Т., Тюсова М. К. Системный подход к исследованию социально-политических процессов / Г. А. Малиновская, А. Т. Надеев, М. К. Тюсова // Системный анализ в проектировании и управлении: труды X Международной научно-практической конференции. Ч. 1. – СПб: Изд-во Политехнического университета, 2006. – С. 139–140.

2. Иванова, Т. Н. Благоустройство городской среды как значимый фактор повышения качества жизни г. о. Тольятти // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2016. – № 38. – С. 62–69.

3. Желнина, Е. В. Россия-2050: образ страны по результатам социологического исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – № 3 (7). – С. 47–55.

4. Морозов Н. М. Мобилизационный тип развития Российской Федерации / Н. М. Морозов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2010. – № 2. – С. 110–118.

5. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов II Всероссийской научной конференции / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. – Челябинск: Энциклопедия, 2012. – 662 с.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Музыкантова А.С. (Москва)

Аннотация: Статья посвящена проблемам существующей системы местного самоуправления, способам преодоления трудностей эффективного развития данной структуры. Рассматриваются разновидности муниципальных образований, функционирующих на территории России. Предлагаются возможные пути реформирования системы местного самоуправления.

Потребность последующего развития местного самоуправления в России определена в первую очередь значимостью удовлетворения пары социально-значимых потребностей: настойчивой необходимостью результативного управления процессами общества и укрепления демократии, поскольку, чем сложнее социум, тем сложнее руководить его действиями «сверху». Российская Федерация обладает огромной по масштабам территорией, при этом населена различными национальностями, поэтому с позиции сложности управления государством является непростым. Исходя из данных особенностей страны и ее регионов необходимо наличие соответствующего уровня власти непосредственной близости к обществу. Стоит отметить, что на современном этапе укоренилось осознание того, что, сосредоточив власть в столице порой сложно разглядеть областные трудности, не представляется возможным учитывать их характерные черты и особенности.

Местное самоуправление подразумевает непосредственное внимание к конкретным потребностям населения. Безусловно, ближе всего к данным потребностям должно находиться выбранное общественностью правительство, которое будет взаимосвязано с местными жителями. Только при таком раскладе может быть гарантировано ответственное, причастное и результативное разрешение местных проблем. Также местное самоуправление позволит обеспечить свободу личности, ее самовыражению, формированию у граждан независимости и предприимчивости. Участвуя в процессе рассмотрении общественных дел, их разрешении, общество прекращает рассчитывать лишь на «верхушку» власти и осознает собственную возможность влиять на различные ситуации[1].

Территориальная составляющая местного самоуправления представлена в виде муниципальных образований. В настоящий момент существует несколько типов муниципальных образований: а) муниципальный район — включает в себя несколько городских и/или сельских поселений; б) сельское поселение — состоит из одного или нескольких сельских населенных пунктов; в) городское поселение — представляет собой один город или поселок городского типа с прилегающими населенными пунктами сельского или городского типа; г) городской округ — это городское поселение, которое не входит в состав муниципального района; д) внутригородская территория города федерального значения — часть территории города федерального значения (Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя); е) городской округ с внутригородским делением; ж) внутригородской район — часть территории города[2]. Два последних типа муниципальных образований введены сравнительно недавно, в мае 2014 года. Первым городским округом с внутригородским делением стал город Челябинск. По состоянию на 1 января 2016 года, в России насчитывалось всего лишь три городских округа с внутригородским делением: Челябинск, Самара, Махачкала. Границы и статус муниципальных образований установлены в 2003—2005 годах в рамках муниципальной реформы и не единожды менялись. Порядок изменения границ и преобразования муниципальных образований установлен Федеральным законом.

В Москве органы местного самоуправления представлены Советом депутатов. Порядок формирования регламентируется Уставом муниципального образования и зависит от его типа. Избрание депутатов производится на муниципальных выборах путем тайного голосования людей, проживающих на территории данного муниципального образования, с соблюдением всех необходимых норм. Число депутатов представительного органа муниципального района определена Уставом муниципального района и не может быть менее пятнадцати человек. Количество депутатов представительного органа внутригородской территории города федерального значения определено Уставом муниципального образования и не может быть менее десяти человек. Срок полномочий членов Совета депутатов также регламентируется Уставом и не может быть менее двух и более пяти лет.

Существует несколько вариантов избрания главы муниципального образования. Первый вариант — является наиболее распространенным, выборы главы муниципального образования происходят на муниципальных выборах путем тайного голосования, при этом он же является главой местной администрации. Данная структура усиливает взаимосвязь между избирателями и местным самоуправлением. Второй вариант — менее распространенный, в данном случае глава местной администрации назначается на конкурсной основе, а глава муниципального образования также выбирается путем муниципальных выборов и является председателем представительного органа муниципального образования. Третий вариант — руководитель муниципального образования назначается из состава Совета депутатов, глава местной администрации избирается на конкурсной основе. Такая структура сосредотачивает реальную власть в руках главы администрации, при этом глава муниципального образования является скорее номинальной фигурой. Четвертый вариант — руководитель муниципального образования, избранный представительным органом из своего состава, возглавляет представительный орган и одновременно является главой местной администрации — данная структура применяется только в сельских поселениях, в связи с тем, что там недостаточно развит управленческий аппарат, поэтому нет нужды в разграничении полномочий главы местной администрации и председателя представительного органа[3], а также во внутригородских муниципальных образованиях городов федерального значения.

Основополагающее направление развитие системы местного самоуправления в России — это делегирование отдельных полномочий государственных органов на местный уровень власти по мере развития профессионально-кадровых ресурсов, а также аккумулирование опыта хозяйствования в системе общегородского управления. Для эффективности такого развития необходимо чтобы местные власти сами принимали участие в преобразовании законодательства. На мой взгляд, необходимо произвести некоторые корректировки в существующем законодательстве. Следует «развязать руки» органам местного самоуправления в части финансовой и экономической независимости, кроме того, увеличить спектр полномочий в области жилищно-коммунального хозяйства, здравоохранения и социальной защиты населения.

Для повышения эффективности местного самоуправления в России требуются следующие корректировки: - произвести модификацию законодательства в соответствии с федеральными законами правовых основ регулирования конкретных вопросов функционирования местного самоуправления; - классифицировать и более точно определить утверждения в нормативно-

правовых актах, регламентирующих порядок взаимодействия местных органов власти с общественностью по вопросам, связанным со строительством в сформировавшихся микрорайонах с учетом соответствующих кодексов; - наладить взаимодействие представителей органов муниципальных образований с координацией встреч с жителями, в соответствии с имеющимся опытом.

Подводя итог, следует отметить, что реформирование системы местного самоуправления, ее становление становится приоритетной задачей современности, которая требует преодоление целого комплекса бюрократических трудностей. Создание эффективного местного самоуправления довольно продолжительный и трудный процесс. Для его осуществления требуется децентрализация властных полномочий, которые помогут решать локальные проблемы регионов самостоятельно, под собственную ответственность. Также необходимо привлечение граждан в качестве непосредственных участников в решении насущных социальных и политических процессов. Отсюда следует, что решающая роль в определении направления реформирования системы местного самоуправления принадлежит органам местного самоуправления, которые должны представлять интересы непосредственных жителей данного образования. Именно такая модель позволит реализовать, скрытый на данный момент, огромный потенциал возможностей местного самоуправления.

- 1) *Бабичев И.В., Смирнов Б.В. Местное самоуправление в современной России. Становление и развитие. Историко-правовые аспекты. — М.: Инфра-М, 2016. — 528 с.*
- 2) *Вильская Н.В. Состояние реформы местного самоуправления в российской федерации на современном этапе // Юрист Юга России и Закавказья. — 2014. — №3-4 (7-8). — С. 119-127.*
- 3) *Кузьмина О.В., Кузьмина Т.В. Современное состояние и основные проблемы местного самоуправления в Российской Федерации // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. — 2013. — №4 (04). — С. 30-42.*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕСТРУКТИВНОЙ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА

Нарожная Д.А. (Москва)

Современная экономическая система России является результатом реформ 1990-х годов, которые определили ее важнейшие характеристики. При этом сложившаяся экономическая система отличается не только от плановой экономической системы, существовавшей в Советском союзе, но и от того образца, который изначально провозглашался реформаторами [18]. Экономическими предпосылками деструктивной мотивации является следующее.

- **Общее состояние спада в экономике.** Функционирование компаний, эффективность их мотивационных систем находятся в прямой зависимости от стадии экономического цикла [4, с.45]. Экономический спад ставит под угрозу существование организаций и вынуждает руководителей снижать затраты. В первую очередь урезается бюджета на персонал, что приводит к ухудшению условий труда, прямому сокращению зарплат.

Состояние экономики России в настоящее время определяется экспертами как нестабильное. Экономический спад наблюдался на протяжении всего 2014 [1] года и усилился в 2015 году под влиянием падения цен на нефть и антироссийских санкций [14, с. 77–99]. Экономика России характеризуется оттоком капитала и инвестиций, ростом инфляции и замедлением темпов производства [6]. Все эти факторы усложняют существование организаций, не позволяют руководителям создавать эффективные системы мотивации, в полной мере, учитывающие интересы и потребности работников.

- **Некорректно проведенная в 1990-ые годы приватизация.** Процесс разгосударствления имущества Российской Федерации, который осуществляется в России с начала 1990-х годов, носит противоречивый характер [2, с. 30–36] и подвергается резкой критике [7] по ряду причин. Во-первых, новые обладатели собственности получили ее преимущественно за счет личных связей и неформальных отношений с высшими политиками и чиновниками и их родственниками, а также за взятки и разного рода услуги. Следствием этого явилось сильное экономическое и социальное расслоение населения России и формирование слоя олигархов. Во-вторых, передача собственности в основном далеким от производства, некомпетентным в вопросах управления людям с сомнительными этическими качествами не способствовала формированию у новых хозяев высокого уровня ответственности и заинтересованности в

эффективном ее использовании. В-третьих, приватизация сопровождалась масштабной коррупцией.

- Высокий уровень налоговой нагрузки на бизнес. Современная налоговая система России подвергается острой критике, особенно со стороны представителей мелкого и среднего бизнеса.

На протяжении последних лет налоговая нагрузка на бизнес в России постоянно увеличивается [16, с. 288–289]. В среднем по стране на 2013 год она составляла 54% и по этому показателю Россия заняла 56-е место в рейтинге качества налоговой системы, составленного Всемирным банком [8], оказавшись выше медианы. При этом становится все более очевидным, что резервы экономически оправданного повышения общего уровня налоговой нагрузки исчерпаны [10].

Чрезмерно высокие налоговые ставки негативно влияют на возможности компенсации труда и мотивационную политику, тем самым, способствуют возникновению деструктивной мотивации [3, с. 186–188].

- Высокий уровень разрыва в доходах предпринимателей и наемных работников. Проблема неравенства доходов населения в России в настоящее время стоит очень остро [17]. Величина коэффициента Джинни, отражающего степень расслоения населения страны по доходам, в России на протяжении последних лет колеблется в диапазоне от 0,40 до 0,42 [5], что указывает на большой разрыв в доходах различных групп населения. Для сравнения в Германии данный показатель составляет 0,28 [9]. В России заработная плата руководителей крупных организаций, и небольших фирм превышает среднюю заработную плату рядовых работников в 10–15 и более раз. В Европе и США зарплаты руководителей и подчиненных различаются в 3–3,5 раза [11]. Эта ситуация является источником нарастания у работников чувства социальной несправедливости, ведет к росту социальной напряженности, способствует отчуждению исполнителей от руководителей, порождает острый конфликт интересов в российском обществе [12]. Все эти факторы являются предпосылками деструктивной мотивации.

- Законодательно устанавливаемый минимальный размер оплаты труда. Данный показатель утверждается каждый год, и от него во многом зависит фонд оплаты труда каждого предприятия. По решению Министерства труда и социальной защиты РФ МРОТ (установленный минимум оплаты труда, который работодатель должен платить работнику) в 2015 году составил 5965 руб. [15], при этом он все еще отстает от величины прожиточного минимума, который по данным за 2 квартал 2015 года для трудоспособного населения установлен в размере 10792 руб. [13]

Законодательно установленный МРОТ в России неадекватно низок по сравнению с потенциальными возможностями российской экономики. Вследствие этого он не выполняет своей функции по социальной защите граждан, и руководство организаций может устанавливать заработную плату, не только не отвечающую представлениям работников о справедливости, но и не позволяющую эффективно воспроизводить рабочую силу, что становится предпосылкой распространения деструктивной мотивации.

- Высокий уровень безработицы. Высокий уровень безработицы является объективной предпосылкой распространения деструктивной мотивации по ряду условий. Во-первых, в связи с большим количеством соискателей, работодатель может устанавливать размер заработной платы, не соответствующий сложности и объемам работы, при этом он всегда сможет найти сотрудника, готового выполнять данную работу за неоправданно низкую оплату. Во-вторых, большое предложение на рынке труда позволяет работодателю безразлично относиться к интересам работников, поскольку при увольнении он с легкостью сможет подобрать нового кандидата. В-третьих, высокий уровень безработицы подталкивает работников к тому, чтобы не увольняться из организации, даже если она не подходит им по тем или иным причинам, поскольку велик страх остаться вовсе без работы.

1. Бикбов А. Российский экономический кризис: антирекорды 2014 года в графиках // РБК. 29.12.2014. URL: <http://www.rbc.ru/photoreport/29/12/2014/549df5479a794792e5567938> (дата обращения: 20.11.15).
2. Бойков В.Э. Россия: десять лет реформирования // Социологические исследования. 2001. №7. С. 30–36.
3. Бондарев Н.С. Оценка налоговой нагрузки в Российской Федерации // Молодой ученый. 2015. № 1. С. 186–188.

4. Дынкин А.А. Есть ли у России шанс в глобальной экономике // *Pro et contra*. 2002. Т. 7. № 2. С. 45.
5. Зотин А., Кваша М. Все грани неравенства // *Коммерсант.ru*. 23.06.2014. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2485570> (дата обращения 21.11.2015).
6. Зыкова Т. В России ускорились темпы снижения зарплаты // *Российская газета*. 28.10.2015. URL: <http://www.rg.ru/2015/10/28/otchet-site-anons.html> (дата обращения: 20.11.15).
7. Квачев В.Г., Дивильковский И.М. Социальные ресурсы модернизации // В сборнике: *Государственное управление: Российская Федерация в Современном мире: Материалы XIII Международной конференции*. 2015.С. 105-109.
8. Колодина И. Есть резерв! // *Российская газета*. 26.11.2013. URL: <http://www.rg.ru/2013/11/26/reiting.html> (дата обращения: 03.11.2014).
9. Коэффициент Джинни: справедливость распределения доходов // *Вести Экономика*. 13.02.2013. URL: <http://www.vestifinance.ru/infographics/2199> (дата обращения 21.11.2015).
10. Макашина С. Налогообложение в России и мире 2013–2014. Записки доброго бухгалтера. URL: www.blog.uctmsgroup.ru/taxation-in-russia-and-the-world-2013-2014/ (дата обращения: 03.11.2014).
11. Невинная И. Подчиненная зарплата // *Российская газета*. URL: <http://www.rg.ru/2013/09/17/zarplata.html> (дата обращения: 24.03.14).
12. Осеев А. Социальное неравенство как фактор социальной напряженности // *Социология*. 2014. № 2. С. 176–182.
13. Постановление Правительства РФ от 28.08.2015 № 902. г. Москва // *Российская газета*. 08.09.2015. URL: <http://www.rg.ru/2015/09/08/minimum-dok.html> (дата обращения 21.11.2015).
14. Тихонова Н.Е. Влияние антироссийских санкций на повседневную жизнь граждан // *Российское общество и вызовы времени. Книга первая* / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. М.: Весь Мир, 2015. С. 77–99.
15. Федеральный закон РФ от 01.12.2014 № 408–ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» // *Российская газета*. 03.12. 2014. URL: <http://www.rg.ru/2014/12/03/trud-dok.html> (дата обращения 21.11.2015).
16. Циндяйкина М.В. Оценка влияния налоговой нагрузки на деятельность промышленного предприятия / М.В. Циндяйкина, Л.М. Макарова // *Молодой ученый*. 2013. № 3. С. 288–289.
17. Черныш М.Ф. Справедливость заработной платы в российском контексте // *Социологические исследования*. 2014. № 8. С. 78–89.
18. Явлинский Г.А. Экономическая система современной России и вопросы экономической политики // *Яблоко* [Официальный сайт]. URL: http://www.yabloko.ru/Publ/2003/2003_04/030422_yavlinsky_lek1.html (дата обращения: 24.03.14).

СОЦИАЛЬНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ В ПРОЦЕССЕ ОПТИМИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА УЧРЕЖДЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Островская А.А. (Минск, Республика Беларусь)

Аннотация. Материал статьи посвящен такому аспекту социального управления, как социально-управленческий механизм. Теоретически осмыслено и практически показано преимущество организации образовательного пространства учреждения образования на его основе через включение экспертизы интересов учащихся - непосредственных субъектов как социальных отношений, так образовательного процесса.

Государство, решая те или иные социально-экономические вопросы, ориентирует систему образования таким образом, «чтобы обеспечить образовательную поддержку –сопровождение (наряду с политической, финансово-экономической, правовой) всех своих преобразований»[1]. Важной отличительной особенностью современной системы образования как в России, так и в Беларуси (что находит отражение и в «Законе об Образовании РФ», и в Кодексе Республики Беларусь «Об Образовании»), является государственно-общественный характер образования. В этом прежде всего проявляется демократичность инициируемых в государстве преобразований и ориентированность на социальное управление. Усилия государства и социума объединяются в формировании востребованных образовательных стратегий. В свою очередь это отражает задачи социального развития, уровень культуры в обществе, характер его политических и идеологических государственных установок. Одним из интересных аспектов исследований как российских, так и белорусских ученых по данному вопросу является внедрение социально-

управленческого механизма (СУМ) в образовательное пространство учреждений (Е.М. Бабосова, В.А. Нечаева, С.В. Лапиной , А.С. Царева и др.).

Содержательной спецификой СУМ в системе управления образованием является согласованное социальное взаимодействие всех элементов его специфической социальной структуры, проявляющееся в ходе реализации целей образования на разных уровнях»[2].. СУМ можно рассматривать, как систему, обеспечивающую:

- соединение макрофакторов образовательной политики

(государственная идеология в виде государственных программ, нормативных документах в их оценочном восприятии всеми субъектами), микрофакторов (конкретные цели учреждений и организаций в восприятии субъектов) и личностных факторов (ценностные ориентации и смыслы субъектов) через встроенную в образовательный процесс диагностику и прогнозирование образовательных практик;

- уточнение содержательного наполнения образовательного пространства учреждения, позволяющее повысить степень согласованности ценностно-целевых установок всех субъектов;

- введение экспертизы, позволяющей разрабатывать реальные управленческие стратегии, адекватные конкретным социальным заказам.

Когда говорят о расширении общественного участия в управлении образованием, то часто под этим подразумевают активную деятельность родителей учащихся и представителей различных социальных структур (благотворительных организаций, учреждений-партнеров, попечительских советов и т.п.). Но при этом, на наш взгляд, недостаточно внимания уделяется к интересам и предпочтениям непосредственных участников образовательного процесса и в тоже время субъектов общественных отношений: педагогов и учащихся. По этому поводу приведем высказывания С.В. Лапиной: «Наиболее эффективным является то управление, методы, средства и технологии которого основаны на точных сведениях о тех, кем управляют. А не базируются лишь на целях управления, пусть и позитивно значимых» [3, с.57].. Не секрет, что интерес учащегося очень часто «зависит» от интересов родителей или учителей, а направленность интересов педагогов определяется установкой администрации школы. Именно СУМ обращает организацию и управление в школе непосредственно к ребенку и учителю, через экспертизу на их уровне.

В такой вариант экспертизы входит не столько оценка с профпозиции, сколько оценка с позиции увлечений и ценностных стремлений личности. Происходит современное переосмысление сущности экспертизы, когда «существенным становится не только понимание фактов, явления, но в большей степени само отношение человека к этим фактам, явлениям» [4, с.291]. Признавая компетентность ребенка как эксперта, мы признаем его право на самоопределение, которое будет носить ценностный характер, отражая личностный интерес.

Таким образом, в управлении будет действовать общеизвестная закономерность: что интересно, что приносит удовлетворение в деятельности – то продуктивно. Конечно, возникает вопрос: а насколько ребенок, например, 8 лет, может сам определить, что ему интересно?. И здесь мы предлагаем найти ответ в СУМ. Данный конструкт создает основу принятия гибких управленческих решений. В данном случае, управленческое решение при организации образовательного пространства должно предусмотреть реализацию метода, который можно обозначить как «метод презентаций и проб собственных сил». Один из вариантов использования данного метода – введение комбинированных (модульных) курсов обучения, что дает возможность без перегрузки попробовать свои силы ребенку в разных сферах деятельности. В качестве примера можем привести организацию комбинированного курса спортивных занятий для маленьких детей (Белорусский государственный Университет физической культуры). В течении года дети попеременно посещают разные секции, а после совместно с тренерами определяют свой интерес к тому или иному виду спорта. И еще один вариант. На базе государственного учреждения образования «Средняя школа 180 г. Минска» организован обучающий курс в системе дополнительного образования, состоящий из вариативных программ педагогов дополнительного образования. Каждый педагог поочередно в течение трех четвертей года предлагает комплекс занятий по своему профилю (туристско-краеведческий, естественно-математический и т.д.). Таким образом, у каждого педагога – сменный состав группы учащихся. В конце третьей четверти организуется экспертный опрос, который основывается не только на взглядах педагогов, но и на изучении мнений и интересов учащихся. Вопросы могут носить обобщающий характер, например: Какие занятия в группе за прошедший время года вам запомнились и почему? Какие кружки и

факультативы вы считаете необходимым организовать в школе? 3. Перечислите достоинства (примерно три) каждого курса занятий у педагогов (ФИО?) и т.п.

После экспертизы группы учащихся формируются со стабильным составом, закрепленным за определенным педагогом. Конечно, данный подход к организации занятий в системе дополнительного образования требует достаточно четкого управленческого координирования. Однако в данном случае вариант реализации СУМ затрагивает интересы непосредственных участников образовательного процесса, которые также являются субъектами общественных отношений и получают возможность косвенного управления формированием образовательного пространства своего учреждения.

Таким образом, основные посылы изложенного подхода к реализации СУМ: создание условий проявления интересов педагога, стимулирование индивидуального выбора учащимися, экспертиза интересов субъектов образовательного процесса, динамичность и гибкость управленческих решений.

На основе принципа государственно-общественного управления социально-управленческий механизм выступает важным фактором оптимизации образовательного пространства учреждения, отражая перспективную тенденцию социального управления.

1. Агаркова, Д. А. Принципы реализации государственной политики в сфере образования в рамках нового федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» / Д. А. Агаркова // Вестник государственного и муниципального управления [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-realizatsii-gosudarstvennoy-politiki-v-sfere-obrazovaniya-v-ramkah-novogo-federalnogo-zakona-ob-obrazovanii-v-rossiyskoy> – Дата доступа : 28.08.2017.
2. Царёв, А. С. Социально-управленческий механизм совершенствования системы высшего образования в республике Беларусь: автореф. дис. ... канд. социологич. наук / А.С. Царев; Академия управления при президенте Республики Беларусь. – Минск, 2009. – 21 с.
3. Лапина, С.В. Социология управления как реализованный научный проект/ С. В. Лапина // Философия и социальные науки. – 2007. – №3. – С. 54-59.
4. Бабкина, Т.А. Экспертиза как метод повышения эффективности управления качеством образования / Т.А. Бабкина // Управление качеством образования: теория и практика / А.И. Жук [и др.] ; под ред. А.И. Жука, Н.Н. Кошель. – Минск : Зорны верасень. – 2009. – С. 287–307.

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Павлова Т.С., Левина Е.А. (Москва)

В разных странах государственное управление имеет свое принципиальное отличие, которое объясняется культурой страны. Помимо этого, на государственное управление оказывает сильное влияние политические и юридические процедуры. Несмотря на это можно увидеть много схожих моментов в моделях государственного управления каждой страны. Развитие государственного управления всех стран идет в одном направлении.

В последнее время в государственное управление начинают внедряться идеи менеджериализма, где общество вносит в управление государством методы частного бизнеса. В качестве примера можно привести такие методы как освоение регионального и муниципального маркетинга, измерение достижений, «новая отчетность», периодический перераспределение функций и утвердившихся способов решения задач, командные технологии менеджмента.

Концепция эффективного государства. Под эффективностью понимается развитие и поддержание механизмов выявления и интеграции социальных предпочтений, направленность на цели, которые разделяются обществом, и умение их достигать. Эффективность власти будет значить понимание того, что она имеет границы в своих возможностях и то, что она готова делегировать свои полномочия агентам, которые могут выполнить их более эффективно, чем центр [3].

Теория общественного выбора. Здесь акцентируют внимание на механизмах и последствиях таких социальных явлений как лоббирование, оппортунистическое поведение государственных служащих, злоупотребление полномочиями, коррупция. В данной теории выборы основываются на таких политических программах, которые помогают повысить престиж

и рейтинг «рациональных политиков», а также увеличивают шансы победить на следующих выборах [1]. Политический рынок здесь рассматривают по аналогии с товарным рынком, а государство определяется как место, где идет конкуренция за влияние и принятие решений, возможность получить доступ к распределению ресурсов, а также за место на лестнице иерархии.

Концепция корпоративного управления. В проекции на государственное управление данная концепция рассматривает проблемы, которые связаны с отношениями народа, социума, органами управления, которые должны действовать в интересах народа. В данной концепции находят решения в сфере наблюдения, контроля, оценки деятельности, подотчетности управляющих. Главное в концепции — согласование интересов управляемых и управляющих.

Концепция нового государственного менеджмента. Из-за того, что в обществе происходят изменения, то начинает меняться и организация государственного аппарата, где так же будут меняться его цели и задачи. Суть концепции предоставить не только эффективность экономики, но и законность и справедливость деятельности государства [2]. Неразрешенной проблемой остается вопрос об прозрачности государственной службы и профессионализме государственных служащих.

Похожей в понимании является концепция «governance». «Governance» понимается как управление, которое обеспечивает условия открытого, демократического и справедливого общества. Государственное управление основывается на принципах народовластия, сменяемости и выборности государственных служащих, независимости СМИ, разделения властей, плюрализма [4].

Концепция государства как социо-кибернетической системы. Здесь особое внимание уделяют тому, что мир становится все более сложным. Социум превращается вовсе более разностороннее, активное по своей природе. По своей сути теория говорит о том, что реорганизация должна быть постоянной, нужно формировать благоприятные отношения между членами государственно-общественных отношений, выстраивать равновесие между социальными силами и общественными интересами на почве взаимного понимания и доверия.

Концепция политических сетей. Данная концепция разработана в социологии и экономике. Здесь признаётся, что участники рынка действуют не свободно, а ограничены рамками устойчивых сетей, они все время ведут контакт с одними и теми же контрагентами. Вся информация и ресурсы производятся так же в границах сетевой структуры. Очень большую роль играют неформальные личные контакты. Государственные служащие окружены не предполагаемым обществом, а конкретными людьми, где некоторые из них имеют возможность влиять на них. Сети достаточно независимы от государства, но при этом ими можно управлять, направить в нужное течение. Сети выступают как альтернатива иерархии и разностороннему механизму. В государстве сети представляют собой элиты, диаспоры, профессиональные группы и тд [5].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что современные государства ведут поиски новых подходов и средств увеличения результативности управления, которые бы соответствовали русту запросов общества.

1. *Заостровцев А.П. Теория общественного выбора: экономический анализ поиска ренты, бюрократии и диктатур. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики, 2009. — 220 с.*
2. *Кибанов А.Я. Социальная ответственности власти в муниципальном управлении // Современные технологии управления. — М.: МЦНИП, 2014, 2014. — С. 2154.*
3. *Мысляева И.Н. «Проблемы современного государственного управления в России. Труды научного семинара. Выпуск 8 (29). Проблема ответственности и пределов влияния государства на частно-хозяйственную деятельность субъектов рынка» Directmedia, 2013*
4. *Саханова А.Н. Новая парадигма государственного управления «Good Governance»: пример Японии как перспектива для стран СНГ // Менеджмент в России и за рубежом, №1 / 2004*
5. *Семенов В.А., Колесников В.Н. Политический анализ и прогнозирование. Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. Для бакалавров. — СПб.: "Издательский дом "Питер"", 2014. — 432 с.*

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Панин Н.С. (Волгоград)

Кризисная ситуация, которая сложилась в экономике России, сопровождается серьезным обострением проблем и противоречий практически во всех сферах общественной жизни, которые в свою очередь сдерживают развитие страны и разрушают ее государственность. В этих условиях возрастает роль местного самоуправления как фактора демократизации общественной жизни, необходимой предпосылки становления гражданского общества[1]. Данный уровень власти наиболее приближен к населению, им же формируется, ему подконтролен, учитывает, координирует и реализовывает многообразие их интересов, решает вопросы по удовлетворению различных социальных потребностей населения за счет средств и ресурсов хозяйствующих субъектов, территориальных образований, а также государства.

С учетом сложившейся в стране ситуации (экономические трудности, неполнота законодательного регулирования и др.), на повестку дня выходят вопросы совершенствования системы местного самоуправления в России ввиду ряда нерешенных проблем в данной области и, как следствие, неутешительного положения системы в целом в настоящее время.

На современном этапе развития местного самоуправления выявился ряд общих проблем, среди которых необходимо выделить следующие:

1) Наиболее острой, на мой взгляд, является проблема непосредственно недостаточного финансового обеспечения, так как для полного и успешного функционирования системы местного самоуправления необходимы, в первую очередь, финансовые ресурсы. Экономическая и финансовая база большинства муниципальных образований попросту недостаточна для осуществления функций местного самоуправления. Эта проблема включает в себя комплекс вопросов, решаемых как на государственном, так и на муниципальном уровне. К ним относятся вопросы формирования муниципальной собственности, создания условий для формирования полноценных местных бюджетов, создания стабильной нормативной основы экономической деятельности муниципальных образований и многие другие[2].

2) Не менее важной является такая проблема как несогласованность и несистематизированность законодательства Российской Федерации о местном самоуправлении, т.е. имеют место быть внутренние противоречия нормативных положений.

3) Актуальной проблемой также является нехватка квалифицированных муниципальных кадров. Данная проблема связана с одной стороны - с сохранением позитивного опыта и преемственности, а с другой - с обеспечением новых подходов к проблемам государственного управления, повышения уровня профессионализма государственных служащих[3].

4) Следующая проблема, которую бы мне хотелось отметить, это проблема низкого уровня общественной активности, сюда же можно отнести низкую правовую культуру населения, неясность для граждан процедур осуществления властных и хозяйственных полномочий органов местного самоуправления, дефицит знаний о сущности и возможностях местного самоуправления, и, как следствие, слабость гражданского общества.

5) И, наконец, последней проблемой, которую нельзя не отметить, является отсутствие четкого правового разграничения полномочий между органами государственной власти (федеральными и субъектов Российской Федерации) и органами местного самоуправления[4]. Данная проблема предполагает эффективные решения ряда важнейших вопросов деятельности органов местного самоуправления, в том числе вопроса наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями[5].

Устранение уже сложившихся вышеуказанных проблем и предотвращение появления новых – важная задача проводимой в стране государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации. Обозначенные мною вопросы не исчерпывают проблем в области системы местного самоуправления, а представляют собой лишь перечень того, что имеет место быть актуальным на данном этапе современного общества.

Проведенный краткий анализ проблем показывает, что данный вопрос требует серьезной проработки. Вследствие чего будет уместным полагать, что необходим поиск путей развития, юридических и организационных форм и определенных кадровых решений для того, чтобы система местного самоуправления развивалась нормально и в установленных законом рамках, как на уровне Федерации, так и в ее субъектах. На мой взгляд, только целенаправленное объединение

усилий всех ветвей власти позволит избежать дальнейшего накопления проблем и обострения общей политической и социально-экономической ситуации, потери у населения доверия к местному самоуправлению как институту народовластия. Таким образом, можно сказать, что в настоящее время Россия находится в начале долгого и сложного пути формирования новой модели местного самоуправления.

1. Алексеев, Ю. П. Основы местного самоуправления [текст] – М.: Бек, 2012. – с. 243.
2. Волков, В. Проблемы обеспечения комплексного и устойчивого социально-экономического развития муниципальных образований и направления совершенствования законодательства по их решению / В. Волков // Муницип. власть. – 2012. – № 6.
3. Широков, А. Местное самоуправление в новом политическом цикле: проблемы и перспективы развития / А. Широков // Муницип. власть. – 2012. – № 6.
4. Карташов, В. Г. Взаимодействие органов государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления [текст] // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 19.
5. Еремин, А. Р. О наделении отдельными государственными полномочиями органов местного самоуправления в Российской Федерации [текст] // Журнал российского права. – 2006. – № 10.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ МОТИВАЦИЕЙ ПЕРСОНАЛА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ РАКЕТНО-КОСМИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

Панина О.И. (Королёв)

Аннотация. В статье рассмотрены стили управления на предприятиях ракетно-космической отрасли, способствующие развитию и поддержанию мотивации ее сотрудников.

Ракетно-космическая отрасль имеет стратегическое значение для развития нашей страны. Она обслуживает экономико-политические интересы России. Эксплуатация космических технологий и техники напрямую связана с обеспечением безопасности нашей страны. Значимость данной сферы обуславливает необходимость уделять особое внимание предприятиям ракетно-космической отрасли, а именно ее сотрудникам.

Человеческие ресурсы играют ключевую роль для развития и процветания предприятий. Только замотивированные сотрудники смогут обеспечить высокие темпы производства трудоемкой продукции и конкурентоспособность технологий [3, с.10].

Учитывая особенности трудовой деятельности ракетно-космической отрасли, на предприятиях должен разрабатываться и применяться свой уникальный управленческий стиль, который будет направлен на повышение мотивации сотрудников, а также развитие их потенциала. Это, в свою очередь, благоприятно скажется на процветании самих предприятий.

Разработка, создание и продвижение высокотехнологичной продукции, а также непрерывное повышение требований к выпускаемым изделиям и технологиям представляют собой особенности работы предприятий ракетно-космической отрасли. Такая специфика рабочего процесса требует наличие его строго контроля [1, с.7].

Контроль своевременного исполнения поручений может быть обеспечен за счет применения авторитарного стиля управления. Более того, данный управленческий стиль позволяет установить двустороннюю коммуникацию между руководителем и подчиненными, которая благотворно скажется на мотивации персонала. Для большинства работников возможность прямого взаимодействия со своим непосредственным руководителем имеет большое значение с точки зрения получения морального удовлетворения от работы.

Авторитарный стиль управления подразумевает единоличное принятие всех стратегических решений руководителем. В свою очередь, оптимизация временных ресурсов на принятие важных решений в критических ситуациях, при наличии у руководящего звена релевантного опыта, представляет собой очевидное преимущество при использовании данного стиля управления на предприятиях ракетно-космической отрасли.

Руководитель, завоевавший личный авторитет у своих подчиненных, автоматически становится примером для подражания, а значит, способен замотивировать на максимально продуктивную трудовую деятельность. Более того, в случае, когда мнение руководителя является авторитетным, принятое им решение будет заслуживать высокую степень доверия вне

зависимости от его правильности или ошибочности. Таким образом, наличие авторитета у руководящего состава значительно облегчает управленческие процессы.

Интересным является тот факт, что изначально авторитарный стиль руководства получил свое признание в кругах военных руководителей, политических лидеров и спортивных тренеров. В настоящее время авторитарный стиль руководства подвергается критике по многочисленным причинам.

Во-первых, он напрямую ассоциируется с диктаторами и тиранами, которые использовали данный стиль руководства, чтобы запугивать своих подчиненных в случае невыполнения своих поручений.

Во-вторых, авторитарный стиль часто рассматривается как инструмент управления персоналом с отсутствующим релевантным опытом и навыками для эффективного выполнения поставленных задач.

На практике, придерживаясь авторитарного стиля управления, руководящий состав предприятий ракетно-космической отрасли берет на себя ответственность за принятие управленческих решений, которые должны быть взвешенными, своевременными и эффективными. Задача руководителей – любой ценой избежать последствий, носящих отрицательный характер.

Своевременное и качественное выполнение проектов в ракетно-космической отрасли должно обеспечиваться за счет трудовой дисциплины, которая, в свою очередь, является одной из главных составляющих авторитарного стиля управления. Только дисциплинированные сотрудники способны придерживаться заданных временных рамок выполнения текущих задач и поручений. Обеспечение дисциплины, в свою очередь, входит в обязанности любого опытного руководителя.

Цель эффективного управленца – сделать так, чтобы его подчиненные работали с максимальной отдачей и безошибочно выполняли поручения. В связи с этим вышестоящее руководство назначает руководителей подразделений и отделов, способных принимать соответствующие управленческие решения в рамках подотчетной им единицы организации [5].

Для того чтобы добиться эффективности рабочего процесса, руководителю, в первую очередь, необходимо замотивировать сотрудников своим собственным примером, продемонстрировав качественное исполнение своих обязательств и высокий уровень профессионализма. Таким образом, личный авторитет руководителя будет выступать одним из мотивационных инструментов.

Установление двусторонней коммуникации между руководителем и подчиненными является еще одним инструментом авторитарного стиля управления [4, с.11-12]. Возможность беспрепятственного получения необходимой информации от первых лиц значительно увеличивает эффективность рабочих процессов особенно в ракетно-космической области, где от достоверности и своевременности получения информации может зависеть успех таких трудоемких процессов, как ракетные запуски или управление космическими полетами.

В целях повышения мотивации сотрудников ракетно-космической отрасли, а также степени их вовлеченности в производственные процессы, могут быть использованы инструменты управления, характерные для демократического стиля.

Как известно, демократический стиль управления помогает установить доверительные отношения между руководителем и подчиненными за счет возможности последних принимать активное участие в принятии решений. Таким образом, руководитель демонстрирует определенный кредит доверия к подчиненным. Это, в свою очередь, благотворно сказывается на уровне производительности труда, поскольку каждый сотрудник чувствует свою значимость за счет возможности высказать свое экспертное мнение.

Применение инструментов демократического стиля в управлении предприятиях ракетно-космической отрасли, направленных на развитие у сотрудников самоконтроля при исполнении поручений, стимулирует проявление инициативности в принятии самостоятельных решений [2, с.45-53].

Таким образом, грамотное сочетание двух стилей управления (авторитарного и демократического) на предприятиях ракетно-космической отрасли способствует развитию и поддержанию мотивации ее сотрудников и, как следствие, увеличению производственных темпов.

Развитие потенциала сотрудников и повышение мотивации персонала предприятий ракетно-космической отрасли является одной из ключевых стратегических задач нашей страны.

От уровня мотивации зависит качество выполняемой трудовой деятельности, приносящей благо всей стране.

1. Бендиков М.А., Фролов И.Э. Узловые проблемы развития высокотехнологичного сектора российской экономики (на примере космической деятельности) // *Менеджмент в России и за рубежом*, №6, 2003. С.7.
2. Нечепоренко О.П. Стиль руководства как фактор социально-психологического климата коллектива и удовлетворенности работой // *Вестник омского университета*, 2013, №1. С. 45-53.
3. Трейси Б. Мотивация: [перевод с англ.] – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. С.10.
4. Heuvel M., Demerouti E., Bakker A., Schaufeli W. Adapting to change: The value of change information and meaning-making // *Journal of Vocational Behavior* 83, 2013. P. 11-12.
5. What is Autocratic Leadership? How Procedures Can Improve Efficiency [Электронный ресурс]. – <http://online.stu.edu/autocratic-leadership/> (дата обращения: 01.04.2017).
1. Bendikov M.A., Frolov I.A. The key problem of development of high technology sector of Russian economy (using the example of space activity) // *Management in Russia and abroad*, №6, 2003. P.7.
2. Nepochorenko O.P. The leadership style as a factor of psychosocial climate of a group and work satisfaction // *Vestnik of Omsk University*, 2013, №1. P.45-53.
3. Tracy B. Motivation: [translated from English] – M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2014. P.10.
4. Heuvel M., Demerouti E., Bakker A., Schaufeli W. Adapting to change: The value of change information and meaning-making // *Journal of Vocational Behavior* 83, 2013. P. 11-12.
5. What is Autocratic Leadership? How Procedures Can Improve Efficiency. – <http://online.stu.edu/autocratic-leadership/> (URL: 01.04.2017).

УКРЕПЛЕНИЕ САМООРГАНИЗАЦИИ И САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ МЕСТНОЙ ЖИЗНИ

Пацюрковский В.В. (Москва)

Муниципальные образования являются конечными агентами пространственного развития и всей региональной экономики в целом. На их территории размещаются население (домохозяйства), производство, инженерная и социальная инфраструктура. С учетом того, что в современных условиях состояние региональной экономики должно учитывать как экономический рост, так и демографическое развитие привлекательность для населения того или иного муниципального образования может служить хорошим индикатором положения дел на местном, в том числе и на региональном уровнях.

«Местное самоуправление в Российской Федерации - форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, - законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения, с учетом исторических и иных местных традиций». [1]

На заседании II Всероссийского форума сельских поселений В.Путин высказал следующую мысль: «Динамичное развитие государства зависит прежде всего от граждан страны, от людей – их инициативы, стремления изменить жизнь в родном селе, посёлке, районе, городе и стране к лучшему, от качества и эффективности самого близкого к гражданам уровня власти, то есть от местного самоуправления. Именно с него, с этого уровня, и начинается Россия» [2].

Ключевое слово в этом утверждении – граждане страны. Опыт показывает, что постоянно находящиеся в режиме выживания, зависимые от сложившихся условий повседневности люди не могут проявить такие качества как инициатива, стремление изменить жизнь к лучшему и др. Хорошо известно, что для хронической бедности и нужды характерны пассивность и уныние, безысходность и отсутствие перспективы.

Проявить отмеченные выше необходимые гражданские качества могут только самостоятельные люди. Поэтому меры по повышению эффективности и расширению возможностей местного самоуправления необходимо сопрягать с социально-экономической политикой, направленной на формирование слоя независимых крепких хозяев, заинтересованных

в развитии своего поселения на основе самоорганизации, локальных инициатив, сотрудничества и кооперации усилий всех агентов местной жизни.

Действующая система муниципального управления сложилась к моменту последней переписи населения 2010 г. В соответствии с данными переписи в стране в тот год было 2341 муниципальное образование (МО) первого уровня. Из них городских округов (ГО) – 516, а муниципальных районов (МР) – 1825 ед. и 20860 муниципальных поселений, из них сельских 19126 ед. [3, с. 310].

В результате различного рода преобразований к началу 2016 г. уже насчитывалось 563 ГО и 1788 МР, а общее число таких МО сократилось до 2341 ед. и 19769 муниципальных поселений, из них сельских 18177 ед. [4].

Можно сказать, что в 2010-2016 гг. изменения в муниципальном управлении были направлены на сокращение общего числа МО и опережающий рост числа ГО. Этот рост реализуется тремя способами, а именно путем объединения МР и ГО или путем разделения МО на МР и ГО, или путем изменения статуса городского поселения в связи с наделением его статусом ГО. Такого рода преобразования автоматически влекут за собой утрату статуса муниципального поселения населенными пунктами, вошедшими в состав вновь образованного ГО. Все эти преобразования осуществляется законами субъектов РФ [1].

В числе лидеров таких преобразований Магаданская область (здесь все районы преобразованы в ГО). В Сахалинской области пока еще остается один МР и вновь образовано 18 ГО. В Свердловской области осталось пять МР и создано 68 ГО.

Справедливости ради следует отметить, что в последние три года сходные преобразования набирают все большую силу и в Московской области. К началу текущего года здесь было 29 МР и 39 ГО. В противовес этому такие тяжеловесы как Республики Башкортостан (МР-54, ГО-9) и Татарстан (МР-43, ГО-2), Алтайский (МР-59, ГО-10) и Краснодарский край (МР-37, ГО-7), как видно из приведенных данных, сохраняют преобладание МР в административно-территориальной структуре регионов [5].

Не вдаваясь в нарастающую дискуссию о положительных и отрицательных моментах отмеченных выше преобразований, заметим, что хорошо работающее местное самоуправление играет важную роль в улучшении условий и качества жизни населения. И это касается в первую очередь второго (поселенческого) уровня местного самоуправления, которое обеспечивает повседневную доступность власти для населения. Правы те, кто считают, что нельзя всем муниципальным районам «придать статус городских округов, чтобы упразднить поселения и упростить управление» [6].

Вместе с тем, кроме стремления системы управления к повышению контроля и сокращению расходов, сегодня, как правило, упрятанных в формулу «оптимизации», имеются и другие основания, происходящих преобразований. Среди них в первую очередь следует обратить внимание на быструю утрату многими МО населения. После 2010 г. к настоящему времени из 2328 только 509 МО (21,9%) увеличили численность населения на 5,7%. Все остальные 78,1% МО теряли население [5].

Появление новых институтов и механизмов сельско-городского развития особенно важно в условиях нарастающего «управляемого сжатия периферийных территорий, политика которого включает стимулирование мобильности населения, оптимизацию сети бюджетных услуг» [7, с. 791-792]. Идущее по всему периметру расселения закрытие отделений связи, малокомплектных школ, фельдшерских пунктов и амбулаторий, - все это следствие уже реализуемых шагов и мер по упомянутой выше оптимизации сети бюджетных услуг. На создание конструктивных противовесов такой политики в первую очередь должны быть направлены скоординированные усилия местных органов власти, городского и сельского сообществ по развитию малых городов и сел, повышению качества и уровня жизни населения.

Основная гипотеза роста населения в одних муниципальных образованиях и его утрата другими муниципалитетами состоит в неравномерном распределении центральных мест [8] в системе расселения, которые обеспечивают доступность товаров и услуг для всего тяготеющего к ним населения. Указанное обстоятельство обусловлено тем, что муниципальная система в России наследует все особенности ранее существовавшего административно-территориального деления. В этом плане многие вновь образованные ГО и МР продолжают быть скорее институтами административно-территориального деления, чем органами местного самоуправления. С учетом сказанного легче понять, почему действующая система местного самоуправления слабо

соответствует требованиям размещения производства, удовлетворения потребностей населения в товарах и услугах, равно как и всему комплексу рыночных отношений.

Анализ движения населения муниципальных образований показывает, что для нашей страны допущения, которые приняты в теории центральных мест [8], справедливы лишь отчасти. Приведенные выше примеры позволяют говорить о том, что эта теория работает в главной полосе расселения от Белгорода и Сочи до Красноярска. Вместе с тем она слабо соответствует положению дел в районах, в которых фактически отсутствуют населенные пункты, способные выполнять функцию центральных мест. В целом сегодня доминирует тенденция роста центральных мест высокого уровня иерархии. Население тяготеет к мегаполисам. Здесь оно может рассчитывать на повышение уровня жизни, которое связано с доступностью рабочих мест, товаров и услуг. Поэтому и наблюдается их рост.

1. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». 6 октября 2003 г., № 131-ФЗ. Статья 1, пункт 2. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.akdi.ru/gd/proekt/091204GD.SHTML> (дата обращения 29.08.2017).
2. Председатель Правительства Российской Федерации В.В.Путин принял участие в пленарном заседании II Всероссийского форума сельских поселений. [Электронный ресурс]. – URL: <http://premier.gov.ru/events/news/15547/#grant> (дата обращения 24.07.2017).
3. Всероссийская перепись населения 2010 года. Том 1. Численность и размещение населения. – М.: ФСГС, 2012.
4. Муниципальное образование. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Муниципальное_образование (дата обращения 21.04.2017).
5. База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пацюрковский В.В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014 г.
6. Макутина М. Дума узаконит ликвидацию поселений регионами. [Электронный ресурс]. – URL: <https://politinformator.ru/articles/4304> (дата обращения 20.06.2017).
7. Стратегия -2020: Новая модель роста – новая социальная политика. – М.: РАНХиГС, 2012.
8. Теория центральных мест. [Электронный ресурс]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_центральных_мест (дата обращения 22.07.2017).

ЦВЕТОВАЯ СИМВОЛИКА В "ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЯХ": ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Петрова А.И. (Санкт-Петербург)

В данной статье рассматривается цветовая символика «цветных революций». Выявляются основные группы цветов, которые были использованы в эмблемах оппозиционных движений в ряде стран, где прошли «цветные революции», начиная с «революции гвоздик» в Португалии (1974), заканчивая второй «оранжевой революцией» в Украине (2013). Особое внимание акцентируется на психологических характеристиках цветов, способных вызывать изменения в настроении и сознании людей, побуждать к определенным действиям. Представлено обоснование того, что цветовая гамма является одним из факторов успеха «цветной революции».

Использование несиловых методов является важной характеристикой «цветных революций», именно поэтому для данного типа революций большую роль играет сила «мягкой власти». Феномен «мягкой власти» прямым образом связан с революцией в информационно-коммуникативной среде, где смысловой и символический мир становится все более значимым. [1] Согласно Федорченко С.Н., в процессе подготовки «цветных революций» для сплочения оппозиции создаются особые политические символы, которые опираются на влияние архетипов и психологию цвета. [2] Б.А. Базыма считает, что, во-первых, человечество вступило в эру социально-психологического цветового символизма, во-вторых, цвет содержит историческую аллюзию или ценностную составляющую, позволяя мобилизовать массы, воздействуя на сознание людей. [3] Анализируя всю совокупность цветных революций, начиная с Революции гвоздик в Португалии (1974) и заканчивая второй Оранжевой революцией на Украине (2013), можно выявить основные цвета и их воздействие на ход революционного процесса.

Черный. Й.В. Гёте в «Трактате о цвете» заметил, что изображения, в сочетании с черным, выигрывают в цвете. [4] В сознании человека архетип черного ассоциируется с хаосом и

разрушением, в политической сфере данный цвет свидетельствует о кризисном состоянии общества. Именно поэтому данный цвет (белый бульдозер и белый кулак на черном фоне) были успешно использованы оппозиционной организацией «Отпор» во время «бульдозерной» революции в Югославии (2000). Грузинское движение «Кмара» во время «революции роз» так же использовало черно-белую символику, мобилизовав народные массы против правящего режима (2003). Во время «тюльпановой революции» в Киргизии (2005), одна из эмблем оппозиционной киргизской организации «Бирге» содержала изображение белого тюльпана на черном фоне. В Киргизии преобладает мусульманское население, поэтому, придумывая данную эмблему, политтехнологи опирались не только на уже отмеченные нами психологические свойства черного цвета, но и на тот факт, что для мусульман черный цвет подразумевает священный камень- Каабу, тем самым наделяя эмблему сакральными свойствами. В 2006, году при попытке «васильковой» революции в Белоруссии, оппозиционное движение «Зубр» использовало изображение белого зубра на черном фоне. Армянское движение «Хима», пытаясь воплотить сценарий «цветной революции» (2007), в своей эмблеме использовала изображение кулака, раскрашенного в три цвета (триколор армянского флага: красный, синий, оранжевый) на черном фоне. В России черный цвет использовался в символике движения «Оборона».[5,7]

Белый. У первобытных людей белая краска использовалась для контакта с добрыми богами. Белый цвет символизирует верность, незапятнанность, с данным цветом связаны представления о законности и общепринятости, белый- цвет добра. Следовательно, в политической символике белый цвет обозначает справедливую оппозицию, которая борется против «сил зла» - политической элиты. На эмблемах «цветных революций» белый цвет часто используется в сочетании с черным: белый бульдозер, кулак, тюльпан, зубр на черном фоне. [7] Что касается России, то белая лента изначально являлась символом движения «За честные выборы», и, после 4 декабря 2011 года, распространилась повсеместно среди всей российской оппозиции. Наряду с этим использовалась маска белого цвета фантастического героя фильма «V – значит вендетта» Гая Фокса. [5]

Красный. Красный цвет, как писал Гёте, производит впечатление серьезности, достоинства и благоволения. [4] Красный активизирует все функции организма, способствуя возбуждению, активности, энергичности. Б. А. Базыма отмечает, что в сочетании с белым негативные и агрессивные свойства красного нивелируются. [3] Эти свойства были учтены политтехнологами, которыми был придуман символ грузинской «цветной революции» – красный крест в сочетании и красными розами на белом фоне. Еще одним фактором, способствовавшим успеху символа, было то, что в христианстве красный цвет олицетворяет кровь Христа, а Грузия является христианской страной. Красный цвет использовался оппозицией в Ливане во время «революции кедров» в 2005 году. [7]

Оранжевый и желтый. В психологии оранжевый считается цветом творческого начала и энтузиазма, олицетворяя внутреннюю силу личности. Оранжевая символика подразумевает желание перемен. Однако, при долговременном воздействии может вызвать состояние стресса и угнетенность. Оранжевый цвет помог украинской организации «Пора» в осуществлении первой «оранжевой революции» (2004),- ее символами стали апельсин и солнце. В результате сильный мобилизационный заряд и яркий цвет утомил людей, вследствие чего получила распространение сине-голубая символика «Партии регионов» В. Януковича. Оппозиционная организация «Кел-кел», во время «тюльпановой революции» в Киргизии использовала эмблему солнца на желтом фоне (в исламе желтый обозначает успех, славу, богатство).

Зеленый и синий. Зеленый цвет был использован иранской оппозицией при попытке «цветной революции» в 2009 году. Провал оппозиции может быть объяснен тем, что в исламе зеленый цвет является священным, цветом «знамени пророка», символизируя природу и жизнь, оказывает успокаивающее действие. Синий цвет, олицетворяя умиротворенность, положительную энергию, был использован «Партией регионов» в Украине как противопоставление «оранжевым силам». В Молдавии, во время «виноградной революции», сине-голубой цвет положил начало «твиттер-революциям», которые прошли в ряде арабских стран в 2010-2011 годах. Согласно концепции «четырёхцветного человека» М. Люшера, синий означает у людей сильную потребность в общении, самоутверждении. [6] Такое определение подходит для молодежи, которая пытается самоутвердиться через общение в социальных сетях, каковым и является Твиттер. [7]

В ходе анализа символики цветных революций можно отметить, что наиболее распространенным символом является сжатый кулак. Как политическая эмблема кулак

использовался немецкими рабочими в знак приветствия друг друга. В 30-е годы XX века сжатый кулак приобрел популярность как антифашистский жест, а после окончания Второй мировой войны стал эмблемой организаций узников фашистских лагерей. [2,7] Наибольшую популярность данный символ приобрел в ходе «цветных революций» в Югославии, Грузии, Ливане, Украине, в ряде арабских стран. В России сжатый кулак стал символом Рот Фронта, движения «Оборона». Успех символа можно объяснить простотой обозначения и распространения, а также ёмкостью выражаемого им смысла. Еще одним символом, получившим распространение в ходе «цветных революций», стал жест «виктория» (V), который использовался оппозицией в Ливане и Молдавии.

1. Пономарева Е.Г. Секреты "цветных революций". Современные технологии смены политических режимов. [Часть 2] / Е.Г. Пономарева // Свободная мысль. - 2012. - № 3-4. С. 43-59.
2. Федорченко С.М. Фрейм-анализ политической символики «цветной революции»: теоретико-методологические и исторические аспекты проблемы/ С.М.Федорченко// Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». -2012.-№3.С.64-72.
3. Базыма Б. А. Цвет и психика. – М.: Речь, 2005. – 100 с.
4. Гёте И.В. Трактат о цвете // Избранные сочинения по естествознанию. – М., 1957. – 212 с.
5. Федорченко С.М. Технологии применения политической символики «цветных революций» в России/ С.М.Федорченко// Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». -2013.-№1.С.1-14.
6. Люшер М. Сигналы личности. – Воронеж: НПО «Модэк», 1993. – 160 с.
7. Федорченко С.М. Технологии создания политической символики «цветных революций»: мировой опыт/ С.М.Федорченко// Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». -2012.-№4.С.135-155.

ДРАЙВ-ГРУППА КАК РЕСУРС КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Петрова И.В. (Санкт-Петербург)

Аннотация

Выводы исследования, проведенного в стенах университета, позволили сформулировать обозначенную тему, автор надеется, что представленная разработка, социальная технология «Колесо группового развития» может служить мета-моделью для различных сфер общественной деятельности и, наиболее востребована на уровне социального управления в периоды неравновесного и несбалансированного экономического периода.

Современный переходный этап в экономике актуализирует поиск новых организационно-экономических связей и форм управления. Все известные модели корпоративного управления (англо-американская, немецкая (инсайдерская), японская) способны регулировать взаимоотношения между менеджерами компаний и их владельцами, согласовывать цели заинтересованных сторон (акционеров компании), нацелены на эффективное функционирование компаний. Специалистами частично или в полном объеме данный багаж знания используется и на практике, но транзитивный характер экономической системы с постоянными переменными величинами, значительно актуализирует проблему социального управления, выводя понятие «человеческий фактор» на уровень системообразующего.

Следовательно, далее автор акцентирует внимание на ключевом моменте - социальной технологии или технологии создания проектов коммуникативных воздействий, изменяющей сознание людей, культурные, политические и/или социальные структуры, системы или ситуации. Автор представляет собственную разработку - модель социальной технологии «Колесо группового развития», исследованную в учебном процессе студентов ВУЗа, построенном с использованием принципов проектного обучения [1]. А именно, апробирована авторская социальная технология «Колесо группового развития» в образовательном интерактивном ролегрупповом процессе, новаторством которой, выступает тезис о развитии социально-профессионального и лидерского потенциала учащихся непосредственно в их учебной деятельности. В разработке применены следующие научные понятия: «ролегрупповый набор» в командообразовании (М. Белбин) [2]; «социальный конструкт» (П. Бергер, Т. Лукман)[3]; идентичность как «интериоризация» групповых норм (А. И. Ковалева) [4] и др. Таким образом, в образовательном процессе, построенном на принципах проектного обучения, академическая студенческая группа была дифференцирована на рабочие подгруппы с ролевым распределением. Управление взаимодействиями созданных социальных субъектов осуществлялось уникальной подгруппой –

тренажером лидерства (подгруппой-детерминатор / драйв-группой), сформированной изначально из числа потенциальных лидеров на самопрезентативной основе, выполняющих роль модераторов в процессах реализации и презентации тематических проектов в рамках развития дисциплин, при этом преподаватель выполнял функцию медиации.

Был изучен характер социальных процессов в студенческих группах, исследован основным методом - наблюдением, обеспечивающими валидизацию результатов основного метода вспомогательными: социометрией, тестированием, экспертными гайд-интервью. Данная модель продемонстрировала возможный механизм самоорганизации субъекта в институциональной среде, без управляющего воздействия со стороны агентов социализации (обычно – это преподаватель). Автор полагает, что модель может быть интегрирована в различные сферы общественной жизни: экономическую, научную, военную, медицинскую и др.

Кейс «Социологическое наблюдение» содержит следующее:

Объект – студенты ЛГУ им. А.С.Пушкина, специалитет, специальность «Государственное и муниципальное управление» (объект № 1 – первый вариант наблюдения – это 146 студентов 3-5 курсов в устойчивых границах академических групп; объект № 2 – второй вариант наблюдения – 58 студентов 4-5 курсов др. академических групп). Предмет - трансформация объекта с учетом поведенческих реакций в условиях традиционных и интерактивных (использования социальной технологии) методов подготовки в ВУЗе. Сроки 2009-2012 гг. Характеристика метода: включенное, но открытое (наблюдатель как участник-исследователь, взаимодействующий с осведомленными участниками-студентами); сплошное (n=204); осознанное (непосредственное); длительное; систематическое; фиксация данных наблюдателем периодическая – по этапам (начальный, промежуточный, конечный этап – для (объекта № 1)); начальный, конечный – (объект № 2)) происходила с занесением в регистрационную карточку.

Инструменты и параметры. В регистрационной карточке фиксация проводилась по нескольким параметрам (вербальным, невербальным), выделенным критериям исследования групповых социальных процессов, сопровождаемых закодированным списком переменных в соответст. с определен. инструментарием (структура предпочтений, структура коммуникаций, структура власти). Данные представили в виде куба, в результате наложения (двух- и трехкратного) двумерных матриц объект-признак (объект-критерий), относящихся к последовательным промежуткам времени, выявили в сравнении определенные статистические закономерности.

Результаты. Диагностированы признаки десоциализации на 4 к. обучения в ВУЗе (смещение ценностных ориентиров от общественных в сторону частных). Признаки купированы в определенных условиях интерактивного обучения (соц. технологии), следовательно, возможна ресоциализация с последующей социализацией. По объекту №1 зафиксирована высшая точка развития групп – данный этап (в командообразовании – выполнение) наступил после освоения учебного материала нескольких дисциплин к 4-му курсу обучения студентов (объект № 1), т. е. длительность достижения данного этапа составила один учебный год. Наблюдателем зафиксированы изменения поведенческих реакций в группах по всем критериям (структура предпочтений, коммуникаций, власти в группе). Параметры развития групп: нравственная направленность – на групповые цели; организованность – роле-групповая; коммуникации – децентрализованные. Группа – субъект общения и сформировавшийся субъект совместной деятельности (на основе доминирующих интегративных процессов). Этап развития группы – коллектив (команда). Практика применения социальной технологии в учебном процессе согласно полученным результатам, значительно расширила возможности студентов вне зависимости от специальности подготовки в управлении познанием, усвоением и воспроизведением различных видов деятельности (коммуникативной, учебной, профессиональной, социальной, гражданской), как на уровне отдельной личности, так и на групповом уровне, что важно для различных сфер социальной деятельности. В радиусе действия этой модели произошло выявление и продвижение талантливой молодежи и продуктов ее инновационной деятельности. Работа в интерактивных группах как социальных моделях профессиональной среды привела к формированию не только предметной, но и социальной компетентности будущего специалиста, развила навыки конструктивного поведения в конфликтных ситуациях.

Эффективное лидерство (подгруппа-детерминатор / тренажер лидерства / драйв- группа в учебном процессе) несомненное достижение использования данной социальной технологии. Драйв-группа нивелируя присутствие неформальных (теневых) лидеров, постепенно вытесняя преподавателя с ведущей роли на вспомогательную, «развивает самодисциплину в группе», а в

итоге индуцирует внешнюю мотивацию в совместном продуктивном труде. Этот уникальный тип лидерства можно определить как функцию групп, так как, во-первых, связан с ориентацией на выполнение конкретных задач в группах и, во-вторых, ориентирован на построение межличностных отношений, а значит именно групповое воздействие, способствует развитию природного потенциала лидерства. Изначально численность драйв-групп составляла от 2 до 5 человек, окончательное формирование драйв- групп – тренажеров лидерства с устоявшимся составом 2-3 человека состоялось позже (относительно длительности трансформационных процессов рабочих подгрупп в команды) и завершилось ко 2-му семестру 4-го курса обучения студентов (для объекта № 1).

Можно сделать вывод о том, что технология «Колесо группового развития» в социальном процессе позволяет конструировать специфические условия: поля лидерства, формировать рефлексивные позиции, развивая практическую готовность к реализации лидерского потенциала. И в заключении подвести итог: социальная технология «Колесо группового развития» способствует формированию уникальной и актуальной компетенции — молодого специалиста нового типа с мобильно-конверсионным интеллектом, необходимой для корректной работы в современной корпорации. В корпорациях практика формирования специальных команд известна и довольно часто используется, например, для реализации проектов создаются специальные группы – интактные или кроссфункциональные, но они, как правило, базируются на универсальной ролегруповой коллаборации, включающей как направляющие роли, так и поддерживающие (как в случае, авторской модели «Колесо группового развития» - рабочие подгруппы с ролераспределением) и по достижению цели проекта распадаются. Автор предлагает воспользоваться своим научно-педагогическим опытом и принять его к использованию в современных организациях, развивающихся в сложных условиях риска и среды неопределенности. Именно драйвер (подгруппа – тренажер лидерства / подгруппа-детерминатор / драйв-группа), сформированная для достижения стратегической цели корпорации/подразделения и, соответственно, функционирующая на постоянной основе, способна оперативно принимать адекватные управленческие решения.

1. Социализация студентов на базе эффективных социально-ролевых нагрузок в процессе обучения в вузе / И. В. Петрова // *Общество. Среда. Развитие*. 2015. № 1 (34). С. 131-138.
2. Белбин, Р. М. *Команды менеджеров* / Р. М. Белбин. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2009. – 238 с.
3. Бергер, П. *Социальное конструирование реальности* / П. Бергер, Т. М. Лукман. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
4. Ковалева, А. И. *Социология молодежи: Теор. вопросы [Текст]: науч. монография* / А. И. Ковалева, В. Х. Луков. – М.: Социум, 1999. – 351 с.

НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ НА ПРИМЕРЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО КАЗНАЧЕЙСТВА ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ребро Д.Д. (Волгоград)

Для государственных служащих существует система мотивации и стимулирования, которую формирует отдел кадров каждого конкретного органа (службы, управления, администрации), опираясь на федеральную, региональную и локальную нормативно-правовую базу. Сотрудники поощряются за успехи и эффективную работу различными способами, в том числе выплатами, помимо заработной платы. Однако получение этих выплат зависит от качества труда самих сотрудников. Побудить людей к эффективному труду помогает нематериальная мотивация.

На примере Управления Федерального казначейства по Волгоградской области рассмотрены способы нематериального стимулирования, которые применяются к сотрудникам. А также выявлены способы, которым внимания не уделяется. Стоит отметить, что методы типичны для государственной гражданской службы, следовательно, рекомендации можно транслировать и на другие органы с учетом их особенностей и возможностей.

Основные методы нематериального стимулирования в УФК – помещение фотографий сотрудников на Доску Почета и запись в Книгу Почета. На Доску почета заносятся: гражданские служащие, имеющие стаж федеральной государственной гражданской службы в Управлении не менее 10 лет – за безупречную и эффективную гражданскую службу. Работники, имеющие

трудовой стаж не менее 10 лет – за добросовестное исполнение трудовых обязанностей и достигнутые высокие результаты в труде. Занесение на Доску почета осуществляется ежегодно и приурочивается к годовщине образования Управления [1]. К занесению в Книгу почета представляются гражданские служащие и работники Управления, имеющие стаж гражданской службы в органах Федерального казначейства не менее 20 лет, особо отличившиеся в профессиональной служебной деятельности, безупречно соблюдающие служебную дисциплину и имеющие государственные или ведомственные награды.

Также можно отметить, что в УФК по Волгоградской области действует Исполнительный комитет Первичной профсоюзной организации Общероссийского профессионального союза казначеев России. Общественная некоммерческая организация действует в целях защиты социально-трудовых прав и интересов работников. Профсоюз организует поздравления сотрудников с праздниками (8 марта, 23 февраля, День казначейства и так далее). Проводит театральные вечера для работников; вручает подарки детям работников, которые идут в первый класс; организует детские новогодние представления для детей; оказывает материальную помощь на приобретение санаторно-курортных и детских оздоровительных путевок.

Можно сделать вывод о том, что в УФК по Волгоградской области в отношении работников отделом кадров проводится материальное и нематериальное стимулирование. Оно направлено на долгосрочную перспективу, так как поощрения (внесение в Книгу почета и на Доску почета) получают работники, имеющие большой стаж (от 10 лет) безупречной службы. В то же время работа профессионального союза в Управлении также имеет значение для повышения мотивации к труду сотрудников, так как направлена на создание единой общности, дружественной рабочей обстановки, что соответствует социальным и духовным потребностям человека, является моральным стимулированием. Однако методы организационного стимулирования и стимулирования свободным временем в УФК по Волгоградской области отходят на второй план и применяются не так активно.

Так, гибкие графики работы не предусмотрены для основных работников Управления, штатное расписание стабильное, без учета индивидуальных особенностей и пожеланий работников (за исключением времени отпусков).

Организационное стимулирование применяется в виде регулярного запланированных регулярных повышений квалификаций. Можно отметить, что персонал вовлечен в управления посредством членства в профсоюзе.

Для того чтобы выяснить, достаточно ли эффективно используются методы нематериального стимулирования в УФК по Волгоградской области, было проведено исследование, анкетный опрос с одним открытым вопросом для выявления степени удовлетворенности нематериальным стимулированием (текст анкеты в Приложении 1). Было опрошено 50 сотрудников, среди них 11 мужчин (22%), 39 женщин (78%). Средний возраст 37,3 лет, в диапазоне от 24 лет и до 56 лет. Большая часть из них – сотрудники, проработавшие в организации свыше 10 лет (58%). Из них – специалисты (86%), обеспечивающие специалисты (8%), помощники (4%) и руководители (2%). Образование у всех высшее, с вариантами «бакалавриат», «специалитет/магистратура», а также два высших образования.

Судя по ответам опрошенных, психологический климат в организации позитивный: свое самочувствие в организации оценивают в основном как нормальное (52%) и хорошее (44%).

Работникам также было предложено оценить необходимость нематериального стимулирования в организации. В целом актуальность нематериального стимулирования признали 64% опрошенных.

Установлено, что основными направлениями нематериального стимулирования персонала является: моральное стимулирование, организационное стимулирование, стимулирование свободным временем [2]. Поэтому сотрудникам организации было предложено оценить по уровням собственной удовлетворенности («высокий», «средний», «низкий» уровни) отдельные методы стимулирования по перечисленным направлениям.

В результате обработки опроса установлено, что чаще всего применяются методы морального стимулирования (объявление благодарностей, помещение на доску почета, занесение в книгу почета) формального характера. Перечисленные методы доступны в основном для сотрудников со стажем, что влияет отрицательно на мотивацию к труду молодых сотрудников и сотрудников с небольшим стажем в конкретной организации. Были даны рекомендации по стимулированию данных категорий. Неформальным методам морального стимулирования не

уделяется достаточного внимания, сплочению коллектива способствуют корпоративы, но не тимбилдинг, профессиональные соревнования и тренинги.

Что касается организационного стимулирования, то оно применяется в виде регулярного обязательного повышения квалификации и других юридически предусмотренных необходимых мер. Также персонал обеспечен необходимой офисной техникой, программным обеспечением и материалами. Однако дизайн и организация рекреационных зон – забота сотрудников, а не отдела кадров. Можно отметить, что персонал вовлечен в управления посредством членства в профсоюзе, но объединение работников по решению рабочих и иных задач не проводится. Планирование карьеры в основном внутреннее, без рассмотрения альтернатив развития вне организации. Организационное стимулирование отходит на второй план по сравнению с моральным, рекомендовано уделить данному направлению больше внимания, привлечь специалистов для проведения тренингов, командообразования, а также организации зон отдыха, либо возложить ответственность за проведение работ по улучшению организационного стимулирования на квалифицированных сотрудников кадровой службы.

Стимулирование свободным временем на государственной службе ограничено, его рекомендовано применять для поощрения только безупречной службы, либо применять в случае особых обстоятельств.

Подводя итоги, можно отметить, что большинство работников довольны своим самочувствием в организации, и, хотя существуют проблемы связанные с низкой удовлетворенностью отдельными методами нематериального стимулирования, которые можно решить, используя данные выше рекомендации, ситуация с мотивацией труда работников УФК по Волгоградской области является стабильной и скорее положительной.

Нематериальное стимулирование важно, так как влияет на настроение, удовлетворенность трудом[3]. Однако осуществлять его необходимо с учетом индивидуальных особенностей организации. Опросы, интервью с работниками помогут выяснить, чего не хватает работникам в процессе трудовой деятельности. По итогам анализа сведений станет понятно, какие пробелы необходимо восполнить в системе мотивации.

1. *Волгоградская область. УФК по Волгоградской области. Положение «О Доске почета Управления Федерального казначейства по Волгоградской области» [Текст]: Приказ УФК по Волгоградской области от «30» апреля 2015 г. № 368-ОД. Волгоградская область. УФК по Волгоградской области.*
2. *Кибанов, А.Я., Баткаева, И.А., Митрофанова, Е.А., Ловчева, М.В. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности [Текст]: учебник / А.Я. Кибанов, И.А. Баткаева, Е.А. Митрофанова, М.В. Ловчева. М.: Инфра-М, 2010. – 524 с.*
3. *Альберт, М., Мескон, М., Хедоури, Ф. Основы менеджмента [Текст] / М. Альберт, М. Мескон, Ф. Хедоури/ под общ. ред Л.И. Евенко. – Пер с англ. – М.: Издательство «Дело», 1997. - 704 с.*

СИСТЕМА КАТЕГОРИЙ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Резанова Е.В. (Минск, Республика Беларусь)

Постсоциалистическая трансформация белорусского общества показала определяющую роль институциональной среды в экономике, во взаимодействии всех хозяйствующих субъектов. В данном контексте особую значимость приобретает изучение социального капитала предпринимателей, деятельность которых зачастую определяется в большей степени неформальными, нежели формальными отношениями.

Социальный капитал представителей малого и среднего бизнеса можно определить, как совокупность ресурсов, которые развиваются благодаря наличию устойчивой сети связей с контрагентами, участниками бизнес-альянсов, представителями власти и конкурентами, основанные на взаимно разделяемых и подкрепляемых нормах, ценностях и доверии, развивающиеся в ходе осуществления предпринимательской деятельности в определенных институциональных условиях и способствующие увеличению прибыли и снижению транзакционных издержек.

Для систематизации категориального аппарата социального капитала предпринимателей возможно применение многоуровневого подхода Л.В. Стрельниковой, разделяющей социальный капитал в зависимости от источников развития; и социально-психологического подхода Т.А. Нестика, выделяющего содержательные и структурные компоненты социального капитала.

На частном уровне компонентами социального капитала выступают сети контактов с контрагентами, конкурентами, представителями власти, основанные на персонифицированном доверии, которое может быть рациональным и эмоциональным, а также общих нормах и правилах поведения. Сети контактов предпринимателей определенным образом структурированы и отличаются силой связи между ее участниками. Сильные сети между предпринимателями основаны на эмоциональном доверии и характеризуются общностью ценностей и мотивов, доброжелательностью, открытостью для успешного решения проблем, мотивированностью на достижение общей цели. Слабые сети между предпринимателями основаны на рациональном доверии, представляют собой обезличенные контакты, построенные с целью получения наибольшей выгоды, и характеризуются мотивированностью на достижение личных целей [1].

Идею относительно большей значимости слабых сетей для достижения успеха развивал Р. Барт в своей теории «структурных дыр». Р. Барт определяет структурные дыры как разрывы в структуре знакомств индивида, смысл которых заключается в превалировании обезличенных контактов между людьми. «Дыры» выступают своеобразными буферами, пропускающими только ту информацию, которая необходима для решения определенного вопроса, невзирая на личные симпатии или антипатии. Чем больше структурных дыр в сети, тем более разнообразную информацию способен получить индивид. К тому же, обезличенные контакты не требуют постоянной поддержки и внимания, что нельзя сказать о сильных сетях [2]. В свою очередь Ф. Фукуяма подчеркивает, что наибольшая экономическая эффективность не обязательно достигается рациональными эгоистически настроенными индивидами. Скорее, это прерогатива групп индивидов, которые, имея этическую общность в качестве фундамента, открывают для себя перспективу эффективного совместного труда [3]. Тактика поведения предпринимателей в развитии частного социального капитала определяется как индивидуальными особенностями самого предпринимателя, его профессиональными знаниями и активностью, так и институциональными условиями, в которых осуществляется предпринимательская деятельность.

Частный социальный капитал предпринимателей развивается благодаря индивидуальным характеристиками представителей малого и среднего бизнеса (уровню образования и квалификации, деловой активности, готовности обмениваться обязательствами и идти на риск) и наличию необходимых ресурсов (материальных, временных, человеческих и др.). Частный социальный капитал предпринимателей позволяет лучше интерпретировать действия других контрагентов и конкурентов, уменьшает неопределенность и риск оппортунистического поведения, а также позволяет снизить трансакционные издержки ведения бизнеса.

На организационном уровне компонентами социального капитала выступают социальные сети предпринимателей, сформированные благодаря участию предпринимателей в бизнес-союзах. Сети контактов предпринимателей отличаются по критерию мотивации вступления в бизнес-союзы. Среди них можно выделить: инструментально-экономические, нацеленные на получение материальной прибыли; инструментально-статусные, направленные на повышение статуса; коммуникативные, направленные на удовлетворение потребности в общении [4]. Их объединяют нормы и правила поведения хозяйствующих субъектов определенного региона, нормы деперсонифицированного доверия, механизм формирования репутации, нормы соблюдения контрактных обязательств, механизмы коллективного действия, вырабатываемые в процессе объединения в рамках субъектов инфраструктуры малого и среднего бизнеса.

Значимость организационного социального капитала предпринимателей определяется институциональным условиям развития бизнеса и социально-экономическими условиям развития той или иной страны. В благоприятных условиях организационный социальный капитал позволяет принимать рациональные экономические решения, снижает риск недобросовестной конкуренции, облегчает спецификацию прав собственности и заключение контрактов, позволяет оказывать влияние на принятие политических решений относительно благоприятных условий ведения бизнеса [5].

Частный и организационный социальный капитал могут, как взаимно дополнять друг друга, так и заменять. Это обуславливается в первую очередь институциональными условиями и уровнем социально-экономического развития общества. По результатам российских исследований, в развитых странах, прошедших длительный путь рыночного развития, основным является организационный социальный капитал, а частный социальный капитал является дополняющим, что приводит к гибкости экономической системы и корректировке результатов ее функционирования. В переходных же экономиках из-за распада прежних экономических и социальных связей, разрушением привычных потоков экономической информации, дефицитом

социальных норм и деперсонифицированного доверия, обеспечивающих рыночную координацию, основным является частный социальный капитал предпринимателей, поскольку для хозяйствующего субъекта более выгодными становится развивать свои собственные социальные контакты. По мнению Курбатовой М.В. для современной российской экономики характерен дефицит организационного социального капитала и более интенсивный процесс инвестирования предпринимателей в свой частный социальный капитал [6]. В Беларуси на протяжении последних шести лет доля участников бизнес-союзов никогда не превышала 20% [7], что также свидетельствует о слабом развитии организационного социального капитала предпринимателей. Возможно, предприниматели не видят значимых достижений бизнес-союзов не убеждены в том, что бизнес-союзы могут оказать значительную поддержку в защите и продвижении их интересов.

Таким образом, теоретическое изучение феномена социального капитала предпринимательства можно проводить путем сопоставления уровней анализа и подходов к оценке социального капитала, что дает возможность четкого разграничения компонентов социального капитала представителей малого и среднего бизнеса. Определение структурных компонентов социального капитала, а также источников его развития и накопления необходимо для дальнейшей операционализации данного понятия с целью количественной его оценки на эмпирическом уровне, а также изучения особенностей инвестирования в частный и организационный капитал предпринимателей.

1. Нестик, Т.А. Развивать организацию через развитие социальных сетей: роль кадровой службы / Т.А. Нестик // *Кадровая служба и управление персоналом предприятия*. – 2004. - №7. – С. 26-40.
2. Burt, R. *Structural Holes. The Social Structure of Competition* / R.Burt – England: Harvard University Press, 1992. – 334p.
3. Фукуяма, Ф. *Доверие: социальные добродетели и пути к их процветанию: пер. с англ.* / Ф.Фукуяма – Москва: АСТ: Ермак, 2004. – 730с.
4. Brown, T.F. *Theoretical Perspectives on Social Capital*, Lamar University / T.F. Brown [Электронный ресурс] – 1998. – Режим доступа: <http://www.beiwan.com/bbs/showtopic-307.aspx>. Дата доступа: 22.03.2017
5. Курбатова, М.В. Социальный капитал предпринимателя: формы его проявления и особенности в современной российской экономике / М.В. Курбатова, Н.Ф. Апарина // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. – 2008.– Том 6, №4.– С.45-62
6. Курбатова, М.В. Структура социального капитала предпринимателей в их взаимодействии с региональной властью / М.В. Курбатова, С.Н. Левин, Е.С. Каган // *Журнал институциональных исследований*. – 2013. – Том 5, №4.– С. 108-125
7. *Белорусский бизнес 2016: состояние, тенденции, перспективы* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.research.by/analytics/businessbook/16/> Дата доступа: 22.03.2017

ПЛАНОВОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

Репкина О.Б. (Москва)

Аннотация.

Плановое управление нередко отождествляют с директивной плановой экономикой. В силу определенных недостатков, но и при наличии определенных преимуществ, плановое управление можно рассматривать как многоуровневое управление с сохранением принципа стратегического планирования при реализации целостного народно-хозяйственного подхода и экономической самостоятельности хозяйствующих субъектов.

Плановое управление, то есть управление всецело ориентированное на выполнение выработанных плановых показателей, предполагает наличие четких ориентиров и целей развития объекта планирования. В данном случае необходимо четко представлять желаемые результаты, иметь полное представление об используемых ресурсах и, по возможности, предполагает тенденции развития объектов внешней среды. Суть плановой экономики в том, чтобы осуществлять воспроизводство в рамках разработанных централизованно стратегических целей.

Плановое управление нередко отождествляют с социалистической экономикой, поскольку именно социалистическая общественно-экономическая система опирается на директивное плановое управление, т.е. обладает сознательно управляемой и регулируемой обществом экономикой. Таким образом, основными недостатками планового управления в таком контексте являются:

- тенденция к обострению противоречий между интересами отдельных хозяйствующих субъектов и централизованными планами;
- борьба за распределяемые ресурсы (предпосылка растущей бюрократии);
- уравниловка в развитии хозяйствующих субъектов (равнение по объективным причинам идет по самому слабому или самого существенному звену, а не по самому активному и передовому);
- ограничение возможности динамичного развития экономики;
- отсутствие равноправия различных уровней хозяйственной системы;
- практическое отсутствие обратной связи с хозяйствующими субъектами;
- ограничение возможности динамичного развития в мировом экономическом пространстве;
- проблемы пропорционального регионального развития в силу масштабности территории;
- проблемы пропорционального распределения национального дохода и участия в этом процессе населения страны;
- ограничения творческого характера труда.

Сложившаяся в СССР успешная практика директивной плановой экономики, позволившая вывести экономику страны на качественно новые уровни развития в предвоенные, военные и послевоенные годы свидетельствует о том, что подобная форма управления не лишена смысла. Особенно полезна данная форма хозяйствования в периоды неопределенности и отсутствия общей стратегии развития не только отдельно взятых предприятий, отраслей и регионов, но и страны в целом.

С развитием производительных сил, расширением межотраслевых связей, выходом на новые рынки, а также обострением необходимости принятия оперативных решений в динамично развивающихся условиях существования отечественной экономики целенаправленное развитие воспроизводственного процесса стало затруднительным. Все это предпосылки развития бюрократии, которая тормозит мобильность и адаптивность хозяйственных субъектов и целых отраслей в динамично развивающейся внешней среде.

Однако плановое управление можно рассматривать как планово-директивное, когда система планирования и распределения распространяется как на уровень предприятий, так и на межотраслевой, межрегиональный и в итоге внутрипроизводственный процесс. А можно рассматривать как систему планов на макро-уровне, без детализации на уровне отдельно взятого предприятия. В данном случае сохраняется принцип стратегического планирования, а система управления приобретает многоуровневый характер.

Таким образом, плановое управление многоуровневого характера имеет свои преимущества при реализации целостного народно-хозяйственного подхода. Однако возникает вопрос, кто может реализовывать этот подход. В социалистической системе хозяйствования для этого создавались целые системы государственных структур. В настоящее время часть видоизмененных структур все еще присутствует, но занимается в основном законотворческим процессом. С повсеместным появлением частной собственности появилась опасность лоббирования частных интересов теми или иными крупными хозяйственниками. Означает ли это что в современной практике управления невозможно использовать плановое управление?

В том виде, каким оно было в период социализма, конечно, нельзя. Однако можно немного скорректировать понятие планового управления и приблизить его к стратегическому, то есть к управлению на основе четко разработанной стратегии и тактики. Ключевым здесь остается вопрос «меры плановости», которая может выражаться в определении направлений развития или как четко структурированный план на перспективу. Так, например, Правительством регулярно разрабатываются стратегии развития отечественной экономики, в которых определены приоритетные направления ее развития (нанотехнологии, биоинженерные направления и т.д.). Однако механизму реализации приоритетных направлений не всегда уделяется должного внимания (программы развития наукоградов, Сколково и др.). Таким образом, первостепенным становится не разработка планов (с повышением уровня и укрупнением планов они усложняются), а скорее механизм их достижения. И в данном случае многоуровневое плановое управление с соблюдением принципа стратегического планирования вполне уместно.

Было бы не лишним разграничить понятия «директивное плановое управление» и «плановое управление». Существование первого возможно в условиях тоталитарных режимов, а наличие второго приемлемо для развивающихся экономик, поскольку в нашем понимании это

целенаправленное управление в рамках народнохозяйственного плана и экономической самостоятельности хозяйствующих субъектов.

ГОТОВНОСТЬ ГРАЖДАН К САМООРГАНИЗАЦИИ: ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА

Реутов Е.В. (Белгород)

Аннотация. На основании экспертной оценки определяется невысокая готовность граждан к самоорганизации. Основными препятствиями самоорганизации является доминирование у граждан патерналистских и фамилистических ценностей и установок, а также объективная нехватка свободного для общественной деятельности времени в сочетании с субъективными представлениями о второстепенности гражданского участия.

Наращение социальной апатии населения в настоящее время становится одной из ключевых тенденций социальной жизни. Причем, эта проблема характерна не только для российского общества, но и для большинства стран - как развитых, так и развивающихся. Проявляется социальная апатия в сужении круга социальных контактов, общественно-политической пассивности, утрате чувства ответственности за происходящее, погружении в консьюмеризм. При этом на другом полюсе социального поведения формируются очаги экстремизма - во всех его проявлениях - от политически и этнокультурно мотивированного терроризма до криминального насилия.

Самоорганизация граждан позволяет, с одной стороны, избежать крайностей озлобленного эскапизма с риском немотивированного насилия, с другой, - увеличивает объем индивидуального и группового социального капитала и способствует адаптации и личностному росту. Непосредственным социальным эффектом самоорганизации граждан является развитие общественного участия и гражданской активности, вовлеченности общественности в процессы социального управления. Под социальной самоорганизацией мы понимаем процесс установления непосредственных связей и контактов между гражданами для решения локальных проблем и функциональных задач с перспективой их актуализации после достижения первичных целей [1, с. 148].

Однако есть ряд барьеров, препятствующих самоорганизации - как институционального, так и социокультурного свойства. С целью диагностики готовности россиян к самоорганизации в мае 2017 г. в Белгородской и Воронежской областях был проведен экспертный опрос. Основным критерием при отборе экспертов выступала их вовлеченность в проблематику гражданского активизма в силу профессионального, ценностного либо научного интереса. В число экспертов вошли: государственные (муниципальные) служащие (36,59%), сотрудники государственных (муниципальных) учреждений (29,27%), общественные активисты (9,76%), ученые (9,76%), сотрудники НКО (7,32%), работники СМИ (7,32%).

Одной из базовых предпосылок самоорганизации является наличие коллективной идентичности и солидарность. В оценке их уровня мнения экспертов разделились почти полярно. С точки зрения незначительного большинства экспертов (51,22%), в нашей стране в отношениях между людьми больше несогласия, разобщенности. Противоположной точки зрения придерживается несколько меньшее количество опрошенных (41,46%). Таким образом, экспертная оценка свидетельствует, скорее, о неготовности россиян к солидарным действиям вообще.

Мнение большинства экспертов о доминировании несогласия и разобщенности в отношениях между людьми в российском обществе определяет и невысокую оценку готовности населения России к самоорганизации. По 5-балльной шкале она составила 2,76 балла. Готовность к самоорганизации населения региона, в котором они проживают, эксперты оценивают чуть более оптимистично - 2,95 балла. Готовность населения к самоорганизации в муниципалитете, в котором они проживают, эксперты оценили чуть более низко, чем в регионе, однако выше, чем в стране - в 2,83 балла. Самой низкой оказалась оценка готовности населения к самоорганизации непосредственно в месте проживания экспертов - 2,68 балла. Здесь, таким образом, мы наблюдаем любопытный факт, связанный с влиянием разных ролевых установок на оценку действительности. Эксперт, старающийся быть объективным, пытается найти позитивные предпосылки и примеры самоорганизации граждан, в то время, как его непосредственный опыт говорит, скорее, об их отсутствии.

Как и любой социальный процесс, развитие общественного участия и гражданской активности возможно при наличии социальных субъектов, осознающих свои и коллективные интересы, связанные с гражданским участием. Придерживаясь невысокого мнения о готовности

населения к самоорганизации - от локальных сообществ до страны в целом, эксперты, тем не менее, к числу ведущих субъектов развития общественного участия и гражданской активности в регионе отнесли независимых общественников - отдельных активных граждан (56,10% отметили их в данном качестве). Однако на первом месте среди субъектов развития общественного участия эксперты поставили все же региональные власти (65,85%). Значимыми субъектами этого процесса являются также: муниципальные власти (43,90%), структуры ТОС (34,15%), общественные объединения местного и регионального уровней (31,71%). Достаточно заметной является также роль политических партий (17,07%) и предприятий, организаций, учебных заведений (9,76%). Общественные объединения федерального уровня и управляющие компании ЖКХ были почти не замечены экспертами (по 2,44%).

Среди факторов самоорганизации в современном обществе все большую роль играют информационно-коммуникационные технологии, которые позволяют организовать процессы социального взаимодействия вне связи с физическим пространством и обладают серьезным мобилизационным потенциалом. Ряд технологий, имеющих такой потенциал, был предложен экспертам для оценки их эффективности по 5-балльной системе. Далее приведен ранжированный перечень соответствующих технологий и институтов:

- тематические форумы и группы в социальных сетях ("ВКонтакте", "Одноклассники", "Фейсбук" и пр.) - 4 балла;
- специализированные платформы, направленные на выявление социальных проблем и сбор предложений граждан ("Народная экспертиза" и пр.) - 3,07 балла;
- электронные платформы для подачи петиций ("Российская общественная инициатива", Change.org и др.) - 2,83 балла;
- создание НКО, государственными и муниципальными учреждениями баз данных волонтеров и рассылка адресных приглашений на мероприятия - 2,71 балла;
- блог-платформы (LiveJournal, LiveInternet и др.) - 2,68 балла;
- интернет-приемные органов власти - 2,59 балла;
- онлайн-опросы по актуальным проблемам местных сообществ на официальных ресурсах - 2,59 балла;
- объявления на сайтах НКО, государственных и муниципальных учреждений о проводимых мероприятиях - 2,34 балла;
- тематические форумы на муниципальных интернет-порталах - 2,32 балла.

Таким образом, наиболее высокие экспертные оценки получили либо неформальные каналы и институты онлайн-коммуникации - такие, как форумы и группы в социальных сетях, либо технологические платформы, предназначенные для аккумуляции жалоб и предложений граждан, непривязанные к конкретным органам власти.

Процессам самоорганизации в местных сообществах в настоящее время препятствует комплекс факторов, которые имеют как внешний, так и внутренний характер. К внешним факторам относятся инфраструктурные и институциональные параметры местных сообществ, к внутренним - комплекс установок и стереотипов, препятствующих взаимодействию и консолидации граждан, а также статусные, ресурсные и т.п. характеристики потенциальных участников процессов самоорганизации. Среди ведущих факторов, препятствующих самоорганизации на местном и локальном уровнях, эксперты отметили: отсутствие времени, загруженность работой большинства граждан (70,73% экспертов), патернализм, привычка граждан к перекладыванию ответственности на власть (68,29%), социальный эгоизм большинства людей, нежелание их выходить за пределы привычного круга общения (58,54%), низкий уровень межличностного доверия (51,22%). Ко второй по значимости группе факторов относятся: низкий уровень информированности граждан о возможностях общественного участия (41,46%), отсутствие стимулов, информационной, материальной и финансовой поддержки со стороны власти (31,71%). Явно выраженные факторы внешнего характера оказались малозначимыми. Так, противодействие со стороны местной власти в числе препятствующих факторов отметили 7,32% экспертов, а противодействие со стороны руководства коммерческих организаций - всего лишь 2,44% (таблица 49).

Таким образом, основными препятствиями самоорганизации граждан является преимущественно специфический набор ментальных характеристик, связанных с доминированием у граждан патерналистских и фамилистических ценностей и установок, а также объективная нехватка свободного для общественной деятельности времени в сочетании с субъективными представлениями о второстепенности гражданского участия по сравнению с такими делами, как

добывание денег, ведение домашнего хозяйства и пр. Можно также предполагать, идя от противного, что появление стимулов, информационной, материальной и финансовой поддержки со стороны власти могло бы сыграть не основную, но достаточно заметную роль в развитии практик самоорганизации.

1. Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В., Турьянский А.А. Самоорганизация в локальных сообществах: практики и механизмы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 145-164.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛЯ ДЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАКТИКОВ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ

Сало Е.П. (Москва)

Народная медицина – это древнейшая ветвь медицины в истории России. Корнями народной медицины было язычество, которое исповедовали славянские племена до объединения и создания государства и до принятия христианства. Великий физиолог И.П. Павлов писал, что «медицинская деятельность – ровесница первого человека..., было бы несправедливо считать историю медицины с письменного ее периода» [1, 1951].

В наше время народная медицина продолжает развиваться, широко применяется на практике теми людьми, которые владеют этим искусством, а иной раз вступают в спор с официальной медициной. Известны случаи, когда официальная медицина оказывалась бессильной перед каким-нибудь случаем заболевания, несмотря на то, что достигла наивысшего теоретического и практического развития и технического оснащения. Зафиксированы случаи, когда буквально «из гроба вытаскивали» человека и возвращали ему здоровье люди, владеющие навыками народной медицины.

ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

Реформа системы здравоохранения способствовала расширению спектра предоставляемых «альтернативных» лечебных услуг. Интерес населения к методам практиков народной медицины не только не иссяк, а продолжает увеличиваться день ото дня уже в XXI в., особенно после реформы системы здравоохранения в 2014 г.

С января 2012 г. после вступления в силу статьи 50 нового Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан РФ» депутаты Комитета Государственной Думы по охране здоровья граждан пытаются навести порядок в сфере народной медицины.

В настоящее время в Координационном совете при Министерстве здравоохранения разрабатываются положения по регулированию народной медицины.

Исследование было направлено на проведение анализа процесса и процедуры легитимации деятельности практиков народной медицины в России и проведено в рамках качественной методологии; был использован такой метод, как анализ документов.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАКТИКОВ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ

Несоответствия и противоречия в законе «Основы законодательства об охране здоровья граждан» привели к тому, что после 1998 г. на рынке оздоровительных услуг появилось большое количество экстрасенсов, магов и разного рода шарлатанов. Первоочередная задача заключалась в том, чтобы принять такой закон, который позволил бы отделить практиков народной медицины от шарлатанов [2, 2006].

В 2010 г. особо остро встал вопрос о деятельности практиков народной медицины (целителей) на территории Российской Федерации. Работа Росздравнадзора по регулированию их деятельности была признана неудовлетворительной.

В связи с этим в мае 2011 г. была создана Рабочая группа Комитета Государственной думы по охране здоровья для работы над новым проектом Федерального закона.

Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» был принят Государственной думой 01.11.2011. Советом Федерации новый закон был одобрен 09.11.2011 [4, 2011].

Новый Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»

В статье 50 «Народная медицина» нового Федерального Закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», которая вступила в силу с 01.01.2012, отсутствуют нормы, препятствующие получению государственного разрешения на занятие народной медициной [5, 2013, с. 182].

В новом Законе «народная медицина» – это не методы диагностик и лечения, а методы оздоровления, применяемые для оценки состояния и восстановления здоровья, т.е. полностью исключена тождественность понятиям медицинская деятельность и медицинская услуга.

Согласно статье 50, основания для требования с практиков народной медицины медицинского образования, сертификата специалиста и медицинской лицензии полностью исключены.

Внесена ясность и с наименованием государственного разрешения на занятие народной медициной. Теперь документ называется не «Диплом целителя», а «Разрешение на занятие народной медициной», что гораздо понятнее.

Законопроект «О введении эффективной и безопасной системы легитимации деятельности практиков народной медицины»

С января 2012 г. после вступления в силу статьи 50 нового Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан РФ» в Комитете Государственной Думы по охране здоровья граждан велась интенсивная работа по правовому регулированию практик народной медицины. Депутаты к июлю 2015 г. подготовили поправки к закону «Об основах охраны здоровья граждан РФ», которые должны были рассматриваться в Государственной думе на осенней сессии [6, 2016, с. 6505].

Саморегулируемая организация должна будет отслеживать шарлатанов, проверять безвредность и эффективность методик своих членов, инициировать своевременное повышение квалификации.

К сожалению, поправки к закону «Об основах охраны здоровья граждан РФ» не были представлены в Государственную думу для рассмотрения на осенней сессии. Было принято решение, что Госдума в ближайшее время не будет рассматривать законопроект о сертификации всех видов народной медицины.

Новый законопроект «О регулировании в сфере народной медицины»

В 2016 г. в Министерстве здравоохранения Российской Федерации приняли решение о начале процесса регулирования в сфере народной медицины, чтобы депутаты Государственной думы приняли закон, отделяющий от практиков народной медицины шаманов и экстрасенсов.

Координационный совет по совершенствованию нормативно-правового регулирования в сфере народной медицины был создан приказом № 223 от 12.04.2016 [7, 2016].

Координационный совет по регулированию народной медицины при Минздраве сформулировал требования к практикам народной медицины и направил их в ведомство.

В соответствии с новыми требованиями для получения разрешения практикам народной медицины необходимо будет предоставлять властям доказательства, что они вылечили не менее десяти человек и имеют основы медицинских знаний (окончили трехмесячные обучающие курсы).

Практику народной медицины для получения разрешения необходимо будет зарегистрироваться в реестре индивидуальных предпринимателей и платить налоги.

Координационный совет по регулированию народной медицины при Минздраве на основании предложений и инициатив сформулировал требования к практикам народной медицины и направил их в ведомство. В Министерстве здравоохранения Российской Федерации разработают законопроект по правому и социально-экономическому регулированию в сфере народной медицины, чтобы депутаты Государственной думы приняли закон, позволяющий практикам народной медицины работать в правовом поле.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 2016 г. в Министерстве здравоохранения Российской Федерации приняли решение о разработке закона о правовом и социально-экономическом регулировании в сфере народной медицины.

К народной медицине не относится оказание услуг по бесконтактному воздействию на человека. Первый заместитель председателя комитета Государственной думы по охране здоровья Ф. Тумусов рассказал «Известиям», что данный вопрос все же будет рассмотрен на заседании, так как эта сфера вообще не подконтрольна закону.

Хочется надеяться, что Министерство здравоохранения подготовит законопроект и направит его в Государственную думу; депутаты Государственной думы смогут принять закон, позволяющий практикам народной медицины легитимно осуществлять свою деятельность на рынке альтернативных медицинских услуг.

1. Павлов И.П. Полное собрание сочинений. Т. 2. Кн. 1. М., 1951.
2. Пусть «лечат»?! О том, как власти Москвы решили отделить «целителей» от «шарлатанов»... // Русская линия. 2006. 27 янв.
3. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ.
4. Сало Е.П. Проблемы легитимации деятельности практиков народной медицины и целителей в эпоху перемен // Профессионалы в эпоху перемен: динамика идеологии, статуса и ценностей [Электронный ресурс]: Коллективная монография / Под ред. В.А. Мансурова. М.: ИС РАН, 2013. 1 CD ROM. С. 173–190.
5. Сало Е.П. Проблемы сертификации практик народной медицины в России в современных условиях // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года). [Электронный ресурс]. Материалы V Всероссийского социологического конгресса / Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: Российское общество социологов, 2016. С. 6497-6509.
6. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 12 апреля 2016 г. № 223 «О Координационном совете по совершенствованию нормативно-правового регулирования в сфере народной медицины при Министерстве здравоохранения Российской Федерации».

ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТ КАК РЕВОЛЮЦИЯ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ

Седов О.А., Грошева Л.И. (Тюмень)

Разрушение плановой системы экономики и специфики построения стратегических планов советских руководителей привело к образованию своеобразного вакуума в сфере организации рабочего места и времени. По мере увеличения нестабильности внешней среды, повышения интенсивности информационного обмена старые приёмы и методы управления утрачивали свою актуальность, создавая при этом значительные трудности в грамотном распределении задач и обязанностей.

Таким образом, своеобразной революцией в отношении планирования личного и рабочего времени выступила технология самоменеджмента, или тайм-менеджмента, нацеленная на актуализацию внутреннего локуса контроля и самостоятельной оценки приоритетности тех или иных задач [1].

В современном представлении тайм-менеджмент представляет собой систему методов, ориентирующих на временное ограничение выполнения определённых задач, а также распределение их в течение рабочего дня согласно сложности и приоритетности [3, с. 83]. Тем самым данная технология в теории не имеет ограничений и может быть применена относительно любого аспекта жизни и трудовой деятельности человека. Практическая реализация базовых принципов самоменеджмента представляет собой комплексную и поэтапную работу, которая в ряде случаев встречает внутреннее и внешнее сопротивление: со стороны самого человека и со стороны его ближайшего окружения.

Теории абсолютного управления временем проявились в работах ряда практикующих тренеров и исследователей теории управления, таких как Г.А. Архангельского, И.Л. Добротворского, П. Друкера, П.М. Керженцева, Д.Френсиса и других [2]. Однако подходы к базовым задачам самоменеджмента имели ряд концептуальных различий. Согласно базовым акцентам теорий представленных авторов, было проведено исследование на базе Тюменского ВВИКУ, охватившего 407 человек посредством анкетирования и 43 человека посредством фокус-групп (8 групп по 5-6 человек).

Исследование позволило прийти к выводу, что тайм-менеджмент позиционируется молодыми людьми как способность разграничивать задачи во временных и пространственных условиях. Ограничение времени на выполнение ряда задач на практике встречает значительные трудности. 49 % опрошенных отмечают, что чёткое планирование дня, даже при условии наличия графика в образовательной организации закрытого типа не представляется возможным. 17,8 % в качестве причин указали возникновение внешних непредвиденных обстоятельств в виде

случайных происшествий, субъективных планов руководящего состава, а также «случайных неудач». В рамках фокус-групп было выяснено, что к данной категории были отнесены: получение внеплановой негативной оценки, неудачи в выполнении заданий, вредительство со стороны коллег. 34,9 % курсантов отметили невозможность планирования по субъективным причинам, обусловленным темпераментом, привычками и личными предпочтениями. Более половины опрошенных высказались за необходимость оставлять достаточное время на удовольствия и отдых, не ограниченный рамками плана. При этом, в 28,1 % случаев курсанты делали акцент на угнетённое состояние ввиду наличия такого плана. Беседа с обучающимися показала, что строгое планирование вызывает оппортунистическое настроение, а в отдельных случаях – рестриктивные формы поведения. При этом, несмотря на осознание молодыми людьми объективного вреда подобных действий, каждый третий хотя бы раз в течение полугода обращался к методу занижения своей работоспособности. Сопrotивляемость внешнему давлению в целом характерна для большинства молодёжи, однако модальность подобных мер представляет собой угрозу недостаточного раскрытия человеческого и интеллектуального потенциала.

Следует отметить, что 41,5 % признают самоорганизацию как необходимый инструмент высвобождения времени на отдых и личные надобности. Половина опрошенных отметила, что время на личные нужды зачастую используется неэффективно по двум причинам: необходимость выполнять незавершённые дела трудового дня, и потеря времени, связанная с осознанием желаемой формы отдыха. Таким образом, опасность недостаточного внимания к самоорганизации может являться причиной высокой утомляемости обучающихся и низкой удовлетворённости процессом обучения.

Среди тех, кто пытался изменить свой график согласно методам тайм-менеджмента, предложенным авторами для сравнения эффективности труда и удовлетворённости работой, 14,8 % позиционировали свою новую форму жизнеустройства как успешную, и признали технологию революционной в отношении достижительной стратегии поведения. Однако вместе с тем у 9 % курсантов подбор системы самоорганизации осуществлялся достаточно проблематично, а используемые технологии не давали регистрируемых изменений. В качестве причин, послуживших указанному результату были высказаны внешние обстоятельства и невозможность планирования рабочего времени для отдельных категорий молодёжи.

В результате исследования были выявлены особенности развития навыков самоорганизации курсантов в условиях образовательного процесса организации закрытого типа.

Формирование устойчивых способностей и стремления к планированию рабочего времени во многом зависит от общих установок в коллективе. При большей плотности коммуникаций один успешный пример применения тайм-менеджмента формирует своеобразную «точку роста» и производит революционные, скачкообразные изменения в образе жизни коллектива. Низкая плотность коммуникаций напротив блокирует транслирование даже массового и длительного проявления успешного применения методик.

Отношение к самоорганизации как к саможестокости в среднем сформировано у трети исследуемых. В качестве аргументации подобного отношения приводились образы успешных людей из средств массовой информации, в особенности представителей сообществ Интернет-сетей. Ряд молодых людей в своей аргументации опирался на истории успеха знакомых и известных личностей, однако более подробные беседы показали недостаточную информированность о предпринятых этими людьми мерах.

Достижительные стратегии в отдельных случаях подавлялись либо прямым воздействием внешней среды, либо внутренним подавлением потенциала. Подобная тенденция, вероятно, связана с отсутствием адекватного восприятия успехов и достижений окружающей средой. Опасение зависти и целенаправленного вредительства, хотя зафиксированы в малом объёме (не более 10 %), могут являться скрытым мотивом отказа от реализации самоорганизационных практик.

Таким образом, использование тайм-менеджмента как качественно нового инструмента саморазвития, позволяющего совершить резкий переход от низкой интенсивности труда к высокой плотности выполняемых задач встречает внешнее и внутреннее сопротивление среды. Однако необходимость формирования навыков самоорганизации обусловлена не только особенностями отработки индивидуальных навыков, но и качеством внешнего окружения, включающего командный состав как среди офицеров, так и среди руководителей-курсантов.

1. Иванов Д.Ю. Тайм-менеджмент как способ повышения эффективности использования человеческих ресурсов предприятия // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2016. №12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/taim-menedzhment-kak-sposob-povysheniya-effektivnosti-ispolzovaniya-chelovecheskih-resursov-predpriyatiya>.
2. Сапунова Д. С. Тайм-менеджмент как инструмент управления временем специалистов творческих профессий // Развитие общественных наук российскими студентами. 2017. №1. [Электронный ресурс]. – <http://cyberleninka.ru/article/n/taim-menedzhment-kak-instrument-upravleniya-vremenem-spetsialistov-tvorcheskih-professi>.
3. Скрипниченко Л.С., Юркова И.Г. Организационное поведение. – Краснодар: Кубанский гос. Ун-т, 2015. – 206 с.

УПРАВЛЕНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДОЙ КАК ЭЛЕМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Селиверстова Н.И. (Оренбург)

Социально-экономическое развитие в настоящее время реализуется в России посредством программного (планового) управления, что соответствует мировой практике. Социальное развитие рассматривается традиционно как наиболее медленное, ввиду особенностей социума как такового, множества его характеристик и особенностей развития. Речь идет о различных параметрах общества – его половых, возрастных, конфессиональных, прочих факторов, которые не являются статичными, но постоянно изменяются. Развитие в общем случае означает качественное изменение неких характеристик объекта в их лучшую сторону, например, развитие личности сопровождается изменением ее представлений, навыков, переходом к более или менее автономному существованию в человеческой среде.

На практике для большей части социума определяющим становится территориальное развитие – социальное развитие района, города, региона, всего общества, то есть территории их жизнедеятельности. Наиболее простым способом ее развития, обеспечивающим комплексный эффект, является развитие социальной инфраструктуры, то есть совокупности материальных и вещественных элементов, создающих условия для рациональной организации деятельности людей, их полноценного отдыха, культурно-образовательного развития (системы охраны и безопасности труда, торговли, здравоохранения, образования, связи и информации, транспорта). В настоящее время данное развитие реализуется государственными структурами либо коммерческими структурами при поддержке со стороны государства.

Преимущественно все исследователи сводят социально-экономическое развитие к повышению качества жизни населения. Наиболее системный взгляд на качество жизни, на наш взгляд, предложен С. А. Айвазяном, которые выделил в нем три основных компонента:

- «качество населения» – уровень образования, квалификация, продолжительность жизни, демографические показатели;
- бюджетнообеспеченность, обеспеченность жильем, социальной инфраструктурой;
- качество социальной сферы – условия труда, физическая и имущественная безопасность, «здоровье» социальных и политических институтов [1].

Многие из них в условиях социально-рыночного хозяйства современной России зависят от деятельности органов власти и создаваемых ими учреждений.

Социально-экономическое развитие, на наш взгляд, представляет собой существенное изменение в условиях социальной и экономической составляющей жизни населения, позволяющее большинству жителей территории муниципального образования удовлетворять свои растущие потребности и реализовывать жизненные интересы. Современное государство стремится обеспечивать или поддерживать социально-экономическое развитие всеми доступными инструментами, так как это является условием его самосохранения.

Итак, социально-экономическое развитие территории – многоаспектное явление, результаты которого формируют среду жизнедеятельности населения. Ввиду преимущественно городского расселения населения по территории России, под средой жизнедеятельности будем понимать городскую среду. Городская среда - это то, что окружает жителей города. Она определяет микроклимат тех, кто оказывается на его улицах. Жизнедеятельность человека во многом обуславливает комфортность среды его обитания, в том числе городской.

Внимание к проблемам городской среды приобрело ракурс ее благоустройства как безопасной и благоприятно. Благоустройством городской среды занимаются, как правило, органы

местного самоуправления в лице различных структурных подразделений городской администрации. То есть речь об инфраструктурном развитии: формировании комфортных условий для отдыха, проживания и занятости населения, что позволяет улучшить восприятие жителями своего города, создать условия для повышения к нему интереса со стороны инвесторов как к возможной территории реализации своих проектов.

В России стартовал проект партии «Единая Россия» под названием «Формирование комфортной городской среды» [2], который ориентирован на благоустройство отдельных выбираемых жителями города проблемных городских территорий. То есть ввиду бюджетной ограниченности финансов по данному проекту удастся модернизировать небольшую часть таких территорий, выбором которых, несмотря на обязательное привлечение к этому процессу населения городов, займутся органы местного самоуправления.

Учитывая недостаточное освещение нюансов благоустройства территории как управленческого процесса, в который можно включить различные этапы, выбирать различные ресурсы, в том числе кадровые и материальные, результаты реализации данного проекта сложно предугадать. Кроме того, практически всегда проблемы городской среды связывают в контекстном изложении с деятельностью структур жилищно-коммунального хозяйства, отношение к которым у россиян преимущественно негативное. Поэтому, не уменьшая значимости данного проекта для городских территорий большинства российских городов, отметим, что успех его реализации будет непосредственно детерминирован активностью и рациональностью использования полученных ресурсов органами ЖКХ отдельно взятых городов.

Многие европейцы гордятся своими городами, в силу другого восприятия и функциональности территорий своей жизнедеятельности, что косвенно подтверждается Европейской хартией городов, принятой в первой редакции в 1992 году, а во второй – в 2008 году. Следовательно, российские города тоже должны иметь шанс на признание своими обитателями, на положительные отклики со стороны гостей города и потенциальных инвесторов.

Считаем, что вопросы благоустройства городской среды затрагивают интересы субъектов городского хозяйства, то есть органов власти, хозяйствующих субъектов и населения. Обозначенный ранее проект формирования комфортной городской среды не сможет учесть все потребности и интересы этих субъектов в силу различных обстоятельств. Невозможно одновременно устранить накопившиеся проблемы городских территорий, даже при участии федеральных органов власти. Наиболее острой проблемой, на наш взгляд, может стать сведение данного проекта к ранее существовавшей программе по реконструкции дворовых территорий. Подтверждением этому стало анонсирование в ряде городов России благоустройства дворов в жилых микрорайонах в рамках этого проекта (Новосибирск, Грозный, Пенза, Нижний Тагил, Екатеринбург и другие). Повсеместно приняты муниципальные программы как нормативно-правовые акты, регламентирующие реализацию проектов формирования современной городской среды. Причем эти программы также включают разделы по благоустройству жилых дворов.

Таким образом, управление городской средой весьма актуальный вопрос современной России, а также условие социально-экономического развития территорий. Поэтому целесообразно сформировать комплексный подход к данному направлению деятельности, учитывая разные параметры городской среды. Обратимся к сборнику всероссийского конкурса эссе, проведенному в 2015 году общественной организацией «Гильдия Экспертов Инфраструктурных Проектов» при поддержке НП «Центр развития инфраструктурных проектов» и Института государственного и муниципального управления НИУ ВШЭ [3]. Несмотря на формат данных материалов (эссе), их можно использовать для определения городской среды с различных точек зрения, а управление городской средой как инфраструктурный проект.

Благоприятная городская среда воспринимается с различных точек зрения:

- размещения общественных туалетов;
- сохранения экологического каркаса города при застройке и реконструкции;
- организации пространства передвижения;
- функциональности общественного пространства рядом с жилыми домами;
- удобной схемы транспортного обслуживания населения;
- прочих аспектов.

Четкого определения содержания понятия «городская среда» в стартовавшем национальном проекте «Формирование комфортной городской среды» нет. Ее реализация предусматривает привлечение жителей к обсуждению и участию в определении потребностей городской среды. В связи с этим, полагаем, что целесообразно акцентировать внимание на этом

проекте со стороны хозяйствующих субъектов как возможности улучшить инфраструктуру своей деятельности.

Современный город – это искусственная среда, воздействующая на поведение, психику, мотивацию, привычки его жителей. Он порождает стрессовые состояния вследствие больших рабочих нагрузок, нехватки отдыха и общения с близкими людьми, скученности населения, чрезмерного уровня шума и т.д. [4]. Поэтому формируя городскую среду, мы формируем микроклимат в городе. Таким образом, в условиях модернизации этой среды, заданной федеральными органами власти, необходимо целесообразное использование появившихся возможностей. Считаем это возможным при условии активизации общественного контроля, передачи ему реальных рычагов воздействия на исполнителей проекта.

1. Зиятдинова, Ф. Г. Зиятдинов, А. Р. Государственное регулирование качества жизни в условиях рынка. – Казань : Казан. Гос. Ун-т, 2009. – С. 27.
2. Паспорт приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства РФ. – Режим доступа: <http://government.ru/news/25517/> - дата обращения 23.09.2017.
3. Сборник предложений по решению проблем инфраструктурного развития городов России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/data/misc/library/%D0%A0%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8B%20%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BA%D1%83%D1%80%D1%81%D0%B0.pdf> дата обращения 23.10.2016.
4. Ильмухин, В.Н. Городская среда как фактор детерминации поведенческих практик: варианты социологической концептуализации / В.Н. Ильмухин // Вестник РУДН. Серия Социология. – 2014. – № 3 – С. 87-98

СОЦИАЛЬНЫЙ ВЕКТОР КАК РЕАЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ

Селиверстова Н.И. (Оренбург)

Государственное управление - это практическое, организующее и регулирующее воздействие государства на общественную жизнедеятельность, то есть имеет социальную природу. Эта социальная природа связана не только с объектом государственного управления, но и его субъектом. Не раз было сказано о том, что государство есть социальный институт, функционирующий ради удовлетворения потребностей большой группы людей.

Все современные государства акцентируют внимание на социальной составляющей своей деятельности, так как нуждаются в общественной поддержке, являющейся результатом социального вектора государственного управления.

Обострение политических, экономических и идеологических проблем, несоответствие ценностей приводит к социальным конфликтам, многие из которых становятся объектом внимания государства. Социальная сфера есть комплексное образование, включающее в себя:

- образование;
- здравоохранение;
- культуру и физическую культуру и спорт;
- социальное обеспечение;
- молодежную политику;
- другие сферы.

Итак, в социальном управлении задействованы различные структуры, представляющие как единичные, так и коллективные образования. Государство также может являться субъектом, а в некоторых случаях и объектом государственного управления. Особенностью социального управления является пересечение интересов, позиций субъектов и объектов управления и смена их статуса. То есть из субъекта социального управления он может стать объектом и наоборот.

Еще одной особенностью можно считать способы воздействия субъекта на объект управления, которые должны подбираться с учетом гуманистических традиций общества, потребностей и воли объекта управления. Поэтому традиционно именно социальное управление рассматривается как наиболее сложное, имеющие серьезные последствия для субъекта и объекта управления.

Эмпирическое отражение социального управления находит в государственной социальной политике, которая находится под пристальным вниманием общественности, служит индикатором

эффективности государственного управления. Это воздействие государства на социальные процессы, протекающие в обществе с помощью административных, бюджетных и законодательных мер.

Социальная стабильность, как показывает история, придает устойчивость всей экономике, обеспечивая социально-устойчивое положение всех членов общества [1]. Во всех странах, независимо от уровня развития, социальный фактор экономического развития является условием экономического прогресса, а также внутренним моментом устойчивого экономического роста.

Содержание социальной политики заключается в поддержании бесконфликтных отношений между социальными группами и внутри них, обеспечении минимально необходимого уровня благосостояния и обеспечении заинтересованности работников в повышении эффективности их экономической деятельности.

Исследователи отмечают наличие постоянных факторов социально-экономического развития государства: неравенство доходов, порождаемое рынком, различия в социальном и экономическом положении людей, неравномерность распределения благ. Социальные проблемы в экономике иллюстрирует рисунок 1.

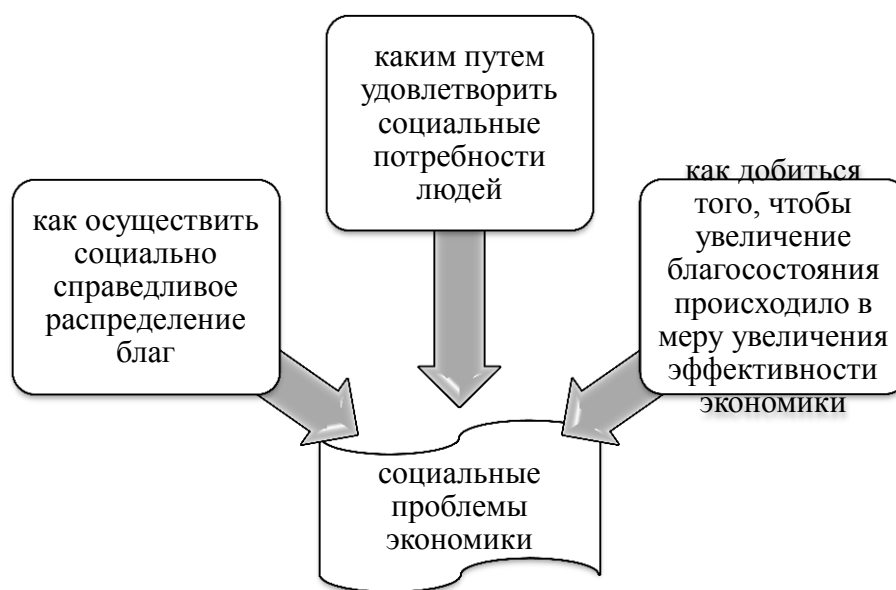


Рисунок 1 – Социальные проблемы экономики [2]

Характер и особенность развития общества, его социальная устойчивость и благополучность зависят от успешности решения данных проблем. Социальная устойчивость и благополучность являются основными признаками социально ориентированной экономики. Социальная устойчивость предполагает следующее:

формирование надежной и эффективной системы социальной защиты и помощи для всех членов общества;

создание равных начальных возможностей для молодых поколений в сфере образования, здравоохранения, а также других условий формирования человеческого потенциала;

обеспечение всеобщей доступности населения к основным предметам потребления и услуг, которые определяют достойный уровень жизни;

предотвращение недопустимой чрезмерной дифференциации доходов населения.

Таким образом, задачу социальной политики можно определить как предоставление шанса максимальному количеству людей для повышения своего благосостояния и социального статуса. Социально ориентированная экономика любого государства предполагает социальную ответственность всех граждан за результаты экономического развития, которая обеспечивается при выполнении ряда требований, которые показаны на рисунке 2.

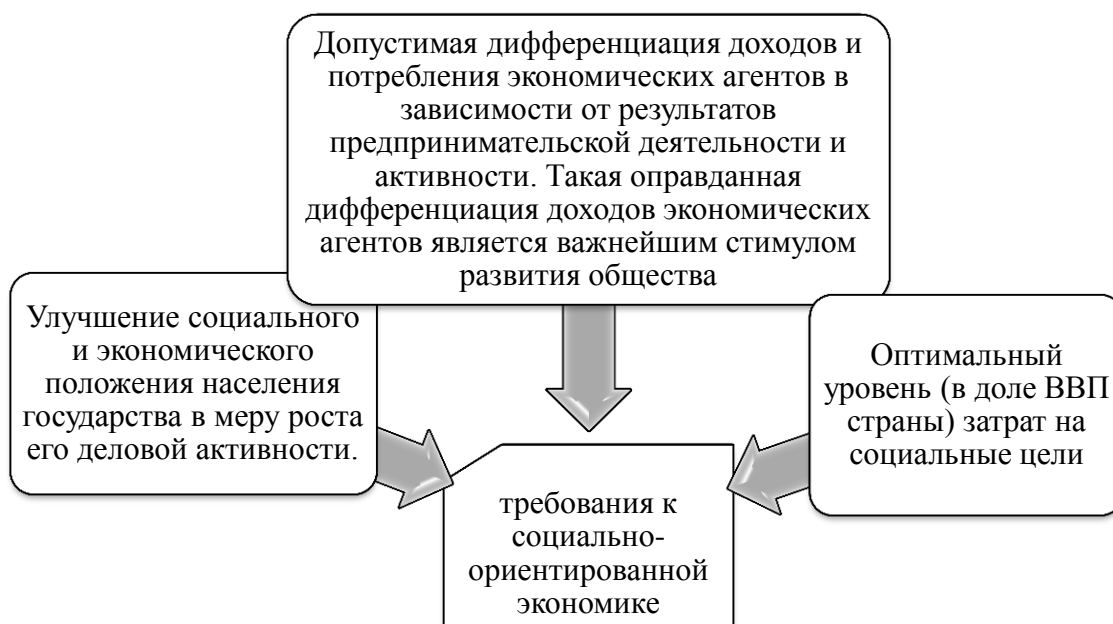


Рисунок 2 – Требования к социально ориентированной экономике

Чрезмерное участие государства в разрешении социальных проблем порождает явление опеки, патернализма, которые мало эффективны и очень затратны. Но отказ от участия государства в социальной жизни порождает рост социальной напряженности, неравенства доступа к социальным благам.

Социальное управление связано с теорией социального государства, рассматриваемого правоведами, но и с теорией общественного управления, как весьма востребованного арбитра в современной практике российского управления, что иллюстрирует рисунок 3.

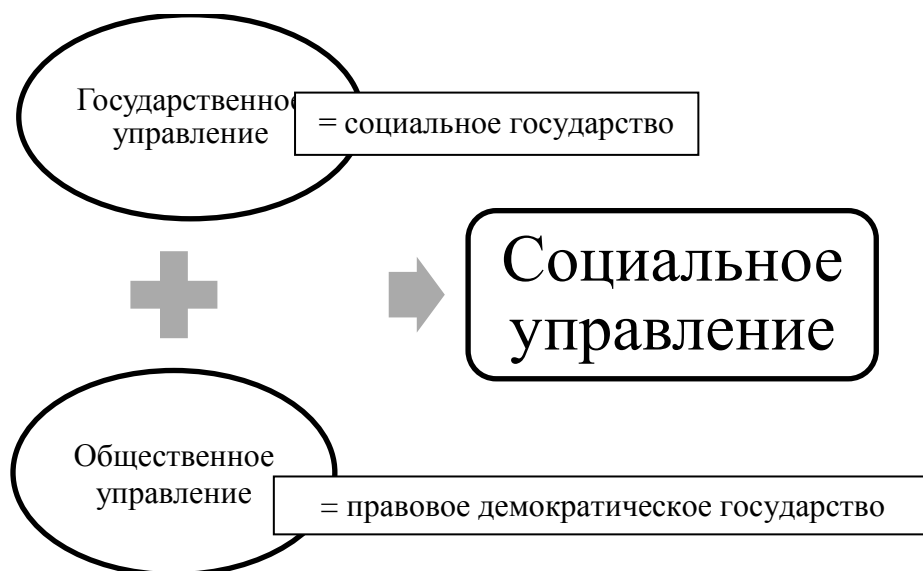


Рисунок 3 – Сущность государственного социального управления

Таким образом, видим, что государственное социальное управление является важным стержнем государственной политики, в идеале подчиняя остальные сферы жизнедеятельности общества и деятельности государства. Оно по-разному реализуется на территории государств, так как зависит от эндо- и экзогенных факторов, истории и практики, режима государственного управления. Присутствует в практике государственного управления современных стран, но в различных пропорциях. В России социальная политика является важным условием сохранения социальной стабильности, развития государства как такового.

Несмотря на все экономические и политические сложности, игнорирование социальной политики и социальных программ как инструментов реализации социальной политики могут иметь наиболее существенные последствия, опасны для государственного строя.

Полагаем, что моделью государственного управления в современном мире можно считать социально-ориентированное государственное управление, которое делает акцент на удовлетворение потребностей населения в результате взаимодействия с населением (так называемую «сервисную» модель государственного управления, которая учитывает социальные потребности населения).

*Фетисов, В. В. Социальная стабильность российского общества: состояние и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.teleskop-journal.spb.ru/files/dir_1/article_content1255522158158300file.pdf
Социальная политика [Электронный ресурс] // [Economicportal.ru](http://economicportal.ru). – Режим доступа: <http://economicportal.ru/ponyatiya-all/socialnaya-politika.html>*

СФЕРОНЫ: ООН ГАРМОНИИ ВМЕСТО ООН ВОЙНЫ. СОЦИОКИБЕРНЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ГЛОБАЛЬНОГО ГАРМОНИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ СФЕРОНОВ (СМГГУС)

Семашко Л.М., Скотт Б. (Санкт-Петербург)

*Чтобы что-то изменить, создайте новую модель.
Бакминстер Фуллер*

Аннотация: в статье рассматривается уникальная социокибернетическая и тетрасоциологическая модель глобального гармоничного управления сферонами – гармоничных классов населения для замены традиционной ООН войны ООН гармонии и мира нового многополярного мирового порядка 21 века. Традиционная ООН была создана милитаристской Америкой, чтобы легитимировать свое господство в однополярном мировом порядке. Он полностью себя дискредитировал за 72 года существования ООН в своей беспомощности обеспечить глобальный мир и освободить человечество и планету от постоянной угрозы военного самоуничтожения.

Предисловие. Тетрасоциология и Социокибернетика: понятия социетальных сфер и сферонов для ООН гармонии

Взаимодополняющее плодотворное сотрудничество Тетрасоциологии и Социокибернетики как холистических и плюралистических системных теорий, которые полностью признают друг друга, началось с предисловий к моей «Тетрасоциологии» [1] двух лидеров Исследовательского Комитета по Социокибернетике (RC51) Международной Социологической Ассоциации (ISA) Бернда Хорнунга, Германия [2] и Бернарда Скотта, Англия [3]. Последний из них любезно согласился быть редактором английского издания этой книги [4], которая была представлена на 32 сессиях 16 Конгресса ISA в Брисбен, Австралия, в июле 2002 [4], где тетрасоциология впервые стала известна западным ученым. В то же время мы вдвоем написали большую статью о соотношении категорий наших двух наук, в особенности четырех сфер общественного производства и занятых в них четырех гармоничных классов населения, которые впоследствии получили лаконичное название «сфероны» [5].

В тетрасоциологии как теории социальной гармонии, глобального мира и гармоничной цивилизации, понятия сфер и сферонов развиваются с 1976 года [6]. Интегрируясь с социокибернетикой, тетрасоциология приобретает от нее системное кибернетическое богатство и в то же время поднимает ее на уровень третьего порядка, обогащая ее системными категориями сфер и сферонов и сохраняя все достижения ее предшественных порядков [7]. На этом уровне она становится социокибернетикой гармонии социетальных сфер и занятых в них сферонов. Поэтому, предлагаемая ниже «Социокибернетическая модель глобального гармоничного управления сферонами» (СМГГУС) для ООН гармонии одновременно является тетрасоциологической, что фундаментально раскрывается в «Науке глобального мира» [8].

1. ООН войны

Очевидно, что международная организация, объединяющая все нации планеты, призвана обеспечить жизнь человечества, но не держать его десятилетиями под стремительно растущей угрозой полного самоуничтожения, что демонстрирует ООН. В чем заключается главная причина этого фундаментального порока ООН? В том, что она была создана самой мощной экономической и военной державой – США – для легализации своей милитаристской имперской политики в послевоенном мировом порядке. США понесли минимальные потери во второй мировой войне, но

максимально военизировалась и обогатилась от нее, став мировым гегемоном, легализацией которого стала ООН, созданная для этой цели США.

Назовем лишь несколько наиболее весомых доказательств, подтверждающих наш вывод.

1. США резервируют за собой с 1945 года право первого ядерного удара [9]. Это воспринимается в ООН как норма 72 года.

2. Все годы существования ООН, США ведут непрерывные войны, убив за это время более 11 млн. в 37 странах [10] при полном, практически, попустительстве ООН.

3. В течение 72 лет процветают американские интервенции без границ, которые нашли глобализацию в «долгой войне США против человечества» [11].

4. За 72 года, США вместе со своими союзниками по НАТО и под крылом карманной ООН создали в своем «новом мировом порядке» режим «тоталитарной демократии и полного спектра господства» [12] с планом Пентагона «тотальной войны и военной диктатуры» [13].

5. Под крылом и опекой ООН, США трансформируются в «перевернутый тоталитаризм и фашистски подобное государство» [14], «планируют ядерную войну» [15], «создали и поддерживают ИГИЛ» [16], и потому составляют «величайшую угрозу глобальному миру» [17].

6. ООН бессильна перед военно-промышленным-медийным-финансовым-научным-конгрессинальным комплексом США [18], управляющим этой ООН и повинным в геноциде многих народов, особенно иракского [19]. Она беспомощна перед военными преступлениями США и НАТО против человечности, давно заслуживших «Американский Нюрнберг» [20], который эта ООН бессильна запустить. Обобщая подобные бесчисленные факты, еще Мартин Лютер Кинг заявил: «Правительство США - величайший поставщик насилия в мире» [21].

Поэтому, назвать ООН «глобальным миротворцем» - это такая же сказка, как «назвать США глобальным миротворцем», которые создали «Американский век насилия» [22].

Конечно, мы должны признать, что за 72 летнюю историю ООН в ней прозвучало немало замечательных миротворческих идей, но они все были преданы забвению и утонули в ее бездонном милитаристском болоте.

Поэтому ООН, как и Лига Наций, фактически осталась институтом войны, а не мира, несмотря на плотную завесу миролюбивых деклараций, воззваний и речей.

«Суверенные национальные государства не могут удовлетворительно справиться с глобальными вызовами... Нам срочно нужно новое мышление» [23].

2. ООН гармонии (ООНГ): абрис

Фундаментальное отличие ООН гармонии от ООН войны заключается в следующем. ООНВ объединяет нации-государства со всеми их историческими дисгармониями: разногласиями, враждой, неравенством и антипатиями.

ООНГ объединяет их на основе глубокой производственной общности, равно присущей и равно необходимой всем им. Эта фундаментальная общность, составляющая единый и равный для всех народов источник их жизни и противовес их разногласиям, заключается в глубокой социетальной структуре четырех универсальных и константных сфер общественного производства и четырех занятых в них сферах. Кратко: сферная ООН лучше, чем национальная ООН и предлагается вместо нее.

По результатам международного опроса «ООН признается наиболее способной реагировать на глобальные риски (60%), но подавляющее большинство поддерживает ее реформирование (85%). Только 7% не считают, что ее нужно реформировать.» [24] Наша модель ООНГ, которая развернуто представлена здесь [25], предлагает путь и структуру реформирования ООН.

Для ООНГ предлагается «Социокибернетическая Модель Глобального Гармоничного Управления Сфероном» (СМГГУС). Она опирается на то общее, что есть у всех народов и государств – на 4 сферы производства и занятые в них 4 гармоничных класса населения – сфероны. В этой модели сфероны человечества составляют ключевой объект и субъект/актор глобальной гармонии и ее управления. Они - ее центр и сердце. Эта модель применима на всех организационных уровнях.

СМГГУС ООНГ основана на следующих фундаментальных научных посылах социокибернетики и тетрасоциологии.

1. На открытии Норберта Винера общества как кибернетической системы частей [26].

2. На открытии Умберто Матураны «аутопоэзиса» (самопроизводства) всех живых существ [27].

3. На догадке молодого Карла Маркса четырех сфер общественного производства [28]. Она нашла научное подтверждение и детализацию во многих трудах [29 - 36].

4. На плюралистической философии гармонии Анри Пуанкаре, основное положения которой он сформулировал так: «Внутренняя гармония мира есть единственная истинная объективная реальность.» [37].

5. На Законе дуальности «Гармония – Дисгармония» и их взаимного вытеснения в любом обществе. [38].

6. На юридической модели ООН мира и разоружения [39].

СМГГУС ООНГ предлагается для начала, на 5-10 лет верификации, в качестве экспериментального режима функционирования действующей ООН.

Четырехсферная структура признается высшим структурным законом всех управленческих органов ООНГ, который обеспечивает равный учет интересов каждого из четырех Сферонов человечества и обеспечивает полное равенство всех наций членов ООНГ и их гендеров с равным распределением законодательной, исполнительной и судебной власти между ними. Это создает Сферную Гармоничную Демократию ООНГ. Детали СМГГУС смотреть здесь [25].

1. Семашко Лев (2002) Тетрасоциология: Ответы на вызовы. СПб ГТУ: http://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=118

2. Хорнунг Бернд (2002) Тетрасоциология. Предисловие: http://www.peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=212

3. Скотт Бернارد (2002) Тетрасоциология. Введение редактора английского издания:

http://www.peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=212 ;

Скотт Бернارد (2017) Некоторые мысли о концепции «сферонов» Льва Семашко. ISA RC51 On Sociocybernetics. Newsletter 34, September 2017: http://www.peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=290

Scott Bernard (2017) Some thought about Leo Semashko's concept of 'spherons': ISA RC51 On Sociocybernetics. Newsletter 34, September 2017: <https://sociocybernetics.files.wordpress.com/2017/09/rc51-newsletter-34.pdf>

4. Semashko Leo (2002) Tetrasociology: Responses to Challenges: http://peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=145

5. Хорнунг Бернд, Скотт Бернارد и Семашко Лев (2003) Тетрасоциология и социокibernетика: к сравнению ключевых понятий: http://www.peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=290 на английском:

http://www.peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=255

6. Семашко Лев (1992) Сферный подход. Философия, демократия, рынок, человек. СПб., Нотабене: http://peacefromharmony.org/file/5162/1992-semashko-sferniy_podhod.pdf

7. Семашко Лев (2012) Азбука Гармонии как Социокibernетика третьего порядка: http://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=64

8. Семашко Лев и 88 соавторов(2015) Наука глобального мира или миролюбология: первое общее благо и право человека, революция социальных наук, созидание мира из гармонии и победа мира над войной в XXI веке. Всемирный учебник. – СПб. Изд-во Политехн. ун-та, 2015. – 432 с., ISBN 978-5-7422-4707-4: <http://peacefromharmony.org/docs/Nauka-globalnogo-mira-2015.pdf>

9. Collina Tom Z. The U.S. Policy Allows the First Use of Nuclear Weapons: http://www.peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=704

10. Lucas James. US Has Killed More Than 20 Million In 37 Nations Since WWII: http://www.peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=641

11. Chossudovsky Michel. The Globalization of War, America's "Long War" against Humanity: http://www.peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=682

12. Engdahl William (2009) Full Spectrum Dominance: Totalitarian Democracy in the new World Order: http://www.peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=659

13. Carter Tom. The Pentagon's Law of War Manual: A Blueprint for Total War and Military Dictatorship: http://www.peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=644

14. Wolin Sheldon. Inverted Totalitarianism: USA Transformation to Fascist-like State: http://www.peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=721

15. Johnstone Paul. From MAD to Madness: Inside Pentagon Nuclear War Planning Paperback. Pentagon Fascism: http://www.peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=736

16. Lendman Stephen. Dirty Open Secret: US Created and Supports ISIS: http://www.peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=761

17. Zuesse Eric. U.S. is the Greatest Threat to World Peace Today. Polls: http://www.peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=767

18. Reich, Robert B. (2015) How to Disrupt the Military-Industrial-Congressional Complex: <http://robertreich.org/post/123138820185>

19. Maguire, Mairead (2014) *The Disturbing Expansion of the Military-Industrial Complex*: http://peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=678
20. Gordon Rebecca. *American Nuremberg. The unpunished crimes like Dick Cheney, George Bush, and Donald Rumsfeld in the Global War on Terror*: http://www.peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=683
21. Кинг Мартин Лютер. *Правительство США - величайший поставщик насилия в мире*: http://www.peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=303
22. Dower John W. *It's a Fairy Tale to Call the US the World's Peacekeeper*: http://www.peacefromharmony.org/?cat=en_c&key=764
23. Szombatfalvy, Laszlo. *Letter from the Founder, 2016*: <https://api.globalchallenges.org/static/files/prize-letter-en.pdf>
24. *Attitudes to global risk and global governance survey (2017)*: <https://www.globalchallenges.org/ru/our-work/risk-survey>
25. Семашко Лев и соавторы (2017) *Сфероны: ООН гармонии вместо ООН войны. Социкибернетическая модель глобального гармоничного управления сферонов (СМГГУС) на уровне ООН*: http://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=736
26. Wiener, Norbert (1994) *Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine*, MIT Press, Cambridge Mass.
27. Maturana H., Varela F. *Autopoiesis: the organization of the living (1973)* // Maturana H., Varela F. *Autopoiesis and Cognition*. – Boston, 1980. – P. 63–134
28. Marx, K. and Engels, F. *German Ideology*: <https://ru.scribd.com/document/100196014/German-Ideology>
29. Park, Robert (1967) *On Social Control and Collective Behavior*, Chicago: University of Chicago Press
30. Braudel, Fernand (1995) *A History of Civilizations*.
31. Parsons, Talcott (1975), "The Present Status of 'Structural-Functional' Theory in Sociology"
32. Beer, Stafford (1995) *Brain of the Firm*, 2nd edition, Wiley, New York
33. Pask, Gordon (1991). "The right of actors to interact: a fundamental human freedom", in Glanville, R. and de Zeeuw, G. (eds.) *Mutual Uses of Cybernetics and Science (Vol 2)*, Systemica, 8, 1 to 6, Thesis Publishers, Amsterdam.
34. Luhmann, Niklas (1995) *Social Systems*. Stanford University Press
- Luhmann, Nicolas (2007) *Introduction to Systems Theory*. - M.: Publishing House - "Logos"
35. Toffler, Alvin (1970) *Future Shock*. Bantam Books
- Toffler, Alvin (1980) *The Third Wave*. Bantam Books
36. Bourdieu, Pierre (1991) *Language and Symbolic Power*, Harvard University Press
- Bourdieu, Pierre (2005) *The Social Structures of the Economy, Polity*
37. Poincare, Henri (2013) *The Foundation of Science. The Science Press. New York And Garrison, N. Y.*: <https://archive.org/stream/foundationsscie>
38. Баймуратов Ураз (2014) *Закон социально-экономической Гармонии*: http://peacefromharmony.org/?cat=ru_c&key=629
39. Clark, G. & Sohn, L. B. (1958) *World peace through world law*.

ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ В ТОЛЬЯТТИ

Симонян А.В. (Тольятти)

Помимо удовлетворённости жизнью, самореализации людей и жизненного комфорта населения в целом, немаловажным фактором является та среда обитания, в которой непосредственно находятся горожане.

В различной степени все люди вносят свой вклад в формирование городской среды. Вступая в контакт с городом, наделяют его своим отношением, извлекают из него то, что им ценно и интересно. Эту освоенную часть окружения, отмеченную присутствием человека, его души, соединенную с сознанием и видоизмененную им, называют средой обитания человека, в соответствии с городом - городской средой.

Город является особым социально-пространственным образованием наряду с деревнями, поселками и другими локальными ареалами существования людей. Становление городов связано с переходом от первобытного общества к классовому. Понятие города является условным и обозначает населенный пункт, причисленный, в соответствии с законодательством данного государства, к категории городов. [1]

Неизменность интереса к городской тематике доказана временем. Город есть один из сложных объектов научного исследования. Изучение города находится в сфере интересов различных наук. В зарубежной классической социологии выделяются работы: Карла Маркса,

Фердинанда Тенниса, Эмиля Дюркгейма, Георга Зиммеля, Макса Вебера систематически и детально рассмотревших значение городов с точки зрения разных сфер общества. [3]

В процессе эмпирического изучения отношения к городу различают два аспекта: 1) прагматический – отношение к месту жительства с позиции пользы, витальных параметров среды; 2) аксиологический – отношение к образу жизни с позиции структуры личности. [4]

Тольятти – один из самых устойчивых и активно формирующихся городов России. Его по праву считают крупным современным индустриальным центром Поволжья. Население городского округа Тольятти, по данным на 1 января 2016 года, составляло 712,6 тысяч человек. По численности населения Тольятти занимает 17-е место в России. [5]

Современный город является привлекательным местом для проживания, предоставляющим широкий аспект возможностей для раскрытия личности индивидов. Каковы же взгляды горожан на будущее города, на его проблемы и преимущества? Каково сейчас отношение горожан к своему родному городу? Для получения ответа на данные вопросы был предпринят вторичный анализ социологического исследования, проведенного кафедрой социологии Гуманитарно-педагогического института Тольяттинского государственного университета, в котором были отражены прагматические и аксиологические аспекты восприятия горожан города Тольятти.

Так, например, по мнению горожан, для Тольятти преимущественно характерны: развитая производственная сфера (28 %), быстрые темпы развития (22 %), удобная транспортная связь с другими городами (21 %). Наиболее актуальными для города считаются следующие проблемы городской жизни: трудности поиска достойной работы (66 %), проблемы с приобретением собственного жилья (51 %). Четверть опрошенных отмечает отсутствие перспектив карьерного роста [6], низкую культуру поведения и общения людей, загрязненное состояние улиц и тротуаров.

Показательными являются данные отображающие эмоциональное отношение населения к своему городу. Так, симпатию и уважение испытывают (56 %), любовь (23 %), гордость и восхищение (10 %). Равнодушие и безразличие чувствуют 11 % респондентов.

Мы попытались выявить осведомленность жителей о будущем своего города и их планах. Большинство респондентов (51 %) считают, что существенных изменений в городе не произойдет. 25 % уверены, что положение в городе ухудшится. 23 % ответили, что город преодолет статус моногорода и будет процветать.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать ряд заключений о восприятии населением современной жизни в г. о. Тольятти:

1. В Тольятти хорошо развита производственная сфера.
2. Тольятти обладает большим промышленным потенциалом, но в нем все же трудно найти работу и обеспечить себя жильем.
3. Прагматический аспект развит слабо. Показатели средней удовлетворенности по семи аспектам городской жизни находятся на отметке «удовлетворительно», по некоторым параметрам даже ниже.
4. Аксиологический аспект выражен в основном в положительном отношении к городу, городской среде, ориентируя его на жизнь в городе.

Таким образом, Тольятти является сегодня современным городом, притягательным местом проживания, предоставляющим широкие возможности для раскрытия личностного потенциала индивида. Город выражает олицетворение современного образа жизни, мировоззрения, и в то же время, является сосредоточием разнообразных возможностей деятельности, интенсивности социальной информации, цивилизованной интеграции.

1. Вирт Л. Избранные работы по социологии // Сборник переводов Центра социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии / пер. с англ. Николаев В. Г.; отв. ред. Гирко Л. В. Серия Теория и история социологии. М., 2005. - С. 93 - 118.

2. Желнина, Е. В. К вопросу о значении градообразующего предприятия в социокультурной и экономической жизни моногорода // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2011. – № 4 (18). – С. 129 – 133.

3. Предмет социологии и предпосылки ее возникновения / Коломоец Е. Н., Латышева В. В. «Методические указания по дисциплине «социология», 2007 год: [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/4546990/page:3/> (Дата обращения: 20.02.17).

4. Пирогов С.В. Социология города: учебное пособие. – М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. – С. 55.

5. Картина городской жизни Тольятти: опыт комплексного научного подхода : монография / под ред. профессора В. П. Овсянникова (Глава 1), профессора кафедры И. В. Цветковой (Глава 2) – Тольятти : ТГУ, 2010. – С. 247.
6. Желнина, Е. В. Россия-2050: образ страны по результатам социологического исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – № 3 (7). – С. 47 – 55.
4. Пирогов С.В. Социология города: учебное пособие. – М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. – С. 55.
5. Картина городской жизни Тольятти: опыт комплексного научного подхода : монография / под ред. профессора В. П. Овсянникова (Глава 1), профессора кафедры И. В. Цветковой (Глава 2) – Тольятти : ТГУ, 2010. – С. 247.
6. Желнина, Е. В. Россия-2050: образ страны по результатам социологического исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – № 3 (7). – С. 47 – 55.
1. Вирт Л. Избранные работы по социологии // Сборник переводов Центра социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии / пер. с англ. Николаев В. Г.; отв. ред. Гирко Л. В. Серия Теория и история социологии. М., 2005. - С. 93 - 118.
2. Желнина, Е. В. К вопросу о значении градообразующего предприятия в социокультурной и экономической жизни моногорода // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2011. – № 4 (18). – С. 129 – 133.
3. Предмет социологии и предпосылки ее возникновения / Коломоец Е. Н., Латышева В. В. «Методические указания по дисциплине «социология», 2007 год: [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/4546990/page:3/> (Дата обращения: 20.02.17).
4. Пирогов С.В. Социология города: учебное пособие. – М.: Издательский дом «Новый учебник», 2004. – С. 55.
5. Картина городской жизни Тольятти: опыт комплексного научного подхода : монография / под ред. профессора В. П. Овсянникова (Глава 1), профессора кафедры И. В. Цветковой (Глава 2) – Тольятти : ТГУ, 2010. – С. 247.
6. Желнина, Е. В. Россия-2050: образ страны по результатам социологического исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – № 3 (7). – С. 47 – 55.

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Синельников Е.С. (Барнаул)

Явление социального предпринимательства в последние годы получило широкую огласку в мировом и отечественном социально-экономических сообществах. Если обобщить различные подходы к определению социального предпринимательства, то данное явление можно толковать как инновационную деятельность предприятий, направленную на решение или смягчение социальных проблем на основе самокупаемости и устойчивости за счет получения прибыли. При этом первичной целью таких предприятий является именно содействие решению социальных проблем, а не извлечение экономической выгоды.

Повышенный интерес к феномену социального предпринимательства обусловлен тем, что за счет использования инновационных методов в ведении бизнеса, деятельность социальных предприятий способствует не только реализации интересов и потребностей общества, но и помогает решать или смягчать насущные социальные проблемы, получая при этом экономическую прибыль.

Получается, что такой подход к ведению бизнеса способствует нормализации социально-экономического положения в стране и делает субъектов социального предпринимательства надежными партнерами государства в решении задач социальной и экономической политики.

В связи с этим, изучение факторов развития социального предпринимательства позволит не только выявить и тщательно проанализировать преимущества и недостатки этого инновационного способа ведения бизнеса, но также позволит эффективно внедрить его в экономическую и социальную жизнь российского общества в качестве нового способа улучшения социально-экономического благополучия в стране.

Явление социального предпринимательства привлекает к себе большой научный и исследовательский интерес. Так, значимый вклад в разработку проблем понимания и развития социального предпринимательства внесли ученые Дж. Боше, Г. Дис, И. Марти, Дж. Мэйр, Г. Шульер. Помимо этого, различный вклад в изучение аспектов социального предпринимательства

внесли такие ученые и исследователи, как И.Д. Афанасенко, В.А. Бунько, А. Ф. Векслер, Ю. И. Грищенко, Н.И. Зверева, И.С. Лебедева, М. Б. Орлов, М.Б. Полтавская и др.

Проблема изучения сущности социального предпринимательства и факторов его развития состоит, прежде всего, в том, что, не смотря на высокий интерес научного сообщества к данному явлению, на сегодняшний день нет однозначного толкования понятия «социальное предпринимательство». Кроме того, проблема заключается еще и в том, что сложно установить четкие границы между традиционным бизнесом, социальным предпринимательством и благотворительной деятельностью.

Фонд региональных социальных программ «Наше будущее», основанный в 2007 году для поддержки и развития социального предпринимательства в России, выделяет следующие «критерии социального бизнеса: социальная миссия, предпринимательский подход, инновационность, масштабируемость и тиражируемость, самокупаемость и финансовая устойчивость» [2].

Применительно к российской действительности, на сегодняшний день можно выделить ряд обстоятельств и факторов, определяющих развитие социального бизнеса в России и её отдельных регионах.

Обстоятельствами, обуславливающими развитие социального предпринимательства, являются:

1. Неспособность государства и некоммерческих организаций решить социальные проблемы традиционными способами без поддержки субъектов бизнеса.
2. Увеличение количества социально-незащищенных групп населения, нуждающихся в серьезной поддержке;
3. Расширение потребностей населения в видах социальных услуг;
4. Развитие технического и информационного прогресса, в результате которого широкие слои населения нуждаются в обучении использованию новых технологий и другое.

Помимо этого, можно также выделить факторы, способствующие и препятствующие развитию социального предпринимательства в России.

Факторами, способствующими развитию социального предпринимательства, являются:

- Государственная поддержка субъектов малого и среднего бизнеса;
- Постепенное развитие системы партнерства между социальными предприятиями, некоммерческими организациями и государством и т.д.
- Использование нетрадиционных ресурсов в организации своей деятельности;
- Приближенность предприятия к нуждам и потребностям своей целевой группы, что помогает создавать инновационные и специализированные способы решения социальных проблем;

Основным фактором, препятствующим развитию социального предпринимательства в России, является отсутствие законодательного закрепления и оформления данного явления.

На данный момент Министерство экономического развития Российской Федерации разрабатывает законопроект, направленный на формальное закрепление статуса социального предпринимательства в российском законодательстве и определение его специфических черт и особенностей.

Согласно информации, размещенной в газете «Коммерсантъ», проект «предлагает относить к социальному предпринимательству предприятия, на которых трудятся инвалиды, одинокие и многодетные родители, пенсионеры, выпускники детских домов в возрасте до 21 года, лица, освобожденные из мест лишения свободы. Среднесписочная численность таких работников в совокупности должна составлять не менее 30%, а их доля в фонде оплаты труда — не менее 25%» [1, с. 2]. Кроме этого, к социальным предприятиям будут отнесены предприятия, функционирующие в сфере здравоохранения, физкультуры и спорта, социально-просветительской и иной деятельности, имеющие своей базовой целью оказание помощи людям, находящимся в трудной жизненной ситуации. При этом доход от этой деятельности должен составлять не менее 70% от общего дохода.

В сентябре 2017 года заместитель министра экономического развития России Олег Фомичев сообщил РИА «Новости», что закон планируется принять уже осенью 2017 года.

Помимо законодательного оформления, существует ряд иных факторов, препятствующих полноценному внедрению социального предпринимательства в российскую действительность. Среди них:

- Отсутствие устойчивого спроса на услуги социального предпринимательства;

- Слабая культура корпоративной социальной ответственности;
- Недостаточная информированность населения о явлении социального предпринимательства;
- Высокая арендная плата за площади, на которых размещаются социальные предприятия;
- Высокий уровень налогообложения;
- Отсутствие специальных масштабных государственных программ и проектов по поддержке и развитию социального предпринимательства и др.

Таким образом, очевидно, что изучение факторов развития социального предпринимательства является актуальной проблемой современного российского общества и представляет значительный исследовательский интерес.

1. Николаева, Д. Социальных предпринимателей введут в закон. Незащищенным категориям добавят экономической самодостаточности [Текст] / Д. Николаева // Газета Коммерсантъ. – 2017. - № 4. – С. 2.

2. Социальное предпринимательство [Электронный ресурс] // Новый бизнес. Социальное предпринимательство. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.nb-forum.ru/social/>. – Загл. с экрана.

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УРОВНЯ ПЕНСИЙ

Соловьев А.К. (Москва)

Современная пенсионная система государства представляет собой совокупность экономиче-ских, организационных и правовых институтов, обеспечивающих формирование пенсионных прав застрахованных лиц, и реализацию накопленных пенсионных обязательств при наступлении стра-ховых случаев в соответствии с Конституцией РФ, международными и российскими законодатель-ными актами, трехсторонними соглашениями и коллективными договорами и иными документами, регламентирующими функционирование различных компонентов пенсионной системы.

В условиях становления рыночной экономики в пенсионной системе осуществлена пере-стройка на страховые принципы формирования пенсионных прав застрахованных лиц с целью обеспечения дифференцированной увязки размера государственной пенсии с трудовым стажем и заработком пенсионера, т.е. в зависимости от трудового вклада работника.

Критическими демографическими параметрами являются следующие: за последние 20 лет средний возраст населения вырос на 4 года, коэффициент старения – на 1,3 процентных пунктов. В результате, население России характеризуется по международной шкале как высокий уровень де-мографической старости (а женское население - очень высокий). Закономерно, что возрастает пока-затель «демографической нагрузки» (соотношение работающих и пенсионеров).

В таких условиях обеспечить сбалансированность пенсионной системы за счет страховых инструментов можно только увеличением тарифной нагрузки на экономику либо непосредственно на человека, либо на бизнес: необходимый тариф для выполнения текущих предельно скромных пенсионных обязательств требует 36-38%-ного тарифа страховых взносов (против нынешнего 22%+10%) либо увеличением целевого трансферта, который также формируется из налоговой нагрузки на экономику.

Таким образом, без государственного регулирования макроэкономической и демографиче-ской ситуации долгосрочная финансовая стабилизация системы обязательного пенсионного стра-хования (ОПС) практически невозможна.

Исходя из экономической сущности страховой пенсионной системы, которая заключается в эквивалентности пенсионных обязательств страховщика (независимо от способа страхового обеспечения - распределительного или накопительного) накопленным пенсионным правам каждого застрахованного лица (или группы застрахованных лиц) предлагаются следующие критерии оценки реализации страховых принципов в пенсионных системах:

- долгосрочная (а не только текущая) финансовая сбалансированность пенсионной системы в целом,
- эквивалентность пенсионных обязательств пенсионным правам каждого застрахованного лица,

- гарантия минимального уровня материального обеспечения застрахованных лиц в пенсионной системе.

Выбор и обоснование конкретных страховых механизмов в пенсионной системе зависят от национальной социальной политики.

В условиях финансового кризиса и ужесточения бюджетно-финансовой политики пенсионная система должна рассматриваться как один из базовых факторов устойчивости долгосрочного развития экономики и гарантии социальной стабильности, а не инструмент регулирования сбалансированности госбюджета текущего планового периода. Поэтому пенсионная реформа должна быть направлена на повышение эффективности не только отдельных составных элементов, но и всей пенсионной системы. Для этого необходимо установить целевые ориентиры реформы, которые ин-тегрировали бы как институциональные, так и параметрические характеристики.

Эффективность пенсионной системы как базового сегмента макроэкономики оценивается рядом конкретных параметров. Во-первых, она оценивается с институциональной позиции: насколько она выполняет свою главную функцию – реализует экономические интересы застрахованных лиц - пенсионеров. Во-вторых, она должна оцениваться как составная часть макроэкономической системы государства (с позиции влияния на экономику, в частности, насколько она обременительна для государственного бюджета), т.е. общеналоговая нагрузка. В-третьих, эффективность пенсионной системы должна учитывать интересы страхователей, т.е. насколько она обременительна для так называемого бизнеса и содействует его инновационному развитию (в частности, отдельных секторов бизнеса, отдельных регионов и т.п.).

Первая проблема - эффективность пенсионной системы как институциональной формации. Пенсионная система включает в себя трех участников: страхователей, страховщиков и застрахованных лиц, которые имеют объективные экономические антагонистические интересы: то, что эффективно для одного участника, неизбежно оказывается неэффективным для других. Поэтому оценить эффективность пенсионной системы можно только с позиции оптимизационного компромисса экономических интересов всех участников пенсионной системы. Однако, при этом безусловным приоритетом является реализация экономических интересов застрахованных лиц - как главной функции пенсионной системы.

Пенсионная система рассматриваемая как часть макроэкономической системы имеет определенные социальные ограничения. Так, в частности критерий эффективности для застрахованного лица, который применяется в западной практике – это «достойный» уровень материального (де-нежного) обеспечения при наступлении страхового случая (старость – инвалидность - потеря кормильца) необходимо формализовать и количественно измерить понятие достойный уровень. До сих пор в нашей стране точка отсчета «достойного» уровня материального обеспечения как и до пенсионной реформы рассматривается только как прожиточный минимум.

Большинство наших работников получают заработную плату ниже средней зарплаты в экономике, и для них в действующей системе принципиально невозможно зарабатывать пенсии на уровне минимальных международных стандартов. Поэтому для зарабатывания 40%-ного коэффициента замещения 15-летнего трудового стажа недостаточно, в то время как в России все более значительная доля пенсионеров по старости, инвалидности и по случаю потери кормильца не могут выработать рекомендуемую МОТ нормативную продолжительность стажа для формирования даже минимальных страховых пенсионных прав

В частности, даже при 25 годах стажа (ниже которого имеют 10% пенсионеров по старости, 57% и 53% пенсионеров по инвалидности и потере кормильца) не обеспечивается объем прав для «зарабатывания» минимального коэффициента замещения 40%.

Кроме того, в России на 1000 чел. в возрасте старше трудоспособного приходится 2800 чел. трудоспособного возраста. Однако не все население трудоспособного возраста занято экономической деятельностью, а среди пенсионеров 20% еще не достигли пенсионного возраста. В результате на 1000 получателей трудовой пенсии приходится не более 1850 занятых в экономике.

В результате по России на 1000 пенсионеров по труду приходилось только 1267 наемных работников, а в каждом восьмом субъекте Федерации – даже менее 1000. Это означает, что для обеспечения солидарного коэффициента замещения на уровне 40% средней заработной платы в экономике уже сегодня тариф страховых взносов на каждого работника в целом по стране должен составлять 32% его заработной платы, а в 10 регионах - более 40%

Для стабильного функционирования распределительной системы обязательного пенсионного страхования в действующих правовых рамках необходимо соотношение

работающих и пенсионеров на уровне не менее 1,77 раза (при фактическом - 1,25 раза). Это непосредственно указывает на необходимость радикального изменения не только демографической, но и всей макроэкономической стратегии развития государства.

Несмотря на глобальный финансовый кризис в России была продолжена реализация государственной стратегии по развитию пенсионной системы как части экономической системы страны. Однако, главные проблемы развития пенсионной системы на страховых принципах - хронический дефицит бюджета ПФР и снижение индивидуального коэффициента замещения утраченного заработка, на который начислялись страховые взносы, трудовой пенсией по старости – не могут быть полностью урегулированы внутри пенсионной системы без участия государства, т.к. являются производными в первую очередь от макроэкономической ситуации в стране.

Как показывает практика социально развитых государств, альтернативы государственной системы пенсионного страхования (ОПС) не существует. Однако система ОПС может иметь многообразные институциональные формы и экономические механизмы их реализации, которые четко ориентированы не только на задачи социальной политики государства, но и на объективный учет всех внешних факторов их реализации.

Глобализация экономических процессов в мире создает дополнительные проблемы долгосрочного стратегического планирования развития пенсионной системы России, обусловленные ее уникальной многофункциональностью, которая в свою очередь вытекает из институциональной природы сложившейся системы современного экономического механизма материального обеспечения различных категорий пенсионеров.

Несмотря на установленные в Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации целевые ориентиры по достижению коэффициента замещения трудовой пенсии по старости не ниже 40% утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате, в настоящее время в России нет общепризнанной методологии расчета коэффициента замещения.

Рассмотренные проблемы финансовой устойчивости и эффективности пенсионной системы, как на текущий момент, так и в долгосрочной перспективе должны обеспечивать, в первую очередь, реализацию прав застрахованных лиц на пенсионное обеспечение. В этой связи одной из приоритетных задач современной фундаментальной и прикладной научной мысли заключается в разработке эффективных институциональных инструментов регулирования долгосрочной устойчивости пенсионной системы России в достижении цели достойного материального обеспечения граждан в случае утраты трудоспособности (по старости, инвалидности и при потере кормильца). Все дальнейшие действия по развитию государственной пенсионной системы должны быть направлены на выработку экономического механизма решения этих проблем.

ЦЕНТРАЛИЗОВАННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ В СССР: ПРОТИВОРЕЧИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО

Таранова О.А. (Санкт-Петербург)

Проблема организации централизованного планирования возникла перед большевиками сразу же после установления Советской власти. В стране в качестве доминирующей формы собственности объявлялась общественная собственность в виде общенародной собственности, которая теоретически предполагала владение, пользование и распоряжение всем народом всеми средствами производства, имеющимися в молодом Советском государстве.

На практике же общественная собственность имела только одну форму выражения – через государственную собственность (в настоящее время к ней добавились еще общественные организации как реализаторы общественных интересов, но в масштабах всей страны общественная собственность может реализоваться только через государственную). Возникла проблема организации управления общественным достоянием в интересах всего общества посредством институтов государства и государственной собственности. В связи с этим все средства производства страны оказались сконцентрированными в руках государства, что ставило вопрос о централизованном управлении этими средствами.

Важным направлением управленческой деятельности по осуществлению производительного использования общенародного достояния стало централизованное планирование, предполагавшее постановку целей экономического развития на плановый период и

просчитывание необходимых действий, которые должны были привести экономику страны в желаемое состояние. Так решалась проблема экономического развития страны в СССР в условиях доминирования общественной собственности.

Между тем и в общественной собственности, и в принципах централизованного планирования имеется противоречие индивидуального и общественного. Относительно общественной собственности как собственности каждого это противоречие означает, что общественная собственность должна доводиться до уровня каждого конкретного индивида, то есть должна индивидуализироваться. Если этого не происходит, то общественная собственность теряет свою определенность и превращается в частную собственность как собственность отдельных общественных групп и их представителей, но не всего общества в целом. Централизованное планирование как один из механизмов реализации общественной собственности также содержит в себе противоречие индивидуального и общественного.

Это невозможность обозначить все имеющиеся цели в обществе, но только те цели, которые значимы для развития общества в целом. Соответственно в план закладывается необходимость производства только той продукции и только в том ее ассортименте, который определяет достижение именно и только этих целей. Другие цели, особенно цели индивидуального и в какой-то мере частного уровня общественной системы страны выпадают из целеполагания плановой системы. Это реализовалось в СССР в крайне неравномерном развитии отраслей народного хозяйства, когда одни отрасли, например, отрасли военно-промышленного комплекса, были развиты достаточно и их продукция могла конкурировать на мировой арене, а на другие, такие как отрасли производства товаров народного потребления, обращалось внимание в самую последнюю очередь по остаточному принципу.

С этой точки зрения необходимо ставить вопрос о пределах централизованного планирования в условиях общественной собственности с тем, чтобы оптимально распределить функции управления народным хозяйством по уровням общественной системы страны.

КОНЦЕПЦИЯ ПЛАНОВОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА БОГДАНОВА А.А.

Тепляков Д.А. (Омск)

Аннотация: Дается постановка Богдановым мировой организационной задачи = насущная проблема осуществления социалистического сотрудничества. Выясняется роль технической автоматизации и культурного уровня работника в этом процессе. Анализируется различие характера труда и распределения его продуктов переходного периода от развитого коллективистского строя. Обозначаются возможные организующие институты. Набрасываются мыслимые Богдановым контуры системы планового сотрудничества при коллективизме.

Вызов Времени во избежание глобальных катастроф, по Богданову, требует реализации мировой организационной задачи - преодолеть стихийность и неустойчивость, порождаемую капитализмом: «Практические противоречия капитализма: расточение общественных сил, материальных и культурных, в его борьбе, рыночной и классовой, господство в нем общественной стихийности над сознательными усилиями людей, сурово проявляющееся в его кризисах, мирных и военных, — таков исходный пункт задачи, реальные мотивы ее постановки»[1, С. 319]. Социализм, по Богданову, должен «ввести всё в порядок, в единый план, где каждая часть точно соответствовала всем другим частям, где трудовая способность и рабочее время каждого человека находили бы своё место и применение»[8, С. 12, 14]. Богданов чётко отделяет методы государственного капитализма времён I мировой войны («планомерно нормировать, на несколько лет войны и в национально-государственном масштабе, процесс расточения производительных сил общества») от методов организации социалистического общества («планомерно организовать, на неопределенное будущее и в мировом масштабе, процесс производства в прогрессивном развитии его сил»)[1, С. 319]. «Переход к социализму,- утверждает Богданов,- должен захватить сразу либо весь мир, либо, что вероятнее, настолько значительную группу передовых стран, чтобы вся остальная, отсталая, часть человечества не могла серьёзно угрожать ей насилием, и не могла расстроить её производства отказом в обмене необходимых продуктов»[8, С. 13].

В «Красной звезде» Богданов указывает: технический прогресс позволил преодолеть товарно-денежные отношения. Он же, по Богданову, ведёт к автоматизации средств труда. Но для капитализма этот процесс невыгоден, исключая военные цели. Только при коллективизме, устраняющем коммерцию, «автоматически регулируемые механизмы приобретают значение

основного типа техники»[2, С. 86-871; 3, С. 278; 1, С. 298, 300; 5, С. 179]. В «марсианском социализме» машины на гигантских заводах почти автоматически выполняют всю работу, а рабочие являются «любопытными учёными наблюдателями». Каждый из них владеет достаточно высоким уровнем научно-технической образованности[2, С. 83, 133]. Внедрение автоматически-регулирующихся механизмов и повышение культурного уровня работника при коллективизме помогут преодолеть качественную разницу между рабочим и инженером, останется одна лишь количественная разница в подготовке и опытности. «Новая форма труда есть исполнительско-организаторская, сливающая воедино черты двух его видов, прежде резко разделённых», что, по Богданову, уже и есть преодоление классового антагонизма[9; 5, С. 180, 178, 181].

Специализация не уничтожается, а преодолевается: «теряет свои вредные стороны, перестает быть сетью перегородок между людьми, перестает суживать их кругозор и ограничивать их общение, их взаимное понимание»[1, С. 300, 301]. Вместе с тем «устраняется всякая необходимость и всякая разумность прикрепления определённых лиц к определённой частной работе»[3, С. 280].

Богдановым предполагается переходный период к развитому социализму. Крупные производства немедленно социализируются, «вытеснение» мелких «займёт немало времени»[10, С.26-27]. Крестьянство экспроприироваться не будет, а с течением времени на своём опыте поймёт преимущество социалистического способа производства[8, С. 7]. В переходном периоде «сохранится» государство как институт власти, но нацеленный на диалектическое снятие в недалёком будущем[3, С. 284].

На первой, переходной стадии труд будет обязательным для всех, но его потребуется гораздо меньше (что, с нашей позиции, сомнительно), чем при капитализме[7; 6]. Одним из главных мотивов деятельности явится общественное соревнование[10, С. 25].

В развитом коллективистском строе длина рабочего дня и выбор занятий становятся свободными[1, С. 303]. Рабочий освободится от рутины для умственного труда, «причём он станет делом, доступным всей массе человечества, а не только меньшей его части, как теперь»[8, С. 8]. Труд теперь есть «естественная потребность каждого развитого социального человека»[2, С. 86].

В эпоху переходную распределение происходит в связи с количеством вложенного труда. На второй фазе коллективизма ограничения в потреблении продуктов труда исчезают[1, С. 304].

Какие «властные», - а точнее, организующие, - структуры функционируют на «Красной звезде»? Во-первых, это Институт подсчётов, занимающийся подробнейшим сбором и публикацией статистики производительности труда и сообщающий о том, насколько выполнен план производства[2, С. 84-86, 152]. Во-вторых, руководящая фабричная коллегия (что-то вроде отдела кадров). В третьих, общественные собрания: посвящаются вопросам науки и искусства, организации работ. Доклады и речи на них страшно «сжаты и кратки», аргументация точная (здесь Богданов иллюстрирует принцип «экономии мышления»/ «наименьшей траты сил», заимствованный у Авенариуса и Маха) [11]. В.Б. Шкловский видит опасность такого принципа по отношению к языку в поверхностном, автоматическом восприятии вещей: «Автоматизация съедает вещи, платье, мебель, жену и страх войны»[12]. Решения собраний, чаще всего единоголосные, выполняются в наикратчайшие сроки. В романе-утопии не упомянуто ни о существовании государства, ни тем более о диктатуре пролетариата Рабочая партия лишь однократно обозначена в небольшом рассказе о социалистической революции[2, С. 117, 150, 151, 71-72].

Система сотрудничества при коллективизме представляется Богданову вполне централизованной, но не бюрократической, а товарищески: вопрос решается «целесообразным» распределением рабочей силы и средств производства, ставится «задача научно-статистическая — и только такая». Централизация производства не обязательно является пространственной. «Скопления людского материала», по мнению Богданова, становятся ненужными, - они противоречат гигиене и ослабляют единение человека с природой[1, С. 302, 301]. Организация труда осуществляется посредством свободной и разумной ориентировки работников на таблицы статистики труда[2, 85, 117-118; 1, С. 302, 301, 303]. «При одинаковой или приблизительно равной склонности к двум занятиям, - размышляет Богданов, - человек выберет то из них, где недостаток сильнее». В то же время, «статистика никого ни к чему не обязывает», её влияние «непрерывно сказывается на массовых перемещениях труда, но каждая личность свободна»[2, С. 85, 88, 89]. Мы оказываемся в царстве разума, где выбор работы коррелируется с чувством долга и социальной ответственности. В итоге, рыночная экономика в рамках всего человечества, заменяется плановой

– натуральным хозяйством на базе новейшей техники, где продукты труда перестают быть товарами [8, С. 6; 3, С. 284; 10, С. 24].

- 1) Богданов А.А. *Вопросы социализма: Работы разных лет* - М.: Политиздат, 1990
- 2) Богданов А.А. *Красная звезда. // Богданов А. Праздник бессмертия: Избранные произведения* – СПб.: Лениздат, Команда А., 2014.
- 3) Богданов А.А. *Краткий курс экономической науки*. – М., 1906.
- 4) Богданов А.А. *Культурные задачи нашего времени* - М.: Изд. С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1911.
- 5) Богданов А.А. *Наука об общественном сознании: (Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах)* - М.: Книгоизд-во писателей в Москве, 1914.
- 6) Богданов А.А. *О социализме* – М., 1917. - С. 17
- 7) Богданов А.А. *О социализме*. – Женева, 1904. - С. 13-14
- 8) Богданов А.А. *Путь к социализму* - 2-е изд. - М.: Новая Россия, 1917.
- 9) Богданов А.А. *Философия живого опыта: (Популярные очерки): Материализм, эмпириокритицизм, диалектический материализм, эмпириомонизм, наука будущего*. - Изд. 2-е, стер. - Пг.: М.И. Семенов, [после 1914] – С. 266.
- 10) Богданов А.А. *Что такое социализм?: Из истории и теории социализма*. - 2-е изд. - Пг.: Книгоизд-во И.Р. Белопольского, 1917.
- 11) Богданов А.А. *Эмпириомонизм. Статьи по философии / Отв. ред. В. Н. Садовский. Послесловия В. Н. Садовского; А. Л. Андреева и М. А. Маслина*. — М.: Республика, 2003. – С. 125.
- 12) Шкловский В.Б. *Искусство как приём. // Шкловский В. О теории прозы*. – М., 1983. – С. 15.

РОССИЙСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ КАК СУБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЁРСТВА

Тер-Никогосова Н.А. (Тольятти)

Аннотация: В статье автор рассматривает деятельность профсоюзных организаций как субъектов социального партнёрства и анализирует тенденцию их значимости в российском обществе на основе вторичных данных.

Фактическая деятельность российских профсоюзных организаций как субъектов социального партнерства началась лишь в конце XX века. На данном этапе развития современного мира защита прав работников в трудовых отношениях неотъемлемая часть социальной жизни трудоспособного и активного населения. Основные положения, устанавливающие права и обязанности профессиональных союзов, закреплены в Трудовом кодексе РФ, который начал своё действие в феврале 2002 года [1]. Тем самым, мы можем сделать вывод, что система социального партнёрства в России, а вместе с ним и формирование деятельности профсоюзов, делает только первые шаги по сравнению с другими развитыми странами. Профсоюзы выступают неким связующим звеном в общественной жизни. Люди, объединяясь, выступают с защитой своих прав в сфере трудовых отношений. Именно политика социального партнёрства, включая различные методы, в том числе и использование коллективных переговоров, способна помогать существованию профсоюзных организаций. Основную базу для деятельности профсоюзов составляют малообеспеченные рабочие [2]. Для дальнейшего анализа развития современного положения российских профсоюзных организаций обратимся к исследованиям Всероссийского центра изучения общественного мнения.

Для начала рассмотрим пресс-выпуск №1665 от 12 января 2011 года под названием «Профсоюзы и трудовые права россиян». В данном опросе поднимается тема трудовой защищённости граждан, важную роль в которой играет наличие профсоюзных организаций на том или ином предприятии. К сожалению, по результатам социологического исследования было выявлено, что большинство населения страны, 80 % опрошенных респондентов, убеждены в недостаточной защите трудовых прав. Профсоюзная организация, по мнению опрошенных, в наибольшей степени защищает интересы работников по сравнению с дирекцией предприятия, непосредственными руководителями подразделений и прочих рабочих единиц. Их доля составляет 12 %, но 50 % респондентов уверены в реальной незащищённости [3]. Тем самым, мы видим необходимость существования профсоюзов на предприятии, их осознаваемую населением роль. Но под вопросом находится реальность и действенность профсоюзных организаций на том или ином уровне, способность на ощутимую защиту и отстаивание интересов рабочих.

Далее обратимся к пресс-выпуску №2053 от 22 июня 2012 года под названием «Церковь, партии, СМИ, профсоюзы: роль и влияние в нашем обществе». Здесь мы можем ознакомиться с мнением сограждан о значении профсоюзных организаций в нашей жизни. Респондентам следовало ответить, какую же роль играет тот или иной субъект в жизни российского общества по пятибалльной шкале (от 1 – «практически никакой» до 5 – «очень большую»). Интересен тот факт, что средний балл для профсоюзных организаций составил 1,8 [4]. Следовательно, большинство населения практической роли профсоюзов не видит. Как и в предыдущем опросе, граждане, возможно, осознают необходимость и значимость как такового добровольно созданного органа, который сможет встать на защиту интересов рабочих, но в реальности не ощущают поддержки и влияния профсоюзных организаций.

И напоследок обратимся к данным опроса от 15 января 2015 года под названием «Профсоюзы в России: вчера и сегодня». Здесь представлены результаты оценки роли профсоюзных организаций на момент проведения исследования и её тенденции за последние три-четыре года. По результатам социологического исследования лишь 5 % россиян уверены, что роль профсоюзов возросла, а в 2015 году её значимость как достаточно низкую оценили 33 % респондентов, а как очень низкую – 35 %. Стоит отметить, что показатели очень высокой и очень низкой значимости разнятся более чем в 11,5 раз [5]. К сожалению, ценность профсоюзной организации на предприятии падает с каждым годом всё больше и больше, население нашей страны не видит в ней должной защиты и поддержки рабочего сектора.

На период 2017 года данная проблема не остаётся без внимания и со стороны государственного аппарата. Председатель окружного совета Московской Федерации профсоюзов СЗАО Виктор Куликов отметил, что на данный момент роль профсоюзных организаций в управлении предприятий не позволяет в полной мере отстоять права работников. Стоит отметить, что 7 февраля на выездном заседании фракции «Единая Россия» Госдумы VII созыва была упомянута законодательная инициатива, в соответствии с которой представители работников смогут принимать участие в работе коллегиальных органов управления предприятий с правом совещательного голоса. Андрей Исаев, первый заместитель руководителя фракции «Единая Россия» отметил, что этот законопроект планируется рассмотреть в ближайшее время [6].

В заключение хотелось бы сказать, что роль профсоюзных организаций в России подверглась спаду, население страны не воспринимает профсоюз как действенный орган на предприятии [7], но и не отрицает его теоретической значимости. Тенденция снижения значимости не осталась в стороне и от государственных органов. Остаётся лишь надеяться на улучшение положения российских профсоюзных организаций и действенное усиление защиты прав трудящихся.

1. Глава 58. Защита трудовых прав и законных интересов работников профессиональными союзами // Трудовой кодекс РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.trudkod.ru/chast-5/razdel-13/glava-58> (Дата обращения: 03.05.2017).

2. Роль профсоюзов в становлении гражданского общества // Book-Science - Научная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://book-science.ru/social/sociology/rol-profsojuzov-v-stanovlenii-grazhdanskogo-obshchestva.html?page=2> (Дата обращения: 06.05.2017).

3. Пресс-выпуск №1665. Профсоюзы и трудовые права россиян // Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=111254> (Дата обращения: 06.05.2017).

4. Пресс-выпуск №2053. Церковь, партии, СМИ, профсоюзы: роль и влияние в нашем обществе // Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=112842> (Дата обращения: 08.05.2017).

5. Пресс-выпуск №2752. Профсоюзы в России: вчера и сегодня // Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115119> (Дата обращения: 08.05.2017).

6. «Единая Россия» намерена усилить роль профсоюзов в управлении предприятиями // Сетевое издание окружной газеты «Москва. Северо-Запад» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://szaopressa.ru/ofitsialno/edinaya-rossiya-namerena-usilit-rol-profsojuzov-v-upravlenii-predpriyatiyami/> (Дата обращения: 08.05.2017).

7. Желнина, Е. В. Россия-2050: образ страны по результатам социологического исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – № 3 (7). – С. 47 – 55.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПЛАНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПРЕДПРИЯТИИ

Ткалич М.А. (Королёв)

В настоящее время наиболее важными проблемами, с которыми столкнулось государство как основной субъект управления, выступают нестабильность, сложность прогнозирования и сложно осуществляемый контроль социальных процессов, протекающих в обществе [1]. Последствия недавнего экономического кризиса, тяжесть санкций и информационные войны повлекли за собой трудноразрешимые социальные проблемы: рост безработицы, уменьшение доходов населения, вследствие чего происходит заметное ухудшение уровня жизни, а так же физического и морального здоровья людей. Социальное планирование позволяет решить заблаговременно все эти проблемы и дает возможность исключить их возникновение, предотвращая, тем самым, социальные девиации.

Одним из главных условий успешного осуществления социального планирования на предприятии является комплексное социологическое исследование трудового коллектива, основными задачами которого становится: изучение социальной структуры работников, выявление слабых звеньев и путей их совершенствования, а также оптимизация процессов экономического и социального развития, повышение социально-экономической эффективности. Точность социального планирования зависит от детализированной постановки целей и задач разрабатываемых планов, характера направленности практических разработок, а также от верного анализа взаимосвязей социального и экономического развития предприятия.

Таким образом, главной целью планирования социальных процессов в трудовом коллективе можно обозначить рациональное использование возможностей и условий для полноценного развития социальной активности сотрудника.

Одной из основных задач плана развития социальных процессов на предприятии можно назвать разработку и осуществление системы мероприятий, способствующих повышению уровня качества жизни сотрудников, а также комфортность условий их трудовой деятельности. При сильном влиянии косвенных факторов (экономических и социальных) особенно важным является постановка и определение конкретных условий, возможностей и потребностей членов трудового коллектива. Происходит выявление обособленных элементов, не включенных в область регулирования со стороны государства и общества, затем следует постановка задачи количественного измерения элементов для возможности исключения негативных последствий.

Социальное планирование базируется на четком определении необходимых сроков решения актуальных задач и проблем [2]. Чем выше сложность выполнения поставленной цели, тем больше временные затраты для всестороннего научного обоснования принимаемого решения и для ее претворения в жизнь. Поскольку нет возможности априорно задавать плановый период, он должен строиться исходя из единства качественных и количественных показателей. В плане развития социальных процессов целесообразным будет обозначить следующие направления работ:

1) совершенствование и преобразование социальной структуры трудового коллектива. Значительную роль в данном направлении играет снижение доли низкоквалифицированного труда, повышение профессионального уровня сотрудников, омоложение кадрового состава предприятия, сокращение или полная ликвидация вредных для здоровья сотрудников работ.

2) повышение социально-экономической эффективности производства. Данное направление работ связано с техническим переоборудованием производства, внедрением новых технологий, снижением издержек, а также разработкой прогрессивных форм организации и оплаты труда. Но, надо так же сказать, что при насыщении производства высокопроизводительной техникой снижается уровень трудовой активности и обеспечение занятости персонала предприятия, поэтому целесообразно использование таких форм занятости как: неполный рабочий день, гибкий график работы, дистанционная работа. Немаловажным оказывается решение вопросов преодоления инфляции, обучение сотрудников без отрыва от производства, а также повышение заработной платы и премий.

3) улучшение условий работы и отдыха сотрудников. Необходимым в данном направлении работ становится возможность предусмотреть в плане развития социальных процессов меры по оздоровлению производственной среды, а также выявить участки, отделы, подразделения с неблагоприятными условиями, в которых осуществляется вредная и тяжелая для сотрудников работа. В данном направлении работ предусматриваются мероприятия по

соблюдению стандартов безопасности и санитарно-технических норм труда, совершенствованию пунктов приема пищи и отдыха. Затрагиваются насущные вопросы о жилищных проблемах, обеспечения работников дошкольными учреждениями, медицинской страховкой и прочее.

4) поддержание высокого уровня дисциплины, трудовой инициативы и активности работников. Тщательный анализ ценностных ориентаций сотрудников позволяет простимулировать трудовую активность и производственную дисциплину, а также разработать различные формы вовлечения персонала в совершенствование производства. Необходимым считается выявление факторов, способных повлиять на значимые социальные изменения. Потребность в исследовании свободных зон, где есть возможность корректировать развитие ситуаций и наличие дополнительных материальных, финансовых и трудовых ресурсов, исходит из того, что большинство социальных процессов ограничено устоявшимися условиями и не имеют тенденций к развитию. Также, нужно учитывать интересы разных социальных групп, согласованность которых может быть в экономических вопросах, но отличаться в других сферах деятельности. Тем самым, снижение затрат на социальные нужды не всегда влечет для предприятия позитивный экономический результат.

Достоверность и ясность планирования в большей степени зависит от точности и полноты качественных и количественных отчетных показателей, а также целесообразности применения тех или иных показателей в планах стратегического развития [3]. Таким образом, необходим комплексный подход к планированию развития социальных процессов на предприятии, то есть использование инструмента прогнозирования для получения информации о качественной и количественной потребности в персонале, подборе персонала, контроле эффективности использования трудовых ресурсов, анализе работы, нормировании труда и оценке исполнения, системе стимулирования персонала, обучении и развитии персонала (повышение квалификации). Другими словами, данный подход к планированию социальных процессов предполагает интегрирование кадрового планирования в систему управления персоналом организации, которая, в свою очередь, связана со стратегическими и тактическими целями деятельности предприятия.

На сегодняшний день совершенствование системы внутрипроизводственного планирования в современных условиях требует широкого применения экономико-математических методов, глубокой диагностики первичных исходных данных, усовершенствованных информационных технологий средств производства. Использование их позволит ускорить сбор, обработку и анализ информации и найти оптимальные решения задач, связанных с планированием производства.

1. Социология управления: учебник для бакалавров / под ред. Башмаков В. И., Князев В. Н., Леньков Р. В. - М.: Юрайт-Издат, 2013. – 360 с.

2. Гостенина В. Социология управления: учебное пособие. Стандарт третьего поколения/ Каляева Е. – СПб.: Питер, 2013. – 368 с.

3. Тоценко Ж.Т. Социология управления: учебник. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. – 300 с.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВООТНОШЕНИЙ РАБОТНИКОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Ткач С. (Санкт-Петербург)

Данная исследовательская работа направлена на выявление основных механизмов реализации кодексов этики работников высшей школы на разных уровнях организации правоотношений, анализ их эффективности, точности и актуальности.

В ней были рассмотрены соотношение уровня детализации и специализации кодекса в соответствии с уровнем деятельности, которую он регламентирует. Были изложены региональные, местные и корпоративные особенности в составлении кодексов этики работников высшей школы. Была составлена оценка полноты, ясности, наличия противоречий и степени влияния изложенных в них норм в деятельности работников.

Были применены процедуры документального анализа и экспертного опроса как методологические инструменты.

В рамках исследования документов были выявлены основные пути развития процессов разработки этических норм, представлен анализ структурных, семантических и правовых

особенностей каждого документа. Также было проведено сравнительное исследование актов, по результатам которого были выявлены несоответствия и противоречия кодексов. Были сформулированы основные проблемы и пути их разрешения на основании полученных данных.

Произведен экспертный опрос работников высшей школы, который стал базисом для установки выводов об эффективности, точности и конструктивности составленных статей кодексов, их исполняемости и корректности области охвата трудовых вопросов. Были обозначены главные сферы профессионального социального взаимодействия работников высшей школы, вопросы, в которых данные работники ссылаются для разъяснений к кодексам этики и степень удовлетворенности данных обращений. Составлены выводы, отражающие результаты анкетирования и исследования документов. Они стали основой для составления стратегии внесения изменений в нормативные акты.

1. Кодекс профессиональной этики работника высшей школы Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих Министерства образования и науки Российской Федерации от 22.06.2011.

2. Кодекс этики "Северо-, Западного Института Управления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации"

ТЕХНОЛОГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА РУКОВОДИТЕЛЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Турьянский А.А. (Белгород)

Аннотация:

Руководитель муниципального образования в своей деятельности должен ориентироваться на несколько целевых аудиторий. Прежде всего, это население муниципалитета, муниципальные служащие, СМИ, органы государственной власти. Руководителю муниципального образования необходимо уметь налаживать эффективные связи с общественностью. Осознавая данную необходимость, многие руководители в сфере местного самоуправления проявляют настойчивый деловой интерес к проблеме формирования имиджа как личностного инструментария, с помощью которого они могут утвердиться в социальной среде своего общения.

По нашему мнению, имидж руководителя муниципального образования является образом, специально создаваемым в сознании сотрудников, населения муниципалитета и других целевых аудиторий и помогающий им выбирать решения и действия, которые удовлетворяли бы интересы и желания руководителя даже тогда, когда не существует непосредственных точных указаний. С помощью данного образа происходит дополнение формальных каналов информационного обмена эмоциональной составляющей. Это позволяет подчиненным и другим заинтересованным группам правильно интерпретировать намерения руководителя муниципального образования, даже не нашедшие полного формального закрепления и не в полной мере продекларированные.

К сожалению, в общественном сознании не сложилось устойчивое представление о руководителе муниципального образования. Зачастую общественность отождествляет понятия глава муниципального образования и глава местной администрации, не различая функционала их деятельности.

Имидж как научный феномен не может рассматриваться в отрыве от процесса его формирования, поскольку в противном случае попадает в разряд проблем чисто теоретических, и исследование теряет свой прикладной характер.

Актуальность проблемы формирования эффективного имиджа руководителя муниципального образования, обусловлена, на наш взгляд, следующими причинами:

– повышение роли субъективного фактора местной власти (зачастую субъективный фактор связывают с личностными характеристиками руководителя муниципального образования, которые в идеале должны способствовать решению проблем местного значения);

– необходимость победы в избирательных кампаниях (в период избирательных кампаний важно соответствовать ожиданиям электората: уверенность в себе, общительность, ответственность, моральная чистоплотность, опыт работы);

– потребность повышения информированности населения о персоне руководителя муниципального образования (уровень образования, реальные факты биографии, приоритеты профессиональной деятельности по вопросам местного значения, предел должностных полномочий, политические взгляды (партийная принадлежность) и т.д.);

– необходимость налаживания эффективного взаимодействия между населением и местной властью (личная беседа - формальный прием, неформальная встреча; письменное обращение - индивидуальное, коллективное; онлайн-конференции; блоги; форумы; чаты; обращения граждан, посредством Интернет-приемных и т.д.);

– важность обеспечения доверия населения к местной власти (лично окрашенная коммуникация может послужить решающим фактором доверия к местной власти по причине того, что на уровне муниципалитета степень приближенности населения и власти является достаточно высокой).

Под эффективным имиджем, на наш взгляд, понимается то представление о человеке в обществе, которое помогает ему успешно решать следующие задачи: достигать самоуважения и внутреннего комфорта, продвигаться вверх по социальной лестнице, улучшать профессиональные результаты.

Е.В. Змановской были выделены имиджевые эффекты, наличие которых, по нашему мнению, необходимы для формирования эффективного имиджа руководителя муниципального образования: яркость, понятность, позитивность, влияние, популярность, органичность (при этом первые четыре описываются как основные). Яркость определяется, как умение привлечь внимание окружающих и выделиться. Это необходимо на первом этапе общения, когда люди знакомятся. В этот период происходит формирование общественного мнения. Такой имидж позволяет лидеру получить некоторые преимущества над конкурентами. Понятность поведения вызывает у окружающих ощущение простоты, однозначности и близости. Такой имидж прост и доступен. Он не вызывает напряжения и порождает ощущение безопасности. Он также способствует появлению у окружающих людей ощущения сходства и близости с его прототипом. Люди, обладающие таким типом имиджа, скорее относятся к категории лидеров, ориентированных, в первую очередь, на взаимоотношения, а не на достижение профессионального результата.

Позитивность предполагает ощущение симпатии и доверия у окружающих. Позитивные руководители способны расположить к себе подчиненных. Влиятельность также одно из качеств, которые могут быть заложены в основы имиджа. У подчиненных она вызывает ощущение силы, значительности и авторитета руководителя, побуждает к конкретным действиям. Популярность заключается в стремлении запомниться, стать узнаваемым. Это позволяет лидерам с позитивной репутацией объединять множество людей вокруг себя и налаживать работу в коллективе. Органичность вызывает стремление руководителя стать естественным, максимально близким к своей сущности. Человек с конгруэнтным имиджем ощущает комфорт и раскованность [1].

Анализ литературных источников и опыт работы ведущих специалистов в этой области позволили сделать вывод, что имидж руководителя муниципального образования является одной из составляющих его профессиональной компетентности, а так же механизма его личностного и профессионального развития. Создание имиджа руководителя муниципального образования – это поэтапный процесс, специально организованное взаимодействие участников формирования имиджа на основе социальной перцепции с целью обеспечения позитивного отношения окружающего социума к конкретному руководителю [2].

Технология формирования имиджа может происходить двумя путями: естественно и целенаправленно. В случае естественного формирования имиджа, образ руководителя в глазах подчиненных является наиболее близким реальной личности руководителя. Но для нас наибольший интерес вызывает целенаправленная технология формирования имиджа. Под формированием имиджа руководителя муниципального образования, мы понимаем, целенаправленный и организованный процесс, направленный на создание образа-стереотипа должностного лица, исполняющего представительные или исполнительно-распорядительные функции местного самоуправления и наделенного ценностями, значимыми для объекта воздействия (субъекта восприятия). Технология формирования имиджа руководителя муниципального образования включает в себя пять этапов:

1. Формулировка имиджевых целей. На данном этапе следует четко сформулировать послание, которое будет содержаться в желаемом имидже. Следует выработать цели, к которым непосредственно стремится руководитель.

2. Анализ имиджевой аудитории. Тут следует провести качественное и количественное исследование имиджевой аудитории. Такие исследования проводятся путем анкетирования, тестирования, интервьюирования;

3. Прорисовка имиджевых характеристик. На этом этапе, обработав результаты анализа аудитории, необходимо выделить качества, которые руководителю следует транслировать;

4. Соотнесение наличных и желаемых характеристик. В результате такого анализа формируются три списка характеристик:

– характеристики, которые имеются у руководителя и которые будут положительно влиять на создаваемый имидж. Подобные характеристики следует открыто демонстрировать и стараться усилить;

– характеристики, имеющиеся у руководителя, которые будут снижать или даже разрушать создаваемый имидж. От таких необходимо избавляться или же не афишировать;

– характеристики, которые необходимы для создания благоприятного имиджа, но отсутствуют у руководителя. Такие характеристики следует нарабатывать;

– выбор средств самопрезентации личности. Здесь подбираются конкретные стратегии и техники, которые будут направлены на достижение конкретных имиджевых целей [3].

5. Вхождение в образ – собственно воплощение имиджа в реальной жизни. Важно поддерживать и укреплять свой авторитет, опираясь на поддержку следующих целевых групп:

– местное сообщество – добиться народного признания можно путем улучшения жизни сограждан. Руководитель муниципального образования, который инициирует социальные проекты, проявляет активную гражданскую позицию, всегда будет пользоваться заслуженным уважением;

– муниципальные служащие – коллектив должностных лиц, исполняющих представительные, либо исполнительно-распорядительные функции местного самоуправления и оказывающие решающее влияние на репутацию этих органов власти. Не менее важна поддержка сотрудников и для укрепления репутации самого руководителя муниципального образования;

– деловое сообщество – оно объединяет представителей всех отраслей экономики и бизнеса.

Таким образом, активное участие в жизни указанных выше целевых групп позволяет руководителю муниципального образования расширить деловые контакты, найти новых партнеров, клиентов, инвесторов. Для того, чтобы завоевать авторитет требуется предъявить свои реальные достижения, подкрепив их интересными социальными инициативами и проектами, участием в работе деловых организаций. Но если признание завоевано, оно будет стабильным и долгосрочным.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Микропрактики солидарности в социальном пространстве местного сообщества» (проект № 15-03-00378).

1. Змановская Е. В. Руководство по управлению личным имиджем. СПб., 2005.

2. Чегринцова С.В., Андреева А.В. Деловой имидж руководителя как инструмент лидерства в организации // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2013. №18. С. 147-158.

3. Пегасов А.Н., Белостоцкий А.А. Проблемы, препятствующие формированию позитивного имиджа государственного служащего в России // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2016. № 3-1 (67). С. 143.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЛАНОВОГО УПРАВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ)

Уразгалиев В.Ш. (Санкт-Петербург)

С точки зрения статистического анализа данных имеются 2 основных вида измерения показателей (переменных): количественные и категориальные. Количественные подразделяются на интервальные шкалы и шкалы отношений. Первые не имеют естественной начальной точки и единицы измерения (уровень демократии, бальная шкала теста и т. п.). Вторые — имеют естественный нуль и определены только на положительной области (рост, вес). Количественные показатели могут иметь как целые, так и дробные значения. Но в обоих количественных шкалах разница между двумя значениями по шкале является осмысленной величиной (т. е. задаётся субъективно). Показатели, измеренные в номинальных или порядковых (ординарных) шкалах, называются категориальными и позволяют распределить все наблюдаемые явления на категории

(группы). Отличие между этими шкалами в том, что в номинальной шкале упорядочение категорий (например, по показателю «получение дохода») невозможно, а в порядковой шкале (к примеру - «уровень образования») - возможно. В этой связи, обязательным этапом анализа данных является определение типа шкалы, в которой измерены показатели. Поэтому, если в отношении количественных показателей арифметические операции доступны и применимы, в случае категориальных величин они, как правило, бессмысленны. Таким образом, математические способы обработки количественных и категориальных показателей будут в значительной степени различаться и не учитывая это, можно прийти к ложным результатам и выводам. Вне зависимости от типа шкалы, важное значение во многих случаях приобретает характер генезиса показателей экономической безопасности с точки зрения детерминированности/недетерминированности их множеством случайных факторов, что естественно вытекает из стохастического (вероятностного) развития экономических процессов.

Стохастический подход к анализу показателей экономической безопасности может привести к иному набору их значений, что существенно усложняет понимание компонентной структуры функционирования механизма обеспечения экономической безопасности и усиливает непонимание и дискуссии среди исследователей. Поэтому содержательно верной задачей является отделение экономических процессов от совокупности сопутствующих им случайных факторов неэкономического характера. Познав, с той или иной степенью успешности, “необходимое”, можно переходить к “случайному”, т.е. “оценке” экономических показателей безопасности в совокупности влияющих на них случайных факторов. Логика работы с показателями как результатами реализации случайных величин особенно характерны для количественных показателей. Здесь наиболее востребованными методами выступают меры центральной (средней) тенденции среднее арифметическое (x) и медианы (значение показателя меньше которого располагаются 50% наблюдений). Использование последнего метода особенно важно при анализе ряда индикаторов социальной безопасности и особенно – для изучения душевого потребления, где большая часть населения владеет доходами ниже среднего и поэтому использование метода среднеарифметического значительно завышает данный показатель. В то же время расчёт среднего арифметического и медианы для категориальных показателей не имеет содержательного смысла. Для них, к примеру, можно использовать метод моды [1].

Исследование показателей в номинальной шкале ориентировано в основном на решение специфически социологических задач. В экономике же анализ связи показателей более естественно измерять в количественной или порядковой шкале.

Поскольку в экономике взаимодействуют тысячи различных показателей, постольку возникает проблема сжатия информации, т.е. существенное снижение количества показателей или, на языке статистики – снижение размерности признакового пространства. С целью решения этой задачи можно использовать экспертное оценивание и создание интегральных индексов. Это очень распространённая в мире методика, однако, имеется достаточно большое количество критиков, считающих использование экспертных оценок научно не аргументированным в силу их высокой степени субъективности. Однако любой цифровой показатель, любая математическая модель и любой факт всегда имеет субъективную интерпретацию. Другой интерпретации в человеческой мире просто не существует. Неоднозначность мнений на эффективность применения обобщающих индексов (особенно построенных исключительно на опросах) всё же не отменяет необходимость их использования в специфических условиях, требующих для оценки очень большого количества разнородных по качеству показателей. Естественно, что возникают критические вопросы не только в отношении методологии агрегирования показателей, но и к оценке концептуальной достоверности полученных результатов.

Таким образом, построение любой индикативной системы экономической безопасности требует применения двух качественно разнородных универсальных методов: метода экспертных оценок и метода количественных оценок, основанных на базе статистических данных. В процессе применения обоих универсальных методов, в свою очередь, используются различные специфические математические методы, позволяющие обрабатывать полученную информацию применительно к конкретным целям исследования. При этом, математические методы обработки количественных и категориальных данных будут в значительной степени различаться. Полученные результаты будут зависеть: во-первых, от параметров и способов интеграции данных универсальных методов (в пределах их совместимости) и, во-вторых, от способа их математической «оцифровки». В совокупности возникающих при этом проблем, следует особо выделить две, неразрывно связанные между собой проблемы:

- Проблему валидности измерений;
- Проблему верификации полученных результатов исследования.

Валидность – есть степень соответствия показателя тому понятию, которое он призван отражать. С известной степенью относительности валидность можно представить как форму, способ, результат разрешения и воспроизведения противоречия между, как правило, эндогенно заданными (для исследователя) показателями (статистические данные, результаты опросов и т.п.) и экзогенно заданными (исследователем) смысловыми дефинициями этих показателей. В процессе исследования происходит смысловая «обработка» показателей, предающих им понятийный статус. Корректность полученного в конечном итоге результата будет зависеть от знания и применения исследователем соответствующих методик анализа, а также определяться уровнем его творческого потенциала. Естественно, что полное снятие проблемы валидности измерения невозможно, поскольку понятийная рефлексия на каждый показатель всегда, во-первых многовариантна и, во-вторых, обусловлена многоаспектностью самого показателя. Поэтому степень соответствия показателя тому понятию, которое он призван отражать, определяется не только направленностью их связей (прямые и обратные), но и зависит от самого типа связи (каузальная, функциональная, корреляционная, регрессивная и т.д.), что неизбежно приводит к своеобразной аберрации (искажению изображения) валидности измерений. Так коэффициент корреляции не интерпретируется в терминах каузальной связи. Одной из общепризнанных и самых универсальных баз данных является Открытая база данных Всемирного банка (The World Bank Open Data), в которой содержатся значения 331 индикатора мирового развития (World Development Indicators, WDI) для 213 государств и территорий, начиная с 1960 г. [2] Валидность измерений неразрывно связана с понятием верификации, целеполагание которой является непременным атрибутом любого концептуального исследования. Верификация – это установление степени достоверности, точности и обоснованности результатов исследования. Успешность процесса верификации (как и проблема валидности) изначально базируется на достоверности положенных в основу исследования показателей. И если выводы экспертов, основанные на данных различного вида опросов, зачастую подвергаются (и иногда обосновано) серьезной критике за излишнюю субъективность оценок, то в отношении статистических показателей подобное наблюдается сравнительно редко.

1. *Индексы развития государств мира: справочник / О.Т. Гаспарян, Р.У. Камалова, Е.А. Кочешкова и др.; под ред. Ю.А. Нисневича; Нац. исслед. ун-т "Высшая школа экономики" М.: изд. Дом Высшей школы экономики, 2014*
2. *The World Bank Open Data, Indicator <http://data.worldbank.org/indicator>*

УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМ КАПИТАЛОМ КАК СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ ЗДОРОВЬЕМ НА РАБОЧЕМ МЕСТЕ

Устименко Е.М. (Санкт-Петербург)

Аннотация

На данный момент такие мировые тенденции, как переход от физического труда к умственному, диктуют необходимость разработки нового подхода в оценке здоровья на рабочем месте. В настоящий момент особое внимание уделяется психологическому статусу и здоровью работника.

Созданию здоровой психологической среды способствует целый комплекс критериев: характер и наличие социальных контактов внутри коллектива, отношения руководитель-работник и другие.

Исследования субъективного статуса работника в немецких крупных предприятиях показали, что влияние на здоровье оказывают лидер и социальные связи внутри коллектива, а также проведение тренингов для лидеров, создание комнат общения и отдыха. Построение Рациональной модели управления здравоохранением на работе способствует оздоровлению рабочей среды.

Предлагаем "Здоровые сотрудники - здоровое предприятие!" - как программу укрепления социального капитала.

Актуальность

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения ежегодно в мире в результате профессиональных заболеваний и несчастных случаев на производстве погибает 2,3 млн человек, ежедневно в мире происходит 860 тысяч несчастных случаев на производстве, приводящих к травме, а убытки от профессиональных заболеваний и несчастных случаев на производстве в мире оцениваются в 2,8 трлн долларов США. Сложившиеся ситуация обуславливает реализацию

директив ВОЗ «Здоровье для всех» и «Укрепление здоровья», в рамках которых ответственность за создание здоровой среды на рабочем возлагается на предприятие и на самого работника.

В понятие здоровой среды на рабочем месте мы, в первую очередь, включаем социальное благополучие в связи с глобальной автоматизацией на производствах, а также перехода от физического труда к умственному, происходит снижение уровня традиционных профессиональных заболеваний и повышение риска возникновения психических расстройств работников.

Цель

Обосновать приоритетность инвестиций в социальный капитал на примере немецких компаний как систему управления здоровьем на рабочем месте.

Результаты исследований

Оценку социального благополучия работника на немецких предприятиях проводят с помощью анкеты Work Ability Index, которая позволяет выявить наличие стресса, депрессии, психосоматических расстройств у работника, а также позволяет выявить наличие синдрома профессионального выгорания, зависимостей и наличие бытовых проблем.

Ежегодно такой опрос сотрудников проводит немецкий концерн RWE Generation, который является одним из ведущих производителей электроэнергии в Европе. В результате внутреннего исследования состояния здоровья сотрудников в 2016 году на предприятии было выявлено 20% неофициально больных работников, потеря производительности от которых составляет 14% и является максимальной, такие потери превышают потери от официально больных сотрудников, лечившихся дома на 10 %.

Полученные результаты опросника позволяют руководству компании определить слабые точки программы управления здоровьем на рабочих местах и определить характер мероприятий в рамках корпоративной программы, которые включают в себя проведение семинаров для сотрудников «Здоровое лидерство», «Индивидуальная гигиена», индивидуальных тренировок по укреплению мышц, разработку питания и многое другое.

Особое внимание на немецких предприятиях уделяется роли руководства и модели поведения лидера как фактора влияющего на здоровье сотрудников. В частности, крупнейший немецкий медиаконцерн Bertelsmann в 2014 году запустил пилотный проект, в рамках которого анализировались: удовлетворенность работой, рабочая нагрузка, субъективная оценка работоспособности. В проекте приняли участие 100 сотрудников. Был проведен ряд тренингов, семинаров «как справляться со стрессом» и индивидуальных тренировок по здоровому поведению на работе, а также оптимизация рабочего процесса и реконструкция офиса, позволившая выделить зоны для отдыха, переговоров или работы, требующей высокой концентрации внимания. Спустя 18 месяцев работники были опрошены повторно. Оценка результатов опроса показала, что удовлетворенность работой повысилась, уровень презентеизма снизился, уровень субъективной работоспособности значительно увеличился.

Вывод

Современные тенденции к росту психических расстройств работника обуславливают инвестиции в социальный капитал как ключевой фактор оздоровления рабочей среды и устойчивого развития предприятия.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВЫМ ПОВЕДЕНИЕМ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Хатестова Е.А. (Тюмень)

Финансовое поведение как часть экономического поведения является неотъемлемой частью жизнедеятельности индивида, оно играет огромную роль в общественной и экономической жизни. Широкое участие населения в схемах по мобилизации денежных средств является, с одной стороны, фактором развития экономики, увеличения темпов экономического роста и механизмом развития финансовых рынков. С другой стороны, финансовая активность помогает населению сохранить и приумножить имеющиеся у него денежные средства, тем самым способствует улучшению качества жизни и благосостояния, а также повышает уровень экономической и социальной стабильности.

Под финансовым поведением понимается деятельность населения по мобилизации и использованию денежных ресурсов, включая различные виды финансовой активности, такие как:

сбережения, инвестиции, страхование, кредитование, использование программ по накоплению пенсии [3]. Не все члены общества одинаково участвуют в схемах по использованию своих денежных средств. Огромное влияние на данный вид поведения человека оказывает множество различных факторов и социальных проблем, таких как: высокий уровень безработицы, экономическая нестабильность, мошенничество и коррупция, которые отражаются на уровне доверия к финансовым институтам. В связи с этим перед финансовыми институтами встает вопрос о регулировании процессов, которые способствуют развитию финансовой активности населения. С практической точки зрения это возможно посредством социального управления, которое призвано упорядочивать и организовывать социальные системы и процессы, происходящие в них [6].

Изучение финансового поведения началось с сер. XX в. За это время исследователями разработаны различные концепции:

- «концепция следования стандартам группового потребления» Дж. Дьюзенберри;
- «концепция моделей сберегательного поведения» Дж. Катона;
- «концепция жизненного цикла» Ф. Модильяни;
- «теория перманентного дохода» М. Фридмана.

Дж. Дьюзенберри установил, что существующие практики сберегательного и потребительского поведения являются не столько результатом индивидуально принимаемых рациональных решений, сколько социально и культурно одобряемыми образцами поведения.

Ф. Модильяни на основе исследования финансового поведения домохозяйств сделал вывод о том, что они планируют свое потребление так, чтобы поддерживать стабильный уровень потребления в течение всей жизни, амортизируя колебания дохода посредством осуществления соответствующей сберегательной стратегии.

Вывод, сделанный М. Фридманом в результате исследований, заключается в том, что домохозяйства существуют в условиях двухпериодного жизненного цикла (работа и пенсионный период) и стремятся к некоторому постоянному уровню потребления. Домохозяйства не могут точно предсказать время окончания определенного этапа жизненного цикла и это отражается и на их поведении [2, с. 91].

Дж. Катона на основе эмпирических наблюдений выделил несколько моделей сберегательного поведения населения исходя из того, что «сбережения зависят не только от возможности отложить часть дохода на будущее, но и от желания это сделать» [4, с. 89]. К контактному сбережению автор отнес выплату населением кредитов и страховых взносов. Данный вид сбережений подразумевает сбережения, которые носят вынужденный характер. К дискреционным сбережениям Дж. Катона относил банковские и иные ликвидные вклады (акции, облигации, недвижимость), решения о которых принимаются добровольно и сознательно. Остаточные сбережения, основа которых деньги, неистраченные в рамках текущего периода, характеризуются тем, что насчет них пока не принято решение, на что они будут потрачены [4, с. 90].

Среди современных отечественных авторов, изучавших различные аспекты финансового поведения, можно выделить П. М. Кузину, О. Е. Козыреву, Д. Х. Ибрагимову, Д. О. Стребкова и др. Проведенные российскими авторами исследования показывают, во-первых, что существуют различия в финансовых стратегиях и конкретных финансовых практиках отдельных групп населения [3, с. 55]. Во-вторых, исследователями определены характерные особенности финансового поведения населения, к которым относятся финансовая пассивность, финансовая неграмотность и отсутствие навыков использования финансовых практик, а также недоверие к финансовым институтам.

Анализ статистических данных по финансовой активности населения демонстрируют следующие тенденции:

- сокращение доли населения, декларирующего неудовлетворительное материальное положение;
- стабилизация реальных доходов населения;
- стабилизация индекса потенциальных сбережений населения;
- отсутствие роста доли граждан, которая потенциально может сберегать;
- рост доли населения, готовой к сберегательному поведению
- сокращение расходов на покупку валюты;
- реализация практик потребления, нежели сбережения или инвестирования [1].

Перечисленные тенденции говорят о том, что присутствуют предпосылки для увеличения финансовой активности населения, и чтобы добиться этого, необходимы стимулирующие действия со стороны субъектов социального управления.

В настоящее время в российском обществе имеется большое количество инструментов по управлению финансовым поведением. На российском финансовом рынке распространено множество услуг, различных программ, появившихся в результате социального управления. Благодаря этому создаются необходимые для населения условия, которые способны положительно отразиться на финансовом положении отдельного индивида. Программы кредитования и вкладов, услуги по страхованию, пенсионные программы, приобретение народных облигаций - это лишь небольшая часть инструментов, с помощью которых население может эффективно использовать свои сбережения и получать доход.

Не все вышеперечисленные услуги пользуются у населения популярностью. Так, например, пенсионными программами пользуется лишь незначительная часть населения. Данное обстоятельство отчасти объясняется отсутствием финансовых стратегий обеспечения приемлемого уровня жизни в старости [4, с. 69]. Непопулярность страхования обоснована низким уровнем доверия к данной сфере и неудовлетворенностью качеством услуг. Традиционно популярны среди населения только кредитование, банковские вклады и инвестирование средств в собственность.

Для принятия необходимых действий, которые являются основой социального управления финансовым поведением, необходимо, прежде всего, учет текущей специфики самого финансового поведения населения, его моделей, особенностей и проблем, исследование чего может быть достигнуто с помощью применения статистических, экономических, психологических и социологических методов.

1. Динамика финансовой активности населения России 1998-2015. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/fa5/MFAN_album_charts_2.3.pdf (дата обращения: 04.10.2017).
2. Каравай А. В., Тихонов А. А. Особенности финансовых установок и поведения российских рабочих / А. В. Каравай, А. А. Тихонов // Terra ecomoticus. - 2015. - Т.3. №1. - С. 89-106.
3. Козырева П. М. Финансовое поведение в контексте социально-экономической адаптации населения (социологический анализ) / П.М. Козырева // Социологические исследования. - 2012. - № 7. - С. 54-66.
4. Кузина О.Е. Экономико-психологическое моделирование финансового поведения населения / О.Е. Кузина // Психология. - 2004. - №3. - С. 83-105.
5. Федотова О.А. Социальное управление на современном этапе / О.А. Федотова // Вестник Воронежского института МВД России. - 2007.

МЕТОДОЛОГИЯ ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ИМИДЖЕМ КОМПАНИИ

Хмелев А.В., Хмелева И.В. (Новосибирск)

В данном материале рассмотрены вопросы, касающиеся важности собеседования, его методологии и процесса интервьюирования потенциальных сотрудников в рамках собеседования, с точки зрения создания необходимого имиджа компании в сознании и снижения отрицательного восприятия.

В современных рыночных условиях имидж компании можно считать одним из наиважнейших составляющих. Как утверждал Д. Огилви «Люди выбирают не товар, а его облик», то же самое, можно сказать и том, как люди выбирают компанию для трудоустройства [2; 3, с.7; 4]. Поэтому необходимо детальное прорабатывание всех факторов, воздействующих на формирование имиджа. Имидж организации формируется под действием следующих факторов [1]:

- финансовое положение организации;
- история организации, её традиция и репутация;
- личность руководителя;
- паблисити — рекламная известность;
- забота о персонале;
- социальная ответственность перед обществом;
- управление организацией;

- фирменный стиль;
- этичность деятельности и отношений.

В рамках собеседования у человека есть возможность сделать первичную оценку следующих факторов:

- финансовое положение организации, то есть, о данном факторе человек может судить по состоянию и расположению офиса компании, по общей обстановке и используемой технике;
- управление организацией, то есть, первое впечатление закладывается в рамках собеседования, во время которого специалист по набору персонала должен представить и познакомить потенциального сотрудника с его непосредственным руководителем, обязанного очертить детальный круг функциональных обязанностей.

Так как собеседование - это процесс, в рамках которого представитель компании может оценить сотрудника и его навыки, а само кандидат может сформировать свое первое впечатление о потенциальном работодателе, есть смысл корректировки процесса интервьюирования потенциальных сотрудников. А, именно, провести исключение или замену ряд вопросов, которые работают на раскрытие возможностей претендента на ту или иную должность.

Для детализированного понимания данного вопроса было проведено социологическое исследование в 2016-2017 году, среди студентов третьего (37 человек) и четвертого (22 человек) курсов. Выбор данных категории объясняется тем, что студенты к моменту обучения на третьем и четвертом курсах имеют не только опыт прохождения собеседования, но и опыт работы в различных сферах деятельности.

Само социологическое исследование строилось на анкетировании, цель которого было выявление вопросов, которые вызывают отторжение желая у кандидатов о сотрудничестве, снижают привлекательность компании и, как следствие, потенциальные сотрудники покидают собеседование с негативным восприятием компании, что в дальнейшем может привести к распространению данного впечатления, как части отрицательного имиджа.

Для этого исследования была разработана анкета, вопросы которой с результатами приведены ниже.

1. Какой вопрос в процессе собеседования вызывает самое большое отторжение у вас?

подавляющее большинство ответило, что не было вопросов, вызывающих отторжение, и только семь человек (11,86%) ответили, что вопрос, касающийся «отношений на работе» вызвал неудобство.

2. Как вы оценили бы работу менеджера по работе с персоналом в рамках собеседования, по шкале от 1 до 5?

подавляющее большинство 86,4% дали оценку «5», оценка «4» составила - 5,1% и оценка «3» - 8,5%. Оценки «2» и «1» не были отмечены.

3. Почему вы дали такую оценку?

На данный вопрос в 45,7% анкетах (27 из 59), был дан ответ «Меня всё устроило в собеседовании».

4. Перечислите те определения, характеризующие компания, которые вызвали самые большие сомнения в правдивости и реальности.

Большинство, а именно 54,2%, отметило, в первую очередь, такое определение, как «Мы самая большая компания в данной сфере». Еще одним из самых распространенных сомнительных описаний стало - «У нас большие карьерные перспективы», эту фразу отметило 44,1% опрошенных. Так же были отмечены следующие пункты: «У нас нет потолка заработной платы» (32,2 %), и «У нас молодой и опытный коллектив» (15,3 %).

5. Подробно опишите причины сомнения по каждому из определений.

На тему самого распространенного и сомнительного определения были даны следующие пояснения. Чаще всего - «В сфере в которой они работают, существуют компании того же уровня, а может и более крупные», на втором месте - «Самая крупная компания не может иметь офис за пределами центра города, там, где мало транспорта». Пояснения на тему карьерных перспектив были по-разному описаны, но суть была близкая по смыслу - «Карьерные перспективы - это следствие высокой текучести кадров».

Подводя итог результатам проведенного анкетирования, получаем следующее:

100% оппонентов, принимающих участие в собеседованиях готовы принимать предлагаемую информацию о компании на веру, но по окончании общения с представителями потенциального работодателя, процент тех, у кого нет сомнений о достоверности, составляет

меньше 40%. Чаще всего под сомнения ставится информация, описывающая статусное место на рынке и описание карьерного потенциала. В список вопросов, способных вызвать отторжение и снизить желание претендовать на вакансию, чаще всего, попадают те, которые затрагивают сферу комфортности и личных пристрастий, что по представлению большинства не имеет никакого отношения к будущему исполнению обязанностей.

Резюмируя проведенную работу, хотелось бы отметить, что, если компании во время проведения собеседования будут корректировать вопросы с целью получения полной информации о потенциальном работнике, согласно будущей занимаемой должности, и предоставлять достоверную информацию о самой компании, не используя в определениях превосходительные степени, то результаты собеседования будут более продуктивными, что позволит снизить текучесть кадров и вероятность негативного впечатления о компании.

1. *Имидж [электронный ресурс] - <https://ru.wikipedia.org/wiki/Имидж> (дата обращения 6.10.2017г.)*
2. *Мельник Е. С. Проблема планирования кадрового потенциала на предприятиях [Текст] // Актуальные вопросы экономических наук: материалы Междунар. науч. конф. (г. Уфа, октябрь 2011 г.). — Уфа: Лето, 2011. — С. 113-115*
3. *Огилви Д. Тайны рекламного двора - советы старого рекламиста. - М.: Ассоциация работ-ников рекламы, 2005. 61 с.*
4. *Хмелев А.В. Пять фундаментальных причин неудач малого бизнеса. Н.: «Инфосфера». 2014. Вып. №63, С. 29-30.*

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Чумак Н.А. (Волгоград)

Проблема развития стратегического управления организацией в России в настоящее время приобретает особое значение. Анализ существующих подходов к стратегическому управлению организациями здравоохранения в российской и зарубежной практике позволили выяснить, что в целом, российские организации здравоохранения находятся в стадии стихийного формирования системы стратегического менеджмента. В настоящее время в большинстве медицинских организаций отсутствует четко сложившаяся и эффективная система стратегического управления [1].

Специфика стратегического управления состоит в том, что не существует единой универсальной его модели. Для каждой конкретной организации с учетом профиля ее деятельности, организационно-правового статуса и иных особенностей, разрабатывается своя уникальная модель. И эти модели могут существенно отличаться друг от друга даже в организациях схожего профиля деятельности.

Практика современного стратегического управления исходит, прежде всего, не «от достигнутого», постольку поскольку это консервирует старые проблемы и «узкие» места организации, а «от будущего», то есть ориентируется на те показатели, которые организация должна достигнуть за плановый период. Поэтому стратегическое управление сфокусировано на том, что организация должна делать сейчас, чтобы достичь желаемых целей в будущем.

В настоящее время, в соответствии с направленностью государственной политики на инновационное развитие страны, весьма перспективной становится модель инновационно-стратегического управления здравоохранением. Суть этой модели состоит в том, чтобы инновационная деятельность осуществлялась в интересах стратегического развития.

Инновационно-стратегическое управление медицинскими организациями априори предполагает наличие у руководителей высокой управленческой квалификации, умение ориентироваться и применять управленческие методики с учетом отраслевой специфики системы российского здравоохранения. Однако зачастую руководитель в системе здравоохранения даже не имеет высшего управленческого образования. В связи с этим обстоятельством, в настоящее время в медицинской отрасли все более актуальным в обучении и развитии руководителей становится подход, основанный на компетенциях. Сущность данного подхода заключается в необходимости формирования у руководящих работников медицинской организации ключевых компетенций, дальнейшее развитие которых отвечает стратегическим задачам медицинской организации в целом [2].

Работа в условиях инновационно-стратегического управления требует нового типа инициативных и ответственных управленцев, новой культуры управления. В инновационной парадигме управления существенна роль лидера, наличие у него новаторского настроения, необходимых организационных способностей и таланта руководить коллективом в условиях постоянного освоения нового. То есть создание системы стратегического управления требует перестройки самого «образа мышления» и поведения руководителей, самой управленческой культуры, их переориентации с формального выполнения поручений на достижение стратегических целей [3].

Следует отметить, что в таком контексте трансформационных процессов современного российского общества в управленческой культуре уже наблюдаются определенные изменения структурного порядка, содержания, а также подходов к осуществлению управленческой деятельности [4].

Первым направлением данных трансформаций управленческой культуры является изменение ее роли в организации и переход от чисто служебного элемента организационной культуры к самостоятельному, от которого зависит функционирование организации, и которому руководство организаций и специалисты уделяют все больше внимания. Причины трансформации управленческой культуры относительно ее значения и места в корпоративной среде заключаются в повышении динамизма общества в целом и социальных факторов, оказывающих на нее влияние. Постепенно меняются личностные характеристики работников. Сотрудники становятся более мобильными. При неблагоприятных условиях работы, напряженном социально-психологическом климате в коллективе, они готовы перейти на другое место работы. Современному руководителю необходимо не только учитывать эти изменения, но и пересматривать собственные взгляды и ценности и менять методы управленческой деятельности.

В современных условиях, обусловленных спецификой современного российского общества, трансформации заключаются в появлении социальных практик, в которых руководители организации от функций администрирования постепенно переходят к выполнению функций организации деятельности и должны учитывать социальные особенности сотрудников и социальные факторы внешней и внутренней среды организации как суммы социальных взаимодействий и взаимосвязей. Управленческая культура при сохранении значения личности руководителя становится более дифференцированным и явлением, участниками управленческих отношений становятся в разной мере практически все сотрудники организации. Одна из важнейших трансформационных тенденций, связанных с управленческой культурой, заключается в том, что прежняя схема: руководитель (субъект управления) – сотрудники организации (объект управления), уже не отражает в полной мере существующие реалии.

1. Голубева М.Л. Разработка инструментария стратегического управления в организациях здравоохранения: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Голубева Мария Леонидовна. – Сургут. – 2011. – 165 с.
2. Страхова О.А., Швецова О.А., Кузьминкова М.Н., Соколова М.А. Стратегическое управление в многопрофильном медицинском центре // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – №1. – С. 123-129
3. Гайфуллин Р.Ф. Основные направления совершенствования управления и обеспечения конкурентного преимущества медицинской организации // Актуальные проблемы медицины. – 2012. – №8(64). – Том.2. – С. 25-30
4. Васьков М. А. Основные направления в трансформации управленческой культуры современных российских коммерческих организаций // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – №2. – С. 125 - 128

МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: РОССИЯ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Шашуров С.Е. (Казань)

Аннотация: По содержанию понятия модель государственного управления можно определить как взаимосвязь (зависимость) между базовыми концептами идеологической системы и типом государственного устройства (или типом управления). Модели государственного управления характеризуются формой правления, структурной формой, политическим режимом. Практически каждая страна имеет свою модель государственного управления, которая учитывает исторические традиции и национальные предпочтения.

Особенности российской модели государственного управления состоят в следующем. При коммунистическом режиме (как и при царском) государственное управление было частью централизованного механизма власти, подавлявшей население. В результате сформировалась чрезвычайно жесткая культура правления. Кроме того имеет

место сильное влияние бюрократии. В статье автор сравнивает устоявшиеся зарубежные модели государственного управления с российской моделью, сформировавшейся в начале XXI века.

Как правило, основные различия моделей государственного управления определяются типом территориальной организации государства. С этой точки зрения существует два основных типа административно-государственного управления: унитарный и федеральный.

Унитарная система предоставляет входящим в нее территориям очень мало автономии, основное управление осуществляется непосредственно из столицы. Территориальные подразделения — департаменты во Франции, провинции в Италии, графства в Швеции — большей частью существуют ради административного удобства [1].

Федеральная система управления состоит из единиц, имеющих значительную собственную политическую жизнь (штаты в США и Бразилии, кантоны в Швейцарии, земли в Германии). Эти единицы не могут быть произвольно упразднены или изменены центральной властью на законном основании [2].

Теоретически существует еще и третья возможность — конфедерация — настолько свободное формирование, что его составные части могут успешно бороться против центральной власти. Конфедерации обычно недолговечны, они либо распадаются на части, либо превращаются в федерации. Историческим примером может служить Швейцария. Эта страна до сих пор называет себя конфедерацией, но фактически она имеет федеральный тип административно-государственного управления. Наверное, только Европейский общий рынок в настоящее время является единственным примером конфедерации, в которой слабая власть ее штаб-квартиры в Брюсселе легко блокируется правом вето отдельных стран — членов Европейского сообщества.[3]

Можно выделить несколько причин, приведших в истории к формированию бюрократических структур по федеральному принципу. Первая среди них — стремление укрепить государственную безопасность. Соединив свои ресурсы, несколько небольших государств способны защитить себя от более могущественных соседей. Историческими примерами могут служить Швейцария и Бразилия. С другой стороны, бюрократия структурируется по федеральному принципу и в том случае, когда несколько небольших государств заинтересованы в агрессивной экспансии. Объединение дипломатических и военных ресурсов таких государств сделали бисмарковскую Германию одной из ведущих держав в конце XIX века.

Следует подчеркнуть, что федерализм достаточно эффективно защищает местную автономию, создавая различные уровни управления, каждый из которых отвечает за определенный круг вопросов. В большинстве государств существуют три уровня управления: национальный (федеральный), региональный (управление провинций, земель, штатов) и местный. Эти единицы обычно формируют пирамиду: в ее основании находится множество единиц местного управления, над ними несколько меньше единиц управления штатов (земель, провинций), а в вершине — центральное управление. Заметим, что страны с унитарными системами часто разделены похожим образом, но нижние уровни управления обладают очень незначительной властью.

При федеральном устройстве административные функции государства юридически и фактически распределяются между федерацией и субъектами федерации. Это разделение имеет важные последствия. Во-первых, приводит к известной неоднородности государственного аппарата (что контрастирует с единообразием при унитарном устройстве государства). Каждый член федерации вправе выбрать структуру своих административных учреждений по собственному усмотрению. Например, в США нет типовой организации органов управления штатов[4]. Во-вторых, федеральное устройство приводит к созданию двух этажей администрации, между которыми нет органической связи. Если такой дуализм не приводит к трудностям в тех областях, которые целиком находятся в ведении федеральной администрации (например, в области обороны и международных отношений), то иначе обстоит дело с теми функциями, которые относятся к компетенции как федерации, так и субъектов федерации. В США, где просвещением ведают штаты и местные коллективы, президент сталкивается со значительными трудностями всякий раз, когда он намеревается внести изменения в структуру образования.

Унитарная система административно-государственного управления также имеет свои особенности. Здесь правительство и центральная администрация обладают значительным контролем над местными властями. Например, во Франции учебные планы для начальной школы издаются центральным министерством в Париже — для того чтобы уменьшить региональные различия. Большинство унитарных государств имеют национальные полицейские силы и строгий контроль над местными полицейскими образованиями. Обычно здесь единая судебная система,

работники которой назначаются национальным правительством. Единство административной системы в унитарном государстве поддерживается благодаря однородной модели государственной службы [5].

В отличие от федерализма Западной Европы, Российская Федерация возникла не путем объединения в единое государство отдельных территорий с их взаимного согласия. РФ создавалась сверху, путем деволюции, т. е. путем выделения в составе государства отдельных, относительно самостоятельных автономных образований. Проблема российского федерализма исторически связана с борьбой центральной власти за сохранение единства страны против стремления регионов к автономизации и сепаратизму.

Определяющим фактором обеспечения рациональности, т.е. целесообразности, обоснованности, результативности и эффективности государственного управления выступает социальность – насыщенность, «наполненность» государственного управления общественными запросами и ожиданиями, реальным бытием людей. Если нет соответствия государственного управления и его основного проявления – управляющих воздействий – потребностям жизни, а наоборот, оно оторвано от нее, замкнулось в своих искусственных конструкциях, более того, противостоит естественности общественных процессов, то трудно да и напрасно надеяться на то, что государственное управление, несмотря на всю силу государственного механизма, способно придать общественному развитию демократизм и гуманизм, гармоничность и динамику, справедливость и бескорыстность.

Посткризисные условия дают хорошую возможность России пересмотреть основы модели роста последнего десятилетия. Докризисный экономический рост России был основан на устойчивых макроэкономических показателях, в особенности на успешной бюджетной политике и бюджетных реформах в сочетании с благоприятными внешними факторами — такими, как высокие цены на нефть, приток капитала, а также доступ к дешевым заимствованиям. Однако посткризисный период будет совершенно другим: необходимо провести сокращение бюджетного дефицита и диверсифицировать экономику в условиях медленного восстановления мировой экономики, низкого уровня капитальных потоков и ограниченного доступа к внешнему финансированию или более высокой его стоимости.

Говоря о перспективе развития российской государственности, следует подчеркнуть, что исторические традиции России предполагают сохранение в стране федерального типа государства с сильными централистскими тенденциями, которые надо развивать и поддерживать. Не следует упускать из виду, что западная демократия основывается на жесткой, хорошо разработанной и действующей правовой системе.

Государственное управление на основе законодательно выверенной системы и современных технологий является для России желаемой целью [6].

Исторически сложилось так, что сначала появились государства, форму которых, прежде всего, определяла форма правления; более того, таких категорий, как форма государственного устройства или политический режим попросту не существовало.

Таким образом, в древности и в средние века все государства были унитарные, а формой правления, как правило, была монархия. О политическом режиме можно говорить шире - так, в некоторых государствах древности существовали многие институты демократии. Однако гораздо чаще встречались авторитарные или вовсе тоталитарные государства.

С появлением федераций положение изменилось. И хотя в форме правления монархия продолжала и продолжает играть значительную роль, основной формой правления становится республика. Политический режим становится все более демократичным, пока не достигает современного уровня.

Сейчас наиболее распространенной формой государства является демократическая федеративная республика. Именно в ней наиболее четко проявляются все современные воззрения на то, каким должно быть общество. Однако это вовсе не означает, что человечество не может изобрести ничего более совершенного. Возможно, в будущем появятся принципиально новые элементы формы государства, и это лишь еще раз доказывает перспективность и необходимость рассмотрения данной темы.

[1] Аляев, А. Контроль в государственном управлении: становление интерпретационной модели // Власть. – 2008.

[2] Эффективность государственного управления / под ред. С. А. Батчикова

[3] Клок К., Голдсмит Дж. Конеч менеджмента. СПб., «Питер», 2004.

- [4] Василенко И.А. *Административно-государственное управление в странах Запада: США, Великобритания, Франция, Германия. М., 2001. С. 82.*
- [5] *Государственное управление и политика. Под ред. Л.В. Сморгунова. СПб., 2002. С. 23*
- [6] Калганова Л.А. *Европейские и российская модели государственного управления: сравнительный анализ// Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Выпуск №2, 2010. С. 25-50.*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ТРАНЗИТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Шишова Л.С. (Москва)

Аннотация: В данной работе рассмотрены основные проблемы развития корпоративного управления в России. Акцент сделан на морально-этическую сторону ведения бизнеса, проведен сравнительный анализ формирования и развития деловой этики в России в до- и послереволюционный период. Рассмотрены различные аспекты возникновения мотивации персонала в период кризиса. Раскрывается роль менеджмента организации в воспитании и повышении мотивации работников. Сделаны предложения по совершенствованию корпоративного управления в части мотивационного менеджмента компании.

Создание и совершенствование корпоративного управления – необходимость, возникшая в результате глобализации экономики, стирания границ для мирового бизнеса. Как показывают исследования, капитализация компаний с хорошим корпоративным управлением существенно выше средней по рынку. Особенно эта разница заметна для арабских стран, стран Латинской Америки (кроме Чили), Турции, России, Малайзии, Индонезии. Появление в России крупных корпораций и их выход на мировой рынок привел к необходимости регулирования и стандартизации их деятельности при активном участии государства. Однако это участие не всегда позитивно влияет на развитие корпоративного управления в России. Информационная открытость и прозрачность делает компанию более уязвимой перед нечестными на руку отдельными представителями контролирующих органов и силовых структур. Имеется множество примеров, когда акционеры лишались собственности при участии коррумпированных судов, чиновников и полицейских подразделений. По мнению экспертов, в России сформировалась негативная «инсайдерская модель корпоративного управления», предусматривающая реализацию интересов доминирующих акционеров и менеджмента в ущерб инвесторам.

На наш взгляд, основной причиной формирования такой модели является низкий морально-этический и культурный уровень менеджмента компании, который с одной стороны является порождением сложившейся социальной среды, а с другой стороны является примером поведения для персонала корпораций. Нечестные методы работы в постоянной борьбе за собственность создают России неблагоприятный инвестиционный имидж, давая тем более сильный эффект на фоне последствий от санкций).

Следует признать, что определенные шаги к преодолению сложившейся ситуации сделаны. Работает Национальный совет по корпоративному управлению (принят Кодекс корпоративного поведения), Ассоциация независимых директоров России, которая разработала Кодекс независимого директора, положения которого близки к жёстким требованиям к независимому директору, применяемыми в США. В нем декларируются основы профессиональной этики независимого директора, который должен руководствоваться принципами честности, объективности, конструктивности и профессионализма. Так же в компаниях активно внедряется Кодекс деловой этики. Однако существует ряд проблем в реализации на практике этих документов, в том числе в области мотивационного менеджмента.

Очевидно, что мотивационный менеджмент, основанный на правильном духовном развитии личности работника, является необходимой составляющей корпоративного управления.

Профессор Иванов А.В. еще в 2005 году впервые в мире доказал экономическую целесообразность выполнения великих заповедей и рассчитал их экономический потенциал на макроуровне [1]. Глобализация и информационно-технологическая революция дают возможность человечеству решить наконец свои глобальные проблемы, если мировой капитал будет служить всеобщему благу. В этих условиях к личности топ-менеджера компании предъявляются повышенные требования – он должен быть честным и духовно-развитым человеком, примером для своих подчиненных.

Честность персонала – залог решения очень многих проблем. Сейчас активно внедряются международные стандарты корпоративного контроля COSO, создаются дорогостоящие системы внутреннего контроля и управления рисками. Но чем сложнее система контроля, тем более изощренные схемы придумывают мошенники, чтобы ее обойти. Может быть просто приравнять понятие чести, которое звучит сегодня как потрепанный атрибут дворянской доблести, к корпоративной ценности, что позволит существенно сэкономить на создании Департаментов внутреннего контроля?

До революции русское общество имело духовный стержень в православии, торговля крепко держалась на «слове купеческом». Россия XIX – начала XX вв. уже имела хорошую деловую репутацию в мире, благодаря Мамонтовым, Морозовым, Третьяковым, Путиловым, Алексеевым, Чижовым и др., которые делали очень много не только для себя, но и для России. Действовал Совестьный суд, который обладал полномочиями лишить предпринимателя звания «купца». Благодаря этому вырабатывались, прочно входили в обиход такие понятия и правила, как «слово-вексель», «не оскудеет рука дающего», «торгуй правдою, больше барыша будет», и др. «Товарищества на вере» объединяли людей без всяких учредительских договоров, одним только купеческим словом.

После революции в стране присутствовала социалистическая этика. А бизнес, как «источник наживы» был запрещен законом. Таким образом, с одной стороны христианство учит нас держаться подальше от материальных благ, с другой стороны, социалистическая идеология, созвучная историческому стремлению к соборности и общинности воспитала в нас отвращение к частной собственности. У нас народ не верит в том, что можно заработать большие деньги честным путем и не обворовав других людей. Преуспевающий человек вызывает зависть и подозрения – вряд ли мы сможем полюбить такого человека. Скорей мы полюбим нищего, инвалида или юродивого, а еще лучше мученика.

В современной России сложилось своеобразное отношение к закону и к роли государства. Этичность или неэтичность тех или иных поступков диктуется, прежде всего, необходимостью выживания предпринимателя в условиях неопределенности, несовершенства и несоблюдения законов, безразличия, а зачастую и притеснения со стороны государства.

Таким образом, восстановление дореволюционных культурных традиций в этике деловых отношений - необходимость для современности.

В корпоративной культуре мотивация персонала должна основываться на ценности и моральных установках работников (а не только на повышении навыков и умений), которые должны быть сопоставимы с целями и ценностями компании. В настоящее время церковь все еще далека от народа (особенно самой активной части работающей молодежи) и нет никакого института, поддерживающего морально-этический облик персонала, а для крупных корпораций это просто необходимо. Внедряемая повсеместно корпоративная культура далеко не всегда правильно понимается менеджментом. Зачастую она не подразумевает никаких морально-этических аспектов (главная цель – прибыльность компании). До морального облика персонала никому нет дела, а даже наоборот, чем больше у человека «грешков», тем проще им манипулировать (пресловутые корпоративы, часто сопровождающиеся всеобщим развратом, пьянством вместе с руководством). В настоящий момент большинство компаний пришли к пониманию необходимости вкрапления в структуру своего управления департамента корпоративных отношений, причем на уровне вице-президента. Наверное, этот департамент должен стать духовным центром компании, в обязанности которого должно входить «вращивание» талантов, раскрытие личности работника и реализация его потенциала, а также его духовного воспитания в соответствии с высшим предназначением человека.

Попытаемся разобраться в мотивационных процессах с точки зрения истории и психологии. Принято считать, что россияне имеют рабскую психологию. Я бы назвала ее скорее детской, которая имеет, если хотите, сакральные корни. Ведь у славян был и есть культ родителей, связанный с почитанием предков, которые считали себя потомками богов. Если вспомнить дореволюционное обращение к подчиненным «детушки мои», а к правящей династии «царь-батюшка» и «царица-матушка», а также слово «домочадцы», которое включало работников и происходит от «чада» - дети, за которых их хозяин несет ответственность перед богом. Революция отняла у нас родителей, но дала хоть и жесткую, но большую приемную семью. Это потрясло нашу психологию меньше, чем переход к рыночной экономике, в которую мы бросились, как дети за новыми игрушками, внезапно лишившиеся родительского надзора. Только сейчас мы осознали, что стали сиротами, вынужденными выживать в одиночку без духовного пастыря. Вот откуда

наше стремление отстраниться от ответственности за принятие решений и переложить ее на кого-нибудь другого. Отсюда и огромную важность для нас моральной мотивации. Конечно, во время кризиса или переходного периода вопросы мотивации персонала могут решаться проще, чем в период стабильности: не хочешь работать – на улице очередь желающих на твоё место. С другой стороны, сам экономический кризис может быть вызван нежеланием людей напряженно работать и зарабатывать больше денег, поскольку наличие только материальных стимулов со временем вызывает в наших людях внутреннее отторжение.

Таким образом, правильное воспитание персонала является важнейшей составляющей корпоративного управления. Необходимо бережно, как цветок взращивать работника-ЧЕЛОВЕКА, максимально раскрывая его возможности и способности, делая упор на вечное, заложенное внутри КАЖДОГО человека стремление к прекрасному. И как в любом другом воспитательном процессе, так и здесь - личный пример менеджмента должен быть основой воспитания подчиненных. Только в этом случае мотивация будет эффективна.

Итак, все экономические кризисы являются в какой-то степени следствием духовных кризисов (в том числе и мотивационного управления). Одной из основных причин является духовно-нравственное разложение менеджмента государственных и негосударственных структур всех уровней, приводящее к несправедливому и экономически нецелесообразному распределению ресурсов, лоббизму, тотальной коррупции и недоверию, как в верхних эшелонах власти, так и в среде хозяйствующих субъектов и объектов [2]. Однако они стимулируют общество к переоценке систем взаимоотношений. Честность – основной принцип корпоративного управления. Только внутренне заложенное стремление к счастью, гармонии и реализации своего высокого предназначения может служить надежной мотивацией персонала в любой период развития экономики.

1. Иванов А.В. Экономика Великих Заповедей, М. ВЛНТБП, 2005
<http://russolit.ru/books/item/ekonomika-velikih-zapovedej.html>
2. Захаров Н.И. Мотивационное управление: от сырьевой к гуманистической модели развития: Монография. – М.: Издательство «Перо», 2015.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КОРПОРАТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ТРАНЗИТИВНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Шишова Л.С., Подгорнова Е.С. (Москва)

Ключевым элементом глобализации является взаимосвязь независимых государств, возникшая вследствие торговли и потоков капитала, согласования экономических правил, создания структурной поддержки и содействию объединения и развития глобального рынка, который позволяет обеспечить поток иностранных инвестиций как прямых, так и портфельных. Для обеспечения гарантий инвестиций корпоративных финансистов необходимо создать условия для хорошего корпоративного управления, которое включает в себя сеть взаимоотношений между корпоративными менеджерами, директорами и заинтересованными сторонами (стейкхолдерами).

Глобализацию можно определить, как свободное перемещение товаров, услуг и капитала. Определение не охватывает все аспекты глобализации или глобального изменения.

Глобализация также должна быть процессом, который объединяет мировые экономики, культуру, технологии и управление. Это связано с тем, что глобализация также предполагает передачу информации между развитыми странами и развивающимися странами.

Кроме того, глобализация имеет религиозные, экологические и социальные аспекты. Чтобы охватить эту широкую область влияния, глобализация охватывает все измерения мировой экономики, окружающей среды и общества. Более того, очевидно, что ситуация в мире резко меняется.

Каждое правительство несет ответственность за защиту своей экономики и внутреннего рынка от этого быстрого изменения. Вопрос в том, как компания будет адаптироваться к этому изменению. Прежде всего, компании должны быть готовы к эффектам глобализации. Компания должна научиться тому, как защищать себя от некоторых негативных последствий и как использовать новые возможности в сложившейся ситуации.

Влияние глобализации на экономику, деловую жизнь, общество и окружающую среду проявляется через:

- повышение конкуренции;

- технологическое развитие;
- информационное развитие;
- портфельные инвестиции;
- регулирование / дерегулирование, международные стандарты;
- интеграцию рынка;
- мобильность капитала;
- глобальный кризис.

Конкуренция

Глобализация ведет к усилению конкуренции. Эта конкуренция может быть связана с ценой продукта и услуг, целевым рынком, технологической адаптацией, быстрым реагированием и быстрым производством, а также с качеством и удовлетворенностью клиентов.

Когда компания производит с меньшими затратами и продает дешевле, она сможет увеличить свою долю на рынке. У клиентов слишком много вариантов на рынке, и они хотят быстро и эффективно приобретать товары и услуги. Также они ожидают высокого качества и дешевой цены, которую они готовы заплатить.

Все эти ожидания требуют ответа от компании, в противном случае продажи компании уменьшатся, и они потеряют прибыль и долю на рынке. Компания должна быть всегда готова к ценовым соревнованиям за продукт и услугу, а также к изменениям в предпочтениях клиентов, потому что все это является глобальными требованиями рынка.

Концепция глобального управления

Все системы управления, прежде всего, связаны с управлением ассоциациями и, следовательно, с политическими полномочиями, институтами и, в конечном счете, контролем. В этом смысле управление означает формальные политические институты, которые нацелены на координацию и контроль взаимозависимых социальных отношений и которые могут принимать решения. Однако все чаще в современном мире концепция управления используется для описания регулирования взаимозависимых отношений в отсутствие всеобъемлющего политического авторитета, например, в международной системе.

Таким образом, глобальное управление можно рассматривать как управление глобальными процессами в отсутствие какого-либо глобального правительства. Есть некоторые международные органы, которые стремятся решить эти проблемы: ООН, ВТО.

Использование термина «глобальное управление», конечно, не означает, что такая система действительно существует, а тем более для рассмотрения эффективности ее операций. Необходимо признать, что в этом все более «глобализированном» мире существует потребность в какой-то форме управления для решения многонациональных и глобальных проблем. Таким образом, термин «глобальное управление» является описательным, признающим этот вопрос и имеющим отношение к конкретным совместным механизмам решения проблем.

Они могут быть формальными, принимая форму законов или формально созданных учреждений для управления коллективными делами различных субъектов: государств, межправительственных и неправительственных организаций, других субъектов гражданского общества, организаций частного сектора. Система также включает неформальные (практические методы или руководящие принципы), так и временные единицы (коалиции).

Таким образом, глобальное управление можно рассматривать как комплекс формальных и неформальных институтов, механизмов, отношений и процессов между государствами, рынками, гражданами и организациями, как межправительственными, так и неправительственными, с помощью которых коллективные интересы четко сформулированы на глобальном уровне, установлены права и обязанности, разногласия урегулированы.

Глобальное управление, конечно, не то же самое, что и мировое правительство: можно утверждать, что такая система на самом деле не нужна, если бы существовало мировое правительство.

В настоящее время предпринимаются попытки улучшения решений глобальных проблем – совершенствуются механизмы глобальной отчетности. Например, Глобальный договор Организации Объединенных Наций – крупнейшая в мире инициатива добровольной корпоративной ответственности – объединяет компании, национальные и международные агентства, профсоюзы и другие организации в целях поддержки универсальной экологической защиты, прав человека и социальных принципов.

Компании придерживаются этих практик, как из-за того, что они имеют экономический смысл, так и из-за того, что их заинтересованные стороны обеспокоены этими проблемами. Такие

механизмы, как Глобальный договор, могут улучшить способность отдельных лиц и местных общин привлекать компании к ответственности.

Как глобализация влияет на управление

Джон Мейнард Кейнс подсчитал, что уровень жизни вырос на 100 процентов за четыре тысячи лет [1]. Адам Смит выдвинул оригинальную теорию о богатстве общин [2]. Он описал условия, которые приведут к увеличению доходов и процветанию. Позднее Фридман обратил внимание на моральные последствия экономического роста и развития общества.

Таким образом, понятно, что в вопросе экономического роста, развития и глобализации нет ничего нового. Проблема заключается в том, что мы не учитываем моральные, этические и социальные аспекты этого процесса.

Другой вопрос: кто несет ответственность за этот продолжающийся процесс и за обеспечение благополучия людей и их процветания. Это ответственность правительств, бизнеса, потребителей, акционеров или всех людей?

Правительство является частью системы, регулятором рынков и законодателем. Руководители, предприниматели принимают меры, касающиеся структуры рынка, поведения потребителей или коммерческих условий.

Более того, они несут ответственность перед акционерами за увеличение прибыли, чтобы сохранить долгосрочный интерес в компании. Поэтому они рискуют своей прибылью. Этот риск не противоречит социальным или моральным принципам, которые должны применяться в компании.

Согласно международным нормам и ожиданиям, компании должны учитывать социальные, этические и экологические проблемы больше, чем в течение последних двух десятилетий. Одной из причин является возрастающая конкуренция и не всегда большая прибыль. Другая причина заключается в том, что потребительское ожидание связано не только со стоимостью продукции, но и с качеством, надлежащим производственным процессом и экологической уязвимостью.

Более того, акционеры больше заинтересованы в долгосрочной выгоде и прибыли от компании. Ключевым моментом этой концепции является долгосрочная перспектива, которую представляет устойчивая компания. Акционеры хотят получить долгосрочную выгоду с устойчивой компании, а не только краткосрочную прибыль.

Это связано не только с прибылью компании, но и с ее социальными и экологическими характеристиками. Таким образом, менеджеры должны составить стратегические планы для компании в отношении всех ожиданий заинтересованных сторон, которые являются устойчивыми и обеспечивают долгосрочную выгоду для компаний с их инвестициями.

Тем не менее, устойчивость можно рассматривать как включающую требование о том, что независимо от справедливости - справедливое распределение товаров, справедливые процедуры, уважение прав и социальной справедливости и способность быть устойчивыми в будущем на неопределенный срок.

Глобализация значительно изменила поведение компании, и все же осталось много проблем, особенно в развивающихся странах. Это одна из реалий процесса глобализации. Однако мы надеемся увидеть некоторые улучшения в этом процессе, которые связаны с международными принципами, правилами и нормами. Но большинство из них связано с несовершенством системы и проблемами капитализации.

Задача управления в современном мире состоит в том, чтобы вести процесс политического обсуждения, который направлен на установление и восстановление стандартов мировой коммерческой практики.

Неудачи глобальных корпораций выявляют некоторые проблемы управления. Существует мнение, что, если корпорации будут вести себя ответственно, скорее всего, корпоративные скандалы прекратятся. Корпоративное управление защищает фирмы от некоторых долгосрочных потерь. Когда у корпораций есть социальная ответственность, они рассчитывают свой риск и стоимость неудачи.

Во-первых, компания должна нести ответственность перед акционерами, а также со всеми заинтересованными сторонами, то есть она должна нести ответственность перед всем обществом.

Поэтому корпоративное управление связано не только с фирмами, но и со всем обществом. Так, изменение роли корпоративной ответственности сфокусировано на реальной проблеме, которую общество должно решать. Причина – усиление конкуренции между компанией и рынком. Менеджеры, как правило, становятся намного более амбициозными, чем раньше.

Вопрос заключается в том, как вести себя социально ответственному менеджеру и как решать эту важную проблему в деловой жизни и в обществе. В деловом мире всегда существуют некоторые правила, принципы и нормы, законодательные требования. Однако, чтобы быть социально ответственным, нужно быть более чем просто законопослушным человеком, который должен быть способен действовать и быть ответственным за решения и действия. Проблема заключается в следовании всем этим направлениям поведения компаний и менеджеров.

С другой стороны, одна из точек зрения заключается в том, что корпорация является юридическим лицом и имеет права и обязанности, связанные с этим статусом, включая социальную ответственность.

Таким образом, не всегда можно контролировать поведение и корпоративную деятельность с помощью правил и норм. Поэтому в этой ситуации возникает еще один вопрос: если люди не знают своей ответственности, и, если они не будут вести себя ответственно, – кто будет контролировать эту проблему в деловой жизни и на рынке.

Последствия социальной ответственности компании не могут контролироваться с помощью законных средств. Это единственный социальный контракт между менеджерами и обществом, заинтересованными сторонами компании. Фирмы должны принимать во внимание не только финансовые условия, но и экологические и социальные. Задача, стоящая перед бизнес-сектором, заключается в том, как выполнить эти ожидания.

Таким образом, глобализация оказывает огромное влияние на общество и деловую жизнь, которая требует регулирования и социально ответственного поведения на более высоком уровне.

1. Keynes J. M. *Economic Possibilities for our Grandchildren // Essays in Persuasion*. N. Y.: W.W.Norton & Co, 1963. P.358–373.

2. *Исследование о природе и причинах богатства народов/А.Смит; (пер. с англ.; предисл. В.С. Афанасьева). - М.: Эксмо, 2007. – 960 с.*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СУБЪЕКТАХ РФ.

Шумилина Е.А. (Санкт-Петербург)

Введение: Проблемы местного самоуправления (далее МСУ) занимают важную нишу осмысления в политике государственного строительства. Эффективное функционирование наименьших территориальных единиц должно гарантировать общую эффективность как системы МСУ, так и действенную реализацию этно-конфессиональной, социально-политической и экономической политики в рамках государства. МСУ является отражением воли народов и соответствующих вызов со стороны властных элит и государства в целом, ввиду этого вектор проведения реформ в рамках этого политического сегмента должен иметь положительный характер и направление политики МСУ должны защищать интересы граждан и гарантировать достойный уровень жизни. Несмотря на принятие ФЗ № 131 [2] с последующими поправками, отделением МСУ от структуры государственной власти и давая тем самым автономии муниципалитетам, в рамках субъектов РФ существует множество проблем, возникших с протекающим процессом реформации законодательства в рамках данного вопроса.

Тезисы:

1. Самым главным недостатком системы МСУ является наличие противоречивого закона. Федеральный Закон о местном самоуправлении (ФЗ № 131) вступил в силу с января 2009 года. Закон представляет собой универсальный стандарт модели местного самоуправления и является обязательным для исполнения на всей территории РФ. Но на деле исполнению этого федерального закона препятствует сложившаяся практика в различных субъектах России. И получается парадокс: если формально исполнять все требования ФЗ № 131 [2], то во многих субъектах федерации и местное самоуправление становится тоже чисто формальным органом власти, мало выражающим интересы проживающих на его территории граждан. Очень сложно все предусмотреть в одном законе, учитывая историческое несовершенство органов местного самоуправления в России. [4]

2. Из-за существования данных практик и из-за существования информационного и дисбаланса в распределении данных выявляется проблема асимметрии распределения информации. Благодаря Конституции РФ [1], МСУ отделяется от государственной власти, ввиду всего этого появляется проблема затруднения коммуникации с вышестоящими органами власти и

межведомственная коммуникация, что влечет за собой понижение уровня функционирования органов МСУ. Также благодаря не подотчётности органов МСУ – государственным ведомствам повышается риск образование коррупционных деяний и увеличивается срок разрешения возникающих проблем на местах.

3. С учетом внесенных в ФЗ № 131 [2] поправок о снятии с должностей местных депутатов, другим ветвям власти предоставляется возможность влиять на исполнительную ветвь власти, тем самым влиять на процесс принятия политических решений, что видится недопустимо, ибо рекрут и функционирование местного истеблишмента должен носить автономный характер.

4. Ввиду исторической данности образования государства Российская Федерация после распада СССР, в истории Современной России наблюдается период «парада суверенитетов субъектов» в 90х годах, с выработкой собственных законодательств и местных конституций. В каждом регионе формирование органов местного самоуправления зависит от менталитета местного населения, специфики властных отношений и исторических и религиозных традиций, а также влияния главы региона. Географические различия регионов обуславливают их различия в экономических возможностях. [4] Ввиду наличия собственных Конституций на территориях, которые имеют противоречия с главным законом государства – Конституцией РФ, существует проблема осуществление и выполнение законом Российской юрисдикции на местах. Данные противоречия затрудняют функционирование политической системы в рамках всего государства, т.к. создают прецеденты для неподчинения верховному закону государства.

5. Местное самоуправление на практике оказалось очень ограниченным, если не чисто формальным. Вертикаль власти от главы субъекта федерации и вниз до глав районов, городских округов и глав поселений идет по принципу начальник–подчиненный. Финансовая и функциональная зависимость органов местного самоуправления в выполнении переданных им полномочий привела к практическому огосударствлению местного самоуправления. По существу, администрации МСУ стали территориальными администрациями субъекта федерации. В связи с этой проблемой возникает и следующая за ней проблема распределения финансовых потоков в рамках субъекта, МСУ имеет ограниченный набор вопросов, которые может решить без вышестоящей вертикали власти с учетом включения этих вопросов в рамки местного бюджета, в лучшем случае дополнительных субсидий и дотаций.

6. Ввиду перенесения ответственности от государственных ведомств на муниципальные органы власти за жизненно важные институты, т.к. образование, здравоохранение и т.д., наблюдается ухудшение эффективности их функционирования в рамках субъектов и недостаток финансирования данных общественных благ.

7. Исходя из теории МСУ, выделяется 5 моделей системы местного самоуправления:

- 1) Сильный совет, слабый мэр
- 2) Сильный мэр, слабый совет
- 3) Совет, управляющий
- 4) Комиссионная
- 5) Комбинированная. [3]

В реалиях РФ видится необходимым применение определенной модели для определенного субъекта РФ, но появляется вопрос эффективности применения модели МСУ в субъекте и легитимного характера ее применения. Также возникает вопрос справедливого перенесения модели на субъект, с учетом его культурно-исторического типа.

Закключение: Таким образом, анализ проблем соотношения граждан, местного самоуправления, государства позволяют сделать вывод о том, что МСУ является относительно самостоятельным актором политической системы, гражданского общества в рамках государства, выступающим в качестве территориально-управленческой структуры. В этом контексте МСУ должно выступать связующим звеном населения и власти для решения возникающих проблем, но для повышения эффективности данной управленческой структуры видится необходимым систематизированная работа, как с законодательством субъектов РФ, так и с политическим сознанием населения для исключения абсентеизма в рядах местного населения.

1. Конституция РФ 1993 года.

2. ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»

3. Горный Михаил «Муниципальная политика и местное самоуправление в России». -СПб: Норма, 2011. - 98 с. Электронный ресурс: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/11/15076427853710a0d89e9101>

[fda9f22bbf6c3dd214/%D0%93%D0%BE%D1%80%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%9C%D0%9F%20%D0%B8%20%D0%9C%D0%A1%D0%A3%20%D0%B2%20%D0%A0%D0%A4%20\(%D0%9C%D0%A1%D0%A3\).pdf](http://www.samoupravlenie.ru/38-01.php) – Открытый доступ.

4. Чистяков Б. Н. «Актуальные проблемы местного самоуправления в Российской Федерации». Электронный ресурс: <http://www.samoupravlenie.ru/38-01.php> - Открытый доступ.

РЕТРОСПЕКТИВА РАЗРАБОТКИ ПОНЯТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Шухно Е.В. (Минск, Республика Беларусь)

Категория социальной организации в социологическом дискурсе применяется в трех значениях: «Во-первых, в качестве элемента социальной структуры – искусственное объединение институционального характера, занимающее определенное место в обществе и предназначенное для выполнения четко очерченных функций. Во-вторых, в качестве вида деятельности – процесс, связанный с целенаправленным воздействием на объект через констатацию соответствующих функций элементов системы, упорядочивание связей, дефиницию целей и задач. В-третьих, в качестве степени внутренней упорядоченности, согласованности частей целого – определенная структура, строение, тип связей как способ соединения элементов в систему» [1, с. 949]. В социологии именно первое понимание социальной организации является основным.

Организации стали объектом социологического изучения практически одновременно с конституированием самой социологии как отдельной области научного знания, имеющей своей предметностью социальное в самом широком смысле. Однако специальная социологическая теория, направленная на изучение социальных организаций, – социология организаций сформировалась лишь к концу 50-х гг. XX века в США, на основании идей классической школы организации и управления, существовавшей в конце XIX – начале XX века. В западноевропейском и советском социологическом дискурсе социология организаций развивается с конца 60-х – начала 70-х гг. прошлого века [2, с. 3-4]. Среди западных социологов, обращавшихся к данной проблематике, необходимо отметить Г. Зиммеля, М. Вебера, Т. Парсонса, Р. Мертона, П. Блау, Д. Скотта, М. Крозье, Р. Лайкерта, в то же время такие российские ученые как Г. В. Осипов, Н. И. Лапин, А. И. Пригожин, Д. М. Гвишиани, В. В. Щербина также внесли значительный вклад в разработку теории организаций [3, с. 4; 2, с. 4]. Результатом социологического изучения и осмысления организаций является понимание сущности организации как совокупности социальных отношений между ее членами. Социальная организация рассматривается как социальная общность, объединенная общей целью, определенным образом структурированная и выполняющая ряд функций.

В развитии социологии организаций выделяется ряд направлений, или школ, характеризующихся общностью методологических подходов к анализу рассматриваемого социального явления, среди которых стоит отметить следующие: классическая школа организации и управления, школа «человеческих отношений», школа социальных систем, эмпирическая школа, ситуационный подход.

Классическая школа организации и управления была направлена на поиск универсальных принципов (независящих от типа конкретной организации) существования социальной организации, обеспечивающих ее успешное функционирование. Данное направление активно развивалось в период с конца 90-х гг. XIX века до конца 20-х гг. XX столетия. К числу основных представителей относятся М. Вебер, Г. Гантт, Я. Гамильтон, В. Грайкунас, Л. Гьюлик, Дж. Муни, Ф. У. Тейлор, Л. Урвик, А. Файоль, Г. Форд, Г. Эмерсон и др. [2, с. 6]. Данное направление представлено классиками как менеджмента, так и социологии. Теоретико-методологические разработки классической школы стали основой конституирования социологии организаций как отдельной дисциплинарности социологического знания.

Школа «человеческих отношений» сложилась в 30-60-х гг. XX столетия. В рамках этого подхода работали Э. Мэйо, Ф. Ротлисбергер, В. Диксон, Ф. Херцберг, Д. Мак-Грегор, Р. Лайкерт и др. Школа «человеческих отношений» появилась в результате проведения и анализа Хоторнского эксперимента на одном из предприятий американской компании «Western Electric». Проведение Хоторнского эксперимента стало важным этапом в развитии управленческой и социологической мысли применительно к пониманию межличностного взаимодействия в малой группе и мотивации: «Главным итогом эксперимента стало открытие и осмысление феноменов

самоорганизации и саморегуляции, неформальных отношений и неформального лидерства в организационных системах, роли малой группы как инстанции, способной осуществлять контроль за поведением и деятельностью, расширение представлений о природе и механизмах трудовой мотивации, постановка под сомнение «машинной модели» организации, модели так называемого «экономического человека» [2, с. 6].

Школа социальных систем представляет собой комплекс собственно социологических подходов в рамках организационной теории и рассматривает организацию как социальную систему. На формирование данного исследовательского направления оказали влияние общая теория систем (Л. фон Берталанфи, Н. Раппопорт), структурный функционализм (Т. Парсонс, Р. Мертон), кибернетика (Н. Винер, С. Бир), теория социальных ролей (Р. Линтон, Дж. Морено), биология и психология. Возникновение и развитие школы социальных систем пришлось на 50-60-е гг. XX века. Основными представителями этого направления являются Ч. Барнард, А. Гоулднер, Дж. Марч, Г. А. Саймон, Ф. Селзник, А. Этциони [2, с. 17]. Рассматриваемая школа сосредотачивается на изучении существования организации посредством анализа ее целей и выполняемых ею функций, обеспечивающих успешное функционирование социальной организации.

Эмпирическая школа сформировалась в 60-е гг. прошлого века, наибольший вклад в ее развитие внесли такие исследователи, как Э. Дейл, Р. Девис, П. Дракер, Г. Кунц, Л. Ньюмен, Р. Фэлк, А. Чендлер-младший [2, с. 23]. Работы авторов эмпирической школы характеризуются разнородностью и смешением подходов. Представители эмпирической школы привнесли в исследовательские практики теории организаций и социологии управления исторический метод и метод кейс-стади.

Ситуационный подход представляет собой направление исследований, фокусирующихся на изучении существования, функционирования и развития организации в контексте внешней среды. Рассматриваемый подход сформировался в конце 1960-х гг. Основные авторы – У. Гомберг, Ф. Каст, Г. Кунц, П. Лоуренс, Дж. Лорш, Д. Розенцвейг, Дж. Томпсон, Р. Шерман [2, с. 25].

В социологическом знании значительный вклад в разработку проблематики социальной организации внесли Г. Зиммель, М. Вебер, Т. Парсонс. Немецкий социолог Г. Зиммель отмечал, что «...социальные ассоциации принимают самые разнообразные формы, что определяется разными интересами у индивидов, толкающих их на образование социальных объединений, в которых они могут эти интересы реализовать разными способами, чувственно или идеально, быстро или медленно, сознательно или бессознательно» [3, с. 6].

Важное значение для теории социальной организации имеют идеи другого немецкого социолога М. Вебера, который определил административно-управленческие аспекты организационной деятельности через концепт «бюрократия». При этом под бюрократией понимается не малоэффективный, сложный, малоподвижный управленческий аппарат, а идеальный тип наиболее эффективного устройства и функционирования формальной организации.

Американский социолог, основоположник структурного функционализма, Т. Парсонс выделял в организации три системы: техническую, управленческую и институциональную, рассматривая их отношения с точки зрения контроля за притоком ресурсов. Техническая система – это та часть организации, которая напрямую связана с обработкой ресурсов, используемых организацией. Управленческая, или административная, система определяет соотношение между технической деятельностью и общественной полезностью. Третья часть – институциональная система связывает организацию с обществом, отвечая за получение организацией легитимности. Парсонс считает, что институциональный и управленческий уровни обладают преимуществами по отношению к техническому уровню в контроле за притоком ресурсов [2, с. 41].

Концепт социальной организации имеет достаточно продолжительную историю изучения в социологическом знании, однако конституирование социологии организаций в качестве самостоятельной социологической теории произошло только в середине XX века. В рамках социологии организаций сложился ряд исследовательских направлений, характеризующихся акцентированием различных аспектов социальной организации.

1. Коростелева, Е. А. Социальная организация / Е. А. Коростелева // Социология: энциклопедия / сост. А. А. Грицанов. – Мн.: Интерпрессервис, 2003. – С. 949.
2. Попова, Е. П. Социология организаций: некоторые аспекты становления и современная проблематика: учебное пособие / Е. П. Попова. – Волгоград: Издательство ВолГУ, 2002. – 68 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ МАЛЫМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВОМ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Щербакова Л.И. (Новочеркасск)

В настоящее время существенным образом изменяется роль российских регионов в инновационном развитии экономики и решении ключевых социальных проблем. В этом контексте особую актуальность приобретает разработка и осуществление социальных технологий управления малым предпринимательством, поскольку российские регионы дифференцированы по уровню социально-культурного развития, соотношению элементов государственной, частной, смешанной моделей экономики, традиционных и инновационных видов деятельности, по географическим, климатическим признакам и национально-самобытным характеристикам. Следует подчеркнуть, что российское малое предпринимательство как объект социально-управленческих технологий обладает рядом специфических социоструктурных и институциональных характеристик, связанных с его количественными и качественными структурными показателями и их динамикой. Социальная технологизация управления как процесс рационализации управленческого воздействия и оптимизации социального пространства, преодоления его разбалансированности на основе инновационного метода освоения социальной действительности, обусловила возникновение и активное использование ряда социальных технологий: формирование комфортной среды, диагностика, оценка эффективности использования технологий и т.д. Также является очевидным тот факт, что реализация Программы развития Цифровой (электронной) экономики в РФ до 2035 года во многом будет связана с активизацией деятельности малых предприятий научно-исследовательского сектора. Региональная составляющая функционирования системы малого предпринимательства имеет ярко выраженную социальную компоненту, поскольку обеспечивает мобильность трудовых ресурсов, особенно из числа выпускников образовательных учреждений, появление новых субъектов инновационной деятельности, поддержку уровня неформальных взаимодействий в регионе, оперативный обмен ресурсами и информацией.

В настоящее время в России государственное управление малым предпринимательством осуществляется посредством четкой иерархической структуры. Система социального управления формируется как трехуровневая, предусматривающая рациональное распределение функций между федеральными, региональными и муниципальными органами власти с делегированием определенных полномочий административно-территориальным единицам, способным разрабатывать и внедрять управленческие технологии с учетом компетенций региона, оценивая целесообразность их реализации и уровень ресурсообеспеченности. Региональный аспект функционирования малого предпринимательства может быть охарактеризован с позиции его институциональных функций и характеристик, связанных с оперативным реагированием на изменение конъюнктуры местного рынка, высокой адаптивностью и массовым охватом различных сфер экономической деятельности, в первую очередь, информационных и социально-бытовых услуг. Социальный потенциал малого предпринимательства во многом определяется его непосредственными контактами с потребителями, позволяющими учесть разнообразные предпочтения населения и изменения регионального спроса; обеспечивать узкую специализацию на определенном сегменте рынка товаров и услуг, позволяющую эффективно использовать ресурсы региона. Дифференциация развития предпринимательского климата по регионам России носит достаточно яркий, глубокий характер, что отражается как на отраслевой ориентации регионального малого бизнеса, так и на уровне занятости в нем и его доли в производстве регионального продукта. Исследование качества управленческого процесса методами контент-анализа нормативно-правовой документации и сайтов региональных правительств позволило выделить преимущества и недостатки управленческой деятельности органов власти в ряде регионов.

Формирование местного делового климата как социальная технология представляет собой комплекс взаимосвязанных и объединенных общей целевой ориентацией социально-экономических, организационно-хозяйственных, производственных, информационных и иных мероприятий, позволяющих эффективно решать задачи в области территориального развития с

учетом объективных требований и ресурсных возможностей региона. На основе анализа существующих научных обобщений можно выделить в качестве драйверов технологизации управления малым предпринимательством на региональном уровне следующие аспекты: достаточную степень сложности управленческого процесса и иерархии структуры управления, связанную с развитием малого предпринимательства и требующую расчленения его на отдельные операции; наличие средств и ресурсов, позволяющих обеспечить систематизацию действия субъекта управления в направлении повышения эффективности и рациональности управления с учетом множества факторов, отражающих специфику региональной среды, в том числе социальных, оказывающих существенное влияние на процессы внедрения социальных технологий в региональное управление малым предпринимательством.

В Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года приоритеты регионального развития отражены в разделе, связанном со стимулированием развития предпринимательской деятельности на отдельных территориях, и включают в себя выделение региональных отраслевых точек роста малых предприятий и учет потенциала региона для развития малых предприятий при территориальном планировании. Таким образом, региональная специфика социальных технологий управления малым предпринимательством может быть отражена через влияние ряда факторов, которые условно можно разделить на первичные – интенсивность и состав самого управленческого воздействия, и вторичные, включающие в себя качественные и количественные характеристики региональной среды – ресурсный потенциал и особенности его использования. С точки зрения ресурсного подхода на первый план выходят два аспекта: способность распоряжаться имеющимися внутренними социальными ресурсами и способность формулировать запросы при взаимодействии с федеральными органами власти. Поскольку уже подчеркивалась роль специфических особенностей региональной среды для успешного развития малого предпринимательства, можно выделить шесть базовых групп факторов, оказывающие влияние на технологизацию управления этим сектором: природно-географические факторы обуславливаются географическим положением региона, экологической ситуацией, наличием природных ресурсов и др.; этнокультурные факторы являются своего рода фундаментом, на котором в дальнейшем формируется культура организации, способствующая или препятствующая развитию и существованию предприятия; социально-психологические факторы связаны со степенью обретения предпринимателем социально-экономической субъектности и идентификацией его в качестве субъекта социальной активности регионального общества. Административно-информационные факторы включают структуру управления, политику органов власти в отношении малого предпринимательства, наличие и «высоту» административных барьеров, открытость информационного пространства. Правовые факторы связаны с наличием федеральных законодательных актов, системой мероприятий по контролю над их соблюдением, а также локальными актами регионов и программами развития предпринимательства. Кроме этого, существенная роль в развитии этого сектора экономики отводится в регионах наличию и доступности транспортной сети, инфраструктуры поддержки малого предпринимательства, технической и технологической базы региона, производственного и инновационного потенциала, образовательной и промышленной инфраструктуры. Зачастую значительное влияние на формирование технологий управления малым предпринимательством оказывают институциональные аспекты: несовершенство развития механизмов конкуренции на внутрирегиональном рынке, коррупционные механизмы при распределении госзаказа, ограничение доступа к потребителю и т.п.

Использование социальных технологий управления в сфере малого предпринимательства предполагает поэтапное, дифференцированное по задачам, но общее по цели управленческое воздействие, для реализации которого необходимо преодоление ряда выделенных проблем развития малого предпринимательства: несовершенство законодательства, регулирующего процесс создания и ведения предпринимательской деятельности, в том числе слабая правовая защищенность предпринимательства и предпринимателей, противоречивость нормативно-правовой базы; несовершенство системы налогообложения: сложность и запутанность, высокие ставки налогообложения, что влечет за собой такие негативные последствия, как перенаправление средства на оплату труда с целью ухода от налога на прибыль и т.п.; низкая эффективность или отсутствие региональных программ поддержки малого предпринимательства; высокие административные барьеры, обуславливающие необходимость поиска «неформальных» путей их

преодоления и рост издержек в целом; неразвитость механизмов финансово-кредитной поддержки и страхования рисков малых предприятий.

Внедрение эффективных социальных технологий в управлении малым предпринимательством может стать перспективным направлением повышения роли регионов в развитии креативного сектора индустрии, в создании механизмов повышения мобильности трудовых ресурсов и развития частной инициативы предпринимателей, во внедрении «умных» механизмов коммерциализации инноваций, в формировании открытости и доверия по взаимодействию различных субъектов российской экономики на общероссийском и региональном уровнях.

СЕКЦИЯ 11: НОВАЯ СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: РАВНОПРАВИЕ И ГЕНДЕРНЫЙ ПОРЯДОК В РОССИИ 100 ЛЕТ СПУСТЯ (1917-2017)

ЛИЧНОСТНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛОВОЗРАСТНЫХ РОЛЕЙ В РАМКАХ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА: РОЛЬ ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Агафонова В.В. (Москва)

Аннотация

Доклад посвящен анализу одного из аспектов трансформации и кризиса института семьи в современной России. Основной проблемой, рассматриваемой в настоящей работе, является интерпретация человеком своих половозрастных ролей в рамках социокультурного контекста. Описан феномен диссонанса внутренних и внешних ролевых ожиданий, его причины и последствия. Научная новизна заключается в раскрытии названной проблемы с применением альтернативной концепции социализации, представленной Л.С. Выготским. В докладе представлены результаты эмпирического исследования: метод – экспертный опрос. На основе анализа вторичных и первичных эмпирических данных, а также актуальных демографических и социологических концепций выявлены возможные пути решения комплекса изученных проблем на уровне института семьи.

Тезисы

На современном этапе развития российского общества исследователи отмечают следующие трансформации института семьи и брака: распространение сожительства до (или вместо) зарегистрированного брака, частая смена партнеров, откладывание рождения первенца и снижение рождаемости в целом [3,4,10,14,15,16,18,21,22]. Демографы, принадлежащие к фамилистической парадигме [3,4,22,23], трактуют данные изменения, как кризис института семьи, и прогнозируют возможную депопуляцию населения в России.

Ключевые направления демографических исследований – анализ особенностей и проблем брачного, сексуального и репродуктивного поведения. Выявление и рассмотрение основных причин и тенденций, касающихся выбора партнера, смены партнера, регистрации отношений, сексуальной ориентации и рождения детей.

Брачное, сексуальное и репродуктивное поведение взрослого населения на макроуровне зависит от культурно-экономической ситуации в стране, а на микроуровне от того, какими установками относительно вступления в брак и рождения детей руководствуется личность [2,5,10]. Содержание указанных установок непосредственно коррелирует с личностной интерпретацией половозрастных ролей.

Формирование указанных установок зависит от процесса социализации, в котором, по мнению психологов наиболее активным по количеству и качеству личностных трансформаций является этап подросткового возраста [2,5,26,27].

Сегодня этот вопрос становится особенно актуальным, в связи с господствующими в мире процессами глобализации, информатизации и массовизации культуры, а также с активной пропагандой гедонистических ценностей, приходящих, в культуры развивающихся стран, с Запада посредством СМИ. Процессы взаимодействия и коммуникации упростились, темпы жизни ускорились, а этика значительно трансформировалась [6,7,8,9,12,13]. Но смогла ли адаптироваться к этому социокультурная система и ее нормы? Какие сложности в связи с этим испытывают подростки в процессе личностного развития? Какое влияние подобные процессы окажут на институт семьи? Этим и аналогичным вопросам посвящена данная работа.

В ходе проведения научного теоретического и эмпирического исследований были сделаны следующие основные выводы:

1. Такие изменения института современной семьи, как тенденция к снижению рождаемости, легализация и популяризация однополых браков и популяризация сожительства, необходимо интерпретировать как проявления её глобального системного кризиса, порождённого современной индустриальной и постиндустриальной цивилизацией, ведущего к угрозе депопуляции населения.

2. Особенностью современности является возможность изменять свои половозрастные статусы и соответственно трансформировать роли [17].

3. Особую роль в половозрастной идентичности личности играет процесс первичной социализации, проходящий в семье, т.к. именно в этот период закладываются основные ориентиры для компетентной ориентации индивида в социальном пространстве [9]. Следовательно, можно утверждать, что институт семьи играет первостепенную роль в процессе формирования личности подростка.

4. Процесс социализации и личностной интерпретации половозрастных ролей напрямую зависит от социокультурного контекста, который сегодня определяется гедонистическими и прозападными ценностями.

6. Точка зрения, предложенная Л.С. Выготским [11], о социализации, как о процессе движения от социального к индивидуальному, находит свое подтверждение в реальных фактах социальной жизни. В процессе личностной интерпретации половозрастных ролей человек не только обретает знания и опыт, необходимые для полноценной жизни в обществе, но и проходит путь индивидуализации, т.е. познания собственного Я. Что в дальнейшем позволяет актору свободно владеть ролевым репертуаром и избегать возможных психологических кризисов.

7. Подростковый возраст – это особенный период в процессе становления личности, во время которого происходит множество трансформаций, во многом определяющих дальнейшую жизнь человека в обществе и, особенно, его будущее брачное поведение.

8. Ключевое понятие для анализа – это ролевые экспектации, поскольку именно от того, как воспринимает себя подросток и от того, как его воспринимают окружающие, зависит его функционирование в обществе. При этом в период подросткового возраста личностная интерпретация половозрастных ролей зачастую неадекватно отражает реальные возможности подростка, необходимые для полноценной взрослой жизни в социуме, многие формальные возрастные нормы кажутся подросткам излишними ограничениями [2,25,26].

9. СМИ пропагандируют прозападные и гедонистические ценности, которые легко усваивает подросток, и провоцируют тем самым, возникновение завышенных ролевых экспектаций. Родители и педагоги должны научить подростков критически подходить к осмыслению получаемой информации

10. Несоответствие внутренних экспектаций [23], в соответствии с которыми подросток осознает себя, как самостоятельного актора и внешних экспектаций, в результате которых подросток чувствует, что окружающие применяют к нему набор стереотипных требований, может привести к возникновению внутриличностного конфликта и негативных, а в редких случаях, и позитивных форм девиантного поведения, в некоторых случаях возможно возникновение и делинквентное поведение [20,25].

11. Согласно социологическим исследованиям [1,19] в современной российской семье присутствует выраженная установка на авторитарный стиль воспитания, т.е. на предписывающие экспектации. Адекватные же воспитательные модели основываются в основном на предсказывающих экспектациях, позволяющих, учитывать индивидуальные особенности подростка [20]. Именно благодаря этому дети приобретают ролевую гибкость и одновременно учатся находить оптимальное сочетание между ожиданиями окружающих, официальными предписаниями и собственными представлениями о том, как следует вести себя в той или иной роли.

12. По мнению экспертов, чтобы избежать диссонанс внешних и внутренних ролевых экспектаций подростка, а также возникновение негативных девиаций и внутриличностного конфликта, общество и семья должны научить подростка ответственности, уделять ему больше времени и внимания, интересоваться его увлечениями и хобби, и самое главное – постараться самим измениться в лучшую сторону, для того, чтобы подросткам было с кого брать пример.

1. Аналитический центр Ю. Левады Дети: права, допустимость родительского и государственного контроля 30.05.2015 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.levada.ru/2015/05/30/deti-prava-dopustimost-roditelskogo-i-gosudarstvennogo-kontrolya/> [11.02.2016]
2. Андреева Т.В. Семейная психология: Учеб. Пособие - СПб.: Речь, 2004. 244 с.
3. Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): Учебн. пособие для вузов. — М.: Инфра-М, 2005. - 368 с.
4. Архангельский В.Н., Зверева Н.В. Рождаемость в России: ситуация и факторы // Журнал Социальная и демографическая политика, № 2, 2006. с. 45-58
5. Баранов А.А., Кучма В.Р., Сухарева Л.М. Медико-социальные проблемы воспитания подростков. - М.: Издательство «ПедиатрЪ», 2014. 388 с.
6. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
7. Боас Ф. Ум первобытного человека. / Пер. с англ. Ю. С. Терентьева – Л.: Государственное издательство, 1926. 151 с.
8. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с франц. Е.А. Самарской – М.: Культурная революция; Республика, 2006. 350 с.
9. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц. Шматко – СПб.: «АЛТЕЙЯ», 2007. 288 с.
10. Варламова С.Н., Носкова А.В., Седова Н.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 61-73.
11. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 т. Т.2: Проблемы общей психологии / Под. ред. В. В. Давыдова. — М.: Педагогика, 1982
12. Гидденс Э. Трансформация интимности. / Пер. с англ. В.Анурина – СПб.: Питер, 2004. 208 с.
13. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. М. Л. Коробочкина - М.: «Весь Мир», 2004. 116 с.
14. Голод С.И. Что было пороками, стало нравами: Лекции по социологии сексуальности. М.: Ладомир, 2005. 350 с.
15. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008
16. Гурко Т.А. Развитие брачно-семейных отношений в России и реализация семейной политики // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 3. С. 51-71
17. Индустрия красоты: чудеса и возможности пластической хирургии Ника Бахтен [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kn.ru/stil/2014/04/16/konsultatsii-vrachei/737595-industriya-krasoty-chudesa-i-vozmozhnosti-plasticheskoi-> [14.04.2016]
18. Носкова А.В. Социальные аспекты решения демографической проблемы низкой рождаемости // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 60-70.
19. О воспитании строгим и нестрогим/Как родители воспитывают своих детей? Какие правила и запреты есть в семье? «ТелеФОМ» – телефонный опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 9 июня 2013. 1000 респондентов [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://fom.ru/Rabota-i-dom/10974> [15.04.16]
20. Рахманова А.Г. 4000 подростков вич-инфицированы [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.aidsjournal.ru/55_11/ [08.04.2016]
21. Семья и брак: историко-социологический анализ / С.И. Голод. – Санкт-Петербург: Петрополис, 2012. – 272 с. – ISBN 5-86708-113-3.
22. Синельников А.Б. Брачность и рождаемость без двойных гендерных стандартов - М.: Демоскоп Weekly, 2017, 20 с.
23. Сорокин, П.А. Кризис современной семьи – М.: Вестник Московского университета. Сер. Социология и политология. 1997. № 3. – с. 65 – 79
24. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев; уч. секр. О. Е. Чернощек. — М.: Норма, 2008. — 608 с
25. Цветкова Р. Не бунтари, а приспособленцы 05.05.2014 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.levada.ru/2014/05/05/ne-buntari-a-prisposoblentsy/> [11.02.2016]
26. Эрикссон Э. Идентичность. Юность и кризис. - М.: Флинта, МПСИ, Прогресс, 2006. 342 с.
27. Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы.- СПб.: Кентавр. Палантур, 1994. 132 с.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОЦИОКУЛЬТУРЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Антипова А.А. (Саранск)

Вопросы трансформации системы семейных отношений под влиянием различных факторов социокультуры становятся тем актуальнее, чем активнее и динамичнее происходят

изменения в обществе, в той самой социокультуре, в которой и осуществляют свою жизнедеятельность семья. И здесь важен анализ не только метамарфоз, происходящих в семье под влиянием различных факторов, но и того, насколько отношения, разворачивающиеся внутри семейной структуры, сохраняют свое системное свойство.

В данном случае стоит отметить, что в последние полвека в науке при изучении семьи одним из важнейших является системный подход, который рассматривает семью как систему. Это значит, что семья рассматривается как целостная единица. Она состоит из частей, которые в нее входят. Объектами влияния семьи считаются не те элементы, из которых она состоит, а вся семья в целом.

Согласно основному методологическому принципу системности, семейные отношения представляют собой структурированную целостность, элементы которой взаимосвязаны, взаимообусловлены. Это супружеские, родительско-детские, детско-родительские, детско-детские, прародительско-родительские, прародительско-детские отношения.

Теоретической основой системного взгляда на семью является общая теория систем, которая была разработана в 40-е гг. XX в. Людвигом фон Бергаланфи. Он утверждал, что большинство объектов окружающего мира представляют собой целесообразно организованные системы – это так называемый организмический взгляд на мир [1]. Таким же образом, как системы, функционирует человек, а также различные социальные образования, в том числе и семья.

Согласно основным постулатам теории систем:

1) целое больше, чем сумма составляющих его частей. Система описывается теми составными частями, из которых она состоит, а также особенностями их взаимодействия, взаимосвязи друг с другом. Так, семья состоит из мамы, папы, ребенка или нескольких детей, а также часто в ней присутствуют бабушки и дедушки, дяди или тети и т.п. Но как система семья – это нечто большее, способное осуществлять свою жизнедеятельность как единый социальный организм;

2) все элементы и процессы, происходящие внутри семьи, взаимно влияют и взаимообуславливают друг друга. Соответственно, изменения, которые происходят в отдельном элементе системы, могут вторично обуславливать изменения в других частях системы или в системе в целом. Те есть если повлиять, например, на ребенка, то можно вызвать реакцию, изменения у остальных членов семьи.

Ученые выделяют несколько характеристик семьи, позволяющих нам изучать ее именно как систему.

Так, с точки зрения теории системы семья представляет собой открытую систему. Это утверждал, в том числе и Л. фон Бергаланфи [1]. По его мнению, открытые системы – это те, которые для своей жизнедеятельности нуждаются в обмене с окружающей средой, то есть им нужно для поддержания своего существования и функционирования что-то отдавать в окружающую среду и что-то из нее принимать. Это характерно и для семьи: чтобы нормально функционировать и удовлетворять свои потребности, семья существует в социуме и взаимодействует с элементами социума. Если это взаимодействие нарушено, то семье начинает чего-то не хватать, функции семьи могут нарушаться.

Семья является также системой самоорганизующейся. Это значит, что семья как система является построенной по принципу целесообразности и все поведение семьи является целесообразным. Источник преобразования находится внутри самой семьи. Если в семье есть цель, то она определяет всю жизнедеятельность семьи как системы [2]. Особенно явно это свойство может проявиться, например, в какие-то решающие, тяжелые моменты в жизни семьи: только семья, члены которой способны объединиться и направить все свои усилия для достижения общей цели, проявит себя как слаженная, работоспособная система.

Семья как систему также характеризует то, что она является первичной по отношению к каждому входящему в нее элементу – члену семьи. Это значит что закономерности, по которым существует семья, могут отличаться и не соответствовать тем закономерностям, по которым существуют ее элементы – члены семьи. Поэтому все интервенции, которые используют люди для воздействия на отдельного члена семьи, носят опосредованный характер [3]. Например, родители всегда хотят лучшего для своих детей и каким-то образом выражают свое видение как добиться этого «лучшего» при их воспитании, но зачастую в итоге получается другое: при желании поскорее воспитать в детях самостоятельность и серьезность есть риск гипопеки, а при желании

во всем помогать детям, контролировать их поведение – гиперопеки. Поэтому родители наиболее подходящая среда для воздействия на ребенка – опосредованный способ воздействия.

Немаловажным для определения характеристик семьи как системы является то, что она подчиняется двум основным законам, отличающим систему:

1) закон гомеостаза. Он выражается в том, что любая система стремится сохранить существующее положение любым путем. Причем этот закон относится как к функциональным семьям, так и характерен для дисфункциональных семей [3]. Например, положение в семье неблагоприятное, мучительное для некоторых из ее членов, но она стремится сохранить это положение и делает его стабильным. Это связано с тем, что любые перемены пугают такую семью; ее члены считают, что перемены хуже, чем существующее положение. С точки зрения закона гомеостаза может быть понятным, почему в семье многие годы могут сохраняться проблемы;

2) закон развития. Он выражается в том, что любая открытая система стремится развиваться и пройти свой путь от ее возникновения до завершения. На уровне семьи закон развития проявляется в том, что семья как система должна прожить свой жизненный цикл, который представляет собой последовательную смену основных событий или стадий [3]. Так, желая развивать свою семью, молодые супруги заводят детей, расширяют круг общения (и теперь уже не каждого супруга в отдельности, а именно общий), налаживают свой быт.

Таким образом, в современной науке системный подход является одним из ведущих при исследовании трансформационных процессов, которые происходят в сфере семейных отношений в современной социокультуре, в том числе и в России.

1. Бертаманфи Л. *Общая теория систем: критический обзор [Электронный ресурс] // Исследования по общей теории систем : сб. переводов / общ. ред. и вст. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М. : Прогресс, 1969. – С. 23 – 82. – Режим доступа: http://grachev62.narod.ru/bertalanffy/bertalanffy_1.html.*
2. *Психология семьи как система [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://www.psyoffice.ru/3-0-family-00002.htm>.*
3. *Психология семьи и семейных отношений [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://psylist.net/family/00002.htm>.*

АНТИСЕМЕЙНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ И ОСОБЕННОСТИ СЕМЕЙНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Антонов А.И. (Москва)

Малодетный образ жизни, сопряженный с внесемейной системой ценностных ориентаций личности, социальных групп и общностей отличает современное общество. Характерная направленность жизненных ценностей приводит к коренным преобразованиям в сфере семейного поведения и массовому распространению одно- и двухдетности. Кризис семьи во второй половине XX века связан прежде всего с невыполнением нукlearной семьей ее основных функций по рождению и воспитанию детей. На фоне низкой рождаемости, преобладанию одно-двухдетных моделей семьи, распространению внесемейной социализации детей, росту числа разводов, сожительства и внебрачных рождений разворачивается кризис семейного образа жизни. Семья без детей трансформируется в своего рода сексуальное сожительство на короткий срок. Отходят на задний план семейные роли отца-матери, мужа-жены, а на авансцену выходят гендерные и сексуальные роли. Непривлекательность семьи для населения усугубляется ее подчиненным положением в системе социальных институтов, а именно у семейного домохозяйства автономии по отношению к государству и его институтам.

Социолого-демографические исследования, проводимые кафедрой социологии семьи и демографии с 1976 по 2016гг. фиксируют более одобрительное отношение к бездетности и однодетности, характеризующее ныне привычные антисемейные настроения. За последние 40 лет нашей кафедрой было проведено несколько опросов, в том числе по методике семантического дифференциала. Удалось сопоставить ценность СЕМЬИ С ДЕТЬМИ с ценностью БЕЗДЕТНОЙ СЕМЬИ. Если в 1976 г. семья с детьми оценивалась положительно, а бездетная семья негативно, то в 2015 г. высокая оценка семьи с детьми и негативная оценка бездетности существенно снизились (индекс различия между ними в 1976 г. был 14,3, в 2015 г. стал 8,20 т.е. почти в 2 раза меньше, а в 2016 сократился до 6,69). Семья теряет свою положительную валентность, а бездетная семья – отрицательную. В 1976 г. среди москвичек преобладала ориентация на двухдетность (5,45),

при почти одинаковом отношении к одноклетности и трехдетности. Среди двухдетных супругов в 1978 г. - установка на двоих детей (2.71). Спустя 25 лет после дефолта в городском населении ведущей стала ориентация на одноклетность (4.27) при нивелировании различий в установках на двоих и троих детей.

В массовом сознании людей началось сближение данных категорий, стремясь к точке в которой их поляризация теряет всякий смысл. Наличие и отсутствие детей не играет никакой роли. Подобный поворот образа мыслей ярче всего обнаруживает ценностный кризис семьи и семейных ценностей, который является главной причиной сокращения детности и рождаемости, убыли населения.

Для выведение нашей страны на уровень простого воспроизводства населения, необходимо повысить ценность института семьи в обществе, для чего следует радикально изменить положение института семьи по отношению к институту государства и другим социальным институтам, работать над повышением его престижа. Следует прекратить эксплуатацию семьи, когда на макроуровне действует патерналистский принцип взаимодействия всех институтов с институтом семьи. Выражаясь стоимостным языком за продукт семейного производства, за новые поколения работников, исполнителей социальных ролей, которые ежегодно вливаются в систему народного хозяйства, надо платить достойно. Не вдаваясь в подробности исчисления прибыли и накопления капитала (это отдельный разговор) следует осознать настоятельность перехода к семьецентризму в экономике и политике. Иначе мы потеряем не только семью, но и нашу цивилизацию, доселе представлявшую собой человеческую организацию жизни людей.

Необходимо поддерживать институт родительства, прежде всего материнства. На повестке дня новый принцип заработной платы «за равный труд- равный уровень жизни». Дефицит людских ресурсов в условиях депопуляции диктует рыночной экономике невиданную инновацию – пришла пора платить за труд в семье по воспроизводству новой рабочей силы. Поэтому отец с тремя детьми за равный профессионально труд с отцом единственного ребенка будет получать более высокую зарплату. При этом основным ориентиром будет душевой доход семьи. В этом случае при рождении нескольких детей уровень жизни семьи не будет уменьшаться. С другой стороны, перспективной является ориентация на профессиональное материнство. В современном государстве рождение и воспитание детей в семье оказалось крайне затратным, а само родительство-направленное в конечном счете на воспроизводство населения- жертвенным и героическим, поскольку родительский вклад в будущее страны не находит в обществе надлежащего признания. Материнство и отцовство на протяжении многих десятилетий продолжает обесцениваться, хотя плодами родительского труда по патерналистскому принципу продолжают пользоваться все государственные и социальные институты. Родительский труд в общественном мнении не делает человека, к сожалению, полезным членом общества.

Современный тип общества с его государством и антисемейной экономикой, антидетной направленностью всех сфер жизни является причиной деградации института семьи и краха рождаемости. И отдельные индивиды, и различные социальные ассоциации едины в своей внесемейной ориентации, в неприятии семьи как гармонии родительства – супружества – родства. Более того, все составляющие элементы этого триумвирата обесценены –родительский труд не делает человека полезным членом общества, родство в системе одноклетности стало анахронизмом, а супружество сводится к сексуальным связям. Семья как центр человеческой культуры уходит в прошлое (воспроизводства поколений и их социализации). Она оказалась на обочине новых интересов, поскольку не приносила никакой прибыли, хотя и продолжала эксплуатироваться в качестве поставщика рабочей силы и людских ресурсов.

Необходимо создание мощной системы поощрения семейности, включая СМИ и искусство. Только комплексный подход со всех сторон сфокусированный на семью и детей способен сформировать, начиная с детского возраста положительный заряд семейности, поднять высоко престиж отцовства-материнства, стабильности отношений родителей и детей. Лишь сохраняя и укрепляя фамилистическую организацию общественной жизни, фамилистическую цивилизацию и культуру мы способны решать возникающие постоянно в ходе исторического развития проблемы. Без повышения потребности семьи в детях, ценности семейно-детного материнства и родительства, невозможно добиться преобладания в семейной структуре населения полных семей с тремя-четырьмя детьми, сокращения разводов, абортотв и сожителств. Это должно стать главной целью семейно-демографической политики в стране, если мы действительно стремимся к устранению депопуляции в предстоящие десятилетия. При этом семейно-

демографическая политика строится на основе поощрения, а не принуждения, создания всех необходимых условий для населения по реальному выбору разных моделей семьи и семейно-детного родительства. Задача государства заключается в том, чтобы добиться приоритетного выбора населением тех семейных форм жизни, которые отвечают интересам нации по воспроизводству населения и полноценной социализации новых поколений.

ВЛИЯНИЕ МАРКСИСТСКОГО ФЕМИНИЗМА НА СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НАЧАЛА XX ВЕКА

Батуренко С.А. (Москва)

В качестве отдельной проблемы и одного из главных направлений научного интереса в области феминистской социальной мысли в отечественной науке можно рассматривать марксистский и социалистический феминизм. Этому вопросу посвящено огромное количество научных трудов. Нам хотелось бы проанализировать то влияние, которое оказал марксистский феминизм на социальные изменения российского общества в конце XIX - начале XX веков. Данное направление складывалось как теоретический проект, разрабатываемый приверженцами теории структурного угнетения, но также имело и практическую реализацию в истории российского общества. В российском обществе на рубеже XIX-XX веков ему принадлежала особая роль, поскольку основные положения марксистского феминизма оказались идеологической базой формирования женских пролетарских организаций, а также значительных социальных изменений.

Основы рассматриваемого направления были заложены А. Бебелем («Женщина и социализм» 1879) [4], К. Марксом («К еврейскому вопросу» 1843) [7] и Ф. Энгельсом («Происхождение семьи, частной собственности и государства» 1884) [6]. В России теоретические выводы, обобщающие разработки классиков марксистского феминизма, дают известные представители русского марксизма: В.И. Ленин, Н.К. Крупская, К. Цеткин, А.М. Коллонтай. Самый известный в мире русский марксист В.И. Ленин (1870-1924), развивавший дальше марксистскую теорию женского вопроса, приводит выводы, обобщающие опыт женского рабочего движения в новую историческую эпоху. На основе анализа результатов женского освободительного движения в эпоху империалистических войн и пролетарских революций, он доказывает огромное значение женских сил пролетарской революции для достижения победы и установления диктатуры пролетариата. Учение В.И. Ленина о раскрепощении женщины в социалистическом обществе внесло большой вклад в развитие научного социализма, обогатив его новыми положениями об условиях осуществления социалистической демократии, формирования социалистического строя, создания коммунистического общества. Свои идеи автор представил в работах «Великий почин», речи на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 года «О задачах женского рабочего движения в Советской республике», опубликованной затем в газете «Правда» [13].

Ленин придавал женскому движению очень большое значение, как особенно важной составной части движения масс, которая становилась решающей его частью. Не подвергалось сомнению полное социальное равноправие между мужчиной и женщиной как основа нового социального порядка. Вместе с тем он ставил и более глобальную проблему — организацию международного коммунистического женского движения, которая по мнению лидера советского государства, должна быть решена немедленно, поскольку без такого движения работа Интернационала и его партий не может считаться полной. Свои впечатления о том, как высоко ценил В.И. Ленин вклад женского движения в общее дело революции и интересовался женским вопросом приводит К. Цеткин в 1925 году [14].

Огромную роль в практической реализации идей сыграли женщины: К. Цеткин, Н.К. Крупская, А.М. Коллонтай. Работа Н.К. Крупской (1869-1939) «Женщина-работница» (1899) повествует о положении женщин в России, где автор, опираясь на большой фактический материал, описывает судьбу женщины как члена рабочего класса, женщины-работницы в семье, вопрос о воспитании женщинами детей [15]. Александра Михайловна Коллонтай (1872-1952) — известный представитель русского марксизма и марксистского феминизма, революционерка, дипломат и государственный деятель, первая в истории женщина-министр. Большое количество ее работ посвящены женскому вопросу, среди которых «Социальные основы женского вопроса» (1908), «Общество и материнство» (1916), «Женское движение в годы французской революции» (1921),

«Положение женщины в эволюции хозяйства» (1923), «Женщина-работница в современном обществе» (1908), «Семья и коммунистическое государство» (1918) и др. [11, 17, 18]. Автор отстаивает марксистские идеи о социальной революции и классовой борьбе, в результате которой наступит женское равноправие. На основании своих убеждений она вступает в спор с феминистским движением, возникшим в России на рубеже XIX-XX веков, развивающимся вне рамок марксистского подхода, обвиняя его представителей в попытке раскола социалистического движения и препятствия на пути объединения женщин для классовой борьбы пролетариата.

Работы А.М. Коллонтай раскрывают особенности социальных отношений в начале XX века. Как государственный деятель она имела возможности реализовать свои идеи на практике. А. Коллонтай активно участвует в составлении закона о равноправии женщин, который был принят в первые дни революции, а затем в написании «Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве». Принятый советскими властями закон о браке и семье оказался самым революционным в мире. В соответствии с этим законом, только гражданская регистрация брака может признаваться законной, при этом церковные церемонии не были запрещены, но лишались права легализации брачных состояний. Закон уравнивал права обоих супругов относительно семейной и личной собственности, экономическом поведении, а также уравнивал права детей, рожденных как в браке, так и вне брака. А. Коллонтай принимала участие в создании Женского отдела при Центральном Комитете партии в целях организации политической и культурно-просветительной работы среди женщин, и являлась директором Женотдела в 1921-1922 годах.

Русский марксизм в целом и марксистский феминизм отличались своей практической направленностью. Все русские марксисты, представители марксистского феминизма прикладывали большие усилия для воплощения своих идей в жизни. В 1917—1918 годах был принят ряд актов, в которых Советская власть полностью уравнивала женщину с мужчиной в трудовом, семейно-брачных и гражданских правах, в сфере образования. Были приняты меры по охране женского труда, материнства и младенчества, законодательно закреплён принцип равной оплаты за равный труд. В результате формирования социалистических производственных отношений, индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства, культурной революции советского общества, фактическое равенство женщины с мужчиной было в основном достигнуто. Процесс этот не был простым и равномерным, особенно большие трудности преодолевались в борьбе за раскрепощение женщин Советского Востока, в силу устоявшихся вековых традиций рабского положения женщины. Постепенно права женщин были зафиксированы Конституции СССР утвержденным постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик 5 декабря 1936 г. [16].

Марксистский феминизм является одним из мощных направлений, получивших развитие в течении XX века как в отечественной, так и в зарубежной социологии и представляющих интерес в условиях современных глобализационных процессов обществ XXI века. Несмотря на огромное количество критики в адрес данного направления, в настоящее время основные положения марксистской феминистской теории продолжают быть актуальными и переосмысливаться в социологической науке.

1. Айвазова С.Г. *Русские женщины в лабиринте равноправия. Очерки политической теории и истории. Очерк 2. Свобода и равенство советских женщин. Идеология "новой женщины": Смена вех.* http://www.owl.ru/win/books/rw/o2_1.htm — дата обращения 16.06.2017.
2. Стайтс Р. *Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860-1930 гг.* М.: РОССПЭН, 2004.
3. Крупская Н. *Женщина-работница.* Спб.: Пролетариат, 1901.
4. Бебель А. *Женщина и социализм.* М.: Государственное издательство политической литературы, 1959.
5. Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест Коммунистической партии* // Соч. 2-е изд. Т.4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
6. Маркс К., Энгельс Ф. *Происхождение семьи, частной собственности и государства* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.21. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
7. Маркс К., Энгельс Ф. *Собрание сочинений. Т.1, М.: Директ-Медиа, 2014. - 736 с.*
8. Ленин В.И. *Великий почин* // Полн. Собр. Соч. 5-е изд. Т.39. 1919; Ленин В. И. *О задачах женского рабочего движения в Советской республике. Речь на IV Московской общегородской беспартийной конференции работниц 23 сентября 1919 г.* // К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о женском вопросе. М., Политиздат, 1978. С. 97-103

9. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы, 1970. Том 42. Международный день работниц. с. 369 <http://uaio.ru/vil/42.htm> — дата обращения 13.06.2017.
10. Коллонтай А.М. Из моей жизни и работы. М. 1974.
11. Коллонтай А.М. Социальные основы женского вопроса. Спб.: Знание, 1909
12. Цеткин К. Женщина и ее экономическое положение. М.: Просвещение, 1974
13. «Правда» № 213, 25 сентября 1919 г. <http://comstol.info/2013/03/biblioteka/6073> – дата обращения 13.06.2017.
14. Клара Цеткин «Воспоминания Цеткин: Ленин о женском вопросе» (1925) <http://levoradikal.ru/archives/12889> дата обращения 13.06.2017.
15. http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KRUPSKAYA_Nadejda_Konstantinovna/_Krupskaya_N.K..html — дата обращения 13.06.2017.
16. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик утвержденный постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm> – дата обращения 16.06.2017
17. Коллонтай А. Общество и материнство. Государственное страхование материнства. Петроград : Жизнь и знание, 1916. - 641 с.
18. Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. М.: Издательство Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Р., К. И К. Денутатов, 1919.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА РОДИТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Бетева А.Е. (Москва)

В современной российской действительности семейные ценности и модели социализации претерпевают трансформацию. Считается [9], что от концепций коллективизма и порядка, которые являлись базовыми для общества (и, как следствие, для семьи) ещё несколько десятков лет назад, мы постепенно переходим к принятию в качестве основных ценностей индивидуализма и свободы.

Очевидно, что за последнее время в России произошла трансформация во всех сферах жизни (связанная не только с распадом СССР, но и с общемировыми тенденциями к глобализации и интеграции культурных ценностей). В такие периоды взгляды поколений отцов и детей на жизнь закономерно начинают сильно отличаться. В данном контексте важно обратить внимание на факт, что в отношении нынешних школьников социологи констатируют [8] утрату культуры брачных отношений и особенностей семейных взаимоотношений. В более глобальном смысле это связано с резкими изменениями в обществе, произошедшими в последнее десятилетие XX века. Люди, жизненная позиция которых формировалась в перестроечный и постперестроечный период, закономерно расценивают любое проявление интеграции, в особенности – ценностной, как предпосылки к негативно воспринимаемому ими тоталитаризму.

Через семью, с другой стороны, продолжает транслироваться опыт предыдущих поколений. Но изменяется и характер преемственности: авторитет родителей теперь проявляется иначе, изменяются модели родительства (солидарную модель родительства теперь все чаще предпочитают традиционной) [2]. В основе семейной социализации теперь лежит разнообразие моделей с разной степенью результативности.

Сегодня модели социализации в семье базируются на таких демократических тезисах, как равноправие детей и родителей, распределение семейных ролей исходя из позиций эгалитаризма, использование стимулирующих стратегий в воспитании. Такая модель помогает молодому поколению более эффективно интегрироваться в окружающий социум и адаптироваться в нём [10]. К тому же, число агентов социализации неизменно растёт, постепенно минимизируя роль семьи.

Таким образом, в сознании россиян соседствуют две концепции детско-родительских отношений: традиционная и демократическая. И, хотя вторая концепция активно оттесняет первую, традиционные устои оказывают существенное влияние на действительность современной семьи.

Так, А.П. Лепин провёл исследование [7] структуры семьи студентов юга России. Принципиальных изменений за несколько лет не произошло, и всё новые и новые семьи сегодня перенимают стиль существования семей, зародившихся в 1980-90 годы, когда закладывалась новая базовая модель российской семьи. В своём исследовании автор приходит к следующим выводам:

Во-первых, в типичной модели семьи 1980-90 годов абсолютное большинство матерей работают (всего 9% оказались неработающими). Во-вторых, примерно половина родителей имеет

высшее образование (53% матерей и 47% отцов опрошенных). В-третьих, немногим больше половины студентов проживают с родителями, однако вторая половина живёт отдельно в своей или съёмной квартире.

Вышеописанные факты позволяют нам говорить о следующих тенденциях в существовании семей, которые на сегодняшний момент укрепляют свои позиции:

1) Женщины всё чаще, выбирая между домашним хозяйством и карьерой, предпочитают второе. Таким образом «работающие матери», столь нетипичные для патриархального типа отношений в семье, сегодня становятся обычным явлением, не вызывающим негативной реакции общества.

2) Родители всё чаще имеют высшее образование. Можно предположить, что с развитием высшего образования в России количество семей с образованными родителями увеличится. Об этом говорит и статистика.

Так, профессор Высшей Школы Экономики Алексей Макаров прогнозирует [3], что в возрастной группе родившихся в 1994 году, можно ожидать уже около 50% людей с высшим образованием.

3) Молодое поколение активно отделяется от старшего по признаку места жительства. Если в традиционных семьях несколько поколений, как правило, проживали под одной крышей, то сегодня дети переезжают от родителей даже раньше, чем создают собственную семью. Таким образом, подтверждается тезис о возрастающей ценности индивидуализма и свободы для молодежи.

Еще одна любопытная тенденция: в результате глобального переосмысления женских и мужских ролей в семьях сегодня всё чаще встречается модель так называемого «вовлечённого отцовства», при которой отец ребёнка включается в его воспитание, беря на себя часть обязанностей (проверка домашнего задания, прогулки и так далее). Нужно отметить, что в патриархальных семьях действовала модель «отец-добытчик», которая подразумевала, что ответственность за воспитание детей лежит на матери. На 2012 год 72% россиян заявили, что считают, что воспитанием детей должны заниматься оба родителя [1]. Несмотря на это, только в трети городских семей соблюдается гендерное равенство в остальных бытовых вопросах, таких, как, например, ведение домашнего хозяйства [6].

К тому же, в исследованиях известного российского социолога М.К. Горшкова отмечено, что популярная раньше тенденция к миграции молодого населения из села в город теперь сменилась фактом того, что большая часть (2/3) молодежи России – дети, рождённые в городе (или областном центре) и активно социализирующиеся в урбанистической среде [3].

Также семья принимает активное участие в подготовке человека к будущему профессиональному статусу и вообще в формировании образовательной стратегии ребёнка [11].

Положение семьи ориентирует ребёнка на определённую социальную позицию. Капитал семьи, причём не только экономический, но и социальный, символический и культурный, оказывает существенное влияние на поведенческую стратегию ребёнка в сфере образования.

Стоит также отметить, что наличие у родителей определённого уровня образования чётко коррелируется с уровнем либеральности семейных взаимоотношений. Образование способствует смягчению нрава и развитию эгалитарного поведения [4].

1) Авдеева А.В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95–104.

2) Безрукова О.Н. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования (Социс). - 2014. - N 9. - с. 85-97

3) Бесстуднов А.А. Три графика, опровергающие миф, что в России много людей с высшим образованием: статья // Новостной интернет-портал «Slon», 06.07.2012 [Электронный ресурс] URL: http://slon.ru/russia/6_grafikov_kotorye_oprovergayut_mif_o_tom_chno_v_rossii_mnogo_l_yudey_s_vysshim_obrazovaniem-808854.html (дата обращения: 11.01.2016)

4) Горшков М. К. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011. - 672 с.

5) Здравомыслова О.М. Поведение людей в семье. М., 2003.

6) Игбаева Ф.А. Семья в трансформирующемся российском обществе // Социологические исследования (Социс). - 2014. - N 9. - с. 73-76.

7) Лепин А.П. Особенности семьи как агента социализации на примере студенческой молодежи юга России // автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. социол. наук – спец. 22.00.04 – социолог. науки. М.: МПГУ, 2014 – 22 с.

- 8) Недвецкая М.Н. Проблемы воспитания в современной российской семье // Основы семейного воспитания: учебник для студ. сред. проф. заведений / под ред. В.П. Сергеевой. М.: Академия, 2010.
- 9) Федотова Ю.А. «Орлянская» модель социализации личности // Социология. - 2006. - № 3/4.
- 10) Филоненко В.И. Студенчество современной России: парадоксы существования. Ростов н/Д., 2009.
- 11) Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Социокультурная преемственность в российской семье (опыт эмпирического исследования) // Общественные науки и современность. - 2010. - № 1.

МАТЬ - ОДИНОЧКА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Бондарева В.Э. (Волгоград)

Актуальность данной научной работы определяется актуальностью самой проблемы трансформации семьи в России. Произошедшие изменения ослабили традиционные функции семьи, повлияли на социальный статус женщины, сделали ее более ответственной и самостоятельной. Большинство семей матерей - одиночек находятся за чертой бедности, что является фактором, затрудняющим их адаптацию к новым условиям жизни. Поэтому важно выявлять самые распространенные проблемы матерей – одиночек и принимать меры по их решению со стороны общества и государства.

Трансформация брачно-семейных отношений, начавшаяся в XX веке, породила новые типы семьи, одним из которых является одинокая мать с ребенком. Уже в советское время довольно распространенным социальным явлением стала мать-одиночка. В современном обществе количество таких семей не уменьшилось.

Для матерей-одиночек государство реализуют различного рода программы, выплату льгот, но этого недостаточно. Не всегда деньги являются решающим фактором, хотя и его важность нельзя отрицать. Матери - одиночки сталкиваются с психологическими проблемами, которые в корне влияют на микроклимат в семье [1, с. 28]. Данная тема не до конца изучена в научной литературе, и конкретно в нашем исследовании мы хотели рассмотреть те проблемы, страхи, переживания, с которыми сталкиваются матери - одиночки, и то, чего они ждут от общества и государства в целом.

Социальные ожидания и социально-экономическое положение матерей-одиночек мы изучали в январе 2017 года, применяя метод глубинного интервью. Всего было опрошено 15 женщин разных возрастов, проживающих в г. Волгограде. В ходе анализа результатов интервью было выявлено, что для большинства опрошенных женщин самой острой проблемой является нехватка средств для проживания. «Едим то же самое, что и раньше, но теперь очень много времени тратим на поиск более дешевых продуктов. Стараемся меньше пользоваться транспортом, больше ходить пешком. И приходится больше готовить дома, так как нет возможности покупать готовую еду. Бытовую технику не покупаем. Одежду не можем купить, потому что нет денег», - отвечает 40-летняя участница опроса. «Я работаю, а отец ребенка выплачивает деньги, но не очень большие. Так что если собираемся покупать что-то дорогое, приходится сначала откладывать деньги», - рассказывает 44-летняя респондентка. Что касается прочих проблем, с которыми сталкиваются матери - одиночки, то ими являются трудности с работой. «Проблема с поиском работы, работа сейчас у банковских работников очень низкооплачиваемая, практически нет рабочих мест, массовые сокращения», - отвечает одна из опрошенных (34 года).

В вопросе о том, какие взаимоотношения между ребёнком и отцом, большинство респонденток ответили, что отец ребёнка не принимает участия в его воспитании, а только оказывает материальную помощь. «Приезжает отец ребенка достаточно редко, но я ни в коем случае не запрещаю им видиться. Деньги присылает стабильно, но даже если не присылает, то я не начинаю требовать с него деньги. Его деньги я трачу исключительно на ребенка. В общем денег хватает, но не на все. В воспитании мне не помогает», - делится своими переживаниями респондентка (32 года). «Материальной помощи нет, отношения не поддерживаются», - рассказывает одна из опрошенных (34 года).

Следующим важным пунктом исследования был вопрос о взаимоотношениях ребёнка и матери, об особенностях воспитания. «За основу воспитания беру личный пример. Обязательно нужно проводить воспитательные беседы или просто разговаривать. Важной составляющей общения является доверие, важно делиться своими переживаниями. Из недостатков считаю, что мало уделяла времени ребенку в детстве. И еще, что ребенку не обеспечила разностороннего

развития (музыкальные, художественные школы, танцы). Поощряю вкусняшками. Наказывать ребенка было невозможно – даже в угол когда ставили, она оттуда уходила. Я не сторонник применения физической силы в воспитании», - отвечает одна из участниц опроса.

Размышляя о своих страхах, большинство участниц опроса ответили, что боятся потерять своих близких и что их личная жизнь больше не сложится. «Я всё могу пережить, знаю это на своём опыте, но то, что страшит меня - это смерть моих родителей. Если бы не они, я бы одна не вытянула свою дочь. Это самые родные для меня люди», - делится своими размышлениями респондентка (44 года). «Страшно остаться одной, без поддержки близких. Переживаю, что ребёнок растёт в неполной семье. А если выйду во второй раз замуж, то боюсь, что не сложатся отношения между супругом и ребёнком», - признаётся одна из опрошенных.

В исследовании был затронут вопрос о том, как респондентки остались одни с ребёнком на руках. Данный вопрос являлся необязательным к ответу, но женщины охотно рассказывали свои истории. «Наш ребёнок был долгожданным. Но уже в первую ночь после выписки муж не выдержал крика ребёнка и ушёл спать в другую комнату. Дальше шли дни, с ребёнком была только я, а муж только раздражительно реагировал на всё, что происходило вокруг. Так продолжалось месяца 2, а потом он просто ушёл. Я сначала плакала, а потом подумала, что у меня есть ребёнок и никто больше мне не нужен», - отмечает одна из участниц опроса (32 года). «Когда я рассказала своему молодому человеку, что беременна, он сразу отправил меня на аборт. Я сначала замешкалась, а потом просто ушла от него и не жалею», - рассказывает респондентка (40 лет).

Для каждой женщины важно не только быть хорошей матерью, но и самореализоваться в различных сферах [2, с. 102]. Мы спросили респонденток о том, чем они занимаются в свободное время. «Когда сынок был маленький, времени не было совсем. Я сидела только с ним, запустила себя, набрала 8 килограммов, а потом научилась управлять своим временем и занялась собой», - рассказывает одна из опрошенных (37 лет).

Таким образом, на основании полученных социологических данных, можно сделать вывод о том, что основной проблемой для всех опрошенных матерей-одиночек является недостаточная материальная обеспеченность. Важно отметить, что она негативно сказывается на взаимоотношениях матери и ребёнка. Подводя общий итог, подчеркнём, что в 21 веке семья, состоящая из матери и ребёнка не является чем-то удивительным, но не следует забывать, что таким семьям требуется больше внимания и поддержки со стороны общества и государства.

1. Башкирова, Н. Н. Ребёнок без папы. Решение проблем неполной семьи / Н. Н. Башкирова. – М.: Наука и техника, 2007, 272 с.

2. Манухина, Н.М. Родители и взрослые дети / Н.М. Манухина. – М.: Класс, 2011, 245 с.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ 2-3 ЛЕТ С ОСЛАБЛЕННЫМ ЗРЕНИЕМ

Велиева С.В. (Чебоксары)

Аннотация: Статья посвящена анализу психологических факторов адаптации детей раннего возраста к нарушениями зрения к условиям дошкольной образовательной организации. Результаты исследования свидетельствуют о различиях в сроках адаптации между мальчиками и девочками и наличии взаимосвязи между числом детей в семье и продолжительностью периода адаптации.

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации (Проект № 27.9732.217/БЧ; НИОКТР № АААА-А17-117030200202-2).

Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования, Концепция развития ранней помощи в Российской Федерации на период до 2020 года [2, 5] ориентируют педагогов на создание благоприятных условий развития детей в соответствии с их возрастными и индивидуальными особенностями, обеспечение психолого-педагогической поддержки семьи и повышения компетентности родителей в вопросах развития и образования, охраны и укрепления здоровья детей, в том числе и в период адаптации к новым условиям дошкольной организации. Исследованиями Н. Н. Васильевой, О. В. Дорошенко, С. В. Феоктистовой [6] и др. установлено, что поступление ребенка в дошкольное образовательное

учреждение сопровождается значительным напряжением со стороны всех систем организма ребенка. Высокая значимость успешности адаптации ребенка в образовательном пространстве для дальнейшего психического развития и появление стойких нарушений в формировании личности ребенка при отсутствии у него психологической готовности к переходу в новые социокультурные условия (С. В. Велиева [1]), нацеливают исследователей на разработку практических рекомендаций для педагогов и родителей по организации и содержанию работы в период адаптации детей к условиям дошкольного учреждения.

Выявление психологических особенностей адаптации осуществлялось с помощью анкетирования родителей «Готовность ребенка к поступлению в детский сад» (Е. О. Севостьянова [4]) и пролонгированного наблюдения за детьми 2 до 3 лет с нарушениями зрения в течение первых двадцати дней их пребывания в образовательной организации, предложенной А. Остроуховой [3]. Наблюдение позволяло проанализировать следующие факторы адаптации ребенка: его эмоциональное состояние, социальные контакты со сверстниками и со взрослыми, активность в игре, речевая активность, засыпание, длительность и глубина сна, аппетит. Заключение об уровне адаптации проводилось на основе анализа динамики обозначенных параметров и продолжительности адаптационного периода.

Анализ результатов анкетирования родителей позволил установить, что только 45% детей раннего возраста готовы к поступлению в учреждение. По мнению родителей, которые охарактеризовали детей как «условно готовых» (50%), наиболее проблемным оказалось психологическое (настроение, уверенность в себе) и физиологическое состояние ребенка (засыпание и продолжительность сна, аппетит). 5% родителей, по мнению которых их ребенок не был готов к поступлению в дошкольное учреждение, отразили в анкете такие его особенности как трудное взаимоотношение с окружающими (взрослыми и детьми), неуверенность в себе, тяжелая переносимость разлуки с близкими, наличие отрицательных привычек, сниженный аппетит.

В ходе наблюдения по методике А. Остроуховой [3] было выделены группы детей с легкой и адаптацией средней тяжести. У детей, обнаруживших легкую адаптацию, поведение, активность, дневной сон и аппетит нормализовались в течение первых двух недель. Физиологические и социально-психологические компоненты, поведенческие и аффективные реакции в период адаптации соответствовали нормативным значениям (проявлялся познавательный интерес к новому, контактность с окружающими, сохранялось бодрое настроение, аппетит, сон, отсутствовали изменения в функционировании вегетативной нервной системы, адекватно реагировали на педагогов и детей). Речь у части детей первоначально была заторможенной, но при этом они откликались и выполняли указания взрослого. К концу первого месяца активная речь восстановилась.

У детей, обнаруживших адаптацию средней тяжести, процесс привыкания к условиям образовательного учреждения составлял более 15 дней. У них наблюдались признаки психологического стресса (нарушения со стороны функционирования вегетативной нервной системы, плач, крик по утрам при расставании с родителями и вечером при встрече с ними, неустойчивое настроение в течение дня). Дети этой группы общались только в определенных условиях, например, в игре, либо при непосредственном контакте с педагогом.

Анализ динамики таких параметров адаптации, как активность ребенка в игре и речи, его эмоциональное состояние, социальный контакт ребенка с детьми и со взрослыми, засыпание, длительность и глубина сна, аппетит от первого до двадцатого дня наблюдения, позволяет сделать следующее заключение. Как у мальчиков, так и у девочек показатели адаптации из отрицательных значений становились положительными и нарастали к двадцатому дню. У девочек позитивное изменение факторов адаптации происходило в более короткие сроки, чем у мальчиков.

Следует отметить, что на первой неделе, психологический стресс, связанный с новыми условиями, отразился, как на психологических, так и на физиологических компонентах адаптации. У многих детей снизилась активность в игре, они резко ограничили социальные контакты со взрослыми и детьми, активность в речи. Среди физиологических компонентов, в первую очередь, снизился аппетит и нарушился дневной сон. В первые дни пребывания в учреждении дети не разворачивали игровых действий даже при участии взрослого, но визуально реагировали на игрушки, их речь была развита в пределах нормы или чуть ниже нормативных значений, дети избегали вербального общения. Мальчики отличались легкой плаксивостью, могли заплакать «за компанию», плач был приступообразный. Они проявляли тревогу, бросали начатые игры, были встревожены, замкнуты, обращаемых слов не слышали, либо пугались их и начинали плакать, засыпали медленно, только в присутствии взрослого, сон был глубокий, но короткий, во время еды

отвергали некоторые блюда. У девочек наблюдалась напряженность в тех же компонентах адаптации, что и у мальчиков: активность в игре, эмоциональное состояние, социальные контакты с детьми и со взрослыми, и их положительная динамика в период приспособления к условиям дошкольного учреждения.

К двадцатому дню пребывания в дошкольной организации были заметны улучшения по всем показателям: дети могли самостоятельно занять себя игрушками, в речи стали проявлять активность, чаще улыбались, были спокойны, в контакте со сверстниками были сдержаны и ожидали проявления речевой активности извне, в общении со взрослыми старались привлечь внимание, смотрели в глаза, когда к ним обращались, могли попросить о помощи, засыпали дольше, чем в домашних условиях, но уже самостоятельно, без участия взрослого, сон был глубокий, но не продолжительный, аппетит нормализовался. С целью выявления наличия корреляционных взаимосвязей между такими показателями, как состав семьи и успешность адаптации, были сопоставлены данные наблюдения за детьми в период адаптации и опроса родителей. Было установлено, что наиболее легкая адаптация отмечается у детей, в семьях которых более одного ребенка.

Проведенное исследование дает основание для следующих выводов:

– более половины детей ослабленным зрением имеют недостаточный уровень готовности к дошкольному образовательному учреждению. 12,5% мальчиков оказались не готовы к поступлению в учреждение;

– наблюдение за ходом адаптации в течение двадцати дней позволило выделить детей с разными уровнями адаптации: 60% детей раннего возраста имели легкую адаптацию, 40% детей – адаптацию средней тяжести. Детей с усложненной адаптацией и дезадаптацией обнаружено не было;

– психологический стресс, возникший в первые дни пребывания детей в дошкольной организации, отразился как на физиологических (засыпание, длительность и глубина сна, аппетит), так и психологических (активность в игре, речи, социальные контакты со взрослыми и сверстниками) компонентах адаптации;

– у мальчиков и девочек по анализируемым показателям существенных отличий при адаптации не наблюдалось, различия касались лишь длительности адаптации. У девочек этот процесс проходил в более короткие сроки;

– в период от первого в двадцатому дню пребывания детей в дошкольной организации наблюдалась положительная динамика всех компонентов адаптации. Наиболее значимые изменения затронули такие психологические показатели, как активность ребенка в игре, социальный контакт со взрослыми и детьми, активность ребенка в речи;

– в ходе анализа данных выявлена взаимосвязь между количеством детей в семье и средним числом дней адаптации. Чем больше детей в семье, тем легче и быстрее проходит адаптация ребенка к условиям дошкольной организации.

В результате проведенного исследования также было установлено, что воспитатели не всегда готовы оказывать вновь поступившим детям квалифицированную психолого-педагогическую поддержку. Педагоги часто испытывают трудности при построении взаимоотношений с родителями, в свою очередь родители зачастую относятся к периоду адаптации недостаточно серьезно, а возникающие проблемы склонны объяснять плохой работой педагогов. Указанные факты свидетельствуют о необходимости разработки программы по оптимизации адаптации детей к условиям дошкольного образовательного учреждения, которая с одной стороны должна быть основана на современных достижениях психологической и педагогической науки в данной области, а с другой – учитывать психологические особенности детей и их родителей, организационные и методические возможности образовательного учреждения.

1. Велиева, С. В. Педагогические средства профессионально-личностной подготовки будущих педагогов и психологов дошкольных организаций / С. В. Велиева // Проблемы и перспективы формирования педагогической культуры у студентов в условиях реализации профессионального стандарта педагога. – Сургут, 2016. – С. 138–140.

2. Концепция развития ранней помощи в Российской Федерации на период до 2020 года // Режим доступа: <http://government.ru/media/files>

3. Остроухова, А. Успешная адаптация / А. Остроухова // Обруч. – 2000. – № 3. – С. 16–18.

4. Севостьянова, Е. О. Дружная семейка : Программа адаптации детей к ДОУ / Е. О. Севостьянова. – М., 2007.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф>.
6. Феоктистова С. В. Роль семьи в социализации слабовидящих детей дошкольного возраста / С. В. Феоктистова, Н. Н. Васильева, О. В. Дорошенко // *Человеческий капитал*. – 2017. – 3 (99). – С. 23–25.

РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: СМЕНА ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ И ИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Верещагина А.В. (Ростов-на-Дону)

Что есть истина в социологическом знании? Какие критерии истинности можно принять за основу в оценке результатов социологических исследований? Мы полагаем, не претендуя на истинность нашего мнения, что истинным можно считать тот результат социологического исследования, который по своим итогам максимально приближен к исследуемой реальности, но здесь сразу возникает встречное возражение о том, что каждый результат исследования является следствием выбора той или иной методологической стратегии, когнитивной схемы, преломленной через мыслительные конструкции самого исследователя в рамках изучения того или иного социального явления или процесса. В результате рождается множество научных истин, достоверно отражающих изучаемую реальность с точки зрения выбранных методологических подходов. Эта ситуация методологического плюрализма и формирующегося в его рамках знания о социальной реальности порождает пространство социологического дискурса, в котором представлены различные научно-исследовательские практики, отражающие изучаемую реальность в определенном парадигмальном контексте. С точки зрения неоклассической модели исследования данная ситуация предстает как нормальная, естественная для изучения социальных явлений как неограниченных парадигмальными рамками. В своей основе неоклассическая модель исследования базируется на восприятии реальности как многомерной, а ее научное познание предполагает использование методологического потенциала различных наук [3, 125]. С позиций данной модели научного исследования нами предлагается видение эволюции семейных отношений в современном обществе, в том числе российском, под условным названием «неоматриархат». Предупреждая возможные и вполне оправданные сомнения и возражения со стороны научного сообщества относительно данного подхода, связанные с различиями, которые реально существуют в пространстве динамики семейно-брачных отношений в полиэтничном российском обществе, хотим отметить, что речь идет о тенденциях, которые, хоть и протекают с разной степенью интенсивности в различных российских регионах и этнокультурных сообществах, определяют объективные проявления институциональной трансформации семьи в современном глобализирующемся мире. Эти объективные проявления и тенденции, с точки зрения развиваемой нами концепции, связаны с кризисом, пока еще маскулинного по своей сути, социального порядка, который определяет ситуацию социокультурного кризиса современного мира, построенного на господстве мужских ценностей.

Социальный порядок, основанный на насилии, жестокости, подчинении и т.д., не принес человечеству счастья, и сегодня мы совершенно отчетливо наблюдаем агонию этого маскулинного мироустройства, отражающуюся в росте международных конфликтов, столкновений, в том числе вооруженных, кровопролитии, распространении неонацизма и т.д. На этом фоне тенденции феминизации общества, достаточно явно фиксирующиеся на самых различных уровнях социальной жизни и четко проявляющиеся в семейной сфере, можно рассматривать как альтернативный вариант общественной эволюции, возникший далеко не случайно, а именно ввиду несовершенства маскулинного социального порядка. Это не означает, что феминный порядок мироустройства избавит человечество от бед и несчастий, так как любые крайности (в данном случае связанные с противостоянием маскулинного и феминного) не являются оптимальным выбором траектории общественной эволюции. Задача ученых в том и состоит, чтобы вовремя увидеть, отследить, прокомментировать и предупредить нежелательные траектории общественной динамики, а для этого современная, в том числе семейная, социальная реальность во всех ее проявлениях должна стать предметом всестороннего научного анализа.

Современность демонстрирует нам изменения в функционировании семьи, которые с позиций одного из подходов: линейного или циклического, объяснить невозможно, так как, с

одной стороны, мы наблюдаем явные признаки трансформации традиционной патриархальной системы организации семейных отношений и семейного родства и признаки формирования матриархальных основ семейной организации, но, с другой стороны, эти признаки перехода или возврата к матриархату никогда не будут идентичны системе матриархата в прошлом, если принять положение о существовании такой формы организации семейно-родственных отношений в истории человечества, и речь идет о формировании нового гендерного мироустройства, в котором женское начало выступает важным основанием социокультурной динамики. Для современного конфликтного социума с высокой динамикой агрессии и страха, жестокости и зла переход к такому гендерному миропорядку крайне необходим, так как он женское в любых культурах мира всегда являлось олицетворением мира, доброты, терпимости и любви.

Анализ новой семейной реальности в России в условиях глобальных изменений позволяет сделать вывод о кризисе патриархальной системы организации общества и семейных отношений, который выразился в таких показателях, как рост разводов, неполных семей (в подавляющем большинстве материнского типа), эгалитаризации семейных отношений, падении рождаемости и др. [2]. Рост неполных семей, основу которых, как правило, составляет мать и ребенок, а также матерей-одиночек, которые сознательно или вынужденно идут на рождение ребенка и воспитание его в одиночестве, позволяет сделать вывод о формировании и институционализации института материнской семьи в обществе, что является одним из факторов укрепления матриархальных устоев организации семьи и общества, и, прежде всего, потому, что воспитанием ребенка в семье занимается мать или, как часто происходит в российской реальности, бабушка. Материнское и в целом женское, воспитание, отличное от отцовского (мужского), которое несет в себе, по Фромму [4, 42-43], совершенно иные ценности, формирует и совершенно иной тип личности, не соответствующий системе господства-подчинения как основе маскулинного социального порядка.

Итак, мир власти, господства и подчинения, созданный мужчинами на протяжении всей истории человечества, трещит по швам, разрушаются незыблемые основы его существования [1], но остановить процесс феминизации современного общества и движения к матриархату, о котором свидетельствуют такие социологические данные, как: рост неполных семей, в которых дети воспитываются матерью, рост матерей-одиночек, зависимость планируемого количества детей в семье, как правило, от желания женщины, увеличение числа детей (в соответствии с ростом неполных семей и матерей-одиночек), которые носят фамилию матери (т.е. продолжают род по материнской линии), на данном этапе развития социальных отношений практически невозможно. Вместе с тем, современный матриархат имеет ряд существенных характеристик, позволяющих определить его как некое уникальное явление современности. Существенным фактором формирующейся матриархальной системы организации семьи и семейных отношений в современном обществе, и российском в том числе, является понимание того, что становление женской субъектности и феминизация семейной сферы происходит в условиях пока еще мужского мира, т.е. того мира, в котором ключевые позиции и доступ к важнейшим социальным и финансовым ресурсам принадлежит мужчинам, что делает власть женщин во многом опосредованной ее социализационной ролью. Но разве не через воспитательные каналы в обществе внедряются инновации, формируются новые образцы, стили жизни и мировоззренческие идеалы? Оставим знак вопроса с тем, чтобы каждый, кто ознакомится с материалом данной работы, попытался дать свой ответ на поставленный вопрос и увидеть перспективы развития современного мира с позиций эволюции семейных отношений.

1. Бэттлер А. О любви, семье и государстве: философско-социологический очерк. М.: КомКнига, 2006. 168 с.
2. Верещагина А.В., Самыгин С.И. Кризис традиционной семьи и альтернативы развития института семьи в России: теоретический анализ с позиций синергетической парадигмы // Инженерный вестник Дона. 2014. №3. URL: <http://ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2531>
3. Лубский А.В. Методология социального исследования. М.: ИНФРА-М, 2017. - 154 с.
4. Фромм Э. Искусство любить / Пер. с англ.; Под ред. Д.А. Леонтьева. 2-е изд. СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. - 224 с.

К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ ОТЦОВСТВ-ОДИНОЧЕК.

Вильданова С.М. (Казань)

Развитие и функционирование института семьи является важной и первоочередной задачей для современного поколения. Сама актуальность исследования объяснена, прежде всего, тем, что за последние годы наблюдается положительная динамика роста неполных семей, а в особенности, семей, где функцию единственного родителя выполняют не женщины, как это принято полагать, а мужчины. До сих пор феномен отцовства может восприниматься как особая сфера, окутанная множеством страхов, нерешенных проблем, начиная от самого процесса адаптации отца к своему новому статусу, и заканчивая правовой поддержкой со стороны государства.

Институт семейно-брачных отношений, как и понимание традиционной семьи, претерпевает значительные изменения, в виду повышения роли отцов в структуре семейных взаимоотношений. Достаточно продолжительное время в объяснении роли родителей использовался биолого-эволюционный подход, который в свою очередь опирался на действие естественного отбора и полагался на эволюционную биологию, где выделились определенные критерии поведения, которые были направлены прежде всего на выживание. Данный подход поддерживали З.Фрейд, Э.Фромм, Т. Парсонс. В данном случае, принятым было считать, что вклад женщины, как родителя значительно больше, а отцовские функции исключали уход за детьми и обязанности по их воспитанию, все в традиционном понимании биологического детерминизма. Однако, рост числа отцов-одиночек, заставляет пересмотреть основные теоретические подходы к изучению института отцовства. [9]

Сформировался новый подход, основой которого является рассмотрение роли отца в жизни ребенка, история развития данного феномена и структура построения шаблонов поведения и стереотипной установки в отношении традиционного понимания семьи. В последствии был сформирован подход, основанный на социологическом контексте. Наиболее широкую огласку получили гендерные исследования, основанные на социальном конструктивизме. Именно благодаря данному подходу, были приняты во внимание такие факторы как социальные и общественные условия функционирования института отцовства, влияние гендерных стереотипов, навешивание ярлыков. Так же, значимой стороной данного подхода, является пересмотренные устоявшиеся феминистские взгляды на положение отца в семье.

В России на активно развивающийся феномен отцовства в своих работах обратили внимание такие исследователи, как Гурко Т.А., Кон И.С. и т.д.

Так, Гурко Т.А. в своих работах о феномене современного отцовства и родительства, поднимает вопрос об актуальности процесса перераспределения родительских обязанностей перед ребенком, о трудностях в процессе освоения родительской роли отцами, о роли стереотипного мышления в отношении института отцовства и о сопротивлении самих женщин в России в пересмотрении взглядов, касающихся положений отцов в семьях. [2]

Зачастую в неполных семьях, где основную функцию воспитания на себя берет отец, могут проявиться болезненные последствия в отношении ребенка по причине потери матери. Ситуационные последствия могут быть разделены: стремление к восполнению материнского внимания и чрезмерная опека, и попечительство над ребенком может привести к негативным последствиям; или же выполняя совместно бытовые дела, включая ребенка в рабочий процесс в новой для него сфере, общие занятия на досуге, приведут к выходу из сложной ситуации.

Известно, что на процесс воспитания отцов-одиночек могут повлиять как внутренние, так и внешние факторы. К первым мы можем отнести психологическую составляющую: переживания в отношении сложившейся ситуации, отсутствие общего диалога с ребенком/взаимопонимания. К внешним факторам мы можем отнести: проблемы в правовой поддержке, негативное общественное мнение/навешивание ярлыков и т.д.

Советский и российский социолог Кон И.С., изучая особенности воспитания детей, говорил о том, что при выходе материнской роли из системы воспитания стереотип о правильном женском поведении начинает свое формирование благодаря мнению того члена семьи, который берет на себя воспитательную функцию. Однако, воспитание отца для сыновей ведет за собой положительные последствия: формируется более уравновешенное восприятие мира, идет повышение статуса среди сверстников, что дает ощутимое чувство спокойствия и уверенности. Воспитание сыновей, отцами-одиночками, проявляется в тенденции меньшей проблематичности,

нежели воспитание дочерей. Кон И.С. утверждает, что девочкам не только приходится испытывать значительные нагрузки, но и брать на себя повседневные домашние обязанности.

«Дело в том, что атмосфера в семье по большому счету зависит от женщин – это обусловлено их эмоциональностью, открытостью и речевой активностью. Для взрослой женщины не представляет особого труда поддерживать дома позитивный эмоциональный настрой – это естественная часть ее существования в семье.» [6, с. 496]

В некоторых европейских странах пересматриваются юридические основы, тем самым разрабатывается система ответственного родительства, чьей целью является создание комфортных семейных условий для возможности совмещения отцом-одиночкой работы и семейных обязанностей по уходу за детьми. В данном случае, отцы-одиночки смогут включено участвовать в процессе воспитания, наравне с матерями-одиночками.

В Российской Федерации также проводится разработка и внедрение системы ответственного родительства. К примеру, с 2007 года отцы наравне с матерями, обрели право на декретный отпуск по уходу за ребенком. При этом выплачивается ежемесячное пособие до достижения возраста ребенка в 1,5 года. По практическим данным, отцы-одиночки пользуются возможностями данной системы в связи со сложными семейными обстоятельствами такими как развод, смерть жены. В трудовом Кодексе РФ предусмотрена статья о защите отцов, которые берут на себя основы воспитания семьи.

Однако, были приведены данные говорящие об обратном. В законодательных основах РФ не предусмотрено понятие «отца-одиночки», как «матери-одиночки» встречаются повсеместно.

Исследования, проведенные российскими социологами, доказывают тот факт, мужчины не только не стремятся взять на себя все обязательство по уходу за ребенком, но и считают, что воспитание детей не является их основной задачей.

Ни для кого не секрет, что семья, где основу воспитания и содержания берет на себя мать-одиночка, получает значительную поддержку со стороны государственных органов, общественных организаций и просто общественности. Система ответственного родительства в отношении матерей-одиночек более проработана, нежели поддержка отцовства, которая исключает даже осведомленность в своих основных правах. Следовательно, поддерживающая деятельность государственных органов в отношении отцов-одиночек малоэффективна. Однако, стоит выделить тот факт, что актуальность, в данном случае, приобретают общественные организации в поддержку отцовства. В подобных организациях происходит не только обмен опытом, но и обретается значительная психологическая поддержка. Примером может служить Региональная общественная организация Республики Татарстан «Союз Отцов», которая базируется в г. Набережные Челны.

Развитие и функционирование института семьи является важной и первоочередной задачей для современного поколения. А сама трансформация института семейных взаимоотношений, в частности отцовства, требует значительного внимания со стороны не только общественности, но и государственных органов. В данном случае, следует пересмотреть и заново разработать не только социальную политику, но и методы работы с семьями, где основу воспитания и содержания возлагает на себя отец.

1. Авдеева А.В. *Вовлеченное отцовство в современной России: стратегии участия в уходе за детьми* // Социс. – 2012. – №11. – С. 37.
2. Гурко Т.А. *Феномен современного отцовства // Мужчина и женщина: меняющиеся роли и образы. Материалы III Международной конференции по гендерным исследованиям, октябрь 1997. Отв. ред. И.М. Семашко, А.Н. Седловская. М. Институт этнологии и антропологии РАН, 1999. - С. 216-222. ISBN 5-201-14648-1*
3. Гурко Т.А. *Брак и родительство в России. – М.: Институт социологии РАН, 2008.*
4. Клецина И. *Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. – 2009. – №3 (52).*
5. Кон И.С. *Мужская роль и гендерный порядок // Вестник общественного мнения. – 2008. – №2 (94). – С. 37-43.*
6. Кон И.С. *Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время, 2009. – 496 с.*
7. Михеев *Институт отцовства в контексте модернизации брака [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nsu.ru/exp/ref/Media:4edf329cc871dec5190003829_Mikheeva.pdf (дата обращения: 05.10.2017).*

8. ООН предложила пересмотреть определение «отцовства» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2011/02/18/fatherhood/> (дата обращения: 05.10.2017).

9. Феминизм и семья – историко-социологический анализ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.m-razvitie.ru/matriarhat-i-feminizm/632-feminizm-i-senja-istor-sociol-analiz.html> (дата обращения: 05.10.2017).

ГЕНДЕРНЫЕ РЕСУРСЫ КАК ВАЖНЕЙШАЯ ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В КРИЗИСНЫХ И ПОСТКРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА.

Галькевич К.В. (Санкт-Петербург)

Аннотация

Статья посвящена вопросам рассмотрения гендерного ресурса в качестве важнейшей составляющей социального потенциала государственной политики России. Автором дано определение сущности категорий «гендер» и «гендерный подход», определены основные проблемы развития и управления потенциалом населения, вызванные гендерными особенностями, а также обоснована необходимость выработки эффективной государственной политики управления человеческим потенциалом с учетом гендерной специфики.

В современных условиях одной из основных стратегических задач, стоящих перед обществом и государством является обеспечение стабильного экономического, политического, социального, культурного, научного и иного развития Российской Федерации для значительного повышения уровня и качества жизни населения нашей страны.

Для реализации указанной задачи необходимо осуществить в рамках процесса управления государством максимально эффективное использование возможностей человеческого потенциала, что невозможно обеспечить без учета гендерных особенностей населения.

Данное обстоятельство обусловлено тем, что в качестве одной из основных детерминант развития общества является перманентное воспроизводство производительных сил, основной составляющей которых выступает человеческий потенциал: численность работников, продолжительность жизни, качество образования и нравственного воспитания, ориентация каждого индивида на самосовершенствование, самоутверждение и самореализацию в обществе[1, с. 3].

В связи с этим особую актуальность приобретает вопрос рассмотрения гендерных ресурсов в качестве важнейшей составляющей социального потенциала государственной политики.

Так, существенный и постоянный рост человеческого потенциала не представляется возможным осуществить без выработки оптимального решения гендерных проблем, во многом определяющих специфику развития и продуктивного применения индивидуальных физиологических, психологических и других способностей женщин и мужчин.

В рамках научной сферы указанное обстоятельство обусловлено необходимостью глубокого социально-философского проникновения в суть перечисленных проблем, социологического мониторинга, экономического развития (и концептуально обоснованной социальной политики, направленной на устранение причин, которые сдерживают данный процесс.

Категория «гендер» характеризуется как одно из базовых измерений социальной структуры общества. Но, в тоже время, гендер рассматривается как политологическая категория. Он создается (конструируется) обществом как социальные модели женственности и мужественности, которые определяют положение и роль женщин и мужчин в обществе и его институтах (семье, политической структуре, экономике, культуре и образовании и др.)[2, с. 5].

В тоже время конструктивистский потенциал гендера следует рассматривать не в контексте размывания культурных метафор «маскулинного» и «феминного», а в смысле нахождения того социального единства, которое способно вывести гендерные отношения на новый уровень[3, с. 12].

Большого внимания заслуживает, так называемый «женский вопрос», связанный с обязательностью участия женщин в социальном воспроизводстве человеческого потенциала.

Необходимо отметить, что женщины в России представляют собой более половины трудоспособного населения, кроме того, средняя продолжительность их активной жизни значительно больше, уровень образования, как правило, выше, чем у мужчин.

Указанные обстоятельства обуславливают занятость рассматриваемой категории населения, как в публичном, так и в частном секторах производства материальных и духовных благ.

Особого внимания при рассмотрении женской гендерной общности как социального потенциала государственной политики заслуживает репродуктивная функция (рождение и семейное воспитание детей).

Сочетание одновременной занятости в общественной и в домашней сферах жизнедеятельности представляет социальную необходимость, однако оно связано с определенными проблемами объективного и субъективного характера, игнорирование которых имеет нежелательные последствия и для самой женщины, и для социума в целом.

Исчезновение женщины из публичного либо из домашнего сектора экономики и культуры влечет за собой значительные индивидуальные и общественные потери. Игнорирование гендерного подхода к социально-философским исследованиям и практическому решению проблем социокультурного человеческого потенциала становится существенным фактором социальных патологий: депривации, депрессий, девиантного поведения среди значительной части населения в трудоспособном возрасте.

В связи с этим обеспечение реализации женщинами возможности выбора сферы жизнедеятельности (или сочетания сфер приложения своих трудовых усилий и творческих способностей) в соответствии с собственными темпоральными жизненными стратегиями, личными склонностями и способностями является важнейшим условием оптимального применения их социокультурного потенциала в интересах развития всего общества, но требует специального изучения и осмысления влияния разнообразных объективных и субъективных факторов на социальное поведение, жизненные траектории женщин и мужчин.

На современном этапе для решения данной проблемы в законодательных и нормативно-правовых актах Российской Федерации закреплены определенные правовые льготы, представляющие собой преимущества, установленные законом, в виде предоставления дополнительных прав или освобождения от определенных обязанностей (охрана труда и здоровья женщины, правовая защита, материальная поддержка материнства и детства и др.) [4, с. 74].

Кроме того, необходимо отметить тот факт, что кроме «женского вопроса» в качестве важнейшей социальной и гендерной проблемы на современном этапе выступает резкое и постоянное снижение доли мужчин среди учителей школ и преподавателей вузов; уменьшение роли мужчин в процессах, способствующих укреплению семьи, воспитанию детей; утрата многими представителями сильного пола традиционных мужских качеств личности (волевого и нежного супруга, заботливого отца и воспитателя).

Таким образом, в настоящее время возникла объективная необходимость выработки эффективной государственной политики управления социальным потенциалом населения на основе, в том числе, и гендерных особенностей.

Данное обстоятельство подтверждается тем, что отсутствие продуманной кадровой политики в отношении женщин, а также в отношении учета интересов мужчин и женщин на рабочем месте отрицательно влияет на качество кадрового обеспечения рыночной экономики в целом, на воспроизводство, формирование, сохранение и укрепление кадрового потенциала страны, на производительность труда, духовные и культурные ценности [5, с. 14].

На наш взгляд, внедрение гендерного подхода в государственную политику управления человеческими ресурсами будет способствовать интеграции в систему теоретических и практических знаний, принципов, отношений, мероприятий и методов кадровой работы гендерного компонента для более рационального использования кадрового и социального потенциала общества.

1. *Грошовкина Н.А. Гендерный потенциал человека в трансформирующемся обществе. – Воронеж. – 2015. – 132 с.*
2. *Шичкова Е.В. Концептуальные основы и технологии современной российской модернизации с учетом фактора политической социализации личности: гендерный подход. – Нижний Новгород. – 2010. – 28 с.*
3. *Тукачева Ю.С. Феномен гендера в коммуникациях системы образования. – Сургут. – 2014. – 140 с.*
4. *Холостова Е.И., Климантова Г.И. Социальная политика. – М.:Юрайт. –2013. - 427 с.*
5. *Коростылева Н.Н. Гендерный подход в государственной кадровой политике // Женщина в Российском обществе. – 2009. - № 4. – С. 14-22*

СЕМЬЯ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Горфин В.Л. (Москва)

Жизнедеятельность современного общества включает в себя базовые социальные институты, которые взаимосвязаны между собой и оказывают воздействие друг на друга.

Самым древним и устойчивым институтом общества с особой миссией, которая заключается в воспроизводстве биосоциального генотипа человека и общества, неразрывной взаимосвязи биологического и социального начал, их передаче от поколения к поколению [2, С. 8] является институт семьи.

На современном этапе развития общества трансформации семьи, как социального института, зависит от макросоциальных и экономических изменений в обществе, требуя пристального внимания не только ученых, политиков, а, прежде всего, государства.

Актуальность данной темы состоит в том, что изучение реальной жизнедеятельности населения, которая на микроуровне сосредоточена в семьях, в частности в семьях военнослужащих, позволит если не управлять, то решать проблемы демографического кризиса не только в нашей стране, но и в мире в целом. Однако методологическая задача трансформации популяции индивидов в совокупность семей на современном этапе развития социума остается не решенной.

Само понятие «семья» неоднозначно и трактуется как: группа людей, состоящая из родителей, детей, внуков и близких родственников, живущих вместе, сплоченная общими интересами; группа высших животных, состоящая из самца и одной или нескольких самок [4, С. 146].

Таким образом, основу традиционной семьи составляет пара людей, связанных между собой брачными отношениями, основанными на интимности и эмоциональной привязанности [5, С. 8], которую называют нуклеарной семьей. Реже в нашем обществе встречается такая институциональная форма семьи, как родственная, основанная на кровном родстве большого количества родственников.

Несмотря на формы супружества и виды проживания любой институт семьи выполняет следующие функции:

- 1) сексуального регулирования, призванного упорядочить естественные сексуальные потребности людей в добрачных отношениях, решить проблемы верности супругов;
- 2) репродуктивную, одну из основных задач современного общества;
- 3) социализации, которая первоначально закладываются в семье;
- 4) эмоционального удовлетворения, предоставляя возможность интимного межличностного общения;
- 5) статусную, позволяющую определить свое место в обществе;
- 6) защитную, обеспечивающую ограждение детей от неблагоприятных условий внешнего окружения;
- 7) экономическую, заключающуюся в предоставлении обязательной помощи и поддержке всем ее членам [3, С. 60].

Вместе с тем взаимоотношения в семье регулируются как внутрисемейными, так и общественными нормами: моралью и правом, традициями и обрядами. Постоянные изменения в обществе приводят к модификации семьи, как живой трансформирующейся системы.

Для современной российской семьи присущ ряд тенденций, в частности, падение рождаемости, увеличение доли неполных, сложных и многопоколенных семей, рост числа разводов, фундаментальные изменения традиционных ролей членов семьи, особенно женщин, демократизация отношений между супругами, родителями, детьми, повышение коэффициента иждивенчества, социальное сиротство [1, С. 3-14]. При этом уменьшается удельный вес полных семей с одной брачной парой, т.е. идет некоторый процесс антинуклеризации. Вследствие чего, процессы развития института семьи в России приобретают взрывной, бифуркационный характер.

За этим усматривается совместная ответственность государственных органов, допустивших серьезные ошибки в формировании социально-экономической жизни, в замедленном, непоследовательном построении государственности России, а также бизнесменов и предпринимателей. В результате, под лозунгом перехода к рынку, нанесен ущерб таким социальным ценностям, как разветвленная бесплатная система дошкольного и внешкольного

воспитания, оздоровительного отдыха детей, продолжается разрушение уникальных систем социальной инфраструктуры детства.

Коммерциализация делает эти учреждения недоступными для большинства детей, которые в конечном итоге лишены возможности развиваться, отдыхать, заниматься в познавательных кружках и объединениях. Оказавшись на улице, они пополняют отряды бомжей, наркоманов, малолетних правонарушителей.

В данном контексте целесообразно рассмотреть особенности взаимоотношений среди семей военнослужащих.

Специфика военной службы связана с суровыми условиями жизни: постоянным изменением места жительства, удаленностью и замкнутостью социального пространства военных городков, отсутствием благ цивилизации. Для семей военнослужащих с такими условиями характерна модель домохозяйства с мужчиной-кормильцем, где труд мужчины вне дома является единственным источником семейных доходов.

Однако в семьях военнослужащих наметилась тенденция гендерного равенства супругов в отношении возможностей труда вне дома, что спровоцировало появление не только «эмансипированных» женщин, но и вынужденно «эмансипированных» мужчин [2, С. 9].

Непосредственная или опосредованная причастность семьи к экстремальным обстоятельствам военной жизни, систематические боевые дежурства, участие в службе суточного наряда, командировки, учения, социально бытовая неустроенность, возрастание физических и психологических нагрузок приводит к стрессам и насилию в семье по отношению к женщине и детям.

В результате чего характерным для семей военнослужащих стал рост числа разводов, внебрачных партнерских отношений и незарегистрированных сожительства, в которых рождаются дети, однако вероятность рождения второго и третьего ребенка чрезвычайно мала.

Постоянное воздействие специфического фактора гомогенного мужского коллектива, серьезно влияющего на самого военнослужащего и его семью – еще одна особенность взаимоотношений в семьях военнослужащих.

Недостаток активности военнослужащего, направленной на удовлетворение основных потребностей других членов семьи, приводит к дезорганизации семейных связей и адекватного распределения семейных ролей, отражаясь на эмоциональном состоянии всех ее членов.

Образование дистантных семей - еще один признак семей военнослужащих, обусловлен межличностными отношениями, в частности конфликтами внутри семьи, между родственниками, систематическим дефицитом общения семьи военнослужащего с близкими родственниками, друзьями детства.

И наконец, проблемы с образованием и воспитанием детей военнослужащих с одной стороны из-за неоднократной смены учебных заведений, невозможности выбора мест обучения, отдаленности от культурно-спортивных центров, с другой стороны - смысловые конфликты, когда дети не разделяют ценностных ориентаций родителей, обусловленных спецификой военной службы.

Анализируя особенности рассматриваемой категории, приходим к выводу, что вышеперечисленные сущностные характеристики семей военнослужащих свойственны не только большинству семей в России, но и многим странам мира.

Бесспорно, основные демографические и социальные процессы формируются в семье. Ученые-эксперты семейных отношений отмечают, что основой стабильного развития любого общества и государства может быть только семья с немалым уровнем социально-гуманистического капитала.

Именно поэтому особенно актуальным сейчас становится вопрос о выработке качественно нового подхода государства к созданию здоровой, гармоничной атмосферы в российских семьях.

Таким образом, серьезные социально-экономические и духовно-нравственные трудности нашей жизни являются существенными факторами, которые дестабилизируют традиционные семейные отношения, усиливают их неустойчивость. Вместе с тем, отсутствует подготовка подрастающих поколений к семейной жизни, которая бы способствовала достижению гармонии в брачных отношениях.

Жизнедеятельность современного общества включает в себя базовые социальные институты, которые взаимосвязаны между собой и оказывают воздействие друг на друга.

Самым древним и устойчивым институтом общества с особой миссией, которая заключается в воспроизводстве биосоциального генотипа человека и общества, неразрывной

взаимосвязи биологического и социального начал, их передаче от поколения к поколению [2, С. 8] является институт семьи.

На современном этапе развития общества трансформации семьи, как социального института, зависит от макросоциальных и экономических изменений в обществе, требуя пристального внимания не только ученых, политиков, а, прежде всего, государства.

Актуальность данной темы состоит в том, что изучение реальной жизнедеятельности населения, которая на микроуровне сосредоточена в семьях, в частности в семьях военнослужащих, позволит если не управлять, то решать проблемы демографического кризиса не только в нашей стране, но и в мире в целом. Однако методологическая задача трансформации популяции индивидов в совокупность семей на современном этапе развития социума остается не решенной.

Само понятие «семья» неоднозначно и трактуется как: группа людей, состоящая из родителей, детей, внуков и близких родственников, живущих вместе, сплоченная общими интересами; группа высших животных, состоящая из самца и одной или нескольких самок [4, С. 146].

Таким образом, основу традиционной семьи составляет пара людей, связанных между собой брачными отношениями, основанными на интимности и эмоциональной привязанности [5, С. 8], которую называют нуклеарной семьей. Реже в нашем обществе встречается такая институциональная форма семьи, как родственная, основанная на кровном родстве большого количества родственников.

Несмотря на формы супружества и виды проживания любой институт семьи выполняет следующие функции:

- 1) сексуального регулирования, призванного упорядочить естественные сексуальные потребности людей в добрачных отношениях, решить проблемы верности супругов;
- 2) репродуктивную, одну из основных задач современного общества;
- 3) социализации, которая первоначально закладываются в семье;
- 4) эмоционального удовлетворения, предоставляя возможность интимного межличностного общения;
- 5) статусную, позволяющую определить свое место в обществе;
- 6) защитную, обеспечивающую ограждение детей от неблагоприятных условий внешнего окружения;
- 7) экономическую, заключающуюся в предоставлении обязательной помощи и поддержке всем ее членам [3, С. 60].

Вместе с тем взаимоотношения в семье регулируются как внутрисемейными, так и общественными нормами: моралью и правом, традициями и обрядами. Постоянные изменения в обществе приводят к модификации семьи, как живой трансформирующейся системы.

Для современной российской семьи присущ ряд тенденций, в частности, падение рождаемости, увеличение доли неполных, сложных и многопоколенных семей, рост числа разводов, фундаментальные изменения традиционных ролей членов семьи, особенно женщин, демократизация отношений между супругами, родителями, детьми, повышение коэффициента иждивенчества, социальное сиротство [1, С. 3-14]. При этом уменьшается удельный вес полных семей с одной брачной парой, т.е. идет некоторый процесс антинуклеризации. Вследствие чего, процессы развития института семьи в России приобретают взрывной, бифуркационный характер.

За этим усматривается совместная ответственность государственных органов, допустивших серьезные ошибки в формировании социально-экономической жизни, в замедленном, непоследовательном построении государственности России, а также бизнесменов и предпринимателей. В результате, под лозунгом перехода к рынку, нанесен ущерб таким социальным ценностям, как разветвленная бесплатная система дошкольного и внешкольного воспитания, оздоровительного отдыха детей, продолжается разрушение уникальных систем социальной инфраструктуры детства.

Коммерциализация делает эти учреждения недоступными для большинства детей, которые в конечном итоге лишены возможности развиваться, отдыхать, заниматься в познавательных кружках и объединениях. Оказавшись на улице, они пополняют отряды бомжей, наркоманов, малолетних правонарушителей.

В данном контексте целесообразно рассмотреть особенности взаимоотношений среди семей военнослужащих.

Специфика военной службы связана с суровыми условиями жизни: постоянным изменением места жительства, удаленностью и замкнутостью социального пространства военных городков, отсутствием благ цивилизации. Для семей военнослужащих с такими условиями характерна модель домохозяйства с мужчиной-кормильцем, где труд мужчины вне дома является единственным источником семейных доходов.

Однако в семьях военнослужащих наметилась тенденция гендерного равенства супругов в отношении возможностей труда вне дома, что спровоцировало появление не только «эмансипированных» женщин, но и вынужденно «эмансипированных» мужчин [2, С. 9].

Непосредственная или опосредованная причастность семьи к экстремальным обстоятельствам военной жизни, систематические боевые дежурства, участие в службе суточного наряда, командировки, учения, социально бытовая неустроенность, возрастание физических и психологических нагрузок приводит к стрессам и насилию в семье по отношению к женщине и детям.

В результате чего характерным для семей военнослужащих стал рост числа разводов, внебрачных партнерских отношений и незарегистрированных сожительства, в которых рождаются дети, однако вероятность рождения второго и третьего ребенка чрезвычайно мала.

Постоянное воздействие специфического фактора гомогенного мужского коллектива, серьезно влияющего на самого военнослужащего и его семью – еще одна особенность взаимоотношений в семьях военнослужащих.

Недостаток активности военнослужащего, направленной на удовлетворение основных потребностей других членов семьи, приводит к дезорганизации семейных связей и адекватного распределения семейных ролей, отражаясь на эмоциональном состоянии всех ее членов.

Образование дистантных семей - еще один признак семей военнослужащих, обусловлен межличностными отношениями, в частности конфликтами внутри семьи, между родственниками, систематическим дефицитом общения семьи военнослужащего с близкими родственниками, друзьями детства.

И наконец, проблемы с образованием и воспитанием детей военнослужащих с одной стороны из-за неоднократной смены учебных заведений, невозможности выбора мест обучения, отдаленности от культурно-спортивных центров, с другой стороны - смысловые конфликты, когда дети не разделяют ценностных ориентаций родителей, обусловленных спецификой военной службы.

Анализируя особенности рассматриваемой категории, приходим к выводу, что вышеперечисленные сущностные характеристики семей военнослужащих свойственны не только большинству семей в России, но и многим странам мира.

Бесспорно, основные демографические и социальные процессы формируются в семье. Ученые-эксперты семейных отношений отмечают, что основой стабильного развития любого общества и государства может быть только семья с немалым уровнем социально-гуманистического капитала.

Именно поэтому особенно актуальным сейчас становится вопрос о выработке качественно нового подхода государства к созданию здоровой, гармоничной атмосферы в российских семьях.

Таким образом, серьезные социально-экономические и духовно-нравственные трудности нашей жизни являются существенными факторами, которые дестабилизируют традиционные семейные отношения, усиливают их неустойчивость. Вместе с тем, отсутствует подготовка подрастающих поколений к семейной жизни, которая бы способствовала достижению гармонии в брачных отношениях.

1. Безлепкина Л. Ф. Государственная политика в отношении женщин // Интеграция женщин в процесс общественного развития. Часть 1. М., Луч, 1994. С. 3-14.

2. Настоящее и будущее семьи в меняющемся мире: Коллективная монография. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2015. – 318 с.

3. Обществознание. Пособие для абитуриентов / Под. ред. В.Н. Князева, Л.Ш. Лозовского, Б.А. Райзберга, Д.Н. Землякова. – М.: Рольф, 2001.

4. Толковый словарь русского языка: В 4 т. Т.4/ Под. ред. проф. Д.Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996.

5. Человек и общество. Обществознание. Учеб. для учащихся 10-11 кл. Ч.1. / Под ред. Л.Н. Боголюбова, А.Ю. Лазебниковой. – М.: Просвещение, 2002.

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИН В ДЕКРЕТНОМ ОТПУСКЕ

Грешнова А.Ю. (Волгоград)

Часто ушедшую в декрет женщину начинают воспринимать исключительно как мать, несколько забывая о ней как о личности. А ведь для каждого человека вопрос самореализации крайне важен. Особенно сильно это чувствуют те, кто до беременности активно реализовывал себя в профессиональной деятельности, имел успех в карьере. Проблема в том, что для женщины, находящейся в декретном отпуске очень сложно самореализоваться, так как она постоянно занята домашними хлопотами и заботой о ребенке. Поэтому важным в наше время является поиск путей реализации личности не только женщин в декретном отпуске, но и каждого человека.

Для начала стоит рассмотреть значение понятия «самореализация» и синонимичные ему «самовыражение», «самоактуализация», «самоосуществление».

1. Самовыражение. По мнению Абульхановой-Славской, самовыражение есть способ, которым человек реализует себя как личность в деятельности и общении, это некая апробация себя в разных сферах. Самовыражение связано с образом «Я» и с самопознанием своих способностей, с соотношением со своими потребностями. Самовыражение – это стадия, предваряющая самореализацию, так как «Я» еще не познано до конца, нет целостного представления о себе.

2. Самореализация. Адлер описывает феномен самореализации как созидание собственной личности. Для Анцыферовой – это способность к целеобразованию, саморазвитию личности. Сходно с данным пониманием является определение Коростылевой самореализации как осуществления возможностей развития своего «Я». Фромм, говоря о самореализации, использует понятие продуктивного использования своих способностей в единении с миром. Абульханова-Славская говорит, что самореализация выражается в применении своих индивидуальных способностей творческим образом, стремлении осуществить свои возможности, прожить достойную жизнь, достичь того, чего достоин по своим критериям, когда самопознание окончено, сформирован целостный образ «Я»; это высшая стадия развития зрелой личности, результат личностного роста и развития.

3. Самоактуализация. Понятие самоактуализации наиболее широко раскрыто в работах Маслоу, где оно понимается как созидание мотивов, целей, смыслов развития.

Зачастую, декрет воспринимается женщинами как изоляция от современного мира и социума, однако это не так. Самореализация в декрете – необходимая мера, вызванная самой жизнью. Декретный отпуск – это спокойное время воспитывать ребенка, открывать для него весь удивительный мир, заниматься собой и самореализацией.

В ноябре 2016 года среди женщин, проживающих в Волгограде и находящихся в декретном отпуске, нами было проведено 15 глубинных интервью. По результатам проведенного исследования, мы пришли к выводу, что женщины в основном выходят в декрет в положенный срок, на шестом месяце, с начальством разногласия наблюдаются только у некоторых женщин. Стрессовые ситуации возникают у будущих мам по причине недостатков в организме, гормональных сбоев, негативных взаимоотношений на работе, внезапных непредвиденных случаев.

После выхода непосредственно в декретный отпуск жизнь у женщин существенно изменилась, у кого-то стала лучше, у кого-то сложнее.

«Конечно, изменилась (смеется). Изменился график, изменился вообще в принципе режим дня полностью, занятия... В основном занимаешься ребенком, домашним хозяйством и в принципе времени больше ни на что и не хватает толком, так же как и общение в принципе более другое стало. То есть раньше, если ты на работе общался по каким-то таким серьезным вопросам, тут уже в основном общаешься с мамочками-соседками по мелким бытовым вопросам, потому что круг общения очень сильно сокращается, соответственно в основном общаешься на такие темы, которые в основном касаются детей...» (Валентина, 26 лет).

В процессе проведения интервью важно было уточнить, как поменялось отношение в семье, как стали относиться к ребенку и к матери члены семьи, заботились ли последние о них. «Ну в декрете уже да, потому что все больше боялись, чтобы состояние было нормальное, чтобы раньше срока не родила, все начинают помогать, вот... Чаше возить на машине... А так в основном я сама, больше гуляла, больше пешком ходила... В принципе занималась всеми делами, на которые не хватало времени во время работы, то есть какие-то там походы по магазинам и так далее, куда-

то сходить, тоже самое в цирки ходила, куда-то в театры сходить, в основном я этим занималась в декрете (смеется), в отпуск мы еще съездить успела в декрете, как раз-таки вышла в декрет и на месяце восьмом мы уехали в отпуск, потому что в ближайшее время это не удастся сделать, потому что с маленьким ребенком особо никуда не съездишь, не отдохнешь». (Светлана, 29 лет).

Благодаря проведенным нами глубинным интервью было выявлено, что каждая женщина воспринимает процесс самореализации в декретном отпуске по-своему. Для кого-то этот процесс проявляется в заботе о ребенке и качестве ухода за ним, для кого-то самореализация – это, наоборот, занятия в свободное от домашних хлопот время. Такие женщины часто отдают своих детей к родственникам или же рано отправляют их в детские сады, а сами выходят на работу.

Современная женщина должна видеть себя не только в одном, она должна себя развивать с разных сторон. Особенно для этого благоприятствует такое время, как декретный отпуск. Для женщин открывается множество возможностей и не нужно заикливаться только на одном.

Многие женщины в декрете никак не уделяют себе время, а процесс самореализации для них - это только уборка и готовка еды на кухне. Было очень грустно слушать таких женщин, они и сами не очень довольны своей жизнью. Но ребенок для них – это главное.

Некоторые женщины часто путешествуют во время декрета, иногда даже с ребенком, много общаются, занимаются различными занятиями, увлекаются искусством, музыкой, хотят ухватиться за все, что они видят перед собой. То есть декрет для них открывает множество возможностей, они не посвящают себя только домашним делам. С таких женщин нужно брать пример. Они самореализуют себя как личности.

Таким образом, среди опрошенных женщин было выделено три категории, которые по разному относятся к процессу самореализации. У одних женщин вообще отсутствует самореализация, они ссылаются на недостаток времени и возможностей. Другие же самореализуются частично, читая книги, просиживая в интернете за полезными статьями и книгами, просматривая любимые фильмы. Третьи самореализуют себя в различных сферах: вышивают, шьют, ходят на фитнес, занимаются дополнительной работой, рисуют картины, выезжают в другие города, ходят в кино, театры и так далее.

1. Коростылева Л.А. Самореализация в личной жизни как в одной из основных сфер жизнедеятельности // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 3 / Под ред. Л.А Головей, Л.А Коростылевой. СПб. 2001. 56 с.
2. Парыгин Б.Д., Лисовская Е.Б. Проблема самореализации личности // Социально-психологические проблемы НТП. М., 2000. 23 с.
3. Рябова Л.В. Проблемы самореализации человека. Ростов-на-Дону, 2003., 12 с.

РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ: СТО ЛЕТ СПУСТЯ

Грудина Т.Н. (Москва)

Впечатление о происходящих в обществе конфликтах, столкновениях, больших и малых катастрофах, возникающих как внезапные явления, весьма обманчиво. Их истоки – результат тотального разрушения традиционных устоев и ценностей, которые велись в нашей стране десятилетиями. Особенно разрушительному воздействию подверглись первичные структуры общественной жизни, прежде всего семейные отношения, семья. Изменяется образ жизни населения, культура, навязывается соответствующий бытовой уклад в повседневной жизни [1, 2,5].

Революция 1917 года и ее последствия решительно подорвали российскую семью. Активным продвижением идеи сексуальной революции занималась в то время Александра Коллонтай [2; 5, С. 98]. В своей борьбе с застарелой моралью, всячески призывала к свободе и легкости в отношениях между мужчинами и женщинами. Ее теория «стакана воды» поддерживалась активно как среди представителей власти, так и в кругу образованной молодежи. В своих социальных преобразованиях большевики последовательно предоставляли обещанное равноправие женщинам. Перед женщиной открываются впервые так широко все пути для самореализации. «Вовлечение женщин в наемный труд с ликвидацией социальной роли домохозяйки, а также роли мужа-кормильца, с государственным патернализмом, с устранением родителей от воспитания детей через систему яслей, детских садов и школ» [1, с. 129] – все это способствовало разрушению семьи и потребовало напряженной революционной работы.

Серьезные негативные изменения в функционировании российской семьи закладывались после революции 1917 года [2,5]. Основной удар был направлен на рождаемость. Наша страна

первая в мире узаконила аборты, также был отменен церковный брак. По-новому предлагалось организовывать воспитание детей: «...если в индивидуальной семье одна мать воспитывает 3—6 своих детей, то при общественном воспитании одна женщина в среднем будет воспитывать 5—10 чужих детей, а может быть и больше. Но эта работа будет равномерно ложиться на все общества, а не будет обрушиваться всей тяжестью на матерей, которые одни вынуждены нести на себе все труды и страдания за продолжение и воспитание рода» [3, с. 92].

Брачно-семейные отношения подверглись разрушительному негативному воздействию, справиться с которым новому государству, с одной стороны, оказалось не по силам. с а с другой, руководствуясь главным постулатом: «разрушить все до основания» и на «развалинах» построить «новое», оно отчасти и не стремилось. «советское правительство сразу же после революции повело борьбу с семьей... Для них (коммунистов) семья — это бельмо на глазу, и не только из-за ее консервативности. Их раздражает уже само существование этого единственного в стране не контролируемого ими института, самобытной и замкнувшейся в себе ячейки, инородного тела в государстве, которое во всех остальных отсеках контролируется сверху донизу» [5, с. 91]. Постепенно происходило отчуждение родителей от детей, младших поколений от старших на фоне ущемления общечеловеческой и религиозной морали, ослабление ценностей семейного благополучия. «Революционное крушение идеалов, отрицание основополагающих принципов и человеческих ценностей, в частности религии, привели к «новой морали» вседозволенности, безнаказанности, безответственности, всколыхнули низменные человеческие чувства и настроения, которые приобрели безудержную силу» [5, с. 91].

Русская революция несла собой полную войну со всем традиционным. В первую очередь - с Церковью и с Богом, а во вторую - со всем тем, что следует за Богом: нравственностью, моралью, ответственностью, единством, крепкой, сплоченной семьей и т.д.. Однако, случилось парадоксальное: русский народ показал мужество и стойкость, все происходящие трагические и разрушающие события принял и «переправил». Ценой крови и страданий получилось выстоять русскому народу [2]. Свидетельство тому множество людей, которые умирали за веру и Церковь, шли до конца, не боясь словом и делом показать верность своим ценностям и убеждениям. Об этом живо писал известный русский философ Н. А Бердяев: «Русская революция принесла людям неисчислимое количество страданий, она есть великое испытание духа. И вот для того, чтобы выдержать это испытание, перенести эти страдания, нужно сознать, что происходящее имеет какой-то смысл, что оно не есть чистая бессмыслица и потеря. Неверное отношение к революции как к чистой бессмыслице, как к совершенно внешнему несчастью..., ..такой взгляд на несчастья революции совершенно внешний, не духовный, не религиозный, материалистический, обывательский. В действительности революция есть очень серьезный и трагический внутренний момент в судьбе народов, в судьбе каждого из нас...к несчастьям и испытаниям в личной жизни - смерти близких людей, болезням, бедности, разочарованию в людях, которые казались друзьями и нам изменили, нужно относиться как к имеющим смысл для личной судьбы, как к внутренним, а не внешним событиям, то есть относиться духовно». [3].

Любой революционный переворот, независимо от благих намерений и устремлений, всегда несет за собой людям горе и разрушение традиционных основ жизни, негативно влияет на деятельность существующих социальных институтов, особенно семьи, основная задача которой заключается в воспроизводстве населения[5]. «В бывшем СССР глобальный процесс разрушения общесемейной деятельности, социальной роли семьи, ведущий к исчезновению многодетности вплоть до бездетности, имеет специфические и исторические условия. Прежде всего для него характерно влияние войн и репрессий на распад браков, семей, на осиротение детей, обреченных воспитываться вне семьи. Размеры потерь, понесенных институтом семьи, огромны, но впечатляет и другое — с 1914 г. и до начала 50-х годов не было ни одного поколения, которому удалось бы избежать разрушительных последствий тех или иных исторических событий». [2, с. 98].

Российская семья в современных условиях претерпевает глубокий кризис, вызванный теми негативными событиями, которые были запущены в начале XX века. В основе кризисных явлений брачно – семейных отношений лежит утрата семьей ее специфических функций – рождения и воспитания необходимого числа детей. А для того, чтобы большинство российского населения сделали выбор в пользу семейной жизни, для укрепления этого желания, необходимо радикальное изменение места семьи в российском обществе. «Мы стоим на пороге новой эпохи, нам нужны новые, творческие идеи; мы должна смотреть сразу вглубь и вдаль; мы должны хотеть верного и притом желать сильную волю; и в довершение всего — мы должны верить, что грядущее обновление нам удастся». [4].

1. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М.2000. 416 с.
2. Антонов А.И. Возродить семейную жизнь. Социологические исследования. 1992. № 10. С. 96-100.
3. Бердяев Н. Сборник статей. Электронный ресурс. URL: <http://berdyayev.filosoff.org/tvorchestvo/sbornik-statej-n-berdyayeva/pagen/3/> (дата обращения 5.10.2017).
4. Ильин И.А. Поющее сердце. Электронный ресурс. URL: http://legitimizist.ru/lib/philosophy/ilin_ivan_poyushhee_serdce_kniga_tihih_sozercanij.pdf (дата обращения 27.09.2017).
5. Харчев А.Г. Социалистическая революция и семья//Социологические исследования. 1994. № 6. С. 90- 95.

КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ (ПО РАБОТАМ П. СОРОКИНА)

Демкина Е.С., Павлова А.Н. (Москва)

Семья – всегда была и остаётся важнейшим элементом жизни людей. Институт семьи на протяжении всей истории человечества играл ведущую роль в преобразовании основ жизни общества, его развитии, воспитании новых поколений. Семья сочетает в себе свойства социальной организации, социальной структуры, института и малой группы. Она является посредником между личностью и обществом, играет значительную роль в общественном развитии.[1]

Сегодня мы можем наблюдать сильное падение рождаемости, рост числа разводов, огромное количество неполных, бездетных семей. Все эти проблемы появляются уже в конце XIX века. Выдающийся российский социолог П. А. Сорокин в своих работах писал о кризисе семьи и семейных ценностях, и во многом оказался прав не только относительно своего времени - описанные им тенденции актуальны и в наши дни.

Протекающие в обществе социальные, экономические и политические процессы модернизации, безусловно, влияют на институт семьи. В современном мире большинство функций, которые традиционно принадлежали семье, теперь выполняются самим индивидом. Также многие из них перешли к государству, обществу. Начиная с XX века, социальные институты перенимают такие семейные функции, как образование, воспитание, защита, досуг, функции благосостояния и передачи социального статуса. Если раньше судьба индивида в большей степени определялась его происхождением, то теперь на первый план выходят личные достижения, обусловленные уровнем образования и профессионализма.[4]

В советский период происходят глубокие перемены в институте семьи. Это обусловлено не только изменениями в жизни общества, обновлением его экономической и социальной структуры (индустриализацией, урбанизацией, эмансипацией женщин, секуляризацией), но и войнами, социальными катаклизмами. Всё это отразилось на процессе модернизации семьи.

Также нельзя не отметить распространение идей женского равноправия, выдвигаемых после Октябрьской революции. Так, например, Александра Коллонтай писала: «Современная семья утратила свои традиционные экономические функции, а это означает, что женщина вольна сама избирать себе партнеров в любви».[3]

Патриархально - традиционный образ жизни семьи постепенно сменяется эгалитарным. Его отличают равноправие супругов, сознательное регулирование деторождения, процесс нуклеаризации.

В течение советского периода институт семьи был подвержен революционным обновлениям. Это способствовало преодолению кризиса патриархальной семьи, который наметился в начале века. Однако в силу непоследовательности и незавершенности произошедших перемен, семья оказалась на пороге нового кризиса, в значительной степени утратив своё право на выполнение многих жизненно важных функций для человека и общества. Одной из главных проблем становится демографическая.

Сегодня широко обсуждается вопрос о разрушении основных жизненных ценностей, таких как: семья, дети, любовь, друзья, и об их вытеснении рыночными «обесчеловеченными» отношениями.[2]

Питирим Александрович Сорокин - один из крупнейших ученых XX века, в своей очерке «Кризис современной семьи» определяет семью как союз мужа и жены, в первую очередь, далее -

союз родителей и детей, и более широко, как союз родственников и свойственников. Брак является основанием союза супругов. Он же накладывает личные и имущественные обязательства, влечёт за собой различные последствия. Приводя как церковное, так и юридическое определение брака, П. Сорокин описывает брак в докризисные времена, как «полное слияние двух существ, пожизненное шествие их по дороге жизни и совместное осуществление поставленных себе задач».[5, с.65]

В современном мире мы можем наблюдать увеличение числа негативных тенденций внутри брачно – семейных отношений. Основы семьи постепенно утрачивают свою значимость. Союз мужа и жены, так же как и союз родителей и детей ослабевает с каждым днём. Питирим Александрович приводит доказательства этого факта еще в начале XX века. Об ослаблении связи супругов свидетельствует:

- 1) Стремительно растущий процент разводов;
- 2) Падение числа браков;
- 3) Увеличение "внебрачных" союзов мужчины и женщины,
- 4) Рост проституции;
- 5) Снижение рождаемости детей;
- 6) Изменения положения женщины в обществе, её освобождение из-под опеки мужа;
- 7) Уничтожение религиозных основ брака;
- 8) Практически полное снятие с государства полномочий по защите брака, верности супругов.

Исходя из приведённых фактов, автор делает вывод о глубоком кризисном состоянии современной семьи. С течением времени всё большее количество людей, не желают связывать себя браком, а значит, отрицают, как одну из главных основ семьи, так и самую её сущность.

Ослабление взаимоотношений родителей и детей П. А. Сорокин объясняет снижением родительской власти и опеки над детьми. С течением времени государство начало вторгаться в права родительской власти и ограничивать их. С падением родительской власти исчезла и связь на основе принуждения. Сегодня ребёнок признаётся личностью, которая требует уважения к себе и протестует против посягательств на ее права. Следовательно, теперь принудительная связь родителей и детей стала слабее и легче может быть разорвана.

Вторую причину ослабления данного союза автор видит в утрате семьей ее роли опекуна, учителя и воспитателя. В наше время государство постепенно отнимает у семьи, ее воспитательные, учительские и опекунские функции, берет их на себя. А с потерей функций утрачивается и значимость самого института семьи. [5, с. 71]

Также отрицательное влияние на прочность семьи оказал факт эмансипации женщин. С увеличением прав и свобод женщины возросло и количество разводов по требованию жён. Автор объясняет сложившуюся ситуацию следующим образом: раньше, когда женщина была «прикреплена» к мужу, к семье. Она не могла занимать ни общественную, ни государственную должность, сфера её деятельности ограничивалась ролью матери, жены и хозяйки. Пути к самостоятельному существованию вне семьи были закрыты для неё. Женщина дорожила семьёй, у неё не было иного варианта, кроме как слушаться мужа и, даже, нередко выносить деспотизм. Семья была её единственным кровом и прибежищем.

Из всех приведённых факторов следует, что семья "переживает острый перелом; старые и отчасти современные ее формы мало-помалу исчезают и уступают место иным формам, известным пока в общих чертах". [5, с. 65]

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М., Изд-во МГУ, 2000. С.66-68.
2. Варламова С.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян / С.Н.Варламова, А.В.Носкова, Н.Н.Седова // Социологические исследования. - 2006. - №11. С.62.
3. Гавров С.Н. Историческое изменение институтов семьи и брака // М: МГУДТ, 2009. С.90.
4. Кучмаева О.В., Кучмаев М.Г., Петрякова О.Л. Трансформация института семьи и семейные ценности// Вестник славянских культур. Том 13. №3. 2009.С.22.
5. Сорокин П.А. Кризис современной семьи // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. №3.1997.

ГЕНДЕРНЫЙ ПОРЯДОК В БЕЛАРУСИ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Домасевич И.В. (Минск, Республика Беларусь)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации гендерной политики в Республике Беларусь в современных условиях. Автор отмечает, что Республика Беларусь предпринимает целенаправленные и систематические усилия по продвижению фактического равенства женщин и мужчин во всех сферах жизнедеятельности общества. Анализируются приоритетные направления реализации гендерной политики Беларуси до 2020 года.

В условиях современных общественных трансформаций возникает необходимость в поиске актуальных стратегий развития государств, основанных на принципах гуманизма, партнерства и справедливости. Данные принципы, выработанные мировым сообществом и закреплённые в международных документах, являются основой устойчивого развития. Без реализации обозначенных принципов невозможно достижение целей развития, направленных на повышение качества жизни и благополучия различных категорий населения. Достижению прогресса способствует, в том числе, и осознание необходимости учета интересов обоих полов – мужчин и женщин – при условии реализации систематической и целенаправленной политики в сфере гендерного равенства.

Республика Беларусь активно включилась в реализацию 17 Целей устойчивого развития на период до 2030 года, важнейшей из которых является обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин и девочек во всех сферах жизнедеятельности общества.

За последнее десятилетие в Беларуси сформировалось новое поколение женщин. Их характеризует финансовая и психологическая самостоятельность, ориентация не только на крепкую семью, но и на успешную карьеру, духовное и творческое развитие.

Согласно статистическим данным, в Беларуси насчитывается 5,1 млн женщин, или 53,4% общей численности населения. В среднем по республике на 1000 мужчин приходится 1147 женщин. Средний возраст белорусок - 42,5 года. Уровень образования белорусских женщин более высокий, чем мужчин. Среди работающих женщин 64% имеют высшее и среднее специальное образование, в то время как аналогичный показатель среди мужчин ниже (44,7%).

Для Беларуси, как и для многих европейских государств, характерна тенденция увеличения среднего возраста женщин при рождении ребенка. Средний возраст матери при рождении первого ребенка увеличился с 24,9 года в 2010 году до 26,3 года в 2016 году. Как и для многих европейских государств, для нашей страны характерна тенденция увеличения среднего возраста женщин при вступлении в первый брак. Если в 2005 году средний возраст вступления в первый брак составлял 23,5 года, то в 2016 году - уже 25,6 года, в повторный брак - 38,1 года. Более тысячи женщин заключили брак в возрасте старше 60 лет.

Ни одна из сфер деятельности не обходится без женского участия. Сегодня женщины составляют 64,1% занятых в экономике, они реализуют себя практически во всех сферах деятельности: занимаются предпринимательством, создают рабочие места, осваивают такие специальности, как логистика, менеджмент, администрирование, IT-технологии. Каждая четвертая женщина, занятая в экономике страны, – в возрасте до 31 года. На долю занятых женщин старше трудоспособного возраста приходится 12,4% [3].

Преимущественно "женскими" в Беларуси являются такие виды экономической деятельности, как здравоохранение и предоставление социальных услуг, образование, финансовая деятельность, гостиницы и рестораны, торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования. Безусловно, самая популярная женская профессия - учитель.

В Беларуси созданы благоприятные условия для создания и деятельности общественных объединений, включая женские организации. Следует отметить, что женщины являются более активными участниками общественного движения, чем мужчины – они составляют 56,7% от общей численности членов общественных объединений. Согласно данным ОЭСР (организация по экономическому и социальному развитию), белорусские женщины имеют высокий уровень гражданских свобод.

В настоящее время в Беларуси функционирует 32 женских общественных объединения, из которых 14 организаций имеют международный и общенациональный статус.

Самая массовая женская общественная организация страны – Общественное объединение «Белорусский союз женщин», которая была создана в декабре 1991 года. Союз имеет централизованную структуру во всех регионах республики и в производственных и учебных

коллективах. Союз тесно и конструктивно сотрудничает с органами власти. У истоков создания и руководства организации стояли известные женщины Беларуси. В настоящее время Союз возглавляет заместитель Председателя Совета Республики Национального Собрания Республики Беларусь (верхняя палата парламента) Щеткина М.А.

За 25 лет своей деятельности Белорусский союз женщин проявил себя как сплоченная общественная организация, накопившая большой опыт работы по оказанию помощи женщинам, семьям, детям. За эти годы в организации сложились свои традиции, появились новые формы работы, добрые начинания и милосердные дела [3].

Женские общественные объединения приглашаются к участию в разработке проектов нормативных правовых актов, социальных программ, их экспертной оценке, совместной реализации проектов международной технической помощи. Партнерство между государством и НПО активно практикуется в таких областях, как оказание помощи ВИЧ-инфицированным женщинам, женщинам-жертвам торговли людьми, домашнего насилия. Правительство заинтересовано в расширении взаимодействия с общественными объединениями, в том числе через развитие государственно-частного партнерства и систему социального заказа.

В Беларуси создан национальный механизм реализации гендерной политики. Во всех регионах страны созданы и функционируют экспертные рабочие группы по вопросам реализации гендерной политики. Основным координирующим элементом этого механизма является Национальный совет по гендерной политике при Совете Министров Республики Беларусь, действующий с 2001 года. В состав этого органа входят представители государственных структур, парламента, неправительственных организаций, ученые, занимающиеся вопросами гендерного равенства.

Политика по обеспечению гендерного равенства реализуется в Республике Беларусь через национальные планы действий (на сегодняшний день реализуется уже пятый такой документ на 2017-2020 гг.). Кроме того, действует целый ряд государственных программ, в фокусе которых находятся различные аспекты укрепления положения женщин.

Широко используется гендерная статистика. Это позволяет проводить достоверный сравнительный анализ положения мужчин и женщин в обществе. В стране проведена гендерная экспертиза законодательства. Она показала, что национальное законодательство в основном является гендерно нейтральным и не содержит норм, которые бы являлись дискриминационными по отношению к женщинам [2].

Последовательная реализация национальных планов действий по обеспечению гендерного равенства, мероприятий государственных программ по улучшению положения женщин позволила Республике Беларусь существенно продвинуться в решении вопросов равных прав и возможностей как внутри страны, так и на международной арене.

По данным Доклада о человеческом развитии 2015 года, Беларусь входит в число 15 стран мира, где индекс человеческого развития женщин превосходит аналогичный показатель среди мужчин (индекс гендерного развития для Беларуси составляет 1,021). По индексу гендерного неравенства наша республика занимает 31-е место среди 155 стран мира. Согласно Докладу о глобальном гендерном разрыве 2016 года по версии Всемирного экономического форума Беларусь занимает 30-е место из 144 государств. По индексу материнства, который ежегодно составляется международной организацией "Save the Children", Беларусь входит в 25 (из 179) стран, благоприятных для рождения ребенка, и лидирует среди государств-участников Содружества Независимых Государств. В Беларуси достигнуты высокий показатель средней продолжительности обучения – 11,5 года и один из самых высоких показателей ожидаемой продолжительности обучения (15,7 года) среди 28 стран Центральной и Восточной Европы и постсоветских стран.

В Беларуси обеспечено декларируемое международными документами 30-процентное представительство женщин на уровне принятия решений. По результатам выборов в 2016 году в Национальное собрание Республики Беларусь доля женщин возросла и составила 33,7 процента (в мире – 22,8 процента).

Важными аспектами гендерного равенства являются расширение участия женщин в принятии решений, реализация их лидерского потенциала. В числе государственных служащих женщины составляют 68,5 процента, в том числе на должностях руководителя организации и его заместителей – 54,7 процента. Следует добавить, что в высших органах законодательной, исполнительной и судебной власти, в целом, женщины составляют 55,4%. Среди профессорско-

преподавательского состава вузов – 55,7%. В составе местных исполнительных и распорядительных органов, женщины составляют более 45 процентов [3].

Анализируя общие проблемы в сфере кадрового обеспечения системы государственного управления и государственной службы с гендерных позиций следует отметить, что Академия управления при Президенте Республики Беларусь, являющаяся ведущим учреждением в сфере подготовки кадров государственного управления, предпринимает определенные усилия в направлении достижения гендерного равенства в этой области.

Для укрепления позиций женщин в системе государственного управления и с целью повышения эффективности государственного управления в Беларуси по инициативе ОО «Белорусский союз женщин», Клуба женщин-ученых ОО «Белорусский союз женщин» и при поддержке руководства Академии управления организованы обучающие курсы «Женское лидерство в системе государственного управления» для руководителей и специалистов системы государственного управления [1].

Анализ результатов проекта «Женское лидерство в системе государственного управления» позволил делать выводы о том, что в современном белорусском обществе есть условия и предпосылки для развития и эффективного использования активности женщин во всех сферах. И при рациональной организации гендерного образования, основанного на научной гендерной экспертизе, уже в ближайшем будущем можно отказаться от квотирования участия женщин в сфере принятия управленческих решений. Женщина-лидер как психологическое явление должна стать социальным и социокультурным феноменом в современном мире.

Таким образом, в белорусском обществе продолжается эволюция общественных норм и практики, связанных с гендерными отношениями. Усилия по обеспечению равных возможностей мужчин и женщин составляют неотъемлемую часть социальной политики государства. В настоящее время приоритетными целями Республики Беларусь в сфере обеспечения гендерного равенства являются: (1) обеспечение эффективной охраны здоровья женщин и мужчин, (2) создание условий для расширения представительства женщин в сфере управления и принятия решений, (3) обеспечение гендерного равенства в семейных отношениях, (4) расширение экономических возможностей женщин и мужчин, (5) развитие гендерного образования и просвещения, а также (6) противодействие насилию в семье и торговле людьми.

В условиях современных общественных трансформаций возникает необходимость в поиске актуальных стратегий развития государств, основанных на принципах гуманизма, партнерства и справедливости. Данные принципы, выработанные мировым сообществом и закрепленные в международных документах, являются основой устойчивого развития. Без реализации обозначенных принципов невозможно достижение целей развития, направленных на повышение качества жизни и благополучия различных категорий населения. Достижению прогресса способствует, в том числе, и осознание необходимости учета интересов обоих полов – мужчин и женщин – при условии реализации систематической и целенаправленной политики в сфере гендерного равенства.

Республика Беларусь активно включилась в реализацию 17 Целей устойчивого развития на период до 2030 года, важнейшей из которых является обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин и девочек во всех сферах жизнедеятельности общества.

За последнее десятилетие в Беларуси сформировалось новое поколение женщин. Их характеризует финансовая и психологическая самостоятельность, ориентация не только на крепкую семью, но и на успешную карьеру, духовное и творческое развитие.

Согласно статистическим данным, в Беларуси насчитывается 5,1 млн женщин, или 53,4% общей численности населения. В среднем по республике на 1000 мужчин приходится 1147 женщин. Средний возраст белорусок - 42,5 года. Уровень образования белорусских женщин более высокий, чем мужчин. Среди работающих женщин 64% имеют высшее и среднее специальное образование, в то время как аналогичный показатель среди мужчин ниже (44,7%).

Для Беларуси, как и для многих европейских государств, характерна тенденция увеличения среднего возраста женщин при рождении ребенка. Средний возраст матери при рождении первого ребенка увеличился с 24,9 года в 2010 году до 26,3 года в 2016 году. Как и для многих европейских государств, для нашей страны характерна тенденция увеличения среднего возраста женщин при вступлении в первый брак. Если в 2005 году средний возраст вступления в первый брак составлял 23,5 года, то в 2016 году - уже 25,6 года, в повторный брак - 38,1 года. Более тысячи женщин заключили брак в возрасте старше 60 лет.

Ни одна из сфер деятельности не обходится без женского участия. Сегодня женщины составляют 64,1% занятых в экономике, они реализуют себя практически во всех сферах деятельности: занимаются предпринимательством, создают рабочие места, осваивают такие специальности, как логистика, менеджмент, администрирование, IT-технологии. Каждая четвертая женщина, занятая в экономике страны, – в возрасте до 31 года. На долю занятых женщин старше трудоспособного возраста приходится 12,4% [3].

Преимущественно "женскими" в Беларуси являются такие виды экономической деятельности, как здравоохранение и предоставление социальных услуг, образование, финансовая деятельность, гостиницы и рестораны, торговля; ремонт автомобилей, бытовых изделий и предметов личного пользования. Безусловно, самая популярная женская профессия - учитель.

В Беларуси созданы благоприятные условия для создания и деятельности общественных объединений, включая женские организации. Следует отметить, что женщины являются более активными участниками общественного движения, чем мужчины – они составляют 56,7% от общей численности членов общественных объединений. Согласно данным ОЭСР (организация по экономическому и социальному развитию), белорусские женщины имеют высокий уровень гражданских свобод.

В настоящее время в Беларуси функционирует 32 женских общественных объединения, из которых 14 организаций имеют международный и общенациональный статус.

Самая массовая женская общественная организация страны – Общественное объединение «Белорусский союз женщин», которая была создана в декабре 1991 года. Союз имеет централизованную структуру во всех регионах республики и в производственных и учебных коллективах. Союз тесно и конструктивно сотрудничает с органами власти. У истоков создания и руководства организации стояли известные женщины Беларуси. В настоящее время Союз возглавляет заместитель Председателя Совета Республики Национального Собрания Республики Беларусь (верхняя палата парламента) Щеткина М.А.

За 25 лет своей деятельности Белорусский союз женщин проявил себя как сплоченная общественная организация, накопившая большой опыт работы по оказанию помощи женщинам, семьям, детям. За эти годы в организации сложились свои традиции, появились новые формы работы, добрые начинания и милосердные дела [3].

Женские общественные объединения приглашаются к участию в разработке проектов нормативных правовых актов, социальных программ, их экспертной оценке, совместной реализации проектов международной технической помощи. Партнерство между государством и НПО активно практикуется в таких областях, как оказание помощи ВИЧ-инфицированным женщинам, женщинам-жертвам торговли людьми, домашнего насилия. Правительство заинтересовано в расширении взаимодействия с общественными объединениями, в том числе через развитие государственно-частного партнерства и систему социального заказа.

В Беларуси создан национальный механизм реализации гендерной политики. Во всех регионах страны созданы и функционируют экспертные рабочие группы по вопросам реализации гендерной политики. Основным координирующим элементом этого механизма является Национальный совет по гендерной политике при Совете Министров Республики Беларусь, действующий с 2001 года. В состав этого органа входят представители государственных структур, парламента, неправительственных организаций, ученые, занимающиеся вопросами гендерного равенства.

Политика по обеспечению гендерного равенства реализуется в Республике Беларусь через национальные планы действий (на сегодняшний день реализуется уже пятый такой документ на 2017-2020 гг.). Кроме того, действует целый ряд государственных программ, в фокусе которых находятся различные аспекты укрепления положения женщин.

Широко используется гендерная статистика. Это позволяет проводить достоверный сравнительный анализ положения мужчин и женщин в обществе. В стране проведена гендерная экспертиза законодательства. Она показала, что национальное законодательство в основном является гендерно нейтральным и не содержит норм, которые бы являлись дискриминационными по отношению к женщинам [2].

Последовательная реализация национальных планов действий по обеспечению гендерного равенства, мероприятий государственных программ по улучшению положения женщин позволила Республике Беларусь существенно продвинуться в решении вопросов равных прав и возможностей как внутри страны, так и на международной арене.

По данным Доклада о человеческом развитии 2015 года, Беларусь входит в число 15 стран мира, где индекс человеческого развития женщин превосходит аналогичный показатель среди мужчин (индекс гендерного развития для Беларуси составляет 1,021). По индексу гендерного неравенства наша республика занимает 31-е место среди 155 стран мира. Согласно Докладу о глобальном гендерном разрыве 2016 года по версии Всемирного экономического форума Беларусь занимает 30-е место из 144 государств. По индексу материнства, который ежегодно составляется международной организацией "Save the Children", Беларусь входит в 25 (из 179) стран, благоприятных для рождения ребенка, и лидирует среди государств-участников Содружества Независимых Государств. В Беларуси достигнуты высокий показатель средней продолжительности обучения – 11,5 года и один из самых высоких показателей ожидаемой продолжительности обучения (15,7 года) среди 28 стран Центральной и Восточной Европы и постсоветских стран.

В Беларуси обеспечено декларируемое международными документами 30-процентное представительство женщин на уровне принятия решений. По результатам выборов в 2016 году в Национальное собрание Республики Беларусь доля женщин возросла и составила 33,7 процента (в мире – 22,8 процента).

Важными аспектами гендерного равенства являются расширение участия женщин в принятии решений, реализация их лидерского потенциала. В числе государственных служащих женщины составляют 68,5 процента, в том числе на должностях руководителя организации и его заместителей – 54,7 процента. Следует добавить, что в высших органах законодательной, исполнительной и судебной власти, в целом, женщины составляют 55,4%. Среди профессорско-преподавательского состава вузов – 55,7%. В составе местных исполнительных и распорядительных органов, женщины составляют более 45 процентов [3].

Анализируя общие проблемы в сфере кадрового обеспечения системы государственного управления и государственной службы с гендерных позиций следует отметить, что Академия управления при Президенте Республики Беларусь, являющаяся ведущим учреждением в сфере подготовки кадров государственного управления, предпринимает определенные усилия в направлении достижения гендерного равенства в этой области.

Для укрепления позиций женщин в системе государственного управления и с целью повышения эффективности государственного управления в Беларуси по инициативе ОО «Белорусский союз женщин», Клуба женщин-ученых ОО «Белорусский союз женщин» и при поддержке руководства Академии управления организованы обучающие курсы «Женское лидерство в системе государственного управления» для руководителей и специалистов системы государственного управления [1].

Анализ результатов проекта «Женское лидерство в системе государственного управления» позволил делать выводы о том, что в современном белорусском обществе есть условия и предпосылки для развития и эффективного использования активности женщин во всех сферах. И при рациональной организации гендерного образования, основанного на научной гендерной экспертизе, уже в ближайшем будущем можно отказаться от квотирования участия женщин в сфере принятия управленческих решений. Женщина-лидер как психологическое явление должна стать социальным и социокультурным феноменом в современном мире.

Таким образом, в белорусском обществе продолжается эволюция общественных норм и практики, связанных с гендерными отношениями. Усилия по обеспечению равных возможностей мужчин и женщин составляют неотъемлемую часть социальной политики государства. В настоящее время приоритетными целями Республики Беларусь в сфере обеспечения гендерного равенства являются: (1) обеспечение эффективной охраны здоровья женщин и мужчин, (2) создание условий для расширения представительства женщин в сфере управления и принятия решений, (3) обеспечение гендерного равенства в семейных отношениях, (4) расширение экономических возможностей женщин и мужчин, (5) развитие гендерного образования и просвещения, а также (6) противодействие насилию в семье и торговле людьми.

1. Лапина, С.В. Демографическая культура в геополитическом измерении / С.В. Лапина / Проблемы управления. – 2013. – № 2. – С. 53-58.

2. Национальный доклад Республики Беларусь об осуществлении Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года / Режим доступа: <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/16357Belarus.pdf>. – Дата доступа: 08.10.2017.

3. Шеткина, М. В. В Беларуси сформировалось новое поколение женщин / Режим доступа: <http://www.belta.by/interview/view/v-belarusi-sformirovalos-novoe-pokolenie-zhenschin-4688/> Дата доступа: 03.03.2016.

ГЕНДЕРНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ.

Дорошенко М.Ю. (Белгород)

Аннотация. Одной из наиболее острых проблем в сфере труда выступает дискриминация по признаку пола, одним из проявлений которой выступает гендерная сегрегация. Автор статьи рассматривает основные вопросы полового неравенства в сфере занятости.

В современном научном дискурсе часто обсуждаемой темой является гендерная сегрегация. Акцентуация на данной проблеме спровоцирована тем, что она является основной составляющей в подержании, а также воспроизводстве гендерного неравенства. Среди объяснений гендерного неравенства занятости, на особом месте находится анализ индивидуальных и семейных предпочтений работников и работодателей. Акцентируют внимание на данных аспектах неоклассические экономические теории семьи, которые объясняют гендерную сегрегацию труда как следствие рациональных стратегий в условиях рыночных отношений. В центре внимания располагается семья: она представляется как основная структурная единица общества, солидарный социальный актор, стремящийся увеличить результативность своих действий, повысить эффективность инвестирования человеческого капитала, которым она владеет. Также социологические теории настаивают на индивидуальных нормах и предпочтениях как главенствующих факторах при выборе гендерных моделей занятости.

Гендерная сегрегация проявляется в асимметрии соотношения женщин и мужчин в различных отраслях, профессиях и должностных структурах. Она по своей сути, является половым разделением труда. Так горизонтальная сегрегация занятости подразумевает под собой разграничение отраслей и сфер занятости на женские и мужские. Под вертикальной сегрегацией принято понимать неравенство к доступу и распределению ресурсов внутри систем управления и организационных структур, которая проявляется в том числе через дифференциацию на уровне профессионально-должностных позиций.

Горизонтальная сегрегация влечет за собой различие финансовых и социальных положений полов. Она представляется одним из элементов создания неравенства между мужчинами и женщинами. Большое количество профессий делятся на две категории – «женские» и «мужские». Данный феномен происходит вследствие переноса профессиональной структуры на социальные роли мужчин и женщин.

Гендерная сегрегация занятости, на современном этапе, является итогом эссенциалистических представлений о маскулинности и фемининности. Фреймы гендерных различий в профессиональной среде крепко вошли в общественное мнение, позволяя упростить взаимодействие в сфере занятости. К примеру, от мужчины ожидается физическая сила, а также, из-за традиционного распределения домашних обязанностей, возможность задержаться на работе; предполагается повышенный интерес к техническим специальностям и стремление к построению карьеры. От женщин ожидается целеустремленность к созданию семьи, что сказывается на снижении профессиональной амбициозности. Считается, что женщинам присуща повышенная чувствительность и эмоциональность. Сейчас эмоциональная работа является частью оплачиваемого труда, который характерен для большинства видов деятельности, осуществляемых женщинами. Как пишет знаменитая исследовательница Арли Хохшильд в своей работе «Управляемое сердце: коммерциализация человеческих чувств», неотъемлемой частью современного сервиса является его эмоциональный стиль. Данный вид занятости подразумевает проявление дружелюбия, уважения, почтительного отношения к клиенту. Например, работники гостиничного и ресторанного сервиса, в большинстве своем, представлены представительницами «слабого» пола, что подтверждают данные Росстат, согласно которым, в России занятых в данной сфере женщин – 1314, а мужчин – 414 [5].

Существующая отраслевая сегрегация занятости выражается в соотношении с проявлением феминизации отрасли и её уровнем оплаты труда. В Российской Федерации исследователями отмечается следующая парадигма в отраслевой сфере – чем выше доля работающих в отрасли женщин, тем ниже уровень оплаты труда. Это является современной проблемой. Согласно заявлению вице-преьера Ольги Голодец, заработная плата россиянки на

28% ниже, чем у россиянина, несмотря на тот факт, что женщин, имеющих высшее образование на 8% больше [4].

Иерархическая (вертикальная) профессиональная сегрегация, как говорилось выше, отражается в слабой доступности женщинам тех должностей, которые сопровождаются высоким уровнем оплаты труда и повышенной серьезностью принятых решений.

Сходным понятием выступает феномен «стеклянного потолка», отсылающий к ситуации, когда женщине намекают, что должность включающая повышенные требования к работе, лучше предоставить сотруднику другого пола или иным другим способом дают понять, что гендерная принадлежность сказывается на профессиональных достижениях и продвижению по карьерной лестнице. Майкл Киммел дает такое определение «стеклянному потолку» – «искусственные барьеры, основанные на отношениях или сложившихся в организациях предубеждениях, которые препятствуют продвижению квалифицированных работников на руководящие должности» [3]. Дж. Лорберт, описывая механизмы, которые препятствуют женщинам продвигаться по профессионально-должностной лестнице, приводит в пример феномен Сальери (невидимый саботаж карьерного роста, а также признания женщин) и эффект Матфея (потенциально преимущество известного профессионала по сравнению с менее известным).

Следующим выделяемым учеными препятствием для построения женщиной карьеры является «материнская стена», то есть те барьеры, которые связаны с материнством. Матери считаются слабо вовлеченными в работу, а также менее компетентными. Многие ученые отмечают тот факт, что наличие детей у женщины влияет на её трудоустройство и установление первоначальной заработной платы. Такая разница в заработной плате, а точнее дельта, которая не доплачивается в связи с материнством, называется «материнским штрафом». По данным исследования Hays о гендерной диверсификации в России и мире «Leading Women –2017», 62% женщин считают, что для карьерного роста в России препятствиями являются гендерные стереотипы, среди мужской аудитории так же считают 29% опрошенных. Около 59% женщин ответили, что, по их мнению, существуют неформальные договоренности и стереотипы. Наиболее распространенный барьер – разделение позиций на «мужские» и «женские». На втором месте – декрет: 57% опрошенных считает, что из-за декретного отпуска, а также отпуска по уходу за ребенком, женщин, менее охотно, руководство ставит на управленческие позиции. Женщине сложно совмещать карьеру и семейную жизнь – так полагают 52% респондентов [2].

По мнению ряда ученых, ущемлены в сфере занятости не только женщины. Так Уоренн Фарелл считает, что мужчины являются жертвами феномена «стеклянного подвала», который заключается в том, что мужчины вынуждены работать на тяжелых и опасных работах. Они как бы «заперты» в этом анклав, в связи с представлениями о мужскости сопоставимой с физическим превосходством и тяжелой работой. Майкл Киммел не согласен с тем, что «стеклянный подвал» дискриминирует мужчин, так как заработная плата за такой труд высока, и женщин, зачастую, не допускают до такого вида занятости согласно постановлению Правительства РФ от 25 февраля 2000 года № 162 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» [1]. Так же, в статье 253 Трудового кодекса РФ указывается, что труд женщин ограничивается на работах с вредными или опасными условиями труда, на подземных и тяжелых работах, за исключением работ по санитарному и бытовому обслуживанию и нефизических работах. То есть, у женщин минимальные шансы трудоустроиться в данные сферы занятости.

Подводя итоги всего выше сказанного, хотелось бы отметить, что на современном этапе развития рынка труда в России наблюдается гендерная сегрегация в сфере занятости, носящая дискриминационный характер, который выражается в различиях доступа к выбору профессий и занимаемым должностям.

1.Постановление Правительства РФ от 25.02.2000г. №162 «Об утверждении перечня тяжелых работ с вредными или опасными условиями труда» // Собрание законодательства Российской Федерации от 6. 03. 2000 г., №10.

2.Гендерная диверсификация в мире карьеры и бизнеса 2017 Исследование HAYS [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hays.ru/-2017/index.htm>. (дата обращения: 30.09.2017).

3.Киммел М. Гендеризированное рабочее место// Киммел М. Гендерное общество/ пер. с англ. О. Оберемко, И. Тартаковской. М.: РОССПЭН, 2006. С. 274-314.

4. В России женщины зарабатывают на четверть меньше мужчин [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/society/20170914/1504755590.htm> (дата обращения: 30.09.2017).

5. Федеральная служба государственной статистики. Труд и занятость в России 2015 / Стат. сб. / Росстат – М., 2015. – 274с.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Дыжова А.А. (Могилев, Республика Беларусь)

В статье используются результаты социологических опросов, проведенных в 2015-2017 годах в рамках научно-исследовательской темы: «Правовая культура и правовой нигилизм студенческой молодежи: проблемы и пути их решения». В статье анализируются данные по молодежной выборке, составляющей 450 респондентов в возрасте от 18 до 31 года.

Важным элементом правовой системы государства является правовое сознание. Современный период развития общества отличается высоким динамизмом в молодежной среде, в качестве негативного фактора можно отметить распространение различных видов деформации правового сознания (правовой нигилизм, правовой идеализм и деформированное правовое сознание). В сложившейся ситуации необходимо принять безотлагательные меры, причем основной задачей должно стать воспитание положительного взгляда на право в молодежной среде, так как именно юноши и девушки являются той социальной группой, которой предстоит завтра осуществлять управление государством. В то же время именно сознание молодежи наиболее подвержено изменению при постороннем влиянии, немало важным является и изучение гендерных особенностей в формировании правового сознания юношей и девушек.

Правосознание является сферой общественного, группового и индивидуального сознания, которая отражает правовую действительность в виде юридических знаний, оценочных отношений к праву и возможности применения этих знаний на практике. Правосознание оказывает серьезное мотивационное воздействие на поведение людей. Оно содержится в общественном мнении и влияет на общественные отношения. Формирование правосознания и повышение правовой культуры является важным фактором дальнейшего укрепления законности и правопорядка в обществе. На формирование правового сознания молодого человека влияют следующие факторы: непосредственные условия жизни и работы; организованная система обучения и воспитания; средства массовой информации; государственная молодежная политика.

Нами были изучены гендерные особенности в формировании правового сознания студенческой молодежи. Для того чтобы оценить уровень правовой образованности, а исходя из этого уровень правового сознания молодых людей, в ходе проводимых исследований мы задали вопрос, насколько хорошо они, по их мнению, знают законы. Из общей численности опрошенных студентов, 16 % считают, что они хорошо знают законы, о плохом знании законов указали 15% молодых людей. То, что они не очень хорошо знакомы с законодательными актами, отметили 66 % молодежи. При этом мы провели гендерную оценку знаний основных нормативных правовых актов юношей и девушек.

Так, по данным опроса в 2015 году, уверены в своих знаниях законов 31,8 % мужчин и всего лишь 4,8 % женщин. Если более трети юношей уверены в своих знаниях, то субъективно оценивают знания норм права, как хорошие только пятая часть девушек. При этом в плохом знании законов признаются 21,3 % женщин, и лишь 5,4 % мужчин. Конечно, самостоятельная оценка уровня знаний норм права юношей и девушек достаточно субъективна, и не всегда совпадает с реальными знаниями. И в жизни, к сожалению, по большей части они не могут применить полученные ими знания на практике, и как следствие защитить свои права и законные интересы. Полученные данные, конечно же, не могут дать полную оценку сформированности правосознания и правовой культуры молодых людей, однако однозначно говорят о ее общем уровне. И, остается сделать вывод о том, что он совсем невысокий, правовые знания юношей и девушек носят крайне фрагментарный характер.

По данным опроса в 2016-2017 гг., уверены в своих знаниях законов 36,4% мужчин и 10,7% женщин. При этом в плохом знании законов признаются 18,9% женщин, и лишь 3,1% мужчин. Теперь проведем сравнительный анализ по годам за исследуемые периоды. Число респондентов, считающих, что они хорошо знают законы, увеличилось с 16 до 20,6 %. При этом среди них следует отметить как юношей, так и девушек. В свою очередь процентное соотношение

девушек увеличилось в два раза. Снизилось и количество молодых людей указывающих о плохом знании законов (с 15 до 12,7 %). Конечно эти результаты, пусть и с незначительным увеличением числа молодых людей ответивших о хороших знаниях нормативных правовых актов, не может не радовать.

Как уже было отмечено ранее на уровень правового образования молодежи оказывают влияние различные факторы: источники правовой информации, способы и агенты правовой социализации, личный опыт и многое другое. В связи с этим мы в ходе проводимых нами исследований решили определить основные источники получения молодыми людьми правовой информации. Был проведен анализ гендерных различий между юношами и девушками в источниках получения ими правовой информации.

Степень значимости источников получения правовой информации юношами и девушками отличается. Если представители мужского пола в качестве основных источников информации указывают: интернет – преподаватели – специальная правовая литература – СМИ – электронные правовые базы – выступление работников правоохранительных органов и д.т., то у девушек цепочка выглядит следующим образом: интернет – СМИ (заметим СМИ у юношей на 4 месте – 27,9 %) – преподаватели – выступление работников правоохранительных органов (у ребят эта цифра составила 18,6 %) – электронные правовые базы и семья (по 19,4 %) – специальная правовая литература и т.д. Как видно и у юношей и у девушек на первом месте стоит интернет. О значимости интернета и степени его влияния на формирование правосознания и правовой культуры нами уже было сказано ранее. Отметим лишь, что использование телекоммуникационной сети Интернет позволяет организовать действенную прямую и обратную связь между государственными органами и населением, что приводит к повышению общей эффективности деятельности государственного механизма, развитию демократии и правовой культуры личности.

Интересным для нас был вопрос о том, какую бы из отраслей права студенты хотели бы изучить более детально при обучении в ВУЗе. Так, проанализировав данные опроса, 40,7 % молодых людей указали гражданское право, и так как нами был проведен и гендерный анализ, то из них 52,7 % составили юноши и 32,5 % девушки. И это вполне закономерно, живя в гражданском обществе необходимо в первую очередь изучить основы гражданского права, с возможностью дальнейшего использования полученных знаний для защиты своих прав и законных интересов, а также уважения прав и законных интересов других граждан [1, С. 3].

В качестве второй отрасли было отмечено трудовое право, его указали 39,8 % молодежи, 26,4 % из них составили мужчины и 47,6 % женщины. Как видно, женщин на практике больше интересуют защита их прав не столько в гражданском обществе, сколько возможность защитить свои права в трудовых правоотношениях. Не является секретом и тот факт, что, к сожалению именно женская часть населения республики указывает на нарушение их прав в трудовых отношениях.

Далее респонденты выделили уголовное право, его отметили 29,8 % опрошенных, из них мужчины составили 48,1 %, женщины 18,4% и это тоже вполне закономерно. Проблема преступности мужчин и женщин достаточно сложная и не достаточно изученная. Из многочисленных статистических данных на общую долю преступлений приходится преступления, совершенные мужчинами. Во многом это обусловлено нравственным складом человека, нравственными качествами личности. Так, когда молодым людям в ходе проводимых нами исследований был задан вопрос о том, что их останавливает к совершению противоправных действий, 51,9 % девушек указали нормы морали и нравственности (среди мужчин это число составило 44,2 %), а также личностные установки – 45,6 % женщин и 38 % мужчин.

Такую отрасль, как административное право отметили 26 % респондентов, мужчины составили 41,9 %, женщины – 16 %. Именно административное право регулирует общественные отношения в сфере деятельности исполнительной власти. В частности одна из групп этих отношений, это отношения между органами государственного управления и гражданами. При этом важно знать особенности, правовые средства, приемы и способы управления этой группой отношений. Далее идет семейное право, данную отрасль отметили 19,4 % юношей и 26,2 % девушек. Именно семейное право регулирует личные и непосредственно связанные с ними имущественные отношения между физическими лицами, возникающие в связи со вступлением в брак, с родством, усыновлением и другими формами устройства детей на воспитание в семью [2, С. 17].

Исходя из выше изложенного и проанализировав данные социологического опроса, становится ясным, что существуют значительные гендерные различия в формировании правосознания среди молодых людей, при этом уровень его сформированности достаточно невысок. В связи с этим необходимо разрабатывать и применять целый комплекс методов по повышению правовой культуры молодежи, при этом уровень их правовой культуры во многом зависит от доступности правовых знаний, от возможности в полном объеме удовлетворения потребности в юридической информации. Важным является также усилить потребность в юридических знаниях, начиная с получения азов этих знаний в учебных заведениях.

1. Скобелева, Ю. В. *Гражданское право: методическое пособие для студентов специальностей 1- 20.01.07 «Экономика и управление на предприятии», 1- 96. 01.01 «Таможенное дело» / Ю.В. Скобелева, А.Г. Почтарев. – Минск: БНТУ, 2008. – 65 с.*
2. Круглов, В.А. *Семейное право Республики Беларусь : учеб. пособие /В.А. Круглов. – Минск: Амалфея, 2013. – 264 с.*

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ГЕНДЕРНОЕ НЕРАВЕНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Евстифеева Г.Г. (Владимир)

Взаимосвязь между социальной справедливостью и некоторыми видами неравенств носит сложный и противоречивый характер. Результаты исследований позволяют сделать вывод о том, что в некоторых формах неравенств, представления о справедливости носят своеобразный характер. В частности, это касается проблемы гендерного неравенства. Со стороны государства и общества часто игнорируются проблемы, которые возникают перед некоторыми категориями населения, и в особенности женщинами, в такой специфической сфере, как домашний труд.

Растущая активность современных женщин в сфере оплачиваемого труда не изменяет устойчивой закономерности неравномерного и несправедливого распределения домашнего труда в семье между мужчинами и женщинами, что во многом предопределяет и проблему гендерного неравенства в обществе.

Продолжающиеся социальные трансформации, внедрение новых технологий и форм взаимодействия людей существенно изменили ценность различных видов труда и форм его распределения в обществе, в результате чего наблюдается рост значимости домашнего труда, форм его организации и разделения, влияющих на внутреннюю жизнь семьи и на особенности развития общества в целом.

Исследовательский интерес к жизнедеятельности домохозяйств со стороны различных наук наблюдается с середины 70-х годов прошлого. Однако, при всех различиях в теоретических обоснованиях и применяемых методологиях, почти все исследования сходятся в том, что в процессе домашнего труда рождается очевидная неравномерность распределения домашних обязанностей между мужчинами и женщинами, возникает и транслируется на все общество гендерное неравенство, влияющее на социально-стратификационную составляющую социума.

Исследования показывают, что, несмотря на некоторые сдвиги в общественном сознании в сторону эгалитаризма, большинство обязанностей в среднестатистической российской семье лежит на женщинах. На нормативно-ценностном уровне россияне часто выступают за эгалитарное распределение семейных ролей, но не всегда подобные установки воплощаются на практике [4]. Глубинные представления россиян об идеальной семье связаны с традиционным ее типом, что, однако, не исключает существования разных семейных моделей на практике [5].

Традиционные семейные уклады, сталкиваясь с постиндустриальными реалиями, проникающими в условиях глобализации через границы государств, начинают испытывать серьезные напряжения и изменения, что выражается в трансформационных и не всегда позитивных процессах. При этом, «невидимость» домашнего труда в системе национальной экономики и статистики большинства стран мира приводит к игнорированию его роли в воспроизводстве как благосостояния страны, так и неравенства [2] [3] [7].

Данное противоречие особенно ярко проявляется в том, что домашний труд является, с одной стороны, специфической частной сферой жизни человека, а с другой стороны, может рассматриваться как существенный резерв для общественного развития в условиях социальной, экономической и политической конкуренции. Российское общество, находясь в состоянии

трансформации, особенно сильно зависит от способности реализовывать потенциальные возможности своих граждан, независимо от их социального, политического, гендерного статусов.

Гендерное разделение домашнего труда в семье - это процесс, при котором разделение домашнего труда происходит по гендерному принципу, предполагающему традиционное разделение видов домашнего труда на «женский» и «мужской», при котором большая часть домашнего труда ложится на плечи женщин. При этом производятся не только домашние услуги и продукты, но и воспроизводится гендерное неравенство в обществе.

Результаты ежегодного социологического мониторинга, проводимого в городе Владимире с 2012 года, включающего в себя опросы и серии интервью с членами городских семей, показывают, что структура разделения домашнего труда в городской семье имеет ярко выраженную гендерную окраску, выражающуюся в стабильном преобладании женской доли над мужской в общем объеме домашнего труда [1]. При этом «женские» задачи являются более трудоемкими и рутинными. Однако ряд задач носит компромиссный характер и могут выполняться как женщинами, так и мужчинами.

Значимым фактором гендерного неравенства остается функция управления домохозяйством, традиционно выполняемая женщинами, заключающаяся в современной семье в сборе, анализе, оперировании, контроле больших массивов информации, а также ответственности за достоверность и последующие практические операции с этой информацией. Данная функция оказывает на женщин и на гендерное распределение домашнего труда в семье большее давление, чем даже преобладание женской доли в процессе выполнения домашних задач. Исследование показывает, что традиция закрепления за женщинами основных функций по управлению домохозяйством остается достаточно устойчивой и характерна для большинства домохозяйств.

Полученные в ходе интервью с супругами данные не подтверждают существование глубокой приверженности большей части семей к традиционным стереотипам, а свидетельствуют об определенном переходном периоде, когда старые представления уже не соответствуют требованиям времени, а новые только зарождаются и еще недостаточно распространены в обществе. Так, все более популярной становится точка зрения о том, что домашние обязанности распределяются по согласованию супругов или их выполняет тот, кто более свободен.

Однако большинство семей придерживается традиционного распределения обязанностей в семье, распространяя данные традиции и на воспитание собственных детей и воспроизводя таким образом гендерную структуру разделения домашнего труда в следующем поколении. В итоге, в процессе разделения домашнего труда происходит воспроизводство гендерного неравенства в социальной структуре общества.

Одна из заметных тенденций, выявленных в ходе исследования – желание женщин меньше тратить времени на домашний труд, чтобы иметь возможность добиться успеха в профессиональной деятельности. Подавляющее большинство женщин считают занятость необходимым условием не только собственного экономического благополучия, но и благополучия всех членов семьи. Они отмечают, что работа дает им возможность самореализации, личностного роста, повышает социальный статус и т.д. Но полноценная самореализация, как отмечают респондентки, возможна только при сокращении времени, которое они тратят на домашний труд.

Таким образом, несмотря на некоторые изменения в гендерной структуре домашнего труда, коренных трансформаций внутри домохозяйств не отмечено. Традиционное разделение домашнего труда по гендерному принципу по-прежнему не воспринимается большинством акторов, как социально-несправедливое. На уровне государства проблемы гендерного равенства в данной сфере игнорируются, что приводит к отсутствию скоординированной политики продвижения гендерного равенства.

В связи с этим, полагаем, что наряду с описанием и измерением социального неравенства важно также понимать, как сами люди воспринимают эти неравенства; какие неравенства, по их мнению, видимы и актуальны, а какие игнорируются и гасятся социальными традициями. Выявление такого реестра неравенств и оценка их влияния на социальную справедливость и на общественное развитие в целом может стать актуальной задачей для исследователей. Этот вопрос представляется тем более значимым, что наблюдаются большие различия между неравенством, измеряемым социологами, и неравенством, воспринимаемым самими акторами.

1. Евстифеева Г.Г. Гендерное разделение домашнего труда в современной городской семье. Владимир, 2012.

2. Костерина И. Кто в доме хозяин? О неоплачиваемой домашней работе в гендерной перспективе // Неприкосновенный запас. – 2011. - № 2.

3. Малкова М. А., Рощина Я. М. *Домашний труд в современной российской семье: типологический анализ: препринт WP15/2010/02*. М.: ГУ - ВШЭ, 2010. С. 4-5.
4. Мужья и жены: распределение семейных обязанностей. Опрос населения в 100 населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Интервью по месту жительства 24-25 февраля 2007 г. 1500 респондентов. Фонд «Общественное мнение» // <http://bd.fom.ru/report/map/d070922>.
5. О чём мечтают россияне (размышления социологов). Аналитический доклад. М., 2012; «Домашние хлопоты: кто и что делает в российской семье». ВЦИОМ. Пресс-выпуск №1757, май 2011 // <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111631>.
6. *Closing the Gender Gap. Act Now*. OECD Publishing. 2012.
7. *Miranda V. Cooking, Caring and Volunteering: Unpaid Work around the World* // OECD Social, Employment and Migration Working Papers, No. 116, OECD Publishing, Paris, 2011.

ЦЕННОСТЬ СЕМЬИ И СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ: СТАРОЕ И НОВОЕ

Егорова Н.Ю. (Нижний Новгород)

Низкие показатели брачности, нестабильность семейной группы, рост сожительства, невысокие коэффициенты рождаемости [6, С. 40-59] все чаще заставляют одних отечественных демографов и социологов говорить о постепенном исчезновении семейных институтов и потребности в детях [2], других – о серьезных эволюционных сдвигах в системе брачного и репродуктивного поведения [7], постепенном сближении российской семьи с характеристиками семейно-брачной сферы индустриально развитых стран [4, 9]. Безусловно, указанные изменения сопровождаются переосмыслением ценностной системы, на протяжении столетий определявшей основы семейного поведения. В условиях трансформации закономерным становится вопрос о сочетании традиционных и инновационных элементов в системе норм, регулирующих сферу семьи, брака, родительства.

Эмпирическая база анализа представлена результатами общероссийских и нижегородского исследования. Во-первых, данными Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ 2000, 2003, 2005 г.г. (репрезентативные базы, индивидуальные опросы, где в опросниках были затронуты интересующие нас вопросы) [10]; исследований Федеральной службы государственной статистики 2009 [1], 2012 гг. [8]. Во-вторых, результатами исследования «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье» (2013г.) [3], проведенного кафедрой общей социологии и социальной работы Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (руководитель З.Х.Саралиева).

Жизненные ориентиры россиян и ценность семьи. Исследования последних лет пока не дают оснований говорить, что потребность и желание создавать семьи и воспитывать детей постепенно уходят из числа значимых жизненных ориентиров россиян. Исследования Федеральной службы государственной статистики свидетельствуют, что «воспитание ребенка» и мужчины, и женщины рассматривают как базовый элемент в реализации их жизненных планов (4,8 балла из 5-ти возможных). В число важных целей россияне включают и желание «жить в зарегистрированном браке, своей семьей», хотя здесь показатели у представителей обоих полов ниже (4,2 и 4,1 у женщин и мужчин соответственно). Возможно, регистрация супружеских отношений и вообще проживание семьей (видимо, полной) оказываются скорее желательными, чем обязательными. Интересен факт, что воспитание уже двоих детей (в среднем 4,0) для реализации имеет серьезных конкурентов в лице профессиональных («получить образование и повышать квалификацию»: 3,8 балла у женщин и 3,5 – у мужчин, 2012 г.) и гедонистических ценностей («интересно проводить досуг» – 3,7 балла как у женщин, так и мужчин). Тем не менее, анализ репродуктивных установок подтверждает ориентацию россиян на семью, причем семью полноценную, детную. Судя по данным Федеральной службы государственной статистики (2012г.), средний показатель желаемого количества детей и у женщин, и у мужчин больше 2. Ожидаемое количество детей, конечно, ниже (1,92), но ориентация на отказ от детей минимальна: только 2% женщин и 4% мужчин не планируют стать родителями.

Семейные ценности: куда движется семья?

В течение последних десятилетий серьезно меняется восприятие россиянами различных аспектов семейной жизни. Данные исследования RLMS (2003г.) фиксируют сформированное, лояльное и, в основном, единодушное (у мужчин и женщин) отношение к таким сторонам супружества и воспроизводства как развод, аборт, сексуальные отношения вне брака.

Подавляющее большинство (до 73%) допускают и развод, и аборт, правда при определенных условиях. Отношение к связям вне брака дифференцировано. Значительное число, особенно мужчин (27%), приветствует их в любой ситуации, еще половина принимают возможность внебрачных отношений при определенных условиях, и также большая группа, как правило, женщины (32%), не допускает их никогда. Гомосексуальные контакты и мужчины, и женщины в большинстве (81% и 76% соответственно) считают не допустимыми.

Несколько сложнее обстоят дела с нормами, определяющими положение женщин /мужчин в семье и обществе. С одной стороны, вполне допускается реализация женщины вне семьи. Женщины и мужчины могут играть равные роли в политике (полностью согласны с таким утверждением 56% мужчин и 68% женщин), при устройстве на любую работу иметь равные возможности (полное согласие 80% мужчин и 89% женщин), но на роль руководителя все-таки больше подходят мужчины, причем чаще так считают сами женщины (68% против 63%). С другой стороны, когда речь заходит о домашних делах и обязанностях, возможность выстраивания эгалитарных отношений становится минимальной. В целом, восприятие гендерных ролей в семье можно вполне считать традиционным. Две трети (65%) мужчин и более половины женщин (56%) были полностью согласны с утверждением «дело мужа – зарабатывать деньги, а жены – присматривать за домом и детьми», при этом около 40% и мужчин, и женщин полагают, что «для семьи обычно плохо, если жена работает».

Стремление к равенству все же наблюдается при анализе ответов на вопрос о главенстве в семье. Большинство представителей обоих полов склонялись к эгалитарному принципу разделения власти (69% среди мужчин и 83% среди женщин, и здесь уже очевидна разница), но в два раза чаще женщин мужчины считали, что право быть лидером должно принадлежать именно им (28% против 14%). В целом, разницу в ответах на вопросы в этом блоке можно заметить практически везде. Именно женщины оказываются более эгалитарными, чаще настаивая на равенстве как в семье, так и вне ее. Двойственное отношение к роли женщины, сохраняющееся даже на уровне норм/ установок, делает модель двойной занятости/ двойной нагрузки женщины «нормальной» и вполне допустимой.

Судя по анализу ответов на вопросы, связанных с семейными ценностями, различных возрастных групп, можно сказать, что постепенное переосмысление норм в сфере семейных отношений началось как минимум около 40-ка лет назад. Именно самая старшая возрастная группа (более 60-ти лет) чаще демонстрирует отличные от остальных, более традиционные взгляды.

Более поздние, в том числе региональные исследования, во-первых, показывают, что ситуация изменилась мало, и трансформационные процессы движутся в том же направлении, во-вторых, позволяют более детально рассмотреть характеристики формирующихся брачных/ семейных стратегий [см.подробнее 5]. Судя по результатам нижегородского исследования «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье», суть семьи, основная идея семейных отношений не меняется. Главной чертой современной семьи, как и раньше, остается взаимная поддержка членов семьи друг другом. Суждение «родители и дети должны поддерживать друг друга» не вызывает споров и занимает лидирующие позиции, набирая максимальный средний балл – 4,7. Другое дело, что сами параметры отношений между членами семьи и, в первую очередь между супругами, могут выстраиваться по-иному, отличному от традиционного варианта сценарию. Здесь стоит подчеркнуть дифференциацию ответов по всем остальным предложенным суждениям, а также наличие разницы в восприятии значимых аспектов семейной жизни мужчинами и женщинами.

Итак, исследования позволяют утверждать, что семья и дети остаются в числе значимых ценностей современного человека. Нормативной для большинства является семья, основанная на браке и, желательно, с детьми. Но брак уже не рассматривается как пожизненная связь, вполне допускается на определенном этапе отсутствие регистрации отношений, количество детей в семье не должно быть большим. Подобные изменения не вызывают серьезных споров, и вполне соответствуют характеристикам, связанным с формированием новых моделей семьи в условиях второго демографического перехода. И мужчины, и женщины спокойно принимают складывающуюся ситуацию, видимо, находя в ней определенные плюсы. Другое дело, если речь заходит о нормах, регулирующих межличностные отношения в семье, процесс формирования эгалитарной семьи даже на уровне установок идет гораздо медленнее. Все также традиционно воспринимается роль женщины в системе супружеских и родительско-детских отношений, которая, выстраивая свою жизненную стратегию, должна «больше заботиться о семье, чем о

карьеру». Особенно спорной становится тема распределения домашних обязанностей в семье. Женщины ориентируются на равенство, мужчины настаивают на сохранении традиционных ролей в семье.

1. Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения Федеральная служба государственной статистики, 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/, оперативная информация/ аналитический отчет... (дата обращения 24.11.2016).
2. Антонов А.И. Семья – какая она и куда движется? // Семья в России. – 1999. – №1-2. – С.30-40.
3. «Воспитание, родительство и детство в современной российской семье» реализовано при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». Объект – представители трех возрастных когорт: 17-21 год, 23-30 лет, 33-40 лет в равных пропорциях, находящиеся на разных этапах семейного цикла. N=621: 45% – мужчины, 55% – женщины.
4. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 325 с.
5. Егорова Н.Ю. Трансформации супружества в контексте семейных ценностей // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. №2. С.18-32.
6. Жизненные миры современной семьи: монография / З.Х.Саралиева, В.А.Блонин, Н.Ю.Егорова [и др.]. – Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. – 264с.
7. Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России: Социология, этнология. – 2007. – Т. 16. – № 4. – С. 73-112.
8. Краткие итоги выборочного обследования «Семья и рождаемость» [Электронный ресурс]. URL: www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm (дата обращения 24.11.2016).
9. Михеева А.Р. Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. – 156 с.
10. «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ВОСПРИЯТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Загребин В.В. (Ярославль)

В современном демократическом мире, в том числе и в нашей стране, наблюдается стабильный рост роли женщин в политическом процессе. Женщины всё чаще участвуют в выборах различного уровня и занимают высшие государственные посты в странах, расположенных на всех континентах. Несмотря на то, что многие исследователи считают, что роль женщин в российской политике недостаточна, а женский потенциал не используется в принятии государственных решений [1, С. 41], бесспорным является тот факт, что в современной России женщины всё больше занимают посты в высших законодательных и исполнительных органах власти. На сегодняшний день россиянки занимают посты председателя Совета Федерации, заместителей Государственной Думы, министров, губернаторов, мэров и т.д. В связи с этим, возникает вопрос о выявлении гендерных особенностей восприятия политического курса, проводимого руководством государства.

В правовом поле на политическом уровне существует только один статус – гражданин, обладающий одинаковым набором прав и свобод, независимо от расовых, этнических, возрастных или гендерных характеристик. Однако в действительности одним из факторов различий в восприятии политического курса женщинами и мужчинами является гендерные стереотипы. В сознании россиян за годы длительного развития политической сферы жизни общества сложилось множество стереотипов относительно участия женщин в политике и тех причин, по которым мужчины имеют более выигрышное положение, а также позиции на верхушке властной пирамиды.

Как правило, гендерные стереотипы рассматриваются как глубоко укоренившиеся в сознании определённых слоёв населения ожидания или представления о социальном поведении женщин и мужчин в реальной действительности [2, С. 62]. Гендерные стереотипы – есть некая целостная система, компоненты которой влияют друг на друга, то есть по одной стереотипной черте можно достроить образ до его логического завершения. Как и другие социальные стереотипы, гендерные стереотипы, с одной стороны, стабильны, укоренившиеся в массовом сознании, с другой – гибкие, их содержание зависит от социального контекста, и являются частью политической культуры и взаимосвязаны с политическими процессами [3, С. 41].

Таким образом, понятие «гендерные стереотипы» является многомерным социальным феноменом и складывается из следующих переменных:

- характерные черты, качества, с помощью которых можно описать социальное поведение женщин и мужчин;
- ожидаемые образцы социального поведения, традиционно приписываемые женщинам и мужчинам;
- обобщённые массовые мнения, убеждения, суждения или представления об отличительных особенностях, приписываемые женщинам и мужчинам;
- влияние социального контекста среды, в которой гендерные стереотипы отражены.

Гендерные различия достаточно четко проявляются в различных аспектах политической жизни. Во-первых, в политическом поведении, особенно сильным является различие в участии в политической сфере. Доля женщин в таких политических институтах как политические партии, органы законодательной и исполнительной власти значительно меньше по сравнению с мужчинами, учитывая и то обстоятельство, что более высокие должности, предполагающие большую власть и ответственность, остаются за мужчинами [4, С. 180]. Среди причин недостаточной политической активности россиянок можно назвать: недостаточность правовой базы, слабая политическая активность самих женщин, низкий уровень развития институтов гражданского общества, традиции, патриархальные гендерные стереотипы и пр. [5, С. 144]. Во-вторых, различия проявляются в особенностях политических предпочтений женщин и большую их активность во время выборов. В-третьих, обращает на себя внимание тот факт, что публичная сфера и участие в общественной жизни традиционно относится к деятельности мужчин, а приватная сфера, то есть сфере домоводства, семьи, быта и воспитания детей – женским делом [6, С. 18]. Как мужчины, так и женщины стараются соответствовать гендерным нормам и ожиданиям со стороны общества. Таким образом, гендерные стереотипы, сложившиеся в сознании населения, в политической сфере, оказывают одну из ведущих ролей на восприятие политического и внешнеполитического курса.

Гендерные стереотипы оказывают влияние и на разные сферы политики, в том числе и на деятельность государства на международной арене, а также на принятие важных политических решений. Но не только стереотипы влияют на политические процессы и явления, но и наоборот. Влияние политики на гендерные представления осуществляется через имидж политиков, в котором пол играет важную роль, через поддержание властью определенных культурных образцов, присущих мужскому и женскому образу, а также не последнюю роль играют высказывания лидеров политической элиты, затрагивающие взаимоотношения полов или оценку личностных и профессиональных качеств, присущих мужчине или женщине [4, С. 102].

Гендер является первичным средством выявления отношения к власти [7, С. 422]. В политических отношениях с помощью гендерных стереотипов легко выстраивается социальная иерархия, и не только женщин и мужчин, но и тех социальных объектов, описывающих при помощи гендерных стереотипов. Социологические гендерные исследования последних лет [8, 9] показывают, что представления о мужественности и женственности в политической сфере жизни соотносятся с представлениями об их силе и слабости соответственно, а, следовательно, с убежденностью в том, какое положение они должны занимать в иерархии власти. Мужественные характеристики оцениваются более позитивно, чем женственные. Это обуславливает определение политики как мужское занятие, чем женское, а обоснование притязаний на власть предполагает демонстрацию мужественности.

Если конкретно говорить о восприятии политического курса женщинами и мужчинами в современной России, для примера проведём некоторые данные Фонда общественного мнения на начало 2016 года [10]. Так, мужчины и женщины практически в равной степени интересуются и следят за проводимым внешнеполитическим курсом нашего государства (74% мужчин и 64% женщин), однако, по сравнению с мужчинами женщины чаще выбирают позицию «не слежу»

(35% против 25% мужчин). Что касается мнения россиян о том, сколько внимания уделяет Россия внешней политике, равная доля респондентов обоих полов считают, что такого внимания уделяется именно столько, сколько и нужно (58%), лишь каждый пятый как среди мужчин, так и среди женщин считают, что его слишком много для данной сферы. Как мужчины, так и женщины были солидарны в своих оценках внешнеполитического курса, утверждая, что он принес в последнее время больше успехов и выигрышей для нашей страны (63% мужчин и 59% женщин). Отметим, что достаточно большая доля среди респондентов, каждый пятый опрошенный среди мужчин и женщин (20% мужчин и 25% женщин), затруднились в оценках национального политического курса.

Также важно отметить и главные источники получения политической информации. Согласно опросу 2014 года, большинство мужчин и женщин (38%) в равных долях, получают информацию из газет. Из интернета получают информацию 25% мужчин и 16% женщин. Прекрасная половина, в свою очередь, чаще получают информацию от друзей, знакомых, сослуживцев – 31%, против 24% мужчин [6, С. 27]. Таким образом, женщины, вопреки росту интереса к политике, остаются аполитичны по сравнению с мужчинами, а политическая информированность у мужчин критически осмыслена, чем у женщин.

Итак, данная постановка вопроса о гендерных особенностях восприятия политического курса имеет две стороны.

С одной стороны, можно предположить, что восприятие политической сферы жизни общества мужчинами и женщинами безусловно имеют свои отличительные характеристики. Прежде всего, это обусловлено в силу сложившимися гендерными стереотипами в современной российской политике. Однако в современных реалиях некорректно называть вопросы образования, воспитания заботы о гражданах особых категорий, например, пожилых людях и людях с ограниченными возможностями, ювенальной преступности, молодёжных девиаций, домашнего насилия и прочие «женскими», поскольку они касаются всего социума. Согласно опросам общественного мнения, вопросы социальной безопасности, в том числе и бытовой, приоритетны для всех категорий населения [11, С. 246].

С другой стороны – население узнаёт о политических решениях, принятых руководством страны, в основном из средств массовой информации, где, как правило, политические события транслируются изначально в том или ином контексте. Следовательно, на массовое восприятие политического курса оказывают большое влияние различные формы интерактивной коммуникации, такие как телевидение, интернет и печатная продукция [12]. Поэтому восприятие государственной политики вряд ли имеет значимый гендерный аспект.

Так или иначе, вопрос о различиях восприятия политического курса женщинами и мужчинами является дискуссионным и требует проведения новых междисциплинарных исследований.

1. Кальте З.М. Барьеры вхождения женщины во власть и возможные пути их преодоления // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2012. – № 4. – С. 38-42.
2. Коноплева Н. А. Гендерные стереотипы // Словарь гендерных терминов. – М.: Информация – XXI век, 2002. – С. 62-65.
3. Рябова Т.Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. – Иваново: Иван.гос. ун-т, 2008. – 246 с.
4. Саенко Т. В. Гендерный подход в политике: мировой опыт и реалии современной России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2014. – №21. – С.177-180.
5. Беляева Г.Ф. Политическая активность женщин в России // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2008 - № 1 – С. 143-162.
6. Хасбулатова О.А. Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // Женщина в российском обществе. – 2001. – № 3-4. – С. 17-24.
7. Введение в гендерные исследования: Учеб. пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. – 708 с.
8. Айвазова С.Г. Гендерный ракурс массовой политики // Женщина в российском обществе. – 2016. – № 1. – С. 24-34.
9. Рябова Т.Б. Гендерные стереотипы как фактор оценки субъектов политического процесса // Женщина в российском обществе. – 2008. – № 2. – С. 44-52.
10. О внешней политике России. Внимание к проблемам внешней политики и ее оценки / Фонд общественное мнение. – URL: <http://fom.ru/Politika/12505> (дата обращения: 10.08.2017).

11. Котоманова О.В. Женщины в российском обществе: проблемы гендерного неравенства // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 5. – С. 243-248.

12. Пикула Н.Н. Интерактивные коммуникации и политическое сознание // Studia Humanitatis. – 2015. – №2. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnyye-kommunikatsii-i-politicheskoe-soznanie> (дата обращения: 10.08.2017).

АБОРТ ГЛАЗАМИ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ивашкина А.О. (Волгоград)

Аннотация. Актуальность данной научной работы определяется актуальностью самой проблемы отношения к абортам для России. Приоритетные задачи национальной политики направлены на охрану материнства и детства и сохранение репродуктивного здоровья населения, поэтому проблема абортов приобретает особую актуальность. И данным обстоятельством определяется как теоретическая, так и практическая значимость статьи. Научная новизна статьи обусловлена тем, что несмотря на относительную известность и изученность проблем аборта, остаются малоисследованными многие её стороны. Одним из аспектов данной проблемы является тема сравнения взглядов мужчин и женщин на аборт.

Учитывая сложность современной демографической ситуации в последние годы, значительно возрос интерес к проблеме аборта. Проблема искусственного прерывания беременности относится к числу старейших, наиболее интенсивно и разносторонне обсуждаемых проблем медицинской этики, а также философии, юриспруденции и теологии [1, с. 198]. По данной теме имеются противоположные точки зрения. Одно из мнений состоит в том, что аборт – просто одна из медицинских операций. Вторая точка зрения представляет собой противоположную идею: этическая проблема, и притом – сложнейшая. [2, с. 107].

При относительной известности и изученности проблем аборта, остаются малоисследованными многие её стороны. Одним из аспектов данной проблемы является тема сравнения взглядов мужчин и женщин на аборт.

Не ставится под сомнение то, что в моральном плане проблема по-разному воспринимается мужчиной и женщиной. Ведь именно женщина оказывается непосредственно вовлеченной в решение этой проблемы жизни и смерти, именно от нее зависит жизнь человеческого существа. Возможно, понять эту проблему по-настоящему может только женщина [2, с. 113]. Но появляется вопрос: А как выглядит аборт с мужской точки зрения? Фактически принято считать, если беременность – дело женское, тогда и аборт – женская проблема. Однако аборт – это и мужская проблема тоже. Для подавляющего большинства женщин реакция отца ребенка является ключевой в принятии решения относительно аборта. Это ещё раз актуализирует вопрос об ответственности мужчин.

Тема «Аборт глазами женщин и мужчин: сравнительный социологический анализ» изучалась нами с помощью метода глубинного интервью в июле – сентябре 2017 года. Всего было опрошено 15 мужчин и 15 женщин в возрасте от 18 до 35 лет, проживающих в городе Волгограде. Целью исследования является выявление восприятия молодыми мужчинами и женщинами абортов.

Проанализировав полученную информацию, мы можем представить следующие результаты. В качестве первого пункта был задан вопрос мужчинам и женщинам об их отношении к искусственному прерыванию беременности. Выяснилось, что большинство опрошенных отрицательно относятся к искусственному прерыванию беременности, признают, что решение об аборте это не легкое решение и допустимо лишь в крайних случаях:

«Я негативно отношусь к абортам и считаю, что если его и делают, то только после длительных раздумий и взвешивания всех «за» и «против»... Мы не можем осуждать женщин, ведь есть масса медицинских противопоказаний, при которых рожать нельзя» (мужчина, 18 лет).

«Я отношусь к абортам двояко. С одной стороны, это убийство еще не рожденного члена общества, что с моральной и нравственной точки зрения, конечно же, не приемлемо. С другой стороны, для какой-то части беременных женщин аборт – это выход из сложной ситуации... Безусловно, решение об аборте – это одно из самых тяжелых в жизни родителей» (девушка, 18 лет).

Данную позицию можно назвать «смягченной антиабортной». То есть, согласно этой точке зрения, аборт недопустим, но в виде исключения, в тех случаях, когда возникают медицинские

противопоказания, или когда речь идет об изнасиловании, признает возможность вмешательства [2, с. 114].

Помимо смягченной точки зрения существуют и крайняя. Сторонники крайней позиции не признают никаких исключений, никаких смягчающих обстоятельств: аборт недопустим, даже если беременность и роды опасны для жизни матери. Стоит отметить, что данная позиция не встретилась в данном опросе.

В ходе интервью был задан вопрос о том, как мужчины и женщины относятся к женщинам, которые сделали аборт. Анализ интервью показал, что отношение к женщинам, которые сделали аборт, не всегда будет негативным, если даже сам респондент относится отрицательно к абортам.

«К женщинам, которые сделали аборт, я отношусь нормально, с пониманием.... Не многим из женщин удаётся найти в себе силы оставить ребёнка от уже чужого мужчины и воспитывать его порой одной. Согласись, так поступить гораздо труднее, чем сделать аборт, и их нельзя винить за слабость», - отвечает мужчина (34 года).

«Мое отношение к женщине, сделавший аборт, будет зависеть от причин, толкнувших ее на это. Если ситуация сложилась так, что после рождения ребенок бы рос инвалидом или же в тяжелых условиях, которые, возможно, в дальнейшем привели бы к его гибели, то мать ребенка можно понять. Если же причинами для аборта послужили какие-то иные соображения, то я осуждаю таких женщин» (девушка, 20 лет).

Важной задачей исследования было выявление степени информированности респондентов об искусственном прерывании беременности. Стоит отметить, что и мужчины, и женщины мало проинформированы об искусственном прерывании беременности, за исключением тех респондентов, которые непосредственно сами сталкивались с данным явлением.

«До того, как вы мне озвучили тему интервью, я вообще не задумывался над этой темой и не размышлял по этому поводу. Я как бы знал, что существует такая проблема, но искать информацию, размышлять по этому поводу... Нет, я этого ни когда не делал и не интересовался этой темой», - высказывается мужчина (20 лет).

«Имею лишь поверхностное представление о процедуре проведения аборта, виды абортов и сроки проведения не знаю...» (девушка, 21 год).

Источниками информации, у опрошенных, в большинстве случаев, выступают интернет, телевидение, родственники, друзья.

«Я это знаю из нашего телевидения, из различных передач, то есть в интернете я такие вопросы не искал, оно мне не нужно. Но на телевидение довольно часто освещается эта тема, те же программы о медицине. Возможно, в некоторых сериалах и фильмах эта тема затрагивалась», - рассказывает мужчина (20 лет).

«Источники информации – старшие родственники, друзья и знакомые, которые столкнулись с данной темой» (девушка, 21 год).

Стоит отметить, что такие источники, как медицинская литература, программы полового воспитания, консультация врача, упомянуты не были, что говорит о возможно неверной информации об искусственном прерывании беременности.

Таким образом, анализ полученных социологических данных показал, что и мужчины, и женщины негативно относятся к искусственному прерыванию беременности, но подчеркивают, что в некоторых ситуациях решение об аборте – единственный выход, то есть большинство респондентов придерживаются «смягченной антиабортной» позиции. Опрошенные утверждают, что с точки зрения морали аборт - всегда трудный, мучительный моральный выбор. При этом опрошенные мало проинформированы о прерывании беременности, в частности о видах аборта, сроках и процедуре проведения.

1. *Иванюшкин, А.Я. Введение в биоэтику / А.Я. Иванюшкин, В.Н. Игнатъев, Р.В. Коротких и др. – М.: Прогресс – Традиция, 1998. – 384 с.*
2. *Коновалова, Л.В. Правила и исключения. Дискуссии об этических проблемах аборта / Л. В. Коновалова. – Человек. 1995. № 1. С. 107-112.*

ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ У МОЛОДЕЖИ

Исаева О.В. (Санкт-Петербург)

Семья и ее ценности — одни из самых существенных человеческих ценностей, которые значимы до сих пор. Вместе с тем нельзя не отметить, что кардинальные перемены в

политической, экономической, духовной сферах общества отразились на семейных ценностях, так как их трансформация явилась следствием преобразований в семейнобрачных отношениях. Семейные ценности можно разделить по элементам связи внутри семьи. Так, выделяется три группы семейных ценностей: ценности, связанные с супружеством; ценности, связанные с родительством и ценности, связанные с родством. Среди всего многообразия ценностей супружества можно выделить такие основные ценности, как ценность брака, ценность равноправия супругов (ценность доминирования одного из них), ценности различных половых ролей в семье, ценность межличностных коммуникаций между супругами, отношений взаимоподдержки и взаимопонимания супругов. К основным ценностям родительства относятся ценность детей, включающая в себя ценность многодетности или малодетности, а также ценность воспитания и социализации детей в семье. К ценностям родства можно отнести ценность наличия родственников (например, братьев и сестер), ценность взаимодействия и взаимопомощи между родственниками, ценность расширенной или нуклеарной семьи. [1] Например, в настоящее время можно говорить о трансформации таких ценностей как супружество и детность: брак перестает быть законной формой семейных отношений, а детность, определяющая наличие определенного числа детей в семье, в принципе перестает быть значимой ценностью для всех молодых людей.

Молодежь — это социально-демографическая группа, которая представляет основу будущего общества. Именно в среде молодежи следует изучать такие семейные ценности как брачность, детность, родительство и др., так как от представлений молодых парней и девушек во многом зависит будущая реальная картина института семьи. Поэтому одной из главных задач современного российского общества является сохранение и укрепление авторитета института семьи в сознании молодежи.

Стоит заметить, что многодетная семья, основанная на супружестве отца и матери, являлась традиционной для России на протяжении сотен лет. В 1990-е гг. роль семьи ослабла. Так, в частности, в современной российской семье главной функцией становится уже не ведение домашнего хозяйства, рождение детей, а отношения между супругами. Для молодежи становится нормой сожительство без брака, рождение детей вне брака, развод и пр. Зачастую молодёжь не имеет собственного опыта укреплений семейных отношений, и это делает ее уязвимой для влияния «внесемейных» ценностей. Старшее поколение должно давать подрастающему поколению пример позитивного семейного взаимодействия, так как молодые люди будут идентифицировать свое поведение в отношении будущей семьи по примеру родителей. Безусловно, большое внимание должно уделяться формированию и укреплению позитивного имиджа семьи, в основе которого выступают такие традиционные нормы и ценности, как:

Уважение детей к своим родителям и страшим (осознание себя продолжателями истории, традиций семьи, и народа в целом);

Взаимная любовь и верность супругов;

Приоритет сохранения брака (выхожу замуж/женюсь один раз и навсегда);

Рождение и воспитание детей как первостепенная жизненная задача;

Материнство и забота о семейном быте для женщин;

Материальная и духовная ответственность мужчины за свою семью.

Важно осознавать, что подготовка молодёжи к семейной жизни является важной проблемой, сравнимой с адаптацией к жизни в обществе. Конечно, формирование всех этих ценностей должно начинаться ещё в детстве, затем уже в образовательных учреждениях и т.д. Но, к сожалению, в настоящее время сохраняются негативные тенденции разрушения брака. По данным статистики, распадается почти каждый второй брак, примерно 1/3 семей состоит из одного родителя, преобладает большее количество семей с одним ребёнком и пр. Очень важно, чтобы транслируемый образ (имидж) семьи не был оторван от реальной действительности, ведь иначе он может вызвать отторжение. Например, зачастую многодетную семью сравнивают с неблагополучной семьей, имеющую финансовые проблемы, и другими вытекающими последствиями.

В общем, трансформация семейных ценностей находит свое выражение в следующих процессах:

Высокий уровень разводимости, рост внебрачной рождаемости привели к увеличению числа неполных семей;

Снизился жизненный уровень - плохие жилищные условия, низкий уровень семейного бюджета - безработица;

Формируется нуклеарная семья, ослабевают родственные связи, растет смертность;

Снизилась покупательная способность семьи - недоедание, ухудшение здоровья (особенно детей);

Чрезмерная занятость и нервные перегрузки родителей ведут к снижению качества семейного воспитания, к обострению конфликтности - стрессы, депрессии. [2]

Таким образом, семья – это фундаментальный элемент функционирования общества. Именно она оказывает непосредственное влияние на его всестороннее развитие путём воспроизводства населения, воспитания характера и формирования духовного опыта будущих граждан, обогащения материальными и духовными ценностями. Однако современные ценностные семейные ориентиры резко изменились: для молодых людей исчезают мотивы, побуждающие вступать в брак, рожать и воспитывать детей. Практика показывает, что улучшение материальных условий в России не приводит к существенному увеличению числа детей в семье. Безусловно, экономический фактор играет важную роль, но причину существующих проблем нужно искать глубже – в сфере социально-нравственных установок. А, следовательно, воспитание у молодых людей ценности семьи, формирование должного представления о семье являются одной из важнейших общественных задач. В рамках такой работы необходимо не только повышать уровень знаний молодых людей об основах семейной жизни и этике семейных отношений, но и воспитывать у молодёжи традиционные семейные ценности.

1. Медкова Д.В. Семейные ценности как объект социологического анализа. Ломоносовские чтения, 2003 год.

2. Лисовский В.Т. МОЛОДЕЖЬ: любовь, брак, семья. (Социологическое исследование).-Спб.: Наука, 2003.-С.71

ИНСТИТУТ СЕМЬИ И БРАКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЛИ КРИЗИС?

Кадничанская М.И., Галкина Е.П. (Ульяновск)

Аннотация. Статья раскрывает основные тенденции трансформации социального института семьи и брака, в том числе и в России. Выделено два подхода для анализа тенденций развития института семьи и брака. Показаны изменения современных представлений мужчин и женщин об институте семьи и брака. Рассмотрены факторы, влияющие на стабильность семьи.

Семья является одним из главных институтов общества. Именно семья придает ему стабильность и позволяет восполнять население в каждом последующем поколении. В условиях глобализации институт семьи претерпевает кардинальные изменения. Современная семья состоит из образованных, работающих членов. Размываются традиционные семейные роли. Решение проблем в семье происходит путем демократических подходов. Выделение лидера в семье происходит не на основе гендерной принадлежности. При этом социальный феномен «одиначества» уже не воспринимается как негативный. Передача части функций, которые традиционно выполняла семья другим социальным институтам, приводит к тому, что из семьи рано уходят повзрослевшие дети, но и не спешит возвращаться более пожилое поколение.

Проблема кризиса и трансформации института семьи и брака - это один из определяющих вопросов в современной ситуации, так как оказывает сильнейшее влияние на стратегии развития общества и государства. В современной социологии семьи наблюдается два подхода для анализа тенденций развития института семьи и брака: первый подход понимает происходящие процессы как модификацию семьи в новые модели под влиянием цивилизационных условий, идет трансформация традиционной семьи в современную под влиянием социокультурной модернизации, второй подход говорит, что происходит деградации семьи и кризис института семьи и брака.

Содержание брачно-семейных отношений определяется, прежде всего, степенью развитости общества. Развитие института семьи в России сегодня в большей степени имеет сходную тенденцию с развитыми в экономическом отношении странами: увеличивается число разводов, внебрачных рождений, развиваются альтернативные формы семьи, уменьшается количество детей в семьях и другие [1].

Средний возраст мужчин и женщин при регистрации брака продолжает неуклонно увеличиваться. Если проследить динамику регистрации браков за последние пять лет (2012-2016 гг.), то процент от заключенных браков у молодежи уменьшается. В 2012 году процент от общего количества браков браки до 35 лет составляли около 80%, а в 2016 году – это 76,3% [2].

Развод воспринимается не как социальный крах, а как законное право отдельной личности. Появляются новые типы семейных структур. Люди смотрят на брак уже с точки зрения потенциального развода. Все новые формы брака отражают боязнь человека как себя самого, так и друг друга [3].

Важным аспектом данной проблемы на сегодняшний день является вопрос о формировании у молодежи репродуктивных установок. В систему репродуктивных установок современной молодежи входят такие компоненты, как знания о нормах детности, потребность в детях, как социальная, так и психологическая и внешние обстоятельства человеческой жизни. На разных этапах социализации личности эти компоненты могут подвергаться изменениям, а именно, потребность иметь детей может двигаться по иерархии потребностей человека в зависимости от возраста. Поэтому для изучения репродуктивного поведения молодежи кроме установки на рождение ребенка, важны намерения обзавестись им на определенный период времени.

На примере ряда социологических исследований в России за последнее 5 – 10 лет было выявлено, что компоненты репродуктивных установок современной молодежи успешно сочетаются между собой.

Несоответствие между желаемым и ожидаемым числом детей возникает среди женщин и мужчин, ориентированных на трех и более детей. Но больше всего число таких респондентов, которые при необходимых условиях хотели бы завести двух детей, но планируют только одного. То есть, чем ниже желаемое число детей, тем выше вероятность того, что оно будет достигнуто.

Кроме того, рождению желаемого количества детей мешают плохое материальное положение, проблемы с репродуктивным здоровьем и получение образования. То есть социально-экономические факторы играют одну из важных ролей в изменении современной мотивации студенческой молодежи.

На базе кафедры философии, социологии и политологии Ульяновского государственного университета в 2016 году было проведено социологическое исследование по изучению репродуктивных установок современной студенческой молодежи методом интервью, в котором участвовало 50 молодых студенческих семей. По результатам проведенного социологического исследования были выявлены следующие репродуктивные установки молодежи.

Молодые студенческие семьи хотят большую семью, что в их представлении означает три ребенка в семье. Но согласно демографическим показателям, это среднетная семья.

Семьи разделились на тех, кто относится нейтрально и на тех, кто относится негативно к семьям, которые не хотят иметь детей. Они объясняют это тем, что нет смысла в создании семьи, если она не осуществляет репродуктивную функцию.

Основными трудностями, влияющими на репродуктивные установки молодых студенческих семей, были названы учеба и нехватка финансов. Больше половины семей оценили положение своей семьи по 5-ти бальной шкале на 3-ку.

Регулирование рождаемости в молодых студенческих семьях происходит с помощью метода контрацепции. Но те семьи, которые пока не имеют детей, не пользуются контрацепцией. В основном, детей заводили не позже 3 лет совместной жизни.

Социальные программы по поддержке молодых семей никак не повлияли на репродуктивные установки молодых студенческих семей.

Выводы.

Таким образом, сегодня институт семьи и брака проходит серьезное испытание на прочность. На протяжении всей истории человечества семья оставалась наиболее устойчивым институтом общества и являлась главной жизненной ценностью для многих поколений людей. Однако на сегодняшний день наблюдаются изменения современных представлений мужчин и женщин об институте семьи и брака, среди которых можно выделить следующие: изменился процесс выбора брачных партнеров и предбрачный ритуал, снятие экономических, социальных и национальных барьеров расширило круг потенциальных знакомств, и в итоге увеличило возможности выбора брачного партнера, изменяется сексуальное поведение, возросла ценность и значимость для человека интимных отношений как источника удовольствия, меняется система ценностей в области полоролевого поведения, изменяется число членов и внутри нукlearной семьи, исчезновение патриархального уклада.

Трансформация института семьи – это мировой процесс, причем трансформируется он под влиянием изменений, как в самом институте, так и в обществе в целом, кризис - условие, в котором протекает модернизация российской семьи.

Среди факторов, влияющих на стабильность семьи можно выделить такие как распространение ценностей индивидуализма, изменение экономического уклада, свобода нравов, гендерная асимметрия, перераспределение социальных ролей между женщиной и мужчиной.

Несмотря на все трудности, которые преследуют семью в последние десятилетия, она живет и продолжает исполнять присущие ей функции.

1. Галкина Е.П., Кадничанская М.И. Трансформация института семьи в условиях современных модернизационных процессов. // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». - 2015. - №3. – С.193-200.

2. Росстат. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/.../demography/ (дата обращения 05.10.2017).

3. Голод С.И. Современная семья: мачизм, феминизм, трибадизм // Человек. – 2006. – № 6. – С.77.

ГЕНДЕР В ИТ: ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИН-РАЗРАБОТЧИКОВ НА ОТЕЧЕСТВЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА.

Камнева А.В. (Санкт-Петербург)

Аннотация:

Проблемами гендерного разрыва в сообществе специалистов, занятых разработкой и реализацией компьютерных технологий, отечественная социология заинтересовалась не так давно. Имеющиеся исследования в основном подвергают анализу западноевропейские реалии, хотя эта тема актуальна и для российского общества. Это обусловлено высокими темпами его компьютеризации и информатизации с конца 1990-ых годов и небывалому спросу на разработчиков ИТ-технологий на российском рынке труда. В этой связи перед социологами стоит задача исследовать возможные причины и последствия низкого уровня вовлеченности женщин в профессиональные сферы, которые становятся движущими силами экономики. Рынок труда пополняется быстрыми темпами, спрос на разработчиков продолжает расти, и малая занятость женщин в этой сфере служит барьером для преодоления сложившейся ситуации дефицита специалистов.

Известно, что отраслевая и профессиональная гендерная сегрегация по-прежнему остается одной из латентных форм дискриминации в сфере труда. Женщины остаются занятыми в основном в менее престижных и менее оплачиваемых профессиях. Так, в России индекс диссимилиации в 1995 году (0,29) превысил показатели 1928 года (0,26) и 1940 (0,15), что свидетельствует о том, что с переходом России к капиталистическим отношениям наблюдается рост гендерной сегрегации в сфере труда. К 2010 году этот индекс составил уже 0,37 по сравнению с показателем в 0,29 1995 года. [1]

Профессиональная сегрегация по признаку пола возникает не только в результате гендерного регулирования со стороны государства, но и под влиянием исторически складывающихся социальных норм и гендерных стереотипов (норма здесь не выступает эквивалентом правила или закона). Как известно, закрепление за женщинами и мужчинами определенных отраслей и сфер экономики встроена в дискурсивные практики повседневности, а также констатируется перформативностью высказываний. Массовое проникновение женщин в ту или иную отрасль традиционно означало, что эта отрасль находится в упадке. [3]. В первую очередь это характерно для капитализма. Так, например, Х. Хартман утверждает, что капитализм стремится поддерживать патриархальный строй общества, в рамках которого мужчины осуществляют контроль над женским трудом. Этот контроль проявляется в том, что «женщины не допускаются к высокооплачиваемым рабочим местам, и из-за этого они вынуждены смотреть на брак, как на средство решения материальных проблем, и смиряться со своей бесплатной эксплуатацией дома». [4]

Безусловно, ситуация гендерного разрыва во многих странах Запада, где эта проблема наиболее исследована, не тождественна ситуации в российском обществе. Историческая динамика положения российских женщин в сфере трудовых отношений претерпевала множество флуктуаций. Так, например, в эпоху СССР транслировался образ женщины, активно вовлеченной в несколько сфер одновременно: сферу семьи, сферу производства и публичную общественную сферу. Вместе с трансформацией экономических отношений и переходом к капитализму деформировался и статус женщины. Как отмечает В.Г. Ушакова: «В условиях постсоветских реформ наблюдается быстрое возрождение патриархальной гендерной модели». [6]

Однако гендерный порядок, определяющий место мужчины и женщины в различных общественных структурах, в том числе и в трудовой сфере, способен выходить из-под контроля

общества и развиваться вопреки его интересам. Это стало очевидным с наступлением эпохи информационных технологий, когда выяснилось, что существование гендерных предрассудков тормозит развитие сферы ИТ даже в самых развитых странах. В тот момент, когда главным двигателем экономической прогресса стали технологии, сама ситуация приказала идти в эту сферу всем людям, имеющим соответствующие способности.

Тем не менее вскоре образ компьютера в общественном представлении стал отождествляться с образом мужчины. Работа с компьютерной техникой или программным обеспечением, как и вождение автомобиля, стала считаться «неженским» делом. В результате среди женщин начинает проявляться такое явление как «технофобия», боязнь взаимодействия с техникой.

Представление о том, что работа с техникой является исключительно мужской привилегией, способствовало возникновению у женщин соответствующего отношения к изучению и использованию информационных технологий. Наташа Примо, анализируя изменение гендерных отношений под влиянием ИКТ (информационно-коммуникационные технологии), приходит к выводу, что социально и культурно обусловленные гендерные роли и отношения не способствуют реализации (и даже ограничивают) возможности женщин участвовать в информационном обществе на равных позициях с мужчинами. [5]

Кроме того, Н.Примо обращает внимание и на такой феномен как «естественная убыль», который означает сокращение доли женщин в области науки и техники. По ее мнению, это приводит к уменьшению количества женщин среди ученых и инженеров и тех, кто занимает высокие должности в сфере информационно-коммуникационных технологий, что зачастую связано с транслируемыми еще в школьном возрасте стереотипами о том, что девочки более склонны к гуманитарным наукам, а мальчики к точным и естественным наукам. Вполне реалистичным выглядит и предположение о том, что девочки боятся пробовать себя в «мужских» науках.

Мы провели эмпирическое исследование и выяснили, что в последние годы девушки начинают все больше интересоваться профессией программист. Среди опрошенных женщин наибольшее количество составили специалистки в возрасте от 22 до 27 лет и с опытом работы от 1 до 3 лет. Кроме того, более четверти женщин пришли в программирование через самообразование, что свидетельствует о том, что благодаря развитию интернета и доступности самообразования, женщины могут избежать институционального давления.

Профессия «программист» привлекает внимание женщин не случайно. По их мнению, эта профессия имеет ряд преимуществ: она позволяет работать удаленно, а значит не быть привязанным к одному месту, а также уйти в декрет и продолжать работу по специальности. Помимо этого, быстрое развитие индустрии технологий позволяет женщинам постоянно совершенствовать свои навыки и реализовать свой творческий потенциал.

Однако несмотря на то, что женщины представлены в сообществе специалистов, занятых разработкой и реализацией компьютерных технологий, тем не менее гендерная асимметрия проявляется как в крупных, так и в средних и малых компаниях. Женщины в большинстве случаев отмечают, что в коллективе среди разработчиков их в 3 раза меньше, чем мужчин. Нередко количество женщин в коллективе не превышает 20%.

Известно, что большую роль по популяризации роли женщин в сфере ИТ-технологий в России сыграл опыт западных стран, а именно создание некоммерческих организаций, помогающим женщинам развиваться в качестве программистов. Однако наше исследование выявило, что их деятельность одобряют чуть более половины программисток (51%). Остальные респондентки не считают, что опыт западных стран способен изменить ситуацию гендерного дисбаланса и повлиять на развитие ИТ-отрасли в России. Сомнения женщин связаны с тем, что появление таких организаций способно спровоцировать негативное отношение к ним со стороны мужчин-программистов. Многие женщины считают, что для начала нужно побороть стереотипы почти гомогенного сообщества программистов, состоящего в основном из мужчин.

В заключении отметим, что сейчас в России намечается позитивная тенденция увеличения количества женщин-разработчиков, в связи с этим перед заинтересованными в развитии ИТ организациями (государство, ИТ-компании, научные сообщества и фонды) стоит непростая задача: не дать этой тенденции угаснуть. Талант не определяется полом, а вытеснение стереотипов и увеличение количества позитивных моделей для подражания способны облегчить путь талантливым женщинам к программированию. Феминизация сферы информационных технологий также может стать одним из решений проблемы дефицита специалистов среди разработчиков.

Список литературы:

1. Баскакова М. Е. Равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда. М. 1998. *Российский статистический ежегодник*. М., 1998.
2. Программа развития Организации Объединённых Наций (ПРООН) / *United Nations Development Programme (UNDP)*. – URL: <http://hdr.undp.org/en/composite/GII>
3. Тартаковская И. Н. Гендерная социология. — М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский Простор», 2005. — 368 с
4. Hartmann Н. *Capitalism, patriarchy and job segregation by sex* // Z.R.Eisenstein (ed.) *Capitalist Patriarchy and the case for socialist feminism*. New York: Monthly Review Press, 1979.
5. Примо Н. *Гендерные проблемы в информационном обществе*. Подг. Кузьминым Е.И., Фирсовым В.Р. Изд. РНБ, СПб, 2003.
6. Ушакова В.Г. *Гендерные исследования в контексте социологического образования*. – URL: http://soc.spbu.ru/obrazovanie/teaching/mag/soc/soc_gi/gend_1.pdf

ОСНОВЫ ПРОЦЕССА СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРИЕМНОЙ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И РЕСПУБЛИКЕ МОРДОВИЯ: ТЕХНОЛОГИИ, МЕТОДЫ, МЕТОДИКИ

Карасева А.С. (Саранск)

Проблема защиты прав и интересов детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, сегодня не только не утратила своей актуальности, но и приобрела особую остроту. В России существует феномен социального сиротства: 90% детей, попавших в трудную жизненную ситуацию - социальные сироты, т.е. дети-сироты при живых родителях. Возрожденной формой семейного воспитания детей, оставшихся без попечения родителей, является приемная (принимающая, замещающая) семья [1, 120].

В современной России актуальной становится задача профессиональной подготовки родителей, цель которой - осуществление комплексного сопровождения, в том числе психолого-педагогического, для адаптации и реабилитации членов замещающей семьи.

Следует отметить, что все большую популярность, на современном этапе трансформации системы подготовки профессиональных замещающих семей в регионах Российской Федерации, приобретает практика проведения эмпирических исследований, посвященных изучению эффективности жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающих семьях.

Следует отметить, что при воспитании приемных детей, родители нередко сталкиваются с целым рядом проблем и нуждаются в квалифицированной помощи специалистов социальных служб, в том числе, социальных работников, для диагностики и коррекции не только индивидуальных особенностей ребенка, но и внутрисемейных отношений, функционирования замещающей семьи в целом.

Опыт показывает, что проведение подготовительных занятий с потенциальными приемными родителями до того, как они возьмут к себе ребенка, и занятий-тренингов с уже состоявшимися приемными родителями положительно отражается на результатах: уменьшается число неудачных попыток образования приемной семьи, возникает меньше проблем в процессе адаптации ребенка в новой семье, в его развитии и воспитании.

К примеру, в Республике Мордовия формируется система подготовки потенциальных родителей к приему детей в замещающие семьи: создан банк данных граждан, желающих принять ребенка на воспитание в свою семью, проводятся научно-практические конференции. На базе детских домов и школ-интернатов планируется создание служб психолого-педагогической помощи семье и детям, Центра семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

В целях сокращения возврата детей из замещающих семей в детские дома и школы-интернаты организована работа по предварительной подготовке детей к жизни в семье граждан. Она включает в себя диагностику мотивации ребенка к жизни в семье, индивидуальные консультации, тренинги и практические занятия с детьми по привитию навыков самообслуживания и поведения в бытовых условиях семьи, проживание детей в условиях «гостевой семьи». Создаются муниципальные клубы приемных родителей [2, 580].

В 2012 году в связи с изменениями законодательства стала обязательной подготовка лиц, желающих принять ребенка в замещающую семью. Данная подготовка осуществляется по 72 часовой программе на базе Центра по устройству детей в замещающие семьи при ГКОУ РМ

«Рузаевский детский дом», а также, в Республике Мордовия, сформирована Школа приемных родителей на базе Мордовского республиканского института образования.

Пройденное обучение позволяет кандидатам в приемные родители, опекуны (попечители), усыновители получить навыки обращения и поведения с ребенком и преодоления проблем в нужном направлении, а так же овладеть многими аспектами правовых вопросов. В «Школе приемных родителей» прошли обучение 53 кандидата.

Специалисты Центра семейного устройства помогают кандидатам осознать свою готовность к принятию ребенка, познакомиться с особенностями воспитания приемного ребенка, узнать о влиянии генетических и социальных факторов на его развитие, разобраться в процедуре оформления документов. За время деятельности Центра поступило 82 обращения от граждан, 27 воспитанников ГКОУ «Рузаевский детский дом» переданы под опеку и в приемные семьи, 1 ребенок усыновлен, 5 детей вернулись в кровные семьи [4].

После передачи детей в семьи Центром ведется работа по их сопровождению. Разрабатывается индивидуальный план развития ребенка, ведется карта семьи. Посещение семей ведется в соответствии с графиком (4-5 семей в месяц). Осуществляется мониторинг успешности адаптации ребенка в приемной семье. В случае выявления проблем оказывается необходимая помощь специалистами Центра и, по мере необходимости, также привлекаются специалисты других ведомств системы профилактики. С целью сопровождения замещающих семей, проживающих на территории Республики Мордовия, работниками Центра разработана и наглядно оформлена карта республики, на которой указаны маршруты посещения приемных и опекунских семей

В рамках психолого-педагогического сопровождения специалисты служб выезжают к переданным в замещающие семьи воспитанникам с целью обследования жилищно-бытовых условий их проживания, определения уровня комфортности пребывания их в замещающей семье, проведения анализа внутрисемейных межличностных отношений, уровня компетентности приемных родителей в вопросах обучения и воспитания детей.

С целью оказания психолого-педагогической помощи замещающим семьям в воспитании и защите прав детей, находящихся в семье, и пропаганды семейных форм устройства разработаны и изготовлены методические пособия для приемных родителей «Сегодня гость – завтра член семьи», «Дети в приемной семье», памятка для родителей «Кризисы в принимающих семьях», памятка «Правила эффективного общения родителей с детьми. Полезные советы и заповеди для родителей», «Памятка для родителей», «Памятка для приемных родителей», памятка «Управление поведением ребенка», программа «Приемная семья», листовки «Обращение к родителю, лишенному родительских прав», визитка Центра по устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей на воспитание в семьи граждан. Изданы брошюры «Женщина призвана быть матерью», «В ожидании чуда...Советы для будущего папы», «О вреде курения беременной женщины» [3, 1104].

Также, следует привести следующие данные: за время работы Служб помощи семье и детям были посещены 270 приемных семей, 141 кандидату в замещающие родители оказана консультативная помощь правового и психолого-медико-педагогического характера, 6 воспитанников возвращены в семьи биологических родственников [4].

Таким образом, основы процесса сопровождения приемной семьи в современной России и Республике Мордовия, его технологии, методы, методики, организуемые на принципах системности, целенаправленности и непрерывности, способствует повышению психолого-педагогической компетентности родителей, отражает достижение психологического благополучия приемных детей в условиях проживания в некровной семье, их полноценное развитие, позволяет освоить социальные навыки, способствующие успешной социализации в самостоятельной жизни.

1 Карасева А. С. *Инновационные технологии социальной работы с приемными семьями* / А. С. Карасева // *Практики заботы в современном обществе : материалы Всероссийской научно-практической конференции*. - Саратов : «Саратовский источник», 2017. - С. 120-124.

2 Карасева А. С. *Практика применения инновационных технологий социальной работы с приемными семьями в Республике Мордовия* // *Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения : сборник научных трудов по материалам Всерос науч.-практ. конф. (с междунар. учас.), 16-17 декабря 2016 г.* – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2017. - С 579-583.

3 Карасева А. С. *Социальное сопровождение как инновационная технология социальной работы в практике с приемными семьями в Республике Мордовия* / А. С.

Карасева // *Научные достижения и открытия современной молодёжи : сборник статей победителей международной научно-практической конференции.* - Пенза : «Наука и просвещение», 2017. - С. 1103-1105.

4 Служба психолого-педагогической помощи семье и детям [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://detimordovii.ru/help4>

5 Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. - Режим доступа : <http://www.gks.ru/>.

ДИНАМИКА РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК СУПРУГОВ В 1978-2016 ГГ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОПРОСОВ СУПРУЖЕСКИХ ПАР).

Карпова В.М. (Москва)

Результаты многочисленных исследований в сфере демографии и социологии семьи подтверждают, что одним из ключевых факторов, влияющих на изменение рождаемости в долгосрочной перспективе являются репродуктивные установки населения. В связи с постепенным угасанием потребности в детях, развивающемся кризисе семьи как социального института, влияние изменений репродуктивных установок носило лишь негативный характер и приводило к снижению уровня рождаемости. Эта тенденция была отмечена задолго до памятного в демографическом сообществе «русского креста» 1993-1994 годов, когда показатели смертности впервые превысили показатели рождаемости и началась естественная убыль, вымирание населения России. На самом деле снижение репродуктивных установок и постепенное снижение рождаемости отмечалось еще в 60-70ые годы прошлого века [1] и кризис 90-ых годов лишь усугубил имевшуюся негативную тенденцию. Более того, уже в 60-ых годах прошлого века суммарный коэффициент рождаемости преодолел порог в 2,1, являющийся индикатором уровня простого воспроизводства и именно с тех пор была predeterminedлена будущая убыль населения [2].

Изменение репродуктивных установок, снижение посемейной ориентации являются не только главным фактором уменьшения рождаемости, но и могут быть в той же мере использованы для ее увеличения. Так на основе результатов применения имитационного моделирования для прогнозирования численности и структуры населения с учетом изменения репродуктивных установок было показано, что наибольшее изменение вероятности рождения ребенка происходит в зависимости от имеющегося числа детей и желаемого числа, которое было использовано в качестве индикатора репродуктивных установок [3].

Для построения семейно-демографической политики, направленной не только на увеличение степени реализации репродуктивных установок, но и на их повышение необходимо подробное изучение факторов и процесса формирования репродуктивных ориентаций среди населения. Данная тематика уже более 40 лет разрабатывается под руководством Антонова А.И. на базе кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В период с 1976 года по настоящее время было проведено более 20 исследований, посвященных, в том числе, изучению репродуктивных установок респондентов и факторов, оказывающих влияние на их формирование. Измерение репродуктивных установок в этих исследованиях включало в себя два блока вопросов. Первый, традиционный блок, состоял из трех вопросов: об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей. Во втором блоке для оценки отношения респондентов к семье с различным числом детей использовалась методика семантического дифференциала [4], которая позволяет провести изучение семантического поля респондентов и оценить степень близости различных понятий. Для оценки каждого из понятий используются шкалы антонимов, никак не связанные по своему смыслу с вопросами семьи, брака и рождения детей (например, пары «теплое-холодное», «активное-пассивное», «быстрое-медленное» и др.), но позволяющие оценить расстояние между различными понятиями в семантическом поле респондента. Данная методика носит проективный характер и позволяет в наибольшей степени избежать «социально желаемых» ответов респондентов. Использование одних и тех же шкал семантического дифференциала в разные годы проведения исследования позволило не только сделать точечные замеры, но и провести анализ изменения представлений о семье и репродуктивных установок респондентов.

Подробное сравнение репродуктивных установок респондентов проводилось в коллективных монографиях, выпущенных на основе анализа данных исследований последних лет [5, 6]. В данной работе предложены результаты сравнения ответов супругов, которые были получены в рамках одновременного опроса пар. Для сравнения были использованы ответы мужей

и жен не старше 40 лет, состоящих в браке и имеющих 2 и более детей. С одной стороны, такие критерии отбора были заданы необходимостью сравнения достаточно однородных по своим социо-демографическим характеристикам групп респондентов, с другой стороны именно достаточно молодые супруги уже имеющие двоих детей являются наиболее важным потенциалом для повышения суммарного коэффициента рождаемости за пределы уровня

простого воспроизводства, так как оно может быть достигнуто только за счет рождения третьих детей и более старших по очередности рождения. Также именно рождение третьего ребенка означает границу перехода от норм малодетного образа жизни с 1-2 детьми к среднететному и, возможно, в дальнейшем в многодетному.

Сравнение сематических полей респондентов проводилось отдельно для мужей и жен, так как некоторые изменения различались в зависимости от пола респондента. В данном исследовании были проанализированы три понятия, включенные в анкеты 1978 и 2016 годов и оцененные по сопоставимым шкалам: однодетная семья, двухдетная семья, трехдетная семья и дети (без уточнений).

Сравнение репродуктивных установок, измеренных с использованием традиционных вопросов об идеальном, желаемом и ожидаемом числе детей показало, что в целом установки супругов уже имеющих двоих детей не претерпели статистически значимых изменений за последние 30 лет. Единственным значимым отличием был рост показателя ожидаемого числа детей среди жен с уровня 2,1 в 1978 до 2,3 в 2016. Учитывая, что оценка статистической значимости проводилась с учетом ковариат среднего возраста пары, длительности брака и числа имеющихся детей можно говорить, что этот рост является следствием изменения самих установок и готовности реализовывать их более полно, а не структурным артефактом.

По результатам семантического анализа было выявлено, что наиболее далекими для обоих супругов являются пары понятий: «однодетная семья – двухдетная семья», «однодетная семья – трехдетная семья» и «однодетная семья – дети». То есть, однодетный образ жизни отчетливо противопоставлен не только многодетности, но и в целом понятию дети, начиная с двух детей. Для оценки статистической значимости динамики величин семантического дифференциала для каждой из анализируемых пар был использован однофакторный дисперсионный анализ, в котором сравнение средних значений проводилось с учетом ковариат: среднего возраста пары, продолжительности брака и имеющегося числа детей. Его результаты показали, что как для мужей, так и для жен отмечается статистически значимое уменьшение расстояния между понятиями «трехдетная семья – дети», а для жен произошло также сближение понятий трехдетной и двухдетной семьи. Такой результат говорит о близости понятий двух и трех детей в парах уже имеющих двоих детей. Это, в свою очередь, позволяет в вопросах стимулирования и поддержки решения о рождении третьего ребенка опираться на тот факт, что рождение третьего ребенка не воспринимается респондентами как что-то нереальное и никак не соответствующее их образу жизни, наоборот, это нечто близкое по внутреннему ощущению уже имеющемуся двухдетному образу жизни.

В целом результаты сравнения репродуктивных установок в 1978 и 2016 году среди супружеских пар носят позитивный характер: за прошедший период произошло сближение понятий «дети» и «3 ребенка», а также среди жен выросла потенциальная готовность более полно реализовывать представления о желаемом числе детей, что нашло отражение в росте ожидаемого числа детей. Одной из причин изменения отношения к трехдетному образу жизни в сторону большего принятия и большей ассоциации его с понятием «дети» может являться активная семейно-демографическая политика, которая в первую очередь дает понять населению, что для государства важен и ценен выбор многодетного образа жизни и рождение трех и более детей. Пока эти изменения можно проследить в постепенном изменении семантического поля и заявляемых репродуктивных установок, но постепенно изменение ценностных ориентаций может привести к изменению поведения и росту числа рождений.

1. Антонов А.И., Медков В.М., Архангельский В.Н. Демографические процессы в России 21 века, М.: ИД «Грааль», 2002
2. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976
3. Мониторинг демографической ситуации в Российской Федерации и тенденций ее изменения: Ежегодный доклад «Демографическая ситуация в РФ» / науч. ред. А.И. Антонов. – М.: КДУ, 2008
4. Антонов А.И., Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): Учебн. пособие для вузов. — М.: Издательский Дом «Nota Bene», 1998

5. *Семья, дети жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России. Коллективная монография. Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы Москва. 2015*

6. *Семьецентризм: миф или реальность? / под.ред. А.И. Антонова, М.: Макс Пресс. 2016*

РОЛЬ СЕМЬИ В ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ ЛИЦАМ, ОСВОБОДИВШИМСЯ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Касаркина Е.Н. (Саранск)

Никакая семья, даже самая материально обеспеченная и социально благополучная, не может быть застрахована от того, что ее сын, дочь, мать, отец, не совершит проступок или преступление. Семья может явиться как фактором, положительно влияющим на успешную ресоциализацию бывшего осужденного, так и фактором социализационной деформации и повторной криминализации личности.

Семью освобожденного из мест лишения свободы, следует характеризовать как попавшую в трудную жизненную ситуацию. В таких семьях длительное время объективно нарушается жизнедеятельность ее членов, снижается эффективность реализации важнейших семейных функций и адаптивный потенциал, требуются значительные психологические и материальные ресурсы для решения ряда проблем.

Существует мнение, что социальный институт семьи берет на себя основное бремя ответственности за бывшего осужденного, выполняя функцию по его ресоциализации, которая во многом зависит от потенциала семьи осужденного: социального положения ее членов, образа жизни, материального благосостояния. Социальное неблагополучие в семьях осужденных влияет на функционирование современного российского общества, нарушая процесс трансляции базовых социальных ценностей, снижая эффективность ресоциализации бывших преступников [1, с. 3].

В современных условиях успешность восстановления и исправления человека, вернувшегося из мест лишения свободы зависит прежде всего от него самого и семьи. Это обусловлено тем, что освобожденные из мест лишения свободы, имеют ограниченные возможности социализации и адаптации к свободной жизни, вследствие совокупности негативных социально-экономических, демографических, идеологических, социально-психологических, политических, организационно-управленческих явлений.

Анкетный опрос семейных лиц, освободившихся из мест лишения свободы в г. Саранске показал, что многочисленные проблемы, с которыми они сталкиваются предполагают многообразие субъектов помощи, но для 87,4 % самым значимым субъектом помощи, помимо самопомощи, оказывается семья (рисунок 1 и рисунок 2).

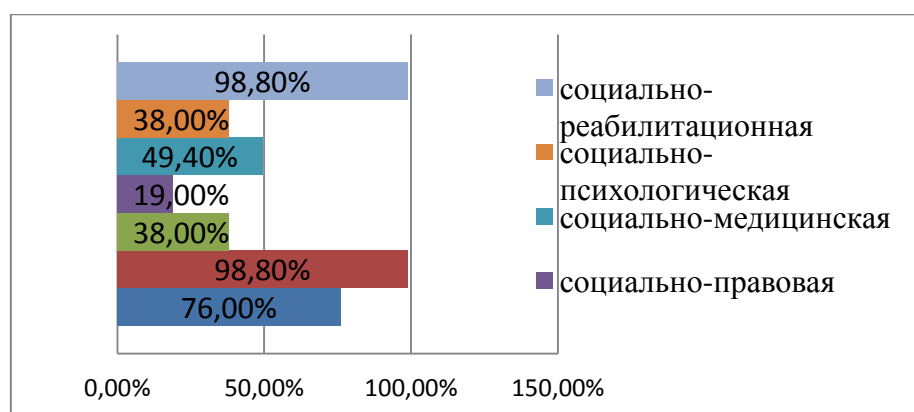


Рисунок 1 - Виды помощи оказываемые семьей лицам, освобожденным из мест лишения свободы (по мнению респондентов)

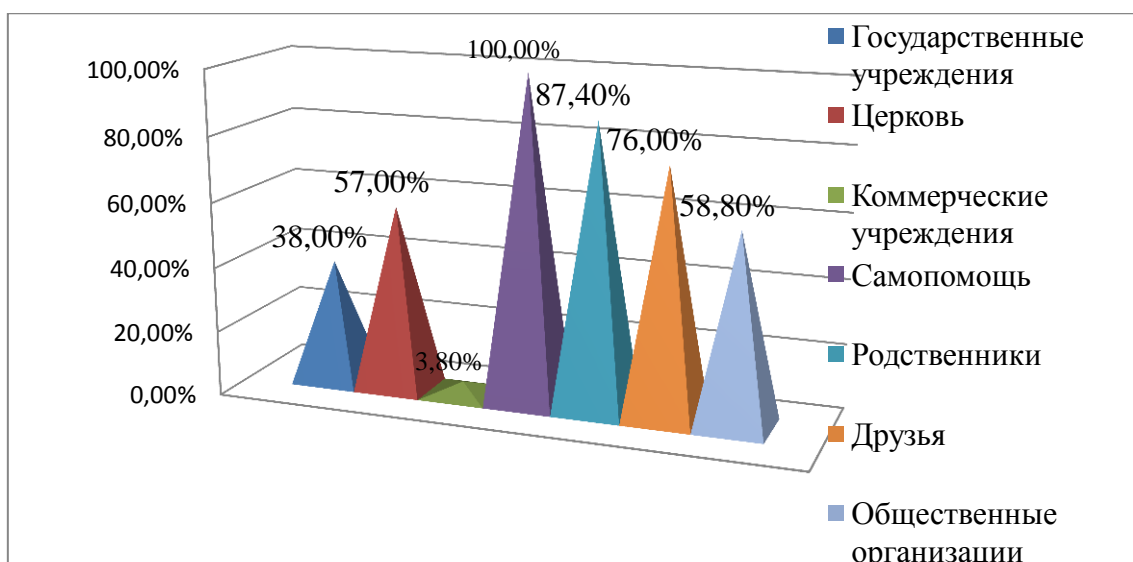


Рисунок 2 - Распределение мнений респондентов относительно значимости по оказанию помощи различных субъектов, после освобождения из мест лишения свободы

Проведенное исследование позволило отметить, что отмечается прямая взаимосвязь между позицией семьи, ее желанием помочь своему родственнику и возможностями человека решить свои проблемы после освобождения.

бывшие осужденные отмечающие крепкие семейные связи и семейную помощь (38 % респондентов). Это люди с сильными адаптивными способностями, характеризующиеся высокой степенью информированности о событиях, происходящих на свободе, охотно поддерживающих связь с обществом, родными и близкими. Они нацелены на возвращение к социально одобряемому поведению. У них ярко выражено желание работать и обеспечивать семью. Для таких людей большое значение имеют дети, а в случае если детей нет, то в ближайшем будущем они планируют их завести. Бывшие осужденные этой категории не намерены возвращаться к прежнему, преступному и антисоциальному образу жизни. Для них важно, что семья их простила, приняла и верит в то, что человек может исправиться. Они объективно оценивают свои шансы и перспективы на успешность процесса социальной адаптации к жизни на свободе, характеризуя свое состояние как «полностью готовы»;

бывшие осужденные отмечающие связь с семьей, но затрудняющиеся назвать свои семейные отношения крепкими (45,4 % респондентов). Это люди со средними адаптивными способностями считающих, что успех социальной адаптации к жизни на свободе будет зависеть от стечения обстоятельств. У лиц данной категории, как правило, есть желание работать, сохранить семью, но многие не уверены в своих возможностях и силах. Эти люди отмечают двойственное отношение семьи к совершенному ими преступлению, также отмечают сомнения некоторых членов семьи в то, что они могут исправиться. Такие люди стремятся к социально одобряемым формам поведения, но сомневаются в своих шансах, возможностях, силах и перспективах на успешность процесса социальной адаптации к жизни на свободе, характеризуя свое состояние как «возможно готовы».

бывшие осужденные лишённые семейной помощи и поддержки (16,4 % респондентов). Данная категория осужденных не поддерживает отношения с семьей и родственниками. Многие отмечают проблемные отношения в семье до осуждения. Представители этой группы характеризуются низкой степенью информированности о событиях, происходящих на свободе, нежеланием поддерживать контакты с родственниками. У многих отсутствует стремление создать семью, вступить в брак, родить и воспитывать детей. Как правило, у этих осужденных отсутствует жилье, у них нет желания найти работу, либо нет возможности трудоустроиться. Как правило, они имеют несколько судимостей и не желают принимать социальные нормы поведения. Таких людей не заботит будущее одобряемое обществом. Обратимся к таблице 1.

Таблица 1 - Стратегия семьи по отношению к члену семьи, освободившемуся из мест лишения свободы (характеристики и результаты исследования).

Стратегия семьи по отношению к	Основания стратегии	Респонд
--------------------------------	---------------------	---------

члену освободившемуся из мест лишения свободы		енты, %
<i>Стабильная связь</i> - обладает значительным ресоциализационным потенциалом и характеризуется принятием и постоянным взаимодействием с членом семьи, освобожденным из мест лишения свободы	Положительные отношения до осуждения члена семьи. Низкая степень тяжести преступления. Принятие (прощение) преступления совершенного членом семьи. Вера семьи в то, что человек может исправиться. Регулярные свидания с осужденным в местах лишения свободы, переписка, отправление денежных переводов, телефонные разговоры, посылки, передачи и бандероли. Принятие в семью.	38
<i>Эпизодическая связь</i> - характеризуется менее плотным взаимодействием с бывшим осужденным, снижением частоты контактов и органиченным объемом помощи и поддержки.	Проблемные отношения до осуждения члена семьи. Двойственное отношение к преступлению члена семьи. Средняя степень тяжести преступления. Сомнения относительно возможности исправления осужденного. Ограниченность свиданий с осужденным в местах лишения свободы, переписки и передач.	45,6
<i>Дистанцирование</i> - фиксирует прерывание всяких связей бывшего осужденного с членами семьи (сразу или в течение некоторого времени).	Конфликты и ссоры до совершения членом семьи преступления. Высокая степень тяжести преступления и негативное отношение к нему членом семьи (умышленно или по неосторожности). Наличие конфликтов в семье из-за неприемлемого поведения; количество судимостей с отбыванием наказания в исправительном учреждении.	16,4

Подавляющее число освобожденных из мест лишения свободы лиц стремится вернуться к родителям, женам, мужьям, детям. Преимущественно альтруистические установки определяют семью как уникальный субъект помощи лицам, отбывшими наказание, аналогов которому просто нет. От того, как встретят и примут родные и близкие, как сложатся взаимоотношения, во многом зависит их дальнейшая судьба - включение в общество, трудоустройство, установления полезных социальных связей, укрепления нравственных ценностей, выбор здорового социального поведения. Утрата связей с семьей, родственниками затрудняет процесс адаптации, приводит к потере смысла жизни и социального восстановления, нередко служит одной из причин совершения повторных преступлений. Семейная помощь наиболее ожидаема, адресна, инстинктивна, естественна, своевременна, разнообразна, соответствует основным потребностям и интересам, основана на родстве, универсальна, динамична. Зачастую именно семья является для бывших осужденных единственным источником помощи, а если такого источника нет человеку просто некуда пойти. Освобождение из колонии при отсутствии поддержки со стороны родных и близких вызывает у человека сильнейший стресс, в результате которого развивается озлобленность, замкнутость, безразличие, что в условиях кризиса может вызвать нервное перенапряжение, срыв, совершение новых правонарушений, привести человека к бродяжничеству.

Среди условий, при которых семья наполняется для лиц, освободившихся из мест лишения свободы положительным содержанием можно выделить: удовлетворенность браком и семейными отношениями; семейная помощь и поддержка; доброжелательное сожительство разных поколений; сохранение родственных связей; социально одобряемый образ жизни семьи и ее членов; положительные отношения в семье до осуждения ее члена; прощение (принятие) преступления совершенного членом семьи; вера семьи в то, что человек может исправиться.

Среди условий, которые ведут к прерыванию всяких связей бывшего осужденного с членами семьи следует выделить: проблемные отношения в семье до осуждения ее члена; неудовлетворенность браком и семейными отношениями; двойственное (негативное) отношение к преступлению совершенному членом семьи; сомнения семьи относительно возможности исправления осужденного члена; высокая степень тяжести преступления совершенного членом семьи; наличие конфликтов в семье из-за неприемлемого поведения освобожденного члена; отсутствие семейной взаимопомощи и поддержки; конфронтация разных поколений и др.

В заключении необходимо отметить, что причины и последствия нахождения в местах лишения свободы весьма негативны не только для преступившей закон личности, но и для семьи, общества при отсутствии достаточных механизмов их решения в современной политике российского государства. В современных условиях слабой проработанности и не скоординированности системы помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы их судьба зависит от того, как встретят и примут их родные и близкие. А кто поможет семье? Семья человека, отбывшего наказание, выступает значимым субъектом помощи и от нее в большей

степени зависит эффективность ресоциализации бывших преступников, но она сталкивается со значительными трудностями в экономическом, социальном и психологическом плане. В социальной поддержке нуждаются не только бывшие преступники, но и их семьи, в результате возникает необходимость в совершенствовании механизма взаимодействия государственных и общественных структур с членами семей осужденных, с целью повышения их адаптационного, реабилитационного и ресоциализационного потенциала.

1. Финаева А. Г. Ресоциализационный потенциал семьи осужденного : автореф. дис. ...канд. социол. наук / А. Г. Финаева; Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. Саратов, 2012. - 20 с.

ГЕНДЕРНЫЙ РЕСУРС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ И УПРАВЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ И ХАРАКТЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Кашина М.А. (Санкт-Петербург)

Как правило, когда речь идет о гендерном ресурсе государственной политики и управления, имеется в виду ресурс, связанный с женщинами, с их более широким включением в общественно-политические процессы. Мужской ресурс развития и решения социальных проблем, в отечественной литературе практически не обсуждается. На самом деле понятие «гендер» связывает женщин и мужчин воедино через их взаимоопределение, противопоставление и дифференциацию, основанную на биологических различиях. Тем самым говорить о гендерном ресурсе, имея в виду лишь потенциал женщин, по меньшей мере некорректно. Причины отсутствия в научном анализе потенциала мужчин как группы очевидны. Мужской ресурс отождествляется с ресурсом общества в целом, поскольку «мужчина и есть человек». При активизации ресурсов общества с необходимостью, практически автоматически, задействуются мужские ресурсы, в то время как женщины должны выступать объектом специальной государственной политики поддержки. Вызвано это тем, что женщины долгое время, как минимум до сер. XX в., были в массе своей исключены из публичной сферы, прежде всего политической. Поэтому, обсуждая характер использования гендерного ресурса государственной политики и управления, важно точно определить, что под ним понимается – возможности женщин, мужчин, тех и других вместе, или что-то еще. С нашей точки зрения, верно последнее, потому что, рассматривая ресурсы женщин и мужчин как отдельных групп, мы теряем специфику гендерного подхода, оставаясь в рамках социально-демографического. Гендерный ресурс вытекает из факта взаимодействия женщин и мужчин и может использоваться путем управления этим взаимодействием. Рабочее определение будет звучать следующим образом: гендерный ресурс – это возможность использовать в государственной политике и управлении способность населения: (а) к репродукции и воспроизводству человеческих ресурсов (демографическая компонента) и (б) к общественно-политической и экономической активности, которая институализируется гендерной системой, гендерными нормами и ролями (социо-культурная компонента).

При этом можно либо интенсифицировать использование гендерного ресурса путем модернизации гендерных отношений и расширения жизненных шансов женщин и мужчин, либо использовать его экстенсивно, консервируя гендерные роли, статусы и образцы взаимодействия женщин и мужчин.

Далеко не всегда государство будет стремиться к модернизации гендерных отношений, поскольку она влечет за собой изменение многих социальных институтов, в первую очередь – института семьи. Риски и издержки, связанные с этой модернизацией, могут показаться неоправданно высокими, особенно в условиях демографического кризиса. Так произошло, например, в России. Если в ходе индустриализации, урбанизации и строительства социалистической экономики модернизация гендерных отношений, связанная прежде всего с активизацией женщин трудовой сфере и переходом к двухкарьерной семье с двумя работающими родителями, была советскому государству (в условиях недостатка трудовых ресурсов) абсолютно необходима, то после реформ 1990-х и развития кризисных процессов в экономике роль женской рабочей силы несколько снизилась. Российское государство по объективным причинам не может полностью «отыграть назад» к гендерному контракту «кормильца-домохозяйки», все-таки женщины в России составляют 49 % рабочей силы [1, С. 95], но в условиях демографического кризиса стала акцентироваться роль женщины-матери и традиционные семейные ценности. Учитывая, что при этом политика совмещения семейных и профессиональных ролей, особенно в

коммерческих организациях, практически не проводится, конфликт ролей работающих женщин стал усугубляться.

Другими словами, политика поддержки женщин как работниц трансформировалась в политику поддержки женщин как матерей, которая предусматривает материальную поддержку семей с детьми, но не предполагает активизацию женщин в публичной сфере. Женщины остаются важнейшим трудовым ресурсом, особенно в феминизированных отраслях народного хозяйства, но их продвижение «наверх» не поддерживается на символическом уровне.

Ситуацию могло бы переломить сильное женское движение, ориентированное на политические цели, например, создание парламентских фракций, групп давления, победу женщин на выборах в органы власти различных уровней и т.п., но в нашей стране такого движения практически нет. Женские организации сконцентрированы в сфере оказания социальных услуг семье и детям, поддержки здоровья женщин, работы с пожилыми и одинокими, культурно-досуговой деятельности и т.п. Они решают повседневные проблемы женщин, не претендуя на политические роли. Активные женщины входят в политику через уже существующие политические партии и движения. Наиболее яркий пример – партия «Единая Россия». Практически весь прирост женщин-депутатов в Государственной Думе РФ пришелся на женщин-членов этой партии. Аналогичная ситуация и в региональных парламентах. Тем самым женская политическая активность оформляется на ценностной платформе партий, которые выступают не за модернизацию, а, скорее, за консервацию гендерных отношений, за сохранение традиционных семейных ценностей и традиционных гендерных ролей.

Партия «Яблоко», председателем которой с декабря 2015 г. является Эмилия Слабунова – депутат Законодательного Собрания Республики Карелия – единственная из всех российских политических партий специально поднимает вопросы гендерного равенства и продвижения женщин в политику, но ее успехи в избирательных кампаниях сравнительно невелики. В Государственной Думе 7 созыва ее представителей нет, однако в Законодательном собрании Санкт-Петербурга из 50 депутатов 2 «яблочника» [2]. К слову, в Администрации города до сих пор сохранились некоторые элементы Национального механизма улучшения положения женщин регионального уровня, деконструкция которого на федеральном уровне началась еще в 2006 г., совпав по времени с началом проведения государством активной демографической политики.

В результате образуется противоречие – интенсификация использования гендерного ресурса требует модернизации гендерных отношений, но проводимый в стране политический курс предполагает их консервацию. Решается это противоречие путем выхолащивания государственной политики поддержки женщин, которая ставя во главу угла роли женщин в приватной сфере, ограничивает возможности их выхода в сферу публичную. Мужчины в этой ситуации оказываются в двойственном положении. С одной стороны, их власть и главенствующая позиция в семье в рамках поддержки традиционных семейных ценностей сомнению не подвергаются, но, с другой стороны, женщины, ограничивая свою деятельность приватной сферой, снижают свою экономическую активность, что негативно сказывается на семейном бюджете, в результате уровень жизни семьи падает.

Нельзя забывать и о том, что в составе российских семей высока доля семей матерей-одиночек, семей вдов и разведенных, для которых реализация традиционной модели семьи попросту невозможна. Государство, перестав поддерживать контракт «работающей матери», не компенсирует этим семьям отсутствие мужчин-кормильцев, что с необходимостью ограничивает жизненные шансы этих женщин.

Подводя итоги, можно сказать, что отставание России от передовых стран в деле использования гендерного ресурса, в том числе продвижения женщин в мужские сферы занятости, вызвано ее отказом от политики модернизации гендерных отношений, без которой любые действия по улучшению положения женщин в стране останутся на уровне удовлетворения повседневных потребностей женщин. Не отрицая важности этих мер, следует понимать, что они не затрагивают сложившуюся конфигурацию отношений гендерных групп в России. И поэтому, несмотря на то, что Валентина Терешкова была первой в мире женщиной, совершившей космический полет, к 2017 г. в составе американских астронавтов женщин 14% (46 человек), а среди российских космонавтов – 3% (4 из 121) [3].

1. *Россия в цифрах. 2017: Крам.стат.сб./Росстат- М., 2017. 511 с.*

2. *Сайт Законодательного собрания Санкт-Петербурга. Электронный ресурс. Доступ: URL: http://www.assembly.spb.ru/authors/show_fractions. Дата обращения 21.09.2017.*

ИЗМЕНЕНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЖЕНЩИН НА РЫНКЕ ТРУДА

Кеммет Е.В. (Екатеринбург)

Аннотация

В статье рассматриваются основные черты гендерного порядка в сфере занятости. Выделяются основные формы дискриминации женщин в сфере труда и занятости, а также фиксируются тенденции изменения в положении женщин на рынке труда за последние десятилетия.

Для устойчивого развития в контексте новой социальной реальности решающее значение отводится гендерному равенству, расширению прав и возможностей всех женщин. Эта цель вошла в Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятую мировыми лидерами в сентябре 2015 года на саммите ООН [11]. На протяжении последних десятилетий резко возросла ориентация женщин на участие в профессиональной занятости. По данным государственной статистики, удельный вес женщин в общей численности занятых по видам экономической деятельности за последние 15 лет увеличился [13, с.111]. Повсеместный рост доли домохозяйств, возглавляемых женщинами, приводит к тому, что все больше женщин вынуждены постоянно работать, чтобы заработать на жизнь. По данным Европейского Союза, еще в начале 21 века доля работающих женщин увеличилась на 5%, что составляет около 56% от общего числа трудоспособных женщин. Эта тенденция особенно отмечается в странах с низким уровнем занятости среди женщин [5].

При этом, в сотне стран, охватывающих 87 % глобальной занятости, сохраняется гендерный разрыв, когда более одной трети работающих женщин (34,2 %) и только менее четверти (23,4 %) занятых мужчин работают неполный рабочий день, неделю (менее 35 часов в неделю) [1]. Как указано в рамках Конвенции о равном вознаграждении, мужчин и женщин за труд равной ценности, принятой в июне 1951 года на сессии Генеральной конференции Международной Организации Труда, принцип равной оплаты за равноценный труд для женщин и мужчин следует применять в рамках национальных законов и нормативных актов. Понятие "равноценный труд" крайне важно в устранении гендерной дискриминации в оплате труда, в частности в тех случаях, когда женщины и мужчины выполняют различную работу, которая, тем не менее, не эквивалента в стоимости (значении) [10].

Это особенно важно при рассмотрении разницы в оплате труда вследствие секторальной и профессиональной сегрегации. Ряд стран уже включили принцип равной оплаты за равноценный труд в законы. В многонациональном государстве Боливия и Эквадор, равная оплата за равноценный труд закреплена в конституциях этих стран. В Того (Западная Африка) и Уганда (Восточная Африка), работодатели обязаны по закону обеспечить равное вознаграждение за труд равной ценности или же деятельности для всех работников [2]. Существуют различные меры для обеспечения соблюдения этого принципа на практике, например, с помощью инспекции труда. Так, в Бельгии, Чехии, Сальвадоре, Кении, Марокко и Испании, инспекторы определяют, является ли выплачиваемое вознаграждение за труд равноценным для мужчин и женщин.

Анализ российской государственной политики в отношении занятости женщин советского периода, позволяет сделать вывод о том, что власть всегда детально регулировала эту сферу, принимая соответствующие нормативные акты по отношению к работницам и матерям. Решение так называемого «женского вопроса» в начале прошлого века привело к тому, что женщин позиционировали как репродуктивно-биологический ресурс и «отсталый элемент» по уровню грамотности [8, с.304].

Российский социолог И. Кон отмечает существование жестких рамок государственного регулирования отношений между полами, которые определялись советским гендерным порядком, задающим возможности и барьеры действий людей [9]. Существование гендерного неравенства не воспринималась как проблема не только работниками и руководителями на предприятиях, но также институтами, которые призваны защищать принципы равноправия. Между тем сохранялись и хорошо известны ключевые формы дискриминации женщин в сфере труда и занятости: более низкий в сравнении с мужчинами уровень заработной платы, неравный доступ к получению престижных профессий и должностей, дискриминация при найме на работу.

Изменилось ли положение женщин в сфере труда в постсоветский период, за последние два-три десятилетия? По замерам исследователей Груздовой Е.Б. и Чертихиной Э.С., в 1980 г. уровень безработицы среди женщин был равен нулю [7]. Предполагается, что такое положение существовало потому, что в эти годы действовал принцип всеобщего труда, мужчины и женщины обязаны были работать на равных, чтобы прокормить семью. Сегодня ситуация практически не изменилась, чтобы прокормить семью вынуждены работать оба родителя. Наряду с этим, к началу 21 века безработица среди женщин возросла до 10,4 % от всего трудоспособного населения. К 2014 году ситуация изменилась в сторону уменьшения уровня безработных женщин до 4,8 %, а в 2015 г. до 5,3 %. Женщинам, особенно молодым и без опыта работы, до сих пор сложно найти работу на равных условиях с мужчинами. Сегодня уровень безработицы среди мужчин (2015 г. – 5,8 %) [13, с.119] практически на одном уровне с женщинами. При этом мужчины по данным государственной статистики ищут работу дольше, чем женщины, причинами тому может быть тот факт, что женщины соглашаются на менее оплачиваемую работу.

Сохраняется устойчивая отраслевая сегрегация женщин в сфере занятости. По данным российской статистики, в 2016 году удельный вес численности женщин занятых в экономике приходится в основном на такие отрасли как оптовая и розничная торговля (61,2 %), гостиницы и рестораны (75,7 %), здравоохранение и предоставление услуг (79,2 %), образование (82,1 %) и в меньшей мере на строительство (14,0 %), производство электроэнергии, газа и воды (26,6 %) и другие отрасли индустрии [13, с.113]. По данным исследования уральских социологов, при сохранении отраслевой сегрегации, среди занятых женщин почти половину (47 %) составляют специалисты высшего и среднего уровней квалификации, в то время как среди занятых мужчин таковых только четверть (25 %). Среди женщин-специалистов высшего уровня квалификации лишь 3 % в сфере STEM-направлений занятости, среди мужчин – 7 %. Исследователи оценивают эту тенденцию как сохранение «стеклянных стен» в профессиональной карьере женщин [4].

Женщинам в связи с низкой оплатой труда в современных условиях выгоднее трудиться на предприятиях государственной и муниципальной собственности (занятых в этой сфере около 24 млн россиян, или 38 % от всех занятых в экономике) [3]. Главный мотив такого выбора женщин – более высокий уровень социальной защищенности, больше гарантий соблюдения законодательных и административных норм (хотя оплата ниже, чем в частном секторе экономики).

Гендерно-возрастной состав бедного населения на протяжении последнего десятилетия, в соответствии с данными Росстата, претерпел незначительные изменения. Кроме того, в структуре бедного населения вплоть до 2016 г. стабильной остается доля женщин в возрасте от 31 до 54 лет (на уровне 20 %), при этом доля мужчин этого возраста уменьшается. Доля женщин в возрасте 50 лет и более (8,5 %) в несколько раз превосходит долю аналогичной группы мужчин (3,5 %), по причине существующей гендерной асимметрии в составе российского населения старших возрастов [12].

Данные исследований Европейской комиссии свидетельствуют, что за 25 лет разница между заработной платой мужчин и женщин сократилась лишь на 2 %, следовательно, труд мужчин и женщин будет одинаково оплачиваться через 187 лет [6].

Можно сделать вывод, что на протяжении последних десятилетий резко возросла ориентация женщин на участие в профессиональной занятости. В современном мире и в России начинает складываться новый мировой гендерный порядок, который трансформирует роль женщины, но барьеры, с которыми женщинам приходится сталкиваться в сфере труда, сохраняются.

1. *Women at Work. Trends 2016 // International Labour Office. Geneva. – Режим доступа: http://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_457267/lang-en/index.htm*
2. *World Health Statistics: стат. сб. Женева: Всемирная организация здравоохранения. 2013. – 327 с. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/development/surveys/docs/healthstats2012.pdf>*
3. *Абдулаева З.З. Социально-экономические проблемы занятости женщин на рынке труда // Вопросы структуризации экономики. – 2012. – №3. – С. 38 – 43*
4. *Воспроизводство инженерных кадров: вызовы нового времени / под общ.ред. Л. Н. Банниковой. – Екатеринбург :Изд во Урал. ун-та, 2015. – 364 с.*
5. *Гендерные проблемы занятости в странах Европейского союза // Труд за рубежом. – 2002. – №4. – С.110-115*

6. Гендерные различия в оплате труда: региональный аспект / Н. В. Боровских, Е. М. Авласович // Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. – 2015. – Вып. 5 (45). – С. 136-142
7. Груздева Е. Б., Чертихина Э. С. Труд и быт советских женщин. – 1983. – 222 с. – Режим доступа: <http://www.a-z.ru/women/texts/chertihinar-1.htm>
8. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – Том 1, – №3/4. – С. 299-321
9. Кон И. С. Клубничка на берёзке. Сексуальная культура в России. – М.: ОГИ, – 1997. – 464 с.
10. Конвенции о равном вознаграждении, мужчин и женщин за труд равной ценности. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/remuner.shtml
11. Повестка дня в области устойчивого развития. 2016. – Режим доступа: <http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/>
12. Распределение численности малоимущего населения по возрастно-половым группам // Федеральная служба государственной статистики. 2017. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#
13. Российский статистический ежегодник. 2016: Стат.сб./Росстат. – Р76 М., 2016. – 725 с.

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ В РОССИИ: СПЕЦИФИКА АДАПТАЦИИ В ПОЛИЭТНИЧНОМ СОЦИУМЕ

Кикоть А.С. (Москва)

Аннотация: Молодая семья характеризуется рискогенной природой с позиций сохранения устойчивости и перспектив дальнейшего развития, особенно в неблагоприятных условиях российской реальности, в которой молодым семьям приходится сталкиваться с рядом проблем экономического, психологического, социокультурного порядка. В условиях полиэтничных регионов адаптация молодых семей сопровождается дополнительными сложностями, и особенно это актуально для межэтнических семей, в которых супруги принадлежат к разным этническим группам. Адаптация такой молодой семьи предполагает необходимость эффективной интеграции в этнокультурную среду региона, обладающего своими традициями межэтнического общения и организации социальной жизни.

В современной российской реальности молодая семья находится в зоне повышенного риска, о чем свидетельствует высокий уровень семейных разводов в первые годы семейной жизни [3]. Именно в начальный период семейной жизни молодая семья сталкивается с трудностями адаптационного характера, связанными, как с социально-экономическими проблемами, так и трудностями внутрисемейной адаптации супругов друг к другу, определяющими риски социокультурной и психологической адаптации молодой семьи. Совершенно очевидно, что первый кластер проблем (социально-экономический) связан с объективными факторами развития общества, спецификой экономической, молодежной, семейной политики, в то время как второй – с субъективными особенностями супругов, жизненные миры которых объединились в результате образования семьи, а это порождает проблемы супружеской адаптации, поскольку именно на пересечении этих миров и возникают противоречия и конфликты, связанные с недопониманием друг друга, нежеланием идти на взаимные уступки, согласовывать поступки и действия.

Другими словами, адаптация молодой семьи происходит под влиянием внешних и внутренних факторов, в совокупности определяющих адаптационный фон и характер проблем, с которыми удастся справиться далеко не всем супружеским парам в начале общего жизненного пути. А круг проблем, с которыми сталкивается молодая семья в России, достаточно серьезен и многоаспектен. Это и жилищная проблема, стоящая перед многими молодыми семьями, не имеющими возможности приобрести собственное жилье и реализовать, ввиду этого, свои репродуктивные потребности. Эта проблема самым непосредственным образом пересекается с материальной проблемой, которая связана со сложностями трудоустройства и достойной оплатой труда в России.

Следующий блок проблем связан, как мы уже писали, с микросоциальным миром семьи, в котором в самом начале, в первые годы семейной жизни происходит формирование целого комплекса семейных отношений, как супружеских, родительских (в случае рождения ребенка), так и родственных, вызванных необходимостью налаживания межсемейных связей, образовавшихся ввиду создания молодой семьи. Зачастую отношения в молодой семье омрачаются именно неудачно сложившимися межсемейными отношениями и связями (с родителями и другими

родственниками мужа или жены). Но чаще всего проблемы возникают именно в поле внутрисемейных отношений, детерминированных особенностями ценностных, мировоззренческих и поведенческих ориентаций супругов, едва приступивших к освоению новых для них ролей (супругов, родителей) [4].

Анализируя блок указанных проблем, становится совершенно ясно, что в обществе для эффективной адаптации молодой семьи необходимо создать устойчивую институциональную площадку в виде стабильной экономической основы функционирования общества, адекватной потребностям и проблемам молодой семьи семейную и молодежную политику, а также социализационной системы, в рамках которой у молодежи формировались бы устойчивые семейные ценности и нормы, составляющие основу семейной культуры, которая, судя по характеру функционирования молодой семьи в России, у молодежи отсутствует.

Такая ситуация, связанная с совокупностью описанных проблем адаптационного характера, порождает ситуацию высокого риска распада молодых семей в современной России. Одним из самых негативных проявлений высокого уровня разводов в молодых семьях становится рост неполных семей, в которых дети воспитываются, как правило, матерью, что является следствием еще одной проблемы в российской реальности – низкой культуры отцовства, которую также надо формировать [1].

В контексте обозначенной темы следует указать, что адаптация молодой семьи в полиэтничном регионе имеет свою специфику и свои проблемы. И прежде всего это касается молодых семей разноэтничного состава, поскольку в современной российской действительности этнический фактор играет немаловажную, а порой и определяющую роль в процессе социальной адаптации и реализации жизненных планов. Сложности адаптации молодой семьи с разноэтничным составом связаны, прежде всего, с тем, что в такой семье сталкиваются различные этнокультурные миры со своими этническими традициями, обычаями, особенностями межэтнического общения, и для семейного благополучия этот фактор может стать фактором серьезного риска, особенно в современных условиях, когда сама традиция заключения межэтнических браков перестала поддерживаться на идеологическом уровне, как это было в советском обществе.

В современных условиях межэтнические семьи в России оказались лишены своих идеологических оснований, а потому в ряде регионов их численность стремительно снижается [2], и это легко объясняется тем, что жизненный успех человека на современном этапе в условиях актуализации этнического фактора зачастую зависит от этнической принадлежности, ввиду чего межэтнические семьи оказываются в менее выгодном положении по сравнению с моноэтническими. Во многих регионах страны и на Юге России в частности идеалом семейно-брачных отношений является моноэтническая семья как наиболее адаптивная в создавшихся условиях. И поэтому социологические исследования фиксируют доминантную ориентацию молодежи на Юге России на моноэтнический брак при всем том, что отношение к межэтническим семьям сохраняется достаточно толерантным [2].

Следует также отметить, что моноэтнические браки отличаются большей стабильностью, устойчивостью, что объясняется отсутствием разногласий этнокультурного характера и соблюдением этнических традиций и обычаев, в межэтнической семье зачастую утрачивающих гомогенный характер. Негативное отношение к межэтническим семьям в ряде регионов России связано с тем, что в них видят угрозу этнической целостности народа, региона, но в условиях маскулинного общества межэтническая адаптация этнически смешанных семей происходит по типу этнической ассимиляции, когда в семье со временем в качестве определяющей этнокультурное пространство семьи остается одна этническая культура, как правило, мужа. Иными словами, опасности для этнической культуры общества такая семья не представляет, так как в ее пространстве воспроизводится одна этническая культура. Вместе с тем, сложности адаптации в обществе с высоким этноконфликтным потенциалом становятся фактором, снижающим ценность и адаптационный потенциал молодых семей смешанного типа. И это выступает основной причиной пониженной динамики межэтнической брачности в ряде регионов России.

1. Акиншина Н.В. Особенности представлений об отцовстве у молодых отцов // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 12 (107). Выпуск 10. С. 271-278.

2. *Верецагина А. В., Шахбанова М. М. Этнокультурная специфика демографического поведения дагестанской семьи // Социологические исследования. 2013. № 6. с. 78-85.*

3. *Ковалев В.В., Верецагина А.В., Самыгин С.И. Проблемы и риски молодой семьи первого года жизни с позиций ее типологической характеристики (нуклеарные и многопоколенные семьи) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2016. № 4. С. 186-191.*

4. *Молодая семья в Ростовской области (по результатам социологического исследования): коллективная монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Изд-во «Социально-гуманитарные знания». Москва-Ростов-на-Дону, 2011. 150 с.*

СОЗНАТЕЛЬНАЯ ЖЕНСКАЯ БЕЗДЕТНОСТЬ («ЧАЙЛДФРИ») КАК СОЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ВЫЗОВ РОССИЙСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ТРАДИЦИИ

Клименко Н.С. (Красноярск)

Семья как структурообразующая ячейка общества максимально испытывает на себе любые социальные и культурные трансформации, аккумулируя и транслируя их на микросоциальном уровне. Вытеснение из общественного сознания сакрального отношения к процессу воспроизводства приводит к тому, что материнство и отцовство сдает позиции в иерархии общечеловеческих ценностей. В рамках данного доклада автор уделяет более пристальное внимание фемининной составляющей трансформации российской семьи – кризису материнства как фемининного базиса российской гендерной культуры.

В традиционном славянском мировоззрении женщина ассоциируется именно с образом матери. Сакрализация материнства, сформированная на стыке языческой и христианской традиции, повлекла за собой феминизированность многих аспектов русской ментальности, выраженную в таких историософемах, как «Матушка-Русь», «Мать - сыра земля», «Государыня - Матушка», «Мать русского народа» и т. д» [4, с. 101].

Материнский архетип как результат смешения языческой мифологии (традиции поклонения женскому божеству как родовому началу) и христианства [6, с. 85] заложил солидный матрифокальный фундамент гендерной культуры российского общества как в рамках православия, так и в рамках постреволюционной атеистической советской гендерной системы.

После революции 1917 г. женщинам юридически была предоставлена вся полнота гражданских прав и свобод наравне с мужчинами. При этом материнство продолжало оставаться долгом для советской женщины, однако уже не столько религиозным и нравственным, сколько общественным и национальным. Концепция масштабной российской эмансипации известной российской революционерки А. М. Коллонтай, противоречиво сочетающая признание материнства необходимым условием социального воспроизводства общества, но, в то же время, понимание материнства как негативного фактора, мешающего женскому освобождению из-под патриархального гнета [5, с. 21], впоследствии легла в основу советского фемининного гендерного контракта «Работающая Мать».

Согласно данному контракту, женщина имела полную занятость на производстве, обеспечивала важный вклад в семейный бюджет, тем самым подрывалась такая важная основа патриархальной семьи, как экономическая зависимость жены от своего мужа [2, с.16]. При этом поддержка представления о естественном предназначении женщины проводилась посредством культивирования образа советской «Женщины-Матери», способной успешно совмещать участие в производстве на благо советского общества, воспитание детей и ведение домашнего хозяйства – по сути, это и является смысловым выражением гендерного контракта «Работающая Мать». Обязанность материнства для советской женщины на институциональном уровне была закреплена через запрет абортов в 1936 г.

Со своей стороны государство принимало активное участие в жизни советской «Женщины-Матери», во многом облегчая ей ее основные задачи – расширение сети родильных домов, предоставление декретных отпусков, также большое распространение в СССР получили ясли и детские сады [2, с.17]. При этом стоит признать, что советское государство не просто выступает в качестве посредника в обеспечении благополучия советской семьи, но и фактически принимает на себя обязанности отца, оттесняя его роль в воспитании ребенка на третий план после роли матери и роли дошкольных образовательных учреждений. Таким образом, советский гендерный контракт «Работающая Мать» явился основой для формирования матрифокальной модели семьи.

Распад Советского Союза, социальный и экономический кризис 90-х гг. привели к расторжению гендерного контракта «Работающая Мать»; государство, бросившее все свои силы на достижение рыночной экономики, перестало поддерживать материнство как экономически, так и идеологически.

На базе расторгнутого государством советского гендерного контракта «Работающая Мать» были сформированы новые фемининные модели и стратегии – «женщина-карьеристка», «женщина-спонсор», «женщина-домохозяйка», «гостевая жена» и т. д. Одной из альтернативных фемининных моделей является женщина, сознательно отказавшаяся от материнства – «чайлдфри».

История появления термина «childfree» (в переводе с английского – «свободный от детей») точно нигде не описана. Есть мнение, что данное понятие было введено в 70-е гг. XX в. в США ныне не существующей Национальной организацией для неродителей. Стоит отметить, что в США «чайлдфри» представляет собой хорошо организованное движение и четко сформулированную идеологию. Американские «чайлдфри» активно выступают за отмену несправедливой, по их мнению, единой для всех системы налогообложения, вынуждающей их финансировать родильные дома, детские сады и школы. Также они имеют возможность посещать общественные заведения (кинотеатры, кафе, спортзалы и даже отели), работающие по системе «чайлдфри», то есть запрещающие вход с детьми.

В российском обществе явление «чайлдфри» получило распространение намного позже, чем в американском (приблизительно с 2004 г.), а также приняло гораздо более скромные масштабы, развернув активную деятельность в основном в Интернет-пространстве. Однако в силу коллективистского характера российского общественного сознания как отголоска Советской эпохи, матрифокального базиса российской гендерной культуры, а также высокой степени ригидности по отношению к гендерным стереотипам со стороны российского населения данное явление было встречено непониманием и агрессией со стороны детоориентированных граждан. Большинство россиян воспринимает данное явление не как личную позицию или субкультуру, а как контркультуру, направленную на разрушение традиционных семейных ценностей.

Современные российские «чайлдфри», в особенности женщины, осмелившиеся усомниться в необходимости такой фундаментальной антропологической ценности как материнство, испытывают постоянное психологическое давление по отношению к собственному выбору жизни без детей. Порой они вынуждены трансформировать свои взгляды из разряда личного мировоззрения в стадию социального движения, откровенно пропагандирующего бездетный образ жизни. В подобном движении главным объектом для нападков становятся женщины с предельной степенью детоориентированности, собирательный образ которых, благодаря хештегам в социальных сетях, был окрещен как «яжемать», то есть женщина, требующая привилегированного отношения к собственной персоне по причине своего материнства, допускающая попустительство в воспитании собственных детей, не считаясь с комфортом окружающих. Подобное глумление над многовековой человеческой ценностью материнства не способствует лояльному отношению к явлению «чайлдфри» со стороны социального российского большинства.

В свою очередь, подобное социальное неприятие приводит к тому, что современные российские женщины-«чайлдфри», вынуждено обороняясь, сбиваются во всевозможные виртуальные сообщества, и порой переходят на более разрушительный уровень неприятия идеи материнства – «чайлдхейт» (от английского – «ненавидящий детей»). В структуре фемининных категорий родительства «чайлдхейт» занимает последнее место по степени детоориентированности и, по мнению автора, уважительно относящегося к сознательной бездетности как к личному выбору, представляет собой определенную социальную девиацию, сопряженную с агрессией и педофобией.

Как любое социокультурное явление сознательная бездетность нуждается в изучении как на макросоциальном, так и на микросоциальном уровне. В условиях изменившихся социальных реалий целесообразным является анализ феномена чайлдфри как структурного элемента самого концепта материнства.

Каковы перспективы феномена «чайлдфри» в российском обществе? По мнению автора, самый позитивный прогноз заключается в консервации позиции «чайлдфри» на уровне личного выбора, личной философии и снижения активности данного явления на уровне социального движения и контркультуры. Проблема права выбора своего социального пути на репродуктивном уровне для каждой женщины очень тесно связана с темой толерантности. Снижение активности взаимных провокаций на агрессию со стороны «детных» и «бездетных»

женщин является одной из приоритетных задач, направленных на оздоровление современного российского общества и его адаптацию к изменившимся социокультурным реалиям.

1. Емельянов Б. *Русская душа: вечно женственное и вечно «бабье»*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/58170/>
2. Здравомыслова О. М. *Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации*. - М.: Едиториал УРСС, 2003. - 152 с.
3. Римашиевская Н. М. *Семья в странах с переходной экономикой // Народонаселение*. - 2002. - №4. - С. 5 - 18.
4. Рябов О. *«Матушка - Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии*. - М.: Ладомир, 2001. - 202 с.
5. Успенская В. И. *Радикальный проект женской эмансипации Александры Коллонтай // Марксистский феминизм: коллекция текстов А. М. Коллонтай*. - Тверь: ТвГУ, 2002. 264 с.
6. Шамарина Е.В. *Образ материнства в русской философии // Труды НГАСУ*. - Новосибирск: НГАСУ, 2003. - Т. 6, № 1 (22), с.83-90.
7. Basten S., *Voluntary Childlessness and being Childfree. The future of human reproduction: Working paper № 5, Oxford-Vienna, 2009. 210 p.*
8. Veivers J. E. *Childless by choice*. - Toronto: Butterworth, 1980. 564 p.

СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Козина Ю.К. (Волжский)

Аннотация. В статье выявляется отношение к суррогатным матерям, как к помощи бездетным семьям или как к бизнесу. В данной работе использованы социологические методы, такие как анкетирование и глубинные интервью. В целом, большинство респондентов положительно относятся к суррогатному материнству, принимая его как возможность помочь бездетным семьям. Большинство респондентов не задумывались, обратятся ли они к услугам суррогатной матери, так как не сталкивались с проблемой бесплодия.

На протяжении истории существования человечества люди вступают в брак, одной из главных целей которого являются дети. Благодаря их рождению многие люди обретают смысл жизни. К сожалению, не все могут ощутить радость отцовства и материнства. За последние 10 лет количество бесплодных пар в Волгоградской области увеличилось с 18% до 19,6%. Из них у 52% пар – женское бесплодие, у 32% - мужское и у 16% - бесплодны оба супруга.

Благодаря достижениям в медицинской науке, увеличились возможности преодоления бесплодия. К мерам медицинского вмешательства относится способ, при котором эмбрион, зачатый в пробирке, переносится в организм суррогатной матери для вынашивания и рождения ребенка с последующей его передачей генетическим родителям [1, с. 19]. Согласно социологическим данным ВЦИОМ 2013 года, большинство россиян (76%) допускают возможность использования услуг суррогатной матери. Каждый второй респондент (51%) придерживается мнения, что суррогатные матери делают полезное дело [2].

Отношение населения к суррогатному материнству изучалось на основе данных социологического исследования, проведенного с применением метода анкетирования в октябре-декабре 2016 года среди жителей, которые проживают в г. Волгограде и Волжском (N = 192, тип выборки – стихийная). Распределение респондентов по полу и возрасту выглядит следующим образом: 21,1% мужчин и 78,9% женщин; в возрасте от 18 до 25 лет – 61,4% опрошенных, 26-35 – 12,3%, 36-45 - 21,1%, более 45 лет – 5,2%.

Первой задачей исследования стало выявление отношения к суррогатному материнству как помощи бесплодным семьям или как к бизнесу. Гипотеза о том, что для семьи это единственный способ получить ребенка, который будет «генетически своим» хотя бы для мужа - подтвердилась. На вопрос «Как бы Вы определили суррогатное материнство?» - 66,7% ответили, что суррогатное материнство - единственная возможность получить ребёнка; 22,7% - купля/ продажа детей; 5,3% - продажа женского тела на 9 месяцев; 5,3% - реальная возможность заработать много денег.

Вторая задача исследования – проанализировать, смогли бы опрошенные женщины за очень большие деньги стать суррогатной матерью. Гипотеза о том, что для части суррогатных мам это единственный способ получить значительную сумму денег, не подтвердилась: 35,1% - думать об этом не хотят; 35% - нет, такие деньги не нужны; 28,1% - в редких случаях, при помощи семье; 1,8% - да, легко.

Третьей задачей исследования стала попытка узнать, обратилась бы пара к услугам суррогатного материнства в случае невозможности иметь своих детей. Гипотеза: пара не воспользовалась бы услугами суррогатной матери – подтвердилась. 23,6% респондентов ответили – «нет»; 22,8% - «да»; 50,9% - затруднились ответить. Гипотеза о том, что при невозможности родить и выносить малыша родители усыновили бы ребёнка из детского дома, подтвердилась. По результатам опроса 66,4% респондентов усыновили бы ребенка.

Данная тема изучалась нами с помощью метода глубинного интервью в августе-сентябре 2017 года. Всего было опрошено 8 человек, из них 4 - женщины и 4 - мужчины.

Анализируя результаты интервью, мы сделали следующие выводы: все, ответившие респонденты знают, что такое суррогатное материнство. Отличительная черта мужчин от женщин, заключалась в том, что мужчины сочли не обязательным фактором наличие у суррогатной матери ребенка: «...наличие у них детей, это их личное дело...» (мужчина, 47 лет), «...наличие у них детей не обязательно...» (мужчина, 22 года), в то время женщины отвечали таким образом: «Я считаю, что женщина, ни разу не рожавшая, не должна становиться суррогатной матерью, ведь это будут первые роды, психологически и физически будет очень тяжело» (женщина, 20 лет). Мужчины также подметили то, что суррогатная мать обязательно должна отличаться привлекательной внешностью: «Женщина должна быть здорова, хорошие внешние и умственные данные, так как все передается по ДНК» (мужчина, 38 лет).

На вопрос «Как Вы относитесь к суррогатному материнству?» женская половина опрошенных респондентов, а именно 3 из 4 женщин, сочли данную услугу не этичной, и никогда бы к ней не прибегли: «Для меня суррогатное материнство чуждо, я не могу принять такое. Это большое испытание для всех людей, которые задействованы в этом» (женщина, 20 лет), «Не могу точно сказать своё отношение к суррогатному материнству, ведь каждый случай индивидуален и требует особого подхода. Если быть честной, то я вряд ли бы прибегла к помощи суррогатной матери, ведь в настоящее время в медицине разработано достаточно способов, чтобы выносить и родить ребёнка самой, например, ЭКО и т.п. И, кстати, сама бы я тоже ни за что не стала суррогатной мамой» (женщина, 27 лет). Мнение последней опрошенной женщины отличается от предыдущих высказываний, она считает: «Если возникла такая проблема, то положительно. Я думаю, что это этичная процедура. Воспользовалась бы я данной услугой, я затрудняюсь ответить, так как у меня такой проблемы не было, но я не осуждаю тех, кто этим воспользовался, потому что на войне все средства хороши» (женщина, 41 год). Мужчины, в свою очередь, относятся более лояльно к данной процедуре, они считают данную услугу этичной, относятся к суррогатным матерям положительно, а в случае невозможности иметь своих детей, они бы прибегли к суррогатному материнству.

В исследовании затрагивался вопрос о том, что для респондентов является предпочтительнее усыновление или услуги суррогатной матери. Большинство опрошенных респондентов сошлись во мнении, что в нашем обществе доминирует услуга усыновления: «Для меня предпочтительней усыновление детей, это связано с тем, что огромное число детей находятся в детских домах, они нуждаются в родительской любви» (мужчина, 26 лет), «Взять ребенка из детского дома - это очень благородно, но важно, чтобы это делалось не ради денег» (женщина, 20 лет).

Таким образом, анализ социологических данных показал, что количественное и качественное исследование не противоречат друг другу, а наоборот дополняются развернутыми ответами на поставленные вопросы.

Таким образом, у суррогатного материнства много сторонников и противников. Каждая из сторон уверена в своей правоте. Но в современном обществе только сама женщина вправе решать, готова ли она выносить чужого ребёнка и отказаться от него после девяти месяцев. И только бездетная пара, лишившаяся надежды стать родителями традиционным способом, может решить прибегнуть к услугам суррогатной матери.

1. Афанасьева И.В. Правовое регулирование суррогатного материнства // *Медицинское право*. – 2007. - № 2. - С. 19-21.
2. *Суррогатные матери – героини или изгой?* // ВЦИОМ. 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114646>.

РАСТОРЖЕНИЕ БРАКА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Козырева М.Ю. (Санкт-Петербург)

В 1917 году, с приходом к власти большевиков, была законодательно закреплена возможность расторжения брака. Партия большевиков и государство поддерживали становление и развитие нового типа семьи, в то же время так или иначе способствуя повышению уровня разводимости. Был принят ряд законов и декретов, провозглашающих принципы единобрачия, свободы брака и развода, равноправия супругов, равноправия детей, как в браке, так и вне брака, гражданского характера брака и развода. Важно отметить, что под защиту попадали не только оформленные юридически браки, но и незарегистрированные брачные отношения, существование которых могло быть доказано совместным признанием супругов или судом. Представляется, что данная тенденция была обусловлена, в первую очередь, отделением государства и, соответственно, брака от церкви.

В 20-е годы государственная политика была направлена на становление новых отношений в семье, обусловленных «освобождением» женщины и направленным на превращение брака из экономической сделки в добровольный и равноправный союз. Однако, экономическая разруха, политическая нестабильность, сохранение влияния патриархальных семейных отношений в связи с консервативностью института семьи привели к тому, что фактически данный принцип был слабо претворен в жизнь, женщина по-прежнему во многом финансово зависела от мужчины. Можно говорить о том, что в данный период государством были заложены политические и юридические предпосылки формирования нового гуманистического типа семейно-брачных отношений.

В 30-40-е годы данные тенденции не находят своего развития в связи с доминирующей ориентацией на тотальный контроль государством всех сфер человеческой жизни. Принятые в данный период законодательные акты имели положительные стороны в сфере защиты материнства и детства, способствовали улучшению демографической ситуации, но семейно-брачные отношения фактически были низведены до статуса средства стимулирования производительности труда, а семейные конфликты объяснялись халатным и легкомысленным отношением к семье. Ряд принятых законодательных актов был направлен на повышение авторитета брака, незарегистрированные брачные союзы перестали признаваться государством. Процедура развода была существенно затруднена: в суде было необходимо предоставить показания нескольких свидетелей, личные склонности не считались достаточным мотивом для расторжения брака, супруги были обязаны поместить в газете объявление о предстоящем рассмотрении дела о разводе. Из-за сложности процедуры и нежелания сторонами публичного рассмотрения интимных сторон личной жизни число разводов существенно снижалось, семейные конфликты не разрешались, а только консервировались. Усложнение бракоразводного процесса, конечно же, нельзя рассматривать как средство установления новых отношений в семье: происходило закрепление брака, а не укрепление семейных отношений. Данные тенденции фактически отражали увеличение масштабов вторжения государства в личную жизнь человека.

Послевоенный период характеризуется резким спадом количества разводов среди населения: разруха, экономический упадок, диспропорция полов, большие потери среди населения определили низкий уровень притязаний на брак. Демографическая ситуация была стабилизирована лишь к 60-ым годам.

В 60-е годы был принят закон об основных принципах регулирования брачно-семейных отношений в нашей стране, на основе которого были разработаны и приняты более демократичные законодательства о браке и семье в союзных республиках. Так был значительно упрощен бракоразводный процесс и восстановлено юридическое право на развод как необходимейшего условия признания свободного волеизъявления личности. Тем не менее, миссию контроля над личностью, регуляцию семейно-брачных отношений взяли на себя партийные и другие общественные организации, фактически отрицавшие новые юридические нормы и поддерживающие тенденцию отрицания прав человека на личное счастье и утверждения абсолютного приоритета общественных интересов.

Заметный рост разводов начинается в середине 70-х годов XX века. Представляется, что данная тенденция связана с тем фактом, что на данном этапе развития общества складываются юридические, политические, экономические и культурные условия для реализации данного права личности. Законодательство, власть, идеология разрешают и не препятствуют расторжению брака;

женщина становится полноправным экономическим субъектом и может не зависеть от финансового обеспечения мужа, к тому же отсутствуют общественные кризисы, которые на протяжении истории являлись фактором сдерживания количества разводов; в общественном сознании происходит смена парадигм касательно понимания личности, общества и семьи.

Радикальные изменения в российском обществе на рубеже XX и XXI веков определили глубокие трансформационные процессы прежде всего в структуре ценностных ориентаций населения. Семья, являясь в определенном смысле самодостаточным элементом социокультурной реальности и непреходящей ценностью, представляет собой сложный и многогранный институт, находящийся в постоянном динамичном развитии, в многообразных, сложных, многократно опосредованных взаимоотношениях с обществом. Развод же как значимая составляющая семейно-брачных отношений является результатом объективного процесса эволюционного развития института семьи и находится в прямой зависимости от его гуманизации. Развитие общества и накопленный им социокультурный потенциал детерминируют не только характер семейно-брачных отношений, но и уровень культуры развода как социального явления.

1. Постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 г. «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей, и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводе» // СЗ СССР, 1936. № 34. Ст. 309.
2. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 19.12.1917 г. «О расторжении брака» // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152. 63
3. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18.12.1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» // СУ РСФСР, 1917. № 11. Ст. 160.
4. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят на сессии ВЦИК 16.09.1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 76-77. Ст. 818. 65 Постановление ВЦИК от 19.11.1926 г. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.
5. «О некоторых изменениях порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.12.1965 г.)
6. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье (утв. Верховным Советом СССР 27 июня 1968)
7. Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. ВС РСФСР 30.07.1969)
8. Синельников А.Б. Социально одобряемые разводы в прошлом и настоящем// Социологические исследования. 1992. № 2 С.28-38
9. Белов Г.Г. Семья - не частное дело, М.: Советская Россия., 1984, 20 с.
10. Вольфсон С.Я. Социализм и семья// Под знаменем марксизма.1936. №6. С.31-64;
11. Григорьев Е. Брак и семья при социализме // Молодой большевик. 1939. №16. С 47-53;
12. Никольский В.К. Брак и семья в прошлом и настоящем. М., 1939
13. Светлов В. Брак и семья при капитализме и социализме. М.1939.
14. Голод С.И. Социально-демографический анализ состояния и эволюции семьи// Социологические исследования. 2008. Т.7 №1
15. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР. М., 1979. 325 с.
16. Голод С.И. Стабильность семьи: социологические и демографические аспекты. Л., 1984. 136 с.
17. Хисамов А.А. Семейный кодекс 1926 г. и фактические брачные отношения в РСФСР// Женщины России на рубеже XX-XXI веков: материалы международной научной конференции. Иваново: Изд. Центр «Юнона», 1998. С. 280.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОВЕДЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Коновалова Е.И. (Курск)

Потребительское поведение можно определить как форму экономического поведения человека, в то же время оно способно передавать социальный статус, присущий как группе, так и отдельной личности.

При рассмотрении молодежи как социально-демографической общности можно сказать, что она является неоднородной: дифференциация наблюдается по полу, возрасту, образованию, материальному положению, ценностным установкам и т.д. Такие различия определяют особенности потребления, которые будут обусловлены социальным статусом, положением в системе социально-трудовых отношений, величиной и способом получения дохода. Обращая внимание на доход молодежи, важно учитывать ее «иждивенческий фактор», имея в виду ее

зависимость от материальных возможностей родительской семьи в удовлетворении потребностей. Влияние данного фактора характерно, прежде всего, для представителей студенческой молодежи, которые не в полной мере обладают экономической самостоятельностью.

Потребительское поведение молодежи постоянно меняется в пространстве и времени, поскольку постоянно видоизменяются ценности и общий стиль жизни молодых людей. Необходимость понимания молодого потребителя обусловлена тем, что помогает изучить потребительские потребности и предпочтения данного демографического сегмента, а также понять, какие продукты и услуги востребованы сейчас и будут востребованы в ближайшее время молодежью.

Потребление можно назвать активным процессом по отношению к благам, а так же и к коллективу, группе, обществу. «Индивид ориентируется на других людей, следовательно, потребление носит общественный характер» [1].

Говоря о подходах к пониманию потребительского поведения стоит заметить, что экономический подход к заостряет внимание на акте приобретения и изучает реализацию потребительского выбора. Социологический подход рассматривает потребительское поведение как культурный феномен, потребление как процесс манипуляции знаками, фактор социальной стратификации, социальной идентичности. Маркетинговый подход рассматривает потребление с точки зрения производителей.

Изучение потребительского поведения только со стороны одной точки зрения ограничивает исследовательский процесс. Для современного мира, который претерпевает постоянные изменения, по нашему мнению наиболее подходящим здесь будет социокультурный подход.

«Понятие социального пола (gender) ставит в центр внимания социально-сконструированные различия между мужчинами и женщинами. Этот термин отражает не индивидуальную идентификацию и личностные характеристики, но культурные стереотипы и идеалы маскулинности и феминности, половое разделение труда в социальных институтах и организациях» [2].

Современное общество трактуется как общество потребления, следовательно, потребительская природа современного человека возвышается над всеми остальными составляющими его социокультурной идентичности. Потребление на сегодняшний день уже практически потеряло связь с удовлетворением некоего уже существующего набора потребностей (так его понимала классическая экономическая теория), укорененных в человеческой биологии. Потребление становится особым рода деятельностью, процессом при котором происходит взаимодействие с другими людьми, образом жизни и мыслей.

Мы остановились на изучении и выявлении гендерных особенностей потребительского поведения студенческой молодежи. С этой целью в марте-мае 2017 г. нами был проведен социологический опрос. Генеральной совокупностью данного социологического исследования стали студенты Юго-Западного государственного университета очной формы обучения (N=361).

Итак, мужчины чаще чем женщины сначала откладывают деньги а затем тратят их (69,2% против 55%). Сначала тратят а затем откладывают деньги 28,6% студентов (21,5% мужчины, 34,4% женщины). Тратят деньги не откладывая их десятая часть студентов. Сбережения делаются для какой-либо цели, в связи с этим мы поинтересовались у респондентов, на что они откладывают деньги. Были получены следующие результаты: большинство студентов откладывают деньги на всякий случай: мужчины – 76,7%, женщины – 65,3%. 46,6% опрошенных мужчин и 32,7% женщин откладывают деньги для покупки дорогих вещей, на отдых и путешествия копят деньги 38,8% женщин и 16,3% мужчин, на черный день – 27,6% мужчин, 23,3% женщин, для покупки автомобиля 21,4 % мужчин и 5,2% женщин, так же перевес у мужчин наблюдается в варианте «на собственное дело» - 17,3% против 8,6%.

Женщины при приобретении товаров и услуг больше ценят соответствие моде, внешний вид, удобство и цену данных категорий. Для мужчин важен производитель, состав и качество. Женщины чаще, чем мужчины решают спонтанно, что будут покупать, совершают незапланированные покупки, отсюда они чаще понимают, что без купленной вещи они могли бы обойтись. При выборе товара мужчины в большей степени ориентируются на проверенные марки и в основном покупают то, в чем непосредственно нуждаются. Мужчины в большей степени чем женщины отмечают, что когда они будут больше зарабатывать, то смогут покупать более качественные товары. В равной степени как мужчины так и женщины отмечают, что когда они будут сами себя обеспечивать, то им придется начать экономить, но что станут относиться более

серьезно к трате денег, после окончания университета, когда не будет доходов в виде стипендий и грантов, в большей степени отмечают мужчины.

В анкете присутствовал блок вопросов, где респондентам нужно было оценить по 5-ти бальной шкале характеристики товара. Рассчитав средний балл можно сказать, что имеются различия в том, на каких местах располагаются характеристики. Так на первое место у женщин выходит «удобство, функциональность», а у мужчин – «состав и качество». Такая характеристика как «новизна» у женщин стоит на седьмом месте, а у мужчин на 8-м. Производитель для мужчин является важной характеристикой, чем для женщин: у мужчин он находится на 7-м месте, а у женщин на 10-м.

В нашем исследовании подтвердилась гипотеза о том, что студенты материально зависимы от своих родителей – у половины студентов доход складывается только из материальной помощи родителей. Причем перевес на стороне девушек – получает деньги от родителей больше половины. Приблизительно четвертая часть мужчин полностью зависима от родителей. Только на зарплату живет в 2 раза больше мужчин, чем женщин. Вероятнее всего на это влияют гендерные стереотипы.

Касаемо частоты посещения магазинов и торговых центров можно сказать, что оно происходит несколько раз в неделю, полученные данные подтверждаются результатами, полученного с помощью дневникового метода – покупки в среднем происходят в 77% дней месяца [3].

Таким образом, можно сказать, что потребление всегда было гендерно обусловлено. В гендерном аспекте оно представляет процесс усвоения и применения потребительских практик, которые при помощи знаково-символических структур (таких как: одежда, обувь, прическа, косметика, парфюмерия, стиль речи, походка, формы проявления эмоций, частота посещения магазина и их набор и т. д.) конструируют личностную идентичность в дискурсивном поле гендерных субкультур. Гендер, представляющий собой отражение физического пола в зеркале культуры, обладает очень высокой степенью автономии, имеет свою логику развития.

1. Кучеренко, Е.А. *Интегральная модель потребления в современном обществе [Текст] / Е.А. Кучеренко // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №3. – С.67-70.*

2. *Гендерные модели потребления [Электронный ресурс] // Дистанционный курс лекций «Поведение потребителей». 2017. URL: <http://www.consumers.narod.ru/lections/gender.html> (дата обращения: 29.03.2017).*

3. Коновалова Е.И. *Структура потребления студенческой молодежи / Е.И. Коновалова, А.П. Абрамов // Научный журнал «Дискурс». – 2017. – 6 (8). – С. 45-52.*

ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Костина А.А. (Санкт-Петербург)

Проблема гендерного неравенства является одной из главных повесток дня как на национальном, так и на глобальном уровнях. В 2000 г. 193 государства-члена Организации Объединенных Наций совместно обозначили вектор развития мира в виде восьми целей. В одном ряду с уменьшением детской смертности, обеспечением всеобщего начального образования и сокращением количества людей, пребывающих в условиях крайней нищеты, стоит и цель акселерации женской эмансипации. Мировым сообществом осуждаются все виды дискриминации женщин, в частности, при устройстве на работу и участии в политической жизни государства. [1] Россия как член Совета Безопасности ООН и видный игрок на международной арене также связана этими договоренностями и движется по общему течению демократизации. Интересным для анализа представляется вопрос того, какие меры предпринимает Российская Федерация для ликвидации гендерной диспропорции и насколько эти шаги эффективны.

За свержением монархии в результате Русской революции 1917 года последовали не только провозглашение нового политического строя, экономического уклада, но и изменение взгляда на статус женщины в обществе. Кардинальные сдвиги обернулись продовольственным кризисом и разрушением промышленности. Поэтому женское население стало рассматриваться как ценный трудовой ресурс. Советское руководство, преследуя цель восстановления инфраструктуры, включило женщин в состав рабочего класса. Первые послереволюционные годы

ознаменовались активным привлечением представителей женского пола к деятельности партии для их переформатирования в полноценных граждан, транслирующих коммунистические идеи. Таким образом, Россия была передовым государством в регулировании гендерных отношений. [2]

После крушения СССР и, соответственно, существовавшей идеологической системы новоиспеченное государство нуждалось в новой правовой базе. Конституция Российской Федерации 1993 г. юридически закрепила выбор демократии. Статья о запрете притеснений по признаку пола была также инкорпорирована в состав основополагающего документа. Были учреждены комитеты и комиссии при различных органах власти (Общественная комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте Российской Федерации, Комиссия по вопросам улучшения положения женщин, Комитет по делам женщин, семьи и молодежи Государственной Думы), разработаны программы для обеспечения фактического гендерного баланса («Женщины России», «Национальный план действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 г.»).

Государственные институты подготовили благоприятную почву для раскрытия потенциала женского населения, однако все инициативы и идеи остались на бумаге. Для их реализации не выделялось финансирование. Решения созданных структур носили рекомендательный характер, а четкий и последовательный алгоритм их исполнения отсутствовал. Более того, полномочия комиссий переплетались, не было ясности в их функциональном разграничении.

На сегодняшний день в Государственной Думе функционирует Комитет по делам семьи, женщин и детей. На сайте нижней палаты Парламента можно ознакомиться с законопроектами, которые находятся на стадии рассмотрения. Все они затрагивают исключительно вопросы материальной поддержки семей и прав несовершеннолетних. Следовательно, комитет не уделяет внимание гендерной проблематике. [3]

Как свидетельствует Межпарламентский Союз, женщины де-факто ущемлены в своих политических правах. Львиная доля мест в законодательных органах большинства государств мира принадлежит мужчинам, несмотря на то, что женщины составляют 51% мирового населения. Женщины отстранены от процесса принятия государственных решений. Так, нынешний состав Государственной Думы ярко демонстрирует гендерную диспропорцию. Из 448 избранных в 2016 г. депутатов только 71 являются женщинами. Это чуть более 15%. [4] В исполнительной власти наблюдается та же картина. Министерские портфели распределены между 20 мужчинами и 2 женщинами (9%). [5] Последним отведены «традиционно женские» сферы управления: здравоохранение, наука и образование. Губернаторские должности занимают 4 представителя женского пола (4,7%). В сентябре 2017 года продолжилась волна смещений губернаторов с их постов. Ротации произошли в 9 субъектах Российской Федерации: Нижегородская область, Новосибирская область, Республика Дагестан, Омская область, Красноярский край, Приморский край, Орловская область, Самарская область, Ненецкий АО. Главой выше перечисленных административно-территориальных единиц не была назначена ни одна женщина. [6]

Политические партии выступают действенным механизмом обновления элиты. Это те субъекты политики, которые обладают достаточным количеством ресурсов для рекрутирования женщин в свои ряды. Политически партии работают непосредственно с гражданами, так как их легитимность и вероятность попадания в Парламент напрямую зависит от голосов избирателей. А. А. Гнедаш и Н. А. Рябченко проанализировали российские партии на включение в их программы и иные документы пункта гендерного равенства. Как оказалась, все представленные в Государственной Думе партии делают упор на репродуктивную функцию женщин и их роли в улучшении демографического фона. Единая Россия, ЛДПР, КПРФ и Справедливая Россия склонны к стереотипизации феминности и маскулинности, где женщина ответственна за быт и воспитание детей. Политические партии запускают и развивают дискурс укрепления института семьи. Тексты партий направлены на внедрение семейных ценностей в массовое сознание, прививание паттернов поведения, благоприятствующих увеличению рождаемости. Авторы приходят к выводу о невозможности идентификации явной позиции власти по проблеме гендерной дискриминации. В виртуальном пространстве эта тема игнорируется. Нет систематизированного материала и единого информационного пространства. Сайты российских партий отличаются скупостью и хаотичностью статей, посвященных участию женщин в общественной и политической жизни. [7]

По статистическим данным за 2016 год, 58% женщин имеют высшее профессиональное образование, а 60,1% - входят в состав рабочей силы. 57% выпускников бакалавриата и магистратуры в 2015 году – это представители женского пола. 61% женщин являются

специалистами высшего уровня квалификации. [8] Эти цифры свидетельствуют о том, что женское население современной России несет в себе мощный потенциал для развития государства. Почему же тогда по достоинству не оценены его возможности в сфере публичной политики? В преддверии президентских выборов 2018 года в средствах массовой информации не утихают обсуждения выдвижения женщины на пост главы государства. В Интернете появляются списки возможных кандидаток на эту роль. В новостных изданиях упоминают Наталью Великую, Ирину Вольнец, Ирину Петеляеву и известную телеведущую Ксению Собчак. [9] Каковы же шансы женщины возглавить страну? Какую гендерную модель, имидж она должна выбрать, чтобы успешно участвовать в президентской гонке и получить поддержку российских избирателей?

Таким образом, в современной России по-прежнему имеет место гендерная дискриминация. Существующая на поверхности проблема отсутствия конгруэнтного политического представительства женского и мужского населения выходит из поля зрения власти. Отсутствие обозначенной проблемы подразумевает отсутствие решений.

[1] *Цели развития тысячелетия: доклад за 2015 год. Режим доступа: <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf>*

[2] *Любимова А.Д. Гендерная политика и формирование рабочего класса в СССР (Голдман В. Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917-1937 гг.) // Журнал исследований социальной политики. - 2012.- №3. – с. 415-122.*

[3] *Сайт комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей. Режим доступа: <http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/>*

[4] *Состав Государственной Думы седьмого созыва. Режим доступа: <http://www.duma.gov.ru/structure/deputies/>*

[5] *Состав Правительства РФ. Режим доступа: <http://government.ru/gov/persons/>*

[6] *«Ведомости» рассказали о новой волне отставок губернаторов. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/news/2017/09/26/135581-vedomosti-rasskazali-o-novoy-volne-otstavok-gubernatorov>*

[7] *Гнедаш А.А., Рябченко Н.А. Гендерная политика online: субъекты, механизмы и проблемы функционирования // ПОЛИТЭКС. – 2011. - №1. – с. 163-183.*

[8] *Женщины и мужчины России. 2016: Стат. сб. / Росстат. - М., 2016. – 208 с.*

[9] *Кандидатом в президенты России может стать женщина. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/09/01/731876-kandidatom-v-prezidenti-zhenschina>*

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ларионова И.В., Глухова Е.И. (Казань)

В современном мире люди все больше и больше заявляют о своих правах, будь то свобода слова, печати, вероисповедания или равенство. О гендерном равенстве заговорили-ли относительно недавно.

В древние времена женщина, можно сказать, была индивидом «второго сорта». У нее не было ни права слова в своей семье, ни права голоса в государстве. Ее мнение не учитывалось даже при выборе супруга, с которым она должна была прожить свою даль-нейшую жизнь. В патриархальной семье женщина представлялась как некая рабыня для мужчины и средство воспроизводства детей. Женщинам буквально запрещалось выходить из дома без сопровождения мужа, а о работе и образовании вне дома не могло идти и речи. С течением времени и эволюции общества модель семьи постепенно менялась. Сначала в рамках патриархальной формы семьи женщины заявили о своих правах и возможностях. Позднее феминизм начал набирать обороты.

В наши дни большинство женщин в западных обществах поменяли свою модель поведения и мышления. Они стали так называемыми «карьеристками», а «чайлдфри» пре-вратился в новый способ жизненного уклада. Для них приоритетом является самореализация в карьере. В то же время в рамках восточных традиций женщина все также остается в тени мужчины и делает лишь небольшие шаги равноправию и свободе. Россия находится на перекрестке этих двух тенденций. Какой же путь развития выберет российское общество, и какие последствия будет иметь этот выбор?

Россия - многонациональная страна, а у каждого этноса свои культурные особенности и ценности. Для представления образа женщины в современном российском обществе необходимо проанализировать две основные его составляющие – западную и восточную.

Российская женщина западного типа добилась значимых результатов: в крупных городах женщины все чаще занимают руководящие должности, ведут свой бизнес. Среди студентов, получающих высшее образование, преобладают девушки. Однако, мужчина и женщина, занимающие одинаковую должность, получают разное вознаграждение. [1] [2] Мнение о том, что «мужчина – кормилец и должен зарабатывать больше», все еще бытует в обществе. Но на практике, зачастую, как отмечают эксперты, представительницы «слабого пола» оказываются более приспособленными к работе как в команде, так и индивидуально.

Еще одно достижение в процессе эмансипации российских женщин - это возможность оформления развода в случае неудачного брака. При этом стоит отметить, что разведенной женщине с детьми найти работу значительно сложнее, нежели разведенному одинокому мужчине.

Однако, и в центральных, и в западных и тем более в южных регионах традиционная модель жизненной стратегии, в рамках которой женщины посвящают себя семье, детям и становятся домохозяйками. Одни считают, что это их призвание и со всей душой отдаются «домострою», а другие вынуждены сидеть дома из-за эгоистичного и собственнического характера мужа.

К сожалению, домашнее насилие все еще встречается в нашем обществе. Патриархальная форма семьи заявляет о правоте и безнаказанности мужчины. Поднять руку на женщину в некоторых семьях до сих пор считается нормой, хотя женщина может защитить себя, с помощью полиции и суда. [3][4].

В целом, можно констатировать, что положение женщин в российском обществе меняется, и они начинают бороться за свои права. Однако трансформации в социальном позиционировании и самоидентификации женщин влекут за собой соответствующие изменения для мужчин. Даже мечтая о самостоятельности и самореализации, девушка хочет ощущать себя «слабой», хочет видеть в мужчине защитника и опору. И в этом проявляется парадокс современного мира. Проблема равноправия заключается в том, что женщины не готовы быть по всем параметрам равными с мужчинами, а мужчины теряют свои первоначальные гендерные функции, вместе с тем утрачивая свою «мужественность». Более того, желая сразиться с мужчинами в карьерной гонке, женщины начинают утрачивать свой «женственный облик», что приводит к неудачам в личной жизни и психологическому дискомфорту. [5,6]

1 – Пронин А.А. Положение женщин в современной России: общая характеристика [Электронный ресурс]. Доступ: <https://www.proza.ru/2008/03/13/355>

2 – Судьба женщины в современной России [Электронный ресурс]. Доступ: <http://droplak.ru/?p=818>

3 – Буторина Е. Женщины на Северном Кавказе остались практически без защиты [Электронный ресурс]. Доступ: <http://www.profile.ru/obsch/item/98419-mezhdunarodnyy-zakon-i-adatom>

4 – Костерина И. Жизнь и положение женщин на Северном Кавказе (отчет по результатам исследования) [Электронный ресурс]. Доступ: <https://ru.boell.org/ru/2015/05/28/zhizn-i-polozhenie-zhenshchin-na-severnom-kavkaze-otchet-po-rezultatam-issledovaniya>

5 – Женщина в современном обществе [Электронный ресурс]. Доступ: <http://www.neboleem.net/psihologija-otnoshenij/7661-zhenshhina-v-sovremennom-obshchestve.php>

6 – Абросимова О. В. Положение женщин в современном российском обществе: проблема самоопределения, Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2011г, 233-238С. [Электронный ресурс]. Доступ: <https://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-zhenshin-v-sovremennom-rossijskom-obshchestve-problema-samoopredeleniya>

ПРАКТИКА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ЖЕРТВАМИ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ В РФ

Лебедева А.В. (Саранск)

«Социальная работа с жертвами семейного насилия должна основываться на том постулате, что насилие в семье – это социальное явление, характеризующееся взаимосвязанностью и взаимопроникновением различных его форм (таких как физическое, сексуальное, экономическое насилие, жестокое обращение с детьми, психическое насилие, принуждение к потреблению алкоголя, наркотических средств в немедицинских целях, к занятию проституцией и другие преступные деяния)», – подчеркивает А. Д. Кошелева [2, 23].

В социальной работе с жертвами домашнего насилия выделяются три группы задач:

- по их спасению;
- по поддержанию социального функционирования;
- по социальному развитию [3, 354].

В соответствии с данными задачами, выделяют следующие направления социальной работы с жертвами семейного насилия:

1. Организационно–административное и правовое направление социальной работы заключается в формировании нормативно–правовой базы по защите жертв семейного насилия, организации учреждений по оказанию помощи жертвам насилия.

2. Медико–социальное регулирует оказание медицинской помощи пострадавшим от домашнего насилия.

3. Социально–психологическое организует оказание психологической и психотерапевтической помощи, пострадавшим от насилия.

4. Социально–педагогическое разрабатывает принципы, направленные на перевоспитание домашних тиранов, организует консультативную помощь.

Одну из важных ролей в предупреждении насилия в семье, играет специалист социальной работы. В его непосредственные функции входит проведение просветительской работы среди населения, выявление неблагополучных семей, социальный контроль над членами неблагополучных семей, в случае необходимости передача дела в правоохранительные органы, а так же органы опеки [6, 28].

Специалист социальной работы является ключевой фигурой и связующим звеном между различными структурами в помощи жертвам домашнего насилия, то и требование к этим специалистам высокие.

Деятельность специалиста социальной работы характеризуется, по меньшей мере, тремя различными подходами к вмешательству в проблему, которыми определяются вариации их профессиональных функций. Эти подходы обозначаются как воспитание, фасилитация, адвокати́рование.

Воспитательный подход позволяет специалисту по социальной работе выступать в роли учителя, консультанта, эксперта. Давать совет, обучать.

Фасилитативный подход – выполняет роль пособника или помощника, сторонника или посредника в преодолении проблемы. Объяснение ситуаций, мобилизация внутренних ресурсов.

Адвокатский подход применяется в тех случаях, когда специалист социальной работы выполняет ролевые функции адвоката от имени конкретного клиента. Оказывает помощь в подборе аргументации, объяснение ситуации, подборе документально обоснованных обвинений [5, 18].

Отечественный опыт показывает, что большая часть помощи жертвам насилия оказывается в специализированных учреждениях. К видам помощи, которая оказывается гражданам, проживающим в семье с неблагоприятными внутрисемейными отношениями, а также гражданами, пострадавшими от конфликтов и жестокого обращения в семье, относятся кризисные центры помощи женщинам, центры социальной адаптации, которые нужны для оказания необходимой помощи (консультативной, психологической, правовой) гражданам при конфликтах в семье, а также жертвам насилия [4]. В этих учреждениях жертвам насилия оказывается социальная, правовая и прежде всего психологическая помощь.

1. Кризисные центры. Основная форма работы кризисного центра – очное консультирование. Пострадавшие имеют возможность общаться непосредственно со специалистами: психологами, врачами, педагогами, юристами. Если номер «телефона доверия», функционирующего непосредственно при кризисном центре, жертве семейного насилия неизвестен, то, связавшись с милицией или общегородской «горячей линией», можно узнать номер телефона ближайшего приюта или консультанта по кризисным ситуациям.

2. В мировой практике довольно распространена и такая форма помощи, как «шелторы» – разновидность крупных центров со специальным убежищем для пострадавших от насилия в семье. Аналогом «шелтора» в отечественной практике является кризисные центры для женщин со стационаром в г. Пермь. Как правило, это далеко находящиеся от центра города небольшие уютные здания, адрес которого держится в секрете. Режим здесь свободный, некоторые женщины даже продолжают работать в период пребывания в нем. Все построено на принципах самообслуживания; женщины обеспечены бесплатным питанием и медицинской помощью. Средняя наполняемость такого центра – 30–50 человек, а продолжительность пребывания в них составляет от 2 до 5 недель. Одной из главных задач сотрудников служб помощи потерпевшим –

психологическая реабилитация и правовая помощь; они подробно разъясняют права женщины и ребенка, а в случаях неизбежных разводов оказывают практическую, в том числе юридическую помощь.

Услуги, предоставляемые в обстановке доверия и внимания того риска, который жертва берет на себя, рассказывая правду, обязательно предполагают аранжировку помещений для жизни, а также для приема и консультирования, вселяющую уверенность, что здесь относятся к проблеме серьезно. «Шелторы» оборудованы плакатами, стендами, имеются в них библиотеки, игровые комнаты для детей. За детьми присмотрит няня, если женщине необходимо заняться хозяйством, посетить специалиста или тренинговую группу.

3. Приюты для женщин – жертв насилия и их детей.

Приют – это временное убежище, где женщина имеет возможность укрыться от преследований мужа, получить эффективную первую медицинскую помощь и пройти дальнейшее лечение. Ей оказывают финансовую поддержку, консультационные услуги, психологическую поддержку. Одним из наиболее широко используемых в приютах методов реабилитации является групповая терапия, которая проводится одновременно и с самой женщиной, и с ее детьми [1, 187].

4. Непосредственно помощь женщинам и детям, подвергшимся насилию оказывают центры социального обслуживания населения. Такие категории граждан имеют право на срочное социальное обслуживание (в отделениях срочной социальной помощи) которые включает в себя следующие социальные услуги: оказание до врачебной медицинской помощи, содействие в получении временного жилого помещения, оказания гражданам юридической помощи в целях защиты их прав, оказания экстренной медико-психологической помощи, в том числе по телефону доверия и т. д.

5. Центр экстренной психологической помощи, который призван снижать психологический дискомфорт, уровень агрессии, у людей включая ауто- агрессию и суицидальные попытки. Формирование психологической культуры, укрепление психического здоровья и атмосферы психологической защищенности населения, в том числе детей и подростков. Задачами центра является: обеспечение доступности и своевременности психологической помощи по телефону, для граждан не зависимо от их социального статуса и места жительства.

6. Социальный приют для детей и подростков, в котором оказывается психологическая, психо–коррекционная и иные формы помощи по ликвидации кризисных ситуаций в семье. Приют предназначен для детей и подростков от 4 до 18 лет, в том числе для детей подвергшихся любым формам физического или психического насилия. Детям оказывается первичная психологическая помощь, персонал проводит первичный медицинский осмотр и в случае необходимости направляет в стационарное медицинское учреждение [6, 230; 248].

Из выше перечисленного можно сделать вывод, что высокий уровень домашнего насилия в значительной мере связан с отсутствием в России системы ранней профилактики и комплексного подхода к проблеме домашнего насилия. Большинство форм насилия представляют собой с точки зрения законодательства правонарушения или преступления, наказуемые в административном или уголовном порядке.

1 Агапов Е. П. *Семьеведение : учебное пособие* / Е. П. Агапов, О. А. Норд-Аревян. – М. : Издательско–торговая корпорация «Дашков и К^о», 2010. – 400 с.

2 Кошелева А. Д. *Психологическое насилие над ребенком в семье, его причины и следствия* / А. Д. Кошелева, Л. С. Алексеева // *Насилие в семье : с чего начинается семейное неблагополучие*. – М. : ГосНИИ семьи и воспитания, 2015. – С. 21 – 69.

3 Мартыненко А. В. *Теория медико–социальной работы* / А. В. Мартыненко. – М. : Издательство Московской гуманитарно–социальной академии, 2007. – 420 с.

4 *Об основах социального обслуживания граждан в РФ [Электронный ресурс] Федеральный закон от 28. 12. 2013 г. № 442-ФЗ (ред. от 21. 07. 2014 г.)*. – Режим доступа : http://www.consultant.ru/document/cons_doc.

5 Платонова Ю. П. *Насилие в семье: особенности психологической реабилитации* / под ред. Н. М. Платоновой, Ю. П. Платонова. – СПб. : Речь, 2004. – 225 с.

6 *Социальному работнику о проблеме домашнего насилия* / под ред. А. Б. Синельникова. – М. : Университетская книга, 2011. – 262 с.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ, ПРОИСХОДЯЩИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЭРЗЯНСКОЙ СЕМЬЕ

Ледяйкин Е.Е. (Саранск)

Опыт последних десятилетий показал, что достаточно инертному в предыдущие столетия социальному институту семьи оказались свойственны быстрые трансформационные процессы, приводящие к кризису. К таким процессам необходимо отнести: повсеместное распространение малодетности, увеличение неполных семей, практическое отсутствие многопоколенной семьи, высокие показатели миграционной мобильности.

Это особенно касается семей, имевших ранее ярко выраженные этнонациональные характеристики, в том числе эрзянских семей. Отмеченные процессы детерминированы, во-первых, изменяющейся социокультурой России в целом, а во-вторых, если речь идет именно об эрзянских семьях, имеющимися социально-экономическими условиями в Республике Мордовия.

Исторически каждый народ России транслировал свои национальные особенности, воздействовал на другие народы и одновременно ощущал влияние других культур. Естественно, что такая активная включенность в процесс взаимодействия возможна при достаточно высокой численности народа – носителя национальной культуры, которую имел в свое время мордовский народ: в советский период его численность составляла свыше 1211 тыс. человек [1, 57]. К настоящему времени численность мордовского народа существенно сократилась: по данным переписи 2002 г. его численность была 843 350 человек, в 2010 г. – 744 237 человек (из числа указавших национальную принадлежность). При этом по переписи 2010 г. 45 % мордвы проживало на территории Республики Мордовия [2]. Также необходимо отметить тенденцию снижения количества людей, идентифицирующих себя не просто как представитель мордовской национальности, а как представитель мордвы-эрзи или мордвы-мокши. Со снижением численности народа теряются национальные и культурные отличия.

Указанные факты показывают важность и актуальность исследования трансформационных процессов, происходящих в современной эрзянской семье.

С целью проведения такого исследования нами в апреле – августе 2015 г. проведен анкетный опрос «Социокультурная детерминация трансформационных процессов, происходящих в современной эрзянской семье в России». В ходе исследования методом целевой выборки было опрошено 319 человек; основным критерием для отбора явились принадлежность к эрзянской национальности и доступность для опроса.

Объектом исследования являлись эрзянские семьи в России, но поскольку наиболее компактным местом проживания эрзянских семей, как уже отмечено выше, является Республика Мордовия, то опрос был проведен в основном в данной республике: среди опрошенных 93,7 % проживают в Мордовии, 5 % – другом субъекте с компактным проживанием эрзянского населения в своей языковой и этнической среде, 1,3 % – регионе вне своей языковой и этнической среды.

Анализ национального состава семей респондентов показал, что в течение смены поколений (респонденты – их родители – прапородители) существенно снизилось количество однонациональных браков: с 72,8 % до 49,5 %. Особенно заметным является увеличение числа смешанных эрзянско-русских браков – с 12,4 % до 39,9 %. Это свидетельствует о проявлении активной ассимиляции эрзянского и русского народов. С одной стороны, такую сложившуюся ситуацию можно оценивать как признак сближения народов, утверждения чувства толерантности, снижения уровня межнациональных конфликтов. С другой стороны, утрачиваются, нивелируются традиции эрзянских браков. В последнем случае заметна тенденция увеличения смешанных браков – их доля в общей численности браков у опрошенных увеличивается почти в 2 раза в каждом поколении (12,4 % – 22,7 % – 39,9 %).

Наиболее заметной является тенденция снижения рождаемости в современной эрзянской семье. Число семей с одним ребенком увеличилось от поколения прапородителей к поколению респондентов в 7 раз: с 4,6 % в поколении прапородителей до 32,4 % семей в нынешнем поколении.

В среднем в семье респондентов количество детей составляет 1,53, в семьях прапородителей – 3,35. Выявленный показатель количества детей в современной эрзянской семье не обеспечивает воспроизводство представителей эрзянского народа в регионе.

Данные исследования показывают, что экономические трудности выступают на первое место среди факторов, которые препятствуют росту рождаемости (так ответили 68,6 % респондентов).

При этом 61,5 % опрошенных семей оценили свой уровень доходов как средний, 28,8 % - ниже среднего, 8 % дали оценку «выше среднего» и 1,7 % - за «чертой бедности». В то же время большая часть опрошенных указали, что их уровень жизни стал выше, чем уровень жизни их родителей и прародителей. Однако повышение уровня жизни респондентов в сравнении с их прошлым поколением не сопровождалось сохранением высокой рождаемости, которая существовала в семьях прародителей; получается, что уровень жизни улучшился, а количество детей в семье уменьшилось.

К числу наиболее важных факторов, влияющих на семью у эрзян в настоящее время положительно, респонденты отнесли сохранение эрзянского языка (79,7 %), национальной традиционной культуры (78,1 %), влияние религии (66,1 %), жилищную (65,1%) и семейно-демографическую политику (59,0 %) в регионе. В качестве негативных в первую очередь отмечены социальные и демографические факторы: алкоголизм, наркомания (93,0%), ослабление семейно-родственных связей (87,5 %), сокращение сельского населения, «вымирание» деревни (87,4 %), распространение малодетности (81,1 %); далее отмечен фактор состояния экономики, уровень доходов в регионе проживания (66,1 %). Характер данных факторов позволяет утверждать, что во многом усилить их позитивное влияние и устранить негативное можно только при активном участии самого населения. Наряду со стимулирующими и поддерживающими социальными и экономическими мерами со стороны государства необходима активная жизненная позиция самих граждан в вопросе укрепления института семьи и распространения национальных традиций.

Одним из важных средств для передачи национальной культуры, а также сохранения идентификации с национальностью является язык. На сегодняшний день отмечается существенное снижение доли семей, в которых используется для общения эрзянский язык: в поколении прародителей эта доля составила 67,4 %, а в семьях респондентов – 22,6 %. При выявлении причин, по которым респонденты не используют родной эрзянский язык, было выявлено, что основной причиной является недостаточно свободное владение языком, плохое знание языка – 66,0 %.

Таким образом, эрзянская семья претерпела существенные изменения, традиционный тип семьи сменяется новым типом семейных отношений, совмещающим часть традиционных и современных черт. Приоритет интересов семьи и соблюдение национальных семейных традиций постепенно уходит из жизни новых поколений, что не может не вызывать тревогу и обуславливает необходимость принятия соответствующих мер семейной, социальной и национальной политики в регионе.

1. *Абрамова О. В. Расселение и динамика численности мордовского этноса в конце XX – начале XXI в. / О. В. Абрамова // Финно-угорский мир. – 2014. – № 1. – С. 56 – 61.*

2. *Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа : http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.*

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТ СЕМЬИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ: ОРИЕНТИРЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Лесина Л.А. (Екатеринбург)

Аннотация. В статье представлен анализ результатов социологического исследования процесса конструирования будущей семьи студенческой молодежью. Использование качественной стратегии анализа позволило раскрыть содержательные характеристики социального конструкта семьи молодого поколения.

Динамика социально-экономической и социокультурной ситуации в российском обществе определяет изменения в общественном сознании, в частности, влияет на брачные и репродуктивные установки и возможности молодого поколения. Между тем, именно молодежь является базовым репродуктивным потенциалом социума [1, С.75]. Вокруг содержания и структуры семейных ценностей молодого поколения традиционно разворачивается дискуссия с максимальным разбросом высказываний. Стало расхожим утверждение о кризисе семейных ценностей молодежи. Так ли это на самом деле?

Для построения эмпирической модели исследования субъективных представлений молодого поколения о семье были использованы основные положения методологии социального конструирования. В рамках предпринятого анализа социальный конструкт семьи определялся нами как интерпретативная модель, используемая личностью в качестве ориентира в выстраивании семейных отношений.

На основе качественной стратегии в 2017 г. в Уральском федеральном университете было проведено исследование среди выпускников (количество опрошенных – 122 человека в возрасте от 21 года до 23 лет). Для получения субъективных представлений о семье студентам предлагалось написать сочинение в произвольной форме на тему: «Один день из жизни моей семьи через 10 лет». Информанты не анализировали актуальную ситуацию в своей семье, а осмысливали собственную семью в будущем, превращая ее в предмет общих размышлений и представляя ее в виде образов и моделей.

При интерпретации результатов исследования особое внимание уделялось уровню структурированности субъективных представлений о семье, содержанию семейных ценностей, а также эмоциональному отношению к представленным в текстах элементам конструкта будущей семьи.

Анализ текстового материала, содержащего индивидуальные представления о семье, показал, что для подавляющего большинства молодых людей «семья на первом месте»: «наконец-то я вернулся с работы, я дома и самое главное, что не один!» Эмоциональная составляющая конструкта информантов органично «вплетена» в позитивный образ семьи: счастливые дети, любящий муж (жена).

Как и ожидалось, девушки более эмоционально и ярко представляют себе будущую семью, от партнеров по браку ждут не столько материальной обеспеченности, финансовой помощи, сколько взаимопонимания, заботы, душевного тепла. Конструкт семьи в представлениях большинства девушек более структурирован, продуман до мельчайших деталей (имена детей, клички собак). Молодые люди более сдержанны, схематичны в конструировании моделей будущей семьи. Они ориентированы на партнерские отношения с женой, готовы разделить поровну заботу о детях и многочисленные бытовые обязанности: «вместе с женой проводим время за совместной готовкой ужина», «жена уехала на работу, а я везу на машине старшего сына в школу, младшего в садик». Однако молодые люди чаще упоминают достигательные характеристики конструкта будущей семьи: наличие дорогого автомобиля, «живем в пентхаусе», «чтобы обеспечить семью, я организовал собственный бизнес» и т.д.

Представления о взаимоотношениях с брачными партнерами, несомненно, идеализированы и основываются на ценностной основе взаимного уважения, бесконфликтного общения, совместного участия в решении всех семейных вопросов. Следует отметить, что некоторые стереотипы традиционного понимания семейных ролей сохранились и прочно укрепились в представлениях и соответствующих конструктах молодежи: муж по-прежнему кормилец и защитник семьи.

В процессе конструирования актуализируется структура ценностей личности, поэтому семейные ценности молодежи зачастую представлены в формате различных достижений:

- обеспечение материального благополучия семьи в целом («хотелось бы всем самым лучшим обеспечить детей»),
- психологический комфорт в семье («мы с мужем легко понимаем друг друга», «душевные разговоры с мужем»), семья воспринимается как оплот стабильности и надежности в динамично меняющемся внешнем мире,
- наличие собственной просторной квартиры и (или) загородного дома, наличие двух машин (как правило, весьма дорогих),
- любовь («дома меня ждут любимая жена и дети», «мой муж очень любящий и добрый человек», «любимая семья»),
- забота о близких людях («после работы покупаю своей жене шикарный букет, а детям сладости и игрушки», «мой дом наполнен заботой друг о друге», «каждый день созваниваюсь с родителями»).

Молодому поколению свойственны ноуэвистские настроения [2]: хочется в достатке жить здесь и сейчас, а не в отдаленном будущем. Модель «с милым рай и в шалаше» не приемлема для современной молодежи. Несмотря на то, что уровень квалификации сразу после окончания профессионального образовательного учреждения еще невысок, стратегия развития

профессиональной карьеры находится на начальной стадии реализации, соответственно, и доходы тоже небольшие. Молодая семья наиболее уязвима на начальном этапе своего существования.

В решении возникающих личных проблем превалирует ориентация на собственные силы, что подчеркивает ценность индивидуализации для молодежи. Для большинства информантов родители значимы, важны, но контакты с ними носят скорее отстраненный характер. Большая часть молодых людей стремится к независимости от родительской семьи и к отказу от родительского опыта конструирования семьи. Возможно, молодому поколению кажется, что родительские семьи не адаптированы к жизнедеятельности в условиях высокой степени конкуренции в экономике, к динамике социокультурных изменений в трансформирующемся обществе. Однако молодые люди рассчитывают на помощь родителей в решении различных проблем: «отвезем детей на выходные дни к бабушке и соберемся с друзьями в кино, потом – в кафе».

Конкретизация функционального наполнения семейных отношений в представлениях молодых людей оказалась весьма предсказуемой: лидирующей является репродуктивная функция семьи. Самый часто встречающийся способ конструирования семейных отношений – рождение детей: «к тридцати годам я вижу себя матерью двух детей». Чаще всего упоминается рождение двух – реже одного или трех - детей. Однако планы молодых людей могут расходиться с реальным репродуктивным поведением. На втором месте по частоте упоминания в анализируемых текстах оказалась функция обеспечения психологического комфорта и досуговая функция («после работы встретились с женой в уютном кафе», «с детьми пошли в цирк»).

Представления о будущей семье не только идеализированы, но и во многом подвержены влиянию стереотипов, навязанных рекламой, СМИ: «тихий вечер в загородном доме, когда у горящего камина за большим столом собралась семья», «вся семья собралась за одним столом и обсуждаем планы на день», другой вариант: «семейный ужин, обсуждение всего происшедшего за день».

Итак, семья по-прежнему остается смысло-жизненной ценностью для молодежи, ориентированной в обозримом будущем на создание семьи, рождение детей, поэтому представляющей собой ближайший демографический резерв. Однако при столкновении с социально-экономическими реалиями молодежь вынуждена адаптироваться к ним, что ведет к корректировке несколько идеализированных представлений молодого поколения о собственной семье. Социальный конструкт семьи в системе представлений молодежи является таким феноменом, который, с одной стороны, отражает глубинные убеждения личности, ее индивидуальный опыт, с другой, опосредован влиянием различных социализирующих институтов и структур. Это открывает возможности для внешнего воздействия на установки, представления и реальное поведение молодежи в сфере брачно-семейных отношений со стороны органов государственной и муниципальной власти с использованием широкого спектра их ресурсов. Активная позиция государства и местных органов власти в социально-экономической поддержке молодых семей может иметь решающее значение для создания и сохранения успешных и устойчивых семейных отношений и, в конечном итоге, для улучшения демографической ситуации в трансформирующемся обществе.

1. Ростовская Т.К. Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей (итоги всероссийского межвузовского исследования)// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. №4(40). С. 73-81.
2. Студент – 2012: Материалы шестого этапа социологического мониторинга /отв. ред. Ю.Р. Вишневецкий. – Екатеринбург: УрФУ, 2012. – 332 с.

ДИНАМИКА РЕПРОДУКТИВНЫХ УСТАНОВОК НАСЕЛЕНИЯ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1978-2016ГГ.

Ляликowa С.В. (Москва)

В данной работе представлены результаты сравнительного анализа двух социолого-демографических исследований «Семья и дети – 1978» и «Мониторинг образа жизни супружеских пар с разным числом детей – 2016», которые позволяют проследить динамику репродуктивных ориентаций респондентов за последние 40 лет, знакомят читателя с реальными значениями индексов предпочитаемых чисел детей, а также на основе эмпирических данных позволяют сформировать группы по степени сплоченности супружеских пар и удовлетворенности имеющейся

потребности в детях, выступающие как наиболее ценными и результативными с точки зрения семейно-демографической политики.

Общемировой тенденцией, захватившей сегодня большинство европейских стран, в том числе Россию, является распространение малодетного образа жизни. Данный процесс характеризуется не только ослаблением социальных функций семьи, поступательным снижением коэффициентов рождаемости, но и что более важно снижением уровня фамилистических ценностей и потребности в детях. В сложившейся ситуации необходимо грамотное проведение семейно-демографической политики, основанной на комплексном подходе, а не только на факторах экономического стимулирования.

В рамках исследовательского массива кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова был проведен сравнительный анализ результатов двух социолого-демографических исследований: «Семья и дети – 1978» и «Мониторинга образа жизни супружеских пар с разным числом детей – 2016», где на небольших выборках был осуществлен одновременный опрос мужей и жен. Для удовлетворения критериям сопоставимости из двух массивов были отобраны двудетные пары, проживающие в городе Москва и Московской области.

Социально-демографический портрет

Средний возраст супругов в 1978 году составил 33,0 года. На момент вступления в брак возраст невесты - 21,1 год, жениха – 25,3 года. Уровень образования опрошенных оказался несколько выше, чем у трудоспособного населения Москвы и городского населения СССР. На момент опроса 30,5% мужчин и 19,0% женщин получили высшее образование. Материальное положение супругов можно характеризовать как среднее, так большинство ответивших (62,8%) имеют возможность приобретения бытовой техники и электроприборов (51,2%). В 2016 году, средний возраст опрошенных составил 42,4 года, причем разница между мужем и женой равна 1,4 года, а возраст женщины совпал со средним возрастом горожанки 2015г. по данным Росстат. Большая часть выборочной совокупности представлена лицами с высшим образованием (73,7%), а четверть мужчин обрадают средне-специальным образованием (24,4%).

Анализ поколенческой детности супругов, а также индексов предпочитаемых чисел детей частично подтвердили гипотезу о снижении репродуктивных установок респондентов. За последние 40 лет значение индекса ожидаемого числа детей снизилось на 0,9 ребенка, желаемое число детей - на 0,42 ребенка. Оказалось, что родители двудетных участников опроса в 1978 году, по современным меркам, являются многодетными, их фактическая детность составила 3,43 ребенка. Собственным детям опрошенные советуют сократить число рождений, по сравнению с прародительскими семьями, до 1,96 для дочери и 2,01 для сына. В тоже время в 2016 году, советуемая своим детям детность, превосходит фактическую детность самих родителей и составляет 2,41 ребенка. Некоторый отход от общего тренда обусловлен в первую очередь политикой материнского капитала, проводимой в нашей стране с 2007 года.

На основе совпадения и несовпадения ответов супругов на вопросы о разном числе детей, был рассчитан индекс внутрисемейной согласованности. К группе согласованных были отнесены супружеские пары с одинаковыми ответами (1-1; 2-2; 3-3 и др.), а также пары, ориентированные на многодетность в разных ее модификациях (3-4; 4-3; 3-5 и др.). Смешанные типы семей составили группу несогласованных, прочие были отнесены к затруднившимся ответить.

Итак, исследование 1978 года характеризуется высоким процентом согласованных типов семей по идеальному (48,8%), желаемому (48,8%) и ожидаемому (76,7%) числу детей. В распределении по ожидаемому числу детей преобладают в первую очередь ориентации на двоих детей (85,1%). Среди половины респондентов отмечается установка на многодетность (50,8%) по индексу желаемого числа детей. Группы, сформированные по идеальному числу детей, оказались примерно одинаковыми, с небольшим перевесом смешанных типов семей. Исследование 2016 года демонстрирует нам схожую картину с преобладанием согласованных типов, выделившихся в группе по ожидаемому числу детей (65,4%), с нацеленностью обоих супругов на двудетность (61,3%). Также отмечается повышенное число смешанных типов семей, вследствие которого возрастает процент несогласованных семей, по каждой из выделенных групп.

Предметом дальнейшего анализа стали разно-ориентированные пары, так в 2016 году, среди несогласованных пар, всего 12,8%, где хотя бы один из супругов разделяет установку на многодетность. Воздействие на данную категорию может стать наиболее действенной при разработке и применении мер семейно-демографической политики.

Проверка гипотезы, чем выше согласованность в семье, тем больше значения предпочитаемых чисел детей (идеального, желаемого и ожидаемого) производилось на основании корреляционного анализа между переменной рассчитанной на основе коэффициента Кендалла между супругами с идеальным, желаемым и ожидаемым числом детей. Оказалось, что в 2016 году проделанная корреляция показала статистически значимые результаты (идеальное: $(F(2,135) = 5,511, p = 0,005)$, желаемое: $(F(2,136) = 3,621, p = 0,029)$, ожидаемое: $(F(2,138) = 3,360, p = 0,038)$). Данный факт показывает особое значение внутрисемейной согласованности при выработке супружеской репродуктивной установки на число детей. Повышение внутрисемейной согласованности неизменно приводит к увеличению значений идеального (с 2,2 до 2,8; увеличился на 0,58), желаемого (на 0,34) и ожидаемого (на 0,63) чисел детей. В связи с чем, можно заключить, что дополнительную эффективность мероприятий связанных с повышением рождаемости могут обеспечить меры, нацеленные на формирование в семье благоприятного микроклимата.

Индекс степени удовлетворения потребности в детях по данным социолого-демографических исследований показал, что в 2016 году вероятность рождения третьего ребенка оказалась значительно ниже, чем в 1978 году. Полностью и частично удовлетворенная потребность в детях отмечается у подавляющего большинства респондентов (74%). Это может быть связано с влиянием политики материнского капитала, активно пропагандирующийся в СМИ, под действием которой потенциальные репродуктивные когорты уже реализовали свой имеющийся потенциал (на двоих детей). Положительного эффекта можно добиться лишь при воздействии на слои неудовлетворенного населения, которые составляют примерно 15%.

Повышение суммарного коэффициента рождаемости до уровня простого воспроизводства населения ставит перед государством особую задачу ведения грамотной семейно-демографической политики, акцентирующей внимание не только на средства материального стимулирования, непосредственно воздействующие на активизацию установок на тайминг рождений. Необходимо придерживаться комплексного подхода, акцентирующего внимание не только на экономическом факторе стимулирования рождаемости, но и ценного аспекта. Именно научно – обоснованный подход, с опорой на исследовательские данные позволит не только повысить полноту реализации имеющейся у населения потребности в двух детях, но и способствовать ее реальному увеличению до трех детей.

ВЛИЯНИЕ РЕКЛАМЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ ПОЛОРОЛЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В СЕМЬЕ

Мартынова Ю.А. (Уфа)

Основой любого общественного развития является полноценное функционирование социального института семьи. Важнейшими функциями семьи являются репродуктивная и воспитательная. Таковы функции нормальной традиционной семьи – семьи, основанной на официально зарегистрированном, гетеросексуальном браке, с двумя родителями, в которой обязательно имеются дети. В такой семье отец является «главой», духовно и экономически определяющим началом ее развития, а мать – «хранительница очага», основной задачей которой является забота о появляющихся детях и муже и поддержание существующего в семье порядка. Такая семья предполагает единобрачие и родственно-семейный принцип организации жизни. К сожалению, такой тип семьи сейчас, по мнению многих, уходит в прошлое.

Многие исследователи семьи и брака считают, что изменения семейно-брачных установок и ориентаций в современном обществе связаны с историческими изменениями института семьи, переходом от традиционной формы семьи к современной.

Отличительными чертами современных моделей семьи являются следующие:

- 1) первенство экономических целей индивида;
- 2) ценности индивидуализма, независимости, личных достижений, «эгоцентризм»;
- 3) переход к децентрализованным нуклеарным семьям;
- 4) переход от развода по инициативе мужа к разводу, вызванному межличностной несовместимостью супругов;
- 5) переход от «закрытой» к «открытой» системе выбора супруга на основе межличностной избирательности молодыми людьми друг друга, независимо от предписаний;

б) переход от культуры многодетности с жестким табу на применение контрацепции к индивидуальному вмешательству в репродуктивный цикл, (т.е. к предупреждению и прерыванию беременности);

7) происходит переход от эры стабильной системы норм многодетности семьи к эре непрерывного исчезновения многодетности семьи с исторической сцены. Реальные изменения семейных структур в XX в. на всех континентах позволяют говорить о переходе к эпохе спонтанного уменьшения детности семьи, разводимости и падения брачности.

Кроме того, сегодня происходит усиление таких процессов, как: деградация семейного образа жизни, распространение альтернативных форм брачно-семейных отношений, снижение престижа семьи, увеличение количества безнадзорных детей, рост количества социальных сирот. Исследователи в своих мнениях сходятся в том, что эти процессы свидетельствуют, прежде всего, о девальвации семейных ценностей и кризисе социального института семьи.

Сегодня кризис семьи и брака зачастую связывается с гендерным конфликтом, под которым имеется ввиду противостояние женщин и мужчин в обществе по поводу их социальных ролей и позиций. Само наличие такой борьбы предполагает нарушение восприятия половых ролей в обществе. Биологически любой человек всегда является представителем определенного пола – мужского или женского. Процесс социализации мальчиков и девочек, мужчин и женщин существенно отличается друг от друга и предполагает усвоение ими моделей полоролевого поведения. С точки зрения В.И. Кагана, половая роль - это модель социального поведения, комплекс ожиданий, стереотипов, требований, адресуемых обществом людям мужского или женского пола. Она всегда зависит от особенностей той культуры, в которой человек воспитывается, а изменение традиционных моделей полоролевого поведения в конечном счете неизбежно приводит к разрушению всего уклада общественной жизни.

Наиболее зримо процесс разрушения моделей полоролевого поведения просматривается, на наш взгляд, при анализе результатов исследований психологов, изучающих проблему гендерных образов рекламы и проблему материнства как составной части половой идентификации женщины.

Реклама сегодня – одно из неотъемлемых явлений современной жизни. Часто в рекламе вторым планом обозначаются те социальные роли, которые должны выполнять мужчины и женщины. Рекламные образы очень сильно упрощены и стереотипизированы, но именно в таком виде они воздействуют на людей, заставляя их не только приобретать товар, но и переносить репрезентируемые рекламой стили полоролевого поведения в реальную жизнь.

И.В. Грошев отмечает, что в последнее время в рекламе образ женщины и мужчины трансформируется в совершенно непривычном для отечественного зрителя ракурсе. Через рекламу стал транслироваться образ женщины более независимой, активной, уходящей от привычной роли жены, матери, демонстрирующей на невербальном уровне высокомерную манеру поведения (при этом в подтексте можно ощутить неприязнь, которую она испытывает по отношению к мужчине). Образ мужчины при этом – инфантильный, беззаботный, безответственный субъект, не отягощенный заботой о ближних, да и в целом мало о чем задумывающийся [1].

Язык описания и образ видения того или иного явления формируются после прохождения через процедуру цензуры и потому определяются оценками, полученными в результате целенаправленного, методичного идеологического отбора. Самым удобным полем для этого являются СМИ, в том числе и реклама, представляющие широкое пространство для реализации репрезентаций и демонстрирующие результаты, полученные в ходе такого рода фильтраций. Известный немецкий социолог Э. Нозль-Нойман, говоря о способах воздействия СМИ на общественное сознание, подчеркивал "формирующую функцию СМИ" [4, с.245]. Размышления Нозль-Ноймана созвучны идеям М. Хоркхаймера и Т. Адорно. В своей работе "Диалектика просвещения" они рассматривают культурный аспект СМИ в ракурсе их вечной перманентной активности по производству смыслов, символов и кодов, которые затем берутся на вооружение в реальной жизни как пример для подражания. "Культуриндустрия, - пишут они, - путем запретов учреждает свой язык, с собственными синтаксисом и вокабулярием" [5, с.159]. Однако при этом следует учитывать, что СМИ в основном являются лишь каналами репрезентаций, они выдают некий продукт, уже прошедший предварительную "термическую обработку" в фильтрах идеологической цензуры. СМИ воспроизводят смыслы, произведенные другими инстанциями, и при этом являются идеальным средством воздействия на общественное и индивидуальное сознание.

Как утверждает Е.И. Кравченко, рекламодатели подспудно сообщают, чего от вас ожидают окружающие в более или менее типичной ситуации, каковыми должны быть ваши действия. Рекламодатели, предлагая свой товар, одновременно "продают" потребителю и версию социального мира, взаимоотношений в нем. Ю. Вильямсон очень точно подметил, что реклама не говорит просто "купи эту вещь", она осуществляет подмену и говорит: "Подари себе хорошее настроение, здоровье, уверенность в себе, сексуальную привлекательность для другого пола, будущую благодарность детей, самоудовлетворение... Мы покупаем не мороженое, колготки, шампунь, дезодорант или таблетки, а свое положение в обществе, на работе, в семье, на вечеринке, в школе, свое отношение к другим людям, свой образ и имидж, мы покупаем благодаря рекламе "самих себя".

Согласно М. Фуко, предложение о товарах и услугах составляет "первичный дискурс" рекламы, а представление об обществе, взаимоотношениях в нем – ее "вторичный дискурс". Именно ее вторичный дискурс отсылает зрителя (слушателя) к другим смысловым кодам, другим, не явным, не видимым, но имеющим первостепенное значение иерархиям. В первичном дискурсе может идти речь, например, о том, насколько чисто стирает тот или иной порошок, как прекрасно работает новая кухонная техника, какой незабываемый запах у этих духов и т.д. А вторичный дискурс информирует о том, кто стирает (должен стирать) порошком, кто готовит (должен готовить) пищу, кто принимает (должен принимать) решения и как надо себя вести, чтобы преуспеть в жизни.

Так, через рекламу предлагается не только товар, но и определенная система ценностей, образ жизни, не вписывающийся в традиционные полоролевые модели поведения и подспудно разрушающие их, а вместе с ними и всю систему взаимоотношений человека, включая семейные.

В целом можно сказать, что в современной России отмечается пропаганда через рекламу неприемлемой системы ценностей, разрушающей традиционные модели полоролевого поведения, включая семейные. Если данную тенденцию не остановить, то следует ожидать дальнейший рост личностных и социальных проблем, девальвацию всех господствовавших ранее ценностных систем и деструктивный путь общественного развития.

1. *Грошев И.В. Гендерные образы рекламы // Вопросы психологии. - 2000. - №6. - С.38-49.*
2. *Мон. Нина Крынина. «Роль СМИ в разрушении традиционных полоролевых моделей и семейных ценностей», материалы сайта <http://www.rusfront.ru/2021-rol-smi-v-razrushenii-tradicionnyh-polorolevyh-modeley-i-semeynyh-cennostey.html>*
3. *Мусеев П.В. «Образ женщины в современной рекламе», материалы сайта http://ms-solutions.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=581:2010-04-26-15-16-29&catid=51:2010-04-15-13-05-52&Itemid=19*
4. *Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996.*
5. *Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. М., СПб., 1997.*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ТИПА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ МОЛОДЫХ СЕМЕЙ С МЕСТОМ ИХ ПРОЖИВАНИЯ

Матвеева М.Е. (Санкт-Петербург)

Современный стадия социокультурного процесса накладывает отпечаток и на развитие семейных отношений, особо – на молодые семьи. Молодые семьи являются основой общества. Молодая семья - это семья, в первые 3 года после заключения брака (в случае рождения детей - без ограничения продолжительности брака) при условии, что ни один из супругов не достиг 35-летнего возраста. Какие типы семейных отношений молодых семей существуют в городской среде, а какие в сельской местности? В социологии выделяют несколько типов семейных отношений: патриархальный, матриархальный, партнерский и конкурентный. Для патриархальной (традиционной семьи) характерна экономическая зависимость женщины от супруга, функционально четкое разделение сфер семейной жизни и закрепление мужских и женских обязанностей (муж-кормилец, жена-хозяйка), признание приоритета мужчины при решении вопросов семьи. Матриархальная семья — это тип семьи, основанный на женском авторитете, экономической зависимости мужчины от супруги, признание приоритета женщины при решении вопросов семьи. Другими словами в данном типе семьи аналогичные функции закреплены за женщиной. Партнерский тип семьи является самым приемлемым вариант для большинства

современных людей, позволяющих регулировать совместимость супругов. Партнерская семья - тип семьи, основанный на взаимопонимании супругов и добровольном распределении ролей в соответствии с возможностями и способностями каждого, супруги экономически не зависимы друг от друга. Как правило, оба супруга работают, разница в доходе незначительна. Отношения построены на равноправии и доверии; все решения принимаются с помощью конструктивного диалога. В конкурентном типе семьи также нет главного и подчиненного, также разница в доходе незначительна, однако постоянно ведется борьба за власть. Конкурентные семьи лишены умения и желания договариваться и идти на компромиссы.

Безусловно, очевидно, что с течением времени традиционный тип семей отходит на второй, а то и третий план, повышается толерантность, становятся возможными гомосексуальные браки, все большую популярность набирают чайлдфри, сильно размываются гендерные стереотипы. Безусловно, существуют страны, в которых тип семейных отношений будет определен законом (примером могут служить страны Востока), однако, если говорить о России, где по сути все четыре типа семейных отношений легитимны, выбор молодой семьей того или иного типа будет зависеть как от субъективных факторов (черты характера, опыт, знания, образование и т. д.), так и от объективных, одним из которых является место проживания — сельская или городская местность.

Традиционная или же патриархальная семья больше характерна для молодых семей, проживающих в сельской местности. Для сельской местности присущи персонификация межличностных отношений, т.е. вытеснение и замена всех других типов отношений доверительно личными, плотный неформальный контроль за поведением каждого члена такой локальной общности, четкое функциональное разделение труда между мужчинами и женщинами, приоритет мнения и власти мужчины, принципы воспитания детей, выбор брачного партнера и иные ключевые вопросы подвергаются коллективному обсуждению, большее внимание в принципе уделяется коллективной деятельности.

В городской среде обитания более распространены партнерский и конкурентный типы отношений. В городах высокая плотность застройки территории, наличие большого числа транспортных магистралей социокультурного и инженерного назначения. Здесь присутствуют широкие возможности выбора учреждений досуга, быта и культуры, наличие огромного числа незнакомых людей, благодаря чему индивид чувствует себя более свободным и раскованным и в то же время получает возможность создавать или выбирать круг общения по интересам.

Черняк Е. М. Социология семьи: Учебное пособие. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К0», 2004. — 238 с.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Медведева Е.И., Крошилин С.В. (Москва)

Аннотация

Семья как социальное, демографическое и экономическое понятие изучается сегодня разнообразными науками. Существует достаточно много подходов к изучению этого многогранного понятия, которое за последние годы претерпело значительные трансформации в силу различных изменений в обществе. Больше всего проблемами семьи занимаются социологи, однако с демографической и экономической точки зрения следует больше уделять внимание к изучению данного института. Вся социально-экономическая система страны строится на "семейной экономике", которая является первичным звеном, основой выстраивания экономических отношений между индивидом и государством. Современная ситуация лишь усугубляет экономические проблемы российской семьи.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проект № 17-32-00005.

С экономической точки зрения семья оказывает значительное воздействие на состояние экономики страны. Вся социально-экономическая система страны строится на "семейной экономике", которая является первичным звеном, основой выстраивания экономических отношений между индивидом и государством. Семейная жизнь, будучи сферой особых отношений между людьми, сложно ложиться в логику товарно-денежных отношений, однако это не означает, что семья живет вне экономических законов [1] (Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проект № 17-32-00005).

Согласно трудам Г. Беккера большинство сфер человеческого поведения подчиняется тем же принципам, что и остальные процессы производства и сбыта товаров. Он предложил

комплексный подход, который доказал сходство этих процессов и был отмечен Нобелевской премией в 1992 году. Беккер объяснял многие социальные явления (например, расовую дискриминацию, неравенство в образовании, ведение домашних хозяйств, преступность, причины вступления в брак и разводы, планируемую численность детей и т.п.) с точки зрения «экономической выгоды». С экономической точки зрения в "социальной экономике" семьи особое место занимает семейный бюджет. Это структура всех доходов и расходов совместно проживающих индивидов (семьи) за определенный период времени (обычно бюджет рассматривается ежемесячно или годовой). Внимательный анализ семейного бюджета отдельной семьи (из разных социальных слоев) может дать весьма полное представление о состоянии экономики страны. Эмпирика семейного бюджета позволяет оценить экономическое развитие любой страны.

В России в период с 2002 – 2012 гг. наблюдался рост реальных денежных доходов населения в 2,2 раза. За эти десять лет значительно сократилась доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума с 24,6 до 10,7% в 2002 и 2012 годах соответственно. Однако остается достаточно высокой доля семей с детьми (возраст до 16 лет) в общей численности семей с доходами ниже величины прожиточного минимума - 62,2%. Анализ ситуации экспертами позволяет говорить о том, что ухудшение уровня жизни семей, возникающее после рождения детей, возрастает по мере увеличения числа детей в семье и составляет 16 % среди полных семей с 1 ребенком, 30 % среди полных семей с 2 детьми и 50 % среди полных семей с 3 детьми и более (в 2012 году) [2].

По данным статистики доля малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16 (18) лет в общей численности малоимущих домашних хозяйств в 2016 году практически не изменилась (по отношению к 2012 году) и составила 62,4%. Чуть сократилась доля домашних хозяйств с одним ребенком – 29,7%, увеличилась – с двумя детьми до 23,8% и с тремя и более до 8,8% по сравнению с 2012 годом. Почти треть (29,7%) в 2016 году из числа малоимущих домашних хозяйств с детьми в возрасте до 16 (18) лет в общей численности малоимущих домашних хозяйств – это семьи с одним ребенком, что почти на 4% меньше чем в 2012 году. Доля малоимущих семей с двумя детьми увеличилась на 2,5% в 2016 году по сравнению с 2012 годом; с тремя детьми увеличение составило 1,3% в соответствующих годах [3].

Вообще доля малоимущих российских семей в общей численности домашних хозяйств в 2015 году составила 9,0%, то есть почти каждая десятая семья испытывает значительные трудности с точки зрения финансового обеспечения. Причем каждая третья семья (33,6%) с детьми в возрасте до 3 лет (в общей численности ДХ с детьми до 3 лет) – малоимущая, так же как и каждая пятая семья (21,5% в 2015 году) с детьми в возрасте до 18 лет (в общей численности ДХ с детьми до 18 лет). Причем по сравнению с 2013 годом малоимущих семей стало больше в полтора раза [3].

Очевидно, что большинство домашних хозяйств (семей) в России не удовлетворены своим финансовым положением. В 2015 году каждая пятая семья в России испытывает значительные затруднения при покупке одежды и оплате жилищно-коммунальных услуг, 45% семей - не могут позволить себе покупку товаров длительного пользования. 1,2% домашних хозяйств (12 семей их 100) не хватает денег даже на еду. Причем наличие детей лишь усугубляет ситуацию. 3,7% семей в которых 3 и более детей испытывают трудности при приобретении; 27,3% таких семей не могут покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги. Однако показатели по семьям с одним или двумя детьми незначительно отличаются от домашних хозяйств, не имеющих детей и от общей статистики. [3]

Большинство российских семей (особенности молодых) испытывают проблемы с приобретением (с улучшением) жилищных условий. По данным государственной статистики число молодых семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях на конец 2016 года составило 387683 ед. Это на 8% меньше чем в 2012 году, но показатель все равно весьма высокий. Условия проживания российских семей оставляет желать лучшего, только каждое четвертое домохозяйство проживает в отдельной квартире или доме со всеми коммунальными удобствами (на каждого члена семьи приходится не менее 18 кв. м). Молодые и многодетные семьи в России являются наиболее нуждающимися в поддержке в решении данного вопроса со стороны государства. Согласно результатам комплексного наблюдения условий жизни населения, проведенного в 2011 году, семьи с детьми в 2,5 раза чаще, чем семьи без детей, испытывают стесненность жилищных условий, семьи, имеющие 3 и более детей, - чаще почти в 4 раза [2].

Проведенный анализ экономических трудностей и проблем позволяет сделать выводы о том, что государству следует и в дальнейшем уделять значительное внимание российской. Очевидно, что эффективность экономических мер невозможна без создания в обществе атмосферы приоритета семейно-нравственных ценностей, поддержки и всестороннего укрепления престижа семейного образа жизни. Особое значение в решение данной сложной задачи остается за государством, за развитием институтов связанных с семьей и самого института семьи. Повышение благосостояния и уровня жизни российской семьи не может быть достигнуто без комплексной государственной политики. Необходим рост доходов от трудовой деятельности граждан и грамотная система распределения льгот и социальной помощи для нуждающихся, инвалидов и неполных семей.

Таким образом, главным приоритетом успешного социального и экономического развития нашей страны должно быть укрепление института семьи как основы государства. Государственная семейная политика должна быть направлена на формирование условий, при которых российские семьи могли бы чувствовать уверенность в будущем, быть защищенными от социальных и финансовых рисков. Это способствовало бы появлению не только первых, но и вторых, третьих детей в российских семьях. Очевидно, что подобный подход мог бы значительно облегчить демографические, экономические и социальные проблемы в России.

1. *Семья в мире социальной экономики [Электронный ресурс]* <http://econominfo.ru/view-article.php?id=76> (дата обращения 18.09.2017)
2. *Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года (Правительства РФ от 25 августа 2014 г. N 1618-п) // Система ГАРАНТ [Электронный ресурс]:* <http://base.garant.ru/70727660/#ixzz4uBw1wjR1> (дата обращения 18.09.2017)
3. *РОССТАТ. Официальная статистика \ Население \ Семья, материнство и детство. [Электронный ресурс]:* http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat_ru/statistics/population/motherhood/ (дата обращения 18.09.2017)

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА В ОРГАНАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Мясоедов А.И. (Москва)

Аннотация

Проблема равноправия мужчин и женщин остаётся актуальной на протяжении продолжительного времени, и во все исторические периоды, дополнялась определенным содержанием обрстая определёнными характеристиками: формами, степенью социальной справедливости, целями, и др.

В последнее время предметом многих исследований стал гендерный баланс в органах власти. Важность вопроса обозначены принципом представительства, лежащий в основе современной демократии, говоря о том, что представители, являются выразителями специальных и общих интересов. Таким образом право выбирать представителя и право быть представленным стали основными и при этом гарантируются конституциями государств [4].

Ключевые слова: равноправие; дискриминация; гендерные ресурсы; гендерный баланс.

Позиции женщин в современном мире в государственных структурах подверглись изменению, по-прежнему гендерные отношения остаются наиболее напряженными и проблематичными в политической сфере, а сама деятельность остаётся сферой, где в основном работают мужчины [6].

Многие исследователи проблем гендерного равенства отмечают, что мужчинами отводится большая, по сравнению с женщинами, доля в выработке и принятии решений, в осуществлении функций через исполнительные, представительные и судебные органы, что показывает реальное положение женщин в обществе [3].

Данную проблему поднимали еще в середине 90-х годов прошлого века, в начале становления новой России, так в 1996 году Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным был издан Указ «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [1]. В котором говорилось, что количество мужчин на главных и высших должностях в структуре государственной власти преобладает над женщинами и их роли в обществе, несмотря на то, что

участие женщин в принятии решений могло бы способствовать повышению эффективности и качества этих самих решений, а также их исполнения.

Статистика показывает, что по стране средний показатель представительства женщин в органах государственной власти субъектов Российской Федерации составляет менее 15%; ниже всего в Самарской, Магаданской, Оренбургской областях, Чеченской республике около 4%; минимальные показатели в Новосибирской области и Республике Дагестан, 1,3% и 1,1% соответственно.

На муниципальном уровне существует определенная тенденция гендерных распределений относительно каждого отдельно взятого органа. Количество женщин – депутатов органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов составляет около 17%.

Сравнив представительства женщин в органах власти различных уровней позволяет можно сделать вывод, что на политикоуправленческом пространстве страны главенствует закон «гендерной властной пирамиды»: женщин меньше там, где больше реальной власти, особенно подкрепленной финансово [7].

Исследователи проблем гендерного равенства говорят о том, что современный расклад гендерного состава структур в Российской Федерации, можно называть «законотворческим патриархатом». Многие эксперты, как зарубежные, так и российские, говорят в первую очередь о том, что участие женщин в органах власти, важно не только для женщин, но и для общества в целом. Практика показывает что женщины более интересуются вопросами охраны прав и интересов детей, экологии, образования, социальной защиты населения, здравоохранения, борьбы с наркоманией и алкоголизмом и многие другие, чем мужчин [5].

Дискуссии о том, как достичь оптимального баланса представительства женщин и мужчин в органах власти, не утихают до сих пор. С одной стороны, сторонники квотирования, которые говорят о том, что поддержка женщин и их продвижения в политике необходима только в переходный период, с другой стороны, противники, которые напоминают, о том, что никто не ущемляет прав женщин, в связи с чем они должны вести борьбу на общих основаниях, без каких-либо льготы. Доступ женщин к представительным органам зависит от большого количества факторов, которые связаны с функционированием и организацией самой власти в целом, с критериями отбора и процедурой, которые используются политическими партиями в избирательном процессе [8].

Возможные перспективы роста роли женщин в принятии решений будут зависеть от путей развития женского движения в Российской Федерации, от того, как удастся выработка и координация общей целенаправленной линии женским объединениям [2]. Таким образом, для достижения гендерного баланса, в политических структурах необходимо более активное развитие гражданской инициативы, исходящей от самих женщин, получение лидерских навыков и накопление опыта на поле политической деятельности.

1. Указ Президента РФ от 30 июня 1996 г. № 1005 «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации»
2. Артемьева Л. Женщины и политика // Развитие личности. 2004. № 1. С. 97-107 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rl-online.ru/articles/1-04/417.html>
3. Коновалова Г.В. Реализация права женщин на представительство в системе управления государством (на материалах социологического исследования) // Научный журнал КубРАУ. 2006. №5
4. Кочетков А.В. Конституционно-правовые основы обеспечения гендерно сбалансированного представительства в законодательных органах Российской Федерации и зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 3.
5. Никовская Л. Женщины в политике. Гендерное неравенство-серьезное препятствие на пути построения социального государства // Новая политика от 6.03.2009.
6. Николаева А.А. Вестник практической психологии образования. 2011. № 4. С. 67.
7. Радостева М.В., Суглобов А.Е. Вопросы региональной экономики. 2017. Т. 30. № 1. С. 101-104.
8. Савченко И.А., Кайманакова О.Б., Кожемяко О.С. Экономика и предпринимательство. 2016. № 2-1 (67-1). С. 796-802.

ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Никитина Д.О. (Санкт-Петербург)

Актуальность и теоретическая значимость исследования данной проблемы обусловлена отсутствием общеупотребимого понятия – «семья»: в семейном кодексе отсутствует определение этого понятия; в гражданском, жилищном и трудовом кодексах представления о семье различаются. На наш взгляд, подобная ситуация объясняется многогранностью феномена семьи, поэтому по-разному трактуется в кодексах Российской Федерации.

Кроме того, актуальность темы российской семьи определяется тем, что сейчас публикуется большое количество научных работ и исследований о семье, но единого мнения о современном состоянии семьи нет. Фиксируется лишь факт того, что количество разводов в мире, в том числе и в Российской Федерации, неуклонно растет.

Образ российской семьи собирательный с многолетней историей. Каждый исторический период наложил свой отпечаток на установление семейных отношений между супругами, детьми и старшим поколением.

Российские семьи изучали такие ученые как Д.И. Валентей, В.И. Переведенцев, С.И. Голод, Л.А. Гордон, Э.В. Клопов, Б.Ц. Урланиса, А.Г. Здравомыслова, И.В. Бестужева-Лады, И.С. Кона, Ю.Б. Рюрикова. Женскую занятость и семейное счастье изучали З.А. Янкова, Е.Б. Груздева, Э.С. Чертихина, Л.М. Кузнецова.

С развитием технологий, с расширением возможностей нередко создание семьи уходит на второй план. Молодые люди получают высшее образование, устраиваются на работу, заводят полезные знакомства. Нередким является факт того, что молодые люди чаще стали менять места работы, пробовать что-то новое. В связи с этим, вопрос о создании семьи откладывается, вступление в брак происходит в более зрелом возрасте [2]. Остановимся подробно на некоторых особенностях современной российской семьи.

Первая особенность - изменение состава семьи. Современная семья чаще всего является нуклеарной, то есть состоит из родителей и детей [3]. Остальные близкие родственники в нуклеарную семью не входят, чаще всего живут отдельно. Если раньше считалось обычным, если в одном доме живут молодые с детьми и родители, то сейчас все больше молодых семей стремятся как можно быстрее приобрести собственное жилье, снять в аренду и жить отдельно. Конечно, есть семьи, которые не могут себе позволить жить отдельно, поэтому живут вместе с родителями. Как следствие, в таких семьях с детьми «не спешат», а жизнь с другими членами большой семьи в одном доме может негативно сказываться на эмоциональном климате внутри маленькой семьи [5].

Еще одна особенность российской семьи – материальное неблагополучие. Под материальным неблагополучием здесь стоит понимать нехватку материальных средств, особенно после появления ребенка. Молодые родители - специалисты имеют идеальные завышенные представления о будущей профессии, но в итоге получают невысокую заработную плату и полную загруженность. Всегда есть боязнь потерять работу, при условии, что супруг(а) не работает, находится в декретном отпуске. Отдельно стоит отметить семьи, где есть больные дети или дети-инвалиды.

Молодые матери, только что вышедшие из декретного отпуска, на мой взгляд, имеют «шаткое» положение на работе, так как часто уходят на больничные с детьми, дети могут не сразу попасть в детский сад, или у ребенка тяжелая адаптация. Ведь часто бывает и такое, что помочь некому, родственники живут далеко.

Стоит отметить, что в Российской Федерации довольно низкий размер пособий по уходу за ребенком, в сравнении с той же Финляндией и Швецией. Уход за новорожденным, посещение узких специалистов, устройство в садик и посещение дополнительных секций – все это требует огромных средств, государство не может полностью покрывать все эти нужды.

«Современная» черта российской семьи – работают и муж и жена. Гендерное разделение трудовой деятельности уходит в прошлое. Теперь и женщина, и мужчина наравне трудятся, решают возникшие проблемы. Традиционное представление о том, что мужчина работает, а женщина дома хранит очаг и воспитывает детей - уходит в прошлое (такой расклад обычен и характерен для семей, члены которой менее образованы). Мужчина также может уйти в декретный отпуск, вести хозяйство.

С развитием современных технологий, Интернетом и большим множеством социальных сетей, появляется большая «влиятельная» сила – общественное мнение. «Общественное мнение,

которое является главным диктатором того, как следует жить, и попробуй только мыслить или поступать иначе, ни так, как окружающие люди и друзья – сразу же станешь белой вороной, чуть ли не изгоем [1]». Давление не только со стороны социальных сетей и друзей, но и со стороны близких родственников. Чего стоят только такие вопросы, как «Ну, что когда замуж?», «Когда за вторым?» насколько бы это смешно не звучало, но это имеет место быть. Чаще всего результатами влияния общественного мнения – несоответствие личных ожиданий и реальности, разочарование.

ВЦИОМ в 2016 году проводил исследование на тему того, какую семью россияне считают идеальной. Образ идеальной семьи, по мнению 87% респондентов, складывается из взаимопонимания, поддержки и уважения друг к другу и общностью интересов.

Растет количество россиян, которые считают, что права и обязанности в семье супругам следует делить поровну (45% в 2012 году, 52% - в 2016 году).

77% респондентов заявили о готовности жертвовать своими личными интересами, если они противоречат интересам других членов семьи. Причем, данное «осознание приходит с возрастом».

В данном исследовании было отмечено еще несколько образов идеальной семьи: 1) семья, в которой глава семьи берет на себя ответственность за остальных членов семьи и не допускает вмешательства в дела других людей; 2) семья, где царит равноправие супругов, принимают участие родственники в жизни.

Можно сделать вывод о том, что происходит полный уход от традиционной модели семьи, в плане того, что теперь на первый план выходит не материальная составляющая, а психологическая. Главным становится вовлечение мужчины во внутренние проблемы семьи, жертвование привычками – серьезные вызовы, и соответствовать таким запросам нелегко.

Семья не только ячейка общества, но и его модель, модель всех социальных связей и отношений. Семья уникальна тем, что одновременно является социальной группой и социальным институтом. Если говорить об образе семьи, то следует отметить, что теперь образ складывается из отношений между супругами, уважения и поддержки, материальная составляющая уходит на второй план.

1. Бурматов В. Проблемы современной семьи и общества: пути их решения. 2013
URL: <http://burmatovi.ru/problema-sovremennogo-obshhestva-i-znanie-sila>
2. Захарова С. Молодежь не торопится жениться. 2015
URL: <https://iq.hse.ru/news/177665638.html>
3. Исаев Б.А. Краткий курс социологии. 2010.
URL: https://lawbooks.news/sotsiologiya_910_912/osobennosti-osnovnyie-problemyi-sovremennoy-33410.html
4. Лебединская В.П. Современная российская семья как продукт, отражающий сложности и проблемы развития общественных отношений // Молодой ученый. 2015. № 23(103).
5. Хрипов К.А., Саляева Д.А. Проблемы молодых семей в Российской Федерации // Academy. 2016. № 12 (15). С. 88-90.

НЕПОЛНАЯ СЕМЬЯ И ОТВЕТСТВЕННОЕ РОДИТЕЛЬСТВО

Павлова А.В. (Санкт-Петербург)

Данные для исследования получены в результате опроса родителей или опекунов, воспитывающих детей в возрасте до 18 лет в условиях неполной семьи в ноябре 2015 г. В опросе приняли участие представители семей, имеющих официальный статус неполной семьи. Официальный статус неполной семьи имеет право оформить семья, в которой единственный родитель воспитывает ребенка (детей) в возрасте до 18 лет, если: родитель имеет статус одинокой матери; второй родитель умер, признан судом безвестно отсутствующим (умершим); второй родитель лишен родительских прав (ограничен в родительских правах); решение суда (судебный приказ) о взыскании алиментов либо соглашение об уплате алиментов на этих детей вторым родителем не исполняется. Метод исследования: стандартизованное телефонное интервью с использованием компьютерной системы. Выборка: 600 чел., статистическая погрешность: ±4% на уровне 95%. [1]

Среди участников опроса подавляющее большинство – женщины (99% против 1% мужчин); возраст респондентов от 19 до 79 лет. На момент опроса при определении семейного статуса 27,8% отнесли себя к разведенным, 47,9% – никогда не состояли в браке, 15,5% –

овдовели, 7,3% – состоят в «гражданском браке», 1,5% отметили, что живут порознь, но не разведены.

Подавляющее большинство (90%) характеризует отношения со своими детьми школьного возраста положительно, равные доли назвали их очень хорошими и хорошими, нормальными – 8,7%. Конфликтными отношения родителей и детей в своих неполных семьях назвали 1%, очень плохими их не назвал никто.

В ходе опроса респондентам был задан вопрос: «Приходилось ли Вам сталкиваться с негативным отношением общества к Вашей семье из-за того, что она неполная?». Анализ ответов позволяет заявить, что современное общество благожелательно относится к неполным семьям, независимо от причины их образования: абсолютное большинство (85,7%) представителей неполных семей не сталкивались с негативными проявлениями со стороны общества по поводу того, что семья неполная, негативный опыт имеют только 13,7%. Чаще с негативным отношением общества сталкиваются неполные семьи с низким доходом, чем со средним и высоким (18,1% против 10,1% и 4,1%).

Психологический дискомфорт от того, что семья неполная, испытывает треть взрослых (34,8%) и детей школьного возраста (35,5%), по мнению их родителей. Однако большинство как тех, так и других особых волнений по этому поводу не испытывают. Родители, признавшие факт своего недостаточного внимания к детям, чаще заявляют о наличии у их детей-школьников психологического дискомфорта по причине воспитания в условиях неполной семьи (42% против 31,8% тех, кто уделяет своему ребенку внимания столько, сколько хотелось бы). Взрослые, воспитывающие детей в условиях неполной семьи имеющие низкие доходы, чаще испытывают психологический дискомфорт, чем те, у кого доходы средние и высокие (41,6% против 28,2% и 23%). Аналогичная ситуация и в отношении детей школьного возраста из неполных семей (44% детей из семей с низкими доходами против 28,2% – со средними и 20,8% – с высокими). Более половины (61,8%) представителей неполных семей придерживаются мнения, что для полноценного развития и воспитания ребенка нужны обязательно оба родителя; треть (35%) считает, что это может обеспечить и один родитель. Семьи с низким доходом чаще согласны с утверждением, что для полноценного воспитания и развития ребенка нужны оба родителя (66,9% против 56,4% и 54,1% со средним и высоким доходом).

Основной источник дохода для большинства (66%) неполных семей – заработная плата (пенсия, пособие) родителя, для 18% – социальные выплаты, осуществляемые государством на ребенка (детей), для 12,7% – финансовая помощь родственников. Финансовое благосостояние каждой семьи диктует свой режим расходования денежных средств. Чаще всего неполные семьи экономят на развлечениях и отдыхе – 79,7%, более половины – на покупке одежды и предметов быта (63,8% и 61,8% соответственно), каждая вторая (52,2%) семья – на продуктах питания. Экономят на покупке лекарственных средств несколько реже по сравнению с другими видами экономии, однако эта доля очень велика: 42%, с учетом того, что речь идет о здоровье. Оценившие свой доход как низкий значительно чаще семей со средними и высокими доходами вынуждены экономить на покупке продуктов питания, лекарств, одежды и предметов быта. Семьи с высокими доходами реже экономят на развлечениях и отдыхе. Воспитывающие детей в условиях неполной семьи и ощущающие от этого психологический дискомфорт чаще экономят на всем вышеперечисленном по сравнению с теми, кто такого дискомфорта не испытывает.

Из числа опрошенных представителей неполных семей 77,8% работают. О проблемах или сложностях на работе, связанных с необходимостью выполнения родительских обязанностей, заявила четверть (24,4%) из них. Признавшие, что уделяют ребенку меньше времени, чем хотелось бы, чаще заявляют о проблемах на работе в связи с выполнением родительских функций (31,9% против 18,8% у тех, кто уделяет детям достаточно внимания). Те, кто уделяет достаточно времени воспитанию ребенка, чаще указывают, что таких проблем не возникало (81,3% против 68,1%). Таким образом, значительным препятствием для общения с детьми работа не является.

В большинстве случаев (65,8%) помощниками в воспитании и уходе за детьми становятся родители «главы» неполной семьи, 12,8% получают такую помощь от других родственников, каждый десятый от ближайших родственников со стороны отца (матери) ребенка (детей), 8,7% – от друзей, знакомых. В пятой части (19,2%) неполных семей такие помощники отсутствуют.

Среди воспитывающих детей в условиях неполной семьи большинство (61,5%) уделяют воспитанию ребенка (детей) столько времени, сколько хотелось бы; 37,2% хотели бы уделять детям больше времени. Естественным образом, респонденты в возрасте 19-29 лет (чаще являющиеся родителями маленьких детей по сравнению с другими возрастными группами) реже

указывают на то, что уделяют воспитанию ребенка меньше времени, чем хотелось бы (23,6% против 37,2% в целом по выборке). Естественным образом отметившие, что уделяют ребенку столько времени, сколько хотелось бы, чаще согласны с тем, что полноценное развитие может обеспечить и один родитель (38,2% против 28,7% среди отметивших нехватку времени на воспитание детей).

Большинство (65,7%) школьников из неполных семей занимаются в каком-либо кружке, музыкальной или художественной школе, спортивной секции. Каждый второй (52,2%) ребенок, учащийся в школе, имеет высокую степень увлеченности компьютерными играми и Интернетом. Одинаково популярными видами досуга среди школьников является посещение учреждений культуры, чтение книг, занятия спортом вне секции, игра во дворе, на улице, в парке или посещение развлекательных мероприятий (дискотеки, кино, спортивные мероприятия). В то же время велика (40,2%) доля школьников, назвавших в числе основных своих занятий просмотр телевизионных передач или видео.

Самым важным качеством, которое необходимо воспитывать в детях, взрослые считают доброту (52,7%), на втором месте – честность, порядочность (44,5%). Заметную долю «голосов» собрали также: уважение; отзывчивость, понимание; трудолюбие; ответственность, добросовестность; человечность, великодушие, милосердие и любовь; целеустремленность, дисциплинированность; образованность, любознательность; справедливость, нравственность; воспитанность, вежливость.

Среди респондентов, имеющих ребенка (детей) школьного возраста, абсолютное большинство (93,1%) никогда не вызывали в правоохранительные органы по поводу совершенных им (ими) правонарушений. У 6,9% такие посещения правоохранительных органов были. Родители, указавшие, что их дети испытывают психологический дискомфорт, воспитываясь в условиях неполной семьи, чаще имеют проблемы с правоохранительными органами, чем дети, которые такого дискомфорта не испытывают (13,7% против 3,5%).

1. Опрос проведен на средствах государственной информационной системы Санкт-Петербурга «Интегрированная система информационно-аналитического обеспечения деятельности исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга»

ОТЦОВСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Пермякова Т.В., Куимов В.С. (Екатеринбург)

В современных исследованиях маскулинности большое внимание уделяется отцовству как важному фактору мужской идентичности в рамках того или иного гендерного порядка. Отцовство обычно рассматривается в двух аспектах: как социальный институт, оказывающий существенное влияние на формирование нормативной мужественности [4, с. 281] и как практика, реальный опыт заботы о ребенке, определенные стили воспитания. Синтез институциональных и практических сторон отцовства осуществляется в социальной роли, включающей как институциональные (ролевые) предписания и ожидания, так и ролевое поведение, выражающее в конкретных действиях отца, направленных на материальное обеспечение, заботу и воспитание ребенка. Важным фактором, формирующим как институциональные, так и практические аспекты отцовства, является гендерная политика, под которой будем понимать совокупность идеологических принципов и практических мер, направленных обществом в лице государства, политических партий, общественных организаций и других структур на положение женщин и мужчин в обществе, соотношение их статусов и интересов.

Провозглашенное после Октябрьской революции равенство мужчин и женщин, несмотря на декларативность, не подвергалось сомнению, поэтому в специальной гендерной политике потребности не было, поскольку «женский вопрос» считался решенным, что было закреплено в Конституции 1936 г. Гендерная политика была сведена к семейной политике, особенностью которой был ее этатистический характер. В семейной политике и нормативных документах семья ассоциировалась исключительно с материнством, понятия отцовство и родительство отсутствовали. «Специфика советской модели заключалась в том, что государство поддерживало женщин как оплачиваемых работников и матерей и выполняло отеческие функции в отношении детей. Социальная забота о детях распределялась между государством и матерями, в то время как биологические отцы были отчуждены от своих семейных и родительских обязанностей» [4, с. 191]. Институциональные требования сводили роль отца к экономическому обеспечению семьи,

при этом традиционный гендерный контракт мужчины-кормильца имел в условиях советского строя свою специфику: основной функцией мужчины было не столько материальное обеспечение семьи, сколько «служение на благо и во имя Родины». Эта ситуация способствовала формированию феномена отсутствующего отца, его исключенности из приватной сферы, что нивелировало воспитательную функцию отцовства. В позднесоветский период, когда идеологические «подпорки» «служения отчизне» заметно ослабли, а потребности (особенно материальные) возросли, экономическая функция отцовства пришла в еще большее противоречие с функцией воспитания. Государство в семейной политике продолжало поддерживать материнство и игнорировать отцовство.

Постсоветский период принес существенные изменения. Конституция 1993 г. (ст. 19, ч. 3) закрепляет не только равные права и свободы мужчин и женщин в различных сферах, в т.ч. и семейной, но и равные возможности для их реализации, что можно рассматривать как шаг к гендерно сбалансированной семейной политике. В Семейном кодексе, принятом в 1995 г., наряду с понятиями «семья» и «материнство» впервые появляется понятие «отцовство» (ст. 1, ч. 1), определяются равные права матерей и отцов (родительские права) в отношении своих детей (ст. 61, ч.1).

Дальнейшие изменения в законодательстве, принятие ряда прогрессивных законопроектов, в частности, возможность отцами использования родительского отпуска приводит к изменению отцовских практик и расширяет спектр ролевых моделей отцовства. Анализируя современные отцовские практики И.С. Клецина выделяет 4 типа отцовства: «традиционный отец», «отсутствующий отец», «ответственный отец», «новый отец» [1, с. 37], различающиеся доминантой в выполнении отцовских функций. Доминанта «деньги» определяет традиционное (экономическое) и отсутствующее отцовство, доминанта «забота» порождает такие типы как новое отцовство и ответственное отцовство (последний тип является, скорее, переходным от традиционного отцовства к новому). «Новое отцовство» – в настоящее время наименее представленный тип – становится для мужчин одним из путей эмансипации, освобождения от навязанных социальных ролей, позволяет более продуктивно решать вопросы влияния на детей, лучше справляться с кризисными проявлениями в структуре мужской идентичности и способствует личностной самореализации мужчин [1, с. 40]. Акцент и поддержка доминанты «забота» в отцовской роли посредством гендерной политики стали бы значимыми факторами выравнивания родительских ролей и устранения противоречий отцовских функций.

Как на институциональном, так и на уровне реальной практики всегда существовало и продолжает оставаться актуальным противоречие между биологическим и социальным отцовством. Стабильный рост числа разводов и внебрачной рождаемости усиливают данное противоречие. Варианты биологического и социального отцовства сегодня достаточно разнообразны: биологическое отцовство возможно как в браке, так и вне его, социальное отцовство возникает в результате повторных официальных и фактических браков (отчим), приемное отцовство – в случае усыновления. Это разнообразие типов отцовства слабо учитывается в современной семейной и гендерной политике. На институциональном уровне государство для разрешения данного противоречия ограничивается исключительно экономическими мерами – нормативной регуляцией выплаты алиментов на содержание ребенка. При уклонении от уплаты алиментов к отцам государство имеет возможность применить определенные санкции, спектр которых сегодня существенно расширился, однако отсутствие реальной заботы о ребенке и контактов с ним не влечет никаких институциональных взысканий [4, с. 285]. Это означает поддержку все того же гендерного контракта мужчины-кормильца и сведение отцовских функций исключительно к экономической. В реальной практике данное противоречие порождает достаточно серьезные коллизии, когда отцовские функции выполняются в той или иной степени как биологическим, так и социальным отцом.

Отсутствие внимания и действенных механизмов со стороны государства приводит к возникновению отцовства как сферы дискриминации мужчин. Причинами дискриминации мужчин в семейной сфере в советский период российские исследователи считают брачно-семейное законодательство, ориентированное на материнство и его защиту, государственную мобилизацию мужчин, исключаящую их из приватной сферы, распространенность традиционных гендерных стереотипов, усугубленных гендерной политикой советского государства [3, с. 139]. Однако и сегодня семейная сфера остается областью дискриминации мужчин. Так, по результатам проведенного нами опроса мужчин г. Екатеринбурга (N=500, квотная выборка по признакам возраст и уровень образования, 2014 г.), 43,6% респондентов указали на ущемление прав отцов на

детей. В ситуации развода судьи чаще принимают сторону женщины, считая, что ребенку «с матерью всегда лучше», зачастую не обращая внимания на конкретные условия и ресурсы отца. Но не только судебная практика, но и «консервативное массовое сознание наших соотечественников не спешит признавать родительскую компетентность мужчин, воспитывающих детей без участия матери, выражая уверенность в том, что только женщине под силу справиться с ролью монородителя» [2, с. 109].

Несмотря на определенные позитивные изменения российская гендерная политика в семейной сфере по-прежнему ориентирована преимущественно на женщин, в центре внимания остается поддержка совмещения женщинами профессиональной деятельности и материнства и традиционного материнства. При этом отцовская роль остается в тени. Без усилий со стороны государства и создания определенных условий невозможно достичь подлинного гендерного равенства, предполагающего свободный выбор сферы самореализации – приватной, публичной или их сочетание – как для женщин, так и мужчин. Сознательное, ответственное выполнение отцовской роли во всем ее многообразном проявлении, безусловно, способствовало бы развитию семьи, сокращению уровня разводов, семейных конфликтов, а значит, и прогрессу общества.

1. Клецина И.С. *Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. 2009. № 3. С. 29-41.*
2. Семенова Л.Э. *Специфика родительского отношения и субъективного восприятия отцовства в контексте реального опыта мужчин-монородителей // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 2. 108-111.*
3. Чернова Ж. *Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход: колл. монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 138-168.*
4. Чернова Ж. *Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ. СПб.: Норма, 2008. 328 с.*

РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Прохоров А.И. (Москва)

Семья во всем мире это важнейший фундамент общества. Именно она с самого рождения формирует в человеке все его основные качества и знакомит его с миром социальных отношений. Какой бы она не была, маленькой или большой, счастливой или нет, мы обязаны ей своим появлением на свет и становлением нашей личности.

Кризис современного общества неразрывно связан с кризисом в семье. Общество формируется на духовно-нравственных основах человека, ответственность за формирование которых, полностью несёт семья. Из нее человек выносит именно те положительные или отрицательные качества, которые в будущем отразятся на его жизни. Семью можно сравнить с человеческим организмом. Только больная или нездоровая клетка может создать больной организм. Так и с семьей, духовно неразвитая семья воспроизведет на свет нездоровые личностные отношения.

Глубокие изменения в российской семье можно соотнести на начало 20-х годов прошлого века. С появлением новой идеологии, ухода от религии, разрыва с историей и традициями и зачисление многих моментов в «пережитки прошлого» сыграло свою роль. Самый очевидный пример в подтверждение тому, это появление термина «дореволюционный», то есть «устаревший».

Сейчас у нас отсутствуют двойные стандарты. Женщина делает все тоже самое, что и мужчина, занимает высокие должности, может больше зарабатывать, тем самым являясь главой семьи. Все выше перечисленное является основным отличием от семей наших бабушек и дедушек. Они строили семью в после военное время и жена пыталась всеми силами удержать своего мужа и сохранить свой брак.

Стоит обратить внимание и на молодые пары, которые планируют создать семью. В современном обществе появилось абсолютно нормальное отношение к гражданскому браку и внебрачным детям. Стоит принять так же во внимание и то, что сексуальные отношения до свадьбы, культ тела и отсутствие девичьей чести постепенно, но основательно разрушают институт брака. Доминантными признаками в выборе спутника своей жизни стала внешность, а не внутренний мир и личностные качества человека.

Еще одна проблема, из-за которой происходит множество ссор и распад семей – родители не подготавливают своих детей к семейной жизни. Они не готовят их и не готовятся сами, поэтому уход ребенка в свою семью для них процесс очень тяжелый. Появляются ссоры, обида, молодые люди тяжело уживаются вместе и происходит распад, так и не сформировавшейся молодой семьи. Уход от религии теперь оправдывает такие явления как аборт, измена, развод, что в современном обществе привело к их увеличению.

Отношение к гражданскому браку, а точнее просто к сожителству, стало терпимым. Женщины не вступают в экономическую зависимость от своего мужчины и без брака реализуют свои права. Так же нормальным стало и растить ребенка одной, без мужа, самостоятельно зарабатывать и строить свою карьеру. Многие понятия семьи просто исчезли. Многие не носят колец, скрывают свое положение, избегают брачных церемоний. Не нужным стало и венчание, как отказ от религии.

Смысл института брака всегда заключался в том, что существовали некие социальные рамки между мужчиной и женщиной, в частности касаясь репродуктивной функции. Все то что было важным и необходимым в семье 19 века, потеряло смысл сейчас. Последние десятилетия 20 века, четко утвердили новые приоритеты городской семьи в социальном мире, возрастание её самостоятельности и «суверенности». Но все же, с течением времени принцип «человек для семьи» и его советское приложение «семья для государства», окончательно разрушился. И на начальном этапе формирования «новой» российской семьи, все исследователи были уверены, что это будет стабильная семья городского типа, с одним или двумя детьми. Она будет полностью отличаться от патриархальной семьи 19 и 20 века, но сохранит свою преемственность. Но, видимо, организация личной жизни человека еще завершилась до конца и поэтому сделать такой вывод в данный момент невозможно.

И тут возникают новые вопросы. Что ждет наши семьи в будущем? Означают ли все эти перемены семейной жизни то, что российская семья начала свое разрушение? Если да, то можно ли, а главное как обратить данный процесс? Многие специалисты уверены, что традиционный уклад семьи уже давно забыт ушел в прошлое и возродить его не представляется никакой возможности. Но с другой же стороны, можно посмотреть на многочисленные изменения, которая семья претерпевала за многие тысячелетия своего формирования как социального института и увидеть, что многие ее функции менялись и меняются до сих пор. Но даже не смотря на свои многочисленные изменения, семья всегда оставалась и остается особой, маленькой ячейкой общества, которая всегда занимала свое почетное место среди социальных институтов. Она всегда регулировала воспроизводство, социализацией и становлением личности людей, что происходит и по сей день.

С развитием и эволюцией общества функции семьи всегда менялись и будут меняться. Так например, увеличивается число форм семей и гражданский браков. Но до конца еще не понятно какие изменения в будущем будет претерпевать такая ячейка общества, как «семья». Ясно одно, сейчас молодая девушка, которая находится в самом начале своего жизненного пути, получила свободу во всех аспектах своей жизни, в том числе и свободу выбора семьи, которой не было раньше. Она может выбрать абсолютно любую форму «идеальной» для нее семьи и в те сроки в которые сама захочет. Вместе с тем, у мужчины тоже есть такой выбор, но в современном обществе они начинают терять свое право быть единственным кормильцем в семье и переходят к обязанностям ведения домашнего хозяйства и уходом за ребенком, что было неприемлемо в 19 и 20 веках.

Но не стоит отчаиваться и делать поспешных выводов, ведь если посмотреть на динамику развития российской семьи, то следует обратить внимание на то, что она всегда очень чутко реагировала на происходившие социально-экономические изменения в нашей стране и достаточно быстро и адекватно под них подстроилась. В этом процессе она меняла свою форму и тип своей структурной организации. Сейчас основная характеристика современной семьи это то, что она нуклеарная, малодетная, городская семья эгалитарного типа. Но кто знает какие изменения она будет претерпевать в будущем.

ВЛИЯНИЕ ГЕНДЕРНОЙ АССИМЕТРИИ НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ МОЛОДЕЖИ В ПОЛИТИКЕ И ЭКОНОМИКЕ

Рассадина Д.С. (Москва)

Сегодня неравенство между полами уже не провозглашается прямо, однако различия, имеющие не только биологическое, но и социальное измерение, подчеркиваются повсеместно, а эта проблема особенно четко стала заметна в сфере управления. Особенно актуально изучить представления о гендерном неравенстве современной молодежи, поколения 2000-х. Это тот период времени, когда в России женщины начали успешно развиваться во всех сферах экономики. Уже прошло 26 лет с момента становления Российской Федерации, за это время трансформациями и радикальным изменениям подверглись все сферы нашей жизни, это способствовало изменению гендерной идеологии.

Мы предполагаем, что у современного поколения должны сложиться отличающиеся от поколения, родившегося в СССР (родители), представления в данной области. Если раньше в обществе господствовала патриархатная идеология, то, возможно, сейчас ей на замену пришла эгалитарная, способствующая гендерному равенству. Для прояснения этого вопроса 8-17 мая 2015 было проведено социологическое интернет-исследование «Представления молодежи о лидерстве, о месте женщины политической сфере: гендерный аспект».

Проблема исследования заключается в наличии гендерной асимметрии в сфере политики.

Объект исследования – группа молодежи – пользователи интернета.

Предмет исследования – представления молодежи о лидерстве и месте женщин в политической сфере.

Цель исследования – проанализировать гендерные представления молодежи о лидерстве и выявить определенные закономерности, касающиеся их стереотипов, относительно вероятности получения женщиной высоких государственных должностей (пост Президента России). В исследовании использовалась целевая выборка. Был опрошено 132 человека – 88 девушек и 44 юноши.

Для достижения цели исследования был сформулирован ряд гипотез, некоторые из которых были впоследствии подтверждены:

Подводя итоги исследования, выделим гипотезы, которые были подтверждены:

- Среди девушек меньше тех, кто не допускает для себя возможность проголосовать на выборах президента РФ за женщину, чем среди мужчин.
- Большинство респондентов считают, что мужчины и женщины имеют равные возможности, чтобы реализовать себя в жизни (69% от респондентов).
- Среди профессий, в которых мужчина превосходит женщину, респонденты называют сферы деятельности, связанные с физическим трудом и управленческой деятельностью. (Больше половины респондентов говорят о технической сфере, также популярными являются строительство, наука, спорт и военные области).

Также есть гипотезы, которые не были подтверждены:

- Большинство респондентов относятся нейтрально (по порядковой шкале = и да, и нет) к женщине на посту президента РФ (только 1/5 часть респондентов считает так, 30% абсолютно против, а 23% абсолютно за).
- Юноши по сравнению с девушками называют наиболее ранний возраст начала карьеры (девушки чаще называют 18-20 лет, а юноши 21-25).
- Среди юношей встречаются те, кто считает невозможным, что в ближайшие 10–20 лет пост президента России займёт женщина, в то время как среди девушек таких нет (больше половины респондентов и среди юношей, и среди девушек считают это невозможным).
- Современная молодежь является политически активной (70% таковыми не являются).
- Большинство девушек желают, чтобы пост президента страны в ближайшие 10-20 лет заняла женщина (66% девушек думают иначе).

Российская молодежь имеет традиционные представления о женщинах, в том числе, в политике, но у девушек наиболее положительное отношение к этому вопросу (индекс для девушек = 0,06, для юношей = -0,18). Если учитывать тот факт, что данное поколение является политически неактивным, то все становится понятно.

В обществе до сих пор сохраняется сильное влияние стереотипов о том, что мужчины и женщины по-разному подходят к руководству, но женщины уже укоренились во всех сферах, которые раньше считались «мужскими», и в нашем исследовании есть положительные тенденции: 60,8% молодежи готовы проголосовать на президентских выборах за женщину.

По результатам проведенного интернет-опроса были получены довольно неоднозначные данные, поэтому было решено воспользоваться качественной методикой и провести глубинное интервью, фокусированное на двух основных темах – гендерные аспекты экономики и политики. Было решено опросить 10% респондентов от выборки прошлого количественного исследования. Таким образом, было проведено 12 интервью (6 юношей и 6 девушек).

Главной целью был более глубокий анализ гендерных представлений современной молодежи и их соотношение с традиционной (патриархатной) и эгалитарной идеологиями.

Интервью было разделено на два тематических блока:

- Женщина и мужчина в экономической сфере.
- Гендерные аспекты политики.

Итак, проанализировав мнения молодежи по всем вопросам, стоит сделать общие выводы, и представить целостную картину гендерных представлений молодежи в экономике и политике. Что можно сказать:

1. Гендерные представления опрошенных юношей и девушек очень противоречивы, они соединяют в себе и традиционные, и эгалитарные взгляды.

2. Многие опрошенные вначале говорили, что они за равноправие, а потом, углубляясь в тему, воспроизводили гендерные стереотипы.

3. Девушки чаще юношей признают сам факт неравенства, в то время как вторые говорят о равноправии в современном мире. Это показывает проявление гендерной асимметрии.

4. Наибольшее распространение традиционные взгляды получили в вопросах, касающихся экономической сферы. Так большинство опрошенных посчитали, что все-таки стоит делить профессии на «мужские» и «женские» в силу биологических различий между полами, мужчины более сильные, более стрессоустойчивые, и т.д. Многие также выделили принципиальные различия в стилях руководства мужчины и женщины. Они отмечали, что первые более эмоциональны, дотошны. Некоторые утверждали, что женщины более требовательны, в связи с этим из них получатся более хорошие руководители. Кто-то утверждал, что женщины мыслят плоско, и могут руководить, если в их штате присутствуют мужчины. Но все сошлись на том, что есть разница между ними.

5. Эгалитарные установки проявили себя в вопросах, относящихся к политической сфере. Респонденты не видели различий между мужчиной-политиком и женщиной-политиком. Они утверждали, что все зависит от качеств человека, от его стремления к политике. А женщин мало потому, что они сами не хотят заниматься политикой. Кстати, все респонденты посчитали, что не стоит принимать никаких мер для продвижения женщин в политику, потому что, если человеку нужно, он сам будет заниматься тем, чем захочет. Все зависит от качеств и стремления.

6. Также эгалитарные взгляды проявили себя в вопросах, касающихся семейно-бытовой сферы. Молодые люди отмечали, что в семье обязанности должны делиться поровну, и супруги должны помогать друг другу во всем. Женщина в их представлении способна совмещать работу с домом одновременно, респонденты приводили множество примеров, некоторые из которых были связаны с их семьей, а некоторые демонстрировали жизнь довольно известных личностей.

7. Все респонденты сошлись в том, что в ближайшее время женщина не сможет занять пост президента России, так как это происходит в других странах, в силу гендерных стереотипов нашего общества, а еще в силу абсолютизма власти, так как многие выросли в то время, когда страной правит один президент, и они не представляют другого на его месте.

8. Относительно феминизма многие отмечали, что прозападное движение, а многие не понимали о чем идет речь, подразумевая под ним лишь рвение женщин к превосходству. Однако все отмечали, что Россия демократическая страна, и хотим мы или нет, но движения будут возникать.

9. В исследовании было опрошено 12 человек, это очень маленькая выборочная совокупность, чтобы говорить о репрезентативности данных. Но все-таки мы можем сделать некоторые выводы в каждой гендерной группе, выделить определенные закономерности во взглядах юношей и девушек, обозначить противоположные установки в их мышлении. Во-первых стоит сказать о том, что нет такого интервью, которое выражало бы чисто эгалитарную или

традиционалистскую точку зрения. Все ответы респондентов переплетаются между собой. Вторых взгляды юношей более традиционалистские окрашены, чем у девушек. Среди вторых можно выделить относительно противоположных представителей.

10. Девушку, интервью которой представлено, можно отнести к одному из представителей традиционалистской точки зрения. В обобщенном виде её суждения можно охарактеризовать следующим образом:

- У мужчин больше шансов, чем у женщин.
- Многие женщины, когда у них появляется семья, забрасывают свою работу или относятся к ней не так серьезно.
- В большинстве семей главный мужчина, он зарабатывает деньги, а его жена может больше не работать.
- Есть много профессий, где женщине не стоит работать.
- Мужчина не должен занимать никакими домашними делами, потому что женщина хранительница очага.
- Мышление у мужчин и женщин разное.
- Женщины не всегда правильно понимают какие-то ситуации.
- Женщинам не место в политике.

Ниже приведено интервью девушки, чьё мнение является наиболее приближенным к эгалитарной точки зрения. Её высказывания можно интерпретировать следующим образом:

- По закону у всех равные права, но в жизни положение женщин ущемляется в разных сферах, так быть не должно.
- Дискриминация женщин сложилась исторически, с течением времени люди не могут отойти от традиционалистских стереотипов.
- Каждый человек может попробовать себя во всех сферах, это абсолютно свободно.
- В семье муж и жена должны идти на компромиссы друг перед другом, все делать вместе.
- И мужчина, и женщина могут быть политиками, это зависит от качеств человека.

11. Мнения юношей были очень противоречивы, все они говорили о равенстве, но углубившись в тему высказывали традиционалистские утверждения, например:

- Женщины не способны работать в сферах, где применяется тяжелый труд и в правоохранительных органах.
- И муж и жена могут работать, но мужчина является главным добытчиком, он должен содержать всю семью. Когда в семье появляется ребенок, женщина должна заниматься домом.
- Женщина может проявлять себя политиком, но только в определенных сферах, в министерстве обороны ей не место.
- Женщина может быть предпринимателем, но только если в её коллективе есть мужчины.
- Сейчас для России очень непростые времена, нужен жесткий руководитель, а женщина не способна так реагировать на это все как мужчина.

Проведенные интернет-опрос и глубинные интервью показали, что наше общество находится в переходном положении, в сознании людей переплетаются традиционные и эгалитарные взгляды. Результаты проделанной работы показали, что гендерные представления юношей и девушек в экономической и политической сферах соединяют в себе и патриархатные, и эгалитарные взгляды. Их представления можно охарактеризовать как смешанные. Возможно это и потому, что современная молодежь находится в очень затруднительном положении. Они родились в то время, когда в нашей стране еще во всю господствовали традиционалистские установки, скорее всего их родители придерживаются в большинстве своем этой идеологии. С другой стороны, мы живем в эпоху глобализации, и каждый день СМИ вещает нам о событиях, происходящих в Европе, где господствуют эгалитарные взгляды. Все это ставит современную российскую молодежь в затруднительное положение. Их мнения двояко выражены, неопределенны. Дальнейшее развитие ситуации в России зависит от того, какой позиции будут придерживаться молодые люди в будущем. Политика и экономика – это две важные сферы, которые открывают доступ к ресурсам общества, контроль за ними и распоряжение ими, совершенно очевидно, что без доступа к власти половина человечества лишена справедливой доли своего влияния. Решение гендерной проблематики является показателем общего культурного развития страны.

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ ЖЕНЩИНЫ ОТ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Ротарь Е.М. (Курск)

В статье рассматривается трансформация образности и образов женщины на протяжении ста лет. Качественные трансформации социальной системы влекут радикальные изменения в структуре общества. Показано, что модель «типичной» женщины формировалась под влиянием переломных событий в истории, которые бросают определённые вызовы времени.

*Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдёт.
В кольчуге за родину встанет,
Над мертвым врагом не всплакнёт.*
Г.Гончарова

В строках эпитафии отражена, на мой взгляд, вся сущность русской женщины. Какие бы образы она не примеряла, в нашем представлении это всегда сильная, выносливая, мудрая женщина. Историческая судьба русских женщин непростая: они были не просто наблюдателями страшных событий XX века, они принимали в них самое активное участие.

Революция. Одно только это слово рисует в сознании картины бунта и вызывает внутреннее состояние безудержного стремления к переменам. Социальные изменения не разрешили мгновенно всех российских проблем, главной целью которых было уничтожение классового неравенства.

Первая мировая война сотрясла весь мир и оттенила все слабые стороны государства, показав его всестороннюю отсталость. Революция в России стала кардинальной попыткой скорейшим образом создать новое государство, готовое к вызовам современности. Таким образом, 3 марта 1917 года была ликвидирована царская монархия, а победа Февральской революции трансформировала Россию в самую свободную воюющую державу [2]. Как это ни парадоксально, но гендерный порядок целиком и полностью исходил со стороны государства и активно им насаждался посредством формальных и неформальных правил в форме политических законов и агитаций.

Возвращаясь к гендерному образу русской женщины, стоит отметить, что его эволюция шла постепенно. Устранение социального неравенства касалось не только классов и сословий, но и полов. Искры свободы, исходившие от костра Революции, осветили дорогу слабому полу. Так начали своё существование женсоветы. Но это, пожалуй, результат не столько свободы, сколько запросов Новой экономической политики [3]. Эксперименты в сфере семейно-брачных отношений были разрешены путём дефамелизации и политической мобилизации женщин. Женщин стали привлекать в партийные ряды и выдвигать на государственные посты. Демократизация управления была отражена в известных плакатах следующего типа: «На кухне дома не сиди. На выборы в Совет иди. Раньше работница темная была, а теперь в Совете решает дела» [1]. Большинство женщин представляло неграмотную часть населения и ни в какие трудовые коллективы инкорпорировано не было, поэтому вовлечение в политическую жизнь сопровождалось трудностями. Приученных веками быть опорой традиционной семьи и частной жизни женщин вдруг стали призывать отдавать детей в детские сады на «коммунистическое воспитание». Чтобы изжить старые взгляды, в школы стараются привлекать большее количество девушек. Члены женсоветов – делегатки – отстаивают интересы женщин, однако истинной целью женсоветов было стремление внушить коммунистические идеи. Правовые институты должны были сочетать старые патриархальные установки и новые идеологемы равенства полов. В это же период в силу вступают кодексы о браке, семье, опеке и разводе, которые предоставили женщинам при вступлении в брак право выбора фамилии, места жительства и даже отца для своего ребёнка как в зарегистрированном браке, так и вне его, а также право на аборт. Женщины осваивают создание нового быта – общественного. Теперь они не просто домохозяйки, а полноправные члены общества, завоевывающие гражданские права и занимающие свою профессиональную нишу на поприще бесклассового социал-коммунизма. В конце 20-х годов была достигнута эмансипация, окультуривание и индоктринация женщин.

Великая депрессия, сороковые-роковые, тяжёлые годы послевоенной реабилитации спровоцировали жёсткую экономическую мобилизацию женщин. Экономическая конъюнктура России стала причиной новой концепции – тоталитарной андрогинии. Попытка исключить сексизм и уравнивать возможности женщин во всех сферах жизни привели к формулировке нового понятия, исключаящего деление на мужчин и женщин, – советского человека. Пока мужчины

сражаются за Родину и погибают, женщины овладевают мужскими профессиями и являются главными участниками процессов коллективизации и индустриализации. Они работают комбайнёрами, строителями, железнодорожными рабочими, управляют различного вида транспортом и при этом рожают детей. Однако эпатированная семейная политика берёт функции матери на себя. Отсюда следует, что женщины становятся отчуждёнными от собственных детей подобно тому, как капиталисты отчуждаются от продуктов производства. Они продолжают служить в обществе орудием производства. И хотя у войны совсем не женское лицо, женщине приходится стать солдатом, Ленинский комсомол набирает в армию женщин, которые, взяв оружие в руки, идут в бой. Такие нагрузки лишили женщину по-настоящему семейного счастья, но подарили им полную независимость по всем линиям от мужского элемента. Добытые женщинами права в области семьи и брака в широком понимании начинают упраздняться исходя из социо-политических соображений.

По окончании войны женщина теряет свои лидирующие позиции во многих сферах жизни и уступает их малочисленным мужчинам. До этого она занималась хорошо оплачиваемыми видами деятельности, которые ранее были присущи большей частью мужчинам, а отныне возрождается тактика межполового разделения труда. Женщины начинают заниматься шитьём, вязанием, созданием уюта, добычей дефицитных товаров, а главное, – заботой о семье. В период «оттепели» происходит частичное восстановление приватности частной жизни, женщины начинают отступать от образа «работающей матери», вовлекаются в домашние дела. В 1970-1980-е годы господствует идеология материнства, государство пропагандирует новую установку «правильной женственности», согласно которой деторождение является фундаментальной функцией женщины [4]. Совмещение ролей матери и работницы облегчилось многочисленными, но несущественными по величине льготами. Это была попытка маргинализировать процесс маскулинизации женщин и натурализовать их женскую сущность. Таким образом, женщина становится важным «узлом» в социальных сетях и играет центральную роль в сфере услуг. Однако домашнее хозяйство по-прежнему остаётся в ведении женщины и поглощает практически всё вне рабочее время. В таких условиях женщина не располагает временем на повышение профессиональной квалификации и личностного роста.

В конце 1980-х годов ветер либерализма наваял практику повседневной взаимодополнительности гендерных ролей. Если в период расцвета советского социализма гендерный порядок зависит от политических констелляций, во время Великой отечественной войны – преимущественно от экономической обстановки, то в позднесоветский период наблюдается демографический детерминизм. Криминализация социально-экономической сферы во время «перестройки» 90-х годов способствовало развитию образа женщины «хранительницы домашнего очага». Проблемы с трудоустройством возобновили явления домашнего насилия женщин.

Во времена демографического перехода в обществе формируется определённый дискурс, культивирующий в сознании людей стремление к позднему браку, малодетству, откладыванию материнства [5]. Такие тенденции заимствованы у Запада и распространяются через средства массовой коммуникации. Отсюда следует, что в современной России различают три основные тенденции развития гендерной образности: 1) сохранение гендерной образности советских времён, 2) сочетание дореволюционного традиционализма и советского нетрадиционализма гендерно-семейных моделей, 3) западная модель.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать заключение, что гендерные образы складываются в общественном сознании и обусловлены положением всех сфер жизни человека. От революции 1917 года по настоящее время образность женщины прошла следующие условные трансформации: член семьи рабочего, советский человек, работающая мать, заботливая мать... Определить образ современной русской женщины довольно нелегко. Кажется, что сегодня она может занимать любой социальной статус и совмещать совершенно различные роли. Она обрела гражданские права, независимость и возможность реализации в карьере, но с другой стороны она не застрахована от домашнего насилия, её заработок ниже, чем у мужчин, динамика фертильности развивается по нисходящей траектории, то есть растёт вероятность бесплодия и окончательной бездетности [6]. Наблюдается размывание границ между женщиной и мужчиной, смещение гендерных ролей: женщины скорее готовы работать, доверив детей мужу. Что ж, история покажет грядущие образы русской женщины, а сейчас мы можем только наблюдать и предполагать.

1. Денисов А. Кухаркины дети // Кузнецкий рабочий: электронная газета. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kuzrab.ru/publics/index.php?ID=22585&sphrase_id=1037818 (дата обращения: 10.09.2017).
2. Мунчаев Ш. М., Устинов В. М., История России: Учебник для вузов. – 3-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2005. – 768 с.
3. Пушкарева Н.Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Издательство «Новое литературное обозрение». 2012. № 117.
4. Рабжаева М. Историко-социальный анализ практик семейной политики в России XX в. // Социс. 2004. № 6.
5. См.: В России возраст рождения первого ребенка увеличился до 25,5 лет // Газета.ру» (1999-2017): электронная газета. 2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/news/2017/01/31/n_9629513.shtml (дата обращения: 13.09.2017).
6. См.: Яковлева Т. В России бесплодие достигло уровня национальной безопасности // Экономика и жизнь: сайт. 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/317486/> (дата обращения: 13.09.2017).

НЕКОТОРЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВОПРОСЫ ГЕНДЕРНОЙ АСИММЕТРИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Савинов Л.И. (Саранск)

Биологические различия между мужчинами и женщинами установила сама природа. Более того, определенные биологические различия имеются как между разными представителями мужской части населения, так и женской. Это касается и роста, и веса, и цвета кожи, и цвета волос и глаз, а также интеллекта и психологии и т. д. Это все естественно: природа всегда стремится к многообразию, а оно, в свою очередь, создает различия и противоречия, противоречие же основное условие для развития. Следовательно, наличие биологических различий между полами обусловлено естественно природным предназначением мужчин и женщин, но из этого не следует, что какой - то пол изначально имеет преимущества перед другим. Имеющиеся преимущества и превосходства между полами обусловлены социокультурой: ее сущностью, направлениями развития, потребностями, ценностями, политикой, идеологией. Поэтому изучение вопросов и проблем, связанных с гендерной стратификацией, необходимо увязать с социокультурой, а не считать этот предмет социологических исследований простым отражением биологических особенностей [4, с. 255].

Анализ гендерной асимметрии в российском обществе, происходящих в ней изменений, социальных характеристик необходимо связать с теми реальными событиями, которые происходят в России начиная с 1991 г.

Переход России к рынку, провозглашенный тезис о переходе к правовому государству и демократии возродил надежды на положительные изменения в области реального равноправия женщин. Тем более что западное общество имело серьезные успехи на пути решения этого вопроса как на теоретическом, так и на практическом уровне. В условиях открытого общества, доступной информации и быстро возрастающей мобильности нашего населения сравнительный анализ решения гендерной асимметрии в России и в странах Запада сегодня имеет не только политическое, но и повседневно -житейское значение. Пока Россия не может похвастаться достижениями в области реального равноправия женщин.

В 1980 г. Россия ратифицировала международную конвенцию «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин». Однако даже в начале XXI в. на положении женщин это практически не сказалось. Как и раньше, юридическое равенство преподносится в качестве доказательства их физического равноправия. В действительности дискриминация в отношении женщин в ряде общественных сфер даже усилилась. Как на производстве, так и в семейном быту все чаще встречаются оскорбляющие женское достоинство отношения с учетом различий по полу, возрасту, материальному благополучию. Интерес к женщине нередко зависит от характеристик ее «биологического естества», следовательно, происходит возврат к патриархальным потребностям давно ушедших в историю времен. Рост проституции, разврата и увеличение доли женщин в общем числе безработных стало для России закономерным явлением. Ограничиваются возможности женщин в трудовой деятельности по семейному, профессиональному и возрастному признаку. Причем при системном кризисе в России для женщин даже непривлекательные должности считаются труднодоступными. Усиливается диспропорция в заработной плате женщин

и мужчин, что приводит к падению уровня доходов и снижению качества жизни женщин и их семей. В течение последних 10–15 лет существенно сократились возможности женщин в медицинском обслуживании, снизился доступ к образованию и духовным ценностям.

Весьма отчетливо отмечена гендерная стратификация в социальной иерархии профессиональной занятости и уровня дохода. Менее влиятельные и мало оплачиваемые должности и в современной культуре в большей степени достаются женщинам. Практически и сегодня распространены так называемые «мужские» и «женские» профессии. Женщины чаще, чем мужчины живут в бедности, подвергаются возрастной дискриминации, их больше среди безработных. Даже в своих семьях большинство женщин владеют меньшими материальными средствами по сравнению со своими мужьями. В целом мужчины и женщины имеют разный доступ к власти и ресурсам [4, с. 260].

В то же время появились различные правовые документы, направленные в целом на устранение дискриминации по половому признаку. В их числе указы Президента РФ «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» (1993 г.), постановление Правительства «Об утверждении Национального плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 г.» и др. Кроме того, Россия принимает активное участие в целом ряде международных соглашений, принятых по инициативе ООН: Всемирная конференция по правам человека (Вена, 1993 г.), Всемирная встреча в интересах социального развития (Копенгаген, 1995 г.), Всемирная конференция по положению женщин (Пекин, 1995 г.) и др.

В реальности все эти документы носили декларативный характер и не решали проблему преодоления гендерной асимметрии. Социологические исследования показывают, что российские женщины чутко реагируют на то, где испытываемые ими трудности связаны с ситуацией, переживаемой страной, а где — с усилением реальной дискриминации [2, с. 100].

В чем же конкретно проявляется в нашей стране гендерная асимметрия. С. Айвазова в книге «Гендерное равенство в контексте прав человека» дает системный ответ на этот вопрос [1, с.59].

1. Традиционные стереотипы массового сознания всерьез ограничивают конкурентоспособность женщин в сфере бизнеса.

2. Государство как работодатель явно недооценивает женский труд сравнительно с трудом мужским.

3. Самое тяжелое положение на рынке труда у девушек, не имеющих рабочего стажа, и женщин предпенсионного возраста — у тех, кому 50 лет и больше.

4. В целом женская заработная плата гораздо ниже мужской: по официальным данным она составляет 2/3 от мужской, а по данным большинства экспертов — только около 50%.

5. Мужчины вытесняют женщин не с тяжелых и вредных производств, а с хорошо оплачиваемых, перспективных должностей.

6. Очевидное неравенство позиций женщин и мужчин на рынке труда привело к феминизации бедности — острейшей социальной проблеме, к решению которой российские власти оказались пока не готовы. Уровень доходов почти трети женщин в нашей стране равен величине прожиточного минимума.

7. В системе государственной службы женщины преобладают на должностях, не предполагающих принятия ответственных решений. Они составляют 56% государственных служащих федерального уровня, но руководящие должности занимают только 9% из них, а так называемые высшие должности — 1,3%.

8. Более половины женщин в возрасте от 20 до 50 лет страдают гинекологическими заболеваниями.

9. Материнская смертность в 8–10 раз выше, чем в западных странах.

10. Почти четверть всех зарегистрированных преступлений в России — это преступления, жертвами которых становятся женщины.

Несмотря на перемены в нашей стране, российское общество — это общество с патриархальным массовым сознанием. М. В. Рабжаева, анализируя технологии осуществления политики гендерного равенства, делает вывод, что понятие гендерного равенства на сегодняшний день рассматривается как комплексное понятие, включающее равенство прав, обязанностей и возможностей [3, с. 556].

Современная концепция гендерного равенства включает в себя:

1) законодательно закрепленные права женщин и мужчин;

2) равное распределение экономических, политических и социальных ресурсов общества между мужчинами и женщинами, гражданами одного государства;

3) преодоление структурного неравенства положения отдельных социальных групп женщин и мужчин, нуждающихся в дополнительных гарантиях для защиты своих прав и интересов.

Для современной России можно говорить о реализации только первой составляющей данной концепции — законодательное закрепление прав мужчин и женщин. Исходя из демократических принципов женщина должна рассматриваться как суверенная, автономная личность, имеющая право жизненного выбора. Наравне с мужчинами она включается в основные стратегии развития, самореализуется во всех сферах общественной деятельности. Обеспечение равных прав и возможностей женщин в обществе осуществляется совместными усилиями государства и гражданского общества.

1. Айвазова С. Гендерное равенства в контексте прав человека. — М. : Изд-во «Эслан», 2001.

2. Женщина новой России: Какая она? Как живет? К чему стремится? / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002.

3. Рабжаева М. П. Социальные механизмы осуществления политики гендерного равенства // Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». - В 3 т. Т. 3. — М. : Альфа, 2003.

4. Савинов Л. И. Социология : учебное пособие / П. Д. Павленок, Л. И. Савинов, Г. Т. Журавлев. - 3-е издание – М. : Дашков и К, 2016.

ЧАЙЛДФРИ КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ: ЭТАПЫ И ПРОБЛЕМЫ

Саляхиева Л.М. (Казань)

Аннотация: статья посвящена социальному феномену чайлдфри. В тексте раскрываются особенности феномена, его черты и история проявления в обществе. Проводится изучение эволюции понятия, представлены этапы становления научной мысли в отношении чайлдфри, характерные черты и обобщенные причины принятия ценностей, характерных для приверженцев чайлдфри. В заключении статьи приводится статистическая информация, подчеркивающая актуальность исследования.

Тезисы доклада: В условиях нынешнего времени мир представляет собой постоянно меняющуюся и усложняющуюся систему. Во многом это продиктовано новыми переменными, заданными «ускользающим миром» позднего модерна, где общество является динамической системой, в которой размываются многие социальные нормы, в том числе те, которые касаются семьи, брака, родительства и материнства [1]. Общество позднего модерна характеризуется плюрализацией жизненных стилей и стратегий, что также можно наблюдать в моделях построения внутрисемейных отношений. При этом под вопросом оказываются социетальные функции института семьи, к числу которых относится репродуктивная. В последнее время исследователями начинает уделяться внимание явлению, известность и популярность которого растет, особенно в молодежных кругах – чайлдфри.

Чайлдфри (англ. Childfree) дословно означает «свободные от детей». Данный термин объединяет в своем обозначении ту категорию людей, которые приняли добровольный отказ от детей, но при этом имеют сексуальные отношения, возможно имеют постоянного партнера или супруга, однако сознательно не планируют заводить детей ни сейчас, ни в будущем. При этом, если бесплодие скорее относится к разряду проблем медицины, то добровольный осознанный отказ от деторождения, несомненно, является социально значимым, а значит попадает в круг интересов социологов. В процессе изучения чайлдфри научная точка зрения претерпевает изменения, что прежде всего отражается в терминологии, которой пользуются в научной среде. Первоначально в работах появляется термин «childless» (бездетный) [2]. Однако, научное сообщество быстро отказывается от использования этого термина, так как он не позволяет проводить дефиницию между теми, кто не может иметь детей по причине бесплодия, и теми, кто принял осознанное решение отказаться от рождения детей. Уже в восьмидесятые годы исследователи этого феномена обращаются к другому термину, и в науке закрепляется понятие «добровольной» или «сознательной» бездетности. Этот термин до сих пор достаточно часто

встречается в работах как западных, так и российских ученых, наряду с термином чайлдфри, который на взгляд современных исследователей феномена наилучшим образом отражает специфику мировоззренческих взглядов сознательно бездетных. В англоязычной литературе также широкое распространение получает термин «childless-by-choice» (бездетные-по-выбору). Помимо термина чайлдфри в литературе можно встретить также «without children» (без детей), «nonmother» (не мать). [3]

Процесс изучения чайлдфри, естественно, также претерпевает изменения с течением времени. Можно выделить несколько этапов, характеризующие исследовательский интерес в этой области. Изначально в семидесятые годы социологи, психологи, экономисты, биологи были склонны рассматривать модель поведения чайлдфри, как акт девиации, так как несмотря на существующие в обществе нормы и ожидания в отношении аналогичных по статусу и возрасту людей, в рамках которых происходит навязывание группе деторождения, люди принимают решение этого не делать. В этот период в основном даются экономические и демографические объяснения чайлдфри. В частности, некоторыми специалистами-демографами, распространение образа жизни без детей связывается с развитием медицины и существенным снижением детской смертности. [4]

В восьмидесятые годы исследователи фокусируют свое внимание на уникальных характеристиках, присущих чайлдфри, и демографических особенностей представителей движения. Также этот период характеризуется ростом интереса к изучению супружеских пар, которые принимают решение не заводить детей. Сам социальный феномен характеризуется «старением» единомышленников: отмечается увеличение числа людей старшего детородного возраста, которые пополняют ряды чайлдфри. В девяностые годы к изучению чайлдфри добавляется элемент религиозной принадлежности.

В начале нового XXI века исследования сосредотачиваются на изучении того, как новая жизненная стратегия оказывает влияние на уже существующие, традиционные и общепринятые стратегии. Особенно много исследований посвящено вопросам гендерной специфики чайлдфри.

Если вести разговор о западном варианте чайлдфри и о процессах закрепления движения в качестве отдельного института, то стоит упомянуть, что в семидесятые годы двадцатого века двумя представительницами по борьбе за права женщин Эллен Пек и Ширли Радл была организована «Национальная организация для Неродителей». [5] Основной проблемой, вызвавшей этот шаг, было ущемление прав бездетных семей. Вышеупомянутые представительницы организации выступали против стереотипа, когда женщина в возрасте близком к тридцати и старше, не имеющая детей, воспринималась как нездоровая, обладающая нетрадиционной сексуальной ориентацией, психически больная, злоупотребляющая алкоголем или наркотиками. Однако организация не получила поддержки масс и была впоследствии ликвидирована. Факт ее существования говорит о попытке закрепления такого явления в структуре общества.

Стоит особенно подчеркнуть, что социальный феномен чайлдфри появился в наиболее развитых странах, успешных в экономическом плане, где идет постоянный рост взрослого населения детородного возраста, которые сознательно опускают значимость репродуктивной функции самого человека и семьи в целом. Исследования показывают, что в основном к такой категории лиц относятся люди, обладающие высоким уровнем образования, успешные в карьере, материально обеспеченные, которые на базе собственного решения проповедуют гедонизм, эгоцентризм и индивидуализм. [3] Представители чайлдфри чаще всего проживают в крупных городах, среди них относительно большой процент атеистов, которые выражают низкую привязанность к традиционному принятым ценностям. При этом исследователи чайлдфри отмечают, что по сравнению с предшествующими десятилетиями, число приверженцев на Западе растет (за счет распространения и принятия идеи в слоях с меньшим доходом, образованием и высокой религиозностью). И если первоначально при появлении в составе населения такой группы, как чайлдфри, общество реагирует агрессивно, негативно, как на любой феномен, выходящий за рамки общепринятого, то с течением времени и расширением группы добровольно бездетных негативные оценки в отношении социальной бездетности смягчаются.

В заключении обратимся к цифрам, которые характеризуют ситуацию чайлдфри сегодня. Согласно статье 2012 года «Выбирая чайлдфри: исследование решения не становится родителем» число людей, которые по тем или иным причинам не заводят детей на сегодняшний день увеличивается. В статье авторами упоминаются следующие данные: 1976 году в США 10% женщин в возрасте 40-44 лет (поздний репродуктивный период) никогда не имели детей, тогда как к 2006 цифра достигла 20%; в возрасте 25-29 в 1976 лишь 16 % не имели детей, тогда как к 1998

эта цифра приблизилась к 28%; среди 30-34 летних женщин в 1976 11% никогда не рожали детей, к 1998 эта цифра увеличилась до 20%. [2] В среднем можно говорить о том, что количество женщин, которые не заводят детей, за исследуемые тридцать лет возросло практически в два раза. В России, согласно некоторым источникам, за период 1999-2009 доля бездетных женщин к концу репродуктивного периода составляет 17%, при этом биологическое бесплодие в стране держится на уровне чуть меньше 2%. [6]

Таким образом можно говорить о возрастающей проблеме социальной бездетности, которая является актуальной, как для западных стран, так и для России. При этом вместе с социальным феноменом эволюционируют и исследования ему посвященные, однако на сегодняшний день в России комплексных исследований нет

1. Giddens A. *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. N.Y.: Routledge, 2003.
2. Blackstone, A. and Stewart, M. D. (2012), *Choosing to be Childfree: Research on the Decision Not to Parent*. *Sociology Compass*, 6: 718–727. doi: 10.1111/j.1751-9020.2012.00496.x
3. Полутова М.А., Жанбаз О.О. Ценностные и мотивационные установки сообщества «Чайлдфри» с позиций постмодернизма/ М.А. Полутова, О.О. Жанбаз// *Вестник ЗабГУ*. – 2015. - № 1. – С. 89-.
4. Ильясов Ф.Н. Потребность в детях и репродуктивное поведение / Ф.Н. Ильясов // *Мониторинг общественного мнения*. – 2013. – №1. – С.168 – 177
5. Кто это такие «чайлдфри» и почему они не хотят детей. [электронный ресурс] URL: <http://droplak.ru/?p=3075> (дата обращения: 26.09.2017)
6. Романова И.В., Жанбаз О.О. Чайлдфри в контексте трансформации семейных отношений / И.В. Романова, О.О. Жанбаз// *Вестник ЗабГУ*. – 2014. - № 12. – С. 89-97.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И МОДЕЛЕЙ СЕМЬИ В РОССИИ 1917 – 2017 ГГ.

Сарапульцева А.В. (Екатеринбург)

Аннотация: Устойчивые модели и ценности семейно-брачных отношений в России за последние сто лет закономерно отражали и отражают социальные изменения в нашем обществе. Этот период демонстрирует нам переход от ценностей патриархальной дореволюционной семьи, попытку обосновать принципиально иные истоки и основания существования семьи в постреволюционной России, формирование модели советской и постсоветской моделей семьи в России современной. Несмотря на изменения, происходящие в тенденциях развития семьи, в том числе и негативных, семья остается одним из важнейших социальных институтов современного общества.

Важнейшие функции выполняют в обществе ценности брака и семьи; они являются регуляторами взаимодействия людей в семейно-брачной сфере; они влияют и на добрачное поведение людей, ими определяется выбор партнера и формы семейных отношений супругов, а также их репродуктивные установки, модели взаимоотношений между мужем и женой, детьми и родителями. От государства требуются усилия для формирования социальных норм брачности и детности, соответствующих ценностных ориентаций, что актуализирует проблему государственной семейной политики, важнейшие принципы которой сегодня, как никогда призваны обеспечить и благоприятные условия функционирования семьи, и соблюдение суверенитета семьи, и защиту ее права на свободное развитие. Только на институте семьи с его фундаментальными жизненными ценностями рождения и воспитания детей основывается и сам организм государственности.

Очевидно, что современной модели семьи в России предшествовала советская модель, во многом формировавшаяся на первоначальном этапе, как антитеза дореволюционной. Например, до 1917 г. в России только венчание было официальной формой заключения брака. Форма, условия брака (брачный возраст, запреты брака) были установлены под воздействием церкви и отражены в своде законов Российской империи (в частности, указом синода в 1904 г. было отмечено осуждение на безбрачие лиц, виновных в нарушении супружеской верности и т.д.). Начиная с 1917 г. церковный брак стал частным делом, функции регулирования семейно-брачных отношений были переданы государству. Декрет от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» является первым законодательным актом, отменившим порядок церковного заключения брака, появились первые соответствующие государственные органы – ЗАГС.

Одним из идеологов новой формы семейно-брачных отношений в первые годы существования Советской власти была А.М. Коллонтай. В 1918 г. была опубликована программная работа «Семья и коммунистическое государство» [1] Обосновав возможность существования семьи и в новой реальности, Коллонтай видела ее новой формой общения свободных и равноправных мужчины и женщины. В советской официальной идеологии подчеркивалась необходимость привлечения женщины в производство, обобществления семейного быта и воспитания детей. Что и было реализовано, начиная с военного коммунизма и всеобщей трудовой повинности, кончая той моральной установкой, которая превозносила женщину-труженицу и унижала женщину-мать-домохозяйку. Можно отчасти согласиться с мнением В.Н. Дружинина, рассматривавшего типичную советскую семью, как вариант аномальной языческой семьи с элементами православной модели. [2] В такой семье мужчина и женщина в борьбе за лидерство, имеется противостояние поколений, подавление детей родителями и борьба детей с властью родителей. Первоначальным идеалом женщины при социализме была рекордсменка, рабфаковка, ударница, боец Красной Армии. Государство вспомнило о женщине-матери после страшной убыли населения в Великой Отечественной войне. Именно тогда появились звание «Мать-героиня» и награды за воспитание родных и приемных детей (которые давались фактически не за воспитание, а за вклад в прирост населения).

В эпоху застоя происходит становление «советского типа семьи» в ее классической форме. Брежневская конституция отводила женщине роли труженицы, матери, воспитательницы своих детей и домохозяйки. Женщина доминировала в семье. Продолжилось определенное «государствление» семейных отношений. Семья фактически стала придатком государства, была излишне идеологизирована, политизирована, лишившись своей автономии. Продолжалась абсолютизация классового подхода к браку и семье: развод, супружеская измена, аборты ставились на одну доску с противоправным поведением, обсуждались и осуждались на общих собраниях. Интимный мир человека потерял свою неприкосновенность.

Важно отметить, что до 1993 г. все официальные правовые документы говорили лишь о равенстве обязанностей мужчины и женщины, в Конституции 1993 г. было провозглашено равенство полов и равная ответственность женщины и мужчины.

На современном этапе различные типы семей по-разному функционируют в нашем обществе. Типология семьи в специальной литературе определяется различными подходами к выделению предмета исследования.[3] В настоящее время отношения между супругами регламентируются российским законодательством, на основе которого приняты кодексы о семье и браке. Не ставится под сомнение незыблемость института семьи в современной России, хотя негативные тенденции развития семейно-брачных отношений, такие как рост числа разводов и внебрачных сожительствах, снижение уровня рождаемости и т.д. очень тревожны.

Актуальный момент развития семьи в России демонстрирует нам уникальный набор форм брачно-семейных отношений, в котором присутствует и патриархальная, детоцентристская модель (так характерная для России) и супружеская эгалитарная форма семьи, открывающая перспективу, прежде всего, для личностного самовыражения супругов. Соответственно, ценности, лежащие в основе современного брака, характеризуются сочетанием как новых, свойственных супружеской семье ценностей, так и прежних, свойственных традиционной семье. Семья сегодня строится все-таки вокруг супружеских отношений, а не кровных связей, формируются новые способы решения семейных проблем, растет тенденция к индивидуализации. Происходит уменьшение регулярных контактов с родственниками, в нуклеарной семье снижается теплота эмоциональных контактов с ними. Супруги в большей степени полагаются только друг на друга.

В качестве наиболее значимых тенденций в развитии семьи в России за последние десятилетия можно выделить следующие: преобладание нуклеарных семей, уменьшение числа детей в семье; семейно-брачные узы становятся важнее родственных (родовых); следовательно, приоритет личных выгод и экономической деятельности индивида над ценностями родства (соответственно самостоятельное и независимое профессиональное самоопределение детей без наследования социального статуса и профессии родителей); низкий престиж семейной жизни, домашних занятий; снижение стабильности в семье. Произошедшие изменения отражают адаптацию семьи, как социального института, к новым реалиям. Естественно, что перемены, происходящие в сознании молодых людей, создающих семью, в современной российской семье, определяются не только современной российской ситуацией, но и общеευропейскими тенденциями.

1. Коллонтай А.М. *Семья и коммунистическое государство*. М.; Пг.: Коммунист, 1918.
2. Дружинин В.Н. *Психология семьи*. Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
3. Рыбченко Т.В. Сарapultьцева А.В. *Культура семьи и семейных отношений*. Екатеринбург: изд-во Урал. Гос. экон. ун-та. 2013
4. Ильин Е.П. *Дифференциальная психология мужчины и женщины*. СПб, 2002.

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Селезнева Л.М. (Москва)

В статье анализируются гендерные особенности старения населения, теоретические подходы ученых, исследующих влияние возрастных изменений на положение мужчин и женщин в обществе, геронтологические особенности населения в России.

Возраст – это общественное явление. Возрастом определяются главные вехи человеческой жизни. Возрастные этапы становятся главным мерилем всего жизненного пути. Прошедший период со времени октябрьских событий 1917 года дает возможность исследовать состав российского общества через анализ демографических и гендерных изменений.

По последним прогнозным оценкам Отдела населения ООН («Перспективы мирового населения пересмотра 2017 года»), ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России составит в 2017 году 71,2 года, а в целом по миру — 71,9 года.

Однако важнее то, что средняя продолжительность жизни населения мира устойчиво растет, увеличившись с 47 лет в середине прошлого века до 71 года к 2015 году, а в России картина иная. В нашей стране средняя продолжительность жизни населения в середине прошлого века, несмотря на многие потери и тяготы, заметно превышала среднемировой уровень, в начале 1960-х годов была близка к уровню 70 лет, но затем рост прекратился на несколько десятилетий, а в 1990-е и в начале 2000-х годов наблюдалось ее значительное снижение. В результате наметилось заметное отставание от мирового уровня (более чем на два года), которое удалось сократить только в последние годы.

Попытки создать теоретическую основу социологического анализа возраста и эмпирические исследования социальной стратификации относятся в основном ко второй половине XX столетия. Интерес к возрасту как принципу, детерминирующему социальную организацию, проявляли многие ученые. В социологии существуют два теоретических подхода в изучении возраста. Один из них ориентирован на изучение индивидуального возраста в рамках концепции «жизненного пути», отражающий проблему организации и интерпретации человеком своего жизненного пути через систему принятых в обществе норм, предписывающих соответственное возрастное поведение.

Второй подход – стратификационный – ориентирован на изучение возраста в основном на социальном, а не на индивидуальном уровне и рассматривает проблемы взаимодействия различных возрастных когорт и их влияние на социум. Возрастные когорты проходят через страту в различные точки исторического времени.

Демографическое старение как следствие демографического перехода происходит во всех странах, в том числе и в России, но в России оно несколько раз на короткое время приостанавливалось, когда старших возрастов достигали поколения, родившиеся в сложные для страны годы первой половины XX века.

Согласно международным критериям, население считается старым, если доля в нем людей в возрасте 65 лет и более превышает 7%. По данным Росстата в 2010 году, почти каждый восьмой россиянин, то есть 12,9% жителей страны, находился в возрасте 65 лет и более. Процесс демографического старения населения в гораздо большей степени характерен для женщин. В структуре населения вышеуказанных возрастов женщины составляют более двух третей (68,7%). Особенности демографической ситуации в России: пожилые люди старше 60 лет – самая быстро растущая группа населения России.

Старение влияет на социально-экономические условия пожилых женщин. Исследователи, в том числе и российский ученый Е.В. Харитоновна приходят к выводу, что «феминизация старого возраста» переходит в «феминизацию бедности», которые отражают неравные достижения в области экономических возможностей.

Поэтому в дополнение к физическим изменениям (возможная полнота, появление морщин и седых волос и пр.) двойной стандарт старения существенно влияет на материальное неравенство

для женщин. Пожилая женщина обесценивается как жена и как потенциальный работник, поэтому женщины сталкиваются с возрастной дискриминацией, когда пытаются получить работу. После 45 лет увеличивается вероятность бедности в поздней жизни для женщин, которые не работали, ухаживая за детьми.

Влияние возрастной дискриминации неоднозначно для мужчин и для женщин. Для женщин важно вернуться к работе в середине жизни, после того, как выросли дети. Также для них важно сохранить работу в более позднем возрасте на столько, насколько это возможно.

В традиционно «женской» работе часто требуется привлекательность молодых: секретари, официантки, дикторы телевидения, стюардессы и пр.

Существующую неформальную возрастную дискриминацию на рынке труда, не всегда легко доказывать. Важен вопрос, насколько сами женщины принимают стереотипные взгляды на пожилых женщин на свое настоящее положение и свое будущее.

В сентябре 2017 года Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), представил данные исследования, посвященного Международному Дню пожилого человека. Комментируя полученные результаты, Руководитель практики политического анализа и консультирования ВЦИОМ Михаил Мамонов отметил: «Наступление старости не вызывает чувства страха. Наверно, это – основной вывод проведенного исследования. Причина ситуации – в жизненных приоритетах. Для россиян важнейшим фактором самооценки, характеристики своего положения является семья, отношения в семье, а отнюдь не материальное положение».

Мнения о возрасте, с которого начинается старость – разделились: 27% считают, что в период с 60 до 64 лет, 19% - с 55 до 59 лет, 17% - в 50 - 54 года. Респонденты самой старшей возрастной группы 60+ считают, что старость приходит или в 60 – 64 года (25%) или в 70 – 74 года (19%).

Дольше оставаться молодыми помогает активный и здоровый образ жизни (по 26%), любимая интересная работа (17%), материальное благополучие (15%), крепкое здоровье (13%), любимые люди (11%), правильное питание (10%). Значительно реже называют отсутствие работы, цель в жизни, участие в общественной жизни.

В старости лучше себя чувствуют те, кто прожил интересную жизнь – сегодня так считает каждый второй опрошенный (54%), по мнению 37%, лучше тем, у кого есть сбережения. Следует отметить, что представления о благополучной старости кардинально изменились за последние 10-20 лет. В 1998 г. и 2009 г. считалось, что лучше проживают старость те, у кого есть сбережения 68% и 53% соответственно, а интересную жизнь называли только 32% и 39% соответственно.

Социальная политика по отношению к престарелым гражданам, как и социальная политика нашего государства, в целом, ее масштабы, направленность и содержание на протяжении всей истории страны находились под влиянием и определялись социально-экономическими и конкретными общественно-политическими задачами, стоявшими перед обществом на том или ином этапе его развития. Выделение в общей структуре социальной политики особого направления – геронтологической политики, престарелых граждан, обусловлена специфическими условиями и образом жизни, особенностями их потребностей, а также уровнем развития общества в целом.

1. Арбер С. *Старение и гендер в глобальном контексте: роль семейного статуса / пер. с англ. Е. В. Вьюговской, А. А. Ипатовой // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 2. С. 59—78*

2. Блюм А., Захаров С. *Демографическая история СССР и России в зеркале поколений. Мир России. 1997. Т. 6. № 4. С. 3-11.*

3. Силласте Г.Г. *Гендерная социология и российская реальность - М.: Инфра М, 2012. - 640 с.*

4. Харитоновна Е.В. *К вопросу о профессионально-личностной не востребованности в пожилом возрасте // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.*

5. <http://www.wciom.ru> Пресс-выпуск № 3479

ПРОБЛЕМАТИКА СЕМЬИ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМА

Со Сын Хюн (Сеул, Республика Корея)

Аннотация. Автор анализирует опыт проведения государственной семейной политики в советский и пост-советский период истории России. Основное внимание уделено проблемам материнства, родительства. Переход в

семейной политике к неотрадиционализму усиливает дискриминационные гендерные стереотипы. В то же время востребованной является государственная семейная политика, направленная на всемерную поддержку работающих родителей, независимо от их пола.

Текущий год – юбилейный год русской революции, случившейся ровно сто лет назад. Несомненно, это самое значительное событие двадцатого века. После революции 1917 года, женский вопрос при советской власти впервые стал предметом специальной государственной политики за исключением скандинавских стран. Все это было поводом для того, чтобы бросить вызов женскому подчинению против мужского патриархального обычая и гендерного неравенства в семье и общественной жизни. Это составляло принципиальное изменение семейных и гендерных отношений в обществе и произошло раньше, чем в других странах. Назначение этих достижений, как считают английские исследователи Джиллиан Паскалли, Ник Меннинг, было ограничено. Дело в том, что профессиональная занятость сделала трудовое участие женщин в Советском Союзе принужденным, а её основанием - гражданство. Другими словами, мобилизация женщин отвечала в первую очередь потребностям государства в дополнительной рабочей силе, а не потребностям самих женщин[1, 187-188]. Одновременно советская власть запретила независимые женские организации и учредила женские комиссии и женотделы партийных комитетов с институтом делегатских собраний[2, 76].

В то же время радикально-либеральная концепция семейного законодательства в СССР предоставляла женщинам право прекращать семейные отношения, однако отсутствовали законы и женские движения, которые могли бы поддержать сопротивление неравному разделению домашнего труда и заботы о детях в личной сфере отношений между мужчинами и женщинами. В результате советской модели семейной политики возникала двойная нагрузка на женщин и гендерное неравенство полов в сфере семьи и родительства.

После рыночных реформ во второй половине 1990-х гг. в России сохранились патриархальные гендерные стереотипы. В российских семьях, где мужья лишились работы, женщины часто являются вынужденными кормильцами, хотя бы на время. Опыт показал, что чаще мужья следовали принятой в обществе модели поведения, предполагающей лишь внешнюю демонстрацию мужской семейной роли, либо вели пассивный образ жизни, в то время как жены ожидали со стороны мужа не только экономической, но и эмоциональной поддержки и заботы [3, 546-547]. Российские социологи не считают, что эта проблема уже решена, потому что такое неравное распределение ролей в семье до сих пор актуально для российских семей.

В последние два десятилетия государственная политика по поддержке семей приобрела ряд новых характеристик. Хотя политика сохранила гендерный дисбаланс в пользу мужчин во всех ведущих сферах общества, она также затрагивает интересы мужчин и женщин как личностей и стремится к эгалитарному распределению ролей в семье. Начался переход от материнского к родительскому праву, появилось такое понятие, как «трудящиеся лица с семейными обязанностями».

Вместе с тем важно отметить, что решения властных структур характеризуются четкой направленностью на повышение рождаемости и снижение смертности. В контексте гендерного подхода современная российская семейная политика опирается на демографическую стратегию, которая связана с неолиберальной и неогосударственнической традицией «работающей матери» [4, 12; 5, 207]. Очевидно, что современная российская семейная политика носит неотрадиционалистский характер, где усиливается мобилизация женщины как репродуктивной силы. Из всех принятых в последние годы мер, призванных повысить рождаемость, самой дискуссионной оказался материнский капитал, главный смысл которого – стимулирование рождения второго ребенка.

Ученые по-разному оценивают вклад стимулирующих мер в повышение рождаемости в последние годы. Например, в 2017 году суммарный коэффициент рождаемости в России будет хотя и незначительно, но выше – 1,78, а прирост населения России составит 1,7% [6]. Следовательно, по мнению одних, усиление материальной поддержки семей с детьми привело к увеличению рождаемости детей. Другие считают, что принятые меры не дали демографического эффекта [7, 158]. По их мнению, это напоминает дежавю – подобно огосударствленному отцовству, сегодня материнский капитал дает женщинам маскулинность патримониальной политики.

По мнению автора, эффект заметен, но ограничен, и женский вопрос не является решенным. Семейная проблема продолжает ложиться на плечи матерей. Неотрадиционализм во всех своих формах естественно ориентирован на утверждение гегемонной маскулинности

ценностями рыночной эффективности [8, 18]. В связи с этой ситуацией у современных женщин мотивация материнства по многим причинам очень ослаблена. Поэтому решение такой проблемы очень актуально для следующих поколений.

В России ещё не в полной мере соблюдается принцип политики для достижения равенства прав женщин и мужчин, которое гарантировано Конституцией и рядом международных обязательств. Также не принята до сих пор стратегия гендерного баланса ролей в семье и обществе.

Надо отметить, что современное состояние семейных отношений в России, которые основаны на плюрализме гендерных контрактов, сильно отличается от предлагаемого идеала полной, многодетной семьи, живущей в официальном браке. Например, профессиональный труд за последние сто лет стал для россиянок как очень значимой ценностью, таки средством экономической независимости – своей и своих детей. Треть из них рожают ребенка вне брака. Между тем, именно проблемы качества родительского труда и социального сиротства также остаются актуальными. Значительная часть женщин в случае развода (пять из семи браков) также вынуждена рассчитывать только на себя. Алименты исправно выплачивает не более четверти разведенных отцов [8, 21; 9, 167].

Это показывает, что большинство россиян недовольны своей семейной жизнью и для них трудно создавать семью. Тем не менее, разрыв контракта работающей матери грозит Российскому государству серьезными проблемами – демографическими. В России и других странах, (включая Республику Корею), где существует серьёзная проблема снижения рождаемости, нужно учитывать, что для сохранения гендерного баланса необходимо создавать более совершенные условия для реализации профессионального успеха работающих женщин и гармонизации внутрисемейных отношений и ролей. Примером может служить опыт скандинавских стран и Франции, где в последние годы повысился уровень рождаемости детей в браке.

1. Чернова Ж. В. Семейная политика в Европе и России: гендерный анализ, СПб., 2008.
2. Женские и гендерные исследования, СПб., Вып. 5, 2000.
3. Гурко Т.А. Гендерный подход к социологии семьи // Тезисы докладов и выступлений на II всероссийском социологическом конгрессе, М., 2003.
4. Хасбулатова О.А. Реалии российской гендерной политики в XXI столетии // Женщина в российском обществе. Иваново, 2011. № 3.
5. Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Неотрадиционализм(ы) – трансформация гендерного гражданства в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб., 2007.
6. URL: Российское образование <http://www.edu.ru/news/horoshie-novosti/v-2017-godu-koefficient-rozhdaemosti-v-rossii-sost/> (дата обращения 29.09.2017)
7. Носкова А. В. Эволюция государственной семейной политики в России: от советских к современным моделям // Вестник МГИМО, 2013. № 6.
8. Айвазова С. Г. Контракт работающей матери : нарушения или расторжение? (К вопросу об особенностях гендерной политики в современной России) // Женщина в российском обществе. Иваново, 2011. № 3.
9. Быкова Д. Г., Быков М. Ю. Особенности воспроизводства человеческого капитала в социальном институте семьи // МИП (Модернизация. Инновации. Развитие). 2015. № 2(22).

СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ МУЖЧИНЫ ЖЕНЩИНЫ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА

Столяров Д.В. (Минск, Республика Беларусь)

Утверждаясь в сфере семьи и брака, гендерные стереотипы проникают в институт образования, а образование, роль которого заключается в развитии личности и подготовки её к общественной деятельности, и обеспечивает кадрами другие социальные институты. Уровень стереотипизированности в гендерном аспекте и характер привитых стереотипов определяют дальнейшую судьбу выпускников образовательных учреждений и характер общественной жизни. Примерно так и происходит распространение стереотипа в обществе, определяющее его характер, ведь именно в семье происходит становление стереотипа посредством восприятия примеров и форм поведения, переходящих из поколения в поколение. Сфера образования и науки и места женщины в ней – одна из самых острых проблем в рамках практически любой культурной общности.

В контексте восточнославянских культур, к примеру, в рамках Российской империи, с самого начала формирования в таковой высших учебных заведений в 18 в. неравнозначное восприятие мужского и женского в данной сфере было не просто на ментальном уровне, но и на уровне официальной государственной политики. Такая ситуация сохранялась вплоть до 20-го века. То, что длительное время двери университетов были открыты лишь для мужчин, было лишь вершиной айсберга и небольшой частью всеобщей проблемы тогдашних гендерных отношений. Основные вопросы, которые, кстати, широко поднимала просвещённая часть российской общественности того времени, касались обучения в высшей и средней школе. Власти, в тот период, максимально придерживались политики раздельного обучения. Такая ситуация существенно влияла на развитие и формирование общества в негативном плане, осложняя коммуникацию и делая её односторонней. Впервые, вопросы женского образования стали ставиться в 50-е – 60-е годы 18 в. Так, вследствие отмены крепостного права, многие члены дворянских семей остались без средств к существованию и если мужчины могли в этой ситуации поступить на службу, то женщинам было крайне проблемно найти постоянный самостоятельный заработок. Даже в тех дворянских усадьбах, которым удалось избежать разорения, женщинам уже не было возможности заниматься привычными обязанностями в силу сложившегося социально-экономического положения. Такая ситуация породила недовольство среди них, что послужило повышению восприимчивости к светским идеям необходимости служения обществу [1, с. 76].

Отношение к женщинам в сфере образования вообще было достаточно парадоксальным. С одной стороны, женщин категорически не хотели пускать в эту сферу. Тем не менее, когда дело доходило до того, чтобы женщина могла попасть на важную и более-менее существенную ступень в области образования или науки, к ней почему-то предъявлялись откровенно завышенные требования по сравнению с мужчинами. В отдельных случаях это отражалось даже в конкретных заявлениях и цифрах. Руководствуясь логикой, данное противоречие весьма сложно объяснить, ведь когда ты изначально ставишь объект на низкую ступень развития, то существует два пути, а именно либо вообще не пускать его в соответствующую сферу деятельности, мотивируя это сугубо его изначальной непригодностью, либо проводить конкурс на равной основе с целью выявить лучших. А вот завышенные требования к объекту, изначально наделяемому низкими характеристиками, сразу кажутся необъяснимыми. Но если рассмотреть это явление детальнее, то, что мы можем сразу сказать? В целом, мужчинам такой ход даёт крайне мало в плане утверждения авторитета. Конечно, и женщинам такая политика ставит определённые препоны, но эта же политика существенно подрывает авторитет мужчины ввиду своей абсурдности, описанной выше. Она выдаёт его страх, его неуверенность. Важно разобраться в причинах, почему так происходит. Вероятно, в силу того, что мужчина подсознательно вынужден пытаться соответствовать заранее заданному уровню, но чувствуя, что может не выдержать конкуренции, не вписаться в рамки стереотипа, он может впасть в депрессивное состояние, что в последующем может привести к психологическим срывам более серьёзного характера.

В определённой степени, это подтверждают результаты исследования корреляции между алкоголизмом и суицидами под названием «Потребление алкоголя и суициды в Беларуси и России: сравнительный анализ трендов» в ходе которого изучался период с 1980 по 2005 годы. Исходя из оценки с использованием модели авторегрессии и проинтегрированного скользящего среднего, как только увеличивается употребление алкоголя на литр, возрастал и уровень суицидов на 6,6 %. В данной ситуации особенно интересен период 90-х годов. Именно тогда социально-экономические аспекты жизни наиболее обострились, ровно как обострились и социальные стереотипы мужественности/женственности. Существенное возрастание самоубийств объяснялось совмещением алкогольного воздействия и фактора психосоциального дистресса обоюдно усиливавших друг друга. Социально-экономический кризис был побудителем аномии и психосоциального дистресса, что и вызывало резкое увеличение алкоголизации населения. Естественно, в силу больших психофизических нагрузок именно на мужчин эти явления распространились в большей степени. В связи с этим, можно привести пример когда в России, где в период с 1998-го по 2001-й годы случился резкий рост мужских суицидов, который, как объясняют авторы социологического исследования, был спровоцирован таким социальным потрясением, как банковский кризис 1998 года [2, с. 42].

Проводя анализ именно с такой позиции, скрытая суть подобного поведения, становится абсолютно понятной и объяснимой. Пережитки патриархата ввиду растущей неактуальности новым этапам развития, давали сбой всё чаще и чаще. Мужчины соответствовали или пытались соответствовать им в течении длительного времени, долгие годы держа заданный

темп. В период соответствия патриархата уровню социально-экономического развития общества это давалось легче и естественнее, ибо было легитимным и направленным на продуктивное развитие. Но времена менялись, менялась материально-техническая база общества и жизненный уклад, работавший на него, стал работать против.

Созвучны этому и идеи психолога Уоррена Фаррелла, который назвал мужскую власть «мифом», так как мужчины и женщины имеют взаимодополняющие роли и одинаково дискредитирующие стереотипы

«сексуального объекта» и «успешного объекта» [3, с. 156].

Жизненный уклад, давший мужчине власть, всё больше и больше стал его дискриминировать, довлеть на него, требуя всё более и более высокую плату за предоставляемые возможности и автоматическое первенство. В этой неразберихе мужчина выдыхал всё больше и больше, его психика всё чаще и чаще стала давать сбой, что и отражалось на его поведении. Стереотипы дискриминировали мужчин долгие годы и продолжают делать это, формируя либо неадекватно завышенные, либо неадекватно заниженные требования и образы. Вследствие этого женская психика устала от постоянного нахождения женщины в тени в негативном образе, мужская же устала от непосильного бремени обязательного первенства во всём.

Список литературы

1. Аллаhverдян, А. Г. Динамика научных кадров в советской и российской науке: сравнительно-историческое исследование / А.Г. Аллаhverдян. — М.: Изд-во «Когито-Центр», 2014. — 263 с.
2. Разводовский, Ю.Э. Потребление алкоголя и суициды в Беларуси и России: сравнительный анализ трендов / Ю.Э. Разводовский // Суцидология: научно-практический журнал. — 2014. — №4. — С. 37-43.
3. Киммел, М. Гендерное общество / М. Киммел. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. — 464 с.

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР В ВОСПРИЯТИИ МОЛОДЁЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Тимофеева О.С. (Волгоград)

Аннотация. В данной статье рассмотрена проблема восприятия молодёжью брачного договора. На основе проведенного исследования выявлено, что молодёжь не воспринимает данный феномен и отказывается от заключения брачного договора в будущем.

За последние годы в России возрос интерес к заключению брачного договора. О его влиянии на семейную жизнь публикуют статьи известные журналисты, о его «плюсах» и «минусах» спорят участники популярных ток-шоу, тему заключения брачного договора активно обсуждают на интернет-форумах. Все это происходит неслучайно. В современном, насквозь рациональном мире люди начинают все чаще задумываться о правах собственности, стремятся к независимости и уверенности в завтрашнем дне. Эти тенденции постепенно проникают и в сферу семейно-брачных отношений, где формируются новые модели взаимоотношений между супругами, утверждаются новые стандарты поведения. Люди все больше обращают внимание на материальные, вещественные стороны брака, о которых раньше в нашей стране не принято было говорить. Ведь долгое время считалось, что «с милым рай и в шалаше», что семья строится исключительно на доверии и любви, и «только смерть может разлучить супругов». Однако брачный договор не является «открытием» современного общества. Его история берет свое начало еще в эпоху Древнего Рима. Мало кто знает, что брачный договор существовал и в средневековой Руси в виде особого письменного соглашения («ряды»), в котором фиксировалось официальное согласие сторон на брак [2, с. 6]. Также брачные контракты практиковались довольно широко в досоветской России. Например, хорошо известен исторический пример брачного контракта Александра Пушкина и Натальи Гончаровой, спасшего вдову поэта от нужды после его гибели (тогда большая часть имущества Александра Сергеевича была описана за долги). Согласно статистике в современном мире брачный контракт давно стал нормой, гарантирующей цивилизованные отношения, его заключают не менее 70 % пар, вступающих в брак [1, с. 42].

Тема «Брачный договор в восприятии молодёжи: социологический анализ» изучалась нами с помощью метода анкетирования в августе-сентябре 2017 года. В ходе исследования было опрошено 230 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет, проживающих в городе Волгограде. Целью исследования является выявление восприятия молодыми людьми брачного договора.

Проанализировав полученную информацию, мы можем представить следующие результаты. В ходе исследования было выявлено, что подавляющее количество респондентов (85%) «слышали о брачном договоре и прекрасно понимают, о чём идёт речь», 9% слышали о таком явлении, но не понимали точного значения данного термина, 6% опрошенных никогда не слышали о брачном договоре.

Значительная часть респондентов (96%) рассудительно трактуют понятие «брачный договор» как «Нотариально заверенный документ, определяющий имущественные и неимущественные отношения между супругами», однако 4% среди опрошенных определяют брачный договор как «устное соглашение».

Заметим, что большинство респондентов (61%) имеют представление о пунктах, которые включает в себя брачный договор, 21% не осведомлён об этом, остальная часть опрошенных затруднились ответить.

Характерно, что 46% опрошенных отрицательно бы отнеслись к предложению супруга или супруги заключить брачный договор, лишь 13% опрошенных безоговорочно подписали бы брачный договор, 19% затруднились ответить. При этом на вопрос: «Предложили бы Вы своему (своей) супругу (супруге) заключить брачный договор?» 36% респондентов ответили отрицательно, 28% опрошенных сомневались и выбрали вариант ответа «скорее нет, чем да» и только 11% предложили бы своей паре заключить сделку.

К положительным последствиям заключения брачного договора респонденты отнесли: «быстрое решение имущественного вопроса в случае развода» (74%), «помогает избежать браков по расчёту» (19%), только 1 респондент не видит никаких плюсов в заключение брачного договора. К ключевым отрицательным последствиям относятся: «возникновение недоверия между супругами», так ответили 78% опрошенных, на втором месте «несоответствие традиционному взгляду на брак» (43%).

Результаты исследования показали, что всего у 14% опрошенных имеются родственники или знакомые, которые заключили брачный договор, 69% таких знакомых не имеет.

По мнению респондентов, брачный договор заключают люди, которые «не уверены в своём партнёре (35%)», «основывают свои отношения на материальной выгоде» (28%), «следуют западной моде» (8%).

Половина опрошенных (54%) считают, что заключение брачного договора не станет традицией в России, так как «это личное дело каждого», 21% считает, что подобная сделка «противоречит менталитету россиян», только 5% опрошенных уверены, что заключение брачного договора в будущем станет традицией, это всего лишь «вопрос времени».

Таким образом, анализ полученных социологических данных показал, что, несмотря на рационализацию семейных отношений, большинство опрошенных отказались бы заключать брачный договор с супругом или супругой. По мнению респондентов, заключение брачного договора это личное дело каждого и всё зависит от конкретной ситуации. При этом большая часть респондентов проинформирована о понятии брачного договора и пунктах, которые он включает.

1. Михеева, Л. Ю. Брачный договор: основные проблемы //Л. Ю. Михеева. – Нотариальный вестник. 2011. № 7. С. 39-48.

2. Тарусина, Н.Н. Брак по российскому семейному праву //Н. Н. Тарусина. – Ярославль: Проспект, 2007. – 254 с.

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: СОВЕТСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ.

Ушакова В.Г. (Санкт-Петербург)

АННОТАЦИЯ. В докладе рассматриваются основные компоненты советской и пост-советской модели гендерной политики. Столетний период проведения политики социалистического феминизма в нашей стране привели к тому, что российские женщины лидируют по показателям уровня образования и вовлечённости в трудовые отношения. Однако, как успехи в решении «женского вопроса», так и серьёзные проблемы актуализировали необходимость разработки и перехода к современной гендерной политике, направленной на преодоление гендерной дискриминации не только женщин, но и мужчин. Политика внедрения неотрационализма в гендерные отношения современной России обречена на провал.

Сто лет назад важнейший этап российского женского движения завершился блестящей победой: первые Декреты Советской власти обеспечили правовую основу для преодоления

дискриминации женщин. Были созданы предпосылки для ликвидации гендерных диспропорций в важнейших социальных институтах – в семье, на рынке труда, в образовании, в политике и управлении делами государства, секторе гражданских инициатив. Эта правовая основа была дополнена формированием механизмов (женсоветы) решения «женского вопроса» в России. По сути дела в XX веке в нашей стране великая феминистская революция во многом обеспечила модернизацию традиционных гендерных отношений и патриархального гендерного порядка. Акцент в советской гендерной политике был сделан именно на реализации политики в интересах женщин.

Результаты впечатляют. Статистика образования свидетельствует, что женщины в нашей стране ориентируются на достижение высокого уровня профессионального образования в большей мере, чем мужчины. В результате, уровень образования занятых на рынке труда женщин в России выше, чем у работающих мужчин. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года высшее (включая послевузовское образование) имеют 58% женщин и 42% мужчин; неполное высшее – 54% женщин и 46% мужчин; среднее – 56% женщин и 44% мужчин. [1, 64]

На рынке труда уровень участия в рабочей силе по данным на 2015 год составляет:

женщин в трудоспособном возрасте (16-54 года) – 77,0%; мужчин в трудоспособном возрасте (16-59 лет) – 83,9%. [1, 87]

В то же время есть и серьезные проблемы. В России зарплаты женщин на 30% ниже, чем у мужчин, свидетельствуют данные отчёта Global Wage Report за 2014–2015 годы от Международной организации труда (МОТ). Доклад «Глобальный гендерный разрыв» Всемирного экономического форума 2015 года подтверждает это: сейчас женщины получают столько, сколько мужчины десять лет назад. Однако, по данным компании HeadHunter, которая проанализировала 400 000 российских резюме с сентября по ноябрь 2015 года в Москве, женщины в принципе запрашивают заработную плату в среднем на 20–30% ниже, чем мужчины. Женщины легче соглашаются на более низкий доход, так как чувствуют ответственность не только за работу, но и за семейные дела, на которые тоже нужно тратить время. При этом представители МОТ подсчитали так называемую объяснимую разницу в заработной плате, которая учитывает, в частности, уровень образования, и выяснили, что в действительности зарплата российских женщин должна быть на 11,1% выше, чем у мужчин. [2].

В итоге проведения советской женской политики в нашей стране к началу XXI века сложилась новая модель успешной женщины – женщина, успешно сочетающая профессиональную, материнскую карьеру и карьеру жены, хозяйки дома. Эта задача трудная. Её решение возможно при полной поддержке мужа, всех членов семьи, общества и государства.

Реальные успехи нашей страны в решении «женского вопроса» актуализировали необходимость перехода к новой модели гендерной политики. Проблема гендерного равенства затрагивает вопросы реализации равных прав и возможностей для обоих полов в одинаковой степени. Игнорировать факты мужской дискриминации в различных сферах современного российского общества некорректно.

Цель гендерной политики для современного российского общества – достижение гендерного равенства, когда все люди имеют свободу выбора и пользуются ею для развития личных способностей без оглядки на устаревшие, дискриминационные гендерные стереотипы. На этих принципах должно строиться распределение обязанностей, дохода, трудовой нагрузки, доступа к принятию политических решений, к интеллектуальным и экономическим ресурсам.

После Четвертой Всемирной конференции женщин под эгидой ООН в 1995 году в России был создан национальный механизм гендерного равенства. Был подготовлен законопроект гендерной политики. Однако в 10-е годы XXI века ситуация изменилась. В частности, окончательно разрушен национальный механизм гендерного равенства. Из всех комиссий, комитетов и структурных подразделений, которые занимались гендерными проблемами, остался только Комитет Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей. Но этот комитет к политике гендерного равенства настроен скорее негативно. Координационный совет по проблемам гендерного равноправия в Санкт-Петербурге и вовсе был ликвидирован.

Гендерная политика в России подменена идеями неотрадиционализма, в соответствии с которыми государство пропагандирует патриархальные ценности семьи, хотя советский опыт, который весьма успешно используется современной Европой, показывает, что наиболее действенным механизмом повышения рождаемости и сегодня является политика гармонизации профессиональных и семейных ролей.

Социальная политика российского государства не поддерживает успешных женщин не только в их карьерных устремлениях, но даже в их намерении иметь детей. Это выражается в том, что при оплате декретных отпусков, в отличие от остальных россиянок, высокооплачиваемым женщинам начисляют не 100% их заработной платы, а ограничивают ежемесячные выплаты установленным государством «потолком» в размере 568 тыс. рублей за год (т.е. 47,3 тыс. рублей в месяц). [3]. Следует подчеркнуть, что именно со своей полной зарплаты эти женщины платят налоги и страховые взносы, но когда хотят иметь детей, то за декретный отпуск государство им недоплачивает.

В настоящее время гендерный стереотип «сильного мужчины» и «слабой женщины» в большей степени наполнен культурно-символическим содержанием, а не социально-экономическим.

Социологические исследования мужской демографической общности, которые проводились в последние годы в Санкт-Петербурге, показали, что современные городские мужчины меньше всего мечтают о жене – домохозяйке, хранительнице домашнего очага. Многие успешные мужчины выбирают одиночный образ жизни без официального брака.

Россия - единственная страна в Европе и на постсоветском пространстве, в которой нет закона о гендерном равенстве. Государство не проводит активной политики в сфере труда, направленной на поддержку работников (как женщин, так и мужчин) с семейными обязанностями. Однако поскольку гендерные практики не являются перманентными, их можно изменить с целью содействия достижению гендерного равноправия.

АННОТАЦИЯ. В докладе рассматриваются основные компоненты советской и постсоветской модели гендерной политики. Столетний период проведения политики социалистического феминизма в нашей стране привели к тому, что российские женщины лидируют по показателям уровня образования и вовлечённости в трудовые отношения. Однако, как успехи в решении «женского вопроса», так и серьёзные проблемы актуализировали необходимость разработки и перехода к современной гендерной политике, направленной на преодоление гендерной дискриминации не только женщин, но и мужчин. Политика внедрения неотрадиционализма в гендерные отношения современной России обречена на провал.

Сто лет назад важнейший этап российского женского движения завершился блестящей победой: первые Декреты Советской власти обеспечили правовую основу для преодоления дискриминации женщин. Были созданы предпосылки для ликвидации гендерных диспропорций в важнейших социальных институтах – в семье, на рынке труда, в образовании, в политике и управлении делами государства, секторе гражданских инициатив. Эта правовая основа была дополнена формированием механизмов (женсоветы) решения «женского вопроса» в России. По сути дела в XX веке в нашей стране великая феминистская революция во многом обеспечила модернизацию традиционных гендерных отношений и патриархального гендерного порядка. Акцент в советской гендерной политике был сделан именно на реализации политики в интересах женщин.

Результаты впечатляют. Статистика образования свидетельствует, что женщины в нашей стране ориентируются на достижение высокого уровня профессионального образования в большей мере, чем мужчины. В результате, уровень образования занятых на рынке труда женщин в России выше, чем у работающих мужчин. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года высшее (включая послевузовское образование) имеют 58% женщин и 42% мужчин; неполное высшее - 54% женщин и 46% мужчин; среднее – 56% женщин и 44% мужчин. [1, 64]

На рынке труда уровень участия в рабочей силе по данным на 2015 год составляет: женщин в трудоспособном возрасте (16-54 года) – 77,0%; мужчин в трудоспособном возрасте (16-59 лет) – 83,9%. [1, 87]

В то же время есть и серьёзные проблемы. В России зарплаты женщин на 30% ниже, чем у мужчин, свидетельствуют данные отчёта Global Wage Report за 2014–2015 годы от Международной организации труда (МОТ). Доклад «Глобальный гендерный разрыв» Всемирного экономического форума 2015 года подтверждает это: сейчас женщины получают столько, сколько мужчины десять лет назад. Однако, по данным компании HeadHunter, которая проанализировала 400 000 российских резюме с сентября по ноябрь 2015 года в Москве, женщины в принципе запрашивают заработную плату в среднем на 20–30% ниже, чем мужчины. Женщины легче соглашаются на более низкий доход, так как чувствуют ответственность не только за работу, но и за семейные дела, на которые тоже нужно тратить время. При этом представители МОТ подсчитали так называемую объяснимую разницу в заработной плате, которая учитывает, в

частности, уровень образования, и выяснили, что в действительности зарплата российских женщин должна быть на 11,1% выше, чем у мужчин. [2].

В итоге проведения советской женской политики в нашей стране к началу XXI века сложилась новая модель успешной женщины – женщина, успешно сочетающая профессиональную, материнскую карьеру и карьеру жены, хозяйки дома. Эта задача трудная. Её решение возможно при полной поддержке мужа, всех членов семьи, общества и государства.

Реальные успехи нашей страны в решении «женского вопроса» актуализировали необходимость перехода к новой модели гендерной политики. Проблема гендерного равенства затрагивает вопросы реализации равных прав и возможностей для обоих полов в одинаковой степени. Игнорировать факты мужской дискриминации в различных сферах современного российского общества некорректно.

Цель гендерной политики для современного российского общества - достижение гендерного равенства, когда все люди имеют свободу выбора и пользуются ею для развития личных способностей без оглядки на устаревшие, дискриминационные гендерные стереотипы. На этих принципах должно строиться распределение обязанностей, дохода, трудовой нагрузки, доступа к принятию политических решений, к интеллектуальным и экономическим ресурсам.

После Четвертой Всемирной конференции женщин под эгидой ООН в 1995 году в России был создан национальный механизм гендерного равенства. Был подготовлен законопроект гендерной политики. Однако в 10-е годы XXI века ситуация изменилась. В частности, окончательно разрушен национальный механизм гендерного равенства. Из всех комиссий, комитетов и структурных подразделений, которые занимались гендерными проблемами, остался только Комитет Госдумы по вопросам семьи, женщин и детей. Но этот комитет к политике гендерного равенства настроен скорее негативно. Координационный совет по проблемам гендерного равноправия в Санкт-Петербурге и вовсе был ликвидирован.

Гендерная политика в России подменена идеями неотрадиционализма, в соответствии с которыми государство пропагандирует патриархальные ценности семьи, хотя советский опыт, который весьма успешно используется современной Европой, показывает, что наиболее действенным механизмом повышения рождаемости и сегодня является политика гармонизации профессиональных и семейных ролей.

Социальная политика российского государства не поддерживает успешных женщин не только в их карьерных устремлениях, но даже в их намерении иметь детей. Это выражается в том, что при оплате декретных отпусков, в отличие от остальных россиянок, высокооплачиваемым женщинам начисляют не 100% их заработной платы, а ограничивают ежемесячные выплаты установленным государством «потолком» в размере 568 тыс. рублей за год (т.е. 47,3 тыс. рублей в месяц). [3]. Следует подчеркнуть, что именно со своей полной зарплаты эти женщины платят налоги и страховые взносы, но когда хотят иметь детей, то за декретный отпуск государство им недоплачивает.

В настоящее время гендерный стереотип «сильного мужчины» и «слабой женщины» в большей степени наполнен культурно-символическим содержанием, а не социально-экономическим.

Социологические исследования мужской демографической общности, которые проводились в последние годы в Санкт-Петербурге, показали, что современные городские мужчины меньше всего мечтают о жене – домохозяйке, хранительнице домашнего очага. Многие успешные мужчины выбирают одиночный образ жизни без официального брака.

Россия - единственная страна в Европе и на постсоветском пространстве, в которой нет закона о гендерном равенстве. Государство не проводит активной политики в сфере труда, направленной на поддержку работников (как женщин, так и мужчин) с семейными обязанностями. Однако поскольку гендерные практики не являются перманентными, их можно изменить с целью содействия достижению гендерного равноправия.

1. Женщины и мужчины России. 2016. Стат.сб./ Росстат. - М., 2016.
2. Российские женщины зарабатывают на 30% меньше мужчин. URL: <http://secretmag.ru/news/2015/11/24/neravenstvo-zarplat/> (дата обращения: 13.01.2017).
3. Хоткина З.А. Страна умниц: гендерные аспекты карьеры. 23 августа 2014. <http://polit.ru/> (дата обращения: 7.10. 2017).

ИССЛЕДОВАНИЕ СООТНОШЕНИЯ ЖЕЛАЕМОЙ И ОЖИДАЕМОЙ БЕЗДЕТНОСТИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ МИКРОПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2015 ГОДА

Фахрисламова Р. (Москва)

Аннотация

Работа посвящена изучению категории людей, которые в качестве желаемого и ожидаемого числа детей называли: ноль детей. Для этих целей были использованы результаты Всероссийского социально-демографического обследования населения, состоявшегося в октябре 2015 года (Микроперепись населения 2015). По Микропереписи населения - 2015 собрана информация по фактическим рождениям, по желаемому и ожидаемому числу детей. Большое преимущество в том, что вопросы о репродуктивных установках задавались как женщинам (18-44 лет), так и мужчинам (18-59 лет), что является большой редкостью. В ходе исследования было выявлено существование серьезной разницы между желаемой и ожидаемой бездетностью среди молодых людей обоих полов, что является серьезным вызовом для социальной политики, особенно в силу формирующейся структуры населения России.

За последние 40 лет центральные статистические органы последовательно провели 7 массовых опросов женщин России о числе рожденных детей [Андреев, Захаров, 2017]. Последний по времени масштабный опрос был проведен в ходе Всероссийского социально-демографического обследования населения, состоявшегося в октябре 2015 года (Микроперепись населения 2015)

В нашей работе мы использовали результаты данного опроса применительно к изучению репродуктивных установок населения. Большое достоинство которых в том, что вопросы задавались как женщинам (18-44 лет), так и мужчинам (18-59 лет) репродуктивного возраста. По Микропереписи населения - 2015 собрана информация по фактическим рождениям, по желаемому и ожидаемому числу детей. Респондентов просили указать количество детей, которые они собираются иметь, включая уже имеющихся, а также количество детей, включая уже имеющихся, которое хотелось бы иметь при наличии всех необходимых условий [Методологические пояснения, 13 стр.]. Предполагается, что первая часть вопроса характеризует ожидаемое число детей, а вторая - желаемое число детей.

Хотя на основании разных эмпирических данных было выявлено, что намерения завести ребенка в течение определенного периода обладают лучшей предсказательной способностью, чем предпочтения в отношении детности, измеряемые через ожидаемое или желаемое число детей [Тындик, 2012], мы предполагаем, что горизонт планирования у людей не сильно далек от реалий сегодняшнего дня.

Цель работы заключалась в том, чтобы пролить новый свет на исследование бездетности. Основной акцент в работе был сделан на категории людей, которые в качестве желаемого и ожидаемого числа детей выбрали ответ: ноль детей.

Мы решили сфокусироваться на возрастные группы, на которые приходится максимум рождений: 20-24-х, 25-29-ти лет, являющиеся представителями реальных когорт: 1986-1990 и 1991-1995 годов рождений.

Несмотря на то, что несколько десятилетий назад общий уровень рождаемости в России формировался более чем на половину за счет репродуктивной активности самых молодых женщин до 25 лет, даже сегодня две трети величины коэффициента суммарной рождаемости обеспечивают женщины младше 30 лет [Население России, 2013:97].

В молодых возрастах (20-29 лет) обоих полов ожидающих, что будут бездетными больше, чем желающих быть бездетными. Это может свидетельствовать о неуверенности молодых людей в том, что они смогут иметь желаемое число детей и вероятно есть причины этой неуверенности. Поиск и объяснение этих причин потребует дальнейших исследований.

25% мужчин в возрасте 20-24 года и 16% в возрасте 25-29 лет ожидают, что будут бездетными, тогда как желающих быть бездетными 18% и 12% соответственно. 12% женщин в возрасте 20-24 года и 6% в возрасте 25-29 лет ожидают, что будут бездетными, тогда как желающих быть бездетными 8% и 4% соответственно.

Таким образом, мужчин желающих и ожидающих, что будут бездетными практически в два раза больше, чем женщин.

Для возрастной группы 20-24 года характерно большая вариация между желаемой и ожидаемой бездетностью. Так, например, среди женщин в возрасте 20-24 года ожидающих остаться бездетными на 4% больше, чем желающих, а в возрасте 25-29 лет на 2%. Среди мужчин в возрасте 20-24 года ожидающих остаться бездетными на 7% больше, чем желающих, в возрасте 25-29 лет, на 5% соответственно.

Мужчин, желающих и ожидающих быть бездетными в сельской местности выше, чем в городской в обеих возрастных группах. Среди женщин, в возрасте 20-24 года желающих и ожидающих быть бездетными в сельской местности выше, чем в городской. А вот в группе 25-29 лет, желающих и ожидающих быть бездетными в городской выше, чем в сельской местности.

Когда респондент хотел бы иметь больше детей, чем собирается, то его просили оценить по пятибалльной шкале значимость условий, способствующих рождению желаемого числа детей. При этом оценка «5» означает, что выполнение этого условия может повлиять очень сильно на решение опрашиваемого иметь большее количество детей, а оценка «1» означает, что условие никак не может влиять на решение опрашиваемого. Мы посмотрели средние баллы по каждому условию для наших возрастных групп, мужчин и женщин.

Самыми важными условиями для рождения желаемого числа детей (со средним баллом 4,5), как для мужчин, так и для женщин, оказались возможность получения материнского (семейного) капитала, повышение уровня жизни семьи и возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья площадью в размере социальной нормы.

Наименьшую важность женщины всех возрастов придали (со средним баллом 4,0 и ниже) изменению личных обстоятельств и возможности профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в период отпуска по уходу за ребенком в возрасте до 3-х лет. По сравнению с мужчинами, для женщин гибкий график работы и возможность без проблем получить место для ребенка в детском саду, яслях, немного важнее.

Сравнение молодых людей в возрасте до 30 лет и с теми, кто старше, не выявил существенной разницы в степени придания важности разным условиям. Единственное, можно отметить, что в самых старших группах максимальные средние балы ниже, чем среди людей молодых возрастов. Вероятно, для них изменение реальных условий не актуально и вряд ли сменить текущий репродуктивный статус.

Интересно, что максимальный средний балл по всем условиям не выше 4,6 баллов, это можно интерпретировать как то, что очень сильно повлиять на рождение детей не может ни одно из перечисленных условий.

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что вероятно, бездетность среди будущих демографических когорт в России будет нарастать, особенно среди мужчин. Тем не менее, желающих быть бездетными не очень много, особенно среди российских женщин, что неоднократно отмечали в своих работах другие исследователи, показывая, что добровольная бездетность в России малораспространенное явление. В тоже время, большой исследовательский интерес вызывает мужская бездетность.

1. Андреев Е.М., Бондарская Г.А. Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения // *Вопросы статистики*. 2000. 11: 56-62
2. Андреев Е.М., Захаров С.В. Микрореперис – 2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости // *Демоскоп Weekly*. 2017. № 711-712.
3. Сиявская О. В., Тындик А.О. От чего зависят репродуктивные намерения и репродуктивное поведение россиян? *Демоскоп Weekly*. 2009. № 379-380.
4. Тындик А.О. Репродуктивные установки населения в современной России // *SPERO*. 2012. Весна-лето, с.95-112. 76.
5. Методологические пояснения // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/Method-MPN-2015.pdf. Дата обращения: 27.01.2017
6. Раздел V. Рождаемость и репродуктивные планы // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html. Дата обращения: 27.01.2017
7. *Население России 2013 [Текст]: двадцать первый ежегодный демографический доклад / отв. Ред. С.В.Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики»*. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. с. 97

БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД В ИССЛЕДОВАНИИ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОЦЕССА ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ СЕМЬИ

Цветаева Н.Н. (Санкт-Петербург)

Модернизационные процессы в сфере семьи и брака рассматриваются сегодня в контексте глобальных тенденций, получивших название второго демографического перехода или демографической модернизации [1]. Основными причинами происходящих в этой сфере изменений исследователи называют индустриальную урбанизацию, определившую такие особенности городской семьи, как нуклеаризация, малодетность, увеличение возраста вступления в брак и рождения детей и, в результате, усиливающуюся индивидуализацию частной жизни, расширение области индивидуальной свободы и возможностей выбора индивидуального жизненного пути.

Надо отметить, что уже в советское время анализировались некоторые из этих тенденций, свидетельствующие о встроенности российской семьи в общеевропейский модернизационный процесс. Это, например, такие тенденции, как эволюция нормативного сознания российской семьи в сторону симметрии мужских и женских моделей поведения, индивидуализация семейных ролей, появление «инновационных» моделей семьи и др. В постсоветское время системная трансформация общества расширила области демографической модернизации, породив новые для российского общества тенденции, которые исследователи обозначают как идеологические изменения, характерные для эпохи второго демографического перехода. К ним относят снижение брачности, увеличение количества нерегистрируемых браков, увеличение внебрачных рождений, плюрализацию моделей семьи и родительства и др.

Однако, несмотря на то, что в постсоветское время процесс демографической модернизации российской семьи, казалось, приобрел более масштабный характер, результаты целого ряда социологических исследований свидетельствуют о противоречивости и неоднозначности изменений, происходящих в этой сфере. И определяющую роль для характеристики этих изменений играет устойчивость традиционных ценностей, которые, несмотря на воздействие идущих в стране преобразований, постепенно восстанавливают свое влияние на общество [2]. Интерес представляет и то, что эта устойчивость традиционных ценностей оборачивается, как свидетельствуют результаты ряда социологических исследований разрывами и несоответствиями между нормативными ориентациями людей и их реальными практиками в сфере семейных и гендерных отношений [3].

По всей видимости, надо согласиться, что основной причиной целого ряда особенностей процесса модернизации российской семьи является многослойность ценностного сознания общества, наличие в нем разных по степени модернизации анклавов: разлагающейся традиционности, советского варианта модернизации, складывающихся новых социальных пространств, постсовременных. В этой связи исследователи фиксируют не только традиционализм россиян по большинству нормативных ориентаций в сфере семейных и гендерных отношений, но и противоречивое сочетание традиционно-патриархатных взглядов, эгалитарных установок советской модернизации и прагматических ориентаций постсоветского времени в этой сфере.

Таким образом, наряду со встроенностью российской семьи в глобальный процесс демографической модернизации, достаточно очевидны и особенности протекания этого процесса в российском контексте. На наш взгляд, исследование этих особенностей предполагает особое внимание к субъективной стороне исторических процессов, обращение к анализу микроуровня социальной жизни, локальных форм существования ее ценностных основ – исследованию социальных установок и нормативных ориентаций на уровне повседневной жизни людей. Это особенно важно сегодня, в новой культурной и познавательной ситуации, когда признается релятивизация ценностных систем, недоверие к так называемым «большим нарративам» и другие диагнозы современности, обращающие внимание на локальные формы существования ценностных основ общества.

Одну из возможностей получить представление о способах протекания массовых процессов на микроуровне, на уровне повседневной жизни людей, дает качественное социологическое исследование и, в частности, исследование повседневного языка и нарратива как метода раскрытия значения социальных и личностных конструкций, своего рода «биографических решений», принимаемых, в данном случае, в пределах конкретных семей. В качестве эмпирического материала такого исследования используются автобиографические нарративы

(истории жизни, дневники и другие свидетельства биографического характера) обычных, социально репрезентативных, людей. Важно подчеркнуть, что в методологии качественного исследования такие нарративы рассматриваются не только как свидетельства о реальности, но и, прежде всего, как социальная конструкция, как коммуникативная стратегия, анализ которой дает возможность увидеть, какие нормативные представления и стереотипы работают на уровне повседневной жизни людей, и, тем самым, понять, как складывается логика практики, логика культуры общества. Заключение в таких нарративах опыт жизни людей, окрашенный их эмоциями и переживаниями, позволяет дать «насыщенное описание» исследуемой проблемы, раскрыть многообразие и сложность реальной жизни, продуцируя гипотезы для изучения еще не выраженных ясно тенденций общественного развития. Это особенно важно для изучения социально-культурных изменений в разных сферах жизни общества, которые, как очевидно, не происходят моментально, а накапливаются в результате множества невидимых микроисторий в повседневной жизни людей, и только спустя какое-то время, казалось бы, вдруг, проявляются как статистический факт, как привычное для традиционных социологических опросов репрезентативное обобщение.

Особенно продуктивным представляется сравнительный анализ биографических нарративов, принадлежащих людям разных поколений. Такой анализ дает представление об исторических этапах «определяющей работы общества» (Бурдье), об «обновлении дефиниций» (Бергер), а также о постепенности и инерционности происходящих социально-культурных изменений, их «зависимость от пути» (Норт), от культурного наследия и социального контекста в целом. Кроме того, такой анализ позволяет прояснить связи между разными слоями ценностного сознания общества, между дискурсом повседневной жизни и нормативными, идеологизированными, дискурсами.

С представленных здесь позиций я работаю с материалами собрания Биографического фонда, созданного в Социологическом институте Российской Академии Наук в 1989 г. На сегодняшний день фонд содержит более 800 единиц хранения. Собрание фонда составляют автобиографии, биографические интервью, генеалогии, дневники, семейные хроники, а также материалы нескольких тематических биографических конкурсов. На данном этапе я занимаюсь (на базе материалов нашего фонда) исследованием динамики и особенностей нормативных ориентаций в сфере семейных и гендерных отношений, установлением связи этих ориентаций с разными сегментами культурного поля (социально-структурными и поколенческими характеристиками авторов биографических нарративов), а также с разными нормативными дискурсами, нарабатанными обществом на том или ином этапе его истории.

1. Демографическая модернизация России: 1990–2000 / Под ред. А.Г. Вишневецкого. М: Новое издательство, 2006. С. 601.
2. Горшков М.Г. Российское общество в социологическом измерении // Мир России. 2009. № 2. С. 3-21.
3. Лежнина Ю.П. Семья в ценностных ориентациях // Социологические исследования. 2009. № 12. С. 69-77.

ИНСТИТУТ ОТЦОВСТВА В ОЦЕНКАХ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ.

Черепанова М.И., Гоношилова Т.О. (Барнаул)

Аннотация: В статье представлены эмпирические данные о представлениях разных групп молодежи, относительно отцовства. Авторы описывают стереотипы молодежи, связанные с отцовством, характерные для провинциального российского города (на примере г. Барнаула). Полученные в ходе исследования результаты и выводы могут быть использованы для разработки профилактических программ, направленных на предотвращение разводов среди молодых семей, для сохранения полных семей, формирование позитивных и мотивирующих отношений молодых юношей к отцовству.

Традиционно отношениям между ребенком и матерью уделяется гораздо больше внимания, чем взаимоотношениям отца и ребенка. В современном обществе можно наблюдать тот факт, что представления об отце лишь как о защитнике и кормильце стремительно изменяется под воздействием экономического и культурного развития мира. Социологические исследования отцовства показали, что данный феномен представляет собой специфическое социальное явление. «Для каждого поколения существует свой идеал отца, который отражает то время и условия

жизни, и каждое поколение сталкивается с несоответствием между «культурой» отцовства и «поведением» отцов в семьях» [1, 2].

Эмпирическая база исследования, представленного в данной статье, включает результаты социологического опроса, по теме «Институт отцовства в оценках современной молодежи», проведенного в 2016-2017 гг. Всего опрошено 130 человек. Выборка целенаправленная, квотная. Квотирующими признаками является пол, возраст, наличие детей у мужчины (отцовство). Выделена и исследована выборка молодежи в возрасте от 18 до 30 лет (n=100), 30 мужчин, которые имеют детей и 10 экспертных интервью. Проведен многосторонний математический анализ полученных результатов для решения целей исследования.

В процессе исследования было выявлено, что рейтинг ценностей, важных для жизни различается у потенциальных и реальных отцов. Отцовство усиливает значимость детей, меняет иерархию ценностей в сторону актуализации семейной жизни. Большинство молодых вне зависимости от пола настроены на двухдетную модель семьи, что по данным статистических прогнозов не способствует простому приросту российского населения. Представление об ответственном отцовстве значительно не различаются у юношей и девушек. Юноши, как будущие отцы, предпочитают видеть в ответственном отце открытость в общении, а отцы со стажем больше ценят обеспечение семьи, пример для подражания и любовь. Выявлен определенный конфликтогенный потенциал у молодежи разного пола. Мужчины более оптимистичны и считают, что большинство из них являются ответственными отцами, а девушки придерживаются противоположного мнения. Большинство молодых людей разного возраста проявили приверженность к традиционной роли мужчины, как кормильца и защитника, полагая, что женщине лучше заниматься воспитанием. Большинство девушек полагают, что многие мужчины не способны хорошо выполнять воспитательные функции, поэтому им необходимо учувствовать в программах совместной подготовки к рождению ребенка.

Большинство мужчин считают своего отца образцом для подражания, однако треть юношей имели негативный опыт отношения с отцом или росли без отца и его реального участия. Появление ребенка в семье сопровождается противоречивыми эмоциями для мужчины, от крайне позитивных эмоций радости, до роста напряженности и тревоги в отношении детей. Молодежь вне зависимости от пола, преимущественно направлена в будущем на демократический стиль воспитания своего ребенка. По мнению большинства молодежи, роль и ответственность отца и матери должна быть примерно одинакова. Ребенок должен быть эмоционально ближе к родителям в равной мере. Появление ребенка в жизни мужчины включает стремление к самореализации и стимулируется внутренним желанием иметь ребенка. Все категории опрошенных респондентов пришли к выводу, что в случае развода, супруги имеют равные права на ребенка, и с кем он должен остаться зависит от конкретных обстоятельств. Методика незаконченных предложений, как один из проективных социально-психологических методов, позволила выявить эталонный портрет современного отца, где современные мужчины являются хорошими отцами, которые любят свою семью и детей. Преобладает традиционная модель отцовства, где отец – это основной добытчик семьи, авторитет и пример для подражания. Современное отцовство характеризуется активным участием в воспитании детей. Папа для ребенка – это наставник, друг и главная опора, это человек, который способен решить любую проблему, дать нужный совет и преподать личный пример.

Результаты экспертного опроса выявили, что многие мужчины отмечают негативные изменения, которые произошли с феноменом отцовства, считая, что современные отцы все меньше времени уделяют своим семьям и детям, и традиционная роль отца ослабевает. И только один отец из экспертов отметил, что в его семье и для него лично ничего не изменилось с институтом отцовства. Все опрошенные отцы, выступающие в роли эксперта, согласились, что инстинкт отцовства существует, но он проявляется в разной степени. Один из отцов уверен, что зрелость отцовства связана с возрастом и проявляется в росте его ответственности к вопросам воспитания и заботы. Появление ребенка в жизни мужчины, обуславливая появление новых забот и трудностей, значительно изменяет его эмоциональное состояние. В большинстве своем мужчины считают, что появление ребенка в жизни мужчины не зависит от физического возраста, а стимулируется внутренней готовностью мужчины. Наиболее значимым фактором готовности к отцовству для мужчины является финансовая обеспеченность семьи. Мужчины пришли к выводу, что отец – это опора семьи, защитник, его роль заключается в обеспечении семьи и воспитании детей. В вопросах воспитания отцу необходим разнообразный поведенческий репертуар. Необходимо переключаться со строго отца, на веселого и беззаботного, который

может быть ребенку просто другом. Современный отец должен быть ответственным за своего ребенка и его поступки. Ответственный отец – это человек, который умеет держать свое слово, может обеспечить своего ребенка всем необходимым, это отец, который любит своего ребенка. И большинство современных отцов, по мнению мужчин, соответствуют идеалу ответственного отца.

Отцы должны активно участвовать в воспитании ребенка, помогая своим женам, принимая совместные решения в вопросах воспитания. По мнению мужчин, необходимо создать все условия, чтобы воспитать зрелую состоявшуюся личность.

1. Безрукова, О.Н. Ресурсы и сети поддержки ответственного родительства в молодых семьях. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. Ун-та, 2011. – 216 с.
2. Саралиева, З.Х. Семья — клиент социальной работы / З.Х. Саралиева. Н. Новгород, 2012. - 287 с.

СУДЬБЫ РОССИЙСКИХ «РАВНОПРАВОВ» И «КУЛЬТУРНИЦ» В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА 1917-1922 ГГ.

Чуракова О.В. (Архангельск)

Активисток освободительного движения в России, боровшихся с самодержавием «за право на всю полноту человеческого существования»[1, с. 16], можно классифицировать как «революционерок» и «либералок». Последних, в свою очередь, принято делить на «равноправов» - поборниц политической борьбы за женские права и «культурниц», чья деятельность протекала на ниве народного просвещения. Среди первого эшелона были представители партий социалистов всех направления и члены партии народной свободы.

Весной 1917 года, «когда революционные знамена запылали на русских просторах»[2, с. 432-434], они впервые объединили усилия в борьбе за получение женщинами избирательных прав и добились успеха. «Давно желанный час свободы наступил!», - ликовали россиянки, наслаждаясь «сказочно прекрасной действительностью»[3]. Но в ходе революции произошло полное размежевание бывших соратниц по борьбе за женские свободы.

В государстве победившего пролетариата было провозглашено равенство полов; женщины вовлекались в экономику, военное и партийное строительство. В 1917-1920 гг. законодательными актами новой власти советским женщинам были даны гражданские, юридические и политические права. После Первого Всероссийского съезда работниц и крестьянок (ноябрь 1918 г.) по всей стране были созданы комиссии по агитации и пропаганде среди женщин. В ЦК РКП(б) был создан отдел по работе среди женщин (Женотдел). Возглавляла его Инесса Арманд, а после ее смерти – Александра Коллонтай. Новые женские организации готовили женщин пропагандистов, занимались помощью Красной армии, распределением пособий детям и сиротам, вели борьбу с неграмотностью[4, с. 448-450]. Агитпоезда, агитпароходы, выездные бригады артистов курсировали по стране с призывом поддержать новую власть. В ряды строителей новой власти влились сотни «раскрепощенных женщин». Однако, следует помнить, что становление жизни «новых женщин» шло в обстановке гражданской войны, когда к военным действиям, всеобщему дефициту, экономической разрухе, голоду прибавились эпидемии, унесшие множество женских жизней (будучи медсестрами в армиях всех цветов, женщины чаще становились жертвами болезней).

Особенно сложно в данных условиях было приспособиться к новым реалиям бывшим «либералкам» из дворянского сословия и интеллигенции. Нина Берберова пишет «об ужасе перед наступающей зимой (1918-1919 гг.), - ежедневными смертями и немыслимыми лишениями, которые грозили смести с лица земли...всех интеллигентов, кто не принадлежал классу потомственных пролетариев или чудом не закрепился на советской службе конторщиком или кладовщиком»[5, с. 114]. О том, как непросто было бывшим «буржуйкам» служить в органах пролетарской власти, пишет Марина Цветаева. В 1919 году она выдержала пять с половиной месяцев «службы» в Наркомате по делам национальностей и «сбежала оттуда в слезах, клянясь никогда больше не служить...даже если будет умирать»[6, с. 140-142].

Тем не менее, сумели найти свое применение в молодой стране Советов многие бывшие «культурницы». Например, плодотворно работала в сфере народного образования бывшая «сенаторша», просветительница, меценат Александра Федоровна Калмыкова. До революции она издавала серии дешевых книг и снабжала ими сельские школы. Каталог ее изданий стал основой для формирования школьных и народных библиотек в годы Советской власти.

Новой властью женщины были уравнены в праве на получение высшего образования с мужчинами. Более того, советская власть, «при ... разрухе и бедности творчески мыслящими умами»[7, с. 176] допустила к преподаванию в университетах женщин. Возможно, это была вынужденная мера: многие преподаватели-мужчины ушли из вузов, не согласившись с реформой высшего образования, отменившей вступительные экзамены и введившей выборность профессорско-преподавательского состава комитетами, в составе которых были студенты.

Смогли найти применение своих сил и знаний женщины-врачи. Самые знаменитые из них (не только как врачи, но как общественные деятельницы - «пионерки женщин на новой дороге»[8, с. 6]) - Анна Николаевна Шабанова и Мария Ивановна Покровская вели в советское время врачебную практику. В сфере здравоохранения работала и вынужденно вернувшаяся из эмиграции «главная феминистка страны» Поликсена Нестеровна Шишкина –Явейн (именно она была во главе женского движения весной 1917 года, результатом которого стало поучение россиянками избирательных прав).

Гораздо сложнее, нежели либералкам - «культурницам», было принять новую власть «равноправкам». Все они, кроме большевичек, были в оппозиции к новой власти. «Одни из них, позабытые собственной страной, были выброшены в эмиграцию и заканчивали жизнь, так и не дождавшись новых проблесков свободы. Других, кто не смог или не захотел порвать с родной почвой и, уйдя из политики, пытался найти себе место в советской жизни, разыскивали и добывали органы НКВД», - отмечают исследователи [9, с. 5]. Легендарная Мария Спиридонова была арестована за активное противодействие политике РКП(б), бежала из-под ареста и перешла на нелегальное положение. Уехала в США Екатерина Брешко-Брешковская - не смогла «простить» большевикам разгон Учредительного собрания, в котором видела «фундамент, на котором будет строиться великолепный хрустальный храм Свободной России»[10, с. 41].

Остались в стране, но не приняли «душой» новую власть Вера Засулич (она полагала, что «нет у социализма врагов более лютых, чем господа из Смольного»[10, с. 117]) и Вера Фигнер, которая отошла от политики и посвятила себя литературе.

Большинство бывших «равноправок» оказались по другую сторону баррикад. Оказали поддержку Белой армии графиня Софья Панина (первая женщина министр в России) и Ариадна Владимировна Тыркова-Вильямс – член партии кадетов. В годы гражданской войны Тыркова с мужем и детьми проделали путь Лондон – Париж – Константинополь - Ростов-на -Дону, чтобы оказаться в рядах армии А.И.Деникина[11, с. 169-184].

Кроме того, революцию социалистическую сопровождала реформация социальная, в том числе - трансформация мира российской женщины. Женский мир периода социальной драмы 1917-1922 гг. - отражение общих ментальных установок общества, смены культурных предпочтений и традиционных ценностей. Та часть россиянок, которые приняли Советскую власть, во многом изменила ролевое поведение, переосмыслила собственную гендерную идентичность. Отчасти, это была не просто эмансипация, но еще и вызов революции, гражданской войне. Однако, большинство бывших либералок, боровшихся в начале XX века за «освобождение женщин», не приняли советский вариант «раскрепощения» слабого пола. Судьбы российских «равноправок» и «культурниц» в период социального кризиса 1917-1922 гг. весьма драматичны, как и сам данный период российской истории.

1. Труды I Всероссийского съезда по образованию женщин. В 2 т., Том 1, СПб., 1914, С.16.
2. Тыркова – Вильямс На путях к свободе. Лондон.1990. С.432-434.
3. ГАРФ. Ф.640. Оп. 2. Д.62. Л. 1
4. Ричард Стайтс "Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм 1860-1930.М.,2004. С.448-450
5. Н.Берберова Железная женщина. М.,1991.С.114.
6. Лили Фейлер «Марина Цветаева» Ростов -на Дону, 1998. С 140-142.
7. А.М. Коллонтай «Революция - великая мятежница...» Избранные письма 1901-1952. М., 1989.С.176
8. М.И. Покровская Как я была городским врачом для бедных» СПб.,1903. С.6
9. В.Шейнис. Либеральная интеллигенция между самодержавием и революцией. Предисловие к книге А.Тырковой «На путях к свободе». М.2007. С. 5.
10. Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. М., 1993.С.41.
11. Аркадий Борман А.В.Тыркова – Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувен-Вашингтон, 1964. С. 169-184

ЛЮДИ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ КАК АКТУАЛЬНЫЕ АКТОРЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ (ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Чухина А.В. (Архангельск)

Аннотация:

В исследовании «Социальная интеграция людей с инвалидностью в Архангельской области» были изучены сила и влияние различных механизмов на процессы интеграции инвалидов в общество.

В работе выделено 4 основных механизма социальной интеграции инвалидов, одним из которых является стратегия социальных отношений, то есть активные действия самих людей с инвалидностью и/или членов их семей (например, в случаях, когда у взрослого инвалида множественные тяжелые нарушения, ментальная инвалидность или это ребенок-инвалид).

Так как результат работы именно этого механизма направлен на долгосрочные социальные изменения, на изменение общественной нормы в отношении людей с инвалидностью, то его изучение требует более тщательного анализа.

В основном, люди с инвалидностью коммуницируют с обществом и государством на предмет изменения общественной нормы или законодательства через общественные объединения, как их участники, пассивно участвуя в общественной и политической жизни, и очень редко самостоятельно являются акторами.



При этом, большинство людей с инвалидностью признает, что отношение общества и государства к ним меняется, но не без помощи самих людей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ).

Поэтому, важно понять, что это за активные инвалиды, их характеристики и качества, их мотивацию, цели и роль (статус). И, самое главное, понять, на что направлена их активность, которая приносит результаты.

Для начала необходимо сопоставить отношение общества к людям с инвалидностью и мнение инвалидов относительно качества их жизни.



Как видно на рисунке, роль, отводимая обществом людям с инвалидностью, чаще всего не выходит за рамки медицинских ограничений: 65% опрошенного населения считает, что человека с инвалидностью можно охарактеризовать как человека с ограничением физических или умственных возможностей; большинство считают, что инвалиды – это люди, финансово не самостоятельные (75%), а также не способные к самореализации (60%).

И в этом сохраняется серьезный барьер для интеграции – большая психологическая дистанция между людьми с инвалидностью и обществом, отсутствие понимания инвалидности обществом.

68% опрошенных (мнение общественности) считают, что очень важно для цивилизованного общества полностью включить в общественную жизнь людей с ОВЗ, при этом 93% подтверждают факт того, что людям с инвалидностью не созданы условия для комфортной жизнедеятельности.

Если обратить внимание на оценку людей с ОВЗ уровня дискриминации их прав, то становится видна дистанция между пониманием обществом важности инклюзии и низкой готовностью людей совершать конкретные действия для решения этих задач.

По результатам социологического исследования можно сделать вывод о том, что инвалидность не является свойством человека или характеристикой его поведения, она скорее социального происхождения. Получается, что не природные данные, а именно общество дискриминирует индивидов и их семьи, лишая их социальных прав, создавая неравенство и, тем самым, воспроизводя социальное неравенство.

Можно сказать, что российское общество сейчас находится в состоянии сомнительного «равновесия»: 50% респондентов готовы предпринимать усилия, чтобы изменить ситуацию в жизни людей с инвалидностью, а другая половина к ним равнодушна или явно их дискриминирует. Это говорит о том, что в целом достаточно небольших, но постоянных усилий, чтобы склонить баланс в сторону развития доступной среды и интеграции инвалидов, то есть в сторону развития цивилизованного общества.



По результатам качественного исследования – анализа глубинных интервью с активными людьми с ОВЗ – общественными и политическими деятелями, можно выделить некоторые особенности как у мужчин, так и у женщин-инвалидов.

1. Мужчины не позиционируют себя в статусе общественного деятеля, при этом ведут активную общественную деятельность, но видят в этом, скорее, инструмент для решения задач. То есть не этот статус для мужчин важен, а возможности, которые он дает.

При этом женщинам-инвалидам достаточно важен статус общественного деятеля, они об этом открыто заявляют.

2. Мужчины превращают хобби в профессию, отказываются от неинтересной работы вследствие переосмысления жизненных ценностей. И это хобби зачастую тесно связано с общественной деятельностью.

Женщины в интервью вообще не говорят о своей работе, приносящей доход, для них важнее такие ценности, как семья, общественная значимость и статус. То есть работа и общественная деятельность явно дистанцируют.

3. Мужчины о мотивации не говорят напрямую, но выбранные роли объясняют достаточно четко их мотивы. У женщин мотивация совпадает с ролью также, но женщины-инвалиды постоянно акцентируют на этом внимание, говорят об этом в интервью.

4. Цели и ресурсы у мужчин и женщин с инвалидностью совпадают.

5. Для мужчины с ОВЗ важнее результат, а для женщины – процесс.

В целом, можно сделать вывод, что инвалидов – акторов современной общественной и политической жизни отличает от обычных людей несколько моментов:

- инвалиды живут мечтой;
- люди с инвалидностью переосмыслили жизненные ценности;
- у людей с ОВЗ радикально новая точка отсчета, жизнь становится другой после получения инвалидности;
- человек с инвалидностью внимательнее смотрит внутрь себя, применяет свои ресурсы оптимальнее, обретает и ищет новые смыслы.

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ РАБОТЫ С СЕМЬЯМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ В ТРУДНОЙ ЖИЗНЕННОЙ СИТУАЦИИ

Шалькевич Н.И. (Иркутск)

На сегодняшний день мы можем наблюдать, что все больше семей в нашей стране сталкиваются с такими кризисными ситуациями, найти выход из которых возможен только с помощью компетентных специалистов — специалистов по социальной работе, психологов, юристов и других, имеющие возможность не только разобраться в этих ситуациях, выявить причины их появления и возможные последствия, но и выбрать наиболее правильный выход из

кризиса. К таким проблемам относится: безработица, потеря работы, инвалидность, отсутствие определенного места жительства, конфликты и насилие в семье, одиночество и т.п. Данные категории можно объединить одним определением – трудная жизненная ситуация. Трудная жизненная ситуация – это ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина, которую он не может преодолеть самостоятельно [1]. Меры социальной поддержки и предоставления социальных услуг и материальной помощи гражданам, которые попали в трудную жизненную ситуацию, отмечены в Федеральном законе «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» от 28.12.2013 № 442-ФЗ.

Значительное место в практике работы с клиентами в такой ситуации занимает технология социального консультирования. Социальное консультирование – это процесс отношений между социальным работником и клиентом, направленный на помощь индивиду или группе в принятии решений [4]. Как считают некоторые исследователи, главное в социальном консультировании — это в большей степени предоставление помощи, нежели простого совета.

В России консультационную и другую помощь семье, находящейся в трудной жизненной ситуации, реализуют как специализированные учреждения: социальные приюты, ночлежки, кризисные центры для женщин, социальные гостиницы приюты для жертв насилия, социально-реабилитационные центры; а также территориальные учреждения социального обслуживания: управления социальной защиты, телефоны доверия, центры социальной помощи семье и детям и т.п.

Вся работа специалиста по социальной работе складывается так, чтобы дать членам семьи возможность понять, что никто не преуменьшает важность их проблем, но именно в этих проблемах, необходимо искать и находить средства для улучшения сложившейся ситуации [2]. Тем самым клиентов сначала побуждают к поиску собственных ресурсов изменения, которыми могут быть его прошлое, будущее, воспоминания, воображение, которые смогут помочь выявить истинные причины случившейся кризисной ситуации и, возможно, искоренить их уже вместе с другими службами, общественными организациями.

Специалист по социальной работе – это связующее звено между клиентами и структурами, которые могут им помочь в разных аспектах их проблемы (медицинском, правовом, психологическом и т.д.).

В социальном консультировании имеется ряд принципов, которых должен придерживаться специалист по социальной работе с клиентом:

1. Принцип профессионализма и компетентности;
2. Принцип доверительности;
3. Принцип конфиденциальности;
4. Принцип результативности [3].

Надо учитывать, что работа консультанта с клиентами, пережившими или переживающими состояние трудной жизненной ситуации, имеет свои особенности при разных ситуациях, на которые влияют особенности поведения и психологического каждого из членов семьи. Поэтому для успешной консультации семьи немаловажен уровень компетенции специалиста, так как ситуаций, которые можно назвать трудными для семьи множество и ещё больше социальных служб и организаций, которые могут помочь в конкретной проблеме.

Итак, социальное консультирование имеет огромные возможности позитивного воздействия на семью, оказавшейся в трудной жизненной ситуации. Социальное консультирование способствует в первую очередь психологической поддержке и активизации собственных способностей в решении проблемы своей семьи.

1. *Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: федер. закон : по состоянию на 28 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 14.09.2017)*
2. *Социально-психологическая реабилитация женщин и детей, пострадавших от домашнего насилия: учебно-методическое пособие. / А. Синельников [и др.]; ред. О.С. Гурова, С.С. Даренских – Барнаул, 2012. – 50 с.*
3. *Казаков Ю.Н. Инструментарий социальных технологий (психологические аспекты) (Учебное пособие) / ред. А.А. Ильин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://abc.vvsu.ru/books/instrum/> (дата обращения: 09.09.2017)*
4. *Фирсов М.В. Технология социальной работы : учебник / М.В. Фирсов, Е.Г. Студёнова. — М. : КНОРУС, 2016. — 344 с.*

ГЕНДЕРНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ - СОВЕТСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

Шапкина А.Н. (Санкт-Петербург)

Аннотация: Гендерная политика в России имеет глубокие корни в отечественной истории. В данной работе кратко освещается гендерная политика Коммунистической партии Советского союза, а также исследуется текущая политическая программа партий «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». Определяется удельный вес посвящённых гендерным вопросам положений и подсчитывается вероятность вынесения на обсуждение Государственной Думой гендерной проблемы с учётом её текущего состава.

Сегодня в России существует немало проблем, и одна из них – гендерная. Пожалуй, не найдётся такого государства, в котором бы отсутствовали гендерные проблемы. Законодательство в ряде стран является отличным примером эффективного решения подобных вопросов. Так, с 1998 года Европейский союз следует стратегии гендерного мейнстриминга (от англ. gender mainstreaming), которая заключается в равноправном участии женщин и мужчин в демократии, а также в учете интересов обоих полов во всех областях и на всех уровнях процесса выработки политических решений.

Гендерную проблематику нельзя назвать неактуальной, по крайней мере, для Российской федерации. Рассматриваемая социальная проблема имеет глубокие корни в отечественной истории. Властные действия по её урегулированию предпринимались ещё в Российской империи, однако устойчивое место на публичной арене женщинам удалось занять лишь в СССР. В 1917 году большевики начали проводить политику абсолютного уравнивания всех слоёв населения в их правах, что ознаменовало наступление в стране гендерного равноправия. Даже советское личное обращение «товарищ» было лишено половой идентификации. Таким образом, отношение к женщинам полностью изменилось, как и вся гендерная политика, которая на тот период опережала даже самые развитые страны по данному вопросу.

Со временем правящая партия совершенствовала свою гендерную политику. Например, эпоха оттепели примечательна появлением оплачиваемых отпусков по беременности и введением социальных выплат матерям-одиночкам и разведенным женщинам. Несмотря на эти и другие прогрессивные нововведения, отсутствие гендерных проблем в Советском союзе было мифом, так как новое законодательство решало лишь часть актуальных вопросов. Так, самый большой в мире удельный вес полиэтничных браков (а это 20% на 1989 год) порождал множество семейных конфликтов на основе различий в этнокультурных традициях и проблему определения этничности ребёнка. Постепенно вместо единого женского движения появлялись многочисленные объединения, отчуждённые от непосредственной политической деятельности. А проблема затруднённого карьерного роста и неравенства доходов мужчин и женщин и вовсе замалчивались советской властью.

В целом можно утверждать, что коммунистическая партия СССР на протяжении всего своего существования уделяла немало внимание гендерным проблемам. Часть вопросов была успешно решена, и именно гендерная политика Советского союза стала базой для законодательства и политических взглядов Российской федерации.

Сегодня в нашей стране установлена многопартийность, что даёт широкое поле для анализа. Гендерная проблема и способы её интервенции должны быть отражены в программах российских партий, особенно в программе правящей партии. Однако отражены ли они в действительности, и если да, то какова вероятность их выхода на публичную арену?

Целью настоящего исследования является выяснение наличия или отсутствия положений о гендерных проблемах и способах их интервенции в программах российских политических партий, а также нахождение вероятности обсуждения данных вопросов в Государственной Думе. Объектом для исследования были выбраны четыре партии, набравшие большинство голосов на выборах 2016 года и занимающие сегодня места в Государственной Думе – это «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия». Предметом стали программы этих партий, точнее их содержание относительно гендерных вопросов: роли женщины и мужчины в семье, в профессиональной среде, в экономике, политике. Для достижения поставленной цели был осуществлён контент-анализ официальных политических документов – партийных программ. В ходе исследования были найдены положения этих программ, затрагивающие гендерную проблематику.

По итогам выборов 18 октября 2016 года партии «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» получили 447 мест из 450 возможных, поэтому общая сумма вероятностей вступления в силу какого-либо пункта одной из четырёх программ составила 99%. Было подсчитано суммарное число всех положений в документах, а также число положений, затрагивающих гендерные проблемы. На основе полученных данных была вычислена вероятность рассмотрения членами Государственной Думы «гендерного положения», равная произведению удельного веса подобных положений в программе партии на вероятность принятия любого пункта программы, исходя из количества мест в Государственной Думе. Получились следующие данные: удельный вес «гендерных» положений в программе партии «Единая Россия» составил 0,38%; в КПРФ это 2,44%; в ЛДПР это 0,82%; а в программе партии «Справедливая Россия» гендерным вопросам уделено самое большое внимание в 2,77%. Поскольку большинство мест в Государственной Думе было отдано депутатам из партии «Единая Россия», а не из «Справедливой России», следует вывод о том, что на выборах 18 октября 2016 года избиратели не обращали внимания на гендерные вопросы, а ориентировались на другие социальные проблемы.

Итогом анализа стало выяснение того, что в программах современных российских партий, имеющих доступ к власти, действительно отражены гендерные проблемы, однако далеко не в полной мере. Во-первых, в текстах партийных программ упомянуты вопросы исключительно касательно роли женщины в семье, причём в большинстве случаев это сделано очень косвенно. Об экономическом, политическом и социальном неравенстве женщин и мужчин в них нет ни одного слова. Упоминания о роли мужчины встречаются в 2 раза реже, чем о роли женщины, причём они также достаточно поверхностны. Наконец, при условии строгого следования партий своим программам, вероятность вынесения на обсуждение в Государственной Думе «гендерной» проблемы составила лишь 0,18%. Это подтверждает тот факт, что в гендерная проблема теряется среди прочих социальных проблем российского общества, несмотря на свою безусловную актуальность.

1. Г. Г. Силласте. Социогендерные отношения в период социальной трансформации России. – Социологические исследования. 1994. № 3. С. 15-22.

2. Программа партии «Единая Россия» – <https://er.ru/party/program/> от 28/07/2016

3. Программа партии «КПРФ» – <https://kprf.ru/party-live/cknews/157005.html> от 17/07/2016

4. Программа партии «ЛДПР» – http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/ от 28/06/2016

5. Программа партии «Справедливая Россия» – http://www.spravedlivo.ru/5_76349.html от 05/05/2016

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОТЦОВСТВА В РОССИИ

Шевченко И.О. (Москва)

Аннотация. Доклад посвящен тенденциям развития отцовства в современной России. Обозначены следующие тенденции: 1) участие отцов в жизни детей с рождения; 2) увеличение количества сводных семей и перенос роли отца на отчима; 3) распространение одиноких отцовских семей; 4) распространение приемного отцовства. Подчеркнуто, что в полных семьях наблюдаются различные сценарии родительского взаимодействия и отцовского поведения: равноправное партнерство, делегирование обязанностей по воспитанию детей преимущественно матери или; «отстраненное» родительство и отцовство. Отмечается, что в городских семьях чаще присутствуют равноправное партнерство родителей и «равномерное» распределение обязанностей по воспитанию и содержанию детей, в сельских семьях чаще воспитанием детей занимаются женщины.

Говоря или думая о семье, родителях, детях, материнстве и отцовстве, мы представляем себе полную семью, где в наличии всегда мама, папа, ребенок (дети). Но это идеал, который далек от реальности: современные семьи разнообразны, и также многовариантно родительство, материнство, отцовство. В данном докладе анализируются тенденции развития отцовства в России. Стоит отметить, что мы движемся примерно в русле развития семейной жизни развитых западных стран. Многое, происходящее у нас, давно наблюдается в Европе и Америке.

1. Участие отцов в жизни детей с рождения («новое отцовство»), когда папы активно включаются в уход за младенцем сразу после его появления на свет. Наши исследования подтверждают давно обозначенную тенденцию [1, 2], в России более распространенную в городских семьях среди молодых родителей с высшим образованием.

2. Распространение раздельного проживания отца и детей вследствие развода. Отношения в послеразводной ситуации могут складываться по-разному, и в зависимости от этого как

выстраиваются общение, так и налаживается (или не складывается) выполнение отцовских функций [3]. Но факт остается фактом: большое число семей распадается, и во многих таких семьях есть дети.

3. Увеличение количества сводных семей. Все чаще роль отца выполняют отчимы. Варианты такой трансформации отцовской роли: 1) полная замена отца с принятием на себя всех отцовских функций в случае его абсолютного или подавляющего отсутствия в жизни ребенка; 2) отец участвует в жизни сына или дочери, но часть отцовских обязанностей берет на себя отчим [4, 5]. Отношения с отчимом могут складываться как конструктивно, вплоть до вполне родных, так и деконструктивно, но в этом случае очень вероятен вариант распада вновь образованной семьи.

4. Распространение одиноких отцовских семей. Причины образования таких семей разные, в любом случае, это особенные социальные практики отцовства. Многие, если не большинство таких семей проживают с бабушками и/или дедушками со стороны отца [6].

5. Распространение приемного отцовства вследствие увеличения количества усыновленных детей и детей, взятых под опеку [7].

Таким образом, мы можем констатировать дифференциацию отцовства, отцовских ролей и скорее согласиться с высказыванием одного из наших респондентов: «Отец – тот, кто воспитал, а не тот, кто родил.» (мужчина, 21 год).

В полных (в том числе сводных) семьях мы выделяем следующие сценарии родительства.

1. Равноправное партнерство. Родители оба повседневно задействованы в воспитании детей, примерно поровну делят родительские обязанности (хотя у мамы и папы они могут быть свои, «закрепленные» за каждым). Обычно оба родителя в такой семье работают, но не обязательно; семейные ситуации могут меняться. 2. Мама занимается детьми и домом, отец обеспечивает семью. В этом случае также возможны варианты отцовского участия в жизни детей – «вовлеченный отец» (обычно в курс всех домашних дел и охотно «подключается» в случае необходимости) и «отсутствующий отец» (отец-«кормилец», отец-«добытчик», отец-«авторитет» – традиционный расклад в семьях, кажется, патриархального типа, но воспроизводящийся в новых условиях на новой «буржуазной» основе; речь идет о семьях, где отец занимает статусное положение на работе, а мама не работает; отцу некогда заниматься детьми, да и не очень хочется). 3. Родители заняты работой или собой, дети растут «сами по себе» или перепоручаются бабушке или няням. Занятость родителей работой – это такой «советский» вариант самостоятельности детей, а вот няни – вариант современный (мама при этом может и не работать). Часто повышенная трудовая занятость родителей бывает вынужденной, но приходится констатировать, что дети таких родителей жалуются, что им не хватило/не хватает родительского внимания.

Необходимо также отметить, что в городских семьях чаще присутствуют равноправное партнерство родителей и «равномерное» распределение обязанностей по воспитанию и содержанию детей, в сельских семьях чаще воспитанием детей занимаются женщины. В сельских семьях больше случаев родительских, преимущественно отцовских девиаций (алкоголизм, наркомания). Таким образом, мы констатируем многовариантность отцовских ролей и отцовских функций, связанных с распространением разнообразных («новых» [8]) семейных форм в современной России.

1. Рождественская Е.Ю. Либеральный тренд от отца к папе // Социологический журнал. 2010. № 3. С.75–89.

2. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? // Социологические исследования. №7. С. 116-125.

3. Шевченко И.О. Ситуация после развода: отцы и дети // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 70-77.

4. Шевченко И.О. Отчим в структуре современной российской семьи // Социология. 2011. №2. С.186-192.

5. Шевченко И.О. Сводные семьи: отношения и проблемы Вестник РГГУ. 2016. 0,5 п.л. Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». № 4 (6). М.: РГГУ, 2016. с. 84-92.

6. Шевченко И.О. Одинокие отцы в России: повседневные практики и проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Социологические науки». № 4 (126). М.: РГГУ, 2014. С. 163-173.

7. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Потенциал успешного родительства в приемных семьях // Социологические исследования. №11. С. 112-122.

8. Гурко Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. №11. С. 100-111.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЕТСКОГО МАГАЗИНА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

Яровая В.Е. (Владивосток)

За последние годы семья как социальный институт претерпела большое количество изменений. Связано это было с социальными, политическими, культурными и другими процессами общества. Менялось положение женщин и мужчин в общественной жизни, но наибольшие изменения произошли в восприятии социального статуса и социальных ролей детей.

Современные исследователи справедливо замечают, что социальный статус детей определяется этапом общественного развития, социальной структурой общества, культурными, религиозными и другими традициями [3, 4]. Нельзя не согласиться с современным переосмыслением феномена детства и интерпретацией российскими учеными детства как части мира взрослых, как специфической социальной реальности, занятой самоконструированием, и социальной реальности, влияющей на взрослых [1, 2].

Современный ребенок является частью общества потребления. И поэтому особую ценность приобретает формирование потребительской социализации в современном социальном институте – детском магазине.

Детский магазин является относительно недавнимобретением современного общества. Его появлению предшествовало то, что детей начали рассматривать как самостоятельных субъектов потребления.

Как отмечает Cook, в 1900 году в США и европейских странах сформировались 3 предпосылки, которые позволили рассматривать детей как лиц, имеющих «социальное право и средства, чтобы желать товары и действовать в соответствии с этими желаниями». Благодаря этому начал зарождаться коммерческий мир детства.

1. Первая была связана с «отделением» детей от взрослых. За ребенком начали признавать его право на желания, отличные от желаний взрослых. И хотя их удовлетворяли родители, но магазины стали ориентироваться именно на желания детей, подталкивая родителей к определенным товарам.

2. Растущий средний класс позволил выделить в доме место отдельное для женщин и детей. При этом дети в этих семьях стали рассматриваться как особо невинные и уязвимые, нуждающиеся в защите и воспитании [6].

3. Третья предпосылка связана с ростом женского потребления, особенно в связи с появлением и развитием универмагов.

Эти предпосылки позволили рассматривать детей как индивидуумов, имеющих особые потребности, которые требуют специализированного внимания и товаров. Развивающийся капитализм, начал пересматривать значение членов семьи, наделяя их особыми функциями, считает Элис Лиз [5]. Изначально, внимание производителей и продавцов было сосредоточено на женщине, как «агенте по закупкам» для всей семьи и в рекламе, ориентированной на потребителя того времени, о женщинах говорили как об «управляющих» семейным домом. Например, в начале 1900-х годов у матерей появилась необходимость приходить в магазины, чтобы купить товары для своего будущего ребенка и подумать о будущих потребностях ребенка - то есть уже ребенок позиционировался как потенциальный потребитель [7].

Отдельные отделы в магазинах для детской одежды не существовали до 1910 года, однако к концу 1930-х годов многочисленные отделы или даже целые этажи, организованные по возрасту и посвященные детям, стали обычной практикой [6, 7].

В 1928 году журнал «Розничная торговля» рекомендовал выделять отдел, предназначенный только для детей. Эти отделы имели соответствующие приспособления и крепления, которые, как было замечено, поощряли детей-потребителей, например зеркала были на высоте удобной для ребенка, а также украшены таким образом, чтобы дети понимали, что это их пространство и что они имеют право использовать его. Такие отделы стали появляться во многих странах и стали постепенно рядовым явлением.

В течение 1940-х и 1950-х годов в магазинах одежды для девочек стали проводиться модные показы с местными школьницами с музыкальным сопровождением. К 50м годам 20 века окончательно сформировалась так называемый «молодежный рынок».

Не обошла эта тенденция и СССР, так одним из наиболее популярных мест торговли стал «Детский мир». Первый магазин с названием «Детский мир» открылся 8 сентября 1947 года в

Москве на улице Кирова (которая сегодня называется Мясницкой) и был филиалом ЦУМа. 10 лет спустя, в 1957 году открылся «Центральный Детский мир» рядом со станцией метро Лубянка, который стал самым большим детским магазином в СССР и в Европе. (<http://corp.detmir.ru/about/history>).

В данный момент детский магазин представляет собой особо организованное пространство, в котором предполагается зонирование по возрастам и группам товаров. Детские магазины представлены как в виде маленьких магазинчиков, так и в виде больших торговых сетей с развитой инфраструктурой.

Cook предполагает, что наибольшее изменение в потреблении детей произошло не из-за роста размера рынка, увеличения покупательной способности детей, не как результат поощрения рекламодателей желаний детей, чтобы они приставали к своим родителям что-то купить для них, а из-за убежденности взрослых в том, что у детей есть особые потребности, которые должны быть удовлетворены. Дети заняли свое место в качестве полноправных субъектов потребления. Благодаря возникновению института детских магазинов, дети стали признаваться людьми, обладающими наравне с взрослыми особыми желаниями, которые они могут удовлетворить в детском магазине.

Главным преимуществом детских магазинов является обращение к так называемой «чудесной невинности». Как пишет Cross [8], одним из величайших удовольствий современного воспитания стал акт предоставления детям свежих и неожиданных удовольствий - раздача конуса мороженого удивленному малышу в 1900-х годах или свежесть приключений в Диснейленд в 1950-х годах. Даритель испытывает восторг от дачи и «поиска, даже пробуждения, удивления и желания у ребенка», так как эти эмоции, как говорят, были потеряны у взрослых во встречах с потребительскими товарами. В сочетании с этим понятием чудесной невинности является то, что дети являются клапанами желания взрослых, когда взрослые используют потребление для детей как законный способ «выражать материальные желания» и определять местоположение детей в культуре потребителей [8]. Как отмечает А.Г. Филипова, личностный смысл детства — это положительные эмоции, испытываемые родителями (любовь, радость) [4].

Родители потакают своим детям, покупая постоянно меняющееся и растущее множество игрушек, кукол и сборников рассказов, но они также реализуют свои собственные потребности для освобождения от трудностей и ответственности, просматривая и находясь под стражей беззаботной игры своих детей. Благодаря расходам на детей, родители временно вошли в воображаемый мир детской фантазии, свободный от страха и скуки перемен. Взрослые нашли убежище в мистике детства, но в очень особом виде детства, определяемом и переживаемом через потребительскую культуру [7].

Поэтому детский магазин предоставляет не только возможность приобрести товар, но и позволил взрослым создать место для реализации детских фантазий. Это реализуется через включение приятной музыки, вручения различных подарков на входе (например, раздачи шариков), тележек в виде машинок, размещения игровых зон и т.д.

Как мы видим, возникновение детского магазина явилось следствием трансформационных процессов в семье. Изменения положения женщин и детей в обществе отразились на мире коммерции и обществе потребления в целом. Дети стали полноправными его членами, за которыми начали признаваться специфические желания и потребности, реализация которых была максимально возможна в детских магазинах.

1. Майорова-Щеглова С.Н. Трансформации детства в начале XXI в.: К уточнению концепции социального конструирования детства//Вестник Российского государственного гуманитарного университета 2014 №04(126) Социологические науки – с. 173-183
2. Смирнова Е.С. Механизмы социокультурной динамики культуры детства коренных малочисленных народов Дальнего Востока России / Е.С. Смирнова, Я.С. Иващенко // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2014. № 2(7). С. 26-29.
3. Филипова А.Г. Детство в отечественной и зарубежной социологии: субъект-объектный & диахронически-синхронический подходы // Социологические исследования. – 2013. - № 6. – С. 91-99.
4. Филипова А.Г. Репродуктивные установки и социокультурная ценность детства//Вопросы культурологии. – 2010, №6, с. 15-20.
5. ELLIS, LIZ (2011) *Towards a Contemporary Sociology of Children and Consumption*, Durham theses, Durham University. Available at Durham E-Theses Online: <http://etheses.dur.ac.uk/3206/>

6. COOK, D. *The Commodification of Childhood: The Children's Clothing Industry and the Rise of the Child Consumer*. Durham, North Carolina: Duke University Press
7. COOK, D. "The Rise of 'the Toddler'" as Subject and as Merchandising Category in the 1930s." In M. Gottdiener (ed.) *New Forms of Consumption: Consumers, Culture and Commodification*, pp. 111-130. Oxford: Rowman and Littlefield.
8. CROSS, G. *Kids' Stuff: Toys and the Changing World of American Childhood*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press.

СЕКЦИЯ 12: РЕВОЛЮЦИЯ В ПИТАНИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК ПИТАНИЯ В РОССИИ

ТИПЫ И ФАКТОРЫ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК ПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Алексеева Т.Ю. (Москва)

Целью исследования необходимо было выявить типы повседневных практик питания относительно содержания пищи и факторы, которые на них влияют. Исследование было проведено на основе данных 20-ой волны (2011 год) (RLMS-HSE). Кроме того, был использован дополнительный модуль про питание, проведенный в 2011 году на основе базы данных RLMS – HSE, и переменная социальных классов, которая была построена Рощиной Я.М. на основе данных RLMS – HSE. В результате, были выявлены типы практик питания: натуральное питание; готовые блюда; разнообразное питание; современное питание; нейтральное питание. Кроме того, было выявлено, что такие социально – демографические характеристики, как пол, тип населенного пункта, возраст, социальные классы влияют на потребление.

Как писал Г.Зиммель, «потребление еды – это важнейший элемент социальной жизни с момента возникновения общества, играющий важную роль в процессе социализации» (Зиммель, 2010). Потребление продуктов питания представляет собой сложный процесс, который базируется на многих факторах, к числу которых относится прямая физиологическая потребность в пище, а также исторический и культурный контекст ее потребления. А.Вард сравнивает потребление еды с «лабораторией, которая рассматривает социальные отношения» (Warde 1997).

Потребление является неотъемлемой частью жизни человека. С самого рождения, мы постоянно что-то потребляем, не придавая этому особого значения. В широком смысле, мы потребляем с того момента, как появляемся на свет (Бауман, 2004). В настоящее время, происходят значимые изменения в потреблении: появляются новые направления и практики потребления, которые влияют на потребительское поведение человека. По мнению некоторых авторов, одной из главных причин таких изменений, является глобализация сферы потребления (Козловский, Козловский, 2011).

Потребление пищи – повседневный, зачастую обыденный, но для социологии, несомненно, важный процесс, отражающий процессы, происходящие в обществе. Питание является фундаментальной потребностью человека, и потребность эта прошла длинный эволюционный путь от физической необходимости до важного социально и культурно значимого процесса, породившего разнообразные практики питания. Таким образом, изучение практик питания – это маркер социальных трансформаций общества (Носкова 2015), который можно рассматривать как в историческом контексте, так и в современном. В социологии принято выделять «традиционную» модель питания, которая предполагает, что прием пищи должен происходить в определенный промежуток времени и включать в себя определенную последовательность (Ганскау и др., 2014). Однако, по мнению А.Фишлера, традиционная модель питания ослабляет свои позиции, и питание становится индивидуализированным и неструктурированным (Fischler, 1990). А.Вард считает, что в современном мире в сфере питания, поведение людей становится случайным и нерегулярным (Warde, 1997, P. 187). Поэтому, выделяют еще современную модель питания (противопоставляя традиционной модели), которая характеризуется «быстрым питанием», с использованием готовых блюд или полуфабрикатов, а также питанием вне дома.

Потребление пищи может формироваться самим человеком и его индивидуальными привычками, и в то же время, оно всегда находится под влиянием общества, его правил и норм.

По мнению А.Варда, анализируя пищевые практики, необходимо рассмотреть связанные с ними важные социальные аспекты. Например, потребляя определенные продукты питания, люди, приписывают себя к определенному классу и дифференцируются от других. Исследователями

также было выявлено, что различается потребление продуктов питания в разных странах (Warde, 1997, Р. 82). Помимо этого, можно проследить различия в потреблении между мужчинами и женщинами (Громашева, 2011). Следует также обратить внимание на тот факт, что существуют различия в потреблении между людьми разных возрастов. Так, при изучении стран северной Европы, исследователи выявили, что наибольшие различия обнаруживаются между группами от 18 до 24 лет и от 55 и старше, то есть, между поколениями. Учитывая все перечисленные факты, можно утверждать, что практики питания и пищевое поведение действительно являются показателем важных социальных особенностей как личности, так и общества в целом. В современном мире изменяется не только структура общественного питания, но также и повседневные практики питания, которых придерживаются люди.

В результате исследования, было выявлено, что в основном, в каждом рационе принятия пищи потребляется один напиток, а количество потребляемых блюд в течение дня варьируется от 1 до 4. Кроме того, несмотря на то, что, по мнению А.Фишлера (Fischler, 1990), в современном мире питание становится индивидуализированным и неструктуризованным во времени, было выявлено, что в России люди продолжают придерживаться традиционных норм питания, когда завтрак происходит в утреннее время, обед в дневное, а ужин в вечернее.

Если говорить о месте потребления пищи, то с одной стороны, основные приемы пищи, такие как завтрак, обед и ужин люди предпочитали потреблять дома (иногда на рабочем месте, в столовой, в гостях). Всего, как оказалось, только 10% опрошенных посетили в течение дня кафе, ресторан, столовую или хотя бы киоск фаст-фуда. При этом доля посетивших эти заведения общественного питания была значимо выше среди социальных классов А, В и С1 (от 15 до 19%); молодежи до 34 лет (16%); мужчин (13%); Москвичи и жители Санкт-Петербурга (17%) и областных центров (13,5%). То есть, несмотря на то, что в Европе около 50% событий принятия пищи происходят вне дома, в России, люди больше ориентированы на традиционное питание дома, нежели на культуру общепита, столь распространенную на Западе.

Далее было рассмотрено содержание пищи. В результате проведенного анализа было выявлено, что на завтрак, обед и ужин респонденты потребляли практически одни и те же блюда. Кроме того, несмотря на то, что перекусы не сравниваются с основными рационами принятия пищи, большинство респондентов, потребляли аналогичную пищу, которая являлась чаще всего потребляемой на завтрак, обед и ужин. Помимо этого, напитки, потребляемые на завтрак, обед, ужин и во время перекусов практически одинаковые (чай, кофе, компот кисель, соки в сочетании с сахаром или заменителями).

Нам удалось выделить пять типов питания, типичных для россиян, и в самом деле, два из них, наиболее распространенные (нейтральный и разнообразный) могут быть отнесены к более «традиционным» типам, отчасти похожим даже на питание советских людей. Вероятно, к «традиционному» нужно отнести и выделенный нами тип «натурального питания», свойственный для народов Северного Кавказа. В то же время два других типа, названные нами «предпочтение готовых блюд и перекусов» и «современный» представляют собой скорее тип питания общества эпохи модерн, характерные для жителей больших городов, и сложившихся под влиянием глобализации потребления. Кроме того, несмотря на то, что некоторые исследователи считают, что традиционное питание отходит в сторону, всего около 26% респондентов предпочитают современное питание, которое характеризуется частыми перекусами, с использованием готовых блюд, а также сочетает в себе здоровое и вредное потребление продуктов питания. Таким образом, можно сказать, что в основном, население России ориентировано на традиционное питание дома, однако, этот тип питания постепенно уступает «современному». В соответствии со следующей задачей исследования, необходимо было выявить влияние социально – демографических характеристик, таких как пол, возраст, тип населенного пункта, национальность и социальные классы на типы повседневных практик потребления. В результате, было получено, что эти социально – демографические характеристики значимо влияют на повседневные практики питания.

Было обнаружено, что представители классов А и В чаще, чем среднестатистический житель, выбирают типы питания «разнообразное» и «современное». Представители класса С1 (средний-средний) несколько более склонны к типу «готовые блюда и перекусы» и «современный». Люди из класса С2 (низший-средний) с более высокой вероятностью выберут готовые блюда и натуральное питание. Представители классов D (низшего) и особенно E (низшего-низшего) ориентируются в большей степени на «нейтральный» тип питания, который нельзя назвать скудным, однако в целом их питание менее разнообразно.

Таким образом, мы можем сказать, что выводы, сделанные П.Бурдые для Франции конца 1970х гг., в определенной степени подтвердились в России 2010х: люди с более высоким социальным статусом ориентированы на более разнообразное, с одной стороны, но и более легкое и современное, с другой стороны, питание. Напротив, питание низших классов скорее выглядит как более простое, менее разнообразное. Однако можно также заметить, что питание каждого из социальных классов неоднородно: так, даже в классах А и В 36% предпочитают нейтральный и менее разный тип, но и в низших классах D и E более пятой части питаются разнообразно, а около 5% ориентированы на «современный» тип.

Помимо этого, можно сказать, что в зависимости от типа питания можно с довольно высокой вероятностью распознать не только к какому социальному классу принадлежит человек, а также, где он проживает, к какой возрастной категории он принадлежит и так далее. Например, люди, использующие продукты домашнего приготовления и питающиеся реже, чем остальные, скорее, проживают в сельской местности, чем в городе, что подтверждают результаты нашего исследования (Kjaernes, 2001). Кроме того, использование в течение дня большого количества перекусов, а также продуктов быстрого приготовления, говорит нам о том, что человек, скорее принадлежит к возрастной группе от 18 до 34, чем от 60-ти и старше. Таким образом, практики питания могут являться индикатором социальной группы, национальности, возрастной группы, типа населенного пункта и некоторых других характеристик.

Итак, в результате проведенного анализа удалось не только выявить типы повседневных практик питания и факторы, которые на них влияют. А также, используя модель «The eating system», описать то, как происходит потребление питания населением России (режим питания, содержание пищи, социальная организация потребления) в течение дня.

1. Aymard M., Grignon C., and Sabban F. (1996) *Food allocation of time and social rhythms. Introduction. Food and Foodways* 6 [3-4], 161-185
2. Douglas M. (1975) *Implicit meanings. Essays in anthropology*. Routledge & Kegan Paul, London, Boston.
3. Douglas M., Nicod M. (1974) *Taking the biscuit. The structure of British meals*, *New Society* 30: 744-747.
4. Fischler C. (1990) *L'omnivore*. Odile Jacob, Paris.
5. Fox R. (2014) *Food and Eating: An Anthropological Perspective*. SIRC: Social Issues Research Centre. http://www.sirc.org/publik/food_and_eating_0.html
6. Julier A.P. (2014) *Eating Together. Food, Friendship, and Inequality*.
7. Kjaernes U. (ed.) (2001) *Eating Patterns. A Day in the Lives of Nordic Peoples. Report N 7*. Lysaker: SIFO.
8. Makarius, R et L. (1961) *L'origdne de l'exogamie et du totemisme*. Paris.
9. Mennell S., Murcott A., van Otterloo A. (1992) *The sociology of food. Eating, diet and culture*. Sage, London, Newbury Park, New Dehli
10. *Nation News Russia*. [<https://nation-news.ru/218697-lyudei-s-ozhireniem-v-rossii-stanovitsya-menshe/>] Дата доступа: 12.03.2017
11. Otnes P. (1991) *What do meals do*. In *Palatable worlds. Sociocultural food studies*, eds. E. L. Fürst et al., SolumForlag, Oslo, pp. 97-110
12. Ritzer, J. (2000) *The Macdonaldization of Society*. Thousand Oaks, CA: Pine Forge Press.
13. Rotenberg R. (1981) *The impact of industrialization on meal patterns in Vienna, Austria*. *Ecology of Food and Nutrition* 11: 25-35
14. Rozin P. (1999) *Food is Fundamental, Fun, Frightening, and Far-reaching*. *Social Research*. Vol. 66. No 1. P. 9–30.
15. Simmel G. (1957) *Soziologie der Mahlzeit, in Brücke und Tür. Essays des Philosophenzur Geschichte, Religion, Kunst und Gesellschaft*, ed. M. Landmann, K.F.KoehlersVerlag, Stuttgart, pp. 243-250
16. Warde A. (1997) *Consumption, food and taste*, Sage, London.
17. Whit W.C. (1995) *Food and society: A sociological approach*, General Hall Inc., New York.
18. Wood R.C. (1995), *The sociology of the meal*, Edinburgh University Press, Edinburgh.
19. Айзинова И.М. (2014) *Потребление продуктов питания в регионах России. Проблемы прогнозирования*. № 6 (147): [<http://cyberleninka.ru/article/n/potreblenie-produktov-pitaniya-v-regionah-rossii>] С47.
20. Арутюнов С.А. (ред) (2001) *Традиционная пища как выражение этнического самосознания*. Отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М.: Наука.
21. Бауман З. (2004) *Глобализация. Последствия для человека и общества*. М.: *Весь мир* (Раздел II. Стили жизни, стили потребления.)
22. Безгин В.Б. (2004) *Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX века)*. Москва-Тамбов.

23. Бергер П., Лукман Т. (1995) Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 323 с.
24. Бодрийяр Ж. (2006) Общество потребления. М., Республика.
25. Бодрийяр Ж. (1999) Система вещей. М., Рудомино.
26. Бродель Ф. (2006) Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Том I. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., «Весь Мир»
27. Бурдые П. (2005) Различение: социальная критика суждения. Экономическая социология, Т. 6. № 3. Май. С. 25–48
28. Бурстин Д. (1973) Американцы: демократический опыт.
29. Вебер М. (1992) Класс, статус и партия. В сб.: Социальная стратификация / Под ред. С.А. Белановского. Вып. I. М.: ИНИП РАН. С. 19-38.
30. Веблен Т. (1984) Теория праздного класса. М.: Прогресс.
31. Веселов Ю.В. (2014) Современная социальная система питания. В сб.: Социология питания: теоретические основания. Проблемы теоретической социологии. Вып. 10, Межвузовский сборник. Отв. ред. А.О. Бороноев. СПб.: Изд. центр экономического факультета СПбГУ, С.68-82
32. Веселов Ю.В. (2015) Повседневные практики питания. Социологические исследования. № 1. С. 95-104
33. Волков Д. (2008) Питание россиян. Пресс-выпуск Левада-Центра 07.08.2008 [<http://www.levada.ru/new/07-08-2008/pitanie-rossiyan>]. Дата доступа 10.07.2013.
34. Ганскау Е.Ю. (2001) Образцы потребления продуктов питания в Санкт-петербургских семьях. В сб.: Социология потребления. Под ред. Л.Т. Волчковой, Ю. Гронова, В.Н. Мининой. СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, с. 109–129
35. Ганскау Е.Ю., Минина В.Н., Семенова Г.И., Гронов Ю.Е. (2014) Повседневные практики питания жителей Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Журнал социологии и социальной антропологии, №1, С.41-58
36. Горбань Е.С. (2013) Обзор социологических теорий и интерпретация понятия «стиль жизни»: от классового общества до постмодерна. Экономическая социология. Т. 14. – №. 3. – С. 133.
37. Громашева О.А. (2011) Мужское и женское в практиках питания: интерпретации петербургских родителей и детей. Журнал социологии и социальной антропологии, № 5. С. 241- 251
38. Гурова О. Ю. (2014) Институционализация социологии потребления в России Экономическая социология. Т. 15, №. 2, с.32.
39. Зарубина, Н. Н. (2013) Культура богатства и особенности ее формирования в современной России. В сб.: Пирогов, С. В. (ред.), Культура богатства и особенности ее формирования в современной России. М.: МАКС Пресс, с. 13–41.
40. Захарова Ю. (2005) Формирование практик потребления продуктов питания в современном российском обществе. В сб. Люди и вещи в советской и постсоветской культуре. Новосибирск: Изд-во НГУ. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/400/687/1219/razdel_3.pdf С. 93-109
41. Зиммель Г. (2010) Социология трапезы. Социология: теория, методы, маркетинг. № 4. С. 187–192.
42. Ильин В. И. (2007) Быт и бытие молодежи российского мегаполиса: социальная структура повседневности общества потребления. СПб.:Интерсоцис. 388 С.
43. Киселев Е. А. (2013) Основные подходы к исследованию стиля жизни в социологии. Вестник Пензенского государственного университета. №. 1.
44. Книга о вкусной и здоровой пище. (1975) М.: Пищевая промышленность.
45. Козловский В.А., Козловский В.В. (2011) Общество потребления и цивилизационный порядок современности. Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 14, №. 5. С. 55-65.
46. Кулинария. (1960) М.: Госторгиздат.
47. Лейбенштайн Х. (2000) Эффект присоединения к большинству, эффект сноба и эффект Веблена в теории покупательского спроса. В сб.: Вехи экономической мысли Т.1 Теория потребительского поведения и спроса. Под ред. В. М. Гальперина. — СПб.: Экономическая школа. С.304-325
48. Массимо М. (2009) Голод и изобилие. История питания в Европе.
49. Носкова А. В. (2015) Питание как объект социологии и маркер социального неравенства. Вестник Института социологии. № 14. С. 49-64.
50. Ожегов С. Шведова Н.Ю. (1992) Толковый словарь русского языка. Издательство "Азъ",
51. Онищенко Г.Г. (2008) Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации.
52. Петроний (1989). Сатирик Пир у Трималхиона. В сб.: Римская сатира. М.: Худож. лит-ра.
53. Похлебкин В.В. (2004) Национальные кухни наших народов. М.: Центрполиграф.
54. Похлебкин В.В. Кухня века. М.: Полифакт, 2000. [<http://flibusta.net/b/339182>] Дата доступа 20.10.2013.
55. Ритцер Дж. (2011) Макдональдизация общества 5. М., Праксис.

56. Росстат. Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах в 2015 г. Статистические данные, 2015. [http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_101/Main.htm] Дата доступа: 10.03.2016.
57. Роцина Я.М. (2016) Стиль жизни в отношении здоровья: имеет ли значение социальное неравенство? *Экономическая социология*. Т. 17. № 3, С. 17-18.
58. Руссо Ж.Ж. (1961) Юлия, или новая Элоиза. *Избранные сочинения*. - М.: Гослитиздат, Т.2.
59. Рынок общественного питания в России URL:[<http://www.buybrand.ru/articles/12808/>] Дата доступа:01.11.2016
60. Сайт о странах, городах, статистике населения и пр. URL:[http://www.staddata.ru/nasel_pol_vozr]
61. Сохань, И.В. (2011). Особенности русской гастрономической культуры. *Вестник Томского государственного университета, серия «Философия, социология, политология»* 347: 61–68.
62. Токарев С.А. (1968). Новое о происхождении экзогамии о тотемизме. В Сб. *Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии*, М.
63. Токарев С.А. (1970) К методике этнографического изучения культуры. *Советская этнография*. № 4, С. 3-17. http://journal.iea.ras.ru/archive/1970s/1970/1970_4_Tokarev.pdf
64. Хлебников В.И. (1990) Современное представление о питании человека и медико-биологические требования к продуктам: лекция. ЦУМК Центросоюза РФ. М. 37 с.
65. Шмелева М.Н. (1995) Традиции и народное питание русских. В сб.:*Русские народные традиции и современность*. М.: Наука. С. 235–258. [<http://www.soyka.ru/ozd-pit/shmeleva.shtml>] Дата доступа 21.06.2013.

ЕДИНСТВО И ДИВЕРГЕНЦИЯ ПИЩЕВОЙ КУЛЬТУРЫ У МОЛОДЁЖИ И НАСЕЛЕНИЯ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ КАТЕГОРИЙ

Антропов Ю.М. (Тюмень)

Прошло более четверти века с того момента, как прекратила своё существование советская система питания, однако люди родившиеся и выросшие в её условиях ещё представляют собой активную часть современного общества. Отчасти они сохранили не только память о специфике режимного и сбалансированного питания, но сумели адаптировать вкусы, привычки и даже мировоззрение, царившее в то время на просторах великой державы. Следует отметить, что отпечаток ушедшей эпохи довольно стойко сохранился и по сей день. Старшие поколения склонны к проведению сравнительного анализа: что было у них – и того, что представлено на текущий момент. По определённым причинам указанный анализ результирует в пользу ушедшей системы вместо оправдания современных тенденций.

Сравнительный анализ на основе 8 фокус-групп молодёжи (18-30 лет) и старшего поколения (45-65 лет), показал ряд особенностей, которые обуславливают различия в подходах к питанию старших и новых поколений.

Первой отличительной чертой является отношение к пище как таковой и к объёму её приобретения. Применяемая ранее карточная система снабжения, а также ограничения по отпуску товаров в одни руки, сыграли немаловажную роль в отношении людей того времени к продуктам, а также к способу и количеству их потребления. У старших поколений проявляется факт существовавшего дефицита товаров широкого потребления, в частности продуктов питания. Данный факт отражается в двух разнонаправленных тенденциях: с одной стороны, осуществляется накопление долгохранящихся продуктов (сухари, крупы, сахар, «пакет с пакетами»); с другой стороны – оценка в приобретении пищевых продуктов более рациональна. Как правило, в старших возрастных группах излишнее потребление (когда продукты объективно приходят в негодность ввиду чрезмерного их объёма) отмечается гораздо реже, чем у молодёжи.

В особенности часто в старших группах упоминается талонная система распределения продуктов. Причиной повлекшей возникновение талонной системы был дефицит некоторых товаров широкого потребления. С возрастанием дефицита в 1987-1990 годах были повсеместно внедрены талоны на многие продукты питания, в частности: на колбасу, чай, водка, крупы, соль, сахар, в некоторых случаях и в отдаленных местностях – хлеб, молоко, майонез. Без талона купить товар представлялось возможным только на рынках и посредством спекулянтов [1]. Таким образом, пищевые предпочтения старших категорий населения более размыты. Как правило, они готовы потреблять практически любой пригодный к еде продукт за неимением замены. В

молодёжных группах высказывались мнения о полном отказе от приёма пищи в случае отсутствия требуемого ассортимента. Молодые люди более привередливы в отношении видовой структуры приёма пищи, в то время как такие показатели как срок годности, срок полезного использования – для них менее актуальны. Правда, следует отметить, что предпочтение нездоровой популярной еды в виде импортных газированных напитков, экзотических сладостей – проявляется одинаково у обеих категорий. В случае старшего поколения, причиной этому, вероятно, послужило желание восполнить дефицит продукта в прошлом. Молодёжь во многом ориентирована на рекламу, которая более интенсивно и креативно продвигает зарубежный продукт.

Несмотря на тот факт, что у жителей Советского Союза обстановка явно не располагала к изобилию и разнообразию товаров, внимание к балансу в питании проявлялось на достаточном уровне. Люди в возрасте 50-60 лет отмечают, что до сих пор устраивают «рыбные» дни, варят традиционные напитки «столовской ностальгии». В лексиконе старшего поколения до сих пор фиксируются лозунги советской культуры питания («в здоровом теле – здоровый дух», «хлеб – всему голова»). Также большая часть людей в возрасте склонны придерживаться режима, варьируя приёмы пищи в интервале не более 1 часа (при наличии такой возможности). Молодое поколение, как правило, не придерживается режима и относится к еде во многом с позиции вкусового наслаждения нежели поддержания здоровья. Сугубо «советские» рецепты молодыми людьми воспринимаются неоднозначно. Образцы общественного питания (в столовых) воспринимаются негативно. В то время как домашняя кухня (котлеты по-киевски, клёцки, расстегаи) рассматриваются как нечто оригинальное, необходимое к приготовлению в качестве эксперимента.

В бытность СССР многие люди привыкли питаться однообразно. Особые блюда могли быть представлены по праздникам и особым случаям: дни рождения и знаменательные события [2]. Поэтому у старшего поколения наблюдается много событийных ассоциаций: в особенности отмечалась ассоциация запаха мандаринов с Новым годом. Молодёжь в этом отношении более рациональна. Хотя, в рационе большинства из них не наблюдается большой диверсификации блюд, стойких ассоциаций блюд с конкретными праздниками практически не наблюдается. Исключения, как правило, связаны с родительским воспитанием: транслированием советской памяти на молодое поколение.

Склонность к формированию заготовок на зиму в виде консервации овощей, фруктов и ягод для молодого поколения практически не характерна. Как правило, сохранность семейных рецептов и технологий возложена на старшее поколение. Тревожным является тот факт, что респонденты в возрасте 30-40 лет в значительной мере не обладают навыками консервации, а примерно треть не планирует этим заниматься в принципе, что может послужить причиной утраты системы консервирования в домашней культуре приготовления пищи.

В вопросах культуры и специфики питания молодёжь и старшее поколение, унаследовавшее советские традиции, имеют значительные различия. Во многом они обусловлены отсутствием специфических условий, вызванных дефицитом продуктов или специфическим стилем питания по отдельным дням или датам. С другой стороны, уменьшается доля молодёжи, склонная к воспроизводству качественной домашней пищи, что сопряжено с потреблением нездоровых продуктов, содержащих избыточное количество сахара и жиров. Однако исследование показало, что определённый интерес к традициям прошлого у молодёжи присутствует. Ассоциация отдельных блюд и приёмов пищи с какими-либо конкретными датами присутствует, и в значительной мере проявляются интенции к транслированию традиций следующему поколению.

1. Балыкова О.П., Цыбусов А.П., Блинов Д.С., Чернова Н.Н., Ляпина С.А. Исследование культуры питания студентов вузов — одного из факторов формирования здоровья // Интеграция образования. 2012. №2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-kultury-pitaniya-studentov-vuzov-odnogo-iz-faktorov-formirovaniya-zdorovya>.
2. Исаева И.Н., Возженникова Г.В., Горбунов В.И., Шутлов А.М., Верушкина А.С. Питание и некоторые показатели пищевого статуса студентов // Ульяновский медико-биологический журнал. 2011. №2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/pitanie-i-nekotorye-pokazateli-pishevo-go-statusa-studentov>.

ВЕГЕТАРИАНЦЫ И МЯСОЕДЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНФЛИКТА ПОКОЛЕНИЙ.

Барбарук А.В. (Магадан)

Современное общество характеризуется диффузией социальных норм, стилей, образов жизни, высоким уровнем мобильности, большими возможностями индивидуального выбора, вплоть до выбора того, что я хочу сегодня есть. При этом наиболее активная и не включенная полноценно в общественные процессы молодежь ищет разнообразные источники для формирования собственной идентичности. Представители молодого поколения быстро хватаются за любые возможности для конструирования своего я, включаются в игру дифференциаций, в том числе воплощенную в практиках питания.

Конечно же, когда речь идет о такой консервативной сфере, как потребление пищи, любая мода на новые диеты (которые сегодня тиражируются высокими темпами) может провоцировать существенные трансформации в системе внутрисемейных связей. О важности питания в формировании сплоченности семейной группы, писали многие социологи классического и современного периода. Г. Зиммель был одним из первых, кто обратил внимание на социализирующую функцию питания. Он писал, что социологическая структура трапезы связывает индивидуальное и сугубо эгоистическое действие с привычкой к обществу [3]. К. Вульф считает, что через процесс «едения» происходит воспроизводство, с одной стороны, типичного социального порядка, с другой стороны, уникальности индивида [2]. Ряд ученых отмечали, как социальные связи внутри семьи влияют на конфигурацию образцов пищевого поведения [5,7]. Изучению подвергались и такие вопросы, как формирование вкусовых предпочтений у детей, использование еды в качестве средства поощрения и наказания, различные стратегии пищевого воспитания, влияние ближайшего социального окружения на проявление пищевых дисфункций [6,8].

В 2013 году в г. Магадане, городе, расположенном на Крайнем Северо-Востоке России, был проведен социологический опрос методом полуструктурированного интервью. В исследовании приняли участие респонденты, придерживающиеся вегетарианского и традиционного питания. Надо сказать, что традиционное питание, как и вегетарианское питание – понятия относительные. Кроме того, что сегодня существует спектр разнообразных вегетарианских диет, есть и неопределенность в понимании того, что включает в себя традиционная еда. Конечно, достаточно длительное время (5-6 веков по меркам, определенным Ф. Броделем) [1] для русских, как и для представителей североевропейских обществ, было свойственно именно растительное питание (прежде всего потребление злаковых). Мясо было недоступным продуктом. Однако, если следовать мысли того же Ф. Броделя, Россия, как и многие европейские общества, по пищевым привычкам оставалась с давних времен «мясоедческой». Когда благодаря активному развитию животноводства в XX веке мясная продукция оказалась сравнительно доступна для широких масс потребителей, мясоедение стало общераспространенным явлением и в российском обществе. Что касается северо-востока нашей страны, и Магаданской области, в частности, то по статистическим данным, население этой территории упрямо демонстрирует очень высокий уровень потребления именно мясной продукции по сравнению с какой-либо другой. Поэтому здесь, на наш взгляд, особенности вегетарианского питания становятся заметными, а конфликт поколений, вызванный различиями в питании, наиболее явным [4].

По результатам исследования, отношения в системе «родители-мясоеды» – «дети-вегетарианцы» выглядят напряженными, и речь здесь идет не просто о несовпадении вкусовых предпочтений, а глубоких различиях в образах мышления. Дети-вегетарианцы, уже будучи совершеннолетними, ощущают недопонимание во взаимоотношениях с близкими, чувствуют свою исключительность, которая часто может приводить к открытому конфликту. В некоторых случаях вегетарианцы предпочитают просто снизить количество контактов со своим окружением, в первую очередь с родителями, объясняя это разницей в образах жизни. Они выбирают стратегию «молчаливого сопротивления»: не оправдываясь, продолжают следовать своим принципам.

Родители, придерживающиеся традиционного питания, проявляют большую обеспокоенность поведением своих взрослых детей-вегетарианцев, поскольку речь здесь идет, по их мнению, о серьезных пищевых расстройствах. Они используют стратегию открытого переубеждения, а свою «систему доказательств» строят на разнообразных клише о вреде питания исключительно растительной пищей. Вегетарианцы, в свою очередь, тоже переубеждают родителей-мясоедов, но делают это более осторожно. Они своим собственным примером

пытаются продемонстрировать близким модель, как им представляется, правильного поведения и образа жизни. Переубеждение у них строится обычно в форме «советов», например, рекомендации попробовать вегетарианскую диету как один из способов справиться с плохим самочувствием, проблемами со здоровьем и т.д.

В целом, ситуация такова, что латентный или явный конфликт между поколениями по поводу различий в стилях питания обычно не разрешается: индивиды либо входят в стадию избегания взаимодействия, либо в стадию затухания, когда все возможные аргументы и контраргументы оказываются исчерпаны обеими сторонами. Если же родители-мясоеды и дети-вегетаринцы продолжают жить вместе, то чаще всего ими находится какое-то компромиссное решение. В таком случае родственники, имеющие разные взгляды на питание, могут даже перейти на раздельное меню. Взаимное недовольство при этом может сохраняться достаточно длительное время.

Таким образом, на примере вегетарианского и традиционного стиля жизни мы можем наблюдать, как различия в питании влияют на внутригрупповую динамику и зачастую могут приводить к снижению групповой сплоченности, появлению процессов социальной эксклюзии.

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Структуры повседневности. □ Т. 1. □ М.: Весь мир, 2006 □ 592 с.
2. Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. □ СПб.: Интерсоцис, 2009. □ 161 с.
3. Зиммель Г. Избранное. □ Т. 2. Созерцание жизни. □ М.: Юрист, 1996. □ 608 с.
4. Потребление продуктов питания в семьях Магаданской области: Стат. сб./Магаданстат. □ Магадан, 2016. □ 60 с.
5. Ekström M. Jonsson I. Family meals: competence, cooking and company // Food in Contemporary Society/ edit. By Päivi Palojoki. □ Helsinki: Yliopistopaino, 2009. □ pp.19-23
6. Lovejoy M. Disturbances in the social body differences in body image and eating problems among african american and white women //Gender and Society. □ 2001. □ Vol. 15. □ No. 2. □ pp. 239-261
7. McCracken V.A., Brandt J. A. Household consumption of food-away- from-home: totale by type of food facility // American journal of agricultural economics. □ 1987. □ Vol. 69. □ No. 2. □ pp. 274-284
8. Norman O– E. Maternal socialization of children's eating habits: strategies used by obese mexican-american mothers // Child Development. □ 1990. □ Vol. 61. □ No. 2. □ pp. 395-400

МОДНЫЕ ПРАКТИКИ ПИТАНИЯ: ПРИЧИНЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Борискина М.В., Набокин И.И. (Санкт-Петербург)

Аннотация: В данной статье рассматриваются основные тенденции современных практик питания. Кроме того, проводится анализ причин возникновения моды на здоровое питание и ее характеристика, а также приводятся примеры основных маркетинговых ходов, с помощью которых производители подстраиваются под новые течения в практиках питания.

В современном мире структура питания значительно отличается от того, что употреблял человек сто и даже пятьдесят лет назад. Почему практика питания претерпела такие колоссальные изменения и какова роль моды в этом процессе?

Ответ на этот вопрос дает нам социология питания. Социология питания исследует общественные отношения в процессе производства, распределения, обмена и потребления продуктов питания.[1] Кроме того потребление еды становится не только способом удовлетворения потребностей, но также имеет символический характер. Например, люди с более высоким социальным статусом и достатком предпочитают дорогие рестораны, магазины вроде «Азбуки Вкуса» или «Глобуса Гурмэ». Таким образом, можно сделать вывод о двойственном характере питания: не только потребление пищи, но и символов, знаков и кодов.

И как у любой символической структуры, у питания, есть особый механизм - мода. Появление тенденций — неотделимая часть культуры развития человечества. В настоящее время существует культ «здорового питания». Понятие «здорового питания» имело место задолго до наших дней, но за последнее столетие «здоровая еда» прошла огромный путь рыночных ниш, в котором значительную роль сыграл рынок США.

Объективного определения «здорового питания» как такового не существует, к примеру: «Здоровое питание — рациональное, сбалансированное питание, обеспечивающее поступление

пищевых, биологически активных веществ, в соответствии с физиологическими потребностями, поддерживающее функциональное состояние организма на высоком уровне, организованное с учетом принципов щадящего питания» методических рекомендациях «Гигиеническая оценка рационов питания обучающихся», утвержденных руководителем управления Роспотребнадзора по городу Москве и директором НИИ гигиены детей и подростков НЦЗД РАМН в 2008 году.[2] «Health food — продукты, которые полезны, так как не содержат химикатов и слишком много сахара и жира» Cambridge Dictionary.[3] «Health food — вегетарианская еда, выращенная органическими методами, без добавок, съеденная в диетических целях» Collins English Dictionary.[4] Как мы видим формулировки достаточно разные, что свидетельствует о некоторой разобщенности во мнениях относительно данного понятия.

Наравне с тенденцией здорового питания, в 2010-х годах стали также популярны такие практики питания как вегетарианство, веганство, сыроедение, потребление органических продуктов, суперфуды, безглютеновое питание, различные диеты и детокс. Появление данных трендов является закономерным развитием одной большой тенденции на все «натуральное», которая затрагивает фирменный стиль брендов, а также интерьер заведений. Самый яркий пример - ребрендинг «Макдоналдса». Компания изменила фирменный стиль своих ресторанов, меняя классический красный цвет в интерьере на зеленый, а также добавив натуральных материалов, таких как дерево. Так же в меню появились новые позиции с прилагательным «фермерский». То же самое происходит и с другими подобными сетями. По сути не изменилось ничего, кроме внешнего вида ресторанов и обертки изделий, но, что удивительно, это работает.

В итоге, можно сделать вывод — мода на те или иные практики питания не возникает стихийно. Главную роль в появлении тенденций играют производители, бизнесмены, политики. Ведь именно с их помощью через журналы, телевизор и другие источники нам навязываются основные идеи о том, как нужно питаться.

Значение «здорового питания» в наше время действительно взаимосвязано с вегетарианством, фермерским, натуральным происхождением продуктов и зелеными упаковками. Но что же это на самом деле? Вопросов много, а ответы на них только постепенно начинают появляться. Поэтому главной задачей в сфере питания на данный момент является критическое отношение ко всем пропагандирующим рекламой и производителями тенденциям.

1.Веселов Ю.В. Социология питания: теоретические основания // Проблемы теоретической социологии. Вып. 10, Межвузовский сборник. Отв. ред. А.О. Бороноев.

СПб.: Изд. центр экономического факультета СПбГУ, 2014.

2.Методические рекомендации от 15 апреля 2008 года “Гигиеническая оценка рационов питания обучающихся (воспитанников)” НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков ГУ НЦ здоровья детей РАМН [Электронный ресурс] // URL: http://detnadzor.ru/docs/mr_ration.html (дата обращения: 05.10.2017)

3.Cambridge Dictionary [Электронный ресурс] // URL: <http://dictionary.cambridge.org/ru/> (дата обращения: 06.10.2017).

4.Collins Dictionary [Электронный ресурс] // URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 06.10.2017)

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ ПИТАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Верецкая А.И., Валуйских А.О. (Воронеж)

Аннотация.

Доклад посвящен анализу особенностей структуры питания жителей на примере г. Воронежа. В нем освещаются результаты эмпирического исследования, проведенного методом формализованного интервью в Лаборатории социологических исследований Воронежского государственного университета в 2016 году. Описываются структура и принципы питания, отношение к новым формам организации общественного питания, влияние социально-демографических характеристик на особенности отношения горожан к еде.

Проблема еды как социального явления достаточно актуальна и обширна. Во-первых, глобализация питания, появление массового потребления, новых форм продажи продуктов питания (национальные сети супермаркетов и система фаст-фуд). Многие исследователи высказывают опасение, что традиционное питание, в частности “семейная еда”, уходит в прошлое. Во-вторых, возрастает интерес к проблеме здоровья человека и безопасности продовольствия. Потребление пищи всё больше зависит от социальных привычек, от социального окружения. В современном обществе возникают социальные нормы, регулирующие пищевое поведение. В-

третьих, еда стала популярной темой в Интернете, специализированных журналах, телевизионных каналах. В-четвертых исследовательский взгляд социологов переместился с макропроблем на микроисследования повседневной жизни людей, в том числе и еды.

В современном мире еда стала выполнять одну из важнейших ролей в жизни человека. Логично, ведь прием пищи – способ общения с другими людьми: обед в кругу семьи, встреча с друзьями в баре, завтрак с бизнес-партнерами и так далее.

Еда всегда являлась фактором социальной иерархии, приобретая роль фактора дистанцирования, средством социального утверждения. В современном мире еда – показатель престижа, как модный автомобиль или дорогие часы. Сейчас важно, какой ресторан ты посещаешь, в модном ли магазине покупаешь продукты, знаком ли с кулинарными новинками. Появляются и симптомы современной потребительской культуры: булемия, анорексия, ожирение, наравне с этим здоровый образ жизни, слоу-фуд и прочее. Еда – сложное явление, в котором важную роль играет социальная и культурная составляющие пищи.

Еда - не просто питание, условие хорошего здоровья, получение удовольствия, но и организация жизнедеятельности, а, соответственно, и образа жизни. Еда организует жизнь общества, его досуг, а под действием современных тенденций в питании происходит изменение ценностных ориентаций людей. С помощью еды в обществе идет формирование социального облика населения.

Информация, полученная в ходе проведения 50 формализованных интервью с воронежцами, позволила выявить особенности структуры их питания. Три четверти респондентов придерживаются стандартного режима питания (3-4 раза в день), каждый пятый воронежец принимает пищу пять раз в день и только 6 % делают это два раза в день. При этом более 70 % респондентов имеют возможность питаться в течение рабочего или учебного дня. Половина из них приносит еду из дома, каждый четвертый участник опроса пользуется услугами столовой или кафе, находящимися по месту работы (учебы). И только 8 % воронежцев обходятся чаем или кофе. Около 30 % респондентов относятся к группе пенсионеров, домохозяек или неработающим.

Структура питания, как показало проведенное исследование, выглядит традиционной. Среди блюд, которые включены в завтрак, называются молочные каши, творожные блюда и блюда из яиц, йогурты. В состав обеденных блюд входят супы, борщи, блюда с мясом и рыбой. В качестве гарниров называются макаронные изделия, рис, картофель, а также овощи и сезонные салаты. Меню ужина пополняется блюдами из курятины и кашами. Чуть меньше, по сравнению с обедом, доля овощей и сезонных салатов. Респонденты предпочитают простую обработку продуктов (варка, жарка, тушение) в домашних условиях. В качестве десерта 48 % называют различные виды печенья, каждый третий указывает на шоколад и домашнюю выпечку.

Было выявлено, что традиционно женщины часто готовят пищу дома (60 %). Только 17 % из них занимаются этим редко или вообще не занимаются. Среди мужчин эту работу часто выполняют только 5 %. При этом только 42 % (и женщин, и мужчин) утверждают, что у них всегда бывает время для приготовления пищи.

Более 60 % воронежцев в приготовлении еды ориентируются и на традиции, которые были в их семьях, и на новые модные тенденции. Каждый третий привержен традициям, готовят домашнюю еду по «бабушкиным рецептам» и только 2 % учитывают моду на еду. Семья выступает в роли главного фактора, определяющего отношение к структуре питания и приготовлению еды.

Отмечен еще один интересный факт: более половины воронежцев не приобретают готовую продукцию или полуфабрикаты, 44 % покупают их в качестве редкой замены домашней пищи в случае напряженного графика работы или учебы. Как правило, это молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет (46 %), а также лица старше 60 лет (58 %).

Основные принципы, которыми в питании руководствуются воронежцы: умеренность в потреблении пищи (58 %), соблюдение режима питания (14 %), правильное соотношение белков, жиров и углеводов и соблюдение диеты (по 4 %). Каждый пятый респондент указал в интервью, что не придерживается какого-либо принципа. Существенных различий в ответах женщин и мужчин обнаружено не было. Нет различий и в возрастных категориях.

У воронежцев сложилось представление о том, какой должна быть вкусная и здоровая еда. Прежде всего, это натуральная, качественная, сбалансированная пища, приготовленная в домашних условиях, преимущественно из овощей, мяса и рыбы.

Места, в которых население приобретает продукты питания, отражают их социальный статус и материальные возможности. Магазины предоставляют весь ценовой спектр – от

специальных цен на продукты невысокого качества до продуктов среднего сегмента и элитных продуктов.

Половина воронежцев предпочитает приобретать продукты для приготовления пищи на рынках и ярмарках, около 20 % добавляют сетевые магазины («Пятерочка», «Магнит», «Пятью пять»). Люди с высоким уровнем дохода посещают сетевые магазины «Мир вкуса», «ОКЕЙ» и др. Ежемесячные затраты на покупку еды более чем у половины респондентов варьирует в диапазоне от 5000 рублей до 10000 рублей. Как правило, это семейные люди. у 16 % - от 3000 рублей до 5000 рублей. У сравнительно небольшой доли воронежцев (8 %) эти затраты составляют от 10000 рублей до 15000 рублей.

Высокий темп современной жизни формирует у горожан новые привычки в питании. Изменяются места приема пищи. Важную роль начинает играть общественное питание. Прием пищи в столовых сменяется на прием пищи в ресторанах быстрого питания, в кафе/барах, в традиционных ресторанах, а также на уличную еду. Исследование показало: по-прежнему жителей Воронежа не привлекает уличная еда (72 %), более половины респондентов не посещают рестораны быстрого питания, 38 % не ходят в традиционные рестораны, а 24 % не привлекают кафе. Частота посещения общественных мест питания невысокая. Несколько раз в неделю бывают в кафе 14 % респондентов, а несколько раз в месяц посещает обычные рестораны и кафе каждый десятый респондент, в то же время 18 % бывают в ресторанах быстрого питания, материальные затраты в которых почти у 70 % респондентов составляют от 300 рублей до 500 рублей. У посетителей обычных ресторанов в 70 % случаев затраты варьируются от 500 рублей до 1000 рублей.

Причины такого отношения воронежцев к местам общественного питания связаны с уровнем доходов населения. Средняя заработная плата по региону не достигает 30000 рублей в месяц. Горожане не могут позволить себе регулярно посещать эти места.

В ходе анализа эмпирической информации было обращено внимание на то, что рестораны быстрого питания (фаст-фуд) посещают прежде всего молодежь воронежцы (возрастная категория от 18 лет до 29 лет). Быстрое питание привлекательно для молодых по ряду причин: минимальные затраты времени, не очень дорого, есть возможность не только принять пищу, но и полезно провести время, пообщаться с приятелями и даже поработать и поучиться. Кроме того молодежь отмечала в своих интервью, что в ресторанах быстрого питания еда вкусная (индекс 0,90), высокое качество обслуживания (0,64).

Важнейшим источником информации о еде воронежцы называют телевизионные передачи (почти 60 %, среди молодежи – 90 %). Передачи о приготовлении еды существуют на всех телевизионных каналах. Привлекательными являются следующие передачи: «Едим дома», «Смак», «Контрольная закупка». Второй источник - Интернет (более 50 %). Здесь респонденты называют различные кулинарные сайты (две трети респондентов). Третий источник информации - друзья и знакомые (45 %). Представители старшего поколения, прежде всего, ориентируются на газеты, журналы и на советы друзей.

Почти две трети воронежцев считают, что еда – источник пополнения сил, более половины респондентов уверенно заявляют, что они любят поесть, треть воронежцев оценивает прием пищи как повод для общения с близкими и друзьями, а 18 % респондентов получают удовольствие от приготовления пищи, а также считают это разновидностью культурного отдыха. При выборе еды они ориентируются на качество продуктов, из которых готовится еда, и на заботу о состоянии здоровья. Менее всего воронежцы связывают еду и моду. Есть различия в позициях молодежи. Но чем старше люди, тем меньше они учитывают модные тенденции в еде и структуре питания.

И еще одна особенность. Оценивая актуальность проблемы еды в современном мире, воронежцы отмечают ее качество. Они высказывают обеспокоенность все возрастающей долей искусственных добавок, появлением геномодифицированной продукции, дешевых аналогов. Высказывается мнение: здоровая натуральная пища является показателем качества жизни. Отмечается и проблема нехватки еды в мире.

РЕВОЛЮЦИИ В ПИТАНИИ: ПРОДУКТЫ, ТЕХНОЛОГИИ И ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ

Веселов Ю.В. (Санкт-Петербург)

В истории выделяют несколько революций в питании. Фернан Бродель, например, выделяет три революции в питании. Первая связана с освоением огня первобытными людьми и последующий переход к мясному питанию; вторая связана с переходом от собирательства и охоты к оседлому земледелию; третья связана с началом глобализации питания - в эпоху географических открытий 16 столетия американские продукты (картофель, томаты, какао, кукуруза) освоили Европу и Азию; и наоборот - Европейские и азиатские продукты (пшеница, сахар, кофе) переехали в Новый свет. Все эти революции способствовали повышению экономической эффективности питания. Охота и собирательство могли прокормить только небольшие по численности локальные группы, а земледелие вдруг предоставило возможность кормить целые империи. Однако самое большое повышение эффективности питания произошло в наш индустриальный век. В 19 и 20 столетиях домашнее и мелкое ремесленное производство еды сменяется крупным индустриальным производством продуктов питания. Сразу же меняется технология приготовления и хранения еды. Люди теперь покупают в основном полуфабрикаты или уже полностью готовые продукты, задача теперь лишь подать этот подготовленный продукт; среди технологий хранения вместо соления и сахарения теперь господствует заморозка. Безусловно индустриальный мир питания способен прокормить все население планеты, но вот только её распределение как и прежде несправедливо. 1 млрд. людей испытывают существенный недостаток в питании, другой миллиард страдает от избыточного питания, притом что лидерами ожирения выступают как раз не развитые, а развивающиеся страны. Поэтому не смотря на общее улучшение здоровья людей на планете и увеличение продолжительности жизни, индустриальная система производства продуктов питания не решает автоматически задачи улучшения здоровья людей. Что необходимо? Прежде всего, формирование рационального отношения людей к питанию; ведь большинство людей не обращает должного внимания на питания, люди привыкли к тем практикам питания, которые весьма далеки от правильного и здорового питания.

В России XX столетия также произошла революция в питании населения. Большевики пытались в 1920-х гг. проводить политику обобществления питания. В Ленинграде строились фабрики-кухни; в новых жилых домах в квартирах кухни вообще не предусматривались. Одновременно развивалась индустрия питания. Во второй половине 1930-х от резких экспериментов отказались, но курс на индустриализацию питания продолжился (микояновские мясные и молочные комбинаты). Революция в питании продолжилась, но советской власти не доставало механизма рынка и предпринимательской инициативы. Только после реформ 1990-х гг. индустриальная система питания заработала в полную силу. Теперь полки магазинов ломятся от продуктового разнообразия. Однако и здесь автоматического улучшения здоровья людей не произошло. Теперь маятник качнулся в другую сторону - каждый третий россиянин страдает от избыточного веса или ожирения. В лидерах Московская область. Что делать? Задача номер один - развитие общей культуры питания населения. Нам необходима новая культурная революция - но теперь уже в кулинарии!

НЕДОСТАТОК ЙОДА В ПИТАНИИ СТУДЕНТОВ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР СНИЖЕНИЯ ИХ ФИЗИЧЕСКОЙ И УМСТВЕННОЙ АКТИВНОСТИ

Волкова Т.И. (Челябинск)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, связанные с широким распространением среди жителей России йоддефицитных заболеваний, а также выявлением основного фактора их возникновения – недостатком в питании такого химического микроэлемента как йод. Йодный дефицит в России имеет медико-социальное и экономическое значение, т.к. состоит в потере интеллектуального, образовательного и профессионального потенциала нации. Поэтому основное внимание в статье уделяется исследованию йоддефицитных состояний у молодежи – студентов медицинского университета – будущей интеллектуальной и профессиональной элите общества. Автор приводит результаты проведенного им социологического опроса для обоснования основных выводов и заключений.

Проблема недостатка химического микроэлемента йода в организме человека является одной из важнейших медико-социальных и экономических задач современного общества. Йоддефицитные состояния (ЙДС) и йоддефицитные заболевания (ЙДЗ) являются общепринятым

определением всех клинических проявлений, которые развиваются в условиях йодного дефицита и могут быть предупреждены при нормализации потребления йода [1]. Более чем для 1,5 миллиарда жителей Земли существует повышенный риск недостаточного потребления йода, у 655 млн. человек имеется увеличенная щитовидная железа (эндемический зоб), а у 43 млн. – выраженная умственная отсталость. Так, в результате йодной недостаточности, у 1-10% населения встречается кретинизм, у 5-30% – неврологические нарушения и умственная отсталость, у 30-70% – снижение умственных способностей [1]. В нашей стране йоддефицитными признано 23 региона, в том числе Челябинская область и город Челябинск.

Йод относится к микроэлементам питания: суточная потребность в нем составляет 100-200 мкг, за всю жизнь человек потребляет всего 2-5 г. (около чайной ложки) йода. Дефицит йода не имеет, как правило, внешне очень выраженного характера. Поэтому он получил название «скрытый голод». Недостаточное поступление йода с пищей и водой в организм вызывает перестройку функции щитовидной железы (ЩЖ): снижается синтез и секреция гормона тироксина (Т3) и трийодтиронина (Т4), которая приводит к активации секреции тиреотропного гормона (ТТГ) гипофиза. В свою очередь, ТТГ стимулирует захват йода из крови щитовидной железой и активизирует последующие этапы его внутрищитовидного метаболизма, а при определенных условиях инициирует увеличение тиреоидной массы ЩЖ и как следствие увеличивается ее объем, т.е. формируется зоб [2, 3].

Анализ специальной литературы показал, что в нашей стране ЙДЗ на государственном уровне несколько последних десятилетий уделялось недостаточно большое внимание. Так, в 70-х годах значение профилактики ЙДЗ уменьшилось и была ликвидирована сеть противозобных диспансеров, а в 90-х годах резко сократилось потребление населением РФ йодированной соли и продуктов, богатых йодом: морской рыбы, морепродуктов, мяса (по данным исследований РАМН, среднее потребление йода в 1995-1999 г. составило всего 40-80 мкг в день) [4,5,6]. Однако за последние пятнадцать лет происходят определенные изменения в области профилактики и лечения ЙДЗ. Заслуживает внимание разработанная программа профилактики ЙДЗ путем всеобщего йодирования соли [7]. Кроме йодирования соли эффективным методом профилактики является йодирование других продуктов первой необходимости: питьевой воды, хлебобулочных изделий, яиц, растительного масла и др.

Индивидуальная йодная профилактика предполагает также использование лекарственных средств, обеспечивающих поступление физиологического количества йода, например, «Калия йодит 200», производителя «Берлин-Хеми». Основным средством лечения нетоксического зоба является использование препаратов гормонов щитовидной железы, например, L-тироксин 25/50/100 того же производителя. Но на практике выходит, что население, проживающее в йоддефицитной местности, практически не использует в качестве профилактики указанные препараты. В исследовании, проведенном в 2016 г. их доля среди всех приобретаемых лекарственных средств составляет всего 10,0% [8]. Между профилактикой и лечением заболеваний, возникающих на фоне дефицита йода, как правило, не существует принципиальных различий.

Современная медицина к (ЙДЗ) относит следующие функциональные расстройства: повышенная утомляемость, нарушение липидного обмена, снижение порога развития депрессивных состояний, развитие болезней сердечнососудистой системы, нарушение функции мозга, сонливость, задержка нервно-психического развития, ухудшение памяти (частая забывчивость), расстройства зрения и слуха и др. [9]. Опасность данных расстройств заключается в том, что они могут способствовать потере интеллектуального, образовательного, творческого, демографического и профессионального потенциала нации, проживающей в йоддефицитной местности, из-за постепенно нарастающей от поколения к поколению умственной деградации.

Для выявления (ЙДС) среди студентов и отношения их к данной проблеме в апреле-мае 2017 г. на базе Южно-Уральского государственного медицинского университета (г. Челябинск) было проведено эмпирическое социологическое исследование. С помощью метода анкетного опроса (выборка гнездовая) было изучено мнение 198 студентов 1-2 курсов лечебного, педиатрического и медико-профилактического факультетов. Из них: 94 (47,5%) – юноши; 102 (52,5%) – девушки.

Результаты исследования показали, что большинство студентов – (67,7%) считают, что причина йоддефицита это – дефицит йода в продуктах: (55,3%) – юношей и (78,8%) – девушек. Дефицит йода в организме, по мнению (94,9%) студентов приводит к снижению интеллекта и

умственных способностей; (3,5%) отмечают нарушение зубов; (1,5%) – считают, что дефицит йода способствует ожирению.

Выяснилось, что опрашиваемые студенты несерьезно относятся к профилактике ЙДЗ, т.к. постоянно используют в пищу йодированную соль только их пятая часть – (20,7%); редко, от случая к случаю – половина опрошенных – (52,0%); вообще не употребляют данный минерал более четверти респондентов – (27,3%).

Продукты питания, богатые йодом также не являются приоритетными в рационе опрашиваемых студентов. Так, морскую капусту употребляют только (6,1%); морскую рыбу – (28,3%); другие морепродукты – (17,1%); мясные изделия употребляет значительная часть – (94,4), но (70,0%) из них, чаще всего едят переработанное мясо: колбасу, сосиски, пельмени и другие мясные полуфабрикаты. Только треть опрошенных предпочитают натуральное мясо – (29,9%). Куриные яйца употребляют большинство респондентов – (76,3%), при этом искусственно йодированные яйца предпочитают только (4,5%). Молочные продукты употребляет значительная часть респондентов – (90,4%), но половина из них покупают, как правило, йогурты, творожки, сладкие сырки и т.п. Виноград и хурму часто употребляют в пищу только пятая часть опрошенных – (20,7% и 23,7% соответственно). Йодированный хлеб предпочитают обычному всего лишь (4,0%) опрошенных студентов.

В результате исследования было выявлено, что половина респондентов используют биоактивные добавки и витамины, содержащие йод, таких оказалось – (50,5%). К врачу-эндокринологу обращаются периодически – (24,2%); очень редко (были на приеме в детстве, на школьном медосмотре); а половина – (50,0%) вообще никогда не обращались к данному специалисту.

Существует ли связь между должной профилактикой ЙДЗ и негативными эмоциональными и психическими проявлениями? Как оказалось, только треть опрошенных – (29,8%) не испытывают утомляемости, (13,6%) – редко; (40,9%) – часто, а (15,6%) – очень часто. Пятая часть респондентов – (20,7%) не испытывают проблем с памятью и запоминанием учебного материала, (45,5%) – часто испытывают трудности с запоминанием. Спокойными и уравновешенными себя считают лишь (31,8%) опрошенных, (31,8%) – часто раздражаются, а (10,6%) – очень часто. Головные боли не беспокоят (15,6%) опрошенных; у (37,4%) – бывают редко; у четверти (25,3%) – часто; у (21,7%) – очень часто. Не испытывают, практически, слабость и мышечную боль около половины респондентов – (49,0%).

Таким образом, большинство опрошенных студентов медицинского университета являются предрасположенными к йоддефицитным состояниям (ЙДС) и йоддефицитным заболеваниям (ЙДЗ), что, как правило, может способствовать снижению физической и умственной активности. Поэтому необходимо с данной группой населения проводить активную профилактическую работу по данной проблеме.

1. WHO, UNICEF and ICCID. *Indicators for Assessing Iodine Deficiency Disorders and their control through salt iodization* // Geneva: WHO, WHO/Euro/NUT. – WHO/NUT. – 1994. – № 6. – 55 p.
2. Румянцев Е.В., Антина Е.А., Чистяков Ю.В. *Химические основы жизни*. – М.: Химия, КолосС, 2007. – 560 с.
3. Фадеев В.В. *Эутиреоидный зоб: патогенез, диагностика, лечение*. – М.: Медицина, 2001. – 211 с.
4. Герасимов Г.А., Фадеев В.В., Свидиренко Н.Ю., Мельниченко Г.А., Дедов И.И. *Йоддефицитные заболевания в России*. – М.: Медицина, 2004. – 100 с.
5. Герасимов Г.А. *Йодирование соли – эффективный путь ликвидации йоддефицитных заболеваний в группах повышенного риска* // Проблемы эндокринологии. – 2002. – Т. 48. – № 6. – С. 7-10.
6. Сапожникова И.Е., Немцов Б.Ф. *Йоддефицитные заболевания: причины и следствия* // Вятский медицинский вестник. – 2007. – Т. 2-3. – С. 27-32.
7. *Контроль программы профилактики йоддефицитных заболеваний путем всеобщего йодирования соли: Методические рекомендации*. – М.: Федеральный центр госсанэпиднадзора Минздрава России, 2001. – 56 с.
8. Волкова А.А. *Особенности маркетинговых подходов к формированию ассортимента товаров аптечных организаций* // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2016. – № 3. – С. 173-181.
9. *Эндокринология: национальное руководство* / под ред. И.И. Дедова, Г.А. Мельниченко. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. – 1072 с.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ПИТАНИЯ: МОЛОДЕЖЬ В НАЧАЛЕ 21 ВЕКА

Гурьянова Д.И. (Тольятти)

Аннотация: В статье проводится исследование современных тенденций в питании молодежи. Исследуются факторы, влияющие на его качество. Приводится статистика особенностей питания в молодежной среде. Выявлена и анализируется проблема нерационального питания.

Рационально питание – это основная составляющая здорового образа жизни каждого человека. Безусловно, связь между качеством питания, финансовым благосостоянием семьи и ее социальным статусом неоспорима. Но система предпочтений в том или ином виде питания имеет главенствующее начало у молодого поколения. Условия, в которых живет современная молодежь, нестабильны: мода на фастфуд сменяется на пропаганду здорового образа жизни, хотя у нынешнего молодого человека зачастую отсутствует возможность качественно и полноценно питаться. Это явление возникает в результате экономических перемен: с ростом цен на продукты при непропорциональном изменении уровня заработной платы человек не успевает финансово приспособиться [3]. От этого страдает не только его материальное благополучие, но и качество питания.

Общественное питание, превратившись в индустриальную отрасль, основанную на промышленных технологиях, завоевывает все больше потребителей, что порождает разногласия в понимании сути рационального питания. Основная проблема нерационального питания в том, что оно может способствовать риску возникновения некоторых заболеваний [1].

В настоящее время современная социология, наряду с другими вопросами, занимается комплексным изучением связи между социальным положением, финансовым благополучием и видом питания человека. Французский социолог П. Бурдьё, изучая габитусы, наглядно продемонстрировал, что в социальном поле существует система предрасположенностей к употреблению определенных продуктов питания, существующая независимо от материального положения [2].

Изучая статистику Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), две трети россиян стараются заботиться о здоровье, но около половины опрошенных ходят в кафе и рестораны с целью отдыха. Отметим, что средний счет на двоих в 2013 году составлял 1500 рублей [4]. В 2017 году с ростом инфляции и курса доллара цены значительно возросли. Популяризируются услуги предприятий общественного питания, облегчающие повседневную жизнь: покупка готовых блюд и их заказ с доставкой на дом. В Самарской области система общественного питания находится не в лучшем положении. По итогам первого полугодия 2017 года, как отмечено в газете «Самарское обозрение» [6], «выручка кафе, баров, ресторанов, столовых при предприятиях и учреждениях, а также организаций, занимающихся доставкой еды, упала, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, на 6,3%, составив 13,48 миллиарда рублей. При этом в соседних регионах ситуация иная. Так, оборот общепита в Татарстане вырос на 5,1%, в Ульяновской области — на 8,8%. В среднем по стране прирост составил 0,6%» [6]. На наш взгляд, это происходит ввиду того, что качество жизни в регионах значительно разнится: например, в 2016 году Самарская область занимала тринадцатую позицию в РИАрейтинге по качеству жизни населения, а Татарстан – четвертую [5].

На обеденный перерыв современная молодежь редко готовит еду дома: молодые люди предпочитают употреблять еду на бизнес-ланчах в ресторанах либо в расположенных неподалеку кафе и столовых. Часть допускает для себя пропуск этого приема пищи [9].

Наиболее ярко в молодежной среде представлены два вида питания: во-первых, это «здоровое питание», которого придерживаются последователи «ЗОЖ», во-вторых, это абсолютное безразличие к качеству продуктов. Представители первого течения объясняют схему своего питания следующим образом: прием пищи от пяти раз в день (питание небольшими порциями каждые 3-4 часа), обязательно – завтрак, отсутствие в рационе мучного, жирного и жареного. Но здесь возникает актуальная проблема социологии – «конфликт поколений»: более консервативное старшее поколение, испытав на себе все тяготы «голодного» периода, не желает мириться со «скудным» или «неправильным» рационом питания молодежи, что часто приводит к дисфункциональному конфликту.

В мировой практике существует так называемая модель «тарелки здорового питания», по которой каждый человек может без труда составлять для себя и своей семьи сбалансированный рацион на каждый день. Последние исследования, по данным Роспотребнадзора, были проведены

Национальной службой здравоохранения Великобритании [8], где были скорректированы рекомендации 1995 года, называемые также «Тарелкой здорового питания»: бы сделан акцент на необходимости большего потребления овощей и фруктов (до 7 порций) каждый день и исключение из ежедневного рациона еды и напитков с высоким содержанием сахара. Эта модель питания нашла поддержку у зарубежной и отечественной молодежи.

Данные опросов среди мужчин и женщин до 25 лет предоставляют сведения о различных особенностях питания молодежи разного материального достатка и образа жизни. Более 90% опрошенных знает, что такое здоровое питание, но меньше половины готовы его придерживаться, хотя согласны в том, что оно полезно. Только треть респондентов придерживается режима питания, но почти половина старается питаться больше трех раз в день. 70% человек, не придерживающихся модели правильного питания, заявляют, что им мешает правильно питаться нехватка времени и лень. Основной же мотивацией для того, чтобы начать правильно питаться респонденты называют состояние здоровья (48%), желание хорошо выглядеть (28,8%) и рекомендации родственников и друзей [4].

Многие представители российской молодежи, ведущей спортивный и на первый взгляд здоровый образ жизни, с одной стороны придерживаются правильного питания (низкое употребление либо полный отказ от жирного, жареного, мучного и т.д.), а с другой – неграмотно употребляют различные пищевые добавки (так называемое спортивное питание), не консультируясь с врачами, что ведет к проблемам со здоровьем.

Следует отметить, хотя статистика показывает, что чуть меньше половины опрошенных стараются придерживаться модели здорового питания, но данная тенденция набирает популярность.

Как показывает социальная практика, вопрос питания в особенности касается молодого поколения. Негативным образом влияет на состояние здоровья молодежи употребление пищи в кафе и фастфудах, редко соответствующих принципам рационального питания. Постепенно исчезает проблема неосведомленности об основах правильного питания, но большинство респондентов подтверждает, что, зная насколько необходимо следить за своим рационом, продолжает неправильно питаться, к чему приводит ряд экономических, социальных и индивидуальных факторов.

У современной молодежи обретает нарастающую популярность модель здорового питания ввиду активной пропаганды здорового образа жизни и занятия спортом [8]. Раньше такая тенденция отсутствовала.

Как известно, распределение доходов и благ среди различных групп населения непропорционально, что является причиной множества проблем, сопряженных с уровнем и качеством жизни современной молодежи. Решение данного вопроса означало бы выход из «пищевого кризиса», а также становления новой ступени развития социума.

1. Батурин А.К. Разработка системы оценки и характеристика качества жизни населения. – М.: Интерсэн, 2004. – 318 с.
2. Бурдые, П. Структура, габитус, практика / П. Бурдые // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – Вып. 2. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> (Дата просмотра: 01.10.2017).
3. Желнина, Е. В. Россия-2050: образ страны по результатам социологического исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. – 2016. – № 3 (7). – С. 47 – 55.
3. Култыгин В. Современные зарубежные социологические тенденции / В. Култыгин. – М.: Союз, 2000. – 156 с.
4. Правильное питание, спорт и отказ от вредных привычек – три составляющих здорового образа жизни [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://infographics.wciom.ru/theme-archive/society/religion-lifestyle/food-diet/article/obshchepit-dlja-vsekh-sovremennaja-auditorija-restorannogo.html> (Дата просмотра: 01.10.2017).
5. Радченко Л.А. Организация производства на предприятиях общественного питания. Учебник. - Ростов н/Д: Феникс, 2006. - 352 с.
6. Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2016 // Россия сегодня [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rating.ru/infografika/20170220/630056099.html> (Дата просмотра: 01.10.2017).
7. Жители Самарской области отказываются от общепита // TLTPRAVDA [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://tltppravda.ru/blog/food/34548.html](http://tltpravda.ru/blog/food/34548.html) (Дата просмотра: 01.10.2017).

8. *Здоровое питание: модель «тарелки здоровья» // Управление Роспотребнадзора по Кировской области [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://43.rosпотребнадзор.ru/news/detail.php?ID=7016> (дата просмотра: 30.09.2017).*
9. *О здоровом питании [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11558> (дата просмотра: 1.10.2017).*

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ НАПИТКИ: НОРМАТИВНЫЙ ПИЩЕВОЙ ПРОДУКТ ИЛИ ПОВОД ДЛЯ БЕСПОКОЙСТВА?

Ерицян К.Ю., Одинокова В.А., Колпакова О.И. (Санкт-Петербург)

Проблематика употребления энергетических напитков широко дискутируется как в научных кругах, так и на уровне органов власти. Энергетические напитки сегодня занимают некое маргинальное, промежуточное положение между традиционными регулируемые государством психоактивными веществами и нормативными прохладительными напитками. Имеющиеся эмпирические исследования носят преимущественно количественный характер и не базируются на каких-либо теоретических моделях. Употребление энергетических напитков рассматривается в научном сообществе в большей степени в контекстах аддиктивного поведения, общих вопросов здоровья, а также в контексте поведения риска и микросоциальных влияний. Вторичный анализ данных об употреблении энергетических напитков российскими студентами (N=401) позволяет говорить о том, что данная пищевая практика ассоциирована с употреблением иных психоактивных веществ.

Энергетический напиток – это напиток, содержащий стимуляторы нервной системы, главным образом, кофеин. Производители рекламируют энергетические напитки, как способствующие умственной или физической деятельности. Кофеин – распространенный психостимулятор, который уменьшает чувство усталости и сонливости, повышает умственную работоспособность и концентрацию. Негативные эффекты употребления энергетических напитков связаны с вредным воздействием повышенных доз кофеина на организм, а будучи смешанными с алкоголем, тонизирующие напитки могут приводить к усилению негативных социальных эффектов алкоголизации, а также иными проблемами для здоровья [1, 2].

По данным маркетинговых исследований в последние несколько лет в России наблюдается устойчивый рост продаж данного продукта [3.]. Популярности энергетических напитков способствуют их тонизирующие свойства, повсеместная распространенность и дешевизна.

Употребление психоактивных веществ имеет ряд особенностей, которые обуславливают его специфику в качестве предмета социологического исследования. В числе этих особенностей необходимо учитывать, во-первых, фармакологический аспект потребления, который выражается в специфичных для каждого типа препарата краткосрочных и долговременных эффектах потребления. Во-вторых, личностно-психологический или мотивационный аспект потребления, имеющий существенную индивидуальную вариативность, в-третьих, это социо-культуральный аспект – культурально-детерминированные нормы и смыслы потребления различных веществ – как универсальные, так и варьирующие в зависимости от культурной среды – которые предписывают поводы, частоту, объем и форму потребления напитка, а также определяют символическое значение акта потребления [4].

Научные подходы к пониманию употребления и злоупотребления психоактивными веществами включают в себя целый спектр различных психологических, микро- и макро-социологических теорий [5]. Однако до недавнего времени в российском обществе употребление этих веществ, в отличие от наркотических, являлось в достаточной степени социально-приемлемым и не имело отчетливого негативного или девиантного контекста. Таким образом, существующие теоретические модели алкоголизации и наркотизации могли являться не вполне релевантными для описания данного поведения.

В последние же годы наблюдаются тенденции ужесточения социального контроля над употреблением энергетических напитков, включая запрет на продажу алкогольных энергетиков, а также на продажу безалкогольных энергетических напитков несовершеннолетним и на их реализацию в определенных типах учреждений в ряде российских регионов.

Таким образом, энергетические напитки на сегодняшний день имеют некое маргинальное, промежуточное положение между традиционными более-менее жестко регулируемые государством психоактивными веществами и нормативными прохладительными напитками, предпочитаемыми определенными категориями населения. Задачей настоящей работы стала

оценка того, как на сегодняшний день понимается употребление энергетических напитков в научной среде и насколько оно сопряжено с реальным аддиктивным поведением.

Обзор тридцати опубликованных в последние три года (2015-2017 гг.) эмпирических научных статей, посвященных употреблению энергетических напитков и его коррелятам, позволил сделать следующие выводы.

1. Тема употребления энергетических напитков остается крайне популярной для изучения социальных исследователей за рубежом. В России, несмотря на высокую частоту упоминаний данной проблематики, масштабные эмпирические исследования этой темы проводятся существенно реже.

2. Подавляющее большинство исследований носит сугубо количественный характер: спектр подобных исследований простирается от сугубо дескриптивных, направленных на оценку распространенности того или иного явления, до построения сложных математических моделей.

3. Другим важным ограничением большинства рассмотренных работ является их оторванность от существующих теоретических моделей.

4. Анализ проверяемых в исследовании гипотез позволяет говорить, что употребление энергетических напитков рассматривается преимущественно в следующих тематических контекстах: в контексте аддиктивного поведения, здоровья, поведения риска и микросоциальных влияний. При этом исследователи скорее склонны рассматривать энергетики в контексте употребления психоактивных веществ (в частности алкоголя), чем в контексте пищевого поведения. Таким образом, актуальный научный ракурс подхода к данной теме вполне соотносится с проблематизацией употребления энергетических напитков в современных российских СМИ.

5. Сами исследования в большинстве случаев выполнены скорее в эпидемиологическом или (реже) социально-психологическом ключе и редко являются в полной мере социологическими.

Для оценки сопряженности употребления энергетических напитков с аддиктивным поведением в российском контексте мы использовали вторичный анализ данных опроса молодежи Санкт-Петербурга в возрасте от 18 до 23 лет, обучающихся в системе среднего и начального профессионального образования (N=401). Распространенность употребления энергетических напитков за последний месяц составила 18,4%. Множественный регрессионный анализ показал, что опыт недавнего употребления энергетических напитков был значимо связан с зависимостью от никотина (тест Фагерстрема), зависимостью от алкоголя (тест CAGE) и употреблением отдельных наркотических веществ.

Таким образом, как в научной среде, так и на уровне государства энергетические напитки понимаются в большей степени как вид некоего проблемного, потенциально аддиктивного поведения, а не как вид нормативной пищевой практики. Полученные эмпирические данные в целом подтверждают данные опасения. В тоже время, очевидно, что на сегодняшний день не вполне изучены макросоциальный и социокультуральный аспекты потребления энергетических напитков, в первую очередь в контексте существующих в современном обществе норм и смыслов и эти аспекты представляют собой потенциально перспективное направление исследований.

Обзор подготовлен в рамках гранта РФФИ №117-33-01172 «Употребление молодежью ненаркотических психоактивных веществ: специфика социо-культурной детерминации».

1. *Marczinski C. A. Fillmore, M. T., Bardgett, M. E., & Howard, M. A. Effects of energy drinks mixed with alcohol on behavioral control: risks for college students consuming trendy cocktails // Alcoholism: Clinical and Experimental Research. – 2011. – Т. 35. – №. 7. – С. 1282-1292.*

2. *Richards G., Smith A.P. A Review of Energy Drinks and Mental Health, with a Focus on Stress, Anxiety, and Depression // Journal of Caffeine Research/ - 2016. - №2. - Т.6. - С. 49-63*

3. *Nielsen. Ситуация и тенденции: российский рынок безалкогольных напитков. 2016 [Электронный ресурс]. Дата обращения: 04.08.2017. URL: <http://www.nielsen.com/ru/ru/insights/news/2016/sales-of-nonalcoholic-beverages.html>*

4. *Одинокова В. А. Обзор макро-и микросоциологических теорий проблемного потребления алкоголя // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №. 7.*

5. *Колпакова О.И. Социально-психологические факторы риска употребления наркотиков студентами вузов [Текст]: Дисс. ...канд.психол. наук / О.И. Колпакова. СПб, 2010. 212 с*

1. *Marczinski C. A. Fillmore, M. T., Bardgett, M. E., & Howard, M. A. Effects of energy drinks mixed with alcohol on behavioral control: risks for college students consuming*

- trendy cocktails //Alcoholism: Clinical and Experimental Research. – 2011. – Т. 35. – №. 7. – С. 1282-1292.*
2. Richards G., Smith A.P. A Review of Energy Drinks and Mental Health, with a Focus on Stress, Anxiety, and Depression // *Journal of Caffeine Research/ - 2016. - №2. - Т.6. - С. 49-63*
 3. Nielsen. Ситуация и тенденции: российский рынок безалкогольных напитков. 2016 [Электронный ресурс]. Дата обращения: 04.08.2017. URL: <http://www.nielsen.com/ru/ru/insights/news/2016/sales-of-nonalcoholic-beverages.html>
 4. Одиноква В. А. Обзор макро-и микросоциологических теорий проблемного потребления алкоголя // *Теория и практика общественного развития. – 2014. – №. 7.*
 5. Колпакова О.И. Социально-психологические факторы риска употребления наркотиков студентами вузов [Текст]: Дисс. ...канд. психол. наук / О.И. Колпакова. СПб, 2010. 212 с

ПРАКТИКИ ПИТАНИЯ МУЖЧИН САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ИХ ЖИЗНЬ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Карапетян Р.В. (Санкт-Петербург)

Аннотация: Рассматриваются практики питания мужчин Санкт-Петербурга с позиции некоторых социальных и медицинских показателей. Принято считать, что практики питания в современном обществе и в особенности в крупных городах несут в себе существенные риски различного рода заболеваний. Для минимизации данных рисков органы здравоохранения (в России Минздрав) предлагают нормы потребления разнообразных продуктов, рационы питания, включающие необходимое и достаточное количество полезных веществ. Автор статьи акцентирует внимание, что подобный формализованный подход не имеет отношения к продолжительности, а в особенности, качеству жизни. Потребление пищи представляет не только физиологический, но и психологический, и социальный процессы.

Для начала отметим, что рацион и способы питания мужчин, а также их влияние на состояние здоровья (возможно, продолжительность жизни) имеют свои особенности.

Существуют формализованные Минздравом России рациональные нормы потребления продуктов питания для населения РФ. «Приказом Минздрава России от 19 августа 2016 г. № 614 утверждены Рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающие современным требованиям здорового питания» [1]. Но реальные практики питания мужчин отличны от номинированных минздравом.

В целом мужчины в 2013 г. несколько переедали, т.е. потребляли большее количество продуктов, чем рекомендованное Минздравом в 2010 году и даже рекомендуемое в 2016 г. Наиболее заметно это в потреблении мяса – более чем на 47 кг в год (это на 64% больше от рекомендуемого), а также хлебных продуктов – на 11 кг; яйца – на 40 шт.; рыбы – на 5 кг.; сахара – на 6 кг (почти на 23%). А вот меньше рекомендуемой нормы они потребляли фрукты и ягоды – на 28 кг. (28%), а также овощи и бахчевые – приблизительно на 24 кг. (18%). Другими словами, в рационе мужчин, не смотря на рекомендации медиков и диетологов, присутствовало больше белковой пищи, что, наверное, совсем неплохо. Это подтверждают исследования ВШЭ [2].

Что касается иностранщины, например, немцев. Вполне себе сравним рацион питания российского жителя и немецкого бургера, за исключением, пожалуй, потребления фруктов, у нас меньше на 30 кг., и молочных продуктов, у них меньше в 2 раза.

Данных по уровню потребления продуктов питания мужчина СПб нет, но косвенные данные позволяют проанализировать ситуацию. Ежедневно чаще других мужчины потребляют следующие продукты (по убыванию): хлеб -97,2, мясо -80,5, крупы и проч. - 78,2, масло сливочное - 65,1 и молочные продукты - 64,0.

Теперь что касается петербуржцев: хлеб - 96,4; мясо - 80,4 крупы и проч. – 80,7 масло сливочное - 61 и молочные продукты - 52,9 [3].

Примечательно, что нет мужчин, которые бы совершенно не употребляют мяса; лишь 0,1% практически не употребляет крупы и проч., наверное, едят в основном макароны. В отношении потребления молочно-кислой продукции у мужчин СПб своя специфика: молоко и кисломолочные продукты ежедневно или несколько раз в неделю потребляет 52,9%. Это ниже данных по России, там 64,0%. Существенно отстают в потреблении этой продукции мужчины от женщин СПб, 71,3% женщин регулярно потребляют данную продукцию. К слову, в потреблении творога и творожных продуктов женщины более чем в 2 раза обгоняют мужчин, 55,3% против 23,7% ежедневно или несколько раз в неделю потребляют данную продукцию [4]. Из всего списка продуктов по этой позиции у них самое большое расхождение.

А вот сыр петербуржцы потребляют чаще, чем среднестатистические мужчины РФ, 61,2% и 51,1% соответственно, но, безусловно, проигрывают жителям некоторых республик Северного Кавказа: Республика Дагестан 73%, Кабардино-Балкарская Республика -78,2%.

Теперь о нормах потребления мужчинами калорий. Существуют расчеты норм потребления калорий населением РФ [5].

К сожалению, по расчетам минздрава последний жизненный этап мужчин начинается с 51 года. Например, немецкие диетологи оказались в этом смысле гуманнее, расчет норм потребления ккал. у них заканчивается возрастной группой 65 и старше[6].

Теперь более подробно, с точки зрения суточного потребления жиров, белков и углеводов.

Физиологическая потребность в белке для взрослых мужчин - от 65 до 117 г/сут.

Физиологическая потребность в жирах - от 70 до 154 г/сут.

Физиологическая потребность в усвояемых углеводах составляет 50-60% от энергетической суточной потребности (от 257 до 586 г/сут).

Соотношение реальность и научно-обоснованных рекомендаций таково. Общая энергетическая ценность (калорийность) среднесуточного рациона питания у мужчин согласно респонду 2016 составляла в 2013 г. - ккал 2979,8[7], Белок 102,7; Жиры 132,7; Углеводы 346,0.

Таким образом, потребление жиров, белков и углеводов мужчинами РФ вписывалось в разработанные учеными интервалы. По показателям потребляемых за сутки калорий можно сделать вывод, что все мужчины страны ведут активный образ жизни. Даже мужчины старше трудоспособного возраста немногим уступают трудоспособным 2644,5 ккал. против 3057,7 ккал. и с уверенностью попадают в «умеренно активные». Для справки, мужчины городов потребляют меньше калорий, чем сельчане: 2962,3 ккал. 3030,7 ккал.

Частота потребления основных продуктов подтверждает, что в СПб по сравнению с Москвой потребляется чуть больше ккал. Так петербуржцы больше едят хлеба, овощей, фруктов, мяса, рыбы. Исключение составляют молоко и кисломолочные продукты.

Теперь о состоянии здоровья и следованию принципам здорового питания. В Москве продолжительность жизни выше, чем в среднем по России. В городах-миллионниках, живут дольше, чем в сельской местности. На продолжительность жизни, безусловно, влияет множество факторов, питание среди прочего также. Но продолжительность жизни чаще другого зависит от состояния здоровья, поэтому интерес представляет анализ того, как соотносится наличие заболеваний и питание мужчин. Итак, состояние здоровья петербуржцев связанных с питанием наиболее приближено к общероссийскому.

Серьезное исключение составляет, пожалуй, только высокий по сравнению с общероссийским уровень холестерина, на 27,5%. Как ни странно, но лидером по наименьшему наличию заболеваний, связанных с питанием, в нашем случае оказалась Лен. Область. Удивительно, поскольку изначально предполагалось, что в крупных городах инфраструктура медицинских услуг (включая оздоровительные и профилактические организации) выше. Тем не менее, наилучшие результаты демонстрируют как раз областные поселения.

Знают ли мужчины о том, что неправильное питание может влиять на состояние здоровья, и как уровень образования помогает им в решении этих проблем? Оказывается, что да: более высокий уровень образования способствует сокращению заболеваемости, обусловленной питанием. Те, кто имеет высшее образование из-за неправильного питания болеют реже. У тех же из них, кто все же обременен пищевым недугом, последний проявляет себя чаще одним заболеванием. Вывод банальный, но, как нам кажется, справедливый: в знании не только сила, но и здоровье.

Поэтому жителями Санкт-Петербурга удается, используя свой образовательный потенциал, координировать (корректируют) зависимость своего здоровья от потребления продуктов питания.

Итак, если отталкиваться от норм, т.е. усредненного потребителя, то можно вырабатывать стратегию здорового питания и здорового образа жизни поголовно для всех мужчин, на что во общем-то тратит деньги минздрав. Но если рассматривать каждого человека в отдельности, особенности его организма, особенные предпочтения в еде, вкусовые предпочтения, а также характер, жизненные ценности, культуру и проч., то все, наверное, выглядит не так критично. Бессмысленны и крайне недостоверны выводы, которые можно сделать, руководствуясь лишь формализованными расчетами, например, минздрава, которое считает людей в обществе «по головам» и не имеет алгоритмов учета разнообразных состояний человеческого организма. К слову, профессор Каролинского института в Стокгольме Свен Петтерссон, экспериментально

доказал, что бактерии, живущие на и в человеке, формируют его характер, управляют его эмоциями [8] и даже определяют рацион питания [9]. Поэтому, все же, более правильно, по крайней мере мужчинам, прислушиваться к своему организму, нежели к рекомендациям минздрава РФ.

И еще, потребление еды – это ритуал, в котором удовлетворяются не только физиологические, но и духовные потребности, обусловленные вкусом и эстетическим удовлетворением. Еда может как испортить настроение, так и сделать его лучше, придав содержательность и радость текущему моменту жизни.

1. <https://www.rosminzdrav.ru/news/2016/08/26/3128-prikazom-minzdrava-rossii-uzverzhdeny-rekomendatsii-po-ratsionalnym-normam-potrebleniya-pischevyh-produktov>
2. https://www.hse.ru/data/2014/08/19/1314648100/Vestnik%20RLMS-HSE_2014.pdf С. 133, 135.
3. http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/627571804eaa60daa971fb0d534aab22/%D0%A0%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD+%D0%9F%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F_40_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf С.20-27.
4. http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/627571804eaa60daa971fb0d534aab22/%D0%A0%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD+%D0%9F%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F_40_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf С.20-27.
5. МР 2.3.1.2432-08 Нормы физиологических потребностей в энергии и пищевых веществах для различных групп населения Российской Федерации. <http://docs.cntd.ru/document/1200076084>
6. <http://www.worldsoffood.de/diaet-und-abnehmen/item/2492-so-viele-kalorien-braucht-man-am-tag.html>
7. <https://www.tk.de/tk/ernaehrung/uebergewicht-und-diaet/wie-viele-kalorien-brauchen-wir/37408>
8. Рацион питания населения. 2013: Статистический сборник/Росстат-М.: ИИЦ «Статистика России», 2016. С.30.
9. <http://m.dw.com/ru/%D0%B1%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B8-%D0%B2%D0%BB%D0%B8%D1%8F%D1%8E%D1%82-%D0%BD%D0%B0-%D0%BF%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D1%87%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%BA%D0%B0-%D1%81%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%8E%D1%82-%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D1%8B%D0%B5/a-16035503>
10. <https://naked-science.ru/article/sci/bacteria-manipulates-minds>

РОЛЬ МУЗЫКИ В ПРАКТИКАХ ПИТАНИЯ.

Карпетян С.-А.Р. (Санкт-Петербург)

Аннотация: В данной работе была поднята проблема роли музыкальных произведений в повседневных практиках питания, в контексте социального потребления. Было рассмотрено влияние музыки на потребление еды в организациях общепита в России. На основании анализа был сделан вывод о том, что музыка является частью практик питания и оказывает значительное давление на них.

В самом общем смысле потребление – процесс удовлетворения потребностей. В этом значении потребление присуще всем обществам, всем индивидам, вне зависимости от этапа исторического развития общества или же стадии формирования личности. В узком же значении, в потреблении как социокультурном феномене запечатлевается синтез социальных отношений, культуры, духовных и материальных взаимодействий, моральных норм и мировоззренческих взглядов.

Относительно социологии, здесь сложились по крайней мере две традиции исследования практик потребления, которые во многих аспектах схожи, но по-разному расставляют методологические акценты. Так, социология потребления изучает место вещей и различного рода благ в системе социальных отношений, а социология материальной культуры занимается изучением культурной биографии вещей, то есть повседневных практик обращения с вещами.

Надо сказать, что западная экономическая социология сравнительно недавно обратилась к анализу потребления как социальной практики, примерно в 60-е годы прошлого столетия. А что

касается России, то в связи с социально-экономическими преобразованиями в 1990-е гг., данная тема приобрела особую популярность только в последнее десятилетие.

При этом тематика российских исследований многообразна. В частности, наши ученые анализируют феномен модного поведения, проблему многообразия стилей потребления (Терин В.П.[1]), связь доходов, уровня образования, профессии и потребления (Радаев В.В.[2], Рощина Я.М.[3]) и многое другое.

Социология же питания занимается исследованием общественных отношений в процессе производства, распределения, обмена и потребления продуктов питания. Однако ее неправильно и нельзя ограничивать только приемом и, соответственно потреблением пищи. Потребление еды никак нельзя рассматривать без контекста сопутствующих действий, будь то процесс приготовления, подачи культурных блюд, застольного этикета, ритуалов потребления пищи, тостов, бесед за трапезой и т.д., то есть обмена и получения информации. Сюда можно включить и обыденные для нашего общества просмотр телепередач за ужином, слушанием радионовостей или вовсе музыки. А между этими действиями, обычно, стоит обмен или распределение, так что в фокусе внимания социологии питания — целая цепочка общественных отношений.

Данный факт позволяет установить и проанализировать связи гастрономического и музыкального потребления. Как соотносятся музыка и еда, как прослушивание композиций влияет на усвоение пищи, настроение потребителей, почему все заведения общественного питания включают в своих салонах музыку? Именно эти вопросы нуждаются в освещении и объяснении.

Знаменитый российский социолог, специалист в области социологии питания Ю.В. Веселов в своей работе «Современная социальная система питания», рассмотрел ряд моментов, связанных не только с питанием, но и с музыкой. Он пишет, что, например, в древности в Афинах еда вне дома рассматривалась как вынужденная мера, но также ученый замечает, что вне дома было всегда веселее, с едой связывались и другие удовольствия, песни и танцы, вместе с едой всегда рядом были ночлег, девушки и отдых, а для нас главное- музыка. [4]

Ни для кого не секрет, что музыка влияет на прием пищи. В его восприятии заложена зависимость человека от звуков, связанная с частотой сердечного ритма. Биорезонанс как раз изучает данные явления. Специалисты в этой области считают, что, воздействуя на организм звуковыми спектрами разной длины, мы вызываем этим эмоциональные сдвиги в ту или иную сторону. Они неофициально называются «струны души».

Любое проявление звука действует на энергетику человека, его мысли, поведение. Так недосоленные блюда лучше пойдут под спокойную музыку, чем под активную, по крайней мере, так говорят диетологи и психоэндокринологи, помогающие полным людям сбросить вес. Также исследования специалистов показывают, что для лучшего усвоения мяса темп и частота тактов должны возрастать. [5].

Многочисленными были проведены ряд интервью с администраторами разных ресторанов центрального района Санкт-Петербурга. Оказывается, что влияние музыки на организм, гастрономические заведения используют в алчных целях. Так на банкетах вначале звучит музыка более высоких частот (более 90 ударов в минуту), так как она возбуждает определенные железы и заставляет человека съесть больше, и, как следствие, больше заплатить. К тому времени когда подают десерт, музыка становится спокойнее и мягче. В заведениях общественного питания играет музыка со средним ритмом от 60 до 80 ударов в минуту- это частота биения сердца в состоянии покоя.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод: музыка и питание являются неотъемлемой частью нашей повседневности. Звуковые волны влияют на наш аппетит, сытость и даже гастрономические предпочтения. Это с удовольствием используют не только рестораны, но и простые обыватели, которые за сытным ужином не прочь послушать музыку.

1. Терин В.П. Общество потребления / В.П. Терин // Современная западная социология. - М.: Издательство политической литературы, 1990. - С. 242-243.
2. Радаев В. В. Насколько широки ценовые диапазоны: результаты ценового мониторинга // В кн.: Влияние трансграничной торговли на розничные рынки России / Отв. ред.: В. В. Радаев. Вып. 14. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. С. 40-113.; Радаев В. В., Котельникова З. В. Изменение структуры потребления алкоголя в контексте государственной алкогольной политики в России // Экономическая политика. 2016. № 5. С. 92-117.; Радаев В. В. Рынок как цепь обменов между организационными полями // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 3. С. 13-36.
3. Рощина Я.М., Мартыненко П.А. Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 1. С. 20-42.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ КУЛИНАРНЫХ ТРАДИЦИЙ ДРУГИХ СТРАН КАК ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПАНСИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АНАЛИЗА РЫНКА КУЛИНАРНЫХ КНИГ В РОССИИ)

Курская В.А. (Москва)

Любители кулинарии, интересующиеся национальной кухней других стран и желающие приобщиться к их кулинарным традициям, в любом случае сталкиваются с необходимостью найти источник информации как об организации питания в интересующей их стране (количество приемов пищи в течение дня, количество блюд), так и конкретные рецепты. Несмотря на то, что в последнее время в Интернете можно найти почти любую информацию по этим темам, все же степень информационной освещенности кулинарных традиций неодинакова в зависимости от того, о какой стране идет речь. Нельзя не учитывать и тот факт, что заставить покупателя заинтересоваться кулинарными традициями той или иной страны может и реклама в книжных магазинах и на сайтах интернет-магазинов, то есть у покупателя может возникнуть вначале интерес к конкретному изданию, а уже потом — к национальной кухне, которой оно посвящено.

Целью нашего исследования является попытка определить, для экспансии какой из существующих кулинарных традиций других стран в России созданы наиболее благоприятные условия. Задачей нашего исследования является изучение современного рынка кулинарных книг, причем мы сузили наше исследование до книг, посвященных кулинарным традициям стран Европы, а также бывших республик СССР, находящихся в Европе, а именно Украины, Белоруссии, Молдовы и стран Прибалтики.

В рамках нашего исследования были проанализированы сайты крупнейших интернет-магазинов, основным товаром в которых являются книги, — это ozon.ru, my-shop.ru и labirint.ru. Мы учитывали кулинарные книги, изданные начиная с 2000 года. Выбор такого временного рубежа отчасти субъективен, отчасти мы ориентировались на свои несистематизированные (сугубо бытовые) наблюдения, согласно которым при отсутствии в указанных интернет-магазинах книг, изданных с 2000 года, их относительно нетрудно либо приобрести на букинистическом рынке, либо найти в Интернете в электронном виде их сканы. Были учтены как «бумажные» книги, изданные типографским способом, так и электронные издания. По структуре и смысловому наполнению кулинарные издания также различны: учтены как книги, описывающие кулинарную традицию той или иной страны в целом, таких как книга «Итальянская кухня: 100 лучших рецептов» (Х. Уолден, издательство «ФАИР», 2008 год), так и издания, ограничивающие свой предмет каким-либо одним типом блюд, например «Французские десерты» (Н. Ильиных, издательство «Урал ЛТД. Аркаим», 2015 год) или «Большая книга итальянской пасты». Издания, в которых описывались кулинарные традиции нескольких стран, такие как «Польша и Чехия. 75 лучших рецептов» (С. Ковальский, издательство АСТ-Пресс, 2013 год), мы учитывали дважды, так как для целей нашего исследования важно увидеть не общее количество доступных отечественному покупателю кулинарных книг, но количество книг, которые могут быть источником сведений о национальной кухне определенной страны или региона. Таким образом, книга «Польша и Чехия. 75 лучших рецептов» была учтена в категориях «Чехия» и «Польша». В статистику попали также кулинарные путеводители, в которых помимо информации о собственно еде даются сведения о географии и языке изучаемой страны. В качестве примера можно привести серию кулинарных путеводителей московского издательства «Живой язык».

Результаты анализа представляем в виде следующего списка:

- 1) Франция — 40 книг;
- 2) Италия — 35;
- 3) Россия — 33;
- 4) Украина — 28;
- 5) СССР — 11;
- 6) Германия — 10;
- 7) Греция — 10;

- 8) Испания — 10;
- 9) Белоруссия — 6;
- 10) Молдавия — 6;
- 11) Средиземноморье — 6;
- 12) Великобритания — 3;
- 13) Венгрия — 3;
- 14) Швейцария — 3;
- 15) Австрия — 2;
- 16) Прибалтика — 2;
- 17) Чехия — 2;
- 18) Польша — 1;
- 19) Сербия — 1;
- 20) Скандинавия — 1;
- 21) Хорватия — 1.

Как видно из приведенной статистики, шире всего на отечественном книжном рынке представлены издания, посвященные кулинарной традиции Франции, затем Италии. Обе эти страны известны как своего рода кулинарные империи. На третьем месте находится русская национальная кухня, что отражает серьезный интерес нашего потребителя к пище наших предков. Из кулинарных традиций республик бывшего СССР наиболее популярна украинская кухня, причем в России есть и сеть украинских харчевен «Тарас Бульба». Нельзя не отметить, что существенно меньше (6 против 28) изданий, посвященных кухне соседней с Украиной Белоруссии, причем в этих странах много одинаковых блюд, например украинские деруны и белорусские драники (блины из сырого тертого картофеля). Кулинарная традиция, сформированная в СССР, в том числе и представленная рецептами по ГОСТу, также вызывает живой интерес у отечественного потребителя, поскольку для значительного числа современных читателей блюда, приготовленные по ГОСТу, связаны с личными воспоминаниями о детстве и юности.

Сравнительно мало интереса вызывает кухня Польши, причем в советское время кулинарных книг, переведенных с польского, издавалось больше. Причины тому могут быть разные, но в целом можно отметить, что в настоящее время не наблюдается такого массового интереса к культуре Польши (художественной литературе, кинематографу), какой был в советские времена. Курсы польского языка не пользуются популярностью по сравнению с теми же курсами французского и итальянского, значение Польши как туристического региона для наших соотечественников также невелико в сравнении, например, с Италией и Испанией. Наиболее слабый интерес вызывают кулинарные традиции Балкан и Скандинавии, причем если были изданы отдельные книги, посвященные кулинарии Сербии («Сербская кухня шаг за шагом» серии «Кулинарные шедевры мира» издательства «Медиа Инфо Групп», 2013 год) и Хорватии («Хорватия. Кулинарный путеводитель» издательства «Живой язык», 2003 год), то отдельных изданий, посвященных кулинарии Швеции или Норвегии, на отечественном книжном рынке не представлены.

Отдельно скажем о кухне Великобритании. Кулинарная традиция этой страны освещена лишь в трех изданиях [1, 2, 3], но примечательна аннотация, приведенная в выпуске «Британская кухня» серии «Кухни народов мира»: «Думали: вряд ли кого-то заинтересует кухня, отношение к которой выражается легендарной фразой «овсянка, сэ»». Но все чаще стали получать от читателей вопросы: позвольте, а почему в серии «Кухни народов мира» нет британской кухни? Наш ответ — дополнительный, внеплановый 31 том...»[1]. Нельзя не учитывать также и факт, что наиболее распространенным и самым популярным языком для изучения является английский. В России к культуре (не только кулинарной) англоязычных стран, в частности Великобритании, наблюдается повышенный интерес. Таким образом, реальный интерес отечественных кулинаров-любителей к кухне Великобритании может быть недооценен книжными издательствами, доказательство чему — случай с внеплановым томом серии «Кухни народов мира».

Нельзя не отметить, что издатели кулинарных книг в каком-то смысле являются агентами культурного влияния других стран, поскольку от них в значительной мере зависит, кулинарными книгами какой из национальных традиций будет насыщен книжный рынок, а какие из национальных кухонь будут представлены единичными изданиями или вовсе не будут представлены на нашем книжном рынке. В то же время это влияние можно охарактеризовать как взаимонаправленное, поскольку издатели стараются издавать прежде всего книги, которые с

большой долей вероятности найдут существенный спрос. Может формироваться (и нередко действительно формируется) порочный круг, поскольку издатели зачастую консервативны и склонны следовать проверенным решениям в выборе тем при формировании издательского портфеля. Таким образом, ситуация на книжном рынке может не совсем точно отражать интерес кулинаров-любителей к пищевым традициям других стран.

1. *Британская кухня. Том 31 [Текст] / А. Баграмян — М.: Директ-медиа, 2011. — 72 с.*
2. *Митрофанова Н. Великобритания и Ирландия. Кулинарный путеводитель [Текст] / Н. Митрофанова — М.: Живой язык, 2006. — 224 с.*
3. *Эггтон Дж. Англия, Англия. Гастрономическое путешествие [Текст] / Дж. Эггтон — М.: Твоя Книга, 2014. - 200 с.*

ФАСТФУД - УДОБСТВО ИЛИ ВРЕД?

Ларионова И.В., Антонова В.П. (Казань)

В настоящее время темп нашей жизни слишком быстрый, но по-прежнему организм требует энергии, которую мы получаем в виде пищи. С этой целью была изобретена система фастфуда.

Фастфуд (англ. fast «быстрый» и food «пища») — питание с уменьшенным временем употребления и приготовления пищи, с упрощёнными или упразднёнными столовыми приборами или вне стола. Для общественного быстрого питания предназначены закусочные или "забегаловки". [1] Россия по потреблению фастфуда стоит на последнем месте в рейтинге стран, где развиты система быстрого питания. Однако в течение десятилетия индустрия быстрого питания в РФ стремительно растет. Рынок быстрого питания занимает около 15 % от рынка общественного питания в целом. В нашей стране регулярно посещает предприятия быстрого питания треть населения (30-35 %), а это - 43 млн. жителей страны.[2]

Традиционные блюда системы фастфуда: гамбургеры, сэндвичи, картошку фри и пиццу. Это тяжелая для переваривания пища, которая вредна для организма. Также, для приготовления этих блюд используются полуфабрикаты, которые могут содержать различные вредные пищевые добавки. Ресторанами быстрого питания пользуются индивиды самых разных возрастных и социальных категорий. Питание фастфудом вызывает зависимость, ожирение, авитаминоз и риск развития других заболеваний.

В фастфуде содержатся трансизомеры жирных кислот. Их содержание различно в зависимости от продукта. В стандартном чизбургере, по данным USDA, всего лишь 0,7 % трансжиров. Однако в пирожках, «мороженом» их доля может достигать 35 %. Это обусловлено тем, что многие из них готовятся с использованием гидрогенизированных жиров (маргаринов). Они нарушают иммунитет человека, увеличивают риск развития диабета, онкологических заболеваний, снижают количество тестостерона, нарушают обмен простагландинов (регулирующих множество процессов в организме и находящихся практически во всех тканях и органах), нарушают работу цитохром с-оксидазы — главного фермента, обезвреживающего канцерогенные и некоторые лекарственные токсины. Из-за низкой питательной ценности фастфуда у человека, регулярно питающегося им, развивается авитаминоз. Даже несмотря на увеличение массы тела, человеку не будет хватать полезных веществ. По результатам 14-летних наблюдений английских учёных, опубликованных в «British Medical Journal» (№ 11, 1998), смертность от ишемической болезни сердца и число инфарктов миокарда среди любителей продуктов, содержащих трансизомеры жирных кислот, намного выше, а рак молочной железы встречается на 40 % чаще. [3]

Фастфуд может вызывать зависимость, как алкоголь или никотин. Высокое содержание жиров и сахара приводит к привыканию организма. Еда из натуральных ингредиентов уже не приносит удовлетворения, и человек не может отказаться от гамбургеров, даже понимая, какой вред они наносят организму. Для некоторых людей питание в сетях быстрого питания становится ежедневным занятием.

Таким образом, именно в таком формате фастфуд несет много вреда для людей. Однако, быстрое питание может быть удобным и полезным. Понятие «фастфуд» можно понимать и так: еда, быстрая в приготовлении. Действительно, самая полезная еда готовится за короткий срок: минимум термической обработки приводит к максимуму полезных ингредиентов. Главный секрет

полезности быстрого питания - это максимум овощей и зелени, минимум красного мяса. Также не возбраняются рыба, хлеб грубого помола (без дрожжей), оливковое масло и натуральные соусы с пряностями.

В современном мире всё чаще появляются магазины готовой еды. Их ассортимент чаще всего состоит из треугольных сэндвичей, французских багетов с овощами и рыбой и всевозможных салатов. Особое блюдо, которое пользуется спросом в таких заведениях, похоже на салат, завернутый в тонкую лепёшку. В России также есть формат салат-бара, где гости имеют возможность приготовить на свой вкус салат из разных ингредиентов.

Грамотное меню состоит из фруктов, овощей, молочных и кисломолочных продуктов, мяса, рыбы. Все должно быть натуральным, содержать необходимые микроэлементы, протеины, углеводы, в умеренном количестве — жиры. Важно отсутствие вкусовых и химических добавок. Многие думают, что есть сэндвичи вредно, но свежее испеченный хлеб и только что приготовленная курица вполне соответствуют критериям полезного фастфуда. Так же как и маффин с черникой, если он делается из муки, яиц, молока, сахара, ягод и сливочного масла. [4]

Таким образом, фастфуд — это удобное изобретение для людей, живущих в быстром ритме жизни. Для того чтобы он сочетал в себе ещё и полезные качества, которые не вредят организму, необходимо использовать новый формат быстрого питания, основанный на свежих продуктах с минимальной затратой времени на приготовление блюда. Пока ниша фастфуда, в большей своей степени, занята закусочными, которые используют полуфабрикаты в своих блюдах. Но усиливается тенденция распространения нового формата магазинов готовой еды, который потребители высоко оценивают за его полезность и минимальную затрату времени.

Использованная литература:

1. Wikipedia — Быстрое питание. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D1%8B%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B5_%D0%BF%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5. Html (дата обращения: 06.10.2017)
2. Симакова И. В. Научные и прикладные аспекты обеспечения безопасности продукции быстрого питания: дисс. на соис. уч. степени 0-ра технич. наук. Саратов. гос. аграр. университет, Саратов, 2015. URL : http://oreluniver.ru/public/file/defence/Simakova_Inna_Vladimirovna_19.06.2015.pdf. html (дата обращения: 06.10.2017)
3. Жвитаишвили Ю. Б. Как происходит пищеварение // Рак и питание. ЭЛБИ — СПб, 2010. С. 124-125. — 368 с.
4. Ресторанные ведомости// «Здоровый» фастфуд — миф или реальность? URL: <http://www.profastfood.ru/actual/detail/zdorovyy-fastfud-mif-ili-realnost/> . html (дата обращения: 06.10.2017)

ПИТАНИЕ РОССИЙСКИХ ЖЕНЩИН И НЕ ТОЛЬКО: ЛИКБЕЗ ПРОДОЛЖАЕТСЯ?

Лебединцева Л.А. (Санкт-Петербург)

Развитие многообещающей и высокотехнологичной системы здравоохранения шагает в ногу с повсеместным процессом ухудшения здоровья населения. Сегодня многие разочаровались в классической медицине: пустые кабинеты врачей, неудовлетворительные результаты лечения, резкое увеличение расходов и т.д. Что же такое «правильное», или хотя бы «здоровое» питание в глазах российских женщин? Ни для кого не секрет, что на сегодняшний день нет единого, разделяемого всеми, взгляда на то, что такое здоровое и правильное питание. Как питаться так, чтобы с течением времени наше здоровье не ухудшалось, чтобы мы были работоспособными до глубокой старости и чувствовали свою причастность ко всем радостям жизни? Этот вопрос мучает многих, если не всех, но вот ответ, а тем более реализации в своей жизни, мало кому удается. Причины этого явления кроются глубоко в нашем мировоззрении, и питание современного человека — это лишь результирующая такого подхода. Как верхушка айсберга — то, что можно наблюдать постороннему человеку. Если перефразировать известное выражение в бессмертном произведении Алексея Феофилактовича Писемского «Фанфарон», то получится: скажи мне что (как, когда и т.д.) ты ешь, и я скажу тебе кто ты.

Если попытаться простыми словами ответить на поставленный вопрос, то можно сказать, что это должна быть еда, которая обеспечивает в достаточном количестве наш организм всеми необходимыми для его жизнедеятельности веществами и не вредит ему. Другими словами, необходимо обеспечить сбалансированное поступление в организм с пищей всех необходимых

ему веществ. Вот только никто не знает как это должно выглядеть в реальности. Здесь нельзя не вспомнить о вечном споре мясоедов и вегетарианцев, о веганах, потребляющих только сырые овощи и фрукты, или даже о такой категории как праническое питание как крайней формы ограничения пищи. Пранаисты не потребляют ни белки, ни углеводы, ни минералы и при этом здравствуют и радуются жизни... Между двумя крайними группами целая пропасть, где же тогда «золотая середина» и существует ли она вообще?

В журнале "The Lancet Global health journal" опубликованы результаты исследования, которое проводилось в 197 странах, ученые опрашивали 4,5 миллиарда человек и изучали, что едят и как накрывают на стол в разных уголках Земли. Выяснилось, что самые здоровые нации, такие как население США и Канады, Западной Европы и Новой Зеландии, не могут похвастаться хорошим рационом своих жителей. А все потому, что нездоровая пища слишком популярна в этих странах. Многие ученые диетологи твердят, что «хуже питаются те люди, у которых доходы ниже, так что очень важно поднять уровень здорового питания именно среди бедных слоев населения» [1]. По данным упомянутого исследования первая десятка стран с самым правильным рационом питания, включающим 17 самых важных продуктов, выглядит следующим образом (от 1 к 10 месту): Чад, Сьерра-Леоне, Мали, Гамбия, Уганда, Гана, Кот-д'Ивуар, Сенегал, Израиль, Сомали.

Всем известно, что основные общие диетические рекомендации касаются таких правил как поменьше соли и сахара в приготавливаемой пище, поменьше жирной пищи, прежде всего мясной, побольше овощей и фруктов. Если теперь мы посмотрим, что на счет правильного и здорового питания думают российские женщины, то увидим следующую картину. Никогда не подсаливают пищу, которую едят около четверти российских женщин (25%). При этом около трети подсаливают ее иногда. Сахар - весьма популярный продукт в России – постоянно потребляют 78% женщин.

Радует, что более трети россиянок почти всегда предпочитают нежирную мясную пищу (или рыбу, или птицу вместо мяса) (36,7 %) и почти столько же едят на десерт фрукты вместо высококалорийных кондитерских изделий (31,1%). И, в итоге, 64,2% почти всегда следуют по крайней мере одному из перечисленных диетологических ограничений [2].

Откуда российские женщины получают информацию о том, что они должны есть, чтобы быть красивыми, умными и здоровыми? В качестве источников получения информации о здоровом питании у женщин выступают: СМИ (газеты, журналы) – 47%, специальные выпуски теле- и радиопередач, на специальных интернет-сайтах – 58,5%, от родственников, знакомых – 25,5%. И только 11,6% в качестве источника отметили лечащего врача, специальные занятия, лекции, уроки, в центре здоровья [2].

Практически все женщины признают, что важно следовать основным принципам здорового питания: процент растет от 84,5% в возрасте 16-29 лет до 88,6% среди респондентов старше трудоспособного возраста. Процент согласных с утверждением, что потребление разнообразных видов еды каждый день дает все витамины и минералы, которые необходимы человеку, хоть и незначительно, но убывает: от 80,7% в возрасте 16-29 лет к – 78,9% у респондентов старше трудоспособного возраста [2].

Согласны с тем, что выбор правильно рациона питания зависит от знания, какие виды еды полезны, а какие нет почти 90% российских женщин. Но при этом подавляющее большинство (более 80%) считают, что существует так много рекомендаций, касающихся здорового питания, что трудно понять, во что верить. Это означает, по сути, что у российских женщин нет сформировавшегося представления о том, что такое правильное питание, в чем заключаются его базовые принципы. Так, например, совершенно мифическое утверждение о том, что «Некоторые люди рождены быть толстыми, а некоторые худыми. И человек мало что может сделать, чтобы на это повлиять» поддерживает около трети россиянок!

Учитывая вышесказанное, весьма комично выглядит согласие респондентов с утверждением, что «продукты, которые я сейчас ем и пью, являются здоровыми, и нет необходимости менять рацион»: 16-29 лет – 59,8%; в трудоспособном возрасте – 59,9%; старше трудоспособного возраста – 68,2%. Как минимум, люди склонны оправдывать себя и уходить от проблем, по крайней мере, от их осознания.

В заключение можно добавить, что большинство теорий и диет, как и добрые советы науки о правильном питании, исходят из предположения, что отдельные составляющие того или иного продукта (отдельного вещества или микроэлемента) благотворно воздействуют на те или иные функции организма. Правильность этого предположения неоспорима, но сумма воздействия отдельных компонентов не дает представления об общем воздействии. Для того, чтобы иметь

основание для оценки такого общего влияния и прийти к его сбалансированности необходимо, на наш взгляд, прежде всего ответить на вопрос что такое человек, в каких измерениях мы его мыслим, оцениваем и т.д. Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ №17-03-00631, и гранта РГНФ № 17-03-00862.

1. Герасименко А. 10 стран, в которых питаются правильно // Комсомольская правда. 26 февраля 2016 г./ Режим доступа: <https://www.spb.kp.ru/daily/26344/3227597/> (Дата обращения: 8.10.2017.)

2. Рацион питания населения. 2013: Статистический сборник/ Росстат-М.: ИИЦ «Статистика России», 2016.

ТЕНДЕНЦИИ ПИТАНИЯ В РОССИИ СЕГОДНЯ: ФАСТФУД.

Лукияничкова Д.С., Нишнианидзе О.О. (Курск)

Аннотация: В настоящей статье описаны современные тенденции питания в России, их классификация и особенности. Так же в ней приведены лидирующие представители ресторанов фастфуда, их показатели известности и посещаемости.

На сегодняшний день сети быстрого питания «фастфуд» имеют огромную популярность среди жителей России. Для начала, стоит выяснить, что подразумевает под собой термин «фастфуд». Итак, фастфуд (англ. fast food, — быстрое питание) — класс блюд быстрого приготовления, обычно предлагаемых специализированными заведениями. Среди всех отраслей общепита, фастфуд — единственный растущий сегмент рынка, и по совместительству самый крупный (40 %). Для выявления современных тенденций питания в России необходимо окунуться в историю их зарождения.

На смену советского общепита в России пришел фастфуд, главными задачами которого являются разнообразие меню и доступность цен. Первым заведением данного типа стала всемирно известная сеть «Макдоналдс», открывшаяся 31 января 1990 года в Москве. Постепенно, стало происходить открытие и других сетей быстрого питания (KFC, Burger King, Крошка-картошка, Subway и др.) [1]. На сегодняшний день сети быстрого питания имеют огромный рейтинг по распространению и посещению: при выборе фаст-фуд ресторана 53,9% россиян отдают предпочтение McDonald's, что подтверждает высокий уровень лояльности посетителей американской бургерной сети.

Лидеру фастфуда не уступают свою популярность и другие сети «быстрой еды»: KFC, Subway и Burger King. За последний год они сделали существенный скачок в развитии и увеличении своих ресторанов. KFC открыл 37, Subway 147 и Burger King 83 новых ресторанов в стране. Однако довольно высокие показатели открытия демонстрирует и McDonald's — за аналогичный период в стране открылось 85 новых заведений лидирующего бренда. Высокая динамика развития McDonald's и усиление популярности бренда способствуют сохранению отрыва между ним и его ближайшими конкурентами по показателям известности данной сети. Так, если в ресторанах McDonald's хотя бы раз за полгода перекусывали 78% россиян, то аналогичные показатели по сетям KFC, Subway и Burger King составили, соответственно, 47, 37 и 34% [5].

В рейтинге наиболее посещаемых ресторанов быстрого питания данный отрыв тоже выглядит довольно внушительным. Так, повторимся, в McDonald's обычно перекусывают 53,9% посетителей фастфуд ресторанов. В ресторанах-конкурентах сети аналогичный показатель существенно ниже — KFC, Subway и Burger King обычно посещают соответственно 24,4, 13,5 и 12,9% любителей фаст-фуда [5]. Пытаются не отставать и конкуренты — «Крошка Картошка» и Sbarro, аналогичный показатель которых находится на уровне, соответственно, 9,6% и 6,3%.

По мимо сетевых кафе и ресторанов, большую популярность имеют различные пирожковые, блинные, пиццерии, а так же точки быстрого питания (шаурма, куры гриль, роллы и т.д.). Помимо перечисленного, большую востребованность имеют так называемые «Кофе на вынос». Данное направление породило новые форматы — мобильные кофейни, палатки в парках и на улице, кофейные корнеры в деловых и торговых центрах. Более того, кофе на вынос стало определенным трендом, в особенности, среди молодежи и офисных работников. Подобное распространение сформировало прочную привычку и потребность в данном виде фастфуда [4].

Необходимо отметить, что сервис заведений фастфуда не стоит на месте, и уже несколько лет большой популярностью среди россиян пользуется доставка еды на дом. А в последнее время еду можно заказывать с помощью мобильных приложений на телефоне. Именно это еще больше повысило рейтинги фастфуда.

Если говорить об экономической цели рынка услуг общественного питания, то она состоит в обеспечении эффективного использования потребительских ресурсов для удовлетворения потребностей общества. Реализация этой цели происходит с помощью изучения потребностей общества в услугах и представление их многообразия на рынке [3].

Исходя из этого, можно отметить, что производство услуг общественного питания исходит из реально изменяющихся рыночных условий и потребностей населения. В сфере предоставления услуг общественного питания все участники рынка оказываются в приблизительно одинаковых условиях, что соотносит на уровне ценового регулирования производства услуг питания с реально изменяющимися потребностями. Для осуществления и поддержания эффективной деятельности общественного питания необходимо обеспечить бесперебойное снабжение предприятий необходимыми товарами и сырьем. В этих целях предприятия общественного питания устанавливают хозяйственные связи с поставщиками сырья и его производителями.

Если говорить о тенденциях развития общественного питания, необходимо отметить, что на данный момент происходит кардинальная перестройка общественного питания – заканчивается эпоха развития ресторанного бизнеса на импортных продуктах, которая длилась более двадцати лет. Переход на отечественное сырье после введения продовольственного эмбарго неизбежно повлек за собой смену вкусов и технологий приготовления еды. В связи с этим обозначились следующие современные тенденции развития общественного питания:

- открывается больше демократичных заведений с простым интерьером и сервисом, но с качественной вкусной едой по низким ценам.

- заведения становятся проще, «народнее», понятнее потребителю.

- появление множества предприятий с моноконцепцией, то есть с построением меню на одном продукте. На первый взгляд может показаться, что моноконцепция – это своего рода очередная модная гастрономическая тенденция, однако она имеет серьезный экономический смысл, поскольку позволяет сократить издержки за счет закупки одного продукта в больших объемах, работы с одним поставщиком, сокращения затрат на составление меню и т.д.

- реинкарнация русской кухни. На сегодняшний день существует много разных интерпретаций русской кухни: классическая, старая, современная, боярская. Появление мест такого типа – результат сокращения расстояния между местом произрастания сырья и местом его использования [2].

Что же касается самого фастфуда как места общественного питания, в нем наблюдается несколько негласных правил:

- демократичность ценовой политики заведений;

- минимальный акцент на интерьере;

- максимально быстрое обслуживание и подача еды;

- удобное расположение;

- наличие автомобильного обслуживания (пункт заказа и выдачи еды не выходя из автомобиля);

- возможность совершения «бесконтактного» заказа (через специальный терминал с оплатой пластиковой картой).

Таким образом, можно понять, что современные тенденции развития питания в России претерпевают большую трансформацию в сторону фастфуда. С каждым днем нарастает популярность различных кафе и ресторанов быстрого питания, заказов готовой еды на дом и работу, покупка готовых блюд и напитков в точках быстрого питания. Их распространение на территории нашей страны носит огромные масштабы. Все это в значительной мере облегчает жизнь современного человека, якобы давая ему возможность сэкономить время на приготовление пищи в домашних условиях, однако, нельзя не отметить и негативных сторон такой огромной популярности фастфуда: проблемы со здоровьем, и, в частности, с лишним весом, стали большой бедой современных людей именно благодаря «любви к быстрой еде». Поэтому необходимо следовать правилу самого Сократа «Есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть».

2. Ахмадеева О. А., Идрисова А. И. Тенденции развития рынка общественного питания в России // Молодой ученый. — 2016. — №8. — С. 483-486.
3. Берестов М.А. Современный рынок общественного питания в России // Современная Россия. — 2017. — с. 224-225.
4. Современное состояние и основные перспективы развития ресторанного бизнеса в России [Электронный ресурс]. — URL:<http://en.coolreferat.com>.
5. Федеральная служба государственной статистики. — режим доступа: <http://www.gks.ru/> (дата обращения 7.10.2017).

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В РОССИИ

Мицких Д.А. (Барнаул)

Среди предприятий общественного питания в России существуют такие типы как фудтраки («кафе на колесах»), фастфуд (предприятия быстрого обслуживания), рестораны и кафе столового типа (предприятия питания с линией раздачи для самообслуживания или зоной самостоятельного набора пищи и расчетной зоной), демократичные предприятия (рестораны, кафе, пиццерии, пивные рестораны), элитные рестораны премиум-класса, закрытые клубы [4, с.164].

Основной тенденцией в последнее время являются точки по продаже кофе на вынос на территориях торговых центров. Это связано с экономией, ведь открытие полноценной кофейни требует больше затрат: большая арендуемая площадь, мебель, персонал. К тому же в торговых центрах большой покупательский поток.

Большинство предприятий общественного питания, тем не менее, составляют кафе. В противовес этому стали появляться так называемые «антикафе». Эти предприятия представляют собой место, где создаются условия для спокойной работы или проведения досуга, общения, занятия играми за чашечкой кофе, при этом оплачивается только проведенное время. Посетителями таких заведений чаще всего являются студенты и работники творческих профессий, те, кому необходима смена обстановки. Стоит отметить, что в таких заведениях нет никакого установленного «дресс-кода» или «фейсконтроля» - это свободная зона для свободных людей [2]. В настоящее время мода на антикафе идет на спад.

В своей работе мы хотим уделить особое внимание новой тенденции, распространяющейся на западе и уже начинающей захватывать российский рынок, так называемые «вейп-бары». Данные заведения предназначены для курения электронных сигарет. Чаще всего такое кафе или бар включают в себя магазин, где можно купить девайс и сопутствующие товары. Основной категорией посетителей являются «вейперы», а также те, кто хочет узнать что-либо о курении электронных сигарет. Плюсом данного типа заведений является свободная зона для курильщиков.

Что касается концепций самих заведений, то необходимо отметить, что в связи с недавними санкциями, в России происходит кардинальная перестройка общественного питания – акцент делается не на импортные продукты, а на отечественное сырье. В результате чего обозначились следующие современные тенденции развития общественного питания:

Стало открываться больше демократичных заведений с простым интерьером и сервисом, но с добротной вкусной едой по низким ценам. Производители стараются делать предприятия «ближе к людям», возрастает популярность заведений народной кухни [3, с.33].

На сегодняшний день существует множество разновидностей русской кухни, таких как классическая, старая, современная, боярская. Появление предприятий данного типа - естественное развитие процесса перехода рынка на отечественные продукты. Во время кризиса основной задачей ресторана становится не большая прибыль, а удержание бизнеса.

От перехода на отечественные продукты сильнее всего пострадали рестораны европейской кухни (прежде всего итальянской), так как невозможно заниматься национальной кухней без соответствующих продуктов. Однако появилось много новых предприятий питания с кухнями восточных стран.

Заметным трендом в сфере ресторанного бизнеса стали предприятия с моноконцепцией, то есть с построением меню на одном продукте (в большей степени на каком-то виде мяса). Мода на данный вид предприятий связана и с экономической выгодой для предпринимателя (нет излишних затрат на «лишние» продукты), в то же время поварам не нужно обладать знаниями обо всем, это могут быть профессионалы в приготовлении конкретного продукта [1, с.152]. На сегодняшний

день состояние рынка общественного питания в России позволяет говорить о том, что его развитие идет активно в регионах, открывается больше баров, ресторанов, пиццерий, суши-баров, кофеен, это также подчеркивает улучшение благосостояния населения, ведь спрос рождает предложение. Тем не менее, стоит отметить, что в сравнении с другими странами, россияне тратят на питание в общественных местах незначительную часть своих доходов. Такое положение дел вынуждает рестораторов придумывать новые концепции своих заведений.

1. Алексеева Д. А. Состояние и тенденции развития общественного питания в России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 6. – С. 151–155. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/56066.htm>.
2. Брезе О.Э., Румянцева Е.Е. О тенденциях развития общественного питания // УЭКС. - 2015. - №4 (76). - С.37.
3. Калянина Л. Без дыма и капелек // Эксперт. – 2015. - № 7 - С.32-39.
4. Насретдинов И. Т. Современное состояние и тенденции развития рынка общественного питания в России // Ученые записки КГАВМ им. Н.Э. Баумана. – 2015. -№2 - С.162-166.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПИТАНИЯ: ЗАПРОСЫ МОЛОДЕЖИ

Никифорова О.А., Тимофеева А.В. (Санкт-Петербург)

Рынок предприятий общественного питания переполнен, однако заведения общественного питания либо ориентированы на высший сегмент, либо предоставляют схожие услуги лишь по удовлетворению потребности в еде. Потребители выбирают такие места исключительно по территориальному местоположению и цене, а не по каким-либо другим критериям.

В современном мире общественное питание является инструментом реализации удовлетворения базовой потребности в питании после домашнего хозяйства. Сегодня конкуренция на рынке общественного питания возросла достаточно сильно, и поэтому традиционные механизмы стимулирования спроса потребителей отходят на второй план. Кроме того, темпы жизни ускоряются и людям приходится решать несколько задач в одну единицу времени. Особое значение начинает играть социально-экономическое пространство заведений общественного питания. В связи с этим, что сейчас большинство людей выбирает место встречи не только для того чтобы поесть, а для того чтобы пообщаться и решить какие-то рабочие вопросы. Получается, что заведения общественного питания превращаются в некое пространство коммуникации, и уже посещение того или иного места будет зависеть не только от качества еды или меню, а от того, как организовано социальное пространство, и какие возможности для общения оно может предоставить. Именно поэтому изучение механизмов, с помощью которых формируется эта социально-экономическая среда, является очень актуальным для практиков и исследователей общественного питания. Социальное пространство и время неразвязно связаны между собой. Это не просто последовательность быстротечных событий в обществе и физическое место – это фундаментальные измерения, элементы общества, которые оказывают значительное влияние на его формирование и становление в целом, на то, каким мы его привыкли видеть в настоящий момент времени, более того, они дополняют физическое время и физическое пространство.

Исследование социально-экономического пространства общественного питания опирается на серьезную теоретико-методологическую базу, которую представляют авторы отечественных и зарубежных трудов. К ним можно отнести классиков социологии - М. Вебера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, П. Сорокина, которые рассматривают социально-экономическое пространство, как некое пространство с субъектами, выраженными в виде индивидов, социальных групп, организаций, учреждения и т.д.; труды современных мировых социологов – П. Бурдьё, М. Кастельса, Э. Гидденса, которые анализируют социально-экономическое пространство с точки зрения внутренних и внешних связей, позиций участников. Иными словами, рассмотрение пространства с точки зрения характеристик его структуры, то есть отношений и связей, которые формируются между объектами, находящимися в исследуемом пространстве; труды современных российских авторов – Ю. В. Веселова, В.И. Ильина, П.А. Сорокина, В.А. Ядова, которые рассматривают проблему социально-экономического пространства, а также уделили больше внимание рассмотрению темы социологии питания и внесли особый вклад в изучение социологии вкуса; а также труды зарубежных авторов, которые анализировали проблему питания в социологии – Р. Барт, Ю. Гронов, Г. Зиммель, М. Монтанари, К. Фишлер.

Исследование, направленное на выявление предпочтений молодежи на рынке предприятий общественного питания Санкт-Петербурга (март-май 2017 г) позволило прийти к следующим выводам.

1. Необходимо комбинировать и объединить понятия экономического и социального пространства в единое понятие социально-экономическое пространство, так как оно дает эффект системного подхода, когда общее больше суммы его элементов. На основе авторского подхода дано комплексное понятие социально-экономического пространства общественного питания: социально-экономическое пространство общественного питания - некое пространство, экономически обусловлено территорией, но в тоже время, внутри наделенное определенными социальными смыслами и значениями. (На основе теоретических подходов к изучению понятий социальное пространство и экономическое пространство был выдвинут авторский подход к пониманию единого социально-экономического пространства общественного питания. Таким образом, социально-экономическое пространство общественного питания – это нефизическое пространство, которое погружено в физическое, наделяет его определенными социальными смыслами, символами, ценностями и значениями, но в тоже время, экономически ограниченное территорией. Данный подход создает эффект системности, смысл которого заключается в том, что общее рассмотрение объекта больше суммы его составных частей).

2. Процесс питания и коммуникация неразрывно связаны в заведениях общественного питания (Нельзя разделять еду и коммуникацию ни дома, ни в заведении общественного питания, то есть они неразрывно связаны между собой. Еда всегда подразумевает какой-то контекст (например, где, когда и с кем));

3. Основные механизмы формирования социально-экономического пространства общественного питания: механизм ориентации на стоимость; механизм ориентации на бренд; механизм ориентации на цель посещения; механизм ориентации на национальный тип культуры; механизм ориентации на инфраструктуру города; механизм ориентации на структуру меню. (К подтвержденным в процессе исследования механизмам формирования пространства общественного питания относятся следующие: 1) механизм ориентации на цель посещения заведения общественного питания потребителями услуг; 2) механизм ориентации на стоимость; 3) механизм ориентации на инфраструктуру города, так как территориальное местоположение заведения оказывает немаловажное значение на выбор места; 4) механизм ориентации на бренд, так как многие представители молодежи значительно подвержены влиянию брендов; 5) механизм ориентации на структуру меню; 6) механизм ориентации на национальный тип культуры);

4. Социально-экономические факторы, формирующие потребительские предпочтения: уютная атмосфера и интерьер, доброжелательный персонал, красивая посуда, возможности для общения, стоимость, расположение и вкусная еда. (К факторам, оказывающим влияние на выбор заведений общепита, выделенным в ходе исследования, можно отнести: стоимость, качество еды, атмосферу, красивую посуду, возможности, которые заведение предлагает для общения, интерьер, отзывчивый, внимательный, доброжелательный и приятный персонал);

5. Особенность молодежи как потребительской группы – ориентация на уют и концепцию заведения, а не на меню. (Наиболее важным элементом заведения общественного питания, по мнению молодежи, является уютная атмосфера внутри. Многие считают, что еда может быть недостаточно привлекательна в заведении общественного питания, однако персонал и атмосфера могут заставить человека вернуться, так как в условиях выбора молодежь отдает предпочтение комфортной коммуникации, нежели еде);

6. Критерии «идеального» социально-экономического пространства заведения общественного питания: разделение на несколько зон (зона еды, отдыха, рабочая зона, игровая); интерьерное сопровождение зонированного пространства; наличие разнообразных видов кухонь; специализация поваров; наличие желания гостей вернуться в данное заведение и погрузиться в конкретное пространство смыслов и знаков. (В качестве «идеального» пространства питания молодежь предпочитает видеть зонированное пространство, в котором есть множество секций для употребления пищи, работы, общения, игр, релаксации и т.д. Каждая секция должна предполагать определенный, соответствующий именно ей декор, тип пищи и напитков. Для такого пространства требуется большое разнообразие видов еды).

Таким образом, Социально-экономическая среда заведений является одним из факторов формирования предпочтений на рынке общественного питания. Включение этого фактора в

систему управления увеличивает привлекательность заведения для потребителей, а также является направлением развития и формирования культуры общественного питания в целом.

1. Бияков О. А. Теория экономического пространства: методологический и региональный аспекты. – Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2004. – 152 с.
2. Бурдые П., Социология социального пространства / Пер. с фр., общ. ред. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя; М.: Ин-т эксперим. социологии : Алетейя, 2005. – 288 с.
3. Верлен Б. Общество, действие и пространство / Социологическое обозрение Том 1. No 2. 2001. С. - 26–47.
4. Веселов Ю.В. Социология питания: теоретические основания // Проблемы теоретической социологии. Вып. 10, Межвузовский сборник. Отв. ред. А.О. Бороноев. СПб.: Изд. центр экономического факультета СПбГУ, 2014. – С. 168 -199.
5. ГОСТ Р 31985-2013. Услуги общественного питания. Термины и определения. – Введ. 2015-01-01. – М. : Стандартинформ, 2014. – 16 с.
6. Демиденко Ю.Б. Рестораны, трактиры, чайные. Из истории общественного питания в Санкт-Петербурге XVIII- начала XX века. Спб.- Центрполиграф, 2011. – 50 с.
7. Дошаев Р.М. Экономические территории и экономическое пространство. Москва, 2005
8. Из истории ресторанного дела России и СССР [Электронный ресурс] - // Режим доступа: <http://ooprht.ru/1453.html> дата обращения 17.09.16
9. Информационный портал – Современная экономика *Economic Discuss* «Характеристика рынка общественного питания России» [Электронный ресурс] - // Режим доступа: <http://www.economicdiscuss.ru/diecs-366-1.html> Дата обращения 08.02.16
10. Калашиников А. Ю. Кафе, бары и рестораны: Организация, практика и техника обслуживания. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2004. – 384 с.
11. Капатти А., Монтанари М. Итальянская кухня: история одной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 480 с.
12. Монтанари М Голод и изобилие: история питания в Европе. СПб.: Alexandria, 2008. – 286с.
13. Мотышина М.С. Менеджмент в сфере услуг. Теория и практика. СПб.: Изд-во СПбГУЭиФ, 2006. - 153 с.
14. Протасова Л.Г. Анализ рынка и классификация предприятий общественного питания / Л.Г. Протасова // Управленец. - 2013. - №5. - С. 55-57
15. Рынок ресторанов Санкт-Петербурга - 2012 [Электронный ресурс] //Режим доступа: <http://www.drgroup.ru/press-reliz-rinka-obshestvennogo-pitaniya-v-sankt-peterburge.html>, Дата обращения 12.01.17
16. Экономическая социология: теория и история/ Веселов Ю.В., Капусткина Е.В., [др.] / Под ред. Ю.В. Веселова и А.Л. Кашина. – СПб.: Нестор-История, 2012. – 760 с

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

Павлова А.В. (Фрязино)

В статье продовольственная безопасность России рассматривается с позиции социологического подхода. Данный подход позволяет последовательно рассмотреть безопасность, национальную безопасность и раскрыть причины возникновения продовольственной безопасности, ее сущности, проблемы, возникшие в последнее время, роль государственных резервов и запасов в ее обеспечении. Особое внимание уделено вопросу создания новой системы национальной безопасности России. Обосновывается мысль о том, что введение санкций, как и все предпринимаемые Западом меры против нашей страны, бесперспективны. Материальный и духовный потенциал русского народа является надежной основой ее национальной безопасности.

Актуальность темы продовольственной безопасности России обусловлена следующими обстоятельствами:

во-первых, возросшим значение общей безопасности человечества как глобальной социальной ценности и увеличивающегося значения такого ее компонента, как продовольственная безопасность [4, С.147-150];

во-вторых, продовольственная проблема наряду с военной, экологической, демографической и т.п. стала планетарной, поскольку от ее решения зависит жизнь сотен миллионов людей;

в-третьих, потребностями создания новой системы национальной безопасности России, продиктованными обострением отношений с США и Западными странами.

В связи с тем, что продовольственная безопасность в наибольшей степени относится к социальной сфере общества, то ее изучение наиболее эффективным будет с помощью социологического подхода.

Причиной обострения продовольственной проблемы в масштабах всей планеты, согласно социологическому подходу, являются следующие факторы: стремительный рост населения в XX столетии, нерациональное использование пахотных земель, т неблагоприятные климатические изменения и др. Данные обстоятельства привели к необходимости принятия 10 декабря 1997 года Государственной Думой Федерального собрания Российской Федерации Федерального закона "О продовольственной безопасности Российской Федерации [2, С.44-59].

Национальная безопасность, политическая стабильность и демографическая обстановка в России связаны между собой. Свидетельством этому является исторический опыт [3, С.14-17]. Взаимосвязь экономики и продовольственной обеспеченности Российской Федерации заключается в получении населением, занятым в народном хозяйстве, таких доходов, которые формируют платежеспособный спрос на продовольствие [6, С.98-99].

Согласно данным исследования Федеральной службы государственной статистики (Росстата), на сегодняшний день численность населения России составляет 146,5 млн. человек [8]. Опрос, проведенный с 5 по 18 декабря 2014 года Левада-Центром, указал на наличие роста цен на продовольствие и товары повседневного спроса [9].

Стремясь решить эту проблему государство установило прожиточный минимум, или потребительскую корзину. В Центральной базе статистических данных зафиксирована тенденция к снижению стоимости условного набора продуктов питания с августа 2016 года.

Наряду с ростом цен на продовольствие важной проблемой продовольственной безопасности является уровень и качество питания. Одной из причин плохого качества продуктов является не соблюдение ГОСТов производителями [10, С.47-50]. Другая причина – эрозия почв сельскохозяйственных земель [1, С.8-20].

Важным условием решения всех проблем продовольственной безопасности является деятельность по осведомлению населения страны о наличии различного рода запасов, резервов на случай каких-либо природных или социальных бедствий. В период с 18 по 27 мая 2016 года организация ВЦИОМ (Всероссийский центр изучения общественного мнения) провела исследование общественного мнения по поводу значимости для россиян материальных и финансовых резервов страны. Было зафиксировано следующее: во-первых, обеспокоенность респондентами экономического состояния своей страны; во-вторых, положительное отношение опрошенных к интернациональной помощи; в-третьих, отмеченная значимость таких резервов страны как медикаменты, продукты питания, запасы сырья и оборудования, денежные и золотовалютные запасы [5].

Проведенные в данной статье исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Продовольственная безопасность является важнейшим элементом социальной сферы жизни общества.
2. В отличие от других подходов социологический подход позволил дать конкретную картину продовольственной безопасности с точки зрения причин ее возникновения, отношения людей к ней, роли резервов в ее осуществлении.
3. С помощью системы государственного регулирования необходимо стимулирование и поддержка отечественного производителя продовольствия. Импульс целевым комплексным программам государственного регулирования продовольственного хозяйства дан Постановлением Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 «О государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013 – 2020 годы».
4. Согласно государственной программе, необходимо освободить сельскохозяйственных товаропроизводителей от федерального и местного налогов на реализацию горюче-смазочных материалов и т.д. [7].

Подобные меры делают национальную безопасность страны более прочной.

1. Айзман Р.И. Экологическая и продовольственная безопасность: Учеб. пособие/ Р.И. Айзман, М.В. Иашвили, С.В. Петров, А.Д. Герасёв. – М.: ИНФРА-М, 2016. – 240 с. – С. 8-20.

2. Бабурин С.Н., Дзлийев М.И., Урсул А.Д. *Стратегия национальной безопасности России: теоретико-методологические аспекты* : монография / С.Н. Бабурин, М.И. Дзлийев, А.Д. Урсул. – М. : Магистр : ИНФРА-М, 2017. – 512 с. – С. 44-59.
3. Богданов С.М. *Продовольственная безопасность: исторический аспект*. – М.: Издательство «Весь мир», 2012. – 333 с. – С.14-17.
4. Крылатых Э.Н., Мазлоев В.З., Кцоев А.Б., Межонова Н.В., Рау В.В., Строков А.С. *Национальная экономика: обеспечение продовольственной безопасности в условиях интеграции и глобализации: Монография*. / Под ред. акад. Э.Н. Крылатых, проф. В.З. Мазлоева. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 238 с. – С. 147-150.
5. *Материальные резервы страны: на что тратить и кому помочь?* // ВЦИОМ. Пресс-выпуск №3146. 06.07.2016. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115761> Дата обращения: 28.09.2017 г.
6. Михайлов Л.А. *Основы национальной безопасности* : учебник для студ. учреждений высш. образования / [Л.А. Михайлов и др.] ; под ред. Л.А. Михайлова. – 2-е изд., испр. – М. : Издательский центр «Академия», 2014. – 176 с. – С. 98-99.
7. *Налог на реализацию горюче-смазочных материалов* [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://be5.biz/pravo/f004/126.htm> Дата обращения: 28.09.2017 г.
8. *Население. Демография*. // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demograph/# Дата обращения: 28.09.2017 г.
9. *Проблемы, беспокоящие россиян*. // Левада-Центр. 28.01.2015. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.levada.ru/2015/01/28/problemy-bespekoyashhie-rossiyam/> Дата обращения: 28.09.2017 г.
10. Федорова Н.В. *Продовольственное обеспечение населения региона и проблемы эффективности сельского хозяйства и потребительской кооперации: Монография* / Н.В. Федорова, В.Г. Федоров. – Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2011. – 204 с. – С.47-50.

ФАСТФУД ВЫСТРЕЛ ЛИ ЭТО В ГОЛОВУ?

Пугачев М. (Барнаул)

Аннотация

В статье анализируется почему популярен фастфуд и как сильно его употребление вредит здоровью человека.

На сегодняшний день современными тенденциями питания праят фастфуды или недорогие заведения быстрого питания. И это не удивительно потому что все больше людей предпочитают питаться вне дома и даже не думают о каком-то кафе или ресторане. Ведь фастфуд это, во-первых, дешево, а во-вторых быстро.

Само определение «фастфуд» с английского означает класс блюд быстрого приготовления, обычно предлагаемых специализированными заведениями, который готовится на глазах у потребителя.

Самые известные заведения это McDonald's, Burger King (гамбургеры); New York Pizza, Pspa Djons (пицца); Red Lobster, John Silver's (морепродукты); KFC, (блюда из цыпленка); Subway (сэндвичи), а также суши-бары, блинные и так далее.

Особенно много таких заведений в крупных городах, где высок ритм жизни и мобильность работающих людей, поскольку основная задача предприятия фаст-фуд - быстро и недорого накормить посетителей.

Выделяют несколько ключевых особенностей организации предприятий быстрого обслуживания:

- основными преимуществами являются экономичность питания, удобство посещения, быстрое обслуживание;

- отличительной чертой является отсутствие в их ассортименте алкогольных напитков.

Этим данные предприятия не похожи на обычные закусочные и кафе, где с целью увеличения доходов широко практикуется продажа пива, вина, сигарет;

- отличает жесткая стандартизация, при этом стандартизации подвергается все: интерьер, вывеска, мебель, посуда, ассортимент, бизнес-процессы, технологическое оборудование, рекламные материалы и т.д.;

- для успешного развития предприятий фаст-фуд важно месторасположение заведения. Оно должно быть на проходных местах в городе - возле метро, на магистралях, вокзалах. [1]

Несмотря на то, что представленная в них еда называется вредной, жирной и калорийной, - сеть быстрого питания только набирает обороты, и сдавать свои позиции не собирается.

С 2014 года, когда Россия ввела запрет на ввоз многих продуктов из-за рубежа. Это очень сильно пошатнуло российскую экономику и люди начали экономить на покупках, особенно на еде. Это сказалось и на общественном питании. Если раньше люди еще задумывались на тему, куда пойти поесть. То теперь даже не задумываясь идут в кафе быстрого питания.

Но не стоит забывать, что в погоне за быстрой и дешевой пищей человек постепенно уничтожает свое здоровье.

Еда, которая продается в таких заведениях, как мы говорили выше очень калорийна и люди в всем мире страдают от ожирения. Гастрит и язва желудка, также характерные заболевания любителей быстрого питания. В России официальной статистики по ожирению нет. Лишь приблизительные данные. 60% россиян имеют лишний вес. 30% — ожирение.

Также от фастфуда человек может получить болезни желудочно-кишечного тракта и ожирение, но мало кто знает, что регулярное питание фастфудом может привести к развитию онкологических заболеваний и даже бесплодию.

Также от нее повышается холестерин, который впоследствии засоряет сердечные сосуды человека и потом из-за этого возникают серьезные проблемы с сердцем.

Исследователи продукции фастфуд утверждают, что пища промышленного приготовления способствует выработке большого количества опиатов, которые естественным образом продуцируются мозгом.

Получается, что при употреблении большого количества фастфуда может наступить состояние, которое похоже опьянению, хотя и не такой силы, как от наркотиков, но настолько же реальное.

Поэтому лучше хорошенько подумать, а надо ли идти есть гамбургеры с картошкой фри или умнее потратить немного времени и приготовить самостоятельно пищу у себя дома, но она будет содержать минимум вредных веществ для организма. Если человек будет ограничивать себя в питании в фастфудах, то его здоровье будет находиться вне зоны риска. Поэтому следует помнить, что только правильное питание и занятия спортом помогут поддерживать себя в прекрасной физической форме.

*1. Изучение мировых тенденций развития индустрии питания. Режим доступа:
<http://refleader.ru/jgejgebewotrijge.html> – Загл. с экрана [дата обращения: 27.09.17].*

ФАКТОРЫ ВЛИЯТЕЛЬНОСТИ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУХОНЬ В ГЛОБАЛЬНОМ КУЛИНАРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рахманов А.Б. (Москва)

Автором данных строк была предложена концепция глобального кулинарного пространства (1). Мною было предпринято исследование глобального кулинарного пространства, его компонентов и характеристик. В соответствии с влиятельностью различных национальных кухонь на мировом рынке пищи, проявляющейся в количестве ресторанов этих кухонь в ведущих городах мира, была выявлена иерархия кулинарных держав: кулинарные сверхдержавы (Италия, Япония, Китай), великие кулинарные державы (Франция, США), средние кулинарные державы (Индия, Испания, Таиланд, Мексика, Корея), малые кулинарные державы (Вьетнам, Греция, Турция, Великобритания, Германия, Ливан, Аргентина), сверхмалые кулинарные державы (Россия, Бразилия, Ирландия, Марокко и все другие страны мира). Было установлено также, что разные страны обладают разным уровнем кулинарного суверенитета, понимаемым как степень ориентации населения на собственную национальную кухню. Полученные результаты ставит перед нами вопрос: что определяет позиции национальных кухонь в глобальном кулинарном пространстве, их потенциал влияния на самые разные страны и народы? почему одни кухни добиваются огромной популярности в мире, а другие могут рассчитывать лишь на скромное влияние? Почему одни национальные кухни завоевывают миллионы поклонников за тысячи километров от своих стран, а другие оказываются на вторых ролях даже на своих территориях?

На основе эмпирического анализа иерархии кулинарных держав следует сделать вывод о том, что для достижения национальной кухни той или иной страны значительной влиятельности в глобальном кулинарном пространстве необходимо наличие шести факторов.

Во-первых, это достаточно обширная территория страны (не менее 200-250 тыс. кв. км.). Почти все страны, которые были отнесены нами к кулинарным сверхдержавам, великим, средним и малым державам обладали достаточно протяженной территорией. Значительная площадь страны является физико-географической предпосылкой для развертывания природного многообразия, богатства живой природы.

Во-вторых, высококодифференцированная природная среда, обуславливающая богатство природных даров, которое следует рассматривать как высокий уровень видового разнообразия животного и растительного мира на единицу площади. Наилучшими условиями обладают страны с разнообразным географическим рельефом, с плодородием почв, с теплым, мягким, относительно влажным климатом, имеющие выход к теплым морям. Суровый климат (слишком холодный или жаркий) нередко предполагает обилие полезных ископаемых, но исключает биологическое разнообразие, примером чему могут послужить Северная Евразия или Аравийский полуостров. Высокодифференцированная природная среда была важным фактором генезиса великих кухонь Италии, Японии, Китая, Франции и США, а также весьма влиятельных кухонь Индии, Турции, Таиланда, Кореи, Вьетнама.

В-третьих, достаточно многочисленное население страны (не менее 40-50 млн. чел. в начале XXI в.). Страна с большой численностью населения обладает и большим количеством работников, следовательно, она располагает значительной массой производимого общественного богатства, часть которого может быть направлена на создание элитарных предметов потребления.

В-четвертых, существование на территории страны в течение длительного времени (многих веков или даже тысячелетий) обществ с достаточно развитым способом производства, обуславливающим высокий уровень социального неравенства, т.е. сословно-классовых или классовых обществ.

Одного лишь богатства природы для возникновения великой кухни мало: Индонезия, Малайзия, Филиппины, страны Центральной и Южной Африки с их весьма богатой природой не смогли создать национальных кухонь, которые завоевали бы заметные позиции в глобальном кулинарном пространстве именно потому, что в этих странах классовое общество возникло относительно недавно или к XX веку не существовало вообще. В обществах с длительным существованием сословно-классового неравенства прибавочный продукт не только присваивался привилегированными социальными группами, но и складывались традиции использования его львиной части для создания элитарных, роскошных, высококачественных и разнообразных предметов потребления, в том числе, и пищи, для привилегированных слоев – монархов с их дворами, аристократии, позже – и буржуазии. В этих обществах развитое социальное неравенство порождало, с одной стороны, богатую и изощренную кухню привилегированных слоев и, с другой – бедную и простую кухню социальных низов. Это случай Италии, Японии, Китая, Франции, Индии, Таиланда и т.д.

В-пятых, отсутствие религиозных запретов на разные виды пищи, главным образом, животного происхождения. Подобные запреты ограничивают набор блюд кухни и, следовательно, препятствуют влиятельности этой кухни. Например, ислам запрещает употребление свинины и алкоголя, индуизм – говядины, иудаизм – свинины, конины, морепродуктов и т.д. Заметим, что кухни стран, чьи религии накладывают ограничения на пищу (Индия, Турция, Ливан, Марокко и т.д.), не вошли в состав пятерки наиболее влиятельных кухонь. Наиболее влиятельными оказываются кухни, предполагающие использование максимально широкого спектра продуктов, всеядность, пищевой универсализм.

В-шестых, отсутствие употребления в пищу продуктов, которые для многих потребителей считается неприемлемыми по моральным, культурным и эстетическим соображениям. Например, это использование лягушек во французской и китайской кухне, собачатины в корейской и китайской кухне, змей и насекомых – в кухнях многих азиатских и африканских народов и т.д.

В случае русской кухни в полной мере присутствуют все факторы влиятельности, кроме второго. Россия располагает огромной территорией, многочисленным населением, для нее характерны многовековые традиции социального неравенства, русской кухне не присущи религиозные ограничения на те или иные пищевые продукты и употребление в пищу продуктов, небесспорных с эстетической или моральной точек зрения. Но Россия при всем своем богатстве просторами и полезными ископаемыми по видовому разнообразию живой природы на единицу площади, что является решающе важным для формирования кухни, уступает многим странам и регионам мира – Италии, Франции, США, Китаю, Южной Америке, Южной Африке и т.д. На мой

взгляд, это в первую очередь и обусловило ограниченную влияние русской кухни в глобальном кулинарном пространстве.

1. Рахманов А.Б. Глобальное кулинарное пространство и его эмпирическое исследование // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2016. №4. С. 115-117.

2. Рахманов А.Б. Детерминанты глобального кулинарного пространства // ЭКО. 2017. №7. С. 72-88.

МОДЕЛИ ПИТАНИЯ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.

Рахматуллина З.Б., Королева Н.Л. (Уфа)

В данной статье рассматриваются изменения моделей питания, то есть каким было питание вчера и как меняется оно сегодня, а также предпосылки возникновения этих изменений. Уделяется внимание отношению молодежи к здоровому питанию и какое место фаст-фуд занимает в жизни людей.

«Человек есть то, что он ест». Развивая известный афоризм Пифагора, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, автор книги «Человек и его пища» Мария Добровольская утверждает, что питание сыграло ключевую роль в самом процессе гоминизации [1]. В современном мире присутствует изобилие в еде, о чем нельзя было сказать 100 лет назад, что подтверждается последствиями процессов экономической и социальной модернизации западных обществ. По словам испанских исследователей Сесилии Диас Мендес и Кристобая Гомес Бенито, в течение второй половины XX в. еда приобрела новые значения. Огромные изменения в практиках питания происходили вследствие послевоенного преобразования европейского общества: перехода от общества с нехваткой продовольствия к обществу с продуктовым изобилием. Социальные трансформации изменили предпочтения в еде и восприятие того, что означает «питаться хорошо» [2]

В современном обществе, появляется множество различных ресторанов быстрого питания, которым отдают предпочтение все больше и больше людей. И впрямь, зачем питаться по режиму, разнообразно и всей семьёй, если в любой момент можно купить, разогреть или заказать уже готовую пищу и перекусить на ходу или в любое удобное время. Нужно отметить, что большинство людей воспринимает подобные перемены, ведь этому способствует ускорение темпа жизни современного человека. Мы работаем по восемь часов в день, тренируемся, планируем свой досуг, и поэтому нередко воспринимаем приём пищи лишь как физиологическую необходимость, забывая о том, что столь же физиологической является потребность в пище здоровой и разнообразной. Время от времени появляется мода на определённые продукты питания, на способ их приготовления. Из рук в руки, «по знакомству», передаются самые невероятные режимы питания, всевозможные «диеты».

А в прошлом, например, во время военных потрясений люди «недоедали» и многие болезни возникали, как раз из-за нехватки тех или иных питательных веществ. В подтверждение приведем отчёт Наркомздрава "5 лет советскому здравоохранению". В нём обрисовано тогдашнее положение дел: "Одним из самых ощутимых и сильно отражавшимся на силах и здоровье людей был недостаток хлеба... В области санитарно-пищевого надзора планомерная работа началась в 1921 г., когда в составе санитарно-эпидемиологического отдела был создан особый орган — пищевая секция. Задачи секции предусмотрены были особым положением (утвержденным 14 июля 1921 г.). Небывалых размеров голод привел к массовому бегству голодных. Миллионы истощенных людей бросились во все концы в поисках хлеба, переполнили пути сообщения. Эти голодные массы стали жертвами сыпного тифа". Тогда целью было - составить рацион для больниц, вычислить нормы для трудящихся, которые позволят им выжить [5]. Пищевое сырье рассматривается в эти исторические периоды исключительно как средство выживания человека, и о свойствах пищевых продуктов иного плана в такие годы вообще речи не ведется [3]. Хоть и качественные характеристики еды оставляли желать лучшего, но люди относились к этой еде с «уважением», что нельзя сказать о большинстве представителей молодого поколения.

Люди старшего поколения понимают, как велико значение хлеба, многие из них голодали во время военных потрясений, поэтому хлеб берегли. Сейчас многие не считают, что хлеб - всему голова, что это особая еда, и что нельзя проходить мимо лежащего куска хлеба на земле. Более того большое количество представителей нынешнего поколения страдает от «переедания». Люди потребляют слишком много калорий и слишком много еды сомнительного качества, результатом

чего становятся хронические заболевания, такие, как рак, ожирение, сахарный диабет и болезни сердца. Есть даже прогностический анализ, проведенный ВОЗ на конец XX века, который показал, что если существующие сейчас тенденции не изменятся к лучшему, то уже к концу 30-х годов XXI века в США и России, например, от ожирения будут страдать около 100% населения, во Франции – более 40% [4]. Должны пройти многие века, а то и тысячелетия, чтобы сложилось ферментное биохимическое своеобразие, и уж, конечно, когда человек его грубо нарушает, организм реагирует, что мы сейчас видим в развитых странах, прежде всего в США, где резко изменилась структура питания, где очень много, так сказать, технологичной еды – белковые продукты, которые выращиваются с использованием гормонов, стимуляторов роста, генномодифицированные продукты. Поэтому население США столкнулось с проблемами обмена веществ избыточного веса, гормональными нарушениями. Организм человека вообще не готов к переяданию. Как бы кощунственно это ни звучало, но потому, что всю историю человечества его преследовал голод, человек так или иначе к голоду имеет определенные адаптации, одна из них – накопление жиров. Теперь так называемые развитые страны дожили до счастливого времени, когда голод преодолен, но генетика, биохимия, биология так быстро не могут перестроиться. Мы все сейчас получаем избыточное питание, которое организм не может использовать себе на пользу.

Для современной модели питания характерен такой термин как, «правильное питание». Еда стала модной темой для публичного обсуждения. Телевизионные ток-шоу, интернет-блоги, специализированные журналы о правильном питании отражают и раскручивают интерес публики к данному вопросу. Многие представители молодого поколения, под натиском данных программ, статей из журналов, подходят идеализируемо к данному понятию. Здесь уместно вспомнить классическую метафору «лодка на аллеях парка», которую ввел в социальную науку известный шведский социолог Пер Монсон. По словам учёного, она описывает «отношение между обществом как упорядоченной структурой или системой, и действующими в ней индивидами. С одной стороны, все свободны. Но, с другой стороны, индивиды всегда поступают вполне определённым образом» [2]. Иными словами, оставаясь зажатым внутри социальных предписаний, индивид блуждает среди многообразия возможных выборов, пытаясь найти свою собственную траекторию правильного питания.

Старшее поколение, наши бабушки, дедушки с осторожностью воспринимают рестораны быстрого питания, полуфабрикаты, которых становится все больше и больше с каждым днем. А нынешнее молодое поколение потребляет все меньше пищи, приготовленной из натуральных продуктов. Молодое поколение манит яркая реклама о фаст-фуде, желание сэкономить время, легкость в приготовлении.

Таким образом, модели питания вчера и сегодня отличаются. Почему же меняется модель питания? Россия идет в глобальном тренде изменения структуры питания. А это, в свою очередь, связано с изменением доходов и уклада жизни населения. От индустриального общества мы переходим к постиндустриальному, увеличивается доля интеллектуального труда. Изменяется ритм жизни, происходит смена взглядов, жизненных установок. В последнее время все эти изменения более выражены, чем ранее, поэтому они проявляются во всех сферах жизни, даже в сфере питания.

1. Добровольская М.В. *Человек и его пища*. – М.: Научный мир, 2005. – 367 с.
2. Носкова А.В. *Питание, как объект социологии и маркер социального неравенства // Вестник института социологии*. - № 3(14), сентябрь 2015.
3. Похлебкин В.В. *Кухня века*. – М.: Полифакт, Итоги века, 2000. – 616 с.
4. Рябинин Г.А. *Тайны грани эволюции. Основы космической безопасности*. – СПб.: Петролис, 2004 – 324 с.
5. Созинов А.С., Гурьева М.Э., Поспелова Е.Ю. *История медицины: Методические рекомендации к практическим занятиям*. – Казань: КГМУ, 2005. – 135 с.

ДИСКУССИИ О ПРАКТИКАХ ПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ОБЩЕСТВАХ

Смелова А.А. (Санкт-Петербург)

В докладе рассматривается, каким образом формируется культура питания детей, её основные социальные практики и как она связана с глобально декларируемыми проблемами питания. Утверждается, что главными

субъектами, определяющими культуру питания детей являются: Всемирная организация здравоохранения, транснациональные компании и национальные институты питания (НИИ питания РАМН). Они являются главными субъектами общественной дискуссии по вопросам питания детей как на глобальном, так и национальном уровнях, чья риторика совпадает по основным вопросам, а различия носят рекомендательный характер. В целом они направлены на адаптацию процесса потребления детей к структуре глобального индустриального производства. Вопрос о дискуссиях питания детей лежит не в плоскости здорового питания и нормального воспроизводства населения, а поддержания и воспроизводства капиталистической системы.

Питание детей является биологическим и социально-культурным процессом, который включает в себя вопросы грудного и искусственного вскармливания, введения прикорма, отношения женщин к своему телу и его оценку обществом, вопросы социальной политики в области трудовой занятости матерей и др. Большой вклад в развитие этой темы внесли специалисты Всемирной Организации Здравоохранения и исследователи таких областей, как медицинское образование и общественное здоровье, международное питание и клинический уход, а также культурная антропология и социология питания. В свою очередь, социальные науки исследуют то, как вопросы питания включены в гендерные идеологии и системы домашнего производства и потребления, в т.ч. в глобальной перспективе. Другими словами, каким образом формируется культура питания детей, её основные социальные практики и как она связана с глобально декларируемыми проблемами питания. Наиболее важные работы в области детского питания были написаны еще в 1980-е гг.: Bond J., Filer Jr. L., Leveille G.A., Thomson A., Weil Jr W.. *Infant and Child Feeding*, 1981; Hull V. and Simpson M. *Breastfeeding, Child Health, and Child Spacing: Cross-Cultural Perspective*, 1985; Marshall L. *Infant Care and Feeding in the South Pacific*, 1985; Popkin B., Lasky T., Litvin J., D.Spicer and Yamamoto M. *The Infant-Feeding Triad: Infant, Mother, and Household*, 1986; Raphael D. and Davis F. *Only Mothers Know: Patterns of Infant Feeding in Traditional Cultures*, 1985.

Они позволили рассмотреть процесс детского питания в пяти измерениях: 1. Что ребенок ест (специальная еда для детей, правильная еда в зависимости от возраста ребенка, способы приготовления еды для детей), 2. Когда ребенок ест (частота приема пищи в течение дня, интервалы между едой, перекусы, питание по требованию), 3. Как ребенок ест (руками или столовыми приборами, самостоятельно или с помощью других, где ребенок ест), 4. Социальное измерение приема пищи (кто готовит и подает еду, как ребенок взаимодействует с другими при приеме пищи), 5. Кто контролирует что и как много ест ребенок, кто принимает эти решения и кто воплощает [1].

Утверждается, что главными субъектами, определяющими культуру питания детей являются: Всемирная организация здравоохранения, транснациональные компании и национальные институты питания (НИИ питания РАМН). Они являются главными субъектами общественной дискуссии по вопросам питания детей как на глобальном, так и национальном уровнях, чья риторика совпадает по основным вопросам, а различия носят рекомендательный характер. В целом они направлены на адаптацию процесса потребления детей к структуре глобального индустриального производства.

Ключевыми проблемами современности в области питания детей являются:

- противостояние культур грудного и бутулированного вскармливания [2];
- введения прикорма и недоедания детьми в возрасте до 2 (5) лет;
- проблем с пищеварением и аллергией [3];
- ожирением в дошкольном и школьном возрасте.

Проблема грудного вскармливания и отказа от него в пользу молочных смесей является одной из самых острых. По данным Глобальной системы показателей грудного вскармливания ВОЗ, ни одна из 194 стран не соблюдает в полной мере рекомендации по культивированию грудного вскармливания. Было выявлено, что только 40% детей в возрасте до 6 месяцев находятся на исключительном грудном вскармливании и только 23 страны имеют показатели исключительного грудного вскармливания, превышающие 60%: Боливия, Бурунди, Вануату, Замбия, Кабо-Верде, Камбоджа, Кения, Кирибати, Корейская Народно-Демократическая Республика, Лесото, Малави, Микронезия, Непал, Перу, Руанда, Сан-Томе и Принсипи, Свазиленд, Соломоновы Острова, Тимор-Лешти, Уганда, Федеративные Штаты Науру, Шри-Ланка и Эритрея. По данным Росстата на 2016 г. в России только 42,5 % женщин продолжают кормить своего ребенка грудным молоком до 6 месяцев и 40,1% до 1 года. Согласно аналитическому отчету ВОЗ, инвестиции в размере \$ 4,70 на одного новорожденного ребенка могут обеспечить к 2025 г. экономическую выгоду на сумму в \$ 300 млрд. А отсутствие

инвестиций в таких странах с переходной экономикой, как Китай, Индия, Индонезия, Мексика и Нигерия приводят к 236 000 случаев смерти детей в год и к экономическим потерям в размере \$119 млрд [4]. Вместе с тем, исследование, проведенное К.Деттуайер, показывает, что продолжительное грудное вскармливание от 2,5 до 7 лет непосредственным образом влияет на здоровье человека в течение всей его жизни, а не только обеспечивает выживаемость в первые годы жизни [5]. По мнению Т.А. Гебрейесуса, Генерального директора ВОЗ: «Грудное вскармливание обеспечивает детям по возможности наилучшее начало жизни. Грудное молоко действует как первая вакцина для ребенка, защищая его от потенциально смертельных болезней и предоставляя ему все питательные вещества, необходимые для выживания и процветания». Инициатива по грудному вскармливанию ВОЗ среди прочего борется за введение оплачиваемого отпуска по семейным обстоятельствам и проведения в жизнь политики поощрения грудного вскармливания на рабочих местах как инструмента защиты материнства в рамках Международной организации труда (Концепция о защите материнства 183 была принята в июне 2000 г.).

Более ранние исследования 1990-х гг. показывают, что в развитых странах необходимость для женщины в скором времени вернуться на рынок труда является главной причиной отказа от грудного вскармливания (Гердинген и Флоберг 1991, Киллиен 1998). Грудное вскармливание и трудовую занятость женщин нельзя рассматривать изолированно от социальной политики (размера пособий по беременности и родам, медицинского страхования, уровня заработной платы, мер по уходу за ребенком). К примеру, Готтшанг показал, что снижение доли грудного вскармливания в Китае было вызвано тем, что 90% женщин трудоспособного возраста в городах были заняты на рынке труда, и резкой экспансией рынка детского питания.

Сегодня отношение к грудному вскармливанию неоднозначное. В ряде стран существует общественное неприятие кормящих женщин в публичных местах, это считается аморальным особенно со стороны мужчин, актом нудизма, который расценивается как административное нарушение. В то же время кормление ребенка из бутылочки не вызывает подобного осуждения. Как ответная реакция возникает глобальное социальное движение по грудному вскармливанию, призванное отстоять женские репродуктивные права и право на безопасное питание для ребенка.

Также надо заметить, что проводятся исследования призванные доказать положительное влияние грудного вскармливания на заболевания раком у женщин, в т.ч. при кормлении последнего ребенка. Как правило, декларируется, что запретом на грудное вскармливание выступают инфекции – туберкулез, гепатит В (разрешено ВОЗ после вакцинации) и ВИЧ (разрешено ВОЗ до 1.5 месяцев), и наиболее изученные химические загрязняющие вещества (диоксины, полихлорированные бифенилы, хлорорганические пестициды) в грудном молоке [6].

Вместе с тем, в 1981 году ВТО/ ЮНИСЕФ был введен Международный кодекс маркетинга заменителей грудного молока, призванный защитить потребителей от агрессивной рекламы продовольственных компаний, производящих детское питание. Однако, несмотря регулирующие инструменты «живые индустрии» продолжают развиваться, ставя во главу угла задачу по индустриальному производству человеческого белка в ущерб культуре естественного вскармливания молоком матерями.

Что касается производителей молочных смесей и промышленного детского питания, то одним из лидеров рынка является транснациональная компания Нестле, лидер по производству консервов для людей и животных премиум-класса. Компания создает программы питания для детей – «Расти здоровым с первых дней» для детей до 2 лет и «Разговор о правильном питании» для школьников 6-14 лет. Первые 1000 дней жизни человека (т.е. первые 2 года) являются самыми важными в построении здоровья человека, утверждает Нестле, и главную роль в этом играют не гены отца и матери, а сбалансированное питание. При этом избыточное питание оказывает сильный вред, т.к. способствует образованию избыточного веса и ожирения, а не роста и развития. Поэтому компания предлагает целую линейку адаптированных молочных смесей, каш и пюре. «Разговор о правильном питании» (1999) – это образовательный проект для школьников, включающий обучающую игру «здоровый город», кулинарную студию, конкурсы и др. для включения детей в культуру питания Нестле. Программа была внедрена при поддержке Министерства образования и науки РФ в 58 регионах России с целью формирования культуры здоровья подрастающего поколения с учетом различных доходов их семей. По данным приведенным Нестле за 2010 год, около 43 млн детей дошкольного возраста по всему миру страдают от избыточного веса или ожирения, что означает 60%-е увеличение показателя по сравнению с 1990 годом, причем более 80% из них проживают в развивающихся странах (Американский журнал клинического питания, ноябрь 2010 года). Важно отметить, что компания

проводит свои исследования рациона питания детей и производит функциональные продукты, соответствующие устоявшимся практикам питания в стране рынка спроса. К примеру: «По результатам опроса компании Nestlé, в наши дни дети предпочитают есть на завтрак следующие продукты: готовые завтраки — 58%, йогурты — 56%, бутерброды — 34%, мюсли — 22%, каши быстрого приготовления — 21%, приготовленные каши — 20%, другую горячую еду — 31%». Или «В России традиционным всегда являлся плотный завтрак — хлеб, яйца, масло, сыр, колбаса, сметана, каша, чай и т.п. Но современный человек часто пренебрегает завтраком, выпивая лишь чашку кофе или съедая наспех бутерброд. В такой ситуации для людей, которые стремятся организовать полезное, вкусное и удобное питание для своей семьи приходят на помощь готовые завтраки Нестле и каши Быстров на основе злаков. Они важны как и с точки зрения здоровья (содержат необходимые пищевые вещества, комплекс витаминов и минералов), так и с потребительской — ведь это вкусно, быстро и весело!» или «Не забывайте о напитках — выпейте на завтрак какао Несквик, чай, кофе Нескафе, сок или воду Нестле Pure Life» [7].

Анализ статистических показателей Федеральной службы государственной статистики показывает, что Россия включена в дискурс по производству информации о состоянии здоровья детей в категориях рациона питания, его энергетической ценности и содержания питательных веществ, оценке здоровья и веса, заболеваемости.

Так, структура питания детей в Санкт-Петербурге, Ленинградской области и России в целом в возрасте 3-13 лет в Санкт-Петербурге, Ленинградской области и РФ по данным Федеральной службы государственной статистики за 2013 г., в %, выглядит следующим образом: Хлеб – 96.5/ 98/ 96.9, Овощи свежие 80.7/ 81.1/ 69.9, Фрукты свежие 96.4/ 90.9/ 80.8, Мясо/ Мясо птицы 83.5/ 80.2/ 82.6, Мясные изделия 42.2/ 62.4/ 45.2, Рыба 24.4/ 28.5/ 25.9, Молоко и кисломолочные продукты 79.9/ 94.4/ 82, Сыр 65.7/ 70.1/ 52.1, Торты, шоколад, конфеты 42.4/ 44.6/ 53.2.

Общая энергетическая ценность (калорийность) среднесуточного рациона питания ребенка, составляет– 2260.5 ккал / 2356.3 ккал / 2255.1 ккал - в СПб, ЛО, и РФ, соответственно. Потребление белков 76.1/ 75.6/ 70.1, жиров - 87.3/ 89.7/ 87.7, углеводов 292.6/ 311.7/ 296.4.

В целом, обращает внимание факт, что калорийность питания детей в Ленинградской области выше, чем в Санкт-Петербурге, прежде всего за счет потребления углеводов, молочных продуктов и рыбы. В Санкт-Петербурге больше потребляют мяса и фруктов. Кстати, дети в Санкт-Петербурге получают вместе с едой больше витамина С - 85,4 %, в то время как в Ленинградской области – 73,1%, а по России- 71%.

Содержание витаминов и минералов в рационе детей Санкт-Петербурга, ленинградской области и в среднем по России: Витамин В1 1.1 /1.1/ 1.1, Витамин В2 1.5/ 1.5/ 1.4, Витамин РР 13.1/ 12.8/ 12.6, Витамин С 85.4/ 73.1/ 71, Витамин А 0.6/ 0.4/ 0.4, Бета- каротин 2.5/ 2.2/ 2.1, Железо 16.9/ 17.3/ 16.1, Кальций 975 / 1004.8/ 838.8, Магний 408.3/ 348.9/ 334.8, Натрий 3044.5/ 3095.3/ 3062, Калий 3214.7/ 3301.6/ 2876.5, Фосфор 1337.9/ 1363.1/ 1191.1 [6].

Что касается последнего пункта – заболеваемости, то основными темами медицинской дискуссии в России являются проблемы грудного вскармливания и обогащения молока, пищевого поведения у детей, пищевой аллергии и диетологии, анемии и др. [9]. Распределение детей по оценке состояния своего здоровья по Санкт-Петербургу, Ленинградской области за 2013 г. выглядит как: хорошее 72,1%/ 77,9%, удовлетворительное 27,9%/ 22,1%, соответственно. В Санкт-Петербурге каждый шестой ребенок обнаруживает проблемы с весом: нормальный вес имеют 87.7%/ 90.9% детей, недостаточный вес - 8.8%/ 4%, избыточный вес - 4.1%/ 5.1%. По наличию заболеваний распределение по Санкт-Петербургу, Ленинградской области, РФ следующее: детей с заболеванием желудочно-кишечного тракта - 1.6%/ 4.4%/ 4.1%, а с аллергией на пищевые продукты - 24.2%/ 9.4%/ 11.7%, соответственно [6]. Другими словами, Санкт-Петербург лидирует по пищевой аллергии – почти в 2,5 раза больше, чем в среднем по России.

Вышеприведенная статистика отражает социальные проблемы, связанные с организацией питания. Прежде всего, это отказ от грудного вскармливания не по медицинским, а социально-экономическим причинам (вынужденный выход матери на работу, обусловленный отсутствием полноценной социальной поддержки государства), а также переход детей на промышленное питание до 2 лет и как следствие неправильно сформированная пищеварительная система, активное использование промышленного детского питания (консервов) в домашнем и социальном питании (детских садах, школах) как удобной форме «безопасного питания». Обедненный состав промышленного питания, (несмотря на декларируемое промышленное обогащение витаминами и минералами), не позволяет питаться детям полноценно, а его избыток приводит к пищевым

аллергиям. И здесь Россия повторяет мировые тренды. Вопрос о дискуссиях питания детей не лежит в плоскости здорового питания и нормального воспроизводства населения, а поддержания и воспроизводства капиталистической системы.

1. Dettwyler K. *Styles of Infant Feeding: Parental/ Caretaker Control of Food Consumption in Young Children. American Anthropologist, New Series. 1989, Vol.91, №3. Pp.696-703.*
2. Koerber A. *Breast or Bottle?: Contemporary Controversies in Infant-Feeding Policy and Practice (Studies in Rhetoric/Communication). University of South Carolina Press, 2013.*
3. Porto A., Dina DiMaggio D. *The Pediatrician's Guide to Feeding Babies and Toddlers: Practical Answers To Your Questions on Nutrition, Starting Solids, Allergies, Picky Eating, and More (For Parents, By Parents), Ten Speed Press, 2016.*
4. Всемирная организация здравоохранения. Дети и матери во всем мире страдают из-за отсутствия инвестиций в поддержку грудного вскармливания <http://www.who.int/mediacentre/news/releases/2017/lack-investment-breastfeeding/ru/> (дата обращения 07.10.2017)
5. Van Esterik P. *Contemporary Trends in Infant Feeding Research. Annual Review of Anthropology. 2002. Vol. 31. Pp.257-278.*
6. Pronezuk J, Moy G, Vallenas C. *Breast milk: An Optimal Food. The National Institute of Environmental Health Sciences. 2004. № 13. Vol. 112. Pp.A722-A723.*
7. Нестле – Официальный сайт <http://www.nestle.ru/health/rezhim> (дата обращения 07.10.2017)
8. Рацион питания населения. 2013: Статистический сборник/Росстат-М.: ИИЦ «Статистика России», 2016.
9. Программа IV Российской научно-практической конференции «Детское здоровье и питание», Казань 29-30 сентября 2017 г. http://web.ion.ru/filesПрограмма_детское_здоровье_и_питание_2017.pdf (дата обращения 07.10.2017)

"ЗДОРОВАЯ ПИЩА" В СССР. ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКИХ ПРАКТИК ЗДОРОВОГО И ПРАВИЛЬНОГО ПИТАНИЯ

Таранова О.А. (Санкт-Петербург)

Аннотация

В докладе анализируется понятие «здоровой пищи» в СССР, история его возникновения и развития, а также связанные с ним практики питания. Показывается роль государства в конструировании «здорового» и одновременно идеологически «правильного» питания, стремления к управлению вкусами и предпочтениями в питании граждан через кулинарные книги и агитацию в самых различных видах.

Трагические события начала XX века, революция, войны и голод, крайне негативно сказались на благополучии, качестве жизни и здоровье населения СССР. Проблема снабжения, производства продуктов питания и общественного питания требовала существенных усилий от государства. Одной из важнейших социальных задач для СССР стало обеспечение населения полноценным питанием, а также лечения и восстановления здоровья людей, а, следовательно, и способности трудиться на благо страны. Еда была топливом, необходимым

Еще в 1920 году проф. М.Н. Шатерниковым, учеником И.М. Сеченова, был основан Научно-исследовательский институт физиологии питания, а самый известный в СССР медицинский специалист по питанию М.И. Певзнер, написавший «Основы диетологии» (1927), «Рациональное и лечебное питание» (1935) и «Основы лечебного питания» (1937, 1949, 1958), ввел в медицинские заведения и общественный дискурс питание в соответствии с типом заболевания и систему т.н. «столов». [1] Питание в соответствии с профилем заболевания исключало широкое использование специй и индивидуальный подход к питанию. Вкусная и утонченная еда считалась «буржуазной», не соответствующей идеологически «правильному» советскому гражданину, но одновременно с этим доступной практикой питания для номенклатуры.

В 1920-1930-х годах в СССР появилось много кулинарных книг, которые помогали хозяйкам готовить в условиях явной нехватки продуктов, рассказывая, например, о блюдах из сои, картофеля, солонины. Государство делало попытки внедрить и новые продукты: например, рекламировало мало знакомое до этого мясо кролика как крайне полезное для здоровья и издавало брошюры о секретах приготовления кроличьего мяса в условиях отсутствия другого. В 1930-х годах государство активно начало популяризовать вегетарианство, внедряя новую практику питания в условиях нехватки мяса и пытаясь выращивать сою. [3] Таким образом, практики

здорового питания, в том числе вегетарианского, обуславливались вполне экономическими факторами провалов в снабжении населения питанием.

Самый известный нарком пищевой промышленности, отвечающим за обеспечение населения продуктами питания, А.И. Микоян стал инициатором коренной реформы советской пищевой промышленности и кулинарии. [8] Переняв полученный в ходе ознакомительной поездки по США новый передовой опыт промышленного производства, консервирования и замораживания, а также торговли продуктами питания, Микоян сконструировал систему питания, которая будет существовать десятилетия и сделает массовое и безопасное питание доступным и недорогим. Выпущенная с его участием в 1939 году «Книга о вкусной и здоровой пище» и ее дальнейшие переиздания создают практически идиллическую картину питания советского человека, которое преодолело дихотомию голода и изобилия и основывается на медицинском, рациональном подходе к питанию, балансе калорий, жиров, белков и углеводов, необходимых для поддержания работоспособности. [7] Эти показатели поддавались нормированию и контролю, в отличие от расплывчатого понятия «вкус». Помимо простых и здоровых повседневных блюд книга знакомила читателей с такими продуктами, как черная икра, крабы, шампанское, которые было сложно приобрести для обычного трудящегося, но их изображения создавали иллюзию доступности деликатесов для всех слоев населения и равенства в потреблении.

Также интересен тот факт, что несмотря на то, что религия уже перестала напрямую влиять на выбор и содержание питания в СССР, и соблюдать посты уже не было необходимости, некоторые укоренённые практики живы и поныне. Так, большое количество постных дней в дореволюционной России (доходящие порой до полугода) способствовало широкому распространению блюд из круп, овощей, грибов и ягод, а также разделило мясные и рыбные ингредиенты, которые в русской, а позже и в советской кухне не использовались в одном блюде. [2] Существует также мнение, что одной из основ для диетического и лечебного питания в СССР стала еврейская кухня, одна из наиболее древних кулинарных традиций, кухня, широко использующая рыбу, молочную и растительную пищу, зерновые, блюда из муки и теста, а специи крайне умеренно. Таким образом, традиции постного православного стола и элементы традиционной еврейской кухни нашли свое продолжение в практиках «здорового» питания советских граждан.

1. Бородулин В. И., Каганов Б. С., Тополянский А. В. *Каноны диетологии и уроки жизни. Памяти проф. М. И. Певзнера (1872—1952) // Вопросы диетологии. — М.: Династия, 2013.*
2. Веселов Ю.В. «История и социология питания» // *Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1 (3).*
3. Глуценко И.В. *Общепит. Микоян и советская кухня. — М.: Изд.дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2010.*
4. Добренко Е. *Гастрономический коммунизм: вкусное vs. здоровое // Неприкосновенный запас. 2009. № 64 (2).*
5. *Книга о вкусной и здоровой пище. М.: Пищепромиздат, 1939.*
6. Лебина Н.Б. *Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Наталия Лебина. — М.: Новое литературное обозрение, 2015., 1920–30 годы. СПб.: Нева, 1999. 320 с.*
7. Сохань И. В. *Тоталитарный дискурс культуры еды в Советской России 1920-1930-х гг. / И. В. Сохань // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2010. № 332.*
8. Сюткина О. А., Сюткин П.П. *Русская и советская кухня в лицах. Непридуманная история. — Москва: Издательство АСТ, 2016.*

STRUGGLING MY WAY OUT WITH VEGETARIAN DIETARY PRACTICES: AN INDIAN INTROSPECT AT ST PETERSBURG

Тевари С. (Канпур, Индия)

From the initial age of Sanskrit writings, the importance of food is superior to that of simple nourishing and sustenance; it plays a pivotal part in the Vedic sacrifice. Laurie Patton (2005) narrates:

The Rig Veda contains the seeds of the food imagery that connects food and the ultimate divine or the Brahma in the later Upanishads.

The link between the Human and the Brahma, or the particular and the ultimate, is evidently expressed in many situations and, even though the precise meanings connected with particular foods are liquid and reliant on circumstance, the importance of food as linking this worldly with other worldly substances remains stable and constant. Hence, as RS Khare (1992) makes clear, food is at all times both gross and subtle (ibid: 204). At the solar level, food unites the individual with the universal—it gives existence and ties all living beings with the universe.

Therefore, the first part (food and sociology) of this study investigates the passageway that gradually turned food into an appropriate entity of sociological exploration. Thereupon, the second section (food and globalization) seems to find food as a particular show of culture able of throwing shine on globalization. Ultimately, the third part (food turning global) presents an overview of the studies focusing on restaurants, food, consumers, and food makers respectively in the sphere of global processes.

Having practiced vegetarianism since birth, I found myself struggling for food at St Petersburg. Due to St Petersburg being a predominantly non vegetarian society, I found food in scarcity for myself. Naturally, food all over happens to be the most essential issue of many talks—my informant talk about buying food, preparing food, eating food, what food other people ate, what food other people prepared and how they prepared that food. When they take food in their deliberations about immigrating, the association between food and individuality becomes obvious and clear.

In spite of the elementary role played in cultures and societies by food and eating, exploring food is fairly a modern sociological attention (to quote):

The sociology of food and nutrition, or food sociology, concentrates on the myriad of socio-cultural, political, economic, and philosophical factors that influence our food habits—what we eat, when we eat, how we eat, and why we eat. ... Food sociology focuses on the social patterning of food production, distribution, and consumption—which can be conceptualized as the social appetite (Germov and Williams 2004, 5)

For Indians, conversations about food helps them identify themselves as being united to India as they enthusiastically connect vegetarianism with India, and openly define what 'true' Indian constituents and cooking is all about. And this follows in my case too. This per se implies that I intend to display and express continuing Indianness, despite living in St Petersburg. Marks Sassatelli (2004), Sociologists did understand the point that food, cuisine, and eating are significant in the shaping and reshaping of social identities (e.g. Simmel's *Sociology of the Meal*, Durkheim's *The Elementary Forms of Religious Life*). Despite this introduction and knowledge, they did not turn food and diet into a explicit and suitable objective of research itself. Globalization tuned into the Sociology and Economics disciplines around the late 1980s and benefitted from great favors since the 1990s. Without an element of doubt, there are different types of globalization, including political, economic, and to conclude, cultural. Nevertheless, the accurate character of globalization still remains an issue of discussion and debate among scholars (Ray 2007).

Coming to the cuisine in St Petersburg, I tried to reach on to McDonalds. It is factually true that McDonald's appears to be the one and the same everywhere, but in accordance to Watson and colleagues (1997), the locals of Hong Kong, Tokyo, Seoul, Beijing, etc. and many other Asian towns and cities, changed the famous burger company, its food and its menu. But this is not the case in St Petersburg. Due to the hurdle of vegetarianism, you do not get vegetarian burgers stuffed with potatoes, a dish under the McDonalds menu most popular back in India.

Warde (2000) ardently takes a look inside the world of independent and ethnic restaurants. Here, ethnic for me implies Indians, not in context of racial. He paid attention on ethnic restaurants in the United Kingdom as contributors of ethnic cuisines in western society. He also looked at the way customers received ethnic food. Here in St Petersburg, this study will be entailing me to have a look at the Indian restaurants, and moreover their acceptability within the Indian fraternity dwelling here, either on a permanent basis, or temporarily.

Urban Sociologists have paid due notice to the world of restaurants, and Work and Organizational Sociologists on the other hand to the restaurant workers (particularly waiters), and Cultural Sociologists to cuisine and food as a cultural objective. Hence, in this evaluation I cited research that was not originally envisioned to be part of food studies but is nonetheless essential for the field. There is not sufficient awareness to the role the food worker plays in globalizing and making food acceptable into a new context. I find that the lives of consumers, students and workers are affected by the globalization of food.

1. Inglis, David, and Debra Gimlin. 2010. *The globalization of food*. Ed. David Inglis and Debra Gimlin. Oxford: Berg Publishers.
2. Khare, R.S. 1976. *Culture and Reality: Essays on the Hindu System of Managing Foods*. Simla: Indian Institute of Advanced Study.
3. Patton, Laurie L. 2005. *Bringing the Gods to Mind: Mantra and Ritual in Early Indian Sacrifice*. Berkeley: University of California Press.
4. Whit, William C. 1995. *Food and society: A sociological approach*. New York: General Hall.

"ТРЕТЬИ МЕСТА" В КУЛЬТУРЕ ПИТАНИЯ: ФЕНОМЕН КОФЕЕН STARBUCKS

Темкина В. (Санкт-Петербург)

В докладе представлено влияние концепции «третьего места» американского социолога Рея Ольденбурга на создание сети кофеен Starbucks. Показаны особенности американского бренда и характерные черты корпоративной политики компании, которая основана на предоставлении человеку «дома вне дома», нейтрального пространства для общения и работы. Также дана обобщающая характеристика влияния кофеен на включение человека в городскую среду и роль кофеен в рамках российской практики общественного питания. Кроме того освещена проблема тех изменений, которые происходят с сетью Starbucks на фоне трансформации экономических условий, в частности всё больший уход от концепции «третьего места».

Культура кофеен — это нечто большее, чем просто кофе: это исследование обеденных обычаев, традиций образа жизни и социальной динамики, в которых исследуется, как потребители используют продовольственный сервис. Паб, бистро, кофейня – это не просто места, где можно пропустить стаканчик, перекусить или выпить кофе. Все они играют не последнюю роль в общественной жизни. Именно их Рэй Ольденбург называет третьими местами — после первого места – дома и второго – работы).[1]

Существуют различные точки зрения на то, какие места считать «третьими». В своих работах Рей Ольденбург и другие специалисты, развивающие идею «третьего места», описывают как материальные (дизайн, функциональность и т. д.) [4][6], так и нематериальные (атмосфера, общение с персоналом и между собой) [3][9] составляющие. Ольденбург в своей книге приводит следующие характеристики классического «третьего места»: оно должно быть недорогим или бесплатным, регулярно посещаемым; местом, где легко вступить в беседу; предлагать напитки и еду; быть доброжелательным и комфортным, стимулировать людей остаться или вернуться вновь; местом по выбору. [1, 21] При этом важно, чтобы до «третьего места» можно было дойти пешком.

Для Ольденбурга, который видел проблему американских городов в отсутствии мест для общения и взаимодействия — эта характеристика была одной из важных. Единственной точкой притяжения для квартала часто становился торговый центр, но он не мог выполнять роль демократичного пространства для общения, и для него нужно было добираться на машине.

Ситуация стала меняться, после появления в печати концепции «третьего места». Она быстро набрала популярность среди представителей малого и среднего бизнеса, а также городских властей. Люди, вдохновленные определением Ольденбурга, использовали его концепцию для создания «третьих мест» в садах, фото-магазинах и даже тюрмах. [8]

Кроме того стали появляться многочисленные кофейни и так называемые «открытые пространства», организованные коммерческими и некоммерческими структурами. Сегодня популярность специализированных кафе во всем мире растет, и потребители все чаще хотят, чтобы операторы «продавали» социальный опыт, а не столько кофе или выпечку. Ряд исследователей говорит о том, что посетители испытывают привязанность к подобным местам, и это способствует лучшему включению в городское сообщество.[8] При этом влияние определенных кофеен на район может быть таким сильным, что городские жители призывают к изменениям дизайна уже открытого места, чтобы оно лучше подходило для выстраивания коммуникации. [8] Новые места, которые дают новые возможности для социализации, также положительно влияют на имидж района, психологическое здоровье и социальное благополучие.

Идея мест общественного питания как «третьих мест» также актуальна для баров, пабов и бистро. Но, отмечают, что кофейни лучше других выполняют эту роль благодаря своей открытости, специфическому дизайну, а также возможности давать людям «дом вдали от дома» и нейтральное пространство. [5] Постоянные посетители формируют неформальные социальные сети вокруг кофеен. Те, кто не имеет постоянного рабочего места в офисе, может чувствовать себя отчужденным и одиноким, а через «третьи места» может почувствовать себя частью городской среды.

Впервые концепцию «третьего места» использовала американская компания Starbucks — сеть кофеен, которая привлекала посетителей не только качеством кофе, но и возможность проводить там время, работать, назначать встречи, знакомиться. На это направлены некоторые составляющие имиджа этой сети кофеен: имена клиентов на стаканчиках с кофе; длинные столы, за которыми легче начать разговор и др.

В первую очередь Starbucks — это место с «дружелюбным» дизайном для разговоров по телефону, серфинга в сети, выполнения домашних заданий и спокойного отдыха. Кофе не стоит на первом месте в этом списке, но запах кофейных зёрен положительно влияет на создание атмосферы. [2]

При этом корпоративная идентичность во всех кофейнях и необходимость увеличивать обороты противостоит концепции, так как заведения всё больше похожи одна на другую. В частности, появляются специальные приложения для заказа и другие методы обслуживания, которые минимизируют общение — главную составляющую классического «третьего места». Компании приходится приносить в жертву атмосферу, чтобы удержать клиентов: меняется дизайн помещений — в сторону «неудобства», так клиенты не будут долго сидеть в кофейне; кофемашины всё чаще становятся автоматическими; появляется большой выбор еды. В кофейнях сети в США всё чаще можно встретить семьи с детьми.[7] Это происходит благодаря постоянно расширяющемуся меню, привлечению клиентов из более дорогих мест за счёт ценовой политики, новых рекламных роликов.

Первая кофейня в России открылась достаточно поздно по меркам остального мира — в 2007 году, больше чем, через 30 лет после своего появления в США. У нас в подобных кофейнях предпочитают проводить время люди среднего возраста и молодёжь. В первую очередь это происходит благодаря доступу к технологиям. Также кофейнях есть возможность сделать красивую фотографию и поделиться ей в социальных сетях, а также на время стать частью узнаваемого бренда.

При этом специфика городской застройки, в частности в Петербурге, делает «точкой притяжения» людей центральные районы, а «спальные» оставляет исключительно для жизни. Именно в историческом центре могут формироваться «третьи места», лишённые столь важной пешеходной доступности, но имеющие все остальные характеристики. Чаще всего кофейни Starbucks не являются важными местами в рамках района, но успешно конкурируют с остальными заведениями общественного питания.

Список литературы:

1. Ольденбург, Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Р. Ольденбург; пер. с англ. А. Широкаковой. – М.: Новое литературное обозрение, 2014.
2. Dollinger M. Starbucks, «The Third Place», and Creating the Ultimate Customer Experience [Электронный ресурс], URL: <https://www.fastcompany.com/887990/starbucks-third-place-and-creating-ultimate-customer-experience>, дата обращения: 3.10.2017.
3. Lawson K. Libraries in the USA as traditional and virtual «third places» // *New Library World*, Vol. 105 № 3/4, 2004, pp.125 — 130.
4. Mehta, V.; Bosson, J. K. Third Places and the Social Life of Streets Author(s)//*Environment And Behavior*, 11.2010 (№ 6) pp. 779—805/
5. Memarovic, N., Fels, S., Anacleto, J., Calderon, R., Gobbo, F., Carroll, J. Rethinking Third Places: Contemporary Design With Technology. *The Journal of Community Informatics, North America*, 10, nov. 2014.
6. Moore R. From 3D Space to Third Place: Building Sociable Public Places in Virtual Environments//*Conference Papers — American Sociological Association. 2007 Annual Meeting, 2007*. pp. 1-20.
7. Mourdoukoutas P. Starbucks: From A Third Place To Another First Place [Электронный ресурс], URL: <https://www.forbes.com/sites/panosmourdoukoutas/2014/10/26/starbucks-from-a-third-place-to-another-first-place/#6899e1ba2235>, дата обращения: 3.10.17.
8. Munir Z. Coffee Houses as «The Third Place»//*Leadpittsburgh*, 23.04.16, URL: <http://www.leadpittsburgh.org/coffee-houses-as-the-third-place/>, дата обращения 6.10.17.
9. Oldenburg, R. (2009). *Celebrating the Third Place: Inspiring Stories About the Great Good Places at the Heart of Our Communities*. Boston, MA: De Capo Press.
10. Sulek J., Rhonda L. H, *The Relative Importance of Food Atmosphere And Fairness of Wait*// *Cornell University*, 2004 (45), pp.235—247.

ФАСТФУД В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Тищенко А.А. (Санкт-Петербург)

В настоящее время для нас вполне обычными стали следующие явления: купить на улице различные пирожки, чебуреки, шаверму или зайти в торговый центр, чтобы перекусить во всем известных сетях (Макдоналдс, KFC, Burger King и т. д.). В частности в больших городах не найти ни одной улицы, на которой не предлагали бы фастфуд в палатках или киосках. Быстрое питание (фастфуд) – питание с уменьшенным временем употребления и приготовления пищи, с упрощёнными или упрямлёнными столовыми приборами или вне стола.

Часто мы совсем не задумываемся над тем, насколько полезна, а может быть и вредна для нашего организма система быстрых перекусов, которая приобретает роль повседневного ритуала. Что характерно, даже зная о том, что такая пища приносит мало пользы, мы все равно продолжаем покупать и употреблять в пищу фастфуд.

Общественное питание занимает особое место в сфере услуг. Это обеспечивается появлением новых технологий переработки продуктов питания, развитием коммуникаций, средств доставки продукции и сырья, интенсификацией многих производственных процессов. Общественное питание способствует решению многих социально-экономических проблем: помогает лучше использовать продовольственные ресурсы страны, своевременно предоставляет населению качественное питание, имеющего решающего значения для сохранения здоровья, роста производительности труда, повышению качества учебы; позволяет более эффективно использовать свободное время, что в наши дни является немало важным фактором для населения [1].

Потребителя привлекают быстрота и дешевизна такой пищи по сравнению с питанием в ресторане/кафе с официантами. Также огромное влияние оказывает реклама. При упоминании любой сети быстрого питания у нас в голове невольно возникает та или иная музыка, фраза, картинка и т. д. Иногда слышно, что какая-то часть с выручки от продажи булочки идет на помощь больным детям, но мы мало слышим о результатах, кому уже действительно помогли? Может быть этого не хватает? Думается, что этот путь привлечения покупателей имеет место быть не везде, не все категории населения «кинутся» на это.

Что же нам дает фастфуд? Фастфудом же считаются также все шавермы (шаурмы), чебуреки, хычины, хачапури и другие подобные вещи. Задумываемся ли мы, что это все является национальными блюдами тех или иных народов? То есть они виноваты в чем-то? Зачастую покупая «пирожок», мы не задумываемся о стране его происхождения. Другой вопрос, что производители не дают нам такой информации. Также часто путаются понятия. Например, хычин изначально – это лепёшка из тонкого теста с картофелем и рассольным сыром или мясной начинкой с зеленью. А в прилавке около метро мы можем встретить хычин и с другими вкусами. Возникает вопрос, в чем же тогда отличия, если по сути это все пирожки с мясом. Зачем нам такое разнообразие продуктов, если они не различаются. Возможно, не хватает как раз то самый национальной «изюминки» и правильности приготовления.

Одной из причин негативного влияния фастфуда на здоровье человека является способ их употребления. «Быстрая пища», как правило, принимается быстро, на ходу, чтобы уложиться в рамки небольшого обеденного перерыва. Поэтому для желудка очень тяжело справиться с большими кусками плохо пережеванной пищи, сверху приправленной газированными напитками. Кроме того, желудочный сок не может справиться с большим содержанием специй, майонеза, различных соусов, кетчупа.

При рассмотрении структуры питания населения видно, что жители практически всех регионов нашей страны на 20% недоедают овощей и на 35% фруктов, а с ними – и витаминов. Все мы знаем, что самая полезная пища – фрукты и овощи. Чтобы быть здоровым, в год нужно съесть 120-140 кг овощей и 100 кг любых фруктов. За границей не раз сталкивалась, что вижу витрины магазина, на которой небольшие наборы фруктов и овощей уже нарезанные и почищенные. Встает вопрос, почему бы подобное не сделать и в России. Думается, многие бы оценили. Цены на фрукты зимой в российских магазинах выше, чем на набор из булочки и кофе. А также время, вы же не будете спускаться в метро и кушать немые яблоки и груши, как минимум вас не поймут окружающие.

Беда с овощами на Урале и в Северо-Западном федеральном округе – именно из-за этих регионов общероссийская статистика такая печальная. Здесь жители недоедают полезных

продуктов на 35%, в Центральной России и в Приволжье, например, нехватка составляет 25%. Интересно, что на Северном Кавказе едят даже чуть больше овощей, чем нужно, но вместе с этим серьезно недоедают фруктов – на 40% [2].

Одна из основных проблем фастфуда – большое количество соли, консервантов и не всегда свежие продукты используются в процессе приготовления. Необходим всего лишь более тщательный контроль со стороны государства.

Исследование показало, что наиболее остро у нас в России стоит проблема избыточного потребления сахара. Уже сейчас 60% женщин и 55% мужчин имеют лишний вес, четверть населения страдает ожирением, быстро растёт число больных сахарным диабетом.

Сладкоежки – Центральная Россия, Южный федеральный округ и Северный Кавказ. В каждом из этих регионов сахара переедают на 57%.

Важно то, что как таковая «норма по сахару» – это вовсе не количество «разрешённых» ирисок, пряников и печенья. Под сахаром, вообще, понимаются природные сахара. В идеале мы должны получать сахар только из фруктов и натуральных продуктов. На самом деле сахар есть даже там, где нельзя предположить, например, в хлебе, отсюда и гиперпотребление, и нарушение обмена веществ [2].

Очень популярны газированные напитки. Известно, что в них содержание сахара крайне высокое. А так как заходя перекусить, чаще всего мы покупаем пить именно эти самые напитки, то употребляем сахара намного больше, чем те, кто питается дома.

Таким образом, мы делаем вывод, что главные проблемы в питании жителей абсолютно всех регионов – это переедание сахара, неправильный выбор молочных продуктов – высокая жирность ошибочно считается полезной; нехватка овощей и фруктов, а значит, витаминов и микронутриентов. Стоит отметить, что данное явление происходит не только из-за фастфуда, но он играет существенную роль. Россия не сможет отказаться от фастфуда. Если уж мы и говорим только о его вреде, то давайте издавать такие законы, которые смогут уменьшить вред, и соблюдать все необходимые ГОСТы при приготовлении пищи. Также следует придерживаться главного совета по фастфуду – не превращайте это в ежедневную привычку и иногда лучше зайдите в сеть заведений, чем купите в прилавке около метро.

1. Алексеева Д. А. Состояние и тенденции развития общественного питания в России // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 6. – С. 151–155.

2. О культуре питания в России. URL : <http://foodnews-press.ru/zhizn/o-kulture-pitaniya-v-rossii> (дата обращения 25.09.2017 г.)

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПИТАНИЯ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1990-2000 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ И КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ)

Урожаева Т.П. (Иркутск)

Аннотация: В 1990-е гг. в городах Иркутской области и Красноярского края проблема продовольственного обеспечения населения так и не была решена. В городах значительно уменьшилась месячная норма продуктов. Изменения претерпела сама структура потребления. Произошло это во многом из-за значительного удорожания продуктов, ухудшения их качества, появления большого количества контрафактных продовольственных товаров. К началу 2000-х гг. повышение экономической эффективности предприятий пищевой промышленности дополнялась постепенным улучшением рыночной конъюнктуры, ростом денежных доходов населения и покупательского спроса. Ситуация стала понемногу улучшаться: расширился ассортимент отечественных продуктов, повысилась их качество, стабилизировались цены на продовольствие. Наблюдались некоторые положительные сдвиги в структуре питания населения.

Питание является одним из важнейших факторов, определяющим состояние здоровья населения. Правильное, сбалансированное питание обеспечивает профилактику заболеваний, приводящих к инвалидизации и смертности: сердечно-сосудистых, онкологических, болезней системы пищеварения, обмена веществ и др.

В 1990-е гг. в городах Иркутской области проблема продовольственного обеспечения населения так и не была решена. Доля неудовлетворенного спроса населения Приангарья на продукты питания (по отношению к рекомендуемым нормам) с 4–6 % в 1989 г. увеличилась до 35 % в 1997 г. Потребление в регионе основных продуктов – мяса и молока было ниже среднероссийских стандартов. С 1985 по 1992 г. потребление мяса на душу населения в Иркутской

области сократилось с 60 до 58 кг. Молока и молочных продуктов – с 321 до 241 кг, сахара – с 41,8 до 25,6 кг. В то же время возросло потребление хлеба со 110 до 115 кг, картофеля – со 110 до 153 кг, которые стали основными продуктами питания для широких слоев населения области [10, с. 25].

В городах Приангарья значительно уменьшилась месячная норма продуктов. В январе 1991 г. норма одного жителя Усть-Илимска составила: 1 кг мясопродуктов, 15 шт. яиц, 0,5 кг крупы, 0,5 кг макаронных изделий, 1 кг сахара, 0,3 кг масла сливочного, 0,5 л. растительного масла. Выдача гарантированных талонов производилась гражданам, имеющим городскую прописку, а также лицам, командированным в город и лицам, приезжающим к родственникам на месяц и более [7, с. 2].

По словам жительницы Усть-Илимска И.В. Денисовой, ситуация с обеспечением продуктами в 1991 г. была близка к критической. «Дефицит был такой, что даже в 70-е годы такого не снилось. Прилавки были буквально пустыми. Мы с подружкой на работе в то время ели на обед плавленный сырок, вареное яйцо, хлеб и пили чай (часто без сахара)» [4].

Изменения претерпела сама структура потребления. В частности, на основе обследования бюджетов 679 семей горожан были получены следующие результаты за 1993г.: потребление мяса уменьшилось на 20 %; яиц – на 20; рыбы – на 15. Потребление хлебобулочных изделий снизилось на 13 %. А вот картофеля добавилось в меню с 2 до 9 %. Потребление сахара и кондитерских изделий увеличилось с 10 до 25–40 % (к сожалению, в ущерб фруктам и ягодам). Потребление молока снизилось к уровню 1992 г. на 6–12%. Рабочие и служащие тратили на питание примерно 38 % от общего заработка [12, с. 2].

В целом, очень скудным оставался ассортимент продуктов. В таблице приведен продуктовый минимум на одного человека в октябре 1993 г.

Нормы продуктов, реализуемых по талонам в октябре 1993 г.*

Наименование продуктов	Норма минимума на одного человека
хлеб пшеничный	7,2 кг
хлеб ржаной	7,2 кг
пшено	1,5 кг
сахар	2,1 кг
масло растительное	0,8 л
масло животное	0,3 кг
говядина	3,3 кг
колбаса	0,3 кг
молоко	15 л
капуста свежая	2,5 кг
лук репчатый	1 кг
яблоки	1 кг

*Составлено по: [11, с. 29-30].

Стоимость набора из 19 важнейших продуктов питания в октябре 1993 г. составила в среднем по области 23,5 тыс. руб. в расчете на месяц [8, с. 26].

Осенью 1997 г. сложилась угрожающая ситуация со снабжением продовольствием северных районов области, где возделывание огородных культур было затруднено. Так в Бодайбо на зиму было запасено всего шесть тонн капусты вместо 240, две тонны свеклы и столько же моркови вместо 124 т. Не лучше выглядела картина в Железногорске-Илимском. Региональным заготовителям из-за больших расстояний сложно было доставить продовольственные товары до места назначения [6, с. 2].

В 1999 г. дестабилизация потребительского рынка сохранялась, поскольку более половины продовольственных товаров в Приангарье привозилась извне: молока – 40 %, мяса – 60, муки – 50, масла животного – 85, крупы – 90, макаронных изделий – 80 %. Положение усугублялось еще и тем, что в области не хватало сырья для перерабатывающих предприятий. Еще в 1994 г. население региона сдавало более 50 тыс. т мяса ежегодно, в 1998г. – лишь 8 тыс. т. В целом же загруженность мощностей предприятий пищевой промышленности области составила в среднем 50–60 % [1, с. 3].

К 2000 г. повышение экономической эффективности предприятий пищевой промышленности дополнялась постепенным улучшением рыночной конъюнктуры, ростом денежных доходов населения и покупательского спроса. Постепенно сложились все условия для достижения относительного продовольственного изобилия как за счет продуктов, произведенных

в Иркутской области, так и за счет завозимых продовольственных товаров из других регионов РФ и из-за рубежа.

В другом регионе Восточной Сибири – Красноярском крае в связи с падением доходов населения в начале 1990-х гг. ухудшилось качество рациона и продуктов питания. Данные по потреблению продуктов питания в килограммах на человека в год показывали 25–30 % снижение потребления важнейших продуктов питания [3, с. 17].

Потребление продуктов питания на человека
в 1991–1998 гг. (кг в год) *

Виды продуктов	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Хлебопродукты	98,1	95,4	96,0	89,1	95,1	91,1	90,6	101,8
Картофель	126,3	120,1	119,8	114,1	129,3	115,6	88,3	114,3
Овощи и бахчевые	90,4	68,9	70,6	64,8	78,6	74,1	86,1	91,0
Фрукты и ягоды	33,9	25,2	28,9	27,4	27,8	26,5	38,9	27,8
Мясо, включая субпродукты	74,8	62,7	65,0	59,4	57,0	51,1	59,1	56,6
Яйца, штук	249,0	226,0	236,0	179,0	188,0	161,0	95,0	115,0
Молоко и молоч. продукты	375,9	286,9	275,1	291,8	264,6	226,9	241,0	219,9
Рыба и рыбопродукты	13,9	11,2	10,8	8,2	8,8	9,1	13,5	11,8
Сахар и конд. изделия	29,0	25,5	28,3	25,5	26,5	23,5	33,2	36,5

* Составлено по: [9, с. 32-33].

В результате проводимых реформ, покупательная способность населения городов Красноярского края резко снизилась, что явилось причиной существенного снижения жизненного уровня населения. В частности, потребление мяса сократилось с 75 кг в 1990 г. до 50 кг в 2000 г., молока – с 386 до 250 кг, сахара – с 47 до 25 кг, масла растительного – с 10,2 до 5,0 кг, овощей – с 89 до 50 кг. И только потребление хлебных изделий и картофеля в перестроечный период возросло – с 119 до 128 кг хлеба за 1990–2000 гг. и картофеля с 106 до 130 кг [5, с. 71]. Увеличение потребления этих продуктов является результатом компенсирующим снижение потребления более качественных продуктов.

За период с 1990 по 2000 г. структура использования совокупного дохода семей рабочих и служащих изменилась следующим образом: в целом расходы на питание увеличились с 30 до 55 % (а по некоторым данным рост составил 60 %). Увеличение доли расходов на питание в совокупном доходе семей явилось следствием инфляции и ростом потребительских цен на основные продукты питания. Так, за 1994–2000 гг. цены на хлеб возросли более чем в 18 тыс. раз, на молоко в 18,5 тыс. раз, а на алкогольную продукцию в 3 тыс. раз [2, с. 59]. В итоге, из-за снижения доходов с одной стороны, и резкого и необоснованного роста потребительских цен, – с другой, формирование развитого рынка, как производителей, так и потребителей в рамках продовольственного рынка, не было достигнуто.

Таким образом, в 1990-е гг. произошло значительное ухудшение структуры питания городского населения Восточной Сибири. Произошло это во многом из-за значительного удорожания продуктов, ухудшения их качества, появления большого количества контрафактных продовольственных товаров. К началу 2000-х гг. ситуация стала понемногу улучшаться: расширился ассортимент отечественных продуктов, повысилась их качество, стабилизировались цены на продовольствие. Наблюдались некоторые положительные сдвиги в структуре питания населения.

1. Бердников В., Корочкин В. Кто накормит Приангарье?: О проблеме продовольственного обеспечения Иркутской области // *Восточно-Сибирская правда*. 1999. 11 июля.
2. Беспяхотный Г.В. Продовольственный рынок и продовольственная безопасность России // *Организационно-экономические основы аграрного рынка: Сб. трудов ВНИИЭСХ*. Минск, 2000.
3. Богатые и нищие: изменение уровня жизни жителей Красноярского края за последние 20 лет (1991–2011 гг.) // *АиФ на Енисее*. 2011. 5–11 октября, № 40.
4. Воспоминания И.Б. Денисовой, 1961 г.р.; место проведения беседы – г. Усть-Илимск; Дата – 25.06.17.
5. Зайнатов М.И. Формирование и функционирование продовольственного рынка: региональный аспект. Красноярск, 1993.
6. Ленский Я. Север опять без овощей // *Восточно-Сибирская правда*. 1997. 26 октября.
7. О нормах продуктов на январь 1991 г. // *Советская молодежь*. 1991. 13 января.

8. *О прожиточном минимуме /Справочное бюро «СМ» // Советская молодежь. 1993. 20 октября; Развитие торговли в Иркутской области. Стат. сб. в 2 ч. Ч. 2. Иркутск, Ирк. обл. упр. статистики. 1993.*
9. *Оценка социально-экономического состояния Красноярского края за годы реформ. Красноярск, 1999.*
10. *Потребление основных продуктов питания населением Иркутской области за 1990–1992 г.: Сборник /Госкомстат РФ; Иркутское областное управление статистики; ИИНХ. Иркутск, 1993.*
11. *Развитие торговли в Иркутской области. Стат. сб. в двух частях. Ч.2. Иркутск, Ирк. обл. упр. статистики. 1993.*
12. *Филиппова В. Богач, бедняк...(статистика без ретуши) // Восточно-Сибирская правда. 1994. № 91. 28 апреля.*

РЕВОЛЮЦИЯ В ПИТАНИИ: ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ПИТАНИЯ

Цзинь Цзюнькай (Санкт-Петербург)

В нашем исследовании мы хотели показать наличие двух тенденций глобализации питания внутри процесса революции питания. По мере роста экономической глобализации, вестернизация и макдональдизация как революция питания приобретают все большее распространение, становясь основной тенденцией глобализации питания. Восточная пищевая культура, в свою очередь, сохраняет себя, прочно опираясь на традиционность и под влиянием глобализации является новым потенциальным вектором включения восточной культуры в западный мир.

Глобализация питания рассматривается как современная революция в питании. Сегодня в данном революционном процессе существуют две основные тенденции глобализации питания. А как обычно понимается сама глобализация питания? Считается, что это вестернизация и макдональдизация. Не смотря на то, что в процессе модернизации обществ появляется индустриализация, стандартизация, унификация и «макдональдизация» (подробнее см.: Ритцер 2011), современная социальная система, становится все более сложной и дифференцированной. Система питания, очевидно, также становится все более разнообразной, отвечая на вызовы времени.

Благодаря технической революции, человечество постепенно преодолело препятствия, обусловленные географическими условиями. Вследствие этого наша социальная система обществ тоже начала меняться по направлению от внутреннего единства и замкнутости к взаимодействию и взаимовлиянию обществ. Очевидно, что глобализация - это наиболее общий процесс, характеризующий указанные выше направления. Использование экономического фактора (особенно усиление роли транс-национальных корпораций и формирование глобального капитализма) в качестве движущей силы привело к тому, что эта новая модель взаимодействия между обществами затронула и культурную сферу. Вслед за развитием экономической глобализации «вестернизация» стала основной тенденцией развития глобализации питания. Subway, KFC, McDonald's, Coca-Cola, Pepsi, все эти американские брэнды не только заполонили страны западного мира, но и чрезвычайно активно захватили и продолжают захватывать рынки питания стран с совершенно иной идеологией, особенно в некоторых восточных и азиатских странах. Они дают миру не только гамбургеры или напитки типа кока-колы, но и создают единое унифицированное глобальное пространство потребления. Например, в Китае в конце 1980-х годов, вслед за началом политики открытости и реформ, начали появляться такие иностранные сети быстрого питания как McDonald's и KFC. В 1987 году сеть KFC открыла первый ресторан в Пекине; в 1990 году в городе Шэньчжэнь начал работать первый ресторан McDonald's. В отличие от современного принципа «дешевое и быстрое питание», посещение McDonald's в то время в Китае считалось видом показательного (демонстративного) потребления. Шэньчжэнь тогда сосредоточил в себе большое количество раньше других разбогатевших людей, китайских «новых богатых», они и стали первыми преданными клиентами ресторанов быстрого питания. Однако очень скоро, благодаря головокружительному развитию китайской экономики, эти американские сети фаст-фуда превратились в рядовые «забегаловки». К 2016 году сеть KFC в Китае насчитывала 5039 ресторанов, и сеть McDonald's более 2200 ресторанов. И сегодня везде в Китае вы можете найти американский глобализированный стандарт питания и такой же глобальный продукт, доступный большинству населения.

Однако, восточная культура питания также стала незаметно проникать в Европу и Америку вслед за процессами глобализации. Мы вдруг обнаружили в 2000-х годах, что существует мощная обратная волна влияния восточной культуры на западный мир, что в

противовес “вестернизации” формируется “истернизация” (“easternization”) или “ориентализация” (Веселов, Цзинь 2016). Но восточным фаст-фудом, способным конкурировать с американскими бургерами и итальянской пиццей может только ближневосточная шаверма (shawarma, шаурма или донер-кебаб). Это жареное на гриле мясо, рубленое с овощами, завернутое в лаваш из тонкого теста. Как видите, тот же принцип сочетания продуктов, что и бургера, и пиццы (начинка с тестом). Везде в Москве и Петербурге вы увидите уличные закусочные с шавермой (когда в нашем исследовании мы спрашивали у китайцев, живущих в Санкт-Петербурге какое их любимое блюдо, то самый частый ответ — шаверма). Особенно хорошо при-

жила шаверма (донер-кебаб) в Германии. Ее туда привез из Турции в 1960-е гг. Kadir Nurman. Он не оформлял патента, открывал сам рестораны и другие следовали его примеру. И вот, вскоре донер-кебаб потеснил знаменитые немецкие сосиски и американский бургер, став самым популярным фаст-фудом (James Angelos, 2012). Не только восточный фаст-фуд завоевывает Запад, вместе с ним идут в бой восточные рестораны: китайские, японские, корейские. Причем вот одна интересная черта: если раньше все восточные рестораны держали выходцы из стран Востока (это казалось нормальным — в японском ресторане японский повар и японские продукты), то теперь все больше сами европейцы и россияне открывают восточные рестораны. Например, в Петербурге в отличие от Нью-Йорка трудно найти японский ресторан с японским поваром, зачастую продукты и блюда представляют некоторую смесь культур (сами японцы, побывав в таких ресторанах говорят, что это совсем по-другому, не как в Японии, но тоже вкусно). В Италии японские рестораны открывают китайцы, а в России зачастую суши-шеф будет с восточным разрезом глаз, но скорее всего из Узбекистана или Таджикистана. Доказывает ли это, что китайская или японская кухня стала наиболее популярной в мире? Очевидно, нет. Почти наверняка можно сказать, что наиболее популярным продуктом питания в мире является гамбургер, созданный и массово распространяемый такими американскими сетями как McDonald's, Burger King и другими. Однако, именно китайская еда является очень мощной культурной силой восточного мира в процессе глобализации питания.

Согласно статистическим данным, в 2016 году выездной туризм из Китая составил 122 млн человеко-посещений (China Tourism Academy 2017). Сложно представить, что такое огромное перемещение населения никак не повлияло на западное общество. Например, китайцы не привыкли есть западную пищу, они в большинстве своем остаются приверженцами китайского вкусового габитуса. Поэтому вслед за туристами китайские рестораны по всему западному миру появляются как грибы после дождя (особенно китайские туристы любят такие города, как Милан в Италии; Париж во Франции; Петербург в России). Конечно, одновременно с появлением китайских ресторанов, на западе появляется все больше китайских продуктов, китайских товаров и элементов китайской культуры питания, например, западный мир постепенно привыкает есть палочками (Более подробно об этом см. Веселов, Цзинь 2016).

В нашем исследовании "Социальные практики питания петербуржцев" (телефонный опрос, N=1054) мы спросили петербуржцев: «Какую кухню вы предпочитаете?» На 1-ом месте оказалась русская и советская кухня (38%); на 2-ом месте – кавказская (17%); на 3-ом месте – японская (16%); на 4 месте – итальянская (13%); на 5 месте – китайская (10%). Для китайской кухни, которая пришла в Петербург относительно недавно, это очень высокое место и весьма значительное достижение. Результаты исследования ясно показывают, что этнические кухни в целом очень интересны для петербуржцев. Кроме того, зачастую восточные кухни наделяются россиянами некоторыми мифологическими свойствами. Например, японская кухня кажется петербуржцам очень полезной. Петербуржцы полагают, что поскольку японская кухня использует большое количество рыбы, содержит мало жиров, поэтому она особенно полезна для людей и дают возможность не прибавлять в весе. А все возможные проблемы употребления в пищу сырой рыбы, из чего и делается суши, петербуржцы отбрасывают как незначимые и неважные. Китайская кухня предполагает быстрое приготовление, что тоже представляется петербуржцам очень полезным. Так эта мифология восточной кухни привлекает и затягивает в свою орбиту россиян. Тем не менее, в последнее время распространение восточной кухни в России феноменально быстрое.

ОТРЕБЛЕНИЕ ФАСТФУДА КАК СОВРЕМЕННАЯ ТЕНДЕНЦИЯ ПИТАНИЯ В РОССИИ

Юзбашян Ж.В., Сергеева Ю.О. (Волгоград)

Фастфуд как индустрия возник в 1920-ые годы в Америке. В 1921 г. была открыта компания «Белый замок», ее фирменное блюдо - гамбургеры, которые в то время были еще диковинкой. Также потенциальных покупателей «радовала» и стабильная цена на еду: до 1946 года гамбургер стоил 5 центов. Уже в конце 1940-ых г. появляются новые подобные компании. Самой сильной и известной на весь мир до сегодняшнего дня является «Макдоналдс». Первый «Макдоналдс» в России был открыт в 1990 г. а сегодня уже 615 данных ресторанов работают в сотне российских городов, «Subway» – 603, «KFC» - 575. И это мы рассмотрели только самых крупных и популярных, на наш взгляд, представителей данной индустрии.

Проблема фастфуда является достаточно актуальной в современном обществе. Данный вид общественного питания прочно вошел в ритм жизни человека двадцать первого века. Эта индустрия достаточно быстро развивается как во всем мире, так в частности и в России.

На примере Волгоградской области можно проследить распространение сетевых ресторанов быстрого питания. Первый «Макдоналдс» появился в 2007, а к 2017 их стало 9, «Subway» сейчас насчитывается 11, «KFC» – 5. Эти и несколько десятков других ресторанов фастфуда также представлены практически в каждом крупном торговом центре.

Проводя время в торговых центрах, осуществляя покупки, развлекаясь, многие обязательно заглядывают в фудкорт. И тут им сразу же предлагают пиццы, гамбургеры, картошку фри, колу, спрайт и многое другое. В ноябре 2015 г. специалисты международной исследовательской компании Nielsen провели онлайн-опрос, в котором приняли участие 9,7 тыс. респондентов из 32 стран Европы, в том числе из России. В число опрошенных вошли 512 россиян, жители городов-миллионников с разным уровнем дохода. Было выявлено, что из всех заведений общественного питания россияне чаще всего посещают фудкорты в торговых центрах (33%). Ведь россияне ходят в торговые центры не столько ради шопинга, сколько ради интересного времяпрепровождения [1]. Отойдя от темы торговых центров, заметим, что локальные рестораны быстрого питания также достаточно популярны. Они представлены во многих районах крупных городов. Исследования показали, что они находятся на втором месте по посещаемости (29%), на третьем — бары и закусочные (24%). Рестораны полного обслуживания и еда из автоматов со снеками менее популярны (11 и 3% соответственно) [1].

Изучая данную проблему, мы столкнулись с вопросом: «В чем же секрет успеха ресторанов быстрого питания?» В этом контексте выделим несколько определяющих факторов, которые, на наш взгляд, оказывают наибольшее воздействие. Во-первых, это, конечно же, доступная цена. Низкая цена на продукцию привлекает средний класс населения. Представители студенчества, школьников, молодежи, имеющие в своем распоряжении ограниченные денежные средства, предпочитают дешевую еду, вдобавок их ритм жизни не позволяет уделять большое количество времени на приготовление пищи. И лучшей альтернативой домашней еды выступает фастфуд. Отсюда вытекает вторая причина популярности ресторанов быстрого питания: быстрые обслуживание и подача еды. В-третьих, нельзя не заметить непринужденную обстановку, которая царит в подобных заведениях. Можно сказать, что человека принимают таким, какой он есть, то есть ему не нужно соответствовать статусу заведения или одеваться как-то по-особенному. И четвертой причиной выделим пространственную доступность ресторанов быстрого питания. Например, в Волгоградской области, данные заведения очень распространены, и добраться до одного из них не составляет труда. Вдобавок и график работы очень удобный, еда доступна, как правило, практически в любое время дня и ночи. И последнее, что мы хотели бы выделить – фастфуд уже успел стать брендом. Не смотря на всю критику по поводу пользы данных продуктов, они остаются достаточно популярными среди населения, а особенно молодежи, подростков и детей.

С появлением фастфуда происходит колоссальная трансформация питания, как в мире, так в частности и в России. Мы считаем, дело все в том, что меняется отношение человека к жизни, к самому себе, к окружающему миру. Уже проведено достаточно большое количество исследований влияния еды быстрого приготовления на организм человека. Однако мы бы хотели акцентировать внимание не на биологическом влиянии фастфуда, а социальном.

Современный человек ставит в приоритет жизни работу и дела, отодвигая на второй план свое здоровье, физическое и духовное состояние. Он все время куда-то спешит. Именно деловой

ритм жизни заставляет все большее количество людей переходить на форму быстрого питания. Человек мыслит не глобально, не масштабно, а краткосрочно. Он недалек от будущего. Ведь питание, ритм жизни сегодня оказывают колоссальное влияние на жизнь в будущем. Мы торопимся заработать денег, забывая о здоровье, но ведь потом этими деньгами будем оплачивать себе лечение. Относиться к питанию стоит как к инвестициям в будущее. И такой подход является, на наш взгляд, определяющим для многих аспектов жизни.

Также нельзя не брать во внимание и связь поколений. Если мы проводим время со своими детьми, племянниками, братьями, сестрами в ресторанах быстрого питания, то завтра они будут питаться исключительно там. Страшно наблюдать картину, когда мама, страдающая от ожирения, кормит своего ребенка с избыточным весом фастфудом. А ведь от ошибок взрослых так часто страдают дети. Сегодняшняя манера питания перенимается подрастающим поколением.

Немаловажным является и отношение людей к жизни. Еда быстрого приготовления имеет яркие, выраженные вкусовые качества. Человеку кажется, что он испытывает какие-то приятные эмоции, ему хочется питаться таким видом еды еще и еще. Здесь уже можно говорить о психологическом влиянии фастфуда. Человек ищет эмоциональной удовлетворенности, удовольствия, радости, и, к сожалению, находит все это в еде, в частности быстрого приготовления.

Данная проблема требует конкретных действий для ее решения. Мы видим необходимым созданием таких мест общественного питания, где будет качественная еда, по разумным ценам, и непретенциозная обстановка, ведь мы выяснили, что эти факторы важны для людей. И, конечно же, их распространение. Так, например, в Волгограде появилась сеть заведений с домашней пищей «Счастье есть», она набирает все большую популярность среди молодежи, как работающей, так и студентов.

Затем, безусловно, необходимо развитие досуговых мероприятий. В последнее время стали популярны различные квесты, лабиринты, интерактивные музеи и многое другое. Все это способствует получению новых эмоций и удовлетворенности от жизни. Так, например, 6 октября 2017 года в Волгограде открылся интерактивный музей «Россия – Моя история» с большой парковой зоной, который успел стать популярным среди молодежи.

Таким образом, проблема влияния фастфуда, трансформации питания является актуальной и насущной. Решение данной проблемы не лежит на поверхности, ведь необходимо менять мышление человека. Каждый несет ответственность не только за свое здоровье, но и за здоровье следующих поколений. Конечно же, такая индустрия как фастфуд быстро не исчерпает себя. Но каждый в силах принять решение относительно своей жизни и менять общество в целом.

1. Дерябина, А. Фастфуд вместо ресторана [Электронный ресурс] : Россияне обошли европейцев в любви к фудкортам / А. Дерябина // РБК. – 2015. – 26 ноября. Режим доступа : <http://www.rbc.ru/newspaper/2015/11/26/56bc8b849a7947299f72b855> (дата обращения: 9.10.2017);
2. Сазонова, З.Р. Современные особенности развития общественного питания [Электронный ресурс] / З.Р. Сазонова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – С. 182-184. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-osobennosti-razvitiya-obschestvennogo-pitaniya> (дата обращения: 8.09.2017);
3. Малышкина, Е. А. Становление и развитие империи McDonalds [Электронный ресурс] / Е. А. Малышкина // Социально-экономические явления и процессы. – 2008. – № 4. – С. 59-62. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/stanovlenie-i-razvitiye-imperii-mcdonalds> (дата обращения: 15.09.2017);
4. Цой, М. Е. Изучение влияния восприятия бренда на формирование предпочтений детей и подростков [Электронный ресурс] / М. Е. Цой // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. – 2013. – № 1. – С. 86-100. Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/v/izuchenie-vliyaniya-vospriyatiya-brenda-na-formirovanie-predpochteniy-detey-i-podrostkov> (дата обращения: 16.09.2017);
5. Аверьянов, А. П. Ожирение в детском возрасте [Электронный ресурс] / А. П. Аверьянов // Лечащий врач. – 2010. – № 2. – С. 13-15. Режим доступа : <https://www.lvrach.ru/2010/02/12159137/> (дата обращения: 20.09.2017).